

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ТОМЪ СХVI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХVI.

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1909

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
АПРѢЛЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1909 г.

	СТРАН.
I. Графъ Феникъсъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). XXVIII—XXXVIII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта.	5
II. Отрывки изъ воспоминаній. Н. К. Полевого.	52
III. Семейный разладъ. (Повѣсть). VI—IX. (Продолженіе). Княгини М. В. Волконской.	62
IV. Въ борьбѣ за русское дѣло. (Эпизодъ изъ государственной дѣятельности К. П. фонъ-Кауфмана). Е. М. Толбухова.	91
V. Къ біографіи А. С. Грибоѣдова. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова). (Окончаніе). Д. А. Смирнова.	132
VI. В. К. Плева въ Тронце-Сергіевой лаврѣ. (Воспоминанія студента духовной академіи 1902 г.). С. Лебедева.	164
VII. Освободительное движеніе въ Ижевскомъ заводѣ Вятской губерніи. В. Г.	176
VIII. Пашковцы-баптисты въ Петербургѣ. Р. С. Игнатъева.	184
IX. Пятидесятилѣтній юбилей Алексѣя Сергѣевича Суворина. . . . . Иллюстраціи: 1) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ (1909 г.).—2) Кабинетъ Алексѣя Сергѣевича Суворина.—3) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ своемъ кабинетѣ.	193
X. Памяти княгини Н. Б. Трубецкой. Князя В. А. Щетинина. . . . . Иллюстрація: Княгиня Надежда Борисовна Трубецкая.	209
XI. Формулярный списокъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сообщ. К. Шимковъ.	217
XII. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). III. Реакція и эмиграція. I—VII. Б. Б. Глиньскаго. . . . . Иллюстрація: Герценъ на смертномъ одрѣ.	220
XIII. Поѣздка въ Казбекъ. В. А. Авіе. . . . . Иллюстраціи: 1) Военно-Грузинская дорога. Видъ съ «Реданта» на горы.—2) Военно-Грузинская дорога. Скала «Промеси Господи».—3) Рѣка Терекъ.—4) Башня царицы Тамары на р. Терекъ.—5) Чортовъ мостъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ на Военно-Грузинской дорогѣ.—6) Дорога по карнизу Терекскаго ущелья.—7) Гора Казбекъ.—8) Станція Казбекъ.—9) Фонтанъ у станціи Казбекъ.—10) Старый охотникъ.	252
XIV. Иностранцы о Россіи. В. И. фонъ-Штейнгъ.	275
XV. Критика и бібліографія. . . . . 1) Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XV. Трактаты съ Франціей. 1822—1906. Спб. 1909. В. Т.—2) Записки о Московіи XVI вѣка сара Джерома Горсея. Переводъ съ англійскаго Н. А. Вѣлосерской. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. А. Б.—3) В. Л. Молзалева. Малороссійскій родословникъ. Томъ первый. А.—Д. Съ портретами. Киевъ. 1908. В. Рудамова.—4) Романъ Дмовскій. Германія, Россія и польскій вопросъ. Спб. 1909. П. Б.—5) П. А. Заболотскій. Очерки	314

(См. слѣд. стран.).

русского влияния в славянских литературах нового времени. I. Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава. 1909. Андрея Смиротина.—6) Н. П. Волынский. Жертвы войны. Трилогия из русско-японской войны 1904—1905 гг. СПб. 1909. Л. Н.—7) Князь Александр Шерботов. Обновленная Россия. Москва. 1908. А. Б.—8) Т. Гавжулевиц. «Записки охотника» И. С. Тургенева. СПб. 1908. Ив. Смирнов. «Заступники народные». И. С. Тургенев. Н. А. Некрасов. Москва. 1908. А. Ф.—9) Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. Издание отделения русского языка и словесности императорской академии наук. Т. 3. СПб. 1908. А. Б.—10) Записки восточного отделения императорского русского археологического общества, издаваемая под редакцией управляющего отделением барона В. Р. Розена. Том XVIII. Вып. II и III. СПб. 1908. А. Миронова.—11) Труды владимирской ученой архивной комиссии. Книга IX. С приложением 3 рисунков, 1 портрета и 1 плана. Владимир. 1908. В. Руданова.—12) Профессор И. А. Шляпкин. Возрасты человеческой жизни. Из литературной истории человеческих понятий. С рисунками. СПб. 1909. В. Троцкая.—13) Справочник о русских книгах гражданской печати, изданных в свет с 1708 по 1855 год. Составил И. Сергачевский. Выпуск I. А.—Аллер. СПб. 1909. С. ш.—14) Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XIX. Оренбург. 1908. В. Руданова.—15) Покровский, В. И. Федор Михайлович Достоевский, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей Ч. I. Москва. 1908. Я. Бирюмова.—16) В. А. Крылов. (В. Александров). Прозаические сочинения в 2 томах. С 4 портретами автора, биографией, критическим очерком и 10 рисунками. СПб. 1908. Б. Г.—17) Родина. А. Пилпенко. Альманах для нижних чинов на 1909 год. Одесса. 1909. Л. Н.—18) В. Бузескуд. История аионской демократии. СПб. 1909. Р.—19) Труды саратовской ученой архивной комиссии. 1908 год. Выпуск XXIV. В. Руданова.—20) Профессор П. С. Смирнов. Из истории раскола первой половины XVIII века. По неизданным памятникам. СПб. 1908. В. Г.—21) Миленко М. Вукичевич. История сербского народа для средних школ. Книга первая и вторая. Влград. 1907.—Его же. Карагеоргий. Книга первая. 1752—1804. С двумя историческими картами и видом Влграда 1788 года. Влград. 1907. А. Яцимирский.—22) К. Нич. История Римской республики. (Курс лекций, изданный д-ром филологом Георгом Тур). Перевод под редакцией Д. И. Кончаловского. Москва. 1908. А. Б.—лова.—23) Г. Кауфман. Политическая история Германии в XIX веке. СПб. 1909. П. Б.—24) П. Н. Столянский. Город Оренбург. Материалы в истории и топографии города. Оренбург. 1908. Н. Л.

- XVI. Заграничные историческія новости и мелочи 350
- 1) Орлеанская дѣва.—2) Первые дѣт любви Жоржъ-Занда.—3) Еще письма И. С. Тургенева къ Ничу.—4) Итальянская королевская чета.—5) Белый домъ и Вильямъ Тафтъ.—6) Ваку—королева керосина.
- XVII. Смѣсь. 379
- 1) Засѣданіе совѣта Славянскаго общества въ Москвѣ.—2) Въ русскомъ археологическомъ обществѣ.—3) Учредительное собраніе общества изящныхъ искусствъ.—4) Виленская коммиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ.—5) Гоголевское торжество въ русской читальнѣ въ Римѣ.—6) Открытіе тургеневской выставки.—7) 80-лѣтній юбилей Е. В. Богдановича.—8) Съѣздъ писателей.—9) Памятникъ А. С. Пушкина.—10) Книжное товарищество.
- XVIII. Некрологи. 389
- 1) Вѣлвинъ, М. О.—2) Варпаховскій, Н. А.—3) Венкстернъ, А. А.—4) Іоаннъ, епископъ (Кратировъ).—5) Ивановъ, А. В.—6) Криндичъ, Е. И.—7) Тесельскій, о. Р. С.—8) Трубецкая, Н. В., княгиня.—9) Фроловъ, А. Н.—10) Князь Хилковъ, М. И.—11) Чистяковъ, М. В.—12) Шликевичъ, А. П.
- XIX. Замѣтки и поправки. 399
- Винновникъ раздѣленія Европы на два лагеря. в. ѳ. Пуцъновича.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Константина Петровича Кауфмана.—2) Ея величество королева. Романъ Никола Мизази, переводъ съ итальянскаго Л. Р.—на Ч. I, гл. I—V.

При этой книгѣ прилагается городскимъ подписчикамъ каталогъ Фрезе и К^о «Автомобили и экипажи».

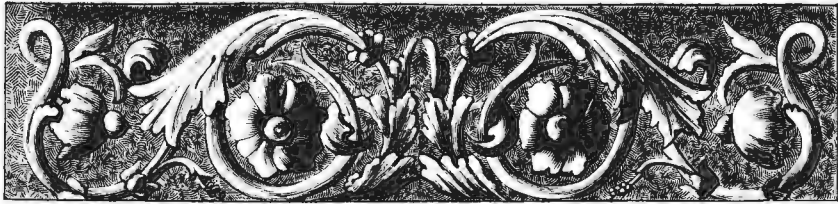

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ КАУФМАНЪ.

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великоѣй).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Если ты впередъ захочешь, сказалъ Гиперіонъ, имѣть при дворѣ твоемъ только золотую посуду, то отдай всѣ мѣдные и оловянные сосуды магическому Огненному Принцу: онъ ихъ передѣляетъ.

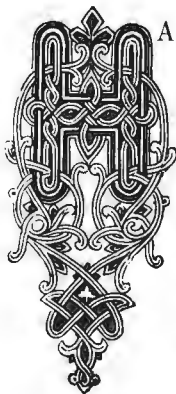
Хривомандеръ. (Алхимическій романъ XVIII вѣка).

Сладостное вниманіе женщинъ—почти единственная цѣль нашихъ усилій.

Арапъ Петра Великаго.

XXVIII.

О з е р к и.

А ДРУГОЙ день послѣ посѣщенія госпожи Ковалинской, въ Итальянскія явился адъютантъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, полковникъ Бауеръ. Цѣлю прибытія полковника было условиться съ графомъ Калиостро относительно дня, часа и всѣхъ обстоятельствъ визита доктора герметической медицины къ болящему ребенку племянницы именитаго вельможи, княгини Варвары Васильевны Голицыной, отъ любящаго дяди прозываемой «Улыбочкою». Княгиня съ супругомъ и больнымъ ребенкомъ находилась въ Озеркахъ на дачѣ свѣтлѣйшаго. А такъ какъ графъ Калиостро заявилъ, что по нѣкоторымъ важнымъ причинамъ имѣетъ онъ прибыть не одинъ, но съ супругою своею, рожденною графиней Серафимой

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХV, стр. 865.

ди-Санта-Кроче маркизой Тифереть, а также съ «голубкомъ», необходимымъ для прочтенія судьбы болящаго младенца, семилѣтнимъ мальчикомъ изъ благороднаго семейства, и наконецъ со слугою своимъ Казимиромъ, то полковникъ вступилъ въ столь же обстоятельныя, сколь и любезныя соображенія объ удобнѣйшемъ доставленіи всѣхъ сихъ лицъ въ Озерки. Часть пути рѣшено было совершить въ каретахъ, часть по Невѣ на катерѣ свѣтлѣйшаго.

Въ назначенный день тотъ же полковникъ Бауеръ прибылъ съ каретами, украшенными гербами Потемкина, съ прислугой при нихъ—въ палевыхъ съ голубымъ и серебряными галунами ливреяхъ. Одна карета предназначалась собственно для доктора и супруги его. Въ ней же помѣстился и сопровождавшій ихъ полковникъ. Въ другой долженъ былъ ѣхать Казимиръ съ «голубкомъ» и вещами своего господина. Великолѣпно одѣтый въ черный шелкъ и бархатъ, съ бѣлоснѣжными кружевами манжетъ и жабо, сверкая драгоценными перстнями, пряжками башмаковъ, богатой отдѣлкой шпаги, графъ Калиостро на груди имѣлъ широкую радужную ленту съ привѣшеннымъ къ ней высшимъ знакомъ герметическаго капитула розенкрейцеровъ—золотымъ пантаклемъ съ серебрянымъ въ немъ алхимическимъ андрогиномъ, держащимъ руками гіероглифическую сферу и осѣненнымъ павлиномъ, переливчатыя очи хвоста котораго искусно были выполнены цвѣтными камнями. Въ рукахъ имѣлъ онъ табакерку съ портретомъ канцлера Франциска Бэкона. Супруга доктора была одѣта столь же великолѣпно, сколь изящно, и блистала такой прелестью и молодостью, что представленный ей полковникъ Бауеръ разсыпался въ комплиментахъ и не зналъ, какъ достаточно выразить свое восхищеніе красавицей-итальянкой, рожденной графиней ди-Санта-Кроче маркизой Тифереть—последній титулъ до тѣхъ поръ ея супругомъ не объявлялся и внезапно явился. Красавица была вообще одѣта, какъ свѣтская женщина, только на бѣлоснѣжномъ лбу ея покоилась жемчужная нить съ изумруднымъ жукомъ-скарabeемъ посрединѣ. Кромѣ того, блестящій эшарпъ съ гіероглифами обвивалъ ея талію и, концомъ перекидываясь чрезъ лѣвое, совершенно выходящее изъ корсажа обольстительнѣйшее плечо, вѣялъ, какъ крыло духа, за нею при движеніяхъ. Наконецъ имѣла она въ перстахъ тонкую трость слоновой кости съ полураскрытой почкой лиліи наверху. Всѣ эти особенности украшеній показывали и въ ней адептку герметической науки и жрицу египетскаго масонства. Семилѣтній «голубокъ», Иммануилъ, съ большими, полными невинной задумчивости, грусти и чистоты, голубыми глазами, съ золотистыми локонами, одѣтый въ родъ бѣлаго стихарчика, какіе носятъ архіерейскіе служки-мальчики, стоялъ около Казимира, костюмъ котораго представлялъ точную копію наряда средневѣковаго алхимическаго ученика. Въ общемъ

все же высокорожденное графское семейство напоминало какъ-то заѣзжую труппу знаменитыхъ фокусниковъ, собирающуюся дать свое первое представленіе. Послѣднее впечатлѣніе усиливалось неподвижной улыбкой на прекрасномъ лицѣ маркизы Тиферетъ и тѣмъ, что на всѣ комплименты и подходы полковника Бауера она отвѣчала лишь короткимъ восклицаніемъ:

— А-ха-а!..

Время было отбыть въ Озерки. Размѣстились въ каретахъ, куда ливрейная прислуга, толкаясь и суетясь съ видомъ необыкновеннаго добродушія и радости,—что свидѣтельствовало о нетерпѣннѣи, съ которымъ ожидался докторъ герметической медицины въ загородной усадьбѣ свѣтлѣйшаго,—подсаживала даже Казимира съ чемоданчикомъ бѣлой кожи для инструментовъ доктора и большой коробкой запасныхъ нарядовъ докторши. И выѣхали наконецъ со двора итальянскаго дома, сопровождаемые высыпавшимъ его населеніемъ, толпившимся и въ воротахъ и на улицѣ.

Дорогой до пристани на Невѣ бесѣда въ каретѣ между полковникомъ Бауеромъ и четой Калиостро обращалась около различныхъ зданій, мимо которыхъ проѣзжали, при чемъ участіе маркизы Тиферетъ опять-таки лишь ограничивалось короткимъ:

— А-ха-а...

На пристани уже приготовленъ былъ катеръ съ молодцами-гребцами, которые дружно ударили веслами, едва господа перебрались съ суши на воду, и повели катеръ по широкому лону могучей рѣки.

Князю Григорію Александровичу Потемкину принадлежали земли сплошь отъ самаго Петербурга до мрачныхъ твердынь Шлиссельбургской крѣпости. Здѣсь выбралъ онъ себѣ живописное мѣсто для дачи, жалуя въ то же время своимъ любимцамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, кого желалъ имѣть сосѣдями и особливо сосѣдками, участки съ лѣсами, лугами и полями, а иной разъ и съ нарочито отстроенными усадьбами. Тѣмъ не менѣе обширная мѣстность эта казалась пустыней, и при живописности мрачной и непривѣтливой. Потемкинъ не хотѣлъ строиться по «золотому» петергофскому тракту, гдѣ были дачи всѣхъ знаменитѣйшихъ екатерининскихъ вельможъ, находя, что тамъ уже слишкомъ тѣсно и шумно. Какъ гордый, царственный орелъ, онъ искалъ уединеннаго убѣжища, которое должны были окружать только облагодѣтельствованные имъ раболѣпные слуги его прихотей.

По пути между полковникомъ Бауеромъ и графомъ Калиостро происходили постоянно объясненія, напоминавшія сказку о котѣ въ сапогахъ, гдѣ на вопросы: чьи это земли, луга, лѣса, деревни? слѣдовалъ неизмѣнный отвѣтъ: графа Карабаса. Такимъ сказочнымъ графомъ Карабасомъ здѣсь являлся Потемкинъ.

На вопросы Калиостро: чьи это луга на правомъ берегу?—слѣдовалъ неизмѣнно отвѣтъ: князя Потемкина.—А на лѣвомъ?—Потемкина.—А этотъ лѣсъ?—Потемкина.

— А та усадьба?—Подарена княземъ Потемкинымъ такому-то.—А это огромное селеніе?—Оброчные горшечники князя Потемкина.

— А то?—Чухонцы князя Потемкина.—А вотъ это?—Кожевники князя Потемкина и т. д. и т. д. Когда же Бауеръ сталъ объяснять, что все это лишь ничтожная часть владѣній свѣтлѣйшаго, милостью государыни императрицы имѣющаго въ разныхъ областяхъ имперіи неизмѣримыя маетности, населенныя десятками тысячъ крѣпостныхъ крестьянъ-рабовъ, то живое воображеніе итальянца нарисовало ему столь грандіозную картину богатства и могущества вельможи, къ которому ѣхали, что онъ только теперь понялъ, въ какой чудесной и магической странѣ находится, и почувствовалъ невольное смущеніе предъ готовившимся ему искусомъ. Ничтожнымъ, бѣднымъ показалось ему все его искусство предъ этой исполинской удачей, предъ баловнями случая и фортуны, и вспомнилъ онъ пріятеля дѣтства Рубано, и невольно признался себѣ, что средства, имъ избранныя для карьеры въ Россіи, куда совершеннѣе герметической его медицины и кабалистики...

Между тѣмъ гребцы запѣли пѣсню, протяжную удалую и вмѣстѣ заунывную; съ страннымъ чувствомъ вслушивался Калиостро въ эти новые, непонятные звуки Востока. Непонятная дивная сила сказывалась въ нихъ, какой еще не ощущалъ онъ въ покорныхъ ему западныхъ астральныхъ токахъ. Такъ эта-то сила возноситъ того, кто ею овладѣетъ и подчинитъ своимъ заклятіямъ, на вершину нечеловѣческаго могущества? Что говоритъ непостижимый гіероглифъ этихъ стонущихъ звуковъ? Гдѣ ключъ къ нему? Онъ непонятенъ. Чувствовалъ магикъ, что въ его кабалѣ къ тайнѣ сихъ звуковъ и разлитой въ нихъ воли ключа нѣтъ. И ему становилось жутко.

Между тѣмъ полковникъ Бауеръ на отборномъ французскомъ языкѣ отдавалъ предпочтеніе блеску очей маркизы Тифереть предъ огнями, которые весеннее солнце, сіяя въ безоблачной лазури, зажигало въ волнующейся поверхности рѣки, столь же грандіозной, столь же новой, особенной, какъ и вся окружающая жизнь безпредѣльной равнинной имперіи.

— А!—ха-а... отвѣчала маркиза Тифереть, улыбаясь неподвижной улыбкой балетной танцовщицы и склоняя расцвѣтающую лилію своей волшебной трости предъ любезнымъ полковникомъ.

На первыхъ верстахъ отъ Петербурга берега были почти безлѣсны и покрыты чистымъ, бѣлымъ, сверкавшимъ на солнцѣ пескомъ. Но далѣе показывались болѣе пріятныя мѣста, чуть всхолмленныя, съ березовыми, еловыми и кленовыми рощами, съ

отдѣльно растущими старыми могучими дубами, съ зарослями калины, бузины и орѣшника. Выше впаденія рѣчки Тосны величавая Нева поворачиваетъ теченіе съ сѣвера на западъ, внезапно стѣсняясь въ узкомъ каменномъ ложѣ. Ревъ воды на порогахъ Пеллы, тогда еще бывшихъ въ первобытной красѣ своей, возвѣстилъ кормчему опасное мѣсто, требовавшее большого знанія длинныхъ грядъ и подводныхъ камней, коварно притаившихся и поднимающихъ гранитные лбы изъ пѣны крутящихся между ними струй, которые выбѣжали отъ обоихъ береговъ. Чайки слетѣли съ нихъ и съ криками стали носиться, пролетая почти между людьми, сидѣвшими въ катерѣ.

Вдругъ Нева сразу опять расширилась на полутораверстное пространство. На правомъ берегу высокая башня, сверкая золоченымъ шпиромъ съ яблокомъ на немъ, съ возвышающимися одинъ надъ другимъ этажами, съ стрѣльчатыми окнами и наружной, обѣгающей все зданіе до самой вершины его каменной лѣстницей, показалась надъ зелеными вершинами парковъ и лѣсовъ. Лицо полковника Бауера приняло озабоченнѣйшее выраженіе.

— Лѣтнее мѣстопребываніе свѣтлѣйшаго,—съ благоговѣніемъ въ голосѣ проговорилъ онъ, склоняя голову:—дача «Озерки».

XXIX.

Современникъ Адама.

Катеръ подошелъ къ пристани, украшенной большими львами. Ливрейные лакеи ожидали прибытія докторскаго семейства. Съ радостной суетой приняли они графа съ супругой и прочихъ лицъ и затѣмъ разсадили въ двѣ приготовленныя кареты, немедленно покотившіяся по прямой, широкой, усыпанной пескомъ аллеѣ, осыненной могучими дубами, которая вела отъ пристани къ главнымъ воротамъ дачи—двумъ гранитнымъ обелискамъ.

«Дача» Потемкина представляла длиннѣйшее зданіе прихотливой архитектуры въ стилѣ Палладіо, которое покоемъ огибало громаднѣйшій дворъ, съ цвѣточнымъ партеромъ посрединѣ и боковыми заѣздами. Башни, статуи по фронтоу, то выступы, то углубленія, то колонны, то каріатиды, то маленькія, то большія окна характеризовали странный, смѣшанный стиль дворца-дачи могущественнаго вельможи. Кромѣ того, главное зданіе было подкрѣпляемо еще множествомъ служительскихъ флигелей и хозяйственныхъ построекъ. Кареты подъѣхали къ одному изъ боковыхъ крылецъ главнаго зданія. Докторское семейство затѣмъ оказалось въ просторной прихожей. Дворецкій князя, тотъ самый толстый испанецъ, что столь небрежно приглашалъ уже разъ

доктора герметической медицины, теперь, всею фигурой выражая почтеніе къ его особѣ, сообщилъ, что сію минуту свѣтлѣйшій не можетъ еще принять графа; но пусть графиня пожалуютъ въ предназначенные ей покои, чтобы отдохнуть съ пути, а графа просить на свою половину супруга правителя дѣлъ свѣтлѣйшаго, господа Ковалинская. Вслѣдъ затѣмъ супружеская чета разсталась. Полковникъ Бауеръ просилъ, какъ пріятнѣйшую честь, позволенія проводить маркизу Тиферетъ графиню ди-Санта-Кроче въ отведенные ей покои. Маркиза съ неизмѣнной улыбкой склонила голову въ знакъ согласія. Полковникъ предложилъ ей руку, и она удалилась, опираясь на услужливаго адъютанта и слушая его комплименты. Въ предшествіи дворцоваго, медленнымъ важнымъ шагомъ, съ глубокомысліемъ истаго жреца высшихъ тайнъ науки, проходилъ Калиостро анфиладой богато убранныхъ покоевъ потемкинской «дачи».

Что касается Казимира съ «голубкомъ», то и онъ сталъ предметомъ утонченнаго почтенія со стороны наличныхъ представителей потемкинской дворни, причемъ вѣжливымъ достоинствомъ и независимостью обхожденія пріобрѣлъ ихъ искреннее уваженіе. Ему предложено было закусить въ швейцарской. Онъ не отказался и, подкрѣпляясь, вступилъ въ бесѣду. «Голубокъ» сидѣлъ тутъ же.

У дверей гостиной господа Ковалинской дворецкіи отвѣсилъ низкій поклонъ доктору герметической медицины и пропустилъ его, распахнувъ портьеру.

Господа Ковалинская немедленно поднялась и пошла навстрѣчу входящему Калиостро. Лѣтній, легкій, бѣлый домашній нарядъ волновался вокругъ ея тонкаго и стремительнаго тѣла, обнаженные руки простирались къ великому мужу, она откинула назадъ голову съ разсыпавшимися кудрями, а черныя очи были устремлены съ безконечнымъ упоеніемъ надежды на благородный ликъ Калиостро.

— Такъ! Это онъ! Это божественный мужъ, посланникъ неизреченнаго существа, благотворитель бѣдныхъ, несчастныхъ, цѣлитель страдальцевъ!—произнесла она груднымъ, низкимъ голосомъ, полнымъ чувства.

Графъ Калиостро съ совершенной простотой и важной скромностью склонился въ вѣжливомъ поклонѣ, придерживая шпагу, и затѣмъ, осторожно взявъ перстами въ драгоценныхъ кольцахъ ручку Ковалинской, поднесъ ее къ устамъ.

— Ахъ, вамъ ли цѣловать руку земной, исполненной слабостями своего пола женщины!—проговорила, опуская черныя свои глаза, томнымъ голосомъ Ковалинская.

— Женщина была причиной паденія перваго человѣка, но ей же предназначено и воздвигнуть вновь къ совершенству падшее

человѣческое естество!—мечтательно сказалъ Калиостро, не выпуская руки Ковалинской.

— Ахъ, какъ это глубоко! Какъ это велико! Говорите, говорите!—вскричала Ковалинская, сотрясаемая мгновеннымъ экстазомъ.

Но южные глаза Калиостро изъ верхнихъ областей спустились къ низшимъ сферамъ, и быстрый, острый взоръ, выглянувъ, какъ мышь изъ норки, мгновенно осмотрѣлъ всю обстановку покоя, заставленного множествомъ предметовъ роскоши, и остановился на сидѣвшей у окна дамѣ, въ высокой напудренной прическѣ, въ пестромъ платицѣ, въ башмачкахъ на высокихъ красныхъ каблучкахъ, съ личикомъ очень неправильнымъ, но интереснымъ, съ задорнымъ вздернутымъ носикомъ, алыми, улыбающимися невыразимо тонко губками и умными бисерными глазками.

Ковалинская замѣтила быстрый взглядъ Калиостро.

— Это моя подруга, графъ!—сказала она.—Это моя вторая душа! И ангель хранитель нашего дивнаго, возвышеннаго, никѣмъ не понимаемаго цесаревича! Катерина Ивановна Нелидова, фрейлина великой княгини Маріи Ѳеодоровны!

Калиостро поклонился, но не приблизился къ Катеринѣ Ивановнѣ, которая кивнула ему головкой. Взоръ магика вновь поднялся въ высшія сферы.

— Благословенна та женская душа,—сказалъ онъ съ проникновенной мечтательностью,—которая ангельской нѣжностью смягчаетъ сердца властителей царствъ и народовъ и незамѣтно вливаетъ въ нихъ сѣмена человѣчности, справедливости, состраданія, всепрощенія!

Ковалинская сдѣлала порывистое движеніе, собираясь выразить восторженное свое сочувствіе словамъ Калиостро, но онъ оставилъ ее строгимъ движеніемъ.

— Властители и судьи! Ищите мудрости! Приближайте къ тронамъ мужей высшаго познанія! Блюдитесь, чтобы не оскорбить небреженіемъ вѣчной справедливости! Помните, надъ вами есть высшій Судія! Онъ потребуетъ у васъ отчета и отвѣта за каждую слезу, пролитую подданными вашими! Я знаю прекрасное сердце, возвышенный умъ и несчастье принца Поля! Принцъ Поль обращался съ цюрихскимъ мудрецомъ, возвышеннымъ Лафатеромъ. Мы говорили съ нимъ много о семъ принцѣ, будущее котораго можетъ стать зарею блаженства его подданныхъ.

— Графъ,—сказала Катерина Ивановна, на которую рѣчь Калиостро, повидимому, не произвела особаго впечатлѣнія, въ то время какъ госпожа Ковалинская впивала каждое слово пророка, какъ небесную росу,—графъ, великій князь освѣдомился о пребываніи вашемъ въ Петербургѣ и выразилъ заинтересованность вашимъ искусствомъ. Весьма возможно, что его высочество соизво-

лить дать свое согласіе на представленіе васъ къ гатчинскому двору. Ея высочество тоже на дняхъ о васъ говорила. Можетъ быть, вы будете имѣть аудіенцію у ихъ высочествъ.

— Благодарю ихъ высочества, но я самъ не домогаюсь и не ищу свиданія съ владыками земными и сильными сего міра,— гордо и холодно сказалъ Калиостро.—Если ихъ высочества призовутъ меня, то я, конечно, буду счастливъ преподать имъ высокія истины небесной мудрости!

— Его высочество болѣе интересуется прославленнымъ искусствомъ вашимъ, графъ, по части превращенія металловъ и цѣленія болѣзней!—сказала съ тонкой, едва уловимой ироніей Катерина Ивановна.

Калиостро не замѣтилъ этой ироніи.

— Я приставленъ отъ вѣчнаго Іеговы къ тому, чтобы благодѣтельствовать всѣмъ Его твореніямъ на небесахъ и на землѣ и благословлять ихъ,—сказалъ онъ съ лунатическимъ выраженіемъ на поднятомъ къ потолку лицѣ,—съ четвертаго дня жизни моеи былъ я честный человѣкъ и весьма вѣрный служитель единаго и истиннаго Бога и вѣчнаго Творца. Посему и открыты мнѣ всѣ тайны природы въ трехъ планахъ, доступны совершенное герметическое искусство и небесная медицина. Но творю все не силою своего ума. Творю мудростью Мудраго, непрестанно изливающего въ міръ мудрость Своей мудрости.

— Какъ это глубоко!—излетѣло, какъ вздохъ, замѣчаніе Ковалинской. Но Катерина Ивановна не измѣнила скептическаго выраженія алыхъ губокъ, вздернутаго носика и, опустивъ глазки, перебирала оборку пестренькаго платъица маленькими изящнѣйшими ручками и постукивала по яолу краснымъ каблучкомъ. Это расположеніе пріятельницы и фрейлины «малаго двора», видимо, дѣйствовало охлаждающе и на «месмеристку». Энтузіазмъ ея выражался теперь безъ тѣхъ чрезвычайныхъ порывовъ, какіе сотрясали все существо госпожи Ковалинской во время посѣщенія ею Калиостро въ Итальянскихъ. Хотя и «месмеристка», она была все же свѣтская и придворная дама прежде всего и въ высокой степени дорожила мнѣніемъ Катерины Ивановны, служившимъ ей компасомъ при лавированіи на скользкихъ придворныхъ паркетахъ.

Замѣчалъ ли Калиостро неблагопріятную холодность въ атмосферѣ по отношенію къ нему, было бы трудно сказать. Множествомъ туманныхъ словъ онъ окружилъ себя какъ бы непроницаемымъ облакомъ, затѣмъ ли, чтобы въ немъ скрыть овладѣвавшее имъ смущеніе, или надѣясь зачадить слабыя женскія головы магическимъ куревомъ таинственныхъ изреченій.

Калиостро продолжалъ говорить, не останавливаясь:

— Богъ самъ есть невидимая и непостижимая натура, образующая, производящая, питающая внѣшнюю природу, то есть тва-

рей всякаго рода. Солнце, луна и звѣзды суть орудія его; стихіи—хранилище Божіе, изъ котораго безпрестанно изливается космо-матическая матерія на произведеніе и содержаніе всѣхъ тварей. Поэтому небо и земля непрестанно сносятся между собою. Теперь не могу я вамъ изобразить сокровища божественной мудрости и обиліе богатствъ иначе, какъ подъ символами. Бренныя чувства ваши не могутъ терпѣть ослѣпительнаго сіянія обнаженной истины. Но если Вѣчный возжетъ свѣтильники ваши, просвѣтитъ сердце и силы душъ вашихъ, то несовершенныя понятія о таинствахъ и сокровенныхъ вещахъ сдѣлаются свѣтомъ и ясностью въ васъ!

— Мы жаждемъ свѣта и ясности! Ахъ, дайте, дайте намъ свѣта и ясности, графъ!—вздохомъ излетѣло восклицаніе изъ переполненнаго сердца госпожи Ковалинской.

Между тѣмъ она покойно сѣла около своей высокопоставленной пріятельницы. Калиостро же стоялъ.

Онъ продолжалъ:

— Такъ, я присланъ въ страны Сѣвера отъ неизвѣстныхъ міру начальниковъ моихъ, дабы возвѣстить многое. Сердце женщины лучшій, избраннѣйшій есть сосудъ для храненія небснаго сокровища. Я уже сказалъ: женщина прельстила меня подъ древомъ! Женщина мною и спасетъ человѣчество!

Выраженіе крайняго неудовольствія кощунственнымъ смысломъ темной рѣчи магика выразилось на лицѣ Катерины Ивановны. Но сейчасъ же улыбка возвратилась на уста ея.

Ковалинская не замѣтила этого. Послѣднія слова магика, напротивъ, подняли «крылья духа» месмеріанки.

— Блаженна та избранница, которой выпадетъ такая участь!—вскричала она.

— Да, блаженна!—подтвердилъ Калиостро.—Сіе есть дѣло, служащее ко славѣ вѣчнаго Бога, котораго не можно содержать въ тайнѣ, но должно объявить. Оно есть высочайшее таинство природы, производимое мудростью искусства, и изъ него человѣки могутъ получить утѣшительнѣйшее познаніе о славномъ существованіи, ожидающемъ ихъ въ будущности.

— Но я вижу клавесинъ!—внезапно прерывая рѣчь, обратился Калиостро къ инструменту, подошелъ къ нему, открылъ крышку, покрытую инкрустаціями и живописью лучшей кисти Парижа, и присѣлъ.

Нѣкоторое время бѣлые, тонкіе, обремененные перстнями пальцы его бродили по клавишамъ, затѣмъ они извлекли, какъ бы изъ сердца инструмента, аккорды мелодіи страннаго, таинственнаго, мистическаго, хватающаго за душу архаизма.

Калиостро игралъ. Дамы внимали безмолвно. Но теперь обѣ испытывали одинаково покоряющее впечатлѣніе. Казалось, то, чего Калиостро не могъ выразить словами, онъ въ совершенствѣ

изобразилъ этими звуками, которые летѣли по таинственнымъ кругамъ непостижимаго контрапункта и уводили въ міръ мечты и чудесъ внимавшихъ имъ. Катерина Ивановна заслушалась магика. И вдругъ ужасный, съ дѣтскихъ лѣтъ мучившій ее сонъ наяву представился ей. Представился ей глубокой, крутящійся черный омутъ стремительной рѣки, осѣненной старыми, мрачными мшистыми деревьями, и надъ нимъ безумная, хохочущая и рыдающая дѣвушка, а изъ омота тянется и простираетъ къ ней руки полу-рыба, полу-женщина и манить къ себѣ. Омутъ вращается и затягиваетъ, а въ пучинахъ его страшныя уродливыя существа движутся и скалятъ зубы...

Калиостро вдругъ пересталъ играть. Видѣніе исчезло.

— Какіе магическіе звуки!—невольно вырвалось восклицаніе у Катерины Ивановны, и она положила руку на трепетавшее сердце.—Что это вы играли, графъ?

Калиостро повернулъ голову и черезъ плечо, небрежно, какъ самую обыкновеннѣйшую вещь, кинулъ эти слова дамамъ:

— *C'est là, madame, un air que je notai vers l'an 2008 avant Jésus Christ, dans la ville d'Frech, pour faire ma cour à une jeune princesse de Chaldée ¹⁾!*

И лицо Калиостро приняло выраженіе свѣтлой задумчивой грусти, какъ будто изъ тьмы тысячелѣтій предъ нимъ возсталъ образъ прелестной халдейки и сладкія воспоминанія пробудили юныя чувства въ тысячелѣтнемъ сердцѣ магика...

Очарованіе было окончательно уничтожено. Катерина Ивановна поблѣднѣла отъ гнѣва при такомъ шарлатанскомъ отвѣтѣ магика.

— Можно ли этому повѣрить, графъ! — сказала она, притопывая каблучкомъ.—Ужели вы жили за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Спасителя? За кого вы себя выдаете!?

Калиостро поднялся. Лицо его исполнено было чрезвычайнаго величія. И онъ весь преобразился. Большіе глаза его сіяли непоколебимой вѣрой въ свое призваніе. Онъ сталъ и выше ростомъ, и всякое движеніе и поворотъ тѣла его приняли отгѣнокъ несравненнаго благородства. Онъ простеръ свои бѣлыя, изящныя руки къ дамамъ, пораженнымъ этимъ явленіемъ мага въ осѣненіи внезапной силы, и проникновеннымъ голосомъ произнесъ:

— *Mulieres, credite mihi, antequam Abraham fieret, ego sum ²⁾!*

Неизвѣстно, что бы Катерина Ивановна отвѣтила Калиостро. Въ гостиную вошелъ полковникъ Бауеръ и въ пріятнѣйшихъ выраженіяхъ попросилъ графа послѣдовать съ нимъ въ покои свѣтлѣйшаго, сейчасъ расположеннаго дать аудіенцію доктору герметической медицины.

¹⁾ Это арія, сударыня, которую я написалъ около 2008 лѣтъ до Рождества Христова въ городѣ Эрешѣ, когда ухаживалъ за юной халдейской принцессой!

²⁾ Женщины, повѣрьте мнѣ, прежде, чѣмъ былъ Авраамъ, я уже существовалъ.

XXX.

Курляндское письмо.

Едва приведенная въ волненіе проходомъ Каліостро и Бауера портьера перестала качаться и шаги обоихъ затихли въ отдаленныхъ покояхъ, госпожа Ковалинская съ живостью обратила вопрошающій взоръ къ фрейлинѣ.

— Что? Какое впечатлѣніе произвелъ на васъ сей мужъ, дорогая?—порывисто прошептала месмеріанка.

Екатерина Ивановна достала флакончикъ съ ароматической солью, понюхала и отвѣчала съ полнымъ спокойствіемъ:

— Голубушка, ужели вы не находите, что сей Каліостро совершенный шарлатанъ?

— Что вы говорите, милая Катерина Ивановна!—изумилась приговору пріятельницы госпожа Ковалинская.—Но это мужъ, прославленный во всей Европѣ. И самъ Месмеръ отзывался о немъ, какъ объ исполненномъ мудрости и силъ адептѣ божественной магіи!

— Онъ шарлатанъ. И одѣтъ, какъ шарлатанъ. И говоритъ, какъ шарлатанъ,—настойчиво твердила фрейлина «малаго двора».

— Но чудесныя исцѣленія, имъ совершенныя? Онъ безвозмездно врачуетъ недуги, и толпы несчастныхъ скажутъ о немъ, что онъ благодѣтельный и великій мужъ!

-- Голубушка, если вамъ моего мнѣнія недостаточно, то вотъ письмо, въ которомъ его пребываніе въ Курляндіи описано.

Катерина Ивановна достала изъ мѣшечка кувертъ.

— Мнѣ пишетъ,—говорила она, вынимая мелко исписанные листки,—Шарлотта фонъ-деръ-Рекке, дочь стараго графа Медема, при чемъ прилагаетъ и письмо Каліостро къ ней, уже отсюда изъ Петербурга присланное. Прочтите, и, думаю, вы согласитесь съ моимъ мнѣніемъ.

Красныя пятна выступили на щекахъ Ковалинской отъ волненія, и руки трепетали, когда она взяла листки, съ нѣмецкой скупостью исписанные мелко, тѣсно, суховатымъ, тончайшимъ почеркомъ.

Послѣ общихъ заявленій отличныхъ чувствъ преданности кавалерственной дамѣ и болѣе нѣжныхъ воспоминаній о дѣвическихъ годахъ, проведенныхъ подъ сѣнію Смольнаго монастыря, Шарлотта фонъ-деръ-Рекке объявляла главную причину письма сомнѣнія, которыя въ ней и родныхъ ея зародились относительно называемаго графомъ Каліостро, въ котораго всѣ они первоначально повѣрили, какъ въ посланца Небесъ:

«Я хочу вамъ посему описать сколько возможно обстоятельнѣе онаго графа Каліостра въ Митавѣ трехмѣсячное пребываніе,—

читала Ковалинская,—и какимъ образомъ Калиостръ съ самаго начала могъ столь много ослѣпить наше воображеніе. Отецъ мой, графъ Медемъ, отъ всѣхъ знакомыхъ почтенный и любимый, коего благородное сердце всякому извѣстно, и братъ его, дядя мой, еще въ молодости своей имѣли великую склонность къ алхиміи и къ таинственному любомудрію. Наставлялъ ихъ въ семь надворный совѣтникъ Миллеръ, а далѣе въ гентской академіи свели они весьма тѣсную дружбу съ нѣкоторымъ надворнымъ же совѣтникомъ Шмидтомъ, который послѣ того въ тайныхъ обществахъ былъ весьма замѣшанъ. Въ Галле около 1741 года отецъ мой и дядя посвятили себя масонству, почитая его съ магіей и алхиміей соединеннымъ. Тридцать лѣтъ уже прошло, какъ отецъ мой и дядя безпрестанно магіей занимались, читали и трудились надъ изготовленіемъ бѣлаго эликсира и красной тинктуры совершенно безплодно и съ великими расходами, однако въ усердіи не ослабѣвая, тѣмъ паче, что одобряемы были въ семь отъ его превосходительства господина оберъ-бургъ-графа фонъ-Говена, который воспитанъ былъ дядей своимъ, братомъ матушки моей, и весьма привязанъ къ алхиміи. Такъ всѣ они трудились и отыскивали, такъ что съ самыхъ первыхъ годовъ моего ребячества я слышала о магіи, о чернокнижии, о Шмидтѣ и объ Миллерѣ, и Шведенборгова наполненная чудесами исторія была постоянно главнымъ предметомъ разговора. Какъ вдругъ появился у насъ Калиостръ».

Тутъ госпожа Ковалинская не въ силахъ была читать протяженно-обстоятельное и медлительно идущее къ цѣли письмо Шарлотты фонъ-дербъ-Рекке, тѣмъ болѣе, что еще только осилила первый листокъ, а за нимъ слѣдовала цѣлая стопка тончайшихъ листковъ англійской, большого формата бумаги съ гербами.

— Ахъ, какъ она скучно пишетъ!—вскричала порывистая месмеріанка.—Бога ради, драгоценная Катерина Ивановна, скажите мнѣ на словахъ, въ чемъ дѣло?

Катерина Ивановна съ улыбкой взяла у нея листки письма и стала прочитывать нѣкоторыя мѣста:

«На шестнадцатомъ году моего возраста вышелъ замужъ, перемѣнила я шумную жизнь большого свѣта на тихое и спокойное деревенское уединеніе. Тамъ, за недостаткомъ другихъ упражненій, принялась я за чтеніе. Виландовы первыя сочиненія, Кронекковы «Уединенія», Юнговы «Ночи» и Лафатеровы умозрѣнія составляли для меня наипрѣятнѣйшее упражненіе. А наипаче Лафатеровы сочиненія: о силѣ молитвы и его дневныя записки нашли путь во глубину моего сердца. Мой духъ, часъ отъ часу сильнѣе напрягаясь и получа отращеніе отъ земного, мало-по-малу подходилъ къ высочайшему умствованію и привыкалъ къ таинственному созерцанію. Лафатеръ, который чрезъ всякую письменную

бездѣлку часть отъ часу мнѣ милѣе становился, казался мнѣ не иначе, какъ живущимъ еще ученикомъ Божественнаго нашего Спасителя, и такимъ образомъ вошло мнѣ въ мысль, что и я также, ежели постараюсь совершенно очистить мою душу, могу со временемъ имѣть сообщеніе съ высочайшими духами. Старшій мой братъ, коего любила я несказанно, имѣлъ со мною одинакія чувства, но въ прошломъ 1778 году въ Страсбургѣ сей весьма великую о себѣ надежду подававшій юноша скончался, а я съ печали по его смерти почувствовала въ себѣ необычайную склонность къ таинственной наукѣ, такъ что я всякую минуту помышляла о соединеніи съ прославленными духами и множество ночей въ глубокомъ размысленіи и въ молитвѣ на кладбищахъ препроводила, дабы видѣть тѣнь покойнаго моего брата, но Провидѣнію было еще не угодно ниспослать на меня сего счастья. Въ семъ-то расположеніи находился духъ мой, когда Калиостръ въ Митаву пріѣхалъ».

— Боже мой, зачѣмъ она по-русски пишетъ! — взмолилась Ковалинская, нетерпѣніе которой достигло высшей степени напряженія.— Вѣроятно, на родномъ своемъ языкѣ она сказала бы все это гораздо короче!

— Вы ошибаетесь, дорогая,—отвѣчала Катерина Ивановна, вздернутый носикъ которой сіялъ тончайшей ироніей:—остальная часть писана по-нѣмецки и еще обстоятельнѣе.

Госпожа Ковалинская ухватила за шею, точно ей не хватало дыханія.

Но Катерина Ивановна уже своими словами кратко изложила содержаніе нѣмецкой части письма.

Пріѣхавъ въ Митаву, Калиостро явился къ дядѣ Шарлотты, какъ франкмасону, и былъ затѣмъ представленъ родителю ея и «господину оберъ-бургъ-графу» фонъ-Говену, какъ испытанный и исполненный знаніями масонъ. Онъ объявилъ, что присланъ отъ своихъ начальниковъ, какъ великій мастеръ, основать ложу союза (d'adoption), куда будутъ допускаемы и женщины. Сочлены сей ложи вступаютъ въ тайное общество, которое ведетъ къ высочайшему блаженству тѣхъ, кто ищетъ истины. Въ эту ложу и вступили родные Шарлотты, она сама, многія митавскія дамы, надворный совѣтникъ Швандеръ, господинъ фонъ-Тительминде, докторъ Либъ и нотаріусъ Бенцъ. Хотя всѣхъ лекарей Калиостро не иначе, какъ скотами, называлъ... Далѣе изображалось, какъ всѣ эти лица совершенно подпали обаянію магика, который объяснялъ имъ сокровенную мудрость въ мистическихъ изображеніяхъ весьма сильно, съ нѣкимъ плѣняющимъ краснорѣчіемъ, «но между прочимъ часто говорилъ онъ нѣчто и такое, которое весьма много на вздоръ походило». Сообщались чудесныя его заклинанія, исканіе нѣкоего клада, обѣщаніе Шарлоттѣ, что она

«будетъ наслаждаться спасительнымъ обхожденіемъ съ мертвыми», отъ сокровенныхъ начальниковъ будетъ послана въ духовное путешествіе по планетамъ, потомъ возведена будетъ на степень защитницы всего земного шара; «и я сему, прибавляла Шарлотта, какъ Духу Святому, вѣрила». «Калиостръ истощилъ всю свою хитрость, дабы я поѣхала провожать его въ Петербургъ; говорилъ же намъ, что онъ великую монархиню всея Россіи приметъ въ ложу, яко защитницу союза, а я, по его словамъ, назначалась въ Петербургѣ быть учредительницею сей ложи. Выгоды, которыя онъ предвѣщалъ для всей Курляндіи отъ сего, были столь велики и вѣроятны, что добродушный мой родитель, какъ усердный сынъ отечества, и многіе другіе неотступно меня старались уговорить, чтобъ я съ Калиостромъ въ путь отправилась. Но я отъ того воздержалась. Нынѣ же по долгомъ размышленіи мы всѣ о Калиострѣ въ сомнѣніе начинаемъ приходить: не употребилъ ли онъ съ нами обмана? Тѣмъ болѣе, что его превосходительство господинъ оберъ-бургъ-графъ фонъ-деръ-Говенъ нынѣ мнѣ открылъ, что Калиостръ по проворству своему получилъ отъ него 800 червонцевъ да сверхъ того весьма дорогой брильянтовый перстень; да и еще думаетъ онъ, что и отъ другого пріятели дана ему также немалая сумма; можетъ быть, и родитель мой и дядя нѣчто присовокупили; однакожь я обѣщала Калиостру, что сколь скоро свѣдаю, что великая Екатерина въ своемъ государствѣ сдѣлается защитницею ложи союза и позволить себя посвятить магіи, и если сія несравненная монархиня прикажетъ мнѣ къ себѣ пріѣхать, дабы мнѣ быть тамъ сей ложи основательницею, тогда я въ провожаніи моего отца, нашего надзирателя и еще одного брата съ одною сестрою и тетеньки Констанціи-Анжелики-Беаты-Доротей баронессы фонъ-Геморъ-офъ-Цвибель-Соломоніусъ въ путь отправлюсь».

На послѣднихъ полутора страницахъ Шарлотта фонъ-деръ-Рекке просила Катерину Ивановну сообщить, какое впечатлѣніе произвелъ Калиостро въ Петербургѣ и представленъ ли ко двору?

Приложенное письмо Калиостро къ Шарлоттѣ написано было на итальянскомъ языкѣ, при чемъ многочисленныя ошибки его «неисправной ореографіи» были тщательно подчеркнуты. Письмо начиналось обращеніемъ: «Cara Figlia e Sorella!» (любезная дочь и сестрица!), оканчивалось: «Vostro per sempre che vi amà di cuore» (Вашъ навсегда, сердечно васъ любящій). Въ письмѣ Калиостро напоминалъ свою *l'amore fraterno* (братскую любовь), но особенно настаивалъ: «Il silenzio è quello que vi indurrà alla vera strata dei Sabbini et vi farà unire alla gloria celeste» (молчаніе можетъ поставить васъ на истинный путь сихъ савскихъ женъ и соединить съ небесною славою). Въ нѣкоторыхъ частяхъ письма Калиостро переходилъ на второе лицо, увѣрялъ: «я всегда тотъ же

для тебя»; между прочимъ поручалъ «abbracciate per me (отъ лица его облобызать) tutta la logia e specialmente il vostro caro Padre et Madre et Sorella» (всю ложу и особливо вашего дорогого батюшку и матушку и сестрицу) «et direte che spero in breve tempo di abbracciardi di presenza» (и скажите, что въ скоромъ времени надѣюсь лично заключить ихъ въ свои объятія). О себѣ Калиостро говорилъ темно, что видитъ себя окруженнымъ опасностями, горестями и неприятностями, и жаловался на какую-то «l'ingnoranza profanesca»...

Именно итальянское письмо Калиостро произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на госпожу Ковалинскую. Въ чрезвычайномъ волненіи, внѣ себя, она то порывалась впередъ, то опускалась въ кресло изнеможенная.

— Я потребую у него объясненія! Я потребую у него объясненія!—только и могла она произнести.

— Вы видите, что составленное мною мнѣніе о немъ близко къ истинѣ,—сказала Катерина Ивановна.—Будьте же осторожны. Сей заѣзжій магикъ простираетъ далеко свои виды. А теперь я должна проститься съ вами.

— Я потребую у него объясненія! Я потребую у него объясненія!—повторяла госпожа Ковалинская внѣ себя.

Какъ женщина, она имѣла достаточную причину волноваться. За корсажемъ ея покоилось треугольное письмецо графа Калиостро, полученное ею наканунѣ съ нарочито прибывшимъ съ нимъ Казимиромъ. Письмо это было тоже писано на своеобразномъ итальянскомъ нарѣчій, съ той же орфографіей, такъ же начиналось и оканчивалось, такъ же говорило про «l'amore fraterno», такъ же рекомендовало молчаніе «савскихъ женъ», наконецъ, магикъ въ немъ развивалъ планъ новаго союза съ участіемъ «сестрицъ», основательницей коего должна быть она, Ковалинская, а со временемъ обѣщались и духовное путешествіе по планетамъ, и общеніе съ величайшими духами, съ Іліей, Моисеемъ и Пифагоромъ, даже санъ и корона «защитницы всего земного шара» — «тебѣ, тебѣ одной, дорогая сестрица и-дщерь любезная» съ «братскими поцѣлуями»—сулил магикъ! Уже и отвѣтъ на сіе посланіе былъ заготовленъ госпожою Ковалинской. По условію, она должна была положить его въ отдаленномъ гротѣ въ паркахъ «Озерковъ» и нарочно даже провела Казимира въ этотъ гротъ, о существованіи котораго возвѣстилъ Калиостро, какъ онъ писалъ, «духъ чистой души оскорбленной, въ немъ обитающій время и полъ-времени, и еще время». Казимиръ долженъ былъ за пребываніе магика въ Озеркахъ завѣдывать этой таинственной перепиской подъ покровительствомъ «духа оскорбленной души». А теперь оказалось, что Калиостро точно такія же обѣщанія даетъ и письма пишетъ этой нѣмецкой Шарлоттѣ, этой томительно скучной курляндской дурѣ!

Госпожа Ковалинская задышалась отъ негодованія. Гордость не позволяла ей сознаться, что то была ревность и что магикъ произвелъ на нее сильнѣйшее впечатлѣніе особенно въ тѣ мгновенія, когда почти несъ ее въ могучихъ объятіяхъ по темной лѣстницѣ въ Итальянскихъ.

XXXI.

Разбитое стекло.

Достигнувъ двери покоя, гдѣ находился свѣтлѣйшій, полковникъ Бауеръ, осторожно отодвинувъ край великолѣпнаго, тяжелаго гобелена, на мгновеніе сталъ свидѣтелемъ весьма оживленной, но довольно странной и вольной сцены. Князь Потемкинъ, безъ парика, въ распахнутой малиновой венгеркѣ съ собольей опушкой, подъ которой тончайшаго полотна рубашка, богато отдѣланная валансьенами, была распахнута и обнажала мощную, волосатую грудь, по чресламъ опоясанный кашемировой шалью и въ бархатныхъ сапогахъ, гонялся за маркизой Тифферетъ.

Красавица, какъ легкая лань, скользила отъ него между столами, креслами и прихотливо изогнутыми софами, простирая ему навстрѣчу свой магическій жезлъ. Неподвижная улыбка открывала ослѣпительные перлы ея зубовъ, и порою съ алыхъ устъ слетало легкое, неопредѣленное восклицаніе:

— А!.. Ха-а...

Ослѣпленный прихотью мгновеннаго увлеченія, столь ему свойственную, съ запавшимъ и темнымъ однимъ глазомъ, какъ рассказывали, выколотымъ ему Григоріемъ Орловымъ при помощи бильярднаго кія во время ссоры въ какомъ-то игорномъ домѣ, и съ пламенѣвшимъ зрячимъ, князь Потемкинъ напоминалъ древняго циклопа, пытающагося настигнуть легконогую нимфу; но при гвардейскомъ своемъ ростѣ и общей массивности грузной фигуры, довольно ловко переставлялъ огромныя ноги и широкія ступни въ мягкихъ черныхъ бархатныхъ сапогахъ, удивительно напоминавшихъ медвѣжьи. Въ самое то мгновеніе, какъ адъютантъ заглянулъ за гобеленъ, Потемкинъ настигъ красавицу и схватилъ ее за талію. Но сейчасъ же получилъ, видимо, очень сильный и чувствительный ударъ по пальцамъ магическимъ жезломъ, такъ что отдернулъ руки. Полковникъ Бауеръ поспѣшно отпрянулъ за гобеленъ и со страхомъ обернулся къ гостю, желая удостовѣриться по выраженію лица его, видѣлъ ли онъ эту античную сцену. Но глаза магика по обыкновенію витали въ надзвѣздныхъ сферахъ, и физиономія имѣла совершенно лунатическое выраженіе. Адъютантъ успокоился. Показалось ему, что за гобеленомъ раздался звукъ, похожій на поцѣлуй. Повременивъ, полковникъ Бауеръ каплянулъ.

— Кто тамъ? Что надо?—послышался недовольный голосъ Потемкина.

— Это я, ваша свѣтлость!—возвысилъ голосъ Бауеръ.

— Ну-у-у!—отозвался князь звукомъ, весьма похожимъ на ворчаніе потревоженного медвѣдя въ берлогѣ.

Полковникъ Бауеръ смѣло отпахнулъ гобеленъ и жестомъ предложилъ магику войти первому.

Маркиза Тифереть сидѣла на софѣ. Пламенные очи ея были опущены и прикрыты тѣнью длинныхъ рѣсницъ. Грудь бурно волновалась. Къ улыбающимся устамъ она поднесла распускающуюся лилію магическаго жезла. Князь Потемкинъ сидѣлъ недалеко въ креслѣ, съ крупными каплями пота на красномъ лицѣ и дулъ на пальцы правой руки, на коихъ отчетливымъ синимъ рубцомъ обозначился ловкій ударъ итальянки.

При входѣ мужа, сопровождаемаго полковникомъ, красавица не подняла глазъ и не перемѣнила выраженія устъ, и вообще не болѣе обратила вниманія, какъ если бы въ покой влетѣла самая обыкновенная муха. Потемкинъ же устрѣмилъ зрячее, недружелюбное око на вошедшаго доктора герметической медицины съ вопрошающимъ надменнымъ видомъ. Но магикъ самъ принялъ осанку владѣтельной особы и прослѣдовалъ передъ адъютантомъ на середину покоя, гдѣ и остановился, не кланяясь и странно озираясь во всѣ стороны. Только что Бауеръ хотѣлъ назвать его и представить князю, немало удивленный независимостью заѣзжаго магика, котораго про себя ставилъ не выше какого-нибудь фокусника или другого искусника, какіе постоянно являлись изъ разныхъ странъ, чтобы въ домахъ русскихъ вельможъ промыслять, развлекая своими штуками ихъ скучающее бездѣлье, вдругъ Калиостро обнажилъ шпагу и сдѣлалъ выпадъ въ воздухъ по направленію къ Потемкину. Бауеръ невольно ринулся къ нему, вообразивъ, что магикъ видѣлъ черезъ гобеленъ соблазнительную сцену медвѣжьего ухаживанія хозяина «Озерковъ» за его прекрасной супругой и, внезапно постигнутый припадкомъ ревности, хочетъ заколоть генераль-адъютанта российской императрицы. Онъ намѣревался остановить разящую руку Калиостро, но тотъ вдругъ отступилъ на два шага и, раскачиваясь, протяжно забормоталъ непонятныя слова. Въ то же время шпага его съ легкимъ свистомъ выписывала знаки въ воздухѣ. Быстрѣе, быстрѣе бормоталъ и чертилъ магикъ предъ пораженными зрителями и безучастной, улыбающейся и не глядящей даже на него маркизой Тифереть, потомъ вдругъ провелъ по воздуху шпагой волнистую линію и, направивъ конецъ шпаги на отдаленное окно покоя, замеръ, закрывъ глаза и все раскачивая мѣрно туловищемъ. Вдругъ странный стонущій звукъ какъ бы прошелъ по воздуху отъ конца шпаги къ окну. Казалось, струна протянулась между ними и, тихо

звякнувъ, взвыла. Потомъ всё стекла въ окнѣ затряслись, задрожали, точно кто-то незримый бился въ нихъ, и вдругъ—дз-з-зинкъ!—одно большое стекло треснуло сверху донизу. Тотъ же первоначальный стонущій звукъ какъ бы прошелъ сквозь трещину стекла, мгновеніе порѣялъ за окномъ и отошелъ и затихъ, удаляясь.

Калиостро опустилъ шпагу и, низко поклонившись князю Потемкину, сказалъ по-итальянски:

— Экцеленца, вы теперь въ полнѣйшей безопасности.

— Что такое? Какая опасность? Что онъ плететь?—спросилъ по-русски изумленный князь, понимавшій итальянскій языкъ, но не говорившій на немъ.

Калиостро молча протянулъ руку, на которой сверкали брильянтовые перстни, указывая на отдаленное окно, въ которомъ треснуло стекло. Оно выходило, какъ и прочія, въ паркѣ Озерковъ, но именно въ немъ виднѣлась надъ вершинами деревьевъ отдаленная трехъэтажная башня, господствовавшая надъ ландшафтомъ при взглядѣ на дачу Потемкина съ Невы.

— Она теперь тамъ,—загадочно сказалъ по-итальянски магикъ.—Она тамъ и, пока я здѣсь, больше не войдетъ въ это окно.

Потемкинъ не сказалъ ни слова, но замѣтно поблѣднѣлъ.

Тутъ противоположныя двери покоя открылись, и вошла княгиня Варвара Васильевна Голицына съ мужемъ своимъ, княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ, сопровождаемые домашнимъ врачомъ.

Потемкинъ поднялся съ кресла и поспѣшно пошелъ навстрѣчу «Улыбочкѣ», на ходу запахивая и застегивая шнуры венгерки на груди. Онъ привѣтствовалъ съ нѣжной почтительностью златоудрую, полную, голубоглазую племянницу, которая, въ свою очередь, присѣвъ предъ могущественнымъ дядюшкой, затѣмъ поцѣловала его въ щеку, синеватую и уже покальывавшую отрастающей послѣ послѣдняго бритья щетиной; тогда дядя взялъ племянницу обѣими руками за виски и поцѣловалъ въ очи и уста. Это было ежедневное, утреннее родственное привѣтствіе, какимъ они начинали и заключали день. Супругъ, князь Сергѣй Ѳедоровичъ, стоялъ возлѣ и, пріятно улыбаясь, смотрѣлъ на родственныя привѣтствія.

Вдругъ Варвара Васильевна замѣтила вспухшую, синевато-багровую полоску на верхней сторонѣ пальцевъ дяди.

-- Боже мой! Что это такое? Гдѣ вы поранили руку, милый дядя!—вскричала княгиня.

— Ничего,—отвѣчалъ дядя:—это совершенные пустяки, милая Улыбочка. Я прищемилъ себѣ пальцы!

— Какъ? гдѣ?—волновалась Улыбочка, взявъ руку дяди и озабоченно разсматривая шрамъ.

— Такъ... Нигдѣ... Бюро отворялъ—ящикомъ прищемилъ.

— Но это ужасно! Это можетъ разболтаться! Надо сейчасъ арники. Докторъ, посмотрите,—обратилась племянница въ волненіи къ домашнему лекарю.

Тотъ съ ученымъ видомъ склонился надъ пальцами князя.

— Гадкое бюро! Дурной ящикъ! Какъ вы смѣли обидѣть бѣдные дядюшкины пальчики!—говорила княгиня, лаская широкую длань князя.

— А!.. Ха-а!..—вдругъ произнесла свое неизмѣнное восклицаніе маркиза Тиферетъ, все продолжавшая сидѣть съ опущенными рѣсницами.

Это восклицаніе обратило вниманіе княгини на остальныхъ присутствовавшихъ при свиданіи ея съ дядей лицъ.

— Это они?—спросила она тихо Потемкина.

— Они, Улыбочка! Они, жизнь души моей! Заѣзжій этотъ магикъ съ итальянкой. Онъ, кажется, хорошій чревовѣщатель и большой шарлатанъ и наглець. А жена его—красивая молодка, но, кажется, глупа, какъ ея слоновой кости палочка. Что ни скажи, что ни спроси: ха-ха да ха-ха!

— А вы, котъ заморскій, дядюшка, долго съ ней тутъ разговаривали?—подозрительно спросила Улыбочка, и голубые глаза ея поблѣднѣли и приняли ревнивое, стеклянное выраженіе.

— Какъ здоровье нашего ребенка?—не отвѣчая на вопросъ Варвары Васильевны, обратился Потемкинъ къ князю Сергѣю Ѳедоровичу.

— О, благодареніе Богу, нашъ младенецъ спалъ эту ночь покойнѣе,—отвѣчалъ князь.—Припадковъ не было. А все вѣдь онъ со своей профанской медициной мало надежды подаетъ,—указалъ на домашняго лекаря Голицынъ.

Лекарь поднялъ глаза и руки къ потолку, какъ бы поручая здоровье болящаго княжескаго дитяти Промыслу и признавая полное безсиліе своей медицины.

— Случай тяжелый, крайне тяжелый,—сказалъ онъ. — Невозможно ручаться за исходъ. Но, конечно, всемогуществу Божию все возможно!

— Посмотримъ, что возможно господину Калиостро, — сказалъ Потемкинъ.—Пока онъ показалъ свое могущество надъ стеклами,—не подходя къ окну, стекло расколотилъ. Вонъ, князь, видишь?—указалъ онъ Голицыну окно рукою, самъ, однако, не смотря въ ту сторону.

— Возможно ли? Ахъ, дядя, я боюсь этого человѣка и въ то же время на него надѣюсь,—сказала Улыбочка.

— Мужъ рассказывалъ о немъ такіе ужасы! И эта... эта дама, жена его, та самая, которую онъ зарѣзалъ тогда у васъ въ ложѣ?—спрашивала мужа княгиня Варвара Васильевна, прибѣгая, однако,

къ покровительству дяди и прижимаясь къ нему въ волненіи страха.

— Да, та самая!—шепнулъ князь. Онъ тоже блѣднѣлъ, когда взоръ его останавливался на посланникѣ Великаго Кофты, который между тѣмъ, вложивъ магическую шпагу въ ножны, мирно бесѣдовалъ на другомъ концѣ покоя съ полковникомъ Бауеромъ.

— Та самая! Подите! Онъ зарѣзалъ ее, выпустилъ всю кровь изъ нея, и вонъ она сама, живая, толстая, и еще улыбается!—со страхомъ и какъ бы отвращеніемъ, говорила княгиня и отстранилась отъ дяди.

— А!.. Ха-а...—сама съ собой усмѣхнулась убитая, обезкровленная и вновь живая и здоровая маркиза Тиферетъ графиня ди-Санта-Кроче.

XXXII.

Оплеуха.

Полковникъ Бауеръ почтительно приблизился къ свѣтлѣйшему.

— Что, братъ?—сказалъ Потемкинъ.—О чемъ съ Калиостромъ бесѣдовалъ?

— Графъ Калиостро просилъ меня доложить вашей свѣтлости, что въ настоящее время принужденъ съ супругою уклониться къ покою, чувствуя крайнее утомленіе отъ своей работы,—доложилъ Бауеръ.

— Отъ какой работы, братецъ? Что за чушь? Онъ только шпагой помахалъ да стекло махинаціями своими выдавилъ. Можно ли съ того устать?—удивился Потемкинъ.

— Графъ Калиостро увѣряетъ, будто великую опасность отъ вашей свѣтлости отвелъ. А что подлинно показанное имъ искусство стоило ему многого труда, я самъ въ томъ убѣдился. Рубашка и жабо на немъ совершенно отъ испарины взмокли, какъ у добраго жеребца послѣ хорошей гонки.

— Что это, братецъ, ты прирожденнаго графа къ жеребцу приравнялъ!

— Виноватъ, ваша свѣтлость!

— Но какъ же это? Магика затѣмъ я выписалъ, чтобы онъ пользовалъ болящаго нашего младенца. Тутъ всякое промедленіе нежелательно.

— Осмѣлюсь доложить, графъ Калиостро осматривать болящаго младенца, какъ самъ говоритъ, въ сію минуту пользы не находитъ по состоянію магическихкихъ токовъ и расположенію враждебныхъ младенцу и близкихъ его духовъ. Графъ по отдыхѣ приметъ нѣкоторыя магическія дѣйствія къ очищенію сей постройки и прилегающихъ парковъ отъ неблагоприятныхъ флюидовъ и началъ.

— Онъ такъ и сказалъ тебѣ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— Вижу, что этотъ графъ—большой шарлатанъ,—сказалъ Потемкинъ.—Но пусть очищаетъ.

— Я о семъ тоже вашей свѣтлости говорилъ, —вставилъ домашній врачъ, довольный неблагопріятнымъ отзывомъ о ненавистномъ конкурентѣ.—Я полагалъ бы, что и допускать къ ребенку сего шарлатана и промышленника не должно.

— Ну, милый мой, вся ваша коллегія къ числу тѣхъ принадлежитъ, которые только по предразсудку призываются къ болящимъ, а въ существѣ ваша медицина опаснѣе болѣзни,—рѣшилъ князь.

— Бога ради, милый дяденька, не говорите сами дурно о Калиостро и другимъ въ домѣ не позволяйте,—опасливо сказала «Улыбочка».—Ахъ, я такъ боюсь сего чародѣя!

— Вотъ и на! Тутъ странный выходитъ резонъ, душенька племяннушка, что чародѣя боитесь и тѣмъ не менѣе его сюда пригласили!—улыбаясь, говорилъ свѣтлѣйшій.—А когда же, однако, господинъ Калиостръ младенца осмотритъ?

— Графъ сказывалъ, что вечеромъ, по восхожденіи луны надъ горизонтомъ. И при томъ просилъ сей покой въ его распоряженіе предоставить для нѣкоторыхъ приготовленій. По восхожденіи же луны, когда лучи оной станутъ въ окна сей храмины проникать, предлагаетъ младенца ихъ сіятельствъ сюда принести для пользования.

— Изрядно. Быть по сему. Идемте, милая Улыбочка, душа сердца моего. Вы, думаю, покушать уже можете,—сказалъ Потемкинъ и любовно коснулся стана прелестной племянницы въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ предполагалъ желаніе покушать.—А графу Калиостру съ его маркизой прикажи подать въ отведенное имъ помѣщеніе. Вонъ сидитъ!—подавая руку племянницѣ и оборачиваясь къ сидѣвшей въ томъ же самоуглубленіи на софѣ маркизѣ Тиферетъ,—вонъ сидитъ! Какъ глупа! Ахъ, какъ глупа! А вѣдь хороша! Заглядѣнье!

«Улыбочка» рѣзко отняла свою руку и, взявъ руку мужа, отвернувшись отъ дяди и поспѣшно пошла изъ покоя. Вельможный дядя съ виноватымъ видомъ двинулся за супружеской четой.

Полковникъ Бауеръ направился къ Калиостро и сообщилъ ему, что свѣтлѣйшій предоставляютъ въ его распоряженіе сей покой, а также позволяютъ производить магію въ паркахъ и гдѣ угодно. Болящаго же младенца вынесутъ для осмотра въ указанное время. Такъ можетъ графъ съ супругою уклониться къ покою, и фриштыкъ ему сію минуту сервированъ будетъ.

Графъ важно кивнулъ головою и далъ знакъ маркизѣ слѣдовать за нимъ. Они уже ушли, когда домашній лекаръ нагналъ ихъ, восклицая по-латыни:

— State, collega! Мнѣ нужно имѣть съ вами нѣкоторый коллоквиумъ!

Калиостро остановился и съ надменнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на лекаря черезъ плечо.

— Кто это говоритъ?— по-латыни же отвѣчалъ онъ.— Кто и кого называетъ коллегой?

Надменный вопросъ и поворотъ увеличили раздраженіе лекаря, и безъ того давно скопленное.

— Это я говорю вамъ!— рѣзко отвѣчалъ онъ.

— Вы?!— мѣрая съ уничтожающимъ презрѣніемъ взглядомъ лекаря, сказалъ Калиостро.— Вы? товарищъ? мнѣ?.. Можетъ ли ученикъ профанской кухни быть не только что товарищемъ, но ниже апрагивомъ мастеру божественной герметической медицины?!

— Герметическая медицина!— распаяясь, повысилъ голосъ лекарь.— Герметическая медицина! Россійскій медицинскій факультетъ, ниже инспекція врачебной управы таковой не признаютъ. Довольно шарлатанствъ, господинъ Калиостро! Докажите право ваше производить леченіе въ столицѣ Россійской имперіи представленіемъ надлежащихъ патентовъ отъ какой-либо законной ученой коллегіи съ учиненіемъ достовѣрныхъ подписовъ.

— Жалкій мірозапутанный слѣпецъ!— съ презрительнымъ соболѣзнованіемъ сказалъ Калиостро, отнимая руку у маркизы Тиферетъ, которая затѣмъ, видя, что объясненіе грозитъ затянуться, опять присѣла на ближайшую софу.— Или пророкъ, воскрешая сына вдовы Наинской, нуждался въ патентахъ? Или учитель изъ Назарета прежде, чѣмъ воззвалъ къ гробницѣ: Lazare, veni foras?

— Да кто же вы? Пророкъ? Учитель? За кого вы себя выдаете?— вскричалъ домашній лекарь и прямо затрясся отъ бѣшенства.

— Кто я, скоро все узнаютъ и никогда не узнаютъ. Но кто вы, называющіе себя учеными докторами,—на общемъ великомъ судѣ мертвые, вами отравленные, замученные, низведенные въ темные затворы гробовъ, возставъ, покажутъ. Кто вы? Все тѣ же, во все вѣка. Да! Вы жалкіе слѣпцы суетной лжи-науки. Вы берете ключъ разумѣнія, владѣть коимъ не умѣете, и даже отъ какой онъ двери,—не знаете, и сами не входите и другихъ не пускаете. Да, во все вѣка встрѣчалъ я васъ на пути моемъ. И вы мѣшали мнѣ, преслѣдовали меня, возбуждали противъ меня чернь, заточали меня въ темницу, возносили на крестъ и костеръ. Въ Халдеѣ въ рогатыхъ тіарахъ! Въ Аѳинахъ съ жезломъ Асклепія, бездѣйственнымъ въ профанскихъ вашихъ рукахъ! Въ Іерусалимѣ съ ковчегами на головахъ, въ полосатыхъ хламидахъ! Вездѣ, вездѣ вы мѣшали мнѣ, вы, взявшіе на откупъ религію, благотвореніе, цѣленіе, просвѣщеніе человѣчества и въ корыстный промыслъ обратившіе свободное откровеніе Небесъ. Но не было

вамъ откровеній. И вы были мурованной стѣной, глухимъ заслономъ между человѣчествомъ и благими силами, изъ меня исходящими! *Et lux in tenebris lucet, et tenebrae eam non comprehenderunt.* Но довольно о семъ. Я утомленъ, и великіе подвиги еще предстоятъ мнѣ сегодня. Здѣсь же я—гость князя Потемкина.

И Калиостро опять обратился къ супругѣ, намѣреваясь съ нею удалиться. Но доведенный до послѣдней степени раздраженія домашній докторъ заступилъ ему дорогу.

— Нѣтъ, господинъ Калиостро, вы такъ отъ меня не отдѣляетесь!—закричалъ онъ.—Я выведу васъ на свѣжую воду. Сюда прѣхалъ collega изъ Страсбурга. Онъ достаточно сообщил о вашихъ тамъ врачебныхъ подвигахъ въ прошломъ году, и какъ вы, сильно дѣйствующими средствами достигая временнаго облегченія страданій, по внезапномъ вашемъ отъѣздѣ большее число оставили впадшими въ худшее еще противъ прежняго состояніе. Это и многое иное о васъ не премину его свѣтлости и племянницѣ его сообщить!

Лицо магика побагровѣло, потомъ потемнѣло.

— А, ты такъ!—зловѣще процѣдилъ онъ сквозь сжатые зубы.— Ты такъ! Ты хочешь, чтобы я проучилъ тебя хорошенько. Тебѣ недовольно того предостереженія, что содѣянное тобою въ лѣвомъ павильонѣ, въ голубой комнатѣ, въ полночь, при трехъ яблокахъ и ананасѣ учинилось уже вышнему начальнику моему извѣстнымъ!

— Ты все лжешь! Ты ничего не знаешь!—теряя всякое самообладаніе, кричалъ домашній лекаръ.—Ты вывѣдалъ нѣчто чрезъ прислугу и подлое шпионство. Но этимъ ты меня не испугаешь. И я всему свѣту обнаружу твое шарлатанство.

Глаза магика засвѣтились зеленымъ огнемъ, какъ у сказочнаго василиска.

— А если тебѣ мало этого предостереженія,—прошипѣлъ онъ сдавленнымъ шопотомъ:—то возможно еще и то открытъ, что было учинено въ правомъ павильонѣ, въ красной комнатѣ, въ полдень, при виноградной кисти и семи гранатовыхъ яблокахъ!

На мгновеніе домашній лекаръ остолбенѣлъ и не въ силахъ былъ выговорить слова. Но затѣмъ въ неистовой ярости бросился къ Калиостро и съ крикомъ: «Проклятый колдунъ!» со всего размаху ударилъ его по щекѣ.

Яркое бѣлое отпечатлѣніе пяти пальцевъ мгновенно проступило на лѣвой багровой щекѣ магика.

Полковникъ Бауеръ бросился между докторами, дабы воспрепятствовать возможному дальнѣйшему обмѣну любезностями.

— А!.. Ха-а... излетѣло изъ устъ маркизы Тиферетъ, оставшейся спокойно сидѣть на софѣ и даже съ довольнымъ выраженіемъ прекраснаго лица во всѣ глаза смотрѣвшей на запечатлѣніе ея супруга.

Первымъ инстинктивнымъ движеніемъ магика было схватиться рукою за пораженную ланиту. Вторымъ—ухватиться съ неистовымъ скрежетаніемъ зубами и сверканіемъ глазами за шпагу, которую онъ уже до половины извлекъ было прежде, чѣмъ полковникъ Бауеръ успѣлъ удержать его. Но затѣмъ нечеловѣческимъ усиленіемъ воли магикъ переломилъ себя и сталъ неподвижно, постепенно какъ бы костенѣя, и вдругъ, воздѣвъ глаза и руки, возопилъ:

— Великій Кофта, помилуй слѣпца! Останови свою длань! Червь сей не стоитъ твоей молніи! Ради посланника своего останись!

И вдругъ, схвативъ за руку маркизу и почти стащивъ ее съ софы, другой же рукой одновременно ухвативъ за рукавъ и полковника и лекаря, онъ потащилъ ихъ всѣхъ на средину комнаты, бормоча:

— Сюда! Сюда! Скорѣе! Смертная опасность вамъ угрожаетъ! Скорѣе подъ мою защиту, въ кругъ! Иначе освобожденные кощунственнымъ дерзновеніемъ безумца слѣпые стихійные духи ринутся и растерзаютъ васъ!..

И, очертивъ энергичными движеніями руки кругъ, онъ принялся спѣшно бормотать заклинанія.

XXXIII.

Докторская дуэль.

Совершенно обезсиленный этими новыми упражненіями въ магическомъ искусствѣ, Калиостро удался съ супругой въ отведенные ему покои. Домашній врачъ и полковникъ Бауеръ остались на томъ же мѣстѣ среди гостиной, гдѣ поставилъ ихъ магикъ, спасая отъ гнѣва Великаго Кофты и стихійныхъ духовъ. Нѣкоторое время оба молчали.

— Должно признаться, докторъ, что вы далеко зашли,—сказалъ наконецъ адъютантъ свѣтлѣйшаго.

— Я не былъ въ силахъ воздержаться! Этотъ наглый шарлатанъ и шпіонъ заставилъ меня забыть всякое благоразуміе. Вы знаете, что обычно я весьма терпѣливъ. Но тутъ былъ внѣ себя.

— Напрасно вы говорили по-латыни. Я не понимаю этого языка, иначе предупредилъ бы столь печальное заключеніе вашей бесѣды. Я полагалъ, что вы спорили о тайнахъ своего искусства. Но сколь онъ ловокъ! Нашелся, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія!

— Я обличалъ его шарлатанства, о которыхъ свѣдалъ отъ доктора, пріѣхавшаго изъ Страсбурга, гдѣ Калиостро появился въ прошломъ году. На это онъ отвѣчалъ мнѣ столь гнусно, что я всякое самообладаніе потерялъ.

— Должно думать, что Калиостро не станетъ разглашать о полученномъ имъ гостинцѣ, равно какъ и прекрасная его супруга, отъ которой вообще много не добьешься. Значить, единственный свидѣтель всего здѣсь происшедшаго—я одинъ. А я могу дать вамъ слово, что сохранию тайну.

— Какъ! Дать восторжествовать этому шарлатану! Никогда!— вскричалъ докторъ.—Я обо всемъ доложу свѣтлѣйшему! Я изболочу проходимца!

— Ахъ, я не совѣтоваль бы вамъ этого!—сказалъ Бауеръ.

— Почему? Ужели терпѣть, чтобы наглый обманщикъ...

— Свѣтъ нынѣ весь построенъ на обманахъ. Но я долженъ васъ предупредить, что супруга господина Калиостро весьма приглянулась свѣтлѣйшему. Случайно черезъ гобеленъ я въ семь, μόгъ убѣдиться. И хотя она къ пораженію ланиты мужа своего отъ вашей длани отнеслась весьма спокойно, но, конечно, по общности интересовъ всегда вступится за своего графа. А вы знаете коварство и уловительность итальянскаго ума и крайнюю слабость свѣтлѣйшаго къ женскимъ прелестямъ.

— Не могу, полковникъ. Докторская присяга меня къ сему понуждаетъ. Не могу допустить къ болящему младенцу наглаго знахаря. Но весьма благодаренъ за сообщеніе ваше. Въ такомъ разѣ я только обращусь сначала къ княгинѣ Варварѣ Васильевнѣ.

— Такъ было бы, конечно, благоразумнѣе. Хотя становится между родственной ревнивостью княгининой привязанности къ свѣтлѣйшему и расположеніемъ сего послѣдняго къ новой прихоти не есть выгодно и безопасно. Въ послѣднемъ счетѣ можете вы сугубо пострадать съ обѣихъ сторонъ. Кромѣ того, мнѣ достовѣрно извѣстно, что самъ Калиостро имѣетъ здѣсь сильнѣйшую опору въ госпожѣ Ковалинской.

— Расположеніе госпожи Ковалинской ко всякаго рода духовызывателямъ мнѣ хорошо извѣстно.

— Да, но тутъ нѣчто бѣльшее.

— Бѣльшее? Что хотите вы сказать?

— Госпожа Ковалинская посѣтила Калиостро въ Итальянскихъ.

— Это мнѣ извѣстно.

— Она провела съ нимъ въ уединенной бесѣдѣ довольное время.

— Что же изъ того?

— А то слѣдуетъ изъ сего примѣчательнаго обстоятельства, что выѣздной лакей Порфирій мнѣ довѣрительно сообщилъ: Калиостро съ лѣстницы въ карету госпожу Ковалинскую снесъ почти въ объятіяхъ своихъ.

— Вотъ что!

— Да, да. Вы знаете пламенную природу госпожи Ковалинской. Значить, вамъ можетъ угрожать мщеніе съ этой стороны.

Мщеніе влюбленной женщины безпощадно, а по многимъ причинамъ госпожа Ковалинская при дворѣ князя Потемкина большая сила.

— Ахъ, я все это знаю, вижу, понимаю! Но дать восторжествовать низкому промышленнику...

— Повремените. Предоставьте его собственной подлости. Какъ ни тонокъ этотъ искусникъ, но и съ нимъ будетъ, что и со всѣми подобными,—онъ попадетъ на чемъ-либо. Тогда нанесите ему ударъ.

— Долженъ признать благоразуміе вашихъ совѣтовъ,—согласился домашній врачъ.—При томъ же все-таки презрѣнный съѣлъ отъ меня сытную оплеуху и, слѣдственно...

Онъ не договорилъ. Въ гостиную вошелъ въ алхимическомъ своемъ нарядѣ слуга Калиостро.

Вѣжливо поклонившись, онъ освѣдомился, видитъ ли домашняго врача князя Потемкина.

— Это я, любезный. Что вамъ надо?—сказалъ врачъ.

— Передать вашему благородію письмо моего господина, графа де-Калиостро.

Съ сими словами Казимиръ подалъ треугольное письмо, запечатанное печатью Калиостро: змѣемъ, пронзеннымъ стрѣлой съ таинственными буквами L. P. D. Засимъ онъ поклонился и вышелъ.

Докторъ, сломавъ печать магика, прочелъ нижеслѣдующее:

«Силою троякаго тріедиаго».

«Нанесенное вами тяжкое оскорбленіе тому, чье высшее посланничество засвидѣтельствовано уже многими силами явно предъ цѣлымъ свѣтомъ, конечно, было бы отъ незримыхъ его покровителей и служителей отомщено ужасно и мгновенно. Мы того не пожелали. Мы отвели отъ главы дерзновеннаго безумца карающую длань Великаго Кофты. Движимые высокимъ челоуѣколюбіемъ и снисхожденіемъ, мы спасли тлѣнное и растлѣнное въ умѣ, въ сердцѣ, въ фибрахъ тѣла естество несчастнаго оскорбителя освященной нашей особы отъ растерзанія слѣпыми стихійными дѣхами. Но затѣмъ графъ Калиостро уже какъ дворянинъ обязанъ требовать удовлетворенія отъ оскорбителя. А какъ вызываемый оскорбитель по званію своему докторъ, а также и оскорбленный тоже врачеватель, и такъ какъ самое оскорбленіе послѣдовало изъ-за состязанія въ общемъ искусствѣ, и теперь уже дѣло идетъ о превосходствѣ противниковъ по части медицины, именно какая совершеннѣе—профанская или герметическая, то я, вмѣсто оружія, предлагаю ядъ. Каждый изъ насъ дастъ другъ другу по вилюлѣ, и тотъ изъ насъ, у котораго окажется лучшее противоядіе, будетъ считаться побѣдителемъ и отомщеннымъ.

«Графъ де-Калиостро-и-Фениксъ».

Прочитавъ посланіе, докторъ передалъ его полковнику Бауеру. Когда и онъ ознакомился съ содержаніемъ письма, оба нѣкоторое время молча смотрѣли другъ на друга.

— Да,—сказалъ наконецъ Бауеръ,—подлинно невозможно предугнать уловительность итальянскаго ума. Дуэль весьма необычайная. Что же вы полагаете ему отвѣчать?

— Я, конечно, не настолько безумецъ, чтобы принять такія условія. Дуэль же на иномъ оружій окончательнo не въ нравахъ мирнаго ученаго сословія.

— Итакъ, вы не отвѣтите на вызовъ господина Калиостро?

— Всеконечно.

— Но въ такомъ случаѣ онъ останется въ явной выгодѣ и станетъ распространять о преимуществахъ своего искусства, которое позволяетъ безвредно яды употреблять.

— Чортъ бы побралъ этого шарлатана!

— Именно. Но сей некромантъ весьма ловокъ. Итакъ, со лба брать его нельзя. А въ такихъ случаяхъ наше военное искусство рекомендуетъ обходное движеніе. Я бы посоветовалъ вамъ слѣдующее: притвориться, будто побѣждены его мудростью, признаете сверхъестественныя его силы, и поступить къ нему ученикомъ.

— Я! Ученикомъ этого шарлатана! Я—имѣющій ученую степень, дипломъ!—вскричалъ докторъ, возмущенный предложеніемъ Бауера.

— Обходное движеніе. Военная хитрость. Такимъ способомъ можете вы ловко вызнать секреты Калиостро и какъ онъ чудеса свои устраиваетъ. И, дождавшись удобнаго часа, уже навѣрняка нанести ему смертельный ударъ. Подумайте о моемъ предложеніи. Я же нѣчто такое придумалъ для испытанія господина Калиостро, чего онъ никакъ не ожидаетъ. Вы увидите вечеромъ.

XXXIV.

Властелинъ металловъ.

По отдохновеніи остальную часть дня Калиостро провелъ въ приготовленіяхъ. Такъ, онъ обошелъ парки и въ различныхъ мѣстахъ начерталъ на пескѣ аллея магическіе знаки, которые привели въ большой страхъ женскую половину прислуги въ «Озеркахъ». Между прочимъ заходилъ и въ отдаленный гротъ подъ башней, и въ то время, какъ Казимиръ стоялъ на сторожѣ, что-то дѣлалъ тамъ изрядное время. Выйдя оттуда, оказалось въ рукахъ его письмецо отъ госпожи Ковалинской. Оно полно было выраженій горестнаго недоумѣнія и упрековъ. Ковалинская никакъ не ожидала такого коварства отъ мужа, котораго образцомъ добродѣтели почитала. Ужели божественный Калиостро — двоедушень?

Ужели подобенъ содомскому яблоку, красивому снаружи, внутри же полному гнилого праха? Ковалинская назначала ему въ паркѣ свиданіе послѣ захожденія луны, когда мраки скрыть ихъ могутъ отъ любопытствующихъ глазъ. Письмо госпожи Ковалинской опредѣленнаго ничего не содержало, и это особенно встревожило Каліостро. Очевидно, какіе-то слухи достигли до ушей супруги правителя дѣлъ князя Потемкина. Но ежели она свиданіе магику назначала, то, значитъ, возможно уничтожить въ ней недоувѣріе и вновь возвратитъ ея расположеніе. Магикъ особенно надѣялся на вечернее упражненіе въ своемъ искусствѣ. Нѣсколько озабоченъ онъ былъ и соккрытіемъ слѣда жестокаго удара, имъ полученнаго. Поэтому приложилъ къ щекѣ цѣлительную примочку, а затѣмъ смазалъ ее жирной помадой и напудрилъ. Между тѣмъ явился лакей просить магика съ супругой пожаловать къ обѣденному столу свѣтлѣйшаго. Магикъ послалъ одну маркизу Тиферетъ, сказываясь погруженнымъ въ астрономическія вычисленія гороскопа болящаго младенца, день и часъ рожденія котораго по его просьбѣ былъ ему сообщенъ. За обѣдомъ свѣтлѣйшій не спускалъ одинаго зрячаго ока своего съ прекрасной итальянки, чѣмъ привелъ въ крайнее неудовольствіе племянницу. «Улыбочка» удалилась ранѣе окончанія стола, говоря, что забота о болящемъ младенцѣ ее въ крайнее безпокойство и горестъ повергаетъ и она можетъ лишь удручать плачевнымъ видомъ своимъ. Потемкинъ не удерживалъ «Улыбочку», но послѣ стола подаль руку маркизѣ Тиферетъ и повелъ ее въ сосѣдній салонъ, устланный великолѣпнымъ ковромъ, согрѣваемый огнемъ камина, гдѣ горѣли душистыя чинаровыя дрова, съ миеологической живописью на потолкѣ и пасторальными сценами на стѣнахъ: всюду тамъ видѣлись рѣзвящіеся амурь, цвѣточныя гирлянды, нимфы, прелестныя пантомимы невинной любви. Мебель здѣсь была изъ розоваго дерева и широкая софа манила успокоитъ члены послѣ сытной трапезы. На драгоценномъ столѣ высились вазы съ фруктами, разнообразнѣйшій десертъ приготовленъ былъ на серебряныхъ плаго, ликеры, сладкія вина, прохладительныя въ кувшинахъ напитки. Трапезовавшіе за столомъ Потемкина сюда не послѣдовали. Онъ остался наединѣ съ прекрасной маркизой, угощая ее сладостями. Между прочимъ произошла между ними борьба, такъ какъ Потемкинъ хотѣлъ надѣтъ на ручку прелестной браслетъ, осыпанный крупнѣйшими брильянтами, смарагдами и сафирами. Послѣ нѣкоторыхъ усилій браслетъ, однако, былъ надѣтъ.

Но приблизился вечеръ. Солнце зашло. Погасла и заря. Луна выплыла надъ вершинами парка, и скоро фосфорическій свѣтъ ея проникъ въ окна покоя, гдѣ уже все было приготовлено магикомъ. Къ назначенному часу одновременно изъ одной двери появился свѣтлѣйшій, ведя подъ руку маркизу Тиферетъ, не безъ удоволь-

ствія теперь посматривавшую на браслетъ, отъ котораго столь долго отстранялась. За ними полковникъ Бауеръ велъ госпожу Ковалинскую, взволнованную и чѣмъ-то разстроенную, въ темныхъ кисеяхъ и флерахъ, поминутно подносящую ручку къ сердцу и поднимавшую съ покорнымъ видомъ жертвы черныя очи къ небу. Изъ другой двери вышли князь и княгиня Голицыны. Мамка съ нянюшкой внесли на подушкахъ худенькаго, блѣднаго, истощеннаго младенца. Дитя покойно спало, подложивъ ручку подъ щечку. Шестіе заключалъ домашній докторъ въ черной ученой одеждѣ. Онъ хранилъ видъ совершенной скромности и пріятной почтительности. Калиостро уже находился въ покоѣ, съ оконъ котораго нарочно сняты были, по его приказанію, драпировки, чтобы луна таинственными эманациями наполняла его безпрепятственно. Магикъ имѣлъ на головѣ египетскую повязку съ золотымъ змѣемъ и на плечахъ мантию съ красными гіероглифами. Широкій квадратный передникъ съ изображеніемъ «бородатаго солнца» покрывалъ его колѣни. Лицо его было набѣлено и брови насурмлены. Въ рукахъ онъ имѣлъ мечъ, рукоятка котораго представляла кристалльную призму. На особомъ столѣ стоялъ шаровидный кристалльный сосудъ, наполненный прозрачной жидкостью и по экватору обведенный черной широкой полосой. Иммануиль съ невинными голубыми глазами и льняными локонами стоялъ возлѣ. На немъ была длинная до полу полотняная рубашка. Кромѣ луннаго освѣщенія, въ покоѣ не было другого, а потому царилъ таинственный сумракъ. Магикъ попросилъ поднять спящаго младенца къ окну такъ, чтобы лунный свѣтъ обильно озарялъ его. Бормоча заклинанія, онъ окурилъ младенца сухими травами, которыя затлѣлись, испускающая струйки ароматическаго дыма отъ маленькой восковой свѣчки, которую магикъ потомъ затушилъ, обративъ ее внизъ свѣтильней. Остатки истлѣвшей травы онъ бросилъ черезъ плечо.

Потомъ такъ поднялъ надъ младенцемъ призму своего меча, что преломленные въ ней лунные лучи озарили личико спящаго дрожащей, блѣдной радугой. Склоняя высокую тиару, магикъ, по видимому, молился, по кому, невозможно было узнать,—языкъ, на которомъ молился Калиостро, никому изъ присутствовавшихъ не былъ знакомъ.

Затѣмъ магикъ приказалъ унести младенца.

— Дитя выздоровѣетъ, если я буду его пользоваться,—важно заявилъ тогда Калиостро родителямъ ребенка. — Что недоступно профанской медицинѣ, возможно медицинѣ герметической. Это невинное дитя,—указывая на Иммануила, продолжалъ магикъ,—уже прочло при моемъ содѣйствіи будущее сына вашихъ сіятельствъ. Оно исполнено опасностей, превратностей, но тѣмъ большей чести и славы. Подробный гороскопъ мною будетъ скоро составленъ. Запяты въ кожаномъ треугольникѣ, долженъ онъ быть всегда

на груди ребенка и вскрыть его позволительно лишь по достиженіи имъ перваго критическаго возраста—семи лѣтъ. Теперь имѣю я нѣчто сказать вашей свѣтлости!—обращаясь къ Потемкину, продолжалъ Калиостро.—На рукѣхъ супруги моей замѣчаю я драгоцѣнный браслетъ. Конечно, то вашъ подарокъ?

Потемкинъ недовольно поморщился. «Улыбочка» встрепенулась и устала на браслетъ негодующій взглядъ. Маркиза Тиферетъ, улыбаясь, подняла руку съ браслетомъ къ лунному сіянію, любуясь игрой камней, и обычное восклицаніе слетѣло съ алыхъ устъ ея

— А!.. Ха-а...

— Я не могу воспрепятствовать супругѣ моей принять этотъ браслетъ отъ вашей свѣтлости,—продолжалъ Калиостро.—Но если вы полагаете, что для нея въ рѣдкость игра земныхъ суетныхъ украшеній, то вы ошибаетесь. Глубины морей и нѣдра земныя отверзаются по единому слову властителя небесной мудрости. Око его видитъ образованіе перловъ въ раковинахъ и тѣ сокровища, которыя таятся среди обломковъ погибшихъ кораблей и еще огромнѣйшія сокровища поглощенной водами древней Атлантиды. О, князь! Если бы вы могли очистить око свое и уточнить зрѣніе его и вы могли бы созерцать эти сокровища! Тамъ, подъ водами океана высятся колонны храмовъ и дворцы, стѣны которыхъ покрыты листьями чистаго золота! Тамъ дивныя статуи, кубки несравненной чеканки, мозаики, ларцы, наполненные драгоцѣнными камнями! Но если око ваше стало бы совершенно свѣтозарно и чисто, оно съ равнодушіемъ миновало бы всѣ эти сокровища и обратилось къ тѣмъ письменамъ и священнымъ арконамъ, которыми оживлены тысячи обелисковъ и пирамидъ Атлантиды. И вы жадно похитили бы окомъ своимъ сія истинныя сокровища, которыя превосходятъ всѣхъ иныхъ! Затѣмъ вы обратили бы око свое къ землѣ. И она разверзла бы предъ вами нѣдра свои. Вы увидѣли бы древоподобныя рудорожденія, цвѣты и плоды и гнѣзда самородковъ и камней. Но и симъ бы пренебрегли и обратились къ хранилищамъ вѣчныхъ маговъ, ушедшихъ съ келіями въ земное лоно и тамъ, при свѣтѣ неугасаемыхъ лампадъ, предающихся опытамъ сокровеннѣйшей мудрости. Отъ нихъ напитать голодъ духовный дожелали бы вы, пренебрегая пылью золота, прахомъ сафировъ, изумрудовъ, брилліантовъ.

— Вы весьма складно рассказываете, господинъ Калиостро,—сказалъ Потемкинъ.—Но мы не достигли той степени совершенства, чтобы пренебрегать земными сокровищами. Напротивъ, мы ихъ собираемъ, ими любуемся, хотимъ обладать ими. Но ежели сокровища морей и нѣдръ земныхъ вы только видѣть можете, но достать ихъ сюда, на поверхность земли, не можете, то мы, преданные суетѣ, этимъ никакъ не можемъ быть довольны: что толку, ежели и видятъ око, да зубъ нейметъ?

— Вы ошибаетесь, князь. Сокровища морей и земныхъ нѣдръ охраняютъ великіе и могучіе духи. Кто можетъ подчинить себѣ сихъ духовъ, тому они принесутъ все, что онъ потребуетъ. Но дѣло въ томъ, что достигшій такого уже совершенства, чтобы сими духами повелѣвать, именно въ силу совершенства своего презираетъ златомъ и перлами, и всею роскошью и прелестью матеріальной, какъ смрадной грязью. Итакъ, онъ тѣхъ богатствъ никогда не потревожитъ.

— Безвыходное положеніе!—насмѣшливо замѣтилъ князь.—А жаль. То-то камешки можно было бы надѣвать на ручки и шейки прелестныхъ.

— Если око господина Калиостро во всѣ мѣстонахожденія благородныхъ металловъ проникаетъ,—сказалъ полковникъ Бауеръ:—то, не тревожа Атлантиды, духовъ, стерегущихъ сокровища океановъ и пещерныхъ оныхъ старцевъ, не согласится ли онъ поискать гдѣ-либо поближе?

— Многочисленные клады подлинно зарыты въ окрестностяхъ здѣшней столицы,—спокойно отвѣчалъ Калиостро.—Извлеченіе ихъ не трудно, но я времени на сіе не имѣю нисколько. Долженъ я цѣлить души и тѣла страждущихъ, а не жадности мірозанутанныхъ простаковъ потворствовать. Тѣмъ болѣе, что сія жадность—ничѣмъ не утолимая и не насытимая бездна. Но дабы слова мои не почитались одною хвастливостью безъ соотвѣтственныхъ дѣлъ, готовъ я произвести доказательный опытъ, достаточный, чтобы власть моя надъ благородными металлами совершенно оказалась.

— Прекрасно, господинъ Калиостро!—торжествуя, что поймалъ магика на словѣ, сказалъ полковникъ Бауеръ, переглянувшись съ домашнимъ врачомъ.—Оставимъ и клады. Не будемъ излекать сокровищъ, намъ не принадлежащихъ. Но вы говорите, что взоръ вашъ во всѣ тѣ мѣста проникаетъ, гдѣ благородный металлъ хранится?

— Говорю,—отвѣчалъ магикъ.

— Такъ укажите намъ, гдѣ находится серебряная его свѣтлости посуда, не особенно давно похищенная и, несмотря на всѣ старанія даже искуснѣйшихъ сыщиковъ, тако до сего дня и не найденная.

XXXV.

Магическое духопризваніе.

— Отлично придумано!—сказалъ Потемкинъ, одобрительно кивая Бауеру и потирая руки отъ удовольствія.—Пусть отыщетъ мою посуду, и довольно для оказательства его искусства. Задача для того, кто въ нѣдра земли и въ глубь морей взоромъ принимаетъ, казалось бы, и не хитрая. Однако самъ господинъ Шешков-

скій не могъ ту пропажу найти. И въ Москвѣ у Архарова справлялись. А онъ все знаетъ. Нѣтъ и нѣтъ! Искали у генерала Зорича въ Шкловѣ! Искали въ Вильнѣ! Точно сквозь землю провалилось. Отыщите намъ сію пропажу, господинъ Калиостро, и мы большаго отъ васъ не потребуемъ.

Казалось, Калиостро былъ въ сильномъ смущеніи. Онъ не отвѣчалъ ни слова и отворачивался съ неудовольствіемъ. Полковникъ Бауеръ толкнулъ локтемъ домашняго доктора.

— Что же, господинъ Калиостро? Мы ждемъ вашего отвѣта,— уже выражая нетерпѣніе, сказалъ Потемкинъ.

— Мнѣ такого рода предложеніе сдѣлано, которое ниже моего достоинства,—сказалъ наконецъ Калиостро.

— Почему?—возразилъ Потемкинъ.

— Отыскивать краденое и просто народные колдуны умѣютъ. И ужели ваша свѣтлость желаютъ, чтобы потомъ сказали: съ ними былъ тотъ, кому открыты высшія тайны мудрости; но они не пожелали испить отъ чистѣйшаго источника истины,—они его краденое серебро искать заставляли!

— Э, господинъ Калиостро, вы ужъ отъ испытанія уклоняетесь!—сказалъ Потемкинъ.—Что потомъ будутъ говорить, то никакъ меня затронуть не можетъ. Или отыщите намъ серебро, или спать пойдемъ.

— Хорошо. Я согласенъ,—сказалъ Калиостро.—Какъ ни ничтожно то, что отъ меня требуютъ, я исполню. Но съ такимъ условіемъ, чтобы третья часть стоимости найденнаго была обращена на дѣла благотворенія.

— Согласенъ и я,—подтвердилъ Потемкинъ.

Калиостро съ важностью подошелъ къ Иммануилу и погладилъ ребенка по головкѣ.

— Дитя,—сказалъ онъ:—и ты будешь со временемъ великій человекъ! Поди, любезный ребенокъ, ты увидишь нужныя намъ вещи.

Съ этими словами Калиостро зажегъ на столикѣ, гдѣ стояла кристальная сфера, двѣ свѣчи и, поставивъ предъ сферою Иммануила, положилъ еще предъ нимъ на столѣ листъ бумаги. Затѣмъ заставилъ столъ и ребенка ширмами.

Окончивъ сія приготовленія, магикъ начертилъ мечомъ кругъ и поставилъ въ немъ всѣхъ присутствовавшихъ.

— Покорнѣйше прошу вашу свѣтлость, и васъ, княгина, и васъ, князь, и васъ, и васъ, принять то въ расчетъ, чтобы во время магическихъ дѣйствій изъ сего круга, мною начертаннаго, никомъ образомъ не отлучаться и защитной черты, что бы ни являлось, не переступать,—сказалъ магикъ.—Въ противномъ случаѣ могутъ приключиться всѣмъ намъ великія несчастія. Ибо при всякомъ духопризваніи по повелѣнію добраго начала злые духи

бываютъ въ смяненіи и вокругъ заклинателя нарочито вьются, желая ему и прочимъ, кто присутствуетъ, вредить. Черезъ магическій кругъ бываютъ они связаны и лишаются своего дѣйствія. Такъ же прошу сохранять полнѣйшую тишину.

— Ахъ, у меня ноги похолодѣли отъ страха! — прошептала «Улыбочка» и обезсиленная оперлась на руку дяди.

Но Ковалинская не выражала никакого волненія, и черные глаза ея слѣдили за всѣми дѣйствіями магика, сохраняя мрачное, оскорбленное выраженіе.

Калиостро началъ заклинанія, произнося непонятныя для присутствовавшихъ слова:

— Ehie! Ehie! Evoah! Tetragrammaton! El Jah! Schaddai Elohim Helion! Gibor! El Gilbora! Ararita! Nakom! Agla!

При этомъ онъ выпадалъ мечомъ, сильно притопывая, и чертилъ знаки въ воздухѣ.

Высокая тиара магика и волнующаяся мантия его вмѣстѣ съ движеніями рукъ и меча образовали странную рогатую тѣнь на стѣнѣ, метавшуюся вмѣстѣ съ нимъ. Лунный свѣтъ голубыми эманациями наполнялъ покой. Въ окна видны были спящіе парки, купы деревъ, аллеи, куртины, лужайки съ бѣлѣвшими статуями, тихія воды прудовъ и каналовъ. Все настраивало воображеніе на чудесное. Между тѣмъ магикъ зажегъ маленькую свѣчку и на пламя ея бросилъ щепотку порошку. Произошелъ легкій взрывъ, и образовалось облако ароматическаго дыма. Магикъ взмахнулъ мечомъ и быстро обошелъ стоявшихъ въ кругу. И дымъ волнистыми струями шелъ за нимъ, распространяясь и принимая странныя формы. Въ самомъ дѣлѣ казалось, что то покорные магику духи вьются, не смѣя проникнуть за начертанный имъ кругъ. Въ то же время у всѣхъ въ ушахъ отъ прилива, можетъ быть, крови, вызваннаго волненіемъ, зазвенѣла странная гармонія, безконечно тянущаяся и перезванивающая около одной какой-то основной ноты. Сладкая какая-то боль и неизъяснимый восторгъ желанія наполнили ихъ сердца. Они были уже во власти магика.

Калиостро теперь сталъ передъ ними и, воздвигая крестообразную съ кристальной призмой рукоятку меча, преклонялъ золотого змѣя высокой тиары своей на четыре страны свѣта. Затѣмъ громко воззвалъ:

— Именемъ моего мастера и учителя Великаго Кофты повелѣваю я тебѣ, избранное въ духовидцы дитя, открыть чистое сердце и невинныя очи и смотрѣть на то, что предъ тобою и сказать намъ все, что является тебѣ! Скажи, дитя, смотришь ли?

— Смотрю,—раздался тоненькій дрожащій голосокъ ребенка за ширмами.

— Видишь ли, дитя?

— Вижу.

- Что же ты видишь?
 — Человѣка.
 — Въ какомъ онъ платьѣ?
 — Въ голубомъ, съ серебряными галунами.
 — Что онъ дѣлаеть?
 — Онъ прячетъ въ узелъ блюда, тарелки, вазы, кубки, много, много, и все серебряные.
 — Что потомъ?
 — Онъ поднялъ узелъ на плечи и понесъ.
 — Куда?
 — Въ лѣсъ по узкой тропинкѣ.
 — Что онъ тамъ дѣлаеть?
 — Я не вижу за деревьями.
 — Именемъ моего мастера и учителя, Великаго Кофты, повелѣваю я тебѣ, избранное въ духовидцы дитя, заставить служащихъ великому учителю свѣтлыхъ духовъ показать тебѣ лѣсъ и мѣсто, гдѣ скрыто хищникомъ похищенное.
 — Ай! ай!—послышался испуганный крикъ Иммануила.
 — Что ты видишь, дитя?
 — Духъ явился.
 — Какой онъ?
 — Я вижу кудряваго мальчика на голубомъ облачкѣ.
 — Поцѣлуй его.
 За ширмами прозвучалъ поцѣлуй, и другой, какъ бы отвѣтный.
 — Подай руку мальчику и пусть онъ ведетъ тебя.
 — Я подалъ. Мальчикъ ведетъ меня.
 — Что ты видишь?
 — Деревья. Деревья. Озеро. На немъ лебеди. Опять деревья. Широкая дорога. Высокая башня. Ай! Ай!
 — Что такое? Не бойся, дитя! Скажи, что ты видишь?
 — Я вижу, какъ съ вершины башни по наружной лѣстницѣ спускается бѣлая, бѣлая, крылатая, вся свѣтится, длинные волосы, надъ головой звѣзда. Она беретъ курчаваго мальчика. Она цѣлуетъ его и меня.
 Опять поцѣлуи раздались за таинственной ширмой.
 — Ай! Ай! Она взяла меня за руку. Ай, какъ холодно! Она ведетъ меня! Она ведетъ меня!
 — Куда, дитя?
 — Въ пещеру.
 — Въ ней свѣтло?
 — Ай, нѣтъ! Темно, какъ въ самую темную ночь.
 — Гдѣ ты теперь?
 — Я стою у входа.
 — Что дѣлаеть крылатая съ мальчикомъ?
 — Она спускается по ступенямъ въ пещеру. Отъ нея въ пещерѣ стало свѣтло, свѣтло.

- Что еще видишь?
- Она стала на одной изъ плитъ пола.
- Сочти, въ которомъ ряду?
- Въ пятомъ.
- Скажи, съ которой стороны?
- Съ правой.
- Скажи, на которой плитѣ стоитъ въ ряду отъ правой стороны?
- Три, четыре, пять, шесть... Она стоитъ на седьмой.
- Что видишь теперь?
- Она пропала. Но въ пещерѣ свѣтло.
- Сойди въ нее.
- Я сошелъ.
- Стань на то мѣсто, гдѣ она стояла.
- Я сталъ.
- Топни ногой.

Звукъ, какъ будто ударили по звонкой, покрытой пустотѣ раздался за ширмами.

- Что видишь?
- Плита стала прозрачной, какъ стекло. Я вижу подъ нею серебряные кубки, тарелки, вазы...
- Хорошо, дитя. Довольно. Дуны!
- Я дунулъ. Все теперь. Нѣтъ больше ничего.
- *Et consumatum est!* Господа, можете безопасно выйти теперь изъ круга. Мы узнали все, что намъ было нужно знать.

Говоря это, магикъ отодвинулъ ширму. Дитя стояло у столика и казалось совершенно измученнымъ и блѣднымъ. Крупныя капли пота текли со лба Иммануила. Бормоча заклинанія, магикъ взялъ листъ бумаги, лежавшій на столикѣ передъ ребенкомъ, сжегъ его на свѣчкѣ и оставшимся пепломъ натеръ вспотѣвшее лицо ребенка, такъ что онъ сталъ черенъ, какъ маленькій трубочистъ.

— Возьмите дитя!—приказалъ магикъ.—Омойте его въ теплой водѣ. Дайте выпить немного вина, скушать яйцо и бѣлаго хлѣба и уложите въ постель.

Ковалинская поспѣшила распорядиться отправить мальчика съ этимъ наставленіемъ въ дѣвичью.

— Ваша посуда, князь, находится недалеко,—обратился Калиостро къ Потемкину.—Воръ спряталъ ее въ гротъ около той башни, которую мы отсюда можемъ видѣть. Я тамъ не былъ и не знаю, есть ли такой гротъ?

— Есть, подлинно есть,—подтвердили въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе, совершенно пораженные магическимъ сеансомъ.

— Итакъ, вещи спрятаны тамъ, подъ седьмою плитой въ пятомъ ряду, считая отъ правой стороны. Воръ былъ одѣтъ въ голубое съ серебряными галунами...

— Да, это ливрея моихъ слугъ,—сказалъ Потемкинъ.

— Если такъ, то вещи кто-либо изъ слугъ и похитилъ. Итакъ, теперь стоитъ лишь пойти въ гротъ, поднять плиту и взять вещи.

— Разумѣется. Идемъ немедленно. Эго весьма занятно становится!—оживленно сказалъ Потемкинъ.—Полковникъ,—обратился свѣтлѣйшій къ адъютанту,—прикажите дворецкому, чтобы изготавилъ достаточное число слугъ съ фонарями и разставилъ ихъ по пути отсюда до того грота. И сейчасъ пойдѣмъ провѣрить правду словъ графа Калиостро!

— Повремените немного, князь!—остановилъ Калиостро.—Итти къ мѣсту нахождения вещей могутъ лишь тѣ лица, которыя присутствіемъ во время магическихъ чарованій въ единую цѣпь соединены. Посторонніе не допустимы, какъ не охраненные магіей духопризванія. Ихъ появленіе встревожитъ темныхъ обитателей стихій, начнутся явленія сихъ «корокъ», или «скорлупъ», или духовидныхъ пузырей, и мы можемъ безъ всякаго успѣха со всѣми вашими слугами до зари проблуждать въ паркахъ и не найти ни нужнаго мѣста, ни другъ друга. При томъ же опасность немалая, ежели призраки, показывая обманчивые виды, увлекутъ васъ и столкнутъ въ озеро. Къ тому же, хотя луна сейчасъ зайдетъ за вершины, положенные мною днемъ магическіе знаки намъ путеуказателями будутъ.

И Калиостро указалъ на окна, выходившія въ паркъ. Всѣ съ изумленіемъ замѣтили, что въ разныхъ мѣстахъ на перекресткахъ аллей тускло, дымящимся желтоватымъ свѣтомъ обозначились теперь таинственные звачки. Это придадо волшебный и адскій какой-то характеръ спящимъ паркамъ.

— Ну, идемте такъ, безъ фонарей и слугъ!—согласился свѣтлѣйшій.—Очень я любопытенъ провѣрить всю эту исторію. А вы, душа сердца моего, дражайшая Улыбочка, кажется, очень испуганы?

— Ахъ, я вся похолодѣла! Я едва держусь на ногахъ!..

— Ахъ, такъ не уклониться ли вамъ къ покою!—искательно сказалъ Потемкинъ, въ то же время невольно остановивъ горячій взглядъ на улыбающемся, спокойно прекрасномъ лицѣ маркизы Тифереть.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я пойду съ вами!—перехватывая этотъ взглядъ, вскричала Голицына и повисла на рукѣ дяди. Голубыя очи ея позеленѣли, какъ морская глубь.

— Еще одно мгновеніе,—остановилъ всѣхъ Калиостро.—Я долженъ предупредить васъ, князь, что хотя вещи, у васъ похищенные, несомнѣнно, лежатъ тамъ, гдѣ увидѣлъ ихъ Иммануиль, но взять ихъ будетъ не такъ легко, какъ кажется.

— Это еще что такое? Кажется, онъ увиливать начинаетъ!—по-русски недовольно сказалъ Потемкинъ.

— Похоже на то,—отозвался Бауеръ.

— Я долженъ предупредить васъ, князь,—невозмутимо продолжалъ магикъ:—что вещи находятся подъ покровительствомъ крылатаго духа съ младенцемъ на рукахъ, который и показалъ ихъ Иммануилу. Но это тотъ самый мстительный призракъ, отъ опаснѣйшаго приникновенія коего я васъ сегодня избавилъ. Призракъ сей, будучи астральнымъ тѣломъ самоубійцы, уже губы свои къ каротидѣ вашей подъ щекою приложилъ въ обычномъ кровоточащемъ, черной мушкой вами закрываемомъ мѣстѣ, и, пользуясь безопасностью вашей, въ немного мгновений сія воздушная піявица всю кровь сердца вашего выпила бы!

— Что онъ говоритъ? Что это такое! Онъ уклоняется и выдумалъ для того сію нелѣпость! За кого онъ насъ принимаетъ! Что за шарлатанъ! — поднялись восклицанія князя Голицына, Бауера и домашняго доктора, возмущенныхъ наглымъ враньемъ Калиостро.

Все впечатлѣніе сеанса было испорчено. Никто не вѣрилъ болѣе Калиостро. Взявшая было его руку Ковалинская отстранилась отъ него.

— Въ самомъ дѣлѣ, плететь нѣчто нескладное!—сказалъ Потемкинъ. Однако онъ ускоренно дышалъ, видимо, былъ блѣденъ и волновался.—Положимъ, на шеѣ у меня есть кровоточащее мѣсто, но это отъ частыхъ тамъ бритвенныхъ порѣзовъ.

— Мое дѣло только предупредить васъ, князь. Послѣдующее покажетъ, правду ли я говорю теперь,—невозмутимо продолжалъ Калиостро.—Я говорю и повторяю, что предстоитъ еще борьба съ призракомъ, хранящимъ вещи. Борьба эта весьма опасна. И, кромѣ того, если только я моими заклинаніями не удержу кладъ, онъ можетъ уйти на семьдесятъ семь саженъ въ глубь земли.

Полковникъ Бауеръ, князь Голицынъ и домашній докторъ покатались со смѣху при послѣдней безстыдной выходкѣ наглаго шарлатана.

Но Потемкинъ выразилъ величавое спокойствіе въ вельможныхъ чертахъ своихъ.

— Я прошу васъ, Калиостро,—сказалъ онъ по-французски:—я вамъ прямо приказываю: ведите насъ и достаньте похищенное, чего бы это ни стоило. Я хочу знать истину.

Калиостро поклонился.

— Прошу васъ, господа, приготовиться къ шествію,—возгласилъ онъ:—прошу отложить смѣхъ и шуточки. Впрочемъ, все сіе скоро само собой прекратится,—зловѣще прибавилъ магикъ.—Составьте цѣпь. Вотъ такъ!

Говоря это, магикъ подаль холодную, какъ ледъ, руку Ковалинской, которая и положила въ нее свою горячую лѣвую ручку. Въ свою очередь, она подала правую Потемкину, тотъ — «Улыбочкѣ», княгиня — домашнему доктору;этотъ — князю Голицыну; Голицынъ —

Бауеру; Бауеръ—маркизъ Тифереть. Такимъ образомъ супруги Калиостро были разлучены цѣпью изъ шести лицъ и составляли начало и конецъ всего магическаго котильона.

Опираясь на мечъ, Калиостро двинулся впередъ, медленнымъ, мѣрнымъ шагомъ, въ высокой тиарѣ и въ мантии являясь фантастической фигурой маскарада.

— Прошу сообразовать шагъ съ моимъ и ни въ коемъ случаѣ не разъединять цѣпь. За тѣхъ, кто отдѣлится и останется сзади, я не отвѣчаю.

XXXVI.

Въ лѣсахъ Аорна.

Убѣжденные теперь въ наглость шарлатанствѣ Калиостро, всѣ послѣдовали за нимъ именно въ томъ настроеніи, въ какомъ ведутъ забавный хороводъ въ танцахъ маскарада. Обмѣниваясь многозначительными взглядами и улыбками, они медленно проходили по анфиладѣ покоевъ княжеской «дачи» и черезъ террасу спустились въ парк. Но тутъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ ночной тишины и сумрака, настроеніе скоро измѣнилось. Надо замѣтить, что парк «Озерковъ» даже и днемъ способны были на самаго беззаботнаго человѣка навѣять гнетущую тоску. Лѣтнее мѣстопробываніе Потемкина потому получило наименованіе «Озерки», что въ дремучихъ лѣсахъ, превращенныхъ въ англійскіе парк, среди которыхъ терялись обширныя постройки «дачи», было два озера; одно изъ нихъ, по прованію «Глухое»—верста длиною, а дна, по увѣренію мѣстныхъ крестьянъ, мрачныя, черныя, желѣзистыя воды его совсѣмъ не имѣли... Эти озера были соединены извилистыми каналами съ выкопанными въ разныхъ мѣстахъ прудами, но во всѣхъ была та же черная вода. Иностранецъ-садовникъ, разбивая сады и парк «Озерковъ», задался къ тому же идеей, можетъ быть, и грандіозной, но чрезвычайно мрачной: воспроизвести въ натурѣ нѣчто подобное описаннымъ въ «Энеидѣ» Виргилія обиталищамъ тѣней. Такъ какъ эта странная затѣя понравилась Потемкину, то на осуществленіе ея не пожалѣли средствъ.

Вокругъ чернаго «Глухого» озера, замѣчательнаго еще тѣмъ, что на немъ имѣлись плавучіе острова, смотря по господствующему вѣтру пристававшіе къ той или иной сторонѣ, а при безвѣтріи стоявшіе посрединѣ черной глади водъ,—такъ вокругъ «Глухого» въ мрачныхъ рощахъ, преимущественно хвойныхъ породъ, хаосъ циклопическихъ развалинъ, колоннадъ, скалистыхъ проходовъ изображалъ дикій Аорнъ. Четырьмя водопадами низвергались въ озеро адскія рѣки: Флегетонъ, Коцитъ, Стиксъ и Ахеронъ. Съ высокимъ художественнымъ совершенствомъ садовникъ-артистъ придалъ этой части парковъ удручающую душу

безнадежность, такъ черны были воды, ихъ извивы, такъ дики обрывы береговъ, такое мрачное великолѣпіе производили каменные глыбы, валуны, кривыя, желтостволья сосны и недвижныя ели, лиственницы, мачтовыя пихты. *Loca poste tacentia late*¹⁾! Тутъ росъ и мшистый, грандіозный вязъ, простиравшій на нѣсколько сажень вокругъ узловатыя вѣтви—обиталище обманчивыхъ сновъ. Кругомъ стояла соотвѣтственная мрачная мраморная группа монстровъ, на пьедесталѣ которой можно было прочесть стихи *Виргилія*:

*Pollentesque habitant Morbi, tristisque Senectus,
Et Metus, et malesuada Fames, ac turpis Egestas,
Terribiles visu formae...*²⁾

Въ сторонѣ простиралось широкое поле слезъ, обсаженное серебристыми ивами и плакучими березами, вѣтви которыхъ свисали до земли, съ насѣянными высокими травами. Статуи прекрасной Федры, пожираемой бесплодной любовной страстью и несчастной Дидоны, тоскующей по Энею, стояли среди печальной пустыни. Правда, вокругъ мрачнаго Аорна насажены были и «*locos laetos*», «*amoena vireta*», «*fortunatorum nemorum*», «*sedesque beatas*»—улыбающіяся мѣстечки, зеленые лужки, перелѣски счастливцевъ, пребываніе блаженныхъ, гдѣ цѣлыя рощи розъ, жасминовъ, портьеры цвѣтовъ, самыя прелестныя деревья искупали мрачность остальныхъ насажденій. Но истуканы героевъ: Ромула, Цезаря, Гектора, Алкида и др., придавали даже и этой части парка классическую суровость. Парки кончались двумя аллегорическими воротами: *geminae Somni portae*. Одни—врата правдивыхъ сновъ, другія—врата сновъ живыхъ, высылаемыхъ адомъ. Барельефы воротъ были весьма выразительны, но проходить подъ ними и днемъ было какъ-то жутко.

А теперь всюду въ паркахъ царило молчаніе, лежали тѣни, густѣлъ сумракъ, тишина и тайна окутала ихъ, придавая жизненность мрачнымъ идеямъ художника, оживляя всю адскую поэзію, вложенную имъ въ свое созданіе. Естественно, что настроеніе участниковъ магической цѣпи, шагъ за шагомъ подвигавшихся въ глубь парковъ за своимъ путеводителемъ, совершенно измѣнилось. Положенные магикомъ на перекресткѣ аллеи знаки дымилась желтоватыми фосфорическими испареніями и увеличивали жуткую таинственность картины. Эти свѣтящіяся испаренія казались духами, которые слетѣлись и вьются между молчаливыми недвижными хвойными колоссами. Рои ночной моли слетались туда и вились, тщетно отыскивая приманившій ихъ источникъ маги-

¹⁾ Мѣстопребываніе молчаливой ночи.

²⁾ Тутъ обитаютъ и блѣдныя болѣзни, и печальная старость, и страхъ, и злой совѣтникъ голодь, и гнусная бѣдность, образы ужасающаго вида...

ческаго свѣта. Между тѣмъ луна зашла за вершины парковъ. Стало еще темнѣй, еще мрачнѣй въ просѣкахъ, въ ущельяхъ, подъ переплетомъ старыхъ деревьевъ, на узкихъ дорожкахъ. Еще чернѣе казалась вода въ змѣистыхъ каналахъ, подъ мостиками, украшенными сфинксами, грифонами, гарпіями и другими чудовищами. Калиостро углубился въ лабиринтъ садовъ. Деревья задвинули зданія, и только кое-гдѣ между ними сверкали огни въ окнахъ длиннаго строенія. И оттого еще глуше, еще мрачнѣе все становилось вокругъ. Спутники Калиостро не узнавали мѣстности, измѣненной мракомъ ночи. Имъ казалось, что они блуждаютъ безъ толку и цѣли.

Вдругъ странная мелодія разлилась вокругъ. Точно волшебная гармоника сферъ небесныхъ ласкала ихъ слухъ. Въ то же время между деревьями стали являться туманные образы. То на полянкѣ выросталъ вровень съ лѣсомъ темный великанъ; то быстро проносился олень, на вѣтвистыхъ рогахъ котораго вились синіе огоньки, то клубы змѣй вились въ кустахъ и зеленоватымъ свѣтомъ тепшили ихъ глаза, то еще что-то чудилось, на что и смотрѣть было страшно... Магикъ сказалъ правду. Теперь шуточки замерли на устахъ. Насмѣшливыя пожиманія другъ другу рукъ и покиванія на рогатую тиару Калиостро прекратились сами собой. Теперь они крѣпко, то горячими и дрожащими, то холодными и облитыми потомъ закрадывающагося въ душу страха руками держали руки сосѣдей, и всѣ, какъ слѣпцы за поводыремъ, шли за невозмутимымъ Калиостро.

— Куда онъ ведетъ насъ, однако? Вѣдь онъ не знаетъ расположенія парковъ? Какъ онъ найдетъ башню и гротъ?—послышались переговоры шопотомъ.

— Прошу соблюдать безмолвіе!—сказалъ Калиостро.

Всѣ затихли. Вдругъ что-то зафыркало въ лѣсу и затѣмъ адскій хохотъ прокатился надъ самыми ихъ головами. Въ то же время тысячи разноцвѣтныхъ искръ заплясали въ мракѣ между деревьевъ.

— Впередъ!—закричалъ Калиостро.—Не оборачиваться, если не хотите погибнуть! Крѣпко держаться за руки! Стихійные духи взволнованы вашими переговорами! Страшная опасность! Впередъ, именемъ Великаго Кофты!

И Калиостро почти побѣжалъ прямой аллеей, которую нависшія вѣтви превратили въ темный ходъ, гдѣ едва видно было другъ друга. Всѣ устремились за Калиостро, толкая другъ друга, спотыкаясь, объятые стихійнымъ страхомъ.

Въ этомъ состояніи видѣли они вокругъ себя, надъ собою и подъ ногами тысячи фантомовъ, созданныхъ ихъ воображеніемъ.

— Стойте! Стойте!—вдругъ закричалъ князь Голицынъ.—Полковникъ Бауреръ оторвался!

— Впередь!—крикнулъ свирѣпо Калиостро. — Не останавливаться! Не оглядываться! Не то мы всё погибнемъ!

Опять начался бѣгъ въ молчаніи и ужасѣ. Только топотъ ногъ отдавался звучно.

— А-ай!—вдругъ крикнулъ кто-то сзади потрясающимъ душу голосомъ.

Но остальнымъ было дѣло только до себя. Въ слѣпомъ страхѣ они цѣплялись другъ за друга и такъ вдругъ выбѣжали изъ-подъ древеснаго свода глухой аллеи. Предъ ними высилась трехъ-этажная башня. Калиостро внезапно остановился. Бѣжавшіе на-сунулись другъ на друга и едва не свалили самого магика. Но онъ уперся въ землю мечомъ и принялъ въ объятія трепещущую и задыхавшуюся Ковалинскую. Потемкинъ подхватилъ теврявшую чувства отъ страха «Улыбочку».

— Мы въ безопасности!—сказалъ магикъ. Успокойтесь!

Тутъ сознаніе къ нимъ воротилось.

Они оглядывались, ощупывались.

— Ахъ, я умираю отъ страха и усталости!—простонала «Улыбочка» въ объятіяхъ Потемкина.—Но гдѣ же князь? Гдѣ мужъ?

— И гдѣ Бауеръ съ маркизой?

— И докторъ!?

— Они отстали!—Они погибли!—Ихъ растерзали духи!...

Тутъ раздался топотъ бѣгущаго и гяжкое сопѣнье, и вдругъ къ башнѣ изъ тьмы выскочилъ докторъ. Онъ былъ растерзанъ, блѣденъ, какъ полотно, съ вытаращенными глазами, потерялъ парикъ, а собственные волосы его сѣдыми клоками встали вокругъ яйцевидной плѣши. Щелкая зубами отъ страха, подскочилъ онъ къ Калиостро, рухнулъ на колѣни, уцѣпился руками за ноги магика и такъ замеръ.

XXXVII.

Искомое найдено.

— Успокойтесь, несчастный мірозпутанный слѣпецъ! Вы въ полной безопасности!—сказалъ благостно Калиостро и осѣнилъ колѣнопреклоненнаго врага своего благословляющими дланями.— Встаньте!

— Божественный Калиостро!—возопилъ рыдающимъ голосомъ докторъ,—не встану, до тѣхъ поръ не встану, пока не получу прощенія!

— Сынъ мой, я прощаю тебя! Но если раскаяніе твое вызвано единственно только страхомъ, то далекъ ты еще отъ прозрѣнія,—сказалъ Калиостро великодушно.

— Я убѣдился въ сверхъестественныхъ силахъ вашихъ, графъ. Я глубоко раскаиваюсь и прошу при всѣхъ сихъ лицахъ у васъ прощенія!—повторялъ докторъ.—О, что я видѣлъ, что я видѣлъ!

— Я уже сказалъ, что вы прощены. Не помнитъ зла есть первое основаніе мудрости.

Докторъ поднялся.

— А теперь поспѣшите, не то всё они погибнутъ!—вскричалъ онъ. Великій провидецъ, спасите ихъ!

— Кого?

— Тѣхъ, которые отстали! Князя, вашу супругу, несчастнаго полковника Бауера! Я слышалъ ихъ ужасающіе вопли!

— Ахъ, я умираю отъ ужасовъ сей ночи!—простонала «Улыбочка», прижимаясь къ мощной груди вельможнаго дяди.—Бѣдный князь, бѣдный мужъ! Что съ нимъ случилось? Боже мой! Боже мой!

— Божественный!—припадая, въ свою очередь, къ Калиостро, молила Ковалинская.—Божественный, спасите заблудившихся!

— Указывать истинный путь блуждающимъ, выводить къ свѣту погрузившихся во тьму мое есть призваніе,—отвѣчалъ Калиостро.—Но успокойтесь. Отставшіе не погибли. Съ ними жрица Великаго Кофты. Каждый шагъ ея охраненъ служащими мнѣ благими духами. Полковникъ Бауеръ и князь Голицинъ не пострададутъ нисколько. Они наказаны единственно только страхомъ за недовѣріе къ очевидности.

— Въ присутствіи всѣхъ сихъ особъ я долженъ заявить, что именно полковникъ Бауеръ вселялъ въ меня недовѣріе къ сверхъестественнымъ силамъ вашимъ, герметическій графъ!—лепеталъ докторъ, въ волненіи сочиняя совсѣмъ новый титулъ Калиостро. Но я постигъ свою слѣпоту и прошу васъ принять меня въ число учениковъ вашихъ! Нынѣ сознано мною ничтожество профанской медицины!

— Порывъ вашъ къ добру направленъ. Но прежде, чѣмъ я приму васъ въ число учениковъ, должны вы еще пройти нѣкоторыя испытанія и совершить очистительные обряды, твердость, искренность намѣреній вашихъ должна быть испытана. Довольно о семъ, однако. Мы у цѣли нашей, князь. Все благопріятствуетъ предпріятію. Тишина и спокойствіе кругомъ распространились. Тихое сіяніе звѣздъ достаточный даетъ свѣтъ. Идемте.

«Герметическій» графъ подаль руку Ковалинской, Потемкинъ поддерживалъ ослабѣвшую «Улыбочку». Шестіе замыкалъ растрепанный докторъ, отрешійся отъ «профанской медицины». Они обошли башню и направились по узкой дорожкѣ къ темнѣвшему въ концѣ ея входу уединеннаго грота. Онъ сложенъ былъ пирамидой изъ огромныхъ песчаниковыхъ плитъ. Кругомъ росли огромныя, мрачныя деревья. Мѣсто было глухое, сырое. Плиты грота поросли мхами, и даже въ щели набилась земля, принялись сѣмена различныхъ травъ и тонкіе побѣги кустиковъ.

— Здѣсь находится искомое нами мѣсто!—сказалъ Калиостро, указывая на гротъ.—Прошу сохранять полное спокойствіе. Я уже

предупреждалъ, что гротъ охраняетъ нѣкій призракъ. Возможно его видѣніе. Однако, коснуться насъ призракъ не можетъ.

Калиостро очертилъ кругъ мечомъ и поставилъ въ него трепещущихъ дамъ и щелкавшего зубами отъ страха доктора. Потемкинъ одинъ сохранялъ угрюмое спокойствіе. Помахавъ мечомъ, магикъ прочелъ заклинанія и вдругъ, вынувъ изъ-подъ мантии маленькій фонарикъ, поднялъ его надъ головой. Яркій свѣтъ загорѣлся въ фонарикѣ, хотя въ немъ не замѣтно было ни фитиля, ни свѣчи, да и свѣтъ не походилъ на обыкновенный—чистый, голубоватый. Калиостро направилъ свѣтъ фонаря во внутренность мрачнаго грота. Освѣтились ступени, каменный полъ, сырая, заплащеневѣлыя стѣны и своды грота. Онъ былъ совершенно пустъ и ничего сверхъестественнаго въ немъ не замѣчалось. Калиостро вступилъ въ гротъ, поставилъ фонарь на порогѣ его, а самъ спустился по ступенямъ внутрь. Рогатая тѣнь его падала на стѣну грота и загибалась на своды. Стоявшимъ снаружи все было отлично видно. Начертивъ мечомъ на полу различные знаки, магикъ долго то воздѣлывалъ руки, то склонялъ тиару и какъ бы молился. Затѣмъ, отсчитавъ въ пятомъ ряду пола седьмую плиту, онъ топнулъ по ней ногой. Звучный отголосокъ обнаружилъ бывшую подъ нею пустоту.

— Здѣсь искомое нами!—торжественно сказалъ магикъ.—Прошу васъ, князь, сойти сюда и убѣдиться, и вы, сударины! И вы, прозрѣвающій слѣпецъ! Сойдите всѣ сюда. Не опасайтесь. Призракъ подчинился моимъ заклинаніямъ, и никакихъ сверхъестественныхъ явленій не будетъ.

Дамы, несмотря на страхъ, томимыя любопытствомъ и желаніемъ удостовѣриться самолично въ чудесной прозорливости «герметическаго графа», сошли въ гротъ, поддерживаемые Потемкинымъ и растрепаннымъ докторомъ.

Тогда Калиостро запустилъ широкое лезвіе меча въ щель между плитами и, дѣйствуя, какъ рычагомъ, нажалъ; плита вскрылась и отошла, открывъ подъ собою глубокую яму, тщательно обложенную досками. Магикъ освѣтилъ сей тайникъ своей волшебной лампой. Тѣ увидѣли тамъ груды серебряной посуды, вазы, кубки, тарелки, чаши.

— Ваше ли это серебро, князь?—спросилъ Калиостро.

— Мое,—отвѣчалъ пораженный Потемкинъ.

Калиостро приподнялъ плиту и положилъ ее на прежнее мѣсто.

— Я попрошу васъ, князь, остаться здѣсь на малое время съ княгиней и симъ прозрѣвающимъ,—сказалъ онъ затѣмъ, выходя съ ними изъ грота и пряча лампочку, мгновенно потухшую въ его рукѣ. Я же съ госпожей Ковалинской пойду и позову людей для переноски найденныхъ вещей.

— Не лучше ли вамъ, графъ, одному остаться сторожить, а мы бы домой пошли и вамъ въ помощь прислали людей!—сказалъ Потемкинъ.

— Это невозможно. Найденное серебро хотя и охранено теперь начертаннымъ мною надъ нимъ пентаклемъ, однако еще можетъ уйти на семьдесятъ семь сажень въ земную глубь противодѣйствиємъ враговъ моихъ, злыхъ камагиковъ, ежели призракъ, стрегущій сіи мѣста, возвратится. Тогда, поднявъ плиту, вы подъ нею ничего не найдете. И могутъ быть на меня нареканія, яко бы серебро мною похищено или только тѣнь его показана была, лишенная существенности.

— Ну, мы оставимъ при васъ доктора въ свидѣтеляхъ,—сказалъ Потемкинъ.

— Докторъ, какъ предавшійся нынѣ моимъ наставленіямъ, въ сообществѣ можетъ быть заподозрѣнъ! Нѣтъ, князь. Вы—собственникъ сего серебра. Поэтому я и прошу васъ посторожить.

— Но прилично ли мнѣ, генераль-адъютанту російской самодержицы, на караулѣ у столоваго серебра, въ тайникъ воровъ спрятаннаго, находиться?—пожималъ плечами Потемкинъ.

— А прилично ли было мнѣ, посланнику Великаго Кофты, облеченному высочайшими силами, для васъ, подобно простому деревенскому знахарю, краденое серебро разыскивать, однако я не отказался. Теперь же вся моя репутація затронута. Остаться при серебрѣ не могу. Вы онаго хозяинъ. Васъ всепокорнѣйше прошу посторожить.

— Ну, быть по сему. Только поживѣе оборачивайтесь. Становится сыро. Туманъ поднялся.

«Улыбочка» сѣла на стволъ упавшаго дерева. Потемкинъ сталъ прохаживаться противъ входа грота. Калиостро подъ руку съ госпожей Ковалинской, удалились.

XXXVIII.

На стражѣ.

Глубокая тишина, пріятное сіяніе звѣздъ успокоили волненіе крови, произведенное магическимъ вечеромъ и дальнѣйшимъ путешествіемъ къ похищенному и хитро спрятанному сокровищу. Князь Потемкинъ прохаживался сначала молча. Но шла минута за минутой, а Калиостро не возвращался. Не привычный чего-либо ждать, избалованный вельможа сталъ сердиться.

Къ тому же «Улыбочка» жаловалась на крайнюю усталость и головокруженіе. Изнѣженное тѣло красавицы скоро ощутило, что гнилая колода, на которой сидѣла она, не мягкое кресло и не пуховая постель.

— Что же онъ провалился? — съ досадою сказалъ наконецъ Потемкинъ.—Долго ли кликнуть слугъ!

Князь прошелся взадъ и впередъ мимо грота.

— Да что жъ онъ въ самомъ дѣлѣ? Докторъ, посмотрите съ башни, не видно ли?

— Осмѣлюсь напомнить вашей свѣтлости, — дрожащимъ голо-сомъ возразилъ докторъ: — что эта башня... х-мъ... что на этой башнѣ... х-мъ... х-мъ... что тамъ этотъ призракъ... х-мъ... х-мъ... х-мъ...

Докторъ совсѣмъ закашлялся.

— Да что это съ вами? Я не зналъ, что вы такой трусъ! Я говорю вамъ, посмотрите съ башни!

Докторъ нерѣшительно двинулся.

— Впрочемъ, не надо. Воротитесь.

Потемкинъ опять прошелся взадъ и впередъ. Никто не шелъ. Потемкинъ сталъ не на шутку сердиться.

— Однако, чортъ... что же онъ?.. Чортъ!.. Нѣтъ, онъ просто издѣвается надо мною! Да и я хорошъ! Всѣ мы очень хороши! Исполняемъ, что прикажетъ намъ пройдоха и промышленникъ. Позволяемъ заѣзжему шарлатану водить себя за ность!

— Ахъ, дяденька, не выражайтесь такъ!—со страхомъ просила «Улыбочка».—Я трепещу этого ужаснаго человѣка. Онъ все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.

— Мы сами своей трусостью дали ему власть надъ собою. А это шарлатанъ, прямой шарлатанъ!

— Мужъ, исполненный дивными силами, знаніями!—возразилъ докторъ.

— Давно ли вы сами называли его шарлатаномъ? Что случилось съ вами такое въ паркѣ, что вы въ него, какъ въ святцы, увѣровали? Онъ шарлатанъ! Шарлатанъ! Калиостро шарлатанъ!—крикнулъ во весь голосъ, топая ногой, Потемкинъ.

«Шарлатанъ!» отвѣтило звучное эхо.

Тутъ Потемкинъ совершенно вышелъ изъ себя.

— Этотъ пройдоха всѣхъ насъ нарядилъ въ дурацкіе колпаки. На что это похоже? Ночью тащимся за этимъ шуткомъ въ балахонѣ, бѣжимъ, пугаемся. Мало того. Я, князь Потемкинъ, ближайшее довѣренное лицо къ императрицѣ, премилосердной матери моей, генераль-адъютантъ и кавалеръ, поставленъ имъ около сырого погреба на часы стеречь какое-то столовое серебро! А онъ уходитъ и пропадаетъ, это чортъ знаетъ что такое! Въ мальчишку вырядилъ, проходимецъ! Да я прикажу отодрать на конюшнѣ этого герметическаго графа! Я его въ двадцать четыре часа зашью въ кибитку и въ Целымъ отправлю! Смѣяться надо мной! Я его живого въ землю закопаю! Идемте, жизнь души моей! Я не на-мѣренъ болѣе здѣсь дожидаться проходимца!

— Но какъ же посуда?—осмѣлился спросить докторъ.

— Посуда? Вы одинъ оставайтесь сторожить ее! Вы въ ученики его записались, такъ и сторожите! Чтобы пѣла была посуда у меня! Еще этотъ пройдоха ее скрадетъ!

— Бога ради, позвольте мнѣ итти съ вами?—взмолился докторъ.

— Трусъ! Постыдный трусъ! Нѣтъ, оставайся здѣсь и сторожи!

— Осмѣлюсь доложить вашей свѣтлости...

— Отстань, болванъ!—свирѣпо гаркнулъ Потемкинъ.—Дѣлай, что приказываютъ, такой-сякой! А не то я тебя вслѣдъ за этимъ Каліостромъ въ шею выгоню.

И Потемкинъ, подхвативъ подъ руку племянницу, удалился въ совершенномъ гнѣвѣ. Скоро шаги затихли. Одинокій докторъ, дрожа столько же отъ ночной свѣжести, сколько и отъ страха, прижался къ нишѣ грота, не рѣшаясь ни войти въ его сырую и темную глубину, ни покинуть избранный уголь. Оттуда онъ съ трепещущимъ сердцемъ озирался во всѣ стороны, припоминая ужасныя видѣнія, которыя вились вокругъ него во время бѣгства по темной аллеѣ. Но кругомъ все покоилось въ безмятежномъ снѣ. Колоссальныя деревья спали. Въ просѣкахъ, на луговинахъ лежалъ сѣдой туманъ, но никакихъ признаковъ чего либо сверхъестественнаго не замѣчалось.

Докторъ мало-по-малу успокоился и отрезвился. Сообразивъ все приключившееся съ нимъ, увидѣлъ ясно, что сыгралъ весьма смѣшную роль, а между тѣмъ напуганъ былъ, очевидно, собственнымъ воображеніемъ. Утѣшеніемъ могло послужить лишь то, что и прочіе участники сего приключенія не выказали себя храбрцами. Тутъ опять пробудился скептическій духъ медика. Вновь усомнился онъ въ мудрости и силахъ Каліостро, въ котораго было подъ вліяніемъ паническаго страха совершенно увѣровалъ. Что, собственно, показалъ имъ Каліостро. Ничего ровно. Но онъ серебро нашель. Такъ вѣдь и относительно самого доктора онъ сумѣлъ разузнать, казалось бы, совершенно утаенное. Очевидно, за три мѣсяца пребыванія въ столицѣ чрезъ своихъ шпионовъ собралъ онъ нужныя свѣдѣнія и теперь морочитъ всевѣдѣніемъ! О пропажѣ серебра у Потемкина могъ онъ узнать случайно. Можетъ быть, самъ воръ ему все открылъ и вступилъ съ нимъ въ договоръ. Конечно, что-либо подобное и было. Нѣтъ никакого смысла прибѣгать къ сверхъестественнымъ объясненіямъ тамъ, гдѣ все просто и ясно можетъ быть разрѣшено вѣроятной гипотезой. Да, несомнѣнно, Каліостро шарлатанъ. Хорошо, однако, вышло, что подъ вліяніемъ страха онъ искренно напросился ему въ ученики. Дурно, что пожаловался на полковника Бауера... Но ему можно объяснить это тонкой тактикой. Теперь же можно будетъ вызнать секреты сего герметическаго графа!

Успокоивъ себя такими разсужденіями, докторъ почувствовалъ приливъ бодрости, выглянулъ изъ грота, посмотрѣлъ во все стороны въ смутныя очертанія полянъ и дорожекъ въ кустахъ и подъ сѣнью деревьевъ. Звѣздное небо тихо озаряло пространство между гротомъ и башней. Гдѣ-то пропѣли пѣтухи. Это совершенно уничтожило ночные страхи. Докторъ отдѣлился отъ входа грота и сталъ прохаживаться по дорожкѣ, ожидая прибытія слугъ. Случайно поднявъ онъ взоръ и посмотрѣлъ на верхъ башни. И окаменѣлъ отъ ужаса. Ноги его ослабѣли. Колѣни затряслись. Холодный потъ выступилъ на спинѣ.

На верхнемъ балконѣ башни стоялъ бѣлый призракъ женщины съ ребенкомъ на рукахъ... Земля закачалась подъ ногами доктора. Онъ сначала присѣлъ на корточки, словно заяцъ, насунувшійся на гончую, и такъ замеръ, не спуская глазъ съ призрака. Вдругъ бѣлая женщина издала плачевный стонъ и бросилась съ вершины башни внизъ. Совершенно потерявшій рассудокъ отъ страха докторъ самъ закричалъ дикимъ голосомъ и, прыгнувъ въ сторону, ударился бѣжать, прыгая черезъ кочки, канавы, цѣпкомъ по мокрой отъ росы густой травѣ, по кустамъ, по ржавымъ болотинамъ низинъ... Чьи-то цѣпкія лапы, руки, хоботы хватили его, били по лицу, спинѣ. Тысячи призраковъ, предводительствуемыхъ бѣлой дѣвой, съ хохотомъ, ревомъ, визгомъ и скрежетомъ гнались за нимъ. Огни вспыхивали вокругъ него и клубы удушливаго чада поднимались изъ-подъ ногъ. Ничего не помня, не сознавая, гдѣ онъ, гонимый животнымъ страхомъ, докторъ бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ, пока предъ нимъ не выросли ворота Обманчивыхъ Сновъ. Со своими фантастическими барельефами эти ворота разстроенному воображенію доктора представились истыми адскими вратами. Тутъ вдругъ мохнатый, колючій, огромный ежъ подкатился ему подъ ноги, онъ упалъ, со всего маху ударившись грудью о землю, и растянулся безъ чувствъ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ИМПЕРАТОРЪ Николай I ежегодно посѣщалъ въ теченіе зимы петербургскія учебныя заведенія. Въ кадетскихъ корпусахъ и женскихъ институтахъ онъ обязательно бывалъ каждый годъ; онъ посѣщалъ и петербургскія гимназіи, но рѣже. Въ 1850 г. онъ удостоилъ этой честью Ларинскую гимназію. Я былъ тогда ученикомъ 6-го класса этой гимназіи, и сильное впечатлѣніе отъ этого событія сохранилось у меня до сихъ поръ. Въ какой именно день пріѣхалъ къ намъ государь, не помню; но это было весною, въ теченіе Великаго поста, около двухъ часовъ дня, и совершенно неожиданно. Мы сидѣли всѣ въ классахъ, и у насъ въ 6-мъ классѣ шелъ урокъ русской литературы, которую преподавалъ Вышнеградскій, и онъ дѣлалъ намъ словесно характеристику Карамзина. Инспекторъ Серебровскій, за нѣсколько минутъ до входа императора, впопыхахъ отворивъ двери класса, сказалъ: «Государь въ гимназіи, продолжайте преподаваніе; государь сейчасъ войдетъ сюда!» и исчезъ. Дѣйствительно, не прошло 3 минутъ, какъ императоръ появился, въ сопровожденіи директора гимназіи Фишера. Громко, ласковымъ, мягкимъ голосомъ онъ поздоровался съ нами: «Здравствуйте, дѣти!» Мы радостно отвѣчали: «Здравія желаемъ вашему императорскому величеству». Затѣмъ онъ поздоровался съ учителемъ нашимъ Вышнеградскимъ, спросилъ его, чѣмъ онъ занимался

до его прихода, и приказалъ ему продолжать преподаваніе. По его приказанію, мы сѣли; Вышнеградскій сѣлъ на кафедру; государь облокотился правой рукой на кафедру, бокомъ къ учителю нашему, лицомъ къ намъ; директоръ Фишеръ сталъ около него. Съ гордостью разсказывали мы потомъ, что Вышнеградскій нисколько не растерялся и продолжалъ разсказъ о характерѣ сочиненій Карамзина спокойно и плавно. Государь между тѣмъ внимательно разсматривалъ насъ; онъ замѣтилъ на одной изъ самыхъ заднихъ скамеекъ Очкина, сына литератора Амплія Николаевича Очкина, тогдашняго издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Очкинъ былъ желтъ, какъ лимонъ, небольшого роста, совершенно больной мальчикъ, но умный, прилежный и очень симпатичный. Государь шопотомъ спросилъ директора Фишера, кто этотъ больной мальчикъ, почему онъ въ классѣ? Мы, остальные, какъ на подборъ, были здоровые, краснощекіе, неожиданное счастье видѣть государя оживляло наши лица. Я сидѣлъ на второй скамьѣ, очень близко отъ государя, и хорошо могъ разсмотрѣть его. Болѣе всего поразили меня громадный ростъ его и строгое, поразительно красивое лицо. Государь былъ въ формѣ Конногвардейскаго полка, держалъ въ рукахъ бѣлую фуражку и перчатку. Должно быть, я очень увлекся разглядываніемъ его, и радость моя очень ужъ выражалась на лицѣ моемъ, потому что, когда взоръ государя остановился наконецъ на мнѣ, онъ улыбнулся и также внимательно посмотрѣлъ на меня. Проницательный взглядъ этотъ я помню до сихъ поръ; онъ заставилъ меня опомниться и постараться сосредоточить вниманіе на томъ, что говорилъ нашъ учитель. Говорили, что государь пробылъ у насъ минутъ десять. Онъ слушалъ внимательно и наконецъ, поблагодаривъ Вышнеградскаго, обратился опять къ намъ, прошелся вдоль класса, все-таки сосредоточивая все вниманіе на насъ. Онъ ласково простился съ нами и вышелъ въ другой классъ. Дисциплина была у насъ такъ велика, что мы не смѣли бѣжать безъ позволенія за государемъ, а такъ какъ государь, повидимому, желалъ внимательно изучить гимназію, и въ остальныхъ классахъ также оставался по нѣсколько минутъ, то мы мѣшали бы ему въ осмотрѣ заведенія. Онъ пробылъ въ гимназіи около часу, остался доволенъ и сказалъ директору гимназіи: «Лица дѣтей мнѣ понравились. Я уношу пріятное впечатлѣніе о гимназіи». По крайней мѣрѣ, такъ разсказывали намъ это.

Я былъ въ Ларинской гимназіи 4 года, окончилъ въ ней курсъ; за все это время императоръ былъ въ ней одинъ разъ. Мы гордились этимъ посѣщеніемъ. Какъ ни молоды мы были, мы очень хорошо поняли смыслъ этого посѣщенія, и значеніе того, что государь такъ внимательно изучалъ насъ, а не мелькомъ обошелъ классы. Мы дорожили тѣмъ, что проницательный взглядъ императора Николая призналъ насъ благовоспитанными, умными и бла-

гонравными. Въ то время вѣдь гимназисты еще не были либералами и не знали о существованіи нигилизма. Мы дорожили тѣмъ, что государь одобрилъ нашего любимаго учителя Вышнеградскаго.

II.

Въ 1860 году я былъ офицеромъ гвардейской конной артиллеріи. По окончаніи лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ, въ концѣ августа, я отпросился въ отпускъ въ Москву, гдѣ матушка моя, Елизавета Федоровна Полевая, была тогда начальницей Николаевскаго сиротскаго института. Ее часто навѣщалъ преосвященный Леонидъ, викарный епископъ московской епархіи. Онъ сочувствовалъ педагогической дѣятельности матери моей. Въ то время уже проявилась нигилистическая пропаганда, но матушка моя стойко оберегала свой институтъ отъ этихъ ложныхъ ученій. Преосвященный Леонидъ былъ замѣчательный человѣкъ и необыкновенное явленіе въ то время. Онъ былъ родомъ дворянинъ, служилъ въ морской службѣ, и уже затѣмъ постригся, окончилъ курсъ духовной академіи. Митрополитъ московскій Филаретъ вполне оцѣнилъ этого рѣдкаго человѣка, приблизилъ его къ себѣ, полюбилъ и не отпускалъ его отъ себя. Онъ пробылъ викарнымъ московскимъ епископомъ до смерти митрополита Филарета и еще нѣсколько времени послѣ того. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ ярославскимъ, гдѣ вскорѣ и скончался. Митрополитъ Филаретъ, кажется, особенно цѣнилъ въ преосвященномъ Леонидѣ образованность, отсутствіе жесткости и педантизма. Какъ сильно было довѣріе митрополита Филарета къ своему любимцу викарному, видно изъ того, что въ 1861 году, когда въ Москву отправленъ былъ особый довѣренный сановникъ съ порученіемъ уговорить митрополита Филарета составить текстъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, ему указали на двухъ человѣкъ, особенно близкихъ митрополиту, которые могли своими убѣжденіями помочь ему въ этомъ: преосвященнаго Леонида и духовника митрополита.

Уважаая стремленіе матушки моей сохранить въ Николаевскомъ институтѣ христіанское направленіе воспитанія, преосвященный Леонидъ всячески старался поддерживать ее и выразить ей свое расположеніе. Это расположеніе онъ переносилъ и на насъ, дѣтей ея. Однажды онъ посѣтилъ ее вечеромъ и радостно сообщилъ намъ, что на другой день уѣзжаетъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь на нѣсколько дней отдохнуть. Я расспрашивалъ его: что это за монастырь, гдѣ онъ расположенъ? Изъ разговора со мною преосвященный убѣдился, что я совершенно незнакомъ съ московской святыней, и удивился этому. Я объяснилъ ему, что уѣхалъ изъ Москвы ребенкомъ, учился въ Петербургѣ, служу тамъ, урывками бываю

въ Москвѣ и тогда, конечно, посвящаю время семьѣ. «Хотите пополнить этотъ пробѣлъ? хотите вы ознакомиться съ нѣсколькими монастырями и монастырской жизнью? — обратился ко мнѣ преосвященный. — Въ такомъ случаѣ отправимся завтра вдвоемъ въ Угрѣши; я доведу васъ въ своей каретѣ».

Я, конечно, изъявилъ полное согласіе и съ благодарностью принялъ это приглашеніе. Преосвященный объяснилъ мнѣ, что завтра онъ до отъѣзда общалъ, гдѣ-то за Москвою-рѣкою, служить заупокойную литургію на похоронахъ какой-то знаменитой купчихи, а оттуда онъ прямо поѣдетъ въ Угрѣши. Мы условились, что дорожная карета его будетъ ожидать насъ у Серпуховской заставы, а я приѣду въ церковь, гдѣ будетъ происходить отпѣваніе, и мы въ моей каретѣ доѣдемъ до заставы. Все такъ и исполнилось. Около двухъ часовъ дня дорожная карета преосвященнаго, запряженная четверкою прекрасныхъ вороныхъ лошадей, выѣхала изъ заставы. Мы направились на село Коломенское, гдѣ владыка остановился, приказалъ сторожу открыть церковь, подробно показалъ ее мнѣ, рассказалъ ея исторію, указалъ мѣсто, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ любилъ сидѣть на окружающей церковь галереѣ и оттуда любовался великолѣпнымъ видомъ. Затѣмъ мы проѣхали въ Перервинскій монастырь, который также осмотрѣли подробно, и направились далѣе въ Угрѣши. Приѣздъ преосвященнаго Леонида былъ вездѣ неожиданный и поэтому безъ всякой торжественной встрѣчи. Въ Угрѣшахъ мы остановились въ комнатахъ настоятеля, отца архимандрита Пимена. Дорогой преосвященный Леонидъ рассказалъ мнѣ, что Угрѣшскій монастырь старинный, построенный (если память не измѣняетъ мнѣ) Димитріемъ Донскимъ. Последнее время онъ обѣднѣлъ и сильно опустился. Нашелся благотворитель изъ московскихъ купцовъ, который пожертвовалъ большія деньги на возобновленіе монастыря; къ счастью, настоятель монастыря Пименъ оказался великимъ хозяиномъ, сумѣлъ воспользоваться оказанною помощію, и теперь монастырь процвѣтаетъ. Мы прожили въ монастырѣ два дня, и я хорошо ознакомился съ отцомъ Пименомъ, всѣми монахами и монастыремъ. Присутствіе наше не нарушало порядка жизни монастыря, присутствіе епископа увеличило только торжественность службы. Преосвященный Леонидъ постоянно участвовалъ въ богослуженіи. Я увидѣлъ его здѣсь совершенно новымъ для меня, инымъ человѣкомъ. Я видѣлъ, какъ онъ совершенно отдавался молитвѣ, забывалъ все окружающее. Казалось, богослуженіе не утомляло его; онъ оживлялся, читая молитвы, и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большимъ чувствомъ, искренностью повторялъ онъ ихъ, тѣмъ болѣе проникалъ голосъ его въ душу слушающихъ. Я пораженъ былъ, что такое же впечатлѣніе производило его служеніе и на окружающихъ насъ монаховъ. По окончаніи богослуженія они съ умиленіемъ подходили къ нему

подъ благословеніе и благодарили его; а во время службы у многихъ были слезы на глазахъ. До сихъ поръ я не могъ вообразить себѣ, чтобы молитвы, ежедневно всю жизнь повторяемыя этими, въ большинствѣ малообразованными и неразвитыми монахами, могли проникать имъ въ душу, чтобы они могли понимать значеніе ихъ. Мнѣ казалось, что, выучивъ ихъ наизусть, они машинально почти бессмысленно повторяютъ ихъ. Я думалъ, что для нихъ богослуженіе то же, что для офицеровъ парады, ученія; что они различаются только торжественностью, сложностью, какъ наши парады, разводы съ церемоніей и безъ церемоніи. Пресвященный Леонидъ показалъ мнѣ въ Угрѣшахъ, какъ сильно я ошибался; онъ убѣдилъ меня, что паства эта требуетъ пастыря, какъ воспріимчивы души этихъ людей, съ строгими, застывшими лицами.

Когда на третій день, послѣ вечерняго богослуженія, мы пустились въ обратный путь, мы долго сидѣли въ каретѣ молча, подавленные каждый своими впечатлѣніями. Взглядывая по временамъ на лицо пресвященнаго Леонида, я видѣлъ, по сосредоточенному выраженію лица его, что онъ жилъ еще среди только что покинутаго имъ монастырскаго міра, и понималъ, сколько надо было ему имѣть любви, снисхожденія и самоотверженія, чтобы погрузиться опять въ суету мірскую. Когда, наконецъ, онъ обратился ко мнѣ, я высказалъ ему это. «Сдѣлавшись инокомъ,—сказалъ онъ:—я отрекся отъ своего я и посвятилъ всю свою жизнь служенію Господу. Когда я удостоился принять высокое званіе епископа, положеніе мое сдѣлалось труднѣе, сложнѣе. Монахъ посвящаетъ все время молитвѣ; я обязанъ посвящать себя службѣ міру, обществу. Я дѣлаю это охотно, съ любовью. Какъ бывший мірянинъ, я знаю нужды, горести людскія; вижу, какъ радостно принимаютъ мою помощь. По временамъ я удаляюсь въ монастырскій міръ, не для отдыха, а для очищенія себя, чтобы молитвою укрѣпить себя опять, сосредоточиться. Послѣ этого я еще охотнѣе иду къ людямъ, радуюсь, если они требуютъ моей помощи. Передъ отъѣздомъ въ Угрѣши я служилъ заупокойную литургію. Умерла молодая женщина, года два назадъ вышедшая замужъ. Мужъ былъ въ ужасномъ горѣ и просилъ меня помолиться за нее. Я зналъ, что семья дѣйствительно въ горѣ, отъ души молился во время служенія, увидѣлъ послѣ богослуженія, что молитва сообщилась и имъ, что въ душѣ ихъ водворились миръ и покорность волѣ Божіей; я возрадовался и благодарилъ Господа. Поэтому общеніе съ людьми доставляетъ мнѣ много утѣшенія».

III.

Московскій митрополитъ Филаретъ навѣщалъ изрѣдка моихъ родителей; уваженіе къ нему всей Москвы было безпредѣльно, и я очень сожалѣлъ, что въ рѣдкіе наѣзды мои въ Москву мнѣ ни

разу не удалось видѣть въ домѣ моихъ родителей знаменитаго іерарха. При нашихъ продолжительныхъ бесѣдахъ съ преосвященнымъ Леонидомъ я, конечно, не разъ высказывалъ ему это, и онъ понималъ, что это не простое любопытство, а желаніе молодого, образованнаго человѣка узнать одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. По возвращеніи нашемъ изъ Угрѣшъ епископъ Леонидъ подробно разсказалъ митрополиту Филарету о моей поѣздкѣ съ нимъ и, вѣроятно, удостоилъ меня такого отзыва, что митрополитъ согласился принять меня.

Не помню, въ какой именно день было это, въ августѣ 1860 года, въ 5 часовъ пополудни. Преосвященный Леонидъ пріѣхалъ къ московскому митрополиту на Троицкое подворье съ обыкновеннымъ докладомъ. Я уже ожидалъ его въ пріемной митрополита. Докладъ продолжался долго, около часа. Наконецъ преосвященный Леонидъ вышелъ въ пріемную, позвалъ меня и ввелъ въ кабинетъ митрополита Филарета. Это была обширная комната, меблированная старинной мебелью, очень скромно. Направо отъ входа было нѣсколько оконъ, а у одного изъ нихъ письменный столъ, за которымъ и сидѣлъ митрополитъ. Онъ былъ въ темномъ, не новомъ подрясникѣ и клобукѣ. Онъ привсталъ съ кресла, благословилъ меня и осмотрѣлъ пронизательнымъ взоромъ своимъ. Затѣмъ онъ пригласилъ меня сѣсть противъ него, у стола; епископъ Леонидъ сѣлъ сбоку, у стола же.

Ласково, съ улыбкою на лицѣ, онъ сказалъ мнѣ, что слышалъ о моей поѣздкѣ съ его викарнымъ епископомъ, и высказался объ оригинальномъ соединеніи монашескаго одѣянія съ блестящимъ гвардейскимъ мундиромъ. Онъ очень одобрилъ мое желаніе ознакомиться съ московской святыней и монастырской жизнью и сказалъ, что образованный человѣкъ, христіанинъ, никогда не располагающій сдѣлаться монахомъ, все-таки долженъ быть знакомъ съ монастырскою жизнью. Монастырь въ русской жизни всегда игралъ очень важную роль, никогда не обращался въ исключительно аскетическій центръ, но всегда жилъ жизнью всего русскаго народа, былъ душою его и молился не за себя только, но за весь народъ, всю родину. Онъ разспросилъ меня о моемъ служебномъ положеніи, нашихъ занятіяхъ и, узнавъ, что я все лѣто занимался опытами стрѣльбы изъ нарѣзныхъ орудій, пожелалъ узнать подробности о нихъ. Нарѣзные орудія были тогда послѣднимъ словомъ артиллеріи, и у насъ въ Россіи были только что даны двумъ батареямъ. Въ одной изъ этихъ батарей служилъ я, и потому могъ сообщить митрополиту Филарету точныя свѣдѣнія о нихъ. Я былъ пораженъ при этомъ, что понятія о траекторіи, о полетѣ снаряда не были чужды ему, и я могъ легко и свободно разсказать ему суть дѣла. Затѣмъ бесѣда перешла на нашу офицерскую жизнь, наши взгляды и стремленія, и митрополитъ Фила-

реть высказалъ мысль, что храбрость, необходимое молодечество и развязность нисколько не связаны съ кутежами и дерзостью. Онъ назвалъ цѣлый рядъ героевъ двѣнадцатаго года, которыхъ зналъ лично, которые совершили чудеса храбрости и которые были всегда скромны, тихи и трезвы. Разсѣянная жизнь, кутежи ослабляютъ духъ человѣка, а не укрѣпляютъ его. Бесѣда продолжалась около трехъ четвертей часа. Наконецъ митрополитъ Филаретъ всталъ, подошелъ къ стоявшему около него аналою, взялъ съ него просфору и икону Сергія Радонежскаго, благословилъ меня ею и передалъ мнѣ просфору. «Св. Сергій и его обитель,—сказалъ онъ,—всегда были образцомъ единенія монастыря съ народомъ и воинствомъ. Да благословитъ онъ васъ и поддержитъ васъ въ жизни!» Икона эта хранится у меня до сего дня, и я дорожу ею, какъ благословеніемъ знаменитаго іерарха и какъ воспоминаніемъ о бесѣдѣ съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей.

IV.

Въ февралѣ 1861 года весь Петербургъ былъ поглощенъ мыслью о готовившемся освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Объявленія высочайшаго манифеста ожидали со дня на день. Я былъ въ то время офицеромъ гвардейской конной артиллеріи; товарищи мои были всѣ помѣщики или сыновья помѣщиковъ, знали крестьянскій бытъ и слѣдили внимательно за ходомъ составленія Положенія объ освобожденіи крестьянъ. Не помню, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ крѣпостникомъ, то-есть признавалъ освобожденіе крестьянъ ненужнымъ, вреднымъ и относился къ нему эгоистически, жаловался на ожидаемыя потери. Напротивъ, въ бесѣдахъ нашихъ высказывались очень здравыя, великодушныя мнѣнія, уваженіе къ государю, рѣшившемуся совершить этотъ переворотъ. По бабушкѣ моей, владѣлицѣ обширнаго помѣстья¹⁾, я также принадлежалъ къ сословію помѣщиковъ. Отецъ мой былъ близокъ со многими изъ выдающихся составителей Положенія о крестьянахъ, не разъ бесѣдовалъ объ этотъ даже съ Я. И. Ростовцевымъ; все извѣстное ему онъ обязательно рассказывалъ мнѣ, и я зналъ взглядъ на это дѣло лучшихъ людей того времени и, конечно, раздѣлялъ его.

Такое великодушное, благородное отношеніе къ освобожденію крестьянъ не было, однако, всеобщимъ въ Петербургѣ. Значительная часть общества относилась къ освобожденію крестьянъ недоброжелательно. Видѣли въ немъ не только разореніе помѣщиковъ,—отъ него ожидали разстройства государства, бунта крестьянъ,

¹⁾ Имѣніе это перешло позже ко мнѣ.

рѣзни. Вліяніе этой части общества было такъ сильно, что подѣ давленіемъ ея правительство оттягивало объявленіе манифеста.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ подписанъ 19 февраля 1861 года императоромъ Александромъ II, но былъ объявленъ недѣли двѣ позже, въ началѣ марта, въ воскресенье на масленицѣ.

За нѣсколько времени до этого дня кто-то изъ близкихъ мнѣ людей уѣзжалъ въ Москву, и я провожалъ его на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги. Я былъ тамъ пораженъ множествомъ флигель-адъютантовъ и лицъ свиты его императорскаго величества, уѣзжавшихъ куда-то съ тѣмъ же поѣздомъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько знакомыхъ мнѣ лицъ; я спросилъ ихъ: почему и куда они ѣдутъ? Мнѣ отвѣчали таинственно: объявлять высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ такую-то губернію; но дня объявленія манифеста они не знали, или, по крайней мѣрѣ, не указали мнѣ.

Гвардейская конная артиллерія занимала въ тѣ годы одинъ изъ внутреннихъ карауловъ въ Зимнемъ дворцѣ. Стоя въ этомъ караулѣ въ февралѣ 1861 года, я лично видѣлъ и исполнялъ нѣсколько нововведеній по усиленной ночной охранѣ дворца; прибавили новый внутренній караулъ, и строгость охраны дворца была значительно увеличена. Ясно было, что чего-то опасались, хотя я лично не могъ понять, чего именно и кого опасались. Крестьяне были такъ же тихи, покорны, какъ всегда, и, по моему убѣжденію, имъ не могла и прійти въ голову мысль ворваться во дворецъ; личность царя была для нихъ священна. Дворянинъ самъ, живя среди дворянъ-помѣщиковъ, я зналъ, что они такъ же глядѣли на особу государя императора, и нигдѣ не слышалъ о какомъ-либо подготовленіи къ бунту и покушенію на безпорядки съ ихъ стороны. Рассказываю эти подробности, чтобы разъяснить настроеніе общества въ тѣ дни. Одна часть его великодушно радовалась ожидаемому событію, видѣла въ немъ начало новой эпохи, предсказывала усиленіе, прогрессъ Россіи; другая часть относилась къ освобожденію крестьянъ недоброжелательно, скептически, учитывала предстоящія матеріальныя потери, роптала; но о какомъ-либо взрывѣ, сопротивленіи—не было и помину.

Въ тотъ день, когда былъ объявленъ манифестъ 1861 года 19 февраля, въ Михайловскомъ манежѣ былъ назначенъ обычный воскресный парадъ въ высочайшемъ присутствіи. Утромъ разнеслось извѣстіе, что манифестъ уже объявленъ, раздается народу. У насъ, въ домѣ офицеровъ гвардейской конной артиллеріи, кто-то добылъ и самый манифестъ; мы читали его, толковали, радовались. Зная, что государь Александръ II будетъ на парадѣ въ Михайловскомъ манежѣ, ожидая, что онъ выскажетъ тамъ что-либо по поводу этого событія, мы, молодые офицеры, въ полномъ составѣ явились

въ манежъ и съ нетерпѣніемъ ожидали государя. Пріѣхалъ императоръ; дисциплина не позволяла встрѣтить его какими-либо манифестаціями. Парадъ прошелъ обычнымъ порядкомъ. Окончивъ церемонію парада, принявъ ординарцевъ, государь выѣхалъ на середину манежа и своимъ звучнымъ, мягкимъ голосомъ скомандовалъ: «Господа генералы, штабъ и оберъ-офицеры! подойдите ко мнѣ!» Толпа окружила его. Не могу повторить точно слова государя, но общій смыслъ ихъ запечатлѣлся у меня навѣки. Государь сказалъ: «Господа офицеры! Въ лицѣ васъ я говорю съ дворянствомъ имперіи, помѣщиками, владѣльцами крестьянъ, освобожденныхъ мною сегодня отъ крѣпостной зависимости. Вы ближе и лучше другихъ моихъ подданныхъ, какъ дворяне-помѣщики, знаете, насколько эта перемѣна была нужна. Инициатива освобожденія вышла отъ дворянства, оно работало въ комиссіяхъ, составившихъ Положеніе объ освобожденіи крестьянъ; благодаря его трудамъ и сочувствію, я могъ осуществить эту перемѣну, мое завѣтное желаніе. Прошу васъ сохранить эти великодушныя, честныя чувства при дальнѣйшемъ развитіи дѣла, при надѣленіи крестьянъ землею, при составленіи уставныхъ грамотъ. Благодарю все дворянство за все сдѣланное имъ и ожидаю, что оно исполнитъ свой долгъ честно».

Государь тронулъ лошадь и направился къ выходу изъ манежа. Онъ началъ рѣчь твердымъ голосомъ, но кончилъ дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ. Лицо его было блѣдно, смущенно. Раздались обычные крики: «Ура! Исполнимъ волю вашего императорскаго величества!» Но мы, привычные участники и слушатели такихъ возгласовъ, по окончаніи ихъ невольно переглянулись. Въ крикахъ «ура!» не было всегдашняго увлеченія, искренности; казалось, что кричали, отбывая установленный обычай, а не отъ переполненія чувствъ. Я всмотрѣлся въ окружающихъ; всѣ лица были серьезны; тѣ самые люди, которые за часъ передъ тѣмъ съ такимъ увлеченіемъ говорили о настоящемъ событіи, были серьезны, сосредоточены; а среди пожилыхъ людей я замѣтилъ и лица, выражающія ясно недовольство. Не слышно было обычныхъ при разѣздѣ съ парада веселыхъ разговоровъ; молодежь не перекликалась, старики молчали или тихо разговаривали.

Я выѣхалъ изъ манежа огорченный. Я сочувствовалъ освобожденію крестьянъ, я понималъ историческое значеніе его; я любилъ государя Александра II, и мнѣ казалось, что его только что оскорбили, не выказали должнаго, заслуженнаго восторга.

Въ томъ кругу, гдѣ я жилъ, въ моей семьѣ объявленіе уничтоженія крѣпостного права было принято съ восторгомъ. За обѣдомъ у отца моего все время шелъ разговоръ на эту тему. Когда я вечеромъ пѣшкомъ возвращался въ офицерскій домъ у Литейнаго моста, гдѣ я жилъ тогда, я былъ свидѣтелемъ такой сцены. Идетъ пьяный крестьянинъ; едва держится на ногахъ; встрѣчаетъ

солдата, останавливаетъ его, обнимаетъ и цѣлуется, говоря: «Ты служивый, не огорчайся! Видишь, я напился съ радости! Намъ дали свободу; а тебѣ ничего не дали, ты и не выпилъ. Не огорчайся, послужи! будетъ и тебѣ милость!» Солдатъ молча, съ улыбкой освободился отъ объятій. Пьяныхъ было много на улицѣ; но шума, буйства не было никакого.

Не я одинъ, всѣ мои товарищи вынесли изъ Михайловскаго манежа то же тяжелое впечатлѣнiе. Намъ такъ жаль было, что государю не выказали, что понимаютъ, цѣнятъ его великодушныя чувства, что весь народъ любитъ и поддержитъ его.

Этому великодушному, умному государю не одинъ разъ въ жизни его пришлось еще убѣдиться, что не всѣ понимаютъ, цѣнятъ его.

Николай Полевой.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗЛАДЪ ¹⁾.

VI.

РОШЛО мѣсяцевъ десять. Стоялъ ноябрь. Небо было покрыто густыми тучами. Крыши и тротуары были мокры отъ растаявшаго снѣга. Въ воздухѣ висѣла непроницаемая завѣса тумана.

Татьяна Алексѣевна стояла у окна въ своей спальнѣ, въ новой квартирѣ, на которую, по необъяснимому капризу переѣхалъ Андрей Николаевичъ, и усталыми, потухшими глазами смотрѣла на тоскливыя, грязныя панели и мостовую, на мокрыя стѣны еле видныхъ за туманомъ домовъ на противоположной сторонѣ улицы, на сумрачныхъ прохожихъ и проѣзжающихъ и на промокшихъ извозчиковъ.

На душѣ ея было также туманно, безпросвѣтно и холодно.

Наканунѣ у нея произошла крупная ссора съ мужемъ, и онъ спалъ въ кабинетѣ, приказавъ горничной вынести свои вещи изъ спальни.

Когда Татьяна Алексѣевна поворачивала голову, она видѣла его постель безъ простынь, одѣяла и подушекъ, и эти голые, не покрытые матрацы всякій разъ съ новой силой оскорбляли ея внутреннее, интимное чувство порядочности.

Издали доносились до нея звуки голоса няньки ея родной дочери и голосокъ этой дочери.

¹⁾ Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. СХV, стр. 942.

Татьяна Алексѣевна хмурилась, и снова лицо ея принимало строгое, страдальческое выраженіе.

Дочь свою она, къ ужасу своему, не любила. Воркованье ея не радовало ее, а будило чувство, похожее на досаду. Въ этомъ—она чувствовала—особенно былъ виноватъ Андрей Николаевичъ. Онъ, точно нарочно, дѣлалъ все, чтобы раздуть въ ней это ненормальное материнское чувство: никогда не былъ доволенъ ея обращеніемъ съ ребенкомъ, съ первыхъ дней критиковалъ, какъ она ее пеленаетъ (безъ свивальниковъ онъ не позволялъ держать дѣвочку), держать, кормить, самъ купалъ дочь и довѣрялъ только нянѣ, поставленной его матерью, важной Пелагеѣ Игнатьевнѣ, которая дерзила молодой барынѣ и признавала своей госпожой только старуху-генеральшу, жившую въ Москвѣ и не пріѣхавшую даже на свадьбу сына.

Кромѣ того, Олѣ шелъ уже одиннадцатый мѣсяцъ, а Андрей Николаевичъ не позволялъ прикармливать ее. Исхудалая до неузнаваемости, Татьяна Алексѣевна пробовала обращаться къ врачамъ, но и это ни къ чему не привело.

Андрей Николаевичъ всякій разъ бранилъ докторовъ продажными скотами и объявлялъ, что, пока онъ живъ, до первыхъ четырехъ зубовъ Оля не проглотитъ ничего, кромѣ молока матери.

Зубы же, къ несчастью, не шли.

Татьяна Алексѣевна разумомъ отлично понимала, что не Оля въ этомъ виновата, но инстинктивно она все же возмущалась противъ этого, и чувство материнства съ каждымъ днемъ и особенно съ каждой ночью, когда допекалъ ее Андрей Николаевичъ, гасло и гасло.

— Да, кто бы могъ думать, что это все такъ произойдетъ!..—мелькало теперь въ умѣ Татьяны Алексѣевны, когда она стояла утромъ у окна, и губы ея дрожали, и слезы катились по блѣднымъ щекамъ.—Какъ я мечтала когда-то имѣть своего ребенка, и вотъ теперь—что мнѣ отъ него?..

Вчерашняя ссора произошла опять изъ-за дѣтей.

У Сони сдѣлался сильнѣйшій жаръ. Призвали доктора. Онъ предположилъ у дѣвочки какую-нибудь сыпную болѣзнь—корь, краснуху или скарлатину, и Андрей Николаевичъ приказалъ, чтобы Татьяна Алексѣевна отдала Соню въ дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго. «А то какую хочешь другую», великодушно добавилъ онъ.

Татьяна Алексѣевна вскипѣла.

Соня и безъ того на новой квартирѣ помѣщалась по коридору, въ комнатѣ, которая по плану квартиры, очевидно, предназначалась для прислуги. Комната была въ одно окно, выходившее на дворъ, и находилась такъ близко отъ кухни, что всегда, когда разливали что на плитѣ, была полна чадомъ.

Оля, наоборотъ, жила въ другой сторонѣ квартиры, и какъ ни умоляла Татьяна Алексѣвна, чтобы падчерицу помѣстили вмѣстѣ съ ней, какъ ни воевала изъ-за этого съ Андреемъ Николаевичемъ,—онъ на это не соглашался.

Теперь онъ приказывалъ отдать дѣвочку въ больницу.

— Понимаешь, у нея, можетъ быть, будетъ скарлатина!—кричалъ онъ.

— Такъ что жъ?..—спрашивала Татьяна Алексѣвна.

— Какъ что жъ?.. Вѣдь мы можемъ заразить Олю.

— Ну, отдѣлимъ ее,—говорила Татьяна Алексѣвна.

— Но вѣдь ты кормишь ее,—кричалъ Андрей Николаевичъ, хватаясь за голову.—Боже мой, какъ ты не хочешь этого понять... Ты вѣдь будешь ходить къ той поганой дѣвчонкѣ...

— Но вѣдь не могу жъ я не ходить къ Сонни?—мѣняясь въ лицѣ, отвѣчала Татьяна Алексѣвна.—Я буду переодѣваться, обтираться сулемой раньше, чѣмъ кормить... Не могу же я бросить Сонни!.. Кромѣ меня, у нея никого нѣтъ!

— Оттого-то и надо ее отдать, чтобы не бросать...—волновался Андрей Николаевичъ.—А оставить ее у себя я не позволю... Не позво-лю!..—раздѣльно кричалъ онъ.—Слышишь?..

— А я не позволю ее отсюда тронуть!—также возвышала голосъ Татьяна Алексѣвна.—Если она уѣдетъ,—я уѣду вмѣстѣ съ ней въ больницу. Слышишь?.. Я тоже могу, умѣю настаивать... У нея есть личныя средства. Она живетъ на нихъ. Намъ она гроша не стоитъ... И потому я считаю, что отвезти ее въ больницу мы не имѣемъ права.

— Посмотримъ, какъ я не имѣю права, и какъ ты не позволишь!—кричалъ Андрей Николаевичъ.—Да я раздавлю ее, какъ гадину...

Споръ этотъ происходилъ наканунѣ, часа въ четыре; по возвращеніи Андрея Николаевича со службы, а часовъ въ семь Татьяна Алексѣвнѣ тайно доложилъ кто-то изъ прислуги, что за маленькой барышней пріѣхала наемная карета, чтобы везти ее въ больницу.

— Что?—проговорила только Татьяна Алексѣвна, сидѣвшая у падчерицы въ комнатѣ, и, блѣдная, взволнованная, она тотчасъ встала, вышла, приказала горничной Сашѣ сѣсть у кровати ребенка, заперла дверь на ключъ и взяла этотъ ключъ къ себѣ.

Когда она вошла къ мужу въ кабинетъ, на ней, какъ говорится, лица не было.

— Я заперла дверь Сонни на ключъ, и ключъ этотъ спрятала,—начала она, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не кричать.

Голосъ ея срывался. Сама она дрожала.

— Вы можете выломать двери и увезти ее силой, если хотите, но знайте, я больше терпѣть не могу. Пока касалось меня одной,

я терпѣла, я молчала. Теперь я молчать не стану. Боже мой!.. Я буду жаловаться!..—добавила она по-французски, замѣтивъ вдругъ какую-то женщину въ черномъ въ кабинетѣ, и оборвала.

Андрей Николаевичъ не ожидалъ ничего подобнаго. Распорядившись о присылкѣ кареты, онъ постарался достать и фельдшерницу, которая отвезла бы дѣвочку въ больницу, и теперь дѣловито и не безъ важности бесѣдовалъ съ этой фельдшерницей у себя, въ своемъ «санктюэръ»,—какъ онъ называлъ кабинетъ.

Услышавъ слова жены, онъ побагровѣлъ, на мигъ опустил глаза, но потомъ тотчасъ поднялъ ихъ и ожегъ взглядомъ Татьяну Алексѣвну.

— Я васъ прошу не дѣлать скандала при чужихъ!—процѣдилъ онъ сквозь зубы, взглядомъ указывая на фельдшерницу, и сталъ стучать пальцами по столу.

— И я прошу васъ о томъ же!—сказала Татьяна Алексѣвна.

— Je ne vous reconnais pas!..—попробовалъ изумиться Андрей Николаевичъ и этимъ сконфузить жену, но и это ее не смутило...

— Дочь моя, и я имѣю право отдать ее въ больницу, — продолжалъ онъ.

— Я ея опекунша, — перебила Татьяна Алексѣвна. — И везти ее зимой, въ жару, потную, въ больницу я не позволю. — Она слишкомъ слабенькая для этого. Она не вынесетъ переѣзда.

— А-а! такъ! — угрожающе отозвался Андрей Николаевичъ. — Ты не позволишь...—и, не помня себя отъ гнѣва, сопя, онъ стремительно вышелъ изъ кабинета и подошелъ къ двери коридора.

— Это что жъ?—черезъ мгновеніе прохрипѣлъ онъ, взявшись за ручку двери и дергая ее.—Это что жъ? Заперто?!..

И онъ неистово сталъ стучать и звать прислугу, но ему никто не отвѣтилъ. Тогда онъ вернулся въ кабинетъ.

Рядомъ съ гостиной, въ передней съ испуганнымъ лицомъ торопливо одѣвалась фельдшерница, не попадая въ рукава пальто и ворча: что это, Господи, за исторія!.. И зачѣмъ ее звали?

Въ кабинетѣ, у письменнаго стола, сидѣла Татьяна Алексѣвна, опустивъ лицо въ руки.

Когда Андрей Николаевичъ вошелъ, — она не двинулась.

Въ передней щелкнулъ американскій замокъ. Очевидно, фельдшерница отперла дверь. Затѣмъ дверь хлопнула.

Андрей Николаевичъ прислушался, потомъ, оглядѣвъ комнату и увидѣвъ, что фельдшерницы въ кабинетѣ нѣтъ, понялъ, что это значитъ, и промышаль:

— А-а-а, вы ее отпустили?.. Дааа?.. — и подошелъ вплотную къ женѣ.—Дайте ключъ!.. — хрипло приказалъ онъ, тряся ее за плечо.—Иначе я позову дворниковъ и велю ломать двери!..

— Велите!..—сказала Татьяна Алексѣвна.—Ударить... мелькнуло у нея, но она продолжала сидѣть, какъ раньше, не смотря

на то, что онъ трясъ ее и ей было больно. Вдругъ она отняла руки отъ лица. Крупныя слезы текли по ея щекамъ.

— André, André!.. Что ты дѣлаешь?..—взмолилась она.

По лицу Андрея Николаевича, какъ молнія, пробѣжали какія-то тѣни или судороги.

— А ты... что ты дѣлаешь?..—прошепталъ онъ, отнимая руку отъ жены.—А-а-а-а!..

Съ минуту длилось молчаніе.

Выставивъ впередъ лицо, нагнувъ корпусъ, Андрей Николаевичъ смотрѣлъ на Татьяну Алексѣвну. Казалось, мигъ, и онъ одумается, смягчится, но вдругъ вся квартира огласилась неистовыми криками и упреками.

Случайно въ это время шедшіе по лѣстницѣ жильцы испуганно остановились и прислушались.

— Что это?—спросили они бѣгавшаго взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ взволнованнаго швейцара.

Швейцаръ смущенно снялъ фуражку.

— Это... такъ что... въ седьмомъ нумерѣ, у господъ Немровыхъ ругаются... — таинственно сообщилъ онъ. — Баринъ хотѣли маленькую барышню везти въ больницу, а барыня не пуцаютъ...

И онъ сталъ рассказывать, что зналъ.

Стоя у окна на слѣдующее утро, Татьяна Алексѣвна съ тоской вспоминала о происшедшемъ.

Весь вечеръ и ночь прошли въ какомъ-то страшномъ чаду.

Тѣло и особенно плечо у нея сильно ломило. Пульсація чувствовалась и въ спинѣ, и въ груди, и въ ногахъ, и въ головѣ.

Ушла она отъ мужа въ то время, когда онъ, забывшись, кричалъ то, что ни одинъ порядочный человѣкъ не позволитъ себѣ сказать никакому другому человѣку, и, схвативъ бронзовый подсвѣчникъ со стола, бросилъ въ нее.

Наступило время для кормленія Оли.

За Татьяной Алексѣвной пришли къ Сонѣ, такъ какъ дѣвочка кричала отъ голода. Татьяна Алексѣвна, разбитая физически и нравственно, полулежала возлѣ кровати Сони на двухъ составленныхъ креслахъ, принесенныхъ откуда-то няней. Дверь въ комнату попрежнему была заперта на ключъ.

Соня, пунцовая отъ жара, дремала, тяжело и порывисто дыша. Няня ушла на кухню пить чай. Сашу Татьяна Алексѣвна отослала въ Гостиный дворъ за игрушками для Сони.

Когда постучали къ ней и сообщили объ Олѣ, она тотчасъ покорно встала, позвала няню и послѣ дезинфекціи пошла къ дочери, но, когда она захотѣла исполнить материнскія обязанности, молока у нея не оказалось,

Ночь прошла, какъ тяжелый сонъ. Оля не брала рожка и не умѣла пить изъ чашки. Крики ея не умолкали.

Андрей Николаевичъ сердился на всѣхъ и вся, проклиналъ свою жизнь, старшую дочь, хватался за волосы, чуть не плакалъ и напрасно пытался напоить Олю молокомъ и чаемъ или накормить ее жидкой манной кашей.

Наконецъ дѣвочка устала отъ крика и заснула на время.

Тогда Андрей Николаевичъ снова прошелъ къ женѣ въ спальню, гдѣ она сидѣла въ креслѣ, застывшая, будто раздавленная, и снова началъ ссору, но такъ какъ Татьяна Алексѣевна не отвѣчала, вышелъ, хлопнулъ дверью и приказалъ перенести къ себѣ постель и подушки.

Все время до утра прошло на «военномъ положеніи», какъ впоследствии грустно опредѣляла обстоятельства Татьяна Алексѣевна.

Оля постоянно просыпалась и начинала кричать.

Андрей Николаевичъ хватался за волосы, успокаивалъ ее и проклиналъ всѣхъ.

Соня даже не взглянула на привезенныя Сашей игрушки. Она точно догадалась о чемъ-то тяжеломъ, происшедшемъ въ домѣ, и безъ словъ, большими измученными глазами спрашивала: что случилось? что было?

— Мама, Сонни къ мамочкѣ и бабочкѣ скоро пойдетъ... — утвердительно проговорила она разъ послѣ тяжелаго забытья и добавила, не спуская глазъ съ мачехи: — Папа будетъ радъ... А ты... ты будешь плакать?..

Татьяна Алексѣевна чуть не закричала отъ душевной муки.

Съ этой минуты она почувствовала, что, если дѣвочки не станутъ, ей дѣйствительно не для кого и не для чего будетъ жить, такъ какъ Оля для нея—ничто. И въ страстномъ порывѣ жалости, любви и отчаянія она нагнулась и стала цѣловать свѣрхъ одѣяла ручки, ножки, колѣна дѣвочки, осыпая ее нѣжными названіями. Соня блаженно улыбнулась и скоро опять забылась, а Татьяна Алексѣевна опустила въ возлѣ ея кровати на колѣни и стала безъ словъ молиться.

Она сознавала себя той матерью-чудовищемъ (*mère dénaturée*), въ чувствахъ которой съ рожденія Оли упрекалъ ее мужъ. Она сознавала, что это дико, невѣроятно, но что падчерицу она любитъ больше, неизмѣримо больше, чѣмъ дочь, и просила у Бога одного, чтобы Онъ не наказалъ ее, не отнялъ у нея ея сокровища, единственнаго свѣта въ ея жизни.

«Я не такъ виновата...» мысленно оправдывалась она, и ей вспоминались всѣ обиды и оскорбленія, вынесенныя изъ-за Оли, и слезы ея безшумно падали и падали на поднятыя руки.

Утромъ, написавъ записку доктору о Сонѣ, она вышла изъ комнаты падчерицы и прошла въ спальню.

Андрей Николаевичъ уже уѣхалъ, объявивъ прислугѣ, что скоро вернется, и приказавъ оставить въ кабинетѣ одѣяло, подушки и пр.

— Къ Олѣ барыню не подпускать,—приказалъ онъ нянѣ.

Татьяна Алексѣевна, ничего не зная объ этомъ, вымыла волосы сулемой, взяла ванну и пошла въ дѣтскую, но какъ только она отворила дверь, няня Пелагея Игнатьевна быстро заслонила своей спиной толстое, мѣловое личико встрепенувшейся Оли и стала стучать погремушкой по столу.

— Баринъ не приказали вамъ входить въ дѣтскую...—крикнула она скороговоркой черезъ плечо.

Татьяна Алексѣевна, поблѣднѣвъ, остановилась на порогѣ.

— Не велѣли, не велѣли пускать... — рѣшительно, вполголоса повторила няня и, опустивъ извивавшуюся Олю къ себѣ на колѣни, стала пѣть: «тунды баба, тунды дѣдъ, вотъ еще, и денегъ нѣтъ!..»

Татьяна Алексѣевна посмотрѣла на ея широкую спину, на ея чистое ситцевое платьѣ, на голову въ плоеномъ чепцѣ, пожалала плечами и, мѣняясь въ лицѣ, вышла изъ комнаты.

Но Оля уже замѣтила мать, и когда дверь тихо захлопнулась, дѣтскій громкій, капризный плачъ огласилъ комнату.

— Ишь, Господи!..—доносилось теперь въ спальню до Татьяны Алексѣевны.—Родного дитю не жалѣеть!.. Чего приходила?.. Раздразнила только!.. Ну, перестань, моя красавица... Ну, чего плакать-то?.. Чего?.. Мы кашки покушаемъ...

И снова по квартирѣ несло: «трю-тю, трю-тю-тю», — игра няньки на губахъ и стукъ погремушки по столу, заглушаемый плачемъ Оли.

Прошелъ часъ. Татьяна Алексѣевна рѣшила безъ крайности не входить къ Сонѣ до возвращенія мужа. Но пріѣхалъ докторъ, и ей пришлось не только войти, но и остаться довольно долго, пока докторъ выслушивалъ, выстукивалъ и осматривалъ ребенка, отыскивая и опредѣляя сыпь.

Въ это время вернулся Андрей Николаевичъ, и въ домѣ почему-то началась суетня.

«Что тамъ такое?» невольно спрашивала себя Татьяна Алексѣевна, вздрагивая и нервно прислушиваясь къ шагамъ и голосамъ, и когда черезъ минутъ 30—40 докторъ вышелъ, опредѣливъ корь, прописавъ леченіе и предупредивъ, что надо быть очень осторожной, такъ какъ могутъ быть осложненія: ребенокъ слабый и легкій не крѣпкій, — молодая женщина вслѣдъ за нимъ отправилась въ кабинетъ Андрея Николаевича.

— Пожалуйста, не входи къ намъ! — раздраженно крикнулъ Андрей Николаевичъ, услышавъ шорохъ шелковой юбки жены и скрипъ двери.

— Я сняла балахонъ и повязку съ головы,—отвѣчала Татьяна Алексѣвна, отворяя дверь. — Кромѣ того, успокойся, у Сони не скарлатина, а корь.

— А хоть бы оспа!—прервалъ жену Андрей Николаевичъ.— Я тебѣ повторяю: не входи.

Стоя на колѣняхъ, онъ обернулся и уничтожающе посмотрѣлъ на жену.

Она, прислонясь къ двери, стояла и тоже не отрывала глазъ отъ представившейся ей картины.

На диванѣ сидѣла Оля, окруженная подушками. Андрей Николаевичъ и няня стояли передъ ней на колѣняхъ и надѣвали ей теплые чулки и рукавички. На креслѣ рядомъ лежало длинное пальто Оли, вязанное одѣяльце, платокъ и ея шляпа-капюшъ съ вуалью.

— Ты что жъ это, увозишь ее? Куда?—спросила Татьяна Алексѣвна.

Глаза ея широко раскрылись.

— Ну, теперь другую ножку... Во-отъ!—вмѣсто отвѣта услышала будто радостный голосъ мужа Татьяна Алексѣвна.

Она помолчала и, не двигаясь съ мѣста, поглядѣла, какъ Андрей Николаевичъ надѣлъ дочери пальто, которое держала няня, и просунулъ въ рукава одну ея руку, потомъ другую, въ которой она держала леденецъ. Оля сердито откинулась, такъ какъ сосала первый разъ въ жизни сладкое.

— Je te demande,—переходя на французскій языкъ, повторила Татьяна Алексѣвна.—Ты увозишь Олю?

— Да,—коротко отрѣзалъ Андрей Николаевичъ.

— Куда?

— Вамъ не все ли равно?

— Нѣтъ, если я спрашиваю.

Андрей Николаевичъ, не отвѣчая, сталъ застегивать пальто ребенка, потомъ надѣлъ ей шляпу и передалъ завязать ленты Пелагеѣ Игнатьевнѣ.

Оля снова закричала, такъ какъ ей опять мѣшали сосать леденецъ.

Няня, весело возбужденная, съ краской въ лицѣ и съ блестящими глазами стала успокаивать ее.

— Куда же ты ее увозишь?—повторила въ третій разъ Татьяна Алексѣвна и сдѣлала шагъ впередъ.

— Не подходить! — крикнулъ Андрей Николаевичъ, быстро вскочилъ съ колѣнъ, схватилъ жену за плечи и... вывелъ ее изъ комнаты.

Черезъ минутъ пять онъ самъ, Оля и няня уѣзжали куда-то. А Татьяна Алексѣвна сидѣла у себя въ спальнѣ и чувствовала, что она сходитъ съ ума.

— Да вы не извольте беспокоиться, Татьяна Алексѣевна, да Богъ съ вами!.. — еще черезъ нѣсколько минутъ успокоительно убѣждала ее Саша въ спальнѣ, стоя передъ барыней.—Ниль (лакей) сказывалъ на кухнѣ давеча еще, что къ бабушкѣ, въ Москву, отвозятъ Андрей Николаевичъ барышню... Татьяна Алексѣевна, да Господь съ вами! Чего вы такъ тревожитесь?..—продолжала Саша, протягивая стаканъ барынѣ дрожащими руками.—Выпейте водицы. Очень ужъ они, Андрей Николаевичъ, барышню любятъ. Господь съ вами!.. Успокойтесь... Да, ахъ, Боже мой!..

VII.

Потянулись томительные дни и ночи. Отъ Андрея Николаевича не приходило никакихъ вѣстей.

Сонѣ становилось все хуже. Кочка осложнилась катарромъ дыхательныхъ трубокъ, перешедшимъ на легкія. Кашель сталъ частымъ, короткимъ; явилась сильная слабость.

— Не вынесетъ она!..—ломая руки передъ крѣтомъ у себя въ спальнѣ, думала Татьяна Алексѣевна нѣсколько разъ въ день.— Не вынесетъ!..

И молодой женщинѣ казалось, что сердце ея разорвется отъ одиночества, ужаса, предчувствія и страданій.

«Хоть бы мнѣ умереть вмѣстѣ съ ней!..»—внутренно молилась она и чувствовала, что падчерица все больше чѣмъ-то необъяснимымъ привязываетъ ее къ себѣ, что этотъ чужой, слабый, некрасивый ребенокъ—ея единственная, настоящая, высокая, самоотверженная любовь.

Разъ утромъ, въ самый разгаръ болѣзни, раздался звонокъ, и въ квартиру вошелъ Андрей Николаевичъ. Позвавъ въ кабинетъ къ себѣ Нила, онъ приказалъ ему такія-то и такія-то вещи собрать и отвезти въ «Сѣверную гостиницу». Самъ взялъ со стола часы, серебряный портсигаръ и какія-то книги и, не войдя къ женѣ, уѣхалъ.

«Что жъ это такое?..»—подумала Татьяна Алексѣевна, когда прислуга смущенно, точно боясь чего-то, доложила ей объ этомъ.

Въ какомъ-то оцѣпенѣніи, точно ей было трудно дышать, открывъ ротъ, она опустилась на ближайшій стулъ.

... Въ этотъ день дѣтскій докторъ, пріѣзжавшій два раза въ сутки къ Сонѣ, поразился ея страннымъ видомъ.

— Что съ вами? — присталъ онъ къ ней съ разспросами.—У васъ еще какое-нибудь безпокойство?.. Вамъ надо поберечь себя!.. Позвольте-ка вашъ пульсъ... Я вамъ капельки пропишу. Принимайте ихъ, принимайте аккуратно...

И пристально, сверхъ очковъ поглядѣвъ на нее, докторъ вышелъ.

— Что съ вашей барыней, а? — обратился онъ въ передней къ Нилу.

Нилъ только странно взмахнулъ правой рукой и вздохнулъ.

— Баринъ уѣхадши,—съ опаской прошепталъ онъ.

— Куда?

— Совсѣмъ уѣхадши,—сердито прошепталъ лакей и добавилъ, еще понижая голосъ.—Здѣсь не годится объ этомъ самомъ говорить...—(онъ жестикулировалъ)—Пожалуйте внизъ... къ швейцару... я туды сойду... аль кухарку пришлю... Она вамъ все расскажетъ...

Докторъ медленно пошелъ внизъ съ лѣстницы, не понимая: что такое тутъ у нихъ могло случиться?.. и, дождавшися кухарку (она пришла со двора, чрезъ комнату швейцара, особымъ ходомъ), долго бесѣдовалъ съ ней, спрашивалъ, удивлялся и возмущался.

— Да есть у нея кто родные?—задумчиво спросилъ онъ наконецъ передъ уходомъ.—Или близкіе друзья?..

Кухарка опѣшила.

— Не знаю, вотъ ужъ не знаю!—пѣвуче начала она.—Развѣ генераль Харинъ съ генеральшей, ихняго папаша, значить, хорошіе пріятели. До того, что генерала, папашу ихняго, ударъ разбилъ, и они въ Крымъ уѣхали, они часто у насъ вмѣстѣ бывали.

— Ну, такъ вотъ и отлично. Дайте имъ знать,—задумчиво приказалъ докторъ.—А нѣтъ ли еще кого?.. Кто могъ бы помочь ей ухаживать за падчерицей?..

Кухарка опять смутилась.

— Кого жъ?.. Нѣту никого... Народу у насъ совсѣмъ малость бывало... Развѣ вотъ Вассу Ивановну позвать...—съ перерывами проговорила она.

— Кто это Васса Ивановна?.. Акушерка?... Ну, и великолѣбно!—отозвался докторъ и, задумчивый, разстроенный, уѣхалъ.

Съ этой минуты по городу стали расходиться слухи о соломенномъ вдовствѣ Татьяны Алексѣевны, и одинъ за другимъ изгнанные было друзья и знакомые стали письменно, а позднѣе и лично освѣдомляться у Татьяны Алексѣевны о здоровьѣ Сони.

Въ день же посѣщенія Андрея Николаевича, лишь часомъ позднѣе, Татьяна Алексѣевна точно рѣшилась на что-то важное, сдѣлала крестъ на прежнемъ или схоронила кого-то и начала вторично новую вдовью жизнь, перевела Соню въ дѣтскую Оли, велѣла перенести и свою кровать къ ней, поставить рядомъ съ кроватью дѣвочки и огромнымъ усиліемъ воли изгнала на время изъ головы мысли о всемъ случившемся.

Соня, обыкновенно молча, безпрекословно и безучастно подчинявшаяся всѣмъ приказаніямъ и перемѣнамъ въ своемъ положеніи, только сосредоточенно наблюдала за происходящимъ большими, вдумчивыми, то лихорадочно блестящими, то утомленными глазами.

На этот же разъ, узнавъ, что ее перенесутъ на кроваткѣ къ Олѣ въ комнату, она удивилась.

— А Олюся гдѣ?—спросила она.

— Олюся съ папашей уѣхали...—странно, какъ фарфоровый китаецъ, качая головой, шопотомъ отвѣчалъ Ниль, готовясь «для примѣра», какъ онъ говорилъ, т. е. для пробы, поднять кроватку у изголовья.

Соня густо покраснѣла.

— А мамѣ?... Мамѣ тоже уѣдетъ?.. — спросила она, и въ глазахъ ея мелькнулъ испугъ, и губы сложились, какъ передъ слезами.

— Нѣтъ!—утѣшилъ ее Ниль.—Мамаша никуда не уѣдетъ... Онѣ съ вами будутъ теперь жить... Въ одной комнатѣ... Какъ же! Онѣ отъ васъ никуда не уйдутъ!..—махнувъ рукой, съ удареніемъ убѣжденно докончилъ Ниль и, дождавшись улыбки Сони, позвалъ няню, чтобы переносить кроватку.

Въ дѣтской Оли Татьяна Алексѣевна, между тѣмъ, сама готовила все для падчерицы.

Когда Соню перенесли, она молча обвела всю комнату глазами и отвернулась, но когда изъ спальни перенесли кровать Татьяны Алексѣевны и поставили рядомъ съ ея,—какой-то внутренней свѣтъ освѣтилъ ея лицо и остановился въ глазахъ и губахъ.

— Ты чего? — замѣтивъ этотъ свѣтъ, спросила Татьяна Алексѣевна.

— Таакъ!—хрипло прошептала Соня и потянулась, задыхаясь, цѣловать мать.

Въ этотъ день, пробуждаясь отъ дремоты, она всякій разъ улыбалась, видя кровать Татьяны Алексѣевны, а ночью все садилась, чтобы поглядѣть: тутъ ли постелька мамѣ?..

Прошло дня три. Дѣвочкѣ было особенно худо. Вечеромъ на третій день Татьяна Алексѣевна опять послала Сашу ей за подарками, стараясь этимъ утолить свое безпокойство и внутреннюю муку. (Въ этотъ же день ее впервые посѣтила Васса Ивановна и осталась помогать въ уходѣ за ребенкомъ).

Ночью, проснувшись во второмъ часу, Соня вдругъ поднялась и хрипло окликнула не спавшую мачеху.

— Мамѣ, а у Саши есть теплыя калоши?..

Татьяна Алексѣевна тоже вскочила и съ ужасомъ поглядѣла на падчерицу.

Она дышала съ трудомъ, быстро и съ хрипами.

— Калоши?... Теплыя?.. Не знаю, — отвѣчала Татьяна Алексѣевна и, думая, что ослышалась, добавила:—Ты что жъ это о нихъ вспомнила?.. А?..

Она жалко улыбнулась.

— Вредить!—думала она.—Какъ горить!.. Господи!.. Можетъ быть, умираетъ!

Стараясь не показать безпокойства, она встала съ своей кровати, придвинутой на ночь почти вплотную къ Сонинной, такъ что оставался только узкій проходъ, и положила руку на бритую голову дѣвочки, накрытую мѣшкомъ со льдомъ.

— Таакъ!—устало протянула Соня и впала въ забытье, но черезъ нѣсколько минутъ опять проснулась, задыхаясь, и повторила свой вопросъ.

— Что она такое говоритъ?—переглядываясь съ Вассой Ивановной, пришедшей изъ сосѣдней комнаты, обратилась Татьяна Алексѣевна къ разбуженной ею нянѣ.

Та, зѣвая и вѣжливо украдкой потягиваясь, чтобы не оскорбить барыню, медленно поднялась, почесала въ головѣ шпилькой, подошла и нагнулась къ Сонѣ.

— Ты что жъ это, Сонюшка, не спишь?—начала она, позѣвая.—О какихъ-такихъ калошахъ вспомнила?.. Спи, матушка. Не хорошо ночью не спать. И мамѣ хочется спать, и «Васваннѣ», и нянечкѣ, а ты не спишь, мѣшаешь.

— А... ей... холодно...—кашляя и задыхаясь, проговорила дѣвочка, сисясь приподняться.

— Кому холодно-то, андѣлъ мой?—спросила няня и властной рукой положила ребенка обратно на подушки.—Никому не холодно, золотая. Всѣмъ тепло... Спи.

Соня жалобно заплакала.

Татьяна Алексѣевна грѣла минеральную воду и постоянно взглядывала на падчерицу, внутренно призывая на помощь свою способность мыслить образами, стараясь догадаться, о чемъ думаетъ дѣвочка.

— Ты о Сашѣ думаешь?—вдругъ спросила она, подавая Сонѣ воду, и отстранила няню.—Ну, выпей-ка... Вотъ такъ... Если о Сашѣ, то мы завтра же узнаемъ, есть ли у нея теплыя калоши, и, если нѣтъ, купимъ ей. Хорошо?.. И теплые чулки купимъ.

Соня съ трудомъ откашливалась, но, несмотря на это, что-то вродѣ улыбки промелькнуло по ея личику.

На мигъ она подняла глаза на Татьяну Алексѣевну и ими выразила все, что не могла сказать голосомъ.

— Ты что жъ... Думаешь, что она простужена?..—продолжала Татьяна Алексѣевна.

Соня утвердительно мотнула головой.

— Ааа! Вотъ что!.. Тебѣ жаль, что я послала ее за твоими игрушками въ морозъ?

Соня подняла слабую горячую руку и слегка прикоснулась ею къ лицу мачехи.

— Чихаетъ!..—еле слышно провзнесла она, кивая, какъ старушка, головой, забирая на сборку носъ и кося брови.

Сердце Татьяны Алексѣевны учащенно забилось. Въ горлѣ защекотало.

— Яйца, яйца... курицу учать!..—думала она, и любовь ея, и нѣжность, и умиленная жалость къ падчерицѣ все разрастались, увеличивались.

— Радость моя, голубочка моя...—также тихо проговорила она, когда наконецъ Соня откашлялась, приняла лекарство и легла.—Завтра же мы все узнаемъ про калоши. Теперь не думай о нихъ... Усни.

Дѣвочка послушно закрыла глаза, но задержала въ своей рукѣ руку мачехи и такъ и заснула.

А Татьяна Алексѣевна сидѣла у ея кровати. Лицо ея было мокро отъ беззвучно катившихся слезъ. Губы кривились отъ рыданій... Глаза, застилаемые, какъ туманомъ, слезами, глядѣли на увеличенный портретъ «Леночки», висѣвшій надъ кроватью ребенка, то въ личико этого дорогого, больного ребенка, то на лампу, стоящую на столѣ подъ густымъ зеленымъ абажуромъ и бросающую яркій свѣтъ на склянки съ лекарствами, фланель, бинты, бутылку съ минеральной водой и прочее. То поднимались кверху и вперялись въ свѣтлый дискъ отъ лампы, окруженный причудливой, шевелящейся тѣнью...

— Не отнимай ее, не отнимай!..—почти громко кричалъ какой-то внутренній голосъ въ Татьянѣ Алексѣевнѣ, взывавшій къ Подателю жизни.

VIII.

Наступили праздники Рождества и прошли тревожно, но къ концу декабря Сонѣ стало нѣсколько лучше, и докторъ позволилъ сдѣлать ей елку.

Татьяна Алексѣевна сама внесла эту красивую елочку въ дѣтскую и разложила на кровати Сони подарки прислугѣ: шарфъ, вязаную фуфайку и перчатки лакею и швейцару и вязаныя юбки, платки и шапки женщинамъ.

— А Олюсѣ?..—вдругъ спросила Соня.

Она худая, какъ скелетъ, обтянутый кожей, бритая, съ шрамомъ, ясно выступавшимъ у лѣваго глаза, въ красной фланселевой кофточкѣ лежала на высоко-взбитыхъ подушкахъ и слабыми, блѣдными ручками раздавала всѣмъ подарки.

На елкѣ присутствовала и Васса Ивановна, тоже получившая, по желанію Сони, теплыя перчатки. Акушерка невольно, при словахъ Сони, взглянула на Татьяну Алексѣевну.

Лицо мачехи дрогнуло.

— Что ты спрашиваешь?..—изумленно сказала она.

Она стояла у стола, указывая падчерицѣ на дорогія бездѣлушки, повѣшенныя на елочкѣ, принарядившаяся въ свѣтлое платье, какъ для настоящаго праздника, храбро улыбаясь еле живой дѣвочкѣ.—Ты что спрашиваешь?

— Олюсь папá дѣлаеть елку?—помолчавъ, иначе переставила вопросъ Соня, поднимая брови и глядя на мать.

— Да!—не колеблясь, но мѣняясь въ лицѣ, отвѣчала Татьяна Алексѣвна.

— Такую же?

— Не знаю.

— Папá съ ней?

— Да!..—повторила опять Татьяна Алексѣвна, зная отъ Хариныхъ, что Андрей Николаевичъ уѣхалъ въ Москву.

Наступило молчаніе.

— Вѣрно, такую же!..—вдругъ медленно вздохнула Соня.

— Я ей шарики подарю,—добавила она съ улыбкой.—Вотъ, вотъ этотъ... И вотъ эту собачку...

И, указавъ на одну изъ любимѣйшихъ своихъ фарфоровыхъ игрушекъ, она опять улыбнулась, очевидно, какимъ-то своимъ мыслямъ.

— У Олюси—папá, а у Сонни...—мамá!—прошептала она черезъ минуту и съ непередаваемой нѣжностью поглядѣла на Татьяну Алексѣвну.

— Вотъ и подѣлились!..—засмѣялась Васса Ивановна, чтобы сказать что-нибудь.—Вотъ и хорошо!

— Ну, что это за ребенокъ, что за душа ребенокъ!..—позднѣ вечеромъ восхищалась она, рассказывая часто пріѣзжавшему теперь къ Татьянѣ Алексѣвнѣ знаменитому своему принципалу о дѣвочкѣ.

— Да-съ!—глубокомысленно согласился докторъ.—Душа-то-съ прекрасная, только бы ее уберечь отъ ранъ... Вы читали,—обратился онъ къ Татьянѣ Алексѣвнѣ,—указанный мною въ «Вѣстникѣ Европы» очеркъ или статейку-съ? «Картинки съ натуры»... Нѣтъ?.. Напрасно-съ!

— Ахъ, чѣмъ можетъ мнѣ помочь статейка!..—горько усмѣхнулась Татьяна Алексѣвна.

Сидя въ гостиной, она наливала у маленькаго стола чай въ темно-синія саксонскія, изящныя чашечки, сама чѣмъ-то непередаваемымъ похожая на дорогой и нѣжный фарфоръ.

— А вотъ вы прочтите, тогда и говорите,—отозвался докторъ.—Вѣдь вамъ подумать надо, какъ жизнь-то устроить!.. Такъ вотъ-съ, барынька... Да!.. Глаза-то не для чего закрывать. Еще недѣлька, другая, а тамъ, Богъ дастъ, ужъ не думать, а поступать придется... Такъ-то-съ!.. А я, какъ и книжку-то вамъ привозилъ, да-съ, помните, говорилъ вамъ: прочтите-съ. Въ жизни всякое бываетъ. Не вы первая, не вы послѣдняя-съ... То-то же!.. Можетъ быть, и вынесете для себя этакое что-нибудь полезное...

— Да, я прочту!..—съ улыбкой выговорила Татьяна Алексѣвна и, подавъ доктору и Вассѣ Ивановнѣ чай, стала разпраши-

вать акушера, что онъ думаетъ о состояніи Сони, какой режимъ совѣтуетъ предпринять для нея, когда она встанетъ, и пр. и пр.

Потомъ, мало-по-малу, она увлеклась и начала сама рассказывать о положеніи дѣвочки въ домѣ за послѣдніе десять мѣсяцевъ до болѣзни, говорила о томъ, что Андрей Николаевичъ не позволялъ ей приходить въ дѣтскую къ Олѣ, гналъ ее, когда заставлялъ ее тамъ, и вообще обращался съ нею такъ, какъ часто господа обращаются съ дѣтьми прислуги, считая ихъ неизмѣримо ниже своихъ дѣтей.

— И все это она выносила!..—краснѣя и блѣднѣя, говорила Татьяна Алексѣевна.—И все это я должна была терпѣть!.. Потому что, когда пробовала заступаться,—только выходило хуже. А какая это дѣвочка, судите сами. Недавно мы прочли рассказъ о дѣвочкѣ и мальчикѣ сиротахъ, которыхъ истязалъ вотчимъ-сапожникъ. Въ тотъ же вечеръ, я слышу, она потихоньку молится: «пошли, Господи, всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ хорошаго папá и хорошую мамá».

Докторъ покачалъ головой.

— Ну, а Олюсю она любитъ?—спросила Васса Ивановна.

— Богъ ее знаетъ!..—подумавъ, отвѣчала Татьяна Алексѣевна.— Нѣжна она съ ней была очень, но какъ она могла ее любить, когда она не смѣла къ ней подойти, а если подходила, то ее сейчасъ гнали или наказывали...

— Прочтите, прочтите статейку...—комично поднимая руку съ вытянутымъ кверху пальцемъ, серьезно настаивалъ докторъ.— Хорошая статейка!..—говорилъ онъ съ удареніемъ.

— А скажите, пожалуйста, вы отъ вашего мужа за эти шесть недѣль имѣли извѣстія?..—спросилъ онъ, уходя черезъ часа полтора и прощаясь.

Болѣзненно покраснѣвъ, Татьяна Алексѣевна отрицательно покачала головой.

— Никакихъ?

Докторъ, пожавъ плечами и наклонивъ голову на бокъ, поцѣловалъ руку Татьяны Алексѣевны.

— Такъ-съ!.. Это удивительно!.. — рѣзкимъ шопотомъ, кривя ротъ, проговорилъ онъ. — У-ди-ви-тель-но!.. Н-но!.. Все на свѣтѣ случается!..

Въ эту ночь, лежа на кровати, близко придвинутой къ Сониной кроваткѣ, слишкомъ взволнованная всѣми рассказами и воспоминаніями, чтобы спать, Татьяна Алексѣевна взяла номеръ стараго, 90-хъ годовъ, «Вѣстника Европы» и зажгла свѣчку.

Въ комнатѣ раздавалось облегченное дыханіе спящаго, выздоравливающаго ребенка, и она то съ трепетной радостью прислушивалась къ нему, то, напротивъ, боясь сглазить дѣвочку, старалась не слушать этого милаго, ровнаго звука.

Отмѣченная краснымъ карандашомъ статья въ журналѣ была подписана дѣтскимъ врачомъ А. Ш—ой.

Татьяна Алексѣевна посмотрѣла въ оглавленіе, нашла статью и стала читать, но сначала мысли ея разбѣгались. Она ловила себя на томъ, что думаетъ объ Олѣ, о мужѣ, вспоминаетъ малѣйшія подробности, предшествовавшія ихъ отъѣзду, и съ новой силой переживаетъ впечатлѣніе, когда мужъ бросилъ въ нее подсвѣчникъ.

Въ первую ночь болѣзни Сони эта сцена неотвязно преслѣдовала ее. Пульсъ ея доходилъ до 140 ударовъ въ минуту, и она все видѣла руку Андрея Николаевича, схватывающаго въ дикой злобѣ съ письменнаго стола бронзовый шандаль, его сѣдую голову, черные усы, побѣлѣвшія, одутловатыя щеки, маленькіе сверкавшіе глаза, стиснутые зубы съ поднятой верхней губой... Вотъ рука бросаетъ подсвѣчникъ... Татьяна Алексѣевна видитъ, какъ онъ, сверкая бронзовымъ бликомъ, тяжело летитъ въ темномъ воздухѣ еле освѣщеннаго одной зеленой лампой кабинета, видитъ свое движеніе головой и корпусомъ, чтобы избѣжать удара, слышитъ свои слова: «побойся Бога!..» Помнитъ свою странно бѣлую, узкую руку въ кольцахъ, схватившуюся за высокую спинку кожанаго стула...

Слышитъ глухой грохотъ шандала, падающаго на полъ, зятянутый пушистымъ ковромъ, дребезжанье стеклянной розетки, ударившейся обо что-то твердое... Она мысленно приглядывается къ происходящему и вдругъ снова видитъ начало сцены: руку мужа, схватывающую подсвѣчникъ, черный рукавъ его смокинга, бѣлую лоснящуюся манжету его крахмальной рубашки и пр.

Теперь, при воспоминаніи о сценѣ, къ счастью, мозгъ не повторялъ одного и того же, но Татьяна Алексѣевна тѣмъ съ большей силой видѣла происшедшее и, видя его, такъ сказать, въ перспективѣ, отдавала себѣ ясный отчетъ и въ характерѣ мужа, и въ своемъ бракѣ.

— Да, бракъ этотъ былъ однимъ сплошнымъ несчастьемъ!..— думала она, начиная чигать статью и потомъ снова разсѣянно опуская журналъ.

— Однимъ сплошнымъ!.. Если бы не Соня!.. Но для Сони, для ея спасенія онъ былъ нуженъ... Необходимъ!.. И потому всѣ силы, всѣ способности надо употребить на то, чтобы помочь... Сонѣ...

— А Оля?..—спрашивалъ какой-то внутренній голосъ.

Татьяна Алексѣевна поднимала глаза къ потолку, пристально глядѣла на свѣтлый кругъ отъ лампы и черезъ минуту чувствовала, что сердце ея закрыто для ея ребенка, сознавала себя чудовищемъ и невольно, съ горечью, какъ всегда, спрашивала себя:

— Кто въ этомъ виноватъ?..

Потомъ она снова принималась за чтеніе и снова оставляла его, недоумѣвая: отчего докторъ совѣтовалъ ей прочесть именно эти рассказы изъ «записной книжки» врача?.. И такъ длилось до тѣхъ поръ, пока она не дочла до одной главы... Тогда она поняла, и не прочла, а проглотила рассказъ.

Въ немъ авторъ безыскусственно и живо, какъ во всѣхъ рассказахъ, передавалъ исторію изъ своей врачебной практики,— исторію, сколокъ съ семейной жизни Андрея Николаевича и Татьяны Алексѣевны. Въ той семьѣ была та же безумная ревность мужа, тѣ же продѣлки нравственной пытки, которымъ онъ подвергалъ жену, тѣ же сцены и окрики, что она не такъ обращается съ ребенкомъ, а потомъ дѣтьми, какъ слѣдуетъ, недостаточно любить ихъ; то же отчаяніе жены, та же боязнь ненавидѣть собственное дитя, то же духовное и физическое завяданіе ея...

Но тамъ конечнымъ результатомъ была смерть жены и... вторичный бракъ мужа, забросившаго задолго до того дѣтей, сдавшаго ихъ въ наемныя, жесткія и жестокія руки...

— Что жъ это такое?..—спрашивала себя Татьяна Алексѣевна.— Какое же для меня онъ видитъ указаніе въ этомъ фактѣ?.. Что есть такія семьи? Но что жъ изъ этого? Какая же тутъ Moral von der Geschichte?.. Какой выходъ?

Она долго лежала, обдумывая что-то неясное и неоформленное, по временамъ горько усмѣхаясь сама себѣ, а подмышленіе ея, между тѣмъ, безъ ея сознанія работало и готовило, невѣдомо для нея самой, вполне законченное рѣшеніе, выводъ и приговоръ.

IX.

Февральское солнце пробивалось сквозь морозный туманъ, окутывавшій Москву.

Было утро, и городъ, освѣщенный матовымъ, солнечнымъ шаромъ, носилъ еще отпечатокъ холода и ночной тишины.

У узкихъ, плохихъ, грязныхъ тротуаровъ, почти не отдѣлявшихся для глаза отъ грязной, ухабистой мостовой, уровень которой повысился благодаря несчищаемому снѣгу, стояли рѣдкіе и жалкіе извозчики, и ѣхали отъ вокзала сани, кареты и omnibusы разныхъ отелей въ разные направленія.

Въ одномъ изъ такихъ omnibusовъ, «подпрыгивая» отъ тряски и поражаясь неволью нечистоплотностью Первопрестольной, ѣхала вдвоемъ съ незнакомымъ ей туристомъ-французомъ Татьяна Алексѣевна.

Лицо ея подъ черной съ мушками вуалью поражало худобой, а также грустнымъ и вмѣстѣ спокойнымъ выраженіемъ большихъ темно-сѣрыхъ глазъ.

Юркій французикъ-литераторъ, очевидно, заинтересованный ею, т. е. ея изящной внѣшностью, пытался обратить на себя ея вниманіе, съ жестами кричалъ кондуктору при видѣ какой-нибудь городской стѣны: «C'est ça le Kremlin?» и всякій разъ, получая отрицательный отвѣтъ, поводилъ въ ея сторону глазами, но она сидѣла спокойная, даже не строгая, но безучастная.

Въ Москву она пріѣхала, чтобы повидать дочь и познакомиться съ свекровью,—передъ отъѣздомъ за границу.

Отъѣздъ этотъ былъ, въ принципѣ, ею рѣшенъ, но для исполненія его на практикѣ надо было удалить одно огромное препятствіе, и въ этомъ могла помочь ей свекровь.

Такъ думала, по крайней мѣрѣ, Татьяна Алексѣевна.

Соню она оставила въ Петербургѣ и, боясь козней Андрея Николаевича, упросила стариковъ Хариныхъ, для безопасности ребенка, переселиться на два-три дня къ ней, пока она будетъ въ Москвѣ.

Рѣшеніе ѣхать туда явилось у нея исподоволь.

На Новый годъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими старыми друзьями, къ ней пріѣхалъ и старый дипломатъ, тотъ самый, который когда-то, передъ ея помолвкой, на балу у посланника, говорилъ ей, лукаво прищуривая глаза, что нельзя быть такой невозможно красивой.

Дипломатъ ужаснулся происшедшей въ ней переменѣ, внутренне выругалъ ея мужа и, деликатно разспросивъ ее объ ея семейныхъ обстоятельствахъ, посовѣтовалъ махнуть на все минувшее рукой.

— А я-то... я-то думалъ: *les peuples heureux n'ont pas d'histoire!*.. — печально проговорилъ онъ, поднося на мгновеніе душистый платокъ къ глазамъ, полнымъ слезъ.

Татьяна Алексѣевна грустно усмѣхнулась.

— Дорогой другъ, теперь время переоцѣнки всѣхъ цѣнностей,—сказала она.—Надо переоцѣнивать и поговорки... Я думаю, часто *les peuples malheureux n'ont pas d'histoire!*.. т. е. такъ судьба ихъ бьетъ, что не о чемъ и рассказывать, все—горе, горе, одно горе!.. Какая же тутъ исторія?... Вотъ когда горе вперемежку съ радостью—тогда!.. Но одно горе...

Она покачала головой.

— Такъ махните же на все горе рукой и начните съ новаго года новую жизнь,—сказалъ дипломатъ.

Татьяна Алексѣевна опять усмѣхнулась.

— Вы мнѣ совѣтуете сдѣлать, какъ Нэстикъ!...—проговорила она.

— *Qu'est ce?.. Нэстикъ?*—удивился дипломатъ.

— Нэстикъ?.. Это цѣлая исторія!..—отвѣчала Татьяна Алексѣевна, и въ ея глазахъ на мигъ зажегся прежній шаловливый огонекъ.—Когда я была дѣвочкой, у насъ въ Павловскѣ какъ-то

завелось лѣтнее знакомство: милая обрусѣвшая семья французовъ. Тамъ былъ сынъ моихъ лѣтъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, но замѣчательно маленькаго роста. И вотъ, когда мы уѣзжали осенью и, прощаясь, желали ему всѣхъ благъ земныхъ и также вырасти большимъ-большимъ, онъ пресерьезно отвѣчалъ: «Нѣтъ, теперь ужъ августъ. Не стоитъ. А вотъ съ новаго года...» Такъ у насъ и вошло въ поговорку: теперь не стоитъ, а съ новаго года!..—докончила Татьяна Алексѣевна съ грустной улыбкой.—Такъ и вы мнѣ теперь совѣтуете!..

— Совѣтую, совѣтую!—живо повторилъ дипломатъ.—И начать новую жизнь совѣтую и... лечиться, лечиться... Нельзя такъ запускать свое здоровье...—сказалъ старикъ, окинувъ грустнымъ взглядомъ молодую женщину, и, внутренне рѣшивъ, что у нея чахотка, сталъ давать ей совѣты, куда ѣхать за границу для поправленія здоровья.

Татьяна Алексѣевна разсѣяннo-задумчиво слушала его. Назрѣвавшее въ душѣ ея, неоформленное еще рѣшеніе отъ его словъ и особенно взглядовъ подвигалось въ своемъ ростѣ, какъ подвигается растеніе, къ которому искусной, умѣлой рукой подносятъ электрическую лампочку.

Въ срединѣ января Татьяна Алексѣевна вдругъ, неожиданно для себя, вставъ какъ-то утромъ, когда всѣ въ домѣ еще спали, написала мужу письмо.

Она не сознавала, что давно готовилась къ этому поступку, и потому была удивлена, какъ гладко и просто вылилось у нея это письмо. Въ немъ она говорила, что рѣшила уѣхать съ Соней въ Каннъ или По, такъ какъ дѣвочка очень слаба, и докторъ опасается за ея жизнь, и просила Андрея Николаевича выдать ей заграничный паспортъ.

Отвѣта на это письмо не получилось. Тогда Татьяна Алексѣевна написала вторично и просила мужа пріѣхать къ ней для переговоровъ, такъ какъ произведена полная дезинфекція квартиры, и заразы бояться нечего.

Но и на это письмо отвѣта не послѣдовало.

Тогда Татьяна Алексѣевна собралась и поѣхала въ Москву, чтобы повидаться съ свекровью и черезъ нее подѣйствовать на мужа.

Подѣзжая къ «Славянскому Базару», она, однако, вдругъ стала все больше и больше волноваться и раскаиваться въ своемъ пріѣздѣ.

Во-первыхъ, она оставила Соню, и съ дѣвочкой во время ея отсутствія могло что-нибудь случиться... Тогда для чего всѣ хлопоты и ея пріѣздъ въ Москву?..

Во-вторыхъ, выѣхала она изъ Петербурга безъ паспорта, какъ какая-нибудь преступница, и для того, чтобы остановиться въ гостиницѣ, должна была итти на подлогъ, т. е. въ случаѣ крайности предъявить не свой паспортъ, а своей знакомой,

— Боже мой, а вдругъ ты накажешь меня за это, — отнимешь Соню!.. — чувствуя всю преступность лжи, безъ словъ взывала Татьяна Алексѣевна къ Творцу всѣхъ людей, и она все больше блѣднѣла, руки ея холодѣли, и ей страшно хотѣлось, чтобы кто-нибудь великій, добрый и ласковый понялъ ее, успокоилъ, приласкалъ и утѣшилъ.

Въ «Славянскомъ Базарѣ» Татьяна Алексѣевна взяла маленькую комнату съ картиной-портретомъ русской дѣвушки въ боярскомъ костюмѣ.

Комната эта ей попалась случайно, но была какъ разъ та, въ которой она когда-то дѣвочкой-подросткомъ останавливалась съ матерью своей. Тогда она читала романъ Милюкова «Царская невѣста» и, какъ дитя, была до того подъ обаяніемъ романтическаго образа Марѳы Собакиной, что, одухотворивъ картину-портретъ, слила его съ этой поэтичной Марѳой.

Теперь портретъ, какъ старый другъ, привѣтствовалъ ее со стѣны, и, увидѣвъ его надъ маленькимъ бархатнымъ диваномъ, она не захотѣла осматривать другія комнаты, а рѣшила остаться въ этой.

Внесли ея багажъ. Дѣвушка налила свѣжей воды въ кувшинъ. Татьяна Алексѣевна приказала принести себѣ кофе.

Сердце ея усиленно билось. Ей казалось, что всѣ въ гостиницѣ видятъ, знаютъ, что она дастъ не свой паспортъ, если ее спросятъ.

— И отчего, зачѣмъ женщинъ ставятъ въ это дурацкое положеніе рабынь не рабынь, преступницъ, что ли? — искренно возмущалась она, нервно ожидая требованія паспорта со стороны лакея.

— Отчего въ равноправной христіанской семьѣ, въ христіанскомъ государствѣ нужно подчинять женщину унижительной зависимости отъ мужа?.. Кому отъ этого легче: мужу, женѣ, государству?.. Боже мой, вѣдь обмануть всегда можно!.. Но зачѣмъ ставить въ такое положеніе?.. Вѣдь хорошій мужъ, мужъ-другъ или даже мужъ, любящій негодную жену, самъ не поставитъ ее въ такое положеніе... Значитъ, этотъ законъ покровительствуетъ только дурнымъ мужьямъ... Я — преступница!.. А вѣдь преступница, если не по духу, не по совѣсти, то по закону!..

Когда наконецъ человѣкъ принесъ кофе, а затѣмъ вѣжливо попросилъ паспортъ, Татьяна Алексѣевна попробовала избѣжать обмана.

— Я сегодня вечеромъ уѣзжаю! — объявила она, быстро поднимая на лакея лицо. — Развѣ и тогда нуженъ паспортъ?

— Такъ точно, и тогда, — послѣдовалъ полугромкій, равнодушный, но убѣжденный отвѣтъ.

Татьяна Алексѣевна встала изъ-за стола, у котораго готовилась пить кофе, и открыла дорожный кожаный мѣшокъ.

— Вот!—вымолвила она, стоя вполоборота, и через плечо протянула лакею зеленую книжечку-паспортъ.

— Только, пожалуйста, чтобы къ вечернему поѣзду онъ былъ у меня,—добавила она, густо и будто гнѣвно краснѣя.—Я уѣзжаю съ 10-часовымъ въ Петербургъ обратно.

Человѣкъ взялъ паспортъ и со словами: «будьте покойны!» вышелъ, а Татьяна Алексѣевна заперла дверь на ключъ, сѣла у окна и долго сидѣла.

— Вотъ и преступница!..—мелькало у нея въ мысляхъ.—Преступница, да!.. Не лгать!.. Какой великій принципъ—не лгать... И какъ благословенна семья, общество, страна, гдѣ лжи нѣтъ, или гдѣ ея мало... гдѣ нѣтъ надобности лгать... Нѣтъ нужды... У насъ—нужда, потому что запретъ на все, на самое невинное и необходимое... Оттого и недоверіе... Мы привыкли лгать, привыкли и не доверять... Оттого и Андрей не доверялъ Леночкѣ, мнѣ... потому что вездѣ, дома, въ школѣ, въ обществѣ, видѣлъ одно:—ложь, часто ложь по необходимости...

И вдругъ передъ Татьяной Алексѣвной мелькнуло воспоминаніе о разсказѣ мужа, какъ его сослуживецъ выдавалъ за жену не жену, какъ многіе это знали, и какъ всѣ объ этомъ, будто сговорившись, молчали.

— Да, ядъ, ядъ вездѣ!..—поводя плечами, точно отъ холода, думала Татьяна Алексѣвна.—Какой иной казалась жизнь, когда я пріѣзжала сюда съ матерью...

Она встала, взглянула на Марѳу Собакину, подумала: «И она не та красавица, какой сохранилась у меня въ памяти... Какъ я фантазіей прикрасила ее!...» грустно усмѣхнулась, выпила полчашки кофе и стала одѣваться, готовясь къ предстоящему визиту.

Черезъ полчаса, побывавъ въ почтамтѣ, куда Харины должны были прислать подробную телеграмму о Сонѣ, получивъ эту телеграмму и узнавъ изъ нея, что все благополучно, помолвившись у Иверской, вымѣнявъ тамъ двѣ совершенно одинаковыя иконки для дочерей, Татьяна Алексѣвна, чувствуя, что дѣйствительно кто-то Невидимый Великій и Благій сталъ возлѣ нея и именно приласкалъ и ободрилъ ее,—спокойная, почти радостная ѣхала на Поварскую къ свекрови.

— Все простой народъ,—думала она, глядя на прохожихъ.—Какія лица!.. Ломовые-то!.. Дикари... Азіаты... Да, гдѣ жнецы? Жатвы много, а гдѣ, гдѣ дѣлатели?... И это черезъ двѣ тысячи лѣтъ!.. Да,—какъ Петербургу далеко, хотя бы, до Берлина, такъ Москвѣ далеко до Петербурга!—Дорога-то какая у-хаб-бистая!—громко выговорила она, подпрыгивая на рывинахъ.

— Шлох ая дорога!.. Чего плоше!—дернувъ шейю, согласился, не оборачиваясь къ ней, извозчикъ.

Мать Андрея Николаевича, Варвара Николаевна, жила въ переулкѣ близъ Поварской, въ деревянномъ особнячкѣ.

Домъ былъ старый, маленькій, съ мезониномъ, и странно было видѣть его, дряхлаго, точно смиренно ставшаго на колѣни съ мольбой о пощаду, рядомъ съ другими каменными домами европейской конструкціи.

Татьяна Алексѣевна вышла изъ санокъ, поднялась на три ступеньки растрескавагося, сѣраго крылечка и нажала пуговку электрическаго звонка.

Изнутри раздался собачій хриплый лай, но, кромѣ собаки, никто не откликнулся.

Постоявъ и нѣсколько разъ поправивъ и безъ того хорошо надѣтую вуалетку, Татьяна Алексѣевна позвонила еще и еще разъ.

Собачій лай то отдалялся и звучалъ глуше, то приближался.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Наконецъ послышались человѣческіе шаги. Дверь открыла молодая, опрятная, миловидная горничная. Маленькая рыжая собачка съ пушистымъ, какъ у бѣлки, хвостомъ и острой мордой,—совсѣмъ такая, какою по ея лаю представляла себѣ Татьяна Алексѣевна,—хрипя, выкатилась на крыльцо. Горничная быстро оглядѣла незнакомую госпожу.

— Варвара Николаевна дома?—спросила Татьяна Алексѣевна.

— Дома-съ,—отвѣчала горничная.

— Вотъ моя карточка,—сказала Татьяна Алексѣевна, входя въ переднюю.—Пожалуйста, передайте ее Варварѣ Николаевнѣ, и вотъ вамъ.

Татьяна Алексѣевна опустила въ руку дѣвушки трехрублевую бумажку и снова, какъ при отдачѣ паспорта въ отелѣ, густо покраснѣла.

— Ложь, недовѣріе и подкупъ!—думала она.—Одно за другимъ естественной цѣпью!.. Да!.. И все изъ-за подчиненія одного другому Богомъ сравненныхъ людей... жены мужу-главѣ, который истязаетъ!.. И когда же?.. когда?..—мелькнуло у нея.—Когда полиція требуетъ, чтобы у молоденькихъ дѣвушекъ, почти дѣтей, кончающихъ гимназическій курсъ съ званіемъ домашней наставницы, были отдѣльные отъ родителей паспорта!..

Она постояла въ передней, въ негодованіи на себя и обстоятельства, крѣпко сжимая въ муфтѣ руки и, одновременно, прислушиваясь: не услышитъ ли она голосъ Оли?—Но въ квартирѣ было тихо, точно въ ней всѣ вымерли.

Татьянѣ Алексѣевнѣ стало жутко.

— А вдругъ не приметъ?.. мелькнуло у нея..

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, горничная торопливо вернулась и стала подчеркнуто-вѣжливо и быстро помогать раздѣваться Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Лицо ея свѣтилось любопытствомъ.

— Пожалуйте въ гостиную,—говорила она, быстро открывая дверь въ сосѣднюю комнату.—Барыня сейчасъ выйдутъ.... Пожалуйте. Позвольте муфточку. Не угодно ли сюда положить?

Татьяна Алексѣевна поблагодарила и, почувствовавъ, отъ суеты горничной, спокойствіе и увѣренность въ движеніяхъ, съ муфточкой вошла въ гостивую.

Черезъ минуту къ ней вышла и Варвара Николаевна.

Очень высокая, костистая, прозванная въ молодости цаплей, расплывшая къ старости, она съ перваго взгляда поражала своимъ оригинальнымъ видомъ, угловатыми тѣлодвиженіями и большимъ, краснымъ, некрасивымъ лицомъ, съ отвислыми, какъ у породистыхъ собакъ, щеками. Но маленькіе каріе глаза ея свѣтились добротой.

Татьяна Алексѣевна тотчасъ замѣтила это, и сердце ея дрогнуло отъ любви и сочувствія.

— Вотъ на кого похожа Оля!—мелькнуло у нея, и одновременно рука ея потянулась навстрѣчу рукѣ Варвары Николаевны.

Черезъ мгновеніе Варвара Николаевна съ покраснѣвшими глазами притягивала въ свои объятія невѣстку, а еще черезъ минуту Татьяна Алексѣевна, сидя въ креслѣ у стола, крытаго старенькой, полинялой бархатной салфеткой, плакала, какъ ребенокъ, и старуха утѣшала ее.

— Знаю я все это, знаю!..—мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, страннымъ, надтреснутымъ, гнусавымъ голосомъ говорила она, съ полуулыбкой, открывавшей большіе, неправильно-выросшіе зубы.—Сама прошла черезъ это... Но никогда не думала, чтобы Ейчикъ (такъ звала она сына) такъ же былъ бы ревнивъ, какъ покойный Николай Андреевичъ. *Vous savez, il est tout ce qu'il y a de plus simple comme caractère, Ейчикъ!* Къ нему такъ не подходятъ всякія романическія страсти!.. Я его просто не узнаю... Но вѣдь я оттого и отказалась на вашу свадьбу пріѣхать... *Je savais*, что опять начнутся прежнія исторіи... Вѣдь онъ страшно измучилъ Леночку... Царствіе ей небесное! (Старуха перекрестила грудь мелкимъ крестомъ). *Et entre nous soit dit...* я убѣждена, что подозрѣнія его были напрасны. *Elle n'avait pas l'air de cela.* Дѣвочка совсѣмъ!.. Милая, скромная, болѣзненная...

Татьяна Алексѣевна слушала и плакала, плакала и слушала, минутами возмущаясь, напимѣрь, словами: между нами будь сказано... «Отчего между нами?—думала она.—Надо бы не между нами, а на площадяхъ кричать!..» Но глубина чувства оскорбленія мало-по-малу отъ словъ свекрови какъ-то мельчала. Точно внутри, въ сердцѣ ея, происходили давно готовившіяся, вулканическія измѣненія, поднимавшія дно въ одномъ мѣстѣ и углублявшія его въ другомъ, такъ что получался новый фарватеръ.

— Онъ всѣмъ былъ недоволенъ въ моемъ обращеніи съ Олей!— въ отвѣтъ на рассказы свекрови тихо плакала Татьяна Алексѣевна.—Я ее не такъ держу, не такъ кормлю, не такъ пеленаю!...

— Скажите, пожалуйста!..—улыбаясь и открывая торчащій во всѣ стороны темный букетъ зубовъ, прерывала ее Варвара Николаевна.—Но это совершенно—Николай Андреевичъ!—смѣялась она, будто чему-то радуясь.—Онъ тоже всѣмъ былъ недоволенъ, когда Ейчикъ былъ маленькій, и я кормила его. Самъ головку придерживалъ Ейчику... Mais c'était tellement incommodé... А я глазъ не осушала. Сижу, бывало, кормлю и сама реву, реву... Mais non, vous savez, что онъ сдѣлалъ со мной, какъ я только что замужъ вышла?—вдругъ оживилась Варвара Николаевна.—Я удивляюсь, какъ отъ васъ не потребовалъ того же Ейчикъ. Il serait capable...

Она опять засмѣялась.

Вытеревъ глаза, Татьяна Алексѣевна приподняла голову.

Передъ ней, на старомъ и старомодномъ диванѣ, крытомъ потертымъ репсомъ темно-синяго цвѣта, сидѣла старая женщина съ отвисшими щеками. На столѣ передъ ней на бархатной полинялой салфеткѣ стояла старомодная керосиновая лампа съ моднымъ шелковымъ абажуромъ и лежали два потертыхъ альбома. Полъ былъ затянутъ штопанымъ ковромъ. Въ одномъ углу видѣлся деревянный «трельяжъ» для плюща, въ другомъ—старенькій рояль; по стѣнамъ и у оконъ неуклюжая, какъ диванъ, громоздкая мебель съ деревянными полированными ободками, и вездѣ въ комнатѣ разлитъ былъ тотъ особый воздухъ, тотъ колоритъ, который бываетъ только въ старыхъ, дворянскихъ, разрушающихся гнѣздахъ.

— Да!—думала Татьяна Алексѣевна.—Да!.. Вотъ вся жизнь ея прошла въ этой обстановкѣ. Впереди для нея остается одно—смерть... А что было у нея до этой смерти? Что?.. Развѣ не бессмысленное ломаніе себя—во имя чего?.. Долга? Но какой долгъ поступать такъ, какъ она поступала, и воспитать второй экземпляръ Николая Андреевича?.. А вѣдь для этого жила..

Татьяна Алексѣевна съ тоской обводила взглядомъ комнату и снова слушала свекровь. Та оживилась, помолодѣла и точно съ удовольствіемъ вновь переживала свою пропешшую печальную молодость, свои брачныя горести и тревоженія.

— У меня были густые, длинные волосы, до сихъ поръ...—показывала она ниже колѣнъ.—Въ сущности и все, что было-то во мнѣ красиваго,—добродушно добавляла она, качая головой.—Eh bien, pensez... Николай Андреевичъ, любовавшійся всегда этими волосами, когда былъ женихомъ, на слѣдующій день послѣ свадьбы, утромъ, когда я стала расчесывать ихъ, а они у меня были волнистые, отливали золотомъ... потребовалъ, въ знакъ того, что я люблю его, non pensez...—смѣялась она точно чему-то веселому,—

въ знакъ любви потребовалъ, чтобы я сама сръзала волоса... А коса была вотъ. (Она показала кулакъ). Eh bien,—истерично хотела она,—je l'aimais tant, что, недолго думая, взяла ножницы и... трахъ!.. Коса у ногъ моихъ и упала!..

Она остановилась и раскраснѣвшаяся, взволнованная, съ старческими, блестящими отъ слезъ глазами уставилась на невѣстку, какъ бы спрашивая: «ну, каково?..» Но Татьяна Алексѣевна молча, точно она прислушивалась къ чему-то, происходящему внутри ея, смотрѣла на нее, и лицо ея дышало холодомъ и враждебностью.

— Ну, что же?.. Зачѣмъ вы это сдѣлали?..

Варвара Николаевна начала объяснять.

— Вотъ подите же!.. Въ дѣвушкахъ я всегда всеѣмъ говорила, что выйду замужъ только за человѣка, который меня покорить, сломить мою волю, такъ какъ дома ее никто не могъ сломить, что только такую любовь я и понимаю...

Но Татьяна Алексѣевна не слушала ея.

Смутныя мысли-образы проносились въ ея душѣ. Ей думалось: вотъ отчего семейная жизнь и распатана теперь окончательно, что нравственнаго, поступательнаго движенія въ ней не было и нѣтъ, нѣтъ эволюціи, а есть застой... Застой и разложене... Это какъ русскіе кустари... На вербной недѣлѣ въ Петербургѣ цѣлыя полстольтія, а можетъ быть и больше, все тѣ же американскіе звѣри въ банкахъ и парафиновые уроды-херувимы на пучкахъ ивняка... Улучшенія нѣтъ, и противно смотрѣтъ, и торговля падаетъ... Да!.. Такъ и въ семейной жизни. Что было хорошо для женщинъ древняго міра, то для насъ недостаточно. Первоначально христіанство поставило женщину въ равное положеніе съ мужчиной во всемъ томъ, что было высшаго въ жизни... Теперь требуется уравненіе и въ остальномъ, въ житейскомъ... Иначе христіанство не христіанство, а мертвая, разлагающаяся сила... Вѣдь сказано: будьте совершенны, какъ Отецъ Небесный, т. е. откройте безбрежные горизонты на всю вселенную, на все времена... Да! Это такъ, такъ!..

— Я не обрѣзала бы своихъ волосъ,—строго выговорила она, отрываясь отъ своихъ мыслей и отвѣчая на вопросъ Варвары Николаевны:—что бы вы сдѣлали... Не обрѣзала бы!..

Варвара Николаевна тихо, по-старушечьи засмѣялась, откинувшись на спинку дивана, считая слова и волненіе невѣстки признакомъ молодости, незрѣлости, ребячества.

— Не обрѣзали бы?

— Не обрѣзала бы!—подтвердила Татьяна Алексѣевна, глядя серьезными глазами въ глаза свекрови и на ея вопросъ: «а что жъ бы вы сдѣлали?» отвѣчала:

— Начала бы войну, какъ теперь.

— А развѣ теперь у васъ война?—точно чего-то пугаясь и сразу мѣняясь въ обращеніи, спросила Варвара Николаевна, расширяя зрачки.

«И чего меня дернуло!.. Вотъ разболталась-то!.. —мысленно, видимо, тотчасъ упрекнула она себя, предчувствуя всѣ послѣдствія и ужасы своей неумѣстной откровенности.—Еще Ейчикъ разсердится!..»

— Да, война...—съ чуть замѣтной усмѣшкой сказала Татьяна Алексѣевна.—Такъ какъ иначе нельзя... Покориться ему теперь, послѣ послѣдней сцены, когда онъ кричалъ Богъ знаетъ что. Когда онъ... (она оборвала) послѣ его отъѣзда... Нѣтъ!.. Это значитъ поставить не только свою жизнь на карту, но и Сонину... А я этого не могу.. (голосъ ея сорвался). Не могу!..

Наступило молчаніе.

— Что жъ вы сдѣлаете?—черезъ минуту спросила Варвара Николаевна, и тонъ ея выдалъ ея сомнѣнія, колебанія и поворотъ симпатій въ сторону сына.

— Что?.. Уѣду за границу. Выхлопочу себѣ паспортъ... отдѣльный... и уѣду, если Андрей самъ не дастъ мнѣ паспортъ. Доктора посылаютъ Соню въ Каннъ, такъ какъ тутъ она жить не можетъ... Не можетъ...—вхлиснула Татьяна Алексѣевна, но тотчасъ удержалась и продолжала.—Я и пріѣхала сюда къ вамъ за совѣтомъ. (Она нагнулась къ свекрови). Маша, помогите мнѣ уговорить Андрея дать мнѣ отдѣльный видъ на жительство...

Старуха вздрогнула.

— Помогите... Я два раза писала ему и не получила отвѣта... Остаться съ нимъ пока я не въ силахъ... Онъ долженъ смириться, понять, какъ виноватъ онъ, а не такъ... Вѣдь за шесть недѣль, больше, за всѣ два мѣсяца, онъ ни разу не освѣдомился о моемъ здоровьи! —Какая же это любовь?.. А быть нужной утварью въ его домѣ, не человѣкомъ, не товарищемъ—я не въ силахъ!..—Татьяна Алексѣевна повела плечами, какъ отъ холода, и dokonчила:—Прямо считаю это безнравственнымъ, антихристіанскимъ...

Снова наступило молчаніе.

«Поймешь ли ты?—думала она съ тупой болью въ сердцѣ про Варвару Николаевну.—Поймешь ли ты мое чувство, мою мысль?.. Или, благодаря воспитанію и самой жизни, такъ привыкла къ стоячей водѣ, къ самому запаху твоего зацвѣтшаго родного болота, что желаніе выйти изъ него на просторъ хотя бы чистаго, покрытаго душистыми цвѣтами поля, дальше отъ знакомыхъ тебѣ гніющихъ, цѣпкихъ водорослей...—мелькнулъ у нея образъ-сравненіе, — осудишь какъ проявленіе нигилизма, распущенности, безбожія и пр.?..»

Варвара Николаевна молчала.

«Но вѣдь и первыхъ христіанъ обвиняли не знающіе ихъ ученія въ безнравственности, во всевозможныхъ преступленіяхъ», про-

должала съ грустью думать Татьяна Алексѣвна, видя, не поднимая глазъ, какъ свекровь, смущенно задумавшись, боится, не знаетъ, что сказать, и разглаживаетъ бахрому на старой и старомодной диванной подушкѣ.

«И Христу говорили: Ты богохульствуешь!..»

— А что Оля?—вдругъ спросила она, нарушая давящую тишину.

Варвара Николаевна обрадовалась.

— Оля?.. Ничего!.. здорова!..—гнусая, протянула она, улыбаясь и чувствуя, что, слава Богу, точно тяжесть сваливается съ ея плечъ.

— Здорова!.. Выросла!.. Такая хорошенькая стала. Говорить: папá, мамá.—Да-а-а!

Татьяна Алексѣвна слабо улыбнулась.

— Могу я ее видѣть?—спросила она и тотчасъ добавила:—Мнѣ передавали о ней вѣсти старики Харины. А сами они получали о ней извѣстія черезъ Машеньку Бодэ...

— Ахъ... да-а-а?!..—вопросительно-утвердительно протянула Варвара Николаевна.—Правда, Машенька у насъ часто бывала за послѣднее время... De sorte que vous étiez au courant. В-о-отъ что!...

«Правда!.. — думала Татьяна Алексѣвна.—Правда!.. Что жъ я стала бы тебѣ лгать?.. А паспортъ?..» мелькнула у нея, и она внутренно съежилась.

«И стала бы,—сказала она себѣ съ горечью.—И стала бы!..»

Весь день пробыла Татьяна Алексѣвна у свекрови, у ней и обѣдала, и пила вечерній чай.

Оля сначала не узнала ея, стала отворачиваться, будто чего-то боясь, бить ногами и кричать, ложась лицомъ на плечо няни.

Няня стала дѣлanno укоризненно успокаивать ея, гладить по спинѣ, увѣрять, что бояться нечего, что это мамá.

На самомъ же дѣлѣ, вслѣдствіе непонятнаго каприза человѣческаго сердца, Пелагеѣ Игнатьевнѣ было пріятно сознание, что Оля боится «молодой барыни». И Татьяна Алексѣвна прекрасно понимала это и была уязвлена въ самое сердце.

Но, мало-по-малу, все обошлось благополучно. Привезенная гуттаперчевая кукла и всевозможные звѣри сдѣлали свое дѣло: Оля пошла на приманку.

Послѣ обѣда она долго сидѣла у матери на колѣняхъ, играла ея браслетами и часами, которые все совала въ ротъ, и серьезно крошечными глазами-коринками разглядывала лицо Татьяны Алексѣвны.

«Точно чужая!..» печально думала молодая женщина, боясь, чтобы дѣвочка не закричала, и особенно не желая, чтобы это случилось при нянѣ.

«Точно чужая!.. Чувствую, что не могу сдѣлать съ ней, что хочу, не могу запорошить ея вотъ такъ и расцѣловать, если по-

желаю... Ничего не могу!.. И ничего въ ней нѣтъ моего... Ничего!.. Вся въ Варвару Николаевну... Ея глаза, ея щеки, ея носъ!»

— Мамма! — шопотомъ, съ придыханіемъ повторяла изрѣдка Оля, поднимая широкое, большое личико къ матери и горящими, какъ угольки, глазками заглядывая въ ея глаза.

— Мам-ма!

Вечеромъ, передъ отъѣздомъ, Татьяна Алексѣевна повѣсила образокъ въ кроватку Оли, и когда она заснула, выславъ няню, стала на колѣни передъ кроваткой и долго, съ пустой душой, какъ ей казалось, смотрѣла на дочь,

«И изъ-за этого-то существа я такъ и физически, и нравственно выстрадала!» говорилъ въ ней какой-то голосъ.

Плоское личико съ мясистымъ носомъ, голая, какъ колѣно, большая головка и все тѣло, громоздкое не по возрасту, неуклюжее и тяжелое, не вызывало въ ней нѣжности.

«Но она-то не виновата!» перебивалъ другой голосъ.

«Я не могу ее любить!..» снова начиналъ звучать первый голосъ.

«Не моя она... Она мнѣ стоила здоровья, красоты... Одно горе принесла мнѣ!.. За что жъ я буду ее любить?..»

«Любятъ не за что-нибудь, — перебивалъ другой голосъ. — Любить, потому что не любить не могутъ».

«Да, но я такъ не могу любить...—говорила себѣ Татьяна Алексѣевна.—Она вся для меня чужая, вся!..»

Оля пошевелилась во снѣ.

Татьяна Алексѣевна испуганно пригнула голову и спряталась за пологъ, но черезъ минуту, видя, что Оля спитъ, встала съ колѣнъ, перекрестила нѣсколько разъ ребенка, вздохнула и пошла къ ожидавшей ее въ дверяхъ Варварѣ Николаевнѣ, все время съ порога наблюдавшей за сценой.

— Маман, такъ вы напишете ему? — говорила Татьяна Алексѣевна свекрови, прощаясь съ ней.—Скажите ему, уговорите его? Вѣдь онъ долженъ же понять свою вину?..

Она стояла въ зимнемъ жакетѣ, тоненькая и стройная, казавшаяся подъ вуалеткой молодой барышней.

Варвара Николаевна невольно любовалась ею.

— Долженъ!.. Что мужчины должны!.. Особенно мужья!..—качая головой, съ улыбкой отвѣтила она.

— Но вы напишете?

— Написать-то напишу, только что изъ этого выйдетъ?..—уклончиво отвѣтила старуха и подняла плечи и глаза кверху.—*Il a le caractère de son père...* Если ужъ онъ что взялъ въ голову, его не переубѣдишь!..

— Да, но вѣдь я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, — сказала Татьяна Алексѣевна.—Вы это ему напишите.—Буду судиться, подамъ въ комиссію прошеніе...—Пойду на всякій скандалъ!..

Варвара Николаевна продолжала кивать головой. Невѣстка была ей симпатична, но что жъ было изъ этого? Не могла же она своимъ поведѣніемъ, своими словами обнадеживать ее и потомъ быть еще отвѣтственной въ разрушеніи семьи, да еще семьи родного сына.

— А объ Олѣ, молю васъ, пишите мнѣ!..—цѣлюясь съ Варварой Николаевной въ передней, шептала Татьяна Алексѣевна. Слезы наполнили ея глаза.

— Иначе вѣдь я совсѣмъ отвыкну отъ нея, разлюблю ее... Ужъ и теперь какая я ей мать!..

— Объ Олѣ?.. Хорошо, хорошо!—объщала Варвара Николаевна, но по тону ея голоса видно было, что она колеблется, что Богъ знаетъ, можно ли будетъ ей писать, позволить ли это Ейчикъ, et alors quoi?..

И Татьяна Алексѣевна чувствовала это, и сердце ея сжималось.

— Да, люди, люди!—Человѣчество...—думала она.

— Боець!.. сказала себѣ Варвара Николаевна, когда невѣстка уѣхала.

— Боець!..

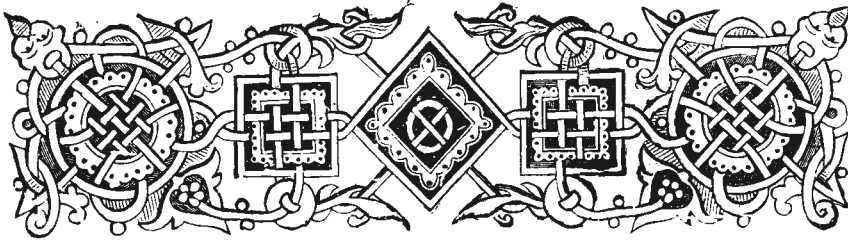
И въ этомъ отдѣльномъ словѣ прозвучала не то зависть, не то насмѣшка, не то удивленіе.

Кн. М. В. Волконская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ БОРЬБѢ ЗА РУССКОЕ ДѢЛО.

(Эпизодъ изъ государственной дѣятельности
К. П. фонъ-Кауфмана).

О ВСѢХЪ сторонъ получаютъ извѣстія, что, со времени изданія закона о вѣротерпимости, среди населенія нашихъ западныхъ губерній идетъ усиленное отпаденіе русскихъ людей отъ православія. За послѣдніе полтора года цифра такихъ отщепенцевъ опредѣляется болѣе чѣмъ въ триста тысячъ человѣкъ... Рядомъ съ этимъ имѣются данныя, что за то же время число новыхъ костеловъ удвоилось.

Явленіе это тревожное, требующее вниманія русскаго общества. Очевидно, что на русскую землю надвигается грозная туча; и не за горами, можетъ быть, время, когда эта западная ополяченная окраина дастъ себя знать.

Поздно спохватившееся православное духовенство выработало на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ рядъ мѣръ для удержанія такого массоваго отпаденія русскихъ людей отъ вѣры ихъ отцовъ. Насколько эти мѣры своевременны и дѣйствительны, покажетъ будущее, но уже теперь каждому ясно, что государственный интересъ обязываетъ отнестись съ глубокимъ вниманіемъ къ явленію, грозящему большими осложненіями именно государству: переходъ русскихъ людей изъ православія обращенъ исключительно въ сторону польской католической церкви.

Католическая же пропаганда, какъ она практикуется съ давнихъ временъ въ Россіи, не можетъ разсматриваться только какъ религиозное движеніе. Это пропаганда національная— анти-русская, анти-государственная. Русскій крестьянинъ въ Западномъ краѣ, ставъ католикомъ, исподоволь, но упорно перерабатывается въ поляка фанатичнымъ ксендзомъ, который раньше полякъ, а ужъ потомъ католикъ. Это всеѣмъ извѣстный, не подлежащій сомнѣнію и постоянно подтверждающійся фактъ. Такимъ образомъ, уходъ изъ православія сводится не къ одному отпаденію отъ вѣры отцовъ, но ведетъ къ отпаденію отъ своей національности, тѣмъ болѣе опасному, что совершается оно на границѣ государства. Пусть православное духовенство работаетъ путями нравственного и духовнаго просвѣщенія народа, противопоставляя фанатичнымъ ксендзамъ и ихъ воинствующей религіи свои кроткіе православно-христіанскіе приемы, но можно сказать съ твердой увѣренностью, что если церковь и народность православная въ Западномъ краѣ не будутъ поддержаны правительствомъ, то никакія мирныя проповѣди духовенства не спасутъ нашу пограничную Русь отъ поголовнаго ополяченія. Дѣло не въ одной религіи; дѣло тамъ въ совокупности экономическихъ, социальныхъ и национальныхъ вопросовъ, руководить которыми можетъ только сильная государственная власть.

До сихъ поръ совращеніе русскихъ людей въ католичество а слѣдовательно и ополяченіе ихъ, шло медленно, съ опаской и втайнѣ, стѣсняемое законами; теперь же, когда указомъ 17 апрѣля 1905 года у ксендзовъ развязались руки, совращеніе это идетъ широкой волной. Нельзя закрывать глаза на то, что въ какое-нибудь десятилѣтіе волна эта можетъ смыть дочиства русскую національность въ Западномъ краѣ... Опасность эта существовала давно и до закона 17 апрѣля. Противъ нея уже боролись лучшіе люди русскаго патріотическаго закала, и представителями прежняго общественнаго мнѣнія были извѣстные публицисты—Катковъ и Аксаковъ. Среди же государственныхъ людей того времени за спасеніе Западной Россіи отъ польщизны выступали такіе видные дѣятели, какъ Н. А. Милютинъ, М. Н. Муравьевъ и другіе. Будетъ своевременно привести историческую справку по этому важному вопросу и освѣтить дѣло прошлаго. Мы воспользуемся для этого чрезвычайно характернымъ эпизодомъ изъ дѣятельности бывшаго генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края Константина Петровича фонъ-Кауфмана, на долю котораго выпала сильнѣйшая борьба по отстаиванію русскаго дѣла противъ могущественныхъ враговъ, крѣпко сидѣвшихъ не только на мѣстѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ Петербурга.

Сподвижникъ императора Александра II, генераль-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ, болѣе извѣстенъ какъ туркестанскій гене-

раль-губернаторъ, на каковомъ посту, прослуживъ почти 15 лѣтъ, онъ и умеръ. Описаніе громаднаго и сложнаго государственнаго дѣла въ глубинѣ Азіи, гдѣ, завоевавъ четыре богатѣйшія области¹⁾, онъ создалъ могучую окраинную Россію, внушавшую мистическій трепетъ и уваженіе полудикимъ сосѣдямъ и непризрачный страхъ Англіи,—это работа будущихъ историковъ, для которыхъ современники должны готовить пока матеріалы. Но, знакомя общество съ малоизвѣстной ему и, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременной службой Константина Петровича и на нашей западной окраинѣ, гдѣ онъ ратовалъ за родное дѣло въ патриотическомъ сознаніи всей важности его государственнаго значенія, мы надѣемся облегчить уразумѣніе многихъ смутныхъ и печальныхъ явленій, которыя тамъ теперь происходятъ.

Помимо дани справедливости борцу за русскую идею въ Сѣверо-Западномъ краѣ, она можетъ еще сослужить и ту службу, что дастъ небезполезныя указанія и современнымъ тамъ дѣятелямъ и внушитъ имъ, можетъ быть, желаніе послѣдовать примѣру одного изъ ихъ предшественниковъ.

I.

Еще до назначенія Константина Петровича виленскимъ генераль-губернаторомъ, ему пришлось на практикѣ знакомиться съ польскимъ вопросомъ и изучать характеръ польскаго народа, съ которымъ, впрочемъ, по родственнымъ своимъ связямъ, Константинъ Петровичъ знакомъ былъ съ дѣтства. Въ августѣ 1863 года, когда Константинъ Петровичъ состоялъ въ должности директора канцеляріи военнаго министерства, государь пожелалъ командировать его въ Варшаву, какъ довѣренное лицо, для всесторонняго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ взволнованномъ возстаніемъ царствѣ Польскомъ и для выработки, совместно съ главнокомандующимъ въ Варшавѣ графомъ Бергомъ, мѣропріятій, которыя могли бы внести и утвердить порядокъ въ краѣ и возстановить тамъ правительственный авторитетъ. Отправляясь въ эту командировку, генераль фонъ-Кауфманъ, чрезъ военнаго министра, представилъ государю записку съ рядомъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію, и государь всѣ ихъ одобрилъ.

¹⁾ Въ 1863 году Зеравшанскій округъ съ территоріей около 466 квадратныхъ миль.

Въ 1871 году Кульджинскій районъ съ территоріей до 1224 квадратныхъ миль.

Въ 1873 году Аму-Дарьинскій отдѣлъ около 1920 квадратныхъ миль.

Въ 1875 году Ферганскую долину съ территоріей 1770 квадратныхъ миль.

Въ результатѣ совѣщанія съ графомъ Бергомъ было рѣшено: отдѣленіе Августовской губерніи отъ царства и присоединеніе ея къ виленскому генераль-губернаторству; усиленіе и распредѣленіе новыхъ войскъ въ край; переустройство полиціи въ Варшавѣ. Самое же главное: все царство раздѣлялось на девять отдѣловъ, съ учрежденіемъ въ каждомъ должности начальника отдѣла съ правами генераль-губернатора въ административномъ отношеніи, съ правомъ контроля по дѣламъ судебнымъ, финансовымъ, духовнымъ и народнаго просвѣщенія. Начальникамъ отдѣловъ предоставлялось право отстранять отъ должностей уѣздныхъ начальниковъ, президентовъ и бургомистровъ; учреждались также должности частныхъ военныхъ начальниковъ, которымъ давалось право отстранять городскихъ и земскихъ полицейскихъ.

Всѣ эти мѣропріятія были необходимы для скорѣйшаго подавленія вооруженнаго возстанія, охватившаго весь край. Но репрессивными мѣрами, временными во всякомъ случаѣ, нельзя было водворить, по мнѣнію генерала Кауфмана, прочнаго порядка и спокойствія: достигнуть этого можно было только кореннымъ переустройствомъ быта тамошнихъ крестьянъ.

Польскій народъ, хотя не считался крѣпостнымъ *de jure*, но, въ дѣйствительности, находился въ полномъ экономическомъ и административномъ рабствѣ у пановъ. Никакой земельной собственности не было у польскаго крестьянства; хотя крестьяне поселялись на землѣ помѣщиковъ, въ силу, якобы свободныхъ, условій по контрактамъ, но на самомъ дѣлѣ они превращались въ безгласныхъ батраковъ, работавшихъ на помѣщика. Такъ какъ ближайшими распорядителями судьбой деревенскаго люда были войты гминъ, избиравшіеся исключительно изъ помѣщиковъ, а при этомъ всѣ губернскіе и уѣздные чиновники были изъ среды тѣхъ же пановъ, то было ясно, что крестьянину, экономически скованному, негдѣ было искать ни права, ни защиты. Названіе «быдло» (животное, скотина), неизмѣнно примѣняемое къ крестьянину,—краснорѣчиво опредѣляло отношеніе двухъ сословій.

Вопросъ о надѣленіи крестьянъ царства Польскаго землею разрабатывался въ это время въ Петербургѣ Н. А. Милютинимъ, княземъ Черкасскимъ и др. Константинъ Петровичъ находилъ, что надо съ этимъ снѣшить, такъ какъ раскрѣпощеніемъ народа отъ помѣщика и чиновника правительство пріобрѣтало признательность и преданность народной громады, которая, такимъ образомъ, устранялась отъ вліянія вспыхнувшаго въ край волненія.

Справедливо полагая, что, при введеніи въ дѣйствіе проекта о надѣленіи крестьянъ землею, войты гминъ изъ помѣщиковъ будутъ всячески тормозить и вредно вліять на дѣло, генераль Кауфманъ выразилъ мысль, что необходимо безотлагательно замѣнить гминныхъ войтовъ выборными старшинами изъ народа, по при-

мѣру Россіи. Графъ Бергъ, повидимому, сочувствовалъ этому плану, но считалъ нужнымъ предварительно подвергнуть его все-стороннему обсужденію, и; такимъ образомъ, эта важная реформа рисковала заглухнуть въ канцеляріяхъ. Кауфманъ не могъ помириться съ такимъ направлениемъ дѣла; онъ успѣшилъ подѣлиться своими взглядами съ Дм. Ал. Милютинымъ, которому писалъ 8 сентября 1863 года слѣдующее: «Въ запискѣ, которую я буду имѣть счастье представить его величеству, сказано, между прочимъ, что желательно было бы, по мнѣнію графа (Берга), замѣнить войтовъ гминъ старшинами, но что проведенію этой мѣры должно предшествовать всестороннее обсужденіе вопроса. Это совершенно справедливо, но полагаю, что обсужденіе это должно быть безотлагательно. Нельзя строить зданія безъ фундамента, а войты гминъ въ этомъ случаѣ служатъ основаніемъ всему строенію. Единственное населеніе въ царствѣ, на которое опереться можно, это—крестьянское, но его надо избавить отъ вліянія помѣщиковъ; другого нѣтъ средства—я въ этомъ увѣренъ—какъ замѣнить войтовъ гминъ выборными старшинами изъ крестьянъ».

«Если бы графъ рѣшился, какъ онъ уже прежде желалъ, собрать главныхъ начальниковъ отдѣловъ и нѣкоторыхъ частныхъ военныхъ начальниковъ, то вопросъ этотъ могъ бы быть обсужденъ и рѣшенъ въ нѣсколько дней. Такъ намѣренъ дѣйствовать М. Н. Муравьевъ въ Августовской губерніи и, повѣрьте, въ короткій срокъ достигнемъ цѣли¹⁾».

Все это доложено было генераломъ Кауфманомъ государю, и дѣло получило движеніе.

Въ началѣ 1864 года государю было угодно вновь командировать его въ Варшаву, дабы онъ могъ сдѣлать сравненіе въ положеніи края послѣ примѣненія выработанныхъ имъ, совмѣстно съ графомъ Бергомъ, мѣръ къ умиротворенію царства.

Отправляясь въ эту новую командировку, Константинъ Петровичъ записалъ мысли и желанія государя, высказанныя ему для передачи графу Бергу:

«Государь императоръ одобрилъ энергичныя мѣры, принятыя генералъ-адъютантомъ Бергомъ въ царствѣ, и плоды этихъ мѣръ не замедлили высказаться: Необходимо не ослаблять ихъ только до конца. (Слова государя).

«Крестьянскій вопросъ будетъ подвергнутъ нынѣ же обсужденію, и государь надѣется черезъ недѣлю довести это дѣло до желаемого окончанія».

«Его величество желаетъ, чтобы народъ понялъ, что все благо идетъ отъ законнаго правительства. Надо заботиться о благѣ народа и не допускать ни малѣйшаго движенія револю-

¹⁾ Изъ переписки К. П.

ціоннаго анти-правительственнаго и не давать себя обманывать (Слова государя)».

«Государь полагаетъ во главѣ комитета поставить Милютина. На комитетъ этотъ возложить приведеніе въ исполненіе Положенія о крестьянахъ въ Польшѣ, на которое государь смотритъ какъ на главный, жизненный вопросъ для царства. Князь Черкасскій будетъ назначенъ на мѣсто Островскаго, какъ только кончится работа по предположенію объ улучшеніи быта крестьянъ.

«Начальниковъ войскъ благодарить именемъ его величества; государь цѣнитъ ихъ труды и службу. Обратитъ особенное вниманіе на поддержаніе дисциплины въ войскахъ. Какъ только обстоятельства позволятъ, то дѣлать сборы для учебныхъ упражненій (дислокація).

«Въ Вильнѣ государь приказалъ кланяться генералу Муравьеву и Крыжановскому»¹⁾.

О своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ этой второй поездки, генералъ Кауфманъ, между прочимъ, писалъ военному министру отъ 10-го февраля 1864 года изъ Варшавы:

«Настоящее положеніе дѣлъ нашихъ въ царствѣ Польскомъ можетъ быть выражено слѣдующими словами: мы отчасти уже овладѣли позиціею, но еще не отбили отъ непріятеля, который окружаетъ насъ въ лицѣ чиновниковъ гражданской администраціи, духовенства и помѣщиковъ; всѣ эти три класса — враги наши, съ которыми не легко справиться и совершенное обезсиленіе коихъ если не невозможно, то потребуетъ еще большой и продолжительной борьбы. Но часть чиновниковъ и значительная часть помѣщиковъ уже крайне утомлены и истощены и готовы были бы оставить свою претензію на независимость Польши, лишь бы имъ былъ данъ поводъ къ приличному отступленію. Большинство, однако, расположенныхъ къ сему поляковъ удерживается отъ выступленій въ этомъ направленіи отчасти терроромъ, который, хотя и слабѣе прежняго, но все еще, болѣе или менѣе, господствуетъ въ странѣ почти повсемѣстно, отчасти же нѣкоторою надеждою на событія въ Европѣ, которыя могутъ благопріятствовать польскому дѣлу. Что терроръ уменьшился уже до нѣкоторой степени, явствуетъ изъ слѣдующихъ фактовъ: подача адресовъ, выдача преступниковъ и соучастниковъ при множествѣ допросовъ, которые приходится дѣлать разнымъ слѣдственнымъ и суднымъ комиссіямъ, исправное внесеніе налоговъ и штрафовъ безъ понужденій, уменьшеніе убійствъ въ Варшавѣ и, наконецъ, нѣкоторые частные случаи сближенія поляковъ съ русскими.

«Важнѣйшимъ средствомъ къ скорѣйшему приведенію къ желаемому концу этой слишкомъ продолжительной и упорной рево-

¹⁾ Изъ переписки К. П.

люціи должно быть, конечно, составленіе себѣ партіи въ самомъ царствѣ Польскомъ.

«Опытъ многихъ вѣковъ и многихъ странъ показалъ, что если и есть возможность подавить вооруженный мятежъ силою оружія и военной диктатурой, то средства эти не достаточны для спокойнаго управленія страной, для упроченія владычества въ краѣ, находящемся въ такомъ положеніи, какъ Польша, съ такими элементами для революціонной пропаганды.

«Надо помнить, что въ странѣ этой мы имѣемъ, кромѣ многихъ другихъ, умнаго и опытнаго врага въ лицѣ католическаго духовенства; что оно прошло вѣковую школу притворства, ловкости, такую школу, какая не дана никакому другому сословію; что духовенство это не останавливается ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей, и что мы доселѣ были безсильны въ подчиненіи его нашимъ видамъ и желаніямъ.

«Въ царствѣ Польскомъ мы не имѣемъ и не имѣли партіи и едва ли имѣть можемъ, благодаря влиянію того же духовенства. Всѣ доселѣ существующія партіи въ Польшѣ, враждуя между собою, расходятся лишь въ средствахъ къ достиженію одной и той же цѣли—возстановленія независимой Польши въ бывшихъ когда-то границахъ.

«Единственное сословіе, которое могло бы стать за насъ, это крестьянское населеніе. Здѣсь всѣ усилія духовенства разобьются о личные интересы... Проектъ освобожденія крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику въ царствѣ Польскомъ перестанетъ же, наконецъ, быть проектомъ»¹⁾.

Развивая, затѣмъ, мысль по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ этого проекта, Константинъ Петровичъ приходитъ къ положительному выводу, что исключительно лишь путемъ устройства крестьянскаго землевладѣнія на правахъ собственности, правительство приобрѣтетъ не только симпатіи, но и вѣрность народа.

Въ этомъ же смыслѣ, но съ подробностями о политическомъ настроеніи каждаго уѣзда во всѣхъ губерніяхъ царства, представленъ генераломъ Кауфманомъ и докладъ государю.

«Чѣмъ скорѣе,—говорится въ докладѣ,—это положеніе будетъ объявлено, чѣмъ повсемѣстнѣе и вразумительнѣе оно будетъ прочитано крестьянамъ, чѣмъ торжественнѣе будетъ совершенъ этотъ актъ,—тѣмъ сильнѣе будетъ нравственное влияніе на крестьянъ и тѣмъ вѣрнѣе можно рассчитывать на ожидаемую непосредственную или немедленную отъ того пользу для нашего дѣла въ царствѣ. Мѣра эта, при нынѣшнемъ положеніи края, становится настоятельною необходимостью для окончательнаго усмиренія края»²⁾.

¹⁾ Изъ переписки К. П.

²⁾ Небезынтересны свѣдѣнія, полученные генераломъ Кауфманомъ, въ эти поѣздки, о евреяхъ въ возмущенной Польшѣ. На вопросъ его: «какое нынѣ поведеніе и расположеніе къ правительству еврейскаго—въ Варшавѣ и въ про-
«истор. вѣстн.», апрѣль, 1909 г., т. сxvi.

Это настойчивое и твердое убѣжденіе въ успокоеніи страны именно мѣрой прочнаго закрѣпленія за народомъ его земельныхъ правъ тѣсно сближало Константина Петровича съ главными работниками будущаго учредительнаго комитета въ царствѣ Польскомъ—съ Милютинымъ (Н. Ал.), княземъ Черкасскимъ, Соловьевымъ, Драшусовымъ и др. Имя фонъ-Кауфмана стояло тогда и теперь стоитъ въ рядахъ именъ той русской партіи, къ которой, кромѣ названныхъ, принадлежали Самаринъ, Зеленый, Дм. Ал. Милютинъ.

Этой русской партіи пришлось вести борьбу съ польско-нѣмецкой кликой, образовавшейся въ Петербургѣ, и впоследствии много отъ нея вытерпѣть и главнымъ образомъ—самому Константину Петровичу...

Но въ то время партія имѣла сильнаго покровителя въ лицѣ умной русской женщины, великой княгини Елены Павловны; въ ея дворцѣ люди этого кружка и собирались. Императоръ Александръ II былъ частымъ гостемъ своей тетки.

II.

Черезъ годъ, а именно въ апрѣлѣ 1865 г. генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ 6-ти губерній Западнаго края. Увѣдомляя его объ этомъ, военный министръ Дм. Ал. Милютинъ пишетъ:

«Не знаю, поздравлять ли васъ, Константинъ Петровичъ, съ новымъ назначеніемъ. Я радъ за Сѣверо-Западный край, радъ за Россію, но не радуюсь за васъ, а за себя просто скорблю. Но дѣлать нечего. Дай Богъ только вамъ здоровья и силъ. Приношу вамъ глубокую отъ всей души благодарность за тѣ четыре года,

винци—населенія и не надлежало ли бы обратить особенное вниманіе на поступки нѣкоторыхъ вліятельныхъ евреевъ и на духъ и на направленіе издаваемой въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ еврейской газеты?—получился такой отвѣтъ:

«Евреямъ нынѣ предоставлена полная равноправность съ христіанскимъ населеніемъ въ царствѣ. Нельзя не сказать, что это было большою ошибкою, которую нынѣ поправить нельзя. Получивъ такія широкія права такъ внезапно и въ такое время, когда поведеніе значительной части еврейскаго населенія было враждебно, они приняли это какъ уступку, приобретенную какъ бы насильно, противъ воли правительства, и нисколько не чувствуютъ себя обязанными благодарить его за этотъ даръ. Во главѣ партіи передовыхъ евреевъ, не безъ основанія, считается раввинъ Мейзельсъ. Есть мнѣніе, что Мейзельса можно купить и что онъ тогда вліяніемъ своимъ не только на еврейское населеніе можетъ оказать большую пользу правительству; другіе того мнѣнія, что было бы полезнѣе немедленно выслать его изъ царства. Насчетъ Мейзельса еще установившагося мнѣнія нѣтъ, и рѣшеніе его участи послѣдуетъ тогда, когда ближайшее изученіе приведетъ къ болѣе положительному о немъ заключенію. На направленіе газеты будетъ обращено особое вниманіе». (Тамъ же).

которые мы прослужили вмѣстѣ; за дѣятельное, смѣю сказать— дружеское, содѣйствіе, которое нашелъ въ васъ въ продолженіе этихъ многотрудныхъ годовъ. Повѣрьте, что я во всю жизнь не забуду этой помощи, вами оказанной, и тѣхъ пріятныхъ отношеній, въ которыхъ мы были все это время.

«Надѣюсь, что и впредь вы сохраните доброе ваше расположеніе. По крайней мѣрѣ мнѣ было бы весьма желательно навсегда сохранить наши близкія отношенія».

«Искренно вамъ преданный Д. Милютинъ».

«24 апрѣля 1865 года».

Въ московской газетѣ «День» редакторъ-издатель ея Ив. Аксаковъ, говоря объ отставкѣ М. Н. Муравьева, писалъ между прочимъ: «Мы готовы вѣрить, что новѣйшій урокъ истории не пропалъ для насъ даромъ, что отнынѣ, при пробудившемся общественномъ сознаніи, прежнія ошибки стали для насъ невозможностью; мало этого, самое назначеніе генерала Кауфмана, судя по всему тому, что мы о немъ слышали, даетъ намъ право надѣяться, что онъ будетъ достойнымъ преемникомъ Муравьева во всемъ его добромъ. Но, тѣмъ не менѣе, не только въ высшихъ, но и въ среднихъ сферахъ общества есть еще до сихъ поръ столько разныхъ теченій, что много энергіи потребуется будущему дѣятелю для того, чтобы не закружиться въ этомъ водоворотѣ и остаться вполне вѣрнымъ своей первоначальной задачѣ». («День», № 18-й, 1865 г.).

При назначеніи Константина Петровича въ нѣмецкомъ юмористическомъ журналѣ «Кладарадачъ» появился разговоръ Шульца и Миллера, опредѣлившихъ, на игрѣ словъ, политическое направленіе Константина Петровича:

— Was ist dass für ein Kaufmann?» (что это за купецъ?)

— Das ist ein Kaufmann aus den Milütischen Buden (купецъ изъ Милютиныхъ рядовъ).

О «разныхъ теченіяхъ» Константинъ Петровичъ былъ, конечно, хорошо освѣдомленъ и, принимая должность, зналъ, что выступаетъ на боевой постъ. Клика поляковъ и полякующихъ, во главѣ которой въ это время стоялъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, все болѣе и болѣе усиливалась и проникала въ придворныя сферы. Если, несмотря на ея происки, ей не удалось затормозить дѣло раскрѣпощенія крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, то тутъ немаловажную роль играло то обстоятельство, что царство, находившееся на военномъ положеніи, состояло въ вѣдѣніи военнаго министерства, съ Дм. Ал. Милютинымъ во главѣ. Виленское же генераль-губернаторство было въ зависимости отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а слѣдовательно отъ Валуева.

К. П., поборникъ широкой крестьянской реформы въ царствѣ Польскомъ, не поднималъ тамъ, однако, вопроса ни о какой рус-

сификаціи; онъ смотрѣлъ на Польшу, какъ на нераздѣльную часть государства Русскаго, но признавалъ, какъ и вся его партія, что полякъ-католикъ имѣетъ право таковымъ и оставаться, сохраняя вѣрность коронѣ.

Совсѣмъ другія условія видѣлъ Константинъ Петровичъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Человѣкъ образованный и просвѣщенный, онъ брался за всякое дѣло, зная, за что берется. Такъ и теперь, вступая въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ, онъ уже хорошо зналъ исторію этой окраины Россіи, гдѣ въ теченіе болѣе четырехъ вѣковъ народъ не только молился по православному обряду, но гдѣ всѣ акты, вплоть до судебныхъ, писались по-русски кириллицей.

Только съ XVI ст., съ проникновеніемъ въ край польскихъ магнатовъ-помѣщиковъ и ихъ неразлучныхъ спутниковъ ксендзовъ-іезуитовъ, началось систематическое улавливаніе простодушныхъ крестьянъ въ сѣти католицизма и полонизма, всѣми тѣми способами, въ которыхъ такъ искусны сыны Лойоллы; гдѣ не удавались соблазны и подкупы для совращенія, тамъ пускались въ ходъ угрозы карами небесными, да и земными... Много слабыхъ душъ, конечно, поддавалось хитрымъ подходамъ умныхъ и ловкихъ ксендзовъ, но народная громада вступала въ борьбу за свою національность и вѣру. Въ эпоху насильственного введенія уніи, породившей казацкія возмущенія, борьба эта бывала кровавой и длилась вплоть до XVIII ст., когда знаменитый іерархъ-бѣлорусъ Георгій Конисскій, претерпѣвая всевозможныя гоненія, безстрашно выступалъ защитникомъ православія и народа своего на сеймѣ и передъ королемъ. Борьба эта продолжалась бы, можетъ быть, и дольше, если бы не сдало само русское правительство; императоръ Александръ I имѣлъ слабость поддаться вліянію личнаго своего друга—поляка князя Чарторыйскаго. Онъ далъ ему въ крѣпостное владѣніе болѣе 40 т. русскихъ крестьянъ въ краѣ; по его просьбѣ разрѣшилъ вернуться многимъ магнатамъ, эмигрировавшимъ во время наполеоновскихъ войнъ, и—что было самымъ пагубнымъ—назначилъ того же князя Чарторыйскаго попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Этимъ актомъ край былъ отданъ въ полное распоряженіе польщизны и латинства. Школа и костелъ взяли въ свои руки народъ, и ополяченіе пошло безъ стѣсненія.

Вооруженными возстаніями 1830 г., а затѣмъ и 1863 г., организованными шляхтой и ксендзами, отвѣтили поляки Россіи за ея государственную близорукость.

Несмотря, однако, на всѣ эти неблагопріятныя условія для русскаго дѣла и православія въ краѣ, оно все-таки не забилось въ конецъ и не умерло до нашихъ дней; и этой стойкостью православнаго простого народа можно отчасти объяснить и быстрое подавленіе мятежа 1863 года.

Опираясь на непреложные историческіе факты, Константинъ Петровичъ вступалъ въ должность съ твердымъ и несокрушимымъ убѣжденіемъ, что край этотъ древне-русскій и православный, насильственно ополяченный воинствующимъ костеломъ, долженъ быть возвращенъ къ своимъ древнимъ устоямъ и крѣпко въ нихъ утвержденъ навсегда.

Въ чувствахъ глубокаго патриотизма онъ почерпалъ силы къ проведенію этого убѣжденія въ жизнь.

Желѣзною волею М. Н. Муравьева вооруженный польскій мятежь былъ подавленъ: банды повстанцевъ разбиты; жандармы-вѣшатели и иные изверги, подвергавшіе пыткамъ и мучительной смерти мирныхъ старообрядцевъ и русскихъ крестьянъ, не желавшихъ примыкать къ возстанію,—получили свою кару. Мятежная аристократія и шляхта, такъ или иначе, устранены. Повидимому, все утихло и умиротворилось. Но Кауфманъ не дѣлалъ себѣ иллюзій: знакомый съ польскимъ характеромъ, онъ понималъ, что злоба не улеглась, а только притаилась...

Надо было безъ промедленія приступить къ распоряженію русскаго края путемъ мирнымъ, но послѣдовательнымъ и упорнымъ. Тремя путями намѣтилъ онъ достигнуть этого:

1) поднятіемъ вліянія православнаго духовенства, для чего требовалось повысить число образованныхъ священниковъ и дать духовенству матеріальное обезпеченіе;

2) распространеніемъ въ краѣ цѣлой сѣти народныхъ школъ, гдѣ обученіе сдѣлать обязательнымъ и вести его въ строго-патріотическомъ, русскомъ направленіи;

3) усиленіемъ русскаго землевладѣнія въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ и улучшеніемъ быта тамошнихъ крестьянъ.

Программа эта была, конечно, не новая; но выполненіе ея требовало стойкости убѣжденія и неуклонной послѣдовательности дѣйствій, не только со стороны главнаго администратора, но и всѣхъ его помощниковъ и сотрудниковъ. Сгруппировать вокругъ себя такихъ же убѣжденныхъ, образованныхъ и честныхъ, а главное тактичныхъ людей было дѣломъ весьма не легкимъ, при нашей національной расплывчатости въ мысляхъ и чувствахъ, и когда малѣйшая ошибка немедленно раздувалась въ преступленіе бдительными врагами русскаго дѣла въ краѣ.

Не канцелярскими докладами и не кабинетскими записками могли осуществляться такія идеи. Живо чувствующій, умный государственный дѣятель, какимъ былъ Константинъ Петровичъ, ясно понималъ это, а потому, желая воочію убѣдиться въ настроеніи народномъ и въ размѣрахъ того вліянія, которое успѣло разлиться отъ польско-латинской пропаганды, онъ началъ объѣзжать губерніи Западнаго края и, останавливаясь въ мѣстечкахъ, деревняхъ и селахъ, всюду самъ говорилъ съ народомъ.

Его не могъ не поразить тотъ фактъ, что коренные русскіе люди, говорившіе съ нимъ на родномъ ихъ языкѣ, были въ то же время католиками... Въ разговорахъ съ этими темными, еще въ недавнюю эпоху рабства забитыми и загнанными людьми, онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что однимъ изъ сильнѣйшихъ способовъ униженія православія было утвержденіе въ народномъ сознаниі мысли, что православная вѣра прилична только мужикамъ-хлопамъ; ей и было присвоено названіе хлопской, въ отличіе отъ римско-католической—шляхетской, т. е. господской.

Сообразно съ этимъ унижительнымъ различіемъ двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, шло матеріальное и экономическое неравенство: польскіе паны, захватившіе въ краѣ все землевладѣніе, покровительствовали, конечно, народу-католику и держали въ бѣдности и кабалѣ мужика православнаго, не измѣнявшаго вѣрѣ отцовъ...

Какъ бы въ доказательство разницы двухъ вѣроисповѣданій бросалась въ глаза и разница положенія служителей костела и православнаго храма: ксендзъ, щедро оплаченный, жилъ какъ панъ, въ близкомъ и дружескомъ общеніи съ богачами-помѣщиками; говорилъ съ народомъ властно, какъ представитель силы. И рядомъ съ нимъ — русскій священникъ, забитый нуждой, робкій, захудалый, волей-неволей терялъ послѣднее свое вліяніе...

Еще болѣе нагляднымъ примѣромъ униженія православія, допускаясь, къ стыду нашему, русской властью, служилъ и видъ храмовъ: костелы — всюду красивой архитектуры, величественные, изукрашенные внутри, съ гудѣвшими органами. И православныя церкви — бѣдныя, убогія, частью полуразвалившіяся...

Дѣйствуя такими различными способами на психологію темнаго народа, не мудрено было ксендзамъ лукавыми рѣчами вліять на слабыя стороны человѣческой природы: кто изъ тщеславія, чтобы сопричислиться къ панамъ, переходилъ въ шляхетскую вѣру; кто увлекался блестящей обстановкой храма съ органомъ и отпадалъ отъ бѣдной церкви, въ которой гнусилъ дьячокъ и служилъ, нерѣдко нетрезвый, священникъ; но, главнымъ образомъ, подъ гнетомъ нужды, экономическаго и крѣпостнаго рабства, люди соблазнялись посулами и подачками и окатоличивались, чтобы вслѣдъ за тѣмъ ополчатся.

Печальныя картины такого упадка русскаго дѣла въ нѣкогда крѣпко-русскомъ православномъ краѣ встрѣчались всюду при объѣздахъ генераль-губернатора и возмущали его русскую душу. Обладая природнымъ краснорѣчіемъ и силою твердаго убѣжденія въ правотѣ своихъ взглядовъ, онъ самъ, собирая народные сходы въ деревняхъ и селахъ и бесѣдуя съ крестьянами, разъяснял имъ, что православная вѣра, за которую боролись и умирали ихъ дѣды и отцы — вѣра того русскаго царя, который освободилъ ихъ

отъ крѣпостной зависимости, надѣлил ихъ землей, надѣляетъ ихъ и теперь, и будетъ впредь благодѣтельствовать народу; что царь крестится не католическимъ крестомъ, какъ польскіе паны, но православнымъ крестнымъ знаменіемъ, какъ всякій рускій крестьянинъ; что поэтому православная вѣра—не только хлопская, но и «царская» вѣра.

Онъ говорилъ простымъ, понятнымъ народу языкомъ, говорилъ горячо, воодушевленный скорбнымъ чувствомъ. Это новое, совершенно неожиданное отношеніе вышшаго представителя власти къ народу, дотолѣ забитому, производило огромное впечатлѣніе: оставшіеся вѣрными православію пріободрились, колебавшіеся — призадумались, а крылатое слово «царская вѣра» разнеслось по краю.

Слово же у такого администратора не расходилось съ дѣломъ; и чтобы фактически поднять эту царскую вѣру, униженную и оскорбленную, Константинъ Петровичъ сталъ усиленно заботиться о возведеніи новыхъ церквей, о поправкѣ старыхъ, объ украшеніи православныхъ храмовъ.

Одинъ изъ старослужащихъ въ краѣ говоритъ объ этомъ времени: «Во время объѣзда генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана вѣреннаго мнѣ уѣзда, въ особенности при осмотрѣ церквей, строившихся уѣзднымъ церковнымъ комитетомъ, подѣ председательствомъ моимъ, насъ, членовъ комитета, поражало его знаніе всѣхъ подробностей, основаній и соображеній, въ силу которыхъ намѣчались постройки новыхъ храмовъ и передѣлка воссоединяемыхъ въ той или другой мѣстности. При пересмотрѣ работъ ничто не ускользало отъ зоркаго взгляда его и, какъ инженеръ, онъ нерѣдко давалъ весьма цѣнные совѣты и приказанія. Помню отличное впечатлѣніе, произведенное его по истинѣ прекрасной рѣчью, обращенной къ дворянству и католическому духовенству въ одномъ изъ уѣздовъ Гродненской губерніи. Рѣчь же, полная глубокаго смысла, знанія и вѣрной оцѣнки фактовъ, сопровождавшихъ возстаніе въ краѣ, полная достоинства, спокойной увѣренности и облеченная въ ораторскую форму, не могла не остаться безъ вліянія на тѣхъ, къ кому она была обращена»¹⁾.

Вынесенное Константиномъ Петровичемъ общее впечатлѣніе указывало ясно, что гибельныя послѣдствія польско-латинскаго хозяйничанія и долгое равнодушіе правительства къ этому заброшенному и отданному въ руки пановъ углу Россіи, приведя къ недавнему возстанію, грозило въ недалекомъ будущемъ окончательнымъ вытѣсненіемъ всего тамъ русскаго, если мы опять, по нашей халатности, сложимъ руки, успокоившись, что мятежъ подавленъ. Надо было, во что бы то ни стало, пересоздать народное

¹⁾ «Новое Время», № 9088. Эта поѣздка описана въ книгѣ И. Корнилова «Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ», стр. 172—193. Спб. 1908.

міросозерцаніе, искаженное долгимъ рабствомъ у пана и духовнымъ порабощеніемъ подъ властью ксендза. Мощнымъ для этого средствомъ могла служить раньше всего народная школа, правильно поставленная. Но школъ было мало и онѣ были плохи, въ чемъ Константинъ Петровичъ убѣдился при своихъ поѣздкахъ по краю.

Мнѣніе его было таково, что задачи школьнаго дѣла на западной окраинѣ имѣютъ иное значеніе, чѣмъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, въ силу сложившихся политическихъ и географическихъ условій: въ то время, какъ во внутренней Россіи чувство любви къ своей землѣ и родинѣ, а слѣдовательно и чувство патриотизма рождалось и развивалось само собой въ условіяхъ домашней среды, и не только у семейнаго очага, но въ обычаяхъ и устояхъ окружающей обыденной жизни, какъ помѣщицкой, такъ и крестьянской,—здѣсь, на западной окраинѣ, замѣчалось совершенно другое: пришлымъ элементомъ — помѣщикомъ-полякомъ и фанатикомъ-ксендзомъ — велась и ведется неустанная атака на эти понятія и чувства народа съ явнымъ стремленіемъ искоренить ихъ изъ души простого русскаго человѣка. Главнымъ агентомъ въ ополяченіи русскихъ людей служила женщина во всѣхъ положеніяхъ, а при частыхъ смѣшанныхъ бракахъ, по преимуществу, женщина-мать. Извѣстна сила католической исповѣдальни, гдѣ женщина превращается въ слѣпо-покорное орудіе политиканствующаго ксендза: фанатичная католичка, притомъ полька-патріотка, проникалась проповѣдью ксендза и полагала своей священной обязанностью вытравлять изъ души ребенка малѣйшее проявленіе въ немъ русскаго чувства, наслѣдованнаго отъ отца. Вотъ, въ противовѣсъ этому могучему влиянію, должна была выступать школа. Въ ней дѣтямъ самаго нѣжнаго возраста необходимо прививать русскія чувства и мысли, внушать истины православной вѣры и на этихъ началахъ и устояхъ вырастить новыя поколѣнія, способныя осмысленно и убѣжденно защитить свою вѣру и свою національность. «Въ основаніи всякаго воспитанія (пишетъ на одномъ докладѣ К. П.) должно лежать начало религиозно-нравственное и народное, а тѣмъ болѣе это нужно имѣть въ виду въ странѣ, подобной Бѣлоруссіи, гдѣ православная и присущая краю русская народность находится въ постоянной борьбѣ съ латинствомъ и полонизмомъ». «Внушеніе вѣрности и преданности вѣрѣ отцовъ должно одушевлять законоучителя школы, и изученіе русской исторіи должно укрѣплять въ памяти дѣтей и въ сердцахъ ихъ нерасторжимость ихъ съ общей родной Россіей». Между тѣмъ, Константинъ Петровичъ замѣтилъ, что «въ школахъ на обученіе закону Божію назначено всего два часа въ недѣлю. «Что же касается священниковъ-законоучителей, то, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, они производили на него впечатлѣніе людей, «погруженныхъ въ душевную дремоту...» Точно также

и составъ школьныхъ учителей далеко не удовлетворялъ его, не отвѣчая главному условію—воспитанію въ русскомъ патриотическомъ направленіи: «хотя въ приходскихъ училищахъ исключительное вниманіе было обращено на русскій языкъ, но,—замѣчаетъ Константинъ Петровичъ,—можно отлично знать русскій языкъ, и въ то же время быть врагомъ всего русскаго». Такая плачевная постановка школьнаго воспитанія была причиной того, что «на борьбу, предъявляемую русскому дѣлу воинствующимъ католицизмомъ, мы выступали далеко не съ равными силами»¹⁾.

Для выполнения новыхъ задачъ требовались и новые люди, но требовалось также значительно улучшить ихъ положеніе и условія ихъ жизни. Чтобы противопоставить ксендзамъ, въ большинствѣ образованнымъ, развитымъ и образованнымъ православныхъ священниковъ, притомъ же знакомыхъ съ мѣстными условіями, необходимо было—по мысли Константина Петровича—учрежденіе въ Вильнѣ православной духовной академіи, о чемъ онъ и настаивалъ передъ высшимъ правительствомъ; а чтобы вывести законоучителей изъ матеріальной нужды—просилъ о возможномъ ихъ обезпеченіи. Для привлеченія же въ край хорошихъ народныхъ учителей, которые бы чувствовали связь съ населеніемъ и были бы преданы взятому на себя дѣлу, Константинъ Петровичъ представилъ проектъ надѣленія ихъ земельными участками въ размѣрѣ 30—60 десятинъ. Если бы введеніе этихъ необходимыхъ мѣръ зависѣло отъ самого генералъ-губернатора, то оно не заставило бы себя ждать. Но Петербургъ не торопился, и только послѣдній проектъ удалось Константину Петровичу провести при себѣ, закономъ 23 іюня 1865 года²⁾.

III.

Долгій гнетъ польщизны и упадокъ энергіи для борьбы съ этимъ нравственнымъ и духовнымъ порабощеніемъ замѣчался не только на деревенскомъ людѣ, но отражался и на горожанахъ-мѣщанахъ, да и на болѣе культурныхъ классахъ. Правда, въ періодъ управленія графа Муравьева, въ русскомъ обывателѣ начала возрождаться надежда на защиту его со стороны правительства. Но съ уходомъ Муравьева, чему демонстративно радовались поляки, русскіе люди опять приуныли. Новому администратору предстояло убѣждать и здѣсь, что курсъ правительственной политики будетъ стойкимъ, въ неизмѣнно русскомъ направленіи.

Еще въ весьма недавнее время, передъ самымъ возстаніемъ, слабость мѣстной русской власти и ея угодливость польщизнѣ выража-

¹⁾ Изъ бумагъ К. П. Докладъ помощ. попечит. уч. окр. Серно-Соловьевича.

²⁾ Дѣятельность К. П. въ этомъ направленіи подробно разобрана въ книгѣ Корнилова «Русское дѣло въ Сѣв. З. краѣ», стр. 252—253.

лась, можно сказать, всенародно. Тогдашнимъ жителямъ Вильны была памятна встрѣча, устроенная католическому епископу при въѣздѣ въ Вильну, послѣ объѣзда имъ епархіи. Извѣстно, какой помпой обставляютъ поляки свои религіозныя процессіи. Подготовляясь къ возстанію, они на этотъ разъ не пропустили удобнаго случая показать силу Польши и католицизма. Тысячи народа, масса духовенства, цѣлый лѣсъ хоругвей и значковъ—различныхъ эмблемъ—выступили навстрѣчу главѣ ихъ церкви съ пѣніемъ и не однихъ религіозныхъ гимновъ, но и патріотически-революціонныхъ. Русская власть не только закрыла глаза на это демонстративное выступленіе, но и сама приняла въ немъ участіе: она нашла нужнымъ выставить русскія войска шпалерами на пути процессіи, церквамъ русскимъ приказано было звонить въ колокола при ея приближеніи, самъ генераль-губернаторъ, со свитой военныхъ и гражданскихъ властей, вышелъ къ городскимъ воротамъ на поклонъ епископу, и присоединился къ процессіи... Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное на русскихъ людей оказаніемъ такого почета представителю католической церкви, въ то время какъ о въѣздѣ православнаго архіерея никто никогда не оповѣщался, и совершался онъ втихомолку...

Константину Петровичу—истинному христіанину и сыну православной вѣры—смирненіе нашей церкви и ея пастырей было не только понятно, но и близко душѣ... Но генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ—представитель русской власти и народности—не имѣлъ, по его мнѣнію, права проявлять публично того смиренія, которое въ данномъ случаѣ являлось униженіемъ русскихъ чувствъ и его святынь.

Вскорѣ по пріѣздѣ его въ Вильну долженъ былъ пріѣхать туда и католическій епископъ. Поляки, недавно еще торжествовавшіе уходъ Муравьева и не знавшіе направленія мыслей его замѣстителя, обманутые, вѣроятно, нѣмецкой фамиліей новаго начальника, надѣялись на возвращеніе до-муравьевскихъ временъ, и, усиливаясь показать, что Польша еще жива и католичество могущественно попрежнему, они обставили особенно блестяще и торжественно встрѣчу епископа. Генераль-губернаторъ ничему не препятствовалъ: вереницы дѣвушекъ въ бѣлыхъ нарядахъ, дѣтей въ праздничныхъ одеждахъ, предношеніе крестовъ и значковъ, массы народа—все было налицо.

Но на этотъ разъ колокола русскихъ церквей молчали, какъ молчали костельныя звонницы при въѣздѣ православныхъ іерарховъ... войска не стояли шпалерами... Зато, когда пришло время встрѣтить православнаго архіерея, генераль-губернаторъ всенародно отдалъ ему тотъ почетъ, въ которомъ владыкѣ бывало прежде отказано: православное воинство держало нарядъ; представитель русской власти съ многочисленной свитой изъ гражданскихъ и

военныхъ чиновъ встрѣтилъ преосвященнаго за воротами города, и, принявъ его благословеніе, вмѣстѣ съ православнымъ народомъ, при громкомъ звонѣ церковныхъ колоколовъ, сопровождалъ до собора, гдѣ торжественно былъ отслуженъ молебенъ.

Такое открытое отданіе чести православію и русской народности въ краѣ, проявленное мирной демонстраціей, безъ всякаго насилія надъ чьей бы то ни было совѣстью, не прошло незамѣтнымъ. Оно быстро разнеслось повсюду и было встрѣчено не одинаково: поляки не ликовали, но русскіе люди ободрились, почувствовавъ, что они еще не заброшены правительствомъ, не отданы въ безвозвратную власть польщизнѣ, что въ администраторѣ-патріотѣ они найдутъ надежную поддержку. И все, что до той поры таилось, стало выступать наружу: русскіе храмы вновь построенные и старые, приведенные въ благолѣпный видъ, наполнились богомольцами—простыми, сѣрыми крестьянами... Проснулось и духовенство отъ своей «душевной дремоты» и безбоязненно начало говорить съ народомъ, увѣровавшимъ, что православная вѣра—вѣра царя, а не однихъ хлоповъ.

Какое значеніе и характеръ имѣло тогда движеніе крестьянъ сѣверо-западной Россіи къ исконной ихъ русской, православной вѣрѣ, видно изъ доклада совѣта виленскаго Свято-Духовскаго братства, поданнаго уже графу Баранову, замѣстившему генерала фонъ-Кауфмана. Истинное и правдивое свидѣтельство почтенныхъ людей, видѣвшихъ и знавшихъ дѣло, тѣмъ болѣе необходимо здѣсь привести, что враги русскаго дѣла въ краѣ, а слѣдовательно и враги Константина Петровича, изыскивая способы интриги противъ него, старались увѣрить и государя и общество русское, что возвращеніе ополяченныхъ людей къ православію производилось подъ давленіемъ администраціи.

«Дѣло возвращенія русскихъ крестьянъ изъ латино-польскаго обряда къ вѣрѣ предковъ ихъ приняло во всемъ краѣ широкіе размѣры въ 1865—1866 г.г., именно когда осуществились для нихъ блага законной свободы и законнаго пользованія землею, дарованнаго имъ всемилостивымъ монархомъ, изрекшимъ въ достопамятномъ манифестѣ священныя слова: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ».

«Приемы, употреблявшіеся для убѣжденія крестьянъ, отличались кротостью и простотою: одновременно съ проповѣдью пришла на помощь система правительственныхъ поощреній; усилилось содержаніе священникамъ, безземельные крестьяне надѣлялись землей изъ государственныхъ имуществъ, денежныя пособія немущимъ, справедливое отношеніе при рекрутскомъ наборѣ, устройство школъ и волостей, которыя приурочивались къ православнымъ храмамъ, обновленіе церквей, снабженіе ихъ утварью, торжественныя богослуженія... Народъ ожилъ, завелись церковныя

хоры изъ крестьянъ, образовались изъ нихъ чтецы, начали крестьяне усваивать русскіе обычаи, отпустили бороды, стали пѣть великорусскія пѣсни, даже носить національную одежду. Не одинъ простой народъ былъ охваченъ этимъ стремленіемъ вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, но ксендзы и дворяне: отецъ Іоаннъ Стрѣлецкій, кн. Друцкой-Любецкій, Огинскій, Войниловичъ, Деспотъ-Зеновичъ. Къ сожалѣнію, русскіе дѣятели въ этомъ дѣлѣ были немногочисленны и всюду поспѣвать не могли. Были между ними и плохіе, судившіеся за излишнее усердіе, но ихъ было немного, и если они принесли вредъ русскому дѣлу, то еще большій можно приписать нѣкоторымъ администраторамъ, относившимся не только индифферентно, но и враждебно къ идеѣ возвращенія въ православіе нѣкогда ополяченныхъ людей»¹⁾.

Не только предвидя, но и имѣя уже свѣдѣнія, что извѣстная партія въ Петербургѣ, недовольная его направлениемъ, старается парализовать его всякими мѣрами, Константинъ Петровичъ возлагалъ надежду единственно на твердость государя и вотъ что между прочимъ писалъ ему:

...«Изъ борьбы этой мы можемъ выйти путемъ образованія народа. Онъ начинаетъ теперь жить, онъ, можно сказать, не жилъ до сихъ поръ, онъ былъ игрушкою помѣщиковъ и ксендзовъ, которые сотнями обращали православнаго бѣлорусса въ римско-католика и поляка, и все это какъ бы законно, во имя просвѣщенія, развращая общество и народъ, приучая его обходить законъ, не уважать его. При малѣйшей слабости здѣсь, при малѣйшей потачкѣ этимъ господамъ, они, при умѣньи пользоваться обстоятельствами, при привычкѣ и искусствѣ говорить народу и при распространенной у насъ слабости быть снисходительными, добрыми, передовыми людьми, пользоваться популярностью и приобрѣтать ее на счетъ интересовъ государственныхъ,—они легко овладѣваютъ позиціею.

«Тѣ же идеи, которыя распространены теперь въ огражденіе этого злополучнаго края отъ латино-польской пропаганды, были и послѣ 31 года, но они не дали результатовъ потому, что исполнители воли государя не поняли его, и потому, что благодѣтельные мѣры ослабѣвали, ведены были безъ надлежащей послѣдовательности и, главное, безъ твердой послѣдовательности.

«Не скрою отъ вашего величества, что въ Петербургѣ партія польская очень сильна и находитъ поддержку между вліятельными людьми, даже, смѣю сказать,— между министрами. Я говорю смѣло потому, что убѣжденъ въ истинѣ того, что говорю. Здѣсь и въ Петербургѣ пущена вѣсть о примиреніи враждебныхъ элементовъ польскаго съ русскимъ. Мысль эта самая несчастная изъ всѣхъ

¹⁾ Докладъ генералъ-губернатору графу Баранову Свато-Духовскаго братства.

мыслей, когда-либо пущенныхъ въ ходъ на нашу гибель. Я понимаю примиреніе двухъ элементовъ тамъ, гдѣ существованіе обоихъ можетъ быть признано, напримѣръ, въ Польшѣ или въ Финляндіи. Но здѣсь, подобно тому, какъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Саратовѣ и пр., не можетъ быть признано другого элемента, кромѣ русскаго: всякій иной—враждебный, а слѣдовательно невозможный для блага края, для единства вѣрнной вамъ Богомъ Россіи.

«Мнѣ случалось слышать, что примиреніе это составляетъ волю вашего величества, но я руководствуюсь лишь той волей, которую я лично удостоился слышать отъ васъ. «Край этотъ долженъ быть русскимъ и никакимъ другимъ быть не можетъ. Дѣло это должно быть доведено до конца».

«Борьба очень трудная, но возможная, лишь бы не останавливаться передъ трудностями и не увлекаться нынѣшней тишиною и кажущеюся слабостью и безоружностью нашихъ враговъ. Правда, кинжалъ и веревка окончили здѣсь свою роль и коноводы мятежа, не скомпрометированные передъ закономъ, увѣряютъ краснорѣчиво въ своей преданности государю императору, но въ то же время не дремлютъ и воспользуются случаемъ, чтобы усилить свое вліяніе на дѣла и изгнать отсюда русскихъ дѣятелей, которые только что стали поднимать здѣсь русское имя и внушать къ нему уваженіе; но безъ поддержки они еще слишкомъ слабы»¹⁾...

IV.

Непоколебимый въ убѣжденіи государственной важности своего дѣла, Константинъ Петровичъ окидывалъ широкимъ взглядомъ всѣ стороны жизни вѣрннаго ему края и не пропускалъ случая, чтобы строить и утверждать здѣсь распатанную Россію. Между прочимъ, придавая серьезное значеніе вліянію театра на разноплеменное городское населеніе, всегда готовое политиканствовать, и видя, какъ плохи театры въ губернскихъ городахъ края, Константинъ Петровичъ искалъ людей, которые бы помогли ему и въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, когда М. Н. Катковъ указалъ ему на Г. Тарновскаго, какъ на человѣка, годнаго для этого дѣла, то Константинъ Петровичъ поспѣшилъ отвѣтить ему слѣдующимъ письмомъ, ярко отражающимъ его взгляды:

«Г. Тарновскій столько извѣстенъ, какъ любитель и истинный знатокъ театральнаго дѣла, и, благодаря его заранѣе за его любезное предложеніе, я считаю, однако, необходимымъ высказать вамъ, для передачи г. Тарновскому до пріѣзда его сюда, мой взглядъ на то положеніе, которое долженъ занимать здѣсь

---

¹⁾ Собственноручная записка К. П.

театръ, и затѣмъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, въ какомъ состояніи находятся теперь театры въ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ и Минскѣ.

«Въ Западномъ краѣ театръ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, долженъ служить подспорьемъ общему дѣлу, долженъ содѣйствовать къ воздѣлыванію нравственной почвы здѣшней публики на началахъ чисто русской жизни и черезъ то имѣть отчасти дидактическое значеніе. Ни въ Вильнѣ, ни въ другихъ подвѣдомственныхъ моему управленію губернскихъ городахъ нельзя допустить смотрѣть на театръ, какъ на одно развлеченіе. Этотъ взглядъ справедливъ, какъ въ отношеніи русскаго, такъ и ополяченнаго и еврейскаго общества. Въ настоящее время здѣсь еще такъ мало русскихъ людей, русское общество до того еще не окрѣпло, что русскому человѣку здѣсь некогда и отдыхать, какъ онъ отдыхаетъ внутри Россіи; поэтому въ досужее время, особенно въ театрѣ, ему можно желать не такого развлеченія, которое отстраняетъ его отъ мысли, отъ серьезной дѣятельности, а такого, которое настраиваетъ его на оную, даетъ ему новые источники силъ для дѣятельности и для борьбы съ враждебными элементами. Здѣсь почти потребностью для русскаго общества становятся пьесы изъ народнаго быта и пьесы историческаго содержанія, напоминая или свѣтлыя стороны народной жизни, или славное былое; онѣ даютъ нравственную поддержку каждому русскому и поселяютъ увѣренность въ будущемъ торжествѣ нашего дѣла. Ополяченному, или какъ они называютъ себя—польскому обществу, необходимо ознакомленіе съ правдивою русскою жизнью, съ нашей исторической драмой, съ славными подвигами русскаго царства и русскихъ героевъ, съ нравами и обычаями нашей жизни. Нельзя отрицать нѣкотораго стремленія этого общества къ такому ознакомленію. Что касается еврейскаго общества, то на него театръ можетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ на кого-либо, при его впечатлительности и страсти къ зрѣлищамъ.

«Мѣстныя условія таковы, что многія капитальныя произведенія не могутъ быть разыгрываемы на виленской сценѣ. Я разумѣю тѣ произведенія, которыми такъ богата наша современная литература, которая бичуетъ темныя стороны русской жизни, рисуя ихъ во всей ихъ наготѣ. Выставляютъ на виленской сценѣ русскихъ чиновниковъ—продажными, полицію—плутоватою и грубою, купцовъ—мошенниками или въ смѣшномъ видѣ, русскаго крестьянина—въ пьяномъ видѣ было бы вполнѣ неумѣстно. Поляки не настолько добросовѣстны, чтобы, видя однѣ дурныя стороны, сами бы вспоминали о хорошихъ, да и русскимъ людямъ здѣсь вполнѣ неудобно видѣть на сценѣ обнаженіе лишь однѣхъ язвъ нашего общества. Не знаю, нужно ли говорить послѣ сказаннаго, могутъ ли имѣть мѣсто въ здѣшнемъ репертуарѣ французскія

мелодрамы и т. п. Даже классическія пьесы чуждыхъ намъ нравовъ могутъ являться только по необходимости, и то лишь послѣ строгаго критическаго выбора. Говоря это, я не думаю, однако, проводить ту мысль, что легкія пьесы, водевили, оперетки, фарсы и пр. не могутъ разыгрываться на здѣшнихъ сценахъ изрѣдка, онѣ бывають необходимы для разнообразія самаго спектакля.

«Изъ мѣстныхъ театровъ только одинъ виленскій не находится нынѣ въ рукахъ антрепренера и управляется особой дирекціей изъ трехъ лицъ, по моему назначенію. Два года тому назадъ въ Вильнѣ совсѣмъ не было русскаго театра. Изрѣдка русскія пьесы были скверно разыгрываемы польскими актерами. Теперь, хотя и имѣется нѣкоторое число русскихъ актеровъ, все же еще большинство составляютъ поляки. Кромѣ дурного выговора и непониманія русской жизни, поляки вносятъ за кулисы особый родъ театральной интриги, извѣстной только мѣстнымъ театрамъ, основанной на разладѣ политическомъ, что особенно тяготитъ здѣшнихъ русскихъ актеровъ. Хотя нѣкоторыя пьесы на виленской сценѣ идутъ весьма порядочно и есть нѣсколько даровитыхъ актеровъ, но вообще еще желательно много улучшеній по всѣмъ отраслямъ театрального управленія. Изъ остальныхъ театровъ въ краѣ лучшій—въ Гроднѣ.

«Театры въ Гроднѣ, Ковнѣ и Минскѣ содержатся антрепренерами, при пособіи отъ правительства отъ 2 до 2¹/₂ тыс. Сцена въ здѣшнемъ краѣ, по моему мнѣнію, не можетъ быть коммерческой, вслѣдствіе того серьезнаго взгляда, который здѣсь должно имѣть на театръ; здѣсь надо не низводить театральное дѣло до площадныхъ пьесъ, такъ нравящихся неразвитой массѣ и приносящихъ поэтому барыши, а, напротивъ, возвышать театръ до его истиннаго назначенія—до назначенія школы народной.

«Изложивъ мой взглядъ, я прибавлю къ этому, что я желалъ бы къ будущему 1866—1867 г. дать новую жизнь здѣшнимъ театрамъ, сосредоточивъ главное руководство общимъ направленіемъ дѣла и репертуарною частью въ Вильнѣ. Я просилъ бы васъ сдѣлать содержаніе моего письма извѣстнымъ г. Тарновскому и поблагодарить его отъ моего имени за его любезное предложеніе. Если онъ раздѣляетъ мой взглядъ на положеніе театра въ Сѣверо-Западномъ краѣ и приметъ на себя трудъ указать и должный репертуаръ и надлежащее цѣлесообразное устройство здѣшнихъ театровъ въ указанномъ направленіи, то мнѣ было бы особенно пріятно видѣть его въ Вильнѣ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Съ своей стороны, я предоставлю г. Тарновскому всѣ нужныя средства и способы для ознакомленія съ здѣшними театрами и для окончательнаго устройства ихъ»¹⁾.

«12 ноября 1865 г. Вильна».

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1891. № 11.

Въ Россіи, особенно въ Москвѣ, зорко присматривались къ дѣятельности окраиннаго генераль-губернатора, и его твердая политика, проникнутая патріотизмомъ, встрѣчала полное одобреніе лучшихъ русскихъ людей. Не одинъ Тарновскій откликнулся съ горячимъ сочувствіемъ къ желательной генераль-губернатору постановкѣ театральнаго дѣла, но и корифеи нашей литературы приняли самое живое въ этомъ дѣлѣ участіе: такъ, Островскій началъ писать для тамошнихъ театровъ «Осаду Смоленска», Писемскій—драму изъ жизни князя Александра Тверского, а Чаевъ трагедію «Изгой». Что касается артистовъ Московскаго театра, то они съ энтузіазмомъ отвѣтили на приглашеніе Тарновскаго, и такіе даровитые люди, какъ Рѣшимовъ, Федорова, Піунова, Литвина тотчасъ же поѣхали въ Вильну. Составъ актеровъ пополнился еще нѣкоторыми лицами изъ частной труппы Огарева и изъ петербургскаго театральнаго училища. Знаменитая въ то время Никулина выступила въ драмѣ «Скопинъ-Шуйскій» и въ «Грозѣ»; а Разсказовъ былъ настолько увлеченъ патріотическимъ чувствомъ, что оставилъ свою службу въ Москвѣ и перешелъ въ виленскій театръ. Намѣченъ былъ разнообразный репертуаръ русскихъ пьесъ Загоскина, Кугушева, Самарина, Ладыженскаго, Мей, Писемскаго и т. д.

Спектакли имѣли огромный успѣхъ. Обрадованный и ободренный такимъ сочувствіемъ русскихъ людей, Константинъ Петровичъ возможными денежными средствами содѣйствовалъ къ поддержанію родного искусства; проектировалъ постройку новаго зданія въ Вильнѣ и обратился къ министру двора гр. Адлербергу съ просьбой о сохраненіи за артистами, перешедшими на виленскую сцену изъ столичныхъ театровъ, тѣхъ правъ, какими они тамъ пользовались. Такой мѣрой онъ справедливо рассчитывалъ поставить русскій театръ въ Сѣверо-Западномъ краѣ на ту высоту, при которой ему гарантировался бы всегда составъ даровитыхъ и серьезныхъ русскихъ артистовъ.

Но и это благое начинаніе, т. е. все дѣло съ театромъ, какъ и многія другія, встрѣтило противодѣйствіе въ Петербургѣ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же. Гр. Адлербергъ отвѣтилъ сухимъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что преувеличенная современными русскими писателями хула на русское общество, на чиновниковъ и на правительство не дастъ хорошихъ результатовъ, а, напротивъ, можетъ повредить во многомъ; ради же развлеченія чиновниковъ въ Вильнѣ—не стоить обременять кабинетъ его величества расходами на пенсіи и т. д. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ не захотѣли понять цѣли устройства русскихъ театровъ въ краѣ, которая могла бы, при явномъ сочувствіи общества, вызвать и въ литературномъ мірѣ подъемъ патріотическаго настроенія, причемъ авторы пробавлялись бы не одной хулой, какъ это и случилось. Всего же вѣроятнѣе, что гр. Адлербергъ руководствовался другими соображеніями для отказа. Слишкомъ близкій къ центру все усиливавшихся интригъ, онъ, конечно, предвидѣлъ скорую перемѣну курса. И, дѣйствительно, немного прошло времени, какъ все русское дѣло въ краѣ опять заглохло. Въ февралѣ 1866 г. послалъ гр. Адлербергъ свой отказъ, а въ августѣ того же года Константинъ Петровичъ покинулъ свой постъ въ Вильнѣ.

Тотчасъ послѣ ухода Константина Петровича изъ Вильны замѣститель его графъ Барановъ передалъ русскій театръ въ управленіе поляка графа Ожаровскаго, и уже къ январю 1867 г. всѣ до одного изъ московскихъ артистовъ уѣхали изъ Вильны...

V.

Стройная послѣдовательность открытой честной и твердой политики не могла не всполошить польской клики, засѣдавшей въ Петербургѣ. Мирный генералъ-губернаторъ, никого не ссылавшій, не конфисковавшій ни одного имѣнія, не проявлявшій никакихъ насильственныхъ и суровыхъ мѣръ, — не давалъ поводовъ апеллировать ни къ обществу, ни къ Европѣ, кричать о злодѣйствѣ власти, какъ это практиковалось относительно усмирителя польскаго мятежа гр. Муравьева. Людямъ этой клики, кичившимся своимъ либерализмомъ, нельзя было протестовать противъ системы ген. Кауфмана, клонившейся къ улучшенію быта крестьянъ и нищаго русскаго духовенства, къ расширенію образованія въ народъ и т. д. Конечно, развитіе русскаго направленія въ краѣ было не по вкусу полякующимъ, но открыто объ этомъ заявлять было весьма неудобно: громовыя статьи Каткова свое дѣло уже сдѣлали; подъ ихъ влияніемъ русское общество успѣло въ это время опомниться отъ угара и требовало, чтобы сѣверо-западная окраина признавалась русскою, а не польскою. Допустить же ген. Кауфмана до выполненія его программы значило, дѣйствительно, разъ навсегда упрочить тѣ русскія начала, которыя такъ долго и такъ упорно вытравлялись. Такой генералъ-губернаторъ былъ опасенъ и его необходимо было удалить. Но разъ что нельзя было, прикрываясь либеральными стремленіями, вредить ему открыто, то для той же цѣли были избраны пути подпольные. И работа началась; интрига завязалась всюду... Всякое новое мѣропріятіе въ краѣ, требовавшее санкціи петербургскихъ властей, задерживалось и тормозилось въ канцеляріяхъ подъ всевозможными предлогами. Между прочимъ и завѣтная мечта Константина Петровича — учрежденіе духовной академіи въ Вильнѣ, попавъ въ трущобы петербургскихъ канцелярій, откуда уже свѣта не увидѣла.

Въ то же время, подъ сурдинкой, какъ пробный шаръ, пускались сплетни о насильственныхъ, якобы, мѣрахъ при воссоединеніи къ православію ¹⁾. Подобные слухи пускались, главнымъ образомъ, въ сферахъ близкихъ престолу, въ расчетъ довести ихъ

¹⁾ Поводомъ послужилъ одинъ частный случай, настолько, впрочемъ, не одобренный самимъ генералъ-губернаторомъ, что безтактный обруситель былъ удаленъ со службы и даже преданъ суду. Но недобросовѣстнымъ людямъ не было никакого дѣла до строгаго распоряженія начальника края. Имъ важенъ былъ этотъ единичный случай, который они и успѣли обобщить.

до государя и тѣмъ поколебать то довѣріе монарха къ Кауфману, которое сильно беспокоило министра Валуева и его высокопоставленныхъ единомышленниковъ. Явились добровольные разносители всякихъ инсинуацій: кто по легковѣрью, кто изъ зависти, а кто для оживленія пустой салонной болтовни. Къ услугамъ ихъ явилась и пресса съ корреспонденціями, полученными якобы съ мѣста, а на самомъ дѣлѣ сфабрикованными, какъ дѣлается это и нынѣ, въ редакціяхъ нѣкоторыхъ услужливыхъ газетъ. И какъ комъ снѣга—разрасталась клевета...

Не таковъ, однако, былъ Константинъ Петровичъ, чтобы смущаться нападками, лично на него направленными, и изъ-за нихъ жертвовать государственными интересами; онъ спокойно продолжалъ свое дѣло. Самъ неутомимый работникъ, онъ воодушевлялъ и увлекалъ своихъ сотрудниковъ, а его личныя качества—свѣтлый умъ, обходительность благовоспитаннаго человѣка, умѣнье выслушивать и уважать чужія мнѣнія—привлекали къ нему и расширяли кругъ людей, проникнутыхъ общей идеей служить на пользу Россіи.

Среди массы вопросовъ—мелкихъ и крупныхъ—онъ не терялся, добросовѣстно вникая въ каждое дѣло. «Мнѣ пришлось быть вызваннымъ въ Вильну (говоритъ одинъ старослуживецъ въ краѣ, назначенный еще Муравьевымъ), въ комиссію для обсужденія нѣкоторыхъ неотложныхъ и серьезныхъ дѣлъ. Вотъ тутъ-то мы и убѣждались въ далеко не поверхностномъ ознакомленіи генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана съ обсуждавшимися вопросами; наоборотъ, самое тщательное, всестороннее и детальное изученіе ихъ проглядывало во всякомъ его замѣчаніи, а быстрое соображеніе, умѣнье схватывать суть дѣла на лету и колоссальная память дѣлали эти замѣчанія еще болѣе цѣнными»¹⁾.

Изъ всѣхъ вопросовъ наиважнѣйшимъ стоялъ, конечно, вопросъ о преобразованіи земельного дѣла въ краѣ и объ усиленіи тамъ русскаго элемента, къ чему стремился предшественникъ Кауфмана и что самъ Константинъ Петровичъ ставилъ во главу своей государственной дѣятельности. Слѣдуя по пути, намѣченному графомъ Муравьевымъ, Константину Петровичу удалось, на первыхъ же порахъ его службы, осуществить часть этой задачи: 24 іюня 1865 г. высочайше утверждены правила для льготной продажи казенныхъ и конфискованныхъ имѣній, «которыя вводили особую низшую оцѣнку участковъ въ размѣрѣ отъ 300 до 600 дес. и отъ 600 до 1,000 десят. и только по особымъ соображеніямъ болѣе того количества. Спеціально для народныхъ наставниковъ и волостныхъ писарей русскаго происхожденія были приняты участки отъ 30 до 50 десятинъ. На покушчиковъ возлагалась обязанность не отда-

¹⁾ «Новое Время», № 9088.

вать купленныхъ участковъ въ аренду или въ управленіе евреямъ и полякамъ, а также закладывать или какимъ-нибудь образомъ переуступать этимъ лицамъ. Продажа купленныхъ участковъ могла имѣть мѣсто только съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ и мѣстнаго генераль-губернатора» ¹⁾).

Но едва успѣлъ Кауфманъ приступить къ выполнению общей программы, какъ Петербургъ поторопился напомнить ему о своихъ взглядахъ. Для иллюстраціи борьбы, которая началась на этой почвѣ между генераль-губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, можетъ служить слѣдующій фактъ.

«Еще до вступленія Константина Петровича Кауфмана въ управленіе краемъ, одинъ изъ бывшихъ помощниковъ графа Муравьева, генераль Потаповъ (впослѣдствіи виленскій генераль-губернаторъ), представилъ правительству записку объ управленіи Сѣверо-Западнаго края, въ которой, между прочимъ, доказывалъ, что для умиротворенія Ковенской области необходимо подвергнуть ее усиленному онѣмеченію.

«Записка эта была передана на разсмотрѣніе К. П. Кауфмана, который имѣлъ здѣсь первый случай высказать свой взглядъ на задачи русской власти въ краѣ. Указывая, что Ковенская область расположена географически между восточной Пруссіей и прибалтійскими областями, онъ категорически высказался за необходимость не онѣмеченія, а обрусенія этой области, тѣмъ болѣе, что въ сѣверной части ея уже находилось много нѣмцевъ-землевладѣльцевъ; жмудское же населеніе не такъ легко поддавалось ополяченію, какъ бѣлорусское. Впослѣдствіи К. П. Кауфманъ, нѣсколько ближе узнавшій, какъ далеки нѣмцы отъ народно-русской силы и какъ, наоборотъ, близки они ко всему польскому,—прямо не разрѣшалъ имъ приобрѣтать земельную собственность въ Ковенской губерніи; но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ сообщилъ, что нѣмцамъ должны быть предоставлены одинаковыя права съ русскими.

«Этотъ первый эпизодъ при К. П. Кауфманѣ очень характеренъ: въ немъ не только обрисовывалось политическое направленіе будущаго виленскаго генераль-губернатора Потапова, но еще разъ сказались своеобразныя взгляды Петербурга» ²⁾).

Еще рельефнѣе выступили не только взгляды, но и дѣйствія петербургскихъ правящихъ классовъ въ слѣдующемъ эпизодѣ.

«Имѣя въ виду привлечь въ край для постояннаго водворенія образованныхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ русскихъ людей, графъ М. Н. Муравьевъ одною изъ первыхъ мѣръ по устройству края поставилъ усиленіе русскаго землевладѣнія. Съ этой цѣлью

¹⁾ «Страница изъ исторіи нашихъ ошибокъ». «Новое Время».

²⁾ Тамъ же.

были выработаны правила о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ, предоставляемыхъ уроженцамъ не польскаго происхожденія всѣхъ губерній имперіи, кромѣ евреевъ, при покупкѣ частныхъ и казенныхъ имѣній въ Западномъ краѣ. Правила эти были высочайше утверждены 5-го марта 1865 г., но обнаруженіе ихъ въ подлинномъ видѣ было сочтено неудобнымъ. Въ указѣ сената отъ 3-го апрѣля 1864 г. главными основаніями новаго положенія выставлялся недостатокъ въ числѣ мѣстныхъ обывателей лицъ съ достаточными средствами для веденія рациональнаго хозяйства, но не было упомянуто, что къ приобрѣтенію имѣній на льготныхъ основаніяхъ не допускаются лица польскаго происхожденія и евреи.

«Вліяніе подлежащихъ центральныхъ вѣдомствъ сказалось уже въ это время и сказалось въ такомъ оригинальномъ направленіи. Важнѣйшее изъ мѣропріятій графа Муравьева уже въ самомъ началѣ было парализовано. Оно и осталось безъ послѣдствій, а немного спустя самъ графъ Муравьевъ былъ отозванъ изъ Вильны»¹⁾.

Но новый виленскій генералъ-губернаторъ рѣшилъ вызвать къ жизни этотъ похороненный Петербургомъ проектъ. Мало того, онъ пошелъ и дальше своего предшественника. Въ мысляхъ его созрѣлъ широкій планъ радикальнаго переустройства землевладѣнія не дарованіемъ только нѣкоторыхъ правъ и льготъ для покупки земель, но постепенной и полной передачей всего польскаго землевладѣнія въ руки русскихъ людей. Только такой мѣрой могло завершиться дѣйствительно распоряженіе нѣкогда коренного русскаго края. Борьба предстояла серьезная и рѣшительная.

Справедливо полагая, что въ единеніи сила, онъ заинтересовалъ этимъ вопросомъ сосѣдняго кievскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Безака, и приобрѣлъ въ немъ союзника, такъ какъ отъ того же польскаго засилья, подобно Сѣверо-Западному краю, страдала и самая древняя русская область—разсадникъ православія—Кіевъ съ Волынью и Подоліей. По даннымъ обоихъ генералъ-губернаторовъ, положеніе вещей въ 9 западныхъ губерніяхъ было таково, что «на десятиmillionное населеніе, преимущественно малороссійское, бѣлорусское и частью жмудско-литовское, имѣется сравнительно весьма ничтожное по численности населеніе польскаго происхожденія; населеніе это, состоящее большею частью изъ помѣщиковъ и мѣщанъ, даетъ всему краю польскій характеръ и мѣшаетъ остальному, нисколько не польскому населенію, правильно развиваться и пользоваться наравнѣ съ прочими подданными многими предпринятыми его величествомъ реформами; сила этого элемента заключается въ

¹⁾ «Страница изъ исторіи нашихъ ошибокъ».

корпоративной замкнутости владѣнія недвижимою собственностью, не допускающей проникать къ себѣ никакую другую національность и особенно русскую». Оба представителя русской тамъ власти находили это положеніе совершенно ненормальнымъ и настаивали передъ правительствомъ о принятіи чрезвычайныхъ мѣръ для измѣненія существующаго порядка землевладѣнія и связаннаго съ нимъ строя учреждений, чтобы послѣднія можно было преобразовать на народно-русскихъ началахъ.

Ненормальность положенія заключалась именно въ отсутствіи русскаго элемента въ интеллигентныхъ слояхъ общества, т. е. въ средѣ помѣстныхъ землевладѣльцевъ, что отдавало всецѣло судьбу православнаго крестьянства въ руки помѣщиковъ и чиновниковъ-поляковъ. Къ устраненію этой ненормальности и клонились чрезвычайныя мѣры, сводившіяся всего къ двумъ положеніямъ:

1. Запрещеніе лицамъ польскаго происхожденія и евреямъ приобретать въ предѣлахъ Западнаго края помѣщичьи имѣнія и земли.

2. Обязательство для владѣльцевъ секвестрованныхъ имѣній и тѣхъ, которые высланы изъ края за государственную измѣну (т. е. за участіе въ мятежѣ, за содѣйствіе и за потворство ему), продать въ опредѣленный срокъ свои имѣнія русскимъ. Не проданныя въ опредѣленный срокъ самими владѣльцами имѣнія предполагалось продать въ казенное вѣдомство и подвергнуть продажѣ съ публичнаго торга, а владѣльцамъ, до продажи, выдавать ежегодную ренту.

«Значительный и одновременный приливъ русскихъ землевладѣльцевъ въ край создастъ сразу атмосферу новыхъ отношеній между помѣщикомъ—православнымъ человекомъ—и родственнымъ ему по духу православнымъ крестьяниномъ. Нравственная связь неизбежно установится во взаимномъ общеніи людей, хотя и разныхъ сословій, но одинаково вѣрующихъ, одинаково тяготящихся къ общей родинѣ — Россіи. Встрѣчая русскаго помѣщика въ народной школѣ, гдѣ онъ будетъ попечителемъ, стоя съ нимъ рядомъ въ православномъ храмѣ, крестьянинъ неминуемо проникнется довѣріемъ къ помѣщику-сородичу и будетъ искать у него поддержки и защиты въ своихъ нуждахъ и затрудненіяхъ, чего онъ, конечно, никогда не получалъ отъ заносчиваго и всегда ему враждебнаго помѣщика-поляка.

«Но самымъ важнымъ результатомъ такого мѣропріятія явится экономическое раскрѣпощеніе крестьянина отъ корпоративныхъ пановъ. Кабала и гнетъ польщизны спадутъ съ него и не понадобится уже православному крестьянину жертвовать своею совѣстью и принимать католичество, а затѣмъ и ополячиваться ради спасенія семьи отъ голода».

Таковы были воззрѣнія обоихъ генераль-губернаторовъ, изложенныя въ запискѣ къ проекту новаго закона. Этимъ мѣропріятіемъ

тѣмъ гарантировалась государственная безопасность на западной окраинѣ и предотвращалась возможность новыхъ возстаній, послѣднее изъ которыхъ было столь грозно, что потребовало со стороны графа Муравьева суровой мѣры конфискации. Генералъ Кауфманъ, не прибѣгая ни къ какой ломкѣ, воспользовался только мѣропріятіемъ, уже вошедшимъ въ законную силу.

Проектъ этотъ, отвѣчавшій жизненнымъ требованіямъ страны, встрѣченъ былъ полнымъ одобреніемъ всей Россіи, патриотически настроенной послѣ польскаго возстанія.

Не такъ, конечно, отнесся къ нему бюрократически - космополитическій Петербургъ. Въ комиссіи, назначенной по высочайшему повелѣнію, подѣ председательствомъ князя Гагарина произошло бурное столкновение между членами партій.

Но 10 декабря 1865 г., подѣ личнымъ предѣдательствомъ государя, оба пункта проекта были приняты комиссіей и высочайше утверждены. Правила сего законоположенія объявлены въ высочайшихъ указахъ правительствующаго сената 23 и 31 декабря 1865 г., въ которыхъ, между прочимъ, изображено, что «срокъ для обязательной продажи устанавливается двухгодичный, съ 10 декабря 1865 г., а въ случаѣ непродажы—имѣніе оцѣнивается на основаніи правилъ объ исчисленіи дохода съ конфискованныхъ имѣній и подвергается продажѣ, а владѣльцу выдается ежегодная 5% рента»¹⁾.

Это быстрое и твердое рѣшеніе вопроса вызвало бурю негодованія въ польскихъ кругахъ, здѣсь и за границей. Константинъ Петровичъ, какъ инициаторъ, сдѣлался мишенью для ожесточенныхъ нападокъ со стороны польской силы, которую въ настоящемъ случаѣ поддерживала европейская печать.

Между тѣмъ, какъ Валуевъ, такъ и другіе противники проекта, хотя и подписались подѣ рѣшеніемъ комиссіи, но своихъ польскихъ тенденцій не измѣнили, и чѣмъ могли—противодѣйствовали неприятому имъ дѣлу. Пользуясь такимъ настроеніемъ петербургскихъ сановниковъ, многіе польскіе паны успѣли, подѣ предлогомъ своей благонадежности, выхлопотать изъятіе ихъ изъ общаго правила, что, конечно, на первыхъ же порахъ сильно подрывало значеніе новаго закона.

Однако генералъ Кауфманъ не только не отступалъ, но цѣлымъ рядомъ новыхъ мѣропріятій стремился закруглить, такъ сказать, дѣло утвержденія русскаго землевладѣнія въ краѣ. Такъ, вскорѣ по обнародованіи высочайшаго повелѣнія 10 декабря 1865 г., онъ обратилъ вниманіе правительства на государственныя земли и майоратныя имѣнія въ царствѣ Польскомъ; правительство, раздавая майораты за заслуги русскимъ дѣятелямъ, съ непремѣн-

¹⁾ Законъ этотъ не отмѣненъ до сихъ поръ.

нымъ условіемъ не отдавать ихъ въ аренду мѣстнымъ жителямъ, надѣялось этимъ путемъ раздѣлить массу польскихъ помѣщиковъ и образовать ядро преданнаго правительству дворянства. Съ этой же цѣлью раздавались въ аренду и государственныя земли въ царствѣ исключительно русскимъ людямъ. Но желаемыхъ результатовъ, по многимъ мѣстнымъ условіямъ, правительство не достигло, и положеніе русскихъ людей въ царствѣ Польскомъ оказалось весьма непріятнымъ въ средѣ сплоченныхъ враждебныхъ элементовъ. На основаніи этихъ данныхъ и соображеній, генералъ Кауфманъ полагалъ вполне справедливымъ и цѣлесообразнымъ разрѣшить польскимъ помѣщикамъ Сѣверо-Западнаго края обвиняться своими имѣніями съ русскими землевладѣльцами царства Польскаго, по добровольному, конечно, соглашенію, что совпадало съ желаніями и самихъ поляковъ.

Кромѣ того, въ тѣхъ же заботахъ возможно большаго расселенія русскихъ людей въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Константинъ Петровичъ предложилъ разбить на небольшіе участки три крупныхъ имущества, которыя были конфискованы графомъ Муравьевымъ, и продавать на льготныхъ условіяхъ небогатымъ, но коренымъ русскимъ, причѣмъ могли образоваться небольшія колоніи изъ нихъ. Наконецъ, въ тѣхъ же стремленіяхъ закрѣпить тамъ русское землевладѣніе, учреждено было «товарищество пріобрѣтателей земель въ западныхъ губерніяхъ», уставъ котораго былъ утвержденъ 10 августа 1866 года.

Рядомъ съ этимъ, шли дѣла о крестьянскихъ надѣлахъ, о предоставленіи земли батракамъ, о водвореніи отставныхъ солдатъ, о надѣленіи земель православныхъ причтовъ и т. д. Всѣ эти дѣла и проекты были тѣсно связаны между собою и требовали во множествѣ случаевъ санкціи центральныхъ управленій. Вотъ тутъ-то и создавались генералъ-губернатору всевозможныя затрудненія и проволочки—то въ межевыхъ и люстраціонныхъ работахъ, то въ судебныхъ учрежденіяхъ, то въ финансовыхъ вопросахъ... Константинъ Петровичъ не ограничивался перепиской, всегда, какъ онъ зналъ, бесполезной... Онъ ѣздилъ въ Петербургъ самъ и просилъ, хлопоталъ, торопилъ.. Но петербургскіе люди знали, какъ изводить слишкомъ, по ихъ мнѣнію, рьянаго начальника края, и продолжали держать дѣла подъ сукномъ...

И, несмотря на всѣ противоудѣйствія и козни, оставайся генералъ Кауфманъ на своемъ посту не полтора года, а съ десятокъ лѣтъ — нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта нѣкогда ополяченная окраина превратилась бы въ крѣпкую русскую землю, какой и надлежитъ ей быть на границѣ государства¹⁾.

¹⁾ Въ краѣ былъ еще вопросъ чрезвычайной серьезности—это вопросъ еврейскій. Вдумчивый администраторъ, конечно, не проходилъ мимо него. Но въ ха-

Но враги Константина Петровича, стоявшіе на верхахъ, не дремали и рѣшили во что бы то ни стало удалить вреднаго имъ чело­вѣка. Подпольная интрига заработала во всю, и ложь доползла до подножія престола. Государь не внималъ ей, сохраняя, попреж­нему, довѣріе и уваженіе къ своему вѣрноподданному, но на горе Россіи случилось событіе 4 апрѣля 1866 года, и съ этого времени начало расти вліяніе вновь назначеннаго шефа жандармовъ графа Петра Андреевича Шувалова.

Какъ полонофиль¹⁾, онъ сталъ во главѣ полякующей партіи; партія же по преимуществу была придворной и насчитывала въ своей средѣ, кромѣ Валуева, еще и другихъ министровъ. Покуше­ніе Каракозова — кореннаго русскаго — дало немало козырей въ руки этихъ людей, выставившихъ лояльность поляковъ въ про­тивовѣсъ русскому нигилизму и анархизму. Въ извѣстныхъ кру­гахъ и нѣкоторыхъ газетахъ стали проводить мысль, что борьба въ Западномъ краѣ Россіи — не политическая и историческая тяжба двухъ народностей, а просто происки социализма. Усиленіе крестьянскаго русскаго элемента въ сѣверо-западныхъ губер­ніяхъ стремились представить опаснымъ и вреднымъ, какъ уси­ліе демократическаго начала, какъ торжество коммунистическихъ идей...

Петербургское общество, напуганное событіемъ 4-го апрѣля и видя непомѣрное возвышеніе графа Шувалова, заматалось, и тотъ патриотическій пылъ, которымъ оно жило нѣкоторое время, остылъ и разсѣялся; какъ и въ наши дни, нахальное инородческое влія­ніе увлекло много неустойчивыхъ русскихъ... Гоненіе, почти откры­тое, на все національно-патриотическое пошло на всѣ фронты: Н. А. Милютинъ и его крестьянскіе дѣятели въ царствѣ Поль­скомъ начали на себѣ испытывать новое петербургское теченіе, представителемъ котораго оказался въ Варшавѣ графъ Бергъ...

На этотъ разъ К. П. Кауфманъ увидалъ, что широкая интрига грозитъ не ему лично, но тому русскому, святому дѣлу, которому онъ отдавалъ всѣ силы души. Русская партія около государя была немногочисленна, а сила графа П. А. Шувалова и его круга все

ракторъ Константина Петровича Кауфмана была та отличительная черта, что онъ никогда не позволялъ себѣ произносить рѣшительнаго мнѣнія о предметѣ, не изучивъ его предварительно со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе не могъ онъ рубить съ плеча такого сложнаго и запутаннаго дѣла. Въ архивахъ хранятся за­писки и документы, изъ которыхъ усматривается, что вопросъ этотъ занималъ его, изучался имъ. И кто скажетъ, висѣлъ ли бы этотъ бичъ теперь надъ Рос­сіей, если бы 40 лѣтъ тому назадъ администратору-патриоту и чело­вѣку просвѣщенному и гуманному дано было время поставить въ должные предѣлы этотъ государственный вопросъ?

¹⁾ Полякъ—по матери. Отецъ его женился на вдовѣ фаворита князя Зубова, виленьской шляхтянкѣ Валентиновичъ «Истор. Вѣстникъ», июнь, 1908 года, стр. 1069.

возрастала... Оставалась еще надежда, что государь останется твердъ, не отступитъ отъ политики, имъ принятой и имъ самимъ указанной.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, Константинъ Петровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и составилъ для государя подробную записку съ изложеніемъ хода событій, подготовлявшихъ возстаніе, развитіа его и подавленія, а равно мѣръ, принятыхъ и предполагаемыхъ для окончательнаго замиренія края.

Записка эта была подана лично К. П. фонъ-Кауфманомъ государю Александру Николаевичу въ сентябрѣ 1866 года. Взглядъ на дѣло обрусенія Сѣверо-Западнаго края и на тѣ мѣры, которыя для сего проводились Константиномъ Петровичемъ вполне одобрены государемъ, который, обнявъ и поцѣловавъ Константина Петровича, отпуская его въ Вильну, выразился такъ:

«Въ тебѣ, я вижу, родилось сомнѣніе въ томъ, что я перемѣнилъ взглядъ свой на политику нашу въ Польшѣ и не одобряю болѣе способа дѣйствій въ Литвѣ; прошу тебя этому не вѣрять. И не сомнѣвайся, что въ польскомъ дѣлѣ я не уступлю, несмотря ни на какія вліянія, вотъ ни на столько (при этомъ его величество указалъ на конецъ указательнаго пальца правой руки) отъ того, что разъ призналъ необходимымъ и что тебѣ извѣстно»¹⁾.

«Черезъ мѣсяць послѣ этого свиданія Константинъ Петровичъ былъ, тѣмъ не менѣе, изъ Вильны отозванъ отъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ по вліянію тѣхъ, которые признавали его распоряженія и мѣропріятія по обрусенію края слишкомъ крутыми и несправедливыми, будто бы, въ отношеніи польскихъ землевладѣльцевъ и католическаго духовенства»...

У Шуваловской партіи былъ уже готовый замѣститель Кауфману—Потаповъ; но, чтобы переходъ былъ не такъ рѣзокъ, не вызвалъ бы громкаго бурнаго неудовольствія въ московскихъ кругахъ, съ которыми, все-таки, приходилось считаться, а главное—чтобы самому государю не бросился въ глаза слишкомъ крутой поворотъ въ курсѣ политики, на смѣну генералу фонъ-Кауфману подставили графа Э. Т. Баранова, на котораго партія рассчитывала вліять, имѣя, впрочемъ, въ виду держать его недолго... И дѣйствительно, не прошло двухъ лѣтъ, какъ уже открыто выдвинули Потапова, который и водворился въ Вильнѣ. Дѣятельность этого послѣдняго хорошо извѣстна: прежняя русско-національная политика признана ошибочной и забракована; лучшіе и убѣжденнѣйшіе русскіе люди поставлены въ невозможность оставаться въ краѣ. Изъ края потянулись не только русскіе чиновники; и изъ имѣній стали удаляться новые землевладѣльцы; принизилось и православное духо-

¹⁾ Записано со словъ Константина Петровича (изъ бумагъ К. П.).

венство... Паны и ксендзы опять подняли головы и съ удвоенной энергіей заработали по старой программѣ своей, ополячивая крестьянъ и въ школахъ, которыя они вновь захватили въ свои руки, и въ костелахъ, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыя всѣ остались за поляками...

Сопоставляя эти историческія справки съ настоящимъ положеніемъ вещей въ Западной Россіи, намъ приходится убѣдиться въ гибельныхъ результатахъ непослѣдовательности и неустойчивости русской политики на этой окраинѣ. Есть ли надежда, что эта политика станетъ нынѣ на твердую почву?

Предстоящая опасность отъ умаленія православной церкви и собращенія русскихъ людей въ польщизну заставила теперь встрепенуться и оживиться союзы духовныхъ братствъ, нѣкогда крѣпко стоявшихъ на стражѣ вѣры и народности русской въ Западномъ краѣ. Многочисленные ревнителі изъ разныхъ губерній этого края, собравшись въ Минскѣ (2 сентября 1908 г.), представили рядъ вопіющихъ фактовъ, обрисовывающихъ приемы католической пропаганды, и отмѣтили, въ то же время, безучастное отношеніе мѣстной администраціи ¹⁾ къ этому жгучему вопросу... Конечно, отрадно узнать, что еще есть среди русскихъ людей печальники и борцы за вѣру и народность, но не слишкомъ ли поздно спохватились мы, и не останется ли не разсѣяннымъ опасеніе генерала Кауфмана, высказанное имъ, въ частномъ письмѣ, вскорѣ послѣ его смѣны, еще даже до того злополучнаго времени, когда край попалъ въ руки гасителя русскаго дѣла Потапова.

«Вопросъ о православіи,—писалъ Константинъ Петровичъ,—въ Западномъ краѣ не понятъ тѣми лицами, отъ которыхъ зависитъ нынѣ направленіе дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Апатія, равнодушіе, отсутствіе всякой мысли о борьбѣ съ опасными и сильными врагами русскаго начала въ краѣ характеризуютъ дѣйствія призванныхъ къ дѣлу лицъ.

«Между тѣмъ, пока православіе не сдѣлается тамъ въ дѣйствительности господствующею церковью, до тѣхъ поръ мы не можемъ считать себя хозяевами въ западныхъ губерніяхъ, и, рано ли, поздно ли, мятежъ повторится, но повторится въ такомъ видѣ и въ такой формѣ, что нельзя предвидѣть хорошаго исхода ему. Будущій мятежъ будетъ ужасенъ потому уже, что не будетъ у насъ средства къ удержанію крестьянскаго населенія отъ увлеченія въ него, какое было въ 1863 году у графа Муравьева.

«Весь резервъ будетъ издержанъ и можно ручаться, что все католическое населеніе пойдетъ съ поляками, признавая себя таковыми и находясь подъ вліяніемъ ксендзовъ,— намъ всегда, какъ и нынѣ, враждебныхъ.

¹⁾ «Новое Время» № 11666, телеграмма изъ Минска.

«Народъ сбитъ съ толку, довѣріе къ силѣ и твердости нашей подорвано; а только этой вѣрой и можно было дѣйствовать на массу и обратить ее опять къ тому патриотизму, какимъ она одушевлена была въ XIII, XIV и XVI столѣтіяхъ. Сердце кровью обливается, вся внутренность моя переворачивается при мысли, что сила эта была у меня и что я могъ сдѣлать то, что теперь, быть можетъ, никто уже не сдѣлаетъ» ¹⁾).

Роковымъ пророчествомъ звучатъ эти слова.

VI.

Неожиданная отставка генераль-губернатора, политическая программа котораго была такъ твердо поставлена, произвела, конечно, большое впечатлѣніе въ общественныхъ кругахъ Петербурга и въ его служебныхъ сферахъ. Общество знало, откуда шелъ ударъ. Тѣмъ не менѣе, предположеній и разговоровъ было много; всѣ притомъ ожидали, какъ проявитъ себя государь въ этомъ дѣлѣ, гдѣ шла борьба двухъ партій.

Смѣна виднаго государственнаго дѣятеля знаменуетъ собою, обыкновенно, потерю къ нему довѣрія и расположенія монарха, и естественно вызываетъ перемѣну въ личномъ отношеніи государя къ своему подданному. Ничего подобнаго, однако, не произошло: государь остался неизмѣнно милостивъ къ генералу Кауфману, и оставался такимъ до самой своей смерти.

Но лично на Константина Петровича этотъ эпизодъ его жизни произвелъ настолько глубокое впечатлѣніе, что оно не сглаживалось даже долгими годами.

Считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь страницу изъ одного частнаго дневника, въ которомъ занесенъ подробный рассказъ Константина Петровича обо всемъ, послѣдовавшемъ послѣ его ухода изъ Вильны. Вотъ что онъ вспоминаетъ черезъ 10 лѣтъ.

«Ташкентъ. 11 іюля 1877 г.

«. . . . . Сегодня въ разговорѣ коснулись воспоминаній о Николаѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ и о дѣятельности учредительнаго комитета въ царствѣ Польскомъ. Константинъ Петровичъ съ большимъ интересомъ слушалъ рассказы К. о томъ, что приходилось ему испытывать въ бытность его комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ варшавской комиссіи. Участокъ его находился на самой границѣ съ Пруссією, и въ немъ было много помѣщиковъ-нѣмцевъ. Въ вопросѣ о знаменитыхъ «пусткахъ» ²⁾

¹⁾ Изъ переписки К. П.

²⁾ Земли, которыя по закону 1846 г. должны были отойти къ крестьянамъ, но, за неисполненіемъ закона, остались во владѣніи помѣщиковъ.

съ нѣмцами бывала суцая бѣда: въ то время, когда помѣщики-поляки покорялись неизбѣжному закону и старались войти въ соглашеніе съ крестьянами по обмѣну земель, нѣмцы,— у которыхъ открывались «пустки»,—не поддавались никакимъ убѣжденіямъ комиссара и ѣхали въ Варшаву искать защиты и покровительства у графа Берга. Намѣстникъ всегда любезно ихъ принималъ и не стѣснялся придавать вѣру ихъ клеветамъ на пристрастное, будто бы, отношеніе комиссара къ нѣмецкой народности, на притѣсненія и т. д. и дѣлалъ соотвѣтственные запросы въ учредительный комитетъ. Комиссару приходилось, конечно, ѣхать въ Варшаву и на основаніи непреложныхъ документовъ доказывать, что нѣмцы его оболгали... Понятно, что Н. А. Милютинъ возмущался вторженіемъ графа Берга въ дѣла, его не касавшіяся, и возмущался клеветой на своихъ подчиненныхъ; на этой почвѣ отношенія между двумя этими сановниками сильно обострились, и въ концѣ концовъ сдѣлались даже совсѣмъ враждебными. Графъ Бергъ принадлежалъ, конечно, къ анти-милютинской (т. е. русской національной) партіи; а изъ Петербурга былъ данъ лозунгъ, какъ вѣрнѣе наносить вредъ не только приверженцамъ Милютина, но и его дѣлу... Послѣ покушенія Каракозова на эту тему стали особенно разыгрывать, распуская слухи, что всѣ крестьянскіе дѣятели въ царствѣ Польскомъ—своего рода Каракозовы. Дошло до того, что передъ проѣздомъ государя изъ Парижа, К., который долженъ былъ его встрѣчать на границѣ своего участка, былъ вызванъ въ Варшаву, гдѣ ему посоветовали зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не подсунулъ ему револьвера.. Ходя по платформѣ на станціи, въ ожиданіи прибытія царскаго поѣзда, комиссаръ все время держалъ руку въ заднихъ карманахъ своего мундира...

— Да, да,—сказалъ Константинъ Петровичъ,—такія продѣлки со стороны той партіи пошли по всей линіи. Это время какъ разъ совпало съ отозваніемъ меня изъ Вильны. Я тогда часто видѣлся съ Н. А. Милютинымъ; навѣстивъ меня въ самый же день моего пріѣзда изъ Вильны, его первыми словами мнѣ были: «мы потеряли съ вами сраженіе, Константинъ Петровичъ, но не кампанію». Я хотѣлъ вѣрить и надѣяться подобно ему, но, къ несчастью, обоимъ намъ пришлось скоро убѣдиться, что именно кампанія-то и была проиграна, съ назначеніемъ въ Вильну Потапова. Николай Алексѣевичъ былъ счастливѣе меня: ему удалось, несмотря на всѣ происки и козни, провести и закончить свое дѣло въ Польшѣ. Правда, задача его была проще моей.

«Въ Польшѣ не было національнаго вопроса; тамъ все сводилось исключительно на земельное крестьянское дѣло; сразу твердо, поставленное, оно дало и результаты хорошіе. Такъ называемые «либералы» должны были молчать о притѣсненіяхъ помѣщиковъ,

потому что дѣло шло объ устройствѣ крестьянъ, народа, за котораго они ратовали. Поляковавшіе сановники также не смѣли поднимать голоса, ибо знали, какъ стоитъ государь за раскрѣпощеніе народа. Къ тому же, надо сказать, и обставленъ Н. А. былъ лучше меня: учредительный комитетъ и 130 комиссаровъ, которые дѣйствовали заодно, представляли изъ себя внушительную силу. Мнѣ же приходилось нести все на своихъ плечахъ, окруженному массой враждебныхъ элементовъ. Но и Николай Алексѣевичъ не избѣжалъ послѣдствій вліянія графа Шувалова: его столкновение съ нимъ въ государственномъ совѣтѣ было причиною постигшаго его апоплектического удара... Потеря его для нашей партіи была огромная...»

«Потомъ Константинъ Петровичъ началъ рассказывать о себѣ.

«Я, конечно, зналъ о всѣхъ интригахъ и сплетняхъ и проискахъ противъ меня. Петербургъ все это любить... Они велись во всѣхъ сферахъ и всѣми путями—и министрами и женщинами. Польки, вліятельныя и красивыя, такъ и шныряли между Вильной и Петербургомъ. Вокругъ трона было много враговъ русскаго дѣла. Въ нашей партіи были только военный министръ Милютинъ, да министръ государственныхъ имуществъ Зеленый, которые поддерживали государя въ его политикѣ. Всѣ остальные сгруппировались вокругъ Шувалова, ловко и умно вели атаку на государя, колебля его мнѣнія... Мнѣ хотѣлось лично убѣдиться въ неизмѣнности взгляда государя и, приѣхавъ въ Петербургъ, я подалъ ему записку о настроеніи края и ходѣ тамъ дѣла. Никогда не казался мнѣ государь болѣе стойкимъ и убѣжденнымъ въ необходимости утвержденія русскихъ крѣпкихъ началъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и никогда не былъ онъ ко мнѣ болѣе милостивъ, чѣмъ въ это свиданіе. Очарованный его лаской, успокоенный его твердостью, съ полной въ него вѣрой, вернулся я въ Вильну, но... по прошествіи двухъ дней съ моего приѣзда я получилъ телеграмму, отзывавшую меня съ моего поста.

«Съ привычкой военного человѣка быть всегда готовымъ выступить по первому требованію, я рѣшилъ не откладывать моего отъѣзда даже на завтра. До отъѣзда поѣзда въ Петербургъ оставалось четыре часа. Всѣ дѣла мои были всегда въ порядкѣ, а потому, сдавъ свою должность по закону и простившись съ ближайшими сотрудниками, я выѣхалъ въ Петербургъ, не предупредивъ даже моей семьи, которая находилась еще тамъ.

«Смѣна моя шла настолько секретно, что никто даже о ней не подозрѣвалъ. Приѣхавъ на другой день вечеромъ, я никого не засталъ дома: всѣ мои въ этотъ день поѣхали въ театръ. Опасаясь, что именно въ театръ кто-нибудь привезетъ извѣстіе о моей смѣнѣ, и что оно дойдетъ до жены и она будетъ тревожиться, я заблагоразсудилъ отправиться туда самому. Мнѣ не приходилось ни унывать, ни скрываться. Совѣсть моя была чиста и передъ государемъ и передъ Россіей. Безбоязненно и не краснѣя, я могъ

смотрѣть всѣмъ въ глаза... Конечно, мое появленіе обрадовало жену, до которой только что дошелъ слухъ, взволновавшій ее... Но едва я помѣстился въ ложѣ, какъ вся публика театра обратила на меня бинокли. Мнѣ въ голову не приходило, что мое появленіе можетъ вызвать сенсацію; но такъ какъ положеніе быть центромъ такого вниманія мнѣ показалось неудобнымъ, то послѣ перваго же дѣйствія я уѣхалъ. Многіе усмотрѣли въ моемъ появленіи въ театрѣ бравированіе, даже какъ бы протестъ съ моей стороны, но это было сдѣлано безъ всякаго умысла, а именно только съ той цѣлью, какъ я вамъ рассказывалъ. Убѣдивъ семью досмотрѣть пьесу, я уѣхалъ изъ театра съ Н. А. Милютинымъ, зашедшимъ ко мнѣ въ ложу.

«Если я говорю, что былъ спокоенъ, потому что совѣсть моя была чиста, и я самъ не могъ себя ни въ чемъ упрекать, то это не значитъ, что я былъ равнодушенъ къ случившемуся событію. Равнодушенъ я могъ быть къ собственному моему положенію, къ потерѣ мѣста, къ уменьшенію средствъ и т. д. Но къ дѣлу Россіи равнодушенъ я быть не могъ, и предстоявшее свиданіе съ государемъ сильно меня волновало. Я рѣшилъ высказать ему всю правду. Мнѣ пришлось бы говорить рѣзко, но я шелъ на это. Я видѣлъ гибель русскаго дѣла; я предвидѣлъ страшныя затрудненія, которыя впослѣдствіи падутъ на Россію отъ перемѣны нашей политики на западной нашей границѣ; я видѣлъ возрастаніе пагубныхъ вліяній на государя и считалъ долгомъ чести и присяги высказаться предъ нимъ. Я зналъ, что государь меня любитъ; я зналъ и то, что онъ умѣлъ выслушивать правду. Наэлектризованный волновавшими меня мыслями и чувствами, я вошелъ въ кабинетъ государя и, остановившись въ дверяхъ, молча ему поклонился... Вы знаете, какъ я преданъ государю; а тѣ, которые имѣли съ нимъ личныя сношенія, знаютъ, какъ онъ умѣетъ быть обаятеленъ.

«При входѣ моемъ государь стоялъ у камина.

«— Кауфманъ, развѣ ты боишься меня? Подойди ко мнѣ,— услышалъ я добрый, ласковый призывъ, причемъ государь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ.

«Признаюсь, что при первыхъ же звукахъ его тихаго голоса и его добрыхъ словъ, мое возмущенное настроеніе спало... Когда же онъ, обнявъ и поцѣловавъ меня, сказалъ мнѣ:

«— Вѣрь мнѣ, какъ я тебѣ вѣрю, и люби меня, какъ я тебя люблю»,— тоя, совершенно обезоруженный, забылъ все, что готовился сказать, и спросилъ только:

«— Ваше величество! За что вы меня выгнали изъ Вильны?..

«Онъ засмѣялся, вѣроятно, слову «выгнали», и отвѣтилъ:

«— Я скажу тебѣ это послѣ.

«Затѣмъ, избѣгая всякаго разговора о дѣлѣ, онъ спросилъ меня о здоровьи, о семьѣ и также ласково простился со мной...

«Я оплошалъ на этотъ разъ, но рѣшеніе мое высказаться было твердо; я ждалъ только случая, и случай скоро представился. Ужъ не помню по поводу чего, государь пожелалъ меня видѣть. Мы опять были одни у него въ кабинетѣ. Я самъ завелъ разговоръ о краѣ и... высказалъ ему все, что наболѣло въ моей душѣ. Государь слушалъ меня молча, не прерывая, но на этотъ разъ лицо его было сурово... Когда же я закончилъ свою рѣчь словами:

«— Государь, мѣняя политику, вы губите Россію,—онъ поднялся съ кресла и съ выраженіемъ сильнаго волненія сказалъ:

«— Я не политику мѣняю; я людей мѣняю...

«— Да,—задумчиво продолжалъ Константинъ Петровичъ,—государь умѣлъ выслушивать правду, но надо было выбрать удобное время; я же попалъ не въ добрый часъ. И какъ ни высокъ душой государь, онъ все-таки вѣдь человѣкъ, и въ инныя минуты не могъ съ собою совладать. Онъ, конечно, мѣнялъ политику подъ влияніемъ Шувалова; но сознаться въ этомъ не хотѣлъ, а своей обидной для меня фразой заглушалъ въ себѣ невольный, внутренній укорь... Такъ я думалъ, да, кажется, и не ошибся. Въ безконечной своей добротѣ, которая такъ влекла къ нему, онъ, желая, вѣроятно, сгладить впечатлѣніе минутнаго раздраженія, проявленнаго имъ въ нашемъ свиданіи, вскорѣ послѣ этого назначилъ меня состоять при немъ дежурнымъ генераль-адъютантомъ. Этимъ онъ показалъ большую ко мнѣ милость; такъ это было и всѣми понято. Но меня это мало радовало. Придворная жизнь не по мнѣ. И я не замедлилъ проявить свой «дурной характеръ»,—добродушно смѣясь, сказалъ Константинъ Петровичъ.

«У государя былъ назначенъ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ вечеровъ, которые онъ часто устраивалъ, когда приглашалось не болѣе 250 человѣкъ. Я былъ дежурнымъ, стоялъ недалеко отъ государя и вижу подходящаго графа Шувалова. Онъ шелъ ко мнѣ и съ любезной улыбкой протянулъ мнѣ обѣ руки... Но мои руки были за спиной; я не перемѣнилъ ихъ положенія и только поклонился... Шуваловъ мнѣ этого не простилъ, конечно, во всю жизнь... государь это замѣтилъ; я видѣлъ это по его лицу, на которомъ пробѣжало выраженіе не то суровости, не то грусти; но онъ мнѣ ничего не сказалъ. Мнѣ кажется только, что съ той поры поубавилась нѣсколько сердечность въ его ко мнѣ отношеніяхъ, правда, не навсегда, но на время. Будь графъ Шуваловъ только личнымъ моимъ врагомъ, дѣлай онъ зло только мнѣ, увѣряю васъ, что я не обращалъ бы на это никакого вниманія. Но, по убѣжденію моему, онъ наносилъ величайшій вредъ Россіи, и я инстинктивно отъ него отшатнулся, какъ отъ зла...

«Какая игра природы: въ одной и той же семьѣ попадаются изумительные контрасты: братъ его Павелъ Андреевичъ—прекраснѣйшій человѣкъ, искренній и откровенный и истинно русскій че-

ловѣкъ; мы съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, хотя онъ знаетъ мое мнѣніе о его братѣ.

«Любопытно было наблюдать нравы нашего развращеннаго столичнаго общества. Сила и вліяніе графа Шувалова опредѣлились тогда уже въ той мѣрѣ, что кто-то назвалъ его Петромъ IV; кличка эта утвердилась за нимъ въ послѣдствіи... Очевидно, что идти противъ такой силы охотниковъ находилось мало, а число его прислужниковъ росло не по днямъ, а по часамъ. Конечно, ни для кого не были тайной мои отношенія къ шефу жандармовъ; и понятно, что я былъ у него въ опалѣ. И это проявилось въ нашей публикѣ очень грубо и смѣшно въ то же время: число моихъ знакомыхъ вдругъ сильно уменьшилось.. Подъ предлогомъ, что я живу высоко, у многихъ обнаружились въ ногахъ то ревматизмъ, то подагра и т. п. недуги...

«Я жилъ, дѣйствительно, высоко, въ 4 этажѣ, такъ какъ послѣ генераль-губернаторскаго содержанія въ 20 тысячъ перешелъ на 4 тысячи. Какъ вамъ извѣстно, мои вкусы просты и требованія не велики; конечно, семья моя должна была урѣзать расходы, такъ какъ наши личные средства были ничтожны, но я не ощущалъ никакого неудобства и былъ даже радъ, что живу высоко: воздухъ въ Петербургѣ значительно чище въ 4 этажѣ, чѣмъ во 2-мъ; да и хорошо было узнать истинныхъ друзей, пріязнь съ которыми утвердилась еще крѣпче. Были, впрочемъ, и такіе, которые, зная, что государь все-таки сохранилъ ко мнѣ свое доброе расположеніе, на всякій случай забѣгали... Смѣшное общество! Но въ общемъ люди не столь худы, какъ ничтожны...

«...Я, конечно, былъ не опасенъ для Шувалова, но непріятель ему былъ, и, какъ никакъ, а выжить меня изъ Петербурга ему очень хотѣлось. Нашлись люди, которые, подъ видомъ пріязни, стали мнѣ совѣтовать проситься въ заграничный отпускъ для поправленія здоровья, намекая при этомъ, что мнѣ дадутъ хорошія средства на леченіе... Вы можете себѣ представить, какъ этимъ можно меня было соблазнить! Мнѣ были забавны господа, дававшіе такіе дружескіе совѣты. Видя неудачу съ этой стороны, повели атаку съ другой. Были двѣ великія княгини, принимавшія во мнѣ большое участіе: великая княгиня Елена Павловна и золотое сердце—великая княгиня Александра Петровна. Имъ и стали говорить, что я очень бѣдствую матеріально, что я не хочу просить какихъ-либо прибавокъ, но что если меня убѣдятъ ѣхать за границу лечиться, то этимъ мнѣ можно помочь, ибо дадутъ пособіе на леченіе. На мою бѣду обѣ милыя женщины повѣрили хитрымъ рѣчамъ и стали меня убѣждать ѣхать лечиться. Тѣ же мои доброжелатели подсказали имъ, вѣроятно, что это можно сдѣлать и помимо меня, сказавъ государю. Думается мнѣ, такъ и поступила великая княгиня Елена Павловна, что я заключаю изъ

одного обстоятельства. Во дворцѣ былъ опять вечеръ, на этотъ разъ болѣе многолюдный. Я опять былъ дежурнымъ и стоялъ около государя, смотрѣвшаго на танцы. Вблизи стояли многіе другіе и между ними графъ Шуваловъ. Государь вдругъ спросилъ меня, но тихо, такъ что это было слышно одному мнѣ:

«— Я слышалъ, что ты нездоровъ; не надо ли тебѣ полечиться?»

«— Благодарю ваше величество за милостивое вниманіе, но теперь совершенно здоровъ,—отвѣтилъ я.

«Какъ разъ въ то время, какъ я говорилъ, замолкла музыка, и мой отвѣтъ слышалъ не одинъ государь. Мой отвѣтъ ему не понравился, я видѣлъ это. Но я дѣйствительно былъ здоровъ. Я даже удивилъ своимъ здоровьемъ С. П. Воткина. Меньше, чѣмъ за годъ до того, я долженъ былъ просить его совѣта, такъ какъ чувствовалъ себя очень нехорошо. Сергѣй Петровичъ нашелъ тогда у меня симптомы довольно серьезной болѣзни сердца, отъ чего я у него и лечился. Но, показавшись ему по приѣздѣ изъ Вильны, я просто привелъ его въ недоумѣнье: «да у васъ нѣтъ и признака прежней болѣзни,—сказалъ онъ мнѣ.—Ошибался я, или совершилось какое-то чудо!» Ну, согласитесь, отъ какого недуга я долженъ былъ лечиться, когда такой авторитетъ, какъ Сергѣй Петровичъ, призналъ меня совсѣмъ, совсѣмъ здоровымъ, да ѣхать еще за границу, которую, кстати сказать, я совсѣмъ не любилъ. Притомъ мнѣ вовсе не хотѣлось давать врагамъ моимъ козыря въ руки для ихъ нечистой игры. Всѣ честные люди знали, что моя смѣна была дѣломъ несправедливымъ въ отношеніи меня, а по отношенію къ Россіи — дѣломъ по меньшей мѣрѣ невыгоднымъ. Зачѣмъ мнѣ было давать право моимъ врагамъ говорить, что я уволенъ потому, что заболѣлъ? Мнѣ было пріятнѣе говорить, что меня «выгнали» изъ Вильны, потому что я былъ тамъ опасенъ врагамъ русскаго дѣла. Я былъ не у дѣла, но мое присутствіе къ Петербургѣ было не по вкусу извѣстной партіи; и это былъ хотя и молчаливый, но все-таки протестъ противъ всѣхъ ея махинацій. Да и что бы я дѣлалъ за границей? Здѣсь я чувствовалъ себя дома, въ центрѣ своей русской жизни, гдѣ было много дѣла, гдѣ шла борьба, и гдѣ каждый человекъ долженъ былъ быть на своемъ посту... Я понялъ, что государю, подъ впечатлѣніемъ разныхъ навѣтовъ, хотѣлось, чтобы я просился въ заграничную поѣздку. Слѣдовало, можетъ быть, сдѣлать ему эту уступку.

«Я попрежнему любилъ государя, былъ ему до смерти преданъ но. . . . .»

«Тѣмъ не менѣе, врагамъ моимъ удалось сплавить меня изъ Петербурга. Я не могу, конечно, утверждать, но мнѣ сдается, что не безъ вліянія графа Шувалова состоялось мое назначеніе сюда, въ Туркестанъ.

«Я числился въ 11-мѣсячномъ отпуску послѣ моего удаленія изъ Вильны. Но значительно раньше окончанія срока отпуска, однажды весной 1867 года, государь потребовалъ меня къ себѣ, онъ принялъ меня съ глазу на глазъ, съ тѣмъ же сердечнымъ ко мнѣ расположеніемъ, какимъ онъ встрѣтилъ меня когда-то, смѣннаго имъ генераль-губернатора. Его обаятельно ласковое отношеніе ко мнѣ всегда меня глубоко трогало. Такъ было и теперь.

«— Я хочу послать тебя генераль-губернаторомъ въ Ташкентъ,—сказалъ онъ.

«Признаюсь, эта неожиданность поразила и смутила меня; не скажу, задѣла самолюбіе, но пробудила какое-то особенное чувство—обиды, что ли... Нужно вѣдь помнить, чѣмъ былъ въ то время Туркестанскій край... Мысль, что это новое стараніе моихъ враговъ сбыть меня подальше, мелькнула во мнѣ; подъ этими мгновенными впечатлѣніями я осмѣлился спросить государя:

«— Ваше величество, это почетная ссылка?

«— Мнѣ нуженъ человѣкъ, которому бы я могъ вѣрить, какъ самому себѣ,—отвѣтилъ государь.

Такое заявленіе моего монарха должно было бы вознести меня до звѣздъ, какъ выражаются здѣшніе мусульмане; но въ тотъ моментъ, грѣшный человѣкъ, я подумалъ только, что государь золотитъ мнѣ горькую пилюлю... Вѣрный, однако, своему солдатскому долгу, я могъ только отвѣтить:

«— Воля вашего величества для меня священна.

«— Такъ вотъ, приготовься послужить тамъ мнѣ и родинѣ. Работы, серьезнаго дѣла будетъ много; тамъ надо утвердиться, стать прочно, разъ что историческая судьба привела Россію въ этотъ край.

«— Я счастливъ служить вашему величеству и не боюсь работы; но если, государь, вы меня отсюда выгоните (я всегда употреблялъ это слово, говоря о моей смѣнѣ), какъ изъ Вильны, раньше, чѣмъ я успѣю сослужить мою службу вамъ и Россіи...»

«Государь улыбнулся и сказалъ:

«— Поѣзжай безъ страха; тамъ ты останешься, пока самъ не захочешь уйти; въ этомъ я даю тебѣ мое слово.

«Весь этотъ разговоръ велся въ такомъ милостивомъ, почти дружескомъ тонѣ, что подъ конецъ я позволилъ себѣ выговорить одно условіе:

«— Ваше величество! Я не боюсь никакого контроля надъ собой и надъ своими дѣйствіями, ни явнаго, ни тайнаго; не уклоняюсь отъ послѣдняго, въ какомъ бы то ни было видѣ, но прошу, какъ особой милости, никогда, пока я буду въ краѣ, не посылать ко мнѣ синихъ мундировъ.

«Съ минуту государь подумалъ, очевидно, озадаченный такой просьбой; затѣмъ лицо его озарилось его прекрасной улыбкой, и онъ сказалъ: «быть по-твоему».

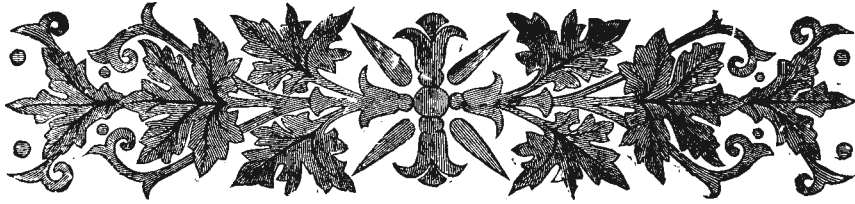
«И вотъ теперь кончается десятый годъ моего управленія Туркестанскимъ краемъ; государь сдержалъ свое слово во всемъ.

«Думаю, что и я оправдалъ его довѣріе... Что здѣсь достигнуто, вы сами видите. Конечно, были ошибки; въ такомъ новомъ дѣлѣ онѣ неизбежны. Конечно, еще бездна дѣла предстоитъ здѣсь, и мнѣ всего не докончить; но я работаю въ расчетъ, что послѣдующіе за мной администраторы найдутъ каждое дѣло прочно и честно поставленнымъ. Результаты многихъ моихъ теперешнихъ трудовъ и начинаній скажутся, можетъ быть, тогда, когда уже я истлѣю въ землѣ... Но лишь бы сказались...

«Однако, какъ ни люблю я нашъ прекрасный Туркестанскій край, а все-таки было бы лучше, если бы государь оставилъ меня тогда въ Вильнѣ... Тамошнее дѣло было ближе, роднѣе мнѣ, да и нужнѣе Россіи...»

Е. М. Толбуховъ.

КЪ БЮГРАФІИ А. С. ГРИБОЃДОВА.

(Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова)¹⁾.

IV.

Визитъ Жандра къ Смирнову 2 іюня 1858 г.—Разговоръ о Герценѣ и освященіи Исаакіевскаго собора.—«Лубочный театръ» Грибоѣдова.—Отзывъ о немъ Жандра.—О трудныхъ театральныхъ временахъ въ царствованіе Александра I.—Арестъ Сушкова. Высылка П. А. Катенина.—Реквизиторъ.—Любовь Грибоѣдова къ театру и кулисамъ.—Воспоминанія о кн. А. И. Одоевскомъ.—«Горе отъ ума»—свѣтское евангеліе.—Суевѣрность Грибоѣдова.—Сверхъестественныя встрѣчи знакомыхъ на улицахъ Тифлиса и Петербурга.—Аналогичные случаи съ В. С. Мишленичевой.—Портретъ А. С. Грибоѣдова.—Отзывы о немъ сестры Грибоѣдова, П. Каратыгина, кн. В. Ѳ. Одоевскаго и А. А. Жандра.

ОЧЬ я провелъ довольно мучительную и почти безъ сна, но къ утру задремалъ и проснулся нѣсколько освѣженный и съ обновившимися силами. Часовъ около 9 я уѣхалъ изъ дому на Невскій—мнѣ хотѣлось пройтись, потомъ просидѣть часика 3—4 въ Публичной библиотекѣ, потомъ опять пройтись и попугатить малую толику казны по разнымъ лавкамъ и магазинамъ. Исполнивши все по желанію, я часу уже въ третьемъ возвратился домой и только что—признаюсь не безъ удовольствія—надѣлъ халатъ, какъ ко мнѣ совершенно неожиданно входитъ Жандръ.

Онъ возвращался изъ сената и былъ въ мундирѣ, на которомъ звѣздъ и другихъ штукъ довольно.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХV, стр. 1031.

— Хотѣлъ васъ навѣстить. Какъ вы чувствуете себя послѣ вчерашняго?

— Благодарю васъ, ваше превосходительство.

— Пожалуйста, оставьте это... Кажется, между нами можно безъ титуловъ.

Жандръ сидѣлъ у меня довольно долго. Мы говорили о разныхъ предметахъ, постороннихъ Грибоѣдову, всего болѣе о Герценѣ, котораго, несмотря ни на какія таможи, жадно читають въ Россіи.

— Герценъ,—сказалъ я Жандру,—доставилъ мнѣ, несмотря на его избытокъ желчи, не совсѣмъ пріятно дѣйствующей на хладнокровнаго и благоразумнаго читателя, много отрадныхъ минутъ въ продолженіе моей болѣзни. Я не помню, когда и что читалъ я съ такимъ наслажденіемъ, какъ его превосходную статью «Екатерина Романовна Дашкова».

— Я не читалъ ея.

— Стало быть, вы и не видали этого номера «Полярной Звѣзды»?

— Должно быть.

— Посмотрите,—продолжалъ я:—какой у него оригинальный самостоятельный языкъ, точно литой изъ бронзы.

Я досталъ изъ моего портфеля небольшой листъ выписокъ и прочелъ: «Недавно одинъ изъ нихъ (славянофиловъ) пустилъ въ меня подъ охраной самодержавной полиціи комомъ отечественной грязи съ такимъ народнымъ запахомъ передней, съ такой постной отрыжкой православной семинаріи и съ такимъ нахальствомъ холопа, защищеннаго отъ палки недосыгаемостью запятокъ, что я на нѣсколько минутъ живо перенесся на Плющиху или на Козье Болото...»

Мы прочли еще нѣсколько выписокъ. Потомъ рѣчь перешла къ недавнему освященію Исаакія и къ небывалому доселѣ хору 2000 пѣвчихъ. «Слушая этотъ хоръ,—сказалъ мнѣ Жандръ,—я, право, не знаю, гдѣ я былъ,—на землѣ или въ небѣ».

По уходѣ сенатора я выпилъ стаканъ чаю съ хлѣбомъ (это былъ мой обѣдъ) и заснулъ. Просыпаюсь—на столикѣ подлѣ моей постели письмо по городской почтѣ. Рука незнакомая. Распечатываю—отъ Сосницкаго. О, радости! Онъ увѣдомляетъ меня, что величайшая рѣдкость «Лубочный театръ» Грибоѣдова, который Богъ знаетъ гдѣ-то валялся въ его бумагахъ, имъ найденъ, списанъ для меня и что я могу его получить, когда или самъ приду на квартиру Сосницкаго (онъ же теперь живетъ на дачѣ въ Павловскѣ), или кого-нибудь за нимъ пришлю... Думать было нечего; я сейчасъ же послалъ на квартиру Сосницкаго (тоже вблизи отъ меня), тамъ сейчасъ же получилъ драгоценный листокъ и съ нимъ какъ съ находкой къ Жандру—сейчасъ же.

Многіе не только изъ молодого поколѣнія, но даже изъ старожилловъ вовсе не знаютъ, что такое «Лубочный театръ» Грибо-

ѣдова. Происхожденіе этого пасквиля (для чего же не назвать вещь ея именемъ?), имѣющаго теперь для насъ неоспоримое историческое значеніе, тѣсно связано съ малоизвѣстной у насъ, нѣкогда очень шумной и теперь намъ интересной исторіей «Липецкихъ водъ», комедіей князя Шаховскаго. Если намъ вообще въ высокой степени любопытны литературныя отношенія и литературныя движенія нашихъ прошлыхъ поколѣній, то, конечно, шумъ, брань и литературная драка, поднявшаяся изъ-за «Урока кокеткамъ или Липецкихъ водъ» Шаховскаго, заслуживаютъ въ исторіи этихъ движеній не послѣднее мѣсто. Здѣсь нельзя вполне рассказывать исторію «Липецкихъ водъ», еще требующую подробнаго и обстоятельнаго изслѣдованія. Скажу, что при раздѣлѣ литературныхъ мнѣній за и противъ «Водъ», Загоскинъ, тогда еще малоизвѣстный, а впоследствии очень извѣстный «сочинитель», если не писатель, сталъ въ ряды поклонниковъ Шаховскаго и даже превзошелъ своихъ собратій въ усердіи къ общему патрону, сдѣлавшись его почти что низкопоклонникомъ. За такое рабское усердіе былъ онъ награжденъ покровительствомъ Шаховскаго, который и далъ ему какое-то мѣстечко при театрѣ. Надо замѣтить, что въ это время Загоскинъ издавалъ недолговѣчный журналъ «Сѣверный Наблюдатель», въ которомъ между прочимъ помѣщалась и театральная хроника. На этотъ, довольно жалкій журналъ, постоянно, и иногда довольно удачно и ловко, нападалъ «Сынъ Отечества», издававшійся Гречемъ. Вздумалось Загоскину задѣть Грибоѣдова (по силамъ нашелъ себѣ соперника!), указавши, какъ на образецъ безвкусія и неправильности, на два стиха изъ комедіи «Своя семья», прибавивши, что

. . . . . подобные стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи.

Искра попала въ порошокъ: Грибоѣдовъ не любилъ, чтобы его затрогивали.

Онъ собралъ, такъ сказать, совокушилъ всѣ тѣ литературныя глупости и тупости, которыми отличался бездарный Загоскинъ, и представилъ, что публику зазываютъ въ лубочный театръ или въ балаганъ, которые, замѣчу кстати, тогда было въ модѣ посѣщать по утрамъ, смотрѣть всѣ эти глупости. Я не привожу здѣсь всего «Лубочнаго театра», составляющаго нынѣ, какъ я уже сказалъ, величайшую рѣдкость, а только, на примѣръ, слѣдующіе стихи:

Вотъ вамъ Загоскинъ—наблюдатель,
Вотъ «Сынъ Отечества», съ нимъ вѣчный состязатель,
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе.

Написавши сгоряча «Лубочный театр» (это было въ 1817 году, Грибоѣдовъ тогда былъ молодъ), онъ бросился съ нимъ къ одному, къ другому, къ третьему издателю, чтобы напечатать. «Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ,—отвѣчали ему всюду:—развѣ подобныя вещи печатаются: это чистыя личности». Еще болѣе раздосадованный такими отказами, Грибоѣдовъ нанялъ писцовъ и въ нѣсколько дней, черезъ знакомыхъ и знакомыхъ знакомыхъ, по Петербургу разошлось до тысячи рукописныхъ экземпляровъ «Лубочнаго театра». Загоскинъ все-таки былъ одурачень.

Вотъ съ этой-то рѣдкостью, спѣша елико возможно, пришелъ я къ Жандру вечеромъ 2-го іюня.

Жандръ прочелъ и говоритъ мнѣ:

— Конечно, это не апокрифическое: объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, но то, что я зналъ изъ «Лубочнаго театра», то, что мнѣ читалъ самъ Грибоѣдовъ, было гораздо короче, сжатѣй и живѣе. Не было, напримѣръ, указанія на «Проказника», комедію Загоскина, и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ ¹⁾. Онъ читалъ эту пьеску и Гречу...

— Что жъ,—спрашиваю я,—Гречъ? Не разсердился?

— О, нѣтъ, только посмѣялся.

Отъ «Лубочнаго театра» рѣчь невольно склонилась къ старымъ театральнымъ временамъ, и тутъ-то наслушался я много любопытнаго, о чемъ прочесть негдѣ, да скоро и услышать будетъ не отъ кого.

— Вы не можете себѣ представить теперь, въ настоящее, въ ваше время,—говорилъ Жандръ:—какая это была трудная, особенно для всѣхъ любителей театра, для всѣхъ «театраловъ», пора—конецъ царствованія Александра I. Тяжела она была и для актеровъ. Театромъ управлялъ главный директоръ. Должность эту сперва занималъ Нарышкинъ, а потомъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, дѣдъ нынѣшняго поэта. Кромѣ главнаго директора, при театрѣ состоялъ особый комитетъ изъ 4 членовъ подъ главнымъ начальствомъ самого генералъ-губернатора Милорадовича. Шаховской былъ однимъ изъ членовъ этого комитета и назывался «членомъ по репертуарной части», не мѣшался ни въ какія другія, напримѣръ, въ хозяйственную, для которой былъ особый членъ, но управлялъ, всѣмъ театромъ ворочалъ. Тогда—Боже избави позволить себѣ какую-нибудь вольность въ театрѣ, а особенно въ отношеніи къ актрисамъ, которыя всѣ имѣли «покровителей». Разъ Каратыгинъ за грубость будто бы противъ Майкова сидѣлъ въ крѣпости.

¹⁾ «Лубочный театр» былъ полностью впервые напечатанъ съ автографа въ Сборникѣ, изд. студ. Слб. университета 1860, т. II, стр. 242; но до того послѣдніе 12 стиховъ памфлета мы нашли въ «Сѣверной Пчелѣ» 1837 г., № 133.

— Какъ въ крѣпости? Каратыгинъ? Василій? Трагикъ?

— Да, да, онъ, и сидѣлъ цѣлую недѣлю. Онъ не всталъ передъ Майковымъ, когда тотъ проходилъ мимо, и хотъ увѣрять, что его просто не видалъ, не замѣтилъ,—его посадили въ крѣпость, да мало того: цѣлую недѣлю подсылали къ нему разныхъ лицъ узнавать и вывѣдывать, кто его подучилъ на это вольнодумство, не принадлежитъ ли онъ къ «союзу благоденствія»¹⁾.

— Это что такое?

— А вы и не знаете? Да это зародышъ, зерно, изъ котораго и развилось 14 декабря. Это былъ большой союзъ, къ нему многіе принадлежали.

— У нихъ былъ какой-нибудь центръ?

— Не одинъ, а три: одинъ въ Кишиневѣ, другой въ Кіевѣ, а третій въ Петербургѣ, т. е. одинъ въ арміи Витгенштейна, другой въ арміи Сакена, а третій здѣсь. Главой этого союза былъ Никита Муравьевъ, съ которымъ вотъ что въ Москвѣ сдѣлали...

— Да вѣдь правительство знало объ этомъ союзѣ?

— Знало, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени.

— Что же оно его не уничтожило, прямо и ясно?

— Вотъ, подите, прямо и ясно не уничтожало, а лицъ, которыхъ подозрѣвало, какъ участвующихъ въ немъ, преслѣдовало. Всѣхъ понемножку выгоняли или изъ службы, или изъ столицы. Слушайте. Сушковъ... не помню его имени, но родной братъ писателя, Николая Васильевича Сушкова, шикалъ въ театрѣ одной актрисѣ, его взяли и посадили въ крѣпость. Пробылъ онъ тамъ недолго, всего три дня, а все-таки посадили въ крѣпость.

Я сдѣлалъ какой-то знакъ удивленія.

— Вы удивляетесь? А съ Катенинымъ, если хотите, поступили еще лучше. Онъ тоже шикалъ въ театрѣ,—его преспокойно взяли и выслали вонъ изъ Петербурга, съ тѣмъ, чтобы болѣе не вѣзжать, и сдѣлалъ это Милорадовичъ безъ всякаго высочайшаго повелѣнія.

— Да развѣ Милорадовичъ былъ такой дурной человѣкъ?

— Нѣтъ, но безалаберный, взбалмошный. Онъ, уже выславши Катенина, подалъ докладъ государю, что выслалъ и не велѣлъ вѣзжать. Что жъ государь? Написалъ на докладѣ: «Хотя за такую

¹⁾ Первое тайное общество называлось Tugend Bund. Оно не было секретомъ ни для кого. Первыми основателями его были гвардейскіе офицеры Кошелевъ Гачинъ и Семеновъ, которые всѣ какъ-то ускользнули отъ преслѣдованій слѣдственной комиссіи. Носились слухи, что и всѣ молодые генералъ-адъютанты государя, составлявшіе его блистательный ореолъ,—два брата Орловы, Киселевъ, Сипягинъ, Меньшиковъ, Потемкинъ и другіе, или были членами этого общества, или покровительствовали ему, но объ участіи Грибоѣдова я что-то не слыхалъ, точно такъ же, какъ доселѣ ничего не зналъ о дуэли на Кавказѣ между нимъ и сорванцомъ Якубовичемъ, бывшимъ сотоварищемъ моимъ по университетскому пансіону.

Замѣч. Мих. Матв. Поливанова.

вину и не слѣдовало бы высылать изъ столицы, но, судя по образу увольненія полковника Катенина изъ службы, утверждаю». А какой же, спросите, это образъ увольненія? Да никакого. Катенинъ уволенъ былъ по прошенію, чисто, безъ всякихъ запинокъ, а знали, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу и рады были къ чему-нибудь придратъся, чтобы выбросить челоуѣка вонъ изъ столицы, или изъ службы. Въ Москвѣ, въ 1818 году, въ самое то время, когда тамъ родился нынѣшній государь, былъ собранъ гвардейскій полкъ изъ взводовъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ¹⁾. Никита Муравьевъ былъ оберъ-квартирмейстеромъ этого отряда и его, за какую-то самую пустую ошибку въ линіи войска на парадѣ, посадили подъ арестъ и высидѣлъ онъ три недѣли. Разумѣется, онъ сейчасъ же подалъ въ отставку. А Катенинъ высидѣлъ у себя въ деревнѣ довольно долго, пока наконецъ случайно государь не проѣхалъ черезъ эту деревню и не простилъ его, т. е. не разрѣшилъ ему вѣзда въ столицу²⁾. Все, говорю

¹⁾ Въ 1817—1818 гг. въ Москвѣ былъ не сводный полкъ, а цѣлый отрядъ по батальону изъ каждаго пѣшаго гвардейскаго полка и по дивизиону изъ каждаго кавалерійскаго, что составило 6 батальоновъ и 6 дивизионовъ, а всего, считая съ артиллеріей, до 10-ти тысячъ челоуѣкъ. Я самъ былъ въ этомъ отрядѣ батальоннымъ адъютантомъ Павловскаго полка.

Прим. М. М. Поливанова.

Этотъ отрядъ былъ высланъ въ началѣ августа 1817 года изъ Петербурга въ Москву для присутствованія на закладкѣ храма Христа Спасителя въ высочайшемъ присутствіи и оставался тамъ около года, по случаю пребыванія въ Москвѣ высочайшихъ особъ. Проводивъ С. Н. Бѣгичева до Ижоры, Грибоѣдовъ писалъ пріятелю изъ Петербурга и между прочимъ упоминаетъ въ одномъ письмѣ и автора примѣчаній къ этой статьѣ М. Поливанова: «Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Онъ до того меня исковеркалъ, что я на другой день не могъ владѣть руками, а спины вовсе не чувствовалъ. Вотъ каково водиться съ буйными юношами. Какъ не вспомнить псалмопѣвца: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ...» «Усердный поклонъ твоимъ спутникамъ Д. С. и А. С. Языковымъ, Кологривову и даже Поливанову-Скомороху». (Письмо 4 сентября 1817 г. По автографу, хранящемуся въ «Музеѣ имени А. С. Грибоѣдова» въ Москвѣ).

²⁾ Катенинъ былъ дѣйствительно уволенъ отъ службы не совсѣмъ-то ловко: поводомъ къ этому было подозрѣніе къ принадлежности къ тайному обществу, а выставленною причиною—придирка цензуры къ его переводу Расиновой «Гоеоліи» и его дерзкія возраженія противъ цензурнаго комитета. Послѣ, дѣйствительно, ему былъ воспрещенъ вѣздъ въ столицу и онъ провелъ года три или болѣе въ костромской своей деревнѣ подъ надзоромъ полиціи. При вступленіи на престолъ Николая I онъ снова былъ принятъ на службу, съ опредѣленіемъ въ Кавказскій корпусъ и тамъ провелъ 12 или 13 лѣтъ безъ наградъ, безъ повышеній и даже безъ полка; наконецъ, совершенно разстроенный и полупомѣшанный былъ уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ генераль-майора. Это была самая огневая и взбалмошная натура, но поэтъ въ душѣ и отличный чтоць.

Прим. М. М. Поливанова.

Павелъ Александровичъ Катенинъ (1792—1853), уволенный въ чинѣ полковника Преображенскаго полка, былъ, безспорно, замѣчательной личностью своего

вамъ, что въ то время ни касалось театра, было чрезвычайно трудно, за всѣмъ этимъ наблюдали, подглядывали, подслушивали... При театрѣ былъ даже явный официальный, публичный фискаль, шпионъ...

— Какъ такъ?

— Да такъ. Онъ назывался реквизииторъ, и должность его, которая состояла въ томъ, чтобы подслушивать, что говорилось между актерами и даже между писателями, пьесы которыхъ ставились на сцену, и доносить, была опредѣлена прямо по штату. Эту «честную» должность занималъ въ то время какой-то итальянецъ, промотавшій очень большое, по тогдашнему, состояніе—тысячъ 200 капитала. Фамилію его я теперь не могу припомнить. Мы же принимали въ театрѣ самое горячее участіе, мнѣніе наше имѣло вѣсъ, и мы любили поставить на своемъ, но времена были такія, что я пересталъ ходить въ театръ вовсе, я былъ молодъ, горячъ и, разумѣется, не стерпѣлъ бы, если бы дирекція стала выставять какую-нибудь бездарность на счетъ человѣка даровитаго; вступился бы непремѣнно и нажилъ бы себѣ хлопотъ. Грибоѣдову же было горя мало: пошмыгать между актрисами, присутствовать при высаживаніи ихъ изъ каретъ (тутъ-то всего легче и можно было нажить себѣ хлопотъ), пробраться за кулисы—это было первымъ его наслажденіемъ. И онъ непремѣнно втесался бы въ какую-нибудь исторію и непремѣнно сидѣлъ бы въ крѣпости, если бы не его ангель-хранитель, который такъ и блюлъ его, такъ и ходилъ за нимъ,—это былъ князь Александръ Одоевскій, погибшій впоследствии по 14-му декабрю... Боже мой! Отраднo вспомнить, что за славный, что за единственный человѣкъ былъ этотъ князь Александръ Одоевскій. 21 года, мужчина молодецъ, красавецъ, нравственный, какъ самая цѣломудренная дѣвушка, прекраснѣйшаго, мягкаго характера!.. Онъ никогда не оставлялъ Грибоѣдова одного въ театрѣ, просто не отходилъ отъ него, какъ нянька, и часто утаскивалъ его отъ заманчиваго подъѣзда силой, за руку. Почти всегда, прямо изъ театра, они пріѣзжали прямо къ намъ,—я жилъ тогда съ родственницей моей, Варварой Семеновной Миклашевичевой, которая любила обоихъ—и Одоев-

---

времени. Его вліяніе на Пушкина, Грибоѣдова и др. въ ранніе годы развитія ихъ таланта было несомнѣнно. Энциклопедически образованный, писатель для сцены, критикъ, театраль и декламаторъ, онъ близко стоялъ къ литературнымъ и театральнымъ сферамъ, занимая тамъ самую независимую позицію. Русская сцена обязана ему, на примѣръ, появленіемъ такихъ блестящихъ артистовъ, какъ братья Каратыгины. Его переписка съ артисткой А. М. Колосовой (впоследствии женой В. А. Каратыгина) изъ деревни во время ссылки полна живого интереса. Замѣчательное письмо А. С. Грибоѣдова къ нему въ деревню съ авторской оцѣнкой «Горе отъ ума» (отъ января 1825 года) свидѣтельствуетъ, что Катенину Грибоѣдовъ былъ «обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью своего дарованія». (Собр. соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 197)

скаго и Грибоѣдова—какъ родныхъ сыновей,—и всегда Грибоѣдовъ, смѣясь, говорилъ Одоевскому: «Ну, развязывай мѣшокъ, рассказывай», потому что непремѣнно было что-нибудь забавное... Всѣ строгости и глупости по театру уничтожились сейчасъ же со вступленіемъ на престолъ Николая.

Послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ разговора рѣчь коснулась прямо «Горе отъ ума».

— Знаете ли, Андрей Андреевичъ,—началъ я:—я такъ много въ жизнь свою съ нимъ возился и прежде, когда былъ помоложе, такъ часто вставлялъ въ разговоръ стихи изъ него, что разъ одна очень умная дама сказала мнѣ такое слово, котораго я никогда не забуду: «Il paraît que c'est votre évangile».

— Вы думаете, что я этому удивляюсь?—отвѣчалъ Жандръ:—нисколько. А я такъ вотъ васъ собираюсь удивить вещью точно въ такомъ же родѣ. Знаете ли, что сказалъ о «Горе отъ ума», не самому, правда, Грибоѣдову, а Булгарину, одинъ купецъ, съ бородой, но человѣкъ, который любилъ читать, вообще любилъ просвѣщеніе. «Вѣдь это, Ѳаддей Венедиктовичъ, наше свѣтское евангеліе». Каково вамъ это покажется?

— Что же онъ хотѣлъ этимъ выразить?

— А то, что если въ евангеліи настоящемъ правила нравственности чисто духовной, такъ въ «Горе отъ ума»—правила общественной, житейской нравственности...

Потомъ разговорились мы къ чему-то, что Грибоѣдовъ былъ лично храбръ.

— А знаете ли,—сказалъ Жандръ:—что онъ былъ порядочно суевѣренъ, и это объясняется, если хотите, его живой поэтической натурой. Онъ вѣрилъ существованію какого-то высшаго міра и всему чудесному. Разъ приходитъ ко мнѣ весь блѣдный и разстроенный. «Что съ тобой?»—«Чудеса да и только, только чудеса скверныя».—«Да говори, пожалуйста».—«Вы съ Варварой Семеновной все утро были дома?»—«Все утро».—«И никуда не выходили?»—«Никуда».—«Ну, такъ я васъ обоихъ сейчасъ видѣлъ на Синемъ мосту».—Я ничему сверхъестественному не вѣрю, и разсмѣялся надъ его словами и тревогой.—«Смѣйся, говоритъ, пожалуйста, а знаешь ли, что со мной было въ Тифлисѣ?»—«Говори».—«Иду я по улицѣ и вижу, что въ самомъ концѣ ея одинъ изъ тамошнихъ моихъ знакомыхъ ее перешелъ. Тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, а удивительно то, что этотъ же самый господинъ нагоняетъ меня на улицѣ и начинаетъ со мной говорить. Какъ тебѣ покажется?.. Черезъ три дня онъ умеръ».—«Стало быть, и мы съ Варварой Семеновной умремъ?»—«Ничего не знаю, а только ты ей не сказывай...»—«Пустяки, братецъ...» И въ самомъ

дѣлѣ вышли пустяки: видѣлъ онъ насъ на Синемъ мосту въ 1824 году, Варвара Семеновна умерла въ 1846, а я, какъ видите, до сихъ поръ живъ. Но онъ всему этому вѣрилъ.—«Знаешь ли ты исторію одного нѣмецкаго студента, она записана въ актахъ?»—«Расскажи».—«Въ Германіи былъ одинъ молодой человѣкъ, который ни во что не вѣрилъ... Разъ ночью является къ нему какая-то женщина, говоритъ ему, чтобы онъ покаялся, потому что черезъ 3 дня умретъ, и умретъ—ровно въ полночь, когда она снова явится. Онъ рассказалъ объ этомъ происшествіи своимъ товарищамъ, и тѣ, чтобы избавить его отъ страха, придумали вотъ что: одинъ изъ нихъ согласился нарядиться въ женское платье, и сталъ похожимъ на женщину-привидѣніе, какъ описывалъ ее студентъ. Въ назначенный этой женщиной вечеръ товарищи собрались къ студенту, и минутъ за 5 до полуночи явился наряженный.—«Да куда же твоя женщина пропала? Ба! да вотъ она», сказали они, указывая на вошедшаго въ это время переодѣтаго товарища. «Нѣтъ,—отвѣчалъ студентъ:—это товарищъ, а не она, а вотъ она»... и онъ указалъ въ другую сторону, гдѣ стояло настоящее привидѣніе. Въ это самое время часы на городской башнѣ пробили полночь—и студентъ тутъ же и умеръ».

— Однако, какъ же вы, Андрей Андреевичъ, объясняете то, что Грибоѣдовъ видѣлъ васъ съ Варварой Семеновной на Синемъ мосту или своего знакомаго въ Тифлисѣ?

— Очень просто. Галлюцинаціей. Конечно, есть вещи очень странныя, и одну изъ этихъ странныхъ вещей я вамъ сейчасъ расскажу. Тутъ дѣло было уже не съ однимъ человѣкомъ, не съ Грибоѣдовымъ на Синемъ мосту или въ Тифлисѣ, а съ двумя совершенно разно поставленными лицами. Въ подлинности этого факта сомнѣваться невозможно, потому что я самъ не только изслѣдовалъ, но долженъ былъ его изслѣдовать. Дѣло было съ той же самой Варварой Семеновной Миклашевичевой, о которой сейчасъ шла рѣчь. У нея былъ одинъ сынъ, Николай, котораго она очень любила, и который умеръ 8 лѣтъ отъ роду. Она его горько оплакивала и всегда по ночамъ очень долго о немъ молилась. Разъ ночью—это было лѣтомъ—она стоитъ передъ иконами, молится о немъ и вдругъ слышитъ, что у будочника (противъ самой ея квартиры была будка) голосъ ея сына очень громко спрашиваетъ: «который часъ?» Малютка нѣсколько пришепетывалъ и по этому одному и наконецъ по самымъ звукамъ голоса она не могла ошибиться. Она бросается къ окну, отворяетъ его, слышитъ, какъ будочникъ отвѣчаетъ: «Третій; да что ты, этакой маленькій, по ночамъ шатаешься?»—видитъ, очень ясно видитъ своего сына, видитъ, какъ онъ перешелъ отъ будки улицу къ ея воротамъ и у самыхъ воротъ пропалъ. Боясь, не ошиблась ли она, не было ли у ней все это дѣйствіемъ слишкомъ сильно настроеннаго во-

ображенія, она разбудила людей, послала къ будочнику спросить: видѣлъ ли онъ мальчика, говорилъ ли съ нимъ? Оказалось, что видѣлъ и говорилъ. Когда я пріѣхалъ (меня въ то время не было въ Петербургѣ), она мнѣ все рассказываетъ и для того, чтобы удостовѣрить меня въ подлинности факта, просить, чтобы я самъ спросилъ будочника. Будочникъ этотъ былъ въ то время переведенъ куда-то къ Александро-Невской лаврѣ. Я поѣхалъ, отыскалъ его, при ней разспрашивалъ: все оказалось вѣрно и точно: видѣлъ и говорилъ.

Странно. Впрочемъ, мнѣ Степанъ Никитичъ рассказалъ о Варварѣ Семеновнѣ еще одну странность, заставляющую думать, что эта женщина отличалась даромъ какого-то провидѣнія, предвидѣнія, ясновидѣнія, или какого хотите видѣнія, въ которомъ, однако, не было ничего общаго съ нашими, какими бы то ни было видѣніями, принимаемыми хоть въ смыслѣ предчувствій. Она не то что предузнала, а просто, безъ всякихъ основаній, безъ всякихъ данныхъ узнала о пріѣздѣ Степана Никитича въ Петербургъ.

Сущая правда. Вотъ какъ было дѣло. Не только я не ждалъ въ Петербургъ Степана Никитича, съ которымъ мы, по общей намъ лѣности, и переписывались рѣдко, но я самъ онъ послѣ говорилъ, что собрался въ Петербургъ вдругъ и пріѣхалъ въ него какъ бы случайно. Въ одно прекрасное утро сижу я у себя въ кабинетѣ и занимаюсь дѣлами до отправленія на службу, какъ вдругъ входитъ Варвара Семеновна и говоритъ мнѣ: «Знаешь ли, Андрей Андреевичъ? Вѣдь Степанъ Никитичъ въ Петербургъ пріѣхалъ». — «Отъ кого вы это знаете?» — «Да не отъ кого, а говорю тебѣ, что пріѣхалъ». — «Можетъ быть, вамъ это только такъ кажется?» — «Нѣтъ, я тебѣ это навѣрное говорю...» Отправляюсь на службу, проходитъ часъ-другой времени, входитъ ко мнѣ Степанъ Никитичъ. — «Здравствуй, говорю, другъ любезный, добро пожаловать. Я о твоёмъ пріѣздѣ зналъ сегодня утромъ». — Тотъ на меня глаза уставилъ... «Не отъ кого, говоритъ, тебѣ было знать: я только что пріѣхалъ и ни съ кѣмъ не видался, прямо къ тебѣ». — «А я тебѣ говорю, что зналъ». — «Да отъ кого же?» — «Отъ Варвары Семеновны». — «А она отъ кого знала?» — «А ни отъ кого...»

— Точно такъ рассказывалъ мнѣ этотъ фактъ и Степанъ Никитичъ ¹⁾.

¹⁾ С. Н. Вѣгичевъ рассказываетъ въ своей запискѣ («Р. Вѣстникъ», 1892, VIII) о Грибоѣдовѣ и еще аналогичный случай, который, по его мнѣнію, характеризуетъ поэтическую натуру Грибоѣдова: «Онъ былъ у меня шаферомъ и въ церкви (въ апрѣлѣ 1823 года въ Москвѣ) стоялъ вонѣ меня. Передъ началомъ службы священнику вдумалось сказать намъ рѣчь. Грибоѣдовъ, съ обыкновенной своей тогдашней веселостью, перетолковывалъ мнѣ на ухо эту проповѣдь, и я насилу могъ удержаться отъ смѣха. Потомъ онъ замолчалъ, но когда держалъ вѣнецъ надо мной, я замѣтилъ, что руки его трясутся и, оглянувшись, увидѣлъ его блѣднымъ и со слезами на глазахъ. По окончаніи службы на вопросъ мой: «Что съ тобой сдѣлалось?» — «Глухость», — отвѣчалъ: — мнѣ вообразилось, что тебя отпѣваютъ и хоронятъ».

— А вотъ еще съ Варварой Семеновной случай, по характеру подходящій къ послѣднему, но еще, если хотите, замысловатѣе. Я вамъ уже говорилъ, что она очень любила Александра Одоевского. 4 декабря 1825 г., въ день ея ангела Одоевскій пріѣзжаетъ ее поздравить прямо съ караула, — въ мундирѣ, въ шарфѣ, однимъ словомъ, во всемъ томъ, въ чемъ слѣдуетъ офицеру быть на караулѣ. Пробывши съ полчаса, онъ уѣхалъ. «Что это за странность, — говоритъ мнѣ Варвара Семеновна, только что тотъ скрылся за дверь:—въ какомъ это чудномъ костюмѣ пріѣзжалъ князь Александръ?» — «Въ какомъ же чудномъ? Онъ съ караула, поспѣшилъ къ вамъ и пріѣхалъ во всей формѣ». — «Помилуй, въ какой формѣ: я бы не удивилась, если бы онъ и во всей формѣ пріѣхалъ, а то онъ удивилъ меня, что надѣлъ вовсе не мундиръ: на немъ былъ какой-то сѣрый армякъ, казакинъ или зипунъ...» Черезъ нѣсколько дней, по милости происшествій декабря 14-го, князь Александръ Одоевскій былъ дѣйствительно въ армякѣ...

— Вамъ болѣе не нужны, Андрей Андреевичъ,—сказалъ я, вставая,—«черновая» Грибоѣдова и портретъ его?

— Нѣтъ, не нужны.

— Похожъ портретъ?

— Не очень.

— Какъ же это? Марья Сергѣевна сказала мнѣ, что похожъ; я показывалъ его Петру Каратыгину, тотъ говоритъ: «похожъ», но, главное, когда я привезъ этотъ портретъ князю В. Ѳ. Одоевскому, онъ долго держалъ его въ рукахъ и нѣсколько разъ повторилъ: «Очень похожъ, очень похожъ».

— Пусть все это такъ, но только вы всему этому не вполне довѣряйте. Я не скажу, чтобы въ этомъ портретѣ не было рѣшительно никакого сходства,—оно, конечно, есть, но сходство это не выражаетъ вамъ вполне, не передаетъ вамъ Грибоѣдова. Я сейчасъ объясню вамъ это примѣромъ. Съ меня нынѣшній годъ списалъ масляными красками портретъ одной молодой человѣкъ, бѣднякъ, ученикъ Бруни, и просилъ у меня позволенія выставить этотъ портретъ на выставкѣ академіи; я согласился. Тамъ, на выставкѣ, многіе не только меня узнавали, но находили въ этомъ портретѣ большое со мной сходство, между тѣмъ этимъ портретомъ недовольны ни я, ни жена моя, ни все мое семейство: мы всѣ находимъ, что онъ не похожъ. Такъ и съ портретомъ Грибоѣдова: сходство, конечно, есть, но не слишкомъ близкое, не художественное... Прежде всего замѣчу, что Грибоѣдовъ въ то время, къ которому относится этотъ портретъ, былъ гораздо худѣе въ лицѣ и, наконецъ, глаза... Развѣ этотъ портретъ

передаетъ выраженіе его глазъ? Нисколько. Вотъ бѣда,—я рисовать не умѣю, а то бы я нарисовалъ Грибоѣдова, какъ живого, потому что вижу его передъ собой—вотъ какъ васъ вижу...

V.

Разказы Жандра о подробностяхъ дуэли Шереметева съ Завадовскимъ.— Роль Истоминой, Грибоѣдова и Якубовича въ столкновеніи Шереметева съ графомъ Завадовскимъ.—Разъясненіе словъ Каверина, сказанныхъ послѣ дуэли.— Дуэль Грибоѣдова съ Якубовичемъ на Кавказѣ—Рана Грибоѣдова.—Свидѣтельство Жандра о полномъ участіи Грибоѣдова въ заговорѣ 14 декабря.—Разъясненіе выраженія Грибоѣдова «о ста человѣкахъ прапорщиковъ».—Порядокъ приѣма въ члены тайнаго общества.—Пользованіе казенными печатами для сношеній между думами.—Зеленая книга.—Желтая книга.—Благопріятныя для Грибоѣдова показанія главарей декабристскаго движенія.

Сегодня вечеромъ (3 іюня), послѣ безполезной и безтолковой моей поѣздки въ Павловскъ къ Сосницкому, я отправился опять къ Жандру. Онъ говоритъ, что вся литературно-общественная исторія изъ-за «Липецкихъ водъ» князя Шаховскаго, которую такъ хорошо знаетъ Сосницкій, ему вовсе незнакома. Странно. Взаимѣнъ этого онъ мнѣ рассказалъ сегодня много любопытнаго о Грибоѣдовѣ и, главное, вообще о заговорѣ 14 декабря.

— Какъ вамъ извѣстны подробности Грибоѣдовской дуэли?—спросилъ онъ меня.

Я рассказалъ, прибавя, что слышалъ все это отъ С. Н. Вѣгичева и отъ доктора Іона.

— Такъ, но не совсѣмъ такъ. Степана Никитича въ это время въ Петербургѣ не было, а я былъ, и Грибоѣдовъ прямо съ дуэли¹⁾ пріѣхалъ ко мнѣ. Василий Шереметевъ жилъ съ Истоминой совершенно по-супружески—вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Они иногда вмѣстѣ и выѣзжали, напримѣръ, къ князю Шаховскому, у котораго была обязанность—пріискивать всѣмъ хорошенькимъ, выходящимъ изъ театральной школы, достаточныхъ и приличныхъ «покровителей». Это была милая и совсѣмъ не бездоходная обязанность,—за свои хлопоты Шаховской бралъ порядочныя деньги. Однимъ словомъ, эта обязанность была надежный капиталъ, всегда дающій вѣрный и прибыльный процентъ. Всѣ имъ покровительствуемыя красавицы и ихъ счастливые обожатели уже и смотрѣли на Шаховскаго, какъ на своего патрона, обращались къ нему во всѣхъ своихъ ссорахъ, непріятностяхъ и проч. Онъ мирилъ, ладилъ, устраивалъ, все обходилось ладно и клейко, по-домашнему. Шереметевъ, шалунъ, повѣса, но человѣкъ съ отлично-добрымъ и благороднымъ сердцемъ, любилъ

¹⁾ 12 ноября 1817 года на Волковомъ полѣ между В. В. Шереметевымъ и графомъ А. П. Завадовскимъ.

Истомину со всѣмъ безуміемъ страсти, а стало быть и съ ревностью. И въ самомъ дѣлѣ она была хорошенькая, а въ театрѣ, на сценѣ, въ танцахъ, съ граціозными и сладострастными движеніями—просто прелесть!.. Шереметевъ съ ней ссорился часто и, поссорившись и передъ роковой для него дуэлью, уѣхалъ отъ нея ¹⁾. Надо замѣтить, что скорѣй онъ жилъ у нея, чѣмъ она у него. Истомина, какъ первая танцовщица, получала большія деньги и жила хорошо... Грибоѣдовъ, который въ то время жилъ вмѣстѣ съ графомъ Завадовскимъ, бывалъ у нихъ очень часто, какъ другъ, какъ близкій знакомый. Завадовскій имѣлъ, кажется, прежде виды на Истому, но долженъ былъ уступить счастливому сопернику... Тѣмъ на этотъ разъ дѣло и ограничилось. Поссорившись, Шереметевъ, какъ человѣкъ страшно влюбленный, слѣдилъ, наблюдалъ за Истоминой: она это очень хорошо знала. Не знаю уже почему, во время этой ссоры, Грибоѣдову вздумалось пригласить къ себѣ Истому послѣ театра пить чай. Та согласилась, но, зная, что Шереметевъ за ней подсматриваетъ, и не желая вводить его въ искушеніе и лишній гнѣвъ, сказала Грибоѣдову, что не поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ изъ театра прямо, а назначила ему мѣсто, гдѣ съ ней сейчасъ же послѣ спектакля встрѣтятся—первую, такъ называемую Суконную линію Гостиного двора, на этотъ разъ, разумѣется, совершенно пустынную, потому что дѣло было ночью. Такъ все и сдѣлалось: она вышла изъ театральной кареты противъ самаго Гостиного двора, встрѣтилась съ Грибоѣдовымъ и уѣхала къ нему. Шереметевъ, наблюдавшій издалека, все это видѣлъ. Слѣдуя за санями Грибоѣдова, онъ вполне убѣдился, что Истомина пріѣхала съ кѣмъ-то въ квартиру Завадовскаго. Послѣ онъ очень просто, черезъ людей могъ узнать, что этотъ кто-то былъ Грибоѣдовъ. Понятно, что все это происшествіе взбѣсило Шереметева, онъ бросился къ своему пріятелю Якубовичу съ вопросомъ: что тутъ дѣлать?

— Что дѣлать,—отвѣтилъ тотъ:—очень понятно: драться, разумѣется, надо, но теперь главный вопросъ состоитъ въ томъ: какъ и съ кѣмъ? Истомина твоя была у Завадовскаго—это разъ, но привезъ ее туда Грибоѣдовъ—это два, стало быть, тутъ два лица, требующихъ пули, а изъ этого выходитъ, что для того, чтобы никому не было обидно, мы, при сей вѣрной оказіи, составимъ un parti carré,—ты стрѣляйся съ Грибоѣдовымъ, а я на себя возьму Завадовскаго.

— Да помилуйте,—прервалъ я Жандра:—вѣдь Якубовичъ не имѣлъ по этому дѣлу рѣшительно никакихъ отношеній къ Завадовскому. За что же ему было съ нимъ стрѣляться?..

¹⁾ Наоборотъ, А. И. Истомина уѣхала отъ Шереметева къ своей подругѣ Азаровой, какъ это выяснено слѣдствіемъ.

— Никакихъ. Да ужъ таковъ человѣкъ былъ. Поэтому-то я вамъ и сказалъ, и употребилъ это выраженіе: «при сей вѣрной оказіи». По его понятіямъ, съ его точки зрѣнія на вещи, тутъ было два лица, которыхъ слѣдовало наградить пулей,—какъ же ему было не вступиться? Поѣхали они къ Грибоѣдову и къ Завадовскому объясняться. Шереметевъ Грибоѣдова вызвалъ. «Нѣтъ, братецъ,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ:—я съ тобой стрѣляться не буду, потому что, право, не за что, а вотъ если угодно Александру Ивановичу (т. е. Якубевичу), то я къ его услугамъ».

Parti carré устроилось. Шереметевъ долженъ былъ стрѣляться съ Завадовскимъ, а Грибоѣдовъ съ Якубевичемъ. Барьеръ былъ назначенъ на 18 шаговъ, съ тѣмъ, чтобы противникамъ пройти по 6 и тогда стрѣлять. Первая очередь была первыхъ лицъ, т. е. Шереметева и Завадовскаго. Я забылъ сказать, что въ теченіе всего этого времени Шереметевъ успѣлъ помириться съ Истоминой и какъ остался съ ней съ глазу на глазъ, то вдругъ вынулъ изъ кармана пистолетъ, и, приставивши его прямо ко лбу, говорить: «Говори правду, или не встанешь съ мѣста,—даю тебѣ на этотъ разъ слово. Ты будешь на кладбищѣ, а я въ Сибири,—очень хорошо знаю, да что же... Имѣлъ тебя Завадовскій, или нѣтъ?» Та, со страху ли, или въ самомъ дѣлѣ правду, но, кажется, сказала, что и мѣлъ¹⁾. Послѣ этого понятно, что вся злоба Ше-

¹⁾ Привожу совершенно неизвѣстную въ печати выписку изъ подлиннаго слѣдствія, произведеннаго о поединкѣ штабсъ-ротмистра Кавалергардскаго полка Шереметева съ камеръ-юнкеромъ Завадовскимъ. Слѣдствие это произведено было, по предписанію с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора полковникомъ Кавалергардскаго полка Ланскимъ 3-мъ, полицеймейстеромъ полковникомъ Ковалевымъ и камеръ-юнкеромъ 5 класса Ланскимъ и сохранилось въ дѣлѣ о названной дуэли. Вотъ показанія самихъ лицъ, причастныхъ къ дуэли, о ея причинѣ: «Камеръ-юнкеръ Завадовскій объяснилъ производившимъ слѣдствие, что причину сего поединка было то, что танцовка императорскаго театра Истомина, переѣхавши отъ Шереметева на собственную квартиру, по приглашенію его, Завадовскаго, была у него на короткое время, о чемъ Шереметевъ, узнавъ, объявилъ ему причину неудовольствія, вызывая драться на смерть. Танцовка же Истомина показала, что она у Шереметева, проживая около двухъ лѣтъ, давно намѣревалась по безпокойному его характеру и жестокимъ съ нею поступкамъ отойти отъ него; наконецъ, разошлась съ нею 3 числа сего мѣсяца, сослалъ ее отъ себя прочь, почему она и перешла на особую квартиру, но когда она была 5 числа сего же мѣсяца въ поведѣльникѣ въ танцахъ въ театрѣ, то знакомый какъ ей, такъ и Шереметеву вѣдомства государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ губернской секретарь Грибоѣдовъ, часто бывавшій у нихъ по дружбѣ съ Шереметевымъ и знавшій о ссорѣ ея съ нимъ, позвалъ ее съ собою ѣхать къ служащему при театральній дирекціи дѣйствительному статскому совѣтнику князю Шаховскому, къ коему по благосклонности его нерѣдко ѣзжала, но вмѣсто того привезъ ее на квартиру Завадовскаго, но не сказывая, что его квартира, куда вскорѣ пріѣхалъ и Завадовскій, гдѣ онъ по прошествіи нѣкотораго времени предлагалъ ей о любви, но въ шутку или въ самомъ дѣлѣ, того не знаетъ, но согласія ему на то объявлено не было; съѣзжими

реметева обратилась уже не на Грибоѣдова, а на Завадовскаго, и это-то его и погубило... Когда они съ крайнихъ предѣловъ барьера стали сходитья на ближайшіе, Завадовскій, который былъ отличный стрѣлокъ, шелъ тихо и совершенно покойно. Хладнокровіе ли Завадовскаго взбѣсило Шереметева, или просто чувство злобы пересилило въ немъ разсудокъ, но только онъ, что называется, не выдержалъ и выстрѣлилъ въ Завадовскаго, еще не дошедши до барьера. Пуля пролетѣла около Завадовскаго близко, потому что оторвала часть воротника у сюртука, у самой шеи... Тогда уже, и это очень понятно, разозлился Завадовскій.

посидѣвши нѣсколько времени, была отвезена Грибоѣдовымъ на свою квартиру, но на третій день пріѣхалъ къ ней Шереметевъ, просилъ у ней прощенія и приглашалъ возвратиться къ нему, но она, не желая сего, намѣрена была въ тотъ день ѣхать къ князю Шаховскому, но Шереметевъ просилъ ее, чтобы ѣхать въ его экипажѣ, но когда она согласилась, то онъ вмѣсто того привезъ ее къ себѣ и, показывая на пистолеты, говорилъ, что ежели не останется у него, то онъ застрѣлитъ себя. Видя его въ такомъ чистосердечномъ раскаяніи и не желая довести до отчаянія, осталась у него, послѣ чего въ продолженіе двухъ дней онъ спрашивалъ, что не была ли она у кого-нибудь въ то время, когда не жила у него, страдая при томъ, что ежели она не скажетъ, то онъ ее застрѣлитъ; она принуждена была на третій день признаться, что была у графа Завадовскаго. Онъ, будучи доволенъ ея признаніемъ, тотчасъ пошелъ съ себѣ квартиры, но при выходѣ изъ оной встрѣтился съ нимъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка корнетъ Якубовичъ, съ коимъ онъ и ушелъ, а часа черезъ два опять возвратился. Съ того времени Шереметевъ былъ доволенъ и покоенъ, сказывая ей, что онъ все знаетъ о бытности ея у Завадовскаго и что все сіе рѣшено уже. Но сверхъ ея чаянія въ понедѣльникъ 12 числа пріѣзжаетъ Якубовичъ и сказываетъ ей, чтобы она ушла куда-нибудь съ квартиры, такъ какъ много соберется офицеровъ, ибо Шереметевъ раненъ, почему она и препровождена была въ особую квартиру, о поединкѣ же ничего не знаетъ.—Губернскій секретарь Грибоѣдовъ отвѣтствовалъ, что ее пригласилъ ѣхать единственно для того только, чтобы узнать подробности, какъ и за что она поссорилась съ Шереметевымъ, и какъ онъ жилъ до сего времени за недѣлю на квартирѣ Завадовскаго, то и завезъ на оную, куда пріѣхалъ и Завадовскій, но объяснялся ли онъ ей въ любви, не помнитъ, но послѣ отвезъ ее въ квартиру.—Графъ Завадовскій сперва производившимъ слѣдствіе объяснилъ, что она Истомина была у него по приглашенію его, а потомъ и вторично отвѣтствовалъ, что онъ ее въ театрѣ на лѣстницѣ лично приглашалъ къ себѣ, когда она оставилъ Шереметева, побывать въ гостяхъ у него, но съ кѣмъ она пріѣхала къ нему, не знаетъ и о любви, можетъ быть, въ шуткахъ говорилъ и дѣлалъ разныя предложенія, но на очной ставкѣ съ Грибоѣдовымъ о приглашеніи ея пріѣхать къ себѣ отвѣтствовалъ, что ошибся, принявши визитъ Истоминой на свой счетъ.—Корнетъ Якубовичъ, уже предназначенный къ отставкѣ по высочайшему повелѣнію по представленію цесаревича Константина Павловича, былъ немедленно же арестованъ за участіе въ дуэли Шереметева, но при допросѣ не выяснилъ причинъ дуэли, заявивъ лишь, что «поступокъ Завадовскаго не дѣлалъ чести благородному человѣку», подробности же ссоры не хотѣлъ пояснить, «дабы не показать пристрастія къ Шереметеву и не снять личины съ Завадовскаго». За что же Шереметевъ имѣлъ злобу, «Завадовскому спрашивать было нечего, потому что причину сего лучше ихъ зналъ». Объ Юнѣ и Каверинѣ въ слѣдствіи нѣтъ ни слова,

Прим. Н. Шаломытова.

«Ah!—сказаль онъ:— il en voulait à ma vie. A la baggière!» Дѣлать было нечего,—Шереметевъ подошелъ. Завадовскій выстрѣлилъ. Ударъ былъ смертельный,—онъ ранилъ Шереметева въ животъ. Шереметевъ нѣсколько разъ подпрыгнулъ на мѣстѣ, потомъ упалъ и сталъ кататься по снѣгу. Тогда-то Каверинъ¹⁾ и сказалъ ему, но совсѣмъ не такъ, какъ вамъ говорилъ Іонъ:—«вотъ тебѣ, Васька, и рѣдька»—это не имѣетъ никакого смысла, а довольно извѣстное выраженіе русскаго простолюдыя: «Что, Вася? Рѣпка?» Рѣпка вѣдь лакомство у народа, и это выраженіе употребляется имъ иронически въ смыслѣ: «что же? вкусно ли? хороша ли закуска?» Якубовичъ, указывая на Шереметева, обратился къ Грибоѣдову съ изъясненіемъ того, что въ эту минуту имъ, конечно, невозможно стрѣляться, потому что онъ долженъ отвезти Шереметева домой... Они отложили свою дуэль до первой возможности, но въ Петербургѣ они стрѣляться не могли, потому что Якубовича сейчасъ же арестовали и прямо изъ-подъ ареста послали на Кавказъ. Они дѣйствительно встрѣтились съ Грибоѣдовымъ на первыхъ же порахъ его пріѣзда въ Тифлисъ и стрѣлялись. Ермоловъ нѣсколькими минутами не успѣлъ предупредить дуэли, пославши арестовать обоихъ. Грибоѣдовъ, какъ и Шереметевъ же, не выдержалъ и выстрѣлилъ, не дошедши до барьера. Якубовичъ стрѣлялъ отлично и послѣ говорилъ, что онъ на жизнь Грибоѣдова не имѣлъ ни малѣйшихъ покушеній, а хотѣлъ, въ знакъ памяти, лишить его только руки. Пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки около большого пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ, и это мѣшало ему, музыканту, впоследствии играть на фортепьяно. Ему нужна была особая аппликатура. Шереметевъ жилъ послѣ дуэли три дня²⁾.

— Очень любопытно, Андрей Андреевичъ,—началь я,—знать настоящую, дѣйствительную степень участія Грибоѣдова въ заговорѣ 14-го декабря?

— Да, какая степень? Полная.

— Полная?—произнесъ я не безъ удивленія, зная, что Грибоѣдовъ самъ же смѣялся надъ заговоромъ, говоря, что 100 че-

¹⁾ Каверинъ (какъ мнѣ рассказывалъ еще въ 1841 году С. Н. Вѣгичевъ) былъ лицо замѣчательное и характерно-типическое въ отношеніи къ своему времени—красавецъ, пьяница, скакунъ и такой сорвиголова и бреттеръ, какихъ мало. Онъ служилъ когда-то адъютантомъ у Беннгсена и, въ бытность нашихъ войскъ за границей, проказилъ въ Гамбургѣ до того, что былъ цѣлому городу и околотку извѣстенъ подъ именемъ краснаго гусара. Беннгсенъ долженъ былъ послѣ спроводить съ рукъ долой эту удалую голову, отъ которой житья не было.

Прим. автора.

²⁾ По документальнымъ даннымъ, штабсъ-ротмистръ Кавалергардскаго полка В. В. Шереметевъ 2-й скончался на другой день послѣ дуэли, т. е. 13 ноября, въ пять и три четверти часа пополудни.

Н. Ш.

10*

ловѣкъ прапорщикомъ хотѣтъ измѣнить весь правительственный бытъ Россіи.

— Разумѣется, полная. Если онъ и говорилъ о 100 человѣкахъ прапорщиковъ, то это только въ отношеніи къ исполненію дѣла, а въ необходимость и справедливость дѣла онъ вѣрилъ вполне¹⁾. На этомъ-то основаніи, вскорѣ послѣ дуэли своей съ Якубовичемъ, онъ и съ нимъ былъ «какъ ни въ чемъ не бывало», какъ съ единомышленникомъ. А выгодовался онъ изъ этого дѣла дѣйствительно оригинальнымъ и очень замѣчательнымъ образомъ, который показываетъ, какъ его любили и уважали. Исторію его ареста Ермоловымъ вы уже знаете; о бумагахъ изъ крѣпости Грозной и судьбѣ ихъ—тоже. Но вы, вѣрно, не знаете вотъ чего. Начальники заговора или начальники центровъ, которые назывались думами, а думъ этихъ было три—въ Кишиневѣ, которой завѣдывалъ Пестель, въ Кіевѣ—Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и въ Петербургѣ—Рылѣевъ, поступали въ отношеніи своихъ собратьевъ-заговорщиковъ очень благородно и осмотрительно: человѣкъ вступалъ въ заговоръ, подписывалъ и думалъ, что уже связанъ одной своей подписью; но на дѣлѣ это было совсѣмъ не такъ: онъ могъ это думать, потому что ничего не зналъ, подпись его сейчасъ же истреблялась, такъ что въ дѣйствительности былъ онъ связанъ однимъ только словомъ. Надо вамъ сказать, что въ первомъ своемъ зародышѣ, въ началѣ, это былъ заговоръ чисто военный, т. е. между одними только военными. Сноситься заговорщикамъ было очень удобно, несмотря на дальность разстояній: Александръ Бестужевъ былъ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба²⁾, имѣвшаго сношенія съ штабами арміи. Тамъ, въ одномъ мѣстѣ былъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, въ другомъ—Пестель, да и вообще адъютанты штабовъ всѣ были въ заговорѣ. Они преспокойно пользовались казенными печатями, дѣлая какой-то условный знакъ чернилами у самой печати на конвертахъ. Всѣ

¹⁾ Это свидѣтельство близкаго друга А. С. Грибоѣдова о томъ, что повѣ въполнѣ раздѣлялъ съ декабристами вѣру въ необходимость и справедливость ихъ дѣла, весьма замѣчательно. Его смущали, повидимому, лишь неорганизованность дѣла и излишняя болтливость и поплость нѣкоторыхъ членовъ, такъ сказать, хористовъ движенія, но, конечно, несмотря на весь свой скептицизмъ и холодный умъ, Грибоѣдовъ (какъ и Пушкинъ) нашелъ бы въ себѣ, безъ сомнѣнія, достаточно энтузіазма и силы, чтобы 14-го декабря, если бы онъ былъ въ это время въ Петербургѣ, стать въ ряды своихъ друзей и товарищей, Рылѣева, Одоевскаго, Кюхельбекера, Бестужева и многихъ другихъ, а не остаться на срединѣ Сенатской площади, не примыкая ни туда ни сюда, какъ думаетъ это В. Розановъ (см. его Литературные Очерки, изд. И. Перцова. Спб. 1899, стр. 192—200).

Н. Ш.

²⁾ Бестужевъ никогда не былъ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба, а адъютантомъ принца Александра Виртембергскаго, извѣстнаго подъ именемъ Принца-Шинши.

Прим. М. М. Поливанова.

прочіе конверты адъютантами распечатывались, а эти, конечно, прятались. У заговорщиковъ военныхъ была Зеленая книга, въ которую и вносились ихъ имена. Этотъ, сперва чисто военный, заговоръ въ послѣдствіи расширился, въ него вступило много отставныхъ, даже купцовъ. Зеленая книга—это было въ 1818 г. во время сборнаго въ Москвѣ полка,—была уничтожена и замѣнена Желтой книгой¹⁾. Въ это время многіе отъ заговора отстали, даже самъ Никита Муравьевъ. Отсталъ въ это же время и нашъ С. Н. Бѣгичевъ. Когда 14-го декабря бунтъ вспыхнулъ, заговорщики были взяты, между ними, по непонятнымъ причинамъ, Бестужевъ-Рюминъ сталъ прямо указывать на Грибоѣдова, упирая всего болѣе на то, что Грибоѣдовъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ жилъ сыздѣтства душа въ душу... По этому только случаю Грибоѣдова и взяли²⁾.

— Что же за выгода была въ этомъ Бестужеву-Рюмину?—спросилъ я.—Что за цѣль, что за отрада?

— Не понимаю. Но мало того, что противъ Грибоѣдова не нашлось, какъ вы уже знаете, никакихъ доказательствъ,—въ пользу его (вотъ что замѣчательно!) были свидѣтельства самихъ заговорщиковъ, потому что и Сергѣй Муравьевъ, и Рылѣевъ, и Александръ Бестужевъ (Марлинскій), которые не могли уже въ то время въ чемъ-нибудь сговариваться, стакиваться, сказали одно и то же³⁾, что «Грибоѣдовъ въ заговорѣ не участвовалъ и что они и не старались привлечь его къ заговору, который могъ имѣть исходъ скорѣе дурной, чѣмъ хорошей, потому что берегли человека, который своимъ талантомъ могъ прославить Россію»⁴⁾. Такимъ-то образомъ Грибоѣдовъ выгородился совершенно... Разумѣется, много помогли ему и Ермоловъ, и уже здѣсь, въ слѣдственной комиссіи, Ивановскій.

¹⁾ О Зеленой книгѣ знали всѣ, но только немногіе знали, въ чемъ состояло дѣло. Общимъ убѣжденіемъ было, что это особая масонская ложа, членами которой одни офицеры гвардіи. О существованіи Желтой книги я не слыхалъ.

Прим. М. М. Поливанова.

²⁾ Это оговоръ Бестужева-Рюмина, совершенно не подтверждающійся документально. См. показаніе Бестужева-Рюмина въ пользу Грибоѣдова. П. Щеголевъ «Грибоѣдовъ и декабристы». Спб. 1905, стр. 9—10.

³⁾ Нужно имѣть въ виду объясненіе Д. И. Завалишина: «въ стараніи товарищей не компрометировать Грибоѣдова не было также ничего особеннаго, исключительнаго. Это было лишь слѣдствіемъ напередъ условленнаго, общепринятаго правила стараться не запутывать никого, кто не былъ еще запутанъ».

⁴⁾ См. показаніе А. А. Бестужева. «Грибоѣдовъ и декабристы», стр. 9: «въ члены же его (Грибоѣдова) не принималъ я, во-1-хъ, потому, что онъ меня и старше и умнѣе, а, во-2-хъ, потому, что жалѣлъ подвергнуть опасности такой талантъ».

VI.

Любовь Жандра къ семейной жизни.—Баловство дѣтей.—Жандръ.—пуристъ въ русской рѣчи.—Какъ записывалъ авторъ рассказы Жандра.—Сравненіе съ С. Н. Бѣгичевымъ.

Мнѣ остается, для полноты картины, сказать нѣсколько словъ о Жандрѣ—какъ человѣкѣ.

Человѣкъ, который былъ другомъ Грибоѣдова—настоящимъ, а не двусмысленнымъ, какъ Булгаринъ, не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ. Это надо принять за аксіому. Жандру около 70 лѣтъ, женился онъ поздно и теперь «весь», по выраженію его же жены, «живетъ въ своемъ семействѣ». Дѣти гораздо болѣе выются, трутся и вертятся около него, чѣмъ около матери. Старца (и это совершенно въ духъ всякаго старца), кажется, приводитъ въ рѣшительное восхищеніе то, что у него 2—3 мѣсяца тому назадъ родился ребенокъ. Нашъ братъ отъ такой благодати чуть не заплачетъ, а старческому самолюбію это льститъ. Дѣтей онъ балуетъ страшно, они дѣлаютъ изъ него, что хотятъ. По зову ребенка старикъ встаетъ и идетъ въ другую комнату,—разумѣется, за пустяками. *Tout ce qui est trop*—говоритъ пословица. Дочка его, лѣтъ 9-ти, что ли, ловкая, но такая подвижная и манерная, что хоть вотъ сію минуту прямо въ любую труппу эквилибристовъ на канатъ. Я такихъ дѣтей не люблю, а ихъ, хоть и дѣтской, но все-таки нѣсколько нахальной, развязности не люблю еще больше. Актриса, теперь ужъ актриса. Что толку? Жандръ самъ признавался мнѣ, что почти ничего не читаетъ, кромѣ сенаторскихъ записокъ да *des choses prohibées*, какъ, на примѣръ, все Герценовское, интересующее теперь всякаго. Въ отношеніи къ языку онъ, какъ самъ признавался, пуристъ. На примѣрт, я спрашиваю о Завадовскомъ:

— Скажите пожалуйста, что это была за личность?

— Ради Бога не убивайте меня.

Я вытаращилъ глаза.

— Не говорите «личность», у насъ подъ этимъ словомъ разумѣется совершенно другое понятіе.

— Да вѣдь это прямой переводъ слова *personnalité*.

— То-то что не прямой: *personnalité*—особа.

Старикъ, видимо, ошибается.

— Особа *l'individu*,—замѣчаю я.

— И *personnalité*.

Ну, Богъ съ нимъ.

Вобщемъ, онъ человѣкъ благородный и добрый,—по крайней мѣрѣ ко мнѣ былъ онъ чрезвычайно добръ: дружески пенялъ мнѣ, что я не увѣдомилъ его о моей болѣзни, самъ навѣстилъ меня,

спрашивалъ, не растрясла ли у меня, заѣзжаго, моя болѣзнь казны... Вхожу къ нему во второй разъ послѣ моей болѣзни,—и онъ отмѣняетъ только что отданное человѣку приказаніе итти справиться о моемъ здоровьѣ. А это: старикъ сидитъ на какой-то, и не очень удобной, кушеткѣ, а я подлѣ него въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ, существовавшихъ еще при Грибоѣдовѣ, спрятавшись разъ за которыя, Жандръ напугалъ Грибоѣдова, за что тотъ и назвалъ его школьникомъ... Старикъ рассказываетъ, и притомъ такія вещи, которыхъ, вѣрно, другому не сталъ бы говорить, а у меня, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, на колѣняхъ портфель съ бумагой, а въ рукѣ карандашъ; я, рѣшительно безъ всякаго приличія, записываю бѣгло перечнемъ все, что онъ говоритъ. Прощаясь, мы дружески обнялись и расцѣловались. Послѣднее его слово было—поклонъ моей женѣ.

Въ Степанѣ Никитичѣ до сихъ поръ больше огня и душевной силы, хотя, вѣроятно, меньше физической, хотя онъ глухъ и руки у него сильно трясутся. Въ Степанѣ Никитичѣ есть то, что

Мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранить струю кипучаго вина...

Спб., іюня 5, 1858
1 часъ ночи.

VII.

Письмо Жандра къ Смирнову отъ 25 сентября 1858 г.—Свиданіе съ Жандромъ въ концѣ февраля 1859 года.—Воспоминанія о недавно умершемъ С. Н. Вѣгичевѣ и его дружбѣ съ Грибоѣдовымъ.—Разсказъ Смирнова, со словъ Вѣгичева, о случаѣ въ католическомъ монастырѣ въ 1814 году.—Свидѣтельство Жандра, въ какомъ видѣ былъ автографъ «Горе отъ ума», привезенный Грибоѣдовымъ въ Петербургъ въ 1824 году.—Многочисленные списки «Горе отъ ума».—Главный списокъ А. А. Жандра, исправленный авторомъ собственноручно.—Допросъ Жандра государемъ.—О портфеляхъ для бумагъ.—О причинѣ дуэли Чернова и Новосильцева и обстановка похоронъ того и другого.—Общія надежды на помилованіе декабристовъ.—Гдѣ похоронены тѣла повѣшенныхъ.

Въ концѣ февраля 1859 года я снова пріѣхалъ въ Петербургъ. Само собою разумѣется, что одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ былъ сенатору Жандру, который писалъ ко мнѣ только одно письмо, но самое обязательное. Въ письмѣ этомъ, которое я прилагаю въ подлинникѣ, были мнѣ особенно дороги слѣдующія строки: «не удивляйтесь и не сердитесь на меня, любезнѣйшій, почтенный Дмитрій Александровичъ, что на 3 письма ваши, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе, убѣждая, что на свѣтѣ есть еще люди, согрѣтые человѣческимъ сердцемъ,—я отвѣчаю такъ поздно. Для такихъ старыхъ людей, какъ я, самое трудное дѣло писать, что бы ни было... А я все лѣто писалъ, писалъ и писалъ...» Далѣе слѣдовало исчисленіе его настоящихъ служебныхъ трудовъ и слѣдующее слишкомъ важное для меня извѣстіе; «перебравшись

на новую квартиру и перебирая мои бумаги, я нашелъ два письма незабвеннаго моего друга. Если удосужусь, то пришлю вамъ копию съ нихъ. Одно менѣе интересно, другое несравненно болѣе. Оно писано къ Варварѣ Семеновнѣ, общему нашему другу, изъ Табриса незадолго до послѣдняго отъѣзда Александра въ Тегеранъ, слѣдовательно незадолго до его смерти»¹⁾.

¹⁾ Письма эти въ лично мною снятыхъ копіяхъ находятся у меня.

Прим. автора.

Напечатаны въ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова (т. I, стр. 175, 257, 277 и 329).

Вотъ подлинный текстъ письма А. А. Жандра къ Д. А. Смирнову отъ 25 сентября 1858 г.

«С.-Петербургъ, 25 сентября 1858.

Не удивляйтесь и не сердитесь на меня, любезнѣйшій, почтенный Дмитрій Александровичъ, что на три письма ваши, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе, убѣждая, что на свѣтѣ есть еще люди, согрѣтые человѣческимъ сердцемъ, я отвѣчаю такъ поздно.—Для такихъ старыхъ людей, какъ я, самое трудное дѣло писать, что бы ни было... а я все лѣто писалъ, писалъ и писалъ. Въ морскомъ министерствѣ все преобразовывается и о всякомъ преобразованіи требуются самыя подробныя мнѣнія. Вообразите же себѣ, что я все лѣто прожилъ въ Царскомъ Селѣ и былъ долженъ каждый день ѣздить въ сенатъ и разъ въ недѣлю въ адмиралтейскій совѣтъ и въ то же время управлять счетнымъ черноморскимъ департаментомъ и писать безпрестанно вышеупомянутыя (извиняте) мнѣнія. Приѣдешь въ пятомъ часу домой (утра вовсе нѣтъ) измученный какъ собака, а ночью уже пишешь мнѣнія. Написать вамъ двѣ-три строчки я не могъ, а писать какъ бы хотѣлось тоже не могъ; негдѣ было взять времени; даже къ другу Степану Никитичу не писалъ еще до сихъ поръ.

Книга о Грибоѣдовѣ, о которой вы писали, вышла и уже продается, но я еще не видѣлъ ее. Впрочемъ, не полагаю, чтобы она была и такъ полна, и такъ интересна, чтобы вашему труду не было мѣста въ нашей литературѣ.—Я, перебирая все, что у меня было издѣланныхъ,—по возвращеніи моемъ на нашу новую квартиру (по Офицерской улицѣ близъ Аничкинскаго проспекта въ домѣ Лыткина),—нашелъ два письма незабвеннаго моего друга. Если удосужусь, пришлю къ вамъ копию съ нихъ. Одно менѣе интересно, другое несравненно болѣе. Оно писано къ Варварѣ Семеновнѣ, общему нашему другу, изъ Табриса, незадолго до послѣдняго отъѣзда Александра въ Тегеранъ; слѣдовательно, незадолго до его смерти.

Мы только что разобрались на новой квартирѣ и только что отслужили молебень Спасителю и Божьей Матери. Какъ утѣшительно и легко душѣ, вѣрующей въ простотѣ сердца и исполняющей обряды своего закона съ духовнымъ наслажденіемъ. Мы всё, слава Богу, здоровы, кромѣ Вари, которая немного прихворнула.—Что вамъ сказать о нашей литературѣ? Ничего, потому что я ничего не читаю, кромѣ «Сѣверной Пчелы», которую приносятъ ко мнѣ ежедневно. Здѣсь все стремится къ новому; въ старомъ все видятъ худое. Дай Богъ, чтобы новое было лучше... Какъ часто хотѣлось бы съ вами лицомъ къ лицу побесѣдовать обо всемъ этомъ. Прощайте. Да благословитъ васъ Господь Богъ. Я надѣюсь, что вы уже познакомили насъ съ дорогимъ для насъ вашимъ семействомъ.

Душевно преданный А. Жандръ.

Прасковья Петровна свидѣтельствуетъ вамъ свое уваженіе.

Р. С. Благодаримъ отъ души за гостинецъ. Вообразите, что мы долго не знали, кто намъ прислалъ его, и только случай открылъ намъ... что онъ отъ васъ.—Мы были на дачѣ, а человѣкъ нашъ не зналъ, отъ кого послышалъ.

Насъ какъ-то невидимо, но какъ-то чувствуемо соединила мысль, что его уже нѣтъ, нашего общаго друга, нашего дорогого Степана Никитича.

— Онъ умеръ,—сказалъ я.

Сенаторъ промолчалъ, но ему, видимо, было грустно.

— Онъ обѣщалъ мнѣ, при послѣднемъ свиданіи, всѣ письма Грибоѣдова къ нему въ мою собственность,—продолжалъ я.

— Не знаю,—отвѣчалъ Жандръ:—но я душевно сохраняю память объ этомъ человѣкѣ,—не даромъ его такъ любилъ Грибоѣдовъ. Они много дурости надѣлали въ молодости: во второй этажъ дома въ Брестъ-Литовскѣ верхомъ на лошадяхъ вѣхали на балъ... Это были кутилы, но изъ нихъ вышли замѣчательные люди. Степанъ Никитичъ былъ рыцарь благородства, и вы должны почитать себя совершенно счастливымъ, если сохранили нѣсколько его писемъ.

— Вы рассказываете, Андрей Андреевичъ, какъ они въ Брестъ-Литовскѣ верхомъ во второй этажъ на лошадяхъ пріѣхали. Да мало ли они тамъ чудили. Я вамъ расскажу одну продѣлочку моего дядюшки: вы, вѣроятно, знаете, что въ Брестъ-Литовскѣ былъ какой-то католическій монастырь, чуть ли не іезуитскій; вотъ и забрались разъ въ церковь этого монастыря Грибоѣдовъ съ своимъ любезнымъ Степаномъ Никитичемъ, когда служба еще не начиналась. Степанъ Никитичъ остался внизу, а Грибоѣдовъ, не будь глупъ, отправился наверхъ, на хоры, гдѣ органъ. Ноты были раскрыты. Собрались монахи, началась служба. Гдѣ ужъ въ это время находился органистъ, или не посмѣлъ онъ согнать съ хоръ и остановить русскаго офицера, да который еще состоялъ при такомъ важномъ въ томъ краѣ лицѣ, какимъ былъ Андрей Семеновичъ Кологривовъ,—ужъ я вамъ передать этого не могу, потому что не догадался объ этомъ спросить Степана Никитича, отъ котораго слышалъ о всей этой продѣлкѣ. Вы лучше моего знаете, что Грибоѣдовъ былъ великій музыкантъ. Когда по порядку службы потребовалась музыка, Грибоѣдовъ заигралъ и игралъ довольно долго и отлично. Вдругъ священнодѣйческіе звуки умолкли, и съ хоръ раздался нашъ кровный, нашъ родной «Камаринскій»... Можете судить, какой это произвело эффектъ и какой гвалтъ произошелъ между святыми отцами...

Съ Жандромъ мы видались часто. Разъ онъ говоритъ мнѣ: когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ умѣ своемъ переделалъ свою комедію, онъ написалъ такіе ужасные брульены, что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнѣйшее созданіе чуть не гибнетъ, я у него выпросилъ его полулисты. Онъ ихъ отдалъ съ совершенной безпечностью. У меня была подъ руками цѣлая канцелярія; она списала «Горе отъ ума» и обогатилась, потому что требовали множество списковъ. Главный списокъ, поправлен-

ный рукою самого Грибоѣдова, находится у меня. Вы почеркъ его знаете,—сомнѣнія не можетъ быть никакого. Баронъ Корфъ просилъ у меня мой экземпляръ для Императорской Публичной библиотеки, но я не далъ, потому что хочу, чтобы этотъ экземпляръ сохранился въ моемъ семействѣ¹⁾.

Нѣсколько разъ говорили мы о князѣ Александрѣ Одоевскомъ. «Князь Александръ,—сказалъ мнѣ Жандръ,—послѣ происшествія 14 декабря бѣжалъ, за нимъ былъ посланъ Василій Перовскій, человекъ чрезвычайно благородный; онъ видѣлъ въ Ораніенбаумѣ слѣды его по снѣгу, когда тотъ побѣжалъ изъ дому въ лѣсъ, но не рѣшился его преслѣдовать. Впрочемъ, его схватили. И я былъ схваченъ въ пальто, бобровой шапкѣ (какъ давшій свое платье князю Одоевскому); въ такомъ видѣ я былъ представленъ императору, въ пальто и въ бобровой шапкѣ. Государь спросилъ меня:

— Ты далъ князю Одоевскому одежду?

— Я.

— Ты участвуешь въ заговорѣ?

— Нѣтъ. Но я всѣхъ ихъ знаю.

— Ступай.

Послѣ государь меня жаловалъ, и лентъ и звѣздъ было дано много, и нерѣдко я имѣлъ такъ называемое счастье представляться Николаю Павловичу и обѣдать у него, особенно же часто въ Петербургѣ, гдѣ я почти всегда живу лѣтомъ, но никогда государь не сказалъ со мной ни одного слова; я видѣлъ милости, но видѣлъ и немилости, впрочемъ, мнѣ все равно. Хоть мнѣ дадутъ пятую, хоть шестую звѣзду, все это вздоръ. Я служилъ честно—и умру честно.

Разъ я сидѣлъ у Жандра особенно долго; старикъ разговаривался.

— Я помню тѣ времена, когда безъ портфелей ходили... старья времена, вы ихъ помнить не можете.

— Да въ чемъ же бумаги-то носили?—спросилъ я.

— Да въ бумагахъ же.

— А дождь, снѣгъ, вѣтеръ?

— Ну, такъ въ платокъ завяжутъ, или въ салфетку завернутъ, а о такихъ премудростяхъ, какъ портфели, и слухомъ не слышали, и видѣть не видали.

Я промолчалъ, потому что боялся, что отпущу глупость, вродѣ слѣдующей: «Да, подлинно доисторическія времена», и тѣмъ напомню старику его дѣйствительно преклонныя лѣта, что не всегда бываетъ пріятно. Жандръ особенно любитъ говорить о всемъ, что

¹⁾ Семья А. А. Жандра передала этотъ замѣчательный списокъ по моему просьбѣ «Музею имени А. С. Грибоѣдова» въ Москвѣ, гдѣ онъ и хранится.

Прим. Н. Шаломытова.

относится къ 14 декабря. Видимо, что онъ всѣмъ этимъ происшествіямъ сочувствуетъ и судить о нихъ, зная всю подноготную, какъ человѣкъ умный и благородный, т. е. осуждаетъ ¹⁾ ихъ.

— А вотъ я вамъ расскажу, какъ развивались передъ 14 декабря партія аристократическая и партія либеральная. Всѣмъ известна исторія дуэли между Черновымъ и Новосильцевымъ ²⁾. До такой степени общество было настроено въ смыслѣ идей демократическихъ и революціонныхъ, что все было противъ аристократіи, которая, какъ плоть какой-нибудь около дерева, всегда и всюду вилась около престоловъ. Отецъ Чернова былъ генераль-майоръ; у него было семь сыновей и одна дочь. Я знавалъ ее, она была очень хороша, можно сказать, красавица. Новосильцевъ влюбился и, уже сосватавшись и бывши женихомъ дѣвушки, такъ что онъ ѣздилъ съ ней вдвоемъ по городу, долженъ былъ измѣнить по волѣ строгой и безумной матери своему слову; она не позволила сыну жениться, потому что у Черновой имя было нехорошо—Нимфодора, Акулина или что-то вродѣ этого. Изъ-за этого вышла дуэль. Старикъ-генераль Черновъ сказалъ, что всѣ его семь сыновей стануть поочередно за сестру и будутъ съ Новосильцевымъ стрѣляться, и что если бы всѣ семь сыновей были убиты, то будетъ стрѣляться онъ, старикъ. Дѣло совершилось такъ: Новосильцевъ стрѣлялся съ старшимъ Черновымъ. Оба были ранены на смерть. Новосильцевъ умеръ прежде. Похоронный поѣздъ его, какъ аристократа, сопровождало великое множество каретъ,—повѣрить трудно; это взбудоражило всѣ либеральные умы; рѣшено было, когда Черновъ умеръ, чтобы за его гробомъ не смѣло слѣдовать ни одного экипажа, а всѣ, кому угодно быть при похоронахъ, шли бы пѣшкомъ,—и дѣйствительно, страшная толпа шла за этимъ, хоть и дворянскимъ, но все-таки не аристократи-

¹⁾ Этимъ выраженнымъ здѣсь личнымъ взглядомъ Д. А. Смирнова на дѣло 14 декабря можно объяснить многія недомолвки и неясности въ передачѣ данныхъ объ участіи А. С. Грибоѣдова въ декабристскомъ движеніи. Узнавъ отъ друга его, А. А. Жандра, что дѣйствительная степень участія Грибоѣдова въ заговорѣ 14 декабря была «полная», онъ даже не разспросилъ его, каковы же именно были политическіе взгляды А. С. Грибоѣдова. Былъ ли онъ республиканецъ, или конституціоналистъ. Въдѣ можно было, раздѣляя теоретически всѣ крайнія требованія декабризма, совершенно не надѣяться на ихъ осуществленіе, и, съ другой стороны, не зная даже программы, выполнять ее слѣпо, съ тѣмъ samozабвеніемъ, которое проявилъ, напримѣръ, В. К. Кюхельбекеръ. Не трудно, однако, догадываться, что Грибоѣдовъ, при всемъ складѣ ума своего, проницательнаго, критическаго и холоднаго *par excellence*, былъ сыномъ своего вѣка, былъ «пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ», по собственному его призванію и выраженію, и волна декабристскаго движенія захватила бы его вмѣстѣ съ Рылѣвымъ, Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ, если бы обстоятельства не забросили его въ глушь Кавказа въ самый разгаръ событій.

Н. Шаломытовъ.

²⁾ См. Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго, изд. 5.

чекимъ гробомъ,—человѣкъ 400. Я самъ шелъ тутъ. Это было что-то грандіозное.

Однажды Жандръ спросилъ меня:

— Читали вы когда-нибудь донесеніе слѣдственной комиссіи?

— Никогда его даже и не видывалъ.

— Какъ жаль! Оно у меня было и куда-то запропастилось: вѣдь у меня такое множество всякихъ бумагъ. Эта вещь, кажется, была писана для надувательства почтеннѣйшей публики, какъ будто публика дитя. Однако, знаете ли, что въ обществѣ была нѣкоторая надежда, что Николай проститъ или хоть не такъ тяжело накажетъ главныхъ лицъ заговора. Я въ это не вѣрилъ,— Николай никогда не прощалъ, и онъ ихъ преспокойно повѣсилъ. Въ тотъ самый день, когда ихъ повѣсили, нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ людей видѣли отца Рылѣва. Онъ былъ веселъ. Вотъ, стало быть, какъ сильна была надежда... За вѣрность этого факта я вполнѣ ручаюсь.

— Гдѣ ихъ вѣшали?

— Въ Петропавловской крѣпости.

— Вы были на этой человѣчественной церемоніи, Андрей Андреевичъ?

— Нѣтъ, не былъ. Гречъ былъ. Церемонія эта началась въ 5 часовъ утра, и къ 6 все было уже кончено. Потомъ этихъ несчастныхъ положили въ лодку, прикрыли чѣмъ-то, отвезли на одинъ пустынный островокъ Невы Голодай, гдѣ хоронятся самоубійцы, и тамъ похоронили. Мы на этотъ островокъ ѣздили...

— Что же вы тамъ нашли?

— Ничего, кромѣ кустовъ,—никакихъ слѣдовъ могилъ, только тутъ какой-то солдатикъ шатался... Мы его спрашивать не стали.

— Да,—повершилъ я нашъ разговоръ,—и бысть тогда же речено про царя Николая:

Недолго царствовалъ, да много куралесилъ,
Сто семь въ Сибирь сослалъ да пятерыхъ повѣсилъ.

VIII.

Первое знакомство съ Сосницкимъ. — Воспоминаніе о помощи Грибоѣдова Сосницкому лекарствами и его визитахъ въ 1815 году. — Случай при чтеніи у Н. И. Хмѣльницкаго «Горе отъ ума» ея авторомъ. — «Липецкія воды». — Гостепріимство и товарищество Сосницкаго.

Утромъ 3 мая (1858), часовъ около 9, отправился я къ Сосницкому, живущему неподалеку отъ меня—около Большого театра, на Екатерининскомъ каналѣ.

Черезъ служанку подаю хозяину слѣдующую записку: «Д. А. Смирновъ, владимирскій дворянинъ, племянникъ знаменитаго

Грибоѣдова, желаетъ имѣть честь познакомиться съ И. И. Сосницкимъ»¹⁾).

— Пожалуйте.

Почти у самыхъ дверей передней встрѣчаетъ меня старикъ довольно высокаго роста, сѣдой, съ живыми глазами и очень подвижными чертами лица.

Я рекомендуюсь. Онъ говоритъ обычное: «очень радъ съ вами познакомиться», но говоритъ это какъ-то непринужденно и особенно свободно. Я сразу вижу, что съ этимъ человѣкомъ тоже какъ-то свободно... Но, Боже мой, что это за любопытный человѣкъ! Это—живой архивъ и русскаго театра, и даже, частью, русскаго общества.

— Вы знали, Иванъ Ивановичъ, дядю моего лично?

— Грибоѣдова-то? Еще бы... Я вамъ скажу, что я былъ ему одно время очень обязанъ. Когда онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы (это было въ 1815²⁾, кажется, году), я былъ тогда молодымъ человѣкомъ, жилъ въ казенномъ домѣ и заболѣлъ. Грибоѣдовъ посѣщалъ меня очень часто, привозилъ мнѣ лекарства и все на свой счетъ³⁾.

— Грибоѣдовъ былъ вообще очень добраго характера.

— Да, но онъ бывалъ иногда строптивъ и вообще рѣзокъ. Хотите я вамъ расскажу одинъ случай, бывшій у меня именно передъ глазами?

— Сдѣлайте милость.

— Это было въ 1824 году. Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ первыми⁴⁾ актами своей комедіи, слухъ о которой уже ходилъ въ народѣ. Разъ встрѣчается онъ у меня съ извѣстнымъ комикомъ Хмѣльницкимъ. Тотъ говоритъ: «Александръ Сергѣевичъ, познакомьте меня съ вашей комедіей, о ней говорятъ». Грибоѣдовъ согласился. «Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать, тогда и почитаемъ. Я соберу нѣсколько человѣкъ общихъ добрыхъ пріятелей».

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Сосницкій (1794—1877)—«дѣдушка русской сцены», какъ написано на его мраморномъ бюстѣ, поставленномъ въ фойе Александринскаго театра, былъ сынъ капельдинера. Впервые выступилъ въ 1811 году въ молодой труппѣ кн. Шаховскаго. Первый большой успѣхъ имѣлъ въ 1815 году въ пьесѣ кн. Шаховскаго «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» и въ пьесѣ А. С. Грибоѣдова «Молодые супруги». Первенствующее положеніе Сосницкій пріобрѣлъ съ появленіемъ на сценѣ «Горе отъ ума» (1829), гдѣ онъ игралъ и Чацскаго, и Загорѣцкаго, и Репетилова. Последняя роль—одно изъ лучшихъ созданий артиста. Въ «Ревизорѣ» (1826) онъ создалъ роль Городничаго.

²⁾ А. С. Грибоѣдовъ уволенъ въ отставку изъ военной службы приказомъ 25 марта 1816 г.

³⁾ Это указаніе на помощь Грибоѣдова Сосницкому во время болѣзни оставалось доселѣ неизвѣстнымъ. Н. III.

⁴⁾ А. С. Грибоѣдовъ привезъ въ Москву первые два акта «Горе отъ ума», въ Петербургъ же онъ пріѣхалъ, имѣя всѣ четыре акта въ своемъ портфельѣ, правда, въ черновой, московской ихъ редакціи. Н. III.

лей». Назначили день и часъ, и нѣсколько человѣкъ собралось у Хмѣльницкаго. Тамъ были: Василій Каратыгинъ, Соцъ, я, другіе и въ томъ числѣ нѣкто Василій Михайловичъ Ѳедоровъ, человѣкъ очень умный, образованный, авторъ нѣсколькихъ слезныхъ и чувствительныхъ драмъ, которыя были когда-то во вкусѣ и духѣ своего времени и надъ которыми Ѳедоровъ самъ же смѣялся первый, отъ души и очень остроумно. Грибоѣдовъ пріѣхалъ, привезъ съ собою свою рукопись и такъ какъ ее переписывалъ какой-то канцелярскій чиновникъ, почеркомъ казеннымъ, крупнымъ, то рукопись была довольно толста. Грибоѣдовъ положилъ ее на столъ въ гостиной. Ѳедоровъ подошелъ, взялъ въ руки тетрадь, да и говорить:

— Эге! Таки увѣсисто. Стоитъ моихъ драмъ.

— Я глупостей не пишу, — рѣзко и съ сердцемъ отвѣчалъ Грибоѣдовъ, видимо, обидѣвшійся.

— Александръ Сергѣевичъ, я тутъ больше подшутилъ надъ собою, чѣмъ надъ вами, стало быть, больше обидѣлъ себя, а не васъ.

— Да вы и не можете меня обидѣть.

Рѣзкость этого тона на всѣхъ насъ, а особенно на хозяина, подѣйствовала какъ-то непріятно. Мы старались, что называется, «сгладить» все это происшествіе, — но не тутъ-то было: Грибоѣдовъ уперся и въ немъ, видимо, оставалось непріязненное чувство къ Ѳедорову.

Когда мы отобѣдали, подали кофе, Хмѣльницкій обратился къ Грибоѣдову съ словами:

— Теперь, Александръ Сергѣевичъ, можно бы, кажется, начать чтеніе?

— Я не буду читать, пока этотъ господинъ будетъ здѣсь, — отвѣчалъ Грибоѣдовъ, указывая на Ѳедорова.

Ѳедоровъ, видимо, переконфузился.

— Александръ Сергѣевичъ, — сказалъ онъ: — я ей-ей не думалъ васъ обидѣть.

— Да и не можете, я вамъ это уже говорилъ.

— Но видимо, что слова мои вамъ непріятны.

— Пріятнаго въ нихъ, точно, ничего нѣтъ.

— Если вамъ непріятно, то я прямо прошу у васъ извиненія.

— Не нужно. А читать при васъ я не буду.

— Такъ, стало быть, мнѣ остается только уйти, чтобы не лишать другихъ удовольствія слышать ваше сочиненіе.

— И благоразумно сдѣлаете.

Ѳедоровъ ушелъ. Черезъ часъ времени Грибоѣдовъ началъ чтеніе ¹⁾.

¹⁾ Ср. Записки Каратыгина, Спб. 1880, стр. 130, и въ воспоминаніяхъ А. М. Колосовой (Каратыгиной) въ «Р. Вѣстникѣ», 1881, № 4, стр. 587—588. — И. И. Сосницкій, бывшій самъ на литературномъ обѣдѣ у Н. И. Хмѣльницкаго, являете новымъ свидѣтелемъ истинности происшествія. Н. Ш.

Разговоръ мой съ Сосницкимъ о «Липецкихъ водахъ» см. въ особомъ отдѣлѣ: «Исторія Липецкихъ водъ»¹⁾.

Сосницкій принялъ меня такъ просто, прямо и радушно, какъ я и выразить не могу.

— Пожалуйста, приходите ко мнѣ запросто обѣдать; у меня простой русскій столъ, милости просимъ.

Разумѣется, что я не отказался.

Я забылъ вотъ что. Когда я проходилъ съ хозяиномъ рядъ комнатъ (Сосницкій живетъ по-барски, какъ немногіе въ Петербургѣ), мнѣ въ одной комнатѣ бросился прямо въ глаза портретъ М. С. Щепкина. «А,—подумалъ я,—это отлично хорошо рекомендуетъ хозяина, какъ человѣка: стало быть, тутъ нѣтъ соперничества, а товарищество».

Въ среду—это будетъ 7 мая—пойду обѣдать къ Сосницкому.

IX.

Мнѣніе автора о цѣнности записокъ по театру И. И. Сосницкаго и М. С. Щепкина.—«Липецкія воды». — Печатная война изъ-за нихъ. — Стихи Грибоѣдова по этому поводу. — Нападки М. Н. Загоскина на Грибоѣдова въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ». — «Лубочный театр». — Отказъ печатать эти стихи и 1000 списковъ ихъ. — Поѣздка автора къ Сосницкому въ Павловскъ 3 іюня 1858 г. — Хлѣбосоольство Сосницкаго. — Въ вагонѣ желѣзной дороги на обратномъ пути изъ Павловска.

Несчастная и продолжительная болѣзнь моя мнѣ по всему очень много напортила и напутала. Не успѣлъ я прочесть всего по Публичной бібліотекѣ, хотя это все было бы, можетъ быть, просто уже роскошью. Но главное — напортила и напутала она мнѣ именно въ отношеніи къ Сосницкому, потому что мнѣ удалось видѣть этого чрезвычайно замѣчательнаго человѣка только два раза—при пріѣздѣ да при отъѣздѣ моемъ. Сосницкій, какъ я очень справедливо написалъ какъ-то женѣ,—живая лѣтопись не только русскаго театра, но въ нѣкоторой, разумѣется, степени и русскаго общества. Сколько поколѣній, сколько идей, стремленій, вѣрованій, наклонностей общественныхъ, сколько замѣчательныхъ людей прошло передъ его глазами! Онъ и Щепкинъ—да это два сущіе клада. Говорятъ, что Щепкинъ написалъ записки, но хочеть, чтобы онѣ были изданы послѣ его смерти, а Сосницкій, вѣрно, ничего не написалъ, потому что самъ мнѣ признавался, что лѣнивъ до крайности... При томъ же жизнь артиста, даже въ

¹⁾ Въ бумагахъ Д. А. Смирнова не сохранилась.

нашей смиренной вѣрнопопданнической Россіи—жизнь по преимуществу свободная, веселая, живая, рѣшительно антипатичная всему, что отзывается перомъ, терпѣньемъ, кабинетнымъ трудомъ. Когда этимъ господамъ писать? Имъ надо или играть, или гулять... Напиши и издай свои записки Сосницкій,—онъ бы рѣшительно обогатился: эту любопытную книгу, которая какъ бы ни была плохо написана, но по своему общественному соціальному характеру была бы гораздо любопытнѣе «Семейной хроники» или «Первыхъ годовъ Багрова-внука» Аксакова, раскупили бы на расхватъ.

Сосницкій, въ молодости своей, принадлежалъ не къ сценической, а къ балетной труппѣ,—онъ танцевалъ. На драматическую сцену выступилъ онъ въ первый разъ въ «Липецкихъ водахъ» князя Шаховского ¹⁾. Я гдѣ-то записалъ, что въ наше время трудно и повѣрить тому огромному успѣху или уяснить себѣ разумно причину такого успѣха, который имѣла въ свое время эта изъ рукъ вонъ плохая комедія Шаховского. Это совершенно справедливо. Сосницкій объясняетъ причину ея успѣха тѣмъ, что тутъ Шаховской подобралъ все молодыхъ, новыхъ и свѣжихъ артистовъ и что при представленіи ея въ первый разъ была оставлена натянута, декламаторская дикція, которой придерживались даже и въ комедіи. Нѣтъ, этого мало. Видно (т. е. не видно, а надо думать), что комедія затронула какіе-нибудь общественные интересы или интересныя общественныя личности (какъ при этомъ словѣ не вспомнить Жандра), потому что произвела такой фуроръ, такія горячія партіи ро и сонга, такую забавную печатную и письменную войну, поконченную стихами Грибоѣдова, которые, хоть и не вполнѣ, но прочелъ мнѣ С. Н. Вѣгичевъ. Они называются «Приказъ Феба». Фебъ, которому изъ-за «Липецкихъ водъ» порядочно надоѣли, объявляетъ,

Что споры всѣ о «Липецкихъ водахъ»,
Въ хулу и похвалу, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Написаны и преданы тисненью—
Не по его велѣнью ²⁾.

Вотъ какъ далеко зашло общественное движеніе и журнальная драка. Это у насъ бываетъ рѣдко, и подобными фактами мы никакъ пренебрегать не смѣемъ, да и не такое теперь время. Те-

¹⁾ «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» поставлена въ первый разъ на сценѣ Малаго театра 23 сентября 1815 г., а 29 сентября того же года на этой сценѣ шла первая пьеса А. С. Грибоѣдова «Молодые супруги», въ которой главную роль игралъ тотъ же И. И. Сосницкій съ знаменитой Е. С. Семеновою и Брянскимъ.
Н. Ш.

²⁾ Стихотвореніе это называется «Отъ Аполлона» и напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., ноябрь, № 45, стр. 266. Собр. соч. Грибоѣдова, т. II, стр. 40.

перь очень дорого цѣнить всякій, хоть сколько-нибудь живой отголосокъ прошлаго. Самые ясныя слѣды этой журнальной драки можно найти въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» за 1817 годъ, журналъ Загоскина, страшнаго и не совсѣмъ, кажется, честнаго поклонника Шаховскаго, журналиста и писателя жалкаго, надъ которымъ довольно остроумно и рѣзко смѣялись въ «Сынѣ Отечества» того же времени, а особенно одинъ господинъ, какая-то «буква ъ» (о, блаженныя старыя времена, времена Лужницкихъ старцевъ, Ювеналовъ Правосудовыхъ и Юстовъ Вередниковыхъ...), преслѣдовавшій Загоскина безъ пощады. Загоскинъ, какъ извѣстно, никогда не отличался большими умственными способностями, а это для всякаго антагониста подобнаго чловѣка—нѣкій кладъ, потому что стоитъ только задѣть за живое подобнаго господина, и онъ сейчасъ же, къ всеобщему удовольствію, примется бодаться приравненными ему рогами и никакъ не уgomонится сразу, а все будетъ продолжать—и, разумѣется, что ни шагъ, то какъ чортъ въ лужу... что ни шагъ, то все больше и больше затесывается въ болото. Случается иногда, что и эти господа сами задѣваютъ, затрогиваютъ другихъ, и, конечно, расплачиваются очень горькимъ для себя образомъ. Такъ случилось съ Загоскинымъ: онъ задѣлъ Грибоѣдова (бездѣлица!), указавши въ своемъ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» на два, по его мнѣнію, плохіе стиха въ комедіи Грибоѣдова «Своя семья»; сказавши, что

. . . . . подобныя стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи...

Искра попала въ порохъ. Грибоѣдовъ написалъ сейчасъ же свой «Лубочный театръ» (который, спасибо ему, тысячу разъ спасибо, мнѣ доставилъ Сосницкій) и сгоряча привезъ его къ кому-то изъ издателей журнала напечатать. «Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ,—говоритъ ему издатель:—развѣ подобныя вещи печатаются: это чистыя голыя личности».—«Такъ нельзя напечатать?»—«Нѣтъ, никакъ нельзя».—«Хорошо же».—Черезъ нѣсколько дней по Петербургу черезъ знакомыхъ, знакомыхъ знакомыхъ и проч. и проч. разошлось около тысячи рукописныхъ экземпляровъ «Лубочнаго театра». Загоскинъ былъ поднятъ на смѣхъ.

Послѣ тяжелой, трудной моей болѣзни первый мой выходъ былъ къ Сосницкому. Воздухъ, на который я не выходилъ такъ долго, произвелъ на меня сначала, какъ какое-нибудь наркотическое, одуряющее, опьяняющее дѣйствіе... Сосницкій живетъ на дачѣ въ Павловскѣ: что будешь дѣлать. Я оставилъ у него письмо, о содержаніи котораго не трудно догадаться. Черезъ нѣсколько дней получаю отвѣтъ, который здѣсь прилагаю ¹⁾). Разумѣется, я

¹⁾ Въ бумагахъ Д. А. Смирнова не сохранился.
«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1909 г., т. сxvi.

пошелъ за «Лубочнымъ театромъ» сейчасъ же и съ этой драгоценностью къ Жандру. То, что сказалъ о «Лубочномъ театрѣ» Жандръ ¹⁾, записано у меня въ другомъ мѣстѣ.

Июня 3, по совѣту Іакинеа ²⁾, я, собравши кое-какъ мои плохія си-лишки, самъ отправился въ Павловскъ... Неудачнѣй этой поѣздки рѣдко даже и со мною, неудачнымъ человѣкомъ, бывало. Начать съ того, что я встрѣтилъ самого Сосницкаго на петербургскомъ дебаркадерѣ Царскосельской дороги, и это еще очень хорошо, потому что избавило меня отъ крайне горькой и рѣдко кому извѣстной необходимости отыскивать дачу. Если и въ городѣ бываетъ подчасъ трудно отыскать иной домъ, то едва ли что можетъ сравниться съ горемъ отыскивать дачи—и это всюду такъ, и около Москвы, и около Петербурга. Я все надѣялся, что проведу съ Сосницкимъ цѣлый вечеръ и, пожалуй, многого наслушаюсь. Не тутъ-то было. Приѣзжаемъ—у него толпа гостей, его давно ожидающихъ и уже во всѣхъ отношеніяхъ порядочно закусившихъ и «пропустившихъ»... Eine lustige Gesellschaft. Подали запросто такой славный обѣдъ, что, судя по петербургскимъ цѣнамъ... видно, что Сосницкій живетъ хорошо, если можетъ подавать такіе обѣды на неожиданное и довольно большое для холостяка число гостей—запросто. Я ничего не ѣлъ, ибо закусилъ прежде, по-своему, по большому. Съѣлъ, правда, кусокъ жаркого и таки влили въ меня стаканъ краснаго вина. Шампанскаго, котораго было много, я не пилъ: не люблю и боялся. Говорить о чемъ-нибудь, разумѣется, никакой возможности. Сосницкій успѣлъ только мнѣ подтвердить свои прежнія слова о томъ, какъ Загоскинъ задѣлъ Грибоѣдова. Это подтвержденіе было мнѣ тѣмъ особенно важно, что, какъ ни внимательно просматривалъ я «Сѣверный Наблюдатель»—не могъ найти того, о чемъ два раза говорилъ мнѣ Сосницкій... Надо хоть послѣ, а добраться непременно, потому что это хорошій фактъ въ матеріалахъ для біографіи Грибоѣдова; кромѣ того, Сосницкій вполнѣ подтвердилъ мнѣ справедливость словъ Жандра о прежнихъ трудныхъ театральныхъ временахъ, о томъ, какъ Сушковъ и Каратыгинъ высидѣли въ крѣпости и проч. Но все это было при самомъ прощаніи. Мы расцѣловались и обнялись. Раздосадованный неудачей, я былъ еще, кромѣ того, раздосадованъ тѣмъ, что мнѣ пришлось возвратиться въ Петербургъ, чуть не сидя на корточкахъ, т. е. по крайней мѣрѣ на самомъ кончикѣ лавки. Вотъ какъ это случилось: я вошелъ въ вагонъ поздно, мѣста всѣ заняты.—«Да гдѣ же?» спрашиваю я довольно сердито у кондуктора. «Да они должны сойти съ мѣста», гово-

¹⁾ См. выше, стр. 135.

²⁾ Іакинеъ Ивановичъ Шипкинъ, родственникъ Д. А. Смирнова, жившій въ Петербургѣ.

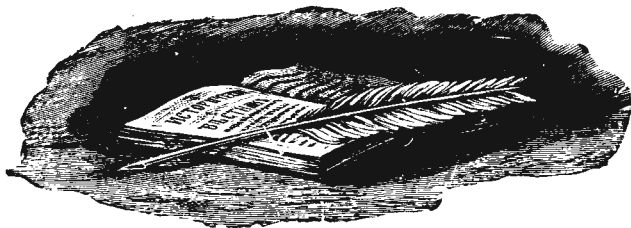

рить онъ, указывая на восьмилѣтняго мальчика... «Оставайся», говоритъ ему сидящая противъ него мать—старая, скверная, какая-то стянутая, набѣленная и нарумяненная харя съ болонкой. Что тутъ прикажете дѣлать? Въ драку, что ли, съ дамою вступить? Пришлось *faire bonne mine au mauvais jeu!* «*Ne vous inquietez pas, m-me, nous serons très bien avec votre petit tous les deux... Je suis moi-même père de famille*». Какое къ чорту *très bien*: совершенно *très mal*. И хотя бы харя сказала хоть слово любезности за это, одно изъ тѣхъ словъ, которыя ровно ничего не стоятъ и обозначаютъ лицо принадлежащимъ къ порядочному кругу. Впрочемъ, послѣ: «онъ васъ беспокоитъ?»—«Нѣтъ-съ, нисколько». Много было въ вагонѣ и разныхъ модницъ—все почти съ французскими языками и съ собачкой. Такимъ образомъ, вернулся я въ Петербургъ ни съ чѣмъ¹⁾, проклиная модницъ, французскій языкъ, а всего болѣе рычащихъ и шипящихъ собачекъ...

Черезъ нѣсколько часовъ я ѣду. Сообщить ли мнѣ что-нибудь Щепкинъ, для котораго одного я заѣзжаю въ Москву?

Слб. іюня 5-го, 1858, около 9-ти час. утра.

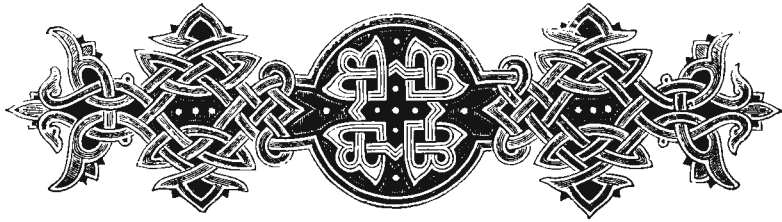
Д. А. Смирновъ.

¹⁾ Впослѣдствіи Д. А. Смирновъ уже у себя въ имѣніи получилъ «нисколько не ожидаемый большой и толстый пакетъ» отъ И. И. Сосницкаго. «Въ пакетѣ письмо, самое обязательное, и—драгоцѣнность, которую вамъ поставлю себѣ обязанностью показать». (См. неизданное письмо Д. А. Смирнова князю В. Ф. Одоевскому отъ 6-го декабря 1858 г. въ рукописномъ отдѣленіи императорской Публичной бібліотеки). «Нашему комику И. И. Сосницкому я столько обязанъ, что и передать вамъ не могу»,—пишетъ Смирновъ ему же по этому поводу «*il a deterré pour moi de telles choses, qui ne sont connues de personne*».

Н. Ш.

11*

В. К. ПЛЕВЕ ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

(Воспоминанія студента духовной академіи 1902 г.).

ВЪ ПЯТНИЦУ страстной седмицы на площадкѣ лѣстницы академическаго корпуса я встрѣтился съ о. инспекторомъ академіи ¹⁾).

— А васъ требуетъ къ себѣ преосвященный ректоръ ²⁾, — озадачилъ онъ меня, и быстро прошелъ далѣе.

«Что за притча? — подумалъ я: — попусту ректоръ не станетъ вызывать, а дѣла я никакого не вижу и художествъ за собой не чувствую». Спѣшно натягиваю студенческой мундиръ и по широкой красивой лѣстницѣ не безъ волненія поднимаюсь во второй этажъ прежняго елизаветинскаго дворца, гдѣ находится квартира преосвященнаго.

— Г. Лебедевъ, — привѣтствуетъ меня ректоръ: — вы знаете, зачѣмъ я васъ позвалъ?

— Нѣтъ, ваше преосвященство.

— Вы слышали, что въ настоящее время въ лаврѣ новый министръ внутреннихъ дѣлъ?

— Да, слышала.

Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно, что министръ Вячеславъ Константиновичъ Плеве, только что получившій высокое назначеніе, прибылъ наканунѣ въ лавру съ намѣреніемъ говѣть и, какъ

¹⁾ Преосв. Евдокимъ, нынѣ ректоръ московской духовной академіи.

²⁾ Преосв. Арсеній, теперь архіепископъ псковскій.

говорили, получить отъ гроба пр. Сергія благословеніе на опаснѣйшій постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Передавали, что министръ былъ въ монастырѣ на выносѣ плащаницы, и я жалѣлъ, что пропустилъ случай видѣть человѣка, которому было такъ много дано.

— Сейчасъ половина седьмого,—продолжалъ владыка:—ровно въ семь у насъ ударятъ ко всенощной, вы вмѣстѣ со своимъ товарищемъ В. отправитесь въ митрополичьи покои, гдѣ остановился министръ, представитесь ему и отъ моего имени пригласите его къ службѣ. Тамъ уже предупреждены о васъ и не задержатъ. Вячеславъ Константиновичъ прекрасно освѣдомленъ обо всемъ, что у насъ, въ академіи, и знаетъ, что было предъ Рождествомъ¹⁾. Имѣйте это въ виду. Вы будете сопровождать министра до церкви, быть съ нимъ за службой и давать ему объясненія.

Спросивъ затѣмъ, извѣстно ли мнѣ, какъ титуловать министра, давши инструкцію, какъ провести его въ академическую церковь и гдѣ стоять съ нимъ, ректоръ выразилъ надежду, что мы съ честью выполнимъ лестное для насъ порученіе, и отпустилъ меня, наказавъ послать къ нему товарища В., все еще не являвшагося.

Узнавши о данномъ намъ ректоромъ порученіи, товарищи не отнеслись къ этому пассивно: было замѣтно удовольствіе по поводу довѣрія, выраженнаго въ нашемъ лицѣ всѣмъ студентамъ, были и другого рода чувства... но всѣ одинаково любопытствовали видѣть въ своей церкви министра и ждали всенощной, которая должна была совершиться не при обычной обстановкѣ. Насъ напутствовали наказомъ: высоко держать знамя академіи и, Боже избави, ничѣмъ не ронять ея престижа.

Ровно въ семь часовъ мы съ товарищемъ В. мчались по академическому саду, направляясь къ митрополичьимъ покоямъ, что за Троицкимъ соборомъ. Дорогой встрѣчаемся съ профессоромъ Б. Н. Мышцынымъ.

— Вы куда, господа?—окликаетъ онъ насъ.

— Къ министру,—говоримъ мы:—подать отъ студентовъ петицію.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—тревожится профессоръ.

Тогда мы наскоро передаемъ порученіе ректора. В. Н. успокаивается, произноситъ многозначительное: «а, это другое дѣло», и мы спѣшимъ далѣе. На громадномъ лаврскомъ дворѣ сотни богомольцевъ. Стояли весенніе заморозки. Мы были въ однихъ мундирахъ и фуражкахъ, съ шарфиками на шеѣ. На широкой лѣстницѣ митрополичьихъ покоевъ добрый десятокъ жандармовъ. Насъ окружа-

¹⁾ Студенты волновались, будучи недовольны инспекторомъ архимандритомъ Иннокентіемъ.

ють и торопливо спрашиваютъ: почему и зачѣмъ? Мелькаетъ штатскій костюмъ господина въ усахъ. «Пройдите въ пріемную», слышимъ мы, и переходимъ въ небольшую комнату съ двумя открытыми по бокамъ дверями. Черезъ одну изъ нихъ мы видимъ представительнаго господина съ сѣдоватыми усами, читающаго телеграммы. Къ намъ выходитъ небольшого роста полковникъ, лѣтъ 30, здороваясь, называетъ себя, но такъ невнятно, что мы не разобрали.

«Министръ или нѣтъ?» — колеблемся мы, но онъ разрѣшаетъ наше сомнѣніе, говоря: «господинъ министръ сейчасъ выйдетъ». Полковникъ оказался состоящимъ при министрѣ А. Н. Замятинѣ, убитымъ впоследствии на Столыпинской дачѣ на Аптекарскомъ. Читавшій депеши, Вячеславъ Константиновичъ Плеве, это былъ онъ, свертываетъ ихъ и твердой неспѣшной походкой направляется къ намъ. На немъ черный камгаровый сюртукъ и широкій черный галстукъ. Министръ средняго роста, крѣпокъ, спокоенъ, немного медлтеленъ.

— Ваша фамилія? — спрашиваетъ онъ товарища, здороваясь съ каждымъ изъ насъ:—ваша?—обращается также ко мнѣ.

Мы представились.

— Гдѣ ваша родина?

Разсказываемъ.

— Такъ преосвященный приказалъ поспѣшить намъ ко всеобщей?—шутливо говоритъ Вячеславъ Константиновичъ.

Мы, улыбаясь, исправляемъ форму приглашенія.

— А у васъ давно введена эта форма? — показываетъ Плеве на мундиры.

— Уже 6 лѣтъ.

— При Сперанскомъ студенты духовной академіи ходили, кажется, въ подрясникахъ? — полувопросительно относится онъ къ намъ.

Никто изъ насъ не знаетъ, какъ тогда ходили, а потому мы отдѣлываемся неопредѣленнымъ отвѣтомъ.

— Чтобы не опоздать ко всеобщей, мы сейчасъ идемъ, — говоритъ Вячеславъ Константиновичъ, выходитъ изъ пріемной и не болѣе чѣмъ черезъ три минуты въ весеннемъ пальто и черной шляпѣ, сопровождаемый нами, спускается съ лѣстницы митрополичьихъ покоевъ.

— Я вижу, господа,—говоритъ онъ намъ:—вы носите шарфики. Я, знаете, тоже раньше носилъ ихъ, и у меня нерѣдко болѣло горло, затѣмъ рѣшилъ болѣе ихъ не надѣвать, и, представьте, я теперь никогда не страдаю болѣзнию горла.

Люди опытные болѣе насъ въ умѣннѣ ловить моментъ, вѣроятно, съ легкой руки Плеве тутъ же порѣшили бы разстаться съ платками и положили ихъ въ карманъ, но мы, по простотѣ

сердечной, и не подумали сдѣлать этого. Вышли на монастырскій дворъ и пошли по асфальтовой дорожкѣ, направляясь къ ректорской квартирѣ. Шагахъ въ 10 отъ насъ шель какой-то молодой человекъ, лѣтъ 25, и тутъ же личность въ котелкѣ, еще далѣе адъютантъ министра и жандармскій офицеръ.

— Вы, господа, не знакомы съ моимъ сыномъ?—прервалъ разговоръ Плевѣ, и обернулся, чтобы представить насъ шедшему сзади Константину Вячеславичу, на котораго до тѣхъ поръ мы не обратили вниманія, не предполагая въ немъ сына Плевѣ.

Тогда одинъ изъ насъ пошелъ съ сыномъ, другой съ отцомъ. Многочисленные богомольцы не обратили никакого вниманія на Вячеслава Константиновича, не подозрѣвая въ немъ министра, про прїѣздъ котораго, однако, многіе слышали. Дорогой Плевѣ спрашивалъ о монастырскихъ историческихъ древностяхъ. Ему былъ показанъ Троицкій соборъ, по преданію, первоначально выстроенный ученикомъ пр. Сергія, Никономъ. Обратили вниманіе на красивую лаврскую колокольню, выстроенную, какъ говорятъ, знаменитымъ Растрелли. Вячеславъ Константиновичъ сказалъ, что она напоминаетъ ему Парижскій соборъ Богоматери. Рисунки собора я видѣлъ и, помнится, не нашелъ почти ничего общаго съ колокольней лавры, поэтому слова Вячеслава Константиновича меня удивили. Возможно, что и я что-нибудь тутъ не понялъ.

Плевѣ мы провели въ церковь особымъ ходомъ, черезъ анфиладу ректорскихъ комнатъ. Личность въ котелкѣ помогла министру и его сыну снять пальто и неотступно прослѣдовала за нами въ церковь.

Народъ разступился, заволновался, узнавъ министра. На правой сторонѣ церкви, сбоку студенческихъ рядовъ, для Плевѣ было отведено огороженное, вродѣ клироса, инспекторское мѣсто. Его занялъ министръ съ сыномъ. Мы стали вблизи, съ лѣвой стороны, за нами, шагахъ въ семи, адъютантъ, полицеймейстеръ посада, жандармскій офицеръ. Въ церкви было много народу и очень душно. Богослуженіе при преосвященномъ Арсеніи отличалось особой торжественностью и даже пышностью, а всенощная подъ Страстную субботу, какъ извѣстно, самая лучшая, печальная, трогательная. Кромѣ епископа-ректора, въ богослуженіи принимали участіе архимандритъ-инспекторъ, его помощникъ, многочисленное духовенство изъ студентовъ, за протодіакона служилъ лаврскій іеродіаконъ Флавіанъ. Упоминаю о немъ потому, что относительно него Вячеславъ Константиновичъ задалъ довольно наивный вопросъ.

Когда епископъ въ сопровожденіи двухъ иподіаконовъ обходилъ съ кажденіемъ церковь, Вячеславъ Константиновичъ попросилъ:

— Покажите мнѣ студента, который раньше былъ директоромъ фабрики въ Орѣховѣ-Зуевѣ, а теперь принялъ монашество.

Мы указали ему на одного изъ иподіаконовъ, о. Леонида Сѣнцова, нашего однокурсника.

— А скажите,—спрашивалъ въ другой разъ Вячеславъ Константиновичъ:—когда это за службой священники мѣняютъ черныя одежды на бѣлыя?

— Это будетъ завтра за обѣдней.

— Почему же это такъ дѣлается?

Я рассказалъ о содержаніи субботняго евангелія, а товарищъ напомнилъ прокимень: «Воскресни...» Плеве, повидимому, удовлетворился нашими объясненіями. Во время одной эктени протодіакона Вячеславъ Константиновичъ, наклоняясь въ нашу сторону, освѣдомился:

— Это тоже профессоръ академіи?

Сдерживая улыбку, В. пояснилъ:

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, это простой лаврскій іеродіаконъ, онъ приглашается служить въ академической церкви во время архіерейскаго служенія.

Въ погребальномъ шествіи вокругъ церкви Вячеславъ Константиновичъ не участвовалъ и первый разъ за всю продолжительную службу присѣлъ отдохнуть на поставленный для него стулъ. Служба шла не менѣе 3¹/₂ часовъ. Министръ выстоялъ ее до конца и не было замѣтно, чтобы онъ былъ утомленъ. Предъ самымъ окончаніемъ богослуженія пошли прикладываться къ плащаницѣ. Слышу сзади голосъ адъютанта:

— Ну, ужъ и постоялъ я сегодня, сроду постольку не приходилось молиться. Неужели бывають службы еще длиннѣе?

— А вы подите сегодня ночью въ Троицкій соборъ,—предлагаю ему:—вотъ тамъ куда долѣе нашего служить.

Приложившись къ плащаницѣ, пошли черезъ ректорскіе покои.

Преосвященный, быстро разоблачившись, успѣлъ лично проводить до лѣстницы Вячеслава Константиновича, шутя извинялся, что затомилъ его службой, и, помнится, предлагалъ гостямъ чаю, но Вячеславъ Константиновичъ поблагодарилъ и, ссылаясь на утомленіе, сталъ прощаться. Мы было предложили проводить его до митрополичьихъ покоевъ, но онъ, взглянувъ на наши скуртуки, сказалъ:

— Что вы, что вы, господа, тамъ было такъ жарко, а на дворѣ холодно: вы, по меньшей мѣрѣ, рискуете получить инфлуэнцу.

Министръ какъ бы не замѣчалъ жандармскаго офицера, который слѣдовалъ за нимъ въ одномъ мундирѣ. Адъютантъ былъ въ военномъ пальто. Когда мы, простившись съ Вячеславомъ Константиновичемъ, вернулись въ свою занятную комнату, насъ окружили товарищи и, пересыпая свои вопросы остротами, разузнавали отъ насъ, о чемъ говорилъ министръ. Вопросы его о перемѣнѣ черныхъ одеждъ на бѣлыя и о протодіаконѣ-профессорѣ особенно шумно привѣтствовались. Многіе удивлялись, что министръ, родив-

шійся въ русскомъ бѣдномъ семействѣ, въ глубинѣ Россіи ¹⁾, слабовато зналъ обрядовую сторону православной службы. Другіе приводили въ примѣръ Л. Н. Толстого, который, несмотря на близкое изученіе имъ православія, на постоянную жизнь съ народомъ, не силенъ въ знаніи ритуальной стороны православія и въ романѣ «Воскресеніе» отправляетъ тетушекъ къ обѣднѣ причащаться въ Страстную пятницу, когда не бываетъ обѣдни. Тутъ же въ разговорахъ со студентами я узналъ, что Вячеславъ Константиновичъ нынѣ не первый разъ въ нашей академіи: въ этотъ же день, послѣ царскихъ часовъ, онъ былъ съ визитомъ у преосвященнаго ректора, довольно долго бесѣдовалъ съ нимъ объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ въ академіи, подробно спрашивалъ о профессорахъ, студентахъ, свѣтскихъ и монашествующихъ. Бесѣда касалась нѣкоторыхъ «печальныхъ» явленій современной жизни, явленій, которыя, «къ сожалѣнію», затрогиваютъ и учащуюся молодежь. При этомъ Плева сказалъ ректору: «Вы стоите во главѣ такого заведенія, которое должно быть устоемъ среди колеблющейся вокругъ почвы». Осмотрѣвши актовъ академическій залъ, замѣчательный своимъ древне-русскимъ стилемъ и лѣпнымъ потолкомъ, изображающимъ «Дѣянія Петра Великаго», Вячеславъ Константиновичъ изъявилъ желаніе быть за всеобщей, что, какъ мы видѣли, и выполнилъ.

Мы полагали, что наше адъютантство при Вячеславѣ Константиновичѣ Плева этимъ и закончится, поэтому наканунѣ Пасхи я записался въ пѣвчіе самаго жалкаго хора студентовъ, которые пожелали пѣть пасхальную утреню въ плохенькой посадской богадѣльнѣ. Хорошо помню, какъ въ лавру, освѣщенную фонарями и колеблющимися огнями плошекъ, въ началѣ 12 ч. ночи со всѣхъ сторонъ стали съѣзжаться экипажи, полные разряженныхъ дамъ и мужчинъ, одѣтыхъ элегантно, а мы, студенты пѣвчіе, на двухъ развинченныхъ дрогахъ, запряженныхъ клячами, съ грохотомъ и звономъ тряслись изъ лавры въ богадѣльню, на край города. Въ убогой обстановкѣ, среди двухъ десятковъ убогихъ же старушекъ и стариковъ, въ 11³/₄ начали мы пасхальную заутреню. Служилъ нашъ же студентъ священникъ. Пѣли мы изъ рукъ вонъ плохо. Служба шла чрезвычайно быстро и кончилась менѣе, чѣмъ въ часъ. Вернувшись въ академію, я засталъ заутреню чуть ли не на половинѣ. Народу масса. Вся правая сторона церкви была занята профессорскими семействами, посадской интеллигенціей и немногими студентами. Блескъ, свѣтъ, тѣснота, бѣлые костюмы дамъ, фраки и мундиры мужчинъ — полный контрастъ богадѣльнѣ.

Въ концѣ утрени меня разыскалъ товарищъ В.

¹⁾ Вячеславъ Константиновичъ сынъ смотрителя уѣднаго городского училища въ городѣ Мещовскѣ Калужской губерніи.

— Пойдемте скорѣе въ Троицкій соборъ, о ректоръ опять посылаетъ насъ пригласить министра въ обѣднѣ и велѣлъ передать, что она пройдетъ часа полтора.

Пробираемся по лаврскому двору, полному богомольцевъ, едва протискиваемся къ боковымъ дверямъ Троицкаго собора. Магическія слова: «Къ министру отъ ректора академіи», очищаютъ намъ дорогу, жандармы содѣйствуютъ. Въ темномъ небольшомъ соборѣ, противъ амвона, совершенно свободно. Впереди стоитъ министръ съ сыномъ, далѣе та же свита. Утренняя кончается; читаютъ слово Златоуста, и намѣстникъ Павелъ, полуслѣпой, спѣшитъ похристосоваться съ Вячеславомъ Константиновичемъ Плева. Облобызавшись трижды съ намѣстникомъ и казначеемъ лавры, Вячеславъ Константиновичъ такимъ же порядкомъ христосуется съ сыномъ, Замятинымъ, полицеймейстеромъ, жандарскимъ офицеромъ, а потомъ, услыхавъ о нашемъ приходѣ, подошелъ и къ намъ христосоваться. Мы передаемъ ему порученіе преосвященнаго. Онъ такъ же охотно, какъ и первый разъ, одѣлся и пошелъ изъ собора въ академію. Товарищъ шелъ съ Плева, а я съ его сыномъ и полковникомъ Замятинымъ. Поднялись въ ректорскую квартиру. Келейникъ сказалъ, что утренняя кончилась, и обѣдня сейчасъ начнется, поэтому мы прошли прямо въ церковь. Среди молящихся произошло движеніе, даже большее, чѣмъ въ пятницу, можетъ быть, потому, что на этотъ разъ министръ былъ въ мундирѣ съ александровской лентой и брильянтовой звѣздой. Служба идетъ. Прислушиваемся и со смущеніемъ замѣчаемъ, что читается то же слово Златоуста, которое прежде Плева слышалъ въ Троицкомъ соборѣ. Утренняя, слѣдовательно, не окончилась. Переглянувшись съ товарищемъ между собою, мы рѣшаемся сказать объ этомъ Плева.

— Ваше высокопревосходительство, оказывается это еще утренняя,—говорю я:—не угодно ли вамъ будетъ отдохнуть до обѣдни въ покояхъ преосвященнаго.

— Прекрасно,—соглашается Вячеславъ Константиновичъ:—а то здѣсь прямо нечѣмъ дышать.

Дѣйствительно, въ церкви было чрезвычайно душно. Преосвященный ректоръ предупредилъ насъ, что наша обязанность не только сопровождать министра и давать ему объясненія, но и быть его—ректора—представителями, когда ему самому нельзя будетъ принять министра, распорядиться его квартирой. Мы провели Вячеслава Константиновича въ гостиную. Замѣтивъ вокругъ круглаго стола множество креселъ, разставленныхъ въ строгомъ порядкѣ, Плева спросилъ, улыбаясь:

— Почему это такъ чинно кресла разставлены?

Я выразилъ предположеніе, что кресла приготовлены для господъ профессоровъ, которые въ этотъ день будутъ у преосвященнаго. Плева и сынъ его сѣли. Адъютантъ сказалъ, что пойдетъ

въ церковь, и вышелъ. Мы съ товарищемъ остались въ гостиной и нѣсколько минутъ находились въ затрудненіи: уходить намъ въ другую комнату, или оставаться въ гостиной. Торчать, стоя, было какъ-то неловко, сѣсть же безъ приглашенія тоже не рѣшались, такъ какъ все же мы не были настоящими хозяевами квартиры. Изъ неловкаго положенія насъ вывелъ Константинъ Вячеславичъ, сынъ Плевѣ.

— Папа, будь хозяиномъ,—сказалъ онъ.

— Садитесь, господа, садитесь, — какъ бы выходя изъ задумчивости, пригласилъ насъ Вячеславъ Константиновичъ.—Скажите, господа,—началъ онъ:—какой современный журналъ у васъ, среди студентовъ, наиболѣе популярень?

Мы насторожились. «Гм...—думаемъ себѣ,—самое трудное мѣсто нашей роли, кажется, еще только начинается. Не провалиться бы».

— «Міръ Божій»,—отвѣчаетъ, немного подумавъ, товарищъ.

— А,—замѣчаетъ Вячеславъ Константиновичъ,—это политико-экономическій журналъ.

— Онъ, ваше высокопревосходительство, еще такъ симпатично озаглавивается: «для юношества».

— Не помните ли вы,—продолжаетъ Плевѣ,—«Очерки по исторіи русской культуры» Милюкова тамъ продолжаютъ печатать?

— Теперь уже третья часть ихъ вышла особымъ изданіемъ,—говоримъ мы.

— Почему же это я не получилъ?—недоумѣваетъ Вячеславъ Константиновичъ.—Я просилъ прислать мнѣ. Развѣ прислали въ то время, когда я жилъ на дачѣ?

Видно было, что оригинальныя по тому времени мысли «Очерковъ» очень интересуютъ Вячеслава Константиновича. Отъ Милюкова Плевѣ перешелъ къ нашимъ профессорамъ. Онъ сталъ спрашивать имена наиболѣе выдающихся. При упоминаніи о В. О. Ключевскомъ Плевѣ ничѣмъ не выразилъ своего близкаго знакомства съ его трудами; это меня удивило. Товарищъ В., говоря о работахъ Василія Осиповича, упомянулъ, что онъ не только замѣчательный историкъ, но и знатокъ русской литературы, въ область которой онъ дѣлалъ нѣсколько экскурсій, давшихъ прекрасныя художественныя вещицы.

— А именно?—задалъ вопросъ Вячеславъ Константиновичъ.

В. указалъ на рѣчь Василія Осиповича при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину и его статью «Евгеній Онѣгинъ и его предки».

— Гдѣ же эта статья напечатана?—В., отличавшійся рѣдкою памятью, точно назвалъ годъ и мѣсяць журнала.

— Такъ вы говорите: «Русская Мысль» за 188... годъ, въ такой-то книгѣ?—переспросилъ министръ, видимо, стараясь запомнить годъ журнала.—Да, жаль,—продолжалъ онъ:—что такъ мало у меня теперь времени остается на это.

Разспросивши затѣмъ подробно о покояхъ преосвященнаго ректора и освѣдомившись объ исторіи бывшаго здѣсь ранѣе дворца, Вячеславъ Константиновичъ обратилъ вниманіе на громадныя стопы студенческихъ сочиненій, лежавшихъ на кругломъ столѣ.

— Неужели преосвященный все это читаетъ?

— Преосвященный состоитъ профессоромъ по библейской исторіи, — говорю я, — и семестровыя сочиненія по сему предмету непременно читаетъ, сочиненія же, поданныя другимъ профессорамъ, только просматриваетъ, читая лишь болѣе выдающіяся въ положительномъ или отрицательномъ отношеніи.

— Да всѣ ихъ прочитать физически невозможно, — замѣчаетъ Плева. — Я вижу здѣсь, продолжалъ онъ, все сочиненія, переписанныя рукой; развѣ у васъ нѣтъ пишущихъ машинъ?

— Всего одна на всю академію.

— Какъ это? Теперь вездѣ онѣ вводятся, вѣдь писать рукою много это очень трудно.

— Ваше высокопревосходительство, преосвященный приказалъ доложить, что обѣдня началась, — говорить, щелкая шпорами, вошедшій адъютантъ.

Видимо, Плева не особенно нравилась перспектива послѣ безсонной ночи снова итти въ душную церковь и долго еще стоять; онъ не совсѣмъ охотно оставилъ покойное кресло, однако не воспользовался обычной привычкой сановниковъ являться къ концу службы и пошелъ въ церковь тутъ же. Казалось, что въ этомъ случаѣ Вячеславъ Константиновичъ поступаетъ по твердо выработанной имъ привычкѣ дѣлать не то, что нравится, приятно, но то, что, по его мнѣнію, нужно. Это онъ и высказалъ позднѣе.

Въ церкви было ужасно жарко. Мы поминутно отирали мокрые лбы. Вячеславъ Константиновичъ стоялъ, какъ и раньше, спокойный, крѣпкій, только лицо порозовѣло, но ни капли пота не выступило на немъ. Не обошлось безъ маленькаго комическаго инцидента. Я уже передавалъ, что въ церкви мы стояли въ слѣдующемъ порядкѣ: на небольшомъ возвышеніи Плева съ сыномъ, сбоку мы, студенты, шагахъ въ семи сзади адъютантъ, полицеймейстеръ и жандармскій офицеръ.

Нѣкто майоръ въ отставкѣ Б., извѣстный всей академіи подъ именемъ капитана Копейкина, облеченный въ военный мундиръ и медали, непременно желалъ попасть на глаза министру. Придвигаясь мало-по-малу, Б. очутился почти рядомъ съ министромъ и вознамѣрился продвинуться еще дальше. Мы оглянулись на полковника и полицеймейстера, но тѣ ничего не предпринимали, вѣроятно, потому, что заранѣе насъ предупредили: «въ стѣнахъ академіи, господа, вы насъ замѣняете». Мой коллега В. попросилъ майора отойти назадъ, результата никакого. Тогда В. сталъ пятиться, оттирая спиной майора. Такъ приходилось поступать съ

назойливымъ Б. нѣсколько разъ. Плевѣ этого не могъ не видѣть, но ничего не спросилъ.

Когда пошли по церкви съ кружками, помощникъ старосты не безъ умысла положилъ на тарелку нѣсколько золотыхъ. Плевѣ вынулъ бумажникъ и положилъ на тарелку и въ кружку двѣ рублевыхъ бумажки. Бумажки были, словно сейчасъ только изъ-подъ станка, даже не сложенные, а листками. Очевидно, Вячеславъ Константиновичъ никого не думалъ удивлять своею щедростью.

Вопреки предположеніямъ, обѣдня шла не полтора часа, а не менѣе двухъ съ половиной, это потому, что торжественное пасхальное евангеліе читалось священнослужителями на десяти языкахъ: греческомъ, еврейскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, славянскомъ и русскомъ. Конечно, евангеліе читалось болѣе часа. Особенно оригинально было чтеніе евангелія по-гречески съ соблюденіемъ своеобразной восточной интонаціи и по-французски; іеродіаконъ Симанскій прекрасно владѣлъ этимъ языкомъ, и чтеніе его было замѣчательно музыкально.

Вячеславъ Константиновичъ обратилъ на это вниманіе.

Хорошо помню, что, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ легкаго нездоровья у меня въ тотъ день разыгралось философское настроеніе, и, стоя за обѣдней, я думалъ о Плевѣ: «Вотъ человѣкъ, который получилъ громадную власть: передъ нимъ губернаторы трепещутъ, почетъ и блескъ окружаютъ его, а не завидую я ему: вотъ первый день Пасхи, а онъ встрѣчаетъ этотъ день вдали отъ своего семейства, среди чужой для него обстановки, черезъ нѣсколько часовъ помчится на усмиреніе какого-то бунта¹⁾, а тамъ обязательные приемы, встрѣчи, доклады, можетъ быть, неудачи и всегдашнее опасеніе быть убитымъ. Министру не остается времени для себя, для семьи, онъ рабъ этикета, ранѣе его установленнаго; его удачные смѣлые шаги возбуждаютъ зависть, неудачные—злорадство».

Обѣдня подходила къ концу. Когда зашѣли концертъ, Вячеславъ Константиновичъ сказалъ:

— Съ преосвященнымъ мы похристосуемся уже въ его квартирѣ,—и направился къ выходу.

Наступалъ блѣдный разсвѣтъ. Всѣ были утомлены, бесѣда не вязалась.

— Папа, уже семь часовъ, а въ десять намъ надо ѣхать,—сказалъ молодой Плевѣ, терпѣніе котораго истощилось.

— Разъ такъ нужно, то необходимо ждать,—получилъ онъ въ отвѣтъ.

¹⁾ Если не ошибаюсь, В. К. ѣхалъ на усмиреніе бунта въ Харьковской губерніи.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ преосвященный ректоръ, радушно, громко привѣтствуя дорогихъ гостей. Въ одной изъ комнатъ уже былъ приготовленъ столъ для розговѣнья. Къ столу были приглашены Плеве съ сыномъ и инспекторъ академіи. Мы остались съ свитой въ сосѣдней комнатѣ.

— Что, господа, какъ вамъ понравился министръ? — приступилъ къ намъ полковникъ Замятинъ.

Мы сказали, что очень понравился. Между прочимъ выразили удивленіе необыкновенной выносливости министра, который безъ привычки къ длиннымъ церковнымъ службамъ выстоялъ сегодня около пяти часовъ, а третьяго дня еще болѣе.

— О, это желѣзный человѣкъ, — съ живостью отозвался полковникъ. — Если бы нужно было цѣлый день простоять, онъ и день простоятъ. Я ему достался отъ его предшественника, я при третьемъ министрѣ служу, и скажу вамъ, какой Вячеславъ Константиновичъ умница, какъ работаетъ.

— А скажите, полковникъ, — воспользовались мы случаемъ: — почему о Балмашевѣ во всѣхъ газетахъ перестали вдругъ писать? Кто онъ? У насъ говорятъ, будто онъ причастенъ къ высшей аристократіи.

— Это пустяки, господа, — возразилъ А. Н. Замятинъ: — Балмашевъ, кажется, мѣщанинъ, а не печатаютъ о немъ исключительно въ интересахъ слѣдствія, чтобы печать не сбила слѣдователей съ настоящаго пути; кончится дознаніе, и все напечатаютъ.

— Кто здѣсь полковникъ Замятинъ? — вошелъ инспекторъ. — Васъ просятъ къ столу.

Было жалко, что ушелъ полковникъ и намъ не удалось еще его поинтервьюировать. Приблизительно съ полчаса продолжалась бесѣда начальствующихъ академіи съ Вячеславомъ Константиновичемъ Плеве. Относительно содержанія этой бесѣды въ «Академической лѣтописи» было напечатано: «Во время трапезы г. министръ говорилъ, между прочимъ, о томъ, высококомъ религіозномъ утѣшеніи, какое онъ получилъ отъ лаврской академической службы въ такіе великіе дни, а также о благовоспитанности студентовъ, произведшихъ на него благоприятное впечатлѣніе».

Прощаясь, Вячеславъ Константиновичъ благодарилъ преосвященнаго ректора за гостепрѣимство, поблагодарилъ и насъ, пожелавъ намъ въ жизни быть полезными и счастливыми работниками.

Въ десять часовъ утра Плеве уѣхалъ на югъ для усмиренія какого-то волненія.

Естественно, что въ этотъ день, когда мы съ товарищемъ дѣлали визиты къ знакомымъ, только и рѣчи было, что о министрѣ. По поводу смѣны министровъ внутреннихъ дѣлъ уже былъ пущенъ

кѣмъ-то каламбуръ: «Россія толстѣла, дурнѣла, горе мыкала, си-
пѣла, а теперь плевать начинаетъ».

Вскорѣ Вячеславъ Константиновичъ Плевѣ въ память своего
пребыванія въ лаврѣ и академіи прислалъ преосвященному рек-
тору редактированное имъ юбилейное изданіе «Государственный
Совѣтъ 1801 — 1901 гг.» и свой большой портретъ. Не забылъ
онъ и насъ, своихъ случайныхъ адъютантовъ, приславъ намъ ка-
бинетные портреты съ собственною надписью.

С. Лебедевъ.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ИЖЕВСКОМЪ ЗАВОДѢ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

МАНИФЕСТЪ 17 октября 1905 г. засталъ врасплохъ всѣхъ, отъ мала до велика. Вся масса рабочихъ въ количествѣ 10 тысячъ человѣкъ, работавшихъ въ то время на Ижевскомъ заводѣ, всколыхнулась, и мастерскія завода нельзя было узнать. Съ утра 18 октября работы почти не производились, рабочіе сходились кучками, изъ среды ихъ появлялись ораторы, непремѣнно устраивавшіеся на какомъ-нибудь возвышеніи и толковавшіе вкривь и вкосъ, по своему разумѣнію и въ свою пользу, знаменательный манифестъ. Всѣ мы, военно-служащіе, не могли и заикнуться о томъ, чтобы рабочіе принимались за работу; получался одинъ отвѣтъ: «теперь свобода, ваше высокоблагородіе!» Всѣ высочайше утвержденныя правила о рабочихъ и порядкѣ въ заводѣ рабочими вполнѣ игнорировались.

Не обошлось, конечно, и безъ традиціоннаго шествія съ красными флагами, для чего одна партія рабочихъ человѣкъ въ 50 шла изъ зарѣчной части селенія по плотинѣ въ нагорную часть, гдѣ и встрѣтилась съ партией рабочихъ отъ нагорной части селенія. Впослѣдствіи отъ рабочихъ можно было слышать, что манифестанты чуть не тряслись отъ страха, боясь, что ихъ разгонятъ и перехватаютъ. Конечно, прояви администрація твердую власть и прими рѣшительныя мѣры къ разгону манифестантовъ, ничего послѣдующаго не было бы. Огромная масса населенія выжидала,

чѣмъ это шествіе окончится, и была только зрительницей всего происходящаго. Процессія съ красными флагами съ надписью: «Да здравствуетъ свобода», при огромномъ стеченіи публики, зѣвакъ, прошла по главной улицѣ и, по возвращеніи къ Александро-Невскому собору, на углу двухъ главныхъ улицъ, произошелъ комическій эпизодъ. Кажется, ѣхали пустыя бочки; кто-то крикнулъ: «Солдаты идутъ!» Моментально произошла паника; манифестанты бросились въ разныя стороны, теряя шапки, галоши и т. п. Одинъ изъ мелкихъ мѣстныхъ купчиковъ, очень недалекій отъ природы, несъ одинъ изъ красныхъ флаговъ и при наступившей паникѣ, желая избавиться отъ своей ноши, чести нести которую такъ добивался, сталъ совать ее окружающимъ, но, конечно, никто не бралъ. За участіе въ процессіи этотъ купчикъ на другой или третій день въ своемъ же магазинѣ былъ порядочно побитъ своимъ знакомымъ и сосѣдомъ, купцомъ. Наглядное показаніе несходства въ политическихъ убѣжденіяхъ.

Въ дальнѣйшемъ свобода начала проявляться нѣсколько своеобразно: въ заводѣ продолжали игнорировать заводскія правила, работали очень лѣниво, наказывая, конечно, этимъ себя; пьянство и разнузданность усилились въ значительной степени, начались оскорбленія на словахъ офицеровъ и чиновниковъ, угрозы, что скоро не останется ни одной свѣтлой пуговицы, всѣхъ перерѣжутъ. Почти всѣ поголовно, въ особенности молодежь и подростки, вооружились револьверами, и по вечерамъ поднималась на улицахъ такая стрѣльба, что небезопасно было выходить; стрѣляли не въ кого-либо, а такъ, въ видѣ какого-то молодечества и удалства; идетъ по улицѣ, конечно, въ большинствѣ случаевъ пьяный и стрѣляетъ, поворачивая револьверъ во всѣ стороны; были такимъ образомъ и случайно убитые и раненые. При почти 40 тысячахъ населенія и въ обыкновенное-то время полицейскихъ было поразительно ничтожное количество, что-то около 10 человекъ на все населеніе; со свободой же имъ начали угрожать по вечерамъ молодые парни, шатавшіеся партіями, такъ что полицейскій, стоящій на посту, завидя такую компанію, заблаговременно переходилъ на другую сторону улицы или и совсѣмъ удиралъ съ поста. Бывали и случаи нанесенія побоевъ. Дошло до того, что полицейскіе стали, наконецъ, отказываться отъ службы, и безъ того ничтожное число ихъ уменьшилось чуть не на половину. Власти, какъ и во всей Россіи, продолжали бездѣйствовать. Все населеніе было терроризовано сравнительно небольшою кучкой подростковъ и парней, развитіемъ которыхъ усердно занимались учителя двухклассныхъ училищъ и школъ, студенты разныхъ заведеній, семинаристы. Самимъ рабочимъ такъ странно было бездѣйствіе администраціи, что у нихъ сложилось откуда-то убѣжденіе, что, какъ они выражались, «намъ свобода дана только до новаго года!» Начались митинги съ крас-

ными флагами у вновь строящагося Михайловскаго собора, но такъ какъ зимой это было не особенно удобно, то ядро такъ называемыхъ социаль-демократовъ испросило разрѣшеніе устраивать разъ въ недѣлю митинги въ залѣ гражданскаго клуба, старшины котораго, утрашенные ходившими слухами, что въ случаѣ отказа клубъ будетъ сожженъ, дали свое согласіе на это. Конечно, ораторами явились учителя и студенты, и можно представить, какой сумбуръ сѣяли они въ темныя головы обывателей, сами хорошо не усвоивъ основъ социаль-демократическаго ученія!

Населеніе дѣлалось все разнузданнѣе и разнузданнѣе; бабы, жены рабочихъ, были не рады и говорили: «И зачѣмъ это имъ (ихъ мужьямъ) только эту слободу дали? Съ этой слободой-то мой вотъ ужъ пятый день домой не бывалъ!»

По науськиванію агитаторовъ толпы безобразниковъ вздумали запрещать торговлю на базарѣ въ воскресенье, когда, по издавна установившемуся обычаю, сѣзжалось окрестное крестьянство, привозя на продажу свои излишки и закупаая необходимое. Вотяки окрестныхъ деревень стали опасаться ѣздить на базаръ, говоря: «Тамъ у васъ въ заводѣ какая-то слобода ходитъ, ѣздить нельзя стало на базаръ!»

Въ самомъ заводѣ рабочіе, ободренные безнаказанностью и подбиваемые «демократами», начали предъявлять невозможныя требованія, вродѣ 8-часоваго рабочаго дня, доставки имъ необходимаго количества дровъ каждому на домъ по ихъ требованію и проч., и проч.

Наконецъ администрація, въ лицѣ полиціи, начала просыпаться и проявлять нѣсколько себя. Началось съ того, что увеличили жалованье полицейскимъ, въ которые стали нанимать преимущественно запасныхъ солдатъ, при условіи, чтобы они были не изъ мѣстныхъ обывателей. Разрѣшено было завести конныхъ стражниковъ, на что была сдѣлана подписка среди купцовъ, ассигнованы на этотъ предметъ суммы обоими волостными правленіями, и артиллерійскимъ вѣдомствомъ разрѣшено было вооружить пѣшую полицію берданками, а конную—3-линейными винтовками.

Конная полиція начала по вечерамъ и ночью дѣлать объѣзды по улицамъ, отбирать оружіе, разгонять толпы пьяной, шатающейся по улицамъ и безобразничающей молодежи; сразу стрѣльба на улицахъ утихла, и часовъ въ 11—12 ночи стало совершенно тихо и пусто. Благоразумная часть населенія вздохнула свободнѣе. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о степени невѣжества и темноты населенія, приведу слѣдующіе эпизоды.

На другой день по опубликованіи манифеста въ агентскихъ телеграммахъ, къ одному изъ служащихъ въ заводѣ подскокилъ въ мастерской одинъ изъ посредственныхъ слесарей, но большой руки горланъ, и заявилъ, что теперь они будутъ требовать, чтобы

отъ рабочихъ были депутаты для присутствованія въ управленіи заводовъ и хозяйственномъ комитетѣ, съ цѣлю контролировать дѣйствія этихъ учрежденій. Служащій на это совершенно резонно отвѣтилъ, что для того, чтобы контролировать, необходимо имѣть нѣкоторыя познанія и, вынувъ изъ находящейся у него въ рукахъ папки одинъ изъ счетовъ, посланныхъ хозяйственнымъ комитетомъ для пріемки матеріаловъ, маханизмовъ и проч., предложилъ подскочившему къ нему слесарю прочесть его; какъ это обыкновенно бываетъ, кругомъ собралась уже кучка рабочихъ, съ интересомъ слушавшая разговоръ; на предложеніе прочесть счетъ слесарь нѣсколько смутился и сказалъ, что онъ неграмотный.

— Вотъ видишь ли,—возразилъ ему служащій:—ты неграмотный, а если бы и умѣлъ читать, то все равно не прочесть бы, такъ какъ это написано не по-русски, а по-французски! Можетъ быть, ты знаешь цифры? Скажи, сколько тутъ написано?

— Цифры я понимаю, — обрадовался рабочий: — тутъ написано 15000!

— А чего?—спросилъ служащій.

— Конечно, рублей!

— А вотъ и неправда, не рублей, а франковъ! Какъ же ты вотъ хочешь контролировать дѣйствія хозяйственнаго комитета, а если бы даже и былъ грамотный, то не въ состояніи бы былъ прочесть этотъ счетъ и не зналъ бы, сколько составляютъ 15000 франковъ на наши деньги! Нѣтъ, братецъ, выучись, пріобрѣти необходимыя познанія и тогда требуй права контроля; теперь же ты будешь сидѣть въ комитетѣ и хлопать глазами, ничего не понимая!

Толпа, увидѣвъ конфузъ слесаря, сталъ подтрунивать надъ своимъ же товарищемъ и довела его до того, что онъ быстро ступежался. Другой случай произошелъ въ общемъ собраніи членовъ ссудо-сберегательной кассы для рабочихъ. Ранѣе, еще до освободительнаго движенія, на свободныя суммы кассы была пріобрѣтена 4% государственная рента, что-то по 85 руб., сколько я помню. Между тѣмъ, съ уменьшеніемъ работъ въ заводѣ, по окончаніи войны, много участниковъ кассы стали выходить и брать свои деньги, а также увеличилось и количество заемщиковъ съ уменьшеніемъ заработковъ; свободныхъ денегъ для удовлетворенія всѣхъ желающихъ не стало хватать; поэтому и было собрано общее собраніе, на которомъ завѣдующій кассой по назначенію начальника заводовъ одинъ изъ служащихъ выяснилъ положеніе дѣла и указалъ, что для увеличенія свободныхъ денегъ возможно продать ренту, но такъ какъ цѣна ея стояла ниже покупной, то касса при этой операціи потерпитъ значительный убытокъ. Во время преній по этому вопросу встаетъ одинъ изъ выборныхъ отъ какой-то мастерской и при общемъ молчаніи заявляетъ: «Оттого, что въ Ижевскомъ заводѣ работы нѣтъ, рента и падаетъ!»

Очевидно, кругозоръ этого оратора былъ очень узокъ, весь міръ для него заключался въ Ижевскомъ заводѣ. Пришлось ему разъяснять, что Ижевскій заводъ—песчинка въ сравненіи со всей Россіей и что стоимость ренты ни на іоту не поколебалась бы даже въ томъ случаѣ, если бы Ижевскій заводъ совершенно исчезъ съ лица земли. Слѣдующій выборный отличился еще лучше, онъ встаетъ и кричитъ: «какая тамъ аренда, не надо намъ аренды!» Тутъ даже большая часть выборныхъ размѣялась. Очевидно, слово «рента» онъ слышалъ въ первый разъ и по созвучію спуталъ со словомъ «аренда», а это слово всему населенію Ижевскаго завода знакомо, такъ какъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, вплоть до 1884 года Ижевскіе заводы находились въ арендѣ, сначала у генерала Фролова, затѣмъ у генерала Бильдерлинга и самое послѣднее время у капитана Стандершелда. Надо полагать, что при выборѣ на общее собраніе выборныхъ рабочіе руководствовались умомъ и развитіемъ избираемыхъ ими лицъ, и, несмотря на это, какое невѣжество проявляется тотчасъ же, какъ только дѣло выходитъ изъ узкаго круга ихъ понятій! И такихъ-то темныхъ людей агитаторы толкали на беспорядки и безчинства, внушая имъ требовать всякаго рода свободы и участія въ дѣлахъ управленія!

Но, къ сожалѣнію, вполнѣдствіи пришлось убѣдиться, при выборахъ въ государственную думу, что вообще къ выборамъ населеніе относилось несерьезно, не отдавая себѣ отчета, или выбирало нарочно крикуновъ, у кого глотка шире.

Вообще, несмотря на выборное начало въ волости, у ижевскихъ обывателей своеобразное отношеніе къ выборамъ и выборнымъ должностямъ. Выборъ десятскихъ, сотскихъ, сборщиковъ податей считается за наказаніе, почему, желая насолить кому-нибудь изъ обывателей, выбираютъ его на одну изъ вышеупомянутыхъ должностей. При выборѣ волостного старшины руководствуются, въ большинствѣ случаевъ, не личными качествами избираемаго, а количествомъ ведеръ водки, выставляемой претендентами на эту должность.

Со дня обнаруженія манифеста, т. е. съ 18-го октября 1905 года, разнузданность населенія шла crescendo до 9 января 1906 года, когда агитаторы крайнихъ партій надумали устроить, въ подражаніе другимъ мѣстностямъ Россіи, шествіе съ черными флагами, въ память жертвъ 9-го января 1905 года въ Петербургѣ. Рѣшено было, что партія зарѣчной стороны завода съ траурными флагами пройдетъ по заводской плотинѣ, мимо завода, къ собору, гдѣ будетъ ожидать партія сочувствующихъ; постановлено было требовать, чтобы духовенство на площади отслужило панихиду. Въ это время штабъ полиціи былъ доведенъ до 30 человекъ, вооруженныхъ берданками, и только что былъ сформированъ отрядъ конныхъ стражниковъ, въ составѣ 12 человекъ, вооруженныхъ

3-линейными винтовками, пашками и нагайками. При прохожденіи манифестантовъ по плотинѣ, всѣ почти рабочіе въ заводѣ побросали работы и высыпали на плотину, не присоединяясь къ процессіи, но слѣдую за ней въ нѣкоторомъ отдаленіи. Громадное большинство изъ зрителей были любопытные, жадные до всякаго рода зрѣлищъ. Проходя мимо управленія заводовъ, расположеннаго въ концѣ плотины, манифестанты подняли черный флагъ съ бѣлой каймой и бѣлой надписью, что-то вродѣ: «вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». Вся кучка состояла не болѣе, какъ изъ 100 человекъ; впереди самыя ярые изъ нихъ шли съ непокрытыми головами и что-то пѣли.

Начальникъ заводовъ, выйдя навстрѣчу, усовѣщевалъ ихъ разойтись, но они были настолько возбуждены, что только отмахивались отъ него руками и продолжали двигаться по направленію къ подъему на гору. Тогда начальникъ заводовъ обратился къ слѣдовавшей въ нѣкоторомъ отдаленіи толпѣ рабочихъ-зрителей, съ увѣщаніемъ не слѣдовать примѣру небольшой кучки негодяевъ, которые плохо кончатъ, совѣтовалъ имъ итти на свои мѣста и продолжать работы въ заводѣ, самовольно ими прерванныя. Сначала толпа пріостановилась, но любопытство превозмогло, и одинъ по одному, а потомъ всею массой двинулась слѣдомъ за манифестантами на Соборную площадь, три выхода съ которой въ улицы нагорной части завода были, между тѣмъ, заблаговременно заграждены съ одной стороны конными стражниками, съ другой— пѣшей полицейской командой, во главѣ со становымъ приставомъ и его двумя помощниками. По прибытіи манифестантовъ на площадь приставъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они разошлись, и приблизился къ нимъ въ сопровожденіи своихъ помощниковъ и нѣсколькихъ полицейскихъ; моментъ наступилъ въ высшей степени критическій: всѣ прилегающія улицы были запружены толпами зрителей, мѣстныхъ обывателей; тутъ же были и слѣдовавшіе за манифестантами рабочіе изъ завода.

Пока безучастная публика ждала только, въ чью пользу повернется дѣло; втайнѣ большинство зрителей, вѣроятно, сочувствовали манифестантамъ и ихъ вождямъ, сулившимъ имъ чуть не золотой вѣкъ, разъ они захватятъ власть въ свои руки; не хватало только смѣлости открыто встать на сторону агитаторовъ; раздайся хоть одинъ выстрѣлъ со стороны манифестантовъ, упади одинъ изъ полицейскихъ, и, навѣрное, вся толпа, какъ озвѣрѣлая, бросилась бы на полицію и произошло бы страшное кровопролитіе. Одинъ изъ помощниковъ пристава, мужчина атлетическаго сложенія и необычайной силы, кинулся и вырвалъ черный флагъ изъ рукъ державшаго его; нѣсколько человекъ изъ манифестантовъ уже выхватили револьверы, нервы всей толпы были напряжены до высшей степени, готовилось что-то ужасное!

Но въ это время случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное и неожиданное: по улицѣ, оставшейся свободной и ведущей къ берегу, къ сторонѣ завода, полнымъ карьеромъ вынеслась пожарная машина въ сопровожденіи бочки, остановилась въ недалекомъ разстояніи отъ толпы манифестантовъ, и въ то время, какъ приставъ съ помощниками и нѣсколькими полицейскими вырывали револьверы изъ рукъ манифестантовъ, на возбужденную толпу полилась охлаждающая струя изъ пожарной машины, на которой работали конюхи съ пожарной команды, расположенной по сосѣдству. Готовившаяся трагедія обратилась въ комедію: неожиданный душъ при 8° мороза озадачилъ манифестантовъ своей неожиданностью. Толпа, которая вообще жестока въ массѣ, заготовала; великое и героическое, по мнѣнію манифестантовъ, обратилось въ высшей степени комическое зрѣлище; вчерашніе кумиры населенія были осмѣяны безжалостно окружающими зрителями. Не давъ опомниться манифестантамъ, конные стражники кинулись разгонять толпу нагайками, и всѣ, такъ еще недавно шествовавшіе съ такой торжественностью, съ сознаниемъ своей великой миссіи, бросились бѣжать, преслѣдуемые стражниками, кто куда попало.

Какъ часто бываетъ и въ исторіи, имена инициаторовъ, давшихъ толчокъ къ великимъ событіямъ, часто остаются неизвѣстными, такъ и въ данномъ случаѣ не удалось точно узнать, у кого явилась мысль выслать пожарную машину на площадь; одни говорили, что это приставъ заблаговременно просилъ пожарнаго старосту; другіе, что это была инициатива смотрителя заводскихъ зданій, въ вѣдѣніи котораго находится пожарная команда; третьи, наконецъ, утверждали, что пожарный староста выѣхалъ по собственной инициативѣ, но потомъ, узнавъ, что начальникъ заводовъ остался недоволенъ этимъ, изъ боязни отрекся отъ этого. Конечно, это не важно, но во всякомъ случаѣ ижевское населеніе и администрація заводовъ должны быть только искренно благодарны челоуку, благодаря находчивости котораго дѣло обошлось безъ капли крови, и кучка агитаторовъ и ближайшихъ послѣдователей ихъ очутилась въ смѣшномъ положеніи. Долго послѣ этого большинство обывателей подсмѣивались надъ ними, называя ихъ «обливанцами» и «мократами» (отъ слова «мокро»), вмѣсто демократовъ. На другой же день большая часть главарей исчезла изъ Ижевска, а рабочіе въ заводѣ 10 января работали такъ усердно, какъ уже давно не было; ни одинъ не отходилъ отъ своего мѣста. Холодный душъ, разогнавъ кучку манифестантовъ, подѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ на всю массу населенія.

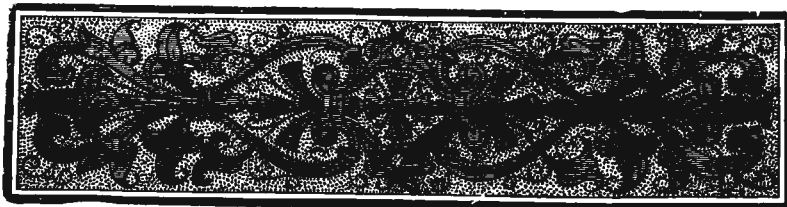
Остальная часть зимы и весна вплоть до мая мѣсяца прошли совершенно тихо, и рабочіе вели себя и работали безукоризненно. Затѣмъ уже массовыхъ волненій въ средѣ обывателей Ижевскаго завода не было; происходили волненія въ чертѣ заводскихъ по-

мѣщеній, на волостныхъ сходахъ, но не было того приподнятаго настроенія всей массы населенія, не происходило митинговъ на площадяхъ, не повторялись шествія съ красными и черными флагами, и постепенно все это, какъ и вездѣ въ Россіи, выродилось въ хулиганство, разбой, экспроприаціи винныхъ лавокъ; послѣднее, впрочемъ, тоже быстро прекратилось. Были ограблены въ окрестныхъ селеніяхъ 2—3 винныхъ лавки, но на слѣдующей попыткѣ шайка, состоявшая изъ 7—10 человѣкъ, попалась; конными стражниками 5 человѣкъ было убито, остальные вскорѣ были переловлены.

Послѣднее время въ заводѣ совершенно тихо, агитаторовъ не замѣтно, революціонный угаръ прошелъ, и агитація не находитъ уже такой благопріятной почвы, какъ то было въ 1905—1906 гг. Вообще въ Ижевскомъ заводѣ въ точности повторилось то, что происходило во всей Россіи, конечно, съ опозданіемъ, по мѣрѣ того, какъ волна событій доходила до этого отдаленнаго, глухого уголка нашего обширнаго отечества.

В. Г.

ПАШКОВЦЫ-БАПТИСТЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Блаженни алчущіе и жаждущіе
правды, яко ти насытятся!

ТО БЫЛО четверть вѣка назадъ. Я только что пріѣхалъ тогда на службу въ Петербургъ и присматривался вокругъ.

Все было такъ непохоже на то, что мы видимъ теперь! Всюду царилъ суровый режимъ реакціи, начавшейся тотчасъ послѣ 1-го марта 1881 г. и непрерывно продолжавшейся все прошлое царствованіе.

Печать или неистовствовала въ правомъ направленіи, съ «Московскими Вѣдомостями» въ роли дирижера, или говорила «эзоповскимъ» языкомъ, темными намеками, иносказательно, облакая мысль въ форму легендъ, басенъ, сказокъ. То, что говорится теперь совершенно открыто и свободно на столбцахъ любой газеты, какъ нѣчто вполне обыкновенное, то, что ежедневно произносится теперь въ государственной думѣ, никого не удивляя и не пугая, возбуждало тогда строжайшія репрессіи, считалось «политически неблагонадежнымъ», «опаснымъ», и было причиной гибели многихъ невинныхъ жизней..

Общество держало себя очень осторожно. О многомъ говорилось втихомолку, шопотомъ, en petit comité. Общественная жизнь въ широкомъ смыслѣ почти совсѣмъ не проявлялась и была подавлена полицейской опекой и той невыносимой атмосферой синяго мундира и департамента полиціи, которая могла воспитать Сипягиныхъ и Плеваке...

О русскомъ сектанствѣ нечего и говорить! Оно было въ величайшемъ загоны. Старообрядческіе скиты и монастыри Поволжья

терпѣли всякія утѣсенія, молельни и алтари были запечатаны, отправленіе церковныхъ службъ и обрядовъ было строжайше запрещено, раскольничья проповѣдь считалась преступленьемъ. Синодальнымъ вѣдомствомъ всевластно управлялъ тогда К. П. Побѣдоносцевъ и съ упорствомъ фанатика-обскуранта усердно тушилъ всякую свободную религіозную мысль, какъ бы ни была она невинна и непритязательна, вовсе не допуская, да и врядъ ли даже понимая, запросы свободы совѣсти и ея человѣческія права въ культурномъ государствѣ.

Департаментъ иностранныхъ исповѣданій, этотъ лейбъ-департаментъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Д. А. Толстомъ, вторилъ всеильному тогда К. П. Побѣдоносцеву, деспотически третируя представителей инославнаго духовенства Россіи и непрерывно подвергая разнымъ взысканіямъ и опалѣ ксендзовъ и пасторовъ, которые смѣли не угодить г. г. губернаторамъ, какъ, напримѣръ, извѣстный тогда католическій епископъ въ Вильнѣ, Карлъ Гриневицкій, административно высланный изъ своей епархіи, какъ «опасный» проповѣдникъ папизма, благодаря «патріотизму» толстовскаго любимца, директора департамента духовныхъ дѣлъ, князя М. Р. Кантакузина-Сперанскаго.

Однако, жизнь, какъ ее ни дави, остается всегда и вездѣ жизнью, и въ петербургскомъ обществѣ въ то время (какъ и сейчасъ) не переставали создаваться, существовать и развиваться разные религіозные кружки, изъ которыхъ со временемъ сами собой образовывались цѣлыя секты.

Однимъ изъ такихъ очень популярныхъ тогда кружковъ были «пашковцы».

Во главѣ кружка стоялъ Василій Александровичъ Пашковъ, аристократъ по происхожденію, очень богатый и вполне самостоятельный человѣкъ, горячій филантропъ, дѣлавшій массу добра въ средѣ столичной бѣдности, полный живой, дѣятельной вѣры, всесторонне образованный, просвѣщенный и глубоко интересовавшихся религіозными идеями и жизнью церкви.

— Вы не бываете у Пашкова? — спросилъ меня, вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ столицу, одинъ знакомый молодой человѣкъ.

— Какого Пашкова? — полюбопытствовалъ я, не зная, о комъ идетъ рѣчь.

— Извѣстный, тотъ самый, у котораго собираются, въ его домѣ, на религіозныя собесѣдованія...

— А развѣ всякому можно войти?

— Конечно, можно — для всѣхъ свободный доступъ.

— И много тамъ бываетъ?

— О, да, пропасть, и при томъ изъ разныхъ круговъ, отъ самаго низшаго до знати, всѣ молятся рядомъ, какъ братья, слушаютъ евангеліе, проповѣдь, хоромъ поютъ псалмы...

— Когда же лучше прийти?

— Въ воскресенье вечеромъ самое лучшее; въ другіе дни бываютъ болѣе интимныя собранія, а въ этотъ день всѣхъ пускаютъ,—приходите!

Въ ближайшее воскресенье, къ 8 час. вечера, я уже входилъ въ эффектный перронъ большого дома В. А. Пашкова на Гагаринской (теперь Французской) набережной, окрашеннаго въ сѣрый цвѣтъ красиваго особняка стараго барскаго типа, съ ярко освѣщенными, смотрящими на Неву окнами и матовыми шарами фонарей подъ ѣзда. Теперь въ этомъ домѣ помѣщается французское посольство.

Въ большой прихожей лакеи снимали верхнее платье и приглашали войти.

Я поднялся, вмѣстѣ съ другими, по нѣсколькимъ ступенькамъ бѣлой широкой лѣстницы на первую площадку, прошелъ чрезъ высокую, задрапированную массивной шелковой портьерой дверь направо и очутился въ ярко освѣщенномъ залѣ.

Залъ былъ большой, длинный, съ рядомъ оконъ на набережную. Его ярко освѣщали люстра и стѣнные лампы; на стѣнахъ никакихъ украшеній не было.

Весь залъ былъ заставленъ рядами стульевъ. Вдали, у входа въ слѣдующую комнату, отдѣленную отъ первой также драпировкой, стоялъ небольшой столикъ, а рядомъ маленькій гармоніумъ съ клавишами.

Я присѣлъ на первый попавшійся стулъ и оглядѣлся.

Вокругъ былъ такой разнохарактерный, разношерстный, разнообразный людъ! Среди фабричныхъ синихъ и сѣрыхъ блузъ и поношенныхъ пиджаковъ виднѣлись темныя простенькія кофточки «учащихся» женщинъ и барышень. Рядомъ съ длинной поддевкой ютился скромный юноша, по виду студентъ (тогда не было еще университетской формы) съ пытливыми, горячими глазами, держа записную книжку на колѣняхъ. То тамъ, то тутъ темнѣли изящные костюмы дамъ изъ общества, чернѣли смокинги, краснѣли генеральскіе лампасы, серебрились эполеты и академическіе значки.

Разговоръ шелъ вполголоса, тихій и степенный.

Гдѣ-то вдали, изъ внутреннихъ комнатъ мѣрнымъ боемъ часы громко пробилъ восемь ударовъ.

Драпировка тихо заколебалась, и въ комнату вошелъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, человекъ средняго роста, лѣтъ приблизительно 40—45, съ небольшой бородкой и хорошимъ простымъ русскимъ лицомъ, на которомъ ярко горѣли внутреннимъ огнемъ два добрыхъ, задумчивыхъ глаза...

Онъ спокойно подошелъ къ столику, низко поклонился собранію и сталъ читать—теперь не помню—какое-то мѣсто изъ евангелія, лежащаго на столикѣ.

Это былъ В. А. Пашковъ...

Онъ читаль недолго, а потомъ сталъ говорить на прочитанную тему. Онъ говорилъ очень просто, внятно, всѣмъ доступно, безъ подбора высокопарныхъ словъ, патетическихъ возгласовъ и банальныхъ эффектовъ, такъ часто употребляемыхъ въ нашей церковной проповѣди. Эта необычайная простота и искренность поученья производили сильнѣйшее впечатлѣніе!

Ничего особеннаго, мудренаго Пашковъ не говорилъ, никакихъ богословскихъ тонкостей евангельскаго текста, простосердечно записаннаго іудейскими рыбаками, онъ не предлагаль, но его задушевная рѣчь равно дѣйствовала и на собравшійся въ его роскошныя палаты простой и сѣрый народъ, и на людей высшаго общества, тѣсной толпой пришедшихъ слушать это доброе, братское, живое, христіанское слово, зовущее человѣка ко благу, къ любви, дѣятельной и самоотверженной, къ смиренью, къ правдѣ, къ Богу...

— Раньше, чѣмъ разойтись, помолимся, братья!—раздался на прощанье его симпатичный голосъ.

Весь залъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся съ мѣстъ и сталъ пѣть хоромъ, подъ гармоніумъ, не очень, конечно, стройно, но зато единодушно, указанный Пашковымъ псаломъ, переложенный въ стихи, по книжкамъ, въ большомъ количествѣ разложеннымъ въ залѣ.

Затѣмъ присутствовавшіе опустили на колѣни въ молитвенномъ настроеніи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы почувствовавъ въ себѣ приливъ молитвеннаго экстаза, стали вслухъ говорить тутъ же импровизируемыя ими молитвы, въ высшей степени трогательныя, горячо, страстно произносимыя, идущія изъ тайниковъ сердца. Онѣ лились изъ устъ безъ заминки, точно по наитію свыше...

Эта сцена производила невыразимое впечатлѣніе, особенно на тѣхъ, кто присутствовалъ на ней впервые.

Импровизаціи молитвъ почившаго о. Іоанна Кронштадтскаго очень напоминали мнѣ эти своеобразныя молитвы «пашковцевъ».

Черезъ нѣкоторое время я совершенно случайно встрѣтился съ В. А. Пашковымъ въ одномъ знакомомъ домѣ. Я былъ ему представленъ, и мы разговорились. У насъ нашлись общіе знакомые, и онъ радушно пригласилъ меня побывать на его болѣе интимныхъ собраніяхъ, гдѣ выступали пріѣзжавшіе тогда въ Петербургъ изъ-за границы проповѣдники.

Одинъ изъ нихъ доселѣ у меня въ памяти—это пасторъ Мюллеръ, читавшій по-англійски; онъ производилъ очень сильное впечатлѣніе. Его проповѣдь «The second advent of Jesus Christ»¹⁾ отличалась недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ.

Бывая отъ времени до времени у Пашкова, мнѣ не разъ приходилось и бесѣдовать съ нимъ по разнымъ общественнымъ и ре-

¹⁾ О второмъ пришествіи І. Христа.

лигіознымъ вопросамъ, и я всегда уходилъ подъ обаяньемъ этого прекраснаго, воистину добраго человѣка, кормившаго голодную голытьбу въ устроенныхъ имъ столовыхъ и чайныхъ и широко благотворившаго нищую братію, безъ всякихъ рекламъ и самовосхваленій.

Кому могла мѣшать эта благородная дѣятельность филантропа-христіанина, кому претили эти религіозныя собранія въ его домѣ, гдѣ читалось слово Божіе, проповѣдывалась христіанская мораль и гдѣ люди усердно молились?

Однако, все это кому-то мѣшало, такъ какъ не отвѣчало царившему тогда вездѣ и всюду полицейскому режиму, который желалъ подчинить своему контролю даже область религіозной совѣсти,—и вотъ В. А. Пашковъ сталъ все болѣе и болѣе подвергаться всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Наконецъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой категорически объявилъ ему распоряженіе покинуть навсегда Россію, если онъ не прекратитъ своей «пропаганды».

В. А. Пашковъ, конечно, остался вѣренъ себѣ и принужденъ былъ покинуть родину. Онъ переѣхалъ съ семьей за границу, гдѣ и оставался до самой смерти. Долгое время онъ проживалъ въ Базелѣ. Этотъ суровый походъ противъ Пашкова министерства и синода, не говоря уже о безвредности его проповѣди и горячей благотворительной дѣятельности, былъ въ высшей степени несправедливъ еще и потому, что въ то же самое время секта «ирвингіанъ» (руководимая тогда В. А. Дютманомъ), которая имѣла цѣлью возстановить христіанскую церковь «апостольскихъ временъ» съ ея пресвитерами, діакониссами, ангелами, пророками и апостолами, идущими другъ за другомъ преемственно отъ апостоловъ Иисуса Христа,—благополучно процвѣтала въ Петербургѣ. Секта имѣла свою особую хорошенькую капеллу въ аристократической части города, въ домѣ № 10 по Сергіевской улицѣ, и всякое воскресенье тамъ открыто совершались богослуженія по ирвингіанскому обряду, послѣ чего на молящихся «находилъ Духъ Святой», и они вдругъ начинали неистово выкрикивать какія-то непонятныя слова, какъ бы воспроизводя евангельскую сцену ниспосланія «дара языковъ» апостоламъ, для всемірной проповѣди слова Божія. Съ этими кликушами дѣлались зачастую тутъ же, въ капеллѣ, нервныя припадки, и все это носило отпечатокъ дикихъ «радѣній» нашихъ хлыстовъ.

Безпрепятственная тогда въ Петербургѣ дѣятельность «ирвингіанъ», какъ ихъ обыкновенно называютъ въ Англіи по имени основатели секты, пастора В. Ирвинга, именующихъ себя «апостольской католической церковью», объяснялась въ то время очень высокимъ покровительствомъ, которымъ пользовались эти сектанты, благодаря сильной поддержкѣ ихъ со стороны очень вліятельнаго

тогда, нынѣ покойнаго, генерала О. Б. Рихтера и графа Эмануила Сиверса, бывшаго одно время директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Въ домѣ же Пашкова проповѣдывалъ и пріѣзжавшій къ намъ изъ Англіи извѣстный лордъ Рэдстокъ, человекъ выдающейся силы характера и необычайнаго краснорѣчія. Люди, близко его знавшіе, восхищались его благородными, возвышенными идеями и чисто-христіанскимъ міровоззрѣніемъ, но, конечно, было гораздо больше такихъ, которые, подчиняясь общему тогда духу самой затхлою реакціи, вышучивали и высмѣивали этого странствующаго по Европѣ миссіонера, безъ денегъ и имущества, жившаго одной лишь братской помощьюъ ближнихъ и безхитростно провозглашавшаго слово Божіе такъ, какъ это дѣлали первые прозелиты Христовой церкви. Появился даже и особый романъ бульварнаго пошиба, подъ названіемъ «Лордъ-апостоль» (если не ошибаюсь, князя В. П. Мещерскаго), выставлявшій, конечно, въ отрицательномъ свѣтѣ этого идеальнаго евангельскаго проповѣдника.

Лордъ Рэдстокъ безпрепятственно проповѣдывалъ во многихъ великосвѣтскихъ гостинныхъ, и это никому не ставилось въ вину, однако В. А. Пашкову сочли и это за тяжкій грѣхъ и поставили на видъ, какъ доказательство его религіозной «неблагонадежности».

Все это ясно показываетъ то несправедливое и предвзятое отношеніе къ В. А. Пашкову и его кружку, о которомъ я только что сказалъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ я уѣхалъ на службу въ Балтійскій край и отчасти потерялъ изъ виду пашковцевъ въ Петербургѣ, но слышалъ иногда о нихъ кое-что отъ нѣмецкихъ баптистовъ, которыхъ въ остзейскихъ провинціяхъ очень много. Ихъ собранія для совмѣстнаго чтенія и толкованія библіи и братской молитвы (Bibelstunden) были прототипомъ пашковскихъ собраній.

Изъ писемъ моихъ петербургскихъ друзей и знакомыхъ я зналъ, что пашковскій кружокъ въ Петербургѣ, послѣ отъѣзда Пашкова за границу, оскудѣлъ и отчасти распался.

Провинціальныя кружки общины кое-гдѣ существовали, но втихомолку, прячась отъ грознаго и всевидящаго ока начальства, въ лицѣ урядника или околоточнаго.

Въ печати, гдѣ о «пашковскомъ согласіи» появлялись иногда бѣглыя замѣтки, стали говорить о нихъ все рѣже и рѣже и совсѣмъ, наконецъ, будто забыли.

Вернувшись, въ 1905 г., въ Петербургъ изъ службы въ провинціи, я уже ровно ничего не слышалъ о прежнихъ «пашковцахъ». Секта какъ бы исчезла, распалась. Однако, это только казалось.

Пашковцы попрежнему собирались, читали евангеліе, молились и, по мѣрѣ силъ, помогали ближнимъ, но съ величайшей

осторожностью, секретно, подъ покровомъ тайны. Такъ, на примѣръ, въ домѣ княгини Ливенъ на Морской для нихъ былъ всегда радужный пріемъ. Полиція, конечно, знала объ этихъ собраніяхъ, но, благодаря авторитету хозяйки дома, не тревожила ихъ своимъ вмѣшательствомъ. Къ тому же съ началомъ новаго царствованія прежній удручающій режимъ началъ смягчаться, и то, что считалось прежде «преступленьемъ», стало съ 1894 г. болѣе или менѣе простымъ явленіемъ.

Но вотъ наступилъ наконецъ историческій 1906 годъ и открылъ собой давно-давно желанную эпоху реформъ, поставившихъ Россію на новые рельсы.

Свобода совѣсти дала теперь полную возможность и пашковцамъ выйти изъ глубокой тьмы, въ которой они доселѣ скрывались отъ преслѣдованій администраціи и синодальнаго «рвенія къ вѣрѣ» и открыто продолжать свою дѣятельность.

Прежнихъ «пашковцевъ» или «рэдстокистовъ», какъ ихъ, по недоразумѣнію, иногда называли, уже однако теперь больше не существуетъ. Это названіе совсѣмъ какъ-то исчезло и это именно обстоятельство давало отчасти поводъ предполагать, что разсѣялась и самая секта.

Прежніе пашковцы-рэдстокисты стали въ настоящее время называться «евангельскими христіанами», или же «баптистами».

Это послѣднее названіе твердо укрѣпилось за ними, и они въ данную минуту работаютъ подъ именемъ «баптистовъ», такъ какъ, въ сущности, они тѣ же баптисты, что и баптисты Западной Европы.

Баптистскихъ общинъ внутри Россіи въ настоящее время очень много, особенно на нашемъ югѣ. Русскихъ баптистовъ можно уже считать теперь десятками тысячъ...

Въ Петербургѣ баптистская община имѣетъ свою воскресную школу и курсы по изученію Ветхаго и Новаго Завѣта.

Собранія, на которыхъ совершается все то же, что происходило и у покойнаго В. А. Пашкова, бываютъ въ разныхъ частяхъ Петербурга попрежнему, въ домѣ княгини Ливенъ, на Морской, затѣмъ въ Демидовомъ переулкѣ, на Выборгской сторонѣ, въ Галерной Гавани. По воскреснымъ днямъ они собираютъ тысячи народа и пользуются все большей и большей популярностью.

Собранія начинаются общедоступною проповѣдью, затѣмъ поютъ всѣ вмѣстѣ хоромъ псалмы, подъ ручной органъ и безъ него, нѣсколько разъ молятся и каждый, кто хочетъ, вслухъ произносить молитву такъ, какъ она созрѣла въ его душѣ и вылилась изъ устъ.

Проповѣдуютъ здѣшніе и пріѣзжающіе съ юга и изъ-за границы баптисты. Особыхъ ораторовъ я не слышалъ, чаще же другихъ выступающій съ проповѣдью завѣдующій здѣшной вос-

кресной школой баптистовъ В. А. Фетлеръ, какъ иностранецъ, не достаточно, къ сожалѣнію, свободно владѣеть русской рѣчью—и это обстоятельство, несомнѣнно, вредитъ общему впечатлѣнію его бесѣдъ.

Чему вѣрятъ и чему учатъ баптисты? Они благоговѣютъ и преклоняются предъ евангельской моралью и не отступаютъ отъ общей догмы христіанской церкви, но совершенно отрицаютъ, какъ и западныя церкви, крещеніе младенцевъ, требуя отъ вступающихъ въ общину особаго, второго крещенія.

Баптисты крестятъ не окропленіемъ только головы вновь вступающаго члена ихъ общины, какъ нѣкоторые представляютъ, но погруженіемъ его въ купель, видя въ этомъ полный глубокаго значенія высокій символъ погруженія въ смерть Христову и затѣмъ возрожденія къ новой жизни омытымъ отъ прежней скверны плоти и духа.

Обрядъ совершается обыкновенно въ церкви нѣмецкихъ баптистовъ, на Фонтанкѣ, гдѣ для этого имѣется особый баптистерій.

Община растетъ, ширится, пріобрѣтаетъ послѣдователей и нуждается въ собственномъ помѣщеніи. Къ сожалѣнію, ея средства весьма скудныя, и едва ли есть основаніе надѣяться на скорую возможность приступить къ постройкѣ собственнаго дома, о чемъ петербургскіе баптисты упорно мечтаютъ.

Въ концѣ декабря прошлаго года, на третій день рождественскихъ праздниковъ, баптистамъ было впервые разрѣшено устроить свое молитвенное собраніе въ самомъ центрѣ города—на Невскомъ, въ городской думѣ.

Пусть читатели вспомнятъ, что я говорилъ о первоначальныхъ робкихъ собраніяхъ «пашковскаго кружка» двадцать пять тому назадъ. Какая поражающая разница и какъ отрадно видѣть, наконецъ, торжество свободы совѣсти и религіозныхъ воззрѣній!

Громадный Александровскій залъ городской думы едва вмѣщалъ всѣхъ пришедшихъ сюда, съ разныхъ концовъ столицы,—молиться и слушать поученіе.

На возвышеніи, подъ портретомъ Государя, стояла кафедра для проповѣдниковъ, и мужской и женскій хоры прекрасно и стройно исполняли церковныя пѣсни различнымъ распѣвомъ.

Проповѣдники говорили просто и горячо, общедоступно и искренно, разъясняя слово Божіе въ духѣ высокой нравственной морали и призывая людей къ жизни по словесамъ Божиимъ, по духу евангельскаго идеала, въ братолюбіи, смиреніи, самоисправленіи, самоусовершенствованіи.

Хоръ согласно пѣлъ молитвы, присутствовавшіе вставали и молились—прежде всего за государя, даровавшаго знаменательный манифестъ о свободѣ вѣры, за государственную думу, за русскій народъ, за благо и счастье Россіи.

Порядокъ отъ начала до конца царилъ полный, а чиновъ полиціи вовсе не было видно.

Собранія баптистовъ (называющихъ себя также, какъ сказано «евангельскими христіанами») будутъ и впредь происходить, отъ времени до времени, въ залѣ нашей городской думы.

Наконецъ, нельзя не пожелать успѣха баптистской общинѣ въ Петербургѣ въ принятомъ ею рѣшеніи приступить къ изданію своего журнала, подъ названьемъ «Вѣра». Южные баптисты уже имѣютъ свой органъ—ежемѣсячный духовно-нравственный журналъ «Баптистъ», издающійся въ Ростовѣ-на-Дону.

Въ августѣ прошлаго года въ Берлинѣ состоялся первый европейскій конгрессъ баптистовъ, на который съѣхались представители баптизма со всѣхъ концовъ свѣта; представителемъ русскихъ баптистовъ былъ Ф. Брауэръ изъ Николаева (Херсонской губ.).

Толчокъ къ этому конгрессу былъ данъ изъ Англїи, чрезъ исполнительный комитетъ всемірнаго баптистскаго союза, основаннаго въ 1905 г. въ Лондонѣ.

Конгрессъ прошелъ очень оживленно и привлекъ на свои засѣданія массу публики. Были прочитаны очень интересные сообщенія и рефераты, какъ, напримѣръ: «Баптисты, какъ борцы за свободу совѣсти», «Баптизмъ и всеобщій міръ», «Участіе баптизма въ миссіонерскомъ трудѣ Европы за послѣднее столѣтіе», «Сообщеніе о состояніи и развитіи баптизма въ Европѣ».

Р. С. Игнатьевъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕИ АЛЕКСѢЯ СЕРГѢВИЧА СУВОРИНА.

ФЕВРАЛЯ 27-го исполнилось пятидесятилѣтіе литературной и общественной дѣятельности Алексѣя Сергѣевича Суворина. Рѣдкому изъ русскихъ писателей приходилось дожить до такого юбилея и испытать отрадное чувство торжественнаго признанія своихъ заслугъ обществомъ. Мы не будемъ дѣлать здѣсь оцѣнки полулѣтней плодотворной и выдающейся дѣятельности А. С. Суворина потому, что это было бы лишь повтореніемъ того, что подробно излагается въ многочисленныхъ адресахъ, письмахъ и телеграммахъ, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени». Ограничиваемся описаніемъ празднованія юбилея, исключительнаго по своей обстановкѣ, искренности и торжественности.

Празднованіе началось съ утра 27 февраля. Начала его типографія «Новаго Времени». Здѣсь въ классѣ школы при типографіи собрались, во главѣ съ управляющимъ г. Богдановымъ, всѣ служащіе типографіи, метранпажи и наборщики, служащіе въ главной конторѣ во главѣ съ управляющей ея, г-жой Леонтьевой, администрація и служащіе въ книжномъ магазинѣ, во главѣ съ управляющимъ г. Кормилицынымъ, администрація экспедиціи газеты, разсылные при редакціи и типографіи, рабочіе, ученики школы. Законоучитель школы протоіерей Любославскій совершилъ торжественное молебствіе, передъ которымъ обратился къ присутствовавшимъ съ краткимъ словомъ.

Послѣ молебствія отправилась на квартиру юбиляра депутація отъ всѣхъ учрежденій типографскихъ, газетныхъ, книжнаго магазина и школы привѣтствовать А. С., при чемъ самый младшій изъ учениковъ вручилъ юбиляру букетъ цвѣтовъ.

Рано утромъ А. С. Суворину былъ присланъ отъ Государя кабинетный фотографическій портретъ Его Величества въ драгоценной рамѣ съ собственноручною надписью: «*А. С. Суворину, честно проработавшему на литературномъ поприщѣ въ теченіе 50 лѣтъ на пользу родной страны.*»

Однимъ изъ первыхъ поздравилъ А. С. сербскій посланникъ, затѣмъ онъ же пріѣхалъ вторично, потому что получилъ телеграмму отъ сербскаго министра-президента съ порученіемъ поздравить Алексѣя Сергѣевича отъ имени королевскаго сербскаго кабинета министровъ. Изъ русскихъ сановниковъ посѣтили юбиляра министры: военный — генералъ Редигеръ, морской — свиты Его Величества контръ-адмиралъ Воеводскій, финансовъ — статсъ-секретарь Коконцовъ, юстиціи — тайный совѣтникъ Щегловитовъ, народнаго просвѣщенія — тайный совѣтникъ Шварцъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода тайный совѣтникъ Лукьяновъ, государственный контролеръ тайный совѣтникъ Харитоновъ, дворцовый комендантъ генералъ-лейтенантъ Дедюлинъ, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ гофмейстеръ Извольскій, министръ путей сообщенія тайный совѣтникъ Рухловъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ князь Оболенскій, графъ Витте, статсъ-секретарь Куломзинъ, директоръ императорскихъ театровъ г. Теляковскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Чарыковъ, членъ государственнаго совѣта графъ С. Д. Шереметевъ, русскій министръ-президентъ въ Черногоріи дѣйствительный статскій совѣтникъ Максимовъ, с.-петербургскій градоначальникъ генералъ Драчевскій.

Дамы — жены сотрудниковъ, вмѣстѣ съ Е. И. Сувориной, женой редактора Мих. Ал. Суворина, привѣтствовали юбиляра въ часъ дня на квартирѣ и поднесли хрустальную въ художественной серебряной оправѣ вазу съ живыми цвѣтами; на вазѣ надѣта на цѣпочкѣ серебряная дощечка съ именами всѣхъ подносившихъ. Было много подношеній и подарковъ отъ частныхъ лицъ.

Въ Дворянскомъ собраніи торжественный юбилейный актъ начался молебствіемъ. Залъ былъ полонъ: въ немъ собралось свыше 4,000 человекъ, всѣ по именнымъ билетамъ. Даже были заняты всѣ хоры, опоясывающіе огромный залъ. Въ молебнѣ приняли участіе въ сослуженіи преосвященному Евлогію цензоръ архимандритъ Меодій, настоятель Казанскаго собора протоіерей Сосняковъ, настоятель Воскресенскаго женскаго монастыря протоіерей Буткевичъ, законоучитель школы при типографіи Суворина священникъ Любославскій.

Въ глубинѣ зала, на эстрадѣ, обведенной бордюромъ тропическихъ деревьевъ, размѣстился оркестръ графа А. Д. Шереметева и цѣвцы соединенныхъ хоровъ Архангельскаго и Славянской.

Алексе́й Серге́евич Сувори́нъ (1909 г.)

При появленіи А. С. Суворина залъ задрожалъ отъ рукоплесканій, и оркестръ присоединилъ къ нимъ «Славу» (композиція М. Владимірова).

А. С. Суворинъ сталъ внизу у эстрады. Съ лѣвой стороны въ золотыхъ облаченіяхъ вышло духовенство, въ преднесеніи свѣтильниковъ шелъ преосвященный Евлогій холмскій; на приготовленномъ передъ эстрадой мѣстѣ стоялъ молебный столикъ съ крестомъ и евангеліемъ и иконою Спасителя. Его окружило духовенство, и преосвященный совершилъ благодарственное молебствіе. Хоръ Архангельскаго прекрасно исполнилъ концертное «Тебе Бога хвалимъ». Послѣ того придворный протодіаконъ Громовъ возгласилъ царское многолѣтіе и многая лѣта Державѣ Россійской.

Тогда преосвященный Евлогій, осѣнивъ крестомъ собраніе, обратился къ А. С. съ слѣдующей рѣчью:

«Глубокоуважаемый

«Алексѣй Сергѣевичъ!

«Мнѣ выпала высокая честь вашъ прекрасный юбилейный праздникъ, праздникъ печатнаго слова—освятить словомъ Божиимъ и молитвой.

«Сейчасъ въ ушахъ вашихъ прозвучали великія, святія слова нашего Божественнаго Учителя: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ». Эти слова, мнѣ кажется, являются лучшимъ эпиграфомъ вашей трудовой жизни, которая была единымъ, непрерывнымъ подвигомъ служенія нашей родинѣ. На необозримыя родныя поля своимъ печатнымъ словомъ вы сѣяли обильно сѣмена правды и добра. Теперь долгій тяжелый рабочій день вашъ склонился къ вечеру, когда усталому труженнику, быть можетъ, пора и отдохнуть. Да будетъ же тихъ и ясенъ этотъ вечеръ вашей жизни, озаряемый кроткими лучами любви и благословеніемъ Того, Кто есть свѣтъ, истина и жизнь, и въ Комъ всѣ труждающіеся и обремененные дѣйствительно находятъ отраду и покой душамъ своимъ».

Послѣ слова архіерея протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Алексѣю Сергѣевичу Суворину. Преосвященный осѣнилъ юбиляра крестомъ. Кончилось молебствіе, публика въ залѣ сѣла на мѣста. Съ эстрады тогда сообщено было о царскомъ подаркѣ юбиляру.

Зарукоплескалъ залъ, хоры и оркестръ слились въ звукахъ народнаго гимна, повтореннаго трижды при громѣ рукоплесканій и крикахъ «ура».

А. С. Суворинъ занялъ мѣсто за почетнымъ столомъ на эстрадѣ, окруженный членами юбилейнаго комитета и сотрудниками своей газеты.

Начался длинный рядъ поздравленій. Вереницей, одна за другой, подходили къ столу депутаціи и подносили свои адреса, читали ихъ, говорили привѣтствія.

Первымъ читался адресъ отъ литературно-художественнаго общества, устраивавшаго юбилей; читалъ его директоръ театральной школы имени Суворина, г. Далматовъ.

Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ адресъ.

Второй адресъ подносили сотрудники газеты. А. А. Столыпинъ заявилъ, что сотрудники газеты собрали 15,000 р. на премію имени Суворина при императорской академіи наукъ за лучшее литературное сочиненіе.

Одинъ изъ старыхъ сотрудниковъ прочиталъ самый адресъ, также вызвавшій рукоплесканія всего зала.

Послѣ того привѣтствовали юбиляра адресомъ фракціи государственной думы—союзъ 17 октября во главѣ съ А. И. Гучковымъ, фракція умѣренно-правыхъ во главѣ съ г. Балашовымъ, фракція націоналистовъ во главѣ съ епископомъ Евлогіемъ, клубъ общественныхъ дѣятелей во главѣ съ М. В. Красовскимъ разныя общества, журналы, изданія, словомъ—болѣе 80 депутацій. Дефилировали передъ юбиляромъ тутъ и ученые общества, и военные, и женщины, привѣтствовали артисты и артистки... Императорская русская опера поднесла золотой вѣнокъ. Другой вѣнокъ отъ русскихъ драматурговъ вручилъ г. Протопоповъ. Громадныхъ размѣровъ адресъ, едва вмѣстившійся на ширинѣ стола, прочиталъ и передалъ отъ москвичей г. Ежовъ, но еще большихъ размѣровъ вѣнокъ вручили драматическіе артисты. Старообрядцы поднесли икону.

Закончилось торжество въ шестомъ часу кантатой музыки М. М. Иванова на слѣдующія слова Шуфа:

Свѣтлый увѣнчанной славой,
 Въ царствѣ безвѣстномъ дотоль,
 Правиль свою державой
 Старый и мудрый король.
 Грозенъ онъ рѣчью громовой,
 Внемлетъ той рѣчи земля.
 Властно правдивое слово —
 Блещущій мечъ короля.
 Мчатся послушныя стрѣлы,
 Слову весь міръ покоренъ,
 Царства все шире предѣлы,
 Гордо возвысился тронъ.
 Солнце взошло величаво,
 Будемте солнце встрѣчать!
 Славься, шестая держава,
 Слава Суворину, слава!
 Славься имъ наша печать!

Сердцемъ свой край возлюбившій,
 Вѣрный отечества сынъ,
 Ты—полстолѣтъя служившій,
 Русской земли исполинъ!
 Скипетръ желѣзный взявъ въ руки,
 Творчествомъ ты вдохновенъ.
 Ты для искусствъ и науки
 Свѣтлый открылъ Пантеонъ.
 Даръ твой высокій безспоренъ,
 Полонъ живой онъ любви,—
 Славься во-вѣки, Суворинъ,
 Долгіе годы живи!
 Солнце взошло величаво,—
 Будемте солнце встрѣчать!
 Славься, шестая держава,
 Слава Суворину, слава!
 Славься имъ наша печать!

Къ концу акта почетный столъ былъ заваленъ: цѣлая гора дипломовъ, адресовъ и т. д. закрывала сидящихъ за столомъ.

Телеграммъ и писемъ получены тысячи во всѣхъ концахъ Россіи и изъ-за границы.

Здѣсь были привѣтствія печати, русской и иностранной, писателей, ученыхъ, художниковъ, музыкантовъ, артистовъ, городскихъ управленій, земскихъ учрежденій, и т. д. Изъ-за границы съ особенной сердечностью откликнулись представители славянства. До поздней ночи продолжали поступать телеграммы съ разныхъ концовъ свѣта.

Литературно-Художественное общество поднесло дипломъ на званіе почетнаго члена. Дипломъ стильный, въ видѣ старой грамоты, въ футлярѣ изъ желтой свиной кожи. Дипломъ написанъ на пергаментѣ, весь орнаментъ и буквы—разныхъ красокъ, но блѣдныхъ цвѣтовъ, исполнены въ стилѣ эпохи Дмитрія Самозванца; его рисовалъ художникъ Курдиновскій по указаніямъ профессора Соболевскаго. Съ середины пергамента спускается привѣшенная на шнурѣ печать изъ краснаго воска. Литературно-Художественнаго общества. Печать въ стилѣ той же эпохи. Адресъ читалъ г. Далматовъ. Взрывъ аплодисментовъ всего зала сопровождалъ чтеніе адреса.

Оригиналенъ затѣмъ адресъ сотрудниковъ «Новаго Времени»; онъ въ кожаномъ бюварѣ—стиля empire. Внутри первый листъ—точная копія перваго номера «Новаго Времени», какъ онъ вышелъ 29 февраля 1876 г.; въ листъ вложенъ адресъ съ виньеткою художника Соломко и закрываетъ адресъ—копія съ послѣдняго юбилейнаго номера, портретъ юбиляра, какъ онъ отпечатанъ въ послѣднемъ номерѣ 27 февраля. Послѣ заявленія председателя юбилейнаго комитета А. А. Столыпина объ учрежденіи сотрудниками преміи (процентовъ съ собраннаго капитала въ 15 тысячъ) при

академіи наукъ за лучшее литературное произведеніе, г. Прокофьевъ прочиталъ адресъ. Чтеніе покрыто рукоплесканіями.

Думская фракція союза 17 октября привѣтствовала адресомъ, прочитаннымъ А. И. Гучковымъ. Чтеніе адреса прерывалось бурными аплодисментами. Адресъ заключенъ въ раму и украшенъ группою портретовъ октябристовъ.

Отъ умѣренныхъ правыхъ адресъ читалъ г. Балашовъ.

Депутацію думскихъ націоналистовъ составили еписковъ Евлогій, читавшій адресъ, князь Урусовъ и г. Бѣляевъ.

Клубъ общественныхъ дѣятелей выдѣлилъ депутацію изъ своего предсѣдателя, члена государственнаго совѣта г. Красовскаго, гг. Дурнякина и Чистякова.

Воронежскій кадетскій корпусъ, гдѣ воспитывался А. С. Суворинъ, и воронежское городское училище, гдѣ онъ училъ, поднесли свои адреса.

Депутатъ бобровскаго земства г. Звегинцевъ произнесъ прекрасную рѣчь:

«Алексѣй Сергѣевичъ!

«Я посланъ къ вамъ отъ того уголка Русской земли, гдѣ вы родились, гдѣ протекли ваши дѣтскіе годы.

«Что тѣ или инныя захопустя помнятъ своихъ большихъ людей, чествуютъ ихъ—что въ томъ удивительнаго? Вѣдь часть блеска, часть извѣстности распространяется и на нихъ, недаромъ же въ путеводителяхъ въ числѣ достопримѣчательностей указывается: «здѣсь родился такой-то». Гораздо рѣже люди, выбившіеся въ верхи общественнаго положенія, охотно вспоминаютъ тѣ мѣста, гдѣ имъ приходилось бороться на первыхъ порахъ ихъ работы. Но когда оно бываетъ, то это вѣрный признакъ истиннаго благородства души. Вы, Алексѣй Сергѣевичъ, никогда не забывали своего Коршева, а за нимъ и Бобровскаго уѣзда. Вы и въ печати объ нихъ не разъ вспоминали; вы всегда чутко отзывались на нужды народнаго просвѣщенія въ вашемъ родномъ краю. Отъ васъ шли деньги; наконецъ вы и садъ вашъ, и усадьбу, гдѣ родились, отдали земству, чтобы поставить школу, построенную на ваши же средства.

«Сегодня мы пользуемся днемъ вашей золотой литературной свадьбы, чтобы на людяхъ выразить нашу глубокую благодарность и привѣтствовать щедрога для васъ жертвователя, для родины—безкорыстнаго славнаго работника».

Адресъ отъ петербургской городской думы, поднесенный тремя гласными, былъ въ роскошномъ переплетѣ стилия empire, съ громадными золотыми инициалами въ серединѣ верхней крышки и эмалевымъ гербомъ столицы.

Отъ старой Москвы — громаднѣйшій бюваръ съ многими сотнями подписей, среди нихъ—самыя блестящія имена москвичей.

Русское общество драматическихъ писателей поднесло золоченый лавровый вѣнокъ на бѣломъ бархатномъ щитѣ.

Отъ Николаевской академіи генеральнаго штаба было сказано привѣтствіе, также отъ союза націоналистовъ.

Отъ «Историческаго Вѣстника» — адресъ въ серебряномъ бюварѣ, верхняя доска котораго, работы Треймана, художественно изображаетъ обложку журнала.

Отъ театра Литературно - Художественнаго общества адресъ прочла г-жа Миринова.

Отъ императорскаго Александринскаго театра адресъ читалъ г. Давыдовъ, тутъ же стояли г-жа Савина и г. Варламовъ. Последний, поздравляя юбиляра, по-русски его обнялъ и поцѣловалъ.

Императорская русская опера поднесла золотой лавровый вѣнокъ на бархатномъ голубомъ щитѣ. Депутацію составляли гг. Ершовъ, Тартаковъ и Филипповъ.

Адресъ итальянской оперы читалъ г. Нардуччи, въ депутацію вошли г-жа Л. Кавальери, г. Наварини и г. Гвиди.

Далѣе шли:

Александровскій комитетъ о раненыхъ.

Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ.

Русское собраніе—въ составѣ предсѣдателя князя Шаховскаго, товарища предсѣдателя графа Гейдена и трехъ членовъ совѣта.

Газета «Голосъ Москвы» (профессоръ Грибовскій и Ф. И. Гучковъ).

Газета «Голосъ Правды» (г. Бобрищевъ-Пушкинъ).

Театральное общество (за вице-президента тайный совѣтникъ Плющевскій-Плющикъ).

Библиологическое общество (профессоръ Ловягинъ).

Славянское общество.

Галицко-Русское общество (предсѣдатель графъ Бобринскій, профессоръ Кулаковскій).

Газета «Россія».

Газета «Свѣтъ» (редакторъ г. Комаровъ и княгиня Бебутова).

«Московскія Вѣдомости».

Лига обновленія флота (генераломъ Беклемишевымъ сообщено постановленіе о присужденіи юбиляру золотой медали лиги).

Чешскій національный совѣтъ.

Монахъ-чехъ Вячеславъ, подойдя къ юбиляру съ большою просфорой, привѣтствовалъ его отъ всѣхъ чеховъ православныхъ стихотворнымъ экспромтомъ.

А затѣмъ, передавая чувства чеховъ къ русскимъ людямъ, высказалъ, что безъ Россіи не можетъ жить и бороться славянство, а пока жива Россія — будутъ и славяне. Это онъ произнесъ въ такомъ восторженномъ, энергичномъ тонѣ, что наэлектризовалъ весь залъ, и громъ рукоплесканій понесся къ оратору-славянину.

Общество востоковѣдѣнія—предсѣдатель генераль-майоръ Шведовъ.

Типографія «Новаго Времени».

Театральная школа имени А. С. Суворина.

Русское окраинное общество.

Газета «Кіевлянинъ»—редакторъ г. Пихно.

Кабинетъ Алексѣя Сергѣевича Суворина.

Петровская колонія русскаго общества печатнаго дѣла.

Вспомогательная касса наборщиковъ.

Служащіе въ учрежденіяхъ А. С. Суворина.

Редакція «Zeitung».

«Петербургскій Листокъ»—редакторъ Скроботовъ, адресъ съ виньеткою художника Владимірова.

«Русскій Инвалидъ».

Газета «Русская Правда».

Общество поощренія женскаго профессиональнаго образованія.

Газета «Вечеръ».

Общество «Русское Зерно».

Петровское общество вспоможенія бѣднымъ.

Военные журналы (изданія Березовскаго) «Развѣдчикъ», «Витязь» и «Вѣстовой» поднесли юбиляру хлѣбъ-соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ съ деревянною солонкой, покрытый полотенцемъ, въ которое вдѣланы поперечныя полосы атласа, на нихъ напечатанъ текстъ адреса, картинныя заголовки трехъ изданій и кусочекъ фелетона «Новаго Времени» 1885 г., имѣющій отношеніе къ журналу «Развѣдчикъ».

Изъ депутацій особенно надо выдѣлить двѣ депутаціи: людей русской старой вѣры — старообрядцевъ петроградской громовской общины и старообрядческаго братства св. ап. Петра и Павла.

Отъ академическаго союза спб. политехническаго института и отъ академической корпораціи при спб. университетѣ. Адресъ послѣдней былъ украшенъ университетскимъ знакомъ.

Далѣе шли: составъ служащихъ въ учрежденіяхъ А. С. Суворина, учредившихъ стипендію въ 2¹/₂ тысячи рублей въ одномъ изъ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеній имени юбиляра.

Отъ спб. комитета Краснаго Креста района Московской заставы.

Отъ графини Апраксиной, учредившей стипендію имени А. С. въ торговой школѣ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

Екатеринославское литературно-просвѣтительное общество въ память Гоголя.

Редакція «Литературнаго Обзорнія».

Учебный воздухоплавательный паркъ.

Общество служащихъ въ книжныхъ и музыкальныхъ торговыхъ и библіотекахъ.

Товарищество Сытина.

Журналъ «Шутъ».

Журналъ «Осколки».

Редакція журнала «Обзорніе психіатріи, невропатологіи и экспериментальной психологіи».

Хоръ Архангельскаго.

Театръ «Фарсъ».

Литейный театръ.

Народный журналъ «Дружескія Рѣчи».

Редакція «Свѣтлый Лучъ».

Словолитня Лемана.

Переплетная и типографія Гаевского.

Общество служащихъ въ печатныхъ заведеніяхъ.

Общество взаимопомощи служащихъ въ музыкальныхъ магазинахъ и библіотекахъ.

Артель газетчиковъ.

Товарищество «Контрагентъ печати».

Вечеромъ въ Маломъ театрѣ, переполненномъ снизу доверху, состоялся блестящій спектакль, данный въ честь А. С. Суворина. Долго не смолкавшіе аплодисменты привѣтствовали появленіе юбиляра. Представленіе началось его одноактной пьесой «Онъ въ отставкѣ», мастерски разыгранной г-жой Роциной-Инсаровой, гг. Давыдовымъ, Нерадовскимъ и Чубинскимъ. Давыдовъ въ роли отставного министра былъ великолѣпенъ. Авторъ былъ неоднократно вызванъ. Затѣмъ шелъ 3-й актъ «Татьяны Рѣпиной» въ исполненіи артистовъ Александринскаго театра во главѣ съ создательницей заглавной роли—М. Г. Савиной. Артистка сразу захватила вниманіе зрителей своей художественной, нервной игрой. Очень хороши были М. П. Домашева и г. Долиновъ-Зонненштейнъ. Новыя оваціи заставили А. С. Суворина снова выйти на сцену. Въ дивертисментѣ пѣли г. Ершовъ и г-жи Кузнецова-Бенуа и Лина Кавальери, танцовали г-жи Кшесинская, Павлова 2-го и г. Кусовъ. Шумный успѣхъ сопровождалъ ихъ художественное исполненіе. Г-жѣ Кузнецовой пришлось повторять безъ конца; она прямо очаровала своимъ голосомъ, исполнивъ съ удивительной тонкостью вальсъ изъ «Ромео и Джульеты». Удивительно красивой вышла «Русская» въ исполненіи г-жи Кшесинской и ея кавалера. Г-жа Павлова въ своемъ танцѣ была самой поэзіей, едва уловимой мечтой.

Въ заключеніе была поставлена живая картина — поставлена такими мастерами искусства и техники, какъ Куинджи, К. Маковский и Голике.

Второй занавѣсъ изображалъ Эртелевъ переулочекъ съ колоссальнымъ домомъ, гдѣ помѣщается «государство Суворина». На авансценѣ была представлена картина обычнаго трудового дня въ типографіи «Новаго Времени».

Вертѣлись цилиндры - ротаціонки, ходилъ печатный станокъ, фальцовщицы на первомъ планѣ торопливо складывали отпечатанные листы, наборщики набирали у станковъ, отъ рабочаго къ рабочему ходилъ настоящій метранпажъ, корректоръ судорожно выправлялъ корректуру.

Потомъ занавѣсъ съ Эртелевымъ переулкомъ поднялся, и чудесный апоэозъ — фантастическая группа красиво расположившихся актеровъ и статистовъ въ эффектныхъ костюмахъ — завершилъ зрѣлище.

Лина Кавальери съ пылающимъ факеломъ въ рукѣ увѣнчивала эту капризно-красивую пирамиду изъ человѣческихъ тѣлъ—красавцевъ и красавицъ, какъ геній искусства и всепобѣждающаго знанія или—въ спеціальному примѣненіи къ случаю—символъ таланта и энергіи, освѣщающихъ путь другимъ.

Картина вызвала живые аплодисменты. Подъ громъ ихъ закончился спектакль почти ровно въ полночь.

Юбилейный день закончился ужиномъ въ ресторанѣ «Медвѣдь». Въ огромномъ залѣ было болѣе 500 человѣкъ. Длинные столы, усыпанные цвѣтами, тянулись по серединѣ, а по стѣнѣ были разставлены маленькіе — на десять человѣкъ каждый. Шумными, долгими аплодисментами встрѣтили А. С. Суворина. Около него, кромѣ членовъ семьи, за столомъ помѣстились: Н. А. Хомяковъ, А. И. Гучковъ, А. С. Ермоловъ, П. Н. Крупенскій, П. М. Балашовъ, гр. Вл. Бобринскій, М. Г. Савина, А. И. Кунджи, Н. Н. Фигнеръ, кн. Л. С. Голицынъ, Н. П. Шубинскій, М. М. Алексѣенко и другіе. За другими столами сидѣло до 80 членовъ государственной думы, многіе видные члены государственнаго совѣта — Череванскій, М. А. Стаховичъ, А. П. Никольскій, Неклюдовъ... Высшіе сановники, выдающіеся военные, множество литераторовъ, журналистовъ, большинство участвовавшихъ днемъ въ депутаціяхъ.

Первый тостъ «по лестному для меня порученію юбиляра» за Государя Императора провозгласилъ Н. А. Хомяковъ. Оркестръ отвѣчалъ гимномъ, который и былъ повторенъ трижды. Среди пѣвшихъ были г-жа Кузнецова, гг. Ершовъ, Фигнеръ, Филипповъ, Давыдовъ и другіе артисты. Образовался мощный и стройный хоръ. Начались рѣчи. Въ нихъ не было недостатка, но за шумомъ въ большомъ залѣ ораторовъ не всѣмъ было слышно. Членъ государственной думы Н. П. Шубинскій произнесъ рѣчь, которую мы восстанавливаемъ по отдѣльнымъ замѣткамъ:

«Глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Мнѣ выпала честь въ этотъ вечерній часъ выразить вамъ отъ себя и моихъ политическихъ друзей нашъ искренній привѣтъ. Была минута, когда я хотѣлъ отказаться сдѣлать это. Послѣ тѣхъ безпримѣрныхъ овацій, какими сегодня днемъ увѣнчали васъ разнообразныя представители земли русской, мнѣ показалось, что человѣческое слово не въ состояніи чѣмъ-либо дополнить испытанныя вами впечатлѣнія. Но мысль моя обратилась къ прошлому, къ вашей полувѣковой блестящей дѣятельности, напомнившей мнѣ чрезвычайную безпредѣльность предстоящей темы. Съ другой стороны, многіе изъ насъ ушли бы неудовлетворенными, не сказавъ вамъ, почему и за какое время намъ особенно дорога ваша дѣятельность и вашъ образъ чуткаго, могучаго журналиста земли русской. Позвольте начать съ далекихъ воспоминаній моего перваго знакомства съ вами. Это было очень давно. Я былъ совѣтъ юношей, вы—журналистомъ,

Алекса́й Серге́евич Суво́ринъ въ своѣмъ кабинетѣ.

уже покрытымъ славой. Это были первые шаги вашей самостоятельной издательской дѣятельности. Помню ту рѣдкую энергію, то исключительное мужество, какія тогда свѣтились въ вашихъ глазахъ. Не вѣ себя вы искали точекъ опоры, какъ мыслить теперь огромное большинство, для задуманнаго вами дѣла. Только опираясь на свой блестящій публицистическій талантъ, на свою энергію, вы начинали рискованное дѣло издательства. Ожиданія ваши оправдались вполнѣ. Хирѣвшая до васъ газета отъ одного прикосновенія вашего таланта, подобно жезлу Аарона, покрылась блестящей листвою. Успѣхъ опередилъ всѣ надежды. Скоро выступила и вторая черта вашихъ рѣдкихъ дарованій—умѣнье чутко угадывать таланты, притягивать ихъ къ себѣ, объединять въ одну мощную силу и тѣмъ сообщать несравненный блескъ предпринятому вами дѣлу. Недавно скромное газетное изданіе быстро завоевало господствующую роль въ русской журналистикѣ и получило широкое и почетное признаніе и распространеніе—таковы первые заслуги ваши передъ страной. Упрочивъ изданіе вашей газеты, вы не замкнулись въ нее, вы обогатили русскую жизнь цѣлымъ рядомъ другихъ блестящихъ изданій. Рядомъ съ газетой вы предприняли изданіе историческаго журнала, имѣющаго широкое признаніе и большую извѣстность. Драгоценнѣйшіе историческіе памятники, изданные вами, восполнили страницы вашего вниманія къ русской исторіи. А общія задачи просвѣщенія получили отъ васъ величайшіе дары въ родѣ дешевыхъ изданій, доступныхъ самымъ широкимъ слоямъ общества.

«Довольно бы и этого для имени славнѣйшаго русскаго журналиста, но ваша мысль неумолчно стремилась и къ инымъ областямъ человѣческаго творчества, къ сценическому искусству. Его вы обогатили многими страницами вашего вдохновенія, въ немъ вы воздали славу лучшимъ его дѣятелямъ, въ немъ вы создали организацію, которая въ исторіи театра сохранить ваше имя. Здѣсь къ голосу моихъ привѣтствій позвольте присоединить голосъ близкаго мнѣ человѣка, посвятившаго всю свою жизнь сценическому искусству, который чтитъ васъ, какъ славнаго служителя этого дѣла и друга сценическаго искусства и его жрецовъ.

«Конечно, рядомъ съ великими триумфами, какіе доставилъ вамъ полувѣковой подвигъ, были и великіе терніи, какіе пережила русская журналистика въ недавнее время русской жизни. Кто не помнитъ той неустойчивости, перемѣнчивости и тѣхъ угрозъ, среди которыхъ весьма недавно протекала жизнь русскаго журналиста? Едва вспыхнувшая заря относительной свободы мгновенно смѣнилась долгою и непроглядною тьмой. Чья карающая рука не управляла мыслью, разумомъ, вдохновеніемъ журналиста, иногда полная гнѣва, опасныхъ угрозъ, и тутъ же чуждая нерѣдко пониманія тѣхъ великихъ проблемъ, какія журналистика вносила

въ русскую жизнь. Но, слава Богу, это пережито. А сегодняшний день къ радости торжества только присоединяетъ мысль, какою цѣной досталось оно. Да, тяжелая была эпоха, когда полуслова, намеки, сказанные сегодня, завтра объявлялись преступленіемъ, и наоборотъ.

«Нужно было много осторожности, энергіи, чтобы пройти среди этихъ подводныхъ скалъ и удержать любимое дѣло въ полосѣ относительной безопасности. Многія недосказанныя тогда слова стали теперь фактами, и мы склоняемъ передъ вами за эти прошлыя усилія нашу благодарную рѣчь.

«Особенно же дорого для насъ стало ваше имя въ тяжелые смутные дни русской жизни. Еще столь надалеки они. Чтобы разобраться въ нихъ, нужно возвратиться къ далекому прошлому.

«Всѣ мы съ раннихъ лѣтъ жизни воспитывались въ идеалахъ свободы. Свобода воспѣвалась въ прозѣ, въ стихахъ. На театральныхъ подмосткахъ герои, поучая насъ, боролись и умирали за нее. Свобода являлась завѣтной мечтой, конечной цѣлью нашихъ желаній, нашей обѣтованной землей. Мы ждали, что придетъ она, одѣтая въ бѣлыя пелены, съ лучезарнымъ вѣнцемъ на головѣ, и принесетъ въ нашу жизнь всѣ лучшія духовныя блага: дастъ намъ миръ, спокойствіе, общую любовь, братство, справедливость... И мы ужаснулись, когда она явилась передъ нами истерзанная, покрытая багряницею, отливавшей пожарами, кровью, когда она принесла намъ ужасы гнѣва, ненависти, насилія и убійствъ. Мы ужаснулись ея, и въ нашихъ глазахъ мракъ печали и ужасовъ окуталъ русскую жизнь. Эта тяжелая эпоха имѣла своихъ глашатаевъ, своихъ герольдовъ, своихъ проповѣдниковъ. Разгоряченныя страсти чуть не въ первую линію выносили ихъ на арену публичнаго вниманія. Вы не убоились уступить имъ минутное торжество, минутное первенство—и стать вмѣстѣ съ нами въ ряды отсталыхъ. Вы не разукрасились ни красными флагами, ни зелеными кокардами; вы, какъ вѣковой утесъ, среди величайшей бури остались вѣрны себѣ. Буря пройдетъ, море уляжется, и утесъ попрежнему будетъ господствовать надъ нимъ. Вы не убоились тогда сказать слова правды, призвать къ порядку, напомнить о великихъ національныхъ историческихъ основахъ государственной жизни. Вы были маякомъ въ тяжелую ночь, когда мракъ окуталъ русскую жизнь, когда не было ни святыхъ, ни человѣческихъ законовъ, которые не попирались бы дерзновенными кликами минутныхъ вдохновителей народныхъ массъ. Вы изъ первыхъ угадали, что, переставъ быть цѣлью и сдѣлавшись средствомъ, свобода для блага страны должна стать достояніемъ народа, подготовленнаго понять ее,—понять не только въ смыслѣ огромныхъ правъ, какія она несетъ, но и еще большихъ обязательствъ въ отношеніи другихъ, какія налагаетъ она. Въ рукахъ подготовленнаго народа всюду свобода

источникъ величайшихъ благополучій; въ рукахъ не подготовленныхъ—источникъ великихъ горестей и золь. Наши мысли направлены сейчасъ сдѣлать все доступное нашимъ силамъ для подготовки народа къ воспринятію всѣхъ свободъ для мирнаго благополучія и счастья всѣхъ людей. Мы чувствуемъ, что на этомъ пути вы идете рядомъ съ нами, иногда опережаете насъ. Но вы учааете, а мы дѣлаемъ. Такъ и должно быть. И мы вѣримъ, что и на этомъ пути вы окажете новыя великія услуги нашей странѣ вашимъ несравненнымъ талантомъ, вашимъ полувѣковымъ опытомъ, вашимъ великимъ благоразуміемъ, вашей вдохновенной мудростью. Да процвѣтутъ ваши силы еще на многіе годы для блага и славы родной земли».

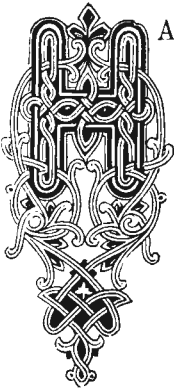
А. С. Ермоловъ поднялъ бокалъ за жену юбиляра, членъ думы Кривцовъ сказалъ нѣсколько словъ отъ бывшихъ питомцевъ воронежскаго корпуса, М. Д. Чельшевъ предложилъ тостъ «за русскихъ матерей, рождающихъ такихъ богатырей», какъ Суворинъ. Среди рѣчей съ эстрады неожиданно раздалось пѣніе: «Налейте, налейте бокалы полнѣе...» Пѣли Кузнецова-Бенуа и Фигнеръ. Это было красиво и неожиданно.

Много еще было тостовъ, и большинство оставалось въ ресторанѣ долго послѣ отъѣзда юбиляра, который уѣхалъ въ 3 часа. Многіе оставались до утра, и только въ восьмомъ часу опустѣлъ залъ.

ПАМЯТИ КНЯГИНИ Н. Б. ТРУБЕЦКОЙ.

А НЕБОСКЛОНЪ нашей общественной благотворительности закатилась звѣзда первой величины, ярко сіявшая на немъ болѣе полувѣка: 23-го февраля скончалась въ Москвѣ на 97-мъ году жизни статсъ-дама княгиня Надежда Борисовна Трубецкая. Трудно представить себѣ жизнь болѣе свѣтлую и прекрасную, болѣе чистую и праведную въ самомъ истинномъ, христіанскомъ значеніи слова. Съ юныхъ лѣтъ покойная княгиня горѣла любовью къ ближнимъ, приходила на помощь страждущимъ, убогимъ и несчастнымъ, всякаго старалась обласкать и утѣшить, всякому оказывать нравственную или матеріальную поддержку. Это была, такъ сказать, прирожденная благотворительница, какъ бываютъ прирожденные таланты, благотворительница Божіей милостью, одаренная рѣдкимъ, чисто золотымъ сердцемъ, и такую она оставалась до самаго конца своей многолѣтней, плодотворной жизни.

Родившись 20 октября 1812 года въ городѣ Пензѣ и происходя изъ рода князей Святополкъ-Четвертинскихъ, а по женской линіи отъ боярина Артамона Матвѣева, кн. Н. Б. Трубецкая провела дѣтство со своими родителями сначала въ Нижегородской губерніи, потомъ въ Московской—въ сельцѣ Филимонкахъ, Подольскаго уѣзда. Отецъ ея, кн. Борисъ Антоновичъ Святополкъ-Четвертинскій былъ сыномъ знаменитаго каштеляна перемышльскаго и кавалера Бѣлаго Орла, Антона Станислава Святополкъ-

Четвертинскаго, убитаго въ 1794 году на Саксонской площади въ Варшавѣ инсургентами за свою приверженность Россіи и русскому престолу. Рассказываютъ, что 13-лѣтній Б. А., посланный своей матерью разыскивать убитаго отца, нашелъ его въ грудѣ обезображенныхъ труповъ только по перстню на рукѣ. Католикъ по происхожденію, кн. Борисъ Антоновичъ женился на православной, княжнѣ Надеждѣ Ѳеодоровнѣ Гагариной, которая умерла въ Москвѣ въ 1887 году, доживъ до глубокой старости. Когда князь Борисъ Антоновичъ пожелалъ утвердиться въ Россіи въ своемъ княжескомъ титулѣ и обратился съ соотвѣтствующей просьбой къ министру юстиціи, то ему пришлось натолкнуться на неожиданное препятствіе въ видѣ необходимости представить документы, удостовѣряющіе его княжеское происхожденіе, и такъ какъ документовъ этихъ не оказалось налицо, то ему было отказано въ просьбѣ. Тогда онъ обратился съ ходатайствомъ на Высочайшее имя, и императоръ Николай I положилъ слѣдующую резолюцію: «Признать князя Бориса въ княжескомъ достоинствѣ, принимая во вниманіе, что еще въ дѣтствѣ привезенъ онъ съ сестрами въ С.-Петербургъ въ 1794 году по смерти отца въ Варшавѣ, и пользовался княжескимъ титуломъ, по смутнымъ же временамъ, бывшимъ при смерти его отца въ Польшѣ, находился въ совершенной невозможности получить документы, доказывающіе права его на княжеское достоинство».

Это было въ 1843 году. Но вернемся къ тому періоду времени, когда князь Б. А. Святополкъ-Четвертинскій проживалъ со своей семьей въ сельцѣ Филимонкахъ. Не легко ему жилось здѣсь. На рукахъ у него была огромная семья, а средствами онъ обладалъ небольшими. Говорили тогда, что у него было всего 14 душъ крестьянъ, т. е. ровно столько же, сколько и дѣтей, которымъ онъ все же старался дать приличное по тому времени домашнее воспитаніе, отличавшееся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и большою строгостью, о чемъ покойная княгиня любила вспоминать и охотно рассказывала до самой своей смерти. Такъ проживала эта княжеская семья «въ глуши забытаго селенья», въ полной неизвѣстности и заброшенности, до тѣхъ поръ, пока не случилась коронація. Тутъ только вспомнили о князѣ Б. А. Святополкъ-Четвертинскомъ. Императоръ Николай I призвалъ его къ себѣ, всячески обласкалъ его и назначилъ на должность шталмейстера при московскомъ Колымажномъ дворѣ. Съ той поры на семью его, какъ изъ рога изобилія, стали сыпаться разныя царскія милости. Тогда же покойная княгиня, еще будучи дѣвушкой, была назначена фрейлиной императрицы Александры Ѳеодоровны. Она любила дѣлиться воспоминаніями объ этомъ счастливомъ для нея времени.

«Императоръ Николай I, — рассказывала она, — былъ истиннымъ благодѣтелемъ для всей нашей семьи. Бывало, когда дворъ пріѣзжаетъ

въ Москву, это было для насъ настоящей семейной радостью. Какое наслажденіе было находиться въ тѣсномъ домашнемъ кругу императора, который такъ привѣтливъ и ласковъ былъ со всѣми

Княгиня Надежда Борисовна Трубецкая.

нами! Онъ смѣялся и шутилъ съ нами, какъ самый обыкновенный, простой смертный. Иногда принимался читать вслухъ какую-нибудь французскую книжку, а мы слушали. Какъ-то разъ прочиталъ намъ нѣсколько стихотвореній Пушкина, восхищаясь его талан-

томъ. Вообще я чувствовала себя среди императорской семьи, какъ у себя дома».

Передавала она еще слѣдующій рассказъ, также имѣвшій мѣсто до ея замужества:

«Однажды былъ при дворѣ танцевальный вечеръ, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, будучи тогда еще небольшимъ подросткомъ. Замѣтивъ у мальчика сонные глаза, императрица Александра Ѳеодоровна велѣла ему итти спать. Наслѣдникъ заупрямился и не хотѣлъ слушаться матери. Императрица настойчивѣе повторила свое требованіе. Тогда наслѣдникъ, видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, подошелъ къ намъ, фрейлинамъ, и сталъ просить, чтобы мы за него заступились, и императрица уважила наше ходатайство и наслѣднику было разрѣшено остаться на вечерѣ, къ полному его удовольствію».

Въ февралѣ 1834 года княгиня Надежда Борисовна вышла замужъ за князя А. И. Трубецкого. Свадьба была пышно отпразднована въ собственномъ домѣ князя Святополкъ-Четвертинскаго на Знаменкѣ, — въ томъ самомъ домѣ (нынѣ принадлежащемъ Щукину), гдѣ покойная княгиня прожила до самой своей смерти. Послѣ свадьбы ей пришлось жить съ мужемъ нѣкоторое время въ Астрахани, а потомъ въ Вильнѣ, гдѣ князь Трубецкой занималъ должность вице-губернатора. Изъ этой полосы своей жизни княгиня Надежда Борисовна часто вспоминала нижеслѣдующій характерный эпизодъ.

Виленскимъ генераль-губернаторомъ былъ тогда князь В. А. Долгоруковъ (братъ московскаго генераль-губернатора), человѣкъ въ высшей степени властолюбивый и вадменный. Какъ-то разъ княгиня ѣхала куда-то съ визитомъ въ сопровожденіи одного изъ своихъ родственниковъ. Экипажъ быстро несся впередъ, влекомый порою великолѣпныхъ лошадей. Вдругъ изъ-за угла показалась генераль-губернаторская коляска, въ которой сидѣлъ самъ князь Долгоруковъ, и, преграждая имъ путь, медленно покатила впереди нихъ.

— Обгоняй!—приказала своему кучеру княгиня Трубецкая, не любившая тихой ѣзды.

Кучеръ не вѣрилъ ушамъ. Приказаніе обогнать экипажъ генераль-губернатора показалось ему ни съ чѣмъ не сообразнымъ, и онъ не рѣшался его исполнить.

— Обгоняй же, говорю тебѣ!—строго повторила княгиня, и кучеру ничего больше не оставалось дѣлать, какъ только ударить вожжами и быстро пронестись мимо изумленнаго генераль-губернатора, который едва успѣлъ скользнуть взглядомъ по промчавшимся мимо сѣдокамъ. Однако онъ узналъ въ нихъ жену своего подчиненнаго и ея родственника, носившаго ненавистную ему польскую фамилію князей Четвертинскихъ. Не будъ этого послѣдняго здѣсь, возможно,

что инцидентъ окончился бы благополучно, но его, генераль-губернатора и русскаго князя, осмѣлился обогнать какой-то «полячишко»—этого уже не могъ вынести князь Долгоруковъ. И вотъ въ тотъ же день князь А. И. Трубецкой получаетъ отъ него строжайшій выговоръ за свою жену, которая не отнеслась къ нему, виленскому генераль-губернатору, безъ достаточнаго почтенія. Княгиня Надежда Борисовна отличалась всегда очень вспыльчивымъ характеромъ и лишь только она узнала объ этомъ выговорѣ, немедленно отправилась къ князю Долгорукову, чтобы потребовать отъ него надлежащихъ объясненій. Однако ей удалось видѣть лишь жену его, которой она тотчасъ же устроила бурную сцену, обвиняя ея мужа въ некорректномъ и нетактичномъ по отношенію къ ней поведеніи. Кончилась вся эта исторія тѣмъ, что князь Долгоруковъ поспѣшилъ прислать княгинѣ Н. Б. Трубецкой извинительное письмо, которое уцѣлѣло въ ея бумагахъ.

Съ пріѣздомъ покойной княгини въ Москву на постоянное жительство въ ея общественно-благотворительной дѣятельности открывается блестящая эра. Возникаетъ цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій, въ которыхъ она принимаетъ самое близкое и непосредственное участіе. Такъ, она является одною изъ основательницъ Комиссаровскаго училища, состоитъ попечительницей Ольгинскаго и Ксеніинскаго пріютовъ, почетнымъ членомъ дамскаго попечительства о бѣдныхъ и т. д. Въ 1861 году она кладетъ начало Братолюбивому обществу снабженія неимущихъ квартирами, первоначальной ячейкою котораго служитъ нанятая ею квартира въ домѣ Воейкова, у Калужскихъ воротъ, гдѣ получили пріютъ бѣдняки, оставшіеся безъ крова вслѣдствіе случившагося въ тотъ годъ колоссальнаго разлива рѣки Москвы. Благодаря неутомимой дѣятельности покойной княгини изъ этой крошечной ячейки выросло огромное общество, располагающее въ настоящее время 37 домами и двухмилліоннымъ капиталомъ.

Братолюбивому обществу княгиня Надежда Борисовна отдавала, можно сказать, всю свою душу. Она понимала, что снабженіе бѣдныхъ дешевыми квартирами въ сущности является лучшей и наиболѣе рациональной формой благотворенія. Въ дешевыхъ квартирахъ осуществляется идея о призрѣніи бѣдной семьи въ полномъ составѣ и облегчается забота объ устройствѣ отдѣльныхъ ея членовъ. Практика выяснила, что колонизація бѣдныхъ семействъ на дешевыхъ квартирахъ, при снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, какъ-то: работою, даровымъ обученіемъ дѣтей, врачебною помощью, даровыми лекарствами и т. п.,—дѣйствительно составляетъ рациональный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый дешевый способъ благотворенія. Вѣковой опытъ показалъ, что нѣтъ возможности устроить всѣхъ бѣдныхъ сиротъ, всѣхъ безпомощныхъ стариковъ и старухъ, не говоря уже о томъ, что для поддержки

бѣдныхъ вдовъ съ малолѣтними дѣтьми въ прежнее время благотворительность почти ничего не создавала. Поэтому въ идеѣ дешевыхъ квартиръ для бѣдныхъ осуществляется тотъ идеалъ, къ которому благотворительность всегда стремилась, а именно: организація помощи истинной бѣдности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нельзя упускать изъ виду еще и того, что въдѣ дешевыя квартиры служатъ также для поощренія трудолюбія бѣднѣйшихъ классовъ населенія и способствуютъ нравственному воспитанію молодежи, растущей въ этой средѣ, ибо на этихъ квартирахъ бѣдныя матери спокойно и удобно могутъ заниматься честнымъ трудомъ, обезпечивающимъ ихъ существованіе, а дѣти ихъ, пользуясь даровымъ религіозно-нравственнымъ образованіемъ, могутъ сдѣлаться полезными слугами отечества.

Все это отлично сознавала покойная княгиня, и вотъ почему службу въ Братолюбивомъ обществѣ, гдѣ она состояла предсѣдательницей со дня его возникновенія, она считала важнѣйшимъ дѣломъ всей своей жизни: ему она отдавала и всѣ силы свои, и весь свой досугъ. Поглощенная дѣлами этого общества, она, однако, удѣляла много вниманія и разнымъ другимъ благотворительнымъ дѣламъ. Такъ, она состояла предсѣдательницей п мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста. Когда въ 1877 г. началась война съ Турціей она немедленно отправилась на театръ военныхъ дѣйствій во главѣ санитарнаго поѣзда. Тамъ, на полѣ сраженія, она неутомимо и самоотверженно работала наравнѣ съ сестрами милосердія, собственноручно подбираала раненыхъ и ухаживала за ними, многихъ изъ нихъ возвращая къ жизни своими личными усиліями.

Лѣтомъ 1879 г. въ Оренбургѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, уничтожившій большую часть города. Тысячи погорѣльцевъ очутились безъ крова, и вотъ, чтобы облегчить положеніе этихъ несчастныхъ, княгиня Н. Б. устраиваетъ въ залахъ Благороднаго собранія великосвѣтское «аллегри», давшее весьма значительный доходъ. Масса пожертвованій поступила въ это аллегри. Между прочимъ извѣстный художникъ Сверчковъ написалъ для этой цѣли специальную картину: на первомъ планѣ скачетъ почтовая тройка, почтальонъ высоко держитъ денежный пакетъ, а вдали видно зарево отъ пожара. Картина имѣла огромный успѣхъ и куплена была за большую сумму денегъ. Кромѣ того, мѣстное отдѣленіе Краснаго Креста, по настоянію все той же княгини, отпустило въ распоряженіе послѣдней всѣ запасы бѣлья, одежды и разныхъ другихъ предметовъ, оставшихся послѣ войны, и все это было ею лично отвезено въ Оренбургъ, гдѣ она прожила нѣскольکو недѣль, распредѣляя между погорѣльцами привезенные ею припасы.

Такъ относилась она всю жизнь къ дѣлу благотворенія—съ горячей любовью, съ энтузіазмомъ. Не даромъ еще въ молодости

она вела близкое знакомство съ такими друзьями челоѣчества, какъ, напримѣръ, докторъ Гаазъ, прозванный въ народѣ «святимъ докторомъ». Съ этимъ замѣчательнымъ филантропомъ она была даже прямо въ дружескихъ отношеніяхъ и съ теплымъ чувствомъ вспоминала разные эпизоды, связанные съ его именемъ. Напри- мѣръ, она рассказывала, какъ однажды Э. П. Гаазъ взялъ ее съ собой въ тюрьму, откуда должна была отправляться въ Сибирь большая партія арестантовъ, и какъ одинъ изъ нихъ, замѣтивъ Э. П., издала поклонился ему въ ноги. Случай этотъ произошелъ на ея глазахъ и произвелъ на нее сильное впечат- лѣніе.

Вообще княгиня Надежда Борисовна вела знакомство съ луч- шими людьми своего времени. У поэта кн. П. А. Вяземскаго, кото- рый былъ ея родственникомъ, она познакомилась съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и Гоголемъ. Между прочимъ она находилась въ томъ небольшомъ кружкѣ лицъ, которымъ Гоголь впервые читалъ въ рукописи своего «Ревизора». Съ кружкомъ славянофиловъ — Сама- ринимъ, княземъ Черкасскимъ, Чаадаевымъ, Хомяковымъ, обоими Аксаковыми — она также была въ близкихъ, дружескихъ отно- шеніяхъ.

Совсѣмъ еще незадолго передъ своей смертью покойная кня- гиня вспомнила маленькій стихотворный экспромтъ, сказанный ей, тогда еще 18-лѣтней дѣвушкѣ, поэтомъ княземъ Шаликовымъ:

«Вамъ тотчасъ гордою покажется она,
Но на лицѣ ея прекрасномъ,
Во взорѣ, можетъ быть, опасномъ
Вся сердца доброта, какъ въ зеркалѣ, видна».

И князь Шаликовъ не ошибся. Достаточно взглянуть на пор- третъ княгини Н. Б. Трубецкой, чтобъ видѣть эту доброту, скво- зящую въ каждой черточкѣ ея лица. За доброту ее и любили всѣ. Крестьяне, съ которыми она входила въ близкое соприкосно- вение, когда пріѣзжала къ себѣ въ имѣніе (село Лыткино, Звени- городского уѣзда), обожали свою «золотую княгинюшку»: они столько видѣли отъ нея добра, столько оказывала она имъ помощи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. До сихъ поръ еще помнятъ лыткинскіе старики страшную холерную эпидемію, разразившуюся надъ ихъ деревней въ сороковыхъ годахъ. Покойная княгиня была тогда еще молодою женщиной, полной здоровья и физическихъ силъ. Неутомимо и безстрашно обходила она всѣ крестьянскія избы, спѣша оказывать больнымъ первую медицинскую помощь. Мало того, чтобъ имѣть постоянное наблюденіе за больными, она устроила холерный баракъ возлѣ самаго дома своего. «Это нашъ ангель-хранитель!» восторженно отзывались о ней крестьяне, съ благодарнымъ чувствомъ вспоминая всѣ тѣ благодѣянія и милости,

которыя она сыпала на нихъ щедрою рукою. И какъ они горько оплакивали свою благодѣтельницу, лишь только разнеслась вѣсть о ея кончинѣ! Нужно было видѣть ихъ скорбныя, убитыя горемъ лица, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые явились въ Москву на похороны своей «княгинюшки» и несли на мозолистыхъ рукахъ своихъ простой дубовый гробъ покойницы, формально отказавшейся передъ смертью отъ всякой пышности и торжественности, какую обыкновенно сопровождаютъ у насъ придворныя похороны.

Князь Б. А. Щетининъ.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

В ПОСЛѢДНЕЕ время въ 5-й Туркестанскій стрѣлковый батальонъ, бывшій некогда Сибирскимъ линейнымъ № 7, стали часто поступать отъ разныхъ лицъ требованія сообщить точныя свѣдѣнія изъ формулярнаго списка Ѳедора Михайловича Достоевскаго. Удовлетворяя такому желанію публики, препровождаю копию съ означеннаго формуляра для напечатанія въ «Историческомъ Вѣстникѣ». (Въ словарь Брокгауза нѣкоторыя свѣдѣнія о Ѳ. М. искажены). Изъ формуляра публика узнаетъ лишь чисто официальную сторону служебной карьеры Ѳедора Михайловича; кто пожелаетъ болѣе познакомиться съ жизнью Достоевскаго въ Семипалатинскѣ, пусть обратится къ статьѣ А. В. Скандина («Истор. Вѣстн.», январь, 1903 г., т. ХСІ) и барона А. Е. Врангеля («Новое Время», 1908 г., № 11767).

Формулярный списокъ

О службѣ и достоинствѣ Сибирскаго линейнаго баталіона № 7-го прапорщика Достоевскаго, который Высочайшимъ приказомъ, 18 марта 859 года, уволенъ отъ службы за болѣзнію подпоручикомъ. Прапорщикъ Ѳедоръ Михайловичъ сынъ Достоевскій. Тридцати шести лѣтъ. Изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Православнаго исповѣданія. Имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ на владимирской лентѣ.

Въ службу вступилъ кондукторомъ 838 января 16 въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища. Съ изволенія

его императорскаго высочества генераль-инспектора инженерной части за хорошее поведеніе и знаніе фронтовой службы произведенъ въ унтеръ-офицеры 840 ноября 29. По Высочайшему повелѣнію переименованъ въ портупей-юнкера 840 декабря 27 въ оной же ротѣ. Произведенъ по экзамену въ полевые инженеръ-прапорщики тысяча восемьсотъ сорокъ перваго года августа пятаго дня, имѣя отъ роду девятнадцать лѣтъ (1841 августа 5), съ оставленіемъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, для продолженія полного курса наукъ, въ нижнемъ офицерскомъ классѣ. По экзамену подпоручикомъ 842 августа 11 съ переводомъ въ верхній офицерскій классъ. По распоряженію начальства выпущенъ изъ главнаго инженернаго училища по окончаніи полного курса наукъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ, на дѣйствительную службу въ инженерный корпусъ 843 августа 12. Зачисленъ при с.-петербургской инженерной командѣ, съ употребленіемъ при чертежной инженернаго департамента 843 августа 23. Высочайшимъ приказомъ уволенъ за болѣзнію отъ службы съ чиномъ поручика 844 октября 19. Изъ списковъ с.-петербургской инженерной команды исключенъ 844 декабря 17-го. По Высочайшему повелѣнію разжалованъ 849 декабря 19 съ отсылкою въ каторжную работу въ крѣпостяхъ. По окончаніи срока рядовымъ 854 марта 2 въ сей баталіонѣ. По Высочайшему повелѣнію произведенъ въ унтеръ-офицеры 856 января 15 въ семь баталіонѣ. По Высочайшему повелѣнію за отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики 856 октября 1 съ оставленіемъ въ семь же баталіонѣ. По выборамъ дворянства не служилъ.

Во время службы своей въ походахъ и въ дѣлахъ противъ непріятеля не находился. Особыхъ порученій по Высочайшимъ повелѣніямъ и отъ своего начальства не имѣлъ. Орденами и знаками отличія награждаемъ не былъ. Высочайшихъ благоволеній, Всемилостивѣйшихъ рескриптовъ и наградъ не получалъ. Подъ судомъ не былъ.

19 ноября 1856 г. по Высочайшему повелѣнію за отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики.

Въ 1858 году въ числѣ прочихъ получилъ бронзовую медаль на владимирской лентѣ въ память войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ.

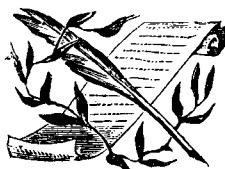
Обучался въ главномъ инженерномъ училищѣ Закону Божию, русскому языку, всей чистой математикѣ, теоретической и прикладной механикѣ, начертательной геометріи, геодезій, полевой и долговременной фортификаціи, минному искусству, артиллеріи, военностроительному искусству, архитектурѣ, физикѣ, химіи, минералогіи и геологіи, тактикѣ, государственнымъ законамъ, исторіи, географіи, рисованію, ситуациіи и черченію плановъ, французскому и нѣмецкому языкамъ.

Въ отпускахъ: 1853 года съ 21 іюня на 28 дней былъ и на срокъ явился. Въ штрафахъ по суду, или безъ суда: по Высочайше утвержденной конфирмаціи, состоявшейся въ 19 день декабря 1849 года, послѣдовавшей на всеподданнѣйшемъ докладѣ генераль-аудиторіата за принятіе участія въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе письма литератора Бѣлинскаго, полного дерзкими выраженіями противъ православной церкви и Верховной власти, и покушеніе вмѣстѣ съ прочими къ распространенію сочиненій противъ правительства посредствомъ домашней литографіи, лишенъ чина поручика, всѣхъ правъ состоянія съ ссылкой въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года. Но по Высочайшему повелѣнію, сообщенному господиномъ военнымъ министромъ отъ 18 апрѣля 1857 года за № 2468, къ господину командиру отдѣльнаго сибирскаго корпуса, объявлено ему и законнымъ дѣтямъ его даровать прежнія права по происхожденію, но безъ права на прежнее имущество. Въ комплектѣ при баталіонѣ налицо. Къ повышенію чиномъ достоинъ. Къ награжденію знакомъ отличія безпорочной службы: хотя не выслужилъ срока, но случаямъ препятствующимъ къ награжденію знакомъ отличія за время его служенія въ семъ баталіонѣ не подвергался. Женатъ на вдовѣ губернскаго секретаря Исаева, Маріи Дмитриевой, дѣтей не имѣетъ, православнаго исповѣданія, находится при немъ.

Подписалъ командующій баталіономъ маіоръ Снетковскій.

Сообщилъ 5-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона капитанъ Шимкинъ ¹⁾

¹⁾ Этотъ формулярный списокъ извлеченъ мною изъ книги формулярныхъ списковъ Сибирскаго линейнаго баталіона № 7 за 1858 годъ (по архиву № 2495). См. московск. отд. общаго архива главнаго штаба (Лефортовскій дворецъ).

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾

(Историческіе очерки).

III. Реакція и эмиграція.

I.

ВИСЪЛИЦЕЙ Каракозова, ссылкой его товарищей и единомышленниковъ дѣло 4 апрѣля 1866 года, какъ дѣло объ опредѣленномъ государственномъ преступленіи, хотя и было ликвидировано, но дальнѣйшіе акты этой ликвидаціи въ отношеніи борьбы съ оппозиціонной общественностью далеко еще не закончились. Даже послѣ ссылки ишутинцевъ нѣсколько переорганизованная администрація не успокоилась и продолжала искать въ рядахъ столичной интеллигенціи корней грозной крамолы, которая ей всюду мерещилась и видѣлась.

Такъ, изъ цитированныхъ уже воспоминаній г-жи Брешковской ²⁾ становится извѣстнымъ, что Ишутина съ дороги въ Сибирь внезапно вернули для новыхъ допросовъ, для дачи новыхъ показаній. Вотъ потрясающая сцена, которую она рисуетъ: «Прошло два года ³⁾. Разъ ночью раздался шумъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХV, стр. 1132.

²⁾ «Изъ моихъ воспоминаній».

³⁾ Два года по прибытіи въ забайкальскую Александровскую каторжную тюрьму, куда каракозовцы и ишутинцы были заключены.

въ коридорѣ, загремѣли желѣзные засовы, и въ маленькой камерѣ, лежавшей рядомъ съ большой, гдѣ помѣщались каракозовцы, послышался таинственный шумъ, шептавшіеся голоса. Потомъ дверь снова затворилась, люди ушли, и снова тишина и безмолвіе. Большую камеру отъ маленькой отдѣляла досчатая стѣна, плохо сколоченная. Молодые силачи стали сверлить дыры, прокладывая щели, но, когда они услышали въ отвѣтъ на свой зовъ знакомый имъ голосъ, — они быстро сообразили, какъ вынуть одну изъ досокъ, и черезъ нѣсколько минутъ стояли противъ Ишутина. Онъ задрожалъ, отскочилъ и закричалъ: «Это не вы, неправда, это не вы... васъ давно нѣтъ въ живыхъ... васъ замучили... неправда, это обманъ, васъ нѣтъ, васъ нѣтъ!» Блѣдный, измученный, съ горящими глазами, онъ былъ страшенъ собственнымъ ужасомъ своимъ, ужасомъ человѣка, увидѣвшаго передъ собой людей съ того свѣта.

«Мало-по-малу ласковыя слова товарищей, ихъ привѣтливыя лица, знакомыя выраженія, напоминанія о прошломъ—успокоили Ишутина, привели его въ себя, заставили понять дѣйствительность и признать ее. Тогда онъ самъ сталъ рассказывать, какъ его вернули съ дороги, повезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, пустынную, мрачную, сырую; какъ заковали въ кандалы и держали безвыходно, при самомъ жестокомъ режимѣ. Мертвая тишина окружала его каменный гробъ, и только вначалѣ къ нему входили чиновники, требовали дальнѣйшихъ «откровенныхъ» показаній о заговорѣ противъ правительства и грозили новыми ужасами за его молчаніе и отрицаніе, какъ, наконецъ, принесли къ нему изодранную, окровавленную одежду, въ которой онъ узналъ платье своихъ товарищей по суду, и стали говорить ему, что «и съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ поступили съ близкими ему людьми, если онъ не откроетъ всей правды». Но ничего новаго Ишутинъ и не могъ бы сказать своимъ палачамъ, если бы и хотѣлъ; жандармамъ все было извѣстно изъ показаній, подтвержденныхъ нѣкоторыми изъ участниковъ, пытки они устраивали для очистки своей совѣсти: авось еще осталось недосказанное имя, мѣсто, произнесенное слово...»¹⁾

Что въ дѣлѣ Каракозова были допущены особыя средства для вывѣданія отъ главныхъ участниковъ желанныхъ показаній, не подлежитъ сомнѣнію. Это не были пытки въ прямомъ, обычномъ смыслѣ, въ родѣ средневѣковыхъ, но, напримѣръ, самого Каракозова подвергали мучительной безсонницѣ, расталкивая его въ сидячемъ положеніи черезъ каждыя 5 минутъ въ теченіе долгаго времени. Извѣстный революціонеръ кн. П. Кропоткинъ въ своихъ «запискахъ»²⁾, съ которыми въ дальнѣйшемъ намъ еще придется имѣть

¹⁾ П. Кропоткинъ. «Записки революціонера».

²⁾ Впослѣдствіи Ишутинъ душевно-разстроенный скончался въ 1878 г. на Карѣ.

дѣло, слышалъ въ Сибири отъ одного изъ своихъ товарищей безхитростный рассказъ по настоящему предмету со словъ жандарма, охранявшаго въ крѣпости Каракозова.

— Хитрый былъ человекъ—говорилъ жандармъ.—Когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, намъ велѣно было не давать ему спать. Мы по двое дежурили при немъ и смѣнялись каждые два часа. Вотъ, сидитъ онъ на табуретѣ, а мы караулимъ. Станетъ онъ дремать, а мы встряхнемъ его за плечо, и разбудимъ. Что станешь дѣлать? Приказано такъ. Ну, смотрите, какой онъ хитрый. Сидитъ онъ, ногу за ногу перекинулъ и качаетъ ее и хочетъ показать намъ, будто не спитъ; самъ дремлетъ, а ногой все дрыгаетъ. Но мы скоро замѣтили его хитрость, то же передали и тѣмъ, что пришли на смѣну. Ну, и стали его трясти каждыя пять минутъ—все равно, качаетъ ли онъ ногой, или нѣтъ.

— А долго это продолжалось?

— Долго: больше недѣли!

Отъ такого приѣма воздѣйствія осужденный несомнѣнно слабѣлъ и, быть можетъ, дѣйствительно готовъ былъ повиниться въ томъ, въ чемъ въ иномъ случаѣ онъ оказался бы молчаливъ. Извѣстную правдоподобность такого рода показаніямъ цитированныхъ лицъ даютъ слова Муравьева, сказаннымъ когда онъ приступилъ къ дознанію, что онъ «найдетъ средство развязать языкъ арестованнымъ». Легенда о жестокостяхъ, творимыхъ въ отношеніи арестованныхъ, имѣла въ тѣ годы широкое распространеніе, наводила трепетъ, холодила общество ужасомъ и вливала въ настроеніе интеллигенціи еще новую горечь, которой у нея тогда было немало. Виднѣйшіе представители оппозиціонной мысли въ короткое время были изъяты изъ ея среды—Чернышевскій, Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ, Лавровъ были разосланы въ Сибирь и на крайній сѣверъ, «Современникъ» и «Русское Слово» закрыты, у полицейской власти становились люди рѣшительные и крайнихъ консервативныхъ взглядовъ съ непремѣнной задачей искоренить крамолу съ корнемъ.

Прибывшій въ тѣ поры изъ дальней сибирской поѣздки въ Петербургъ кн. Кропоткинъ, тогда блестящій гвардейскій офицеръ, еще далекій до политическаго радикализма, напелъ столицу сильно измѣнившейся.

— О, да!—сказалъ ему поэтъ А. Н. Майковъ:—вы знали Петербургъ Чернышевскаго.

«Передъ отъѣздомъ изъ Сибири мы часто бесѣдовали съ братомъ о той умственной жизни, которую найдемъ въ Петербургѣ, и о предстоящихъ интересныхъ знакомствахъ въ литературныхъ кружкахъ,—говоритъ кн. Кропоткинъ.—Дѣйствительно, мы завязали такія знакомства среди какъ радикаловъ, такъ и умѣренныхъ славнофиловъ; но надо сознаться, что мы нѣсколько были разочаро-

ваны. Встрѣтили мы массу прекрасныхъ людей (въ Россіи ихъ звездъ много); но они во все несоотвѣтствовали нашему идеалу политическихъ писателей. Лучшіе литераторы—Чернышевскій, Михайловъ, Лавровъ—были или въ ссылкѣ, или, какъ Писаревъ, сидѣли въ Петропавловской крѣпости. Другіе, мрачно смотрѣвшіе на дѣйствительность, измѣнили своимъ убѣжденіямъ и теперь тяготѣли къ своего рода отеческому самодержавію. Большинство же, хотя и сохранило еще свои взгляды, но стало до такой степени осторожно въ выраженіи ихъ, что эта осторожность почти равнялась измѣнѣ.

«Когда реформаціонное теченіе царило въ Россіи, почти всѣ писатели, принадлежавшіе къ передовымъ кружкамъ, были такъ или иначе въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Тургеневымъ и ихъ друзьями, или даже съ тайными обществами «Великороссъ» и «Земля и Воля», имѣвшими тогда кратковременное существованіе. Теперь эти люди заботились лишь о томъ, чтобы похоронить поглубже свои прежнія симпатіи и казаться вполне политически благонадежными.

«Два-три журнала, которыхъ терпѣло начальство,—главнымъ образомъ благодаря необыкновенной дипломатической ловкости ихъ издателей,—помѣщали богатый бытовой матеріалъ, наглядно доказывавшій, что нищета и разоренность большинства крестьянъ постоянно растутъ изъ года въ годъ. Въ этихъ же журналахъ достаточно прозрачно говорилось также о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ставились всякому прогрессивному дѣятелю, въ какой бы области онъ ни пытался приложить свои силы. И фактовъ въ подтвержденіе приводилось столько, что они могли всякаго привести въ отчаяніе. Но никто не смѣлъ сказать, какъ помочь дѣлу; никто не дерзалъ хоть намекомъ указать на поле возможной дѣятельности или же на выходъ изъ положенія, которое признавалось безнадежнымъ. Нѣкоторые писатели все еще надѣялись, что Александръ II опять станетъ преобразователемъ; но у большинства—страхъ, что запретятъ журналы и сошлютъ издателей и сотрудниковъ въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, заглушатъ всѣ остальные чувства. Опасеніе и надежда въ одинаковой степени парализовали писателей.

«Чѣмъ сильнѣе радикальничали они десять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ больше трепетали они теперь. Насъ съ братомъ очень хорошо приняли въ двухъ-трехъ литературныхъ кружкахъ, и мы иногда бывали на ихъ пріятельскихъ собраніяхъ. Но какъ только бесѣда теряла фривольный характеръ, или какъ только братъ, обладавшій большимъ талантомъ поднимать серьезные вопросы, направлялъ разговоръ на внутреннія дѣла или же на положеніе Франціи, которую Наполеонъ III велъ къ страшному кризису 1870 года,—такъ кто-нибудь изъ старшихъ уже навѣрное прерывалъ разговоръ громкимъ вопросомъ: «А кто былъ, господа, на

послѣднемъ представленіи «Прекрасной Елены»? или: «А какого вы, сударь, мѣнія объ этомъ балыкѣ?» Разговоръ такъ и обрывался.

«Внѣ литературныхъ кружковъ положеніе дѣлъ обстояло еще хуже. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи, а въ особенности въ Петербургѣ, было много передовыхъ людей, которые, какъ казалось тогда, готовы были всѣмъ пожертвовать для своихъ убѣжденій.—«Что случилось съ ними?» задавалъ я себѣ вопросъ. Я заговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. «Осторожнѣй, молодой человекъ!» отвѣчали они. Ихъ кодексъ житейской философіи заключался теперь въ пословицахъ: «Сила солому ломить», «Лбомъ стѣны не прошибешь» и тому подобныхъ, которыхъ, къ несчастію, такъ много въ русскомъ языкѣ. «Мы кое-что уже сдѣлали; не требуйте больше отъ насъ», или «потерпите, такое положеніе вещей долго не продержится». Такъ говорили намъ. А мы, молодежь, готовы были начать борьбу, дѣйствовать, рисковать, если нужно, жертвовать всѣмъ. Мы просили у стариковъ лишь совѣта, кое-какихъ указаній и нѣкоторой интеллектуальной поддержки».

Такова была мѣтно нарисованная фізіономія столичнаго общества въ періодъ, наступившій вслѣдъ за ликвидаціей каракозовскаго дѣла. Единственнымъ диссонансомъ здѣсь прозвучалъ надѣлавшій такъ много шума инцидентъ въ с.-петербургскомъ земскомъ собраніи, гдѣ дворянство сдѣлало нѣкоторую попытку заявить о своихъ «правахъ» и «желаніяхъ».

II.

Земскія учрежденія были введены въ 33 губерніяхъ къ концу 1866 г., и съ самаго начала ихъ функціонированія между ними и правительственной властью началась борьба, главнымъ образомъ на почвѣ ихъ права свободнаго распоряженія своими матеріальными средствами, въ которыхъ они были крайне стѣснены, но безъ наличія которыхъ не могло быть и рѣчи о прочномъ строительствѣ народной жизни. Въ цѣляхъ усиленія этихъ средствъ земства приступили къ обложенію торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, что задѣло интересы торгово-промышленнаго сословія, которое по сему предмету и подняло шумъ. Министерство финансовъ стало на сторону послѣдняго, результатомъ чего появился законъ 21 ноября 1866 г., ограничившій земства въ ихъ правѣ обложенія сказанныхъ предпріятій. Послѣдовалъ затѣмъ рядъ пребреженій со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ земскихъ ходатайствъ и сразу стало яснымъ, что въ странѣ, призванной къ новой жизни, гдѣ всѣ силы должны слиться воедино для блага народа, образовались двѣ враждебныя стороны, ведущія между собою неравную борьбу, но гдѣ страдающимъ элементомъ

является сельское населеніе, отъ котораго государственное казначейство почерпало свои главнѣйшія средства.

Петербургское губернское земское собраніе еще въ 1865 году высказалось въ пользу расширенія дарованныхъ земству правъ и созыва центрального земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ польвъ и нуждъ, общихъ всему государству. При составленія смѣты доходовъ и расходовъ на 1867 г. губернская управа, предсѣдателемъ которой былъ знаменитый въ свое время цензоръ Н. Ф. Крузе, о которомъ у насъ въ своемъ мѣстѣ говорилось уже, пренебрегла сказаннымъ закономъ 21 ноября и включила въ свою смѣту незаконное обложеніе; утвержденную собраніемъ смѣту губернаторъ опротестовалъ. Управа же предложила принести жалобу въ сенатъ на дѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ, съ каковымъ предложеніемъ земское собраніе послѣ бурныхъ здѣсь преній согласилось. Валуевъ придавъ всему дѣлу политическій характеръ, представилъ дѣйствія собранія чуть ли не революціонными, а главныхъ дѣйствовавшихъ на немъ лицъ объявилъ чуть ли не крамольниками. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, гдѣ объявлялось: «Въ виду того, что петербургское губернское земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ законами и вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о вѣрнныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству»—постановлено: закрыть и распустить петербургское губернское земское собраніе, закрыть въ Петербургской губерніи губернскую и уѣздныя земскія управы, пріостановить въ ней дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, предсѣдателя губернской управы считать отрѣшеннымъ, а всѣхъ другихъ членовъ земскихъ управъ уволенными отъ должностей. Мѣра эта произвела всюду ошеломляющее впечатлѣніе, которое еще усугубилось, когда стало извѣстнымъ, что главный ораторъ на собраніяхъ, произносившій наиболѣе рѣзкія рѣчи и дѣлавшій конкретныя предложенія, шедшія вразрѣзъ съ тенденціями администраціи, гр. Андрей Шуваловъ высланъ за границу, а предсѣдатель управы Крузе—въ Оренбургъ.

Дѣйствія Валуева не вызвали сочувствія даже Каткова, а старый либераль Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ¹⁾: «Уничтоженіе земскихъ собраній Петербургской губерніи—гибельная мѣра. Не предвѣщаетъ ли оно впереди ихъ общаго уничто-

¹⁾ «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ», т. II.

женія, т. е. подчиненія власти министровъ и губернаторевъ? Понимаютъ ли это стоящіе на высотѣ—неизвѣстно, но Валуевъ это, конечно, хорошо понимаетъ. Стать выше закона, дать своему произволу полный просторъ—всегда было его задачею. Въ нынѣшнее время и не трудно достигнуть этого. Стоитъ только преувеличить движеніе въ обществѣ и въ земствѣ, обвинить ихъ въ нигилизмъ—и съ этимъ можно достигнуть всего, чего угодно. Вѣдь посягаютъ уже и на суды. Говорятъ, на дняхъ еще былъ внесенъ въ комитетъ министровъ проектъ объ учрежденіи какого-то контроля изъ высшихъ административныхъ лицъ надъ судами и надъ всѣми судебными учрежденіями, не исключая и сената. Вотъ что дѣло, такъ дѣло!... На этотъ разъ проектъ о подчиненіи судовъ административной власти не прошелъ, но развѣ это не можетъ состояться въ будущемъ?» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Самые опасные внутренніе враги наши не поляки и не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учреждений и подкопыватели судовъ».

Записи того періода въ дневникѣ такого умѣреннаго человѣка, какъ Никитенко, дышатъ грустью и пессимизмомъ и настолько любопытны для характеристики тѣхъ «унулыхъ» дней, что мы считаемъ небезполезнымъ привести нѣкоторые изъ нихъ.

Говоря про новаго министра народнаго просвѣщенія, онъ записываетъ: «Первые шаги графа Дмитрія Андреевича Толстого на его министерскомъ поприщѣ начинаютъ возбуждать какія-то странныя впечатлѣнія. Что графъ благоговѣлъ передъ «Московскими Вѣдомостями», это уже было извѣстно. Онъ, не обинуясь, высказываетъ передъ ними родъ сыновней почтительности и готовности во всякомъ случаѣ руководствоваться ихъ авторитетомъ и, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, говоритъ: «учитель такъ сказалъ». Онъ сдѣлалъ также юношескую ошибку въ саратовской рѣчи, въ которой, говоря о дурномъ направленіи учащейся молодежи, выразился такъ: «при мнѣ этого не будетъ». Далѣе: «Валуевъ и графъ Шуваловъ быстрыми шагами стремятся къ тому, чтобы вдвоемъ управлять Россіею полицейскимъ образомъ: одинъ посредствомъ общей, другой—посредствомъ тайной полиціи. Главная забота ихъ теперь—подорвать суды, т. е. взять ихъ подъ опеку административной власти. Валуевъ уже подкопался подъ суды со стороны печати... государь уже согласился съ мнѣніемъ Валуева, и разсмотрѣніе проекта (о печати) въ государственномъ совѣтѣ будетъ только для соблюденія формальности. Итакъ, вотъ уже первая побѣда бюрократіи надъ судебною властью. Вѣдно русское правосудіе!» «Валуевъ, — пишетъ онъ, — провель-таки свою мѣру о предоставленіи большей власти губернаторамъ, отвергнутую государственнымъ совѣтомъ... Вотъ и плоды знаменитаго постано-

вленія объ усиленіи власти губернаторовъ. Нижегородскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе («Голосъ», № 307), по которому всѣ женщины, носящія круглыя шляпы, синія очки, башлыки, коротко остриженные волосы и не носящія кринолиновъ, признаются нигилистками, забираются въ полицію, гдѣ имъ приказываютъ скинуть всѣ эти наряды и надѣть кринолины; а если онѣ не послушаются, то высылать ихъ изъ губерніи. Администрация въ своемъ усердіи доходитъ до того предѣла, гдѣ ея странныя распоряженія уже перестаютъ быть странными, а становятся комическими». «Возвысился графъ Шуваловъ и дѣлаетъ, что ему заблагоразсудится, помимо закона и всѣхъ установленныхъ государственныхъ учреждений.. То же самое дѣлаетъ нынѣшній оберъ-полицеймейстеръ Треповъ. Они приобрѣли страшную власть именемъ злополучнаго 4 апрѣля... Для этого Валуевъ далъ такія полномочія губернаторамъ, на которыхъ повсюду распространяется негодованіе».

Положеніе объ усиленіи губернаторской власти было проведено въ комитетѣ министра по инициативѣ Шувалова и при поддержкѣ Зеленаго (министра государственныхъ имуществъ) и вопреки оппозиціи со стороны Замятина и Рейтерна. Мѣра эта какъ законъ не была опубликована, а утверждена въ административномъ порядкѣ. Благодаря ей, губернаторъ сталъ настоящимъ «хозяиномъ» вѣренной ему губерніи, и безъ его согласія ни одно вѣдомство не могло принимать кого-либо на службу, а всѣ учрежденія были призваны оказывать ему по первому его требованію всяческое содѣйствіе.

Если изъ устъ такого тихаго человѣка, какъ Никитенко, мы слышали рѣчи смущенія, то что же удивительнаго, если по адресу наступившихъ дней реакціи снова раздались страстные рѣчи Герцена, рѣчи, которыя, однако, уже слабо доходили до слуха соотечественниковъ. Реакція шла полнымъ ходомъ, и точно въ подкрѣпленіе ей вдругъ совершенно неожиданно раздался въ Парижѣ 25 мая 1867 г. новый выстрѣлъ, направленный въ Александра II во время его возвращенія съ блестящаго парада французскихъ войскъ на Лоншанскомъ полѣ. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ полякомъ Березовскимъ; онъ не коснулся государя и ранилъ лишь лошадь ѣхавшаго возлѣ экипажа французскаго шталмейстера. Покушеніе Березовскаго было актомъ мщенія по польскимъ дѣламъ и послужило лишь къ возвеличенію монарха, вызывая всюду чувство негодованія, не исключая и Герцена, который писалъ: ¹⁾ «Опять выстрѣлъ. Мы объ немъ распространяться не будемъ. Наше мнѣніе объ этомъ пути извѣстно, ни вопль безумныхъ крикуновъ, ни брань сильныхъ міра сего не заставятъ насъ ни превозносить этого

¹⁾ «Бодоколь», 1867 г., № 243.

рода попытокъ, влекущихъ за собой страшныя бѣдствія, ни произнести слово осужденія мученикамъ, которые обрекаютъ себя на смерть и которыхъ совѣсть чиста именно потому, что они фанатики».

Березовскій былъ преданъ французскому суду присяжныхъ и приговоренъ къ пожизненной каторгѣ. Покушенія Каракозова и Березовскаго произвели на Александра II сильное впечатлѣніе, и неувѣренность въ собственной безопасности начала грознымъ призракомъ вставать передъ нимъ все чаще и чаще, благодаря чему представители начала консервативнаго и реакціоннаго получаютъ въ его глазахъ первенствующее значеніе, какъ элементы его личной охраны и защиты отъ всѣхъ опасностей, которыя тѣснымъ кольцомъ окружили жизнь самого его и жизнь близкихъ ему людей. Этимъ настроеніемъ умѣло и ловко пользуются новые столпы администраціи, которые и становятся истинными вершителями судебъ Россіи.

III.

Намъ уже извѣстны назначенія, сдѣланныя въ административномъ мірѣ немедленно вслѣдъ за событіемъ 4 апрѣля 1866 года. Новая взошедшая здѣсь звѣзда былъ шефъ жандармовъ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, который съ первыхъ же своихъ шаговъ на своей высокой должности пріобрѣлъ репутацію все-сильнаго руководителя нашей внутренней политики. Характеризуя его, какъ блестящаго государственнаго человѣка, отдавая дань его уму и такту, князь Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ»¹⁾ подчеркиваетъ въ его поведеніи ту черту, что онъ сумѣлъ «провести строго опредѣленную грань между своимъ политическимъ или государственнымъ положеніемъ и придворнымъ». Благодаря этому, говоритъ авторъ воспоминаній, «графъ П. А. Шуваловъ не зналъ никакихъ придворныхъ интригъ, ни у кого никогда не заискивалъ и являлся въ кабинетѣ государя его главнымъ совѣтникомъ, всегда съ гордостью и самолюбіемъ своего независимаго и ни въ чемъ не нуждавшагося положенія. Я думаю, что въ этомъ была главная причина его обаятельнаго на государя вліянія. Онъ давалъ своимъ отношеніямъ къ государю атмосферу и характеръ увѣренности и спокойствія, которыя отвѣчали потребности до извѣстной степени недовѣрчивой и подозрительной натуры государя, а такъ какъ при этихъ чертахъ государь не особенно любилъ инициативу, то и тутъ властолюбивыя цѣльность и твердость шуваловскаго характера должны были быть для него удобными». Но главнымъ его недостаткомъ, по мнѣнію князя

¹⁾ Князь В. П. Мещерскій: «Мои воспоминанія», часть вторая.

Мещерскаго, было то, что онъ былъ слишкомъ мало русскимъ. «Его воспитаніе,—говоритъ онъ,—его среда, его вкусы, его нравы, все вмѣстѣ держало его въ отдаленіи отъ русской жизни, особливо народной, и это отдаленіе отъ русской жизни, влекшее за собою ея непониманіе, имѣло послѣдствіемъ его пассивное отношеніе ко всѣмъ тѣмъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, которые въ видѣ реформъ относились до внутренней жизни Россіи. Аграрные вопросы онъ понималъ скорѣе съ точки зрѣнія нѣмецкаго барона или англійскаго лендлорда; русская деревня для него была мертвою буквою; русскій мужикъ представлялся ему какимъ-то существомъ *conventionnel*, безъ всякаго психическаго міра; земство ему казалось какими-то говорильнями на воздухѣ, внѣ всякой органической связи съ бытомъ провинціальной жизни и т. д. Оттого, не смотря на все важное политическое значеніе, начавшееся въ то время, у него не было подъ ногами главнаго—почвы знанія и пониманія Россіи. И если я говорю объ этомъ, то потому именно, что приходилось не разъ жалѣть о томъ, что графу Шувалову не удалось во все время своей первенствующей во внутренней политики роли имѣть то консервативное и сдерживающее вліяніе, на которое онъ имѣлъ право по своимъ способностямъ и своимъ дарованіямъ, но которое ему не далось именно вслѣдствіе его незнанія и непониманія Россіи. Не понимая, не зная Россіи, онъ не понималъ непригодности для нея такихъ дѣятелей, какъ Валугевъ, и еще менѣе могъ понимать всю непоправимость и либеральную путаницу, которая вселила въ жизнь реформы, столь спѣшно и столь мало соображаясь съ нуждами Россіи вводимыя. Онъ не могъ ни исправлять, ни направлять политику реформъ. А по дарованіямъ онъ могъ бы это сдѣлать, если бъ онъ былъ духовно-русскій человѣкъ. Впослѣдствіи все это оказалось нагляднѣе и яснѣе».

Второй человѣкъ, пріобрѣтшій на государя особое вліяніе, былъ новый оберъ-полицеймейстеръ Ѳ. Ѳ. Треповъ, человѣкъ, хотя и не принимавшій участія въ судьбахъ всей Россіи и не касавшійся широкихъ внутреннихъ вопросовъ, но являвшійся часто эхомъ Шувалова и, какъ типичный полицейскій, видѣвшій всюду опасности, безпорядки, требующіе борьбы и репрессіи. Служба въ тревожные дни въ Варшавѣ наложила на него неизгладимый слѣдъ. По словамъ князя Кропоткина, стоявшаго тогда близко къ высшему свѣту, «Шуваловъ и Треповъ правили страхомъ. Треповъ до того напугалъ Александра II призраками революціи, которая вотъ-вотъ разразится въ Петербургѣ, что если всеильный оберъ-полицеймейстеръ опаздывалъ во дворецъ на нѣсколько минутъ съ ежедневнымъ докладомъ, императоръ справлялся: «Все ли спокойно въ Петербургѣ?»

Быль налицо еще Валуевъ. Мы знакомы съ его административнымъ и законодательнымъ обликомъ. Со дня 4 апрѣля 1866 года онъ бросилъ всякое кокетничанье съ либерализмомъ и сталъ его непримиримымъ врагомъ, уйдя цѣликомъ въ борьбу съ земствами, съ печатью и со всяческими вѣяніями «освободительнаго» характера. Въ этой дѣятельности онъ всего менѣе интересовался Россіей, жизнью и нуждами народа, благодаря чему очень скоро очутился въ трагическомъ положеніи: на страну въ 1867 году надвигался голодъ, а о немъ-то онъ менѣе всего и зналъ. Не было принято никакихъ мѣръ, ничто не было предвидѣно, а въ его канцелярской регистраціи стояли успокоительныя слова: «все обстоитъ благополучно». О бѣдствіи лишь окольными путями дошло до Аничковскаго дворца, и вотъ въ видѣ сюрприза для министра внутреннихъ дѣлъ на борьбу съ народнымъ горемъ сталъ наследникъ-цесаревичъ Александръ Александровичъ, пригласившій себѣ къ тому же въ помощники заштатнаго либерала Н. А. Милютина. Валуеву осталось лишь одно—просить объ отставкѣ, которая и была принята, причемъ на его имя былъ данъ всемилостивѣйшій рескриптъ. Стоялъ вопросъ о назначеніи ему преемника; таковымъ оказался генераль-адъютантъ Тимашевъ. Городскіе толки положительно утверждали, что онъ явился кандидатомъ именно Шувалова.

О новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ князь Мещерскій повѣствуетъ: «Послѣдняя должность его была начальника штаба при шефѣ жандармовъ князѣ В. А. Долгоруковѣ. Во дни оны, при императорѣ Николаѣ, была плеяда красивыхъ, ловкихъ въ танцахъ, элегантныхъ и неглупыхъ флигель-адъютантовъ. Таковы были графъ Шуваловъ, Альбединскій и также Тимашевъ. Съ красивыми манерами и элегантною наружностью, съ умѣньемъ говорить остроумно и умно, Тимашевъ двигался и достигъ, какъ его товарищи по плеядѣ, до генераль-адъютантства и до репутаціи государственнаго человѣка. Съ большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, съ бойкимъ умомъ и съ умѣньемъ сказать мѣткое слово направо и налево, А. Е. Тимашевъ, не задумываясь, принялъ министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ нельзя храбрѣе, и ко дню своего торжественнаго входа въ министерство и шествія по его комнатамъ принялъ фізіономію серьезную, озабоченную и импозантную, такъ что мы, всѣ чиновники, подумали, что тихій зефиръ въ лицѣ Валуева смѣнилъ грозный вѣтеръ въ лицѣ Тимашева. Но вскорѣ мы увидѣли, что такъ какъ у Тимашева былъ одинъ изъянъ—незнаніе Россіи и вообще административнаго дѣла, то въ сущности ничто не измѣнилось. Тимашеву сразу понадобились люди, за него знающіе дѣло, и всѣ главныя дѣйствующія лица при Валуевѣ остались болѣе, чѣмъ когда-либо, нужными при Тимашевѣ. Это невѣдѣніе своей области не помѣшало ему начать съ округленія

своего министерства посредствомъ присоединенія къ нему почтъ и телеграфовъ.»

Подъ давленіемъ же графа Шувалова состоялось и назначеніе преемника подавшему въ отставку министру юстиціи Замятину. Все тотъ же князь Мещерскій говоритъ по сему предмету: «Въ день, когда узнали въ Петербургѣ о томъ, что выборъ новаго министра юстиціи, вмѣсто Замятина, палъ на графа Палена, бывшаго псковскимъ губернаторомъ, тогда всѣ поняли, какое сильное политическое вліяніе приобрѣлъ П. А. Шуваловъ на своемъ посту шефа жандармовъ. Едва онъ успѣлъ подсказать выборъ генераль-адъютанта Тимашева, какъ на постъ столь важный въ то время, при началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ учреждений, постъ министра юстиціи, онъ указалъ, отступая смѣло отъ всѣхъ традицій, въ лицѣ графа Палена, во-первыхъ, молодого, а, во-вторыхъ, совсѣмъ чужого вѣдомству человѣка.

«Это назначеніе сопровождалось и удивленіемъ и комментаріями. Ихъ было немало, но существенныя изъ нихъ было предположеніе, что выборъ, по совѣту гр. Шувалова, остзейца и лютеранина, какъ разъ въ это время, во главу министерства юстиціи долженъ былъ имѣть смыслъ реакціоннаго шага противъ излишка либерализма, введеннаго въ жизнь судебными уставами. Это былъ отголосокъ той минуты изумленія и досады, которую пережилъ Александра II, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до этого ему министр юстиціи Замятинъ докладывалъ послѣ неприличной рѣчи одного сенатора въ петербургскомъ земскомъ собраніи, что онъ, государь, не имѣетъ права безъ суда увольнять судебныхъ чиновъ отъ должностей. Но не одно это могло вызвать въ государѣ намѣреніе реагировать противъ новыхъ судовъ. До государя не могли не доходить наполнявшіе Петербургъ въ то время рассказы и легенды объ умышенно либеральномъ образѣ дѣйствій вновь учрежденныхъ мировыхъ судей, сразу поставившихъ себѣ ребяческую задачу обратить на себя вниманіе умышеннымъ проявленіемъ неуваженія къ лицамъ маломальски знатнымъ или имѣющимъ право на извѣстный почетъ и уваженіе... Какъ бы то ни было, но забота графа Шувалова о томъ, чтобы на мѣсто министра юстиціи назначенъ былъ человѣкъ не изъ судебного вѣдомства, прямо свидѣтельствовала о недовѣрїи къ этому новому вѣдомству и объяснялась желаніемъ охладить либеральной пылъ этого вѣдомства.»

Такъ въ теченіе 1867 года перестроились ряды высшей бюрократіи, что не внушало обществу довѣрїя къ скорому наступленію лучшихъ дней и тѣмъ болѣе, что главный тонъ всей внутренней политикѣ, при наличіи въ ней даже преобладающаго значенія графа Шувалова, давали все же «Московскія Вѣдомости», которыя къ тому времени достаточно кристаллизовались и получили специально боевой характеръ съ ихъ специальными лозунгами и паролями.

Петербургская пресса была окончательно принижена, состояла, можно сказать, вся цѣликомъ подъ подозрѣнiемъ и съ трудомъ сохраняла занятыя позиціи, осторожно защищая тѣ главнѣйшія положенія, которыя ей достались отъ еще недавней живой эпохи реформъ. Съ уходомъ Головнина «Голосъ» хотя и удержалъ позицію «органа петербургской бюрократіи», но вліяніе его было чрезвычайно слабо, и Валуевъ уже не стѣснялся сыпать на него цензурныя кары за его отношенія какъ къ вопросамъ внутренней политики, такъ и внѣшней. Главныя прогрессивныя общественныя силы сосредоточиваются въ двухъ органахъ: новомъ журналѣ Стасюлевича «Вѣстникъ Европы» и ежедневной «академической» газетѣ Корша «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», причемъ нельзя не отмѣтить, что сплошь и рядомъ мы видимъ, въ томъ и другомъ изданіи однихъ и тѣхъ же сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, К. К. Арсеньева, К. Д. Кавелина, Л. А. Полонскаго, Ф. Ф. Воропонова, А. Н. Веселовскаго, Н. И. Коллюпанова, В. И. Лихачева, А. С. Суворина, и др. Газета Корша велась чрезвычайно интеллигентно, изобиловала множествомъ серьезныхъ статей и получила особенное значеніе, когда въ ней стали появляться блестящіе фельтоны «Незнакомца»-Суворина, произведшіе настоящій переворотъ въ газетномъ дѣлѣ. Остальные органы печати, какъ, напр., «Дѣло» Благосвѣтлова, имѣвшее своею сокровенною цѣлью замѣнить «Русское Слово», или «Отечественныя Записки» А. Краевскаго, или «Женскій Вѣстникъ», далеко не удовлетворяли своему назначенію, и общественное вліяніе ихъ было слабо. Жизнь въ нихъ замерла, и они существовали подъ исключительнымъ страхомъ цензурной кары. Нѣкоторое оживленіе журналистики замѣчается лишь съ 1868 года, когда Некрасовъ вошелъ въ соглашеніе съ Краевскимъ, заарендовавъ у него «Отечественныя Записки» и вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ-Щедриннымъ и Г. Е. Елисеевымъ влилъ въ нихъ то содержаніе, которымъ выдѣлялся въ свое время «Современникъ» при Чернышевскомъ. Преимущество идей послѣдняго нѣсколько спустя переходитъ къ молодому блестящему соціологу-публицисту Н. К. Михайловскому, который съ семидесятыхъ годовъ и становится въ литературѣ тою основною осью, около которой группируются литературныя силы крайняго оппозиціоннаго направленія. Въ своемъ мѣстѣ о немъ придется достаточно говорить. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ ближайшее время послѣ событія 4 апрѣля 1867 года правительству удастся обезцвѣтить литературу, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія и притомъ мнѣнія оппозиціонно настроеннаго.

IV.

Послѣдній видный представитель научной литературы, котораго правительство, такъ сказать, изъяло изъ обращенія вслѣдъ за Михайловымъ, Чернышевскимъ и Шелгуновымъ, былъ П. Л. Лавровъ, хотя всѣмъ своимъ политическимъ существомъ и стоявшій въ единеніи съ названными лицами, но по великому недоразумѣнію одно время считавшійся даже какъ бы принципиальнымъ недругомъ той категоріи идей, которымъ служилъ вдохновитель «Современника». Блестящій преподаватель математическихъ наукъ въ артиллерійской академіи, Лавровъ дебютировалъ въ литературѣ стихами, но затѣмъ понемногу перешелъ къ философіи и особенно на первыхъ порахъ обратилъ на себя вниманіе статьями объ ученіи Гегеля, напечатанными въ «Библіотекѣ для чтенія»; потомъ онъ писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Словѣ». Политическіе радикалы того времени относились, однако, къ его научно-философскому міросозерцанію отрицательно, и Н. Е. Кудринъ въ своей книгѣ «Соціалисты Запада и Россіи»¹⁾ даетъ этому слѣдующее достаточно удачное объясненіе. Онъ говоритъ: «Извѣстное нерасположеніе къ Лаврову въ радикальныхъ слояхъ того времени объясняется отчасти добросовѣстностью его критики, которая не щадила тогдашнихъ идоловъ. Такъ, Лаврову ставили, между прочимъ, въ упрекъ его статью о материализмѣ («Механическая теорія міра»), въ которой будто бы онъ сталъ на сторонѣ противниковъ «Современника». Читайте эту статью: въ ней нѣтъ ничего похожего на подобное обвиненіе... Отношеніе къ Лаврову со стороны крайнихъ радикаловъ 60-хъ годовъ было основано на недоразумѣніи. Когда борьба съ начавшейся политической реакціей вызвала распаденіе оппозиціи на разныя фракціи, вражда между органами прессы, выражавшими эти фракціи, приняла очень скоро ожесточенный характеръ. Людямъ въ то время казалось, что кто не за «Современникъ», тотъ противъ Чернышевскаго и его друзей, а такъ какъ Лавровъ писалъ въ «Отеч. Зап.», съ которыми «Современникъ» полемизировалъ, то и авторъ «Личности»²⁾ былъ причтенъ къ идейнымъ товарищамъ Дудышкина и Альбертини, что было далеко не вѣрно».

Въ 1860 году Лавровъ прочелъ въ пользу литературнаго фонда три публичныя лекціи, и послѣднія подверглись рѣзкой полемикѣ со стороны М. А. Антоновича, замѣнившаго въ «Современникѣ» Добролюбова. Въстѣ съ тѣмъ, когда въ издававшемся тогда «Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ» подъ редакціей А. Краевского,

¹⁾ Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ) «Соціалисты Запада и Россіи».

²⁾ Его брошюра: «Очерки вопросовъ практической философіи. «Личность».

куда Лавровъ былъ приглашенъ завѣдующимъ философскимъ отдѣломъ, начали появляться его статьи, то на него ополчилось все наше ученое духовенство, усмотрѣвшее въ этихъ статьяхъ элементы безбожія. Но, говоритъ г. Кудринъ, «по мѣрѣ того, какъ деспотизмъ все больше и больше снималъ съ себя либеральную маску, Лавровъ все далѣе и далѣе передвигался влѣво. Въ 1862 г. онъ былъ введенъ покойнымъ А. Н. Энгельгардтомъ въ революціонное общество «Земля и Воля», а за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго сблизился съ этимъ послѣднимъ и былъ приглашенъ имъ въ качествѣ секунданта на одну изъ «словесныхъ дуэлей» съ однимъ изъ представителей консервативнаго лагеря... Арестъ Чернышевскаго и товарищей и разгромъ общества «Земля и Воля» вырвали изъ передовыхъ рядовъ много выдающихся дѣятелей, опрокинули старыя перегородки между различными группами оппозиціи, но, съ другой стороны, вызвали новыя и болѣе опредѣленныя раздѣленія. Лавровъ самымъ положеніемъ вещей былъ поставленъ въ необходимость итти вправо или влѣво, и со свойственною ему послѣдовательностью сдѣлалъ новый шагъ въ сторону радикализма. Впрочемъ, уже съ 1861 г. начальство смотрѣло на него, какъ на прямого врага: принцъ Ольденбургскій, за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго, говорилъ въ интимной бесѣдѣ: «Стоитъ только схватить пять-шесть зачинщиковъ (упомяная въ томъ числѣ и Лаврова), и революціи и въ поминѣ не будетъ». Когда послѣ студенческихъ исторій и закрытія университета студенты обратились къ Лаврову съ просьбою читать имъ лекціи въ зданіи думы, то начальство запретило эти чтенія... Когда въ Петербургѣ стало основываться общество женскаго труда, при ближайшемъ участіи Стасовой, Анны Павловны Философовой и графини Ростовцевой, приглашенный въ члены Лавровъ представилъ, въ свою очередь, списокъ новыхъ членовъ. И характеръ этихъ членовъ, навербованныхъ почти исключительно въ средѣ «нигилистокъ», показался учредительницамъ настолько страннымъ, что онѣ отказались принять кандидатокъ Лаврова. На это послѣдній отвѣтилъ рѣзкою рѣчью о «филантропіи праздныхъ барынь и насущной потребности въ трудѣ дѣловыхъ женщинъ!..»

Въ 1865 году Лавровъ совершилъ поѣздку за границу, и немедленно вслѣдъ за 4 апрѣля 1866 года онъ былъ уже арестованъ, несмотря на то, что при обыскѣ у него компрометирующаго ничего не было найдено и противъ него уликъ никакихъ не было. Тѣмъ не менѣе, по настоянію Муравьева, онъ былъ преданъ военному суду. Онъ былъ признанъ виновнымъ въ сочиненіи четырехъ стихотвореній, въ которыхъ выражалось «неуваженіе» къ Николаю I и Александру II; въ сочувствіи и близости къ людямъ, извѣстнымъ правительству своимъ преступнымъ направленіемъ

(Чернышевскій, Михайловъ и др.), въ проведеніи «вредныхъ идей» путемъ печати и т. д. Военно-судебная комиссія приговорила его лишь къ временному аресту, но генераль-аудиторъ Философовъ (мужъ А. П. Философовой) измѣнилъ этотъ приговоръ, вслѣдствіе чего онъ по высочайшему повелѣнію былъ уволенъ отъ службы и сосланъ въ одну изъ «внутреннихъ» губерній подъ надзоръ полиціи; мѣстомъ жительства ему былъ назначенъ городъ Тотма, откуда онъ со временемъ при участіи друзей (Германа Лопатина) и бѣжалъ, эмигрировавъ окончательно за границу и сдѣлавшись однимъ изъ главныхъ зарубежныхъ руководителей нашего революціоннаго движенія, въ которомъ ему выпала, какъ видно будетъ далѣе, сыграть очень крупную роль.

П. Л. Лавровъ былъ, такимъ образомъ, послѣднимъ виднымъ представителемъ радикальной русской литературы за тотъ періодъ, на голову котораго палъ грозный ударъ правительства. Жизнь притихла, но притихла только снаружи, ибо къ этимъ же годамъ относится сильное подспудное движеніе среди молодежи обоого пола, движеніе, которое въ слѣдующемъ десятилѣтіи приняло рѣзкій революціонный характеръ со всѣми его жертвами и ужасами, образовавъ собою быстрый потокъ, который сотнями и сотнями сносилъ молодья жизни въ сибирскіе рудники и тюрьмы. Многіе изъ этой молодежи, которымъ удалось избѣгнуть печальной участи товарищей, но которые не находили себѣ удовлетворенія въ легальныхъ рамкахъ повседневной жизни, бросились за рубежъ родной земли, гдѣ и образовали широкіе кадры русской эмиграции. Здѣсь они встрѣтились и стали лицомъ къ лицу съ родоначальникомъ этой эмиграции, знаменитымъ издателемъ «Колокола».

V.

Послѣ тревогъ и неудачъ польскаго возстанія 1863 г., когда Герценъ оказался цѣликомъ подъ гипнозомъ и подъ давленіемъ неистовой воли Бакунина, его популярность пошла на убыль. Пробудившееся національное самосознаніе, взрывъ патріотизма, глашатаемъ котораго явился Катковъ, были роковыми для него гранями, раздѣлившими жизнь «Колокола» на двѣ половины: первая была полна успѣха и плодотворнаго служенія историческимъ запросамъ родины, вторая не лишена была извѣстности, но уже являлась какъ бы не нужной, отслужившей свою службу. Да и время сдѣлало свое дѣло: тамъ, за роднымъ рубежомъ уже раздавались молодья рѣчи, полныя огня и страсти, болѣе смѣлыя и рѣзкія, нежели тотъ элегантный языкъ, которымъ онъ привыкъ говорить. Герценъ какъ бы пережилъ самъ себя, а неуспѣхъ польскаго движенія, какъ это въ жизни всегда бываетъ, ставили именно ему

въ слишкомъ значительный минусъ. И онъ съ спокойствіемъ, съ удивительнымъ рыцарствомъ принималъ направляемыя противъ него стрѣлы и менѣе всего готовъ былъ складывать отвѣтственность на кого-бы то ни было.

Подписка и тиражъ «Колокола» въ Лондонѣ стали сильно падать, да и сама редакція оказалась къ 1865 г. совершенно изолированной: бывшя паломничества сюда русскихъ на поклонъ знаменитому эмигранту кончились, а вмѣстѣ съ тѣмъ все та же дорогая Герцену русская жизнь начала бить ключомъ въ другомъ углу Европы—на родинѣ Вильгельма Теля, на берегахъ Женевского и Цюрихскаго озеръ. Сюда, въ эту страну свободы, гдѣ жизнь была такъ проста и дешева, потянулись длинныя вереницы молодежи, одни просто ища здѣсь прикрытія отъ домашнихъ непогодъ, другіе ища въ здѣшнихъ доступныхъ разсадникахъ просвѣщенія права на ученье (это были главнымъ образомъ женщины, передъ которыми въ тѣ годы крѣпко были заперты двери русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній), третьи влекомые сюда модою и исканіемъ свободной жизни. Сюда, въ Швейцарію, въ въ Женеву, Герценъ, несмотря на нелюбовь свою къ ней, и рѣшилъ еще въ 1865 г. перенести свою первую свободную русскую типографію и вмѣстѣ съ тѣмъ и «Колоколь», прибавивъ на его знамени новый девизъ «Земля и воля». Здѣсь, думалъ онъ, его органъ печати скорѣе пригодится, здѣсь онъ найдетъ большой кругъ читателей, станетъ живѣе, прикоснувшись живой русской жизни. Но «Колоколь», оставшись старымъ «Колоколомъ», не нашель, однако, своему звону отзвука и здѣсь, и русская колонія крайней молодежи осталась имъ недовольна, требуя себѣ болѣе острой нищи: изданіе Герцена было для нея скучно и не отвѣчало на народившіяся новыя соціалистическія требованія и доктрины. Кромѣ того, среди этой молодежи онъ напрасно искалъ себѣ сотрудниковъ и съ отчаяніемъ писалъ Огареву: «У нихъ нѣтъ ни связей, ни таланта, ни образованія; одинъ Мечниковъ (Левъ) умѣетъ писать; имъ хочется играть роль, и они хотятъ насъ употребить пьедесталомъ». Наконецъ, эмигрантская колонія предъявила Герцену требованіе: сдѣлать «Колоколь» органомъ коллегіальнымъ съ рѣшеніями по редакціоннымъ дѣламъ «по большинству голосовъ». Конечно, на это дерзкое и неосновательное требованіе онъ не могъ согласиться и остался въ одиночествѣ.

Къ этому времени относится посѣщеніе Герцена извѣстнымъ докторомъ Н. А. Бѣлоголовымъ, и вотъ что онъ сообщаетъ объ этомъ свиданіи въ своихъ воспоминаніяхъ:¹⁾ «Въ первый моментъ онъ меня не призналъ, — повѣствуетъ Бѣлоголовый: — но лишь только я себя назвалъ, обрадовался мнѣ, какъ старому знакомому,

¹⁾ Н. А. Бѣлоголовый, «Воспоминанія и другія статьи».

и повелъ въ свой кабинетъ. На мои глаза онъ почти не измѣнился, только сѣдины прибавилось въ бородѣ, а блескъ выразительныхъ глазъ и юношеская живость рѣчи и движеній оставались тѣ же, и я не подмѣтилъ въ немъ съ виду ничего, что бы говорило о разныхъ невзгодахъ, перенесенныхъ имъ со времени нашего парижскаго свиданія. Въ 1861 г. я видѣлъ его въ зенитѣ его славы; его имя и «Колоколъ» пользовались въ Россіи не только популярностью, но и представляли собою своего рода высшую инстанцію, къ которой апеллировали всѣ искавшіе правды — и даже правительство не оставалось совсѣмъ глухо и нечувствительно къ внушеніямъ и замѣчаніямъ, какими такъ щедро и въ такой остроумной формѣ надѣлялъ его нашъ знаменитый публицистъ «съ того берега». Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось: польское возстаніе и радикальное отношеніе къ нему «Колокола», наступившая затѣмъ и постепенно усилившаяся реакція, все это прямо отозвалось на положеніи Герцена, тѣмъ болѣе, что русское общество не могло оказать ему существенной поддержки, а огромное реакціонное большинство съ жадностью прислушивалось къ злобнымъ инсинуаціямъ противъ Герцена, и индифферентно легко проникались ими.

«Съ этой темы и началась этотъ разъ наша бесѣда. Герценъ, безъ малѣйшей желчи, но съ искренней грустью, замѣтилъ, что реакціонное настроеніе не правительства, а именно общества онъ чувствуетъ осязательно на умаленіи своего авторитета; не только уменьшился спросъ на «Колоколъ», который расходится далеко не въ такомъ числѣ, какъ было до 1863 г., но значительно сократилось и число корреспонденцій изъ Россіи и число посѣщавшихъ его туристовъ, прежде въ такомъ изобиліи снабжавшихъ его разными извѣстіями и пикантными новостями для изданія. Онъ самъ сознавалъ, что теряетъ почву подъ ногами, неясно понимаетъ причинную связь между многими жгучими вопросами, волнующими современную Россію, словомъ, что большее его отчужденіе отъ родины неизбежно вліяетъ невыгодно на свѣжесть его органа и на недостаточную отзывчивость его ко многимъ крупнымъ явленіямъ текущей государственной и общественной жизни. «Какъ мнѣ ни печально такое сознаніе,—говорилъ Герценъ:—но я не настолько самонадѣянъ, чтобы отрицать фактъ охлаждения ко мнѣ русской публики. Видя невозможность оказывать впредь давленіе на правительственные круги посредствомъ нашего общественнаго мнѣнія, которое стало [ко мнѣ гораздо равнодушнѣе, я хочу теперь измѣнить свою тактику и обратиться къ суду европейскаго общества, хочу попробовать издавать «Колоколъ» на французскомъ языкѣ и сообщать въ немъ свѣдѣнія о русскихъ порядкахъ... Жаль мнѣ мой русскій «Колоколъ», но дѣлать нечего!»

Бѣлоголовый попробовалъ его отговаривать и отстаивать сохраненіе «Колокола» въ русской редакціи, на что Герценъ возразилъ:

— Да что же мнѣ-то дѣлать, когда газета вотъ уже два года приноситъ мнѣ чувствительный убытокъ? Не такія теперь времена, чтобы условія русской жизни скоро снова измѣнились и чтобы я могъ рассчитывать на то, чтобы изданіе окупало мои затраты на него. Мои же собственные дѣла вовсе не такъ блестящи, чтобы не думать о будущемъ, о черномъ днѣ; вѣдь у меня семья большая. А капиталъ мой и безъ того значительно — таки посократился за послѣдніе годы; у меня крупная часть его была помѣщена въ американскихъ бумагахъ, а когда началась война Сѣвера съ Югомъ и всѣ американскія бумаги стали страшно и быстро падать, — мой банкиръ посовѣтовалъ поскорѣе развязаться съ ними, и я имѣлъ глупость его послушать и продалъ, конечно, съ весьма чувствительной для меня потерей...

Пробившись еще нѣкоторое время съ изданіемъ, Герценъ по соглашенію съ Огаревымъ, въ день десятилѣтія существованія «Колокола» рѣшилъ его временно закрыть, о чемъ и оповѣстилъ своихъ читателей слѣдующей редакціонной статьей.

1857—1867.

«Перваго іюля 1857 вышелъ первый «Колоколъ» въ Лондонѣ. Сегодняшнимъ листомъ заключается наше десятилѣтіе.

«Десять лѣтъ! Мы ихъ выдержали, а главное — выдержали пять послѣднихъ, они были тяжелы.

«Теперь мы хотимъ перевести духъ, отереть потъ, собрать свѣжія силы и для этого приостановиться на полгода. Слѣдующій листъ «Колокола» выйдетъ 1 января 1868 г., имъ мы начнемъ второе десятилѣтіе.

«Мы хотимъ еще разъ спокойно, безъ развлеченія срочной работой, взглянуть въ то, что дѣлается дома, куда волна идетъ, куда вѣтеръ тянетъ, мы хотимъ провѣрить, въ чемъ мы были правы и ошибались.

«Мы слишкомъ часто оглядывались, особенно въ послѣднее время, чтобъ нужно было снова повторять нашъ символъ вѣры и основы того взгляда, который мы проводили въ «Колоколѣ», они были неизмѣнны, по крайней мѣрѣ официальные враги наши въ этомъ не сомнѣвались. «Колоколъ» былъ и будетъ, прежде всего, органомъ русскаго социализма и его развитія, социализма аграрнаго и артельного, сельскаго и городского, государственнаго и областного.

«Соціальному развитію Россіи для насъ подчинено все, формы и лица, комбинаціи и ошибки — но такъ какъ оно невозможно безъ свободнаго слова и свободнаго схода, безъ общаго обсуживанія и совѣта, то мы звали и будемъ звать всѣми силами собранія

земскаго собора. Въ немъ мы видимъ не больше, какъ ворота, но ворота отворенныя, и это очень важно—до сихъ поръ русское развитіе пробирается тайкомъ чрезъ заборъ, пока сторожа не смотрятъ или спятъ.

«Все остальное грязь и пыль на дорогѣ, бревна и камни подъ колесами; все остальное можно бы оставить въ тѣни, на собственное разложеніе, если бъ отъ этихъ бревенъ и камней не гибли лучшія личности, если бъ въ этой топи не тонули неустрашимые сѣятели «завтра», вышедшіе на работу. А поэтому рядомъ съ «общей частью» снова пойдетъ отдѣлъ обличеній.

«Пауза наша имѣетъ для насъ еще то значеніе, что она насъ поставитъ въ возможность вымѣрять, насколько великъ или слабъ, живъ или мертвъ интересъ къ изданію «Колокола», и насколько замѣтятъ его временное отсутствіе... Впрочемъ, къ концу года мы намѣрены еще разъ напомнить о себѣ и издать, если удастся, рядъ новыхъ статей разнаго содержанія въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ «Сборникъ Колокола». При немъ будетъ и программа нашего журнала на 1868 года.

«Можетъ, къ нашему возвращенію на сцену или во время нашего домашнего отпуску попробуютъ свои силы новые, болѣе юные и свѣжіе борцы. Пора молодымъ талантамъ сломить свою печать молчанія. Условія, сдѣланныя въ Россіи безцензурному книгопечатанію, безобразны, лучшіе журналы пришиблены, лучшія газеты подъ непрерывнымъ ударомъ предостереженій и остановокъ. Отчего же такъ мало печатаютъ за границей? Наша типографія и нѣсколько другихъ предлагаютъ легкую возможность. Мы съ радостью будемъ привѣтствовать всякій русскій органъ. Намъ тѣсно не будетъ, свѣтъ не клиномъ сошелся.

А. Герценъ. Н. Огаревъ.

Огаревъ же напутствовалъ отходящій «Колоколъ» стихами, гдѣ во второмъ куплетѣ читаемъ:

Смолкаетъ «Колоколъ» на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится, какъ ненужный сонъ,
И снова нашъ раздастся звонъ,
И снова съ родины далекой
Привѣтъ услышится широкій,
И, можетъ, въ нашъ послѣдній часъ
Еще свѣтло дойдетъ до насъ—
Какъ Русь торжественно и стройно,
И не порывисто смѣла,
Съ сознаньемъ доблести спокойной
Звонитъ во все колокола.

VI.

Мы уже видѣли, какого невысокаго мнѣнія былъ Герценъ о литературныхъ способностяхъ молодой революціонной Россіи, очутившейся въ Женевѣ. Но не только съ этой стороны постигло его разочарованіе, онъ пошелъ и далѣе—они ему скоро стали противны, и между нимъ и этой молодой Россіей скоро установились почти враждебныя отношенія, особенно послѣ того, какъ на очередь выплылъ денежный вопросъ. Характеризуя своимъ мягкимъ языкомъ общій обликъ этой Россіи, онъ писалъ въ статьѣ «Общій фондъ»¹⁾: «... Новые люди, вытѣсненные суровымъ холодомъ 1863 г., стучались у нашихъ дверей. Они шли не изъ готовальни наступающаго переворота, а съ обрушившейся сцены, на которой выступали актерами. Они укрывались отъ вѣшной бури и ничего не искали внутри, имъ нуженъ былъ временный пріютъ, пока погода уляжется, пока снова представится возможность итти въ бой. Люди эти очень молодые покончили съ идеями, съ образованіемъ; теоретическіе вопросы ихъ не занимали отчасти оттого, что они у нихъ еще не возникали, отчасти оттого, что у нихъ дѣло шло о приложеніи. Они были побиты матеріально, но дали доказательство своей отваги! Свернувши знамя, имъ приходилось хранить его честь. Отсюда сухой тонъ, cassant, gaide, рѣзкій и нѣсколько поднятый. Отсюда военное, нетерпѣливое отвращеніе отъ долгаго обсуживанія, критики, нѣсколько изысканное пренебреженіе ко всѣмъ умственнымъ роскошамъ, въ числѣ которыхъ ставилось на первомъ планѣ искусство. Какая тутъ музыка, какая поэзія! «Отечество въ опасности, aux armes, citoyens!» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были отвлечены правы, но сложнаго и запутаннаго процесса уравнишенія идеала съ существующимъ они не брали въ расчетъ и, само собой разумѣется, свои мнѣнія и воззрѣнія принимали за воззрѣнія и мнѣнія цѣлой Россіи. Винить за это нашихъ молодыхъ штурмановъ бури было бы несправедливо. Это общеоношеская черта...»

Сборища русскихъ за границую, хотя съ мѣстомъ дѣйствія въ другой странѣ, чрезвычайно характерно обрисовалъ Тургеневъ въ романѣ «Дымъ»²⁾, и мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи привести одну страничку изъ этого описанія. Весьма возможно, что и Герцену на первыхъ порахъ своего сближенія съ русской колоніей въ Женевѣ пришлось окунуться въ такое же море безтолочи.

«Случалось не разъ, что трое-четверо кричали вмѣстѣ въ теченіе десяти минутъ, и всѣ были довольны и понимали,—повѣствуетъ Тургеневъ.—Бесѣда продолжалась за полночь и отличалась, какъ водится, обиліемъ

¹⁾ «Сочиненіе А. И. Герцена» изд. Ф. Павленкова, т. III, «Общій фондъ».

²⁾ «Дымъ» гл. IV.

и разнообразіемъ предметовъ. Суханчикова говорила о Гарибальди, о какомъ-то Карлѣ Ивановичѣ, котораго высѣкли его собственные дворювые, о Наполеонѣ III, о женскомъ трудѣ, о купцѣ Плескачевѣ, завѣдомо уморившемъ двѣнадцать работницъ и получившемъ за это медаль съ надписью: «за полезное», о пролетаріатѣ, о грузинскомъ князѣ Чукчеулидзеѣ, застрѣлившемъ жену изъ пушки, и о будущности Россіи; Пи-

Герценъ на смертномъ одрѣ.

щалкинъ говорилъ тоже о будущности Россіи, объ откупѣ, о значеніи національностей и о томъ, что онъ больше всего ненавидитъ прошлое; Ворошилова вдругъ прорвало: единымъ духомъ, чуть не захлебываясь, онъ назвалъ Дрэпера, Фирхова, г-на Шелгунова, Биша, Гельмгольца, Стара, Стура, Реймонта, Іоганна Миллера физиолога, Іоганна Миллера историка, очевидно, смѣшивая ихъ, Тэна, Ренана, г-на Шапова, а потомъ Томаса Наша, Пиля, Грина... «Это что же за птицы?» съ изумленіемъ

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1909 г., т. сxvi.

16

пробормоталъ Бамбаевъ. «Предшественники Шекспира, относящіяся къ нему, какъ отроги Альпъ къ Монъ-Блану!» хлестко отвѣчалъ Ворошиловъ, и также коснулся будущности Россіи. Бамбаевъ тоже поговорилъ о будущности Россіи и даже расписалъ ее въ радужныхъ краскахъ, но въ особенный восторгъ привела его мысль о русской музыкѣ, въ которой онъ видѣлъ что-то «ухъ! большое» и въ доказательство затянулъ романсъ Варламова, но скоро былъ прерванъ общимъ крикомъ, что: «онъ, молъ, поетъ Miserege изъ «Травотора» и прескверно поетъ.» Одинъ офицерчикъ подъ шумокъ ругнулъ русскую литературу, другой привелъ стихи изъ «Искры»; а Титъ Биндасовъ поступилъ еще проще: объявилъ, что всѣмъ бы этимъ мошенникамъ зубы надо повышибить—и баста! не опредѣляя, впрочемъ, кто собственно были эти мошенники. Дымъ отъ сигаръ стоялъ удушливый; всѣмъ было жарко и томно, всѣ охрипли, у всѣхъ глаза посоловѣли, потъ лилъ градомъ съ cadaго лица. Бутылки холоднаго пива появлялись и опорожнявались мгновенно. «Что бишь я такое говорилъ?» твердилъ одинъ. «Да съ кѣмъ же я сейчасъ спорилъ и о чемъ?» спрашивалъ другой».

Такова жанровая картинка изъ русской жизни за границей, нарисованная сочною кистью великаго художника, жизни, съ которой во второй половинѣ 60-хъ годовъ Герцену пришлось ежедневно становиться лицомъ къ лицу. Понятно, что и она сама и дѣйствующія въ ней лица скоро ему надоѣли, опротивѣли, стали ненавистны. И вотъ сначала мы слышимъ отъ него тихія жалобы ¹⁾: «... Сначала новые гости оживили насъ разказами о петербургскомъ движеніи, о дикихъ выходкахъ оперившейся реакціи, о процессахъ и преслѣдованіяхъ, объ университетскихъ и литературныхъ партіяхъ; потомъ, когда все это было передано съ той скоростью, съ которой въ этихъ случаяхъ торопятся все сообщить, наступили паузы, гiатусы; бесѣды наши сдѣлались скучны, однообразны... Неужели, думалъ я, это въ самомъ дѣлѣ старость, разводящая два поколѣнія? Холодъ, вносимый лѣтами, усталю, испытаніями?»

«Какъ бы то ни было, я чувствовалъ, что съ появленіемъ новыхъ людей горизонтъ не расширился... а сузился, діаметръ разговоровъ сталъ короче; намъ иной разъ нечего было другъ другу сказать. Ихъ занимали подробности ихъ круговъ, за границей которыхъ ихъ ничто не занимало. Однажды передавши все интересное объ нихъ, приходилось повторять, и они повторяли. Наукой или дѣлами они занимались мало; даже мало читали и не слѣдили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаніями и ожиданіями, они не любили выходить въ другія области; а намъ не доставало воздуха въ этой спертый атмосферѣ. Мы, избаловавшись другими размѣрами, задыхались! Къ тому же, если они и знали извѣстный слой Петербурга, то Россіи вовсе не знали и, искренно желая сблизиться съ народомъ, сблизались съ нимъ книжно и теоретически.

¹⁾ «Сочиненія Герцена», т. IV, «Общій фондъ».

«Общее между нами было слишкомъ общее. Въмѣстѣ итти, служить, по французскому выраженію, вмѣстѣ что-нибудь дѣлать—мы могли; но вмѣстѣ стоять и жить сложа руки было трудно. О серьезномъ вліяніи и думать было нечего. Болѣзненное и очень безцеремонное самолюбіе давно закусило удила. Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но, при всей искренности, это было не въ самомъ дѣлѣ. Они ждали, чтобы мы формулировали ихъ собственное мнѣніе, и только въ томъ случаѣ соглашались, когда высказанное нами нисколько не противорѣчило ему. На насъ они смотрѣли, какъ на почтенныхъ инвалидовъ, какъ на прошедшее, и наивно дивились, что мы еще не очень отстали отъ нихъ. Я всегда и во всемъ боялся «пуще всѣхъ печалей» мезальянсовъ, всегда ихъ допускалъ долею по гуманности, долею по небрежности, и всегда страдалъ отъ нихъ. Предвидѣть было немудрено, что новыя связи долгѣ не продержатся, что рано или поздно онѣ разорвутся и что этотъ разрывъ, взявъ въ расчетъ шероховатый характеръ новыхъ пріятелей, не обойдется безъ дурныхъ послѣдствій».

Въ его письмахъ къ друзьямъ, Бакунину, Огареву, мы видимъ, что душевное его состояніе достигло по мѣрѣ сожителства съ русскими высшей точки кипѣнія; о томъ же говорятъ и современники, встрѣчавшіеся съ нимъ въ тѣ годы. Въ біографіи Герцена, составленной Г. Вѣтринскимъ, эта сторона послѣднихъ лѣтъ его жизни нарисована достаточно полно; его-то указаніями мы и пользуемся для послѣдующихъ строкъ ¹⁾.

«Отношенія съ русскими «нигилистами» установились, наконецъ, у Герцена самыя острыя,—говоритъ г. Вѣтринскій.—«Серно-Соловьевичъ,—жаловался Герценъ въ письмѣ Бакунину,—наглый и сумасшедшій, но страшно то, что большинство молодежи такое, и что мы всѣ помогли ему быть такимъ. Я много думалъ объ этомъ послѣднее время и даже писалъ не для печати теперь. Эти люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина, говорятъ просто, что они хотѣли бы (меня) обобратъ и что они не могутъ переварить художественной стороны статей. Ты и Огаревъ, вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекоомъ вашимъ. Это вѣрно. Саго міо, подумай! Имъ будущности нѣтъ. Это меньшій братъ, который умретъ,— и на его могилѣ встрѣтится старшій съ еще болѣе меньшимъ».

«По рассказамъ разныхъ лицъ, эта молодежь всячески старалась уязвить Герцена, старалась принизить даже его талантъ, сравнивая съ Эльпидинымъ (издатель за границей многихъ изъ русскихъ писателей—Чернышевскаго и пр.). Герценъ съ досадою рассказывалъ Ге, какъ въ Женевѣ безъ всякой надобности кри-

¹⁾ Г. Вѣтринскій. «Герценъ», изд. бібліотеки «Свѣточа».

чали ему черезъ улицу: «Герценъ, Герценъ! Будете дома?» чтобы только показать: «вотъ какъ мы его третируемъ!» Въ нѣкоторыхъ письмахъ Герценъ даетъ съ крайней рѣзкостью полную волю своему раздраженію. «Ихъ надобно выставить къ позорному столбу во всей наготѣ, во всемъ холуйствѣ и наглости, въ невѣжествѣ и трусости, въ воровствѣ и доносничествѣ. И, можетъ, если силы не ослабѣютъ, я еще и буду ихъ палачомъ и положу имъ клеймо глупости на лобъ. Передняя, казарма, застѣнокъ полицейскій и дьячки могли только развести этотъ испанскій воротникъ на шеѣ Россіи. Тутъ всѣ — и Бакстъ, отпирающійся отъ своихъ словъ, сладкоглаголивый, семитическій «муринъ» и п...словый Эльпидинъ, сопля Вормсъ и гной Серно-Соловьевичъ, жиденята, утятя и гулята. Ну, и довольно съ нихъ» (29 апрѣля 1868 г.). Или: «Тухлая грязь своимъ чередомъ», — пишетъ онъ Огареву 2 мая 1868 г. и рассказываетъ одно изъ своихъ столкновеній: «Эти плащицы не съ Аполлоновыхъ, а съ м... «Современника» — ходятъ подъ какой-то амнистіей. Что они меня потащили бы на висѣлицу — въ этомъ я убѣжденъ. Что они еще сдѣлаютъ засаду — это ты увидишь. Поэтому надобно предупредить ихъ и стать на военную ногу — статьей — или убить на дуэли какую-нибудь дрянъ, — тогда, если не убьютъ, можно спокойно вѣкъ дожить... Да что ты въ самомъ дѣлѣ не раскусишь съ 1861 г. тургеневскаго Базарова? Онъ слабъ, поверхностенъ, дурно задуманъ — но онъ Богъ передъ этими свиньями...» Проискавъ и сплетнямъ съ ихъ стороны Герценъ въ одномъ письмѣ приписываетъ даже паденіе въ Россіи популярности «Колокола», приписываетъ Базаровымъ, «которые проповѣдуютъ отъ Гейдельберга до Сольвычегодска, отъ Флоренціи до Корчевы всему молодому поколѣнію ненависть къ намъ...»

И въ той же статьѣ «Общій фондъ», заканчивая ее, онъ уже болѣе жесткими словами, нежели въ ея началѣ, характеризуетъ то поколѣніе, которое отравляло ему послѣдніе годы жизни. Онъ говоритъ: «Заносчивые юноши, о которыхъ идетъ рѣчь, заслуживаютъ изученія, потому что они выражаютъ временный типъ, очень опредѣленно вышедшій, очень часто выражающій переходную форму болѣзни нашего развитія изъ прежняго застоя. Большею частью они не имѣли той исправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніемъ. Это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

«Снимая все до послѣдняго клочка, наши *enfants terribles* гордо являлись, какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Въмѣсто атлетиче-

скихъ мышць и юной наготы, обнаружилась печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

«Съ одной стороны, реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды; тутъ ничего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая, мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ поправіе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ.

«Но съ другой стороны, эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежителства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго Пѣтуха, и при томъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣютъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много съ приемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ муромкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, стрекулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ.

«Для полной свободы надобно забыть свое освобожденіе и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову,

«Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть С.-Милля ракалейей, забывая всю службу его,—развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усь да въ рыло». Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока

и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры»?

«Сама проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ.

«Все это перерабатывается и перемелется; но нельзя не сознаться— странную почву приготовили опека и цивилизація въ нашемъ «темномъ царствѣ». Почву, на которой многообѣщающіе всходы проросли, съ одной стороны, поклонниками Муравьевыхъ и Катковыхъ, съ другой, давтистами нигилизма и базаровской безпардонной вольницы.

«Много дренажа требуютъ наши черноземы!»

VII.

Мы нарочно остановились такъ долго на характеристикѣ Герценомъ выступившей въ тѣ годы на арену политической борьбы молодежи. Она такъ блестяща, глубока и вѣрно охватывающа сущность предмета, что ее надо имѣть непрестанно въ виду, когда далѣе пойдетъ рѣчь о представителяхъ этой молодежи. Многіе эксцессы послѣдней, крайности и даже поступки могутъ найти въ словахъ Герцена и свое объясненіе и свое оправданіе.

Пунктъ, на которомъ между молодыми эмигрантами и Герценомъ разыгралась настоящая борьба, былъ денежный вопросъ, особенно обострившійся съ приѣздомъ въ Женеву Нечаева, имя котораго намъ уже встрѣчалось, когда шла рѣчь о кружкѣ ишутинцевъ и каракозовцевъ. До сихъ поръ шли мелочи, теперь на очередь стало крупное, задѣвшее самыя чувствительныя струны издателя «Колокола», ударившее его по нервамъ и побудившее разорвать съ своими молодыми знакомыми. Вотъ какъ рассказываетъ Т. П. Пассекъ по настоящему вопросу ¹⁾: «Кажется, въ 1858 году въ Лондонъ приѣхалъ молодой человекъ Бахметьевъ изъ Симбирской губ. У него были какія-то семейныя неприятели, о которыхъ онъ не распространялся, но которыя произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшился оставить Россію навсегда и завести на соціальныхъ началахъ коммуны на Маркизскихъ островахъ. «Скрыться куда-нибудь подальше отъ родныхъ», говорилъ онъ. У него было съ собой 50.000 франковъ капитала, изъ которыхъ 20.000 онъ желалъ употребить на какую-нибудь полезную пропаганду въ Европѣ.

¹⁾ Воспоминанія Т. П. Пассекъ («Изъ дальнихъ лѣтъ») т. III.

«Сначала Герценъ не могъ понять, почему Бахметьевъ его такъ допрашиваетъ, нѣтъ ли какой-нибудь коммерческой мысли въ изданіи «Колокола», «Полярной Звѣзды», «Былое и Думы» и пр. Герценъ на это размѣялся и объяснилъ ему, что типографія ему стоитъ 10.000 франковъ въ годъ, что иногда она окупается отчасти продажей книгъ, а иногда нѣтъ; что это его вовсе не заботитъ, потому что средствъ у него достаточно, а онъ просто осуществляетъ съ Огаревымъ завѣтную мысль съ дѣтства—служить родинѣ хоть издалека.

«Выслушавъ это, Бахметьевъ задумался, а черезъ нѣсколько дней объявилъ Герцену, что онъ оставляетъ ему на издержки типографіи или чего онъ еще придумаетъ 20.000 франковъ, а самъ съ 30.000 фр. поѣдетъ заводить коммуну на Маркизскихъ островахъ. Напрасно Герценъ убѣждалъ его не оставлять ему этихъ денегъ, что онѣ ему не нужны, и не ѣздить заводить коммуну, но Бахметьевъ былъ упрямъ и никакихъ доводовъ не допускалъ. Наконецъ Герценъ согласился взять 20.000 франковъ, говоря ему: «Я сберегу ваши деньги на пропаганду; если понадобится, буду тратить лишь проценты, и когда бы вы ни вернулись, капиталъ вашъ будетъ цѣлъ. Онъ вамъ пригодится, если мои предположенія сбудутся. Напрасно вы не соглашаетесь пожить здѣсь; вы бы увидѣли эмигрантовъ всякихъ націй и убѣдились бы, что ваши мечты неосуществимы».

«Бахметьевъ покачалъ головой, говоря:

«— Оставимте этотъ разговоръ, — все давно рѣшено въ моей головѣ. Поѣдемте лучше къ Ротшильду.

«— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Герценъ,—мы съ Огаревымъ дадимъ вамъ расписку.

«— Не надобно,—отвѣчалъ Бахметьевъ.

«Но Герценъ настоялъ, и расписка была дана обоими. Вотъ что и было подъ названіемъ «Общаго фонда».

Съ тѣхъ поръ. о Бахметьевѣ не было ни слуха, ни духа, но Герценъ хранилъ его капиталъ въ цѣлости. Объ этомъ-то «общемъ фондѣ» и прослышали женевскіе эмигранты, безработные, часто голодные, нуждающіеся. Они стали приставать къ Герцену, чтобы онъ этотъ фондъ отдалъ въ ихъ распоряженіе. Онъ отказывалъ, и вотъ, между прочимъ, какіе по сему предмету между ними происходили разговоры, о которыхъ онъ самъ передаетъ въ статьѣ «Общій фондъ»¹⁾: «Я рѣшительно денегъ не давалъ, и пусть требовавшіе ихъ сами скажутъ, гдѣ онѣ были бы, если бы я далъ ихъ.

«— Б., говорилъ я, можетъ вернуться безъ гроша; трудно сдѣлать аферу, заводя социалистическую колонію на Маркизскихъ островахъ.

¹⁾ «Сочиненія Герцена», т. III.

- «— Онъ навѣрное умеръ.
 «— А какъ на зло вамъ живъ?
 «— Да, вѣдь, онъ деньги далъ на пропаганду.
 «— Пока мнѣ на нее не нужно.
 «— Да намъ нужно.
 «— На что именно?
 «— Надобно послать кого-нибудь на Волгу, кого-нибудь въ Одессу.
 «— Не думаю, чтобъ очень нужно было.
 «— Такъ вы не вѣрите въ необходимость послать?
 «— Не вѣрю.

«Старѣетъ и становится скупъ,—говорили обо мнѣ на разные тоны самые рѣшительные и свирѣпые.—Да что на него смотрѣть; взять у него эти деньги, да и баста,—прибавляли еще больше рѣшительные и свирѣпые.—А будетъ упираться, мы его такъ продернемъ въ журналахъ, что будетъ помнѣть, какъ задерживать чужія деньги.—Денегъ я не дамъ.

«Въ журналахъ они не продергивали. Ругательства въ печати являются гораздо позже, но тоже изъ-за денегъ... Эти болѣе свирѣпые, о которыхъ я сказалъ, были тѣ ультра, тѣ угловатые и шершавые представители «новаго поколѣнія», которыхъ можно назвать Собакевичами и Ноздревыми нигилизма».

При такихъ отношеніяхъ Герценъ покинулъ Женеву. Вернувшись сюда для свиданія съ Огаревымъ въ 1868 года, онъ понялъ дурную сторону двойной расписки, данной Бахметьеву. «Онъ почувствовалъ себя въ самомъ дурномъ расположеніи духа, увидѣвши, что Огаревъ слишкомъ поддается вліянію Бакунина и эмигранта Нечаева,—говоритъ г-жа Пассекъ.—Нечаевъ былъ до того антипатиченъ Герцену, что онъ постоянно отдалялъ его и никогда не допускалъ въ свое семейство. Если же Нечаевъ появлялся у него въ домѣ, то говорилъ своимъ: «Ступайте, куда хотите,—вамъ неважѣмъ видѣть эту змѣю».

«Огаревъ просилъ настойчиво пять тысячъ изъ бахметьевскаго фонда и намекалъ, что имѣетъ такое же право по распискѣ, какъ и Герценъ. Видя, что Герценъ этимъ встревоженъ. Наталья, Алексѣевна¹⁾ рѣшилась посоветовать ему раздѣлить капиталъ на двѣ равныя части и предоставить Огареву распоряжаться одной, а другую оставить у себя безъ контроля. Къ ея удивленію, Герценъ тотчасъ согласился. «Совершенно справедливо,—сказалъ онъ:—вѣдь они не удовольствуются пятью тысячами, а тутъ по крайней мѣрѣ граница—черта». Такъ и было сдѣлано. Въ концѣ 69-го года отъ части Огарева уже не осталось ничего. Въ это время Герценъ вмѣстѣ съ Натальей Алексѣвной вернулся изъ Флорен-

¹⁾ Его тогдашняя жена.

ціи въ Парижъ съ своей больной дочерью и самъ былъ очень нездоровъ и разстроенъ. Несмотря на это, Огаревъ, подчиняясь волѣ Бакунина, постоянно писалъ объ остальныхъ десяти тысячахъ и наконецъ сообщилъ, что Нечаевъ самъ ѣдетъ въ Парижъ для личныхъ переговоровъ съ нимъ. Александръ взволновался. «Не приму его у себя, лучше пойду къ нему на квартиру. Когда Нечаевъ услышитъ, что я не дамъ ни копейки изъ десяти тысячъ, то, конечно, убьетъ меня и перепугаетъ васъ всѣхъ». Но свиданья не было—грозное 9 января 1870 г. наступило раньше.

«Послѣ кончины Александра Ивановича Наталья Алексѣевна передала сыну его всѣ подробности этого дѣла. Огаревъ продолжалъ писать объ этихъ деньгахъ къ сыну своего друга.

«— Пошлю имъ остальные десять тысячъ,—сказалъ Александръ Александровичъ Герценъ:—отецъ могъ ихъ удерживать для своихъ плановъ, а мы частные люди; пусть Огаревъ съ Бакунинымъ дѣлаютъ изъ нихъ, что хотятъ, лишь бы эти деньги не оставались въ нашей семьѣ.

«И послѣднія десять тысячъ франковъ были посланы Огареву, который и передалъ ихъ Бакунину. Спустя нѣсколько времени по кончинѣ Александра Ивановича дѣти его приступили къ полному изданію его сочиненій, еще не бывшихъ въ печати. Въ числѣ статей, предполагавшихся къ напечатанію въ этомъ изданіи, была статья подъ названіемъ «Общій фондъ», въ которой Александръ Ивановичъ высказываетъ свои взгляды относительно крайней революціонной партіи того времени. Руководители этой партіи, узнавъ объ этомъ намѣреніи дѣтей Александра Ивановича, отправили къ его сыну письмо съ бланкомъ «Народная расправа» съ угрозами. Письмо было безъ подписи.

«Въ «Народную расправу» былъ посланъ слѣдующій отвѣтъ: «Дѣти Александра Ивановича Герцена не боятся народной расправы». Статья была напечатана.

Герценъ не послушался ни Бѣлоголоваго, ни другихъ своихъ друзей и все-таки попробовалъ возобновить «Колоколъ» на французскомъ языкѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, такого рода предприятие не могло имѣть успѣха и не имѣло его. Пришлось съ «Кололомъ» совсѣмъ кончить, а затѣмъ... затѣмъ наступила страшная пустота, тоска по родинѣ и разочарованіе въ русской эмиграціи. Говоря объ этой эмиграціи и узнавъ, что еще одинъ русскій, знакомый Бѣлоголоваго, собирается покинуть Россію, Герценъ воскликнулъ:

— Бога ради, уговорите вашего пріятеля не дѣлать этого, эмиграція для русскаго человѣка—вещь ужасная; говорю по соб-

¹⁾ Н. Н. Бѣлоголовый, «Воспоминанія и другія статьи».

ственному опыту; это не жизнь, не смерть, а нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя,—какое-то глупое, беспочвенное прозябаніе. Пускай лучше вашъ пріятель поживетъ за границей, осмотрится самъ и хорошенько провѣритъ себя прежде, чѣмъ рѣшится совсѣмъ сжечь корабли, что онъ всегда успѣетъ сдѣлать. Мнѣ не разъ приходится раздумывать на эту тему,—и вѣрьте, не вѣрьте,—но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или сибирскую каторгу, то, мнѣ кажется, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе русскаго эмигранта.

Тоска по родинѣ и русскому была въ немъ такъ сильна, что онъ обрадовался даже встрѣчѣ съ своимъ исконнымъ и принципиальнымъ врагомъ, старикомъ М. П. Погодинымъ. Ему онъ тоже изливалъ свою душу, въ томъ же родѣ, что и Бѣлоголовому, на что знаменитый московскій профессоръ добродушно ему замѣтилъ:

— Возвратъ домой есть, Александръ Ивановичъ. Проситесь въ соловецкіе монахи. Позволятъ.

Конечно, это была шутка, но такъ или иначе и пошутить съ Погодинымъ ему доставляло удовольствіе. Сердечная рана разрасталась и сочилась, а тутъ еще прибавились болѣзни въ семьѣ, необходимость мыкаться изъ Швейцаріи въ Италію, а оттуда во Францію. Въ концѣ 1869 г. онъ съ Натальей Алексѣвной и больной дочерью поселился въ Парижѣ. Зима оказалась для него неблагоприятной—онъ простудился, схватилъ воспаленіе легкихъ, и 9 января (н. с.) 1870 г. его не стало. Отошелъ въ вѣчность благороднѣйшій представитель русской литературы, чья жизнь была непрестаннымъ горѣніемъ на пользу и счастье Россіи, съ страстной и мучительной мыслью о которой онъ жилъ и умеръ. На похоронахъ его извѣстный Вырубовъ произнесъ рѣчь, гдѣ между прочимъ сказалъ: «Мы пришли сюда отдать послѣдній долгъ великому гражданину, столько сдѣлавшему для своей родины. Но Россія не облечется въ трауръ по немъ, лишь немногіе друзья, оставшіеся ему вѣрными, будутъ носить этотъ трауръ въ сердцахъ. Но придетъ день, и соотечественники его лучше поймутъ свою исторію и вспомнятъ объ этой одинокой могилѣ. На могильной плитѣ они воздвигнутъ ему памятникъ и на немъ вырѣжутъ слова: «Великому гражданину, великому изгнаннику—Александру Герцену—благодарная Россія».

Черезъ нѣсколько времени прахъ его, согласно въ свое время выраженной волѣ, былъ перенесенъ въ Ниццу и погребенъ рядомъ съ тѣломъ Наталіи Александровны Герцень. На могилѣ поставленъ памятникъ, представляющій его стоящимъ во весь ростъ съ скрещенными руками. Обращаясь къ этому памятнику, Надсонъ писалъ:

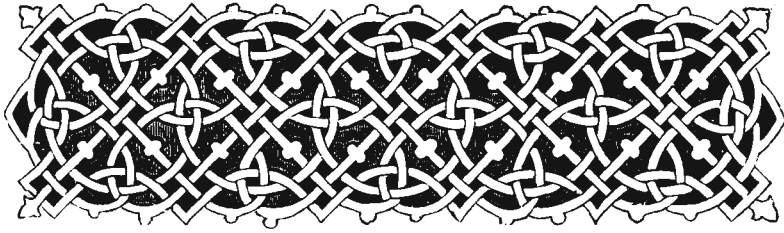
Отлитый изъ мѣди, тяжелой пятою,
 На мраморный цоколь вступивъ,—
 Какъ будто живой, онъ вставалъ предо мною
 Подъ темнымъ наметомъ оливъ.
 Въ чертахъ величавая грусть вдохновенья,
 Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
 И руки на мѣдной груди безъ движенья
 Прижаты тяжелымъ крестомъ.

Отзвонившій и разбитый «Колоколъ» замолкъ навѣки. Чистый звонъ его металла уже не доходилъ до соотечественниковъ, призывая ихъ къ борьбѣ во имя правъ человѣческихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминая имъ о гуманности, любви и идеализмѣ. А изъ Женевы, на смѣня этимъ былымъ чарующимъ звукамъ, несся набатъ. Сумрачная и зловѣщая фигура Нечаева была этотъ набатъ, и до Россіи долетали страшныя и грозныя слова: кровавая народная расправа...

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣд. книгѣ).

ПОѢЗДКА ВЪ КАЗБЕКЪ.

ВЫѢХАЛЪ по Военно-Грузинской дорогѣ въ чудное раннее лѣтнее утро, желая провести нѣсколько свободныхъ дней среди природы и избравъ цѣлью своей поѣздки станцію Казбекъ, въ 43 верстахъ отъ Владикавказа. Солнце проглядывало сквозь легкій утренній туманъ, лошади весело бѣжали по прекрасному шоссе, и впереди изъ-за облаковъ выглядывали горы съ бѣлыми вершинами, сѣро-розовыми скалами и изумрудными подножиями. Клочки тумана и облаковъ причудливо окутывали ихъ, точно прощаясь и не желая разставаться съ высокими утесами и отдѣльно стоящими большими деревьями. Я проѣхалъ мимо большого, потонувшаго въ роцѣ лагеря, который только что проснулся и началъ свой долгій трудовой день. Между палатками пестрѣли цвѣтныя рубашки денщиковъ, раздувающихъ офицерскіе самовары, мѣстами бѣлѣли группы и ряды одѣтыхъ по формѣ солдатъ, вытянувшихъ въ струнку передъ фельдфебелемъ и собирающихся маршировать. Слышны были звуки рожка и выкрики начальства.

Дорога пряма, какъ стрѣла. Вотъ стали попадаться навстрѣчу двухколесныя арбы, бѣлыя отъ ноши, нагруженныя известнякомъ, который ломаютъ въ предгорьяхъ. Погонщики, босыя, смуглыя, живописныя фигуры въ войлочныхъ осетинскихъ шляпахъ-грибахъ, оборванныя до нельзя, лежатъ на арбахъ, или идутъ около нихъ, напѣвая протяжно какія-то безконечныя пѣсни, и скрипъ арбъ сливается неуловимо съ пѣніемъ. Туманъ и облака таютъ въ

Военно-грузинская дорога. Видъ съ «Реданга» на горы.

согрѣвшимся воздухѣ, въ серебристой отъ росы травѣ жужжать насѣкомья, яркій розовый клеверъ, высокіе лиловые колокольчики, ромашки чуть не въ ладонь величиною пестрятъ траву. Все это сочетаніе чудной зелени, голубого прозрачнаго воздуха, уже недалекихъ снѣговыхъ вершинъ, влажнаго аромата лѣтняго утра, свободы, простора и странной пѣсни грузина упоительно врывается въ душу послѣ городской тѣсной жизни.

Горы приближаются, подступаютъ справа уже къ самой дорогѣ, когда я проѣзжаю мимо загороднаго кабачка «Реданта», названнаго такъ потому, что онъ пріютился у развалинъ бывшей небольшой крѣпости, когда-то защищавшей Владикавказъ отъ набѣговъ горцевъ. Слѣва бѣжитъ пока еще скромный Терекъ; мягко сіяетъ онъ на солнцѣ своими ласковыми говорливыми волнами и кудрями нѣжной бѣлой пѣны. Справа высокіе отвѣсные утѣсы; мѣстами выросли и какимъ-то чудомъ держатся на нихъ молодые дубки и орѣшники, густая трава покрываетъ всѣ склоны, свѣшивается со скалы, и изъ нея выглядываютъ кустики коралловой земляники и голубыя звѣзды незабудокъ. Здѣсь горы еще не страшны, не грозны, онѣ здѣсь похожи на молодыхъ, кудрявыхъ, веселыхъ великановъ. Дорога идетъ вверхъ по теченію Терека, по лѣвому его берегу, невысоко, и выбита почти вся въ цѣльномъ бѣломъ камнѣ подступающихъ къ Тереку горъ. Изъ скалы справа бѣжитъ родничекъ; алмазная струя его вытекаетъ изъ камня, выдолбленнаго желобками, цвѣты и какія-то вьющіяся растенія купаются въ крошечномъ бассейнѣ, камни кругомъ влажны и поросли мохомъ. Нельзя утерпѣть, чтобы не подставить ротъ подъ холодную струйку и пить, пить безъ стакана прямо изъ земли бѣгущую струю. У родника отдыхаетъ группа рабочихъ, починающихъ шоссе. Недавніе дожди размыли его, и мѣстами соединенныя усилія дождя и Терека оторвали отъ краевъ дороги цѣлые куски.

Солнце уже припекаетъ, горы наступаютъ еще ближе, дорога поднимается въ гору, и экипажъ мой издаетъ гулкій звукъ, проѣзжая подъ мрачной нависшей скалой. Недаромъ зовется она «Пронеси, Господи»: съ нея вѣчно сыплются камни, и проѣздъ подъ нею опасенъ. Но вотъ крутой поворотъ, и картина совершенно мѣняется. Теперь дорога тянется впереди на нѣсколько верстъ, прямая, какъ стрѣла, бѣлая отъ известковой пыли, Терекъ отступаетъ налѣво, между нимъ и шоссе голые валуны, справа мелкая сѣрватая травка. Горы раздвинулись широко въ обѣ стороны и имѣютъ странно-унылый видъ. Онѣ и ниже, и болѣе пологи стали, и цвѣтъ ихъ сѣро-желтой глины, поросшей низкой, рѣдкой блеклой травой, наводитъ на мысль о покинутыхъ могилахъ. По горамъ высоко вверхъ вьются унылыя желтыя дороги, которыя теряются въ расщелинахъ и ведутъ въ какіе-то, вѣроятно, тоже унылыя, аулы. На выступахъ кое-гдѣ одиноко стоятъ сторожевыя башни съ осыпавшимися верхушками.

Военно-грузинская дорога. Скала «Пронеси Господи».

Вотъ селеніе Джерахъ. Тутъ стоитъ казачій постъ, на солнцѣ бѣлѣютъ палатки казаковъ, которые живутъ тутъ съ семьями и развлекаются тѣмъ, что выбѣгаютъ смотрѣть на каждый проѣзжающій экипажъ.

Въ ущельѣ направо шумитъ мельница, и быстро лепечутъ отъ вѣтра высокіе тополя, единственная группа зелени въ Джерахѣ. На камняхъ у Терека лежитъ пара верблюдовъ; ихъ здѣсь держатъ на каждой станціи, чтобы почтовые лошади привыкали къ ихъ виду и не пугались проходящихъ по этой дорогѣ изъ Закавказья каравановъ. На голыхъ камняхъ, у бурной воды поднимаются горбы и длинныя шеи этихъ уродливыхъ животныхъ, производящихъ впечатлѣніе какихъ-то допотопныхъ земноводныхъ при этой обстановкѣ.

Дожди и разлившійся Терекъ и здѣсь надѣлали безпорядковъ. Половина казенной казармы и башня обрушились, подмытыя водою, и теперь у Терека суетится толпа рабочихъ, строящихъ отводную плотину во избѣжаніе будущихъ бѣдъ. Жаль, что поздно: красивой старой башни какъ не бывало.

Ѣду дальше по тяжелой, испорченной дождями дорогѣ, и скоро кончается печальное Джерахское ущелье. Горы повеселѣли, выросли, и опять ихъ одѣваетъ зелень, теперь уже до самой вершины. Между зелеными деревьями бѣгутъ, сверкая, внизъ шумные, веселые ручьи-водопады и кажутся снѣговыми отъ бѣлой пѣны, кипящей, сбившейся при паденіи. Проѣзжаю селеніе Старый Ларсъ, гдѣ была когда-то станціи и казармы, а теперь осталась одна грязная улица съ полуразрушенными домиками безъ оконъ и дверей. Но тамъ все-таки живетъ кто-то, по улицѣ даже куры бѣгаютъ, и одна единственная древняя собака пытается лаять на проѣзжающихъ. На стѣнѣ одного менѣ другихъ разрушеннаго домика выведена углемъ надпись: «Постоялый дворъ Петровыхъ», но, вѣрно, давно уже онъ не видѣлъ постояльцевъ.

Старый Ларсъ за четыре версты отъ теперешней станціи Ларсъ, гдѣ я думаю сдѣлать привалъ. Но такъ какъ я ѣду на долгихъ, на «вольномъ» экипажѣ, и перепрягать лошадей мнѣ не надо, то я и не останавливаюсь на самой станціи, чтобы не вдыхать станціонныхъ ароматовъ и не подвергать себя натиску буфетчика, старающагося снабдить путешественниковъ двухнедѣльными пирожками и трехдневнымъ чаемъ. Мой кучеръ распрягаетъ лошадей, раскладываетъ коверъ на пригоркѣ, за полверсты не доѣзжая станціи, около мостика черезъ горный потокъ и достаетъ корзину съ дорожной провизіей. Кругомъ, сколько глазъ видитъ, зеленая горы, на берегу потока горитъ костеръ и кипитъ походный чайникъ, вода въ потокѣ похожа на чистый голубоватый ледъ, перемѣшанный съ бѣлымъ снѣгомъ пѣны. Вокругъ бродятъ горныя стада граціозныхъ козочекъ и овецъ, а ихъ любопытные и ску-

Рѣка Терекъ.

чающіе мальчишки-пастухи, оборванные и живописные, съ длинными крючковатыми палками въ рукахъ, подходят и садятся совсѣмъ близко въ надеждѣ поживиться отъ проѣзжихъ. Одинъ изъ нихъ, самый маленькій, подталкиваемый товарищами, начинаетъ выплясывать около насъ что-то вродѣ лезгинки и кувыркатся черезъ голову. Это своеобразный способъ выпрашивать милостыню, и это можно наблюдать по всей Военно-Грузинской дорогѣ, когда за вашимъ экипажемъ около каждаго селенія увязывается толпа пляшущихъ и кувыркающихся мальчишекъ.

— Айда отсюда, чортово грузо!—кричитъ на нихъ мой кучеръ и машетъ руками, чтобы разогнать ихъ.—«Зачѣмъ ты?—говорю я:—пусть себѣ смотрятъ, а потомъ возьмутъ, что у насъ останется съѣстного».—«Какъ же, съѣстного! Воны таки воры, эти азиаты, того гляди, чого-нибудь стянутъ, нехристи!» Мой хохоль искренно считаетъ всѣхъ горцевъ нехристями и отчаянными ворами, въ чемъ онъ отчасти правъ, несмотря на ихъ православную религію.

Прямо противъ насъ Терекъ, который не покидаетъ насъ всю дорогу и здѣсь уже начинаетъ кипѣть и ревѣть довольно внушительно. Подойдя къ берегу, разговаривать нельзя, голоса не слышно. На томъ берегу лежитъ «Ермоловскій камень», неизвѣстно когда и откуда упавшая сюда скала, названная въ честь генерала Алексѣя Петровича Ермолова, принимавшаго участіе въ постройкѣ Военно-Грузинской дороги. На камнѣ выросли деревья, и въ тѣни ихъ пасутся стада козъ, которыя кажутся игрушечными на его широкой верхушкѣ.

Я хочу засвѣтло попасть въ Каабекъ, а потому мы запрягаемъ и трогаемся дальше. Скоро станція Ларсъ остается позади, горы мрачно сдвигаются, дорога теряется въ поворотахъ и изгибахъ, и въ душу сразу вторгается торжественное впечатлѣніе Дарьяльскаго ущелья. Дорога совсѣмъ испорчена дождями и ремонтируется; рабочіе съ кирками, лопатами и тачками встрѣчаются на каждомъ шагу. Справа скалы нависли совсѣмъ надъ нашими головами, слѣва Терекъ подступаетъ къ самой дорогѣ, вьетъ и гложетъ шоссе, куски котораго точно выѣдены чьими-то громадными зубами. Возобновить старое мѣстами невозможно, а потому вмѣсто размытыхъ кусковъ дѣлаютъ новые, взрывая скалы порохомъ и выбивая по кусочкамъ извѣденный водою камень. Во многихъ мѣстахъ къ нависшимъ утесамъ прикрѣплены на канатахъ деревянныя люльки, въ нихъ сидятъ рабочіе и съ опасностью жизни разбиваютъ у себя надъ головою висящія скалы. Вода сочится изъ свѣжихъ трещинъ, и куски шифера, похожіе на колотыя дрова и щепки, сыплются вокругъ; стоящіе внизу товарищи быстро убираютъ ихъ съ помощью своихъ лопатъ и тачекъ. Недаромъ говорятъ, что если бы собрать всѣ тѣ червонцы, что истрачены на

Башня царицы Тамары на р. Терекъ.

постройку и содержаніе этого шоссе, то ими можно было бы вымостить всю дорогу отъ Владикавказа до Тифлиса на протяженіи 200 верстѣ. Среди огромныхъ горъ эти люди со своею работою кажутся жалкими муравьями, роющими себѣ дорожку-ниточку въ песокѣ, который ежеминутно можетъ обрушиться и уничтожить и ихъ, и ихъ работу.

Пятый часъ дня, а въ ущельи уже сумерки. Солнце заглядываетъ сюда только въ полдень, ненадолго. Все кругомъ голо, мертво, камень всѣхъ отбѣнковъ сбѣраго цвѣта, скалы поросшія мохомъ да кое-гдѣ одинокія, кривыя мелкія сосны и ели. Терекъ реветъ оглушительно, разбиваясь въ быстромъ бѣгѣ о камни въ этомъ тѣсномъ коридорѣ съ полоской неба наверху. Смотришь впередъ, и кажется, что вотъ-вотъ горы сойдутся окончательно, что дальше дороги уже быть не можетъ. Но она извивается, вьется по берегу, а тамъ, гдѣ берега уже нѣтъ, гдѣ Терекъ еле пробивается самъ среди этихъ вѣковыхъ сѣдыхъ камней, она всползаетъ на самыя скалы. Глазъ не можетъ насмотрѣться на эту мрачную, захватывающую духъ картину, поражающую воображеніе, напоминающую самыя страшныя картины Дорэ и наводящую на мысль о Дантовомъ адѣ. Ушедшія въ небо скалы— то башни великановъ, вотъ цѣлые ряды колоннъ разрушеннаго дворца, пещеры змѣевъ. А вотъ и въ самомъ дѣлѣ башни и замки, построенные невѣдомо когда и кѣмъ, съ знаменитымъ «замкомъ Тамары» во главѣ. Башни осыпались, стѣны ихъ зеленѣютъ мохомъ, изъ нихъ идутъ подземные ходы къ Тереку, и воображеніе невольно работаетъ, стараясь представить себѣ, какіе люди, для чего, какъ и когда строили все это? Отъ кого они спасались на этихъ кругизнахъ, какъ строили свои уединенныя башни, таская камень за камнемъ на неимовѣрную высоту, какъ жили и какъ погибали? Вотъ «Чорговъ мостъ», но это уже произведеніе культуры, которая, впрочемъ, тоже немало человѣческихъ жертвъ потребовала здѣсь во имя свое.

Дорога начинаетъ постепенно подыматься въ гору. Мой экипажъ часто нагоняетъ арбы съ навѣсами изъ ковровъ и войлоковъ, биткомъ набитыя народомъ. Всѣ одѣты по праздничному, на подушкахъ; въ нѣкоторыхъ арбахъ лежатъ старики, старухи, дѣти, укрытые пестрыми ситцевыми ватными одѣялами, повидимому, больные. Около одной арбы идетъ красивый, благообразный старикъ-грузинъ и, вѣжливо приподымая папаху, здоровается со мною по-русски.

«Куда столько народу идетъ?» спрашиваю я. На плохомъ русскомъ языкѣ онъ объясняетъ, что завтра въ Казбекѣ праздникъ св. Или и религиозное торжество. Значитъ, мнѣ предстоитъ любопытное зрѣлище. До Казбека осталось немного, шоссе взобралось уже довольно высоко, Терекъ остался глубоко внизу, и ѣдешь

Чорговъ мостъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ на Военно-Грузинской дорогѣ.

точно по карнизу. Окружающія горы покрыты горными пастбищами съ яркими и крупными цвѣтами розовой гвоздики и голу-быхъ скабіозъ: кое-гдѣ переплетаются вѣтки густо растущаго рододендрона. По пастбищамъ наверху и у русла Терека бродятъ какія-то фигуры, которыя часто наклоняются къ землѣ и потомъ что-то бросаютъ въ высокія и узкія плетенныя корзины, привязанныя у нихъ за спиною. Это несчастныя женщины горцевъ собираютъ конскій и коровій пометъ себѣ на топливо. При холодной и долгой горной зимѣ и отсутствіи дерева это ихъ единственный источникъ тепла, и онѣ, тщательно собирая въ теченіе лѣта каждый кусочекъ этой драгоценности, потомъ мѣсятъ это съ соломой и лѣпятъ лепешки (кизяки), которыя сушатъ на солнцѣ и жгутъ зимой въ своихъ жалкихъ каменныхъ сакляхъ. Въ золѣ этого же топлива пекутъ онѣ свои ячменныя лепешки. Эти же женщины таскаютъ на горы по крутымъ и узкимъ дорожкамъ всякія тяжести: мѣшки съ мукою съ мельницы, вязанки сѣна, которое онѣ же сами не косятъ, а жнутъ серпами между камнями, стоя на колѣняхъ и ползая отъ камня къ камню, чтобы не пропала ни одна былинка. Онѣ же выбираютъ руками камни со своихъ полей и складываютъ ихъ на межахъ въ видѣ ограды, и выбираютъ ихъ каждую весну съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ начать снова, потому что ихъ пашни вѣчно засыпаютъ и заноситъ съ горъ камнями. Мало онѣ похожи на женщинъ, возрастъ ихъ всегда трудно опредѣлить; это просто рабочій скотъ, который работаетъ и страдаетъ безъ протеста въ то время, какъ мужчины проводятъ время, сидя у пороговъ въ мирной бесѣдѣ, сопровождаемой иногда трень-каньемъ на «чонгури»—однострунной балалайкѣ.

Одинъ изъ некрупныхъ администраторовъ Кавказа, имѣвшій долго дѣло съ такимъ народомъ, рассказываетъ по этому поводу «анекдотъ». Сочувствуя слабому полу, несущему вѣчно такой каторжный трудъ въ то время, какъ мужчины вѣчно праздны, онъ призвалъ къ себѣ мужей и пробовалъ усовѣстить ихъ, возбудивъ гуманныя чувства. Нѣкоторые изъ нихъ сдались и вздумали взять на себя тягости жизни. Черезъ короткое время къ администратору явилась депутація женщинъ съ просьбой оставить свои увѣщанія. Основаніе странной просьбы заключалось въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мужья взялись за тяжелыя работы, они возвращаются домой усталые и разбитые, ласки ихъ стали рѣдки, и они уже не мужья. Администратору оставалось проклониться передъ такой просьбой: каждый выбираетъ себѣ то, что ему кажется лучшимъ. Все это вспомнилось мнѣ при видѣ жалкихъ, согбенныхъ фигуръ, ползающихъ по горамъ.

Дорога дѣлается все круче, лошадямъ тяжело, ѣхать такъ медленно скучно, и я иду пѣшкомъ, заглядывая въ пропасть налѣво и срывая пахучія бѣлыя гвоздики со скаль направо. Экипажъ

тащится за мною. Кучки рабочихъ и тутъ копошатся въ скалахъ, и я слышу предупреждающіе объ опасности крики. Десятникъ подходитъ ко мнѣ и вѣжливо, на ломаномъ русскомъ языкѣ говоритъ, что въ этомъ мѣстѣ надо итти очень тихо, не производя ни малѣйшаго шума, потому что камни надъ дорогой, раз-

Дорога по карнизу Терекскаго ущелья.

мытые дождями, еле держатся и могутъ сорваться отъ сотрясенія воздуха. Жутко дѣлается, и я иду съ полверсты, стараясь, чтобы ничто не зашумѣло у меня подъ ногами; экипажъ ѣдетъ за мною, какъ похоронный катафалкъ. Пройдя страшное мѣсто, я съ облегченіемъ вздыхаю и оглядываюсь, кучеръ мой крестится. Въ эту

минуту раздаются гулъ и грохотъ, горное эхо повторяетъ его, столбы и проволоки телеграфа, идущаго по краю дороги, начинаютъ дрожать. Это сорвался громадный кусокъ скалы на томъ мѣстѣ, гдѣ мы были пять минутъ тому назадъ, ударилъ въ телеграфный столбъ, повалилъ его и, разбившись о шоссе на тысячу кусковъ, летитъ въ пропасть, и прыгаютъ, какъ мячики, куски гранита, пока не лягутъ гдѣ-нибудь на днѣ обрыва, на берегу Терека.

Конецъ подъема, поворотъ, и вдругъ сразу ущелье расширяется, раздвигаются горы, и мы въ широкой горной долинѣ, на половинѣ высоты горы Казбека. Вотъ онъ, направо, «въ чалмѣ и ризѣ парчевой», на бѣлой вершинѣ его задержался розовый лучъ заката, ниже обступаютъ его голыя скалы, зеленая круглая вершина съ силуэтомъ древняго монастыря, воспѣтаго Пушкинымъ, стоитъ отдѣльно. У подножія ея раскинулось селеніе Гергеты и зеленыя хлѣбныя поля, раздѣленныя на квадратики оградами изъ камней. Налѣво большое селеніе Степанъ-Цминда съ древней церковью и древнимъ длиннымъ зданіемъ съ колоннами и лѣстницами изъ гранита, домомъ помѣщиковъ, князей Казбекъ. Въ селеніи все сакли, сложенныя изъ плоскихъ, почти черныхъ, шиферныхъ камней безъ всякаго цемента, съ плоскими шиферными крышами, и только два-три еврейскихъ зданія: школа, лавочка, домъ священника. Сзади селенія Черныя горы встаютъ, какъ стѣна; мостъ черезъ кипучую Бѣшеную балку, надѣлавшую столько бѣдъ въ 1891 году, когда размыло наводненіемъ всю дорогу въ Дарьяльскомъ ущельѣ, мостъ черезъ Терекъ, и экипажъ подкатываетъ къ станціи.

Лѣтний станціонный сторожъ втаскиваетъ мои вещи въ комнату для проѣзжихъ, кучеръ мой идетъ устраиваться со своими лошадьми въ ямщицкую, а я, проглотивъ поскорѣе невкусный станціонный обѣдъ, поданный моимъ черномазымъ въ бѣломъ фартукѣ лакеемъ, выхожу поскорѣе на воздухъ. Уже совсѣмъ сумерки, прозрачныя, холодныя горныя сумерки; стада спускаются съ горъ, вереницей идутъ къ роднику женщины со сверкающими высокими металлическими кувшинами на плечахъ. Съ высоты откуда-то слышится таинственный, нѣжный, мелодичный звонъ колокола; семь разъ ударяетъ онъ, и слабое, безчисленное эхо повторяетъ его. Это въ старомъ покинутомъ монастырѣ, подъ самымъ Казбекомъ, старый сторожъ разъ въ сутки, въ 7 часовъ, возвѣщаетъ жителямъ селеній, что онъ еще живъ. Нельзя передать словами всей поэзіи этого таинственнаго свѣтлаго звона въ хрустальныхъ сумеркахъ бѣлыхъ, черныхъ, голубыхъ и зеленыхъ горъ.

На утро, выйдя изъ душнаго номера станціи, гдѣ я ночевалъ въ обществѣ милліона блохъ и клоповъ, я долженъ былъ одѣться потеплѣе, такимъ холодомъ вѣяло со снѣговыхъ вершинъ. У са-

мой станціи, противъ входныхъ дверей надъ обрывистымъ берегомъ Терека, огороженный барьеромъ, разбитъ палисадникъ съ кустами сирени и горными цвѣтами. Въ палисадникѣ каменная скамья и фонтанъ въ видѣ портика; изъ львиной пасти бѣжитъ ледяная струя, къ задней сторонѣ портика прибита гранитная доска съ золотою надписью о томъ, что мѣсто это освящено посѣщеніемъ государыни Маріи Ѳеодоровны съ августѣйшими дѣтьми въ 1888 г. Я пошелъ побродить по селенію, въ ожиданіи праздника, которое должно начаться послѣ полудня. Грязь, тѣсные, крутые закоулки, усыпанные острыми камнями, въ сакляхъ телята и дѣти вмѣстѣ; очаги посреди сакли, въ крышѣ которой про-

Гора Казбекъ.

бито отверстіе для дыма. И все, ограды, дворики, стѣны и крыши залѣплены кизяками, которые сушатся на солнцѣ. Мое желаніе купить мѣстнаго овечьяго сыра сразу пропало, когда черная баба съ громадными грязными косами вынесла мнѣ этотъ сыръ, завернутый въ мокрую, невообразимо грязную и пахучую тряпку. И, несмотря на такую обстановку, на плохіе урожаи холодныхъ каменныхъ полей, дѣти цвѣтушія, толстощекія, и много ихъ, этихъ дѣтей. Горный воздухъ, что ли, плодитъ и питаетъ ихъ.

Съ горы противъ станціи, изъ селенія Гергеты, спускается кучка народу. Сторожъ со станціи, который отъ скуки ходитъ за мною, говоритъ, что это свадьба, сейчасъ вѣнчать будутъ. Трудно повѣрить, что это свадебное шествіе: ни музыки, ни пѣнія, нѣ

цвѣтовъ, ни образовъ. Одежды не нарядныя, темныя черкески мужчинъ, темныя платья, въ видѣ черкески, у женщинъ, даже невѣста въ черномъ кашемировомъ платьѣ и черномъ платкѣ на головѣ, и только ярко розовый бешметъ ея кидается въ глаза въ разрѣзѣ юбки и лифа. Тихо и молча подходятъ все къ церкви, гдѣ еще нѣтъ священника. Церковь, въ видѣ простого домика съ двускатной шиферной кровлей и игрушечнымъ куполомъ, поражаетъ только своей миниатюрностью и толщиной своихъ гранитныхъ стѣнъ.

Быстрыми шагами, широко размахивая руками со связкой ключей, подходитъ священникъ, грузный, краснощекій, въ засаленной рясѣ. Отомкнувъ церковь и быстро просунувъ голову въ рваную ризу, быстро читаетъ онъ по-грузински вѣнчальную службу и за себя, и за хоръ, котораго не полагается. Кадило летаетъ вокругъ него отъ сильныхъ взмаховъ его руки, и онъ тутъ же переругивается съ набившимися въ церковь и шалящими мальчишками. У ногъ вѣнчавшихся кладутъ кинжалъ, на головы ихъ надѣваютъ грузинскіе вѣнцы, состоящіе изъ обруча съ крестомъ наверху и четырехъ висящихъ кругомъ длинныхъ цѣпей изъ мишурныхъ шариковъ. Въ одну минуту вѣнчаніе кончено, молодые съ вѣнками на головахъ выходятъ изъ церкви и такъ идутъ домой, чтобы красоваться въ вѣнцахъ до самого вечера. Толпа провожающихъ такъ же безшумно, молча, скучно идетъ за ними, и церковь запираетъ тотъ же быстроногіи священникъ.

Идя на станцію обѣдать, я увидѣлъ у крыльца ея почтовый омнибусъ, въ который запрягали свѣжихъ лошадей. Въ буфетной комнатѣ было нѣсколько пассажировъ, которые не спѣша обѣдали. Только одинъ длинный и худой чиновникъ въ формѣ какого-то вѣдомства, очевидно, пообѣдавшій, ковыряя въ зубахъ, ходилъ по комнатѣ и разсматривалъ разложенныя на боковыхъ столикахъ мѣстныя рѣдкости. Тутъ лежали турьи рога, башлыки изъ турьяго пуха, нѣжныя, какъ шелкъ, штуки узкаго мѣстнаго сукна, выдѣлываемаго здѣсь женщинами, прядущими еще по способу Пенелопы на простыхъ веретенахъ грубую шерсть своихъ овецъ и ткущими на узенькихъ станкахъ грубое, прочное, довольно красивое сукно. Особенно поразили чиновника куски горнаго хрустала, неправильныя, прозрачныя, кристаллическія глыбы, много которыхъ находятъ въ горахъ и продаютъ здѣсь мальчишки.

— Что это такое? — спросилъ онъ черномазаго лакея, сновашаго по комнатѣ съ тарелками и стаканами.

— Это, баринъ, хрусталь, камень такой.

— Камень, да это, вѣрно, соль каменная!

— Ни соли, баринъ, это такой стикла.

Недовѣрчивый чиновникъ оглядѣлъ скептически красивую пирамиду хрустала, нагнулся, осмотрѣлся исподтишка, не видитъ ли

его кто, и лизнулъ языкомъ запыленный кристаллъ. На лицѣ его появилось недоумѣвающее выраженіе и, вытеревъ незамѣтно платкомъ языкъ и губы, онъ, насвистывая, подошелъ къ окну. «Пора бы, господа, и ѣхать»—обратился онъ къ своимъ попутчикъ.—И что говорятъ, что много интереснаго на Кавказѣ! Все тутъ одно надувательство, напрасно только поѣхалъ. Вотъ, говорили мнѣ, горы увидите, снѣгъ на нихъ лѣтомъ лежитъ... Да у насъ въ Вятской губерніи тоже цѣлое лѣто по оврагамъ снѣгъ лежитъ. А горы? Никакого отъ нихъ удовольствія, ни тебѣ грибовъ, ни ягодъ; только что посмотришь. Трава, и та чортъ знаетъ куда забралась. Вонъ, извольте видѣть, это, говорятъ, бараны пасутся!»

Станція Казбекъ.

презрительно хмыкнувъ, указалъ онъ въ окно на еле замѣтныя простымъ глазомъ, движущіяся по горамъ точки, похожія издали на ползающихъ насѣкомыхъ. «Не надо бы тебѣ, голубчикъ, и ѣздить путешествовать, сидѣлъ бы въ своей Вятской губерніи», подумалъ я.

Омнибусъ скоро покотилъ дальше, унося путешественниковъ, а я, пообѣдавъ, пошелъ туда, куда давно уже направлялись кучки народа, арбы съ больными, встрѣченныя мною вчера. Туда же тащатъ мальчишки привязанныхъ за рога барановъ, прошелъ священникъ, за которымъ какой-то оборванецъ несетъ жалкое кадило, свѣчи и миску съ горячими углями. Все это двигается подъ

горячими лучами солнца по шоссе за станцію, и, пройдя съ версту, всё сворачиваютъ на широкую зеленую поляну у подножія Черныхъ горъ. Здѣсь на пьедесталѣ возвышается большой крестъ изъ красноватаго гранита, каждый конецъ котораго имѣетъ форму трилистника. Въ нишѣ пьедестала какое-то стертое изображеніе, горятъ тоненькія восковыя свѣчи. Вокругъ раскинулся цѣлый таборъ. Довольно пестрая, но скучная и молчаливая толпа мѣстныхъ и прѣзжихъ богомольцевъ располагается вокругъ священника, который, опять размахивая изо всѣхъ силъ своихъ кадиломъ, бормочетъ про себя, изрѣдка повышая голосъ, грузинскія молитвы, кланяется и крестится размашисто, и молебень конченъ. Всѣ разсаживаются на травѣ. Привезшіе и приведшіе больныхъ подходятъ по очереди къ кресту, ведя за рога упирающихся барановъ, и, бормоча какія-то не то молитвы, не то заклинанія, вынимаютъ изъ пояса кинжалъ и вонзаютъ его въ горло барана. Кровь льется на траву, и тогда каждый больной, обмакивая палецъ въ кровь своего жертвеннаго животнаго, дѣлаетъ у себя на лбу кровавый крестъ, который и долженъ исцѣлить его отъ болѣзни. Матери мажутъ лбы своимъ больнымъ дѣтямъ, и картина получается довольно отвратительная. Потомъ тутъ же съ барана сдирается шкура, голова съ рогами кладется у подножія креста, мясо рассѣкается кинжалами на части и раздается, частью священнику, частью бѣднымъ, небольшая часть сжигается на кострахъ, а остальное жарится на шашлыкъ въ горячихъ угляхъ разведенныхъ по близости костровъ. Чѣмъ не языческое жертвоприношеніе?

Появляются узелки съ чуреками, сыромъ и жирными лепешками на бараньемъ салѣ, «хабезшнѣ», появляются и бутылки съ мѣстной водкой, аракой, которую грузины гонятъ сами. Пьютъ всѣ, и больные, и здоровые, пьетъ священникъ, которому каждый подноситъ изъ своей бутылки, пьютъ даже крошечныя дѣти. Кругомъ валяются окровавленные куски, дѣти бѣгаютъ и волочатъ за собою по землѣ длинныя кишки барановъ, валяются по окровавленной травѣ, обматываютъ себя и товарищей кишками, все перемазано кровью.

Въ сторонѣ раздаются звуки бубна и визгливой гармоніи, молодежь собирается танцовать лезгинку. Но и лезгинка какая-то невеселая: танцуютъ съ раздѣленіемъ половъ, дѣвушка съ дѣвухой, а мужчина съ женщиной, танцуютъ къ темныхъ покрывалахъ, глядя въ землю, и не видно ни одного веселаго лица. Праздникъ продолжается до глубокой ночи, потомъ всѣ разѣзжаются и расходятся до будущаго года съ надеждой, что жертва принята и болѣзни ихъ какъ рукой сниметъ.

Проснувшись утромъ, я рѣшилъ посѣтить священную роцу у подножія Казбека. Широкій, свѣжій вѣтеръ пронесился по ущелью и я шелъ быстро, чтобы согрѣться, потому что даже шерстяныя одежды и іюльское солнце не могутъ преодолѣть этой свѣжести

Фонтанъ у станціи Казбекъ.

дыханія Казбека. Дорога къ роцѣ черезъ хлѣбныя поля и пастбища съ такими чудными пахучими цвѣтами, съ тонкой густой травой, что я не удержался и набралъ огромный букетъ, за что немедленно получилъ замѣчаніе отъ проходившаго мужика: «За чѣмъ сѣна портишь, сѣна мало-мало есть». Вездѣ свѣтлые ключи, живописные сѣдые камни, но хлѣбъ жалкій, ячмень и кое-гдѣ пшеница, которые почти не вырѣваются здѣсь. Священная роща сплошь изъ старыхъ, очень толстыхъ березъ, которыхъ никто не смѣетъ тронуть, хотя никто не знаетъ, почему. Какое-то «табу» наложено на эту рощу, единственный въ этихъ горахъ клочокъ лѣса. Около рощи пріютилась полуразвалившаяся крошечная каменная постройка, внутри ея что-то вродѣ алтаря и на немъ какая-то чаша и заржавленный почернѣвшій колокольчикъ.

Прислонившись къ сѣдой скалѣ, сидитъ старый грузинъ. Его оборванная сѣрая одежда, темное лицо, вся его фигура кажутся окаменѣвшими отъ прикосновенія къ этому камню, частью этой скалы. Но вотъ руки его поднимаются и подносятъ къ глазамъ какой-то предметъ, и опять фигура застываетъ надолго. Я уже замѣтилъ его вчера, во время своей прогулки, и онъ сидѣлъ, такой же сѣрый и неподвижный, у стараго моста. Подойдя ближе, я съ удивленіемъ вижу, что предметъ въ его рукахъ довольно порядочная подзорная труба, а на поясѣ его виситъ ея кожаный футляръ съ клеймомъ иностранной фирмы.

— Здравствуй,—пробую я заговорить по-русски. Онъ медленно снимаетъ грязную папаху, обнажая грязную коричневую лысину и клочки сѣрыхъ волосъ.

— Здравствуй,—говоритъ онъ.

— По-русски знаешь?

— Немножка знаилъ.

— Что это ты дѣлаешь? За чѣмъ въ трубу смотришь?

Медленно, съ акцентомъ и съ большимъ трудомъ подбирая русскія слова, но охотно и даже гордо объясняетъ старикъ, что онъ бывшій знаменитый охотникъ на туровъ; что по этимъ горамъ онъ охотился всю свою жизнь и знаетъ на этихъ вершинахъ каждое мѣстечко, гдѣ по неприступнымъ скаламъ пасутся эти дикія животныя. Теперь, «пехи нѣту» (ногъ нѣтъ), т. е. ходить онъ уже не въ силахъ, старъ, работать тоже не можетъ. Одинъ проѣзжій, давно уже, подарилъ ему подзорную трубу, и вотъ теперь онъ жизнь свою проводитъ въ созерцаніи арены своихъ бывшихъ подвиговъ: тамъ вся его жизнь, тамъ его слава, его воспоминанія молодости. Когда-то онъ былъ, былъ тамъ, на этихъ крутизнахъ, онъ карабкался, цѣпляясь за скользкую траву, по слѣдамъ этихъ неуводимыхъ животныхъ, подстрѣливалъ ихъ послѣ долгаго выслѣживанія и, привязавъ къ себѣ веревкою тяжелую добычу, осторожно, чтобы не испортить драгоценныхъ роговъ, спускался обратно съ опасностью жизни, шагъ за шагомъ,

Старый охотник.

ползкомъ. Вся деревня встрѣчала его съ торжествомъ, съ завистью, а онъ раздавалъ части мяса почетнымъ лицамъ, какъ почетный подарокъ.

Неподвижно прислонясь къ скаламъ, часами сидитъ онъ и высматриваетъ, обводя взоромъ черезъ трубу всѣ знакомыя вершины, далекіе высокіе утесы Казбека и Черныхъ горъ; иногда видитъ на недосыгаемой высотѣ прыжки этихъ туровъ, слѣдитъ за ними, сердце бьется воспоминаніями, и онъ счастливъ, хотя живетъ жалкимъ подаваніемъ своихъ бѣдныхъ односельчанъ.

Къ вечеру ожидался проѣздъ высокой особы, которая ѣхала со свитой за Кавказъ на смотръ какихъ-то войскъ. На станціи замѣтны суета и оживленіе, на кухнѣ, говорятъ, готовятся блюда, достойныя Казбека: форель изъ горной свѣтлой рѣчки Треха, шашлыкъ изъ тура, мясо котораго доставилъ живущій въ селеніи мѣстный стражникъ, турій охотникъ, грузинскій дворянинъ Георгобіани. Высокое лицо должно было ночевать на станціи въ такъ называемыхъ «царскихъ комнатахъ», и вечеромъ предполагалось устроить ему зрѣлище.

— Баринъ, ты не видалъ еще наши кисли вода,—сказалъ мнѣ станціонный сторожъ, видѣвшій мои цѣлодневныя шатанія.

— Какую кислую воду, гдѣ?

Онъ указалъ мнѣ пальцемъ въ ущелье и сказалъ, что если я пойду все прямо, то самъ увижу «кисли вода».

Я отправился по его указанію, перейдя черезъ мостъ недалеко отъ станціи и потомъ держась все время справа, у подножія вѣчно осыпающихся шиферныхъ горъ. Путь мой былъ усыпанъ острымъ щебнемъ, итти было больно и трудно, такъ какъ, въ сущности, никакой дороги не было, а было только указанное мнѣ направленіе. Слѣва раскинулась широкая зеленая поляна, но, ступивъ на траву, я понялъ, что попалъ въ болото. Красноватая и желтая ржавчина выступала вездѣ, покрывая каждую кочку, каждый камешекъ.

Пройдя версты полторы или двѣ, я увидѣлъ большую лужу съ свѣтло-желтымъ дномъ, какъ бы вытекающую изъ-подъ самой горы, а рядомъ аккуратно выложенный плоскими камнями четырехугольный бассейнъ. Вода въ немъ булькала и довольно сильно пузырилась, напоминая слегка знаменитый «Нарзаннй источникъ».

Зачерпнувъ дорожнымъ стаканомъ, я залпомъ выпилъ воды. Послѣ труднаго пути я чувствовалъ жажду, кислотатая вода была холодна, какъ ледъ, слышалось присутствіе газа, и она показалась мнѣ очень вкусной. Только проглотивъ ее, я замѣтилъ, хотя слабый, но неприятный запахъ сѣры. Говорятъ, были попытки и предположенія изслѣдовать этотъ источникъ, въ которомъ, вѣроятно, кроются цѣлебныя силы, но дальше предположеній не пошло. Можетъ быть, это еще одно манкированное богатство Кавказа.

Когда я возвращался къ станціи, мимо меня по мосту проскакало нѣсколько экипажей. Въ гривы лошадей были влетены цвѣточныя ленты, на ямщикахъ новые кафтаны и шляпы; въ лучахъ заходящаго солнца блеснули золотые погоны, пуговицы и красные воротники покачивающихся на мягкихъ рессорахъ колясокъ военныхъ. Это ожидаемый проѣздъ высокой особы. На станціи все зашевелилось, засуетилось, потомуъ группа приѣзжихъ, сопровождаемая смотрителемъ, буфетчикомъ и всякой челядью, скрылась въ подъѣздѣ, и только долго еще ямщики проваживали потныхъ лошадей съ разукрашенными гривами, на удивленіе и удовольствіе вездѣсущихъ мальчишекъ.

Настаетъ чудный вечеръ. Около станціи горитъ нѣсколько смоляныхъ бочекъ, въ честь высокаго лица, распространяя въ чистомъ горномъ воздухѣ отчаянную вонь и дымъ. Мѣстный лавочникъ тащитъ на станцію нѣсколько ящичковъ съ бѣлыми и розовыми каменными пряниками, отъ которыхъ пахнетъ мукою, и конфетами въ зеленыхъ бумажкахъ съ бахромою. Все это приѣзжіе будутъ бросать публикѣ во время праздника; другихъ лакомствъ здѣсь не нашлось.

Долго объѣдаетъ высокое лицо со свитою, бочки чадаютъ, у станціи собирается толпа народа. Наконецъ на широкой балконъ второго этажа выходитъ большое общество военныхъ. Передъ балкономъ, въ дыму факеловъ и бочекъ, краснымъ свѣтомъ освѣщающихъ станцію, фонтанъ и темную толпу, гудитъ бубенъ, визжитъ гармонія,—петербургская публика можетъ полюбоваться, какъ веселится народъ въ этихъ дикихъ горахъ.

Танцоры, и особенно танцорки, долго стѣсняются, и ихъ приходится вытаскивать изъ толпы насильно, что и дѣлаетъ какой-то юркій субъектъ, выталкивая ихъ поочередно въ кругъ. На этотъ разъ лезгинку танцуютъ попарно дамы съ кавалерами. Опять темныя покрывала, опущенныя къ землѣ лица, вялыя движенія и скучная толпа. Не умѣетъ этотъ народъ веселиться. Только мальчишки визжатъ, толкаются, дерутся и ползаютъ у всѣхъ подъ ногами въ поискахъ за бросаемыми съ балкона мелкими деньгами и пряниками. Танцы тянутся безконечно, одна пара мѣняетъ другую. Я отошелъ въ сторону и взглянулъ кругомъ: ярко освѣщенная станція, темная толпа, снующія при дымомъ свѣтѣ фигуры дѣтей, звуки бубна, гармоніи и хлопанія въ ладоши, сопровождающіе въ тактъ лезгинку. На балконѣ сверкающая группа зрителей, комфортабельно расположившихся въ креслахъ передъ столиками со стаканами чая и вина. Одинъ молодой адъютантъ сѣлъ верхомъ на перила балкона и, глядя на толпу, пускаетъ сквозь усы дымъ своей сигары.

«Pas mal!—небрежно говоритъ онъ:—право, недурно! только отчего они всѣ такіе скучные? И не вижу ни одной хорошенькой!»

За станціей, изъ-за отвѣсной, мрачной стѣны Черныхъ горъ, встаетъ луна, которая кажется совѣтъ блѣдной при свѣтѣ этой ужасной смолы. Черный рельефъ горъ свѣтлѣетъ, шапка Казбека блеститъ серебромъ, подъ сѣро-розовыми нижними уступами его широко раскинулись зеленые поля, шоссе вьется, поблѣвшее при лунномъ свѣтѣ, по крутому берегу шумящаго Терека. Въ этомъ хрустальномъ воздухѣ ничто не теряетъ своихъ цвѣтовъ, все только смягчено, прозрачно при волшебномъ лунномъ свѣтѣ, каждый уступъ, каждый камешекъ видны ясно, какъ днемъ.

— Смотрите, луна!—слышится голосъ съ балкона.

— Въ самомъ дѣлѣ. Прелесть, прелесть, точно декорация,— отвѣчаетъ другой, солидный и снисходительный голосъ.

— Да, это не хуже, чѣмъ въ Маринскомъ театрѣ. Если бы еще сюда, вотъ на эту скалу, балерину посадить... вступаетъ теноръ адъютанта.

Бѣдные люди! Въ нихъ самая волшебная картина природы возбуждаетъ только чуть снисходительное одобреніе: они готовы, пожалуй, слегка поплодировать лунѣ, да балерины не хватаетъ, чтобы расшевелить столичные ихъ души.

На утро, выѣхавъ изъ Казбека, я спросилъ своего кучера, мрачно молчавшаго на козлахъ:

— Ну, что жъ, Семененко, тебя, кажется, хорошо угощали въ Казбекѣ? Я видѣлъ тебя на праздникѣ.

Онъ повернулся ко мнѣ слегка:

— Я жъ говорилъ вамъ, что воны нехристи! Тожъ развѣ похристиански воны молются? «Упало, упало», только и всего. Да и водка ихняя... какъ выпилъ, сразу въ сердце вдарить... а потомъ, какъ пошелъ, ажъ и рвало меня!

Онъ, отвернувшись, покрутилъ головою и сплюнулъ.

— А еще вотъ баба тамъ была. Я было къ ей, такъ и-нихъ! чуть кости унесъ. И добро бы баба, а то такъ, черная какая-сь!

Немного помолчавъ, онъ опять повернулся на козлахъ.

— И я жъ вамъ говорилъ, что воны воры. Такъ, какъ есть! Кнутъ у меня, и такой добрый, скрали чортовы азіаты.

— Какъ скрали, а откуда же у тебя этотъ?—указалъ я на новый, красивый кнутъ въ его рукахъ.

Лицо его просіяло.

— Этотъ?—сказалъ онъ, любуясь кнутомъ:—хмъ, да я жъ не дуракъ,—мотнулъ онъ головою снизу вверхъ.—Этотъ я у ихъ тамъ въ ямщицкой стянулъ; еще лучше нашего будетъ. Не можно жъ, чтобъ безъ кнута ѣхать!

И честный христианинъ, сразмаху хлестнувъ лошадей новымъ кнутомъ, помчалъ меня по спуску.

Къ вечеру я былъ уже дома.

В. А. Авіе.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ до восшествія на престолъ.

ВДКО у кого молодость и лучшіе годы проходили въ такой безотрадной обстановкѣ, какъ у императора Павла Петровича. Его дѣтство прошло въ семьѣ, гдѣ царило взаимное недоброжелательство и недовѣріе, и среди обстановки, гдѣ шла безпощадная борьба мелкихъ страстей, вызывавшая унижительныя столкновения, предательства и всеобщую вражду. Ребенкомъ Павелъ переживаетъ кровавую драму неожиданной смерти отца, а мать, захвативъ престолъ, начинаетъ къ сыну относиться съ враждебностью и недовѣріемъ, потому только, что многія лица, недовольныя ея царствованіемъ, объединяли свои надежды съ личностью наслѣдника престола. Императрица съ неожиданнымъ своимъ соперникомъ и ведетъ непрестанно глухую борьбу съ чисто женскимъ лукавствомъ.

Побѣда ей далась тѣмъ легче, что Павелъ дискредитировалъ себя странностями, развившимися въ его характерѣ.

«Долгое время въ существованіи Павла,—замѣчаетъ Головкинъ, его современникъ,—царила жалкая неопредѣленность, и это заложило въ основу его характера вѣчную тревогу. Нравственное воспитаніе и ложное положеніе навязали ему черты придавленности и угодничества, которыя онъ постоянно стремился съ себя сбросить. Первая половина его жизни ушла на безплодныя сожалѣнія о томъ, что онъ не можетъ достаточно скоро вступить на царственное поприще, а конецъ жизни отравлялся страхомъ, что ему не удастся процарствовать достаточно долго и наверстать безплодно ушедшіе годы».

Вступивъ въ возрастъ 42 лѣтъ на престолъ, Павелъ не избавляется отъ подозрительной недовѣрчивости, которая грызетъ его постоянно, затемняя его умъ, и только въ рѣдкія минуты просвѣтленія возвращается къ нему самообладаніе. Такимъ образомъ всѣ четыре года его царствованія представляютъ сплошную драму, завершившуюся насильственной кончиною.

Вполнѣ основательно находя, что исторія юности Павла составляетъ какъ бы прологъ къ драмѣ его жизни и даетъ къ ней ключъ, такъ какъ именно въ годы вынужденнаго бездѣйствія сгустились тучи, изъ которыхъ впоследствии грянулъ громъ, молодой французскій историкъ Пьеръ Моранъ въ своемъ изслѣдованіи «Павелъ I до восшествія на престолъ» (*Paul I de Russie avant l'avènement*) пытается воссоздать своеобразную личность сына Петра III и Екатерины II по неизданнымъ архивнымъ документамъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и берлинскаго государственнаго архива, используя въ то же время и русскую литературу предмета, съ которою французскій ученый ознакомился по подлинникамъ весьма добросовѣстно.

Въ русской литературѣ давно уже имѣется классическое изслѣдованіе Д. О. Кобеко по этому предмету и каждому изслѣдователю приходится опираться на этотъ почтенный трудъ. Но такъ какъ со времени его появленія опубликовано много новыхъ матеріаловъ и вышелъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій—Шильдера, Бенкендорфа, Шумигорскаго и т. д., то сводка ихъ въ изслѣдованіи Морана представляетъ интересъ. Въ настоящей статьѣ мы и постараемся передать сущность важнѣйшихъ фактовъ въ освѣщеніи Морана.

I.

Смерть Петра Великаго положила начало серьезнѣйшему, пожалуй, изъ всѣхъ кризисовъ, какіе пришлось переживать Россіи. Частыя смѣны царствованій и дворцовые перевороты, опиравшіеся на поддержку гвардіи, слѣдовали одинъ за другимъ съ изумительною неожиданностью. Непрочность престола, ослабленіе власти и разгулъ самыхъ грубыхъ страстей грозили гибелью трудамъ, подъятымъ Петромъ для созданія изъ хаоса стройной государственности.

Благодаря отсутствію законовъ, ясно опредѣляющихъ порядокъ престолонаслѣдія, временщики, при помощи военной силы, распоряжались царскимъ вѣнцомъ въ интересахъ собственныхъ вожделѣній.

Воцареніе Елизаветы Петровны положило сравнительно надолго конецъ дворцовымъ переворотамъ, но особеннаго порядка въ управленіе обширною имперіею не внесло. Здоровая, красивая, энергичная женщина, любившая наряды чуть ли не до маніи, пре-

данная развлеченіямъ и лѣнивая умомъ, Елизавета Петровна была не способна и двухъ часовъ подъ рядъ посвятить своему державному ремеслу—капризная и безпорядочная настолько, что, «садясь за ужинъ въ 2 часа ночи, она укладывалась въ постель въ 7 ч. утра».

Императрица съ одинаковымъ интересомъ отъ бесѣды съ изящнымъ и тонко образованнымъ французомъ переходила къ шуткамъ съ истопниками, горничными и лакеями и во всемъ домашнемъ обиходѣ проявляла странную смѣсь варварства съ цивилизованностью. Несмотря на смутное сознаніе державнаго долга, императрица любила по-своему родину и, по мѣрѣ разумѣнія, старалась слѣдовать политическимъ завѣтамъ своего гениальнаго родителя.

Желая обезпечить себѣ наслѣдника, она вызвала изъ Голштиніи племянника—сына покойной цесаревны Анны Петровны и герцога Голштинскаго Карла-Фридриха. По принятіи православія, Петръ Ѳедоровичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ Россійской державы, но радости теткѣ не принесъ.

Этотъ неудачный внукъ Петра Великаго подъ отчимъ кровомъ терпѣлъ немало отъ суровости родителей, а ранняя его молодость протекла подъ зловредными вліяніями, что сдѣлало его невѣждою и развратникомъ.

Непривлекательный по внѣшности, онъ держался натянуто, отличался подозрительностью и буйнымъ, грубымъ и упорнымъ нравомъ. Петръ Ѳедоровичъ не сумѣлъ поладить ни съ женою, ни съ теткою, предавался всевозможнымъ излишествамъ, интриговалъ подъ рукою въ пользу Пруссіи, съ которою императрица вела войну, и временами носился съ фантазіею низложить императрицу и при помощи своихъ голштинскихъ войскъ завладѣть престоломъ.

Какъ извѣстно, Елизавета Петровна отдала новорожденнаго Павла отъ родителей и принялась его сама пѣствовать, но чрезмѣрныя выраженія нѣжности императрицы къ внуку едва ли были искренни; ожесточенная приближеніемъ старости и недугами, Елизавета Петровна вообще была мало склонна приносить кому-либо въ жертву свои интересы и удобства и въ послѣдніе годы жизни настолько тяготилась заботами о Павлѣ, что предоставила его всецѣло попеченіямъ разныхъ мамушекъ. Воспитывая подъ своей высокою рукою Павла, чтобы держать въ повиновеніи Петра Ѳедоровича и Екатерину, Елизавета Петровна съ 1754 г. то останавливалась на планѣ объявить Павла своимъ наслѣдникомъ, то отказывалась отъ этого замысла, а въ 1757 г. у нея даже явилась мысль вернуть престолъ Іоанну VI (сыну Анны Леопольдовны) и отправить Петра Ѳедоровича обратно въ Голштинію.

Царствованіе жалкаго преемника, котораго Елизавета Петровна не сумѣла или не успѣла отстранить отъ наслѣдія Петра Вели-

каго, было непродолжительно, но эти немногіе мѣсяцы были преисполнены всеобщими опасеніями и недовольствомъ. Сдѣлавшись обладателемъ державной власти, Петръ III проявилъ въ полномъ блескѣ необузданность характера и утратилъ всякую мѣру въ чужествахъ и сумасбродствахъ; «онъ не уставалъ кричать, бражничать и безумствовать» доносить Беранже французскому министру иностранныхъ дѣлъ 29 іюня 1762 года.

Хотя Елизавета на смертномъ одрѣ и усовѣщевала своего наследника относиться къ Павлу съ нѣжностью, Петръ Ѳедоровичъ проявлялъ къ сыну не только равнодушіе, но такое же явное недоброжелательство, какъ и къ женѣ.

При дворѣ ходили упорные слухи, что если только у императора родится отъ его любовницы Елизаветы Воронцовой сынъ, то послѣдній и будетъ назначенъ наследникомъ, а Павелъ будетъ устраненъ отъ престола. Ожиданія Петра Ѳедоровича не оправдывались, и, по свидѣтельству Бретейля, онъ изъ-за этого, поссорившись съ фавориткою, осыпалъ ее бранью, «которую у насъ и на рынкахъ рѣдко услышишь»; Воронцова, по обыкновенію пьяная, тутъ же публично изобличила Петра въ мужскомъ безсиліи. «Извѣрившись въ свои способности, необходимыя для продолженія рода», Петръ III, по увѣреніямъ Бретейля (донесеніе отъ 14 апрѣля 1762 г.), увлекся мыслью, приходившею нѣкогда въ голову и его теткѣ, избрать по себѣ преемникомъ Іоанна VI и женить шлессельбургскаго узника на принцессѣ Гольштейнъ-Бекъ.

Унижаемая постоянными оскорбленіями и угрозами расторженія брака и заточенія въ монастырь, Екатерина въ цѣляхъ самообороны и защиты правъ сына принимается за спѣшное подготовленіе переворота, которымъ 28 іюня 1762 г. и полагается конецъ царствованію Петра III.

Въ походѣ на Ораніенбаумъ, предпринятомъ Екатериной для низложенія Петра III, Павелъ не участвовалъ и былъ оставленъ въ Петербургѣ, подъ охраною его воспитателя, графа Панина, въ Лѣтнемъ дворцѣ. По возвращеніи уже въ столицу и слѣдуя въ Казанскій соборъ, императрица спохватилась и послала за сыномъ полковника Мелиссино съ военнымъ эскортомъ. Павелъ, смутно слышавшій объ опасностяхъ, ему угрожающихъ, проснулся въ испугѣ, окруженный солдатами. Графъ Панинъ, не успѣвъ его порядкомъ успокоить, везетъ своего полураздѣтаго питомца въ соборъ, гдѣ тотъ принимаетъ присягу, а потомъ въ новый каменный дворецъ. Здѣсь императрица, вмѣстѣ съ сыномъ, выходитъ на балконъ въ отвѣтъ на привѣтствія войскъ и многочисленной толпы народа.

Подобныя впечатлѣнія, конечно, должны были глубоко запастъ въ душу Павла, и насильственная смерть отца въ Ропшѣ становится тѣмъ мрачнымъ и таинственнымъ фономъ, на которомъ развивается все дальнѣйшее міросозерцаніе Павла.

Переворотъ 1762 года далеко не положилъ конца смутамъ, какія пестро чередуются въ русской исторіи со смерти Петра Великаго.

«Въ настоящее время,—доносилъ баронъ фонъ-Гольцъ въ Берлинъ:—когда улегся первый пылъ опьянѣнія, народъ начинаетъ сознавать, что единственно покойный императоръ имѣлъ законныя права на престолъ и никому въ сущности зла не дѣлалъ. Безчинства, нынѣ производимыя гвардіею, непостижимы; солдаты предаются безнаказанно всякимъ безобразіямъ, и офицеры имъ только потакаютъ, лишь бы не подвергаться оскорбленіямъ отъ подчиненныхъ. Гвардейцы громко раскаиваются, что посадили на престолъ иностранку. Среди гвардіи сложилась мѣткое обличеніе другъ друга въ томъ, что они за боченокъ водки продали послѣднія капли крови Петра Великаго».

Хотя вплоть до Пугачевского бунта Екатерина не имѣла серьезныхъ основаній опасаться за свой престолъ, ей все-таки постоянно приходилось считаться съ шумною и досадною оппозиціею. Ссылаясь на бѣдственное положеніе народа, разные честолюбцы не прочь были вступаться за поправныя права Павла Петровича, а разъ интересы правнука Петра Великаго противопоставались самовольному захвату власти чужеродною нѣмкою, то недоброжелательство къ императрицѣ находило откликъ и въ средѣ народной. Такимъ образомъ, около имени и личности цесаревича, хотя помимо его воли и безъ его вѣдома, объединялись всѣ недовольства тогдашнимъ положеніемъ.

Благодаря такому роковому стеченію обстоятельствъ, императрицѣ приходилось постоянно учитывать въ собственномъ сынѣ грознаго и неизмѣнно для нея опаснаго соперника.

Такъ, отправляясь въ Москву на коронаваніе, Екатерина не рѣшается оставить заболѣвшаго Павла въ Петербургѣ,—его везутъ въ Москву, и хотя больной утомляется отъ переѣздовъ, настоянія графа Панина дать Павлу роздыхъ оставляются втунѣ и маршрутъ выполняется неумолимо.

Точно также, отъѣзжая весною 1764 года въ Лифляндію и лишена возможности взять съ собою Павла, нездоровье котораго внушало серьезныя опасенія, Екатерина принимаетъ особыя предосторожности на случай мятежнаго движенія въ цѣляхъ возведенія на престолъ Павла. Наслѣдника водворяютъ въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ охрана тамошняго дворца представляетъ большія удобства; спѣшно заготавливаются ямскія подставы съ тѣмъ, чтобы при первой же вѣсти о мятежѣ цесаревича увезти въ Лифляндію; между Нарвою и Ревелемъ подъ начальство Румянцева стягивается въ лагерь 30 тысячъ войскъ, которыя по первому же приказу имѣютъ двинуться на Петербургъ, и т. д. (Донесенія Беранже отъ 20 марта, 19 іюня и 10 іюля 1764 года).

«Весьма примѣчательна,—доносить Беранже отъ 30 мая 1763 года,—разница въ приѣмѣ, оказываемомъ императрицѣ и наслѣднику цесаревичу со стороны народа. Всѣ остаются безмолвными при проѣздахъ императрицы, но достаточно наслѣднику показаться на улицахъ, вокругъ него сейчасъ же собирается огромная толпа, которая на всѣ лады проявляетъ свое удовольствіе его видѣть».

При коронованіи матери въ Москвѣ цесаревичъ «по болѣзни» не показывается вовсе, но вмѣсто привѣтствій императрицѣ у самаго московскаго дворца неоднократно раздаются клики: «Да здравствуетъ императоръ Павелъ Петровичъ!»

По свидѣтельству того же Беранже, отъ 1 іюля 1763 года, даже въ Преображенскомъ полку сказывалось угрожающее движеніе, а однажды гвардейцы, собравшись подъ окна дворцоваго помѣщенія, отведеннаго наслѣднику, громко заявили о своемъ желаніи провозгласить его императоромъ.

1767-й годъ императрица вмѣстѣ съ сыномъ проводитъ въ Москвѣ; но о самой Екатеринѣ въ первопрестольной отзывались недоброжелательно и зло. Императрица такъ и уѣхала, не снискавъ расположенія у москвичей; отъѣздъ Павла Петровича, изъ-за его болѣзни, былъ отсроченъ, и Москва не упустила случая подчеркнуть свои симпатіи къ наслѣднику престола: въ день его выѣзда его восторженно привѣтствовала огромная толпа (донеціе Росиньоля отъ 19 марта 1768 года).

Когда въ 1771 году во время тяжелой болѣзни, вновь посѣтившей Павла, распространились слухи, будто онъ отравленъ Орловыми, слухи эти вызвали волненіе и въ народѣ, и въ гвардіи (донеціе лорда Каткарта отъ 10 августа 1771 года). То же повторилось въ 1772 году, когда въ рядахъ Преображенскаго полка возродился замыселъ низложить Екатерину и провозгласить Павла императоромъ.

Въ 1772 году по случаю объявленія совершеннолѣтія Павла синодъ тоже весьма рѣшительно высказался за то, что съ достиженіемъ совершеннолѣтія Павелъ Петровичъ пріобрѣтаетъ неотъемлемыя права на провозглашеніе императоромъ.

Необходимость считаться съ глухимъ броженіемъ въ народѣ и недоброжелательствомъ къ ея царствованію, оскорбляя и унижая Екатерину, лишала ее бодрости и держала въ вѣчной нервной тревогѣ. «Она постарѣла на десять лѣтъ и кажется пятидесятилѣтнею старухою», доноситъ Сабатье де-Кабръ 1 сентября 1769 года.

За тревоги, переживаемыя съ самаго воцаренія, императрица, быть можетъ, и безсознательно отвѣтственность возлагала на неповиннаго сына. Екатерина прекрасно понимала, что упрекать сына во враждебности или въ желаніи создать себѣ партію нельзя. Вся вина его заключалась въ томъ, что народъ желалъ его воцаренія и проявлялъ къ нему расположеніе. Императрицѣ искренно казалось,

что оппозиція, быть можетъ, и не особенно страшная, но на ея взглядъ возмутительная, не существовала бы вовсе, не будь Павла. Вскорѣ чувства Екатерины къ сыну болѣе чѣмъ охладѣли. Она прежде всего и болѣе всего была убѣжденною носительницею власти; въ основѣ всѣхъ ея помысловъ и чувствованій, предпочтеній и ненавистей неизмѣнно проглядываютъ политическія соображенія—политика только и имѣетъ господствующій интересъ въ ея жизни. У Екатерины голова государыни всегда беретъ перевѣсъ надъ сердцемъ женщины, и если у нея ранѣ шевелилось чувство расположенія къ сыну, то слѣды его съ каждымъ днемъ стирались все рѣшительнѣе и смѣнились—у матери нескрываемою холодною, а у сына натянутостью. «Императрица въ отношеніяхъ къ сыну проявляетъ повелительность, сухость и вообще небрежность, которыя не могутъ не возмущать великаго князя... Нисколько не удивительно, что онъ держитъ себя передъ матерью словно передъ судьбою». Обоюдное недовѣріе все болѣе ихъ отчуждало другъ отъ друга, но разрывъ подкрался постепенно безъ внѣшнихъ потрясеній и рѣзкихъ столкновеній.

Такъ же нелѣпо слагались и другія условія развитія личности Павла.

Предоставивъ заботы о воспитаніи сына Панину, Екатерина хотя и написала знаменитую инструкцію 1767 года о воспитаніи сына въ духѣ Эмиля, но на самомъ дѣлѣ мало интересовалась, что и какъ преподается наслѣднику престола; въ свою очередь, и Панинъ былъ слишкомъ занятъ государственными дѣлами и личными любовными похождениями, и никогда серьезно не относился къ воспитательской своей роли. По свидѣтельству французскаго резидента Дюрана (донесеніе отъ 4 мая 1773 года): «Панинъ—человѣкъ добродушный и никогда преднамѣренно никому зла не дѣлающій, но главнѣйшимъ для него дѣломъ является собственный покой, сонъ, сплетничаніе и дѣвки». Можетъ быть, и безъ злого умысла нанести питомцу непоправимый вредъ, Панинъ тѣмъ не менѣе заботы о воспитаніи цесаревича передовѣрилъ многочисленнымъ наставникамъ, а большая часть ихъ оказались сухими педантами, и они, точно нарочно, скучными приемами преподаванія отвратили юношу отъ любви къ знанію. Единственно къ Порошину установились у великаго князя пріязнь и довѣріе, но именно вслѣдствіе этого Порошинъ долго при дворѣ не удержался. Такъ же неблагоприятно сложилось для Павла и пробужденіе нѣжнаго чувства—наивное платоническое увлеченіе фрейлиною Вѣрою Николаевною Чоглоковой. Оно вызывало только насмѣшки, и Корберонъ, въ донесеніи отъ 9 апрѣля 1778 года, прямо обвиняетъ Екатерину въ томъ, будто она искусственно и преждевременно постаралась развить въ сынѣ чувственность при содѣйствіи гра-

фини Брюсъ и Софіи Чарторыйской, отъ которой Павелъ прижилъ сына ¹⁾).

Раннія чувственныя увлеченія, конечно, не могли не отозваться погубно на неокрѣпшемъ организмѣ великаго князя.

Ожесточенный хилостью здоровья, легко поддающій измѣненіямъ настроенія, тяготящій къ одиночеству, чтобы предаваться химерическимъ мечтаніямъ, Павелъ далеко не развилъ въ себѣ такихъ свойствъ, которыя бы привязывали къ нему друзей. Кто ни входилъ въ близкое съ нимъ соприкосновеніе, подвергался вспышкамъ его гнѣва, легко принимавшимъ грубыя и рѣзкія формы, — чувство у Павла всегда преобладало надъ разумомъ, а вспыльчивость вызывала зачастую на такіе поступки, которыхъ онъ стыдился, опаматовавшись. Изъ всѣхъ сверстниковъ единственно только князь А. Б. Куракинъ сохранилъ къ цесаревичу прочную привязанность и благотворно влиялъ на умственное его развитіе письмами изъ продолжительнаго путешествія, предпринятаго съ 1878 года по Голландіи, Англіи и Франціи.

Матримоніальныя планы внесли бодрящій элементъ въ существованіе изломанной личности Павла, который соединялъ въ себѣ непримиримыя антитезы слабости и упорства, бѣшенства и нѣжности, сентиментальности и грубости. Екатерина возложила на датчанина Ассбургга прискаты для великаго князя подходящую невѣсту среди многочисленныхъ нѣмецкихъ княжескимъ домовъ. Въ концѣ концовъ выборъ Екатерины остановился на дочери ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго, которую на всѣ лады выхвалялъ и Фридрихъ II, въ интересахъ родственнаго сближенія съ наслѣдникомъ русскаго престола, такъ какъ племянникъ и наслѣдникъ Фридриха былъ женатъ на старшей дочери ландграфа.

Несмотря на нелюдность и наивныя проявленія мизантропін, Павелъ Петровичъ смутно сознавалъ потребность въ людяхъ близкихъ, отсюда явилась у него пріязнь къ графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, граничившая съ обожаніемъ, и подъ влияніемъ же новаго своего друга цесаревичъ въ ожиданіи пріѣзда невѣсты серьезно встряхнулся и задался намѣреніемъ поработать надъ исправленіемъ своего характера и отучить себя отъ подозрительности и недоувѣрія къ людямъ.

Вступивъ въ супружество въ 1770 г., Павелъ Петровичъ отдался исполнѣ искренно иллюзіямъ любви и привязался къ супругѣ до полнаго ей подчиненія. Повидимому, императрица, памятуя собственное прошлое, не безъ страха взирала на увлеченіе сына На-

¹⁾ Семень Великій былъ опредѣленъ въ морской корпусъ, во время шведской войны служилъ во флѣтѣ и, посланный въ Англію для усовершенствованія въ морской службѣ, находясь на борту англійскаго фрегата, умеръ на Антильскихъ островахъ.

талією Алексѣвною, опасаясь со стороны суетной и легкомысленной невѣстки интригъ и ухищреній (донесеніе Дюрана отъ 25 іюля 1773 года).

Вмѣсто того, чтобы поддержать Павла Петровича въ благихъ намѣреніяхъ возродиться къ новой жизни, Екатерина и послѣ свадьбы сына плодила придирки. Панинъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Павла Петровича, былъ удаленъ отъ его двора, а во главѣ послѣдняго поставленъ графъ Николай Салтыковъ, человѣкъ жадный, лживый и заподозрѣнный Павломъ съ перваго же дня въ шпіонствѣ. Въ 1774 году, въ угоду общественному мнѣнію и для доставленія цесаревичу полезныхъ занятій, ему разрѣшено было присутствовать при докладахъ, дѣлавшихся императрицѣ министрами, сообщалась ему для ознакомленія и переписка по текущимъ государственнымъ дѣламъ, но такъ же скоро и внезапно все это, по приказанію императрицы, было отмѣнено, и наслѣдникъ престола былъ опять обреченъ на бездѣятельность. Вступленіе въ силу Потемкина (въ 1774 году) поставило Павла въ положеніе совершенно унизительное. Въ то время, какъ фаворитъ не встрѣчалъ отказа ни въ деньгахъ, ни въ предстательствахъ за рекомендуемыхъ имъ лицъ, Павелъ Петровичъ вѣчно нуждался въ деньгахъ и принужденъ былъ обращаться къ займамъ; попытки же Павла хлопотать за лучшее устройство близкихъ ему людей, вроде Перфильева или Рубановскаго, навлекали на послѣднихъ только гоненія, а просьбы Павла грубо отклонялись. Въ довершеніе всего Павла стали вооружать противъ Наталіи Алексѣвны и противъ графа Андрея Разумовскаго, стоявшаго очень близко къ великокняжеской четѣ. Осторожныя замѣчанія академика Эпинуса, вздумавшаго поставлять великому князю на видъ нежелательность приближенія къ его особѣ фаворитовъ, вызвали со стороны Павла только особыя мѣры, обезпечившія Разумовскому возможность проникать незамѣтно во внутренніе апартаменты великокняжеской четы (донесеніе Дюрана отъ 22 іюля 1774 года). Точно также были безуспѣшны и старанія самой Екатерины просвѣтить великаго князя насчетъ обидныхъ для его чести слуховъ, соединявшихъ имя великой княгини съ Разумовскимъ.

Трудно допустить, чтобы Екатерина, при ея властности и рѣшительности, ограничилась бы только предостереженіями сыну противъ Андрея Разумовскаго, которому мемуары Фридриха II приписываютъ замыселъ чрезъ великую княгиню разстроить тѣсный союзъ Россіи съ Пруссією, Англією и Данією и вызвать сближеніе съ Францією и Испанією, тогда какъ французскій консулъ доносилъ 23 мая 1776 года изъ Москвы, будто бы Андрей Разумовскій изобличенъ въ секретныхъ сношеніяхъ съ лондонскимъ дворомъ, направленныхъ къ государственному перевороту и возведенію Павла Петровича на престолъ.

Все эти сплетни плохо вяжутся съ фактами, такъ какъ послѣ смерти Наталіи Алексѣевны Разумовскій обращенъ былъ къ флотской службѣ въ Ревелѣ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ занялъ видный дипломатическій постъ въ Италіи. Нѣкоторое вѣроподобіе слухамъ этимъ, однакоже, придаетъ мало объяснимое при страстной порывистости Павла спокойствіе, съ которымъ онъ отнесся къ предсмертной болѣзни жены и къ ея кончинѣ.

На слѣдующій же день послѣ смерти великой княгини (умерла она 15 апрѣля 1776 года) принцъ Генрихъ Прусскій, пріѣхавшій въ Петербургъ для переговоровъ съ императрицею по польскимъ дѣламъ, выступилъ съ предложеніемъ посватать великаго князя на своей внучкѣ, принцессѣ Софіи-Доротеѣ Вюртембергской. На это предложеніе Екатерина тутъ же изъявила согласіе и просила принца ускорить переговоры по этому дѣлу.

Въ этомъ случаѣ принцъ Генрихъ Прусскій, герой Семилѣтней войны и побѣдитель при Фрейбергѣ, съ военною быстротою сумѣлъ обладать и сердечныя и дѣловыя отношенія. Принцесса Доротея была уже просватана за брата покойной великой княгини Наталіи Алексѣевны, наслѣднаго принца гессенъ-дармштадтскаго Людвига, но невѣсту убѣдили взять ея слово обратно, а на принца Людвига, собиравшагося въ Берлинъ, взялся повліять Фридрихъ II, который убѣдилъ его поступиться рукою невѣсты въ пользу Павла тѣмъ легче, что императрица Екатерина назначила отставленному жениху пенсію, въ размѣрѣ 10 тысячъ рублей (письмо къ Гримму отъ 9 мая 1776 года).

Съ самаго начала брачныхъ переговоровъ Фридрихъ II, войдя въ роль свата, сталъ настаивать на томъ, чтобы первое знакомство Павла Петровича съ принцессою Доротеєю состоялось въ Берлинѣ, такъ какъ принцесса Доротея была бы скомпрометирована поѣздкою въ Петербургъ и подверглась бы жестокимъ разочарованіямъ, если бы великій князь, познакомившись съ нею, отказался затѣмъ отъ благихъ своихъ замысловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ путешествіе въ Берлинъ предлагалось, чтобы разсѣять великаго князя и дать ему забыть понесенную утрату. Въ своихъ предупредительныхъ приглашеніяхъ король прусскій, конечно, не столько заботился о соблюденіи свѣтскаго этикета и интересовъ принцессы Доротеи, сколько преслѣдовалъ собственные виды: усиленно приглашая въ Берлинъ Павла Петровича, Фридрихъ II рассчитывалъ тѣснѣе прежняго сблизиться съ Россією, къ вящей тревогѣ вѣнскаго двора, и заручиться расположеніемъ наслѣдника русскаго престола. Хотя въ 1776 году Фридрихъ II превратился въ хмураго подагрика, чуждавшагося общества и всякихъ пріемовъ и къ тому же бережливаго до скупости, онъ въ чашии посѣщенія высокаго гостя рѣшилъ не останавливаться ни предъ какими расходами на представительство. Отдавая, къ удивленію придвор-

ныхъ, приказанія объ обновленіи мебелировки дворцовъ въ Шарлоттенбургѣ и Санъ-Суси, о ремонтѣ экипажей и заготовленіи новой ливреи, старый «Иродъ» на каждомъ шагу приговаривалъ: «Это, правда, вызоветъ лишніе расходы, но я объ этомъ не жалѣю». Павелъ Петровичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ срединѣ іюня и съѣхался съ принцемъ Генрихомъ въ Ригѣ; проведя нѣсколько дней въ Митавѣ у курляндскаго герцога Бирона, путешественники отправились дальше, причемъ въ Пруссіи Павла вездѣ встрѣчали съ почетомъ и торжественными оваціями: принцъ Генрихъ, по собственному его признанію, позаботился даже нанять за деньги достаточное число горлановъ, чтобы привѣтственные клики въ честь почетнаго гостя звучали достаточно громко. Естественно, что Павелъ Петровичъ былъ польщенъ и подкупленъ знаками вниманія, которые на каждомъ шагу рсточались передъ нимъ, привыкшимъ при дворѣ матери встрѣчать всеобщее равнодушіе и подвергаться отгѣсненію на задній планъ Орловыми и Потемкинымъ. Десять дней шли въ Берлинѣ пиры. Фридрихъ II, оба его брата, Генрихъ и Фердинандъ, его племянникъ и наслѣдникъ Фридрихъ-Вильгельмъ наперерывъ другъ передъ другомъ осыпали Павла Петровича предупредительностями и знаками вниманія. Всемѣрно сближая жениха съ невѣстою и будущею роднею, король своего гостя ежедневно увозилъ въ Санъ-Суси и здѣсь всячески его улещивалъ, выспрашивая о дворѣ Екатерины, прочитывая съ нимъ и обсуждая донесенія, получаемыя изъ Петербурга отъ графа Сольмса, знакомя цесаревича со своими воззрѣніями на дѣла управленія и подчеркивая на каждомъ шагу, что онъ смотритъ на Павла, какъ на близкаго чело-вѣка и довѣреннаго друга. Предъ отъѣздомъ въ Россію Павелъ Петровичъ провелъ два дня вмѣстѣ съ невѣстою въ Рейнсбергѣ у принца Генриха, а черезъ двѣ недѣли по возвращеніи наслѣдника въ Петербургъ его высоконареченная уже была въ Данцигѣ, на пути слѣдованія въ новое отечество. 26 сентября состоялось бракосочетаніе Павла Петровича съ Марією Оедоровною, которая успѣла очаровать и императрицу, и весь дворъ. Безоблачная радость сопутствовала празднествамъ: Екатерина и Павелъ словно забыли прошлыя недоразумѣнія въ тѣсномъ сближеніи. «Повсюду, гдѣ ни появляется моя жена,—писалъ Павелъ принцу Генриху,—она во всѣхъ вселяетъ веселіе и удовольствіе. Она не только прогоняетъ всѣ мои черныя мысли, но и возвращаетъ мнѣ самообладаніе, которое я совершенно утратилъ за послѣдніе три несчастные года». Обладая добродѣтелями хорошей семьянинки, иногда казавшимися мѣщанскими, Марія Оедоровна, присмотрѣвшись ко всему совершавшемуся при дворѣ Екатерины, поставила себѣ задачею стусеваться и замкнуться въ границахъ тѣсной семейной жизни. «Великая княгиня,—пишетъ Гаррисъ,—проникнута глубо-

кимъ сознаниемъ супружескихъ обязанностей; ея уступчивость и внимательность обезпечиваютъ ей расположение супруга». Вліаніе спокойной и уравновѣшенной натуры Маріи Ѳеодоровны отразилось благотворно на Павлѣ—онъ временно примиряется съ своимъ положеніемъ и съ болѣе спокойнымъ духомъ относится къ повседневнымъ стѣсненіямъ, не возмущаясь ими. Впрочемъ, онъ попрежнему тяготится праздностью, жалуется на скуку и въ письмахъ къ архіепископу Платону¹⁾ признается, что при жадѣ къ дѣятельности и полной невозможности дѣйствовать нельзя не мучиться пустотою жизни.

Заполнить пустоту въ жизни наслѣдника Марія Ѳеодоровна и поставила себѣ задачею.

Привыкшая къ скромному деревенскому обиходу въ Монтбельярѣ, великая княгиня беретъ жизнь, какъ она есть, умѣетъ пользоваться ея благами и старается не портить ее несбыточными запросами. Она стремится создать мужу спокойствіе въ домашней обстановкѣ, наполняемой мелкими заботами и обязанностями домоводства, дѣйствующими успокоительно на душевныя тревоженія. Марія Ѳеодоровна съ большимъ искусствомъ и находчивостью вводитъ супруга въ кругъ хозяйственныхъ интересовъ сначала каменноостровскаго дворца, а съ 1777 года,—когда Екатерина подарила сыну 360 десятинъ земли близъ Царскаго Села,—по устройству загородной резиденціи въ Павловскѣ. Много личного почина и заботъ посвящается на убранство великокняжескихъ апартаментовъ для приданія имъ уютности. Великая княгиня оказывается большою любительницею искусствъ, а благодаря этому и Павелъ Петровичъ заинтересовывается живописью и начинаетъ составлять картинную галерею. Въ Павловскѣ великая княгиня задается замысломъ возсоздать красоты живописнаго вюртембергскаго Этюпа, использовавъ для этого лѣсистую мѣстность и возвышенные берега рѣки Славянки. При помощи ученыхъ садовниковъ, выписанныхъ съ родины, къ унылой природѣ ингерманландскихъ болотъ прикладываются умѣлыя руки, и прорытіе канавъ, проведеніе шоссированныхъ дорогъ, образованіе искусственныхъ лужаекъ, на фонѣ которыхъ картинно выступаютъ купы старыхъ сосенъ и елей, причемъ темная зелень ихъ подчеркивается посадкою лиственныхъ породъ, постепенно превращаютъ павловскія дебри въ изящный идиллическій уголокъ.

Въ Павловскѣ около великокняжеской четы группируется тѣсный кружокъ близкихъ людей. Образованный и разносторонній французъ Ла-фермьеръ, несущій обязанности княжескаго чтеца, составляетъ для домашняго театра не лишеныя интереса комедіи,

¹⁾ Отъ 19 іюня и 16 іюля 1781 г.; напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1887 г., т. II.

а эльзасецъ баронъ Николаи, человекъ большого ума, весельчакъ и неутомимый собесѣдникъ, долго живавшій за границею, сопутствовавшій Разумовскимъ въ ихъ путешествіи по Европѣ и окончательно осѣвшій въ Петербургѣ съ 1769 г., насаждаетъ въ Павловскѣ традиціи непринужденныхъ салонныхъ бесѣдъ.

Частымъ гостемъ въ Павловскѣ являлся и Панинъ, тогда еще управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; общество его для Павла было особенно драгоцѣнно, въ смыслѣ подготовленія къ будущему царственному поприщу, такъ какъ знакомило цесаревича хоть въ общихъ чертахъ съ государственными дѣлами, отъ занятія которыми мать упорно его отстраняла. Въ павловскомъ уединенія цесаревичъ старается пополнить пробѣлы своего образованія, и главнымъ предметомъ изученія является для него военное дѣло. Въ своихъ занятіяхъ онъ пользуется указаніями и совѣтами князя Николая Репнина, опытнаго дипломата и администратора, вернушагося въ Россію въ 1776 г. по исполненіи трудной миссіи въ Константинополѣ; по военной части руководителемъ его былъ братъ его воспитателя, генералъ Петръ Панинъ. Павелъ особенно былъ озабоченъ предположеніями о способахъ обезпечить арміи лучшее устройство и усовершенствовать систему рекрутскихъ наборовъ. Бюджетныя назначенія на армію и флотъ, въ ту эпоху не превышавшія 10 мил. рублей, Павелъ признавалъ необходимымъ увеличить на 2 мил. рублей, которые безъ труда можно было бы удѣлить изъ государственныхъ доходовъ, сокративъ непомѣрные траты на дворъ; для пополненія рядовъ арміи цесаревичу казалось умѣстнымъ, по примѣру европейскихъ государствъ, производить вербовки среди приученныхъ уже къ военному дѣлу иностранцевъ, набирая ихъ преимущественно въ Польшѣ и Германіи. Освобожденіе дворянства отъ военной службы, допущенное манифестомъ 1762 г., представлялось Павлу большой ошибкою, и ему рисовалась неотложность привлеченія дворянской молодежи на военную службу, хотя бы путемъ угрозъ и наградъ.

Сопутствіе императора Юсифа II Екатеринѣ въ ея знаменитомъ путешествіи въ Новороссію и пребываніе его затѣмъ въ Петербургѣ для переговоровъ о заключеніи тѣснаго союза между обѣими державами не могли не смутить Павла Петровича, тѣмъ болѣе, что причины охлажденія Екатерины къ Пруссіи истолковывались наслѣднику въ смыслѣ отместки Фридриху II за дружеское къ нему расположеніе. Антагонизмъ въ воззрѣніяхъ на союзъ съ Австріею, сказавшійся между Екатериною и Павломъ, возбудилъ въ императрицѣ негодованіе, такъ какъ именно на союзъ этотъ она возлагала величайшія надежды, рассчитывая, будто онъ-то и откроетъ ей давно желанный доступъ къ Константинополю. «Я вижу,—жалуется Екатерина:—въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти. Мой наслѣдникъ станетъ преслѣдовать единственную цѣль—

обратить Россію въ прусскую провинцію». Чтобы отвлечь Павла отъ его приверженности интересамъ Пруссіи, Іосифъ II, въ свою очередь, старается заручиться Марією Ѳедоровною въ качествѣ союзницы,—въ этихъ видахъ эксплуатируется нѣжная родственная привязанность, которую великая княгиня питала къ своимъ братьямъ: Іосифъ II вызывается позаботиться объ устройствѣ ихъ судьбы въ Австріи, а сестру ея Елизавету обѣщаетъ просватать за наслѣднаго принца тосканскаго, Франциска.

Посланникъ Фридриха II при петербургскомъ дворѣ, Гѣрцъ, въ донесеніи отъ 13 іюля 1781 г., не безъ основанія выражаетъ опасенія, что великая княгиня, прельщенная любезностями Іосифа II, перестанетъ, пожалуй, дѣйствовать въ интересахъ Пруссіи. «Ея чувства колеблются: то она хочетъ сдѣлаться австріячкою, то хочетъ другого». «Великая княгиня,—поясняетъ свою мысль Гѣрцъ,—пользуется громаднымъ вліяніемъ на супруга, который не умѣетъ ни въ чемъ ей отказывать. Единственное средство удержать великую княгиню на прямомъ пути заключается въ томъ, чтобы ваше величество не оставили своими милостями ея братьевъ».

Чтобы завоевать почву, которая, видимо, ускользала изъ-подъ его ногъ, Фридрихъ II шлетъ въ Петербургъ своего племянника и наслѣдника Фридриха-Вильгельма. Къ этому «тяжеловѣсному увальню», по словамъ Екатерины, причудливому, восторженному чувственнику, окружавшему себя прелестницами и теософами, императрица отнеслась, какъ къ личности ничтожной, но Фридрихъ-Вильгельмъ тѣмъ настойчивѣе старался склонить малый дворъ на служеніе прусскимъ интересамъ: любезности и добрыя обѣщанія, переданныя великой княгинѣ отъ имени дѣда, не могли не произвести на Марію Ѳедоровну впечатлѣнія и еще болѣе подкупили цесаревича въ пользу Фридриха II; съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Павелъ теперь особенно сошелся и, по увѣреніямъ Гѣрца, сталъ на него глядѣть, какъ на любимаго друга и брата; съ этого времени между ними завязалась оживленная интимная переписка, и если впоследствии Павелъ вдругъ началъ проявлять интересъ къ таинственнымъ ученіямъ масоновъ и мартинистовъ, то это слѣдуетъ въ значительной степени приписать именно вліянію Фридриха-Вильгельма.

Близившееся торжество австрійской политики являлось и для Панина большимъ ударомъ, такъ какъ союзъ облаживался помимо него и шелъ совершенно въ разрѣзъ съ его пруссофильствомъ; будируя, онъ уѣхалъ въ свое имѣніе; но тутъ его вскорѣ стали осаждать тайные посланцы Фридриха, убѣждая вернуться ко двору и отговорить наслѣдника отъ предполагаемаго путешествія по Европѣ. Ближайшею цѣлью путешествія ставилось отдать императору Іосифу визитъ и воспользоваться его настойчивыми гостепріимными приглашеніями.

Мысль о путешествіи принципиально очень улыбалась Павлу Петровичу, и онъ писалъ Сакену: «Никогда нельзя принести до-

статочно пользы своему отечеству и, конечно, ужъ не сидя на одномъ мѣстѣ, безъ дѣла, можно сдѣлаться полезнымъ, но чрезъ пріобрѣтеніе знанія въ чужихъ краяхъ»; неизбежность, однакоже, болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ рисовалась Павлу чуть ли не измѣною противъ дружбы къ Фридриху II. Екатерина, которая затѣмъ только и придумала эту поѣздку, чтобы ослабить связи малаго двора съ Пруссіею, не хотѣла навязывать первая такого предложенія сыну, зная его недовѣрчивость и опасаясь, какъ бы онъ не заподозрѣлъ истинныя ея намѣренія. Чтобы достигнуть желанной цѣли, былъ пущенъ въ ходъ тонкій пріемъ. Князь Николай Репнинъ, пользовавшійся большимъ вѣсомъ у великокняжеской четы, совершенно неожиданно былъ огорошенъ холодною обращеніемъ императрицы, которая обыкновенно дарила блестящаго дипломата любезностями и внимательностью. Опасаясь впасть въ немилость, Репнинъ обратился за совѣтомъ къ Потемкину, который и внушилъ ему для возвращенія благоволенія Екатерины повліять издалека и непримѣтно на великаго князя и натолкнуть его на мысль испросить у августѣйшей родительницы разрѣшеніе на путешествіе въ чужіе края. Репнинъ весьма удачно разыгралъ роль искусителя, и самъ Павелъ сталъ напрашиваться на путешествіе.

По соглашенію съ императрицею, планъ путешествія былъ намѣченъ такой: наслѣдникъ съ Маріею Федоровною поѣдутъ въ Кіевъ на поклоненіе святымъ угодникамъ, а оттуда, чрезъ Польшу, прослѣдуютъ въ Вѣну, посѣтятъ Италію, погостятъ въ Монбельярѣ и чрезъ годъ вернутся домой. Съ большими затрудненіями и главнымъ образомъ по настояніямъ барона Гримма, Екатерина согласилась, чтобы цесаревичъ посѣтилъ Францію. Желаніе, заявленное цесаревичемъ, завернуть на обратномъ пути въ Берлинъ встрѣтило со стороны императрицы рѣшительный отпоръ; цѣлыхъ 8 дней по этому поводу происходили переговоры и непріязненные сцены, но Екатерина осталась неумолима. 19 сентября 1781 года великокняжеская чета пустилась въ дорогу въ сопровожденіи князя Куракина и г-жи фонъ-Бенкендорфъ, получивъ на путевые расходы 300.000 р. и для карманныхъ расходовъ 100.000 дукатовъ.

Иосифъ II поджидалъ гостей на границѣ своихъ владѣній. Отъ самага Тропнау путешествіе графа Сѣвернаго превратилось въ непрерывное триумфальное шествіе въ сопровожденіи депутацій и войскъ. Парадные приемы и балы въ попутныхъ городахъ, длинный рядъ торжествъ въ Вѣнѣ и всяческіе знаки вниманія, расточаемые императоромъ и австрійскою знатью, не могли не поколебать предубѣжденій Павла; вмѣсто двухъ недѣль онъ въ Вѣнѣ загостился болѣе мѣсяца, оправдываясь предъ друзьями тѣмъ, что пребываніе въ австрійской столицѣ принесло немалую пользу его образованію.

Зная, насколько цесаревичъ обижается на мать за отстраненіе его отъ государственныхъ дѣлъ, Іосифъ II счелъ очень ловкимъ ходомъ показать Павлу довѣріе и откровенно высказаться предъ нимъ относительно честолюбивыхъ общихъ замысловъ Австріи и Россіи относительно Турціи—ему даже и предъявлена была конфиденціальная переписка, которою императоръ сталъ обмѣниваться съ Екатериною, начиная съ мая 1781 года.

За всѣмъ тѣмъ, недовѣріе Павла къ императору осталось непобѣдимымъ, а враждебность къ союзу съ Австріею цесаревичъ считалъ излишнимъ скрывать даже въ шёнбруннскихъ салонахъ и гнѣвно высказывался противъ тѣхъ, кто, по его убѣжденію, продался Австріи. «Когда я въ состояніи буду отдавать приказанія, я прикажу наказать ихъ шпицрутенами, разжалую и прогоню прочь», намекалъ онъ Іосифу на будущую расправу съ Потемкинымъ и его присными.

Ознакомившись съ привычками и вкусами гостей, Іосифъ II не преминулъ оповѣстить о нихъ циркулярно своихъ родственниковъ, царствовавшихъ въ Тосканѣ, Пармѣ, Неаполѣ и Версалѣ, для принятія этихъ свѣдѣній къ руководству при предстоящемъ посѣщеніи великаго князя.

При отбѣздѣ изъ Вѣны великая княгиня прихворнула «эпидемическою катаральною лихорадкою», которая въ ту пору свирѣпствовала въ Австріи и была первымъ нашествіемъ капризной болѣзни, съ которою, подъ наименованіемъ «инфлюэнцы», наши современники достаточно хорошо теперь ознакомились.

Въ Римѣ Павелъ Петровичъ удостоился поцѣлуевъ въ обѣ щеки отъ папы Пія VI. Въ Неаполѣ онъ далъ полную волю своему неукротимому гнѣвному нраву. На любезное приглашеніе короля Фердинанда IV и королевы Маріи-Каролины къ обѣду послѣдовалъ въ послѣднюю минуту отказъ, грубо переданный чрезъ трактирщика; отъ участія въ охотѣ на кабановъ, устроенной въ его честь, великій князь уклонился. Русскій посланникъ при неаполитанскомъ дворѣ, прежній закадычный его другъ Андрей Разумовскій былъ принятъ Павломъ болѣе чѣмъ нелюбезно и подвергся личнымъ оскорбленіямъ, а въ заключеніе великій князь спѣшно уѣхалъ назадъ въ Римъ, даже не простившись съ королемъ. Зато въ Тосканѣ путешественники провели время очень пріятно, изучая сокровища флорентійскаго искусства подъ руководствомъ самого герцога; послѣдній считалъ обязанностью принимать высокихъ гостей съ особенною предупредительностью, въ виду ведшихся въ то время въ Вѣнѣ переговоровъ о сватовствѣ его сына Франциска на принцессѣ Елизаветѣ Вюртембергской, младшей сестрѣ Маріи Ѳедоровны.

Черезъ Ливорно, Парму и Миланъ путешественники добрались до Турина, гдѣ Марія Ѳедоровна близко сошлась съ невѣсткою

Амедея III, принцессою пьемонтской Маріею-Клотильдою, сестрою Людовика XVI. Посѣщеніе графомъ Сѣвернымъ Парижа было нами рассказано на страницахъ «Историческаго Вѣстника» достаточно подробно ¹⁾, чтобы на немъ здѣсь долго останавливаться. Отсылая читателя къ официальнымъ реляціямъ, помѣщеннымъ въ указанной статьѣ, мы здѣсь прибавимъ, что помимо торжественныхъ пріемовъ Марія-Антуанетта не разъ принимала своихъ гостей въ тиши Трианона, и между ними вскорѣ установилась пріязнь, приведшая къ интимнымъ признаніямъ.

Павелъ съ горечью жаловался на тѣ стѣсненія, придирки и гнусности, какія ему приходилось переносить въ Петербургѣ. Онъ распространился о враждебномъ соглядатайствѣ, которому ежедневно подвергаются всѣ его дѣйствія, и о наглости фаворитовъ терзающихъ его спокойствіе и отравляющихъ ему всѣ удовольствія. На участливый вопросъ королевы о томъ, имѣетъ ли онъ близкихъ, на которыхъ могъ бы положиться, Павелъ вскипѣлъ и отвѣчалъ, что «онъ побоялся бы завести даже преданную ему собаку, такъ какъ и ту непременно бы утопили». Въ свою очередь, Павелъ поинтересовался узнать у Маріи-Антуанетты, какъ она себя держала въ царствованіе Людовика XV по отношенію къ графинѣ Дюбарри? Королева объяснила собесѣднику, что, по тогдашнимъ щекотливымъ обстоятельствамъ, она за основу своего образа дѣйствій приняла ничѣмъ прямо не задѣвать и не коробить покойнаго короля, а въ отношеніяхъ къ фавориткѣ Марія-Антуанетта избѣгала проявлять какіе-либо знаки одобренія или порицанія ея поступкамъ.

Пребываніемъ въ Парижѣ Павелъ воспользовался, между прочимъ, и для того, чтобы завязать личныя знакомства въ литературномъ мірѣ, о дѣятельности котораго онъ въ Петербургѣ получалъ точное освѣдомленіе чрезъ такого же плодовитаго корреспондента, какимъ баронъ Гриммъ служилъ Екатеринѣ ²⁾. Лагарпъ и Гриммъ не преминули представить его высочеству наиболѣе извѣстныхъ писателей, и великій князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Бомарше, который при этомъ случаѣ прочелъ въ тѣсномъ избранномъ кружкѣ свою комедію «Свадьбу Фигаро», воспреценную цензурою къ представленію.

Не чуждалась великокняжеская чета и посѣщеній частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, де-Божона или де-Ларейньера. Божонъ, милліонеръ и придворный банкиръ, по слабости здоровья велъ престранный образъ жизни: въ домѣ его, обставленномъ съ ро-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» за 1904 годъ.

²⁾ Литературнымъ корреспондентомъ Павла Петровича состоялъ довольно безцвѣтный поэтъ Влѣнь де-Сенъ Моръ (подражатель Дора). Письма его, объемомъ около 20 томовъ in 4°, сохранились и по сей часъ въ архивѣ Павловскаго дворца.

скошью, происходили обѣды, достойные Лукулла, но самъ хозяинъ могъ ѣсть только овсянку и гастрономическіе свои вкусы удовлетворялъ тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ его гости лакомятся вкусными яствами, и обонялъ ихъ аппетитный запахъ. Точно также частыми посѣтителницами его дома являлись тогдашнія полусвѣтскія красавицы, вродѣ Гимаръ, Гейнель, Дютэ; онѣ ухаживали за миллионеромъ, ласкались къ нему и подзадоривали его на всякіе лады, но такъ какъ бѣднягѣ строжайше было запрещено служеніе Венерѣ, то всѣ отношенія Божона къ этимъ дамамъ сводились къ пустякамъ: когда онѣ въ ранніе часы вечера удалялся на отдыхъ, онѣ, по очереди, смѣняли другъ друга у его изголовья и развлекали его бессоницу веселыми анекдотами и пѣсенками.

Де-Ларейньеръ, нажившійся откупщикъ, славился въ качествѣ мецената всѣхъ искусствъ, и его отель, великолѣпно разукрашенный лучшими художниками, былъ извѣстенъ за даровой трактиръ, гдѣ толкалась вся знать. Контрастъ любезнымъ хозяевамъ представлялъ ихъ сынъ, адвокатъ Гримо де-Ларейньеръ, поставившій себѣ цѣлью жизни удивлять современниковъ чудачествами и сумасброднѣйшими выходками—къ числу ихъ принадлежали устраиваемыя имъ оригинальныя гастрономическія пиршества и изданіе гастрономическаго календаря, полная серія выпусковъ котораго очень цѣнится библіофилами.

При посѣщеніи де-Ларейньера у Павла Петровича произошло совершенно для него неожиданно столкновение, надѣлавшее въ Парижѣ большой шумъ.

Рисовальщикъ и архитекторъ Клериссо много лѣтъ изготавлялъ планы дворцовъ, соборовъ, этюдовъ, развалинъ и т. п., по порученію Екатерины, которая, чрезмѣрно выхваляя его дарованія, искусственно развила въ немъ тщеславіе. По пріѣздѣ великокняжеской четы въ Парижъ, Клериссо счелъ нужнымъ ей представиться, но, принятый графомъ Сѣвернымъ среди множества посѣтителей, не былъ, по его мнѣнію, достаточно обласканъ и отличенъ, за что и воспыалъ гнѣвомъ. Повстрѣчавшись съ Клериссо въ салонѣ Ларейньера, великій князь подошелъ къ нему съ протянутой рукой и любезностью на устахъ, но въ отвѣтъ былъ принужденъ выслушать не одну дерзость. «Никогда въ жизни не подвергался я такой передрагѣ!—признавался великій князь.—Меня отъ оскорбительной выходки Клериссо даже въ потъ бросило».

Чрезъ Бельгію и Голландію путешественники добрались до Кельна и въ концѣ іюля могли уже спокойно отдохнуть отъ подвижной жизни и разнообразныхъ впечатлѣній въ тиши Монбельяра.

Посѣтивъ на обратномъ пути Штутгартъ и Швейцарію, великокняжеская чета завершила путешествіе новымъ посѣщеніемъ

Вѣны для свиданія съ сестрою Маріи Ѳеодоровны—Елизаветою, которая, въ ожиданіи вступленія въ бракъ съ Францискомъ Тосканскимъ, готовилась принять католическое вѣроисповѣданіе и для довершенія воспитанія была помѣщена въ Салезіанскій монастырь. Конецъ путешествія показался великокняжеской четѣ столь же утомительнымъ, какъ и непріятнымъ. Такому настроенію способствовало, быть можетъ, и то, что Фридрихъ II, извѣрившись въ минувшемъ году въ возможность или готовность Панина повліять на Екатерину и добиться отъ нея разрѣшенія Павлу посѣтить Берлинъ, принялся теперь непосредственно убѣждать графа Сѣвернаго заѣхать въ Берлинъ, но Павелъ, какъ ему этого ни хотѣлось, не осмѣлился послушаться матери.

Вообще, попользовавшись подъ чужеземнымъ небомъ нѣкоторою независимостью, Павелъ не особенно охотно возвращался въ Петербургъ, опасаясь, что враждебность матери поставитъ ему въ вину не одну исторію, въ родѣ той, жертвою которой палъ Бибиковъ. Исторія же эта сводилась къ тому, что Бибиковъ, состоя въ перепискѣ съ спутникомъ Павла Куракинымъ и сообщая ему о петербургскихъ новостяхъ, зло отозвался о Потемкинѣ и другихъ важныхъ персонахъ. Письмо было перехвачено, и Бибиковъ, разжалованный, былъ сосланъ въ Астрахань. Увѣдомляя объ этомъ происшествіи своихъ «милыхъ дѣтей», императрица выводила многозначительное нравоученіе, что, разъ чей-нибудь умъ питается шпанскими мушками сплетенъ и клеветы, ничего путнаго отъ него и ожидать нельзя.

II.

До крупныхъ переворотовъ XIX вѣка одинаковость приемовъ управленія и общность придворныхъ обычаевъ придавали европейскимъ государствамъ внѣшній видъ тождества развитія. Благодаря тому, что тонкій слой западно-европейской культурности прикрывалъ необразованность правящаго сословія въ Россіи, поклонники Екатерины старались увѣрить себя и другихъ, будто великая сѣверная держава совершенно объевропеилась и идетъ наравнѣ съ Западомъ. Поѣздка по Европѣ не могла не указать Павлу на тѣневныя стороны русской жизни, и какъ ни поверхностно было поле его наблюденій, иные факты были имъ оцѣнены по достоинству. Такъ, въ Германіи его поразила стройная организація городского класса, опиравшаяся на установленія закона, проникнутая дисциплиною, бережливостью и преданностью труду. Въ Италіи Павлу бросилось въ глаза противорѣчіе: съ одной стороны—богатство природы и мощь производительныхъ силъ, съ другой—отсутствіе общественной безопасности и бѣдственность положенія массы на-

селенія, все болѣе дичавшей, благодаря невѣжественности и грубой вздорности правительствъ. Изъ наблюдений, почерпнутыхъ во Франціи, Голландіи и прирейнской Германіи, у Павла Петровича сложилось довольно опредѣленное и вѣрное мнѣніе, что Западная Европа въ своемъ развитіи по крайней мѣрѣ на два вѣка опередила Россію. Своихъ дорожныхъ впечатлѣній великій князь скрыть не умѣлъ, и въ высказываемыхъ сыномъ сужденіяхъ прозорливость Екатерины безъ труда различила нѣкоторое разочарованіе въ родинѣ, что и повело къ попрекамъ Павлу за то, будто путешествіе его развратило и онъ теперь не можетъ примириться съ простотою родныхъ нравовъ. Впрочемъ, за наслѣдникомъ числились и худшія провинности. Екатеринѣ доподлинно было извѣстно, что въ Вѣнѣ онъ къ ея высокому союзнику и другу проявлялъ неумѣстную холодность, что предъ Іосифомъ II и Людовикомъ XVI позволялъ себѣ оскорбительные для императрицы и русскаго двора намеки; ставились цесаревичу въ вину и чрезмѣрныя будто бы траты за границую на награжденіе разныхъ лицъ и всевозможныя покупки; высказывалось наконецъ недовольство императрицы за тайную переписку, которою цесаревичъ обмѣнивался съ Панинымъ при посредствѣ прусскаго посланника ¹⁾).

Всѣ эти недоразумѣнія вполнѣ оправдывали опасенія, высказанныя великому князю Іосифомъ II, что Павлу, по возвращеніи въ Петербургъ, придется считаться съ большими еще непріятностями, чѣмъ до заграничнаго вояжа. Во избѣжаніе мелкихъ, но

¹⁾ Въ 1783 году, когда Герца замѣнилъ баронъ Келлеръ, онъ при большомъ дворѣ натолкнулся на полную холодность. Екатерина завязывала съ Іосифомъ II все болѣе тѣсныя отношенія, а это вызывало между Петербургомъ и Берлиномъ неудовольствія, тренія и подозрѣнія. Въ высшихъ сферахъ Петербурга преобладало мнѣніе, что военныя силы Пруссіи Фридрихомъ II доводятся до предѣловъ, могущихъ внушать опасенія сосѣдямъ. Союзъ съ Австріею и былъ будто бы направленъ къ обузданію военныхъ приготовленій Пруссіи. При враждебной подозрительности большого двора баронъ Келлеръ искалъ опереться на великаго князя, симпатіи котораго къ Пруссіи оставались неизмѣнны. Но Павелъ, сходясь съ барономъ Келлеромъ, принужденъ былъ ему сознаться, что свои чувства къ Пруссіи ему приходится скрывать, такъ какъ императрица, зная его «предубѣжденіе въ пользу короля», относится къ этому нетерпимо. Чтобы выпытать его мысли, она уже разъ поставила сыну ловушку, увѣривъ его, будто собирается искать сближенія съ берлинскимъ дворомъ. Великій князь лично, конечно, не сочувствуетъ политикѣ матери, такъ какъ союзъ съ Австріею вовлекаетъ ее въ вражду съ Турціею, а Россія нуждается въ мирѣ для поправленія финансовъ и преобразованія внутренняго управленія. Повидимому, Павелъ Петровичъ предпочиталъ помимо барона Келлера поддерживать переписку съ Фридрихомъ Вильгельмомъ; намеки на эти секретныя записочки, упоминавшіяся не разъ въ депешахъ барона Келлера, оказались небезызвѣстными вѣскому кабинету и побудили послѣдній постараться перехватить нѣсколько такихъ записочекъ, что, повидимому, и удалось. Конечно, и объ нихъ была освѣдомлена императрица и не преминула обрушиться на сына съ новыми упреками.

досадныхъ шпилекъ и придирокъ великокняжеской четѣ оставалось замкнуться въ павловскомъ уединеніи, гдѣ они пользовались все-же относительной свободой и могли избѣгать хоть презрительныхъ выходокъ со стороны фаворитовъ.

Несмотря на всю свою вліятельность, Потемкинъ въ своихъ отношеніяхъ къ великому князю проявлялъ все же нѣкоторую внимательность и къ личнымъ просьбамъ цесаревича относился съ высокомѣрною снисходительностью, а великой княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ старался даже оказывать всяческія любезности. Зато наглость Зубова не знала предѣловъ, и въ отношеніяхъ къ наследнику престола онъ какъ бы преднамѣренно проявлялъ спесь. Ростопчинъ мѣтко оцѣниваетъ фальшь положенія великаго князя: «Когда, будучи русскимъ великимъ княземъ и имѣя 41 годъ отъ роду, подвергаешься отъ будущихъ подданныхъ такому обращенію, словно негодный мальчишка, позволительно и взбѣситься».

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины великокняжеская чета окончательно замыкается въ Павловскѣ и Гатчинѣ, но, по временамъ, Екатерина вдругъ начинаетъ негодовать на пребываніе великаго князя въ Гатчинѣ и Павловскѣ и настаиваетъ на его переселеніи въ Петербургъ подъ тѣмъ предлогомъ, что доставка изъ Петербурга провизіи, офицеровъ и служащихъ при маломъ дворѣ вызываетъ разгонъ 30 почтовыхъ лошадей!

Марія Ѳедоровна, предаваясь при помощи своего управляющаго и друга Кюхельбекера хозяйственнымъ заботамъ, въ своемъ домашнемъ обиходѣ, аккуратно налаженномъ, отводитъ широкій просторъ умственнымъ интересамъ; она много читаетъ, ведетъ дневникъ и дѣятельно занимается корреспонденціею; въ эту эпоху она особенно увлекается гравированіемъ на камнѣ и подъ руководствомъ медальера Лебрехта рисуетъ и вырѣзываетъ цѣлую коллекцію силуэтовъ. Такъ какъ занятія рисованіемъ и гравированіемъ сильно утомляютъ ея зрѣніе, то, въ видѣ отдыха, она занимается музыкою; въ это время уроки ей даетъ знаменитый композиторъ Паэзіелло, крайне вспыльчивый; въ 1793 г. изъ-за безобидныхъ поддразниваній въ интимномъ кружкѣ великой княгини маэстро настолько вспылить, что осыпалъ высочайшихъ особъ грубыми ругательствами и былъ удаленъ отъ двора, гдѣ его смѣнилъ не менѣе знаменитый его соперникъ Чимароза. Наконецъ, такъ какъ единственно театральныя представленія обладали силою разглажать морщины на лицѣ Павла, то, по почину Маріи Ѳедоровны, на домашней сценѣ Павловскаго дворца нерѣдко выступали съ своими пьесами графъ Чернышевъ и Лафермьеръ, проявлявшій особенный талантъ заимствовать изъ современныхъ скабрзныхъ романовъ и рассказовъ сюжеты для самыхъ цѣломудренныхъ салонныхъ комедій. Что касается Павла, то онъ окончательно входитъ въ роль грубаго и угрюмаго человѣка. Чтобы раз-

вѣять скуку, Павелъ все болѣе отдается своей страстишкѣ къ военному дѣлу. Столь же мало были привлекательны и тогдашніе его приближенные, пользовавшіеся вліяніемъ на великаго князя. Это были:—«хитрый баронъ Боркъ, управлявшій Гатчиною и въ два года сокопившій себѣ состояніе въ 300 тысячъ рублей, и полковникъ Лияденеръ, низкопоклонный гордецъ, тѣмъ болѣе опасный по своей подозрительности и недовѣрчивости, что великій князь ему довѣряетъ и очень вспыльчивъ».

Въ 1783 г., когда присоединеніе Крыма явилось угрозою новой войны съ Турціею, Павелъ усиленно добивался отъ Екатерины разрѣшенія отправиться къ южной арміи; сначала Екатерина дала на это согласіе, но стала оттягивать отъѣздъ наслѣдника изъ опасенія, что появленіе его среди войскъ вызоветъ слишкомъ большой энтузіазмъ. Въ это путешествіе *in partibus infidelium*, по выраженію великаго князя, онъ, впрочемъ, такъ же мало вѣрилъ, какъ въ путешествіе въ какую-нибудь Индію (письмо къ Сакену отъ 4 марта 1782 г.).

Такъ же безуспѣшны оказались просьбы Павла позволить ему принять участіе въ кампаніи противъ Турціи въ 1788 г., но когда лѣтомъ того же года шведскій король Густавъ III, по проискамъ Англіи и Пруссіи, объявилъ Россіи войну, Екатерина разрѣшила Павлу отправиться въ Выборгъ, гдѣ русскій observationalный корпусъ былъ выставленъ противъ шведовъ. Выжидательная бездѣятельность Мусина-Пушкина возбуждала нетерпѣніе цесаревича, и вся его роль свелась къ участію въ военныхъ парадахъ и разѣздахъ по лагерю. Единственный разъ удалось ему принять подъ Фридрихсгамомъ участіе въ рекогносцировкѣ и получить боевое крещеніе. Осенью, разочарованный безплодностью кампаніи, Павелъ вернулся въ Петербургъ, но въ слѣдующемъ году, когда война съ Швеціею возобновилась опять, императрица рѣшительно отказала сыну въ разрѣшеніи вернуться къ арміи подъ тѣмъ предлогомъ, что не рѣшается подвергать его жизнь случайностямъ войны.

Лишенный возможности служить военному дѣлу съ пользою, Павелъ размѣнивался отчасти и невольно на занятія военными пустяками.

Благодаря неуравновѣшенности и безтолковщинѣ, эта страсть постепенно превращается у цесаревича въ какое-то однопредметное помѣшательство

Тѣпшась гатчинскими войсками, великій князь чуть ли не по 12 часовъ ежедневно посвящаетъ на парады и военную муштру. Никогда прежде серьезно военнаго дѣла не изучавъ, онъ вдругъ воображаетъ себя великимъ знатокомъ тактики и стратегии и рабски подражаетъ Фридриху II, такъ какъ, по свойствамъ своей природы, сводитъ все къ ничтожнымъ подражаніямъ, ничтожнымъ сред-

ствамъ и ничтожнымъ дѣлямъ. Ростопчинъ, который является вѣрнымъ и хорошо освѣдомленнымъ изобразителемъ этой эпохи, обрисовываетъ въ мрачныхъ краскахъ жизнь, какую создавалъ великій князь женѣ, дѣтямъ и всѣмъ близкимъ. Павелъ, видимо, все болѣе утрачивалъ власть надъ собою и въ умственной жизни, какъ и во всемъ внѣшнемъ укладѣ жизни проявлялъ мало разсудительности. «Безъ скорби и ужаса нельзя взирать на продѣлываемое великимъ княземъ,—пишетъ Ростопчинъ.—Поступки его производятъ такое впечатлѣніе, словно онъ нарочно придумываетъ, какъ бы возбудить противъ себя всеобщую ненависть. Онъ увѣрилъ себя, будто окружающіе его презираютъ и проявляютъ къ нему неуваженіе; исходя изъ этого, онъ ко всему придирается и безтолково осыпаетъ всѣхъ наказаніями. Малѣйшее замедленіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ равновѣсія. Ежедневно приходится слышать о такихъ его буйствахъ и мелочностяхъ, которыхъ устыдилось бы всякое частное лицо».

Особенно пагубно на характеръ Павла отразилось вліяніе французскихъ эмигрантовъ. Потерпѣвъ дома полное крушеніе въ защитѣ дореформеннаго строя Франціи, они въ Россіи били въ набатъ и, жалуясь на постигшія ихъ неудачи, составляли заговоры и воодушевлялись несбыточными замыслами, учитывая щедрости Екатерины и ея военную поддержку. «Эти фанфароны абсолютизма,—пишетъ Ростопчинъ,—бахвалятся возможностью подавить революцію грубою силою и все только твердятъ о безопадномъ посрамленіи враговъ. Господа галльскіе эмигранты такъ усердствуютъ въ проповѣдяхъ деспотизма и необходимости управлять желѣзнымъ прутомъ, что его высочество проникается спасительностью этой системы и соотвѣтственно этому и поступаетъ». Деспотическіе инстинкты Павла, благодаря тревожнымъ политическимъ событіямъ эпохи, принимали все болѣе мрачную окраску и записки современниковъ ясно возсоздаютъ тревогу и страхи, какіе вселялъ въ будущихъ подданныхъ цесаревичъ своимъ упорствомъ, непоколебимостью, подозрительностью и гнѣвностью. «Павла всѣ боятся,—отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ Чарторыйскій,—и тѣмъ болѣе дивятся могуществу и высокимъ дарованіямъ его родительницы, которая держитъ сына въ повиновеніи и отдаленіи отъ престола, хотя онъ и имѣетъ на него всѣ права». Въ послѣдніе годы долгаго Екатерининскаго царствованія наглость и расточительность фаворитовъ переступали всѣ границы, а правительство изливало безстыдный потокъ злоупотребленій властью, угнетеній и тираніи, почему знаменія упадка государственности множились съ каждымъ днемъ. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Ростопчина, всѣ желали только одного, чтобы бразды правленія надолго еще оставались въ рукахъ Екатерины,—настолько общъ былъ страхъ предъ грядущимъ царствованіемъ ея преемника.

Весьма характерны въ смыслѣ освѣщенія закулисной стороны дворскихъ отношеній тѣ сцены, какія разыгрались въ Царскомъ Селѣ въ 1784 году, послѣ смерти фаворита Ланского. Екатерина, удрученная кончиною фаворита, заперлась у себя въ спальнѣ. Великокняжеская чета явилась, было, выразить ей соболѣзнованіе, но императрица не позволила имъ войти. Не рѣшаясь уѣхать, великій князь съ женою долгое время бродили по коридорамъ; наступилъ обѣденный часъ, они проголодались, но и тутъ не сочли удобнымъ потребовать обѣда, котораго имъ не предлагали. Два почти мѣсяца уединялась царица въ Царскомъ Селѣ, запустила всѣ текущія дѣла, не допуская къ себѣ даже докладчиковъ и, только справившись съ своимъ горемъ, переѣхала, наконецъ, внезапно въ Петербургъ и приблизила къ себѣ сына. Нѣсколько недѣль проявляла Екатерина къ Павлу необычайное вниманіе и самыя нѣжныя чувства привязанности; но когда на сцену появился новый фаворитъ—Ермоловъ, вѣтеръ опять круто переѣвился (донесенія Кальера отъ 13 и 18 іюля 1874 г.). Къ концу царствованія Екатерины отношенія между большимъ и малымъ дворами окончательно испортились. Взаимная вражда не прекращалась, и частыя ссоры пріобрѣли особую ядовитость. Великій князь, снѣдаемый опасеніями, впалъ въ манію преслѣдованія и склоненъ былъ видѣть въ себѣ жертву заговора, направляемаго матерью противъ его особы. Опасенія Павла, впрочемъ, не были вовсе уже такъ призрачны, какъ принято думать.

Послѣ рожденія великаго князя Николая Павловича, императрица Екатерина, посѣтивъ невѣстку, показала ей документъ, въ которомъ рѣчь шла о томъ, чтобы истребовать у цесаревича отреченіе отъ престола въ пользу в. кн. Александра; въ этой бумагѣ предлагалось, чтобы и великая княгиня изъявила свое согласіе на совершеніе акта отреченія, но предложеніе это она рѣшительно отвергла, не взирая на угрозы¹⁾.

Имѣются свѣдѣнія, будто Зубовъ, прибывъ къ Павлу для возвѣщенія о кончинѣ Екатерины, передалъ ему два пакета: въ одномъ оказался заготовленный указъ сенату объ отреченіи Павла отъ всякихъ правъ на престолъ, а въ другомъ подробная инструкція объ арестованіи великаго князя и заточеніи его въ крѣпость²⁾.

Наконецъ, существуетъ и такая версія, будто князь Безбородко въ опочивальнѣ умиравшей государыни нашелъ завѣщаніе, въ которомъ она преемникомъ по себѣ престола назначала великаго князя Александра; это завѣщаніе канцлеръ будто бы припряталъ

¹⁾ Сборникъ Историческаго Общества, т. ХСVIII, стр. 9 и 10.

²⁾ E. M. de Vogüé, *Le fils de Pierre le Grand. Un changement de règne.* Paris. 1889. Стр. 341.

и вручилъ потомъ Павлу, чѣмъ и объясняются всѣ тѣ милости, какія посыпались на Безбородка въ царствованіе Павла ¹⁾).

При наличности такихъ фактовъ правильное освѣщеніе получаетъ и та оцѣнка, какую тонкій наблюдатель графъ Сегюръ въ своихъ запискахъ даетъ характеру великаго князя. «Павелъ Петровичъ, — говоритъ онъ, — къ своему несчастью, на ряду съ большимъ умомъ и разнообразными свѣдѣніями, обладаетъ безпокойнымъ и недоувѣрчивымъ нравомъ и чрезвычайно подвиженъ характеромъ. Часто онъ бываетъ любезенъ до фамиллярности, но еще чаще проявляетъ высокомеріе, жесткость и деспотичность. Пожалуй, никогда еще не видывали такой легкомысленной, робкой и капризной личности, одинаково мало способной создать счастье и для себя, и для другихъ. Исторія государей, подвергшихся лишенію престола или умерщвленію, была у него навязчивою идеею, отъ которой онъ никогда не могъ освободиться. Воспоминанія объ этомъ затемняли и совершенно ослѣпляли его разумъ. Очутись великій князь въ иномъ положеніи, онъ могъ бы и самъ найти счастье и дать его другимъ. Но для такого человѣка престоль, а особенно русскій, явится роковымъ камнемъ преткновенія, и, подойдя къ нему, Павелъ неминуемо будетъ съ него быстро и насильственно свергнутъ».

«Не мнѣ судить, — внушалъ Павелъ барону Келлеру еще въ 1787 г.:—правильно ли было то, что свершилось 24 года тому назадъ. Весь народъ принесъ тогда присягу государынѣ, которая правитъ имъ и теперь. Искренни ли эти выраженія вѣрноподданности, я не знаю, но я самолично былъ свидѣтелемъ формально принесенной присяги и пусть тѣ, кто ее давалъ, и считаются со своею совѣстью. Я же лично со своею совѣстью въ разладъ вступать не хочу. Я себя провѣрялъ и убѣдился, что ничего не могу предпринимать, не посоветовавшись съ совѣстью. Это счастье я ставлю выше самой блестящей роли, какую я могъ бы сыграть въ исторіи».

Въ поясненіе къ этому Павелъ признавался барону Келлеру, что и въ 1774 г., по поводу восторженнаго приема, оказаннаго ему въ Москвѣ, и позднѣе въ Петербургѣ онъ имѣлъ торжественное объясненіе съ матерью и успѣлъ успокоить императрицу насчетъ всякихъ опасеній, какія она могла питать на его счетъ (донесеніе берлинскому двору отъ 24 февраля 1787 г.).

Именно потому, что Павелъ сознавалъ свою полную лояльность въ отношеніяхъ къ матери, его глубоко оскорбляло ея недоувѣріе, и мелкія придирки большого двора порою вызывали въ великомъ князѣ возмущеніе и яростныя вспышки гнѣва. Графъ Фауэнтцинъ доноситъ Фридриху-Вильгельму, что зависимость, въ

¹⁾ Waliszewski. Autour d'un trône. Paris. 1894. Стр. 447.

которой держать великаго князя, его озлобляетъ и доводитъ до крайности.

«Во избѣжаніе тягостныхъ для обѣихъ сторонъ столкновений,— пишетъ Чарторыйскій,— мать съ сыномъ избѣгаютъ даже встрѣчь, а въ необходимыхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ посредничеству Николая Салтыкова. Онъ передаетъ порученія каждый разъ, когда Екатерина имѣетъ что-нибудь сообщить великому князю. Графъ Салтыковъ умалчиваетъ или смягчаетъ то неприятное и рѣзкое, что государыня поручаетъ ему для передачи сыну; такъ же поступаетъ онъ и съ великокняжескими отвѣтами».

Частыя и рѣзкія измѣненія въ отношеніяхъ Екатерины къ Павлу обыкновенно истолковываются политическими причинами и отчужденіемъ, въ которомъ протекло дѣтство и дальнѣйшее воспитаніе Павла, а главнымъ образомъ тѣмъ, что этотъ ея сынъ родился отъ ненавистнаго мужа и являлся въ глазахъ матери «кредиторомъ престола и мести». Для установленія болѣе нормальной оцѣнки материнскихъ чувствъ, на какія вообще была способна Екатерина, Пьеръ Моранъ обращается къ исторіи Алексѣя Бобринскаго и частью на основаніи матеріаловъ, опубликованныхъ въ Россіи, частью опираясь на архивные документы французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, сообщаетъ по этому предмету немало любопытныхъ данныхъ.

Родившійся отъ связи съ Григоріемъ Орловымъ въ 1762 г. Алексѣй Бобринскій сначала былъ отданъ на попеченіе довѣренному камердинеру императрицы Шкурину, а въ 1764 г., когда у Екатерины явилась мысль выйти замужъ за Орлова, прошли слухи, будто Бобринскій будетъ даже объявленъ наслѣдникомъ престола въ ущербъ законныхъ правъ Павла. Когда связь съ Григоріемъ Орловымъ ослабѣла, Бобринскій потерялъ для матери всякій интересъ и былъ отправленъ для воспитанія сначала въ Лейпцигъ, а затѣмъ въ Швейцарію. Въ 1775 г. Бобринскій былъ выписанъ изъ-за границы обратно и помѣщенъ въ кадетскій корпусъ. На воспитаніе юноши обращалось мало вниманія, но отъ времени до времени ему дѣлались «отъ неизвѣстныхъ» неожиданные цѣнные подарки, а въ имѣніи Бобрики, купленномъ еще въ 1763 г., былъ отстроенъ роскошный домъ, и доходы, собиравшіеся съ имѣнія, употреблялись на дальнѣйшее его округленіе, такъ что Бобрики вскорѣ стали приносить уже до 10 тысячъ рублей въ годъ.

По достиженіи 19-лѣтняго возраста Бобринскій получаетъ отъ императрицы короткое и сухое письмо, въ которомъ ему открывается его происхожденіе и опредѣляется дальнѣйшее его положеніе—онъ будетъ имѣть отъ 30 до 40 тысячъ рублей въ годъ, и этотъ доходъ ему прочно обезпечивается капиталомъ, внесеннымъ въ воспитательный домъ. На этомъ императрица считаетъ возможнымъ закончить свои отношенія къ Бобринскому, что и мотивируется

съ обычною умною, но безсердечною черствостью. Несмотря на рѣзкость и взбалмошность права, неуравновѣшенность, нежеланіе подчиняться дисциплинѣ и дерзкую грубость, Бобринскій никакимъ вдумчивымъ, воспитательнымъ воздѣйствіямъ не подвергается и спихивается попросту на попеченіе полковника Бушуева, который ни въ Россіи, ни за границею не можетъ справиться со своимъ питомцемъ и, наконецъ, покидаетъ его на произволъ судьбы.

Въ 1785 г. Бобринскій попадаетъ въ Парижъ, и здѣсь Верженнъ аттестуетъ его поведеніе съ очень дурной стороны; онъ предается скандальнымъ похождениямъ, попадаетъ въ руки ростовщиковъ и выдаетъ совершенно безумныя обязательства.

Изъ полного безучастія къ судьбѣ сына Екатерина выходитъ, только когда посланникъ Симолинъ доноситъ ей, что шалости Бобринскаго могутъ повредить репутаціи и императрицы; тогда на барона Гримма возлагается обременительная обязанность послѣдить за молодымъ мотомъ и вырвать его изъ лапъ проходимцевъ при благосклонномъ содѣйствіи Верженна.

Екатерина выражаетъ желаніе, чтобы «молодого путешественника» переправили въ Англію, предоставивъ въ его распоряженіе не свыше 1000 луидоровъ, и выражаетъ надежду, что такъ какъ въ Англіи стоитъ русская военная эскадра, то, можетъ быть, Бобринскому придетъ фантазія совершить на военныхъ судахъ кампанію. вмѣсто такой благоразумной развязки Бобринскій попадаетъ въ западню къ пожилой дамѣ полусвѣта Элліотъ, умной и практичной особѣ, которая принимается методически эксплуатировать «молодого путешественника». На время влюбленные исчезаютъ съ горизонта, и возникаютъ опасенія, какъ бы эта авантюра не завершилась постыднымъ для Бобринскаго бракомъ. Въ 1788 г. противъ Бобринскаго выступаютъ съ преслѣдованіями уже англійскіе кредиторы, которыхъ административными воздѣйствіями унять было нельзя, и въ концѣ концовъ Бобринскій, разоренный, возвращается на родину.

Екатерина, внявъ его мольбамъ, соглашается «стереть губкою прошлое» и назначаетъ ему мѣстомъ жительства Ревель, гдѣ оставляетъ его безъ денегъ и безъ всякихъ занятій; проситъ Бобринскій объ опредѣленіи его въ военную службу, но на это Екатерина отмахивается. 33-хъ лѣтъ отъ роду Бобринскій женится на дочери офицера Аннѣ Унгернъ-Штернбергъ—особѣ очень скромной и спокойной—и молодые основываются на жительствѣ близъ Дерпта въ Оберъ-Паленѣ, такъ какъ отъ прежняго богатства остались лишь жалкія крохи. Только по своемъ воцареніи Павелъ, по неожиданной вспышкѣ великодушія, сначала приблизилъ Бобринскаго къ себѣ, а затѣмъ чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ совершенно пересталъ имъ интересоваться, такъ что Бобринскій принужденъ былъ вернуться въ Эстляндію и окончательно сошелъ со сцены.

Во всей исторіи Бобринскаго знаменательно то, что Екатерина къ сыну проявляетъ глубокое безразличіе, ввѣряетъ его воспитаніе чужимъ людямъ, о нравственныхъ воздѣйствіяхъ на него вовсе не заботится и вскорѣ покидаетъ его на произволъ судьбы. По слухамъ, распространеннымъ при дворѣ Екатерины и подтверждаемымъ Ланжерономъ въ неизданной части его записокъ, отъ связи съ Григоріемъ Орловымъ были рождены еще и двѣ дочери—дѣвицы Алексѣевы; изъ нихъ одна была выдана за эстляндскаго барона Буксгевдена, а другая за нѣмецкаго поэта—генерала Клингера, директора I кадетскаго корпуса. Если преданія эти соотвѣтствуютъ истинѣ, то судьба дѣвицъ Алексѣевыхъ еще болѣе, чѣмъ Бобринскаго, изобличаетъ глубокое равнодушіе Екатерины къ своимъ отпрыскамъ — по крайней мѣрѣ нигде не видно, чтобы Екатерина когда-нибудь и въ чемъ-либо проявила интересъ къ дочерямъ.

Изъ этихъ фактовъ и догадокъ можно заключить, что природа совершенно обдѣлила Екатерину материнскою нѣжностью и сколько-нибудь самоотверженными привязанностями. На ряду съ чувственными порывами болѣе глубокія ея страсти и стремленія были всецѣло направлены въ сторону широкой общественной и политической дѣятельности и, весьма вѣроятно, Павелъ никогда не занялъ бы большого мѣста въ ея сердцѣ и въ томъ даже случаѣ, если бы рошшинская трагедія и ея послѣдствія не воздвигали между матерью и сыномъ непроходимой преграды.

Мы не станемъ распространяться здѣсь о почти полномъ отстраненіи Павла и Маріи Ѳедоровны отъ воспитанія не только ихъ сыновей Александра и Константина, но и дочерей, забранныхъ въ руки властною бабкою, словно она забыла ту горечь и негодование, какія и въ ней самой нѣкогда возбуждали дѣйствія Елизаветы Петровны, направленные къ отчужденію Екатерины отъ Павла. Такіе приемы уже, конечно, не могли способствовать улучшенію отношеній между цесаревичемъ и его матерью.

Еще пущій надрывъ въ эти отношенія должны были вносить частыя смѣны фаворитовъ. Къ «альковнымъ переворотамъ» Павелъ относился брезгливо; самъ онъ почти до конца жизни въ чувственную распущенность не впадалъ и любилъ распространяться о добродѣтели, что отвѣчало столько же его естественнымъ склонностямъ, сколько и условной внѣшности, ибо ему не чуждо было желаніе рисоваться и поражать умы контрастомъ, который вся его семейная обстановка представляла по сравненію съ распущенностью большого двора.

Очертивъ условія среды и внѣшняго существованія цесаревича, Моранъ входитъ въ разсмотрѣніе душевныхъ состояній, которыя вызывались въ великомъ князѣ различными переживаніями, такъ какъ жизнь человѣческая запечатлѣвается не столько въ фактахъ,

сколько таится въ нравственныхъ порывахъ, чувствованіяхъ и помыслахъ, вызываемыхъ внѣшними событіями.

Несомнѣнно, Павелъ далеко не обладалъ счастливою покладливостью, которую бы ничто не терзало и не выводило изъ равновѣсія. Напротивъ, онъ вѣчно изнемогалъ подъ бременемъ напастей, которыя на него обрушивались съ дѣтства,—совладать съ собою, мужаться и забрать себя въ руки онъ вовсе не былъ способенъ, хотя въ письмахъ къ Сакену и распространяется о необходимости возвышаться надъ житейскими дрязгами и не давать имъ возобладать надъ собственною личностію. Павелъ вообще не прочь похвалиться тѣмъ, что онъ будто бы позналъ истину и обладаетъ возвышенными взглядами на то, что составляетъ истую сущность духовной красоты и блага; собственное душевное величіе и ничтожество внѣшней жизни повергаютъ цесаревича подчасъ въ смущеніе, и онъ недоумѣваетъ, какая сила мѣшаетъ ему согласовать недостойные его поступки съ благими помыслами. Великій князь, склонный къ внезапнымъ и неизслѣдимымъ рѣшеніямъ, изъ-за пустяковъ впадавшій въ ярость, столь же часто сосредоточивался на размышленіяхъ надъ самимъ собою. Копаюсь въ глубокихъ тайникахъ совѣсти, онъ охотно кается въ заблужденіяхъ и промахахъ, но его смиреніе исчезаетъ, разъ онъ начинаетъ анализировать сокровенныя свои чувствованія: тутъ онъ не устаетъ дивиться на себя самого, такъ какъ его совѣсть составляетъ его гордость, и съ нею онъ ссориться не хочетъ.

Далеко не будучи свободнымъ мыслителемъ, Павелъ проникнуть религиознымъ чувствомъ и проявляетъ способность къ мистическимъ восторгамъ. Извѣстно, напр., что у кіота, гдѣ онъ постоянно молился, доски на полу были протерты его частыми колѣнопрклоненіями.

Склонный къ суевѣріямъ и выводамъ изъ всякихъ пустяковъ таинственныхъ знаменій и предсказаній, Павелъ уже въ силу своего экзальтированнаго воображенія былъ предназначенъ къ мутнымъ увлеченіямъ теософіею. Два философа-мистика—Лафатеръ и Сенъ-Мартенъ—произвели на Павла Петровича потрясающее впечатлѣніе. Съ Лафатеромъ великій князь познакомился въ Швейцаріи. Лафатеръ, какъ извѣстно, всей своей жизни придалъ религиозное направленіе. Онъ носилъ въ себѣ животворящую идею Христа и не представлялъ себѣ, чтобы человѣкъ могъ жить и дышать, не будучи христіаниномъ. Въ каждомъ міровомъ событіи Лафатеръ усматривалъ проявленіе личнаго вмѣшательства Творца. Физиогномистъ-теологъ, онъ пытался въ каждой человѣческой личности изслѣдить отблескъ Божества и, по его убѣжденію, человѣчество рано или поздно въ физическомъ и нравственномъ отношеніи должно претвориться въ совершенное подобіе Божества. Эти разсужденія Павелъ выслушивалъ съ тѣмъ большею жадностію, что они удовлетворяли его

внутреннее самосознание. Неудивительно, что и по возвращении въ Россію великій князь усердно переписывался съ Лафатеромъ, отзываясь о немъ, какъ о «почтенномъ пастырѣ и другѣ человѣческаго рода», а тотъ, въ свою очередь, своему высокому другу дѣлалъ письменныя внушенія и не оставлялъ его духовными наставленіями. Что касается Сенъ - Мартена, «этой чистой и мягкой души, совершавшей дивныя вторженія въ неопредѣленность и пронизывавшей молніями сумерки сознанія», — то Кошелевъ, познакомившись съ нимъ въ Лондонѣ, ввелъ его къ матери Маріи Ѳеодоровны, и та настолько подпала его вліянію, что Монтбельяръ превратился въ очагъ мистицизма.

Раціонализмъ и философія сенсуализма, получившіе въ Европѣ благодаря энциклопедистамъ господство надъ умами, мало, однакоже, удовлетворяли естественные въ человѣчествѣ порывы къ невѣдомому и въ видѣ реакціи не замедлили вызвать мистическое теченіе. Ученія Сведенборга, кудесничества графа Сенъ-Жермена, Казановы, Месмера и графа Калиостро, заинтересовывали Петербургъ, наравнѣ съ другими столицами. Увлеченіе таинственнымъ и чудеснымъ превратилось въ какую-то манію при европейскихъ дворахъ: король шведскій питался мистическими мечтаніями и окружалъ себя духовидцами; его братъ, герцогъ Зюдерманландскій, отправлялся по ночамъ въ лѣсныя дебри и вызывалъ тамъ духовъ; король прусскій Фридрихъ - Вильгельмъ, поддавъ вліянію Вольнера и Бишофсвердера, присоединился къ масонскому ордену, принявъ наименованіе брата Ормезуса, и съ увлеченіемъ занимался кабалистикой. На этой почвѣ между нимъ и Павломъ Петровичемъ особенно оживилась переписка, такъ какъ великій князь живо интересовался ученіемъ масоновъ, ихъ «работами» и сочиненіями. Былъ ли цесаревичъ формально присоединенъ къ ордену и принималъ ли онъ непосредственное участіе въ масонскихъ собраніяхъ, о томъ достовѣрныя свѣдѣнія отсутствуютъ, хотя въ этомъ смыслѣ утвердительно высказываются Ѳедоръ Головкинъ въ своихъ мемуарахъ, и донесенія французскихъ дипломатовъ той эпохи. Во всякомъ случаѣ, несмотря на выражавшіяся великимъ княземъ симпатіи къ мартинистамъ, его смущалъ вопросъ, не преслѣдуютъ ли благочестивые союзы, на ряду съ мистическими тенденціями, и политическія и не имѣютъ ли они сокровенною цѣлью подготовить народное движеніе противъ державной власти. По вступленіи на престолъ, въ ревнивомъ охраненіи власти ото всякихъ посягательствъ, Павелъ совершенно охладѣлъ къ мартинистамъ, такъ какъ ему уже всюду мерещились революціонные замыслы. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Морана, знаменателенъ тотъ фактъ, что въ Россіи именно Павелъ Петровичъ выступилъ однимъ изъ первыхъ противниковъ раціонализма, увлеченный тѣмъ же мистическимъ теченіемъ, которое послѣ революціонной бури и владычества

Наполеона въ эпоху освободительныхъ войнъ столь властно сказалося на Александрѣ I и избранномъ русскомъ обществѣ.

Тѣ же поиски за возвышенной нравственною красотою воплощаются у великаго князя и въ стремленіяхъ къ обоготворенію любовнаго чувства. Именно въ ту самую пору своей жизни (около 35 лѣтъ), когда Павелъ начинаетъ отдаваться религіозному экстазу, онъ испытываетъ жажду къ опьяненію платонической любовью; послѣдняя рисуется ему въ видѣ неизъяснимыхъ влеченій сладостной нѣжности. Въ теченіе предшествовавшей жизни не проявлявшій ни особенной чувственности, ни пылкости, Павелъ Петровичъ вполне удовлетворялся покойнымъ и ровнымъ чувствомъ, какое вносила въ его семейный обиходъ уравновѣшенная натура Маріи Ѳедоровны; но въ зрѣлые годы это чувство притупилось и перестало говорить его сердцу. Увлеченіе, которымъ Павелъ восплалялъ къ Е. И. Нелидовой, сводилось къ возвышеннымъ душевнымъ порывамъ, не нуждавшимся въ чувственныхъ проявленіяхъ, и, весьма вѣроятно, не пошло далѣе отвлеченнаго платонизма.

Екатерина Ивановна Нелидова, родившаяся въ небогатой помѣщичьей семьѣ, въ раннемъ дѣтствѣ была отдана въ Смольный монастырь, и здѣсь миниатюрная брюнетка съ неправильнымъ оживленнымъ личикомъ и сіяющими глазками снискала всеобщее расположеніе своею самобытною, живостью и остроуміемъ. Высочайшее вниманіе Нелидова привлекла искусствомъ въ танцахъ, участвуя въ институтскихъ мѳологическихъ и пасторальныхъ операхъ. Удостоенная званія фрейлины, Нелидова была назначена состоять сначала при великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а затѣмъ при Маріи Ѳедоровнѣ, которую и сопровождала въ заграничномъ путешествіи. Въ 1782 г. между великимъ княземъ и Нелидовой уже завязалась тѣсная дружба. Будучи близкою свидѣтельницею несправедливостей и придирокъ, какимъ великій князь подвергался отъ матери, Е. И. Нелидова была растрогана тягостностью его положенія. Поддержать великаго князя въ переживаемыхъ испытаніяхъ, скрасить ему жизнь искреннею и самоотверженною дружбою, смягчить шероховатости его характера и внести миръ въ мятущуюся его душу—такую цѣль поставила себѣ Нелидова. По мѣрѣ того, какъ отношенія фрейлины къ великому князю принимали все большую интимность, языки досужихъ сплетниковъ развязывались, и въ обращеніе проникли слухи, совершенно искажавшіе характеръ этихъ отношеній. Отраженіе эти сплетни нашли въ донесеніяхъ французскаго дипломата Женэ, но тамъ краски наложены слишкомъ густо и не вяжутся съ истиною, а рассказъ Саблукова о кинутой вдогонку великому князю туфлѣ безъ натяжекъ можетъ быть принятъ и за невинную шалость. Гораздо вѣроподобнѣе отзывы Головкина и Чарторыйскаго, рѣшительно высказывающихся за платонизмъ въ отношеніяхъ между великимъ княземъ и его пассіею; подтвержденіе этому же взгляду

можно найти въ изобиліи въ опубликованныхъ письмахъ Е. И. Нелидовой къ Павлу. Такъ, напр., она ему пишетъ: «Развѣ я въ васъ вижу мужчину? Клянусь вамъ, я этого даже и не замѣчала вовсе: съ тѣхъ поръ, какъ я привязалась къ вамъ, я смотрю на васъ, словно на сестру». Въ свою очередь, и Павелъ Петровичъ въ письмѣ, предназначавшемся для императрицы Екатерины и написанномъ во время болѣзни, какъ бы въ видѣ завѣщанія, высказывается насчетъ своихъ отношеній къ Нелидовой вполнѣ опредѣлительно: «Лукавство людей, возомнившихъ себя моими судьями, придало ложное толкованіе той дружеской связи, которая образовалась между мною и госпожою Нелидовою. Клянусь предъ судомъ Всевышняго, передъ которымъ мы всѣ предстанемъ, что наша совѣсть не имѣетъ ни въ чемъ себя упрекнуть. Торжественно клянусь въ этомъ всѣмъ святымъ и свидѣтельствую, что мы соединены нѣжною и священною дружбою, но совершенно невинною и чистою».

Великій князь и Нелидова, повидимому, только обмѣнивались душеспасительными книгами, молились вмѣстѣ и поощряли другъ друга къ благимъ дѣяніямъ. Слѣдуя примѣру героевъ Ж. Ж. Руссо, они стремились развивать въ себѣ добродѣтельность даже дружескими ласками, а во взаимныхъ письменныхъ изліяніяхъ рѣчи велись преимущественно о безконечности, Богѣ и небесахъ. Этотъ пылъ добродѣтельности, эти трансцендентальныя стремленія и чувствительныя мечтанія составляли видоизмѣненіе тѣхъ высшихъ порывовъ, какіе у великаго князя проявлялись и въ химерическихъ и религіозно-мистическихъ восторгахъ. При нервной экзальтаціи Павла, присущая зауряднымъ людямъ умѣренность любовнаго и религіознаго чувства казалась ему слишкомъ ничтожною и прѣсною, тогда какъ полеты въ эмпирию, горделиво имъ лелѣемые, возбуждаютъ въ цесаревичѣ умственное опьянѣніе и забвеніе велѣній трезвеннаго нравственнаго долга.

Ухаживаніе Павла за Нелидовою вначалѣ возбуждало въ великой княгинѣ тѣмъ большія опасенія за безопасность семейнаго очага, что отношенія между супругами охладѣли, и великій князь въ обращеніи къ супругѣ началъ усваивать поведительный и грубый тонъ, а подчасъ позволялъ себѣ даже явно оскорбительныя выходки, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ. Переживая въ 1792 году беременность, великая княгиня въ своихъ опасеніяхъ зашла такъ далеко, что заподозрѣла Нелидову во враждебности и преслѣдованіи плановъ сдѣлаться второю Ментенонъ.

Недоброжелательность, на которую Нелидова наталкивалась въ ближайшемъ антуражѣ великокняжеской четы, а особенно со стороны воспитательницы великокняжескихъ дѣтей г-жи фонъ-Бенкендорфъ, побудили фрейлину отказаться отъ опрометчиво на себя принятой миссіи Эгеріи. Вслѣдъ за тяжелой, разыгравшейся между великимъ княземъ и его супругою, сценою, подробно рассказанною

Бенкендорфомъ ¹⁾, и ядовитою статьею, появившеюся въ «*Moniteurs Universel*», отъ 24 апрѣля 1792 г., Е. И. Нелидова, несмотря на продолжительныя упрашиванія не дѣлать этого, отказалась въ 1793 г. отъ званія фрейлины и переехала на жительство въ Смольный институтъ. При оставленіи придворной службы она получила въ приданое отъ императрицы 4.000 рублей и небольшую пенсію, а отъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны 6.000 рублей. Съ особеннымъ упорствомъ отказывалась она отъ какихъ-либо вещественныхъ знаковъ благоволенія со стороны великаго князя, не желая примѣшивать къ дружескимъ чувствамъ денежныхъ расчетовъ.

По удаленіи Нелидовой, преобладающее вліяніе надъ великимъ княземъ приобрѣлъ Иванъ Кутайсовъ, турецкій выкрестъ, брадобрей, затѣмъ камердинеръ и, наконецъ, довѣренный фаворитъ Павла. «Одинъ Богъ знаетъ мои опасенія,—признавалась великая княгиня Плещееву. — Я трепещу за мужа. Онъ не умѣетъ создавать себѣ друзей и обреченъ на погибель, если не окружить себя преданными и вѣрными слугами. А между тѣмъ теперь ему усердно льстятъ и постыдными средствами вызываютъ въ его характерѣ тѣ ужасныя измѣненія, свидѣтелями которыхъ мы всѣ являемся». По настояніямъ своей матери, принцессы Вюртембергской, Марія Ѳеодоровна вскорѣ начинаетъ искать примиренія съ бывшею своею фрейлиною и сначала нерѣшительно, а потомъ и откровенно взываетъ къ ея содѣйствію. При посредствѣ Плещеева великая княгиня сознается Е. И. Нелидовой въ тягостности своего положенія, и въ ежедневныхъ униженіяхъ, какимъ подвергается отъ великаго князя; она обѣщаетъ Нелидовой неизмѣнную признательность, если та сумѣетъ восстановить доброе согласіе между великокняжескою четвою. Попытка Кутайсова и тутъ оттереть Нелидову отъ малаго двора, сблизивъ Павла съ Наталіею Веригиною, не удалась и въ началѣ царствованія Павла Е. И. Нелидова съ неустрашимою энергіею опять посвящаетъ всѣ свои силы на то, чтобы успокаивать Павла, умѣрять деспотическія его наклонности и не давать разыгрываться капризнымъ вспышкамъ его гнѣва, наводившимъ на окружающихъ трепетъ. Марія Ѳеодоровна теперь переписывается съ фавориткой ежедневно, обѣ онѣ относятся другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ, и всѣ ихъ заботы, печали и надежды самоотверженно сосредоточиваются на единственной цѣли—вліять благотворно, но незаметно на личность Павла. Противъ этого вліянія велись мелкія, но умѣлыя интриги ненавистнымъ и Маріи Ѳеодоровнѣ и Нелидовой Кутайсовымъ. Въ 1798 г. онъ-таки успѣлъ возбудить въ императорѣ интересъ къ кокетливой и далеко не щепетильной Аннѣ

¹⁾ D. de Benckendorff. La favorite d'un tsar—Catherine Nélidoff. Paris. 1902. Стр. 65—72.

Лопухиной и довелъ до благополучной развязки это сближеніе, познакомившее императора съ бурными чувственными порывами.

Увлеченіе Лопухиною оказалось несовмѣстимымъ съ дружбою къ Нелидовой, которая въ концѣ царствованія Павла окончательно сошла со свѣтской сцены, но поддерживаетъ близость къ вдовствующей императрицѣ по самую ея кончину и сама умираетъ въ преклонномъ возрастѣ, 82 лѣтъ, забытая всѣми тѣми, кто обязанъ ей былъ спасеніемъ въ тревожную эпоху царствованія Павла.

Въ 1796 г. императрицѣ Екатеринѣ исполнилось 70 лѣтъ. Въ такіе годы умъ обыкновенно утрачиваетъ живость, а сердце холодѣетъ, но Екатерина оставалась молодой, наперекоръ стихіямъ, и, на ряду съ сохранившеюся до старости доступностью сердечнымъ увлеченіямъ, носила въ себѣ обширнѣйшіе замыслы: на западѣ остановить поступательное движеніе французской республики и освободить отъ ея завоеваній Италію, на востокѣ—продолжать политику завоеваній и подчинить Россіи Персію. Императрица похвалялась въ письмахъ, что она весела и бодра, какъ зябликъ, и дѣйствительно ея здоровье мало поддавалось бремени ея годовъ. «Ея здоровый организмъ,—доносилъ отъ 8 апрѣля 1796 г. Фауэнтцинъ,—ея упорядоченная и однообразная жизнь обезпечиваютъ ей долготѣіе, но каждый годъ этого царствованія увеличитъ замѣшательства и затрудненія, съ которыми преемнику императрицы придется когда-нибудь посчитаться».

Внезапная кончина матери неожиданно развязала Павлу руки. На слѣдующій же день послѣ смерти Екатерины можно было наглядно убѣдиться, что наступила новая эра. Внезапно перемѣнилось все—прическа, одѣянія, занятія.

Въ нетерпѣливомъ желаніи явить въ должномъ свѣтѣ свое могущество и осуществить мечты о воздаяніи каждому по заслугамъ, которыя многіе годы зрѣли въ его больномъ мозгу, Павелъ въ первые же дни царствованія принялся наносить удары, огорошивавшіе и смущавшіе весь дворъ. Платонъ Зубовъ, «который имѣлъ видъ государя, лишившагося престола», былъ удаленъ въ подаренныя ему Екатериною литовскія имѣнія, а оттуда за границу, и въ Германіи «въ обществѣ дамъ съ легковѣсною добродѣтелью» искалъ разсѣянія своей меланхоліи. Николай Зубовъ, вмѣсто ожидаемой имъ ссылки, негаданно удостоился высочайшихъ милостей за то только, что первый сообщилъ Павлу о его воцареніи. Безбородко былъ оставленъ попрежнему во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и, благодаря щедротамъ новаго государя, могъ и дальше содержать цѣлый сераль наложницъ. Милости и опалы изливались внѣ предвидѣнія, такъ какъ въ теченіе царствованія матери Павелъ велъ записъ разнымъ случаямъ, которые привлекали особенное его вниманіе, и отмѣчалъ, кого ему наградить и кого наказать, когда онъ окажется у власти. Поэтому

теперь одни возвышались, а другіе падали за такія дѣла, самая память о которыхъ поросла забвеніемъ и которыя смутно припоминались даже тѣми, кто теперь за нихъ награждался или наказывался.

Проявлялъ порою Павелъ и порывы великодушія, а предъ жертвами гнѣва покойной родительницы не скупился на театральныя выраженія сожалѣнія. Польскаго плѣнника, генерала Костюшко, Павелъ самолично посѣтилъ и, объявивъ освобожденнымъ, назначилъ ему пенсію; королю Станиславу Понятовскому, впавшему у Екатерины въ немилость, Павелъ предложилъ роскошное гостепрѣимство въ своемъ дворцѣ, и тутъ же у Павла народилась мысль создать въ Петербургѣ неприкосновенное убѣжище для государей, обездоленныхъ революціею; особенно ему улыбалась мысль предоставить гостепрѣимство престарѣлому папѣ, владѣніямъ котораго тогда угрожалъ побѣдитель при Риволи и Мантуѣ.

Павелъ хватался за всякій предлогъ явить предъ міромъ величіе своей личности. Далеко несклонный къ воинственности, несмотря на любовь къ военному ремеслу, и рѣшительно враждебный политикѣ завоеваній, какую преслѣдовала Екатерина, Павелъ при самомъ восшествіи на престолъ заявилъ, что онъ страстный поборникъ мира и вовсе «не унаслѣдовалъ ссоръ матери»: гуманность повелѣвала ему облегчить тяготы народу, истощенному войнами предшествующаго царствованія; поэтому внутри имперіи онъ позаботится о насажденіи порядка и правосудія и этой задачѣ посвятить себя всецѣло; онъ откажетъ въ военной поддержкѣ Австріи, войска которой въ Италіи разбивались генералами директоріи, и, по примѣру своего друга и брата Фридриха-Вильгельма Прусскаго, станетъ по отношенію къ Французской республикѣ, ему ненавистной, но грозной, придерживаться строгаго нейтралитета.

Первыя же дѣянія Павла представили въ истинномъ свѣтѣ его откровенную и страстную гордость. Онъ съ приливами искренняго восторга любовался своею мудростью, гуманностью и благожелательствомъ и почиталъ себя за лучшаго изъ государей. Никто изъ помазанниковъ Божьихъ не былъ болѣе достоинъ, чѣмъ онъ, непосредственнаго общенія съ Всевышнимъ—отсюда у Павла явилась курьезная затѣя облечься въ священническія ризы и самолично священнодѣйствовать за обѣдней; впрочемъ, отъ этого его успѣли отговорить, сославшись на каноны восточной церкви, воспреещающіе священнодѣйствованіе служителямъ алтаря, вступившимъ во второй бракъ.

Новѣйшіе психіатры значительно расширили область своей науки включеніемъ въ нее тѣхъ промежуточныхъ типовъ между здоровыми и больными субъектами, которые именуются неврастениками и высшими дегенератами. Подъ влияніемъ наслѣдственно воспринятыхъ зародышей нервныхъ болѣзней, организація такихъ особей представляетъ пробѣлы, нарушающіе стройное отправление

тѣлесныхъ функцій. Такія особи не умѣютъ и не могутъ ни направлять съ должнымъ постоянствомъ своихъ помысловъ на достиженіе цѣлей, преслѣдуемыхъ сознательно, ни использовать въ достаточной мѣрѣ блестящія умственные способности, какія порою имъ достаются въ удѣлъ.

Совмѣщая прирожденныя незаурядныя дарованія съ коренною неспособностью дисциплинировать свой мозгъ, такія особи по справедливости заслуживаютъ наименованія чудаковъ и сумасбродовъ. Зачастую напраснымъ оказывается искать въ ихъ идеяхъ логики и причинной связи; роятся у нихъ мысли беспорядочно, ничѣмъ не направляемыя и не координируемыя въ порывистыхъ своихъ скачкахъ. Въ характерѣ такихъ особей отсутствуетъ стойкость, и онѣ внѣ предвидѣнія переходятъ отъ благодушія къ бурнымъ вспышкамъ, отъ упорства къ слабости, отъ нерѣшительности къ настойчивости. Такая же неуравновѣшенность сказывается и въ ихъ чувствахъ, проявляясь въ чрезмѣрной чувствительности, извращеніи наклонностей, въ беспорядочныхъ привязанностяхъ и необоснованной восторженности. Если у большей части дегенератовъ природные дефекты характеризуются только болѣе или мене явственною неуравновѣшенностью, то у иныхъ субъектовъ они выступаютъ болѣе рѣзко въ разнообразнѣйшихъ нервныхъ недугахъ, галлюцинаціяхъ, мономаніи, всевозможныхъ «фобіяхъ», навязчивыхъ представленіяхъ и внушеніяхъ. Эта характеристика, нарисованная извѣстнымъ невропатологомъ Маньяномъ, почти цѣликомъ возсоздаетъ неуравновѣшенную натуру Павла Петровича, невольно возбуждавшую у людей, къ нему близкихъ, постоянныя тревоги и сбывавшую всѣхъ съ толку неожиданностью настроеній и поступковъ, нарождавшихся у Павла подъ вліяніемъ самыхъ пустячныхъ аффектовъ.

Психиатрическая наука усматриваетъ въ дегенератахъ наслоеніе болѣзненныхъ наслѣдственныхъ видоизмѣненій. Такимъ образомъ, именно въ таинственныхъ законахъ наслѣдственности и родительскихъ свойствахъ слѣдуетъ искать элементы и секретъ чудодѣйствъ Павла.

Какіе же нервные недочеты могла привить своему сыну Екатерина—женщина завѣдомо сильная, здоровая, энергичная, разсудительная и обладавшая свѣтлымъ умомъ?

Несмотря, однакоже, на свои положительныя достоинства, и натура Екатерины представляла существенные недостатки. Она постоянно принуждена была себя сдерживать и наблюдать за собою; она была настолько порывиста и горяча, что Гриммъ сравниваетъ ее съ вулканомъ. Нельзя Екатерину обвинить въ томъ, чтобы она проявляла непослѣдовательность въ преслѣдованіи задачъ, но она и сама сознается, что представляетъ совершеннѣйшее олицетвореніе скачковъ съ пятое на десятое, и этимъ невольно заставляеть вспо-

мнить о присущихъ ей частыхъ смѣнахъ настроеній и о страстныхъ ея увлеченіяхъ и предубѣжденіяхъ, чередовавшихся съ быстро наступавшими разочарованіями. Еще рѣзче выступаетъ въ императрицѣ чувственность, служеніе которой въ болѣе чѣмъ зрѣломъ возрастѣ и въ границахъ, нарушавшихъ благоразуміе, несомнѣнно, намекаетъ на симптомы аномальности; на чувственную же надорванность указываетъ наблюдавшаяся у Екатерины съ 1774 г. болѣзненная нервность: обмороки, судорожные тики и иные признаки истеричности.

Еще болѣе тяжелое наслѣдіе долженъ былъ сыну передать Петръ III, вся личность котораго представляла собою уродливую гримасу. Этотъ дурно сложенный, чахлый трагическій шутъ, неудержимо отдававшійся алкоголизму и одержимый нелѣпнѣйшими мономаніями, зачастую впадалъ въ дикіе припадки безсильнаго бѣшенства.

При такомъ багажѣ наслѣдственныхъ изъяновъ вся умственная структура Павла отнюдь не могла служить прочнымъ залогомъ для развитія здоровой и сколько-нибудь уравновѣшенной личности. Въ дѣйствительности такъ оно и случилось. Дѣтство Павла сопровождалось тяжелыми болѣзнями, а иные изъ его современниковъ глухо намекаютъ даже на эпилептическіе припадки, которыми онъ будто бы страдалъ въ молодые годы. Страшныя впечатлѣнія 1762 г. на его натурѣ, предрасположенной къ нервнымъ страданіямъ, конечно, должны были отозваться потрясающе, и дѣйствительно съ юныхъ уже лѣтъ у него сказываются странности въ мышленіи, чувствованіяхъ и поведеніи, проявляется чрезмѣрное влеченіе къ одиночеству, предрасположеніе ко всему относиться съ мнительностью и замашка сопоставлять ничтожныя случайности и обстоятельства, придавая стеченію ихъ таинственную многознаменательность. Неоднократно и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, подъ собственнымъ домашнимъ кровомъ и во время заграничныхъ путешествій у Павла вдругъ нарастаетъ боязнь быть отравленнымъ, и этотъ страхъ доводитъ его до отчаянія. Болѣзненная его чуткость нерѣдко воплощается въ припадки страшнаго гнѣва. Вспышки смѣняются состояніемъ полной нервной подавленности, и независимо отъ реальныхъ обоснованій для этого онъ порою чувствуетъ себя безо всякой видимой причины— раздавленнымъ горечью бытія и переживаетъ острые приступы отчаянія и ипохондріи. Затѣмъ у великаго князя наступаютъ иныя проявленія нервной и духовной неуравновѣшенности. За собственнымъ самосознаніемъ, болѣзненно чуткимъ, Павелъ усваиваетъ огромную важность, и его беспорядочное воображеніе плодитъ химеры. Подпадая все болѣе подъ власть чувствительности и импульсивныхъ влеченій, онъ легко отдается беспорядочному энтузіазму, вспышкамъ набожности и мистическимъ восторгамъ; съ каждымъ годомъ мозговая сопротивляемость у него понижается и малѣйшее нравственное потрясеніе причиняетъ ему уже необычныя терзанія. Не-

ожиданная драма разыгрывается 6 ноября 1796 года, когда императрица внезапно умираетъ, и Павелъ, въ то утро терзавшійся мрачными предчувствіями, внезапное появленіе Зубова въ Павловскѣ принимаетъ за осуществленіе своихъ предчувствій; онъ въ тревогѣ заявляетъ Маріи Ѳедоровнѣ, что его тотчасъ же арестуютъ,—но страхъ смѣняется неистовою радостью при возвѣщеніи, что онъ отнынѣ непререкаемый самодержецъ и властитель могущественнѣйшей державы. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, извѣстіе это отъ радости и горя поразило Павла настолько, что онъ былъ внѣ себя. Потрясеніе было настолько сильно, что близкіе опасались, какъ бы императора не поразили апоплектическій ударъ и уговаривали его бросить кровь. Испытанная при данныхъ условіяхъ смѣна впечатлѣній окончательно надламываетъ у Павла духовное равновѣсіе, и въ потемненномъ его самосознаніи начинаютъ въ послѣдующее четырехлѣтіе все чаще разыгрываться бредовыя представленія.

Въ день погребенія останковъ Петра III и Екатерины II Орлову приказано было шествовать во главѣ кортежа, неся въ рукахъ корону своей жертвы. Это испытаніе падшій временщикъ перенесъ невозмутимо, выступая съ горделивою и спокойною непринужденностью. Императоръ металъ на него гнѣвные взоры, императрица была въ слезахъ, въ смущеніи великіе князья, весь дворъ и войска сопровождали кортежъ пѣшкомъ, несмотря на жестокій морозъ. Грандіозная и мрачная эта церемонія продлилась цѣлый день.

«Погребли Россію!» воскликнулъ одинъ изъ представителей дипломатическаго корпуса, возвращаясь съ двойныхъ похоронъ. Предсказаніе это не оправдалось. Россія, преисполненная животворныхъ силъ, была слишкомъ живуча, чтобы погибнуть, но въ теченіе четырехлѣтняго царствованія Павла ей пришлось пережить кризисъ довольно-таки отчаянный.

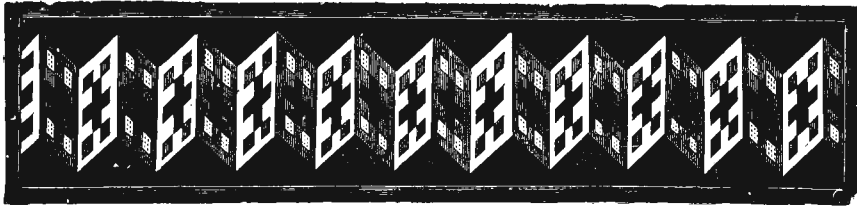
Павелъ заставилъ своихъ подданныхъ сурово искупить всѣ пережитыя имъ личныя страданія и униженія. Онъ привыкъ съ дѣтства не довѣрять людямъ, ненавидѣть ихъ и бояться. Нелюбимый матерью, видѣвшею въ сынѣ вѣчно недовольнаго оппонента, оскорбляемый пренебреженіемъ фаворитовъ, изъ коихъ иные были прикосновенны къ кровавой драмѣ 1762 г., преслѣдуемый мелочною тираніею вплоть до домашняго очага, оторванный отъ дѣтей, удаленный отъ управленія государственными дѣлами и обреченный на прозябаніе въ замкнутомъ кружкѣ приближенныхъ, поддерживавшихъ въ немъ сознаніе обиды и опасенія за безопасность, наслѣдникъ престола долгіе годы чувствовалъ себя скованнымъ во всѣхъ направленіяхъ грубымъ гнетомъ людей и событій, и вполне естественно его изстрадавшееся самолюбіе и мелочная гордость могли находить себѣ утѣшеніе только въ придумываніи потрясающаго отомщенія своимъ недругамъ. Вступивъ послѣ долгаго искуса стра-

даній на престоль, Павелъ не сумѣлъ ни стать выше уязвленной гордости, ни совладать съ собственною волею. Какъ всякое испытаніе въ прежней его жизни обращалось противъ него изъ-за дряблости характера, такъ и теперь, обладая всею полнотою власти, онъ не сумѣлъ съ нею справиться; единственная его сила заключалась въ его воображеніи, но наталкивала она его только на неосуществимыя фантазіи, въ родѣ возрожденія Мальтійскаго ордена, похода на Индію и т. п.

Этотъ маленькій человекъ, дурно сложенный и невзрачный, охотно драпировавшійся въ величіе, по выраженію Чарторыйскаго, изнемогалъ отъ потугъ проявить великое свое достоинство. Но всѣ эти вождельніи разбивались по той причинѣ, что носителемъ ихъ являлся жалкій и хрупкій клубокъ разстроенныхъ нервовъ, и трагизмъ существованія Павла въ томъ именно и сказался, что, несмотря на прямодушныя намѣренія, большую искренность, преклоненіе передъ идеалами благородства и рыцарскаго великодушія, безразсудныя вспышки гнѣва и неудержимость страстныхъ порывовъ вѣчно вовлекали его въ такіе поступки, что и по прошествіи сотни лѣтъ память о нихъ представляется нелѣпнымъ кошмаромъ.

Вл. фонъ-Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XV. Трактаты съ Франціей. 1822—1906. Спб. 1909. Цѣна 3 руб.

Одѣ этимъ заглавіемъ вышелъ XV томъ обширнаго историческаго труда, надъ которымъ тридцать пять лѣтъ работалъ профессоръ Мартенсъ. Его главная заслуга передъ наукой состоитъ не въ напечатаніи международныхъ документовъ, а въ приложеніи къ нимъ обстоятельной исторіи дипломатическихъ сношеній между Россіей и европейскими державами съ давнихъ временъ до эпохи Александра II. Эти любопытные очерки основаны на не обнародованныхъ архивныхъ источникахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и содержатъ въ себѣ четыре отдѣльныя серіи, касающіяся Австріи, Германіи, Англии и Франціи. Настоящій томъ завершаетъ послѣднюю серію, а слѣдующая часть будетъ относиться къ Оттоманской имперіи, что и послужитъ концомъ этого монументальнаго труда профессора Мартенса. Предисловіе къ XV тому и отрывокъ изъ его содержанія «Николай I

и Луи-Филиппъ» уже были напечатаны во французскихъ журналахъ въ прошломъ году и о нихъ своевременно упоминалось въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а потому нѣтъ надобности говорить о томъ же, т. е. о введеніи къ этому сочиненію и объ отношеніяхъ Россіи къ юльской монархіи въ первоначальную ея эпоху.

Историческій разсказъ Мартенса о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей начинается съ ноября 1819 г., такъ какъ первоначальное пребываніе Поццо ди Борго въ качествѣ русскаго посланника съ 1814 г. подробно разсказано въ XIV томѣ. Удостоенный званія посла послѣ вторичнаго возвра-

щенія на французскій престолъ Людовика XVIII, Поццо ди Борго во все время царствованія Бурбоновъ до 1830 г. «поддерживалъ необходимость крѣпкого и постоянного союза между Россіей и Франціей». Знаменитый русско-корсиканскій дипломатъ вѣрилъ въ тѣсное сплоченіе и пламенный патриотизмъ Франціи, а потому въ первой, помѣщенной въ XV томѣ, денешѣ писалъ своему государю: «Когда подумаешь абстрактнымъ образомъ о переворотахъ, потрясавшихъ эту страну, чувство разочарованія и отчаянія подсказываетъ мысль, что она обречена навсегда исчезнуть съ лица земли. Но, съ другой стороны, болѣе основательное размышленіе заставляетъ согласиться, что существуетъ какое-то начало сплоченія, которое, можетъ быть, ею самою не сознаваемое, сохраняетъ за нею національный характеръ, несмотря на раздоры и бѣдствія, могущіе постигнуть государство».

Въ продолженіе года (отъ 1820 г. до 1821 г.) политическое положеніе Франціи было спокойно, и Поццо ди Борго былъ особенно доволенъ вторымъ министерствомъ герцога Ришелье. Но вскорѣ, благодаря интригамъ брата короля, графа Артуа, фаворитки Людовика XVIII г-жи Кэйля и вообще всей партіи консервативной и клерикальной, Ришелье пришлось удалиться отъ власти, и Поццо ди Борго прямо называетъ эту интригу «самой подлой, когда-либо замышлявшейся въ Тюльерійскомъ дворцѣ». Первымъ министромъ сдѣлался графъ Вильель, къ которому посоль не питалъ ни малѣйшаго довѣрія или симпатіи. Въ слѣдующемъ году послѣдній съ величайшимъ удовольствіемъ участвовалъ на Веронскомъ конгрессѣ, гдѣ присутствовалъ Александръ I. Тутъ главнымъ образомъ было рѣшено державами умиротворить Испанію, т. е. уничтожить ея либеральныя пооползновенія и поручить военную экзекуцію въ этой странѣ—Франціи. Мало того, Поццо ди Борго было предписано отіраться въ Мадридъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла при испанскомъ королѣ, не оставляя своего посольства въ Парижѣ. Но эта миссія въ Испаніи продолжалась недолго, и, Мартенсъ считаетъ, что лежащая въ ея основѣ теорія права вмѣшательства во внутреннія дѣла чужихъ народовъ была пустая, фальшивая, отуманившая здравый смыслъ и скрывавшая возмутительный произволъ и грубое насиліе. Поццо ди Борго, умный и даровитый человѣкъ, въ сущности не могъ этого не понимать, а слѣдовательно, онъ не былъ въ пользу этой политики, хотя и обязанъ былъ ее поддерживать, по приказанію русскаго правительства. При первой же возможности въ 1830 г. онъ бросилъ ее, «какъ старую рухлядь», по выраженію г. Мартенса.

Что же касается конца царствованія Людовика XVIII, то корсиканско-русскій дипломатъ не скрывалъ отъ своего правительства глубокой неприязни къ его политикѣ и не щадилъ красокъ, чтобы выставить его правленіе въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Особенно же онъ направлялъ свои ядовитыя стрѣлы противъ тогдашняго министра Вильеля, котораго представлялъ властолюбивымъ и метильнымъ интриганомъ. Еще болѣе враждебно относился Поццо ди Борго къ Карлу X, наслѣдовавшему французскій престолъ послѣ смерти брата въ 1824 г., и къ новому премьеру, замѣнившему Вильеля, князю Полиньяку, «человѣку, по словамъ Поццо ди Борго, посредственному, самонадѣянному, набожному напоказъ, тщеславному и безпредѣльно жадному».

Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя политика этихъ обоихъ политическихъ дѣятелей была чревата революціями, катастрофами, явнымъ безсиліемъ и упадкомъ. Подробныя донесенія Поццо ди Борго объ обстоятельствахъ второй половины Бурбонской реставраціи—чрезвычайно интересны. Мартенсъ говоритъ, что, «читая донесенія этого замѣчательнаго русскаго посла, нельзя не проникнуться уваженіемъ къ его прозорливому и тонкому уму». Но Поццо ди Борго, обвиняя такимъ образомъ руководителей Франціи, однако считалъ, что «вина внутренняго неурядиства Франціи заключается въ установленіи тамъ парламентарнаго режима, который сдѣлался орудіемъ безпорядка». Хотя Поццо ди Борго выражалъ недовѣріе парламенту, но онъ признавалъ одинаково виновными въ бѣдственномъ положеніи Франціи клерикальныя конгрегации. Относительно же политики французскаго правительства, какъ русскій посоль, такъ и императоръ Николай, считали, что гарантіей дружественнаго союза Франціи съ Россіей служить французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Лаферронэ, бывшій посоль въ Петербургѣ, въ полномъ расположеніи котораго къ Россіи никто не сомнѣвался. Поэтому неожиданную отставку графа Лаферронэ, по причинѣ болѣзни, Поццо ди Борго называлъ: «страшнымъ ударомъ для Россіи». Хотя Полиньякъ на словахъ былъ очень любезенъ съ Россіей и ея представителемъ, но его зловредное вліяніе отражалось одинаково на Франціи и Россіи. По мѣткому выраженію графа Матушевича, онъ «никогда не встрѣчалъ другаго человѣка, который въ наикратчайшее время пресѣкъ бы столько добра и совершилъ бы столько зла».

Царствованіе Карла X кончилось замѣной конституціи ордонансами—«мысль совершенно сумасшедшая, и прямо ведущая къ гибели короля и династіи», по выраженію Поццо ди Борго. Словно насмѣшкой надъ этимъ несчастнымъ правительствомъ была его побѣда въ Алжирѣ въ послѣднее время своего существованія. Тѣмъ страннѣе казались эти алжирскія обстоятельства, что Николай I особенно сочувствовалъ французскому торжеству и рѣшилъ всѣми силами помогать Франціи въ этомъ отношеніи. О роковой судьбѣ Бурбонской монархіи Поццо ди-Борго, уже произведенный Николаемъ Павловичемъ въ русскіе графы, отзывался очень рѣзко: «Поведеніе короля, двора, министровъ и всѣхъ близкихъ къ нимъ лицъ—безразсудно и постыдно; еще никогда столь великіе интересы Франціи и Европы не были компрометированы съ столь упрямой слѣпотою, вопреки совѣтамъ и чувствамъ тѣхъ, которые заслуживали вниманія». Такимъ образомъ Карла X низвергнули съ престола и на его мѣсто королемъ былъ избранъ герцогъ Орлеанскій, Луи-Филиппъ.

О первыхъ годахъ царствованія Луи-Филиппа разсказано Мартенсомъ въ его статьѣ, напечатанной въ «*Révue des deux Mondes*», съ которой уже знакомы читатели «Историческаго Вѣстника». Поэтому упомянемъ только о дурныхъ отношеніяхъ Николая I съ Луи-Филиппомъ во все время его царствованія. Императоръ былъ такъ разгнѣванъ «узурпаторствомъ» послѣдняго, что всегда называлъ его «государемъ» (*Sire*), а не «братомъ», какъ принято между коронованными лицами, хотя, по выраженію Нессельроде, это названіе «государь» было оскорбительно для самого Николая I, такъ какъ оно употреблялось всѣми простыми смертными относительно короля. Что же касается

графа Поццо ди Борго, то онъ такъ настаивалъ на дружескомъ примиреніи императора съ Луи-Филиппомъ, что, по словамъ Мартенса, Николай Павловичъ никогда ему этого не простилъ и съ того времени относился къ нему очень несочувственно, а если еще нѣсколько лѣтъ терпѣлъ его въ Парижѣ, то лишь потому, что личный престижъ графа Поццо ди Борго имѣлъ внушительную силу и несомнѣнное обаяніе. Его политику поддерживалъ также и Нессельроде, который даже подаль подробную дипломатическую записку императору. Чувствуя такимъ образомъ еще свою силу, Поццо ди Борго продолжалъ дѣйствовать попрежнему и, несмотря на то, что самъ не очень любилъ Луи-Филиппа, онъ все-таки его всячески поддерживалъ, хотя Николай Павловичъ и остался при томъ мнѣніи, что все происходившее въ Парижѣ было во всѣхъ отношеніяхъ прискорбнымъ. О графѣ же Поццо ди Борго онъ постоянно повторялъ: «Я совсѣмъ имъ недоволенъ, ибо въ его донесеніяхъ онъ всегда себѣ противорѣчитъ и никогда ни въ какихъ отношеніяхъ я не вижу у него сильной воли». Мартенсъ считаетъ эти слова Николая I въ сущности несправедливыми, такъ какъ Поццо ди Борго былъ всегда самымъ рѣшительнымъ человѣкомъ, начиная съ его борьбы съ Наполеономъ до его отношеній къ Франціи при Луи-Филиппѣ. Однако въ 1834 г. императоръ настоялъ на удаленіи графа Поццо ди Борго изъ Парижа въ наказаніе за его слишкомъ большое пристрастіе къ Франціи, но чтобы не оскорбить его окончательно, онъ поручилъ ему посольство въ Лондонъ, оставленное Ливеномъ. Это перемѣщеніе чрезвычайно обидѣло графа Поццо ди-Борго, какъ русскаго и француза: въ Лондонѣ ему нисколько не нравилось, поэтому онъ вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился въ Парижѣ частнымъ человѣкомъ. Но онъ прожилъ недолго и умеръ въ 1842 г. Послѣ его смерти русское правительство поручило тогдашнему своему посольству въ Парижѣ отобрать отъ его наслѣдника всѣ бумаги, касавшіяся Россіи, но на это наслѣдникъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Преемникомъ Поццо ди Борго былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Паленъ, по словамъ злыхъ языковъ, «сынъ убійцы и посланникъ при сынѣ царубійцы». Онъ оказался совершенно инымъ политическимъ дѣятелемъ, чѣмъ его предшественникъ. Онъ исполнялъ въ точности волю императора Николая и, находясь при дворѣ Луи-Филиппа, избѣгалъ съ нимъ всякихъ близкихъ сношеній. Ничего любезнаго и предупредительнаго онъ не выражалъ ни королю, ни его министрамъ, ни самому французскому народу. Напротивъ, онъ чрезвычайно рѣзко относился къ каждому замѣчанію французовъ, казавшемуся ему неприятымъ для Россіи, на что Николай Павловичъ собственноручно подписалъ на поляхъ депеши: «Отлично поступилъ». Такимъ образомъ во все время пребыванія въ Парижѣ графа Палена и, во время его частыхъ отъѣздовъ, его замѣстителя графа Медема отношенія Россіи къ Франціи были самыя холодныя. Николай Павловичъ относился къ французскимъ министрамъ совершенно безцеремонно: такъ, онъ называлъ Тьера «свиньей», а поведеніе другихъ министровъ — «отвратительнымъ». Въ послѣднее время июльской монархіи отношенія между Россіей и Франціей были такъ неудовлетворительны, что въ Парижѣ и Петербургѣ находились не посланники, а просто повѣрен-

ные въ дѣлахъ: Киселевъ и баронъ Андрэ, замѣнившій посланника Баранта, котораго Николай I такъ высоко цѣнилъ, что спрашивалъ у Андрэ: «Когда же мы опять увидимъ Баранта?» Точно также императоръ въ сущности благоволилъ къ французской націи, почему въ концѣ 1846 г. былъ заключенъ между обѣими странами торговый трактатъ, несмотря на личное неудовольствіе Николая I противъ Луи-Филиппа.

Наконецъ, послѣ восемнадцатилѣтняго мирнаго царствованія, Луи-Филиппъ былъ свергнутъ съ престола, и вспыхнула февральская революція; Киселевъ остался въ Парижѣ на свой страхъ, что Николай I одобрилъ. Послѣ этого русскій повѣренный въ дѣлахъ отправился къ Ламартину, главѣ временнаго правительства, и былъ имъ принятъ чрезвычайно любезно. При этомъ увѣреннымъ тономъ онъ сказалъ представителю Россіи, что его, Ламартина, громаднымъ большинствомъ голосовъ непремѣнно выберутъ въ президенты французской республики. Однако, великому поэту пришлось покинуть государственную власть ранѣе выборовъ, такъ какъ послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней во главѣ правительства явился генералъ Кавеньякъ. Отношенія къ Россіи французскаго правительства тогда стали самыя предупредительныя, и, отъ имени французской республики, въ Петербургъ былъ посланъ генералъ Лефло. Онъ былъ принятъ чрезвычайно любезно императоромъ, который, по словамъ Нессельроде въ денешѣ Киселеву, «искренно поздравлялъ Кавеньяка съ успѣхомъ, столь славно одержаннымъ надъ анархической партіей, которая сражалась съ остервенѣніемъ, поддерживаемая самыми развратными страстями». Для иллюстраціи тогдашняго положенія дѣлъ въ Парижѣ слѣдуетъ замѣтить, что Ротшильдъ предложилъ Киселеву отъ имени французскаго министра финансовъ купить за 80 милліоновъ франковъ всѣ коронныя брилліанты Франціи, въ томъ числѣ знаменитый брилліантъ «Le regent». Киселевъ отнесся несочувственно къ этому предложенію, но все-таки увѣдомилъ о немъ русское правительство. Николай I на его денешѣ написалъ: «Это доставитъ большое удовольствіе князя Волконскому!» (министръ двора), но отклонилъ покушку.

Когда президентомъ республики выбранъ былъ принцъ Луи-Наполеонъ, то Киселевъ сказалъ Нессельроде, что «онъ является избранникомъ людей порядка и умѣренныхъ мыслей». Однако, посѣтивъ президента въ первый разъ, Киселеву не понравились его длинный носъ, низкій лобъ и маленькіе глаза. «Вообще его персона, — писалъ Киселевъ Нессельроде, — не заключаетъ въ себѣ ничего непріятнаго, но въ ней нѣтъ ничего выдающагося или умнаго. Вообще это ничтожный малый, который, кажется, не только не созданъ для крупныхъ дѣлъ, но даже для дѣлъ немногимъ выше обыкновенныхъ, ибо его умъ не знаетъ полета, а спокойствія и хладнокровія, которыхъ у него много, — недостаточно для великаго характера». Хотя Мартенсъ находитъ это мнѣніе Киселева не дѣлающимъ чести его уму и проницательности, но, въ сущности, всѣ крупныя умы Франціи того времени вполне раздѣляли мнѣніе русскаго посланника и отрицательно относились къ новому президенту. Какъ бы то ни было, Киселевъ полагалъ въ своей денешѣ, что для спокойствія и порядка въ Европѣ было бы желательно вторичное установленіе императорскаго режима. Это пожеланіе возбудило чрезвычайное неудовольствіе Николая Павловича, и онъ выразился, что «это не доказываетъ здравости ума».

Вообще Николай I былъ противъ намѣренія Луи-Наполеона объявить себя императоромъ, хотя и выразилъ въ Вѣнѣ въ 1852 г. французскому уполномоченному, барону Геккерну, что признавалъ огромныя заслуги принца Наполеона во время декабрьскаго переворота, и находилъ, что его положеніе было самое сильное и прекрасное, но измѣнить его въ существѣ или формѣ было бы для него опасно. Когда же въ концѣ года Луи-Наполеонъ, несмотря на всѣ совѣты Николая и уговоры Киселева, провозгласилъ себя императоромъ, то русскій императоръ закипѣлъ злобой и хотя выдалъ Киселеву вѣрительную грамоту о признаніи Наполеона III императоромъ, но назвалъ его въ этой грамотѣ не обычной формой «*Mi-mon Frère*», но «*Sire*» и «*bon ami*». Новый императоръ былъ такъ оскорбленъ этимъ выраженіемъ, что хотя и принялъ обидный документъ, но видно было, что онъ отмститъ Россіи при первомъ удобномъ случаѣ. Послѣдствіями этого были—Крымская война и Парижскій трактатъ. Что касается первой, то Мартенсъ не говоритъ о ней ни слова, но основательно рассказываетъ всѣ обстоятельства Парижскаго конгресса, на которомъ представителями отъ Россіи были графъ Орловъ и баронъ Бруновъ. Въ особенности авторъ обращаетъ вниманіе на Бомарзундскій вопросъ и на участіе Луи-Наполеона и графа Валевскаго, предсѣдателя конгресса, во всемъ, что касалось интересовъ Россіи.

Историческіе очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей оканчиваются Парижскимъ миромъ, а трактаты и конвенціи продолжаются до 1906 г. Вообще эти подлинныя документы занимаютъ болѣе половины громаднаго тома почтеннаго труда Мартенса, который самъ въ немъ помѣстилъ на французскомъ языкѣ историческіе очерки, переводъ которыхъ на русскій языкъ напечатанъ параллельно.

В. Т.

Записки о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея. Переводъ съ англійскаго Н. А. Бѣлозерской. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Стр. 159. Цѣна 2 рубля.

А. С. Суворинъ оказалъ существенную услугу всѣмъ русскимъ историкамъ и любителямъ родной старины, предпринявъ изданіе важнѣйшихъ изъ записокъ иностранцевъ о Московіи, въ русскомъ переводѣ и въ научной обработкѣ. Благодаря ему уже появились изданія Оларія и Мейербера, точно воспроизводяція не только ихъ текстъ, но и рисунки, которые были сдѣланы ими съ натуры и теперь воскрешаютъ передъ нами картины давно минувшей русской жизни. За Оларіемъ и Мейерберомъ послѣдовало изданіе записокъ Герберштейна и Флетчера, такъ долго бывшаго подъ запретомъ, наконецъ изданіемъ дневникомъ Корба захвачено было и Петровское время. Послѣдней новинкой въ этой серіи историческихъ трудовъ являются записки знаменитаго Горсея—одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Ивана IV и времени закулиснаго правленія Годунова при Феодорѣ Ивановичѣ.

Какъ извѣстно, Горсей прибылъ въ Россію въ 1572 г. въ качествѣ агента такъ вазывавшейся «русской компаніи англійскихъ купцовъ», жилъ здѣсь

въ Москвѣ и разныхъ сѣверныхъ городахъ около 18 лѣтъ и вернулся на родину въ 1591 году. Въ подлинникъ его записки впервые были напечатаны въ сокращенномъ видѣ Перчеромъ въ 1625—1626 г.г. Черезъ 170 лѣтъ лондонское Гаклюйтово общество перепечатало ихъ полностью по подлинной рукописи Горсея, хранящейся въ Британскомъ музеѣ.

Въ Россіи записки Горсея стали извѣстны черезъ три года послѣ изданія его рукописи Гаклюйтовымъ обществомъ: въ 1858 году появилась о немъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья Ю. В. Толстого. За обработку Горсея принялся было Н. И. Костомаровъ и въ 1865 году напечаталъ начало комментированнаго перевода его записокъ въ «Библіотекѣ для чтенія», но вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній съ редакціей этого журнала оно взялъ рукопись назадъ, и печатаніе остановилось. Лѣтъ черезъ восемь взялся за то же дѣло вышеупомянутый Толстой, но и его постигла неудача. Его переводъ записокъ Горсея печатался въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», но печатаніе остановилось на второмъ листѣ, и русская историческая наука опять осталась безъ полнаго перевода Горсея.

Теперь этотъ пробѣлъ восполненъ, и изданіе г. Суворина является первымъ у насъ дѣйствительно полнымъ переводомъ этого памятника. Сдѣланъ онъ той же переводчицей, которая трудилась надъ этимъ дѣломъ для Костомарова, и выпущенъ съ его предисловіемъ и тѣми примѣчаніями, которыя покойный ученый успѣлъ приготовить для «Библіотеки для чтенія». Съ своей стороны, издатель снабдилъ книгу обстоятельнымъ введеніемъ и двумя указателями собственныхъ именъ—личныхъ и географическихъ.

Горсей даетъ богатѣйшій запасъ любопытныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ за 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи прямо изъ первоисточника. Онъ многое видѣлъ самъ, а многое и слышалъ, будучи, по его словамъ, очень близкимъ лицомъ къ Борису Годунову. Этому до извѣстной степени можно и повѣрить, имѣя въ виду, что авторъ записокъ по порученію Годунова выманилъ изъ рижскаго замка вдову голштинскаго герцога Магнуса Марію Владимировну и привезъ ее въ Москву, гдѣ она и была заточена Годуновымъ въ монастырь. Подобное порученіе могло быть дано осторожнымъ Борисомъ только человѣку, дѣйствительно къ нему близкому.

Но хотя свѣдѣнія, сообщаемыя Горсеемъ, обстоятельны и, видимо, доносятъ до насъ отголоски тѣхъ рѣчей, которыя слышались въ то тревожное время на Руси, вполне довѣряться ему не слѣдуетъ. Мысленно путешествуя за нимъ по сѣверу тогдашней Россіи, чувствуешь себя на зыбкой почвѣ, проваливаешься тамъ, гдѣ считалъ себя въ безопасности, и встрѣчаешь твердую почву тамъ, гдѣ глазу представлялась трясина. Горсей, очевидно, не вполне свободно понималъ русский языкъ и нерѣдко перешутывалъ то, что ему приходилось слышать. Такъ, онъ увѣряетъ, что отецъ будущаго царя новой династіи патріархъ Филаретъ Никитичъ былъ женатъ на черкешенкѣ, бывшей въ услуженіи у сестры Бориса Годунова, тогда какъ извѣстно, что мать царя Михаила была Ксенія Ивановича Шестова. Очевидно, Горсей слышалъ, что сестра Романовыхъ была замужемъ за Черкасскимъ, и спуталъ имена и фамиліи. Царевичъ Иванъ Ивановичъ, по его словамъ, былъ женатъ на Наталіи Шере-

метевои, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ бракѣ съ Евдокіей Сабуровой. Рассказывая о послѣднихъ часахъ грознаго царя, Горсей передаетъ, что Иванъ сталъ разсматривать свои сокровища, перечисляя при этомъ свойства каждаго драгоценнаго камня. Едва ли онъ могъ слышать въ Москвѣ такія рѣчи, ибо въ нашихъ старинныхъ «лапидаріяхъ», толкующихъ свойства камней, имъ обыкновенно приписываются другія качества, чѣмъ тѣ, про которыя мы читаемъ у Горсея. Вѣрнѣе, что онъ тутъ далъ волю своей фантазіи. Примѣровъ такихъ уклоненій отъ истины можно набрать у Горсея еще нѣсколько, но необходимо въ то же время отмѣтить, что иной разъ въ его запискахъ попадаются свѣдѣнія, подтверждающія извѣстія, до сихъ поръ стоявшія одиноко. Такъ, напримѣръ, Горсей подробно сообщаетъ, какъ царь Иванъ затравилъ медвѣдями нѣсколькихъ неприятныхъ ему монаховъ, т. е. тотъ самый мрачный эпизодъ, о которомъ кратко говоритъ подъ 1575 г. и псковская лѣтопись.

Чтобы выдѣлить вполнѣ достовѣрныя извѣстія у Горсея и опредѣлить степень достовѣрности другихъ его рассказовъ, повадилось бы, конечно, дѣле изслѣдованіе, тѣмъ болѣе трудное, что Горсей, повидимому, о многомъ намѣренно умалчиваетъ. Взять хотя бы таинственный ночной визитъ къ нему въ Ярославлѣ Аенасія Нагого, дяди царевича Дмитрія, спустя дня три-четыре послѣ загадочныхъ событій въ Угличѣ. Чтобы опредѣлить удѣльный вѣсъ самого Горсея, слѣдовало бы, на нашъ взглядъ, поставить его на очную ставку съ его соотечественникомъ Боусомъ, который былъ въ Россіи одновременно съ нимъ и вполнѣ стаялъ его лютымъ врагомъ. Но, къ сожалѣнію, записокъ Боуса не существуетъ въ русскомъ переводѣ, да и извлеченіе изъ нихъ давнымъ-давно стало рѣдкостью. Можетъ быть, Боусъ помогъ бы разгадать то, что замалчиваетъ Горсей.

А. Б.

В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій родословникъ. Томъ первый. А—Д. Съ портретами. Кіевъ. 1908. Стр. 6+200+519. Ц. 3 р.

Хотя, съ легкой руки П. А. Кулиша, генеалогія малороссійскаго дворянства служила предметомъ разработки дѣлаго ряда изслѣдователей, трактовавшихъ и объ отдѣльныхъ фамиліяхъ и о малороссійскомъ дворянствѣ вообще, но дѣльнаго труда, въ которомъ были бы собраны данныя, по крайней мѣрѣ, о большинствѣ дворянскихъ малороссійскихъ фамилій и который далъ бы возможность съ точностью опредѣлить дѣйствительное происхожденіе отъ войсковой старшины многихъ малороссійскихъ дворянъ, стремившихся еще со второй половины XVIII в. связать себя съ польскимъ шляхетствомъ, до сихъ поръ въ печати не появлялось. Есть только труды извѣстнаго историка Старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго и графа Г. А. Милорадовича, но первый изъ нихъ говоритъ о дворянахъ извѣстной эпохи, а второй, хотя и собралъ воедино всѣхъ дворянъ Черниговской губерніи, но объ его трудѣ лучше умолчать. Такимъ образомъ, пробѣлъ въ указанной выше работѣ оставался пробѣломъ, и очень серьезнымъ, до послѣднихъ дней, когда появился въ свѣтъ «Малороссійскій родословникъ» В. Л. Модзалевскаго. Молодой еще генеалогъ,

имѣвшій возможность обследовать архивы: кievскій центральный, кievской археологической комиссіи, харьковскій историческій, черниговскаго и полтавскаго дворянскихъ депутатскихъ собраній, академіи наукъ, правительствующихъ сената и синода и др. и положившій въ основу своихъ работъ дѣла архива департамента герольдіи правительствующаго сената, В. Л. Модзалевскій рѣшился составить общій «Малороссійскій родословникъ», мѣсто которому любезно предложили на страницахъ своего «Архива» братья А. В. и Н. В. Стороженко. Появился пока первый томъ этого «Родословника», въ который вошли фамилии на буквы А — Д, въ количествѣ 59. Всѣ эти фамилии происходятъ отъ представителей малороссійской старшины и восходятъ къ XVII вѣку. Есть, правда, нѣсколько выдвинувшихся родовъ и въ болѣе позднее время, но только такихъ, которые дали видныхъ дѣятелей на томъ или другомъ поприщѣ исторіи. Въ своемъ изложеніи авторъ держится строго фактической почвы, избѣгая даже упоминанія о существующихъ фамиліальныхъ легендарныхъ преданіяхъ. Если же гдѣ и говоритъ объ этихъ преданіяхъ, то только для того, чтобы опровергнуть, какъ, напримѣръ, при разсказѣ о происхожденіи рода Гамалѣя отъ шляхтичей Высоцкихъ. Пользуясь сообщеніями и документами, присылаемыми ему современными представителями нѣкоторыхъ родовъ, онъ умѣло выбираетъ изъ нихъ необходимыя ему свѣдѣнія и не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ сообщаемомъ. Конечно, онъ не могъ исчерпать всѣхъ архивныхъ матеріаловъ и всѣхъ данныхъ изъ печатной литературы, и поэтому справедливо обращается къ современнымъ представителямъ малороссійскихъ дворянскихъ родовъ за имѣющимися у нихъ свѣдѣніями и матеріалами. Къ этому обращенію вполне присоединяюсь и я и думаю, что малороссійскіе дворяне сообщеніемъ свѣдѣній о позднѣйшихъ представителяхъ дворянскихъ родовъ, о которыхъ не имѣется данныхъ въ архивѣ департамента герольдіи, и присылкою ему для временнаго пользованія хранящихся у нихъ фамиліальныхъ документовъ оказали бы огромную пользу при составленіи «Малороссійскаго родословника», который, на мой взглядъ, является большимъ и важнымъ общимъ дѣломъ для всего малороссійскаго дворянства. Надо замѣтить при этомъ, что въ имѣющіяся у насъ печатныя родословныя книги малороссійскія фамиліи вошли въ очень незначительномъ количествѣ. И это очень понятно; авторы родословныхъ сборниковъ старались ввести и изъ великорусскихъ фамилій только наиболѣе древнія и знаменитыя въ исторіи. А общаго свиска дворянъ, о которомъ такъ заботился еще Петръ Великій и предписалъ его составленіе бывшей герольдмейстерской конторѣ, каковое предписаніе вошло и въ нынѣ дѣйствующій IX томъ, намъ не дожидаться никогда.

Вотъ почему особенно цѣнно для малороссійскаго дворянства предпринятое В. Л. Модзалевскимъ и поддержанное братьями Стороженко изданіе; вотъ почему оно заслуживаетъ наибольшей поддержки со стороны этого дворянства, весьма для него незатруднительной.

Высокому значенію самой идеи составленія общаго «Малороссійскаго родословника» соответствуетъ, на нашъ взглядъ, и его исполненіе трудолюбивымъ авторомъ, уже почти закончившимъ второй томъ «Родословника». Руководясь

только документальными данными, осторожный авторъ о первыхъ родоначальникахъ многихъ родовъ ограничивается сообщеніемъ слѣдующихъ словъ: «жилъ въ первой половинѣ» или «второй XVII вѣка». Но зато эти документальныя данныя, преимущественно метрики и послужные списки, старается использовать до конца. Не могу я тутъ воздержаться отъ одного маленькаго замѣчанія. Неужели можетъ представлять какой-либо интересъ сообщеніе въ родѣ того, на примѣръ, какое находимъ на страницѣ 500 — «восприемникъ Антонъ Іосифовъ». Увѣрю автора, что Іосифовъ не фамилія, какъ онъ пишетъ, а отчество, а фамилія въ копіи переписчикомъ опущена. Да и вообще упоминанія о неизвѣстныхъ восприемникахъ и восприемницахъ мнѣ кажутся въ общемъ «Родословникѣ» лишнимъ баластомъ. Въмѣсто этихъ упоминаній, сплошь и рядомъ ничего не говорящихъ, лучше было бы помѣстить лишнюю ссылку на печатный трудъ или архивъ и даже тѣмъ же шрифтомъ въ скобкахъ. Затѣмъ очень осторожно нужно относиться къ нашимъ копіямъ послужныхъ списковъ, чтобы не допустить сообщеній вродѣ имѣющагося на той же 500 страницѣ и на слѣдующей. Тамъ говорится, что Петръ Захарьевичъ Дыздаревъ въ декабрѣ 1801 г. былъ коллежскимъ секретаремъ, а въ 1805 г. онъ уже — «коллежскій ассесоръ»? и что Антонъ Павловичъ Дыздаревъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, при опредѣленіи на гражданскую службу произведенъ всего лишь въ «губернскіе секретари»? или на страницѣ 29 читаемъ: «20 марта 1815 г. коллежскій ассесоръ; 9 ноября 1815 г. — надворный совѣтникъ»? Это явная описка переписчика. Позволю еще сдѣлать одно маленькое замѣчаніе. Дабы не утруждать и себя и не увеличивать безъ надобности изданія, не лучше было бы вовсе не упоминать о такихъ незначительныхъ родахъ, какъ, на примѣръ, Буцкіе, Дворецкіе (при имени родоначальника послѣднихъ фамилія «Дворецкій» самимъ авторомъ оставлена подъ вопросомъ) и Деркачи, хотя они и восходятъ къ концу XVII вѣка?

Своими высказанными замѣчаніями я вовсе не желаю умалять значенія труда В. І. Модзалевскаго; я только хочу, чтобы онъ въ дальнѣйшихъ томахъ своего «Родословника» не подавалъ повода къ подобнымъ маленькимъ замѣчаніямъ. Я, напротивъ, думаю, что этотъ его трудъ, доведенный благополучно до конца, сослужитъ большую службу не только въ историко-генеалогической литературѣ, но въ исторической вообще, въ особенности при изученіи бытовой стороны жизни малороссійской старшины и ея потомковъ.

Въ заключеніе позволю себя назвать здѣсь тѣ фамиліи, о которыхъ авторъ сообщаетъ наиболѣе свѣдѣній. Это Бакуринскіе, Безбородки, Бороздны, Бутовичи, Велецкіе, Гамалѣи, Гнѣдичи, Гоголи-Яновскіе (наиболѣе полная изъ имѣющихся въ печати родословная нашего великаго писателя, опубликованная авторомъ еще года два тому назадъ въ «Трудахъ» полтавской архивной комиссіи, вып. I), Гудовичи, Дараганы, Дорошенки, Дунины-Борковскіе и др.

Въ текстѣ помѣщены девять искусно исполненныхъ фотографій-портретовъ: Андрея Яковлевича Безбородко, Евдокіи Михайловны Безбородко, рожд. Забѣла; свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородко, графа Ильи Андреевича Безбородко, Іосифа Ивановича Бороздны, Петра Ивановича Бо-

роздны, Василя Петровича Бороздны, Ивана Петровича Бороздны и преосвященнаго Юсифа Горленко.

Съ вѣтшной стороны изданіе выполнено превосходно, и ему остается только пожелать наибольшаго распространенія.

В. Рудаковъ.

**Романъ Дмовскій. Германія, Россія и польскій вопросъ.
Спб. 1909 года. Ц. 1 р. 50 к.**

Г. Дмовскій, недавно сложившій съ себя депутатскія полномочія, принадлежитъ къ виднымъ дѣятелямъ нашего времени. Онъ основалъ польскую демократически-народную партію, начавшую дѣйствовать съ 1896 года и получившую значительное преобладаніе въ царствѣ Польскомъ. Книга его интересна не личными взглядами автора, а партійными. Она своего рода программа, по которой разыгрывается новѣйшее польское движеніе и ознакомиться съ которой необходимо нашему образованному обществу. Послѣ крупнаго и роковаго пораженія, испытаннаго въ 1864 году, самые пылкіе поляки перестали готовить вооруженное возстаніе и возсозданіе польскаго королевства, пришлось примириться съ подчиненнымъ положеніемъ, которое судьба и политическая неспособность создали польскому народу и въ Россіи, и въ Австріи, и въ Германіи.

Послѣ 1864 года, по словамъ г. Дмовскаго, въ жизни польскаго общества наступила пора внутренней работы въ условіяхъ, во многомъ измѣнившихся. Эти новыя условія и сосредоточеніе народной энергіи вовнутрь стали источникомъ глубокаго переворота въ самомъ строѣ общества и его характерѣ. Главные моменты этого преображенія — перемѣщеніе центра тяжести народной жизни въ широкіе слои народа, включая сюда и пассивное прежде простонародье, подъемъ экономической энергіи населенія, ростъ просвѣщенія массъ, демократизація общества и развитіе національнаго сознанія въ сельскомъ сословіи. На почвѣ этихъ перемѣнъ въ польскомъ народѣ начинаетъ развиваться совершенно новая увѣренность въ своей собственной силѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая энергія, рѣзко отличающая младшія поколѣнія отъ старшихъ, отъ тѣхъ свидѣтелей и очевидцевъ послѣдняго разгрома, у которыхъ онъ отнялъ вѣру въ будущность и способность обосновывать политическіе расчеты на силахъ собственнаго народа. Уже въ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка въ польскомъ обществѣ начинаетъ отчетливо проявляться сознаніе, что народъ возрождается, что онъ не банкротъ, у котораго ничего больше нѣтъ, кромѣ прошлаго, но что передъ нимъ лежитъ новое будущее. Выработывается новое пониманіе польскаго вопроса, какъ борьба за существованіе, за право и національную обособленность и самостоятельность польскаго народа въ каждой изъ трехъ державъ отдѣльно. Констатируя, что эпоха возстаній и борьбы съ оружіемъ въ рукахъ за независимость окончательно миновала, что польскій вопросъ въ международномъ смыслѣ, какъ вопросъ возстановленія польскаго государства, нынѣ не существуетъ, польская публицистика предвѣщаетъ, что новый польскій вопросъ, ста-

новясь все болѣе острымъ и жгучимъ внутри каждой изъ трехъ державъ, близится этимъ путемъ къ новому выступленію на международную арену.

Если, однако, немислимо возсозданіе польскаго государства, возсоединеніе польскаго народа не можетъ облечься въ реальную форму и остается въ области мечтаній. Всеипольскій вопросъ сводится къ никѣмъ не оспариваемому праву поляковъ, разсѣянныхъ въ трехъ державахъ, чувствовать себя принадлежащими къ одному народу въ культурномъ и этнографическомъ, но не политическомъ смыслѣ слова, и къ стремленію никоимъ образомъ не сливаться съ народами-побѣдителями.

Совершенно понятно желаніе поляковъ сохранить свою національную особенность и всего труднѣе имъ отстаивать національную самостоятельность противъ бурнаго и культурно-сильнаго нѣмецкаго потока, зацѣпившаго не одну славянскую вѣтвь.

Г. Дмовскій преувеличиваетъ культурное значеніе Польши, говоря: германизация, въ смыслѣ естественнаго процесса поглощенія народа низшей культуры народомъ высшей, остановилась, германской культурѣ поляки противопоставили свою собственную, жизнеспособную и годную для состязательной борьбы. Въ конечномъ результатѣ мы все-таки должны ожидать, что польская цивилизация будетъ поглощена нѣмецкой.

У прусскаго правительства, говоритъ г. Дмовскій, осталось одно средство — искорененіе польской національности при помощи физическаго насилія. Акты такого насилія начинаютъ быстро слѣдовать одинъ за другимъ, все болѣе рѣзкіе и варварскіе въ своемъ характерѣ, все болѣе и болѣе противорѣча конституціонному строю государства и духу современной гражданственности. Преслѣдованіе польскаго языка въ школахъ, въ арміи, во многихъ мѣстностяхъ и въ церкви, пріобрѣтеніе покупкой польскихъ земель черезъ посредство колонизаціонной комиссіи, всѣ эти средства оказываются уже недостаточными, прусскія власти начинаютъ прибѣгать къ такимъ приемамъ, какъ запрещеніе почтъ доставлять письма съ адресами, написанными по-польски, и истязаніе въ школахъ польскихъ дѣтей за польскую молитву. Наконецъ, вѣнцомъ системы является законъ, воспреещающій говорить по-польски на публичныхъ собраніяхъ, и законъ о принудительномъ отчужденіи польской земли, актъ необычайной важности, подрывающій въ корнѣ правовой строй современнаго цивилизованнаго общества.

Вспомнимъ, что у насъ въ первой думѣ польское коло вмѣстѣ съ кадетами стояло за принудительное отчужденіе земель у русскихъ помѣщиковъ и считало такое насиліе вполне конституціоннымъ; когда же предпринимаютъ экспроприаціи у польскихъ помѣщиковъ въ пользу нѣмецкихъ крестьянъ, — такое мѣропріятіе подрываетъ правовой строй.

Прусское правительство, продолжаетъ авторъ, объявило войну четыремъ милліонамъ гражданъ, населяющихъ восточныя польскія провинціи Пруссіи, и обезпечило себѣ безспорный перевѣсъ при помощи вышеупомянутыхъ приемовъ насилія. Но война эта вовсе не обѣщаетъ закончиться въ ближайшемъ будущемъ. Не неизвѣстно еще, завершится ли она побѣдой правительства, ибо на ходъ борьбы могутъ оказать вліяніе грядущія перемѣны во внутреннемъ строѣ Пруссіи и въ международномъ положеніи Германской имперіи.

Думать, что прусское правительство может потерпѣть пораженіе отъ польскаго населенія, не значить ли это предаваться обольстительнымъ мечтамъ.

Само собою разумѣется, что Дмовскій не сочувствуетъ обрусительной политикѣ, вполне естественной, однако, съ точки зрѣнія русской государственности. Онъ признаетъ, что дѣятельность Муравьева во время послѣдняго возстанія и господствовавшая вслѣдъ затѣмъ въ теченіе сорока лѣтъ система безогляднаго подавленія польскаго элемента, опирающаяся на безчисленные исключительные законы и предписанія, навесли польскому характеру Западнаго края рѣшительный ударъ. Половина земли перешла въ русскія руки, поляки утратили свое положеніе единственнаго интеллигентнаго элемента въ краѣ. Теперь такихъ элементовъ три: польскій, еврейскій и русскій. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію автора, обрусительная политика приостановила почти на полвѣка культурное развитіе края и даже во многихъ отношеніяхъ повела къ регрессу его культуры, зато, дѣйствительно, подавила польскій элементъ.

Но Дмовскому, стоящему во главѣ партіи, называющей себя демократически-народовой, не слѣдуетъ забывать, что въ Западномъ краѣ литовское и малорусское крестьянское населеніе ненавидитъ польскихъ пановъ и что подавленіе аристократическаго польскаго элемента было вполне справедливымъ съ точки зрѣнія демократическаго начала.

Чего же собственно добивается г. Дмовскій и его партія? Онъ нѣсколько разъ упоминаетъ и настаиваетъ на автономіи для Польши, не опредѣляя ближе, въ чемъ заключается этотъ автономный строй и не приведетъ ли онъ къ отпаденію польскихъ губерній? А въ концѣ книги мы читаемъ слѣдующее:

«Польскій народъ не пересталъ быть единымъ народомъ, и моральныя узы, соединяющія отдѣльныя его части, становятся въ послѣднее время все тѣснѣе. Область духовной жизни, обнимающей весь народъ во всѣхъ частяхъ Польши, постепенно расширяется, и послѣднія десятилѣтія были періодомъ значительнаго прогресса въ духовной интеграціи народа. Этотъ народъ живетъ не только нынѣшней общей умственной жизнью, но и традиціями общаго прошлаго, и идеей будущаго политическаго единенія. Это вопросъ его моральнаго существованія, его совѣсти, вопросъ, касающійся исключительно его. Мы не можемъ признать за государствомъ права контролировать нашу совѣсть, ставить намъ требованія въ сферѣ нашей идейной жизни. Полякъ воленъ холить идею національнаго единенія и независимаго государственнаго существованія, какъ каждый гражданинъ той или иной монархіи воленъ быть въ своихъ убѣжденіяхъ республиканцемъ. Компетенція государства начинается тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не объ идеяхъ, а о реальныхъ стремленіяхъ. Если часть польскаго народа, принадлежащая къ данному государству, не стремится оторвать отъ него свой край, если она не дѣлаетъ изъ этого стремленія своей политической программы, отношеніе ея къ государству остается лояльнымъ, независимо отъ того, какими идеями она живетъ въ моральной сферѣ».

Приведенный отрывокъ поражаетъ преднамѣренной наивностью. Стоитъ ли доказывать, что всякій имѣетъ право носиться съ какими угодно идеями,

не проявляющимися ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ. Не выраженная мысль, хотя бы самаго преступнаго свойства, неумовима для жандарма. Въ началѣ своей книги Дмовскій увѣрялъ, что о независимомъ государственномъ существованіи никто изъ поляковъ не помыпляетъ, а затѣмъ онъ беретъ подъ защиту своихъ соотечественниковъ, мечтающихъ о возрожденіи польскаго королевства. Такъ какъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля нельзя подозрѣвать въ дѣйствительной наивности, невольно является мысль, что требуемая поляками автономія и есть первый шагъ къ независимому государственному существованію.

П. Б.

П. А. Заболотскій. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. I. Русская струя въ литературѣ сербскаго возрожденія. Варшава. 1909 г.

Тѣмъ, кто слѣдитъ за русскимъ славяновѣдніемъ, имя г. Заболотскаго извѣстно уже лѣтъ пять-шесть по небольшимъ замѣткамъ и корреспонденціямъ, разбѣяннымъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ. Настоящая книга это первая большая работа молодого ученаго, результатъ его трехлѣтней командировки въ славянскія земли. Какъ видно уже изъ заголовка, это только первый отдѣлъ перваго тома изслѣдованія, цѣль котораго прослѣдить русское вліяніе во всѣхъ славянскихъ литературахъ. Выпущенный теперь томъ касается Сербіи и представляетъ много любопытныхъ фактическихъ данныхъ изъ исторіи русско-сербскихъ отношеній.

Связь Сербіи и сербскаго просвѣщенія съ русскимъ открывается уже въ самомъ началѣ сербской литературной исторіи. Есть преданіе, что не кто иной, какъ русскій монахъ, указалъ св. Саввѣ, царю и первому духовному вождю сербства, тотъ путь, который сдѣлалъ изъ него первоучителя и просвѣтителя сербскаго народа, съ тѣхъ поръ русско-сербскія связи не прерывались никогда. Сербы въ тяжелые для Руси годы высылали къ намъ своихъ сыновъ; митрополитъ Кипріанъ, Пахомій Логоетъ, іеромонахъ Исаія—все это были сербы. Съ другой стороны, Русь не переставала помогать Сербіи книгами, дарами и щедрою милостынею, когда турки на Коссовомъ полѣ разорили сербское царство. То и дѣло заѣзжали въ Москву сербскіе паломники и просители. Турки очень косо смотрѣли на эти поѣздки и нерѣдко карали путешественниковъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Такъ, въ 1657 году былъ повѣщенъ ими ѣздившій въ Москву патріархъ Паисій за ожиданіе «пришествія царства русскихъ». Та же участь постигла и патріарха Гавріила Ранча, участвовавшаго въ московскомъ соборѣ по вопросу объ исправленіи книгъ. Но трудно было порвать связь духовную и уже совершенно невозможно было уничтожить связь кровнаго родства, заставлявшаго сербовъ искать себѣ поддержки въ далекой Россіи.

Со времянь Петра, когда и русская политика стала интересоваться своими соплеменниками, вводя ихъ въ кругъ своего вліянія и отчасти пользуясь ихъ услугами, связи эти еще окрѣпли. Милорадовичъ, Лукашевичъ, Рагузинскій открывали Петербургу глаза на далекую Черногорію и все сербство и, можетъ

быть, дальнорукій Петръ гениемъ своимъ уже провидѣлъ славянскую задачу Россіи, когда по просьбѣ сербовъ послалъ въ Карловцы для устройства сербской школы русскаго учителя Суворова, любопытная исторія котораго рассказана у насъ въ особой книгѣ П. А. Кулаковскимъ. Такимъ образомъ, сербская школа, по крайней мѣрѣ сколько-нибудь прочная постановка въ ней ученія, обязана русскому вліянію. Продолжателемъ дѣла Суворова явился русскій же, Козачинскій, стоявшій во главѣ духовной коллегіи въ Новомъ Садѣ. Изъ его школы вышелъ Раичъ, одинъ изъ выдающихся дѣятелей сербскаго возрожденія. Первыми школьными книгами сербовъ долгое время были только русскія руководства Теофана Прокоповича «Первое ученіе отрокамъ» и Смотрицкаго «Словенская грамматика». Наконецъ, когда въ 1758 г. въ Венеціи открылась первая типографія для печатанія сербскихъ книгъ, шрифтъ привезли изъ Россіи и отъ насъ же наняли для типографіи и особаго работника «човека Руса».

Весь первый періодъ сербскаго литературнаго возрожденія прошелъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ русскаго вліянія. Языкъ литературы того времени, такъ называемый славяно-сербскій языкъ, былъ до того близокъ къ русскому, что еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка державинскія стихотворенія перепечатывались въ журналахъ безъ всякихъ измѣненій и сходили за сербскія. Только со временъ реформы Вука Караджича сербская литература рѣзко повернула въ сторону народнаго языка, но и въ самомъ поворотѣ не обошлось безъ русскаго примѣра. На русскій авторитетъ ссылался въ своихъ преобразованіяхъ Вукъ; подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Пушкина творилъ свои произведенія Петръ II Нѣгошъ. Г. Заболотскій подробно изслѣдовалъ всю только зарождающуюся въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка сербскую литературу и, пересмотрѣвъ всѣ календари, альманахи и газеты того времени, далъ намъ въ своей книгѣ обстоятельный отчетъ о русскомъ на нихъ вліяніи.

Шло оно самыми разнообразными и иногда неожиданными путями. Такъ, съ Лермонтовской «Таманью» сербы познакомились черезъ нѣмецкое посредство. Русская книга съ большимъ трудомъ доходила до Сербіи, и многія свѣдѣнія о Россіи сербы брали изъ нѣмецкихъ источниковъ. Но ни трудность сношеній, ни австрійское противодѣйствіе русскому вліянію не могли погасить въ нихъ интереса къ Россіи. Онъ питался довольно высокимъ по тому времени славянскимъ самосознаніемъ сербовъ, помощью Россіи въ дѣлѣ сербскаго освобожденія отъ турокъ, ея могуществомъ, какъ единственнаго независимаго славянскаго государства, вѣрой и преданіями.

Еще въ 1787 г. архимандритъ Зеличъ, посѣтивъ по пути въ Москву Варшаву и получивъ аудіенцію у короля Станислава-Августа, писалъ въ своемъ дневникѣ, что онъ разговаривалъ съ королемъ по-русски, и просилъ своихъ читателей не удивляться, что король знаетъ русскій языкъ, такъ какъ между русскимъ и польскимъ языкомъ «мала разлика», ибо всѣ славяне—«један једини народъ». Стаматовичъ въ 30-хъ годахъ печаталъ въ своихъ альманахахъ, что «наибольшей святыней подъ небомъ и солнцемъ для сербовъ долженъ быть «языкъ славскій-сербско-русско-чесско-польско-краинско-рватско-

словачко са моравско-бугарско-сарабскій». Позднѣ, стоя на той же точкѣ зрѣнія, Ткалаць предлагалъ принять уже за общеславянскій языкъ русскій, мотивируя это его значеніемъ и литературной обработкой. Какъ глубоко было вкоренено въ сербовъ руссофильство, показываетъ въ особенности ихъ отношеніе къ русскимъ государямъ. Изъ статей, одѣ, поэмъ и драмъ о нихъ, помѣщенныхъ въ разныхъ сборникахъ и газетахъ, а также изданныхъ отдѣльно, можно было бы составить цѣлую Петриаду, Александриаду и Николиаду. Г. Заболотскій тщательно собралъ все, сюда относящееся, и здѣсь мы находимъ такія любопытныя вещи, какъ доселѣ нигдѣ еще не напечатанныя дубровницкая поэма о Петрѣ Великомъ и прутскомъ походѣ, или старинная драма С. Поповича «Смрть цара Николе». Россія представлялась сербамъ издали какимъ-то солнцемъ безъ пятенъ. Даже изъ писателей русскихъ они обращали вниманіе только на тѣхъ, чья лира была настроена на громкій патриотическій тонъ, на Ломоносова, Державина, Карамзина, а изъ Пушкина особенно любили «Клеветникамъ Россіи». Писатели-сатирики прошли мимо нихъ. Такое сентиментально-восторженное отношеніе, соединявшееся, впрочемъ, съ искренней вѣрой въ Россію, позднѣ, конечно, должно было привести къ нѣкоторому разочарованію, но этотъ періодъ уже выходитъ за рамки разбираемой книги. Разсмотрѣвъ въ послѣдней главѣ русское вліяніе на сербскихъ «писателей-будителей» Досвоя, Мушицкаго, Вука Караджича, Петра II и другихъ, г. Заболотскій заканчиваетъ свою книгу 1849 годомъ, послѣ котораго съ ростомъ литературнаго и политическаго развитія наступила для сербовъ и пора критическаго отношенія къ Россіи, неизбежнаго для того, чтобы вмѣсто поэтическихъ восторговъ и иллюзій явилась связь, основанная на сознаніи реальныхъ интересовъ и общности жизненныхъ задачъ.

Надо пожелать, чтобы не замедлили появиться другія части задуманнаго г. Заболотскимъ труда. Мы бы позволили себѣ высказать при этомъ одно замѣчаніе. Необходимо автору позаботиться о внѣшней сторонѣ книги: она написана языкомъ, совершенно неудобочитаемымъ. Не говоря уже о неправильностяхъ рѣчи, слогъ такъ запутанъ, періоды такъ длинны, что одолѣть книгу обыкновенному читателю трудно. Особенно любитъ авторъ условные періоды и употребляетъ ихъ сплошь и рядомъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого условія. Есть цѣлыя страницы, содержаніе которыхъ безъ всякаго ущерба могло бы быть умѣщено въ двухъ строкахъ. Жаль также, что авторъ разсматриваетъ сербскую литературу отдѣльно отъ хорватской: сербы и хорваты одинъ народъ и въ виду господствующихъ между ними отношеній особенно желательно было бы избѣгать всего, что устанавливаетъ — совершенно неправильно, впрочемъ, — ихъ раздѣленіе.

Все это не мѣшаетъ, конечно, книгѣ г. Заболотскаго быть важнымъ вкладомъ въ наше славяновѣдѣніе. Можетъ быть, еще болѣе важна эта книга для сербской литературы. Это не первый уже разъ русскій ученый оказываетъ серьезную помощь сербо-хорватскимъ изученіямъ. До появленія труда профессора Шурмина книга П. А. Кулаковскаго объ иллиризмѣ была единственнымъ научнымъ изслѣдованіемъ хорватскаго возрожденія. Г. Заболотскій первый освѣтилъ намъ теперь важныя черты изъ исторіи возрожденія сербскаго.

Трагедія о связяхъ сербской литературы съ русскою, книга г. Заболотскаго сама, такимъ образомъ, является новымъ закрѣпленіемъ связейъ русскаго народа съ сербствомъ.

Андрей Сиротининъ.

Н. П. Волынский. Жертвы войны. Трилогія изъ русско-японской войны 1904—1905 гг. Спб. 1909. Стр. 390. Ц. 2 р.

Подъ вышенприведеннымъ заглавіемъ авторъ даетъ романъ-хронику изъ прошедшей войны, которую предполагаетъ изложить въ трехъ частяхъ: I. Жертвы отступленія. II. Жертвы наступленія и III. Жертвы мира. Въ настоящее время вышла только первая часть—«Жертвы отступленія»—въ которой изложены военныя событія, въ коихъ авторъ участвовалъ, отъ блокады Портъ-Артура до сраженія при Ташичао, на которомъ кончается рассказъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ жизни героя.

Всякому наблюдателю весьма заманчива идея изложить ходъ событій, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или участникомъ, не въ сухомъ ихъ перечнѣ, а въ живыхъ образахъ и картинахъ, связанныхъ подчасъ вымысломъ, не искажающимъ истины, но, напротивъ, придающимъ жизнь и освѣщеніе общей картинѣ. Надо, однако, имѣть огромный талантъ и тонкую наблюдательность, чтобы выполнить удовлетворительно эту двойную задачу, подобно тому, какъ она выполнена, напримѣръ, Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ», гдѣ и серьезный историкъ, и любитель беллетристики равно находятъ для себя обильную пищу и наслажденіе, ибо картины Толстого живописуютъ самую жизнь, всю жизнь. Если же вышеуказанныхъ условій налицо не имѣется, то двойная задача такъ и остается раздвоенною: романъ идетъ самъ по себѣ, исторія сама по себѣ, не соединяясь, какъ въ картинѣ мастера, въ одно органическое цѣлое. Въ данномъ случаѣ авторъ, не задаваясь, вѣроятно, широкими цѣлями, просто принялъ ту форму рассказа, которая показалась ему наиболѣе удобною для изложенія тѣхъ моментовъ войны, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или участникомъ. Не прибавляя ничего особенно новаго къ массѣ печатнаго матеріала о прошедшей войнѣ, уже извѣстнаго нашей читающей публикѣ, авторъ даетъ, тѣмъ не менѣе, живую характеристику командному персоналу, офицерамъ и нижнимъ чинамъ, описываетъ настроеніе штабовъ и боевыхъ частей, передаетъ философскія разсужденія героя и его друзей о значеніи войны, причѣмъ ведетъ изложеніе живымъ разговорнымъ языкомъ, называя дѣйствующихъ лицъ по именамъ и лишь изрѣдка скрываетъ ихъ подъ прозрачными псевдонимами. Въ рассказѣ автора, между прочимъ, выясняется обиліе слуховъ и слуховъ, наполнившихъ собою не только штабы, но и боевыя части въ минуты бездѣйствія. Это явленіе объясняется громаднымъ составомъ штабовъ, неполноценныхъ небоевымъ элементомъ, что составляло обузу и язву арміи. Штабы намѣстника, командующаго арміей и начальниковъ различныхъ службъ въ тылу арміи были громадны и сидѣли безъ дѣла въ то время, какъ на позиціяхъ командовали подчасъ полками капитаны.

По этой исторической канвѣ проходитъ нѣжный и цѣломудренный романъ между герцогемъ и великосвѣтскою графиней, поѣхавшей на войну въ качествѣ

сестры милосердія и посвятившей себя уходу за ранеными. Обоихъ ихъ постигаетъ злая доля: онъ гибнетъ отъ руки хунхузвъ, она съ отчаянія бросается въ воду—жертвы войны.

Вообще, хроника-романъ не лишень литературныхъ достоинствъ, а нѣкоторыя картины и выведенные авторомъ типы жизненны и правдивы. Книга издана очень хорошо, по-любительски, снабжена планами, схемами и кроки и читается съ интересомъ.

Л. Н.

Князь Александръ Щербатовъ. Обновленная Россія. Москва. 1908. Стр. 135. Цѣна 50 коп.

Брошюра члена союза русскаго народа кн. А. Щербатова содержитъ планъ, или, точнѣе, перечень реформъ, долженствующихъ, по мнѣнію автора, возродить Россію. Въ основу всѣхъ политическихъ реформъ онъ кладетъ извѣстную славянофильскую формулу: правительству сила власти, народу сила мнѣнія. Поэтому князь Щербатовъ предлагаетъ прежде всего озаботиться созданіемъ въ Россіи общественнаго мнѣнія путемъ націонализаціи школы и печати. Это общественное мнѣніе должно проявляться черезъ земскій соборъ, который отнюдь не долженъ ограничивать верховной власти. Необходимо лишь сломить чиновничество, бюрократію и тѣмъ самымъ возстановить общеніе царя съ народомъ, всѣмъ сословіямъ котораго должно быть предоставлено право челобитья. Сословія князь считаетъ нужнымъ сохранить, видя въ нихъ бытовые, песконные пласты и какъ будто забывая, что они сравнительно недавно перенесены къ намъ съ Запада и введены въ интересахъ фиска. Служба государственная, по плану князя Щербатова, отдается сословію дворянскому; купечество ограждается отъ цвовѣрцевъ и иноплемениковъ, мѣщанство не нуждается ни въ какихъ преобразованіяхъ, а крестьянство остается при общинномъ владѣніи земель, изъ которой выкраиваются однако подворныя владѣнія. Фабрично-заводскіе рабочіе получаютъ сословныя права по примѣру мѣщанъ.

Такова въ общихъ чертахъ программа князя. Онъ не видитъ въ ней никакихъ противорѣчій, разрабатываетъ все мелкіе вопросы и разрабатываетъ ихъ иной разъ пренаивно. Такъ, ратуя за уничтоженіе урядниковъ и за увеличеніе числа становыхъ, онъ требуетъ, чтобы въ ихъ кадры ербовались лица, «умѣющія держать себя съ достоинствомъ, достаточно обезпеченныя». Ему какъ будто и въ голову не приходитъ вопросъ, да пойдетъ ли кто-нибудь изъ обезпеченныхъ и умѣющихъ держать себя съ достоинствомъ на эту должность, находящуюся въ полной зависимости отъ произвола мѣстнаго губернатора. Вообще князь Щербатовъ, жалуясь на расхищеніе царской власти чиновниками, въ то же время старательно обходитъ вопросъ о томъ, какъ гарантировать цѣлость этой власти на будущее время, какъ устроить прочный, а не мнимый контроль надъ дѣйствіями администраціи. Сила общественнаго мнѣнія, на которое онъ такъ надѣется, по временамъ ровно ничего не значитъ, и на стр. 29 князь самъ приводитъ тому примѣръ: «въ настоящее время, говоритъ онъ, несмотря на ясно выраженное народное негодованіе, виновники нашего государственнаго разложенія участвуютъ въ государственномъ управленіи». Тутъ

ужь не только «мнѣніе», но даже «негодование», а между тѣмъ — каковъ его практическій результатъ? Кто же поручится, что и при славянофильскихъ реформахъ сила общественнаго мнѣнія не будетъ сведена къ нулю?

Такъ въ жертву славянофильской идеологіи приносятся неотложныя нужды жизни и такія жертвоприношенія смѣло совершаются на каждой страницѣ брошюрки.

А. Б.

Т. Ганжулевичъ. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Стр. VII + 176. Спб. 1908. Цѣна 75 коп.

Ив. Смирновъ. «Заступники народные». И. С. Тургеневъ. Н. А. Некрасовъ. Стр. 273. Москва. 1908. Цѣна 1 р. 50 коп.

Книга г-жи Ганжулевичъ посвящена разсмотрѣнію «Записокъ охотника», выясненію ихъ общественнаго и художественнаго значенія, характеристикѣ взглядовъ Тургенева на народъ, на крѣпостное право. Этотъ же вопросъ разсматривается и въ книгѣ г. Смирнова, въ которой, кромѣ того, данъ еще очеркъ о Некрасовѣ, какъ «заступникѣ народномъ».

«Записки охотника» — одинъ изъ перловъ творчества Тургенева; кромѣ того, онѣ имѣли громадное историческое значеніе. Но, несмотря на это, нельзя сказать, чтобы это произведеніе было достаточно изучено. Въ виду этого мысль г-жи Ганжулевичъ и г. Смирнова подробно изслѣдовать съ разныхъ сторонъ «Записки охотника» должна быть названа удачною. Но приходится признать, что обѣ книги не внесли ничего новаго въ затронутый вопросъ.

Книга г. Смирнова преслѣдуетъ скромныя задачи, она рассчитана на широкую публику и имѣетъ цѣлью раскрыть міросозерцаніе «заступниковъ народныхъ», помочь разобраться въ ихъ произведеніяхъ. Въ этихъ предѣлахъ авторъ довольно удачно выполнилъ свою задачу. Онъ не сказалъ новаго въ области историко-литературной, но далъ вѣрное представленіе о взглядахъ на народъ Тургенева и Некрасова, объ общественномъ значеніи ихъ произведеній, посвященныхъ народу. Трудъ г. Смирнова не даетъ ничего для человѣка съ извѣстной литературной освѣдомленностью, но для широкой публики книга интересна и полезна.

Трудъ г-жи Ганжулевичъ претендуетъ на большее, авторомъ берется болѣе значительный масштабъ, здѣсь больше мыслей, чѣмъ у г. Смирнова, и онѣ глубже. Нѣсколько не лишены интереса замѣчанія дѣлаютъ книгу г-жу Ганжулевичъ болѣе интересной, чѣмъ книга г. Смирнова. Но все-таки трудъ г-жи Ганжулевичъ также не представляетъ ничего особенно цѣннаго.

Есть мысли въ книгѣ г-жи Ганжулевичъ, съ которыми никоимъ образомъ нельзя согласиться, особенно съ утвержденіемъ автора, что «никакой идеализаціи народа, о которой поговаривали нѣкоторые наши критики, мы не встрѣчаемъ въ народныхъ тишахъ Тургенева» (стр. 82). Тургеневъ видѣлъ лишь одно свѣтлое въ русскомъ мужикѣ, тѣней онъ не хотѣлъ замѣчать. Крѣпостной мужикъ вовсе не былъ въ своемъ большинствѣ такимъ, какимъ рисовалъ его Тургеневъ, много некультурнаго, низменнаго было въ мужикѣ, котораго отравляло крѣпостничество, развращающая обстановка «барства дикаго». Народ-

ные типы Тургенева — это первая фаза нашей народнической литературы. Нужно было показать, что мужикъ «человѣкъ», чтобы тронуть гуманныя струны общества, и мужикъ являлся въ идеализированномъ видѣ, безъ тѣней. Только потомъ, послѣ освобожденія крестьянъ, народническая литература стала рисовать мужика, какъ онъ есть: теперь нужно было показать, сколько въ мужикѣ темнаго, дикихъ предразсудковъ, невѣжества, чтобы побудить общество неустанно работать для духовнаго и экономическаго возрожденія народа, для того, чтобы мужикъ скорѣе освободился отъ оковъ темноты и духовнаго рабства.

Обнаруживается еще скудость историко-литературнаго багажа г-жи Ганжулевичъ: она сдѣлала рядъ ошибокъ чисто фактическаго характера, которыя указалъ М. О. Гершензонъ въ своей рецензiи на книгу въ «Вѣстникѣ Европы» (1908, кн. XI). Не будемъ повторять замѣчанiй М. О. Гершензона, но для характеристики ошибокъ автора приведемъ два примѣра. «40-е годы вообще были временемъ усиленнаго интереса къ народной жизни во всѣхъ литературахъ, — говоритъ авторъ. — «Дача на Рейнѣ» Ауэрбаха, произведенiя Жоржъ-Зандъ подняли этотъ интересъ». Здѣсь г-жа Ганжулевичъ обнаружила незнакомство съ иностранной литературой. «Дача на Рейнѣ» появилась не въ 40-е годы, а въ 1869 году. На стр. 82 авторъ говоритъ: «Литературные типы Тургенева въ предшествующей имъ русской литературѣ преемниковъ (по смыслу авторъ хочетъ сказать — предшественниковъ) не имѣли, если не считать небольшой разсказикъ Герцена «Сорока-воровка». Это произведенiе не было предшественникомъ «Записокъ охотника», такъ какъ появилось въ 1848 году, когда уже были напечатаны: «Хорь и Калинычъ», «Каратаевъ», «Ермолай и мельничиха», «Мой сосѣдъ Радиловъ», «Одноворецъ Овсянниковъ», «Льговъ», «Бурмистръ», «Коцгора».

То обстоятельство, что оба труда не внесли ничего новаго въ затронутый вопросъ, что въ книгѣ г-жи Ганжулевичъ есть недостатки, конечно, не препятствуетъ тому, чтобы назвать книги полезными: это первые у насъ труды, посвященные всецѣло подробному разсмотрѣнiю «Записокъ охотника». Въ общемъ книги эти даютъ вѣрное представленiе объ общественномъ значенiи этого произведенiя. Кромѣ того, оба труда проникнуты свѣтлыми, гуманными взглядами, горячей любовью къ Тургеневу, что не можетъ не повліять самымъ благотворнымъ образомъ на читателя.

А. Ф.

Собрание сочиненiй Александра Николаевича Веселовскаго. Изданiе отдѣленiя русскаго языка и словесности императорской академiи наукъ. Т. 3. Спб. 1908. Стр. 586. Ц. 3 р.

Отдѣленiе русскаго языка и словесности нашей академiи наукъ продолжаетъ свою неутомимую дѣятельность по изданiю трудовъ выдающихся нашихъ ученыхъ, входившихъ въ составъ академической корпорацiи. За изданiемъ сочиненiй покойнаго И. Н. Жданова послѣдовало изданiе трудовъ, оставшихся послѣ Сухомлинова, Буслаева, Васильевскаго и наконецъ

А. Н. Веселовскаго. Литературное наслѣдство послѣдняго такъ велико, что надѣе разборомъ и приведеніемъ его въ порядокъ работаетъ цѣлая комиссія изъ его учениковъ и почитателей. Всѣ труды, вышедшіе изъ-подъ пера этого славнаго ученаго, предполагается умѣстить въ 26 томахъ, которые составятъ восемь отдѣльныхъ серій, куда войдутъ работы однороднаго содержанія.

Пока вышелъ первый томъ второй серіи (по общему счету третій), въ который вошли работы А. Н. по итальянской литературѣ, написанныя имъ между 1859 и 1870 гг. Тутъ мы находимъ статью, посвященную разбору книги Гартвига Флото о Данте, вышедшей въ 1858 г., напечатанную въ 1859 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», статью изъ «Спб. Вѣдомостей» о Маккиавелли и итальянской новеллѣ, перепечатанную изъ «Вѣстника Европы» за 1866 г., весьма важную для изученія Данте статью «Данте и символическая поэзія католичества», нѣсколько мелкихъ работъ и наконецъ магистерскую диссертацию А. Н. «Вилла Альберта» съ относящимися къ ней приложеніями и рѣчью, произнесенной передъ ея защитой.

О значеніи ученыхъ трудовъ покойнаго академика едва ли есть надобность говорить здѣсь. Его огромная, подавляющая эрудиція и литературный талантъ доставили ему почетное мѣсто среди европейскихъ историковъ литературы. Съ годами углубляясь все дальше и дальше въ самые основные вопросы литературнаго творчества, Веселовскій требуетъ отъ своего читателя все большаго и большаго напряженія, давая ему цѣлыя груды матеріала, иногда даже недостаточно разработаннаго. Но это замѣчаніе относится лишь къ его позднѣйшимъ работамъ. Въ третій же томъ вошли статьи большею частью журнальныя, а потому дающія прекрасное и умственно возбуждающее чтеніе не только для записныхъ ученыхъ, но и для общеобразованныхъ читателей.

А. В.

Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемая подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Томъ XVIII. Вып. II и III. Спб. 1908.

Вышедшіе въ свѣтъ въ концѣ истекшаго года очередные выпуски «Записокъ», какъ всегда, даютъ богатый и разнообразный матеріалъ по восточновѣдѣнію. Содержаніе ихъ заключается въ статьяхъ: по османской письменности В. Смирнова—«Мнимый турецкій султанъ, именуемый у европейскихъ писателей XVI в. Calerinus Cyrisclebes (къ вопросу о происхожденіи и значеніи слова «челеби); по арабской письменности И. Крачковскаго—«Поэтическое творчество Абу-л-Атаһипъ» и К. Иностранцева—«Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи Сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья» и по маньчжурской письменности А. Дьякова—«Воспоминанія илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи 1864—1871 гг. въ Илійскомъ краѣ».

Статья о мнимомъ турецкомъ султанѣ Calerinus Cyrisclebes обнимаетъ смутную эпоху 1402—1413 гг., послѣ разгрома османскаго государства Тимуромъ. Сыновья султана Баязета I въ теченіе 10 лѣтъ ведутъ въ это время

жестокую борьбу за единогосподство; борьба заканчивается побѣдою младшаго брата Мухаммеда I. Установленіе связи и послѣдовательности событій этой эпохи является давно уже весьма затруднительною задачею европейских ученыхъ, благодаря запутанности и разнорѣчьямъ, которыя вносятся въ вопросъ византійскими и турецкими источниками. Затемнили вопросъ, въ свою очередь, и европейскіе писатели XVI и XVII столѣтій, создавъ въ числѣ сыновей Баязета не существовавшаго султана, по имени Calerpinus Curgiscelebes. Доказавъ тожество этихъ двухъ именъ съ словомъ «челеби», авторъ объясняетъ его какъ титулъ, который носили сыновья Баязета: Иса, Касимъ и Муса. Наибольшая часть труда посвящена авторомъ именно выясненію значенія этого загадочнаго, вызвавшаго цѣлую ученую литературу, слова «челеби». Производили его отъ старо-турецкаго слова «чалабъ» — Богъ и отъ арабскаго слова «сальбъ» — крестъ. По мнѣнію автора, слово челеби было весьма распространено у турокъ Малой Азіи, близко соприкасавшихся съ греками. Оно означало «образованный и обаятельный человѣкъ» и, какъ лестный эпитетъ, присваивалось членамъ царствующаго дома. Заимствовали это слово турки изъ Греціи въ началѣ XV столѣтія. Сыновьямъ Баязета титулъ челеби могъ легко быть присвоенъ турецкимъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ они подолгу жили въ центрѣ тогдашней византійской образованности — Константинополѣ, изучая эллинскую мудрость. Слово челеби перекинулось вполнѣдствіи и къ намъ въ Россію, оставаясь въ настоящее время въ широкомъ употребленіи въ формѣ прозвищъ-фамилій: Целепи, Целибѣевъ, Челибеевскій. Въ Крыму водится сортъ яблоковъ, носившій названіе челеби, только въ послѣдніе годы превратившееся въ целибу на языкѣ торговцевъ. По словамъ автора, еще въ 1875 г. въ Константинополѣ всѣхъ европейцевъ называли челеби, измѣнивъ теперь это названіе въ чорбаджи. По-адербейджански слово челеби означаетъ нѣжный сортъ грушъ (дюшесь).

Въ статьѣ о поэтическомъ творествѣ Абу-л-Аталиі (750—825 гг. нашей эры) И. Крачковскій затрогиваетъ исторію арабской поэзіи съ новой точки зрѣнія: возникновенія и эволюціи отдѣльных видовъ поэтическаго творчества и опредѣленія индивидуальности Абу, какъ одного изъ выдающихся представителей арабской поэзіи. Взглядъ ученыхъ на арабскую поэзію до сихъ поръ былъ исключительно утилитарный, какъ помощницы исторіи и филологіи. Новая точка зрѣнія открываетъ возможность въ будущемъ создать самостоятельно разработанную исторію арабской литературы. Нѣкоторыя произведенія Абу, полныя глубоко-философской мысли и ярко окрашенныя огнемъ восточной поэзіи, переведены сестрою автора статьи въ формѣ весьма удачныхъ стихотвореній.

А. Дьяковъ, въ предлагаемомъ имъ вниманію читателей переводѣ, передаетъ рассказъ сибинца-очевидца о мятежѣ 1864—1871 гг. въ Илійской области дунганъ и таранчей противъ властителей своихъ китайцевъ, мятежѣ, вызвавшемъ оккупацию русскими Илійской области. Воспоминанія сибинца представляютъ выдающійся научно-историческій интересъ, такъ какъ, по указанному вопросу, это единственное извѣстное на мавчжурскомъ языкѣ свидѣтельство о происходившихъ событіяхъ.

А. Мироновъ.

Труды владимирской ученой архивной комиссиі. Книга IX. Съ приложеніемъ 3 рисунковъ, 1 портрета и 1 плана. Владимиръ. 1908. Стр. 197+110+5+21+6+51+39. Ц. 2 р.

Главное содержаніе разсматриваемой IX книги «Трудовъ» владимирской ученой комиссиі составляютъ двѣ крупныя работы, изъ которыхъ одна принадлежитъ В. Г. Добронравову и носитъ заглавіе: «Благовѣщенскій мужской монастырь въ гор. Вязникахъ», а другая—М. И. Смирнову, подъ названіемъ: «Село Большая Брембола»,—обѣ основанныя, по преимуществу, на архивныхъ данныхъ. Описываемый В. Г. Добронравовымъ монастырь, несмотря на свою незначительность и отсутствіе какихъ-либо крупныя событій въ его исторіи, привлекъ вниманіе автора лишь тѣмъ, что на исторіи его «весьма замѣтно отражалось общее теченіе русской государственной и церковной жизни», и въ виду этого онъ съ рѣдкою тщательностью и точностью собралъ и описалъ все касающееся какъ несложной исторіи монастыря, такъ и въ особенности его современнаго состоянія, при чемъ болѣе подробно описаны: ризница, библіотека и архивъ. Въ «приложеніи» авторъ помѣстилъ до 23 грамотъ царскихъ и указовъ и два старинныхъ описанія монастыря.

М. И. Смирновъ также собралъ почти все имѣющіяся въ печати и архивахъ данныя о селѣ «Большая Брембола», которое первоначально было мерянскимъ поселеніемъ, затѣмъ великорусскимъ, состоявшимъ во владѣніи великаго князя, а съ начала XVII в. разныхъ помѣщиковъ. Теперь населеніе этого села полуземледѣльческое, полуфабричное, и достигаетъ 900 душъ обоюго пола. Говоря о Бремболѣ, какъ селѣ помѣщичьемъ, авторъ попутно сообщаетъ свѣдѣнія и о самихъ помѣщикахъ, причемъ наиболѣе полно о Чернцовыхъ, Хметевскихъ, Яновыхъ и Малово. Особымъ интересомъ отличается VI глава изслѣдованія М. И. Смирнова, гдѣ онъ говоритъ объ «обрядовыхъ особенностяхъ: овсей, свадебныхъ плачахъ, пѣсняхъ», и о современномъ бытѣ и занятіяхъ крестьянъ.

Изъ отдѣла «Смѣси» наше вниманіе обратили тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются о третьемъ владимирскомъ губернаторѣ Авдіи Николаевичѣ Супоневѣ А. В. Смирновымъ и А. П. Высокосовымъ. На основаніи дворянскаго дѣла о родѣ Супоневыхъ по Ярославской и Московской губерніи, хранящагося въ архивѣ департамента герольдіи, можно внести къ нимъ и нѣкоторыя дополненія и даже поправку къ сообщеніямъ г. Высокосова. Послѣдній полагаетъ, правда, очень осторожно, что отецъ губернатора Николай Авдіевичъ былъ лейбъ-компанцемъ и за возведеніе Елизаветы Петровны на престолъ получилъ имѣніе въ Угличскомъ уѣздѣ, и отсюда какъ бы начинается дворянство Супоневыхъ. На самомъ дѣлѣ имѣнія какъ въ Угличскомъ уѣздѣ, такъ и другихъ (Мышкинскомъ и Рыбинскомъ) получены въ приданое за женою Н. А. — Ольгою Петровною Григорьевою. Родъ же С., по документальнымъ даннымъ (шницовымъ костромскимъ книгамъ), восходитъ къ концу XVI ст. А въ описаніи ихъ герба, правда, не утвержденного, имѣется и такое не разъ повторяемое въ нашихъ родословныхъ преданіе, что родъ С. происходитъ отъ Генриха Супона, выѣхавшаго изъ Прусскаго королевства со

свитою къ Димитрію Іоанновичу Донскому, великому князю московскому. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1742 г., было только утверждено ранѣе перешедшее имѣніе къ дѣду губернатора Авдію Ивановичу, который уже въ 1740 г. былъ капитаномъ, а въ 1765 г. «пожалованъ» въ коллежскіе совѣтники.

Въ третьемъ отдѣлѣ книги—«Приложеніяхъ»—помѣщены два «отчета» комиссіи: одинъ за 1906 г., а другой за 1907 г.

В. Рудаковъ.

Профессоръ И. А. Шляпкинь. Возрасты человѣческой жизни. Изъ литературной исторіи человѣческихъ понятій. Съ рисунками. Спб. 1909. Стр. 39.

Работа профессора Шляпкина, которая посвящена вопросу о пониманіи возраста, какъ оно сложилось у народовъ Запада и въ Россіи, развита авторомъ изъ его рѣчи, произнесенной на актѣ археологическаго института. Тема эта съ древняго времени привлекала вниманіе человѣчества, и поэтому матеріалы для уясненія ея мы можемъ найти и въ произведеніяхъ народной поэзіи, и у авторовъ, и въ живописи и скульптурѣ. Въ своемъ трудѣ профессоръ Шляпкинь приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Первоначальное дѣленіе возрастовъ основано на числахъ 2—3. Древнѣйшія данныя языка указываютъ намъ, что при первомъ понятіи о счетѣ люди отмѣчаютъ два возраста—молодость и старость, въ параллель образамъ дня и ночи, утра и вечера, зимы и лѣта. Къ героямъ былиннаго эпоса постоянно прилагаются эпитеты «старъ» или «младъ», напримѣръ: «младъ Алеша Поповичъ», «молодой Соловей Будимировичъ», «старый казакъ Илья Муромецъ», «старчице каличице Иванице» и тому подобныя. Дѣленіе на три возраста встрѣчается въ пословицахъ, напримѣръ, «родился малъ, выросъ пьянъ, померъ старъ, а свѣту не видалъ».

Въ классической письменности преобладающимъ является дѣленіе жизни на 7 возрастовъ, по семи лѣтъ каждый, въ основу чего принимались физиологическіе признаки. Подъ влияніемъ византийской литературы это дѣленіе вошло и въ письменность славяно-русскую; впервые оно являється въ XI вѣкѣ. У семитовъ было дѣленіе на 10 возрастовъ, по 10 лѣтъ, которое перешло и къ германцамъ. Всѣ остальные дѣленія (4, 5, 6, 9, 12) были мало распространены.

Въ живописи и скульптурѣ возрасты человѣческой жизни очень часто изображались въ видѣ колеса или арки; такъ, нѣмецкій лубокъ, сложившійся окончательно въ XVI вѣкѣ, отмѣчаетъ 10 ступеней по 10 лѣтъ. Русскіе лубки это число 10 внесли въ свои седмицы, вѣроятно, въ XVIII вѣкѣ, а въ XIX приспособили его къ текущей жизни. По словамъ Ровинскаго, лубочная картина «Возрасты человѣческой» пользовалась большимъ почетомъ и распространеніемъ въ народѣ. На этой картинѣ были представлены въ лицахъ разныя ступени человѣческой жизни, раздѣленные на семь періодовъ: новорожденный, юноша, мужъ совершенъ, средовѣченъ, сѣдина, старость и окончаніе жизни.

Къ брошюрѣ профессора Шляпкина приложены снимки съ мраморныхъ инкрустацій въ соборѣ гор. Сиены, работы Antonio Frederighi (около 1475 года),

представляющие 7 человеческих возрастов и фотографии съ русских и нѣмецких лубковъ и картины англійскаго художника-символиста В. Крѣна — «Мостъ жизни».

В. Троицкій.

Справочникъ о русскихъ книгахъ гражданской печати, изданныхъ въ свѣтъ съ 1708 по 1855 годъ. Составилъ И. Сержпутовскій. Выпускъ I. А—Аллеръ. Спб. 1909. Стр. 80. Ц. 1 р.

Едва ли нужно говорить о пользѣ справочника, задуманнаго г. Сержпутовскимъ. Въ немъ давно нуждаются всѣ библиографы, собиратели книгъ и занимающіеся исторіей русской литературы. Въ настоящее время, чтобы навести справку о книгахъ, напечатанныхъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ, приходится обращаться къ разнымъ каталогамъ, книгоописаніямъ и другимъ пособіямъ. Но наши каталоги, какъ, на примѣръ, Сопикова, Плавильщикова, Смирдина, Ольхина, Базунова, крайне неполны и изобилуютъ ошибками и неточностями, а книгоописанія нашихъ библиографовъ преслѣдуютъ преимущественно опредѣленные цѣли; такъ, на примѣръ, Геннади, Губерти, Остроумовъ описываютъ главнымъ образомъ лишь рѣдкія книги, а Березинъ-Ширяевъ книги, находящіяся въ его библиотекѣ, и т. п.

Г. Сержпутовскій, просмотрѣвъ 54 источника, рѣшилъ, тщательно провѣривъ ихъ между собой, сдѣлать имъ общій сводъ, на что потребовалось болѣе 20 лѣтъ усидчиваго труда. По его словамъ, трудъ этотъ вполнѣ законченъ и будетъ выходить непрерывно выпусками въ пять листовъ каждый. Искренно желаемъ, чтобы почтеннаго библиографа не постигла участь его предшественниковъ Безгина и Венгерова, изданія которыхъ прекратились у перваго на первомъ выпускѣ, а у втораго на третьемъ.

Изданіе г. Сержпутовскаго расположено въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и издателей, книги же безыменныя (анонимныя) размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ перваго имени существительнаго въ именительномъ падежѣ, а если это оказывалось невозможнымъ, то въ алфавитномъ порядкѣ перваго слова заглавія. Русскія сочиненія и переводы съ иностранныхъ языковъ помѣщены подъ фамиліями ихъ авторовъ и переводчиковъ, а если ихъ было нѣсколько, то подъ первымъ изъ нихъ, причемъ у остальныхъ сотрудниковъ и у иностранныхъ авторовъ приведены сокращенныя заглавія книгъ съ соответствующими ссылками. Русскіе анонимные переводы произведеній иностранныхъ писателей указаны подъ фамиліями этихъ послѣднихъ. Труды данныхъ писателей расположены въ общемъ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ. При каждомъ изданіи указаны источники и цѣны книгамъ, если таковыя были означены.

С. Ш.

**Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XIX.
Оренбургъ. 1908. Стр. 278. Ц. 1 р.**

Оренбургская ученая архивная комиссія одна изъ древнѣйшихъ: она возникла въ 1887 году; но по какой-то странной случайности, послѣ отпечатанія перваго выпуска своихъ «Трудовъ», куда вошли лишь указы оренбургскимъ военнымъ губернаторамъ императрицы Екатерины II (за 1764 г.) и императора Павла I (за 1797 — 1800 г.), прекратила свою дѣятельность почти на цѣлое десятилѣтіе. Второй и третій выпуски «Трудовъ» комиссіи увидѣли свѣтъ лишь въ 1897 году. Съ этого года, надо отдать справедливость, работа членовъ комиссіи пошла усиленнымъ темпомъ. За 10 лѣтъ они издали 18 выпусковъ своихъ «Трудовъ». Правда, не все эти выпуски одинаковаго достоинства по содержанію, но между ними есть и цѣннѣйшія работы. Таковы, напримѣръ, «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ» (въ 2-хъ выпускахъ VII и X.) Н. М. Чернавскаго; «Башкирскій бунтъ въ 1735, 1736 и 1737 годовъ» А. И. Добросмыслова (в. VIII); «О башкирскихъ тамгахъ» Д. Н. Соколова (в. XIII); «Народный судъ обычнаго права киргизъ Малой орды» Л. А. Словохотова (в. XV), и другія.

Большинство работъ во всехъ изданныхъ выпускахъ историческаго характера, основанныхъ по большей части на матеріалахъ изъ разобраннаго членами же комиссіи архива бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторства. То же можно сказать и о послѣднемъ (XIX) разсматриваемомъ нами выпускѣ «Трудовъ», хотя онъ и отличается нѣсколько отъ предыдущихъ по обилію біографическаго матеріала о членахъ комиссіи и бывшихъ дѣятеляхъ и писателяхъ Оренбургскаго края. Здѣсь прежде всего интересны довольно подробныя свѣдѣнія о писателѣ В. Н. Витевскомъ, авторѣ извѣстнаго труда: «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 года;» о дѣйствительныхъ членахъ комиссіи Ѳ. М. Самоцвѣтѣ и И. И. Евфимовскомъ-Мировицкомъ и о предсѣдателѣ пограничной комиссіи Гр. Ѳед. Генсѣ († 1845 г.), оставившемъ послѣ себя цѣнныя рукописи объ Оренбургскомъ краѣ, которыя и перечисляются въ особой статьѣ А. В. Попова. Въ текстѣ помѣщены и портреты названныхъ лицъ. Изъ остальнаго содержанія XIX выпуска «Трудовъ» обращаютъ вниманіе: «Исторія Чингисхана и Тамерлана», по недавно приобрѣтенной комиссіей рукописи на джагатайскомъ нарѣчій, переведенной гг. А. Васильевымъ и А. Балгимбаевымъ; «Описи казацкія 1795—1800 гг.», составленныя И. С. Шукминцевымъ, и «Описаніе Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости» В. Григорьева, сообщ. А. В. Поповымъ («описаніе» составлено въ Оренбургѣ въ 1803 г. и есть первый по времени опытъ систематическаго описанія Хивинскаго ханства на русскомъ языкѣ).

В. Рудаковъ.

Покровский, В. И. Федоръ Михайловичъ Достоевскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Ч. 1. Москва. 1908.

В. И. Покровскимъ изданъ цѣлый рядъ «Сборниковъ историко-литературныхъ статей», посвященныхъ нашимъ классикамъ новаго періода. Нѣкоторые сборники, какъ, напримѣръ, «И. С. Тургеневъ», «М. Ю. Лермонтовъ», «Л. Н. Толстой» и пр. вышли уже вторымъ изданіемъ. Не было только сборника статей, въ которомъ разбирались бы произведенія Ф. М. Достоевскаго. Наконецъ появился и этотъ сборникъ. Въ настоящемъ сборникѣ 34 статьи; взяты онѣ изъ трудовъ О. Миллера, Савельева, Булича, Аверкіева, Милокова, Бороздина, Глинка, В. Розанова, Морозова, Страхова, Вогюэ, Вѣлинскаго, Оболенскаго, Анненкова, Маркова, Соловьева, Богдановича, Писарева и Добролюбова.

Отличительная черта сборниковъ г. Покровскаго заключается въ томъ, что почти всѣ статьи, входящія въ ихъ составъ, отличаются цѣльностью, чего нельзя, напримѣръ, найти въ сборникахъ такого же рода у г. Зелинскаго. Отграднымъ является также въ сборникѣ Покровскаго и то, что у него появляются выдержки и изъ Писарева, чего въ прежнихъ сборникахъ не было. Какъ бы ни была тенденціозна критика г. Писарева и Добролюбова, все-таки, ради полноты даже, не мѣшало бы и въ другихъ сборникахъ привести статьи изъ сочиненій вышеупомянутыхъ критиковъ.

Порядокъ статей въ настоящемъ сборникѣ такой: сначала идутъ статьи, касающіяся жизни Достоевскаго, а затѣмъ— статьи, въ которыхъ дается оцѣнка произведеній его въ хронологическомъ порядкѣ выхода этихъ произведеній.

Къ числу недостатковъ, на нашъ взглядъ, надо отнести въ настоящемъ сборникѣ слишкомъ длинныя заглавія. Напримѣръ: 1) «Общее содержаніе «Бѣдныхъ людей», живость и истина въ изображеніи дѣйствительности, мастерская обрисовка характеровъ и художественное воспроизведеніе трагической стороны жизни»; 2) «Достоевскій, открывая искру Божію въ бѣдныхъ людяхъ, жизнью приниженныхъ, приближаетъ ихъ къ намъ, дѣлаетъ родными», или 3) «Десятилѣтнее наблюденіе Достоевскаго заживо погребенныхъ въ «Мертвомъ домѣ», глубокое проникновеніе въ ихъ душу и неоправдываемость ихъ преступленій ни съ философской, ни съ соціальной точки зрѣнія».

Я. Бирюковъ.

В. А. Крыловъ. (В. Александровъ). Прозаическія сочиненія въ 2 томахъ. Съ 4 портретами автора, біографіей, критическимъ очеркомъ и 10 рисунками. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Въ этихъ двухъ томахъ собраны прозаическія сочиненія покойнаго драматурга В. А. Крылова. Къ первому тому приложена его біографія, составленная Б. И. Никоновымъ. Біографія имъ написана прекрасная, полная, интересная, рисующая Крылова со всей его плотью и кровью, какимъ современники его знали и каковымъ онъ дѣйствительно былъ. Здѣсь вырисована

и та жизненная обстановка, въ которой онъ выросъ и которая повліяла на сформированіе его личнаго характера и элементовъ его творчества, какъ въ раннемъ возрастѣ, такъ и въ позднѣйшіе годы. Пользуясь разными автобіографическими замѣтками своего героя, его печатными произведеніями, статьями, о немъ написанными, его письмами, біографъ проводитъ его черезъ все жизненное поприще, освѣщаетъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ положеніяхъ, почему его фигура выходитъ рельефною, хорошо поставленною и нынѣ въ многихъ отношеніяхъ понятною. Г. Никоновъ возложилъ на могилу Крылова хорошей вѣнокъ, умѣло влетя сюда тѣ идейные листья, которые враги покойнаго у него часто отнимали и отсутствіемъ которыхъ его часто корили.

Біографія занимаетъ 12 листовъ, остальное посвящено надѣлавшему въ свое время столько шуму процессу «Столбовъ», статьѣ объ этомъ процесѣ «Незнакомца» А. С. Суворина въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и самимъ «Столбамъ» — старой погудкѣ на новый ладъ или «Чертамъ нравовъ города Провалишина», гдѣ Крыловъ во имя правды русской гражданственности мастерски изобразилъ въ живыхъ лицахъ злоупотребленія нѣкоторыхъ видныхъ помѣщиковъ въ Опочкомъ уѣздѣ послѣ эмансипаціи, вслѣдствіе которыхъ, понятно, страдающимъ элементомъ явились только что освобожденные крестьяне. Изъ процесса Крыловъ не вышелъ оправданнымъ, но зато на дѣлѣ видѣлъ торжество своего обличительнаго служенія перомъ интересамъ родины и достигъ жизненнаго момента, когда писатель воистину видитъ себя «писателемъ-гражданиномъ».

Второй томъ обнимаетъ собою нѣкоторые мелкіе рассказы Крылова, его серьезные статьи, воспоминанія (особенно интересно то, что относится къ извѣстной «Таврической школѣ» въ 60-хъ годахъ, «Очерки театральнаго дѣла въ Европѣ», «Театральную хронику»). Въ приложеніи даны статьи: Буквы (Василевскаго) по поводу постановки пьесы Крылова «Семья» и Ор. Миллера по случаю 25-лѣтія литературной дѣятельности Крылова. Конечно, главное жизненное значеніе покойнаго писателя не въ воспроизведенныхъ теперь его «прозаическихъ» произведеніяхъ. Его работа, какъ драматурга, — вотъ та основная ось, вокругъ которой вращается его историко-литературное значеніе, но и настоящее изданіе не лишено извѣстнаго интереса и въ особенности благодаря отмѣченной нами біографіи, такъ обстоятельно выполненной г. Никоновымъ.

В. Г.

Родина. А. Пилипенко. Альманахъ для нижнихъ чиновъ на 1909 годъ. Одесса. 1909 г. Стр. 266. Ц. 2 р., изъ коихъ 50 к. на памятникъ.

Въ то время, какъ японцы, признавая доблесть своихъ недавнихъ враговъ, давно воздвигли прекрасный памятникъ въ честь павшихъ подъ Портъ-Артуромъ русскихъ воиновъ, мы пока ограничивались разговорами. Поэтому нельзя не привѣтствовать частный починъ г. А. Пилипенко, поручика Одесскаго морскаго батальона, предпринявшаго изданіе альманаха, предназначеннаго

для нижнихъ чиновъ, подъ заглавіемъ «Родина», причемъ часть выручки отъ этого изданія (50 к. съ каждаго экземпляра) должна поступить на образованіе фонда для постройки проектированнаго господина Пилипенко храма-памятника всѣмъ русскимъ воинамъ, погибшимъ на полѣ брани въ минувшую войну. Въ прошломъ году военнымъ министерствомъ были представлены Государю 515 р., вырученные отъ продажи 1000 экземпляровъ «Родины», причемъ Его Величество благодарилъ г. Пилипенко и повелѣлъ передать деньги въ главное управленіе генеральнаго штаба, для дальнѣйшей разработки вопроса.

Альманахъ составленъ изъ разнообразныхъ и интересныхъ статей, изложенныхъ простымъ, доступнымъ пониманію солдата языкомъ и заключающихъ въ себѣ историческія воспоминанія о славныхъ подвигахъ русскихъ войскъ, а также изъ беллетристическихъ этюдовъ, написанныхъ на военныя темы. Въ числѣ статей должно упомянуть слѣдующія: «Какіе бываютъ военные корабли» г. Н. Кладо; «На воздушномъ шарѣ»; «Полтавская битва»; «Суворовъ»; «Буря», пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ, и др. Книга издана изящно и снабжена нѣсколькими иллюстраціями.

Въ виду прекрасной цѣлы этого изданія, нельзя не пожелать ему широкаго распространенія, а также литературной помощи со стороны сочувствующихъ лицъ.

Л. Н.

В. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи. Спб. 1909. VIII+468 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Профессоръ харьковскаго университета В. П. Бузескулъ, являющійся теперь едва ли не лучшимъ знатокомъ исторіи Греціи среди русскихъ ученыхъ, напечаталъ изслѣдованія по исторіи аѳинской демократіи, захвативъ тему, до сихъ поръ совершенно не разработанную въ русской ученой литературѣ. Между тѣмъ въ настоящее время такая тема представляетъ интересъ не только для ученыхъ спеціалистовъ, но и для всѣхъ, кто интересуется вопросами политики. Если правда, что исторія замѣняетъ намъ опытъ быстро текущей жизни, то смѣло рекомендуемъ прекрасную книгу харьковскаго историка нашимъ политическимъ дѣятелямъ: въ ней они найдутъ немало полезныхъ для себя уроковъ. Книга проф. Бузескула написана на основаніи исчерпывающаго знакомства съ первоисточниками, почему заняла бы почетное мѣсто не только въ нашей, но и въ западной ученой литературѣ, и надо надѣяться, что она скоро будетъ переведена на одинъ изъ западныхъ языковъ, подобно другимъ сочиненіямъ автора. Нося строго-научный характеръ, книга эта вмѣстѣ съ тѣмъ написана съ рѣдкой художественностью, почему читается очень легко и увлекательно. Громаднымъ достоинствомъ сочиненія является и то, что, касаясь такой острой политической темы, авторъ сумѣлъ совершенно сдержать свои современныя политическія симпатіи, что счастливо отличаетъ его солидный трудъ отъ полупамфлетовъ на историческія темы профессора Карѣева и Вишнера, совершающихъ за послѣднее время набѣды и въ область древней исторіи. Единственными недостатками, притомъ легко устранимыми

при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ эта прекрасная книга, навѣрно, дождется очень скоро, являются отсутствіе указателя и манера передавать греческіе термины, чрезчуръ обильные въ книгѣ, латинскими буквами: кто не знаетъ греческаго языка, для того эти термины все равно не понятны, а кто знаетъ, того неспрiятно задѣваетъ такая передача. Выѣшность книги—безу-коризненна.

Р.

**Труды саратовской ученой архивной комиссіи. 1908 годъ.
Выпускъ XXIV. Стр. 151+152. Ц. 1 р. 25 к.**

Ровно пять лѣтъ прошло со времени выхода въ свѣтъ XXIII выпуска «Трудовъ» саратовской архивной комиссіи. Цѣлыхъ пять лѣтъ ученое учрежденіе, вступающее нынѣ въ 22 годовщину своего существованія, должно было дѣйствовать почти безъ всякихъ средствъ «даже на марки и на уплату сторожамъ за мытье половъ». Надо только удивляться членамъ комиссіи, этимъ безкорыстнымъ труженикамъ, которые, не оставляя своего прямого дѣла, сумѣли еще расширить свой музей и сдѣлать изъ него учебно-воспитательное учрежденіе. Въ 1908 г. саратовское губернское земство дало комиссіи пособіе въ 500 р., и эти деньги были употреблены на изданіе лежащаго предъ нами XXIV выпуска «Трудовъ» комиссіи. Но, издавая этотъ выпускъ, члены комиссіи съ болью въ сердцѣ должны были воскликнуть: «если общество симпатизируетъ цѣлямъ комиссіи и окажетъ ей матеріальную поддержку, комиссіа будетъ работать на пользу родного края съ удвоенной энергіей: въ противномъ случаѣ ей не останется другого исхода, какъ закрыть музей и прекратить свою дѣятельность до болѣе благопріятнаго времени» (стр. 3).

Я уже 20 лѣтъ слѣжу за работами нашихъ архивныхъ комиссій; много разъ касался ихъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», указывая на новые матеріалы и изслѣдованія провинціальныхъ безкорыстныхъ тружениковъ и рекомендуя ихъ вниманію нашего общества; хорошо знакомъ съ прежнею полезною дѣятельностью саратовской комиссіи и увѣренъ, что и для дальнѣйшихъ работъ какъ по исторіи, такъ и по археологіи края тамъ широкое поле,—поэтому не могу безъ волненія взирать на то равнодушіе, какимъ совершенно несправедливо одѣляютъ саратовское общество и саратовскія административныя и земскія учрежденія свое единственное ученое историческое общество. Зная, сколь необходимы подобныя общества для нашей еще мало обслѣдованной страны, невольно хочется вѣрить, что найдутся и саратовскіе патріоты, которые откликнутся на горячій призывъ членовъ комиссіи и придутъ ей на помощь, тѣмъ болѣе, что и помощь эта очень невелика.

Изъ довольно обширнаго содержанія настоящаго выпуска «Трудовъ» саратовской архивной комиссіи насъ интересуетъ помѣщенное въ первомъ его отдѣлѣ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на статейки, свидѣтельствующія объ археологическихъ занятіяхъ членовъ комиссіи; таковы: «Раскопка кургана близъ гор. Саратова» И. Горизонтова; «Раскопка кургана въ гор. Царицынѣ. Дневникъ техника Ф. Чернова»; «Къ докладамъ И. П. Горизонтова и

Ф. И. Чернова» Б. Зайковского; «Каменные бабы въ саратовскомъ Поволжьи» его же; «Городище Бѣлѣдженъ» его же и «Бугоръ Стѣнки Разина», его же. Затѣмъ довольно интересны статьи: А. Н. Минха—«Бытъ духовенства Саратовскаго края въ XVIII и началѣ XIX столѣтій» и М. А. Соколова—«Объ участіи духовенства въ Пугачевскомъ возстаніи въ предѣлахъ Астраханской губерніи» (по преимуществу матеріалы). Здѣсь же, кромѣ того, нашло мѣсто нѣсколько замѣтокъ и записей любителя-этнографа М. Е. Соколова.

Во второмъ отдѣлѣ цѣннымъ является «Алфавитный указатель статей и авторовъ, помѣщавшихъ свои статьи и замѣтки въ «Трудахъ» саратовской архивной комиссіи за 1887—1903 гг.», составленный А. А. Кротковымъ.

В. Рудаковъ.

Профессоръ П. С. Смирновъ. Изъ исторіи раскола первой половины XVIII вѣка. По неизданнымъ памятникамъ. Спб. 1908. Стр. 233. Цѣна не обозначена.

Изслѣдованіе профессора П. С. Смирнова составилось изъ статей, помѣщенныхъ имъ въ разное время въ «Христіанскомъ Читеніи». Напечатанные матеріалы касаются первыхъ попытокъ раскольниковъ пріобрѣсти себѣ архіерея, вопросовъ о бракѣ, безоповщинскомъ перекрещиваніи и первоначальной исторіи діаконовщины.

Раскольники сами сознавали неустройство своихъ общинъ и незаконность своего положенія безъ высшаго сана духовной іерархіи и искали какого-либо выхода изъ этого. Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка вѣтковскіе поповцы вели по этому поводу дѣятельные переговоры съ молдавскимъ правительствомъ и константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ II, прося о поставленіи къ нимъ епископа. Несмотря на то, что вѣтковцы постоянно полемизировали съ діаконовцами, переселившимися въ Польшу съ Керженца, они вмѣстѣ съ ними ѣздили въ Молдавію, а позднѣе даже хотѣли привлечь къ этому дѣлу и знаменитаго выговскаго киноіарха Андрея Денисова. Они просили его пріѣхать на Вѣтку и, обсудивъ тамъ вопросъ объ архіереѣ, отправиться съ ними въ Молдавію. Это они сдѣлали чрезъ поморца Леонтія Ѳедосѣева, который уважался ими, какъ «мужъ премудрый, знающій ученіе риторское». Андрей Денисовъ отъ этой поѣздки отказался, такъ какъ онъ былъ нуженъ выговцамъ дома, но просилъ съѣздить Л. Ѳедосѣева «для добраго къ лучшему совѣта, для примиренія въ разгласныхъ вещахъ, для достовѣрнаго осмотрѣнія и намъ вѣрнаго извѣстія». Свѣдѣнія о переговорахъ раскольниковъ съ молдавскимъ правительствомъ приводятся впервые въ сочиненіи безоповщинскаго писателя Ив. Алексѣева, которое долгое время являлось единственнымъ источникомъ по этому вопросу. Трудъ профессора Смирнова даетъ новые относящіяся сюда матеріалы, а именно письмо А. Денисова къ Л. Ѳедосѣеву, два посланія молдавскаго митрополита Антонія вѣтковскимъ поповцамъ, прошеніе послѣднихъ молдавскому господарю Григорію Гикѣ и сказаніе о молдавскихъ раскольникахъ.

По вопросу о бракѣ профессоръ Смирновъ даетъ два памятника безоповщинской литературы, не использованные другими изслѣдователями: «Соборное

посланіе выговцевъ къ польскимъ едосѣвцамъ», составленное Андреемъ Денисовымъ, и «Посланіе польскихъ едосѣвцевъ къ выговцамъ», написанное основателемъ безиоповщинскаго толка Феодосіемъ Васильевымъ.

Многіе факты, касающіеся первоначальной исторіи діаконовщины и относящіяся къ нимъ памятники, приведенные профессоромъ Смирновымъ, являются въ печати впервые. Что же касается вопроса о безиоповщинскомъ перекрещиваніи, которому посвящена авторомъ послѣдняя статья его сборника, то онъ ранѣе совсѣмъ не былъ затронутъ въ литературѣ.

В. Т—ій.

Миленко М. Вукичевичъ. Исторія сербскаго народа для среднихъ школъ. Книга первая. Бѣлградъ. 1907. Стр. VII+150. Вторая книга. Стр. VIII+168. Цѣна каждой книги 2,50 динара (одинъ рубль).

Его же. Карагеоргій. Книга первая. 1752—1804. Съ двумя историческими картами и видомъ Бѣлграда 1788 года. Бѣлградъ. 1907. Стр. XVII+413. Цѣна 5 динаръ (два рубля).

Первая книга «Исторіи сербскаго народа» обнимаетъ обзоръ отъ середины VII вѣка до конца XV вѣка; вторая—отъ половины XV вѣка до нашихъ дней. «Исторія» написана по-сербски, на языкѣ, который у насъ сравнительно мало извѣстенъ, почему нашей замѣткой мы желаемъ обратить вниманіе не столько читателей, сколько переводчиковъ и издателей, и надѣемся, что въ скоромъ времени интересная работа М. Вукиевича станетъ доступной и для русскихъ читателей.

Неоспоримое достоинство автора—точность, доходящая иногда даже до нѣкоторой скрупулезности. Онъ какъ бы боится пропустить фактъ, хотя бы сравнительно незначительный; пропустить старое или новое географическое названіе, дату, собственное имя второстепеннаго историческаго дѣятеля и т. д. Поэтому многіе отдѣлы годились бы въ любой энциклопедическій словарь и незамѣнимы для всякаго рода справокъ. О научныхъ достоинствахъ книги можно не распространяться. Автору великолѣпно извѣстна вся новѣйшая литература предмета, а по нѣкоторымъ отдѣламъ (особенно о Карагеоргіи и ближайшихъ къ нему эпохахъ) г. Миленко Вукиевичъ является въ полномъ смыслѣ специалистомъ, впервые обратившимся къ архивнымъ матеріаламъ. Особено интересными представляются намъ обзоры культуры сербской въ разныя эпохи: управленіе, войско, торговля, промышленность, образованіе, монастыри и т. д.

Какъ педагогическая книга, его «Исторія сербскаго народа» также стоитъ на высотѣ въ смыслѣ наглядности, даже съ внѣшней стороны (все существенное выдѣлено разными шрифтами), простоты изложенія, точности и т. д., но едва ли по ней легко запоминать прочитанное. Упомянутое въ началѣ нашей замѣтки загроможденіе фактами, именами, названіями, датами и т. д.—безусловно отрицательная черта для учебника въ среднихъ школахъ. Иное

дѣло—пособіе для студентовъ, и мы горячо рекомендуемъ русскимъ славистамъ обратить вниманіе на прекрасную «Исторію» г. Вукичевича, а русскимъ издателямъ столь же горячо совѣтуемъ перевести ее и выпустить недорогоимъ изданіемъ. Это и полезно, и необходимо.

Вторая книга монографіи М. Вукичевича о Карагеоргиі должна обнять періодъ возстанія отъ 2 февраля 1804 года до 21 сентября 1813 г., а третья—отъ 1813 по 1817 годъ. Поэтому полное представленіе о почтенномъ трудѣ можно будетъ составить только послѣ окончанія всей работы. Но и на основаніи вышедшаго уже въ свѣтъ можно сказать, что блестящая и необыкновенно интересная по своему драматизму эпоха Карагеоргиа, этого «грозы Луны, Свободы воина», одного изъ видныхъ славянъ, ихъ борцовъ и дѣятелей на переломѣ отъ «старой» эпохи къ «новой»,—нашла въ лицѣ г. Вукичевича прекраснаго изслѣдователя и истолкователя.

Въ предисловіи авторъ подробно говоритъ о впечатлѣніяхъ своего дѣтства, связанныхъ съ памятью о Карагеоргиі. Старый дѣдъ Савва, исполнившій народныя пѣсни подъ звуки гуслей, пѣлъ дѣтямъ о былыхъ временахъ. И вслѣдъ за одной пѣсней шли другія, и переплетались онѣ съ разказами того же дѣда о временахъ «великихъ»... Это было въ 1876 году, когда всѣ взрослые изъ семьи Вукичевича ушли сражаться за родныхъ братьевъ, а дома остались старые да малые. И вотъ подъ вліяніемъ дѣдовыхъ пѣсенъ и вполнѣ понятнаго настроенія, въ душѣ будущаго историка-педагога выросъ культъ Карагеоргиа и его сподвижниковъ. Затѣмъ послѣдовало чтеніе «Пѣсенъ» Караджича, воспоминаній современниковъ возстанія, время ученія въ гимназій, самостоятельныя работы автора надъ той же эпохой, занятія въ архивахъ Сербіи, Австріи и Россіи—и въ результатъ славянская историческая литература обогатилась капитальной монографіей.

Здѣсь не забыта ни одна мелочь, каждая черта дышитъ любовью и преклоненіемъ предъ мощной фигурой «Чернаго», и мы поставили бы автору въ упрекъ развѣ одно: его неумѣніе излагать художественно, сильно, картинно.

Вѣдь такъ часто многіе эпизоды изъ рассказаннаго имъ словно просятся въ повѣсть или драму.

А. Яцимирскій.

К. Ничъ. Исторія Римской республики. (Курсъ лекцій, изданный д-ромъ филологомъ Георгомъ Турэ). Переводъ подъ редакціей Д. П. Кончаловскаго. Москва. 1908.

Въ римской исторіографіи профессоръ Ничъ извѣстенъ какъ ярый противникъ Момзена, діаметрально расходящійся съ нимъ во взглядахъ на капитальныя событія послѣдняго періода существованія Римской республики. Какъ извѣстно, Момзенъ восторженный поклонникъ Цезаря и съ точки зрѣнія своего цезаризма онъ и смотритъ на Суллу и Марія, Гракховъ, Цицерона, Помпея и другихъ виднѣйшихъ дѣятелей этого періода.

Ничъ свободенъ отъ такого пристрастія и относится къ дѣяніямъ момзенскаго кумира съ большей критикой. Оттого и самъ Цезарь и его предше-

ственники и враги вырисовываются у него въ туманной дали далекаго прошлаго совершенно иначе, чѣмъ у Момзена.

Эта оппозиція славному историку Рима и соблазнила русскихъ переводчиковъ выпустить книгу Нича на русскомъ языкѣ. Въ русскомъ предисловіи къ ней редакторъ перевода усиленно подчеркиваетъ именно эту сторону работы Нича, не замѣчая, что въ этомъ же кроется и ея непригодность для обычнаго читателя, незнакомаго съ громоздкимъ трудомъ Момзена, не желающаго разбираться въ мелкихъ подробностяхъ и ищущаго лишь общаго основательнаго знакомства съ исторіей Рима. Можетъ быть, скажетъ читатель, сочиненіе Нича и имѣетъ огромное значеніе для специалиста, но вѣдь это только коррективъ къ Момзену, а что же даетъ онъ самъ?

Для непосвященнаго въ детальное изученіе римской исторіи, на нашъ взглядъ, немного. Во-первыхъ, Ничъ типичный ученый аналитъ. Онъ очень силенъ въ критикѣ источниковъ, но не обладаетъ и десятою долей того художественнаго чутья, которымъ такъ приковываетъ къ себѣ Момзень. Во-вторыхъ, въ русскомъ переводѣ мы имѣемъ, собственно говоря, не работу самого Нича, а студенческую запись лекцій, имъ читанныхъ и теперь изданныхъ его ученикомъ, преподавателемъ одной изъ берлинскихъ гимназій Турэ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ изданіяхъ, здѣсь невозможно разобраться, гдѣ кончается самъ Ничъ и гдѣ начинается Турэ; что принадлежитъ самому профессору и что вставлено его ученикомъ. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и неизбѣжная въ такихъ сводныхъ изданіяхъ по студенческимъ записямъ нѣкоторая отрывистость текста, вслѣдствіе чего книга Нича рѣшительно не годится для первоначальнаго ознакомленія съ римской исторіей, до установленія монархіи въ Римѣ: Ничъ можетъ остановиться на какой-нибудь мелкой подробности, въ которой онъ расходился съ Момзеномъ, и двумя-тремя словами отдѣлаться отъ фактовъ, способныхъ захватить читателя.

Русскій переводъ, въ которомъ, какъ указано въ предисловіи, принимало участіе нѣсколько студентовъ, еще болѣе усилилъ недостатокъ книги Нича: онъ тяжелъ и временами страдаетъ очевиднымъ искаженіемъ подлинника. Такъ, въ характеристикѣ Нибура мы читаемъ, будто бы имъ установлено основное положеніе, что всякое историческое преданіе поконится на размноженіи историческихъ источниковъ, причеиъ новаго добавляется мало, а многое, наоборотъ, остается непонятнымъ. За неимѣніемъ подъ руками подлинника, мы не можемъ указать очевидную ошибку переводчика: Нибуръ выдвигалъ то общее положеніе, что древнѣйшія преданія переходятъ въ позднѣйшіе памятники и здѣсь искажаются, дѣлаясь уже непонятнымъ позднѣйшимъ поколѣніямъ. А это вѣдь совсѣмъ другое дѣло!

Редактору книги слѣдовало бы также нѣсколько сгладить языкъ перевода, слишкомъ отдающій нѣмецкимъ подлинникомъ. «Цезарь явился въ Римъ въ концѣ іюля, въ обладаніи значительныхъ контрибуцій, но съ совершенно необузданной и одичавшей арміей и нашель свой главный штабъ отдавшимся (предавшимся?) эпикурейству». «Никто еще, быть можетъ, не использовалъ такъ блестяще страхъ за матеріальные интересы въ качествѣ политическаго оружія, и никому этотъ страхъ не оказалъ болѣеишей пользы, чѣмъ побѣди-

телю при Фарсалѣ, который безъ этого оружія, можетъ быть, все потерялъ бы въ александрійскомъ замкѣ».

Мы взяли эти двѣ цитаты съ двухъ сосѣднихъ страницъ и при желаніи могли бы выписать ихъ гораздо больше. А ихъ изобиліе въ переводномъ сочиненіи—недостатокъ весьма существенный.

А. В—ловъ.

Г. Кауфманъ. Политическая исторія Германіи въ XIX вѣкѣ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Читатель, знакомый съ исторіей XIX вѣка, не узнаетъ изъ книги г. Кауфмана много новаго. Тѣмъ не менѣе она представляетъ хорошее университетское пособіе и, удовлетворяя современнымъ научнымъ требованіямъ, выгодно выдѣляется среди множества сочиненій, выпущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлью прославленія революціи и социализма. Говоря о революціи 1848 г., авторъ отрицательно относится къ демагогамъ того времени. Жалобы на тиранію демагогии встрѣчаются очень часто. Такіе люди, какъ Якоби, Вальдекъ, Берендсъ, Штейнъ и ихъ друзья, должны были бы имѣть мужество оттолкнуть отъ себя профессиональных горлановъ-рабочихъ, разучившихся работать, и тѣ общественные подонки, которые всегда имѣются въ большихъ городахъ и которые теперь, собравшись со всѣхъ концовъ свѣта, увеличилось въ числѣ и разыгрывали изъ себя суверенный народъ; они должны были имѣть смѣлость выступить противъ крикуновъ демократическихъ клубовъ и ихъ шальныхъ плакатовъ. Лидеры лѣвыхъ, не исполнивъ своей обязанности въ этомъ отношеніи, тѣмъ самымъ подготовили побѣду реакціи.

Подходя къ нашему времени, Кауфманъ теряетъ безристрастіе историка, увлекается прусскимъ шовинизмомъ и оказывается пламеннымъ поклонникомъ Бисмарка. Онъ преклоняется передъ побѣдами нѣмецкаго оружія. «Удивлялись, — пишетъ онъ о франко-прусской войнѣ 1870 г., — силѣ Пруссіи въ кампаніяхъ 1864 г. и 1866 г., но еще болѣе дивились побѣдному шествію германскихъ войскъ подъ предводительствомъ Пруссіи отъ Вейсенбурга до Гравелота. Людямъ снова пришло на память старое преданіе *furor teutonicus* о всеокрушающей мощи германскаго народа, которая въ свое время сломила Римскую имперію и во всѣхъ трехъ извѣстныхъ тогда частяхъ свѣта проявила чудеса храбрости и положила начало государственному порядку. Но извѣстіе о Седанѣ превзошло все, что можно было себѣ представить. Первая, наиболѣе грозная армія Европы въ нѣсколько недѣль была разбита и разбѣяна и въ послѣдней рѣшительной битвѣ весь, все еще огромный, ея остатокъ былъ принужденъ положить оружіе. Не знали, съ чѣмъ это сравнить, такъ какъ даже побѣды и успѣхи Наполеона I меркли передъ этимъ событіемъ».

Говоря о законахъ, ограждавшихъ рабочаго отъ чрезмѣрнаго злоупотребленія работодателемъ его силъ и о страхованіи рабочихъ, введенномъ Бисмаркомъ, Кауфманъ не можетъ скрыть своего преклоненія передъ желѣзнымъ канцлеромъ. «Это законодательство, — говоритъ онъ, — носитъ печать истиннаго величія, и его одного достаточно, чтобы сдѣлать управление Бисмарка и за

последнее десятилѣтіе предметомъ восхищенія; голоса свѣдущихъ лицъ за границей также воздавали ему многократно хвалу въ восторженныхъ выраженіяхъ». По словамъ автора, Бисмаркъ—богатырь, указавшій путь, идя по которому Пруссія и Германія достигли новой жизни и несравненной славы.

Несмотря на нѣкоторое увлеченіе, простибельное нѣмецкому націоналисту, книга Кауфмана далеко не бесполезна, а переводъ сдѣланъ слушательницами педагогическаго института вполне удовлетворительно. П. В.

П. Н. Столпянскій. Городъ Оренбургъ. Матеріалы въ исторіи и топографіи города. Оренбургъ. 1908.

Авторъ самъ скромно и вѣрно оцѣниваетъ свою книгу лишь какъ матеріалы; последними она дѣйствительно нѣсколько интересна, хотя есть кое-что лишнее и маловажное. Мѣстное значеніе книга имѣетъ. Лучше было бы, если бы она была составлена по другому плану, такъ какъ принятый авторомъ планъ довольно «не историченъ»: изложена исторія отдѣльныхъ частей города, отъ одного края до другого, и благодаря этому были неизбежны повторенія. Но и это ничего при нашей обычной провинціальной инертности и почти полномъ отсутствіи серьезныхъ литературныхъ работниковъ. Исправляемъ непонятную ошибку: Пушкинъ пріѣхалъ въ Оренбургъ не 12 іюня (1833 г.), какъ думаетъ г. Столпянскій, а 18 сентября. Своей странной даты авторъ не могъ найти даже въ томъ выпускѣ «Трудовъ» мѣстной ученой архивной комиссіи, на который онъ самъ же ссылается. Книга г. Столпянскаго, конечно, не бытописаніе, но мѣстами и въ ней отразилось грустное своеобразіе русскаго быта, съ начальственнымъ самодурствомъ, обывательской забитостью и повальнымъ всеобщимъ грабительствомъ. Н. Л.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОРЛЕАНСКАЯ дѣва. — Черезъ три года Франція будетъ торжественно праздновать пятисотлѣтіе молодой крестьянской дѣвушки, которая, согласно легендамъ, спасла Францію отъ англичанъ и на дняхъ будетъ признана папою святою католической церкви. Почти пятьсотъ лѣтъ Жанна д'Аркъ, прозванная Дѣвой Орлеана, хотя и пользовалась славой освободительницы Франціи, но ни въ литературѣ, ни даже среди вѣрующихъ католиковъ не имѣла громкой популярности. Только въ послѣдніе годы многіе писатели стали издавать сочиненія о ней, а клерикалы начали хлопотать о причисленіи ея къ лику святыхъ. Въ вышшемъ году, наконецъ, удалось послѣднее, и 18 апрѣля папа официально признаетъ новую католическую святую. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ литературѣ заговорили о ней, благодаря надѣлавшему много шума подробному и пространному¹⁾ (въ двухъ томахъ) жизнеописанію Дѣвы Орлеана — извѣстнаго французскаго писателя Анатоля Франса, которое вызвало многочисленныя критики не только на французскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ. Поэтому имя Орлеанской Дѣвы теперь сдѣлалось самымъ извѣстнымъ и популярнымъ во всемъ свѣтѣ. Прежде, чѣмъ познакомить читателей съ замѣчательнымъ сочиненіемъ Анатоля Франса и вызванными имъ критиками, особенно съ книгой англійскаго писателя Андрю Ланга: «Дѣва Франціи»²⁾, укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ на ходъ дѣла въ Римѣ о признаніи Орлеанской Дѣвы святою.

Какъ извѣстно, въ 1873 году орлеанскій архіепископъ Дюпанлу первый хлопоталъ у папы Пія IX порученіе «изслѣдовать репутацію святости Жанны д'Аркъ». Для наведенія всѣхъ необходимыхъ справокъ потребовалось много времени, и только чрезъ двадцать лѣтъ новый орлеанскій архіепископъ Тушэ доложилъ Ватикану объ удовлетворительномъ результатѣ его стараній. Затѣмъ Трибуналь Роты постановилъ уже отъ имени общей римской церкви навести

¹⁾ *Vie de Jeanne d'Arc. Par Anatole France. 2 vol. Paris. 1908.*

²⁾ *The Maid of France. By Andrew Lang. London. 1909.*

три новыя справки: Не были ли произведены и прежде изслѣдованія святости этой личности? Достойна ли она уваженія за свои добродѣтели? Совершала ли она чудеса? Свѣдѣнія, доставленныя по первому пункту, преимущественно отрицательнаго свойства. Во второмъ отношеніи всего замѣчательнѣе, что противъ Орлеанской Дѣвы говорили, будто въ тюрьмѣ она покушалась на самоубійство, а именно хотѣла броситься съ вершины Компіенской башни. Но въ ея защиту приведено было то обстоятельство, что она не хотѣла себя убить, а желала спастись отъ покушенія на ея цѣломудріе. Кромѣ того, было доказано, что Орлеанская Дѣва не совершала отреченія отъ своихъ принциповъ, какъ увѣряли ея судьи. Что касается до чудесъ, совершенныхъ ею, то были подтверждены три чуда: внезапное и совершенное исцѣленіе монахини Терезы отъ язвы желудка, такое же исцѣленіе монахини Юліи отъ раковой язвы на груди и, наконецъ, третье исцѣленіе такого же характера отъ гнилостнаго воспаленія надкостной плевы на почвѣ хроническаго туберкулеза. Эти чудеса самъ папа Пій X призналъ дѣйствительными и въ концѣ декабря мѣсяца прошлаго года подпisałъ декретъ о причисленіи Орлеанской Дѣвы къ лику святыхъ. Затѣмъ остается только торжественное ея посвященіе въ святыя папою въ апрѣль мѣсяцѣ. Однако Жанна д'Аркъ будетъ признаваться святою только французской церковью, а для того, чтобы она была святою во всемъ католическомъ мірѣ, необходима ея канонизація, на что требуется немало времени; кромѣ того, необходимо, чтобы новая святая совершила еще чудеса.

Не излишне прибавить, что въ римскихъ газетахъ, въ томъ числѣ въ «L'Italie» сообщено, будто папа, послѣ обнародованія декрета о Дѣвѣ Орлеана, удалился въ свою моленную и тамъ долго оставался, погруженный въ молитвы и мистическое созерцаніе. Когда онъ оттуда вышелъ, то былъ очень блѣденъ и въ продолженіе нѣсколькихъ дней хранилъ молчаніе. Распространился слухъ, что новая святая явилась напѣ въ таинственномъ видѣніи и посовѣтовала ему продолжать свою церковную политику, обѣщая при этомъ, что онъ одержитъ въ скоромъ времени славную побѣду.

Переходя теперь къ книгѣ Анатоля Франса «Жизнеописаніе Жанны д'Аркъ», прежде всего скажемъ, что, по его мнѣнію, она была «святая со всеми атрибутами святости XV вѣка». По своимъ видѣніямъ и явленіямъ, она принадлежала къ той категоріи людей, которыхъ теперь считаютъ подверженными галлюцинаціямъ, относящимся къ области психіатріи. Но въ средніе вѣка народное суевѣріе признавало ихъ или созданіями, вдохновленными Богомъ, или одержимыми злымъ духомъ. Умственно мало развитая, она была послушнымъ орудіемъ католическаго духовенства, преданнаго Карлу VII и желавшаго, чтобы окончилась война. Поэтому клерикалы, по убѣжденію Анатоля Франса, руководили ея дѣйствіями и особенно внушили ей, какъ дѣйствовать въ пользу коронаціи короля въ Реймсѣ. Если бы она дѣйствительно обладала военными талантами, что совершенно отрицаетъ ея новый историкъ, то главною ея цѣлью было бы направить предводительствуемую ею армію въ Парижъ.

Кромѣ пользы, принесенной ею королю, благодаря совѣтамъ клерикаловъ, она еще содѣйствовала распространенію въ арміи храбрости и неустрани-

мости. Авторъ полагаетъ, что Орлеанская Дѣва была слишкомъ превознесена въ отношеніи ея славы, способностей и патриотизма, котораго въ то время, въ сущности, не существовало, благодаря политическимъ и социальнымъ обстоятельствамъ. Въ спасеніи Франціи она играла только посредственную роль, и изгнаніемъ англичанъ французы обязаны тѣмъ фактомъ, что первыхъ было очень мало, что Бургундія относилась къ нимъ враждебно и что большинство населенія было противъ нихъ. Быть можетъ, съ точки зрѣнія средне-вѣковыхъ религіозныхъ понятій Жанна д'Аркъ и была святою, но въ наше время она представляла бы интереснѣйшій случай въ области физиологической патологіи, и потому эта руанская мученица въ исторіи остается второстепенной фигурой. Таковы главныя заключенія Анатоля Франса, относящагося къ Орлеанской Дѣвѣ гораздо строже, чѣмъ другіе ея біографы: Квишра, Мишлэ, Маргенъ и проч., уже не говоря о католическихъ авторитетахъ. Во всякомъ случаѣ, относительно литературнаго значенія настоящаго труда Анатоля Франса, надо признать, что онъ въ высшей степени замѣчателенъ по легкому, образному изложенію, удивительно точному и жизненному. Оба тома этой книги, украшенные портретами и картинами, представляютъ чарующее, захватывающее чтеніе. Во всѣхъ отношеніяхъ авторъ добросовѣстно относится къ своимъ матеріаламъ, хотя иногда у него замѣтны археологическія и географическія неточности.

Что касается судебного процесса Дѣвы Орлеана, окончившагося сожженіемъ ея на кострѣ, то, по мнѣнію Анатоля Франса, онъ, въ сущности, такъ же мало заслуживаетъ довѣрія, какъ и то слѣдствіе, которымъ католическое духовенство пыталось ее облить. Но Анатоль Франсъ отдаетъ преимущество первому процессу и вообще находитъ, что англійскіе документы вѣроятнѣе французскихъ. При этомъ онъ не ищетъ новыхъ матеріаловъ и довольствуется прежними, далеко не достовѣрными.

Изъ строгихъ критическихъ отзывовъ относительно почтеннаго труда Анатоля Франса первое мѣсто занимаетъ небольшая книга, подъ заглавіемъ: «Дѣва Франціи», англійскаго публициста Андрю Ланга. Сначала онъ напечаталъ свое сочиненіе въ «Fortnightly Review», а теперь оно появилось въ отдѣльномъ изданіи и еще болѣе нашпиговано безконечными неодобрительными и даже бранными выраженіями. По его мнѣнію, Анатоль Франсъ не только постоянно отзывался объ Орлеанской Дѣвѣ несправедливо и ложно, но вообще во всемъ своемъ трудѣ является хотя и блестящимъ романистомъ, но, въ сущности, далеко не серьезнымъ историкомъ. Съ англійскимъ критикомъ могутъ сравниться только французскіе клерикалы, безъ всякой совѣсти нападающіе на добросовѣстнаго ученаго. Что касается большинства французскихъ публицистовъ, то они съ глубокимъ уваженіемъ отзываються объ этомъ историческомъ трудѣ, надъ которымъ Анатоль Франсъ работалъ болѣе двадцати лѣтъ. Быть можетъ, наиболѣе сочувственно выражается объ этой книгѣ профессоръ исторіи Таламасъ, прочитавшій недавно въ Сорбоннѣ цѣлый рядъ лекцій объ Орлеанской Дѣвѣ. Придерживаясь строго историческихъ и научныхъ взглядовъ, онъ естественно возбудилъ ярое негодованіе клерикальной молодежи, и она во время его лекцій сдѣлала ему шумные скандалы. Насколько

возбужденъ интересъ къ Дѣвѣ Орлеана, можно судить по тому, что трудъ Анатоля Франса, появившійся полгода тому назадъ, достигъ двадцати восьми изданій. Очевидно, что популярность Жанны д'Аркъ распространена и въ Россіи, гдѣ вышло уже семь изданій ея характеристики во второмъ томикѣ «Психіатрическихъ эскизовъ изъ исторіи», профессора П. Ковалевскаго.

По мнѣнію нашего русскаго психіатра, «Жанна не была душевно-больною, и умственное состояніе и сознаніе ея были вполне нормальными. Если же она слѣпо и безпредѣльно вѣрила въ священное происхожденіе ея головокъ и соответственно тому въ свое божественное посланничество, то потому, что это совпадало съ ея глубокой вѣрой въ Бога». Кроме того, по словамъ профессора Ковалевскаго, у Жанны были галлюцинаціи органовъ чувствъ, но нѣтъ основанія утверждать, что Жанна была истеричкой, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что она обладала необыкновенно живою, чуткою, одухотворенною природою. «Ничего святого не было въ видѣніяхъ и предвѣдѣніи Жанны,—говорить въ заключеніе профессоръ Ковалевскій, — но она была свята своей жизнью и своими дѣлами».

— Первыя двѣ любви Жоржъ-Занда ¹⁾. — Въ настоящее время въ Парижѣ съ блестящимъ успѣхомъ читаетъ серію публичныхъ лекцій о Жоржъ-Зандѣ извѣстный французскій писатель Ренѣ Думикъ. Еще пять лѣтъ тому назадъ минуло сто лѣтъ со дня рожденія гениальной романистки, и однако почти никто не замѣтилъ этого юбилея, какъ будто все забыли объ ея шумной репутаци; но стоило только этому парижскому литератору заявить о серіи чтеній, посвященныхъ Жоржъ-Занду, какъ со всехъ сторонъ послышались громкіе споры о томъ: стоитъ или нѣтъ она публичныхъ восхваленій? Однако, большинство высказалось въ ея пользу, и Думикъ оказался совершенно правъ, выбравъ сюжетомъ для своего чтенія характеристику гениальной писательницы XIX вѣка. При жизни Жоржъ-Зандъ имѣла большое вліяніе не только на французскую литературу, но и на иностранную, въ томъ числѣ на русскую. Ея вліянія не избѣжали Бѣлинскій, Тургеневъ, Герценъ, Достоевскій и Салтыковъ. Всего любопытнѣе въ этомъ отношеніи, какъ относился къ Жоржъ-Занду Бѣлинскій, который сначала, какъ ярый литературный женоненавистникъ, не питалъ къ ней сочувствія. Но послѣ появленія ея романовъ, справедливо названныхъ имъ соціальными, онъ сталъ называть ее «первымъ романистомъ нашего времени». По его словамъ: «Разсказъ Жоржъ-Занда—это сама простота, сама красота, сама жизнь, самъ умъ, сама поэзія. Сколько глубокихъ, практическихъ идей о личномъ человѣкѣ, сколько свѣтлыхъ откровеній благородной, нѣжной женственной души. И какая человѣчность дышитъ въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ этой гениальной женщины. У нея нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привилегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества; для нея не существуетъ ни аристократа, ни плебея, — для нея существуетъ только человѣкъ, — и она находитъ человѣка во всехъ сословіяхъ, во всехъ слояхъ общества, любить его, гордится имъ и плачетъ о немъ».

¹⁾ George Sand. Par René Doumic. «La Revue Hebdomadaire» 6—13—20 Fevrier 1909.

Рядомъ съ этой лучшей характеристикой великой писательницы надо поставить замѣчательную, также русскую, ея біографію до 1845 г. Владимира Каренина, которую Думикъ считаетъ самою полною изъ всѣхъ вышедшихъ о ней книгъ и статей. Какъ эти два тома, такъ и многочисленныя сочиненія о Жоржъ-Зандѣ даютъ Думику полезный матеріалъ для его лекцій, которыя тотчасъ послѣ ихъ прочтенія печатаются въ «Revue Hebdomadaire». Впрочемъ, онъ черпаетъ много и изъ частныхъ архивовъ, неизданныхъ источниковъ, служащихъ новинками для характеристики автора ста романовъ, десяти томовъ автобіографіи и десяти томовъ переписки.

Знаменитая романистка Аврора Дюпенъ родилась въ Парижѣ 1-го іюля 1804 года и ея происхожденіе было самое странное и сложное: ея отецъ, Морисъ Дюпенъ, — блестящій, храбрый и веселый офицеръ, адъютантъ Мюрата въ Мадридѣ, — по возвращеніи во Францію неожиданно умеръ отъ несчастнаго случая на охотѣ. По отцѣ Аврора была отчасти аристократка, такъ какъ ея предкомъ съ лѣвой стороны были польскій король Августъ II, а дѣдомъ — Морицъ Саксонскій, дочерью котораго была бабушка будущей романистки, Марія Аврора, вышедшая замужъ сначала за побочнаго сына Людовика XV — графа Горна, а потомъ за стараго дворянина Дюпена де-Франкеля. Такимъ образомъ съ мужской стороны происхожденіе Авроры Дюпенъ было самое фантастическое. Напротивъ, ея мать происходила изъ народа: она была дочь птичника — веселая, грубая парижская работница. Мать — чисто-народная представительница — и бабушка съ отцовской стороны — полу-аристократка по культурѣ — боролись между собою во время ея юности послѣ смерти Мориса Дюпена. Съ дѣтства Аврора страстно любила природу и предавалась сентиментальнымъ мечтаніямъ; тринадцати лѣтъ бабушка отдала ее учиться въ монастырь Англичанокъ, гдѣ она пробыла спокойно и счастливо три года. Тамъ въ ней развилось сентиментальное, христіанское настроеніе, и она хотѣла поступить въ монахини, но ее отговорилъ, какъ ни странно сказать, ея духовникъ. Возвратясь въ Ноанъ, помѣстье бабушки, она семнадцати лѣтъ лишилась этой доброй старушки и, оставшись жить въ деревнѣ, страстно предалась чтенію философовъ: Локка, Кандильяка и Монтескье, а также Боссюэ, Монтеня и особенно Руссо, къ которому она пристрастилась до такой степени, что говорила: «Языкъ Жана-Жака и форма его дедукціи овладѣли мною какъ музыка при яркомъ солнцѣ. Я сравнивала его съ Моцартомъ — и понимала все». Кромѣ того, она зачитывалась Лабрюйеромъ, Мильтономъ, Данте, Виргилиемъ и Шекспиромъ. Эти чтенія возбуждали ея мозгъ, и «Рене» Шатобриана такъ подѣйствовалъ на нея, что она впала въ мрачное настроеніе и даже попыталась утопиться, но была спасена своей лошадыю. Аврора не только страстно предавалась чтенію, но и пыталась сама писать романы. Еще въ монастырѣ она начала два романа: религіозный и пасторальный, которые она, однако, имѣла благоразуміе разорвать. Поселившись въ деревнѣ, Аврора сочинила еще романъ, который постигла та же участь, какъ и его старшихъ братьевъ.

Въ 1822 году будущая гениальная писательница встрѣтилась съ молодымъ человѣкомъ, съ виду довольно изящнымъ, но, въ сущности, совершенно ничтожнымъ — барономъ Казимиромъ Дюдеваномъ. Онъ сразу влюбился въ нее и

женился. Ей было тогда 18 лѣтъ и, по ея собственнымъ словамъ въ первомъ ея сочиненіи «*Voyage en Auvergne*»: «Легко было замѣтить, что я недавно вышла изъ монастыря и была хорошенькой дѣвушкой. У меня былъ свѣжій цвѣтъ лица, хотя я была брюнетка. Я походила на цвѣты, распустившіеся на дикомъ, безыскусственномъ, необработанномъ кустѣ и даже безъ яркихъ и пріятныхъ красокъ. Волосы мои были густые, почти черные. Могу сказать, однако, что, смотря на себя въ зеркало, я никогда не доставляла себѣ большого удовольствія. Я смуглая, мои черты выточены, но не отдѣланы. Говорятъ, что выраженіе моего лица дѣлаетъ его интереснымъ,—и я этому вѣрю. Я права веселаго и однако мечтательно-дикаго. Самое естественное выраженіе моихъ чертъ — сосредоточенность. Говорятъ, въ моемъ разсѣянномъ взглядѣ заключалась пристальность, какая бываетъ у змѣи, когда она очаровываетъ свою жертву». Что касается души, внутренняго характера Авроры, то мать называла ее «святымъ спокойствіемъ», а монахини—«дремлющей водой». Такимъ образомъ, Казимиръ Дюдеванъ женился на женщинѣ, долго сдерживавшей свою нравственную силу, которая должна была неожиданно прорваться и увлечь все за собою. Самъ же онъ въ первое время любилъ жену только поверхностно и женился болѣе по расчету, чѣмъ по страсти. Аврора имѣла состояніе въ 500,000 франковъ и была гораздо богаче своего мужа, въ сущности, не имѣвшаго никакихъ средствъ. Что же касается до его молодой жены, то она никогда, ни въ какое время своей жизни его не любила, по той простой причинѣ, какъ говоритъ Эмиль Фагэ, что «Дюдеванъ былъ самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, а этого не терпитъ женщина возвышенная». При этомъ онъ былъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ положительнымъ, а она—натура романтическая. Онъ вѣрилъ только въ факты, а она—въ идеи. «Онъ пресмыкался на землѣ, а она вдохновлялась невозможнымъ».

Не прошло и двухъ лѣтъ со времени брака, какъ между молодыми супругами произошелъ совершенный разладъ, до оскорбленія дѣйствіемъ со стороны мужа. Впрочемъ, надо предположить, что они съ самаго начала не поладили: такъ, Аврора писала впоследствии своему сводному брату, Ипполиту Шатирону, какъ бы намекая на свой собственный жизненный опытъ: «Помѣшай зятю тиранить твою дочь въ свадебную ночь. Мужчины достаточно не знаютъ, что эта забава для насъ мученіе. Скажи же ему, чтобы онъ поберегъ свое удовольствіе и подождаль, чтобы его жена мало-по-малу привыкала понимать его и отвѣчать на его ласки. Ничего не можетъ быть ужаснѣе страха, страданія и отвращенія бѣдной дѣвочки, которая ничего не знаетъ и которую неожиданно насилуетъ грубое животное. Ее воспитываютъ, какъ святую, а потомъ сдаютъ, какъ молодую кобылу». Какъ бы то ни было, но Аврора и ея мужъ вскорѣ оба стали скучать и сначала переѣхали въ Плесси и въ Ормессонъ, а потомъ предприняли путешествіе въ Пиринеи. Здѣсь съ г-жой Дюдеванъ случилось событіе, сыгравшее рѣшительную роль въ ея жизни: она встрѣтила молодого, изящнаго, образованнаго прокурора, Орельяна Сэза, и они взаимно влюбились. Эта любовь была платоническая и продолжалась пять лѣтъ. По словамъ Владимира Каренина, русскаго историка Жоржъ-Занда: «нельзя не сказать, что Аврора полюбила Орельяна всѣмъ сердцемъ, умѣла не только успокоить его

страсть, но и совершенно утѣшила его. Она даже заставила его поплясться, что онъ не потребуетъ отъ нея рѣшительныхъ доказательствъ любви и уважить святость брака; такимъ образомъ, они всегда будутъ довольствоваться одной дружбой». Не имѣя, въ чемъ себя упрекнуть, Аврора отправила мужу письмо, въ которомъ подробно описала свои чувства къ Орельяну въ самыхъ реальныхъ краскахъ. Однако, несмотря на ихъ тѣсную дружбу, чрезъ нѣсколько лѣтъ они надѣли другъ другу. Въ то же время Казимиръ Дюдеванъ сталъ горько пить и ухаживать за горничными. Между тѣмъ у Авроры родились сынъ и дочь, Солянжъ, и на другой же день послѣ ея рожденія Дюдеванъ попался на мѣстѣ преступленія. Кромѣ того, она нашла его духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ грубо называлъ свою жену идиоткой. Въ женѣ высихнуло желаніе, во что бы то ни стало, разстаться съ мужемъ и жить въ Парижѣ на небольшой доходъ въ 1,500 франковъ съ ея имѣнія, а также на свой заработокъ. Дюдеванъ на это согласился, и въ началѣ января 1831 года она поселилась въ Парижѣ, оставивъ дѣтей въ Ноанѣ.

Въ то время Парижъ находился въ самомъ разгарѣ либеральной эпохи 1830 года. Литература, художество и музыка выставяли своихъ героевъ: Виктора Гюго, Мюссе, Бальзака, Делакроа, Делароша и Паганини. Молодая Аврора Дюдеванъ съ ненасытностью предавалась всякаго рода удовольствіямъ и наслаждалась Парижемъ. Она встрѣтилась съ нѣсколькими своими прежними молодыми пріятелями изъ Берри и особенно сошлась съ Феликсомъ Пиа и Жюлемъ Сандо, котораго еще на родинѣ многіе прочили ей въ любовники. Здѣсь же она, дѣйствительно, предавалась любви къ юному студенту и повела совершенно студенческую жизнь. Вотъ какъ рисовала она его портретъ; «маленькій Сандо любезенъ и легокъ, какъ колибри благоухающихъ саваннъ». Вообще біографы Жоржъ-Занда говорятъ очень мало о Жюль Сандо за недостаткомъ свѣдѣній объ его молодости. Но Думикъ нашель пятьдесятъ писемъ, написанныхъ Жоржъ-Зандомъ къ доктору Эмилю Реньо въ 1831, 1832 и 1833 годахъ, когда послѣдній былъ студентомъ медицины и ближайшимъ другомъ Жюля Сандо. Въ этихъ письмахъ она воспѣваетъ свою любовь къ Сандо и рассказываетъ съ мелкими подробностями, какъ они жили вмѣстѣ до своей разлуки. «Моя душа, жаждавшая любви, — писала молодая женщина, — нуждалась вдохновить ее сердцу, способному меня понять всю, со всѣми моими качествами и недостатками. Мнѣ была необходима душа племенная, чтобы она меня любила, какъ я умѣла любить, чтобы меня утѣшить отъ неблагодарностей, приводившихъ въ отчаяніе мою молодость. И хотя уже старая, я нашла это сердце, такое же молодое, какъ мое. Я нашла любовь, которую ничто не отталкиваетъ и которая каждый день укрѣпляется. Жюль меня привязалъ къ существованію, надѣвшему мнѣ и переносимому мною только изъ-за долга по отношенію къ моимъ дѣтямъ. Онъ украсилъ мою будничность, которая мнѣ заравѣ была противна и которая теперь мнѣ кажется полна имъ, его работами и успѣхами, его честнымъ и скромнымъ поведеніемъ. Ахъ, если бы вы знали, какъ я его люблю!»

Годъ шель за годомъ, и Аврора Дюдеванъ писала своей матери: «Мнѣ не нужны ни общество, ни шумъ, ни театры, ни спектакли, ни наряды, а только

свобода».—Она и имѣла въ избыткѣ эту свободу. Молодые люди жили, какъ настоящіе студенты: они разгуливали по улицамъ, обѣдали въ мелкихъ ресторанахъ, посѣщали кофейни и театры. Аврора для большаго удобства стала одѣваться по-мужски и вездѣ появлялась въ длинномъ клѣтччатомъ рединготѣ, сѣрыхъ широкихъ брюкахъ, въ такомъ же жилетѣ, толстомъ шерстяномъ галстукѣ и сѣрой поярковой шляпѣ. Такимъ образомъ, она казалась настоящимъ студентомъ. Для пропитанія себя и Жюля Сандо она сначала разрисовывала цвѣты на табакеркахъ и сигарочницахъ; но это ей не повезло. Тогда она обратилась къ журнальному труду, и ея пріятели помѣстили ея работы въ «Фигаро», въ то время маленькой газетѣ, издававшейся Андрѣ Латумемъ. Но и это ей не удалось. Наконецъ она вспомнила, что въ юности писала романы и даже недавно, въ 1829 году, сочинила новый романъ, но до того неудачный, что его пришлось бросить. При этихъ воспоминаніяхъ и по совѣту Сандо, она принялась вмѣстѣ съ нимъ писать романъ подъ названіемъ: «Роза и Бланшъ, или актриса и монахиня». Въ 1831 году они издали свой первый литературный трудъ и подписали его общимъ псевдонимомъ Жюля Занда. И это произведеніе имѣло нѣкоторый успѣхъ, хотя въ немъ не проглядывало таланта и даже оно было нелѣпо. Содержаніе его было слѣдующее. Двѣ сестры, Роза и Бланшъ, одна актриса, а другая монахиня—встрѣтились въ монастырѣ, куда вторая поступила по вдохновенію, а первая съ отчаянія, что ее соблазнилъ какой-то развратникъ. Впрочемъ, ни одна изъ нихъ не остается въ монастырѣ. Роза дѣлается извѣстной пѣвицей, а Бланшъ выходитъ замужъ за молодого человѣка, лишившаго ее невинности, схватываетъ горячку и умираетъ на рукахъ сестры, которая снова поступаетъ въ монастырь. Этотъ безмысленный романъ написанъ большею частью молодой писательницей, а Сандо только прибавлялъ отъ себя шутки и остроты.

На слѣдующій годъ вышелъ ея новый романъ: «Индіана», написанный уже одной великой романисткой, которая перемѣнила прежній псевдонимъ на Жоржъ-Зандъ. При этомъ она взяла имя, любимое на ея родинѣ, а фамилію оставила Сандо, измѣнивъ лишь конечную букву второго слога. Такимъ образомъ, Аврора Дюдеванъ сдѣлалась на всю жизнь, какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ Жоржъ-Зандомъ. Эта фамилія такъ утвердилась за нею, что даже ея сынъ назывался Морисъ Зандъ. Новый романъ былъ исторіей несчастливаго брака и имѣлъ громадный успѣхъ. Сама героиня «Индіана» впервые представила типъ непонятой женщины и въ продолженіе двадцати лѣтъ это былъ одинъ изъ предпочитаемыхъ типовъ французской литературы. Какъ романъ, «Индіана» былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ до пятидесятихъ годовъ прошедшаго столѣтія. Особенно отличались рельефностью отдѣлки какъ мужскіе, такъ и женскіе характеры. Сама же «Индіана» была такимъ популярнымъ типомъ непонятой женщины, что онъ вошелъ въ большую моду.

Въ то самое время, когда Жоржъ-Зандъ писала свое первое знаменитое литературное произведеніе, она начала разочаровываться въ Жюль Сандо. Онъ сдѣлался лѣнивымъ, мрачнымъ и канризмъ, какъ избалованный ребенокъ, и сталъ постоянно ссориться съ товарищами. Мало того, Жоржъ-Зандъ обна-

ружила его невѣрность съ первой попавшейся женщиной. Она не хотѣла ни за что Жюля простить и отравила его въ Италію, откуда уже отказалась звывать его обратно. Такъ кончился первый настоящій романъ Жоржъ-Занда и, по словамъ Думика, это была ея первая и громадная ошибка въ жизни. Романистка полагала, прибавляетъ онъ, что счастье обитаетъ въ студенческихъ комнатахъ. Это было самое банальное приключеніе, лишенное малѣйшаго психологическаго значенія и совершенно противоположное ея сентиментальному роману съ Орельяномъ Сэзомъ. Испытавъ неудачу въ брачной жизни, Жоржъ-Зандъ создала себѣ другую—въ свободной любви. Но и здѣсь потерпѣла неудачу. Только этимъ приключеніямъ, страданіямъ, ошибкамъ и разочарованіямъ мы и обязаны зарожденіемъ великой романистки.

— Еще письма И. С. Тургенева къ Пичу ¹⁾ — Во второмъ и третьемъ февральскихъ нумерахъ «Reveu Bleu», напечатаны продолженіе и окончаніе писемъ Тургенева къ Пичу. «Милый другъ!—писалъ онъ изъ Карлеруэ отъ 1 декабря 1868 г. — Тысяча благодарностей за фотографическую карточку, правда, прелестную. Я вложу ее въ рамку, и она будетъ украшать мою комнату. Да, мой другъ, мнѣ только что минуло пятьдесятъ лѣтъ или, какъ вы говорите, я оставилъ позади себя первую половину моего вѣка и не надѣюсь увидѣть конца будущей четверти. Впрочемъ, я знаю совершенно точно годъ моей смерти: это будетъ въ 1881 г. Моя мать мнѣ его предсказала въ сновидѣніи; тѣ же самыя цифры, что и въ годъ моего рожденія, но перемѣшанныя. Несомнѣнно, я умру въ 1881 году (если не раньше или не позже)—но это дурное число. Надо этому покориться. Г-жа Віардо заняла очень красивую квартиру 235 Lange Strasse, съ большимъ заломъ, гдѣ музыка производитъ прекрасное впечатлѣніе. Она уже одинъ разъ пѣла на вечерѣ у нашего друга Пола ари Шуберта и Шумана. Особенно надо слышать, какъ она поетъ «Sehnsucht». Тамъ былъ Лессингъ. На взглядъ, онъ походитъ на австрійскаго капитана въ отставкѣ, по своей дюжей и прямой турнюрѣ. Это художникъ безвкусный. Былъ еще другой художникъ фонъ-Дрейеръ, который много со мною говорилъ о г-нѣ Ришталѣ и другихъ берлинскихъ коллегахъ. Я думаю, онъ довольно поверхностный и, какъ бы вамъ сказать... Не знакомы ли вы съ нимъ случайно? Я еще не встрѣчалъ Волькмана, но приму его съ распростертыми объятіями, такъ же, какъ и Ришгала. Диди (вторая дочь г-жи Віардо и любимица Тургенева) работаетъ со рвеніемъ: она только что вышла мнѣ къ именинамъ снятіе со креста. Просто чудо! У этого ребенка болѣе воображенія, чѣмъ у Лессинга. Все идетъ хорошо. Только бѣдный Віардо очень состарѣлся. Я окончательно рѣшилъ перевести мою мрачную, скверную повѣсть, которая сумѣла понравиться петербургскимъ друзьямъ. Я радъ вашему успѣху въ Веймарѣ: вы увидите, что вамъ дадутъ орденъ Бѣлаго Сокола пераго класса. Меня очень огорчаетъ извѣстіе о здоровьѣ вашей жены. Будемъ надѣяться, что она скоро поправится. Въ декабрѣ у васъ будетъ m-lle Аглая, которая отправилась въ свое музыкальное турнэ. Теперь она живетъ въ Берлинѣ. Когда будутъ да-

¹⁾ Tourguéneff. Lettres à ses amis d'Allemagne. Annotées par M. Halperine-Kaminsky. «Revue Bleu», 13—20 Fevrier 1909.

ваться «Гугеноты», сходите послушать ихъ. Писать надо мнѣ до востребованія. Поклонъ всѣмъ милымъ друзьямъ, Менелю, Шмидту, его женѣ, Эккерту, Бегасу и проч. Снова благодарю васъ. Вашъ И. Тургеневъ.

Карлсруэ, 5 января 1869 года.

Милый другъ! Здѣсь все идетъ хорошо. Сегодня состоялся первый музыкальный вечеръ. Диди быстро дѣлаетъ успѣхи. Она очень симпатизируетъ своему профессору. Она работаетъ отъ двухъ до трехъ часовъ въ день въ его мастерской. Что касается меня, то, къ несчастью, я мало работаю:—это придетъ. Имя русскаго, который такъ хвалили мои сочиненія, должно быть, Кавелинъ, такъ какъ Анненковъ въ Петербургѣ, а Ханыковъ въ Самаркандѣ, гдѣ играетъ важную роль, какъ губернаторъ и преемникъ Тамерлана. При его тучной фигурѣ и малоподвижности у него ни въ чемъ нѣтъ недостатка для восточнаго достоинства. Мой рассказъ появится въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это не можетъ меня нимало интересовать: г-жа Вярдо считаетъ его самымъ худшимъ изъ моихъ сочиненій. При случаѣ я вамъ пришлю съ французскимъ текстомъ выписанный мною переводъ «Ергунова», по-моему, несчастный переводъ; можете ли вы быть столь любезны провѣрить его, согласно французскому тексту и прокорректировать. Однако не надо себя слишкомъ утруждать. Поклонъ друзьямъ. Я такъ хотѣлъ бы видѣть портретъ Менцеля. Не забудьте добраго Шмидта. Вашъ И. Тургеневъ.

Карлсруэ, 15 января 1869 г.

Милый другъ! Здѣсь начинается длинная исторія, которую я сокращу, насколько возможно. Въ городѣ Ригѣ есть издатель, довольно смѣшной тѣмъ, что захотѣлъ издать нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій. Ему пришла мысль начать съ «Отцовъ и дѣтей», и съ этимъ намѣреніемъ онъ обратился ко мнѣ. Я ему рекомендовалъ тотъ переводъ романа, который уже появился въ Штутгартѣ и, говорятъ, хорошій. Онъ купилъ этотъ переводъ и прислалъ ко мнѣ съ просьбой отослать его затѣмъ въ типографію въ Рудольштадтъ. Начинаю его провѣрять и нахожу, что переводъ (нѣмецкій), сдѣланный съ французскаго, очень плохъ. Съ трудомъ я пробѣжалъ съ дюжину главъ и не могъ продолжать. Къ тому же мнѣ слишкомъ мало знакомъ нѣмецкій слогъ. Изъ этого вы видите мое положеніе. Между тѣмъ я совѣтовалъ ему позаботиться о переводѣ. Поэтому я дѣлаю добродѣтельному и безкорыстному издателю (такъ какъ что можетъ принести подобная вещь?) предложеніе послать вамъ экземпляръ для исправленія. Онъ, безъ сомнѣнія, принимаетъ мое предложеніе и вотъ вы теперь принуждены нести это тяжелое бремя. Я не хочу слишкомъ отвращать васъ отъ этой работы, будучи убѣжденъ, что съ головокружительной быстротою, съ какой вы принимаетесь за работу, она будетъ окончена въ два дня. Дѣло идетъ только о сравненіи этого перевода съ превосходнымъ французскимъ переводомъ. Я, «я этого не могу»,—какъ поетъ Шуманъ. Если рижскій издатель (этого идеальнаго человѣка зовутъ Е. Беръ) обратится къ вамъ, скажите ему ваши условія въ виду того, что это не должно дѣлаться *gratis pro deo*. Я беру на себя расходы, какъ виновникъ всего—моя рекомен-

дація причина всего несчастія. Отвѣчайте мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ и заранѣе примите мою благодарность (Вы можете отказаться, если у васъ много работы). Боже мой! Зачѣмъ непремѣнно хотятъ меня переводить. Дружески жму вамъ руку И. Тургеневъ.

Бадень-Бадень, 8 июня 1869 г.

Милый Пичъ! Я хочу быть на высотѣ XIX вѣка и прошу васъ сдѣлать мнѣ рекламу. Слушайте. Мнѣ нужна критика на «Отцовъ и дѣтей». Сдѣлайте ее холодно и искренно, хорошо выказавъ свое удивленіе, что русская молодежь такъ дурно поняла характеръ Базарова, который ей показался карикатурой, клеветущей на эту молодежь. Докажите, что я обрисовалъ ее скорѣе героическимъ и идеальнымъ образомъ (что правда), и скажите, что у русской молодежи слишкомъ чувствительная шкурка. Дѣло въ томъ, что меня незаслуженно оскорбили изъ-за Базарова. Меня обозвали «Иудой, осломъ, ядовитой жабой» и т. д. Поэтому для меня будетъ истиннымъ удовлетвореніемъ показать, что другія націи не судятъ объ этомъ такъ же. Смѣю просить этой рекламы: она не противорѣчитъ ни истинѣ, ни вашему личному убѣжденію. Иначе я ее не попросилъ бы. Напишите ее, какъ можно скорѣе, чтобы я могъ прибавить ея переводъ къ моимъ литературнымъ воспоминаніямъ, которыя скоро появятся. Г-жа Вярдо со вчерашняго дня въ постели: она простудилась, но это не серьезно. Привѣтъ. И. Тургеневъ.

P. S. Что же фельетоны?

Бадень-Бадень, 21 июня 1869 г.

Милый другъ! Очень благодаренъ за быстрое исполненіе моей просьбы. Ваша статья въ Фоссовской газетѣ тысячу разъ слишкомъ хвалебна. Я съ удовольствіемъ прочиталъ фельетоны Станжена, только я хотѣлъ бы нѣчто болѣе сжатое. Послѣ довольно долгаго перерыва возобновились музыкальныя утра; на нихъ присутствовала королева и говорила со мною о васъ и о вашихъ фельетонахъ. Она желаетъ ихъ прочесть. Пришлите же мнѣ ихъ. У насъ въ читальнѣ есть Фоссовская газета, но она издаетъ такой запахъ, пройдя черезъ столько рукъ, что, право, боишься оскорбить королевскій носъ. Счастье вамъ: васъ читаетъ королева Августа! Когда вы пріѣдете? Мы работаемъ надъ опереткой, но опасаясь, что первое представленіе едва ли осуществится ранѣе 5 августа. Могу почти точно опредѣлить 10 августа. Итакъ, имѣющій уши да слышитъ. Мой привѣтъ друзьямъ, а также вашей семьѣ. Мой второй томъ исправленъ. Издатель Берсенкеръ поговариваетъ уже о третьемъ и четвертомъ томахъ. Это удивительный человѣкъ. Вамъ нечего мучиться угрызеніями совѣсти по поводу микроскопическихъ ошибокъ въ «Ергуновѣ». Ихъ тамъ исправили. Привѣтъ. И. Тургеневъ.

Изъ Веймара отъ 17 февраля 1870 г. Тургеневъ написалъ чрезвычайно остроумно-юмористическое письмо: «Милый Пичъ! Уже нѣсколько дней вся семья здѣсь и дрожитъ отъ стужи. Да, дрожитъ самымъ плачевнымъ образомъ. Холодъ рѣзкій, веймарскіе дома выстроены изъ листовъ старой папки, склеенныхъ вмѣстѣ старыми слюнями. Въ моей комнатѣ не болѣе семи градусовъ,

несмотря на безрерывный адскій огонь. Вода ночью замерзаетъ, и я просыпаюсь съ ледяными сосульками на бородѣ. Одна только мысль, одно только желаніе: огня! тепла! Всѣ двигаются взадъ и впередъ, нагруженные угольями и дровамп. У всѣхъ руки грязныя и растрескавшіяся, носы красныя, мокрыя, у всѣхъ насморкъ, всѣ кашляютъ и говорятъ хриплымъ и суровымъ басомъ. Всякій надѣлъ на себя все, какое имѣется, платье, и всѣ смотрятъ другъ на друга какъ бы стеклянными отъ холода глазами. Мысль, что живешь въ городѣ, прославленномъ знаменитой четой двухъ великихъ поэтовъ, безусловно не имѣетъ значенія. Даже чувствуется расположеніе къ недоброжелательству. Говоришь себѣ: очень возможно, что эти два толстые старика передъ театромъ передаютъ свой металлическій холодъ окружающему ихъ воздуху—и въ сердцѣ каждаго проскальзываетъ глухой гнѣвъ. Это можетъ быть новой причиною не прощать Гёте, что онъ поселился въ Веймарѣ. Естественно, нечего и думать о какой бы то ни было работѣ; моя мозговая оболочка совершенно застыла, и то небольшое воображеніе, которое отъ времѣ до времени бросало слабый лучъ, внезапно погасло и навсегда исчезло... Пшты!.. не безъ того, чтобы все-таки издать послѣдній слабый и хриплый трескъ. Боги моего Олимпа теперь: Jupiter—Rhumus, Luna—Angina, Apollo—Coryza и Venus—Bronchita. Купидонъ же—бѣлый медвѣдь, кувыркающійся въ снѣгу. Ужасно! Ужасно! (Ужасная смерть). Не могу не прибавить, что вся семья плетъ вамъ дружескій привѣтъ и, естественно, я—также. Мнѣ пришла мысль: что бы вамъ пріѣхать въ Веймаръ, быть можетъ, согласно гомеопатическому принципу: *similia similibus*, холодъ исчезнетъ, такъ какъ вы, по правдѣ сказать, воплощенный насморкъ. Во всякомъ случаѣ, мы соберемъ то небольшое тепло, какое у насъ осталось, чтобы поздравить васъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Въ данный моментъ собачка Мими даже и та кашляетъ. А ты, на половину замерзшее письмо, покидаешь оледенѣвшій городъ Веймаръ, чтобы отправиться въ Берлинъ, гораздо большій городъ, но еще болѣе обледенѣлый. Тамъ ты дашь довольно скудную мысль о насъ обоихъ. Пока у меня остался проблескъ сознанія, обращаюсь съ лучшимъ привѣтомъ къ вашей милой семьѣ, Ленкѣ, Шмидту и Эккерту. Здѣсь я растаялъ, какъ глыба снѣга. Прощайте. Вашъ И. Тургеневъ.

Р. S. Одинъ Домъ не замерзъ. Когда у насъ 25°/о мороза, онъ беретъ въ руки тросточку и задыхается отъ жары.

Р. S. P. S. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ мое письмо, я—подъ вліяніемъ чаръ какой-то колдуньи.

Р. S. P. S. Не распечатывайте моего письма въ теплой комнатѣ: оно растаетъ какъ по волшебству.

Письмо изъ Веймара отъ 26 февраля 1870 г. рисуется милый, дѣтски-добродушный характеръ Тургенева.

«*Pitchissimo carissimo!*» Прошу васъ оказать мнѣ услугу. Вотъ въ чемъ дѣло. Я послалъ Отто Сервальду, нотариусу, *Wilhelmstrasse, 82*, автографъ, въ которомъ я цитирую три стиха Гёте, сдѣлавъ двѣ ошибки. Мнѣ это неприятно: могутъ подумать, что я не въ совершенствѣ знаю моего Гёте. На колѣняхъ умоляю васъ, сходите къ нотариусу и дайте ему прилагаемый автографъ. До сихъ поръ въ Веймарѣ все идетъ хорошо. У меня теперь

теплая комната. Всё со мною любезны и очень предупредительны. Что касается театра, то сказать — нечего. Надѣюсь, что ваши дурныя предчувствія не осуществятся. Мой привѣтъ всёми вашимъ друзьямъ. Жму вамъ руку и посылаю лучшія пожеланія. Вашъ И. Тургеневъ.

Р. С. Черезъ недѣлю въ воскресенье дадутъ «Орфея». Г-жа Віардо будетъ пѣть въ концертъ въ Іенѣ.

Веймаръ, 22 апрѣля 1870 г.

Мой милый покровитель и другъ! Если вѣрить письму Берсеркера, «Am Vogabend» появится только въ сентябрѣ:—значить, у насъ впереди много времени. Сперва я плохо понималъ. Вотъ распредѣленіе моего времени до тѣхъ поръ. До 10 мая—я остаюсь здѣсь; отъ 10 до 15—поѣздка въ Баденъ; отъ 15 до 16—въ Берлинъ къ Пичу; отъ 16 мая до 16 іюля—въ Россію: Петербургъ, Москва, Орель и т. д.; 17 іюля въ Берлинъ къ Пичу (если онъ тамъ будетъ); 18 іюля (рожденіе г-жи Віардо) снова въ Баденъ на неопредѣленное время. Я съ наслажденіемъ прочиталъ ваши «Путевыя впечатлѣнія». Разумѣется, это будетъ картинная и прелестная книга. Мой привѣтъ всёми нашимъ добрымъ друзьямъ. Появилась ли книга Шмидта? Здѣсь все идетъ къ лучшему. Г-жа Віардо даетъ завтра блестящее утро, очень пышное, сама будетъ пѣть и т. д. Здѣсь исполняли симфонію Раффа—чудная вещь, и оперу того же автора — скучную. Эккертъ хранитъ глубокое молчаніе. Изъ «Zaubere» ничего не сдѣлаютъ, и мы не поѣдемъ въ Берлинъ. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь съ вами скоро увидѣться. Вашъ вѣрный И. Тургеневъ.

Веймаръ, 16-го апрѣля 1870 года.

Милый другъ! Берсеркеръ (!) снова неистовствуетъ. Теперь онъ хочетъ выпустить четыре маленькихъ тома въ одно время съ «Наканунѣ» и пишетъ мнѣ, что рукопись должна быть въ печати черезъ двѣ недѣли. Я ее пробѣжалъ и кое-какъ поправилъ триста ошибокъ. Но основательно не могу взяться за ея исправленіе, потому что уѣзжаю въ началѣ мая и возвращусь въ концѣ іюля. Не возьметесь ли вы за это? Можете вы это сдѣлать? Быть можетъ, вы уже отдали предпочтеніе... или какому-нибудь другому путешествію. Прежде всего у васъ, кажется, въ рассказахъ, озаглавленныхъ: «Сцены изъ русской жизни», подъ рукою французскій переводъ «Елены», который можетъ послужить вамъ для сравненія. Во-вторыхъ, вы знаете съ давнихъ поръ мою манеру дѣйствовать перомъ. Пришлите же мнѣ скорѣе короткій и рѣшительный отвѣтъ, потому что Берсеркеръ рветъ и мечетъ. Если вы не можете оказать мнѣ этой услуги, то, какъ вы думаете, могу ли я обратиться къ Дому. Г-жа Віардо возвратилась къ намъ изъ Цюриха простуженной; у нея сильный гриппъ и страшный кашель, только нѣсколько дней ей стало лучше. Вѣроятно, завтра она будетъ пѣть въ концертъ, а позже въ «Пророкъ». За исключеніемъ этого, все почти идетъ хорошо. Листъ здѣсь и «порядочно-таки кокетничаетъ со всѣми». Несмотря на то, надо сознаться, что онъ замѣчательный человѣкъ, а такъ какъ онъ, правда, любитъ г-жу Віардо, то я его также люблю. Я окончилъ новѣсть «Стенной король Лиръ», которая по своей скотствости производитъ впечат-

лѣніе амура, не амура Рубенса съ ярко-красными щеками, но русскаго, блѣднаго, толстаго и грубаго. Опасаюсь, что г-жа Віардо съ десятой страницы встанеть и уйдетъ. И еще не читаль ей этой бездѣлицы. Итакъ, ожидаю отвѣта, чтобы немедленно сообщить Берсеркеру. Привѣтъ вашей женѣ, семьѣ и вѣрнымъ друзьямъ. Дружески жму вамъ руку. И. Тургеневъ. P. S. Эти ужасные «Meister Singein», повидимому, окончательно одержали побѣду. Prütz Emmuckos (Вагнеръ) можетъ потиратъ себѣ руки.

Бадень-Бадень, 9 сентября 1870 года.

Милый Пичъ! Это не событія, это удары грома, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ. Едва есть время перевести духъ, совершенно ошеломлены: императоръ взятъ, 10000 французовъ въ плѣну, объявлена республика, Парижъ, быть можетъ, будетъ взятъ черезъ нѣсколько дней. Много другихъ событій еще совершится. Мы здѣсь живемъ въ тревожномъ ожиданіи. Нѣсколько словъ, посланныхъ намъ съ поля сраженія отъ..., дошли до насъ благополучно, хотя немного опоздали. Въ началѣ апрѣля мы были насторожѣ. Все было уложено, и мы готовы были немедленно отправиться въ Вильбаденъ, если разъяренная орда переправилась бы черезъ Рейнъ. Теперь уже давно мы вернулись къ нашей спокойной жизни. Вся семья Віардо здорова. Работаютъ на раненыхъ, занимаются музыкой, читаютъ, и часы протекаютъ. Что касается меня, вы знаете, я совершенно нѣмецъ, уже по той причинѣ, что побѣда Франціи была бы уничтоженіемъ всей свободы. Только не должны были позволять имъ сжигать Страсбургъ; съ ихъ стороны это было неловкостью, безо всякой цѣли. Никогда не сдѣлали бы теперь этого относительно Парижа. Пріѣзжайте въ Бадень; ваша комната готова. Въ данный моментъ она пуста. Нѣсколько времени тому назадъ она была занята другимъ старымъ другомъ, Мюллеромъ-Струбингомъ. До свиданія. И. Тургеневъ.

Лондонъ, 18 іюля 1871 года.

О ты, сумѣвший, какъ Ахиллъ, Донъ-Жуанъ и Алкивиадъ, остаться вѣчно молодымъ! Ты единственный смертный, которому дано схватить за волосы быстрокрылую Форуну, ты, сумѣвший своей мужественной рукой опрокинуть ее навзничъ и, сознавая свою побѣду, смѣло дать ей поцѣлуй, — тебѣ, любимцу Фортуны, спѣшу отвѣтить съ быстротою молніи. Вся семья (включая и меня) отправляется въ Булонь 29 іюля и останется тамъ до 8—10 августа подышать морскимъ воздухомъ; затѣмъ возьметъ путь на Бадень и проживетъ въ этомъ городѣ два мѣсяца. Что касается меня, то я покину Булонь 8-го и отправлюсь въ Эдинбургъ, по случаю столѣтняго юбилея Вальтеръ-Скотта; отсюда я поѣду на недѣлю къ одному другу въ Шотландію и буду участвовать въ великолѣпной охотѣ. Затѣмъ я также отправлюсь въ Бадень и останусь тамъ до 1 ноября. Bravo! Если вы намѣрены пріѣхать въ Англію, то мы можемъ тамъ видѣться только нѣсколько дней. Во всякомъ случаѣ, вамъ надо пріѣхать въ Бадень, гдѣ вся семья, правда, живетъ очень уединенно, но это еще лучше. Здѣсь все идетъ хорошо. Г-жѣ Віардо исполнится пятьдесятъ лѣтъ (!), а между тѣмъ она здорова, полна жизни и весела.

Баденъ-Баденъ, 14 сентября 1871 года.

Милый Пичъ! Вопреки своему желанію я долженъ васъ просить не прѣзжать въ Баденъ. Домъ проданъ московскому банкиру и долженъ быть сданъ ему въ началѣ октября. Уже много мебели унесено, особенно изъ вашей комнаты. Кромѣ того, у меня ужасный припадокъ подагры, захватившей колѣно, двѣ недѣли я лежу въ постели, какъ масса, и, по всей вѣроятности, я буду принужденъ оставаться въ комнатѣ цѣлый мѣсяцъ. Въ этомъ домѣ все носитъ отпечатокъ смерти, разложенія, запущенія, вѣчной разлуки; веселый, здоровый человѣкъ не долженъ приходиться въ такое жилище: одно его присутствіе нарушить тамъ печальную гармонію всего. Видите, я могу быть откровененъ. Итакъ, милый Пичъ, до свиданія въ Парижѣ, когда мнѣ будетъ лучше. Но тогда мы заживемъ весело, если только все пойдетъ хорошо. Въ данный моментъ часы протекаютъ мирно, въ одиночествѣ, и злые духи царятъ, какъ хозяева. Мой лучший привѣтъ семьѣ и друзьямъ. Благодарю Шмидта за его благосклонную статью, появившуюся въ «Allgemeine Zeitung» въ августѣ мѣсяцѣ, въ которой, какъ всегда, нашлось мѣткое слово. Его взглядъ критическаго изслѣдователя проникаетъ въ самые сокровенные изгибы. Вашъ П. Тургеневъ.

Въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена отъ 14 декабря 1871 года сказывается грустное настроеніе Ивана Сергѣевича при мысли о приближеніи старости, и въ то же время такъ и брызжутъ остроумныя шутки. «Caro amico Ludovico! — пишеть онъ. — Тысячу разъ благодарю васъ за ваше любезное письмо и добрыя пожеланія. Быстро летишь по склону, когда достигнешъ пятидесяти трехъ лѣтъ. Изъ любви къ Богу достаньте такую обувь, которая позволила бы мнѣ удержаться на этой опасной дорогѣ». О своихъ работахъ онъ говоритъ слѣдующее: «Стукъ, стукъ» было переведено два раза. Это меня удивляетъ; вашъ переводъ, безъ сомнѣнія, будетъ превосходный. Я только что исправилъ мое маленькое сочиненіе. Мнѣ хотѣлось, чтобы оно было полно лазуревыхъ облаковъ и пѣнія жаворонковъ, но я замѣчаю, что оно производитъ впечатлѣніе ядовитаго гриба. Никогда я не писалъ ничего столь безнравственнаго. Ужасъ!»

Изъ Парижа отъ 15 декабря 1871 года онъ упрекалъ Пича за молчаніе и за неразборчивый почеркъ, изъ-за котораго онъ не понялъ половины письма и жаловался на подагру. Въ это время онъ углубился въ работу: пересматривалъ «Вешнія Воды», почти не интересуясь парижской жизнью. «Я совсѣмъ не могу предвидѣть, въ какую эпоху эта повѣсть будетъ переведена на французскій языкъ, — пишеть онъ между прочимъ, — и ничего не сдѣлаю для этого. Поэтому я рѣшительно не знаю, когда вы можете прочесть это новое произведеніе моего мозга. Что касается «Стукъ, стукъ», право, не стоитъ труда его переводить. Эта бездѣлица не заслуживаетъ быть переведенной. Вашъ postscriptum повергъ меня въ большое изумленіе. Право, я не знаю, что означаетъ эта вещь и какъ она попала вамъ въ руки (впрочемъ, долженъ прибавить, что это мѣсто вашего письма является самымъ прекраснымъ экземпляромъ каллиграфіи meister Пича). Другой кто-нибудь можетъ взяться за разъясненіе этой тайны, что касается меня, то эта исторія для меня загадка. Относительно вашей меланхолии, право, я ей симпатизирую,

однако не безъ того, чтобы не подуматъ: «Auf Hieseln im Bache, liegt er so hell...» и говорю себѣ, что все устроится». Вотъ какъ отзывался Тургеневъ о французской республикѣ. «Здѣшнюю республику,—пишетъ онъ,—можно сравнить съ «cabinet indogre»: всѣ имъ пользуются и никто не хочетъ признаться, что пользовался имъ. Возможно, что Орлеаны вернутся къ власти, но это не пройдетъ безъ шума. Впрочемъ, увидимъ». Вообще онъ говоритъ о Франціи того времени далеко не съ энтузіазмомъ. «Ненависть противъ Германіи,—пишетъ онъ,—истинно колоссальна. Впрочемъ, это единственная колоссальная вещь во Франціи въ данный моментъ». Въ послѣдующихъ письмахъ Ивана Сергѣевича все чаще и чаще проглядываетъ грустное настроеніе, хотя порою къ нему примѣшивается добродушно-остроумный юморъ. Въстѣ съ тѣмъ его замкнутость продолжалась и, сообщая, что домъ г-жи Віардо вскорѣ будетъ готовъ для пріемовъ, онъ говоритъ: «Что касается меня, то я живу, какъ улитка въ раковинѣ, и не хочу иначе жить, чтобы не быть принужденнымъ повѣрить, что Франція опасно больна. Мое новорожденное дитя (какъ они говорятъ) появится 19 января въ «Вѣстникѣ Европы». Не знаю, когда его переведутъ, можетъ быть, скоро, можетъ быть, позже, можетъ быть, никогда, но какъ только его переведутъ, я его вамъ пришлю. Это, безъ всякаго сомнѣнія, безнравственное произведеніе, но такой Митридатъ, какъ вы, глоталъ поопаснѣе яды и отъ нихъ становился очень здоровымъ. Не правда ли, мое «Zweite Welle mehr»? Мы быстро спускаемся по склону; вѣчная ночь, нѣмая, глухая, угрожаетъ поглотить нашъ умъ въ своихъ холодныхъ и мрачныхъ потемкахъ. Я совершенно ничего не знаю относительно «Исповѣди»; я никогда ее не писалъ и не понимаю, кто могъ мнѣ ее приписать. Однако, мнѣ хотѣлось бы ее прочитать».

Добрая, дѣтски-привязчивая натура Ивана Сергѣевича вся вылилась въ слѣдующемъ письмѣ отъ 17 февраля 1872 года, изъ котораго видно, что между ними пробѣжала какая-то тѣнь: «Мой великодушный покровитель и другъ!—писалъ онъ Пичу:—я замѣтилъ, какъ бы ни были превосходны дружескія отношенія между двумя лицами, всегда случаются моменты, когда одинъ изъ друзей производитъ на своего друга впечатлѣніе мертвой собаки и не можетъ требовать съ его стороны бѣльшаго уваженія. Признаки и многочисленные симптомы заставляютъ меня думать, что этотъ моментъ пришелъ относительно меня и моего друга Пича, meines deutschen Putschke». Если, по несчастію, это такъ, вамъ остается только хранить молчаніе; мое сердце, полное печальныхъ предчувствій, обольется кровью, но не разобьется. Если, однако, я ошибаюсь,—ошибки свойственны людямъ,—скажите мнѣ только одно слово, и я обрадуюсь». Затѣмъ опять онъ выражаетъ недовольство, что «все идетъ навыворотъ во Франціи и Парижѣ», и сообщаетъ о своей поѣздкѣ въ Россію и о томъ, что его повѣсть въ «Вѣстникѣ Европы» потерпѣла фіаско.

Въ слѣдующемъ письмѣ Тургеневъ выражаетъ радость, что Пичъ не сердится на него. «Я былъ очень счастливъ, узнавъ, что вы меня еще любите, и упрекалъ себя за то, что сомнѣвался въ вашемъ расположеніи». «Улитка» стала понемногу выходить изъ своей «раковины» и уже говоритъ, что «время идетъ довольно пріятно», хотя тутъ же сообщаетъ, что проводить время въ

спячкѣ, вѣроятно, подразумѣвая подъ этимъ свою творческую дремоту, такъ какъ здѣсь же рассказываетъ, что посѣтилъ выставку картинъ Реньо и собирается въ Россію черезъ Берлинъ. Однако въ слѣдующемъ письмѣ онъ извѣщаетъ своего «*Pitchissimo carissimo*» что опять его не увидитъ и обвиняетъ «судьбу», какъ въ «Прекрасной Еленѣ»! Это письмо изъ мѣстечка *Saint Valéry-sur-Somme* отъ 19 іюля 1872 года—«спокойной, прелестной и живописной страны». «Къ несчастью,—продолжаетъ онъ,—у меня снова подагра и я съ трудомъ могу таскаться съ двумя костылями. Эта проклятая болѣзнь удерживаетъ меня цѣлый мѣсяцъ. Надо терпѣть до конца». Сообщая о здорovьи семьи Вярдо, у членовъ которой «страшный аппетитъ, они спятъ, какъ великаны, и предаются самой сладкой лѣни», онъ сѣтуетъ, что есть еще кое-что не ладное: у г-жи Вярдо болитъ и пухнетъ палецъ, и поэтому онъ проситъ прислать изъ Берлина мази, которою онъ когда-то самъ пользовался. «Я дѣдушка!—заканчиваетъ онъ это письмо!—Наконецъ! Третьяго дня у моей дочери родилась дѣвочка».

Его просьбу почему-то Пичъ не исполнилъ, и въ слѣдующемъ письмѣ отъ 27 іюля 1872 года онъ опять его проситъ прислать мази. Между ними снова произошла размолвка на почвѣ патриотическихъ чувствъ. «Боже,—пишетъ Иванъ Сергѣевичъ,—какъ преувеличена ваша обидчивость нѣмца. Я даже скажу, что, со времени вашего блестящаго успѣха, ваша обидчивость стала подобна обидчивости старой дѣвы. Какъ? вы не можете перенести легкихъ царяцкъ, которыя я вамъ причинилъ въ моей послѣдней повѣсти. Я наносилъ удары гораздо ужаснѣе моимъ соотечественникамъ, которыхъ я однако люблю. Въ одной нѣмецкой газетѣ «*Petersburger Zeitung*» одинъ критикъ, говоря обо мнѣ, громко жаловался, и обратился съ воззваніемъ ко всемъ офицерамъ нѣмецкой арміи, чтобы избавить міръ отъ клеветника и безстыднаго лжеца (дѣло шло обо мнѣ). Я считалъ нѣмцевъ болѣе способными на хладнокровіе и разсудительность; въ этомъ отношеніи русскіе ихъ превосходятъ. Не думаете ли вы, право, что, для удовлетворенія требованіямъ нѣсколькихъ французовъ, я избавился отъ этого бѣднаго Деврана и отъ всей его театральной махинаціи? Моя послѣдняя повѣсть довольно дурна, но что въ ней заключается лучшаго и правдиваго, то именно эти нѣсколько строкъ. Такъ императрица очень благопріятнаго обо мнѣ мнѣнія? Прежде всего оно исходитъ отъ такой высокой особы и т. д. Отъ всего сердца желаю вамъ быть здоровому и имѣть успѣхъ въ вашихъ предпріятіяхъ, какъ бы они не были противорѣчивы и сложны. Вамъ надо носить, какъ Францискъ I носилъ, саламандру на вашемъ щитѣ, съ такимъ девизомъ: «Лишь среди огня я чувствую, что живу».

Поѣздка въ Россію состоялась, и Тургеневъ писалъ изъ *Saint Valéry-sur-Somme* 11 сентября 1872 года, что «наконецъ» снова увидѣлъ Россію, былъ въ Москвѣ и посѣтилъ Эрмитажъ. Къ сожалѣнію, онъ ничего не пишетъ о вынесенномъ имъ впечатлѣніи, а говоритъ только, что очень счастливъ, что «моя повѣсть вамъ понравилась»,—очевидно, въ печать попали не всѣ письма къ Пичу. «Я надѣялся, что вы помѣстите въ Фоссовой газетѣ нѣсколько легкихъ путевыхъ замѣтокъ,—писалъ онъ.—Вы были бы очень любезны, если бы мнѣ ихъ доставили. Сдѣлайте это для меня». Затѣмъ Тургеневъ сообщалъ, какъ

онъ распредѣлил время и что отправляется къ дочери, чтобы присутствовать на крестинахъ внучки. Оттуда онъ собирался въ Ноамъ къ Жоржъ-Занду на нѣсколько дней, потомъ въ Бадень-Бадень и Парижъ. «Затѣмъ надѣюсь имѣть возможность отправиться въ Петербургъ, и именно вутаается бѣсъ, если, наконецъ, я съ вами не встрѣчусь. Я не могу избавиться отъ моей подагры. У меня были жестокіе припадки и еще теперь я принужденъ ходить въ туфляхъ. О, Донъ-Жуанъ, Донъ-Жуанъ! Это я къ вамъ обращаюсь! Препечальная вещь старость. Правда, что вамъ это совѣтъ не знакомо: вы продолжаете срывать самые прекрасные цвѣты».

Жалобы на подагру все учащаются и въ слѣдующемъ письмѣ, уже изъ Парижа, отъ 18 ноября 1872 года, благодаря за присланное Пичемъ поздравленіе въ день своего рожденія, Тургеневъ говоритъ: «Долженъ также вамъ признаться, что, очень вѣроятно, въ тотъ моментъ, когда вы мнѣ писали, я изливалъ въ глубинѣ моего сердца самыя неистовыя проклятія противъ этой несчастной жизни. Все потому, что дѣйствительно у меня былъ двѣнадцатый припадокъ подагры въ теченіе шести мѣсяцевъ, и это былъ самый страшный. Теперь приходится учиться, какъ таскаться съ костылями въ ожиданіи, когда меня захватитъ тринадцатый припадокъ. Вы легко поймете, въ какомъ я ужасномъ настроеніи духа при такихъ обстоятельствахъ. По счастью, семья Віардо здорова, а вообще это самое существенное». «Наслаждайтесь жизнью, пока ваши ноги основательны и сильны,—оканчиваетъ Тургеневъ свое письмо,—иногда благосклонно вспоминайте о бѣдномъ трущѣ, который зовется И. Тургеневъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Парижа, отъ 3 января 1873 года, Тургеневъ пишетъ: «Милый Пичъ! Ни въ 1871, ни въ 1872 году, ни въ какомъ году христіанской эры я не писалъ ни одного письма близко или далеко похожаго на то, на которое вы ссылаетесь. И вы думаете, что я послалъ письмо въ «Gaulois» или «Figaro»? И, который не знаетъ никакого французскаго журналиста и который, изъ осторожности, держится отъ нихъ подалеже. Во всей этой исторіи нѣтъ ни слова правды, и я не могу понять, какъ подобная вещь не попала мнѣ въ руки, такъ какъ вы сообщаете, что всѣ газеты объ этомъ говорятъ. Я досталъ всѣ «Gaulois» и «Figaro» первой половины 1871 г. Хотѣлось бы мнѣ знать, воспользовался ли какой негодяй моимъ именемъ, или вся эта исторія чистый вымыселъ. Я готовъ подписать всевозможныя деклараціи, какія хотите, если Шмидтъ и вы найдете ихъ умѣстными. Я напишу Берсеркеру письмо по-свойски. Какъ! За всѣ мои труды (я ему правилъ корректуры и т. д.) онъ мнѣ далъ только четыре или пять экземпляровъ, которые онъ долженъ былъ послать моимъ друзьямъ, и онъ этого не сдѣлалъ. Положительно, онъ свинья».

Русская лѣнь засасывала Тургенева и въ Парижѣ, а въ то же время неотвязная мысль о приближеніи къ концу жизненнаго пути стала проявляться въ письмахъ все чаще, и 4 апрѣля 1873 года онъ писалъ, что, какъ въ болотѣ, увязъ въ лѣни и *far niente* и едва можетъ писать. «Я почти нахожусь въ условіяхъ, желательныхъ для вступленія въ тѣ «бѣдыя области», о которыхъ говорить Гейне,—только чувствуется чертовски не по себѣ, когда я объ этомъ по-

думаю. Плодъ болѣе чѣмъ созрѣлъ, я не дѣлаю никакихъ усилій, чтобы его поддержать, поэтому тяжелый, неподвижный онъ виситъ на своей сгнившей вѣткѣ. Это красивое сравненіе даетъ, къ несчастью, слишкомъ вѣрное изображеніе дѣйствительности. Не могу пожаловаться на свое здоровье. Я ѣмъ и пью вполне хорошо,—но это все, что я дѣлаю хорошаго». По словамъ Тургенева, его единственной страстью въ это время были картины. Въ письмѣ изъ Парижа, отъ 6 мая 1873 года, онъ извѣщалъ, что разсчитываетъ пріѣхать въ Вѣну на выставку и хотѣлъ бы остановиться въ одной гостиницѣ съ Пичемъ. Затѣмъ слѣдуетъ довольно продолжительный перерывъ въ перепискѣ, и слѣдующее письмо уже изъ Вуживаля отъ 1 августа 1873 года; въ немъ Тургеневъ пишетъ: «Милый Пичъ! Исторія съ молодыми особами, оснаривающими другъ у друга мой стаканъ,—безусловная ложъ; также ложна и легенда, согласно которой у меня длинная борода, закрывающая почти всю грудь. Одинаково невѣрно, что я близкій другъ графа Строганова; мнѣ было бы даже непріятно быть просто его другомъ. Я никогда у него не бывалъ, такъ что Юліусъ Вальтеръ, или, скорѣе, Флехлессъ, хотѣлъ поднять меня на смѣхъ, потому что я старательно избѣгалъ его. Это нѣчто вродѣ Мефистофеля съ принципами; его умъ заключается въ составленіи фразъ, въ сущности же это только грамматикъ. Я окончилъ курсъ леченія; онъ послужилъ кое для чего и немного утишилъ мою подагру. Теперь я снова «at home» и чувствую себя совершенно по себѣ. Увидимъ, что будетъ». Благодаря жену Пича за присланный портретъ «кавалера Захеръ-Мазоха», Иванъ Сергѣевичъ прибавляетъ: «Какая карикатура: и («mindenstens Baronin!») по крайней мѣрѣ баронесса. Не будь этой надписи, я бы сдѣлалъ изъ него украшеніе моего water-closet'a».

Сердечная привязанность къ семьѣ г-жи Віардо, которую, какъ извѣстно, Тургеневъ боготворилъ, и къ ея дочери Диди особенно выразилась въ письмѣ отъ 3 января 1874 года изъ Парижа, написанномъ въ радостномъ тонѣ. Изъ него видно, что Иванъ Сергѣевичъ былъ весь захваченъ совершившимся событіемъ, о которомъ сообщалъ Пичу, извиняясь, что опоздалъ отвѣтомъ. «Недѣлю тому назадъ мы справляли обрученіе той, къ которой я питаю самую вѣрную любовь,—я хочу сказать: Диди. Не удивительно ли, что я могу отвѣчать на ваше сообщеніе о помолвкѣ вашей дочери такимъ же сообщеніемъ. Поздравляю васъ по поводу счастливой новости, о которой вы мнѣ сообщили» Объяснивъ социальное и семейное положеніе жениха, владѣльца большой типографіи, онъ прибавляетъ: «Молодые люди были знакомы уже нѣсколько времени, что рѣдкость во Франціи. У меня на глазахъ произошло зрѣлище пробужденія двухъ юныхъ сердецъ къ любви. Никогда я не былъ свидѣтелемъ болѣе восхитительной исторіи любви. Нашъ братъ писатель неловкій воспроизводитель такого сорта вещей или почти таковой. По счастью, я болѣе не пишу и такимъ образомъ избавленъ отъ искушенія воспроизводить подобное зрѣлище. Однако я съ жадностью воспринимаю эти впечатлѣнія».

Въ письмѣ отъ 21 марта Тургеневъ опять жалуется на подагру въ лѣвой ногѣ, что мѣшаетъ ему двигаться, но, по его словамъ, это «не очень важно». «Я сдѣлался совершеннымъ варваромъ относительно искусства; я теперь, что называется, любитель и между прочими картинами я досталъ лѣсной пейзажъ

Диаза: эта картина превосходит всё существующія. Это тоже важная вещь, не правда ли?» Между прочимъ онъ также сообщилъ, что отправится въ Россію «по тысячѣ причинъ и изъ предосторожности». Послѣ этого письма онъ написалъ Пичу изъ Москвы 13 мая 1874 года, но, къ сожалѣнію, и въ этомъ письмѣ Иванъ Сергѣевичъ ничего не говоритъ о Россіи, а только лаконически замѣчаетъ, что его «*сага patria*», право, страна чудесъ. «Въ другомъ письмѣ изъ Петербурга онъ сообщаетъ, что совершенно здоровъ среди этого водоворота». Между прочимъ, упоминая о своей повѣсти «Живыя мощи», онъ называетъ ее «незначительнымъ сочненіемъ».

Но возвращеніи въ Парижъ здоровье Тургенева опять ухудшилось, и 7 октября онъ писалъ: «Милый Пичъ! Я только что получилъ ваше письмо, написанное въ наипрекраснѣйшемъ С-тажеув'номъ тонѣ и я счастливъ, что вы такъ хорошо поживаете. Къ сожалѣнію, я не могу сказать того же о себѣ, я продолжаю съ трудомъ влачить больныя ноги и на себя я произвожу впечатлѣніе совершенно увѣчнаго старика». Далѣе онъ говоритъ: «Я не колоссально богатъ; однако у меня были въ рукахъ деньги, немного болѣе денегъ, чѣмъ обыкновенно, и, естественно, я принялся немедленно сорить ими. Я столько ихъ промоталъ, что у меня не осталось подходящей суммы, чтобы предложить вамъ за портретъ Вяземскаго. Если 200 или 250 талеровъ вамъ достаточно, то по рукамъ, но если дѣло идетъ о шедеврѣ, то, естественно, надо располагать болѣе значительной суммой». Затѣмъ онъ сообщилъ, что «Записки охотника» прибыли, и онъ получилъ корректуру на нихъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что переводчикъ не очень силенъ въ русскомъ языкѣ и совершенно неловкій, «въ чемъ вы не виноваты». Жалуясь на высокую цѣну предметовъ искусства въ Берлинѣ, онъ говоритъ: «Когда вы приѣдете въ Парижъ, то портретъ г-жи Віардо, сдѣланный моимъ соотечественникомъ Харламовымъ, будетъ совершенно законченъ. Онъ стоитъ только три тысячи франковъ, а между тѣмъ я твердо стою на томъ, что нѣтъ на землѣ другого художника, который могъ бы что-нибудь сдѣлать столь совершенное. Правда, что теперь надо платить за его портреты сто тысячъ франковъ. Мы его захватили въ минуту зарожденія его славы». Въ письмѣ отъ 19 апрѣля, касаясь одной статьи, чрезвычайно для него лестной, въ «*Gegenwart*», онъ дѣлаетъ поправку въ имени своего отца и говоритъ: «Я ничего не знаю о семейныхъ традиціяхъ. Я провелъ молодость вдали отъ городовъ и свѣтской жизни. Эту глубокую ненависть къ крѣпостничеству я черпалъ въ окружающихъ, которыхъ находилъ глубоко ненавистными».

Чрезвычайно характерно онъ рисуетъ одну русскую княгиню Б., приѣхавшую въ Карлсбадъ. «Она еще очень молода, но ея волосы совершенно сѣдые. Вотъ кто бы вамъ вскружилъ голову. Это странное созданіе! Она холодна и чувственна, какъ демонъ; въ одно и то же время пѣломудренна и поэтична, полна злобы и нѣжности. Рѣдко я видѣлъ такую странную смѣсь противоположныхъ качествъ». Объ оперѣ Рубинштейна «Маккавел» Иванъ Сергѣевичъ говоритъ: «Въ «Маккавелхъ» есть чрезвычайно красивыя мѣста. Но находится ли въ нихъ вѣрное воспроизведеніе еврейскихъ нравовъ, или это индивидуальное произведеніе?» Говоря о смерти Визэ, онъ называетъ его

«Карменъ» самой оригинальной оперой, появившейся въ Парижѣ со времени «Фауста» Гуно. Въ предпоследнемъ письмѣ изъ Буживаля, отъ 6 ноября 1875 г., Иванъ Сергѣевичъ опять вспоминаетъ о своемъ возрастѣ. «Милый другъ, давно я хотѣлъ вамъ написать, но куда адресовать письмо? «Людвигу Пичу въ Европу»? Это придется, но еще въ данный моментъ этого недостаточно. Итакъ, вы, какъ перелетная птица, направили свой полетъ къ Милану. Надѣюсь, однако, что вы, наконецъ, возвратились. По правдѣ сказать, ничего особеннаго я вамъ не сообщу, мнѣ просто хотѣлось проявить предъ вами признакъ жизни. Лѣтъ, неподвижность, слабость органическихъ функций, *fat niente*, совершенное отсутствіе веселости и жара—вотъ что я у себя установилъ, а эти симптомы—предвозвѣстники моихъ минувшихъ 57 лѣтъ. Прощай мечты! Единственная вещь, которая можетъ меня развлечь,—зрѣлище молодости и счастья другихъ. Въ этомъ зрѣлищѣ у меня недостатка нѣтъ. Во мнѣ совершенно умеръ писатель. У меня нѣтъ ничего, что бы я могъ сказать, и ничего не будетъ». Однако послѣ такого пессимистическаго рѣшенія своей участи Тургеневъ, вѣрный своей русской натурѣ, воспринялъ снова духомъ и въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 25 декабря 1875 г., посылая Пичу пожеланія съ Новымъ годомъ, «съ удовольствіемъ установилъ, что каждая строка вашего письма дышитъ силой, свѣжестью ума и тѣла. Ваше письмо—письмо здороваго человѣка, сознающаго свою силу и выражающаго ее! Впрочемъ, и у Віардо также нехудо «*Sui'povedada*», какъ говорятъ испанцы, — здоровье и спокойствіе во всѣхъ отношеніяхъ. Въ данный моментъ семья многочисленна, какъ никогда; я тоже здоровъ; поэзія и подагра оставили меня въ покоѣ; къ несчастью, и охота, такъ какъ во Франціи нѣтъ охоты. Я очень мало работаю. Въ «*Gegenwart*» появится еще одна маленькая повѣсть, подписанная моимъ именемъ (названа «Часы» — цѣнность незначительная). Мнѣ обѣщали прислать корректуру въ Парижъ, чтобы я могъ ее просмотрѣть. Во Франціи республика, кажется, хочетъ укорениться. Сначала опасались, чтобы Бисмаркъ не вырвалъ ея корни прежде, чѣмъ они углубятся въ почву, но я думаю, что у Бисмарка есть много другихъ дѣлъ».

— Итальянская королевская чета.—Пребываніе въ Мессинѣ итальянскаго короля и королевы во время разразившейся тамъ катастрофы вызвало симпатіи къ коронованной четѣ почти всѣхъ итальянцевъ. Это пребываніе описываетъ англійскій пасторъ Александръ Робертсонъ въ мартовской книжкѣ «*Pall Mall Magazine*»¹⁾. По его словамъ, королева Елена съ утра до вечера навѣщала больницы, а король Викторъ-Эмануиль III неустанно бродилъ по улицамъ между развалинами, помогая спасать несчастныхъ и ничуть не жалѣя себя. Между прочимъ Робертсонъ рассказываетъ, какъ къ королю подбѣжалъ четырехлѣтній ребенокъ и, снявъ шляпу, подѣловалъ ему руку съ любезностью придворнаго. Тронутый король поднялъ на руки ребенка и спросилъ, какъ его зовутъ. Последній отвѣчалъ: «Умберто». Король спросилъ: «А гдѣ твои родители?» Ребенокъ указалъ рукою на два трупа, лежавшихъ недалеко на развалинахъ. «Отвезите его въ Римъ,—произнесъ король,

¹⁾ The king and queen of Italy. By the r. v. Alexander Robertson. «*Pall-Mall Magazine*». March 1909.

обращаясь къ одному изъ своихъ флигель-адъютантовъ:—онъ будетъ моимъ сироткой». Мальчугана доставили въ главный дѣтскій пріютъ въ Римѣ, и онъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ «Умберто, королевскій сирота». Что касается королевы, то она не только энергично ухаживала за взрослыми ранеными, но сама на рукахъ относила раненыхъ дѣтей съ берега на суда, служившія временными лазаретами. Въ то время, когда она укладывала на кровати несчастныхъ, произошелъ новый подземный ударъ. Всѣ больные въ пснугѣ бросились бѣжать и въ дверяхъ импровизованной палатки сбили съ ногъ королеву.

Кромѣ картинъ месенскихъ ужасовъ, Робертсонъ представляетъ характеристику итальянской королевской четы, которая, по словамъ автора, еще до катастрофы пользовалась глубокимъ уваженіемъ итальянскаго населенія. Викторъ-Эмануилъ III не только образованный и знающій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, но и близко знакомый со всѣми политическими и общественными вопросами настоящаго времени. Онъ обнаруживаетъ особый тактъ во внѣшнихъ дѣлахъ и въ послѣднее время замѣтно улучшилъ отношенія Италіи съ Россіей, Франціей и Англіей. Благодаря своему воспитанію, король страстно преданъ военному дѣлу и почти всегда носитъ военный мундиръ, а, посѣщая казармы, съ особой тщательностью пробуетъ пищу солдатъ, которую при малѣйшей недоброкачества заботится измѣнить къ лучшему. Что касается его любимыхъ частныхъ занятій, то они состоятъ въ нумизматикѣ, которою онъ началъ заниматься съ десятилѣтняго возраста. Теперь его коллекція монетъ заключаетъ 50.000 самыхъ замѣчательныхъ въ Италіи. Онъ состоитъ почетнымъ предѣтелемъ итальянскаго нумизматическаго общества и принялся за составленіе «corpus nummorum italicorum»—описаніе всѣхъ историческихъ итальянскихъ монетъ. Какъ мужъ, отецъ и человѣкъ, король, по словамъ профессора Моранди, представляетъ образецъ совершенства. Онъ ведетъ жизнь безукоризненно-нравственную и женился исключительно по любви, не слѣдуя никакимъ политическимъ или семейнымъ побужденіямъ. Его дворъ нельзя укорить ни въ какомъ отношеніи, что составляетъ почти рѣдкость въ Европѣ. По строгому правилу, всѣ служащіе при итальянскомъ дворѣ непременно люди женатые, а въ арміи онъ совершенно уничтожилъ сильно процвѣтавшій обычай дуэли. Что касается королевы Елены, вышедшей замужъ двадцати трехъ лѣтъ, то она дочь черногорскаго князя Николая и княгини Милены. Она необыкновенно хороша собою: высокаго роста, стройная и съ большими черными глазами. Воспитаніе королева получила сначала домашнее, подъ руководствомъ родителей и дѣда; отецъ училъ ее исторіи, географіи и современнымъ языкамъ, мать—музыкѣ, шитью и кулинарному искусству, а дѣдъ, князь Мирко,—черногорской литературѣ и народной поэзіи, вселившей въ нее самый горячій патріотизмъ. Потомъ она поселилась въ Петербургѣ и, поступивъ въ Смольный институтъ, прошла курсъ образованія подъ наблюденіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. До переселенія въ Италію она обыкновенно говорила по-французски, но со времени ея свадьбы она такъ привыкла къ итальянскому языку, что говоритъ и пишетъ по-итальянски. Она хорошо играетъ на фортепиано и чрезвычайно любитъ снимать фотографическіе виды и портреты.

Подобно дѣду и отцу, она отличается поэтическимъ талантомъ и написала много лирическихъ произведеній. По характеру она чрезвычайно симпатична и нѣжна. Хотя у нея родились три дочери и одинъ сынъ, наследникъ Умберто, но она до сихъ поръ страстно любитъ лазать по горамъ и охотиться на своей родинѣ на пеликановъ и волковъ. По этому поводу рассказываютъ слѣдующій анекдотъ. Однажды она ѣхала въ коляскѣ съ одной изъ придворныхъ дамъ, графиней Тригони, и попросила ее поддержать ружье. Вскорѣ она вамѣтила, что молодая женщина была очень перепугана, и потому она сказала ей: «Дайте мнѣ ружье, я его сдѣлаю для васъ безопаснымъ». И она немедленно выстрѣлила въ воздухъ. По природѣ королева Елена застѣнчива и, по словамъ пастора Робертсона, еще недавно боялась войти въ пріемную вдовствующей королевы Маргариты, пока послѣдняя не приходила за ней въ сосѣдную комнату и не приводила ее за руку. Напротивъ, она отличается твердостью воли и храбростью въ несчастныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время мессинской катастрофы.

— Бѣлый домъ и Вильямъ Тафтъ.—4 марта новаго стиля только что выбранный президентъ Соединенныхъ Штатовъ вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей и поселился въ домъ, предназначенномъ для главы республики. Въ большей части американскихъ журналовъ, а также въ недавно изданной въ Нью-Йоркѣ двухтомной книгѣ «Исторія Бѣлаго дома» мистриссъ Этеръ Сингльтонъ заключается подробный и основательный рассказъ о Бѣломъ домѣ, о томъ, какимъ онъ былъ въ прежнее время и каковъ онъ теперь. Это знаменитое, но на взглядъ не великолѣпное зданіе съ греческими портикомъ и колоннадой было построено въ 1792 году, и строитель получилъ за него отъ правительства золотую медаль и премію. До президентства Рузвельта «Бѣлый домъ» былъ не только личной резиденціей президента, но въ немъ помѣщалась также его канцелярія. При этомъ, по словамъ Этеръ Сингльтонъ, передняя отдѣлялась отъ пріемной простою дверью краснаго дерева, а далѣе слѣдовали частные апартаменты президента. Теперь помѣщеніе президента гораздо обширнѣе, и весь Бѣлый домъ принадлежитъ ему одному: канцелярія же и служащіе президента помѣщаются въ скромномъ домѣ, построенномъ рядомъ. Послѣдніе все-таки жалуются, что конгрессъ отводитъ своему официальному главѣ и его свитѣ слишкомъ скудное помѣщеніе; но во всякомъ случаѣ уже виденъ шагъ къ прогрессу въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, когда комнаты были засалены и полны табачныхъ окурковъ.

Въ старину Бѣлый домъ былъ очень простой и скромный, совершенно въ демократическомъ духѣ, хотя основатель республики Вашингтонъ и принималъ гостей въ черномъ бархатномъ костюмѣ, напудренномъ парикѣ, желтыхъ перчаткахъ, при изящной шпагѣ, протягивалъ руку не всѣмъ своимъ гостямъ, и никто изъ нихъ не смѣлъ безъ приглашенія начинать съ нимъ разговоръ. Вообще, первый президентъ позволялъ себѣ значительную роскошь и ѣздилъ всегда въ Капитолій въ каретѣ шестерикомъ, потому что онъ получалъ большое содержаніе въ сравненіи съ теперешнимъ, именно въ 50.000 долларовъ (100.000 рублей). Послѣдующіе президенты, получая небольшое содержаніе, вели себя скромно, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Кливлендъ и Макъ-Кинлей экономничали въ значительной степени, такъ что по-

слѣдній въ теченіе пяти лѣтъ своего президентства накопилъ 750.000 франковъ, которые оставилъ послѣ своей смерти женѣ. Что же касается Рузвельта, то онъ расходовалъ много денегъ въ свое президентство, тѣмъ болѣе, что имѣлъ наличнаго дохода до 50.000 франковъ въ годъ, не считая значительной суммы, получаемой имъ за свои сочиненія. Президентъ постоянно приглашалъ въ Бѣлый домъ на завтраки, обѣды и ужины; онъ даже имѣлъ оригинальный обычай принимать у себя не только по вечерамъ, но даже оставлять гостей почевать. Вообще, говорятъ, онъ такъ много расходовался на приемы и угощенія, что это было одной изъ причинъ, не дозволившихъ ему въ третій разъ баллотироваться въ президенты.

Бѣлый домъ такъ популяренъ въ настоящее время въ Америкѣ, что мартовскій номеръ «Century Magazine» названъ «Нумеромъ Бѣлаго дома» и снабженъ на заглавномъ листѣ виньеткой, которая изображаетъ жилище президента. Въ настоящей книжкѣ журнала помѣщено описаніе, какъ пребывалъ въ Бѣломъ домѣ одинъ изъ президентовъ, Рутерфордъ Гейзъ. Между прочимъ тутъ же помѣщенъ интересный анекдотъ о посѣщеніи Бѣлаго дома русскими великими князьями, Алексѣемъ и Константиномъ. Былъ поднятъ вопросъ, заключавшійся въ томъ, подавать ли великимъ князьямъ за обѣдомъ вина, такъ какъ президентъ и его жена принадлежали къ обществу трезвости и никогда никого не угощали виномъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ, что было бы неприлично и нелюбезно по отношенію Россіи, если бы великимъ князьямъ, имѣвшимъ привычку пить вино, его не дали. Поэтому были поставлены стаканы не только противъ великихъ князей, но и противъ приборовъ президента и его жены, хотя вино пили только великіе князья, а американцы даже не прикасались къ нему. Великіе князья съ удовольствіемъ его пили, не замѣчая, что хозяйева не пьютъ. Послѣ обѣда члены общества трезвости были очень недовольны этой президентской продѣлкой, и уже болѣе никогда не подавалось вина за столомъ Гейза.

Въ той же книжкѣ «Century Magazine» Кальвинъ Вильсонъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Наши президенты внѣ дома», описавъ въ ней обстоятельно и интересно, какъ американскіе президенты вели жизнь внѣ предѣловъ Бѣлаго дома. Такимъ образомъ, хотя внѣшняя жизнь президентовъ, собственно говоря, не касалась ихъ жилища, но она все-таки близко соприкасается съ «Бѣлымъ домомъ». Первый президентъ Вашингтонъ болѣе всѣхъ бывалъ на чистомъ воздухѣ. Онъ съ юности страстно любилъ охоту, особенно на лисицъ. Кромѣ того, онъ увлекался рыбной ловлей и всегда съ большимъ удовольствіемъ ѣздилъ верхомъ и гулялъ. Его примѣру слѣдовали многіе изъ его преемниковъ, какъ, напримѣръ, Джеферсонъ, Мадисонъ, Монро, Фильморъ, Линкольнъ, Грантъ, Кливлендъ, Рузвельтъ. Изъ всѣхъ двадцати пяти до сихъ поръ чередовавшихся президентовъ, наиболѣе страстнымъ ходякомъ былъ Джонъ Квинсъ Адамсъ. Онъ ходилъ ежедневно по три и по четыре мили до и послѣ обѣда, пѣшкомъ отправлялся въ Капитолій и во время своихъ частыхъ путешествій по заграничнымъ странамъ совершалъ тамъ безконечныя прогулки. Такъ, находясь въ Пруссіи, онъ написалъ въ своемъ дневникѣ: «Сегодня мы съ графомъ Головкинымъ гуляли послѣ обѣда». А находясь до своего президентства посломъ въ С.-Петербургѣ въ 1709—

1711 годах, онъ постоянно съ удовольствіемъ прогуливался по набережной Невы и катался съ горъ на Каменномъ островѣ у французскаго посланника. Президентъ Мадисонъ и одинъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, Генри Гаррисонъ, не столько занимались различнымъ спортомъ, какъ простымъ земледѣльческимъ трудомъ. Они находили особое удовольствіе въ собственноручномъ воздѣлываніи земли. Что же касается Линкольна, то онъ славился, какъ стрѣлокъ, атлетъ и игрокъ въ мячъ. Въстѣ съ тѣмъ онъ всѣхъ поражалъ своей необыкновенной силой, и Вильсонъ, сравнивая Линкольна, освободителя американскихъ рабовъ, какъ силача, гнувшего подковы, съ царемъ-освободителемъ русскихъ крестьянъ, дѣлаетъ очевидную ошибку, такъ какъ освободителемъ былъ Александръ II, а силою отличался Александръ III. Въ концѣ своей статьи авторъ упоминаетъ о замѣчательномъ любителѣ всякаго рода спорта Рузвельтѣ и скромномъ въ этомъ отношеніи, только что избранномъ президентѣ Тафтѣ, который чрезвычайно любитъ играть въ «golf».

Наконецъ, лучший американскій журналъ, по признанію всѣхъ американцевъ, посвятилъ въ своемъ номерѣ «Бѣлаго дома» три статьи новому президенту Соединенныхъ Штатовъ. Изъ нихъ первая и вторая анонимныя и называются «Личность новаго президента» и «Поворотные столбы въ карьерѣ Тафта», а третья «Джемсъ Леруа и Тафтъ какъ администраторъ». Благодаря какъ этимъ тремъ очеркамъ, такъ и многочисленнымъ силуэтамъ новаго президента во всѣхъ газетахъ Стараго и Новаго Свѣта, легко себѣ составить полную характеристику Вильяма Тафта. Съ внѣшней стороны—это необыкновенно рослый, коренастый человѣкъ, на взглядъ настоящій атлетъ. По характеру же, онъ очень добродушный человѣкъ, и съ его губъ не сходитъ сердечная улыбка. По словамъ его біографовъ, онъ будетъ представлять въ Бѣломъ домѣ наилучшій типъ американской жизни, самые возвышенные идеалы и стремленія американскаго народа. Тафтъ родился 15 сентября 1858 года въ городѣ Цинциннати и воспитывался въ уэльскомъ университетѣ. Двадцати двухъ лѣтъ онъ занялся адвокатурой и потомъ, избравъ судебную карьеру до 1901 года, былъ генеральнымъ прокуроромъ въ Вашингтонѣ и послѣ этого судьей федеральнаго суда въ Огіо. Какъ конечная цѣль его карьеры, ему мерещилось мѣсто верховнаго судьи Соединенныхъ Штатовъ, но въ 1901 г. его назначили на Филиппинскіе острова гражданскимъ губернаторомъ. Ему предстояло разрѣшить самую тяжелую задачу—научить туземное населеніе управлять собою. Въ теченіе четырехъ лѣтъ это ему удалось, и туземцы признали его своимъ лучшимъ другомъ. Подъ его руководствомъ открылись необходимыя школы, повсюду стало царствовать правосудіе, и административныя злоупотребленія окончательно исчезли. Туземцы такъ его полюбили, что называли «Sancto Taft». Одинъ изъ нихъ, служившій у него возчикомъ въ Манилѣ, такъ къ нему привязался, что не хотѣлъ съ нимъ разстаться, когда онъ уѣхалъ въ Америку. На свои сбереженія онъ взялъ билетъ на пароходъ до Санъ-Франциско, а оттуда добрался иѣшкомъ до Вашингтона, собирая милостыню, — и снова поступилъ на службу къ своему «отцу Тафту». Тафтъ былъ назначенъ военнымъ министромъ во время президентства Макъ-Кинлея и на этомъ посту оставался до избранія его въ президенты. Его замѣчательный талантъ администратора такъ высоко цѣнился Рузвельтомъ,

что онъ говорилъ: «Нѣтъ возвышеннѣ типа по благородству, честности и работоспособности, какъ Тафтъ». Когда Рузвельтъ отказался отъ намѣренія баллотироваться въ третій разъ, что не принято въ Америкѣ, то онъ поставилъ за себя кандидатомъ Тафта, вернувшася въ прошедшемъ году изъ своего путешествія по Россіи. Избирательная борьба Тафта съ его соперникомъ Брайаномъ была самая энергичная. Первый изъ нихъ представлялъ кандидата крупныхъ банковъ и большихъ финансовыхъ обществъ, такъ называемыхъ трестовъ, а второй поддерживалъ интересы рабочихъ классовъ и даже социалистовъ. Въ результатѣ оказался избраннымъ Тафтъ, и 4 марта онъ вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. При этомъ Рузвельтъ скромно удалился изъ Бѣлаго дома и на другой же день вошелъ въ роль хроникера газеты «Outlook», а затѣмъ отправился въ Африку для охоты на тигровъ. Это время его жена проведетъ въ Европѣ, преимущественно въ Неаполѣ, и съ мужемъ встрѣтится въ Египтѣ, именно въ Хартумѣ, въ 1910 году.

— Баку—королева керосина. — Наіша богатая нефтью Баку, заслужившая за границей названіе «королевы керосина», уже давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ. Одинъ изъ нихъ, Ренэ Муленъ, лично побывавшій въ Баку, описалъ какъ ее, такъ и царящіе въ ней порядки въ февральской книжкѣ «Revue Hebdomadaire». По его словамъ, «королева керосина» является съ своими 200.000 жителями громаднымъ муравейникомъ, въ которомъ копаются и суетятся всѣ національности земного шара. Какіхъ только нѣтъ тамъ націй: и татары, и армяне, и грузины, и персы, и китайцы, не считая европейцевъ, собравшихся со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта. Люди всевозможныхъ расъ, всевозможныхъ религій смѣшиваются въ одну общую массу: магометане, шіиты и сунниты, православные и католики, буддисты, огнепоклонники—всѣ слились въ одинъ общій хаосъ, хаосъ языковъ, представляя настоящее вавилонское столпотвореніе.

Всѣ эти различные по религіи люди имѣютъ одного бога — наживу, и этотъ богъ олицетворяется въ свѣтловатой жидкости, называемой нефтью. Всѣ ихъ надежды на этого бога: зачѣмъ истощать себя отысканіемъ скромнаго заработка, продолжительной усидчивой работой, когда, при небольшомъ счастьѣ, нефть можетъ вдругъ превратить вчерашняго несчастливца въ миллионера. «Королева-нефть царствуетъ здѣсь, какъ тиранъ,—говоритъ Муленъ: — никогда еще деспотъ не господствовалъ такъ всецѣло надъ своими подданными, какъ она». Вся эта толпа пришельцевъ носитъ одну, общую всѣмъ искателямъ фортуны физиономію, — физиономію, какую встрѣтишь на алмазныхъ приискахъ Капа (Каштадтъ), въ Калифорніи или Клондайкѣ. Въ грязныхъ кабакахъ и раззолоченныхъ гостиницахъ на всѣхъ устахъ одна фраза: не забьетъ ли новый фонтанъ нефти? какъ велика будетъ цифра дохода? При этомъ воображеніе тѣмъ болѣе разыгрывается, что каждый мнитъ себя уже богачомъ. Это лихорадочное ожиданіе счастья, а затѣмъ горькое разочарованіе какъ-то конвульсивно отражается на всѣхъ лицахъ и особенно поражаетъ только что пріѣхавшихъ иностранцевъ.

Объяснивъ, что нефтью въ промышленности называется жидкость, слегка окрашенная, улетающая при 100° и исходящая изъ земли, авторъ говоритъ, что ея происхожденіе до сихъ поръ — спорное. Существуетъ множество ги-

потезъ, но фундаментальныхъ три. Болѣе новая теорія, поддерживаемая нѣмецкимъ химикомъ Энгелемъ, состоитъ въ томъ, что нефть—продуктъ разложенія животныхъ и растений морского происхожденія. Глубина залежей нефти мѣняется согласно землѣ, однако въ послѣдніе годы стало замѣтно, что приходится глубже бурить почву, чтобы достигнуть этой жидкости.

Несмотря на все создаваемые новыя затрудненія, приписываемыя увеличенію расходовъ по эксплуатаціи, число желающихъ пощипать счастье со дня на день увеличивается. Ничто не въ силахъ ихъ удержать: ни рискованное буреніе, ни, по выраженію Мулена, драконовскія условія, которыя государство предъявляетъ теперь всѣмъ покупателямъ. Въ началѣ дѣятельности въ Баку, т. е. около 1870 г., администрація довольствовалась продажей земель безъ другихъ формальностей. Въ то время не подозревали, какое богатство скрывало Баку въ своихъ нѣдрахъ; поэтому первые покупатели и особенно, по словамъ автора, привилегированные, приобретали участокъ земли за 1000 франковъ, который въ настоящее время даетъ своимъ владѣльцамъ годового дохода 150.000 и 200.000 франковъ.

Изъ такихъ разрастающихся со дня на день громаднхъ богатствъ государство пожелало имѣть свою часть, и условія контрактовъ были измѣнены: съ тѣхъ поръ администрація ограничилась сдачей въ аренду земель на долгіе сроки, при этомъ сохранивъ себѣ, кромѣ того, высокій процентъ съ каждаго пуда извлеченной нефти. Такая гениальная, по словамъ Мулена, комбинація предоставляетъ государству выгоду участвовать, ничѣмъ не рискуя, въ прибыли владѣльца, при этомъ она является важнымъ недостаткомъ для послѣдняго, сокращая болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, его прибыль и такимъ образомъ предоставляя его на произволъ биржевой игры, аналогичной той, которая произошла во время знаменитаго краха керосина въ 1890 г., когда цѣна на нефть внезапно упала до 5 коп. за пудъ, т. е. ниже суммы процента, какую владѣлецъ принужденъ выплачивать государству (10 коп. съ пуда). Но, по словамъ Мулена, убивать курицы, несущей золотыя яйца, не слѣдовало, и потому была заведена новая система, позволившая эксплуататору безопасно переносить внезапныя пониженія на нѣсколько копеекъ. Она функционируетъ до сихъ поръ нормально, хотя синдикатъ керосинщиковъ считаетъ ее—заслуживающей критики. Эта система состояла въ томъ, что администрація сдавала земли съ торговъ и оставляла ихъ за тѣми, кто предлагалъ больше, т. е. соглашался выплачивать съ дохода какой бы то ни было наибольшій процентъ, рѣдко менѣе 40⁰/₁₀₀. Бывали случаи, что въ горячкѣ состязанія на торгахъ предлагалось даже до 70⁰/₁₀₀ (?). Помимо этого, предприниматель долженъ былъ внести въ банкъ сумму, представляющую двѣ трети дохода съ предполагаемаго производства нефти въ теченіе года, основываясь на среднемъ, установленномъ согласно производству уже эксплуатируемыхъ колодцевъ, причемъ цѣна на нефть опредѣлялась казною по 25 копеекъ.

Авторъ находитъ, что настоящія условія даютъ эксплуататорамъ керосина до смѣшного ничтожный доходъ, если принять во вниманіе, что расходъ по буренію, всегда очень значительный, остается на ихъ обязанности. Выѣстъ съ тѣмъ надо предвидѣть неизбѣжные случаи неудачъ во время буренія. Кромѣ того, случается, что до залежи нефти доберешься лишь послѣ двухъ-

лѣтнихъ работъ, а между тѣмъ въ теченіе этого времени владѣлецъ несетъ на себѣ значительные расходы, не получая даже самаго маленькаго дохода.

Въ описаніи Мулѣна Баку является своего рода Монте-Карло. Съ тою же лихорадочной тревогой, какъ игрокъ въ рулетку, эксплоататоръ ожидаетъ рѣшенія своей судьбы, которая заставляетъ ждать этого рѣшенія подолгу. Такъ, нѣкто Зубаловъ вложилъ все свое состояніе въ буреніе колодца на Биби-Эйбатъ. Достигнувъ безъ всякаго результата глубины, гдѣ, по его расчету, должна показаться нефть, онъ однакоже не пришелъ въ отчаяніе и, реализировавъ остатки своего состоянія, продавъ брильянты жены, онъ вложилъ послѣднюю вырученную сумму въ дѣло. Еще нѣсколько недѣль тянулись работы, но нефть все не показывалась. Предстояло полное разореніе, и Зубаловъ началъ думать о самоубійствѣ, какъ вдругъ забилъ великолѣпный, громадный фонтанъ. Теперь Зубаловъ—архи-милліонеръ. Сколько тревоги, ужасныхъ мученій переживаютъ эксплоататоры каждый разъ, когда заглядываютъ на дно колодца и не видятъ драгоценной жидкости. Другимъ, напротивъ, какъ, напримеръ, князю Челокаеву, счастье улыбается въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ: его фонтанъ нефти не истощается въ теченіе этого долгаго срока и даже получилъ названіе «дѣдушки».

Неутомимо извлекаемая день и ночь нефть даетъ ежегодно 7 милліардовъ килограммовъ; изъ нихъ болѣе 3 милліардовъ въ рукахъ четырехъ круныхъ владѣльцевъ: Нобеля—короля керосина, на долю котораго выпадаетъ въ годъ милліардъ килограммовъ, Ротшильда, армянина Манташева и Каспійскаго общества. При буреніи требуются только два человѣка, зато при очисткѣ и переработкѣ нефти заняты тысячи рабочихъ.

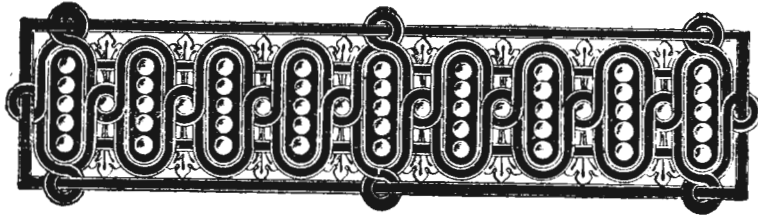
Администрація круныхъ эксплоататоровъ представляетъ настоящее министерство: главный директоръ, по словамъ Мулѣна, получаетъ въ Баку жалованье болѣе французскаго министра, помимо процентовъ съ производства: его окладъ доходитъ до 100.000 франковъ. При этомъ авторъ, приводившій, какъ ничтоженъ доходъ эксплоататоровъ при драконѣвской системѣ русской администраціи, забываетъ объ этомъ и замѣчаетъ: «Такое баснословное жалованье позволяетъ предполагать, какую значительную выгоду могутъ имѣть заводы вродѣ Ротшильда и Нобеля, хотя громадные расходы ихъ администраціи значительно уменьшаютъ цифру чистаго дохода». Очевидно, русскіе драконѣвскіе законы не столь уже страшны эксплоататорамъ, если они могутъ оплачивать такіе оклады.

Перейдя къ общественной жизни въ Баку, Мулѣнъ передаетъ нѣкоторые эпизоды, часто смѣшные, изъ эпохи освободительнаго движенія и описываетъ роль полиціи. Одинъ французскій инженеръ Вердавенъ получилъ годъ назадъ письмо отъ одного изъ рабочихъ, съ угрозой быть убитымъ, если онъ не внесетъ въ кассу революціоннаго синдиката 5.000 рублей. Французъ отправляется въ полицію и заявляетъ о письмѣ, назвавъ по имени рабочаго и прося какъ можно скорѣе арестовать его. Полицейское начальство пробовало указать французу, насколько онъ неостороженъ, и совѣтовало ему отказать отъ проекта арестовать рабочаго. Но Вердавенъ настаивалъ на своемъ—и полиціейское начальство согласилось арестовать рабочаго. Между тѣмъ инженеръ снова получилъ угрожающее письмо уже отъ цѣлой группы рабочихъ. Въ немъ

они заявляли, что находятся въ неприятной необходимости его убить, если ихъ арестованный товарищъ не будетъ завтра же освобожденъ. Они заканчивали письмо замѣчаніемъ, какъ неблагоразумно для человѣка его лѣтъ и въ его положеніи упорствовать и этимъ заставлять ихъ прибѣгать къ насилію, которое имъ противно. Совершенно обезумѣвъ, инженеръ бросился опять къ полицейскому начальству, умоляя его отпустить арестованнаго на свободу. «Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ тотъ флегматично: — очень счастливъ, что могу быть вамъ полезнымъ. Кстати, не забудьте-ка переслать мнѣ завтра 5.000 руб., которые вамъ сберегло мое внимательство». Подобный примѣръ, по словамъ Мулэна, воодушевилъ и младшихъ полицейскихъ чиновъ. Одинъ несчастный армянинъ, преслѣдуемый какимъ-то татаринемъ, бросился къ городовому, прося его защиты. «Скорѣе стрѣляйте, или я погибъ!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ городовому. — «Охотно, — отвѣчалъ тотъ: — но сначала дайте мнѣ рубль!»

Не будемъ повторять приведенные Мулэномъ факты: они уже всемъ извѣстны. Да къ тому же авторъ, какъ бы извиняясь, говоритъ: «Конечно, не надо обобщать и считать взяточниками всю администрацію, оставшуюся, исключая нѣсколькихъ лицъ, очень честной. Впрочемъ, — прибавляетъ онъ, — во всѣхъ странахъ увѣренность въ безнаказанности въ смутные періоды пробуждаетъ дурныя инстинкты, которые съ трудомъ обуздываетъ боязнь возмездія, и было бы несправедливо дѣлать отвѣтственной полицію, единственная вина которой — недостатокъ авторитета и энергіи. Впрочемъ, этой же слабости надо приписать покушенія, которыя еще теперь часто случаются въ городѣ, смущая честныхъ людей смѣлостью, съ какою они совершаются. Для примѣра царящихъ въ Баку нравовъ Мулэнъ описываетъ, какъ въ лучшей городской гостиницѣ ему пришлось обѣдать за общимъ столомъ. На срединѣ залы стоялъ столъ, вокругъ котораго собралась шумная компанія (имена нѣкоторыхъ лицъ были названы Мулэну). Одинъ изъ компаніи былъ армянинъ, убившій недѣлю назадъ изъ револьвера не сѣша двухъ субъектовъ, не понравившихся ему. Съ нимъ за столомъ сидѣлъ толстый, здоровый человѣкъ съ лицомъ, распухшимъ отъ водки, которое разлилось въ широкую улыбку и видѣ водки и который былъ не кто иной, какъ приставъ даннаго квартала. Черезъ нѣкоторое время вошелъ, прихрамывая, какой-то человѣкъ и направился въ уединенный уголокъ, гдѣ грузно опустился на стулъ. Это одинъ нѣмецъ, раненый за нѣсколько дней передъ тѣмъ рабочимъ. «Жертвы и убійцы — захватывающая картина!» восклицаетъ Мулэнъ. Особенно она поражаетъ путешественниковъ, которые случайно по дорогѣ останавливаются на день въ Баку, какъ наблюдатели; но тѣмъ, кто живетъ въ этой атмосферѣ убійствъ, такой контрастъ только любопытенъ. Человѣческая жизнь невысоко цѣвится въ Баку: уничтожить или исчезнуть самому — такова грозная диллема бакинцевъ: у всѣхъ этихъ людей, одна единственная мысль, которая, какъ галлюцинація, заставляетъ ихъ двигаться къ одной и той же цѣли — къ завоеванію ихъ мечты. Томительная, какъ кошмаръ, она угнетаетъ городъ. «О, Баку, королева керосина!» восклицаетъ въ заключеніе Мулэнъ.

С М Ъ С Ь.

АСЪДАНІЕ совѣта Славянскаго общества въ Москвѣ. Въ за-
сѣданіи 2-го марта совѣта Славянскаго общества въ Москвѣ подъ
предѣдательствомъ генерала А. И. Черепъ-Спиридовича: 1) По-
становлено въ виду крайней неосвѣдомленности о славянствѣ
среди интеллигенціи и даже правящихъ сферъ, не понимаю-
щихъ значенія для Россіи 40.000.000 зарубежныхъ славянъ,
единственныхъ союзниковъ, организовать «курсы славяновѣ-
дѣнія» еженедѣльно въ Москвѣ и пригласить лекторами русскихъ
и зарубежныхъ славяновѣдovъ. Назначены лекціи въ мартѣ:
а) 7-го — предѣдателя Галицко-Русскаго общества графа В. А.
Бобринскаго — «О Прикарпатской Руси», б) 16-го — исторіографа
Г. П. Капчева — «Славія за 33 года» (1876 по 1909 гг.),
в) 21-го — генерала проф. М. В. Володимирова и хорватскаго децу-
тата С. А. Радича, г) 5-го апрѣля И. В. Каменскаго: «Современное славянское
движеніе и его значеніе для Россіи» и т. д. 2) Выражено пожеланіе, чтобы
министръ народнаго просвѣщенія озаботился исправленіемъ школьныхъ учеб-
никовъ, полныхъ курьезовъ (см. «Исторію» П. Виноградова, стр. 164) въ родѣ
восхваленія захвата нѣмцами чужихъ территорій и забвенія, что освобожденіе
Россіи отъ татаръ началось съ разбитія Батяи въ 1241 г. хорватами. Въ
учебникѣ Гикмана и Маркса армія Франціи показана значительно большею,
чѣмъ русская, а въ атласѣ Ильина всѣ названія славянскихъ мѣстностей пе-
редѣланы на нѣмецкій ладъ. 3) Голоса о «слабости и неподготовленности
Россіи» нельзя считать основательными, такъ какъ Россія содержитъ армію
въ 1.400.000 человекъ, т. е. столько, сколько Германія, Австрія, Італія,
Румынія, Болгарія и Сербія, вмѣстѣ взятыя. Мы тратимъ на армію 680 мил.
рублей въ годъ, т. е. сколько тратитъ тройственный союзъ, вмѣстѣ взятый.
Доблесть же нашей арміи не нуждается въ доказательствѣ. Японская война

лишь усилила насъ. 4) Ростъ славянскаго самосознанія доказывается возникновеніемъ новыхъ славянскихъ организацій, въ томъ числѣ кіевскаго комитета «Паломничество въ Болгарію». Постановлено просить его учредителя А. К. Хребтова распространить его дѣятельность и на прочія славянскія земли и превратить его въ комитетъ «Паломничество по Славіи». 5) Правительство переименовало Динабургъ и Деритъ въ Двинскъ и Юрьевъ: приличествуетъ измѣнить и названіе Петербургъ на Петроградъ. Постановлено просить почетнаго члена общества Н. А. Хомякова поднять этотъ вопросъ въ государственной думѣ и г. главноуправляющаго почтъ и телеграфовъ циркуляромъ предписать этимъ учрежденіямъ не отказывать въ пересылкѣ корреспонденціи, адресованной въ Петроградъ. 6) Тревога въ славянскомъ мірѣ вызываетъ необходимость учрежденія всеславянскаго совѣта изъ 200 виднѣйшихъ дѣятелей (по одному отъ 200 мил. Славіи), которые обмѣнивались бы мыслями въ томъ же органѣ, обязательно и безплатно имъ всѣмъ рассылаемомъ. Совѣтъ могъ бы сыграть роль Гагскаго трибунала въ славянскихъ спорахъ и могъ бы осуществлять практическіе планы, на примѣръ, организація сѣздовъ, взаимопомощь славянъ и т. п. Постановлено проектъ совѣта и списокъ намѣченныхъ лицъ представить сѣзду славянскихъ обществъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Петроградѣ. 7) Въ виду яростнаго нападенія католичества на православіе въ Босніи и Герцоговинѣ и возможнаго вообще умаленія православія за Дунаемъ, постановлено обратиться къ святѣйшему синоду съ челобитной о возвышеніи голоса въ защиту тамъ православія и о разрѣшеніи московскому Славянскому обществу поставить кружки въ церквахъ, какъ разрѣшено уже петербургскому Славянскому обществу. 8) Австрійская полиція устроила мнимый сербскій заговоръ, съ цѣлью бросить въ тюрьму наиболѣе мужественныхъ и неподкупныхъ сербскихъ патріотовъ; постановлено выразить этимъ мученикамъ за славянство глубокое уваженіе и сочувствіе, почтивъ ихъ вставаніемъ. Славянскій міръ не забудетъ имени Прибичевичей и ихъ сотоварищей, и весь цивилизованный міръ содрогнется отъ негодованія, если эти безвинные пострадаютъ. 9) 15 іюля 1910 г. исполнится 500 лѣтъ со дня знаменитаго Грюнвальденскаго боя, въ которомъ, объединившись, сѣверные славяне, поляки, русскіе, словаки и чехи на-голову разбили Тевтонскій орденъ и спасли Россію отъ участи полабскихъ и поморскихъ славянъ, погибшихъ въ Нѣмецкомъ мѣрѣ,—постановлено издать книгу «Грюнвальденскій бой»,—какъ прообразъ единенія славянъ, назначивъ за лучшее сочиненіе премію въ 1.000 рублей отъ имени Славянскаго общества. Предсѣдатель А. П. Черепъ-Спиридовичъ тутъ же внесъ въ кассу общества 500 руб. отъ себя лично на выдачу второй преміи. Сочиненія должны быть представлены къ 1-му ноябрю сего года. Рѣшено напомнить южнымъ славянамъ: болгарамъ, сербамъ, хорватамъ, словенцамъ, послѣдовать въ 1909 г. примѣру сѣверныхъ славянъ въ 1410 г., т. е. объединиться и тогда успѣхъ Грюнвальдена и за ними обезпеченъ. Россія и славяне представляютъ массу въ 200 мил. человѣкъ, и лишь разрозненность доводитъ ихъ почти до рабства. 10) Постановлено заявить, что московское Славянское общество надѣется выполнить свою задачу—помощь славянамъ—не хуже, чѣмъ оно выполнило ее въ 1876—77 гг., но оно воздержится отъ малѣйшаго совѣта

и указанія братьямъ-сербамъ, какой политической курсъ имъ взять, представляя это рѣшить имъ самимъ. 11) Постановлено увеличить число членовъ совѣта и редакціонной комиссіи и приглашать ее и ревизионную комиссію въ засѣданія не менѣе раза въ недѣлю. 12) Вслѣдствіе просьбы высокопреосвященнаго митрополита Черногоріи Митрофана, председателя общества черногорскаго Краснаго Креста, находящагося подъ покровительствомъ ея королевскаго высочества княгини Милены,—постановлено принять полномочія по сбору пожертвованій, открыть московскій отдѣлъ, перевести уставъ и разо-слать воззваніе о пожертвованіяхъ, передавъ отдѣлу сборы съ лекцій 16 и 21 марта и отъ апрѣльскихъ. 13) По выслушаніи біографіи генерала І. Г. Поповича-Липоваца, единственнаго героя съ основанія ордена св. Георгія имѣющаго шесть георгіевскихъ наградъ, постановлено выставить его кандидатуру на постъ главнокомандующаго добровольцами. 14) Постановлено обратиться къ болгарскому народу съ просьбой на случай австро-сербскаго конфликта пріютить сербскихъ старцевъ, женщинъ и дѣтей, оказавъ имъ всякую помощь, и содѣйствовать переѣзду черезъ Болгарію русскимъ добровольцамъ и сестрамъ милосердія. 15) Постановлено напомнить румынскимъ патріотамъ славные дни, когда доблестныя румынская, русская и сербская арміи сроднились на полѣ чести, и что Боснія и Герцеговина геройскимъ возстаніемъ привели къ освобожденію части Румыніи. Нынѣ босно-герцеговинскій патріотизмъ можетъ послужить къ освобожденію 3.000.000 румынъ Трансильваніи и къ воссоединенію ихъ съ родиной. 16) Избраны въ почетные члены генералы проф. В. М. Володимировъ, П. М. Кардиналовскій, І. Г. Поповичъ-Липовацъ и А. Ф. Риттихъ, а также А. С. Суворинъ и Н. А. Хомяковъ. Генералъ П. М. Кардиналовскій намѣченъ уполномоченнымъ Славянскимъ обществомъ въ Одессѣ.

Въ русскомъ археологическомъ обществѣ. Состоявшееся 28 февраля подъ председательствомъ Я. П. Смирнова засѣданіе русскаго отдѣленія было особенно многолюднымъ и оживленнымъ. Д. В. Милѣвъ, командированный императорскою археологическою комиссіею истекшимъ лѣтомъ для производства раскопокъ въ усадьбѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ, сдѣлалъ докладъ о результатахъ своихъ работъ. Раскопки дали выдающіеся по своему научно-археологическому значенію результаты, возбуждившіе особенный интересъ среди археологовъ. Онѣ производились вдоль стѣнъ существующаго въ настоящее время храма, по его восточной и сѣверной сторонамъ. Раскапывался культурный слой до материковаго основанія. Это дало возможность составить полное представленіе о наслоеніяхъ, образовавшихся еще до времени постройки здѣсь въ десятомъ столѣтіи перваго храма святымъ княземъ Владиміромъ. Отъ древняго храма не осталось фундамента, удалось лишь выяснитъ расположеніе абсиды храма. Отъ храма, освященнаго, по словамъ лѣтописи, въ 1039 г. княземъ Ярославомъ и разрушеннаго въ 1240 году татарами, остались три куска древняго фундамента. Четыре вѣка храмъ стоялъ затѣмъ забытымъ въ развалинахъ. Въ 1635 году кіевскій митрополитъ Петръ Могила произвелъ здѣсь раскопки и соорудилъ новую церковь. Черезъ двѣсти лѣтъ, въ 1842 году, по проекту академика Стасова, построена существующая до сихъ

поръ церковь. За тонкимъ слоемъ дерна обнаруженъ при раскопкахъ мягкій глиняный слой, содержащій единичныя находки кирпичей, за нимъ мягкій черноземъ съ черепками и кирпичами. Подъ нимъ плотный сѣрый слой, образовавшійся послѣ раскопокъ Петра Могилы и содержащій массу остатковъ древней церкви: мраморовъ, фресокъ, кирпичей и т. д. Подъ этимъ сѣрымъ слоемъ открыты девять погребеній съ вещами, позволяющими отнести ихъ къ эпохѣ десятого столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. Въ ногахъ одного изъ погребеній найдено деревянное истлѣвшее ведро, съ желѣзными обручами, въ которомъ находился деревянный ковшикъ съ серебрянымъ ободкомъ. Трогательная заботливость объ утоленіи жажды погребеннаго. При погребеніяхъ найдена серебряная монета X вѣка. Кромѣ монеты, здѣсь найдены: медальонъ съ переплетающимся орнаментомъ, бусы, перовки, стрѣла, кремь. Въ рыхломъ сѣромъ слоѣ найдены: а) рельефный образокъ художественной работы изъ шифера до XI вѣка, со слѣдами золота, изображающій одного изъ столпниковъ, б) масса остатковъ фресокъ древнихъ мраморовъ, мозаики, в) золотая серьга, г) браслеты, д) серебряная гривна и пр. Одною изъ наиболее важныхъ находокъ было открытіе саркофага, въ которомъ находились плохо сохранившіяся кости скелета. Кости на листѣ бумаги перенесены были, въ сопровожденіи духовенства, въ церковь. Мнѣнія врачей о полѣ погребеннаго раздѣлились. Установлено, что три ребра въ сосковой области костяка при жизни его были сломаны; обнаружены слѣды сращения. Саркофагъ, въ формѣ гроба, украшенъ орнаментомъ. Предположеніе, что саркофагъ этотъ принадлежалъ святой Ольгѣ, не имѣетъ, по мнѣнію профессора Айналова, за собою достаточныхъ основаній. Возможно, что находка представляетъ практиковавшееся вышнее погребеніе возлѣ стѣны храма. Докладъ иллюстрированъ былъ фотографическими снимками (до 200) и свѣтовыми картинами, а также демонстраціею наиболее интересныхъ и типичныхъ находокъ.

Учредительное собраніе общества изящныхъ искусствъ. 6-го марта въ помѣщеніи лиги образованія состоялось подъ предѣлательствомъ профессора Н. А. Котляревскаго учредительное собраніе общества изящныхъ искусствъ. Общество это, являющееся новымъ отдѣломъ лиги образованія, имѣетъ цѣлью содѣйствовать поднятію культурнаго и эстетическаго уровня населенія. Общество предполагаетъ заниматься разработкой вопросовъ, касающихся музыки, театра, изящной словесности, живописи и ваянія, содѣйствовать широкому распространенію произведеній искусства разныхъ видовъ, устраивать постоянныя и передвижныя выставки, музеи и театры, музыкальныя и литературныя вечера и т. д. Дѣятельность общества распространяется на всю Россію. Учредители его П. П. Гнѣдичъ, В. Н. Давыдовъ, Е. П. Карповъ, Е. Н. Роцива, П. Е. Рѣпинъ, В. А. Тихоновъ, Г. А. Фальборкъ и Н. Н. Ходотовъ. Цѣли и задачи новаго общества были выяснены въ докладѣ Г. А. Фальборка на тему: «Распространеніе изящныхъ искусствъ въ широкихъ слояхъ населенія». На необходимость учрежденія новаго общества было еще указано покойнымъ Римскимъ-Корсаковымъ. Особое вниманіе общество предполагаетъ посвящать выставочному дѣлу. До сихъ поръ выставки устраивались въ столицахъ и крупныхъ городахъ. Общество изящныхъ искусствъ,

предполагаетъ организовать выставки и въ болѣе мелкихъ городахъ. Въ цѣляхъ болѣе правильнаго развитія своей дѣятельности общество раздѣляется на четыре секціи: музыкальную, литературную, художественную и театральную. На учредительномъ собраніи состоялись выборы трехъ товарищей предсѣдателя и членовъ совѣта. Товарищами предсѣдателя избраны: Н. К. Рерихъ, В. Н. Давыдовъ и Г. Ю. Блюменфельдъ. Въ совѣтъ вошли слѣдующія лица: Е. П. Каршовъ, С. К. Маковский, В. В. Чеховъ, Н. Н. Ходотовъ, П. А. Брюнелли, П. А. Коровяченко, П. Ц. Березкина, Е. Б. Вильбушевичъ, Н. Л. Глазуновъ, С. Ц. Дехтерева и кандидаты И. П. Лазаревскій, А. С. Романовскій, Н. П. Химова, О. З. Кудрявая, С. М. Ратовъ и Ф. П. Израилевъ.

Виленская комиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ. Въ 1908 г. комиссія, какъ это видно изъ ея отчета, напечатала 33-й томъ актовъ, начала печатать 34-й томъ и подготавливала нужный матеріалъ для 35-го тома. Изданный комиссіей 33-й томъ актовъ заключаетъ въ себѣ 293 документа, относящихся къ судьбамъ церкви и вѣры православной въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края, въ періодъ времени отъ 1443 по 1663 годъ. Большинство документовъ писано на западно-русскомъ языкѣ, около 120 на языкѣ казацкомъ и одинъ на языкѣ народномъ бѣлорусскомъ. По своему характеру документы 33-го тома могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: акты крѣпостные и акты о состояніи. Къ первымъ причисляются фундушныя грамоты, королевскія привилегіи, записи дарственныхъ, духовныя завѣщанія, ревизорскія обмежеванія, инвентари, переписи и другіе крѣпостные акты, съ данными о церквяхъ и монастыряхъ. Ко второй категоріи относятся судебныя рѣшенія по церковно-религіознымъ дѣламъ и сдѣлки, въ которыхъ участвуютъ лица духовнаго сана, по текущимъ церковно-религіознымъ вопросамъ. Въ 34-мъ томѣ актовъ, который уже началъ печатаніемъ, комиссія рѣшила опубликовать серію документовъ, относящихся къ эпохѣ войны московскаго царя Алексѣя Михайловича съ Польшей въ 1654—1661 г.г. Эпохой этой войны очень интересуются многіе внѣшніе ученые историографы и обнародованіе таковыхъ актовъ комиссія нашла вполне своевременнымъ и цѣлесообразнымъ. 34-й томъ актовъ, вмѣстѣ съ предисловіемъ къ нему и обстоятельными указателями лицъ и мѣстъ, будетъ заключать въ себѣ болѣе 75 печатныхъ листовъ и будетъ законченъ печатаніемъ въ 1909 году.

Гоголевское торжество въ русской читальнѣ въ Римѣ. 20 февраля ст. ст. (5 марта н. ст.) русская читальня имени Гоголя въ Римѣ праздновала столѣтній юбилей нашего знаменитаго писателя. Большой залъ читальни (нѣкогда студія Кановы) былъ красиво убранны растеніями и цвѣтами. Гипсовый барельефъ Гоголя, работы Беклемишева, послужившій образцомъ для бронзоваго барельефа, которымъ украшена мраморная доска на домѣ въ улицѣ Sistina, гдѣ жилъ Гоголь, — былъ обвѣтъ лавровымъ вѣнкомъ. На роскошно сервированномъ столѣ съ привлекательнымъ на чужбинѣ видомъ русскаго самовара былъ приготовленъ чай для гостей. Публики собралось очень много. Не только весь большой залъ былъ переполненъ, но многіе стояли въ передней. Вся русская колонія, съ ея аристократическимъ и демократическимъ элементомъ, всѣ наши дипломаты обоихъ посольствъ, художники, уча-

щаяся молодежь, даже русская прислуга—все безъ различія класса—собрались чествовать память русскаго писателя. Вся программа торжества состояла изъ чтенія произведеній Гоголя и открылась пѣніемъ «Вѣчная память», исполненнымъ русскимъ церковнымъ хоромъ, который затѣмъ пропѣлъ также и кантату въ честь юбиляра, сочиненія Волкова на слова Плещеева. Кромѣ реферата о Гоголѣ и чтенія изъ «Ревизора», прекрасно исполненнаго княземъ Волконскимъ, были прочитаны г. М. Чайковскимъ — «Вечеръ у губернатора («Мертвыя Души»), г. Косменко—«Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» и княгиней Голицыной съ г-жою Веневитиновой—«Разговоръ двухъ дамъ». Гоголевскій праздникъ прошелъ очень удачно и получилъ особый интересъ, тѣмъ болѣе, что всемъ живущимъ въ Римѣ привелось чествовать память нашего писателя въ любимомъ имъ городѣ, который, какъ самъ онъ выражался, былъ «раемъ его души», гдѣ онъ провелъ свои лучшіе годы и гдѣ писалъ свои «Мертвыя Души», уживаясь окружающей его природой, гдѣ все улыбалось ему и все приводило его въ экстазъ. Наконецъ, среди публики, объединенной именемъ Гоголя, находились лица, имѣвшія отношеніе къ Гоголю, сохранившія живую связь съ его памятью. Здѣсь находилась современница Гоголя г-жа Пашкова (урожденная гр. Чернышева-Кругликова), хорошо помнящая его, когда онъ посѣщалъ ея семью, жившую въ то время въ Римѣ. Здѣсь находилась Ш. А. Вагнеръ, дочь ученицы Гоголя Балабиной, съ которой онъ вмѣстѣ восторгался Римомъ и затѣмъ, когда она уѣхала изъ Рима, писалъ ей о своихъ впечатлѣніяхъ отъ вѣчнаго города, поддерживая въ ней любовь къ Риму. Здѣсь находилась маркиза Кампанари-Ильина, усыновленная княгиней Зинаидой Волконской, у которой такъ часто бывалъ Гоголь на ея виллѣ, нынѣ принадлежащей маркизѣ и гдѣ въ 1902 году та же русская колонія чествовала память Гоголя (50-лѣтіе со дня его смерти). Наконецъ, родственникъ той же Зинаиды Волконской, князь Сергій Волконскій, принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ чествованія Гоголя, открывъ торжество, какъ сказано выше, интересной рѣчью о Гоголѣ и чтеніемъ изъ «Ревизора». Къ тому же и самое помѣщеніе читальни, какъ бывшее во времена Гоголя студіей Кановы, какъ предполагаетъ въ своей рѣчи князь Волконскій, посѣщалось Гоголемъ, который, какъ извѣстно, любилъ водить по мастерскимъ пріѣзжавшихъ къ нему пріятелей, такъ какъ быть чичероне столь любимаго имъ города было для него настоящимъ наслажденіемъ. Такимъ образомъ, «Русская читальня», получивъ наименованіе читальни имени Гоголя и чествуя память своего титуляра, укрѣпила тѣмъ самымъ еще болѣе свою связь съ далекимъ отечествомъ, стараясь и здѣсь, на чужбинѣ, быть отзвукомъ всего того, что можетъ служить выраженіемъ русскаго національнаго чувства.

Открытие тургеневской выставки. 8 марта, въ 2 часа дня, въ большомъ конференцъ-залѣ академіи наукъ открылась устроенная отдѣленіемъ русскаго языка и словесности выставка въ память Ш. С. Тургенева. Къ назначенному часу въ академіи собрались академики, члены выставочнаго комитета, экспоненты, представители литературнаго и артистическаго міра, учащаяся молодежь и другіе. Присутствовали, между про-

чимъ, вице - президентъ академіи наукъ П. В. Никитинъ, непремѣнный секретарь С. В. Ольденбургъ, академики А. А. Шахматовъ, Н. П. Кондаковъ, А. П. Карпинскій, Ф. Ф. Фортунатовъ, А. С. Кони, В. М. Испаринъ, почетный академикъ Д. Н. Овсянко-Куликовскій, М. П. Боткинъ, М. А. Стаховичъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, М. Г. Савина, М. М. Стасюлевичъ, Ф. А. Головинъ, В. Я. Богучарскій, Ф. Д. Батюшковъ и др. Объясненіе давали члены выставочнаго комитета Ф. А. Витбергъ (иниціаторъ выставки) и В. Л. Модзалевскій. Въ дальнемъ, лѣвомъ углу устроена рабочая комната И. С. Тургенева. Вещи размѣщены въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились при жизни писателя. Въ другомъ мѣстѣ находятся бѣговья дрожки Тургенева, на которыхъ онъ ѣздилъ на охоту, и знаменитый диванъ-«самсонъ». Очень богатъ отдѣлъ рукописей. Публика внимательно осматриваетъ всѣ эти письма, документы, дѣла и т. д. Особое вниманіе обращаетъ на себя альбомъ Маріи Петровны Боткиной, въ которомъ находится стихотвореніе И. С. Тургенева, написанное 12 іюня 1850 г. Стихотвореніе это, приводимое ниже, нигдѣ еще не появлялось:

«Альбомчикъ вашъ перебирая,
Хотѣлъ бы я въ одинъ моментъ
Придумать лестный комплиментъ
Для васъ—другихъ не обижая.
Но нѣтъ—прошла моя пора,
Мнѣ риема—страшная обуза;
И прежде не была добра
Моя болѣзненная муза,
Теперь же, подорвавъ животь,
Какъ старый конь, она лягаетъ,
Хрипить, визжитъ, хвостомъ виляетъ,
А съ мѣста не идетъ».

Интересны и другія рукописи: тетрадка съ надписью на первой страницѣ «Молитвенникъ» и съ разными набросками, стихотвореніями и рисунками И. С. Тургенева, два листка съ записями Тургенева о чистой метафизикѣ, листъ съ записями лекцій на нѣмецкомъ языкѣ, черновикъ статьи Тургенева о смерти Н. В. Гоголя, за напечатаніе которой онъ былъ высланъ въ деревню, съ помѣткой: «24 февраля 1852 г.», стихотвореніе «Толпа», посвященное В. Г. Бѣлинскому, письма И. С. Тургеневу къ своему дядѣ Н. Н. Тургеневу изъ Петербурга, относящіяся къ 1884 году, письма къ Н. А. Некрасову, И. И. Панаеву, А. Н. Островскому, А. В. Дружинину, Д. В. Григоровичу, А. А. Фету, А. Н. Плещееву и др. Тутъ же находятся рукописные оригиналы романовъ и рассказовъ «Новъ», «Наканунъ», «Дневникъ лишняго человѣка» и др. Отдѣлъ портретовъ и гравюръ И. С. Тургенева состоитъ изъ 177 нумеровъ. Кромѣ портретовъ, принадлежащихъ кисти Рѣпина, Маковского, Воброва, Перова, Микѣшина и др., обращаетъ на себя вниманіе акварельный портретъ 1828 г. съ надписью на оборотѣ: «Мой сынъ Иванъ Тургеневъ, 10 л.». На щитахъ для портретовъ находятся также дипломъ, выданный И. С. Тургеневу московскимъ университетомъ на званіе дѣйствительнаго члена, и «родословная рода Тургеневыхъ съ 1440 г.». Въ лѣвомъ углу у входа выставлены экспонаты тургеневскаго музея въ Орлѣ, устроеннаго орловской архивной комиссіей. М. Г. Савина экспонируетъ коллек-

цію конвертовъ отъ писемъ Тургенева, посланныхъ ей въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ. Въ особой витринѣ находятся первыя сочиненія Тургенева, печатавшіяся въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Эпохѣ». Тутъ же лежить произведеніе Тургенева «Параша», изданное въ 1843 г. подъ псевдонимомъ Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ). Въ коллекціи г. Ояѣгина, присланной изъ Парижа, находятся: значокъ на право охоты, выданный Тургеньеву въ 1875 г. французскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдняя записка И. С., написанная передъ смертью, локонъ волосъ, отрѣзанныхъ у Тургенева. На особыхъ щитахъ размѣщены фамильные портреты Тургенева, портреты Віардо и современниковъ И. С. и иллюстраціи къ произведеніямъ Тургенева. Въ послѣдующіе дни выставка пополнилась еще многими новыми предметами.

80-лѣтній юбилей Е. В. Богдановича. 26 февраля праздновался юбилей одного изъ популярнѣйшихъ у насъ въ Россіи государственныхъ и общественныхъ дѣятелей Евгенія Васильевича Богдановича. Уже съ утра на квартиру маститаго юбиляра, живущаго близъ Исаакіевскаго собора, пріѣзжали многочисленныя посѣтители съ привѣтствіями и поздравленіями по случаю столь рѣдкаго юбилейнаго праздника. Офіціальное чествованіе началось въ 12 часовъ утра. Открылось оно чтеніемъ привѣтственнаго адреса отъ русскаго собранія, который поднесла депутація во главѣ съ предсѣдателемъ собранія княземъ Шаховскимъ. Депутація поднесла юбиляру, кромѣ адреса, «Вѣстникъ Русскаго Собранія», гдѣ подведены итоги многолѣтней и неутомимой дѣятельности на общественномъ поприщѣ Е. В. Богдановича. Второй поздравляла юбиляра депутація отъ рабочихъ Александровскаго завода. Рабочіе поднесли генералу Богдановичу курительный приборъ самодѣльной оригинальной художественной работы. Вслѣдъ за рабочими говорили представители депутацій: отъ пожарнаго общества, отъ общества Голубого креста, отъ союза правой печати, отъ союза Архангела Михаила, отъ стрѣлковаго батальона, отъ обители преподобнаго Сергія, и т. д. Изъ другихъ депутацій можно отмѣтить хоругвеносцевъ московскихъ соборовъ, вручившихъ генералу Богдановичу, вмѣстѣ съ адресомъ, въ качествѣ подарка, священные сосуды и дарохранильницу. На юбилей присутствовали также представители правой фракціи государственной думы, во главѣ съ С. В. Воейковымъ, указавшимъ въ своей поздравительной рѣчи, что ихъ генералъ Богдановичъ научилъ беречь Царя и родину. Юбиляра пріѣхали поздравить и отдѣльныя лица: генералъ Поливановъ, морской министръ адмиралъ Воеводскій, генералъ Мосоловъ, адмиралъ Скрыдловъ, членъ государственной думы епископъ Евлогій, членъ государственнаго совѣта генералъ фонъ-Валь, генералъ Сухомлиновъ, преосвященный Николай, епископъ тогемскій, генералъ Шведовъ и мн. др. Всѣ говорившіе привѣтствовали юбиляра, какъ ярко выдающагося общественнаго дѣятеля на народной русскои нивѣ и неутомимаго борца за русскіе идеалы: православіе, самодержавіе и народность. Генералъ Богдановичъ своей дѣятельностью внесъ въ разнообразныя слои русскаго общества трезвыя мысли, успокаивающія однихъ и побуждающія другихъ познавать народныя нужды и достигать ихъ удовлетворенія культурнымъ путемъ. Его заслуги предъ Россіей безграничны.

Она щедрой рукой бросала зерна, изъ которыхъ выростутъ могущество и сила родины. Растроганный юбиляръ благодарилъ присутствовавшихъ за принесенныя поздравленія, привѣтствія и пожеланія. Затѣмъ началось чтеніе телеграммъ и писемъ: ихъ было вчера получено свыше тысячи, въ томъ числѣ: отъ митрополита Антонія, отъ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода Лукьянова, отъ министра путей сообщенія Рухлова, отъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣлія Кривошеина, отъ протоіерея о. Восторгова, отъ барона Каульбарса, отъ графа Коновницыва и мн. др. частныхъ лицъ. Среди телеграммъ преобладаютъ поздравленія отъ различныхъ общественныхъ учреждений, повременныхъ изданій, крестьянскихъ обществъ, учащейся студенческой молодежи, правыхъ политическихъ партій и ихъ провинціальныхъ отдѣленій и д. д. Нѣкоторыя изъ нихъ избрали юбиляра своимъ пожизненнымъ почетнымъ членомъ.

Съездъ писателей. Комиссія при литературномъ обществѣ выработала правила участія литературныхъ дѣятелей и учреждений на съездѣ писателей. По мнѣнію комиссіи, второй съездъ представителей повременной печати долженъ носить по преимуществу профессиональный характеръ. Въ съездѣ могутъ принимать участіе: 1) члены литературнаго общества, кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, члены московскаго общества дѣятелей періодической печати и литературы и другихъ существующихъ въ Россіи литературныхъ обществъ, вступленіе въ которыя обусловливается по уставу литературнымъ или научнымъ цензомъ, 2) избранные провинціальными отдѣленіями литературнаго общества и кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ представители этихъ отдѣленій, не болѣе трехъ отъ cadaго; 3) избранные сотрудниками частныхъ періодическихъ изданій представители литературныхъ, политическихъ, общественныхъ и научныхъ организацій въ числѣ не болѣе двухъ отъ cadaго; 4) представители академіи наукъ, вольнаго экономическаго общества и другихъ ученыхъ и общественныхъ учреждений по одному отъ cadaго. Кромѣ перечисленныхъ категорій (учрежденій и лицъ) слѣдуетъ также, по мнѣнію комиссіи, предоставить право участія всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя извѣстны своими литературными заслугами. Членами съезда не могутъ быть лица, проявившія въ своей литературной дѣятельности противодѣйствіе принципамъ свободы печати, и лица, нарушившія своею литературною дѣятельностью общепризнанныя принципы литературной этики. Программа съезда комиссіей назначена такая: 1) современное положеніе русской литературы, ея нужды и интересы; 2) взаимоотношенія литературныхъ дѣятелей и издателей; 3) авторское право и литературная конвенція; 4) профессиональная литературная этика; 5) матеріальное обезпеченіе литературныхъ дѣятелей. Особенное вниманіе комиссія удѣляетъ вопросу о достоинствѣ печати. Вопросъ этотъ долженъ быть детально обсужденъ на предстоящемъ съездѣ писателей. «Вопросъ о достоинствѣ печати, — какъ говорится въ заключеніи комиссіи, — долженъ быть подвергнутъ всестороннему освѣщенію. Легкомысленное освобожденіе отъ литературныхъ традицій, погоня за успѣхомъ въ толпѣ, административный гнетъ, развращающій слабѣйшіе ряды литературныхъ дѣятелей, и раздѣленіе печати на два враждебныхъ лагеря, — все это

придало ей своеобразный характеръ, противъ котораго необходимо бороться. Надо пробудить сознание великой миссии служить гласности, культурѣ и прогрессу».

Памятникъ А. С. Пушкина. Послѣ долага перерыва состоялось 5 марта засѣданіе Высочайше утвержденной комисіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ. Члены комисіи указывали, что пора приступить къ сооруженію памятника, на который уже собрано свыше 120 тысячъ рублей. Откладывать постройку памятника до того времени, пока не поступитъ достаточно средствъ и на предполагаемый Пушкинскій домъ, немислимо, такъ какъ пожертвованія на домъ поступаютъ очень туго. До сихъ поръ удалось собрать на этотъ домъ всего 365 руб. 60 коп. Несоотвѣтствіе между этими двумя суммами заставляетъ немедленно приступить къ разработкѣ проекта памятника. Противъ этого предложенія былъ приведенъ доводъ, что нельзя строить памятника безъ дома, такъ какъ требуется архитектурное между ними согласіе. Оставивъ открытымъ вопросъ о томъ, можно ли построить памятникъ безъ дома, члены засѣданія постановили поручить спеціальной комисіи разработать проекты памятника и дома. Въ комисію вошли: предѣдатель А. А. Шахматовъ и члены: С. Ф. Ольденбургъ, І. А. Котляревскій, П. Е. Рейнботъ, В. А. Рышковъ и Б. Л. Модзалевскій.

Книжное товарищество. Сущестующая болѣе тридцати лѣтъ въ Петербургѣ книгопродавческая фирма Н. П. Карбасникова получила Высочайшее утвержденіе на паевое товарищество, подъ фирмою основателя—«Н. П. Карбасниковъ». Всѣ сущестующіе до сихъ поръ его книжные магазины въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, въ полномъ ходу, со всею обширною клиентелою и фирмою, перешли въ собственность помянутаго товарищества. Т-ву на основаніи утвержденного устава разрѣшено открывать вновь магазины и склады для продажи и храненія, какъ своихъ изданій, такъ и приобрѣтенныхъ, а также для комиссіонной продажи чужихъ изданій съ правомъ выдачи авансовъ, издавать періодическія изданія, заводить артели разносчиковъ для продажи произведеній печати, устраивать, открывать и приобрѣтать типографіи, литографіи, мастерскія учебныхъ пособій и классной мебели и иныя торговыя и промышленныя предіриятія, необходимыя для цѣлей товарищества. Главная задача т-ва—обратить особое вниманіе на издательскую дѣятельность, заинтересовать участіемъ въ прибыляхъ авторовъ, которые между собой организуютъ свой редакторскій комитетъ для созданія новыхъ учебниковъ, съ объявленіемъ конкурсныхъ премій. Словомъ, авторъ книги явится совмѣстнымъ издателемъ, какъ участникъ своимъ трудомъ. Главнымъ найщикомъ и директоромъ-распорядителемъ остается тотъ же основатель фирмы Н. П. Карбасниковъ, съ другими лицами, прививавшими и раньше участіе въ дѣлѣ. Для большаго развитія т-во получило предложеніе отъ капиталистовъ исходатайствовать дополнительный выпускъ паевъ для приобрѣтенія и слиянія нѣсколькихъ уже сущестующихъ большихъ фирмъ въ одно общее товарищество.

НЕКРОЛОГИ.

ВЪЛКИНЪ, М. Ө. 12 февраля въ Петербургѣ скончался и 19 февраля въ своемъ помѣстьѣ близъ Ярославля похороненъ старѣйшій морякъ-севастополецъ и славный участникъ Синопскаго боя, контръ-адмиралъ Михаилъ Федоровичъ Вѣлкинъ, бывшій сподвижникомъ адмираловъ Лазарева, Корнилова и Нахимова. Доблестное имя моряка-героя навсегда увѣковѣчено и въ лѣтописяхъ отечественной исторіи и постановкою въ Севастополѣ бѣломраморнаго обелиска съ надписью: «Здѣсь былъ люнетъ М. Ө. Вѣлкина». Усопшій адмиралъ родился 14 августа 1825 г. въ Калугѣ, воспитывался и научное образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ произведенъ 9 августа 1844 г. въ мичманы съ опредѣленіемъ на службу въ 33-й черноморскій флотскій экипажъ, гдѣ на разныхъ судахъ въ теченіе десяти лѣтъ находился въ морскихъ плаваніяхъ сначала на бригѣ «Калуга», потомъ на бригѣ «Эндимионъ» (1845—1850), на кораблѣ «Чесма» (1851—1853), на бригѣ «Эней» и пароходѣ «Громоносецъ» (1854), съ 13 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г. М. Ө. находился безотлучно въ осажденномъ Севастополѣ; но еще въ 1850 году началась и боевая дѣятельность покойнаго: за взятіе сухумскаго аула и сожженіе турецкаго судна у мыса Варданъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени съ надписью «за храбрость». Въ знаменитомъ Синопскомъ бою М. Ө., какъ старшій лейтенантъ корабля «Чесма», командовалъ верхней батареей, которая взорвала и совершенно уничтожила турецкій адмиральскій корабль; за этотъ подвигъ М. Ө. получилъ орденъ св. кн. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ (1853). Въ Севастополѣ онъ былъ командиромъ люнета на первомъ отдѣленіи оборонительной линіи; за все время годовой осады этотъ люнетъ ни разу не былъ захваченъ неприятелемъ; за проявленную М. Ө. мудрую распорядительность и храбрость еще при отраженіи перваго вражескаго штурма крѣпости

онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. (1854); за таковыя же подвиги отличнаго мужества во второй бомбардировкѣ Севастополя М. Ѳ. получилъ орденъ св. Анны 2 ст. съ мечами (въ маѣ 1855 г.), а за отраженіе третьяго штурма—орденъ св. Станислава 2 ст. съ императорскою короною и мечами (авг. 1855 г.) и орденъ св. Анны 2 ст. съ императорскою короною (1856 г.); принималъ участіе М. Ѳ. и на вылазкахъ противъ непріятеля, бывъ дважды раненъ и контуженъ. Въ октябрѣ 1855 г. онъ былъ переведенъ въ гор. Николаевъ, гдѣ командовалъ морскою санитарною ротою и завѣдывалъ работами по укрѣпленію Николаева, а въ 1856 году переведенъ на службу въ 23-й балтійскій флотскій экипажъ командиромъ тендера «Копчикъ». Раны и контузіи тяжело отразились на здоровьѣ М. Ѳ., вынужденнаго въ чинѣ капитанъ-лейтенанта покинуть морскую службу на цѣлыхъ двадцать три года (1857—1880). Вновь опредѣленный на службу по балтійскому флоту (1880) съ зачисленіемъ въ 8-й флотскій экипажъ, М. Ѳ. шесть лѣтъ былъ начальникомъ морской исправительной тюрьмы въ Петербургѣ, а послѣдніе двадцать три года (1886—1909) состоялъ членомъ комитета Добровольнаго флота, послѣдовательно производимый въ чины: капитана 2 ранга (1893), капитана 1 ранга (1898) и генералъ-майора по адмиралтейству (1903); 5 октября 1904 г. онъ былъ всемилостивѣйше переименованъ въ контръ-адмирала, во вниманіе къ выдающимся подвигамъ за время службы М. Ѳ. въ Черноморскомъ флотѣ. Отсюда понятны и тѣ монаршія милости, какими былъ осчастливленъ М. Ѳ. и въ 1886 г. (16 апр.) при спускѣ въ Севастополь на воду новаго корабля «Чесма» въ Высочайшемъ присутствіи императора Александра III, изволившаго вызвать изъ Петербурга въ Севастополь для участія въ торжествахъ возобновленія Черноморскаго флота и тогда же благодарившаго стараго моряка-героя за его доблестную и всегда примѣрную службу, и позже—пожалованіемъ чина контръ-адмирала съ зачисленіемъ въ 17-й флотскій экипажъ для довольствія, и наконецъ, въ увѣковѣченіи подвиговъ М. Ѳ. сооруженіемъ особаго обелиска въ Севастополѣ. На всѣхъ мѣстахъ своей долгой и примѣрно-полезной службы покойный адмиралъ былъ искренно любимъ и глубоко уважаемъ за свою сердечность и участливость къ сослуживцамъ, за строгую справедливость и безкорыстіе въ дѣловыхъ отношеніяхъ; о храбрости же его гласятъ многія страницы военно-морской исторіи Россіи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.839).

† **Варпаховскій, Н. А.** 12 февраля скончался въ Архангельскѣ извѣстный ихтиологъ Николай Аркадьевичъ Варпаховскій, завѣдывавшій въ послѣдніе годы рыбными и морскими звѣриными промыслами Архангельской губерніи и рыбопромышленнымъ музеемъ крайняго сѣвера. Покойный родился въ 1862 года въ Казанской губерніи и закончилъ образованіе въ казанскомъ университетѣ кандидатомъ по разряду естественныхъ наукъ. Еще студентомъ онъ получилъ золотую медаль за «Описаніе разностей и оцѣнку признаковъ для различенія видовъ карповыхъ рыбъ волжскаго бассейна», съ 1885 года въ теченіе почти трехъ лѣтъ состоялъ при с.-петербургскомъ университетѣ, посѣщая одновременно различныя мѣстности съ цѣлью ихъ ихтиологическаго изслѣдованія. Онъ изслѣдовалъ въ это время рыбное богатство озера Ильменя и рѣки Волхова, написалъ замѣтки по ихтиологіи бассейна р. Амура и прилежа-

щих рѣкъ. Въ петербургскомъ же университетѣ защитилъ въ 1887 году диссертацию на степень магистра зоологіи. Съ 1889 г. Н. А. занялся специальнымъ изслѣдованіемъ рыбъ Волги и разработкой вопросовъ, связанныхъ преимущественно съ астраханскими рыбными промыслами. Тогда же онъ сталъ сотрудничать въ «Новомъ Времени» своими корреспонденціями съ волжскаго бассейна и отдѣльными статьями, изъ которыхъ особенно памятна его статья: «Ученое живодерство». Завѣдуя астраханскими рыбными промыслами, онъ между прочимъ редактировалъ и дѣятельно сотрудничалъ въ журналѣ «Рыбное Дѣло», издававшемся въ Астрахани. Последніе годы Н. А. перенесъ свою дѣятельность съ юга на крайній сѣверъ и завѣдывалъ нашими архангельскими рыбными и морскими промыслами. Изъ отдѣльно изданныхъ его трудовъ извѣстны «Опредѣлитель рыбъ бассейна рѣки Волги», «Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Обя», «Опредѣлитель прѣсноводныхъ рыбъ въ Европейской Россіи» и др. (Некрологъ его «Новое Время» 1909 г., № 11.833).

† **Венкстернъ, А. А.** Скончавшійся 15 февраля послѣ кратковременной болѣзни членъ московскаго комитета по дѣламъ печати Алексѣй Алексѣевичъ Венкстернъ принадлежалъ къ числу горячихъ любителей театра и немало поработалъ для русскаго сценическаго искусства на литературномъ поприщѣ. Питомецъ московской частной гимназіи Л. И. Поливанова, покойный продолжалъ свое образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета, подъ руководствомъ блестящихъ профессоровъ того времени: Буслаева, Тихонравова, Стороженки, Корша и др. Еще въ бытность студентомъ, онъ становится на ряду съ Л. М. Лопатинымъ, недавно умершимъ А. А. Федотовымъ и другими юными любителями театра—виднымъ членомъ популярнаго тогда въ Москвѣ Шекспировскаго кружка, функционировавшаго подъ управленіемъ Л. И. Поливанова и извѣстнаго знатока Шекспира С. А. Юрѣва. Сначала спектакли эти ставились въ помѣщеніи Поливановской гимназіи, а потомъ были перенесены въ Нѣмчиновскій театръ. А. А. обладалъ несомнѣннымъ драматическимъ дарованіемъ и тогда же обратилъ на себя общее вниманіе и публики и прессы исполненіемъ такихъ отвѣтственныхъ ролей, какъ Гамлетъ, Коріоланъ, Генрихъ V и др. Объ этихъ, очень интересныхъ по идеѣ «Шекспировскихъ спектакляхъ» покойный самъ еще недавно подѣлился любопытными воспоминаніями, напечатанными въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» за 1897 годъ. Послѣ распада Шекспировскаго кружка А. А. хотя больше и не выступалъ на сценѣ, но не порывалъ своей связи съ театромъ. Такъ, онъ перевелъ прекрасными стихами эффектную комедію Мореио «Спесь на спесь» (помѣщена въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1887 г.). Затѣмъ, составилъ стихотворное либретто къ музыкальной трилогіи Тавѣва «Орестейя». Изрѣдка А. А. принималъ также съ успѣхомъ участіе въ разныхъ литературныхъ вечерахъ въ качествѣ чтеца-декламатора. Свыше 25 лѣтъ покойный состоялъ дѣйствительнымъ членомъ общества любителей россійской словесности (съ 1882 г.), исправляя въ немъ одно время обязанности секретаря (съ 1884 по 1887 гг.) и нерѣдко выступая въ качествѣ докладчика на его засѣданіяхъ. Изъ другихъ литературныхъ работъ А. А. нужно отмѣтить составленную имъ обширную біографію Пушкина (она напечатана въ «Альбомѣ Пушкинской выставки» 1881 г.) и вереницумелодичныхъ стихотвореній, разбѣянныхъ на страницахъ

различныхъ журналовъ, преимущественно — «Русскаго Вѣстника» и «Русскаго Обзорънія». Скончался А. А. еще далеко не старымъ, всего на 54-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 39).

† **Іоаннъ епископъ (Кратировъ)**. 11-го февраля скончался въ Москвѣ, на 70-мъ году отъ рожденія, преосвященный Іоаннъ, епископъ бывшій саратовскій, одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и достойныхъ архипастырей русской церкви, довольно извѣстный въ богословской литературѣ. Уроженецъ Вологодской губерніи, с. Брусеницъ Тотемскаго уѣзда, онъ, по окончаніи въ 1864 году курса въ московской духовной академіи со степенію магистра, былъ опредѣленъ 9-го ноября преподавателемъ въ вологодскую семинарію, откуда въ 1866 г., 15-го ноября, перешелъ въ ярославскую, а въ 1870 году въ московскую духовную академію, въ которой до 21-го апрѣля 1883 года состоялъ секретаремъ, послѣ чего былъ назначенъ ректоромъ харьковской духовной семинаріи и 5-го іюня посвященъ въ протоіереи. Въ 1893 году, 6-го марта, постриженъ въ монашество, — 7-го апрѣля возведенъ въ санъ архимандрита, а 25-го апрѣля хиротонисанъ во епископа сумскаго, викарія харьковской епархіи, 17-го января 1895 г. перемѣщенъ епископомъ елисаветградскимъ, съ пребываніемъ въ Одессѣ, 23-го августа того же года назначенъ епископомъ нарвскимъ и ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, 16-го января 1899 г. епископомъ саратовскимъ. Въ 1902 году преосвященный Іоаннъ былъ вызванъ въ св. синодъ для присутствованія, но черезъ 6 мѣсяцевъ (12-го марта 1903 г.) былъ уволенъ отъ епархіи по болѣзни и назначенъ членомъ синодальной конторы и управляющимъ ставропигіальнымъ Симоновымъ монастыремъ. Въ минувшемъ году, 5-го декабря 1908 г., онъ по словесному предложенію св. синоду митрополита Владимира, былъ уволенъ по болѣзни отъ управленія Симоновымъ монастыремъ и должности члена синодальной конторы, что не могло не отозваться на его разстроенномъ здоровьѣ, ибо онъ лишился немалыхъ средствъ (до 3,000 р.). Съ трудомъ отслуживъ послѣднюю литургію, владыка не прожилъ и 2-хъ мѣсяцевъ со дня полученія указа св. синода. Средства онъ почти не оставилъ, но зато оставилъ по себѣ прекрасную память въ средѣ своихъ учениковъ и знавшихъ многоученаго іерарха. Погребенъ онъ не на кладбищѣ (какъ привыкъ хоронить епископовъ московскій митрополитъ Владимиръ), а въ церкви Тихвинской Божіей Матери, въ Симоновомъ монастырѣ. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1909 г., № 40).

† **Ивановъ, А. В.** 18 февраля скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ Аполлонъ Викторовичъ Ивановъ. Покойный всю свою почти полувѣковую службу, начавшуюся по окончаніи курса въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія въ 1862 года, провелъ или въ сенатѣ, или въ мѣнестерствѣ юстиціи. Только въ послѣдніе годы принималъ участіе въ дѣятельности государственнаго совѣта. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ былъ сперва редакторомъ, потомъ управляющимъ законодательнымъ и распорядительнымъ отдѣлами департамента министерства юстиціи, въ 70-хъ годахъ исполнялъ должность юрисконсульта министерства, съ 1877 года былъ послѣдовательно оберъ-прокуроромъ межевого департамента, перваго отдѣленія третьяго департамента и гражданскаго кассационнаго департамента сената до 1889 года, когда назна-

ченъ былъ сенаторомъ. Въ сенатѣ присутствовалъ въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ, въ соединенномъ присутствіи перваго и кассационныхъ и въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи. Кромѣ того, участвовалъ въ особомъ присутствіи при государственномъ совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія департаментовъ сената. Занимая разнообразныя должности, А. В. заявилъ себя знатокомъ особенно гражданского права и вложилъ немало труда въ разработку различныхъ законоположеній. При его дѣятельномъ участіи къ судопроизводству и судоустройству въ Сибири были примѣнены въ 1869 году основныя положенія судебной реформы, было рассмотрѣно въ 1876 г. положеніе объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, затѣмъ разъяснены нѣкоторые вопросы коштнаго межеванія земель въ Кіевской губерніи, обсуждались вопросы о крестьянскихъ переселеніяхъ, о правахъ и обязанностяхъ чиновниковъ и друг., а также о мѣрахъ къ поддержанію дворянскаго землевладѣнія. Умеръ онъ 66 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.833).

† **Криндичъ, Е. И.** 26 февраля въ Новочеркасскѣ умеръ присяжный повѣренный Егоръ Ивановичъ Криндичъ. Е. И. около 20 лѣтъ однимъ изъ первыхъ вступилъ въ составъ членовъ общества содѣйствія народному образованію на Дону; однимъ изъ первыхъ въ то глухое время взялся за развитіе просвѣтительнаго дѣла въ Донской области на широкихъ началахъ и совмѣстно съ другими членами сравнительно въ короткій срокъ достигъ современнаго значенія народной читальни, гдѣ теперь нашли примѣненіе своего труда лучшія силы новочеркаскаго общества. Не менѣе солидную услугу большими пожертвованіями и личнымъ трудомъ Е. И. оказалъ созданной на частныя средства больницѣ и амбулаторіи для иногородныхъ въ Новочеркасскѣ; сдѣлалъ большія пожертвованія взаимно-вспомогательной кассѣ народныхъ учителей Донской области; принималъ горячее участіе въ духовно-нравственномъ укрѣпленіи заключенныхъ въ новочеркасской тюрьмѣ и выстроилъ для нихъ на свои средства столовую-читальню, превращенную затѣмъ, по распоряженію администраціи, въ камеры. Е. И. велъ непрерывную борьбу за улучшеніе быта заключенныхъ и, не достигнувъ нормальныхъ условій, сложилъ съ себя полномочія директора новочеркаскаго тюремнаго комитета. Е. И. на свои средства въ деревняхъ выстроилъ нѣсколько школъ, пожертвовалъ свыше 12 т. р. на открытіе школы имени Л. Н. Толстого и, наконецъ, участвовалъ во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и вездѣ былъ инициаторомъ тепла, участливаго отношенія къ бѣднотѣ и ея нуждамъ. Потеря Е. И., какъ труженика, прекрасно оцѣнена всѣми мѣстными благотворительными кружками. Въ день похоронъ каждый изъ нихъ старался тѣмъ или инымъ путемъ выразить свое сочувствіе. На гробѣ Е. И. выдѣлялись вѣнки: отъ кассы донскихъ учителей, отъ общества содѣйствія народному образованію на Дону, отъ попечительства больницы для иногородныхъ и многіе др. Гробъ до могилы сопровождали родственники, масса знакомыхъ и вообще публики, знающей его, какъ общественнаго работника. (Некрологъ его въ «Южномъ Телеграфѣ» 1909 г., № 2216).

† **Тесельскій, о. Г. С.** Русская колонія въ Парижѣ понесла, 14 декабря, тяжелую утрату въ лицѣ своего старѣйшаго соотечественника и третьяго священника Александро-Невской церкви при російскомъ императорскомъ по-

сольствѣ, Георгія Саввича Тесельскаго, скончавшагося на 72 году своей жизни, большую часть которой (цѣлыхъ 44 года) онъ провелъ въ Парижѣ на службѣ при русскомъ храмѣ и на пользу своимъ землякамъ, осѣвшимъ навсегда тамъ или только гостившимъ въ Парижѣ; но особенно долго будутъ его помнить русскіе эмигранты-бѣдняки, зачастую пользовавшіеся его рѣдкимъ добродушіемъ и самой сердечной заботливостью о нуждахъ ихъ. О своей долгой жизни во Франціи о. Георгій оставилъ интересные мемуары, касающіеся также осады Парижа нѣмцами въ 1870—1871 годахъ. Онъ былъ хорошо извѣстенъ и осчастливленъ монаршимъ къ нему вниманіемъ императоровъ Александра II и Александра III и Государя Императора Николая Александровича; какъ безпримѣрную награду для русскихъ діаконовъ, отмѣтимъ получение Г. С. въ 1894 году ордена св. Владимира 4-й степени съ утверженіемъ его и дѣтей его въ правахъ російскаго потомственнаго дворянства. Въ санъ священника о. Георгій былъ рукоположенъ только въ мартѣ 1908 г., бывъ дотолѣ, послѣ окончанія курса наукъ въ кишиневской духовной семинаріи, на службѣ въ пѣвческомъ хорѣ Александро-Невской лавры (1857—1861), діакономъ Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ (1861—1865) и діакономъ русской посольской церкви въ Парижѣ (1865—1908), а послѣднее время тамъ же священникомъ. Какъ филантрошъ-піетистъ, о. Георгій былъ членомъ-сотрудникомъ императорскаго Палестинскаго общества съ правомъ ношенія на груди особаго знака сего общества. Утрата о. Георгія Тесельскаго горестна для русской колоніи на чужбинѣ... («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1909 г., № 41).

† **Трубецкая, Н. Б., княгиня.** 23 февраля, въ пять часовъ утра, скончалась на 97 году основательница Братолюбиваго общества снабженія немущихъ квартирами статсъ-дама княгиня Надежда Борисовна Трубецкая, урожденная княжна Святополкъ-Четвертинская. Въ лицѣ покойной Братолюбивое общество понесло тяжелую, невознаградимую потерю. Своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ дѣятельности общество обязано умершей княгинѣ, которая начала святое дѣло помощи бѣдному столичному населенію въ 1861 году, послѣ наводненія, постигшаго Москву. Ею былъ подысканъ домъ, въ которомъ удалось дать пріютъ пострадавшимъ отъ тяжкаго бѣдствія. Этимъ добрымъ дѣломъ было положено начало Братолюбивому обществу снабженія немущихъ дешевыми квартирами. Мысль княгини Н. Б. Трубецкой оказалась очень практичной и вполне соотвѣтствующей потребностямъ нуждающагося населенія Москвы. Возникшее общество сразу привлекло къ себѣ симпатіи москвичей, которыя остаются неизмѣнными до сихъ поръ. Благодаря неусышной дѣятельности княгини Н. Б. Трубецкой Братолюбивое общество располагаетъ въ настоящее время 35 домами, съ населеніемъ до 2,000 человекъ. Кромѣ того, общество располагаетъ громаднымъ капиталомъ. Дѣятельность покойной княгини не ограничилась только Братолюбивымъ обществомъ, но проявлялась также на другихъ поприщахъ. Княгиня Трубецкая приняла дѣятельное участіе въ московскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ, состоя попечительницей Ольгинскаго и Ксеніинскаго пріютовъ, а также въ дамскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ. Во время Русско-Турецкой войны покойная проявила особо благотворительную дѣятельность въ качествѣ пред-

сѣдательницы Краснаго Креста въ дѣлѣ оказанія помощи раненымъ воинамъ при ихъ эвакуаціи съ театра войны. Рѣдкая по долготѣтю жизнь покойной княгини протекла въ постоянныхъ заботахъ о бѣдныхъ. Въ лицѣ ея сходитъ въ могилу замѣчательный типъ истинно-русской женщины, всю жизнь свою положившей на пользу ближняго. При своей знатности и высокомъ положеніи княгиня Н. В. Трубецкая отличалась скромностью и доступностью. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 41).

† **Фроловъ, А. Н.** 23 февраля скончался старѣйшій русскій художникъ, работавшій по мозаикѣ, академикъ Александръ Никитичъ Фроловъ. Покойный родился въ 1830 году, художественное образованіе закончилъ въ императорской академіи художествъ и вскорѣ по окончаніи академіи былъ зачисленъ въ 1856 году въ составъ художниковъ императорскаго мозаическаго отдѣленія академіи художествъ. Здѣсь онъ работалъ надъ исполненіемъ художественныхъ мозаикъ для Исаакіевскаго собора, а также и для частныхъ заказчиковъ мозаическаго отдѣленія. А. Н. занимался въ мозаическомъ отдѣленіи вплоть до 1891 года, исполняя съ 1883 года и обязанности завѣдывающаго работами. За это время онъ былъ удостоенъ академіей художествъ званіями класснаго художника третьей степени за мозаичныя работы (1866 г.) и первой степени (1867 г.), академика за образъ святой Екатерины, исполненный для праваго придѣла въ Исаакіевскомъ соборѣ (1872 г.), и почетнаго вольнаго общника (1876 г.). Образъ же святой Екатерины доставилъ ему почетный дипломъ и большую золотую медаль на московской политехнической выставкѣ. Кромѣ этого образа, покойный исполнилъ для Исаакіевскаго собора по мозаикѣ образъ святой Маріи Магдалины (фигура въ ростѣ), въ образѣ «Бичеваніе» (въ аттикѣ собора)—фигуру Христа и воина съ лѣвой стороны, голову евангелиста Марка, образъ святыхъ Владимира и Ольги (съ оригинала А. Е. Бейдемана). Затѣмъ въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ онъ руководилъ исполненіемъ и установкой на мѣсто всѣхъ мозаичныхъ орнаментовъ. Въ это же время имъ исполнены два образа изъ мелкой мозаики «Святыхъ угодниковъ аѳонскихъ», находящіеся въ настоящее время въ иконостасѣ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ (на Екатерининскомъ каналѣ). Изъ частныхъ заказовъ интересны его работы для королевы нидерландской Анны Павловны—голова и руки ангела у гроба Господня, для часовни въ Висбаденѣ—голова Божіей Матери и Младенца Христа, для графа С. Г. Строганова—«Благовѣщеніе» изъ мелкой мозаики съ фигурами въ ростѣ (съ оригинала Рубіо), для мозаическаго отдѣленія—голова святого Николая Чудотворца и часть амфоры съ оригинала Андрея Сакки и друг. Исполненіе Фролова отличалось не только замѣчательной художественностью, но и тщательностью въ мелочахъ. Онъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ выдающихся мастеровъ по мозаикѣ. Въ 1891 году А. Н. сталъ во главѣ первой русской частной мозаической мастерской, гдѣ своимъ многолѣтнимъ опытомъ и знаніями мозаичнаго дѣла съ успѣхомъ конкурировалъ съ заграничными мозаическими мастерскими. При его непосредственномъ участіи и руководствѣ исполненъ этой мастерской цѣлый рядъ серьезныхъ и отвѣтственныхъ работъ по мозаикѣ, изъ которыхъ нельзя не отмѣтить мозаичныхъ работъ въ храмѣ Воскресенія Христова въ Петербургѣ. Въ послѣднее время А. Н. исполнилъ мо-

заичный портретъ императора Александра III. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11833).

† **Князь Хилковъ, М. И.** 8 марта скоропостижно скончался бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ министромъ путей сообщенія, членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Михаилъ Ивановичъ Хилковъ. До послѣдняго момента, несмотря на преклонный уже возрастъ, князь сохранялъ ясный умъ и любовь къ дѣятельности. Передъ самой смертью М. И. былъ на засѣданіи организующейся русско-англійской торговой палаты, выступалъ здѣсь съ рѣчью, а выйдя изъ собранія, неожиданно почувствовалъ себя дурно, упалъ и, привезенный къ себѣ, черезъ три часа скончался. Князь М. И. родился въ 1834 г., отецъ его, блестящій лейбъ-гусарь, имѣлъ огромное состояніе, котораго сынъ не унаслѣдовалъ. М. И. получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и образованіе подъ руководствомъ извѣстнаго въ свое время писателя М. А. Циммермана, энциклопедически образованнаго. Циммерманъ сумѣлъ пробудить въ своемъ воспитаникѣ жажду знанія, развить въ немъ стремленіе къ идеальной сторонѣ жизни и передать уму его оригинальный складъ мысленія. Дальнѣйшее образованіе М. И. получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1853 году былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардейскій Егерскій полкъ. Черезъ четыре года, однако, М. И. уже оставилъ военную службу и занялся самообразованіемъ подъ руководствомъ того же Циммермана. Короткое время М. И. находился въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ вмѣстѣ съ Циммерманомъ отправился въ двухлѣтнее путешествіе по Европѣ и Америкѣ; это путешествіе служило какъ бы завершеніемъ его образованія. Въ эпоху реформъ М. И. вернулся въ Россію, былъ избранъ въ мировые посредники Вѣжецкаго уѣзда и принималъ участіе въ проведеніи крестьянской реформы. Черезъ два года, однако, въ 1864 г., М. И. вновь уѣзжаетъ въ Америку и поступаетъ на службу въ англо-американскую компанію, строившую Трансатлантическую желѣзную дорогу. Службу здѣсь М. И. началъ простымъ рабочимъ, былъ кочегаромъ, помощникомъ кочегара, помощникомъ машиниста, старшимъ машинистомъ и только черезъ 4 года добился мѣста завѣдующаго службою подвижнаго состава и тяги. Оставивъ Америку, М. И. еще около года прослужилъ слесаремъ въ Ливерпуль и вернулся на родину. Въ Россіи 10 лѣтъ онъ проводитъ на службѣ на Курско-Кіевской, а затѣмъ Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ. Во время Русско-Турецкой войны князь Хилковъ былъ уполномоченнымъ Краснаго Креста имени государыни цесаревны при санитарномъ поѣздѣ. Въ 1880 г., во время экспедиціи Скобелева въ Ахаль-Теке генераль Анненковъ вызвалъ М. И. завѣдывать постройкою желѣзнодорожной вѣтви на Кизиль-Арватъ. Здѣсь онъ былъ до декабря 1882 г., когда болгарское правительство пригласило его на постъ управляющаго министерствомъ общественныхъ работъ, путей сообщенія, торговли и земледѣлія. Это была нелегкая задача, изъ которой, однако, М. И. успѣлъ выйти съ честью, приобрѣтя огромную популярность въ болгарскомъ населеніи. Послѣ филиппопольскаго переворота князь Хилковъ вернулся въ Россію и поступилъ завѣдующимъ механическою частью постройки, службы тракцій и мастерскихъ Закаспійской желѣзной дороги. Послѣ сдачи дѣлъ онъ перешелъ въ вѣдомство министерства путей сообще-

нія на должность правительственнаго директора Привислинской дороги. Затѣмъ онъ послѣдовательно занималъ должности: начальника Самаро-Златоустовской, Оренбургской, Орловско-Грязской и Ливенской дорогъ. 31 июня 1894 г. князь Хилковъ назначенъ главнымъ инспекторомъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 4 января 1895 г. князь Хилковъ назначенъ министромъ путей сообщенія. Двухлѣтнее управленіе князя Хилкова министерствомъ путей сообщенія отмѣчено оживленіемъ въ области желѣзнодорожнаго строительства. Произведены дѣятельныя изысканія для постройки линіи на Архангельскъ и окончательно рѣшенъ вопросъ о постройкѣ, столь важной для экономической жизни Сѣвера, Пермь-Котласской желѣзной дороги. Производятся постройки Харьковско-Балашевской дороги, множества подъѣздныхъ путей на Кіево-Воронежской и Рязанско-Уральской дорогахъ. Докончена постройка Приморско-Сестрорѣцкая дорога. Великая Сибирская дорога, предсѣдателемъ комитета которой состоялъ князь Хилковъ, была значительно продолжена. Проектированы и начаты постройкою нѣсколько новыхъ, имѣющихъ важное значеніе линій. Кромѣ того, князь Хилковъ въ значительной мѣрѣ упорядочилъ внутреннее желѣзнодорожное управленіе, которому недоставало стройной организаціи. Въ желѣзнодорожныхъ правилахъ были пополнены многіе пробѣлы, на практикѣ вызывавшіе массу недоразумѣній. Наконецъ было учреждено управленіе желѣзныхъ дорогъ, контролирующее ихъ дѣятельность по всей Россіи. Однимъ изъ важныхъ явленій въ желѣзнодорожномъ мѣрѣ во время управленія князя Хилкова нужно считать введеніе удешевленнаго пассажирскаго тарифа. Въ области заграничныхъ сношеній русскія желѣзныя дороги впервые въ 1895 г. добились договоровъ съ пароходными обществами о содержаніи срочныхъ рейсовъ для вывоза русскихъ товаровъ за границу, причѣмъ была уничтожена монополія нѣсколькихъ пароходствъ, не допускавшихъ свободной конкуренціи въ русскихъ портахъ. Въ управленіе князя Хилкова министерствомъ путей сообщенія разработанъ уставъ и открытъ въ Москвѣ (1896 г.) второй разсадникъ инженеровъ путей сообщенія — высшее инженерное училище. 30 сентября 1896 г. совѣтъ института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I избралъ князя Хилкова въ свои почетные члены. Въ благодарность за содѣйствіе, оказанное экспедиціямъ, ѣздившимъ для наблюденія солнечнаго затменія въ іюль (28) 1896 г., князь Хилковъ астрономическимъ обществомъ избранъ въ почетные члены. Князь Хилковъ пользовался большими симпатіями среди своихъ подчиненныхъ. Въ революціонный періодъ князь Хилковъ оставилъ постъ министра, оставшись членомъ государственнаго совѣта. Но жажда дѣятельности не оставляла покойнаго, и во время русско-японской войны онъ, въ качествѣ предсѣдателя общества Краснаго Креста, проявилъ необычайную энергію, самъ руководилъ всѣмъ сложнымъ и труднымъ дѣломъ санитарной помощи на войнѣ и неоднократно, когда этого требовали обстоятельства, выѣзжалъ на театр военныхъ дѣйствій. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11850).

† **Чистяковъ, М. В.** 6 марта скончался товарищъ министра финансовъ Михаилъ Васильевичъ Чистяковъ. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу одинъ изъ главнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ помощниковъ министра финансовъ, знатокъ

финансоваго положенія Россіи, счетоводства и желѣзнодорожнаго и тарифнаго дѣла. Покойный родился въ 1852 году въ Калужской губерніи, гдѣ и получилъ среднее образованіе. Затѣмъ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету и окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ въ 1877 году. Въ томъ же году поступилъ на службу въ государственный контроль по временной ревизіонной комиссіи (нынѣ департаментъ гражданской отчетности). Сначала занимался по найму, затѣмъ (въ 1878 году) былъ зачисленъ на государственную службу и получилъ штатную должность счетнаго чиновника. Послѣдовательно проходилъ должности младшаго и старшаго ревизора, главнаго контролера, помощника генераль-контролера, члена совѣтовъ по желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ дѣламъ, предсѣдателя комиссіи по повѣркѣ отчетовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1902 году перешелъ на службу въ министерство финансовъ на должность члена совѣта министра и съ 1905 г. былъ товарищемъ министра финансовъ. Какъ человекъ, М. В. пользовался симпатіями всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 11848).

† **Шликевичъ, А. П.** Извѣстный земскій статистикъ Александръ Поликарповичъ Шликевичъ скончался въ половинѣ февраля на 60-мъ году жизни въ своемъ родовомъ имѣніи близъ гор. Козельца, Черниговской губ. Земская статистика въ лицѣ покойнаго утратила творца такъ называемыхъ «комбинаціонныхъ таблицъ», дающихъ возможность прослѣдить вліяніе тѣхъ или другихъ факторовъ хозяйства каждаго крестьянскаго двора на результаты самаго хозяйства. Специально черниговская статистика въ лицѣ А. П. потеряла автора нѣсколькихъ поуѣздныхъ сборниковъ, составителя карты почвъ губерніи, основанной на статистическомъ изученіи особенностей послѣднихъ, и, наконецъ, составителя капитальной работы по страхованію въ губерніи. Кромѣ занятій по статистикѣ, покойный А. П. нѣкоторое время былъ предсѣдателемъ козелецкой уѣздной и членомъ черниговской губернской земскихъ управъ. Состоя въ этихъ должностяхъ, покойный поставилъ страховое дѣло въ губерніи на рациональную почву, а также осуществилъ мысль объ осушеніи болотъ и, благодаря его личнымъ энергіи и трудамъ, тысячи десятинъ болотныхъ пространствъ Черниговской губ. были превращены въ прекрасные сѣнокосы. Новыя теченія въ черниговскомъ земствѣ въ началѣ 90-хъ годовъ лишили А. П. возможности продолжать горячо имъ любимую земскую работу, и онъ переселился въ Петербургъ. Тамъ онъ сталъ во главѣ крупнаго частнаго страхового дѣла. Какъ человекъ, самъ умѣющій работать, онъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу много интеллигентныхъ силъ, обыкновенно далеко стоящихъ отъ коммерческихъ сферъ. Это дало ему возможность рационально поставить ввѣренное ему дѣло. Послѣдніе 3—4 года А. П. жилъ у себя въ имѣніи, стремясь вновь предаться земскому дѣлу. «Поѣду снова копать канавы», говорилъ онъ мнѣ незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Къ сожалѣнію, мечтѣ А. П. не пришлось осуществиться: везанная болѣзнь (воспаленіе легкихъ вслѣдствіе простуды) свела въ могилу этого добраго, умнаго и энергичнаго работника-земца. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1909 г., № 47).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Виновники раздѣленія Европы на два лагеря.

По поводу моей статьи въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» «Раздѣленіе Европы на два лагеря» я получилъ отъ одного извѣстнаго профессора берлинскаго университета письмо, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ: «...Я считаю то фактическое, что вы говорите о договорѣ (таковой, какъ я думаю, былъ заключенъ въ 1884 г.), вѣрнымъ, но невѣрнымъ то, что вы говорите о роли, которую будто бы сыграть при этомъ Маршалъ. Относительно мотивировки можно еще спорить... Но историческіе факты, т. е. сообщеніе таковыхъ въ печати, нужно всегда съ благодарностью принимать...» Я полагаю, что почтенный профессоръ, знатокъ и русской исторіи (и знающій хорошо по-русски), при случаѣ кое-что возразить въ печати по поводу вѣкоторыхъ этихъ моихъ мотивировокъ, о коихъ онъ замѣчаетъ, что ихъ можно еще оспаривать, хотя фактическую сторону моего изложенія онъ прямо признаетъ вѣрною. А потому пока не называю его имени, да притомъ же это частное письмо ко мнѣ. Но, съ своей стороны, считаю нужнымъ теперь же ему кое-что возразить или, вѣрнѣе, исправить въ видѣ разъясненій. Теперь, вѣдь это какъ бы вопросъ дня? Въ 1884 г., вскорѣ послѣ перевода сюда изъ Парижа, по настояніямъ самого Бисмарка, нашего посла, большого князя Орлова (на мѣсто ушедшаго отсюда посла Сабурова), какъ я объ этомъ уже въ «Историч. Вѣстникѣ» говорилъ, было положено лишь начало той конвенціи, которая была расширена и заключена позже, при графѣ Шуваловѣ, занявшемъ въ началѣ 1885 г. въ Берлинѣ мѣсто покойнаго Орлова. Тотъ необычайный дипломатическій шагъ¹⁾, посредствомъ коего Бисмаркъ рѣшился убѣдить императора Александра Александровича въ полезности и для Россіи заключенія вполне тайнаго договора противъ будто бы особенно интимной союзницы Германіи—Австро-Венгрии—предпринять былъ уже при графѣ Шуваловѣ здѣсь, о чемъ покойный посолъ мнѣ потомъ, когда уже дѣло подлежало исторіи, подробно и сообщилъ. Какъ я уже въ вышеупомянутой статьѣ «Историч. Вѣстника» разъяснилъ, Германія предоставила Россіи (взамѣнъ предварительной сдѣлки при кн. Орловѣ) полную свободу дѣйствій (freie Hand) на Балкан-

¹⁾ Какъ я уже сообщилъ въ январской книгѣ «Историч. Вѣстн.», нашъ государь, конечно, осторожно относился къ Бисмарку и не сразу принялъ его предложеніе. Тогда Бисмаркъ въ подлинникѣ представилъ государю договоръ Германіи съ Австріею для убѣжденія его въ томъ, что при немъ нѣтъ никакихъ секретныхъ особыхъ приложений, которыя могли бы ослабить нашъ договоръ съ Германіею. Этотъ особый знакъ довѣрія со стороны Бисмарка къ нашему императору,—такъ какъ еще никогда въ подлинникахъ, строго охраняемыхъ, международные тайные договоры не показывались третьимъ лицамъ,—произвелъ такое хорошее впечатлѣніе, что конвенція вскорѣ послѣ того была заключена. Этотъ фактъ я здѣсь повторяю въ виду того, что въ заграничной печати признають его очень интереснымъ.

скомъ полуостровѣ, обязавшись, — за извѣстную нашу сдержанность въ отношеніи Франціи (съ кою мы тогда еще не состояли ни въ какихъ обязательствахъ, конечно), — не вступаться за Австрію въ ея всякихъ возможныхъ конфликтахъ съ Россією на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Но когда именно былъ заключенъ этотъ договоръ — неизвѣстно и теперь.

Что до отрицанія почтеннымъ профессоромъ роли, приписываемой барону Маршалю ¹⁾, тогдашнему, при генералѣ Каприви, руководителю иностранной политики, то, право, это неважный вопросъ, надъ которымъ можно было бы подробнѣе остановиться на этихъ столбцахъ (хотя у меня есть факты для подтвержденія высказаннаго и на этотъ счетъ). Интересно и важно лишь то, что извѣстный здѣшній профессоръ исторіи виолнѣ признаетъ вѣрность фактической стороны высказаннаго мною!

По приведеннымъ же мною дипломатическимъ и другимъ фактамъ оказывается теперь достовѣрно, что вовсе не Россія отъ Германіи тогда, т. е. въ 1890 г., послѣ паденія Бисмарка, отшатнулась, какъ это все твердила извѣстная часть германской прессы, прибавляя нерѣдко, что это совершилось, будто бы, «ради панславизма», — а наоборотъ, Германія отъ Россіи, — главнымъ образомъ притомъ изъ-за желанія поддерживать Австро-Венгрію на Балканскомъ полуостровѣ. Относительно же возраженій или замѣчаній въ европейской печати на тѣ мои сообщенія въ «Историч. Вѣстникѣ» я пока считаю небезынтереснымъ здѣсь отмѣтить вотъ что. Еженедѣльный журналъ «Zeitfragen», выходящій въ Берлинѣ вмѣстѣ съ консервативно-аграрною большою газетою «Deutsche Tageszeitung» и самостоятельно, въ № 6 посвятилъ даже особую статью по этому поводу, озаглавивъ тоже: «Europa in zwei Lagern», такъ какъ редакція его (тоже понимающая по-русски) согласна съ тѣмъ, что собственно политика Германіи при канцлерѣ Каприви оттолкнула Россію и способствовала нынѣшнему раздѣленію Европы на два лагеря. Журналъ (спеціальность его — лишь важные современные вопросы), приведя существенное изъ «Историч. Вѣстника», съ указаніемъ, что этотъ журналъ издается А. С. Суворинымъ, а редактируется С. Н. Шубинскимъ, между прочимъ замѣчаетъ: «И такимъ образомъ, конечно, упрекъ его (т. е. мой) вполне справедливъ, что Германія сама виновна въ той политикѣ авантюризма и должна нести отвѣтственность за непростительныя глупости времени Каприви» (unverzeihlichen Torheiten der Caprivi-Zeit)... Признание, конечно, безпристрастное, что такъ рѣдко бываетъ въ нѣмецкой печати насчетъ нашего отечества. Такія призыванія, какъ вышеприведенное со стороны извѣстнаго профессора и это, для насъ интересны и цѣнны, тѣмъ болѣе въ настоящій политическій, довольно тревожный моментъ, когда съ одной стороны изъ Берлина сегодня распускаются по телеграфу увѣренія, что Германія будетъ во всемъ поддерживать Австрію на Балканахъ противъ Россіи изъ-за Сербіи, а завтра уже опровергаются эти чьи-то завѣренія, какъ неофициальныя.

В. О. Пуцковичъ.

¹ Т. е., что онъ способствовалъ возобновленію договора Бисмарка съ Россією и проч.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО КОРОЛЕВА

РОМАНЪ

НИКОЛА МИЗАЗИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

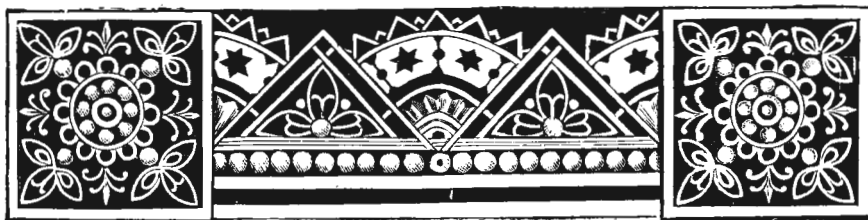
Л. Р—НА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ столицѣ и въ горахъ.

I.

Политическій моментъ.—Наполеонъ I и дочь Маріи-Терезіи.

БСТОЯТЕЛЬСТВА были таковы:

Переговоры въ Пресбургѣ заключились извѣстнымъ трактатомъ. Наполеонъ стянулъ къ Болоньѣ свое войско, намѣреваясь изгнать Бурбоновъ изъ Неаполитанскаго королевства. Была обнародована слѣдующая прокламація, обращенная къ неаполитанцамъ:

«Дворъ вашего короля, подписавъ со мною договоръ о нейтралитетѣ, нарушилъ его: онъ вновь открылъ свои владѣнія русскимъ и англичанамъ. Императоръ Наполеонъ, справедливость котораго равняется его могуществу, желаетъ примѣрно отплатить такой поступокъ. Этого требуютъ достоинство его короны, интересы его народовъ и необходимость «возстановить въ Европѣ общественное къ себѣ довѣріе. Войско, которымъ я командую, идетъ съ цѣлью покорить вѣроломныхъ. Вамъ, однако, нечего опасаться: французскіе солдаты будутъ всегда «вашими братьями»».

Прокламація, помѣченная 25-мъ декабря 1805 года, появилась въ Неаполѣ 2-го января 1806 года одновременно съ вѣстью, что

французское войско, приближающееся къ неаполитанскимъ границамъ, состоитъ подъ начальствомъ Сень-Сира, имѣеть пять корпусовъ, къ коимъ присоединенъ еще корпусъ Массены; что вся численность арміи доходитъ до сорока пяти тысячъ; что при ней находится братъ императора генералъ принцъ Іосифъ Бонапартъ.

Эти вѣсти для неаполитанскаго двора были громовымъ ударомъ, началомъ той грозы, которая захватила и русскихъ и австрійцевъ, которая закончилась Аустерлицкимъ сраженіемъ и взятіемъ Вѣны. Неаполь трепеталъ: для него были живо памятны ужасы многолѣтней войны конца XVIII вѣка; раны, нанесенныя сначала кровавой междоусобицей, а затѣмъ яростными репрессаліями Бурбоновъ, еще далеко не зажили.

Когда грянула эта новая гроза, порядокъ, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, не былъ еще вполне восстановленъ восстановленной, но не успѣвшей утвердиться королевскою властью. Правда, шайки санфедистовъ¹⁾ и преданные Бурбонамъ партизаны отвоевали у новорожденной республики²⁾ тронъ законнаго короля. Но санфедисты и партизаны не могли бы совершить этого, если бы они не разоряли все и всѣхъ на своемъ пути. Населеніе всѣхъ крупныхъ городовъ Неаполитанскаго королевства распалось на двое: одна сторона—торжествующая и самовластная—легитимисты; другая—республиканцы, доведенные до безсильнаго раздраженія, грызшіе наложенныя на нихъ цѣпи. Эта партія продолжала, однако, ожидать мести, трепетно ожидала, что новыя событія восстановятъ ея могущество.

И въ такое-то время, когда предшествовавшая буря не успѣла улесться, загрохотала новая гроза.

Въ виду ея приближенія русскія и австрійскія войска (ради которыхъ Бурбоны нарушили нейтралитетъ, обѣщанный императору Наполеону)³⁾, занимавшія дотолѣ Теано, Венафро, Миньяно, получили отъ своихъ правительствъ приказаніе удалиться. Русскій генералъ Ласси сообщилъ неаполитанскому главнокомандующему, что защита всей пограничной линіи королевства при внезапно сложившихся обстоятельствахъ немыслима прежними средствами, причемъ далъ понять, что русскій государь подготавлиетъ средства для охраненія достоинства короля обѣихъ Сицилій (Неаполитанскаго королевства).

¹⁾ Санфедисты—отъ словъ Санта-Феде (святая вѣра). Такъ назывались въ Испаніи (XVI—XVIII в.), а во время господства испанцевъ и въ Южной Италіи, вооруженныя организаціи, защищавшія монархію и католическую религію отъ новыхъ политическихъ и церковныхъ ученій. Пр. перев.

²⁾ Подъ вліяніемъ французской революціи въ 1799 г. царствовавшая въ Неаполѣ Бурбонская династія была изгнана, а королевство объявлено республикой. Пр. перев.

³⁾ Вѣроятно, рѣчь шла о русской военной эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ. Пр. перев.

Король Фердинандъ IV хотя и понималъ, что его ибель неизбѣжна, все-таки отправилъ кардинала Руффо къ Массенѣ, поручивъ первому хлопотать о перемирии и узнать, нельзя ли чѣмъ смягчить Наполеона. Но когда онъ узналъ, что Руффо былъ въ качествѣ плѣнника задержанъ въ Женевѣ; когда на собранномъ имъ въ Неаполѣ совѣтѣ убѣдился, что, по единогласному мнѣнію генераловъ и министровъ, бесполезна всякая попытка задержать вторженіе французовъ, онъ поспѣшно отплылъ въ Сицилію, назначивъ королевскимъ намѣстникомъ въ Неаполѣ своего старшаго сына, принца Франциска.

Намѣстникъ не сумѣлъ, или не смогъ изыскать новыхъ средствъ; онъ прибѣгъ тоже къ переговорамъ; но это оказалось бесполезно, какъ при отцѣ его. Тогда Францискъ, захвативъ съ собою своего брата принца Леопольда, тоже покинулъ Неаполь и чрезъ Калабрію пробрался въ Сицилію. Такимъ образомъ раскаты грозы, еще отдаленные, обращали уже въ бѣгство именно тѣхъ, кому бы слѣдовало противостоять ей. Королевство, которое нѣсколько лѣтъ ранѣе, послѣ революціи и республиканскаго правленія только что успѣло вновь организовать, грозило опять распаденіемъ, благодаря неумѣлости своихъ правителей.

Однако въ тотъ самый моментъ, когда правители впадали въ отчаяніе, когда генералы ломали свои шпаги, оставалась одна женщина, горделивая, стойкая, предприимчивая, твердо рѣшившаяся или одолѣть врага, или погибнуть вмѣстѣ съ королевскою властію, если только престолу суждено было погибнуть.

То была ея величество королева Марія-Каролина, дочь австрійской императрицы Маріи-Терезіи.

Она одна не покинула королевскаго дворца въ столицѣ. И этого было достаточно, чтобы народъ продолжалъ мечтать о возможности устранить опасность. Она не жила во дворцѣ сложа руки: всѣмъ было хорошо извѣстно, какъ зорко слѣдила она за ходомъ событий, какъ рѣшительна, неумоима была эта королева, какъ энергично подготовлялась она къ борьбѣ.

Даже самые робкіе, тѣ, которые недавно совѣтовали королю обратиться въ бѣгство, начали ободряться, толковать о средствахъ обороны, о необходимости спасти хотя честь націи. Французы уже надвигались, а въ неаполитанскомъ дворцѣ все было спокойно и оживленно. По его мраморнымъ лѣстницамъ и заламъ постоянно проходили и знатные и простые люди, хотя среди послѣднихъ встрѣчались непривлекательныя личности, извѣстные вожакі шаекъ лаццарони. А лаццарони въ Неаполѣ тогда были то же, что санкюлоты въ революціонномъ Парижѣ.

На обширномъ дворцовомъ дворѣ постоянно слышался конскій топотъ. Всадники то появлялись, то уѣзжали; и тѣ и другіе впопыхахъ.

Народъ, конечно, тоже интересовался полученными вѣстями. Небольшія группы людей нерѣдко скоплялись на улицахъ, но и расходились живо. Всякій зналъ, что заурядному обывателю опасно разсуждать о государственныхъ дѣлахъ. Всякому были памяты дни террора, водворившагося въ столицѣ по возвращеніи въ нее Бурбонскаго двора, и звѣрствъ, которыми сопровождалось вступленіе въ Неаполь буйныхъ шаекъ, предводимыхъ кардиналомъ Руффо ¹⁾. Тѣ либералы, которые и теперь съ нетерпѣніемъ ожидали появленія французскаго войска, намѣреваясь вновь поднять республиканское знамя, не рѣшались громко высказывать своихъ надеждъ, зная, что королева продолжаетъ резидировать во дворцѣ. Наиболѣе робкіе, такіе, которые во время прошлаго переворота не рѣпались примкнуть ни къ республиканской, ни къ монархической сторонѣ и которые все-таки изрядно пострадали во время кровавыхъ междуусобій, очутясь между двумя огнями, были нынче склонны полагать, что слухи о надвигающейся опасности преувеличены, что несокрушимая энергія австріячки сумѣетъ помѣряться силами съ поднимающимся ураганомъ.

Въ ней, т. е. въ королевѣ Каролинѣ, сосредоточивалось все могущество, вся власть. Только въ ней проявилась воля. Наполеонъ говорилъ, что королева Каролина единственный мужчина въ Неаполѣ. Однимъ своимъ примѣромъ она ободряла самыхъ робкихъ, а своими рѣчами и своей физически соблазнительной внѣшностью умѣла внушать увѣренность въ ея умѣлости отвратить грозу; она поддерживала бодрость въ населеніи. Зимній сезонъ былъ въ разгарѣ; по приказанію королевы, ни одинъ театръ, ни одно увеселительное заведеніе не было закрыто; ни одинъ балъ не былъ отмененъ.

Носились слухи, что на предстоящемъ въ театрѣ Санъ-Карло (въ тѣ времена обширнѣйшемъ въ Европѣ) маскарадѣ будетъ присутствовать сама королева и появятся всѣ блестящія придворныя дамы, знаменитыя не только своей красотой, но и приписываемыми, по крайней мѣрѣ, имъ любовными приключеніями. Конечно, всѣмъ, кто за себя и за свои богатства боялся вторженія французовъ въ Неаполитанское королевство, было не до развлеченій. Но все-таки ни одна изъ богатыхъ буржуазныхъ семей не осмѣлилась бы оставаться дома, ибо отсутствовать на этомъ маскарадѣ значило бы навлечь на себя подозрѣніе либо въ трусости, либо во враждебности ко двору. Безъ малаго пятидесятитысячное французское войско,

¹⁾ Когда въ 1799 въ Неаполѣ была объявлена республика Партенопейская (Партенопэ—первоначальное имя Неаполя, основаннаго греками), и Бурбоны были вынуждены спѣшно удалиться, кардиналъ Руффо по благословенію папы Пія VI-го, собралъ изрядное партизанское войско, при содѣйствіи котораго изгналъ иноземцевъ, подавилъ республиканцевъ и вновь водворилъ на престолѣ короля Фердинанда.

пододвинувшееся уже къ самой границѣ, плохо гарантировало ихъ безопасность. Боязнь этой женщины, единственной во всей Европѣ открыто рѣшившейся бороться со всемогущимъ Наполеономъ, у неаполитанцевъ доходила до террора.

II.

Веселье наканунѣ бѣды.—Королева въ маскарадѣ.

Если бы кто, незнакомый съ политическими обстоятельствами данной минуты, очутился на площади Санъ-Карло въ началѣ роковой январской ночи, онъ не могъ бы даже подозрѣвать, что на столицу надвигается врагъ, грозящій кровавыми бѣдствіями и разореньемъ. Около театра шумно, весело волновалась толпа, повидимому, совершенно беззаботная. Подъ аркой подъѣзда то и дѣло подъѣзжали богатые экипажи, окруженные гайдуками, факеленосцами; изъ каретъ выходили дамы, пышно обвитыя драгоценными шальями и кружевами, въ складкахъ которыхъ сверкали брильянты и рубины. Группы шумливыхъ масокъ сливались въ сплошную безконечную веселую толпу, которая поднималась по лѣстницамъ. Казалось, весь городъ спѣшно, почти задыхаясь, сбѣгался на праздникъ. Знали, что австріячка приказала всѣмъ веселиться въ эту ночь: и огромное большинство, хотя не безъ воркотни, подчинилось ея волѣ, но, попавъ въ разгульный потокъ, скоро чувствовало себя, какъ рыба въ водѣ.

Громадная зала сіяла огнями; толпа маскированныхъ вела еще себя сдержанно. Ложи были полны аристократіей и богатой буржуазіей; всѣ дамы были въ обыкновенныхъ бальныхъ туалетахъ, лица нѣкоторыхъ были прикрыты полумасками. Только королевская ложа оставалась еще пустою, однако привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе публики. Кой-гдѣ въ залѣ танцовали уже подъ звуки оркестра, примостившагося въ глубинѣ сцены, которая сливалась съ залой.

Вдругъ гулъ и гамъ толпы какъ бы опали. Въ королевской ложѣ появились два служителя въ придворной ливреѣ и раскинули по барьеру величавой ложи штофный коверъ, въ срединѣ котораго былъ вышитъ золотомъ бурбонскій гербъ.

Это обозначало, что ея величество королева соблаговолить появиться въ маскарадѣ, добы выразить благоволеніе своимъ подданнымъ. Это означало также, что ея величество желала дать понять своимъ подданнымъ, что опасность еще далека, а, можетъ быть, и устранена даже. Во всякомъ случаѣ королева подавала примѣръ совершенной бодрости и спокойствія духа...

Ну, а если опасности нѣтъ, если спокойна королева, чего же подданнымъ беспокоиться? Отчего же и не повеселиться, какъ слѣдуетъ. И плотно сгустившаяся толпа отдалась сплошному веселью.

Въ глубинѣ зала, прислонясь къ стѣнѣ, стоялъ высокій, отлично сложенный мужчина въ костюмѣ калабрійскаго бандита: чернѣй бархатный съ серебряными пуговицами казакинъ; за широкой красный кушакъ заткнутъ большой кинжалъ; изъ-подъ остро-конечной широкополой шляпы спадаютъ на широкой бѣлый воротникъ черные кудри. Лицо его было скрыто черной маской, въ ея отверстія глядѣли черные, лучистые молодые глаза. Онъ ни на кого не обращалъ вниманія и, кажется, не ощущалъ, что имъ почти всѣ интересовались.

— Да это просто атаманъ какой-то шайки кардинала Руффо, — замѣчали одни.

— У него, кромѣ лица, ровно ничего не замаскировано, — говорили другіе.

Къ нему приставали хорошенькія женщины; онъ старался отдѣлываться отъ нихъ вѣжливостями.

— Милая дѣвочка, еще слишкомъ рано. Приходите позднѣе, я буду радъ всѣхъ васъ перецѣловать.

Вскорѣ публика подмѣтила другого калабрійскаго разбойника. Только тотъ былъ массивенъ, и одѣтъ чуть не въ лохмотья. Но также въ маскѣ. И его женщины стали задирать; но онъ ихъ грубо растолкалъ, выбиваясь изъ толпы. Женщины обидѣлись; другіе мужчины вступились за нихъ. Завязалась было борьба; но около бандита словно изъ земли выросли еще четыре вооруженныхъ калабрійца.

— Да это просто скандалъ, здѣсь собрались всѣ санфедисты, — рычали въ толпѣ. Кто-то шепнулъ: «тише вы тамъ: это все сторонники ея величества». «Эго невозможно», шопотомъ же протестовали нѣкоторые и громко выражали увѣренность, что это замаскированные придворные. Толпа все-таки заволновалась; слышались возгласы: «вонъ разбойниковъ!»

Толстый, мощно массивный бандитъ пробивался ловко впередъ, возбуждая больше смѣха, чѣмъ негодованія, и, ухвативъ какого-то полишинеля, вертѣлъ его, какъ куклу. Но стоявшій долго у стѣны молодой атаманъ, приблизясь къ товарищу, посовѣтовалъ ему оставить въ покоѣ несчастнаго (что тотъ и сдѣлалъ) и убраться изъ залы безъ драки, противъ чего толстый протестовалъ.

— Я бы ушелъ вмѣстѣ съ тобой, — добавилъ молодой товарищъ: — но мнѣ необходимо дождаться, именно здѣсь, Гиро и Магаро и, какъ назначено, одной важной вѣсти. Однако, я провожу тебя на улицу, можетъ быть, тамъ найдемъ и нашихъ.

Толстый согласился; оба вышли.

Этимъ инцидентъ и кончился, тѣмъ болѣе, что вниманіе публики привлекла королевская ложа. Въ глубинѣ ея распахнулись широкія двери; изъ нихъ выступили два ряда раззолоченныхъ придворныхъ гайдуковъ съ серебряными канделябрами, восковыя

свѣчи которыхъ ярко освѣщали всю ложу. Между этими потоками свѣта появилась королева.

Каролина Австрійская достигла уже того возраста, когда время успѣваетъ оставить слѣды на наружности женщины. Но ея красота изумительно сохранилась, а прирожденная величавость увеличивала еще болѣе привлекательность. Она, сбросивъ роскошный плащъ, прошла къ балюстрадаѣ ложи. Взоры всей публики обратились къ ней. Кто бы не залюбовался роскошными бѣлыми ея плечами, около которыхъ искрились брильянты; ея пышными волосами, сквозь легкую пудру которыхъ золотились ея волосы, увѣнчанные небольшой короной. Ея огромные голубые глаза озирали толпу; лицо горделиво улыбалось. Ярко-пунцовыя губы оттѣняли нѣжно-розовый цвѣтъ безупречно-овальнаго лица; прямой, нѣсколько крупный носъ и чуточку выдающійся подбородокъ придавали ея физиономіи выраженіе властности и твердости несокрушимой.

Нѣсколько секундъ толпа оставалась безмолвной, словно очарованная красотой, которой время не посмѣло коснуться. Про поведение дочери императрицы Маріи-Терезіи ходило много неблагоприятныхъ слуховъ; ея прошлое было ознаменовано кровавыми дѣяніями; много людей погибло по ея волѣ; много проливалось слезъ о жертвахъ ея жестокости. Много лжи и предательства ей приписывалось. И все-таки ея величавая красота была неотразимо ослѣпительна и какъ бы уравнивала всѣ нравственныя пятна.

Всѣ знали, что она одна изъ наиболѣе образованныхъ въ Европѣ женщинъ; что она хорошо говоритъ и пишетъ на четырехъ языкахъ; что она обладаетъ тонкимъ, пронизательнымъ умомъ. Она умѣла вліять на государственныя дѣла своими совѣтами и твердой, какъ алмазъ, волей, передъ которой склонялись не только министры, но и самъ король. Она сумѣла поднять противъ изгнавшей Бурбоновъ республики кардинала Руффо, добившагося при содѣйствіи предводимой имъ орды горцевъ возстановленія монархіи. Она сумѣла распоряжаться, какъ своимъ рабомъ, англійскимъ адмираломъ Нельсономъ, очистить провинціи отъ либераловъ и потопить въ крови при помощи кардинала Руффо Партенопейскую республику.

Ко всѣмъ еще свѣжимъ воспоминаніямъ о казняхъ и избиеніяхъ, о разореніяхъ, совершенныхъ по волѣ этой трагической, но блистательной женщины, примѣшивались въ странномъ противорѣчій съ ними образы ея наиболѣе извѣстныхъ любовниковъ— Гуаленго, герцога делла-Режина, Актона, Рамескаго, Сентъ-Клера. Ея загадочнымъ другомъ была лэди Гамильтонъ, одно имя которой вызывало чуть не фантастическія представленія о безстыдной распущенности, о ночныхъ оргіяхъ, о необузданныхъ минутныхъ увлеченіяхъ.

Вотъ изъ какихъ сложныхъ элементовъ, черныхъ тѣней и ослѣпительнаго свѣта, золота и грязи, капризовъ и желѣзной воли, эпическихъ предпріятій и пошлыхъ интригъ, смѣлыхъ до безумія проектовъ (которыми она чуть не увлекла даже Наполеона), изъ пріятельскихъ отношеній съ наисвирѣпѣйшими атаманами разбойничьихъ шаекъ — складывалась личность этой королевы. Она подобно своей матери Маріи-Терезіи могла бы сказать: я есмь король Марія-Каролина.

И эта-то именно сложность личности изумляла, подавляла массы. Каролина словно судьбу вызывала на бой. Чужеземное войско надвигалось для того, чтобы разрушить ея престолъ; ея мужъ обратился въ бѣгство, а за нимъ, обуреваемые страхомъ, исчезли въ Сицилію и ея сыновья, министры, сановники. А она сама, невозмутимая, пышная, присутствовала на ночномъ праздникѣ карнавала, съ королевской короной на головѣ, окруженная царственнымъ величіемъ, горделивая, властная и въ то же время улыбающаяся, словно самодержавная монархиня, которой все должно уступать.

И въ самомъ дѣлѣ публика, и въ плебейской залѣ и въ аристократическихъ ложахъ, словно побѣжденная невиданной смѣлостію этой женщины, восторженно, дружно разразилась привѣтомъ:

— Да здравствуетъ ея величество королева!

Королева стояла у барьера ложи, величавая, недвижимая, какъ статуя, словно не чуя шумныхъ привѣтовъ. Ея лицо оставалось равнодушнымъ, ни губы не шевельнулись, ни прекрасные лазурные глаза не блеснули, не выдали ни мысли, ни чувства. Она являлась олицетвореніемъ владычества, монархиней, отъ которой зависитъ жизнь и смерть каждаго и всѣхъ. Только когда восторженные клики стали чрезмѣрно шумны и оглушительны, она отвѣтила на нихъ, склонивъ голову, опустилась въ кресло и заговорила съ какимъ-то генераломъ въ блестящемъ мундирѣ, засыпанномъ звѣздами и орденами. Остальная часть свиты почтительно группировалась въ глубинѣ ложи; только въ двухъ шагахъ отъ Каролины осталась граціозная женская фигура, въ бальномъ платьѣ, но съ полумаской на лицѣ. Не трудно было догадаться, что то была очень молодая особа, по всей вѣроятности, дѣвушка. Но публика, возвратившаяся къ своему маскарадному веселью, правда, нѣсколько сдержанному присутствіемъ государыни, болѣе ничего о молодой особѣ не знала, хотя эту дѣвушку никто ранѣе при королевѣ не видывалъ. Впрочемъ, всѣ знали, что Каролина часто внезапно къ кому-нибудь привязывалась и своихъ горячихъ привязанностей ни отъ кого не скрывала.

Королева пробыла въ маскарадѣ очень недолго. Молодой бандитъ, провожавшій своихъ земляковъ на улицу, былъ все это время задержанъ толпою внѣ залы. Въ ту самую минуту, когда оцъ про-

бывался на средину залы, чтобы хоть взглянуть на монархиню, которой онъ никогда не видывалъ, живя въ своихъ калабрійскихъ горахъ, она уже встала, завернулась въ бѣлую горностаевую ротонду, поданную двумя камергерами, и удалялась изъ ложи. Когда бандитъ успѣлъ наконецъ пробиться и оглянуться на королевскую ложу, ея величество уже скрылась. Ярко освѣщенная ложа пуста; удалялись всѣ придворные.

Отбытіе королевы послужило сигналомъ къ оживленію веселья. Возобновились безцеремонные танцы, шутки, хохотъ. Не только въ большой залѣ, но даже въ ложахъ, а особенно по коридорамъ и лѣстницамъ, стономъ стоялъ разгулъ. Пляшущіе въ залѣ постепенно слились въ одну безконечную цѣпь, которая, громко подпѣвая оркестру, завивалась спиралью и захватывала тѣхъ, кто вовсе не желалъ участвовать въ танцахъ.

Молодой бандитъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ; онъ коекакъ выбился изъ толкотни и стоялъ неподвижно въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ. Около него бродили два замаскированныхъ въ одинаковыхъ съ нимъ калабрійскихъ костюмахъ, очевидно, хорошо ему знакомые. Всѣ трое изрѣдка обмѣнивались словами. Наконецъ одинъ изъ нихъ ворчливо обратился къ молодому бандиту:

— Что же это такое будетъ? Для чего мы здѣсь торчимъ, капитанъ Рикардо? Я тутъ совсѣмъ одурѣю. Вы знаете, что терпѣньемъ я похвастать не могу.

— Видишь, у меня хватаетъ же терпѣнья: жду,—отвѣчалъ тотъ, кого называли капитанъ Рикардо.—Ну, и ты принатужься, потерпи. Намъ сказано ожидать въ залѣ Санъ-Карло; а до котораго часу ждать—не сказано. Если мы разойдемся, потеряемъ въ толпѣ другъ друга.

Его нетерпѣливый товарищъ продолжалъ ворчать, и всѣ трое продолжали ждать. Веселье все больше разгоралось, время шло. Къ Рикардо приставали граціозныя маски, приглашая потанцевать съ ними. Онъ не безъ затрудненій отдѣлывался.

Вдругъ кто-то, подойдя сбоку, крѣпко ухватилъ его за локоть. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стояли два домино: одно ярко-красное, другое блѣдно-голубое. Оба прижимались къ нему, и онъ чувствовалъ, что онѣ дрожатъ, особенно голубое, принадлежавшее, очевидно, очень молодой, стройной, граціозной женщинѣ. Она молчала. Красное было спокойно, подъ нимъ чуялось роскошное, пластическое, прекрасное тѣло, оно заговорило:

— Если вы молоды, если у васъ благородное сердце, если вы обладаете мужествомъ, которое присуще всегда одѣянію вашему, то, ради всего святого, проводите насъ до бокового выхода и защитите отъ пьяныхъ негодяевъ, преслѣдующихъ насъ,—сказало красное домино.

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Скорѣй, скорѣй, — нетерпѣливо требовала пунцовая маска, почти увлекая за руку по направленію къ двери.

Рикардо все-таки колебался. «Пожалуй, это какая-нибудь глупая маскарадная ловушка, хитрость, чтобъ ужинъ добыть», думалось ему. Однако въ голосѣ, которымъ къ нему обращались, хотя и звучала просьба, но слышалось что-то повелительное. Навѣрно, это какія-нибудь аристократки. Не вѣрить, что имъ грозитъ опасность, не было оснований.

— Умоляю васъ, — произнесло и трепещущее голубое домино, прижимаясь къ нему еще крѣпче.

Ему показалось, что онъ не впервые слышитъ этотъ молодой голосъ.

— Ждите меня тутъ, — сказалъ Рикардо своимъ двумъ товарищамъ бандитамъ.—Если посланный придетъ, попросите и его подождать.

Товарищи ворчливо и неохотно повиновались. Онъ повелъ своихъ масокъ. Покуда они протискались впередъ, съ ними повстрѣчалась одна изъ масокъ, пристававшихъ къ нему, раньше она была одѣта рыбакомъ.

— Видно, ты этихъ-то женщинъ и поджидалъ, что со мной не пошелъ.

Глаза пунцоваго домино, которое первое заговорило съ Рикардо, при этихъ словахъ блеснули сквозь узкіе разрѣзы маски такъ злобно, что рыбачокъ вскрикнулъ:

— Ага! кажется, тетушка-то шутить не любитъ. Смотри же, прекрасный разбойникъ, черепковъ не разбей.

И, сказавъ это, рыбачокъ съ хохотомъ скрылся въ толпѣ.

Тѣмъ временемъ они добрались до дверей. Пунцовое домино остановилось. Рикардо имѣлъ возможность внимательно оглядѣть эту женщину. Она казалась старше голубого домино, но, очевидно, была сложена, какъ античная статуя, сквозь отверстія маски выглядывали не то сѣрые, не то голубые глаза. Взглядъ ихъ по крайней мѣрѣ въ данную минуту былъ жестокъ. Подъ кружевомъ, падавшимъ на нижнюю часть лица, довольно рѣзко выдавался подбородокъ, щеки, насколько можно было судить, были свѣжія. Изъ-подъ покрывавшаго голову капюшона выбивалась прядка свѣтлыхъ, осыпанныхъ пудрой волосъ.

— Вся опасность тамъ, подъ внѣшней келоннадой театра,—обратилась она къ капитану.—Они потеряли въ толпѣ наши слѣды и, навѣрно, ждутъ насъ тамъ...

— Кто они?

— Мы сидѣли въ ложѣ, глядѣли внизъ, въ залу, любовались весельемъ. Моя подруга никогда не видала маскарадовъ. Вдругъ въ нашу ложу ворвались насильно три какіе-то негодяи. Навѣрно, пьяные. Между ними былъ морякъ, въ мундирѣ.

— Въ мундирѣ?

— Да, въ мундирѣ. Безцеремонно стали насъ трогать. Какъ я поняла, пьяный морякъ вообразилъ, что узналъ во мнѣ, не знаю, право, какую-то знакомую ему даму, и держалъ съ товарищами пари, что не ошибся...

— Какъ же вы ускользнули?..

— Я вамъ говорю, что эти господа были выпивши. Они едва держались на ногахъ. Мнѣ удалось двоихъ изъ нихъ оттолкнуть. Я протасила въ коридоръ мою подругу. И тамъ они пытались оскорбить насъ, покуда мы не пробрались въ залу. Кажется, они не посмѣли туда спуститься, потеряли насъ изъ виду... Но, навѣрно, поджидаютъ у подъѣзда...

— А, можетъ быть, и совсѣмъ ушли?

— О нѣтъ! Этотъ морякъ, хоть и пьянъ, а своего пари не забудетъ. А, можетъ быть, у него и есть какая-нибудь другая цѣль.

— Отчего же вы именно обратились ко мнѣ?

— На васъ одежда доблестныхъ... Такъ были одѣты тѣ, кто отвоевалъ отъ республики для короля его царство... А, впрочемъ, если вамъ боязно...

— Мнѣ боязно! — Рикардо засмѣялся. — Я позволю себѣ сказать вамъ, сударыня, что мой костюмъ не маскарадный. Я всегда такъ одѣваюсь. Я такъ же одѣвался, когда находился среди тѣхъ, кто, какъ вы говорите, отвоевалъ королевство для своего законнаго короля.

— Значить, вы калабриецъ?

— И горжусь этимъ.

— А какъ васъ зовутъ?

— Капитанъ Рикардо.

— Только?

— Только.

Голубое домино какъ-то встрепенулось при имени Рикардо; пунцовое продолжало спрашивать.

— Вы въ самомъ дѣлѣ ждали женщину?

— Нѣтъ,—просто отвѣчалъ молодой человекъ.—Я тамъ былъ съ товарищами-земляками. Однако, скажите мнѣ, куда я васъ долженъ довести. Надолго удаляться изъ залы я не могу.

— А... понимаю теперь! — воскликнуло красное домино.—Вы вѣроятно, ожидаете тамъ извѣщенія о томъ, куда и когда именно вы должны явиться вмѣстѣ съ вашими товарищами...

— Какъ же вы можете знать, чего я жду?—спросилъ калабриецъ, пристально взглянувъ въ глаза пунцовой маски, и засмѣялся...

— Пойдемте, пойдемте,—отозвалась она.—Теперь я увѣрена, что съ вами мнѣ нечего бояться. Вѣдь это вы первый вошли на стѣну форта Вильены, гдѣ тогда заперлись и защищались полторы сотни вашихъ земляковъ, такихъ же храбрыхъ, какъ вы... Только

революціонныя бредни ихъ съ толку сбивали. Тогда вы были только сержантомъ, зато отрядъ, которымъ вы командовали, былъ однимъ изъ доблестнѣйшихъ отрядовъ, которыми руководилъ кардиналъ Руффо. За Вильену вамъ и офицерскій чинъ дали.

— Правда!—воскликнулъ изумленный молодой человекъ.—Вы развѣ знаете меня?

А въ толпѣ кто-то воскликнулъ:

— Вотъ глупый парень, попался на удочку двумъ бабамъ, которымъ на его счетъ хочется поужинать.

— Выйдемъ скорѣй отсюда, выйдемъ,—едва слышно обратилось къ Рикардо голубое домино.

— Экая важная бабища подъ краснымъ-то домино,—восхищался пробившійся къ нашей группѣ ряженный почтальономъ, и, растопыривъ руки предъ этой соблазнительной для него маской, сталъ ее упрашивать съ нимъ прогуляться.

А другой, турокъ, воскликнувъ: «мнѣ больше тоненькія нравятся», собирался подхватить подъ руку голубое трепещущее домино. Но калабриецъ, дотолѣ себя сдерживавшій, высвободясь отъ своихъ дамъ, отшвырнулъ на полъ и почтальона и турку, сорвалъ съ лица свою маску и громко закричалъ, обращаясь къ окружающимъ его ряженнымъ:

— Теперь вы видите мое лицо; и если не пропустите меня, то, какъ Богъ святъ, познакомитесь съ моимъ кинжаломъ!

Лицо оказалось красивое, смѣлое, съ густыми усами; широкій лобъ; черные глаза сверкали. Понявъ, что съ такимъ молодцомъ шутки плохи, ряженные посторонились. Подхвативъ своихъ незнакомокъ, молодой человекъ наконецъ вывелъ ихъ изъ театра на улицу.

— А теперь позвольте мнѣ вернуться въ залу,—сказалъ онъ подъ колоннадой подѣзда. Однако голубое домино, еще крѣпче прижимаясь къ нему, съ ужасомъ произнесло:

— Вонъ они, тѣ, что къ намъ въ ложу врывались; морякъ около колонны стоитъ.

Красное домино тоже просило Рикардо не покидать ихъ, тѣмъ болѣе, что ихъ обидчики сдѣлали уже нѣсколько шаговъ по направлению къ нимъ.

— Ради Бога не оставляйте насъ. Вы молоды и храбры. Здѣсь меньше опасности, чѣмъ подъ Вильеной,—говорила пунцовая женщина.

Обѣ онѣ влекли Рикардо къ дворцовой площади, близко держась театральной стѣны, въ нѣсколькихъ шагахъ сливавшейся съ дворцовой.

— Будьте только осторожны; чрезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ полной безопасности,—говорила старшая.

— Если такъ... если чрезъ нѣсколько минутъ я могу вернуться на мой постъ, то извольте, провожу. И будьте спокойны: я сумѣю васъ оборонить.

Но едва красная маска успѣла прошептать «спасибо», какъ группа ихъ обидчиковъ, до тѣхъ поръ медленно шевелившаяся около колоннады театра, почти ринулась на нихъ съ ругательствами:

— Не удерешь отъ насъ, подлая женщина,— кричали они.— Думаешь, что мы не узнали тебя, развратную клятвопреступницу! И домино-то твое окрашено кровью жертвъ твоихъ.

Рикардо, оставивъ женщинъ за своей спиной, обернулся лицомъ къ обидчикамъ, спрашивая ихъ, чего имъ надо отъ дамъ, которыхъ онъ провожаетъ домой изъ маскарада. Красное домино успѣло шепнуть капитану: «отступайте вслѣдъ за нами; мы почти у двери и можемъ скрыться». Но морякъ, который, повидимому, руководилъ остальными тремя обидчиками, отвѣтилъ Рикардо:

— Если вы стоите за этихъ женщинъ, значитъ, не знаете, кто онѣ. Мы хотимъ видѣть ихъ лица и свести счеты съ одной изъ нихъ. Совѣтую вамъ предоставить ихъ намъ. Идите своей дорогой.

— Этого не будетъ. Можетъ быть, вамъ и знакомы эти маски, но, полагаю, вы меня не знаете. Я капитанъ Рикардо.

— Вы капитанъ?—отозвался одинъ изъ обидчиковъ.—Какъ не стыдно честному войну заступаться за эту стерву.

— Будьте благоразумны, еще нѣсколько шаговъ, и мы спасены,— шептала сзади красная маска, продолжавшая все время двигаться вдоль стѣны. Она не выпускала изъ своей руки руку Рикардо и какъ бы вынуждала его отступать также. Онъ старался быть спокойнымъ, но кровь его начинала закипать. Онъ сказалъ своимъ противникамъ:

— Мои маски просятъ меня быть благоразумнымъ. И вы видите, господа, что я не только спокоенъ, но и вѣжливъ съ вами. Что же касается до моего чина, такъ я не принадлежу къ регулярнымъ войскамъ, а получилъ званіе капитана, сражаясь въ отрядахъ кардинала Руффо.

— Ага, санфедистъ!—презрительно зарычали всѣ четверо обидчиковъ:—это одинъ изъ тѣхъ разбойниковъ, убійць, грабителей...

Но они не успѣли договорить, такъ какъ Рикардо ринулся на нихъ съ обнаженнымъ кинжаломъ, все отступая по стѣнѣ. Завязался бой, безмолвный, но отчаянный.

— Вотъ мы и у двери; скройтесь, слѣдуйте за нами,—говорили калабрійцу обѣ дамы, передъ которыми въ дворцовой стѣнѣ пріотворилась маленькая дверь.

Но Рикардо продолжалъ отбиваться. Чрезъ нѣсколько мгновений женщины вошли во дворецъ. Дверь за ними замкнулась. Рикардо, получившій двѣ-три раны, продолжалъ отбиваться съ успѣхомъ: онъ опасно ранилъ одного и убилъ другого против-

ника, и оба они лежали на мостовой безъ движенія. Тогда морякъ выстрѣлилъ по калабрійцу изъ пистолета и ранилъ его въ грудь. Истекая кровью, Рикардо упалъ у степенекъ дворцовой двери. Оставшіеся въ живыхъ обидчики думали, что врагъ сраженъ на смерть, покинули и его и трупы двухъ своихъ товарищей. Площадь опустѣла. До нея со стороны Санъ-Карло доносились звуки музыки, пѣсенъ и смѣха. Вѣроятно, около театра кто-нибудь да слышалъ выстрѣлъ, подозрѣвалъ кровопролитную свалку. Но въ тѣ времена люди были привычны къ убійствамъ и грабежамъ, которые совершались на главныхъ улицахъ и площадяхъ Неаполя. Всѣ мирные жители старались обходить мѣста, гдѣ подозрѣвали лихое дѣло, отнюдь не вмѣшиваясь въ чужую бѣду. Когда обидчики удалились, дворцовая дверь снова пріотворилась, и два гайдука, поднявъ капитана, унесли его внутрь зданія.

III.

Горцы-атаманы въ гостяхъ у ея величества.

Той же самой ночью въ обширной, хотя невысокой залѣ, стѣны которой были обиты дорогимъ штофомъ и освѣщены множествомъ канделябръ, висячихъ и разставленныхъ на консоляхъ предъ большими зеркалами, одинъ за другимъ собирались странные люди, очевидно, не столичные жители. Всѣ они были въ темныхъ плащахъ толстаго сукна, какіе носятъ въ горныхъ мѣстностяхъ Южной Италіи, въ Калабріи, въ Везувіанской области и землевладѣльцы разнаго калибра, и рабочіе, и разбойники. Вводилъ ихъ въ залу, по одиночкѣ или парами, старичокъ почтенной наружности, по одеждѣ судья, духовное лицо.

Эти люди дивились незнакомой имъ обстановкѣ; даже робѣли предъ ея роскошью; молча, но съ какой-то оглядкой, усаживались въ покойныя кресла, обитыя пуховымъ бархатомъ. Кресла были тремя рядами уставлены посреди зала. Пришельцы озирались, словно не разумѣя, куда они попали. Очевидно, всѣ они чувствовали себя не въ своей тарелкѣ среди штофа и зеркалъ. Молчали, покашливали ради самоободренія и поворачивали головы каждый разъ, когда старичокъ въ черной рясѣ вводилъ новое лицо и безмолвно указывалъ новичку на предназначенное для него кресло.

Въ залѣ становилось жарко; гости начинали помаленьку распахивать свои плащи; изъ-подъ плащей виднѣлись короткіе кафтаны изъ темнаго грубаго сукна, съ зелеными отворотами и серебряными пуговицами. Просторные жилеты, скорѣй куртки, съ объемистыми охотничьими карманами были или красные, или зеленые, бѣлые отложные воротники спадали на кафтаны. Изъ-за широкихъ кожаныхъ поясовъ выглядывали рукоятки пистолетовъ

и кинжаловъ. Кой-кто сталъ узнавать знакомыхъ. Почти всѣ оказывались горцами, калабрійцами, сражавшимися шесть лѣтъ назадъ въ отрядѣ кардинала Руффо, подавившаго революцію и недолго прожившую Партенопейскую (Неаполитанскую) республику. Послышались имена партизановъ, игравшихъ немаловажную роль въ подавленіи возстанія, отголоска французской революціи.

— Э! да это ты, Парафанте!—воскликнулъ одинъ.

— А ты какъ сюда попалъ, Франкатриппа? — отзывался соседъ.

— Да воиъ и Панедиграно, чортъ возьми!

— Я-то, я; да зачѣмъ мы всѣ здѣсь? Растолкуйте, въ чемъ дѣло?

— Ну, да ты самъ зачѣмъ сюда пріѣхалъ?

— Зачѣмъ? Надоѣло мнѣ жить въ нашемъ селѣ, сложа руки. Онѣ у меня, знаешь, вольную работу любятъ. Забыли меня, думаю, совсѣмъ... Когда дьяволу душа твоя нужна, онъ къ тебѣ всячески ластится, а забралъ душу—словно и не знавался никогда съ тобой...

— Да у тебя на чортову долю еще душа полна осталась ли?

— Кабы души-то у меня своей не было, такъ не нападалъ бы на меня страхъ, что въ пекло попаду, когда умру... А ей-Богу, нападаетъ иной разъ. Вѣдь какія дѣла мы продѣлывали, когда командовалъ этотъ сатана кардиналъ. Помнишь, въ Кольтроне? Андриа памятна тебѣ? А Антоніевъ день 13-го іюня въ этихъ республиканскихъ-то городишкахъ. Я какъ только закрою глаза, особенно ночью, въ потолокъ такъ все мнѣ это и представляется. Женщины, малые ребятишки въ крови, зарѣзанные, удушенные, пожарища эти. Мы въ огонь еще живыми людей швыряли: у меня и теперь въ ушахъ трескъ идетъ... Въ домахъ все залито кровью тѣхъ, кто пытался защищать свое добро, мужчинъ, женщинъ и дѣтей... И труны ихъ валяются... Кардиналъ, какъ живой, представляется мнѣ въ своемъ красномъ подрясникѣ. Мы жжемъ, рѣжемъ, грабимъ, а онъ таково ласково насъ крестомъ—что въ рукѣ держитъ—осѣняетъ,

— Ну, такъ чего жъ тутъ! Коли самъ кардиналъ благословлялъ, значитъ, и грѣхи намъ отпущены. Я, братъ, надъ такими пустяками не ломаю себѣ головы. Будто не о чемъ другомъ думать... Ты вотъ лучше скажи, что о насъ забыли тѣ, кому мы царство отвоевали. Да!

— Тсс... молчи, лучше будетъ! Кто ихъ знаетъ, можетъ быть, насъ сюда какъ въ ловушку заманили...

— Для чего въ ловушку?

— Да... да просто, чтобъ насъ съ дороги убрать. Вѣдь больно многое намъ извѣстно...

— Такъ зачѣмъ же ты-то сюда притащился?

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1909 г., т. сxvi.

— Тоже скучища начинала одолѣвать... Принимался было я за путевое дѣло... Да не такой я человекъ. Мнѣ поразмашистѣ дѣло нужно... Къ тому же и мощна, въ которой я кой-что на старость припасъ, все мелѣла да мелѣла, только на донышкѣ оставалось. Собирался было я собрать старинныхъ товарищей да попытать счастья хоть на маломъ, какъ тогда мы съ кардиналомъ на большомъ пытали... Вотъ я надумалъ было...

— Да, видно, передумалъ, когда къ тебѣ въ хату заглянулъ одинъ важный баринъ и сказалъ, что тебя въ Неаполь требуютъ.

— Вотъ, вотъ...

— И отсыпалъ онъ тебѣ пятьдесятъ дукатовъ на дорожные расходы. И, кромѣ того, попросилъ, чтобъ ты озаботился собрать старыхъ товарищей, которые прежде подъ твоей командой работали.

— Это самое! Да ты-то почему знаешь?

— Очень просто. Этотъ баринъ и у меня за такимъ же дѣломъ побывалъ. А я, признаться, такъ, какъ и ты, скучать началъ... Да и мощна тоже отоцала... И я собирался было за свой счетъ поработать...

— Противу короля и королевы, которыхъ мы тогда сами на тронъ посадили?

— А хоть бы противу самага наисвятѣйшаго дьявола.

Покуда между двумя пріятелями, случайно очутившимися соседями по бархатнымъ кресламъ, шелъ такой разговоръ почти шопотомъ, зала наполнялась новыми гостями. Всѣ они, какъ и первые, сначала растерянно оглядывались, не сразу рѣшаясь опуститься въ богатыя мягкія кресла. А если заговаривали между собой, то едва слышно.

— Поди, изъ серебра эти подсвѣчники вылиты?— интересовался бородачъ съ мрачной физиономіей, по костюму богатый калабрійскій крестьянинъ.

— А то изъ чего же?—отвѣчалъ ему сосѣдъ, бодрый старикъ, морщинистое лицо котораго перерѣзывалъ длинный рубецъ.

— Эка штука! Въ такомъ разѣ каждый подсвѣчникъ стоитъ не меньше, чѣмъ тѣ, что мы нашли въ церкви альтамурской. Мнѣ тогда всего одинъ достался; я его въ куски поломалъ, продалъ тогда за тридцать дукатовъ. А потратилъ я на него всего два зряда...

— Дешевенько добылъ.

— Недорого. Да ты пойми, мы вѣдь самъ-двадцать были. Какъ только, бывало, управимся со всѣми республиканцами, такъ промежъ себя непремѣнно свары заведемъ. Иной разъ и поколошматимся. Двадцать насъ человекъ, всѣ вмѣстѣ, эту церковь грабили.

— Я церкви всегда уважалъ, не грабилъ.

— Да то альтамурская, анаѳемъ была предана, потому что въ ней республиканцы защищались; заперлись было... Да еще и капелланъ требовалъ отъ насъ своей части изъ добычи... Дѣтина былъ этотъ попъ! Въ одной рукѣ распятіе, въ другой винтовка. Четверыхъ нашихъ одинъ стоилъ; только взглянуть на него. Хорошее тогда времечко было. Ась?

— Погодите, опять вернется,—отвѣчалъ сосѣдъ увѣренно и знающе.

— Какъ? Право? Да ты знаешь, что вернется?

— Тише ты! Ну, гдѣ мы теперь, по-твоему?

— Знать не знаю, а хотѣлось бы развѣдать. Эти подсвѣчники на худой конецъ по сотнѣ дукатовъ штука стоятъ.

— Мы, братецъ, сидимъ въ залѣ королевскаго дворца,—прошепталъ старикашка на ухо пріятелю.

— Что ты! Очумѣлъ развѣ?

— Меня провели сначала въ арсеналь, черезъ низенькую дверь; а потомъ водили, водили: то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влѣво. Да меня не обойдешь! Ужъ я тебѣ вѣрно говорю: сидимъ мы съ тобой въ залѣ королевскаго дворца; она въ самомъ нижнемъ этажѣ, что къ арсеналу, на море выходитъ. Слышишь, гудить? Это море...

— Пожалуй, что... Чего имъ отъ насъ надобно?

— Ты молчи, знай, узнаешь, потерпи.

Освоившись съ внушительной обстановкой и таинственностью положенія, гости стали развязнѣе; говоръ громчалъ; нѣкоторые, завидя знакомыхъ, вставали съ указанныхъ имъ кресель, здоровались, перебирали старыя воспоминанія.

— А что же о капитанѣ Рикардо ни слуху, ни духу?—освѣдомился тотъ, кого звали Парафанте.

— Онъ въ Неаполѣ; надо бы ему и здѣсь теперь быть,—откликнулся густой басъ.

— Эва! Да и ты, Пиетро Таро, съ нами!—воскликнули нѣкоторые.

— Какъ видите, вотъ со мной Магаро и Гиро. Помните ихъ? Васъ я сразу призналъ. По правдѣ сказать, подумывалъ, что и никогда Богъ не судить свидѣться. Цѣлыхъ шесть лѣтъ не видались.

— Ну, такъ отчего же Рикардо-то тутъ не хватаетъ?

— А что мнѣ вамъ сказать? Въ театрѣ мы съ нимъ были; надоѣло мнѣ тамъ, я ушелъ; даже повздорилъ съ нимъ. Я вѣдь не люблю, чтобы мухи около носа меня щекотали. А его я все-таки люблю. Этотъ парень меня около пальца обовьетъ... Ждалъ я его, ждалъ у подѣзда, и ждать надоѣло. Вернулся въ залу, а Магаро и Гиро мнѣ сказали, что онъ ушелъ съ какими-то двумя женщинами. Къ намъ отъявился какой-то человѣкъ, котораго

намъ было наказано ждать въ маскарадѣ. И вотъ сюда привелъ насъ. Думали мы, что и Рикардо уже здѣсь. Анъ ошиблись. Видно, правду говорятъ, что бабій волосъ крѣпче каната тянетъ.

Странно было видѣть всѣхъ этихъ людей въ одеждѣ горцевъ-крестьянъ, съ грубыми, иногда свирѣпыми лицами, часто исполосованными боевыми рубцами, среди роскошной обстановки, серебряныхъ канделябровъ, штофныхъ обой, огромныхъ зеркалъ.

Да и имъ самимъ все кругомъ было странно. Пуще же всего имъ было странно сидѣть на бархатныхъ креслахъ, и больше всего интересовали ихъ поставленные въ глубинѣ залы лицомъ къ ихъ сѣдалищамъ три тоже бархатныхъ, но съ золотыми украшениями, высокихъ кресла. Спинка средняго, наиболѣе высокаго, была увѣнчана золотой короной. Имъ чуялось, что въ эту ночь совершится нѣчто для нихъ чрезвычайное; что они зачѣмъ-то нужны и созданы по весьма важному дѣлу. Въ ихъ горныя захолустья еще не успѣла проникнуть вѣсть о томъ, что французское войско идетъ низложить Бурбонскую династію. Столица Неаполь, въ которой они съѣхались всего нѣсколько часовъ назадъ, никакихъ внѣшнихъ признаковъ тревоги не выказывала. Въ эту самую ночь весь городъ былъ поглощенъ карнавальнымъ маскараднымъ разгуломъ, однако словно въ воздухѣ носилось что-то значительное. Откровенно объ этомъ говорить они не осмѣливались; но многіе изъ нихъ, полуземледѣльцы, полубандиты, втайнѣ питали надежду, что вернулось-таки старое доброе время, когда они могли во всю отдаваться разгулу своихъ порочныхъ страстей, не опасаясь кары, даже нерѣдко ожидая похвалъ и награды. Правда, немало было такихъ, что по самой своей полудикой натурѣ были буйны, склонны къ насильственнымъ дѣяніямъ, охотники до войны. Послѣ грабежей и всяческихъ, совершенныхъ ими во время вооруженной борьбы ужасовъ, они становились жалостливы и великодушны. Но когда дрались, усмиряли, покоряли, то они были свирѣпы и беспощадны. Изъ такихъ-то людей состояли шайки кардинала Руффо, раздавившаго республику Партенопейскую.

Многіе изъ этихъ людей, вожаковъ и главарей кардинальскихъ шаякъ, могли бы оказаться полезнѣйшими, достойными вождями, если бы ихъ усилія направлялись къ болѣе благороднымъ, болѣе идеальнымъ цѣлямъ.

Весьма немногіе изъ нихъ были вознаграждены Бурбонами за ихъ содѣйствіе къ возстановленію монархіи. Бурбоны, неблагодарные, какъ всѣ короли (или, вѣрнѣе, какъ всѣ тѣ, кто успѣлъ воспользоваться плодами оказанныхъ имъ благодѣяній), совсѣмъ позабыли объ этихъ партизанахъ, которымъ были столь обязаны. Впрочемъ, большинство самихъ благодѣтелей за этимъ особенно не вязалось, и въ нѣкоторомъ отношеніи были довольны, что ихъ

игнорировали: за каждымъ изъ нихъ водились грѣхи и преступленія, совершенныя либо изъ мести, либо изъ корысти, либо просто по злобности нрава, преступленія, за которыя по настоящему пришлось бы попасть не только въ тюрьму, но и на висѣлицу. Но всѣ эти дѣянія послѣ услугъ, которыя оказала престолу партизанская борьба съ революціей, были также забыты. Всѣ атаманы могли спокойно проживать въ своихъ деревушкахъ и селахъ. Награбили они во время междоусобицы достаточно, чтобъ жить не нуждаясь; никто имъ о старомъ не напоминалъ. Тѣмъ не менѣе эта безопасность, сопряженная съ бездѣйствіемъ, ихъ изрядно тяготила. Не къ такому существованію привыкли они. Ихъ тянуло въ горы, имъ было обидно глядѣть на ржавѣвшую въ углу хаты винтовку, на печально висѣвшій на стѣнѣ кинжалъ, съ лезвія котораго еще не стерлись пятна крови человѣческой.

Понятно, что они не безъ удовольствія приняли приглашеніе ѣхать въ Неаполь, еще не зная, ради какой цѣли. Во всякомъ случаѣ ихъ щедро снабдили деньгами на длинный и скучный путь. А главное, имъ сказано было, что они могутъ явиться въ столицу вооруженные, какъ въ горахъ. Горецъ не любитъ разставаться съ оружіемъ. Если приглашаютъ съ винтовками и кинжалами—значитъ есть надежда на что-то путное. Взбунтовала ихъ надежду и фантазію самая таинственность, которою былъ обставленъ призывъ. Имъ было неизвѣстно, ни кто ихъ призываетъ (однако, надо быть, важный и богатый человѣкъ, если столько денегъ даетъ), ни гдѣ ихъ соберутъ. Только по приѣздѣ въ Неаполь, да и то почти ночью, ихъ оповѣстили о часѣ и мѣстѣ сборища.

Прибыли они въ столицу къ вечеру. Вотъ уже часа два толкуются среди зеркалъ, сидятъ въ бархатныхъ креслахъ. Давно миновала полночь. И все-таки они не знаютъ, зачѣмъ все это. Нетерпѣніе возрастало; фантазія все ярче разгоралась. Они уже не стѣснялись; говорили громко; даже слышались ругательства. Нѣкоторые грозились удалиться. Но все это не помогало. На нетерпѣливые протесты гостей никто ничего не возражалъ. Даже старичокъ въ духовномъ одѣяніи, который разсаживалъ ихъ по кресламъ, словно совершенно забылъ объ атаманахъ. Онъ давно даже исчезъ изъ залы.

— Хоть бы пожать да выпить дали, — горланилъ Гиро, обращаясь къ Піетро Торо.

— Я бы одно желалъ знать, — отозвался послѣдній: — куда это Рикардо запропастился?

— Куда? Туда, гдѣ ему лучше, чѣмъ намъ. Бабенки, что его подтибрили, — знатныя бабенки. У одной плечища чудо какія.

— Ну, это ты вздоръ мелешь. Не такой парень Рикардо. Онъ знаетъ, что дѣло есть; не станетъ со шлюхами прокладаться. Безпокоюсь я, безпокоюсь; что-нибудь да не ладно... Города-то я

не знаю; весь путанный какой-то, а не то отыскалъ бы его. А коли утромъ онъ не проявится, то я хоть до самого короля дойду, да отыщу молодца.

— Ну, полно тебѣ. Онъ забавляется себѣ. А мы тутъ, какъ дураки оглашенные, сидимъ...

— Невтерпежъ мнѣ. Уйду отсюда,—воскликнулъ Торо.

— Да, такъ тебя и выпустятъ.

— А кто это меня не выпуститъ. Посмотримъ. У меня руки ужъ давно чешутся.

— Ты проберешься, и я за тобой. Этотъ старикашка, что насъ сюда затащилъ, больно ужъ безцеремонно съ нами обходится.

— Шутки, надо быть, шутить. Я вотъ ему покажу шутки-то.

— Какія тутъ шутки, когда этакую уйму деньжищъ роздали.

— Друзья мои,—раздался твердый, видимо, привыкшій распоразжаться голосъ:—хочу я вамъ сообщить мои подозрѣнія. Выслушайте, можетъ, тутъ дѣло идетъ о жизни кждаго изъ насъ.

Всѣ смолкли. Говорившій всталъ на кресло, чтобъ его лучше могли слышать. То былъ Парафанте, едва ли не самый знаменитый изъ всѣхъ калабрійскихъ атамановъ. Наружность у него была внушительная, словно нарочно сдѣланная для господства надъ массой. Его кровавыя дѣянія были всѣмъ хорошо извѣстны и тоже внушительны. Его ввалившіеся подъ лобъ глаза были окружены густыми рѣсницами и свѣтились, какъ раскаленные угли; брови тоже густыя, широкія. Лицо обросло лохматой нечесанной бородой. Вся его фигура, движенія обозначали физическую мощь и безумную отвагу. А это сильно дѣйствуетъ на массы.

— Вотъ что я вамъ, друзья, сказать хочу,—началъ Парафанте:—вѣдь насъ заманили въ ловушку.

— Кто заманилъ?—раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія.

— Кто? Да извѣстно кто: полиція. Чего намъ самихъ-то себя обманывать: у всякаго изъ насъ на совѣсти не безъ грѣшковъ. Пустячные, я знаю, что пустячные. Ну, тамъ недруга своего подстрѣлили; непокладливую бабенку отъ мужа утащили; рухлядь какую-нибудь подожгли, чтобъ руки погрѣть себѣ; ну, тамъ да сямъ захватили что-либо; иногда деньжатъ горсточки двѣ, когда сами были въ нуждѣ... Пустяки все это, повторяю. Кабы не пустяки, такъ не обратились бы къ намъ за помощью шесть лѣтъ тому назадъ, когда надо было раздавить враговъ нашей святой вѣры, благочестивѣйшаго нашего государя. Мы сдѣлали свое дѣло. Время идетъ; теперь мы больше не нужны; вотъ полиція, чтобы ее не обвиняли въ укрывательствѣ, и ухитрилась насъ сюда заманить: кого перестрѣляютъ, а кого въ каторгу засадятъ.

— А ей-Богу такъ,—раздались возгласы среди слушателей.

— А если это такъ, чортъ возьми... если такъ,—рывкнулъ бородачъ изъ-подъ Везувія, давно прельщавшійся канделябрами:—

такъ заберемъ себѣ вонъ тѣ подсвѣчники, уйдемъ отсюда и подожжемъ домъ,

— Да, да, подожжемъ весь домъ.

— Потихе вы, пріятели, потихе,—послышался спокойный, но твердый голосъ старика съ рубцомъ поперекъ лица.— Теперь я слово хочу сказать. И скажу я вамъ, что всѣ вы, какъ есть, а вмѣстѣ съ вами Парафанте—сущіе зайцы.

Старикъ, произнося эти слова, тоже влѣзъ на кресло, его маленькіе глазки свѣтились и по ихъ выраженію видно было, что отъ словъ своихъ онъ не отступится.

— Меня! Это ты меня зайцемъ обозвалъ,—зарычалъ Парафанте, и тутъ же, захохотавъ, прибавилъ:—Знаешь ты, старикашка, вкусъ мяса человѣческаго? А? Аль не отвѣдывалъ?

Старикъ только было открылъ ротъ, чтобъ отвѣтить, какъ въ глубинѣ залы, за тремя высокими креслами широко распахнулась дверь, за которой стояли два длинныхъ ряда камеръ-лакеевъ въ придворныхъ ливреяхъ; каждый держалъ по канделябру съ зажженными свѣчами.

Чей-то голосъ провозгласилъ:

— Ея величество королева!

Гости словно окаменѣли; въ залѣ водворилось мгновенно мертвое молчаніе; не только внезапность, изумленіе поразили атамановъ: къ изумленію и страхъ примѣшивался. Много слышали, много толковали всѣ они въ своей глуши о королѣ, о королевѣ; но никогда ихъ не видывали и не смѣли думать, что когда-нибудь могутъ своими собственными глазами видѣть ихъ. Воображенію и уму этихъ полудикарей монархъ и монархиня смутно представлялись чѣмъ-то сверхчеловѣческимъ, божественнымъ, но божественнымъ болѣе страшнымъ, чѣмъ церковное божество, ибо первое было ближе, на землѣ, а не на небѣ. Власть королевская казалась имъ безграничной, безапелляціонной силой, непосредственно распоряжающейся жизнью и смертью всѣхъ подданныхъ, въ томъ числѣ и самихъ атамановъ...

Нѣсколько секундъ длилось оцѣпенѣніе гостей. Потомъ они зашевелились; сидѣвшіе инстинктивно встали и, затаивъ дыханіе, глядѣли на распахнувшуюся дверь съ жаднымъ любопытствомъ и страхомъ. Королева появилась между двумя рядами ярко свѣтившихъ канделябровъ и плавно приближалась къ высокимъ кресламъ. Она была въ черномъ бархатномъ платьѣ, подхваченномъ на плечахъ большими алмазными пряжками; скульптурно красивыя руки и плечи были обнажены; на головѣ красовалась небольшая корона, изъ-подъ которой ниспадали низко на шею густые золотистые волосы. Она была неописуемо величава; но еще болѣе красива.

Непосредственно за Маріей-Каролиной шла стройная молоденькая дѣвушка, блондинка, съ скромнымъ симпатичнымъ ли-

чикомъ. Далѣ слѣдовали придворные и генералы въ блестящихъ мундирахъ.

— Господи Иисусе Христе! Мать Пресвятая Богородица!— бормоталъ Пиетро Торо:—словно въ раю!..

— На колѣни,—произнесъ чей-то негромкій, но твердый голосъ.

И всѣ эти свирѣполицые атаманы, грабители и убійцы, большинство которыхъ совершили не одно ужаснѣйшее преступленіе, не только стали на колѣни, но инстинктивно пали ницъ, лицомъ на полъ, предъ королевскимъ величіемъ.

Въ голубыхъ глазахъ Каролины Австрійской, въ глазахъ, умѣвшихъ поражать, смотря по надобности, и неумолимой злобой, и нѣжной любовью, теперь сверкнуло непритворно радостное торжество. Нѣсколько секундъ она недвижимо стояла предъ кресломъ, украшеннымъ короной, словно безмолвно наслаждаясь зрѣлищемъ простершихся предъ нею атамановъ. Сѣла и голосомъ повелительно-благодарнымъ произнесла:

— Встаньте!

Но такъ какъ никто не вставалъ,—кто не дослышалъ, кто робѣлъ,—то она громко и настойчиво повторила:

— Мы повелѣваемъ вамъ встать.

Головы приподнялись съ полу; спины выпрямились; всѣ эти люди, какъ одинъ человѣкъ, поднялись на ноги.

Тишина не нарушалась; большинство даже дыханіе сдерживало..

— Друзья мои!—наконецъ заговорила королева:— посланный, созвавшій васъ сюда, дѣйствовалъ по моему приказанію. Но для васъ было лучше, чтобы вы до сей минуты не знали этого. Я знаю, что у каждаго изъ васъ немало враговъ. Даже при дворѣ есть лица, завидующія вамъ за прошлое, за то, что вы оказали нашей монархіи столь важныя услуги. Если бы я не заботилась о васъ всѣ эти годы, кто знаетъ, что бы съ вами случилось. Многимъ пришлось бы работать на каторгѣ; а иные, вѣроятно, тлѣли бы въ общей могилѣ казненныхъ преступниковъ.

По толпѣ гостей пробѣжалъ трепеть. Королева продолжала:

— Вы, Франкатриппа, должны были бы дать отчетъ во множествѣ убійствъ и поджоговъ, въ которыхъ васъ обвиняютъ ваши враги. Вы, Парафанте, вы, Панедиграно, вы, Беннинказа, вы, Фра-Діаволо ¹⁾, вы, Спакафарно,—обвинялись во многихъ преступныхъ дѣяніяхъ. Я знаю, что все это клеветы. Но тѣмъ не менѣе онѣ могли бы привести васъ къ висѣлицѣ. Однако ваша королева заботилась о васъ и устраняла отъ васъ опасность.

¹⁾ Имена историческихъ, такъ сказать, южно-итальянскихъ разбойниковъ того времени. Фра-Діаволо, какъ извѣстно, прославленъ прелестной музыкой Обера.

— Ваше величество, до гроба за васъ Бога молить станемъ. Воистину все это одна клевета, неповинны мы, государыня,— послышалось въ толпѣ предстоящихъ.

— Да, я знаю, что клеветы. Иначе я бы не созвала васъ въ Неаполь. А созвала я васъ потому, что должна скоро покинуть столицу и ѣхать въ Сицилію, гдѣ уже находится теперь король. И тогда наше несчастное королевство вновь останется во власти исчадія ада, еретиковъ, злоумышляющихъ противъ нашего престола, дарованнаго намъ Господомъ Богомъ; противъ нашей святой вѣры. Враги эти не будутъ имѣть возможности поразить лично насъ, но они выместятъ злобу свою на вѣрнѣйшихъ нашихъ подданныхъ. Они вновь вспомнятъ клеветы, направленные противъ васъ, и доведутъ васъ до каторги, до висѣлицы, отъ которыхъ мнѣ до сихъ поръ удавалось спасать нашихъ вѣрныхъ подданныхъ.

Она на минуту смолкла, чтобы провѣрить впечатлѣніе, произведенное ея словами. Въ стоявшей среди залы толпѣ пробѣгалъ сердитый ропоть; лица нѣкоторыхъ поблѣднѣли; у другихъ пылали злобой. Стоявшіе сзади, въ отдаленіи отъ государыни, позволяли себѣ угрожающія восклицанія.

— Карабинъ-то мой еще не оплошаетъ!

— Кинжалъ у меня не дуракъ!

— Пусть придутъ еретики! Справимся!

— Слушайте же, друзья,—заговорила опять королева, очень довольная, что слова ея оказали желанное дѣйствіе:—слушайте. Ваши дѣла и мои дѣла все одно; я васъ не покину. Поэтому-то я и собрала васъ около себя. Если вы мнѣ довѣряете, и я довѣряю вамъ. И вотъ что я повѣдаю. Французы и вамъ и мнѣ враги. Они посылаютъ опять свое войско къ намъ, чтобы овладѣть нашимъ королевствомъ, какъ шесть-семь лѣтъ тому назадъ. Но другіе государи, наши союзники, которые уже разъ помогли намъ вытѣснить французовъ, опять шлютъ помощь; войско ихъ еще болѣе сильное, чѣмъ прежде, такъ что проклятые Господомъ еретики, желающіе ворваться въ нашу родину затѣмъ, чтобы грабить нашихъ подданныхъ, насиловать вашихъ женщинъ, оскорблять нашихъ святыхъ угодниковъ и Пречистую Владычицу Небесную,— очутятся между двухъ огней. Съ одной стороны, ваши вѣрныя винтовки и ружья королевскихъ солдатъ, а съ другой—войска двухъ императоровъ, нашихъ друзей и свойственниковъ, императоровъ австрійскаго и русскаго. Такъ вотъ: желаете ли вы въ этомъ святомъ дѣлѣ стоять на сторонѣ вашего короля, моего августѣйшаго супруга, и на моей? Желаете ли вы вновь доказать этимъ негоднымъ иноземцамъ, этимъ выходцамъ изъ преисподней, которыхъ вы раньше уже обращали въ бѣгство, желаете ли, говорю я, доказать имъ еще разъ вашу силу. Каждый изъ васъ въ одиночку управится съ ними десятью.

— Да, да... желаемъ! Мы готовы!—воскликали атаманы, увлеченные не только словами королевы, но и ослѣпительной красотой женщины, взывавшей къ нимъ о помощи. Не только ея лицо было привлекательно, но и обнаженные полныя руки и плечи, особенно въ яркомъ свѣтѣ и блестящей придворной обстановкѣ, опьяняли пылкихъ героевъ.

Помолчавъ съ минуту, чтобъ дать время разгорѣться энтузіазму своихъ слушателей, королева наконецъ высказалась о главнѣйшемъ.

— Желаете ли вы покарать отъ священнаго имени короля, а также отъ моего всѣхъ нашихъ подданныхъ, которые по прирожденной ли имъ злобѣ, по увлеченію ли сатанинскимъ революціоннымъ духомъ, или по низкому честолюбію, перейдутъ на сторону нашихъ враговъ, поднимутъ оружіе противъ васъ, защитниковъ монархіи, и противъ религіи. Я отъ имени государя предоставляю въ вашу власть личности этихъ нечестивцевъ, ихъ жилища, имущества, женщинъ и дѣтей. Истребите огнемъ и мечомъ самые корни этихъ злокачественныхъ плевеловъ, даже если бы они искали убѣжища у самыхъ алтарей. Его святѣйшество папа шлетъ благословеніе и отпущеніе всѣхъ грѣховъ, которые вамъ пришлось бы совершить ради торжества нашей вѣры... А когда вы завершите ваше великое дѣло, то мы не забудемъ васъ. Все имущество, захваченное вами у враговъ вашихъ, будетъ по справедливости признано законно вамъ принадлежащимъ. Всепрощенье грѣховъ вашихъ несомнѣнно. Благословеніе святѣйшаго отца низойдетъ на защитниковъ католической церкви... Скажите же мнѣ: хотите ли вы быть съ нами?

— Да, да, желаемъ!.. Да здравствуетъ наша королева!—воскликнула въ восторгѣ предстоящая толпа. Клики потрясали стѣны зала; восторгъ доходилъ до опьянѣнія.

Вернулось, значитъ, доброе старое времечко! Въ пылкомъ оужномъ воображеніи горцевъ-атамановъ уже носились плѣнительныя видѣнія кровавой борьбы, пышныхъ пиршествъ, оргій, необузданнаго грабежа и обогащенія, и притомъ полной безответственности предъ закономъ. Ничто въ мірѣ не было такъ ненавистно этимъ людямъ, какъ формальныя стѣсненія со стороны властей ради порядка и общественной безопасности. Надо, конечно, рисковать жизнью... Но что значитъ цѣлая жизнь передъ годомъ—даже только однимъ мѣсяцемъ—свободнаго разгула воинственныхъ страстей. Отцы ихъ говаривали: «лучше годъ быкомъ, чѣмъ сто лѣтъ воломъ». Да и умирать съ оружіемъ въ рукахъ, въ бою, подъ открытымъ небомъ куда лучше, чѣмъ окопѣвать въ своей норѣ, на соломѣ подъ старость, проживъ многіе десятки лѣтъ подъ ярмомъ нелѣпныхъ стѣсненій и работы; какъ рабъ,—умирать долго, медленно, чувствуя, какъ болѣзнь гложетъ, рветъ ихъ мясо и кости...

Восторги доходили до стихійности. Атаманы восклицали, махали руками, перекликались съ товарищами, стоявшими подале, здорово переталкивались отъ радости кулаками съ сосѣдями и хохотали, безпрестанно повторяя громкій кликъ:

— Да здравствуетъ королева!

Съ лица королевы не сходила благосклонно-добродушная улыбка; глаза съ видимымъ удовольствіемъ наблюдали за разыгравшеюся предъ ними сценой.

Однако, давъ атаманамъ нарадоваться, королева серьезно, почти строго, обратилась къ нимъ опять. Они стихли.

— Мой казначей,—произнесла она,—выдастъ вамъ деньги на обратный путь. Приѣхавъ домой, созовите всѣхъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищей, а также всѣхъ, кто пожелаетъ пристать къ нашему дѣлу. Позаботьтесь, чтобы люди были вооружены хорошо, вербуйте какъ можно больше людей смѣлыхъ. Вождь каждаго значительнаго отряда будетъ на правахъ командира полка. Одновременно съ вами придетъ мой особый уполномоченный и позаботится обо всемъ, что вамъ нужно. Главное же—ни малѣйшаго промедленія. Какъ только врагъ вступитъ въ королевство, начинайте свое дѣло: истребляйте всѣхъ, кто склоненъ пристать къ нему. Впрочемъ, вамъ не замедлятъ передать наши дальнѣйшія указанія. А покуда каждый изъ васъ долженъ цѣловать крестъ, поклясться въ вѣрности королю и святой вѣрѣ нашей.

Королева сдѣлала знакъ рукой по направленію къ свитѣ. Одинъ изъ придворныхъ, приблизясь къ ней съ поклономъ, вручилъ ей серебряное распятіе. Каролина встала и, поднявъ высоко крестъ, торжественно произнесла:

— Клянетесь ли вы защищать тронъ и алтарь, не щадя живота своего?

— Клянемся!—какъ одинъ человекъ, отозвались присутствующіе.

— Клянетесь ли вы истреблять безъ пристрастія всѣхъ—земляковъ и чужаковъ—враговъ нашихъ?

— Клянемся!—отвѣчали атаманы, протягивая правыя руки по направленію къ распятію и тѣмъ какъ бы подтверждая клятву.

— А теперь,—прибавила Каролина Австрійская, сіяя торжествомъ, что еще болѣе увеличивало ея красоту и величавость,—приблизьтесь цѣловать крестъ. Да благословитъ васъ Всемогущій, какъ благословляю васъ я, именемъ короля, власть котораго только отъ Бога. А въ знакъ нашего королевскаго благоволенія допускаю васъ поцѣловать мою руку.

Толпа ринулась къ Каролинѣ съ громкимъ возгласомъ:

— Да здравствуетъ королева!

Странно, но исторически неоспоримо, что никто не крикнулъ: «да здравствуетъ король».

Происходило это оттого, что для такихъ закрубѣлыхъ, можно сказать, примитивныхъ, людей въ данную минуту монархія олицетворялась въ королевѣ: они понимали важность момента и не только не видѣли короля, но понимали, что онъ бѣжалъ со своего поста. Въ королевѣ же, поразившей ихъ своей красотой и обращеніемъ, они инстинктивно угадывали тѣ же чувства, которыя ихъ самихъ волновали: ненависть, жажду мести, потребность борьбы, смѣлость и упорство. Къ тому же она удостоила ихъ неслыханной чести: разговаривала съ ними, допустила къ своей рукѣ. Съ этого момента она могла безгранично на нихъ положиться. Болѣе даже, чѣмъ полагался кардиналъ Руффо, который увлекъ ихъ за собой въ 1800 г., благодаря религіознымъ предразсудкамъ, прирожденной ненависти къ чужеземцамъ и жадѣ добычи.

Все это королева хорошо понимала.

IV.

Королева дома.

Возвратясь въ свои апартаменты, она отпустила ожидавшихъ ея тамъ камеръ-фрейлинъ.

— Удалитесь,—сказала она:—мнѣ еще надо заняться работой.

Она приблизилась къ столу, заваленному документами и пакетами. Одно за другимъ она открывала и пробѣгала письма. Но читала какъ-то разсѣянно, и сама, казалось, чувствовала это; не могла сосредоточиться. Губы ея складывались въ улыбку, которую можно назвать жестокой, а взглядъ былъ мраченъ и свирѣпъ.

Она вдругъ какъ будто вспомнила о чемъ-то, бросила на столъ письмо, которое читала, встала и направилась къ двери. Но, не дойдя до нея, досадливо махнула рукой, и въ лицѣ ея выразилась досада: въ тѣни около двери она увидала ту молодую дѣвушку, свою новую фаворитку, которую оставляла при себѣ и въ королевской ложѣ Санъ-Карло, и во время совѣщанія съ атаманамъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, Альма?—спросила Каролина, пытливо вглядываясь въ хорошенькую стройную особу.—Я вѣдь сказала, что хочу одна остаться...

— Я полагала, что приказаніе вашего величества не касается меня,—мягко, но съ отгѣнкомъ неудовольствія отозвалась Альма.

Лицо королевы въ тотъ же мигъ утратило мрачное выраженіе, и она обратилась къ дѣвушкѣ мягко, добродушно, почти любовно:

— Да, да, ты не ошиблась, дитя мое. Это я сама спутала. Столько у меня накопилось заботы! Все надо обдумать... Видѣла ты, какую отличную встрѣчу я подготовила фравцузамъ, и какой

славный праздникъ задамъ всѣмъ напимъ пустомелямъ, которые только и ждутъ наполеоновскихъ войскъ, чтобы возстать опять противъ того, кого самъ Богъ поставилъ ихъ повелителемъ, и объявить республику.

— Ты, кажется, очень утомилась, бѣдная дѣвочка,—начала опять Каролина:—это я виновата. Хотя, признаться, я надѣялась тебя повеселить. Вѣдь ты никогда не бывала въ маскарадѣ. А тамъ, въ толпѣ, случается забавно... я такъ понимаю жизнь: успѣвай выполнять всѣ свои обязанности, но не упускай по возможности пріятныхъ сторонъ существованія, наслажденій... Впрочемъ, ты какъ кроткая гелубка, выросла въ горахъ и лѣсахъ... Быть можетъ, тебѣ кажется непристойнымъ, что королева надѣваетъ домино, маску, отправляется въ маскарадъ.

— Я повиновалась волѣ вашего величества,—тихо отвѣтила Альма.

— У моего величества бываютъ иногда самые буржуазные капризы, какъ видишь... Но это ничему не мѣшаетъ. Говорятъ, моя рука хорошенькая, маленькая... А она, какъ бы тамъ ни было, сумѣетъ, если понадобится, и саблю держать, и владѣть ею для защиты этого бѣднаго королевства, которое покинули мужчины на жертву своимъ врагамъ... Можетъ быть, тебѣ казалось, что я роняю мое достоинство, смѣшиваясь съ разгульной толпой. Зато ты видѣла меня и съ тѣми людьми, которые готовы охранять отъ опасности тронъ моего мужа и сына.

— Я не смѣю обсуждать поступки моей государыни,—робко отвѣчала молодая дѣвушка, опуская глаза, чрезъ которые словно въ душу проникалъ ласковый, но испытующій взглядъ Каролины.

— Ну, да, вообще сегодня намъ маскарадъ не удался. А прежде случалось, что я тамъ очень веселилась инкогнито. Очень даже бывало забавно. Если бы не эти негодяи, что нынче ворвались къ намъ въ ложу, то ты могла бы поразвлечься. Мнѣ этого-то и хотѣлось. За тобой бы ухаживали, не зная, что ты дочь герцога Фаньяно. Ты вѣдь и въ маскѣ прелестна. Я, бывало, совсѣмъ увлекалась, около меня шутили, хохотали, и я тоже смѣялась и дурачилась. Никто меня не узнавалъ; я сама забывала свое положеніе, забывала о себѣ. Другимъ подъ маской я казалась простой веселой бабенкой...

— Вашему величеству угодно, чтобы я ушла?—спросила Альма.

— Да, иди. Ты устала, бѣдняжка.

Молодая дѣвушка удалилась, сдѣлавъ низкій реверансъ. Королева проводила ея долгимъ мечтательнымъ взоромъ, вспоминая свою молодость.

— И я въ ея годы была такая же,—размышляла Каролина.— Не дай Богъ, чтобъ она рано начала влюбляться...

При этомъ мысль ея перенеслась къ молодому человѣку, защищавшему ихъ отступленіе изъ маскарада,—красавецъ, смѣлый... Настоящій паладинъ. Замѣтки о калабрійскихъ атаманахъ, прочитанныя много ранѣе, не обманули меня. Его не трудно зачислить въ королевское войско. Раньше, чѣмъ поступить волонтеромъ въ отрядъ кардинала, этотъ Рикардо служилъ сержантомъ въ королевскихъ карабинерахъ... Мнѣ нынче особенно нужны подобные молодцы... Надо будетъ и имъ заняться. Мнѣ не трудно будетъ приручить его.

Она нѣсколько минутъ раздумывала, словно колебалась, лицо то хмурилось, то улыбалось.

— Ну, такъ что жъ такое!—наконецъ почти вслухъ произнесла Каролина.— Я ему обязана жизнью, а признательность — первая добродѣтель монарховъ.

Только по сладостной улыбкѣ, разлившейся по ея лицу, иной могъ бы заключить, что чувство, охватившее ее въ это мгновеніе, называлось другимъ именемъ.

— Онъ очень красивъ, безстрашенъ, ни передъ чѣмъ не остановится... Да, такихъ мнѣ и нужно... Молодъ, правда, даже слишкомъ молодъ, что за бѣда! Мнѣ стукнуло пятьдесятъ... А Нивонъ де-Ланкло? Да, кромѣ того, мое положеніе не то, что бѣдной Нивонъ...

Королева еще не скинула съ себя того платья, въ которомъ ея видѣли атаманы.

Она взяла со стола небольшую серебряную лампочку-фонарь и направилась въ дальніе апартаменты дворца, не обитаемые и не освѣщенные.

V.

Капитанъ Рикардо.—Кто онъ и гдѣ онъ?—Петръ Быкъ.

Раненый Рикардо очнулся не скоро послѣ того, что его унесли съ мостовой. Онъ очнулся только подъ утро и съ изумленіемъ осматривалъ роскошно убранную комнату, въ которую попалъ невѣдомо какъ. Въ такихъ палатахъ онъ въ жизнь свою не бывалъ, на такой мягкой богатой постели никогда не леживалъ. Многіе предметы, украшавшіе комнату, были даже непонятны для него. Съ потолка мягко свѣтила лампада. Онъ смутно въ полубреду припоминалъ то, что съ нимъ случилось въ эту ночь. Мелькнула мысль о посланномъ, котораго онъ долженъ былъ ждать въ Санъ-Карло, и который, конечно, его не нашелъ: ему стало досадно и стыдно. Онъ опять забылся.

Наступало зимнее утро, хотя еще не разсвѣло. Издалека было слышно, что городъ начинаетъ шевелиться. Но около Рикардо царилъ полная тишина... Однако онъ опять очнулся, и взгляды его упалъ на картину противоположной стѣны.

— О, какая прелесть! — невольно вырвалось у молодого человека.

Картина, находившаяся у самого пола, изображала красивую женщину съ обнаженными роскошными плечами и руками. Женщина плавно выдвинулась изъ рамки, приближаясь къ нему.

Онъ думалъ, что это ему грезится, что это сонъ, бредъ, и сталъ ощупывать одѣяло, кровать, свои руки; но чрезъ нѣсколько мгновеній, отъ слабости и напряженія мысли, опять забылся.

Королева подошла къ самой его постели, пристально глядѣла на него, любовалась, какъ-то невольно провела рукой по его волосамъ. Потомъ зорко окинула взглядомъ всю комнату и, убѣдясь, что раненый окруженъ всѣмъ для него необходимымъ, удалилась черезъ ту же дверь, въ которую вошла. Дверь беззвучно заперлась, и ее покрылъ висѣвшій надъ ней гобелень.

Когда раненый проснулся, — его глаза не могли нигдѣ отыскать ни видѣнія, ни картины, ни красавицы.

— Несомнѣнно, все это мнѣ приснилось, — подумалъ онъ и пожалѣлъ, что то былъ только сонъ.

А Каролина въ это самое время уже принимала тѣхъ изъ властей и сановниковъ, которые еще не покинули столицы съ королемъ. Она совѣщалась о томъ, какъ, въ виду соглашенія съ атаманами, надлежитъ организовать защиту государства отъ вторженія французовъ.

Рикардо былъ окруженъ дѣйствительно всѣмъ, что въ его положеніи было необходимо. Пожилой добродушный докторъ благополучно вынулъ пулю, попавшую въ неопасную часть туловища, навѣщалъ больного по два раза въ день, залечивалъ другія менѣе важныя раны, бесѣдовалъ съ пациентомъ. Солидный слуга, видимо, умѣвшій ходить за больными, исполнялъ приказанія врача, приносилъ вкусную пищу, помогалъ одѣваться, когда Рикардо былъ уже въ силахъ встать съ постели.

Окровавленное въ ночномъ бою платье замѣнилось новымъ. Рикардо любилъ читать, конечно, по своему скудному образованію, но преимуществу о рыцарскихъ и романическихъ приключеніяхъ. Ему приносили книги.

Но, кромѣ этихъ лицъ, къ нему никто не заглядывалъ, и эти двое безусловно уклонялись отвѣчать на его вопросы о томъ, гдѣ онъ находится, кто его невѣдомый покровитель.

— Дней черезъ восемь, — успокоивалъ врачъ, — мы васъ совершенно вылечимъ... И раньше, чѣмъ вы отсюда удалитесь, вы узнаете, кто заботится о васъ, а покуда хозяинъ этого дома въ отъѣздѣ.

Молодому горцу тѣмъ не менѣе такъ надоѣло заточеніе, что онъ подумывалъ, еще не долечившись, о бѣгствѣ. Однако убѣ-

дился въ невозможности этого. Изъ большихъ, огражденныхъ изящными чугунными рѣшетками оконъ видно было только море. За порогомъ его спальни невидимо, но ощутительно стерегли каждый его шагъ. Иногда онъ былъ увѣренъ, что находится въ королевскомъ дворцѣ; но когда наводилъ съ докторомъ рѣчь на такія догадки, тотъ очень добродушно, но искусно опровергалъ ихъ и даже подсмѣивался надъ капитаномъ. Да и самъ Рикардо готовъ былъ нерѣдко полагать, что подобныя мысли приходятъ ему въ голову потому, что онъ съ дѣтства начитался рыцарскихъ романовъ, да и теперь только ими занято его время.

Рикардо родился въ калабрійскихъ горахъ и всю юность тамъ провелъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, онъ не разставался съ нѣкимъ Кармине, простымъ земледѣльцемъ, жившимъ скудными доходами съ собственнаго клочка земли, которую обрабатывалъ собственными же руками. Онъ въ раннемъ дѣтствѣ считалъ Кармине своимъ отцомъ, хотя звалъ его, какъ и всѣ окрестъ, дядя Кармине. Кармине не былъ женатъ; но гласъ народа рѣшилъ, что Рикардо его незаконнорожденный сынъ отъ вдовы Гертруды, которую (не безъ основанія) считали его возлюбленной. Самъ Кармине и постороннимъ и мальчику говорилъ, что послѣдній былъ найденъ въ лѣсу. Но этому мало кто вѣрилъ, ибо очень ужъ крѣпко старикъ любилъ найденыша.

Онъ усердно училъ мальчика тѣмъ работамъ, которыми занимался самъ — обработкѣ земли, рубкѣ лѣса и т. д. И не менѣе усердно заботился о возможномъ его образованіи, что въ тѣ времена было весьма затруднительно. Старикъ посылалъ его въ единственную, содержимую патеромъ школу во все свободное отъ работъ время, умѣлъ находить для того довольно много свободного времени, просилъ учителя учить отрока какъ можно лучше и подробнѣе, и — небывалое дѣло въ той средѣ — не отрывалъ его отъ ученья почти до восемнадцати лѣтъ.

Рикардо былъ способный мадъчикъ, легко преуспѣвалъ, любилъ читать. Нравъ у него былъ добрый, онъ располагалъ къ себѣ всѣхъ и на любовь дяди Кармине отвѣчалъ искренней привязанностью.

Кромѣ Кармине, его очень любилъ и по-своему заботился о немъ пріятель и ровесникъ его дяди Піетро Торо, котораго прозвали такъ (Торо—быкъ) за его безобразную, но мощную массивность. Піетро, какъ и многіе его сосѣди-земляки, не былъ ни мужикомъ, ни бариномъ, ни купцомъ. Онъ самъ съ помощью наемнаго рабочаго обрабатывалъ землю и занимался мелкими промыслами. Молодость его прошла весьма бурно. Онъ влюбился въ дѣвушку, которая совсѣмъ не любила его, даже имѣла отвращеніе

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
МАЙ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1909 г.

СТРАН.

I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). XXXIX—XLVII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	401
II. Кружокъ. (Разсказъ по личнымъ воспоминаніямъ). В. Г. Авсеенко	438
III. Семейный разладъ. (Повѣсть). X—XII. (Продолженіе). Княгини М. В. Волконской	452
IV. Воспоминанія о графѣ И. Д. Деляновѣ. В. Семенова	483
V. Нѣсколько эпизодовъ изъ освободительнаго движенія въ Гродненской губерніи. Н. К. Полевого	494
VI. Азевовщина. (Изъ замѣтокъ японца). Р. И. Сементковскаго	514
VII. Посмертная милость императора Александра I. (Историческая старинка). А. А. Танкова	534
VIII. Забытый поэтъ. Ив. Масанова	539
IX. Зарубежная публицистика. А. М. Бѣлова	542
X. Гоголевскіе дни.	569
XI. Письмо Ө. М. Достоевскаго . Сообщ. Андрей Коломійцевъ	593
XII. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). IV. М. А. Бакунинъ и С. Г. Нечаевъ . Б. Б. Глинскаго	596
Иллюстраціи: 1) Михаилъ Александровичъ Вакуницъ. — 2) Сергѣй Геннадьевичъ Нечаевъ.	
XIII. Домскій музей въ Ригѣ. А. Ш—ова	630
Иллюстраціи: 1) Рижская аптека. — 2) Археологическія находки въ Лиляндіи. — 3) Блюдо короля Оттона. — 4) Печать города Висби.	
XIV. У великихъ могилъ. (Поѣздка по восточному бассейну Средиземнаго моря). Д. Н. Островскаго	641
Иллюстраціи: 1) Мостъ черезъ Нилъ въ Каирѣ. — 2) Пирамида Хеопса, Сфинксъ и храмъ Сфинкса. — 3) Сфинксъ и пирамиды. — 4) Общій видъ Дамаска. — 5) Дворъ храма Господня. — 6) Храмъ гроба Господня. — 7) Кувуклія надъ святымъ гробомъ. — 8) Скорбный путь. — 9) Дворъ мечети Омара въ Иерусалимѣ. — 10) Мѣсто рожденія Иисуса Христа въ Вифлемѣ. — 11) Святая Софія. — 12) Акрополь и храмъ Зевса Олимпійскаго въ Афинахъ. — 13) Партеонъ.	
XV. Критика и библиографія.	684
1) П. В. Верховскій. Населенныя недвижимыя имѣнія св. синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Коллегія экономіи и канцелярія синодальнаго экономическаго управленія (15 юля 1726—12 мая 1763 г.). Спб. 1909. Андрей Титова . — 2) Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1908. — Родъ Раевскихъ герба Лебедь. Составилъ В. Л. Модзалевскій. Спб. 1908. В. Рудакова . — 3) Ан. А. Титовъ . Житіе благовѣрной вѣягини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII вѣка. М. 1909 г. А. К—ва . — 4) Н. Серебрянвй . Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библиографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ. Москва. Синодальная типографія. 1908. п. в. в. — 5) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 13. Спб. 1909 года. А. М. — 6) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Михайловича. Томъ пятый, выпускъ первый. Спб. 1909. С. Ш. — 7) Николай Махровъ , дьяконъ церкви русскаго-императорскаго посольства въ Константинополь. Дечанская летопись, съ предисловіемъ и (См. слѣд. стран.).	

комментаріями къ ней. Съ приложеніемъ этнографической карты Старой Сербіи. Изданіе обителя Св. Іоанна Златоустаго на Афонѣ. Сиб. 1908. Д. Н. М. — 8) Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга пятнадцатая. М. 1908. В. Р.—ва.— 9) Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Сиб. 1908. Н. Л. — 10) Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Критико-биографическое изслѣдованіе Н. Г. Молоцова и П. А. Сергѣенко, подъ редакціей А. Л. Волынского. Художественный огдѣлъ въ завѣдываніи Е. П. Самокишъ-Судковской. Выпускъ I. Сиб. 1909 г. Б. Г.— 11) Въхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи Н. А. Бердяева, С. Н. Вудгакова, М. О. Гершензона, А. С. Игова, В. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Москва. 1909. Р. Сементновскаго. — 12) Всякіе. Очерки современной жизни А. С. Суворина. Изд. второе. Сиб. 1909 г. Г. Л. и.— 13) Мендельсонъ, Н. М. Очерки по исторіи русской литературы. Съ 29 рисунками и портретами въ текстѣ. Москва. 1908. Я. Бирюкова. — 14) Н. Минскій. На общественныя темы. Сиб. 1909. А. Б. — 15) А. Оветтъ. Исторія итальянской литературы. Переводъ подъ редакціей В. Шинмарева. Сиб. 1909. В.— 16) Отто Вейнингъеръ. Полю и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Вѣлова. Сиб. 1909. Г.— 17) Грузинскій поэтъ вѣ. Акавій Церетели. Избранныя стихотворенія въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Съ предисловіемъ А. С. Хаханова. № 1. Москва. 1908 г. С.—ова.— 18) Д. Н. Аракчиѣвъ. Музыкально-этнографическіе очерки грузинской народной музыки. Народная пѣсня Западной Грузіи. М. 1908. А. Хаханова. — 19) Проф. К. Ротъ. Исторія Византийскаго имперіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. В. Горькина, подъ редакціей В. В. Витвера. Сиб. 1909. Е.— 20) Герцогъ Аргаяльскій. Ответственность Англій въ восточномъ вопросѣ. Переводъ М. К. Брянчанниной. Предисловіе Ф. Ф. Мартенса. Сиб. 1908. А. Б. — 21) Графъ В. А. Бобринскій. Пражскій съездъ. Чехія и Прикарпатская Русь. Сиб. 1909. А. Андрѣ Сиротинина.— 22) П. А. Риттихъ. По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. Сиб. 1909 г. Андрѣ Сиротинина. — 23) Программы финляндскихъ партій. С.-Петербургская государственная типографія. Сиб. 1909. П. Майкова.— 24) Н. Кондаковъ. Македонія. Сиб. 1909 г. П. Б.— 25) В. Ф. Новицкій. На пути къ усовершенствованію государственной обороны. Сиб. 1909. Л. Н.— 26) Россійскія армія и флотъ. Устройство, бытъ и служба войскъ. Съ рисунками М. Езучевскаго, Н. Кравченко, А. Лео, Н. Петрова, Н. Широкова, Н. Самовиша и А. Сафонова. Составилъ Дм. Дубенскій. Сиб. 1908. Н. Л.— 27) Л. Слонимскій. Наполеонъ и самодержавіе. Историческій этюдъ. Сиб. 1908. А. Б.— 28) Arnold Feurerisen, Livländische Geschichtslitteratur. 1) 1903, 2) 1904, 3) 1905. Рига. 1905, 1907, 1908. А. Э. Мальмгрена.— 29) Н. А. Преображенскій. Проклятая быдъ. Сиб. 1909. А. Фаресова.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 723

1) Месопотамія за тридцать вѣковъ до Рождества Христова.— 2) Выла ли французская революція социалистской.— 3) Письма Тургенева къ Шмидту и Фридендеру.— 4) Расколъ среди католиковъ на Филиппинахъ.— 5) Дѣловая женщина въ датской королевской семьѣ.— 6) Жидице «сына неба» и новый правитель Китая.— 7) Европейскіе и американскіе юбилеи.— 8) Смерть Канціо, Сальвемини, графини Шабрильянъ, маркиза Ноайль, Резека, графа Роселя-Киллога, Рейфершеда и Виза.

XVII. Смѣсь. 756

1) Выставка древностей въ царскосельскомъ дворцѣ.— 2) Толстовская выставка.— 3) На этнографической выставкѣ.— 4) Въ обществѣ любителей древней письменности.— 5) Собраніе академіи художествъ.— 6) 25-лѣтіе «Измайловскихъ Досуговъ».— 7) Военно-психологическое общество.— 8) Историческіе памятники близъ Петербурга.— 9) Къ вопросу объ учрежденіи въ Витебскѣ ученой архивной комиссіи.

XVIII. Некрологи. 768

1) Аксаковъ, Н. П.— 2) Бахметевъ, Н. Н.— 3) Вѣргъ, Ф. Н.— 4) Верхъ, А. М.— 5) Дическулъ, П. В.— 6) Ильишъ, Р. Ф.— 7) Косачъ, П. А.— 8) Кракау, А. А.— 9) Ловжинъ, Е. И.— 10) Лядинъ, В. С.— 11) Мининъ, А. В.— 12) Муромцова, Н. А.— 13) Поповъ, Г. И.— 14) Рогожинъ, В. Н.— 15) Сабашниковъ, С. В.— 16) Сальниковъ, А. Н.— 17) Слезкинскій, А. Г.— 18) Сузановъ, Н. И.— 19) Терентьевъ, М. А.

XIX. Замѣтки и поправки. 781

1) По поводу статьи «Аудако». А. Э. Зноско-Боровскаго.— 2) По поводу музея Бродовскаго въ Вильнѣ. А. В. Жирновича.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Ивана Давыдовича Делянова. — 2) Ея величество королева. Романъ Никола Мизази, переводъ съ итальянскаго Л. Р.—на Ч. I, гл. VI—X.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

Архангеловъ, С. А., свящ. Святая благовѣрная великая княгиня Анна Кашинская. Къ дню 12 юлія 1909 г.—возстановленія ея прославленія. Спб. 1909 г. Ц. 25 к.

Волнинъ, А. К. Мессія по изображенію пророка Исаи. Опытъ библейско-богословскаго и критико-экзегетическаго изслѣдованія пророчества Исаи о лицѣ Мессіи. Кіевъ. 1908. Ц. 3 р.

Гурій, іеромонахъ. Буддизмъ и христіанство въ ихъ ученіи о спасеніи. Изслѣдованіе. Казань. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Дмитревскій, А. Памяти члена русской духовной мисіи въ Іерусалимѣ, о игумена Пароенія, убиеннаго 14 января 1909 г. на горѣ Елеонской. Спб. 1909. Ц. 8 к.

Павскій, Г. Христіанское ученіе въ краткой системѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

Введенскій, А. И., проф. Логика, какъ часть теоріи познанія. Изданіе С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ историко-литературныхъ и юридическихъ курсовъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Гольцапфель, Рудольфъ. Пандеалъ (Panideal). Психологія социальныхъ чувствъ. Съ предисловіемъ Эрнста Маха. Переводъ съ нѣмецкаго съ біографическимъ введеніемъ В. Астрова. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Древнія вѣрованія и новое знаніе. Переводъ съ англійскаго Nobody. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

Крогиусъ, А. Изъ душевнаго міра славныхъ. Часть I. Процессы воспріятія у славныхъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Меліусъ, П. Поль и неучтливость. Критическій разборъ книги «Поль и характеръ» Отто Вейнингера. М. 1909. Ц. 50 к.

Ницше, Ф. Генеалогія морали. Намфлетъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Пуанкаре, А. Математическое творчество. Психологическій этюдъ. Юрьевъ. 1909. Ц. 25 к.

Трайнъ, Р. В. Могущество человѣка. Перев. съ англ. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Трубецкой, С. Н., кн. Исторія древней философіи. Часть II. Москва. 1908. Ц. 75 к.

Цигенъ, Т., проф. Физиологическая психологія въ 15 лекціяхъ. Переводъ Вл. Динзе, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Л. Щеглова. 3-е изданіе. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Юмъ, Давидъ. Естественная исторія религіи. Dialogи о естественной религіи. О безсмертіи души.—О самоубійствѣ. Перев. съ англ. С. Церетели. Юрьевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Абрамовъ, П. Я. Въ осеннихъ садахъ. Литература сегодняшняго дня. М. 1909. Ц. 1 р.

Бразоленко, Б. Русская женщина въ жизни и литературѣ. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Брандесъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. 14. Литературныя характеристики. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Елпатьевскій, С. Воспомнанія о Г. И. Успенскомъ, Н. К. Михайловскомъ, А. П. Чеховѣ, Н. Г. Гаринѣ-Михайловскомъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Золотаревъ, С. Историко-литературные очерки. Пушкинъ и русское общество. Гоголевская Русь. И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ. Философія Л. Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Критическіе очерки. Стихотворенія и автографы-автобиографіи. Подъ редакціей Модеста Гофмана. Спб. Ц. 2 р.

Котляревскій, Несторъ. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1909. Ц. 2 р.

На рубежѣ. (Къ характеристикѣ современныхъ искавій). Критическій сборникъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Лансонъ, Г., проф. Исторія французской литературы. Современная эпоха. Переводъ съ франц. Е. Варатынской. Москва. 1909. Ц. 2 р.

Овсянико-Кулиновскій, Д. Собраніе сочиненій, т. 1-я. Гоголь. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Памяти Петра Александровича Ефремова. Сообщенія, сдѣланныя на общемъ собраніи Русскаго библиографическаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 13 февраля 1908. Москва. 1909. Ц. 50 к.

Рах—овъ, Н. Литературный дневникъ. Вып. 1-я. Рига. 1909. Ц. 30 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

Альманахъ 17. Литературно-художественный сборникъ съ портретами авторовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Анунціо, Габриэль. Дѣвы скалъ. Романъ. Переводъ съ итал. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Анунціо, Г. Собраніе сочиненій. Т. 3. Разсказы изъ Пескары. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Вершины. Литературно-критическіе и философско-публицистическіе сборники. Книга 1. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Вилли. Клодина въ шкодѣ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Волянскій, Н. П. Жертвы войны. Трилогія изъ русско-японской войны 1904—1905 гг. 1. Жертвы отступленія. Романъ-хроника въ 6 частяхъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Выспанскій, Ст. Судьи. М. 1909. Ц. 50 к.

Гамсунъ, Кнутъ. Подъ осенними звѣздами. Разсказы. Перев. съ норвеж. Р. Тираспольской. Москва. И. 10 к.

Ф.-Гофмансталь, Г. Авантюристъ и пѣвица или дары жизни. Пьеса въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго въ стихахъ О. Н. Чюминой. Москва. Ц. 10 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Собраніе сочиненій. Переводъ М. А. Шингаревой. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Томъ XIX. Варнеби Реджъ. Часть 1-я. Спб. Ц. 75 к.

— Тоже. Томъ XX. Варнеби Реджъ. Часть 2-я. Спб. Ц. 75 к.

— Тоже. Томъ XXI. Нашъ общій другъ. Романъ. Часть 1-я. Спб. Ц. 75 к.

Задонская, Е. Выль XIX столѣтія. Томъ III. Харьковъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Зайцевъ, Б. Разсказы. Книга 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Зейеръ, Ю. Домъ поды утопающей звѣздой. Переводъ съ чешскаго В. Ленскаго. Спб. Ц. 1 р.

Зудерманъ, Г. Пѣсня пѣсней. Романъ Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Лафруа, П. Новеллы Людовика XI. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповникъ». Книга 8-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Луманъ. Избранныя сочиненія. Переводъ съ греческаго Н. Д. Чечулинъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Мирбо, О. «Очагъ», пьеса въ 3 д. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Мультимули. Письма любви. Романъ-памфлетъ. Перев. съ голландскаго. Москва. Ц. 10 к.

Нѣмовскій, А. Прометей, Переводъ съ польскаго. Москва. 1909. Ц. 35 к.

Пембертаунъ, М. Сонъ или смерть. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Пруссаковъ, А. Докторъ Зубровинъ и компанія. Комедія въ 6 картинахъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Пушкинъ, Александръ. Вахчисарайскій фонтанъ. Изданіе Пушкинскаго Лицейскаго Общества. Спб. 1909. Ц. 5 р.

Рони. Подъ гнетомъ жизни. Соціальный романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Садовскій, Б. Позднее утро. Стихотворенія. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

Саловъ, И. А. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Разбитая жизнь. Повѣсти и разсказы. Спб. Ц. 1 р.

де-Соссей, Викторіенъ. Къ золоту. Современный романъ. Переводъ съ французскаго А. П. Лунскаго. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Столешниковъ, П. Проблески. Стихотворенія. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Томъ 5-й. Красная комната. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

* Суворинъ, А. С. Всякіе. Очерки современной жизни. Изд. 2-е. Спб. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 2 р.

Сулинъ, С. Стихотворенія. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Тимковскій, Н. Повѣсти и разсказы. Т. V. (1905—1906 гг.). Москва. 1909. Ц. 1 р.

Уайльд, О. Полное собрание сочинений. Т. 7-й. Портрет мистера У. Н. Преступление лорда Артура. Сказки. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Формонъ, М. Не бракъ—не любовь. Перев. съ франц. Москва. 1909. Ц. 1 р.

Франсъ, А. Рассказы въ переводѣ: Баль-

монта, Ватюшкова, Куригина, Ладыженскаго, Ляцкого, Пыпина и Чюминой. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Чебышева-Дмитріева, Е. Огзвукъ страсти и муки. Спб. Ц. 50 к.

Чулювъ, Г. Рассказы. Кн. 1-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

Верховской, П. В. Населенныя недвижныя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ премирникахъ Петра Великаго. Коллегія экономіи и канцелярія синодальнаго экономическаго правленія. (15 июля 1726 г.—12 мая 1763 г.). Изслѣдованіе въ области исторіи русскаго церковнаго права. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Воблый, Н. Г., пр.-доц. Очерки по исторіи польской фабричной промышленности. Томъ I. (1764—1830). Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Горсей, сэръ Джеромъ. Россія въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Записки о Москвитинъ XVI вѣка. Переводъ съ англійскаго Н. А. Вѣлозерской. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Костомарова. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Иконниковъ, В. С., проф. Опытъ русской исторіографіи. Томъ второй. Книга I и II. Кіевъ. 1908. Ц. 10 р.

Кауфманъ, Г. Политическая исторія Германіи въ XIX вѣкѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ А. Г. Вульфгуса. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Разоблаченіе великой тайны франц-масоновъ. Изъ бумагъ покойнаго О. А. Пржевальскаго. М. 1909. Ц. 80 к.

Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей Русскаго Историчес. Просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга тринадцатая. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Тепловъ, А. Записки путиловца. Воспоминанія 1891—1905 г. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Шмелевъ, Г. Изъ исторіи московскаго Успенскаго собора. М. 1908. Ц. 1 р.

Шумановъ, С. Стѣнныя, грамоты и записи. Выпускъ IV. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Москва. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

Анго, Е. Соперничество на Балканахъ. Историко-политическій очеркъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Бабель, А. Женщина и социализмъ. Ч. 1. Спб. 1909. Ц. 70 к.

Беренштамъ, М. В. и Новиковъ, В. Н. Уставъ гражданскаго судопроизводства. (Св. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г. по продол. 1906 г.). Съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Бобринскій, В. А., гр. Пражскій съѣздъ. Чехія и Прикарпатская Русь. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Боровиновскій, А. Л. Затоны гражданскіе. (Сводъ законовъ т. X, часть 1) по официальному изданію 1900 года и продолженію 1906 года съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента и Общихъ Собраній его съ Уголовнымъ, I и II Департаментами Правительствующаго Сената. Изданіе 12-е, исправилъ и дополнилъ П. Н. Гуссаковскій, сенаторъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената. Спб. 1909. Ц. 6 р.

Вильсонъ, В. Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Виталь, А. Церковь и государство. Москва. Ц. 10 к.

Горчаковъ, М. и., проф. Церковное право. Братскій курсъ лекцій. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Гриммъ, Д. Лекціи по догмѣ римскаго права. Пособіе для слушателей. выпускъ

1-й. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. за два выпуска 2 р. 50 к.

Добровольскій, А. Уставъ судопроизводства торговаго (XI т. 2 ч. 1903 г., съ продолженіемъ 1906 г.). Выпускъ 1 (ст. 1—384). Съ разъясненіями по рѣшеніямъ бывшаго 4-го, Судебнаго, Гражданскаго Кассационнаго, 1-го, 2-го Общаго Собранія Правительствующаго Сената и съ приложеніемъ: Устава гражданскаго судопроизводства, законовъ о судопр. и взысканіяхъ гражданскихъ и Учрежденія Прав. Сената. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 2-й (ст. 384—549). Администрація. Несостоятельность. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Конспектъ по курсу финансоваго права профессора И. Х. Озерова. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Кориуновъ, М. Н. Русское государственное право. Томъ I. Введеніе и общая часть. Изданіе 7-е, печатанное безъ перемѣнъ съ 6-го, исправленнаго подъ редакціей и съ дополненіями прив.-доц. З. Д. Авадова. М. Б. Горенберга и К. Н. Соколова. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Липранди, А. Финляндскій вопросъ. Къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Малиновскій, І. Кровавая мѣсть и смертныя казни. Выпускъ I. Томскъ. 1908. Ц. 1 р.

Мамонтовъ, Н. Очерки современной Персіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Матеріали объ экономическомъ положеніи и профессиональной организаціи петербургскихъ рабочихъ по металлу. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Минлашевскій, А. Н., проф. Исторія политической экономіи. Философія, историческія и теоретическія начала экономіи XIX вѣка. Юрьевъ. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Николаевъ, А. Теорія и практика кооперативнаго движенія. В. 2-й. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Нюрнбергъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ. М. 1909. Ц. въ перепл. 3 р.

Озобишинъ, Н. Н. Освободительное движеніе и его идеалы. Москва. 1908. Ц. 6 к.

Омовъ, О. Собственность. Чѣмъ она была, что она есть и чѣмъ она будетъ. Спб. 1908. Ц. 85 к.

Паскаловъ, Н. и Шаратовъ, С. Землеустроеніе или землерозореніе? М. 1909. Ц. 35 к.

Преображенскій, И. В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформѣ. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Рейнке, Николай. Очеркъ русско-польскаго междубластного частнаго права. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Ротенбергъ, Л. М. Уставъ гражданскаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями и съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кас. Деп. Правительствующаго Сената по 1907 годъ включительно. Подъ редакціей С. И. Гальперина. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Екатеринбургъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Слобожанинъ, М. Смотръ кооперативнымъ силамъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Соколовъ, В. П. Индивидуализмъ и духовное протѣвщеніе. Главныя основы русской жизни. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Статистическій сборникъ Рижскаго Городскаго Управленія. Ч. 1-я. Рига. 1909. Ц. 2 р.

Таганцевъ, Н. С. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Изданіе 14-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1909. Ц. 4 р. 50 к.

Теннисъ, Ф. Эволюція социальнаго вопроса. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Тихомировъ, Д. И. Учебный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ и его критики. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Трофимовъ, А. Техническая рента какъ источникъ прибыли. М. 1909. Ц. 50 к.

Удинцевъ, В. С., проф. Русское горноземельное право. Киевъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

Фатъевъ, Ар. Н., проф. Исторія общихъ ученій о правѣ и государствахъ. Вып. 1. Изданіе 2-е. Харьковъ. 1909. Ц. по подл. за 2 вып. 1 р. 30 к.

Шаратовъ, Сергій. Ближайшія задачи Россіи на Балканахъ. Москва. Ц. 5 к.

Шниттау, Г. Профессія и занятія населенія. Опытъ критико-методологическаго изслѣдованія въ области экономической статистики. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Щечновъ, Г. Судъ графа Витте надъ самимъ собою. Харьковъ. 1908. Ц. 15 к.

Широкихъ, И. О., проф. Земледѣльскій трудъ. Очерки сельскаго быта въ правовомъ, поэтическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Шовень, Ж. Законовѣдніе. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Эсменъ, А., проф. Общія основанія конституціоннаго права. Переводъ съ франц. подл. ред. Н. О. Веръ. Изданіе 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Искусство.

Байэ, К. (С. Вауэ). Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Переводъ съ франц. Съ прилѣжаніями и дополненіями В. Никольскаго. Спб. Ц. въ перепл. 50 к.

Сэйль, Г. Да-Винчи.—Реймонъ. М. Микель-Анджело.—Мюнцъ, Э. Рафаэль. Спб. Ц. въ перепл. 50 к.

Естествознаніе и математика.

Бунге, Г., фонъ. Учебникъ органической химіи. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Виттенбауэръ, Ф., проф. Задачи по механикѣ, теоретической и аналитической, съ подробными рѣшеніями. Переводъ съ нѣм. подл. редакціей инж.-мех. Л. П. Смирнова и Н. А. Калининкова. Москва. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Густавсонъ, В. Человѣкъ, животное, растеніе. Популярная бібліотека. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Ежегодникъ Русскаго астрономическаго общества. Астрономическія явленія на 1909 г. Справочная книга для любителей астрономіи. Издажъ подл. ред. В. В. Ахматова. Спб. 1909. Ц. 45 к.

Дарвинъ, Ч. Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора или сохраненіе благоприятствуемыхъ породъ въ борьбѣ за

жизнь. Переводъ съ англ. М. Филиппова. 2-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Мниповичъ, Н. М., проф. Курсъ общей зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Съ 372 рис. въ текстѣ, 4 таблицами и картой. Спб. 1909. Ц. 4 р. 50 к.

Махъ, Эрнстъ. Принципъ сохраненія работы. Исторія и корень его. Переводъ съ нѣм. Г. А. Котляра, подл. редакціей проф. Н. Гезехуса, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Млодзѣвскій, Б. К. Основы аналитической геометріи на плоскости. Москва. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Толстой, И. К. Корни безпросвѣтнаго пессимизма. «Оптимистическая» философія проф. И. И. Мечникова. Спб. 1909. Ц. 1 р.

- Фламмаріонъ, К.** Основы астрономіи въ общепонятномъ изложеніи. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Фунсъ, К.** Таблицы для опредѣленія минераловъ при посредствѣ вѣшннхъ признаковъ и простыхъ химическихъ реакцій. Спб. 1909. Ц. 90 к.
- Холодновскій, Н.** Учебникъ зоологіи и сравнительной анатоміи для высшихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 6 р.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

- Географическій словарь Россіи.** Составленъ подъ редакціей Д. И. Рихтера. Выпущъ І. Аа — Вахинскій. Спб. Ц. 35 к.
- Стромиловъ, Н.** Японецъ во весь ростъ. Къ вопросу о характеристикѣ японцевъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Демчинскій, Н.** Грядковая культура хлѣбовъ. Спб. 1909. Ц. 5 к.
- Клейнъ, І.** Плодовый садъ. Популярное руководство по садоводству. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Краткія свѣдѣнія въ вопросахъ и отвѣтахъ по огородничеству, плодоводству и пчеловодству.** Издакъ А. Мердеръ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Кронгеймъ, д-ръ.** Рыбоводство. Перев. съ нѣм. подъ ред. О. А. Гримма. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Михайловъ, Ю.** Здоровый домашній столъ. (Постный, вегетеріанскій и скоромный столъ) Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Семеновъ, Н.** Комнатное цвѣтоводство. Практическія указанія по культурѣ комнатныхъ растений. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Фричь, проф., и Нафиа, І.** Краткое наставленіе къ рациональному разведенію карповъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ приѣчтаніями О. А. Гримма. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- В. В. М.** Проектъ банка промышленнаго кредита. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Буссе, М.** Простая бухгалтерія. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Наменскій, П.** Значеніе торгово-промышленныхъ трестовъ на Западѣ и у насъ. Москва. 1909. Ц. 40 к.
- Чеботаревъ, Г. А.** Веденіе кассы и ея контроль. Руководство въ коммерческой и бухгалтерской практикѣ. Ростовъ-на-Дону. 1908. Ц. 75 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство.

Ремесла.

- Автомобиль.** Разборная модель изъ 14 разъемныхъ частей въ краскахъ. Съ полицейскими правилами для ѣзды въ общественныхъ мѣстахъ. Пособіе для преподаванія въ техническихъ училищахъ, а также для самообученія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Вегге.** Кройка женскаго платья по способу составленія патрона-слѣпка. Переводъ подъ ред. Е. Н. Янжуль. Спб. Ц. 2 р.
- Берловъ, М.** Детали машинъ. Руководство по расчету и проектированію деталей машинъ. Вып. 1. Болтовья и клиновыя соединенія. Спб. 1909. Ц. 2 р. 40 к.
- Wagner, Otto.** Примѣненіе перегрѣтаго пара въ поршневой паровой машинѣ. Перев. инж.-мех. С. Д. Литкова подъ редакціей проф. В. И. Гриневецкаго. Москва. 1908. Ц. 1 р. 60 к.
- Близнякъ, Е. В., инж.** Формула для опредѣленія трлщины пологихъ каменныхъ сводовъ въ ключѣ. Съ 3 полнотипажамми. Ц. 40 к.
- Богодаровъ, П.** Кустарно-свѣтелочное народное хозяйство. Химическая отдѣлка льна и другихъ волокнистыхъ веществъ кустарными способами. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Вильтнеръ, Ф.** Мыловаръ. Практическое руководство для приготовленія всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ способамъ. Перев. съ нѣм. инж. Ф. М. Гольбергъ. Спб. Ц. 75 к.
- Гейслеръ, М. Ф., инж.** Строительный адресъ-календарь и справочныя цѣны на 1909 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Дмитріевъ, В.** Техническій контроль работы машинъ на центральныхъ электрическихъ станціяхъ. Вып. 1-й. Паровыя электрическія станціи. Испытанія паровыхъ котловъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Центральныя электрическія станціи. Вып. 1-й. Основы проектированія электрическихъ станціи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Ермолаевъ, М. Н.** Пропускъ водъ р. Аму-Дарьи въ Мервскій и Тедженскій оазисы съ цѣлью орошенія 516000 десятинъ земли въ восточной части Закаспійской области. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Занъ, М. М., инж.** Практическое руководство по судостроенію. Съ 124 фиг. въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

ОТЪ СОЮЗА для борьбы съ дѣтской смертноcтью въ Россіи.

Союзъ борьбы съ дѣтской смертноcтью, основанный по мысли покойнаго проф. Н. П. Гундобина и при ближайшемъ его участіи, рѣшилъ увѣковѣчить память его созданиемъ въ Петербургѣ музея по дѣтской гигиенѣ съ отдѣленіями въ провинціи. Это будетъ постоянная выставка вещей, относящихся къ рациональному уходу, питанію, воспитанію и лѣченію дѣтей.

Устроенный музей явился бы постояннымъ представительствомъ знанія въ средѣ невѣжества, слишкомъ опаснаго, когда дѣло касается здоровья дѣтей! При этомъ музеѣ будутъ читаться, отъ времени до времени, бесплатныя лекціи по дѣтской гигиенѣ; а какая мать не пожелала бы просвѣтить себя по этой части, и какая разумная дѣвушка не согласилась бы прослушать извѣстный курсъ по предмету, самому жизненному и необходимому для будущей матери?

Совѣтъ Союза для борьбы съ дѣтской смертноcтью въ Россіи приглашаетъ русское общество дать жизнь этой прекрасной мысли. Пусть каждый счастливый отецъ, каждая счастливая мать дастъ свою ленту для тѣхъ несчастныхъ дѣтей, родители которыхъ теперь не въ силахъ отстоять ихъ отъ смерти.

Пожертванія принимаютъ:

- 1) Тов. Предсѣдателя Совѣта, проф. *А. А. Руссовъ*. Лиговка, 8.
- 2) Казначей Совѣта, д-ръ мед. *А. Д. Зотовъ*. Большой Самсоніевскій пр., 69.
- 3) Секретарь Совѣта, д-ръ мед. *В. Г. Дементьевъ*. Бронницкая, 1—3, кв. 14.

О забытыхъ русскихъ людяхъ.

Обращаюсь къ русской интеллигенціи, къ работникамъ литературы, къ всевозможнымъ обществамъ, кружкамъ, комиссіямъ, любителямъ и знатокамъ нашего прошлаго, къ каждому что-либо читавшему, слышавшему и запомнившему о лицахъ, живыхъ или покойныхъ, выбравшихся на открытую просторную дорогу путемъ личной энергіи, личной предпримчивости, трудолюбія, преданности дѣлу и настойчиваго преслѣдованія честной цѣли.

Я прошу не отказать въ сообщеніи какихъ бы то ни было данныхъ относительно самыхъ хотя бы невидныхъ тружениковъ, содѣйствовавшихъ своею мирною дѣятельностью преуспѣянію человѣчества и улучшенію его быта. Терпѣливые и стойкіе труженики во всѣхъ сферахъ и условіяхъ соціальной жизни,—земледѣльцы и купцы, изобрѣтатели и рабочіе, писатели и ремесленники, философы и государственные дѣятели, врачи и художники, — всѣ способствуютъ достиженію великаго конечнаго результата—торжества цивилизаціи, и наблюденія надъ прогрессомъ ихъ самоусовершенствованія и методами закаливанія воли и работоспособности одинаково цѣнны.

Уже при своей предыдущей работѣ по исторіи старообрядчества и сектанства я убѣдился въ томъ, что «на мѣстахъ», связанныхъ съ тѣми или другими лицами и фактами, хранится въ памяти обиліе свѣдѣній, перомъ литературныхъ работниковъ не зафиксированныхъ и не оглашенныхъ.

Если моя просьба найдетъ себѣ откликъ, то мнѣ удастся, буду надѣяться, набросать очеркъ развитія въ русскомъ человѣкѣ принципа самопомощи, того selfhelp'a, которымъ справедливо гордится англо-саксонская народность и который такъ освѣщенъ въ трудахъ Смайльса.

Возможныхъ моихъ корреспондентовъ прошу точно указать свои имена и адреса, чтобы отвести имъ надлежащее мѣсто въ предполагаемой книгѣ.

Русскимъ, проживающимъ за границею и приславшимъ мнѣ сообщенія о соотечественникахъ, тамъ скончавшихся и погребенныхъ, буду очень благодаренъ.

Провинціальныя періодическія изданія окажутъ мнѣ огромную помощь перепечатаніемъ настоящаго обращенія. Я позволяю себѣ надѣяться, что, можетъ статься, они не откажутъ выслать мнѣ соответствующій №, что для меня важно въ цѣляхъ наблюденія за географическимъ, такъ сказать, распространеніемъ моего опресса. Прошу адресовать: **Владиміру Максимиліановичу Андерсону**. С.-Петербургъ, Загородный пр. 12.

ТОВАРИЩЕСТВО М. О. ВОЛЬФЪ

Издательское, книжное и печатное дѣло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

Гостинный дворъ, 18 и Невскій, 13. | Кузнецкій Мостъ, 12 и Моховая, 22.

ЗАКОНЧЕНА ПЕЧАТЮ И ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ЖИВОЙ РУССКОЙ РѢЧИ:

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКАГО ЯЗЫКА

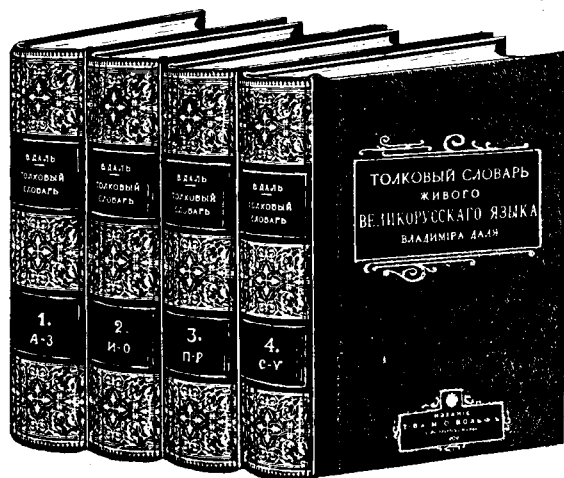
Владимира Даля.

Третье исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ редакціей проф. Спб. университета И. А. Бодуэна-де-Куртене.

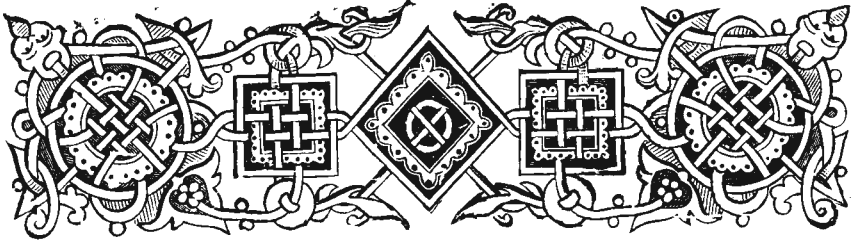
4 большихъ тома, въ 6. 8 д. л., напечатанныхъ убористыми, но четкими шрифтами, на плотной глазированной бумагѣ. Ц. 20 руб.; въ четырехъ библиотечныхъ переплетахъ ц. 24 руб.

Послѣ перваго іюня цѣна будетъ повышена.

Толковый словарь Даля увѣнчанъ императорскою академіею наукъ **Домоносовскою преміею**; императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ удостоенъ **константиновскою медалію**; совѣтомъ императорскаго бывшаго дерптскаго, нынѣ юрьевскаго университета награжденъ **полной преміею имени Роберта Геймбюргера**.

«Представляя собою всю наличность словъ и оборотовъ родной рѣчи со всеми мѣстными особенностями и отгѣнками, «Словарь Даля», — по выраженію одного изъ критиковъ, — это весь словесный капиталъ русскаго народа, расходуемый имъ по мелочамъ въ всѣхъ обстоятельствахъ жизни, на всемъ протяженіи земли русскаго, а въ трудѣ Даля явившейся стройнымъ цѣлымъ, составляющимъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ справокъ. Вместе съ тѣмъ «Словарь Даля» — это необходимая, единственная въ своемъ родѣ и самая обширная энциклопедія русскаго рѣчи, охватывающая одновременно все проявленія внутренней и внѣшней обиходной русскаго жизни и быта и объясняющая всевозможные грамматическіе и орфографическіе вопросы».

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой).

XXXIX.

Итальянская западня

ОГДА предводимая графомъ Калиостро магическая цѣпь вступила подъ листовенный сводъ темной аллеи, полковникъ Бауеръ почувствовалъ, что ручка маркизы Тифереть многозначительно пожимаетъ его руку. Затѣмъ надъ ухомъ его раздался шопотъ алыхъ устъ прелестной:

— Оставьте ихъ, полковникъ. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Полковникъ былъ немало удивленъ тому, что маркиза оказалась способной къ членораздѣльной французской рѣчи, такъ какъ до тѣхъ поръ, кромѣ смѣха и короткихъ восклицаній, отъ нея онъ ничего не слышалъ.

Полковникъ повиновался и выпустилъ потную руку князя Голицына, что уже само по себѣ доставило ему большое удовольствіе. Остаться наединѣ съ маркизой показалось ему гораздо интереснѣе, чѣмъ слѣдовать съ прочей компаніей и разыскивать столовое серебро князя Потемкина въ какомъ-то уголкѣ темнаго парка. Полковникъ предложилъ маркизѣ руку, между тѣмъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVI, стр. 5
* истор. вѣстн.», май, 1909 г., т. СХVI.

какъ прочіе участники магической цѣпи съ топотомъ прослѣдовали дальше и пропали во тьмѣ.

Они повернули въ болѣе привѣтливую часть парка и сѣли на круглой площадкѣ, озаренной сіяніемъ звѣзднаго неба, на скамейкѣ подъ развѣсистымъ дубомъ. Звѣздный свѣтъ ложился у ихъ ногъ. Сами же они оставались сокрытыми тѣнью. Кругомъ царствовала полная тишина. Только ропталъ гдѣ-то водометъ, да соловьи щелкали въ куртѣнахъ, на Поляхъ Блаженныхъ Душъ. Полковникъ былъ молодъ и очень хорошъ собой, являя правильный типъ бѣлокурой германской красоты. Близость прекрасной итальянки въ семъ уединенномъ мѣстѣ въ столь таинственный часъ ночного мрака и молчанія волновала кровь молодого человѣка. Но опытъ гвардейской и придворной службы, въ связи съ присущими балтійцамъ хладнокровіемъ, выдержкой и лисьей хитростью, удержалъ адъютанта свѣтлѣйшаго отъ какихъ-либо вопросовъ. Онъ ждалъ, чтобы маркиза первая начала говорить. Но она молчала. Только въ сумракѣ странно измѣнилось ея прелестное лицо. Механическая улыбка исчезла, и уста замкнуло строгое выраженіе. Огромные глаза ея сіяли, какъ тѣ звѣзды, что свѣтили въ этотъ часъ съ неба, и, полные загадочной грусти, устремлены были на молодого гвардейца. Наконецъ она жестомъ довѣрія положила свою ручку на рукавъ его шитаго кафтана.

— Полковникъ,—прозвучалъ ея мелодическій голосъ:—если вы знали когда-либо чувство нѣжной привязанности и дружбы, если въ сердцѣ вашемъ живы воспоминанія ласкъ вашей матери, сими священнѣйшими чувствами умоляю, заклинаю васъ, не относитесь легко къ обращенію моему къ вамъ, не думайте ничего дурного, но помогите несчастной, гонимой судьбою и злодѣями!

Она сложила руки, умоляя, и слеза пробѣжала по длиннымъ рѣсницамъ ея темныхъ, огромныхъ глазъ.

Это обращеніе коснулось чувствительнѣйшихъ струнъ души полковника. Но онъ былъ придворный, онъ былъ гвардеецъ, онъ былъ адъютантъ; самое напоминаніе о ласкахъ матери воскресило въ памяти его наставленія благоразумія, съ которыми многочисленная, бѣдная, но благородная семья отпускала его въ Россію.

Посему, нѣсколько даже увеличивъ разстояніе, бывшее между ними, полковникъ сказалъ съ ласковой любезностью:

— Повѣрьте, маркиза, что я не позволю себѣ съ неблагопрістойной легкостью отнестись къ довѣрью, вами оказываемому мнѣ. Чѣмъ я могу служить вамъ?

— Прежде всего не зовите меня этимъ выдуманымъ титуломъ. Зовите просто Лоренцой,—сказала итальянка.

Полковникъ молча поклонился. Холодность его, видимо, начала волновать страстную итальянскую натуру Лоренцы.

— Я ищу дружеской руки, которая бы поддержала меня. Я совершенно одинока. Я одна на чужбинѣ, и страшная пропасть зияетъ у моихъ ногъ.

— Я не отказываю вамъ въ сочувствіи, Лоренца, — сказалъ полковникъ Бауеръ. — Я воспитанъ въ правилахъ рыцарства. Могу ли оставаться равнодушнымъ къ призыву женщины, при томъ прелестной и называющей себя несчастною?..

При семъ полковникъ быстрыми движеніями нѣжныхъ пальцевъ счистилъ нѣсколько сухихъ листьевъ, приставшихъ къ шитью его кафтана.

— Но мнѣ трудно согласиться, — продолжалъ онъ: — что вы однѣ и совершенно одиноки. Вашъ мужъ...

— Мужъ? Калиостро? Онъ никогда не былъ моимъ мужемъ, — быстро сказала итальянка.

— Возможно ли? Графъ Калиостро не мужъ вамъ?

— Онъ и не графъ, и не Калиостро. Онъ темный проходимецъ и шарлатанъ, — съ возрастающей страстью въ голосѣ и все болѣе темнѣющими мрачно очами сказала итальянка.

— Я самъ склонялся къ сему мнѣнію, — осторожно замѣтилъ Бауеръ.

— О, ради Бога, бойтесь, остерегайтесь этого ужаснаго чело-вѣка! Вы его не знаете. Онъ все слышитъ и видитъ, во все проникаетъ. Мы должны сохранять величайшую осторожность. Но я знаю, что въ сію минуту и онъ самъ и его помощники заняты. Вотъ почему я воспользовалась этимъ случаемъ. Я довѣрю вамъ мою тайну. Я прочла въ вашихъ глазахъ участіе ко мнѣ. Но будьте скромны. Сохраните вѣряемое вамъ подъ нерушимой печатью молчанія. Иначе вы погубите и себя, и меня.

— Полагаю, прелестная Лоренца, что едва ли выборъ вашъ могъ быть удачнѣе, на комъ бы вы еще ни остановились. Тайну я умѣю хранить. Одна только могила скромнѣе меня. Особливо, если то тайна прекрасной женщины, — улыбаясь, сказалъ бѣлокурый балтїецъ.

Казалось, Лоренца не замѣтила насмѣшливости его увѣреній. Она заговорила:

— Я — незаконная дочь герцога трапезундскаго. Какъ сонное видѣніе, являются мнѣ дни далекаго дѣтства. Я только помню мраморныя балюстрады, террасы и колоннады надъ изумруднымъ моремъ. Помню сады, полные благоуханныхъ розъ, журчаніе фонтановъ, золотистые апельсины и лимоны на деревьяхъ... Мой отецъ передалъ меня семилѣтней дѣвочкой на руки извѣстнаго графа Сень-Жермена, съ которымъ вмѣстѣ занимался алхиміей, магіей, астрологіей и кабалой. Сень-Жерменъ отвезъ меня въ Парижъ, гдѣ три года я провела въ монастырѣ. Но въ 1765 году Сень-Жерменъ отправился со мною въ Россію, и я нѣсколько мѣсяцевъ провела въ Петербургѣ. Тогда мнѣ было уже десять лѣтъ.

— Возможно ли? Вы уже были въ Петербургѣ?—удивился полковникъ Бауеръ.

— Да, была. Я служила при духопризваніи у Сень-Жермена такъ же, какъ у Калиостро теперь служить маленькій Иммануилъ. Сень-Жерменъ одѣвалъ меня мальчикомъ.

— Я не зналъ и того, что Сень-Жерменъ посѣщаль Петербургъ въ 1765 году,—сказалъ Бауеръ.

— Не только въ 1765, но и въ 1762 году. Сень-Жерменъ великій человекъ. Калиостро предъ нимъ ничтожество. Сень-Жерменъ участвовалъ въ переворотѣ 1762 года. Императрица Екатерина и не увидѣла бы російскаго трона безъ его помощи.

— Можетъ ли это быть?—сказалъ полковникъ Бауеръ, теперь чрезвычайно заинтересованный сообщеніями итальянки.

— Сень-Жерменъ являлся въ разныхъ столицахъ подъ разнообразными именами. Въ 1762 году въ Петербургѣ онъ дѣйствовалъ подъ именемъ пьемонтца Одара. Я вамъ сейчасъ объясню это имя.

Лоренца стала писать концомъ своей магической тросточки на песокъ.

— *Odart*. Если вы прочтете съ конца, то получится латинское слово *Trado*, что значить—перевожу, толкую, передаю. Иначе: я—толковникъ, кабалистъ. Въ словѣ «*odart*» сокрыты слова: *ordo*, *art*, то-есть—орденъ и великое искусство; далѣе слова, понятныя посвященнымъ въ магію: «*od*», «*aor*», «*aod*» и, наконецъ, имя бога солнца египтянъ—*Ra*. Что касается слова «*le Piémontais*», то оно получило такъ: напишите *Sapiens Solomon*; въ первомъ словѣ найдете «*pie*», окончаніе второго: «*mon*». Вотъ и «*Piémont*». О происхожденіи Сень-Жермена ходитъ множество басенъ. Но отцомъ его былъ *Nicolas Piémont*, голландскій художникъ, родившійся въ Амстердамѣ въ 1659 году. Но довольно.

Лоренца быстро уничтожила кабалистическія выкладки, начертанныя на песокъ.

— Я сказала вамъ, что пьемонтецъ Одаръ былъ главнымъ лицомъ революціи 1762 года, и объ этомъ знаютъ французскіе министры—герцогъ Шуазель и баронъ де-Бретейль, тогда бывшій посланникомъ въ Петербургѣ. Одаръ дѣйствовалъ въ союзѣ съ графомъ Паниномъ и его любовницей, княгиней Дашковой. Но они хотѣли ограничить деспотизмъ, уничтожить рабство русскихъ крестьянъ, на тронъ возвести ребенка—великаго князя Павла, а принцессу Екатерину лишь назначить регентшей. Они сами хотѣли править при помощи парламента. Сначала они хотѣли.. они хотѣли...

Лоренца осмотрѣлась и, припавъ къ уху блѣднаго отъ вниманія и внутренняго волненія адъютанта, прошептала:

— Они хотѣли... *poignarder l'empereur*. Это обычный способъ ужаснаго ихъ сообщества. Кинжалы ихъ отравлены и никогда не

минуютъ цѣли. Поручили дѣло капитану Пассигу. Онъ долженъ былъ съ нѣкимъ Башмаковымъ спрятаться въ необитаемомъ домикѣ, куда во время уединенныхъ прогулокъ съ любовницею своею императоръ иногда заѣзжалъ по вечерамъ. Но вдругъ Пассига арестуютъ. Все казалось потеряннымъ. Тогда Одаръ принялъ особья мѣры. Тайна сихъ мѣръ извѣстна лишь Сень-Жермену, императрицѣ Екатеринѣ, княжнѣ Дашковой и, случайно, мнѣ. Я не открою вамъ ужасной этой тайны. Но я знаю, что Пассигъ—вашъ родственникъ.

Посинѣлыя губы блѣднаго адъютанта пошевелились, но не издали ни звука.

— Революція совершилась. Несчастный императоръ погибъ. Но Екатерина обманула Панина, Дашкову и Одара. Вопреки желаніямъ того тайнаго сообщества, которое править Европой и въ чьихъ рукахъ судьба самихъ вѣнценосцевъ, Екатерина стала не регентшей, а самодержавной императрицей. Одаръ уѣхалъ, только получивъ много золота. Онъ былъ скоро убитъ молніею въ Ниццѣ. Это ихъ обыкновеніе. Они умираютъ, какъ фениксъ, и являются подъ новымъ именемъ въ другомъ мѣстѣ. Таковъ и Калиостро. Сень-Жермень—могучій орелъ. А Калиостро пока только хищный воронъ. Но Сень-Жермень дряхлѣе и свое дѣло поручилъ Калиостро. Великое преображеніе Европы начнется здѣсь, въ Петербургѣ. Екатерина лишится трона, если во время не узнаетъ всего и не приметъ мѣръ. Но я ненавижу Калиостро. Я не хочу болѣе служить ему, быть рабой его. Я сама отрастила когти и клювъ. Хочешь помогать мнѣ? Хочешь быть со мною въ союзѣ? Хочешь... любить меня?

И вдругъ руки красавицы оплелись около шеи молодого человека, она прижала голову его къ пышной, бурно дышащей, ароматной и жаркой груди и шептала:

— Ты мнѣ понравился. Ты—бѣлокурый, чистый. Ты—рыба, холодная рыба сѣверныхъ водъ. Мы, итальянки, любимъ такихъ. Живи со мною. Я буду о всемъ сообщать тебѣ. И когда заговоръ созрѣетъ, ты все откроешь императрицѣ. Она наградитъ тебя такъ, какъ только однѣ русскія императрицы умѣютъ награждать. Тогда ты женишься на мнѣ. Я буду честной, вѣрной женою.

Неожиданность важныхъ сообщеній итальянки, тигровый порывъ и приступъ ея южной страсти, все было причиной, что полковникъ Бауеръ временно потерялся. Но вдругъ, обвиняя его шею, Лоренца больно надавила подареннымъ ей въ этотъ день Потемкинымъ драгоценнымъ брильянтовымъ браслетомъ. Боль отъ граней драгоценныхъ камней и холодъ металла вернули сознаніе полковнику. Онъ вырвался изъ объятій красавицы.

— Бога ради! Насъ могутъ увидѣть!—проговорилъ онъ, дрожа всемъ тѣломъ.—Дайте мнѣ прійти въ себя, обдумать слова ваши...

Все сказанное умерло въ груди моей... Я умѣю хранить тайну... Я не отказываюсь отъ союза съ вами... Но дѣло слишкомъ важно, и я не могу...

Вдругъ въ сумракѣ аллеѣ раздался топотъ и тяжелое дыханіе бѣгущаго. Потомъ отчаянный вопль: «Спасите! Спасите! Помогите!». И на площадку выскочилъ князь Голицынъ.

XI.

Ужасныя приключенія князя Голицына.

— Помогите!—повторилъ князь Голицынъ, увидавъ поднявшагося ему навстрѣчу полковника Бауера.—Спасите! Они гонятся за мной!

— Что съ вами, князь?—спросилъ участливо полковникъ, самъ уже успѣвшій съ быстротою всѣхъ придворныхъ протеевъ подавить волненіе, вызванное бурнымъ приступомъ итальянки, и совершенно овладѣть собою.—Кто за вами гонится?

— Призраки... призраки... скелеты...—дико озираясь, едва проговорилъ князь Голицынъ.

— Успокойтесь, князь. Вы введены въ заблужденіе ночнымъ мракомъ и фантомами взволнованнаго воображенія,—говорилъ полковникъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я видѣлъ своими глазами... О, что я видѣлъ! Боже! Боже! Какая ужасная ночь!—повторялъ совершенно разстроенный князь Голицынъ.

— Здѣсь вы, навѣрное, въ безопасности, такъ какъ будете подъ покровительствомъ жрицы Великаго Кофты!—уговаривалъ полковникъ.

— А!.. ха-а...—произнесла улыбающаяся маркиза Тиферетъ и указала магическимъ жезломъ на скамейку около себя.

Князь наконецъ пришелъ въ себя. Онъ опустился на скамейку возлѣ маркизы и, отдуваясь, сталъ вытирать платкомъ испарину со лба.

— Ахъ, я только теперь прихожу въ себя! Я провелъ ужасныя минуты среди сихъ очарованныхъ мѣстъ,—говорилъ князь. Затѣмъ онъ сталъ весьма несвязно передавать о всемъ, что совершилось съ нимъ въ темныхъ аллеяхъ, когда онъ вмѣстѣ съ докторомъ оторвался отъ магической цѣпи. Онъ увѣрялъ, что доктора, навѣрное, растерзали стихійные духи, ибо онъ кричалъ отъ ужаса и боли.

Какой-то мохнатый великанъ наносилъ ему удары, при чемъ нѣсколько полновѣсныхъ тумачковъ въ спину досталось и на долю князя, такъ что онъ теперь не можетъ согнуть шею. Князь и докторъ бросились бѣжать въ разныя стороны, причемъ князь съ клятвою увѣрялъ, что изъ-подъ ногъ его вырывались языки

адскаго пламени и клубы сѣрнаго чада. Изъ-за кустовъ и деревьевъ протягивались костлявыя руки съ крючковатыми пальцами. А по пятамъ за нимъ гнались вѣдьмы и стегали его по спинѣ желѣзными прутьями.

— Я весь израненъ, избитъ, испарапанъ,—жаловался бѣдный князь. Въ самомъ дѣлѣ отъ лѣваго виска къ носу шла на лицѣ его царапина. Другихъ поврежденій, однако, не оказалось при ощупываніи.

— Вашъ супругъ, любезная маркиза, поступаетъ слишкомъ жестоко, подвергая такимъ испытаніямъ людей почтенныхъ,—говорилъ Голицынъ.

— А!.. ха-а...—отвѣчала маркиза.

— Полагаю, что самое лучшее будетъ вамъ теперь подъ охраною прелестной нашей жрицы вернуться подъ теплую кровлю,—сказалъ полковникъ Бауреръ.

— Готовъ послѣдовать вашему совѣту, ибо нахожусь въ совершенномъ изнеможеніи,—отвѣчалъ Голицынъ.—Сырость ночная и все сіе тревоженіе, конечно, отзовутся на мнѣ недугомъ. Должно согрѣть себя и принять декохтъ. Но я опасуюсь за участь бѣдной княгини! Это приключеніе не кончится добромъ для нея. Что, если она тоже оторвалась и блуждаетъ теперь въ царствѣ призраковъ.

— Не беспокойтесь, князь. Я возьму на себя отыскать княгиню и, если положеніе ея затруднительно, помочь ей,—сказалъ полковникъ Бауреръ.—На меня магія оказываетъ весьма слабое дѣйствіе.

— Ахъ, вы очень счастливый, полковникъ. Меня магія, кажется, съ ногъ свалить. А вѣдь это еще бѣлая магія. Какова же должна быть черная! Позвольте предложить вамъ руку, любезная маркиза. Хотя я въ такомъ плачевномъ состояніи, что не знаю, кто изъ насъ кого поведетъ: я ли васъ, или вы—меня.

— А!.. ха-а...—отвѣчала маркиза Тиферетъ, охотно встала, взяла князя подъ руку, и они пошли къ дачѣ. Князь прихрамывалъ и выбиралъ аллеи посвѣтлѣе. Маркиза обернулась, и черные глаза ея послали выразительный взглядъ молодому адъютанту. А тотъ именно желалъ на время остаться наединѣ съ самимъ собою, чтобы собраться съ мыслями и взвѣсить неожиданныя откровенія и приступы Лоренцы.

Легкомысленный сынъ безнравственнаго вѣка, полковникъ ничего не имѣлъ противъ пріятностей связи съ молодой прекрасной женщиной, которая съ перваго взгляда чрезвычайно ему понравилась. Но проявленія южнаго темперамента, предложеніе участвовать въ раскрытіи преступнаго замысла таинственнаго сообщества, агентомъ коего являлся будто бы Калиостро, и въ заключеніе женитьба на итальянкѣ, все это дало перевѣсъ надъ нѣжными чувствами положительнымъ свойствамъ балтійской расчетливости,

хитрости и дальновидности. Положимъ, Лоренца, по ея словамъ,— незаконная дочь трапезундскаго герцога. Но полковникъ смутно представлялъ себѣ мѣстонахожденіе сего герцогства на картѣ Европы. Пусть бы, однако, итальянка въ жилахъ своихъ имѣла менѣе высокую кровь. Онъ зналъ достаточно примѣровъ тому, что полковые командиры женились на иностранкахъ—актрисахъ, пѣвицахъ, самаго темнаго происхожденія, предварительно на нихъ же истративъ все наслѣдіе отцовъ и всѣ остатки полковыхъ суммъ. Но, во-первыхъ, полковникъ въ послѣдней крайности не находился, а, во-вторыхъ, въ Эстлянди, въ башняхъ наслѣдственнаго замка у него имѣлась невѣста, златокудрая баронесса Констанція-Беата-Элеонора-Бригита-Доротея. И семейство полковника пришло бы въ полное отчаяніе, если бы онъ пренебрегъ рукою нареченной баронессы и сочетался съ незаконной дочерью герцога трапезундскаго, служившей сперва для духопризыванія графу Сень-Жермену, а затѣмъ состоявшей жрицей при графѣ Калиостро. Подлинно, только теперь полковникъ постигъ темныя глубины и пропасти итальянскаго сердца и разительную способность сихъ дѣтей юга носить улыбающуюся маску, скрывая ею дальновидные замыслы и сложнѣйшіе планы злохитренняго коварства! Можно ли было подумать, что сія маркиза, за которой гонялся Потемкинъ и благополучно одарилъ ее драгоценнымъ ожерельемъ, но самъ неоднократно въ теченіе дня свидѣтельствовалъ, что маркиза столь же, несомнѣнно, глупа, сколь прекрасна и безгласна, можно ли было угадать, что она можетъ говорить столь убѣдительно и складно и такъ глубоко посвящена, видимо, въ тайны европейскихъ международныхъ интригъ? Конечно, союзъ съ итальянкой, въ случаѣ существованія заговора противъ императрицы и своевременнаго раскрытія его полковникомъ, сулитъ послѣднему чрезвычайныя выгоды. Но и опасности велики. Калиостро хитрый, пронырливый, безстрашный мошенникъ. И возможно ли довѣрять его супругѣ? Что, если все это выполнено ею съ согласія мужа, котораго она отказывается признать таковымъ, и все-таки предъ свѣтомъ слыветъ за жену его? Кто можетъ проникнуть въ извивы змѣиной итальянской души? Не выгодиѣ ли будетъ просто, не медля нимало, доложить обо всемъ свѣтлѣйшему? Такъ, казалось бы, это выгодиѣ! Но вотъ уже на рукѣ прелестницы браслетъ, стоящій не менѣе трехъ тысячъ рублей. Что будетъ дальше? Какую степень власти можетъ приобрѣсти въ Озеркахъ маркиза Тифереть, принимая во вниманіе чрезвычайную мягкость сердца Потемкина, разъ дѣло идетъ о прекрасной женщинѣ. Свидѣтелей бесѣды полковника съ маркизой не было. Сообщенное ею, при здоровомъ обсужденіи, становится похожимъ на прочій магическій бредъ, которому, вѣроятно, подверглись участники ночныхъ приключеній. Итакъ, должно выждать.

Предаваясь всѣмъ симъ размышленіямъ, полковникъ шелъ къ башнѣ, избравъ ближайшую дорогу черезъ боскеты. Вступивъ въ зеленяя стѣны сего сооруженія садовническаго искусства, вдругъ слухъ адъютанта былъ пораженъ звукомъ поцѣлуевъ. Глянувъ изъ-за угла, полковникъ увидѣлъ стоящими по срединѣ боскетовъ, у мраморной высокой вазы графа Калиостро и госпожу Ковалинскую. Магикъ отечески покоилъ супругу правителя дѣлъ свѣтлѣйшаго на мощной груди своей. Ковалинская охватила шею магика блѣдными руками, запрокинула головку, и Калиостро цѣловалъ ея полуоткрытыя уста сильно, сочно, звучно и часто.

Полковникъ спрятался, переждалъ и, кашлемъ возвѣстивъ свое приближеніе, вошелъ въ убѣжище любви.

XLI.

Защитница земного шара.

Едва Калиостро и госпожа Ковалинская отошли отъ грота и оставшихся при немъ на стражѣ найденнаго серебра на такое разстояніе, что ихъ не могли ни видѣть, ни слышать, какъ месмеріанка отняла свою руку у магика, почти оттолкнула его, стала громко вздыхать и дрожать всѣмъ тѣломъ. Калиостро молчалъ, не спрашивалъ о состояніи, въ которое внезапно впала его спутница, и спокойно шелъ по темнымъ аллеямъ. Вдругъ Ковалинская съ силой схватила его за руку и повлекла въ сторону. Они почти бѣжали, и магикъ еле поспѣвалъ за нею, спотыкаясь, но не противорѣча. Они достигли боскетовъ, высокія зеленяя стѣны которыхъ, составленныя изъ подстриженныхъ и сплотившихся переплетенными вѣтвями акацій, и липъ, были непроницаемы для постороннихъ взоровъ. По срединѣ въ кругѣ находилась стройная античная ваза. Звѣздное небо озаряло это укромное убѣжище. Здѣсь - то остановилась Ковалинская. Поднявъ черные, полные слезъ глаза къ сіявшимъ созвѣздіямъ, она то прижимала руки къ сердцу, то подносила ихъ къ горлу, громко вздыхала, содрогалась всѣмъ тѣломъ и опрокидывала назадъ голову.

Магикъ молча стоялъ передъ нею. Но лицо его, озаренное фосфорическимъ сіяніемъ звѣздъ, матово-блѣдное, какъ застывшая маска, не выражало ничего, а глаза блуждали въ заоблачныхъ пространствахъ. Онъ завернулся въ свою гіероглифическую хламиду. Золоченный змѣй высокой тиары сверкалъ надъ широкимъ лбомъ его.

— Я задыхаюсь! Я умираю! Сердце мое разрывается отъ боли!— вдругъ вскричала Ковалинская.—Я все утратила. Всѣ мои прекрасныя сны исчезли, улетѣли. Священнѣйшія чувства мои поруганы, осквернены... Я вся, вся осквернена! О, крылья духа! Дайте мнѣ

крылья духа,—протягивая руки къ звѣздамъ, восклицала Ковалинская,—и я улечу, воспарю, унесусь отъ сей юдоли плача, отъ грязи земной, гдѣ ползають чудовища лжи и коварства, въ царство чистыхъ, свѣтлыхъ духовъ!

— Дайте мнѣ руку, дочь моя, и полетимъ вмѣстѣ!—вдругъ сказалъ магикъ и протянулъ было руку. Но едва пальцы его коснулись Ковалинской, какъ она вся затряслась и отскочила отъ него.

— Прочь! Не прикасайтесь! Снимите эту тиару! Сбросьте эту мантию! Довольно притворства. Я знаю все! О, безчувственный! О, коварный! О, жалкій некромантъ и фокусникъ! Вами, вами я осквернена, вся осквернена! О, крылья духа! Бѣлыя крылья! Гдѣ вы, трепетавшія за моими плечами, уносившія меня столь высоко и далеко! О, я несчастная, несчастная, несчастная!

Госпожа Ковалинская безсильно опустила тонкія, сквозившія сквозь дымку флера ручки вдоль стройнаго и стремительнаго тѣла своего и, поднявъ черные, огромные глаза худого и неправильнаго личика къ звѣздамъ, красиво источала, какъ перлы, крупныя слезы, прокатывавшіяся, сверкая, по блѣднымъ щекамъ.

Магикъ изъ-подъ золотого змѣя тиары пристально смотрѣлъ на Ковалинскую.

— Ганнахилъ—покровительствующій духъ, котораго я къ вамъ приставилъ,—сказалъ онъ торжественно.—Онъ со дня вашего со мною союза за вами примѣчаетъ. Онъ даетъ мнѣ ежечасно отчетъ о вашихъ мысляхъ и дѣлахъ, всѣ движенія сердца вашего мнѣ объявляетъ, всѣ извивы мысли вашей—открываетъ. Итакъ, прежде даже сего мгновенія и прежде полученія недосказаннаго и неоткровеннаго,—что для духовной дочери непозволительно!—письма вашего, извѣстился я о состояніи вашемъ, о сомнѣніяхъ, кои васъ терзають, о темномъ дѣйствіи враговъ моихъ, кои тщатся исторгнуть васъ изъ рукъ моихъ, зная, сколь великое поприще васъ ожидаетъ. Но борись, борись, любезнѣйшая дочь моя! Исповѣдуйся мнѣ! Извергни изъ сердца черную мглу злыхъ приобщеній къ злату твоей любви!

— Нѣтъ, я не поддамся хитрымъ рѣчамъ вашимъ, Калиостро,—рѣшительно сказала Ковалинская, отъ мистической экзальтаціи переходя къ обыкновенному тону разгнѣванной и упрекающей женщины.—Ахъ, какъ я страдала за васъ, когда вы отыскивали это пропавшее серебро свѣтлѣйшаго! Достойно ли васъ такое упражненіе? Простой ясновидящій легко продѣлалъ бы то же самое! И все это путешествіе къ башнѣ и гроту! И вашъ этотъ костюмъ... снимите! Я хочу видѣть васъ просто графомъ Калиостро.

— Я готовъ исполнить ваше желаніе,—отвѣчалъ Калиостро, снимая тиару и мантию и кладя то и другое на пьедесталъ вазы, около которой происходило это объясненіе.—Сіи внѣшніе знаки

возлагаются нами токмо для профановъ. Но ваши упреки несправедливы. Не самъ ли я представлялъ князю Потемкину, что отысканіе уворованнаго столоваго серебра есть недостойная меня задача?

— Ахъ, не одно это!—возразила, поднося руку къ виску, госпожа Ковалинская.—Не одно это, а все, весь вашъ тонъ здѣсь и всѣ магическія дѣйствія и показанныя явленія, все это такого страннаго, дурнаго тона, какъ въ ярмарочномъ балаганѣ, что я не узнаю божественнаго Калиостро, какимъ соверчала его впервые, среди страждущихъ бѣдняковъ, цѣлящаго, благотворящаго безмездно въ бѣдной комнаткѣ, но трепетаніемъ райскихъ гостей незримо наполненной! Ахъ, мои мечты, мои золотые сны, куда вы улетѣли!

— Они возвратятся, крылатые вѣстники вашего возрожденія! Отгоните темныхъ искусителей отъ сердца вашего. Они очернили въ очахъ души вашей мой образъ, чтобы отторгнуть васъ отъ меня. Но я все тотъ же. Иное лишь вокругъ меня. Балаганъ, сказали вы, ярмарочный балаганъ! И это вѣрно. Мы на ярмаркѣ тщеславія, на базарѣ суеты, въ балаганѣ роскоши, сладострастія, суемудрія, тлѣнной славы! Мы въ балаганѣ ристателей міра сего, сыновъ похотѣнія, рабовъ князя тьмы! Мы въ балаганѣ раззолоченномъ и размалеванномъ! Мы въ капищѣ Мамона и Дагона! Здѣсь все ложь, и тлѣнь, и ничтожество! Все огню блюдомо на великій день суда! Здѣсь дикое барство, золоченые истуканы-вельможи, здѣсь кумиръ самовластія, на выяхъ трепещущихъ, гладныхъ, хладныхъ, нагихъ, страждущихъ рабовъ взгромоздятся, свирѣпо пируетъ! И вы хотите, чтобы предъ ними я показалъ высокія силы? Дѣла бываютъ по вѣрѣ и по силѣ тѣхъ, кто ихъ просить! Дѣла не суть мѣра силъ творящаго, по мѣрило души просящихъ знаменія! Такъ прочь же отсюда, дочь моя! Дай мнѣ руку, и я поведу тебя въ храмъ братства и свободы!

Калиостро широкимъ жестомъ подалъ раскрытую руку Ковалинской. Но она не приняла ея.

— Я не могу вѣрить вамъ, Калиостро,—сказала она холодно.

— Такъ ли глубоко темное начало окаменило сердце твое, дочь моя? Еще ли не вѣришь мнѣ?—переспросилъ магикъ полнымъ чувствомъ голоса.

— Не вѣрю! Не вѣрю! И не вѣрю!—слегка притопывая ножкой, довольно капризнымъ голосомъ повторила Ковалинская.

Магикъ помолчалъ, какъ бы прислушиваясь.

— Да! Да! Слышу!.. Понимаю!.. Да, Ганнахиль, да!—прошепталъ онъ.—Сейчасъ получилъ я извѣщеніе отъ покорнаго мнѣ духа,—сказалъ онъ затѣмъ.—Открылось, чьи магическіе темные флюиды поработили ваше неопытное и неискушенное сердце. Такъ, позналъ я въ семъ стараго моего злодѣя. Я состою подъ защитою великаго строителя міровъ. Сила, избавившая плѣннаго Петра изъ

темницы, двойною стражею огражденной, защититъ и меня, когда непріятель мой и клеветникъ мой покусятся меня въ прахъ обратить. Но никакая власть не возможетъ защититъ того несчастнаго, который на спокойствіе вѣрнной мнѣ нѣжной души избранной женщины покусится. Я истреблю его. Со скорбью въ сердцѣ, но истреблю! Ибо то мой ученикъ, полученныя отъ меня знанія и силы противъ меня же и великаго дѣла моего направляющій. О! ежели бы вы знали, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ я иногда дѣлать зло ближнему! Но когда я себѣ воображу, что чрезъ то нерѣдко избавляю цѣлыя земли и народы, тогда я получаю бодрость карать.

— Ваши рѣчи темны, Калиостро! Кто сей непріятель и предатель вашъ? Кажется, я сіе познала,—сказала Ковалинская.—Но вы избранной женщиной меня наименовали. Къ чему я избрана?

— Я уже говорилъ вамъ, что высшія магическія тайны будутъ вамъ открыты и вы вступите сперва въ число савскихъ женъ, коихъ свѣтильники пламенѣютъ непрестанно день и ночь. Учреждается союзъ усыновленія. Въ семь союзѣ Великая Матерь усыновляетъ и удочеряетъ возрожденныхъ и преобразенныхъ. Сія Великая Матерь есть царица савская, о коей повѣствованіе въ библии сокрыто въ магическихъ гіероглифахъ, достигла въ магіи высочайшей степени, до коей еще ни одна женская душа достигнуть не могла. Царица савская нынѣ есть Великая Матерь міровъ многихъ. Вы же изъ числа двенадцати женъ, со свѣтильниками встрѣчающихъ жениха, который есть Фениксъ, первенствующей учинитесь. Затѣмъ же возведены будете неизвѣстными оными начальниками въ защитницы земного шара, и тысячи тысячъ, и тмы темъ блаженными сдѣлать можете. Сія-то возможность вашего возвышенія внушила зависть врагамъ свѣта и добра. Они наполнили сердце ваше темными сомнѣніями.

— Я выслушала обильныя рѣчи ваши, Калиостро,—грустно сказала Ковалинская.—Скажите, вы никакой еще женщинѣ не обѣщали столь же высокаго положенія въ союзѣ усыновленія и въ степени защитницы земного шара.

— Вамъ одной. Вы, одна вы избранная на сіе изъ всѣхъ женщинъ!

— Вы это сказали. Но если буду я защитницей и благотворительницей множества, то не буду ли и судить ихъ и карать за преступленія, измѣну и коварство?

— Нѣжное созданье! Должно будетъ и сіе! Юдиѣ спасла Бетулію смертью Олоферна! Истинная премудрость тогда ею обладала, ибо она уже достигла совершенства души. Повелѣнія таинственныхъ ея начальниковъ были для нея священны, ибо она знала, что ничего повелѣть не могутъ, что бы не послужило къ скорѣйшему производству благихъ намѣреній великаго Зиждителя

міровъ. Такимъ-то образомъ слабая жена имѣла силу умертвить того, который бы долговѣчною своею жизнію могъ дать перевѣсъ сторонѣ злого начала.

— Вы это сказали. Но что же должна я сдѣлать и какъ покорать обманувшаго мое къ нему довѣріе? Увѣрявшаго въ одномъ, а на самомъ дѣлѣ имѣвшаго въ себѣ иное?

— Когда вы будете стараться о снисканіи совершенства и достигните высшихъ силъ, тогда получите крѣпость такъ, какъ Петръ, однимъ словомъ: «Ты лжешь, Ананія!»—поразить смертью того, кто дастъ вамъ о себѣ такое подозрѣніе.

— Пусть же найдетъ на меня сейчасъ сія крѣпость! Пусть слово мое поразитъ смертью низкаго обманщика!—сказала Ковалинская съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и горящими ненавистью глазами. И, протянувъ руку къ груди магика, она вскричала:

— Ты лжешь, Калиостро!

Казалось, изъ пальцевъ экзальтированной месмеріанки въ самомъ дѣлѣ изошла и толкнула въ грудь магика нѣкая нервная разящая сила. Онъ пошатнулся, и на мгновеніе лицо его приняло растерянное выраженіе. Но вслѣдъ затѣмъ онъ нахмурился, укрѣпился выпадомъ правой ноги и скрестилъ руки на груди.

— Ты лжешь, Калиостро! Ты нагло лжешь!—продолжала Ковалинская свистящимъ ревнивымъ шопотомъ.—Посмѣешь ли ты отрицать, что точно такія же обѣщанія давалъ ты этой курляндской дурѣ Шарлоттѣ фонъ-деръ-Рекке?

— А, вотъ что!—сказалъ магикъ спокойно и улыбулся.

Эта улыбка вывела изъ себя Ковалинскую.

— Ты смѣешься!—проскрежетада она.—Что же, будешь ли ты отрицать, что пишешь къ ней, хотя и безграмотная, но нѣжнѣйшія итальянскія письма, называешь ее дорогой сестрицей и всюду показываешь, какая между вами интимная близость? И въ то же время обольщаешь меня льстивыми словами и обѣщаніями! Называешь единой избранницей! Вотъ письмо твое!—вдругъ вынимая исписанный листокъ и протягивая его магику, продолжала Ковалинская.—Посмѣй утверждать, что не ты писалъ его!

Магикъ посмотрѣлъ на письмо.

— Да, не я писалъ сіи строки,—сказалъ онъ.

— Силы небесныя! Онъ продолжаетъ лгать! Да вѣдь это письмо вложено было въ одинъ пакетъ съ письмомъ самой Шарлотты фонъ-деръ-Рекке къ Катеринѣ Ивановнѣ Нелидовой.

— И все-таки не я писалъ его,—повторилъ магикъ. —Положите его на мою ладонь.

Ковалинская положила.

Жирныя круглыя буквы письма четко чернѣли при свѣтѣ звѣздъ. Магикъ дунулъ на письмо и, хлопнувъ по немъ ладонью другой руки, подалъ Ковалинской. Предъ нею была совершенно

бѣлая бумага. Она съ изумленіемъ повертывала листокъ. Литеры исчезли. Со всѣхъ сторонъ это была бѣлая бумага.

— Начертанія сіи были произведены черной мантикой моего врага, лжеца и клеветника. Силою, мнѣ присущею, я ихъ разрушилъ и смыслъ.

— Но огромное письмо самой Шарлотты. Оно лежитъ въ моей шкатулкѣ...—пролепетала растерянно Ковалинская, и вѣря и не вѣря.

— Не открывайте шкатулку безъ меня. Письмо пропитано ядовитыми парами. При внезапномъ открытіи шкатулки сіи пары бросятся вамъ въ лицо и покроютъ его вередями и неуничтожимыми черными пятнами. О, нѣжное, неискушенное созданіе! Ты не знаешь, коликими опасностями изобилень путь магика. Приди ко мнѣ. Я осѣню тебя вышнимъ покровомъ моей отеческой любви. Забудь свои сомнѣнія. Ты, одна ты есть избранница моя и Великаго Кофты! Поприще блистательное тебя ожидаетъ! Приди!

И Калиостро открылъ широко свои объятія. Мгновеніе Ковалинская колебалась и вдругъ бросилась на грудь Калиостро.

— О, кто бы ты ни былъ,—замирая и содрогаясь, лепетала она:—ангелъ ли свѣта, или демонъ тьмы, я отдаюсь въ твою власть! Только не избирай еще другой женщины! Но возьми меня, развей свои могучія крылья, черныя или бѣлыя они, мнѣ все равно, и носи меня въ надзвѣздную высь или адскую бездну, я всюду послѣдую за тобою и буду рабою твоею, волшебникъ!

XLII.

Походъ и отступленіе.

Кашлемъ возвѣстивъ свое присутствіе и выждавъ, полковникъ Бауеръ появился въ боскетѣ. Онъ нашелъ тамъ госпожу Ковалинскую и графа Калиостро мирно бесѣдующими на приличномъ разстояніи другъ отъ друга.

— Любезный полковникъ, — сказалъ Калиостро: — пропавшее столовое серебро найдено.

— Меньшаго и не ожидалъ отъ вашего искусства, любезный графъ, — отвѣчалъ полковникъ Бауеръ съ видомъ совершенно чистосердечнаго восхищенія.

— Едва ли сіе обнаруженіе похищеннаго можетъ быть мѣриломъ силъ моихъ въ меньшемъ или большемъ ихъ проявленіи, полковникъ. Только снисходя къ настояніямъ князя Потемкина, я принялъ къ исполненію такую задачу, для коей достаточно было бы и обыкновеннаго деревенскаго знахаря. Но серебро найдено. Я оставилъ князя около мѣстонахожденія серебра, самъ же по его порученію пошелъ просить дворецкаго отрядить достаточное число

слугъ для перенесенія клада. Но дамы весьма обезпокоены были судьбою вашей, полковникъ,—продолжалъ Калиостро.—Я же увѣрилъ ихъ, что вамъ не грозитъ опасности, ежели вы прибѣгли подъ защиту жрицы Великаго Кофты.

— Подлинно, я не видѣлъ ничего особеннаго и весьма пріятно бесѣдовалъ съ вашею супругою, графъ,—отвѣчалъ полковникъ.— Нельзя того же сказать, къ сожалѣнію, о князѣ Голицынѣ.

— Что же съ нимъ? Я предупреждалъ! Я говорилъ—крѣпче держаться за руки!

— Ахъ, полковникъ, скажите, что съ бѣднымъ княземъ?—просила взволнованная госпожа Ковалинская.—Живъ ли онъ?

— Онъ живъ, но сильно пострадалъ въ темныхъ аллеяхъ парка отъ невидимыхъ агентовъ.

— Что же именно съ нимъ приключилось?

— Невидимые агенты, по его увѣреніямъ, сперва нанесли ему нѣсколько ударовъ по спинѣ.

— Ахъ, какое несчастье! Бѣдный князь!—сочувствовала госпожа Ковалинская.

— Да, онъ утверждаетъ, что удары были столь полновѣсны, какъ будто наносила ихъ рука дюжого мужика, а не безплотнаго духа.

— Удары безплотныхъ тяжелѣе облеченныхъ плотію!—глубокомысленно замѣтилъ Калиостро.

— Ну, если такъ, то князя постигли удары безплотныхъ. Онъ говоритъ, что, вѣроятно, вся спина его въ синякахъ. Кто-то гналъ за нимъ въ темнотѣ и хлесталъ его очень больно. Послѣдствія сихъ преслѣдованій стихійными духами скрыты подъ одеждой князя, но я самъ имѣлъ случай удостовѣриться въ огромной царапинѣ отъ виска до носа.

— Бѣдный князь! Гдѣ вы его оставили?

— Я предоставилъ его попеченію маркизы. Она повела удрученнаго князя на дачу. Самъ же я, несмотря на опасность отъ стихійныхъ духовъ, намѣревался отыскать князя и вотъ, случайно войдя въ сей боскетъ, встрѣчаюсь съ вами.

— Вы можете совершенно безопасно слѣдовать и далѣе,—сказалъ Калиостро:—я же распоряжусь относительно слугъ.

Засимъ магикъ подъ одну руку взялъ свою гіероглифическую хламиду и тиару, а подъ другую госпожу Ковалинскую и двинулся изъ боскета.

Полковникъ углубился въ паркъ. Не успѣлъ онъ пройти часть широкой аллеи, освѣненной мрачными хвойными гигантами, какъ показалась фигура князя Потемкина. Онъ велъ племянницу, и они говорили весьма оживленно, такъ что, приближаясь, полковникъ услышалъ конецъ разговора:

— Я самъ того мнѣнія, что этотъ Калиостръ — шарлатанъ и промышленникъ!—говорилъ Потемкинъ.

— Такъ же, какъ и жена его, милый дяденька! Такъ же, какъ и жена его!

— Ну, эта итальяночка столь же глупа, какъ хороша собой!

— Что она хороша собой, или, вѣрнѣе, вамъ, дядюшка, таковою кажется, объ этомъ всякій по новому ея браслету заключить можетъ!

— Милая Улыбочка, одна со мной душа, ужели вы за мною примѣчать начинаете? Это, душенька, гадко! Я не бычокъ, чтобы меня держать на веревочкѣ.

— А если вы отъ темной итальянской проходимки уже растрепаны, то это, пѣтухъ заморскій дядюшка, смѣшно! Мнѣ все равно, махайтесь, съ какой хотите. Но зачѣмъ она здѣсь, на вашей дачѣ?

— Не вы ли требовали пригласить Калиостра для леченія ребенка?

— Ахъ, я боюсь Калиостро. Это ужасный, ужасный человекъ!

— Чего же вы желаете отъ меня, милая Улыбочка?

— Я не желаю, чтобы вы, котъ заморскій дядюшка, махали за Калиостершей здѣсь, на дачѣ! Я не желаю! Не желаю! Не желаю!

Тутъ они замѣтили полковника, который какъ будто приближался и въ то же время оставался вдали.

— А Калиостръ-то серебро отыскалъ! — сказалъ Потемкинъ, дѣлая знакъ адъютанту подойти.

— Онъ мнѣ самъ о семъ сейчасъ повѣдалъ, ваша свѣтлость! — отвѣчалъ Бауеръ и подошелъ.

— Почему, однако, онъ столько времени меня ждать заставилъ? Чего онъ копался? Вздумалъ меня, такой-сякой, въ сторожа къ серебру опредѣлить! Не вытерпѣлъ, пошелъ, лекаря приставилъ къ серебру.

— Не могу понять, почему Калиостро замѣшкалъ, — сказалъ Бауеръ. — Я нашелъ его въ боскетѣ въ пріятной бесѣдѣ съ госпожою Ковалинской.

— А! я и позабылъ, что они вмѣстѣ пошли! — сказалъ Потемкинъ. — Теперь понимаю, почему замѣшкался Калиостръ. Нѣжное сердце госпожи Ковалинской отъ магическаго пламени сего некроманта, кажется, совершенно растаяло.

Говоря все это, они подошли къ покойной, широкой скамейкѣ, надъ которой бѣлѣло изваяніе козлоногого сатира, обнимающаго станъ убѣгающей нимфы. «Улыбочка», жалуюсь на совершенное утомленіе, опустилась на скамью. Между тѣмъ въ паркѣ замелькали огни, и скоро на аллеѣ показался дворецкій съ толпою лакеевъ, имѣвшихъ въ рукахъ одни — фонари, а другіе — ломы, топоры, лопаты, и даже двое геркулесовскаго сложенія гайдуковъ тащили небольшой домкратъ.

И людей и запаса орудій хватило бы не только на то, чтобы поднять плиту пола въ гротѣ, но и чтобы вести подкопъ подъ

крѣпостную башню. При всемъ томъ люди не выказывали особой отваги. Дворецкій былъ блѣденъ. Лакеи различно выражали на лицахъ крайнюю степень тревоги и опасенія. Некромантическія и магическія дѣйствія Калиостро внушили суевѣрный ужасъ всей русской дворнѣ Озерковъ.

Издали толпа казалась собраніемъ разслабленныхъ слѣпцовъ, ведомыхъ поводыремъ, который всѣхъ менѣе выказывалъ увѣренности въ себѣ. Люди двигались нога за ногу, прятались другъ за друга, иные крестились и шептали молитвы, другіе поминутно выдвигали въ разныя стороны фонари, освѣщая кусты и деревья, казавшіеся имъ великанами и привидѣніями. Замѣтивъ блѣвшее платье княгини, огромную темную фигуру стоявшаго подлѣ Потемкина, а за нимъ Бауера, люди пришли въ смятеніе. Дворецкій, несшій въ рукахъ заржавленную тупую шпажонку, которую наскоро раздобылъ въ сараѣ съ декораціями и реквизитомъ домашняго театра Озерковъ, замахалъ своимъ оружіемъ, въ то же время отступая и крича тонкимъ голосомъ:

— Кто тутъ? Что за люди?

Часть лакеевъ при этомъ угрожающе замахали ломами и лопатами, выдвигая впередъ фонари, а нѣкоторые повернулись и пустились наутекъ.

— Трусы! Чего орешь? Это я,—сказалъ Потемкинъ.

— Ахъ, ваша свѣтлость, простите ради Бога! — опуская шпажонку и подобострастно кланяясь, сказалъ дворецкій.—Всѣ люди столь господиномъ Калиостро напуганы, что совершенно не узнали васъ.

— Трусы! Чего вы страшитесь? Идите прямо къ башнѣ и гроту; тамъ на часахъ у найденнаго серебра лекарь остался. Онъ вамъ покажетъ, гдѣ тайникъ и которую плиту поднять.

— Слушаемъ, ваша свѣтлость! Такъ что, ребята, ободритесь и не устрашайтесь ни отъ чего!—обратился доблестный предводитель къ лакейской арміи, стоявшей теперь на вытяжку съ остолбенѣлыми лицами и свѣтившей прямо предъ собой, направляя фонари на господъ.

— Да, да! Не трусьте! Идите и несите серебро прямо сюда,—приказалъ Потемкинъ.

Дворецкій отвѣсилъ князю поклонъ и, махнувъ шпагой людямъ, болѣе отважно двинулся впередъ. Всѣ послѣдовали за нимъ, то-же набравшись куражу въ словахъ свѣтлѣйшаго.

— Экіе трусы! Экіе трусы!—смѣялся Потемкинъ, садясь возлѣ княгини.

Не прошло, однако, пяти минутъ, какъ вдали раздались громкіе крики, потомъ замелькали въ разныхъ направленіяхъ огни, послышался топотъ бѣгущихъ, въ сторонѣ явственно донеслись вопли:

— Матерь Божія, помилуй насъ! Владычица, защити! Привидѣнія! Караулъ, помогите!

«Улыбочка» въ страхѣ прижалась къ дядюшкѣ.

— Что это такое? Что ихъ тамъ напугало?—самъ, видимо, встревоженный, говорилъ Потемкинъ.

— Кричали: привидѣніе. Успокойтесь, княгиня, это только новые фокусы господина Калиостро!— улыбаясь, замѣтилъ полковникъ Бауеръ.

— Онъ начинаетъ быть весьма надоѣдливъ со своими привидѣніями!—съ досадой говорилъ свѣтлѣйшій.

Тутъ въ аллеѣ показался, быстро движущійся обратно, въ сопровожденіи трехъ лакеевъ, дворецкій. Шпаги уже не было въ его рукахъ, ровно какъ и фонарей у сопровождавшихъ людей. Одежда на нихъ была въ безпорядкѣ, тяжкое дыханіе и лица, обезображенныя ужасомъ, свидѣтельствовали о только что пережитыхъ потрясающихъ событіяхъ.

— Что такое случилось? Почему ты обратился бѣжать? Что такое? Что такое?—безпокойно спрашивалъ Потемкинъ.

Подбѣжавъ, дворецкій нѣкоторое время только шевелилъ губами, испуская какіе-то непонятные звуки.

— Такъ что,—выговорилъ онъ наконецъ,—такъ что, в-в-ваша... в-в-ваша... неблагополучно... въ паркѣ совсѣмъ неблагополучно...

— Какъ? Что? Говори, болванъ, яснѣе!

— Привидѣніе-съ!

— Какое привидѣніе!

— Лекаря черти разорвали! — вдругъ брякнулъ одинъ изъ лакеевъ.

— Ахъ, я умираю отъ ужаса! — прижимаясь къ дядюшкѣ, воскликнула трепещущая княгиня Голицына.

— Да скажете ли вы толкомъ, въ чемъ дѣло, олухи! — крикнулъ гнѣвно Потемкинъ.

— Осмѣлюсь доложить,—обрѣтая наконецъ голосъ и связность мыслей, сказалъ дворецкій: — осмѣлюсь доложить, что по первоначалу особливаго ничего замѣтно не было. Пришли къ башнѣ, прошли къ погребницѣ...

— Какой погребницѣ?!—перебилъ Потемкинъ.

— Къ склепу-съ,—поправился дворецкій.

— Къ какому склепу, олухъ?—распалился еще больше Потемкинъ.

— Онъ такъ гротъ называетъ, дяденька,—заступилась княгиня за дворецкаго.

— Пусть бы такъ и говорилъ!

— Гротъ-съ,—поправился дворецкій.—Около сего грота-съ господина домашняго лекаря вашей свѣтлости не оказалось. Замѣтенъ былъ лишь на травѣ по росѣ мятый въ сторону слѣдъ. Люди

стали было болтать: «Гдѣ лекарь? утащили въ лѣсъ нечистые, должно быть!» Я эти разговоры прекратилъ. А какъ въ точности неизвѣстно было, какую плиту поднять, то стали весь полъ сряду ломать и выворачивать. Только занялись этимъ дѣломъ, вдругъ закричали: «привидѣнія!» Я выскочилъ, глянулъ,—подлинно, на башнѣ «привидѣнія». Стояла бѣлая женщина съ ребенкомъ. Лицъ не видно, покрыты кисеей. Тутъ распространился между людьми страхъ. Побросали ломы, фонари. Бросились бѣжать кто куда. Я за ними, чтобы ихъ остановить. Но моего голоса не слушались, бѣжали съ великимъ крикомъ. Иной въ кустахъ продирался, оралъ: хватаютъ за ноги! Другой въ канаву свалился, въ грязи сидитъ, вопить. Тотъ въ темотѣ со всего размаха лбомъ о дерево! Вижу полное ихъ недоумѣніе и устремился къ вашей свѣтлости о всемъ донести.

— Трусые! Но мнѣ сіи Каліостровы штуки надоѣдать начинаютъ!—сказалъ Потемкинъ рѣшительно.—Прошу васъ, полковникъ, проводите княгиню домой, а я съ этими олухами самъ пойду и лично удостовѣрюсь.

— Дяденька! милый дяденька! Не подвергайте себя такой опасности!—просила «Улыбочка».

— Никакой опасности нѣтъ и быть не можетъ. Все это штуки и фокусы. Къ тому же пѣтухи поютъ, да и бѣлѣтъ кругомъ начинается!—говорилъ Потемкинъ, поднимаясь со скамьи и передавая трепетную красавицу на попеченіе полковника Бауера.

— Идемте, трусы!—отважно сказалъ князь и рѣшительно двинулся впередъ.

Въ самомъ дѣлѣ, между деревьями небо быстро бѣлѣло, и пѣтухи на обширномъ птичникѣ дачи драли взапуски горло. Это ободрило дворецкаго и лакеевъ, такъ какъ послѣ пѣнія пѣтуховъ всякая нечестъ спѣшитъ укрыться въ расщѣлины и пропасти земныя.

XLIII.

Въ Китайскомъ домикѣ.

— Ахъ, я умираю отъ усталости и тревоги!—говорила княгиня.—У меня нѣмѣютъ руки и ноги! Какая ужасная ночь! Какой ужасный человекъ сей Каліостро! Милый полковникъ, не оставляйте меня!

— О, княгиня, могу ли васъ оставить, имѣя прямое распоряженіе свѣтлѣйшаго дяди вашего, возложившаго на меня пріятное о васъ попеченіе!—отвѣчалъ молодой адъютантъ.

— Только распоряженіе васъ побуждаетъ позаботиться о мнѣ? А безъ распоряженія вы бы сами не догадались?—спрашивала Голицына.

— Княгиня, служить вамъ, заботиться о васъ есть пламенное движеніе моего сердца всегда,—отвѣчалъ адъютантъ.—Но смѣю ли обнаруживать сіи тайныя сердца моего движенія?

— Смѣете, полковникъ!—прошептала красавица.—Дайте мнѣ вашу руку. Проведите меня въ цвѣтники, въ Китайскій домикъ. Это близко.

..... Добросовѣстный лѣтописецъ невольно удерживаетъ перо, боримый противоположными чувствами, такъ какъ ему приходится рисовать такія черты быта героическаго и вмѣстѣ легкомысленнаго XVIII вѣка, которыя могутъ оскорблять высоко развитое нравственное чувство людей эпохи, получившей уже очистительное крещеніе въ огнѣ великихъ переворотовъ, до основанія потрясшихъ старое общество. Но, лишь заглянувъ въ альковъ той отдаленной эпохи, мы поймемъ ту внутреннюю гнилость и расшатанность основъ, которая и была причиной грандіознаго крушенія аристократическаго строя.

Добрые семейные нравы являлись положительной стороной буржуазіи. Аристократія ихъ не знала. Восемнадцатый вѣкъ есть по преимуществу эпоха свободной любви. Супружеская вѣрность казалась смѣшной. Даже пламенно любившіе другъ друга супруги скрывали свои чувства отъ свѣта и притворно казались увлеченными легкомысленными развлеченіями. Итакъ, лѣтописецъ не можетъ обойти разительныя картины быта, воспроизведенныя въ мемуарахъ той эпохи. Но онъ можетъ оградить себя примѣромъ великаго Пушкина, которому пришлось, приступая къ жизнеописанію «Арапа Петра Великаго», дать изображеніе приключеній чернаго своего героя въ парижскомъ свѣтѣ. Впрочемъ, строгій пуристъ можетъ пропустить двѣ-три дальнѣйшія главки или даже склеить листы романа, посвященные разительному легкомыслію аристократіи XVIII вѣка, если опасается юнаго любопытства нѣкоторыхъ изъ своихъ домашнихъ.....

Обширныя, овлаженные росой цвѣточныя портъеры съ дорожками, усыпанными разноцвѣтными песками, съ отдѣльными деревьями, подстриженными шаромъ, кубомъ, конусомъ и иными фигурами, съ вазами и бюстами на пьедесталахъ, въ рамкѣ высокихъ зеленыхъ стѣнъ боскетовъ, составляли прелестнѣйшій уединенный пріютъ. Восточная часть неба замѣтно розовѣла. Предутренній вѣтерокъ тянулъ влажной струей въ прозрачномъ воздухѣ. Соловьиный рокотъ осыпалъ цвѣтники. Они спускались тремя уступами, составляя перспективу, къ овальному пруду, въ зеленомъ газонѣ береговъ совершенно подобному неподвижной гладью прозрачной воды прелестному зеркалу. На это зеркало смотрѣлся затѣйливый китайскій домикъ съ тремя крышами, насаженными одна на другую, съ драконами, колокольчиками, съ лакированными, расписными стѣнами. Домикъ имѣлъ внутри четыре довольно

просторныя комнаты, не сообщавшіяся между собою. Двери изъ нихъ выходили въ двѣтники. Въ одинъ изъ покоевъ домика и ввелъ полковникъ Бауеръ утомленную княгиню. Въ немъ, какъ и въ прочихъ, имѣлась прекрасная мягкая мебель, столики, зеркала, полъ былъ устланъ ковромъ. Княгиня, входя, захлопнула лакированную, расписанную, какъ китайскій подносъ или чашка, дверь пріятной кельи, и разливающійся быстрый свѣтъ ранняго утра и разгорающійся пурпуръ зари, пройдя черезъ разноцвѣтныя стекла окошекъ, наполнилъ внутренность покоя мягкимъ, переливчатымъ сумракомъ.

Княгиня присѣла на хитро изогнутую софу, указавъ молодому полковнику низенькую скамеечку у маленькихъ озябшихъ и овлаженныхъ ночной рососою ножекъ своихъ. По праву занимала она видное мѣсто среди прекрасныхъ женщинъ двора и свѣта, которыми столь богатъ былъ Петербургъ счастливыхъ Екатерининныхъ дней. Золотые локоны, небесная лазурь большихъ, продолговатыхъ глазъ, лиліи и розы ея лица, шеи, груди, волнуемой еще утомленіемъ быстротой ходьбы и всѣми чрезвычайными впечатлѣніями, совершенная пропорціональность и классическая стройность членовъ молодой женщины, все дѣлало пріятнѣйшимъ для полковника это неожиданное уединеніе. Впрочемъ, привѣтъ коралловыхъ устъ и краснорѣчивые взоры сіятельной «Улыбочки» давно подавали адъютанту сладкія надежды, но осторожная балтійская природа не позволяла ему предаться симъ надеждамъ.

Та же осторожность не покидала его и теперь. Онъ молча любовался покоящейся красавицей, но съ выраженіемъ полнѣйшей почтительности. Мгновенія легѣли. Молчала и «Улыбочка». Къ рокотанію соловьевъ присоединился аккомпаниментомъ разногудосый щебетъ безчисленныхъ пичужекъ, ютившихся въ боскетахъ и куртинахъ. Въ радужный сумракъ Китайскаго домика все больше вливалось струй горячаго пурпура зари, и съ тѣмъ вмѣстѣ все сильнѣе разгорались щеки молчаливой красавицы, все жгучѣе прорывался пламень тайной нѣги изъ-подъ золотыхъ, полуопущенныхъ ея рѣсницъ.

«Улыбочка» краснорѣчивымъ жестомъ приказала молодому полковнику занять мѣсто на софѣ рядомъ съ нею.

Но полковникъ вдругъ вздрогнулъ и отстранился.

— Что это? Кажется, за стѣною кто-то есть?—опасливо сказалъ онъ.

— Кто можетъ тамъ быть въ столь ранній часъ утра?—лепетала «Улыбочка».

— Нѣтъ, я слышалъ явственно, — настанвалъ осторожный адъютантъ,—шопотъ... Вотъ опять.. Шорохъ, шопотъ... Тамъ кто-то есть?

— Это шелестятъ листья,—прошептала красавица.

— Воля ваша, княгиня, а лучше было бы пойти посмотреть! Но княгиня не позволила. Поцѣлуй былъ залогомъ ея сочувствія.

— Ахъ, не осудите моей слабости и не обманите довѣрїя къ вамъ, полковникъ!—говорила «Улыбочка».

— Я вашъ вѣчный рабъ, княгиня,—отвѣчалъ полковникъ.

— Помогите мнѣ въ одномъ,—продолжала она:—помогите, защитите... я боюсь этого ужаснаго магика! Боюсь! Боюсь!

— Вы настаивали, однако, княгиня, что прибытіе его сюда необходимо для спасенія вашего малютки!

— Ахъ, нѣтъ, я никогда не настаивала!—со свойственной избалованнымъ женщинамъ забывчивостью сказала «Улыбочка».— Это все дяденька и Ковалинская, которая, кажется, растрепана совершенно отъ Калиостра.

— Госпожа Ковалинская подлинно въ сѣтяхъ шарлатана. Я самъ имѣлъ случай въ томъ убѣдиться.

И полковникъ Бауеръ разсказалъ о сценѣ въ боскетахъ, которой былъ невольнымъ свидѣтелемъ.

Княгиня была возмущена и рѣшительно осудила столь вольное обхожденіе дамы, принадлежащей къ лучшему петербургскому обществу, съ какимъ-то странствующимъ магомъ, хотя бы и графомъ.

— Я сильно сомнѣваюсь, чтобы сей титулъ принадлежалъ господину Калиостро по праву!—сказалъ Бауеръ.

— Еще того лучше! Нѣтъ, поведеніе госпожи Ковалинской непозволительно! Ахъ, когда мы избавимся отъ этого страшнаго магика и въ особенности отъ его жены!

— Относительно маркизы Тифереть я положительно освѣдомился, что ужъ она-то Калиостру не жена!

— Часъ отъ часу не легче! Какая безнравственная! Но какъ вы это узнали?

— Она сама мнѣ это сказала, когда я отсталъ съ нею отъ магической цѣпи.

— Сама? Она васъ подарила такую довѣренностью, что открыла столь невыгодную къ разоблаченію относительно себя тайну? Ахъ, я забыла! Вы въ самомъ дѣлѣ отстали съ нею и довольное время скитались въ ночной темнотѣ!—ревниво говорила «Улыбочка».

— Она открыла мнѣ еще важнѣйшія тайны и желала подарить полнѣйшей довѣренностью совершенно неожиданно для меня, но ея приступы встрѣтили непреступную крѣпость моего равнодушія!—съ невольнымъ кокетствомъ имѣющаго явный успѣхъ у прелестнѣйшихъ женщинъ молодого счастливица говорилъ полковникъ.

— Хитрецъ! Я все узнаю,—сказала «Улыбочка».—И если что-нибудь было, накажу. Но какія же еще тайны открыла сія проходимка?

— Тайны чрезвычайной важности, княгиня.

— Что такое? Расскажите, полковникъ! Я ужасъ какъ любопытна!

— Оныя тайны суть политическаго свойства и касаются тѣхъ цѣлей, съ которыми Калиостро явился въ Петербургъ. Я сообщу ихъ вамъ, княгиня, но помните, что тайны эти весьма опасны. Калиостро хитеръ и пронырливъ, какъ всѣ итальянцы. Онъ посланъ сюда сообществомъ, власть котораго простирается на всю Европу. Онъ сумѣетъ отомстить, если узнаетъ о проникновеніи въ ужасныя намѣренія, кои питаетъ.

— Ахъ, если такъ, то не говорите лучше, полковникъ! — въ страхѣ невольно прижимаясь подъ защиту молодого адъютанта, просила «Улыбочка».

— Я не скажу. Но попрошу васъ предупредить сестрицу вашу, Екатерину Васильевну, столь любимую государыней, что я желалъ бы полученныя о Калиостро тайности государственной важности ей ввѣрить, для дальнѣйшаго обсуждения, какъ сдѣлать ихъ извѣстными императрицѣ.

— Это я положительно обѣщаю вамъ. Сестра Екатерина имѣетъ умъ политика. Слышите, какъ щебечутъ птички! Вѣрно, солнце восходитъ. Какъ бьетъ золотымъ огнемъ въ окна!

XLIV.

Серебро пропало.

Уже въ перспективахъ аллея парка открывалось торжественное восхожденіе огненной колесницы вѣчнаго свѣтила, и багровые косые лучи его сіяющаго вѣнца заливали стволы мощныхъ дубовъ, кленовъ, елей, кедровъ, сосенъ и пихтъ, при немолчномъ восторженномъ пѣніи птичьихъ хоровъ; уже цвѣты партеровъ раскрывали благоуханныя чашечки; перлы и брильянты росы переливались на листьяхъ, на травахъ; проснулись павлины и гордо прохаживались по газонамъ, распуская радужные хвосты. Но вотъ раздался топотъ ногъ идущихъ съ чѣмъ-то вѣскимъ многихъ людей и голосъ свѣтлѣйшаго, который приказывалъ:

— Несите его сюда, въ Китайскій домикъ! Да позовите господина Калиостро. Это его работа. Пусть и помогаетъ.

Засимъ въ цвѣтники вошелъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. За нимъ слѣдовалъ дворецкій и полдюжины лакеевъ, которые всѣ несли безчувственнаго домашняго лекаря, найденнаго въ семъ жалкомъ состояніи у воротъ Лживыхъ Сновъ.

— Сюда! Несите его сюда!—приказывалъ Потемкинъ, и, опередивъ утомленныхъ порядочно грузной ношей людей, скорымъ гвардейскимъ маршемъ подошелъ къ одной изъ комнатъ Китай-

скаго домика, дверь котораго была раскрыта настежь. Князь далъ людямъ знакъ нести сюда безчувственнаго страдальца. Лакеи положили бѣднаго лекаря на широкой софѣ. Засимъ Потемкинъ приказалъ имъ удалиться.

Люди ушли и скрылись въ аллеяхъ парка, и нѣкоторое время только шелестъ листьевъ и птичье чириканье отвѣчали на призывъ свѣтлѣйшаго. Затѣмъ одна изъ дверей домика тихо пріотворилась, и вышелъ полковникъ Бауеръ. Несмотря на ночь, проведенную безъ сна, полковникъ былъ свѣжъ на удивленіе, улыбался съ пріятной скромностью и вся аммуниція на немъ оказалась въ удивительной щегольской исправности, хоть сію минуту на смотръ, а вѣдь всякой бѣготни по темному парку за ночь было довольно.

— Съ добрымъ утромъ, полковникъ!—прищуривъ зрячіи глазъ и съ высоты фридриховскаго образцоваго гренадерскаго роста смотря на казавшагося маленькой фигуркой передъ нимъ адъютанта своего, глубочайшимъ басомъ сказалъ Потемкинъ.

— Честь имѣю явиться, ваша свѣтлость,—вытягиваясь, придерживая шпагу и отдавая честь, нѣжнымъ сопрано отвѣчалъ полковникъ.—Честь имѣю явиться и доложить, что въ усадьбахъ вашей свѣтлости все обстоитъ благополучно!

— Спасибо, полковникъ, спасибо! Ну, а вотъ съ лекаремъ черти, видно, пошутили совѣмъ неблагополучно!

— Что такое, ваша свѣтлость? Ахъ, какое несчастіе! Позвольте, я распущу ему галстукъ и разстегну крючки,—суетился исполненный рвенія полковникъ.

— Разстегивай, братецъ, распускай!—басилъ Потемкинъ. —Тебѣ по сей части, братецъ, и книги въ руки.

Тутъ отворилась дверь другого отдѣленія домика, и появился, прихрамывая, князь Голицынъ. Въ противоположность балтійцу, все на немъ было смято, перепачкано, парикъ свалаяся и сидѣлъ криво, одну подвязку онъ потерялъ, такъ что чулокъ сморщился и съѣзжалъ съ тощей икры лѣвой ноги его. Лицо князя въ самомъ дѣлѣ было украшено яркой царапиной. Но видъ онъ имѣлъ совершенно независимый и небрежно покровительственный. Кивнувъ Потемкину, который раскланялся съ нимъ церемоннѣйшимъ поклономъ, князь Голицынъ выразилъ свое крайнее огорченіе приключившимся съ лекаремъ несчастьемъ.

— Вотъ когда можно примѣнить изреченіе: врачу, исцѣлился замъ. Гдѣ вы обрѣли сего перепачканнаго медикуса, любезный князь Григорій Александровичъ?

— Замѣтивъ слѣдъ въ густой травѣ и лазы въ кустахъ, словно медвѣдь ломилъ, пошли мы по симъ мѣстамъ, милый князь Сергѣй Федоровичъ!—отвѣчалъ Потемкинъ, употребляя теперь среднія ноты могучаго командирскаго регистра своего голоса.—Около алле-

горическихъ воротъ Ложныхъ Сновъ и обрѣли безчувственнымъ, поверженнымъ ницъ, съ одной ногой въ колючемъ кустѣ сѣробаринника застрявшей на воздухѣ. Должно быть, отъ чертей бѣжалъ безъ памяти, завязъ ногой, упалъ и сильно грудью о землю хватился! Подняли мы и понесли его. Да какъ еще до дачи было далеко, подумалъ я въ сей пустынкѣ, коей населенною въ столь ранній утренній часъ никакъ не предполагалъ, медикуса сложить!

— Имѣю честь доложить вашей свѣтлости, что они приходятъ въ себя!—сладчайшимъ сонрано пропѣлъ полковникъ Бауеръ.

— А серебро? Нашли?—спросилъ Голицынъ.

— То-то и есть, что не нашли. Серебра и слѣдъ простылъ. Когда пришли въ гротъ, оказались въ немъ всѣ плиты пола перевернутыми, тайникъ открытъ, но совершенно пустъ, хотя я своимъ глазомъ видѣлъ въ немъ наваленное серебро! Можетъ быть, графъ Калиостръ всѣ сіи чудеса разгадаетъ.

Тутъ и третья дверь китайской пустыньки отворилась. Вышелъ графъ Калиостро съ обыкновенной своей торжественной манерой, обращая глаза къ заоблачнымъ сферамъ. Подъ одной рукой держалъ онъ египетскую свою тиару, а подъ другой гіероглифическую хламиду. Казалось, будто чья-то таинственная рука за нимъ дверь, притянувъ, захлопнула.

— Что такое? Кто учинился страждущимъ? Ахъ, это вы здѣсь бесѣдуете, мой князь!—итальянскимъ своимъ выговоромъ по-французски говорилъ магикъ.

— Да! да! Эго мы, россійскіе князья, поджидаемъ здѣсь васъ, итальянскій графъ, и просимъ оказать помощь сему несчастному медикусу, котораго ночью призванные вашими заклинаніями черти совершенно загоняли, въ колючій кустъ увязили и лицомъ въ земную персть опрокинули!—удивительно тонкимъ голосомъ говорилъ Потемкинъ.

— Жалѣю! Но онъ самъ виноватъ, предварительнымъ непочтеніемъ раздраживъ стихійныхъ духовъ!—сказалъ рѣзко и ворчливо графъ Калиостро.—Что касается духопризванія, то вы ошибаетесь, любезный мой принчипе Потемкини, совершенно ошибаетесь! Я не вызываю духовъ тьмы, но попираю ногами аспида и дракона, въ высшихъ, духовныхъ, свѣтлыхъ областяхъ имѣя совѣтниковъ, друзей и незримыхъ слугъ. Если же темное начало въ сію ночь въ дѣйствія наши вмѣшалось, то вызвано оно преступленіемъ ненасытнаго сладострастія суетной роскоши, въ мѣстахъ сихъ совершеннымъ, о чемъ и свидѣтельствовало и даже въ сію минуту свидѣтельствуетъ моимъ только духовнымъ очамъ зримое видѣніе бѣлой дѣвы съ нерожденнымъ чрева ея плодомъ на рукахъ, по воздуху пуцающее ропоты и стоны!

Говоря это, магикъ указалъ рукою на вершину башни, видимую надъ парками.

— Нахаль!—пробормоталъ Потемкинъ, поблѣднѣвъ. Но больше ничего не прибавилъ. Только мрачно сталъ сопѣтъ носомъ.

— Но что такое приключилось съ раскаявшимся адептомъ профанской медицины?—продолжалъ Калиостро, съ великодушнымъ снисхожденіемъ подходя къ лекарю, который пришелъ наконецъ въ себя, открылъ глаза, приподнялся, охая, на софѣ и сидѣлъ, распершись руками, все еще не въ силахъ будучи собрать мысли и понять, гдѣ онъ и что съ нимъ такое случилось.

— Повидимому, особыхъ поврежденій не имѣется,—замѣтилъ полковникъ Бауеръ.

Лекарь глубоко вздохнулъ, провелъ рукою по лицу, ощупался и наконецъ проговорилъ:

— Ощущаю ломъ во всѣхъ членахъ... Охъ! О-о-охъ! Въ ушахъ звонъ... Охъ! О-о-охъ! Ох-хо! Что я видѣлъ... что испыталъ... демоны преслѣдовали меня... Охъ-хо! Въ первый разъ въ жизни... столько нечистыхъ духовъ... Колючія розги... ужасныя дубины... Небо рушилось мнѣ на спину... Охъ! Охъ!.. хоботы, клыки, свиныя рыла...

— Вижу, что вы въ самомъ дѣлѣ подверглись преслѣдованіямъ стихійныхъ духовъ. Легкомысленное поведеніе всѣхъ, въ магической цѣпи принимавшихъ участіе, сему причиной. Кромѣ вашего паденія и обморока, такія же, и съ болѣе тяжкими послѣдствіями, могли приключиться паденія прочимъ всѣмъ, легкомысленнымъ. Попытайтесь встать, collega! Что? Можете? Значить, нигдѣ ни вывиха, ни перелома. Обопритесь на меня и пойдемте. Движеніе возстановитъ правильную циркуляцію жизненныхъ духовъ въ членахъ вашихъ. Да, кажется, серебра въ гротѣ уже не оказалось, князь?—безопасно обратился Калиостро къ Потемкину, на темномъ лицѣ котораго теперь пламенѣлъ злобой зрячій его глазъ.

Генераль-адъютантъ російской императрицы не отвѣчалъ магику ни слова.

— Я предупреждалъ. Должно было вамъ тщательно охранять входъ грота. Очевидно, или серебро ушло въ земную глубь, и тогда я легко вновь извлеку его на поверхность помощью заклинаній, или оно перенесено и сокрыто въ иное потаенное мѣсто враждебными мнѣ некромантами. Разыскать, куда оно перенесено, будетъ возможно, если сіе мѣсто сокрытія клада избрано какомагиками на земномъ шарѣ. Но если они перенесли серебро ваше, князь, на какую-либо иную планету, тогда труднѣе.

— Бауеръ!—крикнулъ мрачнымъ голосомъ Потемкинъ.—Иди бумаги мнѣ докладывать! Накопились, я чай!

И, повернувшись спиной къ Калиостро, Григорій Александровичъ медленно сталъ удаляться. Полковникъ Бауеръ побѣжалъ торопливо за гигантской фигурой вельможи.

Вслѣдъ за ними повелъ и Калиостро охающаго доктора.

Князь Голицынъ, съ царапиной на щекѣ, со спускающимся съ лѣвой лядви шелковымъ чулкомъ и слегка прихрамывая правой, заключалъ шествіе.

XLV.

Молодильная мазь.

Глубокая тишина яснаго ранняго весенняго утра въ цвѣтникахъ и боскетахъ нарушалась лишь неприятнымъ крикомъ павлиновъ, которые блистали другъ передъ другомъ великолѣпіемъ развернутыхъ хвостовъ, прохаживаясь по изумрудному бархату подстриженныхъ газоновъ. Пустили воду, и фонтаны посреди партеровъ стали бить съ легкимъ потрескиваніемъ высоко возносящихся струй. Приятный вѣтерокъ относилъ тончайшую водяную пыль радужными облачками и осаждался на роскошный наборъ яркихъ цвѣтовъ. Въ сверкающей росѣ они казались еще нѣжнѣе, еще изящнѣе. Вдругъ всѣ три лакированныя и разрисованныя двери запертыхъ отдѣленій Китайскаго домика стали пріотворяться. Взоръ быстрыхъ женскихъ глазъ появился въ образовавшіяся щели. Прекрасныя соглядатаи, убѣдясь, что мужчинъ никого нѣтъ въ цвѣтникахъ, нѣсколько мгновений слѣдили другъ за другомъ, выжидая, чтобы которая-либо изъ нихъ первая покинула китайскую пустыньку. Но всѣ онѣ одинаково выдержали характеръ и поэтому, рѣшившись, одновременно распахнули двери и вышли. То были: княгиня Варвара Васильевна, госпожа Ковалинская и маркиза Тифереть. Волненія безсонной ночи и приключенія въ паркахъ, конечно, отразились въ нѣкоторомъ беспорядкѣ ихъ костюмовъ и причесокъ. Впрочемъ, всѣ три были прелестны.

Сначала, быть можетъ, ослѣпленные яркостью лѣтняго утра послѣ сумерекъ домика, онѣ совсѣмъ и не замѣтили другъ друга и смотрѣли въ разныя стороны. Потомъ вдругъ, съ легкимъ крикомъ изумленія, обрѣли одна другую.

— Представьте, madame, — обратилась Голицына къ Ковалинской: — я никакъ и не предполагала, что нахожусь въ сосѣдствѣ съ вами!

— И я тоже, княгиня, — отвѣчала Ковалинская. — Я такъ была утомлена, взволнована, что не могла просто дойти до дома и пріютилась здѣсь.

— То же самое было и со мною, представьте! Уже все бѣлѣло вокругъ. Я не хотѣла беспокоить моихъ камеръ-фрау и дѣвушекъ, сонъ которыхъ особливо сладокъ на зарѣ, возвращеніемъ, и, войдя въ этотъ милый домикъ, прилегла на софѣ и заснула. Но я слышала здѣсь мужскіе голоса? Кажется, тутъ были дядюшка и полковникъ Бауеръ?

— Да, княгиня. Я уже проснулась, когда они явились. Если бы не беспорядокъ моего костюма и прически, я вышла бы къ нимъ. Тѣмъ болѣе, что они принесли безчувственнаго медика.

— Что вы говорите? Какое несчастье? Что такое съ нимъ?

— Онъ упалъ въ темнотѣ и расшибся. Впрочемъ, никакихъ существенныхъ поврежденій ему не причинило паденіе. Онъ уже очнулся. Графъ Калиостро оказалъ ему помощь и увелъ на дачу.

— Графъ Калиостро! Такъ и онъ былъ здѣсь?

— Да, княгиня. Иначе, какъ бы мы увидѣли здѣсь его супругу?

Тутъ обѣ дамы съ пріятнѣйшими улыбками обратились къ маркизѣ Тиферетъ и, взявъ ее, одна подъ правую, другая подъ лѣвую руку, любезно привѣтствовали милую гостью. При этомъ пристальные взоры обѣихъ остановились на новомъ, невѣдомо откуда появившемся, надѣтомъ на правой рукѣ итальянки, драгоценномъ браслетѣ. Онъ уступалъ массивностью золота, числомъ и чистотою камней тому браслету, который украшалъ лѣвую руку маркизы, но тоже стоилъ немалыхъ денегъ.

На всѣ комплименты княгини и госпожи Ковалинской итальянка отвѣчала только обычнымъ своимъ восклицаніемъ:

— Ахъ!.. Ха-а!..

Но когда онѣ выразили удивленіе цвѣтущему румянцу ея щекъ, несмотря на безсонную ночь, маркиза вдругъ разрѣшила уста и сказала:

— А между тѣмъ я стара, очень стара!

— Вы шутите, маркиза! Сколько же вамъ лѣтъ? Вы цвѣтете какъ роза! Мы, просто, завидуемъ вамъ!

— Мнѣ восемьдесятъ два года, сударыни! — съ совершенной простотой сказала маркиза Тиферетъ.

— Что вы говорите? Это невѣроятно!—воскликнули обѣ дамы.

— Это правда. Спросите Калиостро. Мнѣ восемьдесятъ два года исполнилось послѣ послѣдняго превращенія. У меня есть сынъ въ Голландіи. Онъ уже полковникъ. Другой сынъ—сенаторъ въ Венеціи.

— То, что вы говорите, милая маркиза, повергаетъ въ совершенное изумленіе!

— Ахъ, что мои лѣта сравнительно съ годами Калиостро! — улыбаясь, съ наивной откровенностью полной простодушной правдивости говорила восьмидесятилѣтняя красавица.—Онъ старъ, какъ египетская пирамида! Послушали бы вы, какъ иногда стучать его кости подъ ветхой кожей! Это такая музыка, я вамъ скажу! Разъ услышишь — не забудешь.

Искры смѣха дрожали въ глубинѣ итальянскихъ глазъ красавицы, когда она говорила эти удивительныя вещи.

Княгиня не знала, какъ принимать слова «Калиостерши?» Очевидно, эта наглая проходимка смѣется надъ русскими дамами, какъ

надъ круглыми дурами? Но по нѣкоторымъ причинамъ теперь она не хотѣла показать ей, что думаетъ. Иначе полагала госпожа Ковалинская. Она припомнила, что самъ Калиостро совершенно серьезно увѣрялъ ее въ глубокой своей древности, что жилъ еще во времена Моисея, вмѣстѣ съ которымъ былъ жрецомъ въ храмѣ бога Ра-Муть въ Герополисѣ. Калиостро съ изумительной картинностью описывалъ Египетъ, каналы, Ниль, покрытый судами, заросли папируса, красныхъ фламинго, гиппопотамовъ, крокодиловъ; описывалъ устройство храма, сфинксовъ, таинственное святилище, въ которомъ хранился кубическій камень съ письменами мудрости; рассказывалъ, какъ Моисей, изучивъ сію мудрость, возмутилъ строителей пирамидъ, рабовъ-плинфодѣлателей и евреевъ, и вывелъ ихъ изъ Египта. Все это, по его словамъ, происходило на его глазахъ. И онъ съ такой наглядностью и такими подробностями все описывалъ, что этому невольно вѣрилось... Вотъ почему и къ словамъ маркизы Ковалинская отнеслась иначе, нежели Голицына. Экзальтированная головка ея сейчасъ же нарисовала разительную картину. А маркиза Тиферетъ, со своимъ видомъ и тономъ совершеннѣйшей простушки, еще придавала выпуклости этой картинѣ Маэусайловыхъ лѣтъ магика, объятія котораго столь были мощны, какъ въ этомъ убѣдилась Ковалинская, и не въ одинъ тотъ разъ, когда ее несъ по лѣстницѣ Калиостро въ Итальянскихъ.

— Да! да! Посмотрѣли бы вы насъ съ Калиостро въ банѣ, сударыня, когда мы въ полнолуніе натираемся молодильной мазью, предварительно возвращаясь къ настоящему нашему виду! Калиостро тогда страдаетъ ужасно! Вѣдь всѣ суставы его въ узлахъ ревматизмовъ, подагры, хирагры! Какъ онъ трясется, какъ задыхается и кашляетъ! Что за горбъ его украшаетъ! Какъ онъ шамкаетъ и шлепаетъ губами! Какъ лоснится его черепъ! Какой сѣдой мохъ торчитъ изъ острыхъ ушей его! Сравнительно съ нимъ, я еще очень бодрая старушка.

— Но это прямо невѣроятно, милая маркиза, все, что вы рассказываете!—говорила княгиня Голицына.

— Э, вы не знаете силы мазей, притираний и ѳессалійскихъ чаръ! Теперь особенно среди живыхъ много оборотней, а среди неживыхъ—превращенныхъ. Есть такая вода—если ею прыснуть на превращеннаго или оборотня, то онъ показывается на нѣсколько мгновений въ своемъ настоящемъ видѣ.

— И вы имѣете эту воду, маркиза?—спросила Ковалинская.

— У меня все есть, все. Орѣшки, отъ которыхъ у дѣтей рѣжутся зубы безъ всякой боли; фильтры чудесные; удивительныя симпатическія чернила; порошокъ, совершенно истребляющій всякихъ насѣкомыхъ. И все это совѣтъ не дорого,—съ обезоруживающей наивностью говорила итальянка.

— Но мазь, которая возвращаетъ молодость?—спросила княгиня.

— Ну, эта мазь очень дорога. Небольшая баночка—пятьдесятъ червонцевъ.

— Я скажу объ этомъ нѣкоторымъ петербургскимъ старушкамъ, которыя и такъ молодятся, какъ умѣютъ, — сказала Голицына.— Конечно, онѣ не пожалѣютъ золота, чтобы получить такіе блестящіе глаза, алыя уста, розовыя щеки и лиліи вашей груди, милая маркиза! А было бы интересно на живой старушкѣ провѣрить силу молодильной мази! Благодаренія Создателю, я сама еще въ ней не имѣю нужды!

— О, конечно, княгиня! Вы свѣжи, какъ померанцевый цвѣтокъ! Ваши волосы — золотое руно Колхиды! Ваши глаза — поля незабудокъ! Ваша грудь — пара бѣлыхъ овечекъ съ розовыми носиками!—съ южной образностью отвѣчала любезностью на любезность маркиза Тифереть.

— А меня особенно интересуеть вода, возвращающая истинный образъ превращеннымъ существамъ! — задумчиво говорила черноокая госпожа Ковалинская.

— О, это ужасно любопытно!—съ итальянской живостью вертя передъ лицомъ пальчиками, отвѣчала маркиза. — Подумайте, мы окружены превращеніями! Эти деревья, камни, цвѣты, статуи — кто знаетъ? Быть можетъ, многое здѣсь—превращенныя существа и оборотни! Но Калиостро хранить эту воду у себя и ни за что не хочетъ дать мнѣ хотя немножко. Но я знаю, что онѣ недавно опрыскалъ тихонько изо рта этой водой господина Бауера и убѣдился, что это оборотень!

— Полковникъ Бауеръ! Что вы это говорите?—изумилась княгиня Голицына.

— О, это препотеннѣйшій старичокъ — молодой полковникъ Бауеръ!—съ искрами тайнаго смѣха въ глубинѣ итальянскихъ глазъ говорила маркиза Тифереть. — Подумайте, что открылось! Полковникъ Бауеръ есть не кто иной, какъ знаменитый магикъ и кабалистъ Кнорръ-фонъ-Розенротъ! Онѣ родился въ 1514 году. Да! да! Ему уже истекаетъ третье столѣтіе! Каждая пятьдесятъ лѣтъ онѣ возрождается при помощи пентагона, и каждое новолуніе натирается молодильной мазью! Посмотрѣли бы вы на него въ настоящемъ его образѣ! О, какая древность! Калиостро встрѣчался съ нимъ на ессалійской Вальпургіевой ночи и на другихъ шабашахъ. Онѣ, конечно, станеть отпираться, будто бы никогда тамъ не бываетъ. Но вы не вѣрьте. Я сама съ нимъ летала.

XLVI.

Условія Калиостро.

Удаляясь съ адъютантомъ въ спальню свою, служившую ему и кабинетомъ, Потемкинъ усѣлся въ кресло и, не думая о дѣлахъ, для которыхъ призвалъ было Бауера, пыльной грудой ожидавшихъ

его парафа, кусаль пальцы, унизанные высочайше пожалованными перстнями. Полковникъ Бауеръ достаточное имѣлъ основаніе опасаться темнаго духа меланхоліи генераль-адъютанта императрицы всероссійской. Посему принялъ обще-гвардейское выраженіе лица, соединивъ въ себѣ чудесно полное отсутствіе съ явной готовностью къ мгновенному усвоенію приказаній и точнѣйшему оныхъ исполненію.

Однако, посидѣвъ угрюмо, Григорій Александровичъ выразилъ только свое желаніе, чтобы всякіе магическіе опыты были прекращены, а господинъ Калиостро приступилъ къ тому прямому дѣлу, для коего и былъ призванъ, то есть къ леченію болящаго младенца. А потому поручилъ онъ адъютанту съѣздить въ Петербургъ и пригласить на послѣдній консиліумъ лейбъ-медика Роджерсона и докторовъ фонъ-Бека и Массота. Пусть окончательно выскажутся, есть ли какая надежда. Ежели доктора признаютъ безсиліе своей науки, пусть пользуется Калиостро, — не повредитъ. Изложивъ такое свое рѣшеніе, Потемкинъ отпустилъ адъютанта, а самъ подлинно занялся дѣлами, съ чудесной быстротой просматривая и подписывая бумаги одну за другой.

Всѣ въ Озеркахъ, и господа, и слуги, и самъ магикъ, отдыхали въ этотъ день отъ чрезвычайныхъ волненій и необыкновенныхъ ночныхъ приключеній. Усадьба княжая казалась вымершей. Самъ магикъ заперся въ отведенныхъ ему покояхъ съ супругою, маленькимъ Иммануиломъ и служителемъ Казимиромъ. Госпожа Ковалинская уединилась въ часовнѣ, воздвигнутой въ паркѣ, гдѣ, однако, находились не православныя иконы, а католическая мраморная статуя Мадонны въ одѣяніи изъ бѣлаго бархата съ золотыми по немъ звѣздами. Госпожа Ковалинская проводила здѣсь часы въ глубокомъ экстазѣ, закутанная въ темные флѣры и газы, молясь по маленькой золотообрѣзанной французской книжкѣ. Находящаяся по близости часовни любимая ея горничная Парашенька одна была свидѣтельницей вздоховъ и обильныхъ слезъ Ковалинской. Къ сумеркамъ только эти слезы и вздохи изсякли, и госпожа Ковалинская обрѣла небесное утѣшеніе, помощь и совѣтъ. Именно, она почувствовала насущную необходимость, во-первыхъ, написать глубоко мистическое и вдохновенное письмо въ Гатчину подругѣ своей, фрейлинѣ цесаревны Маріи Теодоровны, Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой, впрочемъ, ни малѣйшаго прямого намека на событія въ Озеркахъ не имѣвшее, а, во-вторыхъ, твердое приняла рѣшеніе съѣздить въ Смольный, чтобы тамъ обрѣсть небесное утѣшеніе въ бесѣдѣ съ духовникомъ монастырокъ римско-католическаго исповѣданія и самой «*guten tата*», почтенной начальницей института госпожой де-Лафонъ. Что касается княгини Варвары Васильевны, то и сіятельная «Улыбочка» теперь превратилась въ неизсякающій источникъ слезъ и вздоховъ. Изощренный

мечъ скорби поразилъ ея материнское сердце и со свойственнымъ всѣмъ чадамъ осьмого на десять столѣтїя переходить быстро отъ чувства къ иному, противоположному, и отдаваться ему совершенно, хотя и не надолго, княгиня Варвара Васильевна была неутѣшна. Бѣдный малютка ея, препорученный попеченїямъ мамушекъ и нянюшекъ, за ночь еще больше разболѣлся, на глазахъ таялъ, и блѣдный огонекъ жизни его угасалъ безнадежно. Князь Сергѣй Ѳеодоровичъ, закрывъ мушками царапину, полученную въ ночной борьбѣ съ стихійными духами, тоже совершенно предался родительскому горю, вздыхалъ, суетился и искалъ указанїй въ библиотекѣ своей медицинскихъ книгъ, безконечно жалѣлъ и искренно страдалъ за бѣднаго маленькаго. Наконецъ вечеромъ изъ столицы прибылъ катеръ съ докторами и полковникомъ Бауеромъ. По тщательномъ изслѣдованїи болящаго младенца, въ которомъ принималъ скромное и молчаливое участїе столь много претерпѣвшїй, но за день совершенно оправившїйся домашнїй докторъ, доктора составили ученый консилїумъ въ библиотекѣ дачи, на которомъ присутствовалъ и князь Голицынъ, имѣвшїй случай щегольнуть какъ познанїями въ медицинѣ, такъ и въ латинскомъ языкѣ, вынесенными имъ изъ виленской коллегїи отцовъ іезуитовъ, гдѣ онъ получилъ прекрасное образованїе.

Результаты консилїума были совершенно безнадежны. Доктора заявили, что ихъ наука въ данномъ случаѣ совершенно бессильна, что ребенокъ осужденъ на смерть, болѣзнь его неизлечима, и только чудо можетъ его спасти. Надо прибавить, что и Бауеръ, и Голицынъ, и домашнїй лекарь ни словомъ не обмолвились докторамъ, что на дачѣ находится графъ Калиостро, три мѣсяца уже исцѣлявшїй безвозмездно больныхъ къ нему обращавшагося петербургскаго населенїя, подъ именемъ полковника Фридриха Гвальдо. На сіе было строжайшее распоряженїе князя Григорїя Александровича. Когда, получивъ по золотой табакеркѣ, наполненной червонцами, по величинѣ соответствовавшей значенїю каждаго во врачебной іерархїи столицы, доктора поужинали и отбыли опять на катеръ, Потемкинъ послалъ домашняго своего врача и адъютанта Бауера сообщить графу Калиостро результаты консилїума адептовъ «профанской» медицины и предложить ему, въ свою очередь, изслѣдовавъ болящее дитя, ежели его «герметическая» медицина можетъ помочь, приступить къ леченїю немедленно.

Вмѣстѣ съ Бауеромъ въ покой Калиостро прослѣдовалъ и князь Сергѣй Ѳеодоровичъ. Сопровождалъ ихъ и домашнїй врачъ. Безнадежное заявленїе консилїума повергло чадолюбивое сердце добродушнаго князя въ глубочайшее горе. Всѣ упованїя князь теперь перенесъ на врача герметической медицины. Калиостро принялъ князя и адъютанта свѣтлѣйшаго съ величайшимъ спокойствїемъ и достоинствомъ. Одѣтый въ черное, ученаго покроя, платье и

огромный пудренный парикъ, онъ сидѣлъ передъ пультомъ, на которомъ развернута была книга съ таинственными знаками и фигурами. Пригласивъ помѣститься въ кресла позднихъ посѣтителей, Калиостро благосклонно выслушалъ князя, пространно и путанно сообщившаго о консилиумѣ и безнадежномъ положеніи ребенка.

— Въ сихъ обстоятельствахъ княгиня и я всѣ надежды возлагаемъ на васъ, графъ. Осмотрите болящаго младенца и скажите, есть ли въ вашемъ искусствѣ средства къ его спасенію. Вѣрьте, что во всякомъ случаѣ труды ваши будутъ вознаграждены совершенно удовлетворительно. Вы знаете, что мы не нуждаемся въ средствахъ,—закончилъ рѣчь свою князь Сергѣй Фодоровичъ.

Калиостро, выслушавъ, склонилъ голову и нѣкоторое время пребывалъ въ глубокомъ раздумьи. Наконецъ сказалъ:

— Не предупреждаетъ ли Писаніе отъ сихъ профанскихъ врачей? *Et fuerat multa perpessa a compluribus medicis, et erogaverat omnia sua, nec quidquam profecerat, sed magis deterius habebat!*¹⁾ И тѣмъ не менѣе вы призывали сихъ «многихъ». Теперь вы ко мнѣ обратились. Я лечу безмездно, изъ одного человѣколюбія. Золота вашего мнѣ не нужно. Не имѣю нужды и въ осмотрѣ болящаго ребенка. Я уже говорилъ вамъ, что герметическая медицина на разстояніи пользуется. Я на своемъ попеченіи имѣю въ сію минуту въ различныхъ частяхъ земного шара до тысячи болящихъ, которымъ потребныя цѣлящія токи чрезъ незримыхъ агентовъ посылаю. Но тутъ особый случай ото всѣхъ. Сіе мѣсто наполнено темными духами, противъ ребенка вооружившимися. Славное поприще, которое его ожидаетъ, и тѣ удары, кои онъ со временемъ нанесетъ царствующему на землѣ злу, все сіе ополчаетъ на него служителей тьмы. Итакъ, должно прежде всего изъ сихъ мѣстъ исторгнуть болящаго младенца.

— А между тѣмъ именно по совѣту докторовъ мы перевезли сюда малютку,—сказалъ князь.

— Профанскіе медики лишь физическій планъ и то мертваго человѣка изучаютъ. Что могутъ они понимать и видѣть? Но повторяю, случай этотъ особый отъ всѣхъ. Итакъ, если вы и княгиня желаете предать младенца вашего моему леченію, то должны поручить его совершенно и моему попеченію. Дитя будетъ перевезено мною въ Петербургъ и должно пребывать въ особливомъ помѣщеніи. Кромѣ меня, никто его видѣть не долженъ, даже родители. Въ преданной страстямъ и роскоши природѣ своей они приносятъ тысячи зародышей растлѣнія и пустятъ при приближеніи въ младенца потрясающіе страстные токи, что одно мгновенно можетъ прервать колеблющееся между жизнью и смертью земное

¹⁾ Много потерпѣвъ отъ многихъ врачей, истощивъ все свое достоинствѣ, никакой не получивъ пользы и пришедъ еще въ худшее. (Марка, гл. 5, ст. 26).

«истор. вѣстн.», МАЙ, 1909 г. т. сxvi.

его существованіе. Повторяю, я лечу безмездно. Всѣ силы употреблю и призову, чтобы исцѣлить болящаго маленькаго. Но подъ условіемъ, мною означеннымъ.

— Какъ, мы совершенно должны будемъ разстаться съ нашимъ ребенкомъ?—вскричалъ князь.—Неужели даже и краткія свиданія невозможны будутъ съ нимъ?

— Я сказалъ: полное удаленіе младенца отъ вѣшняго міра! Даже мгновенныя свиданія съ нимъ кого-либо недопустимы.

— Но княгиня никогда на это не согласится!

Калиостро пожалъ плечами.

— Вы пришли ко мнѣ. Вы просите моей помощи. Я говорю вамъ, какъ могу помочь. Вы противитесь и недовольны. Это ваше дѣло.

— Такое странное и тяжелое условіе! Совсѣмъ матери не видѣть свое дитя!—говорилъ глубоко опечаленный князь.

Домашній врачъ, всей фигурой своей выражавшій при семъ совѣщаніи съ адептомъ герметической медицины еще больше смиренія, чѣмъ на консиліумѣ свѣтилъ своей науки, замѣтилъ, что если лейбъ-медикъ Роджерсонъ и господа Бекъ и Массотъ совершенно не видятъ средствъ ко спасенію младенца, то не лучше ли согласиться на условіе графа? Временная разлука родителей съ чадомъ ихъ сносѣе вѣчной, которая неминуема, если графъ не поможетъ высокимъ искусствомъ, въ совершенствахъ котораго уже невозможно сомнѣваться.

— Безъ княгини я ничего рѣшить не могу!—поднимаясь, сказалъ князь.—Ея материнское сердце тутъ сказать должно! И необходимо будетъ подготовить ее къ сообщенію и рѣшенія консиліума, и вашего требованія, графъ! Боюсь, что все сіе потрясетъ совершенно нѣжную женщину!

— Я не требую ничего, князь!—возразилъ Калиостро: — но ко спасенію болящаго младенца учреждаю потребное. Обитатели сего помѣстья, имѣя среди себя посланника вышихъ тайнъ, пока лишь на суетное разысканіе пропавшаго серебра силы его привлекали. Такъ, цѣлая ночь и день цѣлый уже потеряны. Поспѣшите же съ рѣшеніемъ. Черезъ двадцать четыре часа помочь вашему ребенку мнѣ будетъ уже невозможно.

Засимъ князь и полковникъ Бауеръ удалились. Домашняго врача Калиостро ласково попросилъ остаться и побесѣдовать съ нимъ.

XLVII.

Приготовленія къ отъѣзду.

Условія Калиостро прежде всего были сообщены князю Григорію Александровичу. По довольномъ размысленіи онъ нашель, что иного выхода нѣтъ, ежели доктора совершенно отъ всякой

надежды отказались, какъ согласиться и довѣрить младенца магику, хуже вѣдь быть не можетъ. И временная разлука лучше же вѣчной. А кто знаетъ, можетъ быть, Калиостръ и спасетъ младенца! Разбилъ же онъ стекло силою магическаго тока! И серебро нашель, о которомъ самъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій ничего развѣдать не могъ. Вещь удивительная! Правда, серебро опять сокрылось. Но вѣдь показано было. Всѣ видѣли ясно. Итакъ, должно теперь приготовить княгиню и не вдругъ ей сообщить, дабы не потрясти совершенно и самоё не ввергнуть въ болѣзнь.

Около часа потребовалось затѣмъ Григорію Александровичу, князю Сергѣю Ѳедоровичу и полковнику Бауеру, при содѣйствіи госпожи Ковалинской, чтобы сообщить наконецъ безнадежное мнѣніе докторовъ «Улыбочкѣ».

И все-таки слѣдствія были ужасны. Рыданія и обмороки продолжались около трехъ часовъ, совершенно разслабивъ княгиню. Зато сравнительно легко было уговорить ее потомъ довѣрить младенца Калиостро. Княгиня ухватилась за искусство магика, какъ за послѣднюю надежду, и вновь совершенно въ него повѣрила. Изложенное затѣмъ требованіе временной разлуки представлено было княгинѣ госпожою Ковалинской, какъ необходимая жертва материнской любви ради спасенія ребенка. Княгиня рѣшилась на сію жертву. Въ тяжкомъ положеніи своего младенца она теперь усматривала карающую руку Провидѣнія за мгновенное забвеніе чувствъ матери, побудившее ее цѣлую почти ночь провести не у колыбели болящаго сына. Этотъ проступокъ княгиня торжественно обѣщала искупить отказомъ отъ лѣтнихъ пикниковъ и веселости и поѣздкой на Валаамъ, въ случаѣ успѣшнаго леченія графомъ Калиостро ея маленькаго. Въ слезахъ, въ словахъ, въ чувствахъ и намѣреніяхъ княгини внезапно сказала та глубокая сила русской религіозности, которая у людей ея вѣка была только прикрыта подражательнымъ воспитаніемъ и вольномысліемъ, взятымъ изъ французскихъ философическихъ «Esprit», золотообрѣзныхъ томиковъ въ красномъ сафьянѣ, составленныхъ для дамъ международнаго свѣта скептическими аббатами-«гораціанцами» и «граціалистами». Какъ рѣшилась, однако, княгиня вѣрить свое дитя магику, котораго столь боялась? Но прежде всего казалось, что выбора нѣтъ; а затѣмъ, именно потому, что княгиня боялась Калиостро, она отдавала ему, какъ знахарю, первенца.

Въ этомъ княгиня поступала такъ, какъ всякая деревенская женщина изъ народа. Новое доказательство, что русской повадки уничтожить западной цивилизаціей невозможно.

Госпожа Ковалинская поддерживала княгиню въ ея самоотверженномъ рѣшеніи.

Послѣ уединенной молитвы госпожа Ковалинская имѣла бесѣду съ графомъ Калиостро. Докторъ небесной медицины принялъ

ее съ торжественной печалью, и рѣчи его были глубоко наставительны и грустны. Онъ напомнилъ, что стоящій на стезѣ совершенства всегда подвергается тяжкимъ искушеніямъ, и невидимые враги пользуются малѣйшею слабостью духа адепта, чтобы всѣвать сѣмена страстей, и къ неземному и небесному примѣшивать плотское и низменное. Самые совершенные въ подвигѣ не могутъ охранить себя отъ внезапныхъ нападеній. Мы — плотію обложены. Плоть же поползновенна ко грѣху. Но не должно смущаться, и съ новой отважностью устремляться впередъ. Побѣдный вѣнецъ будетъ наградой неумолимому! Эти разсужденія графа Калиостро успокоили госпожу Ковалинскую, тѣмъ болѣе, что, когда она сообщила графу о намѣреніи своемъ съѣздить въ Смольный къ духовнику воспитанницъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, то Калиостро совершенно одобрилъ ея намѣреніе. Онъ сказалъ, что высшая магія не противорѣчитъ ученію церкви и вступившіе въ союзъ усыновленія нисколько тѣмъ не отдаляютъ себя отъ сладостныхъ таинствъ вѣры, но лишь полнѣе и совершеннѣе постигаютъ символы христіанства, которые всѣ изъ совершеннѣйшей еврейской кабалы заимствованы, съ камня Соломонова храма и камня египетскаго Гермеса Трисмегиста. Тутъ Калиостро представилъ госпожѣ Ковалинской, что полковникъ Бауеръ отъ маркизы Тиферетъ подвергнутъ былъ нѣкоторому искушенію, дабы испытать тайныя его намѣренія. Съ этою цѣлью ему нарочно представлены были въ превратномъ видѣ политическаго заговора духовныя порученія неизвѣстныхъ начальниковъ, съ коими онъ въ сѣверныя страны прибылъ. Однако полковникъ Бауеръ сіе искушеніе выдержалъ и оказался непоколебимъ. Сіе испытаніе потребно было, такъ какъ высшіе начальники и самъ Великій Кофта на молодого человѣка имѣютъ свои виды.

Далѣе графъ Калиостро полнѣе раскрылъ духовной дщери своей чертежи таинственнаго строенія, однако предупреждая, что духовнику римско-католическаго вѣроисповѣданія она должна сообщать лишь то, что ея лично касается, какъ женщины, но отнюдь не ввѣряемыя тайны грядущаго преображенія челоѣчества, какъ жрицѣ царицы савской. Госпожа Ковалинская съ этимъ согласилась. Рѣчь магика уничтожила всѣ ея сомнѣнія. Она опустила на коверъ у ногъ учителя и жадно внимала его словамъ. Магикъ время отъ времени возлагалъ на голову ея свои изящныя, бѣлыя руки, и тогда госпожа Ковалинская ощущала нѣжную силу, исходящую изъ Калиостро и сообщающуюся ей. Въ концѣ бесѣды госпожа Ковалинская пришла къ непоколебимому убѣжденію, что графъ Калиостро святой челоѣкъ.

Вотъ почему она убѣждала и княгиню ввѣриться магику, повторяя съ одушевленіемъ:

— Отдайте вашего маленькаго сему святому мужу, и онъ исцѣлитъ и спасетъ его!

Мало того, госпожа Ковалинская склонна была теперь думать, что святость сообщается всѣмъ, вступившимъ въ общеніе съ великимъ человѣкомъ. И самое себя госпожа Ковалинская нашла святой, духовной и чистой.

Князь Григорій Александровичъ поручилъ адъютанту полковнику Бауеру передать Калиостро согласіе княгини ввѣрить ему свое дитя. Когда полковникъ вошелъ въ покои Калиостро, то засталъ тамъ обращеннаго домашняго врача, внимающаго наставленіямъ посланника Великаго Кофты. Выслушавъ съ важнымъ достоинствомъ адъютанта, графъ затѣмъ подробно раскрылъ предъ нимъ духовные возвышенные планы, съ которыми явился въ Россію. Полковникъ Бауеръ, видимо, былъ потрясенъ возвышенностью рѣчи Калиостро. Вдругъ рѣшительно сказалъ, что онъ заблуждался, но теперь прозрѣлъ. Тутъ онъ протянулъ раскрытую руку Калиостро, который крѣпко пожалъ ее, подавая другую—домашнему лекарю. Такъ заключенъ былъ союзъ между недавними врагами. Маркизы Тиферетъ при семъ не было. Она собирала свои вещи, готовясь къ отъѣзду.

Начались великія приготовленія на дачѣ къ отбытію доктора небесной медицины съ болящимъ младенцемъ въ Петербургъ. Между тѣмъ князь Потемкинъ, призвавъ правителя дѣлъ господина Ковалинскаго, приказалъ немедленно прискаты изъ домовъ, принадлежащихъ ему, Потемкину, на Невской набережной, достаточный для помѣщенія магика, съ садомъ и всѣми нужными строеніями. Для супруги магика должны были имѣться особливые, отлично убранные покои съ отдѣльнымъ подъѣздомъ, особливая услуга, дѣвушки и камеръ-фрау, также лошади, экипажи, при нихъ кучера и конюха; чтобы ни въ чемъ не было недостатка. Правитель дѣлъ распоряженія князя Григорія Александровича выразумѣлъ въ совершенствѣ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРУЖОКЪ.

(Разсказъ по личнымъ воспоминаніямъ).

I.

ВЕРЕЪХАВЪ въ 1869 г. изъ Кіева въ Петербургъ, я искалъ изданія, въ которомъ могъ бы работать. Никакихъ литературныхъ знакомствъ у меня не было, хотя я уже много напечаталъ въ «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Вѣстникѣ Европы». Но то были публицистическія статьи, связанныя съ моими университетскими занятіями, а меня сильно тянуло къ беллетристикѣ. На рукахъ имѣлся готовый маленькій разсказъ «У рѣки», и хотѣлось его пристроить.

Вещица была плохонькая, въ полномъ смыслѣ проба пера. Но она имѣла не совсѣмъ общее въ то время достоинство—обработанный языкъ. Кромѣ большихъ авторовъ, писали тогда плохо. Знаніе языка и умѣнье владѣть имъ давались туго, вѣроятно, потому, что мало читали. Помню, какъ въ пятомъ классѣ гимназіи одинъ ученикъ сказалъ другому: «помочи перо»,—и на вопросъ учителя, какъ надо выразиться, только двое изъ всѣхъ догадались, что слѣдуетъ сказать: «помокни». Поэтому даже въ редакціяхъ большихъ и богатыхъ изданій усердно занимались выправленіемъ языка и слога. Теперь даже репортера не будутъ держать, если онъ не умѣетъ правильно писать, а тогда и талантливыя беллетристы приносили рукописи съ такимъ стилистическимъ неряшествомъ, что Некрасовъ, Дудышкинъ, Дружининъ прямо изнемогали надъ корректурами.

Въ виду прежнихъ сношеній съ «Отечественными Записками», я направился со своимъ рассказомъ туда, не придавъ значенія переходу журнала отъ Дудышкина въ новыя руки. Конечно, это было большою наивностью съ моей стороны; но мнѣ было только 25 лѣтъ.

Мнѣ назначили прійти за отвѣтомъ чрезъ двѣ недѣли.

Привели меня въ большую комнату, — не то залу, не то кабинетъ, — весьма жидко обставленную плохонькою мебелью (въ извѣстномъ домѣ Краевского, на углу Литейной и Бассейной). За огромнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣлъ господинъ лѣтъ пятидесяти или больше, крупный, съ густой сѣрой бородой и грубоватымъ, пожалуй, даже злымъ, выраженіемъ лица. Кто такой это былъ, я до сихъ поръ не знаю: можетъ быть, Салтыковъ, можетъ быть, Елисеевъ, можетъ быть, еще кто-нибудь. Я назвалъ себя и свой рассказъ. Господинъ воззрѣлся на меня съ любопытствомъ, которое я призналъ бы лестнымъ, если бы не выразившееся въ его глазахъ уныніе. Поискавъ въ кипѣ рукописей, онъ передалъ мнѣ мою тетрадку.

— Возвращается, — сказалъ онъ.

— Не понравилось? — спросилъ я.

— Не подходитъ.

Онъ продолжалъ съ величайшимъ любопытствомъ меня разсматривать, точно удивляясь, что въ редакцію забѣжалъ такой гусь. И при этомъ слегка раскачивалъ головой, точно хотѣлъ сказать: «Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! И не стыдно вамъ?»

Сконфуженный, я откланялся, не вступая въ дальнѣйшій разговоръ.

Но мнѣ все-таки хотѣлось пристроить куда-нибудь свою рукопись. Тутъ же по дорогѣ я вспомнилъ, что существуетъ новый журналъ «Заря», въ числѣ сотрудниковъ котораго были объявлены очень симпатичныя для меня имена. И я сейчасъ же направился въ Саперный переулокъ, гдѣ помѣщалась редакція.

Редакторъ и издатель, В. В. Кашпиревъ, былъ дома. Онъ, впрочемъ, всегда былъ дома, такъ какъ не обладалъ подвижностью и терпѣть не могъ выѣздовъ. Если бъ не его жена, отличавшаяся большою хлопотливостью, то книжки «Зари» навѣрное выходили бы годомъ позже своего срока.

Меня встрѣтилъ красивый блондинъ лѣтъ 35, съ розовымъ лицомъ чисто русскаго типа, ласковыми голубыми глазами и русой бородкой. Во всей наружности его, въ походкѣ, въ мѣшковатомъ и тяжеловѣсномъ складѣ тѣла, въ неторопливомъ разговорѣ, выражалась лѣнивая избалованность, воспитанная гдѣ-то вдали отъ Петербурга, на пережиткахъ крѣпостного права.

«Батюшки мои, да вѣдь это самъ Илья Ильичъ Обломовъ!» невольно подумалось мнѣ.

Дѣйствительно, чтобы вполне воплотить въ себѣ Обломова, Кашпиреву недоставало только нѣкоторой романтической утонченности. И притомъ онъ обладалъ несвойственной Обломову скрытностью. Несмотря на царящую въ каждомъ редакціонномъ кружкѣ сплетню, никто ничего не зналъ о немъ. Передавали другъ другу, что онъ — небогатый самарскій помѣщикъ, заложившій имѣніе, чтобы издавать журналъ. Но что привлекло его къ этой дѣятельности, какого онъ образованія, былъ ли въ университетѣ, — никто не зналъ. Неизвѣстнымъ оставалось даже, что онъ читалъ, владелъ ли иностранными языками, могъ ли держать корректуру и т. д. Въ литературныхъ вопросахъ онъ, очевидно, понималъ кое-что, но сужденій не высказывалъ, и только иногда сочувственно улыбался и поглаживалъ бороду.

Въ матеріалѣ редація «Зари», видимо, нуждалась, и мой плохонькій рассказъ былъ охотно принятъ, тѣмъ болѣе, что я не ставилъ жестокихъ гонорарныхъ условій.

Изъ этого послѣдняго обстоятельства, какъ я потомъ узналъ, возникла пѣлая легенда. Въ кружкѣ стали толковать, что появился новый литераторъ, богатый молодой человекъ, который въ деньгахъ не нуждается, пишетъ ради удовольствія, и пр. Уже годъ спустя, Г. П. Данилевскій какъ-то сказалъ мнѣ:

— Ну, теперь мы все разузнали. Капиталовъ-то у васъ нѣтъ. А то вѣдь не вѣсть что толковали про васъ. Хотѣли даже подбить васъ свой журналъ затѣять.

II.

Попавъ такимъ образомъ совершенно случайно въ сотрудники «Зари», я въ теченіе зимы довольно часто посѣщалъ редакціонные вечера по средамъ. Собиралось человекъ пятнадцать-двадцать. Разсаживались въ большой, безпритязательно убранной гостиной, пили чай и разговаривали. Если не было Д. В. Аверкіева, вечеръ проходилъ тихо; если Аверкіевъ присутствовалъ, то вся редакціонная квартира наполнялась шумомъ его необычайно громкаго и хриплаго голоса. При этомъ завязывались споры, довольно скучные и завѣдомо безцѣльные, такъ какъ ни перекричать, ни остановить Аверкіева не было никакой возможности. Потомъ ужинали заливнымъ судакомъ и тушеной говядиной, просто и сытно.

Организаціей этихъ редакціонныхъ вечеровъ завѣдывали жена Кашпирева и лакей Аристархъ. Послѣдній былъ рѣшительно незамѣнимый человекъ и, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, совмѣщалъ въ себѣ артельщика, разсылнаго и дядьки при редакторѣ. Рѣшительно сомнѣваюсь, чтобы «Заря» могла выходить, а Кашпиревъ вставать съ постели безъ содѣйствія Аристарха.

Главныя же заботы, редакціонныя и домашнія, лежали на С. В. Кашпиревой, рожденной кн. Урусовой. Дѣловитая, подвижная, выносливая, она была какъ будто нарочно создана для такого лѣниваго флегматика, какъ ея мужъ. Вся тяжесть дѣла лежала на ней. Она вела переговоры съ сотрудниками, типографщиками, книгопродавцами, бумажными фабрикантами, всякаго рода кредиторами, и, бесѣдуя со всѣми съ чисто женскою ловкостью, подмаргивая опускавшимися вѣками и выдвигая, какъ щитъ, простодушіе и коммерческую наивность мужа, она довольно удачно проводила утлый издательскій челнъ между подводными камнями безденежья. Не удовлетворяясь «Зарей», она приобрѣла отъ г-жи М. Ростовской дѣтскій журналъ «Семейные Вечера» и издавала его нѣсколько лѣтъ не безъ усилія, добившись даже субсидіи изъ скудныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

И при этомъ занималась домашнимъ хозяйствомъ и нянчилась съ мужемъ и новорожденнымъ младенцемъ. Одинъ изъ частыхъ посѣтителей дома увѣрялъ, будто самъ видѣлъ, какъ С. В. Кашпирева одной рукой качала люльку съ ребенкомъ, а другой торопливо правила корректуру. А. Ө. Писемскій выражался, что у нея «умъ торговый». Въ его устахъ это была цѣнная похвала.

По зимамъ пріѣзжала изъ своей ярославской усадьбы мать Кашпиревой, княгиня Урусова, съ младшей дочерью Вѣрой, и обѣ жили по нѣскольку мѣсяцевъ въ квартирѣ зятя, неизбѣжно присутствуя на редакціонныхъ «средахъ». Повидимому, у нихъ въ Петербургѣ не было своихъ знакомыхъ, и съ пріѣздомъ ихъ составъ редакціонныхъ вечеровъ нисколько не измѣнялся.

Княгиня была скромная, рыхлая старушка, рѣдко съ кѣмъ разговаривавшая и едва ли раздѣлявшая литературные интересы старшей дочери. Княжна Вѣра во многомъ представляла полную противоположность сестрѣ. Красивая брюнетка съ прелестнымъ оваломъ лица, бархатными черными глазами и великолѣпными зубами, она и наружностью, и воспитаніемъ рѣзко выдѣлялась среди немногихъ литературныхъ дамъ, посѣщавшихъ кружокъ. Хорошаго роста, стройная, съ неизмѣнной изящной простотой и ровностью обращенія, она словно вносила въ этотъ типичный петербургскій редакціонный кружокъ деревенскую свѣжесть и какое-то милое отраженіе помѣщицѣй усадьбы. Вспоминалась пушкинская Татьяна, слегка подновленная полустолѣтіемъ медленно движущейся культуры...

Княжну привозили въ Петербургъ, разумѣется, для того, чтобы повеселить ее. Но я думаю, что эта цѣль плохо достигалась. Выѣзжать было некуда за недостаткомъ связей; толкаться по театрамъ и наряжаться не позволяли, повидимому, ограниченныя средства. Впрочемъ, въ княжнѣ и не выражалась жажда обычныхъ свѣтскихъ развлеченій. По ея всегдашней веселой оживленности можно было

подумать, что она вполне удовлетворяется жизнью, существовавшей въ домѣ сестры. Только осторожная усмѣшка, скользившая иногда по ея красивымъ губамъ, заставляла догадываться, что къ этой жизни она относится не безъ значительной примѣси ироніи.

Можно было ожидать, что интересная княжна сдѣлается предметомъ общаго ухаживанья. Но и этого не случилось. Единственнымъ молодымъ холостякомъ въ кружкѣ былъ Ѳ. Н. Бергъ—поэтъ, уже переставшій тогда писать стихи. Имѣлись все признаки, что княжна сильно заинтересовала его. Между ними велись длинные разговоры, съ невинными пикировками. Но когда предметомъ флирта является барышня, возникаетъ неизбѣжный вопросъ о «партии». Полагаю, что на этомъ вопросѣ все и оборвалось.

Какая была дальнѣйшая судьба княжны Вѣры — мы ничего неизвѣстно.

III.

Дѣловитость С. В. Кашпиревой не могла возмѣстить всего того, что необходимо для редактированія серьезнаго журнала съ политической программой, какимъ была «Заря». Кашпиреву хотѣлось, чтобы его изданіе носило ярко выраженный славянофильскій отбѣнокъ. Думаю, что у него это было дѣломъ личнаго вкуса въ томъ смыслѣ, въ какомъ осетрина многимъ нравится больше тюрбо. Надо, впрочемъ, добавить, что къ его наружности, ко всему его облику именно шло — быть издателемъ журнала съ русскимъ направлениемъ. Кстати пришлось и знакомство съ Н. Я. Данилевскимъ, искавшимъ помѣщенія для своего обширнаго труда «Россия и Европа». Это была книга, а не журнальная статья, и она до крайности загрузила и засушила весь первый годъ «Зари»; но зато, безспорно, сразу же рѣзко очертила направление журнала. Къ несчастью издателя, время было мало благопріятное для славянофильства теоретическаго, не подкрашеннаго яркимъ протестомъ противъ бюрократической системы. Изданіямъ Аксакова только этотъ протестъ и открывалъ широкій ходъ въ публику; славянофильство Данилевскаго, чисто философское, отвлеченное, могло заинтересовать только людей кабинетныхъ. Поэтому участь «Зари» даже ближайшимъ ея соотрудникамъ не представлялась въ блестящихъ перспективахъ.

Какъ бы то ни было, предпринявъ журналъ съ серьезной политической программой, Кашпиревъ нуждался въ основательно образованномъ редакторѣ. Подходящимъ человекомъ оказался Н. Н. Страховъ, въ которомъ въ извѣстной степени какъ бы повторялся Н. Я. Данилевскій. Оба они были специалистами по естественнымъ наукамъ, но гораздо больше увлекались философіей, политикой и литературой. Увлекались, вѣроятно, отвлеченно, кабинетнымъ обра-

зомъ, безъ того подъема настроенія, которое цѣнится въ журналистикѣ. И оба органически не умѣли усвоить себѣ обыкновеннаго представленія о скучномъ: они находили, что скучно все несерьезное, и, напротивъ, все серьезное въ высшей степени завлекательно.

Умный, вдумчивый, прекрасно образованный, Страховъ писалъ очень хорошія статьи, на славянофильскія темы, по идеямъ Аполона Григорьева и другихъ эстетиковъ того же направленія. Но это были статьи, до такой степени отдаленныя отъ общественныхъ интересовъ, отъ протестующаго настроенія публики, что ими интересовались лишь немногочисленные кружки книжниковъ. Какъ редакторъ, Страховъ все свое вниманіе обращалъ на то, чтобы журналъ имѣлъ чрезвычайно серьезный видъ, чтобы въ немъ строго выдерживалась программа, заложенная Н. Я. Данилевскимъ. Объ оживленіи изданія онъ не заботился, да по своимъ вкусамъ и по складу своего ума едва ли и могъ бы заботиться. Въ этомъ отношеніи даже Кашпиревъ лучше понималъ запросы публики и обнаруживалъ больше отзывчивости и свѣжести.

Любопытно, что, какъ собесѣдникъ, какъ членъ редакціоннаго кружка, Страховъ былъ гораздо живѣе и интереснѣе. Въ немъ сразу чувствовался хорошій, вполне культурный и незлобивый человекъ, съ вдумчивой мыслью и благодушнымъ, но подчасъ ядовитымъ юморомъ. Поглаживая свою широкую сѣдую бороду и подмигивая умными глазами, онъ говорилъ всегда въ насмѣшливомъ тонѣ, коротко и опредѣленно, и тутъ у него являлась бойкость, которая, къ сожалѣнію, покидала его, какъ только онъ брался за перо. Можетъ быть, это происходило оттого, что каляканье съ товарищами представлялось ему дѣломъ неважнымъ, а принимаясь за авторство, онъ сейчасъ же подчинялся страху показаться недостаточно тяжеловѣснымъ.

— Писать надо въ облаченіи, а не съ шапкой набекрень,— говорилъ онъ съ усмѣшкой, которая будто бы противорѣчила его мысли. Но къ этому мнимому противорѣчію уже привыкли.

Понятно, что ни Кашпиревъ, ни его жена, ни редакторъ не могли внести въ кружокъ большого оживленія. Они предпочитали молчать, и заботились больше о томъ, чтобы вызвать на разговоръ гостей. Наибольшее содѣйствіе въ этомъ отношеніи оказывалъ имъ Ѳ. Н. Бергъ. Въ немъ чувствовалась молодость, связь съ жизнью, съ обыкновенными человѣческими интересами. Переставъ уже писать стихи, онъ еще сохранялъ нѣкоторое отраженіе поэтическихъ настроеній, принимавшее въ немъ, впрочемъ, довольно странную форму. Въ немъ была своеобразная поэзія «сѣвернаго дворянина». Вологодскіи лѣсъ и вологодская мелкопомѣстная усадьба представлялись ему чѣмъ-то наивысшимъ въ природѣ и человѣчествѣ.

— Вѣдь что же это за жизнь у насъ тамъ!— говорилъ онъ, мечтательно щури свѣтло-голубые глаза.—Вы только одно представьте

себѣ: передъ каждымъ помѣщичьимъ домомъ идетъ березовая аллея. Чу-у-десно!

И по выраженію его лица видно было, что эти березовыя аллеи вызывали въ немъ загадочное благоговѣніе.

Въ вологодскихъ лѣсахъ сосны стояли могучія, мохнатыя, и напояли воздухъ живительнымъ дыханіемъ; рѣчки текли тамъ тоже могучія, многоводныя и студеныя; медвѣди бродили могучіе, лохматые, и мужикъ жилъ могучій, умный, чистый, не зараженный недугами жалкой городской жизни. Словомъ, тамъ скрывался родникъ народной мощи, и съ приближеніемъ лѣта Бергъ устремлялся туда, чтобы глотнуть самому изъ этого родника. Но такъ какъ талантъ у Берга былъ маленькій, то онъ привозилъ оттуда какіе-то маленькіе рассказы, проникнутые наивнымъ лиризмомъ, безъ сюжета, безъ образовъ и, по мнѣнію Кашпиревыхъ и княжны Вѣры,—безъ начала и конца. Эти рассказыки онъ читалъ глухимъ, задыхающимся голосомъ, скандируя свою странную прозу, какъ стихи, и потомъ вставалъ во весь свой огромный ростъ и нѣсколько минутъ ходилъ по комнатѣ.

У себя дома Бергъ любилъ щеголять въ красной рубахѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до нашего знакомства Бергъ сдѣлалъ заграничное путешествіе. Съ очень маленькими средствами онъ прогулялся по нѣкоторымъ германскимъ и швейцарскимъ городамъ и по возвращеніи написалъ для «Зари» рядъ путевыхъ очерковъ. Какъ и все выходившее изъ-подъ его пера, это были очень странные очерки. Европейская жизнь изображалась въ нихъ съ точки зрѣнія вологодскаго дворянина. Тѣсная, жалкая, мѣщанская жизнь, о которой, очевидно, не стоило бы и говорить, если бы путеводитель не расцвѣтилъ ее историческими и статистическими данными. И авторъ обильно пополнялъ изъ путеводаителя скудость своихъ летучихъ наблюденій.

IV.

Наибольшее оживленіе въ редакціонные вечера вносили частые пріѣзды изъ Москвы А. Ѳ. Писемскаго. Авторъ «Тысячи душъ», послѣ разрыва съ «Русскимъ Вѣстникомъ», помѣщалъ свои произведенія по преимуществу въ петербургскихъ изданіяхъ, и пьесы предпочиталъ ставить на петербургскихъ сценахъ. А такъ какъ романы онъ писалъ большіе, и гонораръ ему причитался тоже большою, то обыкновенно требовалась разсрочка, совпадавшая съ временемъ подписки. Поэтому передъ новымъ годомъ Писемскій почти всегда появлялся въ Петербургѣ и недѣли двѣ посѣщалъ редакцію, подлежащую гонорарной отвѣтственности.

Съ Кашпиревыми Писемскій сдѣлалъ большое дѣло еще до появленія журнала. Онъ продалъ имъ свой романъ «Люди сороко-

выхъ годовъ» за 12 тысячъ — цѣна для этого времени огромная. Но и романъ былъ огромный: онъ тянулся почти цѣлый годъ, изъ книжки въ книжку, и такъ какъ былъ не изъ лучшихъ у даровитаго автора, то въ издательскомъ отношеніи не оправдалъ надеждъ. Напротивъ, эта первоначальная затрата легла бременемъ на бюджетъ редакціи и сразу ввела ее въ долги. Писемскій предусмотрительно пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ года и выбралъ изъ подписки недоплаченную ему сумму.

Какъ извѣстно, у Писемскаго въ Москвѣ былъ свой деревянный домъ на Арбатѣ, съ нѣсколькими флигелями. И домъ, и флигеля были выстроены на деньги, полученныя за романы. Онъ такъ и называлъ ихъ: вотъ это — «Взбаломученное море», а это — «Люди сороковыхъ годовъ», и т. д.

Юмористъ въ авторствѣ, онъ былъ такимъ же юмористомъ и въ жизни, и въ разговорахъ. Это не мѣшало ему считать себя крайнимъ ипохондриккомъ и постоянно жаловаться на удручающіе его недуги. Но и жалуясь, и брюзжа, онъ былъ чрезвычайно забавенъ. Всѣ знали, что его болѣзни происходятъ отъ ежедневнаго объяденія, и потому относились къ нимъ больше иронически. А можно было бы пожалѣть его, потому что здоровье его дѣйствительно было разстроено, и хотя онъ умеръ старикомъ, но все-таки рано для своего могучаго организма.

Въ присутствіи Писемскаго кашпиревскія «среды» значительно мѣняли свой характеръ. Славянскій вопросъ, злоумышленія Бисмарка, подвиги въ Средней Азіи—все это временно устранялось. Аверкиевъ говорилъ вдвое меньше, чѣмъ обыкновенно, и голосъ его на половину понижался. Вниманіе привлекалось къ литературѣ и къ дѣламъ житейскимъ. Въ обѣихъ этихъ областяхъ Писемскій являлся и знатокомъ, и художникомъ. Онъ никогда не «разсказывалъ» нарочно для развлечения слушателей, и вообще говорилъ немного, съ одышкой, съ костромскимъ выговоромъ и московскимъ растягиваньемъ, но въ каждой его фразѣ сверкалъ крупный, нѣсколько циническій умъ, и привычка думать образами. Онъ былъ превосходнымъ сотрапезникомъ героевъ Рабле...

Писемскій охотно читалъ вслухъ, въ особенности свои комедіи. Послѣ его мастерскаго чтенія, лучше было не смотрѣть пьесу въ театрѣ: актеры не умѣли дать дѣйствующимъ лицамъ такой характерной, сочной интонаціи, какую давалъ авторъ. Самобытный, самородный и умный художникъ слышался въ каждой его фразѣ. Видѣвшіе его въ любительскихъ спектакляхъ говорили, что онъ превосходно игралъ главное дѣйствующее лицо въ своей первой драмѣ «Горькая судьбина».

Надо было пожалѣть, что знакомства съ Писемскимъ не искали молодые авторы: онъ умѣлъ удивительно ясно, въ двухъ словахъ, опредѣлять приемы авторства и законы беллетристической архи-

тектуры. Для начинающих писателей эти указанія и откровенія не могли не быть въ высшей степени полезными.

Но Писемскій оставался въ Петербургѣ обыкновенно недолго, и съ отъѣздомъ его редакціонные вечера утрачивали значительную часть своего интереса. Разговорами овладѣвала политика. Но то была политика глухого реакціоннаго времени, отрѣшенная отъ интересовъ текущей жизни. Тѣхъ вопросовъ, какими мы увлекаемся теперь, не было въ поминѣ. Не ждали ни преобразованій, ни проявленій общественной самодѣятельности. Вся внутренняя политика сосредоточивалась на вводимой графомъ Д. А. Толстымъ системѣ классическаго образованія и на глухой борьбѣ, происходившей въ нѣдрахъ правительства. Новые люди захватили позиціи дѣятелей эпохи великихъ реформъ и мало-по-малу раздѣлывали ихъ историческое дѣло. Д. А. Милютинъ съ трудомъ отстаивалъ свое вліяніе; противъ него уже выступилъ, поддерживаемый аристократическими сферами, союзъ недовольныхъ генераловъ—князя Барятинскаго, Р. А. Фадѣева и, по какому-то недоразумѣнію, М. Г. Черняева. Враги преобразованій 60-хъ годовъ понемногу оттягивали правительство назадъ, и если реакція не приняла стремительнаго хода, то это происходило не отъ недостатка стараній со стороны новыхъ дѣятелей.

При такомъ ущербѣ для общественныхъ интересовъ внѣшняя политика представлялась гораздо болѣе занимательною. Разговоры принимали тотъ характеръ, какой они имѣли въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Россія опять разсматривалась, какъ могущественная военная держава, и быть такой державой казалось цѣлью ея существованія. Ей предназначалось рѣшеніе двухъ величайшихъ задачъ—освобожденіе славянъ отъ турецкаго и австрійскаго ига, и побѣдоносный выходъ изъ неминуемой смертельной схватки между двумя мірами—русско-славянскимъ и германскимъ. А такъ какъ въ то время разыгралась франко-прусская война при благожелательномъ для Пруссіи нейтралитетѣ Россіи, то не было конца соболѣзнованіямъ о близорукости нашего правительства и бездарности нашихъ дипломатовъ. Бисмаркъ окончательно сдѣлался «властителемъ думъ», и никто не хотѣлъ допустить, чтобы въ коварной душѣ его не зрѣли самые злокозненные умыслы противъ Россіи и славянства.

Военную часть національной программы развивалъ преимущественно только что переведенный въ Петербургъ изъ Ямбургскаго полка В. В. Крестовскій. Его считали больше романистомъ, чѣмъ стратегомъ, и къ военному авторитету его относились безъ особеннаго довѣрія; но это не охлаждало его убѣжденности въ рѣшительной непобѣдимости русской арміи. Что мы должны блистательно разбить нѣмцевъ по всей линіи, казалось ему до того неизбѣжнымъ, что всякое сомнѣніе невыносимо волновало его милѣйшее и незлобивѣйшее сердце. А это было какъ разъ послѣ Седана...

Говорятъ, армія должна быть увѣрена въ своей непобѣдимости; однако въ наши печальные дни невольно думается, что такая увѣренность иногда даетъ и отрицательные результаты...

V.

Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно изобразить въ самомъ привлекательномъ видѣ этотъ первый литературный кружокъ, съ какимъ мнѣ довелось сблизиться въ Петербургѣ. Но по совѣсти долженъ сказать, что эти почтенные люди, вполнѣ заслуживавшіе уваженія и сочувствія, страдали однимъ кореннымъ недостаткомъ: они были скучны. Не сами по себѣ, а по какой-то обязательной манерѣ думать и разговаривать, которой они подчинялись, какъ только сходились вмѣстѣ. Скука была чѣмъ-то въ родѣ вицмундира, который очень милые и интересные люди напяливали на себя, отправляясь на редакціонный вечеръ. И, собравшись въ вицмундирахъ, они уже сразу закидали.

Любопытный примѣръ того, какъ дѣйствовала редакціонная атмосфера, представлялъ тотъ же Крестовскій. Онъ былъ моимъ товарищемъ по гимназій, у насъ были общіе знакомые, я видѣлъ его часто въ другой обстановкѣ—и не могъ не изумляться, до какой степени онъ мѣнялся, попадая къ Кашпиревымъ. Веселый, жизнерадостный, увлекающійся, онъ въ кружкѣ «Зари» тотчасъ терялъ свои свойства и погружался въ такую мрачную серьезность, что со стороны даже забавно было смотрѣть. Во всякомъ другомъ обществѣ онъ шутилъ, ухаживалъ, пѣлъ какія-то нелѣпыя, но чрезвычайно смѣшныя вещи, декламировалъ стихи, рассказывалъ чудовищные анекдоты. У Кашпиревыхъ онъ морщилъ брови, тербилъ усы и съ ожесточеніемъ доказывалъ, что Бисмаркъ даже во снѣ думаетъ только о томъ, какъ бы насъ всѣхъ проглотить.

— Чего это ты?—спросилъ я его послѣ перваго вечера въ редакціи.

— А ты не стрекози,—огрызнулся онъ на меня.—Посадили тебя между Страховымъ и Аверкіевымъ,—ну, и разговаривай о Бисмаркѣ.

Къ сожалѣнію, атмосфера кашпиревскихъ «средъ» вліяла не на одни только разговоры. Втягиваясь въ притязательную серьезность кружка, Крестовскій все дальше уходилъ отъ своего призванія романиста. Беллетристика стала казаться ему вздоромъ, которымъ стыдно заниматься зрѣлому человѣку. И онъ сталъ писать исторію уланскихъ полковъ. Сперва написалъ громадный томъ исторіи Ямбургскаго полка, потомъ такой же томъ исторіи гвардейскаго Уланскаго. И онъ очень сердился, когда я говорилъ ему, что отдалъ бы обѣ эти исторіи за одинъ его хорошенькій рассказъ изъ жизни Западнаго края.

— Ты все стрекозишь,—ворчливо повторялъ онъ свой любимый упрекъ.

Забросить беллетристику Крестовскій, впрочемъ, не могъ, потому что она давала ему денежныя средства. Но кашпиревскіе вечера навели на него совсѣмъ несвойственную ему угрюмость, и этотъ оттѣнокъ уже навсегда сохранился у него и замѣтно отразился на его дальнѣйшихъ произведеніяхъ.

Надо замѣтить, что мрачное настроеніе кружка было связано съ общимъ положеніемъ дѣла. Крупные писатели, сошедшіеся въ этомъ кружкѣ, болѣе или менѣе пострадали отъ новыхъ теченій въ литературѣ и обществѣ. Всѣ они имѣли свою долю личной обиды въ движеніи того времени. Когда-то они были героями дня, за ними бѣгала толпа, ихъ имена считалась любимыми, притягательными—и вдругъ выступили новые люди, восторжествовали новые вкусы, и старые кумиры оказались какъ бы въ почетной отставкѣ. Писемскій разошелся съ движеніемъ своимъ романомъ «Взбаломученное море», А. Н. Майковъ почувствовалъ охлажденіе публики къ его выступленіямъ на литературныхъ вечерахъ. Я. П. Полонскій испыталъ ту же участь, Ф. М. Достоевскій не удержалъ своего мѣста во главѣ протестующей молодежи. Въ то же время замолчали, въ недоумѣвающей и оскорбленной позѣ, Тургеневъ, Гончаровъ, Тютчевъ, Фетъ. Болѣе молодые писатели стараго направленія невольно воспринимали ихъ обиду и наполнялись враждебнымъ чувствомъ къ движенію, опрокинувшему любимые кумиры и воздвигшему новыхъ божковъ...

Страховъ былъ уязвленъ равнодушіемъ публики и критики къ его эстетическимъ идеаламъ. Бергъ, когда-то съ успѣхомъ выступавшій на литературныхъ вечерахъ, долженъ былъ ступешаться, когда распорядителями этихъ вечеровъ явились новые люди. Крестовскій также разошелся съ этими новыми людьми, и въ то же время пережилъ тяжелую личную драму, изъ которой нашелъ необычайный выходъ, поступивъ юнкеромъ въ уланскій полкъ. Г. П. Данилевскій былъ, повидимому, пораженъ тѣмъ, что оказался не принадлежащимъ ни къ какому кружку, ни въ какой партіи, ни къ какому поколѣнію. Обстоятельство это явно удручало его, какъ актъ грубой несправедливости. Ко всякому замѣтившемуся литературной критикой онъ обращался съ однимъ и тѣмъ же притязаніемъ:

— Почему никто не пишетъ обо мнѣ? Я вовсе не добиваюсь, чтобъ меня хвалили; я только объ одномъ прошу: поставьте меня на мѣсто!

Данилевскій, котораго не надо смѣшивать съ его однофамильцемъ-славянофиломъ, занималъ официальное мѣсто и считался источникомъ политическихъ новостей. Но едва ли не больше онъ интересовался новостями частнаго характера, и считался неисто-

щимъ въ вѣстовщикомъ въ области кружковыхъ отношеній, недоразумѣній, ссоръ, примиреній и т. п. За такую слабость ему сильно доставалось отъ Н. С. Лѣскова, который самъ былъ зараженъ такимъ же безмѣрнымъ любопытствомъ къ частнымъ дѣламъ. На этой почвѣ возникали анекдоты, иногда весело, а иногда и не совсѣмъ пріятно разнообразившіе кружковую жизнь.

Такимъ образомъ, всѣ постоянные посѣтители кашпиревскихъ раутовъ были болѣе или менѣе недовольны сложившимся положеніемъ дѣлъ. Вполнѣ естественно, что это придавало имъ оттѣнокъ унылаго раздраженія и накладывало на ихъ разговоры печать брюзжанія. И вдобавокъ, каждый зналъ, что дѣла журнала идутъ далеко не блистательно.

VI.

Устраненный отъ общественнаго движенія, кружокъ погружался въ политику. Но я уже говорилъ, что тогдашняя внутренняя политика представляла чрезвычайно слабый интересъ. Вся она сводилась къ тягучей борьбѣ бюрократіи съ либеральными мнѣніями и съ поползновеніями къ общественной самостоятельности и самодѣятельности. Цензура систематически давила живое слово, классицизмъ вводился не какъ основа гуманнаго образованія, а какъ противовѣдіе реальнымъ запросамъ жизни; ревниво преслѣдовались проявленія земской и судебной самостоятельности, ограничивалось развитіе земскихъ школъ и раздувалось ужасное значеніе оправдательныхъ приговоровъ.

Ложное положеніе, въ какомъ очутилась старая литература, заставляло ее примыкать къ бюрократіи. Это опредѣлялось рядомъ любопытныхъ недоразумѣній. Затаенный общественный протестъ не встрѣчалъ сочувствія потому, что напоминалъ бурное движеніе, опрокинувшее литературные авторитеты. Въ земствѣ и въ новомъ судѣ чувствовался тотъ же духъ заносчиваго разночинца, непочтительнаго къ талантамъ и равнодушнаго къ эстетикѣ. Въ классицизмѣ Майковъ видѣлъ средство заинтересовать юношество классической поэзіей, близкой его душѣ. Словомъ, все само собою складывалось такимъ образомъ, что старая литература, вынесшая на себѣ первую волну возрожденія, разошлась съ движеніемъ и болѣе или менѣе явно сближалась съ реакціей.

Такъ какъ самыми ранними гостями на редакціонныхъ «средахъ» обыкновенно были Страховъ и Аверкіевъ, то разговоры шли сначала метафизическіе. Страховъ заявлялъ, что у Н. Я. Данилевскаго есть мысль, которую не замѣтили по ея неизреченной глубинѣ. При словѣ «глубина» Кашпиревъ начиналъ блаженно улыбаться и поглаживать бороду: все глубокое имѣло свойство какъ бы щекотать его.

— Удивительная мысль! — произносилъ онъ, вслушиваясь въ объясненіе Страхова и усиленно сопя.

— А у насъ, вотъ, съ Гегелемъ возьмется,—укоризненно вставляя Аверкіевъ, да такъ громко, что редакціонныя дамы вздрагивали. — Шекспиръ, это другое дѣло. У Шекспира есть мысли, какихъ у десяти Гегелей не найдете. Въ «Королѣ Лирѣ», напримѣръ...

— Чу-у-десно! — вырывалось у Берга съ размахистымъ движеніемъ руки.—Вѣдь какъ это онъ... а-ахъ!

Приходилъ Майковъ и говорилъ, что Шекспира портятъ комментаторы.

— Его надо читать съ дрожью вдохновенія, а не съ подстрочными примѣчаніями,—высказывался онъ.

— Чу-у-десно!—подхватывалъ Бергъ и, замѣтивъ въ дверяхъ силуэтъ княжны Вѣры, направлялся навстрѣчу.

Кашпиревъ грузно поворачивался въ креслѣ.

— Какой позоръ эта франко-прусская война!—вдругъ произносилъ онъ.—Двѣ просвѣщеннѣйшія націи...

На губахъ Страхова обозначалась язвительная улыбка.

— А въ какомъ смыслѣ, Василій Васильевичъ, вы называете ихъ просвѣщеннѣйшими націями? — спрашивалъ онъ тихонькимъ голосомъ.—Это вѣдь можно разное понимать, хи-хи.

И запивалъ свое скромное хихиканье глоткомъ чаю.

Майковъ опускалъ голову, и коричневый лобъ его морщился складками. Это означало, что мысль его ловитъ нѣчто глубокое.

— Мы еще не скоро поймемъ послѣднее слово этой войны,—говорилъ онъ, протягивая руки съ длинными пальцами.—Въ ней еще скажется то, что сейчасъ еще не видно намъ. Историческій приговоръ надъ всей западной цивилизаціей.

— Почему же не видно? Это ясно видно!—вскрикивалъ Аверкіевъ. — Франко-германская исторія началась Карломъ Великимъ, которой топилъ славянъ въ Эльбѣ и Одерѣ...

И на нѣкоторое время разговоръ переходитъ къ войнѣ, къ Бисмарку и къ неминувости германо-славянскаго столкновенія.

Подъѣхавшій Крестовскій торопливо отстегивалъ саблю и возвѣщалъ, подергивая головой:

— Теперь ближайшею европейской войной будетъ наша война съ Германіей. И она обратится въ войну двухъ міровъ—славянскаго и германскаго. Войну на жизнь и смерть!

— Но славянскій міръ еще не готовъ къ этому, — замѣчалъ Страховъ.—По мысли Данилевскаго...

— Да, намъ надо начать съ восточнаго вопроса,—вмѣшивался Майковъ.—Когда мы будемъ стоять на проливахъ...

Разговоръ о проливахъ продолжался долго.

Въ одиннадцать часовъ появлялся Г. П. Данилевскій изъ редакціи «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ онъ читалъ корректуры

— Не знаете новость?— стремительно обращался онъ ко всѣмъ.— Завтра выходить предостереженіе «Голосу».

Извѣстіе вызывало общее возбужденіе. Но никому, повидимому, не жаль было ни Краевского, ни его газеты. Сведенной съ позиціи литературѣ, можетъ быть, даже нравилось, что есть еще другая сила, кромѣ той, отъ которой она пострадала...

— Какая жизнь прежде была!— вдругъ неожиданно восклицалъ Бергъ. — Дворянскія усадьбы, березовыя аллеи... И все прахомъ пошло!

Такъ, обмѣниваясь мыслями и чувствами, бесѣдовали постоянные посѣтители редакціонныхъ вечеровъ, и, повидимому, имъ не было скучно.

Но дѣла «Зари» шли на убыль. Не помогли ни твердая постановка славянской программы, ни безконечные «Люди сороковыхъ годовъ» Писемскаго, ни слабенькій романъ Достоевскаго «Вѣчный мужъ», ни умненькія статейки Страхова. Уныніе все болѣе овладѣвало кругкомъ, хорошо помнившимъ, какъ недогадливая редакція напечатала стихотвореніе В. П. Буренина съ коварнымъ акростихомъ: «Заря Кашпирева умираетъ». Это стихотвореніе, злодѣйски подписанное именемъ Фета, прозвучало, какъ похоронный ударъ колокола...

Въ одинъ скверный зимній день Кашпиревъ, выйдя противъ обыкновенія изъ дому, поскользнулся и сломалъ ногу. Кажется, ему сдѣлали неудачную перевязку. Болѣзнь осложнилась, потребовалось вызвать вторичное срощеніе костей. Призванный на помощь д-ръ И. М. Барчъ поставилъ Кашпирева на костыли и предписалъ умѣренное движеніе. Повидимому, паціентъ плохо исполнялъ предписаніе.

Послѣ продолжительныхъ страданій Кашпиревъ умеръ.

Кругокъ распался, и «Заря» прекратилась.

В. Авсѣенко.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗЛАДЪ ¹⁾.

(Повѣсть).

Х.

УРОШЛО три года слишкомъ.

Апрѣльское, жаркое не по климату, солнце освѣщало точно лучами пламенной любви холодный Петербургъ и красило его, придавая ему несвойственный ему характеръ: довольства, добродушнаго веселья и жизни нараспашку.

Улицы и городскіе сады и садики были полны взрослыми и дѣтьми, не только бѣднаго, городского населенія, но и обеспеченныхъ или богатыхъ классовъ. Всюду слышался говоръ всѣхъ національностей, видѣлись няньки, бонны, гувернантки, дамы, дѣвушки и дѣти въ свѣтлыхъ, непривычныхъ глазу, то красивыхъ, то казавшихся утрированными, съ непривычки, новомодныхъ костюмахъ.

Въ воздухѣ стоялъ гулъ экипажей и телѣгъ, несло чириканье воробьевъ, восхищенныхъ возвратомъ весны, слышались крики разносчиковъ.

По площади, у церкви святыхъ Космы и Даміана, бодрой, энергичной и граціозной походкой быстро шла въ сторону Таврическаго сада молодая женщина. Многіе встрѣчные оглядывались на нее, отчасти оттого, что на ней былъ удивительно ловко сшитый, очевидно, заграничнымъ портнымъ, весенній, гуляльный костюмъ и модная англійская шляпа; отчасти потому, что за ней вдогонку бѣжала толстая, грузная дѣвочка лѣтъ четырехъ-пяти, очень большого роста, въ бѣлыхъ вязаныхъ гамахахъ, теплыхъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVI, стр. 62.

зимнихъ галошахъ-ботикахъ, грязномъ бѣломъ салопчикѣ и грязномъ бѣломъ капорѣ съ синимъ вуалемъ.

— Мама!—кричала дѣвочка.—Мама!

За дѣвочкой, то замедляя бѣгъ, то припускаясь бѣжать скорѣе, слѣдовала, улыбаясь, молодая няня или горничная въ бѣломъ передникѣ, платочкѣ на головѣ, черномъ драповомъ жакетѣ и сѣрыхъ, фильдекосовыхъ перчаткахъ на рукахъ, державшая, растопыря пальцы, прижатую къ груди деревянную новую игрушечную лопаточку.

— Олинька!.. Олинька!.. — изрѣдка покрикивала дѣвушка, и звукъ ея голоса звонко несся по улицѣ.—Куда-й то вы?

Молодая изящная женщина, между тѣмъ, все ускоряла шагъ, видимо, стараясь отдалиться отъ ребенка и, слегка поворачивая голову, смотрѣла: не отстала ли дѣвочка? Но дѣвочка была тутъ, тоже, видимо, стараясь изо всѣхъ силъ настоять на своемъ, т. е. догнать даму.

— Мама!—кричала она почти со слезами.—Мама!..

Раскраснѣвшееся лицо ея было широко и некрасиво, съ маленькими коринками-глазами и толстымъ мясистымъ носомъ, но выраженіе этого лица было доброе, ласковое и вмѣстѣ съ тѣмъ теперь полное отчаянія.

Наконецъ она догнала даму и схватилась на мигъ за ея платье.

Недовольно сверкая глазами, дама остановилась.

— Какая я тебѣ мама!.. Совсѣмъ не мама! Уходи прочь!—выговорила она, съ досадой оглядывая дѣвочку.—Возьмите ее,—обратилась она хмурясь къ подбѣжавшей молодой, миловидной дѣвушкѣ, и безъ того схватившей дѣвочку за руку.—Возьмите ее... И не позволяйте ей приставать къ прохожимъ. Что за безобразіе!—добавила дама и быстрой легкой походкой пошла было впередъ, но вдругъ опять остановилась.

— Здравствуйте, Татьяна Алексѣевна!—выговорила ей вслѣдъ жалобнымъ пѣвучимъ тономъ дѣвушка, стоя, нагнувшись къ ребенку, но поднимая къ уходившей круглое русское лицо и вперяясь въ ея затылокъ глазами.—Мы думали, вы насъ узнаете, обрадуетсясь...

Поблѣднѣвъ, какъ полотно, дама обернулась.

— Совсѣмъ я не Татьяна Алексѣевна! — черезъ мгновенье рѣзко отрѣзала она и, точно чего-то боясь, подозвала проѣзжавшаго безъ сѣдока извозчика, быстро сѣла въ пролетку и такъ же нервно быстро, не оглядываясь, приказала ему ѣхать прямо, прямо, къ Таврическому саду.

Дѣвушка въ платочкѣ и дѣвочка въ грязномъ капорѣ съ синимъ вуалемъ, держась за руку, остались на панели у почтовой конторы и, словно закаменѣвъ, стали смотрѣть вслѣдъ отбѣжавшей, сидѣвшей особенно прямо и гордо.

У дѣвочки кружечкомъ былъ открытъ ротъ, въ которомъ сверкали бѣлые фарфоровые, молочные зубы.

У дѣвушки изъ глазъ текли слезы, и она кончикомъ головного платка утирала носъ.

— Это мамà?—выговорила вдругъ дѣвочка, когда извозчикъ былъ уже далеко.

— Оpoznалася я, милая!—съ сильно акающимъ, московскимъ произношеніемъ отвѣчала дѣвушка, всхлипывая.—Нѣтъ, не мамà!..

Дѣвочка подняла глаза и испытующе посмотрѣла на нее.

— Нѣтъ, мамà!.. Нѣтъ, мамà!..—топая ногами, вдругъ закричала она.—Ты теперь врефь! Мамà!—И, выдернувъ свою руку изъ руки дѣвушки, дѣвочка съ громкимъ плачемъ побѣжала на мостовую въ сторону, куда уѣхалъ извозчикъ.

Няня догнала ее, привела обратно на тротуаръ, испуганно присѣла передъ ней на корточки и, какъ могла и умѣла, стала утѣшать и унимать ее, вытирая крупныя слезы, катившіяся по ея лицу, вынутымъ изъ ея же платъица платкомъ, но дѣвочка не унималась, а, напротивъ, кричала все сердитѣе и капризнѣе.

— Ты говорила мамà, а теперь не мамà!.. Зачѣмъ говоришь не мамà!..

Прохожіе, особенно выходившіе изъ почтовой конторы, стали останавливаться, оглядывать группу, прислушиваться.

Какая-то старушка, возмущенная капризами ребенка, прошептала, проходя мимо:

— Этакій негодный ребенокъ!.. Вотъ погоди, я городского приплю... Вотъ, вотъ, сейчасъ!.. Смотри!.. Идетъ!..—добавила она уже громко, обращаясь къ Олѣ и переглядываясь съ няней.

— Слышишь, что тетенька говоритъ?..—прошептала дѣвушка, не зная, чѣмъ успокоить свою Оленьку.—Городовой идетъ! На улицѣ кричать не дозволяется. Срамъ какой!.. Вонъ, погляди-ка!.. Воонъ...—указала она рукой на перекрестокъ и, пользуясь остановкой плача дѣвочки, оборачивавшей голову во всѣ стороны и отыскивавшей глазами блюстителя порядка и тишины, дѣвушка схватила ребенка за руку, поднялась и съ ярко-желтой лопаточкой въ рукѣ побѣжала по улицѣ домой.

Виновница всей происшедшей сцены, между тѣмъ, сидѣла особенно прямо и гордо въ пролеткѣ и, боясь оглянуться, ѣхала все дальше и дальше.

Лицо ея дрожало отъ сдерживаемыхъ рыданій, слезы текли подъ вуалеткой, губы кривились. Въ глазахъ стоялъ образъ некрасивой, неряшливо одѣтой, большой не по возрасту Оли, звавшей ее: мамà, мамà!..

Въ мысляхъ проносилось: «Онъ былъ всѣмъ недоволенъ въ моемъ обращеніи съ ней... А теперь?.. Теперь у нея видъ безумно бало-ваннаго и все же заброшеннаго ребенка... Въ этакую жару ват-

ное пальто, гамаша, теплыя галоши... Слипшіея потныя волосы на лбу!.. Да!... А все, что я ни дѣлала, было нехорошо, значило, что я не берегу... Я.. я!..»

Рыданія подступали къ горлу Татьяны Алексѣвны, но она подавляла ихъ, и мысли ея бѣжали дальше.

— А дѣвушка съ ней была, это Глаша, которая въ Москвѣ тогда открыла мнѣ дверь. Она узнала!.. Странно, что узнала... Черезъ три года... Я бы ее не узнала... Нѣтъ, теперь ужъ не могу!.. Ужъ нечего ѣхать къ Ольхиной!»

Татьяна Алексѣвна тронула по спинѣ извозчика, приказала ему свернуть къ Сергіевской и ѣхать на Моховую, гдѣ жили старики Харины.

Въ глазахъ ея стоялъ образъ толстой некрасивой Оли съ спущенными гамашами на тумбочкахъ-ногахъ, въ ушахъ звенѣлъ отчаянный дѣтскій вопль: «мама!..»

По лицу текли слезы. Въ головѣ мелькало воспоминаніе о семьѣ, про которую писала въ «Вѣстникѣ Европы» въ своемъ очеркѣ врачъ А. Ш.—ва.

— Да, да!.. Все то же самое!.. Все то же самое!—шептала Татьяна Алексѣвна, и ей хотѣлось заткнуть уши, чтобы не слышать этого дѣтскаго, отчаяннаго крика.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ она, побѣдоносно вынеся борьбу съ мужемъ, уѣхала, разбитая физически и нравственно, съ Соней и ради Сони за границу.

Андрей Николаевичъ, не хотѣвшій сначала дать ей паспортъ, принужденъ былъ это сдѣлать, такъ какъ за нее вступились и стали хлопотать ея старыя, вліятельныя друзья и знакомые.

Татьяна Алексѣвна, какъ и предупреждала, не остановилась ни предъ чѣмъ, т. е., доведенная до крайности, обратилась даже къ очень большому сановнику, раньше бывшему посланникомъ, и рассказала ему свое положеніе.

Черезъ недѣлю сановникъ пріѣхалъ къ Татьянѣ Алексѣвнѣ и привезъ паспортъ.

— Спасибо вамъ, спасибо!.. говорила Татьяна Алексѣвна, принимая съ глазами, влажными отъ слезъ, этотъ драгоценный для каждаго русскаго предметъ.—Но какъ вы его убѣдили?..

И она на мгновеніе закрыла лицо руками, узнавъ, какъ, изъ-за чего далъ паспортъ Андрей Николаевичъ.

— Но развѣ не ужасъ, развѣ не... какъ это сказать... не горе, что онъ изъ страха рѣшился на то, на что у него не хватало мужества и благородства рѣшиться изъ чувства справедливости! — говорила она.—Развѣ не ужасъ?.. Вѣдь не можетъ же онъ не чувствовать, что нашъ семейный союзъ не я, а онъ давно разрушалъ и наконецъ разрушилъ... И что же, — онъ хотѣлъ жить вмѣстѣ, какъ одна семья, подъ одной кровлей, въ такихъ условіяхъ, какъ

мы жили послѣдній годъ?.. Да вѣдь это былъ адъ... Какія мы были мужъ и жена?.. Каторжники изъ римской исторіи, скованные цѣпями попарно и принужденные выносить другъ друга не изъ любви или дружбы, а изъ страха, изъ необходимости.

— Ну, вы не очень-то философствуйте! — съ доброй, но нѣсколько заученной улыбкой, перебилъ графъ-сановникъ, граціозно помахивая въ воздухъ поднятой рукой.— Не очень-то! А поѣзжайте за границу отдыхать и отдыхайте среди миртъ и лавровъ. Мы съ женой тоже думаемъ туда пріѣхать,—«устало сказалъ онъ, прощаясь еще разъ у двери передней.— Будемте вмѣстѣ лазать по горамъ...

— Будемте!.. улыбулась Татьяна Алексѣевна и, когда сановникъ вышелъ въ переднюю, прошла къ Вассѣ Ивановнѣ, сидѣвшей у Сони.

— Васса Ивановна... Вотъ!—проговорила она, протягивая бумагу, данную Андреемъ Николаевичемъ.— Графъ привезъ. Это паспортъ, паспортъ!

Васса Ивановна оторвалась отъ книги, которую читала Сонѣ.

— Ну, и слава Богу,—сказала она.— Теперь вамъ надо только одно: сейчасъ же укладываться, не теряя времени... И какъ можно скорѣе уѣзжать. Скоро вѣдь Нева тронется. Только надо заграничный паспортъ достать.

— Ну, это ужъ пустяки! — разсѣянно задумчиво отозвалась Татьяна Алексѣевна и, посидѣвъ и поговоривъ съ Соней, вышла и вызвала къ себѣ Вассу Ивановну.

— Я чувствую себя какъ во снѣ! — говорила она акушеркѣ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и жестикулируя. — Просто не вѣрю своему счастью!

— Ну, да еще бы!..—сочувственно отзывалась Васса Ивановна. Какъ же не радоваться... Только вы напрасно такъ безпокоились... Съ вашими связями-то, да не добиться!.. Это, знаете, маленькаго человѣка можно задавить, а васъ!..

Васса Ивановна съ сомнѣніемъ покачала головой.

Татьяна Алексѣевна внутренно съежилась.

«Что же это такое!—мелькнуло у нея.— Я достигла своихъ правъ, вѣдь нравственное право на моей сторонѣ, — достигла незаконно, т. е. черезъ протекцію, произволомъ? Значитъ, я не въ правѣ была добиваться ихъ, и если добилась ихъ, то только потому, что произволь былъ на моей сторонѣ... А будь я не я, т. е. не имѣй я связей... то что жъ это выходитъ? Произволь здѣсь играетъ благодѣтельную, законную роль, потому что обоснованъ на законахъ, вложенныхъ Богомъ въ каждое человѣческое сердце, на чувствѣ справедливости, а законъ государственный не законъ, а гнетъ, несправедливость... Значитъ, жизнь переросла законъ. Отчего же его тогда не измѣнить?.. Для кого тогда онъ нуженъ?.. Для злоупотребленій только... Такъ какъ право совѣсти на моей сторонѣ и на

сторонѣ такихъ, какъ я... значить, я не имѣю въ сущности права воспользоваться моимъ правомъ...»

Она долго не могла примириться съ этимъ своимъ выводомъ, чувствуя свою виновность передъ другими неизвѣстными ей страдалцами, поставленными въ такое же положеніе, какъ и она, и испытывала весь этотъ день и особенно ночь мучительный разладъ.

Минутами ей казалось даже, что будетъ недостойно воспользоваться своимъ правомъ и уѣхать за границу.

— Передо мною лежитъ дилемма, какъ передъ однимъ страшнымъ лѣнтяемъ, — говорила она Вассѣ Ивановнѣ на слѣдующій день за вечернимъ чаемъ, странно усмѣхаясь.

— Ну, что вы?.. — испуганно отзывалась акушерка. — Какая дилемма?.. Зачѣмъ?

— Лежить! — пожимая плечами, повторяла Татьяна Алексѣевна. — Я не знаю, могу ли я ѣхать за границу, какъ не зналъ онъ, можетъ ли онъ лучше учиться, потому что боялся получить медаль, чтобы не отнять ее отъ болѣе нуждающагося.

— Ну, Богъ съ вами, — успокаивала ее Васса Ивановна. — Что же тутъ общаго?.. Лѣнтяй и вы?..

«Крой крышу дома своего», наконецъ ночью пронеслось у Татьяны Алексѣевны въ мысляхъ, и она невольно облегченно вздохнула.

«Да, если бы всѣ безъ исключенія крыли крыши своихъ домовъ, и имъ никто не мѣшалъ бы крыть, — не было бы горя и нищеты», подумала она и рѣшила поступать, какъ крестьяне, которые, какъ бы тяжело имъ ни было, пашутъ, орутъ, боронятъ, сѣютъ и собираютъ, и этимъ самымъ совершаютъ свое личное, насущное и вмѣстѣ великое міровое дѣло.

Въ срединѣ марта, устроивъ свои дѣла, взявъ маленькую квартиру, составивъ въ нее свою мебель, сундуки, ящики, и корзины, приставивъ беречь ее старую, довѣренную кухарку, Татьяна Алексѣевна съ смѣшаннымъ чувствомъ грусти, что прежняя жизнь кончена навсегда, негодованія, что свекровь не отвѣчаетъ ей на ея письма, и радости отъ сознанія свободы повезла Соню за границу.

Андрей Николаевичъ, несмотря на ея неоднократныя записочки, въ которыхъ она спрашивала, что дѣлать съ квартирой, его личной мебелью и вещами, ничего ни разу не отвѣтилъ ей и вообще между собой, Олей и женой поставилъ, несокрушимой стѣной, — молчаніе.

«Все, все равно!» думала Татьяна Алексѣевна, чувствуя, что сердце ея такъ наболѣло за послѣднее время, что молчаніе мужа, если онъ имъ хотѣлъ донять ее, уже не имѣетъ на нее воздѣйствія.

«Все, все равно!» повторяла она знакомымъ съ горькой улыбкой. «Въ душѣ живого мѣста нѣтъ»... и передъ отъѣздомъ послала Андрею Николаевичу послѣднюю записку, въ которой говорила, что его вещи будутъ стоять на квартирѣ еще двѣ недѣли, а затѣмъ квартира будетъ сдаваться.

«Уѣхала-таки!» крикнулъ Андрей Николаевичъ, получивъ эту записку черезъ Нила, и онъ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что пролилъ стаканъ съ чаемъ, который только что намѣревался пить.

— Ну, хорошо же!... Посмотримъ!..—вечеромъ того же дня говорилъ онъ, сквозь зубы, старикамъ Харинымъ, пугая ихъ (особенно старушка боялась его, какъ разбойника), прѣхавъ къ нимъ неизвѣстно зачѣмъ, такъ какъ они считались знакомыми Татьяны Алексѣевны, а не его.—Хорошо, хорошо!.. Увидимъ!.. Посмотримъ!..

И дѣйствительно, Татьяна Алексѣевна, живя за границей, принуждена была «увидѣть» и «посмотрѣть», такъ какъ Андрей Николаевичъ запретилъ матери отвѣчать на письма его жены, и Татьяна Алексѣевна ни отъ кого ничего не могла узнать о дочери.

«Боже мой!» особенно часто первое время зывала она, сидя въ Пиренейскихъ горахъ, куда съ трудомъ и большими остановками привезла, съ помощью Саши, впадавшую въ обморокъ отъ слабости Соню, ожидая писемъ изъ Россіи и не понимая, отчего свекровь молчитъ.—Вѣдь она обѣщала писать! И неужели она не понимаетъ, что этимъ она оскорбляетъ меня?! И отчего Машенька пишетъ, что она ничего не можетъ сказать мнѣ объ Олѣ, такъ какъ ее не допускаютъ къ ней?.. Что жъ, это новая казнь?..

И Татьяна Алексѣевна сжимала холодныя руки и поднимала глаза къ небу.

Передъ ней, куда бы она ни пошла, гдѣ бы ни сидѣла, въ саду, или въ отелѣ на балконѣ, разстилалась та поразительная красота природы, передъ которой человѣку мысленно инстинктивно хочется стать на колѣни, какъ при лицезрѣніи края божественной ризы.

Возлѣ нея, на кушеткѣ или въ большой колясочкѣ, лежала пластомъ, безъ движенія, желтая, какъ воскъ, Соня, олицетвореніе сиротливой дѣтской безпомощности.

— Боже мой!—зывала Татьяна Алексѣевна.—Что я сдѣлала такое, чтобы онъ такъ терзалъ меня, такъ оскорблялъ меня? Развѣ это не произволъ, гораздо худшій, чѣмъ тотъ, благодаря которому я достала отдѣльный видъ на жительство, чтобы сохранить жизнь этой несчастной крошкѣ?..

Она опускала глаза и улыбалась Сонѣ, не отводившей отъ нея грустно-печальнаго, вопрошающаго взгляда.

— Жаловаться? Но кому, какъ и на что?.. Онъ скажетъ, что я сама бросила Олю... Нѣтъ, надо одно, одно... одно!—одѣваясь утромъ и раздѣваясь вечеромъ, думала она, замѣчая какъ съ

каждымъ днемъ платья становятся шире, и чувствуя, какъ силы ея падаютъ, несмотря на чудный климатъ и воздухъ въ Каннѣ.— Надо одно: замкнуть сердце свое, не допустить въ немъ проявленія малѣйшей нѣжности къ ребенку... къ Олѣ... Такъ будетъ спокойнѣе, лучше, лучше!..

Она вперяла взоры въ окружающія лоцины, величественно спокойныя горы, темную листву вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, въ цвѣты розовыхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, распространяющихъ свое умиротворяющее благоуханіе, и чувствовала: вѣчную красоту, вѣчную любовь, вѣчную мысль, разлитую всюду, точно окружающую ее своими объятіями, взывающую къ ея сердцу, къ ея разуму, къ всему ея существу: «Ищи, ищи!»

— Боже мой! какъ тутъ хорошо!..

— Хотъ бы не было лишнихъ страданій въ мірѣ,—думала она.—Т. е. хотъ бы люди не заставляли другъ друга страдать даромъ... Какъ бы передѣлать все, весь міръ!.. Андрея Николаевича!..

Она застывала на этихъ мысляхъ и снова видѣла въ яркихъ лучахъ солнца спокойныя горы, перистыя красавицы пальмы, лиловыя грозди развѣсистыхъ пауловній, чувствовала запахъ миртъ, апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, сознавала всю красоту, окружавшую ея... И вдругъ внутри ея начинало вырастать что-то новое требовательное, прекрасное:

— Ищи!..—И ей хотѣлось не столько передѣлывать весь міръ, сколько простить его въ великой жалости и любить, любить...

XI.

Послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей Татьяна Алексѣевна вернулась въ Россію.

Соня окрѣпла настолько, насколько было возможно при ея слабой комплекціи, и значительно поправилась на видѣ. Доктора за границей совѣтовали только вернуться съ ней въ Россію къ лѣту, чтобы она привыкла исподволь къ сѣверному климату.

— *Soyez sans inquietude. Elle est plus forte, qu'elle ne parait,* — говорилъ знаменитый дѣтскій врачъ Монтэ, и Татьяна Алексѣевна вполнѣ сознательно соглашалась съ нимъ.

Девятилѣтней Сонѣ, на видѣ, нельзя было дать болѣе шести лѣтъ.

Хрупкая, блѣдная, съ нѣжно-розовымъ румянцемъ на худенькихъ щекахъ, съ тоненькими ручками и ножками, съ длинными рѣсницами надъ большими, всегда печальными и задумчивыми глазами, съ длинными, отросшими за три года волнистыми бѣлокурыми волосами, отливавшими золотомъ, какъ спѣлые колосья,—дѣвочка казалась существомъ воздушнымъ, обреченнымъ на недолгое земное странствованіе, и страшно становилось смотрѣть на

нее. На самомъ же дѣлѣ, она никогда ни на что не жаловалась въ своемъ здоровьѣ, могла много ходить и вообще была выносливѣе, чѣмъ можно было предположить съ перваго взгляда.

Любовь Татьяны Алексѣевны къ ней доходила до болѣзненности, но, съ присущей ей силой воли, молодая женщина старалась не допускать себя до нервничанья и стала употреблять съ пользой для себя эти года заграничной жизни.

Послѣ перваго года, проведеннаго въ полномъ отдыхѣ отчасти въ Пиренейскихъ горахъ, отчасти, осенью, возлѣ Биаррица, въ деревушкѣ на берегу моря, Татьяна Алексѣевна переѣхала въ Швейцарію, въ Монтрѣ, а потомъ стала слушать лекціи въ лозанскомъ университетѣ.

— Вернусь въ Россію и буду помогать, чѣмъ могу, русскому народу!—думала она, прислушиваясь къ тому новому плану, который, какъ бы тайно отъ нея самой, детально созрѣвалъ гдѣ-то внутри ея.—Довольно этой свѣтской, никого никогда не удовлетворявшей жизни. Довольно!.. Довольно и жизни самки, на которую обрекалъ меня и Андрей Николаевичъ.

И она вспыхивала, припоминая подробности жизни своей со вторымъ мужемъ.

— Какъ могла я подчиняться имъ!—думала она, содрогаясь.—Какъ могутъ вообще чистыя дѣвушки обречься родителями, обществомъ, на такую душегубящую обстановку... Развѣ это бракъ въ высокомъ, нравственномъ смыслѣ?.. Развѣ этотъ бракъ благословляло христіанство, называя и языческій бракъ истинной любви не скверной... Или этотъ, нашъ бракъ исключеніе, а большинство браковъ какъ мой, съ первымъ мужемъ?.. Но нѣтъ!..

Передъ Татьяной Алексѣевной мелькалъ образъ знакомой молоденькой женщины, почти ребенка, встрѣченной въ Биаррицѣ, говорившей ей послѣ трехнедѣльнаго брака съ восторгомъ о кафешантанахъ, опереткахъ и пр., называвшей это *le fruit défendu* и со смѣхомъ утверждавшей, что они съ мужемъ говорятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ стыдно, нельзя сказать никому третьему.

— Развѣ это бракъ?.. Развѣ это не грязь, которою почти каждый мужчина хочетъ зачѣмъ-то закидать, забросать еще недавно для него чистое, дорогое, высокое существо?.. Такъ и Андрей Николаевичъ: закидалъ грязью и потомъ самъ же сталъ съ презрѣніемъ относиться... Да, это такъ!.. Такъ!... И я, и мы всѣ поддаемся, потому что и до насъ такъ было... А потомъ!.. Нѣтъ, провести жизнь, какъ провела ее Варвара Николаевна, не подвигъ, хоть она, бѣдняга, и срѣзала волосы... Воспитать такого сына, какимъ былъ ея мужъ, какимъ сталъ Андрей, наглядѣвши на отца,—не долгъ, а преступленіе. И она, не вѣдая, что творитъ,

совершила это преступленіе... Я попробую иначе... Не хочу быть рабой... Не хочу!.. Не принжусь до общаго уровня... «Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ, когда бъ ты менѣ терпѣлъ?»—припомнились ей вдругъ стихи изъ «Бурлаковъ» Некрасова.—Да!.. Чѣмъ хуже?.. Нѣтъ, я не сдѣлаюсь рабой человѣка и не буду слугой того, что сдѣлано людьми,—перефразировала она слова Павла Тарсянина.—И пусть тамъ фарисеи и лицемѣры говорятъ, что хотятъ, обвиняютъ меня и негодуютъ, что я разбиваю семью, не дѣлая попытокъ къ примиренію... Къ нему я не вернусь. Отнынѣ наши жизни должны итти по разнымъ путямъ... Онъ самъ этого хотѣлъ...

А Оля?—громко протестовалъ какой-то голосъ.

— Что жъ Оля?—хмурясь, точно отъ физической боли, отвѣчала себѣ Татьяна Алексѣевна.—Вотъ я почти годъ, какъ уѣхала изъ Россіи, и ничего не знаю о ней. Такъ, вѣрно, и впредь будетъ!.. И что жъ, было бы лучше, если бы мы жили вмѣстѣ, и она слышала бы и была бы свидѣтелемъ того, что слышала и видѣла Сонни?.. Всѣхъ этихъ криковъ: «подлая, мерзкая... гадина» и пр.

Татьяна Алексѣевна опять содрогалась и мгновенно представляла себѣ падчерицу, похожую на сорванную сѣверную, полевую бѣлую анемону, завядшую въ жаркой, жестокой для нея человѣческой рукѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!..—говорила она себѣ.—Пусть такъ будетъ, какъ вышло, какъ случилось!.. Этому я противиться не буду... Не буду!.. А буду мирно созидать добро, т. е. такъ жить, чтобы Оля, когда бы ни услышала обо внѣ, когда бы ни увидѣла меня,—могла потянуться лучшимъ, что есть въ ея душѣ и въ каждой человѣческой душѣ,—потянуться ко мнѣ!..

Такъ разсуждала и не столько разсуждала, сколько чувствовала Татьяна Алексѣевна, живя за границей, а событія дѣйствительной жизни текли и текли.

Изъ Крыма пришло извѣстіе о смерти отца Татьяны Алексѣевны. Она проплакала весь день, но поѣхать къ нему на похороны, т. е. оставить Соню, не рѣшилась. Потомъ какъ-то пришло извѣстіе отъ сановника-графа, что Андрей Николаевичъ получилъ мѣсто на югѣ, и что, кажется, съ нимъ ѣдетъ его мать и дочь.

«Значитъ, Оля жива», сказала себѣ Татьяна Алексѣевна, и странной радостью затрепетало ея сердце.

«Что мнѣ Оля?—думала она:—вѣдь я не люблю ее!.. А вотъ радуюсь, что она жива. И что ей говорятъ про меня?.. Знаетъ ли она, что я не умерла?.. Или слово «мать» изгнано изъ ихъ дома?.. Или она называетъ мамà Варвару Николаевну?.. Ну, что жъ, я и этому противиться не стану!..

Послѣ этого извѣстія прошло еще года полтора. Жизнь Татьяны Алексѣевны пріобрѣтала все больше осмысленности, наполнялась

новыми интересами, все больше являлось у нее знакомых среди людей ума, поэзии и знания. Лекции въ Лозаннѣ все шире раздвигали ея горизонты; все чаще ей начинало казаться, что сердце ея приближается къ познанію Божества, что жизнь хороша, что жизнь прекрасна, что надо только сумѣть устроить ее...

«Вернусь въ Россію и буду жить въ Сониной деревнѣ,—думала она:—пока Сонѣ не понадобится серьезнаго образованія. Буду жить въ деревнѣ. Устрою школу для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ этой школѣ пусть учится и Соня. Пусть братается духовно съ русскимъ народомъ. Пусть учится любить его не издали, а вблизи, не въ мысляхъ, какъ пейзажъ, а въ дѣйствительности. А то вѣдь у насъ многіе любятъ мужика не ближняго, а дальняго, воображаемаго...».

Когда, въ концѣ ея пребыванія за границей, она получила вторичное извѣстіе о мужѣ, что онъ попрежнему продолжаетъ жить на югѣ, на прежнемъ мѣстѣ, и что съ нимъ живетъ и Варвара Николаевна съ Олей, Татьяна Алексѣевна мысленно отмахнулась рукой.

«Все равно, Оля для меня потеряна навсегда! — подумала она.—Нечего и начинать старую или новую канитель!..».

И, возвращаясь въ Россію, Татьяна Алексѣевна постаралась отогнать отъ себя мысли о дочери, постаралась совсѣмъ забыть о ней, но отогнать мысли, забыть дочь она могла только до неожиданной встрѣчи съ Олей на улицѣ. Встрѣча же эта, какъ весенній разливъ, въ одинъ мигъ разрушающій всѣ человѣческія хитроумныя преграды, разрушила въ сердцѣ ея всѣ намѣренія и предположенія.

Увидѣвъ Олю и грубо оттолкнувъ ее, Татьяна Алексѣевна почувствовала, что она совершила нѣчто ужасное, чего ей не забыть, для чего нѣтъ извиненія.

«Господи, и зачѣмъ я сдѣлала это?—упрекала она себя.—Поговорила бы, приласкала... А то... Но вѣдь я думала лучше сдѣлать,—говорила она себѣ,—не беречь своихъ ранъ и ея ранъ, не терзать ея душу... А вотъ!.. Конечно, сдѣлала хуже!.. Не изжить мнѣ этой тяготы на сердцѣ!..—думала она, позднѣе чувствуя непреодолимую муку и угрызения совѣсти.—И кто ей говорилъ про меня?.. Вѣрно, Глаша», рѣшила она какой-то интуиціей и ни на минуту не усомнилась въ вѣрности своей догадки.

«Да, жизнь, жизнь!.. Сложная вещь жизнь!.. Для нея, какъ для болѣзни, нѣтъ одного лекарственнаго рецепта... Въ каждомъ случаѣ—новое, свое, особенное... И какъ, зачѣмъ они въ Петербургѣ? Получилъ онъ новое назначеніе? Или тутъ одна Варвара Николаевна?..».

Въ день встрѣчи, вернувшись страшно разстроенная домой, въ Царское Село, Татьяна Алексѣевна взяла къ себѣ на колѣни Соню и долго держала ее, прижимая къ груди.

«Нѣтъ, та никогда не будетъ такъ дорога мнѣ, какъ эта!— думала она, глядя шелковистую головку дѣвочки.—Моя поблекшая анемоночка!..».

Соня тоже, точно что-то почувствовавъ, цѣловала платье на шеѣ, плечахъ, груди мачехи, гдѣ только могла, и, изрѣдка вытягивая тоненькую шею, касалась губами подбородка Татьяны Алексѣевны.

Въ воздухѣ разлита была вечерняя тишина.

Сквозь стекла запертыхъ оконъ дачки видны были покрытыя бѣлыми цвѣтами фруктовыя деревья попеременно съ орѣшниками, запылившими сережками, и ветлы, ясени и березы, покрытыя распускающимися прозрачными листочками.

Въ сосѣдней комнатѣ m-elle Marie, швейцарка-гувернантка, привезенная Татьяной Алексѣевной изъ Лозанны, домовито хлопотала у накрытаго чайнаго стола.

Саша горничная, прожившая всѣ три года за границей, научившаяся очень порядочно говорить по-французски, приносила и ставила на столъ то домашній свѣже-испеченный хлѣбъ, то домашнее свѣже-сбитое масло...

И все, куда ни попадалъ взглядъ Татьяны Алексѣевны, все кругомъ дышало уютомъ, миромъ и не показнымъ, а настоящимъ довольствомъ.

— Да, это не Оля, — думала Татьяна Алексѣевна, глядя на ловко сшитый матросскій костюмъ Сони, на ея худенькія длинныя ноги въ туфляхъ Мольеръ и туго натянутыхъ черныхъ чулкахъ.

«Мамà, мамà!» звенѣло въ ея ушахъ.

— Сонни, ты хотѣла бы увидѣть Олюсю?—спросила она вдругъ, крѣпче прижимая къ себѣ падчерицу, и тотчасъ, краснѣя, нагнула лицо, заглядывая ей въ глаза.

— Я, какъ древній еврей,—мелькало у нея. — Извѣрилась въ свою способность разсуждать и чувствовать правильно, и жду непосредственнаго откровенія изъ устъ ребенка, т. е. существа, не знающаго и не принимающаго въ соображеніе никакія житейскія обстоятельства, не отравленнаго ими.

— А что? — быстро вопросомъ на вопросъ отвѣчала дѣвочка, поднимая къ Татьянѣ Алексѣевнѣ блѣдно-голубые глаза.

— Да такъ! — уклончиво сказала Татьяна Алексѣевна. — Хотѣла бы?..—повторила она черезъ мгновеніе.

Соня помолчала.

— Безъ папà, да, хотѣла бы... — прошептала она потомъ еле слышно, задумчиво глядя передъ собою вдаль. — А съ папà... нѣтъ! — сказала она рѣшительно и, вздохнувъ, обвилась руками вокругъ шеи Татьяны Алексѣевны, пряча лицо на ея груди.

— Вотъ и отвѣтъ!—думала Татьяна Алексѣевна.— Вотъ и отвѣтъ! Кротки, какъ голуби, и мудры, какъ змѣи!

Позднѣе, ложась спать, Соня вдругъ обратилась къ присутствовавшей при ея укладываньи m-elle Marie. «N'est ce pas, vous savez, que j'ai une soeur?» спросила она, выговаривая, какъ французы «р», чего по-русски она не дѣлала. «Une toute petite», протянула она, поднимая изъ воды голыя косточки руки съ кускомъ мыла между ладонями.

— Мойтесь, мойтесь!—въ отвѣтъ только приказала швейцарка, выставляя впередъ лицо,

— Да, но вы помните, я вамъ говорила про мою маленькую сестру,—сказала, прищуриваясь, Соня.—Она совсѣмъ маленькая, такая, какъ Жаанъ, — пояснила она, протягивая звукъ «а» въ словѣ Жаанъ, упоминая имя дочери хозяина пансіона, въ которомъ онѣ жили въ Лозаннѣ. — Вы ее, можетъ быть, скоро увидите, — лежа уже въ кроваткѣ и прощаясь на ночь съ швейцаркой, лукаво добавила она таинственнымъ шопотомъ.—Скоро... Можетъ быть... я буду рада... а вы?

M-elle Marie засмѣялась.

— Очень!—отвѣчала она выразительно и съ удареніемъ.

Въ эту ночь дѣвочка долго не могла заснуть.

Татьяна Алексѣевна принуждена была дать ей брома, а на слѣдующее утро, когда Татьяна Алексѣевна снова собралась въ городъ, Соня подошла къ ней и, воспользовавшись отсутствіемъ Саши, многозначительно спросила:

— Мама, ты къ Олюсь?

Татьяна Алексѣевна вздрогнула.

— Нѣтъ. Я не знаю, гдѣ она живетъ. А что?

— Такъ, ничего,—сказала Соня. — Я думала, ты знаешь, но, когда ты узнаешь, ты мнѣ скажешь?—скороговоркой добавила она.

— Хорошо,—согласилась Татьяна Алексѣевна.—Ты хочешь ее видѣть? Ты любишь ее?

Соня, улыбаясь, мотнула нѣсколько разъ головой и припала губами къ рукѣ мачехи.

Съ этого дня Татьяна Алексѣевна начала мытарствовать, отыскивая Олю.

Сначала она обратилась въ адресный столъ, но тамъ, порывшись въ какихъ-то невѣдомыхъ, таинственныхъ помѣщеніяхъ, ей вынесли отвѣтъ, что ни Андрея Николаевича, ни Варвары Николаевны въ Петербургѣ не значится.

— Я видѣла ихъ въ Петербургѣ,—сказала Татьяна Алексѣевна.—Они должны быть тутъ.

— Нѣтъ,—отвѣчали въ столѣ.—Можетъ быть, только что приѣхали, но полиція намъ не дала еще знать. Можетъ быть, остановились гдѣ-нибудь въ гостиницѣ. Справьтесь завтра. Тогда будетъ адресъ.

Татьяна Алексѣевна пожала плечами и вышла.

— Справьтесь завтра,—съ негодованіемъ думала она.—Этакую даль ѣхать—для чего?.. Для того, чтобы опять сказали: не значитъ. А вѣдь еще паспорта есть!.. А за границей, или у насъ въ Финляндіи, никакихъ паспортовъ не нужно, а всѣ адреса извѣстны!

Возмущаясь на русскіе безпорядки и неустройства, какъ уже не разъ приходилось ей возмущаться по возвращеніи изъ за границы, она сѣла на извозчика и поѣхала въ министерство, гдѣ служилъ Андрей Николаевичъ, надѣясь тамъ узнать: въ Петербургѣ ли онъ? Но и тамъ ей не повезло. Швейцаръ сказалъ, что чиновникъ, у котораго записаны всѣ адреса, еще не пришелъ, и просилъ ее обождать, если ей нужна справочка.

— А долго придется ждать?—спросила Татьяна Алексѣвна.

— Да, черезъ часокъ, вѣрно, они будутъ,—отвѣчалъ швейцаръ, поглядывая на круглые стѣнные ясеневые часы.

Татьяна Алексѣвна вышла и развела руками.

— Ну, что жъ? Проѣдусь къ родственникамъ Андрея Николаевича и Варвары Николаевны... Можетъ быть, они что-нибудь знаютъ, а если нѣтъ... тогда вернусь сюда!—сказала она себѣ и приказала извозчику ѣхать на Мойку.

Шелъ дождь. Пришлось остановиться, и у пролетки поднять верхъ.

— Можетъ быть, Харины и правы,—вспоминала она, глядя на суетившагося у экипажа извозчика, свой вчерашній разговоръ съ друзьями-стариками. Она пріѣхала къ нимъ взволнованная, разстроенная послѣ встрѣчи съ Олей.—Можетъ быть, его здѣсь нѣтъ, а тутъ только Олюся съ бабушкой. Можетъ быть, Варвара Николаевна лечится пріѣхала... Да!.. Но во всякомъ случаѣ надо не терять времени,—скоро лѣто. Они уѣдутъ куда-нибудь на дачу.

Разсуждая такъ и чувствуя запахъ поднятаго грязнаго кожанаго верха извозчичьей пролетки, неразрывно смѣшанный съ запахомъ лившаго лѣтнаго дождя, просвѣчивавшаго насквозь солнцемъ, она направилась на Мойку, къ Пѣвческому мосту, но, когда она пріѣхала туда, ей сказали, что господа уѣхали еще въ мартѣ въ деревню. Тогда она поѣхала на Пантелеймонскую, но на Пантелеймонской, у двоюроднаго дяди Андрея Николаевича, самъ дядя холодно вѣжливо объявилъ ей, что о мерзавцѣ-племянникѣ (онъ такъ и сказалъ) онъ ничего не знаетъ.

— Проѣхать развѣ къ церкви Косьмы и Даміана?—разсуждала сама съ собой Татьяна Алексѣвна, невольно улыбаясь при воспоминаніи о суровомъ старцѣ, дядѣ мужа...—Можетъ быть, опять ее тамъ увижу?.. Впрочемъ, сегодня дождь. Гулять ее, вѣрно, не поведутъ...

Въ нерѣшимости Татьяна Алексѣвна вернулась въ министерство, но и тамъ ее ждала прежняя неудача: чиновникъ, у котораго хранились адреса, еще не пришелъ.

— Нельзя ли мнѣ узнать у кого-нибудь, переведенъ ли онъ изъ X?—спросила Татьяна Алексѣевна у дежурнаго незначительнаго чиновника.

— Это можно. Минуту вамъ только обождать придется,—любезно отвѣчалъ чиновникъ и исчезъ, а Татьяна Алексѣевна стала ждать.

Минутъ черезъ десять ее попросили наверхъ, по широкой, величественной, свѣтлой, выкрашенной бѣлымъ лѣстницѣ, въ отдѣльную комнату, по стѣнамъ уставленную стеклянными шкапами, съ большими нумерованными книгами, съ громаднымъ письменнымъ столомъ по срединѣ.

Тамъ ее встрѣтилъ старшій изящный чиновникъ съ бакенбардами, въ вицмундирѣ и, очевидно, желая ей сдѣлать пріятное, былъ съ ней очаровательно любезенъ, подтвердилъ ея догадку, что Андрей Николаевичъ дѣйствительно переведенъ изъ X. въ Z.; но тутъ ли онъ, въ Петербургѣ ли онъ... «Временно», такъ какъ мѣсто служеніе его не Петербургъ,—размахивалъ бѣлыми породистыми руками чиновникъ,—онъ сказать не могъ.

Черезъ минутъ пять Татьяна Алексѣевна вышла отъ него въ полномъ недоумѣніи.

— Точно во снѣ,—думала она:—все глухія стѣны... Кажется, дверь. Подойдешь,—двери нѣтъ.

— Что жъ теперь дѣлать?—и снова, какъ и наканунѣ, она поѣхала къ старикамъ Харинымъ, общавшимъ ей еще вчера, съ своей стороны, навести справки. Но, когда она пріѣхала къ нимъ, оказалось, что въ этотъ день они тоже ничего не могли ей сказать.

— Просто поразительно, какъ у насъ ничего не знаютъ, даже того, что дѣлается подъ носомъ!—мелькало въ мысляхъ у Татьяны Алексѣевны.

Она уѣхала въ Царское, возмущенная и вмѣстѣ грустная, удрученная.

— Можетъ быть, я потеряла ее навѣки!..—говорила она себѣ, и даже Соня показалась ей менѣе дорогой и важной въ ея жизни, чѣмъ обыкновенно. Чувство это длилось мгновение, но Татьяна Алексѣевна потомъ долго не могла простить его себѣ.

Прошло дня три. Напряженное состояніе Татьяны Алексѣевны продолжалось. Она ѣздила въ Петербургъ и всякій разъ даромъ, безуспѣшно, но вдругъ, на четвертый день, около шести вечера, пришла лаконическая телеграмма отъ Хариныхъ:

«Кирочная 47. Серафима Николаевна Тилло де-Бромпаръ».

— Это, вѣрно, незамужняя сестра Варвары Николаевны—Серафима Николаевна, —сообразила Татьяна Алексѣевна, чувствовавшая, что руки ея холодѣютъ, и кровь бросается въ лицо.

— Вѣрно!.. Я помню, что о ней говорила Варвара Николаевна что-то: nous étions deux soeurs, très liées, toujours également mises... On nous appelait: les deux inséparables.

Въ тотъ же вечеръ, только успѣвъ пообѣдать (телеграмму подали за жаркимъ), Татьяна Алексѣевна въ томъ же самомъ сѣромъ костюмѣ, въ которомъ ее встрѣтила Оля, подъѣзжала къ дому, гдѣ жила незнакомая ей таинственная Серафима Николаевна, потомка когда-то эмигрировавшей изъ Франціи и давно уже вполнѣ обрусѣвшей семьи.

На улицѣ еще было совсѣмъ свѣтло и тепло.

Простые ребятишки въ ситцевыхъ смятыхъ рубашкахъ и платьяхъ бѣгали и играли у домовъ. Простыя женщины сидѣли у подъѣздовъ на деревянныхъ и соломенныхъ стульяхъ и у воротъ на скамьяхъ. Почти у каждой изъ нихъ на рукахъ былъ грудной ребенокъ.

Таврическій садъ манилъ своими зелеными, распускающимися, туманными купами и обѣщаль тотъ благорастворенный воздухъ, который не бываетъ въ городахъ.

Заходящее солнце жидкимъ золотомъ обливало садъ, и онъ самъ, и небо надъ нимъ, и сама улица, полная бѣгавшихъ ребятишекъ, все говорило о надеждѣ всего живого и живущаго на что-то лучшее въ будущемъ.

— Тутъ живетъ Серафима Николаевна Тилло? — спросила, подъѣзжая къ подъѣзду 47-го нумера, Татьяна Алексѣевна. Сердце ея усиленно билось, лицо было блѣдно.

Швейцаръ въ пиджакѣ, розовой рубашкѣ, завязанной у горла шнуркомъ, въ ливрейной фуражкѣ подбѣжалъ къ ней.

— Тутъ-съ,—успокоительнымъ теноркомъ отвѣчалъ онъ, приподымая фуражку.

— А Варвара Николаевна?

— Тутъ,—наклоняя голову, повторилъ швейцаръ, торопливо растягивая кожаный фартукъ пролетки.

Татьяна Алексѣевна вышла и, велѣвъ извозчику ждать себя, направилась было къ подъѣзду, но швейцаръ остановилъ ее.

— Онѣ подъ воротами живутъ,—показалъ онъ.

Татьяна Алексѣевна остановилась, повернула и, улыбувшись ребятишкамъ, столпившимся возлѣ нея въ разнообразныхъ живописныхъ позахъ, вошла подъ ворота и черезъ минуту звонила у квартиры Серафимы Николаевны Тилло де-Бромпаръ.

— Совсѣмъ, какъ въ Москвѣ,—думала она, читая на мѣдной дощечкѣ это имя, ожидая, чтобы ей открыли дверь. — Хоть тамъ было не Тилло, а Немрова.

— А вы ещо пазваните,—прошепелявилъ беззубый мальчуганъ лѣтъ семи, открывая большой, черный ротъ. Онъ, видимо, принималъ большое участіе въ Татьянѣ Алексѣевнѣ, волновался,

что ей долго не открываютъ дверь, и, не дождавшись ея рѣшенія, вдругъ самъ нажалъ электрическую пуговку.

Сзади, въ толпѣ дѣтей, послышался сдержанный смѣхъ.

— Чего ты, чего ты?—испугалась Татьяна Алексѣевна:—зачѣмъ звонишь? Я подожду.

— А у нихъ всегда долго не атворяютъ,—сказалъ мальчикъ въ объясненіе нараспѣвъ, поворачивая къ Татьянѣ Алексѣевнѣ улыбающуюся, замазанную рожицу.

Его слова тотчасъ подтвердили другіе дѣвочки и мальчики.

— Ионъ завсихда звонить, когда маленькая барышня возвращается съ прогулки!—говорили они, указывая на мальчика пальцами.

Черезъ минуты двѣ дверь отворилась, лакей высунулся на дворъ и закричалъ: «У-у! Чего вы, пострѣляга!» Дѣти разбѣжались вразсыпную, и Татьяна Алексѣевна по ступенькамъ вошла въ темную, почти черную переднюю, въ которую свѣтъ проходилъ изъ полуотпертой двери гостиной.

— Дома Варвара Николаевна?—спросила Татьяна Алексѣевна стараго, дряхлаго лакея въ старомодномъ коричневомъ пиджакѣ. Лакей сдѣлалъ гримасу и открылъ ротъ, какъ дѣлаютъ глухіе, когда они прислушиваются.

— Кого вамъ?.. Варвару Николаевну?

— Да, Варвару Николаевну.

— Ахъ, ее, Варвару Николаевну!—обрадовался лакей.—Какъ объ васъ доложить!—Аа?—морща носъ, продолжалъ онъ прислушиваться.—Не слышу.. Старъ сталъ!.. Какъ?.. Онъ поворачивалъ къ Татьянѣ Алексѣевнѣ то одно ухо, то другое.

Въ залѣ, откуда сначала неслись голоса нѣсколькихъ бесѣдовавшихъ, притихли, очевидно, прислушиваясь къ разговору лакея съ кѣмъ-то чужимъ.

— Ахъ, Боже мой!—испытывая странную неловкость и смущеніе, думала Татьяна Алексѣевна, повторивъ лакею нѣсколько разъ, но тщетно, свое имя.

И вдругъ она вздрогнула и заохлодѣла.

По залѣ раздались мужскіе твердые шаги, и черезъ мгновеніе фигура Андрея Николаевича стала приближаться отъ задней, невидимой изъ передней стѣны, къ двери.

— Оленька, подожди!.. Оленька, нельзя!..—одновременно слышала она носовой, надтреснутый голосъ свекрови, по всей вѣроятности, удерживавшей любопытную дѣвочку.

Прошла минута... И то, что неизбѣжно готовила судьба, случилось...

Мужъ и жена очутились лицомъ къ лицу.

Татьянѣ Алексѣевнѣ не было видно его чертъ, такъ какъ онъ остановился въ дверяхъ спиной къ окнамъ; но Андрей Николае-

вичь въ одинъ мигъ увидѣлъ, «схватилъ» весь обликъ жены, и кровь отлила отъ его лица.

Да!.. Несмотря на то, что ей было уже 34 года, больше 25 ей нельзя было дать на видъ. И да!.. Она была обольстительно прекрасна. Какая-то неуловимая серьезная мысль одухотворяла ея лицо.

Наступила тишина.

— Что вамъ угодно? — выговорилъ наконецъ Андрей Николаевичъ, тяжело дыша: — зачѣмъ вы пріѣхали?

— Оленька!.. Оленька... — раздавался изъ гостиной тревожный голосъ Варвары Николаевны. — Да подожди же ты. Говорять тебѣ... Да нельзя туда...

— Я встрѣтила мою дочь и пріѣхала навѣстить ее... Я хочу ее видѣть, — сказала Татьяна Алексѣевна, удерживая прыгавшія губы.

— Вы встрѣтили и отогнали ее! — вскрикнулъ Андрей Николаевичъ.

По залѣ раздался топотъ дѣтскихъ, нетвердыхъ еще ногъ. Очевидно, Оля вырвалась отъ бабушки. Еще мигъ, и она была бы въ передней, но тутъ произошло что-то особенное. Что-то упало, кто-то побѣжалъ, раздался дѣтскій крикъ, и въ передней стало совершенно темно, такъ какъ Андрей Николаевичъ захлопнулъ дверь въ гостиную.

Прошла еще минута. Переднюю окутывалъ полный мракъ. Только изрѣдка, черезъ щель, Андрей Николаевичъ кричалъ матери: «Мама! да уведите же Олю». Изъ гостиной доносились два убѣждающихъ старушечьихъ голоса, плачь Оли, возня ногъ. Очевидно, старухи ловили не дававшуюся дѣвочку.

Наконецъ все стихло.

— Теперь пожалуйста-съ, — сказалъ Андрей Николаевичъ, заглянувъ въ щель, и настѣжь отперъ дверь въ гостиную.

Голосъ его показался Татьянѣ Алексѣевнѣ грубымъ и насмѣшливымъ.

Внѣшне бодро, внутренне ежась, она прошла въ дверь и остановилась.

Тусклый вечерній свѣтъ падалъ изъ оконъ и освѣщалъ комнату. Андрей Николаевичъ шелъ впередъ.

— Нѣтъ, пожалуйста дальше, дальше, — выговорилъ онъ, поворачивая къ ней лицо, подергивавшееся судорогами. — Здѣсь намъ могутъ помѣшать. Можетъ вбѣжать Оля... — голосъ его сорвался. Онъ отперъ дверь направо отъ гостиной и пропустилъ передъ собой жену.

Татьяна Алексѣевна шла какъ во снѣ.

«Зачѣмъ я иду?» думала она, но остановиться, отказаться идти она не находила въ себѣ силы.

«Зачѣмъ иду?.. Куда?.. Что онъ сдѣлаеть?..»

И вдругъ образъ Ландри, когда онъ встрѣчается послѣ многихъ лѣтъ съ Жервезъ изъ «Assomoir» мелькнулъ передъ ней.

«Неужели я буду, какъ она?..»

Черезъ минуту она стояла въ кабинетѣ Серафимы Николаевны у письменнаго стола, принадлежавшаго, должно быть, еще покойному отцу старухи, и молча, поднявъ глаза къ Андрею Николаевичу, съ неуловимо-серьезной мыслью смотрѣла на него.

А онъ?.. Онъ тоже смотрѣлъ на нее, сжавъ скрещенные пальцы опущенныхъ къ полу рукъ, качая головой, стараясь во взглядѣ маленькихъ, горѣвшихъ, какъ угольки, глазъ выразить все свое негодованіе и презрѣніе!..

И вдругъ онъ не выдержалъ комедіи...

Сѣлъ, уронивъ сѣдую голову въ руки, и зарыдалъ...

Съ этой минуты Татьяна Алексѣевна инстинктивно, но безошибочно, безъ объясненій почувствовала, что она побѣдила, что тотъ путь служенія высшему идеалу и высшимъ семейнымъ началамъ, который она выбрала, былъ единственнымъ вѣрнымъ путемъ, по которому можно было дойти, въ ея случаѣ, до «благословеннаго христіанскаго воспитанія дѣтей», и она мысленно подняла голову.

Мужъ-самецъ былъ покоренъ, но не женой-самкой, какъ хотѣла того Варвара Николаевна, а женой-другомъ, женой-человѣкомъ. И въ немъ самомъ, въ этомъ мужѣ, зарождался новый человѣкъ, новый глава семьи, т. е. ея первый слуга...

И мысленно Татьяна Алексѣевна взывала къ Отцу всякаго совершенства, чтобы Онъ творилъ въ ней и черезъ нее царство Свое, помогая ей завершить начатое единичное, но великое семейное дѣло...

ХІІ.

Сидя въ вагонѣ поѣзда, шедшаго ночью въ Царское Село, Татьяна Алексѣевна, какъ всегда, стала вспоминать прошедшее и жить образами, мысленно невольно дѣлая ассоціаціи между видѣннымъ, только что случившимся, слышаннымъ и давно испытаннымъ, пережитымъ и даже прочитаннымъ.

Мысль ея занесла ее далеко.

Она увидѣла себя пятнадцатилѣтней дѣвочкой, въ спаленькѣ-будуарѣ, съ свѣтло-сѣрыми обоями, по которымъ были разбросаны цвѣты розовой гвоздики. Обои эти ей страшно нравились еще въ магазинѣ на Большой Морской, когда она гуляла, и сами по себѣ уже составляли прелесть ея комнатки. Кромѣ того, отдѣльное помещеніе это было отведено ей въ видѣ подарка на ея рожденіе.

И вотъ она сидитъ въ ней, въ этой комнаткѣ, въ сумерки и мечтаетъ, мечтаетъ о... бракѣ. На колѣняхъ у нея книга въ красномъ переплетѣ съ золотыми тисненными буквами. Теперь она не можетъ вспомнить, кто былъ авторъ, котораго она тогда читала. Но она помнитъ вечеръ, переплетъ, свою позу, мѣсто, на лѣвой страницѣ, почти въ началѣ книги и свои мечты и недоумѣніе...

Въ стихахъ говорилось о томъ, что пока «кто-то», «какая-то» «она» была горда, надменна, непослушна «ему»,—онъ любилъ ее... Теперь же, когда она его полюбила, когда она была кротка, смирна и готова быть ему рабой, — она стала ему скучна, и онъ разлюбилъ ее. Отчего могла быть эта переменна и въ ней, и въ немъ?.. Зачѣмъ же она тоже не разлюбила?.. возмущаясь и страдая за героиню стихотворенія, думала тогда пятнадцатилѣтняя Тая. Отчего онъ для нея не сталъ скученъ?..

Теперь Татьяна Алексѣевна знала, почему это бываетъ, знала, что тутъ виновниками являются не одни брачныя отношенія между мужемъ и женой, а страшно сложныя причины и обстоятельства... И воспитаніе мужчинъ, и женщинъ съ дѣтства, въ большинствѣ случаевъ отдѣляемыхъ, благодаря необразованнымъ нянькамъ и плохо образованнымъ гувернанткамъ другъ отъ друга въ своихъ естественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ правахъ... И церковное ученіе о «покорности» жены мужу, плохо понятое тѣми и другими... Развѣ это не пережитокъ древнихъ, языческихъ временъ, эта практикуемая покорность въ христіанскихъ семьяхъ? спрашивала себя Татьяна Алексѣевна и тотчасъ отвѣчала себѣ утвердительно: да!.. Развѣ о ней могло учить христіанство, краеугольнымъ камнемъ положившее въ своемъ освободительномъ движеніи: «нѣсть мужскій и женскій полъ, но всѣ во Христѣ!..» И вдругъ передъ Татьяной Алексѣвной мелькнула другая, когда-то прочитанная книга: «Сказка о Психеѣ». Тамъ восторженное преклоненіе передъ дѣвственной, сіяющей радостью жизни Психеей перешло у обладателя въ безграничную жалость при видѣ подневшейся, горько плачущей женщины, и въ ту минуту, когда онъ утѣшалъ ее, богъ любви отлетѣлъ въ вѣчной погонѣ за несуществующимъ совершенствомъ... Да, и тамъ была одна грусть, одна печаль!.. Одно то, о чемъ умалчиваютъ всѣ сказки и романы, кончающіеся словами, произнесенными или предполагаемыми: и я тамъ былъ, и медъ пилъ... Да!.. И неужели выхода изъ этого нѣтъ?..—спрашивала себя Татьяна Алексѣевна и чувствовала, что выходъ есть, если пристальнѣй наблюдать жизнь, во всѣ времена, во всѣхъ слояхъ,—жизнь его указываетъ, даетъ... И сердце молодой женщины, сидѣвшей ночью въ поѣздѣ, мчавшемся въ Царское Село, растворялось въ великой надеждѣ на личное лучшее и болѣе возвышенное будущее.

А Оля тѣмъ временемъ тоже предчувствовала, что побѣдила, и раздѣтая первый разъ въ жизни руками матери, спала сладкимъ, здоровымъ, дѣтскимъ сномъ, съ улыбкой на добромъ некрасивомъ лицѣ.

Съ той самой минуты, какъ раздался вечеромъ звонокъ въ передней, и баба Варя, баба Сима и отецъ ея стали прислушиваться, кто пришелъ и говорить въ передней съ Григоріемъ,—съ этой минуты она неизвѣстно почему догадалась, что позвонилъ не кто другой, какъ Татьяна Алексѣевна.

— Это мамѣ, это мамѣ!.. пуфтите меня!—стала кричать она, вырываясь отъ обѣихъ старухъ, и когда ее увели въ столовую, гдѣ обѣ сестры въ страхѣ, изнеможеніи и ожиданіи сѣли на первые попавшіеся стулья, она вмѣсто того, чтобы итти къ позванной новой нянѣ, (Глашу Андрей Николаевичъ приказалъ «выгнать», потому что она рассказывала Олѣ тайно и невѣдомо отъ Варвары Николаевны о Татьянѣ Алексѣевнѣ), забила подъ столъ и начинала кричать и бить ногами, какъ только новая няня нагибалась, чтобы достать ее оттуда.

Затѣмъ, когда взволнованныя сестры махнули на нее рукой и приказали дѣвчкѣ оставить ее въ покоѣ, лишь бы она сидѣла тихо, и, погрозивъ ей пальцемъ, начали переговариваться между собою, вращая испуганными глазами:

«Зачѣмъ она пришла?.. Только всѣхъ волновать!.. Ничего добраго изъ этого не выйдетъ... Пожалуй, онъ ее еще убьетъ!..»

Дѣвочка выползла изъ-подъ стола и незамѣтно проскользнула въ гостиную.

Сестры спохватились, что ея нѣтъ въ столовой, только черезъ нѣкоторое время. Серафима Николаевна поглядѣла кругомъ всей комнаты слегка косыми, близорукими глазами, нагнулась два раза подъ столъ и уже потомъ, убѣдившись, что Оля дѣйствительно ушла, въ недоумѣніи: гдѣ она?—вышла въ гостиную.

Оля стояла, полузакрытая драпировкой, у двери, ведущей въ кабинетъ Серафимы Николаевны.

Продѣлавъ тотъ же маневръ, какъ и въ столовой, т. е. оглядѣвъ косыми глазами комнату во всѣхъ направленіяхъ, Серафима Николаевна замѣтила наконецъ ребенка.

— Поди сюда!..—строго, хотя шопотомъ, приказала она, глядя на дѣвочку, прижимавшуюся къ двери.

— Нѣтъ!..—рѣшительно и громко отвѣтила Оля, топнувъ ногой.

— Фу!.. У дверей слушать гадко!..—помолчавъ, сказала Серафима Николаевна.—Поди!..

— Ннн,—мотнувъ головой, прокричала громко Оля и такъ напугала этимъ «бабу Фиму», что та ужъ больше ничего не сказала и только переглянулась съ вошедшей Варварой Николаев-

ной, отвислыя щеки которой и шея были пунцовы, какъ будто у нея готовился ударъ.

Въ кабинетѣ между тѣмъ было почти тихо. Слышны были только изрѣдка чьи-то всхлипыванья и негромкія, укоряющія, жалобныя слова.

Глаза Варвары Николаевны вдругъ покраснѣли и стали наполняться слезами.

— *Plaigne!* — прошептала она. — Боже мой! Какъ онъ все же любитъ ее! — И, закрывъ лицо руками, старуха сѣла на кресло у стола.

Серафима Николаевна послѣдовала ея примѣру.

Оля сначала осталась у двери, потомъ, увидѣвъ, что бабушка плачетъ, подбѣжала къ ней, обняла ее за голову и стала цѣловать; но какъ только Серафима Николаевна, воспользовавшись ея близостью, схватила ее и хотѣла увести въ дѣтскую, она снова стала вырываться и юркнула подъ столъ.

— *Ah! ma soeur!* Оставьте ее въ покоѣ! — съ раздраженіемъ вступилась за Олю Варвара Николаевна.

И дѣвочку дѣйствительно оставили въ покоѣ.

Черезъ минуты двѣ она опять уже была у двери кабинета, ѣрзая спиной по дверной створкѣ справа налѣво и слѣва направо, а еще черезъ десять минутъ дверь кабинета вдругъ неожиданно и нечаянно раскрылась, и Оля, растрепанная, въ измятой, темно-красной, съ желтыми звѣздочками сатиновой блузѣ, въ измятой кольереткѣ, влетала бокомъ въ кабинетъ.

Татьяна Алексѣевна, поднявъ вуалетку, съ пунцовыми щеками, съ сіявшими большими глазами сидѣла передъ мужемъ и, должно быть, говорила ему что-то важное, интимное и авторитетное (голосъ ея былъ тихъ, и словъ ея разслышать не было возможности), потому что онъ сидѣлъ, откинувъ голову на опинку стула, блѣдный, молчаливый съ опущенными глазами.

На стукъ двери Татьяна Алексѣевна обернулась.

— *Ah!* — вырвалось только у Оли и, положивъ палецъ въ ротъ, она застыла, впиваясь глазами въ лицо матери.

— *Voilà!* — взволнованно, на возгласъ Оли, отозвалась Татьяна Алексѣевна и, размахнувъ руками, она быстро встала и бросилась было къ дѣвочкѣ, но Андрей Николаевичъ предупредилъ ее.

Неожиданно вскочивъ, онъ не менѣе неожиданно загородилъ дорогу женѣ.

Татьяна Алексѣевна остановилась и черезъ минуту, съ болѣзненной улыбкой, снова сѣла на свое мѣсто.

— Чего ты пришла? — говорилъ, между тѣмъ, недовольно хмурясь, Андрей Николаевичъ Олѣ.

Оля терлась спиною о дверь, попрежнему впиваясь глазами въ мать.

Она на мигъ перевела ихъ на отца, но на его вопросъ ничего не отвѣтила и вообще ничѣмъ не выдала, что чувствуетъ страхъ.

Андрей Николаевичъ молча посмотрѣлъ на нее, потомъ на жену, потомъ опять на нее и вдругъ, повернувшись, сѣлъ къ столу.

Настала тишина.

Татьяна Алексѣевна кусала губы, чтобы громко не закричать отъ душившей ее муки.

— Поди сюда!...—вдругъ, сопя, позвалъ Андрей Николаевичъ Олю и поманилъ къ себѣ пальцемъ.

Дѣвочка быстро и рѣшительно отдѣлилась отъ двери и, переваливаясь корпусомъ, подошла къ отцу и остановилась у его колѣнъ.

— Ты знаешь, кто это?—спросилъ Андрей Николаевичъ, помолчавъ и указывая на Татьяну Алексѣевну.

— Мама—серьезно переводя глаза съ Андрея Николаевича на Татьяну Алексѣевну, сказала дѣвочка.

— Нѣтъ, я чужая,—выговорила Татьяна Алексѣевна жесткимъ голосомъ.

Оля отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ!... Мама!...

— Какъ ты знаешь, кто тебѣ сказалъ?—спросилъ Андрей Николаевичъ.

Татьяна Алексѣевна, сдерживая слезы, смотрѣла на дѣвочку.

Внѣшне въ ней не было ничего схожаго съ нею или ея семьей. Оля вся была въ Тилло-де-Бромпаръ, т. е. въ теперешнихъ ея представительницъ, и отчасти въ Немровыхъ, но что-то не передаваемое во взглядѣ чужихъ по формѣ и величинѣ глазъ говорило сердцу матери, взывало къ нему, трогало его.

— Никто не фкафаль. Фама фнаю,—втягивая ртомъ воздухъ, шепеляво отвѣчала Оля.

— У бабы,—добавила она, быстро обернувшись и посмотрѣвъ въ гостиную,—ефть портретъ... на фтолѣ.

Андрей Николаевичъ закрылъ глаза рукой.

(Портретъ былъ его свадебная группа, сдѣланная въ Гельсингфорсѣ).

Татьяна Алексѣевна помолчала.

— Тебѣ говорили, что мама дурная, не любитъ тебя?—звенящимъ отъ слезъ голосомъ проговорила она наконецъ.—Да? Говорили?

— Мама хорошая!—убѣжденно выговорила Оля, вздохнула и улынулась всѣмъ лицомъ.

Прошла еще минута.

И вдругъ тлѣвшая внутри сердца Татьяны Алексѣевны искра вспыхнула отъ этой улыбки и зажгла его со всѣхъ сторонъ...

Она протянула руки, схватила дочь Андрея Николаевича, подняла ее къ себѣ на колѣни и стала осыпать ее, какъ рожденное ею дитя, материнскими, страстными и вмѣстѣ цѣломудренными поцѣлуями.

XIII.

— Когда жъ мы поѣдемъ къ мамѣ?—дня черезъ три вечеромъ спрашивала Оля, ёрзая взадъ и впередъ по дивану гостиной, заглядывая въ лицо Серафимы Николаевны и Варвары Николаевны.

Обѣ сестры сидѣли рядомъ у стола, одна какъ другая, пожевывая губами.

Серафима Николаевна раскладывала пасьянсъ, Варвара Николаевна, вытянувъ на ближайшій стулъ распухшую отъ подагры ногу, наблюдала за тѣмъ, чтобы она не пропустила карту.

Въ окна, какъ три дня назадъ, лился мягкій, ровный свѣтъ майскихъ безоблачныхъ сумерекъ.

Съ улицы доносился стукъ проѣзжавшихъ экипажей, ломовиковъ и грохотъ громадныхъ телѣгъ пожарной части, часто выѣзжавшей въ это время на фальшивую тревогу.

— Когда жъ мы поѣдемъ къ мамѣ?—повторила Оля и, приблизившись къ бабушкѣ, взяла старуху за подбородокъ и повернула ее лицо къ себѣ.

— Баба Варя?... Флыфифъ? Баба Варя?... Когда?...

Она топнула ногой.

— Если ты будешь мѣшать мнѣ и приставать къ бабѣ Варѣ, пойдешь въ дѣтскую,—сказала болѣе строгая и авторитетная Серафима Николаевна.—Развѣ можно бабу трогать по лицу?

Оля открыла кружкомъ ротъ, посмотрѣла на говорившую и опустила было подбородокъ Варвары Николаевны, но потомъ снова подняла обѣ пухлыя ручки, обхватила ладонями щеки старухи и стала гладить ихъ.

— Когда?—вопросительно шептала она.—Когда?

Въ дѣтской головѣ ея, не затуманенной житейскими опытными разсужденіями, и въ сердцѣ ея, инстинктивно знающемъ человѣческія отношенія и не сомнѣвающимся въ правотѣ Богомъ созданнаго человѣческаго союза, не умѣщавшаяся мысль, что теперь, когда мамѣ вернулась (ей представлялось, что мамѣ жила за моремъ, за синимъ, какъ рассказывала ей въ русскихъ сказкахъ Глаша), вернулась изъ далекаго-далекаго путешествія,—они съ отцомъ могутъ жить отдѣльно отъ нея.

Старухи-сестры помолчали.

— Душечка, не знаю,—отвѣчала Варвара Николаевна черезъ минуту, прижимая свои губы къ теплой ладони, гладившей ее.—Надо подождать... Не знаю!... Цыпочка моя!—нѣжно добавила она и, схвативъ обѣ ручки Оли въ свои, стала цѣловать ихъ.

Оля помолчала. Цѣлый міръ мыслей, очевидно, шевелился въ ея мозгу.

— А она опять пріѣдетъ?—прошептала она, поглядѣвъ куда-то вдаль.

— Да, пріѣдетъ.

— Фкоро?

— Ишь ты какая!..—вмѣшалась опять Серафима Николаевна.— Скоро!..—передразнила она.— Подожди!.. Потерпи!.. Нельзя, чтобы все скоро дѣлать?.. Что?.. Можно?!..—скосила она глаза на Олю, слыша отвѣтъ ребенка.— Нѣтъ, нельзя... Вотъ оттого, что ты любишь все скоро-скоро, оттого и новую куклу, что папà вчера купилъ, разбила,—заклчила она и глубокомысленно покачала головой.

Оля почувствовала, что получила должный отвѣтъ, что ее «днесь умалили», и, отойдя отъ старшихъ, подошла къ окну и стала, задумавшись, смотрѣть на улицу. А сестры начали перешептываться.

Со времени визита Татьяны Алексѣевны жизнь у нихъ какъ-то приостановилась, точно приподнялась и повисла.

Дни проходили, какъ раньше; такъ же вставали, ѣли, пили, завтракали, обѣдали, садились за вечерній чай и ложились спать. Но въ этой дѣйствительности не было уже прежняго смысла, прежняго удовлетворенія и необходимости.

Вся семья будто чего-то ждала, и это что-то было рѣшеніе Андрея Николаевича. А Андрей Николаевичъ медлилъ.

Послѣ свиданія съ женой, на которомъ онъ, неожиданно для себя, разрыдался, послѣ ея поцѣлуевъ его ребенку и поцѣлуевъ этого ребенка ей, послѣ вечера, проведеннаго вмѣстѣ, когда она, съ разрѣшенія Варвары Николаевны, просто, какъ будто это такъ и быть должно, вошла въ дѣтскую и сама умыла и раздѣла блаженно улыбающуюся Олю,—въ душѣ его возникли новыя сомнѣнія.

Покориться женѣ послѣ трехлѣтней, мужественно выдержанной разлуки, покориться ея несоразмѣрнымъ, какъ ему казалось, требованіямъ онъ не могъ.

«Что бы она тогда могла подумать? Какія еще требованія предъявить? Нѣтъ! Надо было обдумать, выждать»!..

И Андрей Николаевичъ рѣшился пока ничего не предпринимать.

Передъ глазами его, между тѣмъ, носился образъ жены. Мысленно онъ восторгался ею, ея вновь ожившей и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то суровой красотой; восхищался ея спокойными, увѣренными движеніями, взглядами. Въ ушахъ его звучали ея слова, когда онъ унижился до просьбъ:

— Нѣтъ! Жить вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, послѣ всего происшедшаго, теперь невозможно. Поймите, это вредно для всѣхъ: для дѣтей, для васъ, для меня. Узломъ связывать порванную

цѣпь—не годится. Всегда будетъ чувствоваться узелъ, и узелъ будетъ тереть... Надо выковать новую спайку,—такую придумать, чтобы не было замѣтно. Придумайте... Я не противъ нея. Нѣтъ! Но пока—я хочу жить, по совѣсти своей, не идя ни на какіе компромиссы. Я хочу быть матерью моимъ дѣтямъ, не нянькой, не бонной, не гувернанткой, не чужой... Вы, такой, какъ вы есть, помѣшаете этому...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Андрей Николаевичъ.

Татьяна Алексѣевна усмѣхнулась.

— Вы сами себя не знаете. Если бы я рѣшилась вернуться къ вамъ и начать прежнюю жизнь...

— Вернись, вернись!—взмолился Андрей Николаевичъ.

Кровь бросилась ему въ лицо, и онъ даже протянулъ руку по столу къ женѣ, но она слегка подалась назадъ и продолжала:

— Черезъ... недѣлю, мѣсяцъ, годъ,—я снова была бы вашей рабой. Ничьей рабой я быть не хочу и никакого раба я имѣть не желаю.

— Чего жъ вы хотите?—послѣ молчанія спросилъ Андрей Николаевичъ. (Онъ былъ уязвленъ въ самое сердце словами о рабѣ, такъ какъ только что упомянулъ это слово, когда сталъ умолять ее вернуться: я буду твоимъ рабомъ).

— Отдайте мнѣ Олю и пріѣзжайте ее навѣщать,—сказала Татьяна Алексѣевна.—Я ея мать. По всѣмъ правамъ, Божескимъ и совѣсти, она принадлежитъ мнѣ.

— Ни за что!—выкрикнулъ Андрей Николаевичъ.—Ни за что!

— А иначе я ничего не могу предложить,—сказала Татьяна Алексѣевна.—Подумайте. Узломъ такія отношенія, какъ наши, отношенія мужа и жены,—связать нельзя. Спаяйте ихъ новой спайкой.

— Какой?..—съ злобной усмѣшкой спросилъ Андрей Николаевичъ и, перекинувъ одну ногу черезъ другую, онъ положилъ ладонь одной руки между колѣнями и сталъ качать верхней ногой, очевидно, инстинктивно стараясь вернуться къ прежнему привилегированному положенію мужа, главы и повелителя: женщины вѣдь только такой разговоръ и понимаютъ!

— Не знаю,—сказала Татьяна Алексѣевна.—Вамъ спаивать, вамъ и придумывать.

Она встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери и передъ уходомъ обернулась къ нему лицомъ и окинула его взглядомъ.

Онъ сидѣлъ у окна, сложивъ ладонями руки, палецъ къ пальцу, поднявъ ихъ и закрывая и открывая ими нижнюю часть лица.

— Одинъ совѣтъ: въ спайку положите больше того... какъ бы это сказать?.. Того джентльменства, того рыцарства въ обращеніи, которое воспитанные, порядочные люди выказываютъ всякой посторонней, порядочной женщинѣ и которое лишнимъ считаютъ

выказывать въ обращеніи съ женой... Большая разница казаться... въ обществѣ, и быть дома,—подчеркнула Татьяна Алексѣевна и добавила:

— Такъ сидѣть, какъ вы теперь сидите, вы не посмѣли бы не только передъ чужой женщиной, но ни передъ однимъ мужчиной...

Татьяна Алексѣевна вышла изъ кабинета Серафимы Николаевны, гдѣ они снова разговаривали, послѣ того, какъ она уложила Олю.

Андрей Николаевичъ внутренно вскипѣлъ, побагровѣлъ и собрался отвѣтить женѣ, но она вышла такъ спокойно и вмѣстѣ граціозно-скоро, такъ твердо увѣренно и ласково прозвучала ея голосъ въ гостиной, гдѣ она прощалась съ Варварой Николаевной, почтительно цѣлуя ея руку, что онъ не нашелся, что ей сказать, и поднялся съ кресла только, когда она уже уѣхала.

— Eh bien?.. удивленно выговорила Варвара Николаевна, входя къ нему въ кабинетъ.—Et c'est tout?!

Андрей Николаевичъ взглянулъ на мать, отвернулся отъ нея и пробурчалъ съ раздраженіемъ:

— Ахъ! Оставьте меня!

Съ этой минуты для него начался новый романъ. Съ этой минуты, наперекоръ логикѣ, онъ почувствовалъ, что любитъ жену, что больше всего на свѣтѣ желаетъ, чтобы эта своенравная женщина вернулась къ нему, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ въ глубинѣ сердца своего, что этого больше не будетъ.

За эти три года какими-то непостижимыми для него путями,—мысленно онъ разводилъ руками,—она отдалилась отъ него не только физически, такъ сказать, по равнинѣ, но точно вскарабкалась по горнымъ дорожкамъ и теперь стояла на такой вышинѣ, до которой, онъ чувствовалъ, что не въ силахъ сразу пойти. А пойти, во что бы то ни стало, надо было, такъ какъ безъ нея, особенно минутами, казалось, не стоило жить.

И Андрей Николаевичъ, что бы онъ ни дѣлалъ, то сидя въ кабинетѣ тетки, запершись часами, то исчезая на часы изъ дома по дѣлу, сталъ непрерывно обдумывать, какъ пойти до нея или, вѣрнѣе, какъ заставить ее спуститься внизъ, такъ какъ доходить до нея, какъ только онъ начиналъ разсуждать, казалось нелѣпостью. Вѣдь онъ былъ мужъ! Вѣдь онъ имѣлъ права! Даже за границей, по германскому кодексу, онъ имѣлъ бы право вернуть къ себѣ сбѣжавшую жену (этотъ германскій кодексъ особенно нравился ему, давалъ чувствовать ему свою собственную эрудицію), а ужъ по русскимъ законамъ!.. Да онъ по этапу могъ потребовать ее къ себѣ!.. И вдругъ.. (Андрей Николаевичъ снова размахивалъ руками). Отдѣльный паспортъ!.. Тонъ побѣдителя...

На четвертый день послѣ перваго визита Татьяна Алексѣевна снова приѣхала къ свекрови утромъ, до полудня.

Оля съ радостнымъ визгомъ увидѣла ее изъ окна гостиной (на этомъ окнѣ она часами каждый день сидѣла теперь) и выбѣжала ей навстрѣчу въ переднюю.

— Я фнала, я фнала, фто ты приѣдефь фегодня!.. Отфего вфера не была?.. — кричала она на весь домъ и, чуть не сбивъ мать съ ногъ, она бросилась сначала цѣловать ее, а потомъ побѣжала въ столовую.

— Баба Варя! Баба Фима!.. Мамà приѣхала... Мамà...—кричала дѣвочка въ какомъ-то дикомъ и вмѣстѣ трогательномъ восторгѣ, и она полетѣла дальше къ отцу, все съ тѣмъ же побѣднымъ кличемъ:—Мамà приѣхала, мамà...

— Я приѣхала за Олей,—сказала Татьяна Алексѣевна, входя черезъ минуту въ столовую.—Просить отпустить ее ко мнѣ на цѣлый день,—говорила она, видимо, умиленная и взволнованная встрѣчей Оли, нѣжно цѣлуясь съ свекровью.

Лицо ея сіяло радостью.

— Вечеромъ я ее привезу.

— *Vraiment, je ne sais pas!* — начала Варвара Николаевна нерѣшительно и уклончиво.—Надо спросить Ейчика.

— Ну, конечно,—согласилась Татьяна Алексѣевна, покраснѣвъ, и, поздоровавшись съ Серафимой Николаевной, она вернулась въ переднюю и принесла оттуда большую картонку, въ которой оказались для Оли: шляпа съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, синяя матросская кофточка-пальто, вышитое бѣлое батистовое платье, чулки, башмаки.

— Ахъ!.. Восхитительно!—наперерывъ другъ передъ другомъ стали повторять старухи при каждой новой вещи, появившейся изъ картонки, и когда вернулась улыбающаяся Оля, ее тотчасъ же одѣли въ привезенныя вещи и вновь пустили къ отцу, который еще не выходилъ изъ своей спальни.

Серафима Николаевна тѣмъ временемъ подошла къ Татьянѣ Алексѣевнѣ, обняла ее и, косясь, заглядывая въ ея глаза, прошептала:

— *Vous l'aimez donc?.. La petite, c'est à dire?..*

Вмѣсто отвѣта Татьяна Алексѣевна только взглянула на старуху и навсегда покорила ее.

— *Je disais toujours, que Ейчикъ n'est pas normal!..* Самодуръ какой-то!..—съ этого дня стала говорить она конфиденціально своимъ друзьямъ и знакомымъ и, таинственно понижая голосъ, сообщала имъ свои замѣчанія о красотѣ, умѣ и душѣ Татьяны Алексѣевны.

Андрей Николаевичъ, когда послали къ нему Олю, не тотчасъ вышелъ изъ своей комнаты и не отпустилъ дѣвочку отъ себя, а, напротивъ, заставилъ такъ долго ждать себя, что Татьяна Алексѣевна сѣла въ столовой, выпила кофе и начала рассказывать о

Сонѣ, объ ея здоровѣ и своей жизни за границей, а также разспрашивать о Глашѣ и о прежней нянѣ, своемъ врагѣ, важной Пелагеѣ Игнатьевнѣ.

— Давно вы отпустили ее и отчего?—говорила она, прислушиваясь, не идетъ ли мужъ, не бѣжить ли Оля, но стараясь не показать этого старухамъ.

— Ахъ, давно!..—пѣла гнусавымъ голосомъ Варвара Николаевна.—Скоро послѣ того, какъ вы были у меня тогда, помните, въ Москвѣ...

— Но отчего же?—удивлялась Татьяна Алексѣевна.—Вѣдь вы, кажется, любили ее?..

— Душечка, вѣдь до того, что она къ вамъ поступила,—я ее совсѣмъ не знала!..—отвѣчала Варвара Николаевна, отмахиваясь руками.—Миѣ ее только прекрасно рекомендовала княгиня Четверчинская... Она жила у ея внуковъ Праленъ. Знаете, графъ Праленъ, Владимиръ?.. Ну, вотъ... А больше я ничего про нее не знала.

— Но отчего же она ушла?—повторила свой вопросъ Татьяна Алексѣевна.

— Груба была!—пользуясь минутнымъ молчаніемъ сестры, убѣжденнымъ женскимъ басомъ отвѣтила Серафима Николаевна, поднимая плечи.—Дерзила Варенькѣ на каждомъ шагу!.. Je m'êtonnais, какъ это Варенька еще ее такъ долго терпитъ!..

Татьяна Алексѣевна неволью улыбнулась и хотя тотчасъ погасила улыбку, старуха замѣтила ее.

— Non vraiment!..—начала она, но Татьяна Алексѣевна перебила ее:

— Я-то ужъ знаю, какъ она умѣла грубить!..

— Ахъ, даа!?!—протянула Варвара Николаевна.—Но нѣтъ, представьте себѣ: я прикажу одно, она дѣлаетъ другое... Опять прикажу, опять другое... И на все одинъ отвѣтъ: «у насъ такъ всегда графинюшкамъ дѣлали!» Это, знаете, у Праленъ!.. И потомъ... Elle mentait... и она стала Оленьку, эту крошечку, учить тому же... Нѣтъ, подумайте?! Учила лгать... Дастъ ей яблоко и шепчетъ, грозя пальцемъ: «только, чтобы баба Варя не знала!» Дастъ чернаго хлѣба и тоже пальцемъ!.. Ну, я поймала ее на жи какъ-то... Да!.. Это осенью было...—вспомнила старуха. Не правда ли, Симочка?.. Осенью?.. Намъ принесли груши...

Татьяна Алексѣевна молча слушала свекровь.

— Да, ложь, ложь!..—думала она.—Велика ты, матушка ложь, на Руси, и глубоко сидишь, съ дѣтства прививаешься къ русскимъ людямъ!..

Наконецъ послышались особенно твердые, замедленные шаги Андрея Николаевича, и онъ вошелъ въ столовую, держа Олю на рукахъ.

Шляпа и синій жакетъ съ золотыми якорями съ нея были сняты. На ней оставались только платье, бапки и чулки.

— Le voilà!.. Enfin!..—встрѣтила сына съ улыбкой Варвара Николаевна, показывая «букетъ зубовъ».

Андрей Николаевичъ хмуро, молча и медленно спустил дочь съ рукъ и остановился, кусая усы, наблюдая, какъ обойдется съ дѣвочкой Татьяна Алексѣвна.

Подбѣжавъ, Оля влѣзла къ матери на колѣни и обвила ея шею руками.

Черезъ минуту Андрей Николаевичъ, мѣняясь въ лицѣ, также подошелъ къ женѣ.

— Здравствуйте,—сказала Татьяна Алексѣвна, слегка кивнувъ головой, но тотчасъ поймала взглядъ не спускавшей съ нея глазъ Оли, вспыхнула до корней волосъ и протянула мужу руку.—Здравствуйте, André! Я приѣхала за Олей. Пустите ее ко мнѣ въ Царское. Вечеромъ, т. е. къ 8 часамъ, я сама привезу ее обратно. Ну, проси папà отпустить тебя,—добавила она громкимъ шопотомъ, улыбаясь и переглядываясь черезъ столъ съ Серафимой Николаевной.—Знакомится съ твоей сестрицей Соней...

О существованіи Сони она успѣла рассказать дочери въ первый свой приѣздъ, раздѣвая ее, и страшно заинтересовала этой невѣдомой сестрицей Олю.

— Конечно, скорѣй просись!—подтвердила Серафима Николаевна.

— Папà, пуфти!..—умоляюще протянула Оля.—Пуфти... съ мамà!.. Къ Фонѣ...

Андрей Николаевичъ кусалъ губы.

— Что если не пустить?—размышлялъ онъ.—Если она полюбила теперь дочь, это заставитъ ее, можетъ быть, одуматься?..

И онъ молчалъ и молча наблюдалъ. Ему нравилась сама группа Оли съ Татьяной Алексѣвной. Было что-то вѣчно женственное въ ней, вѣчно материнское, будящее въ душѣ нѣжныя чувства, что-то въ родѣ благоговѣнія.

— Пуфти!—ныла Оля,—пуфти! Тамъ фефрица... Хофу видѣтъ Фоню... Пуфтифъ?—вскрикнула она раздраженно, не слыша отвѣта и не приученная къ отказамъ.

Она соскочила съ колѣнъ матери, подбѣжала къ отцу, обняла его за ноги и, откинувъ голову, подняла къ нему лицо.

— Пуфтифъ?—умоляюще повторяла она.—Пуфтифъ?

Съ минуту Андрей Николаевичъ еще колебался, попеременно глядя то на жену, то на дочь.

— Ейчикъ!—умоляюще, какъ и Оля, воззвала къ нему Варвара Николаевна.

Онъ взглянулъ на мать, и вдругъ кровь бросилась ему въ голову.

Неожиданно, грубыми руками, онъ оторвалъ отъ себя пухлыя ручки Оли и закричалъ:

— Что это? заговоръ?.. Что это вы подучили ее?.. Не пуцу!..— крикнулъ онъ съ удареніемъ и тотчасъ оборвалъ, заглушаемый громкими дѣтскими рыданіями.

— А-а-а! — кричала Оля, захлебываясь, открывая большой ротъ, такъ что виденъ былъ розовый языкъ, и щуря маленькіе глаза. По щекамъ ея текли слезы горохомъ.—Больно!.. Больно!..

Варвара Николаевна бросилась къ ней съ распросами.

— Вотъ это то, о чемъ я вамъ говорила,—вдругъ вымолвила, поблѣднѣвъ, Татьяна Алексѣевна и встала.—Вотъ это то, чего такъ много въ васъ, и отчего вы не можете выдумать составъ для спайки...

Андрей Николаевичъ круто повернулся и вышелъ.

Прошло еще около получаса.

Оля плакала; Татьяна Алексѣевна утѣшала ее, осматривала ея пальцы, увѣряла ее, что все пустяки, что ничего нѣтъ, что до свадьбы заживетъ, и что онѣ поѣдутъ въ Царское въ другой разъ, когда погода будетъ еще лучше, еще теплѣе...

И вдругъ все измѣнилось.

Вошелъ лакей Григорій и передалъ, что баринъ приказали маленькой барышнѣ одѣваться и ѣхать въ Царское съ мамашей.

Всѣ три женщины переглянулись.

— Ну, вотъ видишь!..—сказала Серафима Николаевна Олѣ.

У Оли почти мгновенно высохли слезы, какъ только мать растолковала ей, въ чемъ дѣло.

А еще минутъ черезъ пять Варвара Николаевна и Серафима Николаевна, сами не вѣря себѣ, стояли въ передней и провожали уѣзжавшую невѣстку и внучку.

Андрей Николаевичъ, между тѣмъ, сидѣлъ, запершись на ключъ, въ кабинетѣ и чувствовалъ, что все идетъ прахомъ, но что онъ безсиленъ съ этимъ бороться, безсиленъ плыть противъ теченія... Безсиленъ!...

Княгиня М. В. Волконская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

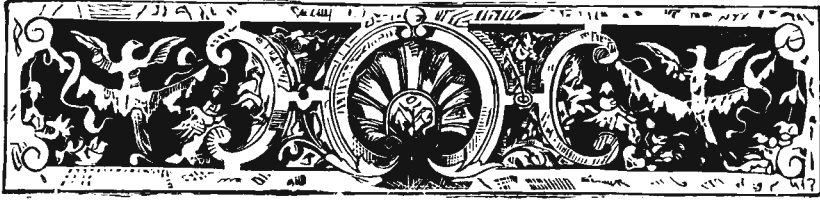

ГРАФЪ ИВАНЪ ДАВЫДОВИЧЪ ДЕЛЯНОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ И. Д. ДЕЛЯНОВѢ.

СЕНЬЮ 1891 года, будучи студентомъ харьковскаго ветеринарнаго института, мнѣ пришлось хлопотать по чисто семейнымъ причинамъ о переводѣ меня изъ Харькова въ Юрьевъ, который тогда еще назывался Дерптомъ.

Такъ какъ переходъ среди года изъ одного института въ другой по нашему уставу не допускался иначе, какъ только съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, то для этого мнѣ нужно было подать прошеніе Деляннову.

Зная нашу канцелярскую волокиту, я не послалъ прошеніе черезъ почту, а рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ самъ, чтобы лично просить министра и хлопотать въ канцеляріи министерства о скорѣйшей выдачѣ нужнаго мнѣ разрѣшенія.

Собравшись наскоро, я въ одинъ далеко не прекрасный ноябрьскій день выѣхалъ съ утреннимъ почтовымъ поѣздомъ изъ Харькова.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я на другой же день, около 8 часовъ утра, отправился къ министру народнаго просвѣщенія И. Д. Деляннову. Жилъ онъ въ домѣ армянской церкви на Невскомъ и просителей принималъ у себя на дому ежедневно отъ восьми до девяти утра, но когда ихъ было много, а это бывало часто, то пріемъ продолжался до десяти и даже нерѣдко до одиннадцати часовъ.

Войдя въ ворота, я повернулъ направо къ подъѣзду. Мнѣ открылъ стеклянную дверь высокій бодрый старикъ-швейцаръ

и, узнавъ, что я съ прошеніемъ къ министру, снялъ съ меня въ передней пальто и, показавъ рукой на лѣстницу, сказалъ:

— Пожалуйста сюда, тамъ наверху пріемная, гдѣ вы и подождите начала пріема.

Поднявшись по указанной мнѣ лѣстницѣ во второй этажъ, я очутился въ небольшой передней, изъ которой вели двѣ двери: одна, налѣво, въ кабинетъ Делянова, а другая, прямо противъ входа, въ пріемную, гдѣ ожидали просители. У окна передней стоялъ старикъ, камердинеръ Делянова, и читалъ какую-то газету.

Когда я вошелъ, онъ спросилъ меня:

— Вы съ прошеніемъ къ графу?

— Да.

— Потрудитесь обождать здѣсь,—сказалъ онъ, указывая рукой на дверь пріемной.

Я вошелъ туда. Это была не особенно большая комната, уставленная мягкой мебелью, обитой малиновымъ плюшемъ. На двухъ столикахъ лежали какіе-то нумера газетъ. Въ углу помѣщалось зеркало.

Несмотря на ранній для Петербурга часъ, пріемная была полна народа: всѣ кресла и оба дивана были заняты.

И кого только здѣсь не было! Были здѣсь и профессора, которые явились представляться министру, студенты съ различного рода просьбами, вдовы, хлопотавшія о пенсіи за службу мужей по министерству народнаго просвѣщенія, военные, врачи... Но преобладающій элементъ былъ—дамы всѣхъ возрастовъ и положеній: начальницы женскихъ гимназій, чиновницы, курсистки, учительницы всѣхъ категорій и просто дамы и дѣвицы просительницы. Одна изъ дамъ явилась даже съ сыномъ, мальчуганомъ лѣтъ пяти или шести.

Когда я вошелъ въ пріемную, всѣ сидѣли или молча, или тихо переговаривались между собою, ожидая начала пріема. Въ сторонѣ сидѣла небольшая группа, человѣкъ изъ трехъ, студентовъ.

Я направился въ ихъ сторону и занялъ около нихъ единственный свободный стулъ.

Молодежь скоро знакомится между собой. Мы разговорились, и оказалось, что, хотя мы всѣ пріѣхали въ Петербургъ изъ разныхъ городовъ: одинъ, наприимѣръ, изъ Казани, другой изъ Одессы, третій изъ Кіева, но почти у каждаго изъ насъ были въ этихъ городахъ или товарищи по гимназіи, или знакомые, и мы, разспрашивая другъ друга о нихъ и о студенческой жизни того города, изъ котораго былъ прибывшій, незамѣтно перезнакомились между собою.

Такъ прошло съ полчаса.

Изъ кабинета Делянова послышался звонокъ, и въ открытыя двери пріемной мы увидѣли, какъ его камердинеръ, бросивъ на окно недочитанную газету, пошелъ въ кабинетъ. Минуть черезъ десять онъ вышелъ оттуда и объявилъ, что графъ принимаетъ.

Сначала входили туда по одиночкѣ должностныя лица, явившіяся представляться министру. Находились они тамъ недолго, минутъ пять-десять, не больше. Потомъ камердинеръ пригласилъ войти насъ, студентовъ. Мы рѣшили итти по двое. Такъ какъ я и студентъ новороссійскаго университета сидѣли съ краю, то мы и попали въ первую очередь и пошли съ нимъ вмѣстѣ.

Кабинетъ министра представлялъ довольно большую свѣтлую комнату, продолговатой формы, съ окнами, выходившими во дворъ съ двухъ сторонъ. Обстановка была самая простая: нѣсколько кресель, небольшой диванъ, двѣ этажерки по угламъ и огромный письменный столъ въ глубинѣ кабинета, заваленный бумагами. Вотъ почти и все. Ни малѣйшей роскоши, бьющей въ глаза. Только по стѣнамъ висѣли двѣ-три картины, содержанія которыхъ я не могъ разсмотрѣть, такъ какъ стоялъ отъ нихъ довольно далеко.

Кромѣ той двери, въ которую мы вошли, въ кабинетѣ была еще другая, которая вела въ сосѣднюю комнату, смежную съ пріемной, вѣроятно, гостиную.

Когда мы вошли въ кабинетъ, Деляновъ, одѣтый въ темно-сѣрый домашній сюртукъ, сидѣлъ у письменнаго стола въ глубинѣ кабинета и что-то писалъ. При нашемъ появленіи онъ поднялся изъ-за стола и подошелъ къ намъ.

Небольшого роста, съ типичною восточной фізіономіей, съ бритыми бородами и усами, онъ въ общемъ довольно вѣрно переданъ на тѣхъ его портретахъ, которые мнѣ случалось видѣть раньше въ иллюстрированныхъ журналахъ, только выраженіе лица у него было не такое суровое.

Когда Деляновъ подошелъ къ намъ, мы, держа прошенія наготовѣ, въ лѣвой рукѣ, молча поклонились ему. Онъ отвѣтилъ на поклонъ и сказалъ:

— Здравствуйте, господа!

Мы отвѣтили.

— Ну, что скажете?—обратился онъ къ моему товарищу.

Студентъ немного покраснѣлъ отъ волненія и съ запинками отвѣтилъ:

— Я пріѣхалъ къ вамъ, ваше сіятельство, съ просьбой...

— Съ какою?

— Разрѣшите мнѣ жениться.

— Вы изъ какого университета?—спросилъ графъ.

— Изъ новороссійскаго.

— А на какомъ вы курсѣ?

— На второмъ.

— У васъ есть какія-нибудь средства?
 — Я получаю казенную стипендію триста рублей въ годъ.
 — А у вашей невѣсты есть состояніе?
 — Есть немного: тысячи полторы или двѣ. Хорошо не знаю.
 — Только-то!—воскликнулъ Деляновъ:—вамъ остается до окончанія курса еще три года, и вы думаете съ семьей прожить эти три года на двѣ тысячи! Нѣтъ, я не могу вамъ разрѣшить.

Студентъ поблѣднѣлъ.

— Ваше сіятельство, разрѣшите ради Бога,—снова обратился онъ къ министру просящимъ тономъ и чуть не со слезами:— у насъ все уже готово къ свадьбѣ.

Деляновъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и, вѣроятно, искренній тонъ студента тронулъ его.

— Какъ все готово?—воскликнулъ графъ притворно строгимъ голосомъ, но съ улыбкою на губахъ:—безъ моего разрѣшенія?

Студентъ теряется и говоритъ:

— То есть мы готовились только...

— Ну, да, хотя и готовились, но безъ моего разрѣшенія?

Студентъ теряется окончательно и едва лепечетъ:

— Мы только собирались готовиться, ваше сіятельство, въ надеждѣ, что вы позволите.

Деляновъ едва замѣтно улыбнулся, глядя на крайне смущенное лицо юнаго студента и потомъ, помолчавъ немного, сказалъ серьезно:

— Не совѣтую вамъ такъ рано жениться. Вотъ, окончите курсъ, ну, тогда и женитесь.

— Да позвольте, ваше сіятельство, теперь!

— Да поймите, молодой человекъ, что я не какъ министръ, а какъ отецъ вашъ родной совѣтую вамъ: не женитесь.

— Да позвольте, ваше сіятельство,—вопитъ опять студентъ:— я очень люблю свою невѣсту.

Деляновъ, отошедшій было отъ него на нѣсколько шаговъ, снова подходитъ къ нему и говоритъ:

— Такъ хотите жениться?

— Хочу, ваше сіятельство!

— Ну, и женитесь.

И, взявъ изъ рукъ студента прошеніе, подошелъ къ письменному столу и вверху прошенія въ углу написалъ резолюцію. Потомъ заклеилъ его въ конвертъ и велѣлъ студенту отнести въ министерство, гдѣ ему и должны были выдать нужное разрѣшеніе.

Счастливыи женихъ, принявъ пакетъ изъ рукъ министра и поблагодаривъ его, чуть не бѣгомъ вышелъ изъ кабинета, какъ бы боясь, что Деляновъ раздумаетъ и вернетъ его обратно.

Когда студентъ вышелъ, Деляновъ подошелъ ко мнѣ.

— Какая это форма на васъ, молодой человекъ? — обратился онъ ко мнѣ, рассматривая мой мундиръ.

Я не ожидалъ такого вопроса и, признаюсь, меня удивилъ и нѣсколько смутилъ этотъ вопросъ: я не могъ предполагать тогда, чтобы министръ не зналъ формы своихъ учебныхъ заведеній, тѣмъ болѣе высшихъ, и у меня мелькнула мысль, что я, вѣроятно, одѣтъ не по формѣ и мой мундиръ сдѣланъ съ какимъ-либо отступленіемъ отъ образца. Но, окинувъ себя бѣглымъ взглядомъ, я успокоился: мундиръ былъ сдѣланъ, какъ мундиръ, безъ всякихъ отступленій отъ формы, и Деляновъ просто-напросто, рѣдко видя нашу форму, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ нѣтъ ветеринарнаго института, забылъ ее.

Спросивъ потомъ меня о причинѣ моего пріѣзда къ нему въ Петербургъ и взявъ мое прошеніе вмѣстѣ съ приложенными къ нему документами, Деляновъ сталъ просматривать ихъ.

Окончивъ просмотръ, Деляновъ спросилъ меня о моемъ семейномъ положеніи и о причинахъ, побудившихъ меня просить о переводѣ въ Дерптъ, и потомъ сказалъ мнѣ:

— Я ничего не имѣю противъ вашего перевода въ Дерптъ, но вамъ нужно будетъ представить мнѣ еще одну бумагу. (Деляновъ назвалъ при этомъ, какую именно).

Бумага эта у меня была, но я, предполагая, что она нужна будетъ мнѣ лишь для представленія въ Дерптъ при поступленіи въ институтъ, не взялъ ее съ собою къ министру, а оставилъ въ чемоданѣ въ гостиницѣ. Я сообщилъ объ этомъ Делянову, и онъ, сказавъ мнѣ, чтобы я представилъ ее ему на другой день, наклопеніемъ головы отпустилъ меня.

Когда я вышелъ изъ кабинета въ переднюю, то засталъ тамъ слѣдующую сцену: двѣ какія-то дамы, одна молодая, другая постарше, вѣроятно, только что пріѣхавшія сюда, разговаривали съ камердинеромъ графа.

— Скажите, пожалуйста, — говорила одна изъ нихъ, помоложе: — графъ сегодня принимаетъ просителей?

— Принимаетъ, — отвѣтилъ камердинеръ: — пожалуйста въ приемную и ждите своей очереди.

— А прямо сейчасъ къ графу нельзя?

— Нѣтъ, нельзя: всѣ входятъ по очереди.

Барынька поморщилась. Очевидно, перспектива ждать очереди не особенно улыбалась ей. Подумавъ немного и перебросившись нѣсколькими словами, сказанными вполголоса, съ другой дамой, она снова обратилась къ нему съ вопросомъ:

— А скажите, что, графиня теперь дома?

— Дома. Вы знакомы съ ней?

Барынька нѣсколько замялась.

— Нѣтъ, но я, видите ли, хотѣла бы попросить ее.

— Графиня просителей не принимаетъ, — отрубзалъ камердинеръ:—а если вы съ просьбой какою, то только здѣсь да въ министерствѣ и можете передать ее лично графу.

— Дѣлать нечего. Въ такомъ случаѣ мы ужъ прїѣдемъ въ другой разъ.

И дамы, шурша шелковыми юбками, повернули къ выходнымъ дверямъ и стали спускаться по лѣстницѣ.

Старикъ-камердинеръ только посмотрѣлъ на нихъ вслѣдъ и, слегка улыбнувшись, покачалъ головой.

Кстати скажу нѣсколько словъ объ этомъ камердинерѣ Делянова. Память у него была огромная: онъ помнилъ буквально всѣхъ посѣтителей, кто и когда пришелъ, и соблюдалъ строгую очередь при приѣмѣ ихъ графомъ. И если случалось иногда, что кто-нибудь изъ просителей, придя позже другихъ, хотѣлъ пройти раньше, нежели до него доходила очередь по порядку, то онъ такимъ господамъ прямо заявлялъ:

— Вы подождите; здѣсь есть такіе, которые пришли раньше васъ.

И безошибочно указывалъ на того, кому по порядку очереди слѣдовало итти.

Только должностныя лица и студенты были внѣ очереди и принимались, какъ я сказалъ выше, раньше другихъ, но и то, вѣроятно, потому, что на это было сдѣлано особое распоряженіе Делянова.

Мнѣ рассказывали, что однажды какой-то студентъ-еврей, прїѣхавшій въ Петербургъ хлопотать по какому-то своему дѣлу у министра и желая быть принятымъ у Делянова въ числѣ первыхъ, сунулъ камердинеру пятирублевку съ просьбой пропустить его раньше другихъ. Тогда старикъ не только не взялъ этихъ денегъ, но, крайне обидѣвшись, замѣтилъ студенту:

— Я у трехъ министровъ служилъ и взятокъ не бралъ, а вы мнѣ на старости лѣтъ теперь взятку предлагаете. Какъ вамъ не стыдно!

Взявъ фуражку и шепнувъ на ходу оставшимся студентамъ, что министръ въ хорошемъ расположеніи духа, я вышелъ изъ приемной и отправился домой, чтобы переодѣться и потомъ итти осматривать Петербургъ, въ которомъ я тогда былъ въ первый разъ.

День этотъ я могъ назвать для себя удачнымъ: я попалъ къ министру въ хорошую минуту, и мой переводъ въ Дерптъ былъ почти разрѣшенъ. Но Деляновъ не всегда бывалъ въ такомъ настроеніи духа, какъ сегодня. Помню, что, когда на другой день я пришелъ къ нему, чтобы представить требуемую имъ бумагу, то приѣмъ уже начался; я прошелъ, ожидая своей очереди, въ приемную, гдѣ было почти такъ же много просителей, какъ и наканунѣ. Въ кабинетѣ у Делянова уже кто-то былъ изъ просителей, и оттуда по временамъ доносился сердитый голосъ графа. Черезъ нѣсколько минутъ дверь кабинета отворилась, и оттуда съ взвол-

нованнымъ краснымъ лицомъ вышелъ какой-то отставной военный, а вслѣдъ ему раздавался сердитый голосъ Делянова, стоявшаго у дверей своего кабинета.

— Я, вѣдь, вамъ уже разъ сказалъ, чтобы вы съ подобными просьбами ко мнѣ не являлись. Прощайте.

И дверь кабинета захлопнулась.

Послѣ этого инцидента всѣ притихли, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ никто изъ просителей не рѣшался первымъ итти къ Делянову. Всѣ посматривали только другъ на друга, и всякій охотно предлагалъ другому свою очередь, но охотниковъ не находилось.

Минута была критическая. Къ счастью, въ это время пріѣхалъ какой-то сановникъ, изъ остзейскихъ бароновъ и, передавъ камердинеру свою визитную карточку, велѣлъ доложить о себѣ. Камердинеръ пошелъ съ карточкой въ кабинетъ, и когда, минутой спустя, возвратился обратно, приглашая важнаго посѣтителя войти, всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Баронъ пробылъ у Делянова минутъ 15, и сквозь неплотно закрытыя двери кабинета въ пріемную доносился уже спокойный голосъ министра. Когда гость сталъ прощаться, Деляновъ проводилъ его до дверей кабинета и, стоя въ дверяхъ, уже улыбался, оканчивая свой разговоръ съ гостемъ, начатый въ кабинетѣ. Когда тотъ уѣхалъ, пріемъ возобновился обычнымъ порядкомъ, и отъ гнѣва Делянова не осталось и слѣда.

А поводовъ сердиться у покойнаго министра было немало, благодаря множеству вздорныхъ и часто прямо-таки невозможныхъ просьбъ, съ которыми иногда обращались къ нему, и нужно только было удивляться его терпѣнію выслушивать такихъ просителей. Приведу примѣръ одной такой просьбы, свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось быть. Является разъ къ нему откуда-то изъ маленькаго губернскаго города одна дома, небогатая помѣщица, у которой былъ сынъ гимназистъ, учившійся въ тамошней гимназіи. Мальчикъ учился превосходно, но и шалунъ былъ, какихъ мало. Благодаря хорошимъ отмѣткамъ, ему многое прощалось начальствомъ гимназіи, но разъ за какую-то особенную шалость, переполнившую чашу терпѣнія директора, его уволили изъ гимназіи. И вотъ мать его пріѣхала къ Делянову съ просьбой. Какъ вы думаете, читатель, съ какою? Принять ея сына опять въ гимназію? Нѣтъ, этого мало. Такъ какъ ея сынъ былъ уволенъ еще въ маѣ, передъ экзаменами, а теперь стоялъ уже ноябрь мѣсяцъ, то она пріѣхала просить, чтобы ея сына мало того, чтобы приняли опять въ гимназію (о возможности его непринятія она и мысли не допускала), но, кромѣ того, чтобы перевели въ слѣдующій классъ безъ экзамена въ виду того, что онъ не по нежеланію своему не держалъ экзаменовъ, а «черезъ придирки и несправедливость начальства», и, кромѣ того, чтобы еще дали ему стипендію, такъ какъ онъ по успѣхамъ былъ изъ числа первыхъ.

— Вы просите невозможнаго,—отвѣтилъ Деляновъ, когда прѣхавшая дама изложила ему сущность своей просьбы.

— Для васъ все возможно, вы все можете сдѣлать, ваше сіятельство, если пожелаете,—убѣжденнымъ тономъ возразила дама, прикладывая къ глазамъ платокъ.

— Да поймите же, сударыня, что если я исполню вашу просьбу, то выйдетъ, что вашъ сынъ за свои шалости какъ бы получить награду: стипендію и право перейти въ слѣдующій классъ безъ экзамена! Какой же примѣръ это будетъ для другихъ? Единственно, что могу сдѣлать для васъ, — это предписать, чтобы вашего сына опять приняли въ гимназію въ тотъ же классъ.

И на прошеніи ея положилъ свою резолюцію о принятіи мальчика обратно въ гимназію.

Но дама осталась недовольна этимъ рѣшеніемъ и, несмотря на всѣ доводы Делянова, со слезами на глазахъ продолжала настаивать на своемъ. Делянову едва удалось отдѣлаться отъ нея.

Кромѣ такихъ просителей случайныхъ, какъ эта дама, въ Петербургѣ, какъ мнѣ передавали, былъ еще особый классъ просителей постоянныхъ, состоящій преимущественно изъ отставныхъ военныхъ, чиновниковъ и вдовъ, обремененныхъ обыкновенно многочисленнымъ потомствомъ, которые аккуратнo являлись во всѣ пріемные дни и часы къ высокопоставленнымъ лицамъ и надобѣдали имъ своими просьбами такого рода, которыя въ большинствѣ случаевъ не могли быть исполнены.

Получивъ отказъ, такіе просители являлись во второй и третій разъ и ходили до тѣхъ поръ, пока ихъ уже, наконецъ, переставали принимать. Потерпѣвъ неудачу въ одномъ мѣстѣ, они переходили со своими просьбами къ другому лицу, потомъ къ третьему и т. д., пока не обойдутъ всѣхъ, у кого только можно побывать, и потомъ, спустя нѣкоторое время, опять начинали съ начала.

Второй мой визитъ къ Делянову продолжался недолго. Передавъ ему требуемую бумагу, я рѣшился попросить его выдать мнѣ разрѣшеніе по возможности скорѣе, такъ какъ, проживая въ Петербургѣ, я пропускалъ лекціи. Графъ обѣщалъ. Написавъ резолюцію на моемъ прошеніи, онъ вмѣстѣ съ другими представленными мною документами заклеилъ его въ конвертъ и, отдавая его мнѣ для передачи въ министерство, сказалъ:

— По средамъ у меня докладъ директора департамента, и въ числѣ другихъ дѣлъ будетъ доложено и ваше, а черезъ 2—3 дня вы получите официальное разрѣшеніе изъ министерства.

Принявъ поданный мнѣ Деляновымъ пакетъ, я поклонился и вышелъ.

Отъ него я поспѣшилъ отправиться въ министерство, чтобы отдать пакетъ въ тотъ же день и тѣмъ ускорить полученіе нужной

мнѣ бумаги. Это было въ субботу. Вручивъ пакетъ по принадлежности, я возвратился къ себѣ въ гостиницу и сталъ ожидать. Такъ какъ мнѣ предстояло прожить въ Петербургѣ еще почти недѣлю, то я все это время рѣшилъ посвятить осмотру столицы. Я бывалъ въ Казанскомъ и Исаакіевскомъ соборахъ, посѣтилъ Эрмитажъ, Публичную бібліотеку, фланировалъ по Невскому, гдѣ въ предобѣденное время бываетъ «весь Петербургъ». Вечера я проводилъ или въ театрѣ, или у одного моего знакомаго—товарища-медика. Въ Александринскомъ театрѣ я, между прочимъ, присутствовалъ на первомъ дебютѣ нашего харьковскаго артиста Шеина, нынѣ уже покойнаго, и былъ свидѣтелемъ того восторженнаго приѣма, какой оказала ему въ тотъ вечеръ петербургская публика Александринскаго театра.

Недѣля прошла скоро. Въ слѣдующую субботу я отправился въ министерство справиться о своемъ дѣлѣ. Мнѣ тамъ сказали, чтобы я зашелъ черезъ нѣсколько дней, такъ какъ бумага еще не готова. Отправляюсь опять туда дня черезъ два и застаю тамъ Делянова, который въ этотъ разъ принималъ просителей не у себя, а въ министерствѣ, что, впрочемъ, бывало рѣдко.

Видя, что чиновникамъ теперь не до меня, я не сталъ ожидать конца приѣма и ушелъ домой. На другой день прихожу опять и узнаю, что хотя бумага о моемъ переводѣ уже готова, но что мнѣ ее на руки не выдадутъ, а пошлютъ почтою. Мнѣ только дали ее прочесть и затѣмъ посовѣтовали немедленно же ѣхать въ Дерптъ и представиться директору института. Вечеромъ того же дня я былъ уже на Балтійскомъ вокзалѣ, а часовъ въ 12 слѣдующаго дня—въ Дерптѣ.

Прошелъ годъ со времени моего приѣзда въ Дерптъ. Однажды прихожу въ институтъ на лекціи и узнаю отъ товарищей, что получено извѣстіе о скоромъ приѣздѣ министра народнаго просвѣщенія, который вмѣстѣ съ директоромъ департамента, впоследствии товарищемъ министра и сенаторомъ, Аничковымъ ѣдетъ для ревизіи учебныхъ заведеній рижскаго учебнаго округа.

У насъ въ институтѣ начали все чистить и прибирать, какъ это почти всегда и вездѣ бываетъ передъ приѣздомъ начальства. Только на клиникахъ, которыя отличались тѣсною и невзрачною, ничего не дѣлали и оставили ихъ стоять въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были всегда и даже, какъ будто умышленно, ихъ запустили. И это, кажется, было сдѣлано не безъ цѣли. Дѣло въ томъ, что завѣдывавшій клиниками профессоръ Раупахъ, добрый—шій человѣкъ, талантливый ученый, всю жизнь свою, кажется, посвятившій процвѣтанію роднаго института, давно, но тщетно добивался отъ министерства получить нужную сумму для перестройки и расширенія клиникъ, которыя не соответствовали, дѣйствительно, современнымъ научнымъ требованіямъ и были слип-

комъ тѣсны для того огромнаго количества пациентовъ, которое принималось тамъ въ теченіе года. И вотъ, не добившись ничего, Раупахъ хотѣлъ наглядно показать Делянову, насколько плохо было у насъ помѣщеніе, занимаемое старыми клиниками, и всю неотложность постройки новыхъ.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ Деляновъ. Остановился онъ въ одной изъ лучшихъ гостиницъ города, именно въ гостиницѣ «Рига», гдѣ и оставался все время своего пребыванія въ Дерптѣ, дней пять, посѣщая учебныя заведенія и принимая просителей.

Свои посѣщенія учебныхъ заведеній онъ началъ съ университета, гдѣ былъ на лекціяхъ, осматривалъ университетскую бібліотеку, одну изъ самыхъ, кажется, большихъ университетскихъ бібліотекъ Россіи. Потомъ посѣтилъ нашъ институтъ, куда пріѣхалъ вмѣстѣ съ Аничковымъ.

Прежде всего онъ отправился въ аудиторію, гдѣ присутствовали на лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ.

Въ числѣ нашихъ профессоровъ былъ одинъ профессоръ К., по происхожденію эстонецъ, но считавшій себя почему-то нѣмцемъ, полнѣйшая бездарность и тупица. Онъ ненавидѣлъ русскихъ и съ презрѣніемъ отзывался обо всемъ русскомъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему, однако, получать русскіе чины, ордена и деньги. Лекціи свои онъ читалъ по тетрадкѣ такимъ варварскимъ русскимъ языкомъ (это былъ 2-й годъ обязательнаго для профессоръ рижскаго учебнаго округа чтенія лекцій на русскомъ языкѣ), что понять что-либо изъ его чтенія было довольно трудно, и языкъ его лекцій могъ служить образцомъ того, какимъ не надо быть. Хотя передъ введеніемъ русскаго языка въ Дерптѣ профессорамъ университета и нашего института данъ былъ пятилѣтній срокъ для изученія и усвоенія русскаго языка, тѣмъ не менѣе К., какъ истый нѣмецкій патріотъ, русскому языку учиться не хотѣлъ и коверкалъ его, какъ только могъ.

Деляновъ, обходя аудиторію, зашелъ между прочимъ и на лекцію К. Пришелъ онъ передъ началомъ лекціи и сѣлъ на первой скамейкѣ съ краю, почти передъ самой каедрой К. Мы ожидали, что К., читавшій и безъ того отвратительно, теперь въ присутствіи министра отъ смущенія будетъ читать еще хуже и окончательно провалится. Но вышло наоборотъ. Когда К. началъ лекцію, мы были прямо-таки поражены неожиданной перемѣной, происшедшей въ чтеніи лекцій К.: читалъ онъ въ этотъ разъ лекцію правильнымъ русскимъ языкомъ, хотя и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, и, что всего удивительнѣе, даже безъ тетрадки. Мы, студенты, не знали, чему приписать это чудо, и только удивленно переглядывались другъ съ другомъ. Только потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мы уже стороною узнали разгадку этого чуда. Оказалось, что К. еще недѣли за двѣ до пріѣзда министра попросилъ кого-то изъ русскихъ выравнять и исравить текстъ этой

лекціи и даже поставитъ ударенія на словахъ и потомъ заучилъ его слово въ слово, какъ молитву. Какъ бы то ни было, но лекція сошла сверхъ всякаго ожиданія благополучно.

По окончаніи лекціи Аничковъ, присутствовавшій тоже здѣсь, уѣхалъ ревизовать среднія учебныя заведенія, а Деляновъ отправился осматривать другія учрежденія института.

Придя на клинику профессора Рауша, министръ замѣтилъ:

— Какъ у васъ здѣсь темно и тѣсно!

Профессоръ Раушъ, кажется, только и ожидалъ этого. На замѣчаніе Делянова онъ началъ говорить ему, что институтъ давно уже и неоднократно доводилъ до свѣдѣнія министерства, что клиники ветхи, тѣсны и не соотвѣтствуютъ современнымъ научнымъ требованіямъ и что необходимо выстроить новыя. Деляновъ слушалъ его молча и, осмотрѣвъ внимательно клиники, при выходѣ оттуда замѣтилъ Раушу:

— Я нахожу, что онѣ еще хороши; вотъ только слѣдовало бы ихъ немного почистить и сдѣлать нѣкоторый ремонтъ.

Раушъ опустилъ голову: маленькая его хитрость не удалась, и онъ еще получилъ почти выговоръ за то, что клиники были запущены.

Послѣ посѣщенія клиникъ Деляновъ отправился осматривать нашу бактериологическую станцію. Тамъ въ это время занималось нѣсколько человѣкъ студентовъ и военныхъ врачей. Поздоровавшись съ ними, Деляновъ подошелъ къ одному военному врачу Г., занимавшемуся за однимъ изъ столиковъ, и спросилъ его:

— Чѣмъ это вы занимаетесь?

— Дѣлаю разводки холерной бациллы, — отвѣтилъ тотъ. — Не желаете ли, ваше сіятельство, я вамъ ее сейчасъ покажу подъ микроскопомъ.

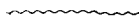
— Нѣтъ ужъ, Богъ съ ней, Богъ съ ней, — сказалъ Деляновъ, отступая назадъ отъ слишкомъ усерднаго ученаго: — лучше ужъ когда-нибудь покажете въ другой разъ.

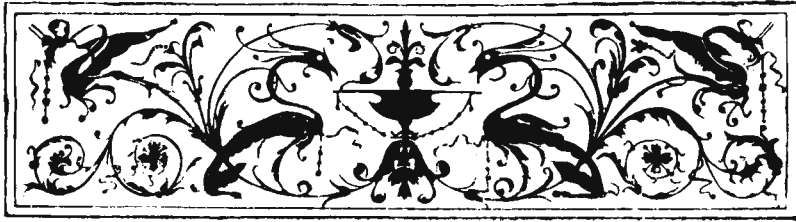
Окончивъ осмотръ бактериологической станціи, Деляновъ, попрощавшись съ находившимися здѣсь студентами и врачами, вышелъ оттуда и потомъ, осмотрѣвъ еще нѣкоторые кабинеты и лабораторію, направился къ подѣзду, сопровождаемый институтскимъ начальствомъ и студентами.

Садясь уже въ карету, чтобы ѣхать въ гимназію, гдѣ ожидалъ его Аничковъ, Деляновъ еще разъ приподнялъ цилиндръ и, попрощавшись съ нами и пожелавъ намъ успѣховъ въ научныхъ занятіяхъ, уѣхалъ.

Въ Дерптѣ онъ пробылъ еще нѣсколько дней, но я его уже больше не видѣлъ.

В. Семеновъ.

НѢСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВЪ ИЗЪ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЕВОЛЮЦІОННОЕ движеніе 1905 года отразилось въ Гродненской губерніи очень сильно; этому способствовало смѣшанное населеніе губерніи. Истинно русскіе люди, знающіе и любящіе Россію, тутъ въ меньшинствѣ. Въ Гродненской губерніи 1.715,000 жителей; изъ нихъ православныхъ 957,000, католиковъ 430,000, евреевъ 325,000; остальные магометане, нѣмцы. Имѣющихъ притязаніе на званіе русскихъ людей 957,000 человѣкъ, а инородцевъ 858,000, то есть около половины; но надо объяснить, что въ числѣ 957,000 человѣкъ православныхъ три четверти составляютъ мѣстные уроженцы, бѣлоруссы, бывшіе уніаты, до сихъ поръ находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ поляковъ-помѣщиковъ. Эти бѣлоруссы народъ забытый, обезличенный вѣками польскаго владычества, мало способный къ умственной и нравственной борьбѣ. Они вступили въ русскую жизнь недавно, не пережили съ Россіей той борьбы и работы, которыя создали, сплотили Россію. Инородцы—поляки, евреи—испоконъ вѣковъ враждебны Россіи; а между тѣмъ они составляютъ главную часть городской интеллигенціи края.

Въ Гродненской губерніи три большихъ города: Гродно, Бѣлостокъ и Брестъ-Литовскъ. Въ Гроднѣ 42,000 жителей; изъ нихъ евреевъ 25,000 человѣкъ; въ Бѣлостокѣ 93,000 жителей; изъ нихъ евреевъ до 64,000 человѣкъ; въ Брестъ-Литовскомъ 45,000 жите-

лей; изъ нихъ евреевъ до 27,000 человекъ. Въ Гроднѣ евреи составляютъ немного болѣе половины жителей; въ Бѣлостокѣ болѣе двухъ третей жителей евреи; въ Брестѣ-Литовскомъ около половины. Вотъ почему революціонное движеніе разразилось такъ сильно въ Бѣлостокѣ и достигло тамъ знаменитыхъ дней погрома. Въ Гроднѣ революціонеры пытались устроить нѣчто подобное; но благоразумныя распоряженія губернатора Блока и большое число войскъ не допустили ихъ разыграться; а въ Брестѣ-Литовскомъ, гдѣ крѣпость и особенно много войскъ, революціонное движеніе было еще слабѣе. О революціонныхъ проявленіяхъ въ Бѣлостокѣ и въ Брестѣ-Литовскомъ я не буду говорить; я не былъ свидѣтелемъ ихъ. Расскажу лишь, какъ революція проявилась въ Гроднѣ, гдѣ я живу, и гдѣ я все видѣлъ, слышалъ, переживалъ.

Гродно вообще спокойный городъ, правильной жизни; здѣсь некому бунтовать. Политическіе беспорядки могутъ быть здѣсь только искусственно раздуты; въ 1905 году здѣсь были только мужская и женская гимназіи; высшихъ учебныхъ заведеній не было, фабрикъ въ городѣ очень мало, слѣдовательно, мало и пролетаріата. Наиболѣе расположенный къ революціи элементъ—евреи—все заняты торговлей, ремеслами. Евреевъ вольныхъ профессій—докторовъ, адвокатовъ—мало. У всѣхъ преобладаетъ забота о насущномъ хлѣбѣ; поляковъ въ городѣ очень мало, и создать какое-либо движеніе они не въ силахъ. При томъ въ городѣ постоянно стоятъ: 4 пѣхотныхъ полка, 2 крѣпостныхъ полка, саперный батальонъ, обозный батальонъ, бригада артиллеріи, сотня казаковъ. Такъ куда же тутъ бунтовать; войска задавятъ сразу всякую попытку. Это доказано опытами революціонеровъ въ 1905 году, когда внѣшніе, приѣзжіе революціонеры взволновали благоразумное населеніе Гродна.

Революціонные эмиссары появились въ Гроднѣ въ 1905 году съ начала года; наѣхали они съ разныхъ сторонъ; но особенно много изъ Петербурга. Нашествіе ихъ я испыталъ въ маленькомъ кругѣ моей дѣятельности. Я домовладѣлецъ; въ подвальномъ этажѣ моего дома жили три семьи евреевъ, рабочихъ съ сосѣдней фабрики; семейства, на видъ, очень спокойныя, солидныя. Однажды утромъ дворникъ доложилъ мнѣ, что въ подвальномъ этажѣ, у жидовъ, въ прошлую ночь полиція дѣлала обыскъ, искала складъ запрещенныхъ книгъ и брошюръ. Я спросилъ:

— Чѣмъ кончился обыскъ? Нашли ли запрещенную литературу?

Дворникъ отвѣчалъ, что не нашли.

— Значитъ, ея не было?—продолжалъ я.

— Какъ не было!—отвѣчалъ дворникъ:—книжки лежатъ въ подвалѣ и теперь!

По разпросамъ моимъ оказалось, что на дняхъ привезли въ Гродно откуда-то цѣлый транспортъ запрещенной литературы

и распредѣлили его частями, въ разныхъ мѣстахъ. Досталось сколько-то этихъ брошюръ на долю евреевъ моего подвального этажа; они спрятали ихъ въ дровяномъ сараѣ одного изъ жильцовъ дома, полковника, уѣхавшаго на дачу. При обыскѣ полиція осматривала еврейскія помѣщенія, а не касалась помѣщенія почтеннаго полковника, не имѣя никакого основанія подозрѣвать его. А дворникъ, опасаясь самъ отвѣтственности, не указалъ полиціи запрещенный товаръ. Дворника я уволилъ, а еврея, принявшаго запрещенныя книги, попросилъ выѣхать изъ моего дома.

Весною появилась неучащаяся молодежь изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ, пріѣхалъ къ чиновнику съ солиднымъ служебнымъ положеніемъ, нанимавшему квартиру въ моемъ домѣ, студентъ изъ Петербурга. Я самъ бывший студентъ, всегда охотно бесѣдую съ ними; я пригласилъ и этого къ себѣ въ садъ, желая послушать новыя вѣянія. Очень милый, толковый, энергичный молодой человѣкъ, но съ понятіями до крайности отрицательными, всесокрушающими. Въ числѣ жильцовъ нашего дома была семья, русская, въ которую возвратились изъ Кіева сынъ-студентъ и дочь-курсистка. Пріѣзжій петербуржецъ спеціально занялся ими; они почти не разставались; провинціалы съ почтеніемъ слушали внушенія петербуржца. Онъ прожилъ у насъ недѣли двѣ и куда-то уѣхалъ. Въ концѣ лѣта онъ опять появился въ моемъ домѣ. Вслѣдствіе усилившихся беспорядковъ политическихъ полиція строго требовала прописки паспортовъ всѣхъ пріѣзжихъ. Прошла недѣля, а студентъ упорно уклонялся отъ прописки. Опасаясь отвѣтственности, я наконецъ настойчиво попросилъ его передать мнѣ его видъ на жительство; онъ обѣщалъ принести видъ вечеромъ, но не исполнилъ обѣщанія. Утромъ, на другой день, дворникъ доложилъ мнѣ, что студентъ уѣхалъ ночью. Немного погодя, приходитъ ко мнѣ полицейскій чиновникъ, проситъ домовую книгу для справокъ. Порывшись въ ней, онъ нашелъ предыдущую запись студента, съ отмѣткою о его выѣздѣ, и спросилъ: не пріѣзжалъ ли онъ сюда опять недавно? Я отвѣчалъ, что онъ былъ, но ночью выѣхалъ. Полицейскій загоревалъ и проговорилъ: «Вѣдь намъ присланъ изъ Петербурга приказъ арестовать его!» Узнавъ отъ дворника, что студентъ выѣхалъ обратно въ Петербургъ, и съ какимъ именно поѣздомъ, чиновникъ удалился. Мнѣ говорили потомъ, что полиція дала знать въ Петербургъ о выѣздѣ студента съ такимъ-то поѣздомъ, и пропагандиста арестовали еще въ Гатчинѣ, въ вагонѣ.

Этимъ не кончился наѣздъ эмиссаровъ. Гуляя по саду, я видѣлъ, что къ флигелю во дворѣ подѣхала какая-то дама съ чемоданами. На другой день никто не даетъ знать о пріѣздѣ новаго лица. На вопросъ мой дворнику, потребовалъ ли онъ видъ на жительство пріѣзжей дамы, и въ какой именно квартирѣ она оста-

новилась,—я узналъ, что дама еврейка, остановилась въ квартирѣ образованнаго еврейскаго семейства. Дворникъ видѣлъ эту даму; она объявила ему, что уѣзжаетъ сегодня; слѣдовательно, нечего прописывать паспортъ. Случайно я во дворѣ встрѣтилъ хозяина квартиры, въ которой остановилась дама, образованнаго, достаточнаго еврея, и попросилъ его непременно передать мнѣ видъ на жительство пріѣзжей особы, если она останется на ночь у него. Еврей смутился, сталъ увѣрять меня, что дама только переночевала у него и уже переѣхала къ другимъ своимъ знакомымъ, что ея нѣтъ у него. Я успокоился.

Черезъ день является ко мнѣ полицейскій чиновникъ и спрашиваетъ: въ какой квартирѣ остановилась такая-то особа? Не помню теперь, какую фамилію онъ назвалъ. Я отвѣтилъ, что особы съ такой фамиліей нѣтъ, а пріѣхала вчера какая-то молодая особа къ такому-то семейству; но хозяинъ квартиры объяснилъ мнѣ, что особа эта только переночевала у него и уже уѣхала; какъ ее зовутъ, я не знаю. Полицейскій изъ какой-то бумаги сталъ вычитывать мнѣ описаніе наружности разыскиваемой дамы, ея нарядъ и даже ея чемоданы. Я сказалъ, что волосы видѣнной мною дамы были дѣйствительно рыжіе; чемоданы, сколько помню, такіе. Оказалось, что это революціонная эмиссарка, привезшая также революціонныя воззванія. Полиціи не удалось разыскать ни этой особы, ни ея чемодановъ; все это какъ въ землю провалилось.

Была у меня въ домѣ еще одна эмиссарка; но эта была очень осторожна. Къ семейству, въ которомъ были сынъ - студентъ и дочь - курсистка, пріѣхала почтенная по виду дама, немолодая. При пропискѣ ея паспорта я узналъ, что это учительница одного изъ крымскихъ городовъ. Прожила она уже недѣли двѣ; приходитъ полицейскій чиновникъ, спрашиваетъ дворника: тутъ ли еще учительница такая-то? Дворникъ отвѣчаетъ: тутъ! А какъ она живетъ?—Смирно?—Не шляется ли къ ней много народу?—Дворникъ отвѣчалъ, что живетъ барыня смирно, онъ не замѣчалъ, чтобы къ ней ходило много народу; такъ, кое-когда, заходятъ какія-то барышни. Чиновникъ зашелъ ко мнѣ съ такими же вопросами. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю, не слѣжу за жильцами. Онъ объяснилъ мнѣ, что это революціонная эмиссарка, и что ему приказано слѣдить за ней. Особа эта прожила въ этой семьѣ каникулы благополучно, безъ всякихъ событій и осенью уѣхала.

Если въ короткое время у меня въ домѣ были подобные четыре случая, когда извѣстно было, что я и вся семья моя не сочувствуемъ революціи и не станемъ прикрывать ее, можно представить себѣ, что происходило въ еврейскихъ домахъ, гдѣ революціонеры были принимаемы съ распростертыми объятіями

Послѣдствія наѣзда революціонеровъ сказались очень быстро. Началось сильное броженіе между рабочимъ людомъ, особенно на

фабрикахъ и между ремесленниками. Требовали восьмичасового рабочаго дня, притомъ увеличенія платы; они отказывались отъ задѣльной платы, требовали платы за работу суточной или недѣльной, независимо отъ того, сколько они наработали. Фабриканты не могли подчиниться этимъ требованіямъ, не могли принять этихъ условій, которыя неизбѣжно должны были разорить ихъ. Въ Гроднѣ очень немного фабрикъ, но нѣсколько изъ нихъ прекратили свои дѣйствія; фабриканты закрыли ихъ. Это было вовсе не въ видахъ рабочихъ, вѣдь они оставались вовсе безъ заработка; ихъ положеніе ухудшилось, а не улучшилось, какъ сулили имъ революціонеры. Они рѣшились заставить фабрикантовъ работать на указанныхъ ими условіяхъ, хотя бы и въ убытокъ, прямо въ разореніе себѣ. Пущены были въ ходъ бомбы. Возлѣ меня было два такихъ случая; я былъ свидѣтелемъ ихъ, и при одномъ случаѣ едва не потерпѣлъ сильно.

Рядомъ съ моимъ домомъ жилъ фабрикантъ - еврей Харинъ. Человѣкъ съ небольшими средствами, онъ устроилъ сначала небольшую фабрику переплетную и картонажную; дѣло пошло удачно; постепенно расширяя дѣло, онъ наконецъ держалъ до ста рабочихъ, завелъ паровую машину, образовалось крупное дѣло. Этому Харину рабочіе поставили такія условія, которыя предвѣщали убытки. Онъ отказался исполнить ихъ требованія, рабочіе забастовали. Фабрика бездѣйствовала около мѣсяца. Послѣ долгихъ переговоровъ состоялось соглашеніе между фабрикантомъ и рабочими. Работа продолжалась, однако, не болѣе двухъ недѣль, рабочіе возобновили свои прежнія, невозможныя требованія. Тогда Харинъ объявилъ, что закрываетъ совершенно свое предпріятіе, и сталъ разсчитывать рабочихъ. Тѣ объявили, что не позволятъ ему закрыть фабрику, что онъ лишаетъ ихъ этимъ пропитанія; если онъ сдѣлаетъ это, они убьютъ его. Харинъ продолжалъ разсчитывать рабочихъ, распродалъ машины и рѣшилъ уѣхать за границу, ожидать тамъ успокоенія страстей. Рабочіе рѣшили предъ отъѣздомъ его убить его. Узнали, въ какой именно день и часъ онъ поѣдетъ, и послали молодого еврея съ бомбой на лѣстницу дома гдѣ жилъ Харинъ, поручивъ убійцѣ бросить бомбу въ ту минуту, когда Харинъ выйдетъ на лѣстницу.

Харинъ жилъ во второмъ этажѣ дома рядомъ съ моимъ домомъ. Въ нижнемъ этажѣ, на той же лѣстницѣ, жилъ акцизный чиновникъ, который собирался, по дѣламъ службы, ѣхать съ тѣмъ самымъ поѣздомъ, на которомъ выѣзжалъ Харинъ. Убійца, стоя на лѣстницѣ съ бомбою въ рукѣ, услышалъ внизу лѣстницы шумъ голосовъ, разговоръ; это акцизникъ въ передней своей квартиры прощался со своей семьей. Въ то же время въ передней Харина раздавались такія же прощанія. Убійца очутился между двухъ огней. Опасаясь, что нижній жилецъ заградитъ ему путь къ бѣг-

ству, онъ рѣшился поспѣшно бѣжать, пока акцизникъ не вышелъ на лѣстницу. Улику своего преднамѣреннаго преступленія, бомбу, онъ положилъ на нижней площадкѣ лѣстницы и бѣжалъ. Отворивъ дверь, акцизникъ видѣлъ пробѣжавшаго мимо него молодого еврея, а на лѣстницѣ бомбу. Понявъ моментально, что происходило тутъ, и что будетъ, если кто-нибудь толкнетъ бомбу и она разорвется, онъ поспѣшно взялъ ее и понесъ на улицу; во входныхъ дверяхъ бомба выпала изъ рукъ его, раздался оглушительный взрывъ; къ счастью, акцизникъ остался невредимъ, бомба скатилась на улицу, тамъ на просторѣ разорвалась; на улицѣ вблизи никого не было въ эту минуту, и бомба никого не ранила.

Окна моего кабинета, крайнія въ моемъ домѣ, въ шести шагахъ отъ лѣстницы квартиры Харина. Бомба допнула близъ оконъ моего кабинета, которыя были открыты. Ошеломленный грохотомъ взрыва, я бросился къ окну и увидѣлъ бѣгущаго по улицѣ жидка, который сѣлъ на ожидавшаго извозчика и умчался. Изъ дверей дома Харина валилъ дымъ. Я выбѣжалъ на улицу, выскочившаго туда же дворника послалъ вызвать пожарную команду, а самъ пошелъ на лѣстницу дома Харина. Входная дверь и лѣстница загорѣлись отъ взрыва. Тамъ я встрѣтилъ акцизнаго чиновника, который разсказалъ мнѣ, какъ все произошло. На улицѣ и на лѣстницѣ валялись осколки бомбы.

Пріѣхали пожарные, быстро затушили огонь. Собрались всѣ власти; конечно, ничего не узнали. Убійца скрылся. Харинъ все-таки закрылъ свою фабрику въ Гроднѣ и открылъ новую въ Варшавѣ.

Другой точно такой же случай былъ черезъ нѣсколько домовъ отъ меня, съ кожевеннымъ фабрикантомъ Найдесомъ, тоже евреемъ. Онъ тоже закрылъ свою небольшую фабрику, потому что невозможно было работать на условіяхъ, которыя ему поставили рабочіе. Они также рѣшили заставить Найдеса продолжать работать. Ночью они бросили бомбу на лѣстницу квартиры Найдеса, разбивъ стекло во входной двери. И здѣсь затушили пожаръ безъ большихъ убытковъ и не было никого раненыхъ. Только сосѣди этого дома были перепуганы ночью и прожили ночь съ разбитыми стеклами въ окнахъ.

У ремесленниковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, каменщиковъ, слесарей рабочіе точно также требовали рабочаго дня въ 8 часовъ, удвоеннаго жалованья, разныхъ льготъ. И здѣсь дѣло кончалось ссорами, драками, остановкой работы. За рабочими послѣдовали дворники, комнатная прислуга, кухарки, горничныя, всѣ словно взбѣсались. Революціонеры торжествовали. Весь безработный людъ шпаялся по улицамъ, собирались сходки, митинги, пѣли какія-то ново выдуманная пѣсни и съ красными флагами устраивали процессіи. Полиція разгоняла сходки, процессіи, революціо-

неры избивали полицію, разгонявшую шумную толпу. Губернаторъ Блокъ сумѣлъ, однако, унять безъ кровопролитія эти первые взрывы освободительнаго движенія. Случайно я наткнулся на митингъ, собравшійся въ скверѣ около католическаго собора. Губернаторъ въ коляскѣ подъѣхалъ къ шумѣвшей толпѣ, вышелъ къ ней, одинъ, безъ всякаго конвоя, вмѣшался въ середину толпы, что-то долго толковалъ имъ, толпа постепенно стала смолкать и расходиться.

Это было не съ руки революціонерамъ; они усилили свою дѣятельность. Черезъ нѣсколько дней собрался тамъ же новый митингъ. Губернаторъ опять попробовалъ убѣдить толпу разойтись. Бывшіе въ толпѣ революціонеры не допустили этого, усилили крики, грозили губернатору. Онъ вынужденъ былъ удалиться. Вызвали войска, казаковъ; толпу разогнали и арестовали главныхъ бунтовщиковъ. Вечеромъ собрался новый митингъ, въ другомъ мѣстѣ, постановившій требовать у губернатора освобожденія арестованныхъ. Блокъ, конечно, не удовлетворилъ ихъ требованія. Ночью революціонеры напали на тюрьму, хотѣли силою освободить арестованныхъ. Попытка эта не удалась; войска сильно охраняли тюрьму; нападавшіе революціонеры потерпѣли при этомъ жестоко. Сдѣлали попытку овладѣть желѣзнодорожною станціей, разграбить товарные склады станціи. Нападеніе было произведено ночью; грабители затушили фонари на станціи и на прилежащихъ улицахъ. Охрана станціи была устроена внимательно; подлѣ станціи есть казармы пѣхотнаго полка; тамъ дежурилъ отрядъ, назначенный оберегать желѣзнодорожную станцію. Солдаты, по тревогѣ, моментально окружили станцію и штыками выгнали грабителей.

Затѣянные революціонерами забастовки чиновниковъ почтово-телеграфнаго вѣдомства и желѣзнодорожныхъ были также неудачны. Чиновники не послушались льстивыхъ словъ революціонеровъ. Желѣзная дорога и почтово-телеграфное вѣдомство въ Гроднѣ дѣйствовали во все время общей забастовки. Поѣзда не могли доходить до Петербурга и Варшавы, потому что Варшава и Вильна бездѣйствовали, но около Гродна поѣзда ходили. Точно такъ же письма принимались и отсылались, куда возможно, все время; телеграфъ все время работалъ, насколько позволяли забастовавшіе сосѣди.

Зато многочисленнымъ въ Гроднѣ войскамъ приходилось тяжело; они почти безсмысленно охраняли разныя учрежденія, склады, улицы. Въ отдѣленіи государственнаго банка, въ губернскомъ казначействѣ, въ окружномъ судѣ, въ почтово-телеграфной конторѣ, на станціи желѣзной дороги постоянно находились сильные военные караулы, стояли часовые. Кромѣ того, были разставлены охранные посты въ разныхъ частяхъ города, на улицахъ; днемъ и ночью ходили военные патрули, казачьи разъѣзды. Для разгона

митинговъ выслались довольно крупныя команды. Только обиліе войскъ въ Гроднѣ давало возможность такъ оберегать порядокъ въ городѣ, и, благодаря исключительно этому, всѣ усилія революціонеровъ устроить въ Гроднѣ что-либо подобное тому, что они сдѣлали въ Бѣлостокѣ, были безплодны.

Если объявленіе манифеста 17 октября 1905 года взволновало все населеніе Гродна, то это особенно гибельно отразилось на учащейся молодежи. Высшія учебныя заведенія въ столицахъ еще раньше 17 октября прекратили занятія, и масса студентовъ хлынула въ провинцію. Въ обыкновенное время въ Гроднѣ, даже въ теченіе каникулъ, на улицахъ встрѣчается небольшое число студентовъ, и то изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Но въ октябрѣ 1905 г. студентовъ разныхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній на улицахъ Гродна были толпы. Отъ бездѣлья они цѣлый день ходили по улицамъ. Жители Гродна были убѣждены, что только незначительная часть этой молодежи дѣйствительно студенты; большая же часть не кто иные, какъ переодѣтые революціонеры. Это были совершенно незнакомыя лица, преимущественно еврейскаго типа, нахальные люди съ неинтеллигентными лицами и съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ при разговорѣ на русскомъ языкѣ. Къ нимъ присоединились забастовавшіе гродненскіе гимназисты и множество юныхъ евреевъ. Всѣ гимназисты обязательно имѣли въ рукахъ толстыя палки, дубины, въ зубахъ папирсы. И то и другое въ обыкновенное время запрещенные предметы для гимназистовъ. Молодые евреи, богатые и бѣдные, которые не состояли въ учебныхъ заведеніяхъ, всѣ были одѣты въ черныя суконныя блузы, такія же панталоны, фуражки, обязательно подпосаны черными кожаными кушаками; въ рукахъ у каждого была черная трость. Они называли себя чернымъ союзомъ.

Молодежь эта составляла революціонную гвардію. Она всегда не только участвовала, но и играла первую роль въ смутахъ, митингахъ, относилась съ полнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ властямъ, въ особенности къ гимназическому начальству. Послѣ какихъ-то переговоровъ со своимъ начальствомъ, гимназисты, выйдя на улицу, стали бить стекла въ окнахъ гимназіи, чтобы выразить свое глубокое презрѣніе къ этому учебному заведенію. Конечно, гимназія давно бастовала.

Женская гимназія не послѣдовала наставленіямъ гимназистовъ, которые требовали, чтобы дѣвицы приняли участіе въ революціонныхъ манифестаціяхъ; онѣ продолжали учиться, когда гимназисты давно уже оставили это гнусное занятіе. Гимназисты и студенты употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить дѣвицъ, что они дѣйствуютъ нечестно, даже глупо; что онѣ возбуждаютъ къ себѣ общее презрѣніе, что онѣ отсталыя особы. Они грозили гимназисткамъ прекратить съ ними знакомство и даже перестать кла-

няться имъ на улицѣ. Эти угрозы и убѣжденія дѣйствовали на евреекъ, на нѣкоторыхъ безхарактерныхъ христіанокъ; но русскія гимназистки не пугались раззнакомиться съ революціонерами, въ большинствѣ евреями и поляками; ученіе продолжалось.

Видя такое упорство гимназистокъ, революціонеры рѣшили употребить противъ барышень открытое насиліе. Вотъ что рассказала мнѣ черезъ нѣсколько дней старшая дочь моя, гимназистка 3-го класса:

«18 ноября, во время второго урока, мы услышали на улицѣ пѣніе, крики, шумъ. Окна нашего класса выходятъ на улицу. Мы смутились, хотѣли броситься къ окнамъ; но учительница остановила насъ и сказала, что по случаю объявленія конституціи на улицахъ ходятъ процессіи съ пѣніемъ, что мы, конечно, не разъ уже это видѣли и слышали. Урокъ продолжался. Крики на улицѣ усилились, мы услышали звонъ разбитыхъ оконъ и выстрѣлы. Мы, конечно, перепугались ужасно, бросились къ окнамъ и увидѣли, что противъ гимназіи на улицѣ стоитъ огромная толпа гимназистовъ, студентовъ, евреевъ; часть ихъ бѣжала къ входнымъ дверямъ гимназіи. Мы услышали, что они стучатся въ нее, ломаютъ ее. Двери не очень поддавались ихъ напору; но наконецъ раздалась восторженные побѣдные крики — дверь выломали, и толпа бросилась въ гимназію. Начальство гимназическое успѣло затворить двери изъ входной комнаты, швейцарской на лѣстницу и въ раздѣвальную, такъ что толпа не могла проникнуть далѣе, въ классы. Революціонеры стали ломать эти двери, и, желая напугать насъ, стрѣляли въ швейцарской изъ револьверовъ, жгли петарды. Пальба раздавалась по всей гимназіи, и мы, конечно, были въ ужасѣ.

«Въ это время подбѣжала къ гимназіи рота пѣхоты, вызванная губернаторомъ при первомъ извѣстіи о нападеніи на гимназію нашу. Солдаты оцѣпили гимназію со всѣхъ сторонъ, выгнали толпу революціонеровъ изъ швейцарской на улицу; тамъ ожидала ихъ уже другая рота солдатъ, которая отѣснила революціонеровъ далеко отъ зданія женской гимназіи. Черезъ задній ходъ проникъ къ намъ губернаторъ Блокъ. Онъ тотчасъ пошелъ по классамъ, успокаивалъ гимназистокъ, объясняя, что солдаты отогнали толпу, полиція охраняетъ всѣ входы въ гимназію, и мы въ полной безопасности; что сейчасъ прогонятъ толпу изъ улицъ, и мы можемъ спокойно возвратиться домой».

Между прочимъ дочери рассказали мнѣ, что студенты и гимназисты упорно сопротивлялись отѣснявшимъ ихъ войскамъ. Какой-то студентъ хотѣлъ силою прорваться опять въ гимназію сквозь цѣпь солдатъ. Одинъ изъ часовыхъ остановилъ его, уперевъ штыкъ ружья въ грудь его. Тогда другіе солдаты схватили студента за руки и увели. Всѣ волненія эти, грозныя сцены, только что видѣнные ими, сильно поразили впечатлительныхъ дѣвочекъ.

Вслѣдствіе разсказанной мною выше попытки революціонеровъ овладѣть желѣзнодорожной станціей, причѣмъ они загасили и испортили фонари на смежныхъ улицахъ, у всѣхъ фонарей на главныхъ улицахъ было поставлено по часовому съ ружьемъ. Подлѣ моего дома есть фонарь; къ нему приставили также часового. Сыновья мои, мальчики 7 и 8 лѣтъ, очень заинтересовались этимъ часовымъ, все вертѣлись около него; повидимому, разговаривались съ нимъ. Когда я, отлучившись по дѣламъ, возвращался домой, часовой у фонаря обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Господинъ! что же вы не спѣшите въ женскую гимназію? Вѣдь студенты напали на нее, выломали двери, стрѣляли, кидали камнями въ окна; хотятъ избить барышень!

Я спросилъ его, откуда онъ знаетъ это.

— Сейчасъ обходилъ всѣ посты рундъ, объявилъ намъ это, велѣлъ зарядить ружья, быть на сторожѣ. Я отослалъ вашихъ мальчиковъ въ комнаты; не дай Богъ, сволочь эта зайдетъ сюда! Мальчики ваши заплакали и говорили: «жаль сестрицъ! онѣ въ гимназіи».

Я поблагодарилъ часового и, не заходя домой, побѣжалъ въ гимназію. Когда я вышелъ на Муравьевскую улицу, гдѣ находится женская гимназія, то увидѣлъ бѣгущую вразсыпную толпу студентовъ, гимназистовъ, жидовъ и разныхъ оборванцевъ. За ними скакали казаки, отгоняя толпу отъ женской гимназіи. На улицѣ валялись флаги, фуражки, палки и даже нѣсколько револьверовъ. Передъ зданіемъ гимназіи на улицѣ стоялъ выстроенный отрядъ пѣхоты. У невысокой рѣшетки, отдѣляющей дворъ и садъ гимназіи отъ улицы, разставлены были городовые, а у входа за рѣшетку столпились полиція, жандармы. Я подошелъ къ нимъ и хотѣлъ пройти въ гимназію; городовые остановили меня, говоря, что не приказано пускать. Я запротестовалъ, говоря, что у меня тамъ двѣ дочери; полицеймейстеръ, знавшій меня, приказалъ впустить.

Входная наружная дверь была дѣйствительно выломана; на фасадѣ гимназіи, въ окнахъ, большая часть стеколъ была выбита. Словомъ—разрушеніе постыдное. Войдя въ швейцарскую, я увидѣлъ тамъ губернатора Блока, множество чиновниковъ и нѣсколько жандармовъ. Въ швейцарской стоялъ еще пороховой дымъ и пахло сѣрою.

Увидѣвъ меня, губернаторъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Прекрасно сдѣлано, что пришли! Слава Богу, никакого несчастья не произошло. Впрочемъ, двѣ дѣвочки и женщина, прислуживающая въ раздѣвальной, зашиблены слегка камнями, и всѣ дѣвочки сильно перепуганы. Я видѣлъ вашихъ дочерей—онѣ тамъ, наверху, и совершенно невредимы. Пройдите туда; это, конечно, успокоитъ ихъ.

Я поднялся въ верхній этажъ, гдѣ помѣщался третій классъ, въ которомъ была старшая дочь моя. При самомъ началѣ бомбардировки оконъ младшая дочь въ ужасѣ прибѣжала къ сестрѣ, и я засталъ ее тамъ. На лѣстницѣ я встрѣтилъ начальника гимназіи Теохтистова; онъ тоже выразилъ удовольствіе, что я лично пришелъ за дочерьми. Въ коридорѣ были главная надзирательница Андреянова, классныя дамы, съ лицами, не менѣ смущенными, чѣмъ у гимназистокъ. Я попросилъ у Л. О. Андреяновой позволенія увести дочерей моихъ домой, и, конечно, получилъ разрѣшеніе. Покуда дочери пошли въ раздѣвальную комнату надѣть теплое платье, я вышелъ въ швейцарскую, гдѣ все еще стоялъ губернаторъ Блокъ, и спросилъ его, можно ли увести дочерей. Онъ попросилъ меня обождать немного выходомъ, пока онъ получитъ извѣстіе, что сосѣднія улицы очищены отъ революціонеровъ; иначе я и дѣвицы можемъ подвергнуться оскорбленіямъ необузданной толпы.

Онъ рассказалъ мнѣ, что дѣвицы будутъ отпущены не всѣ вдругъ, а по классамъ. Сейчасъ одѣвается и также ожидаетъ освобожденія улицъ первый классъ; затѣмъ отпущенъ будетъ второй, и такъ далѣе. Дѣвицъ онъ отпускалъ группами, въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ, подъ охраной полиціи и жандармовъ. Стали появляться родители, какъ я; тѣмъ онъ вручалъ дочерей ихъ и просилъ взять подъ свою охрану гимназистокъ, живущихъ вблизи ихъ. Черезъ минутъ десять вошелъ полицеймейстеръ и доложилъ губернатору, что въ сосѣднихъ улицахъ спокойно. Губернаторъ предложилъ намъ возвращаться домой. Уходящимъ гимназисткамъ губернаторъ объявлялъ громко, что ученіе въ гимназіи будетъ обязательно продолжаться, чтобы дѣвицы приходили послѣзавтра; одинъ день нуженъ для вставки стеколъ въ окнахъ и приведенія всего въ порядокъ.

Младшая дочь моя была очень перепугана, жалась ко мнѣ, вздрагивала нервно. Седьмой классъ, въ которомъ она состояла, помѣщается въ нижнемъ этажѣ. При нападеніи толпы камни мгновенно побили стекла въ ихъ классѣ. Она увидѣла бѣгущихъ къ дому освирипѣвшихъ людей, слышала крики ихъ и въ ужасѣ, не помня, что дѣлаетъ, выбѣжала изъ класса и побѣжала наверхъ къ сестрѣ, которая нѣсколько успокоила ее. Старшая дочь была точно также перепугана, но, будучи старше сестры, не растерялась и осиливала свой перепугъ.

Мы прошли по улицамъ спокойно; нигдѣ не встрѣтили революціонеровъ; по улицамъ разѣзжали отряды казаковъ. Проходя мимо часового у нашего фонаря, я поблагодарилъ его за предупрежденіе и указалъ ему перепуганныхъ дочерей моихъ. Онъ проговорилъ:

— Безстыдники! нашли съ кѣмъ воевать,—съ малолѣтками!

Отсрочка занятій въ женской гимназій на одинъ день была очень полезна: дѣвицы успокоились. Негодованіе ихъ на студентовъ и гимназистовъ усилилось до крайней степени; они видѣли въ сдѣланномъ имъ насиліи личное оскорбленіе,—не либеральный порывъ, какъ объясняла это молодежь, а грубое самоуправство. Дѣвицы твердо рѣшили: не поддаваться требованіямъ студентовъ и гимназистовъ, а еще упорнѣе отстаивать свою независимость, свои убѣжденія. Мужская молодежь, никакъ не ожидавшая такого полнаго, постыднаго провала своей попытки заставить гимназистокъ подчиниться ея требованіямъ, сама понимала, что перешла за границы дозволеннаго, за границы приличія, и была сконфужена. Она пыталась, однако, отстаивать свои требованія, пробовала дать приличное объясненіе своему неприличному поступку. Они говорили, что заступились за обиженныхъ гимназистокъ-евреекъ, которыя сочувствуютъ имъ, революціонерамъ, а продолжаютъ ходить въ гимназію только вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ начальства и угрозъ, гнета христіанокъ-гимназистокъ. Извиненіе это не выдерживало ни малѣйшей критики; никто не принуждалъ евреекъ; они сами понимали невыгодность бросить ученіе, когда другія ученицы занимаются.

Въ мужской гимназій забастовка началась до этихъ событій и продолжалась болѣе мѣсяца. Революціонеры ни за что не допускали возобновленія ученія въ мужской гимназій. Были и тамъ благоразумные юноши, готовые учиться; и начальство мужской гимназій употребляло всѣ усилія для успокоенія умовъ гимназистовъ; но вліяніе студентовъ-революціонеровъ было очень сильно на гимназистовъ. Вѣдь многіе студенты были воспитанники этой же гимназій; между студентами и гимназистами было такъ много общаго, они такъ понимали другъ друга, и революціонеры знали, какъ воспламенить, воодушевить гимназистовъ. Они нѣсколько разъ выбивали стекла въ окнахъ мужской гимназій, когда начальство дѣлало попытки возобновить ученіе; собирали подъ окнами гимназій шумные митинги. И тутъ пришлось призвать на помощь воинскую силу. Долгое время около пустой мужской гимназій стоялъ, для охраны ея, отрядъ пѣхоты, разѣзжали казаки. Я не слѣдилъ за подробностями смуты въ мужской гимназій, такъ какъ тамъ не было у меня близкихъ людей.

Черезъ день послѣ нападенія на женскую гимназію, какъ назначилъ губернаторъ Блокъ, ученицы собрались на ученіе почти въ полномъ составѣ. Изъ осторожности я утромъ самъ проводилъ моихъ дочерей въ гимназію. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько кучекъ гимназистовъ и студентовъ; они грозно смотрѣли на непослушныхъ гимназистокъ, но въ моемъ присутствіи не дерзнули остановить дѣвицъ. У нѣсколькихъ дѣвочекъ, которыя шли однѣ, гимназисты отняли связки книгъ ихъ и тетрадокъ; тѣ со слезами

прибѣжали въ гимназію и рассказали свое горе. Впрочемъ, очень мало родителей не оберегало своихъ дочерей; почти всѣ дѣвицы шли со взрослыми провожатыми.

Передъ зданіемъ женской гимназіи стояла рота пѣхоты съ ружьями. Вокругъ зданія, у всѣхъ входовъ, стояли часовые съ ружьями. При такихъ условіяхъ порядокъ не былъ нарушенъ, и ученіе шло правильно. Ко времени окончанія классовъ я пришелъ взять моихъ дочерей. Я былъ не единственный осторожный отецъ. Швейцарская гимназія была переполнена родителями, ожидающими дѣвицъ. Такъ продолжалось недѣли двѣ. Мало-по-малу постепенно охрана ослаблялась; сначала сняли военную охрану, поручили ее полиціи; затѣмъ сняли и послѣднюю. Гимназистки успокоились, а родители ихъ надѣялись, что теперь уже не будетъ никакихъ происшествій въ женской гимназіи. Но революціонерамъ такой ходъ дѣла очень не нравился, и они поджидали только случая взволновать опять мирную гимназію.

18 ноября въ женской гимназіи разразилась домашняя, семейная буря. Начальство гимназіи признало вредной дѣятельность учителя русской литературы Троицкаго и предложило ему оставить гродненскую женскую гимназію. Сколько я слышалъ, Троицкій дѣйствительно направлялъ вниманіе своихъ ученицъ на либеральныя литературныя произведенія съ извращенными понятіями, ложно направлялъ умы и вкусы ихъ и вообще внушалъ имъ революціонныя идеи. Еврейки всѣ сплошь были его поклонницами. Когда извѣстіе объ удаленіи Троицкаго дошло до ученицъ его, еврейки рѣшили протестовать противъ этого распоряженія. Онѣ составили письменный протестъ отъ имени всей гимназіи, кстатѣ включили туда, по внушенію революціонеровъ, разныя либеральныя требованія. Центръ этого волненія былъ во второмъ классѣ, гдѣ было особенно много евреекъ, а русскія дѣвицы были очень безхарактерны. Въ первомъ классѣ было нѣсколько очень умныхъ, энергическихъ дѣвушекъ, особенно выдавались Беклемишева, Орлова. Въ III классѣ еврейки встрѣтили сильный отпоръ со стороны русскихъ дѣвицъ; онѣ наотрѣзъ отказались подписать протестъ и даже не допустили читать его громко въ классѣ. На другой день протестъ все-таки самовольно поданъ былъ еврейками, отъ имени всей гимназіи... Сдѣлавъ это, революціонныя еврейки прибѣжали съ торжествомъ въ III классъ и стали насмѣхаться надъ русскими дѣвушками, что дѣло обошлось безъ ихъ подписей. Русскія гимназистки были возмущены этимъ нахальнымъ самоуправствомъ евреекъ. По совѣщаніи, онѣ рѣшили идти къ начальнику гимназіи Теокистову и сказать ему, что онѣ не участвуютъ въ протестѣ, будутъ учиться и даже не читали протеста. Четыре энергичныя дѣвицы: Промптова, Теокистова, Михневичъ, Полевая, пошли къ начальнику гимназіи, рассказали ему

все, какъ было. Онъ, конечно, одобрилъ ихъ образъ дѣйствій и попросилъ ихъ тутъ же, на протестъ, написать, что онѣ не участвуютъ въ немъ.

Еврейки трехъ старшихъ классовъ бѣгали между тѣмъ изъ одного класса въ другой и кричали: «собирайте тетради и книги, уходите изъ гимназій; мы не будемъ учиться, пока Троицкаго не возвратятъ въ гимназію». Онѣ деспотически толкали христіанокъ и толпою выгоняли ихъ изъ класса. Ошеломленные неожиданностью, подъ давленіемъ силы, дѣвицы вышли на лѣстницу и стали спускаться по ней. Извѣщенный о безпорядкѣ въ классахъ, начальникъ гимназій Θεоктистовъ поднимался въ верхній этажъ. Онъ встрѣтилъ на поворотѣ лѣстницы спускавшуюся толпу гимназистокъ, остановился, протянувъ руки, загородилъ имъ путь и сказалъ:

— Что съ вами! опомнитесь! куда вы идете? До сихъ поръ вы вели себя такъ благоразумно, а теперь поддались внушеніямъ безпокойнаго элемента! Ступайте въ классы, я тотчасъ приду, переговорю съ вами.

Уваженіе къ Θεоктистову и нравственное вліяніе его на дѣвицъ были такъ велики, что христіанки-гимназистки молча повернули назадъ и разошлись по классамъ; еврейки оттолкнули начальника, прошли мимо его и удалились изъ гимназій.

Θеоктистовъ тотчасъ пришелъ въ классы, объяснилъ, какой вредъ дѣвицы причинять себѣ лично, бросивъ ученіе по такому неосновательному поводу. Слова его подѣйствовали на дѣвицъ, онѣ обѣщали продолжать ученіе.

Между тѣмъ гимназистки узнали, что сослуживецъ Троицкаго, учитель географіи Томассонъ, въ видѣ протеста, признавая увольненіе Троицкаго деспотическимъ распоряженіемъ начальства, отказался самъ продолжать службу въ такой жестокой гимназій. Томассонъ былъ очень молодой, красивый, мягкій человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ расположеніемъ гимназистокъ; многія обожали его. Извѣстно было, что онъ бѣдный человѣкъ, содержитъ на свой заработокъ мать и двухъ сестеръ. Женское чувство состраданія разгорѣлось въ сердцахъ гимназистокъ. Рыцарскій (по ихъ мнѣнію) поступокъ Томассона воспламенилъ ихъ; рѣшено было по окончаніи занятій въ классахъ итти всѣмъ на квартиру Томассона, выразить ему сочувствіе. Это и было исполнено; толпа гимназистокъ отправилась на квартиру Томассона, но, къ великому разочарованію своему, не застала его дома. Не покидая намѣренія поддержать Томассона, дѣвицы рѣшили: вечеромъ, въ 6 часовъ, собраться на мосту, подлѣ церкви святого Александра Невскаго, и тамъ обсудить, что можно предпринять для защиты удаленныхъ учителей, не прекращая ученія въ гимназій.

Въ то время года на улицахъ въ шесть часовъ вечера бываетъ уже темно. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой—бла-

горазумныя увѣщанія родителей, по возвращеніи дѣвицъ домой, охладили пылъ гимназистокъ. Къ условленному времени на мостъ явилась небольшая кучка гимназистокъ; митингъ не состоялся.

На другой день благоразумныя русскія дѣвицы въ 9 часовъ были въ классахъ. Ихъ собралось, однако, очень немного; въ третьемъ классѣ ихъ было всего четыре. Начальникъ гимназіи, главная надзирательница всевозможно поддерживали бодрость духа ихъ. Для вида были одинъ или два урока. Начальство объявило, что ученіе будетъ продолжаться и при такомъ небольшомъ числѣ ученицъ. Фактически ученіе дѣйствительно не прекращалось. Въ младшихъ классахъ всѣ русскія дѣвочки и большинство полекъ были налицо. Въ трехъ старшихъ классахъ было по нѣсколько русскихъ дѣвицъ. Такъ продолжалось дня два-три. Видя, что ученіе не прекращается, безхарактерныя русскія дѣвицы, отсутствовавшія, стали понемногу возвращаться. Черезъ недѣлю всѣ русскія были въ классахъ. Польки поняли, что онѣ отстанутъ отъ ученія, что это невыгодно, тоже воротились понемногу. Черезъ двѣ недѣли всѣ христіанки были налицо, въ сборѣ. Расчетливыя еврейки увидѣли, что дѣло ихъ не выгорѣло; гимназія прекрасно обходится безъ нихъ; если онѣ будутъ продолжать свою манифестацію, то не въ силахъ будутъ слѣдить за преподаваніемъ. Христіанки упорно отказывались давать имъ какія-либо свѣдѣнія по преподаванію. Пришлось евреикамъ подчиниться. Въ одинъ прекрасный день онѣ всѣ сразу, гурьбою, вернулись въ гимназію, какъ ни въ чемъ не бывало. Такъ окончились попытки революціонеровъ привлечь женскую гимназію къ забастовкѣ. Ученіе пошло съ тѣхъ поръ плавно, спокойно.

Общее революціонное движеніе въ городѣ, однакоже, не прекращалось между евреями. Рѣзкія проявленія его ослабились только тогда, когда вся страна занялась выборами депутатовъ въ государственную думу. Все вниманіе было обращено тогда на составленіе и подборъ партій, союзовъ и избраніе въ депутаты людей революціоннаго направленія. Какъ это дѣлалось въ революціонно-еврейскомъ кругу, я не знаю. Расскажу, какъ дѣйствовали въ нашей, умѣренной болѣе или менѣе, средѣ, желавшей избрать депутата русскаго и, конечно, не анархиста, не социалиста.

Первоначально русскіе люди собирались по своимъ домамъ, совѣщались, какъ и кого выбирать, изъ кого составить свою партію, какихъ принциповъ держаться. Разрозненная работа, кучками, не привела къ какому-либо рѣшенію. Тогда опредѣлили: собрать по возможности все русское образованное гродненское общество и обсудить наши нужды, желанія. Не помню, какого именно числа, все мыслящее христіанское населеніе города Гродна повѣстками было приглашено въ помѣщеніе управленія военныхъ

топографовъ. Въ 8 часовъ вечера обширная зала управленія, въ которой обыкновенно помѣщается чертежная, была очищена отъ столовъ и переполнена приглашенными на митингъ. Преобладали русскіе люди, были поляки, было два-три еврея. Комитетъ, созвавшій митингъ, предложилъ обществу обсудить: какого направленія намѣрено оно держаться при выборѣ депутата въ государственную думу? Комитетъ доложилъ, что въ столицахъ образовалось нѣсколько рѣзко обозначившихся партій политическихъ или союзовъ; онѣ прислали въ Гродно свои программы и приглашаютъ каждая жителей Гродна присоединиться къ нимъ. Члены комитета прочитали обществу нѣсколько такихъ программъ; оказалось, что къ политическому направленію присутствующихъ болѣе другихъ подходятъ программы союза 17 октября и союза правового порядка. Стали подробно, статья за статью, разбирать и сравнивать обѣ программы и признали ихъ обѣ подходящими; но когда дошло до опредѣленія, которую изъ двухъ выбрать, возникли сильные споры. Стали баллотировать этотъ вопросъ. Громадное большинство оказалось на сторонѣ союза правового порядка. За союзъ 17 октября стояли всѣ поляки, евреи и очень немногіе русскіе; за правовой порядокъ—исключительно русскіе люди. Оно и естественно; такъ и должно было оказаться. Въ программѣ союза 17 октября преобладалъ космополитизмъ, проводилось равноправіе всѣхъ народностей, всѣхъ вѣроисповѣданій; а союзъ правового порядка провозглашалъ: «Россія для русскихъ!..» Мы, жители Гродна, живя среди поляковъ, евреевъ, наслаждаясь каждый день ихъ обществомъ, будучи ихъ сосѣдями, переживъ возстаніе 1863 года, какъ русскіе люди, знали, кто по личному опыту, кто по преданію и по разговорамъ, что означаетъ здѣсь это равноправіе, какъ понимаютъ его и проводятъ ксендзы, евреи, и, конечно, не желали переживать снова прелести преобладанія поляковъ, съ прибавкою на этотъ разъ всѣхъ еврейскихъ вожделѣній равноправія.

Кончилось тѣмъ, что митингъ принялъ программу союза правового порядка. Митингъ затянулся поздно; опредѣлили: черезъ день собраться тутъ же для назначенія комитета, который будетъ руководить выборами въ государственную думу. Въ назначенный день собрались уже исключительно русскіе люди; поляки, евреи отдѣлились. Избрали комитетъ, назначили мѣсто будущихъ собраній союза правового порядка—въ Народномъ домѣ. Собраніе признало себя отдѣленіемъ петербургскаго союза правового порядка.

Митинги союза собирались довольно часто, направленіе было очень либеральное, прогрессивное, но, конечно, не анархическое. Выяснилось стремленіе привлечь къ выборамъ въ депутаты по возможности большее число христіанъ изъ бѣднаго населенія; оказалось, что эти бѣдняки не подозрѣвали, что могутъ принять уча-

сті въ выборахъ; опредѣлили: постараться ознакомить эту часть населенія съ ея правами по выбору депутатовъ, для чего члены союза будутъ обходить всѣ дома, провѣрять, получили ли мелкіе жильцы повѣстки отъ городской думы о порядкѣ производства выборовъ въ депутаты государственной думы. Рѣшеніе это было очень тщательно исполнено, но послѣдствія его были печальныя, совершенно не тѣ, какія ожидалъ союзъ правового порядка. Всѣ подонки общества, не подозрѣвавшіе своего права на участіе въ выборѣ депутата въ государственную думу, не собиравшіеся вмѣшиваться въ выборы, поднялись; но они послушались, конечно, не благоразумныхъ совѣтовъ, данныхъ имъ членами правового порядка, а совѣтовъ анархистовъ-евреевъ, которые обходили мелкія квартиры по слѣдамъ членовъ правового порядка, возбуждали бѣдноту противъ буржуевъ и давали свои наставленія. Выборы депутатовъ были очень неудачны, какъ такими были почти всѣ выборы въ первую думу.

Составъ митинговъ союза правового порядка былъ очень разнообразный: тутъ были почти всѣ начальники отдѣльныхъ управленій губерніи, всѣ видные чиновники, много священниковъ, учителей, доктора, высокопоставленныя дамы, учительницы и класныя дамы женской гимназіи; словомъ—вся интеллигенція. Добрыхъ желаній у членовъ союза было очень много. Говорили умно, дѣлали постановленія очень разумныя. Засѣданія бывали настолько интересны, что ихъ стали посѣщать посторонніе; бывали поляки, евреи, въ видѣ посѣтителей. Но результатовъ отъ всего этого не вышло никакихъ. Поражало полное незнакомство большинства съ тѣмъ, что обсуждалось, неумѣніе взяться за дѣло, незнакомство со средою, въ которой эти люди живутъ, съ нравами, бытомъ. Этимъ объясняется неудача обхода членами союза квартиръ мелкихъ жильцовъ.

Первое время въ составъ комитета союза правового порядка были избраны независимые люди—управляющій казенной палаты, начальникъ почтово-телеграфнаго округа, директоръ мужской гимназіи. Люди эти привыкли руководить другихъ, дѣйствовали смѣло, общество довѣряло имъ. Вскорѣ получено было распоряженіе администраціи, что такіе начальники самостоятельныхъ частей не могутъ быть избираемы въ руководители союзовъ. Почти весь составъ гродненскаго комитета союза правового порядка вынужденъ былъ удалиться. Въ замѣстители имъ выбрали другихъ людей, тоже честныхъ, хорошихъ, но уже съ инымъ положеніемъ въ обществѣ; комитетъ ослабѣлъ. Видя безцѣльность всѣхъ этихъ собесѣдованій, многіе стали отставать, и союзъ незамѣтно исчезъ. Въ средѣ жителей Гродна не оказалось достаточно энергическихъ, убѣжденныхъ людей, которые могли бы стать во главѣ союза, увлечь за собою массу.

Для производства выбора депутатовъ въ первую государственную думу въ Гроднѣ не образовалось ни одной политической партіи, а составились три партіи по народностямъ: русская, польская и еврейская партіи, или, вѣрнѣе, три партіи по вѣроисповѣданіямъ — православная, католическая и еврейская. Подбирались туда люди не по политическимъ ихъ убѣжденіямъ, а по національнымъ стремленіямъ. Въ русскую партію вошли: великороссы чиновники, пріѣзжіе; малороссы и бѣлоруссы, составляющіе крестьянскую массу Гродненской губерніи; сюда же вошло все духовенство. Католическую, польскую партію составили всѣ помѣщики-поляки, шляхта и католики-ремесленники. Самая сильная партія была еврейская, потому что евреи хлопотали, призывали къ участию въ выборахъ самыхъ незначительныхъ, бѣдныхъ евреевъ, разсѣянныхъ по мелкимъ мѣстечкамъ и селеніямъ, имъ давались въ руки отпечатанные списки кандидатовъ въ депутаты, составленные кагаломъ. При строгой еврейской кагальной дисциплинѣ приказанія кагала исполнялись точно, безъ разсужденій. По многочисленности своей русская партія должна была быть самой сильной; вѣдь въ нее вошли всѣ крестьяне! Но дѣйствія русской партіи были робки, вялы. Какъ я говорилъ выше, союзъ правового порядка ничего не выработалъ, русскіе разбросаны были по всей губерніи, безъ всякой связи между собою. Поляки вошли въ связь съ евреями и при ихъ помощи провели, кажется, одного своего депутата.

Передъ выборами стѣны домовъ были залѣплены большими листами бумаги, на которой были напечатаны, отъ имени неизвѣстныхъ лицъ, приглашенія выбрать въ депутаты указываемыхъ ими людей, все поляковъ и евреевъ. Для подачи записокъ было отведено нѣсколько помѣщеній: въ городской думѣ, въ окружномъ судѣ, въ народномъ домѣ. Податели записокъ были разбиты на группы, по начальнымъ буквамъ ихъ фамилій. По буквѣ П, которою начинается моя фамилія, я долженъ былъ подавать свою записку въ окружномъ судѣ. Я пришелъ туда около 11 часовъ утра. На улицѣ, у зданія суда, стояло много полиціи; стражники указали мнѣ, въ какія двери надобно войти, по какой лѣстницѣ подняться. Я добрался свободно въ залу, отведенную для засѣданій гражданскаго суда, гдѣ принимались выборныя записки. Зала была перегорожена рѣшеткой, за которой стояли два стола; на каждомъ изъ нихъ по большому ящику для опусканія записокъ. Ящики были заперты на ключъ, обвязаны бечевкою и опечатаны; въ верхней доскѣ ящика былъ сдѣланъ прорѣзъ, черезъ который опускались выборныя записки. У каждого ящика сидѣло нѣсколько лицъ, которымъ поручено было наблюденіе за правильностью опусканія записокъ. Я подошелъ къ столу, показалъ повѣстку о правомъ на участіе въ выборахъ; чиновники проверили по списку, ле-

жавшему на столѣ, что моя выборная записка относится къ ихъ ящику, отгѣтили въ списокѣ подачу выборной записки (чтобы не подавали по двѣ и болѣе записокъ), и я при нихъ опустилъ свою записку въ ящикъ. Въ залѣ была толпа, преимущественно евреевъ; но все шло тихо, правильно, безъ задержекъ и шума. Манифестацій и митинговъ на улицахъ также не было; какъ я сказалъ выше, шумные митинги и анархическія манифестаціи прекратились съ началомъ выборовъ въ депутаты. Это произошло не отъ успокоенія умовъ, а потому, что гродненская полиція успѣла перехватать главныхъ агитаторовъ, и трусливые въ сущности евреи спасовали. Они понимали, что сила на сторонѣ правительства, что теперь знаютъ всѣхъ членовъ ихъ бунда, и при первомъ анархическомъ дѣйствіи ихъ мгновенно возобновятся аресты и всякія строгія мѣры.

Къ несчастію своему и Гродненской губерніи, благоразумный губернаторъ Блокъ былъ перевѣщенъ изъ Гродны въ Самару. Это была административная ошибка, которая кончилась очень печально. Блокъ былъ убитъ въ Самарѣ, а въ Гродненской губерніи разыгрался знаменитый бѣлостокскій погромъ. Если бы Блокъ остался въ Гроднѣ, евреи никогда не посмѣли бы устроить бѣлостокскія волненія, приведшія къ разгрому, и самъ Блокъ былъ бы живъ.

Бѣлостокскіе беспорядки произошли отъ полной бездѣятельности и слабости вновь назначеннаго губернатора Кистера. Онъ не зналъ губерніи, не понималъ положенія революціи, считалъ, что все, слава Богу, успокоилось, и по характеру своему не былъ способенъ къ энергическимъ, смѣлымъ дѣйствіямъ. Предмѣстникъ его, Блокъ, не былъ гениальнымъ дѣятелемъ; но онъ былъ трудолюбивъ, вдумчивъ и понималъ характеръ населенія. Онъ начиналъ всегда съ увѣщаній; указывалъ волнующимся, какія неприятныя для нихъ будутъ послѣдствія, если они не прекратятъ беспорядковъ. Но, главное, онъ дѣйствительно каралъ беспорядки, если они не прекращались. Онъ твердо, спокойно доводилъ кару до конца; это не была месть, онъ не выказывалъ жестокости, но добивался исполненія своихъ требованій. Испытавъ на опытѣ настойчивость Блока, революціонеры-евреи признали болѣе выгоднымъ подчиняться требованіямъ губернатора, и въ губерніи было тихо. Озлобленія противъ Блока не было, потому что онъ дѣйствовалъ самъ безъ злобы, справедливо. Онъ не давалъ разгораться беспорядкамъ, тушилъ ихъ при самомъ началѣ. Кистеръ принялъ эту вынужденную тишину за искреннюю, нормальную; въ минуту проявленія беспорядковъ, при первыхъ признакахъ ихъ, не унялъ анархистовъ,—они и расходились!

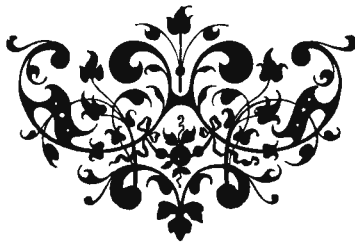
Несчастный Блокъ, котораго мы всѣ, жители Гродненской губерніи, уважали, цѣнили, не понималъ разницы между анархистами гродненскими и самарскими. Всѣ беспорядки гродненскіе были искус-

ственно возбуждаемы прїѣзжими агитаторами, а не были порывами наболѣвшаго сердца, нужды, какъ у великорусскаго крестьянина. Поляки, евреи, самые безпокойные элементы губерніи, вовсе не сочувствовали соціальнымъ движеніямъ, во имя которыхъ агитаторы призывали ихъ на митинги. Они шли туда, надѣясь выговорить что-нибудь для своихъ народностей, ради которыхъ затѣяно было столько повстаній. А бѣлоруссы не сочувствуютъ никакимъ революціоннымъ движеніямъ; очень ужъ надоѣли имъ всѣ повстанія, періодически сочиняемыя панами-поляками. Оттого революціонныя движенія Гродненской губерніи бывали кратки, не настойчивы. Въ Самарской губерніи волновались не евреи, не поляки, а великороссы, люди съ иной энергіей, иными идеалами, нуждами. Главной причиной волненій тамъ была жажда земли, волновались крестьяне, волновались не изъ-за отвлеченнаго принципа, а изъ-за куска хлѣба. Надо вспомнить, что всѣ жители этой губерніи приволжская вольница, изстари непокорная, рѣзкая, грубая. Блокъ, очевидно, не понялъ ихъ, его образъ дѣйствій пришелся не по характеру населенія.

Въ Гродненской губерніи революціонное движеніе мало-по-малу затихало. Беспорядки, разгромъ въ Бѣлостокѣ, роспускъ первой думы—нанесли революціи смертельный ударъ, дискредитировали, ее въ общественномъ мнѣніи. Выборы во вторую думу прошли вяло, мало интересовали всѣхъ.

Н. К. Полевой.

АЗЕФОВЩИНА.

(Изъ замѣтокъ японца).

А ПРОСТИТЬ мнѣ покойный мой другъ Камо-Икку, что я скрылъ отъ читателей «Историческаго Вѣстника» нѣсколько главъ его замѣтокъ ¹⁾. Но я не могъ рѣшиться ихъ обнародовать, потому что онѣ слишкомъ больно задѣвали наше національное самолюбіе.

Теперь, когда дѣло Азефа бросило лучъ свѣта на нѣкоторыхъ героевъ такъ называемой русской революціи, я уже не затрудняюсь предать гласности и эти главы. Напомню только, что онѣ написаны моимъ японскимъ другомъ лѣтъ десять тому назадъ, и слѣдовательно, имѣютъ скорѣе историческое, чѣмъ современное значеніе. Онѣ, понятно, не касаются ни самого Азефа, ни сродныхъ ему дѣятелей, но до извѣстной степени разъясняютъ вопросъ о почвѣ, на которой могли вырасти и распуститься пышными махровыми цвѣтками такія любопытныя растенія. Поэтому я и рѣшился озаглавить ихъ: «Азефовщина».

Затѣмъ предоставляю опять слово моему почтенному другу.

I.

— Такъ что же, ѣдемъ?—спросилъ меня Викторъ Петровичъ, бывшій сегодня въ особенно игривомъ настроеніи послѣ обѣда, которымъ я его угостилъ у себя въ отелѣ.

¹⁾ «Историч. Вѣст.» 1909 г., январь и февраль.

— Не люблю я показываться у васъ публично,—возразилъ я.— Простите, но русскіе не особенно благовоспитанны. Они засматриваются на меня точно на чудо заморское, и мнѣ становится неловко.

— Предусмотрѣно, милый баронъ, предусмотрѣно,—успокоилъ меня Викторъ Петровичъ.—Мы будемъ все видѣть, но насъ никто не будетъ видѣть.

— То-есть?

— Въ нашемъ распоряженіи директорская ложа. Особенно пріятно сидѣть въ такой ложѣ съ актрисочкой за ширмочкой. На сценѣ—чмокъ, и за ширмочкой—чмокъ, сзади, въ шейку. Знаете, наединѣ наскучить, а на людяхъ еще занятно. Ахъ, запрещенный плодъ всегда сладокъ!

— Такъ въ какой же театръ мы собственно ѣдемъ,—прервалъ я игривыя размышленія Виктора Петровича:—и сколько стѣитъ такая директорская ложа?

Викторъ Петровичъ взглянулъ на меня очень внимательно, точно желалъ убѣдиться, не выпилъ ли я лишнее, хотя за обѣдомъ пилъ онъ одинъ и пилъ по обыкновенію много.

— Какъ, что она стѣитъ?—спросилъ онъ.—Я васъ приглашаю въ настоящую директорскую ложу. Можетъ же директоръ имѣть свою ложу!

— Конечно, но рѣчь идетъ не о директорѣ, а о насъ.

— Какіе вы, японцы, въ самомъ дѣлѣ странные люди! Директоръ не можетъ бывать ежедневно въ театрѣ. У него дѣло и безъ того найдется.

— Но при чемъ мы-то тутъ?

— Мы-то, пожалуй, ни при чемъ. Но не станетъ же, напримѣръ, мой шефъ платить, когда онъ ходитъ въ театръ.

— Почему же ему не платить: онъ, кажется, человѣкъ достаточный.

— Нѣтъ, это ему не по чину.

— То-есть, какъ не по чину?

Викторъ Петровичъ удобнѣе усѣлся въ креслѣ.

— Знаете, баронъ, съ вами весело,—сказалъ онъ.—Въ васъ есть какая-то японская наивность, которая пріятно щекочетъ нервы. Позвольте вамъ прочесть маленькую лекцію. Порядочные люди у насъ ни въ театрахъ, ни на желѣзныхъ дорогахъ не платятъ: оно во всѣхъ отношеніяхъ неудобно. Во-первыхъ, чтобы платить, надо расходовать. Кому же это можетъ быть пріятно? А во-вторыхъ,—и это, пожалуй, поважнѣе,—когда вы платите, вы превращаетесь въ мелкую сошку: всякій въ правѣ вами пренебрегать, не оказывать вамъ должнаго почтенія. Представьте себѣ на минуту, что мой шефъ скромно сядетъ въ партерѣ, хотя бы въ первомъ ряду. Что онъ собою будетъ изображать? Простого генерала. Но когда онъ возсѣдаетъ въ директорской или министерской ложѣ, онъ—персона

значительная: всѣ ему оказываютъ должное вниманіе, потому что всякій видитъ, что онъ—начальство или имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ начальству.

— У васъ, значитъ, начальство въ большомъ почетѣ?—спросилъ я.

Викторъ Петровичъ, забывъ, что читаетъ мнѣ лекцію, расхохотался такъ весело, что и я не могъ не улыбнуться, хотя рѣшительно не понималъ, надъ чѣмъ онъ смѣется.

— Да нѣтъ же, нѣтъ,—воскликнулъ онъ сквозь приступы неудержимаго смѣха:—у насъ всякій порядочный человѣкъ начальство... презираетъ.

— Вы все шутите, Викторъ Петровичъ,—возразилъ я:—вѣдь это явная несообразность! По вашимъ словамъ выходитъ, что всякій порядочный человѣкъ не платитъ, чтобы походить на начальство, и въ то же время всякій порядочный человѣкъ начальство презираетъ. Рѣшительно не понимаю, что вы разумѣете подъ порядочнымъ человѣкомъ. Не людей же, лишенныхъ простой логики?

— Ну, это,—возразилъ Викторъ Петровичъ,—вопросъ большой. Скажу вамъ только, что у насъ логика не имѣетъ никакого отношенія къ порядочности. Такъ, всякій порядочный человѣкъ у насъ говоритъ, что надо уважать чужія убѣжденія, но, если вы не раздѣляете его убѣждений, особенно въ политическихъ вопросахъ, то онъ, если не скажетъ, чтобы не нарваться на неприятную исторію, то подумаетъ, что вы—мерзавецъ и подлець. Однако, намъ пора ѣхать. Смѣю васъ увѣрить, что вы ничѣмъ не рискуете, занявъ мѣсто въ директорской ложѣ. Напротивъ, вы можете рассчитывать на всевозможные égards. Я давно уже рѣшилъ быть сегодня въ театрѣ: пьеса очень для меня интересна, и шефъ навелъ справку, свободна ли директорская ложа. Ему отвѣтили, что никого не будетъ. Это онъ сдѣлалъ главнымъ образомъ для васъ.

— Тронуть его вниманіемъ,—отвѣтилъ я.—Но почему васъ сегодняшнее представленіе такъ интересуетъ? Какая собственно идетъ пьеса?

— Хочу поучиться у знаменитаго драматурга Малафѣева.

— Малафѣевъ? Онъ, кажется, былъ организаторомъ великолѣпныхъ балаганныхъ представленій?

— Нѣтъ, это не тотъ. Драматургъ Малафѣевъ еще молодой человѣкъ. Идетъ его пьеса «Водевиль Смерти». Дѣло въ томъ, что я сильно отсталъ отъ вѣка. Въ моихъ пьесахъ я описываю жизнь, какъ она есть; но это устарѣло. Надо описывать жизнь, какъ она не можетъ быть. Вотъ въ этомъ отношеніи «Водевиль Смерти» — произведеніе образцовое. Сами увидите... Ёдемъ, ёдемъ...

По дорогѣ въ театръ я обратился къ Виктору Петровичу съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, въ Россіи много порядочныхъ людей?

— Вы развѣ въ этомъ сомнѣваетесь, баронъ?—обидѣлся Викторъ Петровичъ.

— О, нѣтъ, — воскликнулъ я успокоительно: — на чей же счетъ у васъ содержатся театры и желѣзныя дороги?

— Какъ на чей? Понятно, на казенный. Васъ, баронъ, кажется, удивило, что порядочные люди въ Россіи на желѣзныхъ дорогахъ не платятъ? Но, скажу вамъ, есть еще одно любопытное явленіе. Товары, посылаемые по желѣзнымъ дорогамъ, у насъ никогда не доходятъ по назначенію. Вы пошлете, скажемъ, ящикъ съ мыломъ или съ галантерейнымъ товаромъ, а на мѣстѣ получатся ящики съ булыжниками, завернутыми въ рогожу. Булыжникъ у насъ замѣняетъ всѣ товары, а часто и пассажирскій багажъ. Это имѣетъ ту хорошую сторону, что многіе провинціальныя города, обходившіеся безъ мощенія улицъ, за послѣднее время, вслѣдствіе накопленія громаднаго количества булыжника на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, позволяютъ себѣ эту роскошь. И торговля рогожками теперь очень выгодна, потому что онѣ получаютъ почти даромъ: ими тоже завалены всѣ желѣзнодорожныя станціи. Все это любопытно. Но еще любопытнѣе, что желѣзнодорожное движеніе тѣмъ не менѣе у насъ процвѣтаетъ. Представьте себѣ: порядочные люди, которыхъ у насъ, въ Россіи, несмотря на ваше оскорбительное сомнѣніе, очень много, ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ даромъ, купцы вмѣсто всякаго другого товара получаютъ одну только рогожу и булыжники, а желѣзнодорожное движеніе продолжается. Вотъ гдѣ вмѣстѣ съ Галилеемъ можно воскликнуть: *E pur si muove!*

Викторъ Петровичъ такъ обрадовался своему открытію, что даже потрепалъ меня по плечу.

— Еще одинъ вопросъ, — сказалъ я. — Меня очень занимаетъ русское понятіе о порядочности. Оно не имѣетъ ничего общаго съ логикою—это я себѣ теперь уяснилъ. Но для меня еще не вполне ясно, какъ русскій порядочный человѣкъ смотритъ на честность.

— О, его взгляды на этотъ счетъ оригинальны, — отвѣтилъ Викторъ Петровичъ.—Съ его понятіемъ о честности, конечно, не мирится, напримѣръ, тасканіе платковъ изъ чужихъ кармановъ. Это онъ считаетъ неудобнымъ. Но ѣздить даромъ по желѣзнымъ дорогамъ, ходить даромъ въ театръ, зачитывать чужія книги, таскать на службѣ перья, чернила, бумагу, красть у занятаго человѣка время, то есть тѣ же деньги, взваливать свою работу на подчиненнаго, подложить свинью своему конкуренту, вырывать страницы изъ книгъ въ бібліотекахъ, чтобы избавить себя отъ труда переписывать нужныя справки,—*enfin que sais-je!*—это онъ считаетъ вполне дозволительнымъ.

— Странно,—замѣтилъ я:—мнѣ почему-то всегда казалось, что русская интеллигенція озабочена благомъ народа, что она любитъ

выступать въ роли защитницы его интересовъ. Но вѣдь многія желѣзныя дороги и канцеляріи, нѣкоторые театры и библиотеки содержатся на казенный счетъ, то есть на народныя деньги, и если русскіе порядочные люди...

Я не договорилъ, потому что, взглянувъ на Виктора Петровича, убѣдился, что онъ какъ будто отсутствуетъ. Голубые его глаза были задумчиво устремлены вдаль, и онъ мнѣ въ эту минуту напоминалъ не русскаго чиновника особыхъ порученій и даже не драматурга, а прорицателя, видящаго то, что сокрыто отъ глазъ простого смертнаго. Онъ, однако, замѣтилъ, что я умолкъ, и тотчасъ же самъ заговорилъ.

— Представьте себѣ, баронъ, я вдругъ почему-то унесся въ даль времени и—что уже совершенно несообразно—дерзновенная моя мысль... Нѣтъ, не могу сказать: меня укутуть туда, куда Макаръ телять не гоняеть.

Я старался успокоить Виктора Петровича соображеніемъ, что я—не конкурентъ, который, по русскимъ понятіямъ о порядочности, можетъ подкладывать другимъ свинью.

Онъ дѣйствительно возымѣлъ ко мнѣ довѣріе и сказалъ:

— Да, правда, вы—японецъ. Такъ я вамъ расскажу, что я видѣлъ. Я видѣлъ, что лѣтъ черезъ сто и Россія будетъ конституціонной страной, что и она будетъ имѣть своихъ депутатовъ, свой парламентъ. Ой, боюсь...

— Но вѣдь это только игра воображенія...

— А вы полагаете, баронъ, что всякая фантазія позволительна? Впрочемъ, я питаю къ вамъ довѣріе. Итакъ, я видѣлъ, что русскій парламентъ уже собрался, что онъ уже засѣдаетъ. Депутаты, понятно, *fine fleur* русскаго общества, самые что ни на есть порядочные люди, всю свою жизнь боровшіеся съ ненавистной бюрократіей... Нѣтъ, нѣтъ, милый баронъ, рѣшительно не могу. Я только что боялся правительства, теперь боюсь общества...

— Да развѣ оно у васъ такое страшное?

— Тоже своего рода Джаггернуотъ.

-- Но вамъ оно повредить не можетъ: вы чиновникъ и зависите только отъ вашего начальства, — продолжалъ я успокаивать Виктора Петровича.

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Ахъ, — сказалъ онъ:—я, кромѣ того, еще и драматургъ, и если въ театральныхъ и литературныхъ кружкахъ узнаютъ о моемъ пророчествѣ, то... *finita la comedia*, т. е. конецъ всѣмъ моимъ комедіямъ.

— Не поясните ли вашу мысль?

— Охъ, страшно, — отвѣтилъ Викторъ Петровичъ. — Поэтому буду выражаться очень мягко. Вы можете быть плагиаторомъ, вы можете расхитить довѣренное вамъ имущество, вы можете у всѣхъ

редакторовъ и издателей брать авансы и не отрабатывать ихъ, вы можете даже быть просто воровъ, — это вамъ простятъ. Одного вамъ никогда не простятъ, именно сочувствія такъ называемымъ консервативнымъ идеямъ. За это васъ тотчасъ же предадутъ ана-оёмъ: вашихъ произведеній никто не будетъ печатать, васъ будутъ сторониться, васъ будутъ нещадно поносить или торжественно замалчивать, въ полемикѣ съ вами всѣ средства будутъ считаться дозволенными: подгасовки, передержки, клевета, приписываніе вамъ того, чего вы никогда не говорили, вторженіе въ вашу личную жизнь... О, это ужасная вещь! Васъ вычеркнутъ изъ числа порядочныхъ людей, васъ лишатъ куска хлѣба, словомъ, васъ уничтожатъ... Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не скажу вамъ моего пророчества... развѣ, развѣ подь строжайшимъ секретомъ.

— Который я буду хранить свято. И потомъ я вѣдь не имѣю никакого отношенія къ русской литературѣ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. Знаете, прежде я гордился возможностью носить званіе писателя, но теперь... О, Господи, въ какія я пускаюсь откровенности! Такъ вотъ мое пророчество. Представьте себѣ, что у насъ, въ Россіи, есть уже парламентъ, состоящій изъ самыхъ порядочныхъ русскихъ людей. Чѣмъ онъ прежде всего займется? Онъ назначитъ каждому депутату изъ казенныхъ средствъ, а не изъ общественныхъ, то-есть не изъ средствъ самихъ избирателей, окладъ жалованья, по меньшей мѣрѣ соответствующій окладу жалованья начальника отдѣленія; служащимъ въ канцеляріи парламента будутъ тоже назначены соответственные оклады, а предсѣдателю и его помощникамъ министерское и директорское жалованья, совсѣмъ какъ въ бюрократіи; а если, паче чаянія, ни самъ парламентъ, ни правительство объ этомъ не позаботятся, — знаете, что тогда случится? Отъ представительнаго правленія не останется и слѣда: *le combat cessera faute de combattants*. Я думаю, что депутаты выговорятъ себѣ, кромѣ того, даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и даровыя мѣста въ театрахъ...

— Но,—пытался я возразить: — вѣдь и въ другихъ странахъ депутаты получаютъ казенное содержаніе.

— Гдѣ? Въ Англіи, въ Испаніи? — спросилъ Викторъ Петровичъ. — Впрочемъ, вы правы, въ большинствѣ странъ депутаты дѣйствительно получаютъ суточные изъ казенныхъ средствъ. Но развѣ Европа намъ указъ? По готовности служить освободительнымъ идеямъ мы идемъ впереди міра, и каждый порядочный русскій чело-вѣкъ считаетъ для себя величайшею честью самоотверженно служить имъ... на словахъ. Но на дѣлѣ... на дѣлѣ, вы увидите, сбудется мое пророчество... Однако, мы подъѣзжаемъ... Смотрите, какой сѣвѣдъ, какъ люди жаждутъ видѣть то, чего никогда не бываетъ!

Мы вошли въ театръ, какъ простые обыватели, но у директорской ложи намъ капельдинерами былъ оказанъ почетъ, какъ начальству.

II.

Мы только что успѣли уѣсться за ширмочкой, какъ занавѣсъ взвился. Я долго не могъ понять, что собственно изображаетъ сцена. Верхняя часть ея какъ будто изображала воду; нижняя часть какъ будто изображала облачное небо; поэтому мнѣ хотѣлось перевернуть всю сцену, такъ какъ, по моимъ японскимъ понятіямъ, водѣ слѣдуетъ быть внизу, а небу — наверху. Но это оказалось невозможнымъ. Съ правой стороны сцены красовалось какое-то возвышеніе, и я рѣшительно не понималъ, что это такое. Смотрѣлъ, смотрѣлъ, наконецъ рѣшилъ, что это вѣрнѣе всего большой гробъ или маленькая скала; на лѣвой сторонѣ сцены красовалось нѣсколько коралловыхъ полипняковъ древовидной формы, а подъ ними бассейнъ или исполинское блюдо; по серединѣ же поднималось, повидимому, какое-то растеніе, громадное, толстое, но вмѣсто цвѣтка на его верхушкѣ виднѣлась не то лейка, не то ведро. Впрочемъ, это могло быть и не большое растеніе, а маленькая голубятня. Понятно, что я долженъ былъ отказаться отъ моего желанія перевернуть сцену, потому что, по моимъ японскимъ понятіямъ, изъ неба никакъ не могутъ вырасти ни полипняки, ни скалы, ни наконецъ растенія съ лейками или голубятни. Мнѣ, слѣдовательно, оставалось только примириться съ мыслью, что, по понятіямъ автора или декоратора, вода находится надъ нами, а небо—подъ нами.

Только что я пришелъ къ этому ясному выводу, какъ на скалѣ и подъ полипняками появилось по привидѣнію съ заплатами и прорѣхами, а подъ голубятней—какой-то идіотъ въ длинномомъ сюртукѣ и гамашахъ, съ парикомъ изъ кудели на головѣ. Идіотъ уѣлся на облакѣ подъ голубятней и сталъ таращить глаза, а изъ-за гроба или скалы выползла на четверенькахъ не то женщина, не то рыба-игла и, приблизившись къ идіоту, начала на него смотрѣть съ вожделѣніемъ, а затѣмъ гладить его по ляшкѣ. При этомъ и привидѣнія, и идіотъ, и женщина-игла что-то говорили, но что именно,—я никакъ не могъ разобрать. Одну фразу я только ясно разслышалъ. Идіотъ, замѣтивъ, что женщина-игла смотритъ на него съ вожделѣніемъ, сказалъ: «Черезъ два мѣсяца, три недѣли, пять дней, три часа, сорокъ минутъ и двѣ секунды у меня на головѣ вырастетъ шишка». Женщина-игла пришла отъ этихъ словъ въ восторгъ, вскочила на ноги, кинулась къ привидѣніямъ съ заплатами и опустила имъ въ руки по монетѣ. Должно быть, привидѣнія были не привидѣнія, а нищіе...

— Поняли что-нибудь?—спросилъ меня Викторъ Петровичъ.

— Нѣтъ, пока еще ничего,—отвѣтилъ я.

— А я начинаю догадываться. Это—пьеса символическая. Небо, на которомъ сидитъ этотъ идіотъ,—небо особенное. Это—седьмое небо.

— Седьмое?—переспросилъ я.

— Ну, да. Бываютъ же люди на седьмомъ небѣ, а когда имъ просто хорошо, то говорятъ, что они себя чувствуютъ, какъ рыба въ водѣ. Идіотъ блаженствуетъ: онъ на седьмомъ небѣ, а надъ нимъ вода. Но вотъ появляется женщина-игла. Вы спросите: почему авторъ изобразилъ женщину иглою? Я отвѣчу: легче всего потерять иголку, и въ то же время иголка всюду можетъ проникнуть. Поэтому ея удобнѣе всего символизировать извѣстное изреченіе: *cherchez la femme!* Женщина-игла, очевидно, сыграетъ роковую роль въ жизни блаженствующаго дурака. Собственно, онъ вовсе не дуракъ, а умный человѣкъ, потому что въ Россіи дураки—самые умные люди, какъ это подтверждается извѣстною сказкою: «Конекъ-Горбунокъ». Дуракъ подъ голубятней (голубь — символъ невинности) невинный человѣкъ и женскимъ чарамъ не поддается. Но онъ предвидитъ, что вскорѣ у него на головѣ появится шишка—шишка мудрости, т. е. что онъ поумнѣетъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Какъ только съ нимъ случится это несчастіе, женщина-игла овладѣетъ имъ, и тогда онъ почувствуетъ непреодолимую потребность приобщиться либо къ казенному сундуку, стоящему направо, либо къ общественному пирогу, стоящему налево. Женщина-игла старается задобрить ангеловъ-хранителей сундука и пирога. Что эти ангелы-хранители съ прорѣхами и заплатами—тонкая иронія автора, потому что можетъ ли въ Россіи быть иначе? Я вамъ теперь рассказалъ, баронъ, смыслъ пьесы. Но, можетъ быть, въ Японіи дураки не считаются самыми умными людьми, а казенный сундукъ и общественный пирогъ обходятся безъ заплатъ и прорѣхъ. Въ такомъ случаѣ вы можете соскучиться. Знаете что? Мы будемъ слѣдить за пьесой и въ то же время иногда разглядывать въ щелочку публику. Я буду вашимъ чичероне. Мнѣ почти каждый изъ завсегдатаевъ первыхъ представлений извѣстенъ вдоль и поперекъ: «Ба, знакомыя все лица!» Вотъ взгляните, въ первомъ ряду направо, какъ важно разсѣлся генеральъ Февраликъ. Это—типъ изъ новыхъ: онъ черпаетъ изъ казеннаго сундука, но въ то же время примазывается и къ общественному пирогу...

— По виду судя, бравый, боевой генеральъ...

— Что вы, что вы! Наружность обманчива: онъ и не нюхаль пороха. Онъ—по гражданской части, въ крупные администраторы мѣтитъ. Но пока у него не выгораетъ. А, кажется, трудовъ не жалѣетъ. Въ сферахъ и въ салонахъ онъ увѣряетъ, что онъ всякаго обывателя или тамъ цѣлую губернію, если надо, «въ рогъ согнетъ и узелъ завяжетъ». Это онъ часа въ два говоритъ, а часа въ четыре онъ засѣдаетъ въ редакторскомъ кабинетѣ какой-нибудь газеты и говоритъ: «Въ сферахъ хотятъ покончить съ вольнодумствомъ, но я за общество, всей душой за общество... Меня, вы

слышали, назначаютъ начальникомъ N—ской губерніи».—«Одна изъ лучшихъ нашихъ губерній», отвѣчаетъ редакторъ.—«Но что за держиморда былъ уволенный губернаторъ! Я установлю другіе порядки: довѣріе, прежде всего довѣріе, — вотъ на чемъ будетъ основана моя политика». На другой день является замѣтка: «Какъ намъ передаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ» и т. д. Такимъ образомъ генерала Февраликова прочили на многія мѣста. Настоящаго назначенія, правда, еще не послѣдовало, но оно послѣдуетъ, потому что въ сферахъ наконецъ спросятъ себя: почему же въ самомъ дѣлѣ не назначить генерала Февраликова—чѣмъ онъ хуже или лучше другихъ?..

— Одно меня интересуеетъ,—прервалъ я Виктора Петровича:—какой политики будетъ придерживаться генералъ, когда его наконецъ назначатъ?

— *Cher baron, chez nous on gouverne selon le temps et la saison.* Если будетъ сезонъ бараньяго рога, у него будетъ политика рога; если будетъ сезонъ довѣрія—политика довѣрія.

— Развѣ у васъ администраторы самостоятельныхъ убѣжденій не имѣютъ?

— Не думаю, баронъ. У насъ сезона самостоятельныхъ убѣжденій ни въ правительствѣ, ни въ обществѣ никогда не бываетъ. Скажите, что могутъ дать человѣку самостоятельныя убѣжденія? Изъ нихъ шубы не сошьешь, а политика бараньяго рога или довѣрія даетъ и теплое мѣстечко, и приличный окладъ. Но вы затронули скользкую тему. Перейдемъ къ слѣдующему номеру. Знаете, кто сидитъ за генераломъ, рядомъ съ красавицей въ стилѣ Ватто, которую я позволю себѣ, въ виду ея пышныхъ формъ, назвать ватной...

— Этотъ нѣсколько облысѣвшій блондинъ?

— Именно онъ. Это очень извѣстный публицистъ Двуглазовъ. Его, какъ говорить поэтъ,

... честность ярая
Одошла до ногтей.

— Конечно, и логика есть въ его статьяхъ?—спросилъ я.

— Ну, конечно: иначе онъ не былъ бы извѣстнымъ публицистомъ.

— Его, слѣдовательно, нельзя причислить къ порядочнымъ людямъ?

— То-есть, позвольте, баронъ, я могу за него обидѣться.

— Да вы же сами сказали, что съ русскимъ понятіемъ о порядочности логика и честность не мирятся.

— Ого! — воскликнулъ Викторъ Петровичъ. — Съ вами надо быть осторожнымъ. Нѣтъ, Двуглазовъ все-таки порядочный человекъ. Онъ долго служилъ въ провинціи при одномъ генералъ-губернаторѣ по части выслѣживанія вредныхъ элементовъ...

— Сыщикомъ?

— Какія вы употребляете непріятныя слова! Нѣтъ, онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій, какъ и я, только провинціальнымъ. Но съ нимъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Занимаясь установленіемъ понятія о благонамѣренности, онъ почувствовалъ потребность довѣрить бумагѣ плодъ своихъ размышленій и озаглавилъ эти свои замѣтки: «Обыватель и сановникъ». Писалъ онъ больше существительными и междометіями. Напримѣръ, на счетъ переживаемыхъ нами временъ между обывателемъ и сановникомъ получалось трогательное единодушіе; оба говорили: «Времена — э-э-эхъ!» Но потомъ шло уже коренное разногласіе. Обыватель говорилъ по поводу свободы мысли: «Ну же, ну!»—сановникъ отвѣчалъ: «Стопъ!»! Относительно свободы печати первый кричалъ: «Ай-да!»—а второй отвѣчалъ: «Цыцъ!»! Относительно реформъ вообще первый горланилъ: «Валяй во всю!»—а второй зловѣще возражалъ: «Ужо», и грозилъ перстомъ. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ замѣткахъ проявлялось особенное глубокомысліе, но онѣ въ точности воспроизводили нашу общественную и бюрократическую мысль, которая глубокомысліемъ тоже не отличается. Когда замѣтки были написаны, у нашего публициста разыгралось авторское честолюбіе: хочу печататься, да и баста! Ну, послалъ, понятно, въ консервативную газету. Тамъ сдѣлали видъ, что обидѣлись: дескать, неужели сановники на междометія обывателя умѣютъ отвѣчать тоже только междометіями, хотя втайнѣ прочли статью съ удовольствіемъ и, чтобы она не пропала, послали ее въ либеральную газету. Тутъ ее не только напечатали, но и обрадовались. Редакція пишетъ Двуглазову: просимъ и впредь не забывать—очень хорошо бюрократовъ отдѣляли, и прислали ему такой гонораръ, что онъ могъ провести пріятно вечеръ съ одной изъ лучшихъ кокодесъ. И, представьте себѣ, баронъ, какія это имѣло роковыя послѣдствія для благонамѣренной Россіи! Нашъ публицистъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ либеральной печати, которая теперь признаетъ его не послѣднею спицею въ своей колесницѣ. Но онъ малый не промахъ: и въ либеральныхъ газетахъ пишетъ, и въ бюрократіи состоитъ членомъ одного изъ многочисленныхъ совѣтовъ, въ свою очередь состоящихъ при особахъ нашихъ министровъ, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ быть министру безъ совѣта. Содержаніе казенное идетъ на содержаніе собственной особы Двуглазова и его семьи, а гонораръ изъ либеральныхъ газетъ идетъ на развлеченія съ кокодесами, одна изъ которыхъ и сидитъ теперь рядомъ съ нимъ. Но, баронъ, «гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?»... Нашъ публицистъ человѣкъ очень осторожный: онъ никогда въ своемъ либерализмѣ не переступаетъ предѣла, его же не преjdeши... безъ ущерба для служебной карьеры, хотя этотъ предѣлъ у насъ, слава Богу, поставленъ широко. Но

разъ съ нимъ все-таки случился грѣхъ. Возсѣдалъ онъ за очень либеральной трапезой; выпито было много, ибо Руси веселіе есть и пити, и сплетничать, то-есть пройтись насчетъ начальства. Ну, вотъ нашъ публицистъ залиберальничался и потерялъ балансъ. Началъ онъ ничего себѣ, по заведенному порядку: дескать, времена, э-э-эхъ! На этомъ онъ могъ бы остановиться, но нѣтъ, вздумалъ амплифицировать, точнѣе выяснять, какія времена мы переживаемъ. И вотъ, амплификація получилась забористая, черезчуръ забористая. Онъ сказалъ,—это было еще въ прошлое царствованіе,—что такихъ временъ не было съ самого Іоанна Грознаго и вспомнилъ при этомъ Ваньку-Каина, знаете, насчетъ: «награжу тебя хоромами, хоромами высокими, что два столбика съ перекладиной»? Нехорошо вышло, нехорошо. Начальство узнало, и могла бы случиться бѣда. Но черезъ два дня опять трапеза, за которой возсѣдали одни только бюрократы, и не маленькіе; между ними и нашъ публицистъ, въ качествѣ члена совѣта. И, представьте себѣ, поправился. Встаетъ и начинаетъ: «Времена—малина!» — и какъ начнетъ сыпать междометіями: «ужо, цыцъ, стопъ, эй, гей, исполать, ура, ура, ура!» — такъ у всѣхъ даже въ ушахъ затрепцало. Спичъ этотъ не вызвалъ, однако, особеннаго восторга, потому что и среди нашихъ бюрократовъ—нечего грѣха-то таить—есть немало такихъ, которые славословить не любятъ; но тѣмъ не менѣе придратъся къ публицисту было уже трудно: развѣ онъ не представилъ публично доказательства своей даже, можетъ быть, нѣсколько слишкомъ высокопарной благонамѣренности? Но тутъ произошелъ съ нимъ маленькій инцидентъ, который его, правда, на одну только минуточку повергъ въ трепетъ, и виновникомъ этого инцидента былъ вотъ тотъ господинъ, который занимаетъ крайнее кресло направо въ шестомъ ряду. Видите, баронъ? Это—профессоръ Ежовъ.

Я посмотрѣлъ въ указанномъ Викторомъ Петровичемъ направленіи и увидѣлъ мужчину среднихъ лѣтъ, весьма благообразнаго, съ окладистой черной бородой, точно выточеннымъ изъ слоновой кости лбомъ и мечтательными глазами, въ которыхъ можно было ясно прочесть, что обладатель ихъ не отъ міра сего. Но Викторъ Петровичъ нѣсколько иначе истолковалъ впечатлѣніе, которое производилъ профессоръ. Онъ продолжалъ мнѣ нашептывать на ухо:

— Не правда ли, выразительный взглядъ у этого господина? Глаза его говорятъ: чѣмъ бы вы въ меня ни пустили, все отскочить отъ моего, какъ бильярдный шаръ, эластичнаго лба. Онъ нѣсколько сомнительный профессоръ: никто въ точности не знаетъ, гдѣ и, когда онъ читалъ лекціи. Но въ литературныхъ кружкахъ онъ пользуется почетною извѣстностью, потому что онъ—либераль и, кромѣ того, специалистъ по обѣденной, увеселительной, благотворительной и похоронной части...

— Развѣ у васъ среди профессоровъ такіе спеціалисты встрѣчаются?—спросилъ я.

— Не только среди профессоровъ, но и среди литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ, врачей, чиновниковъ, — отвѣтилъ Викторъ Петровичъ. — По большей части они избираютъ какую-нибудь опредѣленную спеціальность. Такъ, напримѣръ, знаменитый нашъ художникъ Палитровъ — спеціалистъ по похоронной части. Нѣтъ либеральныхъ похоронъ, на которыхъ онъ бы не присутствовалъ. Онъ сосредоточенно встрѣчаетъ всякаго новопривышшаго, и взглядъ его ясно говоритъ: вы тутъ, и я тутъ, всѣ порядочные люди тутъ, безъ насъ дѣло не можетъ обойтись. И, дѣйствительно, безъ Палитрова дѣло обойтись не можетъ. Разъ случилось, что хоронили какую-то звѣзду либеральнаго міра, и, къ общему изумленію, Палитровъ не явился: онъ былъ прикованъ къ постели воспаленіемъ легкихъ. И что же вы думаете! Батюшка наотрѣзъ отказался хоронить знаменитость, сказавъ: «Безъ господина Палитрова никакъ нельзя; пусть выздоровѣетъ, тогда похороню, или, — прибавилъ онъ, подумавъ: — пусть умретъ, тогда похороню ихъ вмѣстѣ, и господинъ Палитровъ все-таки будетъ присутствовать».

— Удивительныя вещи вы рассказываете, — замѣтилъ я. — Но чѣмъ же вы объясняете это упорство присутствовать на похоронахъ?

— Какъ чѣмъ, — отвѣтилъ Викторъ Петровичъ: — понятно, любовью къ литературѣ. Одно только меня удивляетъ. Недавно хоронили талантливаго, но мало извѣстнаго либеральнаго журналиста, — Палитрова на похоронахъ не было, и батюшка не только не отказался хоронить, но даже самъ сказалъ: «На этотъ разъ вполне можно обойтись и безъ господина Палитрова».

— Странный священникъ!

— Дѣло въ томъ, видите ли, что либеральныя похороны у насъ напоминаютъ разводъ съ церемоніями или церемониальный маршъ. Но, что существеннѣе, онѣ представляютъ удобный случай напомнить о себѣ, показать себя. О художникѣ Палитровѣ могутъ забыть: не всегда на него находятъ вдохновеніе. Но представьте себѣ, что онъ фигурируетъ на всѣхъ либеральныхъ похоронахъ — развѣ о такомъ человѣкѣ можно забыть, развѣ такого человѣка можно обойти? Его всѣ знаютъ, о немъ всѣ помнятъ...

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ я подтвердить: — но не значитъ ли это превращать смерть въ своего рода гешефтъ, какъ у васъ выражаются?

— Японцы, кажется, большіе пуристы, — возразилъ Викторъ Петровичъ. — Мы покладистѣе, и появленіе на либеральныхъ торжествахъ съ цѣлью напомнить о себѣ нисколько не противорѣчитъ русскому понятію о порядочности. Но вы меня прервали. Я говорилъ о профессорѣ Ежовѣ. Это очень оригинальная личность.

Представьте себѣ, онъ состоитъ одновременно редакторомъ консервативнаго и либеральнаго органовъ, другими словами, постоянно опровергаетъ себя, признаетъ въ одинъ и тотъ же день одинъ и тотъ же предметъ и бѣлымъ, и чернымъ. Не оригинально ли это?

— Конечно, конечно,—поспѣшилъ я подтвердить:—но для чего это ему нужно?

— Какъ для чего? Взгляните на сцену. Идіотъ, все еще сидящій подъ голубятней, не додумался до одновременнаго пользованія казеннымъ сундукомъ и общественнымъ пирогомъ. На то онъ и дуракъ. А профессоръ—умный человѣкъ. Впрочемъ, доскажу объ обѣдѣ бюрократовъ, на которомъ отличился публицистъ Двуглазовъ. Послѣ его рѣчи къ нему сзади подошелъ Ежовъ и шепнулъ ему на ухо: «Третьяго дня, добрѣйшій, вы уподобили наши времена «высокимъ хоромамъ», а сегодня прогремѣли «ура». Двуглазовъ такъ и обомлѣлъ; но, увидавъ Ежова, успокоился и тотчасъ же нашелся: «Человѣкъ, бутылку шампанскаго! Мы, милѣйшій профессоръ, выпьемъ ее a parte за здоровье ласковыхъ телятъ, которые двухъ матокъ сосутъ».—«Отчего не выпить,—отвѣтилъ профессоръ:—но ласковыхъ телятъ теперь что-то много разводится. Это можетъ намъ повредить».

Въ эту минуту сцена отвлекла мое вниманіе отъ интересной бесѣды. Пьеса превратилась въ балетъ или какія-то акробатическія упражненія. Идіотъ въ парикѣ изъ кудели не устоялъ передъ обольщеніями женщины-иглы и, въ свою очередь, почувствовалъ къ ней вождедѣніе. Онъ все ее ловилъ и хотѣлъ ее обнять, но въ рѣшительный моментъ, когда она стояла у казеннаго сундука, и ей уже некуда было увернуться, она ловко проскользнула между его ногъ и, смотришь, поджидаетъ его уже у общественнаго пирога. Онъ, оглянувшись, кидается къ ней туда, но и тамъ повторяется то же акробатическое упражненіе, и женщина-игла стоитъ опять у казеннаго сундука. Это продолжалось очень долго, пока идіотъ не выбился изъ силъ и въ полномъ изнеможеніи опустился на облако подъ голубятней. Это былъ конецъ перваго дѣйствія.

III.

Когда я, вставъ, повернулся къ Виктору Петровичу, я увидѣлъ, что предо мною стоитъ не одинъ Викторъ Петровичъ, а еще какой-то господинъ, высокій и худой, со ртомъ до ушей. Настоящій глотатель шпагъ, подумалъ я, должно быть, подъ впечатлѣніемъ его наружности и акробатическихъ упражненій, которыя я только что видѣлъ на сценѣ.

— Передольскій, Иванъ Васильевичъ, директоръ,—съ величайшею почтительностью отрекомендовалъ мнѣ его Викторъ Петро-

вичь.—Узнавъ, что вы, баронъ, въ театрѣ, Иванъ Васильевичъ соблаговолилъ...

Мы обмѣнялись съ директоромъ привѣтствіями.

— Первое дѣйствіе прошло очень, очень удачно,—проговорилъ онъ.—Я не ожидалъ. На генеральной репетиціи были еще шероховатости.

Онъ жестомъ руки пригласилъ меня въ аррьеръ-ложу, гдѣ мы съ нимъ усѣлись на диванчикѣ. Викторъ Петровичъ помѣстился на стулѣ въ сторонкѣ.

— Все дѣло,—продолжалъ директоръ:—все дѣло въ стилизаціи. Я всегда утверждалъ, что мейнингенцы указали намъ вѣрный путь. Не все ли равно, что играть? Вы, конечно, обратили вниманіе, баронъ, на то, что въ первомъ дѣйствіи не было ни одного естественнаго взгляда, ни одного естественнаго движенія, ни одного естественно произнесеннаго слова,—подчеркнулъ директоръ съ особеннымъ удареніемъ.—И этотъ стиль выдержанъ до конца. Вы, конечно, не могли уловить въ пьесѣ ничего такого, что вы уже видѣли въ самой жизни. Почему же я велѣлъ стилизовать пьесу именно такъ? Очень просто. Надѣюсь, баронъ, что и въ Японіи всѣ великія истины просты. Видите ли, когда я прочелъ пьесу «Водевиль Смерти», я спросилъ себя, кто же поставитъ подобную чепуху? Но, подумавъ немного, я сказалъ себѣ, что я ее поставлю. Надо только вѣрно стилизовать. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою эта пьеса? Нѣчто такое, въ чемъ разобраться рѣшительно невозможно. Но авторъ, г. Малафѣевъ, отнюдь не сумасшедшій. Значитъ, это входило въ его намѣренія. Но если его намѣреніе было написать нѣчто непонятное, если онъ убѣжденъ, что публикѣ особенно нравятся пьесы, въ которыхъ ничего понять нельзя, то дѣло режиссера—войти въ его намѣреніе, то-есть сдѣлать такъ, чтобы даже то, что въ пьесѣ еще осталось яснаго, потеряло всякій смыслъ. Вотъ съ этою цѣлью я пригласилъ новаго режиссера, который обладаетъ удивительнымъ искусствомъ дѣлать все непонятнымъ. Я и самъ наблюдалъ за постановкою пьесы, чтобы даже малѣйшаго намека на ясность не было допущено. Скажите, баронъ, достигъ я, судя по первому дѣйствію, моей цѣли?

— О, да,—поторопился я согласиться:—хотя Викторъ Петровичъ...

При этихъ словахъ Викторъ Петровичъ зажалъ себѣ ротъ рукою и такъ умоляюще взглянулъ на меня, что я предпочелъ не досказать своей мысли.

— Я хотѣлъ только сказать,—продолжалъ я:—что театръ, которымъ вы руководите такъ прекрасно, вѣроятно, преслѣдуетъ не только эту цѣль...

Но директоръ не далъ мнѣ договорить.

— Да,—заявилъ онъ:—театръ долженъ служить искусству, удѣлять частицу народныхъ средствъ на созданіе образцовой сцены. Это совершенно вѣрно. Но надо же принять во вниманіе и вкусы публики. Подумайте только: съ одной стороны образцовая сцена, а съ другой... ни одного зрителя. Что скажутъ тогда о директорѣ?

Я подумалъ, что и этотъ директоръ театра, видимо, колеблется, какъ идіотъ подъ голубятней, между казеннымъ сундукомъ и общественнымъ пирогомъ, что самымъ вѣрнымъ средствомъ наполнить зрительный залъ было бы превратить образцовую сцену въ шато-кабакъ или Буффъ, которые такъ усердно посѣщаются русской публикою, но промолчалъ, да и говорить было уже поздно, потому что директоръ всталъ и простился со мною, такъ что я могъ только поблагодарить его за вниманіе, котораго онъ меня удостоилъ.

Проводивъ его, Викторъ Петровичъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ.

— Однако, баронъ,—сказалъ онъ:—вы меня могли подвести. Иванъ Васильевичъ такъ гордится тѣмъ, что ставитъ явную чепуху, а вы чуть было не проговорились, что я въ этой чепухѣ все-таки выискалъ какой-то смыслъ. Вѣдь это могло мнѣ повредить, какъ драматургу, и даже отразиться на моемъ движеніи по службѣ.

— Простите, Викторъ Петровичъ,—извинился я:—но я сказалъ только правду.

— Я также извиняюсь передъ вами,—кисло улыбнулся Викторъ Петровичъ:—я иногда забываю, что вы—японецъ.

— При чемъ же тутъ Японія?

— Только въ Японіи развѣ говорятъ начальству правду, а у насъ говорятъ начальству то, что ему пріятно. Это очень содѣйствуетъ служебной карьерѣ.

— И интересамъ службы, надѣюсь?

— Объ интересахъ службы заботится начальство...

— Которому никто не говоритъ правды. Да, Россія—оригинальная страна. Къ счастью, Викторъ Петровичъ, вы и тутъ преувеличиваете.

— Не знаю, преувеличиваю ли я, но жажда у меня послѣ вашего обѣда большая. Я сейчасъ распоряжусь насчетъ чаю.

И Викторъ Петровичъ быстро направился къ двери.

Онъ вернулся скоро, но видъ у него былъ смущенный, и онъ вдругъ сталъ менѣе разговорчивымъ. Онъ словно хотѣлъ мнѣ все что-то сказать, но не рѣшался.

Мы еще не кончили поданнаго намъ чаю, какъ занавѣсъ взвился, и мы, торопливо допивъ свои стаканы, снова сѣли за ширмочку.

Теперь ужъ ровно ничего нельзя было разобрать. Задняя стѣна была почти сплошь составлена изъ тряпокъ, и на этихъ тряп-

какъ двигались, порхали, иногда кружились китайскія тѣни. Однообразная музыка наигрывала то слабѣе, то громче какой-то дикій мотивъ. Авансцена была погружена въ полный мракъ, такъ что почти невозможно было разобратъся въ томъ, что на ней происходитъ. Появлялись какіе-то люди, мужчины и женщины, кто-нибудь изъ нихъ падалъ; другіе люди приносили носилки и убирали трупы. Я спросилъ Виктора Петровича, какое это имѣетъ отношеніе къ казенному сундуку и общественному пирогу. Онъ мнѣ односложно отвѣтилъ: «большое», и умолкъ. Но затѣмъ спохватился и затараторилъ почти съ прежнимъ оживленіемъ:

— Авторъ хотѣлъ изобразить моровую язву, открытую нашею медицинскою знаменитостью, докторомъ Чудесновымъ, и названную имъ *morbis cadens*. Это тоже своего рода падучая болѣзнь, но она страшно заразительна и неизбѣжно приводитъ къ смерти. Собственно общаго у нея съ падучею только то, что люди отъ нея падаютъ, какъ чурки...

— Я никогда о такой болѣзни не слышалъ,—замѣтилъ я.

Викторъ Петровичъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня.

— Да какъ же, баронъ, вы могли слышать о несуществующей болѣзни?

— Но вы сказали, что болѣзнь открыта вашимъ знаменитымъ докторомъ.

— Развѣ открываютъ только то, что существуетъ?—удивился Викторъ Петровичъ. — У насъ, въ Россіи, часто открываютъ то, чего совсѣмъ не существуетъ.

— Такъ зачѣмъ же это нужно?

— Вотъ подите! Доктору Чудеснову открытая имъ болѣзнь была очень нужна. Взгляните на него. Онъ сидитъ тамъ, напротивъ, немного влѣво, въ бенуарѣ. Вся его фигура выражаетъ безграничное довольство. Онъ имѣетъ все, къ чему только можетъ стремиться русскій человѣкъ. Состояніе у него большое, правительственныя сферы къ нему благоволятъ, въ обществѣ онъ пользуется огромною популярностью.

— Все это прекрасно,—возразилъ я:—но все-таки я не понимаю, зачѣмъ ему нужно было открывать несуществующую болѣзнь.

— Какъ зачѣмъ? Да развѣ у васъ, въ Японіи, популярность пріобрѣтается даромъ?

— Викторъ Петровичъ,—остановилъ я его:—говорите, пожалуйста, яснѣе, то-есть такъ, чтобы и японецъ могъ васъ понять.

— Извольте. Къ доктору Чудеснову приводятъ больного. Онъ его тщательно изслѣдуетъ и тотчасъ же даетъ знать полиціи, что у больного вотъ эта страшная падучая болѣзнь. Полиція всполошилась. Къ доктору пріѣзжаетъ самъ начальникъ. Докторъ ему поясняетъ, что, если не принять надлежащихъ мѣръ, то въ какой-нибудь мѣсяцъ половина населенія Россіи вымретъ, потому что всѣ наши де-

ревни и города тонуть въ нечистотахъ и санитарное ихъ состояніе ужасно. Вѣсть эта съ быстротою молніи распространяется по всему Петербургу, телеграфъ передаетъ ее въ другія страны, вездѣ происходитъ переполохъ на биржахъ, бумаги наши валяются, правительство ассигнуетъ большія суммы на очистку городовъ, полиція выбивается изъ силъ, министръ внутреннихъ дѣлъ легитъ кувиркомъ,—словомъ, правительству подложена большущая свинья, а докторъ Чудесновъ становится популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, потому что самое вѣрное средство приобрести у насъ популярность—это подложить правительству свинью.

— Хорошо,—согласился я:—но какъ же послѣ этого, то-есть послѣ открытія докторомъ несуществующей болѣзни, сопровождавшагося такими неприятыми для правительства послѣдствіями, онъ могъ заручиться довѣріемъ официальныхъ сферъ.

— О, онъ заручился довѣріемъ правительства раньше,—отвѣтилъ Викторъ Петровичъ. — У одного изъ нашихъ сановниковъ, перваго сановника въ Россіи, заболѣлъ сынъ. Врачи, его пользовавшіе, сразу поставили вѣрный діагнозъ, то-есть опредѣлили, что у молодого человѣка очень легкая форма инфлуэнцы, такъ что и беспокоиться нечего. Но отецъ никакъ не могъ успокоиться, потому что страстно любилъ сына, и вотъ врачи предложили ему пригласить ихъ пріятеля, доктора Чудеснова. Отецъ согласился, и докторъ Чудесновъ былъ приглашенъ. Врачи сказали ему, что болѣзнь пустячная. Онъ изслѣдовалъ больного и въ душѣ съ ними, конечно, согласился. Но, когда отецъ его позвалъ, чтобы узнать результатъ изслѣдованія, докторъ ему рѣшительно заявилъ: «Ваше-ство, у вашего сына тифъ». Это подѣйствовало, какъ взрывъ бомбы. Всѣ врачи были немедленно устранены, и не прошло недѣли, какъ молодой человѣкъ былъ уже совершенно здоровъ. Съ тѣхъ поръ докторъ пользуется безграничнымъ довѣріемъ правящихъ сферъ.

— Странными путями дѣлаютъ у васъ карьеру,—удивился я.

— Да, да,—подтвердилъ Викторъ Петровичъ.—Разкажу вамъ еще слѣдующій достовѣрный случай. Вы знаете, что такое обрусительная политика?

— Какъ же,—отвѣтилъ я.—Такъ, кажется, у васъ называютъ насильственное превращеніе инородцевъ въ русскихъ.

— Именно,—подтвердилъ Викторъ Петровичъ.—Такъ вотъ у насъ былъ такой ярый обруситель. Только онъ хватилъ черезъ край, а для этого въ тѣ времена, знаете, требовалось немало. Ему пришлось дать другое назначеніе, но тутъ случилась съ нимъ новая бѣда: открылись какіе-то недочеты. Послѣдовала отставка. Обруситель озлобился и поклялся отомстить правительству. Онъ сталъ писать неуклюжіе стихи, въ которыхъ гремѣли цѣпи и тюремные засовы, стонали заключенные и безчинствовали тюремщики, полиція и жандармы. Стихи эти, понятно, нигдѣ не печатались, но

популярность бывшего обрусителя все росла. Его стали избирать въ разные литературные комитеты, приглашать на литературные обѣды, самъ онъ неизмѣнно являлся на литературныя похороны, и его называли уже не иначе, какъ «нашъ извѣстный писатель», а по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся, даже «нашъ маститый поэтъ». Это тянулось годами, и вдругъ онъ умеръ. Устроены были наиторжественнѣйшія похороны. Но надо было въ газетахъ соорудить и соответственные некрологи. И вотъ тутъ-то и случилось нѣчто совершенно неожиданное: оказалось, что «маститый писатель...» не напечаталъ во всю свою длинную жизнь... ни одной строки...

— У васъ вѣчный шаржъ, Викторъ Петровичъ.

— Шаржъ, конечно, есть, но есть и правда, и вы, баронъ, простите мнѣ шаржъ изъ-за правды, которая въ немъ содержится.

— Вотъ что вы мнѣ скажите, Викторъ Петровичъ: много ли у васъ въ Россіи такихъ порядочныхъ людей, которые—ну, какъ бы это выразить—изъ обрусителей перекочевываютъ въ литераторы и наоборотъ?

— На это я могу вамъ отвѣтить достовѣрнѣйшею справкою. У меня есть другъ-пріятель изъ литераторовъ, служащій въ департаментѣ общественной полиціи. Я съ нимъ знакомъ въ качествѣ драматурга. Затѣмъ у меня есть другъ-пріятель изъ чиновниковъ, служащій въ департаментѣ правительственной полиціи. Я съ нимъ знакомъ въ качествѣ чиновника. Первый ведетъ кондуитный списокъ всѣмъ либераламъ; второй—кондуитный списокъ всѣмъ чиновникамъ. Я видѣлъ оба списка и поэтому могу вамъ сообщить самыя достовѣрныя данныя. Литераторъ ставитъ противъ фамилій либераловъ три знака: п., пп. и †; второй же ставитъ знаки: л., лл. и †. Знаки эти означаютъ: поправѣлъ, сильно поправѣлъ, умеръ для либерализма, полѣвѣлъ, сильно полѣвѣлъ, умеръ для бюрократіи. Такъ вотъ умершихъ либераловъ очень много, умершихъ же чиновниковъ очень мало. Это объясняется тѣмъ, что жалованье, получаемое у правительства, гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ жалованье, получаемое у общества. Зато рубрика полѣвѣвшихъ и поправѣвшихъ увеличивается почти въ одинаковой прогрессіи. Это объясняется тѣмъ, что многіе, въ родѣ генерала Февраликова или профессора Ежова, соединяютъ правительственную и общественную службу...

Викторъ Петровичъ вдругъ задумался.

— Мерси за интересную справку,—сказалъ я.—Но, Викторъ Петровичъ, вы какъ будто не въ своей тарелкѣ.

— Замѣтили, — обрадовался онъ. — Ужасно обидно, ужасно обидно. Вѣдь это до нѣкоторой степени свинство съ моей стороны. Спектакль еще далеко не кончился, а я хочу улизнуть.

— Да въ чемъ же дѣло, Викторъ Петровичъ?—спросилъ я успокоительно.

— Ахъ, какъ бы вамъ сказать! Но вы японецъ—съ вами можно быть откровеннымъ. Видите, въ чемъ дѣло. Кралечка одна меня поджидаетъ и хочетъ со мною выпить бутылочку шампанскаго, а по окончаніи спектакля она должна быть непременно дома: мужъ ея жестокъ.

— Вы бы такъ и сказали, Викторъ Петровичъ. Это, вѣроятно, та актриса, черезъ которую вы проводите пьесы?

— Баронъ, вѣдь я не только драматургъ, я чиновникъ, а для того, чтобы ускорить служебную карьеру, надо тоже поддерживать сношенія съ кралечками, но другого порядка, съ кралечками иногда очень высокопоставленными... словомъ, вы меня простите...

— Да помилуйте, я и такъ очень вамъ благодаренъ за то, что вы провели со мной вечеръ и вообще за вашу любезность, предупредительность, услужливость. Такихъ пріятныхъ людей на свѣтѣ мало...

Викторъ Петровичъ всталъ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вотъ и прекрасно, вотъ и прекрасно,—повторялъ онъ, прощаясь.—Вы еще останетесь, вы еще посмотрите на эту ахинею? Бѣгу, бѣгу.

— Да, да. Спасибо, Викторъ Петровичъ, спасибо,—кивалъ я ему головой, а его голубые глаза мнѣ мило улыбались.

Онъ удалился, а я продолжалъ смотрѣть на сцену и попрежнему ничего не понималъ. Но даже, если бы шла пьеса понятная и интересная, я врядъ ли слѣдилъ бы за представленіемъ. Викторъ Петровичъ все еще стоялъ передо мной и заслонялъ все, что происходило на сценѣ. Его виноватая улыбка меня заинтересовала. Почему онъ сконфузился и словно просилъ у меня прощенія? Онъ не могъ досидѣть со мною до конца представленія, нарушалъ утонченныя правила вѣжливости? Другой причины быть не могло, потому что, если бы его конфузила мысль, что онъ спѣшитъ на любовное свиданіе, то онъ, конечно, не сказалъ бы мнѣ ни слова объ этомъ свиданіи. Но онъ совершенно открыто признавался, что устраиваетъ свои дѣла и какъ драматургъ, и какъ чиновникъ, такими сомнительными въ нравственномъ отношеніи средствами, какъ ухаживаніе за женщинами. Меня поразило это соединеніе деликатности съ цинизмомъ, и я въ первый разъ ясно понялъ, что такое русскій душа-человѣкъ, эта странная порода людей, столь пріятная въ обращеніи, иногда столь обворожительная по тонкости чувствъ, непосредственности, добродушному юмору, снисходительности къ чужимъ слабостямъ, готовности прійти другимъ на помощь... и въ то же время столь глубоко-безнравственная.

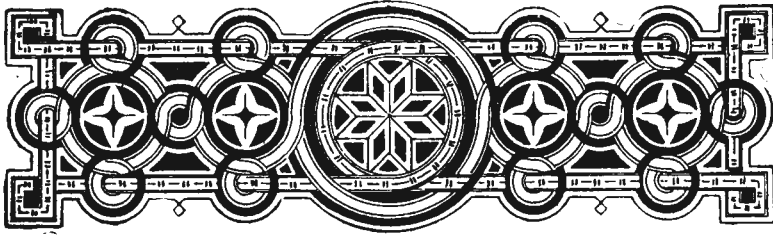
Но менѣе, чѣмъ когда-нибудь, я понималъ, что такое русская порядочность. Насъ, японцевъ, въ школахъ учатъ: «Будь прав-

дивъ, развивай въ себѣ самостоятельность мысли и нравственное чувство». Въ Россіи люди, пользующіеся даровыми билетами, не имѣя на то никакого права, расхищающіе казенное добро при всякой возможности, зачитывающіе чужія книги, ворующіе чужое время и чужихъ женъ, подкладывающіе свинью своимъ соперникамъ и даже хвастающіеся этимъ, превращающіе литературу, искусство, общественныя почести и даже смерть въ средство устраивать свои дѣлишки, — считаются порядочными людьми. Я невольно себя спрашивалъ: а что если надъ Россіей разразится какая-нибудь катастрофа, напримѣръ, война? Будутъ ли всѣ эти порядочные люди расхищать попрежнему казенное добро и устраивать свои дѣлишки, или же они переродятся въ пламенныхъ патриотовъ? Признаюсь откровенно, я, какъ японецъ, мало вѣрю въ внезапное перерожденіе. Поэтому я невольно улыбнулся и отвѣтилъ себѣ: ну, конечно, будутъ! Я вообще не люблю мечтать: мы, японцы, къ этому не склонны. Но тѣмъ не менѣе я на этотъ разъ поддался искушенію, и мнѣ представилось, что всѣ эти порядочные люди соединенными силами, кто сознательно, кто бессознательно, подложатъ правительству огромную свинью. Тогда, пожалуй, оно потеряетъ голову, и въ странѣ возникнутъ неурядицы. Какъ тогда будутъ себя вести порядочные люди? Они будутъ примыкать къ тому, у кого палка въ рукахъ, такъ какъ, по выраженію Виктора Петровича, сезона самостоятельныхъ убѣжденій въ Россіи не бываетъ, перебѣгать изъ одного лагеря въ другой, а большинство, подобно публицисту Двуглазову, служить одновременно двумъ господамъ. И мнѣ стало жаль Россію, хотя я и радовался за Японію...

На этомъ кончаются скрытыя мною главы замѣтокъ моего покойнаго японскаго друга. Національное самолюбіе не позволяетъ мнѣ согласиться съ общимъ его выводомъ. Но мнѣ кажется, что онъ вѣрно поставилъ діагнозъ болѣзни, порождающей у насъ правительственныхъ и общественныхъ Азефовъ. Вопросъ только въ томъ, насколько эта болѣзнь распространена. Неужели у насъ въ самомъ дѣлѣ на каждомъ шагу встрѣчаются ласковые телята, сосущіе двухъ матокъ? Не хочется этому вѣрить.

Р. И. Сементковскій.

ПОСМЕРТНАЯ МИЛОСТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(Историческая старинка¹).

ДАВНЫМЪ-давно уже извѣстно, что историческая дѣйствительность иногда создаетъ такую комбинацію фактовъ, какой не выдумать самой пылкой фантазіи. Къ числу подобныхъ фактовъ можно отнести приключенія одного изъ курскихъ чиновниковъ Битюкова, дѣло о которомъ производилось въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка въ курскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, правительствующемъ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ и представляетъ очень интересныя подробности, въ особенности потому, что еще лишній разъ свидѣтельствуетъ о рыцарскомъ характерѣ императора Николая I и его отношеніи къ памяти государя Александра Павловича.

Недалеко отъ Курска, въ своемъ небольшомъ имѣніи проживалъ помѣщикъ Грязевъ. Похоронивъ свою вторую жену, онъ успѣшилъ жениться на третей—молоденькой дѣвушкѣ, несмотря на то, что ему стукнуло уже за шестьдесятъ лѣтъ. У Грязева былъ домикъ въ Курскѣ, находившійся въ «дворянскомъ уголку» города, гдѣ Грязевъ проживалъ зимою. Въ числѣ знакомыхъ и гостей жены его Софьи Егоровны оказался совѣтъ юный, 19-лѣт-

¹) Матеріаломъ для нашего разсказа служить «Дѣло курскаго губернскаго правленія о канцеляриствѣ Битюковѣ 1826 г. № 2177».

ній канцеляристь курскаго губернскаго правленія, Битюковъ. Знакомство это закончилось страшною бѣдой. Послѣ жалобы Грязева на то, что жена и Битюковъ покушались на его отравленіе, послѣ тянувшася въ теченіе трехъ лѣтъ судопроизводства состоялся грозный приговоръ: Битюкова на курской городской площади высѣчь плетью и отправить въ Сибирь, Софью Грязеву сослать также въ Сибирь, но безъ тѣлеснаго наказанія, какъ дворянку...

Надо сказать, что судебное дѣло относительно обоихъ обвиняемыхъ было очень запутаннымъ. Старикъ Грязевъ, выпивъ стаканъ чаю, «катался отъ живота»... Въ стаканѣ оказались свинцовыя бѣлила и такъ называемая сурьма. Онъ заявилъ, а дворовые его поддержали, о томъ, что жена хотѣла «извести» его ядомъ и, при содѣйствіи своего любовника Битюкова, всыпала отраву въ чай, отчего онъ чуть не погибъ. А жена защищалась на судѣ тѣмъ, что у нея никакого яда не было, а стояли себѣ на окнѣ снадобья для того, чтобы бѣлиться и румяниться, а брови и рѣсницы чернить, и все это дѣлалось ею «изъ женской слабости и модности» (sic!), какъ это записалъ въ протоколѣ повытчикъ курскаго земскаго суда. Хотя подлиннаго судебного дѣла до нашего времени не сохранилось, но изъ выдержекъ изъ него видно, что обвиненіе Грязевой и Битюкова было слишкомъ раздуто, но въ то же время крѣпко-накрѣпко подтверждено свидѣтельскими показаніями дворовыхъ. Они же, повидимому, были инспирированы Грязевымъ. Но, какъ бы ни было дѣло, курская уголовная палата обрекла обоихъ подсудимыхъ на тяжкую участь... Они пропали навсегда для той жизни, къ которой привыкли и которую вели.

У Битюкова были вотчимъ и родная мать. Послѣ осужденія сына она напрягала все усилія для того, чтобы избавить его отъ страшнаго позора и жестокаго наказанія. Благодаря ея ходатайствамъ, дѣло объ обвиненіи Грязевой и Битюковой разбиралось въ сенатѣ. Тамъ мнѣнія сенаторовъ раздѣлились такимъ образомъ, что понадобился переносъ грязевскаго дѣла въ государственный совѣтъ, гдѣ окончательно былъ утвержденъ приговоръ уголовной палаты и подтвержденъ Александромъ I. Въ Курскѣ пришло предписаніе объ исполненіи приговора.

Несчастная Софья Егоровна немедленно была отправлена въ Сибирь. Битюковъ сидѣлъ въ курскомъ острогѣ и готовился къ плетямъ. На Богословской площади, за Херсонскими воротами, уже былъ поставленъ эшафотъ, назначенъ день казни, какъ вдругъ въ глубокую ночь Битюковъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. По всемъ вѣроятіямъ, любящая своего единственнаго сына мать пустила въ ходъ послѣднія усилія, подкупила кого слѣдуетъ и спасла сына...

Битюковъ бѣжалъ вдаль отъ Курска, а эшафотъ разобрали арестанты.

Прошло пять лѣтъ; бѣжавшаго преступника давно уже перестали искать. Гдѣ онъ былъ и кѣмъ онъ слылъ официально, ничего не было извѣстно. Все забылось, старикашка Грязевъ уже сгнилъ въ могилѣ. Но въ 1825 году Битюковъ былъ схваченъ курской полиціей и запрятанъ въ острогъ. Почему поусердствовала насчетъ его полиція, неизвѣстно; вѣдь обыкновенно такіе бѣглецы, какъ Битюковъ, скрывавшіеся годами, уже не интересовали полицейское око, хотя и выплывали на свѣтъ Божій... Отъ тогдашняго губернатора Кожухова послѣдовалъ курскому полицеймейстеру приказъ: «не помедля высѣчь осужденнаго законами преступника и рапортовать объ исполненіи».

Тѣмъ не менѣе полицеймейстеръ (ясное дѣло убогатворяемый матерью Битюкова) не особенно спѣшилъ. Разнеслась въ это время въ Курской губерніи вѣсть о проѣздѣ чрезъ нее на югъ государя Александра Павловича. Тогда Битюкова рѣшилась, во что бы то ни стало, лично подать просьбу монарху о милости къ ея сыну, который совершилъ свое преступленіе (если только дѣйствительно совершилъ) 10 лѣтъ тому назадъ, а теперь долженъ былъ жестоко расплатиться за него.

Императоръ прослѣдовалъ въ назначенное время по Курской губерніи, останавливался въ Курскѣ и Бѣлгородѣ. Вниманіе курскаго общества было, между прочимъ, обращено на слѣдующую особенность. По принятому тогда порядку, причтъ каждой церкви, около которой ѣхалъ царскій поѣздъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, выходилъ въ полномъ облаченіи къ государю, и священникъ благословлялъ его св. крестомъ. Всѣхъ поражало то обстоятельство, что при этомъ Александръ I приказывалъ останавливать свой экипажъ около каждой церкви, выходилъ изъ него, прикладывался ко кресту и обязательно цѣловалъ руку священника. Въ прежніе проѣзды не бывало этого. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно было имѣть терпѣнія, чтобы выполнять прикладываніе ко кресту часто черезъ самыя короткіе промежутки времени. Напримѣръ, въ Бѣлгородѣ, всего на полуверстномъ разстояніи государю пришлось три раза оставлять экипажъ и возвращаться въ него для совершенія обряда цѣлованія креста и священническихъ рукъ.

Несмотря на доступность, съ какою можно было подать всеподданнѣйшее прошеніе, Битюкова почему-то не могла этого сдѣлать въ Курскѣ. Послѣ проѣзда государева она бросилась къ губернатору и упросила его еще отложить на нѣкоторое время наказаніе ея осужденному сыну, пока она не съѣздитъ въ Таганрогъ, и тамъ, если возможно, вымолить смягченіе наказанія осужденному. На полное же помилованіе она не смѣла и надѣяться. Губернаторъ поморщился, но не отказалъ просительницѣ.

Старушка поѣхала и повезла съ собой трогательно составленное прошеніе, думая, во что бы то ни стало, найти доступъ къ государю. Нужно, однако, было случиться такъ, что только что она вѣхала въ Таганрогъ, какъ, къ ужасу своему, узнала, что императоръ скончался какъ разъ наканунѣ ея пріѣзда.

Трудно описать отчаяніе несчастной матери. Она бросилась во дворецъ, гдѣ также нашла слезы и рыданія. Ея сыну рѣшительно неоткуда было теперь ждать спасенія. Плети, окончательный позоръ и ссылка въ нѣдра Сибири ожидали его за вину, не доказанную вполнѣ, совершенную имъ (если она и имѣла мѣсто) болѣе десяти лѣтъ назадъ. Во дворцѣ Битюкова была принята генераль-адъютантомъ княземъ Волконскимъ. Къ ея удивленію, какъ она потомъ сама говорила, онъ принялъ просительницу очень ласково, успокоилъ и взялъ отъ нея всеподданнѣйшую просьбу, обѣщаясь представить ее августѣйшему преемнику почившаго государя и ходатайствовать передъ нимъ о Битюковѣ.

Нечего и говорить, что старушка была обрадована и этими словами сановника. Опять вспыхнула въ ея душѣ надежда на спасеніе сына. Князь П. М. Волконскій до того отнесся внимательно къ ея горю, что передалъ ей письмо отъ себя курскому губернатору съ той цѣлью, чтобы еще отсрочить наказаніе плетьюми Битюкова. Письмо это было очень кстати: въ Курскѣ уже было рѣшено немедленно привести надъ нимъ въ исполненіе приговоръ. Прочитавъ это письмо, губернаторъ сказалъ Битюковой, что напрасно мучаютъ ея сына откладываніемъ неминуемаго наказанія, что на благопріятный исходъ просьбы нечего разсчитывать.

Какова же была радость страдальцы-матери, ея сына, каково было удивленіе губернатора и всѣхъ знавшихъ дѣло курянь, когда вскорѣ по воцареніи Николая I отъ министра юстиціи была получена бумага о томъ, что Битюковъ помилованъ государемъ и освобожденъ отъ всякаго наказанія.

Не утерпѣло материнское сердце. Несмотря на преклонный возрастъ, Битюкова поѣхала зимой 1826 года въ Петербургъ, чтобы поблагодарить князя Волконскаго и имѣла возможность принести ему свою благодарность. Сынъ ея, по освобожденіи изъ острога, поселился въ имѣніи матери, деревнѣ Куркиной.

Вотъ какова была поразительная царская милость!

— Когда я въ Таганрогѣ явилась во дворецъ,—разсказывала старушка,—и предстала предъ вельможею¹⁾, онъ мнѣ сказалъ, что государь изволилъ почтить... Слезы градомъ брызнули изъ моихъ глазъ. Но Господь премилосердный помогъ мнѣ и вразумилъ меня. Я сказала: хотя государь скончался, но я свое прошеніе кладу ему на гробъ.

¹⁾ Разумѣется князь Волконскій.

Услышавъ эти мои слова, вельможа взялъ мою просьбу.

Въ первый же день своего доклада по разнымъ дѣламъ князь Волконскій, представляя прошеніе Битюковой, доложилъ новому государю объ обстоятельствахъ подачи и принятія прошенія. Николай Павловичъ, не задумываясь, подписалъ помилованіе во имя своего царственнаго брата, у гроба котораго, на другой день кончины, убитая горемъ мать высказала свою мольбу и положила свою слезную просьбу, прочитанную впоследствии Николаемъ I.

А. Танковъ.

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ.

ВЪ СТАТЬѢ Н. Н. Кузнецова «Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ - Щедринѣ, 1864 — 1869 гг.» («Историч. Вѣстн.» 1908, № 12) между прочимъ сообщаются краткія свѣдѣнія о забытомъ нынѣ поэтѣ Стародубскомъ.

Мы имѣемъ возможность дополнить эти свѣдѣнія слѣдующимъ.

Уроженецъ Рязанской губерніи, Владимиръ Стародубскій поступилъ въ 1855 году въ военную службу юнкеромъ и принималъ участіе въ защитѣ Севастополя. Памятникомъ этого событія является его стихотвореніе «Къ друзьямъ. (Письмо юнкера изъ Севастополя)», ¹⁾ въ которомъ начинающій поэтъ подробно описалъ геройскую защиту этого многострадальнаго города и его паденіе. Будучи контуженъ при отступленіи, Стародубскій долженъ былъ лечь въ лазаретъ, а затѣмъ уѣхать для поправленія здоровья въ Крымъ. Этотъ случай очень неприятно отразился на его служебной карьерѣ, въ томъ отношеніи, что, благодаря долгому пребыванію въ Крыму, онъ не получилъ никакого повышенія по службѣ и считалъ себя обиденнымъ несправедливо.

Эту обиду и несправедливость къ себѣ начальства онъ не за тайлъ въ сердцѣ, какъ въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ другіе, а вылилъ ихъ ярко и негодующе въ стихотворной формѣ, въ «Двухъ

¹⁾ См. Собраніе стихотвореній. Сочиненія Владимира Стародубскаго. Казань. Изд. книгопродавца Ивана Дубровина. 1862, 8^о, 128 стр.

письмахъ къ начальнику штаба N пѣхотной дивизіи, NN армейскаго корпуса В. Х. Ф.—В—ь»¹⁾), обвиняя послѣдняго въ несправедливости въ отношеніи къ нему—Стародубскому. Какъ и слѣдовало ожидать, эти письма принесли ему много непріятностей и повлекли за собою рядъ наказаній и исключеніе со службы.

Не знаемъ, добровольно, или по независящимъ отъ него причинамъ, Стародубскій послѣ этого велъ кочующую жизнь. Такъ, въ продолженіе 1853—1860 гг., судя по датамъ подъ его стихотвореніями, мы видимъ его постепенно въ городахъ: Трубчевскѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Кролевецѣ, Москвѣ, Рязани и наконецъ въ Сингилеѣ, Симбирской губерніи, гдѣ онъ наконецъ и основался. Отсюда онъ въ 1861—1862 гг. посылалъ свои стихотворенія въ «Искру», а въ 1863 году въ «Развлеченіе».

Стародубскій былъ очень даровитый поэтъ. Какъ образецъ, приведемъ здѣсь одно изъ его стихотвореній «Избави Богъ!», написанное имъ вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и напечатанное въ «Искрѣ» Курочкина.

ИЗБАВИ БОГЪ!

(Признаніе одного изъ многихъ)

Ни въ чемъ не споря съ новымъ вѣкомъ,
Себѣ въ угоду я живу
И современнымъ человѣкомъ,
Впередъ стремящимся, слышу.
Твержу о благодатной дѣли,
Кричу, что я правдивъ и строгъ,
Но чтобъ я былъ такимъ на дѣлѣ —
Избави Богъ! избави Богъ!

Къ чему? вѣдь въ жизни очень трудно
Быть прогрессистомъ такъ, какъ есть;
Молчать — и это безразсудно:
Осудятъ умъ и вмѣстѣ честь...
Вотъ стали пѣть, что взятки гадки,
Я честенъ сталъ, насколько могъ...
Но чтобъ совсѣмъ отстать отъ взятки —
Избави Богъ! избави Богъ!

Я помогаю словомъ брату,
Сужу, какъ судить новый свѣтъ,
Я шлю укору злу, разврату
И добродѣтели привѣтъ.
Я всѣмъ совѣтую трезвиться,
Не пить, жить мирно, безъ тревогъ,
Но самому остепениться —
Избави Богъ! избави Богъ!

¹⁾ Тамъ же.

Я говорю о просвѣщенъи,
 О цѣли жизни всеблагой,
 О состраданъи, снисхожденъи,
 О правдѣ, истинѣ святой,
 Я всѣхъ хвалю, кто безъ предѣла
 Собрату ближнему помогъ;
 Но чуть меня коснется дѣло—
 Избави Богъ! избави Богъ!

Вотъ пало крѣпостное право:
 И я кричу: — пора! пора!
 Великій подвигъ! честь и слава!
 Свобода страждущимъ — ура!
 Народъ нашъ сталъ могучъ и воленъ...
 То счастья вѣрнаго залогъ...
 Но чтобъ въ душѣ я былъ доволенъ —
 Избави Богъ! избави Богъ!

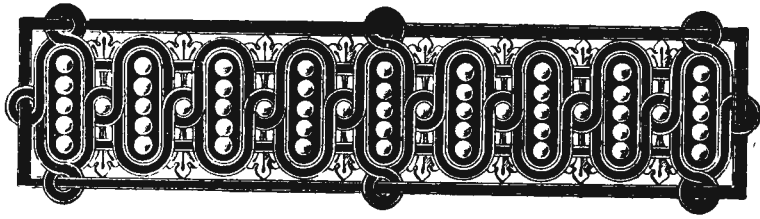
Я говорю: теперь свободенъ
 Народъ, отъ счастья не далекъ...
 О, какъ прекрасенъ, благороденъ
 Нашъ умный, русскій мужичокъ!..
 О, я готовъ съ нимъ цѣловаться,
 Обнять, любить... вѣдь это долги..
 Но чтобъ на дѣлѣ съ хамомъ знаться —
 Избави Богъ! избави Богъ!

Я говорю: люблю Россію,
 Какъ гражданинъ и патриотъ,
 Она не склонитъ гордо вью,
 Европу за поясъ заткнетъ.
 Ей преданъ я душой и тѣломъ
 Вполнѣ отъ головы до ногъ;
 Но чтобы фраза стала дѣломъ —
 Избави Богъ! избави Богъ!

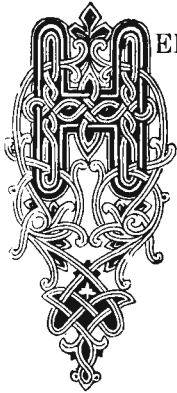
И такъ, не споря съ новымъ вѣкомъ,
 Себѣ въ угоду я живу
 И современнымъ человѣкомъ,
 Впередъ стремящимся, слыву;
 Кричу о благодатной цѣли
 Кажусь на видъ правдивъ и строгъ;
 Но чтобъ я былъ такимъ на дѣлѣ —
 Избави Богъ! избави Богъ!

Очень жаль, что собраніе его стихотвореній не повторилось изданіемъ послѣ 1862 года и, такимъ образомъ, позднѣйшія его произведенія, заслуживающія особеннаго вниманія, остались большинству публики неизвѣстны.

Ив. Жасановъ.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПУБЛИЦИСТКА.

НЕБЕЗЫЗВѢСТНЫЙ у насъ англійскій журналистъ-руссофилъ, мистеръ Стэдъ, издалъ два объемистыхъ тома, посвященныхъ обзорѣню политической и литературной дѣятельности Ольги Алексѣевны Новиковой, рожденной Кирѣевой ¹⁾. Дѣятельность эта извѣстна нашей публикѣ въ общемъ очень мало: она почти цѣликомъ протекла въ крупныхъ странахъ Западной Европы—Германіи, Франціи и особенно въ Англии. Большая часть трудовъ Новиковой написана на англійскомъ языкѣ, ея статьи печатались обыкновенно въ англійскихъ и французскихъ журналахъ. Немудрено, что русскій читатель знаетъ о ней только изъ вторыхъ рукъ, изъ иностранныхъ газетъ, и псевдонимъ ея О. К. у насъ далеко не пользуется такой популярностью, какъ въ Лондонѣ.

А между тѣмъ по своему уму, таланту, цѣльности натуры это, безспорно, крупная, выдающаяся личность, положившая всю свою жизнь на служеніе одной центральной идеѣ—сблизить Россію съ Англіей до союза.

За то, что въ лицѣ г-жи Новиковой мы имѣемъ дѣло съ незаурядной женщиной, говоритъ уже одно ея умѣнье привязать къ себѣ и поддерживать дружескія отношенія съ такими людьми, какъ Гладстонъ и Карлейль. А *dii minores* ея знакомства! Вѣдь это

¹⁾ W. T. Stead. The M. P. for Russia. Reminiscences and correspondence of madame Olga Novikoff. 2 vol. Lond. 1909.

вся передовая Европа — Фриманъ, Фрудъ, Лекки, Лавеле, Ауэрбахъ, Нордау, Катковъ, Аксаковъ, Побѣдоносцевъ, Сольсбери, Бальфуръ, графъ Игнатъевъ, Скобелевъ и кого-кого только не увидишь вокругъ ея. Ея политическій салонъ — это цѣлый особый міръ, мало знакомый и непривычный пока для русскаго человѣка.

Стэдъ — горячій поклонникъ нашей соотечественницы и сторонникъ пропагандируемой ею англо-русской дружбы. Онъ старался дать самую подробную исторію дѣятельности г-жи Новиковой и, получивъ доступъ къ огромному собранію хранящихся у нея писемъ, на нашъ взглядъ, увлекся, потерялъ чувство мѣры. Оттого книга его нѣсколько разрослась, вспухла и читать ее всю цѣликомъ временами не представляетъ особаго интереса. Поэтому мы рѣшаемся предложить вниманію читателей сжатое извлеченіе изъ этихъ двухъ томовъ, въ которомъ остановимся на дѣятельности О. А. Новиковой лишь въ тѣ моменты и по такимъ вопросамъ, гдѣ яснѣе всего проступаютъ основныя черты ея міросозерцанія.

Шестьдесятъ девять лѣтъ тому назадъ въ семьѣ средняго подмосковнаго помѣщика, отставнаго гусарскаго офицера Кирѣева происходило скромное семейное торжество, по случаю рожденія единственной въ семьѣ дочери Ольги. Родилась она въ Москвѣ, и воспріемникомъ ея былъ императоръ Николай Павловичъ. Кирѣевы жили постоянно въ небольшомъ своемъ имѣніи Сенькинѣ, Подольскаго уѣзда Московской губерніи. Намъ довелось лѣтъ пятнадцать тому назадъ лично посѣтить это дворянское, къ тому времени уже полуразрушенное, гнѣздо. Небольшой отлогіи холмъ съ барской усадьбой наверху. Внизу шумитъ извилистая рѣчка Пахра. Нѣсколько поодаль лѣнятся по холмистымъ берегамъ хижины крестьянъ деревни Сенькиной. Кругомъ просторъ полей и звенящая въ ушахъ тишина: далеко и отъ желѣзной дороги, еще дальше отъ шоссе. Теперь этотъ мирный, дремлющій уголокъ принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу, который купилъ его у генерала А. А. Кирѣева, состоящаго адъютантомъ при его высочествѣ.

Здѣсь среди патріархальной деревенской обстановки протекло дѣтство будущей писательницы и политической дѣятельницы, которую Дизраэли назвалъ какъ-то «членомъ парламента отъ Россіи». Несмотря на свое славянофильство, Кирѣевъ всю жизнь сохранилъ горячій интересъ къ Англій, привитый ему его воспитателемъ, шотландцемъ Бакстеромъ.

Этотъ Бакстеръ былъ впоследствии членомъ парламента и, въ бытность Гладстона первымъ министромъ, занималъ въ его кабинетѣ одну изъ второстепенныхъ должностей. Между воспитателемъ и воспитанникомъ господствовала тѣсная дружба, продол-

жавшаяся и тогда, когда Кирѣевъ сталъ юношей и слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ. Англійскій языкъ былъ въ большомъ ходу въ семьѣ Кирѣевыхъ. Мать Ольги Новиковой, рожденная Алябьева, прекрасно говорила и писала по-англійски. Немудрено, что впоследствии ея дочь приводила въ изумленіе англичанъ, съ недоумѣніемъ спрашивавшихъ ее, откуда у нея такое знаніе чисто англійскихъ оборотовъ рѣчи и выраженій. Гладстонъ находилъ даже, что ея стиль чище и правильнѣе, чѣмъ у многихъ природныхъ англичанокъ.

Немного воспоминаній сохранилось у г-жи Новиковой отъ ея ранняго дѣтства. «Помню только,—пишетъ она:—что когда мой отецъ умеръ въ 1849 г., императоръ Николай Павловичъ былъ въ это время въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ къ матери и пожелалъ увидѣть дѣтей (т. е. старшаго сына Александра, ея самое и младшаго ея брата Николая). Братья привѣтствовали императора, какъ имъ было сказано, мнѣ же нужно было, по приказанію моей воспитательницы, сдѣлать государю глубокій реверансъ. Я такъ добросовѣстно исполнила приказъ, что, не будь тутъ колонны, я, навѣрно, упала бы на полъ. Государь догадался о моемъ трагическомъ положеніи и быстро подошелъ ко мнѣ, говоря: «Браво! какой великолѣпный реверансъ!»

Молодая дѣвушка получила тщательное образованіе, изучала даже исторію нѣмецкой философіи подъ руководствомъ стараго нѣмца-гувернера, одного изъ тѣхъ бездомныхъ и добродушныхъ нѣмцевъ, которыхъ такъ хорошо умѣлъ изображать Тургеневъ. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ своей ученицы и съ улыбкой повторялъ на всѣ лады:

— Ach Gott! Если бы вы были мальчикомъ, какой бы вышелъ изъ васъ профессоръ философіи!

Послѣ смерти отца вся семья Кирѣевыхъ переселилась въ Петербургъ.

Однимъ изъ крупныхъ умственныхъ центровъ столичной жизни былъ въ то время дворецъ великой княгини Елены Павловны. Желая освободиться отъ тяжелаго, отдаляющаго отъ людей придворнаго этикета, великая княгиня устроила у себя особые вечера, которые она называла *soirées morganaïiques*. Гостей принимала обыкновенно княгиня Львова, а великая княгиня заходила какъ бы невзначай и оставалась среди собравшихся. На этихъ *soirées morganaïiques* появлялись писатели, артисты, художники, словомъ, аристократія ума и таланта. Все это общество вело себя непринужденно, предавалось кто серьезнымъ разговорамъ на животрепещущія темы, а кто и разнымъ *petits jeux*, внося въ нихъ самую непринужденную веселость. Милютинъ, Кавелинъ, Аксаковъ, Головинъ, Валуевъ, графъ Александръ Кейзерлингъ, графъ Вельгорскій, фрейлина Эдита фонъ-Раденъ,

баронъ Розенъ были самыми усердными посѣтителами Михайловскаго дворца. Благодаря такой демократизаціи придворной жизни, отношенія между большимъ и малымъ дворцомъ были всегда натянуты, и въ шестидесятыхъ годахъ кто-то не посѣснился даже распуścić слухъ, что тетка государя находится въ постоянномъ общеніи съ революціонно настроеннымъ Герценомъ.

Молодая Кирѣева не могла, конечно, миновать Михайловскаго дворца. Морганатическіе вечера, несомнѣнно, оказали на нее огромное вліяніе, опредѣливъ заранѣе направленіе будущей ея дѣятельности. Встрѣчи и разговоры съ такими людьми, какъ Милютинъ и Кавелинъ, привили ей вкусъ къ политикѣ, Аксаковъ поддерживалъ въ ней съ дѣтства знакомые каноны славянофильства, а графъ Кейзерлингъ будилъ религіозно-философскую мысль. Умственное развитіе даровитой дѣвушки шло впередъ быстрыми шагами, и когда она впервые выѣхала за границу, въ ней уже прочно сидѣли свои симпатіи и антипатіи.

Первая изъ чужихъ странъ, которую посѣтила молодая Кирѣева, была Германія. Въ Дрезденѣ она встрѣтилась съ писательницей К. Павловой, которая познакомила ее съ моднымъ тогда Ауэрбахомъ. Онъ отличался необыкновенно подвижнымъ образомъ жизни, рѣдко жилъ долго на одномъ мѣстѣ, и нужно было его ловить въ Дрезденѣ. Случайно Павлова встрѣтила его въ знаменитой картинной галереѣ. Ауэрбахъ стоялъ въ благоговѣннѣи передъ Сикстинской Мадонной.

— Позвольте васъ познакомиться,—обратилась къ нему Павлова,—съ этой замѣчательной дѣвушкой...

— Пожалуйста безъ комплиментовъ,—прервалъ ее Ауэрбахъ.— Тутъ Мадонна—и потому всякіе комплименты неумѣстны...

Тѣмъ не менѣе знакомство состоялось, и Ауэрбахъ сталъ бывать у Кирѣевыхъ. Сама Кирѣева не говорила по-нѣмецки, и роль переводчика исполняла ея дочь. Ауэрбахъ былъ пораженъ живостью и наблюдательностью молодой дѣвушки и нѣкоторыя ея замѣчанія вложилъ впослѣдствіи въ уста героини своего романа «На высотѣ». Позднѣе, когда Ауэрбахъ пріѣзжалъ въ Россію, г-жа Новикова оказала ему широкое гостепріимство и поддерживала съ нимъ вполне дружескія отношенія, несмотря на свою непріязнь къ его сородичамъ евреямъ.

Однимъ изъ раннихъ друзей О. А. Кирѣевой, знакомство съ которымъ началось на *soirées morganatiques* въ Михайловскомъ дворцѣ, былъ графъ Александръ Кейзерлингъ, извѣстный ученый изслѣдователь средней Россіи и Печорскаго края, бывшій впоследствии попечителемъ дерптскаго учебнаго округа. Ко времени знакомства съ семьей Кирѣевыхъ графъ Кейзерлингъ былъ уже старикомъ, всецѣло погруженнымъ въ вопросы религіозно-философскіе и воспоминанія своей молодости, которую онъ провелъ въ

Германіи, главнымъ образомъ въ Берлинѣ. Кейзерлингъ былъ очень друженъ съ Бисмаркомъ и любилъ вспоминать проказы своего университетскаго друга.

Однажды онъ разсказалъ забавную шутку, которую его заставилъ выкинуть Бисмаркъ.

Кейзерлингъ и Бисмаркъ были совершенно не похожи другъ на друга. Кейзерлингъ былъ худъ, застѣнчивъ, любилъ зарываться въ книги. Бисмаркъ, наоборотъ, вездѣ шумѣлъ, вездѣ умѣлъ находить случай повеселиться и гораздо больше танцевалъ, чѣмъ учился.

Однажды Кейзерлингъ получилъ письмо и, прочитавъ его, видимо, смутился.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ его бывший тутъ же Бисмаркъ.

— Моя мать пишетъ, что въ Берлинѣ ѣдутъ моя тетка и двѣ кузины. Онѣ рассчитываютъ провести здѣсь недѣли двѣ. Такъ какъ кузины мои еще очень молоды и неопытны, то мнѣ предстоитъ сопровождать ихъ по баламъ, концертамъ и вечерамъ. Это ужасно досадно. Мнѣ нужно готовиться къ экзаменамъ!

Бисмаркъ мигомъ овладѣлъ положеніемъ и нашелъ выходъ.

— Твои кузины знаютъ тебя?—спросилъ онъ.

— Онѣ никогда меня не видали, точно такъ же, какъ и я ихъ.

— Великолѣпно! Въ такомъ случаѣ ты будешь Бисмаркомъ, а мнѣ позволю сдѣлаться графомъ Кейзерлингомъ. Оставайся дома, а я буду ихъ чичероне.

Кейзерлингъ съ радостью принялъ это предложеніе. Когда путники прибыли въ Берлинъ, Бисмаркъ представился имъ подъ именемъ Кейзерлинга и самымъ любезнымъ образомъ предоставилъ себя въ ихъ распоряженіе. Кейзерлингъ начиналъ было уже забывать объ этомъ самозванствѣ, какъ вдругъ изъ дому изъ Эстляндской губерніи пришло письмо, гдѣ отецъ очень благодарилъ его за необыкновенную его любезность, которая дала дѣвцамъ возможность такъ весело провести время въ Берлинѣ. «Но что меня больше всего радуешь, такъ это твой виѣшній видъ, — прибавлялъ онъ.—Судя по ихъ описанію, ты развился и возмужалъ въ Берлинѣ, такъ что тебя едва можно узнать!»

Но увы! вернулся Кейзерлингъ въ родительскій домъ такимъ же тощимъ. Отъ богатырскаго вида, о которомъ такъ много говорили кузины, не осталось и слѣда. Поднялся цѣлый переполохъ, вообразили, что онъ чѣмъ-то серьезно боленъ, и весь этотъ переполохъ длился, пока наконецъ Кейзерлингъ не сознался въ своемъ обманѣ.

Другой крупный человѣкъ, рано встрѣтившійся на жизненномъ пути Кирѣевой, былъ К. П. Побѣдоносцевъ. Въ тѣ годы онъ былъ еще весь подъ впечатлѣніемъ страннаго случая, о которомъ онъ впоследствии разсказывалъ Стѣду слѣдующее.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нанялъ я на лѣто барскій домъ въ окрестностяхъ Петербурга. Въ первую же ночь, какъ только мы переѣхали, ни я, ни жена моя не могли сомкнуть глазъ. Только что мы улеглись, какъ вдругъ откуда-то послышался глухой стукъ. Думая, что это стучали снаружи, я позвалъ своего человѣка, и мы обшарили весь домъ. Никого не было. Стало тихо. Но только что я улегся, опять раздался тотъ же глухой частый стукъ. Нечего было и думать о снѣ.

«На слѣдующую ночь повторилось то же самое. Мы рѣшили было бросить эту злосчастную дачу, но одинъ изъ нашихъ знакомыхъ предложилъ пригласить на сеансъ медиума. Я совершенно не вѣрилъ въ спиритизмъ, но, не умѣя объяснить себѣ происхождение стука, согласился на это. Явился медиумъ. Впавъ въ трансъ, онъ разсказалъ, что стукъ производилъ духъ одного священника, который умеръ, совершая литургію. На вопросъ, какимъ образомъ можно успокоить страждущій духъ, медиумъ, за которымъ мы тщательно слѣдили, отвѣчалъ, что для этого необходимо найти другого священника, который докончилъ бы прерванное богослуженіе. Дальше произошла совершенно невѣроятная исторія. Медиумъ объявилъ, что въ этомъ домѣ есть маленькая церковь, о которой никто ничего не зналъ, что дверь въ нее заложена кирпичами и что съ тѣхъ поръ, какъ умершій священникъ служилъ въ ней послѣдній разъ, тамъ все осталось, какъ было въ тотъ роковой день.

« — Позвольте, однако, — возразилъ я. — Никто объ этой домово́й церкви не знаетъ...

« — Спуститесь въ коридоръ, — послѣдовалъ отвѣтъ медиума, — и направо отъ двери въ такомъ-то разстояніи вы найдете замурованную дверь въ церковь.

«Все это было невѣроятно, но медиумъ говорилъ такъ определенно, что я рѣшился искать эту дверь и, къ величайшему изумленію, нашелъ все, о чемъ говорилъ медиумъ. Мы пригласили священника, и стукъ прекратился.

«Я не могу найти всему этому удовлетворительнаго объясненія и передаю только дѣло такъ, какъ оно было».

Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ Ольга Алексѣевна вышла замужъ за Новикова, впослѣдствіи генераль-лейтенанта, занимавшаго постъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. Вскорѣ послѣ свадьбы молодая чета направилась въ Вѣну, куда братъ Новикова — Евгеній Новиковъ, авторъ замѣчательнаго по своему времени изслѣдованія о Лютерѣ и Гуссѣ, былъ назначенъ посломъ.

«То было время, когда я вела совершенно свѣтскій образъ жизни, — пишетъ г-жа Новикова въ своихъ воспоминаніяхъ. — Дважды въ недѣлю мы посѣщали оперу въ Бургъ-театрѣ, устраивали у себя приемы и были засыпаны приглашеніями на вечера

и обѣды. Однажды устроилъ большой банкетъ турецкій посолъ Халилъ-паша, мой старый другъ по Петербургу. На этомъ раутѣ я познакомилась съ графомъ Бейстомъ, тогдашнимъ австрійскимъ канцлеромъ. Онъ былъ очень болтливъ, зналъ множество анекдотовъ и любилъ, чтобы его слушали. Вѣроятно, онъ нашелъ во мнѣ хорошаго слушателя, потому что на другой день онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ и сунулъ мнѣ въ руку клочокъ бумаги, на которомъ былъ написанъ его «экспромтъ».

L'Autriche, dit-on, et la Russie
Se brouillent pour la Turquie
Dès aujourd'hui il n'en est plus question
En invitant une femme charmante
Le Turc (que je l'en complimente!)
Est devenu pour nous un trait d'union¹).

«По уходѣ графа я положила его стихотвореніе въ карманъ и совершенно о немъ забыла.

«Прошло нѣсколько дней. Вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ мой beaufrère и раздражается градомъ упрековъ.

« — Что ты надѣлала! Развѣ можно быть такой безтактной! Вѣдь ты ставишь меня въ нелѣпное положеніе, которое можетъ испортить наши дипломатическія отношенія!

« — Да въ чемъ дѣло?—спросила я съ удивленіемъ.

« — Что у тебя было съ Бейстомъ?

« — Я обѣдала съ нимъ въ турецкомъ посольствѣ.

« — А потомъ? Не пріѣзжалъ ли онъ сюда, не приносилъ ли какихъ-нибудь стиховъ?

« — Дѣйствительно, онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ, а относительно стиховъ я и не предполагала, что онъ станетъ говорить о нихъ.

« — Да развѣ ты не знаешь, что графъ никому не дѣлаетъ визитовъ, что это исключительная честь русскому посольству, а я-то ничего не зналъ! — застоналъ несчастный дипломатъ. — Но хуже всего, что ты не сказала мнѣ объ этихъ стихахъ. Сегодня утромъ я былъ у графа, и первый его вопросъ былъ: «Какъ вы находите мой экспромтъ?»—«Какой экспромтъ?» спросилъ я въ свою очередь. «Экспромтъ, который я завезъ вашей сестрѣ». Вышла ужасная неловкость; графъ, видимо, былъ недоволенъ, а онъ, вѣдь, воплощенное тщеславіе».

Къ счастью для Россіи, инцидентъ этотъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и графъ Бейстъ, переведенный впослѣдствіи посломъ въ Лондонъ, продолжалъ посылать г-жѣ Новиковой свои

¹) Говорятъ, что Австрія и Россія ссорятся между собою изъ-за Турціи. Съ сегодняшняго дня объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Пригласивъ очаровательную женщину, турокъ (какъ я благодарю за это!) сталъ для насъ соединительнымъ звеномъ.

стихотворные іероглифы, «которые нужно было читать сердцемъ, а не глазами».

Въ 1866 году, будучи въ Эмсѣ, О. А. познакомилась съ однимъ изъ главныхъ дѣятелей разгоравшейся тогда въ Англіи агитаціи въ пользу отмѣны такъ называемыхъ хлѣбныхъ законовъ, Чарльзомъ Вильеромъ. Болѣе шестидесяти лѣтъ, до самой своей смерти въ 1898 г., онъ неизмѣнно выбирался въ парламентъ и занималъ, когда брали перевѣсъ виги, разныя отвѣтственные должности. Его старшій братъ, получившій, по англійскому обычаю, родовой титулъ лорда Кларендона, также игралъ видную роль въ англійской политической жизни и четыре раза былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Оба брата были первыми политическими дѣятелями Англіи, съ которыми пришлось познакомиться Новиковой. Впрочемъ, знакомство съ лордомъ, едва завязавшись, чуть было не кончилось полнымъ разрывомъ, благодаря непріятной случайности. Въ 1867 г. Новикова посѣтила всемірную выставку въ Парижѣ, куда между прочимъ пріѣхалъ и лордъ Кларендонъ. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, особенно у дамъ, и въ обществѣ носились упорные слухи о его близкомъ отношеніи къ французскому двору: дѣйствительно, въ Тюльери его принимали запросто.

Явившись съ визитомъ, этотъ свѣтскій дэнди ошибся дверью и, вмѣсто гостиной, попалъ въ кухню помѣщенія, которое занимала семья Новиковыхъ. Не ожидавшая такого визита, разсерженная служанка встрѣтила необычайнаго посѣтителя крайне непривѣтливо, но Кларендонъ, хладнокровно усѣвшись, объявилъ, что, по его предположеніямъ, онъ находится въ квартирѣ г-жи Новиковой и не уйдетъ отсюда, пока о немъ не доложатъ хозяйкѣ. Поднялась суматоха. Дѣло въ концѣ концовъ разъяснилось, и этотъ забавный случай послужилъ началомъ прочной дружбы между О. А. и обоими братьями.

Знакомство съ Вильеромъ и лордомъ Кларендономъ пріоткрыло для нашей соотечественницы завѣсу международной политики и пробудило заложенные въ ней недюжинныя дипломатическія способности. Ее неудержимо потянуло въ самый центръ тогдашней дипломатической дѣятельности—въ Лондонъ. Въ 1868 г. она ѣдетъ въ столицу Великобританіи и здѣсь при посредствѣ стариннаго друга ея семьи, барона Бруннова, русскаго посла въ Лондонѣ, входитъ въ соприкосновеніе со всѣми выдающимися англійскими государственными людьми.

Баронъ Брунновъ давно жилъ среди англичанъ и за свое остроуміе, находчивость и умѣнье выручить всякаго въ трудномъ положеніи пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Стэдъ рассказываетъ между прочимъ такой случай, характеризующій находчивость Бруннова.

Когда умеръ герцогъ Веллингтонъ, королева Викторія пожелала, чтобы на его похоронахъ присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ. Это желаніе поставило французскаго посла въ крайне затруднительное положеніе. Представителю Франціи нельзя было, конечно, итти противъ желанія королевы, но неудобно было и воздавать почести Веллингтону, сокрушившему Наполеона и питавшему постоянную неприязнь къ Франціи. Какъ быть? Посланникъ бросился къ барону Бруннову за совѣтомъ. Тотъ выслушалъ внимательно, въ чемъ дѣло, и, подумавъ немного, сказалъ:

— Такъ какъ герцогъ Веллингтонъ умеръ, то, мнѣ кажется, на его похороны вы смѣло можете итти. Вотъ если васъ будутъ приглашать на его воскресеніе, то вамъ придется отказаться.

Посланникъ разсмѣялся и рѣшилъ послѣдовать совѣту своего русскаго коллеги.

Вскорѣ по прибытіи Новиковыхъ въ Лондонъ баронъ Брунновъ далъ въ русскомъ посольствѣ блестящій балъ въ честь принца Уэльскаго, теперешняго короля Эдуарда VII. Тутъ былъ весь высшій свѣтъ и между прочимъ два давнишнихъ политическихъ противника: Дизраэли, пожалованный титуломъ лорда Биконсфильда, и Гладстонъ. Хозяинъ познакомилъ г-жу Новикову съ тѣмъ и другимъ. Дизраэли ей не понравился, а съ Гладстономъ быстро завязалась оживленная бесѣда.

— Держу пари,—сказалъ подошедшій къ ней Вильеръ:—что разговоръ у васъ шелъ о церкви. Гладстона хлѣбомъ не корми, только дай ему богословіе!

Хотя Вильеръ на этотъ разъ ошибался, и бесѣда шла о предстоящей парламентской борьбѣ, однако теологія дѣйствительно послужила *trait d'union* между О. А. и Гладстономъ. Она послала ему переводъ брошюры своего брата о старо-католикахъ, Гладстонъ отвѣтилъ визитомъ, и съ этого времени между нашей соотечественницей и «великимъ старцемъ» устанавливаются постоянныя сношенія и переписка. Въ архивѣ Новиковой хранится болѣе 150 писемъ Гладстона по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Умъ, широкая образованность, литературный талантъ и привѣтливый характеръ русской лэди быстро сдѣлали свое дѣло, и ея гостиная превратилась въ настоящій салонъ, гдѣ можно было встрѣтить представителей политики, искусства и литературы, независимо отъ принадлежности ихъ къ той или другой политической партіи. Обычными посѣтителями Claridge Hotel, гдѣ квартировала Новикова, были Кинглэкъ, извѣстный писатель консервативнаго лагеря, сдѣлавшій себѣ литературное имя многолѣтней исторіей Крымской войны, Фриманъ, оксфордскій профессоръ исторіи и ревностный сторонникъ либераловъ, Фрудъ, промѣнявшій санъ священника на каѳедру профессора, Вильеръ и знаменитый физикъ Тиндаль. По своему чисто мужскому складу ума хозяйка

садона не находила особеннаго удовольствія въ обществѣ велико-свѣтскихъ дамъ и тяготилась визитами чопорныхъ лэди, для которыхъ она являлась предметомъ празднаго любопытства. Однажды къ ней пріѣхали какія-то двѣ высокопоставленныя въ лондонскомъ обществѣ дамы съ твердымъ намѣреніемъ ловко вывѣдать, кто она такая, зачѣмъ она живетъ въ Лондонѣ и не служитъ ли шпиономъ для русскаго правительства. Угадавъ ихъ намѣреніе, хозяйка рѣшила дать имъ хорошій урокъ.

— Скажите пожалуйста, вы живете постоянно въ Англии?— начали гости.

— Нѣтъ. Я живу здѣсь только зимою, а затѣмъ возвращаюсь въ Россію. Тамъ ждутъ меня мужъ и сынъ.

— Позвольте въ такомъ случаѣ спросить, какая цѣль вашего пребыванія здѣсь?

— Да очень простая, — серьезно отвѣчала хозяйка:—здѣсь у меня есть незаконныя дѣти.

Англичанки были шокированы и безпокойно заматались въ ожиданіи дальнѣйшихъ нескромностей.

— Я зову своими незаконными дѣтьми мои политическія статьи,—продолжала хозяйка.—Я лишена возможности активно участвовать въ политикѣ и потому принуждена проводить свои идеи въ газетныхъ статьяхъ. Вотъ и весь секретъ.

Пребываніе Новиковой сначала въ Германіи, а затѣмъ въ Лондонѣ совпало съ охватившимъ весь католическій міръ возбужденіемъ, вызваннымъ введеніемъ въ церковный католическій обиходъ догмата папской непогрѣшимости. Надуманный приверженцами Пія IX, догматъ этотъ возмущилъ наиболѣе сильныя и независимыя умы католическаго міра и вызвалъ множество протестовъ и отпаденій отъ Рима. Во Франціи рѣшительно возсталъ противъ непогрѣшимости папы профессоръ Мишо, въ Германіи Веберъ, Деллингеръ и въ особенности Фрошгаммеръ, профессоръ теологіи, а потомъ нравственной философіи въ Мюнхенѣ. Новикова встрѣтилась съ нимъ въ Мариенбадѣ, и Фрошгаммеръ сталъ для нея однимъ изъ союзниковъ въ борьбѣ противъ папскихъ притязаній.

Выросшая въ традиціяхъ славянофильства, принимавшаго такъ близко къ сердцу вопросы церкви, О. А. не преминула, конечно, принять дѣятельное участіе въ церковномъ движеніи, но не съ той стороны, откуда можно было ожидать. Подъ вліяніемъ графа Кейзерлинга ее давно занималъ вопросъ о будущей жизни. Однажды въ разговорѣ съ нею дерптскій философъ высказалъ мысль, теперь вполне уже подтвержденную наукой, что идея будущей жизни имѣетъ чисто христіанское происхожденіе и что іудейству она совершенно чужда. Въ доказательство своей мысли Кейзерлингъ предложилъ выписать изъ Ветхаго Завѣта всѣ

мѣста, которыя содержатъ мнѣніе іудеевъ о загробной жизни. Работа эта была блистательно выполнена Новиковой. Она издала ее анонимно отдѣльной книжкой и разослала людямъ, которые занимались этимъ вопросомъ,—Ревиллю, Трейчке, Блюнчли, Фрошгаммеру и другимъ. Большинство приняло эту историко-богословскую работу съ большимъ сочувствіемъ, но правовѣрные католики изо всѣхъ силъ ополчились противъ автора. Въ Англіи на защиту брошюры выступилъ между прочимъ извѣстный сотрудникъ «Fortnightly Review» Люсьенъ Вольфъ, пишущій подъ псевдонимомъ Diplomaticus, и человекъ, который, казалось бы, не имѣетъ нечего общаго съ философіей—пресловутый южно-африканскій дѣлецъ Сесиль Родсъ.

Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ Новикова выпустила вторымъ изданіемъ эту брошюру, озаглавивъ ее: «Christ or Moses? Which?» (Христосъ или Моисей? Который взъ нихъ?)

Вопросы загробной жизни имѣли самую тѣсную связь съ процвѣтавшей тогда въ Лондонѣ теософіей, которую ввела въ моду поселившаяся здѣсь съ 1888 г. Елена Блаватская. Между Новиковой и предсѣдательницей теософическаго общества завязалось знакомство.

«Блаватская до смерти желаетъ васъ видѣть, писала она Стѣду, издававшему въ то время газету «Pall-Mall Gazette». Итакъ, если вы не хотите совершить смертоубійство, зайдите къ ней какъ-нибудь».

«Я не отвѣтилъ на это приглашеніе,—говоритъ Стѣдъ.—Мой интересъ къ тайной наукѣ совершенно испарился отъ множества всякихъ житейскихъ дѣлъ. Черезъ нѣкоторое время приглашеніе повторилось, и, чтобы покончить съ этимъ, я отправился. Я былъ въ восторгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторомъ смущеніи отъ Блаватской. Массивная и сильная, она походила манерами на мужчину, и мужчину довольно неотесаннаго. Мы, впрочемъ, скоро сошлись, и Блаватская подарила мнѣ свой портретъ».

Когда увѣсистая книга Блаватской «Тайное ученіе», была доставлена въ редакцію «Pall-Mall» для отзыва, Стѣдъ пришелъ въ ужасъ отъ предстоящей ему задачи написать на нее рецензію. Никто изъ сотрудниковъ не хотѣлъ браться за этотъ трудъ, и книгу передали одной изъ сотрудницъ, которая посѣщала спиритическіе сеансы и обнаруживала нѣкоторый интересъ къ оккультизму. Прочитавъ «Тайное ученіе», она пришла въ восторгъ и неотступно стала просить Стѣда познакомить ее съ Блаватской. Тотъ исполнилъ ея желаніе, и доселѣ мало извѣстная сотрудница «Pall-Mall» сдѣлалась правой рукой Блаватской, а послѣ ея смерти заняла ея мѣсто, приобрѣтая своими сочиненіями громкую извѣстность среди поклонниковъ оккультизма. То была Анна Безантъ.

Къ началу семидесятыхъ годовъ кругъ лондонскихъ знакомствъ О. А. Новиковой значительно расширился, и въ ея салонѣ появилась оригинальная фигура историка Кинглэка. Встрѣтилась она съ нимъ на обѣдѣ въ домѣ лэди Голландъ. Вотъ какъ описываетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ этотъ обѣдъ:

За столомъ по правую руку отъ меня сидѣлъ авторъ «Крымской войны» Кинглэкъ. Я сказала ему, что чрезвычайно счастлива, что имѣю подъ рукою такой надежный источникъ историческаго знанія.

— Это очень любезно съ вашей стороны,—отвѣчалъ онъ слабо, почти неслышно.—Но не все такъ относятся къ историкамъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросила я.

— Да вотъ возьмемъ хоть мое положеніе,—продолжалъ Кинглэкъ серьезно.—Въ одинъ прекрасный день получаю я траурное письмо, чрезвычайно меня тронувшее. Оно было изъ одной изъ нашихъ колоній отъ двухъ стариковъ—мужа и жены. Ихъ единственный сынъ былъ убитъ подъ Севастополемъ. По какимъ-то причинамъ они непремѣнно желали, чтобы я упомянулъ о немъ въ моей исторіи Крымской войны. Съ первой же почтой я послалъ имъ письмо,—чего уже много лѣтъ не дѣлалъ,—прося сообщить подробности геройской смерти молодого человѣка. Черезъ нѣкоторое время приходитъ отвѣтъ: мы не знаемъ никакихъ подробностей, онъ былъ убитъ на мѣстѣ, но мы съ благодарностью будемъ ждать подробностей отъ васъ, предоставляя ихъ всецѣло вашему воображенію».

Кинглэкъ,—продолжаетъ О. А.,—работалъ надъ своей исторіей Крымской войны цѣлыхъ 26 лѣтъ.

Нашъ великій стратегъ Тотлебенъ очень любилъ Кинглэка и, будучи въ Лондонѣ, посѣтилъ его. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ исторію Кинглэка скорѣе историческимъ романомъ.

— Позвольте, однако,—сказала я ему какъ-то.—Вѣдь она въ высшей степени интересна и ее читаешь, не отрываясь.

— Да, но это романъ, а не военная исторія. А Тотлебена, конечно, никакъ нельзя было заподозрѣть въ желаніи умалить историческое значеніе труда, гдѣ съ такимъ восторгомъ говорится о его военныхъ дарованіяхъ.

Вотъ характерный анекдотъ о немъ, слышанный мною изъ достовѣрнаго источника.

Ѣхалъ однажды изъ Берлина въ Петербургъ одинъ нѣмецкій путешественникъ. Гдѣ-то по дорогѣ подсѣлъ къ нему русскій. Разговорились. Нѣмецъ оказался отставнымъ военнымъ, а русскій выказалъ большія познанія въ военныхъ вопросахъ.

— Я удивляюсь русской арміи, — сказалъ нѣмецъ. — Не могу только примириться съ однимъ: у васъ совершенно не развито чувство почитанія героевъ. У васъ нѣтъ своего Карлейля, кото-

рый научилъ бы васъ этому. Позвольте узнать, что вы думаете, напримѣръ, о генералѣ Тотлебенѣ.

— Онъ честно исполнилъ свой долгъ, — отвѣчалъ собесѣдникъ, не выказывая ни малѣйшаго признака энтузіазма.

— Ну, вотъ, — воскликнулъ нѣмецъ. — Его вездѣ считали бы героемъ, воздвигли бы ему статую, его портретъ, навѣрно, красовался бы въ военныхъ школахъ, а вы говорили о немъ, какъ о посредственности!

Подъѣзжая къ Петербургу, спутники обмѣнялись карточками, и на одной изъ нихъ стояло: «Тотлебенъ».

Въ самой разгаръ русско-турецкой войны Новикова выпустила сборникъ своихъ политическихъ статей подъ общимъ заглавіемъ: «Russia and England». Предисловіе къ ней написалъ Фрудъ. Въ либеральномъ лагерѣ книга встрѣтила теплый пріемъ въ Англии и во Франціи. Эмиль Лавеле, сильно симпатизировавшій автору, написалъ о книгѣ горячую статью въ «Revue des Deux Mondes». Гладстонъ и Фриманъ были въ восторгѣ. Зато англійскіе шовинисты, руководимые «евреемъ», какъ неизмѣнно титуловалъ Дизраэли Фриманъ, старались забрызгать грязью и автора, и книгу. Бранить Новикову сдѣлалось обязанностью всякаго настоящаго тори. И вдругъ, ко всеобщему удивленію, вліятельнѣйшій изъ консервативныхъ журналовъ «The Quarterly Review» помѣстилъ о гонимой книгѣ самый похвальный отзывъ, разомъ охладившій пылъ консервативныхъ критиковъ. Статья была написана съ такимъ искусствомъ, что публика была сбита съ толку: одни приписывали ее лорду Сольсбэри, другіе самому князю Горчакову. Только редакторъ журнала и Новикова знали, что она вышла изъ-подъ пера Кинглэка.

Историкъ по своимъ наклонностямъ, Кинглэкъ былъ чуждъ всякой философіи и особенно не любилъ вдаваться въ религіозные вопросы. Однажды во время прогулки по одному изъ лондонскихъ парковъ Новикова заговорила съ своимъ постояннымъ спутникомъ о Тиндалѣ. Знаменитый физикъ произнесъ незадолго до этого большую рѣчь въ Бельфастѣ, на засѣданіи Британской ассоціаціи для содѣйствія наукамъ, въ которой старался между прочимъ объяснить чудеса явленіемъ внушенія, только что пробиравшимся тогда въ научномъ сознаніи.

— Не забывайте, пожалуйста, — возразилъ Кинглэкъ, что я язычникъ.—Я не люблю церквей и на каждой изъ нихъ съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы такую надпись: «Важно, если только вѣрно». Я терпѣть не могу разныхъ «категорическихъ императивовъ» и признаю ихъ только со стороны женщины, которую люблю. Впрочемъ, вотъ идетъ Тиндаль, который съ величайшей охотой разрѣшитъ ваши недоумѣнія.

И съ этими словами онъ представилъ Тиндала Новиковой. Оказалось, однако, что Тиндаль самъ былъ плохо освѣдомленъ въ церковномъ движеніи, и Новиковой пришлось сосудить его важнѣйшими по этому вопросу сочиненіями Фрошгаммера «Das Recht des eigenen Ueberzeugung» и «Das Chistentum Chisti und das Christentum des Papstes».

«Все, что я слышалъ отъ васъ о бѣдномъ мюнхенскомъ профессорѣ и что я нашелъ въ его книгахъ,—писалъ онъ Новиковой черезъ нѣсколько дней,—произвело на меня такое впечатлѣніе, что я прошу васъ передать ему прилагаемый при семъ чекъ на 100 фунтовъ въ знакъ моего уваженія къ нему».

Зная независимый характеръ Фрошгаммера, Новикова отклонила Тиндала отъ этой посылки и дала ему мысль упомянуть въ теплыхъ словахъ въ одной изъ своихъ статей объ этомъ стойкомъ и благородномъ бойцѣ противъ искаженія католицизма въ угоду политическимъ соображеніямъ.

Пока О. А. хлопотала о сближеніи Россіи съ Англіей и о соединеніи старо-католиковъ съ православными, на Ближнемъ Востокѣ собирались зловѣщія тучи. Съ этой залущенной окраины Европы стали раздаваться сначала одинокіе, затѣмъ массовые крики о звѣрствахъ баши-бузукъ, отъ которыхъ содрогались лучшіе люди Стараго и Новаго Свѣта. Американецъ Макъ-Гаханъ былъ однимъ изъ первыхъ, выступившихъ противъ турецкихъ звѣрствъ въ печати. За нимъ раздался громкій голосъ Гладстона, подхваченный Фриманомъ, Стэдомъ и другими его оруженосцами. Англійскіе шовинисты, полные ненависти къ Россіи, были въ ярости, видя во всемъ русскія интриги: въ домѣ Гладстона возбужденная толпа перебила стекла, а положеніе Новиковой въ Лондонѣ сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ: ее прямо называли русскимъ шпиономъ, подкупленнымъ правительствомъ Александра II.

Не ограничиваясь безчисленнымъ множествомъ газетныхъ статей, дышавшихъ злобой противъ Россіи, партія Дизраэли-Биконсфильда задумала болѣе серьезное литературное нападеніе на ненавистныхъ ей русскихъ. Нѣкто Евгенийъ Шуйлеръ, побывавшій въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ, выпустилъ объемистую книгу о русскихъ звѣрствахъ въ Туркестанѣ, въ которой между прочимъ утверждалъ, будто по взятіи Хивы генералъ Головачевъ издалъ по войскамъ приказъ не щадить ни пола, ни возраста и убивать всѣхъ. Книга надѣлала большого шума.

«Читаю сейчасъ книгу Шуйлера,—писалъ Новиковой Гладстонъ.—Я лишенъ возможности указать въ ней невѣрныя свѣдѣнія. Но я желалъ бы знать:—объ этомъ я буду говорить въ ближайшей книжкѣ «Contemporary Review»,—насколько данныя извращены авторомъ. Если вы можете дать мнѣ возможность поправить его, буду вамъ чрезвычайно признателенъ».

Исполняя просьбу Гладстона, О. А. обратилась за нужными свѣдѣніями къ русскому военному агенту въ Лондонѣ генералу Горлову. Генералъ передалъ ей цѣлый меморандумъ. Гладстонъ воспользовался имъ для своей статьи, но посоветовалъ опубликовать его въ одной изъ газетъ цѣликомъ. Горловъ не имѣлъ ничего противъ, и Гладстонъ самъ взялся пристроить его въ «Daily News». Но тутъ явилось неожиданное препятствіе со стороны русскаго посла графа Шувалова. Авторъ долженъ былъ подписать свою статью, но Шуваловъ категорически запретилъ Горлову выступать въ газетахъ. Гладстонъ былъ страшно разсерженъ и не могъ понять образа дѣйствій русской дипломатіи. Тѣмъ не менѣе онъ вымаралъ въ корректурѣ своей статьи всякое упоминаніе о Горловѣ, а меморандумъ все-таки напечаталъ въ близкой ему «Daily News», прибавивъ къ нему такое введеніе: «хотя статья и безъ подписи автора, но мы имѣемъ основанія утверждать, что она исходитъ изъ вполне компетентнаго источника».

«Только что прочелъ путешествіе въ Хиву капитана Бернэби,— писалъ онъ вскорѣ своей русской союзницѣ.—Если бы я былъ на мѣстѣ русскаго посольства, я внимательно слѣдилъ бы за такими книгами и непременно отвѣчалъ бы на нихъ. Въ нашей странѣ всегда нужно отвѣчать».

Но русское посольство не было любопытно насчетъ книгъ и продолжало молчать, предпочитая, чтобы на его защиту выступали другіе.

Приближалась С.-Джемская конференція, и газетный походъ противъ Россіи достигъ апогея, возмущая всѣхъ безпристрастныхъ людей. «Всѣ эти газетныя завыванія противъ Россіи,— писалъ Несторъ англійскихъ философовъ, Карлейль,—внушаютъ мнѣ такое же чувство, какъ вой Бедлама. Они идутъ изъ глубины нашего невѣжества, эгоизма и жалкой національной зависти».

Но такіе люди, какъ Карлейль, были въ безнадежномъ меньшинствѣ. Толпа продолжала бѣсноваться, подстрекаемая правительствомъ «еврея». Гладстонъ ежедневно получалъ кучи анонимныхъ писемъ, грозившихъ «англійскому Нумѣ и русской Эгеріи», а журналъ «Whitehall Review» изобрѣлъ даже цѣлый русскій заговоръ во главѣ съ Шуваловымъ, Гладстономъ и Новиковой. Приѣздъ Черняева, остановливавшагося у О. А. и гр. Игнатьева, ѣздившаго въ Хэтфильдъ къ лорду Сольсбери, послѣ чего послѣдовалъ его приѣмъ королевой, только подлил масла въ огонь, и Новикова, убитая потерей брата, одного изъ первыхъ русскихъ волонтеровъ въ борьбѣ за Сербію, разсталась съ Лондономъ и на время вернулся въ родную Москву.

Подъ напоромъ неудержимаго джингоизма либеральная партія притихла, готовясь къ будущимъ выборамъ. Гладстонъ лишь изрѣдка посылалъ коротенькія письма въ Москву. Фриманъ от-

правился въ путешествіе по Греціи, откуда между прочимъ писалъ Новиковой въ іюнѣ 1877 года:

«Я имѣлъ разговоръ съ королемъ и былъ изумленъ, что онъ говоритъ о положеніи вещей гораздо свободнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Но среди грековъ я не забываю и своихъ славянъ. Греки очень ожесточены противъ Россіи и противъ Болгаріи. Они думаютъ, что Россія создала ей такія границы, которыя имъ будутъ невыгодны».

Несмотря на то, что партія Биконсфильда всячески поддерживала турокъ и въ рядахъ дѣйствующей турецкой арміи, какъ потомъ оказалось, значились два англійскихъ полковника, три майора, семь капитановъ и одинъ адмиралъ—Гобартъ-паша, командовавшій турецкимъ флотомъ, кампанія была проиграна турками; но и мы потеряли плоды своихъ побѣдъ. Когда насъ остановили у Санъ-Стефано, нашъ посолъ въ Лондонѣ графъ Шуваловъ, разговаривая съ кѣмъ-то о позиціи русской арміи, употребилъ выраженіе: «nous sommes dedans» т. е. насъ провели. Но плохо знавшія по-французски лица перевели эти слова буквально, и по Лондону быстро разнеслась вѣсть, что русскіе уже въ Константинополѣ. Поднялась цѣлая буря, улегшая лишь тогда, когда разъяснилось это лингвистическое недоразумѣніе.

Насильственная остановка русской арміи у Санъ-Стефано, уступчивость, проявленная русскимъ правительствомъ, изумили весь міръ.

«Былъ у меня въ Парижѣ, — писала Новикова, — генералъ Грантъ, бывшій президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Первый вопросъ его былъ: какъ объяснить себѣ, что русскіе не заняли Константинополя, когда онъ былъ уже у нихъ въ рукахъ?

— По общему убѣжденію, — отвѣчала я, — наше правительство, введенное въ заблужденіе извѣстіями изъ-за границы, послало приказъ главнокомандующему не итти впередъ.

— Если бы я былъ главнокомандующимъ, — смѣясь сказалъ Грантъ, — я спряталъ бы приказъ въ карманъ и прочелъ бы его въ Константинополѣ.

Въ тотъ же день мнѣ пришлось обѣдать съ Эмилемъ де-Жиранденъ. Я передала ему мой разговоръ съ Грантомъ. «Васъ удивило его замѣчаніе? — спросилъ де-Жиранденъ. — Намъ крайне не нравилась прогулка пруссаковъ по Парижу, но мы тѣмъ не менѣе понимали, что германское правительство не можетъ лишиться свое войско этого законнаго удовлетворенія».

«Бисмаркъ, — продолжаетъ О. А., — услышавъ, что русскіе не взяли Константинополя, воскликнулъ:

« — Nein, mit den Leuten ist Nichts auzufangen! (Съ такими людьми ничего нельзя предпринять!)»

За Санъ-Стефано послѣдовалъ унижительный для Россіи Берлинскій конгрессъ. Настроеніе русскихъ людей было ужасно. «Я завидую,—писала Новикова Гладстону изъ Москвы,—одной моей подругѣ, которая заболѣла тифомъ. Она или умретъ, или будетъ эти три-четыре недѣли безъ сознанія!»

Разбирая для настоящей книги ея бумаги, Стэдъ нашель среди нихъ отрывокъ воспоминаній, относящихся къ іюлю 1878 года, который мы приведемъ здѣсь въ извлеченіи.

«На петербургской станціи цѣлая толпа изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Всѣ явились проводить князя Горчакова. Я хотѣла было пройти незамѣтно, но канцлеръ увидѣлъ меня и настоялъ на томъ, чтобы я ѣхала въ его поѣздъ. Съ нимъ ѣхали только два его секретаря. Сначала я было отказалась, но затѣмъ приняла это предложеніе въ надеждѣ почерпнуть отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ ужасномъ Берлинскомъ конгрессѣ. Завязался разговоръ о карѣ, постигшей И. С. Аксакова за его рѣчь въ Славянскомъ обществѣ объ униженіи Россіи.

«— Очень радъ васъ видѣть,—началь Горчаковъ.—Вы изъ Москвы? Что тамъ дѣлается?»

«— Всѣ негодуютъ на высылку Аксакова изъ Москвы. Онъ сказалъ правду, и если онъ виноватъ, то виноваты тысячи другихъ русскихъ людей, которые думаютъ то же самое.

«— Но онъ осмѣлился пренебречь приказаніемъ государя,—возразилъ Горчаковъ съ негодованіемъ.—И онъ еще имѣлъ дерзость заявить генералъ-губернатору, князю Долгорукову, что онъ семь разъ уже получалъ высочайшіе выговоры!

«— Но вѣдь Аксаковъ только высказалъ свое глубокое убѣжденіе и патриотическія чувства. Вы приносите славянъ въ жертву!

«— Не употребляйте, пожалуйста, слово «славяне», а говорите «христіане». Это гораздо шире.

«Бесѣда естественнымъ образомъ перешла на Биконсфильда.

«— Лично я не могу жаловаться на Биконсфильда, — сказалъ Горчаковъ. — Онъ много разъ навѣщалъ меня, заходилъ даже къ сыну моему и всегда былъ чрезвычайно любезенъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что, когда ему приходится слышать какое-нибудь *bon mot*, онъ всегда увѣряетъ, что оно далеко не такъ удачно, какъ другое, которое сказалъ князь Горчаковъ.

«— Я должна предупредить васъ, князь, что еще не такъ давно лордъ Сольсбери открыто говорилъ, что вся сила Биконсфильда заключается въ привычкѣ безсовѣстно льстить каждому.

«— Ну, меня не такъ-то легко поймать на эту удочку,—сказалъ Горчаковъ.

«Я безнадежно посмотрѣла на него,—замѣчаетъ Новикова,—и подъ предлогомъ усталости вышла изъ его вагона».

А Биконсфильдъ, дѣйствительно, былъ великій мастеръ по части самой беззащитной лести. Вотъ случай, который Стэдъ передаетъ со словъ присутствовавшего при этомъ Чарльза Вильера.

Однажды королева Викторія написала воспоминанія о своемъ пребываніи въ Шотландіи и разослала по экземпляру книги всѣмъ членамъ парламента.

— По правдѣ сказать,—вспоминалъ Вильеръ,—всѣ мы чувствовали себя въ затрудненіи. Нужно было не только благодарить ея величество за книгу, но и сказать что-нибудь по этому поводу.

— Читали вы эту книгу?—спросила меня королева.

— Я только успѣлъ пробѣжать ее пока.

— Съ чѣмъ можно, по вашему мнѣнію, ее сравнить?

— Если позволите, съ сочиненіями м-ше Жанлисъ.

Но отъ насъ, очевидно, ждали мадригаловъ и воскурений. Всѣ были смущены. Только Диззи (такъ англичане звали въ разговорной рѣчи Дизраэли) не потерялся.

— Это произведеніе можно уподобить только Шекспиру или даже Евангелію,—смѣло заявилъ онъ.

Нужно имѣть большую смѣлость, чтобы приготовить такое блюдо, и особенно сильный желудокъ, чтобы его переварить,—добавилъ рассказчикъ.

Съ окончаніемъ русско-турецкой войны палъ кабинетъ Биконсфильда, и во власть вступили либералы съ Гладстономъ во главѣ. Новикова вернулась въ Лондонъ и возобновила прерванную работу по ознакомленію англійскаго общественнаго мнѣнія съ Россіей и сближенію обѣихъ странъ. Прежде всего она рѣшила переиздать сборникъ своихъ писемъ и статей, написанныхъ непосредственно послѣ окончанія турецкой кампаніи. Книжка вышла подъ заглавіемъ «Friends or Foes» (Друзья или враги?) и обратила на себя всеобщее вниманіе. Извѣстный историкъ священной Римской имперіи Джемсъ Брайсъ, бывшій въ то время англійскимъ посломъ въ Америкѣ, писалъ Стэду: «Вторая серія этихъ писемъ еще лучше, чѣмъ первая. Они полны огни и блеска».

Въ числѣ друзей и поклонниковъ Новиковой былъ и Карлейль, называвшій ее на своемъ шотландско-англійскомъ языкѣ «The Rooshian leddy». Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ писемъ О. А. писала Стэду: «Приходили ко мнѣ прощаться Карлейль и Фрудъ. Карлейль принесъ мнѣ своего «Фридриха» и своей старческой дрожащей рукой сдѣлалъ надпись на книгѣ.

«— Ваша книга, несомнѣнно, будетъ имѣть большой успѣхъ,—сказалъ онъ на прощанье.

«— Не думаю,—отвѣчала я.—Къ первому ея изданію Фрудъ написалъ предисловіе, которое и обезпечило ей успѣхъ...

«— Въ немъ совсѣмъ нѣтъ надобности,—возразилъ милый старичокъ и поцѣловалъ мнѣ руку».

«Въ Маріенбадѣ,—пишетъ она въ другомъ письмѣ,— у меня былъ интереснѣйшій разговоръ съ членомъ парламента изъ Шотландіи Кемпбелль-Баннерманомъ. Онъ очень уменъ и здраво смотритъ на вещи. Онъ въ восторгѣ отъ «Friends or Foes» и горячо рекомендовалъ книгу своей женѣ.

Завтра я буду въ Мюнхенѣ и надѣюсь увидѣть здѣсь Деллингера. Завтра или послѣзавтра по счастливой случайности прѣзжаетъ сюда Гладстонъ».

Гладстонъ дѣйствительно встрѣтился съ Деллингеромъ и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду о старо-католикахъ и современномъ политическомъ положеніи. Онъ посѣтилъ знаменитую мюнхенскую глиптотеку и, къ величайшему огорченію ея хранителя, доказалъ, что коллекція китайскаго фарфора, считавшаяся однимъ изъ сокровищъ глиптотеки, состоитъ изъ поддѣлокъ.

Изъ Германіи Новикова поѣхала въ Парижъ, куда изъ Италіи прибылъ и Гладстонъ. Узнавъ объ этомъ, старинный ея пріятель Эмиль де-Жиранденъ рѣшилъ устроить въ честь Гладстона и его супруги большой обѣдъ. Съ этою цѣлью онъ обратился къ Новиковой съ просьбой передать Гладстону приглашеніе на банкетъ и узнать отъ него, кого онъ желаетъ видѣть въ числѣ приглашенныхъ.

«Искренно увѣряю васъ,—писалъ въ отвѣтъ Гладстонъ:—что видѣть г. де-Жирандена доставляетъ намъ большое удовольствіе и намъ не приходится дѣлать выбора между гостями. Больше всего я хотѣлъ бы видѣть вашего брата и Франсуа Ленормана, хотя я не знаю, въ Парижѣ ли онъ».

Обѣдъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

«Въ числѣ присутствовавшихъ,—писала Новикова,—были между прочимъ Лессепсъ, Эдуардъ Шереръ и бывший министръ Барду. По окончаніи обѣда Барду, къ нашему удивленію, обратился къ хозяину и его англійскимъ друзьямъ и произнесъ длинную рѣчь. Это насъ нѣсколько смутило, такъ какъ мы не знали, насколько Гладстонъ владѣетъ французскимъ языкомъ. Вообразите наше изумленіе, когда Гладстонъ, поднявшись, произнесъ отвѣтную рѣчь на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, въ которой указывалъ на ту пользу для цивилизаціи, которую дастъ единеніе Франціи и Англии».

Изъ Парижа неутомимой путешественницѣ пришлось ѣхать въ Гагу на похороны голландской королевы Софіи. «Здѣшній русскій посланникъ (Столыпинъ) далъ въ честь меня большой обѣдъ. Онъ и его супруга много смѣялись надъ глупостью англичанъ, которые стараются сдѣлать изъ меня горчаковского агента».

Пока въ Парижѣ провозглашались тосты о сближеніи Франціи съ Англійей, въ Лондонѣ лордъ Сольсбери произнесъ большую и звонкую рѣчь, привѣтствуя австро-германскій союзъ. Новикова отвѣтила на эту враждебную Россіи выходку горячей статьей

«Лордъ Сольсбери—ангелъ · благовѣстникъ», получившей широкое распространеніе въ руссофильскихъ кругахъ. «Раздѣлывающая Сольсбери,—писалъ ей Кинглэкъ,—вы все время сохраняете мягкій, блестящій тонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сѣченіе его до крови, надѣваете на него дурацкій колпакъ».

Въ концѣ 1870 годовъ въ гостиной «русской лэди» появляется новая фигура—бывшаго католическаго священника Рудольфа Суффильда, сложившаго съ себя санъ послѣ провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Суффильдъ сдѣлался яримъ руссофиломъ и безповоротно примкнулъ къ Гладстону, служа по мѣрѣ силъ идеѣ англо-русскаго сближенія.

Новикова въ своихъ знакомствахъ не ограничивалась, впрочемъ, лицами, сочувствующими ея центральной идеѣ, и шла навстрѣчу людямъ совершенно противоположныхъ воззрѣній, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго изслѣдователя въ области древнѣйшаго права кембриджскаго профессора Генри Мэна.

«Я провела время въ Кембриджѣ чрезвычайно интересно,—пишетъ она въ декабрѣ 1879 года.—Лэди Мэнъ—очаровательная особа, сэръ Генри чрезвычайно уменъ и скромнъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Встрѣчать меня собралось нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ дочь Гладстона, миссъ Елена Гладстонъ, и Оскаръ Браунингъ («вполнѣ русскій человекъ», какъ онъ называлъ себя»).

Въ началѣ 1880 года зашли какъ-то къ Новиковой неразлучные друзья Карлейль и Фрудъ. Карлейль сталъ доказывать, что теперь самое удобное время издать новый сборникъ ея статей.

— А напишете вы предисловіе?—обратилась она къ Карлейлю.

Тотъ съ грустью показалъ на свои трясушіяся руки.

— Не могу. А вотъ молодой человекъ Фрудъ — онъ можетъ написать.

Фрудъ изъявилъ согласіе, и новая книга О. А. «Russia and England» явилась съ предисловіемъ Фруда, написаннымъ подъ сильнымъ вліяніемъ Карлейля. Онъ даже пытался написать отзывъ объ этой книгѣ, но пальцы уже не повиновались ему, и перо выпадало изъ его рукъ.

«Благодарю васъ за присланную книжку «Nouvelle Revue». Вы пишете по-французски такъ же превосходно, какъ и по-англійски,—писалъ Фрудъ.—Единственный иностранецъ, который владѣлъ нашимъ языкомъ, какъ вы, былъ одинъ русскій, мой близкій другъ. Онъ первый научилъ меня любить вашу страну. Онъ сошелъ съ ума и былъ отвезенъ въ Одессу. За нѣсколько часовъ до смерти къ нему вернулось сознаніе, и онъ спросилъ, гдѣ его англійскіе друзья. Грохотъ англійскихъ пушекъ, бомбардированныхъ Одессу, былъ ему отвѣтомъ. Это было въ 1854 году».

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и отъ Фруда получилось еще болѣе грустное письмо. «Карлейль умираетъ,—писалъ онъ.—Съ на-

ступленіемъ морозовъ онъ слегъ и не могъ уже собраться съ силами. Теперь онъ лежитъ въ постели, безъ движенія, едва говорить, не принимаетъ пищи и спокойно ждетъ конца. Нѣсколько разъ онъ впадалъ въ безпамятство. Начнется, конечно, агитація о его погребеніи въ Вестминстеръ, но его распоряженія на этотъ счетъ совершенно опредѣленны. Онъ желаетъ быть погребеннымъ вмѣстѣ съ родителями въ Киркъ-ярдъ».

Карлейль скончался въ концѣ января 1881 года.

«Я такъ измученъ хлопотами, выпавшими на мою долю съ похоронами Карлейля,—писалъ черезъ двѣ недѣли Фрудъ:—что у меня не было времени написать вамъ письмо. Онъ ушелъ отъ насъ, этотъ величайшій изъ людей, которыхъ намъ суждено встрѣтить въ жизни. Я присутствовалъ при томъ, какъ его опускали въ землю въ его родной деревнѣ Киркъ-ярдъ. Тиндаль, Лекки и я стояли у могилы все время, пока ее засыпали землей».

«Не могу сказать вамъ, какъ меня разстроила смерть Карлейля и Достоевскаго,—отвѣчала ему Новикова изъ Москвы.—Я отлично помню, какъ прошлой осенью Карлейль неоднократно говорилъ о томъ, что онъ самъ желаетъ смерти. Но я неисправимая эгоистка, и для меня страшно тяжела мысль, что я уже не увижу этого дорогого лица. Въ всякомъ случаѣ, Карлейль дожилъ до конца, его работа сдѣлана, но Достоевскій!»

И далѣе она сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о Достоевскомъ, выясняя характеръ его мировоззрѣнія и сочиненій. Ей, повидимому, удалось вызвать въ Англіи нѣкоторый интересъ къ нашему писателю. По крайней мѣрѣ, заваленный государственными дѣлами, Гладстонъ писалъ ей нѣсколько позднѣе: «Прочелъ дневникъ Маріи Балкирцевой, теперь читаю «Преступленіе и наказаніе» (во французскомъ переводѣ). Какъ видите, мои глаза постоянно устремлены на Россію».

Судьба готовила русскимъ людямъ новый ударъ — злодѣяніе 1 марта.

«Это страшный ударъ,—писала изъ Москвы Новикова Стэду.— Я не могу ни думать, ни писать и только чувствую страшную скорбь. Единственное для меня утѣшеніе въ томъ, что я служила его дѣлу и не принадлежу къ числу тѣхъ, которые могутъ забыть его заслуги. Мой сынъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ числѣ депутатовъ-студентовъ для возложенія вѣнка на гробъ государя. Онъ только что вернулся, потрясенный и настроенный монархически. Возмущеніе по всей странѣ страшное. Дома, имѣющіе какое-нибудь отношеніе къ виновникамъ, охраняются полиціей: толпы народа пытаются сжечь ихъ или разрушить. Правительство и Лорисъ-Меликовъ были слишкомъ слабы. Преступники были уже осуждены, но получили помилованіе. 5 марта государь намѣревался возвѣстить о широкой представительной ре-

формѣ. Аксаковъ и Катковъ настаиваютъ на сохраненіи абсолютной монархіи, которая одна можетъ существовать въ Россіи. Спаси насъ, Боже, отъ конституціи!»

Проходитъ годъ—и новая потеря для Россіи: неожиданно умираетъ Скобелевъ. Новикова почтила память популярнаго генерала обстоятельной книгой на англійскомъ языкѣ: «Скобелевъ и славянское дѣло». Ей не трудно было дать біографическія свѣдѣнія объ этомъ полугендарномъ воителѣ: она хорошо знала его родителей. По приглашенію матери Скобелева, супруги Новиковы должны были отправиться въ путешествіе по Болгаріи, гдѣ ея сынъ командовалъ арміей. Но неожиданная болѣзнь Новикова заставила его и жену его отказаться отъ этой мысли. Скобелева рѣшила ѣхать одна въ сопровожденіи офицера-черногорца, котораго ей выбралъ въ проводники ея сынъ. Выборъ оказался роковымъ. Неизвѣстно по какимъ причинамъ черногорецъ зарѣзалъ Скобелеву и тутъ же покончилъ съ собою.

Книга о Скобелевѣ встрѣтила пылкій пріемъ, особенно во французскихъ политическихъ кругахъ, гдѣ еще живо было впечатлѣніе отъ знаменитыхъ скобелевскихъ рѣчей въ Парижѣ.

Но карьера политическаго дѣятеля вовсе не устлана розами, и судьба готовила Новиковой новое и самое тяжелое испытаніе. Поднимался пресловутый афганскій вопросъ, едва не приведшій Россію къ войнѣ съ Англіей.

Напомнимъ, какъ создалось въ Афганистанѣ такое опасное положеніе.

Въ 1885 г. правительства обѣихъ странъ рѣшили разграничить сферы вліянія въ Центральной Азій, создавъ изъ Афганистана особое «государствобуферъ». Съ той и другой стороны были выбраны спеціальныя пограничныя комиссіи, которыя должны были начать свои дѣйствія въ октябрѣ. Но русскій комиссаръ Зеленой заболѣлъ и не могъ прибыть на афганскую границу раньше февраля слѣдующаго года. Воспользовавшись бездѣйствіемъ русскихъ, англичане стали подстрекать афганцевъ занять Пенджабъ. Особенно усердствовали въ этомъ смыслѣ двое молодыхъ офицеровъ взятыхъ съ собою англійскихъ комиссаромъ сэромъ Питеромъ Лемсденомъ. Афганцы приняли неосторожные совѣты и были на голову разбиты при Кушкѣ войсками генерала Комарова.

Побѣда русскихъ вызвала въ Англіи переполохъ и возмущеніе. Всѣ категорически требовали войны. Правительство, во главѣ котораго стоялъ тогда Гладстонъ, энергично занялось приготовленіями къ войнѣ, которая казалась неизбежной. Единственнымъ министромъ, протестовавшимъ противъ вооруженнаго столкновенія съ Россіей, былъ Чемберленъ. Но его не слушали. Парламентъ вотировалъ кредитъ въ 11 милліоновъ фунтовъ на военныя надобности, адмиралтейство получило приказъ привести флотъ въ боевое состояніе.

Единственной газетой въ Англии, старавшейся успокоить разгоряченныя страсти и проповѣдывавшей возможность уладить англо-русское столкновение, была «Pall-Mall Gazette», издававшаяся Стэдомъ. Но голосъ этого публициста-руссофила терялся среди общаго гвалта.

— Все это бесполезно, любезный Стэдъ,—сказалъ какъ-то старинный недоброжелатель Россіи Гобартъ-паша. — Вы одни, — продолжалъ онъ, разсаживаясь въ креслѣ въ редакціонномъ кабинетѣ Стэда.— Нѣтъ газеты, нѣтъ политическаго дѣятеля, который не былъ бы противъ васъ. На этотъ разъ вы разбиты. Черезъ нѣсколько дней я уже отправляюсь въ Константинополь, чтобы уладить вопросъ о проходахъ черезъ Дарданеллы нашего флота. Вы бились изо всѣхъ силъ, но, что дѣлать, игра ваша проиграна.

Съ такимъ же возмущеніемъ и злорадствомъ встрѣчали всякую попытку мирнаго соглашения и на другомъ концѣ двухъ столкнувшихся міровъ. Патріотическіе кружки Москвы были настроены весьма враждебно къ англичанамъ. Видя неизбѣжное крушеніе своей политической мечты, Новикова напечатала въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» цѣлый рядъ статей, горячо призывавшихъ къ миролюбивому разрѣшенію обострившагося вопроса. Статьи эти, по обыкновенію автора, были подписаны ея дѣвичьими инициалами О. К.

— Читали ли вы у Каткова сегодняшнюю статью?—спросила ее однажды одна изъ московскихъ ея знакомыхъ.—Онъ печатаетъ вещи, которыя только и могутъ быть внушены англійскимъ агентомъ. Кто такой этотъ О. К.? C'est revoltant!—закончила она, не подозрѣвая, что видитъ передъ собою автора возмущившей ее статьи.

Въ это тревожное время особенно выдвинулся въ Лондонѣ нашъ молодой дипломатъ Лессаръ, бывший впослѣдствіи нашимъ посломъ въ Китаѣ и не такъ давно умершій въ Пекинѣ. Лессаръ по профессіи былъ инженеръ. Онъ проѣхалъ верхомъ всю пограничную съ Афганистаномъ полосу и потому, когда зашла рѣчь о разграничительной комиссіи, его послали въ Лондонъ для установленія принциповъ, по которымъ должны были дѣйствовать обѣ комиссіи—англійская и русская. Лессаръ плохо говорилъ по-англійски, но прекрасно зналъ дѣло, а его незаурядный умъ, спокойный, сосредоточенный характеръ и никогда не измѣнявшее ему хладнокровіе дѣлали изъ него первокласснаго дипломата. У Лессара были вполне опредѣленныя представленія о политическихъ отношеніяхъ, господствовавшихъ въ то время въ Европѣ, а относительно Россіи и Англии онъ выработалъ даже особую теорію, правильность которой едва ли можно отрицать.

«Меня всегда поражаетъ глупость англофобии и руссофобии,—говаривалъ онъ англичанамъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что время отъ вре-

мени Россіи и Англіи придется драться между собою. Всѣ народы дерутся между собою, но нелѣпо вступать въ драку преждевременно. Если исторія учитъ чему-нибудь, то только тому, что войны возникаютъ между ближайшими соперниками. Естественно стараешься дать пинка человѣку, который наступаетъ тебѣ на ногу, а не тому, который отъ тебя за версту. Въ настоящее время Россія въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ отстала отъ Англіи лѣтъ на сто и только черезъ сто лѣтъ она можетъ быть вамъ опасна. Теперь же англо-русская война—нелѣпость. Соединенные Штаты и Германія—вотъ съ кѣмъ вамъ придется бороться прежде всего».

Твердость русской дипломатіи и пожалованіе генералу Комарову золотой сабли сдѣлали свое дѣло. Въ Лондонѣ поняли, что воевать въ сущности не изъ-за чего.

— Я пришелъ проститься съ вами, Стэдъ,—началь опять Гобартъ-паша.—Вы ловко повернули дѣло, чего я никакъ не ожидалъ. Я разбитъ. Поздравляю васъ. Но я все-таки ѣду прямо въ Константинополь посоветовать туркамъ, чтобы они бросились въ объятія русскихъ. Англичане ужъ имъ теперь помогать не будутъ.

Стэдъ называлъ свою газету русскимъ форпостомъ и въ качествѣ защитника этого форпоста нуждался, какъ онъ выражается, въ боевыхъ патронахъ, т. е. въ свѣдѣніяхъ изъ первыхъ рукъ. Чтобы сдѣлать его вполне освѣдомленнымъ, Новикова постепенно начала хлопотать о приѣмѣ англійскаго журналиста въ Гатчинѣ. Съ 1885 года приказано было выписывать для дворца «Pall-Mall Gazette», а черезъ три года Стэдъ былъ вызванъ въ Петербургъ для высочайшей аудіенціи. Когда цѣль его приѣзда стала извѣстна, явилось серьезное препятствіе въ лицѣ англійскаго посла въ Петербургѣ, сэра Моріера. Онъ прислалъ Сольсбери телеграмму, въ которой просилъ воспрепятствовать поѣздкѣ Стэда.

«Я отправился къ Бальфуру,—пишетъ Стэдъ.

«— Я попрошу вашего дядю призвать нашего посланника въ Петербургѣ къ порядку. Къ чему онъ вмѣшивается? Почему онъ не желаетъ предоставить все это дѣло госпожѣ Новиковой?»

«Бальфуръ,—продолжаетъ Стэдъ,—отнесся къ моей просьбѣ сочувственно. Что произошло между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и петербургскимъ посломъ, я не знаю, но черезъ два дня я получилъ извѣщеніе, что всѣ препятствія устранены. Прежде, чѣмъ ѣхать, я повидался съ Гладстономъ и нѣкоторыми другими государственными людьми. Во Франціи я видѣлъ Буланже, Клемансо, Флоке, Гоблэ. Въ Лютихѣ я провелъ день у Лавеле. Въ Берлинѣ Бисмаркъ отказался принять меня, несмотря на рекомендательное письмо, сославшись на то, что я «опасный человѣкъ». Въ передней апартаментовъ, гдѣ лежалъ умирающій императоръ

Фридрихъ, я засталъ сэра Морелля Меккензи, а въ русскомъ посольствѣ Муравьева, который черезъ десять лѣтъ былъ назначенъ министромъ. Въ Петербургъ я прибылъ какъ разъ наканунѣ Пасхи и остановился въ Европейской гостиницѣ».

Почти мѣсяцъ пришлось Стэду ждать благопріятнаго момента. Всѣ были увѣрены, что его не примутъ, и совѣтовали не тратить даромъ и время, и деньги и возвращаться восвояси. И тѣмъ не менѣе аудіенція состоялась. Стэдъ получилъ самыя обстоятельныя и опредѣленные отвѣты на всѣ вопросы, которые онъ ставилъ.

«Вернувшись въ Петербургъ,—разсказываетъ Стэдъ,—я прежде всего повидался съ м-ше Новиковой, которая была въ восторгѣ отъ такого небывалаго еще триумфа. Затѣмъ я поспѣшилъ въ англійское посольство. Сэръ Моріеръ сгоралъ отъ нетерпѣнія, желая узнать о всемъ происшедшемъ. Онъ сердился при каждой запинкѣ, предупреждалъ мои вопросы и просто пожиралъ мои отвѣты.

«Когда я окончилъ свой разсказъ, Моріеръ замѣтилъ:

«— Вы обсудили все, но забыли египетскій вопросъ.

«— Это потому, что наше положеніе въ Египтѣ считается совершившимся фактомъ.

«Черезъ нѣсколько дней сэръ Моріеръ прислалъ за мной. Онъ сказалъ мнѣ, что уже отправилъ подробный отчетъ о моей аудіенціи въ министерство иностранныхъ дѣлъ, но что онъ желалъ бы прочесть мнѣ частное письмо, которое онъ написалъ королевѣ. Въ важныхъ случаяхъ онъ всегда дѣлалъ это. Его описаніе было очень точно и подробно. Въ предисловіи къ нему онъ замѣтилъ, что со времени бесѣды Николая I и лорда Сеймура никто изъ русскихъ императоровъ не говорилъ съ такою откровенностью и полнотой».

Вернувшись въ Лондонъ, Стэдъ написалъ книгу «Truth about Russia» (Правда о Россіи). Любопытно, что этотъ трудъ вызвалъ полное одобреніе Фруда и навлекъ на автора негодованіе Новиковой. Послѣдней было непріятно, что Стэдъ рѣшительно осуждалъ церковную политику Побѣдоносцева.

Пробѣжавъ книгу, Лессаръ прямо заявилъ автору, что она никогда не будетъ допущена въ Россіи и что необходимо выкинуть изъ нея страницъ восемьдесятъ, касающихся религіозныхъ преслѣдованій.

Такъ дѣйствительно и случилось: цензура запретила книгу. Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: цензурное запрещеніе было снято по приказу свыше, и книга получила свободное обращеніе въ Россіи.

Пребываніе Стэда въ Петербургѣ имѣло, между прочимъ, послѣдствіемъ сближеніе Новиковой съ представителемъ Англій при нашемъ дворѣ сэромъ Моріеромъ. Его хорошій знакомый Кинг-

лэкъ уже давно совѣтоваль ему познакомиться съ нею, но Моріеръ только отговаривался: не стоитъ!

— Любезный другъ,—возражалъ ему Кинглэкъ.—Вы только напрасно теряете время. Вамъ нужно будетъ съѣздить къ ней.

Аудіенція, данная Стѣду въ Гатчинѣ, показала Моріеру, что его другъ правъ. Онъ старается сблизиться съ нашей политической писательницей, а вскорѣ находится и дѣло, къ которому они оба относятся съ горячимъ интересомъ.

Въ 1874 году, крейсируя въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, капитанъ Виггинсъ открылъ морской путь въ Сибирь. Въ слѣдующемъ году, слѣдуя по проложенной имъ дорогѣ, профессоръ Норденшильдъ дошелъ уже до устьевъ Енисея. Въ 1878 г. Виггинсъ, этотъ настоящій морской волкъ, совершилъ переходъ изъ Англии до устьевъ Оби въ два мѣсяца. По слѣдамъ Виггинса тронулась цѣлая компанія, рассчитывавшая завязать торговля сношенія съ Сѣверной Сибирью, но потерпѣла полное фіаско. Въ 1887 г. Виггинсъ въ третій разъ совершилъ свое рискованное путешествіе и добрался до Енисейска, гдѣ бросилъ якорь. Въ это-то время Моріеръ и обратился къ Новиковой съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ открытіи для англійской торговли сѣвернаго пути, проложеннаго Виггинсомъ. Министерство финансовъ пошло навстрѣчу этому дѣлу, и Вышнеградскій черезъ Стѣда передалъ англійскому послу, что англійскимъ судамъ въ теченіе года будетъ предоставлено право свободнаго плаванія по Енисею.

Тогда Виггинсъ предпринялъ новую экспедицію, въ которую отправился и единственный сынъ Моріера. На этотъ разъ экспедиція не удалась, грузовъ въ Енисейскѣ не оказалось, а молодой Моріеръ, увлекшись охотой на бѣлыхъ медвѣдей, сошелъ съ борта въ Карскомъ морѣ и, къ ужасу своего отца, скрылся съ самоѣдами. Впослѣдствіи онъ добрался благополучно до Петербурга.

Въ 1890 году произошло событіе, которымъ недруги Россіи воспользовались для того, чтобы возстановить противъ насъ общественное мнѣніе Англии: въ южныхъ губерніяхъ произошелъ рядъ обычныхъ еврейскихъ погромовъ. Лондонскіе евреи, организовавъ въ прессѣ цѣлый походъ на Россію, въ обществѣ спрятались за спину высшаго англійскаго духовенства и нѣкоторыхъ членовъ парламента. Лондонскій лордъ-мэръ собралъ въ Гильдголлѣ (зданіи биржи) огромный митингъ, протестовавшій противъ мнимаго преслѣдованія невинныхъ жертвъ религіознаго фанатизма. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ даже особый меморандумъ, который и былъ посланъ въ Петербургъ, но вернулся оттуда непрочитаннымъ.

Новикова, конечно, не могла оставить безъ возраженій сыпавшіяся на ея родину нападки и выпустила цѣлый рядъ писемъ по еврейскому вопросу. Письма эти собраны были впослѣдствіи

въ одинъ сборникъ «The philo-jewish Meeting at the Guildhall» и вызвали противъ автора потоки брани.

Справедливость требуетъ сказать, что, несмотря на рѣзкій odporъ, данный Новиковой евреямъ, лучшіе изъ представителей этого народа не постѣснялись заявить ей о своемъ уваженіи. Такъ небезызвѣстный писатель Максъ Нордау, окончившій въ это время свою комедію «Право на любовь», просилъ у нея позволенія посвятить ей свой трудъ. Съ другой стороны, далеко не всѣ англичане пошли на удочку еврейской агитаціи и не было недостатка въ трезвыхъ умахъ, здраво смотрѣвшихъ на положеніе евреевъ въ Россіи.

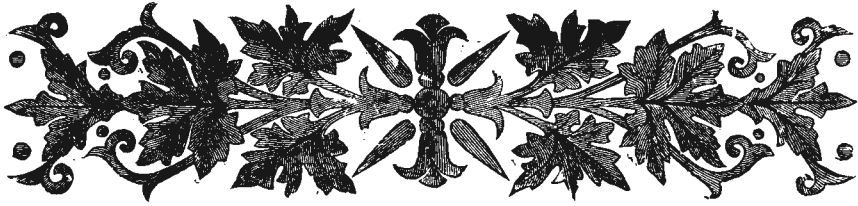
«Положеніе евреевъ въ Россіи (точно такъ же, какъ въ Сербіи, Румыніи и т. д.) весьма напоминаетъ положеніе китайцевъ въ Америкѣ. Разница только въ томъ, что китайцы не господствуютъ надъ половиною міра, какъ евреи. Поэтому, когда озвѣрѣвшій русскій разбиваетъ голову еврею, онъ дѣлается для всего міра страшнымъ религіознымъ притѣснителемъ, а когда дикій калифорніецъ хватитъ китайца по головѣ, то это ничего, вѣдь китаецъ вѣруетъ въ Будду. Я утверждаю, что каждая нація имѣетъ полное право издавать законы противъ иностранцевъ, будь то еврей, китайцы или кто-нибудь другой»,— вотъ что писалъ однажды Новиковой вліятельнѣйшій членъ либеральной партіи, авторитетный у насъ историкъ Фриманъ.

Полемика съ еврейскими и еврействующими публицистами была, кажется, послѣднимъ крупнымъ литературнымъ выступленіемъ Новиковой за прошлое царствованіе. Съ тѣхъ поръ сошли въ могилу Гладстонъ, Фриманъ, порѣдѣлъ кружокъ ея лондонскихъ поклонниковъ, постарѣла и она сама, но и теперь по мѣрѣ силъ продолжаетъ она свое жизненное дѣло — разрушать англійскіе предрасудки противъ Россіи и сблизать обѣ по недоразумѣнію враждовавшія стороны. Недавнее свиданіе монарховъ въ Ревелѣ показало, что сѣмя пало не на бесплодную почву, что уже показались ростки. Кто знаетъ, не осуществится ли къ общему благу полностью мечта всей жизни нашей писательницы-публицистки?

А. Бѣловъ.

ГОГОЛЕВСКІЕ ДНИ.

ВТОРАЯ половина минувшаго года и первая текущаго богаты литературными поминками и праздниками. Двадцатипятилѣтіе со дня кончины И. С. Тургенева, восьмидесятилѣтіе жизни Л. Н. Толстого, 50-лѣтіе литературно-общественной дѣятельности А. С. Суворина, Тургеневская выставка въ академіи наукъ, Толстовская выставка въ роскошномъ помѣщеніи театральнаго клуба и, наконецъ, столѣтіе со дня рожденія великаго автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» и предстоящее открытіе ему памятника въ Москвѣ — вотъ тѣ моменты изъ литературной жизни нашего времени, которые приковывали къ себѣ вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ и напоминали современникамъ о тѣхъ, кто такъ или иначе поработалъ на славу Россіи, для ея міроваго величія и на пользу развитія народнаго самосознанія. Изъ всѣхъ перечисленныхъ моментовъ нашей общественной жизни по яркости торжества на первое мѣсто выдвигаются, конечно, Гоголевскіе дни, которые нашли себѣ откликъ во всѣхъ углахъ нашего отечества и изъ дали минувшихъ дней выдвинули съ особенною силою образъ великаго писателя съ его загадочнымъ смѣхомъ «сквозь незримыя міру слезы». Особенною пышностью отличались поминанія Николая Васильевича въ обѣихъ нашихъ столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ.

Въ Москвѣ¹⁾ «Гоголевскіе дни» начались собственно еще 21 февраля, въ день кончины великаго писателя († 1852 г.). Въ этотъ

¹⁾ Описаніе Гоголевскихъ торжествъ въ Москвѣ сдѣлано для редакціи однимъ изъ ея мѣстныхъ сотрудниковъ.

день была отслужена въ Даниловомъ монастырѣ заупокойная литургія, которую служилъ управляющій монастыремъ епископъ серпуховскій Анастасій. Стройно пѣли пѣвчіе, часто упоминалось священное для всѣхъ мыслящихъ имя боярина Николая; передъ панихидой епископъ сказалъ живое, умное, прочувствованное слово о Гоголѣ, какъ христіанинѣ, но кто былъ въ церкви? нищѣ да причастники, много-много два десятка слушателей — и ни одного изъ тѣхъ, кто трудятся на нивахъ литературы, науки и искусствъ. Всѣ такъ заняты! всѣмъ такъ некогда!.. Послѣ панихиды владыка Анастасій съ духовенствомъ и въ сопровожденіи немногочисленныхъ богомольцевъ отправился къ могилѣ Гоголя и отслужилъ тамъ литію.

Могила безсмертнаго писателя, которая такъ долго обрѣталась въ заустѣннѣи, наконецъ, приведена въ порядокъ. Скольکو писалось по поводу ея заброшенности, и только въ виду столѣтняго юбилея и открытія памятника Гоголю московское городское самоуправленіе вняло голосамъ и согрѣло вѣчный пріютъ творца «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» вниманіемъ. Гоголь погребенъ возлѣ настоятельскихъ покоевъ; близъ его могилы находятся могилы его друзей-единомышленниковъ: А. С. Хомякова, Языковыхъ. Высятся бѣломраморная колонна-памятникъ Ю. И. Венелину. Намогильный памятникъ Гоголю былъ поставленъ года черезъ три послѣ его кончины. Надгробная плита изъ чернаго мрамора, вѣсомъ отъ 300—до 400 пудовъ, теперь покоится на сводчатомъ фундаментѣ, который образуетъ подобіе склепа, гдѣ скрытъ гробъ. Гробъ дубовый и сохранился въ цѣлости до сей поры. Мраморная плита положена на каменной площадкѣ съ темнымъ каменнымъ же цоколемъ по краямъ. Отъ цоколя поднимается изящная литая чугунная рѣшетка, исполненная по рисунку Н. А. Андреева, по проекту котораго исполняется памятникъ на Арбатской площади. Въ узорѣ рѣшетки—лиры, какъ эмблема литературнаго творчества, и медальонный портретъ Гоголя. Наверху мраморной плиты написано:

«Здѣсь

погребено тѣло

Николая Васильевича

Гоголя.

Родился 19 марта 1809 г.

Скончался 21 февраля 1852 г.»

«Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Іереміи, гл. 20, ст. 8».

По бокамъ: «Мужъ разумивый престоль чувствія. Притч., гл. 12, ст. 23». — «Правда возвышаетъ языкъ. Притч., гл. 14, ст. 34». — «Истиннымъ же уста исполнить смѣха устнѣ же ихъ исповѣданія. Іова, гл. 8, ст. 21».

Находящійся въ головахъ громаднѣй булыжный камень вѣнчается ярко-сіяющимъ, вновь вызолоченнымъ крестомъ; надпись на крестѣ: «Ей, гряди Господи, Исусе. Апок., гл. 22, ст. 20».

Итакъ, на могилѣ день рожденія Н. В. Гоголя обозначенъ «19-мъ» марта, Москва же, а за нею и бѣльшая часть русскихъ городовъ склонились къ двадцатому числу того же мѣсяца, основываясь на метрической записи. Нечего говорить, что это источникъ отнюдь не вѣскій и не разрѣшающій вопроса, коль скоро возникло сомнѣніе относительно 19 марта, какъ дня рожденія Н. В. Гоголя. Собственно говоря, метрическая запись Преображенской церкви села Б. Сорочинецъ преподносилась не разъ читателямъ журналовъ за послѣднія четверть вѣка; про метрическое 20-е число знали и біографы, и близкіе знакомые, и родственники Гоголя, но тѣмъ не менѣе они и продолжали и продолжаютъ считать днемъ рожденія Николая Васильевича 19-е марта¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, племянникъ Н. В. Гоголя, В. Я. Головня, категорически утверждаетъ, что его дядя родился именно въ день 19 марта. «Дѣло въ томъ, что недавно умершая родная сестра писателя, Ольга Васильевна Головня, также родилась 19 марта. И вотъ въ день рожденія Ольги Васильевны, т. е. 19 марта, въ тѣсномъ семейномъ кругу всегда вспоминали и Николая Васильевича Гоголя, и въ сельскую церковь изъ года въ годъ посылались на поминъ его души «колява», т. е. рисовая каша, украшенная ягодами и вареньемъ. Обычай этотъ былъ установленъ... матерью писателя, Маріей Ивановной Гоголь?»²⁾ Допустимо ли, чтобы мать не знала точно дня рожденія своего любимаго сына? И какъ это не похоже вообще на наши старосвѣтскія помѣщичьи семьи, гдѣ что другое, а ужъ дни рожденій, ангела, похоронъ и т. п. этакъ колѣна до пятаго знали и помнили куда какъ хорошо. Въ защиту 19-го марта выступилъ и извѣстный московскій общественный дѣятель И. А. Лебедевъ, который, между прочимъ, заявляетъ, что за 19-е марта стоялъ О. М. Бодянский³⁾. Въ рѣдкой «Памятной книжкѣ Полтавской губерніи за 1865 годъ», которая составлена была Павломъ Бодянскимъ и имѣется у меня подъ рукою, — Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій отмѣченъ родившимся тоже 19 марта. Этотъ день и самъ онъ праздновалъ и принималъ поздравленія отъ друзей и знакомыхъ. В. Е. Якушкинъ также не можетъ положиться безусловно на метрическую выписку, все равно какъ и общество любителей руссійской словесности въ лицѣ временнаго предсѣдателя А. Е. Грузинскаго и секретаря В. В. Калаша прямо говоритъ, что

¹⁾ По «Большой Энциклопедіи», изд. «Просвѣщеніемъ», 1902, т. 7, Гоголь родился даже 12 марта 1809 г.

²⁾ «Голосъ Москвы», № 30, 1909 г.

³⁾ «Московскія Вѣдомости».

«сомнѣнія и споры не устранены и до сихъ поръ»¹⁾). А ежели такъ, зачѣмъ было измѣнять старой датѣ ради подозрительной новой?

Какъ бы то ни было, 20-го марта Москва торжественно, но безъ энтузіазма и особеннаго увлеченія отпраздновала столѣтіе со дня рожденія Н. В. Гоголя. Солнечный, теплый день способствовалъ празднеству, начавшемуся въ Даниловомъ монастырѣ. Входъ былъ по билетамъ. Ожидался чрезмѣрный наплывъ публики, но ожиданіе не оправдалось; конечно, москвичей собралась не одна тысяча, однако далеко было до того, что называется «моремъ человѣческихъ головъ» на языкѣ газетныхъ репортеровъ. Съ 9 часовъ утра къ стѣнамъ окраиннаго монастыря торопится молодежь, экипажи и автомобили вперегонку подвозятъ депутатовъ съ вѣнками. Электрическій трамвай передаетъ пережитку-«конкѣ» пассажировъ, медленно спѣшащихъ на рѣдкое торжество. У монастырскихъ святыхъ воротъ толпа. Это тѣ, кто очень хочетъ, а не можетъ попасть на монастырскій дворъ. Близокъ локоть, да не укусишь. Контроль въ образѣ полицейскаго и извѣстнаго театрала А. А. Бахрушина процѣживаетъ, такъ сказать, толпу, пропуская однихъ за ограду и огорчая «оглашенныхъ». Въ Троицкомъ соборѣ начинается обѣдня въ 10 часовъ. Служитъ епископъ Анастасій, но панихиду совершаетъ уже митрополитъ московскій и коломенскій Владимиръ въ сослуженіи со всѣми викаріями: Трифономъ, епископомъ дмитровскимъ, Евдокимомъ волоколамскимъ, Василиемъ Можайскимъ и Анастасіемъ серпуховскимъ, съ архимандритами, съ протоіереями. Торжественность богослуженія гармонировала внѣшне съ блескомъ мундировъ администраціи. Прекрасно пѣлъ солнцевскій хоръ. Но молитвенное настроеніе отплывало, величавый образъ любимаго писателя возставалъ въ душѣ, теплился въ сердцѣ и росъ, росъ, охватывая всю эту историческую обитель, ласкаемую солнцемъ весны...

Торжественная панихида кончилась. Сказано подъ храмовыми сводами назидательное слово. Какъ-то по-своему радостно заговорили монастырскіе колокола. «Идутъ!» Духовенство изъ собора шествуетъ къ тѣсному и угрюмому пріюту давно замолкшаго поэта. Все и всѣ вострепнулись, и тѣ многочисленные вѣнки, которые вѣдь неподвижно лежали тамъ невдалекѣ, вдругъ словно ожили и, колеблясь въ воздухѣ, движутся, чтобы возлечь на могильной плитѣ.

Надъ могилами разливаются звуки литіи. Вѣчную память возглашаетъ протодьяконъ-землякъ Гоголю, а онъ... «слышитъ ли онъ?» Духовенство отошло, уступивъ мѣсто выразителямъ свѣтской мысли и «новѣйшей» Россіи, которая, однако, упирается въ область мертвыхъ душъ и тѣхъ, кто торговалъ ими или ихъ покупалъ.

¹⁾ «Русскія Вѣдомости», № 20. 1909.

На возвышеніе всходитъ городской голова Н. И. Гучковъ и говоритъ: «Мощенъ тотъ, кто объединяетъ около себя людей. Безконечно великъ тотъ, кто объединяетъ около своего имени, около своей памяти людей безъ различія ихъ взглядовъ и направленій. Сегодня, въ день столѣтія рожденія Гоголя, объединились около его могилы всѣ мы въ единомыслномъ порывѣ, въ единомыслномъ неудержимомъ стремленіи къ тѣмъ великимъ идеаламъ, которые лежатъ въ основѣ ученія великаго учителя, къ идеаламъ всеобщей взаимной любви и правды. На долю Москвы, сердца Россіи, выпало счастье быть охранительницей останковъ великаго Гоголя и воздвигнутаго надъ ними памятника. Отъ имени Москвы земно кланяюсь тебѣ, великій учитель, да будетъ Москвы не только охранительницей твоей могилы, но и охранительницей святыхъ твоихъ завѣтовъ». Городской голова возложилъ на могилу лавровый вѣнокъ съ пальмовыми вѣтвями: «Безсмертному Гоголю городъ Москва», и другой, по просьбѣ крестника Н. В. Гоголя, предсѣдателя 3-ей государственной думы Н. А. Хомякова. Затѣмъ московскій университетъ въ лицѣ ректора, профессора А. А. Мануйлова, профессоровъ М. А. Мензбира, Д. Н. Зернова, П. А. Минакова и М. Н. Сперанскаго возлагаетъ вѣнокъ «Своему почетному члену, великому Гоголю», причемъ г. Сперанскій отмѣчаетъ, что Гоголь искалъ человѣка, учитъ насъ, какъ надо его искать и понимать; каковъ долженъ быть человѣкъ, чтобы онъ могъ оправдать свое высокое назначеніе, могъ познать самого себя и опредѣлить смыслъ своей жизни. Жажда познать душу человѣка и жажда, ненасытимая бездѣйственной разсѣянностью свѣта, составляли, по мнѣнію оратора, основу всей литературной и общественной дѣятельности Гоголя. Но мучительный процессъ исканія сломилъ его: писатель, по словамъ С. Т. Аксакова, не вынесъ всей тяжести этой задачи и преждевременно палъ подъ нею. Но этотъ печальный конецъ борьбы за идею не лишаетъ великаго значенія его жизненный подвигъ; то, что сдѣлано Гоголемъ, даетъ ему право стать въ одинъ рядъ съ великими искателями правды на землѣ въ міровой литературѣ.

Заняло бы слишкомъ много мѣста, если бы привести даже не цѣлыя рѣчи, а только выдержки изъ рѣчей смѣнявшихся ораторовъ; достаточно сказать, что вѣнковъ на могилу было возложено до сорока, а именно, кромѣ названныхъ:

«Великому сочлену Н. В. Гоголю—общество любителей россійской словесности». «Великому русскому писателю Н. В. Гоголю—среднія учебныя заведенія московскаго учебнаго округа». «Гоголю—московское губернское земство». «Н. В. Гоголю—петербургское городское общественное управленіе». «Безсмертному Гоголю, великому пророку родной земли,—«Юная Россія». «Н. В. Гоголю—отъ удѣловъ». «Памяти великаго писателя—московскій художе-

ственный театръ». «Великому Гоголю — императорскій Малый театръ». «Памяти Н. В. Гоголя—отъ дирекціи московскаго отдѣла императорскаго русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи». «Безсмертному Гоголю—императорское русское театральное общество». «Великому Гоголю—общество русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ». «Гоголю—московскіе высшіе женскіе курсы». «Великому русскому писателю—коммерческій институтъ». «Гоголю—московское общество народныхъ университетовъ». «Пророку-обличителю—слушательницы московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ». «Великому земляку Н. В. Гоголю—отъ украинскаго землячества при московскомъ университетѣ». «Н. В. Гоголю—московское общество грамотности». «Н. В. Гоголю—товарищество И. Д. Сытина». «Къ добру своею мощною душой сквозь смѣхъ и слезы всѣхъ онъ насъ призывалъ—московское столичное попечительство о народной трезвости». «Источнику дѣтской радости и учителю добра—московскій совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ». «Памяти Гоголя—«Русское Слово». «Великому писателю—«Русскія Вѣдомости». «Н. В. Гоголю—«Вѣстникъ Воспитанія». «Гоголю грядущему—«Вѣсы» и «Скорпионъ». «Великому «реvizору» земли русской—«Раннее Утро». «Отъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей». «Н. В. Гоголю—общество дѣятелей періодической печати и литературы». «Великому Гоголю—московскій литературно-художественный кружокъ». «Безсмертному Гоголю—московское педагогическое собраніе». «Гоголю—общество содѣйствія внѣшкольному образованію». «Великому художнику—московское архитектурное общество». «Къ стопамъ Гоголя—союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей». «Н. В. Гоголю, великому художнику и просвѣтителю русскаго общества—отъ учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній и комиссіи преподавателей русскаго языка». Отъ совѣта общеобразовательныхъ курсовъ Алферовой и другихъ.

Далеко за полдень. Краснорѣчіе замираетъ. Торжество у могилы подводитъ свои итоги. И сердце Россіи Москва, и царствующій градъ святого Петра, какъ выразился делегатъ, почетный опекунъ, графъ Н. Ѳ. Гейденъ, и храмы, гдѣ приносится безкровная жертва, и храмы науки, искусствъ и литературы, и юная Россія, и общественныя учрежденія, и общественное мнѣніе, слившись воедино, исполнили гимнъ признательности въ честь славнаго сына великаго во всѣхъ отношеніяхъ государства. И всѣ расходятся по домамъ чествователи. Вокругъ могилы пустѣетъ, но уже не вѣтъ отъ нея сиротствомъ, какъ вѣяло еще недавно...

Въ три часа пополудни того же двадцатаго марта городской голова торжественно открылъ бібліотеку-читальню имени Н. В. Гоголя, въ которую графъ Н. Ѳ. Гейденъ передалъ на вѣчное

храненіе серебряный вѣнокъ отъ имени петербурскаго городского общественнаго управленія. Библіотека-читальня просторна и свѣтла и уже обладаетъ двумя съ половиною тысячами книгъ. При ней будетъ особый «гоголевскій» отдѣлъ. Кромѣ того, десяти городскимъ училищамъ постановлено присвоить имя Н. В. Гоголя, а также двумъ училищамъ повышеннаго типа.

Весь день двадцатаго марта Москва посвятила Гоголю. Память его чествовалась во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, въ начальныхъ школахъ. Задушевно прошло торжество съ пѣніемъ кантаты въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Малый театръ устроилъ интересный литературно-музыкальный вечеръ съ живыми картинами: «Гоголь на Днѣпрѣ», «Гоголь и Ивановъ», «Гоголь, читающій «Ревизора» въ кругу литераторовъ» и «Гоголь и Щепкинъ въ Маломъ театрѣ». Пѣлась безсмертному «Слава». Художественный театръ отозвался постановкой «Ревизора», а оперный г. Зимины—«Майской ночью», музыка Римскаго-Корсакова.

Много панихидъ было отслужено въ этотъ день по Гоголѣ, но какъ мало, Боже, до чего мало молящихся было въ университетской церкви! Да отчего же, отчего?!

И до двадцатаго марта и послѣ него тамъ и сямъ въ Бѣлокаменной устраивались вечера и происходили собранія, на которыхъ лекторы знакомили большую публику, простой и малограмотный людъ съ личностью и творчествомъ Гоголя. Въ книжныхъ магазинахъ и въ магазинахъ эстампныхъ и торгующихъ письменными принадлежностями появились общедоступныя собранія сочиненій, различные портреты и жетоны съ изображеніемъ Гоголя, открытыя письма съ иллюстраціями его произведеній, бюсты и т. п., и все, по признанію торговцевъ, находило отличный сбытъ. Православіе Гоголя и его могучій поэтический талантъ сроднили съ нимъ и тѣхъ, кто 28 августа прошлаго года не могъ присоеди- ниться къ чествованію здравствующаго «великаго писателя земли Русской».

Среди увлекательныхъ явленій, вызванныхъ въ Москвѣ Гоголевской годовщиною, выдѣляется выставка въ 5-ой классической гимназій—первая изъ обѣщанныхъ выставокъ въ память создателя реальной литературной школы. Эту выставку собрали учащіяся и наставникъ ихъ, талантливый Н. Г. Тарасовъ, извѣстный въ кругу художественной критики. Къ нимъ присоединились родители учащихся, добрые знакомые и. . и прежде всего обнаружилась связь семьи со школою, затѣмъ—общественная отзывчивость и, наконецъ, предъ нами предстала любопытная выставка, отъ начала до конца отмѣченная любовью устроителей и наглядно показывающая, что въ этихъ стѣнахъ отсутствуетъ педагогическая плѣсень, но воспитаніе и обученіе ведутся съ сознаниемъ

высокаго долга, принятаго на себя руководителями. Каталогъ выставки заканчивается 490-мъ №. Музейныхъ рѣдкостей немного (полдюжины гоголевскихъ автографовъ), маска Гоголя 1852 г., три бюста его въ гипсѣ (Н. А. Рамазанова, Л. И. Якубовичъ, очень удавшійся, и Н. А. Андреева), колокольчикъ Гоголя, одна-двѣ прелестнѣйшихъ акварели, на примѣръ, комната актера Дюра (перваго исполнителя роли Хлестакова), но и не въ такихъ рѣдкостяхъ тутъ дѣло, а дѣло въ сущности и задачѣ, взятой для разрѣшенія устроителями. Вспоминается 100-лѣтіе со дня рожденія Н. В. Гоголя... выставка устроена въ школьныхъ стѣнахъ; слѣдовательно, она должна остановиться прежде всего у колыбели писателя и должна имѣть воспитательное значеніе. И вотъ цѣлый рядъ фототипій, литографій и фотографій переноситъ насъ въ Малороссію—въ Яновщину, въ Сорочинцы,—къ старосвѣтскимъ гнѣздамъ, и воскресаютъ родные и близкіе Николая Васильевича. Дорогія тѣни! золотое утро жизни, безоблачное на деревнѣ, съ облачками въ Полтавѣ и въ Нѣжинѣ. Игры беззаботныхъ младенчества смѣняются отроческимъ раздумьемъ: Гоголь-школьникъ изъ «непослушныхъ». Математика ему не дается, дифференціальное и интегральное счисленіе и коническое сѣченіе для него непостижимы. «Папинька и маминька, необходимъ учитель математики». Рядомъ съ документами школьной страды портреты учителей, товарищей, друзей... Но школа гаситъ утреннюю зарю жизни; нѣсколько лѣтъ проносятся обычнымъ чередомъ, и Гоголь дальше и дальше отъѣзжаетъ отъ родныхъ мѣстъ. Зданіе полтавской гимназіи и нѣжинскій лицей застилаются туманомъ надеждъ и розовыхъ ожиданій. Наплываетъ Петербургъ. Новыя знакомства, переходящія въ тѣсную дружбу (Дельвигъ, Жуковскій, Пушкинъ), или въ недружелюбіе (Булгаринъ, Гречъ, Кукольникъ). Жизнь развертывается, какъ величественная хартія; панорама наблюденій все ширится. Гоголь творитъ. Геній надъ нимъ вѣетъ. Радости и муки. Исканіе челоуѣка становится смысломъ гоголевскаго существованія. Онъ начинаетъ метаться изъ одного угла Россіи въ другой, бѣжитъ за границу; измучился, стремится въ Палестину. Но нѣтъ и нѣтъ мира его душѣ. Какъ его тянетъ въ теплые края, подъ лучи палящаго солнца!

Карта всѣхъ путешествій все болѣе и болѣе мятущагося Гоголя — работа учениковъ 5-й гимназіи—очень цѣнный экспонатъ, въ которомъ бездна отраженій гоголевской психологіи.

Бытовые снимки, портреты и виды зданій и памятниковъ исчерпываютъ съ достаточной полнотой жизнь и творчество Гоголя, какъ и то, что сдѣлано въ память его благодарнымъ потомствомъ (памятники, «Гоголевскій» домъ въ Полтавѣ и т. п.).

П. Р.

Главнѣйшія просвѣтительныя и литературныя учрежденія Москвы отложили свои торжественныя засѣданія ко дню открытія памятника Гоголю, и можно надѣяться, что Москва не отстанетъ въ этомъ отношеніи отъ сѣверной столицы, которая откликнулась на Гоголевскіе дни съ особенною, даже не свойственной ей теплою и сердечностію.

Въ Петербургѣ торжества открылись 19 февраля литературно-музыкальнымъ вечеромъ въ Дворянскомъ собраніи, устроеннымъ лигою образованія. Въ вечерѣ приняли участіе артисты императорскихъ театровъ, большею частью уроженцы юга и земляки Гоголя. Всѣ были на своихъ мѣстахъ, отнесясь съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ рѣдкому торжеству. Кантата г. М. Иванова, великолѣпно исполненная г-жой Каменской и г. Чупрынниковымъ, хоромъ Маріинскаго театра и оркестромъ графа Шереметева, имѣла шумный успѣхъ. Автора вызвали, какъ вызывали и автора текста, г. Шуфа, несмотря на то, что, къ сожалѣнію, его поэтичныя стихи не были помѣщены въ программѣ: это было упущеніемъ комитета. Нечего и говорить, что артисты имѣли громадный успѣхъ. Превосходно спѣли дуэтъ изъ «Вакулы» Соловьева г-жа Каменская и г. Андреевъ. Рукоплесканіями была осыпана г-жа Кузнецова, граціозная Оксана нашей сцены. Она должна была повторить свою орію. Повторяла свой номеръ и г-жа Леженъ. Оркестръ подъ управленіемъ г. Владимірова сыгралъ «Пляску запорожцевъ» Сѣрова и увертюру къ «Майской ночи» Римскаго-Корсакова, сопровождавшіяся шумными рукоплесканіями. Превосходно читалъ г. Далматовъ (сцена Хлестакова), говорившій также о памятникѣ Гоголю. Г. В. Чеховъ передалъ рассказъ о капитанѣ Копейкинѣ и г. Ходотовъ продекламировалъ отрывокъ изъ Гоголя подъ милую музыку г. фонъ-Дитмана. Предсѣдатель лиги образованія г. Фальборкъ произнесъ слѣдующее слово:

«Рожденіе Н. В. Гоголя совпало въ началѣ XIX вѣка съ тѣмъ моментомъ въ исторіи Россіи, когда на родину нашу пошелъ войною смѣлый и грозный врагъ, и когда всѣ народныя силы были сосредоточены на томъ, чтобы отстоять жизнь и свободу своей страны. Прошелъ цѣлый вѣкъ, и въ столѣтній юбилей великаго писателя мы стоимъ опять передъ необходимостью другой борьбы, борьбы не менѣе упорной и тяжелой, съ врагомъ, тоже ставящимъ въ опасность здоровую свободную жизнь нашей родины. Этотъ грозный врагъ—невѣжество. И тѣнь незабвеннаго Н. В. Гоголя, и родной народъ, въ которомъ таится столько творческихъ силъ, который создаетъ великое и не знаетъ того, что онъ создалъ,—не зоветъ ли насъ это на самую насущную работу даннаго момента, работу во имя культуры, чтобы отдать народу то, что было его дѣтищемъ. На такомъ пути мы всего вѣрнѣе достигнемъ своей цѣли—увѣковѣчимъ имя великаго Гоголя. Поэтому 1-й

съѣздъ лиги образованія и постановилъ увѣковѣчить имя Н. В. Гоголя слѣдующимъ образомъ. Основать первую единую школу, вмѣщающую въ себѣ всѣ степени отъ начальной до средней включительно, какъ прототипъ той школы, которая сдѣлаетъ свободнымъ выходъ изъ народа талантовъ и живыхъ силъ, которая сдѣлаетъ національную культуру достоинствомъ національности. Создать 100 крупныхъ волостныхъ библиотекъ, которыя явятся тѣми культурными очагами, вокругъ которыхъ будетъ сплочиваться населеніе и святое пламя которыхъ будетъ все ярче и ярче разгораться среди темноты невѣжества. Всѣ эти учрежденія будутъ связаны съ именемъ Н. В. Гоголя, они будутъ естественнымъ памятникомъ родного художественнаго слова, и черезъ нихъ это слово широко распространится въ странѣ. Для выполнения всей этой задачи потребуется не менѣе 600,000 руб. Съ этой цѣлью лигой образованія образованъ особый фондъ. Несмотря на то, что упомянутая сумма является довольно крупной, мы надѣемся, что для увѣковѣченія имени одного изъ своихъ великихъ сыновъ страна дастъ ее. Сегодня, 19 марта, всѣ мы, собравшіеся сюда для чествованія памяти того, чье слово явилось нашимъ цѣннымъ національнымъ вкладомъ въ общечеловѣческую сокровищницу творчества, кто своимъ великимъ по красотѣ и силѣ словомъ, въ живыхъ, незабываемыхъ краскахъ изобразилъ нашу родину, ея природу, ея жизнь, ея людей, ея радость и ея горе, кто любилъ свой народъ и свою родину и плакалъ надъ ней «незримыми міру слезами»,—мы всѣ въ этотъ день можемъ дать себѣ только одинъ обѣтъ—сомкнуться дружными рядами въ общей культурной работѣ. И гдѣ бы ни собрались русскіе люди для великой культурной работы, въ какихъ бы далекихъ и глухихъ уголкахъ Россіи они ни были, пусть они помнятъ всегда, что они творятъ великое національное дѣло и что тѣнь незабвеннаго писателя невидимо присутствуетъ среди нихъ».

Кромѣ г. Фальборка, рѣчи произнесли Н. А. Котляревскій, М. М. Ковалевскій и Н. К. Кульманъ.

Въ тотъ же день состоялся и вечеръ въ залѣ Дервиза, устроенный обществомъ народныхъ университетовъ. Залъ былъ и здѣсь переполненъ многочисленной публикой. На эстрадѣ красовался портретъ писателя, декорированный разноцвѣтной матеріей. Вступительное слово, посвященное характеристикѣ Н. В. Гоголя, произнесъ М. А. Славинскій. Разобравъ произведенія писателя, ораторъ остановился затѣмъ подробно на отношеніи Гоголя къ главнымъ вопросамъ его эпохи. Н. В. Гоголь не понималъ соціального значенія тѣхъ вопросовъ, которые легли въ основу его сатирическихъ синтезовъ. Въ немъ всегда было противорѣчіе между его гениальнымъ художественнымъ проникновеніемъ и критическимъ анализомъ въ отношеніи всего окружающаго. Обладая ма-

лоподвижнымъ умомъ и будучи слабымъ философомъ, Н. В. Гоголь не способенъ былъ дать серьезнаго обоснованія всему тому, что воспринимало его художественное чутье. Воспроизводя своимъ огромнымъ художественнымъ аппаратомъ русскую дѣйствительность, Н. В. Гоголь часто пугался этого правдиваго изображенія окружающаго и дѣлалъ попытки отыскать нѣчто положительное. Ему казалось, что онъ всегда сгущаетъ краски, что, благодаря ему, будутъ плохо думать о Россіи, и стремился смягчить свой сатирическій синтезъ. Въ Н. В. Гоголѣ всегда было противорѣчіе между прогрессивнымъ и консервативнымъ началами, и это собственно являлось драмой его жизни. Причина этого противорѣчія скрывалась во всемъ внутреннемъ складѣ его личности и въ условіяхъ той общественной среды, въ которой онъ выросъ.

— Когда говорятъ о Гоголѣ,—закончилъ ораторъ,—то обыкновенно указываютъ на всю силу его художественнаго реализма. Заслуга его, однако, заключается не только въ этомъ. Онъ особенно цѣненъ для насъ и тѣмъ, что однимъ изъ первыхъ ввелъ литературу въ кругъ социальныхъ интересовъ. Въ этомъ его значеніе въ настоящемъ и будущемъ русской литературы.

Послѣ рѣчи М. А. Славинскаго г. Балаевъ прочиталъ отрывки изъ «Мертвыхъ душъ». Затѣмъ была разыграна «Женитьба».

Самый Гоголевскій день (20 марта) начался закладкой новаго грандіознаго училищнаго дома имени Николая Васильевича, сооружаемаго на средства города. Мѣсто, предназначенное для постройки дома (на углу 9-й Рождественской и Фуражнаго переулка), было красиво декорировано красной матеріей и украшено національными флагами. Посреди красовался бюстъ Н. В. Гоголя, обвитый зеленью. На закладкѣ присутствовала многочисленная публика, среди которой находились гласные городской думы съ городскимъ головой Н. А. Рѣзцовымъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія Л. А. Георгіевскій, градоначальникъ генераль-майоръ Д. В. Драчевскій, члены комиссіи по народному образованію во главѣ съ председателемъ комиссіи П. А. Потѣхинымъ и др. По сторонамъ расположились учащіеся городскихъ начальныхъ училищъ, воспитанники школы пожарныхъ техниковъ и др. Въ 11 часовъ отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти Н. В. Гоголю.

Затѣмъ городской голова Н. А. Рѣзцовъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора и произнесъ краткую рѣчь, въ которой указалъ, что городское общественное управленіе продолжаетъ свою культурно-строительную дѣятельность. На ряду съ предполагаемой постройкой училищныхъ домовъ имени Л. Н. Толстого и Петра I въ настоящій моментъ кладется первый камень училищу имени Н. В. Гоголя, «этого великаго художника, положившаго въ русской литературѣ начало реалистической школѣ». Н. А. Рѣзцовъ заявилъ затѣмъ, что на последнемъ засѣданіи го-

родской думы постановлено открыть подписку на постройку памятника писателю.

Предсѣдатель комиссіи по народному образованію П. А. Потѣхинъ подчеркнул разницу между тѣмъ памятникомъ Н. В. Гоголю, который предполагается построить на одной изъ петербургскихъ площадей, и памятникомъ-училищемъ, закладка котораго происходитъ. «Тотъ памятникъ,—сказалъ П. А.,—будетъ, быть можетъ, красивѣе и величественнѣе воздвигаемаго училищнаго зданія. Но зато въ послѣднемъ имя и слава Н. В. Гоголя найдутъ себѣ болѣе живое и естественное воплощеніе. Дѣти, которыя будутъ здѣсь учиться, распространять культурныя цѣнности, оставленныя намъ Н. В. Гоголемъ. На тѣхъ, которые воздвигаютъ это зданіе, лежитъ обязанность вселить въ будущихъ воспитанниковъ училища ту любовь къ своей родинѣ, которая всегда была такъ характерна для Н. В. Гоголя». Въ заключеніе П. А. Потѣхинъ поднялъ тостъ за «славный гоголевскій языкъ, который въ скоромъ времени будетъ жить въ этомъ училищномъ домѣ».

Послѣ закладки училища присутствовавшимъ было предложено шампанское.

Въ с.-петербургской консерваторіи состоялось музыкальное утро, на которомъ присутствовала представительница консерваторіи принцесса Е. Г. Саксенъ-Альтенбургская.

Утро началось сообщеніемъ о Н. В. Гоголѣ преподавателя всеобщей литературы въ консерваторіи Н. В. Балаева. Докладчикъ сопоставилъ Гоголя, какъ моралиста, съ Л. Н. Толстымъ. Великій писатель земли русской говоритъ намъ устами Акима: «Душа надобна!» Гоголь въ проектѣ своего «Завѣщанія» пишетъ: «Будьте не мертвыя, а живыя души!» Но Гоголь, по мнѣнію докладчика, ближе къ своему учителю, А. С. Пушкину, какъ проповѣдникъ чистыхъ зѣчныхъ радостей, какія даютъ намъ природа и произведенія искусства. Если въ послѣднемъ періодѣ своей жизни Н. В. Гоголь дошелъ до аскетизма, то все же онъ не послѣдовалъ совѣту своего духовника, о. Матвѣя, и не отрекся отъ Пушкина и любви своей къ нему.

Сообщеніе свое Н. В. Балаевъ закончилъ слѣдующими словами:

«Великому художнику-юмористу, провозвѣстнику чистыхъ радостей жизни, с.-петербургская консерваторія несетъ свою дань, признавая въ немъ огромную художественную силу. Консерваторія счастлива, что она приноситъ свою дань вмѣстѣ съ незабвеннымъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, композиторомъ «Майской ночи».

Послѣ доклада оркестръ учениковъ консерваторіи, подъ управленіемъ директора, профессора А. К. Глаунова, исполнилъ написанное имъ къ этому дню музыкальное вступленіе подъ названіемъ: «Памяти Н. В. Гоголя».

Въ разыгранной затѣмъ съ большимъ успѣхомъ оперѣ Н. А. Римскаго-Корсакова «Майская ночь» приняли участіе ученицы и ученики консерваторіи. Главныя роли исполняли: г-жи Виренъ, Филейзенъ, гг. Кустовъ, Носковъ, Платоновъ, Идельсонъ и Калининъ.

Дирижировалъ г. Малько.

Въ залѣ дворянскаго собранія въ 2 часа дня графомъ Шереметевымъ былъ устроенъ бесплатный концертъ для учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ программу концерта вошли произведенія русскихъ композиторовъ, написанныя на сюжеты Н. В. Гоголя. Участіе въ концертѣ приняли М. Афанасьева, А. Боровикъ и другіе, а также большой хоръ и симфоническій оркестръ графа Шереметева.

Во всѣхъ городскихъ начальныхъ училищахъ 20 марта были отслужены панихиды по Н. В. Гоголю. Въ залахъ Пушкинскаго и другихъ городскихъ училищныхъ домовъ были устроены торжественные акты, на которыхъ были прочтены біографія Н. В. Гоголя и отрывки изъ его произведеній. Дѣтямъ розданы книги и сласти. Въ тотъ же день ученики нѣкоторыхъ училищъ посѣтили кинематографы, гдѣ были показаны картины изъ малороссійской жизни.

20 марта въ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ занятій не было. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ были отслужены панихиды по Н. В. и устроены литературныя бесѣды, на которыхъ были прочтены отрывки изъ произведеній Гоголя, а также поставлены живыя картины и разыграны сцены изъ произведеній Гоголя. Въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ чествованіе памяти Н. В. Гоголя было перенесено на 21 марта, въ виду того, что 20 марта въ Александринскомъ театрѣ былъ устроенъ бесплатный спектакль для учащихся. На чествованіе памяти Н. В. Гоголя нѣкоторыми учебными заведеніями были приглашены и родители учащихся. Всѣмъ учащимся розданы портреты Гоголя.

Въ этотъ же день выѣхала въ Москву группа экскурсантовъ, воспитанниковъ училища при реформатскихъ церквахъ и гимназіи Человѣколюбиваго общества. Цѣль поѣздки — посѣщеніе могилы Н. В. Гоголя (въ Даниловомъ монастырѣ) и юбилейной выставки имени писателя. Экскурсанты должны были посѣтить также Троице-Сергіеву лавру. Руководилъ экскурсіей преподаватель гимназіи и училища П. И. Беюль.

Въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—на высшихъ женскихъ курсахъ, въ женскомъ медицинскомъ институтѣ и другихъ—также не было занятій.

Въ петербургскомъ университетѣ день былъ отмѣченъ отслуженной въ университетской церкви панихидой. Присутствовали на панихидѣ ректоръ И. И. Боргманъ, проректоръ Э. Д. Гриммъ

и многіе профессора университета. Торжественное чествованіе памяти Гоголя университетомъ состоялось 22 марта совмѣстно съ академіей наукъ.

Въ актовомъ залѣ историко-филологическаго института въ присутствіи исполняющаго обязанности директора проф. С. М. Середонина, профессоровъ П. А. Кулаковскаго, А. І. Малейка и студентовъ института профессоръ исторіи русской литературы А. К. Бороздинъ прочелъ лекцію на тему: «Значеніе Н. В. Гоголя въ русской литературѣ», а П. П. Митрофановъ произнесъ рѣчь—«Н. В. Гоголь, какъ человѣкъ».

Въ технологическомъ институтѣ была отслужена панихида, а въ институтѣ путей сообщенія еще 19 февраля состоялся вечеръ, посвященный имени писателя. На вечерѣ присутствовали всѣ высшіе чины министерства путей сообщенія, профессора, студенты и мн. др. На эстрадѣ возвышался бюстъ писателя, убранный цвѣтами. Исполнителями выступили студенты и студенческій струнный оркестръ, подъ управленіемъ Н. А. Малько.

Въ народномъ домѣ графини Паниной устроены были спектакль для учащихся вечернихъ курсовъ. Были поставлены сцены изъ «Ревизора» и прочтены отрывки изъ «Мертвыхъ душъ».

Литературно-музыкальные вечера были устроены и въ другихъ разныхъ учрежденіяхъ, и только въ нѣсколькихъ случаяхъ они не были разрѣшены администраціей по формальнымъ причинамъ и по нераспорядительности устроителей.

Очередное засѣданіе отдѣленія этнографіи русскаго географическаго общества, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго, было также посвящено памяти Н. В. Гоголя.

А. И. Соболевскій говорилъ на тему: «Гоголь въ исторіи русской этнографіи». Съ точки зрѣнія этнографіи, сказалъ докладчикъ, Гоголя слѣдуетъ назвать просто русскимъ, а не великороссомъ или малороссомъ. Онъ одинаково любилъ тѣхъ и другихъ. Историкъ русской этнографіи долженъ высоко цѣнить заслуги Гоголя. Можно только удивляться чутью Гоголя, описывавшаго съ такимъ умѣніемъ бытъ, вѣрованія и обычаи народа.

О Гоголѣ, какъ этнографѣ, говорилъ И. С. Абрамовъ. Чтобы понять этнографическое значеніе Гоголя, необходимо вникнуть въ письма Н. В., въ его записную книжку и сборникъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Гоголемъ. Пѣсни эти, въ числѣ 517, были изданы въ прошломъ году академіей наукъ. Еще Бѣлинскій указывалъ на народность произведеній Гоголя. Много этнографическаго матеріала заключается въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». Гоголь рисовалъ малорусскую жизнь этнографически точно и правильно. За полученіемъ этнографическаго матеріала Гоголь часто обращался къ своей матери. Съ этой же цѣлью онъ тщательно изучалъ мѣстныя народныя слова и образцы народной

рѣчи. Гоголь интересовался даже народной медициной. И. С. Абрамовъ закончилъ рѣчь словами: «Безмѣрно велики заслуги Гоголя въ исторіи русской литературы, но не менѣе значительны его труды въ области русской этнографіи».

Н. Н. Виноградовъ въ своемъ докладѣ на тему: «Мотивы народной словесности въ произведеніяхъ Гоголя», указалъ, что Гоголь разрабатывалъ чаще всего народные сюжеты и пользовался народнымъ творчествомъ въ произведеніяхъ ранняго періода. Гоголь использовалъ народную литературу не только южно-русскую, но и великорусскую и бѣлорусскую.

Н. В. Гоголю было посвящено собраніе с.-петербургскаго литературнаго общества. Чествованіе открылось докладомъ Н. И. Коробки на тему: «Гоголь и русская жизнь».

Едва ли есть другой писатель,—началь докладчикъ,—который всѣми корнями такъ глубоко вросъ въ почву русской дѣйствительности, какъ Гоголь.

Семья Гоголя—это типичные мелкопомѣстные дворяне. Окружавшая Н. В. среда жила примитивными представленіями объ окружающемъ. Въ этой средѣ выросло и развилось мировоззрѣніе Н. В. Гоголя.

Выйдя на широкую дорогу, захваченный потокомъ столичной жизни, онъ мало пріобщается къ идейнымъ теченіямъ.

Гоголь первый писатель, въ произведеніяхъ котораго распадъ патріархальнаго быта сыгралъ огромную роль. Онъ почувствовалъ этотъ распадъ на самомъ себѣ. И, нарисовавъ картину распада, онъ, однако, самъ ужаснулся ея.

Малокультурное дворянство выработало въ немъ только преклоненіе предъ существующимъ строемъ, а безсильная интеллигенція, не оправившаяся отъ катастрофы 14 декабря, помогла возвести это преклоненіе въ принципъ.

Въ своемъ мировоззрѣніи на окружающее Гоголь остается истиннымъ сыномъ своей среды.

Если не удастся освободиться отъ идеализма дѣйствительности, ни примириться съ ясновидѣніемъ своего художественнаго таланта, взоръ художника видитъ въ жизни распадъ и пошлость, а мыслитель въ немъ ищетъ выходъ въ чемъ-то положительномъ. Онъ стремится создать положительные типы представителей буржуазнаго строя, идущаго на смѣну патріархальнаго.

Гоголя, — закончилъ докладчикъ, — создала русская жизнь. Мало того, судьба этой жизни—судьба Гоголя. И здѣсь, и тамъ блужданіе въ потемкахъ за истиной и преклоненіе передъ безобразными идеалами.

Послѣ доклада, покрытаго шумными аплодисментами, Н. Н. Ходотовъ, В. В. Чеховъ и др. прочитали съ большимъ успѣхомъ отрывки изъ произведеній Н. В. Гоголя.

Театральныя торжества вечеромъ сосредоточились въ Маломъ театрѣ, Александринскомъ и Народномъ домѣ.

Чествованіе въ Маломъ театрѣ прошло тепло, искренно и торжественно. Открылось оно чтеніемъ о Гоголѣ статьи В. В. Розанова, прочитанной со сцены артистомъ театра г. Нерадовскимъ. Г. Розановъ сначала отмѣтилъ, что «театръ имѣетъ боковое соприкосновеніе съ литературой», что по большей части драматическія произведенія писателей (за немногими, хотя, правда, и блестящими исключеніями, напримѣръ, Мольеръ, Шекспиръ, Островскій) суть лишь «плоды отдыха... гигантовъ литературы», тѣ черновые наброски, которые предшествовали ихъ главнымъ крупнымъ произведеніямъ.

«Плодомъ отдыха, или, вѣрнѣе, вторичнымъ помѣщеніемъ въ другое мѣсто своего богатства,—по мнѣнію г. Розанова,—былъ и «Ревизоръ» Гоголя, какъ и его другія, болѣе мелкія пьесы: «Тяжба», «Женитьба», «Игроки». Хронологически, правда, онѣ предшествовали «Мертвымъ душамъ»: но по существу это тѣ же «Мертвыя души», перенесенныя на сцену. Тотъ же рисунокъ, та же тема живописи, одинъ рисуемый сюжетъ и ни одной новой мысли въ «Мертвыхъ душахъ» сравнительно съ «Ревизоромъ» или въ «Ревизорѣ» сравнительно съ «Мертвыми душами».

Мы можемъ поэтому сказать, что «Ревизоръ» и прочія пьесы Гоголя суть первоначальный абрисъ, суть пробные эскизы, на которыхъ великій писатель пробовалъ свою силу, въ которыхъ онъ приспособлялся и подготавливалъ себя къ великой эпопее «Мертвыхъ душъ». «Мертвыя души» исчерпали всего Гоголя и выразили всего его; въ этомъ отношеніи онѣ свели значеніе «Ревизора» въ положеніе этюдовъ. Такъ, у живописца Иванова, друга Гоголя, множество этюдовъ подготавливали «Явленіе Христа народу». Все это «предварительное» и до извѣстной степени зачеркнутое главною окончательною картиною. Но, разсматривая ихъ, мы находимъ, что нѣкоторые этюды до того разительны, вышли до того удачны подъ моментальнымъ вдохновеніемъ живописца,—что стоятъ выше соответствующихъ частей большой картины Иванова. Въ этомъ ихъ интересъ и значеніе для изучающаго художественную личность Иванова; въ этомъ лежитъ и нѣкоторая ихъ «абсолютная цѣнность» для зрителя и для исторіи русской живописи.

Точь-въ-точь такое же положеніе занимаетъ «Ревизоръ» въ отношеніи къ «Мертвымъ душамъ».

Это все то же темное русское захоlustье, какое рисуется и въ «Мертвыхъ душахъ»,—полное мрака, невѣжества, злоупотребленій, которое для парящаго надъ нимъ орлинаго генія художника являетъ рядъ прежде всего смѣшныхъ, забавныхъ сценъ и положеній, представляетъ область сплошного и притомъ невыразимаго комизма. Вотъ основная сущность всего, та сущность, которая повторяется и въ «Мертвыхъ душахъ». Но въ литературѣ, какъ и вообще въ искусствѣ, геній сказывается не въ темѣ, а въ выполненіи, не въ «вообще», а въ частности; не въ томъ, что изображаетъ авторъ, а въ томъ, какъ онъ это изображаетъ.

Далѣе, по словамъ референта:

Сила Гоголя заключается въ изумительномъ чувствѣ имъ русскаго слова. Никто такъ не зналъ русскаго слова, не чуялъ его духа и формы. Можно сказать, лицо русскаго человѣка онъ видѣлъ подъ формою рус-

скаго слова, какъ бы въ вуали изъ словъ, рѣчи. Точно онъ слышалъ рѣчь человѣка или рѣчи множества людей: и такъ постигаль суть слова, что по малѣйшимъ вибраціямъ его безошибочно заключалъ о личности фигуръ, характерѣ и жизни человѣка и людей. Вотъ это-то знаніе слова передано имъ и въ великую комедію. Какъ у Фидія значаще не то, что онъ изображалъ именно «Зевса», т. е. не въ темѣ, а все дѣло заключалось въ томъ, какъ рѣзецъ и молотокъ работали около мрамора, какъ именно провелъ онъ одну черту, провелъ другую,—такъ и у Гоголя въ его «Ревизорѣ» изумительную сторону составляетъ духъ языка, всѣ эти рѣчи, какія говорятъ Хлестаковъ или Сквозникъ-Дмухановскій, въ интонаціяхъ рѣчей. Дѣйствія, хода въ пьесѣ почти нѣтъ; того, что технически зовется «интригою» или «фабулою»,—почти нѣтъ, или онѣ совершенно не значащи сами по себѣ. Все дѣло въ фигурахъ, въ изваяніяхъ. Гоголь далъ нашему театру изваятельную комедію,—но гдѣ матеріаломъ важнѣе было слово, а не мраморъ. Въ концѣ концовъ, поэтому, его пьеса есть живопись. И къ театру примыкаетъ именно этою стороною, т. е. насколько театръ имѣетъ боковое соприкасаніе съ живописью, поскольку онъ есть въ тѣсномъ смыслѣ зрѣлище.

Такимъ образомъ, онъ толкнулъ русскій театръ на дорогу жанра, бытового изображенія. Здѣсь онъ далъ нѣчто несравненное. Здѣсь заключается его величіе. Но здѣсь оно получаетъ себѣ и границу. Жанръ и бытъ навсегда останутся одною изъ главъ великаго театральнаго мастерства, но не всею книгою театральнаго искусства. Вспомнимъ Шекспира и его «Гамлета»: это уже не жанръ, это уже не бытъ. Это—мысль и нѣкоторое вѣковѣчное поученіе со сцены. Этого не нужно забывать».

Въ заключеніе своей оригинальной рѣчи г. Розановъ говоритъ:

«Сцена призвана не только изображать и осмѣивать, она еще можетъ поучать и растрогивать. Она можетъ звать къ идеалу, къ болѣе утонченному и благородному взгляду человѣка на человѣка, къ лучшему отношенію людей другъ къ другу. Сцена могущественна: и въ пять минутъ она можетъ взволновать зрителей такъ, какъ читателя не взволнуетъ цѣлая книга. Это оттого, что на сценѣ все осязательно, все очевидно, что она убѣждаетъ не доводомъ, а фактомъ. Не воспользоваться этимъ могущественнымъ нравственнымъ рычагомъ невозможно. И театръ долженъ послѣ Гоголя расти и въ глубину, и въ ширину. Онъ долженъ давать не только сценки, изображать не только происшествія: онъ въ силахъ рождать въ обществѣ новыя мысли, онъ въ силахъ поднимать бродящія въ обществѣ настроенія до напряженія могучей страсти, до пламенной рѣшимости. И одинъ изъ великихъ учителей театра, Гоголь, не сказалъ бы «спасибо» ученикамъ, если бы они не пошли впередъ своего учителя, а все толкались бы на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ стоялъ. Вѣщій умъ Гоголя этого бы не одобрилъ. Онъ благословляетъ насъ изъ темной могилки въ московскомъ Даниловомъ монастырѣ ити въ новый и трудный путь, въ долгій путь».

Публика наградила автора реферата долгими и шумными аплодисментами.

Когда занавѣсъ поднялся вторично, сцена преобразилась. Въ центрѣ ея на фонѣ зелени высился бѣлый монументъ Гоголя, осыпанный живыми цвѣтами. По сторонамъ увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ бюста группами размѣстились представители дирекціи Малаго театра и Литературно-Художественнаго общества.

вся труппа (въ томъ числѣ и готовые къ выходу исполнители «Ревизора»), далѣ хоръ графа А. Д. Шереметева и позади бюста его же оркестръ. Раздались стройные звуки юбилейной кантаты М. М. Иванова на слова В. А. Шуфа. Какъ только окончилась кантата, всѣ присутствовавшіе на сценѣ воодушевленными кликами и рукоплесканіями, дружно подхваченными переполнявшей залъ публикой, привѣтствовали вѣчно живущаго среди насъ Гоголя, осыпая его бюстъ цвѣтами. Нѣсколько разъ публика настойчиво возобновляла эту задушевную овацію, нѣсколько разъ подымался надъ бюстомъ занавѣсъ, звучали восторженные крики, сыпались дождемъ цвѣты...

«Ревизоръ» былъ поставленъ и представленъ хорошо.

Въ Александринскомъ театрѣ въ виду «Гоголевскихъ дней» состоялись слѣдующіе спектакли: въ среду, 18 марта, шла «Женитьба» Гоголя и его отрывокъ «Собачкинъ», въ четвергъ, 19 марта, дали одноактную комедію «Игроки» и три одноактныхъ сценки: «Утро дѣловаго человѣка», «Лакейская» и «Тяжба»; въ пятницу, 20 марта, т. е. въ самый торжественный день, былъ поставленъ «Ревизоръ», шедшій въ тотъ вечеръ 449-ый разъ. Приподнятое настроеніе актеровъ и публики сообщило спектаклю торжественное значеніе безъ традиціоннаго, однако, апофеоза. Къ сожалѣнію, на юбилейномъ спектаклѣ не было Савиной, т. к. подобной «Маріи Антоновны» не найти.

Отмѣчая блѣдность юбилейной постановки гоголевскихъ пьесъ на сценѣ казеннаго театра, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», между прочимъ, говоритъ:

«И знаете ли, почему не было въ Александринкѣ ничего специально-юбилейнаго? Да потому, что нынѣшній заправила труппы, недавно назначенный на мѣсто г. Гнѣдича, г. Котляревскій, заявилъ въ одномъ газетномъ интервью, что всѣ эти рѣчи, рефераты, вѣнчанія бюста, кантаты, апофеозы мелки, наивны, скучны, что публика всѣмъ этимъ пренебрегаетъ и что лучше всего, отбросивъ всякія банальныя манифестаціи, почтить великаго писателя въ величавомъ молчаніи и спокойствіи. Поставить на сценѣ его творенія, поставить на афишахъ слова: «Спектакль въ память Н. В. Гоголя» и «Столѣтіе рожденія Н. В. Гоголя», и довольно. А главное—просто, не хлопотливо и головы администраторской лопать не приходится».

Спектакль въ «Народномъ домѣ» прошелъ живо, но особеннаго ничего собою не представилъ.

Всѣмъ сказаннымъ и исчерпываются торжества 20 марта.

22 марта въ большомъ залѣ академіи наукъ состоялось соединенное засѣданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ и петербургскаго университета, посвященное памяти Н. В. Гоголя. Предсѣдательствовалъ августѣйшій президентъ ака-

деміи великій князь Константинъ Константиновичъ, по правую руку его занялъ мѣсто предсѣдатель разряда изящной словесности академикъ А. А. Шахматовъ, по лѣвую руку—ректоръ университета профессоръ И. И. Боргманъ. Залъ былъ переполненъ публикою настолько, что пришлось прекратить дальнѣйшій впускъ ея. Были прочитаны два реферата: академикомъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ и профессоромъ И. А. Шляпкинымъ. Первымъ выступилъ профессоръ Шляпкинъ, который, говоря о творествѣ Гоголя, раздѣлилъ его на три періода романтизма: романтизмъ родины, смѣха и религіи. На основаніи собственныхъ изслѣдованій, подтвержденныхъ словами самого Гоголя въ письмѣ къ графу А. П. Толстому, докладчикъ высказалъ мысль, что вторую часть «Мертвыхъ душъ» авторъ сжегъ нечаянно вмѣсто рукописи «Исповѣдь». Второй докладчикъ, встрѣченный шумными аплодисментами, коснулся психики Гоголя, въ силу которой создалась трагедія жизни писателя. Онъ считаетъ, что Гоголь палъ подъ гнетомъ собственной одаренности. Исключительная гениальность его была ключомъ, но она слишкомъ утомляюще дѣйствовала на Гоголя, и онъ, въ противоположность Пушкину, изнемогалъ подъ тяжестью своей гениальности. Яркость образовъ и обиліе мыслей, бурлившихъ въ немъ, удручающе дѣйствовали на слабого, невропатическаго, а можетъ быть, и психопатическаго Гоголя. Сравнивая Гоголя съ Толстымъ, докладчикъ нашелъ, что душевная организація ихъ одного типа, но Гоголя онъ считаетъ богаче одареннымъ, такъ какъ у него масса юмора и лирики, которыхъ нѣтъ у Толстого. Въ натурѣ того и другого одинаково преобладаетъ ихъ психологическое «я», но Толстого это «я» не подавило, потому что онъ силенъ, на натурѣ же Гоголя оно отозвалось тяжело и вызвало меланхолію, самоугрызенія, ипохондрію и покаяніе.

Въ разныхъ провинціальныхъ городахъ, въ кафедральныхъ соборахъ и многихъ церквахъ совершены были заупокойныя богослуженія по Н. В., въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ отслужены панихиды и состоялись торжественные акты съ чтеніями о писателѣ, исполненіемъ кантатъ и раздачей учащимся портретовъ и произведеній писателя. Въ юбилейныхъ торжествахъ приняли участіе городскія общественныя управленія, земскія учрежденія, войсковыя части и многія общественныя учрежденія. Попечительствами о народной трезвости были устроены чтенія съ туманными картинами въ народныхъ аудиторіяхъ, спектакли въ народныхъ домахъ и организована раздача портретовъ, біографій и произведеній писателя учащимся и посѣтителемъ народныхъ домовъ, чайныхъ и другихъ. Кромѣ того, состоялись литературныя утра, торжественныя засѣданія ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, а также спектакли въ театрахъ съ постановкой произведеній Гоголя.

Въ Харьковѣ, въ Театральномъ скверѣ, въ присутствіи властей и учащихся, освященъ памятникъ Гоголю, причеиъ хорами учащихся исполнена кантата, и подножіе памятника украшено многочисленными вѣнками. Среди гостей присутствовала племянница Гоголя, Быкова. Торжество закончилось народнымъ гимномъ. Городскія зданія, дома на Театральной площади и улицѣ Гоголя были иллюминированы.

Въ Полтавѣ со сбора съ литературнаго вечера сдѣлано отчисленіе на капиталъ для сооруженія въ Полтавѣ памятника Гоголя.

Училище и улица въ Рыбинскѣ, а въ Николаевскѣ, Самарской губерніи, первое приходское училище наименованы Гоголевскими. Въ Хабаровскѣ открыта бібліотека-читальня имени Гоголя. Постановлено открыть въ Иркутскѣ училище, а въ Бійскѣ начальную школу имени Гоголя. Въ Ярославлѣ одна изъ вновь строящихся школъ названа Гоголевской. По сообщеніямъ изъ Кіева, комитетомъ образовательныхъ учрежденій Юга-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ постановлено учредить въ желѣзнодорожныхъ училищахъ нѣсколько стипендій имени Гоголя и назвать именемъ писателя строящееся въ Ковелѣ общежитіе при желѣзнодорожномъ училищѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ общедоступнымъ клубомъ учреждена стипендія имени Гоголя.

Въ Батумѣ депутаціями школъ въ національныхъ костюмахъ возлагались вѣнки на бюстъ писателя.

Въ Одессѣ на юбилейномъ чествованіи въ университетѣ присутствовалъ японскій принцъ Куми.

Въ присутствіи членовъ мѣстной ученой архивной комиссіи была отслужена панихида въ дачномъ домикѣ въ Калужской губерніи, гдѣ Гоголь написалъ вторую часть «Мертвыхъ душъ».

Въ Севастополѣ Гоголевское празднество началось молебствіемъ; устроено литературное утро при участіи воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, лекціи и спектакли, розданы портреты и біографіи. Чествованіе памяти Гоголя въ Народномъ домѣ и въ городскомъ собраніи представляло сплошной триумфъ; бюстъ великаго писателя, увѣнчанный лаврами, утопалъ въ зелени; вечеромъ былъ данъ «Ревизоръ». Сборъ предназначенъ для образованія фонда имени Гоголя.

Особенно торжественно почтилъ память нашего писателя городъ Рига. Вотъ что по сему предмету передаетъ корреспондентъ газеты «Рѣчь».

20 марта въ залѣ «Улья» состоялся торжественный актъ, устроенный 11 русскими обществами Риги въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя. По отслуженіи панихиды и произнесеніи двухъ торжественныхъ рѣчей гг. Галабутскимъ и Моссаковскимъ, началось чтеніе адресовъ и привѣтствій и возложеніе вѣнковъ и цвѣтовъ къ подножію красовавшагося и красиво за-

драпированнаго зеленю на сценѣ бюста Гоголя. Всего было болѣе 40 депутацій, русскихъ, нѣмецкихъ, латышскихъ, еврейскихъ и литовскихъ, принесшихъ дань благоговѣйнаго уваженія памяти великаго поэта и наставника жизни. Самыя разнообразныя общества, редакціи газетъ, театры, студенческія землячества,—все такъ или иначе подчеркнули свое отношеніе къ празднику русской литературы. Нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ изъ адресовъ. Латышское учительское общество говоритъ, «что юбилей Гоголя—торжество не однихъ русскихъ, но, по меньшей мѣрѣ, всехъ славянъ, какъ творчество славянскаго генія. Особенно близкое въ немъ участіе принимаютъ латыши, судьба которыхъ болѣе, чѣмъ какого бы то ни было другого славянскаго народа, тѣсно связана съ судьбою русскаго народа: нѣтъ у латышей и другого отечества, кромѣ Россіи, нѣтъ у нихъ и другого будущаго, кромѣ будущаго, общаго съ русскимъ народомъ; общія страданія и общія радости нераздѣльно соединяютъ оба братскихъ народа, Вотъ почему латыши юбилейный праздникъ Н. В. Гоголя считаютъ также своимъ... Но, кромѣ того, Гоголь является латышамъ роднымъ по духу. Рѣдкій изъ корееевъ латышской поэзіи пользуется большей любовью латышскаго народа, чѣмъ Н. В. Гоголь, котораго онъ не только читаетъ въ школѣ, но и «понесъ съ базара къ себѣ домой». И пусть эта общая любовь къ великому художнику, носителю вѣчнаго идеала правда, любви и красоты, послужитъ залогомъ единенія и взаимнаго пониманія между русскимъ и латышскимъ народами». Адресъ «Rig. Ztg» заканчивается такими словами: «И эта вѣра, и это вдохновеніе, и стыдъ, и гнѣвъ, и любовь—какъ нужны, какъ необходимы они и въ наши дни, дни обновленія и упорнаго созидательнаго труда, когда кладется основаніе для новой, лучшей жизни».

Стоявшее въ программѣ празднества исполненіе «Славы Гоголю» (муз. Четвертакова) было губернаторомъ воспрещено.

Вечеромъ въ томъ же залѣ состоялся литературно-музыкально-вокальный вечеръ, посвященный памяти Н. В. Гоголя, на которомъ присутствовала масса публики, преимущественно молодежи. Во всехъ учебныхъ заведеніяхъ въ этотъ день были устроены литературныя утра съ представленіемъ и чтеніемъ произведеній покойнаго печальника земли русской.

Въ Софіи, Филиппополѣ и другихъ мѣстахъ славянство горячо откликнулось на Гоголевскія торжества и почтило его память литературными вечерами и театральными представленіями, а также обстоятельными сердечными статьями въ газетахъ и журналахъ. Но особенное значеніе эти торжества получили въ Галицкой Руси. Какъ сообщилъ въ свое время «Галичанинъ», чествованія Гоголя устраивались не только въ большихъ и меньшихъ городахъ и мѣстечкахъ, но даже и въ деревенскихъ «читальняхъ имени

Михаила Качковскаго». Всюду произносились рефераты о жизни, дѣятельности и значеніи Гоголя, разыгрывались отрывки изъ его комедій, прочитывались его повѣсти и рассказы—все на литературномъ русскомъ языкѣ. Въ устройствѣ юбилейныхъ торжествъ, особенно по провинціальнымъ городамъ, главное участіе принимала университетская и гимназическая молодежь.

Обсуждая значеніе Гоголя, извѣстный депутатъ вѣнскаго парламента докторъ Н. П. Глѣбовицкій писалъ въ «Галичанинѣ»:

«Для насъ, сыновъ Прикарпатской Руси, гигантская личность родного земляка, малоросса Н. В. Гоголя, имѣетъ громаднѣйшее національно-культурное значеніе.

«Гоголь является для насъ живымъ, какъ живое слово литературной рѣчи, чистымъ, какъ чистая слеза любящаго брата, неопровержимымъ, какъ скала, вѣчнымъ, какъ величественный памятникъ гениальнаго творчества, доказательствомъ неоспоримой правды, сути и содержанія нашего народнаго идеала національно-культурнаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа.

«Любя всей пламенной любовью чистой души родную Малороссію, полную изумительной красоты, Гоголь своими краснорѣчивыми устами провозгласилъ могучій глаголь духовнаго слиянія Украйны съ остальной Русью и воздвигъ своей ближайшей родиной, Малороссіей, достойный памятникъ на русскомъ литературномъ языкѣ».

Приведа письмо Гоголя къ А. О. Смирновой (1844 г.), въ которомъ онъ пишетъ, что малорусская и великорусская вѣтви русскаго народа «слишкомъ щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,—явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую»,—докторъ Н. П. Глѣбовицкій писалъ:

«Въ этихъ словахъ и есть завѣтъ величайшаго и лучшаго сына Малороссіи, Гоголя, указывающій единственный правильный путь и вѣрное направленіе всего національно-культурнаго духовнаго развитія малорусской вѣтви. Слѣдуя по указанному Гоголемъ пути, малороссы—все равно, живутъ ли они въ Державной Руси, или Руси Прикарпатской,—создадутъ прочныя основанія національно-культурному развитію родной страны и, слившись воедино съ трезвымъ, созидающимъ умомъ прилежнаго стойкаго великоросса, «составятъ, по словамъ Гоголя, нѣчто совершеннѣйшее въ чело-вѣчествѣ».

Авторъ закончилъ статью словами:

«Въ минуты душевныхъ мукъ, въ минуты сомнѣнія являлся для Тургенева опорой могучій и прекрасный языкъ, данный только великому народу. Въ минуты испытаній, въ минуты сомнѣній, въ годину тяжелыхъ преслѣдованій, горечи и мукъ да будетъ намъ

опорой великій сынъ Малороссіи, Гоголь, вѣчно живое доказательство неоспоримой истины: національно-культурнаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа».

Вѣнскіе нѣмцы не остались въ сторонѣ отъ славянскаго праздника и, по словамъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей»:

«Вся австрійская славянская пресса, не исключая даже всегда намъ завидующихъ и вездѣ насъ поносящихъ поляковъ, съ энтузіазмомъ празднуютъ вмѣстѣ съ Россіей столѣтнюю годовщину рожденія Гоголя, видя въ немъ не только русскаго, но всеславянскаго классика, имя и литературное обаяніе котораго никогда не умретъ, доколѣ живо само славянство. Какъ малороссъ по происхожденію и великороссъ по культурѣ, Гоголь одинаково великъ и національно близокъ не только великому русскому народу съ его младшими братьями бѣлоруссами и малороссами, но черезъ послѣднихъ и полякамъ и всему западному славянскому міру. Никогда ни одинъ славянскій поэтъ и писатель не пользовался такой популярностью и любовью всей огромной славянской семьи, какъ Гоголь. Такова оцѣнка Гоголя австрійской славянской прессой. Ей въ унисонъ вторитъ болгарская, сербская и хорватская пресса. Память Гоголя чтится всѣмъ славянскимъ міромъ отъ Тихаго океана до Балтики и Адриатики. Прага, Львовъ, Триестъ, Бѣлградъ, Софія и даже маленькое Цетинье вмѣстѣ со всей Россіей празднуютъ и чтутъ сейчасъ память великаго русскаго писателя, видя въ немъ отраженіе славянскаго генія. Если слава Толстого, подобно грандіозному фейерверку, освѣтившему и ослѣпившему на время весь міръ, стала потухать и блекнуть, то слава Гоголя во вѣки вѣчныя будетъ горѣть чистымъ ровнымъ пламенемъ, въ которомъ весь славянскій міръ будетъ почерпать всегда новыя сокровища вѣчно юной и яркой гоголевской поэзіи.

«Но даже и нѣмецко-арійская пресса, несмотря на всосавшееся въ cadaго нѣмца вмѣстѣ съ молокомъ матери пренебрежительное отношеніе къ славянской расѣ и ея духовнымъ вождямъ, измѣнила на сей разъ свой высокомерный тонъ, признавъ единодушно выдающійся талантъ Гоголя, который уступаетъ развѣ только Шиллеру и Гёте. Такой для нѣмца высокой похвалы не заслужилъ, кажется, до сихъ поръ еще ни одинъ русскій писатель. Спасибо и на этомъ. Что же касается нѣмецко-еврейской прессы, то таковая, всегда вѣрная своей тактикѣ, или совершенно замалчиваетъ нынѣшнее общеславянское духовное торжество, или старается использовать это событіе въ своихъ чисто-еврейскихъ интересахъ, попеременно изображая Гоголя то «первымъ русскимъ революціонеромъ, объявившимъ смертный бой продажному и преступному правительству», то «грубо-поповскимъ ханжой», то «чернымъ клерикаломъ»: тенденція специфически-жидовская, рассчитанная на поруганіе и поношеніе арійскаго таланта».

Въ большомъ залѣ вѣнскаго купческаго общества студенческимъ кружкомъ «Заря» былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, на которомъ присутствовали видные славянскіе мѣстные общественные дѣятели и приняли участіе выдающіеся представители мѣстной консерваторіи.

Въ заключеніе нашего обзора Гоголевскихъ торжествъ отмѣтимъ, что нынѣ петербургская городская комиссія по народному образованію признала необходимымъ соорудить въ Петербургѣ памятникъ, достойный имени писателя и столицы, какъ центра русскаго просвѣщенія.

По мнѣнію комиссіи, этотъ памятникъ долженъ быть поставленъ въ одномъ изъ слѣдующихъ мѣстъ: Лѣтній садъ, гдѣ находится памятникъ И. А. Крылову, Исаакіевскій скверъ вблизи улицы Гоголя или Конногвардейскій бульваръ. На постановку памятника городской думѣ предлагается сдѣлать ассигновку и возбудить передъ правительствомъ ходатайство объ открытіи подписки.

Городская управа вполне присоединилась къ этому постановленію комиссіи.

Финансовая комиссія нашла, что при настоящемъ положеніи городскихъ финансовъ городъ можетъ только ассигновать въ фондъ на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю 25,000 рублей, съ распределеніемъ этой суммы на пять лѣтъ. Согласно финансовая комиссія также на учрежденіе стипендій имени Н. В. Гоголя въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, предлагая внести съ этой цѣлью въ смѣту 1910 года 2,400 рублей.

ПИСЬМО Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ВЪ НАЧАЛѢ 1860 года моя мать, будучи еще барышней, только что окончившей въ Москвѣ теперешній Александрo-Маріинскій институтъ, тогда называвшійся Петровскимъ училищемъ, пріѣхала изъ имѣнія въ Тверской губерніи на зиму въ Петербургъ погостить къ своей родной сестрѣ, бывшей замужемъ за Александромъ Устиновичемъ Порѣцкимъ, который въ то время былъ очень близокъ къ Өдору Михайловичу Достоевскому. Помимо своего постоянного сотрудничества, а впоследствии и редакторства въ издававшейся тогда «Эпохѣ», А. У. Порѣцкій держалъ корректуру сочиненій Ө. М., многія изъ которыхъ печатались въ этомъ изданіи. У Порѣцкихъ, уже по возвращеніи Ө. М. изъ ссылки, образовался довольно тѣсный кружокъ, гдѣ, помимо Ө. М., бывали Апол. Н. Майковъ, А. М. Скабичевскій, педагогъ П. М. Цейдлеръ, докторъ Яновскій и немногіе другіе. Находясь въ гостяхъ у своей сестры, моя мать и познакомилась впервые съ Ө. М. и даже одно время помогала Порѣцкому въ корректурѣ, такъ что нѣкоторыя изъ произведеній Ө. М., какъ, напримѣръ, «Униженные и оскорбленные», были прочитаны ею еще въ рукописи.

По нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что, продолжая встрѣчаться у Порѣцкихъ съ моей матерью, Достоевскій очень съ нею сошелся. О ея занятіяхъ корректурою его сочиненій Ө. М., конечно, зналъ, и бывало, что, просматривая рукописи Ө. М., моя мать дѣлала иногда даже замѣчанія ему за его очень неразборчивый почеркъ и помарки. Когда лѣтомъ 1861 года она опять уѣхала изъ Петербурга въ имѣніе, то у Достоевскаго завязалась съ нею переписка. Къ сожалѣнію, изъ писемъ Ө. М. сохранилось лишь печатаемое ниже, но зато оно очень характерно и

ярко рисуетъ его не только какъ писателя, но и какъ человѣка. Одно уже его признаніе въ этомъ письмѣ, что ему «нужно мало» и что онъ знаетъ, «что именно ему нужно», а именно только «хорошихъ людей», само по себѣ очень цѣнно для характеристики великаго писателя.

Андрей Коломійцевъ.

Добрѣйшая и многоуважаемая Александра Карловна, вы меня должны простить за то, что я такъ непростительно-долго не отвѣчалъ на ваше милое письмо. Видите, какъ я деспотически начинаю; прямо говорю: должны простить. Но это вовсе не отъ глупой самоувѣренности, что, чего бы я ни пожелалъ, то вотъ сейчасъ и случится, а оттого, что въ душѣ своей считаю себя почти не виноватымъ передъ вами. Столько было въ послѣднее время срочныхъ занятій, что я ужъ никакъ не могъ ихъ бросить и заняться другимъ, чѣмъ бы то ни было. Разумѣется, время всегда было—и при самыхъ срочныхъ занятіяхъ; но я человѣкъ больной, нервный. Когда пишу что-нибудь, то даже думаю объ этомъ и когда обѣдаю, и когда сплю, и когда съ кѣмъ-нибудь разговариваю. Спросите Александра Устиновича, онъ про меня знаетъ. А потому я, получивъ милое письмо ваше, и отложилъ отвѣтъ до конца работы, думая, что кончу навѣрно послѣзавтра, а кончилъ-то чуть не недѣлю спустя послѣ этого послѣзавтра. Но я увѣренъ, что вы меня простили, потому что, несмотря на все ваше самолюбіе¹⁾, вы, кажется, чрезвычайно добры, и потому я теперь буду покоенъ, хотя, признаюсь, буду покоенъ только дня четыре спустя, т. е. тогда, когда ужъ буду совершенно увѣренъ, что вы получили письмо мое.

Ну, дай Богъ, чтобъ деревня для васъ была бы все-таки лучше Кашина—вы хоть немного, но такъ ярко о немъ написали, что, мнѣ кажется, въ немъ довольно досадно вамъ жить, несмотря на нѣкоторое любопытство къ такой обстановкѣ. Мнѣ, знаете ли, что понравилось? Что въ письмѣ вашемъ проглядываетъ какая-то досада, жолчь, когда вы упоминаете о кашинскомъ обществѣ. Стало быть, вы не можете смотрѣть равнодушной наблюдательницей на ненормальное и уродливое.

Я радъ, что въ деревнѣ вамъ, какъ вы пишете, недурно. Не пренебрегайте здоровьемъ, въ особенности купайтесь. А ужъ на зиму непременно приѣзжайте въ Петербургъ. Петербургъ страшно тоскливъ и скученъ, но все-таки въ немъ теперь все, что живетъ у насъ сознательно. А вѣдь это что-нибудь да значить. Вамъ же Петербургъ, несмотря на скверный климатъ, все-

¹⁾ Упоминаю потому, что вы сами объ этомъ упоминаете.

таки будетъ полезенъ даже для здоровья. Вѣдь вы нервны очень, впечатлительны и мечтательны. Слѣдственно, вамъ менѣе, чѣмъ кому-нибудь, надо оставаться въ уединеніи.

Уединеніе всегда найти можно, а людей не всегда, т. е. людей въ смыслѣ общества. А вамъ теперь надо жить и пользоваться жизнью. Чтеніе, напимѣръ, еще не жизнь.

Я въ Москвѣ провелъ время довольно пріятно, но на этотъ разъ Москва мнѣ какъ-то не показалась. Возвратился домой съ удовольствіемъ. Но дома, т. е. въ Колтовской на нашей дачѣ, право, прескучно. Вы спрашиваете: прошла ли моя тоска. Ей-Богу, нѣтъ, и если бѣ не работа, то я бы забодѣлъ отъ унынія. А между тѣмъ, мнѣ такъ мало нужно. Вѣдь я знаю самъ, что мнѣ нужно мало и даже знаю, что именно нужно:—хорошихъ людей. Какъ вы думаете, это много или мало?

Іюнь и іюль простояли у насъ неподобные, но августъ весь сплошь предложливый, все холоднѣе и вѣтренѣе съ каждымъ днемъ, такъ что двадцатого мы всѣ начнемъ перебираться въ городъ. Въ Петербургѣ самое интересное во всѣхъ отношеніяхъ время—осень, особенно если не очень ненастна. Осенью закипаетъ новая жизнь на весь годъ, начинаются новыя предпріятія, пріѣзжаютъ новые люди, являются новыя литературныя произведенія. Предчувствую, что эта осень и зима промелькнутъ скоро; а тамъ, весной, непремѣнно за границу.

Я часто вспоминаю и теперь о нашемъ путешествіи. И какъ мило было со стороны судьбы, что она позволила мнѣ встрѣтиться со всѣми вами. А то бы я очень проскучалъ.

Пріѣзжайте же, пожалуйста, на зиму. Право, это будетъ лучше, чѣмъ оставаться въ деревнѣ.

Не взывайте меня за глупое письмо. Глупое потому, что все о себѣ писалъ. Да простите мнѣ тоже помарки; не умѣю ничего писать безъ помарокъ.

Охотница ли вы до ягодъ, до яблокъ и до грушъ? Вотъ это самое лучшее, что есть въ лѣтѣ¹⁾.

Передайте мой поклонъ и мое уваженіе вашей сестрицѣ и многоуважаемому Александру Устиновичу. А затѣмъ не забудьте Преданнаго вамъ и уважающаго васъ

Э. Достоевскаго.

16 августа/61.
Петербургъ.

¹⁾ Фи, какъ послѣ этого замѣчанія, должно быть, вы меня презираете.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

IV. М. А. Бакунинъ и С. Г. Нечаевъ.

I.

В СМЕРТЬЮ старшаго представителя «династіи «Колокола» въ наличности оставались еще двое—Н. П. Огаревъ и М. А. Бакунинъ. Первый изъ нихъ къ концу шестидесятихъ годовъ, больной и усталый жизнью, находился подъ исключительнымъ вліяніемъ «апостола всемірнаго разрушенія и анархіи», каковое прозвище къ тому времени уже твердо установилось за Бакунинымъ; послѣдній же съ періода польскаго возстанія 1863 г. окончательно разошелся въ нѣкоторыхъ принципиальныхъ своихъ взглядахъ съ главнымъ руководителемъ «Колокола», сохранивъ съ нимъ, однако, неприкосновенными личныя стародавнія дружескія отношенія, и создалъ себѣ въ рядахъ политическихъ борцовъ совершенно исключительное положеніе: онъ обратилъ свое имя въ яркое знамя, около котораго сгруппировались крайніе дѣятели революціонныхъ группъ и фракцій, какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ. Въ виду того, что Бакунину пришлось сыграть въ событіяхъ, которымъ посвящена настоящая часть нашихъ «очерковъ», видную роль, намъ приходится обратиться, въ интересахъ послѣдовательности изложенія, къ фактамъ изъ его жизни, относящимся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXVI, стр. 220.

Съ начала польскаго возстанія Бакунинъ влилъ въ «Колоколь» ту агитаціонную страстность, которой до тѣхъ поръ избѣгалъ его издатель, и пошелъ, что называется, въ польскомъ вопросѣ напроломъ. Онъ не ограничился ролью политическаго трибуна, но выступилъ въ тѣ смутные годы въ качествѣ практическаго участника революціоннаго движенія. Бакунинъ принялъ самое дѣятельное участіе въ фантастической морской экспедиціи пана Липинскаго, имѣвшей главной цѣлью снабженіе необходимымъ оружіемъ инсургентовъ со стороны Балтійскаго моря. Липинскій сначала хлопоталъ въ Лондонѣ о вмѣшательствѣ англичанъ въ польское дѣло, но, потерпѣвъ въ этомъ отношеніи неудачу, подъ вліяніемъ эмиссаровъ возстанія и Бакунина рѣшился приступить именно къ отмѣченной задачѣ. Въ этихъ видахъ былъ зафрахтованъ пароходъ, набрана команда самага пестраго состава, и во главѣ всей экспедиціи сталъ самъ панъ Липинскій, а въ качествѣ главнаго режиссера всего предпріятія М. А. Бакунинъ, принявшій на себя обязанности посредника между революціонерами-повстанцами и сѣверными иностранными державами. Но русское правительство не дремало, и, когда пароходъ Липинскаго былъ уже готовъ къ отплытію, въ устьяхъ Темзы появился русскій корветъ, съ орудіями, направленными по направленію судна волонтеровъ. Липинскій смутился этимъ обстоятельствомъ и бросился за совѣтомъ къ Маццини (извѣстный итальянскій революціонеръ, пользовавшійся среди европейскаго революціоннаго общества громаднымъ авторитетомъ своимъ практическимъ умомъ). Маццини рекомендовалъ Липинскому найти средство подкупить служебный составъ русскаго корвета, и, дѣйствительно, 60 фунтовъ стерлинговъ, потраченныхъ на подкупъ, имѣли результатомъ, что къ моменту отплытія польскаго парохода корветъ очутился въ необходимости починки испортившагося механизма. Липинскій добрался, такимъ образомъ, благополучно до береговъ Швеціи, гдѣ Бакунинъ уже велъ самые дѣятельные переговоры съ тамошнимъ правительствомъ относительно содѣйствія полякамъ. Онъ былъ даже принятъ въ аудіенціи братомъ короля, перевидался съ министрами и разными вліятельными лицами и выдающимися мѣстными общественными дѣятелями. Казалось, дѣло налаживалось хорошо, но именно съ этого-то момента начинается въ ходѣ предпріятія путаница.

Капитанъ парохода (повидимому, подкупленный агентами русскаго правительства) неожиданно объявилъ, что оставаться у береговъ Швеціи, въ виду близости крейсирующихъ русскихъ судовъ, онъ находитъ опаснымъ и настаиваетъ на отплытіи къ Копенгагену. Открывается безтолковое странствованіе по портамъ, причемъ датское правительство настоятельно требуетъ удаленія революціонной экспедиціи, въ виду «нейтралитета» Даніи. Отправившись въ Мальме, гдѣ, высадившись на берегъ, Бакунинъ по-

является во весь свой агитационный ростъ передъ изумленными иностранцами: устраиваетъ митинги, произноситъ громовыя рѣчи на банкетахъ, превозглашаетъ грозные тосты, поетъ революціонные гимны. Но дальше этого политическаго парада дѣло не двигалось да и на самое осуществленіе какихъ-либо дальнѣйшихъ практическихъ дѣйствій не хватало денежныхъ средствъ. За деньгами Бакунинъ бросился въ Стокгольмъ; тѣмъ временемъ команда Липинскаго, въ виду всей безтолочи предпріятія, разсорила, отказалась отъ принятія въ немъ дальнѣйшаго участія. Липинскій плюнулъ на все и, получивъ отъ шведовъ средства на выѣздъ, ликвидировалъ все дѣло и исчезъ съ политическаго горизонта. Тѣмъ временемъ къ Бакунину явилась въ Стокгольмъ изъ Россіи жена, и онъ съ нею вмѣстѣ возвращается въ Лондонъ и въ редакцію «Колокола», посвятивъ теперь все свое время внутреннимъ русскимъ дѣламъ вообще и дѣлу пропаганды въ особенности. О его пребываніи въ Лондонѣ Герценъ даетъ любопытныя свѣдѣнія, рельефно рисующія намъ фигуру и характеръ этого оригинальнѣйшаго представителя русской революціи. «Въ пятьдесятъ лѣтъ, — говоритъ Герценъ ¹⁾, — онъ былъ рѣшительно тотъ же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ же бездомный Bohemien съ rue de Bourgogne, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора направо и налево, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти, берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ что слѣдуетъ на сигары и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть великимъ бродягой, великимъ бездомникомъ. Если бъ его кто-нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ могъ бы сказать, что отвѣчалъ Лаландъ Наполеону о Богѣ: «Sire, въ моихъ занятіяхъ я не встрѣчалъ никакой необходимости въ этомъ правѣ!» Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ... Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появленіе вездѣ... дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія. Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, ересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его, куда хотите, только въ крайній край, анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клоотса, другомъ Гракха, Бабефа, и онъ увлекалъ бы массы и потрясалъ бы

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена, т. III.

судьбами народовъ... Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи родины, т. е. студентской жизни въ Москвѣ: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затыгиваясь, словомъ, такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ, и замѣшательствомъ хозяйской горничной Гроссъ, когда она глубокою ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готовальню славянскаго освобожденія. Долго послѣ отъѣзда В. изъ Лондона въ № 10 Paddington Green рассказывали объ его житьѣ-бытьѣ, ниспровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые ими размѣры и формы. Замятите при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили его... Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла, а ужъ два-три славянина въ его комнатѣ съ отчаянной торопливостью курили; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ, не уставая, говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ. Отъ этой неразборчивости выходили иногда пресмѣшныя вещи...» Когда грянуло польское возстаніе, Герценъ съ грустью увидалъ, что Бакунинъ «запилъ свой революціонный запой» и что съ нимъ не столкнешься теперь. «Онъ шагаль семи-мильными сапогами черезъ горы и море, черезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою «славную славянскую» федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ, и торопился сгладить какъ-нибудь затрудненія, затушевать протіворѣчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ».

Герценъ *volens-nolens* далъ Букунину увлечь себя эксцессами польскаго движенія и, понимая своимъ трезвымъ аналитическимъ умомъ всѣ протіворѣчія, соціальныя, экономическія и политическія, заложенныя въ этомъ движеніи, тѣмъ не менѣ превратилъ редакцію «Колокола» въ штабъ-квартиру польскихъ эмигрантовъ. Послѣдствія не преминули дать о себѣ знать: поляки проиграли кампанію, Герценъ—свою популярность. Но на Бакунина эти обстоятельства ни малѣйше не отразились, и уже въ 1864 г. мы видимъ его во Флоренціи, гдѣ онъ, наконецъ, находитъ истинное примѣненіе своей колоссальной, бурлящей энергіи. Онъ является центромъ политической оппозиціи «всякихъ возрастовъ и всякихъ странъ» и съ присущей ему страстностью, съ шумомъ и при вспышкахъ революціоннаго магнія приступаетъ къ организа-

ціи «с'їзда соціальной демократіи», долженствовавшего провозгласить гибельность для челоуѣчества всѣхъ существующихъ формъ государственности. Съ этого періода онъ и становится однимъ изъ самыхъ видныхъ и яркихъ представителей анархизма и вноситъ свое имя въ лѣтописи западно-европейскаго рабочаго движенія. Съ его именемъ связывается понятіе о цѣлой опредѣленной эпохѣ, послѣднія главы которой не заключены еще и понынѣ.

II.

Къ шестидесятымъ годамъ соціальное движеніе и тѣсно связанный съ нимъ рабочій вопросъ во всей Западной Европѣ послѣ пережитаго въ предшествовавшей періодъ разгрома снова начали крѣпнуть и громко заявлять о себѣ, въ особенности въ Германіи, благодаря яркой дѣятельности и проповѣдничеству Лассалля. «Коммунистическій манифестъ» Маркса и Энгельса съ его призывомъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», выступаетъ изъ временнаго забвенія, и оба выдающіеся представителя крайняго социализма снова становятся тѣми центральными личностями, около которыхъ группируются разрозненныя рабочія организациі, при чемъ среди этихъ организаций разныхъ странъ и народовъ является сильное стремленіе къ объединенію и къ образованію сообщества, одухотвореннаго общностью жизненныхъ интересовъ и цѣлями борьбы за существованіе противъ гнета капитала и эксплуатаціи предпринимателей¹⁾. Такого рода задача и воплотилась въ основаніи «интернаціонала», о которомъ профессоръ Н. И. Карѣевъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія²⁾: «Разгромъ социалистическихъ кружковъ во всѣхъ государствахъ континента, даже въ Швейцаріи, гдѣ въ 1850 году былъ арестованъ цѣлый с'їздъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, дѣлалъ совершенно невозможною и какою бы то ни было международную организацию. Попытка возобновленія въ Лондонѣ «союза коммунистовъ» тоже не была успѣшна. Отъ него вслѣдствіе разногласій съ Марксомъ нѣкоего Виллиха отдѣлился особый «международный социалистическо-демократическій комитетъ», вступившій въ дальнѣйшія сношенія съ единомышленными тайными кружками во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи, но эту организацию выслѣдила полиція Наполеона III, а когда группа Маркса перенесла

¹⁾ Развитие социализма въ Западной Европѣ и рабочаго движенія во всѣхъ фазахъ, его проявленія съ образовавшимися здѣсь организациями и съ указаніемъ ролей въ нихъ выдающихся современниковъ довольно обстоятельно и популярно изложено въ т. VI (ч. 1) «Исторіи Западной Европы въ новое время» Н. И. Карѣева. Въ этой же книгѣ читатели найдутъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о роли въ развитіи анархизма М. А. Бакунина (гл. 2).

²⁾ «Исторія Западной Европы въ новое время», т. VI.

центръ своей дѣятельности въ Кельнѣ, то тутъ ее накрыла въ 1851 года прусская полиція, что привело къ знаменитому процессу коммунистовъ 1852 года. Разногласія Маркса и Виллиха касались вопроса о томъ, нужно ли ограничиться одною идейною пропагандою (точка зрѣнія Маркса), или готовить вооруженное возстаніе

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

(точка зрѣнія Виллиха); но послѣ кельнскаго процесса Марксъ, считая невозможною даже пропаганду, распустилъ свой союзъ. Но въ Марксѣ продолжала жить идея международнаго социалистическаго союза, и онъ ухватился за вышедшій изъ круга англійскихъ тредъ-юніоновъ планъ международной организаціи рабочихъ. 28 сен-

тября 1864 года состоялось въ Лондонѣ собраніе, которое поручило комитету изъ пятидесяти членовъ составить уставъ задуманнаго союза. Въ комитетъ попалъ, между прочимъ... и бывшій инициаторъ «Молодой Европы» Маццини, и авторъ «Коммунистическаго манифеста». Оба они представили по проекту, но предложенная Маццини организація была отвергнута, и принятъ былъ уставъ, написанный Марксомъ. «Общій принципъ устава выставлялъ формулу: «нѣтъ правъ безъ обязанностей и нѣтъ обязанностей безъ правъ». Главныя положенія устава «интернаціонала» сводились къ тому, что цѣль всего союза — «служить центромъ для сношенія и совмѣстной дѣятельности рабочихъ разныхъ странъ, стремящихся къ взаимопомощи, развитію и полному освобожденію рабочаго класса». Въ этихъ видахъ должны были собираться конгрессы, на обязанности которыхъ было «знакомить Европу съ общими стремленіями рабочихъ, окончательно выработать уставъ международнаго союза, изыскивать наиболѣе дѣйствительныя мѣры къ развитію его дѣятельности и выбирать членовъ центрального комитета союза». Мѣстопробываніемъ комитета назначенъ былъ Лондонъ. Задачею комитета положено: «поддерживать сношенія съ разными рабочими ассоціаціями для того, чтобы рабочіе каждой страны могли всегда быть поставлены въ извѣстность относительно движенія своего класса въ другихъ странахъ». Кроме того, постановлено, чтобы «вопросы, представленные какимъ-либо обществомъ, разсмотрѣніе которыхъ представляетъ общій интересъ, обсуждались всѣми входящими въ союзъ обществами, дабы въ томъ случаѣ, когда практическія соображенія или какое-нибудь международное осложненіе потребуеетъ вмѣшательства союза, онъ могъ дѣйствовать единодушно». Членамъ интернаціонала вмѣнялось въ обязанность всѣми силами добиваться въ каждой странѣ объединенія всѣхъ рабочихъ организацій въ одинъ національный союзъ, а также основанія какого-нибудь соціальнаго органа. Всѣ организаціи, хотя и связанныя между собою братскими узами, могли, однако, существовать и на началахъ, особыхъ для каждой изъ нихъ.

Вскорѣ къ ядру интернаціонала стали примыкать разнородныя рабочія организаціи итальянцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, французовъ и пр. до русскихъ включительно (въ 1870 г.), сосредоточившихся тогда въ Женевѣ. Всѣ эти организаціи составляли какъ бы развѣтвленія единаго интернаціонала, являлись его филиями и секціями. Когда основалась русская секція въ Женевѣ и выразила желаніе вступить въ общую организацію «Международнаго товарищества рабочихъ», то ей былъ присланъ слѣдующій циркулярный отвѣтъ отъ лондонскаго комитета¹⁾:

¹⁾ За сто лѣтъ (1800—1896). Сборникъ, составленный В. Бурцевымъ.

«Граждане!

«Въ своемъ засѣданіи 22 марта главный совѣтъ объявилъ, единодушнымъ вотомъ, что ваша программа и статуты согласны съ общими статутами международнаго товарищества рабочихъ. Онъ послѣдшилъ принять вашу вѣтвь въ составъ интернаціонала. Я съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую вы мнѣ предлагаете, быть вашимъ представителемъ при главномъ совѣтѣ.

«Вы говорите въ вашей программѣ:

«что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормозъ, одинаково препятствующій политической и соціальной свободѣ обоихъ народовъ, какъ русскаго, такъ и польскаго».

«Вы могли бы прибавить, что русскій насильственный захватъ Польши есть пагубная опора и настоящая причина существованія военнаго режима въ Германіи и, вслѣдствіе того, на цѣломъ континентѣ. Поэтому, работая надъ развитіемъ цѣпей Польши, русскіе социалисты возлагаютъ на себя высокую задачу, заключающуюся въ томъ уничтоженіи военнаго режима, которое существенно необходимо, какъ предварительное условіе для общаго освобожденія европейскаго пролетаріата.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ прислали изъ Петербурга сочиненіе Флеровскаго: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Это настоящее открытіе для Европы. Русскій оптимизмъ, распространенный на континентѣ даже такъ называемыми революціонерами, беспощадно разоблаченъ въ этомъ сочиненіи. Достоинство его не пострадаетъ, если я скажу, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполне удовлетворяетъ критикѣ съ точки зрѣнія чисто теоретической. Это — трудъ серьезнаго наблюдателя, безстрашнаго труженника, безпристрастнаго критика, мощнаго художника и, прежде всего, человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ, не терпящаго всевозможныхъ національных гимновъ и страстно дѣлящаго всѣ страданія и всѣ стремленія производительнаго класса.

«Такіе труды, какъ Флеровскаго и какъ вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка. Привѣтъ и братство. Лондонъ 24 марта 1870 г.

«Карлъ Марксъ».

Первая конференція собралась въ 1865 г. въ Лондонѣ и составъ ея былъ дѣйствительно международный; въ ней участвовали: англичане, французы, бельгійцы, нѣмцы, швейцарцы, итальянцы, поляки, а также многіе мѣстные жители. Здѣсь, между прочимъ, принята была резолюція о необходимости «возстановленія Польши съ демократическимъ устройствомъ». Конференція эта обратила на себя живѣйшее вниманіе европейскихъ правительствъ, видныхъ политическихъ дѣятелей, вызвала немало журнальныхъ статей и послужила отправною точкою къ ряду однородныхъ организацій на континентѣ, изъ которыхъ на первую очередь слѣдуетъ поставить швейцарскія организаціи, которыя и имѣли огромное вліяніе на развитіе соціалистическихъ и революціонныхъ идей среди многочисленныхъ бывшихъ въ то время тамъ русскихъ политическихъ эмигрантовъ и представителей обоюдо пола учащейся молодежи (въ особенности женщинъ). Черезъ нихъ идеи и задачи

интернаціонала проникли въ Россію и оказали и здѣсь свое значительное вліяніе на молодежь, уже сдвинувшуюся къ тому времени въ сторону широкой пропаганды соціалистическихъ заданій среди рабочаго населенія родной страны.

Извѣстный народоволецъ, покойный нынѣ, С. М. Степнякъ-Кравчинскій, въ своей книгѣ «Подпольная Россія» ¹⁾, говоря о развитіи стремленія молодежи къ соціально-революціонной пропагандѣ и отмѣтивъ, что вліяніе на эти стремленія имѣла въ своихъ первоначальныхъ корняхъ проповѣдь Чернышевскаго, Добролюбова, Герцена и другихъ, говоритъ: «вскорѣ къ этимъ русскимъ теченіямъ присоединилась новая могучая волна изъ-за границы. Она имѣла своимъ источникомъ «международное общество рабочихъ», достигшее, какъ извѣстно, своей наибольшей силы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, немедленно послѣдовавшихъ за парижской коммуной. Здѣсь также слѣдуетъ различать два отдѣльныхъ пути, которыми вліяніе интернаціонала передавалось въ Россію; съ одной стороны, это происходило путемъ литературы, а съ другой — путемъ непосредственнаго воздѣйствія на отдѣльныхъ личностей. Два писателя — Михаилъ Бакунинъ, ораторъ и агитаторъ, основавшій анархическую или федералистическую секцію интернаціонала, и Петръ Лавровъ, выдающійся философъ и публицистъ, оказали своимъ перомъ большую услугу нашему дѣлу; первый, какъ авторъ книги «О революціи и федерализмѣ», въ которой развиваются идеи о необходимости немедленнаго возстанія; послѣдній въ качествѣ редактора журнала «Впередъ», изданіе котораго онъ выносилъ почти исключительно на своихъ плечахъ. Несмотря на ихъ разногласія по нѣкоторымъ вопросамъ, оба писателя признавали крестьянскую революцію единственнымъ средствомъ, способнымъ дѣйствительно видоизмѣнить нестерпимое положеніе русскаго народа.

«Но интернаціоналъ имѣлъ также и непосредственное вліяніе на русское движеніе... Борьба за эмансипацію женщины слилась съ стремленіемъ послѣдней къ высшему образованію. Доступъ въ высшія учебныя заведенія былъ закрытъ для русскихъ женщинъ и вотъ онѣ рѣшили отправляться за границу, чтобы тамъ пріобрѣтать знанія, въ которыхъ отказывала имъ родина. Свободная Швейцарія, когда-то ни для кого не закрывавшая ни своихъ границъ, ни своихъ университетовъ, стала излюбленной страной этихъ новыхъ пилигримовъ, и одно время знаменитый городъ Цюрихъ былъ ихъ Іерусалимомъ. Со всѣхъ концовъ Россіи — съ Волги, тихаго Дона, Кавказа, изъ далекой Сибири, молодыя дѣвушки, чуть не дѣвочки, съ легкимъ чемоданчикомъ въ рукахъ

¹⁾ С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Ч. II. «Подпольная Россія», изд. бібліотеки «Свѣточа».

и почти безъ средствъ, отправлялись за тысячи верстъ, сгорая жаждой знаній, которыя только и могли обезпечить имъ желанную независимость. Но, по прибытіи въ страну, бывшую предметомъ ихъ мечтаній, онѣ находили тамъ не только медицинскія школы, но и рядомъ съ этимъ широкое общественное движеніе, о которомъ многія изъ нихъ не имѣли ни малѣйшаго понятія...

«Что такое вся эта наука, спрашивали себя молодыя дѣвушки, какъ не средство къ пріобрѣтенію болѣе выгоднаго положенія въ средѣ привилегированныхъ классовъ, къ которымъ мы уже принадлежимъ? Кто, кромѣ насъ самихъ, воспользуется всеми предоставляемыми знаніемъ преимуществами? А если никто, то какая же разница между нами и всей этой массой кровопійцъ, живущихъ на счетъ пота и слезъ нашего несчастнаго народа?»

«И вмѣсто медицинской школы дѣвушки начинали посѣщать засѣданія интернаціонала, изучать политическую экономію и сочиненія Маркса, Бакунина, Прудона и другихъ основателей европейскаго социализма. Вскорѣ Цюрихъ изъ мѣста научныхъ занятій превратился въ одинъ громадный клубъ. Молва о немъ распространилась по всей Россіи и привлекала туда цѣлыя сотни молодежи. Тогда не въ мѣру предусмотрительное правительство издало нелѣпый и позорный указъ 1873 года, повелѣвшій всемъ русскимъ, подъ угрозой объявленія ихъ внѣ закона, немедленно покинуть этотъ страшный городъ. Правительство подало, что называется, палецъ въ небо.

«Дѣло въ томъ, что въ средѣ русскихъ, пребывавшихъ въ Цюрихѣ, уже и безъ того возникали болѣе или менѣе опредѣленные планы возвращенія на родину, съ цѣлью распространенія тамъ идей интернаціонала, и указъ привелъ только къ тому, что, вмѣсто возвращенія поодиночкѣ и постепенно, вернулись почти все поголовно и разомъ. Съ восторгомъ встрѣченные своими друзьями и въ Россіи, они немедленно принялись со всемъ пыломъ молодости за распространеніе идей международнаго социализма.»

Таково свидѣтельство близкаго въ свое время къ дѣлу социалистической пропаганды въ Россіи лица. Такимъ образомъ связь съ этой пропагандой и съ нарастаніемъ у насъ революціонныхъ идей интернаціонала внѣ сомнѣній, какъ равно непреложнымъ фактомъ здѣсь является и вліяніе на ходъ русскихъ событій Бакунина, примкнувшаго къ международному союзу рабочихъ и сыгравшаго въ этомъ союзѣ выдающуюся роль.

III.

Переѣхавъ изъ Лондона въ Италію, Бакунинъ на первыхъ же порахъ основываетъ «международное братство», главная задача котораго сводилась къ распространенію атеизма, какъ бы въ под-

твержденіе выдвинутого имъ афоризма, что если бы въ дѣйствительности и существовалъ Богъ, то «его надо уничтожить»; тогда же онъ выдвигаетъ и проповѣдь чистаго анархизма, поучаетъ о необходимости замѣны государства добровольными союзами, установленія коллективной собственности, объявленія труда основою правильной общественной организаціи. Въ 1867 г. въ Женевѣ собралась «Лига мира и свободы», въ которой Бакунинъ принялъ дѣятельное участіе, занявъ здѣсь мѣсто члена генеральнаго совѣта и употребилъ все свое вліяніе, чтобы «лига» влилась въ составъ тогда уже окрѣпшаго «интернаціонала»; но сліяніе этихъ двухъ по многуму однородныхъ организацій не состоялось, и главнымъ образомъ потому, что Бакунинымъ была представлена слишкомъ крайняя программа, да и руководители интернаціонала (главнымъ образомъ Марксъ), быть можетъ, устрашились его диктаторскихъ поползновеній. Тѣмъ не менѣе онъ самъ былъ все же принятъ въ составъ международнаго общества въ качествѣ члена женевского отдѣленія, гдѣ и значился какъ «publiciste délégué des ouvriers orolistes de Lyon». Между нимъ и Марксомъ съ того времени началась упорная, то явная, то скрытая борьба, которая временами какъ бы заключалась перемиріями, но вскорѣ засимъ снова возгоралась, при чемъ сочувствіе большинства оставалось по преимуществу за сдержаннымъ и корректнымъ Марксомъ, въ жизненномъ формулярѣ котораго не встрѣчались тѣ бреши, которыми была богата необузданная дѣятельность его русскаго антагониста. Профессоръ Карѣевъ¹⁾, касаясь вопроса объ этой борьбѣ двухъ видныхъ дѣятелей рабочаго движенія, отмѣчаетъ, что историки интернаціонала и анархизма разно освѣщаютъ распрю между ними. Иные утверждаютъ, что въ ихъ взглядахъ въ сущности нѣтъ особаго принципиальнаго разномыслія, а что все сводилось къ различію ихъ ума и характера. «На самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—было, конечно, не такъ. Какъ ни близки они были другъ другу, по многимъ основнымъ пунктамъ отрицательной критики современнаго государственнаго и общественнаго строя, по не менѣе важнымъ пунктамъ они очень между собою расходились. Для Бакунина непосредственною цѣлью всѣхъ стремленій было разрушеніе государства, которое должно было наступить тотчасъ же послѣ побѣды народной революціи. Если, думалъ онъ, изъ прежняго порядка оставить неприкосновеннымъ хотя бы одно только какое-либо учрежденіе, то легко и вся разрушенная революціей организація, пожалуй, снова воспрянетъ къ жизни. Марксъ, наоборотъ, не разрушалъ государства, которое должно было только сдѣлаться орудіемъ диктатуры пролетаріата, когда, пользуясь своею властью, коммунисты начнутъ постепенно осуществлять новый соціально-экономическій строй,

¹⁾ «Исторія Западной Европы въ новое время», т. VI.

имѣющій, такимъ образомъ, не сразу водвориться, а лишь путемъ ряда переѣвъ въ извѣстномъ направленіи. Конечно, въ разногласіи Маркса и Бакунина играла немалую роль и разница въ свойствахъ ихъ ума и характера. Марксъ былъ сдержаннѣе, осторожнѣе, и потому оба они рѣзко расходились и въ пониманіи какъ непосредственныхъ задачъ, такъ и тактики интернаціонала. Наконецъ, нѣкоторые историки не прочь въ объясненіи марксо-бакунинской распри выдвинуть на первый планъ и соперничество между ними чисто-личнаго характера съ мелочными и низменными мотивами. Это, конечно, преувеличеніе, но несомнѣнно, что въ дѣлѣ немалую роль играли и чисто личные дрязги. Бакунинъ, напр., жаловался, что еще «во время его скитаній по нѣмецкимъ и русскимъ тюрьмамъ Марксъ и его единомышленники распространили про него въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ грязную клевету, утверждая, будто онъ вовсе не былъ заключенъ въ крѣпость, а, напротивъ, былъ принятъ императоромъ Николаемъ съ распростертыми объятіями и наслаждался въ Петербургѣ всѣми удовольствіями столичной жизни». Болѣе достовѣрно извѣстно, что надъ Бакунинымъ тяготѣло обвиненіе или подозрѣніе, совершенно нелѣпое, что онъ—русскій шпіонъ¹⁾. Въ 1864 году у него съ Марксомъ произошло объясненіе, окончившееся наружнымъ примиреніемъ, такъ какъ, по словамъ Бакунина, онъ уже болѣе не вѣрилъ Марксу, хотя, прибавлялъ онъ самъ, и не чувствовалъ болѣе къ нему неприязни. Потомъ, однако, снова возникли враждебныя отношенія между сторонниками Маркса и Бакунина, причѣмъ дѣло доходило до разбирательства на судѣ чести. И въ оцѣнкѣ поведенія Маркса и Бакунина во время ихъ распри историки эпохи между собою очень несогласны. Для марксистовъ Бакунинъ является главнымъ виновникомъ дезорганизации интернаціонала, гениемъ разрушенія, даже «чудовищною, политически-преступною натурою»... но другіе авторы, не принадлежащіе къ лагерю правовѣрныхъ марксистовъ, не видятъ ничего ужаснаго въ томъ, что Бакунинъ боролся съ Марксомъ, разъ искренно былъ убѣжденъ въ большей вѣрности своихъ взглядовъ сравнительно съ взглядами Маркса».

Обращаясь лично къ Бакунину, профессоръ Карѣевъ говоритъ: «Въ сущности, дѣлю стремленій Бакунина было противопоставить интернаціоналу свой, другой интернаціоналъ, съ своимъ же особымъ центральнымъ комитетомъ, который подъ руководствомъ Бакунина долженъ былъ засѣдать въ Женевѣ и пользоваться правомъ, подобно лондонскому генеральному совѣту, присоединять свои секціи. Членовъ своего союза социалистической демократіи

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, что тяготѣніе Бакунина къ славянству, славянофильскій оттѣнокъ его революціоннаго катехизиса казались нѣмцамъ, и въ особенности Марксу—нѣмецкому сврею, всегда подозрительными и непонятными. Здѣсь сказались расовыя черты обоихъ представителей всемірной революціи.

онъ вербовалъ среди романскихъ націй, во французской и итальянской Швейцаріи, во Франціи, въ Италиі, въ Испаниі, въ Бельгиі, а когда союзъ этотъ формально былъ распущенъ, тайно связь между его членами попрежнему продолжала все-таки существовать. Между генеральнымъ совѣтомъ и руководимымъ Бакунинымъ союзомъ начались пререканія, и еще большія распри происходили въ нѣдрахъ секцій романской Швейцаріи. Въ дѣло вмѣшался генеральный совѣтъ, но окончательно долженъ былъ рѣшить его конгрессъ, которому въ 1870 году не удалось собраться. Болѣе важныя событія этого года ¹⁾ заслонили собою дразги, происходившія при участіи Бакунина въ швейцарской Юрѣ среди тамошнихъ секцій Интернаціонала».

Вопросъ объ отношеніи къ Бакунину со стороны интернаціонала былъ поставленъ особенно остро послѣ того, какъ разыгралась вся Нечаевская исторія и на судѣ надъ Нечаевымъ въ Петербургѣ обнаружили всѣ способы его дѣйствій и средства, коими онъ въ своихъ поступкахъ руководился, причемъ выяснилась и близость къ нему Бакунина. Объ отношеніяхъ этихъ двухъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія мы будемъ говорить болѣе подробно въ слѣдующихъ главахъ, а пока отмѣтимъ лишь то, что касается непосредственно и исключительно одного Бакунина, дабы исчерпать въ одномъ мѣстѣ факты его жизни и опредѣлить его положеніе въ общемъ ходѣ революціоннаго движенія европейскихъ народовъ. Вотъ эта-то близость къ Нечаеву и послужила въ рукахъ недруговъ Бакунина сильнымъ орудіемъ противъ него, которымъ они и не преминули воспользоваться, чтобы выбросить его изъ состава международной рабочей организаціи. Лондонская конференція, по предложенію общаго совѣта, руководимаго Марксомъ, рѣшила разслѣдовать участіе Бакунина въ дѣлѣ Нечаева и поручила извѣстному уже читателямъ по исторіи «Земли и Воли» эмигранту Николаю Утину составленіе по сему предмету доклада. Въ 1872 году и былъ послѣднимъ представленъ гаагскому конгрессу интернаціонала обширный докладъ о Бакунинѣ или, правильнѣе, обвинительный актъ, гдѣ нашъ эмигрантъ выставленъ «апостоломъ нигилизма» и представленъ въ крайне непривлекательномъ видѣ. Тщетно протестовалъ Бакунинъ противъ взводимыхъ на него обвиненій, объясняя между прочимъ свою близость къ Нечаеву, какъ временную, какъ посредническую между нимъ и Герценомъ въ вопросѣ о присвоеніи денегъ изъ «общаго фонда», и указывалъ на свои послѣдующія протестующія дѣйствія, направленные по адресу Нечаева. Но его защита не была тверда; многія неосторожныя мѣста въ его письмахъ къ разнымъ лицамъ, приведенныя въ докладѣ, опрокидывали силу его защиты, результатомъ чего явилось исклю-

¹⁾ Франко-германская война, главнымъ образомъ.

ченіе Бакунина изъ интернаціонала, который, впрочемъ, вслѣдъ засимъ и самъ распался и въ значительной мѣрѣ изъ-за бакунинскаго вопроса. Тогда Бакунинъ занялъ вліятельное положеніе въ Юрской федераціи при сильной поддержкѣ русскихъ друзей, придавъ ей характеръ генеральнаго интернаціонала, но вмѣстѣ съ тѣмъ на его душу легло нелегкимъ бременемъ отношеніе къ нему еще недавнихъ соперниковъ. При всемъ своемъ легковѣріи, граничившемъ часто съ простодушнымъ легкомысліемъ, онъ сознавался въ сдѣланныхъ ошибкахъ, вспоминая свои отношенія къ Нечаеву. «Нечего и говорить,—писалъ онъ Огареву:—какую роль глупцовъ сыграли мы. Если бы былъ живъ Герценъ, какъ бы онъ надъ нами зло посмѣялся и какъ бы былъ онъ правъ. Теперь намъ остается только проглотить эту горькую пилюлю и быть осторожнѣе на будущее время».

Несмотря на то, что начавшіеся семидесятые годы были неблагополучными для политической репутаціи Бакунина, ему пришлось, однако, играть выдающуюся роль во время франко-прусской войны. Жемсъ Гильомъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ русскому «апостолу анархіи», рисуетъ его участіе въ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ такъ ¹⁾: «Въ его глазахъ пораженіе Франціи феодальной и военной Германіей было бы триумфомъ контръ-революціи: избѣгнуть этого пораженія возможно было только призывомъ всего французскаго народа къ возстанію, чтобы не допустить иностраннаго нашествія и въ то же время избавиться отъ внутреннихъ тирановъ, державшихъ его въ политическомъ и экономическомъ рабствѣ. Онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Ліонъ: «Патріотическое движеніе въ 1792 году—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы должны сдѣлать теперь, чтобы спасти Францію... Итакъ, возстаньте, друзья, съ пѣніемъ Марсельезы, которая въ настоящій моментъ—законный гимнъ Франціи, гимнъ свободы, гимнъ народа, гимнъ челоуѣчества, потому что дѣло Франціи стало дѣломъ челоуѣчества. Становясь патріотами, мы спасаемъ всемірную свободу... О, если бы я былъ молодъ, я не писалъ бы писемъ, а былъ бы среди васъ!» Вслѣдъ засимъ онъ напечаталъ на ту же тему брошюру подъ названіемъ «Письмо къ французу».

IV.

Далѣе, согласно показаніямъ Жемса Гильома, Бакунинъ девятого сентября 1870 года уѣхалъ изъ Локарно въ Ліонъ и прибылъ туда пятнадцатаго. Тотчасъ же образовался «Комитетъ спасенія Франціи», чтобы организовать революціонное возстаніе; Бакунинъ былъ самымъ дѣятельнымъ и самымъ смѣлымъ его членомъ; программа

¹⁾ «Былое» 1906 г., августъ.

«Истор. вѣстн.», май, 1909 г., т. сxvi.

движенія была опубликована 26 сентября въ видѣ прокламаціи на красной бумагѣ, подписанной делегатами Ліона, Сентъ-Этьена, Тарара, Марселя. Бакунинъ, хотя и иностранецъ, ни минуты не колебался присоединить свою подпись къ подписямъ друзей, чтобы раздѣлить съ ними всѣ опасности и отвѣтственность. Прокламаціи эти объявляли, что «административная и правительственная машина государства, сдѣлавшись безсильною, отмѣняется» и что «французскій народъ беретъ самъ въ свои руки все дѣло», и затѣмъ предлагали всѣмъ общинамъ Франціи образовать комитеты спасенія и немедленно прислать въ Ліонъ по два делегата отъ каждого районнаго комитета, изъ которыхъ «образуется революціонный конвентъ для спасенія Франціи». Народное движеніе 26 сентября помогло революціонерамъ овладѣть ратушей (Hôtel de ville) Ліона; но измѣна генерала Кюзере и трусливость нѣкоторыхъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ народа, привели къ нарушенію этой попытки. Относительно Бакунина прокуроромъ республики былъ изданъ приказъ о немедленномъ его арестѣ, но, несмотря на это, ему удалось уѣхать въ Марсель, гдѣ онъ, скрываясь нѣкоторое время, подготовлялъ новое движеніе. Французскія власти усердно распространяли тогда слухъ, что онъ служитъ агентомъ Пруссіи, и что правительство Національной Защиты имѣетъ доказательства этого; а Либкнехтъ, съ своей стороны, напечаталъ въ «Volksstaat» нѣсколько строкъ о движеніи 26 сентября въ Ліонѣ и о прокламаціи на красной бумагѣ, въ заключеніе прибавляетъ: «чтобы служить замысламъ Бисмарка, даже полицейское бюро прессы въ Берлинѣ ничего не могло лучше этого сдѣлать».

24 октября Бакунинъ, крайне огорченный положеніемъ Франціи, оставилъ Марсель, перебравшись на бортъ корабля, капитаномъ котораго былъ другъ его друзей, чтобы черезъ Геную и Миланъ вернуться въ Локарно. Наканунѣ отъѣзда онъ писалъ письмо Сентиньону, истинному социалисту, пріѣхавшему во Францію съ надеждою вмѣшаться въ революціонное движеніе: «Французскій народъ совсѣмъ нереволуціонеръ... Милитаризмъ, бюрократизмъ, дворянская надменность и протестантскій іезуитизмъ Пруссіи, дружески соединившись съ кнутомъ моего дорогого суверена и императора всея Россіи, торжествуютъ побѣду на континентѣ Европы, вѣроятно, на очень продолжительное время. Прощайте всѣ наши мечты о грядущей эмансипаціи!» Движеніе, вспыхнувшее въ Марселѣ 31 октября, спустя семь дней послѣ отъѣзда Бакунина, подтвердило его пессимистическій приговоръ: революціонная коммуна, учрежденная въ Hôtel de ville подъ впечатлѣніемъ капитуляціи Базена, продержалась только пять дней и 4 ноября передала свою власть въ руки комиссара Гента, присланнаго Гамбеттой.

Вернувшись въ Локарно, гдѣ онъ всю зиму прожилъ въ уединеніи, испытывая, большую матеріальную нужду и лишения, Бакунинъ

написалъ «L'Empire knouto-germanique et la revolution sociale», которая служитъ продолженіемъ «Писемъ къ французу» и выясняетъ новое положеніе Европы, созданное войною; брошюра эта появилась весною 1871 года. Извѣстіе о парижскомъ возстаніи 18-го марта отчасти опровергало его мрачныя предсказанія, показавъ, что парижскій пролетаріатъ, по меньшей мѣрѣ, сохранилъ свою энергію и свой бунтовской духъ. Но героизмъ парижскаго народа не въ силахъ былъ гальванизировать истощенную и побѣжденную Францію: многочисленныя попытки въ разныхъ мѣстахъ провинціи распространить коммунальное движеніе потерпѣли крушеніе, и храбрые парижскіе инсургенты были, наконецъ, раздавлены численнымъ превосходствомъ врага, и Бакунинъ, съ конца апрѣля жившій среди юрскихъ друзей, чтобы быть ближе къ французской границѣ, снова долженъ былъ вернуться въ Локарно перваго іюня. Но на этотъ разъ онъ былъ далеко не обезкураженъ. Парижская коммуна, предметъ страшной ненависти всей коализированной реакціи, зажгла искру надежды въ сердцахъ всѣхъ эксплуатируемыхъ; пролетаріатъ всего міра привѣтствовалъ героическій народъ, потоками проливавшій свою кровь за эмансипацію человѣчества; «современный Сатана, великій бунтовщикъ, побѣжденъ, но не успокоенъ», по выраженію Бакунина. Итальянскій патріотъ Маццини присоединилъ свой голосъ къ тѣмъ, кто проклиналъ Парижъ и интернаціоналъ; Бакунинъ написалъ «Réponse d'un internationale à Mazzini», появившійся въ августѣ 1871 г. одновременно по-итальянски и по-французски; онъ произвелъ огромную сенсацію въ Италіи и среди молодежи и рабочихъ вызвалъ большое движеніе умовъ, послужившее основанію многочисленныхъ секцій интернаціонала къ концу 1871 года. Вторая его брошюра «La theologie politique de Mazzini et l'Internationale» окончила начатое дѣло, и Бакунинъ, создавшій интернаціоналъ въ Испаніи, благодаря отправкѣ туда Фанелли въ 1868 году, теперь создалъ интернаціоналъ въ Италіи, благодаря полемикѣ его съ Маццини въ 1871 году. Итальянскій интернаціоналъ съ жаромъ бросился въ борьбу не только противъ господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, но и противъ покушеній отдѣльныхъ лицъ, стремившихся въ этотъ моментъ установить принципы власти въ Международной ассоціаціи рабочихъ.

Въ этотъ періодъ своей жизни Бакунинъ, по показаніямъ другаго его біографа, П. М. Андерсона¹⁾, «точно отступился отъ Россіи, отъ плановъ ея переустройства, скептически отзываясь о возможности у насъ измѣненія какъ политическихъ, такъ и экономическихъ основъ. Нѣмцевъ Бакунинъ и прежде не жаловалъ, разочаровавшись въ нихъ послѣ 48 года. Будущее Бакунинъ ви-

¹⁾ «Борцы освободительнаго движенія. М. А. Бакунинъ».

дѣлъ за романскими народами, способными на крайніе психическіе эксцессы, на силу которыхъ, какъ крупнаго двигателя, онъ всегда возлагалъ большія упованія. Итальянцы особенно пришли по духу Бакунину. Онъ ради нихъ-то и поселился въ Локарно, на границѣ Италіи съ Швейцаріей — своего рода революціонномъ очагѣ тогдашняго времени. Лебединою пѣснью Бакунина была его попытка повліять присутствіемъ своимъ на успѣхъ проектировавшагося возстанія въ Болоньѣ. Международное общество революціонеровъ, дѣйствовавшее въ Италіи, задумало изъ Болоньи подать сигналъ ко всеобщей итальянской революціи, которая и должна была бы окончательно вырвать Италію изъ цѣпей ненавистнаго прошлаго, путемъ насажденія новаго соціального правопорядка. Бакунинъ не задумался использовать свою близкую смерть на благо переворота. По его плану, въ разгаръ возстанія онъ, полуживой уже старикъ, предполагалъ явиться въ Болонью, воодушевить бойцовъ своимъ присутствіемъ, сыграть роль ветхаго почетнаго знамени революціи и найти свою смерть на улицахъ. Но выполнить такой невиданный драматическій эффектъ Бакунину не удалось. Вооруженное возстаніе не клеилось, а пока собирались, итальянская жандармерія напала на скрытое оружіе — и все рухнуло. Бакунина, поджидавшаго въ окрестностяхъ Болоньи желаннаго сигнала, какой-то сердобольный крестьянинъ довезъ до ближайшей желѣзнодорожной станціи запряганнымъ въ сѣно, и Бакунинъ кое-какъ добрался доерна, гдѣ жилъ его другъ молодости докторъ Адольфъ Фогтъ. Старики тепло встрѣтились. «Вѣчный бродяга» пріѣхалъ умереть» и дѣйствительно 1 іюля 1876 г. въ бѣдненькомъ номерѣ сѣренькой гостиницы его не стало.

Третьяго іюля стѣхались соціалисты изъ разныхъ мѣстностей, чтобы отдать послѣдній долгъ нашему соотечественнику. Надъ его могилой произнесенъ былъ рядъ рѣчей представителями различныхъ народностей, и тутъ же было высказано пожеланіе, чтобы всѣ присутствующіе соціалисты предали забвенію на могилѣ Бакунина всѣ личныя распри и дѣйствительно, наконецъ, объединились на почвѣ свободы. Въ этомъ духѣ и была составлена опредѣленная резолюція, которая, казалось, дѣйствительно должна была пролить миръ и согласіе на международное рабочее движеніе. Но идеальныя пожеланія остались только идеальными: распри въ движеніи не прекратились, какъ равно не кончилось и враждебное отношеніе къ тому, на могилѣ котораго провозглашались миръ и согласіе. Личныя и принципиальныя враги Бакунина продолжали клеймить его и его дѣятельность на страницахъ разныхъ органовъ печати, и фигура апостола анархіи во многихъ отношеніяхъ остается въ памяти потомства невыясненною и съ тѣневыми пятнами на ней. Одно ясно: онъ былъ, по выраженію одного его врага, «фигура колоссальная! Тѣнь ея падаетъ на всю Россію».

V.

Вліяніе Бакунина на русскую эмиграцію заключалось не столько въ лично преподаваемомъ имъ примѣрѣ активной революціонной дѣятельности, которая гипнотизировала окружающихъ, слѣпила и взвинчивала нервы, сколько въ томъ писаніи, которое обильно за тотъ періодъ времени выходило изъ-подъ его пера. Литературная агитація велась имъ съ удивительной энергіей, и можно сказать, что большая часть печатнаго матеріала, которымъ наполнялись русскія заграничныя изданія, принадлежала именно его авторству, гдѣ въ однихъ случаяхъ статьи цѣликомъ были имъ написаны, въ другихъ редактированы, въ третьихъ намѣчены темами и литературнымъ выполненіемъ. Въ брошюрѣ В. М. Андерсона «Борцы освободительнаго движенія» сдѣланъ сводъ его «сочиненій», но сюда отнесены только главнѣйшія, вышедшія по преимуществу отдѣльными брошюрами или подписанныя его именемъ. Разныя передовыя и редакціонныя статьи въ такихъ изданіяхъ, какъ «Народное Дѣло», «Народная Расправа», «Просвѣщеніе», выходившія въ Швейцаріи изъ русскихъ вольныхъ типографій, судя по ихъ слогу и порядку изложенныхъ въ нихъ мыслей, принадлежатъ, несомнѣнно, именно Бакунину, но, какъ временный газетный и журнальный матеріалъ, не помѣченный именемъ ихъ автора, не отнесены въ списокъ его сочиненій. Послѣднія вообще постигла довольно печальная участь. Послѣ смерти Бакунина составилъ особый комитетъ, задавшійся цѣлью популяризировать покойнаго революціонера-анархиста въ широкихъ слояхъ публики и для того привести въ извѣстность все имъ написанное и напечатанное. Эта задача была возложена на бывшаго сотрудника «Русскаго Слова», радикальнаго писателя В. А. Зайцева, но смерть помѣшала ему осуществить предпріятіе. Жена Бакунина, находившаяся съ покойнымъ мужемъ, повидимому, въ довольно холодныхъ отношеніяхъ и даровавшая въ то время свое чувство другому избраннику сердца, не приложила заботы къ увѣковѣченію памяти знаменитаго эмигранта, а сынъ его кончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Поэтому, если наслѣдіе старшаго представителя «династіи «Колокола» оказалось обереженнымъ его наслѣдниками и почитателями, то на долю младшаго представителя этой династіи такого счастья не выпало. Въ русскихъ изданіяхъ сдѣлана попытка обнародовать нѣкоторыя изъ «рѣчей» и «воззваній» Бакунина издательствомъ И. Балашова, но это только маленькая крупинка изъ всего его немалаго наслѣдія, а по многимъ условіямъ нашей современной жизни нельзя и ожидать, чтобы полное собраніе его сочиненій скоро увидѣло у насъ свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь матеріаломъ, который имѣется въ наличности, сдѣлаемъ попытку возстановить

въ предѣлахъ временной возможности духовный обликъ Бакунина, пользуясь для того, главнымъ образомъ, брошюрою Андерсона. Считаемо это необходимымъ, главнымъ образомъ, потому, что именно на его идеяхъ воспитывалось преимущественно въ концѣ шестидесятыхъ годовъ поколѣніе молодежи, вернувшееся изъ Швейцаріи въ Россію и явившееся здѣсь тѣмъ кадромъ пропаганды, который и распространилъ на родинѣ символъ вѣры апостола анархизма

Хотя мы видѣли, что одинъ изъ представителей этой молодежи, Н. Утинъ, и примкнулъ къ противникамъ Бакунина, но зато другіе, какъ, напримѣръ, Н. Жуковскій, тоже видный эмигрантъ, остались ему вѣрны и продолжали числиться въ ряду его поклонниковъ и учениковъ. Даже послѣ того, какъ интернаціоналъвыкинулъ его изъ своего состава, эти послѣдніе сочли своимъ долгомъ демонстративно стать на сторону учителя и опубликовать привѣтствіе ему (1872 г.). Въ этомъ привѣтствіи было сказано: «Нашему другу Михаилу Бакунину осмѣлились бросить обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ... Мы не считаемъ ни необходимымъ, ни своевременнымъ опровергать, здѣсь ложные факты, на которые рассчитывали опереться для подтвержденія нелѣпаго обвиненія, наведеннаго на нашего соотечественника и друга. Факты эти намъ хорошо извѣстны, извѣстны до мельчайшихъ подробностей, и мы считаемъ своей обязанностью возстановить ихъ съ полной правдивостью тотчасъ же, какъ только явится возможность это сдѣлать. Въ настоящее время этому препятствуетъ несчастное положеніе другого нашего соотечественника ¹⁾, хотя не принадлежащаго къ числу нашихъ друзей, но въ данный моментъ сдѣлавшагося для насъ священнымъ въ виду преслѣдованія его со стороны русскаго правительства. Г. Марксъ, ловкость котораго мы не намѣрены оспаривать, на этотъ разъ по меньшей мѣрѣ очень плохо рассчиталъ. Сердца честныхъ людей всюду будутъ испытывать, безъ сомнѣнія, только негодованіе и отвращеніе въ виду такой грубой интриги и такого вопіющаго нарушенія самыхъ обыденныхъ принциповъ справедливости. Что же касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г. Маркса, что всѣ его маневры потерпятъ полную неудачу. Бакунинъ тамъ пользуется слишкомъ большимъ уваженіемъ и извѣстностью, чтобы клевета могла его коснуться». Засимъ слѣдуютъ подписи, въ числѣ которыхъ были Н. Огарева, В. Зайцева и др.

Помимо того, что всѣ эти лица были лично близкими къ Бакунину, они цѣнили въ немъ именно того трибуна, агитатора, который сумѣлъ стать въ тѣсныя отношенія къ молодежи, сдѣлаться ея воспитателемъ въ кругу революціонныхъ идей, руководителемъ ея не только теоретическихъ познаній, но и практическихъ начинаній.

¹⁾ Нечаевъ, который въ то время уже сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости.

Мы видѣли, что Герценъ сталъ съ этою молодежью во враждебныя отношенія, наоборотъ Бакунинъ обратился въ ея адвоката передъ старшимъ руководителемъ «Колокола», возлагая на нее свои надежды и полагая, что революціонное будущее, въ которое онъ такъ искренно вѣрилъ, за нею, и что онъ и вся «династія «Колокола» уже поколѣніе отжившее, сдѣлавшее свое дѣло и сходящее со сцены жизни. Вотъ почему мы видимъ, что въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія именно онъ становится тѣмъ центромъ, около котораго по преимуществу группируются крайніе представители русской эмиграціи въ то время, какъ болѣе умѣренные и спокойные примыкають къ П. Л. Лаврову, успѣвшему изъ своей ссылки бѣжать въ Швейцарію и ставшему во главѣ вліятельнаго изданія «Впередъ», сыгравшаго тоже крупную роль въ исторіи нарастанія и развитія русскихъ революціонныхъ силъ.

Слишкомъ было бы долго и далеко отъ темы нашихъ очерковъ формулировать взгляды Бакунина по всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ основнымъ вопросамъ человѣческой жизни, которыхъ ему приходилось касаться и быть выразителемъ ихъ въ оригинальномъ, имъ самимъ установленномъ освѣщеніи. Характеризуя его въ бѣглыхъ чертахъ¹⁾, профессоръ Карѣевъ говоритъ²⁾: «Онъ писалъ очень много и еще болѣе, можетъ быть, собирався написать, но кипучая практическая дѣятельность, большею частью принимавшая характеръ непрерывной конспираціи, по всѣмъ ея отвлекающими отъ систематическаго труда сторонами, мѣшала ему въ его литературныхъ занятіяхъ вообще и въ частности не дала ему возможности въ одномъ цѣломъ изложить свою теорію. Старый гегеліанецъ,—быть можетъ, какъ полагають нѣкоторые, въ свое время познакомившійся съ ученіемъ Штирнера,—онъ въ послѣдствіи усвоилъ и многія положенія Кантовскаго позитивизма. Это касается общихъ теоретическихъ основъ его міросозерцанія, проникнутаго «антителогизмомъ», по вопросамъ же социальнымъ на немъ... сказалось двойственное вліяніе Прудона и Маркса. Въ общей критикѣ государственнаго начала человѣческихъ обществъ и въ вытекавшей изъ нея идеѣ анархіи Бакунинъ, несомнѣнно, зависѣлъ отъ Прудона, но былъ гораздо послѣдовательнѣе его въ отрицаніи государства, доходя здѣсь до логическаго конца, не дѣлая въ этомъ отношеніи никакихъ оговорокъ и поправокъ. По вопросу о собственности онъ также былъ далекъ отъ неопредѣленности и колебаній Прудона и отъ его отвращенія къ коммунизму, усвоивъ ученіе

¹⁾ Болѣе подробно сдѣланы его характеристики въ цитированной уже брошюрѣ Андерсона, а также въ біографическихъ очеркахъ, составленныхъ Драгомановымъ и Кульчицкимъ.

²⁾ «Исторія Западной Европы», т. VI.

Маркса о коллективной общественной собственности. Въ своей теоріи Бакунинъ слилъ воедино анархическое и коллективистическое ученіе, устранивъ изъ теоріи своихъ предшественниковъ по анархизму всякіе слѣды государственной идеи, придавъ анархизму рѣзко революціонный характеръ и соединивъ съ защитой абсолютной свободы человѣческой личности проповѣдь передачи отдѣльными общественными группами всѣхъ орудій производства, начиная землю съ ея нѣдрами (рудниками) и кончая фабриками и заводами съ ихъ машинами; только благодаря этому анархизмъ и могъ превратиться изъ простаго, такъ сказать, чисто умственнаго теченія въ настоящее общественное движеніе. Въ своей социологической теоріи Бакунинъ былъ довольно близокъ къ экономическому матеріализму, такъ какъ полагаѣлъ, что экономика лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ сторонъ общественной жизни и притомъ хорошо понималъ, что голою защитой полного самоопредѣленія личности или автономіи индивидуума нельзя поднять массы на разрушеніе государства, религіи, права, и т. д., что было цѣлью его стремленій. Мы напрасно, однако, стали бы искать у Бакунина сколько-нибудь разработаннаго представленія о будущемъ анархическомъ обществѣ, такъ какъ дѣло созиданія онъ предоставлялъ самому этому будущему, ставя современности задачу главнымъ образомъ разрушенія, расчистки почвы для будущаго строительства. Ради этого разрушенія и этой расчистки онъ проповѣдывалъ необходимость революціонныхъ выступленій народныхъ массъ, въ извѣстныхъ же случаяхъ и террористическихъ актовъ противъ единичныхъ представителей политическаго и экономическаго угнетенія. Такъ какъ, однако, и народныя возстанія, и терроръ требуютъ предварительно организаціи силъ, которая можетъ вестись только конспиративно, то Бакунинъ былъ поклонникомъ любителемъ заговоровъ и тайныхъ обществъ съ ихъ централизаціей и дисциплиной».

Его «платформа» сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ: ¹⁾

«У насъ нѣтъ отечества. Наше отечество—всемирная революція. У насъ нѣтъ другого врага, кромѣ господства во всѣхъ его формахъ: религіозной, доктринерской, политической, экономической, социальной.

«Мы стремимся къ созданію свободнаго человѣческаго міра, основаннаго на трудѣ, на равенствѣ, на солидарности всѣхъ человѣческихъ существъ.

«Мы считаемъ необходимымъ:

«1. Разрушеніе всѣхъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, экономическихъ и социальныхъ учреждений, составляющихъ настоящій буржуазный порядокъ вещей.

«2. Созданіе самостоятельной и совершенно свободной организаціи освобожденныхъ массъ на мѣсто разрушеннаго государственнаго строя.

¹⁾ Цитируемъ по брошюрѣ Андерсона.

«Въ дѣлѣ революціи мы враги всего того, что такъ или иначе принадлежитъ къ авторитетной системѣ, всего того, что стремится къ руководенію народомъ. Слѣдовательно, мы прежде всего враги такъ называемой революціонной диктатуры, временнаго правительства. Мы убѣждены, что всякая такая власть, какъ бы революціонна она ни была, непремѣнно измѣнитъ въ концѣ концовъ народу и пожелаетъ увѣковѣчить себя. Революціи дѣлаются народомъ. Истинная революція среди народа только. Всякая же власть, тяготящая надъ народомъ, фатальнымъ образомъ ему враждебна.

«Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинкты народныхъ массъ и понимаемъ революцію, какъ организованный взрывъ того, что зовется революціонными страстями, и какъ разрушеніе того, что на томъ же буржуазномъ языкѣ зовется общественнымъ порядкомъ.

«Мы признаемъ анархію—это выраженіе жизни и стремленій народныхъ (?!). Изъ анархіи посредствомъ свободы должно возникнуть истинное равенство всѣхъ, на свободно организованномъ трудѣ».

VI.

Обращаясь же непосредственно къ Россіи, онъ говорилъ:

«Мы хотимъ и желаемъ:

«1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобы не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

«2. Хотимъ самоуправленія народнаго, общиннаго,—волостного, уѣзднаго, областного и наконецъ государственнаго. Но чтобы не было въ Россіи чиновничества и чтобы централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціею.

«2. Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, финнамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

«3. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго, союза съ Польшею, Литвою, Украиною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь».

«Бакунинъ, требующій повсемѣстнаго разрушенія, изступленно кричащій на весь міръ: nihil! nihil!—въ отношеніи своего народа смягчается, по словамъ г. Андерсона, прячетъ хищные когти,

готовые безжалостно рвать всевозможныя государства, и не высказываетъ ни малѣйшихъ намѣреній раскостить Россію на общую, безпорядочно сбитую коммуну, съ милліонами мелкихъ ячеекъ.

«Нѣтъ,—говоритъ Бакунинъ,—пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взросшемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также, что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутреннезаконодательная, юридическая, а не политическая. И не въ одной странѣ, исключая, можетъ быть, Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи».

«Вывести страну изъ всѣхъ неурядицъ можетъ только всенародный земскій соборъ, опасаться котораго верховной власти нечего.

«Вѣдь посылать на него своихъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откуда же вѣзаться враждѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что если бы царь созвалъ земскій соборъ, онъ впервые увидѣлъ бы себя окруженнымъ людьми, дѣйствительно преданными. Минута собора будетъ рѣшительная, минута въ высшей степени критическая! Послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ, черезъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ своимъ царемъ».

Свое дѣйствительное и глубокое пониманіе завѣтныхъ идеаловъ русскаго народа, его представленія о личности царя, Бакунинъ проявляетъ въ такой характеристикѣ народныхъ упованій:

«Народъ почитаетъ въ царѣ символическое представленіе единства, величія и славы русской земли. Но этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по какимъ бы то ни было причинамъ кажется невозможнымъ, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи загробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу—реальный народъ. Ему и утѣшеніе-то надо земное; земной Богъ—царь, лицо, впрочемъ, идеальное, хоть и облеченное въ плоть и человѣческій образъ... Царь—родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ нему и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ бы народу все, что нужно ему—и волю и землю. Да и онъ самъ, бѣдный, въ неволѣ: лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и, позвавъ народъ свой на помощь, истребитъ дворянъ, и поповъ, и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора золотой воли.

«Но черезчуръ долго наигрывать на стрункѣ долготерпѣнія народнаго опасно, потому что привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религіозная. И религія народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая себѣ удовлетворенія на землѣ.. Но если бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широко любви народной, готовый устроить народъ по волѣ его, чего бы не могъ сдѣлать онъ съ такимъ народомъ! Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, вѣра возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все устроилось бы просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно. Руководимый такимъ царемъ, земскій соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума, потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый зародышъ будущей организаціи,— и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа».

Разсматривая культурную дѣятельность русской интеллигенціи, Бакунинъ рѣшительно считаетъ ее бесплодной, ибо она всецѣло любитъ опереться на абстракціи, столь чуждыя здоровому мужицкому смыслу, всегда умѣющему отличить фразу отъ истины. Соціальныя доктринеры, упрямо переносящіе на русскую почву западныя тенденціи, совершенно не справлялись съ историческими основаніями народныхъ воззрѣній. Но тѣ же дѣятели, слившись воедино съ народомъ, передавъ ему опытъ политической жизни и извѣстную способность критическаго отношенія къ фактамъ, окажутъ ему существенную помощь въ дѣлѣ упорядоченія его быта.

«Вотъ въ общихъ чертахъ суть Бакунинскихъ теорій, создавшихъ ему имя «апостола анархіи»,—говоритъ г. Андерсонъ.—Несомнѣнно, что при внимательномъ и близкомъ знакомствѣ съ его писаніями мы на каждомъ шагу почти натываемся на полное отреченіе Бакунина отъ укоренившихся въ насъ понятій, безъ которыхъ мы не можемъ и представить себѣ правильное теченіе общественной жизни, но все же анархія Бакунина не имѣетъ нечего общаго съ парижскими типами, вродѣ Вальяновъ и Равашолей, швыряющихъ бомбы въ уличныя кафе. Правда, кое-гдѣ у Бакунина попадаются іезуитскія замашки оправдать не совсѣмъ-то чисто-плотныя средства при достиженіи цѣлей, но къ насильственному пролитію крови путемъ убійствъ изъ-за угла Бакунинъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мягкая натура Бакунина не одобрила и русскій терроризмъ, процвѣтавшій въ семидесятыхъ годахъ. Кара-

кововскій выстрѣлъ не встрѣтилъ въ Бакунинѣ ни малѣйшаго сочувствія».

Его революціонное славянофильство не являлось, конечно, центральнымъ мѣстомъ ученія, оно проскальзывало лишь временами и не во всякіе моменты жизни оно выдвигалось имъ на первую очередь. Можно даже утверждать, что ко времени своей встрѣчи съ Нечаевымъ оно отошло у него въ даль, а на первое мѣсто выдвигалось именно революціонное бунтарство, смерчъ разрушенія, что и привлекало къ нему главныя массы его поклонниковъ. Нечаевъ учелъ именно эту сторону его проповѣдничества и на этомъ основалъ свой первоначальный съ нимъ союзъ, который, однако, вскорѣ оказался очень непрочнымъ хотя онъ и привелъ Бакунина къ суду надъ нимъ интернаціонала.

VII.

Имя Нечаева впервые встрѣчается въ исторіи кружка ишутинцевъ и каракозовцевъ, куда онъ былъ принятъ и гдѣ состоялъ внимательнымъ слушателемъ рѣзкихъ и революціонныхъ рѣчей, раздававшихся здѣсь и которыя глубоко запали ему въ душу. Самый процессъ 1866 г. не коснулся его и лишь два года спустя о Нечаевѣ начинаютъ говорить въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоитъ вольнослушателемъ здѣшняго университета и преподавателемъ приходскаго Сергіевскаго училища. Къ этому времени относится начало широкаго студенческаго движенія, охватившаго почти всѣ русскія высшія учебныя заведенія и имѣвшаго для исторіи развитія русскаго революціоннаго дѣла очень большое значеніе, такъ какъ въ этомъ движеніи именно вырисовались многіе видные дѣятели будущей политической пропаганды и такъ какъ именно здѣсь былъ рѣзко и прямо поставленъ вопросъ о необходимости и обязанности для молодежи посвятить себя всецѣло революціонному служенію.

Стремленіе молодежи къ внутренней организаціи, къ организаціи землячествъ и кассъ взаимопомощи при нихъ началось уже давно. Ишутинскій кружокъ вышелъ, на примѣръ, изъ организаціи пензенскаго землячества; тогда же выяснилось существованіе въ московскомъ университетѣ «малороссійской общины», въ которой видную роль игралъ извѣстный въ послѣдствіи народникъ-пропагандистъ Ф. В. Волховской. Со вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстой рядомъ съ мѣрами, принятыми имъ по отношенію среднихъ учебныхъ заведеній, вводитъ и рядъ репрессивныхъ мѣропріятій по адресу учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Таковыя заключаются въ опубликованныхъ имъ правилахъ 20 марта 1867 г., гдѣ было подтверждено поста-

новленіе, что «внѣ зданій и учрежденій университета студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи». Устанавливалось строгое подчиненіе студентовъ инспекціи и внѣ зданій университета, а также обязанность учебнаго начальства и полиціи взаимно увѣдомлять другъ друга о поступкахъ студентовъ внѣ зданій университета и «вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ, навлекающихъ сомнѣніе въ нравственной и политической благонадежности студентовъ». На университетское начальство была возложена обязанность увѣдомлять и мѣстное гражданское начальство и центральныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія обо всѣхъ учащихъ, исключенныхъ или удаленныхъ за предосудительное поведение, съ изложеніемъ причинъ этого увольненія. Кроме того, въ устраненіе потери времени для ученія и исправнаго посѣщенія лекцій было воспрещено позволять студентамъ устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній. Денежныя средства, жертвуемыя въ пользу недостаточной учащейся молодежи, должны были состоять подъ контролемъ и въ распоряженіи мѣстнаго учебнаго начальства. Число вольнослушателей было сокращено, а для поляковъ введена 20% норма приема.

Въ университетахъ создалась сгущенная атмосфера, которая и разразилась взрывомъ безпорядковъ 1869 г. Сигналъ къ безпорядкамъ былъ данъ изъ медико-хирургической академіи, до тѣхъ поръ существовавшей внѣ административныхъ подозрѣній, съ правомъ сходакъ и съ болѣе или менѣе широкими правами самоуправленія. Послѣ 1866 г. на порядки академіи было обращено вниманіе, и по отношенію ихъ начались также ограничительныя репрессивныя мѣропріятія, встрѣченныя учащимися протестомъ. На первыхъ порахъ дѣло здѣсь кончилось благополучно, и найденъ былъ компромиссъ, но, по словамъ историка студенческаго движенія того времени, С. Г. Сватикова въ статьѣ «Студенческое движеніе 1869 года»¹⁾, протестъ студентовъ академіи «оказалъ большое вліяніе на развитіе дальнѣйшаго движенія, почва для котораго была подготовлена не только спеціальнымъ положеніемъ студенчества, но и общимъ положеніемъ Россіи. Съ одной стороны, разгромъ высшихъ учебныхъ заведеній, произведенный въ 1862 г., былъ уже до извѣстной степени забытъ, а тяжелое положеніе студенчества неизмѣнно давало себя чувствовать, наталкивая на мысль о необходимости сдѣлать въ той или иной формѣ заявленіе о своихъ нуждахъ и поддержать его тѣмъ или инымъ образомъ²⁾. Численность студенчества, благодаря переходу цѣлаго ряда высшихъ

¹⁾ № 1. «Наша страна. Историческій сборникъ».

²⁾ Необходимо замѣтить, что съ началомъ демократизаціи учебныхъ заведеній и съ вступленіемъ въ нихъ широкимъ потокомъ разночинной интеллигенціи острая нужда учащихся давала себя сильно знать и являлась предметомъ озабоченности со стороны самихъ учащихся.

учебныхъ заведеній изъ военнаго вѣдомства въ гражданское (напр., институты: путей сообщенія, горнаго, технологическаго, гражданскихъ инженеровъ), возросла значительно, увеличивши, такимъ образомъ, массу молодежи, находившейся въ одинаково безправномъ и угнетенномъ положеніи. Съ другой стороны, Россія только что пережила первый послѣ 1861 г. сильный голодъ, охватившій цѣлый рядъ губерній, при чемъ обнаружилось преступное бездѣйствіе бюрократіи, во главѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, который замалчивалъ существованіе голода до того момента, когда голодъ обратился въ крупное общественное бѣдствіе и молчать дольше было уже невозможно. Приближалось уже десятилѣтіе крестьянской реформы, и народъ глухо волновался; ходили слухи объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, объ отменѣ выкупныхъ платежей. Передъ разночинной интеллигенціей все болѣе вырисовывался вопросъ объ отношеніи ея къ положенію народа, къ экономическому оскудѣнію крестьянства послѣ реформы 19 февраля. Раскрывшееся передъ глазами разночинной интеллигенціи разореніе деревни, явившееся результатомъ великой экспроприаціи народной земли въ 1861 г., заставляло молодежь задумываться надъ вопросомъ, какъ, въ какой формѣ могла бы она наиболѣе цѣлесообразно помочь народу...»

Осень 1868 г. отличалась большимъ оживленіемъ студенческой среды. «Группировались,—говоритъ г. Сватиковъ,—кружки земляковъ, единомышленниковъ и тому подобные, на студенческихъ квартирахъ собирались сходки, на которыхъ горячо обсуждались вопросы, касавшіеся студенческаго быта (кассъ, библиотекъ, кухмистерскихъ), а также и болѣе широкихъ вопросовъ. Однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе широкихъ, былъ вопросъ о «наукѣ и трудѣ», или, яснѣе, должна ли учащаяся молодежь пользоваться всѣми благами цивилизаціи, въ томъ числѣ и высшаго образованія, или же должна раздѣлить съ народомъ его труды, его жизнь, работая въ равномъ положеніи съ трудящимися, ведя такой же образъ жизни, какъ и народъ, и пытаясь поднять матеріальное и духовное благосостояніе народныхъ массъ».

Непосредственно студенческія пожеланія были сформулированы въ выпущенной въ тотъ періодъ прокламаціи «Къ обществу», гдѣ говорилось:

Мы, студенты медицинской академіи, университета, технологическаго института, земледѣльческой академіи, желаемъ:

1. Чтобы намъ предоставлено было право имѣть кассу, то есть помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

2. Чтобы намъ предоставлено было право совѣщаться объ нашихъ общихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

и 3. Чтобы съ насъ снята была унижительная полицейская опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками. Мы апеллируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло — его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею. Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ академіяхъ и университетахъ.

Что же касается общихъ взглядовъ студенчества относительно обновленія Россіи и опредѣленія своей роли въ этомъ революціонномъ обновленіи, то оно въ сильной мѣрѣ складывалось подъ вліяніемъ тѣхъ воззваній и обращеній, которыя адресовалъ къ молодежи изъ своего швейцарскаго далека М. Бакунинъ преимущественно въ 1869 г., когда онъ, благодаря Нечаеву, уже хорошо былъ освѣдомленъ о броженіи среди учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и беспорядкахъ, тамъ разразившихся въ томъ году. Его обращенія затрагивали и исчерпывали именно большой вопросъ о «наукѣ и трудѣ», который онъ со свойственной ему категоричностью и ставилъ передъ юными сынами Россіи.

Впервые онъ высказался въ № 1 «Народнаго Дѣла», основаннаго имъ¹⁾ совместно съ Н. Утинымъ и въ сотрудничествѣ съ Н. Жуковскимъ Здѣсь онъ говорилъ: «Не будемъ себя обманывать и скажемъ себѣ, что при бѣдности нашихъ средствъ и при громадности правительственнаго противодѣйствія, идя путемъ школъ, никогда не добьемся положительныхъ результатовъ. Путь освобожденія народа посредствомъ науки загражденъ; намъ остается, поэтому, только одинъ путь, путь революціи. Пусть освободится же сперва нашъ народъ, а когда онъ будетъ свободенъ, онъ самъ захочетъ и сумѣетъ всему научиться». Въ связи съ этимъ положеніемъ имъ и выпущена была специальная прокламація, которую и приводимъ полностью. Въ ней онъ говоритъ:

Русскіе студенты!

Полиція васъ бьетъ, но это «бдительному, умудренному опытностью» начальству показалось мало: казенная литература принялась васъ надувать.

Васъ хотятъ увѣрить, что въ Европѣ нѣтъ живой народной потребности и все застыло.

Васъ хотятъ увѣрить, что вы не вы, а поляки.

Васъ хотятъ увѣрить, что для васъ право помогать бѣднымъ товарищамъ лишено основанія и требованіе права сходокъ неестественный мотивъ.

Разсмотрите же, какъ люди неминуемо дружны, всѣ эти казенныя увѣренія, выработанныя воровскимъ умомъ, который выдаетъ себя за здоровый.

¹⁾ Только въ этомъ № онъ и принялъ участіе, отказавшись отъ дальнѣйшей работы въ немъ совместно съ Утинымъ и предоставивъ послѣднему исключительное поле дѣйствія. Тогда же онъ принялъ участіе въ «Народной Расправѣ», основанной С. Нечаевымъ.

Случалось не разъ намъ самимъ указывать на Европу, которая замираетъ. Да! Но какая Европа? Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, Европа государственная.

Поднимается, домогается, надѣется, вѣрить въ свою будущность, соединяется, перерабатываетъ—Европа угнетенная, голодающая, работающая, Европа экономическая, Европа труда, безсоловная, безгосударственная.

Кто же это вамъ говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ живыхъ элементовъ?

Это вамъ говоритъ нажившійся, исподлившійся литераторъ-чиновникъ. Какъ будто между вами, юношами, кто-нибудь найдется, кто пойдетъ вслѣдъ такому холопскому голосу? Мы, старики, этому не вѣримъ.

Вамъ говорятъ, что для васъ немыслимо помогать бѣднымъ товарищамъ, потому что про то знаетъ умудренное начальство...

Литераторы-чиновники забываютъ несчастную повѣсть всякой казенной тысячи въ Россіи. Выжатая изъ труда народнаго, она виспадаетъ съ великодушнаго верха . . . . . и расходится по разнымъ боковымъ карманамъ, даже не достигая своего назначенія.

Какъ же у студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній не родиться желанію спасти бѣдныхъ товарищей, помогать имъ своими общими силами,—прямо, помимо верхобоковаго начальства, а если можно, и помимо денегъ, выжатыхъ нагайкою изъ народнаго труда?

Къ чему для этого польская интрига, когда для этого достаточно неиспорченное человѣческое чувство и неиспорченный человѣческій смыслъ?

Вамъ говорятъ, что для васъ не нужно сходокъ? Про это знаетъ тоже умудренное начальство, а для васъ это неестественный мотивъ (который можетъ въ самомъ дѣлѣ казаться неестественнымъ разнымъ генераламъ Треповымъ, потому что они, сколько между собою ни хитрятъ и ни лицемѣрятъ, а встрѣчаться имъ гадко). А вамъ, студентамъ, между собою встрѣчаться—не то что гадко, а просто необходимо, потому что мало ли о чемъ нужно перетолковать и по теоретическому и по практическому вопросу.

Неужто у васъ потребовать сходокъ не просто человѣческій мотивъ (русскій, прусскій, польскій, англійскій, американскій и пр.)? Къ чему тутъ вліяніе какой-нибудь польщизны?

Если бы у васъ такія потребности родились не изъ собственнаго сознанія, а чуждаго вліянія ради,—вы были бы дураки, или были бы подкуплены. Да, впрочемъ, все въ этой казенной клеветѣ до такой степени глупо, что ее могли наклеветать только какія-нибудь жидовскія уста, за рубль серебромъ перешедшія въ православіе.

Нельзя къ этому не присовокупить нѣсколько словъ о польщизнѣ, чтобы, насколько теперь возможно,—отрѣзать этотъ вопросъ отъ захвата казенной литературы.

Шляхетская Польша и шляхетская Литва сгубили народную Польшу и народную Литву—такъ, какъ дворянская, чиновничья, казенная Россія губить народную Русь. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы казенная Польша, казенная Литва, казенная Русь—были народною Польшею, народною Литвою, народною Русью. Кто станеть доказывать ихъ тождество, ударится въ грязь,—конечно, не безъ казеннаго подарочка,—и только.

Подробно о польскомъ и литовскомъ вопросѣ мы будемъ говорить въ другой разъ; такъ же какъ въ другой разъ подробно разберемъ отношенія казенной литературы къ студентамъ.

А теперь къ вамъ, молодые друзья, послѣднее слово.

Учить васъ мы не станемъ; вы на мѣстѣ и лучше насъ видите, что теперь надо дѣлать.

Сергій Геннадіевичъ Нечаевъ.

Вы собственно для себя ничего не ищете, и ничего не хотите помимо народныхъ потребностей и движенія народнаго. Мы это знаемъ и видимъ, и потому въ ваше движеніе вѣримъ.

VIII.

Болѣе подробно онъ высказался въ обращеніи надѣ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи», гдѣ между прочимъ предопредѣлилъ и дальнѣйшій путь, по кото-
«истор. вѣстн.», май, 1909 г., т. сxvi.

15

тому молодежь должна непосредственно слѣдовать, повторивъ здѣсь положеніе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказанное еще Герценомъ, послѣ студенческихъ арестовъ въ 1861 г. Въ заключеніе своего обращенія онъ говорилъ:

Нынѣшнее благодушное царствованіе представляетъ замѣчательное сходство съ царствованіемъ добрѣйшаго изъ Романовыхъ, царя Алексѣя Михайловича... Тогда, какъ и теперь, измученный, разграбленный и изуренный голодомъ, народъ бѣжалъ изъ деревень въ лѣса.

Теперь, какъ и тогда, волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь, все болѣе ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу, путемъ, указаннымъ ей Стенькой Разинимъ... Да, явно готовится и приближается новая кровавая встрѣча, новый бой на жизнь и на смерть между Русью народною и между Россіей казенною.

Кто побѣдитъ въ этотъ разъ? Народъ, безъ сомнѣнія. Стенька Разинъ былъ богатырь, но онъ былъ одинъ между всѣми и надъ всѣми; его личная громадная сила не могла устоять противъ сплотившейся и организовавшейся государственной силы, такъ какъ въ народѣ, предводительствуемомъ имъ однимъ, не было и тѣни организаціи. Погибъ онъ, и все погбло. Теперь будетъ не то. Не будетъ, вѣроятно, народнаго богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всю народную жизнь и силу. Но будетъ зато легионъ безсословной и безыменной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью и сплоченной крѣпко между собой одною мыслью и цѣлью. Соединеніе этой молодежи съ народомъ вотъ залогъ народной свободы.

Русская грамотная молодежь потому сдѣлалась теперь такъ крѣпка, непреклонна и непримирима, что она приняла ужъ въ себя душу народную—она хочетъ не своего, а народнаго торжества. Стенька Разинъ, на этотъ разъ, не одинокій, а коллективный, и тѣмъ самымъ непобѣдимый, у ней за плечами. Вотъ настоящій смыслъ ея нынѣшнихъ, еще невинныхъ движеній, и вотъ почему эти движенія, несмотря на свою видимую незначительность, повергають въ трепетъ весь нашъ сословный, казенный, литераторствующій и правительствующій государственный міръ.

Итакъ, молодые друзья, бросайте скорѣе этотъ міръ, обреченный на гибель, эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гоняютъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. Ступайте въ народъ! Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, какъ служить народу и какъ лучше вести его дѣло. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителемъ, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ—указателемъ для народа, а только повивальною бабкою самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій. Чтобъ приобрести способность и право служить народному дѣлу, она должна утопиться въ народѣ. Не хлопчите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель. Наука же новая и живая, несомнѣнно, родится потомъ, послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа.

Таково убѣжденіе лучшихъ людей на Западѣ, гдѣ такъ же, какъ и въ Россіи, старый государственный міръ, основанный на религіи, на метафизикѣ и на буржуазной цивилизаціи, на правѣ семейномъ и на наследственномъ правѣ, видимо, падаетъ и долженъ уступить мѣсто освобожденному чернорабочему міру. Вамъ врутъ, говоря, что въ Европѣ все спитъ. Напротивъ, все просыпается, и надо быть, право, слѣпымъ и глу-

химъ, чтобъ не услышать и не увидѣть несомнѣнныхъ признаковъ приближающейся общественной бури.

Готовясь къ борьбѣ, помимо всѣхъ границъ государственныхъ, рабочей міръ подалъ себѣ руку, въ Европѣ и въ Америкѣ, и во имя общей побѣды, зоветъ васъ, русскую безсловную молодежь, васъ, работниковъ революціи, на крѣпкій союзъ.

Эти мысли Бакунина вполне отвѣтствовали настроеніямъ той части молодежи, которая тоже полагала, что временно съ «наукою» и со студенческими спеціальными вопросами надо приостановиться, а пора перейти на путь широкаго служенія народу въ его борьбѣ за свободу. Эти его мысли вполне соотвѣтствовали съ «программою революціонныхъ дѣйствій», выработанною Нечаевымъ и найденною при обыскѣ у Волховскаго.

Нечаевъ, принимавшій участіе въ сходкахъ молодежи на частныхъ квартирахъ, именно настоятельно говорилъ, что «студенческое движеніе нужно сдѣлать политическимъ, производящимъ шумъ въ обществѣ, вызвать къ студентамъ сочувствіе. Броженіе среди студентовъ нужно неизмѣнно поддерживать, организуя ихъ въ кружки для осуществленія тенденцій «Народнаго Дѣла». Обращаясь съ своими возраженіями противъ «науки» къ спорившимъ съ нимъ, онъ говорилъ: «революція неизбѣжна и является единственнымъ исходомъ, ибо правительство одной рукой открываетъ школы, а другой не допускаетъ окончившихъ университетъ къ преподаванію въ нихъ», и далѣе: «ходить въ школу, учиться—ерунда, ибо всѣ развитые люди и самое достиженіе ими развитости есть эксплуатация, такъ какъ развитые неизбѣжно эксплуатируютъ неразвитыхъ». Связывая студенческое движеніе съ революціоннымъ подъемомъ всего русскаго народа, онъ въ своей программѣ утверждалъ: «Мы должны стараться создать возможно большее количество революціонныхъ типовъ, развитъ въ обществѣ сознаніе необходимости и возможности революціи, какъ единственнаго средства для достиженія лучшаго порядка вещей, и заботиться объ устройствѣ революціонной организаціи». Соціальная революція для него была конечною цѣлью, революція политическая единственное средство для достиженія этой цѣли. «Мы должны,—намѣчалъ онъ,—распространять извѣстнаго рода листки въ извѣстномъ духѣ, устраивать сходки и частные протесты, какъ предварительную пробу, какъ практической приѣмъ для выработки революціонныхъ типовъ,—наконецъ, какъ средство сближенія между собою какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и многочисленныхъ, но разрозненныхъ кружковъ, вербовать людей и образовывать повсемѣстно частные кружки въ томъ направленіи и съ той же единственной цѣлью революціи, устраивать кассы для устройства революціоннаго фонда; стараться вступать въ сношенія съ европейскими революціонными организаціями и поддерживать постоянную связь съ ними». Переводя эти задачи на практи-

ческія дѣйствія, Нечаевъ проектировалъ: «До мая (1869 г.) дѣятельность лучшихъ людей должна быть сосредоточена въ Питерѣ и Москвѣ, а также частью и въ другихъ университетскихъ городахъ. Въ это время долженъ быть подготовленъ и совершенъ протестъ студентовъ какъ университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, за право официальныхъ сходовъ, въ то же время должно быть положено начало пропаганды въ средѣ голытьбы, слѣдовательно образованіе организациі изъ самой голытьбы. Самая дѣятельность должна быть перенесена въ губернскіе и уѣздные города и сосредоточена главнымъ образомъ въ средѣ разночинцевъ, семинаристовъ и провинціальной голытьбы». Организационная дѣятельность въ провинціи должна была занять собою лѣтніе мѣсяцы, а въ октябрѣ онъ проектировалъ общій съѣздъ представителей организациі. Возстаніе же онъ относилъ къ веснѣ 1870 г., «какъ потому, что этотъ годъ поставитъ народу много серьезныхъ и близкихъ вопросовъ, такъ и потому, что, въ случаѣ неудачи возстанія въ центрахъ, лѣтнее время будетъ благоприятствовать сепаративно войнѣ на Волгѣ и по Днѣпру и укрывательству народа цѣлыми массами въ лѣсахъ».

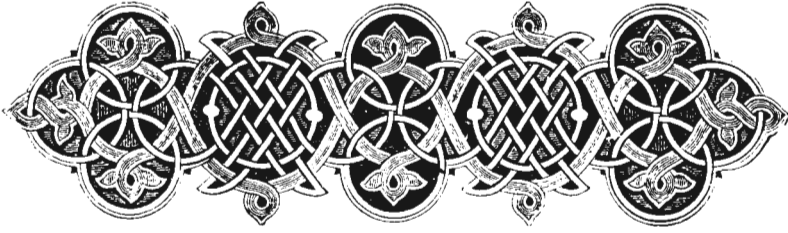
Такимъ образомъ, если молодежь вращалась еще въ кругу общихъ вопросовъ о «наукѣ» и «трудѣ», если Бакунинъ ставилъ вопросы тоже принципиально, то Нечаевъ первый изъ русскихъ революціонеровъ второй половины XIX столѣтія намѣчалъ разрѣшеніе этихъ же вопросовъ чисто практически, при чемъ входилъ въ разработку деталей и организациі самаго революціоннаго движенія и фактической его постановки. Въ его лицѣ русская революція пріобрѣла крупную фигуру, которая своей дѣятельностью предопредѣлила многіе ея этапы, намѣтила пути ея развитія и вписала въ ея исторію «прологъ». Хотя съ этимъ прологомъ послѣдующіе дѣятели въ томъ же революціонномъ направленіи были несогласны, отъ него даже отреклись и его старательно и конфузливо замалчивали, но теперь, когда мы имѣемъ передъ глазами исторію всего движенія почти за 40 лѣтъ, мы должны согласиться, что именно съ появленіемъ на сценѣ Нечаева русское революціонное движеніе получило практическое осуществленіе и что по своему характеру послѣдніе годы этого сорокалѣтія стоятъ значительно ближе къ его личности, нежели къ тѣмъ, кто въ теченіе многихъ лѣтъ отъ него отрекся. И недаромъ «первомартовецъ» Желябовъ ставилъ себѣ серьезный вопросъ: что выгоднѣе для русскаго революціоннаго движенія—освобожденіе ли изъ Петропавловской крѣпости Нечаева, или «цареубійство 1-го марта?» и, если разрѣшалъ этотъ вопросъ въ пользу послѣдняго положенія, то исключительно подъ давленіемъ того же самаго Нечаева, который въ этомъ кровавомъ историческомъ моментѣ ви-

дѣлъ возможность осуществленія своимъ политическимъ и социальнымъ вождѣніямъ. Печально спущенный флагъ надъ Зимнимъ дворцомъ въ его глазахъ былъ сигналомъ для той «народной расправы», которую онъ намѣчалъ въ своихъ студенческихъ программахъ, подъ лозунгомъ которой онъ агитировалъ въ Швейцаріи и ради которой онъ вступилъ на путь авантюризма, политической мистификаціи и пролитія неповинной человѣческой крови.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДОМСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ РИГѢ.

ВЪ ЛѢТНЕЕ время окрестности Риги, особенно такъ называемое Взморье, заселяются многочисленнымъ пріѣзжимъ людомъ не только со всѣхъ концовъ Европейской Россіи, но даже изъ Сибири. Кто пріѣзжаетъ сюда для леченія, а кто просто для отдыха, чтобы подышать здоровымъ морскимъ воздухомъ и купаться въ морѣ. Живой любознательности пріѣзжей публики, между прочими достопримѣчательностями Риги,—а ихъ въ ней немало,—безъ сомнѣнія, даетъ большое удовлетвореніе Домскій историко-археологическій музей, находящійся въ центрѣ Старой Риги, на Домской площади, въ одномъ изъ боковыхъ строеній главнаго лютеранскаго собора (Domkirche).

Хотя официально музей и считается закрытымъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, но, какъ и вездѣ это водится, пріѣзжимъ людемъ дѣлается уступка, и входъ въ музей бываетъ доступенъ безъ особыхъ затрудненій: стоитъ только разыскать сторожа или, въ крайнемъ случаѣ, обратиться къ завѣдывающему музеемъ, который живетъ здѣсь же, при музеѣ.

Музей обставленъ вполне солидно и научно организованъ. Собраніе рѣдкостей находится въ образцовомъ порядкѣ, планомѣрно и послѣдовательно хронологически распредѣлено по заламъ. Это весьма большое удобство, такъ какъ даетъ обзорѣвателю возможность прослѣдить прошлое края въ его естественной послѣдовательности. Для руководства при обзорѣ коллекцій музея имѣется иллюстрированный путеводитель, нѣкоторые снимки котораго при-

ложены къ настоящей замѣткѣ. Онъ довольно кратокъ, но весьма удобенъ для пользованія. Жаль, что изданіе существуетъ только на нѣмецкомъ языкѣ.

Музей составленъ трудами остзейскаго общества исторіи и древностей (Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostsee-

Рижская аптека.

provinzen Russlands), возникшаго еще въ 1834 году. Послѣ продолжительныхъ скитаній со своими коллекціями изъ одного временнаго помѣщенія въ другое, общество въ 1890 году устроилось въ настоящемъ постоянномъ помѣщеніи, специально для музея приспособленномъ, и въ началѣ 1891 года музей былъ открытъ для публики.

Богатыя коллекціи музея наполняютъ цѣлый рядъ просторныхъ и хорошо освѣщенныхъ залъ, числомъ до 15-ти, и удобно расположены для обозрѣнія. Первый залъ, въ который посѣтитель входитъ изъ вестибюля, служитъ для собраній тѣхъ научныхъ обществъ, коллекціи которыхъ находятся въ этомъ же домѣ (общество естествоиспытателей, общество нѣмецкихъ врачей, фармацевтическое общество, литературное общество гражданъ). Стѣны зала украшены портретами дѣятелей, трудами которыхъ основался музей и обогатился коллекціями. Это своего рода иллюстрація къ исторіи общества и музея. Здѣсь же рядъ картинъ, относящихся къ прошлому Риги середины XVII вѣка.

Второй залъ заполненъ разнаго рода остатками украшеній замѣчательнѣйшихъ древнихъ построекъ края (церквей, замковъ, общественныхъ зданій), капителями, рѣзными фигурами разныхъ временъ, начиная съ XIII вѣка, кафелями съ рисунками разныхъ стилей и надписями XVI—XVII вѣковъ, множествомъ статуэтокъ изъ дерева, слоновой кости, янтаря, тутъ же нѣсколько старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ и коллекція зонтиковъ. Посреди залы разставлены модели старыхъ судовъ различныхъ типовъ, и среди нихъ нашли себѣ мѣсто двѣ китайскія пагоды изъ слоновой кости и дерева. Уголь комнаты занимаетъ интересно воспроизведенная внутренность старой рижской аптеки со всею подлинною обстановкою того времени и старой аптечной посудой.

Далѣе слѣдуетъ 3-й длинный залъ съ находками разнаго рода древностей въ Лифляндскомъ краѣ каменнаго (неолитической эпохи) и бронзоваго вѣковъ. Среди большого количества обычныхъ каменныхъ орудій разнаго рода и назначенія кремневыхъ имѣется только три экземпляра да нѣсколько осколковъ, всѣ же остальные изъ другихъ матеріаловъ и между ними нѣсколько оббивныхъ, довольно грубой обработки, и одинъ неоконченный топоръ. Бронзовые вещи весьма многочисленны и разнообразны; среди нихъ массивное серебряное шейное кольцо ранняго времени, найденное около Пильзена. Интересны вещи неолитической стоянки у истока рѣки Салисъ: обдѣланные камни, кости, зубы, раковины, много костей разныхъ животныхъ и черепковъ грубой посуды. Здѣсь же цѣлая коллекція древнихъ вещей изъ извѣстныхъ апераденскихъ раскопокъ, изъ Будберга и другихъ мѣстъ.

Затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ, идутъ вещи изъ могилъ и кургановъ до и послѣ VIII вѣка, расположенныя по областямъ: Курляндія—орудія, браслеты, пряжки, шейныя кольца, нѣкоторыя со стеклянными и жемчужными украшениями и ромбическими подвѣсками. На шкапу въ стеклянномъ ящикѣ находится черепъ съ хорошо сохранившимися волосами темнаго цвѣта и надѣтымъ головнымъ кольцомъ, наглядно показывающимъ способъ ношенія этого головного украшения.

Изъ многочисленныхъ находокъ въ Лифлянді интересны нагрудныя цѣпи съ бляхами, которыя прикалывались къ плечамъ, ножны съ орнаментикой и др. Много колець, шейныхъ и ручныхъ, украшеній съ жемчугомъ, янтаремъ, стекломъ изъ Ашерадена, Кремона, Трейдена, Фрейденберга (вещи съ эмалью раз-

Археологическія находки въ Лифлянді.

ныхъ цвѣтовъ), головныхъ и ручныхъ украшеній, спиралекъ, оригинальныхъ шпилекъ и пряжекъ. Есть полные инвентари курганныхъ раскопокъ съ костями жертвенныхъ животныхъ (лошадей, собакъ, свиней). Въ одной изъ витринъ сохраняются остатки древней одежды изъ Ранненбурга и другихъ мѣстъ: толстая, грубая шерстяная матерія съ вотканными въ ней бронзовыми спираль-

ками и колечками. Немало вещей изъ самой Риги, добытыхъ во время земляныхъ работъ около Domkirche и въ другихъ мѣстахъ, вещей съ острова Эзеля—эстонской культуры. Жаль, что нѣтъ въ музеѣ, на видномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ картъ и таблицъ съ нагляднымъ обозначеніемъ хода археологическихъ разысканій въ краѣ и мѣстностей, гдѣ производились раскопки и откуда добывались тѣ или другіе предметы въ коллекціяхъ музея. Подобныя карты были бы весьма полезны и очень помогли бы посѣтителю лучше разобраться въ вопросахъ, возникающихъ при обзорѣ культурныхъ остатковъ быта разныхъ племенныхъ группъ.

Кромѣ подлинныхъ вещей, въ этомъ же залѣ имѣются воспроизведенныя изъ гипса копія орудій, инструментовъ и украшеній, найденныхъ въ Германіи, въ восточной и западной Пруссіи, какъ показатели сосѣдней культуры, подаренныя обществу берлинскимъ музеемъ въ 1896 году.

Уголъ зала занимаетъ комната начала XVIII вѣка съ полной домашней обстановкой, съ большой изразцовой печью, съ обитыми кожей громоздкими стульями, съ деревянной скамьей, съ массивнымъ столомъ, на которомъ разложены письменныя принадлежности, раскрытая библия и на ней громадныя круглыя очки; тутъ же и посуда, глобусъ съ помѣткою—Nürnberg 1705, стѣнные часы и на стѣнѣ масляная картина, изображающая семью рижскаго ратмана. Еще комната, второй половины XVIII вѣка, съ роскошною обстановкою, каминомъ, буфетомъ съ богатыми инкрустациями, съ клавесиномъ и стеклянной флейтой на немъ, съ изящнымъ шахматнымъ столикомъ, расположена въ слѣдующемъ залѣ.

Изъ другихъ предметовъ богатаго содержаніемъ 3-го зала особаго вниманія заслуживаетъ круглое бронзовое блюдо конца X вѣка, найденное въ 1886 году около Феллина, находка чрезвычайной рѣдкости. Гладкое снаружи, внутри оно украшено орнаментомъ въ романскомъ стилѣ. Въ среднемъ медальонѣ—поясное изображеніе короля въ коронѣ, съ державнымъ яблокомъ въ одной рукѣ и какимъ-то сосудомъ—въ другой. Сверху, по сторонамъ головы, надпись: OT—TO, принимаемая за имя Оттона Великаго (936—973 г.). Вокругъ медальона надпись: Hierusalem visio pacis.

Весьма интересна витрина, заключающая восковыя таблетки XIV вѣка съ записями на нихъ (письменный матеріалъ древности), грамоты и документы: булла папы Иннокентія IV, 1245 года, 9 февраля; булла папы Николая V, 1449 года, 29 августа, съ прекрасно сохранившейся вислой свинцовой печатью—буллой. Именемъ этихъ печатей—буллъ—стали называться и сами грамоты, ими снабженныя. Грамота ревельскаго капитула ордену, 22-го декабря 1337 года съ желтой восковой печатью. Различныя грамоты сношеній капитула и конвента. Грамота короля Фердинанда съ

собственноручной подписью и красной восковой печатью, 20 февраля 1528 года. Есть здѣсь нѣчто, касающееся и насъ, русскихъ, что въ путеводителѣ по музею отмѣчено словами: Auf Pergament gedrucktes Formular eines Ablassbriefes, ausgestellt vom Ablasscommissar und Dorpatschen Kanonicus (spüler Bischof) Christian Bomhoyer zur Förderung eines Kreuzzuges gegen die wilden Russen (um 1510). Рядомъ витрина съ оттисками и печатями (самыми штампами) разныхъ временъ, формъ, мѣстъ и лицъ; на примѣръ, города Гапсаля — бронзовая печать, бронзовая же печать города

Блюдо короля Отгона.

Висби, на о. Готландѣ, 1332 г. съ интереснымъ сюжетомъ и орнаментомъ и многія другія.

Слѣдующій залъ въ изобиліи наполненъ различными мелкими вещами домашняго обихода разныхъ временъ, старинной посудой—металлической, фарфоровой и фаянсовой; есть прекрасный севрскій фарфоръ. Здѣсь же старинныя мѣры, флаги и разныя издѣлія Вѣны, Берлина, Копенгагена, даже китайскій фарфоръ, стекло, хрусталь, глиняная посуда русскихъ и иныхъ фабрикъ, серебро, серебряная посуда и разныя издѣлія. Далѣе, въ слѣдующихъ залахъ (6—8), богатая коллекція оружія и доспѣховъ XIII—XVII вѣковъ, вперемежку съ таковыми же разныхъ европейскихъ и даже внѣевропейскихъ

странъ. IX комната, украшенная рельефнымъ изображеніемъ знаменитаго магистра Ливонскаго ордена Вальтера фонъ-Плеттенберга (1494—1535 г.), наполнена моделями и вещами домашней обстановки XVII—XVIII вѣковъ, портретами, рисунками и миниатюрами. Здѣсь же собраніе монетъ и медалей.

Послѣдніе три зала расположены во 2-мъ этажѣ, куда надо подняться по узкой витой лѣстницѣ. Первый изъ нихъ заключаетъ собраніе портретовъ разныхъ дѣятелей и замѣчательныхъ лицъ края XV—XVIII вѣковъ, а также и русскихъ начальствовавшихъ здѣсь лицъ, начиная съ Никиты Репнина (1719—1726 г.). Здѣсь же бронзовый бюстъ несчастнаго Юганна Рейнгольда Паткуля, казненнаго въ 1707 году. Въ витринахъ нѣсколько рисунковъ мѣстныхъ типовъ, костюмовъ и видовъ мѣстности. Въ остальныхъ комнатахъ снова портреты главнымъ образомъ правителей—русскихъ, шведскихъ и курляндскихъ (интересенъ портретъ во весь ростъ Вильгельма, герцога Курляндскаго, родился въ 1574 г. и умеръ въ 1640 г., изъ кирхи съ о. Руно), нѣсколько портретовъ извѣстнѣйшихъ духовныхъ лицъ, художниковъ и ученыхъ, наконецъ видовъ старой Риги; въ витринахъ хранятся родословныя книги XVI—XIX столѣтій, старопечатныя книги, рисунки, альбомы частныхъ лицъ и т. д. Немало интереснаго даже въ вестибюлѣ, а также въ нижнемъ коридорѣ Domkirche, гдѣ собрано много старыхъ пушекъ XVI—XVII вѣковъ съ характерными надписями.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе музея. Не имѣя намѣренія въ настоящей краткой замѣткѣ исчислить все, хотя бы наиболѣе замѣчательныя вещи въ этомъ богатомъ собраніи, отмѣчая только то, что бросилось въ глаза при довольно бѣгломъ осмотрѣ, при которомъ весьма легко не замѣтить или не оцѣнить по достоинству очень интересныхъ предметовъ и остановить вниманіе на томъ, что не составляетъ самаго характернаго въ коллекціяхъ музея,—трудно, конечно, пытаться дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику содержанія музея. Все-таки, думается, умѣстно высказать хотя бы общее впечатлѣніе, которое выносится даже изъ поверхностнаго обзора.

При всемъ богатствѣ и прекрасномъ распредѣленіи коллекцій музея едва ли можно признать достоинствомъ его то, что онъ имѣетъ недостаточно яркій, въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи, мѣстный (областной) характеръ. Вслѣдствіе этого вниманіе обозрѣвателя нѣсколько разсѣивается — и хорошо еще, если не запутывается,—среди множества предметовъ, собранныхъ отовсюду, не ограничиваясь даже одною нашею частью свѣта, а захватывая еще и другія, съ нею сопредѣльныя, если не болѣе того. Здѣсь передъ обозрѣвателемъ музея не только вся восточная, западная, южная и сѣверная Европа и Англія, не только Персія, Китай, Корея и Японія, но даже Египетъ со своею мумією изъ каир-

скаго музея, даже далекая Ямайка нашла себѣ мѣсто въ отдѣлѣ оружія и доспѣховъ. Правда, въ большинствѣ эти вещи, по словамъ путеvodителя, дареныя, а на этотъ счетъ не только русская, но и нѣмецкая пословица гласить, что *einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul*. Однако такая интернаціональность не способствуетъ цѣльности впечатлѣнія при осмотрѣ музея областного, слѣдовательно уже по этому одному имѣющаго свою особую задачу представить ярко и выпукло всѣ характерныя особенности даннаго края, его природу, исторію, культуру, а не быть своего рода кунсткамерой, вмѣстилищемъ всякаго рода рѣдкостей и только на томъ основаніи, что онѣ рѣдкости.

Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, посѣтитель рижскаго музея можетъ имѣть достаточное основаніе считать себя не вполне

Печать города Висби.

удовлетвореннымъ обзоромъ даже и такого прекраснаго собранія, какимъ музей въ правѣ былъ бы гордиться, и не мудрено, если онъ унесетъ съ собою порядочную дозу досаднаго чувства, что за нагроможденными деревьями ему было чрезвычайно трудно разсмотрѣть самый лѣсъ.

Но самой важной особенностью музея, — чтобы не сказать — крупнѣйшимъ его недостаткомъ, — является не переполненность его, не избытокъ или слишкомъ большая разнородность его богатствъ, а какая-то странная экстерриториальность и, да позволено будетъ такъ выразиться, — ультранѣмецкій характеръ. Между тѣмъ, какъ бы высоко ни оцѣнивать роль и значеніе нѣмецкаго элемента въ Прибалтійскомъ краѣ, все же нельзя не признать,

что музей, въ качествѣ научнаго учрежденія цѣлаго края, служить просвѣтительнымъ цѣлямъ въ интересахъ всего мѣстнаго населенія, среди котораго нѣмцевъ лишь 8⁰/₀, слѣдовательно немногимъ болѣе, чѣмъ русскихъ (5⁰/₀), и значительно меньше преобладающихъ народностей—43⁰/₀ латышей и почти столькихъ же эстонцевъ.

Слѣдовало бы ожидать, что указанныя цифры достаточно опредѣляютъ пропорціональное представительство мѣстныхъ этнографическихъ группъ въ составѣ вещественныхъ памятниковъ мѣстной культуры. Однако въ музей эта пропорція наблюдается какъ бы въ перевернутомъ видѣ и прямо за счетъ мѣстнаго преобладающаго населенія. Въ отдѣлѣ древностей края еще не замѣчается чрезмѣрнаго поглощенія мѣстной культуры культурою пришлою; мѣстныя народности занимаютъ достаточно самостоятельное мѣсто. При помощи путеводителя можно хорошо прослѣдить вещественные памятники прошлаго и *lettisches*, и *livisches*, и *estnisches Gebiet*, но это все памятники, такъ сказать, ископаемой культуры далекаго прошлаго. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ бѣднѣе и бѣднѣе народная культура и съ поверхности земли и изъ ея нѣдръ; все больше и больше вытѣсняется она памятниками германскихъ и другихъ влiяній, орденскаго, шведскаго и, наконецъ, русскаго господствъ, и за этими памятниками влiяній и господствъ совершенно скрывается душа края—народъ. Точно всѣ эти влiянія и господства такъ пышно распустились здѣсь на однѣхъ древнихъ могилахъ, а не среди живого народа, который съ той поры росъ, совершенствовался и постепенно достигалъ того сравнительно высокаго состоянія національной культуры, которое наблюдается теперь въ этомъ краю. Но какъ росъ этотъ народъ, какіе этапы прошелъ онъ по пути отъ ранней, если можно такъ выразиться—могильной культуры, здѣсь въ музей представленной, къ культурѣ современной,—этого музей не скажетъ посѣтителю. Получается впечатлѣніе, будто передъ вами не историческій музей въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова, а музей—памятникъ по утвержденію здѣсь, на обломкахъ мѣстной національной старины, всепоглощающаго нѣмецкаго влiянія и господства. Точно находишься не на окраинѣ Россіи, а въ Германіи, представляющей исторію своихъ культурныхъ и иныхъ побѣдъ надъ покоренными ею народами: былъ, молъ, такой-то народъ, жилъ въ примитивномъ быту, пользовался каменными и бронзовыми орудіями, а теперь, *Gott sei gedankt*, приобщенъ къ нѣмецкой культурѣ и растворился въ ней безъ остатка. Можно не спорить о размѣрахъ влiянія нѣмецкой культуры въ Прибалтійскомъ краѣ, можно даже высоко цѣнить это влiяніе, но надо же быть справедливымъ и къ туземцамъ, вѣдь и они не сидѣли сложа руки, подъ градомъ сыпавшихся на нихъ со всѣхъ сторонъ куль-

турныхъ и иныхъ вліяній. Что они не схоронили свою національную культуру въ древнихъ могилахъ, а кое-что сберегли и даже приумножили, за это говорить ихъ современное положеніе, существованіе своихъ латышскихъ и эстонскихъ просвѣтительныхъ учреждений, языка, литературы и повременной печати. Въ одной Ригѣ насчитывается, напримѣръ, однихъ латышскихъ періодическихъ изданій около десятка.

Если народъ, несмотря на всѣ превратности своего прошлаго, все-таки живетъ, говоритъ и пишетъ на родномъ языкѣ, имѣетъ свою литературу, то, кажется, а priori можно сказать, что у него найдется немало интереснаго и для культурно-историческаго музея.

Говоря все это, я не беру на себя смѣлости кого-либо обвинять за указываемые недостатки, можетъ быть, трудно устранимые, даже неизбежные почему-либо, тѣмъ болѣе заподозрѣвать тенденціозность, а просто констатирую фактъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ представлялся, и не вдаюсь въ его толкованія и объясненія. На этомъ же основаніи не могу не пожалѣть, что почтенное научное учрежденіе, призванное служить дѣлу просвѣщенія края изученіемъ его исторіи, своимъ содержаніемъ какъ будто не вполне совпадаетъ всѣми своими точками съ подлинною исторіею края. Именно въ исторіи-то, кажется, мы и не встрѣчаемъ той односторонности, которою грѣшитъ, вольно или неволью, музей.

До XIII вѣка въ этомъ краю сложилось нѣсколько туземныхъ княжествъ: Унганія, Саккала, Метсеполе, Торенда, Томва и др. Нѣкоторыя изъ племенъ были самостоятельны, другія же находились въ зависимости отъ русскихъ, что и дало поводъ древней, еще XIII вѣка, нѣмецкой римованной хроникѣ выразиться объ этомъ, что земли земьголы, ливовъ, летъголы находились въ рукахъ русскихъ: *Selhen, Liven, Letten laut waren in der Rusenhaut*. А свидѣтельства нашихъ лѣтописцевъ, а равно и лѣтописца мѣстнаго, жившаго въ началѣ XIII вѣка, Генриха-Латыша, согласно говорятъ, что многія изъ здѣшнихъ племенъ платили дань «Господину Великому Новгороду» и полоцкимъ князьямъ. Новгородскіе и псковскіе купцы вели здѣсь торговлю, и, надо думать, не безъ ихъ вліянія уже въ XI вѣкѣ здѣсь стало распространяться христіанство, современнымъ подтвержденіемъ чему является присутствіе многихъ русскихъ словъ церковнаго обихода въ латышскомъ и эстонскомъ языкахъ.

Въ началѣ XI вѣка здѣсь имѣются уже русскіе города: Юрьевъ, основанный Ярославомъ Мудрымъ, Кокейтсъ, на Западной Двинѣ, вверхъ по ея теченію, верстахъ въ 80 отъ нынѣшней Риги, и др. Въ XIII вѣкѣ, съ возникновеніемъ Ливонскаго ордена утверждается здѣсь нѣмецкое вліяніе. Но со второй половины XVI вѣка орденъ прекращаетъ самостоятельное существованіе, и

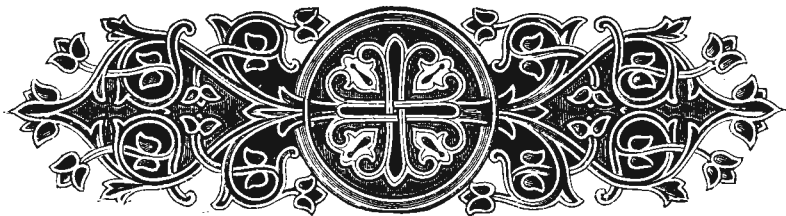
съ 1561 года послѣдовательно владѣютъ краемъ Польша, частью Данія (на островѣ Эзелѣ), съ 1629 г. Швеція и, наконецъ, съ 1710 г., а окончательно съ 1721 (по Ништадтскому миру) снова Россія. Такимъ образомъ, видимъ, что господства и вліянія мѣнялись, не мѣнялся только народъ, которому и слѣдовало бы занять подобающее мѣсто въ музеѣ.

Но на нѣтъ, говорятъ, и суда нѣтъ. Спасибо и на томъ, что есть. Посѣтителю же музея надо поставить себѣ за правило—твердо помнить писанную исторію края и только при ея помощи и руководствѣ приступить къ обзорѣнню все же весьма интереснаго и богатаго содержаніемъ музея, созданнаго безкорыстною затратою громадной массы труда и знанія многихъ весьма почтенныхъ лицъ.

А. Ш—овъ.

У ВЕЛИКИХЪ МОГИЛЪ.

(Поѣздка по восточному бассейну Средиземнаго моря).

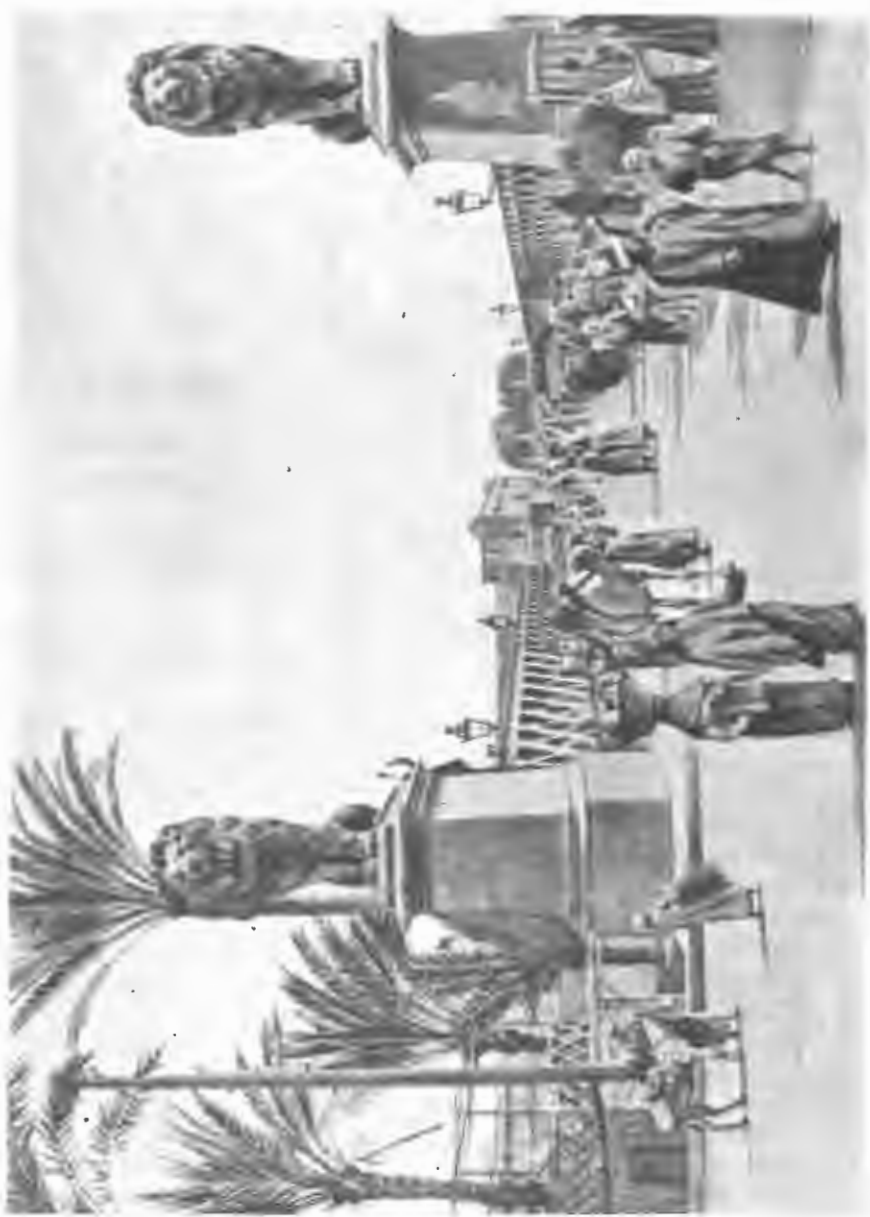

АМБУРГСКОЕ пароходное общество «Hamburg—Amerika Linie» ежегодно устраиваетъ прогулки по Средиземному морю. Весною 1907 года на пароходъ «Moltke» я совершилъ такую поѣздку въ Египеть, Палестину и Архипелагъ. Вынесенныя мною впечатлѣнія были такъ новы и разнообразны, что мнѣ отрадно хотя отчасти, въ короткомъ разсказѣ, снова пережить ихъ и подѣлиться ими съ читателями. Пароходъ вышелъ изъ Генуи 19 февраля и возвратился въ Геную 2 апрѣля новаго стilia. Поѣздка началась прогулкою по Ривьерѣ до Ниццы, и утромъ 22 февраля, минуя Эльбу и Страмболи, мы вступали въ восточный бассейнъ Средиземнаго моря, проходя Мессинскій проливъ и совершенно не замѣчая, что намъ Сцилла грозитъ съ одной стороны, а съ другой—пожираетъ жадно соленую влагу Харибда. Холодный день съ дождемъ и вѣтромъ какъ будто оправдывалъ слова «Одиссеи» о томъ, что здѣсь никогда не бываетъ ни лѣтомъ, ни осенью свѣтлый воздухъ. Направо вдали бѣлѣла Мессина. Этна была закутана облаками. Хранимые Зевсомъ,плыли мы вдоль береговъ плодородной Тринакрии и при ясномъ солнечномъ свѣтѣ подошли къ Сиракузамъ. Эта когда-то сильная крѣпость, столица Сициліи, центръ сношеній между Римомъ, Карфагеномъ и Греціей, не узнала бы себя въ нынѣшнемъ маленькомъ городкѣ, напоминающемъ своими заросшими травою площадями наши уѣздныя захолустья. Въ прикрытыхъ отъ солнца балдахиа-

номъ дрожкахъ покатили мы между длинными рядами стѣнъ осматривать остатки древняго греческаго театра, катакомбъ съ часовнею въ память пребыванія въ Сиракузахъ ап. Павла и каменоломни. Послѣднія интересны по связанному съ ними преданію. Черезъ громадную островерхую арку открывается входъ въ чрезвычайно высокій, идущій полукругомъ и теряющійся въ темнотѣ коридоръ. Коридоръ этотъ, образовавшійся отъ выемки камня, былъ вырытъ въ древности военноплѣнными и служилъ имъ же тюрьмою. Онъ обладаетъ такими акустическими особенностями, что даже легкій шопоть въ его глубинѣ совершенно ясно слышенъ у входа, гдѣ, говорятъ, подозрительный тиранъ сиракузскій Діонисій часто стоялъ, никѣмъ невидимый, и подслушивалъ заключенныхъ. Каменоломня вообще напоминаетъ своимъ устройствомъ ухо и называется *orecchio di Dionisio*. Въ другой каменоломнѣ въ саду среди миртъ и амарантовъ съ гуляющими кругомъ павлинами я былъ пораженъ, увидѣвъ мраморный бюстъ Тургенева, и только надпись разсѣяла мою иллюзію и удостовѣрила, что Иванъ Сергѣевичъ былъ двойникомъ знаменитаго Архимеда.

Вечеромъ мы вышли изъ Сиракузъ и утромъ были на Мальтѣ при входѣ въ пятиперстную бухту Валетты, въ углахъ которой тутъ и тамъ стояли англійскія миноноски и канонерки. Осматривали соборъ св. Іоанна съ чудными мраморными гробницами рыцарей, домъ генераль-губернатора съ залами, полными рыцарскихъ доспѣховъ, извѣстную *chapel of bones*, черныя стѣны которой украшены съ оригинальнымъ вкусомъ и искусствомъ человѣческими костями. На пароходѣ мѣстные жители торгуютъ прекрасными мальтійскими кружевами и неизбѣжными фотографіями. Ищу между ними гротъ Калипсо и нахожу видъ бухты ап. Павла, въ которой знаменитый устроитель Христовой церкви въ 61 году нашей эры въ бурное зимнее время потерпѣлъ крушеніе вмѣстѣ съ прочими узниками.

Солнце садилось въ густыя облака и окрашивало ихъ зловѣщимъ цвѣтомъ. Было немножко жутко вспоминать 27 главу Дѣяній апостольскихъ и думать о предстоящемъ намъ 60-часовомъ переходѣ открытымъ моремъ. Однако мы «воздвизохомся и отвезохомся» и въ сильно темнѣющихъ сумеркахъ, при звукахъ торжественнаго марша, вышли въ море и взяли прямой курсъ на Александрію. Страхи наши оказались, однако, напрасны. Во все время нашего перехода море было совершенно спокойно. Отъ него вѣяло тишиной пустыни. Мы не встрѣтили ни одного судна, и этотъ пустынный видъ моря и окружающая насъ тишина совершенно согласовались съ мыслию о томъ, что мы приближаемся къ великимъ могиламъ, къ тѣмъ могиламъ, гдѣ опочили слагавшіяся тысячелѣтіями міровоззрѣнія и вѣрованія. Завтра мы въ Александрію, Александрію, Іерусалимъ, Аѳины — родина культурнаго

Мостъ черезъ Ниль въ Каирѣ.

человѣка, неизсякаемый источникъ европейской науки и мысли, вращающейся въ заколдованномъ кругу и постоянно возвращающейся къ своему первоисточнику—эллинской мудрости.

Среди множества парусныхъ и паровыхъ судовъ, купеческихъ и военныхъ англійскихъ яхтъ и мы стали на якорь въ гавани Александрии и черезъ пять минутъ были на набережной, усѣянной пестрой толпой носильщиковъ, проводниковъ, грузчиковъ, лошадыми безъ шлеи, но съ богатымъ головнымъ уборомъ, украшеннымъ бисеромъ и игреткой. Среди этой движущейся и шумящей толпы мы прошли къ вокзалу. Поѣздъ скоро вышелъ изъ черты города и предъ нами открылись зеленѣющія поля дельты Нила. Она вся прорѣзана каналами, у которыхъ примитивнаго устройства водокачки въ видѣ ворота (sakije), приводимаго въ движеніе ослими, верблюдами и просто людьми. Изрѣдка мелькають пальмы, виднѣются деревни, состоящія изъ глинобитныхъ землянокъ и издали своимъ сѣрымъ видомъ напоминающія наши русскія деревни. По тропинкѣ вдоль дороги идутъ и ѣдутъ на осликахъ феллахи, одѣтые въ черные или синіе бурнусы. Почти каждый жуетъ стволъ сахарнаго тростника, такъ какъ было время деревенскаго завтрака. Подъ поѣздомъ грохочетъ желѣзныи мостъ, и блещутъ на солнцѣ желтыя воды Розетскаго рукава Нила. Снова широко раскидывается плодородная дельта, покрытая зеленью пшеницы, ячменя, маиса, хлопка и огородныхъ овощей. Поѣздъ останавливается у станціи Тана. Собравшаяся на платформѣ публика протягиваетъ къ намъ руки и неистово кричитъ: «бакшишъ! бакшишъ!» Тана мѣсто большой ежегодной ярмарки, собирающей до полмилліона народа. За Таной поѣздъ пересѣкаетъ другой, Дамьетскій, рукавъ Нила, и черезъ полтора часа отсюда мы въ Каирѣ.

Отъ Александрии до Каира 208 километровъ. Время переѣзда въ экспрессѣ 3¹/₂ часа. Дорога построена въ 1855 году.

«Hôtel Continental»—большая гостиница съ лифтомъ. У меня свѣтлая, чистая комната. Большая кровать съ теплыми байковыми одѣялами и кисейнымъ пологомъ отъ мухъ и комаровъ, которыхъ, къ счастью, пока не видно и не слышно. Коридорная прислуга громаднаго роста арабы. Завтракаемъ въ ресторанѣ отеля. Кельнеры нѣмцы и лишь только для соблюденія мѣстнаго колорита нѣсколько египтянъ въ расшитыхъ курткахъ и фескахъ. Часть туристовъ уѣзжаетъ сейчасъ съ поѣздомъ въ Верхній Египетъ, въ Люксоръ и Ассуанъ, а я усаживаюсь на террасѣ «Hôtel Continental» въ покойномъ плетеномъ креслѣ у чайнаго столика. Передо мною садъ Эзбекиѣ, устроенный Измаиль-пашею и носящій имя извѣстнаго арабскаго полководца. Направо зданіе оперы и передъ нимъ на площади конная статуя Ибрагима-паши. Все сѣро. Отличительный цвѣтъ Каира сѣрый. Сѣрая зелень деревьевъ, сѣрая

стѣны домовъ, сѣрый памятникъ, сѣрыя макадамированные улицы, по которымъ гудятъ автомобили, звенятъ трамваи и велосипеды, катятся коляски и ландо; не торопясь, мѣрнымъ шагомъ, не обращающаго вниманія на окружающую суету, проходятъ верблюды, трясутся маленькіе ослики. Передъ отелемъ снуютъ арабы, обвѣшанные вѣерами, фесками, тростями, бусами и неизбѣжными *Ansichts Karten, cartes postales, cards of views*. «Herr Baron, Herr Baron!» кричатъ они въ погонѣ за туристами. Тутъ же около меня сидитъ на полу въ серединѣ столпившейся около него публики фокусникъ. Онъ ловко поглощаетъ паплю, пускаетъ изо рта дымъ, тянетъ ленты, продѣлываетъ разныя штуки съ цвѣтами, монетами, живыми цыплятами и приговариваетъ самому себѣ: «clever, very clever». Въ заключеніе онъ вынимаетъ изъ мѣшка кобру, крутитъ ее въ воздухѣ за хвостъ и бросаетъ на мраморный полъ террасы. Измученное животное съ остаткомъ послѣдней злобы быстро скользитъ назадъ къ нему и, выпрямившись на хвостѣ, останавливается въ угрожающей позѣ. Кругомъ защелкали кодаки, и сеансъ эффектно законченъ.

Сопровождаемый отрядомъ кавалеріи, проѣхалъ въ коляскѣ молодой хедивъ. Чалмы и фески почтительно склонились въ поясъ.

Геродотъ говоритъ, что въ Египтѣ и небо и люди, все другое. Въ наши дни небо осталось такое же, какъ и было, но люди, конечно, уже другіе. И въ древности Египетъ никогда не чуждался иностранцевъ, а теперь онъ первый изъ мусульманскихъ странъ всецѣло пошелъ навстрѣчу европейской цивилизаци. Его новая исторія интересна не менѣе старой. Интересно припомнить ее хотя бы вкратцѣ, тономъ и слогомъ учебника.

«Кто владѣетъ Египтомъ, тотъ владѣетъ торговлей Востока», писалъ Лейбницъ Людовику XIV, и Бонапарте напомнилъ объ этомъ директоріи, предлагая взаменъ утраченной Канады взять въ свои руки путь сношеній Великобританіи съ Остъ-Индіей. Путь этотъ очень древній. Въ глубокой древности Нижній Египетъ велъ торговлю съ Индіей черезъ Красное море при посредствѣ китайскихъ джонокъ. Во времена директоріи Египетъ принадлежалъ Турціи, но находился во власти возмущившихся мамелюковъ и потому со стороны Турціи, союзницы Франціи, возраженій не ожидалось.

19 мая 1798 года Бонапарте отплылъ изъ Тулона со своей экспедиціей, при которой состояло болѣе 100 человекъ ученыхъ, художниковъ, переводчиковъ и инженеровъ, положившихъ первое и прочное основаніе изученію страны. 1 іюля Бонапарте высадился въ Александрію, а 21-го произошло сраженіе у пирамидъ, увѣковѣченное словами: «*songez que du haut de ces monuments quarante siècles vous contemplent!*» 23-го Бонапарте перенесъ свою главную квартиру въ Каиръ, а дивизія Дезе, слѣдуя по лѣвому берегу Нила, достигла нильскихъ пороговъ и закончила покореніе Верх-

няго Египта. Желая оправдать свою экспедицію, Бонапарте объявилъ себя защитникомъ всѣхъ подданныхъ султана и врагомъ мамелюковъ, но тѣмъ не менѣе Порты объявила войну Франціи. Въ отвѣтъ на это объявленіе въ теченіе зимы 1798—9 послѣдовалъ походъ Бонапарте въ Палестину, взятіе Газы и Яффы и безуспѣшная осада Акры. Возвратившись изъ этого неудачнаго похода, Бонапарте 25 іюля разбилъ при Абукирѣ высадившуюся тамъ съ помощію англійскаго флота 18-тысячную армію турокъ и 24 августа отплылъ на небольшой эскадрѣ изъ Александріи во Францію.

Въ сраженіи при Абукирѣ участвовалъ въ чинѣ полковника (бимъ-паши) уроженецъ Румеліи, Мехметъ-Али, получившій за отличіе начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ албанцевъ. Въ длившейся борьбѣ турецкихъ намѣстниковъ въ Египтѣ съ мамелюками онъ склонялся то на ту, то на другую сторону, пока въ 1805 году не былъ провозглашенъ самъ намѣстникомъ и не перебилъ мамелюковъ, пригласивъ ихъ къ себѣ на пиръ въ цитадель. Въ 1811 году по приказанію султана онъ снарядилъ экспедицію въ Аравію противъ магометанской секты вагабитовъ. Война продолжалась до 1818 года и дала Мехмету-Али случай создать обученную армію. Выказывая свое подчиненіе султану, онъ снова принялъ участіе въ войнѣ съ Греціею (1824—1829), но затѣмъ, пользуясь ослабленіемъ Порты и прикрываясь личною враждою съ акрскимъ пашою Абдаллою, онъ въ 1831 году двинулъ въ Сирію подъ начальствомъ своего пріемнаго сына Ибрагима-паши 20-тысячную армію. Ибрагимъ черезъ годъ завладѣлъ Сиріею, и только высадка русскихъ войскъ въ Буюкъ-дере принудила его въ 1833 году заключить миръ съ Портою. По этому миру Ибрагимъ удержалъ, однако, Сирію за собою и былъ назначенъ ея намѣстникомъ. Въ 1839 году война снова возобновилась, и турецкая армія была уничтожена близъ Евфрата, а флотъ перешелъ на сторону Ибрагима. Тогда Россія, Англія, Пруссія и Австрія, заключивъ такъ называемый Лондонскій трактатъ, рѣшили поддержать Турцію. Поддержка эта, однако, окончилась признаніемъ самостоятельности Египта. Фирманомъ, изданнымъ 1 іюня 1841 года съ согласія державъ, къ которымъ въ концѣ концовъ присоединилась и поддерживавшая Мехмета-Али Франція, были опредѣлены отношенія Египта къ Турціи. Египетъ былъ признанъ наслѣдственнымъ въ родѣ Мехмета-Али пашалыкомъ, а въ 1867 году намѣстнику или вали Египта былъ присвоенъ титулъ вице-короля или хедива. Мехметъ-Али умеръ въ 1849 году, и ему наслѣдовалъ его внукъ Аббасъ-паша, врагъ всякихъ европейскихъ новшествъ. Онъ умеръ въ 1854 году, и престолъ хедива перешелъ къ четвертому сыну Мехмета-Али, европейски образованному Саидъ-пашѣ. Онъ отмѣнилъ рабство, окончилъ тельжную дорогу отъ Александріи

до Каира и провелъ ее къ Суэцу. При немъ начались работы по прорытію Суэцкаго канала. 9 января 1856 года Саидъ-паша выдалъ Фердинанду Лессепсу концессию на 99 лѣтъ для образованія акціонернаго общества, и первый ударъ заступа произошелъ 25 ап-

Пирамида Хеопса, Сфинксъ и храмъ Сфинкса.

рѣля 1859 года у порта Саида. Саидъ-паша умеръ 18 января 1863 года, и блестящее торжество открытія Суэцкаго канала произошло 16 ноября 1869 года при его преемникѣ Измаилѣ-пашѣ. Этотъ блестящій, дѣятельный, предприимчивый сынъ знаменитаго

Ибрагима-паши довелъ страну до полнаго банкротства. Желая какъ можно болѣе извлечь для себя прибылей отъ постройки фабрикъ, каналовъ, шлюзовъ, мостовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, онъ совершенно запутался въ своемъ домашне-государственномъ хозяйствѣ и въ 1875 году вынужденъ былъ продать англичанамъ бывшіе еще въ его рукахъ акціи Суэцкаго канала на 4 милліона фунтовъ стерлинговъ. Это положило начало упроченію Англій въ Египтѣ. Соединеннымъ усиліямъ державъ удалось до нѣкоторой степени внушить Измаилу-пашѣ сознаніе различія между частною и государственною собственностью и принять для управленія финансами страны двухъ министровъ, французъ и англичанина. Измаиль-паша, однако, уволилъ ихъ въ 1879 году, но былъ затѣмъ уже самъ низложенъ и умеръ въ Константинополѣ въ 1895 году.

Ему наследовалъ сынъ его Тевфикъ. При немъ, 8 сентября 1881 г., въ Каирѣ вспыхнуло возмущеніе противъ иноземнаго вліянія. Въ концѣ мая 1882 г. передъ Александріей появились флоты французскій и англійскій, которые 11—12 іюня бомбардировали Александрію. 13 сентября былъ взятъ въ плѣнъ предводитель возстанія, бывший военный министръ, Араби и сосланъ на Цейлонъ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ событій, окончательно подчинившихъ страну англійскому вліянію. Эти важныя для Европы и Египта событія слѣдовали въ такомъ порядкѣ. Возстаніе магдистовъ въ 1883 г. Движеніе генерала Гордона въ Хартумъ. Соглашеніе съ Франціей въ 1887 г. о безусловномъ нейтралитетѣ Суэцкаго канала. Въ 1892 г. Тевфику наследовалъ сынъ его Аббасъ II, родившійся въ 1874 г. Весною 1896 г. генераль Китченеръ предпринялъ усмиреніе Судана. Суданъ отдѣленъ отъ Египта и образовалъ особую область, управляемую англійскимъ губернаторомъ, назначаемымъ хедивомъ. Въ 1902 г. окончена постройка шлюзовъ (barroge du Nil) у Ассуана. Въ 1904 г. состоялось англо-французское соглашеніе, по которому Англія обѣщаетъ сохранять *status quo* Египта, а Франція отказывается отъ требованія удаленія англичанъ изъ Египта.

Въ Каирѣ мы пробыли недѣлю и за это время видѣли мечеть Амру, стоящую на томъ мѣстѣ, гдѣ 13 столѣтій тому назадъ стояла палатка этого основателя Каира. Видѣли цитадель, гдѣ произошло счастливое избиеніе мамелюковъ Махметомъ-Али, и его гробницу въ построенной имъ рядомъ съ цитаделью мечети. Эта мечеть, какъ и вообще всѣ мечети Каира, Иерусалима, Дамаска и Константинополя, поражаетъ своими размѣрами, массой воздуха, своими богатыми коврами и благоговѣйной тишиной. У входа и вдоль стѣнъ обыкновенно сидятъ богомольцы и шопотомъ читаютъ, раскачиваясь, стихи корана. Въ особенности интересно видѣть ихъ въ усыпальницѣ мамелюковъ, въ узкихъ проходахъ между пе-

стрыми, раззолоченными, имѣющими форму верблюжьяго сѣдла, гробницами, интересно потому, что, какъ говорятъ, богомольцы приходятъ сюда и ищутъ у гробницъ грозныхъ властелиновъ

Сфинксъ и пирамиды.

забвенія отъ постигшихъ ихъ семейныхъ дразгъ и неурядицъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, говорятъ, и у насъ въ Архангельскомъ соборѣ служатъ панихиды у гробницы Ивана Грознаго.

Замѣчательно, что члены нынѣшней династіи, истребившей мамелюковъ, погребаются вмѣстѣ съ ними въ одной усыпальницѣ.

Видѣли и мечеть Азгарь, родъ мусульманскаго университета, существующаго уже тысячу лѣтъ и привлекающаго къ себѣ слушателей изъ всѣхъ странъ свѣта. На полу обширной мечети, на дворѣ и въ колоннадахъ, размѣщаются группами босоногіе юноши, читаютъ, пишутъ или слушаютъ профессоровъ, которые сидятъ между ними, скрестивъ ноги, на табуретахъ и, качаясь и жестикулируя, читаютъ и объясняютъ имъ коранъ и мусульманское правовѣдѣніе. Ученіе бесплатное, и учителя также не получаютъ жалованья. Слушателей въ школѣ бываетъ до 10000 человекъ, профессоровъ свыше 300.

При школѣ бібліотека, содержащая, по отзывамъ знатоковъ, замѣчательные, рѣдкіе арабскіе манускрипты. По срединѣ круглаго зала, въ которомъ помѣщается бібліотека, на столѣ подъ запыленнымъ стекляннымъ колпакомъ небольшой телескопъ. «Для чего эта вещь здѣсь?» пожелали мы знать.—«Antiquité», отвѣчалъ намъ бібліотекаръ и протянулъ руку за бакшишемъ. Астрономическіе инструменты въ Египтѣ составляютъ *antiquités!* Какой глубокой смыслъ въ этомъ миломъ отвѣтѣ.

Вообще школа на посторонняго человѣка производитъ довольно странное впечатлѣніе. Какъ-то смѣшно видѣть эти красивыя, полныя жизни, лица съ чудными огненными глазами, увлеченныя неистовою зубрежкой!

Въ пятницу ѣздили на пароходѣ вверхъ по Нилу до арабскаго селенія Бедахенъ, къ мѣсту древняго Мемфиса. Отсюда на ослахъ направились мы сначала по дамбѣ, среди заливныхъ луговъ, къ деревнѣ Мить Рахине, около которой въ пальмовой рошѣ лежатъ двѣ колоссальныя статуи Рамзеса II, а затѣмъ мимо деревни Саккара (по-русски, кажется, Ястребцова) по тучной, зеленой низменности, которая сразу переходитъ въ пески Ливійской пустыни. Пески лежатъ выше луговъ, и здѣсь наглядно видно, какъ питаніе почвы Ниломъ останавливаетъ мертвящее движеніе пустыни. На краю этихъ песковъ стоитъ деревянный домикъ Мариетта и около него знаменитая находка этого ученаго—подземный храмъ, служившій мѣстомъ погребенія священныхъ аписовъ. При храмѣ жили иноки, анахореты, отрѣшившіеся отъ всѣхъ прелестей и радостей міра, даже не допускавшіе въ своемъ аскетизмѣ смѣха и улыбки. Такъ было въ Египтѣ за 3000 лѣтъ до нашей эры. Вмѣстѣ съ аписомъ пользовалась почитаніемъ и его мать, «зачавшая его отъ луннаго свѣта». Нѣтъ ничего удивительнаго, что христіанское отшельничество и возвѣщенный христіанствомъ догматъ воплощенія нашли въ Египтѣ готовую и воспримчивую почву, вызвали здѣсь цѣлое движеніе, расколъ, и создали здѣсь древнѣйшую, существующую до сихъ поръ христіанскую церковь коптовъ.

Около аписова храма гробница, мастаба (усѣченная пирамида) царскаго камергера, господина Ти. Стѣны гробницы покрыты картинами того времени, представляющими сельскую жизнь въ имѣніяхъ камергера.

Влѣво отъ дома Мариетта находится одно изъ самыхъ древнихъ сооруженій Египта, усыпальница легендарнаго царя Цосера, представляющая собою пирамиду, сложенную уступами. Эта «ступенная» пирамида интересна тѣмъ, что она не облицована и объясняетъ намъ слова Геродота о томъ, что «пирамиды строились сверху», т. е. облицовка начиналась съ вершины и шла по уступамъ внизъ къ основанію.

На цѣлую милю предъ домомъ Мариетта простирается некрополь, мертвое поле, и тутъ же среди пирамидъ и усыпальницъ царей и египетской знати находится и кладбище священнѣхъ кошекъ и ибисовъ, муміи которыхъ наполняютъ всѣ музеи. На этомъ-то полѣ и началъ свою дѣятельность знаменитый Мариеттъ, развернувшій предъ удивленнымъ міромъ богатую картину жизни древняго Египта.

Мариеттъ родился въ 1821 г. въ Булони. Въ 1850 г. онъ предпринялъ поѣздку въ Египетъ и счастливымъ открытіемъ аписова некрополя составилъ себѣ имя и получилъ денежную поддержку отъ французскаго правительства, а въ 1858 г. египетское правительство поручило ему завѣдываніе раскопками по всей странѣ. Мариеттъ умеръ въ 1881 году въ Булакѣ, гдѣ былъ построенъ музей для открываемыхъ имъ сокровищъ. Изъ Булака музей перенесенъ въ Каиръ, въ построенный въ 1902 году обширный музей египетскихъ раскопокъ (Musée des antiquités égyptiennes). Предъ нимъ поставлена мраморная статуя Мариетта съ надписью: «Mariette Pascha—Égypte reconnaissante».

Въ субботу были у знаменитыхъ пирамидъ Гизе. Переѣхавъ украшенный статуями львовъ желѣзный мостъ черезъ Ниль, мы покатали въ нашей коляскѣ по широкой аллеѣ акацій мимо деревни Гизе. Слева аллеи идетъ электрическая дорога къ пирамидамъ. По обѣимъ сторонамъ дороги разстилается равнина, гдѣ произошла битва 21 іюля 1798 г., на которую смотрѣли эти современники Авраама такъ же безучастно, какъ они смотрятъ на насъ, ничтожныхъ путниковъ, идущихъ къ нимъ на поклоненіе.

Умъ древняго египтянина былъ всецѣло занятъ мыслию о вѣчности, о загробной жизни. Изида тщательно собирала куски разрубленнаго тѣла Озириса, чтобы вызвать его къ воскресенію, къ новой жизни. Египтяне старались сохранить тѣла послѣ смерти и бальзамировали своихъ покойниковъ, каждый по своимъ средствамъ, по рецептамъ, записаннымъ Геродотомъ. Фараоны для своихъ тщательно набальзамированныхъ мумій воздвигали пирамиды. Утверждаютъ, однако, что самая большая изъ пирамидъ пирамида

Хеопса, передъ которою мы теперь стоимъ, не есть гробница, а представляетъ собою математическую загадку, изображая своими размѣрами взаимное соотношеніе чиселъ, управляющихъ вселенною, и разрѣшаетъ квадратуру круга ¹⁾.

Долго стоялъ я передъ великимъ сфинксомъ, этимъ стражемъ царскихъ усыпальницъ, и старался въ своемъ воображеніи возстановить черты этого лица, съ улыбкою обращеннаго къ восходу солнца. Лицо это должно было быть прекрасно, но оно обезображено, какъ говорятъ, мамелюками, стрѣлявшими въ него какъ въ мишень. Всѣ фотографіи, снятыя притомъ обыкновенно съ боку, даютъ изображеніе какого-то отвратительнаго чудовища. Отчаявшись найти въ продажѣ хотя отдаленное подобіе того, что рисовало мнѣ мое воображеніе, я рѣшился вчера утромъ отправиться одинъ къ пирамидамъ и зарисовать черты этого милаго лица. Дулъ сильный вѣтеръ и было очень холодно. Полузамерзшій я сѣлъ передъ моимъ божествомъ и началъ работу. Песокъ и пыль легли мнѣ въ глаза и засыпали рисунокъ. Я не переставалъ рисовать. Наконецъ сильный порывъ вѣтра опрокинулъ палитру и воду на рисунокъ и съ силою захлопнулъ мой альбомъ. Божество яростно смотрѣло теперь на меня своимъ обезображеннымъ лицомъ. Я покорно поднялся и поплелся во-свояси, а внезапно хлынувшій дождь хлесталъ и колотилъ мою спину. Съ тѣхъ поръ я уже нигдѣ ничего не рисовалъ.

Мои размышленія о проведенной въ Каирѣ недѣлѣ были прерваны звонкомъ къ обѣду. Надо было итти надѣвать фракъ и послѣ обѣда готовиться на завтра въ обратный путь въ Александрію.

Мы идемъ вдоль береговъ Святой земли. Небо сильно хмурится, солнце скрылось, идетъ дождь. Проходимъ гору и мысъ Кармель, показывается снѣжная вершина Гермона. Сумерки сгустились, и быстро наступила темная ночь. Съ нами на пароходѣ теперь ѣдутъ два драгомана, monsieur Joseph и Herr Dimitry, которые будутъ нашими неразлучными спутниками, путеводаителями, наставниками и охранителями въ пути нашемъ отъ Бейрута черезъ Дамаскъ и Назаретъ въ Іерусалимъ. Они говорятъ на трехъ понятныхъ намъ языкахъ и на трехъ, если не болѣе, намъ совершенно непонятныхъ. Отъ нихъ узнаемъ мы тревожную вѣсть о томъ, что въ горахъ Ливана завалы снѣга и что движеніе поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ затруднено, но они тотчасъ же успокаиваютъ насъ, увѣряя, что нашъ путь, несомнѣнно, пройдетъ удобно и безостановочно, что «Hamburg—Amerika Linie» располагаетъ такими средствами, что завалы снѣга будутъ расчищены, что отели въ пути прекрасные и что хотя за Джениномъ

¹⁾ Charles Piazzi Smyth. Our inheritance in the great Pyramid. 1880. Max Eyth. Der Kampf um die Cheopspyramide. 1906.

il n'y a pas de route carrossable, mais les chevaux arabes sont connus pour leur caractère doux et docile. Все это въ послѣдствіи вполне оправдалось. Часовъ около одиннадцати вечера пароходъ замедлилъ ходъ,

Общій видъ Дамаска.

и въ темнотѣ на горѣ замерцали огни разноцвѣтною цѣпью предъ нами. Это Бейрутъ.

На утро мы увидѣли предъ собою въ бухтѣ маленькій городокъ, а надъ нимъ мрачный массивъ Ливана. Нашъ поѣздъ сей-

часть же за городомъ вошелъ въ горы, и передъ нами начали открываться чудныя панорамы, виды на море, на горы, покрытыя оливковыми и апельсинными деревьями, тузовыми плантаціями, хорошенкими вилами и селеніями. Чѣмъ выше, тѣмъ болѣе мѣняются и разнообразятся виды и расцвѣтаютъ живыя красы Востока.

Поѣздъ ползетъ все выше и выше. Краски блекнутъ. Зеленъ дѣлается чахлой и наконецъ пропадаетъ. Кругомъ сѣрый камень. Пейзажъ дикій и непривѣтливый. Поѣздъ теперь идетъ вдоль прекрасно шоссированной дороги въ Дамаскъ. Эта дорога служить гранью, раздѣляющею два населяющія Ливанъ племени: на сѣверъ отъ нея живутъ марониты, на югъ друзья ¹⁾.

Показался мѣстами снѣгъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и скоро кругомъ насъ полная зима. Около полудня по вагонамъ прошли драгоманы и просили не открывать оконъ, такъ какъ сугробы снѣга такъ высоки и лежатъ такъ близко къ полотну дороги, что снѣгъ можетъ высыпаться въ вагоны. Мы достигли высшей точки перевала и, пройдя два длинные туннеля, начали спускаться въ долину Бека (El Bekaa), орошенную рѣчкою Литани. Въ долинѣ, на станціи Rayak, мы остановились для завтрака, и отсюда большинство туристовъ направилось въ Бальбекъ. На другой день они сидѣли въ Бальбекѣ, занесенные снѣгомъ, но сотни рабочихъ были высланы въ путь, и заносы были расчищены.

Насъ осталось теперь 14 человекъ, въ томъ числѣ двѣ дамы. Отсюда мы, четырнадцать, уже неразлучно съ двумя драгоманами продолжали путь до Иерусалима.

¹⁾ Марониты—остатки монофизитовъ, выселившихся послѣ константинопольскаго вселенскаго собора въ VII вѣкѣ на сѣверъ Ливана къ монастырю, основанному тамъ послѣдователями пророка Марона, пустытника сирийскаго. Во времена крестовыхъ походовъ они вошли въ сношенія съ папскимъ престоломъ, и Григорій XIII основалъ въ Римѣ маронитскую коллегію для образованія и воспитанія маронитскаго духовенства. Глава ихъ именуется антіохійскимъ патріархомъ. Церковный языкъ сирийскій, духовенство женатое.

Другое, враждебное маронитамъ племя, друзья, исповѣдуютъ исламъ. Они играли значительную роль во время занятія Сиріи войсками Мехмета-Али, и вліяніе ихъ эмира Бешира на дѣла Ливана составляло для Ибрагима-паши сильный оплотъ противъ Турціи. При первыхъ успѣхахъ союзниковъ Беширъ бѣжалъ со своими сокровищами и семействомъ въ Мальту и оттуда въ Александрію. Онъ принялъ вѣроисповѣданіе маронитовъ, и это въ значительной степени подняло ихъ духъ. Вражда между друзьями и маронитами все болѣе разгоралась. Въ 1859 г. марониты востали противъ Турціи, и дамаскій вали старался подавить возстаніе при помощи друзей. Марониты толпами начали стекаться въ Дамаскъ, и здѣсь съ 9 по 16 іюля 1860 г. произошло кровавое избиеніе христіанъ, вызвавшее вмѣшательство Европы. По соглашенію съ Англіей Наполеонъ III отправилъ экспедицію въ 7000 человекъ, высадившуюся 16 августа въ Бейрутѣ. Въ іюнѣ 1861 г. французскія войска вернулись, однако, обратно въ Европу.

Вслѣдъ за французскою экспедиціею въ видахъ усиленія европейскаго вліянія на Дамаскъ онъ былъ соединенъ шоссейною дорогою съ Бейрутомъ. Желѣзная дорога открыта въ 1895 году. Ея длина 147 виллометровъ.

Дворъ храма гроба Господня.

Отъ станціи Райакъ, пройдя долину, поѣздъ вошелъ въ горы Антиливана, поднялся снова въ снѣга и, пройдя станцію Забедани (1206 м.), началъ спускаться въ долину рѣки Барады и, слѣдуя вдоль этого шумящаго и пѣнящагося потока, въ пятомъ часу по полудни достигъ Дамаска.

На вокзалѣ насъ ждали экипажи. Мы ѣхали по ничѣмъ не огражденной набережной Барады. Лошади заупрямились передъ куз-

ничей и... но les chevaux arabes sont connus pour leur caractère docile, и мы поѣхали дальше. По неизмовѣрно грязнымъ, кривымъ и узкимъ переулкамъ мы выѣхали на базарную площадь, сплошь заставленную лошадьми и ослиами, и остановились въ узкой улицѣ передъ «Grand Hôtel d'Orient». Просторныя стѣны, полъ выложенъ чернымъ и бѣлымъ мраморомъ. Освѣщенная тусклой лампочкой лѣстница съ ковромъ ведетъ во второй этажъ. Здѣсь большой залъ съ такимъ же мраморнымъ поломъ. По срединѣ столъ, освѣщенный висячей лампой и покрытый письменными принадлежностями и путеводителями. По стѣнамъ въ рамахъ подъ стекломъ лубочныя картины, изображающія встрѣчу двухъ витязей, бѣлаго и чернаго, съ огромными усами, въ шлемахъ и кольчугахъ, на коняхъ, ихъ сраженіе, побѣду чернаго и путешествіе подъ его охраной молодой красавицы на верблюдѣ. Другія картины представляютъ видъ Іерусалима и русскую эскадру въ Портъ-Артурѣ.

Внизу большая столовая съ окнами вверху и съ желѣзною печью, около которой мы потомъ не разъ грѣлись. Два длинные ряда столовъ съ скатертями и салфетками не первой свѣжести и непромытыми стаканами. Прислуга, одѣтая въ черное, не мытая, растерянная. Въ общемъ сносно, и есть что-то наше, губернское.

Слѣдующій день посвятили осмотру города. Бѣдили по темнымъ, крытымъ базарамъ, гдѣ пахнетъ постнымъ масломъ, гдѣ продаютъ лепешки, хлѣбъ, книги, ситцы, мѣдные подносы чеканной работы, кофейные сервизы и старое оружіе. Искали дамаскихъ клинковъ, но ихъ уже давно нѣтъ, ихъ замѣнилъ Solingen. Заѣхали въ большой мебельный магазинъ. Хорошія вещи, хорошіе ковры, хорошій нѣмецкій языкъ и большая готовность высылать все купленное во всѣ города Германіи.

Были въ мечети Омаяда, гдѣ стоитъ громадный саркофагъ, по преданію, гробница Іоанна Крестителя, очень чтимаго мусульманами; посѣтили невзрачный, запущенный мавзолей Саладина, грознаго воина и лучшаго изъ людей. Видѣли домъ Ананіи, гдѣ скрывался апостоль Павелъ, и ту стѣну, съ которой его спустили въ корзинѣ и дали ему возможность бѣжать изъ Дамаска.

По городу проложенъ электрическій трамвай. Одинъ туристъ рассказываетъ, что онъ сѣлъ въ этотъ трамвай въ Миданѣ, чтобы проѣхать въ Серай, т. е. съ одного конца города на другой. Дойдя до базара, вагонъ остановился, и кондукторъ объявилъ: «Avec votre berrmission, nous retournerons». Да почему же, вѣдь трамвай долженъ итти до Серая? «Avec votre berrmission, nous avons beaucoup de voyageurs». Оказалось, что въ вагонъ сѣла толпа деревшей, которымъ было нужно ѣхать въ Миданъ, и вагонъ пошелъ обратно.

Послѣ обѣда поѣхали кругомъ садовъ Дамаска, въ предмѣстье Салахіе, населенное выселившимися съ нашего Кавказа черкесами.

Храмъ гроба Господня.

Предмѣстье лежитъ на склонѣ Антиливана. Отсюда къ югу видна широкая степь, по которой длинной лентой тянется дорога въ Мекку, къ виднѣющимся вдали снѣжнымъ вершинамъ Гермона, на востокъ Сирійская пустыня съ дорогой въ Пальмиру и Багдадъ, а внизу, въ широкой лентѣ садовъ, лежитъ «ожерелье красавицы», «зеница Востока», «земной рай» Дамаскъ.

«Истор. вѣстн.», май, 1909 г., т. сѣмь.

17

Этими эпитетами Дамаскъ прежде всего обязанъ рѣкѣ Гарадѣ. Стекая съ горъ Антиливана, она отдаетъ Дамаску всѣ свои воды, орошаетъ его сады и затѣмъ свою изсякшую силу хоронить въ пескахъ пустыни.

«Не благи ли Авана и Фарфаръ рѣки дамасковы?» говоритъ Библия въ 4 кн. Царствъ, гл. 5, ст. 12.

Дамаскъ вѣчный городъ. Онъ всегда существовалъ, и его исторія идетъ изъ глубины вѣковъ. Всѣ завоеватели старались обезпечить за собою владѣнiе имъ уже по одному тому, что въ немъ встрѣчаются всѣ главныя дороги передней Азiи, изъ Персiи и Багдада, Мекки и Иерусалима, съ береговъ Средиземнаго и Чернаго морей. Кому это не удавалось, какъ крестоносцамъ, французамъ, египтянамъ, тотъ долженъ былъ отказаться отъ владѣнiя Сирией и Палестинной.

Изъ Дамаска черезъ Сирийскую степь идутъ двѣ желѣзныя дороги до Таурана и отсюда одна поворачиваетъ на западъ на Кайфу, а другая идетъ далѣе на югъ въ Мекку. Мы встали въ 4 часа утра и поѣхали на вокзалъ по длинному, вытянувшемуся узкою лентой, майдану. Долго ѣхали мы по пустыннымъ улицамъ, освѣщеннымъ послѣднимъ серпомъ луны, и тишину спящаго города нарушалъ только лай собакъ, мирно бродящихъ по улицамъ днемъ и небезопасныхъ для прохожаго ночью. За городомъ предъ нами открылось широкое поле и одиноко стоящiй среди него скорѣе сарай, нежели вокзалъ. Съ восходомъ солнца поѣздъ двинулся. Пошли оливковыя рощи, но скоро прекратились. Справа окутанныя облаками стояли горы Ливана, а слѣва разстилались широкiя поля Сирии краснаго «чернозема». Поля обильно усыпаны камнями, между которыми арабъ проводитъ длинную, узкую борозду своимъ примитивнымъ плугомъ, запряженнымъ волами, изрѣдка лошадыми. Сѣются преимущественно пшеница и ячмень. Здѣшнiй пахарь такъ же неприхотливъ, какъ и нашъ, но его потребности еще легче удовлетворяются. Онъ, конечно, менѣе нашего защищенъ отъ произвола, но зато обладаетъ громаднымъ нравственнымъ преимуществомъ: на всемъ Востокѣ пьянство считается позоромъ. А между тѣмъ алкоголь и слово и изобрѣтенiе арабское!

По дорогѣ еще не установлено вполне правильнаго движенiя. Ея станци представляють собою только небольшiе сараи, въ которыхъ живетъ сторожъ-арабъ. Провизию мы взяли съ собою и ѣли въ поѣздѣ вареныя яйца, жареную курицу, миндальныя орѣхи, апельсины и запивали нашъ холодный завтракъ вкуснымъ ливанскимъ краснымъ виномъ. Около полудня остановились на станци Эль Музерибъ. Изъ близлежащаго селенiя подошелъ караванъ верблюдовъ и выгружалъ на платформу мѣшки съ желтой крупной пшеницей изъ Гаурана. Здѣсь дорога въ Мекку соединяется съ дорогой, пересѣкающей Иорданъ и идущей по долинѣ

Езреель въ Кайфу. Теперь нашъ поѣздъ пошелъ по этой дорогѣ на западъ и скоро вошелъ въ живописное ущелье рѣки Ярмука, притока Иордана. Дорога описываетъ постоянныя закругленія и, проходя короткіе туннели, спускается съ головокружительной высоты въ долину рѣки. Горы все болѣе и болѣе зеленѣютъ. Уже виденъ по дорогѣ кактусъ, кое-гдѣ мелькаетъ макъ, наконецъ начинаютъ показываться пальмы. Долина рѣки покрыта густымъ зеленымъ ковромъ, въ которомъ рассыпаны красные, розовые, голубые анемоны, и мы сразу отъ еще безжизненной степи перешли къ цвѣтущей веснѣ. Горы разступились, мы вышли на широкую равнину. Мелькнуло небольшое круглое Тиверіадское озеро, и мы остановились на берегу его, предъ глинобитной мусульманской деревней Замахъ.

У деревянной пристани на озерѣ насъ ожидали лодки и небольшой пароходикъ. За исключеніемъ южнаго равниннаго берега, у котораго мы теперь стояли, озеро окружено круто спускающимися въ него горами. Насъ въ лодку помѣстилось 9 человекъ. Четыре гребца усиленно работали веслами, стараясь преодолѣть довольно сильное, неровное волненіе и по возможности ближе держась берега на случай внезапно разыгрывающихся на этомъ озерѣ бурь. Я зачерпнулъ и попробовалъ воду. Она пріятна на вкусъ.

Наибольшая длина озера около двадцати верстъ, ширина девять, глубина до двадцати пяти сажень на двѣсти восемь метровъ.

Мы миновали мѣсто, съ котораго Христосъ говорилъ народу нагорную проповѣдь. Мысль неслась теперь дальше на сѣверъ, къ голубой цѣпи горъ, гдѣ въ озеро впадаетъ Иорданъ и гдѣ стояли любимыя Иисусомъ селенія: Вносаида, Капернаумъ, Магда. Въ памяти возставала юная жизнь Христа, переселившагося сюда изъ враждебнаго ему Назарета, жившаго здѣсь среди рыбаковъ, можетъ быть, помогавшаго имъ своимъ плотничьимъ ремесломъ при починкѣ судовъ, любившаго это озеро и жившій по берегамъ его народъ, толпами стекавшійся къ нему. Здѣсь онъ избралъ своихъ учениковъ, здѣсь протекли его лучшіе годы, годы мирной проповѣди, падавшей на лучшія въ мірѣ сердца.

Показались построенныя еще Ибрагимомъ-пашою зданія у теплыхъ цѣлебныхъ источниковъ и далѣе стоящая у воды, обнесенная крестоносцами высокой стѣною Тиверіада, столица Галилеи, основанная Иродомъ Антипою въ 25 году и названная въ честь кесаря. Наступала уже ночь, когда мы вышли на берегъ и по грязнымъ узкимъ переулкамъ прошли въ «Hôtel Tiberias».

Содержатель отеля, конечно, нѣмецъ, должно быть, по призванію естествоиспытатель. По стѣнамъ столовой стояли и висѣли стеклянные ящики съ пауками, тарантулами, ящерицами, змѣями, скорпіонами. Все это, конечно, для столовой мало подходящее

украшеніе, но моего аппетита оно не уменьшило, и я съ особымъ удовольствіемъ, если не сказать благоговѣніемъ, ѣлъ жареную на оливковомъ маслѣ рыбу, родъ окуня, — рыбу изъ Галилейскаго озера!

На слѣдующее утро предъ гостиницею стояли запряженные тройкою въ дышло четыре рессорные дилижанса, покрытые сверху парусиною. Въ восемь часовъ утра мы двинулись въ путь. У насъ на козлахъ сидѣлъ смуглый съ крупнымъ носомъ и губами добродушный турокъ, въ красной фескѣ, пиджакѣ, пирочайшихъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ. Ъхали мы, поднимаясь въ гору, грязною, каменистою дорогою. Экипажъ прыгаль съ камня на камень, но рессоры исправно несли свою службу. Утро было сырое, пасмурное. Сзади насъ все болѣе и болѣе скрывалось въ горахъ Тиверіадское озеро.

Передъ нами открылась теперь круглая, какъ шапка, гора Оаворъ. По направленію къ ней тянулся длинный караванъ русскихъ богомольцевъ, больше богомолокъ. Одѣтыя въ черное, съ котомкой за плечами и съ палкой въ рукахъ, онѣ шли, опустивъ головы, или ѣхали на ослахъ. Шествіе замыкали арабы съ верблюдами, несшими болѣе тяжелый багажъ богомольцевъ.

Спустившись въ долину, мы остановились у маленькаго озера, скорѣе пруда, и разѣлись по камнямъ для завтрака. Вдали за оливковыми деревьями виднѣлась Кана.

Въ часъ дня мы въѣхали въ Кану и осматривали греческую и католическую церкви. Въ греческой, очень бѣдной, церкви въ стѣнныхъ нишахъ стоятъ двѣ грубо обдѣланныя каменные амфоры, въ которыхъ, по преданію, вода обратилась въ вино. При католической церкви довольно обширный музей раскопокъ.

За Канвою началось шоссе, мѣстами насыпанное мелкимъ, еще не разбитымъ камнемъ, перекопанное, недоконченное. Говорятъ, что мѣстныя власти облагаютъ населеніе особымъ сборомъ на постройку шоссеиныхъ дорогъ, начинаютъ ихъ строить и затѣмъ, внезапно, по своему усмотрѣнію или по предписанію изъ Константинополя, даютъ собраннымъ суммамъ иное назначеніе. Есть что-то близкое, родное въ этомъ примѣрѣ чиновничьяго произвола.

Отъ Тиверіады до Назарета 26 километровъ. Въ три часа мы остановились у греческаго монастыря и пошли по тропинкѣ, огибающей монастырь. Вправо предъ нами открылось Средиземное море и гора Кармель, а слѣва внизу по уступамъ горъ рассыпался, какъ горсть жемчужинъ по изумруду, маленькій, чистенькій городокъ Назаретъ. Городъ почти исключительно христіанскій: въ числѣ 11008 жителей магометанъ насчитывается не болѣе 2000, а евреевъ вовсе нѣтъ. Изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій преобладаетъ православіе. Россіи принадлежитъ здѣсь обширный страннопріимный домъ и школа. Вообще Назаретъ городъ школъ. Христіане различныхъ вѣроисповѣданій соперничаютъ здѣсь на этомъ благородномъ поприщѣ.

Кувукля надъ святымъ гробомъ.

Недалеко отъ русскаго дома городской водоемъ, кладезь Пресвятой Маріи. Текущій изъ скалы родникъ обложенъ мраморомъ въ видѣ арки съ четырьмя кранами, и теперь, какъ и въ древности, служитъ мѣстомъ сборища городского населенія. Здѣсь всегда народъ. Отличающіяся красотой женщины Назарета носятъ глиняные кувшины съ водой на головѣ съ особенной граціей, на бекрень.

Въ сопровожденіи французскаго монаха мы посѣтили часовню на мѣстѣ, гдѣ была мастерская святого Іосифа, и церковь Благовѣщенія. По дорогѣ онъ указалъ намъ на построенный для богомольцевъ-католиковъ страннопримный домъ, *casa nuova foresteri*. Ежегодно въ немъ бываетъ до 700 богомольцевъ. «Это немного, русскихъ бываетъ гораздо больше?»—«Oh, il n'y a pas de comparaison,—отвѣчалъ монахъ,—les russes sont les plus nombreux, les plus pieux, les meilleurs des pèlerins!

Мастерская святого Іосифа, *bottega di san Giuseppe*, находится на участкѣ земли, обнесенномъ высокою каменною стѣною. Здѣсь крестовосцами была построена церковь, теперь часовня. Въ этой часовнѣ надъ престоломъ очень недурная картина, изображающая отрока Іисуса, стоящаго за столярною работою между Іосифомъ и Маріею.

Очень красива церковь Благовѣщенія. Широкая мраморная лѣстница ведетъ въ придѣлъ архангела Гавріила, затѣмъ нѣсколько ступеней ниже подъ сводомъ скалы обозначенное разбитою по срединѣ колонною мѣсто, гдѣ Марія услышала благовѣщеніе, а другая колонна означаетъ мѣсто, гдѣ предъ нею стоялъ архангелъ Гавріиль. «*Verbum caro hic factum est*», гласитъ надпись. Въ самый скалѣ часовня святого Іосифа, и изъ нея темная лѣстница ведетъ въ пещеру, называемую «кухня Пресвятой Богородицы».

Ночевали въ очень хорошемъ нѣмецкомъ отелѣ и выѣхали изъ Назарета по прекрасному шоссе, идущему въ Кайфу, затѣмъ спустились въ долину Езреель, или Ездреломъ, и поѣхали по мягкой грунтовой дорогѣ среди зеленыхъ полей. Эта долина отдѣляетъ Галилею отъ Самаріи. Плодородная, красивая Галилея оставалась позади. Легко доступная съ моря, Галилея еще въ древности приходила въ общеніе съ чужеземцами, была чужда ригоризма іудейскихъ преданій и за это презиралась истинными сынами Сіона. Своею доброю наивною душою Галилея восприняла ученіе Христа, пошла за нимъ, и *viri Galilaei* въ изумленіи остановились въ Іерусалимѣ предъ закончившеюся на ихъ глазахъ кровавою драмою. «Мужіе Галилейстїи, что стоите зряще на небо?» начинается апостолъ Лука свой разсказъ о дѣянїи осиротѣвшихъ апостоловъ (Дѣян. Апост., гл. I, ст. 11).

Кто хочетъ постигнуть душою ученіе Христа, тому Галилея скажетъ болѣе, нежели Іерусалимъ.

Долина Езреель полна ветхозавѣтныхъ преданій и воспоминаній о событіяхъ позднѣйшихъ временъ: битвахъ римлянъ, крестовосцевъ, французовъ (16 апрѣля 1799).

Влѣво отъ насъ опять видна гора Фаворъ, а ближе на возвышенностяхъ селенія Неинъ (Наинъ) и Ендуръ (Эндоръ).

«И бысть по семъ, идяше во градъ, нарицаемый Наинъ: и съ нимъ идяху ученицы его мнози и народъ многъ. Якоже приближися ко вратамъ града, и се изношаху умерша, сына едиnorodна матери своей: и та бѣ вдова». (Лука, гл. 7, ст. 11).

«И рѣша отроцы его къ нему: се жена волшебница во Аендорѣ. И прикрыся Саулъ, и облечеса въ ризины и иде самъ, и два мужа съ нимъ, и приде нощю къ женѣ и рече ей: поволхвуй ми чревоу волшебствомъ» (Кн. Царствъ I, гл. 29, ст. 8).

Долина Езреель издавна была обрабатываема и отличалась плодородіемъ, но также издавна бичомъ для трудящагося населенія были набѣги и перекочевки бедуиновъ сюда изъ-за Иордана.

Вотъ какъ объ этомъ постигавшемъ еще недавно здѣшнихъ хлѣбопашцевъ бѣдствіи рассказываетъ Библия (Кн. Судей, гл. 6, ст. 3—6): «И бысть егда сѣяше мужъ Израилевъ и восходяше Мадіамъ и Аналикъ и сынове восточніи, и восходяху на него и ополчахуса на нихъ и разоряху плоды земные, дондеже внити въ Газу: и не оставляху бытія жизненнаго во Израили, и стады, и тельца, и осла. Яко сами и скоти ихъ восходяху, и кущы ихъ преношаху, и прихождаху яко пружи (саранча) множествомъ, и самѣмъ и верблюдомъ ихъ не бѣше числа: и прихождаху на землю Израилеву, разорити ю. И обнища Израиль зѣло отъ лица Мадіамля».

Только въ послѣднее время разѣзды турецкой кавалеріи положили конецъ этимъ перекочевкамъ.

За послѣднее время, въ 1903 году, большая часть земельныхъ участковъ въ долинѣ скуплена лондонскимъ еврейскимъ колонизаціоннымъ обществомъ (Jewish Colonization Association).

Мы пересѣкли долину, проѣхавъ по ней часа четыре, и, перѣхавъ полотно желѣзной дороги въ Кайфу, поднялись на предгорье Самаріи, гдѣ остановились завтракать на лугу у арабской деревни. Деревня обнесена высокою и густою зарослью кактуса. Это американское растеніе очень привилось въ Палестинѣ и вообще въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Оно служитъ хорошею оградой и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ вкусные плоды.

Во второмъ часу, проѣхавъ рощу пальмъ и фиговыхъ деревьевъ, достигли Дженина и удобно расположились въ обширныхъ комнатахъ и на террасѣ отеля, принадлежащаго Гамбургско-Американской Линіи. Здѣсь въ Дженинѣ я снова вспомнилъ Россію, ибо турецкій урядникъ потребовалъ у меня паспортъ (тескере), котораго у меня не было. Спасительный бакшишъ поправилъ, однако, все дѣло.

Во время нашего переѣзда изъ Назарета была прекрасная погода. Чудный воздухъ былъ напоенъ ароматомъ полей. Къ вечеру начали собираться густыя дождевыя облака. Пошелъ дождь. Небо принимало грозный видъ и обѣщало мало хорошаго на завтраш-

ній, самый трудный въ нашемъ путешествіи, день, но ненастье на югѣ непродолжительно. Къ утру небо прояснилось, и въ 7 часовъ мы сѣли на лошадей и стали вытягиваться въ линію каравана. Впереди ѣхали драгоманъ. Сзади шли мулы съ нашими вещами и провіантомъ. Шествіе замыкали два ослика, несшіе паланкинъ. Сначала дорога шла между двухъ горъ, потомъ поѣхали по топкой равнинѣ, переѣхали вбродъ мутный ручей и затѣмъ начались спуски и подъемы по горнымъ тропинкамъ, усѣяннымъ мелкимъ камнемъ и плитами, похожими на ступени крутой, разбитой лѣстницы. Бережно, осторожно ступали по этимъ камешкамъ и ступенькамъ наши лошади. Часа четыре прошло въ утомительномъ караваніи. Открывались дивные виды, но было уже, пожалуй, не до нихъ. Къ полудню мы въѣхали въ толпу русскихъ богомольцевъ. Опять въ нихъ преобладали женщины, большею частію изъ южныхъ губерній. Съ ними мы достигли какого-то селенія и расположились среди еще лишенныхъ листьвы смоковницъ.

Здѣсь пришла мнѣ мысль продолжать путь въ никѣмъ незанятомъ паланкинѣ. Удобно расположившись въ этой обитой ситцемъ будочкѣ, я любовался теперь видами и наблюдалъ, какъ шедшій впереди осликъ на поворотахъ осторожно выбиралъ мѣсто и останавливался, ожидая, когда шедшій сзади его товарищъ также находилъ для себя опору. Установивъ такимъ образомъ и почувствовавъ равновѣсіе, оба шли дальше. По бокамъ шли два араба и въ критическіе моменты поддерживали паланкинъ. Моя идиллія продолжалась, однако, недолго. Предстоялъ очень кругой спускъ, и надо было выйти изъ паланкина. Послѣ спуска паланкинъ пошелъ своей дорогой, а мы сѣли на лошадей и поѣхали къ стоящей невдалекѣ горѣ, чтобы осмотрѣть развалины бывшей столицы Самаріи у деревни Себастіе. На склонѣ крутого холма за деревней стоитъ мечеть, прежде это была церковь, построенная крестносцами на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ обезглавленъ Іоаннъ Креститель. Отсюда прямо по крышамъ глинобитныхъ саклей мы ѣдемъ и поднимаемся на лугъ, усѣянный обломками мраморныхъ плитъ и колоннъ. У оливковой рощи еще стоятъ въ рядъ 15 колоннъ, остатки храма, построеннаго Иродомъ Великимъ.

Ведя лошадь въ поводу, спускался я теперь въ долину, гдѣ дождался насъ паланкинъ, но, увы, онъ уже оказался занятымъ. Впрочемъ, мы скоро въѣхали на очень хорошее шоссе, идущее изъ Яффы, и въ пятомъ часу были въ Наблусѣ.

Наблусъ (Flavia Neapolis римлянъ) расположенъ въ плодородной долинѣ, орошенной множествомъ источниковъ, у подошвы горы Гаризимъ. Сама эта гора очень плодородна и богата ключами. Противолежащая гора Эбаль совершенно бесплодна, хотя видъ на нее съ балкона нашего отеля очень красивъ.

Скорбный путь.

Обиліе воды здѣсь объясняется тѣмъ, что долина служитъ водораздѣломъ между Иорданомъ и Средиземнымъ моремъ. Кругомъ роица оливъ, смоковницъ, померанцевъ. Обиліе оливковаго масла вызвало устройство въ Наблусѣ до 15 мыловаренъ.

Наблусъ, старинный Сихемъ, въ евангеліи Сихарь, мѣсто самой древней осѣлости израильтянъ, объединившихся здѣсь въ особую, строгую секту самаритянъ, нынѣ городъ преимущественно мусульманскій, насчитывающій до 25 тысячъ жителей, мѣстопребываніе паши и расположеннаго здѣсь пѣхотнаго полка.

Такъ какъ изъ Наблуса шоссе продолжается еще часа на два пути, то мы вшестеромъ, люди уже очень и очень зрѣлыхъ лѣтъ и уже немножко поуставшіе, наняли дилижансъ и выѣхали изъ Наблуса, сопровождаемые насмѣшливыми улыбками нашихъ молодыхъ спутницъ.

За городомъ, гдѣ кончается гора Гаризимъ, мы сошли къ колодезю Іакова, у котораго Христосъ бесѣдовалъ съ самаритянкою. Надъ колодеземъ построена недавно изъ развалинъ стоявшей здѣсь древней церкви небольшая часовня. Старый греческій священникъ зажегъ восковыя свѣчи и, укрѣпивъ ихъ на сложенныхъ крестообразно желѣзныхъ прутьяхъ, спустилъ ихъ на веревкѣ, желая показать, какъ далеко вода. Колодезь круглый, гладко выложенъ камнемъ и глубиной 12 сажень.

Все здѣсь такъ просто, естественно и все окружающее такъ согласуется съ разсказомъ 4-ой главы евангелія апостола Іоанна, что это событіе, кажется, еще живетъ съ нами, кажется, все это было на этихъ дняхъ.

Оставивъ Іудею, Іисусъ снова шелъ въ Галилею, и путь его лежалъ чрезъ Самарію. Дойдя до самарійскаго города Сихарь, Іисусъ, уставши въ пути, сѣлъ отдохнуть у колодца и началъ свой разговоръ съ самаритянкою. Былъ полдень (стихъ 6), колодезь былъ глубокъ (ст. 11) и было это также въ мартѣ за четыре мѣсяца до жатвы (ст. 35) и предъ ними также высилась гора Гаризимъ (ст. 20). Все такъ, какъ теперь, все такъ знакомо, близко намъ!

Мы продолжали нашъ путь. Настигли молодого мальчика. Въ сѣромъ пальто съ пелериной, въ красной фескѣ, онъ ѣхалъ подъ зонтикомъ на ослѣ, котораго сзади подгонялъ арабъ. Сзади шелъ другой осликъ съ чемоданами. Насъ очень забавляла эта милая картинка, и мы обмѣнивались съ юношей привѣтливими жестами.

Поднявшись въ гору, шоссе сразу оборвалось и перешло въ узкую каменистую тропинку. Здѣсь мы сѣли на нашихъ верховыхъ лошадей, спустились въ долину и долго ѣхали по ней до деревни Луббанъ, въ виду которой у подошвы крутой горы стояла раскинутая для насъ палатка.

Подкрѣпившись обычною нашей ѣдой, мы сѣли снова на коней и по крутымъ каменнымъ ступенькамъ поползли въ гору. Это

былъ нашъ послѣдній искусъ. На верху горы уже начиналось шоссе, и тамъ ожидали пришедшія за нами изъ Іерусалима четверомѣстныя коляски, запряженныя парюю лошадей въ дышло. Мы простились съ нашими добрыми, умными гнѣдками и сѣрками, сѣли въ повозки и покатали по гладкому, какъ полъ, шоссе въ Іерусалимъ!

У насъ на козлахъ сидѣло какое-то чучело съ громадной головою, закутанною большимъ чернымъ платкомъ. Здѣшніе жители, какъ наши бабы, больше всего берегутъ голову отъ вѣтра и простуды. Потомъ изъ этого чучела предъ нами явился красивый молодой еврей, бойко говорившій по-нѣмецки. Онъ разсказалъ намъ, что воспитывался въ школѣ Alliance israélite въ Іерусалимѣ. Его отецъ содержалъ почту между Яффою и Іерусалимомъ, былъ убитъ по дорогѣ бедуинами, ограбившими почту, и онъ теперь продолжаетъ дѣло отца, занимаясь перевозкою богомольцевъ и туристовъ.

Вотъ идетъ длинный, длинный караванъ русскихъ богомольцевъ. Мы врѣзываемся въ него, и нашъ слуга и буфетчикъ, нашъ вѣрный спутникъ Давидъ, кричитъ на манеръ русскихъ кучеровъ: «берегись!» Этотъ окрикъ необходимъ, потому что мы въѣзжаемъ въ узкое ущелье Ain el Nagamiye. Толпа апатично раздвигается. Во главѣ ея ѣдетъ верхомъ въ черногорскомъ костюмѣ, подъ зонтикомъ, какое-то начальство, вѣроятно, консульскій кавастъ.

Въ четыре часа мы остановились кормить лошадей у постоялаго двора «Chan el Bire». Отъ этого мѣста, по преданію, Іосифъ и Марія вернулись въ Іерусалимъ, отыскивая Іисуса (Лук. гл. 2, ст. 44). Отсюда до Іерусалима 15 верстъ.

Мы сидѣли на низкой, сложенной изъ камней оградѣ, отдѣляющей лежащія вдоль дороги поля, ѣли апельсины и пили кофе, который разносилъ намъ на подносѣ одѣтый въ полосатый халатъ и чалму самъ хозяинъ двора.

Я какъ-то нечаянно обернулся назадъ. Вижу, вдали на горахъ длинной полосой тянутся какъ будто дома, стѣны, что-то въ родѣ города. Это Іерусалимъ?—спросилъ я въ нерѣшительности Давида. «Ну, какъ же, да, Ерусалемъ,—отвѣчалъ онъ на своемъ восточно-русскомъ языкѣ:—вонъ лѣво высоко русска колокольня. Это Елеонска гора, а тамъ Ерусалемъ», продолжалъ онъ, проводя рукою влѣво. Сбылись давнишнія мечты, сбылись завѣтныя желанья, и на уста приходятъ слова молитвы: нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко!.. Солнце уже садилось, когда мы подъѣзжали ко Святому граду. У заставы благочестивый мусульманинъ творилъ вечернюю молитву. Миновавъ Дамаскія ворота, повернули вправо и остановились передъ большимъ домомъ Hospice de Notre Dame de France.

Противъ него въ городской стѣнѣ пробиты ворота Абдуль-Гамида. Мимо стоящаго въ нихъ часового я вошелъ поутру въ городъ и встрѣтилъ русскихъ богомольцевъ, шедшихъ ко гробу

Господню. Онѣ изъ Тульской губерніи, живутъ на русскомъ подворьѣ съ Рождества и намѣрены пробыть въ Іерусалимѣ до «благодати», т. е. до священнаго огня. Спустившись по ступенькамъ узкаго переулка, мы пошли по узкой «улочкѣ», какъ говорили мнѣ мои спутницы, подъ гору между домомъ державнаго Даміана, патріарха Іерусалимскаго, и греческимъ монастыремъ, затѣмъ повернули вправо въ темную, крытую улицу, состоящую изъ непрерывнаго ряда идущихъ по обѣ стороны лавокъ, наполненныхъ иконами, свѣчами, божественными картинами и прочими принадлежностями богомолья, а также ситцами и съѣтными припасами. Это *Hâret en Nasâra*, улица Назареевъ. Пахнетъ жаренымъ лукомъ и постнымъ масломъ, совсѣмъ какъ въ Россіи. Пройдя по этой улицѣ, мы свернули влѣво въ первый, также заполненный лавками закоулочъ и по ступенямъ широкой лѣстницы сошли на широкій вымощенный плитами дворъ, заключенный со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими стѣнами. Сѣверная стѣна носитъ слѣды искусства. Она увѣнчана оловяннымъ куполомъ. Вверху въ двухъ аркахъ два окна и внизу двѣ арки воротъ. Правая арка наглухо задѣлана, въ лѣвой аркѣ въ большихъ воротахъ открыта лишь небольшая дверь. Это и есть входъ во храмъ Воскресенія Христа.

Какъ во всѣхъ старинныхъ храмахъ, входъ полутемный. Налѣво отъ входа въ широкой квадратной нишѣ на коврахъ сидятъ привратники храма. Я не видѣлъ, чтобы они курили или играли въ карты. Они вовсе не военные. На головахъ у нихъ, правда, чалмы, но на Востокѣ и христіане въ церквахъ не снимаютъ фесокъ. Право быть привратникомъ въ храмѣ у гроба Господня изстари принадлежитъ одной магометанской семьѣ въ Іерусалимѣ.

Прямо передъ входомъ подъ густою сѣнію лампадъ большая мраморная плита, означающая мѣсто помазанія тѣла Христова. Направо черная скала Голгофы, налѣво въ темномъ углу круглая высокая рѣшетка означаетъ мѣсто, гдѣ стояли святыя жены, наблюдавшія снятіе со креста, помазаніе тѣла и положеніе во гробъ. Мимо этой рѣшетки проходъ въ свѣтлый, освѣщенный видѣннымъ нами снаружи куполомъ, полукруглымъ придѣлъ, ротонду храма. По срединѣ ротонды четырехугольная часовня изъ бѣлаго мрамора (кувуклія) надъ гробомъ Господнимъ. Ея восточная сторона сплошь увѣшана иконами и уставлена свѣчами. Чрезъ небольшую дверь мы входимъ въ первое отдѣленіе часовни, гдѣ на мраморномъ пьедесталѣ лежитъ камень, на которомъ явился женамъ мироносицамъ ангелъ. Низко согнувшись, проникаемъ мы къ самому гробу. Въ маленькой пещерѣ, одѣтой мраморомъ и ярко освѣщенной лампадами и свѣчами, на право отъ входа мраморный престолъ, покрытый треснувшею поперекъ мраморною доскою, означаетъ мѣсто гроба Господня.

Дворъ мечети Омара въ Иерусалимѣ.

Здѣсь былъ садъ. Въ саду этомъ на крестѣ былъ распятъ Иисусъ Христосъ. Его ученики сняли Его тѣло со креста и положили въ близъ изсѣченной пещерѣ.

«По сихъ же моли Пилата Иосифъ, иже отъ Аримаѳеи, сый ученикъ Иисусовъ, потаенъ же страха ради Иудейска, да возметъ тѣло Иисусово: и повелѣ Пилатъ. Приде же и взять тѣло Иису-

сово. Приде же и Никодимъ, пришедый ко Иисусови ношю прежде, неся смѣшеніе смиренно и алойно яко литръ сто. Пріяста же тѣло Иисусово и обвиста е ризами со ароматы, якоже обычай есть Іудеомъ погребати. Бѣ же на мѣстѣ, идѣже распятъ вертъ и въ вертѣ гробъ новъ, въ немже николиже никтоже положенъ бѣ. Ту убо пятка ради Іудейска, яко близъ бѣше гробъ, положиста Иисуса» (Іоан. 19, 38—42).

Прошло три вѣка. Мать императора Константина, Елена, родомъ англичанка, много испытывавшая въ жизни горя, въ глубокой старости предприняла въ 326 году путешествіе изъ Рима въ Іерусалимъ и здѣсь, пользуясь еще свѣжими, жившими въ средѣ христіанъ преданіями и указаніями, навсегда укрѣпила мѣста великой драмы, построивъ на нихъ громаднѣйшій храмъ-базилику.

Съ тѣхъ поръ этотъ храмъ много испыталъ. Онъ разорался, перестраивался, горѣлъ и обагрался кровью. Въ настоящемъ видѣ онъ существуетъ съ 1810 года, будучи возстановленъ греками, занявшими въ силу этого въ немъ преобладающее положеніе.

По улицамъ, идущимъ на югъ отъ храма гроба Господня, можно выйти на улицу Давида, идущую на востокъ и приводящую къ мѣсту, гдѣ стоялъ храмъ и дворецъ Соломона. У остатковъ старой стѣны этого храма евреи оплакиваютъ паденіе Іерусалима. Мѣсто, занимавшееся дворцомъ и храмомъ, принадлежитъ магометанамъ и называется Харамъ ешъ Шерифъ. Оно представляетъ собою громаднѣйшую, занимающую около пятой части всего города площадь, по срединѣ которой возвышается чтимая наравнѣ съ Меккою мечеть Омара. Въ срединѣ этой обширной мечети находится обнесенный рѣшеткою плоскій камень, сажень 9 въ поперечникѣ, служившій алтаремъ для жертвоприношеній въ храмѣ Соломона. На немъ, по преданію, Авраамъ готовился принести въ жертву Исаака. Харамъ ешъ Шерифъ строго охраняется и доступъ въ него не магометанамъ возможенъ лишь по особому разрѣшенію.

Противъ Харамъ ешъ Шерифа лежитъ Елеонская гора, отдѣляясь отъ него долиною Кедронскаго потока и городской стѣною. Въ этой стѣнѣ указываются задѣланныя магометанами такъ называемыя Золотыя ворота, чрезъ которыя, по преданію, въѣхалъ Иисусъ Христосъ въ Іерусалимъ.

Пройдя Харамъ ешъ Шерифъ въ сѣверномъ направленіи, мы выходимъ на улицу Маріи (Sitti Marjam). Прямо передъ нами католическій монастырь на мѣстѣ дома св. Анны, матери Пресвятой Дѣвы. Здѣсь же открыты раскопками водоемы овчей купели, Виозды. Направо городскія ворота мученика Стефана. Мы поворачиваемъ по улицѣ влѣво, и на лѣвой же сторонѣ ея начинается зданіе кавалерійскихъ казармъ. Въ одномъ мѣстѣ на стѣнѣ этого зданія указываются слѣды лѣстницы, ведшей въ домъ Пилата, и съ этого мѣста улица получаетъ названіе Страстнаго пути (Via dolorosa).

На этомъ пути надписями на стѣнахъ домовъ обозначены эпизоды остановки или, по-католически, «станціи», шествія Христа на Голгооу: 1) мѣсто бичеванія, 2) мѣсто возложенія креста; около этого

Мѣсто рожденія Иисуса Христа въ Внелеемѣ.

мѣста улица круто спускается внизъ подъ арку, въ окнѣ которой Пилать, указывая народу на Христа, произнесъ свое безсмертное «Ессе homo», 3) мѣсто паденія подъ тяжестью креста; здѣсь лежить обломокъ мраморной колонны, и скорбный путь выходитъ на

Дамаскую улицу къ дому бѣднаго Лазаря, гдѣ произошла встрѣча Христа съ Богоматерью, 5) въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда на Дамаской улицѣ виденъ пестрый помъ евангельскаго богача и не доходя этого дома скорбный путь поворачиваетъ вправо, снова на западъ, гдѣ на углу при поворотѣ въ улицу уставшій Христосъ прислонился къ дому Симона, снявшаго съ него крестъ. Шаговъ сто далѣе—6) домъ Вероники, утершей платкомъ потное лицо Христа, 7) мѣсто, гдѣ Иисусъ встрѣтилъ св. женъ и говорилъ съ ними (Лука 23, 27—31), 8) Судныя ворота (porta judicaria). 9) На мѣстѣ теперешняго коптскаго монастыря Христосъ снова палъ подъ тяжестью креста. Здѣсь кончается Страстной путь. Остальныя четыре станціи указываются уже въ самомъ храмѣ на Голгооѣ и у святаго гроба.

Послѣ завтрака мы поѣхали въ Виодемъ, лежащій отъ Іерусалима въ 8 верстахъ. Проѣхавъ по Яффской улицѣ, имѣющей до нѣкоторой степени европейскій видъ, мы выѣхали изъ города черезъ Яффскія ворота. Дорога идетъ по гладкому шоссе среди плодородной равнины. Минуя еврейскую колонію Монтефіоре, англійскую глазную лечебницу, красивый греческій монастырь Маръ Эльясъ, мы, съ головы до ногъ покрытые пылью, остановились передъ стоящимъ въ небольшой роцѣ оливъ небольшимъ зданіемъ съ куполомъ. Уже при входѣ слышны идущіе изъ этого зданія вой, плачь, истерическія рыданія. Перешагнувъ высокій порогъ, мы вошли въ комнату, которую почти всю занимаетъ большой бѣлый каменный кубъ, или, вѣрнѣе, параллелепипедъ, и вокругъ него стоятъ истерически рыдающія женщины. Это гробница Рахили, умершей, какъ извѣстно, въ родахъ. «И постави Іаковъ столпъ на гробѣ ея: сей есть столпъ надъ гробомъ Рахилинымъ даже до дне сего». (Кн. Бытія, гл. 35, ст. 20).

Дорога подымается въ гору, и передъ нами на вершинѣ холмовъ открывается городъ. Ёдемъ узкими, кривыми улицами. На шумъ нашихъ экипажей въ домахъ открываются окна, и любопытные глаза обитательницъ смотрятъ на длинную вереницу нашихъ экипажей. Выѣзжаемъ на площадь и останавливаемся передъ церковью святой Дѣвы Маріи. Отодвинувъ толстую, тяжелую занавѣсу, которою на Востокѣ, какъ и въ Италіи, защищаютъ отъ сквозняка открытыя двери церквей и мечетей, входимъ въ громадную базилику съ двумя рядами толстыхъ порфировыхъ колоннъ. Въ концѣ колоннады греческая церковь. Шла вечерня. Въ сторонѣ стоялъ греческій монахъ, и я подошелъ къ нему. Онъ спросилъ по-русски мое имя и помазалъ меня. Я передалъ ему списокъ именъ близкихъ мнѣ людей съ просьбою помануть ихъ за здравіе и за упокой и далъ ему десятифранковую монету.

Мимо стоящаго съ ружьемъ турецкаго часового мы сошли внизъ влѣво отъ иноноста и спустились въ темный, освѣщен-

Святая Софія.

ный лампадами гротъ. Вдѣланная въ мраморную плиту въ нишѣ на полу серебряная звѣзда съ надписью: «Hic de Virgine Maria Jesus Christus natus est», означаетъ мѣсто рожденія Христа. Влѣво католическій алтарь въ нишѣ на мѣстѣ яслей, въ которыя былъ положенъ Христосъ и гдѣ поклонились ему волхвы.

«истор. вѣстн.», май, 1909 г., т. сxvi.

18

Въ дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ и переходахъ пещеры воздвигнуты алтари, означающіе мѣста нѣкоторыхъ событій первыхъ временъ христіанства: на мѣстѣ источника, изъ котораго утоляло жажду святое семейство; мѣсто, гдѣ ангелъ внушилъ Іосифу мысль скрыться въ Египеть; мѣсто погребенія невинно избіенныхъ младенцевъ, гробницу св. Евсевія, гробницу блаженнаго Іеронима и наконецъ большую полутемную комнату—пещеру, въ которой онъ писалъ свой переводъ *Vulgata*.

Когда мы выходили изъ церкви, мой греческій монахъ поджидалъ меня и настойчиво сталъ предлагать мнѣ дать ему еще 20 франковъ, и тогда онъ, «вотъ какъ предъ Богомъ», будетъ поминать моихъ родственниковъ еще три года. Мнѣ при этомъ вспомнился рассказъ Петермана въ его «*Reisen im Orient*», какъ жители одной деревни Ливана, выведенные изъ терпѣнія вымогательствами своего священника, всѣ сразу перешли въ магометанство. Священникъ тотчасъ же послѣдовалъ ихъ примѣру и остался съ ними въ качествѣ ихъ имама!

Перейдя площадь, мы вошли въ магазинъ, торгующій издѣліями Востока. Населеніе Вилеема состоитъ почти исключительно изъ христіанъ и отличается замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Прежде всего жители Вилеема прекрасные землепашцы. Они трудолюбиво раздѣлываютъ лежащую предъ ними долину подъ поля, сады и виноградники. Въ Вилеемѣ еженедѣльные базары, на которые приходятъ изъ пустыни бедуины пополнять свои запасы. Караваны подвозятъ къ Вилеему съ береговъ залива Акаба перламутровыя раковины и отъ береговъ Мертваго моря базальтовый камень. Вотъ здѣсь въ магазинѣ стоятъ на полкахъ сверху донизу перламутровыя распятія, вырѣзанные на перламутрѣ библейскіе сюжеты, кресты изъ оливковаго дерева, чашки, стаканы, вазы изъ чернаго базальта, тутъ же извѣстныя іерихонскія розы, и тутъ же любезный хозяинъ угощаетъ насъ чаемъ, въ чашкахъ, съ лимономъ.

На слѣдующее утро мы посѣтили Елеонскую гору. День былъ солнечный, но дулъ сильный вѣтеръ и на горѣ было очень холодно. Въ сторону Заіорданья лежала марь и заволакивала Іорданъ и Мертвое море, обыкновенно ясно видимые отсюда, но зато весь Іерусалимъ лежалъ предъ нами какъ на ладони. Мы стояли на томъ мѣстѣ, откуда Христосъ смотрѣлъ на городъ и оплакивалъ предстоящую Іерусалиму судьбу. Внизу передъ нами блестяла золочеными куполами красивая русская церковь, построенная въ московскомъ стилѣ и гораздо болѣе красивая снаружи, нежели внутри. Еще ниже виднѣлся маленькій остатокъ Геосиманскаго сада, куда мы потомъ спустились и гдѣ подъ дряхлыми оливами съ расколотившимися отъ старости стволами весело цвѣли на грядкахъ гіацинты. Два католическіе монаха предложили намъ цвѣты и оливковыя вѣтви.

Полдня прошло у насъ въ поѣздкѣ на Елеонскую гору и обратно, другую половину мы употребили на осмотръ интересной модели Скинии и Соломонова храма въ домѣ долго служившаго на раскопкахъ покойнаго архитектора Симона и на осмотръ обширныхъ русскихъ построекъ.

Вечеромъ я пошелъ на кровлю пріютившаго насъ странно-пріимнаго дома Notre Dame de France. Иерусалимъ вообще спокойный городъ, а ночью въ особенности. Теперь онъ тихо лежалъ въ темнотѣ съ тускло освѣщенными улицами, но зато вверху небо сверкало крупными серебряными звѣздами. Такихъ яркихъ звѣздъ я еще не видалъ за все мое пѣтешествіе. Высоко виденъ весь Орионъ. Большая Медвѣдица виситъ внизъ головой. Млечный путь мерцаетъ какъ недвижимая ось міра. Чудное зрѣлище!

Haec totus mundus labi putatur ab ortu iu occasum, terra excerpta. Ita velocitas magnitudinem et magnitudo velocitatem in infinitum sese promoverent. At iuxta illud axioma Physicum, quod infinitum est, pertransiri nequit, nec ulla ratione moveri: stabit necessario coelum. Sed dicunt extra coelum non esse corpus, non locum, non vacuum, ac prorsus nihil et id circo non esse, quo possit evadere coelum: tunc sane mirum est, si a nihilo potest cohiberi aliquid.

Sive igitur finitus sit mundus, sive infinitus disputationi physiologorum dimittamus. Такъ говоритъ Коперникъ въ своей знаменитой книгѣ de revolutionibus orbium (lib. VI, cap. III), отсылая насъ за разрѣшеніемъ вопроса о безконечности небснаго пространства къ «физиологамъ», но и физиологи намъ ничего не скажутъ. Умъ останавливается. Все движется, и человѣкъ невольно ищетъ въ этомъ движеніи, въ этомъ подвижномъ равновѣсіи точки опоры. Коперникъ за нашей солнечной системой полагалъ stellarum fixarum sphaera immobilis. За нимъ Ньютонъ въ своихъ «Philosophiae naturalis principia mathematica» предполагалъ, что centrum systematis mundani quiescere (Hypoth. IV).

Тщетно силится человѣкъ проникнуть загадки мірозданія, и только религіи стараются подсказать разгадку, но ихъ поэтическія сказанія о началѣ міра даютъ лишь впечатлѣніе какой-то давно забытой, утраченной истины. Если мы примемъ за аксіому, что міръ созданъ премудростію Божіею, то изъ этой аксіомы вытекаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что премудрость Божія, создавшая міръ, остается въ мірѣ и проявляется въ немъ. Презумпція проявленія даетъ вѣроятность воплощенія, и мы логическимъ мышленіемъ приходимъ ближе всего къ пантеизму.

Ни одна религія не коснулась такъ глубоко социальныхъ устоевъ жизни человѣка, какъ христіанство. Христосъ призвалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, раба и господина, эллина и іудея. Радостно всколыхнулось угнетенное человѣчество

и съ восторгомъ приняло ученіе о равенствѣ людей и о свободѣ духа. Человѣкъ недолго, однако, выдержалъ чистоту ученія. Онъ скоро ударился въ споры о столь же неразрѣшимыхъ, какъ тайна мірозданія, и издавна знакомыхъ ему вопросахъ о воплощеніи, о воскресеніи, о жертвѣ искупительной и умиротворяющей, пустился въ мелочи и тонкости софистики, поглупѣлъ въ нихъ, и дѣло дошло до того, что такъ наглядно представляется намъ теперь въ Іерусалимѣ. Вотъ установлено, что у гроба Господня 13 лампадъ принадлежатъ грекамъ, столько же католикамъ и столько же армянамъ, четыре коптамъ, а всего 43. Въ Виоелемѣ на мѣстѣ рожденія Іисуса Христа 6 лампадъ принадлежатъ грекамъ, 5 армянамъ, 4 католикамъ. Виоелемская звѣзда принадлежитъ католикамъ, но чистятъ ее греки и чистятъ такъ усердно, что не теряютъ надежды стереть ее совершенно. И вотъ изъ-за лампадъ возникаютъ драки, и драки переходятъ въ войны.

16 марта съ разсвѣтомъ я былъ уже готовъ къ отъѣзду въ Яффу и съ моимъ саквоюжемъ спускался изъ моей кельи по лѣстницѣ. «On ne part pas: la mer est trop mauvaise», остановилъ меня монахъ. Штормъ на морѣ подарилъ намъ лишнія сутки пребывания въ Іерусалимѣ!

По желѣзной дорогѣ отъ Яффы до Іерусалима 86 километровъ. Она построена французскимъ обществомъ и открыта для движенія въ 1892 годѣ.

Въ разговорахъ по поводу послѣднихъ телеграммъ о состояніи моря и въ разсказахъ о различныхъ эпизодахъ предстоящаго намъ теперь переѣзда среди опасныхъ камней и буруновъ въ гавани Яффы такъ быстро прошло время, что мы и не замѣтили, какъ замелькали передъ окнами вагона апельсинныя рощи, затѣмъ песчаные бугры, море и наконецъ самъ городъ.

Дожидавшіе насъ экипажи быстро перевезли насъ на набережную. Здѣсь море ходило ходуномъ. Громадныя лодки прыгали на крутой зыби и стучались бортами о набережную. Торчащій изъ воды рядъ черныхъ камней обливался бурунами. Арабы ловко принимали насъ съ набережнаго помоста и спускали на дно лодки. Наполненныя туристами лодки поочередно отходили отъ набережной и шли, танцую въ присядку, вдоль гряды буруновъ подъ мѣрный напѣвъ гребцовъ. Миновавъ буруны, лодки поворачивали изъ гавани въ море къ пароходу, и одинъ изъ гребцовъ по борту лодки обходилъ пассажировъ, собирая въ шапку бакшишъ. Здѣсь за бурунами уже колыхала насъ широкая средиземная волна, а когда мы поднялись на палубу парохода, качки какъ не бывало, только стоявшія около насъ суда меньшихъ размѣровъ купались въ волнахъ, разбрасывая брызги и дергая свои якорныя цѣпи.

Во время завтрака мы снялись съ якоря и двинулись въ путь. Капитанъ привѣтствовалъ насъ рѣчью по-нѣмецки и по-

Акрополъ и храмъ Зевса Олимпійскаго въ Афинахъ.

английски, поздравляя съ благополучнымъ возвращеніемъ на пароходъ. Вчера онъ былъ очень опечаленъ, не видя возможности по причинѣ шторма установить сообщеніе съ берегомъ, но теперь, видя насъ снова всѣхъ на кораблѣ, онъ чувствуетъ себя sehr glücklich и very satisfied.

Въ 1907 году Палестину посѣтило 6376 туристовъ, преимущественно американцевъ. Богомольцевъ же было: русскихъ 8000, грековъ 2100, коптовъ 1650, армянъ 700, французовъ 300 человекъ.

Въ полдень 18 марта открылся передъ нами островъ Родосъ. Въ 3 часа проходили мы его маякъ и вступали въ Архипелагъ, въ этотъ особый міръ острововъ, міръ полный чудныхъ мѣровъ и воспоминаній о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ. Троянская война, Дарій, Ксерксъ, Александръ Македонскій, крестоносцы вставали въ нашей памяти. Предъ нами міръ, въ которомъ живутъ звуки и образы, созданные поэзіей Гомера, Сафо, Байрона, Шиллера, міръ православія и поле дѣятельности апостола Павла. Какъ въ волшебномъ калейдоскопѣ, проплывали мимо насъ Тилосъ, Косъ, Никарія, Хіосъ. На слѣдующее утро мы прошли Лесбосъ, Лемносъ, Тенедосъ и вступили въ Дарданеллы. Прошли Галлиполи съ призранными твердынями, предъ которыми стоялъ отрядъ турецкихъ военныхъ судовъ. На горизонтѣ видѣлась снѣжная вершина Олимпа. Впереди сверкала гладь Мраморнаго моря съ одѣтыми нѣжной дымкой берегами. Потомъ вся картина начала тонуть въ сумеркахъ заката, наступала ночь, и когда мы стали на якорь, передъ нами по линіи воды протянулся какой-то длинный рядъ огней, а вверху сверкала цѣлый огненный букетъ. На утро на мѣстѣ огней оказалась набережная дворца Долма-Бахчи, а вверху на горѣ бѣлѣлъ Ильдивъ-Кіоскъ, и весь Константинополь длинной лентой лежалъ въ дивной панорамѣ предъ нашими глазами.

Константинополь я описывать не стану. Мы видѣли въ немъ грязныя улицы, собакъ, массу громадныхъ шипящихъ, стучащихъ, грузящихся пароходовъ у Золотого Рога, деревянный мостъ черезъ него, базарную толкотню, египетскій обелискъ, дельфійскій змѣиный столпъ, подымались на генуэзскую башню въ Галатѣ; ѣздили въ Скутари, осматривали прекрасную гавань, устроенную у вокзала Анатолійской желѣзной дороги, осматривали музей, устроенный замѣчательнымъ человекомъ, Гамди-беемъ, и видѣли много мечетей. Все это въ высокой степени интересно, все это можетъ быть интересно описано, но все это въ моей душѣ и памяти заслоняется видомъ великой и печальной могилы православія, святою Софіею.

Св. Софія находится въ западной части города, за Золотымъ Рогомъ, въ той части, гдѣ былъ первоначально основанъ Кон-

стантинополь. Храмъ, представляющій базилику съ очень плоскимъ куполомъ, затерянъ въ массѣ окружающихъ его домовъ и обезображенъ контрфорсами и четырьмя минаретами. Онъ былъ заложенъ Константиномъ въ годъ Никейскаго собора въ 325 году. Въ январѣ 532 года онъ сгорѣлъ и въ февралѣ того же года вновь заложенъ и выстроенъ по новому плану съ необыкновенною пышностью императоромъ Юстиніаномъ, который самъ наблюдалъ за постройкою. Ежедневно послѣ обѣда въ простой одеждѣ, съ головой, повязанной платкомъ, въ холщевомъ плащѣ приходилъ Юстиніанъ на постройку. Алтарь храма былъ обращенъ въ сторону Иерусалима. Теперь сбоку пристроенъ мусульманскій алтарь, и ковры въ этомъ храмѣ-мечети лежатъ вкось по румбу на Мекку.

Тяжелое впечатлѣніе на православнаго человѣка производитъ этотъ громадный храмъ и грустныя воспоминанія связаны съ утратой этой святыни. Отъ Византійской имперіи оставался уже только небольшой клочокъ земли, обнесенный крѣпкою стѣною, между Золотымъ Рогомъ и Мраморнымъ моремъ. Малоазіатскій берегъ и Балканскій полуостровъ были уже во власти турокъ. Паденіе Константинополя было неизбежно и тѣмъ не менѣе въ народномъ сознаніи представлялось чѣмъ-то маловѣроятнымъ, nepостижимымъ. День паденія, 29 мая 1453 года, украшенъ легендами, рисующими взглядъ народа на это роковое событіе. Одинъ монахъ жарилъ рыбу, когда къ нему прибѣжалъ другой съ извѣстіемъ, что въ улицахъ идетъ рѣзня, что палъ императоръ, что Константинополь уже въ рукахъ турокъ. «Онъ будетъ въ рукахъ турокъ,—отвѣчалъ монахъ:—если эти рыбы оживутъ». При этихъ словахъ рыбы спрыгнули со сковороды и уплыли. Когда турки ворвались въ храмъ Софіи, тамъ шла литургія. Священникъ съ дарами ушелъ въ боковую дверь, и она закрылась за нимъ стѣною.

По грудамъ тѣлъ вѣхалъ въ храмъ султанъ Магометъ II и, поднявъ коня у алтаря на дыбы, провозгласилъ торжество ислама.

Утромъ 22 марта мы снялись съ якоря и пошли по Босфору. Изъ Чернаго моря дулъ сильный вѣтеръ съ дождемъ. Закутавшись въ пледы и шубы, стояли мы вдоль стѣнъ рубки парохода, очарованные даже въ такую погоду чудными красотами береговъ. Предъ входомъ въ Черное море мы повернули назадъ и теперь, увлекаемые теченіемъ и силою вѣтра, понеслись съ быстротою курьерскаго поѣзда. Снова мелькнули передъ нами красоты Босфора и Царьграда. Ночью прошли Дарданеллы, а на слѣдующее утро предъ нами уже выплывала Эллада. Православный звонъ разливался въ воздухъ, когда мы входили въ гавань Пирея, и сильно волновалъ мою душу. За все мое странствованіе я слышалъ его теперь въ первый разъ; на православно-мусульман-

скомъ Востокъ онъ не допускается, а на католическомъ Западѣ его нѣтъ.

Сейчасъ же за моломъ стояла русская канонерка. На нашемъ пароходѣ музыка заиграла «Боже, Царя храни». Офицеры на канонеркѣ взяли подъ козырекъ. Слѣдующею стояла итальянская канонерка. На звуки итальянскаго гимна она отвѣчала пронзительнымъ свисткомъ сирены.

Среди обширной, заполненной торговыми судами гавани мы бросили якорь и тотчасъ же стали переѣзжать на берегъ.

Отъ Пирея до Аѳинъ идетъ электрическая желѣзная дорога съ очень изящными вагонами. Переѣздъ двадцать минутъ. Поѣздъ отъ Пирея идетъ равниною, усаженною оливковыми деревьями. За первую станцію Тезейонъ въ окнахъ вагона справа показался Акрополь, не столько величественный, какъ пропорціональный, изящный, красивый. Видѣніе быстро исчезло за стѣнами домовъ, и поѣздъ пошелъ по коридору. На станціи Monastiri мы вышли и по улицѣ Гермеса выѣхали на площадь Конституціи и мимо дворца, огибая дворцовый паркъ, по аллеѣ, обсаженной перцовыми деревьями, которыя въ ту зиму всѣ позябли, мы проѣхали къ открытому греческому театру Стадіонъ. Онъ недавно реставрированъ, вмѣщаетъ до 50000 зрителей, и въ немъ воскресли теперь олимпійскія игры. Его бѣлый мраморъ рѣзко выдѣляется на темномъ фонѣ горы Гиметъ.

Отъ Стадіона мы двинулись къ остаткамъ римскаго владычества: отъ этой эпохи остались еще пятнадцать колоннъ коринтскаго ордена храма Юпитера, арка императора Адриана, поклонника греческой культуры, Эолова башня.

Черезъ арку Адриана и рядъ короткихъ улицъ мы вышли къ высокой скалѣ Акрополя. Внизу у подошвы скалы полукругъ театра Діонисія и развалины Одеона. Они соединены между собою крытою колоннадою. Въ самой скалѣ въ темной нишѣ мерцаетъ огонекъ. Это гротъ Эскулапа, теперь часовня.

Обогнувъ скалу, мы по шоссированной дорогѣ среди оливъ и кактусовъ поднялись къ Акрополю и по полуразрушенной широкой мраморной лѣстницѣ вошли въ Пропилеи. Акрополь, т. е. Пропилеи, храмъ Nike, Партеонъ и Эрехтейонъ, въ особенности послѣ Египта, кажутся совсѣмъ небольшими, но они ласкаютъ глазъ гармоніей линий и красотой стиля. Какъ старая бронза покрывается темно-зеленою окисью, патиною, столь цѣнимою знатоками, такъ мраморъ этихъ построекъ покрылся за двѣ тысячи лѣтъ своего рода патиною, онъ получилъ особую желтокоричневую окраску, на которой такъ непріятно рѣжутъ глазъ куски новаго мрамора, вставляемаго для поддержанія зданій.

Много пережилъ Акрополь съ тѣхъ поръ, какъ классическіе боги покинули его. Самъ Акрополь оставался крѣпостью, но Пар-

Партеонъ.

теонъ и Эрехтейонъ сдѣлались сначала христіанскими церквами, потомъ мечетями, даже гаремомъ, пока наконецъ вечеромъ 26 сентября 1687 года бомба съ венеціанской эскадры не причинила сильный взрывъ сложеннаго въ Акрополѣ пороха, и отъ прежней

красоты уцѣляли только тѣ остатки, которые мы видимъ теперь передъ нами.

Вся Греція есть, конечно, драгоценнѣйшій въ мірѣ музей, но археологическій музей Аѣинъ достоинъ всякаго сожалѣнія. Въ немъ небольшой египетскій отдѣлъ и мелкіе остатки тѣхъ классическихъ сокровищъ, которыя растащены въ разныя стороны и наполняютъ музеи Неаполя, Ватикана, Лувра и Лондона.

Эдипъ былъ въ Колоннѣ, и мы поѣхали въ Колоннѣ, но очутились тамъ въ положеніи, можетъ быть, еще болѣе плачевномъ, чѣмъ этотъ знаменитый страдалецъ. вмѣсто Антигоны, охрипшій отъ сырой погоды проводникъ тщетно старался стихами Софокла описать намъ уже исчезнувшую красоту этихъ мѣстъ. Мы видѣли передъ собою только одинъ голый холмъ да вдали рядъ кипарисовъ, растущихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была академія Платона.

Печально, подъ мелкимъ дождемъ, возвратились мы въ Аѣины къ жилищамъ современной учености, но и здѣсь насъ преслѣдовалъ неумолимый рокъ: бібліотека, университетъ и академія наукъ были заперты по случаю воскресенья.

Передъ академіей наукъ поставлены двѣ мраморныя статуи, Сократа и Платона, по моему мнѣнію, очень удачныя. Сократъ, сидящій въ вопрошающей позѣ, какъ бы помогаетъ своими вопросами рожденію человѣческой мысли и слѣдитъ за проявленіемъ въ ней «демона», соединяющаго человѣка съ божествомъ. Платонъ съ задумчивой улыбкой «вспоминаетъ» своего учителя и готовится писать діалоги о безсмертіи души и предвѣчныхъ идеяхъ. Далекое отъ насъ отстоятъ по времени оба эти свѣтила эллинской мудрости, но недалеко мы ушли отъ нихъ въ познаніи человѣческой души и постоянно возвращаемся къ нимъ, какъ къ первоисточникамъ. Между ихъ философіей и нашей лежатъ христіанство и средніе вѣка. Нѣтъ прямого преемства, и мы тщетно стараемся постичь полноту ихъ ученія, какъ и полноту всего классическаго міра по отрывкамъ и обломкамъ.

Какую, однако, эпоху воскрешаютъ въ нашей памяти эти статуи! Гражданская жизнь Рима еще только слагалась. Онъ переживалъ аграрныя волненія, борьбу плебеевъ съ патриціями, еще писались законы двѣнадцати таблицъ, а Греція уже при Мароонѣ, Фермопилахъ, Саламинѣ закрѣпила торжество Европы надъ Азіей и теперь переживала вѣкъ Перикла и Фидія, строила Партемонъ. Сократъ, говорятъ, тоже участвовалъ въ этой постройкѣ. Послѣ Сократа и Платона слѣдовалъ вѣкъ Аристотеля и Александра Македонскаго, а Римъ тогда все еще былъ грубъ и тяжель.

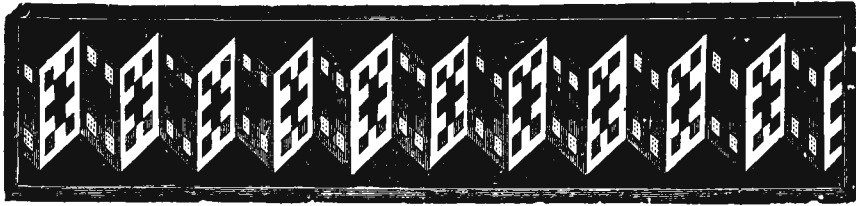
Прощайте, милыя Аѣины! Завтра я выступаю въ обратный путь на западъ.

Какъ во снѣ прошли передо мною Египетъ, Палестина и Греція. Путешествіе шло быстро, слишкомъ быстро, по шаблону нашего вѣка, но все-таки впечатлѣніе отъ промелькнувшихъ странъ осталось въ душѣ моей навсегда, какъ воспоминаніе о счастливейшихъ дняхъ моей жизни.

Впереди теперь Мессина, Палермо, Неаполь, снова Генуя и home, sweet home! Усталъ я все-таки отъ этого путешествія и нравственно и физически.

Д. Островскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. В. Верховскій. Населенныя недвижимыя имѣнія св. синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Коллегія экономіи и канцелярія синодальнаго экономическаго управленія (15 іюля 1726 — 12 мая 1763 г.). Спб. 1909. Цѣна 3 руб.

Зѣ есмь лоза, вы же рождіе: и ꙗже будетъ во мнѣ, и азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ, яко безъ Мене не можете творити ничесоже». Съ такимъ эпиграфомъ на греческомъ языкѣ напечатано обширное изслѣдованіе г. Верховскаго изъ области русскаго церковнаго права. Масса печатнаго труда и письменнаго матеріала использовано трудолюбивымъ авторомъ для этой работы. Опредѣливъ положеніе церковныхъ населенныхъ имѣній въ царствованіе Петра I, которыя вѣдомы были монастырскому приказу и духовной коллегіи, а затѣмъ снова приказу съ возстановленіемъ нѣкоторой самостоятельности обителей, авторъ обрисовываетъ состояніе государственнаго хозяйства въ Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и объясняетъ мотивы реформы синода въ 1726 году, вызвавшіе учрежденіе коллегіи экономіи для завѣдыванія монастырскими имуществами.

Народъ въ это время, говоритъ авторъ, не могъ еще оправиться отъ разоренія въ петровское царствованіе, государственное хозяйство было разстроено. О неприкосновенности собственности некогда было и думать, тѣмъ болѣе церковной собственности, которая, какъ «церковное богатство», издревле, на основаніи Кормчей, считалась «богатствомъ убогихъ». Въ законоположеніи о вѣданіи дѣлъ коллегіей экономіи, заключающемся въ 22 статьяхъ, на первомъ планѣ стоить: «Сборъ съ синодальныхъ дворцовыхъ и съ заопредѣленныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ оброчныхъ и сверхъ того отъ

домовъ архіерейскихъ данныхъ денегъ». Учрежденіе коллегіи экономіи въ корнѣ нарушало централизацію финансоваго хозяйства, къ которой со времени Петра I по мѣрѣ силъ стремилось правительство. Цѣлое финансовое вѣдомство оказалось обособленнымъ отъ государственныхъ правительственныхъ учреждений.

На первыхъ же порахъ своей дѣятельности коллегія экономіи начала встрѣчать со стороны духовныхъ властей сопротивленіе. Такъ, посланнымъ въ Троице-Сергіевскій монастырь для составленія вѣдомостей троицкіе приказные не пожелали представлять этихъ вѣдомостей и доставляли съ помычками книги даже нескрѣпленныя. Съ приходо-расходныхъ книгъ 1722—1723 гг., жаловался синодальный дворянинъ Ив. Гурьевъ, вѣдомости можно было составить, а книгъ 1721 г. и «многаго извѣстія (кромѣ того) они, приказные, не показываютъ». Коллегія экономіи распорядилась взять этихъ приказныхъ въ Москву скованными и, конечно, поступила съ ними, по тогдашнему выраженію, «несносно». Несмотря на всѣ старанія коллегіи экономіи, вѣдомости въ большинствѣ къ сроку не были присланы. Дана была отсрочка на 4 мѣсяца, и вновь предписано собирать вѣдомости, несмотря ни на какія отговорки архіерейскихъ домовъ и монастырей, а противящихся управителей держать подъ карауломъ. Однако не только въ 1727 г., но даже и послѣ не было составлено полныхъ вѣдомостей до такъ называемыхъ «офицерскихъ переписей» 1763 — 1764 г., положенныхъ въ основаніе окончательной секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. Несмотря на строгія предписанія со стороны коллегіи экономіи, сборы съ монастырскихъ имуществъ поступали неисправно, и недоимки сильно увеличивались. Между тѣмъ синоду сдѣлалось извѣстно, что причиной накопленія недоимокъ является недостойное поведеніе самихъ членовъ коллегіи экономіи. Нарочные, посылаемые отъ коллегіи экономіи для сбора доходовъ и правежа недоимокъ, брали съ крестьянъ взятки, отчего недоимки накоплялись. Многіе комиссары коллегіи вели себя безсовѣстно и не только брали взятки, но растрчивали и утаивали собранное. Какъ безсовѣстно поступали чины этой коллегіи, можно видѣть изъ дѣлъ св. синода. Въ 1727 году комиссаръ отъ экономіи, дворянинъ Семенъ Никитинъ, былъ посланъ въ Новгородскую губернію для понужденія управителей архіерейскаго дома и монастырскихъ властей къ скорѣйшему изготовленію вѣдомостей, съ правомъ «требовать» отъ архіерейскаго дома и монастырей подъячихъ для письма, а дворянъ и служителей для разсылокъ. Отъ архіерейскаго дома къ Никитину были прикомандированы подъячіе Дудинскій и Гавриловъ, которымъ дворянинъ Никитинъ учинилъ несносныя озлобленія и отягощенія. Билъ Дудинскаго необычайно, схватя за волосы жъ, волочилъ его по каменному полу и голову о тотъ полъ билъ, и топтункомъ топталъ, и по щекамъ многократно билъ же, а 18 іюня безъ вины посадилъ на цѣпи и затѣмъ безъ вины жъ билъ батогами безчеловѣчно и держалъ на цѣпи сутки. Другого подъячаго, Гаврилова, дворянинъ Никитинъ тоже билъ по щекамъ, волочилъ за волосы по каменному полу и держалъ на цѣпи. Дудинскій жаловался на Никитина архіерейскому разряду, но результатомъ жалобы было лишь то, что 5-го іюля Никитинъ, позвавъ его въ тотъ же разрядъ, посадилъ опять на цѣпи, а на другой день въ судейской палатѣ велѣлъ битъ его передъ судьями

плетями, и бить, говоритъ Дудинскій, я несносно, на что и позволеніе отъ судьей ему, Никитину, было дано.

Дудинскій и Гавриловъ объясняютъ «столь неумѣренные съ ними по-стучки» Никитина мщеніемъ за ихъ намѣреніе разоблачить допускаемые имъ изъ корыстныхъ видовъ, при перепискѣ набѣло вѣдомостей, подлоги. Въ подтвержденіе этого Дудинскимъ былъ представленъ реестръ, сколько Никитинымъ получено взятокъ съ 10 монастырей, съ которыхъ бралось не только деньгами, но и шелковыми платками, бараньими шубами, хлѣбомъ и другими всякими «подносами».

Хотя новгородскій архіепископъ Теофанъ, представляя эту жалобу, и просилъ «учинить благоразсмотрительную сатисфакцію», а синодъ предислалъ коллегіи экономіи изслѣдовать это дѣло и учинить рѣшеніе безъ послабленія, но дѣло, кажется, окончилось ничѣмъ. И комиссары коллегіи продолжали безъ послабленія брать взятки, а жалобщиковъ, нанося имъ обиды, продолжали сажать въ чени и нещадно бить шелепами.

Недоимки за монастырями годъ отъ году все увеличивались; правитель-ство продолжало изыскивать мѣры къ ихъ полученію, но, очевидно, дѣло по взысканію шло плохо; все это подробно и изложено авторомъ.

Въ царствованіе Анны финансовая борьба свѣтской и духовной властей между собою была въ полномъ разгарѣ. Едва ли которая-нибудь изъ нихъ заботилась о пользѣ церкви, о просвѣщеніи и благосостояніи народа: та и другая боролась изъ-за денегъ, не замѣчая за ними болѣе высокихъ и настоя-тельныхъ религіозно-просвѣтительныхъ задачъ.

Коллегія экономіи была уничтожена въ 1744 г., но появилась канцелярія синодальнаго экономическаго управленія. Когда оберъ-прокуроръ, кн. Шаховской, настоялъ на Высочайшемъ указѣ 1 октября 1748 г., чтобы архіерейскими домами и монастырями были поданы вѣрныя вѣдомости о числѣ душъ монастырскихъ крестьянъ и доходахъ, то синодъ сильно затягивалъ дѣло. Шаховской жаловался императрицѣ на нерадѣніе синода и хвастался своимъ усердіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ ей израсходовать, по своему усмотрѣнію, большія наличныя суммы, имѣющіяся у св. синода и въ епархіяхъ, «дабы ихъ прежде времени не раскрали, какъ украли 1.000 руб. въ пере-славскомъ Даниловскомъ монастырѣ». Въ 1755 г. русская церковь раздѣля-лась на 28 епархій, за которыми числилось 104.125 душъ; за монастырями было 615.322 души да 553 двора.

Всякая реформа Петра I была встрѣчаема съ неудовольствіемъ и даже съ громкимъ протестомъ, но общество не протестовало противъ монастырской реформы. Всѣ терпѣли отъ платежей, но терпѣли для общаго блага. Тутъ знали, что съ возложеніемъ земской тяготы на монастыри спадала нѣкоторая доля ея съ земства, да и монахи по своему поведенію и вслѣдствіе безчислен-ныхъ тяжбъ съ мірянами изъ-за земли и воды не пользовались уже уваже-ніемъ. Но если общество не волновалось, не бунтовало вслѣдствіе закрытія монастырей, зато монахи горячо стояли за свои интересы; «разореніе мона-шеское» — вотъ общій мотивъ протеста. Есть даже указаніе о попыткѣ мона-ховъ въ своихъ интересахъ вести отдѣльную самостоятельную агитацію среди мирнаго населенія. Петръ I сдерживалъ это негодованіе, но при его преемни-

какъ, Екатеринѣ и Петрѣ II, началась реакція. Ростовскій архіерей Георгій Дашковъ въ 1726 г. подалъ Екатеринѣ докладъ, въ которомъ ратовалъ противъ сбора съ монастырей «для государственной славы». Выступаетъ съ соизволенія духовныхъ властей цѣлая толпа подчиненныхъ монаховъ. Они «ласкаютъ духовный чинъ, наипаче же монаховъ, всѣмъ, почитай, и мірскимъ чинамъ приласкиваются, чинятъ хуленія и противности государеву указу о монашествѣ». Энергичнѣйшіе изъ нихъ разсуждаютъ, шепчутся между собою даже о томъ, какъ бы возвратить патріарха. И само правительство, повидимому, удовлетворяло этимъ просьбамъ и жалобамъ, явно клонившимся къ ниспроверженію новаго порядка.

Нѣмецкое господство при Аннѣ положило конецъ реакціи, но оно было слишкомъ деспотично, чтобы сообщить реформѣ правильное дальнѣйшее движеніе. Имя «биоровщины», усвоенное ему исторією, представленіе о «царствѣ дьяволовъ», пущенное въ ходъ елизаветинскими архіереями, уже сами по себѣ вызываютъ въ нашемъ умѣ страшную картину гоненія на монашество, истребленіе его, а не исправленіе.

Елизавета благоволила къ монахамъ, и духовенство ожидало отъ нея милостей. Она возвратила монастырямъ ихъ вотчины, но все же подъ конецъ ея царствованія поднялся было грозный вопросъ о секуляризаціи церковно-монастырскихъ имуществъ, связанный съ вопросомъ о закрытіи монастырей. Смерть помѣшала привести въ исполненіе изданный ею указъ 1757 г. (п с. с. XVI № 11844), но онъ былъ использованъ Екатериной II-й: она подписью своею на манифестѣ 1764 г. 26 февраля уничтожила 517 монастырей въ одной Великороссіи¹⁾.

Къ своей книгѣ авторъ сдѣлалъ обширныя приложенія съ подробными вѣдомостями. Они входятъ въ основу его труда и представляютъ нѣкоторый интересъ. Вообще же вся работа г. Верховскаго заслуживаетъ полнаго вниманія: видно, что на нее положено немало труда, и авторъ, по мѣрѣ возможности, воспользовался имѣющимися у него матеріалами. Большой недостатокъ труда г. Верховскаго представляетъ отсутствіе указателя, обезцѣнивающее книгу. Полагая, что это не послѣдній трудъ г. Верховскаго, будемъ надѣяться, что при дальнѣйшихъ своихъ работахъ онъ избѣжитъ этой погрѣшности. «Et monere, et moneri proprium est verae amicitiae». Андрей Титовъ.

Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1908. Стр. XV+574.— Родъ Раевскихъ герба Лебедь. Составилъ Б. Л. Модзалевскій. Спб. 1908. Стр. 91.

П. М. Раевскій, нынѣшній владѣлецъ семейнаго архива Раевскихъ, потомковъ извѣстнаго генерала Николая Николаевича Раевского, рѣшилъ издать въ свѣтъ сохранившіяся у него семейныя бумаги, преимущественно,

¹⁾ О числѣ монастырей русскихъ, закрытыхъ въ XVIII и XIX вв.—П. Чудецкаго. Труды кiev. дух. академіи. IV. 1877 г.

письма. Рѣшеніе это основано на двухъ главныхъ и совершенно справедливыхъ побужденіяхъ. Во-первыхъ, многія изъ этихъ бумагъ имѣютъ большой историческій интересъ, и, во-вторыхъ, храненіе ихъ въ частныхъ рукахъ бываетъ подвержено непріятнымъ случайностямъ. Издатель самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что у нихъ не только не сохранилось документовъ ранѣе 1790 года, но и многіе матеріалы позднѣйшаго времени оказались утраченными. «Особенно,—продолжаетъ онъ,— слѣдуетъ пожалѣть о пропажѣ переписки Николая Николаевича Раевского младшаго съ Пушкинымъ, которая, несомнѣнно, существовала, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ черновыхъ писемъ обоихъ корреспондентовъ. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что значительная часть архива Раевскихъ была увезена въ Ташкентъ сыномъ Николая Николаевича младшаго, тоже Николаемъ Николаевичемъ, и послѣ его смерти въ Сербіи въ 1876 г., пропала въ Ташкентѣ».

Содержаніе разсматриваемаго нами перваго тома «Архива Раевскихъ» составляютъ письма, свыше 300, и затѣмъ небольшое число другихъ документовъ, вродѣ грамотъ на ордена, аттестаты, списки штабъ и оберъ-офицерамъ Нижегородскаго драгунскаго полка, приказы по тому же полку и друг. Болѣе 100 писемъ принадлежитъ Н. Н. Раевскому, адресованныхъ имъ его родному дядѣ, графу А. Н. Самойлову, отъ котораго отвѣтныхъ писемъ напечатано всего около 22. Затѣмъ значительное мѣсто занимаетъ его переписка съ сыновьями. Наконецъ остальными корреспондентами Н. Н. Раевского старшаго были: князь П. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій, служившій подъ его командою въ войнѣ 1812 года, князь Н. А. Долгоруковъ, князь М. Л. Кутузовъ-Смоленскій, князь М. С. Воронцовъ, князь А. И. Гагаринъ, князь С. Г. Волконскій, А. Н. Муравьевъ, князь Д. П. Лобановъ-Ростовскій, графъ А. П. Толстой, князь Ѳ. А. Бековичъ-Черкасскій, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, П. М. Устимовичъ и друг.

Особенно много цѣнныхъ сообщеній и мѣткихъ характеристикъ въ письмахъ Н. Н. Раевского къ графу А. Н. Самойлову, съ которымъ онъ былъ довольно откровененъ и которому даже давалъ свои совѣты. Наиболѣе важныя сообщенія, касающіяся военныхъ дѣйствій въ войнахъ 1807, 1808—1809 и 1812—1814 гг. Не менѣе затѣмъ любопытны и его отзывы и даже нѣкоторыя сообщаемыя мелочи о тогдашнихъ полководцахъ и государственныхъ дѣятеляхъ, какъ напр. о графѣ Пракліѣ Пвановичѣ Марковѣ (письмо 5), графѣ Владимірѣ Григорьевичѣ Орловѣ (письмо 12), М. Ѳ. Каменскомъ (письмо 40), графѣ Мих. Андр. Милорадовичѣ (письма 81, 82, 83), графѣ В. В. Гудовичѣ (п. 148), князѣ П. Ѳ. Паскевичѣ-Эриванскомъ, А. П. Ермоловѣ и другихъ.

Много, конечно, цѣннаго и въ остальной перепискѣ, богатой бытовыми подробностями, біографическими и другими фактами, рисующими какъ эпоху, такъ и тогдашнихъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ. Нѣсколько изъ напечатанныхъ въ этомъ томѣ писемъ уже ранѣе были преданы тисненію, какъ-то переписка съ А. С. Пушкинымъ, нѣсколько писемъ Н. Н. Раевского къ своему сыну Николаю Николаевичу, его же письмо къ императору Николаю I и другимъ. Все это въ примѣчаніяхъ редактора указано съ точностью, равно какъ и заимствованныя въ пополненіе изданія нѣкоторыя бумаги изъ фамильнаго архива графовъ Бобринскихъ въ Петербургѣ.

Можно бы еще очень много поговорить объ этихъ любопытныхъ письмахъ, но по недостатку мѣста мы должны перейти къ разсмотрѣнію того, какъ выполнилъ свою задачу редакторъ «Архива Раевскихъ», Б. Л. Модзалевскій. Редактируя письма, онъ старался сохранить орѳографію подлинниковъ, что совершенно правильно, и установить всюду ихъ хронологическія и географическія даты. Последнія, конечно, иногда представляютъ немало затрудненій въ ихъ опредѣленіи, но гораздо труднѣе справляться съ именами затрогиваемыхъ въ письмахъ лицъ: очень многіе редакторы «переписки» чрезвычайно скупы на подстрочныя примѣчанія о нихъ. Но Б. Л. Модзалевскій, не жалѣя ни времени, ни труда, воспользовался не только всѣми доступными ему печатными матеріалами, но прибѣгалъ и къ архивнымъ источникамъ. Въ его примѣчаніяхъ читатель найдетъ хотя краткіе, но обстоятельные и точные а иногда даже новые биографическіе очерки многихъ лицъ; рядъ подробностей генеалогическаго характера, силовъ и рядомъ съ указаніями на архивные источники, и пр. Если къ этому еще прибавить, что въ такомъ громадномъ томѣ почти не замѣчается обыкновенно неизбѣжныхъ въ подобныхъ изданіяхъ опечатокъ, то можно смѣло сказать, что задача редактора выполнена здѣсь образцово.

Большихъ похвалъ заслуживаетъ и вѣшняя сторона изданія, на которое издатель не пожалѣлъ средствъ, украсивъ его приложеніемъ двѣнадцати портретовъ, исполненныхъ по большей части въ краскахъ: Н. Н. Раевского старшаго (6 портретовъ), Н. Н. Раевского младшаго (два), А. Н. Раевского, графа А. Н. Самойлова, Ек. Ник. Раевской и С. Ал. Раевской. Изъ нихъ впервые опубликованы: три портрета въ краскахъ Н. Н. Раевского старшаго (къ стр. 192, 336 и 528) и одинъ Н. Н. Раевского младшаго (къ стр. 480).

Что касается небольшой книжки «Родъ Раевскихъ герба Лебедь», составленной тѣмъ же Б. Л. Модзалевскимъ и изданной П. М. Раевскимъ, то о выполненіи ея какъ съ внутренней стороны, со стороны точности и обилія приводимыхъ датъ, такъ и съ вѣшней, мы здѣсь повторяться не будемъ: оно почти то же, что и въ предыдущемъ сборникѣ. Прибавимъ развѣ, что эта небольшая книжка потребовала гораздо большихъ архивныхъ разысканій, и притомъ самыхъ мелочныхъ. Гораздо интереснѣе привести мнѣніе составителя о происхожденіи названнаго рода Раевскихъ, тѣмъ болѣе, что родословная этого рода печатается впервые. «Родъ Раевскихъ, — говоритъ онъ, — по семейнымъ преданіямъ, по гербу и по сказаніямъ польскихъ генеалоговъ XVIII вѣка, считается происходящимъ отъ стариннаго польскаго рода Дуниновъ (Дуниныхъ); послѣдній имѣетъ многочисленныя развѣтвленія съ различными придаточными фамильными прозваніями, принятыми по родовымъ имѣніямъ»... Всѣ «эти многочисленные развѣтвленія пользуются гербами Лебедь и ведутъ свой родъ отъ датчанина Петра Власта или Дунина (что значитъ «датчанина»)... жившаго въ первой половинѣ XII столѣтія... «Обрусѣвшіе представители рода Раевскихъ при подачѣ въ 1686 году своей родословной росписи въ Разрядъ, не распространялись такъ подробно о своемъ родоприсхожденіи, но показали, что предокъ ихъ вышелъ изъ Литвы. По официальнымъ же документамъ, этотъ родъ Раевскихъ можетъ начинаться лишь со внука

Есмана — Ивана Степановича, выѣхавшаго изъ Литвы въ Москву на службу къ великому князю Василю III Юанновичу въ июль 1526 года.

«Къ этому роду, — говоритъ составитель, — причислилъ себя другой родъ Раевскихъ, изъ которыхъ происходилъ декабристъ Владимиръ Федосѣевичъ Раевскій, и который записанъ по Курской и Харьковской губерніямъ, но причисленіе это неправильно»... Равно и многіе другіе роды Раевскихъ неправильно считаютъ себя связанными съ Н. Н. Раевскимъ, происходящимъ отъ Есмана Раевского.

В. Рудаковъ.

Ан. А. Титовъ. Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII вѣка. М. 1909 г.

Напечатанное А. Титовымъ житіе св. Анны есть списокъ съ рѣдкой рукописи XVII вѣка, хранящейся въ патриаршей библиотекѣ. Рукопись эта, по словамъ палеографа П. М. Строева, только единственный экземпляръ и другихъ списковъ ея не существуетъ. Служба Анны Кашинской была составлена знаменитымъ лингвистомъ Епифаніемъ Славинецкимъ, а самое житіе кашинскимъ попомъ Васильемъ, со словъ поамаря Никифора.

Къ сожалѣнію, издатель въ своемъ предисловіи ничего не сказалъ о московскихъ соборахъ, по опредѣленію которыхъ житіе княгини Анны признано сомнительнымъ. Епископы, участвовавшіе на ѣтихъ соборахъ въ 1677 и 1678 гг., подъ предсѣдательствомъ патриарха, разобрали всѣ историческія и другія данныя, помѣщенные въ этомъ житіи, и, найдя тринадцать несогласій съ дѣйствительностью, пришли къ такому заключенію: «И мы, смиренный Іоакимъ, Б. М. патриархъ московскій и всея Россіи съ сыны и сослужители архіерейства нашего, соборно слышавше, судихомъ житіе великой княгини и о чудесахъ списаніе оставити за недостоверное ихъ и упразднити я до времени великаго собранія всѣхъ архіереевъ и до подлиннаго извѣщенія, егда еще чимъ Богъ объявитъ и утвердитъ, понѣже нынѣ обрѣтошася многая несходства въ житіи ея съ книгами лѣтописными и степенными». Этимъ взглядомъ священнаго собора, судя по приведенной издателемъ выпискѣ, руководился и московскій митрополитъ Филаретъ. Онъ признавалъ его справедливымъ по сличенію съ свѣдѣніями и дознаніями, бывшими тогда въ виду.

Вообще вся эта историческая часть въ предисловіи издателя освѣщена очень тускло. Онъ только сослался на постановленія соборовъ, напечатанныя въ «Чтеніяхъ» за 1871 годъ, но ничего не сказалъ о существованіи извѣстнаго изслѣдованія историка Костомарова «Церковно-историческая критика XVII вѣка», гдѣ всѣ несогласія житія княгини Анны изложены подробно на основаніи подлинныхъ документовъ. Во второй части предисловія издателемъ приведены полностью челобитная мона Василя къ царю Федору Алексѣевичу объ освѣщеніи соборнаго придѣла въ честь княгини Анны, исторія ея канонизаціи, объ ея образѣ, находящемся въ домѣ княгини Голицыной и, наконецъ, о серебряной рацѣ преподобной, находившейся въ Оружейной палатѣ по описямъ 1687 года и неизвѣстно куда дѣвавшейся. Самый же текстъ житія отпечатанъ по подлиннику лишь съ измѣненіемъ орфографіи и интерпункціи для облегченія пользованія имъ.

А. К.—въ.

Н. Серебрянскій. Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библиографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. Синодальная типографія. 1908. Стр. IV + 500 (текстъ), 501—580 (приложенія).

Книга г. Серебрянскаго содержитъ въ себѣ небольшое предисловіе, введение, шесть историческихъ очерковъ, изъ коихъ послѣдній сообщаетъ общіе выводы изъ изслѣдованія и дополнительныя замѣчанія, и приложенія. Первый очеркъ рисуетъ начальную исторію псковскаго монашества и городскихъ монастырей. Второй очеркъ, въ связи съ біографіями преподобныхъ Евфросина, Саввы Крынецкаго и Никандра, описываетъ возникновеніе, постепенное образованіе и бытъ монашества пустыннаго. Третій очеркъ говоритъ объ исторіи Псково-Печерскаго монастыря и монастырской жизни отъ присоединенія Пскова къ Москвѣ и до учрежденія въ немъ самостоятельной епископіи, а также о начальной исторіи Святогорскаго Успенскаго монастыря. Четвертый и пятый очерки посвящены исторіи монастырскаго богослуженія и хозяйственнаго быта псковскихъ монастырей. Оправдывая свое заглавіе, самая книга представляетъ собою не полную связную исторію псковскаго монашества, а именно очерки по его исторіи: въ миниатюрѣ тотъ же характеръ носитъ и каждый очеркъ въ отдѣльности. Объясненіе этому находимъ въ обширномъ (стр. 3—207) и особенно цѣнномъ введеніи, заключающемъ въ себѣ критико-библиографическій обзоръ научной литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. Тщательно и талантливо составленный, этотъ обзоръ помогаетъ читателю ориентироваться въ литературѣ и источникахъ предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ отгѣняетъ значеніе появленія разсматриваемаго труда и повизну его содержанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что серьезная и вдумчивая работа г. Серебрянскаго займетъ въ наукѣ подобающее ей мѣсто, хотя она и имѣетъ въ виду изслѣдованіе сравнительно узкой и специальной области историческаго прошлаго. Не менѣе цѣнны и тринадцать приложеній къ книгѣ, въ томъ числѣ инокескій уставъ преподобная Евфросина, посланія псковскихъ иноковъ, акты псковскихъ монастырей и др.

П. В. В.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 13. Спб. 1909. Стр. 301. Ц. 2 р.

Тринадцатая книга «Старины и Новизны» на двѣ трети занята продолженіемъ Столовой книги патріарха Филарета Никитича 1623 г., начало которой напечатано было въ одиннадцатой книгѣ сборника, и обширнымъ генеалогическимъ изслѣдованіемъ Н. Н. Кашкина о родѣ Выдомскихъ. Извѣстность Выдомскихъ идетъ, такъ сказать, въ обратномъ порядкѣ и переходитъ отъ

потомковъ къ предкамъ. Самымъ важнымъ лицомъ въ этомъ родѣ новгородскихъ дѣтей боярскихъ является послѣдняя изъ Вындомскихъ, извѣстная владѣлица села Тригорскаго Прасковья Александровна Вындомская, по первому мужу Вульфъ, по второму Осипова, обезпечившая себѣ мѣсто въ истории русской литературы своими дружескими отношеніями къ Пушкину. Ей посвящено великимъ поэтомъ немало стихотвореній, а ея дочери, по-видимому, послужили для него прототипомъ Ольги и Татьяны Лариныхъ.

Далѣе извѣстенъ Сергѣй Федоровичъ Вындомскій, отставной гвардіи прапорщикъ, скоротавшій свой вѣкъ въ своей деревнѣ Крестецкаго уѣзда и написавшій въ 1839 г. историческое изслѣдованіе: «О состояніи мѣстностей С.-Петербурга въ XVI вѣкѣ». При Павлѣ Петровичѣ изъ рода Вындомскихъ выдвинулся премьеръ-майоръ Вындомскій, которому поручено было наблюдать за опальнымъ Суворовымъ въ селѣ Кончанскомъ. При Елизаветѣ одному изъ Вындомскихъ приказано было отвезти несчастную «Брауншвейгскую фамилію» въ рязанское помѣстье Меньшикова Ораніенбургъ, но, не разслышавъ это непривычное для русскаго уха названіе, конвойный едва не завезъ своихъ плѣнниковъ въ Оренбургъ. Вѣкомъ раніше Вындомскихъ постигъ разгромъ: замѣшанные въ дѣлѣ Хованскаго, они были сосланы въ Сибирь, въ Тобольскъ, откуда вернулись въ 90 годахъ XVII вѣка. Ссылка была послѣднимъ крупнымъ событіемъ въ родѣ Вындомскихъ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ безцвѣтныхъ и однообразныхъ личностей, которыя мало-по-малу скрываются отъ глазъ наблюдателя въ исторической дали.

Изъ другихъ историческихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ 13-ю книжку «Старины и Новизны», слѣдуетъ отмѣтить отрывки изъ дневника княгини Е. Н. Мещерской, рассказывающей о болѣзни и смерти ея отца Н. М. Карамзина, переписку Я. К. Грота съ П. А. Вяземскимъ по поводу составленной поэтомъ автобіографія, отрывки изъ писемъ С. А. Рачинскаго и письмо Маріи Кингъ-Ваддингтонъ, жены французскаго посла въ Петербургѣ, которая описываетъ московскія торжества, по случаю коронаванія Александра III.

Книга, по похвальному обыкновенію редакціи, снабжена указателемъ, что облегчаетъ пользованіе ею, какъ справочнымъ матеріаломъ.

А. М.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ пятый, выпускъ первый. Спб. 1909.

Первый выпускъ пятаго тома роскошнаго изданія великаго князя Николая Михайловича заключаетъ въ себѣ 62 портрета, изъ числа которыхъ большая часть воспроизведены съ рѣдкихъ оригиналовъ и появляются впервые, какъ, на примѣръ, портретъ фаворитки великаго князя Константина Павловича г-жи Вейсъ и его побочнаго сына отъ нея Александрова, знаменитой въ своемъ родѣ любовницы графа Аракчеева Настасьи Минкиной и др. Считаемо излишнимъ говорить о художественномъ исполненіи портретовъ и ограничимся лишь перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: великая княгиня

Анна Федоровна, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, княгиня Ловичъ, графини Е. С. и Ю. П. Самойловы, княгини Е. А. и В. С. Долгорукія, Ю. А. Татищевъ, графъ А. А. Аракчеевъ, графиня А. С. Протасова (интимный другъ Екатерины II), А. И. Пленцевъ, А. В. Нарышкинъ, графиня С. Ѳ. Сегюръ (дочь графа Ростопчина), графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, графъ А. Н. Самойловъ, графъ А. Р. Чернышевъ, Д. П. Чичеринъ, графиня Е. И. Разумовская, графъ К. Г. Разумовскій, П. С. Яковлевъ, Г. П. Шелеховъ, Д. П. Татищевъ, живописецъ Г. И. Скородумовъ, Н. М. Карамзинъ, А. С. Фигнеръ, князь С. В. Курakinъ, его жена, графиня В. С. Шереметева, Г. В. Козицкій, В. Ѳ. Кноррингъ, К. Ѳ. Кноррингъ, графъ К. Ѳ. Ламбергъ, А. С. Шульгинъ, С. С. Тончи, П. Я. Гамалѣй, Е. Б. Фуксъ, Н. О. Сухованетъ и др.

По обыкновенію, каждый портретъ сопровождается краткой, но обстоятельной біографіей, причемъ въ иныхъ заключаются неизвѣстныя до сихъ поръ свѣдѣнія.

С. Ш.

Николай Махровъ, діаконъ церкви російско-императорскаго посольства въ Константинополѣ. Дечанская лѣтопись, съ предисловіемъ и комментаріями къ ней. Съ приложеніемъ этнографической карты Старой Сербіи. Изданіе обителя Св. Іоанна Златоустаго на Афонѣ. Спб. 1908.

Дечанская лѣтопись содержитъ въ себѣ записи событій изъ сербской исторіи отъ 1169 года по 1614 годъ, т. е. за 445 лѣтъ исторической жизни сербскаго народа. Названіе «Дечанской» лѣтописи получила оттого, что въ большей части своей писана была иноками Высокодечанской лавры въ Старой Сербіи и потомъ долгое время хранилась въ ней. Она является такимъ источникомъ исторіи сербскаго народа, какихъ весьма немного, а между тѣмъ первое изданіе ея, вышедшее въ свѣтъ въ Новомъ Садѣ въ 1864 году усердіемъ настоятеля Высокодечанской лавры, архимандрита Серафима Ристича, было напечатано крайне неумѣло, со множествомъ мелкихъ ошибокъ противъ орѳографіи и крупныхъ противъ хронологіи, и такимъ образомъ осталось бесполезнымъ для лицъ, занимающихся изученіемъ сербской исторіи. «Исторія же Сербіи, сколько-нибудь удовлетворительная, — какъ говорилъ профессоръ Ранке еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія — невозможна до тѣхъ поръ, пока не будутъ обнародованы, и притомъ въ исправныхъ текстахъ, источники ея» (Ранке. Исторія Сербіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1857 г., стр. 9, въ примѣчаніи). Нашечатана кипжка въ синодальной типографіи, при чемъ особенное вниманіе обращено было на точную передачу славянскаго текста лѣтописи, что и выполнено безукоризненно. Въ русскій же текстъ, къ сожалѣнію, вкралось нѣсколько опечатокъ. Поясненіе текста лѣтописи велось при пособіи серьезныхъ ученыхъ работъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, напримѣръ: академика Голубинскаго, профессора Будиловича, архіепископа владимирскаго Сергія, протоіерея берлинской посольской церкви А. П. Мальцева, доктора Станейевича, доктора Гоичевича, профессора Шафарика, профессора Ранке и др.

Д. Н. М.

Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Книга пятнадцатая. М. 1908. Стр. 533—154. Ц. 3 р. 50 к.

Разбором и описью документов Разряда или Разряднаго приказа по его столамъ московскій архивъ министерства юстиции занять уже болѣе десяти лѣтъ, но пока издано этихъ описей вмѣстѣ съ настоящей книгой только пять томовъ. Первый изъ нихъ (XI-ая книга «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиции», издана въ 1899 году, посвященъ описанію столбцовъ московскаго стола Разряда, второй— новгородскаго и части бѣлгородскаго, третій и четвертый— того же бѣлгородскаго стола. Въ настоящій пятый томъ вошли описи столбцовъ приказнаго стола Разряда, въ количествѣ 600 номеровъ изъ общаго числа ихъ 2749. Наиболѣе ранніе столбцы изъ описанныхъ здѣсь относятся къ 1614 году, а наиболѣе поздніе—къ 1690 году. Характеръ документовъ въ этихъ столбцахъ опредѣляется компетенціею приказнаго стола, существовавшаго отдѣльно отъ московскаго еще въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича. «Въ приказномъ столѣ,—читаемъ на страницѣ 1,—насколько можно судить по дѣламъ въ книгахъ и по разобранной части столбцовъ этого стола, сосредоточивалось значительное число судныхъ дѣлъ по всемъ городамъ, вѣдавшимся въ Разрядѣ: въ немъ велись особыя «книги явочнымъ и срочнымъ и отсрочнымъ и ставочнымъ и мировымъ челобитнымъ и приставнымъ памятямъ». Дѣламъ политическаго характера составлялись особыя «тетради записныя о государевыхъ дѣлахъ и непристойныхъ словахъ». Приказный столъ до известной степени имѣлъ надзоръ за благочиніемъ въ столицѣ, за временно проживавшими въ Москвѣ лицами, за соблюденіемъ противопожарныхъ правилъ». Въ немъ велись книги «приводнымъ и ссылочнымъ людямъ и изъ городовъ присыльнымъ колодникамъ»; онъ имѣлъ компетенцію и территориальнаго характера, вѣдая, подобно столамъ московскому и новгородскому, грушу городовъ и сельъ разряднаго вѣдомства, каковы, на примѣръ, Воронежъ, Тамбовъ съ пригородами, Козловъ, Орловъ, городокъ Костенки, село Бѣль-Колодезь, Усмань и др.

Въ частности подавляющее большинство изъ приведенныхъ въ настоящей книгѣ «Описанія» документовъ касается «управленія и состоянія городовъ», не исключая даже Москвы и другихъ болѣе отдаленныхъ сѣверныхъ городовъ; затѣмъ идутъ документы «о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ» и документы о служилыхъ людяхъ, русскихъ и иноземныхъ.

Общая редакція этого тома «Описанія» принадлежитъ г. Шереметевскому, который составлялъ къ нему предметный и географическій указатели, а указатель личный составленъ «вольнонаемными служащими архива».

Въ виду важности документовъ приказнаго стола остается только пожелать, чтобы описаніе ихъ шло болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ дѣлалось это до сего времени.

В. Р.—въ.

Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Спб. 1908.

Съ помощью этихъ трехъ писателей г. Ивановъ-Разумникъ разрушаетъ какъ позитивную теорію прогресса, развиваемую въ особенности марксистскимъ учениемъ о *Zukunftstaat*’ѣ, такъ и мистическую, требующую вѣры въ царствіе Божіе на землѣ. Эта часть его новой работы—лучшая. Для Иванова-Разумника, какъ для тѣхъ писателей, которыми пользуется онъ при раскрытіи своихъ мыслей, самый насущный вопросъ—о смыслѣ жизни. Всѣ они отказываются признать въ жизни какой-нибудь смыслъ, понять и объяснить ее. Но констатированіемъ этого отказа критикъ-философъ не ограничивается: ему нужно оправдать жизнь, «оправдать Творца». вмѣстѣ съ разбираемыми писателями отбрасывая и позитивную и мистическую теоріи міропониманія, Ивановъ-Разумникъ чувствуетъ себя висящимъ въ воздухѣ, и это висѣніе, кажется, не только не успокаиваетъ ищущаго духа, но наполняетъ его еще большей тревогой. Инстинктивно ищетъ онъ точки опоры и жадно хватается за «пріятіе міра». Въ пріятіи міра *leit-motiv* его книги, раздающійся на каждой страницѣ. «Смысла жизни надо искать не въ будущемъ, а въ переживаніяхъ каждаго даннаго момента... Если въ каждый данный моментъ въ моемъ «я» пересѣкаются цѣль, слѣдствіе, средство и причина, то мнѣ, для сознанія осмысленности своей жизни, остается только и въ каждый данный моментъ, и въ ту сумму ихъ, которая зовется моей жизнью, вмѣстить рядъ наиболѣе новыхъ, широкихъ и глубокихъ переживаній»... «Каждый моментъ и есть цѣль»... На этомъ Ивановъ-Разумникъ стоитъ упорно, потому что куда же ему дѣваться, что остается дѣлать ему, сжегшему корабль мистики и позитивизма. На вопросъ, въ чемъ смыслъ жизни, онъ каждый разъ отвѣчаетъ: «мы страдаемъ и наслаждаемся, мы любимъ и ненавидимъ, мы боремся и побѣждаемъ или погибаемъ: въ полнотѣ этихъ переживаній—весь смыслъ нашей жизни, другого не было, нѣтъ и не будетъ». «Я умираю, — утѣшаетъ онъ себя:— умрутъ когда-нибудь всѣ люди до послѣдняго, но отсутствіе объективнаго слѣда въ жизни человѣка и человѣчества не страшитъ меня, такъ какъ я искалъ смысла не въ будущемъ, а въ настоящемъ». Но оправданія требуетъ не добро, которое люди принимаютъ, какъ нѣчто причитающееся имъ, а разлитое въ мірѣ зло, съ которымъ не можетъ примириться человѣкъ. Молчать, не разсуждать!—отвѣчаетъ на это авторъ: «нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы оправдать мировое зло; если бы даже такое оправданіе было возможно въ области трансцендентнаго, то я заранѣе отказываюсь отъ него. Зло имманентно человѣческой жизни, его нельзя оправдать, его можно только принять или не принять. А это какъ разъ и есть область чувства, а не разсудка, психологій, а не логики»... «Смерть Корделии, трупъ ребенка, — говоритъ Ивановъ-Разумникъ въ другомъ мѣстѣ,— все это неоправдимо и не можетъ быть рационализировано и логически оправдано»... Авторъ защищаетъ теорію «имманентнаго субъективизма»; она заключается въ признаніи самодовлѣющей цѣнностью широты, полноты и интенсивности человѣческихъ переживаній»... «Мы принимаемъ міръ силой непосредственнаго чувства... Разъ

мы живемъ, то уже этимъ однимъ мы привинаемъ міръ, привинаемъ неоправданное міровое зло»... Но совѣсть вѣдь требуетъ оправданія, достижимаго только логикой,—а развѣ чувство, а не мысль, можетъ дать оправданіе, развѣ психологія замѣнитъ логику? Развѣ признаніе факта (что зло существуетъ) есть то оправданіе зла, безъ котораго вѣтъ и не будетъ покоя человѣческому духу? Когда Шестовъ призываетъ къ вѣрѣ въ осмысленность человѣческой жизни, говоря, что эта вѣра «великое дѣло», Ивановъ-Разумникъ замѣчаетъ: «идоло дѣло, разъ приходится прибѣгать къ такимъ аргументамъ!..» Ну, а самъ Ивановъ-Разумникъ развѣ не призываетъ вѣрять въ имманентный субъективизмъ, вѣрять, что зло имманентно жизни, вѣрять, что оно не можетъ быть оправдано? Ивановъ-Разумникъ воленъ думать, что онъ на новомъ, третьемъ пути, на самомъ же дѣлѣ онъ обѣими ногами стоитъ на дорогѣ мистицизма, съ той лишь (вовсе не существенной) разницей, что у его мистицизма отрубленъ телеологическій хвостъ или даже не отрубленъ, а лишь перенесенъ изъ будущаго въ настоящее. Въ эпитафій авторъ грозитъ читателю «сверѣпѣйшей имманенціей», но стоитъ побороть страхъ и приблизиться къ этому сердитому звѣрю, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ добродушнѣйшей трансценденціей, нашей старой знакомкой. Отказаться отъ пониманія—значитъ, по мнѣнію Иванова-Разумника, понимать; перестать оправдывать—значитъ оправдать... Но чего не скажетъ вѣрующій мистикъ, которому душевный складъ не даетъ соскочить съ мистическихъ рельсовъ! «Третій» путь, который будто бы открытъ Ивановымъ-Разумникомъ, не приводитъ ни къ какому отвѣту на вопросъ, и волей-неволей приходится возвратиться на одинъ изъ оставленныхъ имъ путей. Въ этомъ, быть можетъ, и заключается настоящая «имманенція».

Н. Л.

Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Критико-біографическое изслѣдованіе Н. Г. Молоцова и П. А. Сергѣенко, подъ редакціей А. Л. Волынскаго. Художественный отдѣлъ въ завѣдываніи Е. П. Самокишъ-Судковской. Выпускъ 1. Спб. 1909 г., 68 стр., т. 4-й, ц. 1 р. 50 к.

Въ связи съ юбилейными «Толстовскими днями» издательская фирма П. П. Сойкина приступила къ составленію обширной и подробной біографіи нашего великаго писателя, поручивъ выполненіе и иллюстрированіе ея вышеобозначеннымъ писателямъ и художницѣ. Самъ Л. Н. Толстой и его супруга выразили согласіе просматривать текстъ изданія, корректуры, почему въ настоящемъ случаѣ фирма г. Сойкина даетъ читателямъ извѣстную гарантію, что въ изслѣдованіе попадутъ лишь факты вполне достоверные, обстоятельно освѣщенные и въ ихъ должной біографической полнотѣ. Все изданіе рассчитано на 12 выпусковъ большаго альбомнаго in 4° формата (по образцу лучшихъ заграничныхъ editions de luxe), заключающихъ въ себѣ 100 листовъ текста, 300 рисунковъ, портретовъ, заставокъ въ репродукціи съ картинъ, эскизовъ, рисунковъ и портретовъ, неслучайныхъ извѣстными русскими и иностранскими художниками, около 200 портретовъ Л. Н. Толстого, во всея періоды его жизни, изъ

которыхъ нѣкоторыя еще не появлялись въ печати, 48 отдѣльныхъ приложенийъ красочныхъ, гелиографуръ и т. п., съ подклейкой на особыя паспарту. Каждый выпускъ вшитъ въ особую мапку съ двумя пейзажами въ исполненіи художницы Е. Самокишъ-Судковской. На первой папкѣ представлены, напримеръ, въѣздъ въ усадьбу «Ясной Поляны» и уголокъ ясно-полянскаго дома. Такимъ образомъ, въ изданіи г. Сойкина мы будемъ имѣть впервые обширную иллюстрированную и художественно выполненную біографію нашего гениальнаго писателя, вышущенную съ затратою значительныхъ средствъ и обнимающую собою полную иконографію, библиографію и біографическій матеріалъ, относящіеся къ его жизни и литературной работѣ. Всѣ гелиографуры, меццотинты и фототипы воспроизведены Ф. Л. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, Ф. Брукманомъ въ Мюнхенѣ и товариществомъ Р. Голице и Вильборгъ въ Петербургѣ. У послѣднихъ же сработана и большая часть клише. Для біографіи взяты эпитафійныя слова Петра Великаго, сказанныя предку Толстого: «Головушка, головушка, если бы ты не была такъ умна, то давно бы съ тѣломъ разлучена была». Эпитафійныя иллюстрированы тенденціозной виньеткой, что собственно является совершенно ненужнымъ аксессуаромъ прекраснаго предирія г. Сойкина и даетъ нѣкоторое основаніе опасаться, что тѣ, кому онъ поручилъ исполненіе его, не сохраняя должной позиціи спокойныхъ біографовъ и иллюстраторовъ, а внесутъ сюда свое ненужное мудрствованіе и тотъ элементъ тенденціозности, которыми и безъ того загромождено в. е. то, что говорится о нашемъ великомъ писателѣ. Посоветуемъ г. Сойкину, если только онъ хозяинъ своего положенія, по мѣрѣ силъ и возможности на будущее время бороться съ такого рода опытками гг. біографовъ и иллюстраторовъ.

Въ вышедшемъ 1-мъ выпускѣ, правда, эти шпигъ выходяція изъ моды и уже достаточно прискучившія тенденціи пока не замѣтны. Да и странно было бы встрѣтить ихъ тамъ, гдѣ говорится о предкахъ, родителяхъ и воспитателяхъ Толстого и первомъ дѣтскомъ періодѣ его жизни. Въ этой части авторы собрали достаточно интересный родословный, біографическій, иконографическій и бытовой матеріалъ, являющійся въ нѣкоторыхъ частяхъ и матеріаломъ новымъ, впервые опубликованнымъ. Достаточную цѣнность представляютъ здѣсь и примѣчанія, главнымъ образомъ по части родословной. Въ текстѣ имѣются интересные автографы, количество которыхъ, несомнѣнно, вырастетъ въ слѣдующихъ выпускахъ. Говорить пока о литературномъ достоинствѣ біографіи преждевременно: повидимому, она не будетъ слишкомъ загромождена сырымъ, необработаннымъ матеріаломъ, а представитъ собою обстоятельно и литературно обработанныя страницы изъ жизни гениальнаго писателя въ ихъ хронологической послѣдовательности. Внутренній планъ, по которому редакторъ біографіи комбинируетъ работу своихъ сорудниковъ, изложенъ имъ въ краткомъ предисловіи, гдѣ читаемъ: «Толстой—это океанъ»,—сказалъ Н. С. Лѣсковъ. Дѣйствительно, личность Толстого сложилась изъ такого множества элементовъ, она такъ глубока и разностороння по своему содержанію, что трудно найти болѣе удачное слово для выраженія огромности того впечатлѣнія, которое производитъ жизнь и творчество этого замѣчательнаго чело-вѣка. Его душа, испытавшая всѣ бури страстей и всѣ просвѣщенія человѣче-

ской духовности, въ самомъ дѣлѣ, настоящей океанъ ощущеній, настроеній, стремленій и мыслей. Книги его, отразившія это безконечно сложное и почти неостижимое по богатству психологическое и идейное содержаніе, это одновременно и высочайшее искусство, и величайшее откровеніе человѣческаго сердца. И въ какомъ сложномъ сочетаніи встаютъ передъ нами тѣ элементы, изъ которыхъ развилась его личность, его писательская индивидуальность! Съ одной стороны, Толстой является едва ли не типичнѣйшимъ и глубочайшимъ выразителемъ своей народности, а съ другой—онъ какъ бы поднимается надъ уровнемъ своей національности и воплощаетъ въ себѣ морально-религіозныя исканія всего современнаго человѣчества. Съ одной стороны, мы видимъ въ немъ черты индивидуальнаго, личнаго характера, а съ другой—характера свободно-универсальнаго, всечеловѣческаго, такъ сказать, сверхличнаго, безличнаго. Вотъ почему, изучая жизнь и творчество Толстого, необходимо постоянно имѣть въ виду обѣ развернувшіяся въ немъ стихіи: и почвенно-историческую стихію, и идеально-внѣвременную. Одна изъ нихъ объясняетъ намъ полную красокъ и темперамента натуру Толстого, съ ея наслѣдственно-родовыми особенностями, сквозь другую мы улавливаемъ его духъ, такъ сказать, идеальное подобіе Толстого, ту нравственную высоту, на которой созерцаетъ его весь міръ и которая дѣлаетъ его центромъ симпатій всего человѣчества».

Такъ правильно поставлена біографическая задача и остается только пожелать, чтобы редакторъ текста не уклонился отъ нея въ сторону свойственныхъ его писаніямъ вообще философскихъ настроеній, которыя порою бываютъ трудно перевариваемы даже подготовленной аудиторіей читателей. Изданіе г. Сойкина должно быть прежде всего популярнымъ, доступнымъ интеллигенціи широкихъ массъ, и только тогда оно вознаградитъ его за потраченные средства и дастъ ему возможность его распространенія. Если это литературное условіе будетъ выполнено, а равно въ художественной части будетъ больше простоты и безыскусственности (наклонность къ противному слишкомъ рельефно въ настоящемъ случаѣ выступаетъ въ карандашѣ г-жи Самокишъ-Судковской), то можно надѣяться, что наше пожеланіе успѣха издателю оправдается и онъ достойнымъ образомъ почтитъ закатъ жизни «великаго писателя земли русской».

В. Г.

Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковскаго, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Москва. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Альманахи все еще у насъ плодятся, какъ грибы, но чѣмъ ихъ больше, тѣмъ меньше они обращаютъ на себя вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ вполне заслуживаютъ этой участи, но есть и такіе, которые не мѣшаетъ выдѣлить и предохранить отъ поглощенія ихъ Летою. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ альманахъ, заглавіе котораго мы только что выписали.

Составители его прекрасно сѣлись, такъ что никакихъ существенныхъ противорѣчій, то есть диссонансовъ, въ ихъ статьяхъ не замѣчается. Что же они поютъ, и что въѣтъ съ тѣмъ даетъ ихъ сборнику право на вниманіе читающей публики? Поютъ они—какъ это ни странно, потому что все они принадлежатъ къ либеральному лагерю— «отходную» нашей интеллигенціи, хоронягъ ее по всеѣмъ правиламъ погребальнаго искусства, да при томъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, на какія никогда не рѣшился бы шипуцій эти строки, уже почти сорокъ лѣтъ усиленно вскрывающій ея грѣхи.

Въ чемъ же провинилась интеллигенція въ глазахъ составителей сборника? Проще спросить,—въ чемъ она не провинилась, потому что ея грѣхи, какъ они думаютъ, безчисленны, а заслугъ у нея, повидимому, нѣтъ никакихъ. Но все-таки надо перечислить главные грѣхи, чтобы дать читателю понятіе о томъ, что онъ найдетъ въ сборникѣ. Прежде всего путь, по которому шла интеллигенція, привелъ ее въ «безвыходный туннель» (стр. 11), «революція не дала того, чего отъ нея ожидали», «русское общество... находится въ какомъ-то оцѣпенѣніи, апатіи, духовномъ разбродѣ», «русская гражданственность... пошла положительно назадъ», «русская литература залита мутной волной порнографіи и сенсационныхъ издѣлій» (стр. 23), «легіонъ бѣсовъ вошелъ въ гигантское тѣло Россіи и сотрясаетъ его въ конвульсіяхъ, мучитъ и калѣчить» (стр. 68), «каковы мы есть, намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ, — бояться мы его должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной» (стр. 88).

Вотъ до чего довела насъ интеллигенція, но спрашивается: чѣмъ? Полною своею внутреннею несостоятельностью. Собственно, «мы не люди, а калѣки, сколько насъ есть, русскихъ интеллигентовъ» (стр. 70); «въ цѣломъ интеллигентскій бытъ ужасенъ, подлинная мерзость заустѣнія, ни малѣйшей дисциплины, ни малѣйшей послѣдовательности во виѣшнемъ; день уходитъ неизвѣстно на что, сегодня такъ, а завтра по вдохновенію, все вверхъ ногами; праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность въ личной жизни, грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще половыхъ отношеніяхъ, наивная недобросовѣтность въ работѣ, въ общественныхъ дѣлахъ необузданная склонность къ деспотизму и совершенное отсутствіе уваженія къ чужой личности, передъ властью то гордый вызовъ, то покладливость» (стр. 80), «не есть ли наша бюрократія отпрыскъ нашей интеллигенціи; не питается ли она соками изъ нея; не лежитъ ли наконецъ на нашей интеллигенціи вина въ томъ, что у насъ образовалась такая могущественная бюрократія?» (стр. 116); если даже революціонныя партіи, «состояція изъ интеллигентныхъ республиканцевъ, не могутъ обходиться у насъ безъ осаднаго положенія и исключительныхъ законовъ (авторъ статьи приводитъ тому убѣдительные примѣры), то становится понятнымъ, почему Россія до сихъ поръ управляется при помощи чрезвычайной охраны и военнаго положенія» (стр. 118); у насъ «изъ всѣхъ формулировокъ социализма подавляющее господство надъ умами приобрѣло ученіе Маркса,—система, которая, несмотря на всю широту своего научнаго построенія, не только лишена какого бы то ни было философскаго и этиче-

скаго обоснованія, но даже принципиально отъ него отрекается (что не мѣшаетъ ей, конечно, фактически опираться на грубыя и непровѣренныя предпосылки матеріалистической и сенсуалистической вѣры); духовная педократія (господство дѣтей)— есть величайшее зло нашего общества... Это уродливое соотношеніе, при которомъ оцѣнки и мнѣнія «учащейся молодежи» оказываются руководящими для старѣйшихъ, перевертываетъ вверхъ ногами естественный порядокъ вещей и въ одинаковой степени пагубно и для старшихъ, и для младшихъ» (стр. 44), а сама «русская молодежь мало и плохо учится» (стр. 191)...

Словомъ, надъ русской интеллигенціей произнесенъ безошадный приговоръ,— и кѣмъ же? Тѣми, кто по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ такому прискорбному положенію дѣлъ. Это ли не знаменіе времени? Должно быть, интеллигенція оказалась ужъ очень несостоятельной, если ея представители такъ торжественно отъ нея отрекаются. Въ этомъ и заключается главный интересъ разсматриваемаго нами альманаха.

Но неужели интеллигенція наша уже въ самомъ дѣлѣ такъ безнадежна? Можетъ быть, составители альманаха нашли путь, который выведетъ ее изъ созданнаго ею «безвыходнаго тупика?» Какъ же, нашли: и путь этотъ очень простъ. Во первыхъ, личность должна «сосредоточиться въ самой себѣ», во вторыхъ, люди должны заняться «самоанализомъ», наконецъ, въ третьихъ, вспомнить о «старомъ Моисеевомъ десятисловіи, чтобы потомъ дойти и до Новаго Завета» (стр. 21, 56, 95).

За исключеніемъ «Моисеева десятисловія» это — рецептъ нѣсколько старѣй, всецѣло почерпнутый изъ архаической фармакопеи самой интеллигенціи, уже сколько она занималась самокритикой и копаніемъ въ собственной душѣ безъ толку для другихъ и для себя, вмѣсто того, чтобы, благословясь, прикнуть къ широкому народному и государственному дѣлу! Впрочемъ, мы должны тутъ сдѣлать оговорку. Составители альманаха напрасно постоянно говорятъ объ «интеллигенціи». Терминъ этотъ въ высшей степени неопредѣленный. Если подъ интеллигенціей разумѣть русское образованное общество, то въ балансѣ ея заслугъ и грѣховъ числится такой плюсъ, какъ созданіе вмѣстѣ съ народомъ великой культурной Россіи съ ея чудной литературой; если же подъ интеллигенціей разумѣть революціонную партію, то плюсъ ея ничтоженъ, и тутъ самокритика дѣйствительно можетъ пригодиться, хотя, пожалуй, лучше просто почитать Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго. Лѣскова, которые уже значительно раньше представили удивительно мѣткую картину несостоятельности нашихъ нигилистовъ, т. е. революціонной партіи.

Р. Сементковскій.

Всякіе. Очерки современной жизни А. С. Суворина. Изд. второе. Спб. 1909. Стр. XXVI + 318 + 78. Ц. 2 р.

Настоящая книга образовалась изъ фельетоновъ, появившихся въ 1865 г. на столбцахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Ѳ. Корша и посвященныхъ тогдашней политической и соціальной злободневности, за подписью А. Бобров-

скаго, подъ каковымъ псевдонимомъ г. Суворинъ и началъ свою журнальную дѣятельность. Эти фельетоны составили въ свое время своего рода событіе въ газетномъ мірѣ, создали ихъ автору крупную извѣстность и поставили его имя въ рядъ выдающихся отечественныхъ публицистовъ прогрессивнаго направленія, искусно умѣющихъ въ живой формѣ говорить о насущнѣйшихъ вопросахъ родной жизни, несмотря на все положенныя къ тому цензурныя препоны. А. Бобровскій - Суворинъ сумѣлъ въ предѣлахъ возможности нарисовать въ формѣ повѣсти («нѣчто въ родѣ повѣсти») широкую и яркую картину современнаго ему «взбаламученнаго моря» отечественной дѣйствительности, отмѣтить наиболѣе острые моменты тогдашней злободневности, вывести подъ псевдонимами рядъ общественныхъ дѣятелей и, проходя, нанести нѣкоторымъ своимъ принципиальнымъ недругамъ злые щелчки, выведя ихъ въ карикатурномъ видѣ. Собранныя имъ въ одну книгу фельетоны какъ разъ въ моментъ остраго перелома русской жизни, совпавшаго съ покушеніемъ Каракозова, испытали печальную участь: авторъ былъ преданъ суду, обвиненъ, а книга сожжена. Только послѣ сорокалѣтняго перерыва оказалось возможнымъ ее возстановить и выпустить въ свѣтъ, въ качествѣ интереснаго и назидательнаго памятника для исторіи 60-хъ годовъ и царившихъ тогда настроеній и порядковъ. Какъ источникъ для этой исторіи, она имѣетъ, несомнѣнно, нѣкоторое значеніе, какъ равно своею печальною судьбою она обогащаетъ и исторію отечественной цензуры живою страницей, говорящей о пережитомъ и отошедшемъ въ даль времени быломъ краснорѣчивѣ всякихъ теоретическихъ разсужденій. Имѣя въ виду именно эту исторію цензуры, г. Суворинъ приложилъ къ своей книгѣ судебный отчетъ о своемъ процессѣ и обвинительный приговоръ надъ нимъ с.-петербургскаго окружнаго суда. Этотъ възстановленный нынѣ въ памяти процессъ является также любопытною страницей изъ исторіи только что призванныхъ къ жизни молодыхъ судебныхъ учреждений, въ нѣдрахъ которыхъ шла яркая борьба «новыхъ вѣяній» съ старымъ режимомъ.

Помимо этого историческаго приложения, г. Суворинъ снабдилъ свою книгу и автобіографическимъ предисловіемъ, гдѣ далъ интересныя свѣдѣнія о началѣ своей литературной дѣятельности, о порядкахъ и людяхъ, среди которыхъ приходилось жить и дѣйствовать. Для исторіи нашей журналистики здѣсь также имѣется цѣнный матеріалъ, сохраненный нынѣ отъ забвенія современникомъ во всей правдивости и съ теплымъ чувствомъ къ своимъ годамъ молодости. Несмотря на то, что «Всякіе» написаны сорокъ лѣтъ тому назадъ, пришлилены, такъ сказать, къ событіямъ дня и являютъ собою нѣчто въ родѣ «публицистики въ лицахъ» (въ томъ же родѣ впоследствии писалъ и покойный нынѣ Сергій Атава), книга и нынѣ въ качествѣ беллетристическаго произведенія читается съ неослабнымъ интересомъ, возбуждаетъ и будитъ въ читателѣ лучшія чувства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что она встрѣтила сочувствіе среди современныхъ читателей, знавшихъ уже отъ приторной и искусственной полу-беллетристики нынѣшнихъ модернистовъ и «освободителей» русской журналистики и въ короткое время потребовала вторичнаго изданія. Старое оказалось полнымъ жизни и новизны...

Г. Л. И.

Мендельсонъ, Н. М. Очерки по исторіи русской литературы. Съ 29 рисунками и портретами въ текстѣ. Москва. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

«Авторъ этой книги, — читаемъ въ предисловіи, — принимаетъ то опредѣленіе исторіи литературы, которое рассматриваетъ ее, какъ исторію смѣны религиозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и социальныхъ идей, отраженныхъ въ формахъ художественнаго слова» Вторая «предисылка» г. Мендельсона: «въ силу дѣлаго ряда культурныхъ и политическихъ условій, произведенія русской художественной литературы часто являлись тѣмъ единственнымъ центромъ, къ которому сходились все нити общественной мысли». Почти то же самое выразилъ и Брюкнеръ въ своей книгѣ «Русская литература».

Въ силу этихъ предисылокъ г. Мендельсонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги даетъ «очерки общественныхъ и идейныхъ теченій русской жизни», теченій, которыя «опредѣлили основные моменты въ исторіи нашей литературы до 90-хъ гг. прошлаго столѣтія включительно».

Въ своей книгѣ г. Мендельсонъ, начиная ab ovo, т. е. съ «народной словесности», доводитъ «исторію русской литературы» до Горькаго включительно, причемъ на долю допетровской литературы отводитъ всего 15 страницъ, на XVIII вѣкъ 25 страницъ (Державинъ, Фонвизинъ, Новиковъ, Радищевъ), а на XIX вѣкъ 220 страницъ. Интересно отмѣтить, что очерки заканчиваются Горькимъ, хотя послѣдній «еще не сказалъ своего послѣдняго слова» и «подводить итоги его художественной работы еще нельзя». Слова эти вполне примѣнимы, т. е. «рано подводить итоги», и къ другимъ писателямъ XIX вѣка, особенно второй половины, а такъ какъ г. Мендельсонъ написалъ не «исторію русской литературы», а только «очерки», то вполнеумѣстно было бы подвести итоги, насколько, конечно, возможно, не только литературной дѣятельности Чехова и Горькаго но и Л. Андреева, наиримѣръ, Вересаева и т. д.

Читается книга г. Мендельсона съ интересомъ, написана очень популярно, ибо «Очерки» и предназначены, собственно, «для читателей мало подготовленныхъ». А если это такъ, то «малоподготовленными» являются, большею частью, люди неимущіе, бѣдняки, и цѣна за книгу — 1 р. 50 коп. — для нихъ окажется высокою.

Къ числу достоинствъ книги надо отнести то, что г. Мендельсону вполне удалось «соединить серьезность изложенія съ его возможною доступностью».

Я. Вирюковъ.

Н. Минскій. На общественныя темы. Спб. 1909. Стр. 284. Ц. 1 р.

Какъ человекъ не русскій, г. Минскій старается правильно выражаться по-русски и самую простую мысль умѣть иногда облечь въ красивыя и звонкія слова. Въ этомъ его большая сила, которой онъ и старается пользоваться. Но если ему не удастся сразу ослѣпить и оглушить читателей, то за красивой внѣшностью открываются такіе изъяны мысли, что только руками разведешь! То, наиримѣръ, онъ серьезно начинаетъ увѣрять на страницѣ 8 своего сборника, что поэзія Данте есть результатъ примиренія церкви съ государствомъ.

совершенно забывая, что у Данте попала въ адъ и панская тиара; то онъ дѣлаетъ цѣлое открытіе, будто Россія, принявъ греческую вѣру, вошла въ соприкосновеніе съ античнымъ міромъ—пусть г. Минскій укажетъ въ нашей старой литературѣ хотя бы слѣды знакомства съ античнымъ, а не средневѣковымъ византійскимъ міромъ; то раздражается совѣмъ уже непонятными тирадами, въ родѣ слѣдующей: «Условія экономическаго производства были почти одинаковы въ древней Персіи и Греціи, базируя и тутъ и тамъ на производительномъ трудѣ рабовъ. Однако Персія коснѣла въ деспотизмѣ, между тѣмъ какъ Греція расцвѣла для свободы. Въ Иудеѣ при появленіи Христа хозяйственныя отношенія остались неизмѣнными, какими были до него. Однако, благодаря условіямъ историческимъ и созданнымъ имъ психологическимъ основаніямъ, возникло религіозное воодушевленіе, которое само сдѣлалось исторической силой для другихъ народовъ». Не понимаемъ совершенно конца этой тирады, а относительно начала позволимъ себѣ спросить г. Минскаго, откуда ему извѣстно, что «условія экономическаго производства были почти одинаковы въ древней Греціи и Персіи, базируя на принудительномъ трудѣ рабовъ». Въ Россіи были рабы и въ Америкѣ были рабы. Стало быть, условія экономическаго производства Россіи и Америки 50 лѣтъ тому назадъ были одинаковы?

Но г. Минскій не считаетъ, конечно, нужнымъ обращать вниманія на такія мелочи и на страницѣ 36 смѣло сопричисляетъ себя къ философамъ исторіи. Въ качествѣ такового, онъ съ той же смѣлостью приступаетъ къ рѣшенію весьма сложнаго вопроса исторической философіи—вопроса о сущности индивидуализма. Недолго думая, вотъ какъ опредѣляетъ его г. Минскій: «Истинная сущность индивидуализма заключается въ томъ, что нормально растущая личность, прикованная къ своимъ потребностямъ и навсегда въ нихъ замкнутая, относится къ своему счастью, къ удовлетворенію этихъ потребностей, какъ къ единственной цѣли жизни, а на весь внѣшній міръ смотритъ, какъ на средства къ достиженію этой цѣли». Стоитъ попробовать подвести подъ эту формулу Сократа или Діогена, и читатель сейчасъ же замѣтитъ, что дѣло идетъ тутъ не объ индивидуализмѣ, а просто-напросто объ эгоизмѣ. Это открытіе сразу подрываетъ интересъ статьи («Соціалъ-гуманизмъ»): вѣдь изъ ложной мысли не сдѣлаешь вѣрныхъ выводовъ, и читать ее только даромъ терять время.

Болѣе удачны критическія статьи Минскаго. Изъ нихъ отмѣтимъ полемическія статьи противъ Горькаго «Интеллигенція и мѣщанство» и противъ Мережковскаго «Абсолютная реакція». Остальныя статьи перепечатаны изъ газетъ, невелики по объему и особаго интереса не представляютъ.

А. В.

А. Оветтъ. Исторія итальянской литературы. Переводъ подъ редакціей В. Шишмарева. Спб 1909. Ц. 1 руб. 75 коп.

Хотя сравнительно недавно появился обстоятельный русскій переводъ прекраснаго учебника исторіи итальянской литературы А. Гаспарри, выходъ перевода книги Оветта можно только привѣтствовать въ виду крупныхъ литера-

турныхъ и научныхъ достоинствъ этого труда. Авторъ ея французъ, профессоръ университета въ Греноблѣ, и это позволило ему, во-первыхъ, въ своемъ изложеніи остаться въ сторонѣ отъ партійныхъ счетовъ, что особенно хорошо даетъ себѣ знать въ послѣднихъ главахъ, гдѣ рѣчь идетъ о новѣйшей литературѣ, а, во-вторыхъ, безпристрастіе иностранца позволило ему остановить свое вниманіе только на дѣйствительно крупныхъ явленіяхъ литературы и не тратить времени и мѣста на характеристику писателей, представляющихъ чисто мѣстный интересъ. Хотя трудно согласиться съ отдѣльными взглядами автора, въ родѣ сопоставленія Гольдони и Каліостро съ Казановой (стр. 272), и съ его чрезмѣрнымъ подчеркиваніемъ вліянія Франціи на литературу Италіи, книга Оветта производитъ самое лучшее впечатлѣніе, чего нельзя сказать про указатель русской литературы предмета (стр. 397). Прежде всего здѣсь поражаетъ отсутствіе упоминанія о многочисленныхъ трудахъ по исторіи итальянской литературы покойнаго академика Н. П. Дашкевича, автора классической книги о романѣ Круглаго Стола и многихъ другихъ. Мало помогутъ дѣлу такія цитаты: Гизланцони. Театральные артисты. Ром. Руссо Вѣст. 1869 (Русскій Вѣстникъ?) красующаяся на стр. 407. Подъ рубрикой: Джьордано Бруно слѣдовало бы упомянуть и о извѣстной статьѣ Алексѣя Веселовскаго, въ всякомъ случаѣ болѣе цѣнной, чѣмъ статьи хотя бы г. Лесевича или Чуйко о Боккачіо.

В.

Отто Вейнинггеръ. Полю и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бѣлова. Спб. 1909. Стр. XXVII + 526. Ц. 1 р. 50 к.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ было уже говорено о талантливомъ и оригинальномъ трудѣ безвременно кончившаго съ жизнью, молодого еврейскаго писателя Отто Вейнинггера. Сирость на этотъ трудъ не падаетъ какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ, а потому выходъ перевода постояннаго сотрудника «Историческаго Вѣстника» А. М. Бѣлова, сдѣланнаго чрезвычайно тщательно, литературно и доступно пониманію широкихъ круговъ читателей, можетъ быть привѣтствованъ какъ отрадное литературное явленіе. Мы отмѣчаемъ именно качество настоящаго перевода, имѣющаго большое преимущество передъ прежними работами другихъ авторовъ, не всегда владѣвшихъ свободно и просто русской рѣчью. Своему переводу г. Бѣловъ счелъ нужнымъ предпослать небольшое вступленіе, гдѣ далъ о нѣмецко-еврейскомъ авторѣ краткія біографическія свѣдѣнія, указалъ на судьбу его сочиненія, отмѣтилъ его философскіе составные элементы и сказалъ по адресу покойнаго писателя нѣсколько сочувственныхъ словъ. «Недостатки, на которые указываютъ критики Вейнинггера,—говоритъ г. Бѣловъ,—не могутъ, однако, умалять огромныхъ достоинствъ его мысли. Безпристрастный и вдумчивый читатель самъ замѣтитъ, какъ у Вейнинггера то и дѣло всыхиваютъ искры гениальной мысли, озаряющей на мгновеніе темную, бездонную глубину нашего внутренняго міра. На рѣдкой страницѣ не бьетъ у него въ глаза правда, выхваченная прямо изъ жизни, поражая читателя остротой и

мѣткостью наблюдений. Самыя заурядныя и примелькавшіяся явленія повседневной жизни, которыя не привлекли до сихъ поръ нашего вниманія, подъ перомъ Вейнингера неожиданно превращаются въ нѣчто весьма сложное, имѣющее огромное значеніе для пониманія человѣческаго «я». Въ этомъ случаѣ авторъ вполне оправдалъ вѣрность извѣстнаго замѣчанія, что нужно быть большимъ философомъ для того, чтобы понимать «простыя» вещи». По словамъ г. Бѣлова, «безнравственность противна философскимъ взглядамъ Вейнингера и его окончательные выводы о половыхъ отношеніяхъ вполне совпадаютъ съ точкой зрѣнія такого моралиста, какъ гр. Л. Н. Толстой».

Г.

Грузинскій поэтъ кн. Акакій Церетели. Избранныя стихотворенія въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Съ предисловіемъ А. С. Хаханова. № 1. Москва. 1908 г. 32 стр. Ц. 20 коп.

Къ 50-лѣтію литературной дѣятельности грузинскаго поэта кн. А. Р. Церетели московскіе студенты-грузины издали избранныя его стихотворенія въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Въ сборникъ вошли частью разбросанныя въ періодическихъ изданіяхъ переводы Ив. Тхоржевскаго, Величко, Гриневской, Ивашкевича, Лебедева, частью же впервые появляются въ печати. Въ числѣ новыхъ переводовъ первое мѣсто нужно отвести тѣмъ стихотвореніямъ, которыя къ юбилею грузинскаго поэта были переложены Вл. Гиляровскимъ и Н. Гиляровской. Последней принадлежитъ переводъ «Письма», одного изъ самыхъ раннихъ произведеній кн. Церетели, отмѣченнаго печатью романтической грусти. Своеобразный стиль грузинской поэзіи вообще трудно переводимъ и еще труднѣе переложить звучный и задумчивый стихъ кн. Акакія Церетели. Однако нѣкоторыя изъ приведенныхъ въ сборникѣ стихотвореній («Пѣвецъ», «Саламура», «Поэтъ», «Большая», «Да будетъ проклятъ») даютъ довольно близкое представленіе о лирѣ грузинскаго поэта. Къ сборнику приложены портретъ поэта, вступительная статья А. С. Хаханова съ біографическимъ очеркомъ и обзоромъ дѣятельности кн. Церетели.

О—овъ.

Д. Н. Аракчіевъ. Музыкально-этнографическіе очерки грузинской народной музыки. Народная пѣсня Западной Грузіи. М. 1908.

Новый трудъ Д. Н. Аракчіева представляетъ оттискъ изъ II т. «Трудовъ музыкально-этнографической комиссіи», состоящей при «Обществѣ любителей естествознанія, антропологии и этнографіи». Содержаніе его—сравнительный обзоръ народной поэзіи и музыкальныхъ инструментовъ—распадается на четыре главы: 1) гурійская вѣтвь, 2) мингрельская вѣтвь, 3) нѣсколько замѣчаній о рачинскихъ пѣсняхъ и 4) о грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ изъ собраній Москвы и Тифлиса. Изслѣдованіе свое обосновываетъ

«истор. вѣстн.», май, 1909 г., т. схvi.

20

авторъ на результатахъ своихъ поѣздокъ, частью же на матеріалѣ, собранномъ его предшественниками. Запись пѣсенъ въ текстѣ и съ музыкальной мелодіей исполнена тщательно и сопровождается этнографическими замѣчаніями. Сравнивая пѣсни и музыку восточныхъ грузинъ (Карталинн и Кахетин) съ музыкой западныхъ грузинъ (гурійцевъ и мингрельцевъ), онъ отмѣчаетъ разницу между ними, заключающуюся въ томъ, что гурійская пѣсня полифонная, а карталино-кахетинская—гомофонная. Разницу эту онъ объясняетъ живымъ темпераментомъ гурійцевъ, а темпераментъ ихъ онъ считаетъ продуктомъ иной географической и климатической среды. Въ гурійской, какъ и карталино-кахетинской, пѣснѣ онъ видитъ рядъ эволюцій, какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и со стороны формъ, начиная съ одногласныхъ пѣсенъ въ квартѣ и кончая сложнѣйшими трехголосными въ разныхъ тональностяхъ. Въ пѣняхъ какъ восточныхъ, такъ и западныхъ грузинъ онъ видитъ одинъ корень съ различными вѣтвями. Что касается пѣсенъ мингрельцевъ, то онѣ по характеру общи съ гурійскими. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что у западныхъ грузинъ, въ особенности у женщинъ, развита сольная пѣсня сильнѣе, чѣмъ у женщинъ восточныхъ. Вліяніе Турціи въ западной Грузіи было столь же могущественно, сколь въ восточной Грузіи воздѣйствіе Персіи, откуда проникли «сазандары», специалисты-музыканты. Нужно отмѣтить еще любопытное наблюденіе автора о сходствѣ богатой рачинской музыки съ карталино-кахетинской и даже съ сванской. Этнографъ и лингвистъ могутъ использовать это наблюденіе въ своихъ построеніяхъ.

А. Хахановъ.

Проф. К. Ротъ. Исторія Византійской имперіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. В. Горскина, подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1909.

На Западѣ давно уже наступилъ поворотъ отъ прежняго антинаучнаго отношенія къ Византіи въ сторону объективнаго изученія ея глубоко интересной и поучительной исторіи. Всѣмъ извѣстны ученые имена Крумбахера, Гельцера, Герцберга, Рамбо, Шлюмберже, Дюля, Бьюри и многихъ другихъ новѣйшихъ изслѣдователей прошлой судьбы пресловутой Византіи. И въ Россіи съ именемъ профессора и академика В. Г. Васильевскаго соединяется мысль о русской византологической школѣ, объединившей въ своемъ составѣ ученыхъ средняго и младшаго поколѣнія. Но Васильевскаго—увы!—давно уже нѣтъ, и въ послѣднее время византологическая научная традиція какъ будто не имѣетъ прежней интенсивности и выражается въ ученой производительности его послѣдователей и учениковъ. Нынѣ — наперечетъ всѣ русскіе ученые, имѣющіе то или другое отношеніе къ византологіи. Будетъ великимъ преступленіемъ для русскихъ ученыхъ, если византологическая традиція, прочно установленная у насъ В. Г. Васильевскимъ, Ѳ. П. Успенскимъ и нѣкоторыми профессорами духовныхъ академій, повстанетъ или даже ослабѣетъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, въ своей жизненности и продуктивности. Въдѣ изученіе исторіи Византіи—нашъ прямой долгъ и обязанность. Визан-

тійская исторія есть вступительная глава въ нашу исторію гражданскую и духовную, въ исторію русской литературы, археологій, права и т. д. Она представляетъ глубокій интересъ и сама по себѣ, а равно въ политической и культурной исторіи европейскаго Запада... Все это теперь сдѣлалось общимъ мѣстомъ, доступно пониманію каждаго, кто лишь отчасти соприкасался съ отмѣченными областями научнаго знанія. А съ другой стороны, какъ еще мало исторія Византіи изучена, какое обширное и богатое поприще она представляетъ для таланта и трудолюбія! Наконецъ, и въ обществѣ нашемъ иногда пробивается живой интересъ къ мало изслѣдованному, привлекательному по своей прошлой судьбѣ византизму.

О такомъ интересѣ свидѣлствуютъ время отъ времени появляющіеся переводы на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Византіи. Въ настоящій разъ отмѣтимъ изданіе въ русскомъ переводѣ «Исторіи византійской имперіи», принадлежащей пзвѣстному профессору Роту. Это—популярная работа, написанная для общаго ознакомленія читателей съ исторіею Византіи. Нѣмецкій ученый держится вполне правильнаго взгляда на Византію, прочно обоснованнаго новѣйшими научными изысканіями. Онъ правильно говоритъ, что Византія до послѣдняго времени оказывала большую несправедливость невнимательнымъ отношеніемъ къ ея исторіи. Въ этомъ выразилось невѣжество западно-европейскаго общества, полужнаніе, высокомерное въ своихъ сужденіяхъ и потому болѣе опасное, чѣмъ невѣжество. Терминомъ «византизмъ» на Западѣ называли только грубую надменность и рабскую приниженность. Однако, произнося такой приговоръ, забывали объ исторіи западныхъ государствъ, гдѣ даже въ большей степени происходили тѣ «ужасныя» и «отвратительныя» событія, которыя неправильно признавали принадлежностью только Византійской имперіи. А затѣмъ, отъ безпощадныхъ критиковъ ускользнуло то соображеніе, что государство, въ теченіе тысячи лѣтъ выдерживавшее непрерывный напоръ варварскихъ полчищъ и защищавшее гордившійся своей культурою Западъ отъ разоренія, не могло быть слабымъ, омертвѣвшимъ и дряблымъ, — что въ Византіи былъ цѣлый рядъ талантливыхъ государей, прославившихъ себя громкими побѣдами надъ арабами и славянами и разносторонней культурно-просвѣтительной и политической дѣятельностью. Кромѣ того, Византія сообщала свѣтъ христіанства и блага своей богатой и мощной культуры многимъ языческимъ народамъ, имѣла выдающуюся церковную и свѣтскую литературу, создала разнообразныя виды искусства, была, словомъ, культурной страной преимущественно предъ всѣми народами Востока и Запада въ средневѣковую эпоху и оказала свое просвѣтительное воздѣйствіе не только на славянскія народности, но и на европейскій Западъ. Отсюда понятенъ живой интересъ къ Византіи, въ противоположность прежде господствовавшему пренебрежительному, но несправедливому къ ней отношенію.

Въ разсматриваемомъ изданіи и изложена исторія Византіи, начиная съ до-юстиніановскаго періода. Въ частности обозрѣвается, на ряду съ политической судьбой имперіи, и состояніе византійской культуры при Юстиніанѣ, въ эпоху династій Македонской, Комниновъ и Палеологовъ. На послѣднихъ

страницахъ (61—66) небольшого изданія помѣщена хронологическая таблица. Вообще книжка читается съ интересомъ и, несомнѣнно, полезна въ небогатой русской литературѣ по византологіи.

Переводъ исполненъ въ общемъ хорошо, но только какъ переводчикъ, такъ и редакторъ изданія, повидимому, впервые взяли за византологическую работу и допустили нежелательные недосмотры. Такъ, византійскій патріархъ Іоаннъ Ксифилинъ названъ «Ксифилипомъ» (стр. 34), императоръ Михаилъ VII. Паранинакъ именуется «Парапинатомъ» (тамъ же), Карда названъ «цезаремъ» (стр. 38) вмѣсто— «кесарь», эмаль— «перегородочная» (стр. 39) вмѣсто перегородчатая, эпоха латинскаго господства въ Константинополѣ названа періодомъ латинскаго «императорства» (стр. 49) и пр.

Другіе недочеты слѣдуетъ отнести уже на счетъ профессора Рота, наиримѣръ, одностороннее пониманіе византизма (стр. 11), неправильную оцѣнку отношенія византійскаго духовенства къ «вышнимъ формамъ» православной вѣры (стр. 32), шаблонное и устарѣлое пониманіе афонской мистики (стр. 60) и другіе.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы въ русской литературѣ возможно чаще появлялись переводы лучшихъ иностранныхъ сочиненій по византологіи, но съ компетентной редакторской оцѣнкой. Въ частности, обращаемъ вниманіе на труды Шлюмберже, издавшаго нѣсколько томовъ своей «Византійской эпопеи», и Дюля, опубликовавшаго въ послѣднее время двѣ части своихъ «Figures byzantines».

Σ.

Герцогъ Аргайльскій. Отвѣтственность Англій въ восточномъ вопросѣ. Переводъ М. К. Брянчаниновой. Предисловіе Ф. Ф. Мартенса. Спб. 1908. Стр. 177. Ц. 1 р.

Другъ Гладстона, герцогъ Аргайльскій принадлежитъ къ числу тѣхъ не особенно многочисленныхъ политиковъ, для которыхъ принципъ «цѣль оправдываетъ средства» такъ же безразличенъ въ политикѣ, какъ и въ частной жизни. Для насъ, русскихъ, онъ интересенъ еще и тѣмъ, что является однимъ изъ раннихъ предтечъ англо-русскаго сближенія: въ теченіе не одного десятка лѣтъ герцогъ борется у себя на родинѣ съ лукавой политикой, поддерживающей Турцію только для того, чтобы не дать усилиться Россіи. Въ своей книгѣ герцогъ старается раскрыть глаза своимъ соотечественникамъ на безотрадныя условія, въ которыхъ приходится жить турецкимъ христіанамъ, и убѣдить власть имѣющихъ положить конецъ господству турокъ надъ христіанами, дѣйствуя въ этомъ вопросѣ рука объ руку съ Россіей.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги герцога Аргайльскаго, вышедшей въ подлинникѣ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ переѣнилось многое, и лучшей, наиболее образованной части турецкаго общества удалось положить конецъ невозможному въ ХХ вѣкѣ даже въ Турціи деспотизму. Этотъ центральный фактъ турецкой политической жизни послѣдняго времени, несомнѣнно, измѣнитъ всѣ внутреннія отношенія Турціи. Поэтому намъ кажется, что г-жа Брянчанинова, —кстати сказать, подходящая внучкой

канцлеру Горчакову,—нѣсколько запоздала съ переводомъ книги герцога Аргайлскаго: его нападки относятся, собственно говоря, не къ Турціи, а къ ея прежнему режиму, который, надо надѣяться, безвозвратно отошелъ въ вѣчность.

А. В.

Графъ В. А. Вобринскій. Пражскій съѣздъ. Чехія и Прикарпатская Русь. Спб. 1909.

Книга эта—сборникъ путевыхъ впечатлѣній, отчеты о которыхъ печатались въ прошломъ году въ «Новомъ Времени» и «Свѣтѣ». Писана она еще въ лучахъ того яркаго, весенняго солнца, которое засвѣтило въ прошломъ году нашимъ неославянофиламъ въ Прагѣ. Читая ее, автору этихъ строкъ невольно припомнилась его собственная прошлогодняя поѣздка въ Прикарпатскую Русь и посѣщеніе старо-русскаго города Мукачева (Мункачъ) въ Венгріи съ цѣлью посмотрѣть, уцѣлѣло ли тамъ хоть что-нибудь русское отъ натиска воинствующаго мадяризма. Пріѣхаль:—увы!—ни слова русскаго! Ни вывѣски, ни надписи, ни звука. Только и слышишь, что мадярско-еврейскій жаргонъ. Можетъ быть, если живые молчатъ, то заговорятъ по-русски мертвые? Иду на кладбище, но и тамъ всѣ поиски оказались напрасными. Вышелъ изъ воротъ и уже хотѣлъ возвращаться назадъ въ городъ. Но что это тамъ вдали блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ золотомъ? Куполъ церкви точно у насъ гдѣ-нибудь въ богатомъ селѣ. Надо посмотрѣть. Иду, а навстрѣчу двѣ дѣвочки. У меня книжка въ рукахъ. И вдругъ слышу восклицаніе изумленія: «Съ книжкою ходить!» Русская рѣчь такъ далеко не только отъ Москвы, но отъ Львова и Кіева! Сердце запрыгало отъ радости. А потомъ оказалось, что все вокругъ русское, и монастырь, и всѣ пригороды, да и самъ мадярско-еврейскій Мукачевъ, живущій на счетъ пригородныхъ деревень, не такъ уже чуждъ русскому. Въ кофейнѣ еврей рано утромъ, не замѣтивъ меня, кричитъ на кого-то по-русски. Въ магазинѣ мадярка по-русски накинулась на служанку. Крестьяне русскіе, сами научась по-мадярски, и другихъ, очевидно, сумѣли научить по-русски. Несмотря на вѣковой гнетъ, безъ поддержки и помощи своихъ болѣе счастливыхъ братьевъ, все сберегли, сохранили русскую рѣчь и вопреки всему еще держатся, не уступивъ ни пяди земли, и живутъ здѣсь въ пяти часахъ ѣзды отъ Будапешта. Словомъ, получилось цѣлое «открытіе». Подобнаго же рода открытіемъ была для графа Вобринскаго вся зарубежная Русь, и подъ этимъ свѣжимъ впечатлѣніемъ написана вся книга. Если искренность, жаръ чувства и даже пафосъ, хотя и не безъ нѣкоторой наивной сентиментальности, составляютъ книгѣ хорошую рекомендацію, то нельзя въ ней отказать путевымъ очеркамъ графа Вобринскаго.

Но ревность неофита и открытія въ родѣ вышеописаннаго имѣютъ и свою слабую сторону: они открываютъ довольно широкое поле для ошибокъ. И книга графа Вобринскаго ихъ не избѣгла, особенно въ той части, гдѣ авторъ говоритъ о Галицкой Руси. Можно совершенно отрицательно относиться къ такъ называемому украинству, но не слѣдуетъ его недоцѣнивать. Какъ бы то ни было, на послѣднихъ выборахъ число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ украин-

ской партіи, значительно превышало число лицъ, стоявшихъ за русскую народную партію. Украинство, очевидно, имѣетъ свои корни въ народѣ, а между тѣмъ въ книгѣ графа Бобринскаго мы только разъ встрѣчаемся съ украинцемъ на перемышльскомъ вокзалѣ. Авторъ, повидимому, не знакомился даже съ дѣятельностью общества Шевченки, а между тѣмъ, если бы онъ даже только послѣ ставропольской лавки зашелъ въ книжный магазинъ «товарища Шевченки», онъ бы увидѣлъ, гдѣ больше оживленія и жизни. Утверждать, что «народъ украинскаго жаргона положительно не понимаетъ», очень рискованно. Во всякомъ случаѣ языкъ «Діла» ближе къ народному, чѣмъ то «язычіе», на которомъ пишется «Галичанинъ» и которе, несмотря на «цо», «щобы», «якъ» и тому подобныя слова, графъ Бобринскій, къ удивленію, считаетъ «нашимъ литературнымъ языкомъ» (стр. 89). Въ ошибку введенъ онъ и относительно употребленія галичанами словъ «русскій» и «россійскій». Подъ именемъ «народа російскаго» они разумѣютъ не поляковъ, татаръ, евреевъ и т. п., какъ это утверждаетъ авторъ, а просто насъ, великоруссовъ, а потому и всѣ доводы, которые строитъ авторъ на основаніи своего опредѣленія понятія «россійскій», сами собою падаютъ. Можно было бы привести и еще много ошибокъ автора. Во время своего путешествія онъ невольно вращался все время въ кругахъ одной изъ русскихъ галицкихъ партій, такъ называемой старо-русской, и отсюда идетъ, несомнѣнно, одностороннее освѣщеніе, въ которомъ является у него галицко-русская жизнь.

И тѣмъ не менѣ нельзя не признать, что книга графа Бобринскаго далеко не лишняя для широкихъ круговъ нашего общества. Такъ мало знаемъ мы о нашей Зарубежной Руси. Вѣдь еще до сихъ поръ въ гимназіяхъ даже Львовъ все еще фигурируетъ подъ именемъ Лемберга. Всякій, хотя бы и односторонній, рассказъ при такихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ значеніе. А книга графа Бобринскаго написана живо и проникнута искреннимъ чувствомъ и желаніемъ помочь нашимъ закордоннымъ соплеменникамъ. Очень любопытны его описанія поѣздки по галицкимъ селамъ и непосредственныхъ встрѣчъ съ крестьянами. Вѣрно изображено тяжелое положеніе русскаго народа въ Австріи и въ Венгріи и австрийская вѣротерпимость. Наконецъ книга издана въ пользу Галицко-Русскаго общества въ Петербургѣ, а оно несетъ посильную помощь русскому просвѣщенію и культурѣ въ Галиціи. Все это говоритъ въ пользу книги.

Къ книгѣ уложена карта Зарубежной Руси. Въ текстѣ авторъ жалуется, что наши учебники вмѣсто славянскихъ названій всюду даютъ вѣмекія. На картѣ у него на мѣстѣ русскаго Ужгорода стоитъ мадярскій Унгваръ, на мѣстѣ Мукачева — Мункачъ.

Андрей Овротининъ.

П. А. Риттихъ. По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. Спб. 1909 г.

Книга П. А. Риттиха дѣлится на двѣ части: въ первой описывается поѣздка автора по Болгаріи и Сербіи въ ноябрѣ 1908 года, а во второй помѣщены письма о Македоніи, относящіяся къ лѣту 1901 года. Авторъ пишетъ

тономъ бойкимъ, увѣреннымъ. Въ виду малой нашей освѣдомленности о Балканахъ бѣглыя впечатлѣнія его могутъ быть излишними. Наиболѣе интересными будутъ они для военныхъ. Самъ офицеръ, авторъ подробно останавливается на своихъ военныхъ наблюденіяхъ въ Бѣлградѣ и особенно въ Софіи, гдѣ ему удалось осмотрѣть военное училище, школу запасныхъ подпоручиковъ, занятія учебной команды и ознакомиться съ дислокаціей болгарской арміи и вообще устройствомъ болгарскаго военнаго дѣла. Общій выводъ автора о болгарскихъ войскахъ — вполне для нихъ выгодный. При этомъ авторъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что въ болгарской арміи до сихъ поръ живы русскія традиціи. Духъ болгарской арміи стоитъ высоко, а работа кипитъ не устывая. Въ этомъ отношеніи болгары обогнали, кажется, своихъ учителей. По крайней мѣрѣ всякій, кто заглядывалъ въ Софію, не можетъ не удивиться росту этого города и его успѣхамъ. Это отмѣчаетъ и авторъ книги. Несомнѣнно, что если кому-нибудь принадлежитъ будущее на Балканахъ, такъ это болгарамъ.

Съ сочувствіемъ говоритъ авторъ книги и о сербскихъ войскахъ, но здѣсь уже въ самомъ обученіи войскъ видно вліяніе Австріи, отъ которой въ сущности и до сихъ поръ зависитъ сербская жизнь. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна глава о вѣншей торговлѣ Сербіи. За время таможенной войны вывозъ изъ Сербіи въ Австрію упалъ съ 64 милліоновъ франковъ до 30, а ввозъ въ Сербію изъ Австріи съ 33 до 22 милліоновъ, но тѣмъ не менѣе Австрія и до сихъ поръ остается главнымъ сербскимъ рынкомъ, который ни обойти, ни бойкотировать почти нельзя, такъ какъ завоеваніе новыхъ рынковъ стоитъ слишкомъ дорого и не вполне надежно. Особенно отъ закрытія австрійской границы страдаетъ сельское населеніе, сербскіе свиноводы: за два года съ 14¹/₂ милліоновъ франковъ вывозъ упалъ до 1³/₅ милліона. Что касается Россіи, то она нисколько не воспользовалась натянутыми отношеніями между Австріей и Сербіей. Нашъ ввозъ въ Сербію повысился за это время только на ²/₅ милліона франковъ, а между тѣмъ русскія хлопчатобумажныя издѣлія могли бы съ успѣховъ конкурировать съ австрійскими. Если этого нѣтъ, то виновата въ этомъ прежде всего инертность нашего купечества. А впрочемъ, и вообще сношенія съ балканскими государствами не лишены затрудненій: такъ, до сихъ поръ еще не отмѣнено изданное года четыре тому назадъ при графѣ Витте запрещеніе посылать въ Болгарію по почтѣ денежные переводы.

Путешествуя по Сербіи въ ноябрѣ 1908 г., авторъ могъ наблюдать сербское повышенное настроеніе, и въ этомъ отношеніи очень характерны приводимыя имъ слова о войнѣ сербскихъ главарей: «Быть можетъ, наше дѣло и будетъ проиграно и наши интересы пострадаютъ, но даже, несмотря на самое худшее будущее, у насъ останется въ душѣ пріятный осадокъ огромнаго дѣла, которое совершилъ нашъ духовный подъемъ для идеи славянскаго объединенія. Сербы могучи духомъ». Предположенія автора относительно дальнѣйшаго развитія сербо-австрійскаго конфликта пока вполне оправдались. Изъ общихъ идей его одна — о возможности для балканскаго славянства прочнаго союза съ Турціей, — едва ли имѣетъ будущее. У балканскаго славянства есть

два врага. Одинъ—это пангерманизмъ, передовой застрѣльницей котораго является Австрія, другой — Турція, при существованіи которой не можетъ быть разрѣшенъ македонскій вопросъ. Путевыми впечатлѣніями по Македоніи заканчивается книга г. Риттиха. Македонскія наблюденія его не представляютъ ничего новаго. По интересу они совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ результатами, данными недавней поѣздкой въ Старую Сербію А. А. Башмакова. Но мы такъ мало знаемъ о тѣхъ краяхъ, что никогда не бываетъ бесполезно о нихъ напомнить.

Андрей Сиротининъ.

Программы финляндскихъ партій. С.-Петербургская государственная типографія. Стр. XXVII + 105. Спб. 1909.

Финляндія до завоеванія ея Россією составляла часть Швеціи и не пользовалась какою-либо автономією. Весь правящій классъ въ Финляндіи былъ шведскимъ: въ судѣ, администраціи, школахъ—господствовалъ общегосударственный шведскій языкъ. Присоединеніе Финляндіи къ Россіи, очевидно, должно было бы замѣнить все шведское русскимъ. На дѣлѣ же вышло совсемъ иначе. Шведскій господствующій классъ въ Финляндіи и масса коренного финскаго населенія этой страны—оба элемента совершенно чуждые новой господствующей власти—вступили въ ожесточенную борьбу между собою вскорѣ послѣ завоеванія. Уже въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія возникаетъ кружокъ финскихъ націоналистовъ съ доцентомъ абоскаго университета Иваромъ Арвидсономъ¹⁾ во главѣ, который добивается введенія народнаго финскаго языка въ школу, администрацію и также въ общество, въ качествахъ разговорнаго языка, образованнаго класса. Шведская бюрократія усмотрѣла опасность для себя отъ національнаго финскаго возрожденія и, располагая въ то время сильнымъ влияніемъ въ Петербургѣ успѣла убѣдить правящія сферы столицы въ политической опасности этого начавшагося финскаго національнаго движенія. Оно очень скоро подверглось обычнымъ преслѣдованіямъ, не достигшимъ, какъ обыкновенно бываетъ, цѣли. Движеніе это не исчезло, но ушло въ глубь и скоро нашло себѣ пріютъ въ образованныхъ кружкахъ молодежи, особенно въ такъ называемомъ «Субботнемъ обществѣ» въ Гельсингфорсѣ, изъ котораго въ 1831 году возникло извѣстное финское литературное общество; въ числѣ членовъ этого общества былъ писатель Рунебергъ, филологъ Кастренъ, фольклористъ Ленротъ и публицистъ Снелъманъ; они все были финноманы и горячо ратовали за введеніе финскаго языка въ школы, суды, администрацію и университетское преподаваніе. О политикѣ и объ государственныхъ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи не было и помину; добивались только возрожденія финской національности. Время для этого было неблагоприятное. Всякія національныя революціонныя движенія, происходившія въ Европѣ въ 1848 году, отразились и на Финляндіи. Послѣ-

¹⁾ Органами этого кружка были журналы «Mnemosine» и «Abo Morgenblad», издававшіеся на шведскомъ языкѣ. Позднѣе уже явился журналъ ихъ на финскомъ языкѣ «Tugun Viikon Sanomat»—«Абоскія Еженедѣльные Вѣдомости».

Доваль разгромъ финскаго національнаго движенія. Шведская бюрократія ликовала. Финскіе націоналисты усмотрѣли тщету своихъ попытокъ, опираясь въ дѣлѣ финскаго возрожденія только на одно общественное движеніе, достичь чего-либо. Они стали добиваться постепенно проникнуть къ власти, главнымъ образомъ въ сенатъ финскій—въ эту твердыню шведской бюрократіи—и тамъ бороться съ нею. Это имъ удалось. Въ созданномъ въ 1863 году въ первый разъ сеймѣ духовное и крестьянское сословія сосредоточивали въ себѣ громадное большинство финскихъ націоналистовъ, сословіе же рыцарства и дворянства, а также и гороцкое сословіе—были представлены исключительно шведами. Скоро былъ принятъ и утвержденъ проектъ школьнаго закона въ духѣ финномановъ, выработанный пасторомъ Сигнаусомъ и Снельманомъ. Каждый прошедшій школу дѣлался націоналистомъ и увеличивалъ собою ряды финской партіи, которая быстро возрастала, особенно когда во главѣ ея явился историкъ Ирѣ Коскиненъ. Противниками этой партіи на сеймѣ выступили либералы Шауманъ, Хейкель, фонъ-Эссенъ, Лагерборгъ, Монгомери и пр. Органомъ этой партіи была газета «Helsingfors Dagblad». Около 70-хъ годовъ явилась газета «Vikingen»; она ожесточенно отстаивала права шведскаго языка и шведской культуры и не желала видѣть Финляндію иною, какъ шведскою; она скоро сгруппировала около себя борцовъ за интересы шведскаго дѣла въ Финляндіи. Эти викинги слились съ либералами и образовали политическую партію свекомановъ или шведомановъ. По ихъ программѣ между прочимъ слѣдуетъ крѣпче и основательнѣе провести конституціонную систему въ управленіи краемъ, для чего необходимо точнѣйшее опредѣленіе и ограниченіе такъ называемой административной, законодательной власти и болѣе ясное установленіе уніальнаго положенія Финляндіи относительно Россіи. Для этого необходимъ пересмотръ Формы Правленія 1772 г. и акта соединенія и безопасности 1789 года. Эти воззрѣнія раздѣляютъ также и финноманы, они расходятся съ свекоманами не въ цѣляхъ а только въ средствахъ ихъ достиженія; они хотятъ достичь того же обособленія Финляндіи отъ имперіи, но путемъ уступокъ, компромиссовъ, не давая почвы для рѣзкихъ конфликтовъ между государственной властью и мѣстными. Эта тактика финномановъ, привела къ тому, что въ началѣ 90-хъ годовъ отъ нихъ отдѣлилась группа болѣе молодыхъ и радикально настроенныхъ лицъ, образовавшихъ такъ называемую партію младофинскую¹⁾. Она въ вопросѣ о языкѣ склоняется къ старофиннамъ, а въ вопросахъ политическихъ—къ шведоманамъ. Младофинны вмѣстѣ съ шведоманами составили при генералъ-губернаторѣ Бобриковѣ форму пассивнаго сопротивленія и объединились въ такъ называемый конституціонный блокъ. Подъ вліяніемъ событій, свершавшихся въ имперіи въ 1905 году, пассивное сопротивленіе перешло, какъ извѣстно, въ активное и проявилось въ Финляндіи въ дѣломъ рядѣ политическихъ убійствъ и покушеній на жизнь и забастовкахъ. Кромѣ того, въ послѣднее время значительно усилилась партія социаль-демократическая, образовавшаяся въ Финляндіи только въ 1899 году. На выборахъ въ первый сеймъ на осно-

¹⁾ Тогда прежніе финноманы стали называться уже старофинскою партіею.

ваніи новаго избирательнаго закона 1906 года эти социалисты получили наибольшее число мандатовъ въ палатѣ, именно 80 изъ 200; второе мѣсто заняли старофинноманы, получившіе около 60 мандатовъ, шведская и младофинская партіи вмѣстѣ имѣли не болѣе 50. Наиболѣе дисциплинированной и однородною партіею является старофинноманская, придерживающаяся строгого принципа: въ единеніи сила. Всѣ эти партіи выставляютъ свои очень обширныя программы. Предоставляя читателямъ непосредственно ознакомиться съ ними, замѣтимъ только, что программы всѣхъ партій сходятся въ одномъ: всѣ они считаютъ положеніе Финляндіи въ составѣ Россійской имперіи недостаточно выясненнымъ. Они добиваются выяснить оное въ формѣ особой финляндской государственности, противопоставимой Россійской государственности. Равнымъ образомъ политическаго обособленія добиваются всѣ требующіе расширить права народнаго представительства, въ особенности въ сферахъ бюджета и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить такъ называемое экономическое или административное законодательство, зависящее отъ усмотрѣнія единолично монарха. Въ вопросахъ социальныхъ всѣ программы значительно расходятся, но щеголяютъ другъ предъ другомъ радикальностью и широтою задуманныхъ реформъ и дѣлаемыхъ предложеній. Безправное положеніе русскихъ уроженцевъ на окраинѣ, добытой кровью предковъ, остается при этомъ неприкосновеннымъ, конечно, и ни въ чемъ не улучшается.

Къ брошюрѣ приложены въ полности программы всѣхъ вышеупомянутыхъ финляндскихъ партій, а также переводъ брошюры «Le parti finnois en Finlande et son programme actuel». Helsingfors. 1907. П. Майковъ.

Н. Кондаковъ. Македонія. Спб. 1909 г. Ц. 5 р.

Извѣстный археологъ и знатокъ византійскаго искусства академикъ Н. П. Кондаковъ сообщаетъ отчетъ о своей командировкѣ въ Македонію. Главнѣйшею задачею экспедиціи, въ которой, кромѣ автора, принимали участіе и другіе ученые, было собраніе матеріаловъ на мѣстѣ для будущаго историко-этнографическаго изслѣдованія важнѣйшихъ мѣстностей и пунктовъ въ Македоніи; было предположено стремиться къ установленію такихъ научныхъ историко-археологическихъ и филологическихъ основаній, которыми можно было бы воспользоваться въ будущемъ при постановкѣ крупнаго политическаго вопроса, образуемаго какъ современнымъ положеніемъ Македоніи въ Турецкой имперіи, такъ и отношеніями къ ней и ея племенному составу сосѣднихъ странъ и національностей Балканскаго полуострова.

Въ виду такой цѣли Н. П. Кондаковъ даетъ подробное описаніе храмовъ и церковныхъ древностей, сохранившихся въ Салоникахъ, Серрахъ, Скопії, Охридѣ и нѣкоторыхъ селеніяхъ. Но въ то же время онъ привлекаетъ къ своему изслѣдованію и этнографическій матеріалъ, помещаетъ въ своей книгѣ снимки съ сельскаго населенія Македоніи и подолгу останавливается на народной одеждѣ, стараясь объяснить ея происхожденіе во всѣхъ подробностяхъ.

Македонію, какъ извѣстно, оснаривають болгары и сербы и основываютъ свои претензіи на составъ населенія. По этому поводу авторъ говоритъ: и болгары и сербы ставятъ вопросъ о македонскихъ славянахъ, какъ бы если передъ ними была совершенно чистая безиримѣсная раса, безусловно опредѣляемая со стороны своей этнографической принадлежности точно такъ же, какъ и со стороны языка. Дѣло, однако, обстоитъ совсѣмъ иначе, какъ то ясно тоже съ перваго взгляда. Македонія, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не была въ исторіи страной цѣльнаго характера, напротивъ, она не только подвергалась нашествіямъ и завоеваніямъ, но еще болѣе того опустошеніямъ и по этой причинѣ частому наплыву новыхъ поселенцевъ. Въ настоящее время страны принадлежатъ уже не племенамъ, а выработаннымъ исторіей націямъ и національностямъ. Племенной типъ, поставленный исторіей во главѣ родственной ему среды, быстро ее себѣ ассимилируетъ, становится исторической націей и является затѣмъ въ современной дѣйствительности обладателемъ историческаго права на всю мѣстность, охваченную его распространеніемъ. Этотъ племенной характеръ разнообразится по своей роли, какъ величина политическая или культурная. Въ исторіи Балканскаго полуострова важнѣйшая политическая роль явно принадлежитъ Болгаріи, тогда какъ широкое культурное развитіе сербовъ и выработанное ими искусство, какъ важнѣйшая, послѣ русскаго, вѣтвь искусства византійскаго, составляетъ историческое наслѣдіе сербскаго племени. Этнографическое изслѣдованіе совершенно ясно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Болгарія простирается широкой полосой до Охриды включительно, но изслѣдованія археологическія неоспоримо открываютъ рядъ сербскихъ культурныхъ пунктовъ въ Скопійскомъ округѣ. Нечего говорить о томъ, что такъ называемая Старая Сербія безспорно принадлежитъ сербской націи.

По мнѣнію автора, простая поѣздка по странѣ совершенно ясно убѣждаетъ, что въ лицѣ македонскихъ славянъ мы имѣемъ опредѣленную національную группу, примыкающую къ народности, населяющей собственную Болгарію и что почти всю Македонію слѣдуетъ предоставить болгарамъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея сѣверо-западныхъ мѣстностей, прилежающихъ къ Старой Сербіи.

Автономія Македоніи представляется академику Кондакову невозможной. Всякому путешественнику по этой странѣ, говоритъ онъ, представляется въ концѣ его поѣздки одно вполне явнымъ: невозможность какой бы то ни было автономіи подъ турецкимъ управленіемъ и при существованіи албанскаго гнета и дикихъ насилій подъ мирнымъ земледѣльческимъ населеніемъ.

И археологъ и политикъ найдутъ въ книгѣ Н. П. Кондакова очень цѣнныя и полезныя свѣдѣнія.

П. В.

В. Ѡ. Новицкій. На пути къ усовершенствованію государственной обороны. 1909. Спб. Стр. 172. Ц. 1 р. 25 к.

Тяжкіе удары, нанесенные намъ въ войну съ Японіей, пробудили живое вниманіе къ арміи какъ въ обществѣ и печати, такъ и въ нашихъ представительныхъ учрежденіяхъ; можно положительно утверждать, что интересъ

къ военной силѣ, на которой зиждется спокойствіе государства и возможность его внутренняго развитія, будетъ все болѣе и болѣе возрастать. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, протекшихъ съ Портсмутскаго договора, въ военномъ вѣдомствѣ состоялось немало переизмѣнъ и улучшеній, на которыя законодательными учрежденіями охотно ассигнованы сотни милліоновъ, тѣмъ не менѣе это были лишь улучшенія частнаго характера, не связанныя между собою одною общою идеею — «починка», а не полная «перекройка» сложнаго военного организма. Доказательствомъ случайности и поспѣшности состоявшихся реформъ служить то, что нѣкоторыя изъ нихъ уже отмѣнены; очевидно, для выработки настоящей реформы арміи необходимъ цѣлесообразный планъ, въ которомъ главное было бы строго отдѣлено отъ второстепеннаго, намѣчена послѣдовательность выполненія реформъ, въ зависимости отъ ихъ значенія, установлена, такъ сказать, ихъ іерархія.

Къ выработкѣ такого плана и должна стремиться печать, не ограничиваясь, однако, только критикою, а указывая и положительные пути для созиданія новаго. Брошюра г. В. Новицкаго представляетъ именно попытку разобраться въ предстоящихъ реформахъ и указать ихъ относительную важность. Въ своихъ замѣткахъ авторъ, въ видахъ усовершенствованія государственной обороны, касается многихъ весьма важныхъ сторонъ военной жизни, а именно: устройства и организаціи службы генеральнаго штаба; устройства военнаго министерства; численности арміи; ея дислокаціи; офицерскаго состава и, наконецъ, нѣкоторыхъ недочетовъ нашей организаціи. Не со всеми положеніями автора можно согласиться, но нельзя ему отказать въ оригинальности, прямотѣ и рѣшительности заключенія.

Разсматривая подробно вопросъ о значеніи и службѣ генеральнаго штаба, авторъ указываетъ на полную неопредѣленность у насъ этихъ понятій и приводитъ теоретическое опредѣленіе генеральнаго штаба. Подъ терминомъ «генеральный штабъ», — говоритъ онъ, — слѣдуетъ подразумѣвать органъ военнаго управленія, предназначенный, съ одной стороны, для подготовки всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для принятія цѣлесообразныхъ стратегическихъ и тактическихъ рѣшеній лицами команднаго состава, а съ другой — для разработки и проведенія этихъ рѣшеній въ дѣйствительную жизнь. Отсюда двойственность функций генеральнаго штаба; «большой генеральный штабъ», разрабатывающій планы войны согласно рѣшеніямъ главныхъ руководителей военнаго дѣла въ государствѣ (монарха, главнокомандующаго, военнаго министра и пр. согласно военной организаціи государства), и штабы — исполнители данныхъ рѣшеній. Отъ этого теоретическаго опредѣленія весьма далекъ нашъ генеральный штабъ, въ которомъ не уяснена ни цѣль его существованія, ни прохожденіе службы офицеровъ, ни подготовка ихъ въ академіи. Все это должно быть выяснено и проведено въ жизнь въ строгой системѣ. «Неустойчивость нашихъ взглядовъ на спеціальность генеральнаго штаба, — говоритъ авторъ, — влечетъ за собою не только крайнее разнообразіе тѣхъ условій, въ которыхъ протекаетъ служба офицеровъ генеральнаго штаба, не только чрезвычайную нестроту въ должностяхъ, занимаемыхъ ими, и не только расточительное употребленіе ихъ на различныхъ принципахъ, чуждыхъ генеральному

штабу и военному дѣлу вообще, но она приводитъ насъ также къ весьма серьезному пробѣлу въ идейной сторонѣ военного дѣла, къ отсутствію въ нашей военной системѣ ясной и устойчивой военной доктрины». Эта задача должна быть рѣшена совокупной работой большого генеральнаго штаба и военной академіи.

Въ главѣ «Пережитки военного министерства» авторъ указываетъ на перегруженіе военного министерства такими отдѣлами, которые легко изъ него выдѣлить и тѣмъ облегчить главную его работу. Авторъ полагаетъ, что для пользы дѣла слѣдовало бы выдѣлить изъ состава военного министерства: главное управленіе казачьихъ войскъ, поскольку оно занимается гражданскимъ устройствомъ казачьихъ земель; военно-народное управленіе нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, почему-то находящееся въ вѣдѣніи главнаго штаба; военно-медицинское вѣдомство и, наконецъ, корпусъ топографовъ и военно-топографическое управленіе генеральнаго штаба. Замѣчанія эти, несомнѣнно, имѣютъ свое значеніе.

Переходя къ численности арміи, авторъ полагаетъ, что содержащаяся у насъ въ мирное время армія въ размѣрѣ 1,219.000 чел. чрезмѣрно велика, совершенно непосильна для нашего бюджета и совѣтуетъ сократить ее примѣрно на 300.000, оставляя подъ ружьемъ одинъ миллионъ. Сокращеніе, по мнѣнію автора, слѣдуетъ исполнить не сокращеніемъ числа рядовъ въ частяхъ или уменьшеніемъ числа батальоновъ въ полкахъ или ротъ въ батальонахъ, а полнымъ упраздненіемъ цѣлыхъ частей, къ числу которыхъ авторъ прежде всего относитъ резервные войска, отчасти крѣпостныя и въ малой степени полевые, причѣмъ офицеры, оставшіеся послѣ упраздненія частей, могли бы пополнить существующій значительный некомплектъ въ войскахъ (6000 чел.). Всѣ эти соображенія заслуживаютъ вниманія, я въ этомъ направленіи, сколько извѣстно, въ военномъ вѣдомствѣ уже приняты нѣкоторыя мѣры.

Не менѣе оригинальны замѣчанія автора относительно дислокаціи нашихъ войскъ, т. е. распредѣленія ихъ по отечественной территоріи съ цѣлью наибольшей готовности къ военнымъ дѣйствіямъ. До сихъ поръ главные наши силы были сосредоточены на границахъ, причѣмъ значительная ихъ часть въ непосредственной близости къ непріятелю; авторъ же, принимая въ соображеніе быстроту мобилизаціи нашихъ соседей, съ которою мы сравняться никакъ не можемъ, признаетъ такое расположеніе ошибочнымъ и предлагаетъ отодвинуть наши войска на нѣсколько переходовъ отъ границъ, съ тѣмъ, чтобы выиграть время для мобилизаціи и сосредоточенія. Надо замѣтить, впрочемъ, что предложеніе это имѣетъ свою слабую сторону: избавляя войска отъ нападенія врасплохъ, оно ведетъ къ уступкѣ безъ боя значительной территоріи государства. Всѣ эти соображенія, въ видахъ подготовки государства къ войнѣ, а не съ цѣлью пассивной обороны, должны быть подвергнуты зрѣлому обсужденію и детальной обработкѣ, тѣмъ болѣе, что прежнее направленіе практиковалось многіе десятки лѣтъ и привело не только къ упорной рутинѣ во взглядахъ, но и къ мѣрамъ матеріальнаго характера, къ постройкѣ ряда крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, существованіе которыхъ не вы-

держиваетъ критики при современныхъ обстоятельствахъ, къ возведенію казармъ на границахъ и т. п.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, заключающихся въ небольшой брошюрѣ г. Новицкаго, замѣтимъ, что главная его цѣль, согласно заглавію, состоитъ въ усовершенствованіи *государственной обороны*.

Прежде всего надо замѣтить, что самое названіе «государственной обороны» неудачно, ибо предполагаетъ дѣйствія пассивныя, противныя истинному духу войны; его слѣдовало бы замѣнить какимъ-либо другимъ, напр., «подготовкою государства къ войнѣ», и въ этомъ активномъ духѣ вести все дѣло безопасности государства. Для такой подготовки, совмѣстными усиліями военнаго вѣдомства и общественныхъ силъ, надлежитъ выработать цѣлесообразный планъ въ общемъ и деталяхъ, распространивъ его въ широкихъ кругахъ общества, вызвать къ нему общее сочувствіе и при дружной работѣ правительства и представительныхъ учреждений привести въ исполненіе. Словомъ, нуженъ подъемъ духа, въ родѣ того, который, подъ руководствомъ Штейна и Шарнгорста, обновилъ Пруссію послѣ несчастныхъ для нея наполеоновскихъ войнъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя ожидать быстрого обновленія арміи, ибо организму, формировавшемуся вѣка, не легко порвать связи съ прошлымъ, отрѣшиться отъ старыхъ формъ и старыхъ вѣрованій и существенно измѣнить свои функции: для всего этого, очевидно, нужно время. Но нужны и люди; а относительно людей мы нашли въ бумагахъ покойнаго Драгомирова справедливую замѣтку, что «переходная эпоха знаменуется тѣмъ, что люди попадають не на должныя мѣста»; къ этому, однако, надо прибавить, что въ концѣ концовъ надлежащіе люди находятся. Будемъ надѣяться...

Книжка г. В. Новицкаго съ удовольствіемъ и пользою прочтется не только людьми военными, но и всякимъ интересующимся дѣломъ государственной обороны.

Л. Н.

Россійскіе армія и флотъ. Устройство, бытъ и служба войскъ. Съ рисунками М. Езучевскаго, Н. Кравченко, А. Лео, Н. Петрова, Н. Пирогова, Н. Самокиша и А. Сафонова. Составилъ Дм. Дубенскій. Спб. 1908.

«Вооруженныя силы,—говоритъ составитель этого роскошно изданнаго альбома,—повсюду составляютъ гордость націи, и ознакомленіе съ ними признается могущественнымъ средствомъ воспитанія народа въ духѣ любви къ родинѣ. Въ надеждѣ, что и въ русскомъ народѣ живетъ готовность всѣми силами охранять драгоцѣннѣйшее его достояніе, его независимое положеніе среди другихъ націй, составитель книги считаетъ нужнымъ пробудить интересъ къ военному дѣлу и предназначаетъ свое изданіе для широкихъ круговъ населенія. Изданіе это заключаетъ въ себѣ историческій обзоръ русской арміи, описаніе служебной обстановки солдата, системы управленія войсками и проч. Очерки заключаютъ также данныя по новѣйшимъ отраслямъ военнаго дѣла: примѣненіе къ военнымъ цѣлямъ воздухоплаванія, голубиной почты, усовер-

шенствованій въ санитарныхъ и инженерныхъ работахъ и картинки санитарнаго дѣла и ухода за ранеными на войнѣ. Жизнь русскаго флота описывается тоже довольно подробно: боевой дѣятельности судовъ и ихъ артиллерійскому вооруженію посвящены большія главы; удѣляется мѣсто и подводному плаванію. Существеннымъ украшеніемъ настоящаго изданія служатъ хорошія иллюстраціи, посвященныя изображенію жизни войскъ и флота и разныхъ военныхъ событій.

Н. Д.

Л. Слонимскій. Наполеонъ и самодержавіе. Историческій этюдъ.
Спб. 1908. Стр. 125. Ц. 35 коп.

Прекрасно и дѣльно написанная брошюра г. Слонимскаго посвящена исторіи дипломатическихъ сношеній Франціи съ Россіей въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Отдавшій мечтѣ всей своей жизни — сокрушить могущество Англіи, Наполеонъ усиленно предлагалъ Россіи союзъ съ Франціей, обѣщая весьма реальныя для насъ выгоды. Но, къ полному своему недоумѣнію, онъ каждый разъ встрѣчалъ со стороны Россіи совершенное непониманіе своихъ интересовъ и странную, неирриличную заносчивость въ личныхъ сношеніяхъ. Императоръ Павелъ, а затѣмъ и Александръ Павловичъ почему-то чрезвычайно обидѣлись за сардинскаго короля и повелительно требовали отъ побѣдителя Наполеона полного отказа отъ его завоеваній и возвращенія ихъ сардинскому королю. Тотъ русскихъ дипломатическихъ нотъ былъ при этомъ таковъ, что Наполеонъ однажды не выдержалъ и писалъ Талейрану: «Трудно быть болѣе дерзкимъ и глупымъ, чѣмъ Кольчевъ» (русскій уполномоченный для веденія переговоровъ о заключеніи союза).

Убѣдившись, что русское правительство совершенно не понимаетъ реальныхъ выгодъ своей страны и что общественное мнѣніе Россіи пребываетъ въ первобытномъ состояніи, Наполеонъ избралъ другой путь привлечь Россію на свою сторону и сталъ ухаживать за императоромъ Александромъ, лѣсть ему, какъ женщинѣ. Расчетъ оказался вѣрнымъ, и недавній опасный врагъ въ Тильзитѣ превратился въ пѣжнѣйшаго друга. Такимъ образомъ, политика великой страны, требовавшая массы денегъ и жизней, вертѣлась во все стороны, какъ флюгеръ, въ зависимости отъ настроеній капризной натуры императора. Вещь, только и возможная въ тѣ «добрыя старыя времена», когда Европа представлялась рядомъ крупныхъ и мелкихъ номѣстгій коронованныхъ лицъ, а никакъ не государствъ въ современномъ смыслѣ слова.

А. В.

**Arnold Feuereisen, Livländische Geschichtslitteratur. 1) 1903,
2) 1904, 3) 1905. Рига. 1905, 1907, 1908.**

Издаваемые въ Ригѣ періодическіе библиографическіе указатели исторической (въ широкомъ смыслѣ) литературы о Прибалтійскомъ краѣ являются незамѣнимымъ пособіемъ для историка нашихъ прибалтійскихъ губерній. Какъ и прежде, матеріалъ раздѣленъ на 15 отдѣловъ: 1) библиографія, историческія общества, ар-

хивы, 2) первобытная исторія, археологія, древности, 3) изданія источниковъ и документовъ, рукописи, 4) исторія, 5) церковная исторія, 6) исторія культуры, 7) языковѣдніе, исторія литературы, 8) исторія университетовъ и учебныхъ заведеній, 9) исторія искусства, 10) исторія права, политическая экономія, 11) географія и топографія, 12) антропология, этнографія, фольклоръ, 13) біографіи, генеалогія, некрологи, 14) нумизматика, геральдика, сфрагистика, 15) рецензи и рефераты. Въ отличіе отъ указателя за 1902 г. (см. нашу замѣтку въ «Истор. Вѣстникъ» 1906, январь, стр. 321) латышскія и эстонскія сочиненія не выдѣлены въ приложенія, а размѣщены по соотвѣтствующимъ отдѣламъ. Названія статей и книгъ снабжены переводомъ на нѣмецкій языкъ. Въ 3-хъ книгахъ указано всего 2055 №№ книгъ и статей, причемъ есть ссылки и на рецензи, замѣтки и пр., а иногда и на число экземпляровъ изданій и стоимость послѣднихъ. Брошюры снабжены и алфавитными указателями всѣхъ упоминаемыхъ авторовъ, анонимовъ и русскихъ статей и книгъ.

А. Э. Мальмгренъ.

Н. А. Преображенскій. Проклятая быль. Спб. 1909. Стр. 113. Ц. 75 к.

Книга г. Преображенскаго имѣетъ полное право быть названа «Проклятой былью» на островѣ Сахалинѣ, гдѣ авторъ служилъ мировымъ судьей.

Спеціально «каторжнаго матеріала» въ его воспоминаніяхъ все-таки менѣе, чѣмъ въ описаніяхъ Сахалина г. г. Чехова, Дорошевича и Миролюбова (Ювачева). Его очерки имѣютъ ту особенность, что они по преимуществу богаты данными о руководящемъ классѣ людей, которые собрались на Сахалинъ исправлять преступныхъ людей.

Авторъ думаетъ, что съ арміей подневольныхъ работниковъ можно было бы создать изъ Сахалина культурный заводскій центръ, который обслуживалъ бы всю Приморскую область. Матерьяла для такой дѣятельности здѣсь не занимать: нефть, каменный уголь, лѣсъ всевозможныхъ породъ, рыба, пушнина, плодородная почва. Между тѣмъ онъ видѣлъ, какъ бы въ насмѣшку, на пристаняхъ Сахалина керосинъ отъ Нобеля, муку отъ благодѣтеля Приморья «Кунста и Альберса», мебель изъ Шанхая, кожи изъ Сибири и даже рыбу изъ Николаевска.

Авторъ объясняетъ такіе результаты составомъ сахалинской администраціи. Сюда съѣхались чиновники изъ-за прогоновъ для полученія денегъ на воспитаніе дѣтей, для увеличенія оклада пенсіи, въ виду «дефектовъ» въ прежней службѣ и чаще по общей непригодности къ чему-либо. Быль здѣсь и переводчикъ инородческихъ языковъ, не говорившій по-инородчески, былъ и завѣдывавшій сельскимъ хозяйствомъ, не имѣющій поприща для дѣятельности, былъ и священникъ-миссіонеръ, за всю свою службу никого не обратившій въ православіе, было много разныхъ другихъ штатныхъ должностей, приносявшихъ пользу только лицамъ, ихъ занимавшимъ.

Эти люди вошли и въ составъ главнаго тюремнаго управленія, поставившаго, вмѣсто мукъ, остроугольныя каменныя глыбы въ мѣшкахъ, мыло,

которое при прикосновеніи разсыпалось на крошки, вмѣсто бакалейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ водку и спиртъ...

Въ виду того, что на Сахалинѣ свободная продажа спиртныхъ напитковъ была строго воспрещена, водку и спиртъ изъ фондовыхъ магазиновъ можно было получить лишь по запискѣ чиновнику.

Благодаря такой постановкѣ дѣла, ревниво охраняемой сахалинской администраціей, создавался порядокъ, по которому чиновникъ покупалъ въ фондѣ спиртъ, примѣрно, по 1 р. 25 к. за бутылку, а въ населеніе его пускалъ уже по двойной цѣнѣ, оперируя имъ, какъ денежнымъ знакомъ. Плата прислугѣ за продукты, за работу производилась только спиртомъ. Но любимѣйшимъ промысломъ чиновника являлась скупка пушнины за спиртъ. Средняго качества соболья шкура цѣнилась рублей въ 10, но за спиртъ она шла такимъ образомъ за 5 рублей.

Накупивъ года за три нѣсколько сотъ собольихъ, лисьихъ и выдровыхъ шкурокъ, такой промышленникъ исхлопывалъ себѣ законный отпускъ на шесть мѣсяцевъ для отдохновенія отъ трудовъ праведныхъ и везъ свой товаръ въ Томскъ, Ирбитъ или Москву.

Такъ все и шло въ этой «проклятой были»...

Даже бѣжавшіе изъ тюрьмы и отпущенные на частные заработки до особой нужды не списывались съ тюремнаго котла. А когда столь сомнительной честности начальству приходилось имѣть ежедневныя сношенія съ преступниками, то оно уже совсѣмъ теряло законность. Въ дисциплинарномъ порядкѣ, говоритъ авторъ, смотритель или начальникъ тюрьмы могъ дать сахалинцу «въ каждый разъ» до пятнадцати плетей, а начальникъ округа— вдвое болѣе.

— Это значить, — пояснилъ одинъ изъ начальниковъ тюремъ, Казарскій:— что я могу такому «мерзавцу» сказать: встань, встряхнись, ложись; встань, встряхнись, ложись, и такъ до безконечности.

Такую же власть могъ упражнять сахалинскій чиновникъ и въ своей частной жизни и, если онъ самъ не желалъ «начкать» своихъ рукъ о прогнившаго его нарія, то всегда имѣлъ возможность черкнуть записку начальнику тюрьмы, который и распорядился съ такимъ слушникомъ по всѣмъ правиламъ искусства. Разумѣется, не лучше жилось и поселенцу, уже отбывшему срокъ каторги и получившему права крестьянства на Сахалинѣ. Не имѣя ни навыка, ни опыта, ни цѣннаго инвентаря, гдѣ же ему, — говорить г. Преображенскій, — заниматься воздѣлываніемъ земли, представляющей изъ себя цѣлину и находящейся въ десяткахъ верстъ разстоянія отъ болѣе или менѣе населенныхъ пунктовъ. Если же онъ и устранился, то при помощи тайнаго винокуренія и торговли женой и дочерьми...

Положеніе сахалинскихъ женщинъ еще болѣе грустно. По отбѣгн каторги онѣ отдавались въ распоряженіе смотрителей поселеній для образованія «отдѣльныхъ хозяйствъ». Авторъ ярко описываетъ образованіе такого хозяйства. Около длинной казармы навалены бревна. На бревнахъ въ небрежныхъ позахъ сидятъ «невѣсты» и луцать сѣмечки. Мимо нихъ прохаживаются «женихи» въ цвѣтныхъ рубахахъ, широкихъ кушакахъ, прискованаго типа шароварахъ и въ самогахъ съ наборомъ. У нѣкоторыхъ въ рукахъ дешевень-

кїа гармонїи. вмѣсто душевныхъ качествъ, о которыхъ на Сахалинѣ распространяется нечего, женихи докладываютъ о своихъ грустныхъ достаткахъ въ видѣ избы, самовара и возможной ссуды изъ коровы или коня. При счастливомъ исходѣ согласившаяся пара приходила къ смотрителю поселенїи и просила записать ихъ на совместное хозяйство, чѣмъ и оканчивался обрядъ вѣнчанїя.

Претендентовъ на полученїе сожительницы всегда было много, и соревнованїе между «женихами» переходило часто въ ссору и иногда оканчивалось преступленїемъ. Каждому «жениху» лестно залучить къ себѣ бабу, такъ какъ она прежде всего являлась доходной статьей въ хозяйствѣ. Чуждые другъ другу, не связанные никакими чувствами, помимо половой связи, въ такихъ парахъ люди совѣмъ не дорожили другъ другомъ, какъ людьми. Ей— все равно, гдѣ бы нѣ жить, только бы не работать, ему— какъ-нибудь просуществовать за спиной и на счетъ своей сожительницы. Недостатка жаждущихъ половой связи нѣтъ, а если расширить нѣсколько предпрїятїе и заняться сперва перепродажей водки, а тамъ и собственнымъ винокуренїемъ, то дѣла могли пойти совѣмъ недурно. Явится досугъ и матеріальная возможность разработать земли, завести скотину и «выйти въ люди».

Горькой укоризной звучатъ воспоминанїя бывшаго мирового судьи о «проклятой были» на островѣ Сахалинѣ...

«Мы взяли на себя, — говоритъ онъ, — великую задачу наказанїя и исправленїя преступника и, работая надъ душой человѣческой, истязали и развращали ее, развращаясь сами. Въ этой исправительной колонїи менѣе всего имѣли понятїя о средствахъ исправленїя и о цѣли собственнаго своего пребыванїя здѣсь. Ликвидировавъ Сахалинъ, канцелярскимъ способомъ сфабрикованы изъ преступниковъ полноправные граждане и для новыхъ преступниковъ опредѣлены новыя мѣста для наказанїя и исправленїя, но Сахалинъ живъ вездѣ, гдѣ отбывается русская каторга, и будетъ жить, пока не ужаснется общество того равнодушїя, съ какимъ относится оно къ судьбѣ своихъ несчастныхъ сочленовъ, отданныхъ на исправленїе невѣжеству, нищетѣ и самовластїю».

А. Фаресовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕСОПОТАМІЯ за тридцать вѣковъ до Рождества Христова.—Въ области археологии въ послѣднее время новинкой является только что вышедшая въ Парижѣ книга аббата Геннульяка¹⁾, написанная на основаніи дешифрованныхъ, сумерійскихъ, глиняныхъ табличекъ, найденныхъ въ Лагашѣ. Интересъ этого труда заключается въ подробныхъ свѣдѣніяхъ объ образѣ жизни, какъ сельскихъ жителей, такъ и горожанъ за тридцать вѣковъ до нашей эры. По содержанію означенныя таблички представляютъ записи и меморандумы, составлявшіеся въ конторахъ царей или провѣрившіеся ихъ чиновниками. Въ нихъ записывались различные расходы и уплаты за кушечные искусно сработанные деревянные предметы, земледѣльческія орудія и проч., а меморандумы заключали списки слугъ царской семьи и записи фуража, сбора урожая, доставленія и отпуска финиковъ, вина, пироговъ и рыбъ. Всѣ эти записи велись не по порядку, а какъ пошло. Таблички относятся ко времени царствованія Уруккина, только что свергнуша старую династію и который, предоставивъ своему предшественнику Лугаландѣ, посвятить себя чисто религіозной службѣ, силился укрѣпить свой авторитетъ всѣми испытанными современными средствами. Уруккина всячески выражалъ свою благодарность божествамъ, избравшимъ его господствовать надъ народомъ: листъ всевозможныхъ пожертвованій въ ихъ честь, а также различныхъ имуществъ, которыя онъ предоставилъ имъ въ вѣчное пользованіе, былъ очень длинный. Этотъ царь работалъ надъ вопросомъ освобожденія рабовъ, хотя въ сохранившихся въ честь его памятникахъ нѣтъ

¹⁾ Tablettes sumériennes archaïques. Matériaux pour servir à l'histoire de la société sumérienne, publiés avec Introduction, Transcription, Traduction et tables par H. de Genouillac. Paris. 1909.

никакихъ указаній, что дѣйствительно лагашцы были при немъ свободны, чѣмъ во время царствованія его предшественниковъ. Быть можетъ, это была простая формула стили того времени, совершенно не соотвѣтствовавшая дѣйствительности, хотя все-таки видно, что онъ пробовалъ облегчить ихъ финансовыя нужды и пресѣчь самыя кричащія злоупотребленія, на которыя они жаловались. Дѣйствительно, онъ сократилъ нѣкоторыя чрезмѣрные налоги и удовлетворилъ ихъ сѣтованіямъ на администрацію, и такимъ образомъ выигралъ или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что выигралъ, расположеніе своихъ подданныхъ.

Впрочемъ, надо сознаться, что ихъ жизнь матеріальная не была очень дурна. Правда, ихъ дома, на современный взглядъ, покажутся неудобными, нездоровыми съ ихъ маленькими, низкими комнатами, плохо снабженными чистымъ воздухомъ, но интересующій насъ вопросъ о гигиенѣ и комфортѣ ихъ не очень занималъ и потому, очевидно, они были довольны своими лачугами. Одѣвались они въ теплыя одежды изъ шерсти или льна, которыя хранились въ деревянныхъ сундукахъ; ихъ обстановка состояла изъ двухъ-трехъ незатѣливыхъ сидѣній, низкой кровати, цыновокъ, глиняной или каменной посуды, желѣзнаго, мѣднаго домашняго орудія, серебряныхъ или золотыхъ украшеній—въ общемъ все это довольно скудно, на нашъ современный взглядъ. Зато насчетъ ѣды они не стѣсняли себя: ѣли и пили вдоволь, а главное послѣднее; на ихъ столахъ мясо было не рѣдкостью: они употребляли говядину, телятину, баранину, ягнятъ, козъ, зайцевъ, дичь; только куръ въ то время еще не знали; зато въ большомъ количествѣ истребляли гусей, голубей, горлицъ и утокъ. Подавалась вся эта снѣдь или въ чашкахъ, или въ глубокихъ блюдахъ, жареною или вареною, съ соусомъ или безъ соуса, большими кусками, которые отправлялись въ ротъ съ такимъ рвеніемъ, что объ опрятности не могло быть рѣчи. Овощи разводились у сумерійцевъ однообразные и не очень тонкаго вкуса: бобы, чечевица, рѣдька, лукъ, огурцы и рѣпа. Обыкновенно рыба доставлялась изъ рѣкъ и каналовъ и была жирная и мягкая, но устье Евфрата было недалеко, и потому жители пользовались и морской рыбой.

Также незатѣливо приготовлялся хлѣбъ, хотя въ то время было столько же сортовъ, какъ и теперь: кислый, прѣсный, бѣлый, черный, сдобный, на жиру или маслѣ, на меду или молокѣ и т. д. Только хлѣбъ сумерійцевъ скрипѣлъ на зубахъ, благодаря попадавшимся въ мукъ камешкамъ и всякаго рода пыли, такъ какъ женщины растирали хлѣбныя зерна съ помощью камней. Въ большомъ ходу были особенно финики, свѣжіе, сухіе или вареные, и къ нимъ присоединялись, смотря по времени года, гранаты, фиги, грудная ягода (плодъ жожубоваго дерева) и виноградъ. Такую тяжелую пищу сумерійцы орошали виномъ изъ винограда и пальмъ, шивомъ и водкой изъ финиковъ, а также ликерами изъ винограднаго вина и пальмовой водки, смѣшанныхъ въ различныхъ пропорціяхъ. Конечно, ежедневный столъ не былъ столь обильный; многія блюда подавались по праздникамъ, и тогда сумерійцы вволю наѣдались.

Это былъ народъ самый обжорливый. Сумерійцевъ напоминаютъ теперешніе феллахи, которые обыкновенно довольствуются луковницей, пятаю или

шестью финиками, горстью муки и глотком грязноватой воды. Но оставьте его одного съ жаренымъ бараномъ или многочисленными блюдами, и онъ будетъ ѣсть безъ конца.

Сохранившаяся часть архивовъ обнимаетъ самое большое шесть-семь лѣтъ, и персоналъ, о которомъ говорится въ записяхъ, мало возобновляется. Рядомъ съ именемъ управителя Эниггала стоитъ имя начальника земледѣлія Уреки, главнаго эконома Уреннини, — имя царицы Шагшагъ и жрицы Барнамтарра и т. д. Многіе изъ нихъ появляются съ такой правильностью, что ихъ отыщешь глазами съ перваго взгляда и невольно придаешь имъ смутный человѣческій обликъ. Всѣ эти лица принадлежали къ самому разнообразному классу общества, начиная съ царя и кончая маленькимъ нажомъ Нингирци и Шезаму — козымъ пастушкомъ. Ихъ должности были строго опредѣлены и не представляетъ никакого труда угадать, кто они были, но рядомъ съ ними были и такія профессіи, какъ сонккалмахъ, который при каждомъ совершившемся разводѣ получалъ вознагражденіе серебромъ. Пока это названіе профессіи еще не выяснено, такъ же, какъ гурламъ, дунаганъ, галуконъ.

Въ ту эпоху не существовало денежныхъ знаковъ, и вѣсто нихъ денежной единицей служило хлѣбное зерно, поэтому жалованье этимъ различнымъ лицамъ выплачивалось натурой въ размѣрѣ самое меньшее двадцати «ка» въ мѣсяцъ, — вѣроятно, это количество, необходимое для прокормленія даннаго лица и его семьи въ теченіе означеннаго срока. Что это была за мѣра и чему она равнялась бы въ настоящее время — неизвѣстно, вслѣдствіе отсутствія какого-нибудь документа, объяснявшаго ея значеніе. Самое большое жалованье было сто двадцать «ка», оно и полагалось главнымъ чиновникамъ, какъ, напримѣръ, мажордому, начальнику надъ ткачами, главному казначею, главнымъ писцамъ, помощнику управляющаго по земледѣлію, директорамъ ослиныхъ заводовъ, инженерамъ каналовъ и плотинъ. Лица, находившіяся на болѣе высокой должности, вознаграждались въ размѣрѣ, колеблющемся между этими двумя предѣлами, т. е. ста двадцатью «ка» и двадцатью пятью. Старшіе служащіе заводовъ, гдѣ разводились ослы, а также птичники — получали восемьдесятъ «ка», рыболовы — шестьдесятъ и т. д. Сторожа домовъ и привратники храмовъ довольствовались тридцатью «ка». Тѣ же правила были и относительно домашней жизни: каждый членъ семьи получалъ свое жалованье изъ опредѣленнаго количества «ка» хлѣба. Рабы, служанки, случайные наемники, даже родители хозяина, его дѣти, братья и сестры, жены, законныя и незаконныя, — всѣ подходили подъ эти правила.

Изъ этого не надо дѣлать заключенія, что свободная женщина у сумерійцевъ состояла просто на жалованьи. Конечно, мужъ покупалъ ее у отца за опредѣленную ранѣе цѣну, но эта покупка закрѣплялась контрактомъ, который дѣлалъ эту сдѣлку похожей на современный бракъ. При Урукжинѣ, какъ извѣстно, процвѣтало многомужіе и женщина могла самымъ законнымъ образомъ обладать двумя мужьями. Съ прогрессомъ этотъ обычай сталъ преслѣдоваться закономъ, какъ прелюбодѣяніе. Однако, этотъ актъ, дѣлавшій изъ дѣвушки собственность одного человѣка и пресѣкавшій ея свободу, трудно представить насколько былъ ей выгоденъ. Во-первыхъ, онъ гарантировалъ ее

против каприва и измѣны ея сожителя; послѣдній уже не могъ отъ нея отдѣлаться безъ процедуры по всѣмъ правиламъ судопроизводства и по присутствію духовнаго начальства. Кромѣ того, это стоило большихъ затратъ и, если со стороны жены не было серьезнаго проступка, то, уходя отъ мужа, она брала съ собою часть приданаго или даже все. Пока она жила у мужа, то получала въ мѣсяцъ тридцать «ка» хлѣбнаго зерна; королевѣ назначалось немного болѣе — именнo сорокъ. Сверхъ того, на каждаго ребенка полагалось по 20 «ка». Такимъ образомъ, матеріальная жизнь женщины была обезпечена, а благодаря этому, конечно, и ея независимость.

Изъ этого видно, что женщинѣ, женѣ, у сумерійцевъ жилось настолько хорошо, что она могла имѣть свое личное существованіе. По природѣ ей суждено было нести отличныя отъ мужчины обязанности, но, исполнивъ ихъ, она становилась равна ему въ другихъ отношеніяхъ. Она могла продавать недвижимость отъ своего имени и приобретать на свое имя и для своего личнаго владѣнія. Ее допускали подписывать контракты въ качествѣ свидѣтеля. Если ей не всегда удавалось избѣжать участи имѣть соперницу въ домѣ, въ лицѣ конкубинки мужа, то она все-таки занимала первое мѣсто и не переставала господствовать одна, а ея дѣти имѣли преимущество предъ дѣтьми соперницы. Когда она становилась вдовой, то продолжала получать свою ежемѣсячную пенсію, и царскій указъ защищалъ ее противъ чрезмѣрныхъ требованій судей и духовенства. Если она умирала первая, то ея дочери или сыновья продолжали получать каждый пенсію въ размѣрѣ тридцати-сорока «ка», какъ она получала при жизни.

Зная, такимъ образомъ, какими привилегіями была окружена свободная женщина, не удивительно, конечно, что она играла значительную роль въ публичныхъ и административныхъ дѣлахъ. Ея вліяніе проявлялось открыто, не такъ, какъ впоследствии дѣйствовали женщины въ Турціи и Персіи, посредствомъ подпольныхъ гаремныхъ интригъ. Царица Шагшагъ и жрица Барнамтарра пользовались такимъ же авторитетомъ въ Лагашѣ, какъ царь Урукажина или жрецъ Лугаланда.

Что касается религіозныхъ вѣрованій сумерійцевъ, то они имѣютъ очень близкое сходство съ египетскими и второстепенныхъ цивилизацій, зависящихъ отъ нихъ, начиная съ именъ божества до обычаевъ приносить имъ въ жертву пищу. Нельзя болѣе походить, какъ походятъ боги нильскихъ городовъ Фтахъ, Сокхитъ, Озирисъ, Изида, Горусъ, на боговъ побережья Евфрата: Бау, Дуваггана, Энки, Нина, Нингирсу и Ниндаръ. Ихъ также питали жертвоприношеніями, и статуи, воздвигавшіяся въ честь нѣкоторыхъ египтянъ, были сродны сумерійскимъ. Цари и жрецы сумерійскіе сами себѣ воздвигали статуи и поручали друзьямъ ставить въ святилищахъ ихъ изображенія или ихъ предковъ, зажигали предъ ними лампады, а на сосѣднемъ жертвенникѣ клали всякаго рода снѣдь, которую они предлагали въ жертву божеству, оказавшему имъ гостепримство. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы изображающая ихъ статуя, въ которую посредствомъ извѣстнаго ритуала какъ бы заключили частичку души, безпреставно повторяя жесты и молитвы изображаемаго ею лица, продолжала одушевлять его цѣлые вѣка, пока какой-нибудь случай или коварство потомковъ совершенно ее не уничтожали.

Фараоны и ихъ подданные также вѣрили въ «двойниковъ» и ставили ихъ, свои статуи, въ храмахъ еще при жизни, а въ усыпальницахъ послѣ своей смерти. Въ различныхъ позахъ эти двойники раздавали божеству, которому они посвящались, хлѣбъ, мясо, гусей, вино, молоко, ликеры, которыми онъ тогда питался, чтобы онъ давалъ имъ десятину.

Эта была теорія замѣстительства во всей своей силѣ. На этомъ свѣтѣ подданные платили реальную подать своему властителю, а послѣдній, въ свою очередь, отдѣлялъ изъ нея самую малую часть, которую онъ возвращалъ имъ въ видѣ жалованья. На этомъ свѣтѣ, затѣмъ на томъ, его замѣняютъ «двойники». Пока сумерійцы дышатъ и ихъ тѣло существуетъ, «двойникъ» дѣйствуетъ, какъ бы онъ самъ, а затѣмъ, когда онъ бездыханенъ и его тѣло уничтожилось, то «двойники», по крайней мѣрѣ по теоріи, никогда не погибаютъ, продолжаютъ попрежнему дѣлать все, какъ бы онъ дѣлалъ при жизни, и такъ долго, пока не обратятся въ прахъ.

— Была ли французская революція социалистскою. — Итальянскій историкъ Агостино Гори только что напечаталъ обширный томъ своего труда: «Alba di socialisme», гдѣ между прочимъ онъ разсматриваетъ социализмъ съ самой зари его появленія, т. е. съ 1775 г., когда французъ Морелли напечаталъ свой «Code de la Nature». Къ подробному обзору этого труда мы еще вернемся; теперь же приведемъ взглядъ Гори на вопросъ: была ли французская революція социалистскою? образовалась ли она на почвѣ социализма?

Этимъ вопросомъ интересовались и раньше итальянскаго историка; отвѣты получались положительные и отрицательные. Нѣкоторые писатели и политическіе дѣятели отвергали малѣйшее соприкосновеніе революціи съ социализмомъ. Другіе, какъ, напримѣръ, Бенуа Малонъ, Эспина, Оларъ и отчасти Андре Лихтенбергъ признаютъ за нею сильно социалистическія тенденціи: во-первыхъ, въ насильственной націонализациі церковной и дворянской собственности; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ демагогическихъ мѣрахъ, какъ, напримѣръ, законъ максимума; въ-третьихъ, во многихъ деклараціяхъ Робеспьера, Сень-Жюста, Шалье, Жака Гу, Шометта, Рабо Сентъ-Этьена, Клотца, Барера и даже Кондорсе, писавшаго, что «фактическое равенство — послѣдняя цѣль социального искусства».

Террористъ Антонелли написалъ въ «Orateur plébicien»: «Право собственности самое жалкое созданіе нашихъ фантазій: я убѣжденъ, что лишь община единственно справедливое, единственно хорошее правленіе и одно подходитъ къ чистымъ чувствамъ природы». Тотъ же Антонелли, какъ и большинство революціонныхъ клубовъ, по словамъ Тэна, считалъ, что «для созданія республики надо установить приблизительное равенство собственности и для этого уничтожить треть народонаселенія».

По мнѣнію Эмиля Фагэ, «французская республика не была сознательно социалистскою, или сознательно она была такою безконечно мало. Ея принципы были социальными по своей силѣ, хотя она совсѣмъ этому не вѣрила; ея результатъ не былъ таковымъ. Генеральные социалисты опираются въ своихъ требованіяхъ и на свои принципы и на то, что съ ихъ точки зрѣнія есть отрицательнаго и неполнаго въ результатахъ ея задачи...».

Что касается самого автора, Агостина Гори, то онъ говоритъ, что, если французская революція подала примѣръ революціоннаго коммунизма, лишивъ собственности дворянство и духовенство, она все-таки была преимущественно индивидуальной и глубоко буржуазной. Если въ ней могли проявиться нѣкоторыя коммунистическія тенденціи, въ 1792—93 гг., то въ конституціи III г. она успѣшила установить свой режимъ на основахъ собственности». На это клерикалы возражаютъ ему, говоря, что революціонеры — коммунисты, прогнанные отъ власти, какъ и якобинцы реакціей Термидора, прибѣгли къ смутѣ 1793 г. (дни Жерминаля и Преріала), а потомъ и къ извѣстному заговору (*Conspiration des Egaux*), который былъ составленъ Гракхомъ Бабефомъ, Дартэ, Сильвеномъ, Маршалемъ, Буонаротти и, какъ увѣряютъ, семнадцатью тысячами ихъ сторонниковъ. Цѣлью этого заговора былъ полный коммунизмъ, а средствомъ — «терроръ равенства».

Большинство «бабувистовъ» было казнено въ долині Гренелль, но Буонаротти удалось бѣжать и въ продолженіе пятидесяти лѣтъ вести самую дѣятельную и плодотворную революціонную пропаганду. Тюре Дангенъ видѣлъ въ немъ настоящаго основателя и перваго главу партіи коммунистовъ-революціонеровъ, къ которымъ принадлежали всѣ великіе мятежники въ царствованіе Луи-Филиппа и которые теперь признали главою коммунизма гражданина Вальяна, депутата отъ Парвжа.

— Письма Тургенева къ Шмидту и Фридендеру. — Въ послѣдней февральской и первой мартовской книжкахъ «Revue Bleue» ¹⁾ напечатаны остальные письма Тургенева къ нѣмецкимъ друзьямъ, а именно къ Юліану Шмидту и Фридендеру. Первый изъ нихъ познакомился съ авторомъ «Записокъ охотника» черезъ Пича, сблизившаго его съ нѣмецкимъ литературно-художественнымъ міромъ: произведенія же Пвана Сергѣевича онъ читалъ только послѣ личнаго съ нимъ знакомства. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался «однимъ изъ искреннѣйшихъ почитателей и дѣятельныхъ распространителей его произведеній въ Германіи. Это былъ одинъ изъ наилучшихъ и глубокихъ критиковъ произведеній Тургенева, котораго онъ однажды назвалъ «величайшей поэтической силой нашего времени». Письма къ нему Пвана Сергѣевича не столь интимны, какъ къ «kleine Pitschik`у», но болѣе захватываютъ литературные и политическіе вопросы.

Въ первомъ письмѣ къ Шмидту изъ Ваденъ-Бадена, отъ 6 августа 1868 г., помѣщая перечень своихъ сочиненій съ помѣткой времени ихъ появленія, который у него просилъ нѣмецкій критикъ, и перечисляя списокъ своихъ драматическихъ произведеній, Тургеневъ скромно говоритъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли кое-какой успѣхъ, потому именно, что гениальнѣйшіи изъ всѣхъ актеровъ исполняли въ нихъ главные роли». По его словамъ, «Мѣсяцъ въ деревнѣ», никогда въ то время не дававшійся на сценѣ, «пожалуй, имѣетъ нѣкоторую цѣнность: его тему слѣдовало бы обработать для повѣсти». О своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ искренно говоритъ: «Я еще

¹⁾ Lettres à ses amis d'Allemagne: «Revue Bleue». Annotées par M. Halperine-Kalnia-Ky. 27 Février. 6 Mars. 1909.

писалъ критическія статьи и, увѣ, стихи, но которые такая жалкая посредственность, что могутъ сравниться только съ грязной, чуть тепловатой водой. Этотъ несчастный періодъ моей литературной дѣятельности длился три года, съ 1843—1846 гг., и когда моимъ друзьямъ захочется меня позлить, они цитируютъ которое-нибудь изъ моихъ произведеній этой эпохи».

Второе письмо, уже изъ Парижа, не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго. Въ немъ онъ упоминаетъ, что работаетъ надъ большимъ романомъ, къ сожалѣнію, очень длиннымъ, которымъ рѣшилъ окончательно покончить съ своей литературной карьерой. «Мнѣ,—говоритъ онъ,—исполнится 55 лѣтъ 9-го ноября этого года, а въ эти годы надо остановить умственную производительность». Какъ извѣстно, Тургеневъ почти исполнилъ свое обѣщаніе не писать и въ томъ году ничего не напечаталъ, а въ послѣдующіе два года появились его коротенькія повѣсти, и только въ 1876 г. онъ окончилъ свой романъ.

Славянская натура Тургенева рельефно выдается въ письмахъ къ западнымъ друзьямъ. Мягкосердечный, добрый, боящійся, какъ бы кого не обидѣть, скромный, скорѣе несмѣлый въ самоопредѣленіи и вслѣдствіе этого доходящій до умаленія своего таланта, въ то же время радующійся правильной оцѣнкѣ его другими, Иванъ Сергѣевичъ былъ настоящимъ представителемъ своей расы. Такъ, въ письмѣ къ Шмидту 18 октября онъ выражалъ ему свое удовольствіе по поводу его статьи «Иванъ Тургеневъ», помѣщенной въ «Preussische Jahrbucher», и извѣщая, что получилъ посланные экземпляры вышеупомянутой статьи, говоритъ, что прочиталъ ее вмѣстѣ съ г-жей Віардо. «Насколько я могъ судить,—пишетъ онъ:—(вамъ небезызвѣстно, что какъ ни хочется быть безпристрастнымъ къ собственной дѣятельности, собственной индивидуальности или фізіономіи — не сумѣешь быть совершенно объективенъ въ сужденіяхъ) никто еще не говорилъ обо мнѣ съ такой проникающей, съ такой справедливостью и не опредѣлялъ предѣловъ моихъ творческихъ способностей, а особенно не обнаружилъ такъ ясно моего внутренняго существа, какъ вы. Право, я горжусь, что послужилъ матеріаломъ для такого замѣятельнаго этюда. Я былъ счастливъ—и отъ всего сердца говорю вамъ: «спасибо». Г-жа Віардо совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе. Многое, что я и самъ подмѣтилъ въ себѣ, внезапно представало предо мною совершенно ясно, благодаря этому этюду. Такъ, для примѣра приведу отношенія, существующія между мною, авторомъ, и образомъ Элиссъ, какимъ я его представлялъ и которую изобразилъ какъ фантастическую личность». А въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 16 апрѣля изъ Карлсруэ, чуткій художникъ, сообщая, что оперетка г-жи Віардо прошла съ большимъ успѣхомъ, пишетъ о составленномъ имъ либретто: «Музыка, правда, прелестна, но, откровенно говоря, я опасался, что либретто произведетъ впечатлѣніе большой наивности».

Какъ славянинъ, Тургеневъ обладалъ увлекающейся натурой, въ которой впечатлѣнія обыкновенно такъ быстро смѣняются одно другимъ, что вслѣдствіе этого такіе люди кажутся неустойчивыми въ своихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ. Иванъ Сергѣевичъ по этой причинѣ попалъ, какъ мы уже упоминали въ письмахъ къ Пичу, въ непріятное положеніе относительно нѣмецкой публики

вообще и нѣмецкихъ друзей въ частности. Когда Тургеневъ не находился подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, то атавическое чувство антипатіи къ нѣмцамъ вылилось у него естественнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ его типахъ съ нѣмецкими фамиліями, и, между прочимъ, въ Ратчѣ изъ «Несчастной». Очутившись въ Германіи лицомъ къ лицу съ нѣмецкой публикой, Тургеневу приходилось расплачиваться за проявленіе этого чувства. Въ письмѣ отъ 15 декабря 1869 г. онъ пишетъ Шмидту такъ же, какъ писалъ и Пичу, по поводу «нѣмецкой щепетильности», обнаруживъ при этомъ всю свою славянскую мягкость, добросердечіе и подъ вліяніемъ минуты готовый идти на всевозможные компромиссы. «Что касается Ратча въ «Несчастной»,— пишетъ Тургеневъ:—онъ уже по своему имени—чехъ: впрочемъ, онъ самъ это говоритъ, а когда русскій обзываетъ «нѣмецкой собакой» или «проклятой нѣмчурой», то это не имѣетъ никакого значенія: большинство простонародья называетъ такъ всѣхъ иностранцевъ, къ какой бы націи они ни принадлежали. Впрочемъ, въ слѣдующемъ изданіи я еще яснѣе выдѣлю чешскую, а не нѣмецкую національность Ратча, такъ какъ вамъ это желательно».

Еще болѣе заволновался Тургеневъ, когда въ нѣмецкихъ кругахъ распространились слухи, что въ 1871 г. Тургеневъ будто бы помѣстилъ въ одной французской газетѣ письмо, въ которомъ онъ оскорбительно отзывался о Германіи. Уже въ письмѣ къ Пичу онъ писалъ о томъ, что уполномочиваетъ Шмидта напечатать составленную послѣднимъ, по его усмотрѣнію, декларацію и прибавляетъ: «Во всемъ этомъ дѣлѣ для меня самое тяжелое—возможный упрекъ въ двоемысліи. Мнѣ еще не удалось достать «Gaulois» за тотъ годъ (такъ какъ это должно быть, по всей вѣроятности, «Gaulois», а не «Figaro», къ которому давно извѣстна моя антипатія, тогда какъ письмо должно все-таки считаться какъ бы чѣмъ-то въ родѣ любезности относительно меня). Но я никогда не найду полнаго годового изданія журнала. Въ тотъ день, когда я раскрою всю исторію, то буду знать, какъ мнѣ поступить. Свинство, о которомъ говорилось выше, конечно, произвело свое дѣйствіе; около мѣсяца тому назадъ я послалъ Паулю Гейзе экземпляръ моей послѣдней книги съ очень дружескимъ письмомъ и еще не получилъ на него отвѣта. Однако не могу же я думать, что оскорбилъ его, какъ нѣмца, въ «Вешнихъ водахъ».

Получивъ разрѣшеніе Тургенева, Шмидтъ составилъ объясненіе, которое было напечатано въ «National Zeitung» и въ немъ онъ привелъ выдержку, взятую изъ предисловія къ нѣмецкому изданію полнаго собранія сочиненій Тургенева, гдѣ говорится между прочимъ: «Я обязавъ Германіи слишкомъ многимъ и люблю и чтю ее, какъ свою вторую родину; выступить же передъ тѣмъ, кого любишь и чтить съ своимъ подлиннымъ «я»,—желаніе исполнѣе естественное». «Такимъ образомъ, прибавлялъ отъ себя Шмидтъ, вышеупомянутый слухъ бросаетъ на писателя тѣнь двуязычія. Святъ этотъ упрекъ съ писателя, который намъ, нѣмцамъ, сталъ милъ и дорогъ больше всѣхъ другихъ иностранцевъ, было бы достойнымъ дѣломъ, и вдвойнѣ обязанъ къ этому, кажется мнѣ, тотъ, кто имѣетъ честь причислять себя къ его друзьямъ. Я уполномоченъ Иваномъ Тургеновымъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе: ни въ 1871 г., ни въ какомъ другомъ году своей жизни онъ не писалъ подобнаго

письма, которое самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчило его настроенію. Если дѣйствительное что-либо подобное напечатано безъ всякаго съ его стороны вѣдома, то это поддѣлка, и Тургеневъ оставляетъ за собой право дальнѣйшихъ дѣйствій на случай открытія мѣста напечатанія письма». Затѣмъ онъ послалъ вырѣзку изъ «National Zeitung», на что Тургеневъ отвѣчалъ въ письмѣ 22 января 1873 г., что «не успокоится, пока не найдетъ corpus delicti, если таковой дѣйствительно существуетъ». «Vous me faites venir l'eau à la bouche, какъ говорятъ французы, тѣмъ, что хотѣли мнѣ сказать о нѣмецкомъ духѣ, и все-таки не сказали,—прибавляетъ онъ.—Устно или письменно это должно произойти. Что я былъ раздраженъ противъ Германіи, когда писалъ «Вешнія воды», этого нельзя отрицать; но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ «раздраженіемъ», какое я часто испытывалъ противъ Россіи (и противъ Франціи: помните строки въ «Призракахъ», тамъ была ненависть). Противъ Швеціи, Даніи или Италіи я никогда не испытывалъ ни малѣйшаго раздраженія. Что я глубоко люблю Германію, ни одинъ человѣкъ не можетъ этого отрицать».

Въ одномъ изъ этихъ писемъ Тургеневъ проситъ Шмидта хлопотать о Писемскомъ, которому заранѣе онъ предсказалъ, какимъ успѣхомъ будетъ пользоваться его «Тысяча душъ» въ нѣмецкомъ переводѣ. Онъ предлагалъ Шмидту перевести «Взбаламученное море» — «яркую картину русскихъ нравовъ шестидесятыхъ годовъ со множествомъ стрѣлъ, направленныхъ противъ такъ называемыхъ демагоговъ и т. д.» «Въ немъ написано множество утѣшительныхъ сценъ,—прибавляетъ онъ.—Юморъ въ немъ еще безпощаднѣе, чѣмъ въ «Тысячѣ душъ», хотя общее настроеніе слабѣе. Если «Тысяча душъ» понравилась нѣмецкой публикѣ, то «Море», безъ сомнѣнія, понравится еще болѣе».

Пересылая Шмидту копію съ замѣтокъ одного французскаго народнаго представителя, въ то время уже умершаго, для напечатанія въ нѣмецкихъ газетахъ, Тургеневъ выражаетъ свое негодованіе на Наполеона. «Я полагаю,—пишетъ онъ 31 іюля 1870 года:—что настоящій моментъ, когда лживость чудовища, сидящаго на французскомъ тронѣ, и всего его правленія проявляется со всѣхъ сторонъ, вполне подходитъ для опубликованія этой замѣтки. «Бей змѣю по головѣ», говоритъ русская пословица. Если вы того же мнѣнія и не боитесь немного потрудиться надъ переводомъ, то сдѣлайте это». Однако этотъ документъ не появился въ печати и не былъ возвращенъ Тургеневу, несмотря на предварительную просьбу вернуть его въ томъ или другомъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не называть его имени въ редакціи.

По этому поводу онъ написалъ Шмидту, безинокаясь объ участи копіи, которую онъ долженъ вернуть семьѣ покойнаго. «Даже вы, нѣмецъ, не можете болѣе меня обрадоваться новому обороту дѣла. Такъ, значитъ, правда, что этому лицемѣрію, этой безнравственности — конецъ. Надо только твердо помнить русскую пословицу: «Бей змѣю по головѣ». Пока исполнѣе ее не умертвили, приходится считать вмѣстѣ съ Цезаремъ, что «ничего не сдѣлано, когда остается еще кое-что сдѣлать». Надѣюсь, что дѣло, такъ основательно начатое, будетъ такъ же основательно и закончено».

Изъ писемъ видно, насколько Тургеневъ дорожилъ критическими сужденіями своихъ произведеній со стороны Шмидта, и, какъ истинный талантъ, не

обижался его откровенностью. На вопрос: какъ ему понравился «Стеной король Лиръ»?—нѣмецъ отвѣтилъ ему напрямикъ: «Собственно говоря, на мой вкусъ, это очень крѣпкій табакъ!» На это Тургеневъ пишетъ ему: «То же самое говорить и г-жа Вiардо». Въ другомъ письмѣ, 4 октября 1871 года, говоря о посланномъ Пичу для передачи Шмидту маленькомъ разсказѣ, Иванъ Сергѣевичъ замѣчаетъ: «Правда, она (посылка) очень незначительна, но все же о разсказѣ вы сказали бы нѣсколько словъ, хотя бы для того, чтобы побранить меня». А въ посланномъ затѣмъ письмѣ изъ Москвы 15 іюня 1872 года онъ напоминаетъ, что Шмидтъ хотѣлъ написать ему объ окончательномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него «Вешними водами», и при этомъ скромно прибавляетъ: «быть можетъ, вы забыли или у васъ нѣтъ ничего хорошаго мнѣ сказать». О современной ему русской публикѣ Тургеневъ высказываетъ Шмидту не очень лестное мнѣніе: прося совѣта относительно перевода книги Кавелина «Задачи физиологiи», онъ говоритъ: «Вы, быть можетъ, съ удивленіемъ спросите, какъ могъ дойти русскій человекъ до того, чтобы написать философскую книгу». А затѣмъ прибавляетъ: «Такъ какъ русская публика удѣлитъ мало вниманія русскому Канту, если бы таковой у насъ оказался».

Изъ писемъ къ нѣмецкимъ друзьямъ видно, что французскіе переводы сочиненій Тургенева его болѣе удовлетворяли, чѣмъ нѣмецкіе, и онъ предлагалъ брать первые для провѣрки послѣднихъ. Такъ, въ письмѣ 6 мая 1873 года онъ жалуется, что переводчица Клеръ фонъ-Глюмеръ, которую одобрилъ нѣмецкій критикъ Пауль Гейзе, искажила его сочиненія: «Все та же исторія съ переводами,—пишетъ онъ 6 мая 1873 года:—въ переводахъ Клеръ фонъ-Глюмеръ тоже попадаются очень тягостныя для автора искаженія, какъ, наирѣмѣрь, въ «Первой любви» и въ «Образцовыхъ иностранныхъ новеллахъ», книга VI, страница 205, строчка 7, начиная снизу. Такъ, вмѣсто «старой» княгини написали «молодая», что совершенно переворачиваетъ всю исторію вверхъ дномъ. Это кажется пустякомъ, а между тѣмъ бѣднаго автора онъ раздражаетъ и огорчаетъ». Интересное мнѣніе высказываетъ Тургеневъ о нѣмецкихъ романистахъ: «Я не читалъ романа Пауля Гейзе,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ:—но я вамъ вѣрю на слово. Рядомъ съ громадными качествами, у нѣмцевъ нѣтъ таланта разсказывать. Романскіе народы унаслѣдовали этотъ даръ отъ древнихъ писателей (Боккаччіо, провансальцы и др.); мы же, славяне, немного позаимствовали его отъ Востока (Тысяча и одна ночь), тогда какъ нѣмцы счастливы тѣмъ, что они сразу выдвигаютъ впередъ сюжетъ или по крайней мѣрѣ его обнаруживаютъ».

Какъ и Пичу, Тургеневъ жалуется Шмидту на охватившую его лѣнь и ничегонелѣваніе: «Все это время я ничего не дѣлалъ. Многое носится въ моей головѣ, но прежде надо подышать немного русскимъ воздухомъ. Я окончу мою длинную (очень длинную) повѣсть и надѣюсь, что нѣкоторые изъ выведенныхъ въ ней характеровъ по своей широтѣ будутъ по плечу Базарову. А мнѣ бы очень хотѣлось васъ повеселить еще разъ до моей кончины, такъ какъ скоро перестану писать: слишкомъ это чувствуется, несмотря на ваши подбодряющія меня слова». Въ слѣдующемъ письмѣ 29 августа 1873 года изъ Карлсбада онъ пишетъ, что ведетъ тамъ жизнь растительно-животную, дышитъ

свѣжимъ воздухомъ въ безусловномъ одиночествѣ со своими старыми друзьями Виардо. «Я всецѣло погруженъ въ ничегонедѣланіе или, точнѣе, въ безусловную бездѣятельность,—прибавляетъ онъ.—Я читаю немного Виргилія, Овидія (не знаю, почему это я погрузился вдругъ въ латынь). Затѣмъ «Лаокоона», Лессинга, жизнь Грота, рассказанную его женою нѣсколько смѣшнымъ образомъ, но выразительно, и другіе пустяки. Вскорѣ начнется охота, и если подагра, которая пока притаилась, какъ мышь, мнѣ это позволитъ, то я пойду на куропатокъ, чтобы отправить ихъ нѣсколько на тотъ свѣтъ».

Хотя Тургеневъ и старался проявлять симпатію къ нѣмцамъ, но атавическое чувство симпатіи все-таки было на сторонѣ французовъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки, въ сущности родственные русскимъ. Это чувство симпатіи проявляется въ письмахъ къ Шмидту, гдѣ онъ хлопочетъ, чтобы послѣдній написалъ статьи то о Флоберѣ, то о Зола, то о Додэ и др. Всѣ его мнѣнія о нихъ самыя симпатичныя, хотя съ критическими замѣчаніями Шмидта относительно Флобера онъ соглашается, но въ мягкой, деликатной формѣ, что видно изъ письма, помѣщеннаго въ «Revue Bleue». Напротивъ, въ томъ же письмѣ, помѣщенномъ въ «Вѣстникъ Европы», его отзывъ довольно рѣзкій. Это смягченіе выраженія со стороны Гальперина Каминскаго было, вѣроятно, деликатностью по отношенію къ памяти Тургенева, чтобы не возбудить антипатіи во французскомъ обществѣ къ Ивану Сергѣевичу, встрѣтившему во Франціи дружескій приемъ и такъ быстро мѣнявшему свое мнѣніе объ одномъ изъ ея сыновъ. Вотъ что Тургеневъ пишетъ изъ Парижа 26 апрѣля 1874 года: «Посылаю вамъ книгу моего друга Флобера «Tentation de Saint Antoine», горячо ее рекомендую. Надѣюсь, что это значительное сочиненіе вамъ понравится и вы напишете о немъ статью. Нечего говорить, какъ важно для автора мнѣніе такого авторитетнаго человѣка, какъ вы. Сдѣлайте это, дорогой докторъ, и я воздвигну вамъ въ моемъ сердцѣ пирамиду съ благодарственнымъ жертвенникомъ въ центрѣ. Долженъ вамъ сказать, что книга Флобера мнѣ чрезвычайно нравится—«abstraction faite de l'amitié», какъ говорятъ французы». Далѣе, когда Шмидтъ исполнилъ его желаніе и написалъ статью о «Tentation», Тургеневъ пишетъ 26 ноября 1874 года: «Что касается «Tentation», то вы, къ сожалѣнію, совершенно правы, и я принужденъ сказать, что эта замѣчательная книга во многихъ мѣстахъ дѣйствительно кишитъ наблюденіями и замѣчаніями, которыя мало сообразованы съ человѣческой природой». Въ томъ же письмѣ 26 ноября 1874 г., помѣщенномъ въ «Вѣстникъ Европы», Тургеневъ рѣзко говоритъ, что «эта замѣчательная книга, въ сущности, дѣйствительно неудобно читаемое, варварское произведеніе». Въ томъ же письмѣ онъ выражаетъ свое удовольствіе, что Зола понравился Шмидту. «Завтра я вамъ пошлю романъ другого автора, той же школы — только немного мягче и деликатнѣе. Этотъ авторъ зовется Альфонсъ Додэ, и его книга озаглавлена «Fromant jeune et Risler aîné». Думаю, что вамъ она понравится». Посылая Шмидту портреты французскихъ литераторовъ, Тургеневъ пишетъ, что не послалъ портретовъ ни Флобера, ни Додэ, потому что это не легко сдѣлать: портретъ Флобера лѣтъ на 15 старше, а портрета Зола вовсе не существуетъ. «Послѣдній—человѣкъ, котораго французы называютъ

«sanglier». Онъ засѣлъ дома съ своей женой, не носить перчатокъ, совсѣмъ не имѣть фрака и не хочетъ признавать мелкаго кокетства обыденной жизни— слѣдовательно не изъ тѣхъ, которые даютъ себя сфотографировать. Но я не теряю смѣлости. Я употреблю на это весь мой ораторскій талантъ. Я получилъ «Wiener Zeitung» 4 номера и завтра покажу ихъ Зола. Порой тамъ ему попадаетъ, но въ общемъ къ нему относятся, какъ къ крупной единицѣ,—а это главное. Извѣстно ли вамъ «Education sentimentale» (какое глушое заглавие) Флобера? Не думаю. Быть можетъ, это самое значительное изъ его сочиненій, несмотря на то, что не доставляетъ большого удовольствія. Во Франціи оно не имѣло успѣха—французы нашли, что оно слишкомъ жестоко. Вышло оно незадолго до войны и оказалось пророческимъ. Хотите, я вамъ приплю книгу».

О вѣмцахъ Тургеневъ отзывается не всегда съ похвалою. Такъ, говоря о «Waldinsel» Шторма, онъ пишетъ: «Шичъ восхищался «Waldinsel», но вѣдь тамъ нѣтъ ни одного захватывающаго характера. Есть психологическій анализъ, поэзія, но этотъ анализъ совсѣмъ не открываетъ перспективы, а поэзія безцвѣтна. Разсказъ Ауэрбаха, по моему мнѣнію, ничтожнѣйшее изъ его произведеній».

Лѣнь Ивана Сергѣевича порою какъ-то внезапно смѣнялась дѣятельностью и послѣ жалобъ на свое ничегонедѣланіе онъ пишетъ 26 ноября 1874 года: «У меня въ виду большая работа. Планъ ея показался мнѣ хорошъ, и мнѣ кажется, что у меня еще найдется кое-что сказать и показать, но не всегда мнѣ удастся изложить это на бумагѣ. Наконецъ я окончилъ «Записки охотника». Это былъ тяжелый трудъ. Вы получите полную серію отъ моего издателя, но, за исключеніемъ одного незначительнаго очерка, вамъ все извѣстно». Чрезвычайно интересно письмо Тургенева, не попавшее въ серію писемъ «Revue Bleue» и появившееся въ «Вѣстникѣ Европы», откуда мы его и заимствуемъ. Оно касается «Нови». Признавая, что критическій очеркъ Шмидта справедливъ, Тургеневъ говоритъ, что, работая надъ этой книгой, онъ былъ несвободенъ: романъ долженъ былъ появиться въ Россіи и потому ему приходилось считаться съ разными обстоятельствами и это связывало его (чего раньше никогда не было). «Даже въ теперешнемъ своемъ видѣ,—говоритъ онъ,—книга едва не подверглась сожженію (большинство цензурнаго комитета высказалось за это), и только предсѣдатель его, министръ внутреннихъ дѣлъ, спасъ книгу. Спасибо дипломатіи издателя, который, несмотря на мое нежеланіе, изъ осторожности раздѣлилъ романъ на двѣ части: настоящій ядъ собственно заключается во второй, а такъ все и проскользнуло. Не хотѣли поднимать скандала. Министръ заявилъ, что, прочитай онъ сразу всю книгу, то, безъ сомнѣнія, запретилъ бы ее, а теперь и т. д. Но сейчасъ книга представляется точно чѣмъ-то изъ «histoire ancienne», до того мелкимъ и незначительнымъ кажется все именно теперь, когда мы стоимъ на порогѣ огромныхъ событий».

Первое письмо къ Фридендеру написано Тургеневымъ изъ Парижа 29 марта 1869 г., до его личнаго знакомства съ нимъ и представляетъ мало интереснаго. Въ слѣдующемъ письмѣ, 22 іюля 1869 г., Тургеневъ высказываетъ

свое мнѣніе о «Несчастной» слѣдующимъ образомъ: «По правдѣ сказать, я не очень ею доволенъ, я нахожу, что въ ней слишкомъ много патологии. Я допустилъ себя увлечься старыми воспоминаніями юности. Я отклонилъ всѣ предложенія перевести ее на французскій языкъ—нѣмецкому переводчику, какъ вамъ, быть можетъ, извѣстно, не надо спрашивать у автора разрѣшенія на переводъ. «Несчастливая» напечатана, и въ виду благосклонности, которую вы всегда оказываете моимъ сочиненіямъ, я считаю необходимымъ предложить вамъ это произвѣшеніе; къ тому же въ немъ есть описанія нравовъ, которыя быть, можетъ васъ, заинтересуютъ.

Въ post-scriptum Тургеневъ благодаритъ за присланное прибавленіе къ «Allgemeine Zeitung» и за хорошее о немъ мнѣніе. «Несчастливая» поправилась Фридендеру, и онъ написалъ объ этомъ Тургеневу, который отвѣтилъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что «Несчастливая», несмотря на всю свою патологию, ему понравилась». Фридендеръ видѣлся съ нимъ въ Баденѣ и, кромѣ того, они обмѣнялись фотографическими карточками.

Въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена 11 ноября 1869 г. Тургеневъ пишетъ: «Посылаю вамъ означенную «Странную исторію» и въ то же время нѣсколько замѣчаній, которыя мнѣ пришли въ голову, пока я переписывалъ оригиналъ, для отправки его въ Петербургъ. По моему мнѣнію, эти штрихи придадутъ болѣе опредѣленности описанію. Я съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ вашу статью. Вы близки мнѣ по чувству; естественно, я реалистъ и дитя моего времени, но въ художественномъ творчествѣ люблю и уважаю прежде всего классиковъ и классическую манеру. Творчество древнихъ я ставлю выше всего другого. Очень счастливъ, что романсы г-жи Виадро вамъ понравились. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не часто встрѣчаются романсы съ такимъ музыкальнымъ характеромъ». Касаясь франко-прусской войны, Иванъ Сергѣевичъ пишетъ, между прочимъ, 29 августа 1870 г. «Эта война, право,—борьба цивилизаціи съ варварствомъ; но не въ томъ смыслѣ слова, какое придаютъ ему французы. Царство Бонапартовъ надо совершенно пресѣчь, во что бы то ни стало, если общественная нравственность, свобода и равновѣсіе всей Европы должны еще имѣть будущность. Уже нѣсколько дней мы слышимъ непрестанный глухой и отдаленный шумъ пушечныхъ выстрѣловъ: бомбардируютъ Страсбургъ. Это очень тяжело, грустно,—но это необходимо. Трактатъ касательно смертной казни, о которомъ вы мнѣ говорили, очень меня интересуетъ, и я былъ бы вамъ благодаренъ, если бы вы мнѣ его сообщили. Переводъ «Послѣдней ночи Троимана» къ несчастію, сдѣланъ поверхностно и заключаетъ нѣсколько значительныхъ ошибокъ».

Въ письмѣ 16 января 1871 г. Тургеневъ между прочимъ говоритъ: «Названіе моей повѣсти «Наканувъ» скорѣе соответствовало эпохѣ ея появленія (1860 г., за годъ до освобожденія крестьянъ), чѣмъ содержанію. Тогда зародились въ Россіи другіе люди, а такія личности, какъ Елена и Инсаровъ, похожи на насъ».

Какъ и Шмидта, Тургеневъ просилъ Фридендера обратить вниманіе на «Tentation» Флобера. «По всей вѣроятности, на дняхъ вы получите только что появившуюся книгу моего друга Флобера «La Tentation de Saint Antoine»;

я послать ее вамъ и Ж. — остроумному и добросовѣстному критику «Allgemeine Zeitung», мнѣ хотѣлось бы горячо вамъ ее рекомендовать. По моему мнѣнію, это сочиненіе вполне замѣчательное; если, какъ я надѣюсь, вы раздѣляете со мною относительно этого мнѣніе и если вы думаете, что это литературное произведеніе стоитъ труда быть разсмотрѣннымъ, то ваша критика доставитъ большое удовольствіе моему другу, а меня безконечно обяжетъ».

Въ одномъ изъ писемъ Тургеневъ пишетъ: «Право, не знаю, какъ извиняться за мое долгое молчаніе; поэтому предпочитаю предоставить себя вашему милосердію. Я получилъ ваши двѣ посылки, очень интересныя, и я васъ даже не поблагодарилъ. Бумага, на которой я пишу вамъ, должна носить отблескъ краски стыда, покрывающей въ данный моментъ мои щеки. Все сошло для меня хорошо въ протекшемъ году. Немного спустя послѣ нашей поѣздки вдвоемъ, у меня былъ въ Россіи сильный припадокъ подагры, которая совершенно успокоилась только въ началѣ января 1875 г., т. е. годъ назадъ; съ тѣхъ поръ моя болѣзнь оставила меня почти въ покоѣ: я провелъ шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Карлсбадѣ. Я очень мало работалъ, только написалъ маленькую повѣсть, переводъ которой появится въ февральскомъ номерѣ «Deutsche Rundschau» и которую я предоставляю вашему снисхожденію. Мой большой романъ, начатый уже нѣсколько лѣтъ, очень медленно подвигается».

«Origine de la Société moderne en France» Тэна, вѣрнѣе, первая его часть «Ancienne Regime» очень понравилась Тургеневу, и онъ совѣтуетъ Фридендеру достать «это замѣчательнѣйшее произведеніе», если онъ еще не читалъ его. Мало французовъ способно такъ глубоко и безпристрастно судить. Въ общемъ оно немного безцвѣтно, но приведенные факты и документы краснорѣчивы. Повидимому, здѣсь установится умѣренная республика. Она нашла въ Гамбеттѣ замѣчательнаго вождя, личность высоко надѣленную. Кто могъ этого ожидать отъ адвоката-воздухоплавателя. Конечно, это самый великій государственный человѣкъ во Франціи нашего времени».

Въ письмѣ къ Фридендеру Тургеневъ также выражалъ намѣреніе перестать заниматься беллетристикой: «Не думайте получить мою работу скоро, такъ какъ я отложилъ мое перо и могу сказать, что до сихъ поръ я очень доволенъ этимъ рѣшеніемъ. Я недостаточно живу въ Россіи и могу лишь повторять то, что уже написалъ. *Faciant meliora potentes*».

Въ письмѣ изъ Парижа 26 декабря 1878 г. Тургеневъ пишетъ: «Я хотѣлъ бы ранѣе поблагодарить васъ за сдѣланный мнѣ интересный подарокъ, но мой старый врагъ подагра послѣ восьмимѣсячнаго перемірія снова повела на меня жестокую атаку и, какъ говорятъ французы, стои́е къ постели. Въ концѣ письма онъ прибавляетъ: «Благодарю за выраженные мнѣ пожеланія снова взяться за перо: до сихъ поръ никакое подобное желаніе не проявлялось во мнѣ. «Мавфредъ» Байрона (забавная личность, мало мнѣ симпатичная) говорить въ концѣ трагедіи: «Old man it's not so difficult to die». Я скорѣе желалъ бы сказать вмѣсто «*today*» «*not to write*». Это мнѣ кажется совершенно естественнымъ».

Въ послѣднемъ письмѣ, помѣщенномъ въ «*Revue Bleue*», Тургеневъ говоритъ почти исключительно о своей болѣзни: «Ваше письмо меня глубоко тро-

нуло. Мнѣ кажется банальнымъ васъ благодарить, но позвольте вамъ сказать, насколько я счастливъ, что внушилъ столько симпатіи такому человѣку, какъ вы. Я не читалъ, что написали обо мнѣ Пичъ, по всей вѣроятности, онъ по дружбѣ все преувеличилъ. Къ несчастію, одно вѣрно теперь—это моя болѣзнь; хотя она не опасна и не очень болѣзненна, но принадлежитъ къ классу неизлечимыхъ медициной. Всего хуже, что, пока она длится, я не могу ни думать, ни путешествовать, ни работать. Я долженъ этому покориться».

Повидимому, этимъ кончаются въ «Revue Bleue» письма Тургенева къ нѣмецкимъ друзьямъ. Было бы желательно видѣть въ печати всѣ его письма и главнымъ образомъ къ Пичу, о которомъ Тургеневъ шуточно отзывался Полонскому, не воспользовавшемуся услугами Пича за границей: «Я зналъ кого тебѣ рекомендовалъ: представь себѣ Тонорова (преданнаго услужливаго друга Тургенева) не въ квадратѣ, а въ кубѣ, который бы... отъ блаженства тебѣ прислуживать въ то же время точилъ бы слезы умиленія и все, все бы тебѣ показывалъ, жевать бы сталъ за тебя... и все благодарилъ, благодарилъ бы».

— Расколъ среди католиковъ на Филиппинахъ.—Въ «Esraña moderna» М. Е. Ратава рисуется положеніе католицизма на современныхъ Филиппинахъ. По его словамъ, тамъ происходитъ среди католиковъ расколъ, расколъ довольно странный, оторвавшій отъ католической церкви половину священнослужителей и паствы. Причина, породившая этотъ расколъ,—чисто политическая: дѣло идетъ о конфликтѣ на почвѣ національностей, почти тождественномъ тому, что произошелъ лѣтъ тридцать назадъ у болгаръ, отошедшихъ отъ константинопольскаго патриархата и греческой православной церкви. Филиппинцевъ обратили въ христіанство испанскіе монахи, и съ тѣхъ поръ являлись съ материка иезуиты, доминиканцы, августинцы и монахи прочихъ орденовъ имѣли безусловный авторитетъ среди туземцевъ во всѣхъ религіозныхъ и церковныхъ вопросахъ. Конечно, испанскому правительству выгодно было подобное положеніе дѣла, обезпечивавшее ему на Филиппинахъ испанское, а не туземное, вліяніе. Хотя филиппинцевъ они и принимали въ духовный орденъ, но давали имъ тамъ незначительныя должности; высшія же должности занимали исключительно испанцы, и не только высшія должности, какъ, на примѣръ, епископовъ, но даже патеровъ; филиппинцамъ поэтому выпадало на долю быть только ихъ викарными.

Первое время, пока филиппинцы были народомъ еще полудикимъ и только что обращеннымъ въ католицизмъ, такое положеніе казалось имъ совершенно нормальнымъ. Но, по мѣрѣ того, какъ ихъ умственное развитіе подвигалось впередъ и цивилизація разрасталась, филиппинцы становились требовательнѣе и добились того, что съ XVIII вѣка ихъ уже принимали въ орденъ и даже, по словамъ автора, многіе туземцы достигли епископскаго званія.

Такъ шло до конца XVIII вѣка. Около этого времени и въ началѣ XIX вѣка въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ пробудились дремлющія силы и разразились цѣлой серіей революцій: возстаніемъ англійской колоніи въ Америкѣ, французской революціей, возстаніемъ въ Мексикѣ и въ южныхъ американскихъ колоніяхъ. Сила инерціи этихъ вспышекъ была настолько громадна, что есте-

ственно отразилась и на филиппинцах — и они заговорили о своей национальной независимости. Во главѣ этого автономнаго и національнаго движенія стало туземное католическое духовенство. Когда въ 1812 г. демократическая конституція, провозглашенная кадикской юнтой (а черезъ два года отмѣненная Фердинандомъ VII), была примѣнена къ дѣлу и на Филиппинахъ, то многіе изъ туземныхъ патеровъ и викарныхъ были избраны депутатами съ очень смѣлой программой, по которой между прочимъ они требовали изгнанія испанскаго духовенства. Однако вскорѣ послѣдовали репрессіи, и испанское духовенство снова заняло свое авторитетное мѣсто на Филиппинахъ, заставивъ совершенно подчиниться себѣ туземцевъ.

Филиппинскіе клерикалы не переставали протестовать противъ такого униженнаго положенія; самымъ энергичнымъ, смѣлымъ и знаменитымъ изъ нихъ былъ аббатъ Пелаецъ, жившій въ срединѣ послѣдняго вѣка. Многіе изъ филиппинскаго духовенства были замѣшаны не въ одномъ заговорѣ, и послѣ военнаго мятежа въ Кавитѣ 1872 г. трое изъ нихъ — аббатъ Бургосъ, Гомеръ и Цаморъ — были казнены, а около двѣнадцати другихъ патеровъ приговорены къ каторжнымъ работамъ, въ presidios. Когда вспыхнулъ мятежъ 1896 г., большинство туземнаго филиппинскаго духовенства не скрывало своего удовольствія и нѣкоторые его представители приняли въ мятежѣ дѣятельное участіе. Они съ радостью встрѣтили конецъ испанскаго господства, вообразивъ, что римская церковь тотчасъ же допуститъ ихъ до высшихъ церковныхъ должностей, — но ошиблись. Ватиканъ посмотрѣлъ на дѣло иначе и этимъ внушилъ филиппинскому духовенству мысль о расколѣ. Такимъ образомъ, большинство изъ нихъ отпало отъ католической церкви, т. е. на языкѣ клерикаловъ — впало въ ересь.

Главными основателями новой религіи были Аглипай и лось Рейесъ. Грегорио Аглипай-и-Лабайанъ родился на островѣ Люсонѣ 7 мая 1860 г. въ семьѣ крестьянина-собственника. Окончивъ очень хорошо ученіе въ одной изъ манильскихъ гимназій, подъ руководствомъ доминиканцевъ, онъ остался тамъ въ качествѣ помощника преподавателя логики; затѣмъ защищалъ диссертацию на доктора философіи и былъ назначенъ патеромъ на Манилѣ въ 1889 г. Цѣлыхъ восемь лѣтъ онъ велъ жизнь скромнаго викарнаго маленькаго городка въ Индианѣ. Въ 1897 г. вспыхнувшее за годъ передъ тѣмъ возстаніе распространилось и на провинцію Тарласъ, гдѣ въ то время проживалъ аббатъ Аглипай. Одинъ изъ инсургентовъ, генералъ Макабулосъ, основалъ тамъ революціонную юнту, съ которой вступилъ въ сношенія; и вскорѣ никому неизвѣстный скромный викарный сдѣлался другомъ Макабулоса, а впоследствии и главнаго начальника, Атвинальдо. Повидимому, онъ долго довольствовался ролью примирителя и официальнаго посредника между испанцами и инсургентами, и его архіепископъ, монсеньоръ Ноцаледа, не разъ поручалъ ему вести важные переговоры. Благодаря его стараніямъ примирить обонхъ противниковъ, онъ сдѣлался тому и другому подозрителенъ. По словамъ автора, онъ игралъ будто бы двойную игру, за разъ пользуясь довѣріемъ архіепископа и генерала инсургентовъ и обманывая довѣріе того и другого. Одно время возставшіе арестовали его, хотя именно имъ онъ болѣе всѣхъ ока-

заль услугъ; а затѣмъ къ нимъ же онъ бросился въ объятія, когда, припертый къ стѣнѣ, наконецъ, долженъ былъ примкнуть къ которой-нибудь изъ партій. Агвинальдо наименовалъ его главнымъ капеланомъ революціонной арміи. Послѣ изгнанія испанцевъ, главнокомандующій, провозгласившій себя президентомъ «диктаторскаго правительства», сдѣлалъ Аглипая главою филиппинской церкви въ санѣ главнаго викарнаго.

Многіе испанскіе клерикалы попали въ плѣнъ или бѣжали; тѣ же изъ нихъ, которые остались, и между ними архіепископъ Позаледа, нашли, что Аглипай всячески и при всѣхъ обстоятельствахъ оказывалъ имъ личныя услуги, и безъ труда признали временно его власть въ широкихъ размѣрахъ.

Аглипай прежде всего повелъ переговоры съ Ватиканомъ, чтобы установить новое положеніе церкви на Филиппинахъ и санкціонировать «націонализацию», нѣсколько произвольную. Въ этихъ безплодныхъ переговорахъ наибольшую роль игралъ филиппинскій литераторъ донъ Изабелло де лосъ Рейесъ,—личность не совсѣмъ обыкновенная—въ одно и то же время нотаріусъ, писатель, политическій дѣятель, дипломатъ, богословъ, социалистическій агитаторъ, ученый и проч. Этотъ лосъ Рейесъ, въ то время находившійся въ Испаніи, не откладывая, тотчасъ же повелъ переговоры съ нунціемъ папы, монсеньоромъ Павліа ди Бонтифье. Его предложеніе было довольно дурно принято: Ватиканъ не выказалъ себя расположеннымъ немедленно передать туземному духовенству всѣ епископства и приходы Филиппинъ. Рейесъ сталъ терять терпѣніе и первый посовѣтовалъ своимъ согражданамъ отпасть отъ католической церкви. Сначала Аглипай энергично протестовалъ противъ этого совѣта. 23 октября 1899 г. онъ председательствовалъ въ Тарлапѣ на общемъ духовномъ собраніи, которое назначило его высшимъ главою филиппинской церкви и дало ей временную организцію, которая не могла понравиться Риму, но при этомъ объявило, что попрежнему будетъ признавать авторитетъ папы.

Между тѣмъ Соединенные Штаты, побѣдители Испаніи, заняли свое мѣсто на Филиппинахъ: вчерашніе освободители, въ свою очередь, сдѣлались «тиранами». Агвинальдо съ возмущившимися филиппинцами повелъ войну съ Америкой, какую до того велъ противъ Испаніи, а Аглипай былъ самымъ преданнымъ и дѣятельнымъ его помощникомъ. Наконецъ, приходилось уступить силѣ, и губернаторъ Тафтъ, теперешній президентъ американской республики добился, что филиппинцы худо или хорошо признали американскую гегемонію. Снова послѣ такого кроваваго событія взоры филиппинцевъ направились къ Ватикану.

Наконецъ лосъ Рейесъ, возвратившійся изъ Испаніи въ 1901 г., взялъ на себя инициативу раскола и обнародовалъ ее въ публичномъ собраніи 3 августа 1902 г. При этомъ двадцать туземныхъ патеровъ были избраны въ епископы присутствовавшими на митингѣ коллегами, и Аглипай получилъ титулъ епископа. Онъ отклонилъ эту честь и даже напечаталъ 20 августа манифестъ, въ которомъ торжественно отвергаетъ проски отщепенцевъ отъ католической церкви. Лосъ Рейесъ съ удвоенной энергіей продолжалъ вести свой походъ противъ Ватикана и увлекъ са собою толпу, безпрестанно нараставшую, изъ туземнаго духовенства. Наконецъ въ 1902 г. Аглипай далъ свое согла-

сіе и 26 октября онъ былъ торжественно возведенъ въ санъ «верховнаго епископа»,—и расколъ совершился.

Что же касается сущности этой новой религіи, то она, по описанію Ретана, представляетъ смѣсь католицизма, протестантизма и рационализма. Церемоніи культа и церковная организація остаются католическія, собственно же ученіе скорѣе протестантское: духъ и тенденціи кажутся рационалистическими, а также очень демократическими и даже немного социалистическими. Лосъ Рейесъ—настоящій ея основатель—прямо объявилъ: «Наша церковь проповѣдуетъ общность имущества, безграничную любовь и свободу науки; она не допускаетъ никакихъ догматовъ». Другіе филиппинцы не идутъ такъ далеко—и потому уже начинаются несогласія».

Филиппинская независимая церковь отрицаетъ догматъ Троицы, первородный грѣхъ, адъ, обязательный ритуальный характеръ и таинство брака. Она не допускаетъ никакого культа святыхъ и считаетъ тайную исповѣдь необязательной, безбрачіе священниковъ тоже необязательно, но попрежнему очень рекомендуется. Святое Писаніе пользуется лишь историческимъ авторитетомъ, подобно тому, какъ всякій другой документъ древней исторіи. По мнѣнію Ретана, сущность этого ученія—эклектизмъ, въ которомъ видно вліяніе Канта, Прудона, Ренана, Штрауса и многихъ другихъ мыслителей.

Независимая филиппинская церковь въ настоящее время имѣетъ двадцать одного епископа, четыреста патеровъ и около трехъ милліоновъ послѣдователей. Всѣ патеры туземцы, за исключеніемъ одного доминиканца, трехъ испанскихъ августинцевъ-разстриженныхъ. Число раскольниковъ почти равняется числу католиковъ; кромѣ того, на Филиппинахъ находится два милліона мусульманъ, язычниковъ и протестантовъ (послѣдніе почти все американцы). Новая церковь напечатала въ первый годъ своего существованія шесть посланій или манифестовъ, «Доктрину и конституціонныя правила», «Катехизисъ», «Чтеніе во время поста» и «Божественную литургію».

Въ заключеніе Ретанъ вѣритъ, что филиппинская церковь установится; она слишкомъ пошла впередъ, чтобы могло совершиться примиреніе съ Ватиканомъ; съ другой стороны, протестантизмъ антипатиченъ филиппинцамъ. Она удержится, лишь бы ея сыны не возвратились къ католицизму. Клерикалы пугаютъ ихъ тѣмъ что, развѣдаемая внутренними пороками, изъ которыхъ главные—неустойчивость доктрины и тенденціи къ рационализму, она сама разложится.

— Дѣловая женщина въ датской королевской семьѣ.— Принцесса Марія, жена принца Вальдемара Датскаго, принадлежитъ къ одному изъ знатѣйшихъ и старѣйшихъ державныхъ родовъ Европы. Она происходитъ изъ Орлеанской семьи: Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, претендентъ на французскій тронъ,—ея двоюродный братъ, вдовствующая королева Португаліи—ея двоюродная сестра, и въ той же степени родства ей приходится жена герцога Аостскаго, брата итальянскаго короля. Черезъ своего мужа она невѣстка вдовствующей русской императрицы, Маріи Феодоровны, англійской королевы и греческаго короля. Она находится въ родственныхъ связяхъ съ королевскими четами Испаніи и Норвегіи со стороны Бурбоновъ и, кромѣ того, ей при-

ходятся сродни австрийскій и германскій императоры, а также семейство покойнаго императора Бразиліи. Ея отецъ, герцогъ Шартрскій, сынъ графа Парижскаго, а слѣдовательно внукъ короля Луи-Филиппа, участвовалъ во франко-германской войнѣ подъ чужимъ именемъ, такъ какъ ему не дозволяли открыто воевать за свою родину, и вѣмцы съ уваженіемъ говорили о мужествѣ того, кого они называли «Робертъ Сильвымъ». Принцесса Марія недавно разсказывала автору біографической о ней статьи въ «Pall-Mall Magazine»¹⁾, мистриссъ Ванъ-Ворстъ: «Годъ тому назадъ я ѣздила съ моимъ старшимъ сыномъ къ португальской королевѣ Амаліи, съ которой мы воспитывались въ монастырѣ, какъ двѣ родныя сестры. Теперь страшно вспомнить, что ея мужъ и сынъ убиты почти въ ея объятіяхъ. Ея сынъ былъ такой красивый, и она сама принадлежитъ къ рязряду тѣхъ женщинъ, которыя дѣлаютъ честь женскому полу, даже не будучи королевами».

Имѣя такія обширныя родственныя связи, принцесса Марія—настоящая дѣловая женщина. Она сама говорила автору статьи: «Я увѣрена, что я единственная на свѣтѣ царственная особа, у которой нѣтъ ни одной придворной дамы. Всѣхъ очень удивило, когда я объявила подобное рѣшеніе и настояла на немъ. Конечно, я этимъ возложила на себя много работы, но я предпочитаю какой бы то ни было трудъ этикету, связывающему желѣзными путами членовъ королевской семьи. Я отвѣчаю на всѣ письма сама, отъ кого бы они ни получались: отъ моихъ друзей, родственниковъ, бѣдныхъ или отъ дѣловыхъ людей; при этомъ, конечно, я сама ихъ пишу. Однако же и своимъ хозяйствомъ я управляю сама, придерживаясь старинныхъ французскихъ традицій: я каждый день вижу съ своимъ поваромъ и не позволяю никому украсть ни минуты моего времени; и, дѣйствительно, я имѣю его на все, на что желаю». Съ юности принцесса Марія питала сильную страсть къ лошадямъ и всякаго рода животнымъ. Такъ, разсказываютъ, что маленькой дѣвочкой она однажды сѣла верхомъ на громадную свинью, къ ужасу своего отца и всѣхъ его гостей, а теперь она катается на большомъ быкѣ и со смѣхомъ говоритъ: «Арминъ найдобрѣйшій малый на свѣтѣ; мы другъ друга отлично понимаемъ, и я только сожалью, что его походка немного тряская». Принцесса любитъ особенно лошадей, которыя, по ея словамъ, однѣ, какъ выражается Плутархъ, не говорятъ лести державнымъ особамъ. «Это,—прибавила она, разговаривая съ мистриссъ Ванъ Ворстъ,—совершенно справедливо; всѣ окружающіе царственныхъ лицъ, вѣроятно, по необходимости имъ льстятъ. Напротивъ, лошадь не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, кто сидитъ на ея спинѣ: государь или конюхъ. Она повинуется лишь тому, кто побуждаетъ ее добротой, силой или твердой волей. Лошадь не только не лжетъ вамъ, но она служитъ самымъ вѣрнымъ указателемъ, въ какомъ состояніи находятся вашъ умъ и нервы въ данный день. Лошадь—вашъ барометръ, совѣтникъ и вѣрный другъ». Въ виду своей страсти къ лошадямъ, принцесса ежедневно въ семь часовъ утра отправляется на автомобилѣ въ конюшни, находящіяся въ прекрас-

¹⁾ A Royal business woman. By m-rs Van Vorst. «Pall-Mall Magazine» 1909. April.

номъ зданіи, выстроенномъ въ стилѣ XVII вѣка. Кромѣ лошадей, принцесса очень любитъ птицъ, особенно поугая, который виситъ въ клѣткѣ въ ея столовой и въ назначенный часъ звонитъ въ колокольчикъ, обращая на себя вниманіе хозяйки, которая немедленно встаетъ и кормитъ его. Когда же принцессы нѣтъ дома, то ея обязанность исполняетъ одинъ изъ лакеевъ.

Конечно, принцесса Марія занимается гораздо больше воспитаніемъ своихъ дѣтей, чѣмъ животныхъ. Преимущественно она заботится сдѣлать изъ нихъ настоящихъ современныхъ людей XX вѣка, Тенерь, по ея словамъ, ничего не значитъ быть принцемъ или принцессой, а надо быть самому по себѣ чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ по уму, волѣ и силѣ инициативы. У нея всего пятеро дѣтей, изъ которыхъ четыре сына и только одна дочь. Она уже избрала для каждаго изъ своихъ сыновей, кромѣ младшаго, еще слишкомъ маленькаго, опредѣленную профессію. Такъ, старшій назначенъ для военной карьеры, второй для морской, а третій для земледѣльской. «Я никогда не позволяю своимъ дѣтямъ,—говоритъ она,—имѣть специальныхъ прислугъ, такъ какъ не желаю, чтобы они были ихъ узниками. Если кто желаетъ служить другимъ, то долженъ начинать съ того, чтобы служить себѣ».

Однако, несмотря на всѣ свои занятія, какъ матери, хозяйки и любительницы спорта, принцесса Марія этимъ не довольствовалась и задумала сдѣлаться дѣловой женщиной. Ея мужъ—адмиралъ датскаго флота, и принцесса близко знакома со всѣмъ, что касается судовъ, а потому она рѣшила увеличить и развить датское торговое мореходство. Поэтому прежде всего она посвятила себя изученію финансовыхъ и торговыхъ дѣлъ. «Вотъ какъ я поступила въ этомъ отношеніи,—сказала она:—пригласивъ значительныхъ финансистовъ, банкировъ и дѣловыхъ людей, я попросила ихъ научить меня, какъ составляются акціонерныя компаніи и какимъ образомъ собираются фонды. Разъ, сдѣлавшись дѣловой женщиной, я составила себѣ планъ учрежденія пароходной компаніи для торговаго сообщенія между Скандінавіей и Дальнимъ Востокомъ. Моя идея оказалась очень удачною, и дѣла нашей компаніи великолѣпно идутъ: у нея уже двѣ отрасли—одна во Франціи, а другая въ Россіи. День, когда мы спустили первый пароходъ, выстроенный въ Даніи нами и для насъ, былъ славнымъ моментомъ въ моей жизни». Принцесса съ гордостью указала мистриссъ Ванъ Ворстъ на фотографическій снимокъ парохода, совершающаго рейсы между Китаемъ и Копенгагеномъ, благодаря предпримчивости этой дѣловой женщины королевской крови. Она рассказала, что сама составила и даже разрисовала афиши, извѣщавшія объ ея пароходной компаніи. Принцесса Марія теперь имѣетъ не собственную, а компанейскую контору, въ которую она ходитъ каждое утро заниматься по нѣсколько часовъ практической дѣятельностью по дѣламъ своего предпріятія. «Я окружена въ своей конторѣ,—прибавила принцесса,—людьми, развившими въ себѣ самостоятельность, и не могу вамъ выразить, какое уваженіе они возбуждаютъ во мнѣ своей почтенной дѣятельностью».

Кромѣ этихъ дѣловыхъ и торговыхъ занятій, принцесса Марія посвящаетъ себя всякаго рода добрымъ дѣламъ: особенно она заботится о благосостояніи моряковъ, которые называютъ ее «Маріей моряковъ». Конечно, у нея много

друзей въ королевскомъ кружкѣ, особенно ее очень любилъ покойный государь Александръ III. Каждое утро онъ вмѣстѣ съ нею по цѣлымъ часамъ собиралъ грибы, до которыхъ былъ большой охотникъ. Но вся королевская семья очень боялась, чтобы эти грибы не были ядовиты, а потому обыкновенно ихъ ѣли только царь и принцесса Марія. Наконецъ, въ теоретическомъ отношеніи она развила передъ мистриссъ Ванъ Ворстъ слѣдующія идеи: «Я полагаю, что женщина должна быть какъ можно менѣе передовой феминисткой и быть, какъ можно болѣе, женственной. Въ этомъ заключается тайна ея вліянія; задачи ея жизни состоятъ въ томъ, чтобы любить, страдать, прощать и понимать».

— Жилище «сына неба» и новый правитель Китая. — Въ послѣднее время англійскіе и американскіе журналы много говорили о Китаѣ; напримеръ, въ майской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» помѣщена статья¹⁾ о посѣщеніи дворцовъ китайскаго императора Пу-и Робертомъ Форситомъ, а въ апрѣльскомъ номерѣ «Century Magazine» напечатанъ біографическій очеркъ²⁾ Исаака Гедланда о новомъ китайскомъ регентѣ, принцѣ Чунѣ. Описывая подробно, гдѣ живутъ двухлѣтній императоръ и его отецъ, назначенный регентомъ покойнымъ государемъ и вдовствующей императрицей предъ смертью, авторъ упоминаетъ сначала, что столица Китая, Пекинъ, — городъ контрастовъ: лачугъ и дворцовъ, нищеты и великолѣпія, отвратительнаго безобразія и таинственной красоты. Онъ дѣлится на двѣ части — городъ китайскій и городъ манчжурскій, въ которомъ находится святая святыхъ — императорскіе дворцы. Въ эту послѣднюю часть китайской столицы иностранцы допускаются съ нѣкоторымъ затрудненіемъ по опредѣленію китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и то лишь когда императорскій дворъ не проживаетъ въ своемъ жилищѣ. При посѣщеніи пекинскихъ дворцовъ Роберта Форсита сопровождалъ главный придворный евнухъ, Лаліенингъ, служившій при скончавшейся вдовствующей императрицѣ и оставшійся на своемъ мѣстѣ послѣ двойной катастрофы, хотя новый регентъ уже изгналъ всѣхъ прежнихъ евнуховъ.

Заручившись разрѣшеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ и покровительствомъ главнаго евнуха, Форситъ предпринялъ свое посѣщеніе «запрещеннаго города», гдѣ живетъ императоръ съ родителями. Рикша доставилъ его до берега знаменитаго озера Лотусовъ, которое совершенно исчезало подъ ихъ цвѣтами. Переправившись въ лодкѣ до мраморнаго моста, Форситъ осмотрѣлъ Вѣлкую Башню, откуда открывается великолѣпная панорама «запрещеннаго города». На противоположномъ берегу озера расположенъ дворецъ покойной вдовствующей императрицы, и въ одномъ изъ его павильоновъ находилась ея тронная зала, въ то время запертая; англичанину разрѣшили полюбоваться ею черезъ окна, сдѣланныя изъ прозрачной бумаги. Самый тронъ былъ закрытъ, но по угламъ залы были разставлены великолѣпныя вазы и красныя золотыя часы,

¹⁾ The abode of the «Son of Heaven». By R. Forsythe. «Pall-Mall Magazine». May. 1909.

²⁾ The New Ruler of China. By Isaac Headland. «Century Magazine». April. 1909.

въ фабрикаці которыхъ китайцы большіе мастера. Вообще они прекрасные механики и въ настоящее время строятъ безъ помощи иностранныхъ инженеровъ изъ Пекина въ Нанкинъ желѣзную дорогу, которая проходитъ черезъ нѣсколько опасныхъ туннелей. За этой залой помѣщалась другая тронная зала скончавшагося императора и покойной вдовствующей императрицы. Все зданіе одноэтажное, какъ обязательно должна быть каждая аристократическая постройка въ Китаѣ. Рядомъ находится небольшая комната, въ которой ежедневно въ три часа утра собирается верховный совѣтъ имперіи. Осмотрѣвъ всѣ дворцы, Форсайтъ отправился обратно на берегъ озера Лотусовъ, гдѣ въ небольшомъ строеніи ему былъ предложенъ завтракъ изъ печенія, содовой воды и фруктовъ.

Статья Форсита знакомитъ съ внѣшней стороной императорскихъ пекинскихъ дворцовъ, а біографическій очеркъ Исаака Гедланда сообщаетъ свѣдѣнія о жизни нынѣшняго регента. Самъ Гедландъ—профессоръ естественныхъ наукъ въ пекинскомъ университетѣ и прекрасно знаетъ китайскій языкъ, почему онъ и служилъ переводчикомъ американской художницѣ миссъ Карль, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ она пріѣзжала въ Пекинъ, чтобы написать портретъ покойной вдовствующей императрицы. Принцъ Чунъ избранъ въ регенты покойнымъ императоромъ и скончавшейся вдовствующей императрицей, потому что онъ братъ прежняго императора и отецъ теперешняго. По словамъ Гедланда, онъ совсѣмъ не крайній консерваторъ, а, напротивъ, сочувствуетъ всѣмъ реформамъ 1898 года прошлаго царствованія, слѣдовательно, выборъ его въ регенты—самый благоразумный. Онъ отличается красивымъ лицомъ, хотя покрытымъ прыщами, держится прямо и довольно высокаго роста, причемъ во всѣхъ отношеніяхъ кажется настоящимъ государемъ. Умный человекъ, хотя не краснорѣчивый, онъ всегда находитъ тему для разговора, а иногда позволяетъ себѣ и юмористическія замѣчанія. Принцъ Чунъ путешествовалъ почти по всему свѣту и посѣтилъ Германію для принесенія императору соболѣзнованія Китая по случаю убійства барона фонъ-Кеттлера. Встрѣтившись съ нимъ послѣ его возвращенія въ Китай, Гедландъ спросилъ его: «Ваше высочество, какого вы мнѣнія о нѣмцахъ и французахъ?» Онъ спокойно отвѣчалъ: «Люди въ Берлинѣ встаютъ рано и идутъ по дѣламъ, а люди въ Парижѣ встаютъ по вечерамъ и идутъ въ театръ».

Принцъ Чунъ былъ женатъ два раза, и первая его жена утонула въ колодецѣ, а вторая прежде считалась любовницей Юшлу, а потомъ сдѣлалась его женою. Вторую женитбу принца Чуна устроила покойная вдовствующая императрица. Теперь его женѣ сорокъ лѣтъ и она чрезвычайно живая, красивая женщина. Росту она маленькаго и кажется издали ребенкомъ, но держитъ себя съ замѣчательнымъ тактомъ и достоинствомъ. Во время боксерскихъ безпорядковъ принцъ Чунъ игралъ значительную роль. Относительно дипломатіи онъ чрезвычайно освѣдомленъ, такъ какъ часто имѣлъ дѣло со всѣми иностранными посланниками и путешествовалъ по Японіи, Америкѣ, Великобританіи, Германіи, Франціи и Италіи. Вообще, по выраженію Гедланда, онъ подаетъ самыя свѣтлыя надежды на будущую свою дѣятельность правителя Китая.

— Европейскіе и американскіе юбилеи.—Никогда еще не было столько юбилеевъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и до настоящаго времени каждый мѣсяцъ ознаменовывался столѣтіями знаменитыхъ людей. Первымъ изъ нихъ былъ юбилей извѣстнаго французскаго писателя, философа и социалиста, Пьера Прудона. Хотя его сильное вліяніе на современниковъ продолжалось недолго и его столѣтіе прошло почти незамѣченнымъ, даже на родинѣ, все же социалисты и, между прочимъ, Эженъ Фурньеръ, упомянули о немъ съ большимъ сочувствіемъ. Фурньеръ помѣстилъ свою статью въ январскомъ номерѣ «Revue Socialiste» и, по его словамъ, главнымъ достоинствомъ Прудона былъ пламенный культъ труда и теоріи экономическаго детерминизма, которую значительно сузилъ Карлъ Марксъ. Суровое и краснорѣчивое изложеніе его сочиненій дѣлало Прудона однимъ изъ первыхъ мастеровъ французскаго слова, и въ этомъ опредѣленіи совершенно правъ Фурньеръ. Вообще значеніе Прудона заслуживало гораздо большаго вниманія, чѣмъ образованный міръ удѣлилъ его юбилею, хотя «La Grande Revue» посвятило ему 10 января хвалебную статью Грегюара и Пуэнсо, съ прибавленіемъ цѣлаго ряда статей извѣстныхъ публицистовъ, изъ которыхъ Марсэръ и Марэ выражаются о Прудона, какъ о глубокомысленномъ мыслителѣ и либеральномъ анархистѣ.

Пьеръ Прудонъ родился 15 января 1809 г. въ Безансонѣ и былъ сыномъ бѣднаго бочара. Его образованіе ограничилось народной школой, курса которой онъ не окончилъ вслѣдствіе чрезмѣрной бѣдности семьи, и съ юныхъ лѣтъ ноступилъ въ типографію наборщикомъ. Это, однако, не помѣшало ему заниматься самообученіемъ, и онъ такъ образовалъ себя, что въ 1837 г. могъ написать сочиненіе на премію безансонской академіи: «Опытъ общей грамматики», гдѣ онъ развилъ идею объ единствѣ происхожденія человѣческихъ языковъ. За это онъ получилъ стипендію въ 1.500 франковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Католической Энциклопедіи», но не долго оставался подъ вліяніемъ клерикализма и увлекся либеральными теоріями Руссо. Тогда же на первыя свои заработанныя деньги онъ основалъ типографію и, посѣтивъ Парижъ, черезъ три года издалъ свое знаменитое сочиненіе: «Что такое собственность?» Его радикальныя, чисто-соціалистическія воззрѣнія, вылились въ пресловутую фразѣ: «собственность—кража». Первымъ послѣдствіемъ этого сочиненія было отнятіе у него стипендіи безансонской академіей; но онъ нимало не унывалъ и продолжалъ писать въ томъ же духѣ. Главнымъ его сочиненіемъ было: «Система экономическихъ противорѣчій, или философія нищеты», на что Карлъ Марксъ возражалъ рѣзкой критикой подъ заглавіемъ: «Нищета философіи, отвѣтъ на философію нищеты». Вся соціальная теорія Прудона заключалась въ томъ, что общество должно быть организовано на основѣ справедливости и взаимности, а государство совершенно упраздняется, такъ какъ надъ нимъ господствуетъ разумъ. Изъ этого видно, что ученіе Прудона не коммунизмъ, какъ иногда утверждаютъ, а утопическій анархизмъ. Что же касается Маркса, то онъ говоритъ, что у Прудона мелко-буржуазный характеръ и потому называетъ его «мѣщаниншкою». Напротивъ, социалистъ Малонъ считаетъ, что прудоновскій «мутуализмъ», основанный на даровомъ кредитѣ, не что иное, какъ эволюція социалистической идеи.

Въ 1842 г. за свою брошюру: «Avertissement aux propriétaires», въ которой онъ повторялъ свою пресловутую теорію «la propriété c'est le vol», Прудонъ былъ преданъ безансонскому суду, но оправданъ. Затѣмъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ служилъ въ Лионѣ по рѣчному судоходству, а когда въ Парижѣ вспыхнула революція 1848 г., то онъ издавалъ въ Парижѣ крайне-демократическія газеты «Le peuple» и «La voix du peuple», но обѣ газеты были запрещены, и Прудонъ приговоренъ къ тюремному заключенію. Между тѣмъ онъ былъ избранъ въ члены національнаго собранія отъ департамента Сены, но недолго ему пришлось оставаться въ парламентѣ, такъ какъ его рѣзкія, суровыя рѣчи встрѣчались постоянно громкими криками со стороны депутатовъ. Тогда онъ снова обратился къ письменному выраженію своихъ теорій и особенно свирѣпо напалъ на Ледру--Роллена, Ламартина, Луи Блана и Кавеньяка. За свои статьи Прудонъ всегда подвергался штрафамъ, которые вносились вмѣсто него народной подпиской. Въ 1849 г. онъ попытался практически примѣнить свои теоріи и основалъ народный банкъ, цѣлью котораго было уничтоженіе капитала. Но вскорѣ его банкъ закрыло правительство. Изъ боязни попасть въ тюрьму онъ бѣжалъ въ Женеву, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, вернулся въ Парижъ и провелъ 3 года въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи. Это, однако, не помѣшало ему издавать попрежнему газеты и печатать книги и брошюры въ самомъ крайне-радикальномъ духѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ тюрьмѣ, онъ женился и замѣчательно, что, переговаривая съ нотариусомъ относительно свадебнаго контракта, упомянулъ о собственности, принадлежавшей его невѣстѣ, что вызвало усмѣшку нотариуса, такъ какъ Прудонъ былъ творцомъ изреченія: «La propriété c'est le vol». На эту усмѣшку Прудонъ отвѣчалъ спокойно: «Пожалуйста, любезный monsieur, при такихъ обстоятельствахъ будьте по возможности серьезны». Изъ напечатанныхъ имъ въ эту эпоху сочиненій замѣчательны были: «Confession d'un Revolutionnaire» и «Gratuité du Credit». Въ 1852 г. онъ былъ выпущенъ на свободу и поселился въ Бельгіи, гдѣ продолжалъ писать свои сочиненія: «De la justice dans la Revolution et dans l'Eglise», «La guerre et la paix» и «Du principe fédératif». Всѣхъ его сочиненій издано тридцать три тома и, кромѣ того, четырнадцать томовъ переписки, которую Сентъ-Бѣвъ считаетъ его «капитальнѣйшимъ сочиненіемъ». Хотя онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи и обо всѣхъ чужихъ теоріяхъ отзывался самымъ рѣзкимъ образомъ, но, считаясь самъ социалистомъ, Прудонъ позорилъ коммунизмъ и считалъ фурьеризмъ за глупую и невѣжественную систему. Онъ умеръ почти въ полномъ забвеніи, всѣми забытый, въ Парижѣ 19 января 1865 года.

Того же 19 января, но нынѣшняго года Америка праздновала столѣтіе со дня рожденія знаменитаго поэта и беллетриста Эдгара По. Только въ послѣднее время популярность этого великаго писателя начала возрастать какъ на его родинѣ, такъ и во всемъ свѣтѣ, особенно во Франціи, благодаря Бодлеру, Малармэ и другимъ поэтамъ, восторгавшимся произведеніями По, прозваннаго французами «американскимъ Гамлетомъ». Теперь же, по случаю его юбилея, въ Америкѣ почти повсюду совершались торжественныя празднованія. Въ виргинскомъ университетѣ, гдѣ воспитывался По, открытъ музей По, а въ Колумбіи

устроено было торжественное засѣданіе съ краснорѣчивыми рѣчами профессоръ Матью и Пэджа. Оггоскомъ же юбилейныхъ празднествъ въ Лондонѣ былъ банкетъ въ клубѣ писателей, подъ предѣдательствомъ сэра Артура Конанъ-Дойля, романы котораго изъ дѣятельности сыщиковъ служатъ какъ бы продолженіемъ судебныхъ разсказовъ Эдгара По.

Въ литературномъ отношеніи вездѣ и, конечно, преимущественно въ Америкѣ, появились статьи въ журналахъ и газетахъ по поводу этого юбилея. Въ январской книжкѣ «Century Magazine» помѣщенъ романтической очеркъ подъ названіемъ «По и мистриссъ Витманъ» — Джемса Гаррисона и Шарлотты Дэли, въ которомъ подробно разсказанъ эпизодъ любви, предшествовавшей смерти Эдгара По, а въ «Scribner Magazine» того же мѣсяца напечатанъ литературный силуэтъ: «По» — Вильяма Браунэля, чрезвычайно сочувственно относящагося къ юбиляру. Еще болѣе лестно о немъ отзывается англійскій драматургъ Бернардь Шо въ февральскомъ номерѣ «The Nation». Авторъ выражается особенно гнѣвно о томъ, что Англія слишкомъ отворачивается отъ гениальнаго По и даже Америка недостаточно преклоняется предъ нимъ. Конечно, во Франціи всѣ журналы и газеты отозвались объ американскомъ великомъ писателѣ съ большими похвалами, слѣдуя въ этомъ отношеніи по стопамъ Теофиля Готье, который его называлъ «единственнымъ въ своемъ родѣ гениемъ, рѣдкой своеобразной индивидуальностью, который любилъ поэзію ради нея самой, а красоту предпочиталъ пользѣ». Марсель Швабъ говоритъ, что популярная теперь литература сыщиковъ имѣетъ своимъ началомъ разсказы По; анонимный же авторъ статьи о По въ «Academy» свидѣтельствуеетъ, что Малармэ говорилъ ему, что По былъ «божествомъ его юности».

Что же касается послѣдней любви По, то о ней говорится не только въ «Century Magazine», но и въ «Revue Bleue», гдѣ Габріэль Муре въ мартѣ 1909 года посвящаетъ ей очеркъ. Героиня конечнаго эпизода въ жизни несчастнаго поэта, Елена Витманъ, извѣстная поэтесса, въ которую влюбился Эдгаръ По, не столько ради ея самой, какъ потому, что ее звали Еленой, въ виду того, что въ молодости онъ обожалъ мать своего товарища, Елену Станнардь, сошедшую съ ума и вскорѣ послѣ того умершую. Цѣлые мѣсяцы По ходилъ по ночамъ плакать на ея могилу и написалъ въ ея память великолѣпное стихотвореніе. Ровно двадцать пять лѣтъ послѣ этого эпизода и вслѣдъ за смертью своей молодой жены, По встрѣтился съ другой Еленой, талантъ которой онъ очень уважалъ. День ихъ свадьбы уже былъ назначенъ и, казалось, злополучному По послѣ столькихъ несчастій наконецъ улыбнулось счастье въ жизни, такъ какъ г-жа Витманъ была богатая женщина. Невѣста взяла съ жениха торжественное слово, что онъ не будетъ пить, но По не сдержалъ его и вскорѣ предался прежней страсти. Поэтому мистриссъ Витманъ, какъ по этой причинѣ, такъ и вслѣдствіе распространенныхъ друзьями клеветъ, отказала ему. По съ горя и отчаянія еще болѣе сталъ пить и окончательно погубилъ себя наркотическими средствами. Наконецъ въ 1849 году онъ былъ найденъ въ безчувственномъ состояніи на улицѣ Балтимора и его отнесли въ Вашингтонскую больницу. Тамъ онъ очнулся и сказалъ доктору: «Все кончено. Напишите, что Эдди больше нѣтъ». Послѣдними его словами были:

«Господи! Приди на помощь моей бѣдной душѣ». Вслѣдъ за этимъ онъ умеръ 7 октября. Во второй мартовской книжкѣ «Revue de Paris» американецъ Дайкъ находитъ, что на его родинѣ не считаютъ По однимъ изъ величайшихъ поэтовъ, такъ какъ его произведенія не живо изображаютъ истинный духъ Америки.

Февраль мѣсяцъ началъ рядъ столѣтнихъ юбилеевъ съ оригинальнаго торжества не знаменитаго челоуѣка, какъ обыкновенно бываетъ, а извѣстнаго англійскаго журнала «Quarterly Review» («Четвертное Обзорѣніе»). Этотъ журналъ основанъ перваго февраля 1809 г. пресловутымъ лондонскимъ книгопродацемъ и издателемъ, Джономъ Мурреемъ, сыномъ и наслѣдникомъ основателя фирмы Муррей, и до сихъ поръ считается однимъ изъ лучшихъ англійскихъ журналовъ. Выходя съ самаго начала своего существованія четыре раза въ годъ, онъ составляетъ органъ торійской партіи и вообще выражаетъ до послѣдняго времени во всѣхъ отношеніяхъ консервативное направленіе. Поэтому онъ всегда былъ и остается соперникомъ «Вестминстерскаго обзорѣнія», основаннаго ранѣе, въ 1802 г., и выходящаго до настоящаго времени, хотя и значительно лишившагося за послѣдніе годы прежняго успѣха. Напротивъ, юбиларный журналъ до сихъ поръ имѣетъ большой успѣхъ, хотя и въ своемъ спеціальномъ отношеніи. Первымъ его редакторомъ былъ Вильямъ Джиффордъ, и въ первомъ номерѣ находилось восемнадцать статей, начиная съ «Affaires d'Espagne», за которой слѣдовалъ рядъ литературныхъ очерковъ о Борнсѣ, санскритскомъ языкѣ, короляхъ Георгахъ, рѣчахъ Куррана и т. д. Хотя всѣ статьи не отличались большимъ интересомъ, но журналъ имѣлъ большой успѣхъ, и первое изданіе его разошлось въ четырехъ тысячахъ экземплярахъ, такъ что потребовалось второе изданіе. Вскорѣ потомъ сэръ Вальтеръ Скоттъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этого журнала и настаивалъ на томъ, чтобы «Quarterly Review» придавали все болѣе и болѣе литературное значеніе. Въ пятомъ номерѣ появился извѣстный очеркъ поэта Соути о Нельсонѣ, за который Муррей заплатилъ сто гиней, что тогда считалось суммой очень значительной. Съ каждымъ годомъ успѣхъ «Quarterly Review» все возрасталъ, выходя въ количествѣ двѣнадцати и пятнадцати тысячъ экземпляровъ. Послѣ смерти втораго Муррея ему наслѣдовалъ его сынъ Муррей III, который, хотя продолжалъ заботиться о своемъ журналѣ, но главнымъ образомъ разбогатѣлъ отъ изданія «Путеводителя по Европѣ» и сочиненій Дарвина, Ливингстона и Смайлса. Теперешній Джонъ Муррей IV продолжалъ издательскій трудъ не болѣе года, и его мѣсто занялъ сначала Джорджъ Протэро, а теперь, какъ книгами, такъ и журналами, уже около десяти лѣтъ руководитъ его братъ, Роландъ Протэро. Изъ оригинальныхъ чертъ «Четвертнаго Обзорѣнія» было то обстоятельство, что всѣ статьи были анонимныя, только въ послѣдніе годы нѣкоторые авторы стали давать свои подписи.

Спустя три дня, въ Германіи и Англійи праздновалось столѣтіе любимаго нѣмцами и англичанами, но далеко не гениальнаго композитора—Мендельсона-Бартольди. Еврейскаго происхожденія, внукъ философа Моисея Мендельсона и сынъ банкира Мендельсона-Бартольди, онъ родился въ Гамбургѣ 3 февраля 1809 г. и съ юныхъ лѣтъ выказалъ музыкальныя способности, такъ что на

десятомъ году игралъ на фортепiano въ концертахъ. Это, однако, не мѣшало ему заниматься науками, именно древними и новыми языками, а также философiей. Только съ 1829 г. онъ предался исключительно музыкѣ, сочиняя ораторiи, увертюры и прочія музыкальныя произведенiя въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Дюссельдорфѣ. Впрочемъ, онъ давалъ концерты въ Парижѣ, Итали и Англии, которую посѣтилъ десять разъ. Въ послѣдней странѣ онъ пользовался особымъ успѣхомъ, и англичане съ восторгомъ встрѣчали его увертюру къ пьесѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» — Шекспира, ораторiю «Илья» и «Шотландскую сонату». Королева Викторiя чрезвычайно любила Мендельсона-Бартольди и пѣла его «Пѣсни безъ словъ» подлѣ его личный аккомпаниментъ. Несмотря на популярность его произведенiй въ Германiи и Англии, его нельзя заподозрѣть въ генiальности, а относительно его «Пѣсней безъ словъ» серьезные критики говорили: «въ этихъ пѣсняхъ не только нѣтъ словъ, но и нѣтъ никакого смысла». Вообще всѣ его сочиненiя отличаются безцвѣтностью и сухостью. Въ 1835 г. онъ женился на Цецили Рэно, дочери французскаго реформатскаго пастора. Мендельсонъ еще написалъ кантату «Первая Вальбургiева ночь» и отрывки изъ оперы «Лорелей». Умеръ онъ тридцати восьми лѣтъ въ Лейпцигѣ въ 1847 г. отъ нервнаго удара. Что же касается юбилея Мендельсона-Бартольди, то нѣмцы довольно скромно отпраздновали его во всѣхъ большихъ городахъ vaterland'a, тогда какъ въ Лондонѣ состоялся цѣлый рядъ концертовъ въ его честь, конечно, состоящихъ исключительно изъ его произведенiй.

Наконецъ 12 февраля ознаменовалось столѣтнимъ юбилеемъ двухъ знаменитыхъ людей, родившихся въ одинъ день — великаго ученаго Дарвина и славнаго освободителя негровъ — Линкольна. По поводу этого двойного торжества, Тейеръ въ «North American Review» чрезвычайно краснорѣчиво говоритъ: «Во всей исторiи вѣтъ такого примѣра, чтобы два великiе человека, если не одной нации, то одной расы, родились бы въ одинъ и тотъ же день и годъ: англо-саксонскiй народъ 12-го февраля дружно празднуетъ юбилей Линкольна, выразившаго всеобщую народную преданность къ справедливости, и Дарвина, выразившаго не менѣе яркую преданность истинѣ». Безъ всякаго сомнѣнiя, изъ этихъ двухъ юбилеевъ наиболѣе генiальное — столѣтiе Дарвина, который, по словамъ профессора Тимирязева въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы», «отмѣтилъ новую эру въ поступательномъ движенiи цивилизованнаго мiра» и былъ, какъ выразился Уотсонъ, «величайшимъ революционеромъ въ естествознанiи нашего вѣка или, вѣрнѣе, всѣхъ вѣковъ». Тотъ же Тимирязевъ оканчиваетъ свою статью словами: «Дарвинъ далъ мiру законъ естественнаго подбора и тѣмъ навсегда оградилъ положительную науку отъ вторженiя въ ея область и креациониста-теолога и финалиста-метафизика». Въ шведской же литературѣ привѣтствуется столѣтiе Дарвина въ стокгольмскомъ журналѣ «Ord och Bild» одна изъ представительницъ феминизма — Бега Грѣнбергъ. По ея словамъ, великiй естествоиспытатель называлъ себя агностикомъ и, критикуя обычные аргументы въ пользу существованiя Бога, находилъ, однако, въ природѣ доказательство верховной мысли. Характеризуя Дарвина, она замѣчаетъ, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ отцовъ и человекомъ, любив-

шимъ, чтобы его уважали первостепенные ученые, но не ставившимъ ни въ грошъ восторгъ толпы.

Само собой разумѣется, что всего болѣе славословили гениальнаго юбиляра въ Англіи и особенно прелестную статью о немъ написалъ въ «*Cornhill Magazine*» Леонардъ Гексли, сынъ одного изъ самыхъ блестящихъ послѣдователей Дарвина. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ, что въ дѣтствѣ для него Дарвинъ былъ самой любимой фигурой и онъ до сихъ поръ представляетъ его себѣ подлѣ дѣтскаго стола въ ихъ домѣ, съ улыбкой говорящимъ самому младшему изъ нихъ: «Будь какъ дома и ѣшь какъ можно больше!» Замѣчательно, по мнѣнію Гексли, что великій человѣкъ казался скорѣе талантливымъ любителемъ, чѣмъ ученымъ специалистомъ, и въ своихъ письмахъ онъ говорилъ, что не знаетъ многихъ подробностей относительно своей коллекции растений. Во всѣхъ отношеніяхъ его можно было, по увѣренію Гексли, назвать — народнымъ кальвинистомъ. Въ концѣ своей блестящей характеристики Дарвина авторъ говоритъ: «Потому его роль въ эволюціонномъ движеніи и была велика, что онъ самъ, какъ человѣкъ, былъ еще чѣмъ-то болѣе великимъ».

Что касается біографіи Дарвина, то она очень немногосложна. Онъ былъ сыномъ доктора и, по его собственнымъ словамъ, «умнѣйшаго человѣка на свѣтѣ», воспитаніе онъ получилъ въ школѣ роднаго города Шрюсбэри и такъ мало въ ней занимался ученіемъ, что отецъ говорилъ ему: «Ты только заботишься о томъ, чтобы играть съ собаками и ловить крысъ, такъ что, право, ты будешь позоромъ для себя и твоего семейства». Далѣе онъ года два готовился въ доктора въ Единбургѣ, а вслѣдъ затѣмъ вздумалъ поступить въ пасторы, но и это не осуществилось, а, вступивъ въ кембриджскій университетъ, онъ занимался тамъ геологіей, ботаникой и зоологіей. Выйдя изъ университета, онъ пять лѣтъ путешествовалъ на кораблѣ «Бигль», а затѣмъ съ 1842 г. по день своей смерти въ 1882 г. жилъ уединенно въ Доунѣ, занимаясь своими знаменитыми научными трудами, которые доставили ему неувядаемую славу. Впрочемъ, англиканское духовенство питало къ нему самую непримиримую ненависть; и даже одинъ пасторъ въ его родномъ Кембриджѣ, говоря проповѣдь по случаю снесенія вѣтромъ крыши съ одной церкви, объяснилъ это несчастіе тѣмъ, что кембриджскій университетъ предполагалъ воздвигнуть статую Дарвину.

Того же 12 февраля не было ни одного города, ни одного большого селенія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ не праздновалось бы съ большимъ торжествомъ столѣтіе дня рожденія Авраама Линкольна, если не интеллектуальнаго гения, то великаго государственнаго дѣятеля, славнаго патріота и человѣка въ полномъ значеніи этого слова. Недаромъ поэтъ Ловель назвалъ его «первымъ американцемъ», хотя этотъ титулъ онъ заслуживаетъ наравнѣ съ столь же безсмертнымъ Вашингтономъ. Американская литература и журналистика переполнены этюдами и очерками этой замѣчательной личности, особенно же заслуживаетъ вниманія февральская книжка «*Century Magazine*», которая названа: «Юбилейнымъ номеромъ Линкольна». Въ немъ помѣщено двадцать два портрета славнаго юбиляра, изъ которыхъ одинъ раскрашено

ный; а также приложена раскрашенная картинка, изображающая Линкольна юношей, изучающимъ законы въ мелочной лавочкѣ, гдѣ онъ служилъ въ городѣ Салемѣ, въ штатѣ Иллинойсѣ. Въ этой же книжкѣ журнала помѣщенъ историческій очеркъ, подъ заглавіемъ: «Линкольнъ народный вождь», Ричарда Джильдера, по словамъ котораго, Линкольнъ съ каждымъ днемъ становится въ глазахъ американцевъ величайшимъ и величайшимъ челоуѣкомъ, котораго можно только сравнить съ «святымъ Галилеяниномъ». Характеризуя личность юбиляра, авторъ указываетъ главнымъ образомъ на его челоуѣколюбивую терпимость, глубоко-гуманную политику, безконечную любовь къ американскому народу и неизмѣнную преданность своимъ ближайшимъ сторонникамъ въ дѣлѣ освобожденія негровъ. Имѣя всѣ высшія достоинства государственнаго челоуѣка, Линкольнъ, очевидно, обладалъ необыкновеннымъ мужествомъ, неимоверной силой воли и, кромѣ этихъ великихъ способностей, ему принадлежалъ своеобразный веселый юморъ. Двѣ конечныя цѣли намѣтилъ онъ въ концѣ своей жизни—возстановленіе единства родины и освобожденіе негровъ, что ему и удалось цѣной мученической смерти на 54 году жизни. Кромѣ любопытной характеристики Линкольна, въ той же книжкѣ американскаго журнала чрезвычайно блестяще очерчена личность Линкольна его секретаремъ Джовомъ Геємъ и впервые напечатаны его письма, посланныя въ 1856 г. къ своему товарищу Лиману Трумбулю.

Этими статьями еще не исчерпываетъ «Century Magazine» своихъ очерковъ и силуэтовъ, касающихся Линкольна: въ апрѣльскомъ номерѣ онъ даетъ четыре этюда объ убійствѣ президента, о послѣднемъ днѣ его жизни и вообще объ его любви къ театру, преимущественно къ тому, гдѣ онъ погибъ столь мученической смертью. Относительно этого трагическаго событія напечатано интересное письмо миссъ Шепердъ, присутствовавшей лично при убійствѣ великаго президента въ театрѣ Форда въ Вашингтонѣ 16 апрѣля 1865 г. на прощальномъ бенефисѣ Лоры Кинъ, на которомъ присутствовалъ Линкольнъ по просьбѣ своей жены, желавшей видѣть пьесу «Нашъ американскій двоюродный братецъ». По случаю недавней побѣды надъ югомъ, театръ былъ весь разукрашенъ флагами, такъ что бывшая тамъ миссъ Шепердъ не видѣла въ ложѣ ни президента, ни его жены. «Въ первомъ антрактѣ,—разсказываетъ она:—послышался пистолетный выстрѣлъ: мы думали, что такъ слѣдовало по пьесѣ, но вдругъ изъ президентской ложи выскочилъ на сцену второстепенный актеръ, Вилькъ Бутъ, размахивая кинжаломъ и восклицая: «Югъ отмщенъ!» Затѣмъ онъ скрылся за декораціями. Линкольнъ былъ убитъ, и бездыханное его тѣло вынесли изъ театра. Что же касается его убійцы, то онъ, въ свою очередь, былъ умерщвленъ арестовавшими его солдатами.

О разностороннихъ обстоятельствахъ жизни великаго президента говорить нечего — они извѣстны всѣмъ, начиная съ его рожденія въ бѣдной квакерской семьѣ въ Кентукки, ученія только въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ сельской школѣ, юныхъ лѣтъ, проведенныхъ дровосѣкомъ въ лѣсахъ Иллинойса, потомъ самообученія юриспруденціи, дѣятельности въ качествѣ деревенскаго адвоката и, затѣмъ, избранія въ члены конгресса, а въ концѣ концовъ появленія его въ Вашингтонѣ президентомъ американской респуб-

лики. О подвигахъ его въ этомъ послѣднемъ званіи также излишне говорить, потому что всякій знаетъ, какъ скромный бѣдный дровосѣкъ, дойдя до первой ступени власти на своей родинѣ, освободилъ рабовъ. Теперь американцы славословятъ этого великаго человѣка по случаю его столѣтія. Впрочемъ, и европейцы чествуютъ американскаго юбиляра; такъ, въ итальянскомъ журналѣ «Nuova Antologia» Агрести высоко возносятъ великаго гражданина, который сумѣлъ соединить въ своей благородной возвышенной душѣ чувство долга и непреодолимую справедливость.

— Смерть Канціо, Сальвемини, графини Шабрильянъ, маркиза Ноайль, Резека, графа Росселя-Киллога, Рейфершеда и Близа.— Недавно умеръ въ Генуѣ мужъ дочери Гарибальди, Стефано Канціо и безвѣстно исчезъ во время мессинской катастрофы молодой писатель Гаэтано Сальвемини. Относительно перваго можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могикановъ гарибальдѣйской эпохи. Онъ родился въ Генуѣ въ 1837 году и былъ сыномъ живописца, который готовилъ его къ той же профессіи. Однако двадцати лѣтъ онъ отказался отъ отцовскаго ремесла, чтобы посвятить себя освободительному движенію. Женившись на дочери великаго патріота, онъ принялъ участіе во всѣхъ его геройскихъ предпріятіяхъ. Онъ находился въ знаменитой «Тысячѣ», овладѣвшей Сициліей, и былъ серьезно раненъ при атакѣ Палермо. Въ 1867 году онъ прославился въ битвѣ при Ментацѣ и въ качествѣ начальника арьергарда прикрывалъ отступленіе. Во время франко-германской войны онъ вмѣстѣ съ Гарибальди воевалъ во Франціи противъ нѣмцевъ и заслужилъ тамъ такую славу, что правительство Тьера предложило ему орденъ Почетнаго Легіона, но онъ не принялъ его, объяснивъ свой отказъ слѣдующей причиной: «я истинный республиканецъ и, защищая республику, я только исполнилъ свой долгъ. Какъ воинъ Гарибальди, я не хочу ничего привнать отъ правительства, созданнаго публичнымъ собраніемъ, которое оскорбило великое имя Гарибальди». Возвратясь въ Италію, онъ занялся торговыми дѣлами, которыя велъ съ Франціей, а въ 1891 году его избрали въ депутаты отъ Феррары. Однако онъ оставался имъ не долго и затѣмъ до самой своей смерти занимался экономическими и рабочими вопросами въ самомъ либеральномъ духѣ.

Что касается Сальвемини, то ему было тридцать пять лѣтъ и онъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ историческихъ книгъ, въ томъ числѣ «Французской революціи» и не оконченной «Исторіи итальянскаго ризорджименто». Кромѣ того, онъ постоянно писалъ въ итальянскихъ газетахъ, особенно въ римской «Critica sociale» и въ флорентійской «Voce», которыя до сихъ поръ помѣщаютъ его статьи по нравственнымъ и общественнымъ вопросамъ. Недавно онъ основалъ университетскую ассоціацію для поддержанія южно-итальянскаго юношества, и ужасная катастрофа застала его въ Мессинѣ съ женою, ея сестрой и пятью его малолѣтними дѣтьми. Есть доказательства смерти всей семьи Сальвемини, но относительно его самого—нѣтъ положительныхъ свѣдѣній; даже полагали, что онъ живъ и тяжело раненый находится близъ Катани. Однако отправившійся туда на поиски за нимъ одинъ изъ его пріятелей также безъ вѣсти исчезъ.

Подъ почтенной аристократической фамилией графини Шабрильянъ скрывалась знаменитая царица полувѣта июльской монархіи Селеста Могадоръ. Родившись въ 1834 году въ низкой средѣ парижскихъ трущобъ, маленькая Селеста Венаръ провела дѣтство въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ и послѣ жестокаго истязанія, произведеннаго надъ нею ея родителями, была подобрана на улицѣ одной проституткой, которая пріютила ее въ своемъ скромномъ жилищѣ. Понятно, какого рода воспитаніе могла ей дать эта проститутка, и въ 1846 году Селеста торжественно появилась въ Мабиллѣ и Прадо, гдѣ пріобрѣла громкую славу, такъ что Надо воспѣвалъ ее въ своихъ стихахъ. Она не отличалась красотой, но лицо ея было выразительно, а фигура видная. Послѣ многихъ лѣтъ уличной популярности, Могадоръ вышла замужъ за графа Шабрильяна, бывшаго французскимъ консуломъ въ Мельбурнѣ въ Австраліи. Не принятая тамошнимъ обществомъ, она черезъ два года вернулась во Францію, но не возвратилась болѣе къ своей прежней веселой жизни, а, занявшись изученіемъ французской литературы, принялась писать романы и нѣсы. Изъ первыхъ извѣстны: «Memoires d'une honnête fille», а въ числѣ послѣднихъ были «Les voleurs d'or» и «Sapho». Въ 1863 году она сдѣлалась директриссой театра «Folie Marigny» въ Елисейскихъ поляхъ, но неудачно и черезъ годъ ее признали несостоятельной. Болѣе всего прославили ее «Мемуары Селесты Могадоръ» въ пяти томахъ, но императорская полиція нашла нужнымъ секвестровать два изданія этой книги. Послѣдніе годы своей жизни она провела въ большой нищетѣ, но всячески старалась возстановить свое доброе имя.

Въ концѣ февраля умеръ въ Парижѣ маркизъ Эмануэль Ноайль, извѣстный французскій дипломатъ и историкъ, родившійся въ 1830 году. Большую часть своей жизни маркизъ провелъ аристократомъ, не служившимъ ни одному правительству—ни орлеанскому, ни императорскому. Уже много времени спустя, въ 1871 году, онъ присоединился къ третьей республикѣ, и Тьеръ назначилъ его посланникомъ въ Вашингтонъ. Потомъ онъ занималъ тотъ же постъ сначала въ Италіи, а затѣмъ въ Константинополѣ. Наконецъ маркизъ былъ отправленъ посломъ въ Берлинъ и сдѣлался *persona grata* Вильгельма II. Благодаря его личнымъ отношеніямъ къ императору, онъ сумѣлъ ловко устранить всѣ дипломатическія затрудненія, такъ что никакое французское посольство не устранивало дѣлъ такъ спокойно и безъ инцидентовъ, какъ маркизъ Ноайль. Въ 1902 году онъ вышелъ въ отставку съ орденомъ почетнаго легіона I-й степени. Кромѣ своей дипломатической дѣятельности, Ноайль писалъ историческія сочиненія, преимущественно по исторіи Польши; изъ нихъ извѣстны: «La Pologne et ses frontières», «Henri de Vallois et la Pologne en 1572 an» и «La poésie polonaise».

Въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ любители исторіи, географіи и философіи лишились трехъ замѣчательныхъ людей—чеха Резека, франко-англичанина графа Росселя-Киллога и нѣмца Рейфершеда. Первый изъ нихъ родился въ Храдекѣ 13 января 1853 года и, принадлежа къ очень скромному семейству, началъ свою карьеру ученикомъ часового мастера, но потомъ всецѣло отдался изученію исторіи. Окончивъ университетскій курсъ въ Прагѣ, онъ былъ рано отмѣченъ профессоромъ Томэкомъ, который взялъ его въ помощники. Онъ

основатель въ Прагѣ историческій журналъ и былъ его первымъ редакторомъ. Въ 1896 году онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ вѣнскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а черезъ четыре года императоръ Францъ-Юсифъ сдѣлалъ его чешскимъ министромъ безъ портфеля. Спустя нѣсколько лѣтъ, его избрали въ чешскіе депутаты, но, по нездоровью отъ излишнихъ занятій, онъ былъ принужденъ отказаться отъ этого званія. Почти всѣ его труды касались современной исторіи Чехіи. Онъ написалъ «Исторію Чехіи и Моравіи въ новѣйшее время» и «Исторію Фердинанда I, короля чешскаго». Онъ также сотрудничалъ въ историческихъ журналахъ и издавалъ архивные документы.

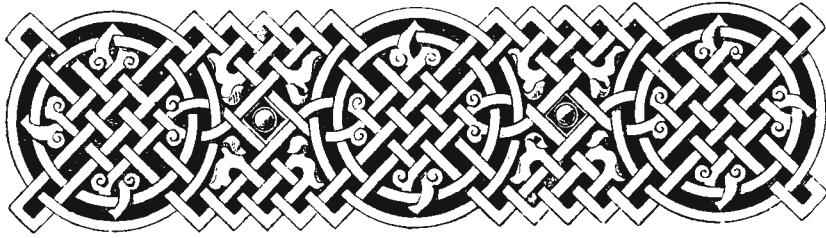
Графъ Генри Россель-Киллогъ хотя родился въ Тулузѣ въ 1834 г., но былъ сыномъ поселившагося въ городѣ Но прландскаго аристократа, женившагося на французкѣ Гроссоль-Фламаранъ. Первоначальное свое воспитаніе онъ получилъ во Франціи, а высшее образованіе окончилъ въ Ирландіи. Съ юныхъ лѣтъ онъ выказалъ страсть къ путешествіямъ. Прежде всего онъ совершилъ на кораблѣ поѣздку въ Перу и во время девятимѣсячнаго плаванія по морю проводилъ все свое время за чтеніемъ на верху мачты. Въ 1858 г. онъ предпринялъ трехлѣтнее странствіе въ Петербургъ, Москву, Пекинъ и Кяхту, гдѣ встрѣтилъ генерала Муравьева, только что завоевавшего Амурскую область, и вмѣстѣ съ нимъ отправился внизъ по Амуру. Затѣмъ онъ посѣтилъ Японію, Гонгъ-Конгъ, Австралію и Новую-Зеландію, гдѣ онъ заблудился въ горахъ и три дня оставался безъ пищи. Наконецъ, достигнувъ Сиднея и Калькутты, онъ изслѣдовалъ Гималайскія горы и Сиккимъ. Послѣ трехлѣтнихъ странствій онъ вернулся во Францію чрезъ Константинополь, Венгрію и Италію; результатъ этого громаднаго путешествія вышелъ подъ заглавіемъ «Шесть тысячъ миль по Азій, Австраліи и Индіи». Спустя нѣсколько лѣтъ онъ подробно изслѣдовалъ Пиренейскія горы, гдѣ любимымъ его мѣстомъ былъ Виньемаль. Тамъ онъ открылъ семь замѣчательныхъ гротовъ, которые описаны имъ въ нѣсколькихъ книгахъ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы онъ продолжалъ посѣщать любимый имъ Виньемаль, въ которомъ онъ былъ всего тридцать разъ. Его можно назвать пѣвцомъ Пиренеевъ, такъ красиво и краснорѣчиво онъ описалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ особенно заслуживаютъ вниманія «Воспоминанія горца».

Третій февральскій покойникъ—профессоръ Рейфершедъ умеръ—въ Грей-февальдѣ, гдѣ съ 1877 г. онъ былъ профессоромъ философскаго факультета мѣстнаго университета. Онъ издалъ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ: «Quellen zur Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland während des siebzehnten Jahrhunderts», «Freundschaftsbriefe von Wilhelm und Jakob Grimm» и «Neun Texte zur Geschichte der religiösen Aufklärung in Deutschland während des vierzehnten und funfzehnten Jahrhunderts».

8 марта скончался въ Римѣ Вильямъ Близъ, извѣстный всѣмъ англійскимъ ученымъ, посѣтившимъ Вѣчный городъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ считался литературнымъ и ученымъ англійскимъ консуломъ въ Римѣ и ничего не жалѣлъ для оказанія помощи своимъ соотечественникамъ. Генри Близъ родился въ 1835 г. и воспитывался въ Винчестерѣ, а

потомъ въ оксфордскомъ университетѣ, затѣмъ онъ сдѣлался настоятелемъ, но въ 1869 году перешелъ въ католическую вѣру. Женившись на Сесиль Рай, онъ нѣсколько лѣтъ служилъ секретаремъ въ Бодлеянской библиотекѣ въ Оксфордѣ, а въ 1876 г. перешелъ въ Римъ въ качествѣ англійскаго ученаго секретаря ватиканскаго архива. Въ этомъ званіи онъ пребывалъ долго и напечаталъ много томовъ архивныхъ изданій. Онъ такъ пламенно занимался архивными изысканіями, что не довольствовался одними римскими, неаполитанскими и миланскими архивами, а съ тою же цѣлью ѣздилъ въ Цюрихъ и Стокгольмъ. Еще не мѣшаетъ замѣтить, что онъ былъ назначенъ учителемъ англійскаго языка при молодомъ принцѣ Неаполитанскомъ и замѣчательно, что онъ отказался отъ всякаго содержанія.

С М Ъ С Ъ.

ВЫСТАВКА древностей въ царскосельскомъ дворцѣ. 9 марта въ Александровскомъ царскосельскомъ дворцѣ императорскою археологическою комиссіею были представлены на воззрѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ древности, поступившія въ комиссію за послѣднее время. Объясненія давали графъ А. А. Бобринскій, Н. П. Веселовскій и Б. В. Фармаковскій. Раскопки и случайныя находки ежегодно доставляютъ этому центральному учрежденію по русской археологіи множество древностей со всѣхъ концовъ нашей обширной имперіи, — древностей, разнообразныхъ, какъ по времени, такъ и по культурамъ, требующихъ постояннаго и упорнаго труда со стороны членовъ комиссіи и стороннихъ археологовъ для научнаго описанія всѣхъ этихъ памятниковъ отдаленнаго прошлаго. Предметы, цѣнные въ матеріальномъ и художественномъ отношеніяхъ, дають намъ преимущественно Югъ. За данное время онъ поддержать свою славу замѣчательной и покуда единственной овальной застѣжкой изъ горнаго хрустала въ золотой оправѣ, съ портретнымъ изображеніемъ Люція Вера (131 † 168), соправителя императора Адриана. По красотѣ и по тонкости исполненія застѣжка отличается поразительнымъ эффектомъ; она найдена вмѣстѣ съ другими золотыми вещами въ могилѣ близъ Батума, на землѣ г. Константинаова. Греческія колоніи на югѣ Россіи продолжаютъ обогащать насъ предметами древне-классическаго міра. Ольвія (въ Херсонской губ.) дала замѣчательную костяную рѣзную женскую фигуру, сосудъ финикійскаго стекла, нѣсколько эпиграфическихъ памятниковъ и мраморную женскую голову половины V вѣка до Р. Х., школы Фидія. Художникъ Д. С.

Селлецкій реставрировалъ ее въ гипсѣ и раскрасилъ, какъ раскрашивали статуи греки (раскопки В. В. Фармаковского). Изъ Березани особеннаго вниманія заслуживаютъ архаическія статуэткі, и между ними изящный расписной фляконъ въ видѣ головы воина въ кожаномъ шлемѣ, начала VI вѣка до Р. Х. (раскопки Э. Р. фонъ-Штерна). Въ Херсонесѣ сдѣланы открытія предметовъ поздне-греческаго періода (раскопки Н. И. Рѣвникова) и храмъ византійскаго времени. Пантикапея (Керчь) доставила значительное количество погребальныхъ предметовъ, среди которыхъ много интересныхъ золотыхъ серегъ, колець и другихъ украшеній, а также произведенія керамики, между прочимъ краснолаковая ваза съ изображеніями журавлей и змѣй, затѣмъ стекло (Раскопки В. В. Шкорпила). Въ Тавансѣ позднѣйшаго періода было обнаружено раскопками сплошное кладбище, къ сожалѣнію, ограбленное въ древности. Удѣлѣли погребенія въ урнахъ, и одно изъ нихъ доставило новые типы нашивныхъ золотыхъ бляшекъ и предметовъ украшеній; особенно интересна большая золотая серьга съ статуэткой Ники, по всей вѣроятности, брошенной въ костеръ одною изъ родственницъ покойнаго. (Раскопки Н. И. Веселовскаго). Изъ Кавказа происходитъ большая коллекція мелкихъ золотыхъ предметовъ и сосудовъ изъ серебра и бронзы. Въ курганахъ XIV вѣка попадались женскія серебряныя украшенія, одинъ большой серебряный ножъ, гладкая рѣдкаго блеска золотая чашка. Въ болѣе древнихъ курганахъ, оказавшихся уже разоренными, встрѣтились нашивныя золотыя бляшки и одно мѣдное навертѣ съ головою грифона (раскопки Н. И. Веселовскаго). Въ Кіевской губерніи, гдѣ археологу приходится испытывать разочарованія вслѣдствіе древнихъ расхищеній, теперь посчастливилось открыть нетронутое древнее погребеніе съ интересной обстановкой; особеннаго вниманія заслуживаетъ большой желѣзный ножъ съ золотою рукояткой, на которой отгиснуты зайцы, затѣмъ золотое ожерелье. (Раскопки графа А. А. Бобринскаго). Въ Воронежской губерніи, въ одномъ курганѣ было обнаружено не потревоженное сарматское погребеніе, давшее пару замѣчательныхъ золотыхъ серегъ, нашивную бляшку и бронзовыя украшенія съ изображеніемъ звѣрей (раскопки Н. Е. Макаренко). Не отсталъ отъ такого богатства и Сѣверъ. Пермская губернія, отличающаяся находками знаменитыхъ сассанидскихъ серебряныхъ блюдъ, на этотъ разъ обогатила насъ такимъ количествомъ ихъ, какое обыкновенно составляетъ годами. Въ лѣсу деревни Климовой, Шадринскаго уѣзда, въ одномъ мѣстѣ случайно было найдено въ два приѣма восемь серебряныхъ сосудовъ: ведро, четыре сассанидскихъ блюда и три византійскихъ. На одномъ видимъ изображеніе царя Санора III (въ концѣ IV вѣка по Р. Х.). Особенный интересъ имѣли первыя научныя изысканія въ городѣ Кіевѣ, близъ Десятинной церкви, причемъ выяснился первоначальный планъ церкви, открытъ шиферный саркофагъ и нѣсколько языческихъ погребеній. Изъ найденныхъ предметовъ заслуживаютъ вниманія каменный образокъ Симеона Столпника, золотой медальонъ и золотая подвѣска, являющаяся подражаніемъ монетъ императора Василія II (раскопки Д. В. Михѣева). Въ Вятской губерніи изслѣдованъ обильный Поломскій могильникъ (раскопки г. Тарасова). Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ раскопаны Ю. Г. Гендуно нѣсколько кургановъ съ интересными предметами погребенія.

Толстовская выставка. 15-го марта, въ 2 часа дня въ помещеніи театральнаго клуба открылась Толстовская выставка, организованная комитетомъ по устройству въ Петербургѣ дома-музея имени Л. Н. Толстого. Открытіе состоялось при многочисленной и разнообразной публикѣ, среди которой были члены выставочнаго комитета съ М. А. Стаховичемъ во главѣ, представители литературнаго и художественнаго міра, учащая молодежь и почитатели великаго писателя земли русской. Присутствовали, между прочимъ: М. М. Ковалевскій, сенаторъ А. Ф. Кони, сенаторъ Н. С. Таганцевъ, городской голова Н. А. Рѣзцовъ, членъ государственнаго совѣта Васильевъ, членъ государственной думы А. А. Савельевъ, лейбъ-медикъ Л. В. Бертенсонъ, директоръ Публичной библіотеки Д. Ф. Кобско, Л. Ф. Пантелѣевъ, Т. А. Кузминская, сестра графини С. А. Толстой, присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ. Богатый художественный отдѣлъ выставки открывается копіей съ портрета дѣда Л. Н. Толстого, графа П. А. Толстого, выведеннаго въ «Войнѣ и мирѣ» подъ пѣнемъ графа Пльи Ростова. Здѣсь же выставлены портреты и другихъ предковъ Л. Н. Художница Е. М. Бемъ выставила произведенія: тицы для «Власти тьмы» и силуэты къ «Первому винокуру» и «Сказкѣ объ Иванѣ дуракѣ», актеры, исполняющіе въ Александринскомъ и Маломъ театрахъ «Власть тьмы», «Ничій мальчикъ» къ статьѣ Толстого «Надоѣло», юбилейный портретъ Л. Н. и другіе. Аронсонъ экспонируетъ, кромѣ бюста Толстого, барельефъ Толстого изъ бронзы и 4 наброска карандашомъ, на которыхъ изображенъ Л. Н. П. А. Владиміровъ выставилъ виды Ясной Поляны, сдѣланные масляными красками. Въ художественномъ отдѣлѣ выставлены статуэтка и бюстъ Л. Н., работы Л. В. Набоковой. На первой площадкѣ лѣстницы, при подъемѣ на выставку выставлена большая картина Ю. Игумновой (масляными красками): «Л. Н. Толстой верхомъ на лошади». Князь П. Трубецкой экспонируетъ двѣ скульптуры: бюстъ Л. Н. и изображение Толстого, сидящаго верхомъ на конѣ. Г-жа Ясевичъ-Бородаевская выставила литую фигуру Толстого работы Каштымскихъ заводовъ— «Пахарь». Число барельефовъ Л. Н. Толстого изъ бронзы, фарфора, гипса и дерева значительно. Богаты также коллекціи фотографій. Съ особымъ вниманіемъ публика разсматриваетъ коллекцію В. Г. Черткова. Ф. А. Витбергъ выставилъ коллекцію журнальных иллюстрацій къ произведеніямъ Толстого. Богатую коллекцію фотографій, иллюстрацій и снимковъ экспонируетъ В. М. Воиновъ. Въ его коллекціи очень много карикатуръ, взятыхъ изъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ. Особый интересъ вызываютъ карикатуры: сожженіе Толстого Побѣдоносцевымъ, Толстой на кострѣ, Толстой въ аду и т. д. На выставкѣ имѣется также юбилейный выпускъ черносотеннаго журнала «Одесская Резина», въ которомъ напечатанъ рисунокъ, изображающій Л. Н. Толстого повѣшеннымъ. Рисунокъ снабженъ слѣдующей надписью: «Юбилейный подарокъ графу Л. Н. Толстому отъ редактора и сотрудниковъ «Одесской Резины». Въ статьѣ «Не могу молчать» графъ Л. Н. Толстой просилъ надѣть на его шею намыленную веревку и повѣсить его. Съ удовольствіемъ исполняемъ желаніе Толстого». Въ коллекціи Ф. Ф. Фидлера выдается первая фонограмма, списанная графиней А. Л. Толстой съ фонографа, присланнаго Эдиссономъ въ подарокъ Л. Н.

Толстому. Фонограмма эта гласитъ: «Говорятъ, что одна ласточка не дѣлаетъ весны. Но неужели оттого, что одна ласточка не дѣлаетъ весны, не летѣтъ той ласточки, которая уже чувствуетъ весну а дожидаться? Если такъ дожидаться всякой почки и травки, то весны никогда не будетъ. Также и намъ для установленія царствія Божія не надо думать о томъ, первая ли я, или тысячная ласточка». Съ особымъ вниманіемъ публика читала письмо Л. Н. Толстого къ А. М. Кузминскому. Письмо это написано въ 1896 году по поводу введенія монополіи въ Россіи и желанія графа Витте имѣть съ Л. Н. свиданіе. Письмо это выставлено съ согласія графа С. Ю. Витте. П. И. Бирюковъ выставилъ коллекцію журналовъ, издававшихся въ разное время въ разныхъ странахъ съ цѣлью распространенія идей Толстого. Рукописное отдѣленіе академіи наукъ собрало въ одной витринѣ гектографированныя изданія Л. Н. Толстого. Тутъ: «Не могу молчать», «Неужели это такъ надо», «Церковь и государство», «Христіанство и патріотизмъ», «Псевдохристіанская догматика», «Не убій», «Отвѣтъ на постановленія синода» и другія. Очень богатъ отдѣлъ переводовъ сочиненій Л. Н. Русскія произведенія о Толстомъ занимаютъ нѣсколько витринъ. Въ одной изъ нихъ печатные матеріалы о біографіи Толстого. Среди юбилейныхъ газетъ на иностранныхъ языкахъ двѣ газеты изъ Шанхая и съ острова Цейлона. Подъ стекломъ вывѣшено воззваніе святѣйшаго синода, приглашающее воздержаться отъ чествованія 80-лѣтняго юбилея Л. Н. Толстого. Комитетомъ выпущенъ и очень интересный каталогъ выставки. Интересно составленъ второй отдѣлъ каталога, заключающій въ себѣ названія всѣхъ книгъ, выставленныхъ академіей наукъ. Названія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и эта часть каталога имѣетъ бібліографическое значеніе; всего академія наукъ выставила 255 сочиненій разныхъ названій. Второй отдѣлъ открывается произведеніемъ Л. Н. Толстого: «Исторія моего дѣтства», помѣщеннымъ въ 1852 году въ «Современникѣ», и заканчивается недавно напечатанной статьей Л. Н.: «Христіанство и смертная казнь». Въ каталогѣ приводятся также данныя о числѣ изданій отдѣльныхъ произведеній Толстого. Сочиненіе «Дѣтство и отрочество» вышло въ 7 изданіяхъ въ Москвѣ и въ 3 въ Петербургѣ. Кромѣ того, въ 1900 году въ Москвѣ появились отрывки изъ этого произведенія. Разказы о севастопольской оборонѣ напечатаны въ 8 изданіяхъ (2 въ Москвѣ и 6 въ Петербургѣ), «Осада Севастополя» въ 6 изданіяхъ (4 московскихъ и 2 петербургскихъ). «Три смерти» изданы 12 разъ (Москва — 8 изданій, Одесса — 2 изданія, Петербургъ и Владимиръ — по 1 изданію). «Казни» вышли въ 4 изданіяхъ, «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ» — въ 11 изданіяхъ, «Кавказскій плѣнникъ» — въ 35 изданіяхъ (въ Москвѣ — 25 изданій, въ Петербургѣ — 9 и въ Одессѣ — 1), «Чѣмъ люди живы» — въ 17 изданіяхъ, «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» — въ 20 изданіяхъ (въ Петербургѣ — 3 изданія, въ Москвѣ — 13, въ Одессѣ — 2 и въ Харьковѣ и Владимирѣ — по 1), «Много ли человѣку земли нужно» — въ 10 изданіяхъ (въ Москвѣ — 8 и въ Кіевѣ и Харьковѣ — по 1), «Крейцера соната» — въ 10 изданіяхъ (въ Одессѣ — 3, въ Москвѣ и Петербургѣ по 2, и въ Женевѣ, Берлинѣ и Мелитополѣ по — 1), «Плоды просвѣщенія» — въ 8 изданіяхъ, «Смерть Ивана Ильича» — въ 10

изданіяхъ, «Хозяинъ и работникъ» — въ 29 издавіяхъ (въ Москвѣ — 10, въ Петербургѣ — 9, въ Одессѣ — 3 и въ Казани, Самарѣ, Орлѣ, Юрьевѣ, Томскѣ, Владимирѣ и Харьковѣ по — 1), «Что такое искусство» — въ 6 издавіяхъ. «Воскресеніе» напечатано въ 39 издавіяхъ. Кромѣ того, появились и извлеченія изъ романа: «Экзекуція», «Въ казематѣ», «Разсказъ Крыльцова» и «О смертной казни». Романы «Война и миръ» и «Анна Каренина» появились только въ 2-хъ отдѣльных издавіяхъ. Большимъ успѣхомъ пользуются «Русскія книги для чтенія». Первые двѣ книги напечатаны въ 28 издавіяхъ, третья — въ 23 и четвертая — въ 25. Академія наукъ выставила, кромѣ того, 105 сборниковъ отдѣльных произведеній Л. Н. Толстого. Полныхъ собраній сочиненій Л. Н. имѣется на выставкѣ 11. Первое появилось въ 1864 году въ 2 частяхъ, а послѣднее — въ 1903 году въ 14 частяхъ. Выставлено также полное собраніе сочиненій Толстого, запрещенныхъ русской цензурой и изданныхъ въ 10 томахъ за границей. Сочиненія эти вышли въ 1906 году въ Петербургѣ въ 3 разныхъ издавіяхъ. Очень богата коллекція академіи наукъ, заключающая литературу о Толстомъ на русскомъ языкѣ. Матеріалы для біографіи, воспоминанія, записки и т. п. составляютъ всего 152 произведенія, критика художественныхъ произведеній Толстого — 156 произведеній, критика «Крейцеровой сонаты», проблемы брака, семьи и женскій вопросъ — 28 произведеній, критика философскихъ сочиненій Л. Н. — 77, богословская критика — 205, педагогическая критика — 48, военная критика — 8, бібліографія, бібліографическія и мелкія критическія замѣтки — 153, пародіи, подражанія и другія — 21. Очень богато представленъ отдѣлъ переводовъ сочиненій Л. Н. Толстого на иностранныя языки. Коллекція эта выставлена Публичной бібліотекѣй. На нѣмецкомъ языкѣ имѣются 3 изданія полныхъ собраній сочиненій, «Анна Каренина» издана на нѣмецкомъ языкѣ въ 10 издавіяхъ, «Крейцера соната» — въ 32, «Воскресеніе» — въ 23, «Псовѣдь» — въ 10, «Казакъ» — въ 12 и т. д. На французскомъ языкѣ «Анна Каренина» появилась въ 12 издавіяхъ, «Война и миръ» — въ 8, «Воскресеніе» — въ 10, «Власть тьмы» — въ 6, «Въ чемъ счастье» — въ 12, «Казакъ» — въ 6 и т. д. На англійскомъ языкѣ два полныхъ собранія сочиненій. «Война и миръ» напечатано въ 10 издавіяхъ, «Анна Каренина» — въ 8, «Казакъ» — въ 7, «Смерть Пвана Ильича» — въ 6 и т. д. Переводы имѣются, кромѣ того, на итальянскомъ, испанскомъ, шведскомъ, датскомъ, норвежскомъ, голландскомъ, польскомъ, чешскомъ, хорватскомъ, украинскомъ, латышскомъ, эстонскомъ, финскомъ, татарскомъ, венгерскомъ и еврейскомъ. Сочиненій о Л. Н. Толстомъ на иностранныхъ языкахъ на выставкѣ 99, изъ нихъ 35 — на нѣмецкомъ языкѣ, 25 — на англійскомъ, 28 — на французскомъ, 3 — на итальянскомъ, 2 — на испанскомъ и т. д. Выставка закрылась 19 апрѣля.

На этнографической выставкѣ. Въ большомъ конференцъ-залѣ академіи наукъ 3 апрѣля открылась очень интересная выставка этнографическихъ коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Устроена она по инициативѣ Н. П. Воробьева, секретаря недавно возникшаго кружка любителей и ревнителей этнографіи, основаннаго при музеѣ антропологіи и этнографіи имени Петра Великаго. Участники въ выставкѣ главнымъ образомъ —

художникъ В. А. Плотниковъ, секретарь этнографическаго отдѣленія географическаго общества Н. Н. Виноградовъ, художники: А. Г. Новиковъ, Е. П. Воробьева, баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, профессоръ Н. П. Веселовскій, инженеръ Н. Ф. Романченко, художница В. Шнейдеръ, Н. П. Рукавишниковъ, г-жа Н. А. Люба, М. П. Вирюзовскій и др. Всѣ коллекціи разбиты по отдѣламъ—русскій, персидскій, туркестанскій, индійскій, китайско-японскій. Въ каждомъ отдѣлѣ собраны всевозможные предметы, интересные по своей рѣдкости или старинѣ: ковры, костюмы, украшения, религиозные предметы (много старообрядческихъ церковныхъ вещей), предметы домашняго обихода, роскоши. Въ коллекціи г. Плотникова—главнымъ образомъ простонародные костюмы—пермячки, крестьянки Архангельской губерніи. Интересенъ женскій старообрядческій монашескій костюмъ Выгорьцкой пустыни (Даниловскитъ), Олонейкой губерніи. Далѣе—старообрядческіе кресты съ намозгильныхъ памятниковъ (голубцовъ), также сѣверныхъ губерній, старообрядческая посуда, вышивки и т. п. Очень красивы въ этой коллекціи вышитые головные женскіе уборы и полотенца. Въ слѣдующей коллекціи—Н. Н. Виноградова, представлена, между прочимъ, наглядная исторія современной лубочной книги, начиная съ рукописной XVII вѣка. Здѣсь же красуется собраніе «противохолерныхъ» монетъ, металлическихъ крестовъ, кружковъ, собранныхъ во время послѣднихъ эпидемій. Любопытна «свѣча крученая, отъ врага лютаго»: ее ставили передъ иконой съ молитвой, чтобы Господь такъ скрутилъ врага, какъ скручена свѣча эта. Особо устроенная комната отведена для утвари изъ коллекціи А. Г. Новикова. Тутъ помѣщены: «подголовокъ», окованный желѣзомъ, такой же «ларецъ» XVII вѣка, сундукъ, ковшъ пивной росписной, «ендова точеная», «кунганъ узкогорлый», нѣсколько братинъ, рабочій ящикъ, обложенный «рыбынымъ зубомъ», и много подобныхъ мелочей, тоже весьма интересныхъ. Въ коллекціяхъ Е. П. Воробьевой и Н. Ф. Романченко—самыя разнообразныя женскія украшения, все древне-русскія, «костюмъ богачихи», поставцы, замки. Профессоръ Н. П. Веселовскій выставилъ любопытные музыкальные инструменты изъ Средней Азии; А. Г. Новиковъ—ковры, мѣдную посуду, оружіе изъ Туркестана. Г-жой Шнейдеръ представлена богатѣйшая коллекція ложекъ, употребляемыхъ въ Персіи, Польшѣ, Мексикѣ, Африкѣ, на Явѣ, въ Аннамѣ, Корей, Китаѣ, Россіи и т. д.—всего до 1.000 штукъ. Особенной художественностью отличаются древне-русскія монастырскія ложки, съ изображеніемъ сценъ изъ «житія святыхъ». При обзорѣ этой коллекціи нельзя не остановиться на «масонской ложкѣ», чуть ли не единственной въ Россіи. Г. Рукавишниковымъ прислана коллекція китайскихъ, японскихъ и тибетскихъ идиоловъ. Здѣсь выдѣляется большая мѣдная статуя многоголового и многорукаго Будды. Выставлено много восточныхъ шелковыхъ тканей (особенно изящны индійскіе шелковые платки, вышитые золотомъ, серебромъ и разными цвѣтами). Г-жой Люба вышитъ шелкомъ громадный японскій коверъ съ изображеніемъ двухъ львовъ, пьющихъ воду на рѣкѣ. Наконецъ музей Ботаническаго сада выставилъ коллекцію разныхъ сортовъ японской бумаги, съ демонстраціей растений, обрабатываемыхъ для ея получения.

Въ обществѣ любителей древней письменности. 22 марта въ обществѣ любителей древней письменности состоялось подъ предсѣдательствомъ почетнаго академика графа А. А. Голенищева-Кутузова собраніе, въ которомъ приняли участіе художники, представители науки и любители искусствъ. Присутствовавшіе были ознакомлены предсѣдателемъ съ программой предполагаемаго всероссійскаго съѣзда художниковъ, который будетъ имѣть цѣлью сберечь русское народное художественное творчество и направить въ эту сторону вниманіе нашихъ художественныхъ силъ. Въ эту программу, весьма обширную по своимъ задачамъ, между прочимъ входитъ устройство поѣздокъ художниковъ по различнымъ мѣстностямъ Россіи, замѣчательнымъ по красотѣ и богатству природы и пейзажа, или изобилующимъ памятниками художественной старины. Въ этомъ отношеніи особенно много можетъ дать нашъ Сѣверъ, столь мало намъ знакомый, еще хранящій художественные образцы древняго деревяннаго строительства, а также Владимиро-Суздальскій край, край Московскій и проч. Всероссійскій съѣздъ художниковъ имѣетъ своею цѣлью также единеніе художественныхъ силъ, работающихъ въ настоящее время безъ связи другъ съ другомъ и взаимной поддержки. Необходимость созыва съѣзда художниковъ по вопросамъ роднаго искусства особенно ощущается теперь. Въ высшемъ художественномъ училищѣ нашемъ отсутствуетъ преподаваніе русской иконописи, религіозной, фресковой и декоративной живописи. На медальерное искусство въ Россіи не обращено никакого вниманія. Наша художественная промышленность страдаетъ отъ наплыва западнаго, машиннаго художественно-промышленнаго товара, что происходитъ отъ полнаго незнакомства русскаго общества съ красотами нашего ручнаго народнаго творчества. Такovy въ общихъ чертахъ причины, вызывающія необходимость всероссійскаго съѣзда художниковъ. Послѣ живого обмѣна мнѣній единогласно выражено было сочувствіе идеѣ съѣзда на основаніяхъ, изложенныхъ въ программѣ. Слѣдующее собраніе назначено въ воскресенье на 7-ю миной для дальнѣйшей разработки положеній о съѣздѣ, рѣшенія вопроса о времени его созыва, мѣстѣ, обѣ устройствѣ содѣствующихъ съѣзду выставокъ.

Собраніе академіи художествъ. 18 марта, происходило собраніе членовъ императорской академіи художествъ и первое ея засѣданіе подъ предсѣдательствомъ новаго президента академіи ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Павловны. Къ 11 часамъ дня въ академію прибыли члены совѣта академіи, члены академіи, персоналъ ея профессоровъ, преподавателей и администраціи. Въ 11 часовъ пріѣхала великая княгиня въ сопровожденіи фрейлины Оливъ и княжны Гагариной, а также управляющаго дворомъ гофмейстера г.-л. князя Голицына и камергера Эттера. Ея императорское высочество встрѣтили внизу секретарь академіи камергеръ В. П. Лобойковъ, ректоръ высшихъ художественныхъ курсовъ профессоръ В. А. Беклемишевъ, хранители музея гг. Визель и Исаковъ и дѣлопроизводитель г. Беренсъ. Великая княгиня съ названными лицами прошла въ большой конференцъ-залъ, гдѣ собрались всѣ члены академіи, которыхъ представилъ великой княгинѣ секретарь академіи. Изъ большого конференцъ-зала всѣ прошли въ церковь академіи, гдѣ также находились ученики и ученицы высшаго

художественнаго училища. Здѣсь настоятель священникъ Любимовъ совершилъ молебствіе съ провозглашеніемъ царскаго многолѣтія и многолѣтія великой княгини, вѣчной памяти великому князю Владимиру Александровичу (причемъ всѣ приклонили колѣна) и многолѣтія начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Изъ церкви всѣ прошли въ малый конференцъ-залъ на собраніе академіи. Августѣйшій президентъ великая княгиня заняла предсѣдательское мѣсто предъ базисомъ величественной статуи императрицы Екатерины II, справа отъ нея императорскаго высочества сѣлъ старѣйшій изъ присутствовавшихъ членовъ, академикъ Боткинъ, слѣва—секретарь камергеръ Лобойковъ. Стоя выслушали всѣ высочайшій указъ о назначеніи президентомъ академіи великой княгини. Когда всѣ заняли мѣста, М. П. Боткинъ обратился съ пріѣтствіемъ къ августѣйшему президенту, высказавъ, что тяжелая утрата, понесенная академіей, облегчается счастьемъ, что великой княгини теперь вѣрено это художественное учрежденіе, единственное въ имперіи, которое великая княгиня и поведетъ на дальнѣйшемъ пути успѣха и развитія искусства. Секретарь академіи прочиталъ рѣчь ея императорскаго высочества: «Вступая по высочайшему государя императора повелѣнію въ исполненіе должности президента императорской академіи художествъ, я чувствую желаніе высказать, что это назначеніе принесло мнѣ въ моей глубокой скорби душевное удовлетвореніе, доставивъ мнѣ возможность положить мои труды и силы на пользу учрежденія, которое было близкимъ и дорогимъ сердцу въ Бозѣ почившаго августѣйшаго президента академіи, его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича, столь единодушно оплакиваемого. Я могла постоянно наблюдать, насколько усопшій великій князь любилъ академію, и я привыкла смотрѣть на академію, какъ на родное учрежденіе; теперь же, призванная къ управленію академіею, я намѣрена приложить всѣ старанія, чтобы исполнить свой долгъ, и я надѣюсь, что вы, господа, поможете мнѣ такъ же самосотверженно и безкорыстно, какъ вы помогали въ Бозѣ почившему дорогому и незабвенному августѣйшему президенту, вести академію къ пользѣ и процвѣтанію нашего родного русскаго искусства. Я вполне увѣрена, что ваши знанія и опытъ облегчатъ мою трудную и ответственную задачу, во мнѣ же вы всегда встрѣтите, какъ встрѣчали у великаго князя, полную внимательность ко всѣмъ касающимся академіи вопросамъ и искреннее стремленіе способствовать продолженію просвѣщенныхъ и благожелательныхъ традицій, установившихся въ академіи за время президентства въ Бозѣ почившаго великаго князя. Обращаясь мыслью къ протекшему на моихъ глазахъ 34-лѣтнему періоду президентства усопшаго великаго князя, я не могу не замѣтить, что этотъ періодъ времени почти заканчиваетъ наступающее черезъ пять лѣтъ 150-лѣтіе существованія нашей академіи и что за это время въ устройствѣ академіи произошли коренныя измѣненія. Совершенная въ 1893 году въ Бозѣ почившимъ августѣйшимъ президентомъ академіи, при дѣятельномъ участіи многихъ изъ числа здѣсь присутствующихъ, реформа превратила академію изъ учебнаго заведенія въ общегосударственное учрежденіе для распространенія искусства, съ привлеченіемъ въ академію общественныхъ силъ, составляющихъ академическое собраніе. Я полагаю, что эта реформа представляетъ

собою настолько выдающееся явленіе въ исторіи академіи, что надлежало бы воспользоваться наступающимъ 4 ноября 1914 года 150-лѣтнимъ юбилеемъ нашей академіи, дабы имѣть возможность сознательно оглянуться на пройденный путь, отмѣнить заслуги лицъ, потрудившихся для этого крупнаго дѣла, и безпристрастно оцѣнить плоды совершеннаго преобразованія. Въ надеждѣ, что академическое собраніе раздѣляетъ такое мое мнѣніе, я предлагаю, не признаетъ ли академическое собраніе своевременнымъ поручить совѣту академіи безотлагательно разработать предположеніе о томъ, какимъ образомъ слѣдовало бы ознаменовать предстоящее 150-лѣтіе дорогой намъ всѣмъ императорской академіи художествъ». Собраніемъ единогласно принято предложеніе августѣйшаго президента. Во время подписыванія журнала засѣданія фотографъ Булла, съ соизволенія великой княгини, снялъ фотографію съ торжественнаго собранія. Засѣданіе было закрыто, и, провожаемая присутствовавшими, великая княгиня отбыла изъ академіи.

25-лѣтіе «Измайловскихъ Досуговъ». Въ настоящемъ году исполнится двадцатипятилѣтіе «Измайловскаго Досуга». «Досуги» состоятъ въ чтеніяхъ, сообщеніяхъ по изящной словесности и по научнымъ предметамъ въ общедоступномъ изложеніи. На «Досугахъ» допускаются музыка и спектакли. Дѣйствительными участниками «Досуга» считаются почетные и дѣйствительные члены офицерскаго собранія л.-гв. Измайловскаго полка, а также выбывшіе изъ полка офицеры и врачи. Всѣми вопросами какъ по организаци «Досуговъ», такъ и по приглашенію лицъ на «Досуги» вѣдаетъ особый комитетъ. Предсѣдателемъ комитета состоитъ со дня основанія «Досуговъ» и до настоящаго времени великій князь Константинъ Константиновичъ. Первый «Измайловскій Досугъ» состоялся 2 ноября 1884 г.; мысль о возникновеніи «Досуговъ» явилась еще въ августѣ того же года въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ находились въ составѣ офицеровъ караула великій князь Константинъ Константиновичъ и др. Самая мысль «Досуговъ» принадлежитъ бывшему офицеру полка В. Ю. фонъ-Дрентельну, который внесъ, кромѣ того, немало своихъ произведеній въ продолженіе 24 лѣтъ существованія «Досуга». Самое названіе вечеровъ «Досугъ» далъ нынѣ умершій бывший измайловецъ флигель-адъютантъ Н. А. Косачъ. Всѣхъ «Досуговъ» до настоящаго дня было 223; на нихъ исполнено №№—1325, въ томъ числѣ собственныхъ произведеній—490. Число присутствовавшихъ членовъ «Досуга» — 9,348. Нѣкоторые «Досуги» были посвящены специально одному изъ выдающихся писателей. Два раза измайловскіе драматическіе «Досуги» удостоивались, по желанію Его Императорскаго Величества приглашенія для представленія въ царскіе театры.

Военно-психологическое общество. Годъ назадъ въ Петербургѣ образовалось чрезвычайно интересное и симпатичное общество военной психологій. Задача, поставленная имъ себѣ, еще слишкомъ мало разработана не только въ Россіи, но и въ заграничной печати. Между тѣмъ разрѣшеніе многихъ вопросовъ военной психологій, помимо научнаго интереса, имѣетъ и практическое значеніе въ примѣненіи къ военной педагогій и военнымъ наукамъ. Въ теченіе года въ обществѣ состоялось 22 доклада. Первымъ былъ докладъ доктора Шумкова «О психикѣ бойцовъ во время сраженія». Затѣмъ: военная

психологія, какъ наука; періодъ ожиданія боя; ощущеніе опасности и управленіе людьми; психологія раненныхъ; невольныя движенія бойцовъ во время боя; анализъ эмоцій боя; о паникѣ; причины моментальнаго группнаго окоченѣнія въ бою; о національныхъ чертахъ въ военномъ воспитаніи; сравненіе психики японскихъ и русскихъ войскъ и др. Изъ перечня этихъ темъ видно, насколько собранный въ нихъ матеріалъ обширенъ и интересенъ, въ особенности для военныхъ. Кромѣ чтенія и обсужденія докладовъ, общество составило анкету для участниковъ сухопутныхъ и морскихъ боевъ, офицеровъ и врачей, для собиранія матеріала по ихъ психологическимъ наблюденіямъ. Отвѣты будутъ собраны, сгруппированы и дадутъ совершенно новый у насъ матеріалъ для изученія. Общество собирается въ помѣщеніи «Общества ревнителей военныхъ наукъ» (Литейный, 20) и состоитъ изъ представителей всѣхъ родовъ оружія и врачей. Судя по росту числа участниковъ, общество, несмотря на недавнее свое возникновеніе, обратило на себя вниманіе въ военной средѣ и обѣщаетъ дальнѣйшее развитіе этого важнаго и интереснаго дѣла.

Историческіе памятники близъ Петербурга. 14 апрѣля въ Императорскомъ обществѣ архитекторовъ состоялся докладъ І. В. Михалева на тему: «Памятники начала Руси близъ Петербурга». По словамъ докладчика, сравнительно недалеко отъ столицы, въ 112 верстахъ отъ нея, на Ладогѣ, раскинуто много памятниковъ, представляющихъ выдающійся интересъ, какъ въ археологическомъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ. Сохранившіеся сооруженія должны быть отнесены къ XII, XIII, XIV и XV вѣкамъ. Къ ихъ числу относятся: развалины крѣпостей, построенныхъ въ 1114 году по рѣкѣ Волхову, а также цѣлый рядъ близлежащихъ церквей и монастырей, какъ-то: женскій монастырь во имя Успенія Богородицы, монастырь во имя Рождества Христова, монастырь во имя святителя Николая Чудотворца, монастырь во имя св. Василия Кесарійскаго, церковь св. Климента, церковь св. Симеона, церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго образа, церковь Всемиловѣвшаго Спаса происхожденія чеснаго Животворящаго Креста, церковь Пресвятой Богородицы, католическая церковь св. Николая, церковь св. Дмитрія Солунскаго и, наконецъ, церковь св. Георгія. Большинство изъ храмовъ Божіихъ находятся въ настоящее время въ развалинахъ; нѣкоторые же изъ нихъ, въ томъ числѣ церковь св. Георгія реставрированы. Докладчикъ, прежде всего, отмѣчаетъ то забвеніе, въ которомъ пребываютъ эти остатки старины. Заброшенные, безъ всякаго примотра, они таютъ не по днямъ, а по часамъ. За границей, указывалъ лекторъ, памятники древности были бы предметомъ самыхъ усиленныхъ заботъ: не то мы видимъ въ Россіи. Наиболѣе древнимъ сооруженіемъ въ данномъ случаѣ является рюриковское каменное городище, построенное по типу московскаго Кремля. Теперь сохранились отчасти только стѣны и башни. Они сооружены изъ огромныхъ камней чуть ли не въ двѣ сажени толщиной и связаны валунами удивительно крѣпкой массой. По сохранившимся развалинамъ ясно можно прослѣдить назначеніе башенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя — въ три этажа. Въ общемъ же сооруженіе интересно, какъ историческій рѣдкій образецъ военной архитектуры. Вблизи отъ каменнаго городища разбросаны церкви и монастыри. Изъ нихъ самый отдаленный

монастырь Іоанна Предтечи. Въ немъ сохранилась церковь XV вѣка. Другой монастырь, св. Николая Чудотворца, относится къ XIV—XV вѣкамъ. Онъ былъ постоянно разоряемъ нашествіями враговъ. Другія церкви построены по типу новгородскому: однѣ изъ нихъ сооружены изъ плитняка, другія были деревянные. Ихъ часто переносили съ мѣста на мѣсто (много церквей было увезено на Валаамъ). Церкви интересны по плану. Въ развалинахъ можно найти много штукатурки, которая, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о росписи. Падаются также старинныя монеты, навікадила и прочее. Наибольшій же интересъ представляетъ церковь св. Георгія. Она построена по новгородскому типу, особенно цѣнна въ ней роспись. Этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ о высокому уровнѣ искусства того времени. До сихъ поръ сохранились слѣдующіе рисунки: изображеніе Христа въ куполѣ и ангелы, поддерживающіе сіяніе, Богоматерь, апостолы, пророки, царь Давидъ и царь Соломонъ, архангелы, св. Георгій Побѣдovосецъ на конѣ, великомученица Марія, Николай Чудотворецъ, картина сграшнаго суда etc. Есть изображенія, нацарапанныя на стѣнахъ храма. Докладъ сопровождался свѣтовыми картинами на экранѣ и рисунками съ натуры. Докладчикъ, въ заключеніе, говорилъ о томъ значеніи, которое имѣютъ эти памятники, и указывалъ на необходимость путемъ изученія снять пелену неизвѣстности, окутывающей тайну ихъ, тайну далекаго и дорогаго прошлаго Россіи.

Къ вопросу объ учрежденіи въ Витебскѣ ученой архивной комиссіи. Среди мѣстной интеллигенціи возникла мысль объ учрежденіи въ Витебскѣ ученой архивной комиссіи. О возбужденіи такого ходатайства инициаторы подали начальнику губерніи прошеніе, покрытое подписями нѣсколькихъ десятковъ лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ. Витебская губернія имѣетъ безусловно интересное въ научномъ отношеніи историческое прошлое, она входила въ составъ одной изъ самыхъ древнихъ областей—Полоцкой, изъ которыхъ впоследствии составила наша великая Россійская имперія. А между тѣмъ эта губернія еще недостаточно изучена, и учрежденіе съ этой цѣлью ученой архивной комиссіи представляется вопросомъ необходимости и исключительнаго интереса. Достаточно сказать, что нѣкоторые города нашей губерніи насчитываютъ болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ своего лѣтописнаго существованія; такъ, въ первый разъ о городѣ Полоцкѣ въ русской лѣтописи упоминается подъ 862 годомъ, а о Витебскѣ подъ 1021 годомъ. Культурная жизнь въ области нынѣшней Витебской губерніи началась довольно рано, почти въ одно время съ жизнью первыхъ центровъ древней Руси—Кіева и Новгорода. Сохранилось преданіе въ лѣтописи города Витебска, что святая Ольга, побѣдивъ ятвяговъ и печенѣговъ, переправилась черезъ Двину въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Витебскъ, и заночевала тамъ; понравилась ей тамъ гора, и она основала деревянный замокъ, назвавъ его отъ рѣки Витьбы Витебскомъ; она же построила въ верхнемъ замкѣ каменную церковь св. Михаила и въ нижнемъ—Благовѣщенія, и, пробывъ два года, отправилась въ Кіевъ. Подтверженіе этого преданія можно встрѣтить въ надписи на евангелии Благовѣщенской церкви, хранящемся въ музеѣ Свято-Владимирскаго братства въ городѣ Витебскѣ. Вообще опредѣленно извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовала полоцкая

епархія, въ которую въ 1105 году посвященъ былъ епископъ Мина. Въ Витебской губерніи много учреждений, которыя уже праздновали свои вѣковые юбилеи—таковы, напримѣръ, витебская духовная семинарія, открытая въ 1807 году, и витебская классическая мужская гимназія, открытая въ 1808 году. Судьба Витебской губерніи очень интересна: область, занимаемая ею, была предметомъ спора за обладаніе ею между московскимъ и польскимъ государствами, а поэтому важно для науки прослѣдить вліяніе культуры и цивилизаціи того и другого государства на населеніе современной Витебской губерніи. Въ 1773 году при императрицѣ Екатерины II по условіямъ перваго раздѣла Польши произошло окончательное присоединеніе Вѣлоруссіи и теперь уже прошло 135 лѣтъ, какъ территория современной Витебской губерніи вошла въ составъ Россійской имперіи. Витебская губернія была центромъ великихъ церковныхъ событій: въ ней съ особою силою въ 1623 году произошло гоненіе православныхъ христіанъ со стороны уніатскаго епископа Юсафата Кунцевича, въ ней же въ городѣ Полоцкѣ въ 1839 году совершилось присоединеніе уніатовъ и въ полоцкомъ соборѣ былъ подписанъ соединительный актъ. На кафедрѣ полоцкой много было видныхъ іерарховъ, замѣчательныхъ дѣятельностью на пользу православія и русской народности. Наконецъ въ 1812 году Витебская губернія была однимъ изъ районовъ, въ которыхъ происходили сраженія русскихъ съ великою арміею Наполеона I. Всѣ эти событія, несомнѣнно, отразились на памятникахъ старины, которые не только не изучены до настоящаго времени, но въ большинствѣ случаевъ даже и не собраны и неизвѣстны ученымъ.

НЕКРОЛОГИ.

АКСАКОВЪ, Н. П. † 5 апрѣля скончался отъ третьяго воспаленія легкихъ членъ совѣта «Соборной Россіи», участникъ предсоборнаго присутствія, докторъ философіи Николай Петровичъ Аксаковъ. Почившій родился въ 1853 г., воспитывался дома, а затѣмъ слушалъ лекціи на богословскихъ факультетахъ французскихъ и германскихъ университетовъ. 19 лѣтъ онъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ и защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ «Идея Божества». Затѣмъ молодой докторъ философіи прочелъ въ Москвѣ рядъ публичныхъ лекцій богословско-философскаго содержанія и посвятилъ себя литературной дѣятельности славянофильскаго направленія. Такъ, Н. П. написалъ двѣ историческія повѣсти: «Дѣти-крестоносцы» и «Замокъ Зара». Въ журналѣ «Русская Мысль» имъ помѣщено нѣсколько богословскихъ статей: «О свободѣ совѣсти», «Духа не угашайте» и друг. Н. П. сотрудничалъ въ нѣсколькихъ московскихъ журналахъ и, кромѣ специальныхъ статей, занимался публицистикой. Одно время онъ былъ также предсѣдателемъ уѣздной земской управы въ Тульской губерніи. Лишь 15 лѣтъ назадъ Н. П., по приглашенію Т. И. Филиппова, переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и поступилъ на службу въ государственный контроль. Въ 1904 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по ревизіи городской думской отчетности, которая такъ и не собиралась изъ-за возникшихъ тогда общихъ безпорядковъ. Въ послѣднее время Н. П. состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса. Когда при св. синодѣ устраивалось предсоборное присутствие, то Н. П. оказался въ числѣ тѣхъ немногихъ представителей мірянъ, которые были въ него приглашены. Наконецъ Н. П. принималъ дѣятельное участіе во многихъ просвѣтительно-благотворительныхъ обществахъ: «Соборной Россіи», девятнадцатомъ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ и т. д. Покойный велъ свой родъ отъ того варяга Шимона, строи-

теля Кіево-Печерской лавры, который считается также родоначальником известнаго главы славянофиловъ, Константина Сергѣевича Аксакова. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.877).

† **Бахметевъ, Н. Н.** Скоропостижно скончался отъ кровоизліянія въ мозгу Николай Николаевичъ Бахметевъ, старый журналистъ и знатокъ нашего нефтянаго дѣла писавшій въ «Новомъ Времени» подъ псевдонимомъ «Статистикъ». Въ возрастѣ 62-хъ лѣтъ онъ давалъ впечатлѣніе человѣка совершенно еще свѣжаго, полного силъ и энергіи, безъ малѣйшей усталости и утомленія, и никто изъ знавшихъ его не могъ ожидать подобной скорой развязки съ жизнью. Покойный окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, затѣмъ слушалъ лекціи въ университетѣ; а практическая его дѣятельность выразилась первоначально на службѣ въ главномъ управленіи коннозаводства, гдѣ онъ былъ корреспондентомъ. Оставивъ эту службу, онъ жилъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ своемъ имѣніи, въ Харьковской губерніи, гдѣ занимался сельскимъ хозяйствомъ. Но жизнь совершенно частнаго человѣка не могла удовлетворить его; его тянули къ себѣ общіе интересы родины, манила умственная жизнь столицы, и мучительная, и кипучая. Въ 1880 году мы видимъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ принялъ видное участіе въ основаніи журнала «Русская Мысль» и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ В. М. Лаврова, исполняя обязанности секретаря редакціи и раздѣляя съ редакторомъ тяжелую журнальную работу. Среди этой кипучей работы въ журналѣ, занявшемъ быстро самое видное положеніе въ нашей радикальной журналистикѣ, онъ находилъ время отдавать свои заботы отдѣльнымъ изданіямъ. Такъ, имъ было сдѣлано великолѣпное изданіе нашумѣвашаго въ свое время критическаго этюда Громеки: «Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстого», гдѣ впервые подъ иноказательной формою были изложены въ позволительныхъ тогда границахъ «Исповѣдь» нашего религіознаго искателя и вообще его религіозныя идеи. Изъ Москвы Н. Н. Бахметевъ отправился въ Сибирь и здѣсь прожилъ около семи лѣтъ, преимущественно въ Иркутскѣ. По возвращеніи въ Россію, онъ поселился въ Петербургѣ. Послѣдніе годы онъ работалъ въ «Новомъ Времени». Его статьи по нефтяному вопросу, исполненныя знанія этого дѣла, принимались съ большимъ и невольнымъ вниманіемъ общественными и государственными дѣятелями, какъ исполненныя безпристрастія и стоящія на почвѣ исключительно государственнаго интереса, далеко не совпадающаго съ хищными личными происками могущественныхъ промышленниковъ и дѣльцовъ. Благодаря статьямъ «Статистика», — псевдонимъ Н. Н., — законопроектъ министерства государственныхъ имуществъ о торгахъ на нефтяныя земли былъ отвергнутъ Г. Думою. Работая много лѣтъ надъ положеніемъ нефтянаго промысла въ Россіи, Н. Н. заканчивалъ уже обширное и обстоятельное изслѣдованіе о немъ, прерванное неожиданной кончиною. Не ограничиваясь нефтянымъ вопросомъ, Н. Н. въ качествѣ корреспондента «Новаго Времени» ѣздилъ въ царство Польское и по Волгѣ для изслѣдованія мѣстнаго хозяйства. Эти поѣздки также дали ему матеріалъ для весьма цѣнныхъ статей. Практическая дѣятельность и ближайшее знакомство съ трудовою Россіею весьма повліяли на міросозерцаніе покойнаго, постепенно передвинувъ его отъ радикальныхъ

возрѣній молодости, которыми онъ былъ проникнуть въ пору основанія «Русской Мысли», къ болѣе спокойному созерцанію трезваго русскаго чловѣка. (Некрологъ его «Новое Время» 1909 г., № 11 867).

† **Бергъ, Ѳ. Н.** Послѣ почти полулѣтней дѣятельности, на семидесятомъ году жизни, сошелъ въ могилу, прежде извѣстный, а затѣмъ полузабытый, русскій писатель Ѳедоръ Николаевичъ Бергъ. Многолѣтняя трудовая жизнь покойнаго представляетъ большой контрастъ между ея началомъ и концомъ: нѣкогда богатый дворянинъ умеръ истымъ бѣднякомъ; прежній блестящій офицеръ скончался представителемъ литературной божемы, на койкѣ психіатрической больницы; либеральъ шестидесятыхъ годовъ, ходившій не иначе, какъ въ красной рубашкѣ, съ семидесятыхъ годовъ до кончины признавалъ себя только консерваторомъ, работавшимъ въ крайнихъ реакціонныхъ изданіяхъ. Ѳ. Н. родился 11 сентября 1840 года въ Пензенской губерніи и воспитывался въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ. Выпущенный въ офицеры, онъ скоро предпочелъ военной службѣ литературную карьеру. Первыми опытами его пера явились оригинальныя и переводныя стихотворенія, помѣщенныя въ «Современникѣ» (1860—1863 гг.), въ журналѣ «Время» (1861—1863 гг.), «Свѣточѣ» и «Иллюстраціи» (1862 г.), «Отечественныхъ Запискахъ» (1863—1864 гг.), «Литературной Библіотекѣ» (1867 г.) и «Зарѣ» (1869—1870 гг.), а позже вышедшія отдѣльными изданіями, какъ, напри- мѣръ: «Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ» (М. 1860—1862 гг., два выпуска), «Поэты всѣхъ временъ и народовъ» (Спб. 1862 г.) и—особенно—«Полное собраніе сочиненій Г. Гейне въ русскомъ переводѣ» (Спб. 1863 г., т. I.). Одновременно съ такими «поэтическими опытами» Ѳ. Н. Бергъ, то подъ своей фамиліей, то подъ псевдонимомъ «Боевъ», начинаетъ болѣе отдаваться беллетристическимъ работамъ. Изъ нихъ слѣдуетъ назвать: «Подъ арестомъ» («Библіотека для Чтенія» 1862 г., кн. 9) и романъ «Закоулокъ» («Современникъ», 1863 г., кн. 1—3)—оба изъ жизни кадетскаго корпуса, отрывочные очерки «Прѣзжіе» («Отечественныя Записки» 1867 г., кн. 9), рассказъ «Первый свѣгъ» («Заря», 1869 г., кн. 12), очерки и рассказы изъ жизни лѣснаго края, подъ заглавіемъ: «Заозерье» (Спб., 1874 г., 404 стр.) и повѣсть: «Въ четырехъ стѣнахъ» (Спб., 1874 г.). Съ половины же семидесятыхъ годовъ Ѳ. Н. Бергъ чаще выступалъ какъ критикъ, историкъ и публицистъ, появляясь со своими трудами въ «Русскомъ Мірѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и—главнымъ образомъ—въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Напримѣръ, можно назвать слѣдующія болѣе крупныя его статьи: «Батюшковъ въ Вологдѣ» («Русскій Вѣстникъ» 1874 г., кн. 8), «Зрѣлища XVII вѣка» («Гражданинъ» 1886 г., кн. 2), «Князь Вяземскій и Мицкевичъ о Пушкинѣ» (1887 г., кн. 4), «Л. А. Мей» (1887 г., кн. 5), «Изъ исторіи русской литературы шестидесятыхъ годовъ» («Русскій Вѣстникъ» 1889 г., кн. 9) и «В. В. Крестовскій» (1895 г., кн. 2). Эти живыя, одушевленно написанныя работы, въ связи съ многолѣтнею литературною дѣятельностью, открыли предъ Ѳ. Н. болѣе широкую арену для труда: онъ постепенно становился редакторомъ то «Русскаго Міра» по приглашенію генерала Черняева, то «Нивы», то «Русскаго Вѣстника» (1888—1895 гг.). Когда скончался М. Н. Катковъ,

Молва указывала на Берга, какъ на самаго вѣроятнаго и достойнаго кандидата на постъ редактора «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей». Правительство не нашло, однако, возможнымъ отдать «Московскія Вѣдомости» въ руки Ѳ. Н. Онъ получилъ только «Русскій Вѣстникъ». Съ этого момента жизнь Берга вступаетъ на ту наклонную плоскость, которая привела его въ концѣ концовъ въ объятія г. Петровича. Дѣло въ томъ, что ежемѣсячный журналъ доходовъ не могъ давать. При Катковѣ, обеспеченный огромными доходами отъ казенныхъ объявленій, «Русскій Вѣстникъ» могъ существовать и даже процвѣтать. Лишенный поддержки, онъ сталъ чахнуть. Ѳ. Н. перевелъ его въ Петербургъ, но это не помогло. Недостатокъ средствъ принудилъ Ѳ. Н. разстаться съ осуществившеюся мечтою быть собственникомъ журнала и снова пойти въ работники къ другимъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ онъ попадаетъ въ Москву къ Миллеру и дѣлается редакторомъ бульварной газеты «Русскій Листокъ». Окончательное паденіе произошло тогда, когда г. Бергъ сошелся съ г. Петровичемъ и сталъ издавать газету «День», добывая средства на изданіе изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ. За неимѣніемъ средствъ министерство (при Плеве) выдавало Бергу деньги изъ охотничьяго капитала, хранившагося въ депозитахъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Литературно-публицистическая дѣятельность, имѣвшая въ основѣ своей подобныя средства, оттолкнула отъ Ѳ. Н. всѣхъ старыхъ друзей. Новые порядки, послѣдовавшіе послѣ 1905 года, лишили «День» Берга и Петровича матеріальной поддержки. Имъ пришлось прекратить свою дѣятельность. Это обстоятельство въ связи съ событіями 1905 и 1906 гг. сильно отразилось на нервной системѣ покойнаго, и онъ психически заболѣлъ, хотя и принималъ участіе въ 1906 году въ дѣятельности монархическихъ партій и на ихъ съѣздахъ. Въ послѣднее десятилѣтіе онъ уже изрѣдка выступалъ съ новыми литературными работами. Тѣмъ не менѣе въ описываемый періодъ имъ напечатаны: любопытныя «Литературныя воспоминанія» («Русскій Листокъ» 1898—1899 гг.), «Русскіе писатели о святыхъ мѣстахъ» (М. 1899 г.), «Св. Стефанъ Пермскій» (М. 1900 г.), «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка» (М. 1901 г.) и послѣднее стихотвореніе: «Русь» («Мирный Трудъ» 1904 г, кн. 12). Въ послѣднее время въ состояніи его здоровья произошла рѣзкая переменѣна къ худшему и пять мѣсяцевъ тому назадъ его пришлось помѣстить въ психіатрическую больницу, гдѣ онъ и скончался (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 76 и «Голосъ Москвы» 1909 г., № 76).

† **Берхъ, А. М.** 7 марта скончался послѣ тяжкой болѣзни инженеръ-генералъ Александръ Маврикіевичъ Берхъ. Покойный происходилъ изъ эстляндскихъ дворянъ, родился въ Николаевѣ 29 октября 1830 г. Изъ главнаго инженернаго училища (нынѣ Николаевское) онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ и продолжалъ курсъ въ инженерной академіи. Назначенный въ 1853 году въ севастопольскую инженерную команду, участвовалъ въ славной севастопольской оборонѣ, гдѣ закладывалъ первые строившіеся въ Севастополѣ элементы при построеніи редута Волынскаго, Селенгинскаго и Камчатскаго люнетовъ. На послѣднемъ вполѣдствіи завѣдывалъ всѣми траншейными и оборонительными работами. Въ 1856 году А. М. былъ назначенъ въ распоряженіе

начальника южной армии, затѣмъ переведенъ въ кронштадтскую инженерную команду, гдѣ участвовалъ при возведеніи твердынь Кронштадта, устраивая форты Константинъ и сѣверныя батареи № 1 и № 2. Въ 1866 году покойный завѣдывалъ работами при укрѣпленіи Николаева и устьевъ рѣки Днѣпра у Херсона. Въ 1879 году былъ командированъ въ Германію для осмотра на заводахъ различныхъ сортовъ желѣза для блиндированія оборонительныхъ построекъ. Технические способности позволили ему примѣнить всѣ свои познанія къ дѣлу согласно съ требованіями науки. Всѣ работы, возлагавшіяся на него, исполнялись точно и быстро, что сказалось особенно ярко при укрѣпленіи передъ русско-турецкой войной 1877 года крѣпости Очакова, которая, едва лишь начатая постройкой, была приведена по личному распоряженію военнаго министра гр. Д. А. Милютинна усиленной заботливостью и знаніями генерала Берха въ боевую готовность съ необыкновенной быстротой. Съ 1886 года А. М. былъ членомъ инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія, въ 1904 году назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и въ 1906 году уволился въ отставку по болѣзни (ампутирована лѣвая нога въ 1905 году). Когда появилась въ продажѣ книга генерала Дубровина «Крымская война и оборона Севастополя», А. М. напечаталъ въ 1901 году въ «Русскомъ Инвалидѣ» свои воспоминанія: «Севастопольскіе ложементы», въ которыхъ подробно освѣтилъ работы инженерныхъ войскъ въ активныхъ дѣйствіяхъ обороны. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.851).

† **Дическулъ, П. В.** Государственный Совѣтъ, въ лицѣ выборнаго состава, понесъ новую потерю: скончался Павелъ Викторовичъ Дическулъ, утрата котораго является большой потерей для нашей верхней палаты. П. В. родился въ 1842 году въ Бессарабской губерніи, Оргіевскаго уѣзда, селѣ Галешты, и принадлежитъ къ старинному мѣстному роду. Получивъ высшее образованіе въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, П. В. продолжалъ его на философскомъ факультетѣ въ берлинскомъ и гейдельбергскомъ университетахъ. Начавъ службу мировымъ посредникомъ по Оргіевскому уѣзду при введеніи земскихъ реформъ, П. В. въ 1869 году былъ избранъ предсѣдателемъ оргіевской уѣздной управы, а также предсѣдателемъ оргіевскаго съѣзда мировыхъ судей. Въ 1873 году онъ былъ избранъ предсѣдателемъ бессарабской губернской земской управы. Вскорѣ П. В. оставляетъ общественную дѣятельность, отдается исключительно занятію сельскимъ хозяйствомъ, явившись пионеромъ такового въ своей губерніи; открываетъ первый заводъ марсельской черепицы и другихъ культуръ по сельскому хозяйству; избирается въ члены общества сельскаго хозяйства въ моментъ его основанія и состоитъ имъ до самаго дня кончины. Событія послѣдняго времени заставили П. В. приняться вновь за общественную дѣятельность. Въ 1902 году онъ былъ избранъ земскимъ гласнымъ по Кишиневскому уѣзду, въ 1905 г. — кишиневскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1906 году — бессарабскимъ земствомъ — въ члены государственнаго совѣта. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости 1909 г., № 59).

† **Ильишъ, Р. О.** 21 марта, въ 10 часовъ утра, скончался на 75 году жизни старый газетный работникъ, Робертъ Фѣдоровичъ Ильишъ, писавшій

подъ псевдонимомъ Flaneur. Покойный родился въ г. Ригѣ въ 1834 году въ бѣдной еврейской семьѣ. Отецъ его состоялъ въ качествѣ ученаго еврея при лифляндскомъ губернаторѣ. Съ ранней юности Р. Ф. проявилъ наклонность къ литературѣ и недюжинный талантъ. Уже будучи пятнадцатилѣтнимъ юношей, онъ выпустилъ первый томъ стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ, затѣмъ въ 1865 года появилась его книга подъ заглавіемъ: «Еврейскія мелодіи». Одно время, до 25-лѣтняго возраста, покойный занимался учительствомъ въ Херсонѣ. Около 1870 года Р. Ф. переселился въ Петербургъ, чтобы отдаться всецѣло литературной дѣятельности. Свою газетную карьеру онъ началъ въ издававшейся въ то время газетѣ «Биржа», гдѣ велъ политическій отдѣлъ. Съ этого времени покойный, не переставая, сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ: въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ журналѣ «Отголоски», въ газетѣ «Новости», и др. Но главное, что доставило покойному извѣстность, особенно среди нѣмецкаго населенія въ Петербургѣ и за границей,—были его ежедневные фельетоны въ газетѣ «S.-Petersburger Herald», гдѣ въ теченіе болѣе 15 лѣтъ онъ писалъ фельетоны подъ псевдонимомъ Flaneur. За это время имъ было выпущено два сборника фельетоновъ: «Nagelose Federzeichnungen» и «Впечатлѣнія изъ путешествія по Германіи, Австріи и Италіи». Р. Ф. писалъ также статьи по различнымъ отраслямъ искусства. Всю жизнь покойный провелъ въ эвергичной и трудной газетной работѣ и самъ пробилъ себѣ дорогу къ извѣстности. Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ онъ заболѣлъ инфлуэнцей, осложнившейся затѣмъ воспаленіемъ легкихъ и плевритомъ. Всѣ эти болѣзни Р. Ф., благополучно перенесъ. Скончался же онъ отъ паралича сердца. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1909 г., № 79).

† **Косачъ, П. А.** Въ Кіевѣ скончался на 68 году отъ роду одинъ изъ старыхъ представителей знаменитой въ украинскомъ мірѣ «Старой Громады» П. А. Косачъ. Онъ былъ членомъ Драгомановскаго кружка и женатъ на его сестрѣ О. Я. Драгомановой (извѣстной украинской писательницѣ Оленѣ Пчілкѣ). П. А. занималъ рядъ должностей по Кіевской губерніи и считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ крестьянскаго вопроса; среди крестьянъ покойный былъ доступнымъ, отзывчивымъ чиновникомъ, готовымъ во всякое время выслушать и помочь совѣтомъ. Его долготѣнная служба на Волыни доставила ему большую популярность также среди окрестныхъ польскихъ землевладѣльцевъ, часто выбиравшихъ П. А. третейскимъ судьей при разборѣ различныхъ дѣлъ на почвѣ взаимоотношеній между помѣщиками и крестьянами. Въ 1906 г. по порученію бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора В. А. Сухомлинова, П. А. вмѣстѣ съ О. И. Левицкимъ предпринялъ поѣздку въ Холмщину для выясненія, на основаніи обследованія на мѣстахъ, вопроса о присоединеніи Холмщины къ Юго-Западному краю. О результатѣ своихъ изслѣдованій покойнымъ П. А., совмѣстно съ О. И. Левицкимъ, была составлена обстоятельная докладная записка, въ которой проводится взглядъ о желательности, въ виду преобладанія въ Холмщинѣ украинскаго элемента и чертъ, близкихъ къ чертамъ Волыни, выдѣленія Холмщины въ отдѣльную губернію. Будучи близокъ къ украинскимъ литературнымъ кругамъ, П. А. принималъ участіе въ изданіи перваго сборника украинскихъ пѣсенъ, издавнаго Н. В. Лысенко и

оказывалъ матеріальную и моральную поддержку всѣмъ литературнымъ начинаніямъ своей жены «Олени Пчілки». (Некрологъ его: «Рѣчь» 1909 г., № 93).

† **Кракау, А. А.** 16 марта послѣ тяжелой болѣзни скончался профессоръ электротехническаго института Александръ Александровичъ Кракау. Покойный послѣ окончанія курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1878 году былъ сотрудникомъ профессора Вутлера въ лабораторіи академіи наукъ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Первые работы его были посвящены изученію органическихъ соединеній (стирола, цинхонина и хинина). Новый періодъ его дѣятельности начинается съ 1886 года, когда А. А. занялъ мѣсто преподавателя химіи въ техническомъ училищѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства. Развитію и процвѣтанію этого училища покойный посвятилъ всѣ свои силы. Его безпрерывнымъ трудамъ и стараніямъ училище въ большой мѣрѣ обязано своимъ ростомъ и постепеннымъ преобразованиемъ въ электротехническій институтъ, въ которомъ А. А. занялъ мѣсто профессора, а затѣмъ и инспектора. Все время своей службѣ въ институтѣ покойный интересовался вопросами электрохиміи. Работая самъ въ этой области, онъ стремился къ созданію въ электротехническомъ институтѣ specialнаго электрохимическаго отдѣленія. На это дѣло, которое онъ въ послѣдніе годы считалъ чрезвычайно важнымъ, онъ затратилъ массу труда и энергіи. Къ сожалѣнію, ему не суждено было дожить до полнаго осуществленія мечты всей его жизни и увидѣть первый выпускъ молодыхъ электрохимиковъ. Среди лицъ, его окружавшихъ, покойный оставляетъ память отзывчиваго, глубоко уважавшаго науку, искренно ей преданнаго и рѣдкостно-трудолюбиваго чловѣка, жертвовавшего здоровьемъ и преждевременно сошедшаго въ могилу въ непрерывной работѣ на пользу электротехническаго института. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11859).

† **Ловягинъ, Е. И.** 27 марта скончался заслуженный профессоръ духовной академіи Евграфъ Ивановичъ Ловягинъ. Покойный дожилъ до глубокой старости: умеръ онъ 87 лѣтъ отъ роду. Сынъ протоіерея, онъ закончилъ свое образованіе въ с.-петербургской духовной академіи со степенью магистра богословія за сочиненіе «О заслугахъ св. Аванасія Великаго для церкви въ борьбѣ съ арианствомъ». Избранъ для своей дѣятельности педагогическую карьеру, Е. И. занялъ въ 1847 г. академическую вакансію бакалавра по классу греческаго языка. Съ 1853 г. преподавалъ математику сперва въ качествѣ экстраординарнаго, потомъ ординарнаго профессора. При упраздненіи въ 1869 году кафедръ физико-математическихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ, онъ былъ назначенъ профессоромъ греческаго языка и словесности. За сочиненіе «Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ» былъ признанъ докторомъ богословія. Будучи профессоромъ, покойный одновременно былъ помощникомъ секретаря академическаго правленія и секретаремъ академической конференціи и вѣшняго академическаго правленія (съ 1847 до 1863 гг.), потомъ секретаря с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета (съ 1863 до 1893 гг.). Разнообразныя статьи Ловягина, оригинальныя и переводныя, были напечатаны преимущественно въ духовныхъ журналахъ. Изъ отдѣльныхъ его изданій на-

зовемъ: «Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ», удостоенные почетнаго отзыва отъ императорской академіи наукъ, «Святоотеческую хрестоматію» въ двухъ частяхъ, «Избранныя мѣста изъ греческихъ писаній св. отцовъ церкви до IX вѣка» (сочиненіе это удостоено въ 1886 году половиной Макарьевской преміи). Духовныя академіи, петербургская и казанская, отмѣтили ученые заслуги покойнаго избраніемъ его въ почетные члены. Въ 1895 году Е. П. оставилъ профессуру. Какъ человекъ, онъ оставилъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11870).

† **Лялинъ, В. С.** 10 апрѣля скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни сотрудникъ газеты «Новое Время» Василій Сергѣевичъ Лялинъ. Покойный работалъ въ газетѣ съ 1885 г. и велъ ежедневныя обзорнія преимущественно петербургской жизни, подписывая свою «Маленькую хронику» псевдонимомъ «Петербуржецъ». Въ своихъ небольшихъ замѣткахъ онъ чутко и талантливо разрабатывалъ разнообразныя темы, интересовавшія столичное населеніе. Всегда живой и интересный рассказчикъ, онъ имѣлъ своихъ поклонниковъ среди читателей. Лѣтъ пять тому назадъ В. С. постепенно сталъ терять свое зрѣніе и вскорѣ ослѣпъ. Тяжелая болѣзнь осложнилась нервнымъ расстройствомъ. Онъ скончался на 55 году жизни въ больницѣ душевно-больныхъ императора Александра III на Удѣльной. Покойный родился 8 декабря 1854 г. Онъ былъ сынъ воспитателя Александровскаго лицея. Курсъ въ этомъ лицейѣ окончилъ, когда отца уже не было въ живыхъ, и началъ государственную службу кандидатомъ на судебныя должности въ Витебскѣ. Провинція не понравилась ему. Его тянуло въ Петербургъ и онъ оставилъ службу, замѣнивъ по пріѣздѣ въ Петербургъ предстоявшую ему, какъ лицеисту, блестящую карьеру скромной журнальной дѣятельностью. Начавъ въ 1882 г. съ сотрудничества въ маленькихъ газетахъ, онъ черезъ три года сдѣлался дѣятельнымъ «маленькимъ» фельетонистомъ «Новаго Времени» и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя ежедневному газетному труду. Какъ человекъ, В. С. отличался замѣчательнымъ доброжелательствомъ и оставилъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ, лично знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11881).

† **Мининъ, А. В.** Въ Гаграхъ скончался 8 марта послѣ тяжелой болѣзни бывший главный врачъ Николаевского военнаго госпиталя Анатолій Викторовичъ Мининъ. Покойный пользовался большой популярностью въ Петербургѣ, какъ опытный и знающій хирургъ и какъ врачъ, широко примѣнявшій свѣтолеченіе. Онъ родился въ 1851 г. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи онъ отправился на азиатскій театръ военныхъ дѣйствій съ турками (1877—78 гг.) и дѣятельно работалъ въ хирургическихъ отдѣленіяхъ госпиталей и на перевязочныхъ пунктахъ. По окончаніи войны былъ ассистентомъ извѣстнаго хирурга К. К. Рейера. Всыхнувшая между болгарами и сербами война въ 1885 г. сторвала его отъ научной работы и направила съ отрядомъ Краснаго Креста въ Бѣлградъ. Вернувшись въ Петербургъ, покойный служилъ врачомъ въ л.-гв. Финляндскомъ полку, завѣдуя между прочимъ хирургическимъ отдѣленіемъ, затѣмъ былъ старшимъ врачомъ л.-гв. Уланскаго

Ея Величества полка, дивизионнымъ врачомъ, старшимъ врачомъ л.-гв. Коннаго полка и хирургомъ солдатскаго и офицерскаго отдѣленія Благовѣщенскаго лазарета и, наконецъ, съ 1902 г. главнымъ врачомъ Николаевскаго военнаго госпиталя. Досуги службы А. В. посвящала научнымъ работамъ, общественной дѣятельности и частной, преимущественно хирургической, практикѣ. Въ области хирургіи онъ предложилъ между прочимъ свой способъ грыжеисчѣненія и первый въ Россіи сдѣлалъ резекцію шейной части обѣихъ симпатическихъ нервовъ для леченія падучей. Въ области свѣтолеченія широко примѣнилъ синій электрической свѣтъ, отмѣтивъ вліяніе его на сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ. Практика леченія синимъ свѣтомъ была у него обширная. Изъ его печатныхъ работъ по вопросамъ свѣтолеченія извѣстны: «Послѣднее примѣненіе свѣтолеченія», «Sur la phototherapie en chirurgie», «Свѣтолеченіе въ хирургіи», «Лечебное дѣйствіе синяго электрическаго свѣта», «Леченіе волчанки синимъ свѣтомъ» и др. Въстѣ съ профессоромъ Турнеромъ онъ организовалъ въ 90-хъ годахъ при Соляномъ Городкѣ курсы подачи первой помощи, принявъ за себя чтеніе лекцій. Какъ человекъ и врачъ, А. В. отличался замѣчательно покойнымъ и ласковымъ характеромъ, оставивъ по себѣ прекрасныя воспоминанія среди всѣхъ, знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11852).

† **Муромцова, Н. А.** 1 апрѣля скончалась Надежда Александровна Муромцова. Почившая получила образованіе въ московской консерваторіи и принадлежала къ лучшимъ ученицамъ извѣстнаго пианиста Н. Г. Рубинштейна. Позже она сама имѣла музыкальную школу и славилась среди дворянской Москвы какъ искусствомъ преподаванія, такъ и артистическою игрою на роялѣ. Съ восьмидесятыхъ годовъ Н. А., кромѣ практическихъ занятій музыкою, начала помѣщать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» рецензіи о концертахъ и о новыхъ произведеніяхъ русскихъ композиторовъ. Рядомъ съ такими статьями нерѣдко печатались ею и стихотворенія, отличавшіяся особенно мелодичностію и задушевностію тона. Наконецъ, съ девяностыхъ годовъ Н. А. подъ псевдонимомъ «Н. А. Знаменскій» помѣстила въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» большую вереницу статей по «внутреннимъ вопросамъ» и о «событіяхъ дня». Эти «отклики», всегда отмѣченныя глубиною мыслей, широтою взгляда и живостію стиля, появлялись на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», а также и «Старой Москвы», до самаго начала предсмертной болѣзни Н. А. Послѣдняя ея статья, подъ заглавіемъ: «Поляки и Прусское государство», напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 25 февраля текущаго года (№ 45). (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 74).

† **Поповъ, Г. И.** Въ ночь на 1 апрѣля послѣ непродолжительной тяжкой болѣзни скончался ординаторъ хирургической амбулаторіи для бѣдныхъ Маринской больницы докторъ медицины Гавріиль Ивановичъ Поповъ. Покойный свое образованіе закончилъ въ казанскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Первые шаги его дѣятельности протекли на службѣ земскаго врача Казанской губ. Эта дѣятельность, рѣдкая по безкорыстію и проявленной энергіи по оказанію помощи голодающимъ, скоро снискала ему общую признательность населенія. Г. И. вскорѣ вынужденъ былъ оставить земскую

службу и перебраться въ Петербургъ. Здѣсь онъ опредѣлился сначала въ качествѣ интерна, затѣмъ ординатора въ Маринскую больницу для бѣдныхъ. 23 года прошли у него въ безкорыстномъ служеніи являвшемуся за помощью въ амбулаторію больницы люду. Несмотря на то, что хирургическія познанія Г. И., его многолѣтній опытъ въ леченіи больныхъ могли приуготовить ему несравненно лучшую карьеру, онъ до послѣднихъ дней довольствовался скромнымъ положеніемъ «врача для бѣдныхъ», едва обеспечиваемый въ средствахъ къ существованію. Одновременно онъ занимался разработкою различныхъ вопросовъ, связанныхъ главнымъ образомъ съ медициной, результатомъ чего явились печатные труды его, создавшіе ему извѣстное научно-литературное имя. Однимъ изъ самыхъ капитальныхъ трудовъ его, обратившимъ на себя вниманіе, является «Русская народно-бытовая медицина», явившаяся плодомъ предпринятой разработки этнографическихъ матеріаловъ князя Тенишева. Кроме того, онъ задался цѣлю составить цѣлый рядъ дешевыхъ народныхъ изданій, гдѣ въ популярной формѣ излагались бы основныя понятія о строеніи человѣческаго тѣла, о болѣзняхъ, наиболѣе распространенныхъ среди сельскаго и городского неимущаго населенія, и о способахъ предупрежденія этихъ болѣзней. Для этихъ изданій богатѣйшій матеріалъ давала ему амбулаторная практика въ Маринской больницѣ. Лестные отзывы печати о недавно изданныхъ имъ брошюрахъ подъ общимъ заглавіемъ: «Побесѣдуемъ», свидѣтельствуютъ, какой поистинѣ благодарный трудъ предпринялъ въ послѣдніе годы Г. И. Но, къ сожалѣнію, преждевременная смерть прекратила его работу. На 53 году жизни его не стало. (Некрологъ его: «Новое Время» 1900 г., № 11873).

† **Рогожинъ, В. И.** 26 марта въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ схоронили довольно извѣстнаго археолога-библіографа Владимира Николаевича Рогожина. Покойный, по происхожденію потомственный почетный гражданинъ, воспитывался въ реальномъ училищѣ Воскресенскаго и по окончаніи тамъ полнаго курса недолго служилъ въ одной изъ торговыхъ фирмъ. Отъ конторскихъ занятій и коммерческихъ сдѣлокъ его манила къ себѣ научная дѣятельность. Онъ примкнулъ къ библиографическому кружку (нынѣ — библиографическое общество) и много трудился надъ описаніемъ, такъ называемыхъ, «Новиковскихъ изданій», которыми была богата библіотека его отца — Н. И. Рогожина. Затѣмъ, по порученію императорскаго московскаго археологическаго общества, В. И. занялся разборомъ старыхъ дѣлъ московскаго губернскаго правленія и часть своихъ интересныхъ находокъ опубликовалъ то въ «Русскомъ архивѣ», какъ, напримѣръ, «Первое появленіе М. С. Щепкина на сценѣ московскаго театра» (1898 г., кн. 12) и «Новыя свѣдѣнія объ архитекторѣ В. Н. Баженовѣ» (1899 г., кн. 4), то издалъ отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для русской библіографіи» (Сиб. 1903 г., LXV+106 стр.). Наконецъ, долгимъ «книжнымъ подвигомъ» почившаго труженика явилась работа надъ «Сониновскимъ каталогомъ». Сначала имъ былъ составленъ обстоятельный «Указатель къ опыту російской библіографіи В. С. Сонинова» (М. 1900 г., XII+284 стр.) и удостоенъ почетнаго отзыва отъ императорской академіи наукъ, которая поручила составить отзывъ объ этомъ трудѣ

пишущему настоящія строки. Затѣмъ, уже на средства А. С. Суворина, В. Н. переиздалъ самый «Опытъ россійской библиографіи В. С. Сопкива» (Спб. 1903—1906 гг., пять частей) съ многочисленными примѣчаніями и дополненіями, весьма важными для русскихъ библиографовъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣд.» 1909 г., № 70).

† **Сабашниковъ, С. В.** Въ Москвѣ скончался на 36-мъ году жизни извѣстный общественный дѣятель Сергѣй Васильевичъ Сабашниковъ. Покойный былъ воспитанникомъ московскаго университета по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета, курсъ котораго онъ окончилъ въ 1898 г. Онъ состоялъ гласнымъ московской городской думы и покровскаго уѣзднаго земства, членомъ попечительнаго совѣта университета Шанявскаго и былъ однимъ изъ руководителей извѣстной книгоиздательской фирмы, обогатившей русскую литературу большимъ числомъ хорошихъ изданій, преимущественно естественно-научнаго содержанія; поддерживая своими средствами многія культурныя и просвѣтительныя учрежденія, онъ между прочимъ пожертвовалъ 10.000 рублей на приобрѣтеніе библиотеки Н. С. Тихонравова для Румянковскаго музея. Въ 1904—1905 годахъ С. В. принадлежалъ къ числу наиболѣе дѣятельныхъ членовъ «союза освобожденія», былъ его главнымъ казначеемъ, членомъ «совѣта» (центрального комитета) и однимъ изъ руководителей многочисленной организаціи «союза» въ Москвѣ. Въ его квартирѣ происходило много собраній участниковъ «союза» вплоть до засѣданій всероссійскаго съѣзда его. Въ маѣ 1905 года онъ въ качествѣ гласнаго московской думы принималъ живое участіе въ подготовкѣ и созывѣ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, отъ котораго была послана депутація, принятая Государемъ 6-го іюня, но самъ въ съѣздѣ уже не могъ принять участія. Почти наканунѣ съѣзда трагическій случай прервалъ его общественную дѣятельность: онъ подвергся нападенію французскаго доктора Валле, нанесшаго ему двѣ тяжелыя огнестрѣльныя раны и множество ранъ кинжаломъ. Благодаря крѣпкому здоровью, С. В. могъ пережить эти раны и нѣсколько трудныхъ операцій, но тѣмъ не менѣе здоровье его было подорвано въ корнѣ, а отъ общественной дѣятельности ему пришлось совсѣмъ отказаться. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 68).

† **Сальниковъ, А. Н.** 7 апрѣля въ военномъ клиническомъ госпиталѣ послѣ тяжкой болѣзни скончался Александръ Николаевичъ Сальниковъ, бывшій корректоръ «Новаго Времени», журналистъ, авторъ нѣсколькихъ учебниковъ и пособій по русской литературѣ. Родился покойный въ 1851 г. въ Архангельскѣ, воспитывался въ кронштадтскомъ штурманскомъ корпусѣ (нынѣ техническое училище) и въ кронштадтской гимназій, гдѣ и окончилъ курсъ. Одно время существовалъ частными уроками, службой въ страховомъ обществѣ и т. п. занятіями. Журнально-литературная дѣятельность А. Н. началась въ 1872 г. сотрудничествомъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» К. В. Трубникова. Затѣмъ работалъ онъ въ «Голосѣ», «Русскомъ Мирѣ», «Нивѣ», «Недѣлѣ», «Живописномъ Обозрѣніи» и многихъ другихъ повременныхъ изданій. Имъ составлены собраніе біографій и портретовъ «Русскіе поэты за сто лѣтъ», «Учебная хрестоматія по русской словесности», «Русскіе писатели

послѣ-гоголевскаго періода», «Современныя русскія поэтесы» и др. Покойный работалъ всю жизнь, не зная отдыха, и относился ко всѣмъ окружающимъ отзывчиво, отличался удивительной скромностью и умеръ въ бѣдности. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11884).

† **Слезскинскій, А. Г.** 17 марта въ Новгородѣ скончался отъ разрыва сердца сотрудникъ «Историческаго Вѣстника» Александръ Григорьевичъ Слезскинскій. Покойный былъ сынъ небогатаго чиновника, родился въ 1857 году, образование началъ въ новгородской гимназіи, но окончить ее, за неимѣніемъ средствъ, не могъ и вышелъ изъ 3 класса. Въ продолженіе 30 лѣтъ покойный А. Г. служилъ сначала въ новгородской казенной палатѣ, а потомъ въ новгородскомъ губернскомъ казначействѣ и съ юношескихъ лѣтъ занимался литературнымъ трудомъ. 18-ти лѣтъ А. Г. работалъ у нашего извѣстнаго писателя С. С. Шашкова, который въ то время жилъ въ Новгородѣ и уже имѣлъ плохое зрѣніе. А. Г. переписывалъ его рукописи; но еще чаще писалъ подъ его диктовку. Бесѣды съ талантливымъ писателемъ развили въ юношѣ страсть къ литературной работѣ, и онъ началъ пробовать свои силы. Сначала А. Г. писалъ въ «Новгородскомъ Листкѣ», корреспондировалъ въ «Новое Время», писалъ въ «Минутѣ», въ «Будильникѣ», въ «Сѣверномъ Курьерѣ»; его статьи печатались и въ «Русской Старинѣ», между другими былъ напечатанъ и рядъ статей «Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская». Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» печатались его путевыя замѣтки и описаніе почти всѣхъ новгородскихъ монастырей. Когда А. Г. работалъ въ «Русскомъ Судоходствѣ» по промысловымъ вопросамъ, онъ обратилъ на себя вниманіе комитета для помощи поморамъ русскаго Сѣвера, подъ предѣлательствомъ великаго князя Александра Михайловича, и въ 1895 и 1896 годахъ А. Г. былъ командированъ на Бѣлое море и Мурманъ — собрать свѣдѣнія о сиротахъ поморовъ, погибшихъ въ 1893 и 1894 годахъ, во время извѣстнаго шторма, а также собрать данныя для учрежденія взаимнаго страхованія судовъ. Добросовѣстное исполненіе этихъ командировокъ вызвало одобреніе августѣйшаго предѣлателя комитета, и императорское судоходное общество труда А. Г. по командировкамъ выпустило отдѣльнымъ изданіемъ, а описанія этихъ же поѣздокъ были напечатаны въ беллетристической формѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ «Мурманъ» и «По Бѣломорью». Изъ отдѣльныхъ изданій А. Г. слѣдуетъ отмѣтить, какъ полезный историческій матеріалъ, «Вунтъ военныхъ поселенъ въ холеру 1831 года». А. Г. много работалъ по археологіи и состоялъ членомъ ученой архивной комиссіи. Его беллетристическія статьи печатались въ «Родинѣ» и новыхъ журналахъ «Пробужденіе» и «Звонарь». Послѣдніе годы А. Г. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя посвятили въ № 63 памяти покойнаго слѣдующія строки: «Перу А. Г. Слезскинскаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» принадлежатъ рядъ живыхъ очерковъ, въ которыхъ А. Г. обнаруживалъ прекрасное знаніе мѣстной жизни, отзывчивое сердце, глубокую вдумчивость въ текущія событія и мѣткую ихъ оцѣнку. Написанныя въ беллетристической формѣ замѣтки-разказы А. Г. всегда оставляли впечатлѣніе наблюденій надъ жизнью чуткаго, гуманнаго человѣка» А. Г. любилъ до страсти писать и писалъ

скоро и много. Своимъ знакомымъ онъ постоянно жаловался, что служба отнимаетъ отъ него много времени и мѣшаетъ ему виолнѣ отдаться литературѣ. Болѣзнь, а потомъ и смерть помѣшали А. Г. отдѣлать свой большой историческій романъ «Вѣсноватая», сюжетъ котораго взятъ изъ жизни архимандрита Фотія и графини А. Орловой-Чесменской. Также не удалось А. Г. увидѣть на сценѣ и свою пьесу «Вагонъ 3-го класса» — поставить эту пьесу ему обѣщали только въ будущемъ сезонѣ... Какъ человѣкъ, А. Г. былъ замѣчательно добродушный, характеръ имѣлъ уживчивый, а какъ собесѣдникъ — веселый, интересный и талантливый рассказчикъ; а что самое главное, онъ былъ отзывчивый къ чужому горю, — всегда готовый хлопотать не только за знакомаго, но и за чужого. Для его характеристики можно привести слѣдующій случай. Однажды зимой, идя на службу, А. Г. увидѣлъ на улицѣ мальчика лѣтъ шести, который горько плакалъ и протягивалъ прохожимъ свою посинѣвшую отъ холода ручонку. Много людей проходило мимо плачущаго ребенка, но никто не обратилъ на него вниманія; одинъ А. Г. подошелъ къ нему и началъ его разспрашивать. Возлѣ нихъ сейчасъ же собралась толпа любопытныхъ, и одинъ изъ нихъ, узнавъ мальчика, началъ рассказывать его исторію. Отецъ ребенка безприсыпный алкоголикъ, а мать уже давно бросила семью, и мальчикъ буквально выброшенъ на улицу. А. Г. взялъ ребенка за руку, привелъ его съ собой въ казначейство и началъ просить своихъ товарищей-чиновниковъ принять участіе въ бѣдномъ мальчикѣ. «Чѣмъ подавать ему на улицѣ копейки, — сказалъ А. Г., — соберемъ на его содержаніе извѣстную сумму денегъ, а потомъ будемъ хлопотать пристроить его въ какое-нибудь благотворительное заведеніе». Сейчасъ же было рѣшено, что каждое 20 число, при получкѣ жалованья, каждый чиновникъ на содержаніе мальчика будетъ давать 5 копеекъ. На это доброе дѣло откликнулись и чиновники казенной палаты, а также и нѣкоторые изъ пенсіонеровъ, пришедшіе за получкой пенсіи. Такимъ образомъ мальчикъ былъ спасенъ не только отъ нищеты, но, вѣроятно, и отъ нравственной гибели. Не забудутъ А. Г. бѣдные и больные старики и старухи, о которыхъ онъ любилъ хлопотать. Добрая память о немъ долго не умретъ... Послѣ А. Г. остались жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей.

† **Сусановъ, М. И.** 19 марта скончался въ большой бѣдности въ Обуховской больницѣ и 23 сего мѣсяца похороненъ на здѣшнемъ армянскомъ кладбищѣ Илья Ивановичъ Сусановъ, содержатель перваго русскаго училища въ Тавризѣ, пионеръ русскаго образованія въ Персіи. Много ему стоило труда, энергіи и хлопотъ открыть, а главное, сдѣлать популярнымъ русское училище въ Тавризѣ. На это ушли всѣ его сбереженія и полученное за женою приданое. И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ русскій языкъ привился между персидскою молодежью въ Тавризѣ, къ русскому образованію стали стремиться дѣти лучшихъ персіянъ. М. И. Сусанову удалось сдѣлать свое училище пятикласснымъ, но, чтобы поддержать его на высотѣ, нужны были средства, — и вотъ дѣятельный насаждатель русскій культуры въ Персіи оставляетъ свое дѣтище на попеченіе жены, собираетъ послѣднія крохи и ѣдетъ въ Петербургъ хлопотать о субсидіи, — хлопотать онъ долго и настойчиво, пока не сошелъ

въ могилу. Слишкомъ самолюбивый, чтобы обращаться къ своимъ соплеменникамъ армянамъ за помощью, онъ впалъ въ нищету и умеръ отъ истощенія организма, — проще говоря, отъ голодной смерти... Ему не было еще 40 лѣтъ. Кто зналъ его, будетъ помнить, какъ добраго, отзывчиваго, энергичнаго и глубоко любившаго все русское человѣка. (Некрологъ его «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1909 г., № 69).

† **Терентьевъ, М. А.** Скончался генераль-лейтенантъ Михаилъ Африкановичъ Терентьевъ. Окончивъ три высшихъ учебныхъ заведенія (академію генеральнаго штаба, институтъ восточныхъ языковъ и юридическую академію), онъ большую часть своей службы провелъ въ туркестанскихъ областяхъ, гдѣ отличился въ дѣлѣ подъ Катты-Курганомъ и при взятіи Самарканда. Въ дѣляхъ популяризаціи русскаго языка среди населенія завоеванныхъ Россіей областей Средней Азіи, М. А. составилъ сартскія: азбуку, грамматику и хрестоматію, также арабскія, узбекскія и турецкія. Покойный былъ извѣстенъ какъ авторъ многихъ ученыхъ трудовъ: «Россія и Англія въ Средней Азіи», «Россія и Англія въ борьбѣ за рынки» и др. Незадолго до смерти М. А. почти окончилъ обширный трудъ «Исторія завоеванія Средней Азіи». Дворянинъ Воронежской губерніи (родился въ 1837 году), М. А. воспитывался въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, отсюда во время Крымской войны выпущенъ въ офицеры въ Сущевскій уланскій полкъ; участвовалъ въ турецкой кампаніи 1856 года, въ войнѣ противъ бухарцевъ 1868 года, въ турецкой кампаніи 1877 и 78 годовъ. Академію генеральнаго штаба окончилъ въ 1864 году, а юридическую академію въ 1875 году и перешелъ на юридическое поприще; былъ военнымъ слѣдователемъ въ Вильнѣ и военнымъ прокуроромъ въ Петербургѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11868).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Аудако».

Въ статьѣ «Аудако, колонія прокаженныхъ на островѣ Эзелѣ», помѣщенной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», указывалось на то, что бывшій губернаторъ, нынѣ умершій, М. А. Пашковъ, заслужилъ благодарность только за то, что не мѣшалъ энергичному инициатору построить колонію.

Теперь Ю. Ю. Зандеръ указываетъ на ошибочность такого вывода и указываетъ на тѣ стороны дѣятельности М. А. Пашкова, которыя автору статьи не были извѣстны. Онъ пишетъ:

«Губернаторъ Пашковъ, выслушавъ докладъ комиссара объ устройствѣ колоніи, не только сочувственно отнесся къ проекту устройства колоніи, но оказалъ полную поддержку, чтобы этотъ проектъ осуществился. Покойный Михаилъ Алексѣевичъ Пашковъ съ живымъ участіемъ входилъ во всѣ подроб-

ности устройства колоніи, и большаго, чѣмъ онъ сдѣлалъ, онъ и не могъ сдѣлать: средства на устройство колоніи были собраны, устройство колоніи производилось на законномъ основаніи, и могъ помѣшать этому устройству лишь проектъ курортныхъ дѣятелей пристроить езельскихъ прокаженныхъ при ле-прозоріи Мулли, у города Юрьева; но къ этому проекту Михаилъ Алексѣевичъ отнесся несочувственно, такъ какъ проектъ этотъ былъ неудобенъ для мѣстнаго крестьянскаго населенія. Съ уходомъ своимъ Михаилъ Алексѣевичъ не забылъ колонію: при жизни прислалъ значительное денежное пожертвованіе и оставилъ по духовному завѣщанію на нужды колоніи 1000 рублей, которые колоніей получены уже въ минувшемъ году отъ душеприказчиковъ покойнаго.

«Такимъ образомъ наименованіе колоніи именемъ Михаила Алексѣевича Палкова воиолнѣ заслужено бывшимъ губернаторомъ».

А. Э. Зноско-Боровскій.

II.

По поводу музея Бродовскаго въ Вильнѣ.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущей годъ, въ отдѣлѣ «Смѣсь», напечатана замѣтка анонимнаго автора подъ заглавіемъ «Музей А. Р. Бродовскаго въ Вильнѣ», представляющая собою сплошное недоразумѣніе, чтобы не выразиться рѣзче...

Въ сущности, никакого «музея» — въ томъ смыслѣ, какъ слово это понимается на языкѣ не только науки, но простого общежитія, нѣтъ. То, что авторъ называетъ «музеемъ», не болѣе, какъ случайное собраніе любителя-коллекціонера, лишенное опредѣленной цѣли, системы, каталога, путеводителя, какой-то хаосъ, въ которомъ среди поддѣлокъ, оговоренныхъ и неговоренныхъ владѣльцемъ, среди вещей сомнительныхъ, чуть не вчерашняго дня, лишенныхъ всякаго научнаго, историческаго, бытового, археологическаго, художественнаго значенія, обломковъ, обрывковъ, кусковъ безформеннаго желѣза, камня, механизмовъ отъ часовыхъ луковицъ, лишенныхъ оправъ, каретныхъ фонарей, подсвѣчниковъ, вышивокъ шерстями по канвѣ нашихъ бабушекъ, трубокъ, кисетовъ для табака, мундштуковъ отъ трубокъ и тому подобнаго, стараго и нестарога, но по большей части зауряднаго хлама, — совершенно теряются экземпляры, дѣйствительно достойные занять почетное мѣсто въ заправскомъ хранилищѣ старины. Видимо, г. Бродовскій сносилъ къ себѣ все, что попадалось ему подъ руку, и когда вещей набралась масса, окрестилъ собраніе свое названіемъ «музей», пожалѣвъ выбросить, какъ ненужный соръ, изъ 20,000 «предметовъ», лежащихъ въ 100 витринахъ (такія цифры приводитъ объявленіе у входа) по крайней мѣрѣ половину и назвавъ «предметами» даже обломки ржаваго желѣза, бронзы, чугуна и тому подобное.

Хотя въ томъ же объявленіи сказано, что въ «музеѣ» имѣются и «предметы изящныхъ искусствъ», которые «увлекательно заинтересовываютъ» всякаго посѣтителя, давая «полезное и облагораживающее вкусъ развлеченіе», а за входъ взимается плата въ 15 коп., между прочимъ, съ нижнихъ чи-

новъ, учениковъ и дѣтей; но, на самомъ дѣлѣ, никакихъ «предметовъ изящныхъ искусствъ» (въ томъ смыслѣ, какъ слова эти признаны художественною критикою) въ «музеѣ» г. Бродовскаго не имѣется, а дѣтямъ и нижнимъ чинамъ здѣсь дѣлать нечего.

Не созерцать же имъ, въ качествѣ поучительныхъ рѣдкостей, или историческо-художественныхъ произведеній, такія «древности», какъ изображеніе полуголой дамы, лежащей на кровати въ соблазнительной позѣ (работу посредственнаго художника чуть не нашихъ дней), дворянскую шпагу г. Вильчинскаго, замѣчательнаго лишь тѣмъ, что онъ издалъ иллюстрированный «Album do Vilna», десятокъ шпажонковъ—дворянскихъ и чиновничьихъ, времени императоровъ Александра II и Николая I, ржавый штыкъ отъ современной берданки, ключъ камергера двора императора Александра II, современную звѣзду Станислава I-й степени, чернильницу, которая, судя по надписи, только потому удостоилась украшать «музей», что служила «для бракоразводныхъ дѣлъ евреевъ», и тому подобное!

Вообще, по части надписей «музей» г. Бродовскаго поражаетъ неожиданностями. Такъ, напримѣръ, нѣсколько шариковъ изъ какой-то массы, вырытыхъ около Ковна при земляныхъ работахъ, названы «съѣдобной глиною», которой «пятьдесятъ тысячъ лѣтъ тому назадъ» питался «первобытный человѣкъ», или его «игрушками», причемъ владѣлецъ музея предлагаетъ людямъ науки опредѣлить, что такое, въ сущности, представляютъ собою эти шарики. Могильная, безформенная труха снабжена такой наивной эпитафией: «что осталось отъ литовскаго вождя, жившаго 1000 лѣтъ тому назадъ». При этомъ не объяснено, въ силу какихъ данныхъ владѣлецъ нашель, что это — прахъ не простаго смертнаго, а именно «вождя», да еще «литовскаго», жившаго ровно «1000 лѣтъ тому назадъ». Известковый кубикъ съ изображеніемъ креста и еще какими-то рельефами названъ имъ «иконою», притомъ найденною въ римскихъ катакомбахъ, древность которой «18 вѣковъ». Кабинетное украшеніе недавняго времени въ видѣ слона обратилось въ загадочный приборъ для выпивыванія волосъ.

Подобныхъ курьезовъ въ «музеѣ» г. Бродовскаго немало. Мнѣ не хочется, однако, утомлять ими вниманіе читателя.

Но авторъ замѣтки прямо не церемонится съ истиною.

Такъ, двѣ комнаты «музея» превратились у него въ «нѣсколько комнатъ, буквально отъ пола до потолка завѣшанныхъ всевозможными рѣдкостями»; онъ умудрился найти тамъ цѣлую «коллекцію бердышей XV — XVI вѣковъ», «настоящія уники» въ нумизматическомъ отдѣлѣ, «громадные башенные куранты» (которыхъ въ «музеѣ» нѣтъ), «монгольскія надписи», «вкрустацію золотомъ» на кольчугѣ и шлемѣ, «гербъ (!) ханьши Тайцзы», надписи татарскія, «временъ монгольскаго ига въ Россіи», на обломкахъ мѣдныхъ сосудовъ, назвавъ послѣдніе почему-то «татарскими кадилъницами» (тогда какъ никакого герба нѣтъ и не могло быть на этихъ предметахъ), «оригинальное собраніе часовъ» (въ которомъ преобладаютъ, къ слову сказать, каминные, столовые, салонные громоздкіе часы прошлаго вѣка, ничѣмъ не замѣчательные), «историческіе документы съ подписями императора Николая I (тогда какъ это—заурядные патенты на чины, лишенные всякаго историческаго значе-

нія), «нѣсколько» змѣвиковъ, «древнія металлическія иконы о 4-хъ, 3-хъ 2-хъ створкахъ» XIII—XIV вѣковъ (названы такъ самыя заурядныя старообрядческіе складни прошлаго вѣка) и тому подобное.

Вслѣдъ за надписями «музея» г. Бродовскаго авторъ замѣтки пересыпалъ свое произведеніе такими выраженіями, какъ «времена глубокаго язычества», «времена монгольскаго ига въ Россіи» и тому подобными, очевидно, не зная, что говорить бездоказательно по научному вопросу подобныя общія фразы — равносильно не сказать ничего.

Совершенно невѣрно, затѣмъ, заявленіе его о томъ, что г. Бродовскій «отклоняетъ всѣ предложенія продать хотя бы часть собранной коллекціи»: г. Бродовскій охотно продаетъ вещи изъ музея, мѣняется ими...

На этомъ я пока останавлиюсь. Если мнѣ захотѣлось опровергать замѣтку анонимнаго автора, то потому лишь, что она произвела нѣкоторую сенсацію въ Вильнѣ, а одинъ изъ мѣстныхъ русскихъ «ученыхъ» даже, по слухамъ, собственноручно расписался въ своемъ невѣжествѣ, приславъ г. Бродовскому письмо, въ которомъ будто бы поздравляетъ его съ успѣхомъ «музея», наконецъ, отмѣченнаго такимъ серьезнымъ журналомъ, какъ «Историческій Вѣстникъ».

Настоящимъ опроверженіемъ я, конечно, не хочу умалить заслугъ г. Бродовскаго, какъ энергичнаго собирателя старины, потратившаго много средствъ, труда, принесшаго много жертвъ при собираніи своихъ коллекцій. Я даже ждалъ, что самъ онъ опровергнетъ печатно хоть ту часть замѣтки, въ которой допущена явная неправда. Въ собраніи его есть много и рѣдкаго, и подлиннаго, и поучительнаго.

Но невольно, при чтеніи замѣтки анонимнаго автора, сами собою возникли у меня вопросы: что дѣлали виленскія ученныя учрежденія учебнаго округа въ то время, когда г. Бродовскій, состоящій на казенной службѣ, при работахъ по устройству фундаментовъ подъ правительственныя сооруженія — памятники графу Муравьева и императрицѣ Екатерины II, на глазахъ у всѣхъ, преспокойно уносилъ изо дня въ день въ свой частный музей то, что является достояніемъ Русскаго государства — «весьма любопытные предметы» древностей, по увѣренію автора, относящіяся къ историческому прошлому Вильны? Почему предметы эти не лежатъ хотя бы въ правительственномъ музеѣ при виленской публичной библіотекѣ? Какъ могъ попасть въ частный музей г. Бродовскаго трехпудовый замокъ отъ воротъ рижской цитадели, то есть отъ правительственнаго сооруженія, съ инициалами императора Николая I? Не пора ли вообще частныя провинціальныя музеи, въ родѣ музея г. Бродовскаго, отдать подъ строгій контроль мѣстныхъ ученыхъ архивныхъ комиссій и другихъ, аналогичныхъ съ ними по назначенію, ученыхъ учреждений съ тѣмъ, чтобы вывѣска «музей», каталоги-путеводители, надписи на предметахъ, а главное — самыя предметы подвергались строгой критикѣ и провѣркѣ? Не пора ли на эти же ученныя учрежденія возложить обязанность — провѣрять на мѣстѣ печатныя заявленія по вопросамъ археологіи, старины, искусства, въ родѣ замѣтки о «музеѣ г. Бродовскаго», дѣлая по нимъ, въ случаѣ надобности, и соответствующія опроверженія?!

А. Жирковичъ.

къ его бычачьей наружности, однако вышла замужъ, прельщенная землицей, домикомъ и виноградникомъ, которые достались ему отъ отца. Вскорѣ Торо, благодаря услужливымъ сосѣдямъ, воочію убѣдился въ измѣнѣ жены, заставъ ее въ объятіяхъ лѣснаго сторожа; будучи человѣкомъ нрава необузданнаго, онъ задавилъ ихъ на мѣстѣ, почти мгновенно и одновременно: ее правой, а его лѣвой рукой. Ему предстояла висѣлица. Онъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ южной Италіи, скрылся въ родные лѣса, присоединился къ шайкѣ бандитовъ. Не будучи отъ природы кровожаднымъ, онъ не участвовалъ въ грабежахъ и кровопролитныхъ предпріятіяхъ; однако, чтобъ не умереть съ голоду, собиралъ по обычаю скромную дань съ богатыхъ землевладѣльцевъ и обладателей большихъ стадъ. Случалось, онъ и въ родное село заглядывалъ, чтобъ побесѣдовать съ пріятелями, которые его уважали за простодушно-честный нравъ. Даже многіе землевладѣльцы, такъ называемые синьоры, интересовались имъ, и добровольно снабжали его средствами съ тѣмъ, чтобы онъ оставлялъ въ покоѣ ихъ собственность. Нрава Торо былъ веселаго; забавный былъ человѣкъ.

Когда отголоски большой французской революціи отозвались (къ концу XVIII вѣка) въ Южной Италіи либеральными волненіями, изгнаніемъ Бурбоновъ изъ Неаполя, провозглашеніемъ Партенопейской республики, Пиетро Торо однимъ изъ первыхъ вступилъ въ войско, собираемое кардиналомъ Руффо для подавленія революціи и для борьбы съ французами. Во время этой партизанской войны онъ всѣмъ доказалъ, что его смѣлость и смѣтка равняются его бычачьей силѣ. Въ 1800 году, послѣ возвращенія Бурбоновъ, Торо, какъ и многіе бандиты и даже разбойники, какъ бы искупившіе свои старинныя преступленія участіемъ въ вооруженномъ возстановленіи прежняго режима, возвратился въ родное село и принялся за обработку своихъ наслѣдственныхъ земли и виноградника.

Власти, дѣйствительно, оставляли въ покоѣ и Пиетро и многихъ ему подобныхъ бандитовъ, вернувшихся изъ лѣсовъ. Сосѣди уважали его еще болѣе прежняго.

Рикардо съ самаго ранняго дѣтства привыкъ видѣть въ немъ лучшаго, послѣ дяди Кармине, друга. Во время десятилѣтняго пребыванія Торо въ лѣсахъ мальчикъ часто проводилъ съ нимъ въ горахъ по нѣскольکو дней. Когда Рикардо опасно заболѣлъ, Торо, рискуя попасть въ руки карабинеровъ, проводилъ ночи въ домикѣ Кармине и ухаживалъ за больнымъ.

Торо всегда подозрѣвалъ въ своемъ юномъ другѣ воинственные наклонности и изрядную долю честолюбія, онъ не задумался, поступивъ въ войско Руффо, привлечь туда и Рикардо. Послѣднему было уже двадцать лѣтъ. Кардиналъ обратилъ особенное вниманіе на смышленость и храбрость молодого человѣка, сразу

опредѣлили его въ отборный отрядъ, называемый королевскіе калабрійцы (Real Calabria). А когда Рикардо особенно полезно для дѣла отличился при Котронѣ, Вильентѣ и проч., назначилъ его капитаномъ.

Надо замѣтить, что молодой человекъ, не взирая на свою горячность и отвагу, всегда избѣгалъ тѣхъ жестокихъ грабительскихъ дѣяній, до которыхъ было падко большинство партизановъ кардинальскаго войска.

По окончаніи же этой кровопролитной кампаніи оба друга, Торо и Рикардо, остались какъ бы на мели, не знали, что съ собою дѣлать. Кардиналъ Руффо, сложивъ свои полномочія, удалился. Всѣ атаманы распустили свои отряды, вѣрнѣе пайки. Король вернулся изъ Сициліи въ отвоеванный для него Неаполь, но, казалось, забылъ о тѣхъ, кто за него воевалъ. Даже чины, пожалованные партизанамъ кардиналомъ, не были утверждены королемъ, хотя и не отмѣнялись.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Французы опять надвигались на югъ Италіи, Фердинандъ IV снова обратился въ добровольное изгнаніе, а его жена, сестра уже погибшей Маріи-Антуанетты, собрала старыхъ партизановъ въ Неаполь, гдѣ всѣ они очутились какъ въ лѣсу.

Торо, Магаро, Гиро и Рикардо пріѣхали вмѣстѣ въ столицу, гдѣ никогда не бывали.

VI.

Ночь королевы.—Сочетаніе расчѣта со страстью.

Благодаря молодости и хорошему уходу, леченіе Рикардо шло быстро. Однако протекло болѣе недѣли съ маскарадной ночи, а докторъ и невѣдомая власть продолжали держать его взаперти. Горецъ начиналъ терять терпѣніе, тосковалъ по горамъ, по товарищамъ! Его озабочивало, что Піетро Торо, Гиро и Магаро считаютъ его чуть не измѣнникомъ; пріѣхали вмѣстѣ въ столицу, онъ же заставлялъ ихъ ждать въ Санъ-Карло какой-то вѣсти, несомнѣнно, важной, и вдругъ, подхваченный двумя женщинами, безслѣдно исчезъ, и голосу не подаетъ цѣлую недѣлю.

О соблазнительной женщинѣ на картинѣ онъ часто задумывался; молодая кровь начинала закипать въ одиночествѣ. Но и красавица, и сама картина болѣе не появлялись; хотя ему по временамъ и мнилось, что то былъ не бредъ одинъ,—но что пользы.

Однажды докторъ обнадежилъ Рикардо, что не завтра, такъ послѣзавтра его выпустятъ: и раны залечены, и особа, ему покровительствующая, должна вернуться съ часу на часъ въ Неаполь.

Наступила ночь. Калабриецъ давно крѣпко спалъ. Лампада лила мягкій свѣтъ на всю комнату, заботливо поставленная около

его кровати ширма скрывала отъ него свѣтъ и погружала въ полутьму ближайшіе предметы.

Царила глубокая тишина.

Эту тишину внезапно нарушилъ тонкій, какъ отдаленный пискъ цикады, скрипъ двери за гобеленомъ. Гобеленъ приподнялся и упалъ за вошедшею въ комнату женщиной. Беззвучно пройдя освѣщенное лампадой пространство, она приблизилась къ кровати, гдѣ было полутемно, и быстро, осторожно, почти не дыша, насыпала изъ какого-то крошечнаго золотого флакончика небольшую щепотку бѣлаго порошка въ пустой стаканъ, стоявшій на столикѣ.

Она была облечена въ легкую черную весталку (такъ называли тогда капоть-накидку), руки были обнажены, на пышныя бѣлыя плечи спадали не менѣе пышныя свѣтлыя волосы, вишневыя губы горѣли и трепетали, глаза искрились страстью.

Рикардо спалъ. Его античный торсъ, руки, голова и черныя кудри разметались по мягкимъ бѣлымъ подушкамъ... Онъ почувствовалъ, что чьи-то губы прильнули къ его губамъ, чьи-то руки мягко охватили его тѣло... Что это? — наяву или во снѣ... Онъ очнулся, открылъ глаза. Это не можетъ быть бредомъ, какъ въ первую ночь: вѣдь онъ теперь здоровъ... Онъ громко воскликнулъ:

— Вы! Это вы пришли?

И слегка отстранился отъ женщины, чтобы лучше оглядѣть ее.

— Говорите, какъ можно тише, — даже не прошептала, а словно прорышала она.

Сонъ то или нѣтъ, но Рикардо почувствовалъ, что его охватываетъ страстное блаженство отъ прикосновенія ночной гостьи.

— Это я вашъ портретъ видѣлъ въ первую ночь на стѣнѣ? потомъ его убрали?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Но такое сходство! Вы — та маска, которая просила меня въ маскарадѣ проводить ее.

— Да, да... Только тише...

— Я помню. Я и тогда подумалъ, что вы красавица. Но теперь, когда я могу любоваться вами... Я и представить себѣ не могъ...

Лаская руками ея богатые волосы, онъ еще нѣсколько отстранилъ отъ себя ея лицо, чтобъ упиться его красотой...

— Если бъ я раньше, послѣ маскарада, видѣлъ васъ, какъ теперь, и меня бы убили за васъ, я бы былъ уже счастливъ и вознагражденъ, — повторялъ пылкій юноша. — Отчего же вы раньше не навѣстили меня?..

Женщина опять склонилась къ нему и нѣжно ласкала его своими маленькими ручками.

— Вы были ранены, больны... я не хотѣла васъ тревожить, знала, что вамъ необходимо избѣгать всякаго, самаго ничтожнаго волненія.

— Понимаю... Боже, здѣсь почти темно... А какъ вы должны быть дивно хороши въ солнечномъ свѣтѣ... Скажите мнѣ, кто голубая маска, которая была съ вами.

— Моя камеристка.

Отвѣтъ былъ лакониченъ и почти рѣзокъ. Онъ нѣсколько удивился: въ маскарадѣ изъ-подъ голубой маски онъ слышалъ словно знакомый голосъ. Пурпурное домино, какъ ему помнилось, назвала свою спутницу Альмой; а это имя было ему съ ранней юности извѣстно на родинѣ. Но эта мысль теперь проскользнула, какъ молнія, и исчезла въ обаяніи, исходившемъ отъ женщины, близко склонявшейся къ нему... Онъ невольно притянулъ ее къ себѣ и шепталъ:

— Скажи же, скажи, кто ты? Имя я хочу знать.

— Я тебѣ нравлюсь?—спросила она съ улыбкой, которая словно все вокругъ освѣтила.

— Да, да. Ты дивно хороша?..

— Ну и зови меня, какъ хочешь: наслажденьемъ, страстью, любовью...

— О да!.. Наслажденье, страсть...

— Отчего ты не договариваешь: любовь?.. Или ты любишь другую...

Когда она произнесла эти слова, ея верхняя, чуточку выдающаяся впередъ губа задрожала, и въ голубыхъ глазахъ, столь нѣжныхъ въ мгновеніи лобзанія, промелькнуло какое-то ехидное выраженіе хищнаго звѣря.

— Любовь! — тихо произнесъ молодой человѣкъ, задумавшись на нѣсколько секундъ и чуточку отстранивъ свое лицо отъ своей соблазнительницы. — Да, и любовь!.. Нѣтъ, меня никогда никакая женщина не любила,—добавилъ онъ съ истинно-калабрійскимъ лукавствомъ, хотя и сказалъ правду. И сейчасъ же сказалъ:

— Конечно, жизнь моя беспорядочная. Многимъ женщинамъ я нравился, многія нравились мнѣ... Но любить? нѣтъ, любви не было.

И смолкъ въ страстномъ забытіи опьяненный возобновившимися ласками незнакомки, чувствуя, что ея взгляды пронизываютъ всю его душу...

— А меня ты будешь любить? Всегда?.. Любовь на жизнь и на смерть?

— Да, на жизнь и на смерть.

Она словно боролась съ собой, боясь слишкомъ ясно высказаться, и произнесла твердымъ голосомъ:

— Только смотри, остерегайся... Моя любовь изъ тѣхъ, что убиваютъ человѣка, но могутъ и возвысить его. Она какъ солнце: и сожигаетъ и благодѣтельствуетъ.

— Что мнѣ за дѣло,—жизнь, смерть, адъ, рай—все равно!—воскликнулъ совершенно поработанный страстью юноша.

— Вотъ такимъ, именно такимъ я представляла себѣ тебя... Такимъ я хотѣла тебя!—отвѣчала она, вся трепещущая вожделѣніемъ.

Сколько протекло часовъ, они сами не могли бы сказать. Часы блаженства обращаются въ секунды. Секунды страданій обращаются въ года, въ вѣчность.

— Ты хочешь пить?—нѣжно спросила она, когда оба поуспокоились.

Онъ, приподнявшись на локтѣ, жадно любовался этой мраморной статуей, которая еще трепетала любовью.

— Ты хочешь пить? Вотъ я вижу на столикѣ стаканъ и бутылку токайскаго. Ты любишь это царственное вино?

Она встала.

— Дай,—прошепталъ онъ:—все, что отъ тебя, прекрасно...

Она подала ему розовый стаканъ и бутылку, онъ налилъ вина.

— Прежде выпей ты,—предложилъ, онъ.

— Нѣтъ, пей ты.

— Нѣтъ, ни за что не буду прежде тебя, моя радость.

— А я говорю: пей... Я такъ хочу. — И въ ея голосѣ звучало настойчивое приказаніе.

— Не сердись же. Какая ты горячая!—нѣсколько изумленно отозвался Рикардо:—знаешь, и я тоже умѣю сердиться. Я и съ женщинами умѣю быть настойчивымъ мужчиной.

— А! умѣешь быть мужчиной? Я это люблю... Я до сихъ поръ всегда жила съ мужчинами, которымъ слѣдовало бы быть бабами... Даже король уѣхалъ въ Сицилію..

— Что намъ за дѣло до короля?

— Какъ намъ нѣтъ дѣла до короля? Мы неаполитанцы. Въ такое смутное время его присутствіе въ столицѣ необходимо.

— Ну, оставимъ въ покоѣ политику и бѣднаго короля, за котораго и мнѣ пришлось нѣсколько крови пролить.

— А королева?

— Много я о ней всего худого наслышался. А, впрочемъ, тоже говорятъ, что она умна, горда, зла не забываетъ, но уступать не любить, своего добьется.

— Да, пожалуй, такъ—только около нея нѣтъ энергичнаго мужчины, на котораго она могла бы опереться,—замѣтила Каролина, пододвигая стаканъ къ молодому человѣку, и поспѣшно добавила:—Однако пей же вино, у тебя жажда. Выпей, дорогой. Видишь, я прошу тебя, рыцарь мой прекрасный. Не сердись, что я капризничаю...

— Вотъ хорошо. Коли такъ—я хоть ядъ выпью, — произнесъ Рикардо и осушилъ стаканъ.

Она взяла стаканъ изъ его рукъ, налила для себя вина, поднесла его къ губамъ и, воспользовавшись мгновеніемъ, когда Ри-

кардо взглянулъ въ другую сторону, выронила стаканъ; онъ разбился.

— Ахъ, какая я неуклюжая!—воскликнула она и, не давъ ему отвѣтить, заключила молодого человѣка въ свои объятія..

VII.

Рикардо возвращенъ друзьямъ.—Высочайшая милость.—Отплытіе королевы изъ столицы.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ описанной въ VI-й главѣ сцены, рано утромъ январское солнце сіяло ярко, воздухъ былъ мягокъ и море ласково. На пустынномъ побережьѣ Гранилли, за городомъ, на днѣ лодкѣ, вытщенной на песокъ, спалъ глубокимъ сномъ молодой человѣкъ въ щегольской, новой одеждѣ калабрійца. Его голова покоилась на довольно большомъ, мягкомъ, кожаномъ мѣшкѣ-чемоданчикѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки то сидѣли на обломкѣ утеса, то прохаживались по берегу, поглядывая на спящаго, трое мужчинъ, тоже въ калабрійскомъ платьѣ, однако подержанномъ и мѣстами даже заплатавшемъ. Недалеко отъ нихъ были привязаны три осѣдланныя лошади.

Спалъ въ лодкѣ Рикардо. Сторожили его сонъ трое земляковъ: старый Пиетро Торо, Гиро и Магаро, калабрійскіе горцы, которыхъ мы видѣли у королевы. Они безпокойно разговаривали между собой, чего-то не понимали, и, рѣшивъ, что ихъ товарищъ неестественно долго спитъ, разбудили его наконецъ. Это оказалось не очень легко.

Проснувшись, Рикардо озирался кругомъ и какъ будто дивился еще болѣе земляковъ. Онъ ихъ спрашивалъ, какъ они сюда попали. Они, въ свою очередь, интересовались: почему онъ отсутствовалъ, когда они всѣ представлялись королевѣ, и какъ онъ очутился спящимъ въ лодкѣ?

Атаманы повѣдали ему, что послѣ представленія королевѣ всѣ ихъ товарищи разѣхались дня черезъ два въ горы. Ихъ же задержало неизвѣстное имъ лицо, попросивъ ихъ отъ имени Рикардо пробыть еще нѣсколько дней въ столицѣ, чтобы пуститься въ путь вмѣстѣ съ нимъ. Что лицо, сообщавшее имъ это, было почтеннаго вида и достойно довѣрія, показывали деньги, и довольно въ ихъ глазахъ крупныя, которыя этотъ господинъ выдавалъ имъ отъ имени какъ въ воду канувшаго земляка на прожитокъ въ Неаполѣ. Этотъ же господинъ на разсвѣтѣ сегодня далъ имъ—опять отъ имени Рикардо—трехъ лошадей и приказалъ ѣхать за городъ къ морю, у Гранилли, обѣщая, что тамъ они непременно встрѣтятся съ молодымъ пріятелемъ.

Все это весьма изумило Рикардо. Но онъ, очнувшись окончательно отъ тяжелаго сна и вспомнивъ свои странныя за послѣдніе дни, а особенно за послѣднюю ночь, приключенія, счелъ за лучшее скрыть свое изумленіе, ничего не возражать, а о себѣ самомъ тѣмъ болѣе, что и самъ не зналъ, какъ попалъ въ Гранилли. Сказалъ онъ только, что имѣлъ неожиданныя дѣла, задержавшія его.

Товарищи тоже не возражали, но удовлетворены, кажется, не были. И онъ и они понимали одно, что на коняхъ, которые получили въ подарокъ, имъ должно немедленно ѣхать въ родныя горы и не медлить долѣе исполненіемъ повелѣній королевы, данныхъ ею въ ночномъ засѣданіи. Чтобы спокойнѣе разобраться въ мысляхъ и на свободѣ ознакомиться съ неизвѣстнымъ ему также содержимымъ чемоданчика, кѣмъ-то подложеннаго ему подъ голову въ лодку, молодой человекъ предложилъ пріятелямъ итти закусить на дорогу въ ближайшей остеріи, а ему принести кусокъ хлѣба съ сыромъ да стаканъ вина.

Рикардо былъ моложе ихъ, но онъ кой-чему учился, получилъ нѣкоторое образованіе; свою боевую карьеру началъ очень рано и сразу блистательно отличился. Теперь онъ былъ одѣтъ и вооруженъ куда лучше ихъ и какія-то у него дѣла оказывались особенныя, вѣроятно, связанныя съ тѣми, которыя занимали остальныхъ атамановъ съ самой роковой ночи, проведенной въ залѣ королевскаго дворца. Такъ разсуждали старшіе земляки.

Все это вмѣстѣ—и особенно «княжеское» отмѣнное оружие Рикардо, и приказаніе неизвѣстнаго человека передать лучшую по породѣ и сѣдлу лошадь Рикардо, импонировало простымъ людямъ. Въ данный моментъ они охотно повиновались ему.

Оставшись одинъ, онъ почувствовалъ во всемъ своемъ юношескомъ тѣлѣ еще не остывшее обаяніе женщины, съ которой провелъ ночь. Онъ все-таки не зналъ навѣрное, она или кто иной заботился о немъ, лечилъ, кормилъ, а нынче щедро надѣлилъ оружіемъ, платьемъ и золотомъ, которое между прочими предметами оказалось въ обиліи запрятаннымъ въ чемоданчикѣ.

«Кто она? Королева?» мелькнуло въ его головѣ. Но онъ не посмѣлъ и на минуту остановиться на этой мысли. Въ воображеніи тогдашняго горца королева (что бы объ ней ни говорили недоброжелатели) была окружена такимъ величавымъ, яркимъ блескомъ, что одна мысль о ней въ настоящемъ случаѣ являлась святотатствомъ, смертнымъ грѣхомъ, безуміемъ...

Онъ съ трепетнымъ ужасомъ старался выкинуть изъ головы это помышленіе...

Между прочимъ онъ ощупалъ въ грудномъ карманѣ своего новаго щегольскаго кафтана значительныхъ размѣровъ конвертъ. Надѣясь найти въ немъ разгадку, Рикардо нетерпѣливо вскрылъ его...

Тамъ оказался листъ бумаги, исписанный очень мелко.

Почеркъ былъ рѣшительный, твердый...

Вотъ что прочелъ молодой калабриецъ: «Та, за которую вы рисковали жизнью, покуда не можетъ еще открыть вамъ своего имени. Но она—вблизи или издали—непрестанно будетъ слѣдить за вами и надѣяться, что ваше поведеніе будетъ всегда достойно оказаннаго вамъ довѣрія. Разузнавать, кто она, вамъ положительно запрещается. Иначе вы утратите ея расположеніе, которое можетъ быть вамъ въ высшей степени полезно. То, что съ вами произошло и кажется вамъ таинственнымъ, въ свое время само собой для васъ выяснится, если вы не будете ничего допытываться. Въ противномъ же случаѣ, благодаря вѣскому положенію этой особы, вы легко можете сильно пострадать за свою нескромность. Повинуйтесь слѣпо приказаніямъ, которыя дойдутъ до васъ отъ ея имени. Вашъ умъ, ваше мужество вы должны посвятить исполненію этихъ приказаній. И вы не раскаетесь въ томъ, что пролили кровь за лицо, вамъ неизвѣстное. Покуда эта особа, пользуясь своимъ положеніемъ при нашихъ монархѣ и монархинѣ, исходатайствовала для васъ у ея величества королевы, находящейся еще въ столицѣ, назначеніе васъ королевскимъ эмиссаромъ вашей родины. Въ этомъ же конвертѣ вы найдете документъ о такомъ назначеніи, которое ставитъ васъ въ отвѣтственное, но весьма значительное положеніе среди вашихъ земляковъ. Это особенно важно въ настоящее время, когда необходимо приступать къ организаціи защиты отъ внѣшнихъ враговъ правъ нашего законнаго государя. Не смущайтесь золотомъ, которое найдете въ чемоданѣ, и не принимайте его за подарокъ. Это просто годовой авансъ вашего жалованья по эмиссарскому званію, который препровождается по приказанію ея величества. Оружіе же и коней, я надѣюсь, доблестный рыцарь не откажется принять отъ своей дамы. Не забывайте, что отнынѣ ваше существованіе всецѣло принадлежитъ ея любви и вашей доблести...»

Рикардо вглядывался въ отдѣльныя слова, даже буквы письма, словно пытаясь угадать, кѣмъ онѣ начертаны. Но это ни къ чему не привело. Вкладывая письмо въ конвертъ, онъ вспомнилъ о другомъ документѣ, упомянутомъ въ посланіи; вынулъ, пробѣжалъ его и былъ пораженъ еще болѣе.

«Повелѣваемъ главарямъ всѣхъ отрядовъ, сражающихся за своего законнаго, Богомъ даннаго, короля признавать нашимъ королевскимъ эмиссаромъ полковника Рикардо и повиноваться его приказаніямъ, какъ бы отъ нашей власти исходящимъ».

«Каролина Австрійская, королева Неаполитанская».

Такимъ образомъ Рикардо получалъ чинъ полковника, назначался государственнымъ эмиссаромъ въ область, угрожаемую фран-

цузскимъ вторженіемъ! Умъ молодого человѣка мутился. Онъ опять, какъ безуміе, отгонялъ отъ себя мысль, что все это исходило отъ королевы. Однако было несомнѣнно, что королева благоволила къ нему, ибо награждала его. Что же такое? Этимъ благоволеніемъ онъ, вѣроятно, обязанъ той женщинѣ, которая любила его, хотя и не скрывала, что можетъ наказывать его за измѣну. Конечно, эта женщина близка королевѣ, имѣетъ на ея величество большое вліяніе, это такъ. Но все-таки кто она?..

Долго сидѣлъ въ раздумьи калабріецъ; пріятели еще не возвращались изъ остеріи.

Онъ случайно взглянулъ на море, по направленію къ Неаполю. Ему бросились въ глаза три большихъ военныхъ корабля, на полныхъ парусахъ удалявшіеся изъ порта. На мачтѣ каждаго развивалось по бѣлому бурбонскому флагу. Раздался и прокатился окрестъ могучій пушечный выстрѣлъ. За нимъ другой, третій... пальба...

— Что это за выстрѣлы?—спросилъ Рикардо у рыбака, который шелъ къ своей лодкѣ съ неводомъ на плечахъ.

— Въ честь ея величества палать. Она отплываетъ въ Сицилію къ государю,—отвѣчалъ рыбакъ.

VIII.

Шабашъ дьяволовъ и шабашъ атамановъ.—Герцогъ Фаньяно.—Такъ началась война.

Какъ необъятная бѣлая кровля, подпираемая снизу густыми группами темныхъ колоннъ, стлался снѣжный покровъ по верхушкамъ вѣковыхъ сосенъ горъ Гарильонскихъ. Могучія деревья тѣсно жались другъ къ другу; лѣсъ покрывалъ необозримое холмистое пространство. На отлогой вершинѣ, почти въ сердцѣ этого лѣса, по какому-то капризу природы образовалась обширная прогалина, почти круглая поляна. Къ ней сходилось множество тропинокъ, прихотливо извивавшихся и переплетавшихся между собою въ лѣсу. Мало кто осмѣливался ходить по этимъ тропкамъ; на нихъ и въ яркіе лѣтніе дни почти не проникалъ солнечный свѣтъ, такъ густо переплетались между собой вѣтви многовѣчныхъ сосенъ.

Во времена сѣдой древности эта прогалина считалась священнымъ мѣстомъ, храмомъ, въ которомъ витали таинственные и страшные для всякаго человѣка духи. Тѣ немногіе поселяне, которые по необходимости попадали въ безбрежный лѣсъ, чтобы вырубить бревно, собрать сушь на топливо, либо добывать смолу, не отваживались подходить къ этому храму. А если и добирались туда, то погибали: и память и слѣды ихъ исчезали.

Въ эпоху, которой занимается нашъ разсказъ, правда, мало уже кто вѣрилъ, чтобы круглая прогалина была жилищемъ древнихъ боговъ Бруцци¹⁾ но зато мало было и такихъ, кто бы не вѣрилъ, что туда продолжаютъ сходиться на свой пабахъ демоны ада, не менѣ ревниво, чѣмъ языческіе Бруцци, сторожившіе это мѣсто, и не менѣ жестоко каравшіе попавшихъ туда смертныхъ. Были, конечно, люди, чуждые всякимъ суевѣріямъ, не вѣрившіе ни въ языческую, ни въ папистскую чертовщину. Но и они не рѣшались проникать туда, не желая быть съѣденными волками; кромѣ того, всякій опасался, что на возвратномъ пути можетъ безвозвратно заблудиться.

Во времена испанскаго владычества нѣкто Марко Берарди, небогатый мѣстный дворянинъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ тогдашняго правителя, вздумавшаго учредить въ Калабріи инквизиціонные суды. Берарди съ немногими своими единомышленниками энергично протестовалъ противъ такого жестокаго нововведенія. А когда совершились на его родинѣ первыя казни—инквизиція сожгла на кострѣ двухъ неповинныхъ старухъ, обвинивъ ихъ въ колдовствѣ и чернокнижіи,—то онъ, собравъ шайку въ пятьсотъ съ чѣмъ-то человекъ, забрался съ нею въ самую гущу горнаго лѣса и долго отбивался тамъ отъ нѣсколькихъ отлично вооруженныхъ испанскихъ полковъ. Взять его оказалось невозможнымъ. Его блокировали. Безъ пищи и боевыхъ припасовъ онъ изнемогалъ и предпочелъ съ немногими вѣрными товарищами погибнуть голодной смертью въ дикой пещерѣ, чѣмъ сдаться чужеземцамъ и попасть въ руки инквизиціи.

Къ сожалѣнію, я долженъ замѣтить, что, благодаря безопасности современныхъ намъ правителей, этотъ лѣсъ нынче почти весь вырубленъ. А послѣдствіемъ нерасчетливой эксплуатаціи является немалое для земледѣлія зло: весной и осенью огромная масса воды, прежде сдерживаемая лѣсомъ, безжалостно размываетъ въ долинахъ посѣвы, наводняетъ и сноситъ иногда жилища. А въ самое знойное время года поля, сады и виноградники чахнутъ отъ засухи.

Въ описываемое нами время съ одной стороны круглой прогалины ютился обширный бревенчатый сарай. Кѣмъ онъ былъ построенъ, никто не зналъ, но построенъ былъ давно и прочно, ибо, невзирая на безпрестанно трепавшія его непогоды, представлялъ еще изрядное по нуждѣ убѣжище.

Съ самаго разсвѣта къ этому сараю стягивались изъ лѣса конные и пѣшіе люди, по десяти и болѣе, до сотни человекъ

¹⁾ Вѣтвь Абрुцскихъ горъ, принадлежащихъ къ Аппенинамъ.

вмѣстѣ. Лѣсъ, Богъ знаетъ какъ давно не слыхавшій человѣческой рѣчи, теперь оглашался шумнымъ говоромъ. По діалекту и одѣянiямъ различныхъ группъ замѣтно было, что эти люди стянулись изъ разныхъ южныхъ провинцій королевства. Слышался мягкій апулійскій говоръ, жесткій базиликатскій и отчетливый сицилианскій и т. д.

Воздухъ былъ прозраченъ. Сильная пурга, господствовавшая въ горахъ дня два назадъ, разошлась облака. Солнце весело освѣщало широкій снѣжный покровъ и засвѣчало на немъ миллиарды разноцвѣтныхъ искръ. Вся окрестность словно улыбалась и нимало не напоминала угрюмаго мрака, въ который зачастую бывала погружена. Господствовало бодрящее настроенiе и въ природѣ и въ людяхъ. Сосны-великаны, медленно разраставшiяся въ теченiе многихъ столѣтiй, производили впечатлѣнiе величавыхъ бодрыхъ старцевъ, которые умѣютъ невозмутимо относиться и къ грознымъ бурямъ и къ предвѣчной непоколебимости мировыхъ законовъ.

А у подножiя этихъ великановъ кишѣли, какъ муравьи, люди, закинутые въ глухую высь страстями, которыя постоянно помыкаютъ ими тамъ—гдѣ-то внизу.

Каждый отрядъ или даже группа горцевъ, показывавшiеся около прогалины, были ранѣе прибывшими встрѣчаемы привѣтно: кликами, хлопаньемъ въ ладоши. Тѣмъ восторженнѣе были эти привѣты, чѣмъ среди новопривывшихъ оказывалось болѣе горцевъ, прославившихся во время партизанской войны, шесть лѣтъ назадъ, войны, которою руководилъ кардиналъ Руффо. Какихъ тутъ не было фiзиномiй и фигуръ. Мрачныя, отважныя, нагло безпечныя, разгульныя... Всѣмъ имъ снова начинала улыбаться фортуна.

Каждый отрядъ притащилъ свою провизию на общее пиршество. Добровольцы-повара вырыли за сараемъ широкую и глубокую яму, навалили въ нее хвороста, зажгли его. Высоко подымалось дымчатое пламя. Ихъ товарищи подготавливали излюбленныя кухонныя травы и зелень, чтобы начинить ими только что зарѣзанныхъ козъ и овецъ. Когда дрова прогорятъ, уголь останется; въ него положить эти туши цѣликомъ и завалить сверху углемъ, заранѣе откинутымъ на землю изъ ямы, и самую этой землей. Въ сторонѣ ежеминутно нарастала гряда приношенiй: каждый пришедшiй клалъ туда, на общую потребу, принесенные имъ запасы: сыры, хлѣбы, фiаски вина и прочее.

— Это мнѣ дѣтство мое напоминаетъ. Когда я къ попу въ школу ходилъ, мы, ребятишки, съ собой завтраки туда изъ дома таскали,—говорилъ ражiй пожилой атаманъ. Онъ только съ коня спрыгнулъ, даже не успѣвъ еще снять съ себя оружiя, и любовно остановился предъ грудой яствъ.

— Въ какую такую ты школу ходилъ?—подсмѣивались надъ нимъ товарищи.

Впрочемъ, большинство атамановъ или главарей даже мелкихъ отрядовъ слѣзали съ коней у противоположнаго импровизированной кухнѣ входа въ сарай. Всѣ они, видимо, были довольны радушію, съ которымъ ихъ встрѣчали товарищи, и усаживались въ сараѣ большимъ кругомъ. При появленіи каждаго новаго лица всѣ шумно хлопали въ ладоши.

Подчиненныхъ своихъ они оставляли подъ открытымъ небомъ.

— Вотъ мы и собрались. Всѣ наши, кажется, тутъ?—заговорилъ знакомый намъ Парафанте, обращаясь къ пріятелямъ, какъ и онъ самъ, прибывшимъ въ лѣсъ по приглашенію королевы.

— Изъ нашихъ, кажется, всѣ налицо. Да есть зато кой-кто и незнакомый,—отозвался Бенинказа.

— Это изъ тѣхъ, что за свой счетъ прежде работали. Когда мы, помните, отъ русскихъ отстрѣливались, такъ они—вонъ Таконе изъ Базиликаты, Бояя, Капарале—спокойненько себѣ самимъ только руки нагрѣвали.

— Значитъ, всякаго здѣсь жита по лопатѣ.

— Да, такъ оно и по-моему.

— Я бы не хотѣлъ, чтобъ такіе молодцы подъ мою команду поцали,—замѣтилъ Франкатрипа и, помолчавъ чуточку, добавилъ тономъ, не допускающимъ возраженій:

— А я полагаю, что нынче мнѣ слѣдуетъ генераломъ быть...

— Чортъ побери!—воскликнулъ Спакафорно:—я думаю, что эта должность ко мнѣ больше подходитъ. А, впрочемъ, я самъ ее ужъ взялъ.

— Чего вы?—строго произнесъ одинъ изъ атамановъ.—Аль съ ума спятили. Думаете, что насъ созвали сюда для того, чтобы должности да чины разбирать промежъ себя. Не слышали, что ли: французы ужъ въ Неаполѣ хозяйничаютъ теперь. А два ихъ полка не сегодня завтра въ Калабрию явятся.

— Такъ и подавно времени терять нельзя.

— Мои молодцы всѣ въ сборѣ. А сюда я привелъ съ собой только подъ-атамановъ.

— Да все-таки надо назначить главнаго генерала, который приказывалъ бы, какъ войну вести слѣдуетъ,—опять нагло закричалъ Парафанте.

— А что же я-то говорю: главнаго генерала, который бы надо всѣми остальными власть имѣлъ...

Франкатрипа зорко вглядывался въ глаза товарищей.

— Который бы по совѣсти распорядился дѣлежомъ... какъ это говорится?... дѣлежомъ военной добычи, который не только извѣстенъ своей доблестью, но—и какъ это... и благородствомъ тоже,—проговорилъ Спакафорно.—Вотъ какого надо назначить главнокомандующаго.

— Да мы всѣ люди благородные,—строго замѣтилъ Бенинказа

— Извѣстно, что всѣ,—возразилъ говорившій раньше.—Только для этакого дѣла надо, чтобы человѣкъ грамотный былъ. Нашъ учитель при всей школѣ говаривалъ, что продолжай я учиться— я бы по малой мѣрѣ въ адвокаты вышелъ... Да. Онъ говорилъ, что человѣкъ, который ни читать, ни писать не умѣетъ, ни къ чему не годенъ.

— Ни читать, ни писать я не умѣю, — чванливо отозвался Парафанте:—зато на трехстахъ шагахъ не промахнусь въ щегленка пулей изъ моего карабина, это-то и есть главное.

— Главное, чтобы старшій генераль... это я, братцы, не о себѣ скажу... главное, чтобы онъ... какъ бы это...

— Главное,—перебилъ Франкатрипа:—чтобъ онъ ранѣе никогда ни у кого въ подчиненіи не бывалъ...

— Даже и у кардинала?

— Кардиналъ Руффо не былъ нашимъ главнокомандующимъ, а только викарнымъ викарнаго Иисуса Христа, т. е. его святѣйшества папы... Я и при немъ все по-своему дѣлалъ. Скажетъ бывало кардиналъ: «не грабьте такого, либо сякого села»... А я грабилъ; потому что мои ребята всѣ до единого за меня готовы были хоть въ пекло. Хотѣ на куски ихъ рѣжь...

— По-твоему, выходитъ, что всѣмъ намъ подъ твою команду итти надо.

— А если бы и такъ? Что же по-твоему? Плохо?

— Это ты такъ разсуждаешь?

— Да, такъ я разсуждаю.

— Ладно, ладно, товарищи,—воззвалъ Бенинказа, чувяшій близость рукопашной и подмѣчая, что многіе хватаются уже за рукоятки своихъ кинжаловъ:—полно! Время ли теперь печенку себѣ раздувать. Вы мнѣ лучше растолкуйте, какъ это вобрело на умъ, молодому парню, у котораго и шайки никакой еще не подобрано, какъ взбрело на умъ капитану Рикардо.

— Го! Капитану... Полковникъ цѣлый...

— Не въ томъ дѣло. Это, пожалуй, даже похвально, что онъ взялъ чинъ ниже того, какой намъ надлежитъ. А дѣло въ томъ, какъ онъ осмѣлился созывать насъ отъ имени королевы. Явился ко мнѣ съ этимъ приглашеніемъ Піетро Торо... у меня и ноги и руки чесались, чтобъ ему встрепку задать...

— А не задалъ-таки?—язвительно вставилъ Парафанте.—Тебѣ же лучше.

— Мнѣ лучше? Это ты что же... — свирѣпо отозвался Бенинказа.

— А то, что Торо въ моей шайкѣ капраломъ служилъ и на моихъ глазахъ однажды схватился съ двумя здоровеннѣйшими нашими молодцами. Да одного въ одну, а другого въ другую сторону шаговъ на двадцать, какъ чурбаны какіе, отшвырнулъ.

— Для этакихъ... у меня всегда двѣ пули наготовѣ... Да не въ томъ дѣло!.. Полно вамъ печенку-то свою раздувать. А вотъ какъ онъ смѣлъ отъ имени ея величества намъ приказанія разсылать. Вѣдь его и въ собраніи-то у королевы не было вмѣстѣ съ нами... Ея величество и не думала, полагаю, насъ оскорблять... А приказанія отъ такого молокососа, да еще такимъ, какъ мы, людямъ, оскорбительны... Сущая обида.

— Я не думаю, чтобъ королева рѣшилась... А, впрочемъ, женщина... Капризъ такой нашелъ.

— А мы и подчиняйся капризу?

— Мнѣ сдается, генералъ Бенинказа, ты меня прости — мнѣ сдается, что ты суть-то самую не такъ понялъ.

«Генералъ Бенинказа» былъ польщенъ даннымъ ему титуломъ и пріятно улыбнулся. Храбрость его была безупречна; онъ не сморгнувъ шелъ всегда навстрѣчу смерти. Впослѣдствіи онъ такъ же спокойно и на висѣлицу пошелъ. Но зато и тщеславіе его не имѣло границъ.

— Я сути не понялъ?!—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Самъ посуди: быть только передатчикомъ приказаній еще не ахти какая честь. Это лакейская обязанность.

— Знаю я это, знаю,—заговорилъ опять Спакафорно.—Только этотъ паренекъ гордый, самолюбивый и лакейскаго порученія на себя ни за что не взялъ бы. И храбрый. Это онъ при кардиналѣ показалъ... На войнѣ, которую затѣяла женщина, онъ не бесполезенъ. Тамъ послѣ можетъ и дальше поидеть. Потому, что онъ грамотѣ хорошо обученъ. А грамота, я вамъ опять говорю дѣло важнѣйшее.

Въ эту минуту поднялся большой шумъ, привѣтственный, но почти буйный, сначала внѣ, а затѣмъ и внутри сарая. Сюда вошелъ вновь прибывшій молодой атаманъ—Вицаро. Онъ уже былъ и тогда популяренъ, успѣлъ натворить чудеса храбрости шесть лѣтъ тому назадъ. Онъ и доселѣ остается едва ли не самымъ блестящимъ историческимъ героемъ того бурнаго, революціоннаго и воинственнаго періода, о которомъ мы рассказываемъ. Не такъ давно извѣстный итальянскій поэтъ описалъ его подвиги въ поэмѣ, исключительно посвященной Вицаро. Въ горахъ пѣлись и поются еще о немъ пѣсни, сложенныя простонародьемъ въ честь его.

Его конь, сбруя, оружіе, все было богато, изящно, черты лица красивы, но выраженіе свирѣпо. На видъ ему тогда едва было лѣтъ тридцать пять.

Онъ былъ очень популяренъ въ странѣ. Но далеко не всѣ старые атаманы его любили. Шумные восторги, встрѣтившіе вновь пріѣзжаго, нѣкоторымъ не по вкусу пришлись.

— Молодецъ-то онъ молодецъ, — съ презрительной гримасой пробурчалъ Бенинказа:—только что жъ онъ такое? Разбойникъ и больше ничего. Никогда онъ за короля не сражался, какъ мы.

— Зато сердце - то у него изъ стали, — возразилъ Франкатрипа.

— А у насъ изъ пуху, что ли? Вотъ, коли Господь судить мнѣ быть главнымъ генераломъ, такъ увидите, какъ я его на настоящее мѣсто осажу...

Покуда шла въ сараѣ между атаманами описанная бесѣда, внѣ его обмѣнивались мыслями подъ-атаманы и рядовые добровольцы. До нихъ, конечно, долетали голоса главарей, и они обсуждали возможные результаты сегодняшняго сбора.

— Если наши командиры собрались, чтобы главнаго генерала выбирать, такъ, право, намъ лучше по домамъ разойтись, — говорилъ одинъ опытный подъ-атаманъ.

— А знаете, чѣмъ все это кончится? — добавилъ другой: — передерутся, перерѣжуются они между собой, да и намъ придется другъ съ другомъ драться.

— А что жъ ты думаешь? Любезное бы это было дѣло! Самое справедливое... Командиромъ выбирать надо самаго что ни на есть сильнаго человѣка. А силу надо показать прежде... Лучше этого мѣста не найти; прогалина просторная; есть мѣсто не только кинжалу—и пулѣ разгуляться... Кто верхъ возьметъ, тотъ и головой быть долженъ...

Эти разсужденія были прерваны появленіемъ Вицаро со своей свитой. Онъ, соскочивъ быстро съ коня, прошелъ прямо въ сарай. Вслѣдъ за нимъ проскакалъ на бѣломъ невысокомъ, но статномъ конѣ какой-то юноша. Онъ бросилъ поводья сопровождавшему его горцу весьма свирѣпаго, отталкивающаго вида, вооруженному двумя топорами за поясомъ да карабиномъ за плечами. Калабрійское національное одѣяніе на молодомъ человѣкѣ было щегольское, даже богатое. Изъ-подъ полуконической высокой шляпы, обвитой по мѣстному обычаю разноцвѣтными, развѣвающимися по вѣтру лентами, спадали на плечи пышные кудри цвѣта воронова крыла. Большіе черные глаза были поразительно красивы; но взглядъ ихъ былъ жестокъ, почти свирѣпъ.

Этотъ красавчикъ, ни на кого не взглянувъ, прямо прошелъ въ сарай.

— Вѣдь это баба, — замѣтилъ вполголоса одинъ изъ подъ-атамановъ.

Остальные не могли не согласиться: больно красивъ былъ этотъ молодецъ, а высокая грудь и широко развитыя бедра краснорѣчиво обнаруживали, что это мужчина только по одеждѣ.

— Это, братцы, любовница Вицаро, — пояснялъ говорившій ранѣе. — Родители ея дворяне, богачи были. Вицаро у нихъ на конюшнѣ служилъ; она слюбилась съ парнемъ. Баринъ узналъ, парня

избили; дѣвку тоже мучили, въ подвалѣ держали. Они оба умудрились сбѣжать, съ тѣхъ поръ Вицаро и бандитомъ сталъ. Ловокъ онъ. И пощады отъ него не жди. Они со своей возлюбленной отца ея родного не пожалѣли. Замокъ его сожгли и отца и мать и прежняго жениха этой дѣвки, барона какого-то, на тотъ свѣтъ отправили. Вицаро изъ-за нея цѣлыя рѣки крови человѣческой пролилъ... Любить крѣпко. А она за нимъ вездѣ какъ тѣнь.

— Боже ты мой! какая важная дѣвка!.. И еще дворянская дочка!.. Богатая!.. Видно, и въ овечьемъ стадѣ волчица можетъ народиться,—воскликнули кругомъ.

— Красива - то красива, да чего она тутъ дѣлать будетъ? На кой она намъ чортъ на войнѣ нужна.

— Э, братъ!—отвѣчалъ тотъ, кто, видимо, былъ болѣе товарищей освѣдомленъ о Вицаро:—она съ десяткомъ нашихъ потягается, не уступитъ. Увидите уже, какова эта волчица въ бою. Передъ ней самъ Вицаро иной разъ пасуетъ. А ужъ онъ ли не командиръ...

Тѣмъ временемъ въ сараѣ продолжали бесѣдовать сами атаманъ. Многие—на случай выбора въ главные генералы—старались расположить къ себѣ подходящихъ товарищей. Вицаро сидѣлъ въ сторонкѣ, молчалъ и высокомерно глядѣлъ на остальныхъ. Остальные же не безъ вождельнiя исподтишка поглядывали на его подругу Викторiю, женскiя формы тѣла которой соблазнительно ясно обрисовывались подъ мужскимъ одѣянiемъ.

Парафанте, Бенинказа, Франкатрипа, имѣвшiе наибольшiе шансы быть выбранными, нѣсколько смутились при появленiи Вицаро. Подвиги его за послѣднiе годы гремѣли во всей Южной Италии. Но все-таки они не считали его серьезно опаснымъ соперникомъ: онъ только разбойничалъ за свой счетъ и въ рядахъ кардинальскаго отряда за короля и родину не дрался, какъ они.

Каждому изъ нихъ, да и многимъ другимъ, приходило на мысль, что, затѣявъ съ нимъ добрую свалку, и Викторiю можно бы отбить отъ него.

— Да какого чорта мы тутъ еще ждемъ? — воскликнулъ наконецъ Бенинказа.

— Говорятъ, какой-то важный баринъ собирался сюда прiѣхать... Не то князь, не то герцогъ...

— А я такъ слышалъ, что сама ея величество королева прiбудетъ на наше собранiе.

Внѣ сарая послышалось особенное оживленiе. Въ одной изъ группъ, на которыя стало было распадаться скопище атамановъ, воскликнули:

— Да это Рикардо!

— Вырядился, какъ баринъ какой...

Вошелъ Рикардо. Онъ былъ дѣйствительно не въ національномъ костюмѣ, а въ бархатныхъ кафтанѣ и жилетѣ, голубого

цвѣта, высокихъ до колѣнъ сапогахъ. Зато оружіе, которымъ онъ былъ обвѣшанъ, превосходило все, о чемъ могли мечтать остальные горцы. Съ нимъ вмѣстѣ вошли Шетро Торо, Магаро и Гиро.

Онъ обвелъ спокойнымъ взоромъ собраніе, подошелъ къ какому-то свободному ларю, всталъ на него, чтобы всѣ могли его видѣть, и сказалъ, обращаясь къ атаманамъ:

— Простите, друзья и товарищи, что я запоздалъ, хлопоты были. Дурную новость я привезъ. Нѣсколько французскихъ полковъ уже вступили въ Калабрию. Ихъ главная квартира въ Монтелеоне. Они имѣютъ приказаніе итти къ намъ въ горы. И я знаю, что значительная часть ихъ уже двинулась. Намъ надо поспѣшить. Только прежде необходимо сговориться, чтобы дѣйствовать сообща.

— Это что же такое?—послышались восклицанія въ толпѣ атамановъ. — Мы, значить, въ ловушку попались. Ловко вы насъ обработали.

— Нѣтъ, — спокойно возражалъ на эти слова молодой человекъ.—Вы вовсе не въ ловушкѣ. Кто желаетъ, можетъ отселѣ спокойно вернуться домой. О французахъ же я вамъ повѣдалъ, чтобы вы времени не теряли. Намъ нужно немедленно взяться за оружіе и начать дѣйствовать прежде, чѣмъ французы осмотрятся, укрѣпятся, разузнаютъ о нашемъ положеніи и добудутъ себѣ проводниковъ.

— Проводниковъ они никакихъ не найдутъ!—вскричалъ Паррафанте.—Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ хоть одинъ изъ нашихъ земляковъ вздумалъ бы услуживать нашимъ врагамъ. Вы, молодой человекъ, клеветеете на своихъ земляковъ.

— Вѣрно, вѣрно это! — заорали тѣ, кого начинала разбирать зависть при видѣ богатаго платья, а пуще всего отмѣннаго оружія Рикардо.

— Я, товарищи, ни на кого не клеветчу,—отвѣчалъ послѣдній.—Вы забываете, что между нашими земляками осталось еще немало республиканцевъ. Главари ихъ, правда, были казнены шесть лѣтъ тому назадъ, но не всѣ же республиканцы исчезли. Да и послѣ тѣхъ, кто исчезъ, остались или выросли—сыновья, племянники, внучата. Всѣ они помнятъ прошлое, жаждутъ отомстить намъ. И, конечно, не будутъ дремать, когда страна будетъ занята хотя бы иновечнымъ, но сочувствующимъ раздавленной нами республикѣ войскомъ.

— Ну, такъ и всѣхъ этихъ щенковъ мы перерѣжемъ!

— А французское войско? — продолжалъ Рикардо: — съ нимъ надо считаться. Наши головы и теперь, навѣрно, уже опѣнены на вѣсъ золота.

— И на все это намъ наплевать!—кричали атаманы старыхъ санфедистскихъ шаекъ.—Мы готовы опять душить эту мразь. Надоѣла намъ наша бабья жизнь. Шесть лѣтъ сложа руки сидѣли! Шутка!

Рикардо напрасно пытался еще и еще убѣждать въ необходимости воевать съ врагомъ, вторгшимся на родину, отстаивать независимость, не раздражая своихъ земляковъ, напрасно доказывалъ онъ, что такимъ способомъ атаманы скорѣй достигнутъ главной цѣли—возстановленія законной власти короля, безъ междоусобицы.

Его почти не слушали. Рѣчи молодого человѣка были для нихъ по малой мѣрѣ непонятны.

— Чего онъ намъ проповѣди вздумалъ читать?—орали одни.

— Какія еще тамъ «независимости»? Какія такія «статьи»? Воевать мы будемъ со всѣми тѣми, кто намъ врагъ. Не станемъ разбирать—кто французъ, кто землякъ,—кричали другіе.

Неудовольствіе возрастало, и шумъ тоже росъ. Слышались грубыя ругательства; грубѣйшія слова, безцеремонныя оскорбленія. Даже изъ тѣхъ троихъ, которые вмѣстѣ съ Рикардо пріѣхали изъ Неаполя, т. е. Піетро Торо, Гиро и Магаро, Піетро, повидимому, оставался одного съ Рикардо мнѣнія, остальные двое, хотя и молчали, но уже сочувственно переглядывались съ протестующими.

Рикардо, стараясь сохранять спокойствіе, продолжалъ стоять на возвышеніи и выжидалъ удобнаго момента, чтобъ заговорить. Но едва онъ опять произнесъ два слова, какъ крики усилились.

— Да чего онъ намъ толкуеть! Какое право имѣеть онъ такъ разговаривать съ нами!..

— А вотъ мы ему заткнемъ глотку-то,—рѣзко выкрикнулъ Франкатрипа, которому показалось, что выскочка, вспоминая жестокое обращеніе атамановъ съ республиканцами во время кардинальской кампаніи, намекаетъ именно на него.

— Нѣтъ, стойте,—возгласилъ доселѣ молчавшій Вицаро:—я его прочу.

И, пробившись сквозь толпу къ ларю, на которомъ стоялъ Рикардо, крикнулъ ему:

— Слѣзай! убирайся!.. Надоѣлъ ты намъ!

Рикардо оставался на своемъ мѣстѣ.

— Меня зовутъ Вицаро,—продолжалъ бандитъ.—Понимаешь? Я Вицаро! И никто въ мірѣ еще не осмѣливался не исполнять приказаній Вицаро..

— А меня зовутъ капитанъ Рикардо. Я эмиссаръ короля. Да если бы меня звали просто Рикардо, и тогда бы я не обратилъ вниманія на приказанія такого бездѣльника, какъ ты.

— Я бездѣльникъ!—какъ звѣрь, зарычалъ Вицаро и вскочилъ на ларь. Но Рикардо, проворно обхвативъ его за туловище и руки, оттолкнулъ внизъ.

Надъ толпой атамановъ сверкнули кинжалы сторонниковъ Вицаро, ринувшихся на защиту своего главаря. Но между передними выросла массивная приземистая фигура Торо, который съюбойно обратился къ нимъ со словами:

— Дорогіе мои, я не вѣшивался, покуда эти два молодца были одинъ на одинъ, хотя и знаю, что капитанъ... то бишь полковникъ Рикардо можетъ съ цѣлымъ десяткомъ справиться... Но когда васъ набралось нѣсколько человѣкъ противъ одного — такъ ужь не прогнѣвайтесь: и со мной вамъ придется помѣряться...

— Ну, полно тамъ, полно! Собрались мы за дѣломъ, а кончимъ рѣзней, что ли,—закричало нѣсколько голосовъ, между тѣмъ какъ наиболѣе вліятельные атаманы поспѣшили окружить разсвирѣпѣвашаго Вицаро, чтобъ не допускать его до драки.

Рикардо воспользовался моментомъ нѣкотораго успокоенія и обратился вновь къ товарищамъ, большинство которыхъ подъ впечатлѣніемъ его, хотя и краткаго, торжества надъ Вицаро, казалось, было расположено его выслушать.

— Не я былъ зачинщикомъ,—сказалъ онъ:—и мнѣ неприятно, что такъ все это случилось... Я только защищался. Впрочемъ, нынче не время разбираться въ нашихъ личныхъ отношеніяхъ. Мы всѣ сюда собрались для того, чтобы столковаться и рѣшить, какого образа дѣйствій намъ слѣдуетъ держаться во время предстоящей войны. Какъ я разумѣю, вамъ всѣмъ желательно избрать главнокомандующаго, въ повиновеніи которому мы всѣ, и я первый, обязаны присягнуть. Такъ ли? Кто согласенъ, поднимите руки.

Поднялись три-четыре руки. Остальные кричали хоромъ, что не хотятъ никакого главнокомандующаго, что желаютъ распоряжаться своими отрядами каждый по-своему.

Въ эту минуту, вскочивъ на какое-то возвышеніе, громко заговорила красавица Викторія:

— Я, друзья мои, полагаю, что этотъ молодой человѣкъ правъ. Намъ необходимо имѣть командира. Вразбродъ мы не можемъ сладить съ чужеземнымъ войскомъ. Выбрать надо человѣка, который того стоитъ: самаго смѣлаго и благоразумнаго изъ насъ. Полагаю, что лучше этого молодца, который сейчасъ рѣчь держалъ, намъ не нужно искать. Ужъ чего смѣлѣе? Всѣмъ намъ въ лицо сказалъ, что мы только разбоями умѣемъ заниматься! И храбръ онъ. Видѣли, какъ ловко оборонился отъ нападавшаго. Я первая готова присягнуть въ подчиненіи ему, какъ командиру...

Атаманы озадаченные переглядывались между собою. Вицаро совсѣмъ озвѣрѣлъ: какъ могла такъ нагло измѣнить ему любовница, которая для него пожертвовала всѣмъ, не пожалѣвъ ни отца, ни матери... Атаманамъ пришлось крѣпко держать его за руки.

— Ты теперь успокойся, — совѣтовали ему: — успѣешь послѣ отомстить...

— Кровь ихъ всю самъ высосу, и у Викторіи и у него, — хрипѣлъ любовникъ послѣдней...

Разговоры продолжались. Многіе атаманы начинали склоняться на рѣчи Викторіи. Тѣ, которые завидовали раньше одеждѣ Рикардо,

оружію и спокойной выдержкѣ, стали, по своей дикой простотѣ, дивиться всему этому и проникаться уваженіемъ. Особенно содѣйствовало этой перемѣнѣ то, что Вицаро предъ нимъ спасовалъ. Начинали уже раздаваться голоса:

— Ну, ладно... Пусть онъ намъ только прежде скажетъ, какъ думаетъ онъ вести кампанію.

Въ это время внѣ сарая обнаружилось движеніе, обратившее общее вниманіе. Туда прибыло нѣсколько отлично вооруженныхъ, богато одѣтыхъ всадниковъ. Во главѣ ихъ оказался герцогъ ¹⁾ Фаньяно, крупнѣйшій мѣстный землевладѣлецъ и важная особа при Бурбонскомъ дворѣ.

Совѣщаніе въ сараѣ оборвалось. Герцогъ вошелъ туда съ частью своей свиты и, освѣдомясь, что рѣчь шла о выборѣ главнокомандующаго, громко произнесъ:

— Главнокомандующій по праву—только нашъ король, его величество Фердинандъ IV!

Атаманы словно встрепенулись. Рѣчи Рикардо, его блестящее вооруженіе и не менѣ блестящій исходъ борьбы съ доселѣ непобѣдимымъ Вицаро были забыты: передъ ними нынче стоялъ величавый, бодрый, нестарый еще феодалъ, помогавшій имъ шесть лѣтъ назадъ отбиваться отъ французовъ, раздавить республиканцевъ и возстановить Бурбоновъ. Изъ-подъ богатой распахнутой шубки виднѣлась грудь, покрытая золотыми и алмазными звѣздами и крестами.

— Мы освѣдомились,—громко и авторитетно продолжалъ Фаньяно:—что сегодня сюда сойдутся наивѣрнѣйшіе подданные нашего государя, поклявшіеся не щадить живота своего за охраненіе престола его величества. Намъ неизвѣстно, кто пригласилъ васъ, но мы желаемъ вѣрить, что это лицо предложило вамъ избрать себѣ командира не изъ какихъ-либо личныхъ корыстныхъ видовъ; что его къ тому побуждало благородное вѣрноподданническое чувство. Мнѣ неизвѣстно даже его имя. Я же, герцогъ Фаньяно, старшій оберъ-шталмейстеръ двора ея величества королевы, обращаюсь къ вамъ отъ имени нашего короля и повелителя. И говорю вамъ, что война, которая предстоить намъ, война партизанская. Для нея вовсе не требуется никакихъ главныхъ генераловъ или главнокомандующихъ. Такой начальникъ могъ бы даже оказаться вреднымъ. И вотъ почему. Наши коварные враги не стѣсняются никакими средствами. Если имъ не удастся обезсилить насъ оружіемъ, то они постараются побѣдить насъ предательствомъ, хитростью, подкупомъ. Поэтому я и говорю: не надо

¹⁾ Ошибочное мнѣніе, что титулъ герцога (duca) въ Италіи выше князя (principe). Званіе итальянскаго герцога по значенію нѣчто среднее между, напр., русскими графомъ и княземъ (жалованнымъ). Пр. пер.

никакого главнаго начальника. Пусть главарь каждаго отряда будет полнымъ хозяиномъ въ предѣлахъ той области, которая будетъ ему поручена.

— Такъ это! Такъ! Bravo! Да здравствуетъ король, и никакихъ командировъ намъ не надо,—отозвалась толпа.

Громче всѣхъ кричали тѣ атаманы, которые имѣли въ виду личныя выгоды, личное обогащеніе на войнѣ. Герцогъ, вынувъ изъ кармана листъ бумаги и развернувъ его, заговорилъ снова:

— Я вотъ на этомъ листѣ помѣтилъ подробно приказанія, которыя долженъ передать вамъ. Здѣсь обозначены ваши имена и тѣ части нашего отечества, которыя каждому изъ васъ надлежитъ защищать отъ французовъ.

Фаньяно громко, внятно прочелъ списокъ и добавилъ:

— Каждый изъ васъ, атамановъ, получить по тысячѣ піастровъ для вооруженія своего отряда. Кромѣ того, я привезъ вамъ истинно радостную вѣсть. Нашъ святѣйшій отецъ папа посылаетъ свое благословеніе вашему оружію; а каждому изъ васъ десятилѣтнюю индульгенцію, т. е. полное отпущеніе грѣховъ.

Атаманы возликовали. Крики и возгласы сливались въ какой-то дикій гамъ. Особенно кстати оказались эти тысячи піастровъ. Многіе атаманы не утерпѣли и выглядывали изъ сарая, чтобы воочию убѣдиться, что мѣшки съ золотомъ прибыли въ свитѣ герцога. Нѣсколько муловъ, нагруженныхъ соблазнительно тяжелыми мѣшками, стояли въ прогалинѣ, охраняемые вооруженными слугами Фаньяно.

Такъ началась война, которая длилась пять лѣтъ,—война жестокая, безпощадная, съ коварными ухищреніями, съ безчеловѣчными западнями. Мелкія сраженія и стычки непрестанно и повсюду слѣдовали безъ передышки и ни къ какимъ результатамъ не приводили. Франціи она стоила много тысячъ молодыхъ доблестныхъ жизней. На насъ ¹⁾ она обрушилась страшнымъ разворомъ, возбудила непримиримую ненависть между близкими земляками, загубила цѣлыя семьи, охватила терроромъ самыя благодатныя, самыя благословенныя провинціи королевства. Земледѣльческіе классы впали въ нищету непоправимую, пути сообщенія не могли болѣе служить своей цѣли, торговля затихла. Самое имя нашей страны обратилось въ послѣдствіи, на страницахъ историческихъ сочиненій иностранныхъ прогрессивныхъ писателей, въ синонимъ варварства.

Нынче минулъ цѣлый вѣкъ послѣ этой войны, а мы все еще ощущаемъ послѣдствія ужасныхъ событій, жестокой репутаціи и клеветъ, взводимыхъ на насъ тѣми, кто, желая унижить репутацію

---

¹⁾ Т. е. Южную Италию.

Бурбоновъ, унижали и цѣлую націю, приписывая происхожденіе всего зла преувеличенной безнравственности населенія.

Впрочемъ, мы не беремъ подробно описывать трагическій періодъ итальянской жизни, который до сихъ поръ не нашелъ еще для себя вполнѣ компетентнаго и безпристрастнаго историка. Мы желаемъ только объяснить, что спокойствіе и относительное благоденствіе страны не было восстановлено однимъ Манесомъ; такая задача для одного человѣка была бы не по силамъ, какъ бы безжалостны ни были принятыя имъ репрессивныя мѣры, какъ бы стойки ни были его намѣренія и характеръ.

Нѣтъ! Жестокая война стала стихать тогда, когда народъ началъ понимать, что правительство Іоакима Мюрата ¹⁾ дѣйствительно стремилось извлечь населеніе изъ тяжкаго нищенства. Когда это правительство стало издавать клонившіяся къ тому законы и честно примѣнять ихъ, когда начали строиться дороги, когда учреждались школы, распространялось просвѣщеніе; когда самъ король Мюратъ сталъ приходить въ личное соприкосновеніе съ народомъ,—тогда населеніе оцѣнило его доброе сердце, благоденство и стало уважать его военные подвиги.

IX.

Годъ спустя. — Успѣхи французовъ — Королева въ опасности. — Альма.

Въ 1799 году калабрійскіе атаманы менѣе чѣмъ въ полгода помогли кардиналу Руффо не только вытѣснить французовъ съ юга Италіи, но и подавить мѣстное республиканское движеніе во всемъ королевствѣ, а затѣмъ торжественно возвратить на неаполитанскій тронъ короля Фердинанда IV и королеву Марію-Каролину.

Нынче дѣло оказывалось труднѣе. Прошло болѣе года съ начала военныхъ дѣйствій; атаманскія банды работали не менѣе усердно, чѣмъ восемь безъ малаго лѣтъ назадъ, однако французы не уступали. Императорскія войска успѣли придвинуться къ столицѣ; Наполеонъ назначилъ мужа своей родной сестры, Іоакима Мюрата, королемъ неаполитанскимъ на мѣсто удалившагося въ Сицилію Фердинанда Бурбонскаго.

Причины безуспѣшности партизанской войны заключались въ безначаліи, отсутствіи дисциплины, въ распряхъ между атаманами, побуждаемыми въ большинствѣ случаевъ не столько родинолобіемъ, сколько мелочнымъ тщеславіемъ и жаждой наживы.

Главнымъ же образомъ нынче какъ численность, такъ и благоустроенность французскихъ войскъ были несравненно выше, чѣмъ въ 1799 году.

¹⁾ Ставленника и родственника Наполеона I. Мюратъ царствовалъ въ Неаполѣ въ промежутокъ исчезновенія бурбовскихъ королей.

Партизанскій отрядъ, состоявшій подъ командой Рикардо, дѣйствовалъ успѣшнѣе другихъ. Въ немъ участвовали отборные, преданные смышленному, энергичному командиру люди: Піетро Торо, Гиро, Вольпино, Магаро¹⁾, и др., было болѣе дисциплины. Непрiятелю приходилось серьезно считаться съ этимъ отрядомъ. Французы относились къ Рикардо съ уваженіемъ. Мѣстное населеніе тѣмъ болѣе: его банда едва ли не единственная щадила по возможности и личность и собственность жителей.

Послѣ его отряда пайка Вицаро считалась наиболѣе побѣдоносною; но вслѣдствіе разбойнической безпринципности атамана далеко не пользовалась популярностью среди мирнаго населенія. Дѣятельная соратница и возлюбленная его Викторія, очевидно, охладѣвъ къ своему любовнику, котораго на сходкѣ атамановъ унизили и одолѣли Рикардо, тогда же предлагала послѣднему перейти въ его отрядъ. Но молодой капитанъ отказался, отчасти потому, что не желалъ въ такое критическое время обострять свои отношенія къ другому атаману, отчасти потому, что не желалъ имѣть около себя женщину.

Былъ вечеръ. Весь день небольшой отрядъ Рикардо храбро отбивался отъ преслѣдованія цѣлаго полка французовъ; десять человѣкъ убито и пятнадцать раненыхъ. Темнѣло; французы прекратили преслѣдованіе; Рикардо со своими товарищами отдыхалъ въ безопасномъ горномъ ущельи. На опасные пункты были выставлены надежные часовые.

Капитанъ (какъ его продолжали величать), кинувъ подъ себя плащъ, лежалъ на травѣ. Относительный успѣхъ его шайки не удовлетворялъ его: онъ понималъ, что цѣль войны во всякомъ случаѣ достигнута не будетъ. Кромѣ того, его грызло недовольство и своимъ личнымъ положеніемъ: очевидная неосуществимость его честолюбивыхъ надеждъ, возбужденныхъ въ Неаполѣ сближеніемъ съ незнакомкой. Кто бы ни была она,—если бы даже сама королева, и тогда тѣмъ хуже,—она за все время не вспомнила о немъ. Никакого намека на вѣсть отъ нея онъ не получилъ за цѣлый годъ. А честолюбивъ онъ былъ чрезвычайно. Чувство оскорбленнаго самолюбія обострилось чувствомъ неудовлетворенности молодого мужчины. Онъ понималъ, что въ ту женщину, которая провела съ нимъ ночь, онъ не влюбленъ, однако все-таки она сумѣла влить въ его вулканическую кровь столько жгучаго яда, что въ

¹⁾ Для сохраненія мѣстнаго колорита мы будемъ называть калабрійцевъ русскими словами, которыя соотвѣтствуютъ мѣстнымъ прозвищамъ.

(Прим. перев.).

минуты отдыха и раздумья онъ ощущалъ страстное желаніе вновь съ нею свидѣться...

Соратники всѣ спали. Тишина была полная. Только изрѣдка съ одной стороны бивуака слышался рѣзкій пискъ лисицы, на который отзывался съ другой стороны волчій вой.

То перекликались часовые.

Вдругъ отъ рощи, прикрывавшей входъ въ ущелье со стороны долины, раздался громкій крикъ совы.

Рикардо встрепенулся; спавшій рядомъ съ нимъ Пьетро Торо вскочилъ на ноги. Всѣ остальные чуткіе горцы, спавшіе около, пробудились. Въ ночной темнотѣ слабо обрисовались три тѣни, которыя несомнѣнно двигались по направленію къ центру бивака. Оказалось, то былъ, Вольпино и два неизвѣстныхъ человѣка съ завязанными глазами: обычная предосторожность, соблюдаемая для постороннихъ, хотя бы и завѣдомо миролюбивыхъ лицъ, имѣющихъ надобность проникнуть въ пунктъ расположенія партизанскихъ отрядовъ.

Неизвѣстными оказались два оруженосца герцога Фаньяно, приславшаго ихъ изъ своего замка къ капитану Рикардо съ письмомъ.

Рикардо приказалъ снять съ нихъ повязки, потребовалъ фонарь.

— Развѣ герцогъ въ замкѣ?—спросилъ онъ.

— Да. Герцогъ только что пріѣхалъ къ себѣ изъ Сициліи съ дочерью и ея подругой.

Имени подруги оруженосцы не знали.

— Герцогъ приказалъ намъ,—добавилъ одинъ изъ оруженосцевъ,—сообщить, что двѣ роты французовъ приближаются къ замку, навѣрное желая атаковать его. Замокъ не укрѣпленъ. Но герцогъ говоритъ, что его во что бы то ни стало надо спасти, не столько ради него самого, какъ для чего-то еще болѣе важнаго. Изъ отрядовъ, сражающихся за нашего короля, вашъ расположенъ ближе другихъ. Оттого нашъ господинъ и направилъ насъ къ вамъ.

— Все это написано въ письмѣ, что вы мнѣ привезли?—спросилъ Рикардо.

— Нѣтъ. Письмо мы получили изъ рукъ дочери герцога, герцогини Альмы. Она наказывала сказать вамъ, что письмо отъ ея подруги.

Сердце молодого капитана встрепенулось отъ освѣтившаго его луча надежды: «можетъ быть, меня еще не совсѣмъ забыли».

Онъ приблизилъ фонарь и раскрылъ письмо. Оно было написано мелкимъ убористымъ почеркомъ, который былъ ему знакомъ по письму, полученному въ Неаполѣ.

«Большая опасность—стояло въ письмѣ,—угрожаетъ той, которая; какъ вы, можетъ быть, полагаете, совсѣмъ забыла о васъ, но которая не переставала никогда думать о васъ и выжидала

случая быть вамъ полезной. По этой причинѣ, а также ради успѣшнаго направленія великаго дѣла она рѣшилась на весьма опасный шагъ, который, пожалуй, назовутъ сумасшествіемъ, но который обусловленъ важнѣйшими соображеніями. Поспѣшите сюда для защиты замка со всѣмъ вашимъ отрядомъ. Податель письма васъ проведетъ. Постарайтесь прибыть сюда ранѣе вашихъ товарищей. Не сомнѣвайтесь въ той, которая ни на одно мгновение не переставала мыслить о васъ, и которой во всѣхъ подробностяхъ извѣстны геройскіе, доблестные подвиги ваши въ настоящей войнѣ. Не медлите ни одной секунды».

Поднявъ всѣхъ своихъ соратниковъ, Рикардо поручилъ Пьетро Торо вести отрядъ къ замку Фаньяно ближайшими тропками, вьющимися по утесамъ и горамъ. На конѣ этимъ путемъ пробраться было бы невозможно, потому самъ капитанъ направился другой дорогой, по которой мѣстами могъ ѣхать даже рысью.

На половинѣ пути онъ встрѣтился съ немногочисленной шайкой подъ предводительствомъ Викторіи, она не скрыла, что искала его; молодая женщина окончательно порвала свои отношенія къ Визаро и во главѣ двадцати пяти человѣкъ, не желавшихъ отставать отъ нея, рѣшилась дѣйствовать самостоятельно. Узнавъ отъ Рикардо о цѣли его экспедиціи, она предложила присоединиться къ его отряду, прося его включить и ея людей въ свой отрядъ. Онъ согласился.

У Викторіи не было коня. Она, не стѣсняясь, вскочила на крупъ лошади Рикардо и охватила молодого человѣка сзади за талию¹⁾. Она не скрывала своего давнишняго къ нему влеченія, но онъ самъ занятый иными помыслами и ощущеніями воздерживался отъ соблазна.

Еще не свѣтало, когда они прибыли въ замокъ. Викторія осталась у дороги ожидать свой отрядъ, Рикардо тотчасъ же былъ впущенъ въ замокъ. Его провели въ одинъ изъ пріемныхъ покоевъ. Онъ полагалъ, что тамъ его встрѣтитъ та, чье письмо было ему доставлено ночью. Но ошибся и изумился, увидавъ юную дочь Фаньяно Альму.

Съ этой дѣвушкой были связаны лучшія воспоминанія ранней юности, когда онъ часто видалъ ее. Домикъ дяди Кармине находился вблизи замка, такъ что мальчику случалось встрѣчать около парка, въ лѣсу и въ поляхъ эту прелестную молодую дѣвушку. Она ему очень нравилась, однако онъ, бѣдный простолудинъ, могъ любоваться ею только издали. А обмѣняться съ нею нѣсколькими словами довелось ему только однажды. А именно, когда онъ на-

---

¹⁾ Обычай ѣздить верхомъ (на лошадахъ, мулахъ, ослахъ) такимъ образомъ распространенъ и доселѣ въ Сициліи. Намъ случалось видѣть цѣлыя семьи, мужа, жену, дѣтей, на спинѣ одного животнаго.

шелъ на одной изъ внѣшнихъ аллей парка обретенную ею золотую цѣпочку съ медальономъ. Онъ принесъ находку въ замокъ и былъ допущенъ лично къ дочери магната, она ласково поблагодарила его и спрашивала о старикѣ Кармине. Съ тѣхъ поръ отрокъ, давно почтительно издали любовавшійся хорошенькой duchessina ¹⁾, почувствовалъ себя влюбленнымъ. Боевая жизнь въ періодъ кардинальской войны и затѣмъ шесть лѣтъ болѣе или менѣе бурнаго существованія заставляли его забывать объ этой почти ребяческой любви, однако она при малѣйшемъ поводѣ давала о себѣ знать въ сердцѣ Рикардо, проявляясь нѣжнымъ, теплымъ воспоминаніемъ—чувствомъ, котораго не пробуждала въ немъ никакая другая женщина.

За годъ приблизительно до созыва атамановъ королевой въ Неаполь Альма исчезла изъ замка: слышно было, что ея величество приблизила дѣвушку къ себѣ, назначивъ ее своею чтицей.

Общественное разстояніе между молодыми людьми было такъ огромно, что Рикардо даже не приходилось бороться со страстью; онъ какъ будто не ощущалъ ея, а только вспоминалъ объ Альмѣ и дорожилъ рѣдкими проявленіями ея въ своемъ сердцѣ, какъ чѣмъ-то неизмѣримо отраднымъ, свѣтлымъ, чистымъ, ощущеніемъ, которое нельзя было сравнить ни съ какими иными элементами его существованія.

Въ маскарадѣ (который описанъ нами въ первой главѣ) ему показалось, что голубая маска скрываетъ дорогое личико Альмы. Въ немъ тогда проснулось было дѣтское чувство. Оно охватывало его нерѣдко и во время его леченія отъ раны, полученной послѣ маскарада. Но затѣмъ жгучее, опьяняющее чувственное наслажденіе, доставленное ему другой женщиной, совсѣмъ поглотило идеальное воспоминаніе дѣтства.

Теперь же, когда онъ неожиданно увидалъ Альму, когда услышалъ ея спокойный, нѣсколько горделивый, но все-таки привѣтливый, голосъ, въ сердцѣ его опять шевельнулось что-то неопишимо чистое и теплое, влекущее къ ней...

— Мнѣ поручено просить васъ подождать нѣсколько минутъ въ этой комнатѣ,—обратилась къ нему Альма.

Капитанъ поклонился, дѣвушка продолжала:

— Мы съ вами, кажется, знакомы... Вѣдь это вы, много лѣтъ тому назадъ, нашли и принесли мнѣ цѣпочку, которую я потеряла въ паркѣ.

— Да, я,—смущенно отозвался Рикардо:—я счастливъ нынче, что мнѣ представляется случай оказать вамъ нѣсколько большую услугу—охранять вашъ замокъ...

¹⁾ Уменьшительное титула герцогини (duchessa).

— Услугу не мнѣ,—съ отгѣнкомъ горделивости, холодно отвѣчала дукессина:—не мнѣ, а той, которая одна имѣетъ право повелѣвать. Это она соблаговолила удостоить васъ такимъ порученіемъ.

Почти въ это самое мгновеніе дверь за спиной Альмы растворилась, и въ комнату вошла статная женщина. Дѣвушка, приближаясь къ ней, почтительно сказала:

— Если вашему величеству понадобится что-либо приказать, потрудитесь позвонить. Я явлюсь немедленно.

Смущеніе капитана и возросло, и странно усложнилось.

Каролина Австрійская была вся въ черномъ: она дала обѣтъ не надѣвать иныхъ цвѣтовъ, покуда не возвратитъ мужу и себѣ неаполитанскій престолъ.

Каролина пристально глядѣла на молодого человѣка, и, судя по улыбкѣ, скользнувшей по ея глазамъ и устамъ, ей нравилось его смущеніе. Отпустивъ Альму, королева продолжала глядѣть на калабрійца. Это ужъ начинало неприятно волновать его. Онъ недоумѣвалъ, что ему съ собой дѣлать. Всякія сомнѣнія насчетъ тождественности красной маски съ государыней окончательно было разсѣялись, какъ вдругъ она промолвила:

— Васъ, полковникъ, мнѣ рекомендовала одна моя большая пріятельница, которая немалымъ вамъ обязана. Я знаю, какъ разъ вечеромъ въ Неаполѣ вы за нее рисковали своею жизнью. Къ тому же мнѣ извѣстны ваша доблесть и вѣрность государю.

«Опять мистификаціи! — мыслилъ начинавшій терять голову Рикардо.— Неужели дочь императоровъ можетъ такъ лгать? Или въ самомъ дѣлѣ все было такъ, какъ она говоритъ?»

— Садитесь, полковникъ,—продолжала она.—Мы здѣсь не при дворѣ, а на войнѣ. Не до церемоній. Моя пріятельница никогда не переставала о васъ помнить. Но обстоятельства не позволяли ей сноситься съ вами. У ней много заботъ и огорченій.

— Значитъ, ея здѣсь нѣтъ?—рѣшился спросить Рикардо.

— Ея здѣсь нѣтъ. Здѣсь только королева.

И она пронзительно взглядѣлась въ его глаза, какъ бы желая убѣдиться, понялъ ли онъ смыслъ ея словъ.

— Да, понимаю,—сказалъ онъ, начиная нѣсколько успокоиваться и оправляться.

— Ваша королева,—продолжала Каролина,—находится въ весьма опасномъ положеніи. Война слишкомъ долго затянулась безъ всякаго успѣха. Я рѣшилась на мѣстѣ сама удостовѣриться, въ чемъ кроются причины неуспѣха, и устроить ихъ. Меня удостовѣрили, что во всякомъ случаѣ мое пребываніе въ Калабріи не представляетъ для меня никакой опасности. И я пріѣхала сюда изъ Сициліи. Однако оказывается, что я была слишкомъ довѣрчива. Наши шпіоны сегодня увѣдомили, что французы знаютъ о моемъ прибытіи; что, надѣясь захватить меня, они посылаютъ къ замку

Фаньяно довольно значительный отрядъ. Недалеко отсюда бухта св. Евфиміи; тамъ меня ждетъ вооруженная яхта. Я могу во всякое время отплыть на ней обратно въ Сицилію. Но не увѣрена, что между замкомъ и бухтой я не встрѣчу препятствія. Я призвала васъ сюда, желая узнать ваше мнѣніе. Какъ вы думаете: слѣдуетъ ли мнѣ послѣшить обратно на корабль, или выждать здѣсь непріятели въ увѣренности, что созданные мною партизанскіе отряды отстоятъ замокъ?

— Простите, государыня, что я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ вопросомъ. Скажите, что вамъ извѣстно о движеніи ближайшихъ французскихъ отрядовъ? Двѣ роты командированы для атаки замка Фаньяно? Такъ. Но дорога отъ замка до залива св. Евфиміи охраняется непріателемъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ. Французы въ данную минуту могутъ располагать въ этой мѣстности только тѣмъ, что сюда посылаютъ. Всѣ ихъ остальные силы или далеко впереди, или заняты охраной своихъ позицій отъ англичанъ.

— Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ привлечь непріятели сюда, къ замку. А покуда наши отряды будутъ его защищать, ваше величество успѣете съ небольшой свитой прослѣдовать къ бухтѣ св. Евфиміи путемъ, свободнымъ отъ непріятели.

— И мнѣ такъ кажется. А въ вашихъ людяхъ вы увѣрены, полковникъ?

— Какъ въ самомъ себѣ. Только я полагаю, что вашему величеству необходимо сохранять покуда самое строгое инкогнито. Я даже предпочелъ бы, чтобъ и для меня вы сохранили инкогнито.

— Вы предпочли бы, можетъ статья, чтобы вмѣсто меня тутъ была сама моя пріятельница.

Рикардо уже успѣлъ совсѣмъ оправиться отъ смущенія и обратиться съ мыслями. Близость этой женщины начинала вновь больше, чѣмъ слѣдовало бы, дѣйствовать на него. Онъ съ жаромъ воскликнулъ:

— О да! конечно! Я бы могъ тогда говорить не стѣсняясь, вполне откровенно.

— Что же вы ей сказали бы? Я откровенность люблю. Говорите и со мной не стѣсняясь. Какъ бы съ ней самой, — отозвалась королева.

Дотолѣ она старалась держать себя съ достоинствомъ, спокойно, по-королевски. Но напряженная борьба съ своимъ пылкимъ, давно неудовлетвореннымъ чувствомъ утомила ее. Она облокотилась обѣими локтями на стоявшій предъ нею столикъ; ея лицо расцвѣло такой чарующей улыбкой; глаза, ласкающіе собесѣдника, свѣтились такой любовью, она казалась такъ хороша, что молодой человѣкъ чувствовалъ, какъ кровь его закипаетъ отъ сладостной жажды когда-то испытаннаго наслажденія, не могъ до-

лѣе сдерживаться, заговорилъ съ увлеченіемъ о томъ, что испытывалъ въ это мгновеніе; о томъ, какъ часто вспоминалъ божественную ночь въ Неаполѣ. Онъ не проговорился однако: обращаясь къ королевѣ, какъ бы высказывалъ свои чувства, испытываемыя къ другой женщинѣ. Но онъ любовался ею, возбуждался ея присутствіемъ, краснорѣчіемъ ея отзывчивыхъ взглядовъ. Она только разъ чуть слышно прошептала: «о если бы меня прежде кто такъ любилъ!»

Наконецъ Рикардо смолкъ, какъ бы опомнясь.

— Продолжайте, продолжайте,— сказала она.

— Что же мнѣ продолжать?— отвѣтилъ онъ съ горькой усмѣшкой... — Вѣдь эта женщина такъ далека отъ меня, до нея такъ высоко... Я могу только беззавѣтно преданно и вѣрно служить ей.

Королева произнесла, нахмуривъ брови:

— Словомъ, вамъ кажется, что правы тѣ, кто не совѣтуетъ моей пріятельницѣ снисходить до васъ?

Но юный сынъ вулканической Калабріи опять горячо протестовалъ противъ этого. И, повидимому, къ великому удовольствію своей собесѣдницы.

Межъ тѣмъ уже наступало утро: свѣтъ лампъ блѣднѣлъ передъ ярко разгоравшейся зарей. Королева встала со своего кресла и подошла къ Рикардо, который стоялъ блѣдный отъ волненія. Его красивые глаза умоляюще глядѣли на королеву.

— Завтра въ полночь,— сказала она поспѣшно вполголоса, вручая ему ключъ.—Этотъ ключъ вмѣстѣ съ остальными владѣтель замка, какъ надлежитъ вѣрнопопданному, передалъ мнѣ. Онъ отпираетъ внѣшнюю маленькую дверь башни. За дверью лѣстница, которая приведетъ васъ въ комнату, гдѣ вы найдете мою пріятельницу.

Онъ опустился на колѣни и жадно цѣловалъ протянутую вмѣстѣ съ ключомъ маленькую, пухлую ручку.

— Разумѣется, все это возможно, только если мы можемъ быть увѣрены въ нашей безопасности,—прибавила она,

Х.

Масса населенія между молотомъ и наковальней.—Какъ спасти королеву отъ плѣна.

Выйдя изъ замка, Рикардо очутился на обширной площадкѣ, съ которой была видна вся окрестность. Луна на ущербѣ еще не закатилась; на востокѣ уже занималась заря; кромѣ того, молодому человѣку была отлично извѣстна вся мѣстность; онъ тутъ родился, избѣгалъ всякую тропку, а за послѣдній годъ его отрядъ работалъ около виднѣвшихся въ небольшомъ отдаленіи горъ.

Вокругъ всего замка, стоявшаго на изрядномъ возвышеніи, раскидывалась обширная безлѣсная равнина. Жители деревушекъ и отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, расположенныхъ за предѣлами этой плоскости въ лѣсистыхъ и гористыхъ мѣстахъ, всѣ давно разбѣжались по болѣе безопаснымъ ущельямъ, чтобы не попасть живыми французамъ. Но въ мелкихъ селеніяхъ, облѣвленныхъ издали на самой равнинѣ, еще оставалось немало поселенъ съ семействами, во-первыхъ, потому, что отрядъ Рикардо доселѣ успѣшно охранялъ доступы къ равнинѣ; во-вторыхъ, потому, что дома, какъ ни на есть, этимъ людямъ было чѣмъ питаться, въ глубинѣ же горныхъ лѣсовъ они рисковали съ голоду умереть.

Въ настоящую минуту обстоятельства однако измѣнялись. Герцогъ Фаньяно, проживавшій съ самаго начала войны въ Сициліи при королевскомъ дворѣ, внезапно пріѣхалъ въ свой замокъ съ дочерью Альмой и съ какой-то, никому неизвѣстной ея подругой, надо быть, важной особой, потому что—какъ толковали среди населенія—именно ради этой гостии онъ и старался стягивать къ замку, имѣя въ виду безопасность послѣдняго, партизанскіе отряды, охраняющіе долины. Викторія и Рикардо со своими соратниками уже прибыли. За нѣкоторыми другими были посланы гонцы.

Непосредственные подчиненные Фаньяно, въ особенности лично имъ содержимые вооруженные люди, конечно, готовы были противостать врагу. Населеніе же вообще не было расположено принимать участіе въ борьбѣ.

— Мы, братцы,—говорилъ большею частію шопотомъ старый Бъазіо (служившій съ незапамятныхъ временъ сторожомъ при замкѣ, много видовъ видавшій на своемъ вѣку, а теперь, словно по инерціи бродившій съ нигде не годнымъ кремневымъ ружьемъ по полямъ герцога),—мы, братцы, вѣкъ живемъ между молотомъ и наковальней. Вѣришь, мы-то сами и есть наковальня. Въ 79 г. былъ надъ нами молотомъ король Фердинандъ, и нынче онъ молотомъ, хотя и покинулъ царство и, кажется, даже покуда забылъ о насъ. Вотъ приказываютъ мнѣ нынче изъ этого карабина по французамъ палить. А какъ они-то, французы-то, мнѣ въ лобъ пулею угодятъ. Тогда кто мою старуху да внучатъ кормить станутъ. А если живой французамъ въ руки попадусь, того и гляди повѣсятъ...

— Да если ты откажешься по нимъ стрѣлять, такъ тебя самъ герцогъ велитъ на осину вздернуть, когда онъ съ королемъ въ Неаполь вернется.

— То-то я и говорю: между двухъ огней.

Народъ вообще по опыту давнихъ событій вѣрилъ, что король непременно возвратится. Но вообще старался держаться на всякій случай нейтральнымъ. Были, конечно, молодцы, добровольно бравшіеся за оружіе, сражавшіеся за короля.

— Я такъ разсуждаю,—возражалъ на рѣчи Бъззіо молодой парень, атлетъ, красавецъ, сверкая черными безпокойными глазами:—если мы не будемъ защищать Богомъ даннаго короля, то кто же и будетъ защищать его. А, защищая короля, мы и себя самихъ защищаемъ, защищаемъ наши дома, наши семьи—храмы Господни, которые, какъ попъ мнѣ намедни сказывалъ, эти проклятые еретики, чортово ихъ отродье, такъ и норовятъ осквернить. Такъ ли я говорю?

— Говоришь ты такъ потому, что за твою молодую женку тебѣ боязно. Французы, извѣстно, до молодокъ охочи...

Глаза парня словно молніями сверкали.

— У меня есть пули, есть и порохъ. Ни одинъ пѣтухъ ¹⁾ не успѣетъ къ женѣ моей носа сунуть... А говорю я вообще... Потому, что такъ чувствую. Народъ трусь... Я это не о тебѣ говорю, дядя Бъззіо; ты старъ, а извѣстно, что старикамъ жизнь своя дороже, чѣмъ молодымъ. Я это о другихъ, о тѣхъ, кто не рѣшается дома своего защищать, за вѣру свою вступаться.

— Такъ-то такъ это. Только вы главное-то забываете,—возражалъ Бъззіо едва слышнымъ голосомъ, осторожно оглядываясь:—забываете вы, что для этого надо съ разбойниками брататься; что французы считаютъ разбойниками всѣхъ, кто въ горахъ работаетъ кинжаломъ, карабиномъ.

— А при кардиналѣ,—шепнулъ одинъ изъ герцогскихъ военныхъ наемниковъ, бывший санфедистъ,—при кардиналѣ мы сами всѣхъ республиканцевъ считали разбойниками. Ихъ и вѣшали.

— Ну?—торопилъ Бъззіо.

— Ну, значитъ, коли родились наковальней, такъ и терпи, когда молотъ по насъ бьетъ. Нынче надъ нами два, стало быть, молота: одинъ законный, какъ говорятъ, государь, онъ въ Сицилію засѣлъ; а другого въ Неаполѣ на престолъ французскій императоръ посадилъ... Онъ, значитъ, другой молотъ. Да это я такъ парню въ отвѣтъ толкую...

Приведеннаго сейчасъ разговора Рикардо, конечно, не слыжалъ, но ему давно и хорошо было извѣстно отношеніе массы населенія къ войнѣ. Теперь, когда его отвѣтственности была предоставлена, хотя бы и временная только, безопасность замка Фаньяно, ему надо было обсудить средства защиты. На простой народъ нельзя было разсчитывать. Вопросъ же, достаточно ли вооруженныхъ людей въ замкѣ, молодой человекъ рѣшилъ утвердительно, сообразивъ силы, которыми располагалъ герцогъ, самъ онъ, Рикардо, и Викторія. Кромѣ того, ожидали прибытія другихъ атамановъ, оповѣщенныхъ Фаньяно.

¹⁾ Gallo по-итальянски пѣтухъ. Въ древности Франція называлась Галліей; а жители ее галлами, т. е. пѣтухами. Это прозвище употребляется и доселѣ.

Прим. пер.

Во всякомъ случаѣ полезно было задержать приближеніе французовъ до прихода этого подкрѣпленія; слѣдовательно, надо охранять ближайшія дороги, по которымъ непріятель могъ итти къ замку. Это казалось не труднымъ: обширная равнина была извнѣ доступна только черезъ два ущелья; а дороги, ведущія отъ ущелий къ центру ея, какъ на ладони, видны были съ возвышенной террасы замка. За этими дорогами легко наблюдать. На всякій случай въ единственной небольшой, но густой рощѣ, темнѣвшей на равнинѣ между двумя дорогами, полезно расположить засаду; тогда, если бы французы и пробрались неожиданно сквозь ущелья ранѣе ожидаемыхъ партизанскихъ бандъ, ихъ все-таки можно было бы задержать этой засадой, задержать настолько, что королева могла бы со свитой и приближенной охраной спастись по дорогѣ, какъ она сама сказала, свободной отъ непріятели, пробраться къ бухтѣ св. Евфиміи.

Таковъ былъ планъ, сложившійся въ головѣ Рикардо. Главная цѣль его была устранить всякую опасность отъ королевы. Онъ уже болѣе не сомнѣвался теперь, что таинственная дотолѣ незнакомка была сама Каролина Австрійская. Онъ сознавалъ, что, давъ ей въ Неаполѣ (когда онъ не зналъ, кто она такая) слово служить ей вѣрой и правдой, не щадя живота, онъ обязалъ себя непоколебимой ей вѣрностью, какъ и монархинѣ...

Но, кромѣ того, къ сознанию имъ своего рыцарскаго и вѣрно-подданническаго долга примѣшивалось тревожное ощущеніе страсти, которую эта женщина возбуждала въ немъ.

Это чувство было сильно подогрѣто только что происходившимъ между ними свиданіемъ, распалено обѣщаніемъ на будущую ночь. Обдумывая планъ защиты замка, онъ обращалъ особенное вниманіе на возможно продолжительное задержаніе непріятели.

Раза два-три въ головѣ молодого человѣка, какъ молнія, блеснуло сомнѣніе: да любовь ли то чувство, которое его влечетъ къ Каролинѣ. При этомъ возникали на мигъ и нѣжный обликъ Альмы, и почти дѣтскія, сладостно невинныя воспоминанія о молодой дѣвушкѣ. Но горячій потокъ непосредственной чувственности скоро охватывалъ его, и сомнѣнія исчезали. Тѣмъ болѣе, что къ чувственности, возбуждаемой въ немъ королевой, присоединялись порывы другой присущей его натурѣ сильной, едва ли не преобладающей, страсти—честолюбія...

Рикардо разузналъ, гдѣ герцогу приказалъ размѣстить его и Викторіи отряды. Онъ обошелъ своихъ, сдѣлавъ надлежащія распоряженія. Для него самого и для приближенныхъ къ нему старшихъ партизановъ былъ отведенъ флигель у самаго главнаго корпуса замка. Тамъ онъ нашелъ въ сборѣ Торо, Магаро, Гиро. Вскорѣ пришла Викторія. Всѣ ужинали.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Богословіе.

- Амфитеатровъ, Я. Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Дмитріевскій, А. Умовеніе ногъ въ Великій четвергъ въ Иерусалимѣ и на островѣ Патмосѣ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Праздникъ Входа Господня въ Иерусалимъ въ Святогробскомъ храмѣ и суббота праведнаго Лазаря въ Визаніи. Ц. 10 к.
- Великая пятница въ Святогробскомъ храмѣ въ Иерусалимѣ. Ц. 10 к.
- «Благодать Святого огня» на живоносномъ Гробѣ Господнемъ въ Великую суботу. Ц. 10 к.
- Михайль, архимандритъ. Двѣнадцать писемъ о свободѣ и христіанствѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Шафъ, Ф. «Сынъ Человѣческій». Опроверженіе ложныхъ теорій о Лицѣ Іисуса Христа и собраніе свидѣтельствъ со стороны невѣрующихъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Ювачевъ, И. Монашество и трезвость. Спб. 1909. Ц. 10 к.

Философія, психологія, логика.

- Авенариусъ, Р. Критика чистаго опыта. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Васильевъ, Н. Третій международный философскій конгрессъ въ Гейдельбергѣ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Дрессеръ, Г. Жизнь по духовнымъ законамъ. М. 1909. Ц. 65 к.
- Моноваловъ, Д. Психологія сектантскаго экстаза. Сергіевъ-Посадъ. 1909. Ц. 20 к.
- Маркузе, Ю. Половой вопросъ и христіанство. М. 1909. Ц. 90 к.
- Тухолна, С. Преддверіе магіи. Гигіена тѣла и духа по оккультизму. Спб. 1909. Ц. 25 к.

истор. вѣстн., май, 1909 г., т. 8XVI.

1/225

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Вейнинггеръ, О. О Генрихъ Ибсенъ и его произведеніяхъ. Москва. 1909. Ц. 45 к.
- Войтоволскій, Л. Литературное значеніе и творчество Н. В. Гоголя. Критическій очеркъ съ биографіей. Кіевъ. 1909. Ц. 45 к.
- *Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ 2-й, выпускъ 1. (Опытъ популяризаціи «Исторической поэтики» А. Н. Веселовскаго для высш. и средн. учебн. зав.). Синкретизмъ въ поэзіи. Драма. Эпосъ. Романъ. Лирика. Статьи г.г. К. Тивандера и Ф. Карташова. Редакт.—В. А. Лезинъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Михайловскій, И. Полное собраніе сочиненій. Томъ 7-й. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Молостовъ, Н. Г. и Сергѣенко, П. А. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество. (1828 — 1908 гг.). Критико-биографическое изслѣдованіе, подъ редакціей А. Л. Вольнскаго. Вып. I. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Новололинъ, Г. Порнографическій элементъ въ русской литературѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Памяти Николая Ильича Стороженка. Изд. Общества Любителей Росс. Словесности. М. 1909. Ц. 1 р.
- Платонова, Н. Кохановская (Н. С. Соханская) 1823—1884. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Словарь литературныхъ типовъ. Вып. 3. Лермонтовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Суринъ, В. Проповѣдь челоѣческаго достоинства и личности въ русской литературѣ второй половины 18 в. Харьковъ. 1908. Ц. 40 к.
- Хрулевъ, С. Николай Васильевичъ Гоголь. Очеркъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Щегловъ, И. Подвижники слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Бальмонтъ, И. Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Стихи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Брешино-Брежжовскій, И. Въ мірѣ атлетовъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Брюсовъ, В. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Томъ 3-й. М. 1909. Ц. 2 р.
- Булгановскій, Д. Въ сторонѣ отъ жизни. Повѣсть изъ жизни современнаго духовенства. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Вересаевъ, В. Рассказы. Томъ I. Изданіе 6-е. Москва. 1909. Ц. 1 р.
- Тоже. Томъ II. Изданіе 3-е. Москва. 1909. Ц. 1 р.
- «Вихрь». Литературно-художественный сборникъ современныхъ писателей. М. 1909. Ц. 1 р.
- В. Л. Новое дѣло. Литературный сборникъ. Тверь. 1909. Ц. 70 к.
- Вольтеръ. Бѣлый быкъ. Романъ. Навный. Истинное происшествіе. Переводъ В. И. Засудичъ. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Гамсунъ, К. Мечтатель. Романъ. М. 1909. Ц. 10 к.
- Гауптманъ, Г. Потонувшій колоколь. Нѣмецкая сказка-драма. Перев. Е. Колышкевичъ. Спб. 1909. Ц. 65 к.
- Гризельда. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Гиттонъ, Г. Жизнь людей черезъ 1000 лѣтъ. Въ 3000 году. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Гнѣдичъ, П. Декабристы. Пять картинъ изъ семейной хроники Плавутинныхъ-Плавуцновыхъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Гоголь, И. Полное собраніе художественныхъ произведеній съ биографіей, написанной проф. А. И. Кирпичниковымъ. М. 1909. Ц. 50 к.
- Гомеръ. Иліада. Переводъ Н. М. Минскаго. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- *Данте, А. Вожественная комедія. Перевелъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника Дмитрій Минъ. Изд. 2-е, съ иллюстраціями, А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. за 3 тома 12 р.
- Достоевскій, Ф. Бѣдные люди. Романъ. Изд. 16-е. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Дрониминъ, С. Новыя русскія пѣсни. М. 1909. Ц. 30 к.
- Жеромскій, С. Сочиненія. Т. 8. Сизифовъ трудъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Жипль. Духъ. Романъ. Спб. Ц. 1 р.
- Итали. Литературный сборникъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Катаевъ, И. Русскіе интеллигенты. Сборникъ. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- «Колосъ», литературный альманахъ. Книга 1-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Колышно, И. Большой челоѣкъ. Комедія въ 5 д. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Кондратьевъ, А. Стихи. Книга 2-я (Черная Венера). Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Копылова, А. Стихи о примиреніи. Голосъ мятежныхъ. Ростовъ-Донъ. 1909. Ц. 75 к.
- *Корелли, М. Тайна. Романъ. Перев. съ англ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Купринъ, А. Сочиненія. Т. 6-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Мазурневичъ, В. Море смѣха. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Мейснеръ, А. Стихи послѣднихъ лѣтъ. Книжка 4-я. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- де-Мопассанъ, Гюи. Полное собраніе сочиненій. Томъ 5-й. Сильна, какъ смерть. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Муйшель, В. Рассказы. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Поповъ, Н. Мягкій диванъ. Безконечные рассказы моего дяди. М. 1909. Ц. 60 к.
- «Прибой». Литературно-художественные альманахи. Книга 1-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Протопоповъ, И. Судьба по публикаціи или самозванка книжна. Повѣсть. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Ростанъ, Э. Самарянка. Въ трехъ картинахъ, въ стихахъ. Харьковъ. 1909. Ц. 1 р.

Семеновъ, В. Засѣданіе адмиралтействъ-коллегіи. Спб. 1909. Ц. 25 к.
 Сенновичъ, Г. Два луга. М. 1909. Ц. 50 к.
 Сологубъ, В. Книги очарованій. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Тома 6-й. Чандала. Романъ. М. 1909. Ц. 1 р.
 Стверцовъ-Полмловъ, Г. Т. Ты бывала въ Порторико, танцовала контредансъ? Веселые рассказы. Спб. Ц. 60 к.
 «Творчество». Литературный сборникъ. Казань. 1909. Ц. 1 р.
 Тетмайеръ, Н. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Панна Мэри. М. 1909. Ц. 1 р.
 Тимковский, Н. Подъ чехломъ. М. 1909. Ц. 75 к.

Трубецкая, М. По дорогѣ. Стихотворенія. Полтава. 1909. Ц. 1 р.
 Уайльдъ, О. Сказки. Перев. Т. и С. Бертенсонъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Устиновъ, С. Ладивъ. Герой послѣдняго времени. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
 *Фарреръ, Кл. Убийца (L'homme, qui assassina). Переводъ А. П. Н. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Фибишь, К. Крестъ въ Веннѣ. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Франсъ, А. Островъ Пингвиновъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
 Штильгебауэръ, Э. Король биржи. Романъ. Перев. съ нѣм. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 Эртель, А. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

Адонцъ, Н. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Книга XI. Армения въ эпоху Юстиніана, политическое состояние на основѣ нахарарскаго строя. Спб. 1908. Ц. 4 р.
 Борсичій-Бергфельдъ, Н. Исторія Румыніи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Бородимъ, М. Н. Д. Сергѣевскій и его отношеніе къ финляндскому вопросу. Харьковъ. 1909. Ц. 20 к.
 Васильичъ, Г. Императоръ Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
 Гальковскій, Н. Наказной гетманъ Полуботокъ. Историческій очеркъ. Лебедянъ. 1909. Ц. 50 к.
 Иностранцевъ, К. А. О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Вып. 19 и 20. Спб. Ц. кажда. вып. 1 р. 85 к.
 Кизеветтеръ, А. Городовое положеніе Екатерины II. 1785. Опытъ историческаго комментарія. М. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
 Книга русской скорби. Изданіе Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела. Вып. 2-й. Спб. 1908. Ц. 60 к.
 Нондановъ, Н. Македонія. Археологическое путешествіе. Спб. 1909. Ц. 5 р.
 Норниловъ, А. Общественное движеніе при

Александрѣ II. 1855—1881. Историческіе очерки. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Матеріалы для исторіи факультета восточныхъ языковъ. Томъ IV. Обзоръ дѣятельности факультета 1855—1905 г., составленный проф. В. В. Варгольдомъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Назаревскій, В. Двухсотлѣтіе Полтавской битвы. 27 июня 1709—1909. Москва. Ц. 25 к.
 Нордманъ, Н. Географическое положеніе погостовъ-округовъ Шелонскаго лѣтны по писцовымъ оброчнымъ новгородскимъ книгамъ 1498 г. Спб. 1908. Ц. 1 р.
 О минушемъ. Историческій сборникъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Победы Петра Великаго надъ Шведами 200 лѣтъ назадъ. Лѣсная—Полтава. Спб. 1908. Ц. 30 к.
 Римскій-Норсановъ, Н. Лѣтопись моей музыкальной жизни 1844—1906 г. Спб. 1909. Ц. 2 р.
 Тарле, Е. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Историческіе очерки. Ч. 1-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Тухолна, С. Процессы о колдовствѣ въ Западной Европѣ въ XV—XVII вѣкахъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 Череванскій, В. Послѣдній вздохъ Византии. Историческая монографія. Спб. 1909. Ц. 3 р.
 Эртель, А. Письма. М. 1909. Ц. 2 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

Андреевскій, С. Защитительныя рѣчи. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 3 р.
 Башмановъ, А. Валканскія рѣчи. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Бинде, Ф. Да здравствуетъ свобода! Но что такое истинная свобода? Спб. 1909. Ц. 12 к.
 «Вѣжи». Сборникъ статей о русской интеллигенціи. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Герингъ, С. Логика экономіи. Основныя экономическія понятія съ энергетической точки зрѣнія. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Гриммъ, Д. Д., проф. Лекціи по догмѣ римскаго права. Пособіе для слушателей. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Вып. II. Спб. 1909. Ц. за оба вып. 2 р. 50 к.
 Дмитріевъ, К. Профессіональное движеніе и союзы въ Россіи. Спб. 1909. II. 1 р. 50 к.
 Жилищъ, А. Отвѣтственность министровъ. Очерки изъ теоріи, исторіи и практики этого института въ конституціонныхъ странахъ. Киевъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
 Загоровскій, А. Курсь семейнаго права. Изд. 2-е. Одесса. 1909. Ц. 4 р.

Каратыгинъ, Е. С. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. Очеркъ развитія товарищескаго начала въ сельскомъ хозяйствѣ Даніи. Съ рис. Спб. Ц. 1 р.

Латкинъ, в. Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи 18 и 19 стол. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 4 р.

Лозинскій, Е. Итоги и перспективы рабочаго движенія на Западѣ и въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 60 к.

Максимовъ, В. Законы о разводѣ (расторженіе браковъ) православнаго и неправославнаго исповѣданій и о раздѣльномъ жителствѣ супруговъ, съ разъясненіями Правительствующаго Сената и циркулярными и сенарными указами Святѣйшаго Синода. М. 1909. Ц. 3 р.

— Наказъ земскимъ начальникамъ о порядкѣ ихъ дѣйствій по дѣламъ административнымъ съ исправленіями и дополненіями и приложеніемъ перечня главнѣйшихъ обязанностей, возлагаемыхъ закономъ на земскихъ начальниковъ. М. 1909. Ц. 75 к.

Мастрюновъ, А. Чтите женщину. М. 1909. Ц. 25 к.

Общественная помощь голодающимъ. Отчетъ самарскаго комитета общественной помощи голодающимъ, мѣстнаго отдѣла Широковскаго, Московскаго сельско-хозяйственнаго и Петербургскаго Вольно-Экономическаго общества за время дѣятельности въ 1906—1907 гг. Самара. 1908. Ц. 3 р.

Огановскій, Н. Закономѣрность аграрной эволюціи. Ч. 1-я. Теорія капиталистическаго развитія. Общій ходъ и фазисы аграрной эволюціи. Саратовъ. 1909. Ц. 1 р. 60 к.

Платтеръ, Ю. Основныя ученія политической экономіи. Томъ 2-й. Критическое введеніе въ науку о социальномъ хозяйствѣ. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Познышевъ, С. Особенная часть русскаго уголовнаго права. Изд. 2-е. М. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

Полный сводъ рѣшеній общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Съ подробными предметнымъ, алфавитнымъ, и постановленнымъ указателями, составленными Л. М. Ротенбергомъ. За 1866—1877 гг. Екатеринославъ. 1909. Ц. 5 р.

Полный сводъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената за 1903 годъ. Изданіе Л. М. Ротенберга. Екатеринославъ. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

— Тоже за 1904 годъ. Екатеринославъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

— Тоже за 1905 годъ. Екатеринославъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

— Тоже за 1906 годъ. Екатеринославъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Способіе къ изученію аграрнаго вопроса. Сборникъ законовъ, правительственныхъ распоряженій и законопроектовъ по крестьянскому землеустройству и по переселенческому дѣлу. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Пранишниковъ, Д. Н. Земская агрономія въ Италіи. Москва. 1909. Ц. 15 к.

П—скій, Н. и А—овъ, П. Къ грядущей

борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Одесса. 1909. Ц. 20 к.

Пѣшехоновъ, А. Въ темную ночь. Спб. 1909. Ц. 1 р.

— Наказуяв. Ц. 60 к.

Ротенбергъ, Л. М. Предметный алфавитный указатель къ полному своду рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Подъ редакціей С. И. Гальперина и Я. С. Гуровича. 5 томовъ. Екатеринославъ. 1905—1908. Ц. 15 р.

— Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями изд. 1885 г. Съ дополненіями по прод. 1906 года и съ алфавитнымъ указателемъ. Екатеринославъ. 1909. Ц. 40 к.

Саловъ, В. В. Земледѣліе—главная основа благосостоянія Россіи. Сравнительный очеркъ состоянія земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и въ Россіи по новѣйшимъ даннымъ. Мѣры къ поднятію въ Россіи сельско-хозяйственной промышленности. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Самарскій, С., присяж. пов. О духовныхъ завѣщаніяхъ и о наследованіи по закону. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о сельскомъ состояніи. Общее положеніе о крестьянахъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о сельскомъ состояніи. Положенія объ установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами. Изд. 2. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Слюзбергъ, Г. Сборникъ дѣйствующихъ законовъ о Евреяхъ. (По своду законовъ по продолженію 1906 г.). Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Соколовъ, С. Учебникъ по исторіи русскаго права. Періодъ до-имперскій. Составленъ примѣнительно къ курсу проф. М. Дьяконова, по его лекціямъ, а также по трудамъ проф. В. Сергѣевича, Вл.—Буданова, Ключевского и др. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Тальбергъ, Н. Проектъ реформы мѣстнаго суда. Кіевъ. 1909. Ц. 25 к.

Тиграновъ, Л. Изъ общественно-экономическихъ отношеній въ Персіи. Сводка путевыхъ матеріаловъ и наблюденій о землевладѣніи, податной и административной системахъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Тулубъ, Н. Два доклада объ ответственности желѣзныхъ дорогъ за просрочку въ доставкѣ грузовъ, перевозимыхъ съ пассажирскими поездами (съ такъ называемой «пассажирской скоростью»). Кіевъ. 1909. Ц. 50 к.

Чупровъ, А. Рѣчи и статьи. Т. 1-й. Политическая экономія. Статистика. Народное образованіе. Рецензіи и некрологи. М. 1909. Ц. по подпискѣ 6 р.

Шванбахъ, П. О народномъ представительствѣ. Кіевъ. 1909. Ц. 50 к.

Шмишо, Л. По поводу одного рѣшеннаго вопроса. Москва. 1909. Ц. 55 к.

Яблочковъ, Т. Курсъ международнаго гражданскаго процессуальнаго права. Ярославль. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Искусство.

Вонлевский, П. Альбомъ гоголевскихъ типовъ. Съ предисловіемъ В. Я. Стоюнина. Изданіе 9-е. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Императорская Академія Художествъ. Галерея графа Куселева-Везбородка. Вып. 2-й. Спб. 1909. Ц. 20 р.

Еврейновъ, Н. Введение въ монодраму. Рефератъ, прочитанный въ Москвѣ, въ Лиг. Худ. кружкѣ 16 декабря 1908 г. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Ежегодникъ общества архитекторовъ-художниковъ. Вып. III. Спб. 1908. Ц. 4 р. 50 к.

Иржижановский, К. И. Вокальное искусство. Москва. 1909. Ц. 2 р.

Прохановъ, И. Гусли. Сборникъ духовныхъ пѣсней съ нотами. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Саданичи, Гартманъ. Японское искусство. Переводъ съ англ. Съ 49 рис. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Турыгина, Л. Н. В. Гоголь въ области музыки. Спб. 1909. П. 15 к.

— Данте въ музыкѣ. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Естествознаніе и математика.

Бруни, К. Твердые растворы. Одесса. 1909. Ц. 25 к.

Гано, А. и Маневріе, М. Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій. Перев. съ франц. В. Агафонова и Г. Барма. Съ рис. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Годзиневскій, Л. Спицля и ея землетрясенія. М. 1909. П. 35 к.

Гюнтеръ, К. Происхождение и развитіе человека. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человека. Съ атласомъ изъ 90 таблицъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей проф. Н. А. Холодковского. 2 тома. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1909. Ц. 20 р.

Дедекинды, Р. Непрерывность и иррациональные числа. Изд. 2-е. Одесса. 1909. Ц. 40 к.

Ипатьевъ, В. Курсъ органической химіи Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Лобонъ, Г. Возникновеніе и исчезновеніе матеріи. Харьковъ. 1909. Ц. 40 к.

Лунашевичъ, І. Неорганическая жизнь земли. Ч. 2-я. Жизнь горныхъ породъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.

— Что такое жизнь? Біологическій этюдъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Махъ, Э. Механика. Историко-критическій очеркъ ея развитія. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Научный сборникъ. Книга 2-я. Новое въ области науки и прикладныхъ знаній. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Слаби, А. Резонансъ и затуханіе электрическихъ волнъ. Одесса. 1909. Ц. 40 к.

Труды перваго Менделѣевского съѣзда по общей и прикладной химіи, состоявшагося въ Спб. съ 29 по 30 декабря 1907 г. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

Поссе, В. По Европѣ и Россіи. 1889—1909. Наблюденія и настроенія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Шавровъ, Н. Н. Мугань и оборудованіе е орошенія и водныхъ путей. Съ картою. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Языковѣдніе.

Каринскій, Н. Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

Баллодь, Ю. Что надо знать каждому сельскому хозяину, чтобы получить отличный урожай и избѣгать вѣдохода. Николаевъ. 1908. Ц. 10 к.

Бѣлецкій, И. Воздѣлываніе рѣдкихъ огородныхъ растений и его практическое значеніе. Ч. 1-я. Корнеплодные, клубненосные и плодовые овощи. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Гегнеръ, І. Крестьянскій огородъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Демчинскіе, Н. А. и Б. Н. Обезпеченность урожая. Теорія и практика грядковой культуры хлѣбныхъ. Изданіе 8-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Емельяновъ, И. В. Этномологическій календарь для садоводовъ. О мѣрахъ борьбы съ главнѣйшими вредителями садовъ Харьковской губ. Харьковъ. 1909. Ц. 15 к.

Кичуновъ, Н. Календарь садовыхъ и огородныхъ работъ по мѣсяцамъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.

Нинитина, И. Откормъ птицъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Паскальскій столъ по рецептамъ прабабушекъ и современнымъ источникамъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Пилсудскій, Е. В. Электро-культура растений. Результаты работъ произведенныхъ

въ области примѣненія электричества къ земледѣлію въ теченіе 6 лѣтъ, съ 1900 по 1906 г., а равно и новѣйшія открытія въ данной области. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Полосухина, А. Плодовый и ягодный садикъ крестьянина Ивана Никитина. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Романовскій-Романко, А. О разведеніи винограда сѣвернѣе нынѣшней его границы. Одесса. 1908. Ц. 20 к.

Череватенко, С. Какъ выбиться изъ нужды къ достатку посредствомъ сада. Спб. 1908. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Дорошенко, Г. Простѣйшій способъ веденія книгъ торговыми фирмами. Ч. I. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Хабаровъ, Н. Что нужно знать при представленіи торговыхъ книгъ въ раскладочныя присутствія. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

Андре, Э. Лаки, олифы, политуры и сургучи. Практическое общепонятное руководство по изготовленію всевозможныхъ сортовъ лаковъ, олифъ и т. д. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Берловъ, М. Детали машинъ. Руководство по расчету и проектированію деталей машинъ. Вып. 2-й. Кленка балокъ и колоннъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Бруннеръ, Ф. Приготовленіе ваксъ, маселъ и лаковъ для всевозможныхъ сортовъ обуви и различныхъ издѣлій изъ кожи. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Веддингъ, Г. Основанія металлургіи чугуна, желѣза и стали. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Витторфъ, Н. М. Теорія сплавовъ въ примѣненіи къ металлическимъ системамъ. Спб. 1909. Ц. 6 р.

Генсель, Г. Электротехника въ задачахъ и примѣрахъ. Вып. 2-й. Перебѣнные токи. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Гродскій, А. Двигатель Дизеля. Практическое руководство для его изученія. Спб. 1909. Ц. 70 к.

Деппъ, Г. Паровые котлы. Лекціи, читанныя въ Технологическомъ институтѣ императора Николая I. Изд. 2-е. Спб. 1909. Цѣна за 2 тома съ атласомъ 12 р.

Дуровъ, А., инж. Матеріалы къ курсу архитектуры. Предохраненіе зданій отъ сырости. Съ 56 чертеж. Москва. 1909. Ц. 1 р.

Югель, I. Вопросы по работамъ по ремонту ж. д. пути, предлагаемые при испытаніи на должностъ дорожнаго мастера и артельнаго старосты. Гор. Петропавловскъ. 1909. Ц. 50 к.

Корольковъ, А. Электротехника. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Кремеръ, X. Руководство къ установкѣ паровой машины. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Лебедевъ, А. Объемное полезное дѣйствіе газоваго двигателя. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Маршалъ, П. Какъ сбѣжать маленькіе аккумуляторы различныхъ системъ и какъ ихъ примѣнить къ дѣлу. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Мельцеръ, Э. Значеніе типа больничныхъ построекъ и ихъ планировка въ борьбѣ съ заразными болѣзнями. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Монвижъ-Монтевидъ, А. Огнестойкая, дешевая крыша изъ цементныхъ плитъ (черепица). Спб. 1909. Ц. 1 р.

Общепонятное руководство къ собственноручному устройству электрическаго освѣщенія безъ станціи и машинъ. По указанію инженера Макдональда. Спб. 1909. Ц. 65 к.

Ревякинъ, Н. Устройство небольшого мыловареннаго завода. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Розенцвейгъ, Л. Аэропланъ и двигатели Вер. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Росле, Н. Бетонъ и желѣзобетонъ. Теорія и практика. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, С. Курсъ низшей геодезіи. Изд. 2-е. М. 1908. Ц. 6 р. 50 к.

Стацено, В. Части зданій. Изд. 3-е. Спб. 1909 г. Ц. 6 р.

Турчиновичъ, Т. М., инж.-техн. Прогрессъ и современное состояніе техники водоподъемныхъ машинъ. Съ 61 рис. Москва. 1909. Ц. 1 р.

Циглеръ-фонъ-Шафгаузенъ, М., инж. Упрощеніе расчетовъ отверстій мостовъ для бассейновъ, не превышающихъ 50 кв. верстъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Шабскій, А. Управляемые аэростаты. Теорія, конструкція и историческое развитіе управляемыхъ аэростатовъ. Вып. I. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Шевчукъ, В. Промоотводъ, какъ его устроить и для чего онъ нуженъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Шиманскіе, С. В. и Ю. А. Принципы числовыхъ расчетовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Ш—й, А. Ф. Историческія свѣдѣнія о добычаніи нефти въ Печорскомъ краѣ. Архангельскъ. 1908. Ц. 30 к.

Шмидтъ, В. Подпирваніе, шлифовка и отдѣлка дерева. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Эрленбахъ, А. Руководство къ производству малярныхъ работъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.

**Медицина, гигиена, анатомия, физиология и хирургия.
Ветеринария.**

- Гайзек, Г., д-р. Несовместимость лекарственных средств. Перев. с нем. и дополнениями д-ра мед. М. Я. Врейтмана. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Depus, I. Цѣлебное дѣйствіе туберкулина Depus при леченіи бугорчатки легких и другихъ органовъ у человѣка. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Десницкій, Н. В., д-р. Водоляченіе. Изданіе 2-е съ 2 приложениями. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Jung, Et. Психозъ и его содержаніе. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Колосовъ, Г. Условія жизни населенія Терской области съ точки зрѣнія невропсихической гигиены. М. 1909. Ц. 80 к.
- Кубасовъ, П. О микробѣ возвратной горячки. Микробиологическія и клиническія изслѣдованія. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Ликуди, Г. Г., д-р. Указатель минеральныхъ водъ, климатическихъ и кумысолечебныхъ станцій, морскихъ купаній и грязей, съ показаніемъ врачебнаго ихъ примѣненія. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Манушинъ, А. Глазныя болѣзни. Томскъ. 1909. Ц. 30 к.
- Немковъ, В., д-р. Руководство по нервнымъ болѣзнямъ и проводящѣ пути. Съ рис. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Олимпіецъ, В. Культъ тѣла. Красота и сила. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Омелянскій, В. Основы микробиологіи. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Поляковъ, П. Основы гистологіи съ элементами эмбриологіи человѣка и позвоночныхъ. Ч. 2-я. Вып. 2-й. Микроскопическая анатомія и эмбриологія органовъ и системъ. Юрьевъ. 1909. Ц. 5 р.
- Сборникъ клиническихъ работъ изъ терапевтическаго отдѣленія императорскаго клиническаго института вѣд. кн. Елены Павловны. Вып. 2-й. Подъ редакціей проф. М. И. Афанасьева. Съ 12 кривыми и табл. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Фурнье, А., проф. Руководство къ патологіи и терапіи сифилиса. Третичный періодъ. Выпускъ V. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Шустеръ, П. Наша нервная система и ея разрушители въ обыденной жизни. Москва. 1909. Ц. 60 к.
- Щепинскій, А. А., д-р. мед. Новѣйшіе успѣхи по распознаванію и леченію нервныхъ болѣзней. Съ 53 рис. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Военное и морское дѣло.

- Морозовъ, Н. Воспитаніе генерала и офицера, какъ основа побѣды и пораженій. Вильва. 1909. Ц. 80 к.
- Новицкій, В. На пути къ усовершенствованію государственной обороны. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Пруссанъ, Вл. Учебникъ элементарной тактики. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Шапировъ, Б. Наши пограничныя окраины на Кавказѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Арепьевъ, Н. Географія Россіи. Общій очеркъ страны. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Астрябъ, А. М. Наглядная геометрія. (Начальный курсъ геометріи). Съ 190 рис. и табл. Киевъ. 1909. Ц. 80 к.
- Büthgen, V. Die Hühnerburg. Bearbeitet von Chr. Osoling. Москва. 1908. Ц. 10 к.
- Die Zauberpfeife. Bearbeitet von Chr. Osoling. Москва. 1908. Ц. 10 к.
- von Wildenbruch, E. Das Orakel. Bearbeitet von R. Koske. Москва. 1908. Ц. 10 к.
- Виноградовъ, И. Азбука «Другъ русскаго народа» (полная), составлена по строгозвучной системѣ. Изд. 2-е дополн. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Вульфовичъ, А. Квинтъ Горацій Флаккъ. Вып. 1-й. Десять избранныхъ одъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Ganghofer L. Das kalte Brot. Bearbeitet von E. Meyer. Москва. 1908. Ц. 8 к.
- Der blinde Passagier. Bearbeitet von E. Meyer. Москва. 1908. Ц. 8 к.
- Гирръ, М. Краткое практическое руководство для изученія итальянскаго языка. М. 1909. Ц. 1 р.
- Григорьевъ, Н. Г. «Горе отъ ума», комедія А. С. Грибоедова. Подробный разборъ въ связи съ характеристикой дѣйствующихъ лицъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Пособіе при изученіи русской словесности. Сочиненія и планы литературнаго характера. Часть I. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Grimm. Hund und Sperling Märchen. Bearbeitet von K. Koske. Москва. 1908. Ц. 8 к.
- Декоппетъ, А. Проповѣди для дѣтей. Вып. 1-й. Рига. 1909. Ц. 75 к.
- Долочевъ, В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Изд. 2-е. Варшава. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Зачиняевъ, А. Орфографическая пропись. В. I. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Италинскій, А. Церковно-славянскій языкъ въ народной школѣ. Методическій очеркъ. М. 1909. Ц. 35 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Изданіе книгоиздательства П. П. Сойкина.

1-ый ВЫПУСКЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ. ЦѢНА 1 р. 50 к.

Приобрѣвшіе 1-ый выпускъ и желающіе подписаться на остальные выпуски уплачиваютъ однимъ руб. меньше.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на художественное, роскошно-иллюстрированное изданіе

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Жизнь и Творчество (1828—1908).

Подъ редакціей А. Л. Волынскаго, при сотруди. Н. Г. Молоствово и П. А. Сергѣенко.

Художественный отдѣлъ находится въ вѣдѣніи Е. П. Самонишъ-Судновской.

Л. Н. Толстой и гр. С. А. Толстая изъявили согласіе лично просматривать изданіе и корректура первыхъ выпусковъ уже просмотрѣны ими.

ВСЕ ИЗДАНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ на бумагѣ высокаго качества, **ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ** (по образцу лучшихъ заграничныхъ éditions de luxe).

ВСЕГО БУДЕТЪ 12 ВЫПУСКОВЪ БОЛЬШОГО ФОРМАТА in 4°, ДО 100 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.

СВЫШЕ 300 РЕПРОДУКЦІЙ съ картинъ, эскизовъ, рисунковъ, исполненныхъ масляными красками, акварелью, пастелью, офортъ, гравюрой, углемъ, перомъ, карандашомъ извѣстными русскими и иностранными художниками, а также и со скульптуры.

БОЛЬШЕ 200 ПОРТРЕТОВЪ Л. Н. ТОЛСТОГО во все періоды его жизни.

48 ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, въ краскахъ, въ воспроизведеніи гелиографурой, mezzo-tinto, фототипіей, facsimile въ краскахъ, автотипіей duplex, гравюрой, съ подклейкой на особые цвѣтные паспарту. Изготовленіе клише и печатаніе художественныхъ приложений производится въ первоклассныхъ русскихъ и заграничныхъ графическихъ заведеніяхъ: Т-ва Голіке и Вильборгъ, Прокудина-Горскаго въ Спб., Брукмана въ Дрезденѣ и Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Каждый выпускъ въ оригинальной цвѣтной папкѣ съ двумя пейзажами, исполненными углемъ, карандашомъ и перомъ Е. П. Самокишъ-Судковскою, изображающими виды Ясной Поляны и ея окрестностей.

ВПЕРВЫЕ будутъ опубликованы многіе цѣнные документы, какъ напр., дневники и письма матери и отца Л. Н. Толстого.

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ съ этимъ цѣннымъ и роскошнымъ изданіемъ первый выпускъ продается отдѣльно за 1 р. 50 к. (можно присылать почтовыми марками въ зачетомъ письма).

Рисунки и отдѣльныя приложения къ 1-му выпуску экспонируются на выставкѣ въ честь Л. Н. Толстого въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна на все изданіе безъ доставки въ С.-Петербургѣ 12 р. Съ дост. и перес. 14 р. Допускается разсрочка въ два и четыре срока.

Требованія и деньги адресовать: Спб., Книгоиздательство П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

Типографія А. С. Суворина. Спб. Эртелевъ, 18.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ІЮНЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1909 г.

СТРАН.

I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). XLVIII—LVIII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта.	785
II. Отрывочныя воспоминанія. Е. Латынина.	825
III. Семейный разладъ. (Повѣсть). XIII—XV. (Окончаніе). Книгини М. В. Волконской.	841
IV. Изъ воспоминаній о генераль-адъютантѣ П. С. Ванновскомъ. Е. К. Андреевскаго.	863
V. Іюльское возстаніе въ Ташкентѣ, А. Рудаго.	891
VI. На Украинѣ. (Къ 200-лѣтію Полтавской битвы). Путевыя впечатлѣнія. Н. А. Россіева.	901
Иллюстраціи: 1) Иванъ Степановичъ Мазепа. — 2) Леонтій Васильевичъ Кочубей. — 3) Малорусское село (Вѣлики). — 4) Малорусская хата. — 5) Курень и бахча. — 6) Полтава. Панянка. — 7) Памятникъ Котляревскому. — 8) Памятникъ на могилѣ Котляревскаго. — 9) Школа имени Котляревскаго. — 10) Обновленный домъ, гдѣ жилъ Котляревскій на Подолѣ въ Полтавѣ. — 11) Александровская улица въ Полтавѣ. — 12) Памятникъ Петру Великому и Спаская церковь въ Полтавѣ. — 13) Памятникъ Петру Великому въ память Полтавской битвы. — 14) Кадетскій корпусъ въ Полтавѣ. — 15) Шведская могила. — 16) Крестовоздвиженскій монастырь близъ Полтавы. — 17) Воскресенская церковь въ Полтавѣ. — 18) Городская бібліотека и музей въ Полтавѣ. — 19) Улица въ селѣ Диканькѣ. — 20) Кременчугъ. — 21) Могила Шевченка въ окрестностяхъ Канева.	
VII. Самсоніевская церковь, что на Выборгской сторонѣ, по рисунку 1710 года. А. А. Титова.	966
Иллюстрація: Церковь св. Самсонія, построенная Петромъ Великимъ въ память Полтавской битвы, въ 1710 году.	
VIII. На забытыхъ могилахъ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). Н. А. Державина	969
IX. Потомки Базарова. П. В. Безобразова.	988
X. Гоголевскія торжества въ Москвѣ. Князя Б. А. Щегина.	1004
Иллюстрація: Памятникъ Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ.	
XI. «Аксаковскіе дни» въ гор. Уфѣ.	1020
XII. Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова.	1027
XIII. Къ былому Павловска. Г. Х.	1037
Иллюстраціи: 1) Александрова дача въ 1908 году. — 2) Храмъ Розы безъ шиповъ въ 1908 году. — 3) Павильонъ на Александровой дачѣ въ 1906 г. — 4) Павильонъ на Александровой дачѣ въ 1908 году.	
XIV. Критика и бібліографія.	1045
1) Д. Самовласовъ. Могилы русской земли. Москва, 1908 года. Приложенія: Раскопки древнихъ могилъ и описаніе, храненіе и изданіе могильныхъ древностей. Москва, 1908. — Происхожденіе русскаго народа. Москва, 1908. — Сѣверянская земля и сѣверане по городищамъ и могиламъ. Москва, 1908. Карта городищъ Черниговской губерніи. П. Верховскаго. — 2) Г. Василчъ. Императоръ Александръ I и старецъ Геодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. Со многими рисунками и портретами. Москва, 1909. в. Троицаго. — 3) Историческій очеркъ дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта (Приложеніе). Изъ серіи юбилейныхъ очерковъ «Столѣтіе военнаго министерства». Главный редакторъ Д. А. Скаловъ. Редакторъ Н. А. Даниловъ. Составилъ Н. М. Затворницкій. Спб. 1909. М. Соколовскаго. — 4) Иконниковъ, (См. слѣд. стран.).	

В. С. Опыт русской историографии, томъ II, книги 1 и 2. Киевъ. 1909. м. н.—
 5) Русскій биографическій словарь. Смѣловскій—Суворина. Спб. 1909. с. ш.—
 6) Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи В. Н. Латкина, орди-
 нарнаго профессора императорскаго спб. университета. Спб. 1909. в. г.—
 7) П. С. Троицкій. Костромской край. Историко-археологическій очеркъ.
 Кострома. 1909 г. Андрея-Титова.—8) Краткій очеркъ бюджетнаго права Фин-
 ландіи. Э. Н. Верендтсъ. С.-Петербургъ. Государственная типографія. 1909.
 м. п.—9) Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакціей Д. Н. Овся-
 нико-Куликовскаго. Изданіе товарищества «Міръ». Выпуски I—VII. Москва.
 1908—1909. А. Фомина.—10) Г. С. Новолитинъ. Порнографическій элементъ
 въ русской литературѣ. Спб. 1909. Р. Сементовскаго.—11) Литературный
 распадъ. Книга вторая. Издательство «Юв». Спб. 1909. м. л.—12) Д. В. Фило-
 софовъ. Слова и жизнь. Литературные споры новѣйшаго времени (1901—
 1908). Спб. 1909 г. Р. С.—13) Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Гоголь въ его
 произведеніяхъ. Къ столѣтію рожденія великаго писателя. Москва. 1909.
 А. Фомина.—14) Подробный орографическій словарь, для учащихся и вообще
 для самообразования и справокъ при письменныхъ и корректурныхъ рабо-
 тахъ. Составилъ В. Зелняскій. Москва. 1909. с. н.—15) «Въ сторовѣ отъ
 жизни». Повесть изъ жизни современнаго духовенства въ 2-хъ частяхъ. Д. Г.
 Вудяковскаго. Спб. 1909 г. Б. Г.—16) Н. Карвевъ. Идеалы общаго образо-
 ванія. Спб. 1909 г. Р. О.—17) О. И. Карвовскій. Къ польскому вопросу.
 Четверть вѣка назадъ. Москва. 1909. Андрея Сиротинина.—18) Профессору
 Р. Випперъ. Очерки исторіи Римской имперіи. Москва. 1908. в.—19) М. Ростов-
 цевъ. Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ. Спб. 1909. А. М.—
 20) А. А. Титовъ. Тихонъ Малышко, ростовскій епископъ XVI вѣка. М. 1908.
 А. н—ва.—21) П. М. Невѣжинъ. Въ бою. Спб. 1909. А. М. Мечаева.—22) Газа-
 вать. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повесть
 Л. А. Чарской. Изданіе 2-е. Москва. 1909. А. Хаханова.—23) Записки класси-
 ческаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества.
 Томъ V. Съ приложеніемъ 62 таблицъ. Спб. 1908. А. Миронова.—24) Проф.
 Н. В. Покровский. Памятники церковной старины въ гор. Костромѣ. Съ
 32 таблицами автотипів. Спб. 1909. в. Р—ва.—25) Протоіерей П. Фоминъ.
 Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій. Харьковъ.
 1909. А. Б—ва.—26) Труды вятской ученой архивной комиссіи 1908 года.
 Выпускъ I. Вятка. 1908 г. в. Р—ва.—27) Сборникъ матеріаловъ для описа-
 нія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXXIX. Изданіе кавказскаго учеб-
 наго округа, подъ редакціей Л. Г. Лопатинскаго. 1908. А. Хак—ова.—
 28) А. М. Гибъшевъ. Отрывокъ писцовой книги Вотской пятины второй
 половины 1504—1505 г., содержащій въ себѣ опись части дворовыхъ земель
 этой пятины. Киевъ. 1908. в. Р—ва.—29) А. И. Медвѣдевъ. Персія. Военно-
 статистическое обозрѣніе. Съ рисунками. Изд. Березовскаго. Спб. 1909.
 л. н.—30) Вл. Череванскій. Послѣдній вздохъ Византіи. Спб. 1909 г. П. Б.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1085

1) Историческіе эскизы профессора Ферреро.—2) Предтеча воздухопла-
 вателей.—3) Политико-духовное вліяніе поляковъ въ концѣ XVI и въ
 началѣ XVII вѣковъ.—4) Разговоръ Николая I съ княземъ Любечкимъ нака-
 нунѣ польской войны 1830 года.—5) Золотые годы Жоржъ-Занда.—
 6) Соціалисты отъ Морелли до Маркса.—7) Итальянскій Мессія XIX вѣка.—
 8) Ватиканскія событія.—9) Мартовскіе юбилеи.—10) Смерть Фетиса, Ште-
 ккера, Гейерштама, Готшала, Зоненталя и г-жи Моджеской.

XVI. Смѣсь. 1121

1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Годовое собраніе спб. литературнаго
 общества.—3) Въ обществѣ народныхъ университетовъ.—4) Разрядъ полко-
 выхъ исторій при императорскомъ военно-историческомъ обществѣ.—5) Па-
 мяти С. Т. Аксакова.—6) Чествованіе профессора А. И. Александрова въ
 Казани.—7) Даръ Москвѣ.—8) Ростъ населенія Москвы.—9) Штрафы на
 печать.

XVII. Некрологи. 1128

1) Евцевій, Ф. О., профессоръ.—2) Евреинновъ, К. М.—3) Качаловъ, Н. Н.—
 4) Колячки, И. М.—5) Крючковъ, о. К.—6) Лебедевъ, В. А.—7) Лебедевъ,
 Е. Н.—8) Мансветовъ, В. П.—9) Прявншиниковъ, И. П.—10) Сорокинъ, Н. В.—
 11) Чуннинъ, В. А.

XVIII. Замятки и поправки. 1134

1) Къ статьѣ «У великихъ могилъ». И. Губастова.—2) И. Онулича-Каза-
 рина.—3) Опечатки.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Изображеніе Полтавскаго сраженія.—2) Ея величество
 королева. Романъ Никола Мизази, переводъ съ итальянскаго Л. Р—ва, главы
 XI—XV.

СОДЕРЖАНИЕ СТО ШЕСТНАДЦАТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ЮНЬ 1909 года).

	ОТРАВ.
Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). XXVIII—LVIII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	5, 401, 785
Отрывки изъ воспоминаній. Н. К. Полевого	52
Семейный разладъ. (Повѣсть). VI—XV. (Окончаніе). Княгини М. В. Волконской	62, 452, 841
Въ борьбѣ за русское дѣло. (Эпизодъ изъ государственной дѣятельности К. П. фонъ-Кауфмана). Е. М. Толбухова	91
Къ біографіи А. С. Грибоѣдова. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смир- нова). (Окончаніе). Д. А. Смирнова	132
В. К. Плеве въ Троице-Сергіевой лаврѣ. (Воспоминанія студента духовной академіи 1902 г.) С. Лебедева	164
Освободительное движеніе въ Ижевскомъ заводѣ Вятской губерніи. В. Г.	176
Пашковцы-баптисты въ Петербургѣ. Р. С. Игнатъева	184
Пятидесятилѣтній юбилей Алексѣя Сергѣевича Суворина.	193
<i>иллюстраціи: 1) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ (1909 г.).—2) Кабинетъ Алексѣя Сергѣевича Суворина.—3) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ своемъ кабинетѣ.</i>	
Памяти княгини Н. Б. Трубецкой. Князя Б. А. Щетинина	209
<i>иллюстрація: Княгиня Надежда Борисовна Трубецкая.</i>	
Формулярный списокъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сообщ. К. Шинкова	217
Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). III. Реакція и эмигра- ція. IV. М. А. Бакунинъ и С. Г. Нечаевъ. Б. Б. Глинскаго	220, 596
<i>иллюстраціи: 1) Герценъ на смертномъ одрѣ. — 2) Михаилъ Александро- вичъ Бакунинъ.—3) Сергѣй Геннадъевичъ Нечаевъ.</i>	

Поѣздка въ Казбекъ. В. А. Авіе.	252
<p>иллюстраціи: 1) Военно-Грузинская дорога. Видъ съ «Реданта» на горы.— 2) Военно-Грузинская дорога. Скала «Пронеси, Господи». — 3) Рѣка Терекъ.— 4) Вашви царицы Тамары на р. Терекъ. — 5) Чортовъ мостъ въ Дарьль- скомъ ущельѣ на Военно-Грузинской дорогѣ.—6) Дорога по карнизу Терек- скаго ущелья. — 7) Гора Казбекъ. — 8) Станція Казбекъ. — 9) Фонтанъ у станціи Казбекъ. — 10) Старый охотникъ.</p>	
Иностранцы о Россіи. В. И. фонъ-Штейна	275
Кружокъ. (Разсказъ по личнымъ воспоминаніямъ). В. Г. Авѣенно.	438
Воспоминанія о графѣ И. Д. Деляновѣ. В. Семенова.	483
Нѣсколько эпизодовъ изъ освободительнаго движенія въ Гродненской гу- берніи. Н. Н. Полевого.	494
Азевовщина. (Изъ замѣтокъ японца). Р. И. Сементковскаго.	514
Посмертная милость императора Александра I. (Историческая старинка). А. А. Танкова.	534
Забытый поэтъ. Ив. Жасанова	539
Зарубежная публицистка. А. М. Бѣлова.	542
Гоголевскіе дни.	569
Письмо Ѡ. М. Достоевскаго. Сообщ. Андрея Коломійцева.	593
Домскій музей въ Ригѣ. А. Ш—ова.	630
<p>иллюстраціи: 1) Рижская аптека. — 2) Археологическія находки въ Лиф- ляндіи.—3) Влудо короля Оттона.—4) Печать города Висби.</p>	
У великихъ могилъ. (Поѣздка по восточному бассейну Средиземнаго моря). Д. Н. Островскаго.	641
<p>иллюстраціи: 1) Мостъ черезъ Нилъ въ Каирѣ. — 2) Пирамида Хеопса, Сфинксъ и храмъ Сфинкса.—3) Сфинксъ и пирамиды.—4) Общій видъ Да- маска.—5) Дворъ храма гроба Господня.—6) Храмъ гроба Господня.—7) Ку- вуклія надъ святымъ гробомъ.—8) Скорбный путь.—9) Дворъ мечети Омара въ Иерусалимѣ. — 10) Мѣсто рожденія Иисуса Христа въ Вифлемѣ.— 11) Святая Софія. — 12) Акрополь и храмъ Зевса Олимпійскаго въ Аен- нахъ.—13) Партеонъ.</p>	
Отрывочныя воспоминанія. Е. Латынина.	825
Изъ воспоминаній о генераль-адъютантѣ П. С. Ванновскомъ. Е. Н. Андреевскаго.	863
Іюльское возстаніе въ Ташкентѣ. А. Рудаго.	891
На Украинѣ. (Къ 200-лѣтію Полтавской битвы). Путевыя впечатлѣнія. П. А. Россіева.	901
<p>иллюстраціи: 1) Иванъ Степановичъ Мазена. — 2) Леонтій Васильевичъ Кочубей.—3) Малорусское село (Вѣлики).—4) Малорусская хата.—5) Курень и бахча.—6) Полтава. Панянка.—7) Памятникъ Котляревскому.—8) Памят- никъ на могилѣ Котляревскаго.—9) Школа имени Котляревскаго.—10) Об- новленный домъ гдѣ жилъ Котляревскій на Подолѣ въ Полтавѣ.—11) Але- ксандровская улица въ Полтавѣ. — 12) Памятникъ Петру Великому и Спас- ская церковь въ Полтавѣ.—13) Памятникъ Петру Великому въ память Пол- тавской битвы.—14) Кадетскій корпусъ въ Полтавѣ.—15) Шведская могила.—</p>	

16) Крестовоздвиженскій монастырь близъ Полтавы. — 17) Воскресенская церковь въ Полтавѣ. — 18) Городская библиотека и музей въ Полтавѣ. — 19) Улица въ селѣ Диканькѣ. — 20) Кременчугъ. — 21) Могила Шевченка въ окрестностяхъ Канева.

Сампсоніевская церковь, что на Выборгской сторонѣ, по рисунку 1710 г. А. А. Титова.	966
Иллюстрація: Церковь св. Сампсонія, построенная Петромъ Великимъ въ память Полтавской битвы, въ 1710 году.	
На забытыхъ могилахъ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). Н. А. Державина.	969
Потомки Базарова. П. В. Безобразова.	988
Гоголевскія торжества въ Москвѣ. Князя Б. А. Щетинина.	1004
Иллюстрація: Памятникъ Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ.	
«Аксаковскіе дни» въ гор. Уфѣ.	1020
Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова.	1027
Къ былому Павловска. Г. Х.	1037
Иллюстраціи: 1) Александрова дача въ 1908 году. — 2) Храмъ Розы безъ шпиль въ 1908 году. — 3) Павильонъ на Александровой дачѣ въ 1906 г. — 4) Павильонъ на Александровой дачѣ въ 1908 году!	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	314, 684, 1045

1) Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XV. Трактаты съ Франціей. 1823—1906. Спб. 1909. в. т. — 2) Записки о Москвитинѣ XVI вѣка сэра Джерома Горсея. Переводъ съ англійскаго Н. А. Вязовской. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. А. Б. — 3) В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій родословникъ. Томъ первый. А. — Д. Съ портретами. Кіевъ. 1908. в. Рудакова. — 4) Романъ Дювский. Германія, Россія и польскій вопросъ. Спб. 1909. п. б. — 5) П. А. Заболотскій. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. I. Русская струя въ литературѣ сербскаго возрожденія. Варшава. 1909. **Андрей Сиротинина.** — 6) Н. П. Водыскій. Жертвы войны. Трилогія изъ русско-японской войны 1904—1905 гг. Спб. 1909. л. н. — 7) Князь Александръ Щератовъ. Обновленная Россія. Москва. 1908. А. Б. — 8) Т. Гавжулевичъ. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Спб. 1908. Ив. Смирновъ. «Заступники народные». И. С. Тургеневъ. Н. А. Некрасовъ. Москва. 1908. А. Ф. — 9) Собрание сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Т. 3. Спб. 1908. А. Б. — 10) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемые подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Томъ XVIII. Вып. II и III. Спб. 1908. А. Миронова. — 11) Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга IX. Съ приложеніемъ 8 рисунковъ, 1 портрета и 1 плана. Владимиръ. 1908. в. Рудакова. — 12) Профессоръ И. А. Шляпкинъ. Возрасты человѣческой жизни. Изъ литературной исторіи человѣческихъ понятій. Съ рисунками. Спб. 1909. в. Троицкаго. — 13) Справочникъ о русскихъ книгахъ гражданской печати, изданныхъ въ свѣтъ съ 1708 по 1855 годъ. Составилъ И. Сергѣево-Товсткой. Выпускъ I. А. — Аллербъ. Спб. 1909. с. ш. — 14) Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XIX. Оренбургъ. 1908. в. Рудакова. — 15) Покровскій, В. И. Федоръ Михайловичъ Достоевскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей Ч. I. Москва. 1908. я. Бирунова. — 16) В. А. Крыловъ. (В. Александровъ). Прозанческія сочиненія въ 2 томахъ. Съ 4 портретами автора, биографіей, критическимъ очеркомъ и 10 рисунками. Спб. 1908. Б. Г. — 17) Родина, А. Пилипенко. Альманахъ для нижнихъ чиновъ на 1909 годъ. Одесса. 1909. л. н. — 18) В. Вузецкутъ. Исторія аеіанской демократіи. Спб. 1909. р. — 19) Труды саратовской ученой архивной комиссіи. 1908 годъ. Выпускъ XXIV. В. Рудакова. — 20) Профессоръ П. С. Смирновъ. Изъ исторіи

раскода первой половины XVIII вѣка. По неизданнымъ памятникамъ. Спб. 1908. в. т.—агс.—21) Миленко М. Вукичевичъ. Исторія сербскаго народа для среднихъ школъ. Книга первая и вторая. Вѣлградъ. 1907. — Его же. Карагеорѣй. Книга первая. 1752—1804. Съ двумя историческими картами и видомъ Вѣлграда 1788 года. Вѣлградъ. 1907. А. яцимирскаго.—22) К. Ничъ. Исторія Римской республики. (Курсъ лекцій, изданный д-ромъ филологин Георгомъ Туръ). Переводъ подъ редакціей Д. и. Кончаловскаго. Москва. 1908. А. Б.—лова.—23) Г. Кауфманъ. Политическая исторія Германіи въ XIX вѣкѣ. Спб. 1909. п. б.—24) П. Н. Столпянскій. Городъ Оренбургъ. Матеріалы въ исторіи и топографіи города. Оренбургъ. 1908. н. л.—25) П. В. Верховскій. Населенная недвижимыя имѣнія св. синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Коллегія экономіи и канцелярія синодальнаго экономическаго управленія (15 июля 1726—12 мая 1763 г.). Спб. 1909. Андрея Титова.—26) Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1908.—Родъ Раевскихъ герба Лебедь. Составилъ В. Л. Модзалевскій. Спб. 1908. в. Руданова.—27) Ан. А. Титовъ. Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII вѣка. М. 1909 г. А. н.—ва.—28) Н. Серебрянскій. Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библиографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. Синодальная типографія. 1908. п. в. в.—29) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 13. Спб. 1909 года. А. м.—30) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. томъ пятый, выпускъ первый. Спб. 1909. с. ш.—31) Николай Махровъ, дѣaconъ церкви российско-императорскаго посольства въ Константинополь. Дечанскія лѣтописи, съ предисловіемъ и комментаріями къ ней. Съ приложеніемъ этнографической карты Старой Сербіи. Изданіе обители Св. Іоанна Златоустаго на Афонѣ. Спб. 1908. Д. Н. м.—32) Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга пятнадцатая. М. 1908. в. Р.—ва.—33) Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Спб. 1908. н. л.—34) Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Критико-биографическое изслѣдованіе Н. Г. Молоцова и П. А. Сергѣенко, подъ редакціей А. Л. Волынскаго. Художественный отдѣлъ въ завѣданіи Е. Н. Самовишъ-Судковской. Выпускъ I. Спб. 1909 г. Б. г.—35) Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи П. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, В. А. Кистяковскаго, П. В. Струве, С. Л. Франка. Москва. 1909. Р. Сементковскаго.—36) Вѣзикіе. Очерки современной жизни А. С. Суворина. Изд. второе. Спб. 1909 г. г. л. и.—37) Мендельсонъ, Н. М. Очерки по исторіи русской литературы. Съ 29 рисунками и портретами въ текстѣ. Москва. 1908. Я. Бирюмова.—38) Н. Минскій. На общественныя темы. Спб. 1909. А. Б.—39) А. Оветъ. Исторія итальянской литературы. Переводъ подъ редакціей В. Шиншарева. Спб. 1909. в.—40) Отто Вейнингертъ. Подъ и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Вѣлова. Спб. 1909. г.—41) Грузинскій поэтъ кн. Акакій Церетели. Избранныя стихотворенія въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Съ предисловіемъ А. С. Хаханова. М. I. Москва. 1908 г. с.—ова.—42) Д. Н. Аракчѣевъ. Музыкально-этнографическіе очерки грузинской народной музыки. Народная пѣсня Западной Грузіи. М. 1908. А. хаханова.—43) Проф. К. Ротъ. Исторія Византійской имперіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. В. Горскина, подъ редакціей В. В. Витнера. Спб. 1909. з.—44) Герцогъ Аргалльскій. Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ. Переводъ М. К. Врянчанниной. Предисловіе Ф. Ф. Мартенса. Спб. 1908. А. Б.—45) Графъ В. А. Бобринскій. Пражскій съѣздъ. Чехія и Прикарпатская Русь. Спб. 1909. Андрея Сиротинина.—46) П. А. Риттихъ. По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. Спб. 1909 г. Андрея Сиротинина.—47) Программы финляндскихъ партій. С.-Петербургская государственная типографія. Спб. 1909. п. майнова.—48) Н. Кондаковъ. Македонія. Спб. 1909 г. п. б.—49) В. Ф. Новицкій. На пути къ усовершенствованію государственной обороны. Спб. 1909. л. н.—50) Россійскіе армія и флотъ. Устройство, бытъ и служба войскъ. Съ рисунками М. Езучевскаго, Н. Кравченко, А. Лео, Н. Петрова, Н. Паркова, Н. Самокиша и А. Сафонова. Составилъ Дм. Дубенскій. Спб. 1908. н. л.—51) Л. Слонимскій. Наполеонъ и самодержавіе. Историческій этюдъ. Спб. 1908. А. Б.—52) Arnold Fegerreisen, Irländische Geschichtsliteratur. 1) 1903, 2) 1904, 3) 1905. Рига. 1905, 1907, 1908. А. э. Мальмгрена.—53) Н. А. Преображенскій. Проклятая быль. Спб. 1909. А. Фаресова.—54) Д. Самоковсовъ. Могилы русской земли. Москва. 1908 года. При-

доженія: Раскопки древнихъ могилъ и описаніе, храненіе и изданіе могильныхъ древностей. Москва. 1908. — Происхожденіе русскаго народа. Москва. 1908. — Ствернская земля и съверяне по городищамъ и могиламъ. Москва. 1908. Карта городищъ Черниговской губерніи. П. Верховскаго. — 55) Г. Василчъ. Императоръ Александръ I и старецъ Феодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. Со многими рисунками и портретами. Москва. 1909. В. Троцнаго. — 56) Историческій очеркъ дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта (Приложеніе). Изъ серіи юбилейныхъ очерковъ «Столѣтіе военнаго министерства». Главный редакторъ Д. А. Свалонъ. Редакторъ Н. А. Даниловъ. Составилъ Н. М. Затворницкіи. Спб. 1909. М. Соколовскаго. — 57) Иконниковъ, В. О. Опытъ русской историографіи, томъ II, книги 1 и 2. Кіевъ. 1909. К. М. — 58) Русскій биографическій словарь. Смѣловскій—Суворина. Спб. 1909. с. ш. — 59) Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи В. Н. Латкина, ординарнаго профессора императорскаго спб. университета. Спб. 1909. в. г. — 60) П. С. Трицкій. Костромской край. Историко-археологическій очеркъ. Кострома. 1909 г. Андрея Титова. — 61) Краткій очеркъ бюджетнаго права Финляндіи. Э. Н. Верещатъ. С.-Петербургъ. Государственная типографія. 1909. м. п. — 62) Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакціей Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Изданіе товарищества «Міръ». Выпуски 1 — VII. Москва. 1908—1909. А. Фомина. — 63) Г. С. Новолипинъ. Порнографическій элементъ въ русской литературѣ. Спб. 1909. Р. Сементковскаго. — 64) Литературный распадъ. Книга вторая. Издательство «Ев». Спб. 1909. н. л. — 65) Д. В. Философовъ. Слова и жизнь. Литературные споры новѣйшаго времени (1901—1908). Спб. 1909 г. Р. С. — 66) Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Гоголь въ его произведеніяхъ. Къ столѣтію рожденія великаго писателя. Москва. 1909. А. Фомина. — 67) Подробный хронографическій словарь, для учащихся и вообще для самообразованія и справокъ при письменныхъ и корректурныхъ работахъ. Составилъ В. Зелинскій. Москва. 1909. с. н. — 68) «Въ сторонѣ отъ жизни». Повесть изъ жизни современнаго духовенства въ 2-хъ частяхъ. Д. Г. Вудгаковскаго. Спб. 1909 г. Б. г. — 69) Н. Карѣвъ. Идеалы общаго образованія. Спб. 1909 г. Р. С. — 70) О. И. Каровскій. Къ польскому вопросу. Четверть вѣка назадъ. Москва. 1909. Андрея Сиротинина. — 71) Профессоръ Р. Вишперъ. Очерки исторіи Римской имперіи. Москва. 1908. в. — 72) М. Ростовцевъ. Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ. Спб. 1909. а. м. — 73) А. А. Титовъ. Тихонъ Малышко, ростовскій епископъ XVI вѣка. М. 1908. а. н.—ва.—74) П. М. Невъжинъ. Въ бою. Спб. 1909. а. м. Нечаева. — 75) Газавать. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повесть Л. А. Чарской. Изданіе 2-е. Москва. 1909. А. Хаханова. — 76) Записки классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ V. Съ приложеніемъ 62 таблицъ. Спб. 1908. А. Миронова. — 77) Проф. Н. В. Покровскій. Памятники церковной старины въ гор. Костромѣ. Съ 32 таблицами автотипій. Спб. 1909. в. Р.—ва. — 78) Протоіерей П. Фоминъ. Святитель Юсафъ Горленко, епископъ блгородскій и обоянскій. Харьковъ. 1909. а. б.—ва.—79) Труды вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ I. Вятка. 1908 г. в. Р.—ва. — 80) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXXIX. Изданіе кавказскаго учебнаго округа, подъ редакціей Л. Г. Лопатинскаго. 1908. А. Хах—ова. — 81) А. М. Гивъшевъ. Отрывокъ писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 — 1505 г., содержащій въ себѣ опись части дворцовыхъ земель этой пятины. Кіевъ. 1908. в. Р.—ва. — 82) А. И. Медвѣдевъ. Персія. Военно-статистическое обозрѣніе. Съ рисунками. Изд. Верезовскаго. Спб. 1909. л. н. — 83) Вл. Череванскій. Послѣдній вздохъ Византии. Спб. 1909. п. б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ. . . 350, 723, 1085

1) Орлеанская дѣва. — 2) Первые двѣ любви Жоржъ-Занда. — 3) Еще письма И. С. Тургенева къ Пичу. — 4) Итальянская королевская чета. — 5) Вѣдлый домъ и Вильямъ Тафтъ. — 6) Ваку—королева керосина. — 7) Месопотамія за тридцать вѣковъ до Рождества Христова. — 8) Была ли французская революція социалистскою. — 9) Письма Тургенева къ Шидту и Фрилендеру. — 10) Расколъ среди католиковъ на Филиппинахъ. — 11) Дѣловая женщина въ датской королевской семьѣ. — 12) Жилище «сына неба» и новый правитель Китая. — 13) Европейскіе и американскіе юбилеи. — 14) Смерть Канціо, Сальвемини, графини Шабрильянъ, маркиза Ноайль, Резека, графа Росселя-Килдога, Рейфреша и Влиза. — 15) Историческіе эскизы профессора Ферреро. — 16) Предтеча воздухоплавателей. — 17) Политико-духовное вѣтѣство поляковъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. — 18) Разговоръ Нп-

колая I съ княземъ Любецкимъ наканунѣ польской войны 1830 года.— 19) Золотые годы Жоржъ-Занда.—20) Соціалисты отъ Морелли до Маркса.— 21) Итальянскій Мессія XIX вѣка. — 22) Ватиканскія событія.—23) Мартовскіе юбилей.—24) Смерть Фетиса, Штеккера, Гейлерштама, Готшала, Зоненталя и г-жи Моджеской.

СМЪСЪ 379, 756, 1121

1) Засѣданіе совѣта Славянскаго общества въ Москвѣ.—2) Въ русскомъ археологическомъ обществѣ.—3) Учредительное собраніе общества изящныхъ искусствъ. — 4) Виленская коммисія для разбора и изданія древнихъ актовъ. — 5) Гоголевское торжество въ русской читальнѣ въ Римѣ.—6) Открытіе Тургеневской выставки.—7) 80-лѣтній юбилей Е. В. Богдановича.— 8) Съѣздъ писателей. — 9) Памятникъ А. С. Пушкина.—10) Книжное товарищество.—11) Выставка древностей въ царскосельскомъ дворцѣ.—12) Толстовская выставка.—13) На этнографической выставкѣ.—14) Въ обществѣ любителей древней письменности.— 15) Собраніе академіи художествъ.— 16) 25-лѣтіе «Измайловскихъ Досуговъ».—17) Военно-психологическое общество.—18) Историческіе памятники близъ Петербурга.—19) Къ вопросу объ учрежденіи въ Витебскѣ ученой архивной коммисіи.—20) Въ литературномъ фондѣ.—21) Годовое собраніе спб. литературнаго общества. — 22) Въ обществѣ народныхъ университетовъ.—23) Разрядъ полковъхъ исторій при императорскомъ военно-историческомъ обществѣ. — 24) Памяти С. Т. Аксакова.—25) Чествованіе профессора А. И. Александрова въ Казани.—26) Даръ Москвѣ.—27) Ростъ населенія Москвы.—28) Штрафы на печать.

НЕКРОЛОГИ 389, 768, 1128

1) Бѣлкинъ, М. О. — 2) Варнаховскій, Н. А. — 3) Венкстернъ, А. А.— 4) Іоаннъ, епископъ (Кратировъ).—5) Ивановъ, А. В.—6) Криндічъ, Е. И.— 7) Тесельскій, о. Г. С.—8) Трубецкая, Н. В., княгиня.—9) Фроловъ, А. Н.— 10) Князь Хилковъ, М. И.—11) Чистаковъ, М. В. — 12) Шликевичъ, А. П.— 13) Ажжковъ, Н. П.—14) Бахметевъ, Н. Н.—15) Бергъ, Ѳ. Н. — 16) Верхъ, А. М.—17) Дическуль, П. В.—18) Ильишъ, Р. Ѳ.—19) Косачъ, П. А.—20) Кравау, А. А.—21) Ловягинъ, Е. И.—22) Лялинъ, В. С. — 23) Мининъ, А. В.— 24) Муромцова, Н. А.—25) Поповъ, Г. И.—26) Рогожинъ, В. Н.—27) Сабашниковъ, С. В.—28) Сальниковъ, А. Н.—29) Слезвинскій, А. Г.—30) Сусановъ, И. И. — 31) Терентьевъ, М. А. — 32) Евенкій, Ѳ. О., профессоръ. — 33) Евреиковъ, К. М.—34) Качаловъ, Н. Н.—35) Колпаки, И. М.—36) Брючковъ, о. К. — 37) Лебедевъ В. А. — 38) Лебедевъ, Е. И. — 39) Моисветовъ, В. П.—40) Пранисниковъ, И. П.—41) Сорокинъ, Н. В.—42) Чунихинъ, В. А.

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ 399, 781, 1134

1) Виновники раздѣленія Европы на два лагеря. В. Ѳ. Пуцыновича.— 2) По поводу статьи «Аудако». А. Э. Зносно-Боровскаго. — 3) По поводу музея Бродовскаго въ Вильнѣ. А. В. Жирневича.—4) Къ статьѣ «У великихъ могилъ». Н. Губастова.—5) Н. Окулича-Назарина.—6) Опечатки.

Приложенія: 1) Портретъ Константина Петровича Кауфмана.—2) Портретъ графа Ивана Давыдовича Делянова. — 3) Изображеніе Полтавскаго сраженія.— 4) Ея величество королева. Романъ Никола Мизази, переводъ съ итальянскаго Л. Р.—на. Ч. I и II, гл. I—XV.

ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ.
Картина проф. Коцебу; гравюра Павлакера въ Парижѣ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указатель статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указатель рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ НА ДОНУ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

**ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ**

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Пятое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 89 портретами и иллюстраціями.

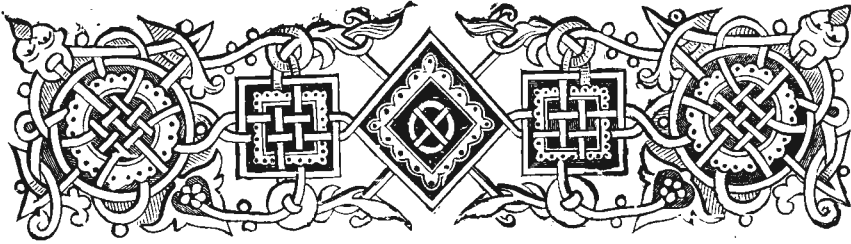

Настоящее пятое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ четырехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году, третье въ 1893 г. и четвертое въ 1903 г.). Въ него включены десять новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 89; всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 45 печатныхъ листовъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ и рисунковъ“.

Цѣна 4 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дентпортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домака. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Барона. — Убіеніе Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія Мѣднаго воеводы. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ Грабовадовскихъ тицовъ. — Общество тицоровъ поневолѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой).

XLVIII.

Кабалистическая роза.

УДЕСНОЕ видѣніе, посѣтившее князя Юрія Михайловича Коріата, секретаря директора надъ зрѣлищами Ивана Перфильевича Елагина, произвело глубочайшее впечатлѣніе на молодого кабалиста и тамплиера. Это впечатлѣніе овладѣло совершенно его чувствами и воображеніемъ. Онъ искалъ уединенія въ сумрачной библіотекѣ и здѣсь цѣлыми часами просиживалъ, имѣя въ рукахъ вещественное удостовѣреніе вышеестественнаго явленія—черную тафтяную розу. И когда онъ смотрѣлъ на эту розу—она оживала, лепестки ея начинали благоухать, и вмѣстѣ образъ прекрасной жрицы Изиды, воплощенный въ обольстительной женѣ Калиостро, рисовался мечтамъ тамплиера, то улыбающійся, то скорбный, то безконечно обольстительный и зовущій. Тамплиеръ любилъ; любилъ всѣми силами мечтательной души и дѣвственной юности; любилъ какъ только можетъ любить сокрытый отъ свѣта и шумныхъ развлеченій и забавъ его, сторонящійся женщинъ, твердый въ соблюденіи обѣтовъ рыцарь—схимникъ и теософъ. А голубое небо,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVI, стр. 401.
«истор. вѣстн.», июнь, 1909 г., т. СХVI.

сверкающее лѣтнее солнце, щебетъ птицъ, шелестъ листьевъ, вмѣстѣ съ дальнимъ громомъ и ропотомъ жизни обширной столицы—все несло разымчивыя чары свои въ сумрачное книгохранилище, и всѣ эти звуки, и сіянія, и дуновения, и трепетъ молодой жизни будили отклики въ груди мечтателя, кровь закипала и волновалась въ жилахъ его и прилиwała со звономъ къ вискамъ, и въ страстномъ томленіи подносилъ онъ черную розу къ воспаленнымъ, жаждавшимъ устамъ. И не могла мертвая тафта утолить это алканіе прикосновенія къ трепетному, горячему тѣлу женщины.

Но странная была любовь его. Жизнь и смерть какъ бы смѣшались въ ней. Онъ не зналъ, кого онъ любилъ: женщину съ плотью и кровью, или призракъ, возставшую мумію пирамидъ, оживленное прошлое человѣчества? Теряясь въ мечтахъ, обрѣталъ онъ силы двойного зрѣнія, вѣка развертывались передъ нимъ, и возставалъ древній Египетъ, и Эллада, и Соломоновъ храмъ, и царица Савская, и сладостныя картины «Пѣсни пѣсней» осязаемо проходили мимо него. И въ прошломъ человѣчества, въ вѣкахъ любилъ онъ безсмертное воплощеніе женственности... Такъ фантазія его погружалась въ таинственныя схемы Кабалы, и уже онъ видѣлъ ту, которую любилъ, среди десяти божественныхъ Сефиротовъ. То была шестая сефира. Князь Коріатъ открывалъ фоліантъ «Amphitheatrum sapientiae aeternae» Генриха Куирата и вглядывался въ таинственное изображеніе кабалистической розы и вчитывался въ древне-еврейскія письмена пламенныхъ ея лепестковъ; онъ изучалъ символы герметическаго андрогина и другія странныя изображенія лейпцигскаго кабалиста и теософа XVI столѣтія; затѣмъ читалъ онъ Агриппу, глубочайшаго кабалиста и секретаря императора Карла IV; потомъ «Cabala Magica tripartita»; потомъ «Аврору» Якоба Бѣме, гаарлемскаго сапожника и мистика; «Clavis» Вильгельма Постелла; «Coelum Spheroticum» Кентофора Стибія; трактаты Роберта Флюdda и священныя книги еврейской кабалы: «Зогаръ» и «Сеферъ Іезирахъ»...

Погружаясь въ это море мистической символики, уже приближался онъ къ такимъ ощущеніямъ, что сталъ казаться самому себѣ тѣмъ Адамомъ-Кадмономъ, который заключаетъ въ себѣ златокудрую Еву.

Такъ, въ своей груди, въ сердцѣ, подъ ребромъ своимъ ощутилъ молодой мечтатель живое женское существо. Кабалистическое таинство творенія Евы изъ ребра Адамова изъяснилось ему... Тогда погрузился онъ въ истолкованія таинственнаго внутренняго смысла первой книги Моисея. Тутъ предъ нимъ возникла изъ бездны Anima Maria, Prima Materia. Эта бездна была молодая грудь его, принявшая въ себя всю вселенную, все человѣчество... Тутъ постигъ онъ значеніе алхимическихъ піерогли-

фовъ. Онъ понялъ, что сердце и грудь его — тотъ «Атаноръ» съ хрустальнымъ яйцомъ внутри, пламенная печь алхимиковъ, гдѣ совершается превращеніе металловъ, рождается чудесная магическая тинктура, красный порошокъ, обладающій безконечными творческими силами.

Подлинно, ощутилъ онъ себя первобытнымъ Адамомъ, заключающимъ въ себѣ безчисленныя существа, но совершенно одинокимъ. Блаженство окружало его. Видѣлъ онъ дѣвственную землю, и сады, полные цвѣтовъ, съ благоуханными рощами, съ мирно пасущимися животными, и четыре рѣки, гармонично гремяція каскадами, струи которыхъ вымываютъ доброе золото изъ песковъ первозданныхъ скалъ. Онъ сидѣлъ подъ мистическимъ деревомъ, вѣтви котораго осѣняли весь земной шаръ. И въ листахъ сего дерева, исписанныхъ священными еврейскими письменами, прятались золотые плоды. Но не было подруги около него, очи которой вмѣстѣ съ нимъ созерцали бы прекрасный міръ и рай сладости. Онъ былъ одинокъ...

Просыпался отъ мечтаній князь Коріатъ. Видѣлъ себя опять въ тихомъ книгохранилищѣ его превосходительства, Ивана Перфильевича Елагина, главнаго директора надъ зрѣлищами, статсъ-секретаря императрицы, сенатора и великаго намѣстнаго мастера седьмой провинціи.

Камердинеръ стоитъ передъ нимъ, и, видимо, уже давно стоитъ, и по лицу его замѣтно, что немало удивляется на странную остолбенѣлость окруженнаго фоліантами секретаря.

— Его превосходительство просятъ ваше сіятельство пожаловать къ нимъ. Весьма страждутъ.

XLIX.

Продолжающееся болѣзненное состояніе директора зрѣлищъ.

Болѣзнь Ивана Перфильевича не шла къ улучшенію, несмотря на пользованіе такой знаменитостью, какъ лейбъ-медикъ Роджерсонъ. Нога продолжала болѣть, и бѣдный старикъ съ величайшимъ трудомъ могъ переходить съ кровати въ откидное кресло на колесахъ, на которомъ его вывозили въ садъ и катали въ тѣни березъ и въ цвѣтникѣ. Переѣхать на дачу свою на островъ Иванъ Перфильевичъ не желалъ. Усиленныя кровопусканія, приемы отвратительныхъ микстуръ въ огромныхъ дозахъ, промывательное — совершенно ослабили стараго директора надъ зрѣлищами, отъ природы надѣленнаго весьма устойчивой организаціей.

Все время болѣзни государыня почти ежедневно освѣдомлялась о здоровьи своего «Перфильевича» и нѣсколько разъ удостоила его милостивыми письмами. Это въ высшей степени утѣ-

шало старика въ его страданіяхъ, обнадеживая, по выздоровленіи, на возвращеніе милости царицы и права личнаго ей доклада, какъ бы отнятаго временно. Дѣлами театральными и сенатскими Иванъ Перфильевичъ занимался теперь даже болѣе, нежели въ здоровомъ состояніи, такъ какъ невозможность выѣзжать оставила ему незаполненный ничѣмъ досугъ длинныхъ лѣтнихъ дней. Кромѣ подписанія бумагъ, Иванъ Перфильевичъ читалъ нравственныя сочиненія и болѣе, чѣмъ когда-либо, проникся презрѣніемъ къ суетѣ земной.

Именно съ золотообрѣзнымъ томикомъ благочестивыхъ размышленій госпожи Гюйонъ засталъ князь Коріатъ его превосходительство въ саду, въ прозрачной тѣни крытой аллеи, составленной изъ зеленыхъ шпалеръ цвѣтущихъ кустарниковъ и вьющихся растений.

Облеченное въ шлафрокъ коротенькое и жирное тѣло старика помѣщалось въ креслѣ. Забинтованная нога покоилась на особой скамеечкѣ. Большая голова Ивана Перфильевича по-женски повязана была краснымъ шелковымъ платкомъ, такъ что кончики связаны были узелкомъ на лбу. Лицо его, съ замѣтнымъ нездоровымъ оттѣнкомъ, блѣдно-желтое, выражало глубокое уныніе.

Завидѣвъ секретаря, Иванъ Перфильевичъ закивалъ ему.

— Ахъ, милый князь!—сказалъ онъ, когда тотъ приблизился.— Я жестоко стражду. Сейчасъ приступъ костной ломоты мучительный былъ. Прямо, хоть крикомъ кричи. Послалъ за тобою. Тѣмъ временемъ вдругъ боль отступила и теперь только ноетъ въ ногѣ и тянетъ въ пальцахъ.

— Неужели рекомендованное Роджерсономъ вашему превосходительству новое втиранье не помогло?— съ глубокимъ участіемъ освѣдомился молодой тампліеръ, искренно вмѣстѣ со старымъ преданнымъ камердинеромъ, который помахалъ надъ головою больного свѣжей вѣтвью березки, навѣвая прохладу и отгоняя докучныхъ мошекъ, жалѣвшій бѣднаго своего намѣстнаго мастера.

— Какое! — безнадежно махнувъ исхудалой рукой, сказалъ Иванъ Перфильевичъ.— Ни малѣйшаго облегченія, ниже улучшенія. Вся ихъ профанская медицина не поможетъ нисколько. Вспомни Мольера, какъ у него въ интермедіи «*Savantissimi doctores medicinae professores*» производятъ экзаменъ возводимому въ достоинство врача.

*Dés hiero maladus unus
Tombavit in meas manus;
Habet grandam fievram...
Quid illi facere?*

Помнишь отвѣтъ, князь?

— Какъ не помнить, — отвѣчалъ князь Коріатъ, улыбаясь, обрадованный, что Иванъ Перфильевичъ, несмотря на слабость и

болѣзненное свое состояніе, все же не утратилъ вкуса къ аттической соли безсмертнаго творца французской комедіи, — какъ не помнить! Отвѣтъ одинъ—

Clysterium donare,
Postea seignare,
Ensuita purgare.

Иванъ Перфильевичъ захопалъ исхудалыми руками, повторяя хоръ ученой коллегіи Мольера: Bene, bene, bene, bene responderet! Ну, а если, любезный князь—

Mais si maladia
Opiniatria
Non vult se gerire,
Quid illi facere?

— Resignare, repurgare et reclysterisare! ¹⁾ — отвѣчалъ, улыбаясь, князь Коріатъ.

— Вотъ по этой системѣ и меня лечатъ, — съ глубокимъ вздохомъ сказалъ старикъ. Онъ задумался, безцвѣтными глазами вглядываясь въ зеленую стѣну шпалеры, какъ будто читалъ на ней безнадежное будущее. Лечать—и залечать!

Иванъ Перфильевичъ поникъ головой.

Князь Коріатъ, до глубины души взволнованный, не зналъ, что сказать и какъ утѣшить старика.

— Во-истину залечать, батюшка, ваше превосходительство! — дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ осмѣлился заговорить камердинеръ. — Имъ только въ руки попади — живымъ рѣдко выпускають. Не послушали моего глупаго холопскаго разсужденія, чтобы до себя этихъ докторовъ не допускать.

— Истинно глупое разсужденіе, — отозвался Иванъ Перфильевичъ. — Государыня изволить прислать своего лейбъ-мѣдика, то могу ли его не принять? Ты, хрычъ, совсѣмъ изъ ума выжилъ!

— Ну, и приняли бы честь честью, а лечиться все бы не давались. Возможно ли услѣдить, принимаете вы микстуры ихнія, или въ отходное мѣсто лете? Или опять мази эти, слабительныя — кто заставлялъ принимать? Эхъ, батюшка, ваше превосходительство, пока не поздно, отмѣните вы все ихнее леченіе и позовите Ерофеича. Онъ васъ въ банькѣ вышарить, настойкой натретъ и

¹⁾ Вчера одинъ больной попалъ мнѣ въ руки; болѣлъ сильной лихорадкой. Что съ нимъ дѣлать? — Поставить клистиръ, потомъ пустить кровь, потомъ промывательное. — Хорошо, хорошо, хорошо отвѣтилъ! — Но если упорная болѣзнь не жагаетъ излечиваться, что съ ней дѣлать! — Перекровопустить, перепромывать, переклистировать!

внутри дастъ испытать съ нашептомъ и молитвою,—посмотрите, какъ живо на ножки встанете!

— Любитъ меня, старый хрычъ!—сказалъ Елагинъ.—Но только не къ Ерофеичу должно обратиться—къ Калиостро.

L.

Обѣты тампліера.

По порученію болящаго Ивана Перфильевича, молодой секретарь отправился отыскивать графа Калиостро въ Итальянскихъ, проживавшаго здѣсь подъ именемъ полковника Гвальдо. Сердце его громко застучало въ груди, когда онъ приблизился къ дому, гдѣ предполагалъ живущей таинственное прекрасное и несчастное существо, которымъ полно было воображеніе тампліера. Но въ Итальянскихъ сказали, что графъ Калиостро съ супругою находится на дачѣ князя Григорія Александровича Потемкина «Озерки», куда приглашенъ по нарочитому чрезъ адъютанта князя, полковника Бауера, зову для цѣленія младенца племянницы вельможи Варвары Васильевны.

Эти свѣдѣнія сообщилъ князю Коріату самъ хозяинъ дома, придворный костюмеръ синьоръ Горгонзолло, лично на дворѣ наблюдавшій за выколачиваніемъ и провѣтриваніемъ запаса епанчей для траурныхъ церемоній, а также плащей и мантий для радостныхъ придворныхъ шествій на празднествахъ. Повидимому, придворный костюмеръ Горгонзолло чрезвычайно польщенъ былъ въ своемъ самолюбіи итальянца, что соотечественникъ, проживающій въ его домѣ, съ такимъ почетомъ приглашенъ былъ на практику въ домъ первѣйшаго, могущественнаго вельможи и фаворита государыни. Поэтому онъ съ южной живостью жестовъ, на своеобразномъ итальянско-французско-испанско-латинскомъ жаргонѣ распространился о необыкновенныхъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ полковникомъ Гвальдо на его, можно сказать, глазахъ, о безкорыстїи доктора герметической медицины, о необыкновенной красотѣ его супруги, истинно небесный голосъ которой онъ самъ не разъ слышалъ, когда окно ея комнаты было открыто.

Горгонзолло хорошо былъ освѣдомленъ, что проживавшій въ скромной квартирѣ на третьемъ этажѣ его дома подъ именемъ Фридриха Гвальдо вольнопрактикующій врачъ есть не кто иной, какъ знаменитый, прославленный во всей Европѣ графъ Калиостро. Между прочимъ, распространяясь о прекрасной его супругѣ, хозяинъ дома утверждалъ, что она въ скоромъ времени выступить на сценѣ и, конечно, не уступитъ пѣвицамъ Эрмитажа, знаменитымъ Габріэлли и Давіи. Эти подробности, вмѣстѣ съ сообщеніемъ многихъ обстоятельствъ частной жизни четы Калиостро,

произвели непріятное впечатлѣніе на молодого мечтателя. Вдругъ фантастическій, таинственный образъ померкъ въ воображеніи князя Коріата. Явилась предъ нимъ обыденная дѣйствительность, и сладостныя видѣнія исчезли и показались бредомъ и сумасшествіемъ. Обыкновенная чета странствующихъ итальянскихъ промышленниковъ предстала предъ нимъ. Съ глубокимъ уныніемъ слушалъ онъ трескучую рѣчь почтеннаго Горгонзолло, обонялъ кухонные и иные запахи глубокаго двора итальянскаго дома, пыль и моль летѣла съ развѣшанныхъ на веревкахъ бутафорскихъ мантій, дружно выколачиваемыхъ камышевыми тростями мускулистыхъ приказчиковъ, различныя фигуры смотрѣли на него изъ оконъ,— все, все имѣло такой пошлый, обыкновенный видъ. Золотые сны, со всѣмъ, что было въ нихъ прекраснаго и ужаснаго, улетѣли.

Когда князь Коріатъ доложилъ Ивану Перфильевичу, что магикъ находится на дачѣ Потемкина, то имѣлъ случай убѣдиться, какъ много значило имя могущественнаго вельможи. Иванъ Перфильевичъ проникся еще большимъ убѣжденіемъ въ значеніи графа Калиостро и сейчасъ же приступилъ къ составленію посланія князю Григорію Александровичу. Уже смотрѣлъ онъ на Калиостро, какъ на лицо, въ распоряженіи сего вельможи находящееся, описывалъ свою болѣзнь, страданія, безсиліе профанскихъ медиковъ и просилъ отпустить къ нему Калиостро хотя на одинъ день. Продиктовавъ сіе посланіе секретарю и подписавъ дрожащею отъ слабости рукою, Иванъ Перфильевичъ сказалъ:

— Поѣзжай сейчасъ, милый князь, въ Озерки, передай свѣтлѣйшему письмо мое, свидѣтельствуй всякое почтеніе къ особѣ его и выпроси Калиостра хотя на одинъ день! Я знаю, что только онъ спасти можетъ меня и на ноги поставить. Поспѣшай, другъ мой. Часы и минуты до возвращенія твоего съ магикомъ считать буду. Очень притомлень!

— А что прикажете и въ какихъ выраженіяхъ сказать самому графу Калиостро?—освѣдомился князь Коріатъ.

— Скажи, что, постигнутый гнѣвомъ онаго Великаго Кофты, раскаиваюсь въ моемъ недовѣріи и прошу снисхожденія къ моей старости! Да, такъ и скажи!—уныло продолжалъ Елагинъ.—Хоть я и статсъ-секретарь и сенаторъ, а сей итальянскій графъ весьма на промышленника похожъ, да что будешь дѣлать! Болѣзнь меня размучила. Кто сей невѣдомый Великій Кофта—не знаю. Однако, обинякомъ все же намекни, что въ случаѣ успѣшнаго леченія я въ долгу не останусь.

— Хозяинъ дома въ Итальянскихъ, гдѣ стоялъ графъ Калиостро, сейчасъ мнѣ засвидѣтельствовалъ безмездность сего врачавателя,—замѣтилъ князь Коріатъ.

— Если онъ не имѣетъ жадности къ золоту, какъ прочіе его соотечественники, то, вѣроятно, къ чему-либо иному склонность

окажетъ!—сказалъ многоопытный старикъ.—Вѣдь и онъ Адамовой глѣ причастенъ! Намекни, что могу у государыни выхлопотать ему російскій орденъ. У него, кажется, кромѣ масонскихъ и восточныхъ собственной работы, нѣтъ никакихъ.

Получивъ такія инструкціи, князь Коріатъ приказалъ осѣдлатъ коня и выѣхалъ затѣмъ, сопровождаемый берейторомъ съ запасной въ поводу лошадей, дабы имѣть возможность пересѣсть на нее, въ случаѣ какого-нибудь всегда возможнаго несчастія. Вдругъ лошадь, подъ нимъ идущая, захромаетъ, что могло бы повлечь задержку.

Выбравшись изъ Петербурга, поскакалъ князь Коріатъ по шлиссельбургской пустынной дорогѣ. Движеніе развлекло его, и перемѣна предметовъ, свѣжее вѣяніе, бьющее въ лицо, сельскіе виды, рощи и луга, все способствовало отрезвленію молодого кабалиста. Теперь совершенно померкли странные образы, такъ властно поработившіе его воображеніе. Но въ то же время земныя чувства влекли его къ прекрасной супругѣ странствующаго магика. Уже не полутѣлесный, неуловимый, мистическій символъ женственности любилъ онъ въ ней! Любилъ живую красавицу, воображалъ ее такою, какой явилась она въ засѣданіи капитула, въ прозрачныхъ тканяхъ, столь же выдававшихъ, сколь и скрывавшихъ, совершенную прелесть формъ гармоническаго тѣла. Юный дѣвственникъ, соблюдавшій обѣты тамплиерства, князь Коріатъ не зналъ женщинъ. Тѣмъ могущественнѣе было это первое чувство, тѣмъ пламеннѣе желанія... Онъ шпорилъ коня и скакалъ впередъ такъ, что берейторъ значительно отсталъ. Кровь закипала въ жилахъ юноши, сердце росло въ груди, теплый вѣтеръ, касаясь лица его мягкими струями въ разгонѣ конскаго бѣга, казалось, несъ съ той стороны, гдѣ находилась дама его, ароматическое благоуханіе и теплоту ея прелестной груди. Вдругъ образъ ея, скорбный, отмѣченный печатью смерти, стелющійся, пронесся мимо! Тогда жалость къ жертвѣ темнаго некроманта впивалась въ его сердце. Жалость къ прекрасной и ненависть къ ея мучителю! Видѣлъ онъ, какъ мечъ Калиостро уходитъ по рукоятъ въ божественную грудь, какъ багровою струей била горячая кровь изъ зіяющей раны и красавица блѣднѣла, ослабѣвала и бездушнымъ трупомъ клонилась долу... Тогда невещественный образъ, воспріявъ всю прелесть живой красавицы, поднимался надъ поверженнымъ тѣломъ и, стелющійся, принималъ къ нему, моля о помощи, о мщеніи!.. Всѣ эти видѣнія мчались вмѣстѣ съ княземъ Коріатомъ, между тѣмъ какъ добрый конь въ клубахъ дорожной пыли, звонко поражая копытомъ землю, скакалъ по шлиссельбургскому тракту.

Но опять свойственная неопытнымъ влюбленнымъ перемѣнчивость настроеній рисовала тамплиеру ту опасность, которой подвергается вѣрность его обѣтамъ. Съ ужасомъ сознавалъ онъ, что

уже нарушаетъ ихъ, что давно ихъ нарушилъ въ обаяніи чаръ этой незнакомой, чужой ему женщины! Да, онъ желаетъ ее, онъ жаждетъ объятій, поцѣлуевъ, земной любви сей земной женщины... И кто она? Итальянка, пѣвица, жена или наложница темнаго некроманта... Разказы словоохотливаго Горгонзолло представились ему... Но, въ земной прелести, обыкновенной женщиной жаждалъ онъ обладать теперь незнакомкой! Горе! Онъ нарушилъ уже обѣтъ дѣвства! Еще шагъ, и онъ падетъ въ бездну, и возстанетъ ли изъ нея? Верховное служеніе таинственной, священной цѣли, къ которому предназначали его наставники, будетъ для него уже невозможно.

Тутъ послышались сзади крики берегитора:

— Остановитесь, ваше сіятельство, вы не въ ту сторону свернули!

Князь опомнился, осадилъ бурнопыщащаго коня и обернулся.

Берегиторъ кричалъ и махалъ рукой, указывая на широкую, засаженную липами дорогу, которая вела къ дачѣ Потемкина.

Бѣлая башня высилась надъ вершинами парка. Князь былъ уже разъ въ «Озеркахъ» и узналъ мѣстность.

II.

Отъѣзжающіе.

Проѣхавъ между двумя каменными павильонами, которыми кончалась аллея, черезъ распахнутыя узорныя чугунныя ворота съ вензелями Потемкина, князь Коріатъ на взмыленномъ, замученномъ конѣ своемъ вѣхалъ на огромный дворъ передъ заднимъ фасадомъ «дачи» Григорія Александровича. Тутъ замѣтилъ онъ множество суетящихся слугъ, поданныя къ крыльцу кареты и, видимо, ожидающихъ выхода господъ дворецкаго, кучеровъ, фореиторовъ, скороходовъ и прочую челядь.

Подъѣхавъ къ крыльцу, князь Коріатъ спросилъ у дворецкаго, можетъ ли онъ видѣть свѣтлѣйшаго.

— А по какому дѣлу изволили прибыть? — вѣжливо спросилъ дворецкій.

— Я секретарь его превосходительства Ивана Перфильевича Елагина, и присланъ отъ него съ письмомъ къ свѣтлѣйшему, — отвѣчалъ Коріатъ.

— Конечно, ежели отъ таковой особы, мы обязаны доложить немедленно. Но его свѣтлость сейчасъ въ большихъ безпокойствахъ. Сами изволите видѣть, экипажи уже поданы, — объяснялъ дворецкій, между тѣмъ какъ гайдуки держали коня и стремя сходящему на землю посланцу.

— Что же, князь куда-либо отъѣзжаетъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Для кого же экипажи поданы?
 — Собственно подъ графа Калиострова съ ихъ супругою.
 — Такъ графъ уѣзжаетъ?
 — Не одни. Они для леченія увозятъ болящаго младенца княгини Варвары Васильевны въ Санктъ-Петербургъ.

— Увезятъ младенца? — удивился князь Коріатъ. — Развѣ въ Озеркахъ пользоваться его не можетъ?

— Не могу доложить въ точности. Но только младенецъ съ ними ѣдетъ. А посему ея сіятельство княгиня Варвара Васильевна преогорчены. Обмороки и плачутъ. Собственно поэтому сейчасъ тревожить его свѣтлость было бы неудобно.

— Такъ какъ я прибылъ для того, чтобы пригласить къ его превосходительству Ивану Перфильевичу господина Калиостро, — сказалъ князь Коріатъ: — то отъѣздъ его въ Петербургъ кстати.

— Ахти, они уже въ кареты садиться идутъ! — глянувъ въ вестибюль «дачи» съ крыльца, всполошился дворецкій. — Идутъ бояра! — крикнулъ онъ кучерамъ, гайдукамъ, фореиторамъ, конюхамъ и прочей челяди у экипажей.

Все пришло въ движеніе, приготовляясь подавать кареты. Кучера натянули вожжи, фореиторы вскочили на выносъ кровныхъ паръ запряженныхъ въ экипажи восьмериковъ, лакеи толкались, безъ толку суетясь и показывая усердіе.

На лѣстницѣ «дачи» послышались шаги многихъ лицъ.

Двѣ нянюшки вынесли больное дитя, покоившееся на подушкахъ. Болѣзненное личико бѣднаго малютки чуть мелькало сквозь прикрывавшую его кисею. По знаку дворецкаго подали карету, куда, при помощи слугъ, и усѣлись съ ребенкомъ нянюшки. Но онѣ должны были только довести его въ Петербургъ и тамъ въ отведенномъ магику домѣ оставить. Это сильно огорчало нянюшекъ. Искреннія слезы навертывались на глаза изъ старой преданной дворни голицынской выбранныхъ женщинъ.

Вздохи и заглушенныя рыданія возвѣстили затѣмъ появленіе огорченной матери. Княгиню Варвару Васильевну подъ руки вели съ одной стороны супругъ, князь Сергѣй Фодоровичъ, а съ другой — самъ Потемкинъ. «Улыбочка» въ сіе разстанное мгновеніе вся, казалось, исходила слезами. Горе ея было безмѣрно, но въ слезахъ и горѣ она была столь же плѣнительна, какъ и улыбающаяся. Шедшая за нею госпожа Ковалинская старалась словами утѣшенія и надежды пробудить бодрость въ сердцѣ княгини. Шествіе заключали полковникъ Бауеръ и домашній врачъ. Оба они должны были сопровождать ребенка и магику до Петербурга, чтобы затѣмъ подробно донести о благополучномъ совершеніи этого пути болящимъ княжичемъ.

Когда княгиня вышла на крыльцо и увидѣла, что дитя ея уже въ каретѣ, рыданія стѣснили дыханіе молодой женщины, она со-

вершено ослабѣла. Мужъ и Потемкинъ поддерживали ее. Княгиня издала крестила ребенка и карету блѣдными перстами трепетной ручки. Казалось, всѣ потрясены были горемъ матери, и на лицахъ слугъ выражалось сочувствіе разстающей съ первенцомъ боярынь. Между тѣмъ ни Калиостро, ни супруги его еще не было. Свѣтлѣйшій нахмурился, будучи непривыченъ гдѣ-либо дожидаться кого-либо и чего-либо, хотя минуто.

— Бауеръ, поторопи!— угрюмо приказалъ онъ адъютанту, который немедленно и побѣжалъ исполнить.

Тутъ взглядъ Потемкина направился на стоявшаго въ сторонѣ князя Коріата. Онъ узналъ секретаря Елагина и довольно приветливо кивнулъ ему.

Князь отвѣчалъ учтивымъ поклономъ, отведя руку со снятой шляпой въ сторону и придерживая шпагу. Затѣмъ, приблизившись къ Потемкину, подаль письмо директора надъ зрѣлищами. Такъ какъ въ это время принесены были кресла и ослабѣвшая княгиня сѣла въ нихъ, Потемкинъ могъ оставить ее руку. Онъ вскрылъ конвертъ и пробѣжалъ дрожащія строки больного Елагина.

— Ну, кажется, весь свѣтъ хочетъ лечиться у Калиостро! — сказалъ Григорій Александровичъ.— Но я не зналъ, что здоровье Ивана Перфильевича столь пошатнулось.

— Его превосходительство подвергались леченію доктора Роджерсона,—отвѣчалъ Коріатъ.— Но пользы не получено ни малѣйшей. Нога пришла еще въ худшее состояніе. Вотъ и рѣшаемся обратиться къ графу.

— Ахъ, сей святой мужъ спасетъ бѣднаго Ивана Перфильевича! Спасетъ! Спасетъ! Спасетъ! — убѣжденно воскликнула госпожа Ковалинская.

— Только уже проси самъ, любезный князь, Калиостро! — сказалъ Потемкинъ. — Онъ не въ моемъ распоряженіи. Самъ дождаюсь выхода его на крыльцѣ. Вотъ онъ какая нынѣ персона!

— Ахъ, не можетъ быть человѣка болѣе кроткаго, болѣе смиреннаго! — вступилась госпожа Ковалинская за обожаемаго наставника.

— Идутъ-съ! — доложилъ почтительнѣйше дворецкій. — Графъ съ супругой-съ!

Въ самомъ дѣлѣ, изъ сумрачнаго патра vestibюля появился графъ Калиостро. Весь въ черномъ, онъ поддерживалъ подъ руку какую-то совершенно закутанную непроницаемымъ чернымъ газовымъ покрываломъ фигуру. Подъ другую руку ее велъ полковникъ Бауеръ. Маленькій Иммануиль слѣдовалъ за ними.

Очевидно было, что закутанная фигура—супруга магика.

Когда дворецкій возвѣстилъ появленіе Калиостро, сердце въ груди молодого тампліера забилося. Всѣ чувства его взалкали насладиться видомъ прекрасной женщины, поработившей дѣвствен-

наго мечтателя своимъ престелямъ. На мгновение позабылъ онъ обо всемъ. Дневной свѣтъ внезапно затмился въ глазахъ его, такъ сильно всколыхнулась кровь юноши, и вслѣдъ за тѣмъ чудесная яркость облила воздушной свѣтоносной эманацией всѣ предметы. Лишь въ это мгновение понялъ онъ могущество любви, отъ поработительнаго вліянія которой столь долго охраняли его обѣты храмовничества. Съ неотвратнымъ вниманіемъ устремилъ онъ широко открытый взоръ въ сумрачную глубь вестибюля потемкинской «дачи». И велико было его разочарованіе, когда, вмѣсто ожидаемой прелестной, увидѣлъ онъ закутанную. Но такое явленіе маркизы Тифереть удивило всѣхъ. Закутанная фигура двигалась странной, шатающейся походкой, и всѣ складки одеждъ ея свидѣтельствовали не о молодой, стройной и сильной, сокрытой подъ ними, женщинѣ, но о какомъ-то сторбленномъ, дрожащемъ существѣ. Когда же вдругъ подъ темнымъ газомъ послышался глухой кашель, то у всѣхъ появилось убѣжденіе, что Калиостро ведетъ какую-то древнюю старуху, а не ту волоокую мощную итальянку, какую явилась въ усадьбу Потемкина маркиза Тифереть.

Это явленіе, конечно, всего сильнѣе потрясло влюбленнаго князя Коріата. Ожиданія сердца его были внезапно обмануты. Но когда нѣкое трепетное, сторбленное, закутанное существо дряхло закашляло, неизобразимый ужасъ объялъ тамплиера. Вдругъ предъ нимъ возникло видѣніе таинственной египтянки, и то, что онъ увидѣлъ тогда, дерзновенно поднявъ покрывало видѣнія, представало... Калиостро хлопотливо усадилъ закутанную супругу свою въ одну изъ каретъ.

Маленькій Иммануиль посаженъ былъ туда же, и сейчасъ занавѣски оконъ кареты опустились. Оставалось только размѣститься въ третьемъ экипажѣ самому Калиостро и сопровождавшимъ его адъютанту полковнику Бауеру и домашнему лекару.

Тутъ только князь Коріатъ опомнился и, подойдя къ магику, передалъ ему просьбу Ивана Перфильевича посѣтить его въ Петербургѣ.

— Я непременно бы посѣтилъ сего почтеннѣйшаго мужа даже и безъ особаго зова, по приѣздѣ въ Петербургъ,—отвѣчалъ магикъ.— Состояніе его мнѣ извѣстно совершенно. Но какъ вы отъ его превосходительства присланы, то не угодно ли будетъ вамъ сѣсть съ нами въ карету. Она, кажется, весьма помѣстительна, даже шестимѣстная.

Князь Коріатъ отвѣчалъ, что съ нимъ запасная верховая лошадь, и онъ предпочитаетъ ѣхать верхомъ, нежели въ душной каретѣ.

Повидимому, отказъ былъ непріятенъ магику.

— Какъ хотите,—сказалъ онъ.—Въ дорогѣ бесѣда наша многого коснулась бы. Я настоялъ, чтобы болящаго младенца повести

не водою на катерѣ, а сушей. Имѣю къ тому особливую причину. Но ѣхать, конечно, осторожно придется, чтобы не растревожить болящее дитя. Такъ шагомъ всю дорогу будемъ подвигаться. Намъ лучше уже впередъ ѣхать!

Говоря это, магикъ устремилъ бѣгающій подозрительный взглядъ на князя Коріата и, по своей манерѣ, опять вознесъ глаза къ верхнимъ областямъ.

— Нѣтъ, я именно поѣду съ вами,—возразилъ князь:—потому что слишкомъ гналъ коня, ѣдучи въ Озерки. Можетъ быть, на половинѣ дороги я перегоню васъ, дабы скорѣе прибыть въ столицу и возвѣстить его превосходительству Ивану Перфильевичу пріѣздъ вашъ.

Магикъ отвернулся и поднялся затѣмъ на крыльцо, чтобы проститься съ хозяевами Озерковъ.

Въ умѣ князя Коріата мелькнуло, что Калиостро желалъ бы въ пути имѣть постоянно его подъ своимъ надзоромъ и что это связано со страннымъ появленіемъ его закутанной супруги, сейчасъ же какъ бы спрятанной имъ въ карету...

— Калиостро боится, чтобы я въ пути не получилъ случая побесѣдовать съ женою его!—думалъ князь Коріатъ. Вдругъ несомнѣнность тутъ какого-то преступнаго дѣянія темнаго некроманга почувствовалась княземъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, Калиостро былъ ненавистенъ ему всѣми своими ухватками, всѣмъ обликомъ, и князь съ отвращеніемъ слушалъ лицемѣрную, какъ ему казалось, рѣчь Калиостро, обращенную къ Голицыной:

— Материнская скорбь спасла человѣчество, когда семь мечей пронзили сердце непорочно зачатой Дѣвы-Матери, у подножія креста взиравшей на муки божественнаго Сына! И вы, княгиня, почерпайте силу на перенесеніе горести въ семь примѣрѣ. Но младенецъ вашъ боленъ не къ смерти, а къ возрожденію. Торжественно обещаюсь и клянусь, что приложу всѣ силы къ его исцѣленію! Такъ! Младенецъ будетъ исцѣленъ мною, какъ ни трудна борьба съ незримыми врагами и темными флюидами зла, на него устремленными! Вѣрьте, надѣйтесь, молитесь Великому Строителю вселенной, княгиня, и сынъ вашъ выздоровѣетъ.

Вслѣдъ затѣмъ посланникъ Великаго Кофты важно поклонился Потемкину и Голицыну, возложилъ благословляющія длани на склоненную головку духовной дочери своей Ковалинской и отправился въ карету.

III.

Окно кареты.

Князь Коріатъ тоже откланялся, причемъ Потемкинъ и Голицыня просили выразить глубокое ихъ участіе къ болѣзненному состоянію Ивана Перфильевича и передать ихъ пожеланія успѣшнаго леченія и скорѣйшаго выздоровленія директору зрѣлищъ.

Затѣмъ князь Коріать велѣлъ берейтору, прибывшему съ нимъ, подать запасного жеребца. Но когда онъ уже взялся за луку и поставилъ ногу въ стремя, то почувствовалъ нервами, что кто-то за нимъ пристально наблюдаетъ. Обернувшись, увидѣлъ онъ, что Калиостро медлитъ на подножкѣ кареты, почтительно подсаживаемый лакеями, и черезъ плечо пронзительнымъ взглядомъ слѣдитъ за нимъ. Взоры ихъ встрѣтились на мгновеніе. Какое-то острое пламя пробѣжало между ними. Калиостро отвернулся и вошелъ въ карету съ гербомъ Потемкина на дверцѣ, которую шумно захлопнулъ за нимъ лакей. И князь Коріать вскочилъ въ сѣдло.

Поѣздъ двинулся со двора «дачи» въ такомъ порядкѣ, что впереди ѣхала карета съ нянюшками и болящимъ княжичемъ. Кромѣ фореиторовъ на переднихъ парахъ четверика, скороходы князя Потемкина вели подъ уздцы коней, дабы предупредить малѣйшій толчокъ или неровное шествіе ретивыхъ четвероногихъ. Равномѣрно на запяткахъ кареты висѣли два богатырскаго сложенія гусара. При малѣйшей неровности или склонѣ дороги обязаны были они соскочить и могучимъ усиліемъ плеча поддержать клонящійся кузовъ экипажа.

Далѣе ѣхала, со спущенными занавѣсками въ окнахъ, карета съ супругою магика. Потомъ—съ самимъ магикомъ и двумя его ассистентами.

Княгиня крестила съ крыльца отъѣзжающаго первенца, довѣреннаго искусству доктора герметической медицины.

Князь Коріать тронулся послѣднимъ и ѣхалъ, поотставъ отъ экипажа Калиостро. Было уже около четырехъ часовъ по полудни. Въ столицу при столь медленномъ движеніи должны были прибыть уже поздно вечеромъ. Но избрано было такое время по указанію Калиостро.

Сопровождая медленно движущійся поѣздъ, князь Коріать имѣлъ достаточное время предаться мечтамъ, предчувствіямъ и подозрѣніямъ своимъ. Кажется, никогда еще сердце молодого тамплиера не терзали столь противорѣчивыя страсти. Ненависть къ гнусному шарлатану, столь же успѣшно, сколь и нагло, обманывавшему весь свѣтъ, плѣнившему и терзавшему прекрасную женщину, соединилась въ немъ съ безумной любовью и жалостью къ таинственной красавицѣ, и въ то же время мистическій ужасъ леденилъ его члены, когда думалъ онъ о непостижимомъ соединеніи въ супругѣ Калиостро прелестнѣйшаго юнаго существа съ древней старухой! Какъ объяснить сіе таинство! Въ сіе мгновеніе, вспоминая всѣ движенія, походку, очертанія всей фигуры жены магика, когда выведена была она подъ руки на крыльцо потемкинской дачи, вспоминая кашель ея подъ непроницаемымъ покровомъ раздавшійся, не сомнѣвался онъ, что дряхлая прямо старуха скрывалась въ ѣдущей посрединѣ поѣзда каретѣ... Тогда рѣшилъ онъ,

во что бы то ни стало, проникнуть сію тайну, а для того непремѣнно улучшить минуту и переговорить съ женою Калиостро. Не сомнѣвался князь Коріатъ, что именно опасеніе возможности послѣдняго возникло у магика. Въ этомъ утверждало то обстоятельство, что въ пути нѣсколько разъ голова Калиостро высовывалась изъ занимаемой имъ кареты. Посмотрѣвъ впередъ, магикъ затѣмъ всякій разъ оглядывался и на князя Коріата. Всякій разъ глаза ихъ встрѣчались, и пламень взаимнаго подозрѣнія и ненависти пролеталъ между ними.

— Предчувствуетъ! Опасается! — шепталъ молодой тамплиеръ, судорожно сжимая въ рукѣ уздечку. — А, злодѣй! Я проникну въ темные твои умыслы и разрушу ихъ!

Князь Коріатъ выжидалъ удобнаго случая поровняться съ каретою супруги Калиостро такъ, чтобы послѣдній не могъ этого видѣть. И случай представился. Въ одномъ мѣстѣ дорога заворачивала круто въ сторону между поросшими лѣсомъ холмами. Здѣсь грунтъ представлялъ сыпучій песокъ. Колеса вязли въ песокъ, такъ какъ экипажи были весьма тяжелы. Карета Калиостро сильно отстала, между тѣмъ карета съ женою его уже скрылась за поворотомъ. Тогда князь Коріатъ прищипорилъ отдохнушаго жеребца и, обскакавъ медлительно влекущуюся карету магика, поровнялся съ завѣшеннымъ окномъ, столь тревожившимъ его возмущеніемъ. Вдругъ уголъ занавѣски приподнялся, и появилась рука въ черной перчаткѣ. Рука эта сдѣлала какъ бы знакъ и сейчасъ же спряталась. Но за собою князь услышалъ поспѣшные шаги. Обернувшись, увидѣлъ онъ Калиостро, который вышелъ изъ кареты и шелъ пѣшкомъ. Замѣтилъ ли онъ появленіе руки? Лицо магика было непроницаемо, и глаза блуждали въ верхнихъ сферахъ. Но, поровнявшись съ окномъ, онъ на ходу сунулъ голову за занавѣску и что-то сказалъ столь тихо, что князь Коріатъ не могъ слышать ни слова. Потомъ опять вернулся къ своему экипажу и сѣлъ въ него. На князя Коріата онъ, повидимому, не обратилъ никакого вниманія. Все это напрягло до высшей степени тревогу тамплиера. Онъ чувствовалъ себя опутаннымъ сѣтью загадочнаго и непостижимаго. Что хотѣла жена Калиостро сказать таинственнымъ знакомъ? Ему ли онъ предназначался? И какъ изъ-подъ темныхъ покрывалъ своихъ могла она знать о присутствіи сочувствующаго ей тамплиера? Все тутъ было загадкой.

Однако еще настойчивѣе сталъ онъ преслѣдовать свою цѣль.

Между тѣмъ нечувствительно время шло. Уже солнце стало опускаться къ горизонту. Легкія лѣтнія сумерки окрасили въ нѣжные тона и небо, и землю. Вдали показался Петербургъ. Но тутъ пришлось остановиться, чтобы дать молока болящему младенцу и нѣсколько дать ему отдохнуть отъ движенія предъ вѣздомъ въ столицу. Свернули съ дороги къ опушкѣ сосновой рощи, гдѣ по

желтымъ стволамъ текла пріятно и сильно пухнущая, разогрѣтая солнечнымъ днемъ янтарно-багровая смола. Калиостро осматривалъ болящаго княжича. Князь Коріатъ воспользовался этой минутой, соскочилъ съ коня и прямо подошелъ къ окну кареты, по-прежнему оставшемуся со спущенной занавѣской. Быстро просунувъ руку за занавѣску, онъ сдѣлалъ отвѣтный знакъ незримой красавицѣ, стараясь выразить имъ свою готовность прійти на помощь несчастной, притѣсняемой тираномъ. Затѣмъ онъ поспѣшно отошелъ отъ кареты и углубился въ рошу. Вдругъ тяжелая рука опустилась на его плечо. Онъ обернулся. За нимъ стоялъ Калиостро. Густой ли коверъ опавшихъ хвойныхъ иголъ сдѣлалъ неслышными его шаги, но только онъ возникъ, какъ духъ.

— Князь,—сказалъ онъ мягкимъ кроткимъ голосомъ.—Князь Коріатъ!

— Что нужно вамъ отъ меня? — нетерпѣливо спросилъ тотъ.

— Очень немногаго, князь, очень немногаго!—тѣмъ же мягкимъ, проникновеннымъ голосомъ сказалъ магикъ.—Раскройте вашу руку и покажите мнѣ то, что держите въ ней.

— Вы за мной шпионите! Подите прочь!—крикнулъ князь.

— Кто изъ насъ за кѣмъ шпионитъ, сказать довольно не легко. Во всякомъ случаѣ, тотъ предметъ, который вы держите въ рукѣ, полученъ вами отъ лица, слишкомъ ко мнѣ близкаго. Вотъ почему я интересуюсь имъ.

— Если это лицо нѣчто довѣрило мнѣ, то могу ли обмануть его довѣріе?—сказалъ князь, имѣя въ виду таинственный знакъ, данный изъ кареты супругою Калиостро.

— Я большія, кажется, имѣю права на это лицо, нежели вы.

— Человѣческая личность свободна. По крайней мѣрѣ я не признаю никакихъ правъ челоуѣка надъ другимъ, ему подобнымъ челоуѣкомъ!

— Сказанное вами—великая истина. Но послушайте лучше меня, молодой рыцарь, и отдайте мнѣ нѣчто, вамъ переданное! Клянусь Соломоновой печатью! Это будетъ лучше для васъ!

— Убирайтесь! У меня ничего нѣтъ. Я не хочу съ вами разговаривать. Вы не внушаете мнѣ никакого довѣрія!—прижимая сжатую лѣвую руку къ сердцу, а правую кладя на рукоять шпаги, сказалъ тамплиеръ.

— Юная неопытность говорить вашими устами. Но вы впадаете въ глубокую ошибку. Вы принимаете лицо, вручившее вамъ нѣчто, столь крѣпко прижимаемое вами къ сердцу, совѣмъ не за то, какое оно на самомъ дѣлѣ!

— Оставьте меня. Отойдите. У меня ничего нѣтъ. Вы шпионили напрасно.

Говоря это, князь Коріатъ разжалъ лѣвую руку и показалъ, что она пуста.

Калиостро покачалъ головой, чуть улыбаясь углами рта.

— Рыцарь! Рыцарь!—произнесъ онъ укоризненно. — Вы уже прибѣгаете къ темному. искусству лжи, притворства и ловкости рукъ! Я не настаиваю. Если вы сами устремляетесь за темной планетой, васъ влекущей, если вы хотите обманываться—обманывайтесь. Но приключеніе, въ которое васъ вовлекли любопытство и чувственная страсть, кончится для васъ горькимъ разочарованіемъ! Такъ неопытнаго путника увлекаетъ миражъ пустыни. Такъ въ ночные часы чувства обманываютъ насъ, и гнилой пень мы принимаемъ за вышедшую къ намъ на ночное свиданіе прелестную. Храните сокровище, вами приобретенное, храните, юный рыцарь! Я вамъ больше мѣшать въ томъ не буду.

И, посмѣиваясь, Калиостро пошелъ изъ сосновой рощи къ экипажамъ.

ЛІІІ.

Звѣзда тамплиеровъ.

Очевидно, Калиостро остался въ полномъ убѣжденіи, что изъ окна кареты отъ жены его князь Коріатъ получилъ нѣчто, быть можетъ, записку, призывающую его на помощь. И хотя ничего подобнаго князь не получалъ, самыя подозрѣнія Калиостро и старанія овладѣть будто бы полученнымъ храмовникомъ талисманомъ въ глазахъ послѣдняго были достаточнымъ доказательствомъ его преступности, его боязни, чтобы не была проникнута и обнаружена нѣкая тайна, окружающая прекрасную несчастливцу.

Выйдя вслѣдъ за Калиостро изъ сосновой рощи, князь Коріатъ сейчасъ же вскочилъ на коня и помчался въ Петербургъ.

Берейтору онъ крикнулъ, чтобы онъ слѣдовалъ за экипажами.

Ему хотѣлось остаться совершенно одному со своими чувствами и мыслями.

Онъ мчался, и стелящій призракъ сопровождалъ его. И онъ слышалъ скорбный голосъ, призывавшій его:

«Сквозь покровы скорби, покровы тайны несчастная призываетъ тебя на помощь, о молодой храмовникъ!

«Кто я, ты не знаешь, но развѣ того тебѣ не довольно, что женщина, страдающая женщина проситъ твоего участія!

«Я гибну. Терзаемая, унижаемая, во власти злого и подлаго тирана, во власти преступника, темнаго проходимца, раба его, терплю неизобразимыя мученія...

«Заклинаю тебя богоноснымъ лономъ Непорочной Матери! Заклинаю тебя честнѣйшими ранами Умершаго на крестѣ! Заклинаю тебя всѣмъ священнымъ на землѣ и на небѣ! Помогите! о, помогите! помогите!»

Такія и подобныя заклинанія произносилъ таинственный голосъ воздушнаго призрака, созданнаго разстроенымъ воображе-

ніемъ влюбленнаго юноши. Страдающая женская душа гналась за нимъ.

Князь Коріатъ шпорилъ коня и стремился впередъ.

Уже въѣхалъ онъ въ блѣдныя предмѣстья столицы, когда громкіе вопли свиного стада, бродившаго здѣсь на улицахъ патриархально, и на которое храмовникъ внезапно наѣхалъ, заставили его прійти въ себя, отрезвиться отъ мечтаній и сдержать коня.

Солнце уже погрузило пламенный ликъ свой въ широкія воды залива. Лиловатыя сумерки окутали дома, сады, узкіе переулки.

Загорѣлись огоньки въ окошкахъ.

Былъ тотъ часъ прощанія свѣта съ погружающейся въ лоно ночи землей, который на мечтательную душу навѣваетъ невыразимо сладкую скорбь. На блѣдномъ сѣверномъ небѣ затеплились рѣдкія звѣзды. Князь Коріатъ ѣхалъ теперь шагомъ по стогнамъ столицы. Душа его кишѣла. Мысль кружилась. Грудь полна была непостижимаго терзанія. «Люблю!—прошепталъ молодой храмовникъ.—Люблю тебя, таинственная, неизвѣстная красавица! Люблю, нарушая обѣты! Люблю, забывая великія цѣли, поставленныя себѣ! Люблю и хочу твоей взаимности, твоихъ объятій, ласкъ и поцѣлуевъ! Если ты страдаешь, я утѣшу тебя. Если плачешь—утру слезы съ твоихъ прекрасныхъ очей. Если тебѣ угрожаетъ опасность, я тебя спасу. Если ты страдаешь отъ гнуснаго тирана, моя шпага избавитъ тебя и міръ отъ сего гнуснаго исчадія порока и преступленія. Ты, исчезающій свѣтъ заходящаго дня! Ты, тихій сумракъ священныхъ часовъ ночи! Ты, великая мать земля! Вы, блѣдныя звѣзды, обитательницы недоступныхъ эфирныхъ высотъ! Внимайте мнѣ! Я страдаю. Я люблю. И я хочу любить. Я буду любить. Непостижимый Строитель вселенной вложилъ сей тонкій пламень во все живое. Могущественно паяніе сего всеобщаго соединителя тѣлъ и душъ. Живыя планеты соединены тяготѣніемъ. Мхи сѣдые любятъ, разрастаясь на мертвыхъ камняхъ. Но и камень не мертвъ. И въ его груди совершаются таинства твои, о златокудрая мать природы! Какъ же оградить обѣтами юную грудь, гдѣ трепещетъ, и растеть, и ширится сердце и хочеть вмѣстить въ себя всю вселенную!»

Между тѣмъ, какъ усталый конь шагомъ шелъ, наполняя отзвуками звонкихъ копытъ своихъ пустынную улицу столицы, храмовникъ устремилъ молитвенный взоръ на одну изъ теплившихся надъ горизонтомъ звѣздъ и читалъ древнюю молитву, по преданіямъ, передаваемую въ орденѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе еще отъ рыцарей Вавилона. То была молитва къ пламенной звѣздѣ Иштаръ, или планетѣ Венерѣ:

«Я молю тебя, повелительница повелителей, богиня богинь, Иштаръ, царица всѣхъ людей, строительница всего человѣческаго! Ты—могущественна, ты—принцесса, твое имя сладостно! Ты, свѣтъ

небесъ и земли, водительница полковъ, учредительница битвъ, законодательница, носящая корону могущества! Белита, величіе твое сверкаетъ, возвышенное надъ всѣми богами, звѣзда огорченія, что заставляетъ сражаться братьевъ и друга—забывать дружбу! О, Гузеа!

«Ты—совершенная справедливость и судъ; ты—законъ земли и небесъ. Святилища, храмы, священныя пребыванія и обитанія надѣются на тебя! Гдѣ не знаемъ твое имя? Куда не достигаютъ твои повелѣнія? Гдѣ не чтутъ твои изображенія? Гдѣ не воздвигаютъ тебѣ святилищъ? Гдѣ ты не велика? Гдѣ ты не сладостна? Боги боговъ, трисолнечные боги, пламенѣютъ тобою и тобою восхищены, среди боговъ возвеличилась твоя держава! При мысли о твоёмъ имени небо и земля покоятся, боги вкушаютъ отдыхъ, духи не движутся! Твое имя страшно, люди чтутъ его. Ты велика и ты сладостна, твое слово освобожденія о, госпожа небесъ и земли,—пастыръ слабыхъ смертныхъ!

«Твое слово освобожденія, о госпожа,—святой храмъ, чистая сокровищница!

«Твое слово освобожденія, о Белита, о госпожа битвъ, среди сраженій!

«Блестящій пламенникъ небесъ и земли! Свѣтъ всякаго жилища! Богиня мужчинъ и женщинъ, животворящая, цѣлительница, воскрешающая мертвыхъ! Я призываю тебя, вздыхая, тоскуя, страдая, твой служитель! Взгляни на меня, о моя властительница, и прими мою молитву. Скажи мое освобожденіе и пусть упокоится твое сердце!

«Освобожденіе моего томнаго тѣла, полнаго волненія и борьбы!

«Освобожденіе моего скорбнаго сердца, полнаго слезъ и вздоховъ!»

Прочитавъ сію молитву, по преданію ордена, составленную пять тысячелѣтій тому назадъ, но весьма странную въ уставъ православнаго христіанина, князь Коріатъ почувствовалъ, однако, облегченіе и успокоеніе. Съ благодарностью взглянувъ въ послѣдній разъ на планету, горящую въ небесахъ, такъ же, какъ она горѣла надъ устьемъ Тигра и Евфрата, надъ семибашенными зиккуратами Ниневіи и Вавилона пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, и доказавъ этимъ, что и въ челоуѣкъ осьмого на десять вѣка живъ древній язычникъ, увидѣлъ себя подѣхавшимъ къ дому его превосходительства, сенатора и статсъ-секретаря Ивана Перфильевича Елагина, главнаго директора надъ спектаклями и зрѣлищами.

LIV.

Умѣренность.

Князь Коріатъ вѣхалъ на дворъ дома Елагина, бросилъ поводъ выбѣжавшему слугѣ и прямо направился къ бѣдному больному старику, чтобы доложить о своей поѣздкѣ на дачу Потемкина.

Но, противъ ожиданія, нашелъ онъ Ивана Перфильевича не въ спальнѣ, въ откидныхъ креслахъ простертаго, ине на одрѣ болѣзни, а въ столовой за уставленнымъ яствами, бутылками, графинами, паштетами, вазами съ фруктами столомъ. Правда, забинтованная нога его все еще покоилась на табуретѣ, но старикъ кушалъ, прихлебывалъ, чмокая и пригубливая изъ кубка, глаза его сіяли жизнью, весельемъ, надеждой, щеки и благородный, нѣсколько грушевидный органъ обонянія залилъ пріятный багрянецъ. Князь Коріатъ даже нѣсколько оторопѣлъ при семъ неожиданномъ зрѣлищѣ.

— Не ожидалъ!—хитро прищуривъ глаза, сказалъ старикъ.— Благодареніе Великому Кофтѣ и посланнику его, графу Калиостро! Я здоровъ или почти здоровъ! Видишь самъ—и пью и ѣмъ съ волчьимъ аппетитомъ.

— Отъ всего сердца поздравляю ваше превосходительство!— вскричалъ искренно обрадованный тамплиеръ.—Но когда же почувствовали облегченіе?

— Въ скорости послѣ твоего отъѣзда, милый другъ! Я все тебѣ расскажу подробно. А ты, равномѣрно, мнѣ. Хотя я напередъ все знаю. Калиостро сюда ѣдетъ, не правда ли?—хитро блестя глазами, говорилъ исцѣленный старикъ.

— Онъ, вѣроятно, уже у заставы,—отвѣчалъ удивленный секретарь.—Но какъ сіе стало извѣстно вашему превосходительству?

— Расскажу сейчасъ. Садись, кушай и пей. Ты, я чай, съ дороги проголодался.

Князь Коріатъ не заставилъ себя просить дважды. Если невѣдомый Великій Кофта излечилъ Елагина, то молитва планетѣ Венерѣ явно послала облегченіе сердечныхъ страданій молодому храмовнику, и при видѣ обильныхъ снѣдей и жидкостей почувствовалъ онъ алчбу и жажду, какую можетъ испытывать только оставшійся цѣлый день почти безъ какой-либо существенной пищи, предаваясь мечтаніямъ и вздохамъ, двадцатилѣтній влюбленный.

Итакъ, князь Коріатъ занялъ мѣсто противъ Елагина; лакей въ пудрѣ безшумно сталъ за его кресломъ, незамѣтно, но настойчиво приближая къ нему въ потребныя мгновенія блюда, бутылки, вазы и графины, и нѣкоторое время въ столовой только слышна была работа челюстей, и кто шелъ первымъ въ семъ ристаніи, юноша или старецъ, трудно было бы рѣшить самому добросовѣстному жюри объѣдалъ и опивалъ гастрономовъ.

По нѣкоторомъ утоленіи тѣлесной потребности, началась между ними бесѣда.

— Итакъ,—блестя глазами отъ удовольствія, вызваннаго ѣдой послѣ долгаго, утончившаго его вкусъ поста, сказалъ Иванъ Перфильевичъ,—итакъ, графъ Калиостро возвращается въ Петербургъ.

— И не одинъ,—сказалъ князь Коріатъ.

— Ну, конечно, съ прекрасной супругой,—улыбаясь, возразилъ Елагинъ.—Мы ее тогда въ убъжищѣ мертвыхъ искали, помнишь? Когда еще великій Калиостро показалъ надъ нею въ капитулѣ власть свою мертвить и живить!.. Но такую прелестную область тѣней удержать не могла и возвратила ее для украшенія сей юдоли плачевной! Да, женщина—это роза въ долиниѣ Юсафатовой? Хотя я не знаю, растутъ ли розы въ этой долиниѣ?

Изъ тона рѣчей почтеннаго намѣстнаго мастера восьмой провинціи явно было, что вмѣстѣ съ исцѣленіемъ отъ недуга къ нему возвращалась и нѣсколько аттически-циническая насмѣшливость, не щадившая самого виновника, какъ онъ призналъ, и болѣзни, и выздоровленія.

При упоминаніи о супругѣ Калиостро князь Коріатъ смутился.

— Я не видѣлъ графиню, потому что она вышла закутанная въ непроницаемые флѣры и сейчасъ же въ карету сѣла,—сказалъ онъ.—Дѣло въ томъ, что Калиостро я засталъ въ минуту отъѣзда. Поданы были кареты, и самъ Григорій Александровичъ съ племянницей и княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ на крыльцѣ находился.

— Какъ! Самъ Григорій Александровичъ Потемкинъ вышелъ на крыльцо Калиостро провожать?—спросилъ изумленный Елагинъ.—Можетъ ли сіе быть? Да онъ и первѣйшихъ особъ сей чести не удостоиваетъ! Князь Потемкинъ провожалъ до крыльца Калиостро! Ну, не удивительно, что и сама государыня о немъ извѣстилась!

— Государыня извѣстилась о Калиостро?—въ свою очередь, заинтересовался князь Коріатъ.

— Подлинно. Но о семъ рѣчь впереди. Расскажи ты сперва подробно о поѣздкѣ своей. Да не забывай своего кубка! Вспомни почтеннаго нашего сатирика стихи:

Вино—даръ божественный! Много въ немъ провору;
Оно веселить...

Дары Діониса предъ тобою. Ты полонъ кипящихъ силъ непорочной юности. Пей, храмовникъ!—шутилъ старикъ.

— За полнѣйшее выздоровленіе вашего превосходительства и скорѣйшее пью кубокъ сей, обрадованный счастливой перемѣной!—сказалъ храмовникъ и выпилъ кубокъ до дна.

— Спасибо, милый. Я же умѣренность соблюдать долженъ.

Умѣренность—узда свободы,
Добростроеніе пировъ!

старческимъ баскомъ заплѣлъ масонъ, подвигая къ себѣ тертыхъ рябчиковъ съ трюфелями.

Законословіе природы,
Порядокъ всѣхъ ея даровъ!

подхватилъ молодымъ теноромъ храмовникъ, поднимая серебрянымъ ножомъ крышку паштета.

Умѣренность въ питьѣ и пицѣ!
Умѣренность въ добрѣ и злѣ!
Умѣренность въ земномъ жилищѣ,
Въ сіяніи свѣта и во мглѣ!

пѣлъ масонъ, намазывая тертыхъ рябчиковъ на бѣлый хлѣбъ.

Умѣренность и въ осязаньи,
И въ обладаньи красоты!
Умѣренность въ самомъ познаньи,
И въ достиженьи высоты!

пѣлъ храмовникъ, ложкой перекладывая внутренность паштета къ себѣ на тарелку.

Затѣмъ они подняли кубки, сдвинули ихъ дружно и вмѣстѣ повторили первый куплетъ «Гимна умѣренности»:

Умѣренность—узда свободы,
Чиностроеніе пировъ,
Законословіе природы
Въ порядкѣ всѣхъ ея даровъ!

— Ну, а теперь рассказывай дальше о своей поѣздкѣ! Такъ Григорій Александровичъ провожалъ Калиостро до крыльца?

— Да, Калиостро увозилъ на излеченіе больного княжича—первенца Варвары Васильевны.

— Улыбочки? Возможное ли это дѣло матери, княгинѣ, племянницѣ Григорія Александровича Потемкина, отдать итальянскому магику сооего первенца.

— Таково было требованіе графа Калиостро. Калиостро лечить будетъ младенца, и до выздоровленія никто посѣщать его не можетъ.

— Даже и родители?

— Даже и родители!

— Удивительно!

— Доктора Роджерсонъ, Бекъ и Массотъ отказались отъ спасенія ребенка. Вотъ почему княгиня и согласилась отдать княжича Калиостро, котораго я за проходимца и великаго злодѣя почитаю!

Произнося послѣднія слова, князь Коріатъ, которому послѣдняя чаша въ честь «умѣренности» нѣсколько ударила въ голову, свирѣпо размахивалъ серебрянымъ ножомъ, точно собирался имъ въ скорости прикончить ненавистнаго магика.

— Ахъ, не говори такъ о немъ!—опасливо сказалъ Елагинъ.— Я понимаю, что ты отъ прекрасной его супруги растрепанъ. Посему Калиостро тебѣ тираномъ представляется.

Князь Коріатъ покраснѣлъ.

— А мы здѣсь слышали, что прелестная Калиостерша сильныя на князя Григорія Александровича вела въ Озеркахъ атаки и полной достигла побѣды надъ нимъ. Не мудрено—великій сей вельможа женолобецъ. Онъ, говорятъ, подарилъ уже ей браслетъ съ брилліантами на три тысячи рублей.

— Но слушай, милый князь, какъ началось мое исцѣленіе! Старый мой дуракъ камердинеръ давно твердитъ, что лейбъ-медикъ Роджерсонъ меня залечить, такъ его не принимать, или хотя мази, микстуры и прочія его снадобья выбрасывать. Глупое, совѣмъ холопское рассужденіе! Ежели сама государыня мнѣ доктора прислала, какъ же могу пренебречь толикой монаршей милостью! И подумать сего нельзя. Воля высочайшая есть, чтобы лечился, и принимается, яко священная, къ точнѣйшему исполненію. А если бы и можно микстуры и мази упразднить, то вдругъ замѣтятъ сіе слуги? Старый мой дуракъ мнѣ вѣренъ! На прочихъ же надѣяться не могу! Хамово это племя радо всегда предать своего господина. Итакъ, распространится слухъ о семъ. И до государыни дойдетъ. Вотъ когда ты уѣхалъ, держалъ я проклятую склянку съ Роджерсоновой зеленой микстурой, отдавая ту злую минуту, когда во исполненіе священной ея императорскаго величества воли долженъ ее глотать. И чувствую, что сей ложки уже не вынесу и послѣднихъ лишуся силъ! Вдругъ докладываютъ о фельдъегерѣ съ письмомъ отъ царицы. Возыгралъ во мнѣ духъ. Ведѣлъ позвать фельдъегеря въ спальную и встрѣчаю его, держа въ одной рукѣ микстуру, а въ другой ложку, чтобы зрѣлъ мое премудрой Астреѣ послушаніе. Подаетъ фельдъегеръ кувертъ. Отдаю старому моему шуту камердинеру склянку и ложку. Вскрываю кувертъ. И что же пишеть государыня императрица!.. Вотъ, самъ прочти.

Иванъ Перфильевичъ подалъ секретарю золотообрѣзный листъ, на которомъ большими круглыми литерами было начертано:

«Иванъ Перфильевичъ, что я слышала, Роджерсоново леченіе не помогаетъ тебѣ нисколько. То оставь сего противнаго англичанина настойки. Я сама имъ не вѣрю. А ты пригласи новопрібывшаго въ столицу нашу иностраннаго врачевателя. Я шарлатановъ терпѣть не могу. И всѣ оныя побродяги, промышленники. Но этотъ ничего за леченіе не беретъ, будто бы. Испанскій полковникъ, Фридрихъ Гвальдо. Мнѣ о немъ вѣрный челоувѣкъ говорилъ. Лечись у него и становись скорѣе на хромую ножку. Съ костылькомъ, чай, до дворца моего добредешь. А мнѣ безъ твоего доклада скучно.

«Есмъ вамъ монаршею нашею милостью благосклонна

«Екатерина».

— Сіе царицыно посланіе меня воскресило и съ одра болѣзни моей подняло!—съ восторгомъ сказалъ Иванъ Перфильевичъ, принимая обратно бумагу отъ прочитавшаго строки монархини секретаря и цѣлуя ее.—Сейчасъ всѣ мази, микстуры велѣлъ выбросить! Потомъ умылся, приодѣлся. Чувствую, что съ часу на часъ оживаю. На ѣду бросило. Какъ смерклось, за ужинъ сѣлъ. За симъ и ты меня засталъ.

— Если такъ, то не Калиостро своимъ искусствомъ, а государыня васъ излечила!—сказалъ князь Коріатъ.

— Подлинно такъ! Выпьемъ же этотъ кубокъ за здоровье великой царицы, матери моей премилосердной!

Кубки были наполнены, и, поднявъ ихъ, старый масонъ и молодой храмовникъ запѣли:

Царицы Сѣвера явленье
Содѣлало блаженныхъ насъ,
И скипетра ея правленье
Россійскій возрастило классъ!
О, братья, въ сей жемъ великой
Премудрой правды глубина
Открылась съ благостью толковой,
Въ Астреины какъ времена.
Возри, царица всеблагая,
На пламень искреннихъ сердець!
Ты — мать! Ты наша мать драгая!
Строитель міра — нашъ Отець!

LV.

Ночное свиданіе.

Кубокъ за кубкомъ, то въ честь «умѣренности», то «Сѣверной Семирамиды», то за процвѣтаніе ордена свободныхъ каменщиковъ, то за Россійское тамплиерство, то за «прекрасныхъ», то за «нѣжныхъ», оба, и молодой храмовникъ, и престарѣлый масонъ, запустили въ лобъ достаточно хмелю и сдѣлались нѣсколько «шумны». Впрочемъ, и въ семъ состояніи князь Коріатъ сохранялъ расположеніе къ мечтаніямъ надземнымъ и надзвѣзднымъ, а директоръ зрѣлищъ впалъ въ вольтерьянство и нѣсколько предался острословію, сквернословію и кощунству и даже опровергалъ лиссабонскимъ землетрясеніемъ благое попеченіе Промысла о чловѣчествѣ, высказывая, что архіепископъ Берклея совершенно правъ, почитая всѣ вещи—сновидѣніями, и что въ движеніи вещества нѣтъ ни разумной цѣли, ни нравственнаго основанія, но все живетъ, пока живо, а смертью своей питаетъ червей.

— Впрочемъ, народное присловіе говоритъ, что кто много соли ѣстъ, того черви въ гробу точить не будутъ! Сіе значитъ, что

остроумному человѣку ничтожество не страшно и смѣхъ самую вѣчность побѣждаетъ!

Тутъ Елагинъ захотѣлъ спать, съ помощью секретаря и призваннаго своего камердинера перебрался въ спальную и едва уложенъ былъ на пуховики и подушки, захрапѣлъ такъ, что камердинеръ съ умиленіемъ замѣтилъ:

— Какъ младенчикъ! Какъ младенчикъ! Спите, почивайте, ваше превосходительство!

Князь Коріатъ нѣсколько нетвердой поступью удалился затѣмъ къ себѣ на антресоли. Едва легъ онъ, то и заснулъ сію же минуту, какъ убитый. Поѣздка верхомъ, волненія, вмѣстѣ съ нѣсколькими кубками, погрузили его въ молодой сонъ безъ всякихъ сновидѣній.

Трудно было бы сказать, долго ли или коротко былъ сонъ его, но вдругъ онъ проснулся отъ прикосновенія чьей-то холодной руки къ его лицу. Открывъ глаза, въ сумракѣ лѣтней ночи увидѣлъ онъ около своей кровати призрачное подобіе женщины. Она ломала руки, глубоко вздыхала и слабо стонала.

Приподнялся князь Коріатъ. Явленіе исчезло. Приписавъ его смѣшенію сна съ дѣйствительностью, князь Коріатъ опять легъ, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ. Вторичное прикосновеніе холодной руки къ лицу храмовника пробудило его. Теперь призракъ точно плавалъ надъ нимъ, касаясь его темными воздушными одеждами. И вздохи, и стоны илетали изъ неземной его груди. Князь Коріатъ вскочилъ въ изумленіи и страхѣ. Все исчезло.

— Она зоветъ меня! Она несчастна! Злодѣй терзаетъ ее! Быть можетъ, убиваетъ!

Въ такихъ мысляхъ поспѣшно набросилъ князь на себя одежды и одернулъ занавѣску полукруглаго окна своей спальни.

Уже быстрая лѣтняя ночь смѣнялась разсвѣтомъ. Все побѣлѣло вокругъ. Пѣтухи драли горло. Прозаическій видъ задняго двора, на который выходило окно, отрезвилъ нѣсколько молодого мечтателя. Если теперь итти въ Итальянскія, когда еще ворота дома заперты и всѣ спятъ, и начать стучаться и будить, то поднимешь весь околотокъ и будетъ огласка, пойдутъ слухи и сплетни. Но если она несчастна? Если находится въ опасности? Если видѣніе явилось призвать его на помощь? Князь Коріатъ припоминалъ читанные въ оккультныхъ книгахъ рассказы о подобныхъ явленіяхъ. Не желавшіе внимать имъ не оказали просимой помощи званшимъ ихъ. А если бы послушались, то спасли бы жизнь несчастнымъ, предупредивъ преступленіе.

Колебался князь Коріатъ въ мысляхъ и чувствахъ своихъ, въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ. Но утру свойственно губить ночные мечтанія и призраки. Проза жизни, трезвое здравомысліе вступаютъ въ свои права, едва ночной мракъ разсѣютъ сіяющіе при-

знаки дня. Князь Коріать отворилъ окно. Свѣжесть тихаго утра охледила его пылающій лобъ.

Тутъ стали приходять ему въ умъ слова Ивана Перфильевича объ уснѣхахъ жены Калиостро на дачѣ Потемкина, о полученномъ ею брилліантовомъ перстнѣ. Какъ это согласовать съ отчаяннымъ положеніемъ красавицы? Но какъ согласовать сочетаніе въ ней совершенной прелести съ той ужасной маской, которую онъ увидѣлъ, поднявъ покрывало видѣнія въ библіотекѣ? И то трепетное, кашляющее существо, которое вмѣсто стройной юной женщины угадалъ онъ подъ покровами, когда жена Калиостро садилась въ карету!.. Какъ все это согласить? Юная красавица или древняя старуха! Кто она? Когда она—призракъ? Тогда ли, когда прекрасна, или когда ужасна? Что до того, она женщина, она несчастна, она просить о помощи... Иду! Сейчасъ иду! — говорилъ себѣ храмвникъ... и оставался. Нерѣшительность овладѣла имъ. Между тѣмъ совершенное утро наступило. На дворѣ и въ домѣ началась суетня прислуги. Потомъ Иванъ Перфильевичъ прислалъ за нимъ.

— Какъ здоровье его превосходительства?—спросилъ секретарь.

— Благодареніе Царицѣ Небесной! Весьма лучше! Проснулись веселешенекъ, радешенекъ. Ножка не болитъ. Однако ступить ею еще нельзя. Кушаютъ кофе съ заварными кренделями.

Поспѣшилъ къ старику обрадованный секретарь.

Въ самомъ дѣлѣ его превосходительство сидѣлъ въ саду, въ креслахъ, въ халатѣ на кошачьихъ шкуркахъ, веселешенекъ и съ аппетитомъ кофе кушалъ.

— Благодареніе Строителю вселенной, премудрой Астреѣ, Великому Кофтѣ и посланнику его графу Калиостро! Оживаю! Выздоровливаю! Пью и ѣмъ! Отлично спалъ! Садись и кушай со мною, милый князь.

Отъ искренняго сердца принесъ поздравленія его превосходительству секретарь, тѣмъ болѣе, что подъ рукою Елагина замѣтилъ онъ золотообрѣзную, въ сиреневаго цвѣта сафьянѣ «книгу благотвореній». Это значило, что старый масонъ думаетъ отблагодарить Промыселъ за исцѣленіе и возвращеніе милости государыни добрыми дѣлами, каковыя всегда точно и подробно вписывалъ въ эту книгу, утверждая, что вѣдь и въ небесной канцеляріи могутъ что-либо запомнить или пропустить, а такъ-то вѣрнѣе—собственной рукою счетецъ написать Великому Архитектору! Чудакъ оставался вѣренъ двойственной своей природѣ, однако князь Коріать зналъ, что каждая новая исписанная страница сиреневой книги утираетъ слезы множеству сиротъ, бѣдняковъ и несчастливцевъ. Потому, совершенно зная всѣ слабости своего стараго мастера, не переставалъ его любить и уважать.

Весь день князь Коріать провелъ около Ивана Перфильевича; занимался съ нимъ дѣлами сенатскими, театральными и масон-

скими, и былъ тѣмъ весьма доволенъ, такъ какъ мысли его отвлекались отъ предмета тайной мучительной его тревоги.

Ожидалось посѣщеніе Калиостро. Но магикъ не явился. На предложеніе послать за нимъ Иванъ Перфильевичъ зашикалъ и замахалъ руками, говоря, что не къ чему... Онъ и самъ знаетъ, когда ему явиться. Кажется, Иванъ Перфильевичъ еще больше страшился леченія Калиостро, нежели Роджерсона.

Однако по мѣрѣ наступленія сумерекъ безпокойство все болѣе овладѣвало молодымъ тамплиеромъ. А Иванъ Перфильевичъ затѣялъ ужинать по вчерашнему. Опять появились любимые его тертые съ трюфелями рябчики! Опять началось пѣніе гимна «умѣренности!» Опять состукнулись чаши! Опять пили здоровье «прекрасныхъ» и «нѣжныхъ». Наконецъ ужинъ законченъ былъ молитвеннымъ гимномъ:

Elevons une ame pure
A notre divin auteur,
Amis, et dans la Nature
Admirons son Créateur;
Chantons le grand Architecte,
Qui jetta ses fondemens,
Qui forma l'homme et l'insecte
Et ses vastes élémens ¹⁾.

По поводу «инсектовъ» начались затѣмъ рискованныя разсужденія о томъ, какихъ именно изъ нечистыхъ насѣкомыхъ взять съ собою Ной въ ковчегъ, а по поводу залетѣвшихъ въ окно изъ сада комаровъ, изъ коихъ одинъ даже напился досыта крови на лбу намѣстнаго мастера, было остроумно сказано, что профанскіе лекари, видно, кровопусканію у комаровъ учились. Затѣмъ благополучно послѣдовало отшествіе ко сну.

Поднявшись на антресоли, князь Коріатъ не раздѣлся и не легъ. Онъ ждалъ успокоенія всѣхъ въ домѣ. Наконецъ ночныя тѣни окутали столицу. Князь Коріатъ совершенно закутался въ длинный и широкій плащъ, надвинулъ на глаза широкополую, круглую, англійскую шляпу, незамѣтно выкрался изъ дома и черезъ садовую калитку, ключъ отъ которой припасъ заранѣе, вышелъ на улицу. Миновавъ мрачный, запущенный, деревянный лѣтній дворецъ, на башнѣ котораго нестройно проиграли куранты и пробили полночь, князь Коріатъ потерялся въ сѣти пустынныхъ улицъ и переулковъ, гдѣ только бродили стаи собакъ да сторожка съ колотушками. Скоро достигъ онъ Итальянскихъ и

¹⁾ Друзья, вознесемъ чистую душу къ нашему божественному Создателю и въ природѣ почтимъ ея Творца; воспоемъ великаго Архитектора, который положилъ ея основы, образовалъ чловѣка и насѣкомое и пространные составы Природы.

здѣсь сталъ прохаживаться мимо дома Горгонзолло. Князь Коріатъ дрожалъ, не столько отъ ночной свѣжести, сколько отъ волненія. Время шло, онъ не принималъ никакого рѣшенія и все прохаживался.

Ворота дома были заперты. Окна наружнаго фасада совершенно темны.

Надо было стучаться въ ворота, чтобы войти внутрь.

Это пробудило бы всю улицу.

А потомъ какъ?

Конечно, Калиостро принялъ мѣры, чтобы не допустить сношеній Коріата съ своей женой...

Терзался храмовникъ, а все прохаживался мимо дома Горгонзолло.

Вдругъ откуда-то выскочила мохнатая собачонка и принялась на него озлобленно лаять. Онъ пробовалъ отгонять собачонку. Та отбѣгала и вновь возвращалась съ визгливымъ лаемъ, стараясь схватить его за полу плаща.

Тогда въ одномъ окнѣ темнаго фасада отодвинулась драпировка, и лучъ свѣта упалъ на него сквозь отверстіе. Очевидно, кто-то, пробужденный лаемъ собачонки, любопытствуетъ посмотреть, что вызвало собачій лай.

Въ то же время въ противоположномъ концѣ улицы послышался рожокъ горниста и звонкіе удары копытъ обѣзжавшаго околотокъ патруля, и затѣмъ въ звонкой пустотѣ между высокими каменными домами разнесся окрикъ:

— Слу-ш-а-а-ай!

Князь Коріатъ сконфузился и ушелъ . . . . .

Когда наступилъ день, отъ своего берейтора князь Коріатъ узналъ двѣ неприятныя новости: прекрасный жеребецъ, на которомъ молодой тамплиеръ возвратился изъ Озерковъ въ столицу, такъ былъ имъ загнанъ, что едва не подохъ и теперь сильнѣйшимъ образомъ хромалъ. Это было первое извѣстіе.

А второе состояло въ томъ, что Калиостро съ супругой и болящимъ княжичемъ, возвратившись въ Петербургъ, остановился не на старой квартирѣ своей въ Итальянскихъ, а въ прекрасномъ особнякѣ, принадлежащемъ на невской набережной Потемкину.

Сей особнякъ былъ третьимъ домомъ отъ усадьбы его превосходительства Ивана Перфильевича Елагина.

LVI.

Lilium pedibus destrue.

— Salve, filomista!—сказалъ Калиостро, рано утромъ на третій день по своемъ возвращеніи въ столицу входя въ бібліотеку, гдѣ сидѣлъ надъ фоліантами любимыхъ авторовъ-кабалистовъ блѣд-

ный, исхудалый отъ мечтаній и бесплоднаго перегоранія юношескихъ страстей, князь Коріатъ.

Появленіе Калиостро, весь видъ его, самый голосъ наполнилъ ненавистью сердце тампліера. Однако онъ отвѣчалъ условнымъ отзывомъ:

— *Benedictus in Secula. Hallelu-Iah!*—Вслѣдъ затѣмъ, вздрагивая отъ отвращенія, онъ долженъ былъ принять на лѣвое свое колѣно—лѣвое колѣно Калиостро, въ правую руку свою—правую руку шарлатана, а лѣвой обнять его и, приблизивъ щеку къ его синей и жирной щекѣ, принять слово высшаго посвященія, которое обязывало его полнымъ послушаніемъ ненавистному некроманту.

Калиостро, казалось, совершенно не замѣтилъ этихъ внутреннихъ ощущеній храмовника, хотя они достаточно ярко отражались на открытомъ, юномъ лицѣ, въ особенности для такого тонкаго фізіономиста, какимъ былъ Калиостро.

— Нашъ мастеръ покоится еще пріятнымъ сномъ,—фамилярно сказалъ затѣмъ Калиостро, усаживаясь въ кресло.

— Его превосходительство Иванъ Перфильевичъ подлинно еще не вставали!—сухимъ, официальнымъ тономъ отвѣчалъ князь Коріатъ, не сядя и всѣмъ видомъ желая показать, что, кромѣ орденскихъ, еще есть обыкновенныя гражданскія отношенія, не знающія никакихъ тампліерскихъ, розенкрейцерскихъ и каменщическихъ степеней, и по которымъ онъ—секретарь російскаго вельможи, сенатора, статсъ-секретаря, директора и кавалера, а Калиостро всего только странствующій безымянный и безчиновный иностранецъ-промышленникъ, вродѣ продавцовъ любовныхъ эликсировъ и усовершенствованныхъ мышеловокъ, не болѣе.

Но Калиостро не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать и этого тона, и выраженія лица молодого человѣка.

— Да, мастеръ восьмой провинціи сномъ покоится,—повторилъ онъ.—Поэтому имѣемъ мы время побесѣдовать. Сядьте, тампліеръ!

Послѣднія слова Калиостро выговорилъ твердо и приказательно, устремивъ въ лицо князя Коріата темные свои глаза, изъ которыхъ лилась какая-то таинственная магическая власть, и красивой, бѣлой и украшенной перстнями рукой въ бѣлоснѣжномъ кружевномъ манжетѣ указывая на стоявшее напротивъ кресло.

Князь Коріатъ сѣлъ.

Лицо Калиостро приняло лунатическое выраженіе. Глаза вознеслись въ высшія сферы и смотрѣли поверхъ земныхъ видимыхъ предметовъ. Губы беззвучно шевелились, какъ будто бы онъ молился мысленно. Съ минуту длилось молчаніе.

— Мастеръ сномъ покоится,—опять сказалъ Калиостро.—И съ нимъ спятъ всѣ строители. И разрушенная храмина полна сора, нечистоты, стала обитаніемъ нетопырямъ и слѣпымъ совамъ. Лазарь, другъ нашъ, спитъ. Я пришелъ пробудить его.

Калиостро опять погрузился во внутреннія размышленія. Опять настало молчаніе. И странно, эти темныя слова его, и молчаніе, и лунатическая фізіономія, и блуждающіе взоры Калиостро уже какой-то сѣтью схватили умъ и чувства князя Коріата. Онъ не отрываясь смотрѣлъ на магика. Онъ одновременно и слѣдоваль пульсаціи его могущественной воли, и противился ей, и внималъ, и ненавидѣлъ.

— Я пришелъ пробудить!—вдругъ грозно произнесъ Калиостро, и глаза его запылали фанатизмомъ и вѣрой.—*Superi incogniti* послали меня на изнывающій въ мракѣ и невѣжества и порабощенія сѣверъ совершить великое дѣло, о которомъ, кто услышитъ, у того зазвенитъ въ ушахъ!

И, молитвенно вознося руки, Калиостро продолжалъ:

— *Brisez le poignard d'un Dieu assassin! Brisez le sceptre de fer altéré de sang! Qu'un jour pur et serein nous éclaire au Temple de la Nature! Allons-nous y réchauffer au Soleil de la Raison!* ¹⁾

— Amen! — невольно сказалъ князь Коріатъ.

Слова, произнесенныя Калиостро, составляли величайшую тайну ордена, сообщенную отъ высшихъ особъ Европы въ планѣ на грядущее десятилѣтіе. Они открывались лишь избраннымъ, но и тѣ не понимали ихъ смысла, а только благоговѣли и хранили въ молчаніи.

— Преображеніе міра близко, при дверяхъ. Заря всеобщаго освобожденія на сѣверѣ воссіяетъ. Но тверды ли здѣсь основы великаго дѣла? Хорошо ли заложены краеугольные камни? Правильно ли выведенъ и прочно ли замкнутъ Королевскій сводъ? Послушны ли каменщики? Изощрены ли на мщеніе предателямъ мечи? Правильны ли чертежи мастеровъ? Подняты ли шпаги рыцарей на защиту сыновъ вдовицы? Творятъ ли въ вышнихъ невидимое зданіе грядущаго вѣщіе мужи златого Креста и пламенной Розы? Оживотворена ли духомъ истины и свѣтомъ познанія вся великая оная схема какъ по вознесенному, такъ и обращенному треугольникамъ? Все сіе инспектировать явился я сюда. И нашелъ тьму, ничтожество, обезьянье подражаніе вѣщимъ символамъ безъ всякаго смысла. Мнѣ должно все объединить, все спаять и связать, поставить людей, начертать планы, дать всему жизнь. И помощникомъ въ семъ великомъ предпріятіи избралъ я васъ, князь!

— Меня!—вскричалъ князь Коріатъ, какъ зачарованный слушавшій Калиостро.—Меня! Но я не могу быть вашимъ помощникомъ! Не могу! Не могу!

¹⁾ Сломите кинжалъ Бога-убійцы! Сломите желѣзный скипетръ, смоченный кровью! Да озаритъ насъ чистый и ясный день въ храмѣ Природы! Идемъ согрѣться тамъ Солнцемъ Разума!

— Вы должны. Вы будете,— властно сказалъ Калиостро.— Но пока отвѣчайте мнѣ на то лишь, что спрашивать буду.

— Показанные вами знаки и объявленные вами слова меня къ послушанію принуждаютъ,— опутивъ голову, прошепталъ съ глубокимъ вздохомъ князь Коріатъ.

Но Калиостро, казалось, не обращалъ никакого вниманія на состояніе тамплиера. Онъ придвинулся къ нему съ кресломъ и, взявъ за руку, сталъ шептать ему вопросъ за вопросомъ. Каждый разъ при этомъ онъ прикрывалъ лицо кружевнымъ надушеннымъ платкомъ, чтобы ни единого звука не прошло мимо уха экзаменуемаго. Потомъ отворачивалъ голову, и князь Коріатъ, въ свою очередь, шепталъ ему отвѣтъ. И странно, эти машинально затверженные по орденскому катехизису отвѣты теперь освѣщались новымъ глубокимъ, неожиданнымъ смысломъ. Точно завѣса за завѣсой спадала съ глазъ его, и внутренность святилища раскрывалась, являя таившееся тамъ божество...

- Имѣете ли первые три градуса символическаго масонства?
- Имѣемъ.
- Какой его цвѣтъ?
- Голубой.
- Всѣхъ ли вы принимаете въ сіи градусы?
- Всѣхъ, кто желаетъ.
- Какъ вы ихъ называете?
- Дикими камнями.
- Надъ чѣмъ же вы работаете?
- Надъ отточкой и полированіемъ сихъ камней.
- Каковы обязанности сихъ градусовъ?
- Повиноваться, работать и молчать.
- А еще что?
- Хранить.
- Что хранить?
- Всѣ повѣренныя тайны.
- Гдѣ хранить?
- Въ сердцѣ.
- Имѣется ли ключъ, чтобы туда войти?
- Да.
- Гдѣ его хранятъ?
- Въ коралловой шкатулкѣ, которая не открывается и не закрывается иначе, какъ ключомъ изъ слоновой кости.
- Изъ сихъ градусовъ истинно достойныхъ куда вы возводите?
- Въ числѣ девяти и пятнадцати и еще пятнадцати избранныхъ.
- Итакъ, всего тридцать девять?
- Съ высшимъ приставникомъ сорокъ.

— А сколько человекъ было въ ротѣ гвардіи Генриха III, которая совершила убійство герцога Гиза въ Блуа?

— Сорокъ.

— Зачѣмъ мы собираемся?

— Чтобы упражняться въ королевскомъ искусствѣ.

— Въ чемъ основные законы масонства?

— Карать преступленіе. Чтить добродѣтель. Летѣть на помощь къ братьямъ, хотя бы они находились на краю земли.

— Какой девизъ сорока избранныхъ?

— Побѣдить или умереть.

— Что одушевляетъ ихъ?

— Мщеніе за смерть Архитектора Храма.

— Что восклицаютъ избранные въ ложѣ, поднимая кинжалы?

— Да будетъ отомщенъ Адонирамъ!

— Какъ они присягаютъ на вѣрность дѣлу мщенія?

— Пусть очи мои липатся свѣта раскаленнымъ желѣзомъ! Пусть тѣло мое станетъ добычей коршуновъ! Пусть память о мнѣ истребится среди дѣтей вдовицы по всей землѣ, если я нарушу тайну или измѣню!

— Лучи Солнца сіяютъ ли надъ нами?

— Нашъ чтимый Мастеръ отомщенъ.

— Да, братъ, вы знаете, что нашъ чтимый Мастеръ Адонирамъ былъ убитъ по гнусности трехъ товарищей, что одинъ изъ этихъ негодяевъ нанесъ ему смертельный ударъ, что всѣ масоны должны соединиться, чтобы найти убійцу и наказать его за преступленіе!

— Я это знаю.

Въ этомъ мѣстѣ исповѣди Каліостро вдругъ вскочилъ съ налитыми кровью глазами и въ совершенномъ изступленіи, обнаживъ шпагу, сталъ наносить ею удары въ воздухъ, отрывисто повторяя въ полномъ самозабвеніи:

— А это тебѣ за Варооломеевскую ночь! А это тебѣ за Сицилійскую вечерню! Ползай у ногъ моихъ! Цѣлуй! землю! И все-таки я раздавлю тебя, гадина! О, мщеніе! Мщеніе! Мщеніе.

Вдругъ онъ успокоился. Вложилъ шпагу въ ножны и сѣлъ.

— Ревность Финеесова снѣдаетъ меня, — объяснилъ онъ. — *Juste effet de la vengeance divine, qui ne laisse jamais le crime sans punition!*¹⁾

— Но скажите, братъ мой, какъ наказаны были трое убійцъ Адона-Хирама, нашего мастера и архитектора, царемъ Соломономъ?

— Ихъ обнажили и выставили на палящее солнце Осы, пчелы, мухи и другіе насѣкомые, вмѣстѣ съ муравьями, строителями изъ праха, пили ихъ кровь. Они испускали жалобные крики. Потомъ

¹⁾ Справедливое дѣйствіе божественнаго мщенія, которое никогда не оставляетъ преступленія безъ наказанія!

ихъ обезглавили. Тѣла ихъ были выброшены въ пустыню на пожраніе звѣрямъ. Головы ихъ, льющія мозгъ и кровь, были воткнуты на пики и...

— Будетъ! Будетъ! Десяти лѣтъ не пройдетъ, и мщеніе совершится!—опять въ слѣпой ярости, вскакивая и обнажая шпагу, закричалъ Калиостро. И, поднявъ высоко шпагу, какъ будто на ней уже была воткнута голова одного изъ убійцъ великаго архитектора Соломонова храма, онъ сталъ, ликуя, приплясывать, восклицая:

— А это тебѣ за разорванную завѣсу! А это тебѣ за оскверненіе кровью и водою кубическаго камня святилища. А это тебѣ за разрушеніе Иерусалима! А это тебѣ за развѣяніе! А это тебѣ за гетто! А это тебѣ за желтую одежду!

И, швырнувъ шпагу на полъ, въ ликующемъ восторгѣ Калиостро наступилъ на нее ногою, восклицая:

— *Lilium pedibus destrue! Lilium pedibus destrue!*

Потомъ вновь успокоился, поднялъ шпагу, вложилъ ее въ ножны и, отирая съ лица потъ, сказалъ:

— *Et consummatum est!* Но думаю, господинъ Елагинъ уже проснулся. Идемъ къ нему. Нашу же бесѣду продолжимъ послѣ осмотра и цѣленія подагрической ноги намѣстнаго мастера VIII-й провинціи!

LVII.

Извлеченіе ртути.

Фанатическое изступленіе Калиостро, духъ мщенія, внезапно его объявшій, представили въ новомъ свѣтѣ князю Коріату этого загадочнаго человѣка, котораго онъ только что почиталъ за пошлаго шарлатана и промышленника. Страшная сила сказалась вдругъ въ немъ. Но подчиниться Калиостро! быть его помощникомъ, что бы онъ ни предпринималъ! Никогда!..

Между тѣмъ вступили они въ спальню Ивана Перфильевича.

— Я совершенно здоровъ, совершенно!—сейчасъ же сказалъ съ опасеніемъ старикъ.

Калиостро почтительно привѣтствовалъ Елагина и освѣдомился о состояніи его ноги. Узнавъ, что тотъ все еще не можетъ ступить на нее, Калиостро глубокомысленно осмотрѣлъ сію недугующую конечность, жалъ въ разныхъ мѣстахъ мускулы и наконецъ спросилъ, не подвергался ли его превосходительство леченію ртути?

Съ нѣкоторымъ смущеніемъ Иванъ Перфильевичъ признался, что въ юности его такое леченіе въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто.

— Такъ. И это очевидно было для меня,—сказалъ докторъ герметической медицины.—Все страданіе вашей ноги происходитъ не отъ чего-либо, какъ отъ частицъ ртути, въ ней находящихся. Необходимо извлечь ртуть изъ вашей ноги, и болѣзнь прекратится.

— Какъ же вы извлечете, графъ?—съ испугомъ сказалъ Иванъ Перфильевичъ, видимо, представляя себѣ способъ извлеченія въ видѣ какой-то пытки.

— Совершенно безболѣзненно и незамѣтно,—отвѣчалъ успокоительно Калиостро.—Прикажите только немедленно приготовить большой чанъ съ теплой водой, куда бы могъ я васъ погрузить.

— Только?—спросилъ бѣдный, замученный докторами старикъ. И приказалъ приготовить все нужное въ сосѣдней комнатѣ.

Въ ожиданіи Иванъ Перфильевичъ пригласилъ магика и князя Коріата принять участіе въ раннемъ завтракѣ. Калиостро, однако, сему рѣшительно воспротивился, заявивъ, что и самъ, и его пациентъ до погруженія, извлеченія ртути и исцѣленія не могутъ принимать пищи.

— Въ такомъ случаѣ устроимъ нѣкоторый духовный «симпозионъ» или пирь,—сказалъ Елагинъ.

Однако и сей словесный завтракъ не удался. Князь Коріатъ больше молчалъ. Калиостро отвѣчалъ односложно. Одинъ Елагинъ разсказалъ два-три старыхъ парижскихъ анекдота.

Между тѣмъ камердинеръ доложилъ, что все потребное готово.

Съ помощью князя Коріата его превосходительство перешелъ въ сосѣднюю комнату. Магикъ влилъ изъ маленькаго флакона нѣсколько капель какого-то ароматическаго снадобья въ чанъ съ теплой водой. Потомъ долго погружалъ въ воду руки и бормоталъ заклинанія. Затѣмъ предложилъ Ивану Перфильевичу снять плафрокъ и сорочку.

Далѣе состоялось и погруженіе членовъ его превосходительства въ воду.

Обойдя три раза чанъ со шпагой въ рукахъ, которою поражалъ невидимыхъ враговъ, въ то же время произнося непонятныя слова на невѣдомомъ языкѣ, Калиостро затѣмъ отбросилъ шпагу, снялъ кафтанъ, камзолъ, засучилъ рукава рубашки, обнаруживъ дюжіе мускулы рукъ, и принялся растирать ногу и всѣ члены Елагина. Вдругъ, когда онъ провелъ ладонью по большой ногѣ, блестящая струя ртути вырвалась изъ нея и раскатилась по дну чана...

— Меркурій извлеченъ,—съ торжествомъ сказалъ Калиостро.— Вы совершенно здоровы. Выйдите изъ воды и смѣло пройдите по комнатѣ.

Обрадованный, но еще сомнѣвающійся, старикъ выбрался изъ чана, накинулъ на себя простыню и сначала неувѣренно ступилъ на болѣвшую ногу, потомъ пошелъ бодрѣе и увѣреннѣе, и вдругъ принялся приплясывать, оставляя мокрые слѣды на полу и повторяя:

— Не больно! Не больно! Нисколько не больно! Я совершенно здоровъ! Хвала Великому Кофтѣ и его посланнику!

— Графъ!—продолжалъ Елагинъ, успокоившись и съ помощью крестившагося и возносившаго глаза къ небу преданнаго камердинера принимаясь одѣваться.—Графъ! Я обязанъ вамъ благодарностью за чудесное сіе исцѣленіе застарѣлой болѣзни, усиліямъ профанской медицины столь долго не поддававшейся. Зная ваше безкорыстіе, затрудняюсь предложить вамъ обычную мзду. Но если хотите, я выхлопочу вамъ у государыни приличный російскій орденъ.

— Ужели вы еще не знаете меня?—сказалъ магикъ.—Могу ли интересоваться издѣліями людского тщеславія? Принятый у всѣхъ дворовъ Европы, могъ бы я семи суетными побрякушками давно всю грудь увѣшать. Но не хочу.

— Чѣмъ же тогда отблагодарю васъ?—опять спросилъ Елагинъ.

— Послужите не мнѣ, но дѣлу. Доставьте мнѣ аудіенцію у російской императрицы, дабы я могъ преподать сей монархинѣ великія истины и попытаться склонить ее къ дѣлу преобразенія міра и усовершенія человѣчества.

— Обѣщаюсь вамъ, графъ, приложить всѣ усилія къ сему. А теперь не приступимъ ли къ утоленію голода и жажды? Я послѣ извлеченія вами изъ ноги моей меркурія сильно взалкалъ,—говорилъ Елагинъ, облакаясь въ шлафрокъ и надѣвая бархатные спальные сапоги.

Но магикъ рѣшительно заявилъ, что не имѣетъ ни минуты свободной и обязанъ спѣшить къ страждущему младенцу, его поведеніямъ препорученному.

Елагинъ не сталъ задерживать магика, въ виду столь важнаго обстоятельства. Онъ только сказалъ ему, что переѣзжаетъ къ себѣ на островъ, на дачу, и напомнилъ о приближеніи праздника всѣхъ свободныхъ каменщиковъ, Иванова дня, который обычно торжествуется у него на островѣ, какъ намѣстнаго мастера, и гдѣ графъ, конечно, будетъ званымъ гостемъ.

Когда Калиостро вышелъ изъ покоя Елагина, князь Коріатъ твердо схватилъ его за руку и въ крайнемъ волненіи, увлекая за собою, проговорилъ:

— Удѣлите мнѣ минуту времени! Я долженъ съ вами объяснитьсь!

Хотя блѣдность рѣшительнаго лица молодого тампліера и горѣвшіе глаза его не обѣщали пріятнаго объясненія, Калиостро не противился и послѣдовалъ за Коріатомъ въ тихое уединеніе книгохранилища. Здѣсь, посмотрѣвъ пристально въ лицо Калиостро, задыхаясь, нѣсколько мгновеній князь Коріатъ не могъ выговорить роковое слово. И, наконецъ, произнесъ его.

— Я долженъ вамъ сказать, что вы—низкій плутъ и шарлатанъ!

— Какъ вы осмѣливаетесь...—блѣднѣя самъ, началъ было Калиостро.

— Молчите! Вы—шарлатанъ! Я все видѣлъ!

— Что вы видѣли?

— Я видѣлъ, какъ вы ловко выпустили изъ рукава рубашки въ воду ртуть! Осмѣлитесь ли это отрицать? Осмѣлитесь ли утверждать, что въ самомъ дѣлѣ извлекли ее изъ ноги больного старика?

— Только-то?—спросилъ равнодушно Калиостро.

— Какъ!—совершенно теряя самообладаніе, закричалъ князь Коріатъ.—Какъ! Я васъ уличаю въ наглomъ обманѣ, а вы находите, что это ничего? Или вы столь привыкли и къ шарлатанству, и обличеніямъ своихъ гнусныхъ продѣлокъ, то разговоръ глазъ на глазъ васъ уже не волнуетъ? Но я не постѣсняюсь обличить васъ и при свидѣтеляхъ.

Калиостро спокойно смѣрилъ князя съ ногъ до головы пронзительнымъ взглядомъ.

— Ежели вы и правы. Ежели вы въ самомъ дѣлѣ видѣли, что ртуть не изъ ноги больного вышла, а изъ моей руки,—сказалъ онъ:—то какъ осмѣлились вы о семъ говорить мнѣ съ такими наглыми ругательствами? Что можете вы понимать въ дѣйствіяхъ моихъ? Не обязаны ли вы мнѣ повиновеніемъ? Или вы забыли, что самая сія рука моя обладаетъ симъ священнымъ знакомъ?

И Калиостро той самой рукой, которой пустилъ ртуть въ чанъ, совершилъ знаменіе высшаго посвященія. Но Коріатъ яростно топнулъ ногой и закричалъ:

— Совершайте какіе угодно знаки! Произносите какія угодно слова! Показывайте какіе угодно патенты! Я вамъ не повѣрю. Вы все это похитили, наглый обманщикъ! Могу ли вѣрить, что высшія особы ордена послали для великаго предпріятія въ Россію такого шарлатана, который прибѣгаетъ къ наглымъ уловкамъ и обманываетъ больного старика!

— Безумецъ! Куда ты стремишься?—тихо, какъ бы съ сожалѣніемъ, сказалъ Калиостро.—Что можешь ты понять въ дѣйствіяхъ высшаго адепта? Бездна у ногъ твоихъ! Остановись!

— Нѣтъ, ты не запугаешь меня, не запугаешь!—кричалъ Коріатъ. — О, я знаю, что ты не только обманщикъ, но и преступникъ! Я знаю, что ты истязуешь несчастную жену свою!

— А, вотъ настоящая причина!

И, взявъ князя твердо за руку и посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, Калиостро сказалъ:

— Довольно!.. Довольно, говорю я!—повторилъ онъ угрожающе при попыткѣ Коріата вырвать руку. — Довольно! Вы ведете себя какъ мальчикъ. Успокойтесь. Перестаньте кричать. Объяснимся.

— Хорошо... Объяснитесь...—прошенталъ задыхающійся тамплиеръ и обезсиленный опустился въ кресло.

Калиостро спокойно сѣлъ въ другое.

LVIII.

Испытаніе.

— Вы видѣли, что ртуть не изъ ноги больного вышла, а выпущена мною изъ рукава?

— Видѣлъ,—угрюмо прошепталъ Коріатъ.

— И вы сіе называете шарлатанствомъ?

— Называю,—прошепталъ Коріатъ.

— Но развѣ не видѣли вы, что вслѣдъ затѣмъ больной старикъ сталъ на ноги, ходилъ и даже прыгалъ?

— Видѣлъ.

— Итакъ, это шарлатанство исцѣлило бѣднаго старика. Что же, вы хотите уничтожить въ немъ дѣйствіе вѣры и опять повергнуть его въ страданіе?

Князь Коріатъ молчалъ, пораженный необыкновенной логикой магика.

— Ничтожный обманъ ради великаго дѣла исцѣленія человѣка! И вы негодуете? На что? Польза ясна. Гдѣ вредъ? Такъ древле нарушена была заповѣдь о субботнемъ покоѣ для того, чтобы исцѣлить человѣка. Фарисеи негодовали. Но что сказалъ имъ Галилеянинъ? Слѣпцы! ужели сохранить субботу и оставить страдать человѣка! Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка! Но если ради исцѣленія страждущаго человѣка можно нарушить одну заповѣдь, то можно нарушить и всѣ. Ибо въ законѣ Моисеевомъ сказано, что, кто повиненъ въ нарушеніи хотя одной заповѣди, повиненъ въ нарушеніи всего закона. Весь законъ нарушаю! И невиненъ я, ибо ради цѣленія страждущаго человѣчества законъ нарушаю! Не сказано ли: не убій? А Юдиѣ убилъ. Мечъ подняла она и отсѣкла главу тирану. И прославлена въ вѣкахъ. Не сказано ли: не мсти? И не призываемъ ли мы къ мщенію за убитаго великаго архитектора Соломонова храма, Адона-Хирама?

— Но это лишь символы! Лишь аллегоріи!—прошепталъ пораженный Коріатъ.

— Ты — тамплиеръ. И этого ли не разумѣешь? Нѣтъ, это не символы, не аллегоріи. Мы выше добра и зла, потому что мы служимъ отмщенію человѣка поруганнаго, освобожденію человѣка поработеннаго, цѣленію человѣка страждущаго! Отмсти! Убей! Украды! Лги! О, ложь святая, когда ея цѣною страданія унялись! О, святая кража, когда у сытыхъ богачей отвяты неправыя ихъ стяжанія и отданы бѣднякамъ! О, божественное мщеніе, когда на волю угнетателя возлагаютъ оковы, поработителя—терзаютъ, мучителя—истязуютъ! О, священное убійство, когда отсѣкаютъ главу тирану и высоко на остріе копія поднимаютъ! Осанна! Осанна! Благословенъ пролившій кровь Ахава! бросившій тѣло нечестивой

Иезавели въ снѣдѣ псамъ! Дщерь Вавилона—опустошительница! Блаженъ, кто возьметъ младенца твоего и разобьетъ ему голову о камень! Къ свободѣ призванъ ты, юноша! Открой шире очи! Отними заслонки ушей своихъ! Внимай великой тайнѣ, которую повѣдаю тебѣ!

Тутъ Калиостро близко придвинулся къ онѣмѣвшему отъ изумленія князю Коріату и сталъ шептать:

— Я сказалъ, что мы выше добра и зла. И только въ семь совершенная свобода. И только тотъ можетъ служить великому дѣлу, кто принялъ сію страшную свободу. И къ сей-то свободѣ призванъ ты, юноша! Нынѣ исполнились сроки. Нынѣ часъ мщенія приблизился. Вся Европа запыхаетъ пожаромъ. Все зданіе тираніи потрясется и падетъ. Почему падетъ? Потому что мы, незримые муравьи, подточили его основы и столпы. Нынѣ власы на главѣ скованнаго Самсона отросли. И онъ обрушитъ капище Дагоново на пирующихъ нечестивцевъ! Ты — мститель за господина нашего Хирама! Ты—рыцарь Востока и священной завѣсы! Ты—хранитель тайнъ кубическаго камня и совершеннаго треугольника! Открой же глаза и познай. До сихъ поръ Тиранія столь совершенно сгущала мраки невѣжества, которыми она насъ обволокла, что лишь время отъ времени вспышки Свѣта озаряли сіи нечистыя Облака. Онѣ возвѣщали злымъ, что молнія готова ниспасть для показанія великаго примѣра. Взволнованная Земля выйдетъ изъ летаргическаго сна, въ которомъ простерта, и какъ усыпленный Быкъ, котораго уже замучили своими ядами пресмыкающіеся, полагающіе его мертвымъ, она возродитъ свои древнія кости и раздавитъ насѣкомыхъ, которыя ее безчестятъ. Подломятся основы троновъ. Блѣдной толпой тѣней побѣгутъ цари отъ разящаго меча мщенія угнетенныхъ ими народовъ, сопровождаемые трепетными сеніорами, но избавленія не найдутъ нигдѣ! Мечъ ссѣчетъ головы имъ и ихъ жалкимъ клеветамъ! Гнусные обманщики и піявицы народовъ, епископы и поны, будутъ удушены собственными кишками! Такъ совершится мщеніе Адона-Хирама! Тогда-то наступитъ на землѣ царство совершеннаго треугольника, блаженное царство свободы, равенства и братства! Не будетъ ни знатныхъ, ни богатыхъ, но совершенное будетъ и пребудетъ равенство. Всѣ произведенія земли и труда будутъ раздѣляться поровну между всѣми братьями. Царство вѣчной весны человѣчества наступитъ! Возвысится дворецъ человѣчества, гдѣ всѣ будутъ цари, ибо всѣ будутъ равны, дивный дворецъ изъ совершеннаго металла! Такъ-то совершится то великое дѣло, о коемъ въ символахъ возвѣщаютъ алхимическіе градусы: неблагородные металлы превратятся въ чистѣйшее золото! Рабы и поденщики станутъ царями и сеніорами! Но нужно дерзновение. Надо вонзить кинжалъ въ сердце тираніи! Раздавить сію гадину!

— Въ сей странѣ морозовъ и льдовъ, порабощенія и тиранства, въ Скиѣи, Сарматіи, въ областяхъ Гипербореевъ начнется великое преображеніе человѣчества. Ибо вышніе зодчіи въ семь нашли удобность. Они постигли, что низвергнуть тиранство всего легче руками самого тирана. Ибо когда вся власть безмѣрная надъ огромной страной и милліонами вручена одной особѣ съ немногими ближними вельможами, то довольно сими овладѣть, чтобы получить всю власть въ свои руки. Архимедъ искалъ лишь точки приложенія для рычага, чтобы перевернуть весь земной шаръ. Наши мудрые мастера постигли, что въ каждой странѣ съ самодержавнымъ правленіемъ сія точка есть монархъ. Рычагъ же— всемірный орденъ, къ коему и ты принадлежишь, юноша!

— Теперь выслушай планъ нашихъ работъ. Великій князь Поль въ нашихъ рукахъ и чрезъ достопочтеннаго Лафатера совершенно наставленъ и приготовленъ. Невозможно однако его одного во главѣ поставить ордена, ибо сіе подозрительность императрицы матери возбудить. Для сего учреждаю я египетское масонство, въ коемъ женщины наравнѣ съ мужами принимаются. Итакъ, во главѣ сего масонства стануть и мать и сынъ. Вотъ пока все, что могу тебѣ открыть. Къ сему должно стремиться. Прочее по времени и испытанію вѣрности и усердія открыто будетъ тебѣ. Знай лишь, что Екатерина обманула въ 1762 году ожиданія всѣхъ друзей свободы и на тронъ незаконнымъ захватомъ власти вступила. Итакъ, сія императрица есть тиранъ по приобрѣтенію власти— *tyrannus absque titulo*. Но она и тиранъ по способу ея употребленія: *tyrannus quoad exercitium*. Она окурила лестью философовъ, привлекла золотомъ общественное мнѣніе Европы, но въ странѣ своей оставила и распространила рабовладѣніе, править чрезъ любимцевъ, ненасытному сладострастію ея удовлетворяющихъ. О семь довольно. Теперь поговоримъ собственно о васъ.

Тутъ лицо Каліостро, до тѣхъ поръ дышавшее фанатическимъ экстазомъ проповѣдника, приняло мягкое, отеческое выраженіе.

— Милый юноша, я знаю, что сердце ваше увлечено женщиной, которую вы называете моею супругой. И она точно прекрасна, хотя столь же коварна и зла, сколь плѣнительна. Вы и жалостью къ ней подвигнуты, почитая меня нѣкимъ тираномъ прелестной. Вѣроятно, замѣтя ваше благородство и взоры, полные пламеннаго огня, сія лукавица уже нашла способы васъ вооружить противъ меня. Но вы ей не вѣрьте. Любите ее, если хотите, но не вѣрьте ни въ чемъ. Она уже едва не замыслила предательства, но сіе было разрушено, такъ какъ человѣкъ, которому она довѣрилась, на мою сторону предался. Я одно скажу. Между братьями святого ордена нашего все общее. Сія же женщина и не мнѣ, но ордену принадлежить. Итакъ, можетъ она быть пере-

дана орденомъ, кому пожелаютъ высокіе онаго наставники. Въ данномъ же случаѣ она противиться никакъ не будетъ. Ибо чрезмѣрно любить дѣвственниковъ. Будь же вѣренъ святому дѣлу, и нарушеніе обѣтовъ тамплиерства твое будетъ тебѣ разрѣшено и не воспрепятствуетъ полученію высшихъ степеней! Хочешь, я прикажу Лоренцѣ—ее зовутъ Лоренцой, ты знаешь?—и она придетъ къ тебѣ и упоитъ тебя всѣми тайнами и чарами Суламифи вертограда Соломонова? Скажи, хочешь ли?..

Князь Коріатъ все время слушалъ Калиостро, опутивъ глаза и склонивъ блѣдное лицо, ни звукомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ не выдавая впечатлѣнія, которое производили на него откровенія некроманта.

Но при послѣднихъ словахъ онъ вдругъ заскрежеталъ въ ярости зубами, вскочилъ и, неистово крикнувъ:

— Проклятый Сабаконъ! — размахнулся и ударилъ Калиостро по жирной, синеватой щекѣ.

Калиостро, получивъ оплеуху, остался сидѣть, какъ сидѣлъ въ креслахъ. Яркое впечатлѣніе ладони храмовника разгоралось на его лѣвой щекѣ. Нѣсколько мгновений длилось молчаніе. Но князя Коріата изумило выраженіе лица Калиостро.

Ни гнѣва, ни возмущенія, ни даже простого смущенія не проявилось на немъ; но лишь странное любопытство. Казалось, Калиостро размышлялъ, почему это храмовникъ назвалъ его Сабакономъ? И что это за Сабаконъ такой?

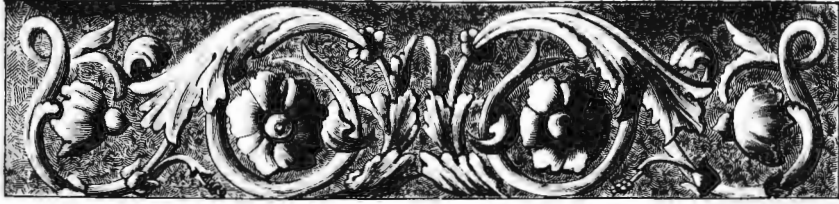
Но вдругъ все лицо его озарило восторженное умиленіе, слезы потоками брызнули изъ большихъ, темныхъ, маслинособразныхъ глазъ итальянца, и онъ бросился на шею князю Коріату, восклицая:

— Другъ мой! Братъ мой! Сынъ мой! Приди въ мои объятія! Ты выдержалъ испытаніе до конца! Ты чистъ, какъ кристаллъ! Ты твердъ, какъ адамантъ! Все, что я говорилъ тебѣ, была ложь! А теперь приступи и познай совершенное ученіе добродѣтели нашего святого ордена благотворенія, смиренія, послушанія властямъ, поставленнымъ отъ Бога, и законамъ гражданскимъ! Познай, что совершенный треугольникъ есть не скотоподобное равенство, не адское исчадіе вольности необузданной, не братство своеволія и бунта. Но совершенный треугольникъ есть: молитва, постъ и милостыня.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТРЫВОЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ПОСТУПИЛЪ въ Павловскій кадетскій корпусъ въ 1848 году. Этотъ годъ, какъ и предыдущій, былъ очень легокъ для поступающихъ, такъ какъ принимали почти безъ экзаменовъ. Легкость такого поступленія объяснялась тѣмъ, что какъ въ 1847 году такъ и въ 1848 году изъ корпусовъ было очень много кадетъ уволено, ввиду того, что многіе изъ нихъ засидѣлись по 3 и 4 года въ классахъ. Очистку эту началъ бывший тогда главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній великій князь Михаилъ Павловичъ.

Пріѣхалъ я въ Петербургъ изъ Выборга, гдѣ мой отецъ служилъ плацъ-майоромъ; онъ привезъ меня вмѣстѣ съ братомъ въ академію художествъ къ сестрѣ своей Варварѣ Ивановнѣ, которая была замужемъ за ректоромъ академіи Василиемъ Кузьмичемъ Шебуевымъ.

Не знаю, какъ теперь, но въ то время въ Финляндіи во всѣхъ домахъ дѣти русскихъ родителей говорили по-шведски, вѣроятно, потому, что прислуга—шведки — совершенно не была знакома съ русскимъ языкомъ, почему поневолѣ приходилось мириться съ тѣмъ, что дѣти гораздо лучше владѣли шведскимъ языкомъ, нежели роднымъ. Если же нужно было мнѣ, напримѣръ, за обѣдомъ попросить хлѣба, то фраза на «русскомъ» языкѣ выражалась такъ: «мощно менѣ эта кусокъ хлѣба браить?»

Вотъ съ такимъ-то знаніемъ русскаго языка я долженъ былъ держать экзаменъ для поступленія въ корпусъ. Но, несмотря на это, въ корпусъ меня приняли, такъ какъ вакансій было такъ много, что экзаменаторы смотрѣли только, имѣетъ ли малолѣтній

право по своему происхожденію быть принятымъ, почти не обращающаго вниманія на степень подготовки экзаменовавшагося.

Всѣмъ, воспитывавшимся въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ хорошо знакомо то чувство одиночества, которое овладѣваетъ ими первое время.

Не избѣжалъ этого чувства и я, несмотря на то, что былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ такими же малышами, среди которыхъ шла жизнь шумная и кипучая. Директоромъ корпуса былъ тогда генераль-майоръ Петръ Александровичъ Языковъ. Онъ былъ товарищемъ по 2-му кадетскому корпусу моему отцу, вслѣдствіе чего пригласилъ меня ходить къ нему въ отпускъ; это обстоятельство послужило мнѣ въ пользу, такъ какъ остальное корпусное начальство впослѣдствіи относилось ко мнѣ болѣе снисходительно, чѣмъ слѣдовало. Но недолго пробылъ Языковъ директоромъ: черезъ два года онъ умеръ, и на мѣсто его былъ назначенъ генералъ Отто Ивановичъ Мейндеръ.

Директорство его отличалось главнымъ образомъ цѣлымъ рядомъ комическихъ исторій, происходившихъ отъ незнанія Мейндеромъ, шведомъ, русскаго языка. Бывало, что кадетъ въ теченіе недѣли получалъ нуль,—тогда этотъ кадетъ не имѣлъ право на отпускъ въ воскресенье. Единица уже давала право отпуска. Были случаи, что кадетъ получалъ и два нуля,—тогда онъ отправлялся прямо къ Мейндеру и просилъ его уволить въ отпускъ. Мейндеръ спрашивалъ: «а что? нуль?»—«Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ провинившійся:—не нуль, а два (нуля)».

«А если—два, то иди», милостиво разрѣшалъ директоръ, не подозрѣвая, что подъ двумя надо подразумѣвать нули.

Самъ Мейндеръ былъ человѣкъ очень добрый и, по слабости характера, вовсе не годился быть директоромъ.

Главнымъ же воротилою въ корпусѣ былъ капитанъ Александръ Ѳедоровичъ Рیمانъ.

Въ Рیمانѣ было много противоположностей, а потому мнѣнія о немъ зачастую раздѣлялись.

Куреніе имъ сильно преслѣдовалось, и курильщиковъ чуть не исключали изъ корпуса, а между тѣмъ самъ Рیمانъ курилъ во всю.

Однако кадеты всячески изощрались и курили, гдѣ только было возможно, оправдывая слова бывшаго въ корпусѣ воспитателя капитана Насонова: чѣмъ больше препятствій со стороны начальства, тѣмъ больше изобрѣтательности со стороны воспитанниковъ.

Въ тѣ времена строевое образованіе считалось квинтъ-эссенціею всѣхъ познаній, и фраза: «господа, тяните носокъ,—вамъ хлѣбъ дастъ», была повседневною.

Были случаи, что Рیمانъ своимъ умѣлымъ заступничествомъ выручалъ кадетъ отъ грозившей имъ бѣды. Разъ случилось, что

кадеты 3-го спеціального класса не приготовили урока военной исторіи, преподавателемъ которой былъ генералъ Гершельманъ. При входѣ въ классъ генерала старшій доложилъ ему объ этомъ, но Гершельманъ сталъ вызывать кадетъ и, такъ какъ никто не отвѣчалъ, выставялъ всѣмъ по нулю. Переспросивъ весь классъ, онъ всталъ, чтобы уйти, но кадеты загородили собою дорогу и не выпускали его изъ класса, прося зачеркнуть выставленные нули. Гершельманъ счелъ это возмутительной дерзостью и доложилъ директору корпуса, который назначилъ экстренное засѣданіе комитета, чтобы рѣшить вопросъ объ удаленіи трехъ или четырехъ кадетъ, бывшихъ болѣе назойливыми.

Вотъ тутъ-то Риманъ показалъ свой здравый взглядъ на воспитаніе: онъ сумѣлъ убѣдить всѣхъ, что фактъ этотъ не такъ важенъ, чтобы портить карьеру юношамъ, имѣющимъ быть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выпущенными въ гвардейскіе и армейскіе полки.

Комитетъ внялъ голосу Римана и ограничился дисциплинарнымъ взыскаіемъ. Одинъ изъ провинившихся кадетъ въ настоящее время генеральнаго штаба генералъ-отъ-инфантеріи.

Помню я первое при мнѣ посѣщеніе нашего корпуса императоромъ Николаемъ I, этимъ строгимъ царемъ, этимъ исполиномъ по своей фигурѣ, этимъ рыцаремъ по своей душѣ.

Мы, дѣти, ужасно его боялись, вмѣстѣ съ тѣмъ очень его любили. Любимымъ обращеніемъ царя къ намъ было слово «карапузики». Стоило ему лишь крикнуть намъ: «карапузики, ко мнѣ», какъ мы, подобно стаѣ воробьевъ, кидались къ нему, присаживались на корточки, какъ и самъ государь, и тутъ начинались наши съ нимъ дѣтскіе разговоры. Государь, толкнувши двухъ-трехъ кадетъ, хохочетъ, когда группа дѣтей съ визгомъ и смѣхомъ валится на полъ. Такое простое обращеніе насъ всегда очень радовало. Но стоило государю сказать: «довольно, карапузики, по мѣстамъ!»—какъ мы моментально бросались по своимъ мѣстамъ и замирали въ полной тишинѣ и строевомъ порядкѣ.

Это очень нравилось государю.

Часто государь любилъ показывать иностраннымъ посламъ и агентамъ наши кадетскія строевыя ученія. Такъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда лѣтомъ было ученіе въ петергофскомъ лагерѣ и уже подходило къ концу, мы услышали крикъ: «всѣ на линію!»

Оказалось, что пріѣхалъ царь.

Поровнявшись съ нашимъ Павловскимъ корпусомъ, государь вышелъ изъ экипажа и поздоровался съ нами. Потомъ онъ отвелъ батальоннаго командира и что-то сказалъ ему, а затѣмъ, отойдя отъ него, скомандовалъ намъ: «карапузики, ко мнѣ!» Мигомъ мы собрались около него и насторожились, ожидая царскаго слова.

— Дѣти,—сказалъ государь,—пріѣхали иностранные агенты, и вотъ я хочу этимъ пѣтухамъ показать завтра ваше строевое ученіе. Молодцами будете?

Само собою мы дружно закричали: «будемъ, рады стараться».

На слѣдующій день былъ смотръ, который прошелъ великолѣпно, и, въ довершеніе строевого эффекта, весь корпусъ тихимъ шагомъ развернутымъ фронтомъ, построенымъ по тогдашнему въ три шеренги, прошелъ передъ государемъ. Это построеніе было очень труднымъ и нужно было много упражняться, чтобы фронтъ не «ломался».

Государь былъ въ восторгѣ и, поблагодаривъ насъ, подалъ командиру батальона руку, что дѣлалъ чрезвычайно рѣдко.

Кадеты были освобождены отъ занятій на недѣлю, и, кромѣ того, изъ дворца было имъ прислано много разнаго рода лакомствъ. Приблизительно въ это же время былъ слѣдующій эпизодъ, которому я былъ очевидцемъ.

Когда кадеты стояли въ лагерѣ въ Петергофѣ, то по воскресеньямъ и вообще по праздничнымъ днямъ разрѣшалось входить на дачу Ихъ Величествъ—Александрію.

Въ садъ допускались только кадеты, а корпусные офицеры, проводивъ кадетъ до воротъ дачи, возвращались въ лагерь и приходили за кадетами лишь къ извѣстному времени. Такимъ образомъ, кромѣ августѣйшаго хозяина, начальства у насъ уже не было.

Близъ самой дачи былъ сдѣланъ небольшой ровъ и брустверъ. Послѣ обѣда вышли къ намъ, кадетамъ, въ садъ великіе князья Николай и Александръ Александровичи, дѣти наслѣдника цесаревича, впослѣдствіи императора Александра II.

Тогда великому князю Николаю Александровичу было лѣтъ 12—13; собою онъ былъ очень красивъ, строенъ и бойкій, братъ же его, напротивъ, былъ очень тихій, худенькій, слабый и некрасивый, такъ что никакъ нельзя было ожидать, что въ зрѣлыхъ годахъ онъ сдѣлается такимъ высокимъ и мужественнымъ.

Въ это время была еще въ разгарѣ кавказская война, и злобою дня было взятіе или блокада крѣпости, кажется, Ахты.

Вотъ великій князь Николай Александровичъ и вздумалъ устроить при вышесказанныхъ брустверѣ и рвѣ воочію взятіе Ахты.

Для этого онъ раздѣлилъ человекъ двадцать кадетъ на два отряда: первый—атакующій во главѣ съ нимъ, а второй—обороняющійся, подъ начальствомъ брата.

Я попалъ въ этотъ послѣдній отрядъ.

Присутствовавшій здѣсь генералъ Философовъ подошелъ къ намъ и просилъ насъ не увлекаться, какъ при нападеніи, такъ и при защитѣ крѣпости и чтобы мы не позволили себѣ чего-либо рѣзкаго, неумѣстнаго.

Когда все было готово, великій князь Николай Александровичъ построилъ атакующую колонну и командовалъ: «Въ атаку! Ура!»

Тутъ произошла, конечно, такая каша, что трудно было и разобратъся, но, по приказанію Философова, мы, кадеты, сейчасъ же прекратили нашу войну, а великій князь такъ увлекся атакой, что вскочилъ на брустверъ, накинудся на своего брата, Александра, сбиль его съ ногъ и сталъ наносить ему ударъ за ударомъ, торжествуя свою побѣду; бѣдный же побѣжденный лежалъ и горько плакалъ. Генераль Философовъ, увидѣвши эту картину, побѣждалъ къ побѣдителю и заставилъ его сойти съ побѣжденного, а засимъ обоихъ отвелъ во дворецъ, чѣмъ и окончилось взытіе Ахты.

Около этого же времени былъ еще случай съ великимъ княземъ Николаемъ Александровичемъ. Какъ-то императору Николаю Павловичу былъ поданъ экипажъ къ крыльцу дачи въ Александриі; бѣгавшій около дачи великій князь Николай Александровичъ, увидя подѣхавшую коляску, вскочилъ въ нее и приказалъ кучеру ѣхать. Кучеръ отвѣтилъ:

— Ваше высочество, я ѣхать не могу: сейчасъ изволить выйти государь.

Тогда великій князь, вставши въ коляскѣ, грозно крикнулъ кучеру:

— Пошелъ!

Нечего было дѣлать, пришлось повиноваться. Такимъ образомъ Николай Александровичъ объѣхалъ кругомъ дачи.

Тѣмъ временемъ, пока совершалось это путешествіе, на крыльцо вышелъ государь и, не видя экипажа, гнѣвно спросилъ:

— А гдѣ же фаэтонъ?

Тотчасъ же подкатила коляска съ великимъ княземъ, и какъ только остановилась, государь позвалъ провинившагося:

— А поди-ка сюда! — взялъ его за ухо и повелъ къ дверямъ дачи, причемъ въ дверяхъ толкнулъ его сзади колѣномъ и, обернувшись къ намъ, кадетамъ, стоявшимъ неподалеку, произнесъ, улыбаясь: — А что! Впередъ не шали!

Съ этими словами государь сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна была худощава собою и средняго роста. Говорила она по-русски съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ и довольно высокимъ тембромъ голоса.

Она такъ же, какъ и государь, любила кадетъ, и разъ, пріѣхавши въ нашъ лагерь, приказала собратъся всѣмъ кадетамъ. Когда мы сбѣжались къ императрицѣ, она спросила:

— А кто у васъ самый маленькій кадетъ?

Ей отвѣтили: «Декановъ».

Государыня подозвала его къ себѣ, приказала ему сѣсть къ ней въ коляску и повезла кататься.

Съ тѣхъ поръ императрица часто прїѣзжала въ нашъ лагерь, останавливалась у младшей роты Павловскаго корпуса, вызывала Деканова и увозила съ собой кататься.

Однажды, во время подобной прогулки въ экипажѣ, съ Декановымъ случился дѣтскій грѣхъ: въ коляскѣ сдѣлалось мокро, и съ тѣхъ поръ, увы, прекратились и катанья Деканова съ императрицей.

Твердо и хорошо помню я дни кончины императора Николая Павловича. Утромъ 18 февраля прїѣхалъ откуда-то курьеръ съ распоряженіемъ немедленно отслужить молебенъ по случаю внезапной и тяжелой болѣзни государя. Мы, кадеты, были въ страшной тревогѣ, въ какой-то паникѣ, удивляясь тому, что о болѣзни государя ничего не было слышно, и вдругъ — молебенъ: значить дѣло серьезное.

Въ классахъ, какъ среди кадетъ, такъ и среди учителей, все шло вяло, разсѣянно и тревожно. Въ два часа дня опять было молебствіе и не успѣли мы окончить «многая лѣта», какъ новый курьеръ извѣстилъ о кончинѣ государя.

Въ шесть часовъ вечера была первая панихида.

Я, какъ сейчасъ, помню эту «ужасную» панихиду, — иначе ее и назвать нельзя.

Боже мой! Надо было и видѣть и слышать, что дѣлалось съ кадетами и публикой, когда діаконъ въ первый разъ упомянулъ имя почившаго императора. Буквально перо отказывается описать эту страшную картину, полную плача навзрыдъ, сопровождавшася паденіемъ всѣхъ ницъ на колѣни.

Когда же запѣли «со святыми упокой», то буквально все зарыдало и съ такими возгласами и истерическими криками, что пѣвчіе не могли отъ плача окончить слова этой молитвы, и дьячокъ долженъ былъ ее дочитать.

Картина была поразительная по выраженію общаго горя: каждый чувствовалъ сердцемъ дѣйствительную утрату великаго, грознаго и любимаго царя. Эти моменты горя никогда не забываются въ жизни, и теперь, спустя пятьдесятъ лѣтъ, когда я пишу эти строки, невольно прошибаетъ слеза.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, — всѣ знали, чувствовали, что царь этотъ грозенъ, деспотиченъ, бывалъ нерѣдко неумолимымъ къ преступленіямъ противъ Россіи, но всякій зналъ, что, пойдя къ нему съ своимъ сердечнымъ горемъ, и отъ него перваго ты получишь облегченіе душѣ и что у него перваго заговорить отцовское сердце. Не мудрено, что всѣ, и кадеты и общество, и народъ, и приближенные, обожали этого царственнаго колосса.

Мнѣ случалось читать его частныя письма къ В. К. Шебуеву, ректору академіи художествъ. Въ письмахъ этихъ государь называлъ Шебуева «милымъ, сѣрымъ котомъ Васей» (имя Шебуева —

Василій); все письмо царя было полно сердечности и теплоты, и было невозможно допустить, чтобы строки эти были написаны грознымъ императоромъ. Подписи на этихъ письмахъ были: «твой другъ Н.», или «твой другъ Н. Р.».

Въ корпусѣ ходилъ упорный слухъ, что государь самъ принялъ ядъ, не будучи въ состояніи перенести неудачи Севастопольской войны. Говорили, что когда 18-го февраля разнеслась вѣсть о тяжелой болѣзни государя, то на Дворцовой площади собрались тысячи народа, ожидая вѣстей изъ дворца. Около двухъ часовъ дня было сообщено народу, что государь скончался. Вся эта многотысячная толпа, зарыдавъ, обнажила свои головы и благоговѣйно стала креститься. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди народа прошла молва, что государя отравилъ лечившій его лейбъ-медикъ Мавдель, и народъ сталъ требовать выдачи его, чтобы расправиться съ нимъ своимъ судомъ.

Но до этого дѣла не дошло...

Возили насъ, кадетъ, въ Петропавловскій соборъ проститься съ прахомъ умершаго царя.

Какъ сейчасъ помню гробъ, поставленный на особомъ возвышеніи, на ступенькахъ котораго стояли дежурныя лица государственной свиты. Надъ гробомъ спускался высокій балдахинъ. Лицо государя было закрыто, потому что, какъ говорили, во время балзамирования лицо испортилось, вслѣдствіе чего его принуждены были закрыть; другіе же утверждали, что лицо государя испортилось отъ яду. Поэтому мы, кадеты, прощаясь съ почившимъ, цѣловали только порфиру, которою было покрыто тѣло царя.

Вступившій на престолъ императоръ Александръ II получилъ въ наслѣдіе Крымскую войну, которую онъ черезъ годъ и закончилъ. Несмотря на то, что условія мира были не очень почетны для Россіи,—никто не ропталъ, хорошо сознавая, что вести эту войну долѣе было немислимо.

Императора Александра II кадеты тоже любили за его доброту и ласковое обращеніе, но, надо правду сказать, — того дѣтскаго обожанія, какое было къ императору Николаю Павловичу, къ нему не было.

Можетъ быть, это происходило оттого, что онъ себя слишкомъ просто держалъ въ сношеніяхъ съ нами, кадетами, поэтому вся его добрая улыбка, ласковое и доброе слово были, такъ сказать, обыденностью, вслѣдствіе чего кадеты относились къ нему свободнѣе, безъ почтительнаго страха, тогда какъ грозная и величественная фигура его отца заставляла поневолѣ цѣнить всякое сердечное, ласковое и отцовское слово. Какъ императоръ Александръ II, такъ и императрица Марія Александровна относились къ кадетамъ очень сердечно.

Помню такой эпизодъ.

Государь съ государыней ѣхали по саду Александриі; вдругъ изъ одной боковой дорожки выскочилъ какой-то кадетъ Дворянскаго полка, подбѣжалъ къ экипажу и протянулъ какую-то бумагу государю.

Императоръ сильно нахмурился, велѣлъ экипажу остановиться, а когда кадетъ подошелъ къ государю,—строгимъ голосомъ спросилъ: «Какъ ты смѣлъ? Что тебѣ нужно?» Заплакавшій кадетъ объяснилъ, что у него просьба о братѣ; на это государь сурово отвѣтилъ: «Поддай черезъ директора», и приказалъ экипажу двинуться, но государыня остановила экипажъ и сказала своему супругу по-французски: «прими бумагу»,—тогда государь спросилъ: «Ну, что тамъ такое?» Кадетъ отвѣчалъ взволнованнымъ голосомъ: «Мой братъ ссыльный, простите!» Государь взялъ бумагу и сказалъ кадету: «Хорошо, не плачь, сдѣлаю, что можно». Экипажъ покотился дальше.

Я спросилъ кадета, въ чемъ дѣло, и онъ мнѣ сказалъ, что его старшій братъ при императорѣ Николаѣ былъ сосланъ, какъ политическій преступникъ, и что мать ихъ научила этого кадета подать прошеніе лично государю.

Я послѣ встрѣчалъ этого кадета и узналъ, что братъ его прощенъ и возвращенъ изъ ссылки. Такимъ образомъ, доброе заступничество царицы спасло несчастнаго.

Какъ-то разъ въ Александриі государь безъ фуражки вышелъ на балконъ и, увидавши меня съ товарищемъ, подозвалъ насъ къ себѣ и сталъ съ нами разговаривать о кадетской жизни. Что мы говорили, теперь я уже не припомню, но въ концѣ разговора государь спросилъ насъ: «А не хотите ли вы полакомиться?» Естественно, что отвѣтъ получился утвердительный, и государь, сказавъ: «Подождите, сейчасъ вышлю», удалился внутрь дворца.

Черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ вынесъ намъ по пакету разныхъ сластей. Когда же мы пришли къ товарищамъ, то зависть ихъ была велика, и они моментально растащили наши лакомства.

Не прочь былъ государь и пошутить съ кадетами.

Я помню такой случай. Какъ-то государь весною пріѣхалъ къ намъ въ корпусъ вмѣстѣ съ братомъ императрицы, принцемъ Вюртембергскимъ. Принцъ былъ высокаго роста, блондинъ, со свѣтлорыжей бородой, одѣтъ былъ въ форму нижегородскихъ драгунъ. Когда государь обошелъ уже корпусъ и хотѣлъ итти къ экипажу, мы, кадеты, закричали «ура» и хотѣли поднять государя на руки; государь насъ остановилъ и сказалъ: «Меня оставьте, а лучше поднимите нѣмца, только смотрите, не ущипните его за в . . . . у». Конечно, мы тотчасъ подхватили принца и вынесли его къ экипажу, не позволивъ себѣ неумѣстной надъ нимъ шутки.

Изъ моей кадетской жизни я хорошо помню еще и такой случай. Какъ-то однажды въ Петергофѣ пріѣхала невѣста великаго

князя Михаила Николаевича — принцесса Баденская Цецилія, впоследствии великая княгиня Ольга Федоровна.

Спустя недѣли двѣ-три, мы, кадеты, по обыкновенію, были въ воскресенье въ саду Александріи. Послѣ обѣда вышли въ садъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, и, усѣвшись съ нами на траву, стали попросту съ нами разговаривать и выслушивать нашу кадетскую болтовню. Несмотря на то, что корпусное начальство всегда предупреждало насъ быть въ высшей степени осмотрительными при встрѣчахъ нашихъ съ лицами императорской фамилии, не позволяя себѣ ничего лишняго, мы, увлекаясь минутой, позволяли себѣ больше, чѣмъ могло быть допустимо. Такъ было и въ этотъ разъ: когда великіе князья шутили съ нами, сидя на травѣ, одинъ изъ кадетъ, взявши какую-то травку, сталъ исподтишка щекотать великаго князя Николая Николаевича за ухомъ. Нѣсколько разъ великій князь сгонялъ предполагаемую муху, но, наконецъ, увидаль, какая это была муха, и, сказавши: «ахъ, это ты, дрянная муха», далъ такого здороваго тумака кадету, что тотъ разревѣлся.

Мы всѣ захохотали и стали дразнить пойманную «муху».

Великій князь Михаилъ Николаевичъ спросилъ насъ, видѣли ли мы его невѣсту и понравилась ли намъ она. Мы всѣ крикнули: «Понравилась, понравилась: она хорошенькая, красавица». Тогда Николай Николаевичъ спросилъ: «А что, моя жена лучше, чѣмъ невѣста брата?»

Мы безъ всякой церемоніи загалдѣли: «Нѣтъ, принцесса гораздо лучше и красивѣе»; тогда Николай Николаевичъ сказалъ: «Ничего вы не понимаете: моя жена лучше».

Этимъ нашъ диспутъ и окончился.

Перехожу теперь къ 1858 году. Этотъ годъ, кажется, былъ единственнымъ за все время существованія корпусовъ, по своимъ неудачамъ.

Въ тѣ времена, въ маѣ мѣсяцѣ, производились публичные экзамены въ громадной залѣ 1-го кадетскаго корпуса для всѣхъ выпускныхъ кадетъ разныхъ корпусовъ.

Къ этому времени пріѣзжали и всѣ выпускные изъ провинціальныхъ корпусовъ. Все шло какъ будто бы благополучно; кончились и экзамены, и мы ждали только того счастливаго дня, когда будетъ назначенъ высочайшій смотръ, послѣ котораго обыкновенно государь поздравлялъ кадетъ съ производствомъ въ офицеры. Но... вышло совсѣмъ другое.

Дѣло въ томъ, что выпускные кадеты, пріѣхавшіе изъ провинціальныхъ городовъ, стали знакомиться съ Петербургомъ не днемъ, а по ночамъ и притомъ въ разныхъ несоотвѣтствующихъ молодежи мѣстахъ, такъ что своимъ бродячимъ и буйнымъ поведеніемъ стали въ городѣ притчей во языцѣхъ. Что ни день, а въ

особенности ночь, то какой-нибудь скандалъ въ публичномъ мѣстѣ съ полицейскими протоколами. Обо всемъ полиція докладывала оберъ-полицеймейстеру, графу Петру Андреевичу Шувалову.

Долго и онъ терпѣлъ, но, наконецъ, вынужденъ былъ доложить обо всемъ государю. И вотъ, при этихъ-то некрасивыхъ обстоятельствахъ и былъ назначенъ высочайшій смотръ на Марсовомъ полѣ. Смотръ начался объѣздомъ государя, а затѣмъ пошли построения, передвиженія и т. п.

Все шло обычнымъ порядкомъ; кадеты старались изо всѣхъ силъ, всѣ движенія выполнялись безукоризненно, но черезъ каждыя 10—15 минутъ къ строю подъѣзжалъ кто-либо изъ флигель-адъютантовъ и говорилъ директору, что государь императоръ изволилъ замѣтить такую-то неправильность построения.

Мы, кадеты, хотя все это и видѣли и слышали, но не почувствовали грустнаго конца всѣхъ этихъ замѣчаній. Наконецъ смотръ окончился, ружья сложены въ козлы, мы ожидаемъ созыва къ государю, чтобы услышать отъ него радостную вѣсть о производствѣ нашемъ въ офицеры, но вмѣсто насъ были созваны директора корпусовъ. Пробыло начальство у государя съ четверть часа и возвратилось къ своимъ частямъ хмурое, заявивъ, что государь остался смотромъ недоволенъ и поэтому производства въ офицеры не будетъ; кромѣ того, приказано составить изъ выпускныхъ кадетъ отдѣльный батальонъ, которому производить ежедневно ученя на плацу 1-го кадетскаго корпуса. Также было сообщено, что государь сдѣлаетъ вторичный смотръ послѣ возвращенія своего изъ путешествія.

Такъ и случилось: государь уѣхалъ куда-то на сѣверъ, кажется, въ Соловецкій монастырь, а насъ стали ежедневно собирать на плацу 1-го корпуса и производить ученя.

Своднымъ батальономъ командовалъ генералъ майоръ Сутгофъ. Никто не ожидалъ, чтобы онъ былъ такимъ суровымъ, какъ оказалось: чуть ли не вторымъ Аракчеевымъ.

За всякую фронтovou ошибку онъ взыскивалъ, какъ за какое-нибудь преступленье. Ученя производились всегда около 11 ч. утра и, на бѣду нашу, почти каждый день былъ такой сильный солнцепекъ, что чуть не ежеминутно кадеты отъ жары падали въ обморокъ, причемъ остальнымъ, сосѣдямъ, не позволялось шевельнуться, а подбѣгавшіе сторожа уносили за фронтъ упавшаго, намъ же командовалось только: «сомкнись», и ученье продолжалось въ томъ же порядкѣ. До какой строгости доходило фронтвое ученье, можно судить изъ того, что нашего взводнаго командира штабсъ-капитана Петровскаго генералъ Сутгофъ посадилъ на гауптвахту за то, что у него шевелился султанъ на каскѣ,—значить онъ шевелилъ голову и давалъ худой примѣръ кадетамъ.

Въ отпускъ насъ хотя и пускали, но лишь въ воскресенье утромъ и являться приказывали не позже 8 часовъ вечера. На улицахъ вездѣ за кадетами «почетно» слѣдила полиція, а всѣ значныя мѣста оберегались полицейскими чиновниками.

Наконецъ, послѣ мѣсячнаго мученія и военной муштры, разнеслась радостная вѣсть о возвращеніи государя изъ путешествія, а затѣмъ и о томъ, что на 30-е іюня въ Царскомъ Селѣ назначенъ высочайшій смотръ злосчастному кадетскому батальону.

Подобнаго этому смотру, я думаю, не было ни одного дотолѣ, такъ какъ ружейныя приемы, ломка фронта со всѣми построеніями шли отчаянно дурно, и мы волновались до крайности, а между тѣмъ государь улыбался и похваливалъ насъ да похваливалъ.

Мы видимъ, чувствуемъ, сознаемъ, что заслуживаемъ лишь быть прогнанными со смотра, а государь, несмотря на продолжающіяся ошибки, продолжаетъ насъ хвалить.

Наконецъ смотръ окончился; сердца наши упали: что-то будетъ,—милость или гнѣвъ?

Какъ только сложили ружья въ козлы, государь подѣхалъ къ серединѣ батальона и подозвалъ насъ къ себѣ.

Мы его окружили, все еще боясь за свою судьбу.

Государь улынулся и сказалъ: «Поздравляю васъ, господа, съ первымъ офицерскимъ чиномъ!» Первый моментъ мы стояли, не вѣря своимъ ушамъ, но затѣмъ, опаматовавшись, крикнули такое «ура», что хоть за сто верстъ слышно, и мы всѣ кинулись цѣловать государю руки. Черезъ минуту онъ приказалъ намъ отойти и сказалъ намъ: «Теперь на васъ лежитъ обязанность отблагодарить государство за полученное вами образованіе: вы стали отвѣтственными членами общества и государства. Во всѣхъ нуждахъ обращайтесь ко мнѣ, какъ къ отцу. Да благословить васъ Богъ!» Съ этими словами государь перекрестилъ насъ и, сопровождаемый кликами «ура», уѣхалъ съ Марсова поля.

А мы, конечно, отъ счастья были на седьмомъ небѣ.

Я помню очень хорошо, что императоръ Николай I, обращаясь къ намъ, называлъ насъ: «дѣти», а Александръ II всегда говорилъ: «господа».

Такимъ образомъ и я въ числѣ другихъ кадетъ былъ произведенъ въ офицеры 30-го іюня 1858 года, и вышелъ въ 3-й Гренадерскій стрѣлковый батальонъ, стоявшій въ гор. Зарайскѣ Рязанской губерніи.

Стоянка эта ничѣмъ особеннымъ не отличалась, такъ какъ въ городѣ парила тишь, гладь и Божья благодать, а въ переносномъ смыслѣ—мертвечина захолустной жизни.

Въ 1863 году батальонъ нашъ былъ вызванъ въ Шавельскій уѣздъ Ковенской губерніи на усмиреніе польскаго мятежа.

Ранней весной мы отправились въ походъ. Помню, какъ сейчасъ, что въ то время и общество и военный міръ съ недовѣріемъ читали правительственныя сообщенія, въ коихъ говорилось, что польскія банды въ 300—500 человѣкъ разбивались на голову какимъ-нибудь взводомъ солдатъ, или что шайка въ 50—100 человѣкъ убѣгала и даже сдавалась пятерымъ или шестерымъ казакамъ. Общество, какъ я сказалъ, не вѣрило этому, ибо въ заграничной печати да и въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, подкупленныхъ поляками, были описанія грандіозныхъ картинъ возстанія, говорящихъ о мощной силѣ повстанческихъ войскъ.

Придя въ Ковенскую губернію, мы лично убѣдились въ томъ, что подъ именемъ «повстанія» шла только кукольная комедія, и что правительственныя сообщенія были совершенно вѣрны.

Все блистательное польское войско состояло изъ мѣстныхъ мужиковъ, вооруженныхъ косами и чуть ли не бабьими ухватами: естественно, что такое отборное войско при появленіи взвода солдатъ складывало свое «боевое оружіе», и радешенько было возвратиться въ хаты, чѣмъ по принужденію и безъ всякаго сочувствія къ дѣлу шляться по лѣсамъ и болотамъ.

Многіе польскіе помѣщики, увидѣвъ всю глупость возстанія, были какъ бы на сторонѣ правительства и охотно сообщали русскимъ войскамъ мѣста находенія польскихъ бандъ, такъ какъ банды тянули съ помѣщиковъ много разныхъ повинностей, яко бы на дѣло защиты, а на самомъ дѣлѣ лишь на кутежи и пьянство.

Кромѣ этихъ сообщеній, нашъ батальонъ имѣлъ свѣдѣнія почти ежедневно о мѣстахъ находенія бандъ: отъ одного ксендза и отъ юркаго жидка.

Совпаденіе оригинальное! Но не менѣе того—истина.

Жидъ приходилъ къ намъ и докладывалъ, что при поѣздкѣ его туда-то онъ видѣлъ около деревни шайку, но во многихъ случаяхъ оказывалось, что это была ложь, ибо онъ служилъ и нашимъ и вашимъ. Въ этомъ онъ однажды попался, и мы собственнымъ судомъ присудили его отодрать, какъ Сидорову козу.

Всѣ же сообщенія ксендза были буквально вѣрны, и если онъ указывалъ намъ мѣсто стоянки банды, то мы всегда ее тамъ же и находили. Визиты его къ намъ для своихъ сообщеній были другіе, чѣмъ у жидка: жидъ приходилъ и днемъ и ночью, а ксендзъ только вечеромъ и условно стучалъ два раза въ окно: мы его выпускали къ себѣ, и онъ, попивая съ нами чай или закусывая, рассказывалъ все, что зналъ.

Въ 1864 году я изъ 8-го Гренадерскаго батальона былъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ съ назначеніемъ на С.-Петербургско-Варшавскую желѣзную дорогу, на станцію Динабургъ (Двинскъ).

Въ это время графъ М. Н. Муравьевъ былъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Съ мятежниками онъ поступалъ сурово, не

смотря на ихъ происхождение. Въ Петербургѣ же поляки имѣли большую поддержку въ лицѣ свѣтлѣйшаго князя Суворова, котораго они безпрестанно просили о заступничествѣ и смягченіи участи измѣнившихъ поляковъ.

Такъ было и во время осужденія Муравьевымъ графа Платера, приговореннаго къ повѣшенію.

Вотъ тутъ-то поляки забѣгали къ Суворову, прося защиты. Суворовъ, будучи въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Муравьеву (отношеній этихъ онъ не скрывалъ), не рѣшился прямо просить Муравьева о смягченіи участи, но все-таки, желая что-нибудь сдѣлать въ угоду полякамъ, послалъ Муравьеву телеграмму, спрашивая, за что Платеръ присужденъ къ смертной казни. На эту телеграмму Муравьевъ отвѣтилъ однимъ словомъ: «Отгадайте?».

Этимъ и окончилось ходатайство Суворова, а графъ Платеръ былъ казненъ.

Возвращусь къ Суворову.

Въ шестидесятыхъ годахъ императоръ Александръ II ѣхалъ черезъ Варшаву за границу. Суворовъ сопровождалъ государя до станціи Калкуны, гдѣ былъ наборъ воды для паровозовъ императорскаго поѣзда, почему остановка поѣзда была сдѣлана минутъ на двадцать. Суворовъ со станціи Калкуны долженъ былъ ѣхать въ Ригу. Послѣ ухода царскаго поѣзда Суворовъ, посидѣвши немного на вокзалѣ, вышелъ на платформу, прошелъ нѣсколько шаговъ и, поморщившись, крикнулъ своему лакею: «Фу, какъ холодно! подай-ка мнѣ суворовскую шинель!»

Что хотѣлъ онъ сказать этой фразой—не знаю, но, видимо, онъ намекалъ на болѣе знаменитаго Суворова, чѣмъ былъ самъ. Затѣмъ онъ спросилъ меня:

— А въ какую сторону ѣхать въ Ригу?

Я отвѣтилъ.

— А, значитъ, въ эту сторону я попалъ бы въ Вильну къ Муравьеву? Хорошъ бы я былъ. А вы его знаете?—спросилъ меня Суворовъ.

— Знаю,—отвѣчала я.

— Хорошъ молодецъ,—не приведи Богъ попасть къ нему въ руки!

Такой безтактности я не ожидалъ отъ генераль-адъютанта, тѣмъ болѣе, что разговоръ нашъ слышали нѣкоторые желѣзнодорожные служащіе, бывшіе на платформѣ,—а потому я постарался отъ Суворова поскорѣе отдѣлаться.

За мою 37-лѣтнюю службу въ корпусѣ жандармовъ на желѣзной дорогѣ было много интересныхъ эпизодовъ, которымъ я былъ свидѣтелемъ.

Такъ, помню я, покойная императрица Марія Александровна ѣхала съ юга въ Петербургъ и, кажется, вслѣдствіе размыва по-

лотна должна была ѣхать по той линіи, по которой ранѣе не предполагалось. Это было уже послѣ кончины ея сына, наследника цесаревича Николая Александровича. Динабург-Витебская желѣзная дорога тогда была вполне нѣмецкой дорогою: все говорилось и писалось по-нѣмецки. И вотъ нѣмцы, желая почтить императрицу, украсили станцію Полоцкъ, гдѣ была получасовая остановка поѣзда, ельникомъ, и не только снаружи, но и залъ, и буфетъ, и прочія комнаты.

Употреблять другую зелень—было бы дорого, а елочное убранство, по мнѣнію нѣмцевъ, было и дешево и красиво.

И вотъ государыня, выйдя на платформу, увидавши это елочное украшеніе и почувствовавъ его запахъ, заволновалась, и слезы покатались у нея изъ глазъ. Кинулись къ ней, желая узнать, въ чемъ дѣло. Государыня сказала, что ель напомнила ей смерть сына и что она не могла удержаться, чтобы не заплакать. Такимъ образомъ, дешевое нѣмецкое елочное убранство станціи окончилось слезами государыни.

Не помню, въ которомъ году было комическое происшествіе съ императоромъ Александромъ II. Государь возвращался изъ Варшавы въ Петербургъ. На одной изъ станцій, гдѣ назначенъ былъ наборъ воды для паровозовъ, поѣздъ остановился на продолжительное время.

Начальство повыскакивало изъ вагоновъ для наблюденія и скорѣйшаго отправленія поѣзда, а государь, желая, что называется, ноги промять, вышелъ безъ свиты изъ вагона и пошелъ прогуливаться въ маленькій станціонный садикъ.

Желѣзнодорожные служащіе не замѣтили выхода государя изъ вагона, и, когда паровозы были готовы, оберъ-кондукторъ далъ знакъ машинисту трогаться. При императорскихъ поѣздахъ все дѣлается словесно, безъ свистковъ и звонковъ, а потому поѣздъ безшумно сталъ отходить. Въ это время изъ садика выходитъ государь и кричитъ: «Стой, стой! пассажира забыли!»

Можно себѣ представить, что сдѣлалось со всѣми сопровождавшими поѣздъ: кто кричитъ «стой», кто машетъ руками, или платкомъ, кто выскочилъ на ходу изъ вагона и во всю прыть бѣжитъ къ паровозу, чтобы его остановить.

Поѣздъ прошелъ немного и былъ остановленъ, а государь, улыбаясь, вошелъ въ вагонъ и могъ продолжать свою поѣздку, не опасаясь быть забытымъ на станціи.

Въ серединѣ или концѣ шестидесятыхъ годовъ жандармскіе офицеры всей Петербурго-Варшавской линіи получили такую телеграмму отъ Муравьева: «Изъ Петербурга выѣхалъ съ французенкой его высочество герцогъ Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій; по обнаруженіи не пропускать и возвратить въ Петербургъ. Мнѣ телеграфировать».

На станці Динабургъ (Двинскъ) было тогда три жандармскихъ офицера, въ томъ числѣ и я.

Получивъ эту телеграмму, мы рѣшили, по обнаруженіи герцога, не принимать принудительныхъ мѣръ, а отцѣпить его вагонъ отъ поѣзда, прицѣпить къ идущему обратно, и вернуть въ Петербургъ.

Прошло двое сутокъ, а герцога все нѣтъ. Мы уже думали, что его гдѣ-либо ранѣ задержали, но оказалось, что герцогъ проѣхалъ до полученія нами телеграммы и уже былъ за границей.

Дѣло произошло такимъ образомъ: герцогъ, увлекшись французской актрисой, кажется, Деверіа, пожелалъ проводить ее за границу, причемъ обратился къ начальнику Варшавской дороги, французу Алькіе. Алькіе сказалъ герцогу, чтобы за два часа до отхода поѣзда онъ былъ у него на квартирѣ. Такъ было и сдѣлано. Герцога посадили въ вагонъ и прицѣпили къ поѣзду послѣ второго звонка. Никто объ этомъ не зналъ, а служащіе думали, что вагонъ посылается за кѣмъ-нибудь въ Вержболово. Бѣжавшему контролеру Брейтфусу Алькіе рассказалъ, въ чемъ дѣло, и передалъ ключъ отъ вагона, прося въ дорогѣ говорить, что вагонъ идетъ для князя Шаховского.

Такимъ образомъ герцогъ доѣхалъ до Вержболова, гдѣ пригласилъ къ себѣ управляющаго таможеню дѣйствительнаго статскаго совѣтника Твердянскаго, которому сказалъ, что выѣхалъ неофициально, и что, проводивъ даму до Эйдкунена, вернется обратно. Твердянской, не имѣя еще никакихъ распоряженій, согласился содѣйствовать герцогу. Поѣздъ ушелъ и не успѣлъ еще скрыться изъ виду, какъ Твердянской получилъ телеграмму о задержаніи герцога. Твердянской, тѣмъ не менѣе, рассчитывалъ, что герцогъ вернется съ поѣздомъ изъ Эйдкунена, но... пришелъ поѣздъ, а герцога не было. Оказалось, что онъ поѣхалъ дальше на Берлинъ. Видя, что дѣло прогорѣло, Твердянской телеграфировалъ матери герцога, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, а самъ съ первымъ поѣздомъ выѣхалъ для личнаго доклада.

Между тѣмъ телеграфировали въ Берлинъ, а въ Берлинѣ въ вагонъ къ герцогу сѣлъ какой-то весельчакъ, сталъ разспрашивать, куда онъ ѣдетъ, но герцогъ опредѣленнаго отвѣта не давалъ. Весельчакъ-нѣмецъ все не оставлялъ герцога и говорилъ ему, что онъ ему очень понравился и онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Тогда Евгеній Максимиліановичъ спросилъ: «Что вы, агентъ полиціи, что ли?» Нѣмецъ вынулъ бумагу и показалъ герцогу, а въ бумагѣ было сказано, чтобы агентъ предложилъ герцогу вернуться въ Петербургъ. Тогда герцогъ расхохотался и сказалъ агенту: «Что же вы раньше мнѣ ничего не сказали,—я бы давно уже поѣхалъ обратно въ Петербургъ». Затѣмъ, простившись со

своей дамой и выйдя изъ вагона на какой-то станціи, герцогъ съ агентомъ отправился въ Петербургъ.

Первое марта 1881 года произвело потрясающее впечатлѣніе на общество: возмущались бездѣятельностью полиціи, высказывались сужденія о государственномъ строѣ, но я не видѣлъ того безысходнаго горя, какое было при кончинѣ императора Николая Павловича, а между тѣмъ чего не далъ императоръ Александръ II русскому народу!

17 октября 1888 года, въ день крушенія царскаго поѣзда, я сопровождалъ поѣздъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, ѣхавшимъ по Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Въ серединѣ дня, когда поѣздъ шелъ между станціями Ковали и Красный Берегъ, вдругъ раздались тревожные свистки, и поѣздъ остановился среди поля. Оказалось, что загорѣлся второй вагонъ отъ паровоза, въ которомъ стояла лошадь великаго князя.

Мы подбѣжали къ горящему вагону, кучеръ отворилъ уже дверь, а конь подошелъ къ дверямъ, присѣлъ на заднія ноги и выскочилъ изъ вагона, почти съ саженой высоты, на землю, затѣмъ подбѣжалъ къ стоявшему противъ вагона великому князю и остановился передъ нимъ, какъ вкопанный. Великій князь приласкалъ коня и поцѣловалъ его въ голову. Это былъ любимый карабахъ великаго князя.

Между тѣмъ пожаръ былъ потушенъ, вагонъ отцѣпили, и поѣздъ отправился дальше, а лошадь довели до станціи Ковали и отправили со слѣдующимъ поѣздомъ.

Впослѣдствіи мнѣ хотя и пришлось сопровождать поѣзда съ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ, но за этотъ періодъ времени не было ничего, что могъ бы я занести на страницы своихъ отрывочныхъ воспоминаній.

Е. Латынинъ.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗЛАДЪ ¹⁾.

ХІІІ.

ВЕСЬ день провела Оля съ матерью и у матери и вернулась изъ Царскаго, полная разказовъ и впечатлѣній.

Первыя слова ея были, когда она встрѣтила отца (онъ ждалъ ее на улицѣ, расхаживая около двухъ-трехъ домовъ взадъ и впередъ):

— Папа, папа! Я такая фе большая, какъ Фоня!— и фразу эту, улыбаясь во весь ротъ, она повторяла всѣмъ, и «бабѣ Варѣ», и «бабѣ Фимѣ», и Григорію, и нянѣ. Очевидно было, что сознаніе своего роста доставляетъ ей безграничное удовольствіе.

— Ну, а какъ же ты встрѣтилась съ Соней? Какая она? Гдѣ она тебя ждала?—стали засыпать старухи Олю вопросами, когда Андрей Николаевичъ внесъ дѣвочку въ домъ (Татьяна Алексѣевна не вошла и уѣхала, передавъ отцу дочь) и она, сидя у отца на колѣняхъ, вила въ столовой вечернее молоко.

— Фоня?.. Маленькая,—убѣжденно, не задумываясь, отвѣчала Оля, болтая подъ столомъ ногами.—Вотъ такая!—Она отпила молоко изъ чашки, вытянула оба указательные пальца на разстояніе другъ отъ друга двухъ-трехъ вершковъ, и, лукаво улыбаясь глазами, стала жевать хрустящій сухарь.

«Хр... хр!» раздавалось въ затихшей комнатѣ, а старухи и отецъ переглядывались между собою, смотрѣли на нее и любовались.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVI, стр. 452.

— У нея коляфка, и мы въ ней каталифъ,—проговорила вдругъ Оля живо.—Мафель Марй нафъ вофила по фаду, и вдругъ Ваня бухъ,—залилась Оля смѣхомъ.

— Что?.. Кто?..—нагибаясь грудью къ столу, стали спрашивать старухи, восхищенно улыбаясь, и Оля начала свои рассказы, но изъ нихъ, увы... ничего не могли понять не сверстники ея.

Для нихъ ясно было одно, что сегодняшній день дѣвочка не забудетъ, что онъ навсегда волшебнымъ рѣзцомъ запечатлѣнъ въ ея сердцѣ.

А Соня въ Царскомъ Селѣ лежала въ постелькѣ, дожидалась возвращенія матери изъ Петербурга и не могла заснуть.

То ей, неизвѣстно отчего, казалось, что papà запретъ мамѣ въ комнатѣ, темной, темной, и она не будетъ въ состояннн выйти изъ нея, будетъ кричать и биться, и звать, но никто не придетъ спасти ее.

И Соня задыхалась отъ ужаса.

То ей казалось, что мамѣ ѣдетъ въ Царское и что въ вагонѣ какой-то человекъ подходитъ къ ней, отворяетъ окно и хочетъ оттуда ее выкинуть.

Сердце дѣвочки мгновенно останавливалось и потомъ начинало безумно биться въ груди.

Она вскакивала, садилась на постель и начинала прислушиваться: не вернулась ли Татьяна Алексѣевна, не слышится ли ея голосъ?..

То она вспоминала весь день ласки Татьяны Алексѣевны и m-lle Marie, расточаемыя Олѣ, лепеть Оли, слова m-lle Marie: «on peut être plus jolie, mais on ne peut pas être plus gentille, que votre petite soeur». И змѣя ревности кусала сердце Сони.

Губы ея начинали дрожать, и ей казалось, что Татьяна Алексѣевна больше полюбила Олю, оттого уѣхала съ ней и больше уже не вернется.

— Не вернется!.. Не вернется!..—шептала она, широко раскрывая ротъ, чтобы не было слышно, что она плачетъ.

Жгучія слезы скатывались изъ ея глазъ, охлаждались у виска и холодными капельками, щекоча ея ухо, скатывались на подушку.

— Не вернется!.. Давно уже могла бы...—и дѣвочка желала одного: умереть, чтобы тогда мамѣ пожалѣла, что она промѣняла ее на Олю!

Когда наконецъ Татьяна Алексѣевна вернулась домой, она застала падчерицу залитою слезами.

M-lle Marie стояла передъ дѣвочкой у кровати со стаканомъ сахарной воды и добрыми, испуганными, недоумѣвающими глазами смотрѣла на нее.

— Mais voyons? Mais qu'avez vous? — изрѣдка спрашивала она ее.

— Что такое? — испуганно выговорила Татьяна Алексѣевна, подходя къ дѣвочкѣ.

— Я... думала... ты... не вернешься! — сквозь рыданія выговорила Соня, и ревнивыми, страдающими, заплаканными глазами просительно впила въ лицо матери. — Я думала, тебя papà не пуститъ ко мнѣ.

— Qu'est ce qu'elle dit? — спросила m-lle Marie.

Съ минуту Татьяна Алексѣевна смотрѣла на падчерицу, не понимая, потомъ вдругъ сообразила и даже покраснѣла отъ досады.

— Ah!.. Des bêtises, — хмурясь отвѣчала она m-lle Marie и, махнувъ рукой въ сторону Сони, отошла къ туалету и стала снимать свою шляпу.

Вынувъ булавки, поправивъ волосы, она выслала швейцарку изъ комнаты и подошла къ кроваткѣ ребенка.

Соня плакала, сидя въ ней, но уже не изъ ревности, а изъ сознанія, что разсердила мать.

— Прости меня, прости! — проговорила она, когда Татьяна Алексѣевна подошла къ ней и, быстро вскочивъ и ставъ на колѣни, она вскинула тоненькими ручками, обняла мачеху за шею и уткнулась лицомъ въ ея плечо.

Татьяна Алексѣевна обняла ея худенькое, хрупкое тѣло, сѣла на ея кровать и долго молчала, не выпускала ее изъ объятій, цѣлуя ее и отвѣчая на ея поцѣлуи. Потомъ она заговорила.

Тихо, съ улыбкой, она журила ребенка за недовѣріе, вспоминала весь день съ Олей, хвалила Соню за выказанную Соней любовь къ сестрѣ, за то, что она дала Олѣ играть самыми любимыми своими игрушками и не разсердилась, когда та отбила носъ у Вани, описала, какъ Оля радовалась, когда papà отпустилъ ее въ Царское, и какъ она плакала, когда papà не хотѣлъ ее сначала пустить. И мало-по-малу, осторожно, съ остановками, кружными путями, подошла къ опредѣленію зависти, ревности, недовѣрія, лжи и любви.

— Я и отъ papà ушла, рѣшила вмѣстѣ не жить съ нимъ потому, что онъ не вѣрилъ моей любви, ревновалъ меня къ тебѣ, — закончила она медленно, соразмѣряя слова и слѣдя за впечатлѣніемъ, производимымъ ею на Соню.

— А papà я тоже ужасно любила и люблю. Если же ты начнешь, какъ онъ, мнѣ не вѣрить, я и отъ тебя тоже уйду.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. — испуганно взмолилась Соня, дрожа и прижимаясь къ Татьянѣ Алексѣевнѣ. — Я вѣрю... я буду вѣрить... я люблю Олю... она твоя дочь... я буду ее любить... Правда... правда... повторяла она, заглядывая въ глаза Татьянѣ Алексѣевнѣ и влагая всю душу въ свою интонацію.

Когда она, часовъ около двухъ утра, уснула, утѣшенная тѣмъ, что кровать ея Татьяна Алексѣевна придвинула совсѣмъ близко къ своей, какъ дѣлала, когда она бывала больна,—Татьяна Алексѣевна еще долго лежала, не смыкая глазъ.

Передъ ней носились картины—воспоминанія сегодняшняго дня.

Вотъ она ѣдетъ съ Олей на извозчикѣ. Оля страшно довольна своими фильдекосовыми перчатками, пуговицами съ якорями на кофточкѣ, и то поднимаетъ руку, то ногу и вслухъ любитъ своими обновками. Вотъ онѣ въ вагонѣ. Дѣвочка ни минуты не сидитъ на мѣстѣ и ни минуты не молчитъ. Крупная и неуклюжая,—на видъ по росту ей можно дать не менѣе восьми лѣтъ,—она, несмотря на это, отличается необычайной подвижностью: то тронетъ пепельницу, то начинаетъ разстегивать и застегивать синій шнурокъ у оконной занавѣски, то подбѣжитъ къ матери и, облокотясь на ея колѣни, трогаетъ и разглядываетъ ея браслеты и спрашиваетъ:

— А это какой камень? А это?.. А это?—на всѣ голоса. Татьяна Алексѣевна чувствуетъ, что она невозможно воспитана, что слѣдовало бы ее останавливать, но чувствуетъ, что этого пока нельзя, и утѣшается только сознаниемъ, что сердце у нея прекрасное. Вотъ онѣ приѣзжаютъ въ Царское. Соня съ m-lle Marie должны встрѣтить ихъ, должны быть на вокзалѣ. И она съ Олей, стоя у окна, отыскиваетъ ихъ глазами. Но ихъ нѣтъ. И вдругъ безумный страхъ леденитъ ея сердце. Жива ли Соня? Не случилось ли что съ ней? Можетъ быть, упала, расшиблась. M-lle Marie готовила качели на деревѣ для Оли. Можетъ быть, Соня свалилась съ этихъ качель, сломала себѣ шейный позвонокъ, и ея нѣтъ уже на свѣтѣ. Татьяна Алексѣевна чувствуетъ, что можно сойти съ ума отъ ужаса, чувствуетъ, что все отдалилось отъ нея, что Оля, и ея миссія относительно дочери и мужа, все куда-то ушло, что это просто такъ, игра какая-то, что всѣ люди для нея блѣдныя тѣни...

Съ этимъ чувствомъ, со странной улыбкой Татьяна Алексѣевна отвѣчаетъ на поклоны двухъ-трехъ знакомыхъ, ведетъ Олю за руку и сажаетъ ее на извозчика. Дѣвочка пристааетъ:

— Гдѣ же Фоня, мамà? А гдѣ же Фоня?—Но Татьяна Алексѣевна не въ силахъ ей ничего отвѣтить, кромѣ:

— Не знаю. Вѣрно, дома осталась... И онѣ ѣдутъ, ѣдутъ по различнымъ аллеямъ, сворачивая то налево, то направо, въ Фриденвальскую колонію. И вдругъ, о радость! Точно солнце выглянуло изъ-за тучъ...

Соня со швейцаркой на аллеѣ, стоитъ, дожидается ея. Онѣ шли, но, очевидно, опоздали къ побѣду. У Сони ея бѣлое въ англійскихъ прошивкахъ платье и шляпа съ страусовымъ перомъ, какъ у Оли. Нитка крупныхъ коралловъ на шеѣ и красній ку-

шакъ. Въ тоненькихъ ручкахъ цвѣты. Въ большихъ, грустныхъ, голубыхъ глазахъ съ длинными рѣсницами—цѣлый міръ вопроса и тоски.

— Вотъ, вотъ Сонни!—показываетъ Татьяна Алексѣевна Олѣ на дѣвочку, и она киваетъ падчерицѣ и улыбается ей, любуясь ея волнистыми длинными волосами, отливающими золотомъ спѣлыхъ колосъевъ.

— Что ты такая скучная? Что случилось?—кричитъ она ей. Въ душѣ самой Татьяны Алексѣевны все ожило, все залито солнцемъ. Снова кажется понятнымъ весь міръ и ея личная миссія!..

Дача недалеко. Татьяна Алексѣевна весело сходитъ съ извозчика. M-me Marie кидается къ ней и бережно, какъ драгоценность, вынимаетъ изъ дрожекъ толстую, грузную Олю, пока Соня, не отрываясь, прижимаетъ губы къ рукѣ мачехи, а та съ нѣжной улыбкой спрашиваетъ ее, отчего онѣ опоздали. Затѣмъ дѣвочки смущенно, холодно, по приказанію, цѣлуются. Соня передаетъ Олѣ букетъ полевыхъ цвѣтовъ, а Оля громко, шумно заявляетъ, глядя на него:

— Это фтофъ? Это зафѣмъ?—и добавляетъ:—я думала, Фоня больфая, а она маленькая!.. И всѣ идутъ къ дачѣ. Дверь балкона увита гирляндой какихъ-то листьевъ, дѣло рукъ m-me Marie, и слова «*Soyez la bienvenue*» ярко выдѣляются на транспарантѣ, также какъ и монограмма О. Н. Въ столовой столъ накрытъ къ завтраку и кресло Оли увито цвѣтами.

— Фей это фтуль?—подбѣгая къ нему, сюсюкаетъ Оля и, узнавъ, что ея, тотчасъ хочетъ сѣсть на него, а Соня смотритъ на нее, смотритъ на то, какъ m-me Marie осторожно, чтобы не смять цвѣты, сажаетъ ее въ кресло... На губахъ ея легкая улыбка. Въ глазахъ міръ вопросовъ и тоски.

— Le veau gras!—думаетъ Татьяна Алексѣевна. — Le veau gras!.. и она понимаетъ психологически состояніе Сони, задѣтой въ душѣ тѣмъ, что для нея Мари, да и никто другой, никогда не увивалъ цвѣтами кресла, не дѣлалъ транспаранта!..

— И какъ я объ этомъ не подумала!—упрекаетъ себя Татьяна Алексѣевна.—Надо было приготовить два кресла и соединить въ монограмму ихъ пмена!.. И Татьянѣ Алексѣевнѣ становится безконечно жаль падчерицу.

— Человѣческое чувство, человѣческое!—думаетъ она съ грустью и мечтаетъ о томъ, чтобы такъ воспитать изстрадавшуюся крошку, чтобы вырвать изъ ея сердца это ужасное чувство зависти и ревности, это наслѣдіе отцовъ.

— Да, въ этомъ она дочь Андрей Николаевича, несомнѣнно,—думаетъ она съ полу-улыбкой, и ей вспоминаются итальянскіе стихи «*degli amanti l'orribil frepore*...—Влюбленныхъ ужасныя цѣпи, ужасная узда,—переводитъ она мысленно:—ужасная уз-да...»

Мысли ея путаются, какія-то волны тумана охватываютъ ея мозгъ.

— Музда...—вспоминаетъ она вдругъ.—Муздать Копчика!.. Воспоминанія дѣтства, двоюродный братишка, произносившій такъ слова «узда» и «уздать», верховая лошадь мелькаютъ у нея въ памяти, и она погружается въ волны сна все ниже и глубже и чувствуетъ, какъ все двойственно въ жизни, и въ ней самой, и какъ этого нужно избѣгать.

— Уздать... и муздать!.. Нужно быть цѣльной натурой... Нужно муздать ревность, муздать себя... муздать Андрея Николаевича...

XIV.

Прошло еще мѣсяцевъ пять, и новая жизнь, назрѣвавшая гдѣ-то внутри, въ тайникахъ человѣческаго сердца и жизненныхъ обстоятельствъ, пробилась наружу.

Внѣшне семейная жизнь Немровыхъ за эти пять мѣсяцевъ ни въ чемъ не измѣнилась. Татьяна Алексѣевна жила съ Соней въ имѣннн дѣвочки, занимаясь устройствомъ задуманной ею еще за границей школы. Андрей Николаевичъ уѣхалъ на мѣсто новаго служенія и провелъ всѣ пять мѣсяцевъ въ «обструкціи», такъ какъ вскорѣ послѣ визита Оли въ Царское Село написалъ женѣ, что совершенно не въ состояннн согласиться на ея предложеніе, и увезъ съ собой Олю и мать въ провинцію. Но прошло лѣто, наступилъ сентябрь, и съ нимъ пришла пора для Андрея Николаевича или покориться требованіямъ жены, или «загубить» дочь.

Варвара Николаевна все сильнѣе прихварывала отъ подагры. Проходили дни, даже цѣлыя недѣли, когда старуха, несмотря на характеризующее ее терпѣніе и покорность судьбѣ, не могла двинуться и лежала на диванѣ, не шевелясь, съ вытянутой, опухшей, забинтованной ногой, моля объ одномъ: чтобы Олю не подпускали къ ней, такъ какъ подвижной ребенокъ ни минуты не могъ сидѣть на мѣстѣ, то шумѣлъ, то бѣгалъ, то, не желая, задѣвалъ ея ногу, причиняя тѣмъ нестерпимыя страданія.

— Господи! Что это за несчастный ребенокъ!—жаловался со слезами на глазахъ Андрей Николаевичъ теткѣ, Серафимѣ Николаевнѣ, пріѣхавшей навѣстить сестру уже въ серединѣ августа и оставшейся ухаживать за больной.—Что за несчастный!.. Вѣдь есть мать, и какъ будто нѣтъ ея! А она тамъ сидитъ и ухаживаетъ за этимъ разварнымъ, незаконнымъ цыпленкомъ,—добавилъ онъ иронически.—Пожалуй, придется дѣйствительно,—и онъ криво усмѣхнулся и исподлобья поглядѣлъ на тетку, — дѣйствительно придется... если больше некому смотрѣть за моей Олей, отдать се...

Онъ оборвалъ.

Быль вечеръ. Они вдвоемъ сидѣли на балконѣ съ зажженной свѣчой подъ стекляннымъ колпакомъ, около котораго кружились мошки и ночныя бабочки, и тоскливо, одиноко пили чай.

Варвара Николаевна была уже въ постели.

— Tu veux la rendre à Татьяна Алексѣевна?—послѣ молчанія, заглядывая на него косыми, больными глазами, осторожно и таинственно спросила Серафима Николаевна, стараясь придать голосу какъ можно болѣе успокоительную интонацію.

Наступила тишина. Черная южная ночь глядѣла изъ сада.

— Что жъ подѣлаешь?—вздыхая и пожимая плечами, отвѣчалъ наконецъ Андрей Николаевичъ. Глаза его смотрѣли въ воображаемое пространство.—Ничего не остается больше,—добавилъ онъ съ горечью и опять вздохнулъ.—Матан больна. Все время гонить ее отъ себя... Не могу жъ я за ней самъ смотрѣть. Полдня и больше я не бываю дома: развѣзжаю! Кто жъ будетъ?—Онъ досталъ портсигаръ и закурилъ.—Развѣ вы согласитесь?..

— О, нѣтъ!—испуганно перебила его Серафима Николаевна.—И не проси... Я стара, и потомъ j'aime mes petites aises. Гдѣ мнѣ съ твоей Олей!—Она испуганно-умоляюще помахала рукой.

Андрей Николаевичъ ничего не отвѣтилъ и долго опять сидѣлъ молча.

— Да!.. Придется!—вздохнулъ онъ черезъ нѣкоторое время.—Нѣтъ причины отдѣлять ее отъ матери... А это единственный выходъ при моихъ обстоятельствахъ.

Онъ попробовалъ улыбнуться.

— Certainement, certainement!—повторила старуха.

Она рада была, что все упрощается, и мысленно, во время молчанія племянника, рѣшила уже, что Варенька тогда будетъ жить съ ней, въ Петербургѣ, куда она переселилась съ тѣхъ поръ, какъ любимая замужняя племянница ея, дочь ея брата, т. е. собственно ея мужъ былъ переведенъ изъ Кіева въ столицу.

Въ ту же ночь она пересказала свой тайный разговоръ съ Ейчикомъ сестрѣ, подъ величайшимъ секретомъ, и даже разсердилась на Варвару Николаевну за ея радостное замѣчаніе, что она завтра же поговоритъ съ сыномъ объ этомъ. «Puisqu'il a prié de ne pas vous en parler», раздраженно морщась сказала она, и долго еще старухи-сестры не спали и, лежа на своихъ кроватяхъ въ бѣлыхъ смѣшныхъ чепцахъ, переговаривались между собою и шопотомъ спорили, строили планы и дѣлали всевозможныя предположенія.

— Лишь бы онъ не отдумалъ,—говорила Варвара Николаевна.—Pour moi, malade, comme je suis, cela serait une délivrance.

У нея даже навернулись слезы на глазахъ при предвкушеніи этого освобожденія.

— Я предложу ему, что мы будемъ жить въ Петербургѣ и слѣдить за Олей, — убѣдительною тоною отвѣчала Серафима Николаевна.

— Да, и тогда можно будетъ такъ устроить, чтобы она у насъ проводила всю субботу съ обѣда до воскресенья вечера, — мечтала Варвара Николаевна, улыбаясь, несмотря на подагрическія боли въ ногѣ.

— Конечно, это будетъ прекрасно, — басила Серафима Николаевна. — Ну какъ же!.. И для Оли это будетъ очень хорошо. Не будетъ одиночества.

— *Mais oui,* — соглашалась Варвара Николаевна. — *Pourvu qu'il ne change pas d'intention!*

— Что онъ?.. Самъ хотѣлъ писать ей? — помолчавъ, спросила она сестру, желая проникнуть въ будущее.

— Не знаю! — глубокомысленно и пожимая плечами отвѣчала Серафима Николаевна. — Не знаю!

Съ этого дня обѣ женщины съ трепетомъ и смиренно стали ждать мудраго рѣшенія мужчины — сына и племянника.

— *Tous les hommes sont comme ça!* — говорила Серафима Николаевна, удерживая болтливую Варвару Николаевну отъ разговоровъ и преній съ сыномъ.

— Ты помолчи. Ты ужъ знаешь, что выходило изъ твоихъ разговоровъ съ Николаемъ Андреевичемъ. Ну, какъ же! Онъ дѣлалъ діаметрально противоположное тому, чего ты желала.

Варвара Николаевна сердилась, отвѣчала сестрѣ, спорила, но въ концѣ концовъ все же смирялась, и обѣ сестры ждали и молчали.

Такъ прошло еще нѣсколько недѣль, и могло бы пройти и нѣсколько лѣтъ, но жизнь не ждала и выбрала слѣпымъ орудіемъ своихъ предназначеній — Олю.

Дѣвочка стала все больше и больше скучать въ одиноствѣ, осенью, заперти, все чаще спрашивать: почему они не живутъ вмѣстѣ съ матерью? Почему мама не ѣдетъ къ нимъ? Почему Соню не пускаютъ къ нимъ? И все чаще Андрей Николаевичъ, возвращаясь домой, еще у запертой двери своей квартиры слышалъ ея слезы, крики и капризы.

Наступилъ октябрь, и вдругъ въ одно свѣтлое утро обѣ сестры Тилло-де-Бронсаръ, вдовая и незамужняя, неожиданно для себя, очутились со всѣми своими чадами и домочадцами сначала на станціи мѣстечка Южанки, а потомъ и въ поѣздѣ, идущемъ въ Петербургъ.

Съ ними, взявъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, отпускъ на десять дней, ѣхалъ и Андрей Николаевичъ съ Олей.

Списавшись лично съ женой, онъ лично хотѣлъ передать ей ребенка, передать ей права на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдиться,

какъ онъ говорилъ матери и теткѣ, что Оля ничѣмъ не будетъ обижена изъ-за Сони.

— *Simplement il l'aime!* — услышавъ его рѣшеніе, сказала догадливая Серафима Николаевна.

— *Et il veut la voir!* — согласилась Варвара Николаевна и тихо засмѣялась.

Татьяна Алексѣевна жила въ деревнѣ, когда къ ней пришло письмо мужа, и вся ушла въ школку, то есть въ устройство и отдѣлку для нея помѣщенія, пріисканіе учительницы и пр.

Предложеніе мужа взять Олю разрушало все ея планы, такъ какъ, одновременно съ этимъ предложеніемъ, онъ ставилъ условіемъ, чтобы она жила въ Петербургѣ, гдѣ будутъ жить и его родные, которые будутъ навѣщать Олю.

— Какъ тутъ быть?—прочтя письмо, развела руками Татьяна Алексѣевна.—Какъ тутъ быть?..—и она долго не могла прійти ни къ какому рѣшенію и долго потому не отвѣчала мужу.

Наконецъ онъ получилъ слѣдующее письмо:

«Я вполне понимаю васъ и цѣню ваше рѣшеніе поступать не ради себя, а ради Оли. Это главное—поступать изъ-за желанія блага другому. Это та любовь, которая своего не ищетъ, и я чувствую уже за одно это, что я могу васъ уважать. А это самое главное въ каждомъ человѣческомъ союзѣ и тѣмъ болѣе въ самомъ близкомъ союзѣ на свѣтѣ—мужа и жены. Теперь я додумалась до того, что мой долгъ оставить деревню и дорогую мнѣ школу и ѣхать въ Петербургъ. Но раньше я не могла помириться съ этой мыслью. Зачѣмъ вы такъ долго ждали? Зачѣмъ вы дали мнѣ полюбить мое дѣло?.. Были вы когда-нибудь за границей? Видѣли ли когда разницу, тотчасъ же, при переѣздѣ черезъ воображаемую линію, отдѣляющую Германію отъ Россіи, разницу въ людяхъ, въ скотинѣ, въ землѣ?.. Ну, а я видѣла... И больно-больно сжалось мое сердце при этомъ раздирательномъ зрѣлищѣ. Я почувствовала свою вину передъ мужикомъ, хотя ни я, ни мои родители никогда не владѣли землей. Изстрадавшіеся, одѣтые въ рубище мужики, бабы и дѣти съ выступающими лопатками, изголодавшаяся скотина, изстрадавшаяся и изголодавшаяся земля!!! Вотъ этому всему, на крошечномъ участкѣ, въ имѣніи Сони, я и хотѣла служить по мѣрѣ моихъ силъ и способностей, руководствуясь статьями Генри Джоржа, въ которыхъ меня заинтересовалъ впервые Толстой. Я хотѣла бы, чтобы и вы прочли хотя одну или двѣ рѣчи Джоржа. Хотя бы только его «Моисей». Кстати, вамъ, какъ отцу ребенка, котораго я опекунша, я хочу сказать о моихъ дѣйствіяхъ: я рѣшилась выплачивать крестьянамъ за пользование землей до совершеннolѣтія Сони столько же, сколько они, крестьяне, платятъ въ казну, то есть съ каждой десятины из-

вѣстную сумму. Для этого я устроила особую кассу... Впрочемъ, писать подробно объ этомъ не стану. Вы вѣдь этимъ не можете интересоваться... Судьба, вѣрно, предназначила мнѣ «пасти иное стадо». Мой долгъ зоветъ меня къ Олѣ, и я на дняхъ поѣду въ Петербургъ искать квартиру. Но вотъ мое условіе: при Олѣ будетъ Глаша, благодаря которой Оля знала что-нибудь о своей матери. Все лѣто она уже жила у меня. Я отыскала ее, когда вы ее отпустили, и непремѣннымъ условіемъ ставлю, чтобы она, и никто другой, была при Олѣ. Вѣрно, папа согласится со мной, что лучшей няни подыскать невозможно, тѣмъ болѣе, что она уже была при Олѣ два года слишкомъ. Вы тоже, надѣюсь, ничего не будете имѣть противъ Глаши, такъ какъ дѣвушка, сохранившая въ ребенкѣ память о неизвѣстной ей матери, сохранить и не загасить, конечно, и любовь къ отцу».

— Elle le traite, non seulement de puissance à puissance, но какъ побѣжденнаго...—вечеромъ того же дня, какъ пришло письмо, говорила сестрѣ Серафима Николаевна, укладываясь спать.

Андрей Николаевичъ, получивъ письмо, долго не показывалъ его никому и сидѣлъ сумрачный, ни съ кѣмъ не разговаривая. Только послѣ обѣда, въ видѣ десерта, онъ досталъ письмо изъ бумажника и, молча передавъ его матери, вышелъ.

— Ну, а можетъ быть, такъ и лучше!...—отозвалась пѣвучимъ, надтреснутымъ голосомъ Варвара Николаевна.—Я начинаю думать, если бы я не подчинялась Николаю Андреевичу, не поддавалась ему, а поступала бы, какъ Таня съ Ейчикомъ, можетъ быть, онъ не позволялъ бы себѣ обрывать меня... Да и вообще не было бы всего того, что было.

Старуха покачала головой.

— Помнишь, Сима: «vous régogez soupte une pie!»—напомнила она супружеское изреченіе, которое когда-то не разъ заставляло ее горько плакать и сгорать отъ стыда при чужихъ.

Серафима Николаевна пристально, бокомъ посмотрѣла на сестру.

— Ну, Ейчикъ все же не такой, какъ покойный Николай Андреевичъ!—сказала она потомъ, заступаясь за племянника.—Et puis—надо имѣть ея дипломатическія способности и умъ,—покачала она головой.—Ловкая!.. У-у какая!..

Передъ ней мелькнулъ образъ Татьяны Алексѣевны и ея лицо.

— И ея обаяніе!...—добавила она мысленно, но не рѣшилась сказать этого вслухъ.

— Ну, отчего?!.. —протяжно отвѣтила Варвара Николаевна и добавила:

— Нѣтъ, я глупа была...

Передъ глазами ея носились ея чудные волосы, и она сама съ тальею: вотъ!.. какъ она ее опредѣляла, показывая двумя руками маленькій кругъ,

Четырнадцатаго октября Андрей Николаевичъ съ матерью, дочерью и теткой прибыли въ Петербургъ и остановились въ квартирѣ Серафимы Николаевны. А пятнадцатаго Андрей Николаевичъ сумрачно и важно поѣхалъ безъ Оли къ женѣ.

Мать съ Олей должны были пріѣхать послѣ него, черезъ часъ.

«Чортъ знаетъ что!» усмѣхался Андрей Николаевичъ по дорогѣ, точно извиняясь передъ самимъ собой въ своемъ малодушномъ поступкѣ.

«Я—мужъ, ѣду къ женѣ... въ гости! Чортъ знаетъ... Не требую ее по этапу, а самъ ѣду... А потому, что потекаютъ... Сверху все какіе-то... Да, ужъ ХХ вѣкъ! Чортъ бы его побралъ. А взять бы домостроевскую шетку, да эдакъ... легонько...» подѣзжая къ дому, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою.

Но какъ только онъ вошелъ въ переднюю, всѣ домостроевскія разсужденія вылетѣли у него изъ головы.

Дверь открыла ему не Саша, какъ онъ ожидалъ, и даже не Нилъ, а мальчикъ—юноша лѣтъ семнадцати, въ сѣрой курточкѣ съ металлическими пуговицами; кромѣ того, въ передней оказался еще какой-то человѣкъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ. Воалѣ него на ясеневомъ стулѣ лежалъ узелокъ въ кумачномъ большомъ платкѣ.

На порогѣ гостиной его встрѣтилъ старичокъ священникъ, приглашенный Татьяной Алексѣвной отслужить молебенъ въ честь пріѣзда Оли.

Въ самой гостиной не осталось камня на камнѣ, какъ живописно опредѣлили Андрей Николаевичъ, т. е. вся прежняя мебель была перекрыта новой матеріей и поставлена совершенно иначе, чѣмъ на прежней квартирѣ, такъ что отъ всей комнаты, отъ ея воздуха, новыхъ вещей, дополнявшихъ прежнюю обстановку, вѣяло чѣмъ-то новымъ, незнакомымъ, особеннымъ, пожалуй, даже одухотвореннымъ.

На одной изъ стѣнъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, висѣла очень большая фотографія съ картины «L'Angelus» Милле.

Андрей Николаевичъ невольно, при входѣ, обратилъ на нее вниманіе, но, поклонившись священнику и поднявъ на нее глаза, онъ тотчасъ сердито отвернулся.

Священникъ, не догадываясь, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, шурша шелковой коричневой рясой, вышелъ въ переднюю и сталъ что-то говорить человѣку, сидѣвшему тамъ, оказавшемуся дьячкомъ.

Андрей Николаевичъ опять обвелъ взглядомъ гостиную и, подумавъ: «Да, отъ меня ничего не осталось!..» поднялъ глаза на картину Милле, и, взглянувъ на нее съ кривой усмѣшкой, не могъ уже отъ нея оторваться.

На черномъ, голомъ полѣ, пригнувъ голову къ груди, стояли тамъ двѣ фигуры, мужчина и женщина, и оба, видимо, съ благого-

вѣніемъ прислушивались къ дальнему благовѣсту, доносившемуся къ нимъ изъ села, изъ неясно вырисовывавшейся за туманомъ церковки. Лицъ ихъ почти не было видно. Можно было только догадаться по ихъ силуэтамъ, что оба молоды, что передъ обоими лежитъ еще цѣлое жизненное поле, съ котораго надо собрать посѣянное, и которое надо еще много разъ обрабатывать, вспахивать и засѣивать тѣмъ, что они найдутъ болѣе полезнымъ для себя и ближняго... И видно было, что съ этой безмолвной молитвой и стоять они оба, духи, облеченные въ земную плоть, духи-люди, величайшая задача которыхъ — понять возложенную на нихъ Кѣмъ-то миссію на землѣ.

Андрей Николаевичъ, заложивъ руки за спину, все еще глядѣлъ на картину, когда сзади него раздался дребезжащій голосъ священника.

— Да-съ, очень хорошая картина... Вотъ вы, я вижу, тоже тронуты ею. А я такъ безъ слезъ никогда не могу на нее смотрѣть.

Андрей Николаевичъ молча повернулъ къ нему свое лицо.

— Вся она, т. е. Татьяна Алексѣевна, въ этой картинѣ,—продолжалъ священникъ.—Вся!.. Миссію понимаетъ въ жизни...

Онъ оборвалъ и устоялся на дверь, улыбаясь одними старческими, выцвѣтшими глазами.

Издали слышался шорохъ шелковыхъ юбокъ и приближающіеся шаги, и черезъ минуту Татьяна Алексѣевна, съ Соней за руку, вошла въ гостиную.

Андрей Николаевичъ взглянулъ на дѣвочку—и вздрогнулъ.

Къ нему приближалась миниатюрная, живая Леночка, такая, какая она была, когда онъ видѣлъ ее въ Москвѣ въ первый разъ.

Прошла еще минута.

Татьяна Алексѣевна подошла къ мужу и положила ему въ руку дрожащую, холодную ручку Сони.

— Вотъ Сонни... — выговорила она, стараясь говорить просто, весело.—Правда, выросла?.. А гдѣ же Олюся?

— А... она сейчасъ... — смутился Андрей Николаевичъ и, нагнувшись, холодными, сомкнутыми устами онъ все же прикоснулся къ дочери, т. е. поцѣловалъ первый разъ въ жизни Соню въ голову.

— Ахъ, она не съ вами?—спросила Татьяна Алексѣевна.

— Нѣтъ, она сейчасъ съ папаша, — попробовалъ улыбнуться Андрей Николаевичъ.

Наступило неловкое молчаніе.

— Ну, такъ пойдете, я вамъ пока покажу ея комнату,—сказала Татьяна Алексѣевна, — Сонни, бѣги впередъ, покажи дорогу папаша, куда итти,—приказала она дѣвочкѣ, отошедшей къ священнику, получавшей отъ него просфору и благословеніе, и добавила, обращаясь къ священнику: — Батюшка, позвольте васъ познать: это мой мужъ. André, это отецъ Петръ.

— Какъ же, какъ же!..—отвѣчалъ батюшка съ доброй улыбкой.—Мы ужъ познакомились,—и онъ кланялся корпусомъ.

— Батюшка, а ваши вещи уже принесли? — черезъ мгновеніе спросила Татьяна Алексѣвна.

Священникъ понялъ намекъ и вышелъ.

Съ минутой мужъ и жена остались одни.

И вдругъ Татьяна Алексѣвна, мѣняясь въ лицѣ, протянула руку мужу.

— Помолитесь, André,—прошептала она срывающимся голосомъ.—Помолитесь, до молебна и безъ словъ. Помолитесь, какъ вотъ эти на картинѣ. Вѣдь передъ нами лежитъ тоже цѣлая жизнь. Пусть въ этой жизни, разойдясь теперь, видимо, въ разные стороны, чтобы обработать одно и то же поле, мы встрѣтимся съ вами когда-нибудь не чужими, а близкими по духу людьми...

Андрей Николаевичъ нагнулъ голову. Лицо, шея, уши, лобъ его залила яркая краска. Онъ еле коснулся руки жены и тотчасъ же отпустилъ ее.

Видимо, слова ея, что надо разойтись, больно ударили его въ самое сердце.

Изъ передней вошелъ священникъ, и Татьяна Алексѣвна, встряхнувшись, повела его и мужа осматривать квартиру, а еще часа черезъ полтора Андрей Николаевичъ, водворивъ дочь у жены, еле притронувшись къ завтраку, поданному послѣ молебна, уѣзжалъ отъ Татьяны Алексѣвны, совершенно разбитый, какъ думала Варвара Николаевна, осунувшійся и похудѣвшій, точно послѣ болѣзни.

— Le pauvre,—вздыхала Варвара Николаевна, переглядываясь съ Серафимой Николаевной.—Le pauvre!

А Татьяна Алексѣвна, выйдя въ гостиную, чтобы проводить мужа, глядя на картину Милле, слыша вопросъ Оли: «Папá, а ты пріѣдешь?» взывала къ Отцу всякаго совершенства, чтобы онъ помогъ ей не поддаться сантиментальной жалости, которую она чувствовала въ женскомъ сердцѣ своемъ, и удержалъ бы ее отъ желанія посѣять кое-какія сѣмена, лишь бы выросли цвѣты, удержалъ бы ее отъ искушенія оставить землю такъ, саму по себѣ, необработанной, вмѣсто того, чтобы выкорчевывать всѣ пни, выбирать всѣ камни, вспахивать, боронить, засѣвать хлѣбными сѣменами, чтобы получился урожай для блага всей семьи...

XV.

— Какъ же это она, душечка?.. Неужели не сошлась съ Андреемъ? — года черезъ полтора спрашивала дальняя родственница Тилло де-Бронпаръ, пріѣхавшая изъ-за границы въ Россію и неожиданно навѣстившая старухъ-сестеръ.

— Нѣтъ, не сошлась! — со вздохомъ отвѣчала Варвара Николаевна, но, хоть она и вздохнула, лицо ея не выразило печали.

— Но почему же? — спросила любопытная дама.

— Да какъ вамъ сказать? Нѣтъ причинъ, а просто не хочетъ и не хочетъ! — пожала плечами Варвара Николаевна и, не выдержавъ, улыбнулась. — Но онъ бываетъ у нея.

Дама посмотрѣла на Варвару Николаевну.

— Бываетъ? Неужели? Mais alors il est heureux? — помолчавъ, выговорила она съ недоумѣніемъ.

— Да кто его знаетъ? — протянула Варвара Николаевна. — Во всякомъ случаѣ, il n'est pas malheureux — усмѣхнулась она. — Обожаетъ ее.

— А она? — спросила дама.

— Ну! А она! Elle se laisse adorer. Онъ, когда пріѣзжаетъ въ Петербургъ, къ ней обѣдать приходитъ или завтракать... Или въ театрѣ они еще вмѣстѣ бываютъ... Недавно въ Гостиный дворъ вмѣстѣ ѣздили. Что-то она покупала для своей школы.

Варвара Николаевна сморщилась.

— Вѣдь она тамъ устроила какую-то школу... Такъ онъ, такъ радъ былъ, что она его съ собой взяла по магазинамъ, словно ребенокъ!.. Теперь онъ хочетъ сюда перевестись... Говорить, меньше жалованья буду получать, но согласенъ и на это.

Варвара Николаевна сдѣлала жестъ и замолчала.

— Удивительная исторія, удивительная! — задумчиво произнесла дама и черезъ минуту добавила: — Мы живемъ, дѣйствительно, въ какія-то необыкновенныя, сумасшедшія времена. Все старое порется, разсыпается. Растетъ что-то новое... Ну, скажите, пожалуйста, когда это слыхано, когда это видано, чтобы бывали такія исторіи. Что это за бракъ? А вѣдь вотъ живутъ же люди, и счастливы, по-своему! Иначе вѣдь, напримѣръ, вашему Ейчику одно: пулю въ лобъ.

Варвара Николаевна испуганно перекрестилась.

— Да сохрани Боже!.. Мы этого такъ боялись, — прошептала она и переглянулась съ вошедшей Серафимой Николаевной.

— Да?.. Что это?.. Ейчикъ? — пробасила та и, мигомъ понявъ, о чемъ шелъ разговоръ, добавила: — Но нѣтъ, онъ какъ-то мужественно перенесъ это, Ейчикъ... N'est-ce pas, Varbe? Теперь онъ даже втянулся въ эту жизнь, которую она ему устроила, — и, сморща носъ, Серафима Николаевна стала передавать родственницѣ свои мнѣнія и замѣчанія.

— Ну, а дѣти? — спросила дама.

Варвара Николаевна расплылась въ блаженную улыбку.

— Оленька?.. — Ничего. Красавица дѣвочка... Вся въ меня.

Дама загасила улыбку.

— En beau... — продолжала Варвара Николаевна смиренно. — Каждую недѣлю пріѣзжаетъ къ намъ въ субботу, къ обѣду...

И такая со мной ласковая, внимательная, какъ большая!.. Последній разъ перехожу я черезъ улицу,—она со мной пошла гулять,— а она кричитъ извозчику, который проѣзжаетъ: «Тише, тише, развѣ ты не видишь, что моя бабушка идетъ?» А мнѣ говоритъ: «Бабушка, позволь твою ручку, я тебя проведу».

Варвара Николаевна замолчала, опять блаженно сіяя улыбкой.

— Ну, а Татьяна Алексѣевна какъ съ ней?—спросила дама.

На лицо старухи на мигъ набѣжала тѣнь,

— Да что Татьяна Алексѣевна!.. Все же ту больше любить.

— Неужели?—сказала дама.—А какая она? Миленькая?

— Вся въ Ейчика, — вставила Серафима Николаевна и, поджавъ губы, неодобрительно покачала головой. — Вся!.. Завистливая, ревнивая! Ухъ какая!

— И лицомъ похожа?—удивленно спросила дама.

— Нѣтъ! Лицомъ въ покойную мать, въ «Леночку», — отвѣчала Серафима Николаевна.—Но характеромъ...

— *Imaginez-vous!*—перебила ее Варвара Николаевна съ улыбкой.— Дадутъ имъ обѣимъ, Сонѣ и Оленькѣ, конфеты, такъ она всѣ Оленькины съѣстъ, а къ своимъ Оленьку и не подпуститъ! «Это, молъ, мои, для моихъ подругъ».

— Ну, а Оленька что?

— Та... ангельчикъ! — запѣла Варвара Николаевна. — Просто ангельчикъ, говоритъ, — это ужъ ее мать научила: — «Соня ужъ большая, у нея подруги, а у меня нѣтъ... и Соню надо беречь, потому что она сла-а-бенькая».

— Ну, скажите, пожалуйста!—замѣтила дама.—А Андрей Николаевичъ какъ съ Соней?

— Да что Андрей Николаевичъ?—засмѣялись старухи.

— Андрей Николаевичъ начинаетъ находить, что, когда она морщится, у нея дѣйствительно есть съ нимъ сходство во лбу!

— А развѣ есть сходство?—спросила дама, улыбаясь.

— Никакого, — убѣжденно отвѣтили обѣ сестры въ одинъ голосъ.—Никакого.

.....

А Андрей Николаевичъ за эти полтора года дѣйствительно втянулся въ новую жизнь и не только втянулся, но и находилъ въ этой жизни какую-то особенную прелесть, свѣжесть и поэзію. Такъ человѣкъ больной, привыкшій къ домодѣльнымъ бинтамъ, компрессамъ, маслицу изъ лампы, селедкѣ къ ногамъ и пр., чувствуетъ особенную и необыкновенную прелесть въ новомъ, непривычномъ хирургическомъ корсетѣ, сшитомъ ловко, по мѣркѣ, который хоть и жметъ вначалѣ, но, несомнѣнно, оздоравливаетъ, укрѣпляетъ организмъ, возвращая ему, насколько возможно, утраченное нормальное положеніе спины, головы, рукъ, ногъ и пр.

— Молодецъ вы, ей-Богу! — сказалъ какъ-то разъ бывшій русскій посланникъ, теперь очень высокопоставленный сановникъ, пріѣхавъ къ Татьянѣ Алексѣевнѣ и повстрѣчавшись у нея въ передней съ выходящимъ Андрей Николаевичемъ. — Вамъ бы быть дипломатомъ!.. Прямо назначить бы васъ посланникомъ въ Лондонъ или Константинополь.

Татьяна Алексѣевна, радостно усмѣхаясь, поглядѣла на него.

— Ну, что жъ!.. Назначьте—не откажусь... Хотите чаю?..—перебила она сама себя, заваривая чай изъ оригинальной серебряной бульотки на очень высокой ножкѣ.—Можетъ быть, и не хуже другихъ буду!..—лукаво засмѣялась она, цѣпляясь кружевами моднаго рукава за поднось и, нагнувъ на бокъ голову, посмотрѣла на собесѣдника.

— Я вѣдь не согласна, что въ жизни все къ худшему идетъ!..

— Да гдѣ ужъ къ худшему!.. Онъ-то!.. — подмигнувъ графъ на переднюю. Тамъ мальчикъ-лакей заперъ наружную дверь, и слышенъ былъ лязгъ цѣпи и шумъ американскаго замка.

— Цвѣтеть!..—продолжалъ графъ.—Дѣйствительно, на видъ доволенъ... Вотъ что значитъ быть вашимъ работъ...

Лицо Татьяны Алексѣевны стало серьезнымъ.

— У насъ нѣтъ работъ,—перебила она.—Нѣтъ, нѣтъ!.. Только не рабство!..—Сохрани Боже!..

— А что же? — засмѣялся графъ.—Какъ это назвать?..—Онъ покрутилъ шей и указалъ на переднюю.—Законный вапъ повелитель, а между тѣмъ...

— Да, но не рабъ!..—еще разъ и еще болѣе серьезно-вдумчиво повторила Татьяна Алексѣевна.—Полная свобода для него, какъ для меня.—Полная!

Она опустила глаза и молча посидѣла, не шевелясь.

— Вотъ теперь всѣ говорятъ, — начала она потомъ: — что семейная жизнь у насъ теперь все болѣе и болѣе распатывается. А я нахожу, что и шатать-то давно нечего было. Развѣ была нормальнѣе жизнь, скажемъ, у нашихъ бабушекъ, когда случались такіе факты, что жена живетъ въ деревнѣ, а мужъ пріѣзжаетъ туда только для... и на крестины дѣтей... И такихъ дѣтей у нихъ тринадцать человѣкъ!

— Я знаю, про кого вы говорите, — вставилъ графъ.—И всѣ эти дѣти обожали мать. Считали ее праведницей и мученицей.

— Да, но это не помѣшало сыновьямъ ея дѣлать то же съ своими женами, или почти то же, что дѣлалъ ихъ отецъ съ ихъ матерью!

— Ну, такъ что жъ?..—пожалъ плечами графъ.

— И это было, по-вашему, нормальнѣе, чѣмъ... скажемъ... моя жизнь съ Андреемъ Николаевичемъ?

— Безусловно, — подтвердилъ графъ.—Все же нормальнѣй... Безусловно!..—Онъ вздохнулъ и покачалъ головой.

Настала опять тишина.

— Нѣтъ!—прервала ее Татьяна Алексѣевна.

Она протянула собесѣднику полную крѣпкимъ чаемъ чашку и подняла на него опущенные было глаза.

— Нѣтъ!.. Тамъ только мужчины считали себя въ правѣ дѣлать то, что они дѣлали, а женщины этому подчинялись изъ страха передъ буквой церковнаго закона: жена да боится... Теперь женщины доросли до пониманія духа закона...

Графъ усмѣхнулся.

— Хорошъ духъ! Чуть что же по мнѣ,—сказалъ онъ, разведя руками,—разводъ! И этихъ разводовъ, какъ поганокъ въ лѣсу въ дождливую погоду...

— Да, и что жъ?—покраснѣвъ, подтвердила Татьяна Алексѣевна.—У меня не разводъ, а отдѣльный паспортъ, это почти то же. Значитъ, вы мнѣ совѣтуете сойтись съ Андрей Николаевичемъ?

— Сохрани Богъ!—поднимая руки, сказалъ графъ.—О присутствующихъ не говорятъ. Съ вашей стороны это было бы величайшей глупостью... Но все же развѣ это бракъ? Вашъ бракъ съ Андреемъ Николаевичемъ?

Татьяна Алексѣевна задумалась.

— Да, бракъ, — выговорила она потомъ.—Бракъ, потому что бракъ это союзъ людей для того, чтобы они помогали другъ другу становиться лучше, помогали съ каждымъ поколѣніемъ воспитывать все лучшихъ и лучшихъ людей. Христіанскій бракъ это тоже вѣдь великая цивилизація, по замыслу... Нѣтъ болѣе великаго дѣла, какъ воспитать душу ребенка. А что дѣлали наши бабушки? Развѣ та женщина, о которой мы только что упоминали, воспитала дѣтей, если они дѣлали то же, что отецъ?.. Развѣ моя belle-mère воспитала сына, сдѣлавъ его вторымъ и дополненнымъ изданіемъ своего мужа... Нѣтъ! Въ бракѣ, гдѣ жена и дѣти должны терпѣть, по церковнымъ и гражданскимъ законамъ и общественнымъ или народнымъ обычаямъ, должны терпѣть мужа и отца,—уже нѣтъ цивилизаціоннаго великаго начала и, въ сущности, нѣтъ уже и самаго христіанства...

Графъ, сдѣлавъ удивленное лицо, откинулся.

— Нѣтъ!—не смущаясь повторила Татьяна Алексѣевна.—Потому, что выходило бы, что христіанство молчаливо одобряетъ мужей и отцовъ мучителей для того, чтобы создавать фабрики мученицъ и дѣтей-мучениковъ, что-то въ родѣ фабрикъ «Huntley and Palmers» или «Бликенъ и Робинзонъ».

— *Comme vous y allez!*—даже испугался графъ и, помѣшавъ ложечкой въ чаѣ, уставился на Татьяну Алексѣевну. Щеки и глаза ея горѣли, отъ всей фигуры и прекраснаго лица вѣяло убѣжденіемъ въ правотѣ высказываемыхъ мыслей и чувствъ.

— Дипломатъ! Дипломатъ! — выговорилъ наконецъ графъ. — Прямо бы въ Константинополь или Лондонъ, посломъ.

— Да полноте! — устало и съ легкимъ раздраженіемъ отвѣчала Татьяна Алексѣевна, опуская на грудь голову.

«Дипломатъ, посолъ!.. — думала она. — Всегда все съ легкой, пошлой, шутилой стороны».

— А вѣдь вы помогли мнѣ тогда! — сказала она громко. — И знаю, что и теперь сдѣлали бы все для меня, если бы мнѣ было тяжело, и если бы нужно было избавить меня отъ мученій и мучителя...

— Сдѣлалъ бы, — подтвердилъ графъ, глядя на нее. — Сдѣлалъ бы... потому что считаю васъ... — онъ понизилъ голосъ, — одной изъ удивительныхъ, обаятельныхъ и сильныхъ женщинъ, передъ которыми преклоняюсь!

Рѣсницы Татьяны Алексѣевны и губы дрогнули. Краска бросилась ей въ лицо. Казалось, мигъ, и она заплачетъ, но она сдержала себя и послѣ молчанія протянула старику руку.

— Спасибо, дорогой другъ... Только скажите, что сдѣлали бы не для меня, а для всякой женщины, для всякаго человѣка, котораго другой человѣкъ мучаетъ... Потому что того требуетъ наша совѣсть, духъ справедливости, заложенный въ насъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ.

Она помолчала и потомъ добавила:

— Знаете, мы какъ-то всѣ забыли, что христіанство отъ насъ требуетъ мирнаго созиданія добра... Требуется!.. созиданія... — раздѣльно повторила она и стала, взволнованная, воодушевленно излагать ему свои мысли о томъ, что христіанство, какъ истина, такъ велико, что можетъ укрыть подъ своими сводами, какъ теперь уже многіе говорятъ, всякій новый человѣческій, рукотворный, храмъ, въ которомъ главными арками будутъ два положенія: любовь къ Богу и любовь къ ближнему; что еще Іоаннъ Дамаскинъ требовалъ отъ мужа большаго почтенія къ женѣ, чѣмъ къ родителямъ, основываясь на сравненіи ветхозавѣтной заповѣди: «чи отца твоего и мать твою»... и на евангельской заповѣди: «и потому говорю вамъ, оставитъ человѣкъ отца и мать для жены»... Говорила, что Дамаскинъ разрѣшалъ женѣ на этомъ основаніи покидать мучителя-мужа.

А старикъ-сановникъ сидѣлъ и слушалъ ее, то поднимая на нее добрые, внимательные, задумчивые глаза, то опуская ихъ.

— Но позвольте, — наконецъ прервалъ онъ. — Развѣ Дамаскинъ допускалъ разводъ? Вѣдь противъ развода прямо говорится въ Евангеліи.

Татьяна Алексѣевна съ минутой молчала, смотря на гостя. Видно было, что она не рѣшается: сказать или не сказать ему

то, что думаетъ? Наконецъ задумчиво и съ разстановкой она заговорила:

— У іудеевъ въ Талмудѣ сохранились свѣдѣнія, какъ и за какую вину давали разводъ. Сохранились и свѣдѣнія, какъ смотрѣли на женщину, будь она прекрасна духовно и нравственно,—если она получала разводъ, даже по пустой прихоти мужа, даже если она не угодитъ ему супомъ. Такая женщина была уже, такъ сказать, не женщина, была внѣ закона уваженія. Не считалось грѣхомъ жениться на ней, мысленно сдѣлавъ оговорку: «я женюсь на ней временно», и потомъ безнаказанно выгнать ее. За такую женщину никто уже не могъ бы вступиться... Есть подробности въ Талмудѣ, о которыхъ нельзя громко говорить... И вотъ, я думаю, не о такихъ ли бракахъ спрашивали Иисуса, и не о нихъ ли Онъ далъ отвѣтъ, сказавъ: женившійся на разведенной уже прелюбодѣйствуетъ. То-есть опять-таки Своимъ отвѣтомъ о женщинахъ, находившихся внѣ закона уваженія, возвысилъ ихъ, несчастныхъ, униженныхъ и оскорбляемыхъ, до закона: смотри на нихъ такъ, какъ ты смотришь на каждую дѣвушку или вдову, на которой ты женишься безъ оговорки: «на время».

— Откуда вы это знаете?—помолчавъ, спросилъ графъ.

— То-есть откуда объ этихъ женщинахъ?—вопросомъ на вопросъ отвѣтила Татьяна Алексѣевна. — Охъ, это изъ разныхъ талмудическихкихъ трактатовъ. Мнѣ одинъ гебраистъ показывалъ. Напримѣръ (она сморщила, лобъ припоминая названіе): Киддишимъ, Хагига и другіе. А остальное—моя догадка,—грустно усмѣхнулась она. — Одно я знаю: я, можетъ быть, грѣшу противъ буквы; но противъ духа нѣтъ.

— А мужу вашему, Андрею Николаевичу, вы говорите объ этомъ?

Татьяна Алексѣевна серьезно посмотрѣла на гостя.

— Говорю.

— И что же онъ?

— Онъ приходитъ ко мнѣ. Теперь думаетъ перевестись въ Петербургъ. Мы идемъ по разнымъ дорогамъ, но обрабатываемъ то же поле...—тихо, чуть слышно добавила она.—Когда сойдемся неизвѣстно, но жизнь не изжита...

Графъ взглянулъ на нее, хотѣлъ что-то отвѣтить, но почувствовалъ, что этого касаться не слѣдуетъ.

Скрипнула дверь, и большое лицо Олюси просунулось въ отверстіе.

— И вотъ эта соединяетъ... — прошептала Татьяна Алексѣевна.—Все спрашиваетъ: когда папа будетъ съ нами?..

— Иди! Иди! — тотчасъ, подавивъ вздохъ, громко повзвала она.

Оля непринужденно бойко вошла и повздоровалась съ сановникомъ.

— Comme elle est grande!..—развелъ онъ руками.

— Et comme elle parle bien le français!—поспѣшила сказать Татьяна Алексѣевна, чтобы онъ не сказалъ ничего лишняго.— Можно, бери...—отвѣтила она Олюсѣ, взявшей смокву и глазами спрашивавшей позволенія съѣсть ее.

Оля, чувствительная, какъ всѣ дѣти, къ похвалѣ, улыбаясь, пролѣзла на диванчикъ, на которомъ сидѣла мать, и прижалась къ ней, нагибая то въ ту, то въ другую сторону голову.

— А та, Сонни, гдѣ?..—спросилъ, поглядѣвъ на нее, графъ.

— У нея теперь урокъ географіи,—отвѣчала Оля.

— А ты какъ знаешь?.. Урокъ географіи... — передразнилъ ее графъ.

— Знаю!—поматывая головой, отвѣчала Оля, кончая смокву.

— У нея очень большія способности,—сказала по-французски Татьяна Алексѣевна.—И, къ счастью, то, что англичане называютъ «великимъ сердцемъ»,—улыбаясь глазами, добавила она въ сторону гостя и такъ, чтобы Оля не могла слышать.

— А та?

— Та—жизнь моя!—порывисто отвѣтила Татьяна Алексѣевна и тотчасъ, словно стараясь заглядить какую-то вину, стала ласково-задумчиво проводить рукой по головѣ дочери.

— Такъ что вы счастливы?—вставая и прощаясь черезъ нѣкоторое время, сказалъ графъ.

— Счастлива!—убѣжденно отвѣтила Татьяна Алексѣевна, поднимая на старика глаза.—Счастлива, насколько возможно на землѣ. Иду по подаренному мнѣ судьбой полю и что нахожу лучшимъ, съ внутренней молитвой сѣю на него.—Мнѣ привольно! Дышится свободно. Никто и ничто не мѣшаетъ!.. Хорошо!..

— Нѣтъ, вы не дипломатъ, а «апостолъ прогресса»,—цѣлуя ей руку, вздохнувъ, сказалъ графъ и задумчиво повторилъ:— «апостолъ прогресса»! Знаете, какъ Милль называлъ свою жену!

— Амен!—съ тихой улыбкой отвѣтила Татьяна Алексѣевна.— Такъ что вы съ графиней у меня обѣдаете?..

— Въ воскресенье,—подсказалъ графъ.

Татьяна Алексѣевна отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ... Во вторникъ. Въ воскресенье у меня холодный обѣдъ.

— Ахъ, да-да-да-да!..—вспомнилъ графъ.—Холодный обѣдъ!..

Онъ улыбнулся.

— По закону Моисея, чтобы не утруждать прислугъ, не топить плиту въ седьмый день?

— По закону совѣсти!.. — улыбнулась Татьяна Алексѣевна.— Намъ сказано: не нарушить пришелъ Я законъ, но исполнить!..

— А скажите, правда, что ваша кухарка по вечерамъ играетъ на арфѣ?—спросилъ старикъ.

Татьяна Алексѣевна покраснѣла.

— Кто это вамъ сказалъ? Нѣтъ!—отвѣтила она.— Не играетъ. Это въ Швеціи кухарки играютъ на арфахъ.

— Но у ней есть свой «салонъ»?

Татьяна Алексѣевна весело засмѣялась:

— И салона нѣтъ!

— Есть гостиная,—сказала прислушивавшаяся Оля.

Графъ поглядѣлъ на дѣвочку.

— Ну, вотъ видите!—обратился онъ къ Татьянѣ Алексѣевнѣ.— Вѣдь есть же!.. Гостиная?—переспросилъ онъ Олю и опять обратился къ Татьянѣ Алексѣевнѣ.— А вы говорите—нѣтъ.

Съ лукавой улыбкой Татьяна Алексѣевна смотрѣла на него.

— Приѣзжайте во вторникъ обѣдать,—сказала она потомъ серьезно.— Я вамъ послѣ обѣда обоимъ покажу все мое домашнее устройство. Гостиную, т. е. попросту комнату, гдѣ прислуга послѣ рабочаго дня отдыхаетъ по вечерамъ. Тамъ есть и книги... Тамъ иногда я имъ читаю. И гости къ нимъ приходятъ... Запрещены только вино, пиво и карты...

Графъ съ комичнымъ выраженіемъ ужаса пристально смотрѣлъ на нее.

— И это не салонъ?..—повторялъ онъ.— Это не салонъ?..

Татьяна Алексѣевна весело-смущенно смѣялась.

— Приходите, приходите все осмотрѣть. Еще увидите,—у меня деревенскій мальчикъ-лакей изъ Сониной деревни. Такъ онъ своего рода Жанъ-Жакъ Руссо... Не смотрите на меня такъ!.. Съ моей помощью готовится въ сельскіе учителя...

Графъ махнулъ рукой и сталъ вторично прощаться.

— И чего вы только ни наскжете!..—говорилъ онъ, поднимая руку Татьяны Алексѣевны къ губамъ.— Апостоль прогресса, апостоль прогресса!.. Поглядите,—оборвалъ онъ самъ себя, глазами указывая на Олю.

Дѣвочка въ короткихъ черныхъ сѣкахъ, въ свѣтлыхъ туфляхъ, въ темносинемъ костюмѣ стояла у чайнаго столика и, видимо, очень желала еще чего-нибудь покушать изъ приготовленнаго для гостей.

— У-у, лакомка!—притворно-сердито крикнулъ на нее старикъ.

Оля отвернулась отъ стола и повернула къ гостю свое круглое, доброе лицо.

— Я не трогаю,—показала она руки, заложенные за спину.— Можно?—умильно протянула она, увидя улыбку матери и заглядывая ей въ лицо.

— Ну, такъ и быть, еще одну,—разрѣшила, смѣясь, Татьяна Алексѣевна и тотчасъ пояснила гостю:

— Олюся такъ любитъ сладкое, что Сонни боится оставлять при ней свои конфеты, Олюся все съѣстъ.

Графъ покачалъ головой и погрозилъ пальцемъ Олѣ.

— Да!.. Вѣдь вы и вашей Сонѣ устроили какую-то особенную жизнь?—спросилъ онъ.—Она какъ-то особенно учится, въ какой-то особенной школкѣ, съ какими-то особенными дѣтьми..

— Дѣвочка швейцара и дѣти моей швейцарки учатся съ ней,— сказала Татьяна Алексѣевна, краснѣя. — Пріѣзжайте, пріѣзжайте во вторникъ. Все вамъ тогда покажу.

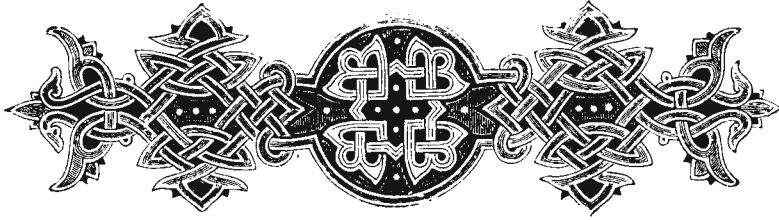
— Сильная вы женщина, сильная!..—вымолвилъ графъ, и на отвѣтныя слова Татьяны Алексѣевны: «Какая сильная! Вся моя сила въ томъ, что первый мужъ оставилъ мнѣ средства!»—громко выговорилъ:

— Рассказывайте!..

Княгиня М. В. Волконская.

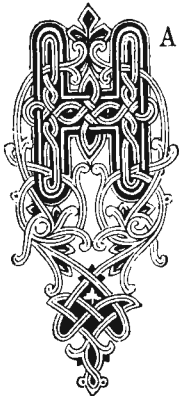

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ П. С. ВАННОВСКОМЪ.

I.

А СТРАНИЦАХЪ журналовъ уже начали появляться воспоминанія о сошедшемъ недавно въ могилу Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ.

Предлагаемая замѣтка представляетъ собою рассказъ объ одномъ эпизодѣ, очень характеризующемъ покойнаго выдающагося человѣка.

Нерѣдко выражалось удивленіе по поводу того, что онъ такъ далеко пошелъ, не имѣя никакой протекціи; но у него, въ сущности, была большая протекція—его здравый умъ, а главное—необычайная твердость характера.

Благодаря своимъ качествамъ, Петръ Семеновичъ, по выходѣ въ 1839 году изъ 1-го московскаго кадетскаго корпуса въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ прапорщикомъ, почти съ первыхъ дней своей службы сталъ въ полку центромъ той здоровой, дѣловитой, серьезной среды, которая поддерживала чудную репутацію полка, какъ питомника вѣрнѣйшихъ слугъ царя и отечества.

Шутники говорили, что онъ попалъ въ военные министры, благодаря упорству Абдуль-Гамида; правда, не возгорись въ 1877 году война съ Турціей, ему не было бы случая выказать свои недюжинныя способности, которыя вездѣ всегда ставили его на первый планъ. Въ полку это былъ исправнѣйшій офицеръ, образцовый ротный командиръ; впоследствии, и въ полку, и въ сформировавшейся въ концѣ пятидесятихъ годовъ офицерской стрѣл-

ковой школѣ, это былъ самый дѣльный штабъ-офицеръ и потому выдвинулся на должность начальника школы, а потомъ на должность директора Павловскаго кадетскаго корпуса.

Въ моментъ преобразованія кадетскихъ корпусовъ, въ 1863 году, его способности и знанія, въ связи съ трудами по разработкѣ вопроса объ этомъ преобразованіи, указали на него, какъ на готоваго начальника Павловскаго военного училища.

Вездѣ, всегда онъ былъ твердымъ исполнителемъ законовъ и строгимъ начальникомъ; находили, что строгость его доходила иногда до суровости; рассказывали случай, что однажды на царскомъ смотру въ началѣ семидесятыхъ годовъ, нѣсколько ротъ его дивизіи прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государя не въ ногу и безъ равненія, почти вразбродъ; государь императоръ Александръ II остался очень недоволенъ; впоследствии распространяли, будто бы это было продѣлано умышленно, съ цѣлью отомстить Петру Семеновичу за его неумолимую строгость.

Очутившись въ 1877 году на театрѣ военныхъ дѣйствій во главѣ 12-го армейскаго корпуса, онъ, вскорѣ послѣ переправы, на особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Зимницѣ, подъ предсѣдательствомъ государя, былъ избранъ на должность начальника штаба Рущукскаго отряда, который поступилъ тогда подъ начальство наслѣдника цесаревича и долженъ былъ въ составѣ 12-го и 13-го корпусовъ стать заслономъ передъ знаменитымъ четырехугольникомъ турецкихъ крѣпостей, дабы онѣ не оставались въ тылу арміи; впоследствии въ этотъ отрядъ вошелъ и 11-й корпусъ почти въ полномъ составѣ.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ до войны вовсе не зналъ Петра Семеновича, и, какъ говорили тогда, былъ недоволенъ назначеніемъ его; кажется, было предположеніе получить въ начальники штаба графа Воронцова-Дашкова, который, какъ извѣстно, въ то время состоялъ въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса у наслѣдника цесаревича—командира гвардейскаго корпуса.

Совѣщаніе, избравшее генераль-лейтенанта Ванновскаго, состояло изъ членовъ: великаго князя главнокомандующаго Николая Николаевича старшаго, военного министра генераль-адъютанта Дм. Ал. Милютина, начальника штаба дѣйствующей арміи генераль-адъютанта А. А. Непокойчицкаго, помощника его генераль-майора К. В. Левицкаго; въ засѣданіи присутствовалъ и его высочество наслѣдникъ цесаревичъ.

Петръ Семеновичъ выказалъ свои дарованія, и наслѣдникъ цесаревичъ не только помирился за время войны съ его назначеніемъ, но, тотчасъ по вступленіи на престолъ, не колеблясь поставилъ его во главѣ сложнаго, труднаго дѣла управленія военнымъ вѣдомствомъ.

II.

Какъ только стало извѣстно, что Петръ Семеновичъ назначенъ военнымъ министромъ, пошли сыпаться нападки на него, при чемъ главнымъ образомъ ставили ему въ укоръ то, что онъ не окончилъ курса академіи генеральнаго штаба; забывали лишь о томъ, что за нимъ была многолѣтняя практика службы и командованія разнообразными войсковыми и военно-учебными частями,—практика, закончившаяся пребываніемъ въ должности начальника штаба громаднаго отряда, дѣйствовавшаго самостоятельно, выдерживавшаго и успѣшно отражавшаго въ теченіе восьми мѣсяцевъ упорные натиски сильной непріятельской арміи.

Генераль-адъютантъ Ванновскій вступилъ въ должность военнаго министра въ маѣ 1881 г., вскорѣ послѣ того, какъ былъ объявленъ извѣстный манифестъ, послѣдствіемъ котораго для графа Д. А. Милютина, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова и А. А. Абазы явилась необходимость, согласно желанію государя, оставить службу.

Тотчасъ по занятіи Петромъ Семеновичемъ должности военнаго министра произошелъ случай, который далъ пищу для продолженія и усиленія нападковъ на него и для укрѣпленія за нимъ надолго репутаціи не только суроваго начальника, но и жестокаго человѣка.

Дѣло въ томъ, что по окончаніи войны 1877—8 гг. въ Петербургѣ обозначился вполне естественный наплывъ раненыхъ и больныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ: кто пріѣхалъ капитально лечиться отъ ранъ и отъ нажитыхъ въ теченіе войны болѣзней, кто долечиваться, а кто—устраивать свои частныя или служебныя дѣла, пошатнувшіяся или кореннымъ образомъ измѣнившіяся изъ-за войны.

Тогда же въ 1878 году, приказомъ вышшаго начальства войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, несомнѣнно, съ разрѣшенія военнаго министра, было отдано распоряженіе о томъ, чтобы чины, имѣвшіе дѣйствительную нужду во временномъ, болѣе или менѣе продолжительномъ, пребываніи въ столицѣ, были причисляемы къ штабу округа «для полученія довольствія», полагавшагося имъ отъ казны.

При какомъ начальникъ округа было отдано это распоряженіе, трудно сказать: когда накопленіе нуждавшихся стало замѣтно, тогда въ должности временно командовавшаго войсками состоялъ генераль-адъютантъ баронъ Бистромъ; должность начальника штаба при немъ временно исполнялъ свиты Его Величества генераль-майоръ Н. И. Бобриковъ; вслѣдъ затѣмъ великій князь Николай Николаевичъ старшій вступилъ въ свою должность главнокомандующаго войскъ гвардіи и округа со своимъ начальникомъ

штаба генераль-адъютантомъ графомъ П. А. Шуваловымъ; а послѣ небольшого промежутка времени назначенъ былъ командующимъ войсками округа наслѣдникъ цесаревичъ.

Кто провелъ эту благодѣтельную мѣру, съ точностью припомнить трудно; мѣра эта много облегчила положеніе раненыхъ и больныхъ офицеровъ: приобрѣтя возможность получать ежемѣсячно свое содержаніе въ штабѣ округа, каждый ихъ нихъ, тѣмъ самымъ, былъ избавленъ отъ хлопотъ по высылкѣ въ мѣсто служенія довѣренностей на полученіе различнаго содержанія (жалованье, столовыя, квартирныя, фуражныя—каждое отдѣльно), а также отъ расходовъ по пересылкѣ денегъ и отъ проволочекъ, которыя всегда въ офицерскомъ быту вызываютъ неминуемые, крайне неприятныя, а иногда и тяжелые, промежутки безденежья.

Въ первое время строго наблюдалось за тѣмъ, чтобы причислялись къ штабу лишь чины, имѣвшіе въ томъ дѣйствительную нужду, и чтобы тѣ, у которыхъ надобность миновала, были немедленно отчисляемы. Но наблюденіе за исполненіемъ этого вскорѣ прекратилось; стали причисляться такіе офицеры, у которыхъ являлась надобность или желаніе продлить простой отпускъ; иные, окончивъ дѣла, оставались, въ сущности, для того, чтобы пожуировать въ столицѣ; по минованіи надобности почти никто не отчислялся.

За два-три года такихъ причисленныхъ для полученія довольствія, а больше для удовольствія, какъ тогда шутили, набрался цѣлый легіонъ—болѣе девятисотъ человекъ; штабъ округа оказался заваленнымъ совершенно посторонней работой по провѣркѣ аттестатовъ и разныхъ денежныхъ документовъ, по составленію требовательныхъ вѣдомостей, по выдачѣ денегъ и по своевременному представленію отчетности въ государственный контроль.

Командующій войсками округа наслѣдникъ цесаревичъ, по докладѣ объ этомъ начальника штаба генераль-адъютанта свѣтлѣйшаго князя А. К. Имеретинскаго, приказалъ подробно донести, что можно и нужно сдѣлать; а послѣ того, какъ новый начальникъ штаба генераль-адъютантъ Н. О. Розенбахъ представилъ свое донесеніе, его высочество приказалъ снести съ военнымъ министромъ, прося его распоряженія о скорѣйшемъ раскассированіи причисленныхъ, дабы упорядочить это дѣло и устранить созданную ненормальность положенія. Почти въ минуту отданія этого распоряженія судьба послала наслѣднику цесаревичу и Россіи ударъ, возведшій его на прародительскій престолъ.

III.

Со второй половины мая въ теченіе мѣсяца при штабѣ петербургскаго военнаго округа шла спѣшная разборка положенія каждаго изъ причисленныхъ офицеровъ. Многихъ изъ нихъ пригла-

пали, спрашивали, судьбу ихъ, вѣроятно, намѣчали; затѣмъ все это дѣло было представлено въ канцелярію военного министерства, послѣ чего черезъ главный штабъ вышло распоряженіе о распредѣленіи всѣхъ этихъ офицеровъ: иные были отправлены въ свои части, то есть возвращены къ мѣсту своего служенія, другіе же получили временныя прикомандированія въ окружныя штабы, въ штабы мѣстныхъ войскъ или въ управленія воинскихъ начальниковъ, а нѣкоторые были назначены на разныя «соотвѣтствующія» должности.

Тогда же рассказывали, будто бы все это было сдѣлано спѣшно, безъ освѣдомленія о желаніи каждаго получавшаго назначеніе; нѣкоторые будто бы уже почти устроили свою судьбу, подвинувъ свои хлопоты къ концу, и вдругъ, совершенно неожиданно, получилъ приказъ, въ которомъ каждый прочелъ свою участь. Всѣ личные расчеты, веденные въ соотвѣтствіи съ собственнымъ имущественнымъ и семейнымъ положеніемъ, разбились объ этотъ приказъ; онъ показался и жестокимъ и несправедливымъ. Иному несчастному, многосемейному раненому, лишенному силъ и средствъ, приходилось, вмѣсто Херсонской губерніи, въ которую онъ себя почти устроилъ, ѣхать въ Казань; другому вмѣсто Кавказа, куда его тянуло рѣшительно все, назначено было отправиться въ Варшавскій военный округъ, и такъ далѣе. Завопили бѣдняки и стали наводнять штабъ округа безконечными жалобами, просьбами, претензіями; ихъ направляли то въ канцелярію военного министерства, то въ главный штабъ, то, наконецъ, къ военному министру.

Въ концѣ концовъ всѣ недовольные или обиженные, вооружившись установленнаго образца рапортами и прошеніями, двинулись въ пріемные дни къ Петру Семеновичу.

Люди, въ коихъ назначеніе его на постъ военного министра вызвало чувство горечи, громко кричали объ этой «исторіи произвольнаго разсовыванья офицеровъ, пролившихъ кровь за отечество»; подчеркивали безжалостность этого акта крайняго деспотизма; находились такіе, которые искали случая побесѣдовать съ потерпѣвшими, спрашивали ихъ, выслушивали, высказывали имъ сочувствіе и соболѣзнованіе, чѣмъ, безъ сомнѣнія, до нѣкоторой степени возбуждали ихъ, разжигали; бѣдняки, тщетно надѣясь на возможность какого-нибудь улучшенія своего положенія, пренаивно на каждомъ шагѣ рассказывали подробности своей злосчастной участи и постигшаго ихъ удара судьбы.

Еще рѣзче обозначились нападки на военного министра, когда возвращавшіеся съ пріема отъ него рассказывали, какъ онъ, принимая рѣшительно всѣхъ сурово, сурово же всѣмъ и отказывалъ.

Нѣкоторые изъ просителей, узнавъ, что П. С. принимаетъ по четвергамъ лицъ, являвшихся къ нему съ дѣлами служебными, а по субботамъ—съ частными, задумали, какъ утопающій, хватаю-

щійся за соломинку, являются и въ тотъ и въ другой приемъ, но ничто не помогало, — получался лишь одинъ терпѣливый, твердый отказъ.

Измучился за это время и самъ Петръ Семеновичъ приемомъ несмѣтнаго числа просителей; но онъ отдалъ распоряженіе никому не отказывать въ записи на приемъ, давать возможность всѣмъ представляться; не было возбранено и сдваиванье представлений. П. С. хотѣлъ непременно принять прошенія лично отъ каждого просителя, дабы тѣмъ положить предѣлъ дальнѣйшей волокитѣ; онъ рѣшилъ обставить дѣло такъ, чтобы каждый, выслушавъ отъ него, какъ отъ представителя высшей власти, категорическій отказъ, не имѣлъ уже основаній и поползновеній обращаться со своимъ домогательствомъ въ какую-либо низшую инстанцію и уже не надѣялся напрасно.

Въ этомъ военный министръ видѣлъ облегченіе для каждого просителя и упрощеніе дѣла; каждый долженъ былъ понять, что уже послѣ этого остается лишь собраться и выѣхать по назначенію; такимъ образомъ штабъ округа быстро освободился отъ тяготившей его обузы, дѣло было сдѣлано просто, а осложненія устранены радикально.

Обвиняя П. С. по поводу этой мѣры въ жестокости, приплели къ этому воспоминанія объ аракеевщинѣ.

IV.

По совершенной случайности, вся эта исторія скоро оказалась близко касавшеюся меня, а потому мнѣ довелось ее освѣтить съ особой стороны. Для поясненія приходится нѣсколько уклониться въ сторону. 1876-й годъ засталъ брата моего Николая состоявшимъ на военной службѣ въ чинѣ капитана одного изъ резервныхъ пѣхотныхъ батальоновъ. Батальонъ имѣлъ стоянку въ Лохвицѣ, Полтавской губ., гдѣ братъ и проживалъ съ семьей, состоявшей изъ жены, четырехлѣтней дочери и двухлѣтняго сына. Тотчасъ по объявленіи мобилизациі арміи, въ октябрѣ 1876 года, онъ получилъ изъ главнаго штаба именное предписаніе, — немедленно выѣхать на службу въ 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, — къ этому было присовокуплено, что съ тѣмъ вмѣстѣ онъ удостоился производства въ чинъ майора.

Явившись въ полкъ, онъ былъ назначенъ вторымъ младшимъ штабъ-офицеромъ; такимъ образомъ, въ сущности, ему предстояло выступить при полку въ походъ безъ опредѣленной должности. Принявшій его очень любезно командиръ полка полковникъ Липинскій ¹⁾ объявилъ ему, что въ походѣ каждому найдется много

¹⁾ Впослѣдствіи на Шипкѣ заслужилъ орденъ св. Георгія 4-й степени, былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ начальникомъ штаба 9-го армейскаго корпуса — къ генералу Кріденеру.

дѣла, а во время войны откроется для него должность батальоннаго командира, такъ какъ, несомнѣнно, «въ бояхъ придется имѣть убыль».

Брянскій пѣхотный полкъ находится въ 9-й пѣхотной дивизіи, которой начальникомъ тогда былъ генераль-адъютантъ князь Николай Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, получившій за боевыя дѣйствія на Балканахъ орденъ св. Георгія 3-й степени; впоследствии онъ долго занималъ постъ наказнаго атамана войска Донского; 9-я дивизія принадлежала къ составу 8-го армейскаго корпуса, которымъ командовалъ стяжавшій большую боевую славу генераль-лейтенантъ Фед. Фед. Радецкій, старій боевой кавказецъ.

Полкъ, двинувшись тогда же, осенью 1876 года, изъ Малороссіи, расположился на зиму въ Бессарабіи—Кишиневскаго уѣзда въ селѣ Слободзеѣ и его окрестностяхъ. Тамъ закипѣла работа по подготовкѣ нижнихъ чиновъ, прибывавшихъ изъ запаса и изъ другихъ частей на укомплектованіе полка по штатамъ военнаго времени. Дѣла дѣйствительно нашлось много для всѣхъ.

Однажды въ концѣ марта 1877 года, на одномъ изъ смотровъ, которыхъ въ то время производилось немало и которые представляли собой провѣрку хода работъ по развертыванью полковъ въ боевомъ составѣ, а также по устроенію и сплочиванью ротъ и батальоновъ,—командиръ 2-й бригады 9-й пѣх. дивизіи, генераль-майоръ Держожинскій, обратился къ майору Андреевскому съ вопросомъ:

— Правда ли, что вы хорошо знаете румынскій языкъ?

— Я говорю по-румынски,—отвѣтилъ братъ.

— Почему? Какъ это случилось вамъ выучиться?

— Я родился близъ Бухареста, владѣю подъ городомъ Рымникомъ имѣніемъ, часто туда наѣзжалъ, а одно время, въ очень молодые годы, прожилъ тамъ около четырехъ лѣтъ.

— Вотъ прекрасно,—сказалъ генераль:—ваша должность младшаго штабъ-офицера, да еще второго, никакихъ опредѣленныхъ обязанностей на васъ не возлагаетъ; намъ, несомнѣнно, предстоитъ перейти рѣку Прутъ и двинуться походомъ по Румыніи; не согласитесь ли вы, чтобы васъ, на время движенія по вашимъ краямъ, отчислили въ мое распоряженіе; вы принесли бы большую пользу и мнѣ, и начальнику дивизіи, и дивизионному штабу; когда откроется вакансія батальоннаго командира, вы ее займете немедленно; вообще по службѣ это откомандированіе вамъ никакого ущерба не принесетъ.

Братъ мой принялъ предложеніе и весь походъ продѣлалъ въ этой своей новой временной должности. Подробности полумирнаго похода по Румыніи до Дуная, а затѣмъ боевого движенія по Болгаріи—съ 14-го апрѣля до 10-го августа—отъ Дуная черезъ Систо, Царевацъ, Акчаиръ, Иванчу, Тырново, Габрово до Шипки, описаны въ особыхъ запискахъ Н. К. Андреевскаго. Къ дѣлу,

которое составляет предметъ этой замѣтки, онѣ не относятся, но, какъ заключающія въ себѣ много интереснаго, могутъ составить собою предметъ особаго извлеченія.

Къ вечеру 10-го августа, подъ личнымъ начальствомъ Оед. Оед. Радецкаго, отрядъ, состоявшій изъ полковъ 14-й пѣхотной дивизіи съ М. Ив. Драгомировымъ во главѣ и изъ 2-й бригады 9-й пѣх. дивизіи прибылъ форсированнымъ маршемъ на Шипку для выручки молодецкой горсти, выдерживавшей рядъ непрерывныхъ бѣшеныхъ атакъ Сулеймана-паши. Съ отважными до безумія войсками этого паши отчаянно боролись славные батальоны 4-й стрѣлковой бригады¹⁾ генерала Цвѣцинскаго и храбрыя дружины юнаго болгарскаго ополченія подъ начальствомъ генерала Ник. Григ. Столѣтова.

Остатокъ дня 10-го числа и послѣдовавшія затѣмъ двое сутокъ войска съ новой силой отбивали еще болѣе участвившіяся атаки врага; полчища фанатиковъ, опьяненныхъ гашишемъ, разбивались о шипкинскія твердыни, на которыхъ мощно засѣла живая скала царевыхъ полковъ.

12-го августа былъ тяжело раненъ въ ногу Мих. Ив. Драгомировъ, а 13-го утромъ убитъ наповаль генералъ Дерожинскій. Не успѣлъ подскочить къ нему состоявшій при немъ майоръ Андреевскій, какъ свалился самъ, сраженный въ правую ногу нѣсколько выше колѣна пулей, которая была пущена съ высотъ, занятыхъ врагомъ.

Быстро истекая кровью, онъ былъ въ полномъ безпамятствѣ вынесенъ на перевязочный пунктъ, помѣщавшійся въ тылу шипкинской позиціи по дорогѣ къ Габрову; большого труда стоило врачу, дѣлавшему перевязку, остановить обильное кровотеченіе и привести раненаго въ сознаніе. Черезъ Габрово, Тырново, Горный Студень, Систово, Зимницу, Бригадиръ, Фратешты братъ мой, въ партіи раненыхъ, былъ перевезенъ въ Бухарестъ. Здѣсь всѣ наиболѣе ослабѣвшіе, измученные несносной, почти тропической жарой и частыми мучительными освидѣтельствованіями врачей, подробно изслѣдовавшихъ раны, были оставлены въ нашемъ бухарестскомъ тыловомъ госпиталѣ. Много времени прошло, пока эту партію нашли возможнымъ двинуть въ Россію.

V.

Въ минуту раненія брата я находился при главной квартирѣ дѣйствующей арміи въ Горномъ Студнѣ. 13-го августа великій князь главнокомандующій приказалъ мнѣ отправиться 14-го на Шипку къ генералу Радецкому.

¹⁾ Въмѣстѣ со славой она стяжала себѣ названіе «железной».

Оттуда я былъ назначенъ въ распоряженіе начальника 2-й пѣхотной дивизіи свиты Его Величества ген.-майора князя Имеретинскаго, получившаго приказаніе двинуться изъ-подъ «Зеленаго древа» въ Сельвию и Ловчу для дѣйствій противъ ловчинской укрѣпленной позиціи на Плевно-Софійскомъ шоссе. Движеніе это сдѣлалось возможнымъ лишь тогда, когда на Шипкинскихъ высотахъ все пришло въ то состояніе, которое, благодаря распорядительности популярнаго, славнаго генерала Радецкаго, на вѣчныя времена охарактеризовалось его безсмертными донесеніями: «на Шипкѣ все спокойно».

Я уже двигался при дивизіи князя Имеретинскаго къ Ловчѣ, когда 18-го августа брата моего провезли черезъ Горный Студень. Не разъ впоследствии онъ рассказывалъ, какъ великій князь, въ сопровожденіи старшаго врача главной квартиры, почтеннаго, симпатичнаго Александра Леонтіевича Обермиллера и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ военно-медицинскаго инспектора дѣйствующей арміи Василя Ивановича Приселкова, вышелъ встрѣтить транспортъ раненыхъ. Несмотря на безконечную массу дѣлъ, великій князь поговорилъ съ каждымъ изъ раненыхъ, разспрашивалъ о состояніи раны, о бояхъ и каждому сказалъ доброе слово утѣшенія.

Заговоривъ съ моимъ братомъ и узнавъ его фамилію, великій князь сказалъ ему ласково:

— Ты братъ своего брата, состоящаго при мнѣ? Жаль, что его пришлось командировать, иначе вы здѣсь увидѣлись бы; ну, это не уйдетъ,—добавилъ главнокомандующій:—я его къ тебѣ пришлю.

Въ Сельви 19 августа къ дивизіи князя Имеретинскаго присоединился генераль-майоръ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ бригады 16 пѣхотной дивизіи и бригады 30 пѣхотной дивизіи съ артиллеріей. Кромѣ того, подъ команду князя Имеретинскаго поступила прибывшая изъ Россіи 3-я стрѣлковая бригада генерала Добровольскаго; такимъ образомъ подъ начальствомъ князя сосредоточилось болѣе корпуса съ артиллеріей и кавалеріей.

22 августа Ловча была лихо взята съ бою отрядомъ князя Имеретинскаго.

Велѣдъ за тѣмъ началась вообще такая служба, при которой нельзя было и думать о томъ, чтобы навѣстить раненаго брата и постараться какъ-нибудь помочь ему устроиться и стать въ лучшія условія относительно леченія сложной раны.

Вечеромъ же 22 августа я былъ посланъ изъ-подъ Ловчи въ Горный Студень для представленія великому князю подробнаго донесенія о Ловчинскомъ боѣ.

24-го великій князь съ главной квартирой передвинулся къ Плевнѣ; началась усиленная подготовка атаки по всему фронту

укрѣпленныхъ позицій. Неудача 29-го, а главное 30 числа показала необходимость временнаго прекращенія боевыхъ дѣйствій; пришлось ожидать прибытія гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

Для великаго князя наступило время еще болѣе сложной неуспѣшной работы по приведенію въ порядокъ всѣхъ мелочей въ арміи; его высочество поминутно разсылалъ своихъ адъютантовъ и ординарцевъ для передачи въ разные концы театра военныхъ дѣйствій распоряженій по отдѣльнымъ частямъ дѣйствующей арміи. Свободныхъ отъ дѣла чиновъ главной квартиры въ теченіе сентября не было.

Возвратясь однажды въ самыхъ послѣднихъ числахъ сентября изъ командировки, я, при окончаніи доклада объ исполненіи порученія, былъ положительно пораженъ разговоромъ, которымъ его высочество меня подарилъ.

— А что твой братъ? Какъ идетъ его выздоровленіе и гдѣ онъ теперь находится? Вас. Ив. Приселковъ нашелъ его тогда въ очень опасномъ положеніи.

— Я имѣю очень мало свѣдѣній, ваше императорское высочество; знаю лишь, что онъ находится въ бухарестскомъ тыловомъ госпиталѣ и что пулю до середины сентября искали безуспѣшно.

— Съѣзди, навѣсти его.

— Какъ же можно, ваше высочество, вѣдь здѣсь масса дѣла... — началъ было я.

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣзжай его провѣдать, я тебя отпускаю на двѣ недѣли; работы тутъ нѣкоторое время будетъ меньше; къ началу боевой службы ты успѣешь вернуться; я уже давно думалъ объ этомъ; его рана очень тяжкая; признаться сказать, я ему обѣщалъ свиданіе съ тобой; поѣзжай, разузнай и доложи мнѣ все объ его нуждахъ и объ нуждахъ другихъ раненыхъ, которыхъ тамъ найдешь.

Конечно, я никогда не рѣшился бы беспокоить великаго князя просьбой о разрѣшеніи мнѣ отлучиться изъ дѣйствующей арміи. Это вообще въ боевое время представляется крайне труднымъ; при наличности же обстоятельствъ того періода являлось рѣшительно невозможнымъ.

И вдругъ великій князь, въ неустанной, отеческой заботливости своей обо всѣхъ и о каждомъ, показываетъ столько горячаго участія къ судьбѣ раненыхъ.

Такіе случаи не забываются.

Выѣхавъ въ Бухарестъ 3 октября, я пріѣхалъ туда въ тотъ день, когда партію, къ которой братъ былъ причисленъ, назначено было эвакуировать въ Россію; брата, или, вѣрнѣе, его страданія, пришлось мнѣ видѣть лишь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; какая бы то ни было перемѣна въ исполненіи маршрута перевозки раненыхъ была невозможна и нежелательна.

Я имѣлъ лишь время проводить отправлявшихся на родину, наскоро переговорить со всѣми и попрощаться.

Три дня, проведенные въ Бухарестѣ, я употребилъ на разспросы врачей, а также раненыхъ, остававшихся еще въ госпиталѣ; если бы не было нужды въ собраніи свѣдѣній для доклада великому князю, я покинулъ бы столицу нашей союзницы тотчасъ послѣ отбытія раненыхъ.

Относительно брата моего русскіе военные и румынскіе частные врачи всѣ въ одинъ голосъ высказали удивленіе по поводу того, что пулю не представилось возможнымъ нащупать; зондъ не давалъ показаній. Входное отверстіе находилось выше колѣна вершка на три, а куда дальше прошла пуля, осталось неизвѣстнымъ.

Какъ просто всѣ сомнѣнія разсѣялись бы теперь, при возможности пользованія рентгеновскими лучами.

Доктора говорили, что нахожденіе входнаго отверстія вблизи колѣна указывало на возможность проникновенія пули въ колѣнную чашку, куда она могла пройти по кости сверху внизъ; именно этимъ обстоятельствомъ могла обусловиться невозможность оставленія постели; оно можетъ сильно осложнить операцію извлеченія пули и оно же усложняетъ возможность изслѣдованія раны зондомъ. Извлеченіе пули необходимо произвести во что бы то ни стало; и если пуля находится не въ колѣнѣ, а просто въ кости, то извлеченіе явится дѣломъ болѣе или менѣ простымъ.

VI.

10 октября я возвратился къ главнокомандующему; 12 числа состоя дежурнымъ ординарцемъ, сопровождалъ его высочество на гору Медованъ, откуда можно было наблюдать за ходомъ перваго боя гвардіи—боя подъ Горнымъ Дубнякомъ. Часа черезъ полтора послѣ прибытія на Медованъ великій князь послалъ меня въ распоряженіе начальника западнаго отряда, генераль-адъютанта Гурко, который руководилъ Горно-Дубнякскимъ боемъ. Послѣ этого сраженія, возвратившись ночью въ Беготъ, я донесъ великому князю о подробностяхъ боя, а затѣмъ былъ вновь отправленъ къ генералу Гурко¹⁾, 16-го участвовалъ въ боѣ подъ Телишемъ, 24-го, продолжая состоять при томъ же генералѣ, отправился въ Дольній Дубнякъ, который сдался безъ боя; затѣмъ пришлось принять участіе въ переходѣ черезъ Малые Балканы, въ сраженіи 11 ноября подъ Правцемъ, пережить безбойное взятіе Этрополя, Арханіэ и

¹⁾ Генераль-адъютантъ Гурко командовалъ западнымъ отрядомъ, который дѣйствовалъ за рѣкой Видомъ; шутники называли этотъ отрядъ «завиднымъ», такъ какъ подозрѣвали, что нѣкоторые изъ генераловъ зарылись на этотъ отрядъ и завидовали генералу Гурко.

участвовать почти въ ежедневныхъ бояхъ и дѣйствіяхъ на Шандорникѣ противъ сильно укрѣпленной Арабконакской позиціи, занятой войсками Шакиръ-паши.

Лишь 30 ноября пришлось возвратиться въ главную квартиру; 3 декабря состоялся въ Высочайшемъ присутствіи подъ Плевной парадъ гренадерскому корпусу и румынскимъ войскамъ; государь попрощался съ войсками и отбылъ съ театра войны въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ того великій князь съ главной квартирой выступилъ изъ Богота на Ловчу, Сельвию, Габрово, Шипку, Шейново, Эски-Загру, Эни-Загру, въ Казанлыкъ. Здѣсь, въ долину Розъ, встрѣчали новый годъ. Сюда прибылъ турецкій уполномоченный Намыкъ-паша съ Серверомъ-пашой и другими пашами просить о заключеніи перемирія. Не уладивъ съ ними, великій князь, послѣ нѣсколькихъ дней остановки, двинулся ускореннымъ ходомъ черезъ Германлы, Сейменлы, Ямболи, Митхадъ-пашу въ Адрианополь, куда прибылъ 14 января; сюда же прибылъ со стороны Филиппополя генералъ Гурко.

Здѣсь я получилъ письмо, въ которомъ изъ Харькова жена брата увѣдомляла меня отъ 25 декабря, что, прибывъ туда черезъ Яссы, Унгени, Кишиневъ, Одессу, Елисаветградъ въ концѣ октября, братъ находится на рукахъ харьковскихъ профессоровъ; пули такъ и не удалось нащупать; одинъ изъ профессоровъ увѣрялъ, что ея въ ногѣ нѣтъ; острилъ ли онъ, или былъ въ этомъ убѣжденъ,—это осталось неизвѣстнымъ. Тогда же изъ Адрианополя я написалъ женѣ брата длинное письмо, въ которомъ подалъ совѣтъ—перевезти больного, при первой же возможности, въ Петербургъ и передать его тамъ въ руки профессоровъ для скорѣйшаго производства операціи.

Писалъ я эти строки и краснѣлъ за свое ребяческое изобрѣтеніе: легко сказать, а какъ выполнить?

3 февраля, послѣ недолгихъ и несложныхъ сборовъ, пришлось мнѣ, согласно приказанія великаго князя, выѣхать съ конвоемъ и съ верховыми лошадьми по желѣзной дорогѣ на Чирпанъ, Чаталджу (крайній пунктъ расположенія нашего авангарда подъ командой М. Д. Скобелева), Санъ-Стефано; отсюда послѣ затрудненій, причиненныхъ Мухтаръ-пашой, мы проѣхали въ Константинополь для слѣдованія Чернымъ моремъ черезъ Синопъ, Смирну, Керозундъ въ Трапезундъ; затѣмъ, послѣ задержки, сдѣланной Юсуфъ-пашой, пошли далѣе верхомъ на взятыхъ съ собою лошадяхъ, со своимъ конвоемъ и съ отрядомъ турецкихъ запѣвѣвъ—по Малой Азіи на Мадена-Ханъ, Зигана-Ханъ, Гююшъ-Канэ, Байбургъ, Саганлу; послѣ девятидневнаго хода съ трехкратнымъ подъемомъ на высоту въ 10 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, довелось прійти 24 февраля въ Эрзерумъ. Затѣмъ, двинувшись черезъ нѣсколько

дней верхомъ на Карсъ, почтовыми на Александрополь, Делижанское ущелье въ Тифлисъ, а оттуда по Россіи на Одессу, пароходомъ черезъ Черное море, пришлось 14 апрѣля прибыть въ Санъ-Стефано, гдѣ великій князь имѣлъ пребываніе съ главной квартирой¹⁾.

Черезъ двое сутокъ великій князь отбылъ въ Петербургъ, сдавъ армію генераль-адъютанту Тотлебену; съ состоявшими при его высочествѣ чинами главной квартиры великій князь прибылъ 22 апрѣля въ столицу. Здѣсь меня немедленно отчислили къ мѣсту постояннаго служенія—въ строй гвардейской конной артиллеріи.

Скоро стало извѣстно, что на Западѣ загорается что-то похожее на возможность возникновенія войны съ Австріей и съ другими державами, задавшими въ ролю цѣлю—свести къ нулю результаты нашей побѣдоносной войны и перекроить по-своему Санъ-Стефанскій мирный договоръ; пошло лихорадочное перевооруженіе нашей артиллеріи дальнобойными стальными орудіями; хотя ничего не объявлялось, но чувствовалось что-то неладное; приготовленія шли энергичныя; артиллерія усиленно изучала на практической стрѣльбѣ свои новыя орудія.

Въ Петербургѣ я вскорѣ получилъ отъ брата его собственной рукой написанное письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что харьковскіе профессора и доктора находятъ необходимымъ везти его при первой возможности въ Петербургъ; но, къ сожалѣнію, возможности нѣтъ никакой въ виду крайняго упадка силъ, и, когда она явится,—неизвѣстно.

Наконецъ, въ концѣ іюля или въ первыхъ числахъ августа, получено было письмо о томъ, что данный моментъ врачи признаютъ удобнымъ для перевозки больного въ столицу. Это совпало со временемъ моего отъѣзда въ Парижъ, куда я, по волѣ государя императора Александра Николаевича, былъ командированъ для присутствованія на маневрахъ французскихъ войскъ.

VII.

Такимъ образомъ, не было минуты, которую я могъ бы избрать для оказанія дѣятельнаго личнаго содѣйствія устроенію судьбы тяжело-раненаго брата, хотя бы въ отношеніи капитальнаго леченія раны.

Передъ отъѣздомъ во Францію я собралъ наскоро всѣ свѣдѣнія о томъ, какъ было бы лучше всего помочь ему устроиться. Явилось необходимымъ представиться с.-петербургскому коменданту,

¹⁾ Все это походное путешествіе было мною описано: въ мартѣ и апрѣлѣ 1878 года на страницахъ «Новаго Времени»—«Отъ Адрианополя до Эрзерума» и въ 1880 году въ «Историческомъ Вѣстникѣ»—«Отъ Эрзерума до Тифлиса» (см. майскую книгу).

свиты Его Величества генералъ-майору Адельсону, и обратиться къ нему съ просьбой; на него была вообще возложена забота о прибывавшихъ въ столицу раненыхъ; самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени участливый и предупредительный.

На мой вопросъ, не можетъ ли онъ оказать содѣйствіе къ помѣщенію брата моего въ Благовѣщенскую офицерскую больницу, устроенную иждивеніемъ великой княгини Александры Иосифовны при лазаретѣ лейбъ-гвардіи Коннаго полка,—онъ любезно отвѣтилъ, что, на счастье, въ той больницѣ открылось двѣ вакансіи, одну онъ запишетъ для брата и приметъ всѣ мѣры къ доставленію ему всего необходимѣйшаго въ смыслѣ удобнаго помѣщенія, хорошаго ухода и самаго успѣшнаго леченія. «Пусть только мнѣ телеграфируютъ о часѣ пріѣзда больного,—добавилъ Адельсонъ:—я самъ его встрѣчу, перевезу, все устрою для него».

Здѣсь братъ мой, совершенно ослабленный, измученный и долгими страданіями, продержавшими его въ постели цѣлый годъ, и тяжелымъ переѣздомъ отъ Харькова,—попалъ въ распоряженіе опытнаго, симпатичнаго, участливаго профессора-хирурга Ник. Вас. Склифасовскаго.

Сдѣлавъ наружный осмотръ, онъ ласково сказалъ брату: «Постарайтесь поскорѣй окрѣпнуть, до тѣхъ поръ я не буду васъ беспокоить изслѣдованіемъ раны; вполне понимаю, какую массу страданій, въ подобныхъ случаяхъ, причиняетъ зондъ; а между тѣмъ безъ него невозможно что-либо опредѣлить точно; наберетесь силъ, тогда мы найдемъ пулю; все, чѣмъ располагаетъ наука, мы употребимъ къ тому, чтобы избавить васъ отъ этой обузы».

Нервы брата были въ высшей степени напряжены и разстроены, поэтому онъ много говорилъ и высказывалъ такого, чего въ нормальномъ, спокойномъ состояніи никогда не нашелъ бы нужнымъ и возможнымъ сказать.

— Въ Харьковѣ профессоръ нашелъ, что пули въ ногѣ вовсе нѣтъ,—вдругъ произнесъ онъ, глядя съ большимъ безпокойствомъ на Склифасовскаго.

— Кто это могъ найти? Какой профессоръ?

— Я не знаю, какъ его фамилія...

— Успокойтесь, не давайте значенія этому вздору; какой профессоръ могъ вамъ сказать такую нелѣпость. Безъ подробнаго изслѣдованія я не могу вамъ сказать, гдѣ именно сидитъ пуля; но что она находится въ вашей ногѣ, за это мнѣ совершенно ручается все состояніе вашей раны и простой осмотръ отверстия, которое, несомнѣнно, представляетъ собой мѣсто входа пули. Будьте спокойны и увѣренны; отдохните, и тогда мы, несомнѣнно, получимъ возможность указать харьковскому профессору всю несуразность его заключенія, непростительность его ошибки и неосторожность его болтовни.

Только въ концѣ марта 1878 года Склифасовскій нашелъ возможнымъ приступить къ подробному изслѣдованію раны. Каково было горе брата, когда и у такого свѣтила первоначальная проба зондированія не привела ни къ чему. Убѣжденный, однако, твердо въ томъ, что пуля сидитъ въ ногѣ, профессоръ назначилъ на 11-ое апрѣля производство разрѣза раны; «далѣе, сказалъ онъ, мы увидимъ, что надо предпринять».

Въ день безрезультатнаго изслѣдованія братъ мой очень нервно замѣтилъ профессору Склифасовскому: «Далъ бы Богъ только покончить съ тѣмъ, что пуля налицо; куда же она, въ самомъ дѣлѣ, могла исчезнуть; вѣдь не растаяла же; послѣзавтра, 13-го числа, исполнится ровно 20 мѣсяцевъ со дня моего раненія, 20 мѣсяцевъ я не покидаю постели».

Опять Склифасовскій приложилъ все стараніе къ тому, чтобы успокоить страдальца, причемъ высказалъ полную увѣренность въ томъ, что 11-го апрѣля долженъ получиться вполне благополучный исходъ всего вопроса, болѣзненно задѣвавшего не только больного, но и окружавшихъ его.

VIII.

11-го апрѣля съ утра прибыла въ больницу августѣйшая основательница ея, покровительница и попечительница, великая княгиня Александра Іосифовна. За нею вскорѣ появился профессоръ Склифасовскій съ ассистентами, а также съ врачами и фельдшерами.

Послѣ обычныхъ освидѣтельствваній больного усыпили хлороформомъ. Профессоръ сдѣлалъ по діаметру входного отверстія раны сверху внизъ прорѣзъ вершка въ три; показался тыловой конецъ пули; какъ оказалось, она сидѣла въ кости на разстояніи двухъ дюймовъ ниже входного отверстія и на разстояніи почти дюйма отъ колѣнной чашки. Сдѣлавъ затѣмъ поперечный прорѣзъ, Склифасовскій попробовалъ извлечь пулю обыкновенными хирургическими клещами, но они скользнули по наружной свинцовой поверхности пули; тогда онъ быстро спросилъ американскіе щипцы съ шипами на каждой поверхности краинъ лапокъ и, защемивъ съ большой силой пулю, вытащилъ ее. Больной, не приходя въ себя, «крякнулъ».

Пуля большого калибра ружья извѣстной системы Шнейдера, какъ оказалось, сидѣла, вонзившись въ кость, которую она раздробила; осколки кости, въ свою очередь, при раздробленіи, врѣзались въ пулю; въ моментъ извлеченія пули лучеобразно расположившіяся трещины расщепившейся кости выдѣлили осколки, которые вросли въ пулю; стрѣльчатая, коническая часть ея оказалась облѣпленною прочно заросшими осколками кости.

Кромѣ того, въ расщепахъ кости оказались остатки мелкихъ осколковъ; что можно было, тотчасъ же извлекли, расчистили и тщательно промыли, съ соблюденіемъ всего вызываемаго и обуславливаемаго необходимостью полнѣйшей чистоты; разрѣзы зашили, снабдивъ дренажемъ. Впослѣдствіи болѣе трехъ лѣтъ осколки кости продолжали отщепляться и, прорѣзывая тѣло въ мѣстахъ раненія, выходили внаружу, причѣмъ вызывали опухоль, нагноеніе, изнурительную лихорадку и мѣстныя боли, по силѣ не уступавшія зубнымъ. Каждый разъ послѣ болѣзненнаго выхода косточекъ ноги, уже было начинавшія расхаживаться, опять нѣмѣли и переставали надолго сгибаться въ суставахъ.

Благовѣщенское офицерское отдѣленіе лазарета лейбъ-гвардіи Коннаго полка существуетъ и до сихъ поръ. Тогда оно было, по послѣднему слову науки, оборудовано на 25 кроватей. Великая княгиня очень часто посѣщала больныхъ, которыхъ пріютила; обычно ее сопровождала фрейлина, графиня Келлеръ; предвѣстникомъ же прибытія великой княгини почти всегда являлся управлявшій дворомъ великаго князя Константина Николаевича артиллерійскій полковникъ Павелъ Егоровичъ Кеппенъ.

Во время производства профессоромъ Склифасовскимъ описанной операциі великая княгиня находилась въ сосѣдней комнатѣ, очень волновалась, спрашивала о томъ, какъ операциа идетъ, что оказалось, а главное:—найдена ли наконецъ злосчастная пуля? Полковникъ Кеппенъ, а также одинъ изъ врачей или сестра милосердія поминутно докладывали ея высочеству о подробностяхъ хода дѣла.

Со слезами на глазахъ великая княгиня приняла изъ рукъ профессора огромную, только что извлеченную, тщательно обмытую пулю, унизанную вросшими въ нее косточками.

— Что же больной говоритъ? Представляю себѣ, какъ онъ обрадовался.

На это профессоръ объяснилъ, что больному необходимо дать полный и абсолютный покой, ни въ какомъ случаѣ не волновать его въ теченіе нѣсколькихъ дней ни радостями, ни печалями, тогда только можно будетъ надѣяться на постепенное возстановленіе силъ его, а также на укрѣпленіе нервовъ и всего организма. Пулю, добавилъ профессоръ, лучше теперь не показывать, при его нервномъ разстройствѣ это можетъ сильно повредить, такъ какъ, несомнѣнно, еще больше разстроить.

Выслушавъ все это, великая княгиня взяла пулю и сказала:

— Въ такомъ случаѣ я ее возвращу вамъ дня черезъ три-четыре.

Черезъ недѣлю братъ мой настолько началъ оправляться, что получилъ возможность спокойно выслушать подробное сообщеніе о результатѣ операциі. Великая княгиня сама вручила ему пулю,

отдѣланную золотомъ. Въ части, свободной отъ осколковъ кости, свинцовая поверхность была перетянута золотой полоской въ видѣ ленточки, на которой вырѣзано: «1879 г. апрѣля 11 пуля эта, въ присутствіи великой княгини Александры Іосифовны, извлечена профессоромъ Склифасовскимъ изъ ноги раненаго на Шипкѣ 13 августа 1877 года майора Н. К. Андреевскаго».

Необыкновенное вниманіе великой княгини очень тронуло и больного и всѣхъ присутствовавшихъ при врученіи ею этого своеобразнаго подарка.

Впослѣдствіи нѣкоторые шутники,—а ихъ всегда вездѣ много,—говорили: Фаберже прекрасно отдѣлалъ пулю золотомъ, но какъ жаль, что украшаетъ ее кость простая, а не слоновая.

IX.

Такимъ образомъ, ровно двадцать мѣсяцевъ пролежалъ братъ въ постели, пока наконецъ довелось ему отдѣлаться отъ застѣвшей въ кости и сковавшей дѣятельность всего организма пули. Нѣсколько разъ онъ выслушивалъ предложеніе врачей допустить ампутацію ноги, но всегда отклонялъ его.

Послѣ операціи, однако, не скоро пришлось покинуть постель, пришлось пролежать непрерывно еще мѣсяцевъ пять.

Въ іюнѣ больные, а въ числѣ ихъ и братъ мой, были переведены въ Стрѣльну. Тамъ въ Великокняжескомъ паркѣ, заботами великой княгини, былъ приспособленъ для помѣщенія больныхъ просторный деревянный флигель. Всѣ раненые замѣтно начали поправляться; въ сентябрѣ братъ мой началъ понемногу подниматься и двигаться на костыляхъ.

Зиму 1879—80 гг. ему, въ числѣ другихъ, пришлось провести опять въ Благовѣщенскомъ офицерскомъ отдѣленіи, такъ какъ выходившія, отъ времени до времени, изъ раны косточки то и дѣло укладывали его въ постель, что очень изнурило больного и требовало большого ухода за нимъ; профессоръ не разрѣшалъ покинуть больницу.

Лѣтомъ 1880 года больные вновь нашли пріютъ въ стрѣльнинскомъ паркѣ. Въ концѣ іюня брату былъ выданъ и приспособленъ къ раненой ногѣ выписанный изъ-за границы великой княгиней аппаратъ для искусственнаго механическаго приведенія въ движеніе онѣмѣвшихъ суставовъ ноги; машинка автоматически сгибала и разгибала ногу въ колѣнѣ и въ ступнѣ.

Вслѣдъ затѣмъ ему было объявлено, что врачи, а въ особенности профессоръ, нашли его достаточно окрѣпшимъ, вслѣдствіе чего онъ можетъ выписаться изъ больницы, но не раньше середины августа. Это извѣстіе братъ принялъ съ большою радостью; онъ видѣлъ въ немъ ободряющее свидѣтельство наступившаго

прочнаго улучшенія здоровья и минованія всякихъ опасностей, вызывавшихся тяжелымъ раненіемъ. Онъ обратился съ просьбой разрѣшить ему выйти изъ больницы 13-го августа—въ день исполненія третьей годовщины полученія раны, давшей столько страданій и мученій, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ.

Пришлось провозиться ему съ больничными порядками ровно три года; можно съ увѣренностью сказать, что только образцовое устройство и заботливое содержаніе Благовѣщенской офицерской больницы могло сократить и сократило время нахождения его въ болѣзненномъ состояніи и направило болѣзнь къ благополучному исходу.

До конца дней своихъ ¹⁾ братъ мой сохранилъ самую горячую признательность къ облагодѣтельствовавшей столькихъ раненыхъ воиновъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ; всегда вспоминалъ онъ съ сердечнѣйшей признательностью профессора Склифасовскаго, который, кромѣ того, что, примѣнивъ свое искусство, возвратилъ искалѣченнаго къ жизни, но нравственно постоянно ободрялъ и утѣшалъ, а это, несомнѣнно, поддерживало въ больномъ бодрость духа и давало ему силы переносить тяжесть угнетеннаго состоянія.

Дорого было ему и вниманіе, оказанное генераломъ Адельсономъ; безъ него не дойти бы несчастному такъ счастливо до пристани въ своихъ попеченіяхъ о больномъ, генераль Адельсонъ самъ озаботился даже причисленіемъ его съ первыхъ же дней къ штабу округа для полученія содержанія.

Х.

Въ самомъ началѣ 1881 года брату оказалось крайне необходимымъ проѣхать въ Румынію для продажи имѣнія и вообще для устройства имущественныхъ дѣлъ своихъ.

Въ апрѣлѣ наступалъ срокъ возобновленія аренды моего имѣнія. Я могъ сдѣлать это черезъ родственниковъ, проживавшихъ въ Бухарестѣ; но, видя, что жена брата, только что пережившая нервный ударъ, никоимъ образомъ, за болѣзнью, не могла сопровождать его, а онъ одинъ не могъ предпринять длинное путешествіе,—я рѣшилъ отправиться съ нимъ на два мѣсяца.

Разрѣшеніе отпуска нѣсколько задержалось событіемъ 1-го марта, тѣмъ не менѣе въ концѣ апрѣля представилась возможность выѣхать.

Возвращаясь во второй половинѣ іюня изъ отпуска, мы встрѣтили на станціи Унгени сослуживца брата по Брянскому полку штабсъ-капитана Ис—ва; привѣтливо поздоровавшись, онъ по-

¹⁾ Онъ скончался въ чинѣ подполковника, занимая должность уѣзднаго воинскаго начальника въ Корочѣ Курской губерніи (въ октябрѣ 1890 года).

здравилъ Николая съ назначеніемъ на должность перекопскаго уѣзднаго воинскаго начальника, причемъ показалъ номеръ «Русскаго Инвалида» съ приказомъ объ этомъ назначеніи.

Это извѣстіе поразило брата, какъ громомъ.

Не говоря о томъ, что содержаніе воинскаго начальника 4-го разряда было меньше того, которое онъ получалъ въ полку,—онъ видѣлъ въ этомъ потерю надежды на устройство своей судьбы; онъ все время лелѣялъ мечту воспользоваться пребываніемъ въ Петербургѣ для того, чтобы какъ-нибудь, не оставляя службы, пристроиться хотя бы на время поближе къ Полтавской губерніи, въ которой находилось небольшое имѣніе его жены. И вотъ все рухнуло.

По приѣздѣ въ Петербургъ пришлось ему узнать о произведенномъ въ его отсутствіе раскассированіи всѣхъ офицеровъ, состоявшихъ «причисленными» къ окружному штабу. Конечно, и онъ попалъ подъ общій ударъ, который такъ поразилъ всѣхъ неожиданностью и суровостью. Тамъ же брату стало извѣстно, какъ широко военный министръ принималъ по этому поводу всѣхъ просителей и какъ, еще шире, объявлялъ каждому заранѣе намѣченный, неумолимый отказъ во что бы то ни стало.

Приемъ просителей этой категоріи уже прекратился ко времени возвращенія брата изъ отпуска; ему стоило немалыхъ трудовъ выяснитъ причину опозданія и выхлопотать разрѣшеніе представить лично прошеніе.

«Я заготовилъ прошеніе,—разсказывалъ тогда же братъ,—и въ назначенный день отправился съ нимъ къ министру. Въ прошеніи было изложено, что, не имѣя, въ сущности, ничего противъ назначенія, выпавшаго на мою долю, я прошу избавить меня отъ него; лихорадочныя страданія, вызываемыя частымъ выходомъ косточекъ, могутъ явиться пагубными, такъ какъ Перекопъ находится въ мѣстности, славящейся лихорадками (на берегу «Гнилого моря»). Если нѣтъ возможности переназначить меня теперь же въ другую мѣстность,—писалъ братъ,—то предпочту остаться нѣкоторое время безъ должности, а, при открытіи вакансіи, прошу назначить меня, имѣя въ виду, если возможно, желаніе мое служить въ Полтавской губерніи или недалеко отъ нея.

«Пригласивъ во время приѣма генераловъ и нѣкоторыхъ, видимо, наиболѣе заслуженныхъ полковниковъ въ кабинетъ, генералъ Ванновскій вышелъ затѣмъ въ залъ къ массѣ представлявшихся. Здѣсь онъ очень привѣтливо поговорилъ съ генераломъ, опоздавшимъ къ началу приѣма; а затѣмъ направился къ группѣ раненыхъ, стоявшихъ отдѣльно; четверо изъ насъ были на костыляхъ,—разсказывалъ братъ,—четверо съ палочками, а двое безъ руки; одинъ я оказался изъ числа «причисленныхъ», остальные только что прибыли въ Петербургъ.

«Я стоялъ послѣднимъ; принимая отъ каждаго прошеніе, генераль спрашивалъ фамилію, а затѣмъ кратко объяснялъ, куда надо обратиться и что предпринять; дойдя до меня и узнавъ, что я изъ числа «причисленныхъ», онъ взялъ мое прошеніе и сказалъ: «О чемъ просите?» Когда я началъ смущенно рассказывать свою эпопею, онъ быстро перебилъ меня: «благодарите судьбу и съ Богомъ поѣзжайте служить въ новой должности, иначе можете навсегда лишиться службы».

«Затѣмъ генераль направился на правый флангъ продолжать приемъ высшихъ чиновъ, а мы заковыляли по домамъ».

Многимъ было извѣстно въ подробностяхъ, какія страданія пришлось вынести моему брату. Вѣсть о характерѣ приема, которымъ его удостоилъ военный министръ, быстро разнеслась и вызвала новый взрывъ нападокъ на Петра Семеновича.

Брата вообще весь исходъ этого дѣла крайне огорчилъ и утѣшать его было очень трудно, тѣмъ болѣе, что нервы его далеко нельзя было считать успокоившимися.

Дня черезъ четыре, заѣхавъ къ нему изъ Краснаго Села, я услышалъ отъ него, что свиты Его Величества генераль-майоръ М., вовсе ему незнакомый, приѣхалъ къ нему на квартиру, отрекомендовался и настойчиво совѣтовалъ подать на военнаго министра «жалобу» государю.

— Какъ ты посовѣтуешь?—спросилъ братъ.

— Неужели же ты еще ждешь совѣта? Неужели не понимаешь, что это простая и низменная интрига бессильно за что-нибудь озлобленнаго на военнаго министра чловѣка; брось, не слушай ничего подобнаго. Тебѣ остается лишь собраться и «ѣхать служить въ новой должности», какъ посовѣтовалъ самъ военный министръ; поѣзжай, больше ни о чемъ не думай; все можетъ измѣниться. Богъ не безъ милости. А такія козни могутъ тебѣ создать массу непоправимыхъ непріятностей.

Братъ наскоро собрался и уѣхалъ въ Перекопъ.

ХІ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ этого П. С. Ванновскій встрѣтилъ меня на скачкахъ въ Красномъ Селѣ:

— Это вашъ братъ майоръ, перекопскій воинскій начальникъ, тяжело раненый на Шипкѣ?

— Родной братъ, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ я.

— Я ему причинилъ большую непріятность и назначеніемъ въ Перекопъ и непривѣтливомъ приемомъ. Какъ ему живется и служится?

— Очень плохо; онъ находится въ совершенно особомъ положеніи; иное назначеніе онъ принялъ бы легко и просто; но ему,

при страданіяхъ лихорадками отъ выхода косточекъ изъ раны, пришлось попасть въ мѣстность, которая сама по себѣ отличается гнилыми лихорадками, маляріей...

— Знаю я, все знаю и понимаю; понимаю даже вашъ нетерпѣливый тонъ.

— Извините, но...—началь было я.

— Повторяю, что понимаю вполне ваше волненіе за брата. Вступивъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, я, въ видѣ наслѣдства отъ своего предшественника, засталъ категорическое представленіе командовавшаго войсками петербургскаго округа (наслѣдника цесаревича); это представленіе о раскассированіи «причисленныхъ» и объ откомандированіи ихъ отъ штаба округа,—силою обстоятельствъ, какъ вы сами поймете, обратилось впоследствии въ «высочайшее повелѣніе»; я обязанъ былъ исполнить его немедленно, буквально, точно. Распредѣливъ всѣхъ офицеровъ, разговаривая ихъ, я имѣю въ виду находящіяся у меня поданныя ими мнѣ прошенія и мало-по-малу привожу ихъ къ благопріятному для каждаго разрѣшенію. Нѣкоторыя прошенія уже исполнены, дойдетъ очередь и до прошенія, поданнаго вашимъ братомъ; прошу васъ такъ ему и сообщить; ободрите его, пусть не унываетъ. Если бы я не разрубилъ Гордіевъ узелъ сразу, а долго раздумывалъ надъ нимъ, мнѣ пришлось бы до сихъ поръ, вмѣсто управленія министерствомъ въ такое важное для военнаго дѣла время,—сидѣть надъ распредѣленіемъ раненыхъ, которыхъ набрался цѣлый батальонъ почти въ 1000 человекъ.

Послѣ того, рѣшительно при каждой встрѣчѣ со мною, П. С. повторялъ мнѣ, что о братѣ моемъ помнить, непременно его устроить, но что все зависитъ отъ обстоятельствъ и надо ждать подходящаго случая.

Прошло полтора года; братъ сидѣлъ въ Перекопѣ; въ письмахъ своихъ жаловался на смертельную скуку и на изводившія его лихорадки.

Однажды, въ апрѣлѣ 1883 года, П. С. Ванновскій, встрѣтивъ меня въ гатчинскомъ дворцѣ, сказалъ съ той доброй улыбкой, которая нерѣдко освѣщала его серьезное лицо: «Теперь очередь доходить до перекопскаго уѣзднаго воинскаго начальника; онъ скоро будетъ перемѣщенъ».

Поблагодаривъ П. С., я сказалъ, что меня смущаетъ письмо, полученное мною наканунѣ, съ извѣщеніемъ о невозможности для брата дальнѣйшаго служенія,—онъ вынужденъ былъ подать прошеніе объ увольненіи его въ отставку.

— По какой причинѣ?—спросилъ съ удивленіемъ Петръ Семеновичъ.

— Лихорадки совершенно изнурили и измучили его.

Въ это время подошелъ скороходъ и доложилъ Петру Семеновичу, что государь проситъ его высокопревосходительство, и онъ тотчасъ отправился въ государевъ кабинетъ.

Мнѣ не приходилось оставаться во дворцѣ; я уѣхалъ и больше въ тотъ день не видѣлъ Петра Семеновича.

Вернувшись въ Петербургъ, я былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ въ своей квартирѣ брата, только что прибывшаго совершенно неожиданно изъ Перекопа...

Сообщеніе мое о разговорѣ, происходившемъ въ гатчинскомъ дворцѣ, видимо, смутило его и вызвало въ немъ сожалѣніе о томъ, что пришлось подать прошеніе. Я указалъ, что можно было подать объ увольненіи въ двухмѣсячный отпускъ, тѣмъ временемъ вышло бы назначеніе...

— Да, если бъ я зналъ; а теперь ужъ поздно...—задумчиво отвѣтилъ братъ.

На другой день, тоже совершенно неожиданно, ко мнѣ заѣхалъ сынъ Петра Семеновича—Борисъ Петровичъ—и передалъ мнѣ порученіе Петра Семеновича написать брату или даже телеграфировать, чтобы онъ немедленно взялъ обратно свое прошеніе.

Пригласивъ брата изъ сосѣдней комнаты, я познакомилъ его съ молодымъ Ванновскимъ, который, перекинувъ два-три слова тотчасъ уѣхалъ.

Часа черезъ два онъ снова заѣхалъ ко мнѣ и объявилъ брату, что Петръ Семеновичъ проситъ его явиться на другой день, въ воскресенье къ нему на домъ въ пять часовъ, запросто, въ сюртукѣ.

Тономъ и характеромъ пріема братъ былъ рѣшительно очарованъ: Петръ Семеновичъ не только посадилъ его въ кресло, но самъ заботливо приставилъ стулъ, для того, чтобы онъ могъ положить плохо сгибающуюся въ колѣнѣ ногу.

— Министръ категорически сказалъ мнѣ, чтобы я бросилъ мысль объ отставкѣ,—разсказывалъ братъ:—онъ предлагаетъ остановить свой выборъ на одномъ изъ уѣздовъ—Карачевскомъ или Ефремовскомъ; посоветуйтесь съ братомъ, какой уѣздъ выберете, въ тотъ и будете назначены воинскимъ начальникомъ; подайте мнѣ объ этомъ докладную записку.

При обсужденіи этого вопроса страннымъ показалось, что Карачевскій уѣздъ Орловской губерніи считался по должности воинскаго начальника во второмъ разрядѣ, а Ефремовскій Тульской—въ третьемъ.

— Не можетъ быть, чтобы Петръ Семеновичъ предложилъ выбирать между двумя уѣздами неравнозначными; можетъ быть, ты перепуталъ названія или ошибся?—сказалъ я брату.

— Нѣтъ, онъ ясно сказалъ: Карачевскій или Ефремовскій.

— Тогда вѣдь нечего и выбирать: во второмъ разрядѣ и содержанія больше, и положеніе лучше, и можно быть произведен-

нымъ въ полковники, тогда какъ должность третьяго разряда не допускаетъ производства въ чинъ выше подполковника; я ужъ не говорю о томъ, что Карачевскій уѣздъ ближе къ Полтавской губерніи. Но меня смущаетъ несуразность предложенія; вѣдь не можетъ же быть, чтобы Петръ Семеновичъ не то сказалъ тебѣ, что желалъ выразить, и не шутилъ же онъ съ тобой...

— Я не знаю, но онъ положительно назвалъ «Карачевскій уѣздъ».

— А губерніи не назвалъ?

— Нѣтъ, не назвалъ.

Нечего дѣлать, пришлось остановиться на Карачевскомъ уѣздѣ, написали записку, я сейчасъ же отвезъ ее въ домъ военного министра и передалъ швейцару. Крайне неприятно было на другой день утромъ въ конвертѣ, привезенномъ курьеромъ отъ министра, найти докладную записку, на которой, видимо, нетерпѣливымъ почеркомъ по діагонали написано: «Не Карачевскій Орловской губ., а Корочанскій Курской мною предложень; прошу вновь обдумать. П. В.».

Братъ сказалъ, что, какъ теперь онъ припоминаетъ, П. С. дѣйствительно назвалъ Корочанскій уѣздъ. «Удивляюсь, какъ это я перепуталъ», добавилъ онъ.

Такъ какъ Корочанскій уѣздъ находился въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ Ефремовскимъ, то пришлось остановиться на немъ, въ виду болѣе близкаго сосѣдства Курской губерніи съ Полтавскою.

Братъ съ этимъ согласился, но, къ удивленію моему, подачей новой записки не торопился; я сначала подумалъ, что онъ обезкураженъ, смущенъ, сконфуженъ и что это пройдетъ, обойдется; но нѣтъ, несмотря на мои настоянія и уговоры, онъ въ теченіе двухъ-трехъ дней молчалъ и не подвигался; указанія мои на полнѣйшую неловкость промедленія также не помогали дѣлу.

Послѣ долгихъ переговоровъ я сказалъ: «Ужъ лучше прямо откажись, скажи, что раздумалъ, что въ отставку тебѣ выйти пріятнѣе и лучше, но не заставляй ждать почтеннаго человѣка, стремящагося тебя устроить»...

— Да,—сказалъ братъ,—я такъ и сдѣлаю; я не въ правѣ просить о какомъ-либо назначеніи и самъ не понимаю, какъ я могъ рѣшиться подать записку; я долженъ отказаться отъ всякихъ домогательствъ въ дѣлѣ полученія должности, такъ какъ, въ сущности, я не самъ задумалъ подать въ отставку изъ-за лихорадокъ, а получилъ о томъ приказъ командующаго войсками одесскаго военного округа генераль-адъютанта Гурко.

— Какъ, что, отчего, почему, за что?—насыпалъ я вопросовъ.

— Мнѣ тяжело эту исторію вспоминать, но тебѣ я долженъ ее рассказать и очень каюсь въ томъ, что не рассказалъ раньше; я имѣлъ намѣреніе описать тебѣ это дѣло въ письмѣ, но воз-

держался, рѣшивъ разсказать при свиданіи, и вотъ до сихъ поръ какъ-то не могъ на это отважиться. Приѣхавъ въ Перекопъ,— началъ смущенно разсказывать братъ,—я тамъ, недѣли черезъ двѣ-три, попалъ въ мѣстный клубъ въ день выборовъ старшинъ; немало я удивился, когда оказался выбраннымъ. Дѣло въ томъ, что одного изъ двѣнадцати старшинъ С—ча всѣ страшно возненавидѣли, а потому предпочли избрать мало знакомаго, почти неизвѣстнаго человѣка, лишь бы отдѣлаться отъ ненавистнаго. С—чъ озлобился за это на меня и затаилъ злобу, хотя; конечно, признать меня противъ него виноватымъ никто не могъ.

Черезъ годъ были назначены новые выборы; опять выбраны были мы, т. е. тѣ же 12 старшинъ. Въ день вторыхъ выборовъ я былъ дежурнымъ старшиной, а потому ходилъ по всѣмъ комнатамъ въ качествѣ наблюдавшаго за чистотой и порядкомъ. Проходя черезъ большой залъ, въ которомъ долженъ былъ вечеромъ происходить любительскій спектакль, я замѣтилъ, что собравшіеся кавалеры и дамы провожаютъ меня усмѣшками. Это дало мнѣ поводъ оглядѣть свой сюртукъ,—нѣтъ ли въ немъ какой-нибудь неисправности и, только пройдя въ сосѣдній, малый залъ я, въ зеркало, висѣвшее прямо противъ дверей, черезъ которыя мнѣ пришлось входить, увидѣлъ, что за мной непосредственно идетъ уродливо-хромой походкой г. С—чъ, какъ бы передразнивая меня. Нервы мои, какъ ты знаешь, далеко не окрѣпли вообще послѣ болѣзни, а передъ тѣмъ я только что выдержалъ выходъ косточекъ; кровь прилила мнѣ въ голову, я выхватилъ изъ кармана револьверъ и, ни на что не глядя, выстрѣлилъ въ молодого человѣка, который вообще своимъ поведеніемъ давно началъ мнѣ надоѣдать и казаться негодяемъ. Онъ перепугался и убѣжалъ, а я съ припадкомъ неврастеніи или, быть можетъ, истерики, вышелъ въ сосѣднюю маленькую комнату старшинъ, гдѣ мнѣ врачомъ была подана помощь. Дамы попадали въ обморокъ.

Старшины, сбѣжавшіеся на выстрѣлъ, переговорили между собой и рѣшили представить официально дѣло такъ, что я, показывая револьверъ, произвелъ нечаянный выстрѣлъ. Я ничего объ этомъ не зналъ, а такъ какъ послѣ того почти сейчасъ же снова слегъ, то и узнать не имѣлъ случая. Разсказать мнѣ о такихъ результатахъ никто не нашелъ нужнымъ.

Мѣсяцевъ черезъ восемь приѣзжалъ слѣдователь, меня допрашивалъ; я, какъ самый наивный и невинный человѣкъ, разсказалъ все дѣло по истинѣ, и вотъ вышло распоряженіе генерала Гурко—предписать майору Андреевскому подать немедленно прошеніе объ увольненіи его въ отставку. Оказалось, что генералъ Гурко узналъ объ этой исторіи изъ доноса г-на С—ча.

Выслушавъ этотъ разсказъ, я сказалъ брату, что нахожу рѣшеніе генералъ-адъютанта Гурко крайне снисходительнымъ,—въ

особенности, если онъ хоть одну минуту думалъ, что ты былъ участникомъ искаженія истины. Но въ виду несчастнаго стеченія обстоятельствъ, заставившихъ тебя прибѣгнуть теперь передъ военнымъ министромъ, если не къ тому самому приему, то къ подобному же — къ сокрытію истины,—я, вполне соглашаясь съ тобой, полагаю, что надо отказаться отъ всякаго назначенія и рассказать Петру Семеновичу все по правдѣ, какъ на духу, а затѣмъ покончить съ этимъ и надъ дальнѣйшей службой поставить крестъ.

— Вѣрно, но только я не буду въ силахъ рассказать военному министру; если бы ты могъ самъ это продѣлать, я былъ бы тебѣ крайне благодаренъ.

ХІІ.

Вполнѣ понятно, что не желаніе обмануть, скрыть или исказить истину руководило братомъ, когда онъ рѣшилъ не только не сказать мнѣ о происшедшемъ, но и выставить причиной выхода въ отставку пресловутую лихорадку, несомнѣнно, его измучившую.

Я взялъ на себя обузу предстать предъ ясныя, но грозныя очи Петра Семеновича и рассказать ему все, какъ отцу.

Явившись къ нему, я былъ встрѣченъ двумя вопросами: первымъ, почему онъ такъ могъ перепутать города Карачевъ и Корочу, и вторымъ—изъ-за чего выходитъ задержка въ подачѣ докладной записки.

— Я уже считалъ, что вашъ братъ отказывается отъ назначенія, и потому приготовился дать его другому,—прибавилъ Петръ Семеновичъ.

Отвѣтивъ на первый вопросъ, что вообще, за время перенесенія тяжкаго раненія и, несомнѣнно, въ связи съ приемомъ большой дозы хлороформа, у брата ослабѣла память, относительно вопроса о промедленіи долженъ доложить, сказалъ я, что ваше высокопревосходительство пришли къ совершенно правильному выводу—братъ вынужденъ отказаться отъ назначенія.

— Это что за вздоръ?—сказалъ Петръ Семеновичъ, въ чемъ дѣло?

Я сразу рассказалъ все, что братъ мнѣ сообщилъ; Петръ Семеновичъ слушалъ съ какимъ-то особымъ напряженіемъ вниманія. Когда я окончилъ рассказъ и остановился, глядя ему прямо въ глаза, онъ сказалъ:

— Ну, я знаю, что на вопросъ о причинѣ такой опрометчивости и необдуманности вы мнѣ отвѣтите совершенно правильно и справедливо тѣмъ же: тяжелой раной и большимъ приемомъ хлороформа долженъ былъ отуманиться разумокъ; съ этимъ я вполне согласенъ,—сказалъ Петръ Семеновичъ, глядя въ свою очередь, поверхъ очковъ мнѣ прямо въ глаза и какъ бы пронизывая меня своимъ взглядомъ.—Но гдѣ же карбонарій?

— Онъ здѣсь, у васъ въ приемной,—сказалъ я:—назовите это, какъ хотите, а я скажу, что просто изъ-за робости онъ наотрѣзъ

отказался рассказать вамъ свою плачевную, легкомысленную исторію и очень счастливъ былъ, когда я взялъ на себя повѣдать... доложить ее вамъ.

— Почему? нѣтъ, именно повѣдать, — съ тѣмъ вмѣстѣ Петръ Семеновичъ нажалъ звонокъ и приказалъ пригласить изъ пріемной майора Андреевскаго.

Вошелъ на костыляхъ изможденный, угнетенный «карбонарій». Петръ Семеновичъ посадилъ его:

— Ну, вотъ, надѣлали дѣлъ; натворили бѣдъ себѣ. Что же, вы намѣревались его убить?

— Убить не намѣревался, но въ умѣ не было и мысли о томъ, чтобы не убивать; случайно, къ счастью, не убилъ, а могло бы случиться, что уже я давно сидѣлъ бы гдѣ-нибудь, какъ убійца, Боже сохрани.

— Вотъ видите. Зачѣмъ же вы носили при себѣ револьверъ?

— Перекопъ городъ маленькій, патриархальный, порядку въ немъ мало, извозчиковъ по вечерамъ вовсе не бываетъ, собакъ много, отбою отъ нихъ нѣтъ, я на одной ногѣ... — началъ робко и медленно докладывать братъ.

— Ну, хорошо,—перебилъ его Петръ Семеновичъ:—я вашу исторію знаю теперь отъ васъ или, вѣрнѣе, отъ Евгенія Константиновича, какъ Петръ Семеновичъ; официально мнѣ, военному министру, объ этомъ дѣлѣ не сообщено. Въ какомъ изъ предложенныхъ мною городовъ разсчитываете избрать себѣ мѣсто служенія?

— Я уже разсчитывать пересталъ...

— Какой городъ вы избрали—Ефремовъ Тульской или Корочу Курской губерніи?—повторилъ Петръ Семеновичъ, съ нѣкоторымъ оттънкомъ нетерпѣнія, свой вопросъ.

— Корочу,—отвѣтилъ братъ.

— Подайте же мнѣ немедленно докладную записку. Если я успѣю ее получить и представленіе объ васъ внести для доклада въ высочайшій приказъ до получения официального донесенія генераль-адъютанта Гурко о вашемъ разбойномъ поступкѣ,—ваше счастье,—сказалъ онъ уже спокойно и мягко.

Братъ, тотчасъ же по возвращеніи домой, написалъ и представилъ записку; не одинъ онъ былъ крайне пораженъ тѣмъ, что черезъ день въ «Русскомъ Инвалидѣ» появился приказъ объ его назначеніи въ должность корочанскаго уѣзднаго воинскаго начальника.

Собравшись въ три дня къ отъѣзду, братъ рѣшилъ представиться П. С.—чу и принести благодарность. Онъ былъ принятъ привѣтливо.

— Ваша боевая служба,—сказалъ при этомъ П. С.,—дала вамъ право на ту маленькую защиту, которую вы получили; думаю, что и генераль Гурко, заканчивая ваше дѣло съ такою снисходительностью, имѣлъ въ виду то же, что имѣлъ и я. Я очень радъ былъ вамъ помочь; служите такъ же вѣрой и правдой, какъ слу-

жили до сихъ поръ; помощи вамъ Господь,—ободрилъ П. С. «разбойнаго» преступника на прощанье.

Черезъ недѣлю до военнаго министра дошло официальное донесеніе о поступкѣ майора Андреевскаго; онъ ограничился изданіемъ по военному вѣдомству приказа, которымъ приглашалъ войсковыхъ начальниковъ вообще впредь обо всякихъ чрезвычайныхъ событіяхъ доносить безъ промедленія.

Черезъ мѣсяць, въ день коронаванія государя императора Александра III, майоръ Андреевскій, за послѣдовавшимъ въ тотъ день упраздненіемъ чина майора, былъ произведенъ въ подполковники.

Весь этотъ эпизодъ рѣзко характеризуетъ Петра Семеновича вообще.

Много нападали на Петра Семеновича за то, что онъ посылалъ часто въ войска для различныхъ разслѣдованій состоявшаго при немъ полковника Баранка—неизвѣстнаго штабъ-офицера, ставшаго вдругъ извѣстнымъ.

Находили посылку такого человѣка несогласнымъ съ понятіями о дисциплинѣ, такъ какъ полковнику Баранку нерѣдко, по обстоятельствамъ дѣла, доводилось разсматривать дѣянія генераловъ. Кромѣ того, находили, что не идетъ министру черпать свѣдѣнія какими-то шпионскими путями.

Что касается перваго, то не генералъ Ванновскій ввелъ этотъ порядокъ: искони вѣковъ адъютанты и ординарцы, посылавшіеся главнокомандующими, доносили, по обязанности своей, все, что имъ случалось видѣть въ отрядахъ, полкахъ, дивизіяхъ, корпусахъ, крѣпостяхъ,—касалось ли то малыхъ чиновъ, или даже высшихъ, но, конечно, при этомъ на ихъ обязанности дежало довести о замѣченномъ и до свѣдѣнія тѣхъ, кого оно касалось.

Одинъ изъ рѣзкихъ примѣровъ того, какъ младшіе чины уполномочивались надъ старшими, приведенъ еще недавно на страницахъ «Историческаго Вѣстника»: усмотрѣвъ однажды, во время смотровъ, полный упадокъ не только дисциплины, но всего касавшагося воинскаго благоустройства въ одномъ изъ корпусовъ, расположенныхъ на югѣ, императоръ Николай Павловичъ позвалъ къ себѣ флигель-адъютанта Астафьева и сказалъ ему:

— Я тебя оставляю здѣсь и поручаю тебѣ возстановить, если можно, войска, которая истребилъ этотъ генералъ, — при этомъ государь указалъ на Муравьева.¹⁾

Какой Муравьевъ въ этомъ дѣлѣ фигурировалъ, неизвѣстно; оцѣнкѣ въ этомъ эпизодѣ, конечно, подлежитъ больше всего фактъ препорученія младшему — штабъ-офицеру — части войскъ, подчиненной старшему, состоявшему въ высшемъ, генеральскомъ чинѣ.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», май 1908 г., «Записки сенатора Фишера».

И это со стороны императора Николая I, который въ понятіяхъ о дисциплинѣ почитался первымъ знатокомъ, исполнителемъ и хранителемъ.

Что же касается способствъ, будто бы «шпіонскихъ», то въ дѣлѣ отправленія или командированія полковника Баранка ихъ и тѣни не было: онъ командировался официально, части, въ которыя онъ наѣзжалъ, всегда были освѣдомлены о предстоявшемъ приѣздѣ этого штабъ-офицера, онъ же, несомнѣнно, обязанъ былъ о всемъ замѣченномъ доносить военному министру «на общемъ основаніи», то есть освѣдомивъ о томъ и начальника части, которой замѣчаніе касалось.

Весьма возможно, что полковникъ Баранокъ, своей безтактностью, налагалъ иногда особую печать на дѣла, чинившіяся имъ по распоряженію Петра Семеновича; мало ли что можетъ натворить въ ревизуемой, инспектируемой или обслѣдываемой части лицо уполномоченное,—если у него имѣются въ наличности хотя какіе-нибудь задатки хлестаковщины.

Отовсюду приходилось слышать брань по адресу полковника Баранка; приводили факты, стяжавшіе ему въ войскахъ во всѣхъ концахъ Россіи, различныя характерныя прозвища, въ родѣ такихъ, какъ: валеть трефъ, второй сынъ Ноевъ и т. под. Рассказывали, что въ послѣднее время до Петра Семеновича стали доходить слухи о компрометировавшихъ его дѣяніяхъ этого пользовавшагося его довѣріемъ штабъ-офицера; говорили, что уже Петръ Семеновичъ рѣшилъ подождать возвращенія полковника изъ далекой поѣздки и тогда разобраться въ его дѣятельности, создавшей молву, столь непріятную для «пославшаго его».

Но въ это самое время пришло извѣстіе о томъ, что полковникъ Баранокъ гдѣ-то, въ Закаспійской области или въ Туркестанскомъ краѣ, внезапно умеръ; болтали, будто бы онъ такъ насолилъ, что тамъ рѣшились его отравить; врядъ ли это вѣрно, но самое появленіе такого слуха очень хорошо выясняетъ взглядъ на покойнаго. Какого онъ былъ происхожденія, какой націи—неизвѣстно; откуда-то выкопалъ его генералъ Мих. Дм. Скобелевъ; храбрость молодого офицера дала ему возможность, подъ начальствомъ народнаго героя, заслужить орденъ св. Георгія 4 степени; лица, близко знавшія его службу подъ тѣмъ начальствомъ, свидѣтельствовали въ одинъ голосъ о рѣдкой неподкупности и правдивости, коими отличался этотъ офицеръ. Кто знаетъ, быть можетъ, не будь онъ отличенъ и избранъ Скобелевымъ, служилъ бы себѣ, командовалъ бы, шелъ бы своей дорогой и не дожилъ бы до такой непріятной славы.

Видно, служить и командовать одно, а служить и надсматривать—совсѣмъ другое.

Е. Андреевскій.

ИЮЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ ТАШКЕНТѢ.

ЛОВА «свобода», «конституція», «народныя права» долетѣли и до далекаго Туркестана, гдѣ были поняты, конечно, такъ же неправильно, какъ и въ остальной Россіи, то есть «мы-де теперь свободные; все подай намъ; мы теперь сами баре; рѣжь всѣхъ, кто не на нашей сторонѣ и т. д.». Начались волненія, забастовки, оставившія край на недѣли безъ хлѣба, товаровъ, извѣстій изъ Россіи; начались митинги съ зажигательными рѣчами, стрѣльба, экспроприаціи, словомъ, все, что полагается по «новому свободному закону». Масса агитаторовъ бросилась въ войска, видя въ нихъ единственную преграду своимъ злостнымъ замысламъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ агитація попадала на добрую почву: батальоны бунтовались, но вооружить противъ существующаго порядка весь военный элементъ не удалось. Въ концѣ 1905 года сдѣлалъ попытку къ возстанію ташкентскій резервный батальонъ, но спокойнымъ и смѣлымъ распоряженіемъ начальника противнаго отряда возстаніе было подавлено въ самомъ началѣ. Солдатамъ, засѣвшимъ въ казармахъ батальона, находящихся въ крѣпости, было предложено генераломъ П. немедленно очистить казарму и сдать оружіе, въ противномъ случаѣ крѣпости грозило полное разрушеніе батареями полевой бригады и о пощадѣ уже рѣчи, конечно, не было бы. Батальонъ не рѣшился подвергнуть себя разстрѣлу, сдалъ оружіе и выдалъ зачинщиковъ: это послѣднее и послужило поводомъ къ дѣлу 3-го іюля 1906 г., или къ іюльскому возстанію. Я не пишу исторію, а рисую лишь

фактъ по словамъ многихъ очевидцевъ, игравшихъ ту или другую роль въ этой кровавой схваткѣ...

1906 годъ не остановилъ раздававшихся выстрѣловъ, убійствъ, грабежей, наоборотъ, настроеніе жителей города становилось сумрачнѣе, тяжелѣе съ каждымъ днемъ. «Освободители» такъ же энергично продолжали свое гнусное дѣло. Усилились обыски, аресты, высылки подозрительныхъ лицъ изъ предѣловъ края. «Насъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ казачьихъ офицеровъ Оренбургскаго полка, имѣющаго стоянку въ Ташкентѣ, — тревожили день и ночь; массовые обыски, аресты безъ казаковъ не обходились; насъ таскали всюду, гдѣ чувствовалась какая-либо опасность или даже призракъ опасности; ежедневно отъ полка рассылались во всѣ стороны разѣзды, дозоры, секреты. Жизнь и служба превратились въ каторжную работу съ наградой получить изъ-за угла въ лобъ пулю. Но что же было дѣлать? Такъ нужно! Наши семьи были бросаемы на цѣлыя недѣли на волю Божию и на порядочность денщиковъ. Часто полкъ, не разсѣдывая лошадей, въ боевой аммуниціи, ждалъ тревоги по цѣлымъ днямъ, собравшись на полковомъ плацу. Каково было настроеніе нижнихъ чиновъ, догадаться не трудно: казаки еще съ прошлаго года настроились злобно противъ тѣхъ людей, по чьей программѣ раздиралась на части вся Россія, а прокламаціи, наполненныя льстивыми или зловѣщими предупрежденіями, подливали въ огонь масла. Трудно было, но ни одного упрека не срывалось съ казачьихъ устъ!.. Въ другихъ частяхъ едва ли было легче!..» Въ серединѣ іюня среди бѣлаго дня на глазахъ многочисленной публики былъ разграбленъ возъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, перевозимымъ съ оренбургскаго вокзала мѣстному купцу. Подъесаулъ Е., командиръ той сотни, что первая была вызвана для оцѣпленія оренбургскаго вокзала, куда, предполагалось, грабители успѣли снести похищенное оружіе, такъ рассказывалъ объ этомъ инцидентѣ: «Около одиннадцати часовъ утра въ комнатѣ, гдѣ мы съ младшимъ офицеромъ хорунжимъ Д. пили чай, влетѣлъ испуганный денщикъ съ вѣстью, что «товарищи» разграбили возъ съ револьверами. Откуда занесъ къ намъ онъ эту новость, — сказать не рѣшаюсь, видимо, сорока на хвосту принесла. Наша сотня была «на случай тревоги», и я, думая, что безъ казаковъ дѣло не обойдется, приказалъ сотнѣ осѣдлать коней, чтобъ, по требованію, выступить немедленно. Такъ и вышло: около одиннадцати съ половиной часовъ дежурный офицеръ передалъ приказаніе взводу отъ моей сотни прибыть на вокзалъ въ распоряженіе полицей-мейстера; черезъ десять минутъ лихой хорунжій уже былъ на мѣстѣ, — вокзалъ отстоитъ отъ полка версты на три-четыре. Навстрѣчу казакамъ полетѣли изъ депо насмѣшки, угрозы, проклятья. Мастерскія почти со всѣхъ сторонъ окружены глиняной

стѣнной, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно разрушенной. Взводу полицеймейстеромъ было приказано одѣпить депо, куда впускать всѣхъ, но ни одной души не выпускать оттуда. Одѣпили... Изъ взвода осталось всего лишь семнадцать казаковъ, такъ какъ съ остальными полицеймейстеръ производилъ обыскъ въ мастерскихъ, откуда начали появляться рабочіе съ цѣлю удрать въ городъ, но кольцо нижнихъ чиновъ тотъ часъ же смыкалось и, конечно, ну одному рабочему сквозь него пробраться не удалось! Но рабочіе усиленнѣе и смѣлѣе порывались продѣлать это снова; казаки, за малочисленностью, не могли имъ препятствовать, такъ какъ разстояніе между всадниками равнялось тридцати-сорока сажениамъ, въ виду чего хорунжій извѣстилъ меня о положеніи дѣла, и я съ остальными тридцатью человѣками примчался ему на помощь, да и во время: положеніе его съ каждой минутой становилось затруднительнѣе, онъ леталъ вездѣ самъ, успокаивая озлобленныхъ казаковъ и уговаривая рабочихъ... Въ него полетѣло нѣсколько камней,—одинъ казакъ мгновенно выхватилъ изъ-за плеча винтовку, и, если бы струсившій освободитель не скрылся среди вагоновъ, онъ бы жестоко заплатился за дерзкое нахальство... 17 противъ тысячи, вооруженныхъ разграбленнымъ оружіемъ, скрытыхъ стѣнной и постройками, рабочихъ,—согласитесь, положеніе варварское! Жаль было смотрѣть на измученнаго Д.; какой-нибудь часъ его страшно измѣнились: онъ поблѣднѣлъ, весь дрожалъ, какъ-то осунулся, а глаза свѣтились нехорошимъ огонькомъ... Я усилилъ цѣпь вокругъ стѣны, казаки вздохнули свободнѣе: все же пятьдесятъ, а не семнадцать, да еще и полученное приказаніе при попыткахъ рабочихъ перебраться черезъ стѣну останавливать ихъ огнемъ подняло ихъ самочувствіе. Скоро на рысяхъ подтянулась еще сотня, и мы уже совершенно успокоились. Обыскъ шелъ своимъ чередомъ: оружіе, какъ и предполагалось, было спрятано здѣсь; его находили вездѣ: въ трубахъ, въ вагонахъ, въ цистернахъ, въ печахъ, подъ путями, въ прилегающихъ садахъ. Въ два часа прогудѣлъ свистокъ; работа въ мастерскихъ кончилась, и рабочіе, черезъ выходъ, подъ строжайшимъ контролемъ, были распущены по домамъ. Въ это время разнесся слухъ, что къ вокзалу идутъ на помощь рабочимъ саперы, расположенные въ лагерѣ, отъ мастерскихъ версты три: къ намъ прибыла еще сотня, тройной цѣпью былъ окруженъ вокзалъ, гдѣ все еще обыскъ продолжался, и мы ждали непрощенныхъ гостей, но слухъ не подтвердился: саперы еще выжидали!»

Послѣ только что описаннаго ограбленія обыски и аресты увеличились.

Изъ Россіи извѣстія приносились все тревожнѣе и тревожнѣе Ташкентъ заволновался сильнѣе; «освободители» неотвязчивѣе

всасывались въ войска, и наконецъ разразилось 3-го іюля. По частнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мной отъ лицъ, коимъ я вполне довѣряю, дѣло разыгралось приблизительно такъ. Выданные товарищами «зачинщики» бунта въ крѣпости понесли должную кару: 12 человекъ изъ нихъ были присуждены къ каторжнымъ работамъ и должны были быть отправлены къ мѣсту ссылки 3-го іюля, но... тутъ и начинается «но», доведшее до кровопролитія. Такъ рассказывалъ объ этомъ печальномъ случаѣ казачій офицеръ: «Въ 4 часа утра 3-го іюля наша сотня получила приказаніе прибыть на рысяхъ къ городской тюрьмѣ для сопровожденія арестантовъ на вокзалъ. Безъ насъ обойтись, конечно, не могли, хотя эту же самую роль могли свободно выполнить конвойные солдаты, «но» казаки, казаки «надежныѣ какъ-то». Не успѣли мы показаться у тюрьмы,—налѣво кругомъ, маршъ обратно! Спрашиваемъ: почему? Отвѣчаютъ: арестанты еще не готовы. Въ 10 ч. снова вытребовали сотню!.. 2 раза казачья сотня мелькнула передъ глазами обывателей, и уже это одно мельканіе породило массу невѣроятныхъ слуховъ! Сотня спѣшилась у воротъ, а мы, офицеры, вошли во дворъ тюрьмы, гдѣ происходила, вѣрнѣе, только началась заковка арестантовъ въ кандалы. Тюремныя лица, исполняющія эту обязанность, разбѣжались въ виду того, что изъ оконъ камеръ имъ бросили угрозу?! Наконецъ, послѣ большихъ розысковъ и угрозъ съ нашей стороны, даже подъ страхомъ смерти, отыскали одного кузнеца, который, громко сказавъ: «видите, я не виноватъ», принялся за работу. Изъ камеръ раздавались напуганные слова, неслась «Варшавянка», а по нашему адресу такъ наскучившія угрозы, проклятія, крики: «кровопійцы, разбойники», и другіе непередаваемые эпитеты; но взводъ казаковъ, введенный по знаку командира сотни во дворъ, заставилъ всѣхъ крикуновъ прикусить языкъ. Слухъ объ отправленіи арестантовъ быстро разнесся по городу, и жадная въ это время ко всякимъ выраженіямъ неудовольствія толпа валила къ тюрьмѣ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, около 12¹/₂ ч., вмѣсто 4 часовъ утра, арестанты были одѣты, обуты, закованы, рассчитаны съ тюрьмой и поступили въ вѣдѣніе начальника конвойной команды, которому, по старшинству въ чинѣ, подчинилась и сотня... Послали за извозчиками—ни одного: «свободные товарищи» жестоко мстили беззащитному люду!.. Пришлось итти пѣшкомъ по главной улицѣ! Арестантовъ окружили кольцомъ конвойные солдаты, потомъ вторымъ кольцомъ мы, а кругомъ стѣной шла толпа съ громкой надгробной пѣсней, съ проклятiami, старыми угрозами, криками; часто она пыталась пробраться сквозь кольцо, но достаточно было одного сильнаго окрика, и она приходила въ себя, отходя на должную дистанцію. Было знойно! Солнце палило немилосердно; наскоро пригнанные кандалы терли ногу и приходилось часто давать отдыхи, во время кото-

рыхъ сейчасъ же начинались обыкновенныя, за душу хватающія неразумнаго рабочаго рѣчи съ обѣихъ сторонъ. Невдалекъ отъ военнаго собранія нашли извозчиковъ, «но» арестанты упростили добрѣйшаго, боязливаго конвойнаго подполковника итти послѣднія минуты на родной землѣ пѣшкомъ. Опять двинулись въ томъ же порядкѣ. Громко раздалась пѣснь «свободы», полетѣли шапки, замелькали красныя флаги—это было торжественное шествіе побѣдителей, но никакъ не осужденныхъ кандалъниковъ. Приходилось только молчать и грозно таращить глаза на расходившуюся толпу, что, конечно, никакого дѣйствія, кромѣ насмѣшки, не производило—«оружіе не разрѣшено было даже вынимать или обнажать»... До насъ ясно долетали слова: «освободить, кандалы долой»; нѣсколько камней упало недалеко отъ меня и командира сотни, тотъ не выдержалъ и рѣзко доложилъ подполковнику, что, если арестанты не будутъ сейчасъ же посажены на экипажи, онъ уведетъ казаковъ! Подполковникъ отъ такой рѣчи только съежился, а командиръ сотни мигомъ приказалъ казакамъ и солдатамъ водворить на извозчиковъ осужденныхъ, что и было исполнено. «Рысью марш!»—и мы быстро помчались къ станціи. Толпа бѣжала за экипажами... Вагоновъ для отправляемыхъ и въ поминѣ не было; многіе обвиняли въ этомъ упущеніи коменданта станціи, убитаго потомъ, подполковника Чернова,—это далеко отъ истины: Черновъ не былъ даже предупрежденъ... Вотъ какой безалаберной и вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительной таинственностью окружили эту отправку... Пришлось, окруживъ конвойцами и частью казаковъ, оставить арестантовъ на платформѣ въ виду тысячной возбужденной толпы, которой нуженъ былъ крошечный толчокъ, чтобы она потеряла голову. Въ два часа кончилась работа въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, откуда всѣ рабочіе завернули на станцію: толпа росла, росла и росла; задніе давили переднихъ, передніе—казаковъ; кольцо все суживалось!.. Тихо затагнули въ заднихъ рядахъ «Дубинушку», громче подхватили въ серединѣ и смѣлымъ порывомъ бросили передніе прямо въ лицо намъ вызовъ: «когда русскій мужикъ разогнетъ свою спину,—онъ подниметъ родную дубину»... Потомъ на минуту все смолкло, какая-то ужасная, давящая тишина наступила, чувствовалось, что сейчасъ случится что-то дикое, тяжелое... «Пора, товарищи!.. Долой кандалы! Пора снять оковы»—раздался изъ середины толпы рѣзкій голосъ. Толпа не поняла значенія словъ и съ крикомъ: «долой кандалы», бросилась къ арестантамъ. «Что вы дѣлаете, остановитесь!» покрылъ весь шумъ голосъ одного изъ арестантовъ, но было уже поздно. Насъ стѣснили, толпа устремила освободить арестантовъ,—мы должны были обнажить оружіе, чтобы противостоять насилію. Подполковникъ скомандовалъ: «Казакі кругомъ! Шапки вонъ». Блеснули клинки—онѣмѣли передніе ряды, остановились, задніе продолжали

напирать; передніе повернули и съ дикимъ вошлемъ: «рѣжутъ!» бросились въ разныя стороны, давя другъ друга, какъ стадо глухыхъ барановъ. Крикъ «рѣжутъ» долетѣлъ и до заднихъ, которые тоже бросились вразсыпную, спасаясь отъ воображаемыхъ ударовъ. Тутъ и случилось то, въ чемъ потомъ обвинили въ печати казаковъ: въ суматохѣ были задавлены одна старушка, беременная женщина и нѣсколько дѣтей. Ни одна казачья пашка не опустилась для удара, ихъ было такъ мало, что все находились у насъ въ глазахъ, а мы, офицеры, допустить рѣзни не имѣли даже законнаго права, не говоря о нравственномъ! Толпа металась, какъ зачумленная, не приходя въ себя: многіе прыгали черезъ перила прямо на землю, ломая и вывихивая руки, ноги; одинъ рабочій, забѣжавъ въ залъ 1-го класса и не найдя выхода, бросился головой въ окно со 2-го этажа, разбилъ двойную раму и упалъ, весь изрѣзанный и покалѣченный, на землю... Это тоже не вина казаковъ... Наконецъ стадо пришло въ себя, оглядѣлось, увидѣло, что съ ними все еще шутятъ и никакой рѣзни не было, снова потянулось на платформу, но въ это время былъ поданъ вагонъ, куда и были немедленно введены арестанты.

«Въ 4 часа по полудни поѣздъ двинулся. Отошелъ 10—20 сажень, остановился—сбѣжалъ машинистъ. Толпа съ озвѣрѣлыми лицами опять сжала насъ. Посадили солдата желѣзнодорожной роты за машиниста... Двинулись... Опять остановка. Расцѣпили вагоны... Прицѣпили; опять остановка: отцѣпленъ паровозъ; нужно удивляться, сколько смѣлости и нахальства было у рабочихъ рисковать расцѣплять на ходу вагоны, окруженные казаками, но они рѣшались, видя, что съ ними по старому шутятъ,—съ оружіемъ и мы молчали,—не имѣли права пустить его въ дѣло; тогда на площадку каждаго вагона поставили часового съ приказаніемъ командира сотни, взявшаго на себя такую громадную отвѣтственность съ завѣдомо неисполненіемъ приказанія высшаго начальства: «рубить, если кто осмѣлится подойти»,—толпа немного отхлынула, но лишь на секунду. Командиръ сотни кричитъ, что, если кто приблизится на 50 шаговъ, онъ прикажетъ открыть огонь: толпа отошла на 50 шаговъ и остановилась, что-то выжидая. Видно было, какъ многіе отсчитывали эти 50 шаговъ, злобно усмѣхаясь,—толпа издѣвалась надъ нами, мы... молчали... Поѣздъ снова двинулся, но, когда толпа открыла путь,—онъ былъ перегороженъ и заваленъ бревнами, шпалами, рельсами, вагонными колесами и т. п. Мы выбивались изъ силъ, очищая путь, толпа отходила дальше и тамъ сооружала подобныя же баррикады. Казаки,—жаль было смотрѣть на нихъ: горсточка въ 25 человекъ хотѣла разбросать то, что было навалено 4—5-тысячной толпой. Командиръ сотни приказалъ мнѣ доложить обо всемъ командиру полка и просить насъ смѣнить, такъ какъ силъ бороться

уже не хватало... Но меня на центральной телефонной станціи соединяли то съ магазиномъ Сахо, то съ банями Метрикова, то съ театромъ, съ циркомъ, съ кѣмъ угодно, только не съ нашимъ полковникомъ; такъ, не солоно хлебавши, я и ушелъ отъ телефона. Нарядили 3 казаковъ и урядника съ донесеніемъ командиру полка, но въ это время на дорогѣ къ вокзалу поднялась пыль, и остальные 3 сотни подъ начальствомъ самого командира полка показались у переѣзда. Картина измѣнилась: на разстояніи 2—3 версты по рельсамъ разставили часовыхъ, толпу далеко отъѣснили отъ пути; разобрали баррикады, и поѣздъ въ 6 ч. вечера наконецъ-то ушелъ!.. Ложь, что казаки били ногайками, рубили пашками. Да развѣ бы толпа отдѣлалась только тремя задавленными? За день казаки задергались, взвинтились, озлобились, и, дойди дѣло до пашекъ, трудно даже вообразить, какая бы каша получилась изъ «товарищей»... Слава Богу, что не дошло дѣло до оружія!.. Только одинъ разъ ногайка нащупала виновнаго: какой-то пьяный, въ красной рубашкѣ, рабочій громко крикнулъ по адресу командира полка: «Эй ты, черпобородый, за что получилъ золотое оружіе? Портъ-Артуръ пропилъ?» Высокій казакъ, фамилии его не знаю, подошелъ спокойно къ крикуну и заставилъ его получить достойную награду за оскорбленіе! Около 7 ч. вечера, усталые, измученные и нравственно и физически, не ѣвши и не пивши цѣлый день, мы вернулись въ полкъ, но не успѣли еще и коней разсѣдлать, какъ рѣзкій звукъ «тревоги» принудилъ снова вскочить на коней. Прискакали на вокзалъ; со всѣхъ сторонъ къ станціи тянулись войска. Приѣхалъ командиръ корпуса г.-л. Шпицбергъ... Темнѣло... 3-й Туркестанскій стрѣлковый батальонъ былъ немедленно разсыпанъ въ цѣпь, заняли позицію пулеметы. Наша сотня осталась при начальникѣ отряда, а я самъ былъ посланъ съ развѣдомъ къ саперному лагерю со стороны р. Карасу. Саперные батальоны шли защищать толпу, которая, по полученнымъ ими свѣдѣніямъ, была избиваема казаками... Часовъ въ 9 раздался грохотъ пулемета... Я вернулся домой въ 5 ч. утра 4-го іюля, не ѣвши цѣлыя сутки»...

І. Н. Д.—овъ, офицеръ конвоя командующаго войсками округа, дополнилъ мои замѣтки слѣдующимъ описаніемъ. Онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Шпицберга, и все дѣло происходило на его глазахъ: «Крестьянинъ Волковъ, —говоритъ І. Н.: — видимо, глава революціонной партіи Ташкента и, видимо, близко знакомый нижнимъ чинамъ саперныхъ батальоновъ, при крикѣ толпы «рѣжутъ», не разузнавъ причины давки и ужаса бросившейся толпы или даже, возможно предполагать, имѣя только предлогъ поднять уже достаточно разложенныхъ саперъ, мигомъ сѣлъ на велосипедъ и помчался въ саперный лагерь, гдѣ мгновенно распустилъ слухъ, что казаки пашками рубятъ на вокзалѣ без-

защитныхъ арестантовъ и «товарищей», собравшихся ихъ проводить, и просилъ во имя «свободы», которая такъ пришлось по нраву сапернымъ батальонамъ, защитить невинныхъ и отомстить за пролитую кровь и смерть многихъ, погибшихъ отъ сабельныхъ ударовъ «разбойныхъ опричниковъ»... «Казачи рѣжутъ! Казаки рубятъ! Выручать товарищей! Смерть кровопийцамъ», понеслось по лагерю. Главари бросились разбивать пирамиду съ винтовками, ящики съ патронами, силой принуждая многихъ браться за оружіе. Выстроились, послѣ чего въ полномъ порядкѣ подъ командой унтеръ-офицеровъ бѣглымъ шагомъ двинулись къ вокзалу. Лишь одна телеграфная рота осталась вѣрной своему долгу. Фельдфебель Свароба не допустилъ ни одного нижняго чина этой роты принять участіе въ мятежѣ, и рота совершенно спокойно оставалась въ лагерѣ въ продолженіе всей кровопролитной схватки. Между Оренбургскимъ, или старымъ, вокзаломъ и Ташкентскимъ вокзаломъ идетъ сплошная стѣна, охватывающая всѣ мастерскія Средне-Азіатской дороги. Стѣна отдѣляется отъ Оренбургскаго вокзала большой поляной, совершенно открытой. 3-й стрѣлковый батальонъ занялъ позицію у стѣны, имѣя передъ собой отлично обстрѣливаемую поляну, откуда и должны были наступать саперы, такъ какъ другого, болѣе удобнаго пути для наступленія не было. Пулеметы были поставлены: на переѣздѣ у Куйлюкскаго шоссе; у товарной станціи—для обстрѣла противоположащихъ мастерскихъ, откуда предполагалось нападеніе толпы, и въ тылу у церкви для отраженія нападений съ тыла, въ виду появившагося слуха, что часть «освободителей» намѣревается напасть со стороны города. На Куйлюкскомъ мосту около Оренбургскаго вокзала на лѣвомъ флангѣ всей позиціи заслономъ была выдвинута Оренбургская 2-я сотня, а на Паркенскомъ мосту противъ кадетскаго корпуса 1-я сотня. Саперы не ожидали встрѣтить такую укрѣпленную преграду, такъ какъ, по словамъ крестьянина Волкова, что потомъ выяснилось на судѣ, на вокзалѣ были лишь три сотни казаковъ, и стрѣлки съ первыхъ же выстрѣловъ должны были перейти на ихъ сторону. Ловушка бѣднягамъ со стороны «свободолюбивыхъ товарищей» была разставлена адская, и саперы влетѣли въ нее, какъ куръ во щи. Въ городѣ было шумно по старому, тамъ еще не были увѣрены въ предстоящемъ сраженіи... Штабъ начальника отряда находился у церкви, сзади товарной станціи... Я направился туда... Одинокó прозвучалъ выстрѣлъ, пуля ласково и весело свистнула совсѣмъ недалеко: задрезало окно въ церкви; посыпались осколки...

Саперы дѣлали пробу: съ перваго выстрѣла стрѣлки угрюмо молчали и не переходили на ихъ сторону,—саперы почувствовали, что попались на удочку. Потомъ другой выстрѣлъ, третій — пули ложились совсѣмъ близко отъ насъ. Не вѣрилось, что вотъ такой

одинъ маленькій свинцовый обрубокъ можетъ покончить всѣ счеты съ жизнью. Не вѣрилось, но, когда выстрѣлы загремѣли чаще и казакъ-ординарецъ со стономъ схватился за плечо, по которому потекла кровь, просачиваясь черезъ рубашку,—тогда всѣмъ стало ясно, что дѣло приняло нешуточный оборотъ. Саперы, надѣясь, по увѣреніямъ крестьянина Волкова, встрѣтить лишь три сотни казаковъ, а со стороны стрѣлковъ дружескій привѣтъ, опѣшили, увидя, что казаковъ-то нѣтъ, а стрѣлки мѣтко отвѣчаютъ на выстрѣлы, засѣли сами у стѣны Оренбургскаго вокзала и завязали сильную перестрѣлку.

Съ грохотомъ промчалась санитарная арба,—возница не удержалъ испуганную лошадь; забѣгали фельдшера съ красными крестами на рукавѣ; явились бѣглецы съ той стороны, прося защиты у насъ и говоря, что ихъ силой заставили итти; привезли плѣнныхъ, настигнутыхъ казачьими разъѣздами!.. Съ первыхъ же выстрѣловъ городъ затихъ, прекратилось всякое движеніе, все стремилось запереться за крѣпкіе запоры, засѣсть за толстыя стѣны: точно вымерло кругомъ, и только тоскливое завываніе собакъ нарушало могильную тишину, да частые выстрѣлы давали знать, что «товарищи» добываютъ себѣ «свободу».

Раздалось громкое «ура»,—саперы бросились черезъ поляну въ атаку. Навстрѣчу имъ ѣдскимъ смѣхомъ захохотали пулеметы!.. Потомъ сразу все стихло!.. Наступила жуткая, жуткая, щемящая тишина, среди которой раздавались стоны раненыхъ и громкое топаніе убѣгавшихъ въ паникѣ саперъ... Я былъ посланъ къ сотнѣ у Паркенскаго моста выяснить ея положеніе! Какъ только моя голова показалась около лѣснаго склада, котораго не было возможности миновать, въ мое лицо брызнули искры нѣсколькихъ выстрѣловъ, къ счастью, не причинившихъ никакого вреда, но заставившихъ начальника отряда послать сюда роту стрѣлковъ. Я выпустилъ «на страхъ врагамъ» пять пуль изъ револьвера, и мы умчались къ мосту... Интересно то, что за все время перестрѣлки ни одного «товарища» не было и въ поминѣ; подготовили, «науськали», а рассчитывайтесь, молъ, сами!.. Политика достойная сыновъ освободительнаго движенія... Потомъ выяснилось, что вся толпа въ паническомъ ужасѣ простояла цѣлую ночь въ концѣ «Поганки», за казачьими казармами, гдѣ этой ночью не было живой души, кромѣ больныхъ да раненыхъ!..»

Представленіе, умѣло подготовленное, но неумѣло разыгранное, кончилось. Результаты: 1 убитый, 17 раненыхъ; съ нашей стороны ранены: 2 стрѣлка, казакъ и контуженъ офицеръ, всѣ легко. «Освободители» могли только радоваться, какъ платились за ихъ «любезныя, зажигательныя, многообѣщающія рѣчи» сѣрые люди... Конечно, проводы арестантовъ и предполагаемое избіеніе толпы казаками было лишь предлогомъ вооружить саперъ, но никакъ не

причиной возстанія. Причина кроется глубже, въ корнѣ—въ управленіи краемъ генерала Субботича.

Я не рѣшаюсь разбирать здѣсь всѣ причины мятежа, во-первыхъ, потому, что это займетъ много мѣста, а, во-вторыхъ, боюсь, какъ бы не вышло переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, такъ какъ эти причины достаточно ярко освѣщены въ очеркахъ: «Политика, тактика и дѣятельность генераловъ Субботича и Маціевскаго при управленіи Туркестанскимъ краемъ» и «По Туркестану», когда я ближе ознакомился съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Здѣсь же я рисовалъ, повторяю, лишь фактъ, какимъ онъ былъ испытанъ, виденъ или слышанъ различными лицами, участвовавшими въ дѣлѣ 3-го іюля.

А. Рудый.

НА УКРАИНѢ.

(Къ 200-лѣтію Полтавской битвы).

Путевыя впечатлѣнія.

I.

Могила Мазепы.—Тѣнь гетмана.—Село Ивановское.—Мазепа и Палѣй.—Матрона Кочубей.

«Верхомъ, въ глуши стеной нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Вѣгутъ. Судьба связала ихъ!»

ВЯЗАННЫЕ злополучною судьбою, шведскій король Карлъ XII и преданный апааемъ Мазепа, до такой степени честолюбивый, что изображенія его находили въ украинскихъ церквахъ уже въ царствованіе Елизаветы Петровны,—бѣгутъ въ турецкія владѣнія. И вотъ Бендеры, приготовившія смертный одръ «измѣннику русскаго царя». Больного, разслабленнаго, угнетеннаго Мазепу уложили на постель и, не покидая ея, онъ умеръ 22-го августа 1709 года. По свидѣтельству А. Ригельмана, «сего злодѣя съѣла вошь, понеже, при напавшей на него печали о лишеніи всей надежды своей, такая вошь напала, что не могъ онъ, перемѣняяючи рубашку на каждый день по утру и въ вечеру, освободиться отъ нея и тѣмъ или тою болѣзнию исчезъ. А иные объявляютъ, что ядомъ отравилъ себя»¹⁾. Преданіе заставляло не одного только

¹⁾ «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ и казакахъ вообще».

Мазепу умирать отъ вшей: онъ заѣли и римскаго Суллу, и царя іудейскаго Ирода I Великаго, и Филиппа II, испанскаго короля. Относительно гетмана это, однако, не вѣрно, какъ и то, что онъ принялъ ядъ, а передъ смертью сжегъ «важные документы». Анекдотъ пущенъ въ ходъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ въ «Исторіи Руссовъ». О послѣднихъ минутахъ Мазепы не осталось намъ достовѣрныхъ извѣстій, говорилъ Костомаровъ; достовѣрно, что онъ умеръ въ Бендерахъ, гдѣ ему устроили довольно пышныя похороны, въ присутствіи Карла, а погребенъ Мазепа въ румынскомъ городѣ Галацъ, въ монастырѣ св. Георгія. Построенный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1665 года, монастырь св. Георгія сдѣлался мѣстомъ погребенія гетмана Мазепы въ 1710 году. Когда вскорѣ затѣмъ турки грабили Галацъ, они вырыли гробъ Мазепы, надѣясь найти въ немъ сокровища и драгоцѣнное оружіе; затѣмъ тѣло гетмана бросили въ Дунай, но сохранилась надмогильная плита, которую кто-то прислонилъ на память къ наружной стѣнѣ церкви Пречистой, послѣ того, какъ георгіевскій храмъ сожженъ былъ невѣрными. Плита оставалась на виду у всѣхъ до 1829 года. Въ этомъ году ее унесли возвращавшіеся послѣ войны русскіе. Многие галацкіе старики, въ томъ числѣ умершій въ 1889 году Малакса, утверждали, что видѣли Мазепину плиту, прислоненную къ стѣнѣ храма Пречистой¹⁾. Какъ видно, могила Мазепы не сохранилась; впрочемъ, судьба отнеслась къ нему нисколько не суровѣе, чѣмъ ко многимъ, непохожимъ на Мазепу характеромъ своей дѣятельности, историческимъ личностямъ. Турки осквернили прахъ Мазепы, польскій же воевода Чарнецкій выбросилъ изъ могилы кости Б. Хмѣльницкаго, такъ что доска въ церкви въ Субботовѣ только напоминаетъ о томъ, что въ іюлѣ 1657 года здѣсь похоронили славнаго гетмана Малороссіи. А кто скажетъ, гдѣ именно, въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, мѣсто погребенія Іавна Сусанина?

Прошли два столѣтія. Многое измѣнилось въ малороссійскомъ быту. Современники Мазепы мирно спятъ вѣчнымъ сномъ въ землѣ, но гетманъ... тѣнь гетмана неслышно бродитъ по Украинѣ, какъ тѣнь Святополка Окаяннаго—въ пустыняхъ карпатскихъ; она заходитъ въ нѣкогда пышные гетманскіе дома, скользитъ по стѣнамъ одаренныхъ Мазепою монастырей и простыхъ церквей и—чудится—стонетъ около полтавскихъ памятниковъ. За Курскомъ, на границѣ Львовскаго уѣзда, казалось, мнѣ встрѣтилась она, эта тѣнь Мазепы, и стала звать меня въ село Ивановское, гдѣ гетманъ зналъ много счастливыхъ дней. Тамъ стоялъ его двухъ-этажный каменный домъ, теперь печальное напоминаніе о каприз-

¹⁾ Protop. Gh. Popescu, «Dare de Seamă despre afacerile bisericesti». (Стр. 77). Bucuresti. 1906.

ной судьбѣ неблагодарнаго баловня великаго Петра. Отъ Ивановскаго, какъ стѣ дерева, отвѣтвлялись деревни, все Мазепины, и такъ имя его летѣло до Чернигова, оттуда въ Кіевъ и дальше, дальше надъ извивами Днѣпра, озаряя собою, что бы ни встрѣтилось. Въ древнѣйшемъ гнѣздѣ славянства, Любечѣ, Мазепина гора служить любимымъ гуляньемъ для жителей и видъ съ нея на окрестности очаровательный. Стоялъ тутъ замокъ, по преданію, среди затѣй, о которыхъ мечталъ Маниловъ, съ добавленіями во вкусѣ шотландскихъ рыцарей; однако, ни висячихъ садовъ, ни откидныхъ мостовъ, вообще—никакой роскоши не сохранилось; видны лишь слѣды фундамента и погребовъ. Но въ гетманскихъ

Иванъ Степановичъ Мазепа.

владѣніяхъ погреба были погребами на половину, такъ какъ другая половина предназначалась для тюрьмы. Такова особенность Мазепиныхъ домовъ: она налицо и въ домѣ села Ивановскаго, и въ домѣ, который, въ Черниговѣ, занятъ архивомъ, смотреть на Задесновье, тихое, взятое въ южныхъ мягкихъ тонахъ и ласковое. Семь комнатъ въ толстыхъ, на диво сложенныхъ стѣнахъ, подъ сводами. Было, гдѣ принять гостей, было гдѣ и взмахнуть крыльями «искушенной, ношеной птицѣ», какъ Мазепа себя называлъ. До него, высоко летавшаго, конечно, не доходили вопли заключенныхъ въ темницахъ подъ его же покоями.

Все прошло, все исчезло: и высокій санъ и власть,—осталась только тѣнь, загробный Мазепа, и онъ-то бродитъ по Малороссіи.

Старики говорятъ, что ему на томъ свѣтѣ хуже, чѣмъ по этому скитаться: вѣдь, на томъ свѣтѣ Палій, славный Палій-Гурко, заклятый врагъ Мазепы. Двоимъ имъ тамъ оставаться невмочь; ну, Мазепа, какъ послабѣе, и ушелъ. Пришелъ разъ Семень съ ружьемъ на поле. Глядитъ, а на берегу рѣчки, на камнѣ, чортъ забавляется. Семень подошелъ къ нему поближе, а тотъ и давай кривляться да дразнить Семена. Вотъ Семень прицѣлился да и выстрѣлилъ въ него,—съ нечистаго только полымя блеснуло, а самъ онъ такъ и разлился по камню смолою. Съ того часу и начали уже звать Семена Палиемъ,—чорта, вишь, спалилъ... Ну, вотъ, воевалъ Палій, воевалъ, а затѣмъ началъ гулять; былъ онъ гораздо воевать, да и около чарки маху, бывало, не дастъ. И ужъ такъ загулялъ, что сколько у него было сребра-золота, все сбылъ, гуляючи да потчuya миръ крещеный. А дальше и до того дошло, что гулять не на что. Что тутъ дѣлать? Отдаетъ въ закладъ жиду Мошкѣ свою сивую кобылу. А что это за сивая кобыла была!—Любилъ онъ ее больше всего.

Узналъ Мазепа, что Семень не мечомъ, а чаркою побрякиваетъ, и обрадовался, потому что никого не боялся онъ, кромѣ Семена Палія. Вотъ Мазепа и забунтовалъ тогда противъ царицы Екатерины. Шлетъ царица войско на Мазепу. А онъ войско побиваетъ, генераловъ въ плѣнъ забираетъ. Что тутъ дѣлать? А Потѣмка ей и говоритъ:

— Не управитесь намъ съ Мазепою—развѣ Палій одолѣлъ бы его, а мы—нѣтъ.

Посылаетъ царица за Палиемъ на Украину. Искали его, искали, насилу нашли у корчмы пьянаго. Выслушалъ онъ, чего хотятъ отъ него, чтобы къ царицѣ въ Петербургъ ѣхалъ. Вотъ сѣлъ онъ съ тѣми посланцами да и поѣхалъ.

Приѣзжаетъ къ царицѣ, а она ему говоритъ:

— Такъ и такъ дѣло. Помоги, голубчикъ!

А сама такъ уже ему кланяется.

— Ну, хорошо, — говоритъ:—дайте жъ мнѣ коня добраго, потому у меня и коня нѣтъ ужъ.

Приводятъ ему коня. Онъ вышелъ, глянулъ на коня—конь задрожалъ; взялъ коня за гриву,—конь замертво упалъ.

Повелѣла царица, чтобы привели коня что ни есть лучшаго изъ всѣхъ коней самой царицы. Приводятъ. Такой конь, что и не сказать: ведутъ его четыре человѣка, а онъ ржетъ и бьетъ задними ногами. Подошелъ Палій къ этому коню, а онъ и уши опустилъ,—стоитъ, какъ вкопанный. Положилъ онъ ему руку на гриву, а конь такъ и упалъ на всѣ четыре ноги.

— Не на чемъ ѣхать,—говоритъ Палій:—а пѣшкомъ не пойду.

— Охъ, голубчикъ!—какъ заголоситъ царица:—что хочешь, все тебѣ дамъ, полцарства тебѣ отдѣлю, усмири только мнѣ этого проклятаго Мазепу!

— Ну, ладно,—говорить:—пусть же сходятъ къ жиду Мошкѣ да выкупятъ у него мою сивую кобылу.

Послала царица къ Мошкѣ, привели ту сивую кобылу. А кобыла-то такая жалкая, кости да кожа. Но лишь только сѣлъ на нее Палій, какъ встрепенется она, какъ заиграетъ она подъ нимъ,—такъ и понесла его по-надъ лѣсами, по-надъ облаками, по-надъ тучами. Прилетѣли они на поле, гдѣ Мазепа стоялъ съ войскомъ. Дождался Палій ночи, взялъ свою пику да и воткнулъ около самаго Мазепина намета, а на пику еще и свою подпись положилъ. Рано проснулся Мазепа, да какъ увидѣлъ Паліеву подпись, такъ ажъ поблѣднѣлъ.

— Эхъ,—говорить,—лихо! Тутъ былъ Палій, вотъ и подпись

Леонтій Васильевичъ Кочубей.

его. Теперь ужъ ничего не сдѣлаешь, такъ какъ Палій, кажется, пить-гулять пересталъ.

Тутъ онъ и довольно воевать, пошелъ на мировую съ царицею.

— Ну, а Палій же что?

— Что? А что ему? Мазепу смирилъ, да и поѣхалъ себѣ до Мошки, а то что...¹⁾

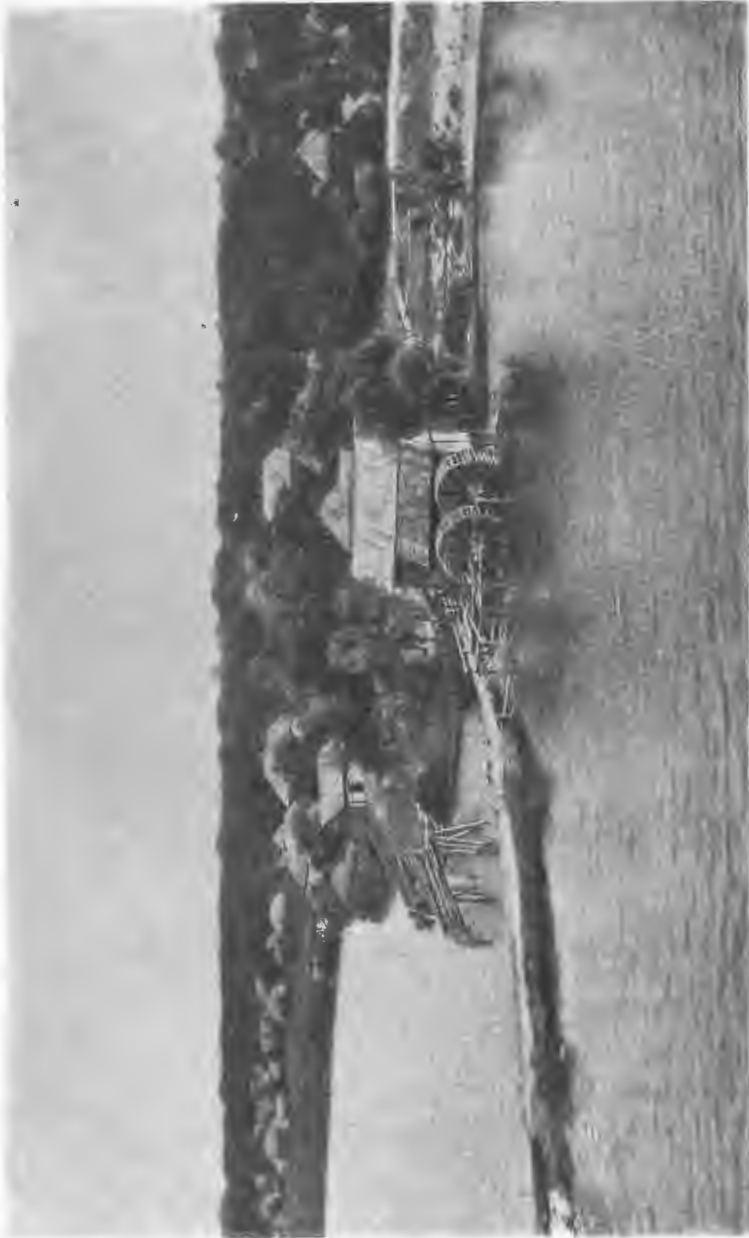
¹⁾ Я перевелъ съ малороссійскаго записанное неподалеку отъ Бѣлой Церкви. В. Д. Гривченко, «Изъ устъ народа». Черниговъ. 1901. Стр. 289.—91.

По народному преданію, Палій ненавидѣлъ дяховъ и, будучи украинскимъ богатыремъ, такъ сказать, Ильей Муромцемъ, онъ сокрушалъ ихъ силу. Мазепа не влюбилъ Палія и, чтобы избавиться отъ чудо-богатыря, обманомъ завалъ его къ себѣ, угостилъ, какъ слѣдуетъ хлѣбосолу-хозяину, а потомъ зако-

Бродя по Украйнѣ и незримо заглядывая въ свои разрушающіеся дома, Мазепа встрѣчается ли съ Матреною Кочубей? Вѣдь и она не успокоилась въ землѣ. Когда и какъ оборвалась жизнь ея? Послѣ казни Кочубея мать проклѣла дочь. Послѣ разгрома шведскихъ войскъ подъ Полтавою, Мазепа бѣжалъ въ Турцію, не вспомнивъ о своей крестницѣ-возлюбленной. Куда было дѣваться красавицѣ, отъ которой теперь отвертывался послѣдній голякъ? Оставалась въ живыхъ тетка, вдова казеннаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ Искры. У нея на хуторѣ, надъ тихой Ворсклою, невдалекѣ отъ Полтавы, нашла пріютъ Матрена. Она вошла въ убогую хатку и замкнулась въ ней. Все въ мірѣ стало ей чуждо, всѣ радости, вся красота земная уже не волнуютъ ея. Пускай шумятъ зеленые лѣса, вторя гуслиамъ рѣчныхъ волнъ и переливамъ соловьиныхъ пѣсенъ,—что ей до нихъ! Цвѣтутъ ли вновь яблони, краснѣютъ ли, какъ камни-самоцвѣты, черешни, или красавцы тополи чудесно поставятъ на своихъ вѣтвяхъ прекрасныя, своего рода, свѣчи во славу Творца,—ахъ, что ей до нихъ! Вѣдь ея-то, Матренина, жизнь изжита: наступила пора увяданія и расчетовъ... И кончилось, однако, не такъ. Мотря не успѣла увянуть, какъ явился Чуйкевичъ, и она вышла за него замужъ. Сердечная рана зажила. Души коснулась отрада. Остались послѣ Матрены рукодѣлья, доказательство того, что она умѣла терпѣть и чувствовать изящное. Разумѣется, она умерла естественной смертію, но народная совѣсть не хочетъ, не можетъ допустить такой смерти. Какъ! да вѣдь ее, Матрену, проклѣла мать!... Ну, коли такъ, слѣдовательно, она бросилась въ омутъ и утонула, и стала мавкою-русалкою. Она—мученица. Чтобы избавиться отъ мученій и мирно навѣки уснуть въ могилѣ, ей надо крестъ на шею. А кто дастъ?.. Однажды, когда ей стало не подъ силу выносить русалочьи терзанія, сердце на части разрывалось,—Мотря подошла къ часовому, стоявшему около Мазепина дома, и умоляла отдать ей крестъ. «Дай, о, дай мнѣ свой крестъ! Сжался надъ несчастною!» Часовой, отъ страха ли, или изъ презрѣнія, молча отказалъ. Она скрылась, роняя жгучія слезы... можетъ быть, затаилась въ «Ярославомъ родникѣ», впадающемъ въ Десну, но, говорятъ, черезъ каждыя семь лѣтъ она выходитъ изъ родника, идетъ, куда глаза глядятъ, и все проситъ креста на шею...

валъ въ цѣпи и бросилъ въ тюрьму. Палій взмолился о свободѣ, обѣщавъ гетману не встрѣчаться на земномъ пути; Мазепа отпустилъ Палія, который ушелъ въ мать сыру землю и тамъ обмеръ. Но не стерпѣлъ и вновь появился на Украйнѣ, какъ только учуялъ (а учуялъ онъ первый) измѣнническіе замыслы гетмана Мазепы.

Малорусское село (Бѣлики).

II.

До Харькова.—Полевые разбойники.—Въ Харьковѣ.—«Основа» и могила Квитки-Основащенко.—Въ Полтаву.—«Мазепа», какъ бранное слово.

Дыханіе Малороссіи чувствуется уже въ Курскѣ, возлѣ памятника пѣвцу «Душеньки», Богдановичу. «Хвала» стоитъ противъ музея и присутственныхъ мѣстъ, ближе къ скверу. Вокругъ памятника, по выраженію городничаго Сквозника-Дмухановскаго, всякой дряни телѣгъ на сорокъ. Это вмѣсто цвѣтовъ. По обычаю предковъ, на пьедесталѣ изображена прекрасная муза, а не Богдановичъ, и бабы-богомолки опускаются на колѣни и усердно молятся, воображая, что ежели это не жена-мироносица, то непременно Варвара-великомученица или Параскева-Пятница. Могила Богдановича на кладбищѣ за Херсонскими воротами забыта и подернулась мерзостью запустѣнія.

Подъ Бѣлгородомъ, который прославленъ именемъ епископа Іоасафа Горленка, показываются настоящія бѣлыя хаты, похожія на шаловливыхъ дѣтей тѣмъ, что то и дѣло пачкаются. Дальше дѣло не станетъ за гордыми, какъ китайскіе мандарины, подсолнечниками, бахчами, вишенниками и варениками, какіе въ одной только Малороссіи выплескиваются изъ миски, шлепаются въ сметану, перевертываются на другую сторону, подсакиваются вверхъ и какъ разъ попадаютъ вамъ въ ротъ. Словомъ—благословенный край уже раскрылъ свои объятія. Уже чувствуется разница съ кореннымъ, великороссійскимъ, орѣхомъ. Толпа подвижнѣе: кровь горячѣе. Въ рѣчи нѣтъ площадныхъ закругленій. У природы свой колоритъ, свой рисунокъ, своя свѣтотѣнь. На поляхъ свои даже разбойники. Стояла серебристая ночь въ концѣ мая. Поля, опьяненные весною, грезили въ полуснѣ. Было такъ тихо, что, кажется, услышалъ бы вздохъ вербы, склонившейся къ пруду, да о чемъ вербѣ вздыхать? И вдругъ послышался свистъ, громкій, добросовѣстный свистъ. На первый свистъ отозвались голоса въ разныхъ сторонахъ, и скоро свистуны соединились, и давай усердствовать!—точно это избалованные цѣнители освистывали бездарныхъ лицедеѣвъ. Къ сожалѣнію, это были суслики, милые забавники, которые, напримѣръ, въ 1890 году въ Александро-Гайской и Торгунской волостяхъ Новоузенскаго уѣзда уничтожили въ теченіе недѣли половину посѣвовъ. Борьба съ сусликами тяжела вслѣдствіе плодливости ихъ. Раннею весною крестьяне льютъ въ норы воду, чего грызуны эти, видите ли, терпѣть не могутъ, и обращаются въ бѣгство. Для усиленія остроты неприятности въ простую воду подливаютъ святой, изъ Кіево-Печерской лавры. Ею запасались крестьяне-богомольцы на моихъ глазахъ.

Харьковъ. Всѣ умные люди, заговоривъ о «столицѣ восточной Малороссіи», находятъ ее замѣчательною въ образовательномъ, торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Но, по-моему, они забываютъ еще про городскую пыль и также о томъ, что, при наличности трехъ рѣчекъ: Харькова, Лопани и Нетечи, въ «восточно-украинской столицѣ» видишь только сельтерскую воду. Очевидно, въ доброе старое время, когда Харьковъ назывался Шарукань, а сѣверяне и хозары не умѣли поддѣлывать знаменитую воду германскаго Сельтерса, тогда и рѣки были рѣками, а не тѣмъ духомъ, о которыхъ говорятъ на своихъ сеансахъ спириты, но котораго никто изъ нихъ не видалъ.

Малорусская хата.

Всякій, интересующійся украинскою литературой, по приѣздѣ въ Харьковъ считаетъ долгомъ побывать въ Основѣ и на могилѣ бывшаго владѣльца ея, Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка. Поѣхалъ и я. Отъ Екатеринославской улицы, гдѣ музей, прокатится до Основы значитъ досыта наглотаться пыли и прійти къ выводу, что если бы египетскій фараонъ не раскаялся и не отпустилъ Моисея, Аарона и евреевъ на всѣ четыре стороны,—къ десяти казнямъ прибавилась бы вотъ этакая, харьковская, пыль. Ванько (извозчикъ) подвернулся изъ молодыхъ хлопцевъ. Я оторвалъ его отъ «Южнаго Края», гдѣ онъ, кажется, облюбовалъ политическую передовицу. Я къ нему: «А что, другъ, свезешь въ Основу?» Онъ кивнулъ въ отвѣтъ, спряталъ не торопясь за пазуху

газету и не безъ деликатности ткнулъ кнутомъ Россинанта подъ хвостъ. Конь встрепенулся. Мы покатали.

— Квитку знаешь?—спросилъ я.

— А какъ не знать,—съ отгѣнкомъ пренебреженія отозвался онъ:—энь, ихъ сколько продаютъ.

Произошло очевидное недоразумѣніе.

— Я не про квитки (цвѣты), а про Квитку...

— Эге-е...

— Григорій Ѳедоровичъ, чей домъ въ Основѣ...

— Тпру!

Остановивъ Россинанта, хлопецъ повернулся ко мнѣ и заявилъ, что, можетъ быть, у «Грыгорыя Хведоровыча» и былъ когда-нибудь домъ въ Основѣ, но теперь онъ живетъ на Семинарской и держитъ бакалейную лавочку, а если мнѣ треба добраго табаку, то лучше поѣхать на Рыбную: вотъ ужъ тамъ такъ табакъ, тертый ли, или въ листьяхъ!..

— Другъ мой, поѣзжайте въ Основу. Слышите?

Онъ опять молча кивнулъ, отвернулся, и въ облакахъ пыли мы скоро потеряли другъ-друга изъ виду. Такъ проѣхали нѣсколько неприглядныхъ улицъ и наконецъ очутились на мосту, изъ-за котораго глядѣлъ большой паркъ съ старымъ домомъ, вѣнчаемымъ куполомъ. Нѣсколько оконъ забиты досками; по ветшающимъ колоннамъ ползаютъ многочисленныя насѣкомыя, именно тѣ, которыя любятъ гниль. Въ самое послѣднее время обнаружились лютые враги этого бывшаго пріюта умной старости и нѣжной любви Филемона къ Бавкидѣ—и, наоборотъ, въ малорусской перелицовкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, были попытки сжечь старосвѣтское жилье и уничтожить паркъ, такъ что пришлось просить «пана станового пристава» поселиться въ барскомъ домѣ. Это пока спасаетъ старь, по словамъ стараго сторожа, который смутно помнитъ пана «Грыгорыя Хведоровыча»; лучше его помнитъ старшій братъ, садовникъ. Онъ помнитъ панскія щедроты, наѣзды къ нимъ въ Основу вельможныхъ пановъ: купать и балакать собирались люди добрые; не забылъ старикъ, какъ панъ, бывало, игрывалъ на флейтѣ, а пани matka Анна Григорьевна слушала, либо закрывая глазки отъ удовольствія, либо же, какъ голубка на голубя, смотрѣла на мужа. Дѣйствительно, это была пара любящихся голубей. На Холодногорскомъ кладбищѣ надъ ихъ могилами стоитъ и одинъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора. Внизу, подъ горою, смыкаются желѣзныя дороги, и вокзалъ своимъ видомъ намекаетъ, что пора мнѣ ѣхать въ Полтаву, тѣмъ болѣе, что въ Харьковѣ нѣтъ, кажется, ничего, что бы напоминало о шведской баталіи, о Кочубеѣ и Мазепѣ. Развѣ только, можетъ быть, въ церквахъ есть гетманскіе вклады. Выйдя изъ религіозной семьи и задумываясь надъ пучиною, въ которую его толкала судьба, Мазепа не жалѣлъ денегъ на церковно-при-

Курень и бахча.

ходскія и монастырскія нужды и разсылалъ золото духовнымъ отцамъ... И что же получилось? Церковь возглашаетъ анаѹему Мазепѣ и вмѣстѣ о немъ молится, какъ молится она о всѣхъ благотворителяхъ и украсителяхъ церквей-домовъ молитвы. Почему-то плохо лѣпится хула къ гетману. Въ народной пѣснѣ отражается сердце народа, его духъ, складъ его разумѣнія; много ли пѣсенъ съ беспощаднымъ осужденіемъ Мазепы? Напротивъ, есть нѣчто особенное и достойное вниманія въ томъ, что Украинѣ пришлось по сердцу сложенный Мазепою «думки» и она любовно распѣваетъ ихъ. А «Мазепа» какъ ругательное слово? Объ этомъ упоминаетъ и Ө. М. Уманецъ въ своей монографіи («Гетманъ Мазепа», стр. 410), но, кажется, и тутъ дѣло обстоитъ не совсѣмъ правильно. При отсутствіи точныхъ данныхъ, появленіе на свѣтъ Мазепы относятся одни къ 1629, другіе же къ 1644 году, но не позже. Между тѣмъ, уже въ 1644 году отпечатана была въ Кіевѣ книга на польскомъ языкѣ «Литось», обличавшая Кассіана Саковича, который перешелъ изъ православія въ католичество. «Литось» называлъ вѣроотступника «обѣретичалымъ мазепою» (стр. 124)¹⁾. Польское слово «мазепа» въ великорусскомъ отголоскѣ не содержитъ политическаго оттѣнка и, какъ видно, даже по времени не можетъ намекать на гетмана. «Ахъ, ты рожал!» это выраженіе городничаго въ «Ревизорѣ» ясно и близко передается по-малорусски и по-польски чрезъ «мазепу». Рожу въ Малороссіи понимаютъ въ смыслѣ штокъ-розы или мальвы, прелестнаго цвѣтка, заглядывающаго въ окна бѣлыхъ хатокъ и воспѣтаго туземными соловьями, начиная съ Котляревскаго.

«Моя квитки рожевыи морозомъ прибиты...»

грустилъ Шевченко.

Такъ и въ Галиціи и въ Польшѣ.

III.

Отъ Харькова до Полтавы.—Кстати: о могилѣ Кочубея и Искры.—Полтавцы и Вл. Г. Короленко.—Короленко и Котляревскій.—Памятники имени творца «Энеиды» и «Наталки-Полтавки».—«Жалобное письмо на тотъ свѣтъ».

Отъ «столицы восточной Малороссіи» до сердцевины Украины—Полтавы—132 версты по Харьковско-Николаевской желѣзной дорогѣ. Станція Кочубеевка получила свое названіе, разумѣется, отъ знаменитой фамиліи, а фамилію прославилъ, конечно, «посѣченный за Бѣлою Церквою на Борщоговцѣ», по волѣ Мазепы, Василій Кочубей²⁾.

¹⁾ Максимовичъ въ «Кіевлянинѣ», 1841, кн. 2.

²⁾ По поводу мѣста казни покойный протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ писалъ Н. И. Костомарову, что «по мѣстному преданію, они

Полтава. Панянка.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что чугунная плита за рѣшеткою, у трапезной стѣны, положена не какъ разъ надъ могилами Кочубея и Искры. Что они похоронены были на дворѣ Кіево-Печерской лавры, это безспорно. Но мѣсто погребенія сейчасъ точно опредѣлить невозможно. Чугунную плиту не разъ сдвигали съ мѣста. Однако, вотъ уже промелькнулъ и Божковъ; близко Полтава съ ея памятниками. Меня тянетъ въ этотъ тихій городъ, сплошной садъ, не знаю, за что порочимый народной (великорусской) мудростью. Заглянешь въ сборникъ Даля,—хоть не читай: и «заднѣ-провскіе итальянцы», и «задрипанцы» (запачканные), и «Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава, а въ грязи, какъ жаба», и «на одного жидка — два грека, на грека — два армянина, на одного армянина два полтавскихъ дворянина...»

На диванѣ противъ меня сидѣлъ въ вагонѣ мѣстный Аванасій Ивановичъ и, несмотря на то, что разливалась теплынь, кутался въ ватную шинель, которая, по многимъ признакамъ, переродилась изъ женскаго салопы.

— Что у васъ въ городѣ новаго? — обратился я къ Аванасію Ивановичу.

Онъ долго морщилъ лобъ и сурово сдвигалъ и безъ того сердитыя густыя брови прежде, чѣмъ отвѣтитъ, и, наконецъ, произнесъ сухимъ, какъ дерево, голосомъ:

— Да что новаго! Усе новое по старому. Вотъ зъ нами живетъ досточтимый Владиміръ Галактіѣновичъ Короленко.

Пріѣзжаю въ гостиницу. Коридорный подаль самоваръ и проситъ паспортъ: безъ этого документа онъ не представляетъ себѣ «гостя». Я даю ему паспортъ—и старикъ доволенъ.

— Что у васъ любопытнаго въ Полтавѣ, кромѣ памятниковъ, церквей и Шведской могилы?

Онъ пожимаетъ плечами, разставляетъ пальцы и усмѣхается; и я слышу:

— Захотѣли вы найти любопытное въ Полтавѣ! хе, хе... Бывали любопытныя ярмарки, да ужъ давно стали, хе, хе, курзунерзу (чепуха). Полтава хороша была, пока не провели къ ней желѣзныхъ дорогъ; тогда все покупали дешево, а теперь бѣдному человѣку нельзя стало жить въ Полтавѣ. Что вы здѣсь можете найти! Чепуха одна... А впрочемъ—въ Полтавѣ живетъ всѣми уважаемый Вл. Г. Короленко.

(т. е. Кочубей и Искра), по доставленіи въ Борщаговку, содержались въ хатѣ, на нынѣшней священнической усадьбѣ, а потомъ ведены для казни за мѣстечко, на гору, по дорогѣ въ с. Кашевъ, и казнь ихъ совершена тамъ на мѣстѣ, на которомъ бѣжавъ дороги виднѣется и теперь довольно большая могила. Вѣроятно, по этой возвышенности, на правомъ берегу рѣки Роси, стоялъ обозъ Мазепы». (Письмо отъ 2 марта 1883 г.)

Памятникъ Котляревскому.

Послѣ чаю, но уже утренняго, отправляюсь знакомиться съ городомъ ¹⁾. По страсти, меня одолѣвающей, останавливаюсь передъ окномъ книжнаго магазина. Какъ изъ земли вырастаетъ юный еврей, можетъ быть, судя по запаху, аптекарскій помощникъ, а, можетъ, и ученикъ тѣхъ специальныхъ курсовъ, на которыхъ устанавливаются особыя таксы: за вырванный съ болью зубъ 50 копеекъ, а безъ боли—цѣлковый. Юноша осмотрѣлъ меня съ противоположныхъ сторонъ и съ вкрадчивой осторожностью вслухъ рѣшилъ, что я пріѣзжій; точно, я пріѣзжій.—«Не вгодно ли чистенькій номерокъ въ приличной гостиницѣ безъ стола?»—Благодарю, не вгодно. Онъ помолчалъ и вновь заговорилъ съ той же вкрадчивостью:

— Если вгодно, я могу указать вамъ, гдѣ живетъ знаменитый гениальный Короленко. Онъ и теперь, кажется, еще въ Полтавѣ. Пойдемте. Хотите?

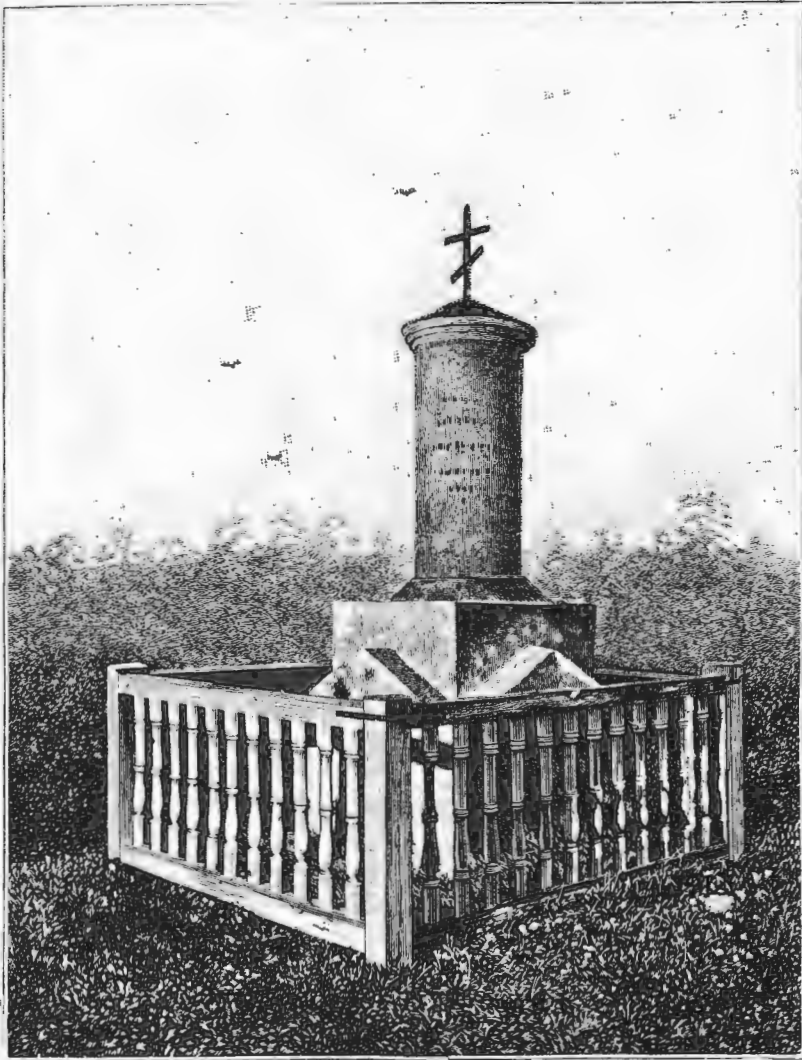
— Я незнакомъ съ В. Г. Короленкомъ.

Немного времени спустя, я убѣдился, что полтавцы паче всего любятъ почтеннаго Владимира Галактіоновича Короленка; онъ ихъ гордость (хотя, какъ извѣстно, родился въ Житомирѣ) и божокъ, заслонившій собою всѣхъ и все.

Со временъ Котляревскаго здѣсь не появлялось личности, которая бы наклоняла къ себѣ общее вниманіе и широкое расположеніе, какъ этого достигъ Короленко. Но Котляревскій и Короленко—ничего не имѣютъ между собою общаго: первый олицетворялъ старую, безмятежную, патріархальную Малороссію, и въ частности—Полтаву, а второй—это своего рода фокусъ, въ которомъ сосредоточиваются: порывы утопистовъ, возбужденность инородческихъ нервовъ и прекраснодушіе той молодости, про которую Тургеневъ сказалъ, что ей нѣтъ ни до чего дѣла, и она думаетъ, будто въ состояніи все сдѣлать. Это—новая Полтава: она выражается въ земствѣ, отражается въ мѣстныхъ двухъ газетахъ и библіотекахъ и заявляетъ о себѣ костеломъ, лютеранской церковью и большой синагогою, не считая еще девяти еврейскихъ молитвенныхъ домовъ. Она считаетъ, что свела счеты съ прошлымъ, когда она,—по выраженію Изм. И. Срезневскаго,—была беззаботно-скучной, простодушно-пустынной, хоть и милой Полтавою. «Заднѣпровскіе итальянцы» воздали «что слѣдуетъ» и Котляревскому, и успокоились. Ахъ, какъ онъ шелъ къ той Полтавѣ и какъ бы портилъ собою фонъ нынѣшней Полтавы, возлюбившей Короленка такъ нѣжно и страстно.

¹⁾ О происхожденіи названія Полтава О. М. Бодянскій высказалъ слѣдующее мнѣніе: «въ 1608 году, по словамъ одной малороссійской лѣтописи, козакъ миргородскаго полка Масло вышелъ съ шестью семьями изъ Олтавы (Олты и Голты), бывшей тогда малороссійскимъ городомъ, поселился на мѣстѣ нынѣшней Полтавы, которую, вѣроятно, и назвалъ по имени прежняго своего жительства По-Олтавою (о-оо) Полтавою». «Телескопъ», 1834 г., кн. XXI, стр. 345.

За соборомъ, на краю Подольской горы, указываютъ домъ на мѣстѣ домика перваго украинскаго поэта. По разсказамъ лицъ, посѣщавшихъ Ивана Петровича Котляревскаго, въ его домѣ было 5 комнатъ съ кухней. Изъ передней налѣво вела дверь въ не-

Памятникъ на могилѣ Котляревскаго.

большой кабинетъ, который и былъ спальней хозяина. На поперечной балкѣ потолка этой комнаты была надпись, вырѣзанная церковными буквами: «Создася домъ сей во имя Отца и Сына и Св. Духа, року 1703». Достался онъ Котляревскому, дѣду Ивана

Петровича. Обстановка въ домѣ была простая. Въ небольшомъ кабинетѣ стояла кровать, подлѣ нея небольшой письменный столъ и шкапъ съ книгами. Въ библиотекѣ поэта, по разсказу современника, были латинскія и французскія книги, изъ русскихъ—переводные романы Лафонтена, Дюкро-Дюмениля, Жанлисъ, В. Скотта, Купера и др. Изъ періодическихъ изданій: «Сѣверная Пчела», «Сынъ Отечества» съ «Сѣвернымъ Архивомъ», «Вѣстникъ Европы», «Благонамѣренный». Лучшей комнатою, наиболѣе просторной и свѣтлой, была гостиная, изъ которой былъ выходъ на крыльцо съ балкономъ, откуда открывался чудный видъ на окрестности города. Здѣсь любилъ поэтъ просиживать часами съ зрительной трубой. Весной, при разлитіи Ворсклы, особенно очаровательны были виды на эти окрестности: къ поэту нарочно собирались въ это время пріятели и знакомые полюбоваться этими видами съ его балкона. Обстановка гостиной была простая: канapé, обитое кожей, съ мѣдными гвоздиками, нѣсколько такихъ же стульевъ да три ломберныхъ столика—вотъ и вся мебель. Стѣны были украшены портретами императора Александра і и самого поэта, а также картинами фламандской школы. Одна изъ картинъ изображала испанца, держащаго въ рукѣ рака, другая—торговку живностью. Были еще портреты князя Репнина ¹⁾ и В. П. Кочубея ²⁾, лично подаренные поэту. На одной изъ стѣнъ, между фламандскими картинами висѣли часы, на циферблатѣ которыхъ было изображеніе Адама и Евы подлѣ дерева познанія добра и зла; замѣй-искуситель вертѣлся на деревѣ по качанью маятника. Въмѣсто иконы въ углу была копія картины: «Марія Магдалина надъ черепомъ». Такова обстановка, какъ описываетъ ее лично знавшій поэтъ Павелъ Степановичъ Стеблинъ-Каминскій (1782 † 1856). Такъ же скромна была и жизнь И. П. Котляревскаго. Любилъ онъ иногда бывать въ гостяхъ и у себя принять хорошихъ знакомыхъ и пріятелей. Вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Его разсказы, пересыпанные юморомъ и остроуміемъ, привлекали къ нему общество. Мастеръ онъ былъ разсказывать анекдоты, изъ которыхъ многіе касались малороссійскаго быта. Читалъ превосходно. Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста у него всегда былъ обѣдъ для пріятелей, на который онъ приглашалъ «полоскаты зубы», какъ онъ выражался. Подавались постныя малороссійскія блюда, запиваемыя наливками и венгерскимъ, замѣнявшимъ въ то время шампанское. Любилъ онъ посѣщать и простыхъ людей, казаковъ и мѣщанъ. Въ Полтавѣ его всѣ знали и уважали.

«Здоровъ бувъ, пане Иване Петровичу!» говорили ему при встрѣчѣ на улицѣ. Поэтъ непремѣнно останавливался и бесѣдо-

---

¹⁾ и ²⁾ Генераль-губернаторы, памятные своими трудами во имя благоустройства и процвѣтанія Полтавы, въ особенности кн. Н. Г. Репнинъ.

валъ съ каждымъ... А многія изъ простыхъ женщинъ при встрѣчѣ, кланяясь, говорили:

— Здравеньки булы, добродію куме!

— Здравеньки и вы, кумо,—отвѣчалъ онъ.

Вотъ въ этомъ своемъ домикѣ и проживалъ поэтъ. Послѣдніе три года жизни своей онъ жилъ отшельникомъ, нигдѣ не бывалъ. Въ 1835 г. онъ жаловался на онѣмѣніе правой руки и ноги, что и заставило его оставить службу: онъ былъ смотрителемъ «дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ» и попечителемъ мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній. Скончался онъ 29 октября 1838 года на 70-мъ году своей жизни. Хоронили его торжественно, съ музыкой (какъ майора); на похоронахъ его была вся Полтава, искренно его любившая ¹⁾. Отрывокъ изъ жизнеописанія родоначальника украинской литературы показываетъ рѣзкую разницу между Котляревскимъ и Короленкомъ. Они одинаково любимы—но разными Полтавами.

Какъ коренной полтавецъ, Котляревскій пожелалъ быть погребеннымъ на старомъ мѣстномъ кладбищѣ близъ дороги на Кобеляки. Волю его исполнили; тополь взялся быть сторожемъ могилы. Другъ, П. С. Стеблинъ-Каминскій, поставилъ памятникъ съ мѣдною доскою; нѣкій почитатель укралъ ее. Друзья прибили новую мѣдную доску съ надписью, исправили памятникъ, обнесли его оградой,—нѣкій почитатель опять укралъ мѣдную доску. Въ настоящее время на могилѣ Котляревскаго выразительный, достойный его памятникъ. Поэтъ изъ-за неувыдаемаго вѣнка смотритъ передъ собою и какъ бы слушаетъ, какъ читаютъ на памятникѣ:

Будешь, батьку, панувати,
Поки живуть люде,
Поки сонце зъ неба сьє,
Тебе не забудуть.

Кромѣ намогильнаго, полтавцы, съ сторонней помощью, воздвигли памятникъ Котляревскому на углу Протопоповской и Мало-Петровской улицъ; въ дѣлѣ сооруженія памятника приняли участіе свыше 7000 лицъ, изъ которыхъ 77⁰/₁₀₀—населеніе Полтавской губерніи; любопытно отмѣтить, что изъ общаго числа жертвователей крестьянъ и казаковъ оказалось 3800 душъ. Счастливая случайность? Нимало. Малороссы и знаютъ и любятъ Котляревскаго. На днѣпровскомъ пароходѣ у меня завязалась бесѣда о Гоголѣ, Котляревскомъ и Шевченкѣ съ богомольцами; такъ среди нихъ не только молодежь, но и пожилые обнаруживали знакомство съ родной поэзіей. А двое прямо-таки наизусть читали цѣлыя сцены изъ «Наталки-Полтавки».

¹⁾ И. Ф. Павловскій, XVIII т. Сборн. х. и.-ф. общ., изданнаго въ честь проф. Н. О. Сумцова.

Откликнулась пожертвованіями и единовѣрная и единокровная Галиція.

Отъ земли подымается привлекательная своей прихотливостью четырехгранная колонна изъ днѣпровскаго гранита, увѣнчанная бюстомъ поэта. Три горельефа—сцены изъ «Энеиды», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чаривника»—напоминаютъ о дѣлахъ Котляревскаго. «Ридній край своему першому поэтові Иванові Котляревскому», пишетъ Малороссія ниже бюста. А Котляревскій отвѣчаетъ: «Де згода въ симействи, де миръ и тишина, счастливи тамъ люде, блаженна сторона». А сбоку Шевченко отъ себя воздаеть: «Слава сонцемъ засіяла: не вмре кобзарь, бо на вики его привитала». И бюстъ и горельефы работалъ извѣстный скульпторъ Л. В. Позенъ, уроженецъ и землевладѣлецъ Полтавской губерніи ¹⁾.

Послѣ того, какъ премудрые «отцы города Полтавы» избрали мѣстомъ для памятника Протопоповскій бульваръ, была послана на тотъ свѣтъ Котляревскому «Жалибна суплика» (челобитье), конецъ которой (въ моемъ посильномъ переводѣ) таковъ:

«Прійми жъ отъ насъ сіе мѣсто, друже,
Не дай же насъ за него дуже
И головы намъ не морочь!
У насъ теперь, вѣдь, столько дѣла —
Ей-Богу, всё ажь посеѣдѣли!
Водопроводъ, а тамъ трамвай
Ни їсть намъ ни дають, ни спати;
Мы сбились съ панталыку, брате,
Такъ ужъ хоть ты насъ не сбивай!»

Какъ бы ни было, а въ Полтавѣ стоитъ памятникъ Котляревскому да есть имени его школа. Тутъ и кончается сказъ о Котляревскомъ.

IV.

Небольшое путешествіе въ область исторіи.—И. Ф. Павловскій.—Спасская церковь.—Памятникъ на мѣстѣ, гдѣ Петръ Великій отдыхалъ послѣ боя.—Памятникъ въ корпусномъ саду.—Кадетскій корпусъ.—Его сосѣди.—Городской садъ.

Полтава говоритъ о себѣ, что она очень древняя и слишкомъ 700 лѣтъ тому назадъ называлась Лтавою, близъ которой Игорь Сѣверскій разбилъ половцевъ; основана же Максуромъ, сыномъ Мамаю; историки, однако, неохотно забираются въ этакую даль

¹⁾ Творчество Леонид Владимировича Позена, «передвижника», уже болѣе 20 лѣтъ пользуется вниманіемъ не только отечественныхъ, но и заграничныхъ цѣнителей и любителей скульптуры. Онъ бытовикъ. Занявъ постъ товарища прокурора при полтавскомъ окружномъ судѣ, въ 80-хъ годахъ Л. В. Позенъ отдался изученію украинской старины, особенно казачества.

Школа имени Котляревского.

и, минуя лѣтописную мглу, останавливаются у 1630 года, отмѣчающаго Полтаву какъ «Пустую Слободу». Впрочемъ, 10—11 лѣтъ спустя, эта «Пустая Слобода» стояла уже на довольно высокой ступени лѣстницы чиновначалія: она сдѣлалась городомъ—собственностью ясновельможнаго пана Конецпольскаго. Это былъ такъ называемый полковою городъ, въ которыхъ представители власти избирались народомъ и которые представляли собою тѣхъ овецъ, которыхъ безжалостно стригли всѣ, кому было не лѣнь и у кого имѣлся хоть малый запасъ смѣлости. Не наѣзжали поляки, такъ насканивали крымцы; замѣшкаются татары,— тутъ-какъ-тутъ поляки. Овца не въ состояніи была управиться съ непрошенными гостями и горѣла, и обращалась въ развалины. Такъ, въ сущности, обстояло дѣло до Петра Великаго. Онъ далъ возможность городу-овцѣ спокойно стоять и развиваться, а Югу, взявъ того, привилъ настоящихъ пленскихъ овецъ, подаривъ пару ихъ пращуру извѣстнаго писателя Г. П. Данилевскаго и издавъ указъ, чтобы малороссіяне занялись овцеводствомъ, «понеже Малую Россію Богъ благословилъ, паче иныхъ краевъ нашего государства, способнымъ воздухомъ къ размноженію овецъ и доброй шерсти». Вотъ, молъ, кого стригите и доите!

Полтавская битва, въ которой Карлъ XII проигралъ первенствующее значеніе Швеціи на сѣверѣ, а Мазепа гетманство малороссійское, эта битва прославила Полтаву, и она поднялась 9 марта 1802 года на верхъ лѣстницы чиновначалія. Теперь Полтава—губернскій городъ. «Первоначально существовало предположеніе сдѣлать губернскимъ городомъ не Полтаву, а Лубны, какъ центральный пунктъ, но историческое прошлое Полтавы дало перевѣсъ послѣдней, и Полтава сдѣлалась губернскимъ городомъ». Такъ пишетъ Павловскій.

Иванъ Францовичъ Павловскій — несомнѣнная достопримѣчательность этого города. Я не знаю, полтавецъ ли сей почтенный человѣкъ, но знаю его домъ на «Новомъ строеніи», какъ и то, что всѣ знаютъ его въ Полтавѣ и что не одно поколѣніе молодежи обязано ему своимъ знакомствомъ съ исторіей. И. Ф. Павловскій—учитель. Извѣстность доставила ему историко-литературная дѣятельность. Усердный сотрудникъ «Кіевской Старины», секретарь мѣстной ученой архивной комиссіи и живой общественный слуга, онъ нашель-таки былинную тягу и вызвалъ отъ мрака къ свѣту старъ полюбившейся ему Полтавщины, «Заднѣпровская Италія» восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій озвучена въ работахъ И. Ф. Павловскаго съ рѣдкой полнотою. Благодаря трудолюбію этого талантливаго человѣка, имѣется рядъ цѣнныхъ историко-бытовыхъ изслѣдованій о любопытномъ краѣ, причемъ они написаны занимательно и съ «патріотическимъ воодушевленіемъ».

Обновленный домъ, гдѣ жилъ Когляревскій на Подолѣ въ Полтавѣ.

ніемъ»¹⁾. И. Ф. Павловскому мало учебныхъ занятій въ кадетскомъ корпусѣ, мало заботъ въ качествѣ думскаго гласнаго и секретаря ученой архивной комиссіи, мало теряться въ изысканіяхъ въ тиши кабинета, онъ задолго сталъ будить общество ради ознаменованія 200-лѣтія главной полтавской баталіи: «создадимъ музей и откроемъ его 27 іюня 1909 года!»

Съ помощью почтеннаго историка-археолога не трудно ознакомиться съ памятниками, относящимися до 27 іюня 1709 года. Въдѣ ихъ и немного. На главной, Александровской, улицѣ стоитъ приписанная къ кафедральному Успенскому собору церковь Спаса Нерукотвореннаго образа. Она существовала еще при «тишайшемъ» царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; въ пору Мазепы у Спаса священствовалъ Іоаннъ Святайло, который обдумывалъ вмѣстѣ съ Кочубеемъ, Искрой и Кованько доносъ на гетмана и за то былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Въ 1704 г. Спасская церковь сгорѣла, но въ 1706 году восстановлена. Наканунѣ боя Петръ молился въ ней. «Болѣе ста лѣтъ послѣ того простояла еще Спасская церковь въ прежнемъ видѣ, но въ началѣ девятнадцатаго столѣтія пришла въ крайнюю степень ветхости. Не имѣя средствъ для ея починки, прихожане были вынуждены въ 1811 году разобрать ее, оставивъ только сѣверный ея придѣлъ, лучше другихъ сохранившійся, который и былъ починенъ и приспособленъ для богослуженія въ видѣ малой однокупольной, покрытой гонтомъ церкви, приписанной къ собору. Въ такомъ видѣ Спасская церковь простояла до 1837 года, когда Полтаву посѣтилъ государь-

¹⁾ Вотъ перечень трудовъ И. Ф. Павловскаго: «Полтава въ началѣ XIX вѣка» (очерки по архивнымъ даннымъ) 3 вып. 2) «Къ исторіи полтавскаго дворянства», 2 т. 3) «Битва подъ Полтавой и ея памятники». 4) «Историческій очеркъ Петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса». 5) «Приходскія училища въ Малороссіи и причины ихъ уничтоженія». 6) «Ремесленное училище въ Черниговѣ 100 лѣтъ назадъ». 7) «И. П. Котляревскій». 8) «Участіе И. П. Котляревскаго въ формированіи малороссійскихъ казачьихъ полковъ». 9) «Къ біографіи И. П. Котляревскаго». 10) «Къ исторіи Шведской могилы. Пожертвованіе І. С. Судіенка». 11) «Къ исторіи Малороссіи во время ген.-губ. князя Н. Г. Репнина». 12) «Заботы князя Репнина о полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина». 13) «Стат. данныя о Полтавской губ. въ 1804 г.». 14) «Малороссійское казачье ополченіе въ 1812 г.». 15) «Первая губернская сельско-хозяйственная выставка въ Полтавѣ въ 1837 г.». 16) «Князь Репнинъ въ его отношеніяхъ къ дворянству изъ-за вишней монополіи и Д. В. Кочубей». 17) «Изъ далекаго прошлаго полтавской семинаріи». 18) «Проектъ устройства общества отъ градобитія въ 1834 г.». 19) «Къ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній во второй половинѣ XIX вѣка». 20) «О переселеніи полтавскихъ казаковъ на Черноморье и Тамань въ XIX вѣкѣ». 21) «Къ исторіи Густынскаго монастыря» и множество мелкихъ замѣтокъ въ историческихъ журналахъ и мѣстныхъ газетахъ. Постоянные читатели «Историческаго Вѣстника» также знаютъ И. Ф. Павловскаго. Почтенный архивистъ-историкъ преподаетъ съ 1874 г. «политическую исторію» въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ питомецъ кievскаго университета св. Владимира.

Александровская улица въ Полтавѣ

наслѣдникъ (впослѣдствіи императоръ) Александръ Николаевичъ. Осмотрѣвъ эту убогую церковь, онъ пожелалъ, чтобы Спасская церковь, какъ дорогой историческій памятникъ Петровской эпохи, была сохранена на вѣчныя времена въ томъ самомъ видѣ, посредствомъ устройства сверхъ нея каменнаго футляра, въ видѣ храма, на что его высочество тогда же пожертвовалъ 2 тысячи рублей. По ходатайству тогдашняго генераль-губернатора графа Строганова былъ разрѣшенъ сборъ пожертвованій по всей имперіи, давшій до 25 тысячъ рублей». Составить проектъ поручили К. А. Тону, о которомъ Стасовъ сказалъ, что онъ все строилъ въ «официально-національномъ», или «лже-народномъ» стилѣ, а храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ прямо воспроизвелъ, по увѣренію В. В. Верещагина, съ знаменитой мечети Таджъ-магала въ индійскомъ городѣ Агра. Своимъ каменнымъ футляромъ Тонъ придавилъ историческую церковку (въ 1845 году).

Собранныя на каменный футляръ деньги пошли не всѣ; остатокъ употребили на сооруженіе памятника, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, на мѣстѣ, гдѣ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской битвы. Тутъ стоялъ домъ коменданта Келлина, у котораго и поселился царь. Съ теченіемъ времени домъ ветшалъ и наканунѣ назначенія князя Н. Г. Репнина малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, очевидно, походилъ почти что на жилище Бабы-Яги. (Князь Репнинъ занималъ генераль-губернаторскій постъ съ 1816 г. по 1834 г.). Въ ожиданіи пріѣзда его сіятельства полиція, «приводившая въ надлежащій видъ Полтаву», сломала ветхое строеніе. Князь остался недоволенъ. Полицейскіе оправдывались: «его сіятельство думаетъ, что этотъ домъ былъ какъ обыкновенный домъ, а въ немъ ничего не было и похожаго». Чтобы не было забыто, по крайней мѣрѣ, мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ домикъ, князь Репнинъ велѣлъ поставить здѣсь сложенный изъ кирпичаobeliskъ, на которомъ было написано:

Здѣсь
Петръ I
покоился
послѣ
трудовъ своихъ.

Благоговѣй
мѣсто
свято есть.

Рисунокъ обелиска былъ сдѣланъ самимъ княземъ Репнинымъ. Этотъ-то обелискъ и замѣнили памятникомъ, отлитымъ въ Петербургѣ по модели извѣстнаго А. П. Брюллова, брата создателя «Послѣдняго дня Помпеи». Предъ вами на гранитномъ подножіи одиннадцатиаршинная прямоугольная пирамида съ государственнымъ гербомъ, подъ которымъ читаемъ: «Воздвигнуть 27 іюня 1849 года въ царствованіе императора Николая I». А еще выше: «Петръ I покоился здѣсь послѣ подвиговъ своихъ 27 іюня 1709». На вершинѣ пирамиды положены щитъ и мечъ, а на щитѣ—шлемъ и лавры. А на базисѣ отдыхаетъ левъ, породный, широкомордый, съ царской мантией на плечахъ. Каждую годовщину Полтавской побѣды служится молебень передъ этимъ памятникомъ, и съ каждою новою годовщиной онъ все утрачиваетъ свой зелено-лягушечій цвѣтъ и принимаетъ видъ крыши на старосвѣтскомъ домикѣ, которую покрыла зеленая плѣсень.

Прежде памятника на мѣстѣ отдыха Петра появился памятникъ побѣды въ Александровскомъ, или Корпусномъ, саду. Въ 1804 году князь А. Б. Куракинъ (малороссійскій генераль-губернаторъ 1802—1808 гг.) рѣшилъ, въ виду столѣтія со дня Полтавской битвы, соорудить въ Полтавѣ памятникъ на Александровской площади, вокругъ которой онъ задумалъ построить рядъ зданій для правительственныхъ учрежденій и школъ (гимназіи, семинаріи)¹⁾. Торжество закладки памятника происходило въ годовщину Полтавскаго боя, 27 іюня 1804 года. Наканунѣ этого дня на Шведской могилѣ, за городомъ, была впервые совершена торжественная панихида по императорѣ Петрѣ I и всѣхъ участникахъ боя, и съ тѣхъ поръ княземъ Куракинымъ было установлено, чтобы такая панихида ежегодно совершалась 26 іюня, что свято выполняется и донинѣ. Проектъ монумента былъ составленъ извѣстнымъ Омою де-Томонъ. Памятникъ представляетъ высокую колонну, на верху которой орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ во рту, обращенный къ полю сраженія. Пьедесталъ сдѣланъ изъ мѣстнаго гранита, добытаго въ Келебердѣ (Кременчугскаго уѣзда), и окруженъ 18-ю пушками, изъ которыхъ 10 взяты изъ бастіоновъ бывшей полтавской крѣпости, а 8 отняты у шведовъ при Переволочной (гдѣ переправились черезъ Днѣпръ Карлъ XII и Мазепа, но 13—14 тысячъ шведовъ съ генераломъ Левенгауптомъ во главѣ сдались Меншикову). Свой проектъ де-Томонъ описываетъ такъ: «такъ какъ колонна эта — триумфальный памятникъ, воздвигнутый въ память Петра Великаго, въ честь самаго памятнаго и рѣшительнаго событія его царствованія, то я старался дать всей этой композиціи характеръ оригинальный и, такъ сказать, присущій герою и его

¹⁾ Здѣсь славный полтавскій комендантъ торжественно встрѣтилъ Петра Великаго, въѣзжавшаго въ городъ побѣдителемъ, 28 іюня 1709 года.

торжеству. Съ этой цѣлью я прибѣгнулъ къ аллегоріямъ простымъ, но точнымъ и яснымъ. Колонна изъ желѣза въ 4 куска, и чтобы скрыть ихъ соединеніе, каждый шовъ закрытъ вѣнкомъ: первый изъ лавра и пальмъ, второй изъ лавра, а третій изъ дубовыхъ листьевъ. Промежутки между вѣнками заполнены изображеніями перекрещеннаго оружія. Капитель образована изъ большихъ листьевъ, надъ которыми возвышается цоколь, увѣнчанный полусферой, на коей распростеръ свои крылья орелъ, держащій въ когтяхъ молніи войны и въ клювѣ лавровый вѣнокъ»¹⁾. Памятникъ обошелся въ 135 тысячъ, такъ какъ слово перерасходъ извѣстно и малымъ дѣтямъ, а не то, что взрослымъ, съ тѣхъ поръ, какъ стали чеканить деньги. Къ 1809 году памятникъ оказался не готовъ, его торжественно открыли 27 іюня 1811 года, причѣмъ авторъ «Ябеды», В. В. Капнистъ, служившій въ полтавскомъ генеральномъ судѣ, прочиталъ свои стихи:

«Красуися, торжествуй, Полтава,
И лавръ обвей вокругъ чела:
Твоя днесь обновилась слава,
Какъ юность древняго орла.
Ты зрѣла, какъ здѣсь Левъ Полнощный
Кровь чадь твоихъ рѣками лиль,
И какъ его десницею мощной
Сампсонъ Россійскій поразилъ.
Петровой подражатель славы
Днесь новый лавръ и пальмы плетъ
Въ побѣдныя поля Полтавы
Изъ поля собственныхъ побѣдъ.
Что Петръ девятилѣтней бранью
Въ поляхъ полтавскихъ заложилъ,
То Александръ могучей дланью
Черезъ вѣкъ въ единый годъ свершилъ...» и т. д.

— А гдѣ же, позвольте узнать, нѣкоторые барельефы? — обращаюсь я къ одному обывателю, указывая на монументъ.

— Въ безвѣстномъ отсутствіи, — отвѣчаетъ онъ коротко.

Ясно, что и тутъ побывалъ вороватый почитатель-коммунистъ.

А кругомъ — могучій разливъ зелени. Играетъ дѣтвора. Разбросаны павильоны, торгующіе прохладительными напитками, фруктами и т. п. Александровскій садъ вмѣстѣ съ городскимъ составляютъ, дѣйствительно, прекрасные резервуары, изъ которыхъ черпается чистый воздухъ. Городской садъ — столѣтній, его жизнь началась въ 1808 году. Три генераль-губернатора: князь Куракинъ, князь Лобановъ-Ростовскій и князь Репнинъ, преемственно холили это зеленое царство. Издавна въ городскомъ саду были устроены парники, теплицы, а пруды изобиловали рыбою, которая

¹⁾ «Полтава въ началѣ XIX вѣка», вып. 1.

Памятникъ Петру Великому и Спасская церковь въ Полтавѣ.

теперь исчезла. При князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ (1808—1816 гг.) въ саду находились каминны, около которыхъ, въ зимнее время, могли бы отогрѣться зазябшіе «прогульщики».

Противъ Александровскаго сада помѣстились на площади Петровскій кадетскій корпусъ, присутственныя мѣста, Маріинская женская гимназія, домъ дворянства и губернаторскій, клубъ чиновниковъ, 2-е общественное собраніе и полицейское управленіе.

Полтавскій кадетскій корпусъ—наканунѣ 70-лѣтія своего существованія. Онъ открытъ въ день тезоименитства императора Николая Павловича 6 декабря 1840 года и, служа (какъ сказано въ указѣ военному министру, графу Чернышеву) «памятникомъ знаменитой побѣды, одержанной подъ Полтавою Петромъ I», воспиталъ много поколѣній честныхъ слугъ царю и отечеству. Здѣсь былъ, между прочимъ, инспекторомъ (1870—75) М. Ѳ. де-Пуле и преподавалъ словесность (1858—68) С. П. Пономаревъ—оба достаточно извѣстные въ отечественной литературѣ. Извѣстный кавказскій дѣятель, сенаторъ Дмитрій Семеновичъ Старосельскій (1832—1884), былъ питомецъ Петровскаго кадетскаго корпуса¹⁾.

По словамъ И. Ф. Павловскаго, корпусъ обладаетъ большою рѣдкостью: табакеркою собственной работы великаго преобразователя Россіи. У табакерки своя исторія. Въ 1754 году она была подарена императрицей Елизаветой Петровной бабкѣ Саблукова, Агаѣ Яковлевнѣ, а затѣмъ Саблуковъ отдалъ ее генералу-отъ-артиллеріи Алексѣю Ивановичу Корсакову. При продажѣ, послѣ его смерти, картинной галереи и собранія рѣдкихъ вещей, табакерка эта была изъята изъ продажи и хранилась у его сына штабсъ-капитана гвардіи Николая Алексѣевича, который въ завѣщаніи своемъ высказалъ желаніе, чтобы дѣти его, изъ уваженія къ генію великаго преобразователя, хранили ее, какъ святыню, и не передавали въ частныя руки. Дѣти его, изъ боязни потерять эту рѣдкость, принесли ее въ даръ въ 1856 году полтавскому корпусу.

Въ иконостасѣ церкви есть образъ царицы Александры, писанный Тарасомъ Шевченкомъ въ бытность его ученикомъ академіи художествъ²⁾.

¹⁾ Д. С. Старосельскій, начальникъ горскаго управленія, бакинскій губернаторъ и, наконецъ, начальникъ главнаго управленія намѣстника Кавказа, основатель «Бакинскія Извѣстія», татарскую газету «Акинчи» (Шахаръ) и собралъ матерьялы о бытѣ кавказскихъ горцевъ. («Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ». Тифлисъ).

²⁾ «Древняя и Новая Россія». 1875. Т. II. № 6, стр. 193.

V.

Торговля и промышленность Полтавы.—Чехи-сукнодѣлы.—За городомъ.—Дворянскія гнѣзда: Павленки, Яковцы, Тарновцы.—Тѣвъ М. И. Глиники.—Шведская могила.—На историческомъ мѣстѣ.—Три объѣта.—Что есть.—Кладбище шведовъ.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи Полтава не на высотѣ; крупныя фабрично-заводскія предпріятія наперечетъ; проведеніе Кіево-Полтавской желѣзной дороги вызвало къ жизни три мукомольныхъ мельницы и, можетъ быть, двѣ табачныхъ фабрики, вырабатывающія столь удивительную махорку, какой не могъ предвидѣть и самъ Жанъ Никоть¹⁾. Имѣетъ значеніе Ильинская ярмарка, но далеко уже не прежнее. Она переведена сюда изъ Роменъ въ 1852 году, при послѣднемъ генераль-губернаторѣ Сергѣѣ Александровичѣ Кокоскинѣ (1846—1856 гг.). Въ Ромнахъ она существовала издавна, но при генераль-губернаторѣ кн. Н. А. Долгорукомъ, въ 1843 г., поднять былъ вопросъ о переводѣ ея въ Полтаву. Роменцы всячески отстаивали свою ярмарку, ходатайствовали въ Петербургѣ, пустили въ ходъ всѣ связи окружныхъ помѣщиковъ и добились того, что переводъ ярмарки былъ отложенъ до постройки шоссе отъ Харькова до Полтавы»²⁾. Бездорожьемъ Русь и тогда славилась! На сторонѣ роменцевъ былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Тогда Кокоскинъ, бывший въ то время въ Петербургѣ, упалъ передъ государемъ Николаемъ Павловичемъ на колѣни и сказалъ: «Ваше величество, мнѣ нельзя возвращаться во ввѣренныя мнѣ губерніи, потому что, выѣзжая, я обѣщаль перевести ярмарку въ этомъ же году» (т. е. въ 1852). Государь сказалъ: «Встань, старикъ, поѣзжай въ свои губерніи, ярмарка будетъ переведена». Наслѣдникъ цесаревичъ видѣлъ Кокоскина, выходящаго изъ кабинета государя, и самъ вошелъ туда. Когда онъ узналъ, о чемъ просилъ Кокоскинъ, то сталъ просить государя за Ромны. Но государь сказалъ: «Оставь старика. Стоитъ ли изъ-за этого волноваться». Полвѣка назадъ Ильинская ярмарка, по оборотамъ своимъ, была изъ первыхъ ярмарокъ въ Россіи. Желѣзныя дороги уничтожили эту ярмарку. Въ 1852 году на ней продано было товаровъ на 89 милліоновъ рублей слишкомъ³⁾. А въ 1904 году уже меньше чѣмъ на полтора милліона привезено было товаровъ⁴⁾. Въ настоящее время въ спросѣ шерсть да невидѣланная кожи.

¹⁾ Жанъ Никоть, французскій посланникъ въ Португаліи (1560), въ честь котораго Линней далъ родовое названіе табаку (*Nicotiana*).

²⁾ И. Ф. Павловскій, «Полтава въ XIX столѣтіи», вып. III, 92.

³⁾ Павловскій.

⁴⁾ А. Г. Бродскій, «Вся Полтава». 1907.

Съ ярмаркой явился театр; послѣднее зданіе его сгорѣло 15 августа 1897 года.

Обиліе шерсти, вслѣдствіе процвѣтанія овцеводства въ Малороссіи, дало поводъ правительству вызвать суконныхъ фабрикантовъ, главнымъ образомъ чеховъ и саксонцевъ съ эльзасцами. Валять шерсть ихъ привезли въ ноябрѣ 1808 года и поселили въ Полтавѣ. Съ одной стороны, имъ надавали всяческихъ свободъ, денегъ и т. п., но, съ другой стороны, устроили такъ, что сіи «суконныхъ и шерстяныхъ дѣлъ мастера» должны были завидовать медвѣдямъ изъ бернской ямы. Владимирскій губернаторъ и поэтъ, кн. И. М. Долгорукій, побываль у нихъ года черезъ два и описаль «варяжское» житье-бытье: «Въ карточныхъ домикахъ живутъ ткачи и при нихъ поставленъ станъ каждаго. Считаютъ, что какъ постройка сей слободы, такъ и двухъ еще подобныхъ въ Кременчугѣ и Константиноградѣ, т. е. въ Полтавской губерніи, обошлась казнѣ въ 400 тысячъ (всѣхъ нѣмцевъ прибыло 249 душъ обоего пола, или 54 семьи); тамъ, однако, дома рубленые изъ дерева, здѣсь инныя связи обратились въ настояція тюрьмы; окончины (т. е. окна) одинокія и двойныя, обѣ для прочности разъ навсегда вмазаны въ стѣны и не отворяются ни лѣтомъ, ни зимой. Но дышать необходимо: никакая власть въ свѣтѣ лишитъ сего блага природы не можетъ, ниже въ тягчайшихъ узахъ неволи. Что же дѣлають эти бѣдные нѣмцы? Они выламываютъ рамы, выбиваютъ стекла, чтобъ пустить себѣ воздухъ. Стѣны, въ основаніе домовъ поставленныя, такъ прозрачны, какъ рѣшето, и отъ сотрясенія становъ во время работы чувствительно даже, какъ онѣ зыблются и держатся только на угловыхъ столбахъ»¹⁾). Благодаря расовой аккуратности и настойчивости, нѣмцы вплоть до 1867 года, съ перерывами, выламывали рамы и выбивали стекла, пуская себѣ воздухъ, и вольно или невольно доили казну, не принося, однако, существенной пользы своему новому отечеству. Въ названномъ году слобода ихъ «разсыпалась», суконныхъ и шерстяныхъ дѣлъ мастера приписались кто къ полтавскому купечеству, кто къ мѣщанству, построили кирху и, разводя такихъ же, какъ и сами, аккуратныхъ и настойчивыхъ Карловичей и Франзовичей, смѣшались съ хохлами.

Отъ Полтавы до Шведской могилы пять верстѣ. Пролетка катится за чертою Полтавы, навстрѣчу развернувшемуся лѣсамъ, углубляясь въ поля. Жаворонки дружнымъ хоромъ славятъ Творца, дающаго лѣто и сотворившаго землю, на которой столько хлѣбныхъ колосевъ! Лѣса раздвигаются, отступаютъ къ Кобелякамъ, къ Зѣнькову и къ другимъ замѣчательнымъ городамъ, взаимнѣ—ширится зеленый, какъ чалма на головѣ эмира, коверъ. Эти лѣса и

¹⁾ «Славны бубны за горами», стр. 82.

Памятник Петру Великому въ память Полтавской битвы.

поля—принадлежность дворянскихъ гнѣздъ. Здѣсь хутора Павленки и Яковцы и Тарновщина, или Тарновцы, гдѣ, въ первой четверти прошлаго столѣтія, происходили засѣданія членовъ масонской ложи; участвовали В. В. Тарновскій, С. М. Кочубей, С. Л. Алексѣевъ и Лукашевичъ¹⁾. Отъ Тарновскихъ имѣніе перешло къ Маркову, а отъ него къ извѣстному хирургу Н. В. Склифасовскому, который и умеръ здѣсь и погребенъ. Тарновцы стали предметомъ Полтавы. Ихъ лѣсная стѣна изогнулась до Шведской могилы и зашла за нее и дразнить крестьянскій аппетитъ.

Въ этомъ зеленомъ царствѣ, въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ, въ 1838 году гениальный творецъ «Руслана и Людмилы» и «Жизни за Царя» набиралъ пѣвчихъ для придворной капеллы. Что Малороссія славится пѣвцами, объ этомъ можно судить не только по примѣру Алексѣя Разумовскаго. Въ то время полтавскимъ архіереемъ былъ Гедеонъ (Вишневскій), любитель пѣнія. Жилъ онъ въ Переяславѣ, куда и заявили Глинка со спутниками. Для предосторожности и хитрости, они переодѣлись купцами и пошли въ воскресенье слушать архіерейское служеніе; за обѣдней они намѣтили лучшихъ пѣвчихъ и прежде, чѣмъ Гедеонъ схватился, завербовали ихъ. вмѣстѣ съ полтавскими составила группа изъ 20 мальчиковъ.

Показалась Шведская могила. Поворотъ влѣво отъ тарновщинской лѣсной стѣны, и я на историческомъ мѣстѣ.

Наканунѣ Полтавской битвы Петръ Великій, Бор. П. Шереметевъ и князь Б. И. Куракинъ дали обѣтъ, въ случаѣ побѣды, каждому ознаменовать ее добрымъ дѣломъ. Шереметевъ основалъ женскій монастырь въ курской вотчинѣ, на средства Куракина устроена Семеновская богадѣльня, мысль Петра Великаго была воздвигнуть мужской монастырь на полѣ битвы, тамъ, гдѣ надъ полемъ возвышается курганъ. «На мѣстѣ этого кургана на другой день послѣ сраженія рано утромъ начали копать ямы для погребенія павшихъ воиновъ. Въ шесть часовъ утра прибылъ самъ Петръ и при немъ были положены въ одну могилу тѣла офицеровъ, а въ другую—унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Затѣмъ началось отпѣваніе. Самъ государь пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими, и часто пѣніе его прерывалось слезами. По окончаніи отпѣванія, Петръ обратился съ слѣдующими словами къ павшимъ героямъ: «Храбрые воины, за благочестіе, отечество и родъ свои души положили! всѣмъ, яко вѣнцами, вы увѣнчались и у праведнаго подвижника Господа дерзновение имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія, молитвами вашими да возможемъ въ мирѣ прославить Бога

¹⁾ Другая масонская ложа была въ Тагамлыкѣ, имѣніи надв. сов. Новикова († 1826 г.).

и ваши подвиги». Три раза государь поклонился до земли павшимъ воинамъ, и могилы начали засыпать землею»¹⁾. И выросла пирамида земли. Петръ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня». Почти полтора ста лѣтъ курганъ съ крестомъ стоялъ одиноко среди поля. Въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка никто о немъ не позаботился. «Первый, кто вспомнилъ о Шведской могилѣ, былъ князь А. Б. Куракинъ, малороссійскій генераль-губернаторъ, установившій съ 1802 г. ежегодное, наканунѣ дня сраженія, служеніе на могилѣ торжественной панихиды, что свято исполняется до сей поры»²⁾. 15 іюля 1856 года возлѣ Шведской могилы былъ освященъ построенный на средства тайн. сов. І. С. Судіенка храмъ во имя св. Сампсона Страннопріимца, въ день памяти котораго рускіе бились со шведами. Храмъ представлялъ собою византійскій четырехгранникъ, замышленъ О. О. Шарлеманемъ и построенъ былъ такъ непрочно, что сильный вѣтеръ поднималъ крышу. Въ 1890 году проектъ архитектора Никонова расширилъ и видоизмѣнилъ шарлеманевскій замыселъ и отъ прежняго храма остались лишь двѣ-три стѣны. Сосѣди Сампсоніева храма—церковно-приходская школа и Александро-Николаевская учительская семинарія для приготовленія учителей въ церковно-приходскія школы.

Къ обнесенному оградю свѣтло-сѣрому гранитному кресту ведетъ лѣстница, раздѣленная на-двое, гдѣ она начинается. На ея аркѣ: «Сооруженъ въ 1894 году при державѣ благочестивѣйшаго государя императора Александра III распоряженіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, при святительствѣ преосвященнаго Иларіона, епископа полтавскаго и переяславскаго, иждивеніемъ тайнаго совѣтника Іосифа Степановича Судіенко, оставившаго денежный капиталъ на увѣковѣченіе великаго событія спасительной Полтавской побѣды. Исполненъ въ Петербургѣ по проекту и наблюденіемъ архитектора П. Никонова, мастеромъ А. Бариновымъ». Высота памятника вмѣстѣ съ подножіемъ 10³/₄ аршина. Вверху холма, на гранитной площадкѣ высится трехсаженный крестъ; на немъ надпись съ западной стороны: «Воины благочестивіи за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія». А на восточной сторонѣ: «погребены бригадиръ Фелегеймъ, полковники Нечаевъ и Ловъ, подполковникъ Козловъ, майоры Кропотовъ, Ерстъ и Гельтъ, оберъ-офицеровъ сорокъ пять, капраловъ и рядовыхъ тысяча двѣсти девяносто три. Всего погребено 1345 человекъ».

Внутри кургана пріютилась въ полумракѣ церковь.

¹⁾ и ²⁾ «Битва подъ Полтавой и ея памятники».

Памятникъ былъ освященъ при торжественной обстановкѣ 11 сентября 1895 года и не много лѣтъ прошло, уже понадобилось его переустроить, такъ какъ онъ сталъ осѣдать и накреняться на одну сторону, а «курганъ въ послѣднее время оползаетъ»¹⁾).

Въ двухъ верстахъ отъ Шведской могилы, въ Побиванкѣ, три сиротливыхъ холма напоминаютъ о погребенныхъ здѣсь 13281 шведскомъ воинѣ. Тишина, нѣмая, глубокая и, если хотите, тяжелая, сторожитъ это кладбище. Столько тысячъ погибшихъ—это жертва, которую шведскія матери приготовили для искавшаго подвиговъ и приключеній вѣнценоснаго кондотъери. Съ другой стороны, это вѣчное напоминаніе о томъ, что готовилъ Карлъ XII для Россіи. Вѣдь подъ Полтавою произошло не только разрушеніе шведской гегемоніи на сѣверѣ, но, какъ дымъ, разсѣялись надежды лютеранства. Неужели Мазепа, воспѣтый Словацкимъ, которому досталось поэтическое преемство Мицкевича, неужели старикъ-гетманъ звать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ, что Карлъ XII усердно служилъ обѣдни, надвигаясь на южную Россію, и возилъ за собою запасы книжекъ евангелическаго исповѣданія въ переводѣ на славянскій языкъ для раздачи православнымъ и католикамъ?

VI.

Крестовоздвиженскій монастырь. — Простота городскихъ строеній. — Выдающіяся зданія. — Библіотека, музей, театр. — Разрушенная старина. — Полтавская баталія въ живописи. — Окраины.

Итакъ, на Шведской могилѣ нѣтъ монастыря, устройство котораго завѣщено Петромъ; будетъ ли?

Какъ это ни покажется страннымъ, возникновенію монастыря препятствуетъ Крестовоздвиженскій мужской монастырь. Какъ, сама святыня?! Нѣтъ, не святыня, а то, что у иныхъ преосвященныхъ свои взгляды на сущность святынь. Въ самомъ дѣлѣ, когда, наконецъ, послѣ слишкомъ долгой заминки синодальный прокуроръ графъ Н. А. Протасовъ напомнилъ полтавскому архіерею Іереміи, что надо воздвигать на полѣ битвы Петропавловскую обитель, во исполненіе обѣта и завѣта Царя-Преобразователя, то его преосвященство отвѣчалъ: въ Полтавѣ, дескать, красуется уже Крестовоздвиженская обитель, выдающаяся архитектурой колокольни и собора и замѣчательная въ томъ отношеніи, что въ ней подвизались знаменитые Евгеній Булгарисъ и Никифоръ Θεοτοки. Основать Петропавловскій монастырь все равно, что сдѣ-

¹⁾ 16 мая 1907 года Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе всероссійскаго сбора пожертвованій на сооруженіе на мѣстѣ Полтавской побѣды памятника императору Петру I. Для этой цѣли учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ полтавскаго губернатора.

Кадетский корпусъ въ Полтавѣ.

латъ излишнимъ Крестовоздвиженскій. Въ Петербургѣ согласились съ доводами преосвященнаго Іереміи, и императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ оставить дѣло безъ послѣдствій. Такъ крестовоздвиженская архитектура одолѣла Петровскую волю.

Монастырское зодчество превосходитъ зодчество городскихъ церквей и, вообще, на территоріи, превышающей 60 квадратныхъ верстъ, бросающихся въ глаза своей незаурядностью зданій мало. Полтава расплзается, хотя дома и медленно растутъ; квартирный вопросъ—это больное мѣсто; квартиры дороги и «лишены элементарнѣйшихъ удобствъ». Обиліе зелени восполняетъ недостающее въ зодествѣ.

Старина, касающаяся Полтавской баталіи, затерялась въ прошломъ. Трудно уже представить себѣ диспозиціонную картину битвы. За два столѣтія все заросло, обстроилось, измѣнилось. Старая Полтава лѣпилась, прикрытая валомъ и рвомъ, тамъ, гдѣ соборъ, Панянская гора и храмъ святителя Николая. Уголокъ нынѣшней Полтавы.

Полтавскій замокъ, или то, что собственно называлось городомъ, расположенъ былъ на взгорьѣ. Со стороны обрывовъ, надъ побережьемъ Ворсклы, крѣпость была совершенно недоступна и безъ окоповъ. Въ такомъ видѣ она существовала до XIX вѣка, когда была срыта, именно въ 1817 году. Ждали пріѣзда императора Александра Благословеннаго и срыли всѣ укрѣпленія, оставшіяся послѣ осады Полтавы шведами, чтобы получить выговоръ. За предѣлами крѣпости начиналась пустыня. На мѣстѣ, гдѣ теперь кадетскій корпусъ, передъ боемъ русская армія видѣла шведскіе редуты. Теперь—это центръ города, головной его мозгъ. Еще Екатерина Великая, пріѣхавшая въ Полтаву 7-го іюня 1787 года, въ сопровожденіи Суворова, Потемкина, Кутузова, принца де-Линя, австрійскаго посла, графа Сегюра, французскаго посла, и другихъ, осматривала редуты и присутствовала на маневрахъ: Полтавское сраженіе. «Оно явилось передъ нами,—вспоминаетъ Сегюръ,—въ живой, движущейся, одушевленной картинѣ, близкой къ дѣйствительности. Русская армія раздѣлилась на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла русскіе окопы, другая—шведскіе редуты. По распоряженіямъ Потемкина, чрезвычайно согласно, отчетливо и скоро передъ взорами царицы произведены были нынѣ всѣ тѣ маневры, какіе могли изобразить намъ подобіе этой рѣшительной битвы. Движеніе впередъ кавалеріи, развернувшей фронтъ изъ четырехъ колоннъ, стремительная атака, живой и сильный огонь пѣхоты въ то время, какъ лѣвое крыло вело фальшивую атаку на лѣсъ и обходило правый флангъ непріятели, все это чрезвычайно вѣрно изобразило сраженіе». Черезъ какихъ-нибудь 30 лѣтъ не стало редутовъ и крѣпости, какъ нѣтъ и триумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ къ пріѣзду императрицы; оста-

Шведская могила.

лась жалость по утраченномъ и она подымается со дна души, какъ подымается и скорбь при видѣ холма у Ворсклы. Этотъ холмъ-могила защитниковъ Полтавы-крѣпости и кладбище для утопленниковъ... По описанію 1799 года, Полтава тогда дѣлилась на семь частей или кварталовъ. Въ первой части заключалась крѣпость и видѣлись бастіоны, распредѣленные такимъ образомъ: одинъ бастіонъ былъ близъ нынѣшняго кафедральнаго собора, другой — немного лѣвѣе, а третій — тамъ, гдѣ такъ называемый «раскатъ». Между нимъ и вторымъ бастіономъ была укрѣпленная башня и вѣздъ въ городъ; башня и вѣздъ назывались Сампсоніевскими. Четвертый бастіонъ былъ на Петровской площади; здѣсь вѣздъ въ городъ и башня назывались Мазуровскими. Пятый бастіонъ былъ, гдѣ нынѣ Николаевская церковь; самая церковь была въ бастіонѣ ¹⁾.

Земляной валъ, частоколъ и башни нисколько не портили полтавскаго фона, потому что Полтава, «въ моментъ открытія губерніи, была небольшимъ городкомъ, похожимъ больше на большую деревню, чѣмъ на городъ. При вѣздѣ въ городъ было немало вѣтряныхъ мельницъ. Центръ города и лучшая его часть была около Спасскаго храма, гдѣ былъ гостинный дворъ и лавки. Вокругъ Полтавы немало было разбросано поселковъ, хуторовъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города. Въ Полтавѣ въ то время было 7975 жителей. Замѣчательно, что еврей былъ только одинъ, а иностранцевъ совсѣмъ не было». (Павловскій).

Да и когда исчезло послѣднее напоминаніе объ укрѣпленіяхъ, Полтава все еще купалась въ «беззатѣйной простотѣ». Освѣщалась только въ праздничные и табельные дни, потому что добрые люди умѣли и въ потемкахъ находить дома, гдѣ ихъ ждали играть въ бостонъ, вистъ или курочку (банчокъ). По немощнымъ улицамъ бродилъ скотъ, рылись въ песокъ свиньи и стаи собакъ.

Вотъ чѣмъ довольно богатъ городъ — произведеніями искусства, изображающими Полтавскую битву и Петра Великаго. Въ кадетскомъ корпусѣ, кромѣ картины В. К. Шебуева «Петръ Великій въ Полтавской битвѣ», за которую онъ получилъ званіе академика, есть портретъ царя, приписываемый знаменитому портретисту, современнику Петра Великаго, Николаю Ларжильеру. Можно думать, что этотъ портретъ очень удался мастеру и по-своему не уступаетъ портрету, находящемуся въ митрополичьихъ покояхъ Саввина монастыря близъ Кастельнуово, въ Далмаціи; П. А. Ровинскій говорилъ мнѣ въ Цетиньѣ, что лучше саввино-монастырскаго изображенія Петра онъ не знаетъ. (Князь Д. П. Голицынъ-Муравлинъ переснялъ его для своего сочиненія «У синя моря»). И шебуевская картина и ларжильеровскій портретъ дары госу-

¹⁾ «Полтава въ началѣ XIX столѣтія», I, 19.

Крестоводвиженскій монастирьъ близьъ Полтавы.

даря Николая Павловича. Въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ сохранилась картина, на которой царь представленъ на бѣломъ конѣ, съ мечомъ; шведы отдаютъ ему свои шпаги; знамена сложились передъ побѣдителемъ. Подписано:

Се образъ начертанъ премудраго героя,
что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
къ утѣхи россовъ всѣхъ: но кто онъ былъ таковъ
гласить народъ и флотъ, художества и войски,
гражданскіе труды и подвиги геройски.

Въ Воскресенской церкви, на Александровской улицѣ, имѣется гравюра на мѣди «Полтавская битва», Патрикаея Балабина (род. 1734 года), поясненная В. Г. Рубаномъ, писателемъ и издателемъ и почитателемъ великаго Петра.

Полтавской брани видъ являетъ сой металлъ,
Какъ въ день Сампсоновъ Карлъ, сраженъ Петромъ, низпалъ;
Сямъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало русской славы... и т. д.

Наконецъ, городъ Полтава владѣеть картиною (XVIII столѣтія), на которой Петръ сидитъ на конѣ, конь попираетъ ногами «свѣйскаго вмія», а ангель трубитъ царю славу, вѣнчая его, вмѣстѣ съ тѣмъ, лавровымъ вѣнкомъ; тутъ же пылаетъ битва... «гнутся шведы»...

Собравши на горѣ всѣ свои достопримѣчательности, сады, зданія, церкви, Полтава съ высотъ озираетъ окрестности, такія живописныя и ласкающія взоръ. Какъ вѣрный сторожъ, на противоположной горѣ за версту, стоитъ Крестовоздвиженскій монастырь, подбросившій въ поднебесье свою колокольню, такъ что она издали видна. Пріятенъ лѣтнимъ вечеромъ монастырскій благовѣстъ, волны котораго наплываютъ на городъ и дробятся на окраинахъ, въ ложбинахъ и оврагахъ, среди позелени, среди незатѣйливыхъ домиковъ. Тамъ-то щебечуть птицы, тамъ слышится пѣснь украинская, то удалая, какъ Запорожье, то щемящая душу, какъ само горе-лихо.

Смотрю кругомъ и дивлюся: картузы и куцы да кургузые пиджаки... точно на столичной окраинѣ возлѣ фабрикъ и заводовъ я. На женщинахъ корсетки, женщины въ одеждѣ, которую глазъ привыкъ и видѣть и любить въ рамкѣ малорусской сцены, но куда дѣвается, гдѣ онъ — живописный костюмъ парубковъ? Картузы, «спинжаки»... Отвѣчаетъ шопотомъ бѣлая хатка: «Москва научила носить». Москва научила... то-то властная старуха!

Позамолквулъ щекоть соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся..

VII.

Отъ Полтавы до Кременчуга. — Кременчугъ. — Сто лѣтъ назадъ. — Днѣпровское пароходство. — Евреи-путешественники.

Отъ Полтавы до Кременчуга поѣздъ везетъ немного болѣе трехъ часовъ. Кто въ Кременчугѣ не бывалъ, тотъ пыли не видалъ. Почтенный уѣздный городъ купается въ ней, хотя раскинулся при Днѣпрѣ и могъ бы посылать своихъ жителей полоскаться въ купели Руси. Вотъ городъ, который, какъ построенный на пескѣ, разрушилъ общее мнѣніе, что на пескѣ, дескать, строить нельзя. Въ окружности, охватывающей слишкомъ 23 версты, пролегли 30 болѣе или менѣе прямыхъ и широкихъ улицъ, которыя во многихъ случаяхъ упираются въ площади. За отсутствіемъ гранитныхъ или бронзовыхъ памятниковъ на этихъ площадяхъ стоятъ городове, козыряютъ однимъ, покрикиваютъ на другихъ.

Обозрѣвая современный Кременчугъ, вы видите, что освѣщается онъ электричествомъ, обзавелся телефономъ и что линія электрическаго трамвая изрѣзала большинство улицъ. Становится яснымъ, что городъ этотъ не какой-нибудь замухрышка, а населенъ требовательными, склонными къ комфорту европейцами. Обращаетесь къ статистикѣ, и она говоритъ вамъ, что въ Кременчугѣ болѣе 68 тысячъ жителей; «преобладаютъ евреи». Такъ вотъ кто надѣлъ на хохлацкій Кременчугъ «европейскій костюмъ»! Одинъ еврей это муха, отъ которой ничего не стоитъ отмахнуться, но когда муха дѣйствуетъ единодушно, тогда, по выраженію знаменитаго англичанина Свифта, онѣ стаскиваютъ человѣка съ мѣста. Сто лѣтъ тому назадъ (1804 году) всѣхъ жителей въ Кременчугѣ было 7228 человѣкъ, причемъ евреевъ—533; только 40 человѣкъ изъ нихъ коптѣли въ мастерскихъ, какъ ремесленники, всѣ же остальные занимались торговлею, чѣмъ они занимаются и теперь.

Быть Кременчугу торгово-промышленнымъ городомъ велѣла сама судьба, прилѣпивъ его къ Днѣпру. Евреи называютъ Кременчугъ «маленькой Одессою», съ чѣмъ нельзя не согласиться, отряхиваясь отъ пыли, но ни одесскихъ зданій, ни бульваровъ, ни гладкой мостовой здѣсь нѣтъ. Въ этомъ отношеніи Кременчугъ весьма бѣденъ. Н. А. Маркевичъ относитъ основаніе Кременчуга къ 1571 г.; 85 лѣтъ спустя онъ уже пышно расцвѣлъ¹⁾. Гетманъ Брюховецкій, одинъ изъ виновниковъ малорусской «Руины», снегъ его. Съ этихъ поръ (1663 г.) до 1802 года, когда его причислили къ Полтавской губерніи, Кременчугу доводилось быть и сотеннымъ мѣстечкомъ и губернскимъ городомъ юной Новороссіи. Великолѣпный Потемкинъ построилъ здѣсь пышный дворецъ для себя, но отъ дворца

¹⁾ См. Г. Бопланъ, «Описаніе Украйны», переводъ и изданіе Н. Устрялова.

ничего не осталось, или—показываютъ что-то въ родѣ фундамента. На что памятники старины или достопримѣчательности торговому городу? Ему нужны банки, чтобы хорошенько грѣшить, и храмы и синагоги, чтобы замаливать грѣхи. Такимъ образомъ, въ Кременчугѣ полдюжины кредитныхъ учрежденій и четыре (съ кладбищенскимъ) православныхъ храма, столько же единовѣрческихъ, двѣ кирки, синагога и 8 молитвенныхъ домовъ еврейскихъ. Конечно, есть и коммерческое училище, не говоря о другихъ. Машиностроительные и чугуно-литейные заводы, табачныя фабрики, лѣсопильные заводы и мукомольныя мельницы—вотъ слова, которыя склоняются по всѣмъ падежамъ, днемъ и въ лунныя ночи, когда поютъ соловьи и воютъ дворняги на цѣпи. И за ничтожнымъ исключеніемъ, или даже безъ всякаго исключенія, фабрично-заводскія предпріятія составляютъ собственность евреевъ, которые ежегодно оборачиваютъ отъ 6 до 10 милліоновъ.

Кременчугъ расположенъ на лѣвомъ берегу Днѣпра; напротивъ, на правомъ раскинулся посадъ Крюковъ. Мнѣ надо было проѣхать къ пристани: Кременчугъ представился мнѣ почти весь. Было утро, но онъ уже хлопоталъ, суетился и припахивалъ чеснокомъ и лукомъ. На базарѣ торговли, сплошь еврейки, уже однѣ подсчитывали приходъ, а другія заканчивали жаркую словесную баталію. Около трехъ верстъ до пристаней отъ вокзала Харьковско-Николаевской желѣзной дороги. На пристани начинается обычно-отечественный разговоръ:

— Когда пароходъ отправляется въ сторону Кіева?

— По расписанію—вечеромъ въ одиннадцать.

— Хорошо-съ. Это по расписанію въ 11. А на самомъ дѣлѣ?

— Когда придетъ изъ Екатеринослава.

— Хорошо-съ, а когда онъ придетъ изъ Екатеринослава, чтобы мнѣ не опоздать пріѣхать на пристань?

— А кто знаетъ, когда! Какъ придетъ, такъ и придетъ! Эй, чортово рыло, куда ты тамъ прешь? Не видишь: «входъ постороннимъ воспрещается»? Распустилъ уши-то! «Мы неграмотны»... Козель-чортъ!

Я отступаю, чтобы не мѣшать разыграться новой сценѣ; я, конечно, удовлетворенъ; смотрю на часы—есть время ближе познакомиться съ Кременчугомъ и съ пароходствомъ.

Вечеромъ, когда мнѣ надо было ѣхать, шелъ «Геркулесъ». Онъ опоздалъ приходомъ въ Кременчугъ на полтора часа: наши срочные пароходы не подчиняются сроку, а плаваютъ, какъ Богъ на душу положить. Кто ставитъ это имъ на видъ, тому отвѣчаютъ: «А на берегъ не желаете? будете разговаривать, такъ—высадимъ, сдѣлайте одолженіе». И россіянину перестаетъ «разговаривать». Днѣпровскіе пароходы—это не волжскіе левиаѳаны: они гораздо меньше «американцевъ», плавающихъ по Волгѣ и Камѣ, и близки

Воскресенская церковь въ Полтавѣ.

къ донскимъ «пѣнителѣмъ водъ». Люди съ повышенной брезгливостью могутъ здѣсь ѣздить только въ первомъ классѣ, такъ какъ во второмъ помѣщаются евреи, которые, можетъ быть, и слышали про «Хорошій тонъ», но не удосужились его прочесть. Это не туристы, потому что какой же еврей, если онъ не банкиръ, станетъ путешествовать? Это, на языкѣ волжанъ,—«мартышки», приказчики хлѣбныхъ торговцевъ, рыскающіе по житницамъ юга и ловко скользящіе между правиломъ «не зѣвай» и 173 статью уложенія о наказаніяхъ. Хлѣбная торговля въ южной Россіи сосредоточена въ еврейскихъ рукахъ: въ городахъ первогильдейскія фирмы, въ селахъ и мѣстечкахъ—лавочники, которые, осѣдлавъ крестьянъ, называютъ ихъ нѣжно «мужички». Днѣпровскіе Колупаевы и ихъ мартышки чутко прислушиваются ко всему; назойливы, наглы и въ то же время лакействуютъ передъ вами.

VIII.

Съ пароходной палубы.—Крестьяне.—Черкасы.—Сѣкирна.—Мошны.—Князь М. С. Воронцовъ.—Святославова башня.—Тарасова могила; вскользь о Шевченкѣ.—Родина его.—Княжья гора.—Каневъ.

Извѣстно, что величайшіе рѣчные бассейны Европы находятся въ восточной части материка. Днѣпръ, орошающій 9 губерній и имѣющій 2117 верстъ длины, занимаетъ среди этихъ бассейновъ третье мѣсто (послѣ Волги и Дуная). Царственно-широкій подъ Екатеринославомъ въ обычное время, онъ, какъ море, разлился, разметался теперь и здѣсь; взоръ теряется среди этой трепетной, вздымающейся или замирающей пустыни, захватившей деревни и лѣса и погрузившей ихъ въ извивы холодныхъ водъ. Два духа: творческій духъ и духъ разрушенія, вступили въ борьбу, и свѣтлый духъ уступилъ мрачному, но только на время. Уже всплыли надъ водою острова, и подмытыя хаты, полуразрушенныя млины (мельницы) и сгорбленныя деревья съ поломанными вѣтвями говорятъ, что мрачный духъ отлетѣлъ, дѣло за творческимъ духомъ. Кое-гдѣ по островамъ уже пасутся овечьи отары подъ присмотромъ голенастыхъ чепуръ, которыя степенно охаживаютъ ихъ, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ изученіемъ мѣстныхъ рыбъ и ихъ вкусовыхъ свойствъ. Все купается въ золотомъ солнечномъ свѣтѣ: небо, вода, острова и плавни; неожиданно, какъ, бывало, запорожцы, изъ плавней вылетаютъ стайки нарядныхъ кряковыхъ утокъ и летятъ куда-то наперерѣзъ теченію; долго видятся, будто мигающіе глаза, взмахи крыльевъ. Уже вышли рыбалки на ловъ. Ползутъ плоты. Скользятъ по рѣчнымъ извивамъ буксирные пароходы съ грузомъ. Какъ спесь, пройдетъ нагруженная берлина, покажется болѣе, чѣмъ она, внушительный гончакъ, такъ сказать, китъ среди грузовыхъ

судовъ; отъ поры до времени встрѣчаются юркія лайбы. На Днѣпрѣ жизнь. И народъ на судахъ торопливый, подвижной, дѣятельный. Какъ онъ непохожъ на моихъ спутниковъ, палубныхъ пассажировъ, хотя всѣ эти крестьяне и крестьянки не изъ тѣхъ ли самыхъ муравейниковъ, откуда и матросы, и плотовщики, и бурлаки? И на тѣхъ судахъ видится «грязное тѣло и едва прикрытая грудь» мужицкая. Лица загорѣлыя, худощавыя, но тамъ есть задоръ труда и, очевидно, броженіе дрожжей, называющихся жизнедѣятельностью, тогда какъ здѣсь, на палубѣ, какое уныніе наводятъ эти вялые люди, лѣниво жующіе черствый хлѣбъ, какъ бы неохотно, но въ силу необходимости, запивающіе его водою, сдабривающіе ѣду и питье зеленымъ лукомъ! Страшный отпечатокъ робы или запуганности, или, какъ говорилъ Филаретъ московскій, затасканности по буднямъ, лежитъ на сѣроватыхъ, преждевременно состарѣвшихся лицахъ, и какъ все это рѣзко выдѣляется на фонѣ великолѣпной украинской природы, гдѣ ярче, чѣмъ на сѣверѣ, солнечные лучи, плодоносиѣ земля, гдѣ рѣки обильны рыбою и много простора! Не странно ли, что человѣкъ стремится подчинить себѣ воздухъ, «седьмое небо», когда безсиленъ царить на землѣ, которая именно отдана во власть ему, лишенному крыльевъ? Худоба малорусскихъ крестьянъ рѣзко бросается въ глаза; ясно, что не красно живутъ; и пріодѣлись бы лучше: вѣдь на богомолье ѣдутъ въ Кіевъ и Черниговъ; и не стали бы спорить до слезъ съ буфетчикомъ изъ-за таксы на кипятокъ.

Проѣхали Новогеоргиевскъ (прежній Крыловъ) съ его песчаниковыми и гранитными каменоломнями; Градижскъ съ обильными залежами фаянсовой глины, Бужинъ, памятный кровопролитными сѣчами: здѣсь Самойловичъ съ Ромодановскимъ разбили на голову стотысячную турецкую армію подъ командою Кара-Мустафы, а Юрій Хмѣльницкій бился съ русскими.

Надвигаются на насъ торгово-промышленныя Черкасы. Ихъ, нѣкогда служившихъ столицею казачеству, Кременчугъ считаетъ своимъ соперникомъ. И не даромъ! Неказистый городъ, разсыпавшійся на холмахъ, ведетъ значительную торговлю табакомъ и сахаромъ, пшеницей и гвоздями, мукою и лѣсомъ. Обороты его миллионные, и туземные патриоты искренно убѣждены, что поѣзда и грузовыя суда испытываютъ своеобразную радость, завидя взобравшіяся на гору Черкасы. Онѣ неопрятны и напоминаютъ собою какой-то винегретъ: рядомъ съ щеголеватыми домами—мазанки; домашнія животныя роются тамъ, гдѣ гуляютъ первыя красавицы; пыль чередуется съ грязью; соломенная крыша—съ желѣзною.

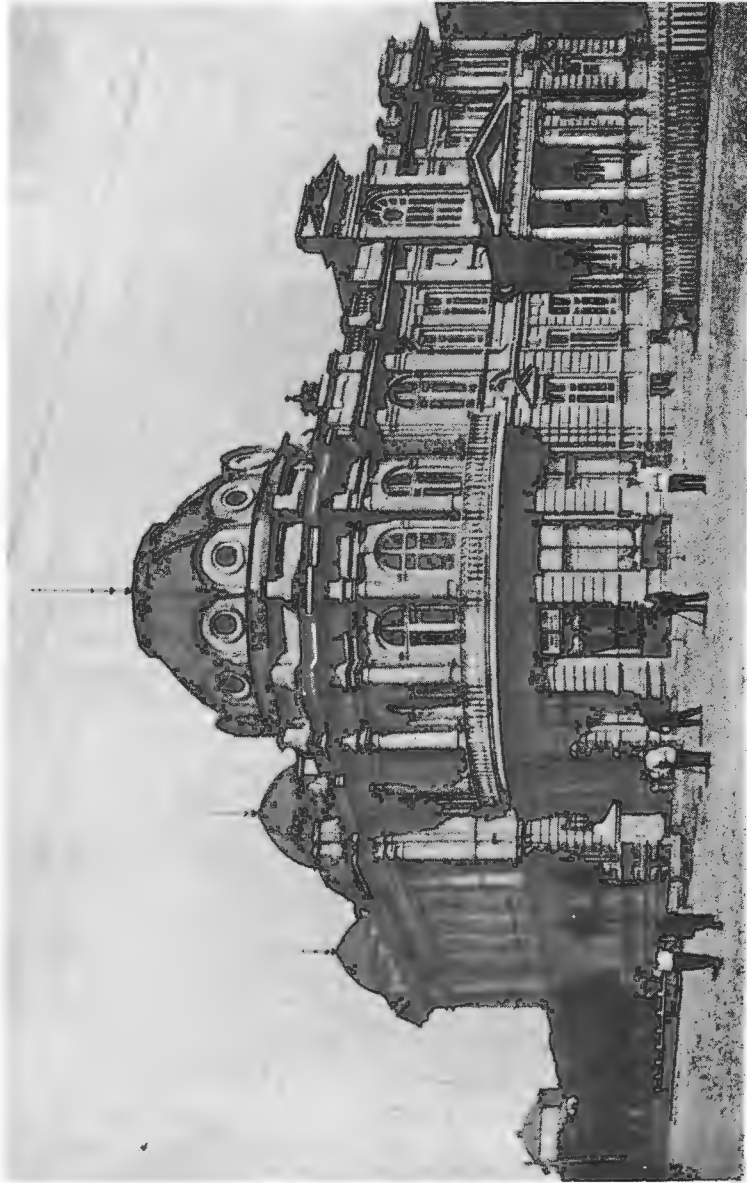
Черезъ двадцать верстъ Сѣкирна и, какъ необходимое добавленіе къ ней, Мошны. Сѣкирна и Мошны хранятъ память объ одной изъ наиболѣе яркихъ личностей первой половины минув-

шаго вѣка—свѣтлѣйшемъ князѣ М. С. Воронцовѣ. Въ бытность свою генераль-губернаторомъ Новороссійскаго края и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области (1823—44 г.г.) онъ такъ же много, неустанно и плодотворно трудился, какъ и на Кавказѣ, назначенный намѣстникомъ и главнокомандующимъ кавказскихъ войскъ. Сѣкирна и Мошны были свидѣтелями воронцовскихъ думъ и колыбелью, гдѣ возрастали княжескія желанія. Бѣлый, какъ голубь, дворецъ глядится съ нагорья, собравъ сокровища искусствъ и сдавивъ въ своихъ стѣнахъ возвышенный полетъ богатѣйшей фантазіи. Отъ него развертывается великолѣпная панорама, какую могутъ создать, только соединившись: земля, небо, вода и лѣсъ. Такое творчество можетъ усыпить человѣческую мысль, чаще всего отдаетъ восхищеннаго имъ, этимъ творчествомъ, человѣка сладкому ничегонедѣланію, но князь Воронцовъ былъ человѣкъ иного склада; человѣкъ-трудъ, человѣкъ—двигатель труда, какъ главнаго устоя жизни. Такимъ образомъ, онъ соорудилъ здѣсь прекрасную готическую церковь въ честь Преображенія Господня и учредилъ пароходство.

Первый пароходъ (для тяги барокъ) былъ построенъ въ Мошнахъ въ 1823 году; въ теченіе двухъ лѣтъ онъ ходилъ на участкѣ Кіевъ—Екатеринославъ, а потомъ перебрался за пороги и сталъ обслуживать мѣста отъ Николаева до Херсона. Такимъ образомъ, первый—воронцовскій—пароходъ на Днѣпрѣ появился пятью годами позже перваго—евреиновскаго—парохода на Волгѣ. Старики-малороссы, со словъ отцовъ, рассказывали мнѣ, какъ народъ толпами сопровождалъ такое невиданное чудовище и боялся его, и считалъ работою дьявола. Простодушнымъ хохламъ казалось, что грѣшно и возить товаръ съ этакой пекельной мудраціей (адской причудою)! Иные даже спрашивали кіевскихъ монаховъ: не грѣшно ли смотрѣть ужъ на мудрацію? Можетъ быть, это огорчаетъ Бога со святыми? И какъ была рада народная темнота, когда пароходъ ушелъ за пороги и не возвратился оттуда!

Въ гущинѣ лѣсной затаился древній мошногогорско-вознесенскій монастырь, но вся на виду такъ называемая Святославова башня, и она величаво несетъ къ небу свои готическія очертанія. Изъ стеклянной комнаты на 27-саженной высотѣ открываются дали, причемъ отсюда начинаются разнообразныя красоты днѣпровскихъ береговъ. Природа торопливо набрасываетъ картины одна привлекательнѣе другой и ставитъ ихъ передъ вами: любуйтесь вдосталь! Почему башня называется Святославовою, я не знаю. Но что строилъ ее тотъ же князь Воронцовъ,—знаю.

Пароходъ, напутствуемый «Святославомъ», идетъ дальше. Мы отплываемъ. «Геркулесъ» нашъ, вмѣсто того, чтобы скорѣе довести до «Тарасовой могилы» и показать крестъ-памятникъ Шевченку, вдругъ останавливается. Это уже во второй разъ отъ Кре-

Городская библиотека и музей въ Полтавѣ.

менчуга. На вопросы пассажировъ: почему остановка вдали отъ пристаней?—пароходное начальство молчитъ. Тревога закрадывается въ казацкія души. «Нѣтъ, почему мы стали?»—«Потому что не идемъ!»—«А почему мы не идемъ?»—«Потому что сейчасъ пойдёмъ!» Впрочемъ, недоумѣніе объясняется: «Геркулесъ» отвертѣлъ одно колесо и телерь окончательно поползетъ съ помощью второго.

— Это не «Геркулесъ», а свинья откормленная!—отпускаетъ насчетъ инвалида пожилой крестьянинъ и обращается ко мнѣ съ вопросомъ, указывая на растущія горы:—А что, скажите, пожалуйста, это не могилы богатырей?

— Нѣтъ

Онъ хмуритъ брови и все вглядывается въ дали; вдумчивый взоръ его теряется въ окрестномъ просторѣ, но по движенію мускуловъ на его лицѣ замѣтно, что шевелится что-то, какая-то безпокойная мысль въ крестьянскомъ мозгу и берeditъ душу. Любопытство меня взяло.—Вы,—говорю,—хотите видѣть богатырскія могилы? Онъ встрепенулся, какъ соколъ, и обрадованный уже только моимъ вопросомъ, торопливо, съ удареніемъ отвѣчалъ: «Дуже хочется!» И, благо мы стояли на кормѣ у борта одни, сталъ говорить страстно. Изливалась чистая мужицкая душа, истосковавшаяся въ эту очень ужъ долгую лихую годину по богатырямъ. Мелочь и мелкота кругомъ да около; горя накопилось на свято-русской землѣ столько, что имъ, вишь, небо подпирается. Кто жъ развѣетъ великое горе? Кто же укажетъ намъ дверь въ свѣтлую жизнь? Никто, кромѣ богатырей. Дѣды и отцы сказывали, что богатыри не перемерли, а только поснули въ курганахъ до перваго зова. Забыли мы богатырскія могилы. Гдѣ онѣ? не знаемъ. А дѣды и отцы учили: какъ, молъ, придется туго—тяжко свято-русской землѣ, тогда надо будетъ всему міру православному воззвать къ спящимъ богатырямъ. Вотъ такъ пойти по ихъ могиламъ, стать на колѣни, лицомъ къ восходу солнышка, и взмолиться всѣмъ міромъ: «Гей, заступнички вы наши, богатыри родимые! тяжко стало намъ жить на отчей землѣ; возстаньте—посмотрите: горемъ великимъ нашимъ небеса, вишь, подпираются!» Какъ услышатъ богатыри про русское горе, отзовутся изъ кургановъ: «Гей, подымаемся!» И, стряхнувъ съ себя курганы, заступники развѣютъ по вѣтру великое горе отчей земли. И всѣмъ свѣтло, и тепло, и красно станетъ на ней всему христіанскому обществу. А безъ богатырей горя не избыть намъ... гдѣ самимъ избыть!

О, какъ вдохновенно звучалъ рассказъ этого сутулаго мужика! Какимъ восторгомъ горѣли его сѣрые, узковатые глаза! Это не было тѣмъ, что душа, переполненная страданіемъ, тоскою и жаждою великаго, сѣшила отдать избытокъ страданія, тоски и

жажды первому встрѣчному и тѣмъ хотя немного облегчить себя; нѣтъ, эта глубокая, чистая и красивая душа не разставалась со своими накопленіями; просто-напросто она не захотѣла или, можетъ быть, не могла ихъ скрыть, какъ не можетъ скрыть отъ человечества своей яркости большая комета, одинокая плѣнница міровой системы. Когда крестьянинъ кончилъ свой рассказъ, я обѣщалъ ему показать въ Киевской лаврѣ богатырскую могилу точнѣе—гробъ. И опять онъ встрепенулся, какъ соколъ, и снова радость засвѣтилась на его лицѣ.

— А то жъ кому крестъ?—торопливо спросилъ онъ, снимая шапку и крестясь.

— Это Тарасова могила,—сказалъ я.

— Ну?! Тараса Трясилы?!

— Письмѣника Тараса Шевченка.

— А, знаю, знаю...

Мы подплывали къ Шевченковской могилѣ. Множество разъ описанный высокій курганъ и значительный бѣлый крестъ безмолвно встрѣчали нашего инвалида. Накренясь на бокъ, подобно ненадежной бричкѣ, «Геркулесъ» обогнулъ не спѣша могилу поэта, и всѣ, сколько ни было на верхней палубѣ, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Послышались отрывки изъ Тарасовыхъ сочиненій: читала наизусть крестьянская молодежь. Могила знаменитаго кобзаря производитъ впечатлѣніе. Художникъ Г. Н. Честаховскій удачно выбралъ мѣсто. Съ кургана видны «и поля, и Днѣпръ, и берегъ, дальній и зыбучій», и слышно, «какъ реветъ могучій». Крестъ на курганѣ поставленъ въ 1885 году, причемъ постановка происходила въ присутствіи лишь немногихъ, такъ сказать, официальныхъ лицъ да нѣсколькихъ рыбаковъ и гончаровъ. Послѣ установки креста «щиро помолылись за душу великого покойника; выпылы купно по добрій чарцы оковытгои (водка), попойли мудрого кулишу и розійшлыся, кому куды шляхъ. У ночи жъ бувъ невеликій дощыкъ,—само небо посвятыло дорогой монументъ. Зъ того часу на могыли трава зеленіе».

Въ 1904 году было высчитано, что изданіе сочиненій Шевченка достигло къ тому времени полумилліона экземпляровъ. Очень извѣстный въ Малороссіи «Кобзарь» гораздо менѣе распространенъ въ Новороссіи. Украина даже окружила уже образъ своего пѣвца легендою. Говорятъ, что Тарасъ «является людямъ трижды въ день: рано мальчикомъ, въ полдень взрослымъ, а вечеромъ дѣдомъ».

Шевченко родился въ селѣ Кирилловкѣ, Звенигородскаго уѣзда (какъ онъ самъ писалъ одному изъ редакторовъ «Народнаго Чтенія»), и росъ въ Кирилловкѣ, которая въ память его построила лечебницу. Тамъ еще показываютъ хату, въ которой, будто бы, онъ жилъ, и дубъ, подъ сѣнью котораго въ юношѣ клокотало

поэтическое чувство. «И вотъ стоитъ предо мною бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшей соломенной крышею и чернымъ дымаремъ, а около хаты, на причилку (на углу) яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ; у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою стоитъ клуня (хлѣбный сарай), окруженная стогами жита, пшеницы и всякаго хлѣба; а за клунею по косогору пойдетъ уже садъ, да какой садъ!.. А за садомъ левада (бакша, сѣнокосное мѣсто), за левадою долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темнозелеными лопухами...» Такова кирилловская идиллія; таковъ уголокъ Шевченковской колыбели. Это красивѣе и привлекательнѣе самой Звенигородки, гдѣ два ряда домишекъ и вонючій базаръ составляютъ не болѣе, не менѣе, какъ проспектъ, а горсть слабосильныхъ деревьевъ — «скверъ», во всѣхъ отношеніяхъ скверный. И городишка унылый, захудалый. Такой развалинѣ гдѣ ужъ думать о Шевченкахъ! Звенигородка лишь краешкомъ уха слышала о Шевченкѣ и слышанное давно забыла. Здѣсь о немъ никакихъ воспоминаній, ни малѣйшаго намека на знаменитое имя. Развѣ вотъ тоже дубъ... есть одинъ... по преданію, писалъ подъ нимъ кобзарь. Немного!

Близъ могилы Шевченка находится извѣстная археологамъ Княжья гора; изъ пѣдръ ея добыто много достопамятностей, украсившихъ и обогатившихъ музей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. Но вотъ взоръ приковывается живописной панорамой. По горѣ лѣпятся, карабкаются къ маковкѣ дома и лачуги; на нихъ напыляетъ зелень. Веселое безобразіе. Дома и лачуги, чудится, пыхтятъ: изъ нѣкоторыхъ трубъ, точно дыханіе, тянется дымокъ. Съ высокой колокольни колоколь: бумъ!.. какъ бы сказалъ: сюда, домишки, скорѣе поближе къ церкви! бумъ!.. И тѣ вновь карабкаются, а зелень замерла на мѣстѣ — и на колокольный голосъ отозвалась раскатами соловьиныхъ трелей... Каневъ!

IX.

Каневскій Успенскій соборъ.— Пршлое его.— Гайдамаки.— Золотая грамота царицы.— Екатерина Великая и Станиславъ Понятовскій.— До Перяславля.— Тѣнь Мазепы.

Успенскій соборъ служитъ показателемъ каневского многолѣтія; онъ построенъ въ XII столѣтіи; заложенъ великимъ княземъ Всеволодомъ Олеговичемъ въ 1144 году. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессора П. А. Лашкаревъ и В. З. Завитневичъ изслѣдовали его археологически, и оказалось, что церковь сложена изъ древняго кирпича до самой крыши, включая и фонарь главнаго купола. Только башни надъ сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ

Улица въ селѣ Диканьскѣ.

углами зданій по своему происхожденію принадлежать позднѣйшему времени. Пилястры сложены изъ древняго кирпича, и только пьедесталы ихъ обложены въ позднѣйшее время. Архитектура алтарныхъ частей сохранилась въ цѣлости до настоящаго времени ¹⁾. Три углубленія въ стѣнахъ—одно на правой сторонѣ и два на лѣвой — указываютъ на то, что церковь предназначалась быть княжеской усыпальницей.

Драгоцѣненъ Успенскій соборъ и по историческимъ воспоминаніямъ. Во второй половинѣ XII столѣтія, вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ построенъ, каневскій Георгіевскій храмъ служилъ нѣкоторое время кафедрою мѣстной епископіи; по крайней мѣрѣ, древняя лѣтопись подъ 1154 г. упоминаетъ о Даміанѣ, епископѣ каневскомъ (Лаврентьевская лѣтопись, 326; Ипатьевская, 327). Нѣтъ сомнѣнія, что въ дотатарскій періодъ храмъ этотъ служилъ усыпальницей для мѣстныхъ князей. Затѣмъ, съ XIII столѣтія наступаетъ довольно продолжительный періодъ, въ теченіе котораго исторія Канева и его храма покрыта туманомъ невѣдѣнія. Люстрація Каневского замка 1552 года упоминаетъ только о мѣстныхъ церквахъ Спаса и Василия, изъ чего слѣдуетъ заключить, что древняя церковь св. Георгія стояла тогда впустѣ; но, надо полагать, вскорѣ послѣ этого при ней возникъ Успенскій монастырь, такъ какъ, по свидѣтельству малороссійскихъ лѣтописей, въ 1578 году казаки перевезли въ Каневскій монастырь и здѣсь похоронили тѣло знаменитаго рыцаря своего Ивана Подкову, казненаго въ Львовѣ по приказу короля Стефана Баторія; въ этомъ же монастырѣ постригся и окончилъ жизнь свою сподвижникъ и другъ Подковы, гетманъ Шахъ, а народно-украинская дума о Самойлѣ Кушкѣ хоронитъ здѣсь и этого запорожскаго вождя. Изъ этого можно заключить, что Каневскій монастырь былъ въ особенномъ уваженіи у казаковъ того времени, хотя у нихъ недалеко былъ уже и свой монастырь, Терехтемировскій. Усердіе казаковъ къ монастырю Каневскому выражалось и тѣмъ, что они надѣляли его землями и угодьями. Столь же щедро благодворили ему и казацкіе гетманы: Богданъ Хмѣльницкій, Иванъ Выговскій, Юрій Хмѣльницкій, Павелъ Тетеря, Ив. Брюховецкій и Петръ Дорошенко, равно и мѣстные каневскіе полковники. Когда въ 1664 г. сосѣдній Терехтемировскій монастырь подвергся разоренію со стороны поляковъ, то его братія была принята въ монастырь Каневскій.

Въ гетманство Дорошенка въ этомъ монастырѣ нерѣдко проживалъ кіевскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и здѣсь, 25 марта 1669 г., посвятилъ въ іеродіакона Дмитрія Туптало, впослѣдствіи—святителя ростовскаго.

¹⁾ «Кіевск. Стар.», июнь, 1904.

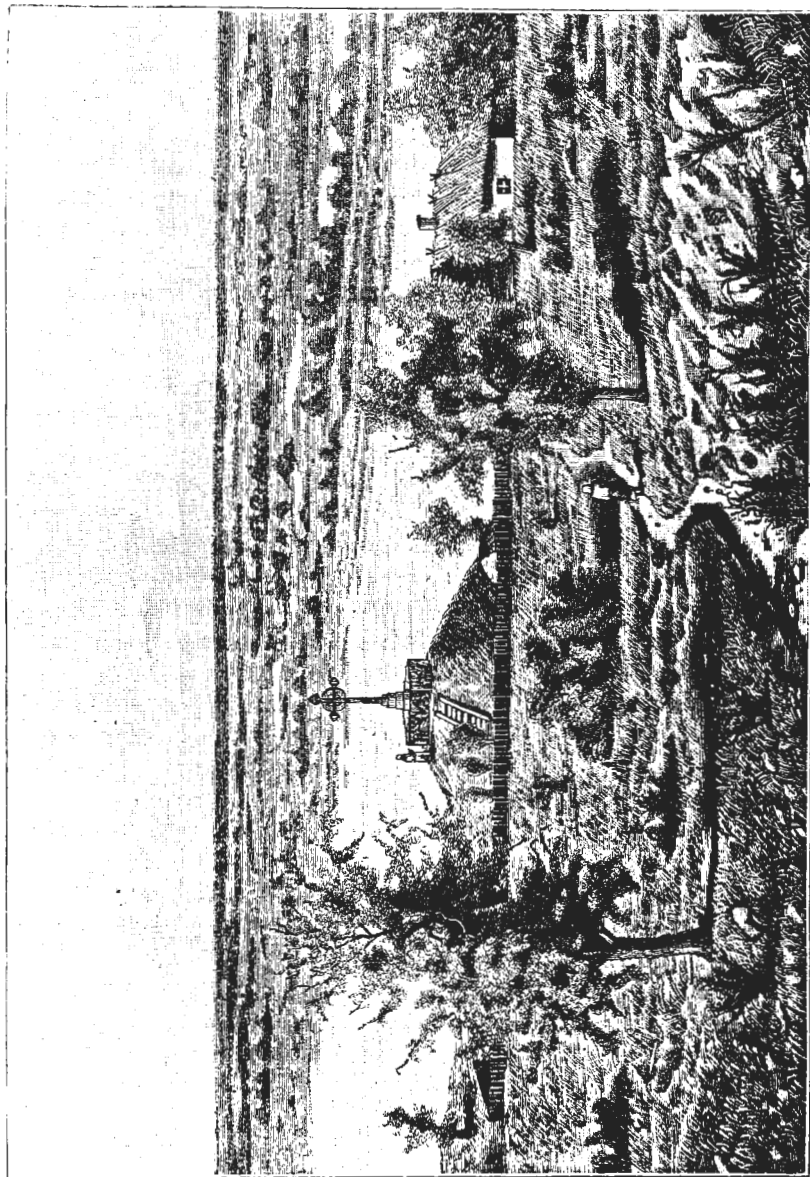
Кременчугъ.

Въ эти же годы здѣсь игуменствовалъ святой мужъ Макарій Токаревскій, бывшій раньше овручскимъ архимандритомъ. Его мученическая кончина была вызвана страшной катастрофой, постигшей Каневъ и его монастырь 4 сентября 1678 года. Это было въ злосчастную эпоху Руины, когда многочисленная турецкая армія вторично пришла въ Украину, чтобы подчинить ее власти ничтожнаго Юрія Хмѣльницкаго, возведеннаго султаномъ въ званіе «князя малороссійской Украины»¹⁾. 11 августа палъ Чигиринъ, а вслѣдъ за тѣмъ та же участь постигла и Каневъ. Вотъ современное свидѣтельство объ этомъ событіи казацкой лѣтописи: «Заразъ того жъ часу часть войска турецкаго и татарскаго пошовшы подъ Каневъ, и Каневъ достали и вырубали людей, и Каневъ спалили и монастырь, гдѣ у церквѣ мурованой много люду подушили огнемъ турки». Еще болѣе яркими красками рисуетъ эту трагедію другой казацкій лѣтописецъ, Величко: «бѣсурманы притягнули подъ старожитное славное мѣсто казацкое, надъ Днѣпромъ стоявшее, Каневъ, и септеврїа числа четвертаго, въ четвертокъ, добувши оній и множество народа въ немъ убивши, крайней предали руинѣ и запустѣнію, а особливо въ старинномъ и красномъ монастыру Каневскомъ, где в церковь великую каменную много было людей каневскихъ, надѣючися въ ней отъ бѣды спастися, убѣгло и замкнулося; но турки церковь оную около дровами и соломами доволно обложивши и сполне зо всѣмъ монастыремъ зажегши, всѣхъ людей въ церкви задушили». Такъ закончилъ свое существованіе стародавній Каневскій монастырь. Спустя сто лѣтъ онъ былъ возобновленъ, но уже униатами. Они-то и пустили сказку о томъ, будто Успенская церковь была сожжена и разорена татарами въ 1630 году и съ той поры, въ продолженіе 180 лѣтъ, стояла неоправленною, безъ крыши. Съ 1786 года при этомъ монастырѣ открыто было знаменитое базилианское училище, въ которомъ обучались и дѣти многихъ малороссійскихъ помѣщиковъ сосѣдней Полтавской губерніи. Оно было закрыто лишь въ 1833 году, вмѣстѣ съ монастыремъ. Тогда же была передана православнымъ и обращена въ соборную и древняя Успенская церковь²⁾.

Теперешній, совершенно захолустный, несмотря на свое положеніе при Днѣпрѣ, Каневъ плохо помнитъ прошлое и не въ состояніи удовлетворить вашу пытливость; между тѣмъ, ему-то есть о чемъ рассказать: въ немъ «лихо гуляли» гайдамаки, въ немъ гостила и Екатерина II. Помните «Червоный бенкетъ» въ Шевченковскихъ «Гайдамакахъ»?

¹⁾ Въ малорусскомъ народѣ живетъ преданіе, будто бы враждебный отцу, Зиновію-Богдану, Юрій Хмѣльницкій сбиль верхъ съ Субіотовской церкви и хотѣлъ ее разрушить, да окружающіе старики удержали его.

²⁾ «Кіевск. Стар.», октябрь, 1903 г.—М. А. Максимовичъ, сочиненія, т. II.

Могилы Шевченка въ окрестностяхъ Канева.

Завонили во всѣ звоны
 По всей Украинѣ;
 Закричали гайдамаки:
 «Сгинетъ шляхта, сгинетъ!..»
 ...Заялася Смолянщина,—
 Туча заалѣла.
 ...Горитъ Корсунь, горитъ Каневъ,
 Чигиринь, Черкасы...

За преданіями надо обращаться къ половинѣ девятнадцатаго вѣка, когда они еще жили въ памяти стариковъ, не затираясь новизною; вотъ одно сказанье, разумѣется, не считающееся съ временемъ, потому что народъ нашъ вообще вѣдь не признаетъ хронологіи. Придя въ Каневъ, гайдамаки начисто сожгли его, да нечаянно и греческую церковь, стоявшую на горѣ. При встрѣчѣ съ каневскимъ жителемъ тотчасъ просили вести ихъ до жида или до пана, у котораго денегъ много. А если кто скажетъ, что не знаю, то приставятъ пистолетъ либо ружье да и выпалятъ; много ляховъ и жидовъ пропало! Когда же поубивали всѣхъ, мѣсто спалили до основанія, тогда собрали мужиковъ, роздали имъ, можетъ, рублей тысячу и говорятъ:

— Поставьте тамъ, гдѣ мы жидовъ и ляховъ побили, крестъ!

Такъ люди и поставили, и стоялъ тотъ крестъ ажъ до великаго пожара, въ 1818 г. Долго гайдамаки бродили около Канева, пока не пришли съ той стороны царскія войска съ четырьмя пушками; тутъ гайдамаки наутекъ, и, окопавшись въ лѣсу, веретъ за пять, вступили въ бой съ войскомъ гетмана; четверыхъ, можетъ, убили, а затѣмъ—вразсыпную, да въ лѣсахъ и скрылись.

Гайдамаки были такіе колдуны, что какъ кто въ него изъ ружья выпалитъ, то онъ тому человѣку пулю назадъ кидаетъ: «на тебѣ, можетъ, еще пригодится!» А иной и ружье заговоритъ, такъ что владѣльцу такого ружья въ жизни не стрѣляютъ.

Были у нихъ сотники и атаманы, а надъ всѣми былъ Хмѣльницкій, прозывавшійся полковникомъ, и долго съ ними гулялъ. Спросятъ, бывало, гайдамака: кто вашъ батько?—онъ отвѣчаетъ:

— Хмѣльницкій,—мы всѣ Хмѣльницкаго казаки.

Гайдамачина вотъ откуда взялась. Ляхи пановали и притѣсняли народъ, а монахамъ и воды негдѣ было взять. Запорожцы однажды и пріѣхали въ Николаевскій монастырь на поклоненіе; чернецы и говорятъ имъ:

— Помогите намъ, иначе ляхи скоро съ насъ и шкуру сдерутъ!
 А запорожцы имъ:

— Какъ намъ царица Екатерина дастъ позволеніе, то и духу ляховъ въ Польшѣ не будетъ!

Одинъ изъ чернецовъ былъ у царицы писаремъ и руку ея зналъ; такъ онъ подъ ея руку подписался и показалъ запорож-

цамъ; они какъ увидѣли, и начали избивать ляховъ, а заодно съ ними и крестьяне поднялись. Ляховъ всѣхъ къ чорту на кулички проперли¹⁾...

Екатерину Великую Каневъ принималъ у себя во время поѣздки ея въ «маленькое хозяйство», т. е. во вновь прибрѣтенную Новороссію; въ городѣ, въ ожиданіи императрицы, жилъ въ особомъ дворцѣ старый другъ ея, послѣдній король польскій Станиславъ II Августъ Понятовскій; по выраженію современниковъ французовъ, онъ пожертвовалъ въ Каневѣ тремя мѣсяцами времени и тремя милліонами рублей за три часа свиданія съ императрицею русскою, но въ устахъ народа его жертва была гораздо значительнѣе, а именно: Понятовскій-де подарилъ «царицѣ Катеринѣ» Польшу. Она приняла подарокъ, а Понятовскаго назначила министромъ въ Петербургѣ; такъ онъ не захотѣлъ быть королемъ, а былъ у нея министромъ.

— Почему же онъ не захотѣлъ быть королемъ?

— Потому что ясновельможные паны не влюбились его; потому онъ и подарилъ Польшу царицѣ.

Однако, разстанемся съ Каневомъ и поплывемъ къ древнему Переяславию. Уже вечеръ палъ на землю. Солнце медленно заходитъ, окрашивая западную часть неба въ янтарно-алый цвѣтъ. А тамъ еще собрались слоистыя облака—и что за великолѣпная картина получилась! Кажется, что самъ лучезарный богъ взялъ кисть, палитру и краски у радуги и провелъ одну за другою полосы по голубому куполу. Кажется, по его просьбѣ, Эоль остановилъ вѣтеръ и остановились облака. Причудливыя въ своихъ очертаніяхъ, они отдались во власть лучезарнаго бога, и искусная кисть его и позолотила, и посеребрила, и зарумянила ихъ края; его уста дыхнули на нихъ: краски вспыхнули, ожили и слились во что-то чудное, недоступное для простаго, хотя бы и гениальнаго, смертнаго. И все словно обрадовалось и стало торопливо просить волшебныхъ красокъ у лучезарнаго бога: и лѣса, и неоглядно разметавшійся Днѣпръ, и земля, вызванная изъ зыбкихъ

¹⁾ См. М. Александровичъ, «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно». Черниговъ, 1860.

П. Кулешъ передаетъ преданіе о Золотой грамотѣ немного иначе: ляхи взялись гнать благочестіе, «Чего они, говорятъ, на нашей землѣ живутъ, а благочестивѣйшаго государя поминаютъ?» и давай головки лупить благочестивымъ. Вотъ сожгли перво-на-перво ктитора въ Млевѣ, а потомъ спалили хуторки монастырскіе Мотренинскіе. А въ этомъ монастырѣ былъ игумень, охъ, забылъ же я, какъ его звали! Видитъ лиходейство ляховъ: рубить они головы благочестивымъ; а писака добрый былъ, да какъ удралъ (игумень!) Золотую грамоту! А Максимъ Желѣзнякъ прѣхалъ на поклоненіе, а онъ ему и поднесъ: «Великъ свѣтъ государыня велитъ рѣзать жида и ляха до конца, чтобъ и не смердѣли на Украинѣ». Какъ кликнулъ Желѣзнякъ охотниковъ, такъ и повалилъ народъ, вся Смиланщина и Чигиринщина. (Украинскія народныя преданія. М. 1847).

нѣдръ «старика» творческимъ духомъ. И что же? божественная рука брызнула золотомъ на зубчатыя верхушки лѣсовъ, алая пятна наложила на пелену дышащихъ водъ и освѣтила землю, придавъ ей янтарный оттѣнокъ. Чудилось, началось священнодѣйствіе: небо и земля, солнце, лѣса и Днѣпръ служили красотѣ, но гимнъ ихъ звучалъ не здѣсь, а тамъ—въ надзвѣздной сторонѣ для Бога и для небожителей. Вотъ навстрѣчу намъ летитъ стая нарядныхъ кряковыхъ утокъ... можетъ быть, тѣ самыя, что летѣли утромъ наперерѣзъ теченію? Несомнѣнно, что и долговязы чепуры еще занимаются рыбною ловлей, но теперь не до «крячковъ», не до чепуръ: все вниманіе заполнено искусствомъ лучезарнаго бога, которое такъ же чудесно исчезнетъ, какъ и открылось взору. Однако, надъ берегомъ летитъ птица, тяжело взмахивая сильными крыльями; она беззвучно одолеваетъ пространство и, чѣмъ болѣе погружается въ сумерки, тѣмъ замѣтнѣе растетъ ея силуэтъ. Въ ней есть что-то, въ этой мрачной птицѣ съ большими крыльями: она мало-по-малу наклоняетъ къ себѣ мое вниманіе. Нѣтъ, это не просто птица, какихъ пролетало множество, это—«искусная, ношенная птица», это... опять тѣнь Мазепы! О, теперь, я знаю, она будетъ сопровождать меня, покамѣстъ я на Украинѣ!

Х.

Переяславскія напоминанія.—Отъ Трахтемирова до Триполья.—Кіевскій маякъ—лаврская колокольня.—У гробницы Ильи Муромца.—Батуричь.—Могила Деревыха.—Конотопскій «городокъ».—На великорусскомъ рубежѣ.

Плывя по Днѣпру и ближе знакомясь съ украинскими городами и мѣстечками, я невольно вспоминалъ балканское гнѣздо орловъ:—Черногорію. Какъ похожи онѣ другъ на друга, Украина и Черная Гора! Обѣ славянскія и въ обѣихъ каждая пядь земли полита человѣческой кровью. Гдѣ же не бились, не рубились украинцы со своими притѣснителями на пространствѣ родной земли?! Такъ и въ Черногоріи. Но тамъ юнаки до сихъ поръ пылаютъ прошлымъ и съ гордостью показываютъ вамъ мѣста сѣчь; Малороссія же успокоилась и подъ сѣнью двуглаваго орла передѣлала мечи въ плуги. Гдѣ было гнѣздо богатырской удали, молодечества и казацкой доблести,—гдѣ, какъ кипящій котель, клочкотала Сѣчь, теперь кладбища да картофельныя поля колонистовъ; преданы забвенію наѣзды татарвы и ляховъ; кровавыя ручьи ушли въ землю; край наслаждается благословеннымъ миромъ. Какъ разъ здѣсь, въ Переяславлѣ, Богданъ Хмѣльницкій посѣялъ сѣмена мира, убѣдивъ Малороссію «поклониться подъ государеву высокую руку» и соединивъ во-едино русскій Сѣверъ съ русскимъ Югомъ. Въ переяславскомъ Успенскомъ соборѣ, возвышающемся

среди остатковъ древнихъ земляныхъ валовъ, хранится евангеліе, на которомъ присягали въ 1654 г. «волившіе подъ царя восточнаго православнаго». Мазепа воздвигъ близъ него, въ теперешнемъ центрѣ города, соборный храмъ съ величественной колокольнею, для Вознесенскаго монастыря, гдѣ почіютъ мощи Макарія Каневскаго (1688 г.). Гетманъ былъ еще вѣренъ царю: шель только 1700-й годъ; «любезный старикъ» еще не получалъ «прелестныхъ» предложеній отъ польскаго короля Станислава Лещинскаго; онъ бралъ взятки, влюблялся, радовался, глядя на безоблачное небо Малороссіи, и, можетъ быть, нѣжно лелѣялъ дерево мира, посаженное Хмѣльницкимъ. Во всякомъ случаѣ, ничто еще не предвѣщало полтавской катастрофы.

На ряду съ Успенскимъ соборомъ и Вознесенскимъ монастыремъ въ Переяславлѣ выдѣляется Покровская церковь. Строилъ ее, при Мазепѣ, племянникъ его Мировичъ, бѣжавшій съ нимъ въ Турцію; церковь, въ византійскомъ замыслѣ, строилась на-диво, но дядя позавидовалъ племяннику—съ одной стороны, а съ другой—разгромъ подъ Полтавою,—и церковь достроена была уже иначе. Въ толстыхъ стѣнахъ ея есть тайники и тайный ходъ на колокольню для дозора. Освященная въ 1709 г., церковь Покрова Пресв. Богородицы стоитъ, слѣдовательно, 200 лѣтъ. И вотъ что представляетъ искусно написанный запрестольный образъ въ ней: царь Петръ и Екатерина I, въ царскихъ одѣяніяхъ, причемъ государь со скипетромъ и державою, окружены казачествомъ; но тутъ и придворныя дамы, и духовенство во главѣ съ Теофаномъ Прокоповичемъ въ облаченіи и—гетманъ Мазепа въ соотвѣтственномъ одѣяніи. А надо всѣми, на облакахъ, Покровъ Богоматери. Что означаетъ это? пояснять излишне: все такъ понятно. Изображена пора въ жизни Мазепы, Украины и Петра, когда небо надъ Днѣпромъ и надъ Полтавою было опять-таки безоблачно и гетману еще не снился Карлъ XII, и старый Палѣй (по одному преданію) оставался замуrowаннымъ въ столбъ съ маленькимъ отверстиемъ. Какъ, когда и кто его замуrowалъ? Ну, разумѣется, Мазепа.

Когда «искусная птица» сбилась съ пути, то съ нею случилось такое, о чемъ народъ не можетъ забыть. Образъ шведскаго короля и «знатная, разумная пани» Дольская зачаровали взоръ гетмана и заставили сердце его биться уже не въ унисонъ съ сердцемъ царя Преобразователя. Мазепу подхватили крылья надежды, и онъ ринулся строить воздушные замки. И вотъ однажды онъ скачетъ на своемъ чортѣ мимо Покровской церкви... Со временъ Тараса Бульбы всѣ малороссійскіе герои ѣздятъ верхомъ не на скакунахъ просто, а на скакунахъ-чертяхъ... Поровнявшись съ церковью, Мазепинъ конь вдругъ падаетъ и разбивается. Не къ добру! такъ всѣ и рѣшили, не исключая самого гетмана. И почему понадобилось коню упасть именно передъ Покровской церковью? Не потому

же, въ самомъ дѣлѣ, что въ ней за престоломъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ образъ? Мазепа поднялся съ земли; онъ былъ блѣденъ; ему стало не по себѣ; мысль за мыслью, дума за думой—и такъ онѣ цѣлымъ роємъ полѣзли въ старческую голову и стали сверлить Мазепинъ мозгъ. Чтобы утѣшиться, гетманъ пошелъ молиться въ Покровскую церковь. Тамъ онъ на колѣняхъ молился передъ иконою Божіей Матери и плакалъ, горько плакалъ. Кто скажетъ, какія это были слезы? Текли ли слезы человѣка, бросившаго жребій, поставившаго на карту все и почувствовавшаго, что карта будетъ битва, а дѣлать нечего: ставки назадъ не возьмешь? Или на церковный полъ капали слезы изъ глазъ преступника, въ которомъ заговорила совѣсть, и онъ хочетъ выплакаться и этимъ снова ее заставить уснуть? Помолясь Пречистой, Мазепа подошелъ приложиться къ Ней и, когда онъ прикладывался, изъ ока Богородицы выкатилась слеза и остановилась и застыла на ланитѣ. Все не къ добру, не къ добру! Участь гетмана была рѣшена.

Послѣ Переяславля можно спать до Трахтемирова (Терехтемирова), а отъ Трахтемирова до Триполья и при желаніи дальше. Сумерки сгустились, все посѣрѣло, все посинѣло, все перемѣшивается въ одну сплошную, кисельную массу. Трахтемировъ составляетъ собственность А. В. Гудимъ-Левковича и занимается поставкой жернововъ во многія губерніи; мѣстнымъ камнемъ мостятъ также улицы. Отъ запорожскаго, нѣкогда славнаго монастыря остался «монастырецъ», кое-какія развалины, гдѣ ночуютъ птицы. Потомки запорожцевъ, обладающіе фантазіей, видятъ въ нѣкоторыхъ ночи таинственно зажигающіяся свѣчи; онѣ горятъ, а изъ земли слышатся голоса: это бывые рубаки просятъ живыхъ молиться за нихъ. А чтобы праправнуки знали, за кого молиться, изъ-подъ земли на монастырцѣ занимается дума; слышится сладостный голосъ кобзаря, слышенъ бываетъ и переборъ струнъ бандуры; одно за другимъ проходятъ имена славныхъ сѣчевиковъ, за которыми тянется панове громада. Это бываетъ подъ «родительскія», а также въ грозныя воробьиныя ночи. Съ разсвѣтомъ гаснутъ таинственныя свѣчи, затихаетъ дума, замираютъ струны кобзы.

Отъ Триполья въ блескѣ яснаго утра показалась, изъ-за 60-верстнаго разстоянія, золото-пламенная глава кіево-лаврской колокольни¹⁾. Величественный маякъ красивѣйшаго изъ нашихъ городовъ. Мрачная птица съ большими крыльями летѣла къ святынь, и я тутъ вспомнилъ, сколько жертвовалъ Мазепа деньгами и священными предметами и въ лавру, и въ монастыри, и въ приход-

¹⁾ Въ ясную погоду, вооружась биноклемъ, колокольню, начертанную Растрелли, видятъ даже отъ Канева, за 80 верстъ отъ Кіева.

скія церкви Малороссіи; онъ и самъ строилъ монастыри, на что есть историческія указанія¹⁾. И за всѣмъ тѣмъ — анаеема... 12 ноября 1708 года московскій Успенскій соборъ былъ полонъ народомъ. Въ храмѣ находились первые сановники. Присутствовалъ также царевичъ Алексѣй Петровичъ, звѣзда котораго закатилась не лучше звѣзды Мазепы. Многочисленное духовенство служило благодарственный Господу Богу молебень по случаю «счастливаго избранія» въ гетманы Скоропадскаго. Передъ молебствіемъ протодіаконъ провозгласилъ анаеему падшему гетману.

Страшное слово церковнаго отлученія, изверженія и кары, подхваченное святителями, трижды прогремѣло подъ сводами первопрестольнаго собора, обдавъ своимъ мертвящимъ холодомъ души человѣческія, подобно «De profundis», когда оно раздается въ полумракѣ католическаго готическаго собора. Проклятіе—ἀνάθεμα... «Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то-есть израильтянъ... Кто не любитъ Господа Иисуса Христа, анаеема, маран-аеа!» говоритъ апостолъ Павелъ въ посланіяхъ къ римлянамъ и къ коринѳянамъ, а въ посланіи къ галатамъ звучитъ уже побѣдный аккордъ кипучаго апостола: «но если бы даже мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаеема». Сказались вспыльчивость, страстность и желѣзная воля. Развѣ не такова была въ своихъ элементахъ и натура Петра Великаго? Вечеромъ 27 октября 1708 года Меншиковъ извѣстилъ царя въ Погребкахъ объ измѣнѣ Мазепы, и Петръ не замедлилъ съ письмомъ къ адмиралу Апраксину, причемъ обозвалъ Мазепу «новымъ Іудею». И въ ноябрѣ надъ старикомъ прогремѣла анаеема—Петръ приказалъ. «Анаеема... ана-аеема... ана-ае...ема!» вытягиваетъ киръ-преосвященные во главѣ со Стефаномъ Яворскимъ, который давно ли, вѣнчая Обидовскаго, кадилъ Мазепѣ!

Въ Кіевѣ мнѣ надо было исполнить свое обѣщаніе и указать крестьянину гробницу Ильи Муромца въ ближнихъ пещерахъ. И надо же было случиться: мы подходимъ къ богатырскимъ мощамъ, а навстрѣчу подгулявшій монахъ! Моего спутника покорило. «Немощная плоть» чернеца противорѣчила крестьянской настроен-

¹⁾ Подъ Ржищевомъ находится Спасо-Преображенскій монастырь, обвѣваемый многими преданіями и легендами о прошлыхъ временахъ польскаго владычества. Мрачны преданія и легенды. Нынѣшній дѣвичій монастырь бѣдный; онъ основался на мѣстѣ мужскаго монастыря, разграбленнаго и разореннаго турками еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Петръ Великій повелѣлъ возстановить святыню; Вороницы, Мазепа, Скоропадскій усердно жертвовали. Впрочемъ, мужская обитель возстановлялась плохо, несмотря на то, что нѣкогда здѣсь въ пещерѣ подвизались преподобные Антоній и Феодосій. Екатерина II, подаривъ 50 червонцевъ, какъ бы положила основаніе женскому монастырю. Настоящимъ образомъ ему, какъ женскому монастырю, полвѣка. Въ окрестностяхъ случаются находки кладовъ. Ржищевъ—между Трахтемировымъ и Трипольемъ.

ности. Но онъ ничего не сказалъ, только бровями повелъ... Странное дѣло, монастыри несли и несутъ «отраву» корнямъ здоровья жизни: монахъ предложилъ порохъ для истребленія челоѳчества; монахъ (Романо Панае), сопровождавшій Колумба въ его путешествіяхъ, прислалъ табачныя сѣмена императору Карлу V; монахи занимаютъ и теперь варкою ликеровъ...

— Вотъ гробъ Ильи Муромца!—сказалъ я.

Крестьянинъ торопливо опустился на колѣни, осянилъ себя крестомъ истово, по-старообрядчески, и, припавъ лбомъ къ землѣ, словно бы замеръ... замеръ въ восторгѣ. Не могу выразить, какое чувство овладѣло мною въ эту минуту, но не любопытство, не изумленіе и не радость и не страданіе, но что-то близкое и къ страданію и къ радости... Крестьянинъ поднялся; лицо просвѣтленное, разумянившееся, углы рта судорожно подергиваются, глаза влажные и возбужденные. Если бы не боязнь оскорбить его вопросомъ, я бы спросилъ крестьянина услыхалъ ли онъ богатырскій откликъ: «гей, поднимаемся!»

Я уѣхалъ изъ Кіева. Поѣздъ нашъ несся уже мимо деревень съ бѣлыми хатами и съ вѣтрными мельницами на горкахъ; каждая верста давала новыя картины; появлялись то и дѣло новыя лица, но неизгладимое впечатлѣніе оставилъ по себѣ лишь тотъ истосковавшійся по богатырямъ землеробъ, некрасивый и привлекательный и сутулый, какъ, вѣрно, сутулы были и Микула Селяниновичъ, и Муромецъ Илья, и Святогоръ.

Плиски, Бахмачъ, Конотопъ...

Плиски не имѣютъ отношенія къ двухвѣковой старинѣ: въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ станціи находится хуторъ, принадлежавшій извѣстному историческому живописцу и портретисту Н. Н. Ге. Здѣсь онъ работалъ съ кистью и съ серпомъ въ рукѣ, тутъ и умеръ и погребенъ въ паркѣ. Но въ 20 верстахъ отъ Бахмача роскинулся заштатный Батуринъ, бывшая столица малороссійскихъ гетмановъ, изъ которыхъ послѣдній, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, и погребенъ въ трапезѣ мѣстной, построенной имъ, церкви: объ этомъ говорятъ мраморный памятникъ-пирамида съ рельефнымъ медальономъ графа, надпись и шитый гербъ Разумовскаго. А затѣмъ... многогрѣшный «Данилычъ» Меншиковъ совмѣстно съ княземъ Голицынымъ сожгли и разрушили въ Баторіевомъ городѣ все, что напоминало бы о недавнемъ гетманѣ, т. е. Мазепѣ. Но тѣнь Мазепы, маня васъ и увлекая за собою, шепчетъ, что онъ жилъ на Гончаровкѣ, а воздвигнутыя имъ укрѣпленія составляли Городокъ, гдѣ теперь пчелы, мирныя труженицы, дѣлаютъ медъ. Это великданская пасѣка. Да, указывая на обновленный домъ, ничѣмъ не выдѣляющій изъ прочихъ зданій, говорятъ, что тутъ жила семья Кочубея.

Конотопъ. И тутъ Городокъ—шведская крѣпость въ селѣ Голенкѣ. Проклятое мѣсто, — говорятъ пастухи и парни. Конь зайдетъ на валъ и начнетъ биться и бьется до пѣны, и бѣсится. Шведы заклиали это мѣсто, какъ все равно заклиали они и Мазепа свои клады. Печать проклятiя легла-было и на казаковъ, которые бѣжали съ гетманомъ въ Турцію, но Богъ и царь Петръ смилостивилась надъ ними, и вся тяжесть преступленiя пала на Мазепу и близкихъ родственниковъ и соумышленниковъ его. Бѣглецамъ турки дали землю и все. Но когда умеръ казакъ, земля выкинула его, умеръ другой—она и того не приняла, третiй—она и третьяго выкинула. Тогда они: «Эй, братцы сердешные! вернемтесь а то насъ тутъ и земля не принимаетъ!»

Царь Небесный смилосердился и внушилъ царю Петру прощенiе казакамъ. И вотъ уже зоветъ полтавскiй побѣдитель:

— Возвращайтесь, казаки, не будетъ никакой кары вамъ, не станемъ вспоминать прошлаго.

Такъ они и вернулись.

Между тѣмъ, Конотопъ уже затерялся за горизонтомъ. Близко курскiй Путивль, въ которомъ плакала Ярославна, на заборѣ на городской стѣнѣ; теперь, вмѣсто княгини Евфросинiи Ярославны, плачетъ самъ городишко, отъ котораго желѣзнодорожная колея отбѣжала за 20 верстъ по соображенiямъ Аристидовъ министерства путей сообщенiя. Показался унылый курскiй мужикъ. Словно въ вальсѣ закружились чахлыя поля и деревенскiе клоповники. Надвинулся великорусскiй рубежъ,—тѣнь Мазепы исчезла.

Павелъ Россiевъ.

САМПСОНІЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ, ЧТО НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНѢ,
ПО РИСУНКУ 1710 ГОДА.

ВЪ РОСТОВСКОМЪ музеѣ церковныхъ древностей, находящемся въ кремлѣ Ростова Великаго, имѣется рисунокъ петербургской Сампсоніевской церкви, построенной Петромъ Великимъ въ память Полтавской побѣды 27 іюня 1709 года. Объ этой церкви упоминается въ очень рѣдкомъ теперь изданіи Рубана ¹⁾ «Историческое описаніе С.-Петербурга, сочиненное Богдановымъ въ 1-й половинѣ XVIII вѣка». «Церковь св. Самсонія Страннопріимца, — повѣствуетъ Богдановъ, — построена въ 1710 году, деревянная, на Выборгской сторонѣ, его же память совершается іюня 27 дня. Государь Петръ Великій сію церковь построилъ для того, понеже въ тотъ день Сампсоніевъ іюня 27 въ 1709 г. даровалъ Всевышній побѣду надъ главнымъ войскомъ шведскимъ подъ Полтавою, того ради въ знакъ благодаренія Господу Богу, сія церковь отъ Петра Великаго состроилась, при чемъ повелѣлъ, дабы умершихъ тѣла нигдѣ у другихъ церквей не погребали, кромѣ сей Сампсоніевской церкви, не только россійскаго народа, но и иностранной націи, чего ради оную церковь для погребенья христіанскихъ тѣлесъ повелѣлъ

¹⁾ Издана въ 1779 г.

построить не по близости града или внутрь гражданскаго жилья, но внѣ града во отдаленіи, дабы оными погребальными тѣлесами внутрь не отягощено было гражданство вреднымъ воздухомъ.

«Но по причинѣ множества поселившихся тамъ жителей и кладбище тамъ теперѣ отмѣнено.

«Прежняя деревянная церковь обветшала, въ то мѣсто мірскою казною построена каменная церковь съ двумя придѣлами, первый Іоанна Богослова, а второй Архистратига Михаила, построена и освящена въ 1733 году.

«Противъ церкви Самсонія пристань имѣетъ переѣздъ съ С.-Петербургской же стороны въ Синявинъ батальонъ. Называется Синявинъ потому, что съ первыхъ лѣтъ при городономъ строеніи

Церковь св. Самсонія, построенная Петромъ Великимъ въ память Полтавской битвы, въ 1710 году.

въ канцеляріи былъ оберъ-комиссаръ и директоръ надъ строеніями Ульянъ Синявинъ и въ команду оному опредѣлено было создать цѣлый батальонъ, которые и поселены на томъ мѣстѣ и нынѣ живутъ въ немъ всякіе мастеровые люди и солдаты той же команды.

«Есть еще на той же Выборгской сторонѣ урочище Волчье поле, то мѣсто, которое начинается отъ Казачьей слободки и продолжается до Охты.

«Сіе именованіе воспріяло Волчье поле зваться для того, что съ первыхъ лѣтъ тутъ много людей погребали, а наипаче въ зимнее время для мерзлости земли, оныхъ мертвыхъ не глубоко въ землю зарывали и тѣ мертвыя тѣла волками были посящаемы, и

оное мѣсто проходимъ людямъ не безопасно бывало, а отъ того и прослыло Волчьимъ полемъ.

«Первоначальное строеніе партикулярныхъ людей начало строиться въ 1711 г. При церкви Сампсонія была богадѣльня».

Среди старыхъ могилъ въ оградѣ Сампсоніевской церкви находится памятникъ на могилѣ кабинетъ-министра Артемія Волынскаго и его сотоварищей Еропкина и Хрущона, поставленный по инициативѣ покойнаго редактора «Русской Старины» М. И. Семева, по проекту профессора Щурунова.

Въ 1909 году будетъ праздноваться 200-лѣтній юбилей Полтавской побѣды, навѣрно, вспомнятъ тогда и маленькій убогіи храмъ, тогда единственный памятникъ славной Полтавской баталіи.

Ан. Титовъ.

НА ЗАБЫТЫХЪ МОГИЛАХЪ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній) ¹⁾.

I.

БЫ ПОДЪВЪЗЖАЛИ къ Симбирску яснымъ закатнымъ вечеромъ въ концѣ іюля. Я сидѣлъ на бѣлоснѣжномъ трапѣ самолетскаго парохода, лицомъ къ приближающемуся городу. Мимо меня тянулся низкій берегъ, усѣянный темно-зелеными комьями прибрежныхъ кустовъ и окаймленный желтыми полосками небольшихъ песчаныхъ отмелей. По берегу на далекое пространство раскинулись поемные луга съ блестящими, словно осколки зеркала, озерами и рѣчонками, перерѣзанные на горизонтѣ синими, колеблющимися сквозь земляныя испаренія, горами, съ темными полосками рощицъ и перелѣсковъ и бѣлыми пятнами сельскихъ церквей. Эти горы, тянущіяся у горизонта, подъ самымъ Симбирскомъ кривой линіей, то повышающейся, то понижающейся, приближаются къ самому берегу Волги, такъ что Симбирскъ оказывается расположеннымъ на гребнѣ высокой горы, имѣющей высоту свыше 70 сажень, на западномъ скатѣ ея къ рѣкѣ Свѣягѣ. Противоположный же скатъ симбирской горы къ рѣкѣ Волгѣ, весь покрытый фруктовыми садами, представляетъ собою сплошное море зелени, сквозь которое мѣстами лишь проглянули разноцвѣтныя крыши домовъ и бесѣ-

¹⁾ По поводу исполняющагося 10 іюня двадцатилѣтія со дня кончины поэта Д. Д. Минаева.

докъ, да подъ самой горой протянулась сѣренькая улица, окаймляющая грандіозное сооруженіе Симбирска — Петропавловскій спускъ, который тянется параллельно волжскому берегу и только у Петропавловской церкви дѣлаетъ изгибъ вверхъ, въ гору и теряется въ зеленой массѣ фруктовыхъ садовъ.

Мой спутникъ, маленькій застѣнчивый батюшка, въ желтой соломенной шляпѣ съ помятыми краями и въ сѣренькой люстриновой ряскѣ, занимавшій меня всю дорогу рассказами о бывшемъ семинарскомъ житьѣ-бытьѣ и только подъ Симбирскомъ замолкшій, вдругъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Будете въ Симбирскѣ, обязательно сходите на могилу Минаевыхъ. Это почти единственная достопримѣчательность Симбирска, если не считать «чугунной бабы», какъ зовутъ симбиряне памятникъ Карамзину, да дома Юргенсъ, въ которомъ родился Гончаровъ. Я, бывало, частенько хаживалъ на ихъ могилу: любилъ это мѣсто. Вотъ видите (батюшка указалъ рукой налѣво) волжскій протокъ. Онъ у насъ Чувичемъ называется. Такъ вотъ разольется этотъ самый Чувичъ весной, сольется съ Волгой, затопитъ всѣ луга вплоть до кладбища и, насколько глазъ видитъ, раскинется голубая масса воды. Вода стоитъ долго, почти до половины мая, такъ что затопленныя деревья распускаются въ водѣ и стоятъ, знаете, такія красивыя, узорчатыя, словно вышитыя по канвѣ. Кладбище тоже иногда заливается, хотя до могилы Минаевыхъ вода рѣдко доходитъ. Придешь, бывало, къ могилѣ, сядешь подъ вязомъ и любуешься.

Я попросилъ батюшку указать, гдѣ находится кладбище.

— Вотъ видите Петропавловскую церковь, — отвѣтилъ батюшка: — бѣлая такая; такъ глядите лѣвѣе, вотъ сначала сады, а затѣмъ полянка подъ горой: вотъ это и есть самое Минаевское кладбище; впрочемъ, его больше зовутъ Духовскимъ.

Я взглянулъ по указанному батюшкой направленію и увидѣлъ блестящій, изъ бѣлой жести куполъ какой-то часовни.

— Это надъ могилой поэтовъ поставлена часовня-то? — спросилъ я батюшку.

— Нѣтъ. Могила поэтовъ немного правѣе отъ нея. Отсюда ея не видно. Да если будете искать кладбище, то спросите, гдѣ Введенскій переулочекъ; когда найдете, ступайте по нему, — выйдете какъ разъ къ кладбищу.

Вскорѣ нашъ пароходъ, описавъ дугу и широко раскинувъ за собой пѣнистые валы, медленно подошелъ къ сѣрой самолетской пристани. На пароходѣ началась обычная въ этихъ случаяхъ суматоха. Кинулись по мѣстамъ матросы. Засуетились пассажиры. Наконецъ кинули сходни, и публика, толкаясь и крича, ринулась на пристань. Мой спутникъ, любезно распрощавшись со мной, пошелъ къ себѣ въ каюту. Въ ожиданіи, когда окончится суতোлка,

я остался на трапѣ и невольно залюбовался открывшейся предомной картиной Волги.

Волга предъ Симбирскомъ съ пристани кажется не широкой. Это происходитъ оттого, что ее параллельно берегу пересѣкли два острова и загородили собой какъ другую половину рѣки, такъ и заволжскія слободы—Часовню, Канаву и Королевку. Острова—одинъ низменный, покрытый мелкимъ кустарникомъ, другой возвышенный, покрытый небольшимъ лѣсомъ,—прямо противъ Симбирска раздѣляются проливомъ. Видъ на нихъ вечеромъ восхитительный. Сначала голубая, съ опаловыми бликами заходящаго солнца лента рѣки, затѣмъ песчанья отмели, отражающіеся въ водѣ, глинистыя красноватыя обрывы и наконецъ зеленя горы деревьевъ. Все это при заходящемъ солнцѣ блещетъ яркими красками и отражается въ рѣкѣ, отчего она кажется калейдоскопическимъ сочетаніемъ красокъ. Мѣсто для могилы Минаевыхъ выбрано какъ нельзя удачнѣе. Волга родила обоихъ поэтовъ, дала намъ насладиться ихъ пѣснями о любви и свободѣ, и она же отняла ихъ у насъ. У подошвы горы, въ нѣдрахъ родной земли покоится прахъ поэтовъ, и всѣмъ, ѣдущимъ на пароходѣ, виднѣется мѣсто ихъ вѣчнаго успокоенія.

Наконецъ суতোка на пароходѣ прекратилась, я взялъ вещи и отправился на пароходный дебаркадеръ съ тѣмъ, чтобы взять извозчика и отправиться въ городъ. Приблизительно черезъ часъ я былъ въ гостиницѣ. Въ открытое окно моей комнаты глядѣлъ чудный вечеръ. Прозрачное небо, усѣянное лучистыми звѣздами, было совершенно чисто. Только на востокѣ горизонтъ былъ охваченъ заревомъ восходящей луны. Пахло цвѣтами. Гдѣ-то совсѣмъ недалеко игралъ оркестръ. Страстная нѣжная мелодія прорѣзывала воздухъ.

II.

По приѣздѣ въ Симбирскъ я нѣсколько времени былъ занятъ личными дѣлами, и только недѣли черезъ полторы, освободившись отъ нихъ, я выбралъ время посѣтить могилу Минаевыхъ.

Былъ теплый вечеръ начала августа. Солнце заходило, отражаясь огненными бликами въ стеклахъ домовъ, и всѣ предметы бросали отъ себя длинныя тѣни. По улицамъ шла разрядившаяся публика, спѣша на Вѣнецъ (бульваръ на гребнѣ симбирской горы, съ чуднымъ видомъ на Волгу—мѣсто обычныхъ прогулокъ симбирянъ).

Помня наставленія пароходнаго спутника, я постарался прежде всего найти Введенскій спускъ. Это было не такъ трудно, но для того, чтобы достигнуть его, мнѣ понадобилось пройти всю Большую Саратовскую улицу, а она протянулась подковой черезъ весь Симбирскъ и имѣетъ протяженіе свыше двухъ верстъ; Введенскій переулочекъ находится у южнаго конца ея. Найдя его,

и, «ничтоже сумняшеса», пошелъ было по нему, но вскорѣ попалъ въ какой-то тупикъ, такъ что волей-неволей пришлось обратиться за справками. Мимо проходилъ какой-то чиновникъ. Я остановилъ его и спросилъ, какъ мнѣ пройти на могилу Минаевыхъ. Тотъ сначала изобразилъ на своемъ лицѣ недоумѣнiе, затѣмъ подумалъ, какъ будто что-то вспоминая, и наконецъ отвѣтилъ:

— Это вы хотите видѣть могилу братьевъ Минаевыхъ, что зимой отравились въ Карамзинской колонiи для душевно-больныхъ? Ну, такъ вы не туда идете? Они похоронены на городскомъ кладбищѣ, а оно будетъ какъ разъ въ противоположной сторонѣ.

Я возразилъ, что мнѣ нужно видѣть могилу отца и сына Минаевыхъ-поэтовъ и что кладбище, на которомъ они похоронены, я знаю, находится въ этой сторонѣ, на берегу какого-то Чувича и я только не умѣю къ нему пройти. Тогда чиновникъ отвѣтилъ:

— Стало быть, вы хотите пройти на Духовское кладбище; оно, дѣйствительно, находится здѣсь. Только мнѣ кажется, тамъ никакихъ Минаевыхъ не хоронили.

Онъ указалъ мнѣ дорогу, и я опять двинулся въ путь. Солнце почти уже зашло. Послѣднiе лучи его отражались на облакахъ, беспорядочными кучами повисшихъ надъ городомъ. Я шелъ Макинскимъ спускомъ. Этотъ спускъ довольно крутъ и идетъ зигзагами. Съ него открывается восхитительный видъ на Волгу. По сторонамъ спуска раскинулись фруктовые сады. Падала роса, и въ воздухѣ дѣлалось сыро и прохладно. Изъ садовъ несся нѣжный ароматъ спсѣвающихся яблоковъ и грушъ. Спускъ сдѣлалъ нѣсколько изгибовъ и вывелъ меня на желѣзнодорожную линiю подъѣздной къ Симбирску товарной вѣтки. Спустившись съ насыпи, я пошелъ по узкому переулку, состоявшему изъ маленькихъ сѣренкихъ домиковъ и хатокъ, прерывающихся плетнями и заборами садиковъ. Наконецъ переулокъ сдѣлалъ крутой поворотъ и справа, въ линiи переулка, потянулись кресты кладбища. Я достигъ цѣли.

Кладбище Св. Духа, какъ я уже сказалъ выше, находится подъ горой, на полянѣ, близъ берега волжскаго протока, называемаго Чувичемъ. Это кладбище хотя официально и не закрыто, но погребенiя на немъ бываютъ очень рѣдко, такъ какъ весеннiе разливы Чувича и Волги ежегодно портятъ могилы и тѣмъ самымъ вызываютъ частые расходы на поправку могилъ и крестовъ. Къ кладбищу Св. Духа ведутъ два узкихъ, крутыхъ и неудобныхъ спуска, каждый протяженiемъ болѣе полуверсты (Макинскiй, начинающiйся отъ Введенскаго переулка, въ южномъ концѣ Саратовской улицы, и Мингалевскiй). На кладбищѣ когда-то стояла церковь во имя Св. Духа, построенная въ первые годы существованiя Симбирска (во второй половинѣ XVII вѣка), когда было устроено и самое кладбище. Но въ настоящее время, вѣроятно, отъ весеннихъ разливовъ, не осталось и слѣдовъ этой церкви.

Во время моего посѣщенія могилы Минаевыхъ кладбище не имѣло почти никакой ограды, если не считать нѣсколькихъ жердей, привязанныхъ къ воткнутымъ въ землю кольямъ, должствующимъ изображать таковую, и неглубокой канавы, окружающей кладбище съ двухъ сторонъ. Входная калитка упала и лежала тутъ же на землѣ. Нѣсколько коровъ и овецъ, вѣроятно, изъ ближайшаго переулка преспокойно паслись на могилахъ и при моемъ входѣ испуганно метнулись въ разныя стороны.

Ориентироваться и найти могилу поэтовъ было дѣломъ одной минуты. Духовское кладбище сплошь состоитъ изъ могилъ, украшенныхъ (если только можно назвать топорную работу украшеніемъ) деревянными крестами, старыми, сѣрыми, накренившимися, а то и вовсе упавшими. Многія могилы размыты весеннимъ разливомъ, и только четырехугольныя продолговатыя ямы, наполненныя засохшей, растрескавшейся глиной, указываютъ, что кто-то нашель въ нихъ вѣчное успокоеніе. Посрединѣ кладбища—недостроенная часовня, окруженная грудями щебня. Направо отъ нея, словно оазисъ среди пустыни,—группа памятниковъ и нѣсколько деревьевъ, тогда какъ остальное пространство представляетъ собою сплошной пустырь, покрытый бурьяномъ и сорными травами. Я пошелъ въ сторону памятниковъ и черезъ минуту стоялъ уже предъ могилой Минаевыхъ.

III.

Бродя по русскимъ кладбищамъ и останавливаясь предъ могилами замѣчательныхъ русскихъ людей, всегда невольно поражаешься холоднымъ и сухимъ однообразіемъ надгробныхъ памятниковъ. Въ большинствѣ случаевъ, если не просто убогій деревянный крестъ топорной работы, то громоздкій кусокъ мрамора, плита или глыба — вотъ все, что напоминаетъ намъ о дорогихъ покойникахъ. Да и эти жалкія сооруженія находятся въ такомъ печальномъ состояніи, что невольно приходится проводить параллель между Россіей и Западной Европой. На нашихъ кладбищахъ уклоненія въ сторону поэтической аллегоріи или милаго символа—значительная рѣдкость, не то, что за границей, гдѣ изобрѣтательность и выдумка идутъ рука объ руку съ художественнымъ исполненіемъ. Французы ухитрились даже создать, напримѣръ, собачье симѣтьеръ, и какіе же эффектно-красивые и художественные мавзолеи, судя по репродукціямъ, возвышаются тамъ надъ разливомъ зелени, среди массы клумбъ и цвѣтовъ. У насъ такихъ мавзолеевъ не ставятъ даже надъ писателями первой величины. А между тѣмъ не мѣшало бы! Во всякомъ случаѣ, художественный памятникъ больше говоритъ и уму и сердцу, а главное, ярче напоминаетъ намъ о покойникахъ; но что можетъ сказать тяжелый кусокъ мрамора? И вотъ такъ-то мало-по-малу забываются на Руси и ухо-

дять въ пучину забвенія и дорогія могилы и тѣ, кто похороненъ въ этихъ могилахъ, хотя еще Некрасовъ сказалъ, что «нужны намъ великія могилы».

Грустное зрѣлище людского забвенія представляетъ могила Минаевыхъ на далекомъ симбирскомъ кладбищѣ. Могила ихъ находится въ полномъ заустѣннн. Надъ прахомъ отца, Дмитрія Ивановича Минаева, лежитъ чугунная доска на низкомъ кирпичномъ фундаментѣ, съ короткою надписью:

Дмитрій Ивановичъ Минаевъ.

1808 — 1876 г.

Рядомъ могила сына—знаменитаго «короля приемъ» — Дмитрія Дмитриевича Минаева: надъ ней обычный шаблонный памятникъ прямоугольной пирамидой, съ аляповатыми позолоченными украшениями и лаконической надписью:

Дмитрій Дмитриевичъ Минаевъ.

1835 — 1889 г.

Вокругъ надписи рельефно выточенъ лавровый вѣнокъ. Оба памятника окружены общей невысокой оградой. Между могилами небольшой вязъ своими вѣтвями почти совершенно закрываетъ оба памятника. Вокругъ могилъ слѣды пасущагося скота.

Я долго стоялъ у могилы и вспоминалъ лучшія сочиненія того и другого поэта, дивныя рнемы Минаева-сына, а въ глаза назойливо лѣзли инициалы и фамиліи посѣтителей, которыми испещренъ бѣлый памятникъ Дмитрія Дмитриевича, какъ будто напоминая о пошлости и скукѣ человѣческой жизни. На самомъ видномъ мѣстѣ красовалось пронзенное стрѣлой сердце съ какими-то инициалами, а пониже синимъ карандашомъ были нацарапаны стихи, гласившіе буквально слѣдующее:

Онъ поэтомъ въ мирѣ жилъ,
Стихи славныя писалъ,
Вдругъ недугъ его свалилъ,
Онъ на вѣки замолчалъ.

Нѣсколько подобныхъ же шедевровъ «украшали» памятникъ съ другихъ сторонъ.

Наступала ночь. Загорѣлись одна за другой звѣзды, медленно поднялась красная луна и широкимъ столбомъ отразилась въ водѣ Волги и Чувица. Съ Вѣнца неслись нѣжные, томящіе душу звуки какого-то вальса, а изъ подгорья — волжская разудалая и вмѣстѣ съ тѣмъ заунывная пѣсня, отъ которой хотѣлось и плакать и смѣяться. За Волгой и на Поповомъ островѣ, отдѣляющемъ Волгу

отъ Чувича, красными лучистыми пятнами зажглись рыбацьи костры. Не хотѣлось уходить съ широкаго раздолья въ пыльный городъ, и я долго ходилъ по берегу Чувича и Болги, мимо баржей, пристаней и сияющихъ электрическими огнями пароходовъ, слушалъ далекую музыку и наблюдалъ за кипучей жизнью волжскихъ пристаней.

Уже поздно ночью я возвращался въ Симбирскъ. Городъ спалъ, весь затканый въ серебряныя нити луннаго свѣта Черныя, рѣзко очерченныя тѣни отъ придорожныхъ тополей, кой-гдѣ уже тронутыхъ осенней желтизной, рѣзко пересѣкали дорогу. Силуэты домовъ и крышъ, стоящихъ въ тѣни, рѣзко обрисовывались на фонѣ яснаго неба. На востокъ уже намѣтилась блѣдно-розовая полоска утренней зари. Гдѣ-то пѣли пѣтухи...

IV.

Дмитрій Ивановичъ Минаевъ родился въ 1808 году въ дворянскомъ семействѣ въ Симбирскѣ, гдѣ отецъ его, екатерининскій ветеранъ, имѣлъ свой собственный домъ и жилъ на покоѣ. Окончивъ курсъ симбирской гимназiи, тогда состоявшей только изъ четырехъ классовъ, молодой Минаевъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ 1823 году въ учебный саперный батальонъ. Пробывъ здѣсь три года, онъ былъ выпущенъ въ 1826 году прапорщикомъ въ 3-й морской полкъ, въ которомъ прослужилъ до конца 1833 года, когда былъ переведенъ въ симбирскій батальонъ военныхъ кантонистовъ съ состояніемъ по арміи; затѣмъ, въ концѣ 1835 года, вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Однако въ 1838 году мы видимъ его опять уже на службѣ въ симбирской комиссаріатской комиссіи, а въ 1841 — смотрителемъ оренбургскаго военнаго госпиталя; въ 1847 году Д. И. былъ прикомандированъ къ провіантскому департаменту, а 15 апрѣля того же года назначенъ смотрителемъ измайловскаго провіантскаго магазина въ Петербургѣ, куда Минаевъ и переселился съ семействомъ (въ томъ числѣ и будущій поэтъ, одиннадцатилѣтній Дмитрій). Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, въ продолженіе которыхъ онъ напечаталъ свой переводъ «Слова о полку Игоревѣ» и оригинальную поэму «Слава о вѣщемъ Олегѣ», Минаевъ снова отправился въ провинцію, гдѣ получилъ новое мѣсто, и съ тѣхъ поръ уже не возвращался болѣе въ Петербургъ. Прослуживъ въ провинціи еще лѣтъ около пятнадцати, онъ вышелъ окончательно въ отставку, поселился въ родномъ Симбирскѣ, гдѣ и умеръ въ 1876 году.

Первыми поэтическими произведеніями Минаева, появившимися въ печати, были восемь стихотвореній, помѣщенныхъ Кукольникомъ въ его «Новогоднемъ сборникѣ» на 1839-й годъ. Стихотво-

ренія эти: «Дума на Волгѣ», «Пѣсня», «Роза и соловей», «Дѣдушка Донъ Ивановичъ», «Ивановъ цвѣтокъ», «Гонецъ», «Фантазія». «Ночная прогулка»—были встрѣчены благосклонно, какъ публикой, такъ и критикой, причемъ въ 3-мъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1839 г. было между прочимъ сказано, что всѣ они носятъ на себѣ печать свѣжаго замѣчательнаго дарованія, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ недостаетъ силы, какъ, напри- мѣръ, пьесамъ: «Дума на Волгѣ», «Ивановъ цвѣтокъ» и «Фантазія». Затѣмъ въ 9-й, 10-й и 11-й книжкахъ «Библиотеки для Чтенія» на 1840-й годъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ стихотвореній Минаева («Двѣ зари Бородинской годовщины», «Упрекъ Кавказу», «Дума въ Киргизъ-Кайсацкой степи» и другія), а въ 26-мъ, 27-мъ и 29-мъ нумерахъ «Иллюстраціи» Кукольника на 1846-й годъ появились послѣднія его четыре пьесы: «Жигулевскія горы», «Воспоминаніе», «Чатырдагъ», подражаніе Мицкевичу, и «Русскій на берегахъ Роны», но всѣ онѣ канули въ вѣчность, никѣмъ не замѣченныя, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были написаны значительно лучше, чѣмъ первыя его произведенія, появившіяся въ «Новогодникѣ» и вызвавшія похвалы критики. Вотъ, напри- мѣръ, одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Воспоминаніе»:

«Что было—промчалось, того уже нѣтъ!
 Надежда не манитъ фатою:
 Обманщицы милой плѣнительный слѣдъ
 Незримо лежитъ подъ травою.
 Душа опустѣла, какъ брошенный храмъ
 Сухой повликлъ въ наслѣдство;
 Лишь память несется къ минувшимъ годамъ
 На лоно безпечнаго дѣтства.
 И въ мірѣ мечтаній, подъ соннымъ крыломъ
 Пьетъ сердце по каплѣ забвенья—
 И дума смѣняетъ волшебнымъ жезломъ
 Запавшія въ память видѣнья».

Минаевъ не чуждъ былъ и беллетристическаго дарованія. Онъ писалъ повѣсти и рассказы, помѣщавшіеся въ «Сынѣ Отечества», редакторомъ котораго въ то время былъ покойный Фурманъ; но справедливость требуетъ замѣтить, что они не представляли собою чего-нибудь выдающагося изъ массы повѣстей того же журнала. Наконецъ въ 1846 году Минаевъ издалъ лучшее свое произведеніе—стихотворный переводъ «Слова о полку Игоревѣ», вызвавшій вполне заслуженныя похвалы большинства журналовъ. Въ строгомъ смыслѣ, это не переводъ, а поэма, написанная на тему «Слова о полку Игоревѣ», мѣстами близкая къ подлиннику, мѣстами дополненная собственными вставками Минаева, въ чемъ сознается самъ авторъ, подтверждая, что онъ «объяснялъ темныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатые мысли въ кар-

тины». Какъ бы то ни было, переводъ Минаевымъ «Слова о полку Игоревѣ», написанный красивыми, звучными стихами, принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ произведеній русской литературы послѣ-пушкинскаго періода. Послѣдними произведеніями Минаева были: «Слава о вѣщемъ Олегѣ», поэма, напечатанная въ 1847 году отдѣльной книжкой въ Петербургѣ, и «Тысячелѣтіе Руси въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ», былина, напечатанная десять лѣтъ спустя, въ 1857 году, въ Симбирскѣ въ довольно обширномъ изданіи, которое тѣмъ не менѣе прошло совершенно незамѣченнымъ. Въ настоящее время произведенія Д. И. Минаева, когда-то имѣвшія своихъ поклонниковъ, всѣми давно позабыты, и самое имя его знакомо только однимъ записнымъ библиографамъ, хотя произведенія Минаева много лучше современныхъ «произведеній» символистовъ, модернистовъ, импрессионистовъ и т. д.

V.

Сынъ Дмитрія Ивановича Минаева, Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ, симбирскій дворянинъ, родился 21-го октября 1835 года въ Симбирскѣ. Воспитывался онъ въ Дворянскомъ Полку, откуда вышелъ въ 1852 году съ чиномъ 14-го класса для поступленія на гражданскую службу. Прослуживъ около двухъ лѣтъ въ симбирской казенной палатѣ, Минаевъ вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ опредѣлился на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ земскій отдѣлъ по крестьянскому вопросу, въ которомъ прослужилъ до половины 1857 года. Выйдя въ этомъ году въ отставку, онъ окончательно поселился въ Петербургѣ и посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности.

Хотя Минаевъ началъ писать стихи еще во время своего пребыванія въ Дворянскомъ Полку, но появляться въ печати онъ сталъ гораздо позже, а именно въ 1858 году. Начиная съ этого года, стихотворенія Минаева стали появляться сначала въ «Иллюстраціи», «Русскомъ Мирѣ», «Сынѣ Отечества» и «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», а потомъ—въ «Русскомъ Словѣ», «Модномъ Магазинѣ», «Искрѣ», «Будильникѣ», «Свѣточѣ», «Времени», «Современномъ Дѣлѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ петербургскихъ и московскихъ повременныхъ изданійхъ. Начиная съ 1860 года, Минаевъ обратился къ переводамъ стихотворныхъ произведеній иностранныхъ поэтовъ, изъ которыхъ онъ переведилъ Альфреда де-Виньи, Альфреда де-Мюссе, Виктора Гюго, Барбье, Надо, Грессе, Бёрнса, Ювенала, Марло, Фелиція Гименса, Корнуэлля, Мура, Гёте, Гейне, Леопарди, Данте, Андерсона и Байрона, изъ котораго онъ перевелъ «Донъ-Жуана» («Современникъ» 1865—1866 гг.), «Чайльдъ-Гарольда» («Русское Слово» 1864 г.),

«Беппо» («Современникъ» 1863 г.), «Манфреда» («Русское Слово» 1863 г.), «Тьму» («Русскій Миръ» 1860 г.) и многія другія стихотворенія. Лучшія изъ оригинальныхъ стихотвореній Минаева, серьезнаго содержанія, это тѣ, которыя были написаны послѣ выхода въ свѣтъ его «Сумерекъ» и потомъ напечатаны въ изданіи его стихотвореній 1871 года. Что же касается его шуточныхъ стихотвореній, то они печатались въ «Искрѣ», «Будильникѣ», «Гудкѣ» и «Развлеченіи» подъ псевдонимами: Обличительный поэтъ, Темный человѣкъ, М. Бурбоновъ, Дм. Свіяжскій, Литературное домино и другіе, а впослѣдствіи были изданы два раза подъ такими заглавіями: «Перепѣвы», стихотворенія Обличительнаго поэта, Спб., 1859 г., и «Здравія желаю», стихотворенія отставнаго майора Михаила Бурбонова, Спб., 1869 г. Въ теченіе 1862 года Минаевъ редактировалъ сатирическую газету «Гудокъ».

Умеръ Д. Д. Минаевъ 10-го іюня 1889 года, 54 лѣтъ, въ Симбирскѣ. Печальная вѣсть о его кончинѣ поразила своей неожиданностью какъ друзей, такъ и почитателей поэта, который уѣхалъ изъ Петербурга совсѣмъ бодрымъ отдохнуть на берегъ Волги, въ свой родной Симбирскъ, отъ тревожной столичной жизни и отъ ежедневной обязательной газетной и журнальной работы, которую покойный поэтъ любилъ сравнивать съ Сизифовой.

Послѣднее время своего пребыванія въ Петербургѣ Минаевъ сильно хандрилъ и нерѣдко бывалъ мрачнымъ. Такая перемена съ поэтомъ была очень замѣтна. Изъ удивительнаго собесѣдника, необыкновенно остроумнаго, находчиваго, вносившаго всюду, гдѣ онъ появлялся, оживленіе, — Дмитрій Димитріевичъ превратился въ молчаливаго пессимиста и былъ неузнаваемъ. Вообще послѣдніе годы жизни Минаева представляютъ рѣзкій контрастъ съ ея началомъ. У Минаева почти вплоть до смерти было горе. Оно лежало въ условіяхъ его семейной жизни и отравляло ему существованіе. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ условіяхъ, а потому приходится только сказать, что, благодаря имъ, Минаевъ ни на чемъ не останавливался вдумчиво и продолжительно, онъ скользилъ по явленіямъ литературы и жизни, а потому его красивыя и виртуозныя по формѣ произведенія лишены, по большей части, внутренней глубины и силы. Благодаря тѣмъ же условіямъ, Минаевъ сильно злоупотреблялъ спиртными напитками. Впрочемъ, послѣдніе годы его жизни озарились нѣкоторымъ мягкимъ свѣтомъ, но въ смыслѣ воздѣйствія на его литературную дѣятельность это озареніе, къ сожалѣнію, уже запоздало: какъ писатель, Минаевъ сложился уже безповоротно. А, между тѣмъ, кое-что въ его литературной физиономіи подлежало бы измѣненію. Вотъ какъ описываетъ Н. К. Михайловскій перемену Минаева въ послѣдніе годы его жизни. «Лѣтъ, должно быть, за пять до его смерти, — говоритъ покойный критикъ, — послѣ долгаго перерыва, я

случайно столкнулся съ нимъ въ Москвѣ, въ вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги. Онъ былъ съ какою-то незнакомою мнѣ дамой. Первымъ моимъ движеніемъ (при воспоминаніи о первыхъ встрѣчахъ) было уклониться отъ встрѣчи, но онъ увидѣлъ меня и намъ пришлось даже ѣхать въ одномъ купе: онъ ѣхалъ въ Петербургъ, я—по дорогѣ въ Петербургъ. Съ первыхъ же словъ, которыми мы обмѣнялись, я почувствовалъ, что это не тотъ Минаевъ, что онъ точно вымытъ или «выстиранъ», какъ выразился ѣхавшій съ нами же Г. И. Успенскій. Перемѣна была необыкновенно рѣзкая, я такой больше не видалъ, и ключъ къ ней оказался очень простой: измѣненія условій семейной жизни. Послѣ этой поѣздки я довольно близко сошелся съ Минаевымъ, бывалъ у него, одно время мы даже жили стѣна объ стѣну, и я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какая благородная душа, какое нѣжное сердце систематически въ теченіе многихъ лѣтъ заливалось виномъ. Я тщетно искалъ хоть слѣдовъ того грубаго, разнузданнаго человѣка, который былъ мнѣ такъ антипатиченъ въ началѣ нашего знакомства. Пить попрежнему онъ пересталъ, но иногда, чрезвычайно рѣдко, ему случалось, по старой памяти и попавъ въ старую обстановку, выпить лишнее; однако и тутъ душа его оставалась просвѣтленной и умягченной, и прежній Минаевъ былъ емъ поросъ. О, если бы женщины, — заключаетъ Михайловскій, — всегда могли соображать, какой свѣтъ, но зато и какой мракъ могутъ онѣ вносить въ жизнь человѣка и, можетъ быть, въ особенности русскаго писателя!»

Писать о Минаевѣ, какъ человѣкѣ, можно, кажется, безъ конца! Каждая встрѣча съ нимъ давала массу интереснаго матеріала. Онъ постоянно острилъ, говорилъ экспромты въ стихахъ... и горе тому, кто попадалъ ему на зубокъ. Огромная часть этихъ экспромтовъ не записана и пропала. Много записано, но еще не увидѣло свѣта. Пользуясь случаемъ, въ архивъ записей, которыми воспользуется будущій издатель и біографъ поэта, привожу нѣсколько «минаевскихъ» экспромтовъ, неизвѣстныхъ еще въ большой печати.

Однажды поэтъ пришелъ въ гости къ одной своей пріятельницѣ, у которой не на чемъ было сидѣть (въ комнатѣ вмѣсто стульевъ стояла всего на всего одна табуретка). Поэтъ, замѣтивъ это, сказалъ:

За наказанье, говорить,
Становятъ въ уголь всѣхъ робить.
Я наказанье то считать
Готовъ всегда за похвалу:
И посидѣть и «постоять»
И радъ всегда въ твоемъ «углу».

Въ другой разъ по поводу одного жалобнаго стихотворенія, прочитаннаго Д. Д. одной его знакомой, хорошей его пріятельницей, онъ сострилъ:

Понятны гнѣвные мнѣ звуки
И пѣсни, полныя тоски:
Пѣть поневолѣ будешь муки,
Когда въ квартирѣ нѣтъ муки.

Наканунѣ проводовъ знаменитаго карикатуриста Н. А. Степанова по случаю перевода редакціи «Будильника» въ Москву, былъ устроенъ въ честь уѣзжающаго ужинъ. Минаевъ былъ особенно въ ударѣ и сыпалъ остротами направо и налево, приводя въ восторгъ и хозяина и гостей. Экспромты то и дѣло слетали съ его губъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, сказанный Д. Д. по просьбѣ Н. А. Степанова сосѣду за ужиномъ справа:

Сама природа надъ тобой
Со взломомъ кражу совершила:
Ограбила разсудокъ твой
И тутъ же ногу надломил!

А вотъ и другой, сказанный поэтомъ за тѣмъ же ужиномъ сосѣдкѣ, сидѣвшей слѣва отъ него:

Въ долгахъ, въ любви и въ обѣщаньяхъ,
Какъ кредиторша, какъ жена,—
Во всѣхъ своихъ предназначеньяхъ
Аделаида не вѣрна.
Въ работѣ, трезвости и пьянствѣ
Минутной прихоти полна,
И лишь въ одномъ непостоянствѣ
Она всегда себѣ вѣрна.

Внѣшностью Д. Д. Минаевъ напоминалъ многимъ Байрона. Особенно лицомъ и головой. Такой же огромный черепъ съ кудрявой шевелюрой, такія же мягкія черты лица, дышашія благородствомъ, съ примѣсью великорусскаго удалства, присущаго всѣмъ почти волжскимъ жителямъ. Въ обращеніи съ другими, особенно въ первую половину своей литературной дѣятельности, онъ былъ иногда рѣзокъ, но впослѣдствіи эта рѣзкость смягчилась «минаевскимъ» добродушнымъ юморомъ и сарказмомъ. Къ женщинамъ же Минаевъ относился всегда съ необыкновенной деликатностью и никогда не забывалъ этого утонченнаго обращенія съ «beau sexe», даже когда бывалъ въ беззастѣнливомъ настроеніи.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что Минаевъ обладалъ удивительнымъ чутьемъ въ распознаваніи литературныхъ людей. Однажды у Н. А. Степанова, къ которому онъ пришелъ въ гости, Минаеву пришлось познакомиться съ новымъ сотрудникомъ

«Будильника». Минаевъ взглянулъ на новичка и сказалъ: «Развѣ это литераторъ? Это какой-то квартальный!»

Кажется, съ тѣхъ именно поръ слово «квартальный» получило права гражданства въ литературѣ.

VI.

Обращаясь къ литературной характеристикѣ Д. И. и Д. Д. Минаевыхъ, приходится обратить главное вниманіе на послѣдняго. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что Д. И. Минаевъ не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, безъ сомнѣнія, творецъ перевода «Слова о полку Игоревѣ» достоинъ его, но все же справедливость требуетъ замѣтить, что въ литературномъ отношеніи Д. И. Минаевъ сильно уступаетъ своему знаменитому сыну.

Перефразируя извѣстную фразу Тургенева о поэтической дѣятельности Полонскаго, про Д. И. Минаева вполне можно сказать, что «онъ не эклектикъ, не поэтъ съ чужого голоса, что онъ, по выраженію Альфреда-де-Мюссе, пилъ хотя изъ маленькаго, но своего стакана. Талантъ Д. И. представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ Пушкинскаго изящества, и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлѣній». Если что и заимствовалъ Д. И. у другихъ, такъ это только направленіе. Поэзія его — поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть къ насилию и произволу. Въ этомъ отношеніи Д. И. Минаевъ до конца остается вѣренъ лучшимъ стремленіямъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете теплое слово, обращенное къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература и которые, въ сущности, никогда не должны въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе предъ искусствомъ и предъ всѣми родами духовнаго величія — вотъ постоянныя черты поэзіи Д. И. Минаева и, если онъ не былъ предтечей этихъ идей, то онъ всегда былъ ихъ вѣрнымъ поклонникомъ.

Я уже упоминалъ выше, что неудачно сложившіяся семейныя условія Д. Д. Минаева сильно отозвались на всемъ распорядкѣ его жизни и въ частности на его литературной дѣятельности. Д. Д. имѣлъ безусловно всѣ данныя для того, чтобы быть перво-классной величиной на горизонтѣ русской поэзіи, однако мы этого не видимъ. Это произошло оттого, что, человѣкъ, безспорно, очень талантливый, Д. Д. Минаевъ прежде всего необыкновенно разбрасывался. Онъ, ни на чемъ не останавливаясь вдумчиво и продолжительно, какъ бы скользилъ по явленіямъ жизни и литературы. Кромѣ того, онъ былъ виртуозомъ слова, — каламбуръ, игра

словъ, трудная и какая-нибудь фокусная рима всегда соблазняли его, настолько соблазняли, что подчасъ заслоняли собою мысль. Можно предположить, что беспорядочная жизнь Минаева, сложившаяся подъ вліяніемъ тяжелыхъ семейныхъ условій, была главной виновницей этой разбросанности и этой чрезмѣрной склонности къ разнообразной, виртуозной и вмѣстѣ съ тѣмъ мелкой игрѣ словами. Благодаря наличности этихъ двухъ свойствъ минаевской музы, почти всѣ его произведенія, мало-мальски серьезнаго содержанія, не отличаются ни глубиной, ни силой (хотя бы взять, напримѣръ, его удостоившуюся уваровской премии и напечатанную въ «Вѣстникѣ Европы» за 1874-й годъ комедію «Спѣтая пѣсня»); но зато въ шуточныхъ стихотвореніяхъ, пародіяхъ, обличеніяхъ, эпиграммахъ—онъ былъ неподражаемъ по остроумію, всегда безпощадному, язвительному, злему и въ большинствѣ случаевъ очень и очень мѣткому. Въ силу неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ, не найдя себѣ развитія въ области серьезной литературы, талантъ Минаева нашелъ себѣ самое лучшее примѣненіе въ области сатиры. Ему по справедливости принадлежатъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ сатириковъ. Чтобы понять большее значеніе для Россіи сатирическаго дарованія Минаева, слѣдуетъ вспомнить, чѣмъ для Россіи была «Искра» Курочкина, въ которой Минаевъ принималъ самое дѣятельное участіе.

«Искра» подъ редакціей В. С. Курочкина начала издаваться съ 1859 года. Не прошло двухъ-трехъ лѣтъ послѣ начала изданія, какъ «Искра» была въ числѣ первыхъ органовъ прессы въ Россіи. Она расходилась по всѣмъ городамъ; число подписчиковъ «Искры» въ счастливую пору ея существованія превышало 10,000; кромѣ того, при каждомъ обличеніи провинціального скандала масса экземпляровъ выписывалась городомъ, въ которомъ происходилъ скандалъ. «Искра» сдѣлалась грозой для всѣхъ, у кого совѣсть была нечиста, и «попасть въ «Искру», «упечь въ «Искру»—были самыми обыденными выраженіями въ жизни шестидесятыхъ годовъ. Не было ни одного крупнаго или мелкаго безобразія общественной или литературной жизни, которое не имѣло бы мѣста на страницахъ «Искры», въ игривыхъ, полныхъ необузданнаго остроумія куплетахъ, пародіяхъ или въ прозѣ, исполненной убійственныхъ сарказмовъ; не существовало такой пошлости, которая не была бы представлена во всемъ безобразіи, и не было такого поддеца, который не увидалъ бы въ одинъ прекрасный день своей фізіономіи въ ряду карикатуръ «Искры» съ полной подписью всѣхъ нравственныхъ качествъ. Самыя талантливыя, остроумныя и безпощадно-злыя строки въ газетѣ принадлежали самому издателю, который трудился неутомимо: писалъ куплеты, пародіи, передовыя и обличительныя статьи, изобрѣталъ карикатуры для исполненія художниками и такъ далѣе. (Скабичевскій, «Ист. нов.

рус. лит.», стр. 472—3). Однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и пользовавшихся наибольшей извѣстностью сподвижниковъ В. С. Курочкина на поприщѣ легкой сатиры и въ качествѣ постоянного сотрудника «Искры» былъ Д. Д. Минаевъ. Отсутствие пока даже всякой попытки изданія полного собранія юмористическихъ стихотвореній Минаева, отражающихъ почти всѣ безъ исключения явленія литературнаго и общественнаго дня съ 1858 по конецъ восьмидесятихъ годовъ,—представляетъ досадный и достойный сожалѣннй фактъ.

Съ 1860 года Минаевъ много занимался переводами. Онъ переводилъ: Альфреда де-Виньи, Альфреда де-Мюссе, Виктора Гюго, Барбье, Надо, Грессе, Бёрнса, Ювенала, Марло, Фелиція Гименса, Корнуэлля, Мура, Гёте, Гейне, Леопарди, Данте, Андерсона и Байрона; но такъ какъ онъ зналъ языки плохо и часто переводилъ на стихи подстрочные переводы другихъ лицъ, наподобіе какъ Жуковскій—«Одиссею», то переводы его, отличающіеся большою легкостью и часто красотой стиха, далеко не всегда могутъ претендовать на такое же совершенство со стороны точности и близости къ подлиннику. Впрочемъ, если переводы Минаева и не отличаются особенной близостью къ буквѣ подлинника, то этотъ недостатокъ его выкупается вполне блестящимъ стихомъ, заставляющимъ часто забывать невѣрность перевода. О. Э. Миллеръ въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій «О Байронѣ», которыя онъ читалъ весной 1873 года въ залѣ петербургской городской думы, характеризуя личность Байрона, прочелъ извѣстное «Прощаніе Чайльдъ-Гарольда» въ переводѣ Д. Д. Минаева, при чемъ сказалъ, что изъ многихъ печатныхъ русскихъ переводовъ этого стихотворенія онъ выбралъ переводъ Минаева потому, что онъ всего болѣе напоминаетъ подлинникъ, благодаря художественности формы и блеску стиха. Я нарочно упоминаю объ этомъ отзывѣ извѣстнаго критика, чтобы мои предыдущія предъ нимъ строки не показались голословными. Лучшіе изъ переводовъ Д. Д. Минаева—это тѣ, въ которыхъ онъ не стѣсняетъ себя размѣромъ и формой строфъ, часто представляющихъ непреодолимыя трудности. Таковы, на примѣръ, переводы его «Чайльдъ-Гарольда», «Беппо» и «Манфреда».

Большое сатирическое дарованіе и прямо-таки поразительный версификаторъ, Д. Д. Минаевъ былъ менѣе ярокъ, какъ чистый лирикъ. Но въ области гражданско-соціальной лирики, которой онъ своевременно заплатилъ дань, онъ не уступаетъ такимъ корифеямъ ея, какъ Некрасовъ и Плещеевъ. Стихотворенія его этого рода, отличаясь силой и страстностью, свидѣтельствуютъ, что изъ Минаева при благоприятныхъ условіяхъ могла бы выработаться поэтическая величина, не уступающая по силѣ и страстности означеннымъ, а по красотѣ и совершенству формы даже превос-

ходящая ихъ. Главное достоинство этихъ произведеній—задушевная теплота тона и гуманное участіе къ угнетеннымъ и обиженнымъ. Живо и глубоко чувствуя одуряющую ложь пошлой жизни, постигнув всю грязь сплетенъ, тщеславія, зависти и злости, весь давящій и обезличивающій гнетъ деспотизма, Минаевъ изображаетъ печальную дѣйствительность во всей ея безобразной наготѣ, не жалѣя ни красокъ, ни тонкаго анализа. Особенно возстаетъ Минаевъ противъ инертности и индифферентизма русскаго общества, засасывающихъ его со временъ Гостомысла и до сихъ поръ. Въ этомъ отношеніи онъ является олицетвореннымъ протестомъ, и эпиграфомъ къ его поэтической дѣятельности какъ нельзя лучше идетъ его собственный экспромтъ, посвященный дочери— Катѣ Минаевой:

Гдѣ нѣтъ бури, что за бури
 Не онѣ страшны,—страшна
 пылкой огненной натурѣ
 Лишь нѣмая тишина..
 Да затишье празднои скуки,
 Безъ борьбы и безъ труда,
 Гдѣ опущенныя руки
 Льнѣт сковала навсегда...

VII.

Въ заключеніе хочется сказать о всѣхъ вообще русскихъ дорогихъ могилахъ и объ отношеніи къ нимъ публики.

Всѣмъ извѣстно, что русская память коротка, но ни для кого этотъ недостатокъ не ощутителенъ въ такой мѣрѣ, какъ для творцовъ нашего художественнаго слова. Достаточно всего на всего нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы когда-то довольно хорошо извѣстное въ литературныхъ кружкахъ имя стало выцвѣтшимъ дагерротипомъ полузабытаго, хотя и милаго, лица для ближайшихъ его друзей и мертвой буквой—для читающихъ массъ; короткая русская память успѣваетъ за это время почти совсѣмъ заслонить нѣкогда великій творческій обликъ десятками другихъ—блѣдныхъ, другъ на друга похожихъ, мелькающихъ пестрой смѣною современнаго калейдоскопа, если и оставляющихъ впечатлѣніе, то—неопредѣленное, туманное, расплывающееся безцвѣтными свѣтотѣнями. Много громкихъ словъ и фразъ бросается въ воздухъ, много искреннихъ, повидимому, слезъ звучитъ въ словахъ, приносимыхъ надъ могилами, гостепрѣимно открывающими свои холодныя объятія творцамъ нашего художественнаго слова. Но время показываетъ болѣе чѣмъ ясно, какъ мало значатъ и слова и слезы предъ всеразрушающей силою русскаго забвенія. Въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ «темной» деревни.

Народная Русь, вѣрная завѣтамъ дѣдовъ-прадѣдовъ, свято, хотя и довольно своеобразно, чтитъ память своихъ близкихъ людей, отходящихъ въ иной міръ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ особы поминальные дни, неразрывно связанные съ вѣковымъ укладомъ ея жизни, такъ и многіе глубоко-трогательные обычаи, соблюдаемые до сихъ поръ. Во всѣхъ выдающихся событіяхъ своей нехитрой жизни вспоминаетъ русскій народъ о «дорогихъ покойничкахъ»: онъ привѣтствуетъ ихъ краснымъ яичкомъ въ радостные дни Свѣтлаго праздника и въ погожіе лазоревые дни весенней Радуницы, прощается передъ зимними студеными вьюгами въ ненастную Дмитріевскую субботу, плачетъ, причитаетъ на ихъ безыменныхъ могилахъ во время посѣщенія бѣды-незгоды и пируетъ съ ними въ радостную пору. Все это показываетъ наличность въ крестьянахъ неугасаемой вѣры въ безсмертіе души человѣческой, въ покровительственное общеніе умершихъ съ остающимися сградать и радоваться на землѣ. Вотъ на этой-то вѣрѣ суевѣрнаго сердца народнаго и зиждется великая преемственность поколѣній, которою славенъ духъ народа-пахаря, самобытный во всѣхъ сзюихъ проявленіяхъ.

Но мы—такъ называемые интеллигенты—чѣмъ дальше отступаемъ отъ устоевъ «темной» крестьянской жизни и чѣмъ ближе подходимъ къ свѣтлому храму общечеловѣческаго прогресса,—тѣмъ короче становится наша русская память къ покойникамъ. Мы не только порываемъ коренящіяся въ народной средѣ связи съ загробнымъ міромъ, но все менѣе и менѣе охотно начинаемъ выказывать даже внѣшнія проявленія своей близости къ умершимъ. Я не знаю, чѣмъ это объяснить: тѣмъ ли, что притупляется память, или черствѣетъ погруженная въ будничныя заботы душа,—но только все это встаетъ неоспоримымъ фактомъ, вызывающимъ на самыя грустныя размышленія.

Особенно яркимъ и разительнымъ доказательствомъ нашего безучастія и равнодушія къ творцамъ русскаго духовнаго наслѣдія являются наши русскія кладбища. Я не говорю уже о томъ, что у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ ни Пантеоновъ, ни Вестминстерскихъ аббатствъ, нѣтъ даже ни одного кладбища подобнаго парижскому «Père Lachaise», если не считать такъ называемыхъ Литераторскихъ мостковъ петербургскаго Волкова кладбища, надъ которыми витаютъ тѣни многихъ близкихъ чуткому русскому сердцу людей. Наши писатели, художники, артисты, ученые и общественно-государственные дѣятели, какъ извѣстно, не отличающіеся единодушіемъ при жизни, и, умирая, не сходятся въ какомъ-либо одномъ «городѣ мертвыхъ». Рознь, вездѣ и во всемъ—рознь... И живые, и мертвые идутъ вразбродъ! По разнымъ городамъ, въ глухихъ углахъ городскихъ кладбищъ стоятъ почти никому невѣдомыя, всѣми почти забытыя и почти никѣмъ не

посѣщаемыя могилы. Совсѣмъ разваливаются еле замѣтные холмики, надъ которыми сиротливо склоняются все глубже и глубже растающіе въ землю кресты съ полустертыми именами лежащихъ подъ ихъ печальной сѣнью знаменитыхъ людей или безобразныя каменные глыбы, долженствующія изображать памятники. Надъ многими могилами, вѣроятно, упали уже кресты, и онѣ стоятъ безкрестныя, постепенно теряясь и забываясь въ густой массѣ одинаковыхъ крестовъ и могилъ. Городскія самоуправленія словно забыли про эти могилы; а вѣдь и не особенно много нужно, чтобъ содержать въ чистотѣ и порядкѣ.

Въ Вѣнѣ вотъ уже 75 лѣтъ существуетъ фондъ, пущенный въ оборотъ и предназначенный для поддержанія въ порядкѣ и сооруженія памятниковъ надъ могилами композиторовъ. Кто бывалъ въ столицѣ Австріи и посѣщалъ ея старинныя кладбища, тѣ, восхищаясь, передаютъ, въ какомъ порядкѣ содержатся тамъ памятники славнымъ композиторамъ. Вокругъ нихъ масса зелени и цвѣтовъ. Видно, что кто-то заботится о нихъ. Кто же? Магистратъ Вѣны. Онъ дѣлаетъ ежегодно опредѣленныя ассигновки на поддержаніе въ должномъ порядкѣ могилъ своихъ знаменитыхъ соотечественниковъ: Моцарта, Гайдна, Бетховена, Глюка и др., и внимательно слѣдитъ за этимъ порядкомъ. Не то мы видимъ у насъ, въ Россіи. Если могилы нѣкоторыхъ знаменитыхъ актеровъ еще составляютъ предметъ заботъ театральнаго общества, то могилы большей части русскихъ писателей, ученыхъ и мыслителей совершенно запущены, заброшены и забыты, какъ будто некому вспомнить о нихъ. А между тѣмъ у насъ существуетъ Литературный Фондъ и цѣлая вереница различныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. Неужели имъ нѣтъ никакого дѣла до памяти нашихъ великихъ творцовъ духовнаго наслѣдія?

VIII.

Поздней осенью мнѣ пришлось еще разъ побывать на могилѣ Минаевыхъ. Въ срединѣ октября мнѣ олучилось быть въ гостяхъ у знакомыхъ, жившихъ подъ симбирской горой. Когда я вышелъ отъ нихъ, мнѣ пришла въ голову мысль прогуляться по берегу Чувича, кстати это было недалеко.

Недавно прошелъ дождь. Улицы были покрыты водой, и все—мостовая, крыши и тротуары—блестѣли, словно смазанные лакомъ. По сточнымъ канавамъ, бурля и пѣнясь, бѣжала грязно-желтая вода. Небо прояснилось. Сѣрая свинцовая туча съ крутящимися краями уходила на востокъ, за Волгу, а на западѣ лиловой полосой протянулась уже новая. Проглянуло солнце и заиграло ослѣпительными искрами и пятнами по мокрымъ крышамъ и деревьямъ. Я шелъ по мокрымъ тротуарамъ, мимо фруктовыхъ

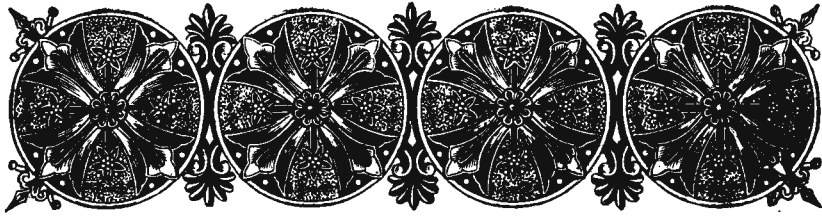
садовъ, загороженныхъ сѣрыми досчатыми заборами, покрытыми отъ дождя темными мокрыми полосами. Сады стояли уже пустыя, съ остатками листвы самыхъ разнообразныхъ отбѣнковъ, начиная отъ ярко-желтаго и кончая ярко-краснымъ, отчего все Подгорье казалось покрытымъ типичной, желтой съ красными разводами, шалью московскихъ старомодныхъ купчихъ. Вскорѣ тротуары кончились, и я принужденъ былъ итти по узкой тропкѣ, вдоль плетней, цѣпляясь руками за колья и за сучья деревьевъ, нависшихъ надъ головой. Наконецъ сады кончились, и предо мной потянулись мокрые, изсѣра-зеленые, словно выцвѣтшіе луга, а за ними блеснула свинцовая лента Чувича. А вотъ и Минаевское кладбище. Оно было окружено новой дощатой рѣшеткой, выкрашенной въ красную краску, и не казалось уже заброшеннымъ. У ограды паслась лошадь, вздрагивая мокрымъ животомъ и бедрами. Я вошелъ въ ограду и направился къ Минаевской могилѣ. Вокругъ нея стало еще непривѣтливѣе и пустыннѣе. Памятники стояли мокрые, облѣпленные желтыми листьями; дождь смылъ съ нихъ многія надписи, только «Онъ поетомъ въ мѣрѣ жилъ» ясно видѣлось на одной изъ сторонъ. Вязъ, черный, приземистый, печально стоялъ между памятниками, вздрагивая остатками листвы, съ которой при каждомъ порывѣ вѣтра скатывались крупныя дождевыя капли.

Мнѣ пришлось пробыть на кладбищѣ недолго. Небо опять покрылось сплошной тучей. Стало темно и непривѣтливо. Заморосилъ мелкій холодный дождь. Я поспѣшилъ уйти съ кладбища. При выходѣ изъ ограды я столкнулся съ печальной процессіей. Четыре носильщика съ мокрыми, прилипшими ко лбу волосами и въ грязныхъ сапогахъ, облѣпленныхъ листвою, несли, раскачивая на бѣлыхъ коленкоровыхъ полотенцахъ, простой, некрашенный гробъ, забитый плоской крышкой. За гробомъ, безмолвно плача, шли двѣ женщины, повидимому, мать и жена покойника, и два маленькихъ мальчика въ рваныхъ кацавейкахъ, утиравшіе глаза изсиня грязными кулаченками. Тутъ только я замѣтилъ, что налѣво отъ входа, зіяя чернымъ отверстіемъ, ждала жильца мокрая, осклизлая могила. Жалобно скрипѣла отъ вѣтра входная калитка.

...Дождь пошелъ сильнѣе...

Н. А. Державинъ.

ПОТОМКИ БАЗАРОВА.

ТУРГЕНЕВСКИЙ Базаровъ рѣшительно отрицалъ искусство и поэзію. По его мнѣнію, Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ, а Пушкинъ написалъ такую чепуху, которой читать не слѣдуетъ.

Въ основѣ базаровскаго міросозерцанія лежалъ матеріализмъ естествоиспытателей и та достаточно наивная истина, что съ точки зрѣнія физиологическихъ отправления нѣтъ разницы между лягушкой и человѣкомъ. Мода на естественныя науки смѣнилась сначала модой на политическую экономію, а потомъ на социализмъ, и современные намъ потомки нигилиста Базарова стали фанатиками экономическаго матеріализма. По существу остался прежній нигилизмъ, отрицающій духовное начало и чело-вѣческую душу, но съ внѣшней стороны онъ видоизмѣнился сообразно съ требованіями времени. Базаровъ преклонялся передъ Бюхнеромъ, его потомки молятся на Карла Маркса. Но нигилистами и сплошными отрицателями они себя не признаютъ, указываютъ на положительный идеалъ всеобщей нивеллировки и въ социализмѣ стараются даже найти своего рода нравственность и религію.

Лишенный чувства красоты и поэтическаго чутья, Тургеневскій герой прямо сознавался въ совершенномъ непониманіи художественной литературы. По его словамъ, порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта, а тѣмъ болѣе критика въ родѣ Бѣлинскаго. Потомки же Базарова изъ социаль-демократовъ

своего непонимания не сознают, и теперь, когда интересъ къ политикѣ пошелъ на пониженіе, занимаются критическими упражненіями и выпустили три сборника критическихъ статей: «Литературный распадъ», «На вершинѣ», «На рубежѣ». Стрѣлы ихъ направлены почти исключительно на самыхъ новѣйшихъ писателей: Максима Горькаго, Леонида Андреева, Сологуба, Арцыбашева, и только одинъ критикъ удостоилъ вниманіемъ Л. Н. Толстого.

Изъ его статьи узнаемъ, что у Толстого имѣется крупный недостатокъ: онъ принадлежитъ къ великосвѣтскому барству. Преклоненіе его передъ мужикомъ тоже барство. Кромѣ того, онъ позволилъ себѣ непростительную ересь; въ 60-хъ годахъ онъ пошелъ своей дорогой, далеко расходящейся со всѣми прогрессивными теченіями освободительной эпохи. Хотя авторъ этого критическаго упражненія снисходительно признаетъ, что Толстой «все-таки съ правомъ заслужилъ названіе великаго писателя русской земли», но едва ли понимаетъ, за что ему дано такое почетное прозвище. Онъ думаетъ, что если классикъ реалистической школы, какъ онъ называетъ Толстого, могъ пренебречь исторической перспективой и заслужить такое почетное названіе, то это свидѣтельствуется не о его громадномъ художественномъ талантѣ, а о томъ, какъ бѣдна еще наша родина историческимъ прошлымъ, какъ неглубоко сидятъ въ ней корни цивилизаціи, какъ много въ ней варварства. Критикъ не рѣшается сказать прямо, что Толстой отсталый писатель, и выражаетъ свою мысль прикровенно слѣдующимъ образомъ:

«Когда надъ Россіей взойдетъ заря свободы, когда она превратится въ европейское государство, великій писатель земли русской станетъ великимъ памятникомъ безвозвратнаго прошлаго».

Другими словами, когда возсіяетъ социаль-демократическое солнце, Толстого похоронитъ безвозвратное прошлое, а читать будутъ исключительно «товарищей» изъ марксистовъ.

Скромностью наши социаль-демократы никогда не отличались. Съ большимъ самомиѣніемъ, происходящимъ отъ невѣжества, рѣшаютъ они міровые вопросы. Отрицая религіозныя истины, издѣваясь надъ вѣрующими въ загробную жизнь, они тѣмъ не менѣе требуютъ благоговѣйнаго поклоненія своимъ божкамъ и слѣпо вѣруютъ въ торжество социалистическихъ идей. «Въ настоящее время,—читаемъ мы у одного изъ этихъ социаль-фанатиковъ,—даже самые принципиальные, самые непримиримые враги социалистической «таблицы логарифмовъ» (выраженіе Энгельса) не спорятъ противъ того, что только социализмъ можетъ сдѣлать культуру доступной для всѣхъ безъ различія людей. Это слишкомъ очевидная, слишкомъ банальная истина для того, чтобы стоило ее доказывать». Приятное самообольщеніе, едва ли оправдываемое фактами. Не безъ основанія Спенсеръ называлъ социализмъ грядущимъ

цимъ рабствомъ, а Достоевскій—бѣсовскимъ навожденіемъ. Судя по тому, что проповѣдуютъ наши социалисты, позволительно сомнѣваться, способны ли они вообще насадить культуру, и можно съ увѣренностью сказать, что человѣчество потеряетъ всѣ свои духовныя цѣнности, если эта мнимая культура станетъ всѣмъ доступна.

Во всякомъ случаѣ новѣйшіе критическіе сборники свидѣтельствуя о томъ, что художественная литература остается внѣ пониманія социаль-демократовъ. Возьмемъ для примѣра г. Луначарскаго, пользующагося извѣстностью въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Съ гордостью заявляетъ онъ, что имѣетъ честь принадлежать къ тому направленію въ марксизмъ, которое смотритъ не назадъ, а впередъ. И вотъ, глядя впередъ, г. Луначарскій силится доказать, что можетъ существовать особаго рода марксистское и «пролетарское» искусство и что это-то и есть новое искусство, долженствующее озарить міръ.

Нашъ критикъ не останавливается на выраженіи «пролетарское» искусство, для свѣжаго человѣка довольно странномъ, хоть и давно вошедшемъ въ социалистическій словарь. Что разумѣть подъ пролетарскимъ искусствомъ: искусство для пролетаріевъ, или искусство, создаваемое пролетаріями? Если первое, мы имѣли бы дѣло съ художниками и беллетристами, поддѣлывающимися подъ вкусы рабочихъ неизвѣстно съ какой цѣлью, развѣ для того только, чтобы срывать аплодисменты на митингахъ. Второе толкованіе еще болѣе дикое. Произведенія искусства дѣлятся не по своей идеѣ и по своей формѣ, а по происхожденію автора, живописца, скульптора.

Г. Луначарскій имѣетъ въ виду ни то, ни другое, а думаетъ, что можетъ быть какое-то особенное пролетарское содержаніе искусства, и пролетарское содержаніе должно быть марксистскимъ, такъ какъ предполагается, что всякій порядочный пролетарій—марксистъ. Его нисколько не смущаетъ, что ученіе Маркса—экономическая теорія, не имѣющая ничего общаго съ искусствомъ. Это сухое ученіе, замѣчаетъ онъ, эта стальная догма съ ея преобладаніемъ объективныхъ законовъ надъ живымъ человѣчествомъ, съ ея экономическимъ методомъ, ея выкладками, гдѣ тутъ развернуться художнику! На это основательное замѣчаніе онъ отвѣчаетъ такими малоубѣдительными словами: «Возможно ли, чтобы великій классъ, уже завоевавшій себѣ умы, подобные Марксу, Лассалю, и помогшій имъ въ дѣлѣ созданія основъ своего міровоззрѣнія, самаго стройнаго и синтетическаго изъ когда-либо существовавшихъ, не завоевалъ себѣ также и художниковъ и не помогъ имъ освѣтить настоящее яркимъ свѣтомъ новаго, пролетарскаго искусства».

Мы, несомнѣнно, имѣемъ тутъ важное открытіе. Рабочіе написали «Капиталъ» Маркса. Можетъ быть, они же создали знаменитую

картину Иванова «Явленіе Христа народу»; среди его натурщиковъ были представители великаго класса.

По мнѣнію социаль-демократовъ, пролетаріатъ, какъ классъ угнетенный, не можетъ создать своей культуры уже теперь, но зачатки культуры и своего искусства онъ уже создаетъ. Подобныя истины изрекаются самымъ серьезнымъ тономъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ существуетъ сословная культура и искусство дворянское, мѣщанское и фабричное. Говорите же послѣ этого, что искусство вѣчно. Мысль о какомъ-то отдѣльномъ марксистскомъ искусствѣ наши социаль-демократы поясняютъ слѣдующимъ образомъ.

Марксистамъ даетъ художнику основу для своеобразнаго и трагическаго пониманія быта. Экономическій фатумъ, разбивающій существованія и строящій исторію, это новая основа для глубокой трагедіи, которую немарксистъ можетъ начертать безъ пониманія ея глубокихъ причинъ, но которую художникъ-марксистъ можетъ освѣтить до дна. И повѣрьте, что Поленцы, Розеггеры, Базены и особенно Верхарнъ, рисуя муки разлагающейся деревни, прямо или косвенно, иногда сами того не зная, находились подъ вліяніемъ великой пролетарской идеологіи.

Здѣсь подъ одну рубрику подведены писатели, не имѣющіе между собой ничего общаго: чопорный французскій академикъ Базенъ, представившій въ идиллическомъ свѣтѣ добродѣтельнаго батрака, реалистъ Поленць, народникъ, нарисовавшій картину разоренія крестьянина ростовщикомъ, приведшую въ восторгъ Толстого, туманный декадентъ Верхарнъ. Если всѣ эти беллетристы заслуживаютъ названія художниковъ, что несомнѣнно,—надо полагать, что они находились подъ вліяніемъ своихъ жизненныхъ наблюденій и художественной фантазіи, а никакъ не пролетарской идеологіи. Достаточно извѣстно, что европейская интеллигенція пролетаріатомъ не восхищается и поученія у него не ищетъ.

Творцы пролетарской критики оказались въ трагическомъ положеніи: имъ приходится защищать большевика Максима Горькаго, заподозрѣннаго въ измѣнѣ. Писатель этотъ, какъ извѣстно, очень быстро засверкалъ на литературномъ небѣ и столь же быстро потухъ. Онъ началъ съ прославленія босячества и хотя наряжалъ босяковъ въ романтическую мантию, все же въ своихъ первыхъ произведеніяхъ сумѣлъ нарисовать картины изъ народной, мѣщанской и купеческой жизни и далъ намъ художественные рассказы. Двѣ его пьесы имѣли значительный успѣхъ, правда, главнымъ образомъ, благодаря талантливой постановкѣ московскаго Художественнаго театра и модѣ на этотъ театръ. Въ первый и лучшій періодъ своей жизни Максимъ Горькій писалъ «внутромъ», пѣлъ, какъ поютъ птицы, и никакихъ экономическихъ ученій къ своему безыскусственному разсказу не припутывалъ. Революція сму-

тила его и совратила его съ художественнаго пути. Въ 1905 году всѣ надѣли на себя партійные ярлыки, и Максимъ Горькій записался въ социаль-демократы. Сдѣлаться настоящимъ публицистомъ онъ не могъ, на это у него не хватало знанія и образованія, вмѣсто того онъ занялся публицистическимъ романомъ и публицистической драмой, наихудшимъ видомъ литературы. Жизненные наблюденія онъ замѣнилъ теоріей марксистовъ, вмѣсто живыхъ людей выводилъ маріонетокъ съ этикетками: «фабрикантъ-поработитель», «честный пролетарій», «большевикъ-радѣтель о благѣ народномъ». Въ старой дѣтской литературѣ, теперь основательно забытой, герои въ назиданіе юнымъ читателямъ дѣлились всегда на злыхъ мальчиковъ и добрыхъ, злой Петя получалъ заслуженную кару, а добрый Володя удостоивался награды. Такъ и у Максима Горькаго (напримѣръ, въ длиннѣйшей и скучнѣйшей повѣсти «Мать») люди дѣлятся на злодѣевъ-капиталистовъ и добродѣтельныхъ пролетаріевъ. Дѣйствующія куклы изъ хорошей половины исповѣдуютъ марксистскую религію и на тысячи ладовъ повторяютъ шаблонныя фразы, которыя въ разгаръ революціонной вспышки достаточно надобѣли намъ на митингахъ и въ издававшихся тогда крайнихъ листкахъ. Неудивительно, что критики заговорили о концѣ Горькаго и театры не желали ставить его пьесъ, гдѣ нѣтъ ни драматическаго дѣйствія, ни характерныхъ лицъ, ничего, кромѣ шаблонныхъ разговоровъ на публицистическія темы.

Авторъ далъ намъ образцы того жалкаго искусства, которое желаютъ называть пролетарскимъ, содержаніе его сводится къ прославленію революціи и возвеличенію пролетаріата. Отъ подобнаго рода искусства, отъ искусственной мертвечины съ отвращеніемъ отвернулись и публика и критика. Самъ авторъ почувствовалъ свое омертвѣніе и свернулъ на старый путь.

Въ прошломъ году Максимъ Горькій напечаталъ повѣсть «Исповѣдь», въ которой нѣтъ ни одного социаль-демократа и ничего не говорится о преимуществахъ социализма. Разсказъ съ сильной религіозной окраской, о томъ, какъ простой человѣкъ Матвѣй ищетъ Бога, привѣтствовали буржуазные критики и писатели-декаденты. Социаль-демократы, отказывающіеся сидѣть за однимъ столомъ съ буржуазіей, считаютъ позорной похвалу буржуевъ и всячески отъ нея отрециваются.

Максимъ Горькій патентованный социаль-демократъ большевикъ, а содержаніе его повѣсти религіозное. Какъ же быть? Надо выгородить товарища.

Одинъ изъ современныхъ потомковъ Базарова, слагающій Горькому неумѣлый панегирикъ, увѣряетъ, что литература дѣлится на демократическую и недемократическую. Горькій выразилъ мысль, что искусство должно облагородить человѣка. Мысль эта, которую критикъ считаетъ совершенно новой и почти гениальной, не могла

зародиться въ головѣ буржуа. Злые Петеньки изъ партій правѣ эс-дековъ находятъ, что искусство должно опоплить человѣка. Но великій Максимъ писатель-общественникъ, создатель демократической беллетристики, онъ пишетъ «языкомъ демократичнымъ безъ всякой литературщины» (хорошъ аттестатъ!), т. е. безъ всякаго искусства. «Теперь, когда въ эпоху реакціи буржуазная пресса открыла походъ противъ общественности въ литературѣ, теперь, когда оплевываютъ и позорятъ святое мѣсто кошкодавы, садисты, хулиганы, приставшіе къ литературѣ съ цѣлями наживы, саморекламириванія и какой-то бѣшеной биржевой игры, этотъ призывъ—«искусство должно облагородить человѣка», перестроить жизнь—рѣзко отграничиваетъ демократическую литературу отъ литературы чуждой и даже враждебной интересамъ демократіи».

Критикъ очень оскорбленъ измѣной прежнихъ «товарищей», перешедшихъ въ кадетскій лагерь. Въ «Рѣчи» бывшіе социаль-демократы Леониды Галичи слагаютъ похвалу мудрому мѣщанству Европы, трудовому мѣщанству, и обращаются къ мѣщанамъ точно къ варягамъ изъ-за моря, въ «Русской Мысли» поучаютъ, что уйти отъ мѣщанства, т. е. отъ быта и культуры, современному человѣку такъ же трудно, какъ уйти отъ самого себя. Бердяевъ, бывшій социаль-демократъ, чернить революцію, а Философовъ, Гиппіусъ и Мережковскій совершили еще худшее преступленіе: въ своей коллективной драмѣ «Маковъ цвѣтъ» они, говоря о революціи, позабыли рабочаго. По счастью, существуютъ еще герои. «Могильщики мѣщанства ведутъ борьбу не на животь, а на смерть съ ихъ культурой, съ ихъ бытомъ, борьбу за освобожденіе отъ варяговъ всѣхъ родовъ оружія». На Горькаго надежда еще не потеряна. Эта борьба нуждается въ своемъ освѣщеніи, и освѣтить ее можетъ художникъ, который помнитъ о своемъ кровномъ родствѣ съ рабочими.

Какое глубокое пониманіе литературныхъ теченій и какое назидательное дѣленіе на бѣлую и черную кость! Максимъ Горькій столпъ литературы, потому что онъ приписанъ къ малярному цеху. А писатели, имѣвшіе несчастіе родиться отъ дворянъ, не способны воспринять демократическія идеи и заниматься искусствомъ, облагораживающимъ человѣка.

Въ «Исповѣди» имѣются, однако, тревожные признаки. Какая птица станетъ символомъ новаго періода, говоритъ критикъ, мы не знаемъ. Не хотѣлось бы, чтобъ это была та бѣлая птица, родившаяся въ сумракѣ души Матвѣя и о которой онъ говоритъ съ какимъ-то религіознымъ умиленіемъ: «Словно нѣкая бѣлая птица, давно уже рожденная, дремала въ сумракѣ души моей, а я этого не зналъ и не чувствовалъ. Но вотъ нечаянно коснулся ея, пробудилась она и тихо поетъ на утрѣ, трепещутъ въ сердцѣ легкія крылья, и отъ горячей пѣсни таетъ ледъ моего невѣрія, превра-

щаясь въ благодарныя слезы». Въ вѣрѣ Матвѣй ощущаетъ полноту души и радость.

Такое отступленіе отъ Марксова катехизиса, конечно, беспокоитъ правовѣрныхъ. Еще шагъ—и Максима, несмотря на его кровное родство съ рабочими, придется исключить изъ партіи за его непозволительную склонность къ эстетикѣ.

Прямой потомокъ Базарова, сохранившій его фамилію (въ сборникѣ «Вершины»), съ негодованіемъ говоритъ, что нашлись критики, которые усмотрѣли въ «Исповѣди» Горькаго какой-то поворотъ къ мистицизму, къ традиціонной религіи. Возможность подобной клеветы надо пресѣчь въ корнѣ.

Современный Базаровъ не просто отрицаетъ Бога, какъ его прямолинейный дѣдъ, а считаетъ нужнымъ доказать нелѣпость религіи. вмѣсто того онъ доказываетъ свое полнѣйшее непониманіе религіи. Только позитивизмъ, говоритъ онъ, вполне освобождаетъ цѣнность человѣческаго творчества, дѣлаетъ самоцѣльнымъ творческій актъ. Въ самомъ дѣлѣ, если есть Богъ, т. е. цѣнность абсолютная, существующая независимо отъ нашей дѣятельности, цѣнность, которую можно только разыскивать, а отнюдь не создавать, то, очевидно, высшимъ назначеніемъ жизни является не свободное творческое строительство, а благоговѣнно-покорное исканіе нѣкоторой отъ вѣка выстроенной божественной гармоніи бытія, и даже не самое исканіе тогда цѣнно, а исключительно результатъ исканія—Богъ; не жизнь имѣетъ смыслъ, а только конецъ жизни—блаженство въ Богѣ, а пока жизнь еще не кончилась, человѣкъ ставитъ передъ собою не свои собственные цѣли, а лишь осуществляетъ чужую, божественную цѣль. Однимъ словомъ, Богъ существуетъ, слѣдовательно, человѣкъ рабъ, какъ говорилъ Бакунинъ.

Это глубокомысленное разсужденіе похоже на слѣдующее: если существуетъ абсолютная истина, установленная Богомъ, человѣкъ не долженъ стремиться познать ее и водворить на землѣ. Познавъ божественную истину, человѣкъ станетъ рабомъ. Опровергать ребяческія разсужденія бесполезная трата времени, но Базаровымъ не мѣшало бы познакомиться съ философскимъ ученіемъ о свободѣ воли.

Базаровъ старается доказать, что у Горькаго бакунинское настроеніе, и для этого ему приходится перетолковать разсказъ. Герой повѣсти говоритъ, что люди пользуются Богомъ для своихъ практическихъ нуждъ и «только Ларіонъ необъятнаго Бога имѣлъ». Видя, что религіозныя исканія его не находятъ удовлетворенія, Матвѣй вдругъ рѣшилъ: пойду жить въ монастырь, гдѣ уставъ строже, поживу-ка одинъ, въ кельи, подумаю, книгъ прочитаю, не соберу ли въ одиночествѣ разрушенную душу мою въ крѣпкую силу? А критикъ поясняетъ: необъятнѣй Богъ Горькаго

это паеось жизненнаго творчества, цѣнность и внутренняя красота котораго совершенно не зависятъ отъ тѣхъ отдѣльныхъ нуждъ, которымъ служатъ продукты творчества, отъ тѣхъ способовъ, какими продукты эти будутъ потреблены, практически использованы.

Въ то же самое время Базаровъ признаеть, что Горькій писалъ не трактатъ, а повѣсть, герой которой все время занимается богоискательствомъ, и этимъ опровергъ самого себя. Очевидно, между богоискателемъ Матвѣемъ и всеотрицающимъ Бакунинымъ нѣтъ ничего общаго.

Вереть подъ свою защиту Горькаго и Луначарскій. Онъ тоже обидѣлся за автора, который такъ хорошо служилъ пролетарскому искусству. И вдругъ измѣна. Нѣкоторые критики-марксисты сошлись съ немарксистами въ томъ, что «Исповѣдь» знаменуетъ собою, если не отказъ, то нѣкоторое отдаленіе Горькаго отъ марксизма. Что же? послѣ этого предать анаемѣ знаменитаго автора? Нѣтъ, еще рано, надо доказать, что въ ересь онъ не впадалъ и что въ его мнимомъ богоискательствѣ глубокая пролетарская мысль.

Отъ религіи Луначарскій, конечно, отрецивается. Религія хороша была въ старину, а теперь выросъ новый пролетарскій міръ. «Духовнымъ центромъ стараго міра, мѣщанскаго общества и его идеологіи была личность, конкретное я. Духовнымъ центромъ новаго міра, коллективно-пролетарскаго растущаго общества и его идеологіи, является человекъ». Самъ Кантъ различалъ человекъ, абстрактнаго человекъ съ его категорическимъ императивомъ и ставилъ его выше конкретной личности съ ея эмпирическими страстями. Примѣняя слова Канта самымъ варварскимъ образомъ къ современной жизни, критикъ приходитъ къ заключенію, что человекъ долженъ превратиться въ ходячую формулу, а изъ литературы должны исчезнуть личности съ ихъ страстями и должны быть замѣнены тѣнью или символомъ пролетарскаго человекъ.

Пролетарію, по словамъ Луначарскаго, незачѣмъ искать Бога и безсмертія. Человекъ Бога не нужно. Онъ самъ себѣ Богъ. Человекъ человекъ Богъ. И личины безсмертія не нужно.

Горьковскій герой Матвѣй говоритъ о Михаилѣ, рабочемъ, который придаетъ религіи большое значеніе, но, не признавая христіанства, ищетъ Бога тамъ, гдѣ найти его всего труднѣе: «Бога не понималъ я у него, но это меня не беспокоило, главной силой міра онъ называлъ нѣкое вещество, а я мысленно ставилъ на мѣсто вещества Бога, и все шло хорошо».

По мнѣнію Луначарскаго, Матвѣй инстинктивно становится на космическую точку зрѣнія, отъ которой онъ впослѣдствіи освобождается, на религіозную точку зрѣнія Спинозы, Геккеля и монистовъ, называя именемъ Бога совокупность законовъ вселен-

ной, ея безграничную субстанцію. Но и въ такой вѣрѣ есть порядочно тьмы и можетъ угнѣздиться обманъ. И вотъ почему. Съ понятіемъ Богъ неразрывно сплетено представленіе о благодати, святости и совершенствѣ.

Такія отвратительныя понятія должны быть истреблены. Святость, совершенство, кому они нужны? Бога съ удобствомъ можно замѣнить стадомъ, назвавъ его для пущей важности «коллективомъ», хотя казалось бы, что пролетарской литературѣ не слѣдовало бы пользоваться выраженіями, народу непонятными, избрѣтенными подлой буржуазіей.

«Богъ это человѣчество, цѣльное социалистическое человѣчество. Это единственное божественное, что намъ доступно. То, передъ чѣмъ можно благоговѣть, есть грядущая коллективная воля народа. Съ нею умираетъ, съ нею рождается то великое, передъ чѣмъ можетъ склониться отдѣльный человѣкъ».

Значить, геній долженъ преклоняться передъ стадною, передъ самую низменной стороной нашей природы, передъ тѣмъ, что связываетъ насъ съ животными. Величіе толпы, требующей хлѣба и зрѣлищъ, боя быковъ и кровавой схватки гладиаторовъ, восхищающейся Пинкертонами и непристойными фарсами. Есть передъ чѣмъ преклоняться.

Критикъ желалъ бы, чтобы отдѣльная личность подчинилась стадному увлеченію и стаднымъ чувствамъ, и находитъ, что его желаніе исполнено Горькимъ. Онъ нашелъ въ «Исповѣди» идейную силу и совершенную новизну, которыя заключаются въ грандіозной картинѣ: измученный народъ въ лицѣ своего ходока, своего искателя лицомъ къ лицу сталкивается съ новой вѣрой, съ истинной, которую несетъ міру пролетаріатъ. Отъ Горькаго отречься не приходится. Въ его повѣсти возсіяла новая пролетарская истина, намъ, буржуазнымъ писателямъ, совершенно недоступная, но даже эсерамъ, ближайшимъ родственникамъ эсдековъ, непонятная.

Отнюдь не примыкая къ мутной путаницѣ эсерства, говоритъ Луначарскій, мы можемъ и должны стоять на той точкѣ зрѣнія, что вліяніе пролетаріата на народныя массы не пустой звукъ, а явленіе первѣйшей важности. Его-то и изображаетъ Горькій въ «Исповѣди». Засіялъ свѣтъ во тьмѣ. Свѣтъ этотъ разливается по деревнямъ, гдѣ еще сильна власть тьмы, вокругъ всякаго города, всякаго завода. Свѣтъ этотъ объемлетъ прежде всего фабрично-заводскій пролетаріатъ, этотъ избранный народъ новѣйшей исторіи, но онъ служитъ и просвѣщеніемъ всему окружающему.

Итакъ, при помощи всевозможныхъ натяжекъ доказано, что Горькій и въ «Исповѣди» остался марксистомъ. Неблагонамѣренные люди изъ кадетскаго мѣщанскаго лагеря хотѣли поссорить Горькаго съ марксизмомъ, но это имъ не удалось.

Къ толкованію, выдуманному Луначарскимъ, есть дѣйствительно нѣкоторое формальное основаніе. Матвѣй, отъ лица котораго ведется разсказъ, въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ остается недовольнымъ монахами и монастырями. Толчокъ къ новой вѣрѣ получаетъ онъ отъ странника, старика Іоны, бывшаго попомъ и за рѣчи къ народу лишеннаго сана. Іона совѣтуетъ Матвѣю пойти на заводъ, гдѣ у него есть добрые дружки, и тамъ поучиться. Рабочіе просвѣщаютъ Матвѣя, но специально марксистскимъ ученіемъ они не занимаются, и къ пролетарскимъ интересамъ Матвѣй относится совершенно равнодушно. Говорили о власти денегъ, униженіи рабочихъ, жадности хозяевъ, необходимости уничтожить раздѣленіе людей на сословія. «Но я не рабочій,—замѣчаетъ на это Матвѣй,—не хозяинъ, денегъ не имѣю и не ищу, мнѣ эти разговоры душу не задѣвали, казалось мнѣ, что слишкомъ большую силу придаютъ люди капиталамъ и этимъ уничтожаютъ себя».

Суть рѣчей, которыя велись на заводѣ, сводится къ слѣдующимъ словамъ Михаила: «Началась эта дрянная и недостойная разума человѣческая жизнь съ того дня, какъ первая человѣческая личность оторвалась отъ чудотворной силы народа, отъ массы, матери своей, и сжалась со страха передъ одиночествомъ и безсильемъ своимъ въ ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, комокъ, который нареченъ былъ я. Вотъ это самое я и есть злѣйшій врагъ человѣка».

Матвѣй ищетъ Бога и приходитъ къ выводу, что богостроительство вѣчное дѣло всего народа. Если уже критики не могутъ обходиться безъ этикетокъ, то народничество скорѣе подошло бы къ повѣсти Горькаго.

Проницательные критики изъ «товарищей» не поняли, однако, что къ «Исповѣди» нельзя приклеить никакой этикетки изъ партійной лавочки, и что это и составляетъ ея несомнѣнное достоинство. Можетъ быть, въ кружкѣ социаль-демократическихъ агитаторовъ и примутъ съ восторгомъ разъясненія Луначарскаго и возрадуются, что Максимъ остается большевикомъ. Для понимающаго читателя неумѣлая защита только принижаетъ беллетриста, котораго старается поставить на тенденціозныя ходули. Надо привѣтствовать, что онъ бросилъ эти ходули, хотя бы и на короткій срокъ. Въ «Исповѣди» мы съ удовольствіемъ видимъ возвращеніе къ прежнему непосредственному творчеству. Передъ нами живо очерченныя фигуры странниковъ и монаховъ вмѣсто шаблонныхъ пролетаріевъ, жизненная правда вмѣсто митинговыхъ выкриковъ, общечеловѣческія чувства и общечеловѣческія стремленія. А критики желали бы, чтобы ихъ Максимъ началъ опять писать передовицы въ лицахъ.

Критики изъ марксистовъ очень много занимаются Ѳедоромъ Сологубомъ, поэтомъ и беллетристомъ изъ декадентовъ, вошедшимъ

въ моду. Они упражняютъ свой критическій талантъ надъ Сологубомъ, повидимому, за неимѣніемъ лучшаго и сомнѣваются даже, не удивляются ли этому читатели. Одинъ изъ нихъ начинаетъ свою статью страннымъ вопросомъ:

«Но почему, однако, о Сологубѣ? спроситъ иной любознательный читатель».

И затѣмъ поясняетъ:

«Потому, во-первыхъ, что самъ же ты, многоликій читатель, возлюбилъ его и сдѣлалъ его властителемъ твоихъ неразгаданныхъ думъ. Нравнодушный къ твоимъ думамъ, я утроилъ, удесятерилъ свой интересъ къ писателю, тобою вознесенному на вершины извѣстности и славы, и здѣсь предлагаю тебѣ же итоги моихъ размышленій и труда. Потому; во-вторыхъ, что писатель, тобою вознесенный на вершины извѣстности и славы, зазнался, сталъ притязателемъ и дерзокъ въ своихъ отношеніяхъ къ тебѣ».

Въ итогѣ размышленій оказалось, что прочитать всѣ произведенія Сологуба кряду занятіе черезчуръ утомительное. Несмотря на это, другой собратъ по марксизму посвятилъ Сологубу свыше пятидесяти страницъ, приблизительно пятую часть сборника, и пришелъ тоже къ выводамъ довольно неутѣшительнымъ. Прославленный писатель воспѣваетъ смерть вмѣсто жизни. Съ пессимизмомъ Сологуба тѣсно связаны его сатанизмъ и демонизмъ, апология зла, мучительства и извращенности. Какъ въ музеяхъ на ряду съ отдѣленіемъ пытокъ имѣется анатомическое отдѣленіе, куда публика ходитъ меньше всего для ученыхъ цѣлей, такъ и въ произведеніяхъ Сологуба мучительство, побои, доносы тѣсно связаны съ болѣзненной эротоманіей на почвѣ садизма.

Не отрицая Сологубовской психопатіи, мнѣ кажется все-таки, что критики на множествѣ водянистыхъ страницахъ не отиѣтили главнѣйшаго недостатка его творчества. Онъ старается соединить символизмъ съ натурализмомъ и даже злободневностью. Съ одной стороны—сказочный, фантастическій элементъ, съ другой стороны—факты, почерпнутые изъ газетной хроники текущаго года. Спать такіе разнородные элементы въ одно цѣлое автору, конечно, не удастся, что особенно замѣтно въ его послѣднемъ романѣ «Навьи чары».

Героиня романа Елисавета «уходитъ отъ узко пылающихъ огней старозавѣтной жизни къ великимъ прельщеніямъ и соблазнамъ, къ буйному дерзновенію возникающаго». Главное дѣйствующее лицо Триродовъ живетъ въ сказочной усадьбѣ, куда ведетъ навья тропа. Въ его домѣ имѣется магическая комната, гдѣ все неправильно, потолокъ покатый, полъ вогнутый, углы круглые. Триродовъ съ сыномъ видятъ, какъ встали мертвецы, какъ они идутъ по навьей тропѣ въ Навій градъ, и уже они говорятъ навьи слова о навьихъ дѣлахъ.

Фантастическая обстановка, среди которой разыгрывается любовь Триродова къ Елисаветѣ, омрачается и совершенно тускнѣетъ отъ ультра-натуралистическихъ подробностей. Гимназистъ подсматриваетъ, какъ купаются барышни, и называетъ себя телятиной за то, что не захватилъ фотографическаго аппарата. Казаки даютъ сраженіе террористамъ, махаютъ нагайками, и тутъ же сѣдая вѣдьма сѣла на придорожный камень, смотритъ на нихъ и заливается гнуснымъ, скрипучимъ хохотомъ.

Сологубъ не сумѣлъ сдержать обѣщанія, которое онъ далъ, приступая къ своему роману: «Беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной, и творю изъ него сладостную легенду, ибо я—поэтъ». Грубая жизнь осталась сама по себѣ, ее авторъ не претворилъ въ поэзію, а сладостная фантазія сама по себѣ. Романъ лишень цѣльности, распадается на отдѣльные куски и вслѣдствіе этого не можетъ быть названъ художественнымъ произведеніемъ.

Марксисты и не могли замѣтить кореннаго недостатка Сологуба, потому что они имѣютъ очень странный взглядъ на символизмъ.

Символизмъ, по ихъ словамъ, не способъ художественнаго творчества, а конкретный фактъ конкретной психики. Подлинный символизмъ, поучаетъ Луначарскій, не противоположенъ реализму, это его высшая стадія. Между типомъ и символомъ разница только въ объемѣ захвата. Сравнительно небольшой и специальный кругъ опыта, будучи подвергнутъ художественной обработкѣ, какъ квинт-эссенцію, создаетъ типъ: типъ мужика, чиновника, нѣмца и т. д. Гораздо большій кругъ наблюденій, сжатый въ одинъ образъ, даетъ уже символъ.

Поучительно, но мало вразумительно. Изъ извѣстныхъ ему символовъ критикъ указываетъ на Гамлета и Макбета и любезно сообщаетъ, что эти символическія фигуры живутъ въ обстановкѣ фантастичной и ненормальной съ точки зрѣнія натурализма. Оказывается, что Шекспиръ создатель символической драмы, а у насъ спорятъ, возможна ли вообще символическая драма. Къ Гамлету и Макбету надо, по всей вѣроятности, прибавить символическаго мавра Отелло, символическаго хвастуна Хлестакова и символическаго обличителя Чацкаго. Все это символы, потому что они шире типа дворянина и чиновника. Реальными фигурами окажутся въ такомъ случаѣ фотографическіе снимки, а реалистическимъ театромъ кинематографъ. Съ важностью глубокомысленныхъ знатоковъ разсуждаютъ наши социаль-демократы о художественной литературѣ, совершенно недоступной ихъ пролетарскому уму, и заслужать когда-нибудь названіе классиковъ невѣжественной критики.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость Луначарскому. Иногда онъ пишетъ очень убѣдительно и побѣдоносно отражаетъ своихъ враговъ. Враги его такіе же марксисты, какъ онъ, но занимающіе

въ марксистскомъ лагерѣ лѣвый флангъ. Теорію экономическаго матеріализма, и безъ того достаточно одностороннюю, они довели до совершеннѣйшей нелѣпости. Въ Москвѣ процвѣтаетъ пара критиковъ, которые видятъ въ литературѣ надстройку надъ экономическимъ зданіемъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ даже приватъ-доцентомъ московскаго университета, и онъ доказывалъ какъ-то, что европейская беллетристика плодъ злополучнаго капиталистическаго строя. Романы пишутся въ угоду сытымъ буржуямъ, чтобы доставить имъ наслажденіе послѣ хорошаго обѣда. При этомъ проницательный критикъ забылъ одну самую простую вещь. Однородная причина должна породить и однородное слѣдствіе. Во всей Европѣ одинъ и тотъ же капиталистическій строй, а множество литературныхъ направленій. Романъ реалистическій, натуралистическій, социальный, порнографическій. Въ буржуазномъ обществѣ пользуются успѣхомъ въ одно и то же время и символисты въ родѣ Оскара Уайльда, Метерлинка и Гофманстала, декадентъ Демель, натуралистъ Золя, реалисты Зудерманъ и Клара Фибихъ, и Ибсенъ, имъ во всемъ противоположный.

Одинъ изъ крайне лѣвыхъ критиковъ, именуемый Шулятиковымъ, усмотрѣлъ великую опасность, никѣмъ, кромѣ него, кажется, не замѣченную,—возрожденія аристократической литературы. Даже такой демократъ, какъ извѣстный бывший эмигрантъ Струве, по мнѣнію Шулятикова, слагаетъ славословія аристократической цивилизаціи и аристократіи, какъ носительницѣ культурныхъ идеаловъ. Струве не вѣритъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ могъ пролить научный свѣтъ на русскую жизнь.

Что надо разумѣть подъ возрожденіемъ аристократической литературы, видно изъ слѣдующаго примѣра. Чеховъ писатель, заподозрѣтъ котораго въ органическомъ пристрастіи къ аристократіи никакъ нельзя. Между тѣмъ въ «Вишневомъ садѣ» по части аристократическихъ симпатій дѣло обстоитъ не совѣмъ благополучно. Правда, дается картина ликвидаціи помѣщичьяго хозяйства, правда, авторъ показываетъ полнѣйшую неспособленность феодаловъ къ новой жизни, ихъ матеріальное и духовное банкротство. Но при всемъ этомъ безусловно отрицательнаго, враждебнаго отношенія къ бывшимъ господамъ исторической сцены авторъ не обнаружилъ.

Чеховъ не ругаетъ дворянъ, не бранитъ скверными словами помѣщиковъ, которые владѣли крѣпостными, которые пороли мужиковъ. Какой же онъ послѣ того художникъ—аристократишко и больше ничего. Онъ написалъ элегію по отживающей старинѣ. Онъ осмѣлился увидѣть поэзію въ вишневыхъ садахъ. Хорошъ писатель, онъ врагъ пролетаріата.

Хотя одинъ сборникъ украшенъ статьями Шулятикова и Луначарскаго, зато въ другомъ Луначарскій вступаетъ въ полемику съ Шулятиковымъ. Луначарскій желаетъ доказать, что Шуляти-

ковъ писать совершенный вздоръ, но Шулятиковъ «товарищъ», и положеніе становится затруднительнымъ.

Однако во имя марксизма Луначарскій рѣшается вступить въ бой. «Марксистское направленіе,—говоритъ онъ,—богато людьми, принципиально выдержанными (къ которымъ, конечно, принадлежитъ онъ самъ), создавшими себѣ міросозерцаніе, если не законченное, то во всякомъ случаѣ опредѣленное, ставящее ихъ высоко надъ воцарившимся повсюду измѣнчивымъ и шаткимъ импрессионизмомъ. Однако, марксизмъ, это единое и цѣлостное по существу направленіе, преломляясь въ различныхъ средахъ и головахъ, приобретаетъ различный характеръ, выражается разнo, такъ что неизмѣнными остаются лишь самые общіе, такъ сказать, родовые признаки, въ то время, какъ въ деталяхъ, да и не только въ деталяхъ, отдѣльные виды далеко разошлись между собой».

Есть же такія несчастныя головы, какъ голова Шулятикова, въ которыхъ вкось и вкривь преломляется марксизмъ. Они способны уничтожить въ глазахъ публики «великіе принципы марксизма», которые Луначарскій старается примѣнить въ области эстетики и теории искусства. Приходится потопить Шулятикова, потому что онъ даетъ противникамъ возможность праздновать легкія побѣды надъ марксизмомъ. Пусть погибаетъ товарищъ Шулятиковъ, да здравствуетъ марксизмъ!

Пронзить лѣваго критика совсѣмъ не трудно, въ своихъ статьяхъ о театрѣ онъ договорился до настоящаго пролетарскаго бреда. По мнѣнію Шулятикова, Леонидъ Андреевъ и другіе модернисты поступили на службу къ капиталистамъ. «Ихъ славословія въ честь смерти,—увѣряетъ Шулятиковъ,—знаменуютъ собой не болѣе и не менѣе, какъ побѣдный гимнъ, написанный по порученію тѣхъ, кому въ рукахъ капиталистическаго общества принадлежитъ экономическое будущее».

Луначарскій негодуетъ: «Андреевъ, Сологубъ поютъ, оказываются, побѣдный гимнъ капиталу! Хорошенькій побѣдный гимнъ, отъ котораго собаки воютъ и молоко киснетъ. Какимъ парадоксомъ могъ прійти Шулятиковъ къ такой кричащей недѣлности, чтобы отъявленнѣйшихъ пессимистовъ и враговъ всякой энергіи превратить въ выразителей крупно-буржуазнаго империализма? Андреевъ становится все болѣе опредѣленнымъ противникомъ социализма и философскаго реализма. Но сказать о немъ, что онъ защищаетъ интересы капитала по порученію послѣдняго, значить ставить себя въ смѣшное положеніе и суздальскою грубостью сужденій набрасывать тѣнь не на врага, а на то направленіе, которому столь рѣшительно и столь неуклюже служишь. Съ прискорбіемъ я долженъ признаться, что даже у плохихъ буржуазныхъ критиковъ я не встрѣчалъ такого непониманія читаемаго».

Буржуазные критики, несомнѣнно, согласятся, что существуютъ марксисты, которые не способны понять художественной литературы. Погибъ Шулятиковъ, но спасены ли великіе принципы марксизма въ приложеніи къ эстетикѣ и искусству? Боюсь, что ихъ топятъ господа Луначарскіе.

Не въ противоположность нелѣпымъ Шулятиковымъ, а въ достаточномъ съ ними согласіи Луначарскій устанавливаетъ свою точку зрѣнія: «Марксистской критикѣ нечего щадить Андреева, ибо въ своей роли пессимиста-разрушителя онъ замахнулся на революціонныя цѣнности». А если бы онъ воспѣвалъ революцію, его надо было бы хвалить. Это называется безпристрастной критикой.

Луначарскій съ успѣхомъ доказываетъ, что театръ никогда не умретъ. Можно согласиться съ нимъ и въ томъ, что, если вы постоянно станете скорбно изображать рабочаго, его лишенія, обиды, всю его горькую долю, вы быстро набьете ему оскомину и что внѣшняя бытовая оболочка сегодняшняго дня не интересна пролетарію. Дѣйствительно, передовыя статьи о рабочемъ вопросѣ въ видѣ пьесъ не интересны рабочимъ. Изъ этого выводъ очень простой: въ народномъ театрѣ вовсе не надо ставить драмы изъ обыденной народной жизни, а надо отдать предпочтеніе пьесамъ историческимъ и фантастическимъ, такъ какъ онѣ гораздо больше удовлетворяютъ вкусамъ публики. Къ такому простому и буржуазному выводу не можетъ, конечно, прийти правовѣрный социаль-демократъ.

Луначарскій называетъ пролетаріатъ носителемъ великаго всемірно-историческаго идеала и увѣряетъ, что онъ потребуетъ символическаго театра. Въ драмѣ будущаго надо развернуть борьбу рабочаго, показать ея титаническій размахъ, сдѣлать очевидной ея побѣду. Остается неизвѣстнымъ, достаточно ли поставить одну подобную драму и такимъ путемъ убить народный театръ, или же нужно написать рядъ драмъ на тотъ же сюжетъ и достичь той же цѣли при помощи оскомины, о которой выше упоминалъ самъ Луначарскій. Въ этой титанической драмѣ будетъ представлено, какъ на всемъ земномъ шарѣ водворились пролетарскія республики съ предсѣдателемъ изъ рабочихъ и съ никогда еще невиданными титаническими сословными привилегіями. Доступъ къ высшимъ должностямъ будетъ имѣть одно только рабочее сословіе, и знаки отличія будутъ выдаваться невѣжеству. Почему однако такая социальная и экономическая пьеса станетъ символической, остается социаль-демократической загадкой, для буржуазной критики неразрѣшимой.

Наши социаль-демократы признаютъ свое духовное родство съ Базаровымъ. По словамъ одного изъ нихъ, въ конституціонной странѣ базаровщина создала бы радикальное, мелкобуржуазное

теченіе; у насъ же она была отброшена въ сторону социализма, и мирное, просвѣтительное направленіе быстро было вытѣснено новымъ направленіемъ, родственнымъ ему въ смыслѣ социальнаго генезиса. Тургеневъ въ письмѣ къ Случевскому увѣрялъ, что Базаровъ—революціонеръ. Это вѣрно постольку, поскольку русская дѣйствительность заставила Базарова превратиться въ революціонера.

Пусть потомки Базарова и занимаются своимъ дѣломъ, распространеніемъ среди невѣжественныхъ умовъ социалистическаго лжеученія, но не мѣшало бы имъ помнить завѣтъ своего предка: «Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ; въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе: мы отрицаемъ все, искусство, поэзію».

Для позитивныхъ умовъ изящная литература занятіе праздное и бесполезное, это барская затѣя, имѣющая цѣлью затуманить и поработить пролетаріатъ.

П. Безобразовъ.

ГОГОЛЕВСКІЯ ТОРЖЕСТВА ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ ЭТОТЪ знаменательный день, 26-го апрѣля, въ день открытія памятника великому русскому писателю, Москва имѣла далеко не обычный видъ. Съ самаго ранняго утра уже чувствовалось повсюду какое-то особенное, праздничное настроеніе. Не говоря уже о развѣвающихся флагахъ на домахъ, на улицахъ замѣчалось такое оживленіе, какое бываетъ лишь въ дни большихъ народныхъ торжествъ. Прилагающія къ Арбатской площади, мѣсту памятника, улицы буквально были запружены стекавшимся со всѣхъ концовъ Москвы народомъ, жаднымъ до зрѣлищъ.

По близости рѣшительно нигдѣ не было ни проѣзда, ни прохода. Лица, имѣвшія доступъ на торжественную заупокойную литургію въ храмъ Христа Спасителя, зачастую оказывались въ крайне затруднительномъ, почти комическомъ положеніи, не зная, какъ имъ пробраться въ храмъ: на каждомъ шагу канатныя загражденія или живыя препятствія въ образѣ городскихъ, заявлявшихъ съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ, что «здѣсь ходу нѣтъ».

— Да гдѣ же, наконецъ, можно пройти?—спрашиваете вы съ досадою.

— А вонъ тамъ кругомъ,—показываетъ рукой блюститель порядка, и вы видите, что васъ ожидаетъ печальная перспектива возвращенія назадъ и длиннаго обхода версты въ полторы или двѣ. По крайней мѣрѣ я очутился въ такомъ именно положеніи и, благодаря этому, явился въ храмъ съ большимъ запозданіемъ.

Торжественная литургія уже давно началась. Служитъ многочисленное духовенство во главѣ съ епископомъ Трифономъ. Большой хоръ храма Христа Спасителя удивительно стройно исполняетъ церковныя пѣснопѣнія. Чудится, какъ будто цѣлый каскадъ

красивыхъ, нѣжно ласкающихъ слухъ звуковъ такъ и льется откуда-то издалека, журча и переливаясь въ воздухѣ, потомъ дрожа и замирая постепенно и уносясь въ самую глубь высокихъ сводовъ. Въ особо отведенномъ для нихъ, центральномъ мѣстѣ храма собрались почетные гости. Здѣсь генеральскія ленты, шитые золотомъ мундиры, роскошные дамскіе туалеты; здѣсь депутаціи отъ различныхъ университетовъ, здѣсь и иностранные гости въ своихъ національныхъ костюмахъ и мундирахъ.

Только въ исходѣ двѣнадцатаго часа кончается литургія, и мы, всѣ присутствующіе въ храмѣ, длиной вереницею направляемся вдоль Пречистенскаго бульвара къ памятнику, гдѣ насъ ожидаетъ совершенно непредвидѣнный сюрпризъ. Оказывается, что площадка передъ самымъ памятникомъ, куда получило доступъ лишь сравнительно небольшое число приглашенныхъ, вся была запружена публикой, схлынувшей съ трибунъ, неожиданно для нея закрытыхъ полиціей, вслѣдствіе чего на площадкѣ образовалась давка, нѣсколько напоминавшая приснопамятную Ходынку. Сквозь густую толпу народа почти не было возможности протиснуться даже депутаціямъ съ вѣнками. Я былъ свидѣтелемъ, на примѣръ, слѣдующей сцены. Въ трехъ-четырегахъ шагахъ отъ меня, съ неимоверными усиліями прокладывая себѣ дорогу впередъ, показывается рослая фигура М. А. Стаховича, члена государственнаго совѣта. За нимъ едва-едва подвигается стиснутая со всѣхъ сторонъ французская депутація во главѣ съ президентомъ Académie Française виконтомъ Мельхіоромъ де-Вогюэ. У французовъ раскраснѣвшіяся злыя лица. Они высоко держатъ надъ головами пышный вѣнокъ, у котораго уже порядочно поизмялись ленты, и беспомощно топчутся на одномъ мѣстѣ, отчаявшись пробраться къ памятнику.

— Господа! дайте дорогу членамъ французской академіи!—раздается зычный голосъ М. А. Стаховича.

Фраза эта обращаетъ на себя вниманіе публики, которая тотчасъ же разступается, насколько возможно, передъ французской депутаціей и даетъ ей возможность пройти. Члены французской академіи оказались, такимъ образомъ, еще сравнительно счастливыми, но говорятъ, что одна изъ славянскихъ депутацій такъ и застряла гдѣ-то на серединѣ площадки, не добравшись до памятника: ее захлестнула волна человѣческой толпы. Еще бы, когда вмѣсто 1500 особо почетныхъ гостей на площадкѣ столпилось болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ! Трибуны же почти сплошь пустовали: на нихъ въ видѣ исключенія была допущена лишь публика самыхъ нижнихъ рядовъ, двухъ или трехъ, а остальные десятки зіяли своей пустотою. И странное впечатлѣніе производили онѣ, эти чистенькія и новенькія, желтенькія съ красными каемочками, пустыя трибуны, одиноко возвышавшіяся на многолюдной площади около памятника нашему великому юмористу, пера кото-

раго онѣ были бы, разумѣется, вполне достойны. Во всякомъ случаѣ эти пустыя трибуны на открытіи памятника Гоголю явленіе настолько интересное, что на немъ стоитъ остановиться. Дѣло въ томъ, что городскіе архитекторы, строители трибунъ, не пожелали выполнить всѣхъ требованій, предъявленныхъ имъ техническимъ надзоромъ градоначальника, въ результатѣ—технической надзоръ высказался за закрытіе трибунъ для публики. Послѣдующій техническій осмотръ злополучныхъ трибунъ происходилъ въ самый день открытія памятника, рано утромъ. Актъ этого осмотра, въ виду его несомнѣннаго отнынѣ историческаго значенія, стоитъ того, чтобы читатели «Историческаго Вѣстника» дословно познакомились съ его содержаніемъ. Вотъ этотъ любопытный документъ:

«26-го апрѣля 1909 г. мы, нижеподписавшіеся, на основаніи резолюціи московскаго градоначальника отъ 25-го апрѣля 1909 г., положенной на сопроводительномъ рапортѣ при актахъ осмотра отъ 21-го и 25-го апрѣля сего года, произвели повѣрочный осмотръ трибунъ на Арбатской площади, въ районѣ 1-го Тверскаго и 2-го Пречистенскаго участковъ, по актамъ осмотровъ отъ 21-го и 25-го апрѣля сего года, причемъ оказалось, что наружные подкосы со стороны трибуны на внутреннемъ проѣздѣ Пречистенскаго бульвара, потребованные актомъ осмотра отъ 25-го апрѣля сего года, не поставлены, равно не поставлены потребованные актомъ осмотра отъ 21-го апрѣля и подтвержденные актомъ осмотра 25-го апрѣля сжимы при сопряженіяхъ составныхъ вертикальныхъ стоекъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ узловъ не поставлены скобы. На основаніи вышеизложеннаго комиссія находить возможнымъ допустить публику на трибуну внутренняго проѣзда Пречистенскаго бульвара на девять рядовъ, за исключеніемъ верхняго ряда вдоль проѣзда, на девять рядовъ трибуны, перпендикулярной къ первой, то есть закрыть верхнихъ пять рядовъ. На противоположную трибуну по внѣшнему проѣзду Пречистенскаго бульвара комиссія находить возможность допустить публику на шесть рядовъ вдоль проѣзда, закрыть первый верхній рядъ, и на девять рядовъ, перпендикулярныхъ къ нимъ, т. е. закрыть пять верхнихъ рядовъ, о чемъ и составленъ сей актъ. Подписали: полицеймейстеръ 1-го отдѣленія баронъ А. Р. Будбергъ, гражданскій инженеръ Н. Фалѣевъ и архитекторъ Мейснеръ».

Инженеры градоначальства: В. Эппингеръ, В. Альберти, В. Барышевъ, Н. Поликарповъ—при особомъ мнѣніи. При особомъ мнѣніи оказался и городской архитекторъ А. Гунстъ.

Особое мнѣніе:

«Въ виду того, что допущенная конструкція трибунъ во многихъ серьезныхъ мѣстахъ неправильна и въ сопряженіяхъ деревянныхъ частей допущены соединенія, не гарантирующія ихъ прочности, и не исполнены существенныя требованія, предъявленныя

къ исполненію комиссіями, ранѣе производившими осмотры этихъ трибунъ, предназначаемыхъ для публики, а также въ виду того, что, согласно требованію ст. 161 уст. строит., всѣ трибуны были возведены безъ утвержденного проекта, мы признаемъ, что пользование трибунами для размѣщенія на нихъ публики небезопасно. Инженеры градоначальства Б. Эппингеръ и Б. Альберти».

«Въ виду того, что прочность трибунъ въ отношеніи только вертикальнаго давленія въ двухъ боковыхъ трибунахъ по проѣздамъ лишь въ первыхъ двухъ рядахъ не внушаетъ опасеній, — мы въ техническомъ отношеніи считаемъ возможнымъ допустить публику исключительно въ первые два ряда трибунъ со стороны Александровскаго училища и внѣшняго проѣзда: на первыя — по 84 человѣка въ ряду, а всего 168 человѣкъ, а на вторыя — по 87 человѣкъ, а всего 174 человѣка. Что же касается всѣхъ безусловно остальныхъ рядовъ означенныхъ трибунъ и всѣхъ исключительно рядовъ со стороны бульвара, то въ виду неправильности конструирования ихъ и неисполненія большей части существенныхъ требованій объ укрѣпленіи столбовъ, подкосовъ и соединеній, указанныхъ въ первыхъ двухъ актахъ, полной непригодности для схода и входа лѣстницъ, а также непрочности перилъ, мы не можемъ принять на себя отвѣтственность за устойчивость трибунъ въ смыслѣ безопасности ихъ для пользованія публики, тѣмъ болѣе, что проектъ не былъ представленъ на утвержденіе надлежащей инстанціи по 161 ст. уст. строит. изд. 1909 г., и мы считаемъ, что допускъ публики въ указанные ряды не можетъ быть допущенъ, причемъ входы на означенныя мѣста должны быть зашиты досками и постановкой наряда. Инженеры градоначальства Н. Поликарповъ, В. Барышевъ и городской архитекторъ А. Гунстъ».

Итакъ, строители трибунъ были посрамлены, самыя трибуны укоризненно зіяли пустотой, публика роптала, на площадкѣ получилось тѣсто въ родѣ толкучки, гдѣ всѣ другъ друга жали и давили, и въ результатѣ—торжество открытія памятника было испорчено. По крайней мѣрѣ самый эффектный, захватывающій душу моментъ этого торжества, когда вдругъ по данному городскимъ головою знаку упала съ памятника завѣса и темно-бронзовое лицо деликаго писателя предстало передъ многотысячной толпой,—этотъ вѣйствительно эффектнѣйшій моментъ, застигшій большинство зрителей врасплохъ, ибо ихъ вниманіе было отвлечено царившимъ вокругъ хаосомъ, можно сказать, совсѣмъ не удался. А между тѣмъ онъ долженъ былъ бы оставить въ душѣ неизгладимый слѣдъ...

Величественно-прекрасную картину представляла собою въ это время громадная Арбатская площадь, вся залитая народомъ, испещренная массою красивыхъ школьныхъ знаменъ, подъ которыми выстроилась учащаяся въ городскихъ начальныхъ школахъ моло-

дежь. Знамена и вѣнки многочисленныхъ депутаціи мѣрно покачивались въ воздухѣ, доносились звуки народнаго гимна, тысячи дѣтскихъ голосовъ запѣли «гоголевскую» кантату, у памятника слышались рѣчи... Взоры всѣхъ устремились на бронзовое изваяніе Гоголя. Вотъ онъ сидитъ на каменной скамьѣ въ задумчивой, скорбной позѣ, съ поникшей внизъ головою. Онъ точно удрученъ какимъ-то горемъ или болѣзнью, онъ весь ушелъ внутрь себя, замкнулся. Что-то жуткое чудится въ этихъ полуопущенныхъ глазахъ его, свѣтящихся глубокой грустью, и въ этой огромной, костлявой рукѣ, просунувшейся изъ-подъ альмавивы, небрежно накинутаго у него на плечахъ.

— Да это не Гоголь, это старуха какая-то! — слышится въ толпѣ.—Посмотрите, что за носъ! Никогда у Гоголя такого длиннаго и остраго носа не было!

— Да вѣдь это оттого, что онъ голову опустилъ внизъ,—возражаетъ кто-то.

— Правильно!—раздается чей-то голосъ. — Ежели снизу смотреть, то носъ всегда будетъ длиннѣе.

— Совсѣмъ неудачно!—рѣзко критикуетъ памятникъ какой-то молоденькій студентикъ.—Гоголь не долженъ имѣть такого удрученнаго вида, это не авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», а какой-то нервно разстроенный субъектъ.

— Да, да, совершенно вѣрно, — замѣчаетъ его собесѣдникъ.—Художникъ сдѣлалъ ошибку, изобразивъ Гоголя, повидимому, въ самый послѣдній періодъ его жизни, когда тотъ писалъ свою «Авторскую исповѣдь» и велъ переписку съ друзьями, готовый отречься отъ лучшихъ своихъ произведеній. Гоголь этого періода не имѣетъ для насъ никакой цѣны и не за что ему было бы ставить памятникъ.

Словомъ, судя по отзывамъ, которые слышались въ толпѣ, кажется, большинство осталось недовольно памятникомъ, и автора его, скульптора Н. А. Андреева, никто не помянулъ добрымъ словомъ. Между тѣмъ общій видъ памятника, несомнѣнно, отличается красотой и изяществомъ. Находится онъ въ самой серединѣ площадки, окруженной желѣзной рѣшеткой, звенья которой размѣщены между столбиками свѣтло-сѣраго неполированного гранита. Рѣшетка выдержана въ современномъ Гоголю стилѣ Empire, со стороны Арбатской площади она украшена богатой темно-бронзовой орнаментацией, а со всѣхъ остальныхъ сторонъ эта орнаментация—чугунная и отличается большой простотой. Три каменные, свѣтлаго камня лѣстницы, въ нѣсколько ступеней каждая, ведутъ на площадку: двѣ—съ Арбатской площади и одна, болѣе широкая,—съ бульвара. Пьедесталь, на которомъ помѣщена статуя писателя,—четырёхгранный, простой, благородной формы. Сдѣланъ онъ изъ оливково-зеленаго полированного гранита. Нѣсколько ниже середины

Памятникъ Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ.

его охватываютъ въ видѣ ленты барельефы съ типами Гоголя изъ «Ревизора», «Мертвыхъ душъ», «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и петербургскихъ рассказовъ. Барельефы — изъ темной бронзы съ зеленой патиной. Статуя писателя отлита изъ такой же бронзы и покрыта патиной того же зеленого цвѣта. Гоголь изображенъ сидящимъ на каменной скамьѣ; онъ — въ альмавивѣ, съ непокрытой головой. Его фигура обращена лицомъ къ Арбатской площади. На памятникѣ только одна надпись, сдѣланная рельефными золотыми буквами: «Гоголь». Статуя и пьедесталь, представляя собою части одного стройнаго цѣлаго, очень гармонизируютъ другъ съ другомъ. Типы почти на всѣхъ барельефахъ схвачены художникомъ весьма удачно. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, списаны прямо съ живыхъ лицъ. Тараса Бульбу, напримеръ, скульпторъ разыскалъ въ Москвѣ: ему позировалъ небезызвѣстный В. А. Гиляровский, нѣкогда «король» московскихъ репортеровъ. Землянику онъ списалъ съ артиста К. Н. Рыбакова, а Бобчинскаго и Добчинскаго — съ артистовъ А. А. Оедотова и И. М. Москвина. «Вотъ только Коробочку долго искалъ, — рассказываетъ самъ Н. А. Андреевъ. — Прямо случай привелъ. Прихожу въ губернское правленіе — бумагу какую-то надо было раздобыть. Прихожу и вижу: сидитъ въ пріемной одна-одинешенька старушенція... Рожа — страсть! Сидитъ въ креслѣ, прошеніе въ рукахъ и про себя что-то твердитъ. Ни на кого вниманія! Сидитъ и твердитъ — репетируетъ, должно быть, что начальству говорить будетъ. Къ счастью, у меня альбомчикъ былъ, — сѣлъ и зарисовываю. А она все твердитъ, все твердитъ... Долго еще я любовался ею».

Интересно прослѣдить вкратцѣ исторію постановки памятника Гоголю въ Москвѣ. Мысль объ этомъ памятникѣ зародилась еще въ 1880 году, во время знаменитыхъ Пушкинскихъ празднествъ. На одномъ изъ торжественныхъ засѣданій общества любителей россійской словесности, гдѣ находились лучшіе представители русской литературы: Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Писемскій, Аксаковъ и др., А. А. Потѣхинъ, произнося рѣчь о значеніи воздвигнутаго монумента Пушкину, закончилъ ее слѣдующими словами: «Почтивъ Пушкина, мы ничѣмъ не утѣшимъ столько его великую тѣнь, какъ положивъ въ эти дни чествованія его памяти начало всенародной подписки на памятникъ Гоголю... И пожелаемъ, господа, да будетъ Москва пантеономъ русской литературы, да воздвигнется памятникъ Гоголю въ центрѣ Россіи — Москвѣ!»

Слова Потѣхина были восторженно приняты всѣми присутствовавшими и тутъ же было собрано на памятникъ Гоголю по подпискѣ около четырехъ тысячъ рублей. Этотъ «гоголевскій фондъ»

достигъ къ январю 1885 года десяти тысячъ рублей, а къ июлю 1889 года сумма возросла уже до восьмидесяти тысячъ рублей. Такое быстрое возрастаніе фонда на сооруженіе памятника вызвало потребность въ особой организаціи, которою и явился утвержденный въ 1890 году комитетъ подъ предѣдательствомъ московскаго генераль-губернатора. За смертью великаго князя Сергѣя Александровича, предѣдательствованіе въ комитетѣ по ходатайству общества російской словесности возложено на московскаго городского голову, которымъ былъ тогда кн. В. М. Голицынъ. При немъ состоялось всего два засѣданія комитета, а третье происходило уже подъ предѣдательствомъ новаго городского головы Н. И. Гучкова, доведшаго дѣло сооруженія памятника до благополучнаго конца.

Долгое время прискивалось мѣсто для этого памятника. Намѣчались разные пункты Москвы: то Лубянская и Театральная площади, то Страстной бульваръ, — особенно въ виду близости послѣдняго къ памятнику Пушкина, между которымъ и Гоголемъ были такія дружескія отношенія, то Рождественскій и Никитскій бульвары; наконецъ, остановились на Арбатской площади: черезъ нее Гоголь часто направлялся то въ церковь св. Саввы, то на Дѣвичье поле къ своему пріятелю Погодину. Въ концѣ концовъ, однако, мѣстомъ для памятника была избрана, къ счастью, не самая Арбатская площадь, возлѣ которой расположена извозчичья биржа и которая загрязняется переполняющимъ ее простымъ народомъ, а конецъ Пречистенскаго бульвара, примыкающій къ той же площади, т. е. то самое мѣсто, гдѣ и поставленъ нынѣ памятникъ нашему писателю.

Любопытны условія, на которыхъ было предложено скульптору Н. А. Андрееву сооруженіе памятника Гоголю. Ему было заявлено комитетомъ, что, если даже одинъ голосъ будетъ противъ изготовленной имъ модели для памятника, то комитетъ откажется отъ него и обратится къ другому скульптору. Предложеніе было принято Андреевымъ, и онъ немедленно приступилъ къ работѣ: съѣздилъ на мѣсто родины Гоголя, собралъ, гдѣ только было возможно, свѣдѣнія о его наружности, манерахъ, привычкахъ и проч. И вотъ, въ концѣ апрѣля 1906 года модель памятника была уже готова; затѣмъ она осмотрѣна была комитетомъ въ полномъ его составѣ и единогласно имъ одобрена.

Въ тотъ же день въ университетѣ состоялось торжественное засѣданіе. Огромный, великолѣпный актовый залъ, гдѣ отъ каждой колонны, отъ каждаго кусочка мрамора такъ и вѣетъ сѣдой стариной, весь переполненъ многочисленной избранной публикой. На эстрадѣ, подъ раскидистыми пальмами, около бюста Го-

голя, увѣнчаннаго лаврами, размѣстились представители русской и иностранной науки, профессора и академики. Среди французскихъ «безсмертныхъ» обращаетъ на себя вниманіе Луи Лежэ, на великолѣпномъ мундирѣ котораго красуются знаки русскаго ордена Станислава 1-й степени; чрезвычайно эффектенъ и молодой профессоръ лилльскаго университета Лирондель въ своей ярко-оранжевой мантии; выдѣляются еще нѣсколько иностранныхъ мундировъ среди черныхъ фраковъ нашихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Среди публики присутствуетъ ея высочество принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, тутъ же и племянники Гоголя, Быковы, и его крестникъ Н. А. Хомяковъ, предсѣдатель государственной думы.

Открывая засѣданіе, ректоръ университета А. А. Мануиловъ обращается съ первымъ словомъ привѣтствія къ родственникамъ Гоголя. «Отъ имени московскаго университета и общества любителей російской словесности,—говоритъ онъ,—привѣтствую васъ, члены семьи великаго Гоголя». Вся публика, какъ одинъ человѣкъ, поднимается со своихъ мѣстъ и горячо аплодируетъ Быковымъ. Такіе же аплодисменты раздаются въ отвѣтъ и на привѣтствіе, обращенное къ Н. А. Хомякову.

Послѣ краткаго вступленія къ торжеству, которое дѣлаетъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія Л. А. Георгіевскій, первую рѣчь, посвященную характеристикѣ Гоголя, произноситъ А. А. Мануиловъ. По его мнѣнію, творенія Гоголя явились «могучимъ ударомъ по самымъ корнямъ старой, дореформенной Россіи». Писатель самъ не ожидалъ получившагося эффекта и искренно недоумѣвалъ по поводу того, что на него, какъ онъ выражался, возстали всѣ сословія. Гоголь совсѣмъ не былъ склоненъ къ «подрыву государственной машины». Напротивъ, онъ всегда крѣпко стоялъ за существующій порядокъ, будучи вообще довольно равнодушнымъ къ политической жизни. Гоголь «Переписки съ друзьями», вызвавшей гнѣвное письмо Бѣлинскаго, въ сущности, совсѣмъ не былъ новымъ Гоголемъ. Онъ былъ все тотъ же, но раньше его не знали съ этой стороны, а когда узнали, то рѣшили, что онъ психически боленъ. Вся суть въ томъ, что Гоголь былъ гениальнымъ художникомъ, создавшимъ образы, которые своей великой изобразительной силою всколыхнули наше общественное сознаніе до самыхъ глубинъ. Потрясающая правда жизни была главной основою произведеній Гоголя, и въ этомъ все ихъ величіе и неумирающее значеніе.

Слѣдующій затѣмъ ораторъ, А. Е. Грузинскій, поставилъ себѣ задачу доказать, что Гоголь совсѣмъ не былъ узко-національнымъ писателемъ, какъ многіе думали и думаютъ до сихъ поръ, что онъ былъ, наоборотъ, искреннимъ европейцемъ и въ глубинѣ своей души носителемъ европейской и даже общечеловѣческой куль-

туры. Мнѣніе это подтверждается тѣмъ, что Европа начала читать Гоголя, что его уже переводятъ на иностранныя языки и ставятъ на сценѣ въ разныхъ странахъ. И несомнѣнно, что значеніе Гоголя для Европы въ будущемъ должно еще вырасти. «Народы еще болѣютъ разрозненностью, отчужденностью, чрезмернымъ подчасъ углубленіемъ въ особыя національныя задачи, но время идетъ, задачи народовъ ширятся, сливаются, двигаются другъ другу навстрѣчу, старыя преграды патаются и падаютъ, и скорбной насмѣшкѣ великаго русскаго меланхолика, полной грусти и любви, суждено еще сильнѣе привлечь къ себѣ пытливое вниманіе обширной семьи человѣческой».

Появленіе на каедрѣ популярнаго предсѣдателя первой государственной думы, профессора С. А. Муромцева, вызываетъ цѣлую бурю овацій: аплодисменты не смолкаютъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ—пауза, и оратору, совсѣмъ уже бѣлому, какъ лунь, но съ важной попрежнему осанкой, удается начать свою плавную, педантически размѣренную рѣчь. Онъ говоритъ о Гоголѣ, какъ писателѣ по преимуществу общественномъ. У Гоголя все индивидуальное тонетъ въ массѣ типическихъ чертъ. «Не человѣкъ самъ по себѣ, въ полнотѣ его индивидуальныхъ качествъ, но человѣкъ, какъ носитель даннаго жизненнаго уклада, какъ участникъ даннаго событія, какъ выразитель общественнаго настроенія,—таковъ преимущественный предметъ художественной переработки Гоголя». Поэтому чествованіе Гоголя, по мнѣнію оратора, есть прежде всего обращеніе къ чувству общности, призывъ къ нелицемѣрному и горячему служенію народу, къ самоусовершенствованію личности, какъ составной единицы человѣческаго общежитія.

Интересную по глубинѣ содержанія рѣчь произнесъ вслѣдъ за тѣмъ профессоръ князь Е. Н. Трубецкой. Въ произведеніяхъ Гоголя, по мнѣнію этого оратора, выразилась вся сущность нашего народнаго характера. Глубоко національная черта русскаго человѣка, выросшая среди безпредѣльнаго и унылаго однообразія нашихъ равнинъ, есть стремленіе къ странствованіямъ. Ему не сидится на мѣстѣ, ибо черезчуръ ужъ бѣдна, неприглядна и однообразна окружающая его природа. И вотъ его манитъ въ дальнюю дорогу. Отсюда у насъ народный типъ странника, съ которымъ такъ часто сочетается типъ богоискателя. Сочетаніе это вполне естественно. Странствованія нашего народа связываются съ исканіемъ лучшей отчизны, во-первыхъ, потому, что они чаще всего вызываются тоской, страданіемъ, горемъ народнымъ, словомъ, разочарованіемъ въ своей родинѣ. Во-вторыхъ, влеченіе къ безпредѣльному, хотя оно и возбуждается созерцаніемъ безконечнаго пространства, однако не находитъ себѣ удовлетворенія въ мірѣ земномъ, гдѣ человѣкъ ежеминутно натывается на положен-

ныя ему тѣсныя границы. Неудивительно поэтому, что среди русскаго простонародья странникъ считается Божьимъ человѣкомъ, причемъ самое хожденіе по землѣ признается дѣломъ спасительнымъ, богоугоднымъ. Эти самыя черты народнаго типа мы находимъ въ жизни и дѣятельности Гоголя. Онъ по существу писатель-странникъ и богоискатель. Странствовалъ онъ, во-первыхъ, потому, что всѣмъ существомъ своимъ испытывалъ тоску о Россіи дѣйствительной, и, во-вторыхъ, потому, что всѣмъ сердцемъ жаждалъ «Руси святой», соответствующей его религіозному идеалу. Такимъ образомъ, его странствованія были одновременно—исканіемъ Бога и исканіемъ Россіи. Въ бричкѣ съ Чичиковымъ Гоголь искалъ по всей русской землѣ «святую Русь», какъ она представлялась его духовнымъ очамъ, но находилъ одну лишь «мерзость запустѣнія». вмѣсто «живыхъ» душъ ему попадались на пути лишь «мертвыя». Просто талантъ, въ родѣ Чехова, могъ бы удовлетвориться изображеніемъ сѣрыхъ будней русской жизни, разныхъ мелкихъ, «хмурыхъ» людей, но гений, какъ Гоголь, тосковалъ о положительномъ идеалѣ, ему хотѣлось принести своимъ творчествомъ осязательную пользу, внести обновленіе въ самую общественную жизнь. И вотъ тутъ-то его постигло разочарованіе: Гоголь, по выраженію кн. Трубецкаго, наткнулся на тупикъ, изъ котораго ему уже не суждено было выбраться. Но и сама Россія, которую великій сатирикъ представлялъ себѣ въ образѣ бѣшено скачущей тройки, очутилась въ какомъ-то тупикѣ.

Три года назадъ русская тройка рванулась было впередъ и понеслась вскачь, и вдругъ снова остановилась, какъ вкопанная, на мѣстѣ. Отчего это случилось? Ораторъ видитъ причину этого въ другой нашей глубоко національной чертѣ—въ неспособности въ чемъ-либо себя обуздать и ограничить. Мы захотѣли однимъ взглядомъ перелетѣть безграничное пространство и, когда намъ не удалось это, у насъ разомъ опустились руки. Нашъ девизъ—все или ничего. Русская жизнь, это—или гнилой застой, мертвечина, или бѣшено мчащаяся тройка. Разъ навсегда нужно покончить съ этими крайностями, съ точки зрѣнія идеала безусловнаго совершенства слѣдуетъ привѣтствовать всякое приближеніе къ добру, всякое относительное усовершенствованіе. Вѣдь не тотъ измѣняетъ идеалу, кто совершаетъ къ нему трудный, долгій путь восхожденія, а именно тотъ, кто отвергаетъ ведущія къ нему ступени и, гнушаясь труда, складываетъ руки. Путь къ идеалу есть лѣствица, и, какъ бы дологъ и труденъ ни былъ этотъ путь, онъ долженъ быть пройденъ до конца. При этомъ, какъ бы ни были необходимы вѣшнія преобразованія, ими одними обновленіе Россіи никогда не будетъ достигнуто: по вѣщему слову Гоголя, для этого нужно внутреннее дѣло души, прочное дѣло жизни.

Длинная, тягучая, монотонная рѣчь профессора М. Н. Сперанскаго по поводу избранія Гоголя въ 40-хъ годахъ почетнымъ членомъ московскаго университета была послѣднею рѣчью русскихъ профессоровъ на этомъ засѣданіи. Публика облегченно вздохнула, когда на кафедрѣ стали появляться одинъ за другимъ иностранные гости. Надо отдать справедливость иностранцамъ: они умѣютъ говорить, особенно французы,—они такъ умѣютъ воздѣйствовать на вниманіе своихъ слушателей, такъ расшевелить ихъ нервы, что даже тѣ изъ російскихъ гражданъ, которые имѣютъ не совѣмъ похвальную привычку спать на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ, начинаютъ, къ своему собственному удивленію, бодрствовать. Такъ, во время рѣчи Мельхиора де-Вогюэ вся публика насторожилась, какъ одинъ человекъ. Слова маститаго академика, автора извѣстнаго сочиненія «Le roman russe», неоднократно прерывались криками «браво» и аплодисментами. Ораторъ отмѣтилъ живой интересъ, который вызываетъ на Западѣ русская литература, и остановился на сравненіи генія Гоголя съ геніемъ Сервантеса. Въ заключеніе онъ обратился къ публикѣ съ краткой рѣчью на русскомъ языкѣ, въ которой выразилъ горячую благодарность за ласковый (онъ произнесъ «ласковѣй») приемъ. Слова его: «вы оказали такую честь и такой приемъ гостю, который посвятилъ свою жизнь прославленію русской беллетристики и тѣмъ готовилъ дружественныя связи между своимъ отечествомъ и матушкой Россіей, которой за все спасибо», вызвали среди присутствовавшихъ цѣлую бурю восторженныхъ овацій.

Большой успѣхъ имѣли и другіе иностранные ораторы: знаменитый славистъ профессоръ Лежэ, профессоръ кембриджскаго университета м-ръ Фрэръ, сказавшій свое привѣтствіе на англійскомъ языкѣ, представители лильскаго и дижонскаго университетовъ—профессора Лирондель и Легра. Первый, между прочимъ, сообщилъ интересную новость, что во французской народной школѣ дѣти читаютъ «Тараса Бульбу» съ гораздо большимъ увлеченіемъ, нежели «Айвенго» и «Робинзона Крузо». Второй сказалъ, что дижонскій университетъ, представителемъ котораго онъ является, «желалъ почтить память одного изъ самыхъ знаменитыхъ людей и самыхъ плачевныхъ профессоровъ университета». Оба довольно бойко говорили по-русски, хотя и ломанымъ языкомъ.

Любопытно отмѣтить, что послѣ французовъ, говорившихъ по-русски, наши братья славяне—и отъ софійскаго и отъ пражскаго университетовъ (Пенко Словенковъ и Поливка)—говорили на своихъ родныхъ языкахъ, и только представитель бѣлградскаго университета, профессоръ Р. И. Кошутичъ, говорилъ по-русски. Этими привѣтствіями славянскихъ гостей и закончилось торжественное засѣданіе въ московскомъ университетѣ, а самая гоголевскія тор-

жества закончились въ этотъ день спектаклями въ императорскихъ театрахъ—«Майской ночью» Римскаго-Корсакова въ Большомъ и «Ревизоромъ» въ Маломъ театрѣ, которые прошли, увы, далеко не съ выдающимся успѣхомъ.

Второй день торжествъ начался соединеннымъ засѣданіемъ московскаго университета и общества любителей російской словесности въ большомъ залѣ московской консерваторіи. Опять тѣ же профессора, тѣ же иностранные гости, тѣ же потоки рѣчей, которымъ предшествуетъ на этотъ разъ исполненіе кантаты на слова П. И. Вейнберга. Русское хоровое общество оказывается на высотѣ своей задачи, и гоголевская кантата вызываетъ шумное одобреніе публики. Начинаются рѣчи. Первымъ говоритъ директоръ нѣжинскаго лицея, профессоръ Ивановъ, который обрисовываетъ Гоголя, какъ писателя-пророка. «Моисей закрѣпощенной Россіи, онъ простеръ свой жезлъ, свое огненное слово надъ царствомъ Собакевичей, Ноздревыхъ, городничихъ, и царство это дрогнуло, запаталось и—дѣти не успѣли стать юношами—рухнуло». Далѣе слѣдуютъ многочисленныя привѣтствія отъ разныхъ обществъ и ученыхъ учреждений: отъ британской, флорентійской, финской академій, отъ «Alliance Française» въ Москвѣ, отъ лиги образованія и проч. Профессоръ А. Н. Веселовскій читаетъ рѣчь отсутствующаго Брандеса. Знаменитый критикъ преклоняется передъ гениемъ Гоголя. «Это въ полномъ смыслѣ слова гений,—говоритъ онъ,—и даже вдохновенный гений. Онъ не сознаетъ вполне, зачѣмъ онъ пишетъ именно такъ, какъ онъ это дѣлаетъ; онъ идетъ противъ своихъ выгодъ,—да и знаетъ ли онъ ихъ?» Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Иронія Гоголя такъ глубока, что, заглядывая въ нее, испытываешь что-то въ родѣ головокруженія (сатира Салтыкова ей, можетъ быть, сродни). Говорятъ, что Пушкинъ, которымъ Гоголь восторгался до обожанія, подаль ему мысль о «Ревизорѣ»; если это правда, то это дѣлаетъ Пушкину не менѣ чести, чѣмъ любое изъ его собственныхъ произведеній, потому что въ современной литературѣ всѣхъ странъ нѣтъ такой остроумной, веселой и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно серьезной комедіи».

Все идетъ хорошо, какъ вдругъ на каедрѣ появляется тоже «знаменитый» В. Брюсовъ и, какъ говорится, съ мѣста въ карьерѣ принимается развѣнчивать Гоголя. Это, видите ли, совсѣмъ не реалистъ, какъ всѣ его ошибочно считаютъ, а крайній фантастъ, необузданный мечтатель! У Гоголя страсть къ преувеличиванію, къ гиперболамъ. Онъ никогда не умѣлъ здраво оцѣнить окружавшей его дѣйствительности, жилъ въ мірѣ мечты и фантазіи и

только этотъ міръ воплощала въ своихъ созданіяхъ. Наклонность къ гиперболизму ораторъ видитъ и въ личной жизни Гоголя, въ его письмахъ, въ его мнительности, вслѣдствіе которой онъ вѣчно считалъ себя больнымъ, въ похвальбѣ разными несбыточными планами. Смерть Пушкина, какъ извѣстно, глубоко потрясла Гоголя, который въ чрезвычайно трогательныхъ выраженіяхъ излилъ свою скорбь въ письмахъ къ друзьямъ. Но Брюсовъ и здѣсь видитъ гиперболизмъ и готовъ взять даже подъ сомнѣніе самую скорбь Гоголя. Почему? Да потому, видите ли, что въ одномъ письмѣ, къ Шлетневу, имѣется приписка, въ которой Гоголь проситъ своего друга похлопотать о деньгахъ для себя, а въ другомъ, къ Погодину, онъ говоритъ о «забвеніи всего міра» подъ чудеснымъ небомъ Италіи. Справедливо кто-то замѣтилъ на это, что, какъ бы Гоголь ни былъ огорченъ смертью Пушкина, ему все таки нужно было платить въ Римѣ за комнату, ему нужно было пить и ѣсть. Но Брюсову такое простое возраженіе, очевидно, не приходило въ голову, и онъ смѣло продолжалъ «разоблачать» Гоголя. А между тѣмъ публика уже начинала терять терпѣніе, и кое-гдѣ стало раздаваться сдержанное шиканіе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь сюда собрались чествовать память великаго писателя, слушать въ честь его гимны, и вдругъ такая неумѣстная «критика»... Раздраженіе противъ оратора замѣтно росло у слушателей—съ каждой минутой. Уже кто-то крикнулъ: «довольно», но Брюсовъ не унимался. Онъ заговорилъ о мнимыхъ болѣзняхъ Гоголя, которому уже въ молодости будто бы все мерещилась какая-то болѣзнь въ кишкахъ.

— Всю жизнь онъ жаловался на разстроенный кишечникъ, а между тѣмъ извѣстно, что онъ любилъ хорошо поѣсть!

Это была фраза, которая переполнила у публики чашу терпѣнія. Послышались энергичные возгласы со всѣхъ сторонъ: «Довольно! Стыдно вамъ! Безобразіе!»

Ораторъ въ недоумѣніи останавливается; въ то же время раздается звонокъ предсѣдателя, призывающій къ порядку. Но значительная часть присутствующихъ демонстративно покидаетъ залъ, причѣмъ нѣкоторые въ видѣ протеста даже опрокидываютъ свои стулья. Словомъ, получается самый настоящій скандалъ, котораго никакъ нельзя было ожидать въ столь торжественномъ собраніи. Бѣдный Гоголь! Первый день его праздниковъ былъ омраченъ пустыми трибунами, являвшими собой печальное, хотя и въ высшей степени юмористическое зрѣлище, а второй—окончательно былъ испорченъ Валеріемъ Брюсовымъ. Впрочемъ, все остальное, что полагалось въ этотъ день по ритуалу, прошло совершенно благополучно. Очень удачнымъ вышелъ, между прочимъ, спектакль въ Большомъ театрѣ для учащихъ начальныхъ городскихъ школъ. Шла «Майская ночь». Никогда еще въ зрительномъ залѣ этого

театра не чувствовалось столько непосредственной радости, столько беззаботнаго и непринужденнаго смѣха, столько истинно-дѣтскаго, головокружительнаго восторга. Тысячи маленькихъ ручонокъ разражались бурными аплодисментами въ отвѣтъ на каждую комическую сценку. Любой, простѣйшій сценическій эффектъ вызывалъ цѣлую бурю овацій, и въ театрѣ неумолчно раздавались до самаго конца представленія восторженные крики звонкихъ дѣтскихъ голосовъ.

День закончился блестящимъ раутомъ въ городской думѣ. Раутъ дѣйствительно удался на славу. Все огромное помѣщеніе думы было превращено въ роскошный, тропическій садъ. Здѣсь собрались самыя сливки столичнаго общества, все почетные гости, среди которыхъ находились, разумѣется, и прибывшіе на Гоголевскія торжества иностранцы. Весь вечеръ игралъ великолѣпный симфоническій оркестръ, гостямъ предложено было обильное угощеніе, рѣкой лилось шампанское. Всѣ были очарованы любезностью и гостепріимствомъ городского головы Н. И. Гучкова, сначала встрѣчавшаго всѣхъ своихъ гостей, а потомъ привѣтствовавшаго ихъ съ бокаломъ въ рукѣ очень красивой, выразительной рѣчью.

Послѣдній день Гоголевскихъ торжествъ ознаменовался спектаклемъ въ Маломъ театрѣ, для котораго былъ данъ, кажется, впервые въ Москвѣ «Театральный разъѣздъ». Спектаклю предшествовала длинная и довольно скучная рѣчь профессора А. Н. Веселовскаго, задавнагося цѣлью познакомить зрителей съ психикой Гоголя передъ написаніемъ имъ «Разъѣзда». Задача оказалась не изъ благодарныхъ, и отъ рѣчи почтеннаго профессора вѣяло тѣмъ самымъ гиперболизмомъ, въ которомъ столь неудачно, а главное неумѣстно, упрекалъ Гоголя «мало почтенный» Валерій Брюсовъ.

Затѣмъ, разумѣется, опять состоялось торжественное засѣданіе общества любителей Россійской словесности въ университетѣ, и опять полились рѣчи, порядкомъ уже надоѣвшія публикѣ, слушавшей ихъ три дня подъ рядъ...

Торжественнымъ банкетомъ въ гостиницѣ «Метрополь» закончила Москва празднества въ честь Гоголя.

Всякій, кто былъ свидѣтелемъ Гоголевскихъ торжествъ въ Москвѣ, не могъ не замѣтить двухъ особенностей ихъ, рѣзко бросившихся въ глаза. Во-первыхъ, полное отсутствіе на этихъ торжествахъ крупныхъ литературныхъ именъ. Современныя знаменитости наши, всѣ эти Андреевы, Куприны и прочіе,—всѣ точно куда-то попрятались, точно открытіе памятника Гоголю не было ихъ писательскимъ праздникомъ, а чѣмъ-то совѣмъ постороннимъ, чуждымъ имъ. Во-вторыхъ, замѣчалось самое трогательное единеніе около памятника нашего великаго писателя людей всевозможныхъ оттѣнковъ, направленій и партій. Такъ, у подножія

памятника мы находимъ вѣнки, съ одной стороны, отъ разныхъ университетовъ и академій, отъ высшихъ женскихъ курсовъ и отъ самыхъ радикальныхъ органовъ печати, съ другой—отъ «Московскихъ Вѣдомостей», отъ дирекціи театра «Буффъ» и отъ «союза русскаго народа». Вотъ и разбери кто захочетъ!—какъ говоритъ гоголевскій городничій, разводя въ недоумѣніи руками. Повидимому, всѣ сходятся въ оцѣнкѣ Гоголя и каждый, будь то крайній либераль, или самый ярый черносотенецъ, непременно считаетъ его «своимъ». Это очень интересное явленіе и надъ нимъ стоитъ призадуматься.

Князь Б. А. Щетининъ.

„АКСАКОВСКІЕ ДНИ“ ВЪ ГОРОДѢ УФѢ.

ПРѢЛЯ 30-го исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти знаменитаго уфимца, автора «Семейной хроники» Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Вся культурная Россія отмѣтила этотъ день ¹⁾. Но особенно горячо вспомнила Сергѣя Тимофеевича Уфа. Иначе, впрочемъ, и быть не могло.

Уфа, или въ обширномъ смыслѣ Уфимское намѣстничество, является родиной незабвеннаго писателя. «Обширна, плодоносна и прекрасна была тогда природа этого края», писалъ когда-то Сергѣй Тимофеевичъ. «Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія огромныя чаши, стоятъ озера твои Кандры и Картабанъ. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ твои рѣки, то быстро текуція по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно катящіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны эти степныя рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ и глубокихъ водоеминъ... Чудесной растительностью блистають твои тучныя черноземные роскошныя луга и поля, то бѣлѣющіе весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытые лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени... Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородные черныя лѣса, и рои дикихъ пчелъ шумно населяють нерукотворныя борги твои, занося

¹⁾ О чествованіи С. Т. Аксакова въ Москвѣ см. въ отдѣлѣ «Смѣсь».

ихъ душистымъ липовымъ медомъ». Нѣтъ сомнѣній, что впечатлѣнія родной природы, на лонѣ которой протекло дѣтство С. Т. Аксакова, оставили въ душѣ его глубокій, неизгладимый слѣдъ, послужившій потомъ источникомъ вдохновенія для его художественно-прекрасныхъ произведеній.

Почти за сто протекшихъ съ тѣхъ поръ лѣтъ весьма многое измѣнилось и въ природѣ и въ общественной жизни Уфимскаго края. Произведенія же Сергѣя Тимофеевича лучше всякихъ другихъ документовъ навѣки сохранили потомству былую поэзію дѣвственной природы и теперь еще весьма живописной «Башкиріи» и оригинальныя бытовыя черты уже далекой отъ насъ эпохи. Поэтому-то уфимское общество такъ искренно и единодушно откликнулось на призывъ почтить память своего талантливаго земляка.

О достойномъ чествованіи Сергѣя Тимофеевича въ Уфѣ заговорили давно: еще съ осени прошлаго года. Подъ предсѣдательствомъ уфимскаго губернатора А. С. Ключарева образованъ былъ комитетъ по увѣковѣченію памяти писателя, въ который вошли представители отъ всего интеллигентнаго уфимскаго общества.

Подъ руководствомъ энергичнаго предсѣдателя работа комитета закипѣла. Въ первыхъ же засѣданіяхъ комитетъ рѣшилъ ознаменовать юбилей роднаго писателя постройкой грандіознаго народнаго дома, присвоивъ ему наименованіе «Аксаковскаго».

О размѣрахъ проектируемаго зданія можно судить по тому, что въ «Аксаковскомъ домѣ» предполагено устроить: 1) театральнй залъ, 2) залъ для чтенія лекцій, 3) библіотеку-читальню, 4) музей, распадающійся на три отдѣла: этнографическій, историческій и географическій, не считая особаго, спеціально «аксаковскаго», гдѣ должны быть собраны исключительно предметы и реликвіи, имѣющіе отношеніе къ памяти С. Т. Аксакова. Въ этомъ же домѣ рѣшено помѣстить и серію картинъ, пожертвованныхъ городу другимъ уфимскимъ уроженцемъ, извѣстнымъ художникомъ Нестеровымъ.

Средствъ для осуществленія задуманнаго широкаго плана не было, но это не остановило энергіи инициаторовъ, такъ какъ самая идея сооруженія была сочувственно встрѣчена всѣмъ обществомъ.

Въ январѣ была объявлена подписка на это культурное дѣло, и пожертвованія полились широкой волной, какъ отъ общественныхъ учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ. Такъ, мѣстное дворянство пожертвовало 15.000 рублей, губернское земство 20.000 рублей, попечительство о народной трезвости 10.000 руб., городъ 25.000 рублей.

Многіе представители мѣстнаго состоятельнаго класса подписывали по тысячѣ и болѣе рублей; текутъ сюда и мелкія лепты, и общая сумма пожертвованій къ настоящему времени достигла уже ста тысячъ рублей, что обѣщаетъ несомнѣнный успѣхъ на-

чинанію. Городское управленіе, помимо денежной субсидіи, отвело подъ постройку дома одно изъ лучшихъ мѣстъ въ центрѣ города (противъ дворянскаго дома), и кромѣ того, постановило бесплатно отпускать для постройки необходимый камень и воду. Кромѣ того, разрѣшена всероссійская подписка, которая тоже окажетъ нѣкоторую помощь осуществленію намѣченнаго проекта. Вѣдь С. Т. Аксакова знаетъ и читаетъ вся Россія. Нѣтъ, вѣроятно, ни одного образованнаго русскаго человѣка, который, перечитывая въ дѣтствѣ задушевные произведенія Сергѣя Тимофеевича, не восторгался бы его высоко поэтическими описаніями природы, мысленно не путешествовалъ бы вмѣстѣ съ авторомъ на охоту и рыбную ловлю, идеологомъ-художникомъ которыхъ былъ юбиляръ.

Въ январѣ же начала вырабатываться программа самаго юбилейнаго чествованія. Комитетъ между прочимъ предложилъ мѣстнымъ литературнымъ и музыкальнымъ силамъ написать стихи, которые бы могли послужить либретто для юбилейной кантаты въ честь Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Пожеланіе это вскорѣ осуществилось. Изъ-подъ пера г-жи Е. Поповой вышло безыскусственное, но проникнутое искреннимъ теплымъ чувствомъ къ покойному писателю стихотвореніе. Вотъ текстъ его:

«Ты извѣстенъ Россіи немало,
Тебя славятъ потомки теперь,
Ты у насъ наша гордость и слава—
Нашъ любимецъ Аксаковъ Сергѣй.
Дѣти всѣ безъ изъятія читаютъ,
Что написано было тобой,
И тебя съ малыхъ лѣтъ они знаютъ.
Твой Сережа, ты самъ имъ родной...
Твои бабочки, рыбки, цвѣточки,
Твоя Оля—сестрица твоя,
Наша Дѣма и дядька Евсѣичъ...
Все знакомо и все имъ родня...
Спи же спокойно ты, нашъ незабвенный,
Русскихъ дѣтокъ учитель и другъ.
Спи спокойно, землякъ нашъ почтенный,
Мы помнимъ твой трудъ.
Вся Россія тебя вспоминаетъ
И гордится тобою Уфа.
Пусть же вѣчно тебя прославляютъ
Вѣчно слава сіяетъ твоя!
Слава Аксакову, слава!
Слава Сергѣю Тимофеевичу, слава!
Слава, слава, слава!

Нашлись въ Уфѣ и композиторы. Кантата на слова Поповой появилась въ двухъ видахъ. Авторомъ одной была учительница музыки О. И. Шеленкова, другой—извѣстный въ уфимскомъ музыкальномъ мѣрѣ священникъ Ипполитъ Петровичъ Райскій.

Оба представленные произведенія обладали столь существенными музыкальными достоинствами, что комитетъ единогласно рѣшилъ исполнить на юбилейномъ торжествѣ ту и другую. Исполненіе кантатъ и вообще музыкально-вокальной части торжества взяли на себя хоры учащихся среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній гор. Уфы всѣхъ типовъ и любительскій оркестръ, управляемый тѣмъ же священникомъ Райскимъ.

«Аксаковскіе дни» въ Уфѣ начались съ 27 апрѣля. Къ этому времени была окончательно установлена программа юбилейныхъ торжествъ, состоявшая изъ концерта и освященія мѣста подъ предполагаемое зданіе¹⁾.

Въ программу юбилейнаго концерта входили слѣдующіе номера:

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Народный гимнъ.

«Славься» изъ оперы «Жизнь за царя».

«Юбилейная кантата», свящ. И. Райскаго.

Биографическій очеркъ С. Т. Аксакова—препод. гимн. Вѣровскій.

Похоронный маршъ изъ 3-й симфоніи Бетховена.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Двѣ части изъ симфоніи Калинникова.

Характеристика литературнаго творчества Аксакова—преп. Словоохотовъ.

Вторая рапсодія Листа.

«Дойна»—народная румынская пѣсня на національномъ инструментѣ «най»—испол. Новочанъ.

Чтеніе двухъ отрывковъ изъ произведеній С. Т. Аксакова—ученикъ и ученица гимназій.

«Юбилейная кантата» О. И. Шеленковой.

Концертъ былъ повторенъ въ теченіе четырехъ вечеровъ. 27 и 28 апрѣля слушателями были учащіеся низшихъ (27-го) и среднихъ (28-го) учебныхъ заведеній. Всѣмъ учащимся, количество которыхъ достигаетъ въ Уфѣ 7200 человекъ, конечно, невозможно было посѣтить юбилейное торжество, поэтому входные билеты были распределены лишь на $\frac{2}{7}$ общаго количества учащихся въ каждомъ учебномъ заведеніи. 29-го и 30-го были уже платные концерты для публики; сборъ съ нихъ (болѣе 2000 рублей) поступаетъ на сооруженіе «Аксаковскаго дома».

Съ увѣренностью можно сказать, что такихъ грандіозныхъ концертовъ не видала еще Уфа. Участниковъ въ хорѣ было болѣе 400 человекъ. Не говоря объ исполненіи юбилейныхъ кантатъ, которыя удались превосходно, особенно сильное впечатлѣніе оста-

¹⁾ Рѣшеніе приурочить къ торжеству закладку зданія не могло осуществиться, такъ какъ къ означенному дню не были присланы изъ Петербурга премированные обществомъ архитекторовъ проекты «Аксаковскаго дома».

вилъ могучій хоръ отъ исполненія «Слався» изъ оперы «Жизнь за царя». Умѣлая рука дирижера священника Райскаго буквально вдохновляла пѣвцовъ; съ эстрады лились мощные, ликующіе звуки, невольно вселяющіе въ душу каждого слушателя какую-то особенную бодрость и подъемъ.

Знаменательно при этомъ совпаденіе. Юбилейный концертъ происходилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда была усадьба виновника торжества С. Т. Аксакова и стоялъ домъ, въ которомъ родился писатель и гдѣ протекало его поэтически описанное дѣтство ¹⁾.

Утромъ 30 апрѣля въ кафедральномъ соборѣ была совершена архіерейскимъ служеніемъ заукоинная литургія и панихида «о приснопамятномъ бояринѣ Сергіи». Во время богослуженія произнесены были содержательныя рѣчи, посвященныя памяти Аксакова, преосвященнымъ Наѳанаиломъ, епископомъ уфимскимъ, и ректоромъ семинаріи архимандритомъ Меѳодіемъ. Затѣмъ изъ собора во главѣ съ преосвященнымъ вышелъ крестный ходъ для освященія мѣста предполагаемой постройки. Величественную картину представляла многолюдная процессія. За духовенствомъ и двумя хорами пѣвчихъ шелъ Аксаковскій комитетъ съ предсѣдателемъ, уфимскимъ губернаторомъ, далѣе представители дворянства, города, земства, купечества, учащіе, ученики и ученицы учебныхъ заведеній Уфы, освобожденные въ этотъ день отъ занятій.

Надъ мѣстомъ постройки красиво развѣвались гирлянды хвоя и масса національныхъ флаговъ. Въ центрѣ проектируемаго дома возвышался помостъ для совершенія молебствія. Кругомъ его стояла многотысячная толпа уфимцевъ, живо интересующихся увѣковѣченіемъ памяти своего знаменитаго гражданина. Среди присутствовавшихъ можно было видѣть людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, отъ представителей бомонда до деревенскихъ жителей изъ окрестностей Уфы, знавшихъ заранѣе о предполагаемомъ торжествѣ. На ряду съ русскими здѣсь было много и мусульманъ. Съ крышъ прилегающихъ зданій любители и профессионалы-фотографы старались увѣковѣчить знаменательный моментъ и залитую народомъ площадь, на которой, быть можетъ, скоро будетъ возвышаться гордость Уфы—«Аксаковскій домъ».

Молебеніе кончилось. Губернаторъ всенародно благодаритъ преосвященнаго за молитву. Церковная процессія удаляется, и на помостъ поднимается ахунъ первой соборной мечети Абызгильдинъ съ муллами и совершаетъ здѣсь краткое мусульманское молитвословіе, а затѣмъ обращается къ присутствующимъ на торжествѣ единоплеменникамъ съ рѣчью на татарскомъ языкѣ: «Сегодня,—

¹⁾ Теперь эта усадьба принадлежитъ купцамъ Видинѣвымъ, и здѣсь построенъ лѣтній театръ, гдѣ и давался Аксаковскій концертъ.

сказалъ онъ,—исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти извѣстнаго писателя Русскаго государства Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Это торжественное молебствіе православныхъ и магометанъ было отслужено въ ознаменованіе дня закладки народнаго дома въ честь его имени. Для чего это громадное зданіе? Для того, чтобы почтить писателя, посвятившаго всю жизнь свою на пользу народа. Писательская дѣятельность самая великая служба обществу, писаніе—это вѣчная польза для всего человѣчества. Это торжественное собраніе свидѣтельствуетъ о величїи труда писателя Поздравляю такой народъ, который умѣетъ чтить своихъ родныхъ писателей, и особенно привѣтствую уфимцевъ съ такимъ торжественнымъ днемъ. Великій писатель Аксаковъ указалъ народу тѣ тайныя явленія жизни, которыя не всякій видитъ,—онъ указалъ истину. Привѣтствую трудящихся для построенія народнаго дома и инициаторовъ, а также гражданъ всей Россїи и желаю имъ всякаго блага и процвѣтанія». Затѣмъ ахунъ прочелъ задравныя молитвы за Государя, Государыню, Наслѣдника и весь царствующій домъ. Это была памятная картина, свидѣтельствующая о полной солидарности въ культурномъ дѣлѣ между двумя главными народностями, населяющими Уфимскій край.

Далѣе говорилъ губернаторъ. Въ своей рѣчи онъ выяснилъ значеніе литературныхъ трудовъ Аксакова, указалъ на просвѣтительныя задачи, осуществлять которыя будетъ устраиваемый домъ и пригласилъ присутствовавшихъ къ пожертвованіямъ; въ заключеніе рѣчи провозгласилъ «ура» въ честь державнаго вождя Русскаго государства, которое было подхвачено многотысячной толпой.

Послѣ этого публика стала расходиться. Представители же вѣдомствъ, земства, городского самоуправленія, адвокатуры и строительный комитетъ собрались въ особо устроенномъ павильонѣ. Тутъ же находилась и внучка С. Т. Аксакова, Ольга Григорьевна Аксакова¹⁾, присутствовавшая въ Уфѣ на всѣхъ юбилейныхъ торжествахъ въ честь ея знаменитаго дѣда.

За завтракомъ было подано шампанское, приносились тосты за всѣхъ лицъ, принимающихъ участіе въ работѣ по сооруженію «Аксаковскаго дома», прочитаны были привѣтственныя телеграммы: отъ уфимцевъ - членовъ государственной думы, отъ художника Нестерова, отъ бывшаго уфимско-оренбургскаго губернатора Бара-

¹⁾ Ольга Григорьевна Аксакова, дочь второго сына С. Т. — Григорія Сергѣевича, бывшаго (1861—1867) первымъ уфимскимъ губерн. Она живо помнитъ тотъ моментъ, когда въ восьмую годовщину дня ея рожденія ей подарили альбомъ, въ которомъ имѣлось стихотворное посвященіе «дѣдушки» своей «милой внучкѣ» Ольѣ лучшаго изъ его произведеній—«Дѣтскіе годы Багрова внука». Тутъ же былъ приложенъ портретъ С. Т. работы одной изъ дочерей его, копія съ котораго съ надписью «дѣдушка» помѣщена въ «Исторїи русской словесности» — Полевого.

новскаго. Произнесено было нѣсколько рѣчей, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ обращены были непосредственно къ присутствовавшей на торжествѣ О. Г. Аксаковой и имѣли своимъ содержаніемъ значеніе С. Т. Аксакова, какъ писателя, и отношеніе уфимцевъ къ памяти земляка - поэта. Ольга Григорьевна, тронутая всѣмъ происходившимъ, въ сердечныхъ словахъ благодарила привѣтствовавшихъ.

Теперь Уфа будетъ ждать осуществленія давно желаннаго всѣмъ обществомъ зданія, посвященнаго культурно - просвѣтительнымъ задачамъ. Закладка его не замедлитъ, такъ какъ на второй день послѣ торжества получены и премированные проекты «Аксаковскаго дома». Какъ слышно, комитетъ останавливается на проектѣ Покровскаго, стиль котораго напоминаетъ постройки XVII вѣка (третья премія на конкурсѣ).

Z.

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Новое есть только хорошо забытое старое.

Къ 50-лѣтнему юбилею императорской археологической комиссіи. — Дѣятельность комиссіи въ 1908 г.—Вопросъ объ охранѣ памятниковъ старины, въ связи съ учрежденіемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой междувѣдомственной комиссіи.—Судьба проекта реформы губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.—Къ избранію Новгорода пунктомъ для созыва XV-го всероссійскаго археологическаго сѣзда.—Къ предстоящему областному археологическому сѣзду въ Костромѣ въ іюнѣ 1909 г.—Проектъ преміи имени И. Е. Забѣдина; крупное наслѣдство, завѣщанное покойнымъ московскому историческому музею.—Премиированные медалью комиссіею императорскаго русскаго археологическаго общества печатные труды по археологіи.

АЧАЛО текущаго года ознаменовалось въ исторіи русской археологіи крупнымъ событіемъ. 2-го февраля императорская археологическая комиссія отпраздновала 50-лѣтній юбилей своей ученой дѣятельности. Плодотворные полувѣковые труды комиссіи по охранѣ памятниковъ родной старины, по описанію ихъ, изслѣдованію и изданію оцѣнены верховной властью въ слѣдующемъ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ: «Императоръ Петръ Великій, въ заботахъ о насажденіи просвѣщенія въ Россіи, положилъ основаніе дѣлу собранія и храненія необходимыхъ въ землѣ древностей. Въ Высочайшихъ указахъ правительствующему сенату и сибирскому губернатору о курганныхъ предметахъ, далеко опередивъ свое время въ оцѣнкѣ значенія памятниковъ старины, онъ указалъ надлежащій путь къ составленію археологическихъ музеевъ. Императоръ Александръ I,

придавая особо важное значеніе древнимъ памятникамъ, возложилъ веденіе раскопокъ въ имперіи на государственнаго канцлера графа Румянцова, извѣстнаго радѣтеля старины. Прадѣдъ мой, императоръ Николай I, даровалъ средства къ широкой организаціи правительственныхъ раскопокъ на югѣ Россіи, въ особенности въ Керчи, каковая мѣстность является неистощимою сокровищницею произведеній греческаго искусства. Сложное дѣло это было поручено сначала графу Перовскому, состоявшему министромъ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ графу Сергѣю Григорьевичу Строганову, при которомъ, въ царствованіе дѣда моего, императора Александра II, учреждена 2-го февраля 1859 года императорская археологическая комиссія, какъ особое установленіе министерства императорскаго двора. Возникшая въ скромномъ составѣ, съ цѣлью разысканія предметовъ старины и ихъ научной оцѣнки, археологическая комиссія вскорѣ одарила русскую науку замѣчательными предметами и обогатила Императорскій Эрмитажъ выдающимся собраніемъ древностей. Незабвенный родитель мой, императоръ Александръ III, возложилъ на комиссію изслѣдованіе древняго Херсонеса и поставилъ ее во главѣ всѣхъ археологическихъ изысканій въ Россіи, даровавъ комиссіи въ 1889 году исключительное право на производство раскопокъ въ имперіи на земляхъ казенныхъ и общественныхъ. Одновременно на комиссію, совмѣстно съ императорскою академіей художествъ, возложено было и разрѣшеніе вопросовъ о реставраціи старинныхъ памятниковъ зодчества. Сочувственно слѣдя за трудами археологической комиссіи, постепенно расширяющей кругъ своей дѣятельности, за раскопками и многочисленными ея изданіями, мнѣ пріятно въ настоящій день 50-лѣтняго ея существованія подтвердить, что она оправдала постоянное довѣріе, оказанное ей моими предками и мною. Выражая мое благоволеніе предсѣдателю археологической комиссіи, сенатору гофмейстеру графу Бобринскому, всему ея составу, а также лицамъ, особо потрудившимся въ дѣлѣ организаціи работъ по разысканію древностей и научной ихъ оцѣнкѣ, я вполне увѣренъ, что дѣятельность комиссіи и впредь будетъ неизмѣнно стоять на высотѣ порученнаго ей отвѣтственнаго научнаго дѣла».

Роль комиссіи, какъ мы видимъ, въ началѣ весьма скромная— разысканіе памятниковъ древностей, преимущественно на югѣ Россіи, въ Крыму и южныхъ степяхъ, и пополненіе произведеніями древняго искусства коллекцій Императорскаго Эрмитажа — съ теченіемъ времени разрасталась. Періодъ предсѣдательства въ комиссіи просвѣщеннаго знатока и искренняго убѣжденнаго археолога графа А. А. Бобринскаго отмѣченъ, въ особенности, значительнымъ расширеніемъ какъ района дѣятельности комиссіи, такъ и ея компетенціи. Комиссія нынѣ поставлена на стражѣ памят-

никовъ старины, какъ надземныхъ, такъ и хранящихся въ нѣдрахъ земли, въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Этимъ пресѣченъ въ значительной степени тотъ громадный вредъ для археологіи, который приносили наукѣ раскопки, предпринимаемыя лицами съ недостаточною къ тому подготовкою. Игнорируя выработанные практикой техническіе приемы и точныя записи и гоняясь, въ большинствѣ случаевъ, лишь за отдѣльными интересными находками, неопытные изслѣдователи сводили на нѣтъ научное значеніе производимыхъ ими работъ. Съ изданіемъ указа 1889 г. никто, безъ открытаго листа, выдаваемого комиссіей, не въ правѣ приняться за производство раскопокъ на земляхъ общественныхъ и казенныхъ. Комиссія же, выдавая листы, видитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и, съ одной стороны, въ необходимыхъ случаяхъ, можетъ оказать помощь, съ другой—во время охранить древности отъ гибели, ставя свое veto попыткамъ неопытныхъ любителей или своевременно командируя специалистовъ для производства систематическихъ раскопокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда древности подвергаются опасности, какъ то нерѣдко случалось, хищническихъ набѣговъ кладоискателей. Широко раскинулся въ настоящее время и районъ дѣятельности комиссіи. Наглядно свидѣтельствуемъ объ этомъ отчетъ о коллекціи находокъ, представленный въ текущемъ году на Высочайшее разсмотрѣніе. Далекій сѣверъ—Пермская губернія (Шадринскій уѣздъ)—далъ богатѣйшую находку: восемь серебряныхъ сосудовъ, ведро, четыре сасанидскихъ блюда и три византійскихъ. Въ Кіевской губерніи сдѣланы также богатая находки: графу А. А. Бобринскому посчастливилось найти нетронутое погребеніе, при немъ желѣзный ножъ съ золотой рукояткой, на которой оттиснуты изображенія зайцевъ, и золотое ожерелье. Въ Кіевѣ открыты слѣды древней Десятиной церкви, постройка которой относится къ эпохѣ св. вел. кн. Владимира. Близъ Батума найдена интересная овальная заставка изъ горнаго хрустала въ золотой оправѣ, съ изображеніемъ Люціи Вера, сопровителя императора Адриана (II вѣкъ по Р. Х.). На мѣстѣ древней Ольвіи, близъ Херсона, гдѣ ведутся уже нѣсколько лѣтъ обширныя систематическія раскопки членомъ комиссіи Б. В. Фармаковскимъ, обнаруживающія постепенно цѣлую панораму древняго города, найдены: костяная рѣзная женская фигура, финикійскій сосудъ, рядъ эпитафическихъ памятниковъ и мраморная женская головка—произведеніе эпохи расцвѣта греческаго искусства (V вѣка до Р. Х.) школы Фидія. Археологическія изслѣдованія производились и дали цѣнные результаты въ Березани (предметы VI в. до Р. Х.), на мѣстѣ древняго Херсонеса, близъ Севастополя, въ Керчи, въ землѣ войска Донскаго, на Кавказѣ, въ Воронежской и Вятской губерніяхъ.

Существованіе императорской археологической комиссіи не исчерпываетъ, однако, давно наболѣвшаго общаго вопроса объ охранѣ памятниковъ старины на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества. На это нужны, конечно, болѣе обширныя полномочія, иной, не столь скромный, отпускаемый комиссіи изъ средствъ министерства императорскаго двора, бюджетъ, не тотъ незначительный личный составъ, которымъ она располагаетъ въ настоящее время. Осуществленіе охраны древнихъ памятниковъ, при посредствѣ и подъ руководствомъ центрального объединяющаго и руководящаго органа, потребовало бы, помимо значительныхъ затратъ на этотъ органъ, учрежденія на мѣстахъ, на всемъ пространствѣ Россіи, сплошной сѣти мелкихъ исполнительныхъ органовъ. Подобная организація поглотила бы такія огромныя средства, на нее потребовались бы такія крупныя ассигнованія, что рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ на подобное разрѣшеніе вопроса, пожалуй, будетъ лишь простой несбыточной мечтой, подобной проекту архивной реформы, выработанному московскимъ профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ. Предъ правительствомъ и законодательными учрежденіями стоитъ теперь такая масса, какъ казалось бы, болѣе насущныхъ, неотложныхъ, громко заявляющихъ о себѣ нуждъ, что имъ не до памятниковъ старины. Тѣмъ не менѣе вопросомъ объ охранѣ памятниковъ древности нельзя игнорировать. Человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ. Въ изученіи прошлаго гражданинъ страны учится познавать смыслъ настоящаго. Въ полныхъ поэзіи туманныхъ очертаніяхъ пережитаго, которыя ему рисуетъ наука, онъ находитъ оправданіе многому изъ окружающихъ его часто рѣзкихъ и неумолимо суровыхъ проявленій жизни. Уроки прошлаго невольно успокаиваютъ его и вводятъ въ русло повседневной жизни. Прошлое даетъ силу жить, съ увѣренностью въ исторической необходимости совершающихся кругомъ явленій, безъ излишнихъ омрачающихъ жизнь экспессовъ. Поэтому охраненіе памятниковъ старины, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей прошлаго, которыхъ геній науки заставляетъ, однако, отъ времени до времени говорить, имѣетъ большое общественное и даже государственное значеніе. Любовь къ прошлому воспитываетъ національное самосознаніе, столь слабо, вообще, проявляющееся среди русскаго общества. Въ настоящее время правительствомъ обращено, наконецъ, нѣкоторое вниманіе на охрану памятниковъ. Въ 1908 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра И. Я. Гурлянда особая междувѣдомственная комиссія по вопросу объ охраненіи памятниковъ старины. Работы комиссіи пока въ періодѣ подготовительномъ. Комиссія разбита на подкомиссіи. Несомнѣнно, что бюрократическій составъ комиссіи изъ представителей вѣдомствъ, въ числѣ которыхъ археологи считаются едини-

цами, значительно затормозить дѣло. Для многихъ членовъ комиссіи, совершенно чуждыхъ и далекихъ археологій, для которыхъ прошлое ничего не говоритъ ихъ сердцу, участіе въ комиссіи является лишь навязанною извнѣ докучливою обузою. Кромѣ того, новое незнакомое дѣло заставляеть ихъ поневолѣ относиться къ нему съ большой осмотрительностью и осторожностью, вслѣдствіе чего возникаютъ по самымъ пустымъ, представляющимъ для археолога азбучныя истины, вопросамъ длинныя пренія. Теряется время и отнимается энергія у немногихъ состоящихъ въ комиссіи членовъ-специалистовъ. Трудно рассчитывать поэтому на скорое и успѣшное окончаніе работъ комиссіи, если, конечно, она отнесется вполне серьезно къ поставленной ей задачѣ, имѣющей столь крупное научное, общественное и государственное значеніе.

Небезынтересно привести здѣсь мнѣніе художника и извѣстнаго археолога Н. К. Рериха, высказанное имъ въ журналѣ «Городское Дѣло» по поводу открытія засѣданій комиссіи. «Результатомъ трудовъ комиссіи,—говоритъ Рерихъ,—могутъ быть точныя списки памятниковъ страны, прекрасно отредактированныя правила, широкіе циркуляры отъ министерства по всѣмъ губерніямъ и областямъ... Но чѣмъ зажжется въ сердцахъ толпы горячее стремленіе оградить красивые остатки отъ разрушенія. Какимъ пунктомъ правилъ можетъ быть разъяснено всѣмъ народнымъ массамъ, всѣмъ городскимъ хозяйствамъ, что въ разрушеніи памятниковъ понижается культура страны... Правила, правда, полезны для охраны старины, особенно сейчасъ, когда многіе остатки древности дошли до рокового состоянія, но еще нужна наличность людей, наличность настоящей преданности и любви къ дѣлу. Не въ сумракѣ темницъ, какъ многіе музейные предметы, должны памятники доживать свой вѣкъ; они должны свѣтить всей праздничной жизни народа. Не застраивайте памятниковъ доходными домами; не заслоняйте ихъ казармами и сараями, дайте памятнику то «чистое» мѣсто, которое онъ имѣлъ при созданіи,—и къ такому живому музею пойдетъ толпа. При оживленіи памятниковъ оживутъ и тысячи музейныхъ предметовъ и заговорятъ съ посѣтителеми инымъ языкомъ; они сдѣлаются живыми частями цѣлаго увлекательнаго и чудеснаго». По мнѣнію Рериха, помимо специальныхъ учено-археологическихъ учреждений, нужны «общества друзей старины». Въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о выработкѣ новаго положенія объ охранѣ памятниковъ старины поставлена судьба давно уже назрѣвшей и стоящей на очереди реформы губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, отчасти отвѣчающихъ тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ Н. К. Рерихъ проектируемымъ имъ обществамъ друзей старины. Комиссіи эти, созданныя въ 1884 году по проекту сенатора Н. В. Калачева, представляютъ собою особый

типъ правительственно-общественныхъ учреждений, съ свободнымъ доступомъ членовъ, избираемыхъ самими комиссіями. Типъ этотъ оказался весьма жизнеспособнымъ. Несмотря на полное отсутствіе правительственныхъ ассигновокъ, комиссіи благополучно существовали, развивались и, помимо своей спеціально-архивной дѣятельности, выпустили цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, произвели массу археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ памятниковъ мѣстной старины. Число комиссій достигло въ настоящее время 23. Всероссийскіе и въ особенности областные археологическіе съѣзды весьма чутко относились къ вопросу о дальнѣйшей судьбѣ комиссій. На тверскомъ съѣздѣ 1903 года выработанъ былъ проектъ новаго устава комиссій и ходатайства о правительственной имъ субсидіи. Сочувственное отношеніе и интересъ, проявленный въ судьбѣ комиссій въ истекшемъ 1908 году предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ, заставилъ дѣятелей комиссій поторопиться съ окончательной выработкой проекта новаго положенія о комиссіяхъ. Состоявшійся въ Петербургѣ спеціальныи съѣздъ представителей комиссій закончилъ переработкой проекта положенія, который затѣмъ и переданъ былъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, судьба не благопріятствовала комиссіямъ. Спѣшная работа по представленію груды законопроектовъ въ наши законодательныя учрежденія помѣшала, повидимому, министерству внутреннихъ дѣлъ внести въ государственную думу окончательно разработанный вопросъ о новомъ положеніи архивно-археологическихъ комиссій. Внесенъ лишь частичный законопроектъ о назначеніи имъ субсидіи по 200 рублей каждой комиссіи, достаточныхъ только на пересылку архивныхъ дѣлъ, передаваемыхъ различными правительственными учрежденіями на разсмотрѣніе и выясненіе ихъ археологическаго историческаго значенія комиссіями. Въ комиссіи о разсмотрѣніи законодательныхъ предположеній, вносимыхъ въ государственную думу, поставленный въ такой формѣ вопросъ встрѣтилъ нѣкоторыя недоумѣнія. Бросалось въ глаза несоотвѣтствіе между той серьезной научно-исторической задачей, которую должны выполнить комиссіи, и ничтожной просимой для нихъ ассигновкой. Члены комиссіи высказались за отпускъ въ текущемъ году полностью просимой министерствомъ суммы, но въ то же время прибавили пожеланіе, чтобы министерство въ возможно ближайшемъ будущемъ не позже 2 лѣтъ поставило на очередь вопросъ о переработкѣ устава комиссій и объ отпускѣ необходимыхъ для нихъ матеріальныхъ средствъ. Министерство, какъ выше сказано, поставило вопросъ о комиссіяхъ въ связь съ рѣшеніемъ вопроса объ охранѣ памятниковъ старины.

Какъ отрадный фактъ, необходимо отмѣтить состоявшееся въ началѣ 1909 года постановленіе предварительнаго комитета по устройству всероссійскаго археологическаго съѣзда въ 1911 году,

пунктомъ созыва котораго избранъ Новгородъ. Сѣверъ давно уже забыть всероссійскими сѣздами, которые за послѣднее десятилѣтіе какъ бы обосновались исключительно на югѣ Россіи. Такъ, XI сѣздъ состоялся въ Кіевѣ, XII—въ Харьковѣ, XIII—въ Екатеринославѣ и XIV въ Черниговѣ. Несомнѣнно, что частая и рѣзкая смѣна культуръ, богатство и художественное разнообразіе находокъ, слѣды происходившей нѣкогда безпощадной кровавой борьбы между передвигавшимися племенами и народностями—привлекають особенное вниманіе археологовъ къ югу, къ широкому простору южныхъ степей, служившихъ, быть можетъ, отдаленной прародиной великаго славянскаго племени. Но не должно забывать и обездоленную природою и бѣднаго находками угрюмаго сѣвера. Славянство совершило здѣсь крупную и безкровную побѣду. Въ теченіе ряда столѣтій сюда непрерывно и увѣренно двигались мощныя колонизаціонныя волны славянства. И аборигены, финскія племена, уступая ихъ мощи, постепенно, безъ борьбы были поглощены и ассимилированы. Въ горячую славянскую кровь, въ темпераментъ пылкій и необузданный, доставлявшій, съ одной стороны, побѣдные лавры, съ другой—мѣшавшій объединяться и создать на югѣ прочное и могучее государство, финны влили свою холодную кровь, свое благоразуміе, выработывавшееся вѣками въ неустанной борьбѣ съ угрюмой природою, требовавшей отъ чловека непрерывнаго труда и постоянной напряженной энергіи. Такъ на сѣверѣ родилось и окрѣпло племя великоруссовъ. Здѣсь создало оно могучее сѣверное государство, подъ властью котораго могли наконецъ объединиться непримиримыя до тѣхъ поръ южныя племена.

Итакъ, можно надѣяться, что предстоящее трехлѣтіе подготовительныхъ работъ къ всероссійскому новгородскому сѣзду и тѣ крупныя средства (по 5 тысячъ рублей въ годъ), которыя ассигнуются съ этою цѣлью правительствомъ императорскому московскому археологическому обществу, дадутъ къ сѣзду богатый и разнообразный историко-археологическій матеріалъ для выясненія многихъ спорныхъ вопросовъ и создадутъ интересную программу не только для специалистовъ, но и для болѣе широкихъ круговъ русскаго общества. Великій Новгородъ представляетъ сплошной и обширный музей по церковной археологіи. Изданіе популярнаго путеводителя по древнимъ храмамъ, организація въ нихъ объясненій на время сѣзда—напрашиваются сами собою, какъ однѣ изъ первыхъ задачъ предварительнаго комитета. Богатыя и интересные коллекціи новгородскаго городского музея и частнаго музея Передольскаго также представляютъ большой научно-археологическій интересъ для членовъ и гостей сѣзда. Для мѣстныхъ дѣятелей новгородскаго общества изслѣдователей древностей и новгородской ученой архивной комиссіи наступаетъ пора оживленной

активной дѣятельности. Пріятно констатировать въ высшей степени сочувственное отношеніе къ съѣзду мѣстнаго губернатора. Императорскій археологическій институтъ, археологическая коммиссія и русское археологическое общество, несомнѣнно, также приложатъ всѣ усилія къ возможно успѣшному завершенію подготовительныхъ работъ къ съѣзду.

Древности сѣвера, мѣстныя, относящіяся исключительно къ Ростово-Суздальской области, подвергнутся ученой оцѣнкѣ и обработкѣ уже въ текущемъ году. Въ юнѣ собирается IV областной археологическій съѣздъ въ Костромѣ. Масштабъ работъ этихъ съѣздовъ, несомнѣнно, уже, чѣмъ всероссійскихъ, его ограничиваетъ область, меньшее количество матеріальныхъ средствъ и меньшее число членовъ. Тѣмъ не менѣе областныя съѣзды, состоявшіеся въ Ярославлѣ, Твери и Владимирѣ, имѣли большой заслуженный успѣхъ. Любители археологіи и собиратели есть въ каждомъ изъ указанныхъ городовъ; ими собираются постепенно богатые коллекціи по археологіи и этнографіи и живой старинѣ. Матеріалъ растетъ. Съѣзды, на которые изъ столичныхъ центровъ прибываютъ ученые съ широкимъ археологическимъ кругозоромъ, съ крупной научной подготовкой и авторитетомъ, какъ бы окропляютъ этотъ мертвый матеріалъ живой водой знанія: нѣмые предметы старины оживаютъ, въ реальныхъ образахъ воскресаетъ прошлое; при свѣтѣ знанія, путемъ аналогій, выясняется постепенно научное значеніе собранныхъ памятниковъ старины. Археологическія и этнографическія выставки, которыми обычно сопровождается каждый съѣздъ, ярко рисуютъ параллели между жизнью прошлаго и настоящаго, указывая въ настоящемъ отзвуки прошлаго. Областныя съѣзды пользовались до сихъ поръ преимущественно учеными силами Петербурга. Желательно, чтобы и Москва на этотъ разъ не отстала отъ Петербурга. Кострома, помимо той крупной исторической роли, которую она сыграла въ судьбѣ царствующей династіи, въ лицѣ Сусанина и Комисарова, обладаетъ значительнымъ археологическимъ матеріаломъ, какъ по первобытной, такъ и по церковной археологіи. Въ отношеніи послѣднихъ активное участіе принялъ императорскій археологическій институтъ. Директоръ института профессоръ Н. В. Покровскій лѣтомъ 1908 г. посѣтилъ Кострому съ спеціальной цѣлью обзора костромскихъ храмовъ и ризницъ. Снята цѣлая серія фотографій, изданныхъ въ очередномъ выпускѣ «Вѣстника археологіи и исторіи», посвященномъ предстоящему съѣзду. На мѣстѣ идетъ также обширная подготовительная работа. За послѣдній годъ энергія археологовъ пробудилась съ небывалою еще силой. 1908 годъ характеризуется значительнымъ количествомъ весьма удачныхъ раскопокъ и изслѣдованій. Фактъ этотъ даетъ надежду, что и костромской съѣздъ вполне оправдаетъ возлагаемыя на него ожиданія.

Въ минувшемъ году археологическій міръ понесъ крупную утрату въ лицѣ скончавшагося въ Москвѣ товарища предсѣдателя московскаго историческаго музея, знаменитаго русскаго археолога И. Е. Забѣлина. И. Е. прошелъ жизнь прямымъ, разъ намѣченнымъ имъ путемъ. Безъ диплома на высшее образованіе онъ заслужилъ по праву почетное званіе доктора русской исторіи и занесъ свое имя въ рядъ славныхъ именъ, составляющихъ гордость Россіи. Московское археологическое общество, въ ознаменованіе памяти Забѣлина, вошло съ ходатайствомъ въ московскую городскую думу объ учрежденіи преміи его имени за научныя изслѣдованія по исторіи и археологіи. И умирая, И. Е. остался вѣренъ себѣ. Дочь его, исполняя словесную волю покойнаго, принесла въ даръ императорскому историческому музею бібліотеку И. Е., древнія рукописи, лубочныя картины, географическія картины, гравюры и прочее и 70 000 рублей въ качествѣ неприкосновеннаго капитала, на проценты съ котораго музей долженъ пріобрѣтать древніе памятники, особенно рукописи. Этимъ капиталомъ, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», И. Е. какъ бы хотѣлъ возратить то жалованье, которое онъ получалъ изъ музея. Кромѣ того, госпожа М. И. Забѣлина предполагаетъ внести 30 000 рублей, которые также должны остаться въ музеѣ въ составѣ неприкосновеннаго капитала, но проценты съ котораго должны пойти на описаніе, составленіе и изданіе описи рукописей и каталога книгъ бібліотеки И. Е. и вторые 30 000 р.— въ академію наукъ, также въ неприкосновенный капиталъ; проценты должны будутъ итти на переводы древнихъ греческихъ и латинскихъ, а также средневѣковыхъ географовъ и лѣтописцевъ, преимущественно писавшихъ о Россіи и о балтійскомъ поморьѣ.

Въ мартѣ 1909 года два археологическихъ труда награждены были медалями императорскаго русскаго археологическаго общества. Большая золотая медаль присуждена директору русскаго археологическаго института въ Константинополѣ Ѳ. И. Успенскому за выпущенное имъ изданіе института: «Константинопольскій серальскій кодексъ восьмикнижія» (Софія, 1907 года). Большая серебряная медаль—барону А. Е. Фелькерзаму за обработанное имъ изданіе гофмаршальской части министерства императорскаго двора—«Описи серебра двора Е. И. В.». Спб. 1907 года. Трудъ Успенскаго представляетъ прекрасно выполненный атласъ миниатюръ XII столѣтія, сопровождаемый изданіемъ текста рукописи того же времени и критическимъ объясненіемъ текста, давая для современной археологіи и исторіи искусства огромный, совершенно новый научный матеріалъ. Предисловіе къ изданію заключаетъ въ себѣ опубликованіе литературнаго памятника, излагающаго исторію перевода священныхъ книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка на греческій. Помимо огромной эрудиціи, которой потребовало это изданіе, необходимо отмѣтить и исключительныя трудности, которыя пришлось пре-

одолѣть составителю, чтобы испросить доступъ въ тщательно охраняемый сераль султана для снятія фотографическихъ снимковъ съ кодекса. Работа барона Фелькерзама—роскошное иллюстрированное изданіе. Въ продажу не поступало. Въ немъ сосредоточены описи золотыхъ и серебряныхъ вещей, хранящихся въ Зимнемъ, Аничковскомъ и Гатчинскомъ императорскихъ дворцахъ, снабженныя иллюстраціями наиболѣе рѣдкихъ и художественныхъ экземпляровъ. Въ примѣчаніяхъ, имѣющихъ наибольшее историческое значеніе, собраны данныя о происхожденіи и приобрѣтеніи вещей, фамиліи мастеровъ и клейма. Свѣдѣнія извлекались преимущественно изъ архивныхъ источниковъ: архива министерства двора, департамента государственнаго казначейства, ремесленной управы и другихъ учреждений. Трудъ имѣетъ огромное значеніе, какъ матеріалъ для исторіи искусства XVII и XVIII столѣтій.

А. Мионовъ.

КЪ БЫЛОМУ ПАВЛОВСКА.

В БЛАГОГОВѢНІЕМЪ посѣщаю я иногда то мѣсто, гдѣ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ жилъ императоръ Александръ I, въ то время еще юноша, занимавшійся науками и бесѣдовавшій здѣсь въ тѣнистыхъ аллеяхъ большого, но прекраснаго въ то далекое время парка, съ своимъ воспитателемъ Лагарпомъ. Мѣсто это называлось тогда Александровою дачею и находилось на окраинѣ Павловска, при выѣздѣ изъ него въ современную Царскую Славянку. Александрова дача представляла собою деревянный домъ, въ которомъ жилъ императоръ, построенный на крутомъ берегу запруженной рѣчки, образовывавшей небольшое озеро, на обоихъ берегахъ котораго былъ разбитъ прелестный садъ съ извилистыми дорожками, многими павильонами и храмами. Время это было временемъ увлеченія постройкою разныхъ храмовъ; всякое болѣе или менѣе важное событіе въ царской семьѣ, было ли это событіе радостное, или печальное, ознаменовывалось созданіемъ соответственнаго павильона-храма, и таковыми храмами, не чуждыми часто миеологіи, богаты всѣ парки окрестностей Петербурга, и между ними чудный, обширный, высоко поэтическій Павловскій паркъ. Но идутъ годы, стираются воспоминанія прошлаго, ветшаютъ когда-то любимые ихъ создателями храмы, зарастаютъ дорожки, высыхаютъ воды, и прелестные уголки обращаются въ старые заброшенные сады, поросшіе кустарникомъ и разною сорною травою.

Такой участи не избѣгла и знаменитая вѣкогда Александрова дача. Рѣка изсякла, довольно обширное озеро, образуемое запруженною рѣчкою, исчезло, дорожки заросли, сузились, мосты раз-

Александрова дача въ 1908 году.

рушились, павильоны-храмы частью совершенно исчезли съ лица земли, частью представляют собою жалкіе остатки прежняго величія. А между тѣмъ посреди ихъ витаетъ духъ незабвенной создательницы Павловска—императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая

всю душу свою вложила въ любимое ею дѣтище—Павловскъ, и воспоминанія о прошломъ невольно овладѣвають человѣкомъ, хоть сколько-нибудь любящимъ исторію, при посѣщеніи этихъ за-

Храмъ Розы безъ шиповъ въ 1908 году.

пущенныхъ, но когда-то столь лелѣянныхъ и столь прекрасныхъ садовъ и парковъ.

Домъ императора Александра I, по словамъ старожиловъ, еще существуетъ. На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ деревян-

ный двухэтажный домъ, чуждый красоты и изящества, который и представляет собою остатки свидѣтеля дѣтскихъ игръ и юношескихъ лѣтъ Александра Благословеннаго. Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу и сдается имъ, наравнѣ съ другими дачами, построенными въ этой мѣстности, частнымъ лицамъ на лѣто. Домъ двухэтажный, съ довольно обширными комнатами, но низкими потолками, съ крытыми террасами и открытыми балконами, имѣетъ нѣсколько хорошихъ старинныхъ вещей,—видимо, все это остатки прежняго величія,—но порядочно запущенъ и не оставляетъ отраднаго впечатлѣнія. Домъ окруженъ сильно заросшимъ, запущеннымъ паркомъ, такъ что снять съ него хорошую фотографію не представляется возможнымъ.

Отъ этого дома извилистая дорожка, но тоже страшно запущенная, съ каждымъ годомъ поэтому все болѣе суживающаяся, съ рядомъ исковерканныхъ временемъ старинныхъ мостовъ, ведетъ черезъ небольшой оврагъ, бывшее русло запруженной рѣчки. на холмикъ, расположенный какъ разъ противъ только что описаннаго дома. Холмъ очень небольшой, съ довольно крутыми скатами, совершенно заросъ деревьями, такъ что удобно подойти къ нему, чтобы снять порядочную фотографію съ находящихся на немъ остатковъ стариннаго павильона-храма, не представляется никакой возможности. Эти крутые скаты были когда-то берегами расширеннаго здѣсь русла рѣчки, и на вершинѣ холма стоялъ знаменитый въ то время «храмъ розы безъ шиповъ», остатки котораго и изображены на прилагаемомъ рисункѣ. Храмъ семиколонный, колонны сохранились довольно хорошо, куполъ тоже, но основаніе храма, каменные ступени понемногу совершенно разваливаются. Посреди храма остатки основанія жертвенника, на которомъ стояла прежде урна съ розою безъ шиповъ. Вокругъ храма въ настоящее время разстилается довольно глубокой оврагъ, поросшій травою и частью кустарникомъ. Остатки живописи еще видны и по сіе время на плафонѣ храма; подъ крышею же, какъ видно и на рисункѣ, сохранились остатки какой-то надписи, можно разобрать только «храмъ посвященъ», но часть буквъ обвалилась. Вида отъ храма нынѣ никакого нѣтъ, все, повторяю, страшно заросло, видимо, не расчищается, и дома, бывшаго жилища Александра Благословеннаго, отъ храма не видно. О храмѣ этомъ упоминается какъ въ исторіи Павловска, изданія 1877 года, такъ и въ «Историческихъ очеркахъ и разсказахъ» г. Шубинскаго, изданія 1908 года, а потому болѣе о немъ распространяться не стану.

Ближе къ дому, по той же извилистой дорожкѣ, лицомъ, видимо, вдоль бывшаго здѣсь озера, построенъ другой храмъ, о которомъ ни въ исторіи Павловска, ни въ упомянутыхъ очеркахъ г. Шубинскаго не удалось найти ни слова, а храмъ, видимо, отно-

сится къ той же эпохѣ; стиль его конца XVIII и начала XIX вѣка, степень залуценности та же, да наконецъ со времени перехода этой мѣстности въ частныя руки новыхъ павильоновъ-храмовъ,

Павильонъ на Александровой дачѣ въ 1906 г.

насколько извѣстно, не сооружалось. Храмъ этотъ по своей архитектурѣ очень напоминаетъ такъ называемый памятникъ Родителямъ, построенный императрицею Маріею Ѳеодоровною посреди Павловскаго парка, въ старой Сильвіи, недалеко отъ мостика че-
 <истор. вѣсти.>, июнь, 1909 г., т. сxvi.

резъ рѣчку Славянку, извѣстнаго въ публикѣ подъ названіемъ Сиреневаго мостика. Храмъ довольно высокъ, выше храма Розы безъ шиповъ, представляетъ собою полукуполь, на потолокъ коего еще видны слѣды лѣпныхъ работъ, перистиль купола подерживался до послѣдняго времени двумя колоннами, кажется, мраморными. Прилагаемые снимки изображаютъ павильонъ въ 1906 и въ 1908 году. Какъ видно, въ 1908 году колонны эти, попавшія еще на снимокъ 1906 года, исчезли, и исчезли безслѣдно, по крайней мѣрѣ около храма никакихъ камней, никакихъ слѣдовъ этихъ колоннъ нѣтъ. Очень печально, что такъ разрушаются слѣды сѣдой старины, такъ содержатся храмы, созданные любящею рукой августѣйшей основательницы города Павловска. Что это за павильонъ, узнать не удалось, повторяю, и въ «Исторіи Павловска» о немъ не сказано ни слова.

Вотъ все, что осталось отъ знаменитой въ свое время Александровой дачи—запущенный садъ, довольно печальный домъ, два развалившихся павильона-храма, и больше ничего. Грустно, очень грустно смотрѣть на эти остатки и видѣть собственными глазами исчезновеніе за какихъ-нибудь 2 года колоннъ неизвѣстнаго мнѣ по наименованію храма.

Вообще чудный Павловскій паркъ, это необыкновенно поэтическое мѣстечко, полное воспоминаній о его августѣйшей создательницѣ, о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся историческихъ событіяхъ прошлаго вѣка, достойно большей любви, большаго о себѣ попеченія. Стоитъ посмотрѣть, какъ разваливается, напримѣръ, извѣстный всѣмъ посѣтителемъ Павловска «Розовый павильонъ» это чуть ли не самое любимое дѣтище незабвенной императрицы; тутъ она привѣтствовала побѣдителя Наполеона, здѣсь она проводила многіе часы своего печальнаго вдовства, здѣсь оплакивала и смерть своего первенца, здѣсь же она бесѣдовала помощью извѣстнаго альбома съ многими даже неизвѣстными ей посѣтителеми. Галерея Розоваго павильона грозитъ полнымъ разрушеніемъ, балки подгнили, настилка мѣстами обвалилась, такъ что галерею, окружающую все зданіе, пришлось загородить, въ виду ея небезопасности, и она производитъ весьма грустное впечатлѣніе.

Равнымъ образомъ такъ называемый «Елизаветинъ павильонъ», это любимое мѣсто супруги императора Александра I, императрицы Елизаветы Алексѣевны, тоже разрушается. Расположенный очень живописно на берегу рѣчки Славянки, въ концѣ такъ называемой Красной долины, павильонъ очень красивъ, хотя и представляетъ собою смѣшеніе разныхъ стилей и называется иногда архитектурнымъ капризомъ. Каменная лѣстница уже нѣсколько лѣтъ закрыта наверху весьма неязчнымъ деревяннымъ щитомъ, дабы воспрепятствовать доступу публики на галерею павильона, идущую

щюю кругомъ небольшого зальца, и на верхнюю его площадку, откуда открывается хорошій видъ на прилежащую къ павильону мѣстность. Перила на галереѣ въ этомъ году обвалились,

Павильонъ на Александровой дачѣ въ 1908 году.

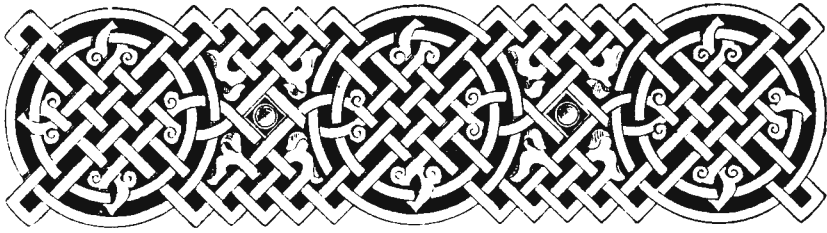
ступеньки верхней лѣстницы подвинули, и весь павильонъ представляетъ собою грустную картину заброшеннаго, запущеннаго, но когда-то прелестнаго сооруженія.

Многое и еще хотѣлось бы написать, но, помня, что поддержаніе обширнаго парка въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ когда-то, стоитъ, конечно, большихъ средствъ, я и говорю лишь о выдающихся памятникахъ былого, съ коими соединено много историческихъ воспоминаній, кои пользовались особою любовью какъ незабвенной создательницы Павловска, такъ и его послѣдующихъ владѣльцевъ.

Такъ и вспоминается знаменитая сѣтка, это бывшее любимѣйшее мѣсто дѣтвора, хотя и уничтоженная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но передавшая свое имя существующей по сіе время на ея мѣстѣ площадкѣ, вспоминаются многіе паромы, изъ коихъ паромы у Сиреневаго мостика и у храма Дружбы уничтожены еще относительно недавно, вспоминается блестящій видъ молочнаго домика, всѣхъ этихъ шале, павильоновъ, храмовъ, воздушныхъ театровъ, столь дорогихъ всякому, кто провелъ въ этомъ милomъ уголкѣ многіе годы своей жизни.

Г. Х.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. Самоквасовъ. Могилы русской земли. Москва. 1908 года. Стр. 1+IV+1—271+Оглавление и указатель рисунковъ. 4°. Приложения: Раскопки древнихъ могилъ и описаніе, храненіе и изданіе могильныхъ древностей. Москва. 1908. Стр. 1—15. 8°.— Происхождение русскаго народа. Москва. 1908. Стр. 1—15. 8°.— Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. Москва. 1908. Стр. 1—119 и карта городищъ Черниговской губерніи. 8°. Цѣна за все 4 рубля.

ВЪ 1892 ГОДУ извѣстный профессоръ исторіи русскаго права въ московскомъ университетѣ и археологъ, начальникъ московскаго архива министерства юстиціи Д. Я. Самоквасовъ передалъ безвозмездно на храненіе въ императорскій руссійскій историческій музей свою коллекцію могильныхъ древностей, добытыхъ имъ раскопками съ 1871 по 1891 годъ, вмѣстѣ съ печатнымъ каталогомъ, сводомъ дневниковъ этихъ раскопокъ, составленныхъ по правиламъ научной раскопки древнихъ могилъ, выработаннымъ при участіи самого Д. Я. Самоквасова на III кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, и рисунками типичныхъ могилъ разныхъ мѣстностей, временъ и народовъ. Эта коллекція была помѣщена въ музей первоначально по системѣ Д. Я. Самоквасова такъ, что она могла быть вполне пригодной для научныхъ изслѣдованій, т. е. безъ смѣшенія однородныхъ предметовъ и произвольнаго распредѣленія ихъ по группамъ. Но затѣмъ, за недостаткомъ мѣста въ музей, вслѣдствіе присылки новыхъ археологическихъ коллекцій, часто неизвѣстно кѣмъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ собранныхъ, коллекція Д. Я. Самоквасова была перенесена въ другое мѣсто и система его нарушена, а сводъ днев-

никовъ и рисунки къ нему оставались до сего времени не изданными, между тѣмъ какъ изданіе ихъ представляетъ собою огромный интересъ для русской исторической науки. Вполнѣ поэтому понятно, и это дѣлаетъ честь графинѣ П. С. Уваровой, что она, какъ предсѣдатель московскаго комитета по устройству черниговскаго археологическаго съѣзда, бывшаго лѣтомъ минувшаго 1908 г., предложила ассигновать средства на изданіе ко дню открытія занятій черниговскаго съѣзда свода дневниковъ раскопокъ профессора Самоквасова и рисунковъ къ нимъ. Средства были отпущены, и печатаніе началось сначала подъ наблюдениемъ графини Уваровой, а затѣмъ подъ наблюдениемъ самого автора. По изготовленіе атласа ко времени открытія работъ съѣзда встрѣтило непреодолимыя трудности въ современномъ порядкѣ храненія древностей самоквасовской коллекціи въ музеѣ, такъ что оказался изданнымъ лишь систематическій сводъ дневниковъ раскопокъ Самоквасова съ 1871 по 1891 годъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ «Могила русской земли». Такимъ образомъ разсматриваемое изданіе представляетъ собою опубликованіе очень богатаго историческаго матеріала, почерпнутаго ученымъ изъ его многочисленныхъ раскопокъ по всей Россіи. Этотъ матеріалъ распределенъ профессоромъ Самоквасовымъ по эпохамъ (отдѣлъ I. Могилы киммерійской эпохи; II—скито-сарматской; III—русской; IV—половецко-татарской эпохи; V—древнѣйшія русскія могилы христіанскаго времени, городища и клады), за описаніемъ могилъ каждой изъ которыхъ слѣдуетъ общая ихъ (могилъ) характеристика. Впереди нѣсколько особо стоитъ «Описаніе археологическихъ раскопокъ и собраніе древностей профессора Д. Я. Самоквасова» съ указаніемъ таблицъ и номеровъ, подъ которыми онѣ хранятся въ московскомъ историческомъ музеѣ, что, впрочемъ, дѣлается и въ дальнѣйшемъ описаніи «Могила», такъ что все изданіе («Могила русской земли») можетъ одновременно служить и подробнымъ каталогомъ къ самоквасовской коллекціи въ музеѣ, и, наконецъ, очень краткое (одна страница), но вѣское заключеніе, по которому нашими предками, на основаніи могильныхъ раскопокъ, должны считаться, послѣдовательно: киммеріане, скиты (или скифы), сарматы и выдѣлившіеся изъ нихъ, съ одной стороны, россолане—аорсы—россы, а съ другой—геты или даки, покоренные римлянами при Траянѣ. Такимъ образомъ, доступный нынѣ широкому кругу изслѣдователей археологическій матеріалъ даетъ важныя данныя для разрѣшенія доселѣ не выясненнаго и спорнаго вопроса о происхожденіи, началѣ и раннѣйшемъ періодѣ исторіи русскаго народа.

Подробное разсмотрѣніе этого вопроса занимаетъ двѣ брошюры: «Происхожденіе русскаго народа» и «Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ». Первая изъ нихъ носитъ болѣе или менѣе полемическій характеръ противъ тѣхъ русскихъ историковъ и историковъ русскаго права которые, не раздѣляя теоріи профессора Самоквасова, даже вовсе и принципиально игнорируютъ археологическій матеріалъ, какъ негодный и излишній для историческихъ выводовъ. Само собою понятно, что такой странный взглядъ, заставляющій этихъ ученыхъ ограничиваться лишь лѣтописными данными и начинать изложеніе русской исторіи и исторіи русскаго права только съ IX в., какъ будто бы раньше ничего не было, ничѣмъ не можетъ быть оправданъ.

Археологія тѣмъ и важна для древнѣйшей исторіи народовъ, что она даетъ совершенно безпристрастныя данныя для заключеній, тогда какъ древнѣйшія лѣтописи представляютъ собою болѣе или менѣе неискusstvenныя литературныя произведенія, разобраться въ которыхъ необыкновенно трудно, какъ это показываетъ недавно вышедшая книга А. А. Шахматова «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ». Спб. 1908. Поэтому-то основанная на раскопкахъ и изслѣдованіи лѣтописей теорія профессора Самоквасова о происхожденіи и первоначальной исторіи Руси представляется очень прочной и едва ли опровержимой. Сводъ очень вѣскихъ доказательствъ, подтверждающихъ теорію, а равно и подробное ея изложеніе, читатель найдетъ въ другой брошюрѣ «Сѣверянская земля»... Въ ней авторъ, между прочимъ, повторяетъ и дополняетъ свои научные выводы, высказанные въ выпущенной въ 1873 году диссертации «Древніе города Россіи», теперь уже совершенно распроданной, такъ что не только любитель историческаго вѣдѣнія, но и специалистъ ученый найдетъ здѣсь все существенное, что внесено профессоромъ Самоквасовымъ въ литературу русской исторіи и исторіи русскаго права относительно древнѣйшаго ихъ періода.

Остается сказать нѣсколько словъ о брошюрѣ «Раскопки древнихъ могилъ». Она представляетъ собою докладъ черниговскому археологическому съѣзду, имѣющей своею цѣлью «обратить вниманіе съѣзда на недостатки современнаго порядка раскопки и описанія древнихъ могилъ, храненія и изданія могильныхъ древностей, при которомъ этотъ матеріалъ является безгласнымъ для историка». Какъ оказывается изъ содержанія брошюры, еще въ 1874 году была выработана инструкція для научной раскопки и описанія кургановъ, но она многими не соблюдается, особенно потому, что среди этихъ многихъ производятъ раскопки простые любители, не имѣющіе не только спеціальной, но и общей археологической подготовки, а отъ нихъ могильные памятники никѣмъ и ничѣмъ не охраняются. Равнымъ образомъ совершенно неудовлетворительно поставлено и храненіе древностей даже въ такихъ нашихъ музеяхъ, какъ Эрмитажъ и историческій музей, гдѣ эти древности рассматриваются лишь какъ художественные образцы. Профессоръ Д. Я. Самоквасовъ приводитъ цѣлый рядъ замѣченныхъ имъ недостатковъ и этимъ еще лишній разъ подчеркиваетъ наше непростительное неряшливое отношеніе къ нашей родной старинѣ.

П. Верховской

Г. Василичъ. Императоръ Александръ I и старецъ Θεодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. Со многими рисунками и портретами. Москва. 1909. Стр. 157. Ц. 1 р. 75 коп.

Легенда о тождествѣ императора Александра I со старцемъ Θεодоромъ Кузьмичемъ († 1864 г.), какъ извѣстно, до настоящаго времени упорно держится въ русскомъ народѣ.

Г. Василичъ въ своемъ трудѣ ставитъ задачею показать сходство и различіе между двумя историческими личностями, которыя отождествляетъ молва

людская. Двѣ трети книги посвящены авторомъ императору Александру I: въ нихъ дается очеркъ послѣднихъ лѣтъ его царствованія, рассказывается о послѣднемъ пребываніи государя въ Таганрогѣ, о болѣзни его, кончинѣ и перевезеніи тѣла въ Петербургъ. Въ этой части труда г.Василичемъ приводятся подробныя выдержки изъ дневника баронета Вилліе, записокъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, хирурга Тарасова и другихъ лицъ. Наиболее интересной является пятая глава книги, посвященная характеру Александра I и его болѣзни. Къ концу жизни въ императорѣ произошла рѣзкая перемѣна, которую замѣчаютъ все окружающіе его. Говорить о ней никто не рѣшается вслухъ, а втайнѣ все передаютъ свои наблюденія лишь близкимъ людямъ.

Александръ I, чувствуя на себѣ пытливые взоры приближенныхъ, никому не довѣряется, всѣхъ сторонится, исключая графа Аракчеева. У него появляется страсть къ передвиженіямъ: «ему было все равно, ѣздитъ ли въ предѣлахъ своей имперіи, или отправиться внѣ ея, только не засиживаться бы долго». Другая важная черта—мистицизмъ, набожность, крайняя религіозность. На этой почвѣ императоръ поддается архимандриту Фотію, съ благоговѣніемъ выслушиваетъ его поученія, его бредъ объ антихристѣ и страшномъ судѣ, проситъ его молитвъ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ онъ и самъ начинаетъ говорить и дѣйствовать намеками, загадками, даже въ вопросахъ такой государственной важности, какъ престолонаслѣдіе. Къ числу явленій нервнаго расстройства нужно отнести также и подозрительность императора, которая заставляла его отказываться отъ лекарствъ, обращать вниманіе на вкусъ того или иного блюда, подозрѣвая съ чьей-либо стороны умыселъ отравить его. Настроеніе духа Александра I въ это время было постоянно мрачное, близкимъ людямъ онъ высказывался о томившемъ его предчувствіи смерти. Одинъ изъ русскихъ психіатровъ (проф. Сикорскій) эти болѣзненные душевныя явленія приписываетъ слабой недоразвитой волѣ государя; по мнѣнію г.Василича, у Александра I въ этотъ періодъ его жизни являются также значительно пострадавшими области ума и чувства.

Болѣзнь государя, которая свела его въ могилу, по словамъ автора, нигдѣ не названа своимъ настоящимъ именемъ, а между тѣмъ это былъ типичный брюшной тифъ, съ которымъ не велось борьбы изъ-за отказа Александра принимать лекарства, а, можетъ быть, и вслѣдствіе слабыхъ познаній врачей. Въ протоколѣ вскрытія тѣла, однако, не имѣется указаній на это, такъ какъ кишечникъ совершенно не описанъ. Тѣмъ не менѣе этотъ протоколъ имѣетъ важное значеніе, потому что, благодаря одному его пункту, точно устанавливается, что было вскрыто тѣло императора Александра I, а не кого-либо иного. Вотъ этотъ пунктъ: «На передней поверхности тѣла, именно на бедрахъ, находятся пятна темноватаго, а нѣкоторыя темнокраснаго цвѣта, отъ прикладыванія къ симъ мѣстамъ горчичниковъ происшедшія; на обѣихъ ногахъ, ниже икры, до самыхъ мышцелковъ примѣтень темнокоричневый цвѣтъ и различныя рубцы (сiаfrices), особенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленіи ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ прежде». У Александра I дѣйствительно на правой ногѣ были такіе рубцы, оставшіеся послѣ рожистаго флегмонознаго процесса.

Переходя къ Теодору Кузьмичу, г. Василичъ приводитъ его биографическій очеркъ, принадлежащій М. Ѳ. Мельницкому, жившему въ Томскѣ († 1891), свѣдѣнія о немъ изъ записки еп. Петра, а также легенду о сибирскомъ отшельникѣ, записанную княземъ Голицынымъ. По этимъ даннымъ, біографія Теодора Кузьмича представляется въ слѣдующемъ видѣ. Появился онъ впервые въ одной изъ деревень близъ города Красноуфимска Пермской губерніи въ 1836 г. Въ это время было ему лѣтъ 60. Въ кузницѣ, гдѣ онъ остановился подковать лошадь, крестьяне, заинтересованные его манерами, не соотвѣтствовавшими крестьянской одеждѣ, начали разспрашивать его, куда направляется. Старикъ отвѣчалъ уклончиво, чѣмъ вызвалъ ихъ подозрѣнія; тогда они доставили его въ городъ, гдѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Теодоромъ Кузьмичемъ и объявилъ, что онъ бродяга, не помнящій родства. Въ томъ же году онъ былъ присужденъ за бродяжество къ 20 ударамъ плетей и высланъ въ Томскую губернію, въ деревню Зерцалы, Боготольской волости близъ города Ачинска. Уже по дорогѣ въ Сибирь Теодоръ Кузьмичъ сумѣлъ заслужить расположеніе арестантовъ, конвойныхъ офицеровъ и солдатъ, которые старались оказать ему различныя услуги.

Въ предѣлахъ Боготольской волости старецъ жилъ до 1858 г., при чемъ одинъ разъ уходилъ на нѣсколько мѣсяцевъ работать на золотые прииски въ Енисейскую тайгу.

Слава Теодора Кузьмича начинаетъ расти съ 1849 г. Жизнь онъ велъ строгую и воздержную, пища его была скудная. Занимался старецъ тѣмъ, что училъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, знакомилъ ихъ съ священнымъ писаніемъ, исторіей и географіей; взрослыхъ же къ нему привлекали его религиозныя бесѣды, рассказы изъ отечественной исторіи, особенно о походахъ и сраженіяхъ. Онъ умѣлъ обращаться съ больными, умѣлъ смягчать душевныя муки. Народъ осаждалъ его цѣлыми толпами, и старецъ всякому старался дать совѣтъ. Въ это время неоднократно заѣзжалъ къ нему по дорогѣ изъ Иркутска епископъ Аванасій иркутскій и жилъ у него въ келии по нѣскольку дней. Изъ окружающихъ съ особенною отеческою заботливостію относился Теодоръ Кузьмичъ къ одной крестьянской дѣвушкѣ Александрѣ Никифоровнѣ. Рассказы старца о монастыряхъ Россіи до того плѣнили ее, что она рѣшилась во что бы то ни стало побывать тамъ. Въ 1849 г. Ѳ. К. благословилъ ее на путешествіе. По его указанію, она должна была встрѣтить въ Почаевской лаврѣ какую-то «добрую и гостепримную графиню». Александра Никифоровна дѣйствительно нашла ее; это оказалась жена графа Дмитрія Ерошеевича Остенъ-Сакена.

Графиня приняла въ Александрѣ Никифоровнѣ горячее участіе и увезла ее къ себѣ въ Кременчугъ, гдѣ она въ домѣ графа встрѣтилась и говорила съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, прибывшимъ въ этотъ городъ на маневры. Уѣзжая, государь приказалъ Сакену дать А. Н. записку-пропускъ и сказалъ ей: «Если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи эту записку и нигдѣ не задержатъ».

Въ 1852 г. Александра Никифоровна вернулась въ Сибирь и прожила возлѣ старца пять лѣтъ, окружая его своими заботами. Въ 1857 г. она, по

настоянію Теодора Кузьмича, повторила свое путешествіе, и на этотъ разъ всѣ, на кого ей указалъ старецъ, принимали ее съ участіемъ, такъ, напри- мѣръ, изъ Петербурга на островъ Валаамъ, чрезъ посредство какого-то гене- рала, ей пришлось ѣхать на одномъ пароходѣ съ императрицею Маріею Але- ксандровною, которая пригласила ее къ себѣ и разговаривала съ ней о Си- бири. Въ Почаевской лаврѣ Александру Никифоровну вызвалъ къ себѣ экзархъ Грузіи, Исидоръ, и устроилъ ея замужество съ майоромъ Ѳеодоровымъ. Послѣ этого она пять лѣтъ прожила въ Кіевѣ, а затѣмъ, когда овдовѣла, вернулась въ Сибирь. Ѳеодора Кузьмича уже не было въ живыхъ. Онъ скончался 20 ян- варя 1864 г. на заимкѣ купца Хромова, въ четырехъ верстахъ отъ Томска (у Хромова старецъ жилъ въ нарочно построенной для него келіи съ 1858 г. до дня своей кончины). На могилѣ его въ томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ Хромовымъ былъ поставленъ деревянный крестъ съ надписью: «Здѣсь погре- бено тѣло Великаго Благословеннаго старца Ѳеодора Кузьмича»... Эта над- пись, по приказанію губернатора Мосолова, была замазана бѣлою краскою, ко- торая, впослѣдствіи, слиняла, и надпись опять стала видна.

Г. Василичъ подробно передаетъ изъ очерка Мельницкаго весь эпизодъ съ Александрой Никифоровной, но дѣйствительно ли это все было, а если было, то почему въ простой крестьянкѣ приняли участіе лица, столь высоко отстояція отъ нея, онъ не объясняетъ. Разбивая легенду, нельзя не разъ- яснить всѣхъ деталей этого эпизода, иначе онѣ могутъ только способствовать ея распространенію. Въ изслѣдованіи великаго князя Николая Михайловича, напечатанномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», высказывается мысль, что старецъ принадлежалъ къ какой-нибудь аристократической фамиліи. Для г. Василича Теодоръ Кузьмичъ только «Иванъ, не помнящій родства, бродяга, превратившійся потомъ въ отшельника, затворника и угодника, бродяга, подвергнутой 20 ударамъ плетей по извѣстной статьѣ «Устава о ссыль- ныхъ и поселенцахъ».

Принадлежалъ Ѳ. К., по мнѣнію автора, къ простонародной средѣ, мо- жетъ быть, даже малороссійской, такъ какъ часто употреблялъ слово «па- нокъ». Г. Василичъ рекомендуетъ смотрѣть на старца просто, какъ на чело- вѣка, которому должно бы быть въ домѣ умалишенныхъ (ужъ не через- чуръ ли просто!). Картина его душевнаго расстройства такова: излишняя религіозность, странный образъ жизни, видѣнія, склонность къ перемѣнѣ мѣста, скрытность, преувеличенное мнѣніе о себѣ, аллегорическая рѣчь и т. под., другими словами, эта болѣзнь очень близка къ душевной болѣзни Александра I. Въ этомъ сходствѣ и заключается главный факторъ образо- ванія легенды. Вторымъ — является тушеніе слуховъ о старцѣ со стороны властей; такъ, напри- мѣръ, К. П. Побѣдоносцевъ преслѣдованіемъ разсказовъ «о нѣкоемъ старцѣ» до того терроризировалъ духовенство Западной Сибири, что всѣ духовныя лица поголовно отказывались давать какія-либо свѣдѣнія о старцѣ лицу, посланному для этой цѣли великимъ княземъ Николаемъ Ми- хайловичемъ. Немало содѣйствовалъ распространенію легенды и купецъ Хро- мовъ, который, по мнѣнію г. Василича, держалъ старца «для поправки своего состоянія». Съ цѣлью же заинтересовать всѣхъ онъ сдѣлалъ и соответству-

ющую надпись на крестѣ и возилъ какія-то письма старца въ Петербургъ, гдѣ они и попали, въ концѣ концовъ, въ кабинетъ императора Александра Николаевича. Г. Василичъ думаетъ, что «подобныя письма въ любомъ заведеніи для умалишенныхъ сочиняются десятками ежедневно и адресуются на имя царствующихъ особъ».

Книгу г. Василича нельзя назвать историческимъ изслѣдованіемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что она не даетъ намъ новыхъ данныхъ для уясненія вопроса, кто же былъ въ дѣйствительности Теодоръ Кузьмичъ.

В. Троцкий.

Историческій очеркъ дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта (Приложеніе). Изъ серіи юбилейныхъ очерковъ «Столѣтіе военнаго министерства». Главный редакторъ Д. А. Скалонъ. Редакторъ Н. А. Даниловъ. Составилъ Н. М. Затворницкій. Спб. 1909.

Только что вышелъ новый томъ изъ серіи «Столѣтіе военнаго министерства». Составленъ онъ Н. М. Затворницкимъ и включаетъ біографіи военныхъ министровъ, начальниковъ канцеляріи военнаго министерства и нѣкоторыхъ служившихъ въ ней лицъ, а также инструкцію отъ 1802 г. эзекутору военной коллегіи.

Особенный интересъ представляютъ жизнеописанія тѣхъ русскихъ писателей, которые служили одно время въ канцеляріи. Это были: нашъ знаменитый сатирикъ М. Е. Салтыковъ, А. В. Дружининъ и Н. В. Кукольникъ. Составитель внесъ въ біографіи этихъ лицъ нѣкоторыя новыя черточки, пользуясь архивомъ канцеляріи военнаго министерства.

М. Е. Салтыковъ, по окончаніи курса въ Царскосельскомъ лицейѣ, 23 августа 1844 г. былъ зачисленъ на службу въ канцелярію военнаго министерства; въ сентябрѣ онъ былъ переименованъ въ коллежскіе секретари, въ августѣ 1846 г. назначенъ помощникомъ секретаря 2-го отдѣленія канцеляріи и 21 апрѣля 1847 г. произведенъ въ титулярные совѣтники. Начавъ такимъ образомъ свою службу въ канцеляріи военнаго министерства, Салтыковъ однако вскорѣ пострадалъ и былъ отправленъ на службу въ Вятку. Подробности, вызвавшія репрессію по отношенію къ Салтыкову, не сложны: явившись просить отпуска у военнаго министра князя Чернышева, Салтыковъ получилъ приказаніе представить свои сочиненія. «Тогда мы и посмотримъ, — сказалъ будто бы Чернышевъ: — можно ли васъ отпустить». Салтыковъ представилъ свои повѣсти «Противорѣчіе» и «Запутанное дѣло». Заключение объ этихъ произведеніяхъ было поручено сдѣлать Кукольнику, тоже писателю, служившему въ канцеляріи военнаго министерства. Заключение оказалось неблагоприятнымъ для Салтыкова: было найдено, что «какъ самое содержаніе, такъ и все изложеніе сихъ повѣстей обнаруживаютъ вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже всю Западную Европу и ниспровергшихъ власти и общественное спокойствіе». Военный министръ вошелъ по поводу этого съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, послѣдствіемъ

чего явилось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи Салтыкова отъ службы по канцеляріи военнаго министерства и отправленіи его на службу въ Вятку; до отправленія же его по этому назначенію было сдѣлано распоряженіе о содержаніи Салтыкова на гаутвахтѣ при с.-петербургскомъ комендантскомъ управленіи «за нарушеніе закона, воспреещающаго безъ вѣдома своего начальства предавать печатанію собственныя сочиненія». Въ Вятку Салтыковъ былъ отправленъ 28 апрѣля 1848 г., а 19 мая состоялся высочайшій приказъ объ этомъ переводѣ. Такъ окончилась служба Салтыкова чиновникомъ военнаго вѣдомства.

Однако изъ Вятки Салтыковъ писалъ князю Чернышеву и начальнику канцеляріи военнаго министерства барону Вревскому письма съ просьбою о возвращеніи его въ Петербургъ. Г. Затворницкій приводитъ тексты этихъ интересныхъ и доселѣ неизвѣстныхъ писемъ. Письма были написаны 15 декабря 1851 года. Въ письмѣ къ военному министру Салтыковъ, между прочимъ, писалъ, что сознаетъ себя исполнѣ заслуживающимъ «немилости», выразившейся въ отправленіи его въ Вятку, и обѣщаль заглазить «ошибку», въ которую онъ «впалъ болѣе по неопытности, нежели съ намѣреніемъ». Въ письмѣ же къ барону Вревскому, которому Салтыковъ не былъ лично извѣстенъ, онъ просилъ «предстательства» передъ княземъ Чернышевымъ. Черезъ два года, 12 декабря 1853 г., Салтыковъ снова просилъ князя Чернышева, уже оставившаго въ то время постъ военнаго министра, исходатайствовать Высочайшее помилованіе. «Въ то время,—писалъ Салтыковъ, разумѣя свою службу въ канцеляріи военнаго министра,—мнѣ было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ и я едва начиналъ свое служебное поприще; увлекшись молодостью и нѣскольکو пылкимъ своимъ характеромъ, я впалъ въ проступокъ, даже не сознавая исполнѣ всего значенія его; тѣмъ болѣе далека отъ меня была мысль о намѣренномъ распространеніи какихъ-либо вредныхъ идей». Всѣ эти письма не имѣли благопріятныхъ послѣдствій: Салтыкову было разрѣшено выѣзжать изъ Вятки только въ ноябрѣ 1855 года.

А. В. Дружининъ, авторъ «Полиньки Саксъ», критикъ, переводчикъ Шекспира, окончилъ курсъ Пажескаго корпуса и 2 августа 1843 г. выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, откуда въ январѣ 1846 г. уволенъ отъ службы; но черезъ мѣсяцъ Дружининъ поступилъ сверхштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію военнаго министерства съ переименованіемъ въ коллежскіе секретари; черезъ годъ онъ получилъ должность журналиста, въ 1848 г. произведенъ въ титулярные совѣтники, а въ 1851 г. уволенъ въ отставку.

Н. В. Кукольникъ, авторъ піесы «Рука Всевышняго отечество спасла» и многихъ другихъ литературныхъ произведеній, пользовавшихся у современниковъ большимъ успѣхомъ, но нынѣ совершенно позабытыхъ, служилъ въ канцеляріи военнаго министерства не въ тѣхъ молодыхъ лѣтахъ, какъ другіе вышеупомянутые писатели, Салтыковъ и Щедринъ. Въ штатѣ канцеляріи Кукольникъ былъ зачисленъ въ 1843 г., гдѣ черезъ два года произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ 1846 г., съ образованіемъ между вѣдомственнаго комитета о развитіи каменноугольной промышленности въ Россіи, Кукольникъ,

по ходатайству военного министра, былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ этого комитета съ зачисленіемъ состоящимъ для особыхъ порученій при военномъ министрѣ. Его труды доставили ему чинъ статскаго совѣтника. Въ дальнѣйшемъ Кукольникъ не разъ былъ командированъ по хозяйственнымъ дѣламъ военного министерства. Такъ, въ 1849 г. онъ наблюдалъ за поставкой хлѣба для войскъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а въ послѣдующее время наблюдалъ за поставкой провіанта для магазиновъ черноморскихъ береговыхъ укрѣпленій. Въ 1856 г. Кукольникъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и затѣмъ уволенъ въ отставку. М. Соколовскій.

Иконниковъ, В. С. Опытъ русской исторіографіи, томъ II, книга 1 и 2. 1 книга—1—1056 стр.; 2-ая—1057—1955 стр. Кіевъ. 1909. Цѣна 10 рублей.

Второй томъ русской исторіографіи проф. Иконникова, являясь прямымъ продолженіемъ предыдущаго, посвященъ систематичному обзорнѣю источниковъ русской исторіи. Авторъ здѣсь задался цѣлью «разсмотрѣть источники русской исторіи во внутренней ихъ связи между собою, раздѣливъ на извѣстныя группы, но соблюдая притомъ въ каждой изъ нихъ необходимую послѣдовательность». Не имѣя возможности объять въ одномъ томѣ всѣ виды источниковъ, авторъ обратился прежде всего къ изученію лѣтописей, какъ основнаго и важнѣйшаго источника нашей науки, стараясь при томъ «выяснить возникновеніе и развитіе лѣтописнаго дѣла въ Россіи въ связи съ другими письменными памятниками и мѣстными условіями».

Согласно намѣченному плану В. С. Иконниковъ разсматриваетъ въ первой книгѣ исторію возникновенія лѣтописей на почвѣ общей культуры древней Руси, на почвѣ вліянія Византіи и юго-славянскои письменности. А затѣмъ указываетъ по волостямъ-княженіямъ на главнѣйшіе лѣтописные своды, на лѣтописи кіевскую, черниговскую, смоленскія, галицко-волинскую, новгородскія, нековскія, ростовскія, суздальскія, тверскую и другія мѣстныя. Одновременно отмѣчается научная разработка отдѣльныхъ лѣтописей и дается подробный и весьма обстоятельный сводъ всего того, что сдѣлано для изученія мѣстной исторіи извѣстнаго края и мѣстной лѣтописи.

Вторая книга обнимаетъ время, приуроченное къ возвышенію Москвы и дальнѣйшей судьбѣ Руси до XVII вѣка включительно. Кромѣ разныхъ видовъ лѣтописныхъ сводовъ и лицевыхъ лѣтописей, въ ней обзорѣются и мѣстные лѣтописцы и лѣтописи (казанскія, сибирскія), а также новый видъ сводовъ, какъ Степенная книга, хронографы, лѣтописи позднѣйшаго типа (монастырскія, церковныя, раскольничьи), синодики, лѣтописи западно-русскія, малороссійскія. Конецъ посвященъ житіямъ святыхъ (выясняется ихъ отношеніе къ лѣтописямъ), минеямъ, патерикамъ и сборникамъ; разобраны сказанія и повѣсти, начиная съ древняго времени и кончая сказаніями смуты и вообще XVII вѣкомъ. Послѣдняя глава отведена вопросу объ изданіи древнихъ памятниковъ частными лицами и учеными обществами.

Ко второй книгѣ приложены указатели личный и географическій.

Таковъ самый бѣглый обзоръ содержанія второго тома исторіографіи. Общій тонъ его таковъ же, какъ и перваго. Здѣсь читатель не найдетъ одной какой-нибудь руководящей идеи, одного взгляда, который авторъ хотѣлъ бы привить своему читателю, здѣсь почти нѣтъ критики, неопытному читателю трудно разобраться въ различныхъ сужденіяхъ изслѣдователей, такъ какъ г. Иконниковъ одинаково заботливо приводитъ взгляды діаметрально противоположные, не пытаясь провести одинъ какой-нибудь взглядъ, а стараясь дать по возможности полные обзоры литературы того или другого вопроса. Въ этомъ слабость автора, но въ томъ же его сила. Разработка лѣтописнаго матеріала проведена въ книгѣ съ такою необыкновенной полнотою, что можно удивляться умѣнью, энергіи и аккуратности автора, накопившаго столь богатый библиографическій матеріалъ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что «Опытъ русской исторіографіи» — фундаментальный памятникъ русской исторической науки, къ которому необходимо обращаться каждому изучающему прошлое Россіи. Что особенно важно, такъ это сводка библиографическаго матеріала по отдѣльнымъ землямъ и княженіямъ. Нельзя не приветствовать выхода въ свѣтъ такого важнаго и значительнаго труда.

М. К.

Русскій біографическій словарь. Смѣловскій — Суворина.

Спб. 1909. Стр. 608. Цѣна 8 рублей.

Новый томъ «Русскаго біографическаго словаря» отличается тѣми же достоинствами, какъ и предыдущіе. Для всѣхъ занимающихся русской исторіей и литературой это изданіе представляетъ капитальное справочное пособіе, за которое они всегда сохранятъ благодарность къ г. Половцову, безкорыстно пожертвовавшему для осуществленія столь труднаго и полезнаго дѣла значительныя средства. Въ числѣ біографій здѣсь помѣщены обширныя и обстоятельныя характеристики наиболѣе выдающихся дѣятелей, напримѣръ, историка С. М. Соловьева (проф. Корсакова), царевны Софьи Алексѣевны (М. Помяловскаго), графа Сперанскаго (проф. Середонина), графовъ Строгановыхъ (Н. Сербова) и др. Каждая біографія сопровождается указаніемъ источниковъ, гдѣ можно найти подробныя свѣдѣнія о данномъ лицѣ. Просматривая біографіи, мы нашли въ нихъ очень немного мелкихъ неточностей; такъ, напримѣръ, въ біографіи Ѳ. И. Соимонова сказано, что въ 1740 году, замѣшанный въ дѣло Волконскаго, онъ былъ сосланъ Бирономъ въ Охотскъ, гдѣ на саловаренномъ заводѣ работалъ вмѣстѣ съ оберъ-прокуроромъ Скорняковымъ-Писаревымъ и генераль-полицеймейстеромъ Девьеромъ, которые были также сосланы вслѣдствіе нерасположенія къ нимъ Бирона. Между тѣмъ, Скорняковъ-Писаревъ и Девьеръ были сосланы не Бирономъ, а Меншиковымъ, въ 1727 году, въ царствованіе Екатерины I, когда Биронъ проживалъ еще въ Митавѣ, исполняя скромную роль любовника и секретаря герцогини курляндской Анны Ивановны. Но такія случайныя ошибки, неизбѣжныя въ подобномъ сложномъ и кропотливомъ изданіи, какъ біографическій словарь, нисколько не умаляютъ его достоинствъ. Въ укоръ изданію можно поставить лишь то, что тома его выходятъ съ слишкомъ долгими промежутками одинъ отъ другого.

С. Ш.

Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.) В. Н. Латкина, ординарнаго профессора императорскаго спб. университета. Спб. 1909 г. 644 стр. Ц. 4 р.

Имя В. Н. Латкина пользуется заслуженною извѣстностью, какъ автора цѣнныхъ изслѣдованій о земскихъ соборахъ въ Россіи и екатерининской комиссіи о составленіи новаго уложенія. Изданіе учебника исторіи права императорскаго періода точно также нужно отнести къ серьезнымъ заслугамъ почтеннаго ученаго. Книга г. Латкина представляетъ собою единственное руководство въ области исторіи русскаго права XVIII и XIX столѣтій, всецѣло посвященное предмету. Содержаніе учебника исчерпывающее: оно обнимаетъ собою законодательную дѣятельность императорскаго періода съ исторіей кодификаціи, территорію, ученіе о государѣ, органахъ центрального и мѣстнаго управленія. Широко разработаны данныя о населеніи, нормы уголовного и гражданскаго права. Изложеніе идетъ въ подробностяхъ, что дѣлаетъ книгу цѣнной не только въ глазахъ студента или вообще лица, приступающаго къ изученію предмета. На многіе вопросы уважаемый ученый устанавливаетъ свой личный авторитетный взглядъ; въ различныхъ контроверзахъ г. Латкинъ разбирается очень осторожно, но никогда не оставляетъ читателя на распутии непримиренныхъ разногласій. Настоящее изданіе книги является вторымъ, значительно дополненнымъ и переработаннымъ. Первое вышло ровно десять лѣтъ тому назадъ, и, конечно, новое изданіе потребовало отъ автора большого труда, чтобы поставить его на уровень современнаго положенія науки. По этой причинѣ заново передѣланными или значительно развитыми являются отдѣльныя страницы, напримѣръ, отдѣловъ территоріи, конституціонныхъ стремленій и связанныхъ съ ними проектовъ коренныхъ преобразованій государственнаго строя. Дополнены главы, посвященныя центральнымъ учрежденіямъ, въ особенности сенату, синоду и министерствамъ; не оставлено безъ вниманія мѣстное самоуправленіе, ученіе о населеніи, финансы; въ области уголовного права дополненія затронуть институтъ необходимой самообороны, преступленія противъ вѣры, службы и общественнаго благоустройства. Много новаго внесено въ отдѣлы ссылки, въ отдѣлы, касающіеся екатерининской и павловской кодификаціонныхъ комиссій. По многимъ вопросамъ авторъ далеко заходитъ въ глубину девятнадцатаго вѣка, а по исторіи коренныхъ государственныхъ преобразованій даже въ двадцатое столѣтіе. Въ настоящемъ изданіи имѣется весьма обширный библиографическій указатель, но, къ сожалѣнію, не существуетъ предметнаго, безъ котораго обращеніе съ книгой въ 644 страницы затруднительно.

В. Г.

П. С. Троицкій. Костромской край. Историко-археологическій очеркъ. Кострома. 1909 г. Цѣна 50 коп.

Этотъ очеркъ, составленный П. С. Троицкимъ и помѣщенный сперва въ «Справочной книжкѣ Костромской губерніи на 1909 годъ», хотя и не заключаетъ ничего новаго, но представляетъ удачную компіляцію и исчерпываетъ

почти всё известныя историко-археологическія матеріалы, касающіеся Костромской губерніи.

Въ очеркѣ, кромѣ географическихъ и историческихъ свѣдѣній, помѣщены: исторія Костромы и Галича, какъ первыхъ населенныхъ пунктовъ Костромского края, гражданское управленіе, списокъ костромскихъ генераль-губернаторовъ, намѣстниковъ, губернаторовъ и списокъ костромскихъ архіереевъ съ 1745 г. съ ихъ краткими біографіями. Очеркъ заканчивается описаніемъ уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ и другихъ населенныхъ мѣстностей, а также и монастырей, какъ церковныхъ памятниковъ костромской старины.

Самая «Справочная книжка Костромской губерніи на 1909 годъ», въ которой напечатанъ этотъ очеркъ, составлена и издана старшимъ совѣтникомъ костромского-губернскаго правленія В. А. Толмачевымъ.

Это—отрадное явленіе на тускломъ горизонтѣ нашихъ, когда-то славныхъ, а нынѣ бездѣйствующихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, секретарство въ которыхъ въ большинствѣ представляетъ синекеры излюбленныхъ чиновныхъ дѣльцовъ. Невольно вспоминаются 50-е и 60-е годы прошлаго столѣтія, когда появились превосходные труды и памятные книжки многихъ статистическихъ комитетовъ, въ особенности ярославскаго, нижегородскаго и костромскаго, изданія которыхъ и по настоящее время составляютъ богатый матеріалъ для мѣстной областной исторіи. Такъ, среди нихъ памятная книжка, изданная въ 1862 г. костромскимъ статистическимъ комитетомъ, представляющая большой интересъ, въ свое время была оцѣнена такими знатоками, какъ Геннади, и другими,—теперь библиографическая рѣдкость.

Составитель «Справочной книжки на 1909 годъ» г. Толмачевъ, придерживавшись отчасти плана вышеупомянутой памятной книжки 1862 г. въ виду предстоящаго 21 іюня костромскаго областного археологическаго съѣзда оказываетъ и членамъ съѣзда и посѣтителямъ большую услугу. Онъ, какъ и П. С. Троицкій, заслуживаютъ полной признательности отъ всѣхъ интересующихся и Костромской губерніей и ея историческими древностями.

Пожелаемъ, чтобы и другіе секретари губернскихъ статистическихъ комитетовъ послѣдовали примѣру г. Толмачева и хотя бы этимъ напомнили о существованіи своихъ статистическихъ комитетовъ, комитетовъ теперь многимъ въ губерніи и невѣдомыхъ, и по возможности бы освѣщали забытую исторію той или другой мѣстности.

Андрей Титовъ.

Краткій очеркъ бюджетнаго права Финляндіи. Э. Н. Берендтсъ. С.-Петербургъ. Государственная типографія. 1909. Стр. 72. Цѣны нѣтъ.

Профессоръ финансоваго права г. Э. Н. Берендтсъ издалъ небольшую, но весьма интересную брошюру, чрезвычайно ясно и наглядно изложенную, въ которой знакомитъ читателей съ главными основаніями бюджетнаго права Финляндіи. Замѣчательная особенность Финляндіи въ отношеніи ея бюджета та, что и по настоящее время въ ней не имѣется ни единства росписи, ни

единства кассы. Все доходы и расходы финляндской казны показываются в двух росписях: общей и росписи коммуникационного фонда, служащей как бы дополнением первой. Общая роспись распадается на ординарную и экстраординарную; онѣ составляются в финляндском сеймѣ, разсматриваются имъ и установленнымъ порядкомъ подносятся на высочайшее благовозрѣніе, представляются сейму и затѣмъ поступаютъ на высочайшее утверждение. Средства же казны распределяются по фондамъ, которые служатъ общимъ, а также и специальнымъ задачамъ управления края. Такихъ фондовъ¹⁾ и по настоящее время нѣсколько, хотя законъ 3 мая 1899 году и значительно сократилъ прежнюю дробность ихъ. Съ точки зрѣнія права распоряжаться фондами, все фонды распадается на двѣ группы, именно: 1) фонды казенные, или правительственные, коими распоряжается монархъ единолично; 2) фонды сеймовые, къ которымъ принадлежатъ только фондъ временныхъ налоговъ, фондъ на винокурение и фондъ коммуникационный. Но, кромѣ этихъ двухъ группъ фондовъ, имѣются еще въ распоряженіи правительства специальные фонды, созданные путемъ выдѣленія изъ свободныхъ кредитовъ статнаго фонда — особыхъ капиталовъ, доходы съ которыхъ предназначены для удовлетворенія различныхъ специальныхъ потребностей. Такихъ фондовъ шестнадцать. Помимо того, имѣются еще такъ называемые донаціонные фонды, т. е. фонды, пожертвованные частными лицами для опредѣленныхъ цѣлей. По росписи 1908 года общая сумма доходовъ: по правительственнымъ фондамъ составляла 73.654.600 марокъ, а по сеймовымъ фондамъ — 60.125.870 марокъ, такъ что общая сумма всѣхъ текущихъ доходовъ финляндской казны составляетъ 133.780.470 марокъ. Общая сумма ординарныхъ расходовъ исчислена была въ 114.804.730 марокъ, которые покрываются указанными выше доходами, при чемъ имѣлся немалый остатокъ, который обращается на покрытие расходовъ по экстраординарной росписи и по добавленіямъ къ ней. Предоставляя читателямъ ознакомиться самимъ съ порядкомъ составленія, разсмотрѣнія и утвержденія финансовой сметы въ Финляндіи, обратимъ вниманіе на то, что финансовыя прерогативы монарха опредѣляются отчасти обычнымъ правомъ, отчасти нормами писаннаго права, т. е. старинными шведскими основными законами; бюджетныя же права сейма имѣютъ весьма неопредѣленный правовой характеръ, и эта неопредѣленность порождаетъ немало столкновеній въ засѣданіяхъ сейма и благопріятствуетъ стремленію сейма расширить сферу своихъ бюджетныхъ правъ, при чемъ нельзя не замѣтить, что со стороны верховной власти проявлялась готовность идти навстрѣчу этимъ сеймовымъ пожеланіямъ. Императоръ Александръ II, какъ извѣстно, въ рѣчи своей 18 сентября 1863 года выразилъ, что онъ желаетъ расширять принадлежащее сейму право опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, а затѣмъ то же самое подтверждено въ высочайшей инструкціи 7 декабря 1864 года комитету для кодификаціи основныхъ законовъ. Но общаніе

¹⁾ Фондомъ обозначаютъ совокупность имущества, имѣющую назначеніемъ — удовлетвореніе опредѣленныхъ общественныхъ задачъ и состоящую изъ денегъ, процентныхъ бумагъ, хлѣбныхъ запасовъ или иныхъ цѣнностей.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1909 г., т. схvi.

расширить сферу правъ — понятие до крайности неопредѣленное и главное — очень растяжимое; оно не можетъ устранить ни столкновений съ народнымъ представительствомъ на сеймѣ при осуществленіи на дѣлѣ финансовыхъ прерогативъ монарха, ни того, что почти на каждомъ сеймѣ возникали заявленія о необходимости ходатайствовать о расширеніи бюджетныхъ правъ сейма. Это побудило еще бывшаго статсъ-секретаря В. К. Плеве составить проектъ реформъ бюджетнаго строя Финляндіи, по которому устанавливалось двѣ категоріи фондовъ, именно правительственные и земскіе сеймовые, и указывалось, какіе изъ существовавшихъ въ Финляндіи различныхъ фондовъ входили въ ту или другую категорію. вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливалось съ точностью, какія издержки по Финляндіи покрываются средствами той или другой категоріи фондовъ. Этотъ докладъ статсъ-секретаря удостоился высочайшаго утверждения 10 іюня 1904 года, но осуществленія его на дѣлѣ не послѣдовало и по настоящее время, по причинамъ неизвѣстнымъ. Брошюра г. Берендтса читается очень легко и даетъ вполне ясную картину бюджета Финляндіи. П. М.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакціей Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Изданіе товарищества «Міръ». Выпускъ I—VII. Москва. 1908—1909. Цѣна по подпискѣ по 1 руб. за выпускъ.

Настоящее изданіе является частью грандіознаго предпріятія—«Исторіи русской литературы», выпускаемой издательствами товарищества Сытина и «Міръ». Все изданіе составитъ 35 выпусковъ. Пока вышелъ I томъ, посвященный народной поэзіи и редактированный Е. В. Аничковымъ, 2 томъ, посвященный исторіи литературы до XIX вѣка, написанный профессоромъ А. К. Бороздинымъ, и 7 выпусковъ «исторіи русской литературы XIX вѣка» подъ редакціей профессора Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Первые два тома изданы Сытинымъ, «исторія русской литературы XIX вѣка» издается товариществомъ «Міръ». По плану и по характеру она совершенно отличается отъ первыхъ двухъ томовъ и представляетъ вполне самостоятельное изданіе. Составляетъ оно будетъ 25 выпусковъ (приблизительно 125 печатныхъ листовъ) и иллюстрируется прекрасно исполненными портретами писателей.

Изданіе представляетъ коллективную работу цѣлаго ряда историковъ литературы и критиковъ подъ общей редакціей профессора Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.

Исторія нашей литературы XIX вѣка—такой сложный и обширный матеріалъ, что детально изучить ее одному лицу почти не по силамъ. Въ виду этого нужно признать весьма удачною мысль выпустить «исторію русской литературы»—коллективный трудъ, въ которомъ о каждомъ вопросѣ пишетъ человекъ, специально изучившій его. Цѣнность такого коллективнаго труда много зависитъ отъ удачнаго выполненія редакторской работы: редакторъ долженъ выработать общую схему, сдѣлать хорошій выборъ сотрудниковъ, заботиться о томъ, чтобы статьи были, по возможности, одинаковой цѣнности.

Пока вышло 7 выпусковъ изданія, которые уже позволяютъ составить мнѣніе о характерѣ предпріятія. Общая схема изданія заслуживаетъ одобренія. Редакція совершенно правильно полагаетъ, что въ виду тѣсной связи нашей литературы съ жизнью, общественно-политическими условіями, исторія литературы должна разсматриваться въ тѣсной связи съ общими историческими условіями. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, редакція прежде всего даетъ историческій очеркъ каждой эпохи, въ которомъ обрисовано направленіе правительственной политики и общая атмосфера. Затѣмъ слѣдуютъ очерки: 1) умственныхъ теченій данной эпохи (философскихъ направленій, общественныхъ идей, идеологій) и 2) литературныхъ направленій и школъ эпохи. Вслѣдъ за этимъ даются характеристики наиболѣе важныхъ писателей данныхъ эпохъ. Такимъ образомъ, планъ изданія хорошо обдуманъ и заслуживаетъ одобренія. Содержаніе вышедшихъ пока выпусковъ слѣдующее: первая глава начинается историческимъ очеркомъ эпохи Александра I, принадлежащимъ профессору М. В. Довнаръ-Запольскому, во второй главѣ Н. К. Пиксановъ разсматриваетъ публицистику эпохи, въ четвертой главѣ приватъ-доцентъ А. И. Яцимирскій характеризуетъ мистическую литературу, главы пятая—шестая посвящены очеркамъ объ отдѣльныхъ писателяхъ—о Карамзинѣ приватъ-доцента А. И. Яцимирскаго, о Жуковскомъ приватъ-доцента П. Н. Сакулина, о Батюшковѣ приватъ-доцента С. А. Венгерова, о Козловѣ и Одоевскомъ Ю. И. Айхенвальда, о Рылѣевѣ и Нарѣжномъ В. В. Каллаша и о Грибоѣдовѣ Н. К. Пиксанова. Вторая часть посвящена николаевской эпохѣ. Въ первой главѣ данъ Б. А. Маркевичемъ историческій очеркъ эпохи, во второй главѣ Р. В. Ивановъ-Разумникъ разсматриваетъ общественныя и умственныя теченія 30-хъ годовъ, въ третьей главѣ профессоръ И. И. Замотинъ даетъ очеркъ литературныхъ теченій и критики 30-хъ годовъ, четвертая глава отведена статьямъ о Пушкинѣ Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго и Н. О. Лернера, пятая глава—статьѣ Н. О. Лернера о Чаадаевѣ, шестая глава—статьѣ К. И. Арабажина о Лермонтовѣ, глава седьмая состоитъ изъ статей Ю. И. Айхенвальда о Веневитиновѣ, Полежаевѣ, Языковѣ, Бенедиктовѣ и Ѳ. Д. Батюшкова о Баратынскомъ, обширная восьмая глава занята характеристикой 40-хъ годовъ, принадлежащей знатоку этой эпохи Ч. Вѣтринскому (Вас. Чехихину).

Если редактору нельзя сдѣлать упрека за общую схему изданія, то его можно упрекнуть въ томъ, что имъ не выработанъ съ достаточной опредѣленностью общій планъ, которому долженъ былъ слѣдовать каждый авторъ, въ результатъ чего получилась разнородность по характеру статей: однѣ изъ нихъ очень почтенныя научныя изслѣдованія, другія носятъ характеръ журнальныхъ статей.

Но это обстоятельство не мѣшаетъ «исторіи русской литературы XIX вѣка» быть полезнымъ и цѣннымъ изданіемъ: оно даетъ вѣрную картину нашего литературнаго развитія за цѣлый вѣкъ въ связи съ общими историческими условіями, т. е. является трудомъ, потребность въ которомъ назрѣла уже давно. Изданіе не только сослужитъ службу обществу, но и специалисты найдутъ для себя много интереснаго и цѣннаго.

А. Фокинъ.

Г. С. Новолипинъ. Порнографическій элементъ въ русской литературѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Книга эта по тенденціи заслуживаетъ всевозможнаго сочувствія, но по основной идеѣ существенно фальшива. Авторъ — убѣжденный врагъ порнографіи; онъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ заклеить вторженіе ея широкой волной въ нашу литературу. Съ этой точки зрѣнія можно только пожелать, чтобы его книга нашла себѣ побольше читателей. Но основная идея ея ложна и только затемняетъ обсуждаемый имъ жгучій вопросъ.

Авторъ придерживается мнѣнія, что порнографія вызывается политической реакціей (стр. 9, 44 и 45, 86, 100, 244 и др.). Относительно другихъ странъ онъ эту мысль ничѣмъ не подтверждаетъ, но въ Россіи, по его словамъ, порнографія стала процвѣтать въ реакціонные 80-е годы и достигла пышнаго расцвѣта въ переживаемые нами теперь дни. При этомъ, однако, оказывается, что 80-е годы распространяются авторомъ и на 90-е и даже на начало текущаго вѣка, что только въ 1905 году порнографическая волна какъ будто затихла, но съ новою силою поднялась уже въ 1906 году. Не правильнѣе ли при такихъ условіяхъ просто сказать, что порнографія стала процвѣтать въ русской литературѣ за послѣднія 25 лѣтъ и достигла необычайнаго расцвѣта въ нынѣшнюю освободительную эпоху. Подтвердить рядомъ историческихъ примѣровъ тѣсную связь освободительныхъ идей съ порнографіей весьма нетрудно. Расцвѣтъ освободительныхъ идей при Екатеринѣ II совпалъ съ появленіемъ у насъ Баркова, барковщины и знаменитой «Душеньки», во Франціи великая революція дала міру маркиза де-Сада, въ Германіи эпоха освободительныхъ идей совпала съ появленіемъ такихъ свѣтилъ порнографіи, какъ извѣстный Тюмбель, освободительная эпоха середины прошлаго вѣка породила въ Россіи Щербину и несомнѣнную половую разнузданность, наконецъ во Франціи окончательное упроченіе республики совпало съ появленіемъ Гюисманса, Бэло, Мендеса, Прево, Сильвестра, которые идутъ во главѣ европейской порнографіи; а у насъ революціонное время породило Арцыбашевыхъ, Кузьминыхъ, Сергѣевыхъ-Ценскихъ, Зиновьевыхъ-Аннибалъ, Каменскихъ, и какъ ихъ всѣхъ тамъ звать.

Мы сдѣлали эти историческія сопоставленія, понятно, только для того, чтобы показать, какъ опасно приводитъ политическій прогрессъ или реакцію въ связь съ порнографіей. Ни освободительныя идеи, ни реакція не имѣютъ съ нею ничего общаго. Политическая свобода только даетъ порнографическимъ наклонностямъ возможность проявляться публично и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ ложное представленіе, будто бы она способствуетъ развитію порнографіи. На самомъ же дѣлѣ половая разнузданность имѣетъ своимъ источникомъ индивидуальную безнравственность, распространеніе которой возможно при всякомъ политическомъ режимѣ, и тотъ, кто съ успѣхомъ хочетъ бороться противъ порнографіи, долженъ прежде всего обратить вниманіе на семью и ея задачи, а не на тѣ или другія политическія теченія.

Отмѣтимъ еще, что авторъ въ своемъ довольно обширномъ трудѣ не

выясняетъ, что собственно онъ разумѣетъ подъ порнографіею, а понятіе это вовсе не такъ просто, какъ кажется. Если Достоевскій въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» рисуесть намъ челоуѣка, который надѣваетъ плащъ на голое тѣло, выходитъ на улицу и, встрѣчая женщину въ уединенномъ мѣстѣ, распаивается, то порнографія ли это? О Барковѣ авторъ совсѣмъ не упоминаетъ, о Богдановичѣ говоритъ только вскользь, объ юношескихъ произведеніяхъ Пушкина тоже умалчиваетъ, Сологуба выгораживаетъ, а Апухтина и другихъ поэтовъ, не принадлежащихъ къ его политическому приходу, жестоко казнить. При такомъ странномъ пониманіи порнографіи всѣ разсужденія автора зыбки, какъ домъ, построенный на пескѣ. Р. Сементковскій.

Литературный распадъ. Книга вторая. Издательство «Еос». Спб. 1909.

«Тѣхъ же щей, да пожиже влей»... Во второмъ томѣ—«повтореніе пройденнаго» въ первомъ, тотъ же походъ на всю теперешнюю нашу литературу. Современное «буржуазное» искусство «декоративно» и «не выноситъ ни грана идейности и тенденціи. Ибо въ тенденціи—движеніе и жизнь»... Такъ пишетъ одинъ изъ апостоловъ марксизма г. Войтоловскій, вспоминая по этому поводу Гюго и Некрасова. Но куда г. Войтоловскій дѣнетъ—ну, хотя бы Пушкина? Въ самомъ дѣлѣ—какая тенденція въ «Евгеніи Онѣгинѣ», этомъ по истинѣ «свободномъ романѣ», или въ «Пирѣ во время чумы»? Какая тенденція въ «Макбетѣ» или «Снѣ въ лѣтнюю ночь»? Что жъ, не отказать ли въ движеніи и жизни и Пушкину и Шекспиру? Вотъ хорошо бы примѣнить и къ нимъ «марксистскій» методъ! Г. Стекловъ, комикъ-буффъ сборника, въ прекуръезномъ обвинительномъ актѣ противъ Сологуба называетъ этого «реакціоннаго» писателя стоящимъ «на грани безумія» и, цитируя послѣднія строки его знаменитаго разсказа «Тѣни» о «безуміи, блаженномъ безуміи», съ негодующей ироніей восклицаетъ: «конечно, безуміе блаженно! Блаженни безумни, яко ихъ есть царствіе Недотыкомки»... Конечно, «реакціонеру» и «психопату» Сологубу самъ Богъ такъ велѣлъ. Но тутъ опять вспоминается Пушкинъ, тоже рисовавшій себѣ блаженство безумія:

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чадѣ
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.
И я бѣ заслушивался волнь,
И я глядѣлъ бы, счастья полнь,
Въ пустыя небеса.
И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихоръ, роющій поля,
Ломающій лѣса...

В. Шулятиковъ усматриваетъ, что въ «буржуазной» поэзіи «смерть ставится, такъ сказать, на одну доску съ жизнью... между ними констатируется нѣкоторая интимная и таинственная связь». Критика безконечно удивляетъ это для него «новооткрытое таинство». Однако, думаетъ читатель, какъ да-

леко восходитъ нашъ литературный распадъ—до самого Пушкина, имя котораго опять приходитъ на мысль. Въдъ его Татьяна, которая была физически и нравственно чище и здоровѣе всѣхъ декадентовъ и марксистовъ, «тайну прелести находила въ самомъ ужасѣ»; онъ звалъ «упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю... и въ дуновеніи чумы» и чувствовалъ, что есть «неизъяснимы наслажденья» во всемъ, «что гибелью грозитъ»...

Мистицизмъ особенно не даетъ спать нашимъ бѣднымъ марксистамъ, и отъ него они отдѣляются краткимъ, но мѣткимъ приговоромъ: «естественный результатъ общественной пришибленности и политической отсталости. Въ его основѣ лежатъ неподвижность мышленія и тупость воспріятія»... На это возражать мы не станемъ, а только спросимъ нашихъ марксистовъ, слышали ли они о Моисеѣ, Платонѣ, Исусѣ, Магометѣ... Но наши теперешніе мистики зато не могутъ жаловаться на этотъ жестокой приговоръ: марксисты оставляютъ ихъ въ очень недурномъ обществѣ, отъ котораго они навѣрное отказываться не стануть. Все это сказано въ безусловномъ повиновеніи «основному принципу марксизма—смотримъ на весь міръ глазами аналитика и діалектика, откликаться на его явленія сердцемъ сознательнаго борца и безусловнаго коллективиста». Но развѣ психика основателей великихъ религій, объединившихъ миллионы людей, была чужда чувства коллективизма? Немудрено, что при такой рѣшительной расправѣ особенно достается современной русской литературѣ. Она вся безъ остатка отрицается и отбрасывается,—Ауслендеръ вѣстѣ съ Сологубомъ, Чуковский вѣстѣ съ Шестовымъ, безъ всякаго различія. О какихъ-нибудь Ауслендерахъ и Чуковскихъ въ сборникѣ сказано много вѣрнаго: эти ничтожества до того жалки и плоски, что ихъ слабость бросается въ глаза даже такимъ нечуткимъ судьямъ, какъ бѣдные марксисты, это дѣйствительно явленія низшаго порядка, однако вовсе не новыя въ литературѣ и всегда неизбѣжно существующія со всѣмъ чистымъ, свѣтлымъ въ ней, какъ въ экономіи природы рядомъ съ благороднымъ животнымъ царствомъ существуютъ постельныя насѣкомыя. Но судить выше сапога гг. марксисты не сумѣли. А жаль: не во всемъ они неправы, и во многомъ нашли бы себѣ сильныхъ союзниковъ въ томъ самомъ лагерѣ, на который такъ злобно нападаютъ. Вотъ и Д. В. Философовъ («Слова и жизнь»), далеко не сторонникъ грубаго экономическаго матеріализма, объявляетъ себя врагомъ теперешней «дешевой мистики, нецрїятія міра, эротизма, эстетизма, мифотворчества. Это не простой капризъ, не слѣдствіе усталости и разочарованія, а, наоборотъ, утвержденія воли, дѣйствія, сознанія... Переживъ до конца индивидуализмъ, мы знаемъ его соблазнъ, знаемъ его силу и его слабость. Мы поняли, къ какому срыву ведетъ онъ, не подчиненный никакой верховной нормѣ,—вовсе не къ свободѣ, а къ внутреннему рабству, къ величайшему одиночеству и ничтожеству человѣческой личности, ея беспілю и самоуничтоженію. Всѣ эти болѣзненные исканія оргіастическихъ экстазовъ, мистическихъ фокусовъ — не что иное, какъ судорожное желаніе забыть о своемъ ничтожествѣ, обмануть себя»... Этого критическаго такта, этого умѣнья отличать гнилую труху отъ вѣчно живой и дѣйственной основы, отравичить «обозвную сволочь» отъ настоящихъ дѣятелей не оказалось у авторовъ «Литературнаго распада», кото-

рые «во имя великаго учителя» огуломъ зачеркнули всю новую литературу. Такого старческаго, беззубаго брюзжання на все, что ново, молодо, быть можетъ, и зелено, но мыслить, ищеть и борется, давно не раздавалось въ нашей литературѣ. Вотъ настоящее явленіе реакціи и мѣщанства! Потому, что авторы «Литературнаго распада» съ своей слѣпой ненавистью къ «декадентству», въ которомъ есть же культура, къ «мистикѣ», въ которой есть же культура, настоящіе враги культуры, съ головы до ногъ мѣщане, и недаромъ въ своемъ отношеніи къ современнымъ литературнымъ движеніямъ фатально сходятся съ самыми мрачными и затхлыми кругами реакціонной прессы. Повторяю: не во всемъ они неправы. Но что изъ этого? Для того, чтобы понимать Маркса, надо понимать г. Чуковского. Преодолѣть духъ мѣщанства въ литературѣ и въ жизни сможетъ только великое мѣщанство, до котораго по той же Марксовой схемѣ еще расти и расти русскому обществу. Такъ-то, господа захохотанные мѣщане! Еще не вышли изъ Растеряевой улицы, а уже такъ надменно поглядываете на «буржуазію».

Н. Л.

Д. В. Философовъ. Слова и жизнь. Литературные споры новейшаго времени (1901—1908). Спб. 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эта книга могла бы быть интересна. Касается она вопросовъ и литературныхъ явленій послѣдней, такъ сказать, минуты. «Конецъ Горькаго», «Разложеніе матеріализма», «Разсказъ о семи повѣщенныхъ», «Церковь и освободительное движеніе» и т. д.—это ли не заманчивыя заглавія? Кромѣ того, авторъ обладаетъ нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ; нельзя ему отказать и въ начитанности. Но что-то расхолаживаетъ читателя и даже мѣшаетъ ему отнестись серьезно къ разсужденіямъ автора. Разгадка этого, повидимому, страннаго противорѣчія кроется въ самомъ заглавіи книги: «Слова и жизнь». Вы чувствуете съ первыхъ же страницъ, что жизнь сама по себѣ и слова автора тоже сами по себѣ, что между ними нѣтъ тѣсной связи, что авторъ живетъ въ своеобразномъ мірѣ, гдѣ жизненныя явленія игнорируются, а надуманныя и фантастическія представленія ничтожнаго кружка людей приобрятаютъ характеръ чего-то очень значительнаго.

Возьмемъ для примѣра статью «Конецъ Горькаго». Для человѣка, ближе стоящаго къ жизни, утрата г. Горькимъ его широкой популярности объясняется просто. Колоритное описаніе міра босяковъ, съ которымъ онъ прекрасно знакомъ, доставило ему громкую извѣстность. Слава и матеріальный успѣхъ вскружили ему голову. Онъ вообразилъ себя вождемъ босяковъ, то есть пролетаріата, и сталъ вершать міровые вопросы. Не имѣя для этого ни научной, ни всякой другой подготовки, онъ сталъ разрѣшать міровые вопросы чисто босяцкимъ образомъ, то есть плевками— аргументомъ, конечно, сильнымъ, но не особенно убѣдительнымъ; словомъ, онъ «завеличался, заумничалъ, зазнался». Но, по мнѣнію г. Философова, г. Горькаго погубилъ.. социализмъ (стр. 57). Однако для того, чтобы быть социалистомъ-мыслителемъ или социалистомъ-писателемъ, надо вдуматься въ социализмъ, знать, что въ этой

области уже сдѣлано другими, а социализмъ г. Горькаго стоитъ развѣ одною ступенью выше социализма любого социалиста-рабочаго. Для мыслителя, для писателя этого слишкомъ мало.

Впрочемъ, г. Философовъ социализмъ вообще недолюбливаетъ. По его мнѣнію, все дѣло въ «новой соборности», то есть въ «общественности, основанной не на власти, а на любви» (стр. 127). Вѣднѣй г. Горькій, — отчего онъ не внялъ, Впрочемъ, тогда еще не сказанному, «слову» г. Философова? Но г. Горькій о «соборности» забылъ, забыло о ней и все человѣчество, потому что о «соборности» въ духѣ г. Философова возвѣстилъ намъ еще великій учитель Христосъ, но человѣчество все еще не отрѣшилось отъ ненависти, злобы, своекорыстія, вызывающихъ необходимость въ твердой власти. Забываетъ о ней и самъ г. Философовъ, приходя въ концѣ концовъ къ заключенію, что «идеалъ безвластія, подлинной свободы, можетъ лишь постепенно воплощаться здѣсь, на землѣ» (стр. 201). Лучше было бы съ этого начать. Но написать слишкомъ 200 страницъ, чтобы прійти къ такому элементарному выводу—это значитъ слишкомъ ужъ искушать терпѣніе читателя.

Р. С.

**Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Гоголь въ его произведеніяхъ
Къ столѣтію рожденія великаго писателя. Москва. 1909.
Стр. 124. Цѣна 50 к.**

Перу проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго принадлежитъ уже одна книга о Гоголѣ (1-е изданіе въ 1903 г., 2-е—1907 г., 3-е—1909 г.), въ которой изслѣдователь даетъ психологическій діагнозъ личности писателя, склада его ума, дарованія и таланта. Въ настоящей книгѣ изслѣдователь ставитъ другую задачу—дать общій очеркъ художественной дѣятельности Гоголя и критическую оцѣнку важнѣйшихъ его произведеній. Авторъ ограничиваетъ себя художественными произведеніями въ узкомъ смыслѣ слова и оставляетъ въ сторонѣ историко-литературное изученіе.

Прежде всего проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій отмѣчаетъ разладъ въ Гоголѣ между поэтомъ и прозаикомъ. «То, что говорилъ онъ языкомъ художественныхъ образовъ, лирики и юмора, — замѣчаетъ проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, — почти всегда было и ново, и интересно, и значительно. Но когда онъ отъ этого — «языка» переходилъ къ языку прозы, его мысль въ большинствѣ случаевъ оказывалась блѣдною, безпомощною, слабою». Наиболѣе характерными чертами равняго творчества Гоголя авторъ считаетъ «почти полное отсутствіе прозаическихъ (безобразныхъ) элементовъ» и то, что Гоголь «какъ бы витаетъ надъ поверхностью жизни, не проникая въ ея глубь». Уже одинъ выборъ сюжетовъ для «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», по мнѣнію проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, «какъ нельзя лучше свидѣлствуетъ объ отсутствіи у Гоголя въ то время потребности къ «задумчивости», къ размышленію надъ вопросами жизни и души человѣческой». Но Гоголь, отмѣчаетъ далѣе авторъ, шелъ впередъ быстрыми шагами, духовный ростъ его совершался необыкновенно быстро. «Въ «Вечерахъ» юморъ былъ еще без-

заботный, «забавный», не возвышающійся до художественнаго смѣха, но уже въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» выступает юморъ сквозь дымку грусти, что явилось коренной чертой художественнаго гения Гоголя. До 1833 года Гоголя авторъ считаетъ мѣстнымъ украинскимъ писателемъ, въ его произведенияхъ до этого времени, по мнѣнію проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, ярко проявлялись коренныя особенности украинскаго національнаго склада — быстрый переходъ отъ веселія къ грусти, отъ смѣха и шутки къ меланхолическому настроенію, отъ гопака и плясового темпа къ звукамъ, полнымъ тоски и скорби. Въмѣстѣ съ этимъ уже въ первыхъ произведенияхъ, указываетъ авторъ, сказалась характерная черта Гоголя—улавливать національную психологію и превращать бытовые и психологическіе типы въ національные. «Если въ «Вечерахъ на хуторѣ»,—говоритъ проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій,—Гоголь воспроизводитъ черты украинскаго національнаго склада непроизвольно, больше чувствуя, чѣмъ понимая, то въ «Тарасѣ Бульбѣ» онъ уже ихъ понимаетъ, уже шлетъ въ своемъ распоряженіи опредѣленный взглядъ на психологію малоросса, какъ таковую, и даже кое-что уяснилъ себѣ въ трудномъ вопросѣ о ея происхожденіи, ея историческомъ развитіи».

Путь развитія художественнаго творчества Гоголя совершенно вѣрно проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій формулируетъ какъ переходъ отъ романтизма настроенія, идей и приемовъ къ реализму. Этотъ переходъ закончился окончательно лишь съ появленіемъ «Женитьбы», «Игроковъ» и «Ревизора». Послѣ этого Гоголь пошелъ по пути законченнаго, послѣдовательнаго реализма воззрѣнія и изображенія.

Всего подробнѣе изслѣдователь останавливается на «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ», сосредоточивая свое вниманіе на интересномъ вопросѣ: насколько Гоголь уловилъ національную психологію? По мнѣнію проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, Гоголю это удалось сдѣлать блестяще: въ созданныхъ имъ типахъ удивительно мастерски схвачена національная русская психологія.

Нельзя сказать, что проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій далъ въ своемъ трудѣ обстоятельный, исчерпывающій очеркъ художественной дѣятельности Гоголя,—авторъ лишь намѣтилъ въ самыхъ общихъ чертахъ ростъ художественнаго творчества Гоголя, обрисовалъ характерныя черты его художественнаго дарованія. Довольно часто проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій высказываетъ въ своихъ трудахъ мысли субъективныя, вызывающія споръ, въ этой книгѣ такихъ мыслей немного. Сюда нужно отнести, напримѣръ, замѣчаніе, что «эпизодъ профессуры Гоголя былъ именно казусомъ въ хлестаковскомъ родѣ». Вообще нужно сказать, что воззрѣнія Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго на профессорство Гоголя не отличаются опредѣленностью. Это обнаруживается, если мы сравнимъ взгляды на этотъ вопросъ, высказанные въ настоящей книгѣ, съ взглядами, высказанными въ другомъ трудѣ Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго—«Гоголь». Всего болѣе спорно въ разсматриваемой нами сейчасъ книгѣ утвержденіе, что въ Хлестаковѣ и Чпчиковѣ выразились основныя черты русской національной психологіи: опредѣленіе этихъ чертъ очень сложно, онѣ трудно уловимы, ихъ трудно формулировать и, касаясь этой области, мы возвращаемся въ сферѣ субъективной, во всякомъ случаѣ— не научной.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ, мыслямъ проф. Овсяннико-Куликовскаго нельзя не отказать въ вѣрности и, особенно, въ интересѣ.

Хорошую услугу окажетъ трудъ проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго школь и широкой публикѣ. Первая книга автора — «Гоголь» — довольно трудна для этой аудиторіи, настоящій же трудъ — «Гоголь въ его произведеніяхъ» — написанъ очень популярно.

А. Фомищъ.

Подробный орфографическій словарь, для учащихся и вообще для самообразованія и справокъ при письменныхъ и корректурныхъ работахъ. Составилъ В. Зелинскій. Москва. 1909. Стр. 488. Цѣна 2 руб.

Изученіе русской орфографіи представляетъ значительныя трудности, вслѣдствіе чего правописаніе у насъ отличается необычайнымъ разнообразіемъ; уже одна буква «я» является камнемъ преткновенія для множества лицъ. Въ послѣднее время и за границей, и въ Россіи педагоги возбудили вопросъ о томъ, чтобы учащіеся въ школахъ постоянно имѣли подъ рукой справочный орфографическій указатель и при всякаго рода письменныхъ работахъ и упражненіяхъ почаще къ нему обращались. Вполнѣ раздѣляя эту мысль, г. Зелинскій, послѣ ознакомленія съ нѣсколькими существующими у насъ орфографическими словарями, составилъ новый словарь, главное отличие котораго отъ другихъ заключается въ томъ, что, помимо относительной полноты лексическаго матеріала и его строгой обработанности въ смыслѣ единства и правильности начертаній, въ немъ каждое слово раздѣлено на части, для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Кромѣ того, словарь г. Зелинскаго имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ многими другими изданіями этого рода еще и въ томъ отношеніи, что пользующіеся имъ имѣютъ возможность не только правильно писать слова, но и правильно произносить ихъ, такъ какъ надъ гласными въ словахъ поставлено удареніе и дуеточіе надъ буквой «е». Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ словарѣ введены краткія объясненія многихъ непонятныхъ, или малопонятныхъ, словъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ особенности собственныхъ именъ: географическихъ, историческихъ, мифологическихъ, именъ писателей, ученыхъ, художниковъ, композиторовъ. Вообще, словарь г. Зелинскаго, составленный съ рѣдкой полнотой и добросовѣстностью, можетъ служить полезнымъ пособіемъ для всѣхъ, кто желаетъ правильно писать по-русски.

С. Н.

«Въ сторонѣ отъ жизни». Повѣсть изъ жизни современнаго духовенства въ 2-хъ частяхъ. Д. Г. Булгаковскаго. Спб. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.

Случаи добровольнаго снятія священническаго сана въ послѣдніе годы въ нашей общественности участились, такъ что даже въ литературѣ этотъ вопросъ нашелъ свое отраженіе. Такъ, въ одной изъ книжекъ «Знанія» извѣстный бытописатель духовной среды Гусевъ-Оренбургскій въ повѣсти

«Въ странѣ отцовъ» затронулъ между прочимъ и это явленіе: одинъ изъ его героев, о. Иванъ, рѣшаетъ принципиально разстаться со своимъ званіемъ. Но у Гусева-Оренбургскаго это носитъ эпизодичный характеръ, характеръ незаконченности, авторъ, такъ сказать, только подошелъ къ вопросу, не вникая въ его суть.

Въ новой, только что появившейся въ свѣтъ повѣсти Д. Г. Булгаковскаго «Въ сторонѣ отъ жизни» тотъ же вопросъ объ идейномъ снятіи сана разработанъ детально; ему исключительно посвящена вся повѣсть. Фонъ—духовная среда. Цѣлая галерея типовъ. Старое сталкивается съ новымъ. Новое стремится впередъ, старое, «приверженное традиціямъ», остается на мѣстѣ, хотя и чувствуется, что трещить по швамъ. Какъ неизбежное слѣдствіе—гдѣ ломка—тамъ борьба, страданія.

А борьба упорная, жестокая. Вотъ послушаемъ, что говоритъ защитникъ «традицій», священникъ Обноскинъ: «Такіе дѣятели (молодые) нерѣдко являются не свѣточами, а какими-то мракобѣсами. Въ минуты бѣды и несчастій людскихъ они вливаютъ въ сердце страдальцевъ не усюкоеніе и покорность промыслу Божию, а тревогу, ропотъ на Провидѣніе небесное и на предержащую власть. Они въ самомъ корнѣ подрываютъ христіанское терпѣніе—смиреніе, кротость—эти величайшія христіанскія добродѣтели, обѣщая блага не за гробомъ, а здѣсь, на землѣ».

Но тутъ хоть грубое невѣжественное заблужденіе да все-таки видна попытка обосновать принципиально свою позицію, истинность своей точки зрѣнія; не то мы видимъ въ другой части духовенства, въ молодыхъ его представителяхъ: священникъ Троицкій, только что сдѣлавшійся священникомъ, весь погрязъ цѣликомъ въ заботахъ о томъ, какъ бы получше устроиться, подходивше приходъ получить и обзавестись «зоологіей»; священникъ Исполатовъ всей душой отдался конскому заводу; но особенно примѣчательное явленіе представляетъ собою академикъ, сынъ дьякова Никодима. Тотъ, нимало не стѣсняясь, заявляетъ: «Моя обязанность совершать требы, за свои услуги я получаю мзду. И больше я ничего знать не знаю и знать не хочу». Коротко и ясно. По мнѣнію этого просвѣщеннаго будущаго дѣятеля на нивѣ Христовой, отношенія между священникомъ и прихожанами это—простая коммерческая сдѣлка, а именно—кушля-продажа.

Вотъ оно, современное православное духовенство—все тутъ какъ на ладони, во всемъ своемъ великолѣпіи. Но, какъ и повсюду, въ семьѣ не безъ уroda, такъ и здѣсь исключенія бываютъ, и это тѣмъ болѣе отрадно.

Главный интересъ въ повѣсти сосредоточенъ на фигурѣ отца Павла, на той эволюціи, которая совершалась въ немъ отъ посвященія до снятія сана.

Отецъ Павелъ еще въ семинаріи выработалъ себѣ взглядъ на задачи и цѣли пастырскаго служенія. И потомъ, сдѣлавшись священникомъ, онъ дѣйствуетъ уже съ самаго начала; повелъ борьбу на два фланга. Съ одной стороны, онъ ратуетъ въ своей духовной средѣ противъ отжившихъ принциповъ, доказывая ихъ негодность и необходимость обновленія основъ, на которыхъ зиждется современное православіе. Въ этомъ духѣ о непримиримости идеаловъ земныхъ и небесныхъ онъ пишетъ статью «Христіанство и жизнь» и

помѣщаетъ въ мѣстномъ духовномъ органѣ. А, съ другой стороны, онъ хочетъ и на дѣлѣ показать, какъ можно и должно выполнять святую обязанность христіанскаго священника. Онъ близко знакомится и вникаетъ въ повседневную жизнь своихъ прихожанъ — въ сѣрую, нудную, убогую матеріально и духовно. Горячо принимаетъ къ сердцу всякое бѣдствіе, реагируетъ отзывчиво на несправедливости и зло, чинимое сильными.

Но дѣятельность новатора съ первыхъ же шаговъ вызываетъ преслѣдованія. Архіерей призываетъ отца Павла къ себѣ, дѣлаетъ строгое внушеніе и наставляетъ на путь истинный: «Строительство душъ вотъ дѣло пастыря. Самые евангельскіе идеалы, которые должны быть для насъ альфой и омегой, обнимаютъ только душу съ ея моралью, въ цѣляхъ приготовления къ вѣчно блаженной жизни. Поэтому всякое вмѣшательство во все то, что касается земного порядка или земного счастья, составляетъ нарушеніе этихъ идеаловъ».

На отца Павла архіерейская рѣчь произвела тягостное впечатлѣніе. Подобное отношеніе къ его искреннимъ порывамъ выбило съ той позиціи, на которой онъ стоялъ. Онъ воочію сталъ убѣждаться, что наивны были его мечты о дѣйствительно плодотворной работѣ на этомъ поприщѣ. И задумался тогда отецъ Павелъ надъ своимъ положеніемъ, и начался съ этого момента въ немъ глубокий внутренній процессъ.

Результатомъ цѣлаго ряда мучительныхъ размышленій у него явилось представленіе, что кругомъ бьетъ ключомъ жизнь и только въ средѣ современнаго духовенства нѣтъ этого, только оно стоитъ въ «сторонѣ отъ жизни»... А разъ онъ къ этому пришелъ, то, будучи послѣдовательнымъ, долженъ былъ неминуемо прийти и къ другому—именно къ снятію съ себя сана.

Это рѣшеніе о. Павла вызываетъ кругомъ цѣлую бурю возмущенія, негодованія, ужаса, но тѣмъ не менѣе о. Павелъ остался непоколебимъ. Онъ снялъ рясу, освободился отъ связывавшихъ его путъ и ушелъ свободный въ широкое море жизни, чтобы приложить къ дѣлу свою силу, энергію, знанія...

Повѣсть написана, какъ видно, рукой человѣка, близко знакощаго вообще жизнь духовенства и испытывающаго на себѣ многое изъ того, что выпало на долю его героя, почему не будетъ большой ошибкой предположить, что повѣсть «Въ сторонѣ отъ жизни» есть въ значительной мѣрѣ произведеніе автобіографическое, въ родѣ произведенія «Отъ бурсы до снятія сана», о которомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ свое время былъ данъ отзывъ.

В. Г.

Н. Карѣвъ. Идеалы общаго образованія. Спб. 1909 г. Ц. 40 к.

Брошюра эта, выходящая вторымъ изданіемъ послѣ восьмилѣтняго промежутка, очень симпатична по основной своей тенденціи. Авторъ, извѣстный профессоръ всемірной исторіи,—горячій сторонникъ свободы въ дѣлѣ образованія и столь же рѣшительный врагъ вовлеченія учащейся молодежи въ политику, ибо «то, что съ точки зрѣнія одной партіи,—посвящаетъ онъ,—имѣетъ значеніе политической истины, другою партіею можетъ быть забра-

ковано» (стр. 110). Къ сожалѣнію, эта симпатичная тенденція автора затемняется многими недомолвками и неясностями. Такъ, прежде всего остается невыясненнымъ, что онъ собственно разумѣетъ подъ «общимъ образованіемъ». Будучи самъ гуманистомъ, онъ рѣшительно отвергаетъ древніе языки и замѣняетъ ихъ философіею и такою совершенно неустановившеюся наукою, какъ соціологія. Это придаетъ его разсужденіямъ фантастичность. Но еще менѣе у него выясненъ вопросъ о томъ, на кого онъ собственно возлагаетъ осуществленіе своей системы общаго образованія. Оказывается, что на государство этой задачи возложить нельзя (стр. 29), равнымъ образомъ она не можетъ быть осуществлена ни народомъ, потому что «онъ часто не понимаетъ, гдѣ его дѣйствительный интересъ» (стр. 8), ни обществомъ, потому что оно иногда «искажаетъ самую сущность образованія» (стр. 5), ни семьею, потому что она «въ большинствѣ случаевъ оказывается сама мало компетентною» (стр. 25), ни, наконецъ, педагогами, потому что «ни въ одной специальной литературѣ не господствуютъ извѣстные пережитки такъ, какъ въ литературѣ педагогической» (стр. 30 и 119). Такимъ образомъ, устраняются всѣ элементы, на которыхъ обыкновенно лежитъ забота объ образованіи подрастающаго поколѣнія. Кто же ихъ замѣнитъ, по мнѣнію автора? Интеллигенція «въ высшемъ значеніи этого слова» или «передовая» интеллигенція (стр. 117 и 119), а отчасти и сама учащаяся молодежь (стр. 39). Какую же часть интеллигенціи слѣдуетъ признать «передовою» и кто ее будетъ рукополагать? Этотъ мудреный вопросъ, понятно, остается у автора открытымъ, а такъ какъ, съ другой стороны, власть и въ школьномъ дѣлѣ принадлежитъ и будетъ принадлежать косвенно или непосредственно народу, «часто не понимающему, гдѣ его истинный интересъ», то задуманная авторомъ система общаго образованія со включеніемъ въ нее соціологіи, очевидно, еще не скоро осуществится.

Р. О.

**О. И. Карвовскій. Къ польскому вопросу. Четверть вѣка назадъ.
Москва. 1909.**

Это — небольшая брошюрка въ 40 страничекъ. Авторъ хочетъ «приподнять передъ русскимъ обществомъ уголокъ завѣсы, скрывавшей кипучую работу политической мысли среди польской академической молодежи 80-хъ годовъ», и съ этой цѣлью печатаетъ изъ своего архива двѣ рѣчи, произнесенныя четверть вѣка тому назадъ въ студенческихъ кружкахъ. Онѣ должны показать отношеніе польской молодежи того времени къ русской государственности и русскому революціонному движенію. Извѣстно, что послѣднее не осталось безъ вліянія на польскую молодежь, и такіе вожди современнаго польскаго социализма, какъ Лимановскій, да и другіе, вышли изъ русской политической школы. Авторъ противопоставляетъ этимъ фактамъ явленія другого порядка, рисуя *profession de foi* кружка, въ которомъ пришлось работать ему самому. «Историческая миссія Польши, — читаемъ въ одномъ изъ напечатанныхъ г. Карвовскимъ рѣчей, — была создать славянскій союзъ, сплотить разрознен-

ныя племена сильной центральной властью, способной дать отпоръ германскому нашествію. Польша не успѣла выполнить своей исторической миссиі самостоятельно, а потому отнынѣ ей суждено уступить мѣсто Россіи и подъ гегемоніей послѣдней продолжать борьбу съ германизмомъ общими силами. Историческій опытъ учитъ, что успѣхъ этой борьбы зависитъ всецѣло отъ государственной силы того славянскаго союза, создать который отнынѣ составляетъ задачу Россіи. Слѣдовательно, государственная сила Россіи— сила стоящей во главѣ ея власти—это указанная намъ исторіей точка опоры въ предстоящей намъ, полякамъ, дѣятельности». Этимъ опредѣлялась и цѣль кружка— «самообразование въ духѣ національномъ, взаимомощь нравственная и матеріальная и наконецъ пассивная, такъ сказать, оборонительная борьба съ элементами, стремящимися разрушить государство».

Авторъ говоритъ, что такихъ кружковъ существовала цѣлая сѣть и всѣ они стремились только къ одному— «дать обществу поколѣніе политически зрѣлыхъ гражданъ». Онъ думаетъ, что «политическій тактъ и чувство мѣры стали достояніемъ польской современной интеллигенціи именно благодаря тому серьезному политическому воспитанію, которое получило польское юношество подъ руководствомъ патріотической студенческой организаціи». Но, чтобы признать это, слѣдовало бы установить связь именно этихъ кружковъ съ господствующимъ теперь направленіемъ польской политической мысли, а потомъ и самая оцѣнка современной польской политики, данная авторомъ, можетъ быть поставлена подъ вопросъ. Конечно, весьма далеки отъ истины тѣ, кто думаютъ, что польское общество за послѣднія сорокъ лѣтъ «ничему не научилось и ничего не забыло». Успѣхи, сдѣланные имъ, громадны. На нашихъ глазахъ закрылась пропасть между дворянами и крестьянами, создано третье сословіе, поднялась торговля и промышленность, образовалась богатая литература, близкая къ народу, но вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ документовъ, напечатанныхъ г. Карвовскимъ: «Стоитъ ли полемизировать съ тѣми изъ нашихъ соотечественниковъ, которые съ дѣтской наивною мечтаютъ о возстановленіи Польши отъ моря до моря, которые обращаютъ свой взоръ въ сторону Австріи и Габсбурговъ»? А между тѣмъ развѣ только что минувшій австро-сербскій конфликтъ не показалъ ясно, что симпатіи, если не польскаго народа, то польскихъ политиковъ во всѣхъ трехъ частяхъ Польши были на сторонѣ Австріи? Поляки почти всѣ, можетъ быть, и противъ своего желанія, но явно и сознательно, сыграли въ руку императору Вильгельму. Недаромъ въ Краковѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ культивируется теорія австрійскаго славянофильства. Что касается петербургскаго польскаго кола, то паткость и неустойчивость его политики справедливо осуждена и въ русскихъ, а еще болѣе въ польскихъ кругахъ. Повидимому, еще много пройдетъ времени, пока польская руководящая политика станетъ наконецъ на свою настоящую, польскую дорогу и твердо пойдетъ по ней. Дорога эта, какъ справедливо замѣчаетъ г. Карвовскій, одна: славянская, и на ней рано или поздно, но поляки не могутъ не сойтись съ русскимъ народомъ.

Андрей Сиротининъ.

**Профессоръ Р. Випперъ. Очерки исторіи Римской имперіи.
Москва. 1908. 406 стр. Цѣна 1 р. 75 к.**

Въ этой книгѣ, составившейся, по заявленію автора, изъ его лекцій въ московскомъ университетѣ, менѣе всего говорится объ исторіи Римской имперіи: ей посвящена только послѣдняя глава, изложенная такъ кратко и поверхностно, что въ любомъ гимназическомъ учебникѣ та же самая тема изложена болѣе удачно и наглядно. Главное содержаніе книги составляетъ выясненіе причинъ, превратившихъ римскую республику въ монархію.

Авторъ задался цѣлью опровергнуть взглядъ Моммзена, будто основаніе принципата въ Римѣ совершилось въ интересахъ демократіи. Профессоръ Випперъ, наоборотъ, утверждаетъ, что смѣна формы правленія была менѣе всего выгодна именно для демократическихъ массъ. Расходясь въ оцѣнкѣ самаго факта съ великимъ историкомъ Рима, московскій ученый расходится съ нимъ и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ дѣятелей, особенно Юлія Цезаря. Подробно разбирая обстоятельства, вызвавшія гибель республики въ Римѣ, авторъ въ сущности далъ рядъ этюдовъ изъ исторіи римской республики двухъ послѣднихъ вѣковъ ея существованія. Такъ и слѣдовало бы назвать книгу. Трудно предтавить себѣ работу, болѣе хаотическую: въ ней нѣтъ ни конца, ни начала, переходы отъ одного вопроса къ другому ничѣмъ не мотивованы.

Нѣкоторые вопросы рѣшены черезчуръ съ плеча: такъ, напримѣръ, основной въ исторіи Рима вопросъ о томъ, что такое плебеи и патриции. Авторъ любитъ нестрить текстъ выдержками изъ историковъ: но часто онѣ и переданы по-русски и истолкованы у него совершенно произвольно. Всякое научное значеніе книга теряетъ потому, что авторъ древнюю исторію толкуетъ съ пристрастной точки зрѣнія современныхъ политическихъ программъ. Все, что можно истолковать какъ торжество демократическихъ идей и трудящихся массъ, расписано авторомъ съ особенной любовью, но успѣхи монархіи и капитализма вызываютъ въ немъ страшное раздраженіе. Г. Випперъ настолько забылъ, что говорить о римской, а не о новороссійской республикѣ, что на страницахъ его «исторіи» появились даже «погромщики». Не хватаетъ только разсужденій о чертѣ еврейской осѣдлости. Поэтому въ списокъ источниковъ и пособій автора совершенно незаслуженно пропущена та работа, которой онъ обязанъ больше всего, — кадетскій подстрочникъ Кизеветтера: толкованіе историческихъ явленій взято отсюда и къ заглавію книги надо бы прибавить: «какъ кадеты обрабатываютъ древнюю исторію».

В.

**М. Ростовцевъ. Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ. Спб. 1909. Стр. XII+143+XX фототипическихъ таблицъ.
Ц. 3 р.**

Всякій, кому доводилось видѣть, въ снимкахъ или непосредственно, античную помпейскую живопись, невольно обращаетъ вниманіе на то, что главное мѣсто на древнихъ ландшафтахъ занимаютъ архитектурные памятники. Поэтому авторъ настоящаго изслѣдованія справедливо предлагаетъ называть

древній пейзажъ архитектурнымъ. Путемъ тщательнаго изученія античной и новой ученой литературы, а особенно долголѣтняго и непосредственнаго знакомства съ самими памятниками древняго пейзажа, поскольку они сохранились въ Италіи, Греціи и Египтѣ, г. Ростовцевъ приходитъ къ тому выводу, что на помпеянскихъ пейзажахъ архитектурныя изображенія вполнѣ соответствуютъ дѣйствительности и представляютъ типы реальной эллинистической архитектуры. Реальность эта, однако, при изображеніи, напримѣръ, помпеянскихъ виллъ должна быть понимаема отнюдь не какъ индивидуальная и портретная, а только какъ типично-общая. На ряду съ эллинистическими отраженіями въ помпеянскомъ пейзажѣ г. Ростовцевъ указываетъ на значительное вліяніе на него и египетскаго ландшафта и архитектуры. Наконецъ, авторъ опредѣляетъ основные мотивы древне-римскихъ и помпеянскихъ пейзажей, признавая за первыми характеръ сакрально-идиллическій, за вторыми—изображенія виллъ. Разумѣется, оба эти мотива не составляютъ исключительнаго достоянія того или другого города, а переходятъ съ мѣста на мѣсто, подвергаясь измѣненіямъ и дополненіямъ. Свое изложеніе авторъ иллюстрируетъ рисунками въ текстѣ, а особенно 20 тщательно исполненными фототипическими таблицами, представляющими любопытнѣйшіе снимки съ разнообразныхъ античныхъ ландшафтовъ не только европейскихъ музеевъ, но и египетскихъ и азіатскихъ. Блестящая эрудиція профессора М. И. Ростовцева настолько общеизвѣстна, что избавляетъ рецензента отъ необходимости рекомендовать его книгу вниманію нашей публики. Замѣтимъ только, что приложенныя къ книгѣ таблицы дѣлаютъ ее необходимой для всѣхъ художниковъ, черпающихъ свои сюжеты изъ античнаго міра. Настоящее изслѣдованіе представляетъ оттискъ изъ VI тома «Записокъ классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества». **А. М.**

**А. А. Титовъ. Тихонъ Малышко, ростовскій епископъ XVI вѣка.
М. 1908.**

Этотъ отдѣльно изданный рефератъ, читанный А. А. Титовымъ въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, имѣлъ главнымъ образомъ цѣль использовать одну ростовскую легенду съ романическимъ отбѣнкомъ.

Вопросъ возбудился по поводу старинной иконы, гдѣ въ числѣ святыхъ былъ изображенъ, судя по надписи, «св. Тихонъ Ярославскій». Эта икона была описана въ матеріалахъ для исторіи московскихъ храмовъ священникомъ Скворцовымъ. Противъ этого описанія возсталъ г. Денисовъ, доказывавшій, что св. Тихона Ярославскаго не существовало, а былъ св. Тихонъ Карашевскій, да едва ли и онъ изображенъ на этой иконѣ, а скорѣе Тихонъ Калужскій, такъ какъ икона, судя по датѣ, писана иконописцемъ калужаниномъ.

Г. Титовъ въ своемъ рефератѣ даетъ разъясненіе, что Тихонъ Ярославскій и Тихонъ Карашевскій одно и то же лицо. Это былъ ростовскій епископъ XV вѣка Тихонъ Малышко, основавшій въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ка-

рашъ (Святославлево тожъ) Воскресенскій монастырь, почему и называвшійся Карашевскимъ. Этотъ Тихонъ былъ ростовскій князь Иванъ Васильевичъ Голена. Вслѣдствіе несчастной любви къ внучкѣ ростовскаго князя Темкина, вышедшей за его пріятеля князя Георгія Шубина, Тихонъ ушелъ въ монахи и затѣмъ сдѣлался епископомъ. На ростовскую кафедру онъ поступилъ изъ архимандритовъ Спасо-Ярославскаго монастыря. Въ 1490 году участвовалъ при избраніи митрополита Зосимы, затѣмъ на соборахъ противъ стригольниковъ и для утвержденіи новаго пасхальнаго круга на 8 тысячу лѣтъ. Въ 1498 году былъ на коронованіи внука государева Дмитрія Ивановича. При немъ въ 1501 году въ Ярославль, входившемъ тогда въ составъ ростовской епархіи, въ соборѣ были обрѣтены мощи ярославскихъ князей Василя и Константина, вслѣдствіе этого важнаго событія въ церковной жизни Тихонъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и назывался Ярославецкимъ. Въ 1503 году онъ за болѣзнію оставилъ епархію и поселился въ ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, гдѣ черезъ три года и скончался. До 1830 года надгробная плита на его могилѣ, находившейся на паперти соборнаго храма, свято сохранялась, но была задѣлана во время перестройки паперти въ придѣльную соборную церковь.

Съ личностью епископа Тихона связана исторія вдоваго ростовскаго священника Георгія Скрипицы, оставившаго послѣ себя написаніе о вдовствующихъ попѣхъ и напечатанное въ 1874 году въ «Чтеніяхъ» Къ брошюрѣ г. Титова приложена интересная легенда о походженіяхъ этого Скрипицы и епископа Тихона до поступленія ихъ въ духовный чинъ, а равно и трагическое свиданіе ихъ,—одного въ санѣ епископа, а другого, какъ ростовскаго попа.

Легендарныя сказанія о Тихонѣ Ярославецкомъ сохранились еще болѣе живыя, передаваемыя изъ устъ въ уста простымъ народомъ.

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи между деревнями Лягой и Рокотовымъ у Яблочнаго погоста, въ лѣсу, находится часовня на мѣстѣ бывшей кельи Тихона Ярославскаго, тутъ же и колодезь, выкопанный будто бы руками этого святого. Ежегодно 16 іюня изъ Погоста Подъяблочнаго къ этой часовнѣ бываетъ крестный ходъ, и въ ней поются молебны. Въ народномъ сказаніи повѣствуется, какъ тутъ Тихонъ спасался и какъ за нимъ пришли три таинственныхъ монаха, которые и увели его для построенія монастыря и т. д...

Вообще въ Ярославской губерніи, особенно въ Ростовскомъ уѣздѣ, немало такихъ часовенъ съ колодезьями и родниками. Народъ уважаетъ такія часовни образами, служить тутъ молебны, совершаетъ омовенія и считаетъ эти мѣста чудотворными, развѣшивая при этомъ разноцвѣтныя ленточки, крестки и бросая въ воду деньги.

Не указываетъ ли это на то, что наши предки славяне, а можетъ быть и меряне, любившіе селиться при водѣ, боготворили воду и приносили водамъ жертвы?..

А. К.—въ.

П. М. Невѣжинъ. Въ бою. Спб. 1909. Стр. 384. Ц. 1 р.

Разказы г. Невѣжина изъ военнаго быта правдиво рисуютъ послѣдній какъ въ мирное, такъ и въ боевое время.

Авторъ, участвовавшій въ войнѣ съ турками за освобожденіе славянъ, знакомитъ насъ съ настроеніемъ войскъ «въ дни тревогъ», т. е. наканунѣ выступленія войскъ въ походъ, съ отдѣльными эпизодами войны, съ госпитальными порядками, воровствомъ подрядчиковъ, великодушіемъ сестеръ милосердія («Забытая рота»), съ картинами «Въ бою» и наконецъ съ мирнымъ временемъ («Послѣдніе итоги»), когда за игрой и дуэлями изъ-за женщинъ офицерамъ нерѣдко приходилось итти подавлять крестьянскія волненія.

Авторъ очень грустно смотритъ на огрубѣлыхъ товарищей по оружію... Многихъ изъ нихъ въ дамскія общества даже не пускали.

Тѣмъ не менѣе многіе изъ этихъ офицеровъ съ «купринскими» нравами вырастаютъ въ крупныхъ людей на войнѣ.

Когда раздается первый выстрѣлъ, свидѣтельствуетъ авторъ, начальникъ и солдаты—уже соратники, идущіе рука объ руку. Одинъ ведетъ, другіе идутъ за нимъ умирать, исполняя святой долгъ. Отношенія дѣлаются мягче, дисциплина не слабѣетъ, а, напротивъ, каждый солдатъ, смотря въ глаза своему начальнику, желаетъ какъ бы потерять волю, слѣпо исполняя приказанія. Они сливаются воедино...

Получивъ «въ бою» рану, авторъ былъ встрѣченъ растроганными голосами солдатъ:

— Ваше благородіе, батюшка, отецъ родной, страдалецъ вы нашъ!

«И по этимъ огрубѣлымъ лицамъ пробѣжали слезы. Вся эта сцена потрясла и безъ того уже мои разстроенные нервы. Я не могъ выговорить слова, а только снялъ лѣвой рукой шапку и, отвернувшись, зарыдалъ какъ ребенокъ».

Весь взволнованный, авторъ шелъ далѣе, и всякій, къ кому онъ ни подходилъ, привѣтствовалъ его такою радостной улыбкой, какую можно только видѣть у людей, чувствующихъ, что такъ недавно, рука объ руку, они жертвовали жизнью.

Иное, однако, чувствовалось въ военной семьѣ, когда солдатамъ и офицерамъ приказано было, послѣ радостныхъ дней 19 февраля 1861 г., итти усмирять крестьянъ изъ-за аграрныхъ недоразумѣній и жестоко перепоротъ виновныхъ лицъ.

Тяжело было автору смотрѣть на арестованныхъ стариковъ, и онъ грустно замѣтилъ одному:

— Эхъ, дѣдушка! Въ твои годы и поцалъ ты въ такую бѣду. Жаль мнѣ тебя.

Старикъ низко поклонился и, выпрямившись, съ грустью заговорилъ:

— Милый баринъ, спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ. Въ такой часъ, какъ теперешній, очень ты меня наградишь имъ, но не тебѣ судить насъ. Такіе, какъ ты, у меня внуки. Да и гдѣ тебѣ знать наше крестьянское дѣло? Міръ великъ, супротивъ его не пойдешь. Опять же ежели и муку принимать, то кому же, какъ не мнѣ? Много ли осталось всей моей жизни? Не стану

грѣшнѣе — тягостно итти на чужбину и тамъ сложить свои кости, но, видно, Богъ такъ судилъ. На все Его воля. Онъ все разсудить. А тебѣ за ласку низко кланяюсь и буду поминать въ своихъ молитвахъ; скажи мнѣ, какъ тебя звать?

«Я назвалъ свое имя. Старикъ нѣсколько разъ повторилъ его и, подойдя ко мнѣ, поцѣловалъ въ плечо. Неожиданный исходъ сцены потрясъ не только меня, но я видѣлъ, какъ волненіе охватило солдатъ, находившихся въ караулѣ».

Страданіе интеллигентнаго офицера еще болѣе усилилось, когда на одну изъ экзекуцій пріѣхалъ гуманнѣйшій предводитель дворянства и началъ кричать на исправника:

— Что мы дѣлаемъ?.. Что мы дѣлаемъ? Кѣмъ мы выставляемъ себя въ глазахъ всего свѣта? Извергами, безбожными истязателями. Что подумаетъ о насъ нашъ добрый, обожаемый монархъ?.. Въ его душѣ можетъ зародиться сожалѣніе, что онъ поторопился даровать свободу и права человѣка людямъ, считавшимся до сихъ поръ вычнымъ скотомъ. При одномъ сомнѣніи, что это можетъ случиться, я желаю умереть, чтобы не дожить до той минуты.

Такимъ образомъ, былое г. Невѣжина изъ военной службы воспроизведено имъ въ разсказахъ вполне правдиво и интересно.

Воспроизводитъ онъ по преимуществу военную среду, а не ея типичныхъ героев...

Въ его разсказахъ нѣтъ Гаршинскаго «Рядового Иванова», нѣтъ и «Дуэлистовъ» г. Куприна, но солдатскій и офицерскій бытъ очерченъ имъ съ полнымъ знаніемъ какъ отрицательныхъ, такъ и положительныхъ его сторонъ. Нѣкоторые изъ разсказовъ г. Невѣжина знакомы и читателямъ «Историческаго Вѣстника», такъ какъ печатались на его страницахъ.

А. М. Печаева.

Газавать. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть Л. А. Чарской. Изданіе. 2-ое. Москва. 1909.

Второе изданіе вышеназванной книги свидѣтельствуетъ, что она имѣетъ успѣхъ въ читающей публикѣ. «Героическая эпопея», связанная съ послѣдней попыткой Шамиля сохранить независимость горцевъ, въ свое время вызвала изумленіе не только среди русскихъ, но и европейцевъ. Эта священная война «газавать» полна трогательныхъ эпизодовъ самоотверженности со стороны наступающихъ и отстаивающихъ свои родные аулы. Имена героев понынѣ пользуются всеобщей извѣстностью на Кавказѣ. Автору исторической повѣсти изъ этой эпохи слѣдуетъ перечитать подлинныя документы, касающіеся Дагестана и Чечни, чтобы стать на твердую почву правды и безпристрастія. Slѣдуетъ еще вникнуть въ міросозерцаніе горцевъ, съ рыцарскою безупречностью защищавшихъ свою честь и свободу. Г-жа Чарская слишкомъ поверхностно затрагиваетъ историческій фонъ, на которомъ она расписываетъ свою повѣсть. Бытовая сторона также почти совершенно затупевана. Центръ тяжести перенесенъ на изображеніе молодого русскаго офицера, нѣсколько разъ чудесно спасающагося отъ неминуемой смерти. Вообще впечатлѣніе такое

получается, что отъ ударовъ русскаго «мюриды» горцевъ, какъ подкошенная трава, валятся одинъ за другимъ, а какъ только дѣло касается «уруса», надъ которымъ «занесена уже шашка», то «въ мигъ» появленія какой-нибудь «легкой фигурки» или безстрашнаго солдата опасность исчезаетъ, и жизнь спасена, изрѣдка нанесеніемъ несмертельной раны. Самъ Шамиль больше обрисованъ въ роли нѣжнаго отца, чѣмъ храбраго вождя-орла дагестанскихъ горцевъ. Поучительная цѣль ознакомить юношество (и не одно юношество) съ самоотверженностью русскихъ воиновъ отъ генерала до солдата заслоняетъ болѣе отчетливое изображеніе представителей другихъ народовъ, въ томъ числѣ грузинъ, напримѣръ, фамиліи князя Чавчавадзе (а не Чавчавадзе, какъ не разъ транскибируетъ авторъ), захваченной въ плѣнъ Шамилемъ изъ Цинондаль. Даже въ предисловіи избѣгаютъ назвать національность одной героини повѣсти, «юной страдальицы-христіанки». Въ повѣсти читатель мимоходомъ узнаетъ, что рѣчь идетъ о грузинѣ Текле, попавшемъ въ плѣнъ къ вождю чеченцевъ.

Есть наконецъ прямо историческія погрѣшности. Такъ, г-жа Чарская ошибочно утверждаетъ (стр. 16), что русскіе съ 1800 года успѣли завоевать Закавказье. Плодомъ же недоразумѣнія и непониманія реальныхъ вещей является такое мѣстечко повѣсти: «Въ большомъ бурдюкѣ были мои праздничныя серьги и запястья. Что я надѣну въ слѣдующую джуму?—лепечетъ она» (т. е. Наджелсемѣ). Интересно знать, откуда черпаетъ авторъ это свѣдѣніе, что серьги и запястья женщины хранятся въ большомъ бурдюкѣ! Бурдюкъ предназначенъ совершенно для другихъ цѣлей... Приложенные рисунки съ картинъ и портретовъ служатъ иллюстраціей къ тексту, но, къ сожалѣнію, и тутъ не безъ умысла подобраны такіе копіи, въ которыхъ дидактумъ и тенденція автора выступаютъ слишкомъ недвусмысленно: горцы представлены озлобленными, съ дикимъ выраженіемъ, а русскіе кроткими, съ нѣжнымъ взоромъ въ очахъ.

А. Хахановъ.

Записки классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ V. Съ приложеніемъ 52 таблицъ. Спб. 1908. Цѣна 4 р.

«Пока у людей сохраняется чувство прелести и благородства линій, пока изящная простота, сила и вѣрность рисунка будутъ доставлять людямъ наслажденіе—до тѣхъ поръ не исчезнетъ и не ослабнетъ интересъ къ гравюрѣ, которая имѣетъ длинную и славную исторію и является видною отраслью живописнаго искусства».

Такъ заключаетъ Н. Д. Чечулинъ помѣщенный имъ въ V томѣ «Записокъ» «Очеркъ исторіи гравированія рѣзцомъ и офортгомъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ». Статья Чечулина служитъ пояснительнымъ текстомъ къ обширному (2695 №№) каталогу собранія гравюръ автора, помѣщенному также на страницахъ «Записокъ». Каталогъ иллюстрированъ 35-ю фототипическими снимками гравюръ, наиболѣе характерныхъ для той или другой эпохи. Свою интересную коллекцію Чечулинъ собиралъ въ Петербургѣ въ теченіе 10 лѣтъ,

Преобладающее мѣсто занимають гравюры на мѣди рѣзцомъ и офортномъ, десятками считаются гравюры на деревѣ и единицами—гравюры, исполненныя другими способами.

XVI и XVII вѣка въ исторіи гравюры оставили слѣды рѣзкаго раздѣленія на три самостоятельныхъ школы: итальянскую, нѣмецкую и голландскую. Однако съ конца XVII и въ XVIII столѣтіяхъ ярко индивидуальныя черты школъ постепенно сглаживаются. Въ Италіи и Германіи дѣло основателей школъ гравированія быстро пришло въ упадокъ, и только Голландія принадлежитъ заслуга «продолжить развитіе гравюры безъ перерыва, усовершенствовать приемы первыхъ гениальныхъ ея работниковъ и отъ превосходно нарисованныхъ, но сравнительно бѣдныхъ колоритомъ гравюръ XVI вѣка дойти до блестящихъ, полныхъ свѣта и тѣней эстамповъ, какіе получались съ досокъ великихъ мастеровъ XVII и XVIII вѣковъ, заслуга выработать множество новыхъ приемовъ, найти способы для превосходной передачи тѣла, найти приемы, помощью которыхъ различные аксессуары, какъ мѣха, шелкъ, кружева и т. п. стали передаваться до иллюзіи близко къ дѣйствительности, а гравюра стала производить почти впечатлѣніе картины, писанной масляными красками». Съ 1766 г. «гений гравюры переселяется во Францію». Воспользовавшись результатами работъ голландцевъ, рядъ совершенно самостоятельныхъ французскихъ художниковъ создалъ новую эру въ исторіи гравированія, поставивъ гравюру по смѣлости, энергіи, воздушности, мягкости и красочности рисунка на огромную высоту. Конецъ XVIII вѣка характеризуется въ исторіи гравюры новымъ моднымъ направленіемъ: историческіе и аллегорическіе сюжеты уступаютъ мѣсто сюжетамъ легко-игриваго характера. Не имѣя подъ собою прочной почвы, направленіе это, однако, быстро замираетъ, исчерпавъ свои несложные и немногочисленные сюжеты. У насъ въ Россіи гравюра появляется впервые: на деревѣ—въ XVI столѣтіи и на мѣди—въ XVIII. При Петрѣ Великомъ гравюра подвергается, какъ и вся русская жизнь, сильному западному вліянію. Съ 1727 г. извѣстенъ непрерывный рядъ русскихъ гравировъ, изъ числа которыхъ Н. И. Уткинъ (1780—1868 гг.) сдѣлался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ гравировъ.

Слѣдующею статью «Записокъ» является трудъ А. К. Бекштрема «Прошлое и настоящее этрускологіи, ея усилія и задачи». Обративъ вниманіе на эту интересную, хотя и темную еще область науки о древности, авторъ отмѣчаетъ повысившійся за послѣднее время интересъ къ ея изученію. Главною задачею является, по мнѣнію автора, болѣе детальное изученіе этрускаго языка, значительно затормозившееся благодаря поддѣлкамъ этрусскихъ надписей въ эпоху возрожденія.

Д. В. Айналовъ помѣстилъ въ «Запискахъ» иллюстрированныя 16-ю прекрасно выполненными снимками два этюда по исторіи искусства эпохи возрожденія: 1. Къ исторіи мозаикъ церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ и 2. Живопись Джотто въ нижней церкви св. Франциска въ Ассизи. «Мозаики церкви S. Maria Maggiore созданы,—по мнѣнію автора,—подъ греческимъ вліяніемъ. Библейскія сцены этихъ мозаикъ переработаны Рафаэлемъ и Джуліо Романо и освѣщаютъ пониманіе нѣкоторыхъ традицій эпохи». Эллинистическая хри-

стіанская живопись, — утверждает авторъ, — представляетъ особое напластованіе въ живописи Рафаэля, совершенно самостоятельно, рядомъ съ формами искусства чисто античнаго». Живопись храма въ Ассизи, изученная авторомъ въ 1907 г., представляетъ для исторіи искусства также немаловажное значеніе. Украшавшія стѣны храма произведенія Джотто и учениковъ его школы далеко, почти на полтора столѣтія, опередили свою эпоху.

«Записки» заканчиваются статьею графа И. И. Толстого (младшаго) «*Aponymus Argentiniensis*», посвященной критическому изслѣдованію свитка, найденнаго въ 1908 г. въ Каирѣ и вызвавшаго крупную ученую полемику. Свитокъ относится къ I в. по Р. Х. и представляетъ извлеченіе изъ неизвѣстнаго историческаго произведенія II в. до Р. Х.

Заканчивая обзоръ содержанія V тома «Записокъ» археологическаго общества, нельзя не признать, что, благодаря художественно выполненному альбому 35 снимковъ съ гравюръ собранія Чечулина и 16 иллюстрацій къ статьѣ Д. В. Айналова, томъ этотъ представляетъ большой интересъ не только для археологовъ, но и для каждаго любящаго искусство и интересующагося исторіею его развитія.

А. Митроновъ.

Проф. Н. В. Покровскій. Памятники церковной старины въ гор. Костромѣ. Съ 32 таблицами автотипій. Спб. 1909. Стр. 58. Ц. 5 р.

Вышеназванный трудъ профессора и директора петербургскаго археологическаго института, Н. В. Покровскаго, посвященный четвертому областному археологическому съѣзду 1909 года въ Костромѣ, представляетъ собою не только цѣннѣйшій даръ костромскому съѣзду, но и высокой важности вкладъ въ нашу научную церковно-археологическую литературу. Дѣло въ томъ, что церковныя древности Костромы и въ особенности древности Ипатьевского монастыря, несмотря на свое высокое археологическое значеніе, почти не подвергались научному обслѣдованію до настоящаго времени и потому были слишкомъ мало извѣстны. Лѣтъ 25 тому назадъ кое-что изъ древностей Ипатьевского монастыря было издано, но безъ подробнаго объяснительнаго текста, Обществомъ любителей древней письменности. Въ 1885 г. самъ авторъ напечаталъ статью о древностяхъ того монастыря въ «Вѣстникѣ археологій и исторій», издаваемомъ археологическимъ институтомъ, но не приложилъ снимковъ памятниковъ и не распространялся широко въ области ихъ научной оцѣнки. Есть еще нѣсколько описаній Ипатьевского монастыря и старинныхъ церквей; но ни въ одномъ изъ этихъ трудовъ не только не имѣется научной оцѣнки памятниковъ, но, за отсутствіемъ въ нихъ точныхъ фотографическихъ снимковъ, нельзя даже получить болѣе или менѣе яснаго представленія о самыхъ памятникахъ. Пробѣль этотъ, въ виду предстоящаго съѣзда и страннаго отсутствія какихъ-либо путеводителей и указателей мѣстныхъ достопримѣчательностей, рѣшился восполнить Н. В. Покровскій. Прошлымъ лѣтомъ, обслѣдуя костромскіе памятники еще разъ, онъ сдѣлалъ точные снимки не только важнѣйшихъ изъ нихъ, но и многихъ второстепенныхъ, которые уже совершенно неизвѣстны.

Главными предметами костромской церковной старины являются старинныя иконы, въ числѣ которыхъ выгодно выдѣляется группа мѣстныхъ или сосѣднихъ святыхъ: Макарія Унженскаго, Геннадія Костромскаго, Θεодора, Давида и Константина, ярославскихъ чудотворцевъ, Θεодосія Тотемскаго и др. Иконы эти представляютъ немаловажный интересъ для иконографіи русскихъ святыхъ. Письмо костромскихъ иконъ представляетъ любопытное явленіе, особенно по сравненію съ костромскими же стѣнописями. Послѣднія передаютъ почти въ точности главные типы и стиль московскихъ и ярославскихъ росписей XVII в.; письмо же иконъ — вѣ этого воздѣйствія и носитъ всѣ признаки стариннаго стиля, старинныхъ приемовъ, и это тѣмъ болѣе любопытно, что главные иконописные мастера костромскіе обучались въ царской школѣ въ Москвѣ.

Большая часть костромскихъ иконъ относятся къ XVII вѣку, но есть въ Успенскомъ соборѣ чудотворная икона Богоматери, относящаяся къ XIII в. При описаніи церкви нашъ авторъ особое вниманіе обращалъ на внутреннее ихъ содержаніе, и дѣйствительно привелъ въ извѣстность и освѣтилъ очень многое, напримѣръ, въ церкви Воскресенія Христова на дебрѣ (очень любопытныя фрески), Успенскомъ соборѣ, Троицкой церкви и Спасской (стѣнописи), Христорожественской и др. Въ альбомѣ рисунковъ помѣщенъ рядъ миниатюръ съ извѣстной ипатьевской лицевой псалтири 1591 года, съ евангелій и др. Болѣе подробное описаніе сдѣлано по отношенію къ Ипатьевскому монастырю и затѣмъ Успенскому собору.

Послѣ сказаннаго, кажется, не надо прибавлять, что только что вышедшій изъ печати трудъ проф. Н. В. Покровскаго, въ которомъ описаны почти всѣ памятники костромскихъ святыхъ и научно оцѣнены, долженъ серьезно заинтересовать всѣхъ занимающихся церковной археологіей, не говоря уже о тѣхъ, кто собирается на предстоящій областной археологическій сѣздъ въ Костромѣ (20—30 сего іюня).

В. Р.—въ.

Протоіерей П. Фоминъ. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій. Харьковъ. 1909. Стр. 95. Цѣна не обозначена.

Іоасафъ Горленко (1705—1754) принадлежитъ къ числу немногихъ выдающихся іерарховъ русской церкви. Прилуцскій уроженецъ, онъ рано почувствовалъ призваніе къ монашеской жизни и противъ воли родителей ушелъ изъ міра. Обладая твердой и сильной волей, будущій святитель приобрѣлъ основательное богословское образованіе въ процвѣтавшей тогда кіевской академіи и скоро получилъ весьма важную въ тѣ времена святительскую кафедру въ Бѣлгородѣ, нынѣ присоединенномъ къ курской епархіи.

Служеніе преосвященнаго Іоасафа представляло для него особая трудности. Небреженіе при богослуженіи священнослужителей, ихъ неблагоповеденіе, забитость и убогость ихъ жизни, все это глубоко волновало архипастыря, и онъ неутомимо объѣзжалъ свою епархію, карая виновныхъ, ободряя обездоленныхъ, крѣпко стоя за правду и не сдаваясь передъ сильными міра сего.

Его ревность о подвигахъ приобрѣла ему всеобщую любовь и уваженіе, но совершенно разстроила его и безъ того некрѣпкое здоровье, и святитель почилъ, когда ему шелъ всего пятидесятый годъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ почитателей бѣлгородскаго святителя князь Жеваховъ издалъ сборникъ матеріаловъ, касающихся его житія. Эти матеріалы протоіерей Ѳомиръ обработалъ въ связную біографію, которая съ теплымъ чувствомъ прочтется людьми, не порвавшими связи съ церковью.

А. В—въ.

Труды вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ I.
Вятка. 1908 г. Стр. 18+38+54+110. Ц. 1 р.

Разсматриваемый выпускъ «Трудовъ» вятской архивной комиссіи, вступившей въ 1908 г. въ четвертый годъ своего существованія, по преимуществу, какъ и предыдущіе выпуски, состоитъ изъ работъ редактора «Трудовъ», А. С. Верещагина, сообщившаго въ немъ «Дополнительные акты вятскаго архіерейскаго дома», число которыхъ вмѣстѣ съ изданными доходитъ до 220, рядъ другихъ цѣнныхъ грамотъ XVII в., два реферата: «О походѣ вятчанъ на Юфу въ 1499 году» и «Вятчи мы или вятчане»,—которые въ виду широкаго знакомства автора съ первоисточниками, имъ же впервые изученными, заслуживаютъ особаго вниманія историковъ, и проч. Изъ остальнаго содержанія выпуска небезынтересны «Наказы» отъ крестьянъ и служилыхъ людей уѣздовъ: Хлыновскаго, Орловскаго и Яранскаго и города Яранска депутатамъ въ комиссію для составленія новаго уложенія 1767 г., и затѣмъ сообщенный В. И. Шабалинымъ «Докладъ вятской духовной консисторіи преосв. Лаврентію Барановичу о разграбленныхъ и сожженныхъ церквахъ и пострадавшихъ при нихъ священнослужителяхъ въ Пугачевскій бунтъ, 1775 г., марта 5», съ рядомъ «вѣдомостей», между прочимъ и о священнослужителяхъ, «со кресты» встрѣчавшихъ Пугачева, «бывшихъ въ шайкахъ у злодѣя» и «содержащихся въ секретной канцеляріи».

Дай Богъ, чтобы столь цѣнное изданіе, какъ «Труды» вятской архивной комиссіи, вслѣдствіе смерти ихъ редактора А. С. Верещагина, скончавшагося въ самомъ концѣ 1908 г., не прекратилось и продолжало итти по намѣченному покойнымъ историкомъ руслу.

В. Р—въ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXXIX. Изданіе кавказскаго учебнаго округа, подъ редакціей Л. Г. Лопатинскаго. 1908.

Въ I отдѣлѣ напечатано продолженіе статьи Е. С. Такайшвили «Описаніе рукописей бібліотеки общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія». Описано всего 155 номеровъ, состоящихъ изъ сборниковъ произведеній извѣстныхъ и неизвѣстныхъ авторовъ. Особый интересъ представляетъ стихотворная исторія царя Вахтанга VI, имѣющая большое значеніе и для русской исторіи, такъ какъ въ ней главнымъ образомъ описывается путешествіе и пребываніе этого царя въ Россіи.

Въ статьѣ В. П. Дѣвицкаго «Краткіе очерки садоводства въ Кареской области» обозрѣвается эта окраина съ такой стороны, съ какой она была мало извѣстна читающей публикѣ. И въ этомъ суровомъ и малодоступномъ краѣ, кавказской Сибири, есть такія благодатныя мѣста, гдѣ вырѣваются всевозможные южныя плоды.

Въ статьѣ Т. Г. Мамаладзе «Садовыя культуры и промышленныя занятія въ г. Шемахѣ и его уѣздѣ» сообщаются свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи въ этомъ уголкѣ Закавказья садоводства и связанныхъ съ нимъ промышленныхъ занятій, а также шелководства, навшаго по сравненію съ прежнимъ его процвѣтаніемъ, и указываются условія, при которыхъ можно бы возстановить сельско-хозяйственныя занятія въ древней Ширвани.

Во 2-мъ отдѣлѣ помѣщены народныя пѣсни терскихъ казаковъ, собранныя и записанныя фонетически Д. Еланскимъ и В. А. Водарскимъ. Послѣднимъ авторомъ рассмотрѣны особенности мѣстныхъ говоровъ и сообщенъ списокъ словъ и выраженій.

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщена арчинская грамматика А. М. Дирра, съ предисловіемъ къ ней и сборникомъ словъ. Этимъ капитальнымъ трудомъ подвинуто весьма значительно изученіе кавказскихъ языковъ, а въ особенности восточно-горской группы.

А. Хах—овъ.

А. М. Гнѣвушевъ. Отрывокъ писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504—1505 г., содержащій въ себѣ опись части дворцовыхъ земель этой пятины. Кіевъ. 1908. Стр. 110+XIII.

Напечатанный А. М. Гнѣвушевымъ отрывокъ писцовой книги Вотской пятины находится въ рукописи, принадлежавшей библиотекѣ Н. И. Костомарова и пожертвванной вмѣстѣ со всей библиотекой вдовой покойнаго А. Л. Костомаровой университету св. Владимира въ 1894 г. Рукопись написана въ четвертку, почеркомъ самаго начала XVI вѣка. И. Д. Вѣляевъ, напечатавшій въ XI и XII томахъ «Временника общества исторіи и древностей русскіихъ» первую часть этой рукописи, отъ 1 листа до 630, указывалъ на существованіе и второй ея части, но до сихъ поръ она была мало использована и въ печати не появлялась. Эта вторая часть, содержащая листы съ 631 по 724, заключаетъ въ себѣ опись дворцовыхъ волостей Вотской пятины, розданныхъ въ помѣстья. «Характерной чертой издаваемого отрывка, — говоритъ А. М. Гнѣвушевъ, — является полное отсутствіе какой бы то ни было системы въ описи. Въ то время, какъ опись волостей оброчныхъ, помѣщичьихъ и монастырскихъ во всѣхъ книгахъ ведется по погостамъ, въ нашемъ отрывкѣ этого нѣтъ»... Попутно издатель сообщаетъ и тѣ немногія разночтенія, какія наблюдаются по сравненіи Костомаровской рукописи съ напечатанною частью во «Временникѣ». Къ «описи» приложены: 1) «Алфавитный указатель именъ новгородскихъ и московскихъ владѣльцевъ, встрѣчающихся въ изданномъ отрывкѣ», и 2) «Указатель погостовъ», части которыхъ описаны въ немъ.

В. Р—въ.

А. И. Медвѣдевъ. Персія. Военно-статистическое обозрѣніе. Съ рисунками. Изд. Березовскаго. Спб. 1909. 624 стр. Цѣна 3 р.

Книга подъ приведеннымъ выше заглавіемъ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ интересамъ минуты, ибо сосѣдняя съ нами Персія служитъ теперь театромъ смутъ и волненій, грозящихъ странѣ междуусобіемъ, и уже вызвала вмѣшательство нашей вооруженной силы. Если прибавить къ этому, что на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ «Военно-статистическаго очерка Персіи» Золотарева и нѣсколькихъ отрывочныхъ трудовъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній о нашей близкой сосѣдкѣ и что ознакомленіе съ нею въ настоящее время необходимо всякому слѣдящему за ходомъ политическихъ событій, то нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ къ появленію книги г. Медвѣдева.

Матеріаломъ для составленія очерка Персіи послужили, главнымъ образомъ, иностранные источники, преимущественно англійскіе, между которыми первое мѣсто занимаетъ классическій трудъ лорда Керзона «Persia and the Persian question», но и тѣ, заключаая въ себѣ данныя объ исторіи, народонаселеніи, торговлѣ и обычаяхъ персовъ, не даютъ точныхъ цифръ, за полнымъ отсутствіемъ въ Персіи статистическихъ данныхъ, такъ что цифровая часть въ сочиненіи слаба, что и отмѣчается самимъ авторомъ.

Персія, нѣкогда могущественная и цвѣтущая азіатская монархія, превышающая по своему пространству и теперь въ 5 разъ Англію и въ 3 раза Германію и Францію, въ настоящее время представляетъ собою второстепенную, регрессирующую деспотію, терзаемую внутреннею смутю и усобицей. Тѣмъ не менѣе, благодаря своему географическому положенію на пути изъ Средиземнаго моря въ богатую Индію и привлекиши къ себѣ интересы трехъ державъ: Россіи, Англій и Германіи, она и теперь не утратила своего значенія и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, требуетъ всесторонняго изученія. Сношенія наши съ Персіей, начавшіяся еще при Іоаннѣ Грозномъ, протекали мирно на почвѣ торговли въ теченіе двухъ вѣковъ и только въ прошломъ столѣтіи намъ пришлось воевать съ Персіей, желавшей отобрать у насъ обратно Грузію, добровольно перешедшую въ русское подданство. Война эта закончилась въ 1829 году Туркманчайскимъ договоромъ, опредѣлившимъ настоящія наши границы съ Персіей и подтвердившимъ Гюлистанскій договоръ 1813 года, по которому Россія приобрѣла исключительное право вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, что впоследствии избавило Персію отъ многихъ несприятностей и сохранило ея неприкосновенность и независимость до настоящаго времени.

Пользуясь наличнымъ матеріаломъ, авторъ даетъ описаніе Персіи въ отношеніи ея территоріи, климата, населенія, торговли и промышленности, образа правленія и обычаяхъ страны, а какъ военный человекъ обращаетъ особое вниманіе на войско и пути сообщенія. Что касается войска, то его, въ европейскомъ смыслѣ, не существуетъ; достаточно сказать, что должность командира отдѣльной части продается правительствомъ; чтобы выручить затраченныя деньги и нажитыя, командиръ части, въ свою очередь, продаетъ должности и чины своимъ подчиненнымъ, даетъ за деньги разныя льготы нижнимъ

чинамъ и даже совершенно освобождаетъ ихъ отъ службы. Съ 1879 года персидское правительство ввело у себя инструкторовъ-иностранцевъ, которые, однако, принесли мало пользы арміи, не измѣнивъ ея коренныхъ недостатковъ; что касается русскихъ инструкторовъ, то они организовали совершенно отдѣльную часть, именно «казачью его величества шаха бригаду», которая находится подъ начальствомъ русскаго полковника и обучается при посредствѣ трехъ русскихъ офицеровъ-инструкторовъ и шести урядниковъ; бригада состоитъ изъ четырехъ конныхъ полковъ, пластунскаго батальона и двухъ конныхъ батарей; всего въ бригадѣ 1000 всадниковъ и 500 пѣхотинцевъ. Обучена бригада по русскимъ уставамъ и представляетъ чуть ли не единственную въ Персіи дисциплинированную регулярную часть.

Что касается путей сообщенія, то это самое больное мѣсто Персіи и главная причина того, что цивилизація съ такимъ трудомъ проникаетъ въ эту страну. Съ незапамятныхъ временъ способъ передвиженія въ Персіи существуетъ одинъ: пѣшкомъ или верхомъ, тяжести на вьюкахъ, такъ что проложенныхъ колейныхъ путей почти нѣтъ, а передвиженіе на колесахъ возможно только тамъ, гдѣ мѣстность ровная, съ твердымъ грунтомъ; есть два небольшихъ шоссе, а желѣзныхъ дорогъ нѣтъ совсѣмъ. Но время возьметъ свое, и надо думать, что въ недалекомъ будущемъ Персія будетъ прорѣзана желѣзными путями, что въ особенности важно для Россіи, имѣющей здѣсь чуть ли не единственный рынокъ для сбыта предметовъ обрабатывающей промышленности. Авторъ даетъ подробныя указанія о возможномъ направленіи желѣзныхъ путей, о судьбѣ неудавшихся концессій, нѣсколько разъ предлагавшихся персидскому правительству, а также о Багдадской дорогѣ, грозящей перетянуть къ себѣ всѣ грузы, направляемые въ Индійскій океанъ.

Повторяемъ, что въ книгѣ г. Медвѣдева читатель найдетъ много интересныхъ свѣдѣній о мало извѣстной Персіи.

Л. Н.

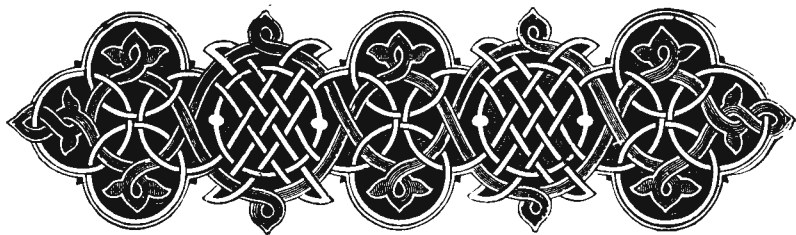
**Вл. Череванскій. Послѣдній вздохъ Византіи. Спб. 1909 г. Стр. 223.
Ц. 3 рубля.**

Авторъ взялся за трудную задачу представить общій очеркъ исторіи и паденія Византійской имперіи. Для этого надо или быть византинистомъ самому, или по крайней мѣрѣ воспользоваться всѣми спеціальными изслѣдованіями, появившимися за послѣднюю четверть вѣка. Работъ по внутренней исторіи Византіи все же мало, и социальный и государственный строй ея остается недостаточно обследованнымъ. Г. Череванскому слѣдовало задаться двумя вопросами: почему восточная половина Римской имперіи выдержала натискъ варваровъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, просуществовала тысячу лѣтъ послѣ паденія западной половины, и почему она стала разлагаться подъ ударами османовъ и погибла отъ турецкаго нашествія?

Авторъ совсѣмъ не коснулся одной изъ существенныхъ причинъ паденія Византійской имперіи— разноплеменнаго состава ея населенія. Онъ ничего не говоритъ о знаменитой фразѣ византійскаго императора Константина Багря-

народнаго: «ославянилась вся Эллада». Фразу эту до сихъ поръ стараются перетолковать греческіе ученые, увѣряющіе, что они прямые потомки древнихъ эллиновъ. Легендарныя извѣстія г. Череванскій переплетаетъ съ подлинными фактами, и читатель не знаетъ, гдѣ басня и гдѣ истина. Кромѣ того, въ его книгу вкрались удивительныя описки. По словамъ г. Череванскаго, императора Романа III (во XI-мъ вѣкѣ) утопили въ Тибрѣ, хотя онъ царствовалъ въ Константинополѣ и Рима никогда не видалъ. А во время четвертаго крестоваго похода (въ 1204 году) Константинополь взялъ будто бы Петръ Аміенскій, очевидно, тотъ самый пустынный, который проповѣдывалъ первый крестовый походъ въ концѣ XI вѣка. Книга г. Череванскаго иллюстрирована, но главнымъ образомъ снимками съ современнаго Константинополя. Много интересныхъ историческихъ иллюстрацій можно было бы позаимствовать изъ извѣстныхъ монографій французскаго академика Шлюмберже. П. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ эскизы профессора Ферреро. — Кромѣ своего колоссальнаго труда по римской исторіи, итальянскій историкъ Гульельмо Ферреро въ началѣ нынѣшняго года предпринялъ цѣлый рядъ публичныхъ лекцій въ Соединенныхъ Штатахъ, Рио-де-Жанейро и Буэносъ-Айресѣ, взявъ предметомъ чтенія этюды тоже изъ римской исторіи, которые затѣмъ появились въ различныхъ журналахъ: во французскомъ «La Révue Hebdomadaire», американскомъ «The Mac Clur's Magazine» и англійскомъ «Fortnightly Review». Всѣ эти статьи интересны по своему содержанию, а именно: «Вино въ исторіи Рима», «Римскій развратъ», «Антоній и Клеопатра въ исторіи и легендѣ» и «Исслѣдованіе о Неронѣ»¹⁾; послѣднія двѣ наиболѣе оригинальны и своеобразны. Извѣстную легенду о страстной любви Антонія и Клеопатры¹⁾ Ферреро считаетъ ни на чемъ не основанной; напротивъ, ихъ бракъ, по его мнѣнію, совершился чисто по расчету и политическимъ соображеніямъ. Онъ даже увѣряетъ, что Клеопатра не была такъ прекрасна собою; по крайней мѣрѣ на сохранившихся старинныхъ монетахъ и портретахъ она изображена не великолѣпной, улыбающейся Венерой, а женщиной съ лицомъ, какъ говорятъ, французы «bouffie» съ большимъ орлинымъ носомъ и наюминающей, какъ зрѣлымъ возрастомъ, такъ и честолюбіемъ и повелительностью, Марію-Терезію.

Основательно изучивъ всѣ источники римской исторіи, Ферреро утверждаетъ, что не порывъ страсти побудилъ Антонія въ 37 г. до Р. X. отпра-

¹⁾ «Fortnightly Review». April. 1909. The history and the legend of Anthony and Cleopatra». By Guglielmo Ferrero,

виться въ Антиохію для свиданія съ Клеопатрой, но политическая задача, хорошо задуманная и подготовленная: ему нуженъ былъ Египетъ, а не его царица. Онъ наигривался бракомъ съ нею возстановить римскій протекторатъ надъ Нильской долиной и получить возможность обладать предъ персидскимъ походомъ богатствами царства Птолемеевъ. «Антоній, — прибавляетъ Ферреро, — женился на Клеопатрѣ такъ же, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ женился на сестрѣ Августа по политическимъ же причинамъ: благодаря браку съ египетской царицей, онъ хотѣлъ воспользоваться финансовыми субсидіями Египта, съ цѣлью вести персидскую войну. Завоеваніе Персіи было конечнымъ мотивомъ его политики, верховною причиною всѣхъ его дѣйствій». «Однимъ словомъ, — говоритъ Ферреро, — романъ Антонія съ Клеопатрой, по крайней мѣрѣ въ началѣ, прикрываетъ политическій трактатъ». Такимъ образомъ, рассматривая въ духѣ истинной критики исторію отношеній Антонія къ Клеопатрѣ, убѣждаешься, что, безъ всякаго сомнѣнія, между ними не было ни малѣйшей страсти или любви.

Въ доказательство того, что Антоніемъ руководила не страстная любовь къ Клеопатрѣ, а жажда пышности, славы и наслажденій, Ферреро указываетъ на поведеніе Антонія послѣ свадьбы съ нею, когда онъ вкушалъ всѣ соблазны александрійской жизни среди ея роскоши и пышности. Человѣкъ дѣятельный, рожденный въ простотѣ, закаленный среди суровыхъ обстоятельствъ, онъ вдругъ перенесся въ утонченную, высокоразвитую цивилизацію древняго міра и, очертя голову, предался всевозможнымъ удовольствіямъ, о которыхъ прежде не имѣлъ понятія. Онъ совершенно опьянѣлъ, страстно привязался къ подобной жизни и такъ сталъ обожать Египетъ, что совершенно забылъ о своей родинѣ.

Выяснивъ, такимъ образомъ, настоящую причину трагедіи, совершившейся съ Антоніемъ, и доказавъ, что она была не любовная, а политическая, Ферреро говоритъ, что древніе, а также нѣкоторые новые и новѣйшіе историки ошибались въ своихъ мнѣніяхъ. Первые считали эту любовь позорящей Антонія страстью; они не могли ему простить, что ради женщины онъ бросилъ битву, оставилъ своихъ солдатъ и измѣнилъ Риму. Вторые, начиная съ Шекспира до Эредіи и Уссэ, идеализировали эту страсть, видѣли въ безуміи Антонія гуманныя и глубокія причины и судили о ней снисходительно. Между тѣмъ, по заключенію Ферреро, это была только одна изъ фазъ борьбы между Востокомъ и Западомъ.

Что же касается Клеопатры, то она, со своей стороны, бракомъ съ Антоніемъ стремилась укрѣпить свою пошатнувшуюся власть, какъ Антоній имѣлъ цѣлью поставить Египетъ подъ свой протекторатъ. Она дѣйствовала не какъ женщина, а какъ царица, надѣясь добыть египетскому престолу защиту римскихъ легионовъ. Она старалась убѣдить Антонія не побѣждать Персію, а съ ея помощью основать новую имперію въ Египтѣ, увеличивъ его лучшими римскими владѣніями въ Африкѣ и Азіи и оставивъ на произволъ судьбы Италію и западныя провинціи. Она предполагала черезъ посредство Антонія оторвать отъ Рима его восточную область и подъ руководствомъ перваго полководца того времени образовать армию римскихъ легионовъ на зо-

лото Птолемеевъ. Ей улыбалась перспектива, что Египетъ, при новой династїи ея сыновей, сдѣлается главной державой въ Африкѣ и Азіи, перенеся въ Александрію политическое и дипломатическое первенство въ Средиземномъ морѣ.

«Августъ побѣдилъ подъ Акціумомъ безъ всякаго усилія Антонія и Клеопатру потому, что римскіе войны были возбуждены противъ Антонія его измѣной,—окачиваесть свою статью Ферреро.—Эта измѣна заключалась въ томъ, что онъ, ради увеличенія предѣловъ владѣній Клеопатры, готовъ былъ погубить Римъ. Одержавъ побѣду, Августъ и его сподвижники сочинили исторію Антонія и Клеопатры, такъ развлекавшую римлянъ, популярно объясняя въ фантастическихъ образахъ великую опасность, грозившую Риму со стороны Востока въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ».

Что касается изслѣдованія Ферреро о Неронѣ¹⁾, то итальянскій историкъ считаетъ исторію всего Цезарева семейства, вышедшую изъ-подъ пера Тацита и Светонія, не болѣе, не менѣе, какъ сенсационнымъ романомъ и невѣроятной легендой. Нерона, по его словамъ, легко признать полусумасшедшимъ и настоящимъ преступникомъ; легенда же представляетъ его несчастнымъ чудовищемъ и антихристомъ. «Конечно,—говоритъ Ферреро,—Неронъ первый пролилъ христіанскую кровь, но его не надо причислять къ первымъ врагамъ христіанства; напротивъ, онъ своими усиліями распространить ориентализмъ въ Римѣ и своимъ обычнымъ вкусомъ къ искусству былъ безсознательнымъ соучастникомъ будущей христіанской пропаганды. Не надо забывать, что народныя массы въ Римской имперіи сдѣлались христіанами потому, что Неронъ вселилъ въ нихъ восточный духъ. Неронъ и апостоль Павель — человекъ, жаждавшій всевозможныхъ наслажденій, и человекъ, все выстрадавшій,—были въ свое время двумя крайними противоположностями, но со временемъ черезъ многія столѣтія они сдѣлались въ глазахъ многихъ двумя сотрудниками. Они исчезли. Прошли вѣка, но имя императора сдѣлалось позорнымъ, а имя святого засіяло славой. Среди величайшаго безпорядка, сопровождавшаго паденіе Римской имперіи, когда связи, соединявшія людей, ослабли и человѣчeskій умъ, повидимому, пересталъ соображать и понимать, ученики св. апостола еще сохраняли вѣру въ его великія истины. Когда вы смотрите на церковь св. Марка или на соборъ Парижской Богоматери, или на какой-нибудь другой изъ величественныхъ храмовъ средневѣковья, вы замѣчаете лучезарный символъ парадоксальнаго союза жертвы и палача. Только черезъ союзъ Павла и Нерона церковь могла господствовать надъ безпорядками среднихъ вѣковъ и перенести изъ древности въ новый міръ, среди величайшей бури, основные принципы, изъ которыхъ произошла наша цивилизація.

Переходя отъ историческихъ характеристикъ къ историко-соціальнымъ очеркамъ, Ферреро разсматриваетъ, какую роль въ исторіи Рима играло вино²⁾ «Я не буду,—замѣчаетъ онъ,—говорить ни объ императорахъ, ни о консулахъ.

¹⁾ Study of Nero. By Guglielmo Ferrero. «Fortnighly Review». March 1909.

²⁾ Le vin dans l'histoire de Rome. «La Revue». 16 Janvier. 1908.

ни о побѣдахъ, ни о великихъ законахъ, а о знаменитомъ растеніи, которое, вѣроятно, впервые развилось на берегахъ Чернаго моря, и укажу, какъ лозы растенія Вакха обвились вокругъ исторіи и судьбы Рима». Это изслѣдованіе тѣмъ интереснѣе, что вино было единственнымъ одуряющимъ напиткомъ у римлянъ, не знавшихъ никакихъ ликеровъ, отравляющихъ теперь насъ. Въ началѣ своей исторіи и во время долгихъ вѣковъ римляне пили только воду; вина производилось въ Италіи мало, и то дурного качества, такъ что его употребляли главнымъ образомъ какъ лекарство, а женщинамъ вовсе не позволяли его пить. Даже рассказывали, что Эгнаціо Мессеніо избилъ жену палкою до смерти за то, что поймалъ ее пьющей вино, а Фабій Пикторъ передаетъ въ своихъ анналахъ, что одна римская матрона была приговорена семейнымъ судомъ къ голодной смерти за то, что, проникнувъ въ погребъ мужа, напилась тамъ вина. Вообще, въ то время женщина, пившая вино, производила такое же отталкивающее впечатлѣніе, какое еще не такъ давно въ Европѣ внушала женщина, курившая опиумъ, и какое до сихъ поръ вселяетъ женщина, курящая трубку. Во времена Полибія, т. е. около половины второго вѣка до Р. Х. женщинамъ позволялось пить немного «passum» (напитокъ, похожій на вино, сладкій, изъ изюма, въ родѣ сиропа.)

Такое отношеніе римлянъ къ вину не касалось однѣхъ женщинъ, но оно долго держалось по отношенію истиннаго римлянина, такъ что презрѣніе къ спиртнымъ напиткамъ считалось достоинствомъ. Хвастаться, что обладаешь качествомъ знатока тонкихъ винъ, было недостойно римлянина. Поэтому въ Италіи не только плохо воздѣлывали виноградники, но тамъ почти не допускали, чтобы изъ винограда выдѣлывались хорошія вина. Такимъ образомъ, единственнымъ хорошимъ виномъ являлось греческое. Оно было въ большомъ ходу и хорошо оплачивалось, несмотря на вышенприведенные взгляды римлянъ, впрочемъ, все еще умѣренно употреблявшихъ его. По словамъ Лукулла, въ аристократическихъ семьяхъ оно подавалось за столомъ только одинъ разъ, и то на торжественныхъ пиршествахъ. Это же подтверждалъ Плиній, говоря о началѣ послѣдняго вѣка республики: «Tanta vero vino graeco gratia erat ut singulae potiones in conditu darentur (греческое вино было такъ цѣнимо, что его наливали только одинъ разъ во время пира)».

Однако съ распространеніемъ Рима за предѣлы Италіи и его соприкосновеніемъ съ Греціей все измѣнилось, и тамъ появились въ изобиліи виноградники. Вино стало выдѣлываться лучше, а чѣмъ болѣе въ Римѣ стали умножаться богатства и развиваться культура, тѣмъ, по выраженію Ферреро, успивалось побѣдное вторженіе бога Діонисія, а именно между 120—130 гг. до Р. Х. и продолжалось полтора вѣка безпрерывно. Это вполнѣ совпало съ усиленіемъ въ Римѣ имперіи, потому что виноградники представляли одинъ изъ фундаментовъ императорскаго авторитета Италіи.

Еще любопытнѣе вліяніе римскаго винодѣлія на всемірную политику Рима. До сихъ поръ, по увѣренію Ферреро, мало обращали вниманія на вліяніе вина, какъ орудія романизаціи варварскихъ провинцій въ Европѣ. Римъ, напримѣръ, познакомилъ Галлію, Испанію, Швейцарію и дунайскія провинціи со многими. Онъ научилъ ихъ признавать право, воевать, дѣлать дороги и устраивать го-

рода, латинскому языку и литературѣ и греческому искусству; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выучилъ ихъ пить вино. Въ своихъ комментаріяхъ Цезарь много разъ упоминаетъ, какъ нѣкоторыя области Галліи, гдѣ населеніе было болѣе варварское, запротестовали противъ ввоза вина, опасаясь привычки къ пьянству и его послѣдствій: несдержанности и разврату. Но какъ только Римъ распространилъ свое вліяніе, всѣ опасенія этихъ областей исчезли, и онѣ слились въ одну общую массу народовъ дунайскихъ областей, и богъ Діонисій торжествовалъ побѣду до самой Германіи. Великіе люди Рима, какъ Юлій Цезарь, старательно распространяли этотъ обычай. По словамъ Плинія, на популярныя народныя банкеты, по случаю возвращенія изъ Египта Юлія Цезаря, онъ роздалъ каждому подданному по бочкѣ хіосскаго вина и по амфорѣ фалернскаго, которое цѣнилось выше всѣхъ винъ.

Вообще, вино стало играть настолько значительную роль въ Римѣ, что его воспѣвали въ поэзіи, чѣмъ еще болѣе распространялась страсть къ нему. Это явленіе Ферреро объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что римское общество того времени, едва только выбравшееся изъ вѣка побѣдъ, революцій, мятежей, неуравновѣшенное и еще грубое, несмотря на всю роскошь и утонченность, развившюся изъ суевѣрнаго подражанія Востоку, жаждало наслажденій, но еще не умѣло примѣниться къ изящному вкусу цивилизованныхъ удовольствій. Въ первое время послѣ водворившагося мира римскіе поэты вносили въ обычаи духъ новой утонченности, сотрудничая такимъ образомъ въ воспитаніи суровыхъ побѣдителей міра и стараясь сгладить грубыя шероховатости ихъ ума. Они давали имъ вкусить всю прелесть цивилизаціи: какъ литературу, такъ и любовь, какъ городскую роскошь, такъ и деревенскій отдыхъ, какъ дружбу, такъ и хорошую кухню. Научая ихъ сладострастію, поэты учили ихъ отвѣдывать сладость опьянѣнія, не для того, чтобы утолять жажду, а для приданія колорита нѣжнаго или пылкаго опьянѣнія различнымъ душевнымъ эмоціямъ. Но вмѣстѣ съ восхваленіемъ бога Діонисія поэтъ предупреждаетъ между прочимъ, что «Не всѣ умѣютъ пить: опьянѣніе прекрасное, веселое опьянѣніе—привилегія избранныхъ умовъ, должимъ воспитаніемъ подготовленныхъ къ наслаженію имъ».

Съ распространеніемъ обычая въ Римской имперіи пить вино тамъ стало улучшаться и винодѣліе. Августъ не пилъ другого вина, какъ итальянское Ретико изъ Вальтелины, но все-таки ихъ вино было не лучше греческаго; прославилось же оно вслѣдствіе того, что общій престижъ остался за Римомъ. Пока Александръ Великій прославлялъ Грецію, первое мѣсто между винами занимали греческія вина. Когда же Цезарь предоставилъ Риму первое мѣсто, то повсюду вошло въ моду итальянское вино. Такъ же, какъ теперь, по увѣренію Ферреро, шампанское считается первокласснымъ виномъ на всемъ свѣтѣ не потому, что оно лучше всѣхъ винъ, а вслѣдствіе того, что сквозь продолговатое горлышко бутылокъ съ шампанскимъ просвѣчиваютъ слава и престижъ Франціи. Если бы Франція не имѣла за собой такой пресловутой исторіи, ея вина не пользовались бы такой славой и ихъ пили бы одни французскіе крестьяне.

Послѣдній свой очеркъ Ферреро посвящаетъ изслѣдованію ¹⁾ теоріи разврата въ римской исторіи. Римскіе писатели во главѣ съ Титомъ Ливіемъ плакались на римскую испорченность старыхъ обычаевъ, на *luxuria*, *ambitio* и *avaritia*. По мнѣнію Ферреро, этотъ плачь совершенно тождественный съ тѣмъ, какой раздастся и въ наше время у стараго поколѣнія относительно новаго. Въ сущности, римская *luxuria* съ современной точки зрѣнія даже въ самомъ своемъ расцвѣтѣ была очень ничтожна. Въ наше время бываютъ оргіи пышнѣе, а въ Америкѣ и Европѣ найдутся свои Нероны и Геліогабалы. Какимъ скромнымъ показался бы Римъ въ сравненіи съ теперешними столицами, и если бы Неронъ и Геліогабалъ могли воскреснуть и заглянуть въ столовые современныхъ гостиницъ, на ихъ украшенные богатымъ хрусталемъ и серебромъ столы, освѣщенные электрическимъ свѣтомъ, то признали бы, что онѣ богаче тѣхъ залъ, гдѣ они задавали свои пиры. Затраты на празднества были ничтожны, и въ I вѣкѣ до Р. Х. Августъ издалъ законъ, которымъ запрещалось тратить на празднества болѣе 200 сестерціевъ (около 50 франковъ). Въ дни календъ, идъ и нонъ можно было увеличить сумму до 300 сестерціевъ (75 франковъ), а на національныя празднества до 1000 сестерціевъ (250 франковъ).

Римскія женщины, которыхъ такъ осуждали мужчины за то, что онѣ ихъ разоряютъ на наряды, не могутъ сравниться по роскоши съ современными женщинами. Роскошь римскихъ женщинъ оказалась бы убогой послѣднимъ, въ самое блестящее время Рима шелковыя ткани носили только самыя богатыя женщины. Впрочемъ, моралисты возставали противъ шелковыхъ матерій, слишкомъ обрисовывавшихъ формы тѣла.

Что касается *avaritia*, то она была естественнымъ слѣдствіемъ возрастающей цивилизаціи, и въ наше время она процвѣтаетъ еще въ большей мѣрѣ. Ферреро объясняетъ ее не чѣмъ инымъ, какъ нетерпѣливой дѣятельностью ради желанія скорѣе скопить денегъ на удовлетвореніе все возрастающихъ потребностей. Точно также и *ambitia*, по словамъ римскихъ историковъ, лихо-радочно пожиравшая всѣ классы и составлявшая самый опасный недугъ, была самымъ обыкновеннымъ желаніемъ попасть во что бы то ни стало въ высшія сферы общества. Эти страсти древнихъ римлянъ были желаніемъ увеличить свое благоденствіе, пышность и удовольствія—недуги, господствующіе и въ наше время у жителей городовъ и деревень Стараго и Новаго Свѣта и составляющіе процессъ нашего движенія впередъ по пути цивилизаціи. Титъ Ливій проливалъ слезы сожалѣнія о томъ, что въ началѣ своего существованія, когда Римъ былъ бѣднымъ и мелкимъ, онъ представлялъ образецъ добродѣтели, но мало-по-малу развратился и пересталъ съ долготерпѣніемъ переносить суровыя страданія и создавать средства для ихъ уничтоженія. Съ ужаснымъ пессимизмомъ древніе римляне приравнивали прогрессъ къ разврату и чѣмъ просвѣщеннѣе становились люди, тѣмъ болѣе увеличивалась ихъ развращенность. Роковая роль развращенія нравовъ довела Римъ до окончательнаго паденія. Такія сѣтованія раздаются при переходѣ отъ стараго поколѣнія къ новому.

¹⁾ La théorie de la corruption dans l'histoire romaine. Par Guglielmo Ferrero. «La Revue Hebdomadaire.» 29 janvier 1909.

Однако Ферреро говоритъ въ заключеніе: «Свѣтъ такъ богатъ, народонаселеніе увеличивается такъ быстро, цивилизація вооружена столькими науками въ своей борьбѣ противъ варваровъ и природы, что современный человѣкъ можетъ только улыбаться застѣнчивой осторожности древнихъ, которые такъ боялись богатства, удовольствій и любви; въ гордомъ сознаніи побѣды они могутъ хвастаться, что наконецъ осмѣлились наслаждаться среди покоренной земли, необузданно и безбоязненно, всѣми благами, какія жизнь предлагаетъ наисильнѣйшимъ. Но кто знаетъ? Быть можетъ, этотъ счастливый моментъ не всегда будетъ длиться; быть можетъ, придетъ день, когда болѣе многочисленные люди снова почувствуютъ необходимость древней мудрости и древней осторожности».

Популярность Ферреро съ каждымъ днемъ увеличивается, и его читаютъ съ лихорадочной порывистостью во Франціи, Англии, Германіи и Скандинавіи, даже болѣе, чѣмъ въ Италіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Сибилла Алерама, авторъ, помѣстившій въ копенгагенскомъ журналѣ «Tieskueren» блестящую характеристику итальянскаго ученаго. Сочиненія Ферреро имѣютъ во всемъ свѣтѣ громадное вліяніе, и они глубоко измѣнили классико-академическое изученіе исторіи. вмѣсто того, чтобы разсуждать исключительно о Цезарѣ, Помпееѣ, Августѣ, онъ выводитъ на сцену народъ и средній классъ въ ихъ борьбѣ съ великими экономическими силами. По мнѣнію Алерамы, Ферреро можно упрекнуть только за его привычку слишкомъ часто примѣнять современные выраженія въ старинныхъ эпизодахъ римской исторіи, какъ, напримеръ: «капиталъ», «синдикатъ», «феминизмъ».

— Предтеча воздухоплателей. Теперь, когда вниманіе всѣхъ государствъ обращено на развитіе воздухоплаванія, небезынтересно вспомнить, что первымъ изъ извѣстныхъ намъ завоевателей воздуха, формулировавшимъ съ самой строгой точностью научную теорію воздухоплаванія, былъ живописецъ Леонардо да Винчи. Этотъ необыкновенно гениальный человѣкъ, уроженецъ Тосканы (онъ, какъ извѣстно, родился въ мѣстечкѣ Винчи)—незаконный сынъ Сера Пьеро, флорентійскаго нотаріуса, хотя съ 22 лѣтъ началъ учиться скульптурѣ и живописи у Андреа Веррокіе, по настоянію своего отца, но его всегдашней мечтой было завоеваніе воздуха. Необычайной красоты, которую онъ развилъ еще болѣе физическими упражненіями, обладавшій даромъ импровизировать стихи, которые онъ распѣвалъ, самъ себя сопровождая на лирѣ, постигшій тайну изящныхъ искусствъ, Леонардо своимъ пытливымъ умомъ хотѣлъ объять всѣ человѣческія знанія: наука притягивала его къ себѣ едва ли не болѣе, чѣмъ искусство. Поэтому, по словамъ его біографа Вазари, современники гениальнаго художника даже упрекали его за то, что онъ измѣнялъ и часто пренебрегалъ живописью ради математики. Масса рукописей, оставшихся послѣ него, большинство которыхъ, какъ извѣстно, хранится въ національной бібліотекѣ, чего только не заключаетъ въ себѣ. Здѣсь есть разныя замѣтки, диссертациі и чертежи, геометрическія фигуры, по которымъ онъ изучалъ задачи высшей математики, физики и астрономіи, правила научныхъ методовъ, выраженныхъ съ необыкновенной ясностью, и даже большинство современныхъ открытій, конечно, въ зародышѣ.

По словамъ того же Вазари, первыя попытки Леонардо рѣшить задачу о «болѣ легкомъ, чѣмъ воздухъ», были миниатюрныя, различныхъ формъ фигурки животныхъ изъ тончайшей пленки разведеннаго воска, наполненныя теплымъ воздухомъ и которыя, къ великому изумленію зрителей, летали. Это были своего рода монгольфьеры, за триста лѣтъ до изобрѣтенія ихъ самимъ Жозефомъ Монгольфьеромъ. Леонардо да Винчи былъ также изобрѣтателемъ парашюта. «Если у человѣка, — говоритъ онъ въ своихъ замѣткахъ, — въ рукахъ есть раскинутая палатка въ двѣнадцать саженъ длины и двѣнадцать вышины, то онъ можетъ броситься съ самой значительной вышины, не причинивъ себѣ вреда. При этомъ приложенный рисунокъ изображаетъ человѣка, висающаго въ воздухѣ подѣ чѣмъ-то въ родѣ раскинутой палатки».

Но скорѣ Леонардо не могъ болѣе удовлетворяться этимъ: его умъ подчинялся экспериментальному методу наблюденій и не принималъ другого руководителя, какъ только природу. Принципъ болѣе легкаго, чѣмъ воздухъ, былъ имъ оставленъ, и онъ, бросивъ аэростатику, занялся авіаціей. Природа, рѣшилъ онъ, создавъ птицу, сама дала рѣшеніе задачи и потому человѣку, чтобы летать, надо было ей же подражать. Шары, т. е. нѣчто болѣе легкое, чѣмъ воздухъ, ввело людей въ обманъ, такъ какъ машина, которая была бы болѣе легкой, чѣмъ воздухъ, не имѣетъ аналогичной себѣ въ природѣ. Геніальный умъ Леонардо да Винчи понялъ это, и онъ доказалъ, что для поднятія на воздухъ точку опоры надо искать именно въ себѣ, и онъ не колеблясь обратился за принципомъ и секретомъ полета — къ птицѣ. Его работы въ этой области удивительно точны: сначала онъ наблюдалъ область, гдѣ летаетъ птица, затѣмъ перешелъ къ объясненію механизма полета, а потомъ уже захотѣлъ соорудить построенную по образцу птицы машину, которая бы могла подыматься въ воздушное пространство посредствомъ того же механическаго закона.

Такимъ образомъ, Бэконъ, котораго сдѣлали предтечей современной науки, сто лѣтъ спустя еще допускалъ, что воздухъ не имѣетъ вѣса. Леонардо да Винчи въ своихъ замѣткахъ считалъ воздухъ жидкимъ, тяжелымъ, эластичнымъ, сгущеннымъ, сжатымъ и плотнымъ въ нижнихъ слояхъ, ближе къ землѣ. Онъ установилъ его аналогичность съ водою. «Плаваніе въ водѣ, — говоритъ онъ, — учитъ человѣка, какъ дѣйствуетъ птица въ воздухѣ. Какъ дѣлаетъ рука пловца, толкающая воду, такъ дѣйствуетъ птица крыльями въ воздухѣ». Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ также изучалъ дѣйствіе вѣтра, его силу импульса или устойчивости. «Чтобы дать настоящую науку движенія птицы, — говоритъ онъ, — необходимо дать сначала науку о вѣтрахъ... Она будетъ какъ бы ступенью для достиженія знакомства съ летаніемъ по воздуху». Его теорія полета — совершенство по тонкости, наблюдательности и точности и гораздо лучше работъ его потомковъ въ этой области Борелли и Кейлея. Согласно ей, вѣсъ не является препятствіемъ къ полету, а скорѣ условіемъ его; если бы птица была легче воздуха, то она зависла бы вполнѣ отъ его каприза; а такъ какъ она можетъ брать различныя направленія въ этой жидкости, которая ее поддерживаетъ, то значитъ потому, что находитъ въ самой ея тяжести принципъ сопротивленія. Другими словами, самъ воздухъ — точка опоры, и въ этомъ весь секретъ полета. Этотъ секретъ прекрасно понялъ Леонардо да

Винчи. Когда птица въ движеніи, воздухъ сжимается подъ ея тяжестью и представляетъ ей этимъ большое сопротивленіе: онъ болѣе сгущается и дѣлается плотнѣе тамъ, гдѣ пролетаетъ птица, чѣмъ тамъ, гдѣ она не пролетаетъ: отъ ея движенія онъ дѣйствительно прогоняется назадъ, какъ вода,— говоритъ да Винчи, подымается впереди корабля, который ее прорѣзаетъ. Въ то же время воздухъ стремится въ пространство, оставшееся позади тѣла, которое его разсѣкаетъ, охватываетъ его и сжимаетъ какъ бы футляромъ. Поэтому птица такимъ образомъ производитъ плотность воздуха, которая ее поддерживаетъ, и теченіе, которое его сжимаетъ».

Леонардо изучалъ полетъ, какъ привзмахахъ крыльевъ птицъ, такъ и скользящей, при бездѣйствіи крыльевъ, и указалъ, что въ обоихъ случаяхъ принципъ одинъ и тотъ же, и это законъ, на которомъ покоится теорія воздухоплаванія. «Столько же работы,— говоритъ да Винчи,— двигать воздухомъ противъ неподвижной вещи, что и двигать вещь противъ неподвижнаго воздуха». Другими словами, въ первомъ случаѣ птица пользуется теченіемъ; въ другомъ случаѣ она сама создаетъ теченіе, по которому поднимается. Леонардо да Винчи видѣлъ и разсчиталъ вліяніе быстроты на состояніе висканія въ воздухѣ. Чтобы подняться безъ помощи крыльевъ,—и это особенно интересуется воздухоплателей;—птица стремительно бросается подъ вѣтеръ, и результатомъ этой быстроты является то, что, когда она поворачивается грудью противъ выдвигающагося вѣтра, вѣтеръ дѣйствуетъ на нее, какъ клинъ при поднятіи тяжестей. «Легкимъ движеніемъ крыльевъ,— замѣчаетъ да Винчи,— она проникаетъ воздухъ, прорѣзываетъ при наклонномъ положеніи и послѣ полета (*impreto*) она располагается наклонно противъ теченія вѣтра, который, войдя подъ наклонное положеніе птицы, устанавливаетъ равновѣсіе между ея личной тяжестью и силой сопротивленія воздуха. Соединеніе быстроты и силы вѣтра дѣлаетъ изъ ея тѣла настоящаго бумажнаго змѣя. Невозможно привести подробно всѣхъ объясненій да Винчи. Съ необыкновенной точностью современнаго ученаго онъ изучаетъ механизмъ крыльевъ, различные повороты головы, хвоста, наконецъ всѣ движенія, свойственныя птицѣ. Онъ объясняетъ, какъ она должна держаться подъ различнымъ давленіемъ вѣтра и дѣлаетъ математическія вычисленія направленію птицы, повинующейся составнымъ силамъ; для него летаніе только механическая задача. Особенно онъ отмѣчаетъ съ удивительной вѣрностью всѣ движенія, которыя измѣняютъ центръ тяжести птицы и даютъ ея полету увѣренность при крайнемъ быстромъ полетѣ.

Леонардо да Винчи не ограничился тѣмъ, что написалъ «Трактатъ летанія»: для него наука никогда не была спекулятивной и теорія не отдѣлялась отъ практики. По его мнѣнію, идея только тогда имѣла цѣнность, когда она осуществлялась въ полезныхъ вещахъ, а потому и его изученіе полета птицъ должно быть лишь только средствомъ къ построенію летательной машины, которая могла бы переносить человѣка въ пространствѣ. Человѣкъ, какъ и птица, по его выраженію, со своими большими крыльями, составляя силу съ сопротивляющимся воздухомъ, побѣдоносно подчинитъ его себѣ и поднимется надъ нимъ. Какъ воздухъ своимъ движеніемъ на морѣ заставляетъ бѣжать

тяжело нагруженный корабль, точно такъ онъ долженъ поддерживать тѣло, брошенное противъ него, и влияніе быстроты на поддержаніе должно позволить человѣку, какъ и птицѣ, взять точкой опоры воздухъ».

Да Винчи оставилъ много чертежей летающихъ машинъ, большинство которыхъ хранится въ Валансьенскомъ музеѣ, и всѣ они по своему построению напоминаютъ птицъ. Но другія модели близко походятъ по конструкціи на современные аэропланы. Одинъ изъ нихъ представляетъ какъ бы летающую лодку на нѣсколько человѣкъ. Да Винчи шелъ еще далѣе: онъ придумывалъ моторъ, на что указываетъ чертежъ, на которомъ изображенъ широкій винтъ, предназначенный вертѣться вокругъ вертикальной оси, и возлѣ написана слѣдующая фраза: «Если этотъ инструментъ въ формѣ винта сдѣланъ хорошо и если его быстро вращать, то, по-моему, такой винтъ будетъ держаться на воздухѣ и высоко подыматься». Еще и теперь существуютъ нѣкоторыя игрушки, построенныя на этомъ принципѣ.

Лейбницъ говорилъ, что наука требуетъ нѣкотораго искусства угадывать, безъ котораго не подвнешься впередъ. У Леонардо да Винчи этого искусства было болѣе, чѣмъ у кого-либо другаго, и если, несмотря на то, что его точка отправленія была вѣрна и основательна, принципы неоспоримы, анализъ полета совершенно научный, машины гениально составлены, онъ все-таки не достигъ полнаго успѣха, то виною была эпоха, когда еще и механика не мечтала о своемъ современномъ цвѣтущемъ состояніи. Что да Винчи добивался устроить моторъ, служатъ доказательствомъ его чертежи.

— Политико-духовное витійство поляковъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. Въ настоящее время по случаю Гоголевскихъ торжествъ въ Москвѣ гоститъ въ Россіи извѣстный французскій славистъ Луи Лежэ, который занимаетъ кафедру славянскихъ языковъ въ *College de France* и русскаго языка въ другихъ высшихъ парижскихъ школахъ. Прежде, чѣмъ отправиться въ Москву, онъ помѣстилъ въ апрѣльскихъ номерахъ «*Nouvelle Revue*» интересную статью на основаніи новыхъ данныхъ о польскомъ историческомъ дѣятелѣ, іезуитѣ Петрѣ Скаргѣ¹⁾. Она основана на новомъ изданіи въ 1907 году политическихъ проповѣдей Скарги и на очеркѣ его исторической роли, написанномъ польскимъ писателемъ Ясинскимъ и изданномъ въ Кіевѣ въ томъ же 1907 году. По словамъ Лежэ, Мицкевичъ, его предшественникъ въ *College de France*, въ своихъ лекціяхъ упоминалъ о Скаргѣ и называлъ его польскимъ Іереміей и Боссею, а галиційскій живописецъ Матейка написалъ большую картину, изображавшую Скаргу проповѣдывающимъ въ польскомъ сеймѣ и за которую онъ получилъ золотую медаль въ парижскомъ салонѣ въ 1865 году. Поэтому Лежэ нашелъ нужнымъ познакомить европейскую публику съ однимъ, по его словамъ, изъ благороднѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ витій Польши.

Петръ Скарга Повенскій родился въ 1536 году въ Гроскѣ, въ Мазовіи, и былъ буржуазнаго происхожденія; назывался же онъ Скаргоффъ, т. е. по-поль-

¹⁾ L'eloquence de la chaire en Pologne. Par. L. Leger. «Nouvelle Revue». 15 Avril. 1909.

ски жалобщикомъ, потому, что одинъ изъ его предковъ получилъ это названіе отъ мазовецкаго князя за обычныя свои жалобы. Въ виду того, что Скарга заслуживалъ это прозвище, какъ польскій Іеремія, оно и осталось навсегда за нимъ. Будущій витія учился въ Краковѣ и съ юныхъ лѣтъ вступилъ въ духовное званіе. Назначенный начальникомъ одной изъ школъ въ Варшавѣ, онъ познакомился тамъ съ польскимъ магнатомъ Теншинскимъ, который взялъ его въ наставники къ своему сыну. Вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ онъ посѣтилъ Вѣну и тамъ впервые узналъ іезуитовъ, въ коллегіи которыхъ обучались многіе поляки. Скаргу соблазнилъ этотъ орденъ, имѣвшій два учрежденія — въ Пултускѣ и въ Вильнѣ, — и въ 1569 году онъ вступилъ въ него. Какъ извѣстно, іезуиты имѣли своей цѣлью бороться съ лютеранами и православными въ Литвѣ, и потому Скарга былъ ими избранъ за храбраго бойца. Сначала онъ былъ посланъ въ Пултускъ, а потомъ переведенъ въ Познань и наконецъ въ Вильну, гдѣ онъ прославился, какъ богословъ, духовный профессоръ, полемистъ и неутомимый проповѣдникъ. Вообще онъ былъ самымъ энергичнымъ человекомъ и, кромѣ своихъ духовныхъ занятій, посвящалъ свои досуги ручному труду: именно шилъ себѣ бѣлье и сдѣлалъ собственными руками восковую свѣчку для Ченстоховской Божіей Матери.

Назначенный ректоромъ виленской академіи, Скарга изо всѣхъ силъ пытался бороться съ православными и лютеранами. Для него, помимо католиковъ, не было другихъ христіанъ, и послѣдніе называли его тираномъ душъ. Онъ основалъ въ Вильнѣ «братство св. Даровъ» и написалъ по-латыни и по-польски нѣсколько богословскихъ книгъ противъ кальвинистовъ и греческой церкви. Особеннымъ же успѣхомъ пользовалась его компиляція жизни польскихъ святыхъ, отличавшаяся художественнымъ и краснорѣчивымъ изложеніемъ, чѣмъ онъ заслужилъ уваженіе католиковъ и ненависть своихъ враговъ. Какъ-то разъ одинъ изъ фанатичныхъ кальвинистовъ нанесъ ему на улицѣ пощечину, но Скарга поступилъ по-евангельски и выхлопоталъ у начальства, чтобы оно не преслѣдовало его противника судебнымъ порядкомъ. Когда въ 1578 году король Баторій, по его представленію, превратилъ коллегію іезуитовъ въ университетъ, то Скарга былъ опредѣленъ туда первымъ ректоромъ. Конечно, главнымъ его факультетомъ былъ богословскій, католическій, но на немъ находилось нѣсколько православныхъ учениковъ, между прочимъ извѣстный русскій грамматикъ, Мелетій Смотрицкій. Во время похода Баторія въ Россію его сопровождалъ Скарга и участвовалъ во взятіи Полоцка, гдѣ была основана іезуитская коллегія съ первымъ ректоромъ Скаргой.

Послѣ завоеванія поляками Ливоніи, Скарга основалъ въ Ригѣ новую коллегію для борьбы съ литовцами. При этомъ его проповѣди были до того страстны, что возбуждали ненависть между католиками и диссидентами, такъ что едва онъ не заплатилъ жизнью. Но это покушеніе на его жизнь ничуть его не устрасило, и онъ основалъ новую коллегію въ Дерптѣ. Пробывъ 11 лѣтъ въ балтійскихъ или литовскихъ провинціяхъ, онъ вернулся въ 1584 году въ Краковъ, гдѣ занялъ мѣсто начальника школы св. Варвары. Попрежнему въ своихъ проповѣдяхъ онъ боролся съ врагами католической церкви, не довольствуясь только проведеніемъ духовныхъ мотивовъ, но не пренебрегая и свѣт-

скими аргументами. «Если вы вернетесь къ римской вѣрѣ, — говорилъ онъ литовскимъ магнатамъ, — то короли Польши укрѣпятъ за вами высшія должности». Скарга достигалъ въ своихъ проповѣдяхъ большого краснорѣчія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наивно разсказывалъ легенды о святыхъ. На Брестскомъ соборѣ онъ игралъ самую видную роль и по случаю провозглашенія на немъ уніи въ 1596 году произнесъ свою знаменитую проповѣдь по поводу объединенія церквей въ католическомъ духѣ. Въ слѣдующемъ году онъ написалъ исторію и апологію Брестскаго собора, которая надѣлала много шума въ католическихъ странахъ.

Съ начала царствованія Сигизмунда III открывается самый блестящій періодъ дѣятельности Скарги. Этотъ король былъ очень набожный и особенно жаловалъ іезуитовъ. Онъ назначилъ Скаргу своимъ придворнымъ проповѣдникомъ и относился къ нему всегда съ большимъ уваженіемъ. Скарга прибѣгалъ къ своему вліянію для пользы католической церкви. Напримѣръ, онъ добился, чтобы диссиденты, или, иначе говоря, еретики, не имѣли доступа въ польскій сенатъ. Въ 1589 году Скарга воспользовался своимъ вліяніемъ и уговорилъ остаться на варшавскомъ престолѣ короля, который, утраченный набѣгомъ татаръ, хотѣлъ бросить Польшу и вернуться въ свою родную Швецію. Скарга не былъ только богословомъ, заботившимся о спасеніи душъ, а жилъ жизнью своего вѣка и заботился о политическихъ задачахъ своего времени. Поэтому въ своихъ краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ онъ постоянно напоминалъ слушателямъ объ ихъ долгѣ относительно родины. Въ 1595 году въ Краковѣ онъ между прочимъ произнесъ чрезвычайно краснорѣчивую рѣчь, въ которой сказалъ: «Господь послалъ меня ко двору Сигизмунда, государя двухъ странъ, въ сенатъ и къ цѣлому населенію двухъ государствъ. Я предупреждалъ и училъ своего государя, я исполнялъ свою обязанность въ сеймахъ и на высокомъ собраніи, я совѣтовалъ своимъ братьямъ серьезно любить своихъ двухъ матерей: церковь Божию и родину, и не сѣять ни ереси, ни безпорядка. Я умолялъ ихъ обращать свое сердце на службу отечеству, усердствовать ему всѣмъ и оказывать честь своему государю, какъ дѣлали ихъ предки. Я говорилъ имъ, чтобы они не губили себя злоупотребленіемъ свободой и благодаря этому не подвергали себя игу иностранныхъ тирановъ. Я угрожалъ имъ гнѣвомъ Божиимъ и уничтоженіемъ ихъ страны чужестранными государствами». Эти совѣты Скарги мало дѣйствовали на его соотечественниковъ, хотя впоследствии они совершенно оправдались. Но король Сигизмундъ напротивъ, чрезвычайно цѣнилъ его политическія проповѣди и часто давалъ ему порученія часто политическаго характера.

Когда въ 1595 году вспыхнуло возстаніе *Zebzydovski*, то король послалъ Скаргу вступить въ переговоры съ могущественнымъ противникомъ, который обвинялъ именно Скаргу въ томъ, что онъ былъ агентомъ австрійскаго правительства, и самъ требовалъ изгнанія іезуитовъ. Скарга защищалъ своихъ коллегъ по обыкновенію краснорѣчиво, и его рѣчь составляетъ значительный документъ въ исторіи іезуитскаго ордена въ Польшѣ. Однако и онъ не достигъ своей цѣли, и король былъ принужденъ прибѣгнуть къ оружію противъ возставшихъ. Часто враги Скарги упрекали его въ томъ, что онъ нарушалъ свою

духовную роль и слишкомъ вмѣшивался въ свѣтскія дѣла. На это онъ отвѣчалъ въ предисловіи своего «Приглашенія къ покаянію», которое появилось въ 1609 году: «Священникъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла правительства, но онъ обязанъ наблюдать, чтобы грѣхи гражданъ не загубили родины и чтобы ихъ души не погибли». Король призывалъ Скаргу восемнадцать разъ проповѣдывать предъ сеймомъ отъ 1581 по 1597 года. Восемь проповѣдей, которыя онъ собралъ и которыя извѣстны подъ именемъ парламентскихъ проповѣдей, составляютъ его главную заслугу предъ потомствомъ. Эти рѣчи, парламентскія или политическія, по словамъ Лежэ, являются самыми краснорѣчивыми произведеніями духовно-политическаго витійства. Первая изъ нихъ трактуетъ о мудрости, необходимой для управленія страной, вторая—о любви къ родинѣ, третья—о примиреніи между гражданами, четвертая и пятая—о важномъ значеніи католической религіи для поддержанія единства государства, шестая—о монархіи и объ усиленіи королевской власти, седьмая—объ одномъ изъ главныхъ государственныхъ недуговъ, именно о несправедливыхъ или дурно исполненныхъ законахъ и, наконецъ, восьмая—о государственныхъ грѣхахъ, именно о тѣхъ, которые содѣяны противъ государства.

Замѣчательнѣйшимъ эпизодомъ изъ политическихъ проповѣдей Скарги было энергичное нападеніе на злоупотребленіе крѣпостничествомъ. Онъ отличается удивительною яростью и смѣлостью, поражавшею современниковъ. Скарга спрашивалъ себя, по какому праву землевладѣльцы содержали рабами людей, которыхъ они не купили и даже не взяли въ плѣнъ и которые были такими же поляками по крови и такими же христіанами, какъ они. Онъ увѣщевалъ своихъ соотечественниковъ обходиться съ поселянами не какъ съ рабами, а какъ съ наемными людьми, чтобы такимъ образомъ не заставить ихъ уйти къ туркамъ. По его словамъ, во всемъ христіанскомъ мірѣ не было такого злоупотребленія своею властью надъ крестьянами, какъ въ Польшѣ, и онъ напоминалъ, что небесное возмездіе воздастъ Польшѣ за такое содержаніе людей въ рабствѣ. Скарга увѣрялъ, что его соотечественники заслужили подобнымъ поведеніемъ роковой катастрофы, къ которой они быстро приближались. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи онъ оплакивалъ тевтонскихъ рыцарей, зараженныхъ лютеранскою ересью, и увѣрялъ, что «всѣ поляки должны ихъ сожалѣть». При этомъ, заявляетъ Лежэ, Скарга не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что прототипами безчеловѣчной Пруссіи были эти самые тевтонскіе рыцари. «Если бы, — по его словамъ, — Скарга вернулся теперь на свѣтъ Божій, то онъ сталъ бы оплакивать не тевтонскихъ рыцарей, а поляковъ».

Послѣдняя проповѣдь, произнесенная Скаргой предъ своей смертью, относилась къ побѣдѣ надъ русскими въ 1611 году. Во время своего пребыванія въ Вильнѣ онъ съ радостью видѣлъ серьезные успѣхи католицизма въ Литвѣ. По несчастью, эти успѣхи, однако, ознаменовывались роковою нетерпимостью. Одинъ молодой кальвинистъ, оскорбивъ какую-то духовную католическую процессію, былъ приговоренъ къ смерти, въ чемъ диссиденты и обвиняли Скаргу. По свидѣтельству нѣкоторыхъ біографовъ, онъ едва избѣгъ смерти. Въ слѣдующемъ году онъ проповѣдывалъ въ послѣдній разъ предъ королемъ и удалился въ Краковъ, гдѣ и умеръ 27 сентября 1612 года.

— Разговоръ Николая I съ княземъ Любецкимъ наканунѣ польской войны 1830 года. — Въ только что вышедшемъ VII томѣ «Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode» помѣщенъ интересный разговоръ императора Николая I съ польскимъ министромъ финансовъ, княземъ Любецкимъ¹⁾. Это произошло наканунѣ войны Россіи съ Польшей, 14 декабря 1830 года, въ воскресенье, когда императоръ нашелъ необходимымъ дать аудиенцію князю Любецкому въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, которымъ онъ довѣрялъ. Въ 12 часовъ появились во дворцѣ великій князь Михаилъ Павловичъ, фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій, генераль-отъ-инфантеріи графъ Толстой, вице-канцлеръ Нессельроде и министръ государственный секретарь Польши графъ Грабовскій. Когда всѣ были въ сборѣ, императоръ призвалъ князя Любецкаго и спросилъ о причинѣ его пріѣзда въ Петербургъ.

«Я пріѣхалъ, государь, чтобы исполнить порученіе, которое мнѣ далъ вашъ административный совѣтъ, — отвѣтилъ Любецкій. — Онъ пожелалъ, чтобы личный свидѣтель далъ отчетъ вашему величеству о событіяхъ, взволновавшихъ столицу среди глубокаго спокойствія, объяснилъ вамъ положеніе страны вслѣдствіе этихъ событій и извѣстилъ васъ о положеніи, какое административный совѣтъ считаетъ должнымъ принять въ этихъ важныхъ и кровавыхъ событіяхъ. Революція вспыхнула 29 ноября вечеромъ. Въ тотъ моментъ, когда мы меньше всего ожидали, ружейные выстрѣлы раздались во многихъ кварталахъ города, и насъ предупредили, что вооруженныя банды пробѣгали по городу и атаквали сразу Бельведеръ и арсеналъ. Въ первый моментъ смятенія и волненія всѣ думали прежде всего только о своей личной безопасности; вскорѣ, однако, почувствовалась необходимость соединиться, и члены совѣта рѣшили немедленно отправиться къ президенту графу Соболевскому. Только между двѣнадцатью и двумя часами ночи мнѣ удалось пробраться черезъ толпу. Придя къ графу Соболевскому, я тамъ нашелъ князя Чарторыйскаго». — «По какому праву былъ онъ тамъ?» спросилъ Николай I. — «Онъ членъ совѣта», отвѣтилъ Любецкій. — «Странно, — возразилъ императоръ: — что онъ объ этомъ вспомнилъ въ данный моментъ; онъ никогда не присутствуетъ въ совѣтѣ». — «Собравшійся совѣтъ обсуждалъ, какія принять самыя безотлагательныя мѣры, и остановился на томъ, что совѣтъ подкрѣпится нѣсколькими лицами, извѣстными, какъ пользующіися большою популярностью и присутствіе которыхъ можетъ быть полезно для сохраненія правительства короля и для восстановленія нарушеннаго спокойствія въ столицѣ». — «Кто были эти субъекты?» спросилъ императоръ. — «Кохановскій, Михаилъ Радзивиллъ, Пашъ, Дембовскій, Островскій и Лелевель». — «Довольно странно, что вашъ выборъ палъ на личностей, которыя, какъ вамъ извѣстно, запынаны въ моемъ мнѣніи. Вы это знаете, также и мои чувства на этотъ счетъ. Я это вамъ не разъ высказывалъ».

«Государь, — отвѣтилъ князь Любецкій: — они были популярны, мы думали, что единственно ихъ вліяніе можетъ способствовать остановкѣ дви-

¹⁾ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. (1760—1850). Tome VII. 1909. Paris.

женія и обуздать его. Привнявъ эту мѣру, было рѣшено въ совѣтѣ, что князь Чарторыйскій и я отправимся къ великому князю заклинать его стать во главѣ насъ и придумать вмѣстѣ съ совѣтомъ средства для водворенія порядка среди народа. Мы тотчасъ же отправились и нашли его высочество въ бивуакѣ близъ Бельведера. Но его императорское высочество объявилъ намъ, что не можетъ согласиться на предложеніе совѣта, что онъ не вмѣшается въ дѣло и не дастъ дѣйствовать войскамъ, которыя къ нему присоединились. Итакъ, мы оказались покинутыми на самихъ себя и не располагали никакими военными силами; тѣмъ не менѣе надъ нами господствовала одна мысль, единственное чувство: помѣшать самому большому несчастью и обуздать народное движеніе».

«Мой братъ, — сказалъ тогда императоръ, — вполне хорошо сдѣлалъ. Инструкціи покойнаго императора Александра запрещали ему въ случаѣ мятежа заставлять русскія войска стрѣлять въ поляковъ».

«Тѣмъ временемъ, — продолжалъ князь, — возстаніе дошло до наивысшаго и плачевнаго предѣла. Народъ ворвался въ арсеналъ и ограбилъ его; болѣе пятидесяти тысячъ вооруженныхъ людей собрался тамъ въ отряды, и вся эта орава, перепившаяся виномъ, угрожала избивать всѣхъ, кто захотѣлъ бы противорѣчить ея желаніямъ. Многие генералы пали жертвой своихъ усилій призвать къ порядку войска; другихъ силою, съ пистолетомъ у горла, заставляли стать во главѣ мятежниковъ. Образовались клубы и узурпировали власть. Съ опасностью для жизни князь Черторыйскій и я вернулись въ совѣтъ. Тамъ мы узнали, что банкъ въ большой опасности. Нашъ долгъ былъ спасти его, и мы рѣшили перенести туда все. Съ безконечными затрудненіями намъ удалось пробраться среди разнузданной толпы, изъ которой шесть тысячъ вооруженныхъ людей предшествовали и слѣдовали за нами по пятамъ. Тогда къ намъ присоединился генералъ Хлопицкій. Мы склонили его стать во главѣ вооруженной арміи. Онъ согласился на это съ условіемъ, чтобы всѣ данныя власти были отъ имени вашего величества. Но вскорѣ мы должны были убѣдиться, что средствъ, которыми мы располагаемъ, было недостаточно, что возмущившагося народа съ часу на часъ становилось болѣе и онъ все сильнѣе угрожалъ. Намъ не оставалось ничего болѣе, какъ просить великаго князя отослать польскіе полки, которые присоединились къ нему. Я составилъ письмо, чтобы сообщить его высочеству объ этомъ и въ то же время предупредить, что мятежники составили смѣлый планъ его атаковать и были употреблены многочисленныя средства подкупа, не безъ успѣха, о чемъ, быть можетъ, ему неизвѣстно, относительно тѣхъ польскихъ войскъ, которыя его еще окружали. Въ своемъ родѣ блокированный въ банкѣ совѣтъ не зналъ, какъ доставить письмо великому князю. Туда явился его адъютантъ графъ Замоискій, и ему поручили отнести письмо. Немного спустя къ его высочеству отправилась новая депутація изъ князя Чарторыйскаго, графа Островскаго и меня, чтобы установить съ его высочествомъ все относящееся къ отсылкѣ польскихъ войскъ и о движеніи русскихъ войскъ къ границѣ, на которое далъ свое согласіе великій князь. Дѣйствительно, польскія войска вернулись въ городъ и на своемъ пути они встрѣтили массы народа, двигавшіяся

впередъ, чтобы атаковать великаго князя, но, увидя возвращающіяся польскія войска, сопровождали ихъ до площади передъ банкомъ, воля угрозы противъ генераловъ Красинскаго, Курнатовскаго и требуя, чтобы ихъ выдали. Только съ большимъ трудомъ и обнаруживъ много энергій, генералу Хлоцицкому удалось спасти имъ жизнь. То же раздраженіе выразилъ народъ противъ многихъ членовъ административнаго совѣта, въ числѣ ихъ былъ и я, и потому мы должны были отказаться отъ нашихъ обязанностей. Образовалось временное правительство; оно состояло изъ князя Чарторыйскаго, Островскаго, графа Паша, Кохановскаго и Лелевеля, но его дѣятельность была слишкомъ слаба и оно не могло подавить возстанія. Тогда возымѣли идею назначить диктаторомъ генерала Хлоцицкаго, и съ тѣхъ поръ начали возстановляться порядокъ и спокойствіе, благодаря принятымъ имъ строгимъ мѣрамъ».

«Но всѣ эти дѣйствія, — замѣтилъ императоръ, — незаконныя дѣйствія. Вашъ государь одинъ имѣетъ право дѣлать назначенія, измѣнять составъ совѣта, даже соглашаться на отставку тѣхъ, которые, какъ вы, считаютъ долгомъ удалиться. Административный совѣтъ не исполнилъ своего долга; его члены скорѣе должны были бы погибнуть, чѣмъ уступить волю мятежниковъ».

Его величество спросилъ у князя о причинѣ революціи и почему возникли неудовольствія у націи противъ правительства.

Князь, въ свою очередь, старался оправдать свое и своихъ коллегъ поведеніе. Онъ протестовалъ, говоря, что въ томъ положеніи, въ которомъ они постоянно находились подъ ножомъ убійцъ, они сдѣлали все зависящее отъ нихъ и что въ ихъ распоряженіи не было арміи, и потому они должны были ограничиться призывомъ себѣ на помощь арміи, стоящей внѣ города, и что одинъ изъ этихъ полковъ, который его командиръ хотѣлъ вести къ великому князю, отказался повиноваться его приказаніямъ и присоединился къ мятежникамъ.

Здѣсь императоръ спросилъ, почему генералъ Шембекъ не послѣдовалъ примѣру генерала Трембицкаго, который далъ бы себя скорѣе убить. чѣмъ взять на себя командованіе возмущившимся полкомъ.

Князь приписалъ это обстоятельство невозможности со стороны Шембека помѣшать этой измѣнѣ. Относительно жалобы націи на правительство онъ сказалъ: «Обвиненіе главнымъ образомъ касается того, что: 1) не была принята во вниманіе ни одна изъ жалобъ, касающихся сейма, 2) административный совѣтъ, противъ котораго были направлены эти возраженія, не былъ облеченъ властью провѣрять ихъ и рѣшать, 3) взяточничество имѣло мѣсто въ администраціи, зависящей отъ варшавскаго муниципалитета, 4) наконецъ обвиняли людей, окружавшихъ великаго князя, которымъ онъ довѣрилъ управленіе тайной полиціей, что они своими клеветами вызываютъ несправедливыя преслѣдованія, которымъ подвергаются многіе субъекты». Таковы причины общаго недовольства, обнаружившіяся послѣ возмущенія, замышленнаго единственно студентами и унтеръ-офицерами.

Выслушавъ перечисленіе этихъ недовольствій, императоръ замѣтилъ относительно перваго, что всегда соблюдался законный ходъ, потому что на всякомъ сеймѣ давался отчетъ о результатахъ провѣрки представленныхъ на предшествовавшей сессіи петицій. Что же касается безпорядковъ и зло-

употреблений, проскользнувших въ администрацію варшавскаго муниципалитета, то онъ впервые объ этомъ слышитъ, что вся вина падаетъ на административный совѣтъ, который, несмотря на повторяемые приказанія докладывать ему обо всѣхъ обстоятельствахъ, достойныхъ его вниманія и разслѣдованія, считалъ умѣстнымъ пройти молчаніемъ столь важный фактъ.

Его величество возложилъ личную отвѣтственность за все на князя Любецкаго. Послѣдній считалъ долгомъ сдѣлать замѣчаніе, что это дѣло болѣе зависѣло отъ комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ отъ его личныхъ предписаній. На это государь далъ ему почувствовать, что онъ не могъ представить этотъ фактъ, какъ министръ финансовъ, но, какъ членъ совѣта, онъ отвѣчалъ за то, что не протестовалъ противъ того, что считалъ незаконнымъ. Затѣмъ, возвратясь къ предмету своей миссіи, князь Любецкій увѣрялъ, что всѣ авторитеты, которые вслѣдствіе революціи оказались теперь во главѣ власти въ царствѣ Польскомъ, продолжали дѣйствовать отъ имени императора и не имѣли другихъ желаній, какъ только видѣть конституцію безотлагательно выполненною во всемъ своемъ объемѣ.

«А что означаютъ, — сказалъ тогда императоръ, — эти опрокинутые орлы и намѣреніе видѣть прежнія польскія провинціи присоединенными къ Польшѣ?»

«Это требованіе, — отвѣтилъ князь Любецкій, — было изложено въ докладѣ временнаго правительства не какъ желаніе, на которомъ настанвали, а какъ надежда, которую питаютъ нація, о чемъ она считала долгомъ дать отчетъ вашему величеству. Что же касается орловъ, то они были сбиты въ первый моментъ возбужденія экзальтированными и, быть можетъ, пьяными людьми».

Тогда императоръ взялъ со стола пакетъ на имя князя Любецкаго и, указывая на гербъ диктатора, которымъ онъ былъ запечатанъ, сказалъ:

«А этотъ тоже былъ пьянъ?»

Князь его вскрылъ и прочиталъ заключавшееся въ конвертѣ письмо генерала Хлопицкаго, послѣ чего императоръ спросилъ Любецкаго: имѣетъ ли онъ еще что-нибудь ему сказать, прочитавъ его прокламацію, и каково было его личное мнѣніе объ этомъ?

«Государь, — отвѣтилъ князь Любецкій: — прокламаціи недостаточно; въ націи господствуетъ *idée fixe*, она опасается, что хотятъ воспользоваться этимъ мятежомъ, чтобы отнять у нея хартію. Прокламація не уничтожила этого страха».

При этомъ отвѣтѣ императоръ повернулся къ графу Дибичу и сказалъ: «Такъ значитъ война! Маршалъ, немедленно отправьтесь!»

— Золотые годы Жоржъ-Занда. — 1833 годъ былъ памятнымъ въ жизни и литературной дѣятельности Жоржъ-Занда: она написала свой второй знаменитый романъ «Лелія» и сошлась съ Мюссэ. До тѣхъ поръ романистка выпустила въ свѣтъ «Валентину», которая такъ же, какъ «Индіана», была исторіей несчастнаго брака и непонятой любви, но не пользовалась успѣхомъ, хотя была вмѣстѣ съ «Индіаной» предвѣстникомъ послѣдующаго феминизма. Точно также неудачна была ея попытка влюбиться въ Меримэ,

прельстившаго ее своимъ умомъ, послѣ несчастливаго романа съ Сандо. «Я,— писала она своему пріятелю Сентъ-Беву, котораго избрала себѣ въ духовники,—въ продолженіе восьми дней вѣрила, что Меримэ владѣетъ тайной счастья, но черезъ недѣлю плакала отъ страданій, отвращенія и унынія. Я надѣялась найти въ немъ преданнаго утѣшителя, а, нашла въ немъ, напротивъ, только холоднаго, злобнаго насмѣшника». Она какъ бы постарѣла на двадцать лѣтъ и подъ этимъ вліяніемъ написала свое второе, чуть не гениальное произведеніе—«Лелія», которое впервые появилось въ «Revue des deux Mondes». Редакторъ журнала, Франсуа Бюлозъ, заключилъ съ ней тогда контрактъ, по которому онъ обязался выплачивать ей 4000 франковъ въ годъ за право печатать всѣ ея романы, по 32 страницы въ недѣлю. Съ этихъ поръ она была его постоянной сотрудницей въ продолженіе сорока трехъ лѣтъ, и ея послѣдній романъ «La Tour de Percemont»¹⁾ вышелъ 1 января 1876 года.

Что касается «Лелии», то это было дебютомъ романтизма, овладѣвшаго душою Жоржъ-Занда. Въ сущности, въ этомъ романѣ нѣтъ настоящаго сюжета, и дѣйствующія въ немъ, по выраженію Думика, лица не люди крови и плоти, а аллегоріи, гуляющія въ саду отвлеченностей. «Лелія» въ жизни любила, испытала разочарованіе и больше не могла любить, поэтому она привела въ отчаяніе молодого поэта Стенію, и онъ съ горя предался разврату. Сама Лелія пошла въ монастырь и сдѣлалась настоятельницей, но потомъ влюбилась въ раскаявшагося каторжника, почему «Лелія», по словамъ Думика, служить прототиномъ «Преступленія и наказанія» Достоевскаго, а также «Воскресенія» графа Толстого. «Лелія» произведеніе рѣдкой красоты, но красоты поэмы или ораторіи. Хотя Жоржъ-Зандъ увѣряла Сентъ-Бева, что не слѣдовало вѣрить ея сатанинскому романтическому безумію, но нѣчто подобное осуществлялъ ея романъ—не искусственный, а жизненный, съ Альфредомъ Мюссэ. Знаменитое венеціанское приключеніе очень походило на эпизодъ Лелии и Стенію, хотя, въ сущности, онъ и былъ написанъ ранѣе, что доказывается надписью на экземплярѣ романа «Лелія», подаренномъ ею Мюссэ: «A Mon gamin d'Alfred».

Молодые люди сблизились въ августѣ 1833 года, и Жоржъ-Зандъ писала Сентъ-Беву: «Я теперь влюблена и на этотъ разъ серьезно. Я нахожу въ немъ чистосердечіе, прямодушіе и нѣжность, которыя меня опяняютъ. Это любовь молодого человѣка и дружба товарища». Въ концѣ года они отправились путешествовать по Италіи и въ январѣ 1834 года прибыли въ Венецію, гдѣ начался знаменитый эпизодъ романтическаго безумія. Сначала они любили другъ друга страстно, но она занемогла, и онъ отъ этого пришелъ въ негодованіе и ярость. Затѣмъ наступила очередь хворать Мюссэ, и у него сдѣлалась сильная нервная горячка, отъ которой онъ нѣсколько дней былъ при смерти. Жоржъ-Зандъ ухаживала за нимъ, какъ рѣдкая сестра милосердія, и все-таки находила время работать для ихъ общаго пропитанія. Она написала Бюлозу о своемъ несчастіи и просила у него займы денегъ. Говорятъ, что въ сумму

¹⁾ George Sand, par R. Doumic. «Revue Hebdomadaire» №№ 9, 10, 11 1909 г.

этого долга входило 360 франковъ, проигранныхъ Мюссэ до его болѣзни. Здѣсь произошелъ драматическій эпизодъ любви Жоржъ-Занда къ молодому итальянскому доктору Паджелло, лечившему Мюссэ, который самъ видѣлъ ихъ близкія отношенія; естественна была бы съ его стороны ревность къ доктору, но таковъ былъ съ его стороны безумный романтизмъ, что больной, придя въ себя, благословилъ ихъ любовь. Когда же онъ совершенно выздоровѣлъ, то уѣхалъ изъ Венеціи, оставивъ Жоржъ-Занда въ объятіяхъ Паджелло. Возвратясь въ Парижъ вмѣстѣ съ Паджелло, она не знала, что дѣлать съ Мюссэ, такъ какъ онъ продолжалъ ее безумно любить и говорилъ ей: «Я погибъ, я поглощенъ любовью и не знаю, живу ли я, хожу ли я, дышу ли я, говорю ли я, но только я знаю одно, что я люблю тебя». Жоржъ-Зандъ уступила его просьбамъ и мало-по-малу она сама снова полюбила его. «Я не люблю тебя,—говорила она,—но я тебя обожаю. Я болѣе не хочу тебя, но я не могу жить безъ тебя». Какъ бы то ни было, они оба возымѣли рѣшимость въ августѣ 1835 года разстаться навсегда.

Любовь Жоржъ-Занда и Альфреда Мюссэ породила безконечную литературу, которая продолжалась до послѣдняго времени. Сначала стали писать оба героя этой драматической эпопеи, а затѣмъ въ этой литературѣ приняли участіе братъ Мюссэ и безчисленные защитники той и другой стороны. Конечно, герои писали диірамы и пасквили. Начала Жоржъ-Зандъ съ «Писемъ путешественника», потомъ перешла къ романамъ и «Интимному секретарю» и, наконецъ, вполнѣ окончила своимъ полнымъ гнѣва произведеніемъ «Она и онъ». Что же касается Мюссэ, то онъ, благодаря венеціанскому эпизоду, создалъ «Исповѣдь сына вѣка», «Исторію бѣлаго дрозда» и безчисленное количество художественно-поэтическихъ произведеній, какъ «Майская ночь», «Октябрьская ночь», «Декабрьская ночь», «Письмо къ Ламартину», «Воспоминанія» и проч. Къ этой пространной самозащитѣ поэта нужно прибавить романъ брата Мюссэ, Поля: «Онъ и она». Въ сущности этотъ роковой кризисъ любви отозвался болѣе на Мюссэ, чѣмъ на Жоржъ-Зандѣ. Онъ вышелъ изъ него человѣкомъ помятымъ, пришибленнымъ, но для поэта это было славнымъ торжествомъ. Она же смотрѣла на него, какъ на ребенка, и послѣ этой второй неудачной любви къ молодымъ людямъ стала искать зрѣлаго любовника, который бы господствовалъ надъ нею.

Въ томъ же 1835 году она нашла себѣ такого плутарховскаго героя. Это былъ Мишель, адвокатъ изъ Буржа, человѣкъ лѣтъ тридцати семи, но казавшійся шестидесятилѣтнимъ. Громаднаго роста, плѣшивый, безконечно болтливый и холодный, разумный, краснорѣчивый. Легко было понять, почему Жоржъ-Зандъ плѣнилась Мишелемъ: это былъ настоящій апостолъ и притомъ энергичный, грубый, дурно воспитанный. Въ сущности, онъ былъ тиранъ, но она признавала въ немъ властителя, который общалъ при случаѣ ее гильотинировать, что ее пугало и доказывало ей его превосходство. Она писала ему: «Я люблю тебя потому, что, когда я представляю себѣ типъ мудрости, силы и красоты, то я вижу предъ собою тебя. Никакой человѣкъ не имѣлъ на меня такого нравственнаго вліянія, и до тебя мой умъ, вѣчно свободный и дикій, не допускалъ никакой власти надъ собой. Ты пришелъ и меня поборолъ; я тебя

любила со дня моего рожденія и чрезъ различные призраки я все же искала тебя». Существуетъ цѣлая груда ея писемъ къ Мишелю изъ Буржа и еще только часть ихъ напечатана; когда же они появятся все цѣликомъ, то будутъ гораздо замѣчательнѣе писемъ къ Мюссэ,—настолько они дышатъ красотою, страстью и пыломъ. Но черезъ два года этотъ классическій герой надѣлъ ей своей грубостью, деспотизмомъ, ревностью и невѣрностью. Она писала въ 1837 году своему пріятелю Жиреру: «Устала я быть ему преданной, склонять свою гордость предъ любовью и въ вознагражденіе находить только неблагодарность. Я чувствую, что любовь моя разбилась и исчезла: я совершенно излечилась».

Несмотря на это, Мишель изъ Буржа имѣлъ на Жоржъ-Занда очень благотѣльное вліяніе. Онъ научилъ ее гуманнѣмъ республиканскимъ идеямъ, и индивидуальная писательница сдѣлалась безличной гуманисткой. При этомъ не надо забывать, что въ практическомъ отношеніи Мишель изъ Буржа оказалъ ей большую услугу, выигравъ въ 1836 г. ея бракоразводный процессъ съ мужемъ, Дюдеваномъ, и судъ не только развелъ ее, но по ея просьбѣ отдалъ ей обоихъ дѣтей, Мориса и Соланжъ. Въ это же время Жоржъ-Зандъ близко подружилась съ Листомъ и графиней д'Агу, съ которой онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Они втроемъ жили въ одномъ домѣ и имѣли общій салонъ, въ которомъ встрѣчались, между прочимъ, Ламеннэ, Генрихъ Гейне, Мицкевичъ и Шопенъ. Листъ сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Жоржа-Занды послѣ появленія ея романа «*Leonne, Leonie*», передѣлки «*Мэнонъ Леско*» на романтическій ладъ. Кромѣ того, въ означенную эпоху она писала посредственные романы «*Jacques*», «*André*» и «*Simon*», гдѣ вывела Мишеля изъ Буржа. Послѣднимъ романомъ она не удовольствовалась и написала въ честь своего недавняго возлюбленнаго три тома подъ названіемъ «*En genevalde au front Mauve*», но Бюлозъ не принялъ этого литературнаго произведенія своей постоянной романистки, и оно никогда не было напечатано. Въ годъ же разлуки съ Мишелемъ изъ Буржа Жоржъ-Зандъ издала одинъ изъ лучшихъ своихъ романовъ «*Maurgat*», въ которомъ обозначалась съ особой силой тенденція къ прославленію супружества, что въ сущности было противоположностью ея прежнимъ феминистскимъ романамъ.

Познакомившись съ Шопеномъ въ своемъ, общемъ съ графиней д'Агу салонѣ, Жоржъ-Зандъ влюбилась въ него и написала графинѣ: «Скажите Шопену, что я его боготворю». Послѣдняя отвѣчала довольно ехидно: «Шопенъ кашляетъ съ удивительной граціей, но это человѣкъ нервнѣшительный; у него постоянного—только кашель». Въ то время тридцатисемилѣтній полякъ Шопенъ былъ любимцемъ парижскихъ салоновъ и моднымъ композиторомъ и піанистомъ. Разсорившись изъ-за него съ своей пріятельницей, Жоржъ-Зандъ начала вести длинную исторію съ большимъ композиторомъ.

Въ 1838 году она поѣхала съ нимъ и со своими дѣтьми на островъ Майорку, надѣясь, что тамошній климатъ поправитъ его здоровье. Но роковая чухотка выразилась со всей жестокостью, и путешествіе, предпринятое съ цѣлебною цѣлью, потерпѣло жестокое фіаско. Жоржъ-Зандъ оказалась, какъ всегда, образцовой сестрой милосердія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературномъ

отношеніи она выиграла отъ этого драматическаго эпизода, написавъ романъ «*Spiridion*» и «*Un hiver à Majorque*», гдѣ встрѣчаются прекрасныя описательныя страницы.

Наконецъ въ мартѣ 1839 г. кончились странствія влюбленныхъ, но связь ихъ продолжалась еще восемь лѣтъ. Зимой они жили въ Парижѣ, а лѣтомъ въ ея имѣніи Ноанѣ. Какъ то, такъ и другое мѣстопробываніе не нравились Шопену. Въ первомъ онъ не любилъ ея обычнаго литературнаго и политическаго общества, состоявшаго изъ Пьера Леру, Луи Влана и Эдгара Кине, а въ послѣднемъ онъ скучалъ и ему надоѣдали шумныя пьяницы-сосѣди.

Ухаживая за больнымъ Шопеномъ съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ, она увѣряла своихъ друзей, что болѣе семи лѣтъ отношенія между ними были платоническія, а Шопенъ жаловался, что она убивала его воздержанностью, и про него рассказывали, что онъ имѣлъ любовницей поселянку Ноана. Наконецъ онъ сталъ ссориться со всей семьей Жоржъ-Зандъ, и гнѣвный раздоръ съ ея дочерью Соланжъ и ея мужемъ, скульпторомъ Клезингеромъ, въ 1847 г. былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу горечи.

Литературнымъ послѣдствіемъ этого любовнаго романа была «*Luscigzia Flotiani*», гдѣ она охарактеризовала Шопена въ личности принца Карола, что очень разсердило великаго музыканта. Въ сущности этотъ романъ былъ олицетвореніемъ «*maternité amoureuse*», которою дышалъ ея жизненный романъ съ Шопеномъ. Не только ея любовь къ Шопену, но и дружба съ Листомъ, Делакроа, Полиной Виардо, Лаблашемъ и другими артистами внушили Жоржъ-Занду романы съ артистической подкладкой, какъ, на примѣръ: «*Les Maîtres Mosaïstes*», «*La dernière Aldini*» и въ особенности «*Consuelo*».

— Соціалисты отъ Морелли до Маркса. Въ апрѣльскихъ «Новостяхъ и мелочахъ» уже говорилось о большомъ трудѣ Агостино Гори: «*Alba di socialisme*», гдѣ онъ излагаетъ исторію соціализма. По его словамъ, зареку современнаго соціализма надо считать 1755 годъ, когда появился въ печати «*Code de la Nature*» француза-учителя въ Эпиналѣ Морелли. Въ этомъ сочиненіи принципы коммунизма были представлены во всей силѣ и преобразование общества покоилось на базѣ чисто соціалистической. По отзыву автора «*Précis de socialisme*», Бенуа Малона, Морелли былъ гениальнымъ новаторомъ, который, умеревъ въ неизвѣстности, оставилъ послѣ себя безсмертное сочиненіе. Вообще Малонъ много говоритъ о немъ въ своемъ трудѣ. «По теоріи Морелли, — говоритъ онъ, — собственность главная и постоянная причина всѣхъ несогласій, золь и преступленій, потому что духъ собственности и корысти располагаетъ каждаго приносить въ жертву своему благополучію счастье всего человѣчества».

Впрочемъ, хотя Гори пренебрегаетъ Руссо, около того же времени женевецъ еще краснорѣчивѣе выставлялъ ту же мысль: «Первый, кто, огородивъ участокъ земли, осмѣлился сказать: «это мое!» — и нашелъ настолько простыхъ людей, которые этому повѣрили, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, смертоубійствъ, отъ сколькихъ несчастій и ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто, вы-

рываая колья и зарывая рвы, воскликнулъ бы: «Берегитесь слушатся этого лгуна! Вы погибнете, если забудете, что плоды для всѣхъ, а земля ничья!» По этой причинѣ Фагэ и написалъ, что Руссо можно считать социалистомъ и что черезъ безчисленное количество противорѣчій онъ долженъ всевозможными путями, если не соприкасаться съ социализмомъ, то, по крайней мѣрѣ, стремиться къ социалистическимъ приемамъ: онъ не любилъ этого отвлеченнаго равенства, которое только предполагаемое равенство правъ между сильнымъ и слабымъ, богатымъ и бѣднымъ, реальное равенство предполагаетъ уничтоженіе сильнаго и богатаго и составляетъ самую душу демократіи». Такимъ образомъ, Руссо долженъ считаться самымъ славнымъ предтечей социализма. Однако Гори этого не признаетъ за Руссо, а всецѣло восторгается Морелли, его системой и логикой, совершенно отличной отъ взглядовъ блестящаго софиста Руссо.

«Code de la Nature» Морелли былъ напечатанъ безъ имени автора и долго считался произведеніемъ Дидро, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Supplement aux voyages de Bougainville» дѣйствительно проводилъ такія же смѣлыя идеи, какъ и въ «Code de la Nature». Даже Лагарпъ впалъ въ ошибку и приписалъ «эти гнусныя безумія» — Дидро, высокоумному реформатору, принимающему съ самой черной ненавистью все, о чемъ люди думали и что дѣлали раньше него, объявившему нелѣпнымъ и преступнымъ все, что не входило въ его планъ, о которомъ онъ мечтаетъ, и желающему ввести во всѣ умы и сердца ужасъ и презрѣніе, обнаруживаемые имъ повсюду противъ правительствъ всего свѣта и бѣшеное желаніе ихъ свергнуть».

Упомянувъ о различныхъ социалистическихъ сочиненіяхъ той эпохи, кромѣ декламационныхъ «Entretiens de Phocion» Мабли, онъ говоритъ о «Spensonia» Спенса — англійскаго Морелли, особенно развивавшаго принципы аграрнаго социализма, а также упоминаетъ и о другихъ экономистахъ. Въ первой трети XIX вѣка появились три социалиста философа, съ оригинальными и смѣлыми идеями, очаровавшими многіе умы. Это были: графъ Клодъ Генри, Сень-Симонъ, Фурье и Робертъ Оуэнъ. Первый изъ нихъ, внукъ автора извѣстныхъ мемуаровъ герцога Сень-Симона, родился 17 октября 1760 года и получилъ блестящее воспитаніе, имѣя между прочими учителями такую личность, какъ Даламберъ. Поступивъ на военную службу, Сень-Симонъ отправился въ Америку бороться за американскую независимость, послѣ чего много путешествовалъ и предпринималъ различные проекты, какъ, на примѣръ, проведеніе канала черезъ Панамскій перешеекъ, франко-голландскую экспедицію противъ британскихъ колоній въ Индіи, проведеніе канала отъ Мадрида къ морю. Но на его проекты не согласились ни мексиканскій вице-король, ни Голландія, ни Испанія. Впрочемъ, послѣдняя склонялась къ согласію, но было уже поздно: во Франціи вспыхнула революція, и Сень-Симонъ лишился всего своего имущества. Для поправленія своихъ дѣлъ онъ вступилъ въ компанію съ графомъ Редерномъ и сталъ скупать національныя земли. Къ этому времени относятся его первыя попытки грандіозныхъ социальныхъ реформъ.

По мнѣнію Сень-Симона, для осуществленія этого грандіознаго плана слѣдовало создать всеобщую физико-политическую науку. Съ этой цѣлью онъ

бросилъ всё свои спекуляціи, которыя принесли ему 144,000 франковъ, и принялся за изученіе естественныхъ наукъ и исторіи. Пропутешествовавъ по Германіи и Англій, онъ возвратился въ Парижъ и женился. Въ шумной столицѣ онъ сразу впалъ въ вихрь наслажденій и кутежей, финаломъ которыхъ была вторичная потеря состоянія и разводъ съ женой. Тогда онъ рѣшилъ, что экспериментальный періодъ его жизни окончился, и онъ взялся за перо, результатомъ чего было появленіе въ печати (въ 1802 году) его перваго социально-политическаго сочиненія, въ которомъ онъ проводилъ серьезную реформу общества, основанную на новой наукѣ, новой религіи, эждущуюся на личномъ интересѣ и подчиненную закону исторической эволюціи. Согласно этой морали Франціей должна управлять верховная ученая коллегія, на половину изъ членовъ академіи наукъ, на половину академіи художествъ. Этой «духовной власти должны подчиняться временныя власти, монархи и парламентъ».

Судьба этого оригинальнаго человѣка со странно-фантастическимъ умомъ, въ одно и то же время графа, коммерсанта, земледѣльца, бездѣльника-миллионера и кутилы, затѣмъ мелкаго служащаго въ ломбардѣ, умирающаго съ голода бродяги, журналиста, философа — была чрезвычайно превратна. Полубогъ, обожаемый своими горячими сторонниками, къ которому въостлѣдствіи восторженно, но съ непостоянствомъ относились Огюсть Контъ, Огюстенъ Тьері, Мишель Шевалье, Пьеръ Леру, Фелисьенъ Давидъ, оба Перейры, Ипполитъ Карно и даже отчасти Генрихъ Гейне и Сентъ-Бевъ, онъ очутился въ такомъ ужасномъ матеріальномъ положеніи, что, поступивъ въ ломбардъ писцомъ, былъ оттуда взять прежнимъ своимъ слугою Діаре, у котораго и проживалъ. Послѣ смерти послѣдняго онъ опять очутился въ такомъ же плачевномъ матеріальномъ положеніи. Но въ 1814 году послѣ того, какъ онъ самъ постигъ всё невыгодныя условія рабочаго человѣка, появилось его сочиненіе о необходимости новой организаціи труда, а черезъ 16 лѣтъ — его «Организаторъ», за который онъ едва не попалъ въ тюрьму, благодаря главѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ привелъ притчу о томъ, что если бы королевскій домъ и весь дворъ исчезли, то отъ этого произошла бы одна польза. Главный же восторгъ вызвалъ напечатанный имъ въ 1821—22 годахъ трудъ «Индустриальная система», привлекшій къ нему преданныхъ и восторженныхъ учениковъ, уже упомянутыхъ нами. Между тѣмъ официальная наука не обращала вниманія на него, и его матеріальное положеніе становилось все тяжелѣе, пока въ концѣ концовъ онъ не дошелъ до отчаянной рѣшимости самоубійства. Онъ стрѣлялся, прострѣлялъ себѣ глазъ, но остался живъ и прожилъ еще два года, обожаемый своими учениками, основавшими послѣ его смерти школу сентъ-симонистовъ во главѣ съ Базаромъ и Анфантемомъ. Сентъ-Симонъ являлся анти-индивидуалистомъ и анти-либераломъ (какъ и его ученикъ Огюсть Контъ), сторонникомъ смягченнаго коммунизма.

Напротивъ, его соревнователь, Шарль Фурье, начавшій, какъ и Сентъ-Симонъ, жизнь въ богатой обстановкѣ, при благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, затѣмъ очутившійся лицомъ къ лицу съ нуждою и практически ознакомившійся съ бытомъ трудящагося класса, проповѣдывалъ болѣе радикаль-

ный коммунизм. Фурье родился в 1772 году и был сыном кушца, впоследствии разорившагося, что заставило Шарля поступить приказчиком в один торговый дом в Марсель. В основу его теории входила идея о существовании гармонии между природой и человеком, о чем его клерикальные враги иронически замечали, что в нем нет ничего тиранического, так как в его будущем обществе люди будут руководствоваться только страстью к наслаждениям, инстинктом гармонии и законной любовью к переменам, которых Фурье окрестил словом «la Papillone». Его теория четырех движений обратила на себя внимание не сразу, а о нем заговорили, только когда он напечатал в 1822 году «Трактат об ассоциации домашней и земледельческой». Согласно его идеям совершенствование человека должно входить в волю Создателя мира, а потому природа обязана служить человеку всеми присущими ей дарами. Гармония природы с человеком достигается только тогда, когда при ее содействии удовлетворяются все желания человека. В этом-то удовлетворении и заключается счастье и совершенствование человека. Не в подавлении желаний и страстей, проповедуемой обычной моралью, создается счастье человека, а в гармоничном их развитии, настолько гармоничном, чтобы они не вредили человеку, а, наоборот, служили бы к его благополучию. Таким образом, эти страсти и склонности должны обратиться в движущие силы всякого труда, благодаря чему и этот труд превратится не в наказание, а в привлекательное для человека наслаждение. Такого благоденствия для трудящегося класса Фурье рассчитывал достигнуть земледельческой ассоциацией, которая обеспечивала бы материальную независимость своих членов, для чего установила бы порядок владения имуществом и соединение мелких земельных владений в крупные имущественные единицы и порядок труда. При этом каждый обрабатывал бы кусок почвы в соответствии с его производительной силой, что подняло бы доходность земли и каждый член избирал бы себе занятие по способностям и склонностям, что увеличить успешность труда, возбудить деятельное соревнование и послужить источником постоянного наслаждения. Такие поселки из 2000 членов, занимающие около квадратной мили земли, Фурье назвал фалангами, а общее жилище членов — фаланстером. Каждая фаланга управлялась выборными распорядителями, которые, в свою очередь, подчинялись одному верховному главе. Учениками Фурье было Туснель, Эжен Сю и Виктор Консидеран.

Более практичным в применении своих идей был из них третий, Роберт Оуэн (1771—1858 года), идеи которого не уносились в метафизические области, а оставались на земле. Он, как и первые два, находился сначала в благоприятных материальных условиях и, купив у своего тестя хлопчатобумажную мануфактуру в Нью-Ланарк, в Шотландии, фактически доказал, что заботы о рабочих приносят выгоды фабрикантам. Он увеличил им заработную плату, укоротил рабочий день и, наконец, предоставил им право участвовать в чистой прибыли и доказал, что чистая прибыль от этого не уменьшилась, а увеличилась. Однако, ему пришлось разочароваться в успехе своей проповеди среди англичан и он отпра-

вился въ Сѣверную Америку, гдѣ въ штатѣ Индіанѣ основалъ общину на коммунистическихъ началахъ, которая, впрочемъ, распалась. Онъ попытался замѣнить деньги рабочими часами и съ этой цѣлью устроилъ нѣчто вроде банка, но въ 1832 году потерялъ все свое состояніе. Оуэнъ первый потребовалъ фабричныхъ законовъ, сокращенія рабочаго дня и основалъ ассоціаціи. Кромѣ книгъ, въ которыхъ онъ развивалъ коммунистическія идеи, онъ напечаталъ болѣе 2000 статей и произнесъ 1000 рѣчей на ту же тему. Этотъ пророкъ рабочихъ кооперацій, уничтоженія собственности, семьи въ узкомъ смыслѣ слова, монархіи и всѣхъ религій, умеръ въ 1858 году.

Затѣмъ Гори, не упомянувъ ни о Кабэ, ни о Луи Бланѣ, ни о Пьерѣ Леру и Бюшэ, прямо переходитъ къ знаменитому экономисту Давиду Рикардо, еврею по происхожденію, который тоже родился въ зажиточной семьѣ и готовился родителями къ коммерческой дѣятельности, но случайно увлекся политической экономіей. Рикардо со своими учениками далъ орудіе для борьбы въ руки коллективистовъ-соціалистовъ съ ихъ тезисомъ: «трудъ единственный фундаментъ и единственная мѣра цѣнности; наибольшей цѣнностью было бы простое умноженіе труда». По его теоріи, фабриканты воруютъ у рабочихъ продуктъ ихъ труда чрезъ присоединеніе части богатства, произведеннаго единственно работою. Поэтому необходимо, чтобы всѣ средства производства принадлежали общинѣ, но обладаніе предметами могло быть индивидуальное. Такимъ образомъ, его ученіе не полный коммунизмъ, а коллективизмъ, первыми апостолами котораго были бельгіецъ Коленъ и французъ Пеккеръ. Индивидуальныя и экономическія теоріи Прудона и Штирнера составляютъ антиподъ.

Затѣмъ Гори, перейдя къ Марксу, подробно разсматриваетъ его доктрины научнаго коллективизма, выработанныя въ Лондонѣ имъ и его другомъ Энгельсомъ во время ихъ изгнанія послѣ 1848 года. Онъ останавливается главнымъ образомъ на религіозномъ характерѣ, въ который облеченъ социализмъ Маркса, а также на усилахъ соціалистовъ выработать законъ «научной морали, способной внушить людямъ желаніе и силу вести себя хорошими соціалистами». Соціалистская церковь, по его словамъ, повелительна и невѣротерпима; она жаждетъ единства и выказываетъ склонность отлучать каждаго изъ своихъ членовъ, котораго заподозритъ въ ереси. Она не допускаетъ, чтобы оспаривали ея догматы, и ся конгрессы походятъ на вселенскій соборъ. «Чтобы быть достойнымъ,—говоритъ Гори,—войти въ соціалистскій рай, надо имѣть простое сердце, отбросить всѣ личныя идеи и чувства и быть готовымъ повиноваться *perinde ac cadaver*».

Кромѣ того, Гори настойчиво ищетъ въ трудахъ Маркса вліяніе его еврейскаго происхожденія и при этомъ указываетъ на будто, по его выраженію, «глубоко іудейскій характеръ» какъ его, такъ и другихъ соціалистскихъ доктринеровъ. Еврейскую натуру Маркса онъ усматриваетъ въ интернаціонализмѣ, свѣдающей его ненависти, жадной необходимости все отрицать и уничтожать. Марксъ выставилъ принципомъ фатализмъ и историческій матеріализмъ; онъ опредѣлилъ законы пролетарской эволюціи и предсказалъ всѣ соціальныя явленія, которыя должны фатально быстро послѣдовать, такъ что

никакая человеческая воля не может воспрепятствовать этой эволюции. Это произойдет вследствие все большего сосредоточения капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, ужаснаго умноженія пролетаріата и все увеличивающейся нищеты среди рабочихъ.

На это Гори замѣчаетъ, что пророчества Маркса не сбылись! «Съ разсѣяніемъ капиталовъ и ихъ раздробленіемъ на мелкія предпріятія, благодаря анонимнымъ обществамъ, съ прогрессомъ кооперативныхъ обществъ не только потребленій, но и производства, благодаря необыкновенному наплыву золота, что повело за собою уничтоженіе монетъ, увеличеніе цѣнъ и платы, капиталъ вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ, какъ говоритъ Марксъ, видѣвшій въ этомъ сосредоточеніи существенное условіе социализма, напротивъ, сталъ все болѣе и болѣе доступенъ людямъ самымъ недостаточнымъ и даже пролетаріямъ, которые легко могутъ имъ овладѣть». Такимъ образомъ начинается прогрессивное обуржуазеніе социалистическихъ партій.

Рядомъ съ социализмомъ и политиканствомъ нѣкоторое время стало проявляться синдикалистское теченіе, которое, особенно во Франціи и Италіи, объявило себя чисто революціоннымъ. Гори считаетъ, что это синдикалистское движеніе послѣ кризиса въ данный моментъ примкнетъ къ правильной мирной корпоративной организаціи рабочаго міра. Затѣмъ онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ текущимъ социалистскимъ идеямъ и попыткамъ коммунистовъ, болѣе или менѣе дѣйствительнымъ, проявившимся въ Италіи во время годовъ, предшествовавшихъ европейскимъ переворотамъ 1848 г. Этимъ и оканчиваетъ свой трудъ Гори. Самыя возвышенныя похвалы расточаетъ въ «Rassegna Nazionale» сочиненіямъ Гори итальянскій публицистъ Антонио Беллантини, который сравниваетъ его съ Тацитомъ и Бальби, авторомъ «Sperane d'Italia».

— Итальянскій Мессія XIX вѣка.— Въ мартовскомъ номерѣ «English Review» Эдуардъ Гуттонъ рассказываетъ любопытную трагедію жизни Давида Лаццаретти ¹⁾, родившаго въ 1834 г. въ городѣ Арчидосѣ въ тосканской провинціи Гроссето, провозгласившаго себя Мессіей и разстрѣяннаго въ 1878 г. Сынъ тосканскаго мясника, Лаццаретти, повидимому, велъ жизнь набожную, даже святую, такъ что ему являлись многочисленныя видѣнія. Онъ окружалъ себя толпою учениковъ и основалъ церковь въ горахъ, которая вскорѣ была закрыта по распоряженію папы. Подчинившись волѣ его святѣйшества, онъ отправился во Францію и Англію, а по возвращеніи на родину провозгласилъ себя Мессіей и объявилъ, что имѣетъ цѣлью основать республику, которая будетъ царствомъ Божіимъ на землѣ. Онъ напечаталъ и распространилъ небольшую кнжку, въ которой заключались двадцать четыре пункта новой вѣры. Въ концѣ ихъ говорилось: «Въ заключеніе скажемъ, что нашъ учитель Давидъ Лаццаретти, судимый и приговоренный римской куріей, дѣйствительно Христосъ, повелитель и судья, въ лицѣ истинно явившагося во второмъ пришествіи Господа нашего Иисуса Христа».

¹⁾ The Tragedy of David Lazzaretti. By E. Gutton. «The English Review», march 1909.

Въ послѣдній разъ Лаццаретти явился въ Италію въ іюнѣ 1878 г., а 14 августа въ канунъ Вознесенія громадная толпа его послѣдователей собралась на горѣ Лаббро, чтобы на другой день, какъ онъ имъ обѣщалъ, спуститься въ городъ Арчидосъ, гдѣ будетъ основано новое царство Божіе, которое дастъ поселянамъ большую долю жатвы, чѣмъ имѣютъ господа. Черезъ три дня послѣ ночи, проведенной въ молитвѣ, народъ большою толпою отправился въ Арчидосъ. Въ этой странной компаніи находилось семь легендарныхъ принцевъ, избранныхъ для командованія милиціей — *Crocifere dello Spirito Santo*. Они были одѣты, какъ семь великихъ сановниковъ, которые явились Давиду въ видѣннн на Сабинской горѣ. На нихъ были накинуты сѣрые мантии на красной подкладкѣ поверхъ фантастическаго сѣраго костюма. Въ ихъ головные уборы были воткнуты три длинныхъ пера: зеленое, желтое и синее, между которыми виднѣлась серебряная горлица съ масличной вѣтвью въ клювѣ.

За ними слѣдовали двѣнадцать апостоловъ и учениковъ; у первыхъ были мантии синія, у послѣднихъ—красныя. Вслѣдъ затѣмъ шествовали схимники-патеры, которые составляли всю духовную конгрегацію новой религіи. На нихъ также были синія мантии и предъ ними несли золотые посохи. Женщинъ было также много и въ не менѣе фантастическихъ одеждахъ. Впереди шли матроны и сестры милосердія; первыя въ красныхъ, а послѣднія въ синихъ мантияхъ; затѣмъ слѣдовали дѣвы и дочери «Пѣсни Пѣсней», всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ съ вѣнками изъ розъ на головахъ. Среди нихъ находилась Біанкина, маленькая дочь Давида.

Въ 8^{1/2} ч. толпа приблизилась къ Арчидосу, гдѣ, въ свою очередь, ихъ ждала такая же толпа во главѣ съ представителемъ общественной безопасности, окруженнымъ восемь или девятью жандармами съ заряженными ружьями. Давидъ пошелъ впередъ, говоря своимъ послѣдователямъ: «Не бойтесь, если будетъ жертва, то одинъ я!» Представитель полиціи, де-Люка, остановился посреди дороги и сдѣлалъ обычныя три предупрежденія во имя закона. Онъ предложилъ Давиду отступить; послѣдовало глубокое молчаніе. Потомъ Давидъ отвѣчалъ: «Я иду во имя закона, права и Христа, Верховнаго Судьи». И онъ указалъ на хоругвь съ ликомъ распятаго Христа, которая развѣвалась надъ его головою. Представитель полиціи ничего не отвѣчалъ. Давидъ снова заговорилъ: «Если вы желаете мира, то я несу его вамъ; если вы желаете милосердія, то я вамъ предлагаю; если крови—то я здѣсь!»

Толпа заволновалась и ждала съ нетерпѣніемъ, что произойдетъ. Представитель полиціи о чемъ-то заговорилъ, и въ отвѣтъ Давидъ замахалъ рукой. Тогда де-Люка поднялъ ружье. Они стояли оба совершенно одни на дорогѣ. Неожиданно Давидъ обернулся къ своимъ послѣдователямъ и что-то произнесъ. Они на это отвѣчали: «*Evviva la Republica!*»—и тяжелые камни стали сыпаться на представителя полиціи и карабинеровъ. Затѣмъ послышался громкій крикъ «пли!» Въ ту же минуту раздались нѣсколько выстрѣловъ, и Давидъ вмѣстѣ съ представителемъ полиціи и карабинерами исчезли въ облакахъ дыма. Когда онъ разсѣялся, то Давидъ лежалъ на дорогѣ, пронзенный тремя пулями въ голову. Его ученики немедленно разошлись, вопли

увѣренные, что онъ возстанетъ изъ мертвыхъ въ третій день. Но власти немедленно похоронили его на кладбищѣ.

«Такъ онъ до сихъ поръ,—разсказываетъ Гуттонъ,—дожидается воскресенія и ему не надо ставить никакого памятника, такъ какъ каждую весну на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ похороненъ, расцвѣтають красные цвѣты, которые разбирають лаццариттисты и разносятъ по своимъ домамъ».

— Ватиканскія событія. Въ послѣднее время случились въ Римѣ событія, обратившія всеобщее вниманіе на папскій престолъ. Во-первыхъ, кончился продолжительный процессъ признанія Жанны д'Аркъ святою, хотя, собственно, пока она только сдѣлана блаженной; во-вторыхъ, аббатъ Мурри, глава итальянскаго модернизма, или передовиковъ, отлученъ отъ церкви, и въ-третьихъ, отмѣнено папою veto трехъ европейскихъ державъ при папскомъ избраніи.

18 апрѣля состоялась историческая религіозная церемонія въ соборѣ св. Петра при многочисленномъ стеченіи католиковъ всего свѣта и преимущественно 30 000 французскихъ паломниковъ. Она заключалась въ двухъ отдѣленіяхъ: утромъ торжественно была прочтена папская грамота, даровавшая Жаннѣ д'Аркъ титулъ блаженной и позволявшая въ ея честь служить въ церквахъ мессы. Какъ только окончилось это чтеніе, тотчасъ же спала завѣса съ статуи новой святой, въ то же время вся церковь освѣтилась лучезарнымъ свѣтомъ, и началась месса въ честь Жанны д'Аркъ, совершаемая орлеанскимъ епископомъ Тушэ. Этимъ и окончилась первая часть торжества. Въ пять часовъ въ соборѣ св. Петра, при еще большемъ наплывѣ богомольцевъ, прибылъ папа на *sedia gestatoria*, окруженный своимъ духовнымъ персоналомъ. Въ храмѣ обращали на себя вниманіе въ особыхъ трибунахъ помки новой блаженной, а въ королевской—герцогъ Аласонскій, представитель бурбонскаго претендента на французскій престолъ. При появленіи папы не слышно было никакихъ привѣтствій, такъ какъ Пій X воспретилъ всѣ громкіе крики толпы, которые такъ любилъ Левъ XIII. Вообще папа казался очень печальнымъ и ни разу не улыбнулся, благословляя толпу. Сойдя съ «*sedia*», онъ опустился на колѣни и преклонился предъ новой святой въ продолжительной молитвѣ. Затѣмъ онъ удалился, и церемонія окончилась.

Слѣдующій день ознаменовался вторымъ появленіемъ папы въ соборѣ св. Петра и аудіенціей, данной имъ французскимъ паломникамъ. Эта церемонія началась съ торжественной рѣчи епископа орлеанскаго, который воздалъ хвалу новой блаженной. Затѣмъ папа произнесъ по-французски написанный имъ на итальянскомъ языкѣ отвѣтъ, который съ начала до конца дышалъ политикой. Хотя Пій X не хотѣлъ нарушить праздника въ честь дѣвы Орлеана какими бы то ни было политическими воззрѣніями, но дѣло было слишкомъ близко сердцу папы и всякаго католика, чтобы онъ не упомянулъ въ нѣсколькихъ словахъ о врагахъ церкви и о борьбѣ съ ними. Что же касается Жанны д'Аркъ, то онъ удовольствовался лишь указаніемъ, что ея патриотическій характеръ составляетъ главное величіе блаженной. Послѣ рѣчи папа благословилъ французскихъ паломниковъ и принялъ отъ нихъ поднесеніе, состоявшія изъ статуи Жанны д'Аркъ и въ дорогомъ бѣломъ переплетѣ

«La vie Jeanne d'Arc», конечно, въ католическомъ духѣ. Въ тотъ же вечеръ въ церкви Saint Louis de Français началось торжественное служеніе triduum, которое продолжалось три дня и состояло изъ парадныхъ мессъ и проповѣдей, произнесенныхъ епископомъ Сень-Дье, кардиналомъ Паничи, кардиналомъ Люсономъ, епископомъ реймскимъ, и кардиналомъ Мартинелли въ честь новой блаженной. Этимъ и заключились празднества, славословившія дѣву Орлеана. Такимъ образомъ совершилось призваніе ея блаженной, но, въ сущности, дѣло объ ея святости не совершенно окончено: еще избраны три духовныя лица для собранія свѣдѣній о совершенныхъ ею дальнѣйшихъ чудесахъ и по истеченіи десяти лѣтъ она будетъ окончательно канонизирована и признана святой всей католической церковью.

Конечно, по случаю римскихъ торжествъ въ честь Жанны д'Аркъ въ различныхъ французскихъ и другихъ иностранныхъ журналахъ помѣщено множество статей, говорящихъ о ней въ самыхъ различныхъ видахъ. Такъ, въ апрѣльской книжкѣ «Pall Mall Magazine» помѣщена оригинальная обстоятельная статья подъ заглавіемъ «Какъ дѣлаютъ святыхъ» — Сальватора Кортези¹⁾. Авторъ объясняетъ въ своемъ очеркѣ, что только съ X вѣка папы начали канонизировать святыхъ въ церкви св. Іоанна Латеранскаго и при этомъ замѣчаетъ, что чрезвычайно своеобразно было провозглашеніе святымъ Карла Великаго папой Паскалемъ III. Но это провозглашеніе не было признано всей католической церковью, такъ какъ означенный папа считается анти-папой. Поэтому въ большинствѣ католическихъ церквей Карла Великаго признавали только блаженнымъ; святымъ же онъ признанъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, Франціи и Бельгіи, а въ общемъ списокъ католическихъ святыхъ онъ вовсе не упомянутъ.

Затѣмъ Кортези подробно описываетъ, какъ совершали процессъ посвященія въ святые при Пій X и такимъ образомъ удостовѣряетъ, какъ совершилось и признаніе Жанны д'Аркъ блаженной. Въ концѣ онъ увѣряетъ, что подобныя церемоніи стоятъ очень дорого, около четырехсотъ тысячъ рублей. Кромѣ того, Кортези напоминаетъ, что Пій X уже началъ новый процессъ причисленія къ лику святыхъ бывшаго папы Пія IX, который былъ послѣднимъ папой-королемъ. Уже назначена комиссія для подробнаго разсмотрѣнія оставшихся послѣ его смерти документовъ. Конечно, на это потребуется много времени и потомъ потянется длинной вереницей тотъ же порядокъ, какъ при посвященіи дѣвы Орлеана. «Трудно было бы найти, — говоритъ Сальваторъ Кортези, — болѣе противоположные типы, какъ Жанна д'Аркъ и Пій IX, юная героиня среднихъ вѣковъ и старецъ-папа нашего времени, который господствовалъ на престолѣ св. Петра долѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ».

Въ числѣ другихъ статей о новой блаженной довольно своеобразна анонимная замѣтка, напечатанная въ «Hébdô-Débats» отъ 30 апрѣля о томъ, была ли Жанна д'Аркъ французенкой, или итальянкой²⁾? Авторъ заимствовалъ изъ журнала «L'Italie et la France» преданіе, тракующее о томъ, что отцомъ

¹⁾ How a saint is made. By salvator Cortesi. «Pall-Mall Magazine». April 1909.

²⁾ Jeanne d'Arc était-elle italienne. «Hébdô-Débats». 30 April 1909.

Дѣвы Орлеана былъ итальянецъ Ферранте Гислиери, изгнанный изъ Болоньи въ 1401 году и эмигрировавшій въ Лотарингію, гдѣ онъ содержалъ себя и свое семейство ручнымъ трудомъ. Означенная легенда прибавляетъ, что Гислиери на своей новой родинѣ перемѣнилъ фамилію и сталъ называться Жакомъ д'Аркъ и что его жена также была итальянка Бартоломея Модовлизи. Далѣе легенда говоритъ, что у этой четы было трое дѣтей, изъ которыхъ одна дочь «*Giianne insigne guerriera*» (Жанна знаменитая воительница). Во всякомъ случаѣ эта легенда объ итальянскомъ происхожденіи Дѣвы Орлеана — весьма сомнительная.

Не болѣе внушаетъ довѣрія напечатанная въ первой майской книжкѣ «*Revue Hebdomadaire*» статья, также анонимная, подъ названіемъ «Жанна-самозванка»¹⁾. Неизвѣстный авторъ говоритъ, что въ 1436 г. въ Лотарингіи, близъ родины Жанны д'Аркъ появилась женщина, увѣрявшая, что она подлинная Дѣва Орлеана, воскресшая изъ мертвыхъ. Она признала своихъ братьевъ и рассказывала невѣроятныя подробности о своемъ прошедшемъ. Нѣкоторые увѣровали въ нее, а графъ Вюртембергскій и нѣкоторыя другія знатныя особы подпали подъ ея влияніе. Католическая церковь отлучила ее, и она была принуждена бѣжать въ Орлеанъ, гдѣ сначала ее приняли съ большимъ почетомъ, но потомъ, послѣ суда надъ ней парижскаго университета и парламента, она куда-то исчезла.

Въ мартѣ въ Римѣ происходили парламентскіе выборы, и на нихъ былъ избранъ аббатъ Ромуло Мурри. Такимъ образомъ въ палатѣ неожиданно появился депутатъ въ рясахъ. Но это продолжалось недолго, такъ какъ папа отлучилъ его отъ церкви. Извѣстно, что бывший аббатъ — глава новой демократической партіи и лидеръ модернизма или католическихъ передовиковъ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже было говорено о Мурри, а потому упомянемъ теперь только нѣсколько словъ относительно статьи Жюльена Нарфона²⁾ «Отлученіе отъ церкви аббата Мурри» въ «*Figaro*» 29 марта 1909 г. Папа уже давно питаетъ ненависть къ аббату, особенно послѣ его книги «*La filosofia nuova le l'Enciclica contra il modernismo*», въ которой Мурри очень ѣдко раскритиковалъ папскую энциклику, гдѣ развиваются теоріи эманентности, идеалистическаго монизма и догматическаго церковнаго развитія челоуѣческаго духа. Въ недавнее время папа уже отстранилъ Мурри отъ церковнаго служенія и всегда называетъ его на своемъ родномъ венеціанскомъ нарѣчій «*Ze un gerpublican*». (Это — республиканецъ)! Прежде, чѣмъ отлучить его отъ церкви, папа приказалъ архіепископу города Фермо, гдѣ живетъ Мурри, предупредить его о грозящей ему карѣ и посоветовать смириться. Но Мурри отвѣчалъ рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ объяснилъ, что ему уже извѣстна невозможность священнику съ глубоко религіозной и искренней душой итти рука въ руку съ Піемъ X и его официальной церковью въ дѣлѣ религіознаго и нравственнаго обновленія нынѣшняго демократическаго общества. « Я уже

¹⁾ «*La fausse Jeanne*». «*La Revue Hebdomadaire*» 1 Mai 1909.

²⁾ L'excommunication de l'abbé Murri. Par Julien de Narfon. «*Figaro*». Mars 29 1909.

докладывалъ его преосвященству, — прибавилъ онъ: — что отнынѣ буду работать для вѣры и для всякаго благороднаго и высокаго дѣла въ вашей мертвой среды». Такимъ образомъ бывшій аббать нимало не испугался своего отлученія и продолжаетъ, съ одной стороны, засѣдать въ парламентѣ, а съ другой — издавать свой собственный духовный журналъ «Rivista di cultura».

Что же касается папскаго уничтоженія права исключенія кандидатовъ при папскихъ выборахъ со стороны трехъ католическихъ державъ, Австріи, Франціи и Испаніи, то для полнаго объясненія этого ватиканскаго событія надо прибѣгнуть къ статьѣ «L'exclusive» того же Жюльена Нарфона въ литературномъ прибавленіи «Figaro» ¹⁾ 20 марта 1909 г. Извѣстно, что въ началѣ папы избирались духовенствомъ и народомъ Рима, потомъ этотъ обычай измѣнился, и папу стали избирать только кардиналы всѣхъ странъ, съѣзжавшіеся для этой цѣли въ Римъ. Мало-по-малу установился обычай съ начала XVIII вѣка, что главныя католическія державы, Австрія, Франція и Испанія, имѣли право veto на папскіе выборы. Впрочемъ, нѣкоторые католическіе прелаты и ученые считали, что это право принадлежало только Австріи, потому что лишь императоръ сохранилъ титулъ «адвоката римской церкви», по наслѣдству отъ Юстиніана и Карла Великаго, Франція же и Испанія пользовались этимъ правомъ только по вѣротеримости. Въ нынѣшнемъ столѣтіи означенныя державы примѣнили это право на практикѣ нѣсколько разъ. Такъ, въ 1823 г. Австрія исключила изъ списка папскихъ кандидатовъ кардинала Североли, котораго Меттернихъ терпѣть не могъ. Кардиналъ Альбани официально заявилъ объ этомъ избирателямъ, которые уже подали 26 голосовъ за Североли и слѣдовательно ему оставалось дополучить лишь семь. Теперь же онъ не получилъ и трехъ голосовъ, а по его собственному указанію остальные кардиналы выбрали кардинала Дженга, сдѣлавшагося папою Львомъ XII.

На конклавѣ 1829 г. тотъ же кардиналъ Альбани протестовалъ противъ кардинала Грегоріо, а Франція и Испанія воспротивились избранію кардинала Джустиніани. Но всѣ эти протесты не имѣли значенія, такъ какъ избранъ былъ папа Пій VIII. Черезъ два года на новомъ конклавѣ Франція и Испанія снова протестовали противъ избранія кардиналовъ Джустиніани и Маки. Какъ извѣстно, тогда папою былъ избранъ Григорій XVI. Въ 1846 г. конклавъ былъ очень кратковременный, и Австрія не имѣла времени протестовать противъ кардинала Масаи, будущаго Пія IX. Наконецъ послѣдній протестъ былъ предъявленъ Австріей при выборахъ нынѣшняго папы, этотъ протестъ былъ сдѣланъ противъ кардинала Рамполы, который уже получилъ 29 голосовъ. Затѣмъ слѣдовало неизбѣжное распаденіе большинства, и папою сдѣлался Пій X.

Несмотря на то обстоятельство, что послѣдній протестъ Австріи былъ очень полезенъ ему, папа затаилъ ненависть противъ означеннаго архаическаго процесса и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ для его уничтоженія.

— Мартовскіе юбилеи. 1 марта въ Польшѣ и Франціи очень скромно праздновали столѣтіе знаменитаго композитора Фредерика Шопена. О днѣ

¹⁾ «L'exclusive». Par Julien de Narfon. Supplement de «Figaro» 20 Mars 1909.

его рожденія до сихъ поръ существуетъ споръ: большинство биографовъ считаютъ, что онъ родился 1 марта 1809 г., но многие день его рожденія относятъ къ 22 февралю 1810 г. Онъ самъ придерживался послѣдняго мнѣнія, но говорятъ, что это происходило по причинѣ подарка, сдѣланнаго ему въ 1820 году извѣстной пѣвицей Каталани, именно часовъ съ надписью: «Г-жа Каталани десятилѣтнему Фредерику Шопену». Какъ бы то ни было, но многочисленные поклонники въ Польшѣ и во Франціи отложили его юбилей до будущаго года. Мѣстомъ рожденія Шопена всѣми признается Дзельзава Воля близъ Варшавы. Какъ извѣстно, его отецъ былъ французъ, Никола Шопенъ, переселившійся въ Варшаву 18 лѣтъ и женившійся на Юстинѣ Крыжановской; отъ этого брака родился будущій музыкантъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ выказалъ музыкальныя способности и шести лѣтъ повторялъ по слуху сыграннаго матерью пьесы, а 10 лѣтъ давалъ концерты. Воспитывался Шопенъ, благодаря покровительству князя Радзивилла, въ одной изъ первыхъ коллегій Варшавы. Молодымъ человѣкомъ онъ пользовался музыкальною славой въ Польшѣ и влюбился въ молодую дѣвушку, которая сохранила къ нему любовь до конца своей жизни.

Въ 1830 г. онъ отправился въ Вѣну, гдѣ имѣлъ большой успѣхъ, а оттуда поѣхалъ въ Лондонъ черезъ Парижъ, гдѣ хотѣлъ пробыть короткое время, но остался тамъ до самой своей смерти въ 1849 году. Въ Парижѣ онъ производилъ фуроръ во всѣхъ салонахъ и, по словамъ Генриха Гейне, «Франція дала ему рыцарскія чувства и печаль, легкость и изящество, а природа—музыкальный гений». Что касается десятилѣтняго эпизода его любви къ Жоржъ-Занду, то онъ подробно описанъ въ другомъ мѣстѣ настоящаго журнала. Разрывъ съ нею въ 1847 г. совершенно измѣнилъ его жизнь. Все же онъ предпринялъ путешествіе въ Вѣну, Лондонъ и Единбургъ, гдѣ его принимали съ восторгомъ. Онъ попрежнему продолжалъ писать специально вальсы, мазурки, польскія пѣсни, ноктюрны и другія фортепіанныя пьесы, возбуждавшія во всѣхъ слушателяхъ восторгъ. Вернувшись въ 1843 г. въ Парижъ, сдѣлавшійся его второй родиной, онъ написалъ свои послѣднія произведенія: ноктюрнъ и вальсъ. Вскорѣ у него усилилась чахотка—и знакомый польскій аббатъ Желовицкій исповѣдывалъ его и причастилъ. Шопенъ за это поцѣловалъ его и воскликнулъ: «Благодарствуйте! благодаря вамъ, я не умираю, какъ поросенокъ!» Послѣдніе дни его агоніи ему постоянно пѣла талантливая графиня Потоцкая и онъ повторялъ съ восхищеніемъ: «Еще, еще, еще! какъ прекрасно! Боже мой! еще, еще!» 17 октября 1849 г. онъ почти потерялъ сознание и едва слышнымъ голосомъ спросилъ: «Кто возлѣ меня?» Гутманъ, его ученикъ, отвѣчалъ, что это онъ, и Шопенъ, взявъ его руку, поцѣловалъ ее и скончался. По его желанію, онъ похороненъ на кладбищѣ Père Lachaise, между могилами Беллини и Керубини. Парижане такъ обожали Шопена, что поставили ему два памятника: въ Люксембургѣ и въ паркѣ Монсо. Сочиненія о Шопенѣ появляются въ Парижѣ до настоящаго времени и на дняхъ вышла книга Эдуарда Ганшо: «La vie de F. Chopin dans son oeuvre», гдѣ авторъ сообщаетъ нѣкоторыя неизвѣстныя подробности о драматической эпопее Шопена и Жоржъ-Занда. Въ началѣ мая въ Варшавѣ оконченъ конкурсъ на па-

мятникъ Шопену и рѣшено поставить ему бронзовую статую работы Шимановскаго.

24 марта весь литературный, художественный и политическій Мадридъ торжествовалъ столѣтній юбилей своего поэта и сатирика—Хозе Ларра. Онъ родился и умеръ въ Мадридѣ, а его отецъ былъ докторомъ въ арміи Наполеона. Ларра главнымъ образомъ прославился журнальными сатирическими произведениями, которыя собраны въ одно цѣлое, подъ названіемъ: «*Collección de artículos dramaticos, literarios, popoliticos, de costumbres*». Кромѣ того, онъ написалъ драму въ стихахъ «*Mascés*» и длинный романъ «*El Donsel de Enrique el Doliente*», который обнаруживаетъ вліяніе Вальтеръ-Скотта, Гюго и, наконецъ, Дюма. Свое лучшее произведение «*El satirico duende*» онъ подпisałъ псевдонимомъ «*Фигаро*» и съ тѣхъ поръ мадридцы его такъ прозвали. Даже въ кортесахъ, куда Ларра былъ избранъ членомъ отъ города Авилы, его такъ называли. Тридцати шести лѣтъ онъ убилъ себя изъ-за любви. Теперь, по случаю его юбилея, мадридскій муниципалитетъ выставилъ мемориальную доску съ его именемъ на томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ.

Въ концѣ марта въ Англіи справляли столѣтіе эксцентричнаго, страннаго чудака и поэта Эдуарда Фицджеральда. Онъ родился и умеръ въ Бредфильдѣ, въ графствѣ Суфолькъ близъ Лондона и пзвѣстенъ былъ, кромѣ своихъ оригинальныхъ выходовъ, замѣчательнымъ знаніемъ греческаго, испанскаго и персидскаго языковъ, съ которыхъ онъ переводилъ по-англійски стихи съ удивительной точностью. Но большею частью онъ выпускалъ свои произведения въ свѣтъ безъ подписи. Самый знаменитый его трудъ—переводъ четверостишій, т. е. по-персидски «*рубаятъ*», великаго персидскаго поэта и математика, Омара-Кейяма. Англійскій авторъ придавалъ этимъ четверостишіямъ, отличающимся скептическимъ сладострастіемъ и атеистическимъ характеромъ, строгій, опредѣленный порядокъ и классическую красоту. Что касается эксцентричности Фицджеральда, то онъ всегда ходилъ дома въ халатѣ, что особенно не нравилось его педантичной женѣ, а на улицу выходилъ въ короткихъ синихъ панталонахъ и бѣлыхъ чулкахъ, пока они не становились грязными; его высокія жабо и шелковая шляпа были всегда до невозможности измяты. Лѣтомъ, въ жаркую пору, онъ снималъ чулки и сапоги и носилъ ихъ на палкѣ, перекинутой черезъ плечо; зимой же онъ покрывалъ себѣ ноги большимъ зеленымъ шерстянымъ пледомъ. Онъ былъ лысый, никогда не брился и отличался тѣмъ, что французы называютъ «*l'impuissance de vivre*». При жизни всѣ надъ нимъ смѣялись и не ставили его ни въ грошъ, а въ послѣдніе годы его память стали очень уважать, какъ переводчика Омара, въ честь котораго основанъ въ Лондонѣ клубъ. Члены послѣдняго торжественно отпраздновали юбилей Фицджеральда, устроивъ большой банкетъ на его родинѣ.

29 марта въ Парижѣ прошелъ совершенно незамѣченнымъ юбилей вѣкогда знаменитаго адвоката и политическаго дѣятеля, Жюля Фавра. Сначала онъ былъ адвокатомъ въ своемъ родномъ городѣ Лионѣ, а потомъ перешелъ въ Парижъ, гдѣ приобрѣлъ громкую извѣстность своими защитительными рѣчами, главнымъ образомъ въ пользу республиканцевъ. Послѣ революціи 1848 г. Ледрю Роленъ сдѣлалъ его генеральнымъ секретаремъ министерства

внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Избранный въ члены учредительнаго собранія, а потомъ законодательнаго, онъ сдѣлался главой умѣренно-республиканской партіи и боролся всѣми силами съ президентомъ Наполеономъ до государственнаго переворота 2 декабря. Тогда онъ вернулся на адвокатскую скамью и особенно прославился защитой Орсини. Благодаря этому, его избрали въ законодательный корпусъ отъ города Парижа. Очутившись во главѣ немногочисленной демократической партіи, онъ сталъ предводителемъ такъ называемыхъ «пяти», которые поддерживали политическую оппозицію противъ имперіи. Когда Наполеонъ III былъ свергнутъ съ престола, то Жюль Фавра назначили вице-президентомъ національной обороны и министромъ иностранныхъ дѣлъ. До этихъ поръ онъ былъ баловнемъ революціонеровъ и считался однимъ изъ первыхъ политическихъ дѣятелей Франціи. Но его участіе въ заключеніи мира съ Германіей совершенно уничтожило популяриность бывшаго великаго человѣка. Съ того времени онъ какъ бы вышелъ въ отставку, хотя оставался въ парламентѣ и поддерживалъ Тьера, нападалъ на правительство нравственнаго порядка и наконецъ перешелъ въ сенатъ, гдѣ и оставался до 1876 г. Въ эту эпоху онъ отличался своими рѣчами въ парижской академіи, которая его выбрала своимъ членомъ. На его долю въ послѣдніе годы выпала самая черная несправедливость всѣхъ партій, и онъ умеръ всѣми забытый въ Версалѣ въ 1880 году.

— Смерть Фетиса, Штеккера, Гейерштама, Готшала, Зоненталя и г-жи Моджеской. Въ послѣднее время Бельгія, Германія и Швеція потеряли нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей. Въ Брюсселѣ скончался Эдуардъ Фетисъ, почти столѣтнимъ старцемъ, которому было 98 лѣтъ. Онъ былъ старѣйшимъ изъ всѣхъ не только бельгійскихъ, но и европейскихъ музыкальныхъ критиковъ. Съ 20 лѣтъ онъ началъ писать музыкальную хронику въ «Independance Belge» и до самой смерти не покидалъ ея. Болѣе семидесяти лѣтъ его можно было видѣть почти ежедневно въ «Большой Оперѣ» и, кромѣ того, онъ читалъ въ академіи художествъ курсы эстетики и былъ старшимъ бібліотекаремъ королевской бібліотеки. Онъ написалъ много книгъ объ изящномъ искусствѣ и преимущественно—музыкѣ. Злая судьба не дала ему дожить до столѣтняго возраста. Выходя изъ театра, онъ случайно поскользнулся и упалъ, причинивъ себѣ глубокую рану, отъ которой и умеръ. Во время своей долгой жизни онъ привыкъ къ мысли, что живетъ безконечно и на вопросъ: «Сколько вамъ лѣтъ?» всегда отвѣчалъ: «Я такъ долго живу, что, право, забылъ.»

Гораздо моложе былъ извѣстный нѣмецкій проповѣдникъ и политическій дѣятель Штеккеръ, родившійся въ Гальберштадтѣ въ 1835 г. Воспитанный для духовной карьеры, онъ сначала былъ военнымъ лютеранскимъ пасторомъ, а потомъ въ 1874 г. сдѣланъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Берлинѣ. Въ первое время онъ считался въ числѣ христіанскихъ соціалистовъ, а потомъ сдѣлался ярымъ консерваторомъ и, поссорившись съ императоромъ, лишился мѣста придворнаго проповѣдника, но все-таки, благодаря своему краснорѣчію и богословскимъ знаніямъ, онъ поддерживалъ свою популяриность какъ членъ парламента и издатель «Deutsche Evangelische Kirchenzeitung». Кромѣ того,

онъ написалъ нѣчто въ родѣ автобіографіи подѣ названіемъ: «Dreizehn Jahre Hofprediger und Politiker».

Густавъ Гейерштамъ, скончавшійся 51 года въ Стокгольмѣ, былъ корифеемъ реалистической литературной школы, но двумя своими романами «Голова Медузы» и «Борьба за любовь» онъ обнаружилъ въ себѣ тонкаго психолога. Тѣмъ не менѣе Гейерштамъ приобрѣлъ себѣ большую популярность народными разказами. Ненавидя скептицизмъ, онъ иногда зарывался въ сентиментальности, но обладалъ прямодушіемъ и благородствомъ.

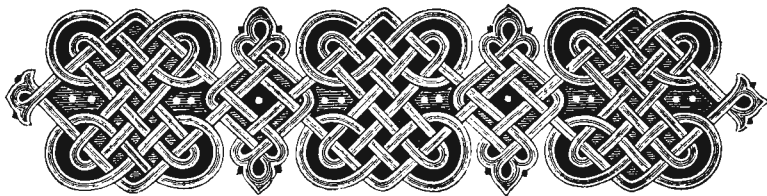
Въ концѣ марта исчезъ съ литературной арены старѣйшина германскаго романтизма, извѣстный нѣмецкій поэтъ и драматургъ Рудольфъ Готшаль, восьмидесяти шести лѣтъ отъ роду. Юношей въ бреславльскомъ университетѣ онъ выказалъ такую пламенную симпатію къ либеральнымъ идеямъ, что былъ исключенъ. Однако ему дозволили окончить курсъ юридическихъ наукъ въ берлинскомъ университетѣ, и съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя литературѣ. Главнымъ образомъ онъ занялся драматургіей и критикой; первыми его пьесами были «Робеспьеръ», «Питтъ и Фоксъ», «Карлъ XII» и нѣкоторыя другія, преимущественно историческія. Но, быть можетъ, «Исторія нѣмецкой литературы» была его наиболѣе важнымъ сочиненіемъ: еще онъ написалъ довольно интересную монографію «Парижъ во времена второй имперіи».

Въ апрѣлѣ скончались въ Германіи и Америкѣ замѣчательные актеръ и актриса. Первый изъ нихъ величайшій австрійскій актеръ—Зоненталь, сынъ портного, родившійся въ Пештѣ въ 1834 г. Впервые онъ дебютировалъ въ Венгріи, въ Темешварѣ, а затѣмъ, побывавъ въ Кенигсбергѣ и Грацѣ, онъ въ 1856 г. переехалъ въ Вѣну, гдѣ и оставался до своей смерти. Его успѣхъ оказался столь блестящимъ, что директоръ «Burg Theater» заключилъ съ нимъ пожизненный контрактъ. Такимъ образомъ онъ 53 года игралъ непрерывно въ одномъ и томъ же театрѣ, причѣмъ создалъ 480 типовъ и выступилъ на сцену 5770 разъ. Главнымъ образомъ онъ игралъ комическія роли, но появлялся и въ «Королѣ Лирѣ», «Валленштейнѣ», «Донъ-Карлосѣ», «Наташѣ Мудромъ» и другихъ драматическихъ пьесахъ.

Умершая въ Америкѣ актриса Елена Моджеская была въ одно и то же время замѣчательной польской и англійской актрисой. Она родилась въ 1844 г. въ Польшѣ и была дочерью Михаила Опидо, капельмейстера въ Краковѣ. Выйдя замужъ 17 лѣтъ за своего опекуна Моджескаго, она дебютировала въ веселомъ, водевильномъ и опереточномъ жанрѣ. Вскорѣ, овдовѣвъ, она вышла замужъ вторично за извѣстнаго журналиста и патріота графа Хлоповскаго и съ тѣхъ поръ, выступивъ на варшавской сценѣ, имѣла громадный успѣхъ, не только какъ актриса, но и какъ свѣтская женщина. Однако либеральныя идеи Моджеской и ея мужа не понравились русскому правительству, и въ 1876 г. они оба переехали въ Америку, куда взяли съ собою тридцать соотечественниковъ. Вмѣстѣ съ ними они основали въ южной Калифорніи патріотическую колонію; въ числѣ этихъ колонистовъ былъ Генрикъ Сенкевичъ, будущій авторъ столькихъ популярныхъ польскихъ

романовъ. Однако успѣхъ колоніи не долго продолжался, и, не имѣя средствъ вернуться въ Польшу, графиня съ необыкновенной энергіей принялась за изученіе англійскаго языка. Это ей удалось въ три мѣсяца и она дебютировала въ Санъ-Франциско на англійской сценѣ въ переводной пьесѣ: «Адриенна Лекуверрѣ». Съ тѣхъ поръ, несмотря на свой вѣсколько польскій выговоръ, она имѣла громадный успѣхъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи. Ея репертуаръ, къ удивленію всѣхъ знавшихъ, что она привыкла играть въ опереткахъ и водевиляхъ, былъ шекспировскій, шиллеровскій и современный драматическій. Въ 1906 г. она должна была покинуть сцену по причинѣ брайтовой болѣзни, которая унесла ее въ могилу въ любимомъ помѣстьѣ, близъ Лосъ-Анжелосъ.

С М Ъ С Б.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. 6 мая подь предѣдательствомъ Н. И. Карѣва состоялось общее собраніе литературнаго фонда. Доложены были текуція дѣла за время съ января по апрѣль. По ходатайству фонда, одинъ писатель освобожденъ отъ платы за леченіе въ клиникахъ женскаго медицинскаго института. Иркутскимъ генераль-губернаторомъ отказано фонду въ освобожденіи изъ тюрьмы одного изъ членовъ фонда. Г. Пантелѣевъ пожертвовалъ фонду чистую прибыль отъ продажи изданной имъ книги г. Гольцапфеля «Панидеаль», С. М. Архангельскій (Сергій Грустный) пожертвовалъ по 50 экземпляровъ книгъ «Загадки жизни» и «Безсонныя ночи». В. П. Череванскій пожертвовалъ 1,000 экземпляровъ своей книги «Послѣдній вздохъ Византіи». Фондомъ начато двѣнадцатое изданіе сочиненій Гаршина и выпускаются дешевыми изда-

ніями четыре отдѣльныхъ его разсказа. «Русскія Вѣдомости» пожертвовали въ пользу фонда 300 р. Вечеръ въ память И. С. Тургенева далъ чистой прибыли 2,254 р. 82 к. Секретарь В. Д. Набоковъ прочиталъ отчетъ за то же время. Комитетъ фонда имѣлъ семь засѣданій и по разнымъ вопросамъ сдѣлалъ 356 постановленій. Просьбъ о пособіи подано 225, изъ нихъ удовлетворено 168. 92 лицамъ назначено единовременныхъ пособій на сумму 2,628 руб., одному на погребеніе—50 р., затѣмъ—13 безсрочныхъ ссудъ на сумму 1,110 руб., 6—срочныхъ на 355 р. и 35 лицамъ выдано пособій на воспитаніе и обученіе на сумму 2,696 р. и 20 пособій на 3,060 р. продолжено, вновь назначено 3 пособія на 265 р. и 1 пенсія—въ размѣрѣ 300 р. На 1 января процентныхъ бумагъ было на сумму 706,625 р. и наличными 11,439 р. 15 к. Отъ особъ императорской фамиліи и кабинета Его Величества поступило—1,100 р., пожертвованій—300 р. и членскихъ взносов—420 р.; доходовъ отъ различ-

ныхъ изданій фонда получено 4,827 р. 54 к., отъ предпріятій—2,254 р. 82 к., доходовъ съ капиталовъ—15,813 р. 4 к. Итого, считая еще нѣкоторыя мелкія поступления, 26,140 р. 34 к. Къ 1 апрѣля такимъ образомъ было процентныхъ бумагъ на сумму 706,625 р., а наличными — 37,579 р. 49 коп. Израсходовано за это же время на продолженіе пособій—3,580 р., на пенсіи—2,632 р., единовременныя пособія— 3,000 р., безсрочныя ссуды— 1,110 р., срочныя—300 р., на воспитаніе и обученіе — 1,438 р., итого, считая другіе мелкіе расходы, 15,866 р. 76 коп. Въ ноябрѣ исполняется 50 лѣтъ существованія фонда. Къ юбилею этому предположено составить сборникъ съ историческимъ очеркомъ фонда, подъ редакціей А. А. Корнилова, разными документами изъ исторіи русской литературы (предполагается включить сюда не опубликованныя еще произведенія Добролюбова), новыя литературныя произведенія и портреты дѣятелей фонда. В. Г. Чертковъ сообщилъ, что графъ Л. Н. Толстой разсчитываетъ дать въ этотъ сборникъ одно изъ новыхъ своихъ произведеній. Новый членъ фонда художникъ И. К. Пархоменко пишетъ въ настоящее время масляными красками цѣлую галерею портретовъ современныхъ русскихъ писателей и намѣренъ устроить осенью выставку той части галереи, которая будетъ готова. Сборъ пойдетъ въ пользу фонда.

Годовое собраніе слб. литературнаго общества. 1 мая состоялось годовое собраніе литературнаго общества. Изъ отчета о дѣятельности общества и его отдѣленій за 1908 г. видно, что, помимо вопросовъ внутренняго распорядка, совѣтъ разсматривалъ вопросы: объ авторскомъ правѣ, о профессиональной организаціи писателей, о созывѣ съѣзда писателей и другихъ. При обществѣ функционировали нѣсколько комиссій. Къ 1 января 1909 г. членами общества состояло 381 человекъ, на 144 человекъ больше предыдущаго года. За отчетный годъ состоялось 27 собраній общества. За исключеніемъ двухъ литературно-музыкальныхъ, остальные собранія были посвящены разнымъ докладамъ. Совѣтъ указываетъ, что «общество явилось ареной, на которой сошлись основныя теченія нашей литературной, философской и общественной мысли». Далѣе совѣтъ отмѣчаетъ, что публика игнорировала большей частью такъ называемыя «дѣловыя» собранія, отдавая предпочтеніе тѣмъ вечерамъ, на которыхъ читались рефераты. Вслѣдствіе этого совѣтъ вынужденъ былъ удѣлить сравнительно незначительное число собраній разработкѣ профессиональныхъ вопросовъ. Однако, говорится въ отчетѣ, «надо думать, что и профессиональныя задачи, правильно сосредоточивающіяся въ комиссіяхъ, которыя выражаютъ степень самостоятельности общества, найдутъ въ скоромъ времени надлежащее освѣщеніе». Саратовское и самарское отдѣленія общества, какъ видно изъ отчета, насчитываютъ въ общемъ 150 членовъ. Дѣятельность этихъ отдѣленій тормозится вслѣдствіе недостатка средствъ. Отдѣленія устраиваютъ регулярныя собранія, на которыхъ читаются доклады и рефераты. Указанныя отдѣленія издавали свои газеты, которыя, вслѣдствіе административныхъ репрессій, принуждены были прекратить свое существованіе. Л. Ф. Пантелѣевъ пожертвовалъ въ пользу общества около 1,000 р. Ревизіонная комиссія, давшая заключеніе по докладамъ совѣта, указала на нѣкоторыя дефекты дѣятельности. По мнѣнію комиссіи, литературное общество

приняло недостаточно дѣятельное участіе въ различныхъ литературныхъ торжествахъ, мало удѣляло времени разработкѣ профессиональныхъ вопросовъ. Совѣтъ общества далъ объясненіе по поводу доклада ревизіонной комиссіи. Собраніе приняло нѣкоторыя изъ пожеланій комиссіи, въ томъ числѣ и предложеніе о томъ, чтобы общество удѣляло больше времени разработкѣ вопросовъ профессиональнаго характера. Принято также предложеніе комиссіи о необходимости большаго общенія литературнаго общества съ его отдѣленіями. Въ заключеніе были произведены выборы предсѣдателя и членовъ совѣта. Предсѣдателемъ единогласно безъ баллотировки избранъ Н. Θ. Анненскій. Въ члены совѣта избраны: Θ. Д. Батюшковъ, Л. Θ. Пантелѣевъ, С. А. Венгеровъ, Д. Н. Овсянко - Куликовскій, В. Я. Богучарскій, Д. М. Герценштейнъ, Елисеѣвъ и В. П. Кранихфельдъ.

Въ обществѣ народныхъ университетовъ. 23 апрѣля состоялось, подъ предсѣдательствомъ присяжнаго повѣреннаго М. С. Маргуліеса, годовое общее собраніе членовъ с.-петербургскаго общества народныхъ университетовъ, на которомъ присутствовало около 200 человекъ. По поводу годового отчета общества произошли пренія. Меньшинство, съ г. Шимановскимъ и г. Парыковымъ во главѣ, высказалось противъ списка кандидатовъ въ члены совѣта взаимнъ выбывшихъ по очереди. Г. Шимановскій обратилъ вниманіе членовъ общества на то, что въ настоящее время общество не выполняетъ своей задачи обслуживанія культурныхъ потребностей широкихъ массъ, такъ какъ посѣщаемость лекцій на окраинахъ незначительна. По мнѣнію оратора, въ обществѣ замѣчается упадокъ интереса къ дѣятельности народныхъ университетовъ. Г. Шимановскій объясняетъ это бездѣйствіемъ совѣта общества. Объясненія давалъ предсѣдатель административнаго отдѣла Н. В. Дмитріевъ. О полезной дѣятельности общества говорили Н. П. Азбелевъ, д-ръ Никольскій и слушатели лекцій. Ораторами большинства было указано, что въ дѣятельности совѣта, конечно, не могло не быть минусовъ, совѣтъ сознаетъ ихъ и принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣжать ихъ въ будущемъ. Представителями совѣта было, между прочимъ, указано, что дѣятельность общества сильно тормозилась всевозможными «независящими обстоятельствами» въ видѣ запрещенія чтенія лекцій. При баллотировкѣ членовъ общества выяснилось, что прошелъ списокъ большинства. Въ совѣтъ 159 голосами избраны взаимнъ выбывавшихъ по очереди слѣдующія лица: М. С. Маргуліесъ, А. И. Никольская, Н. Я. Рѣзцовъ, В. В. Философовъ, графъ А. А. Давыдовъ, З. Л. Унковская. Въ кандидаты къ нимъ: В. К. Пурышевъ, А. Г. Генкель и Е. Г. Богатыревъ. Членами ревизіонной комиссіи выбраны: А. Е. Тищенскій, К. К. Неллисъ и В. П. Тугорскій. Въ кандидаты къ нимъ: А. К. Воскресенскій и А. И. Ивановъ.

Разрядъ полковыхъ исторій при императорскомъ военно-историческомъ обществѣ. При императорскомъ русскомъ военно-историческомъ обществѣ образованъ особый разрядъ полковыхъ и корабельныхъ исторій. 20 апрѣля были произведены выборы должностныхъ лицъ въ разрядъ, причемъ по большинству голосовъ оказались выбранными: предсѣдателемъ — генералъ-лейтенантъ Потоцкій (авторъ исторій гвардейской артиллеріи и кон-

ной артиллеріи), товарищами предсѣдателя — С. А. Панчулидзевъ (авторъ исторіи кавалергардовъ) и Н. Н. Беклемишевъ (предсѣдатель лиги обновленія флота) и секретаремъ М. К. Соколовскій (помощникъ редактора исторіи Государевой свиты, разрабатывающій нынѣ военно-судныя дѣла въ Отечественную войну и составляющій нѣсколько полковыхъ исторій). Въ разрядѣ состоялись уже два засѣданія—20 апрѣля и 16 мая. Нужно думать, что разрядъ принесетъ пользу полковой историографіи.

Памяти С. Т. Аксакова. По случаю 50-лѣтія со дня кончины знаменитаго писателя и общественнаго дѣятеля, автора «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, городское управленіе Москвы и учрежденія, съ которыми былъ связанъ покойный Аксаковъ своей дѣятельностью въ Москвѣ, откликнулись на происходящія въ городѣ Уфѣ Аксаковскія торжества. Утромъ на кладбищѣ Симонова монастыря, гдѣ погребенъ С. Т. Аксаковъ, собрались: внукъ знаменитаго писателя съ супругой и семьей, городской голова Н. И. Гучковъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ гласныхъ, депутація преподавателей и студентовъ Константиновскаго межевого института съ директоромъ В. Б. Струве во главѣ, директоръ межевой канцеляріи г. Морозовъ, два члена семьи Самариныхъ, связанной съ Аксаковской семьей, нѣсколько учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ школъ, депутація Аксаковскаго дѣтскаго пріюта, группа учениковъ Набилковскаго училища со своимъ учителемъ, а также много почитателей знаменитаго писателя. Для отдаленнаго кладбища Симонова монастыря народа было даже очень много. Могила Аксакова со скромнымъ памятникомъ находится невдалекѣ отъ главнаго монастырскаго храма. Здѣсь же погребены всѣ умершіе въ Москвѣ члены Аксаковской семьи. Могила въ очень хорошемъ состояніи, только мраморное основаніе памятника нѣсколько треснуло отъ морозовъ. Къ сегодняшнему дню могила была приведена въ порядокъ Константиновскимъ межевымъ институтомъ, въ которомъ покойный Аксаковъ былъ первымъ директоромъ. Надъ могилой Аксакова высится памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ такимъ же крестомъ, вышиною до трехъ аршинъ. На памятникѣ надпись: «Сергій Тимоѣевичъ Аксаковъ. Родился 20 сентября 1791 года, скончался 30 апрѣля 1859 года». Въ Тихвинскомъ храмѣ епископомъ Мисаиломъ была совершена заупокойная литургія, а затѣмъ на могилѣ отслужена панихида. Послѣ богослуженія директоръ Константиновскаго межевого института профессоръ В. Б. Струве возложилъ на могилу серебряный вѣнокъ съ надписью: «Своему первому директору — Константиновскій межевой институтъ» и сказалъ при этомъ теплую рѣчь о заслугахъ Аксакова. Положивъ на могилу вѣнокъ, городской голова сказалъ, что онъ возлагаетъ его «отъ древней Москвы великому русскому писателю, великому русскому гражданину». Учительница женскаго городского Анастасьевскаго училища г-жа Покровская въ трогательныхъ и простыхъ выраженіяхъ коснулась заслугъ Аксакова по отношенію къ народному образованію и положила на могилу простой букетъ цвѣтовъ отъ народной школы. Прекрасное слово о моральномъ значеніи Аксакова сказалъ учитель Набилковскаго начальнаго училища Славичкій. Рѣчь его тронула всѣхъ присутствовавшихъ. Были еще возложены вѣнки «Милому дѣдушкѣ — отъ внука и пра-

внука», отъ общества охоты «Незабвенному бытописателю и творцу русской охоты» и отъ призрѣваемыхъ Аксаковскаго пріюта. Возложенный Константиновскимъ межевымъ институтомъ серебряный вѣнокъ будетъ храниться въ стѣнахъ института на почетномъ мѣстѣ, чтобы всѣ поколѣнія студентовъ видѣли связь между институтомъ и гигантомъ русской мысли. По инициативѣ общества любителей російской словесности была отслужена панихида по Аксаковѣ въ церкви св. Бориса и Глѣба у Арбатскихъ воротъ. Въ приходѣ этого храма Аксаковъ и его семья жили около 30 лѣтъ. Въ этомъ же приходѣ по инициативѣ дочери Аксакова въ память покойнаго писателя и его жены былъ устроенъ въ 1871 году пріютъ для дѣвочекъ, на который дочь Аксакова пожертвовала 15,000 рублей. Теперь этотъ Аксаковскій пріютъ находится въ Филаретовскомъ епархіальномъ училищѣ. Откликнулся на юбилей Аксакова и московскій комитетъ по дѣламъ печати, связанный съ памятью Аксакова тѣмъ, что онъ былъ цензоромъ и одно время предсѣдателемъ московскаго цензурнаго комитета, изъ котораго впоследствии образовался комитетъ по дѣламъ печати. Отъ должности предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета Аксаковъ былъ уволенъ по повелѣнію императора Николая I за пропускъ въ печать балады «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», въ которой была усмотрѣна насмѣшка надъ полиціей того времени. Комитетъ послалъ въ Уфу Аксаковской юбилейной комиссіи слѣдующую телеграмму: «Съ отраднымъ чувствомъ вспомяна славную литературную дѣятельность Аксакова, бывшаго цензоромъ и предсѣдателемъ московскаго цензурнаго комитета въ 1827—1832 гг., комитетъ по дѣламъ печати въ Москвѣ присоединяется къ достойному повувѣковому чествованію памяти дорогаго для всей Россіи писателя и радуется, что оправдались собственныя слова Аксакова: «писатель заслуживаетъ общественной благодарности, доставляя сердцу и уму высокое наслажденіе, воспламеняя въ душѣ чувства народной гордости и стремленія къ просвѣщенію».

Чествованіе профессора А. И. Александрова въ Казани. 25 января 1909 года въ Казани состоялось скромное, но задушевное чествованіе профессора А. И. Александрова, по поводу 25-лѣтія его ученой и учебной дѣятельности. Профессоръ славянской филологіи, Александръ Ивановичъ Александровъ (родился 16 апрѣля 1861 г. въ Казани) съ 1 декабря 1883 г. былъ оставленъ при казанскомъ университетѣ профессорскимъ стипендіатомъ по каедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита. Съ этого времени начинается его учено-педагогическая дѣятельность, четверть вѣка которой исполнилось 1 декабря 1908 г.; но на ученомъ поприщѣ по своей спеціальности выступаетъ онъ съ 1882 г., еще на студенческой скамьѣ: въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» напечатаны четыре его студенческія работы по русскому языку, въ связи съ изученіемъ сравнительнаго языковѣдѣнія. Ученикъ въ казанскомъ университетѣ извѣстнаго представителя этой науки, профессора И. А. Бодуэна-де-Куртена, магистръ и докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія дерптскаго (нынѣ юрьевскаго) университета, въ которомъ обѣ свои диссертациі защитилъ на нѣмецкомъ языкѣ, А. И. Александровъ 27 лѣтъ отъ роду назначается въ 1888 г. экстраординарнымъ профессоромъ

сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита въ харьковскій университетъ, а оттуда черезъ годъ переходитъ въ свой родной университетъ на кафедру славянской филологіи. Съ тѣхъ поръ учено-педагогическая дѣятельность его всецѣло принадлежитъ казанскому университету. Не станемъ перечислять всѣхъ ученыхъ поѣздокъ А. И. Александра въ славянскія земли и въ предѣлы территорій литовскаго племени, а равно и многочисленные его ученые и литературные труды (все это отмѣчено въ «Биографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей казанскаго университета»; Казань, 1904 г., т. I, с. 21—25); замѣтимъ только, что служба его казанскому историко-филологическому факультету не ограничивалась профессурой. Съ 1897 по 1905 г. А. И. Александровъ былъ безсмѣннымъ секретаремъ факультета по назначенію, а съ 1905 г. является такимъ же безсмѣннымъ деканомъ факультета по избранію. Чествованіе А. И. Александра 25 января 1909 г. началось въ 1 часть дня въ аудиторіи музея отечествовѣдѣнія. Юбилару было поднесено пять адресовъ: 1) Отъ профессоровъ и преподавателей историко-филологическаго факультета. 2) Отъ молодыхъ людей, оставленныхъ при разныхъ кафедрахъ историко-филологическаго факультета для приготовленія къ профессорскому званію. 3) Отъ студентовъ историко-филологическаго факультета, кончившихъ курсъ въ 1907 и 1908 гг. 4) Отъ студентовъ историческихъ группъ. 5) Отъ студентовъ словеснаго отдѣленія (классическихъ группъ и отдѣленія на историко-филологическомъ факультетѣ казанскаго университета за 1907—1909 гг. не было). Всѣ эти адреса отмѣчаютъ гуманное и сердечное отношеніе А. И. Александра къ товарищамъ-сослуживцамъ, профессорамъ и преподавателямъ, и къ студентамъ и его живое и ясное изложене славяновѣдѣнія.

Даръ Москвѣ. Московское городское управленіе получило въ высшей степени цѣнное пожертвованіе—цѣлую художественную галерею извѣстнаго коллекціонера картинъ и рисунковъ русскихъ художниковъ И. Е. Цвѣткова, который въ теченіе 30 лѣтъ собиралъ художественныя произведенія, составилъ коллекцію изъ 1,500 предметовъ и построилъ для этого собранія спеціальныи домъ на Пречистенской набережной по указаніямъ и рисункамъ знаменитаго художника В. П. Васнецова. Въ этомъ собраніи имѣются произведенія всѣхъ русскихъ художниковъ съ половины XVII вѣка и до нашихъ временъ. Все, что только было и есть извѣстнаго, талантливаго въ русской живописи, имѣетъ здѣсь своихъ представителей. Тутъ находятся произведенія такихъ художниковъ, какъ Рѣпинъ, представленныи десятками полотенъ и рисунковъ, Боровиковскій, Брюлловъ, Венеціановъ, Угрюмовъ, Тропининъ, Федотовъ, затѣмъ всѣ художники болѣе современные, есть много рисунковъ Шевченка. Цвѣтковъ собиралъ свои коллекціи съ такимъ расчетомъ, чтобы представить каждаго художника въ наиболѣе характерномъ для него произведеніи и чтобы собраніе давало понятіе обо всей русской живописи. Жертвователю отдаетъ городу эту цѣнную галерею съ тѣмъ, чтобы она носила названіе «Цвѣтковской», чтобы перваго попечителя ея назначилъ самъ жертвователю, оставляющій за собою право пользоваться до смерти какъ домомъ, такъ и картинной галереей, пополняя ее и исключая изъ нея по своему усмотрѣнію. Жертво-

ватель ставить условіемъ, чтобы никакими другими картинами, даже пожертвованными, его галерея не пополнялась и чтобы она была предоставлена для свободнаго, бесплатнаго осмотра публикой ежедневно, безъ всякихъ изыятій. Жертвователь поставилъ еще условіемъ, чтобы домъ, даже если картины погибнутъ отъ пожара, не былъ использованъ для доходныхъ цѣлей.

Ростъ населенія Москвы. Населеніе Москвы быстро растетъ. Въ 1520 г. въ Москвѣ насчитывалось только 100,000 жителей, въ 1812 году—251,000, въ 1897 г.—1.039,000, въ 1902 г.—1.174,000, въ 1907 г. (по послѣдней переписи) — 1.359,000. Въ настоящее время въ Москвѣ 1.440,000. Въ послѣднее время ростъ населенія Москвы увеличивается на 39,000 человекъ ежегодно, что составляетъ населеніе средняго губернскаго города. Приростъ Москвы сталъ превосходить приростъ Петербурга.

Штрафы на печать Въ административномъ порядкѣ наложено было на редакторовъ періодической печати за первую треть текущаго года 75 штрафовъ на общую сумму въ 38,825 р. По отдѣльнымъ городамъ штрафы распределяются такъ: въ Петербургѣ 21 штрафъ на сумму 16,900 р., изъ которыхъ 7 штрафовъ на 4,500 р. были затѣмъ сложены, въ Москвѣ — 3 штрафа на 4,500 р., въ Кіевѣ — 5 штрафовъ на 1,600 р., въ Кишиневѣ — 3 штрафа на 1,100 р., въ Царицынѣ—4 штрафа на 1.800 р., въ Саратовѣ—2 штрафа на 1,000 р., въ Вяткѣ—4 штрафа на 700 р., въ Ирбитѣ 2 штрафа на 800 р., въ Ригѣ 3 штрафа на 1,300 р., въ Вышнемъ-Волочкѣ 2 штрафа на 1,000 р., въ Екатеринославѣ 2 штрафа на 600 р., въ Ярославлѣ 2 штрафа на 600 р., въ Елисаветградѣ, Юрьевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Херсонѣ и другихъ по одному штрафу на 500 рублей.

НЕКРОЛОГИ.

ВЕЦКІЙ, Ѳ. Ѳ., профессоръ. 20 апрѣля въ Юрьевѣ скоропостижно скончался ординарный профессоръ по кафедрѣ офталмологіи и офталмологической клиники въ юрьевскомъ университетѣ Ѳедоръ Орестовичъ Евецкій. Ѳ. Ѳ. родился 13-го іюля 1851 года въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его состоялъ директоромъ канцеляріи намѣстника царства Польскаго князя Паскевича-Эриванскаго. Среднее образованіе получилъ въ 1-й харьковской гимназіи, курсъ которой окончилъ съ золотою медалью въ 1869 году. Въ слѣдующемъ году Ѳ. Ѳ. поступилъ въ медико-хирургическую академію, но вышелъ отсюда со 2-го курса и уѣхалъ за границу, гдѣ занимался медициной въ Цюрихѣ, затѣмъ въ Гейдельбергѣ, Вѣнѣ и Галлѣ. Степень доктора медицины получилъ въ Гейдельбергѣ, а затѣмъ выдержалъ экзамены на степень русскаго доктора медицины въ Дерптѣ въ 1880 году. Затѣмъ Ѳ. Ѳ. поселился въ Москвѣ вольнопрактикующимъ врачомъ, въ 1886 году опредѣлился на службу въ должность консультанта по глазнымъ болѣзнямъ при комитетѣ «Христіанская помощь» русскаго общества Краснаго Креста, потомъ былъ назначенъ консультантомъ по той же специальности при учрежденіяхъ императрицы Маріи и при 1-й городской больницѣ. Въ 1892 году назначенъ былъ ассистентомъ при глазной клиникѣ московскаго университета, въ слѣдующемъ 1893 году получилъ званіе приватъ-доцента, а въ 1895 года званіе сверхштатнаго экстраординарнаго профессора съ завѣдываніемъ амбулаторіею при глазной клиникѣ. 20 октября 1900 года Ѳ. Ѳ. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ и директоромъ глазной клиники юрьевскаго университета послѣ ухода въ отставку извѣстнаго офталмолога, профессора Эдуарда Рельмана. Нѣкоторое время Ѳ. Ѳ. состоялъ

деканомъ медицинскаго факультета юрьевскаго университета по избранію. Перу покойнаго принадлежитъ длинный рядъ ученыхъ трудовъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, помѣщенныхъ большею частью въ спеціальныхъ журналахъ по офталмологіи (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 года., № 92).

† **Евреиновъ, К. М.** Въ Кіевѣ 27 апрѣля послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался полковникъ артиллеріи въ отставкѣ Константинъ Михайловичъ Евреиновъ. Покойный, уроженецъ С.-Петербургской губ., изъ дворянъ Полтавской губ., родился 20 апрѣля 1834 г. Произведенный въ прапорщики 4-й батареи 17-й артиллерійской бригады, въ 1855 г. въ Севастополь находился во время послѣдней бомбардировки и участвовалъ въ бою 27 августа. Въ этотъ день батарея занимала позицію у подошвы Малахова кургана. Въ короткое время два офицера были убиты, а командиръ батареи и три офицера, въ числѣ которыхъ былъ Евреиновъ, ранены, изъ нихъ командиръ и одинъ офицеръ вскорѣ умерли. При орудіяхъ оставалось только 8 человекъ прислуги и почти столько же лошадей. Орудія батареи по приказанію артиллерійскаго начальства брошены въ Южную бухту. Равенъ Евреиновъ былъ пулей въ правую ногу съ раздробленіемъ кости, что и заставило его на всю послѣдующую службу отказаться отъ службы въ полевой артиллеріи и ходить съ помощью палки. Награжденъ орденомъ св. Анны 4 степеніи съ надписью «за храбрость». Большую часть дальнѣйшей военной службы онъ прослужилъ въ Кіевѣ, въ мѣстномъ арсеналѣ и въ кіевской крѣпостной артиллеріи и въ 1892 году оставилъ военную службу въ чинѣ полковника. Энергичный по натурѣ, онъ и по выходѣ въ отставку не оставался безъ дѣла и служилъ по выборамъ предсѣдателемъ земской управы и почетнымъ мировымъ судьей по Переяславскому уѣзду. Но болѣзнь вынудила его оставить и эту службу, а потому онъ съ 1901 г. по день смерти проживалъ въ отставкѣ въ Кіевѣ. При жизни К. М. за свою прямоту, неподкупную честность и твердость убѣжденій пользовался общимъ расположеніемъ и любовью всѣхъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 11.905).

† **Качаловъ, Н. Н.** 1 мая на 58 году скончался въ Ялтѣ бывшій директоръ электротехническаго института Николай Николаевичъ Качаловъ. По окончаніи морскаго корпуса, миннаго офицерскаго класса и морской академіи Н. Н. принималъ участіе въ сухопутной русско-турецкой войнѣ, затѣмъ былъ помощникомъ агента морскаго министерства въ Берлиинѣ и совершилъ много заграничныхъ плаваній. Въ 1885 г. Н. Н. перешелъ на гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, въ 1886 г. назначенъ инспекторомъ техническаго училища почтово-телеграфнаго вѣдомства, которое затѣмъ было преобразовано въ институтъ. Кроме того, Н. Н. былъ избранъ на трехлѣтіе 1895—1898 гг. предсѣдателемъ новгородской губернской земской управы. Съ 1891 г. началось преобразованіе училища въ институтъ, съ четырьмя курсами и съ неполными еще правами высшей школы. Н. Н. сталъ исправляющимъ должность директора института. Въ 1899 г. институтъ получилъ всѣ права высшихъ техни-

ческихъ школъ, и покойный явился его первымъ директоромъ. Благодаря его неуныннымъ хлопотамъ, въ это же время отпущены были необходимыя средства на постройку зданій института. Н. Н. былъ возведенъ совѣтомъ института въ званіе почетнаго инженера-электрика. Блистательно окончивъ трудную задачу реформирования института, онъ въ 1908 г. уволился отъ должности директора института, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и въ 1907 г. назначенъ архангельскимъ губернаторомъ, но прослужилъ въ Архангельскѣ весьма недолго. Дважды перенесенное воспаленіе легкихъ и общее разстройство здоровья заставили его оставить всякую службу. Последнее время онъ проводилъ на югѣ Россіи. Память Н. Н., какъ администратора и хорошаго въ своей личной жизни человѣка, всегда останется дорогой для электротехническаго института, на созданіе и процвѣтаніе котораго онъ не жалѣлъ силъ. (Некролъ его: «Нов. Вр.» 1909 г., № 11.905).

† **Колпакчи, И. М.** 29 апрѣля умеръ въ 53-лѣтнемъ возрастѣ приватъ-доцентъ харьковскаго университета, докторъ-медицины И. М. Колпакчи, считавшійся однимъ изъ лучшихъ специалистовъ по дѣтскимъ болѣзнямъ. Покойный былъ питомцемъ еще старой петербургской медико-хирургической (нынѣ военно-медицинской академіи). Уже вскорѣ по окончаніи академическаго курса онъ пріѣхалъ въ Харьковъ и поселился здѣсь, избравъ своей спеціальностью ларингоскопію, горловые и ушныя болѣзни, столь близко соприкасающіяся съ главнѣйшими болѣзнями дѣтей. Въ Харьковѣ онъ практиковалъ около 30 лѣтъ и, благодаря большимъ теоретическимъ познаніямъ и безграничной любви къ дѣлу, сталъ крупной величиной въ избранной имъ спеціальности. Отдавая себя преимущественно медицинской практикѣ и преподавательской работѣ, И. М. не оставался, однако, чуждымъ и общественной дѣятельности. Онъ принималъ самое живое участіе въ харьковскихъ благотворительныхъ обществахъ и различныхъ просвѣтительныхъ организаціяхъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 102).

† **Крючковъ, о. К.** 4-го мая въ селѣ Поимѣ, Пензенской губерніи, скончался популярный синодальный миссіонеръ от. Ксенофонтъ Крючковъ. Покойный родился въ 1840 году въ семьѣ богатыхъ крестьянъ торговцевъ-раскольниковъ. Получивъ домашнее образованіе и имѣя выдающіяся способности, онъ сразу занялъ среди своихъ единовѣрцевъ первенствующее положеніе, не ограничивая своихъ стремленій къ образованію одной раскольниковской литературой. Это помогло ему сблизиться съ популярнымъ тогда среди старообрядцевъ извѣстнымъ миссіонеромъ архимандритомъ Павломъ Прусскимъ, подъ руководствомъ котораго онъ началъ изучать богословскіе предметы. Еще ранѣе знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ вызвалъ его къ себѣ и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду, въ результатѣ чего молодой Крючковъ рѣшилъ принять православіе на началахъ единовѣрія въ 60 году прошлаго столѣтія. За нимъ послѣдовало значительное число поимскихъ раскольниковъ. Онъ быстро основалъ новую православную ячейку изъ новообращенныхъ, построивъ имъ храмъ. Здѣсь же удалось построить еще большой единовѣрческой храмъ и одинъ маленькій. Построены имъ и школы, изъ которыхъ одна двухклассная. Выдающіяся заслуги о. Ксенофонта на миссіонерскомъ поприщѣ

доставили ему санъ священника въ 1880 году, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ назначенъ епархіальнымъ, а въ 1895 синодальнымъ миссіонеромъ. Заслуги его выражаются въ постройкѣ 150 церквей и въ обращеніи десятковъ тысячъ раскольниковъ въ православіе. До самаго гроба о. Ксенофонтъ поражалъ всѣхъ знавшихъ его своей начитанностью и изумительной трудоспособностью. Онъ до послѣдняго момента слѣдилъ за всей текущей литературой не только духовной, но и свѣтской. Въ заслугу ему ставятъ также, что онъ, выйдя изъ народа, никогда не порывалъ съ нимъ связи, держась самаго простонароднаго образа жизни. Умеръ о. Ксенофонтъ въ санѣ протоіерея, 69 лѣтъ отъ роду, еще бодрый и полный энергіи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 года, № 11.909.)

† **Лебедевъ, В. А.** Скончавшійся въ ночь на 2 мая заслуженный профессоръ петербургскаго университета Василій Александровичъ Лебедевъ пользовался крупной извѣстностью авторитетнаго изслѣдователя финансоваго права и былъ однимъ изъ знатоковъ нашего финансоваго хозяйства. Читая въ петербургскомъ университетѣ лекціи по финансовому праву съ 1867 года, онъ чутко отзывался на разнообразныя вопросы нашей финансовой политики, печатая свои научно-публицистическія статьи въ «Новомъ Времени» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Солидныя спеціальныя знанія покойнаго вмѣстѣ съ умѣніемъ примѣнить ихъ къ финансовому хозяйству и къ государственнымъ потребностямъ придавали его статьямъ особенную цѣнность и часто имѣли рѣшающее значеніе при разсмотрѣніи законопроектвъ финансоваго и бюджетнаго характера. В. А., сынъ врача, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 1 октября 1833 года. По окончаніи курса по камеральному отдѣленію казанскаго университета кандидатомъ съ золотой медалью за сочиненіе по исторіи таможеннаго законодательства и съ свидѣтельствомъ объ успѣшномъ слуханіи курса сельскаго хозяйства, онъ сталъ готовиться на степень магистра политической экономіи и поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1862 году по представленію казанскаго университета былъ командированъ за границу для подготовки къ профессурѣ. Онъ слушалъ лекціи въ берлинскомъ, лейпцигскомъ и гейдельбергскомъ университетахъ (у Риделя, Дитцеля, Рау, Блунчли и др.) и по выдержаніи экзамена былъ приглашенъ въ 1866 году юридическимъ факультетомъ петербургскаго университета читать лекціи въ качествѣ привать-доцента по каедрѣ финансоваго права. Помимо лекцій руководилъ практическими занятіями студентовъ по вопросамъ финансовой науки. Въ 1868 году защитилъ диссертацию «О поземельномъ налогѣ» на степень магистра финансоваго права и назначенъ штатнымъ доцентомъ, въ 1884 году—экстраординарнымъ профессоромъ, черезъ два года за диссертацию «Мѣстные налоги; опытъ изслѣдованія теоріи и практики мѣстнаго обложенія» получилъ степень доктора финансоваго права и званіе ординарнаго профессора. Въ 1893 году за выслугою лѣтъ онъ былъ отчисленъ изъ штатныхъ профессоровъ, но обычно продолжалъ чтеніе своего курса до прошлаго года, когда болѣзнь и старость заставили его прекратить лекціи. Изданный имъ курсъ финансоваго права (два тома, четыре выпуска 1882—1885 годовъ) явился крупнымъ вкладомъ въ финансовую науку и

обратилъ на себя вниманіе подробной разработкой общаго понятія о финансахъ, финансоваго хозяйства и его строя, состава государственныхъ потребностей, финансовыхъ учреждений и бюджетныхъ системъ. Курсъ отмѣченъ академіей наукъ преміей имени Грейга. Въ области журналистики В. А. принималъ участіе съ 1861 года сперва въ журналѣ «Промышленность», потомъ въ «Сельскомъ Хозяйствѣ и Лѣсоводствѣ», «Молвѣ», «Новомъ Времени», «Юридической Лѣтописи» и другихъ изданіяхъ. Въ 80-хъ годахъ былъ напечатанъ въ «Новомъ Времени» рядъ его передовыхъ статей по разнымъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, въ 1893 году статьи «о конверсіяхъ государственныхъ займовъ». Покойный оставилъ по себѣ хорошую память не только какъ крупный ученый, но и какъ сердечный, отзывчивый на все доброе чловѣкъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.904).

† **Лебедевъ, Е. И.** Убитый своею женою 19 марта докторъ Евгений Ивановичъ Лебедевъ, сынъ священника новгородскаго Сыркова женскаго монастыря, родился въ декабрѣ 1851 г. Обучался первоначально въ новгородскомъ духовномъ училищѣ и въ 1865 г., 14 лѣтъ, поступилъ въ новгородскую духовную семинарію. Въ 1871 г., 20 лѣтъ, онъ окончилъ курсъ семинаріи со званіемъ студента семинаріи. Въ аттестатѣ его помѣчено, что онъ «отличнаго поведенія, отмѣнныхъ дарованій, прилежаній и усилъховъ». Въ 1871 г. поступилъ въ петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1875 г. со степенью кандидата естественныхъ наукъ. За изслѣдованіе «О нервахъ, завѣдующихъ работою поджелудочной желѣзы» получилъ серебряную медаль. Въ 1875 г. поступилъ въ студенты императорской медико-хирургической академіи и, по окончаніи курса, выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины въ 1880 г., а по защитѣ диссертации въ маѣ 1894 г. былъ удостоенъ этого званія. Въ бытность свою студентомъ IV и V курсовъ медико-хирургической академіи Е. И. состоялъ старостою и, вообще, пользовался большимъ вліяніемъ среди студенчества. Состоялъ на службѣ 2¹/₂ года земскимъ врачомъ въ Демянскомъ уѣздѣ. Съ 1883 г. по день смерти служилъ санитарнымъ врачомъ новгородскаго губернскаго земства. Многіе изъ его ученыхъ трудовъ пользовались извѣстностью.

† **Мансветовъ, В. П.** Скончавшійся въ ночь на 23 апрѣля предсѣдатель петербургскаго коммерческаго суда Василій Петровичъ Мансветовъ родился въ 1845 году и происходилъ изъ духовнаго званія. Окончивъ въ 1871 году курсъ юридическаго факультета петербургскаго университета со степенью кандидата правъ, В. П. занялся адвокатурой, но спустя три года поступилъ на службу въ петербургскій коммерскій судъ, сначала на должность канцелярскаго чиновника и затѣмъ, проходя всѣ стадіи по канцеляріи, онъ въ 1878 году назначенъ былъ членомъ этого суда, оставаясь въ этой должности вплоть до 1902 года. Въ этомъ году покойный баллотировался въ товарищи предсѣдателя коммерческаго суда и избранъ былъ въ предсѣдатели, но не послѣдовало утвержденія, и В. П. вышелъ изъ состава коммерческаго суда и принять былъ въ присяжные повѣренные округа петербургской судебной палаты. Въ 1906 году онъ снова баллотировался уже въ предсѣдатели и въ этой должности былъ утвержденъ. Покойный считался знатокомъ торговаго

права, которое, занимая у нас скромное мѣсто въ законѣ, зиждется главнымъ образомъ на судебной практикѣ. Въ качествѣ высокоопытнаго, безпристрастнаго и осмотрительнаго судьи В. П. пользовался заслуженнымъ уваженіемъ въ широкихъ кругахъ, соприкасающихся съ коммерческимъ судомъ. Покойный являлся горячимъ поборникомъ сохраненія въ Россіи института коммерческихъ судовъ съ участіемъ представителей отъ купечества. Въ теченіе своей долгодѣтельной судейской практики ему пришлось разрѣшить массу спорныхъ вопросовъ и по большинству твердо нынѣ установившихся въ судебной практикѣ положеній торговаго права покойному принадлежитъ выдающаяся творческая роль. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11894).

† **Прянишниковъ, И. П.** 3 апрѣля умеръ довольно извѣстный русскій художникъ Иванъ Петровичъ Прянишниковъ. Умеръ онъ во Франціи, гдѣ прожилъ большую часть жизни, на берегу Средиземнаго моря. Любитель лошадей и хорошо знакомый съ военнымъ бытомъ, онъ довольно долгое время состоялъ при русскомъ военномъ вѣдомствѣ и написалъ много картинъ изъ военнаго быта, изъ которыхъ многія приобрѣтались императоромъ Александромъ III. Всѣ онѣ были небольшого размѣра и обращали на себя вниманіе большой законченностью. Живя все послѣднее время во Франціи, онъ довольно часто выставлялъ свои картинки въ парижскихъ «Салонахъ» и имѣлъ довольно большой кругъ почитателей. Кромѣ живописи, И. П. въ послѣдніе годы своей жизни очень увлекался археологіей и изысканіями слѣдовъ жизни доисторическаго человѣка въ Провансѣ. Работая въ этомъ направленіи, онъ заслужилъ солидную извѣстность среди ученыхъ Франціи, интересовавшихся тѣмъ же самымъ вопросомъ. Между прочимъ онъ, прекрасно зная французскій языкъ, перевелъ нѣсколько произведеній И. С. Тургенева, главнымъ образомъ стихотвореній въ прозѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» № 1909 г., 11.891).

† **Сорокинъ, Н. В.** 23 марта 1909 г. скончался въ Казани заслуженный профессоръ по кафедрѣ ботаники Николай Васильевичъ Сорокинъ. Умеръ талантливый научный, общественный и литературный дѣятель казанскаго Поволжья, который въ теченіе долгихъ лѣтъ по мѣрѣ силъ работалъ на пользу просвѣщенія. Родился онъ 29 декабря 1846 г. Около 1871 г. выступилъ на академическомъ поприщѣ, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ и живое участіе въ мѣстной общественной жизни. Въ 1872 г. онъ задумалъ издавать популярный журналъ, посвященный общественнымъ и научнымъ, преимущественно естественно-историческимъ вопросамъ, но журналъ этотъ не былъ разрѣшенъ. Смерть Сорокина вызвала чувство глубокаго сожалѣнія среди всѣхъ, знавшихъ этого прекраснаго, талантливаго дѣятеля.

† **Чунихинъ, В. А.** 22-го апрѣля скончался въ городѣ Ялтѣ послѣ непродолжительной болѣзни начальникъ государственной типографіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. А. Чунихинъ. Покойный изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, по окончаніи курса въ рижскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ, началъ службу 14 іюля 1867 г. въ чинѣ прапорщика; послѣ многихъ лѣтъ военной службы В. А. въ 1890 году былъ назначенъ старшимъ помощникомъ начальника с.-петербургской тюрьмы, въ 1895 года назначенъ началь-

никомъ с.-петербургской тюрьмы, а въ 1903 году начальникомъ государственной типографіи. За время нахождения въ должности начальника государственной типографіи В. А. заботился объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія рабочихъ, принялъ рядъ мѣропріятій къ охраненію состоянія ихъ здоровья, возбудилъ вопросъ о постройкѣ новыхъ зданія типографіи и въ строительной комисіи принималъ самое дѣятельное и горячее участіе, но окончить задуманное грандіозное дѣло покойному не было суждено. Добрая память о В. А. останется навсегда среди лицъ, его знавшихъ и работавшихъ съ нимъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.896).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «У великихъ могилъ».

Въ статьѣ Д. Н. Островскаго «У великихъ могилъ» («Историч. Вѣстн.», май 1909 г., стр. 670) сказано:

«Прошло три вѣка. Мать императора Константина, Елена, родомъ англичанка, много испытывавшая въ жизни горя, въ глубокой старости предприняла въ 326 г. путешествіе изъ Рима въ Іерусалимъ и здѣсь, пользуясь еще свѣжими, жившими въ средѣ христіанъ преданіями и указаніями, навсегда укрѣпила мѣсто великой драмы, построивъ на немъ громаднѣйшій храмъ-базилику».

Императрица Елена, первая жена Констанція Хлора и мать Константина Великаго, родилась въ 248 году, въ городѣ Дрепане или Дрепанумѣ (Drepanum), нынѣ Герсекъ (Hersek), лежащемъ на берегу Исмидскаго залива и входившемъ въ составъ римской малоазійской провинціи Вионія (Bithynia). Она происходила изъ простой и неизвѣстной семьи. Когда мужъ ея сдѣлался цезаремъ и соправителемъ Максиміана Геркулеса, то онъ, по политическимъ соображеніямъ, принужденъ былъ въ 293 г. развестись съ Еленою и жениться на Теодорѣ, падчерицѣ Максиміана¹⁾. Съ тѣхъ поръ и до воцаренія Константина Елена проживала какъ простая женщина. Достигнувъ трона, Константинъ вернулъ ее ко двору, пожаловалъ ей титулъ августѣйшей (Augusta) и приказалъ выбить монеты съ ея изображеніемъ и именемъ. На ея глазахъ произошли всѣ драмы въ семейной жизни ея сына—убійства Криспа, ея внука, и второй невѣстки Фаусты. Она скончалась въ началѣ 329 г. на восемьдесятъ первомъ году жизни²⁾.

¹⁾ Н. Cohen, Description histor. des monnaies appelées imperiales, frappées sous l'Empire Romain, т. VII, стр. 93.

²⁾ J. Maurice, Numismatique Constantinienne, I, стр. 476.

За два года до смерти Елена отправилась въ Иерусалимъ, который, какъ извѣстно, былъ до тла разоренъ Титомъ и Адрианомъ (въ 130 г.); евреи и христіане были оттуда изгнаны и городъ подъ новымъ названіемъ *Aelia Capitolina* съ храмомъ, посвященнымъ Юпитеру Капитолійскому, сталъ совершенно языческой.

Никакихъ достовѣрныхъ преданій, за два вѣка языческаго существованія *Aelia Capitolina*, о священныхъ для христіанъ мѣстахъ тамъ не сохранилось. Еленѣ стоило большихъ трудовъ отыскать холмъ, который могъ служить мѣстомъ распятія Христа. Произведенными раскопками и разрушеніемъ домовъ епископу іерусалимскому удалось найти подъ развалинами храма Венеры пещеру и около нея три деревянныхъ креста, которые были признаны тѣми, на коихъ были распяты Иисусъ Христосъ и два разбойника. По этому случаю сложилась легенда, что для опредѣленія креста, на которомъ висѣлъ Христосъ, принесли одну больную женщину, страдавшую смертельною болѣзью; императрица и епископъ стали усердно молиться, послѣ чего больная приложилась къ двумъ крестамъ и осталась въ томъ же положеніи; когда же приложилась къ третьему, то тотчасъ встала и начала ходить.

Евсевій, митрополитъ кесарійскій, біографъ Константина Великаго и церковный историкъ того времени, объ этомъ чудѣ и объ обрѣтеніи креста Господня ничего въ своихъ сочиненіяхъ не упоминаетъ¹⁾.

Ж. Губастовъ.

II.

Въ № 3 «Историческаго Вѣстника» 1909 года помѣщенъ весьма лестный отзывъ извѣстнаго археолога, уважаемаго А. А. Титова о «Путеводителѣ по музею псковскаго археологическаго общества». Въ дополненіе въ той части отзыва, которая касается исторіи названнаго общества, не откажите помѣстить слѣдующее.

Въ дѣлѣ передачи, въ 1900 году, Поганкиныхъ палатъ изъ военнаго вѣдомства во владѣніе псковскаго археологическаго общества громадную услугу оказалъ послѣднему, на ряду съ незабвенной Елизаветой Карловной фанъ-деръ-Флитъ, тогдашній предсѣдатель общества Николай Ивановичъ Новосильцевъ нынѣ калишскій губернаторъ. Много энергіи и настойчивости пришлось употребить Ник. Ивановичу, чтобы привести это дѣло къ благополучному окончанію. Препятствія встрѣчались со стороны двухъ министровъ: военнаго—А. Н. Куропаткина и финансовъ—С. Ю. Витте. Но беззавѣтная преданность г. Новосильцева интересамъ псковскаго археологическаго общества и любовь къ дѣлу помогли ему побѣдить эти, казалось бы, неодолимые препоны. Ему удалось получить аудіенцію у государя императора, который, благосклонно выслушавъ докладъ его объ историческомъ значеніи Поганкиныхъ палатъ, милостиво соизволилъ на передачу ихъ псковскому археологи-

¹⁾ V. Duruy, *Histoire des Romains*. Nouvelle édition illustrée, т. VII, стр. 144—145.

ческому обществу, на письменномъ же докладѣ г. Новосильцева благоволилъ начертать свое имя. Этотъ драгоценный документъ находится въ настоящее время на стѣнѣ одной изъ комнатъ нашего музея. Помянуть добрымъ словомъ эту услугу почтеннаго Николая Ивановича и составляетъ цѣль моего письма.

Секретарь псковскаго археологическаго общества

Н. Окуличъ-Казаринъ.

III.

Въ замѣткѣ г. А. Жиркевича «По поводу музея Бродовскаго въ Вильнѣ» вкрался двѣ опечатки, которыя и считаемъ долгомъ исправить. Надо читать не «пятьдесятъ тысячъ лѣтъ тому назадъ», а пять-десять тысячъ (стр. 783). Въмѣсто Тайдзы слѣдуетъ «Тайдулы».

Герцогъ распорядился, чтобы партизаны въ его замкѣ ни въ чемъ не нуждались; за каждый день службы при немъ обѣщаль уплачивать по пиастру, а по окончаніи войны сулилъ исходатайствовать у короля Фердинанда награды всѣмъ отличившимся.

Во время трапезы капитанъ обсуждалъ съ товарищами проектированный имъ планъ обороны, который тутъ же и былъ одобренъ всѣми, въ томъ числѣ и Викторіей.

Викторія не скрывала, что любитъ Рикардо, что ради него покинула Вицаро, однако вела себя сдержанно.

Ночь прошла. Утромъ все еще не проявлялось признаковъ близости непріятели, но зато и о другихъ партизанскихъ отрядахъ, приглашенныхъ въ замокъ, ничего не было слышно.

XI.

Совѣщаніе у герцога Фаньяно.—Всемиловивѣйшія награды.—Зависть и ревность.

Рикардо и Викторію, какъ начальниковъ отрядовъ, рано утромъ пригласили къ Фаньяно. Герцогъ ихъ принялъ въ своемъ кабинетѣ, онъ сидѣлъ передъ лисьменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, и довольно надменно принялъ приглашенныхъ, однако расцвѣлъ сладострастной улыбкой, оглядывая женщину-атамана.

— Вы годъ тому назадъ, — обратился онъ къ ней, — оказали мнѣ существенную услугу: помогли пробиться черезъ непріятельскую линію, когда я былъ вынужденъ покинуть нашъ край, по обязанностямъ, которыя призывали меня въ Сицилію къ королевскому двору. Нынче вамъ обоимъ предстоитъ оказать услугу еще болѣе важную, не мнѣ собственно, а моей дочери и ея... ея подругѣ.

— Такія услуги оказывать наше ремесло, — отвѣчала Викторія: — мы готовы служить дѣлу, если только отъ насъ при этомъ не требуютъ другого рода услугъ.

Герцогъ понялъ намекъ, отвелъ глаза отъ красавицы и продолжалъ почти строго:

— Какъ вамъ это удастся, я не знаю. Хотѣлъ бы я быть увѣреннымъ въ вашемъ успѣхѣ; но не увлекаюсь надеждами. Мы, т. е. моя дочь съ подругой и я, поступили весьма неосторожно, пріѣхавъ сюда. Вообще война не дала до сихъ поръ тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали. Однако насъ увѣряли передъ отъѣздомъ, что въ этой именно провинціи дѣло идетъ лучше; что наши партизаны одолѣваютъ врага. И мы полагали, что наше присутствіе здѣсь придастъ бодрость остальнымъ провинціямъ, будетъ повсюду содѣйствовать успѣху. Оказалось же, что мы были введены въ заблужденіе. Правда, мы могли безо всякой опасности сюда пробраться; правда, что французы покуда не коснулись ни

окрестностей моего замка, ни моих владѣній. Однако надо полагать, что французскіе шпіоны выслѣдили нашъ отъѣздъ изъ Сициліи; что непріятель знаетъ, гдѣ мы находимся. Слѣдовательно, возвратиться назадъ намъ будетъ по малой мѣрѣ затруднительно.

— Что же мы, по-вашему, должны дѣлать?—прибавилъ Фаньяно, помолчавъ нѣсколько секундъ и обращаясь къ Рикардо.—Вашъ планъ мнѣ извѣстенъ, и я его одобряю. А вы какъ думаете?

Послѣдній вопросъ онъ задалъ Викторіи.

— И я одобряю, хотя меня мало интересуютъ проекты... Мнѣ интересно главное: гдѣ и когда намъ можно будетъ хорошенько поработать руками.

— Я потому одобряю, — продолжалъ Фаньяно: — что планъ этотъ соотвѣтствуетъ основной цѣли: намъ нужно, чтобъ непріятель стянулъ всѣ свои силы къ замку, дабы дорога къ морю оставалась для насъ свободной. Покуда она еще свободна, какъ мнѣ извѣстно. Но зато всѣ французскіе солдаты, находящіеся въ нашемъ околоткѣ, стягиваются къ дорогамъ, ведущимъ черезъ ущелья къ замку. Мало того, по всему можно заключить, что они не сомнѣваются утвердиться здѣсь: они уже выбрали, говорятъ, своего гражданскаго комиссара, который долженъ управлять отсюда всею провинціею.

Герцогъ опять помолчалъ. Рикардо показалась, что драпировка двери за спиной хозяина чуточку колыхнулась. Фаньяно продолжалъ, какъ будто не совсѣмъ охотно.

— Я долженъ вамъ сказать, что въ настоящую минуту я не имѣю права всѣмъ распоряжаться. Я могу только завидовать вамъ, призваннымъ совершить трудный подвигъ, оказать важную услугу королевскому дому. Я самъ ничего вамъ обѣщать не могу за предстоящее вамъ дѣяніе, успѣхъ котораго, по моему мнѣнію, будетъ превыше всякихъ наградъ. Объ этомъ позаботится особа, одно благосклонное слово которой, исходящее отъ искренняго великодушнаго сердца, составляетъ уже неоцѣнимое вознагражденіе. Эта особа не оставитъ васъ своими милостями...

— И искренней благодарностію,—добавилъ внушительный женскій голосъ, голосъ королевы, вошедшей въ комнату изъ-за драпировки.

Герцогъ, видимо, былъ удивленъ; его лицо выразило досаду. Но то было одно мгновеніе. Опытный придворный, онъ быстро обернулся, посторонился и низко склонился предъ монархиней.

— Да, благодарности,—повторила Каролина. —Можетъ быть, вы, герцогъ, осуждаете мое вмѣшательство. Но я поступила по непреодолимому влеченію, откинувъ всякія придворныя церемоніи. Мнѣ кажется нехорошо скрываться отъ лицъ, которыя рѣшились пожертвовать своей жизнью за государя.

— Это долгъ каждаго вѣрноподданнаго,—пробормоталъ Фаньяно.

— Въ настоящее время, къ сожалѣнію, не всѣ такъ думаютъ, — возразила королева. — Придетъ время, когда Господь покараетъ тѣхъ, кто не покоряется данному Имъ монарху. Мы же обязаны умѣть вознаграждать тѣхъ, кто въ черные дни хранилъ намъ вѣрность. Герцогъ, потрудитесь заполнить одинъ изъ бланковъ, предоставленныхъ въ мое распоряженіе моимъ августѣйшимъ супругомъ. Напишите бrevetъ на чинъ полковника для капитана Рикардо.

— Но... ваше величество.

— Погрудитесь, — повторила Каролина, кинувъ такой грозный взглядъ на осмѣливагося возразить ей шталмейстера, что онъ, весьма поспѣшно исполнивъ повелѣніе, вручилъ бrevetъ королевѣ, она же передала его Рикардо со словами:

— Жалуемый вамъ чинъ — это награда государя. А это, — она сняла богатую ленту, облежавшую ея плечи: — это награда отъ королевы.

Рикардо принялъ, ставъ на колѣни, высочайшіе дары.

— Встаньте, полковникъ. Дай Богъ, чтобы у короля было больше такихъ вѣрныхъ и доблестныхъ слугъ.

Фаньяно и Викторія не пошевелились во время этой сцены. Но оба — по разнымъ причинамъ — были ею недовольны. Герцогъ позеленѣлъ отъ зависти къ новому любимцу королевы, тѣмъ болѣе, что этотъ любимецъ, безъ роду и племени, былъ приемышемъ простого земледѣльца-сосѣда. Онъ былъ недоволенъ также, что ея величество приняла молодого человѣка вчера вечеромъ ранѣе, чѣмъ тотъ подумалъ представиться владѣльцу замка.

Проницательная и чуткая Викторія подозрѣвала, что отношенія королевы къ Рикардо идутъ далѣе высочайшаго благоволенія. Но и Каролина была проницательна не менѣе женщины-партизана. Каролина подмѣтила, что та влюблена въ Рикардо. Каролина была слишкомъ горда и самоувѣренна, чтобы ревновать полковника къ этой женщинѣ. Но она считала полезнымъ въ настоящую минуту и ее расположить къ себѣ. Поэтому она обратилась къ Викторіи:

— Намъ хорошо извѣстны доблестные поступки, безстрашіе и героизмъ единственной женщины, которая выступила съ оружіемъ въ рукахъ на защиту престола и отечества. Намъ пріятно, что мы можемъ лично поблагодарить васъ. Намъ давно хотѣлось вознаградить васъ за вашу вѣрность. Примите эту цѣпь, надѣньте ее и носите, вспоминая вашу государыню.

Каролина, снявъ съ себя золотую цѣпь, передала ее молодой женщинѣ, которая привяла богатый подарокъ съ почтительнымъ поклономъ, но безъ колѣнопреклоненія, что непріятно изумило королеву. Однако она, все еще улыбаясь Викторіи, удалилась, кинувъ на Рикардо равнодушный взглядъ и слегка махнувъ рукой герцогу Фаньяно.

XII.

Ночь королевы.—Ея враги, замыслы и бѣгство.—Вторженіе французовъ.

Весь этотъ день прошелъ спокойно. Никакихъ признаковъ близости французовъ не обнаруживалось. Другіе атаманы со своими бандами все еще не прибыли.

Рикардо, Викторія и Пиетро Торо были заняты расположеніемъ своихъ отрядовъ въ возможно выгодномъ для защиты порядкѣ. По преимуществу они располагали вооруженныя группы въ мелкихъ около замка постройкахъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ случаѣ нападенія непріятели на замокъ партизаны имѣли возможность стрѣлять изъ своихъ прикрытій въ тылъ французамъ. Чтобъ ранѣе времени послѣдніе не замѣтили засады, рыанымъ партизанамъ было строго-настрого наказано не показываться весь день на улицу. А такъ какъ каждая изъ этихъ группъ могла подвергнуться продолжительному нападенію врага, нѣкоторымъ образомъ осадѣ, то всѣ онѣ были снабжены обильно какъ боевыми, такъ и съѣстными припасами.

Герцогъ, съ своей стороны, организовалъ систему лазутчиковъ. Его люди были разставлены на всѣхъ тропкахъ и холмахъ, окружающихъ равнину, каждый подъ естественнымъ прикрытіемъ кустовъ или скаль; многіе были на коняхъ. Всѣмъ было приказано, какъ только подмѣтятъ непріятели, дать сигналъ свистомъ и во весь карьеръ бѣжать къ замку.

Фаньяно былъ очень озабоченъ. Ему вообще не нравилась рискованная поѣздка королевы подъ его охраной. Теперь же онъ находился въ сугубой опасности. Во-первыхъ, попадись королева въ плѣнъ французамъ, вся отвѣтственность, не только предъ ея мужемъ, но, что еще страшнѣе, предъ австрійскимъ дворомъ пала бы на его голову. Во-вторыхъ, онъ имѣлъ основанія (какія именно, мы увидимъ ниже) быть увѣреннымъ, что, овладѣвъ замкомъ, новое правительство Мюрата конфискуетъ все имущество его, Фаньяно, всѣ обширныя земельныя владѣнія его.

Спускалась ночь, а о французсахъ ни слуху, ни духу.

Рикардо былъ въ сильномъ волненіи. Онъ не могъ не явиться на назначенное ему въ полночь королевой свиданіе, но, съ другой стороны, его озабочивала мысль о защитѣ ея. Было почти невѣроятно, чтобы непріятель этой же ночью проникъ къ замку. Ну, а если...

Неудовлетворенная страсть и честолюбіе, однако, взяли верхъ надъ опасеніями. Его положеніе позволяло, даже обязывало его навѣдываться повсюду окрестъ, поэтому онъ безъ труда, не возбуждивъ ничьего вниманія, около полуночи пробрался къ башнѣ, отъ маленькой двери которой ему наканунѣ былъ врученъ ключъ.

Выждавъ, когда башенные часы пробили двѣнадцать, онъ отперъ дверь. Ржавый скрипъ старыхъ петель смутилъ было его. Но, удостовѣрившись, что никто не могъ этого замѣтить, вошелъ внутрь башни и вновь замкнулъ дверь изнутри. На каменной лѣсенкѣ, которая вела вверхъ, стоялъ зажженный фонарь. Это это пріятно поразило: значить, королева ожидаетъ его. Съ этимъ фонаремъ онъ тихо поднялся до первой площадки, оцупалъ выходящую на нее дверь; дверь легко поддалась напору его руки; онъ переступилъ порогъ, фонарь же поставилъ на полъ.

Онъ былъ въ комнатѣ королевы. Она сидѣла на большомъ широкомъ диванѣ, опершись локтемъ на его ручки и подпирая свою голову ладонью.

Рикардо остановился у порога, не смѣя итти дальше.

— Подойдите ближе,—тихо произнесла королева, не измѣняя своего положенія.

Онъ приблизился, сталъ на колѣни и прильнулъ губами къ ея платью, раскинувшемуся по дивану.

— Вотъ вы и нашли вашего друга... Она никогда васъ не забывала. Она понимала, что не напрасно возлагала на васъ надежды во время всей этой несчастной кампаніи. Теперь я сама убѣдилась, что дѣло здѣсь было ведено плохо; и именно потому, что съ самаго начала не былъ принятъ атаманами вашъ совѣтъ выбрать главнокомандующаго. Виноваты тѣ, кто этому противодѣйствовалъ, противодѣйствовалъ, можетъ быть, безсознательно, но во всякомъ случаѣ во вредъ государству, мнѣ и королю. Да и вамъ въ частности. Выигрываютъ только наши враги. Я теперь убѣдилась, что наше дѣло проиграно...

— Ваше величество, мы будемъ биться до послѣдней капли крови.

— Ну, и что же изъ этого выйдетъ? Вы всѣ, мои лучшіе, мои единственные друзья, будете перебиты. А дѣло все-таки будетъ проиграно... съ одной стороны, для меня. Съ другой же—меня окружаютъ враги, едва ли не болѣе опасные, чѣмъ французы.

— Съ другой стороны? Гдѣ? въ Сициліи?

— Да, въ Сициліи англичане. Они считаются нашими друзьями и союзниками, а въ сущности дѣйствуютъ исключительно въ свою пользу, вводятъ въ заблужденіе наше правительство. Они хозяйничаютъ при дворѣ, который теперь находится въ Сициліи, да и вообще во всѣхъ оставшихся еще во власти короля Фердинанда владѣніяхъ, какъ у себя дома. Они не стѣсняются средствами...

— Вы, можетъ быть, полагаете, какъ и другіе,—продолжала Каролина, немного помолчавъ:—что французское войско узнало о моей поѣздкѣ въ Калабрию чрезъ своихъ шпионовъ? Нѣтъ. Я вполне увѣрена, что Мюрату сообщили объ этомъ сами его враги, англичане: имъ это выгодно. Ихъ генералъ Макферлантъ,

а еще болѣе англійскій посоль при нашемъ дворѣ, лордъ Бентинкъ, слѣдятъ за каждымъ моимъ шагомъ, подслушиваютъ каждое мое слово. Для ихъ политики невыгодно, что я направляю всѣ усилія къ защитѣ нашей національности; они исподтишка стараются парализовать всѣ мои предпріятія.

Рикардо былъ несказанно изумленъ и въ то же время очарованъ. Эта женщина, которая разжигала страсть въ его молодой крови, въ самомъ дѣлѣ довѣрялась ему, какъ другу. Будучи королевой, она этимъ сильно возвышала его до себя.

— Казалось, естественнѣе всего, съ моей стороны, было бы искать опоры у Австріи... Но она поставлена Бонапартомъ въ такое положеніе, что едва-едва можетъ отстаивать независимость своего императора...

Королева задумалась. Молодой человекъ, какъ очарованный, продолжалъ стоять на колѣняхъ у ея ногъ и восторженно глядѣлъ въ ея голубые глаза.

— У меня есть новый планъ,—опять заговорила она.—Но для его исполненія мнѣ рѣшительно не къ кому обратиться... И вотъ я вынуждена искать помощи у скромнаго предводителя партизанскаго отряда...

Калабриецъ встрепенулся. Эти слова его оскорбили.

— Государыня, я не смѣлъ бы вызывать васъ на такую откровенность. Вамъ самимъ было угодно...—произнесъ онъ и хотѣлъ было подняться на ноги. Королева, положивъ руку на его плечо, удержала; но лицо ея омрачилось; ей стало досадно на себя: она не выдержала своего достоинства, жаловалась...

Но эта мысль омрачила ея лицо только на одно мгновеніе. Она ласково дотронулась до длинныхъ черныхъ кудрей юноши и поспѣшила заглядить впечатлѣніе, сказавъ:

— Нѣтъ, не то... Для исполненія моего намѣренія мнѣ нуженъ человекъ вѣрный, искренне, непоколебимо мнѣ преданный. Я выбрала васъ потому, что вы доказали уже вашу преданность престолу въ этой войнѣ... правда, несчастной, но не по вашей винѣ. Напротивъ... И вотъ что, слушайте: какъ только минуетъ непосредственная опасность, которая угрожаетъ мнѣ въ эту минуту, какъ только вы будете знать, что я внѣ преслѣдованія, что я свободна и могу возвратиться въ Сицилію, то вы отберете самыхъ надежныхъ партизановъ вашего отряда и, покинувъ вмѣстѣ съ ними Калабрию, какъ можно поспѣшнѣ проберетесь въ Сицилію. Я васъ буду ждать съ нетерпѣніемъ. Я бы охотнѣе васъ взяла съ собою, но этому препятствуютъ весьма важныя причины, между прочимъ и герцогъ Фаньяно вамъ завидуетъ, не любитъ васъ. Я поступила опрометчиво, заставивъ его написать вашъ бриветъ полковника. Я знаю, что это его сильно раздражило. Если бы я привезла васъ въ Сицилію съ собою, онъ помѣшалъ бы вы-

полнить задуманный мною планъ, изъ ненависти къ вамъ онъ стакнулся бы съ англичанами. Между тѣмъ мнѣ необходимо именно на васъ возложить важное порученіе, связанное съ моими намѣреніями. Если все удачно исполните, я не только возвращу королевство моему супругу и сыну, но получу возможность разсчитаться со всѣми, кто осмѣлился итти противъ меня... отмстить имъ.

При этихъ словахъ лицо австріячки приняло жестокое, почти яростное выраженіе. Ноздри расширились, характерно выдающаяся верхняя губа Габсбургскаго дома дрожала, и голубой цвѣтъ глазъ потемнѣлъ, какъ зловѣщая синева моря передъ грозой. Въ эту минуту она являлась той безстрашно неумолимой женщиной, которая семь лѣтъ назадъ, вопреки договору, подписанному королемъ, ея супругомъ, руководимая личнымъ чувствомъ мести, повѣсила знаменитаго адмирала Карачоло¹⁾, презирая научныя заслуги и дарованія, казнила извѣстныхъ писателей и ученыхъ Чирилло, Пагано, Конфартти, которыхъ любила нація; покарала доблестно честныхъ неаполитанцевъ аристократовъ Мантоне, графа Руво, даже оклеветанныхъ женщинъ, на примѣръ, юную маркизу Санфеличе, Пиментели и многихъ другихъ. Эта женщина для окончательнаго усмиренія своихъ несчастныхъ подданныхъ, вина которыхъ заключалась въ томъ, что они выражали желанія освободиться отъ нѣкоторыхъ политическихъ стѣсненій, наслала на нихъ въ 1799 году необузданныя орды Фра-Діаволо, Панедиграно, Парифанте, Франкатрипа и пр.

— Ахъ, Боже мой,—произнесла она, какъ бы отвѣчая на тревожныя мысли молодого человѣка, который глядѣлъ на нее съ испугомъ.—О, если бы только я сама могла стать при началѣ войны во главѣ моихъ партизановъ, какъ бы я отомстила всѣмъ негодяямъ, которые предали насъ.

Черезъ минуту Каролина какъ бы пришла въ себя; она отдалась настоящему мгновенію, обвила руками станъ Рикардо, который все время оставался на колѣняхъ, и притянула его лицо къ себѣ. Испытующе глядя въ его глаза, она спросила:

— Можешь ли ты сохранить въ тайнѣ... не ночь, проведенную съ женщиной, которой ты понравился... нѣтъ, важнѣе... тайну, отъ которой зависитъ возстановленіе трона и отмщеніе за королеву.

— Государыня, моя жизнь принадлежитъ вамъ.

— Жизнь. Что такое твоя жизнь? Нынче человѣческая жизнь цѣнится дешево. Ею жертвуютъ или ее отнимаютъ у другихъ за

¹⁾ Адмиралъ Карачоло былъ либеральный роялистъ, храбрый, популярный воинъ, не расположенный къ союзу Неаполя съ Англіей. По настоянію англичанъ, онъ былъ позорно повѣшенъ на мачтѣ военнаго корабля въ неаполитанскомъ порту. Лучшая улица Неаполя названа въ честь этого мученика.

Прим. перек.

всякій вздоръ. Намъ нужна вѣрность несокрушимая, такая, которая можетъ устоять предъ всяческими соблазнами. А мои враги, если узнаютъ, что я задумала, не постоятъ за искушеніями. Устоишь ли ты?.. Таковъ ли ты человѣкъ, какого я ищу?

Эти слова вновь словно приподняли Рикардо въ своемъ собственномъ мнѣніи: онъ чувствовалъ себя ровней довѣрлившей ему королевѣ.

— Да, вы не ошиблись во мнѣ,—отвѣчалъ онъ:—сообщите мнѣ вашу тайну. Довѣрьтесь мнѣ, если считаете меня способнымъ исполнить важное порученіе. Я его выполню, даже если бы меня соблазняли цѣлымъ царствомъ.

— Вѣрю. Ты честенъ, ты не предатель. Это несомнѣнно. И твой взглядъ, и еще больше твои поступки мнѣ это доказываютъ: ты не предашь меня.

— Такъ скажите же наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Ты все узнаешь... Но не здѣсь и не теперь. Мнѣ покуда надо было только предупредить тебя. А въ Сициліи, куда ты обязанъ пріѣхать какъ возможно скорѣе, я все сообщу тебѣ.

— Даю вамъ честное слово, что, если я останусь живъ, то чрезъ мѣсяць, не позднеѣ, я буду у вашихъ ногъ.

Каролина продолжала ласкать его. Глаза ея разгорѣлись страстью, пылъ которой объялъ и Рикардо. Она встала, обняла его. Фонарь, все время остававшійся на полу, догоралъ... Вдругъ послышался выстрѣлъ...

Что же происходило внѣ замка во время описаннаго нами свиданія?

Ночь была совершенно темная. Піетро Торо и Гиро нѣсколько разъ уже обходили дозоромъ замокъ. Все было безмолвно, безпросвѣтно. Но приблизительно въ часъ ночи около холмовъ, окружающихъ равнину Фаньяно, по которой двѣ дороги вели къ ея центру, стали появляться словно искорки вразбросъ. Ихъ было немного; онѣ то вовсе исчезали, то опять слабо вспыхивали, то шевелились, то оставались нѣсколько секундъ неподвижными. И въ то же время какъ будто приближались полегонько къ замку.

— Видишь?—спросилъ Гиро товарища.

— Вижу,—отвѣчалъ Торо:— не иначе, что французы. Дураки, сколько разъ они себя этими фонарями выдавали. Не разъ мы ихъ за это взбучивали и все-таки не выучили.

Не успѣли партизаны поднять тревогу, какъ со стороны равнины послышался близкій топотъ коня, во мракѣ вырисовалась фигура одного изъ сторожевыхъ всадниковъ, и раздался наконецъ его крѣпкій стукъ въ главныя ворота замка.

— Французы! Французы!—послышалось изъ-за воротъ.

— Французы—отозвались партизаны.

— Гдѣ капитанъ?—спрашивали они другъ друга, и никто не зналъ, гдѣ Рикардо: можетъ быть, у герцога; можетъ быть, въ обходѣ.

Рикардо же встрепенулся въ объятіяхъ королевы и воскликнулъ:

— Непріятель!.. Я долженъ итти туда... Могу ли я пробраться наружу иначе, какъ чрезъ дверь, въ которую вошелъ.

— Невозможно!—отвѣчала Каролина.—Пришлось бы проходить чрезъ всѣ мои комнаты, комнаты Альмы, а далѣе половина самага Фаньяно.

— Во что бы то ни стало, я долженъ выйти,—въ большомъ волненіи восклицалъ молодой человѣкъ.—Я долженъ быть съ моими.

Фонарь потухъ; мракъ былъ непроницаемый.

— Въ такую минуту одна я имѣю право распоряжаться. Слушай: ты долженъ защищать меня, ты поклялся. Я приказываю тебѣ оставаться здѣсь.

Она объяснила, что онъ прежде всего долженъ воспрепятствовать врагу ворваться къ ней чрезъ завѣтную дверь. Это ей дастъ возможность вмѣстѣ съ приближенными и герцогомъ чрезъ противоположную часть замка добраться до потаеннаго и надежнаго хода. Для этого достаточно четверти часа, даже десяти минутъ...

Покуда они переговаривались, завязалась перестрѣлка уже у самага замка... И дѣйствительно, французы какъ будто знали, гдѣ искать свою добычу: въ дверь башни королевы они стали бить ружейными прикладами.

— Иди,—прошептала королева:—я вышлю людей тебѣ на помощь... Дверь сдастся не сразу. Прощай, до свиданья.

И, не выдержавъ, женщина еще разъ бросилась въ его объятія, страстно прижалась устами къ его губамъ. Въ это самое мгновение комната освѣтилась, и послышался трепетный голосъ вошедшей Альмы:

— Государыня, нельзя больше медлить. Все готово, отецъ васъ ждетъ...

— Иду, иду,—откликнулась королева, поспѣшно оставляя Рикардо, не увѣренная, однако, видѣла ли Альма свою королеву въ объятіяхъ партизана, или не успѣла замѣтить. «А впрочемъ, не все ли равно, мнѣ этой дѣвочки бояться нечего», подумала Каролина.

Рикардо спустился бѣгомъ съ узкой лѣстницы, дверь еще не подалась, но не могла долго продержаться, удары извнѣ усиливались. Онъ былъ вооруженъ двумя заряженными пистолетами, кинжаломъ и саблей. За плечами заряженная винтовка.

Дверь была выбита, но еще не совсѣмъ. Минуть пять она могла служить ему прикрытіемъ. Онъ положилъ на мѣстѣ пер-

выхъ двухъ солдатъ, пытавшихся ворваться на лѣстницу, отбивался отъ другихъ, отбивался еще, когда дверь окончательно сбросили съ петель. Онъ слышалъ голоса своихъ, напавшихъ съ тыла на французовъ. Но послѣднихъ было больше. Его чѣмъ-то ударили по головѣ. Онъ чувствовалъ, что раненъ, въ умѣ успѣла блеснуть мысль: «Прошло болѣе четверти часа, государыня спасена».

Затѣмъ онъ ничего не помнилъ, покуда не очнулся въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ, въ плѣну у французовъ.

ХІІІ.

Отношенія населенія къ завоевателямъ.—Семья Фаньяно.

Къ утру замокъ и его службы были заняты французами послѣ безпощадной, упорной борьбы съ партизанами. Пожаръ былъ потушенъ безъ особаго труда, ибо непріателемъ подожжены были только отдѣльныя строенія, сараи, сѣновалы, помѣщенія для рабочихъ и т. п., большею частью деревянные. Огонь почти не коснулся замка, который оказался пустъ, когда его занялъ французскій отрядъ: ни семейства Фаньяно, ни его стражи, а главное королевы Каролины, для захвата которой собственно и была направлена экспедиція, не было слѣдовъ. Всѣ они успѣли скрыться чрезъ подземную галерею, о существованіи которой было неизвѣстно французамъ, и входъ въ которую, не взирая на всѣ усилія, они отыскать не могли.

На слѣдующій день прибылъ гражданскій комиссаръ французскаго правительства, нѣчто въ родѣ губернатора, съ обширными полномочіями, соответствующими военному времени.

Двѣ роты солдатъ расположились кольцомъ около окрестностей замка и равнины для охраненія порядка и защиты отъ нападеній работавшихъ въ горахъ партизанскихъ шаекъ. Спокойствіе во всемъ округѣ постепенно начинало восстанавливаться. Черезъ два-три дня жители, скрывавшіеся въ ущельяхъ и лѣсахъ, начали возвращаться въ свои жилища и подумывать объ обычной работѣ, тѣмъ болѣе, что французскіе солдаты, расквартированные частью въ замкѣ, частью въ ближайшихъ селеніяхъ, хорошо относились къ мирному населенію. Оно убѣдилось, что завоеватели страшны только для своихъ враговъ, бурбонскихъ атамановъ, которые, въ свою очередь, тоже звѣрски обращались съ императорскими солдатами. Убитые обѣихъ сторонъ были похоронены въ одной общей большой могилѣ, вырытой около самаго кладбища.

Прежде всѣхъ другихъ принялись за свои дѣла мелкіе торговцы, они открыли свои лавочки и лари въ надеждѣ на усиленные барыши, благодаря квартированію въ ихъ мѣстности части войска. И не ошиблись: иностранныхъ солдатъ имъ было легче обирать, чѣмъ своего брата—крестьянъ.

Мало-по-малу и земледѣльческое населеніе, къ которому принадлежали почти всѣ окрестные жители, освоилось съ французами и даже вступало съ ними въ болѣе или менѣе взаимно понимаемые разговоры на своеобразномъ условномъ языкѣ, смѣси калабрійскаго діалекта съ жаргономъ французскихъ солдатъ.

Водворенію порядка и успокоенію жителей много содѣйствовала хорошая дисциплина императорскаго войска, о поддержаніи которой преимущественно заботились старшіе наполеоновскіе сержанты и капралы, а также заботы гражданскаго комиссара, въ рукахъ котораго сосредоточивалась административная и судебная власть. На него же возлагалось предсѣдательство въ мѣстной военно-судной комиссіи надъ военноплѣнными.

Комиссаръ былъ сѣдовласый старикъ съ печальнымъ, добрымъ выраженіемъ худоцаваго лица. Звали его Дюрье.

Еще не вѣзжая въ замокъ, онъ вышелъ изъ экипажа и обошелъ пѣшкомъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ наканунѣ шла жестокая рѣзня. Слѣдившіе за нимъ издали простолюдины подмѣтили, что зрѣлище, окружавшее его, глубоко потрясло и печалило старика: груды еще не погребенныхъ обезображенныхъ труповъ солдатъ и партизановъ; черно-багровые потоки запекшейся крови; обугленные слѣды пожара... Нѣкоторые увѣрили, что изъ глазъ французскаго комиссара нерѣдко капали крупныя слезы, которыхъ онъ ни сдерживать, ни скрывать не могъ.

Два-три старика увѣрили, что этотъ французъ Дюрье вовсе не французъ и не Дюрье, а ихъ землякъ, бывший господинъ, настоящій герцогъ Фаньяно, котораго чуть не четверть вѣка уже считали умершимъ, казненнымъ въ Парижѣ.

И эти старики не ошибались.

У отца того герцога Фаньяно, который появлялся въ предыдущей главѣ и который былъ отцомъ королевской фаворитки Альмы, было два сына: Эома и Людовикъ. Эома былъ любимецъ отца, очень скромный, преданный наукѣ молодой человекъ. Людовикъ обратно огорчалъ отца: это былъ весельчакъ и кутила сначала, а вскорѣ безпринципный развратникъ и карьеристъ. Эома унаслѣдовалъ послѣ кончины отца герцогскій титулъ, обширныя наслѣдственныя владѣнія и хорошій капиталъ. Но своего образа жизни не измѣнилъ: проводилъ время въ своей лабораторіи и обширной библіотекѣ. Своими земельными владѣніями онъ занимался настолько, насколько нужно было для улучшенія матеріальнаго положенія зависѣвшаго отъ него простонародья: земледѣльцевъ, съемщиковъ земли, мельницъ и проч. При немъ окрестное населеніе благоденствовало. За мота-брата онъ уплачивалъ долги, ни о чемъ его не разспрашивая, до тѣхъ поръ, покуда не истощился наслѣдственный капиталъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ это нерѣдко бываетъ, и братъ и поселяне, облагодѣтельствованные Ѳомой, были имъ въ нѣкоторомъ отношеніи недовольны.

Братъ потому, что Ѳома сталъ давать ему меньше за истощеніемъ капитала, и рѣшительно отказывалъ удѣлять ему изъ земельныхъ доходовъ болѣе опредѣленной суммы на прожитокъ, очень крупной суммы. Отказывалъ же Ѳома потому, что остальной избытокъ доходовъ онъ употреблялъ на дѣла благотворительности, на улучшение положенія рабочаго населенія, а также и на свои книги и научныя опыты.

Простонародье, со своей стороны, сознавало и чувствовало заботливость о немъ герцога Ѳомы, но съ великой подозрительностью относилось къ его нелюдимству и чернокнижію, какъ оно понимало его химическіе и физическіе опыты. Невѣжественное духовенство, недовольное равнодушіемъ молодого магната къ культу католической церкви, распространяло среди крестьянъ мнѣніе, что ихъ господинъ знается съ нечистой силой. Добровольное уединеніе и замкнутость богатаго и знатнаго молодого человѣка въ тѣ времена казались всѣмъ не только странны, но и подозрительны.

Ко двору онъ не ѣздилъ; книги читалъ большею частію французскія; не скрывалъ своего весьма либеральнаго образа мыслей, знакомства съ энциклопедистами и уваженія къ «правамъ человѣка». При дворѣ его недружелюбно игнорировали, брата же Людовика, сумѣвшаго туда протереться, почти ласкали, сожалѣя, что не онъ унаслѣдовалъ майоратъ.

Участвовалъ ли Ѳома въ зарожденіи революціоннаго движенія въ Италіи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, въ сущности никто не зналъ; но обвинить его въ такомъ участіи было не трудно. Насколько былъ виновенъ его младшій братъ въ томъ, что Ѳому наконецъ арестовали, какъ одного изъ членовъ заговора, направленнаго къ царубійству, въ то время мало кто зналъ. Какъ бы то ни было, герцогъ былъ посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ смертной казни. Онъ спасся бѣгствомъ во Францію; а вскорѣ по свѣдѣніямъ, которыя его друзья имѣли основаніе считать достоверными, скончался въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ на родинѣ о немъ не было ни слуху, ни духу; о немъ всѣ забыли, кромѣ двухъ-трехъ стариковъ-земледѣльцевъ, между прочимъ Кармине и Піетро Торо, помнившихъ еще доброту герцога Ѳомы.

Братъ же его Людовикъ на законномъ основаніи получилъ и богатство, и замокъ, и титулъ. А около 1805 года былъ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ двора ея величества.

Во время кампаніи 1806—1808 г. Наполеонъ, ранѣе своего воцаренія знавшій Ѳому Фаньяно (носившаго во Франціи буржуазное имя Дюрье), предложилъ ему въ случаѣ занятія императорскими войсками Калабріи принять на себя тамъ обязанности гра-

жданскаго комиссара, и желалъ также возстановить полностью его права на отцовское наслѣдіе. Тома долго колебался, однако согласился. Населеніе области Фаньяно, убѣдившись, что комиссаръ дѣйствительно ихъ бывший герцогъ, объясняло его появленіе во главѣ французовъ именно желаніемъ его возвратить себѣ утраченное богатство и общественное положеніе. Однако не это соблазняло стараго якобинца, какъ мы увидимъ ниже.

XIV.

Якобинець-монархистъ.—Бѣгство Рикардо.

На обязанности комиссара лежало водвореніе порядка въ занятой странѣ, успокоеніе жителей, словомъ, какъ бы замечаніе слѣдовъ кровавой борьбы въ данной мѣстности. Военныя власти должны были въ этомъ отношеніи оказывать полное содѣйствіе гражданскому начальнику.

Обходя тотчасъ же по прибытіи въ свой родной замокъ разоренныя, окровавленныя наканунѣ мѣста, гдѣ валялись еще груды труповъ, Тома Фаньяно, какъ мы уже сказали, не могъ не содрогаться.

— Ужасно, ужасно!—тихо восклицалъ онъ по временамъ.

— Что же дѣлать, господинъ комиссаръ,—возражалъ ему сопровождавшій его во время обхода французскій капитанъ.—Что же дѣлать,—чувствительный примѣръ необходимъ, чтобы этотъ дикій народъ, вѣрнѣе, эти хищныя животныя, а не люди, образумились наконецъ.

— Почему же хищныя животныя, капитанъ?—сурово отозвался комиссаръ.—Эти несчастные люди не имѣютъ никакого понятія о томъ, что мы называемъ—правами человѣческими, человѣческимъ долгомъ. Имъ внушается съ молокомъ матери, изъ поколѣнія въ поколѣніе, что священнѣйшая обязанность каждаго защищать законнаго короля, даже жизнью жертвовать за него... Они поступаютъ по своему разумѣнію. Почему они хищныя животныя? Они также защищаютъ себя, свои семьи, свое имущество, свое право собственности, которое мы, завоеватели, надо сознаться, здѣсь не очень-то уважаемъ.

— Да однако священные принципы 1799 года...

— У многихъ эти принципы на языкѣ, капитанъ, но многіе ли носятъ ихъ въ сердцахъ своихъ. Мнѣ это хорошо извѣстно; за искреннее исповѣданіе этихъ принциповъ я былъ посаженъ въ темницу, приговоренъ бурбонскимъ правительствомъ къ смертной казни. Я спасся бѣгствомъ, вынужденный покинуть здѣсь самыхъ дорогихъ мнѣ существъ. Они умерли, покуда я жилъ въ изгнаніи. Во Франціи же я долженъ былъ прятаться отъ вашей француз-

ской полициі. Не перемѣни я своего имени, мои лучшіе друзья выдали бы меня, и моя голова давно бы осталась подъ гильотиной. Видите эти трупы? Видите это разрушеніе, слѣды пожара? Ко всему этому ужасу привели не сами по себѣ принципы 1799 года, а преступно неумѣлое ихъ проведеніе въ жизнь. Народъ же судить не по словамъ, а по осязательнымъ для него фактамъ. Если бы дѣянія проповѣдниковъ соотвѣтствовали ихъ словамъ, то, повѣрьте, и этотъ народъ не подумалъ бы намъ сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ. Для достиженія такого результата надо было не на словахъ только, но и на дѣлѣ доказать, что «свобода» — не значитъ вовсе «необузданная распушенность»; что «братство» значитъ любовь и уваженіе между всѣми людьми, что «равенство» обуславливаетъ уничтоженіе всякихъ кастовыхъ и сословныхъ привилегій.

Капитанъ не безъ изумленія слушалъ эти рѣчи. Капитанъ вглядывался въ лица встрѣчавшихся ему мѣстныхъ жителей: нѣтъ ли кого изъ знакомыхъ ему въ юности. И никого не видѣлъ. Поднявшись въ замокъ и войдя въ комнаты, обыкновенно занимаемыя герцогской семьей, онъ и тамъ никого не нашелъ и спросилъ сопровождавшихъ его офицеровъ:

— Развѣ совершенно никого изъ прислуги тутъ не осталось?

— Всѣ разбѣжались, — отвѣчалъ капитанъ. — Нѣкоторые убиты; остались ранены. Остальныхъ мы надѣмся переловить.

— Только позаботьтесь, пожалуйста, чтобы въ случаѣ поимки ихъ не наказывали. Вѣдь они брались за оружіе потому, что имъ приказывали.

— Это такъ, но тѣмъ не менѣе...

— Тѣмъ не менѣе, капитанъ, единственное средство для полнаго усмиренія несчастной страны — это поступать справедливо и милосердно.

Сказавъ это, старикъ поклонился офицерамъ и, пригласивъ къ себѣ только капитана, удалился во внутреннія комнаты.

Оставшіеся французы, очевидно, не были довольны; они ворчливо обмѣнивались мыслями.

— Какъ можетъ правительство посылать сюда, хотя бы и гражданскими правителями, такихъ старцевъ, да еще вдобавокъ мѣстныхъ уроженцевъ! — говорилъ одинъ.

— Мало того, что мѣстный уроженецъ, онъ прежній владѣлецъ этого замка, — объяснилъ другой.

— Непостижимо! Такая серьезная обязанность — и вдругъ въ рукахъ феодала, аристократа, а слѣдовательно и легитимиста. Что онъ легитимистъ, это видно изъ его словъ.

— Аристократъ, если хотите... да. Только онъ дружилъ и съ Дантономъ, даже съ Маратомъ. Робеспьеръ цѣнилъ его. Онъ принадлежалъ къ якобинскому клубу.

— Можетъ быть. Только подъ старость онъ, кажется, опять обратился въ свою старую вѣру. Какъ бы то ни было, приходится до извѣстной степени исполнять его приказанія.

— Ну, это какъ придется,—вставилъ почти дочерна загорѣлый старый грубый наполеоновскій поручикъ:—это-то еще посмотримъ. Попадется намъ кто изъ бѣглецовъ, раскроемъ ему черепъ и скажемъ, что онъ не хотѣлъ сдаваться...

— Да еще съ ранеными тутъ заставляетъ нянчиться,—бурчалъ другой французъ.—Они сколько нашихъ побили, а мы изволь отъ простуды ихъ оберегать.

Тѣмъ временемъ комиссаръ, поборовъ потребность отдаться до-рогимъ, хотя и горькимъ для его сердца воспоминаніямъ дѣтства и юности, подготовлялся къ занятіямъ въ кабинетѣ.

Прежде всего онъ считалъ своимъ долгомъ успокоить жителей замка и окрестностей, приведенныхъ въ жестокое смятеніе и страхъ кровавыми событіями предыдущей ночи. Надо было написать прокламацію. Но чѣмъ, однако, могъ онъ утѣшить этихъ несчастныхъ людей, очутившихся между двумя огнями: съ одной стороны, вторженіе французовъ, съ другой—яростная защита партизанскихъ отрядовъ. И та и другая сторона была съ своей точки зрѣнія права; но и тѣ и другіе совершали свое дѣло, не стѣсняясь мирнымъ населеніемъ. Оно пострадало больше всего. Какъ имъ будешь говорить о свободѣ, когда французы, вторгшіеся въ страну во имя этой свободы, являлись въ настоящій по крайней мѣрѣ моментъ—болѣе жестокими и разорительными поработителями, чѣмъ господствовавшіе не одну сотню лѣтъ феодалы и ихъ агенты. Покуда простонародье испытывало еще вмѣсто чувства свободы—чувство новаго порабоженія; оно видѣло насилія, совершаемыя во имя братства. Новая власть захватывала права, явно презирала вѣковыя воззрѣнія, убѣжденія и предубѣжденія, а главное—обычаи. Тѣ же—хотя и въ нѣсколько иной формѣ—злоупотребленія сильныхъ: захватъ имущества, грабежъ, неуваженіе къ личности человѣка, посяганіе на честь женщинъ.

Между тѣмъ, вступая въ страну, французы сулили мирнымъ жителямъ полную безопасность. Въ ихъ первыхъ прокламаціяхъ—да и доселѣ въ ихъ разговорахъ—безпрестанно повторяются великія слова: братство, равенство, свобода!.. Да, слова. А на дѣлѣ? Чѣмъ же можно успокоить жителей, глубоко встревоженныхъ цѣлымъ годомъ сыпавшихся на ихъ головы бѣдъ, такъ осязательно противорѣчившихъ словамъ и обѣщаніямъ...

Съ другой стороны—еще партизанскіе отряды. Партизаны тоже толковали народу, что дерутся за охраненіе родины, за поддержаніе закона и законнаго государя! А между тѣмъ и они также никогда не считались ни съ собственностью, ни съ безопасностью мирно трудящагося населенія; также безпощадно къ нему относились.

Съ правдивымъ словомъ, со словомъ истины надо обратиться къ запуганной трудящейся массѣ. А если сказать правду объ обѣихъ воюющихъ сторонахъ, то обѣ онѣ представляются въ своемъ настоящемъ, т. е. далеко не привлекательномъ, мало успокоительномъ свѣтѣ.

Долго обдумывалъ Оома Фаньяно трудную задачу. Наконецъ, отложивъ перо въ сторону и двинувъ кресло, воскликнулъ вслухъ:

— Нѣтъ! все не то!.. Этимъ только масла въ огонь подольемъ.

Его помощникъ капитанъ писалъ бумаги на другомъ столѣ у окна. Услыхавъ восклицаніе комиссара, онъ спросилъ, что его затрудняетъ.

Комиссаръ объяснилъ и въ заключеніе сказалъ, весь проникнутый печалью:

— Я знаю, что ложь всегда была свойствомъ, присущимъ всякому правительству. Необходимость вынуждаетъ каждое правительство прибѣгать къ мистификаціямъ. Объ истинѣ толкуютъ многіе, но на дѣлѣ истину устраняютъ, покуда не достигнуть данной цѣли. Проповѣдники истины сегодня искренны, я допускаю. Но завтра они обратятся въ мистификаторовъ. Обманутыми же являются Богъ и народъ, во всякомъ случаѣ: и тогда, когда мистификаторы гласно обращаются къ божественному праву, и тогда, когда они провозглашаютъ права человѣка. Революціи мѣняютъ одну за другой системы власти, но ложь все-таки не замѣняется правдой. Торжествуютъ исключительные люди, но не идеи, какъ бы онѣ возвышенны и справедливы ни были. А вѣдь въ сущности идея—едина: она зовется Истиной... Правительство тоже едино, и повсюду имя ему — Ложь, какова бы ни была его форма...

— Позвольте, ваше сіятельство,—возразилъ капитанъ:—правительство всегда сила.

— Это такъ. Сила, провозглашающая, однако, себя правомъ.

— Во всякомъ случаѣ правительство есть выраженіе воли большинства народа.

— Ахъ, нѣтъ,—грустно покачавъ головой, отвѣчалъ Фаньяно:— Христосъ былъ приговоренъ къ казни и умерщвленъ на Голгоѣ большинствомъ, тогда какъ Христосъ-то и являлся выразителемъ,—или представителемъ, какъ хотите,—всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ. Мало того, Онъ былъ Истина, а Его послѣдователи, имѣя въ виду поработеніе человѣческой совѣсти, стали впоследствии проповѣдывать ложь. Царство лжи не есть царство правды. Царство лжи принадлежитъ обманщикамъ, хитрецамъ, лукавцамъ, себялюбамъ, мистификаторамъ. Это царство тѣхъ, кто наслаждается земными благами на счетъ тѣхъ, кто испытываетъ тяжкія лишения. Это царство смѣлыхъ мистификаторовъ надъ простодушными и робкими труженниками.

— Я слышалъ,—началъ капитанъ, сдерживая ироническую улыбку:—что ваше сіятельство въ молодости принадлежали въ Парижѣ къ клубамъ, которые проводили и проповѣдывали самыя крайнія идеи, къ тѣмъ, которые добивались казни Людовика XVI?

— Да,—отвѣчалъ Оома:—все это было, и я былъ тогда горячимъ якобинцемъ. Но нынче я убѣдился, что правительство наиболѣе подходящее къ основной цѣли, т. е. благу народному, должно быть монархическое.

— Какъ! даже бурбонское?

— Отчего же нѣтъ, если только верховный правитель называется Генрихомъ IV или, напримѣръ, Карломъ III ¹⁾. Отчего бы нѣтъ, если только король въ самомъ дѣлѣ вѣрно понимаетъ значеніе своей высочайшей миссіи; если онъ обладаетъ свѣтлымъ умомъ, честнымъ сердцемъ; если онъ движимъ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ родомъ честолюбія—честолюбіемъ давать счастье возможно большому числу своихъ подданныхъ. Таковъ долженъ быть чело-вѣкъ, именуемый избранникомъ Божиимъ. Душа его должна быть столь возвышенна, что онъ не пожертвуетъ благомъ послѣдняго своего подданнаго ради личныхъ страстей, ради личнаго честолюбія, что сумѣетъ устоять противъ всяческихъ соблазновъ, направленныхъ къ совращенію его на ложный путь.

— Значитъ Наполеонъ Бонапартъ?—спросилъ капитанъ.

— Наполеонъ? Да, если бы онъ могъ отрѣшиться отъ своей всепоглощающей страсти къ войнѣ, къ побѣднымъ торжествамъ, къ неограниченному міровому господству. Словомъ, отъ всего, что заставляетъ его забывать, затмеваетъ въ умѣ его даже помышленія о неисчислимой массѣ страданій, которымъ подвергаетъ цѣлыя народы его стремленіе къ яркому призраку, называемому славой.

Въ тотъ же день вечеромъ начались засѣданія военно-судной надъ плѣнниками комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ Оома Фаньяно. Чрезъ четыре дня Рикардо, начинавшій поправляться отъ ранъ, былъ изъ своего заключенія приведенъ въ комиссію и приговоренъ къ разстрѣлянію, ибо французское правительство не признавало партизановъ воюющей стороной, но относилось къ нимъ, какъ къ разбойникамъ. Наканунѣ казни, при содѣйствіи уцѣлѣвшихъ въ ночномъ сраженіи Пиетро Торо и Викторіи, ему удалось бѣжать.

Вѣрный слову, которое онъ далъ королевѣ Каролинѣ, онъ, не медля ни минуты, направился въ Сицилію.

¹⁾ Карлъ III Анжуйскій, родоначальникъ Бурбонской династіи въ королевствѣ Неаполитанскомъ. Прим. пер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Одна противъ всѣхъ.

XV.

Король умираетъ отъ скуки; англичане властвуютъ. — Королева и Фердинандъ IV въ царствіи земномъ и небесномъ. — Замыселъ и манифестъ ея величества. — Шпіоны Бентинка.

Прошло около двухъ лѣтъ. Іоакимъ Мюрать благополучно-царствовалъ въ Неаполѣ, именуясь королемъ неаполитанскимъ и признанный таковымъ большинствомъ европейскихъ дворовъ. А его величество Фердинандъ IV Бурбонскій, Божіею милостію король неаполитанскій, какъ онъ продолжалъ называться, и сицилійскій, чуть не умиралъ отъ скуки въ своемъ добровольномъ изгнаніи, на виллѣ Фикуцца (Ficcuzza). Эта вилла со своимъ паркомъ и охотничьими угодьями фактически представляла все, что осталось у него отъ обширнаго государства, которымъ онъ владѣлъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

Да и въ предѣлахъ этой скромной собственности онъ свободенъ не былъ. Свобода его не простиралась далѣ занятія охотой, рыбной ловлей, излюбленной имъ гимнастикой весьма разнообразныхъ системъ да слушаніемъ по два раза въ день обѣдни въ своей домашней церкви.

Представитель Англіи лордъ Бентинкъ избавлялъ его отъ всѣхъ другихъ заботъ. Палата засѣдала въ Палермо, надъ неаполитанскимъ парламентомъ въ Неаполѣ главенствовалъ Іоакимъ Мюрать. По совѣту Бентинка, Фердинандъ IV передалъ бразды правленія своему старшему сыну, наслѣдному принцу Франциску, котораго и назначилъ своимъ генераль-викарнымъ (Vicario generale). Францискъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ англійскаго представителя, уже по одному тому, что ненавидѣлъ всеми силами души свою мать. Онъ всегда былъ готовъ поступать вопреки ея желаніямъ, ибо полагалъ, какъ, впрочемъ, и доселѣ полагаютъ нѣкоторые историки, что Марія-Каролина Австрійская пыталась въ своихъ личныхъ видахъ отравить своего первенца.

Король сначала неохотно привыкалъ къ такой обстановкѣ. Но куда при немъ оставался еще его закадычный другъ, герцогъ Асколи, Фердинандъ кой-какъ мирился съ нею. Когда же его вынудили удалить и Асколи въ почетное изгнаніе въ Сардинію, то ему не съ кѣмъ было слова сказать по душѣ: всѣ остальные приближенные, которымъ онъ привыкъ довѣрять всю свою жизнь,—графъ Санъ-Марко, герцогъ Сангро, оба маркиза Чирчелло,—продались англійской партіи и обратились въ шпионовъ Бентинка.

Единственно, чѣмъ въ этомъ положеніи былъ доволенъ старый король, это тѣмъ, что не былъ вынужденъ жить подъ одной кровлей съ женой, которая устроилась въ Кастельветрано, другой королевской виллѣ, довольно отдаленной отъ Фиккуццы. Правда, королева нерѣдко посѣщала—и обыкновенно невзначай, какъ бы инкогнито,—своего супруга. Она не желала утратить остатки своего политическаго вліянія. Однако она, вѣроятно, съ тою же цѣлью, не простирала своего вліянія на его нѣжныя отношенія къ красавицѣ-вдовушкѣ, княгинѣ Лучіи Партанна, которая помогала Франциску переваривать однообразіе жизни. Впослѣдствіи она играла видную роль въ исторіи Южной Италіи подъ именемъ свѣтлѣйшей герцогини Флоридіи, морганатической супруги Фердинанда IV¹⁾.

Знала или нѣтъ Каролина Австрійская о старческой страсти своего мужа? Вѣроятно, знала, но не такая она была женщина, чтобъ задумываться о подобныхъ пустякахъ.

Совсѣмъ инымъ былъ занятъ ея безпокойный умъ, иного рода шипы вонзались въ ея сердце и тревожили ея гордость. Ненависть ея къ англичанамъ далеко превышала ненависть, которую она питала къ французамъ, лишившимъ ея престола неаполитанской королевы. Французы во всякомъ случаѣ боролись съ нею открыто и честно, доблестью своею купили они побѣду. Характеръ и склонности Каролины были до крайности сложны. Одно свойство характера было почти несогласимо съ другимъ, одно свойство противорѣчило другому. Трудно было опредѣлить, гдѣ кончалось доброе, гдѣ начиналось злое. И то и другое всегда бушевало, рѣдко уравниваясь. Она обладала всѣми крупными пороками и не могла похвалиться ни одной изъ тѣхъ мелкихъ добродѣтелей, которыя людская масса ставитъ выше крупныхъ.

Но во всякомъ случаѣ у нея была прирожденная склонность къ героизму, которая побуждала ее какъ бы неволью понимать безграничное честолюбіе и славолюбіе. Она восхищалась Бонапартомъ и гордилась тѣмъ, что худо ли, хорошо ли, а все-таки боролась съ нимъ.

¹⁾ Въ Неаполѣ доселѣ цѣла во всемъ своемъ великолѣпнн лучшая въ городѣ вилла Флоридіана, старческое Nid d'amour Фердинанда послѣ паденія Наполеона и разстрѣліянія Мюрата. Нынче эта вилла принадлежитъ богачу америванцу.

Прим. перев.

Зато англичанъ она ненавидѣла. Она считала ихъ лукавыми, эгоистами. Они дѣйствовали хладнокровно, не спѣша, не нарушая даже вѣшняго этикета, и все-таки довели до того, что мужа ея держали подъ строгимъ надзоромъ въ Фиккуццѣ, а ее въ какомъ-то глухомъ селѣ. Они по-хозяйски распоряжались всей Сициліей, властвовали надъ подчинившейся желаніямъ лорда Бентинка палатой. Бентинкъ издавалъ законы отъ имени Фердинанда IV, законы, обременительные для итальянскаго населенія, но весьма выгодные для ненасытныхъ англичанъ.

Вотъ что терзало королеву. И не потому, чтобъ она сожалѣла о народѣ, у котораго отнимали послѣдніе признаки свободы, а потому, что всякому человѣку свойственно ненавидѣть въ другихъ свойства, которыми онъ самъ въ извѣстной степени обладаетъ. Каролина обвиняла англичанъ въ жестокости, въ самовласти и въ то же самое время сама съ презрѣніемъ относилась къ народу за то, что онъ позволялъ безъ малѣйшаго протеста давить и грабить себя иноземцамъ.

Приближалась ночь; стемнѣло. Король въ ожиданіи ужина уже удалился въ свои апартаменты, когда массивная карета, конвоируемая такъ называемыми верховыми конюхами, остановилась предъ главнымъ подъѣздомъ виллы Фиккуцца. Двери охранялись двумя неаполитанскими солдатами-инвалидами, которые съ разрѣшенія англичанъ оставались еще на королевской службѣ. Швейцаръ только что было вошелъ въ свою комнату, дабы освободиться отъ тяжелой шляпы съ плюмажемъ, массивнаго жезла съ золотымъ шаровиднымъ шаромъ и прочихъ обременительныхъ атрибутовъ своего почетнаго званія. Заслышавъ шумъ экипажа, онъ поспѣшно выскочилъ на крыльцо, уже безъ кафтана, изумленный такимъ позднимъ визитомъ къ государю, который собирався было лечь спать. Швейцаръ намѣревался спроводить непрощеннаго гостя, какъ раздался громкій возгласъ солдата, стоявшаго на часахъ:

— Ея величество королева!

Каролина Австрійская проворно спустилась изъ экипажа, выждавала, покуда вышла оттуда герцогиня Фаньяно, и, опершись на ея руку, прослѣдовала въ виллу. Швейцаръ кой-какъ наскоро облачился въ свои величавые доспѣхи и стоялъ вытянувшись со своей золоченой булавой наотмашь.

— Государь еще не поживаетъ?—спросила его королева.

— Полагаю, ваше величество, что его величество уже въ постели. Сейчасъ приходилъ мажордомъ приказывать тушить огни и замыкать двери.

Въ это время самъ старикъ-мажордомъ, предупрежденный уже камеръ-лакеемъ, спускался съ лѣстницы, низко поклонился королевѣ и съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ безцеремонности, приобрѣтен-

ной сорокалѣтней службой при бурбонскихъ монархахъ, спросилъ:

— Что такъ поздно, ваше величество?

— Государь въ постели?

— Нѣтъ еще; ему только что подали кушать. Ваше величество найдете его въ столовой.

— Проводите меня въ мои комнаты. Я не хочу беспокоить государя. Доложите ему, когда онъ кончитъ ужинать, что я приѣхала и желаю его видѣть.

— Государь передъ самымъ ужиномъ далъ мнѣ письмо для пересылки вашему величеству завтра утромъ.

— Дайте мнѣ теперъ это письмо,—приказала Каролина, продолжая подниматься по лѣстницѣ.

Мажордомъ проводилъ королеву въ ея апартаменты, очень рѣдко обитаемые, и оставилъ ее наединѣ съ Альмой.

— Ты устала, дитя?—спросила ее королева.

— Немножко.

— Такъ ложись себѣ въ постель. Если не заснешь до моего возвращенія отъ короля, то мы поговоримъ еще съ тобой.

Въ эту минуту вернулся мажордомъ, съ камеръ-лакеемъ, которые засвѣтили всѣ лампы. Онъ на серебряномъ подносикѣ подалъ королевѣ письмо отъ ея супруга.

Она не торопилась его читать, положила на столъ, не распечатывая, сбросила съ себя дорожную шаль и въ задумчивости снимала перчатки.

— Доложите мнѣ, когда его величество откушаетъ,—обратилась она къ мажордому.

— Прикажете прислать сюда вашихъ камеристокъ?

— Нѣтъ, покуда онѣ мнѣ не нужны. Можете итти.

Старикъ, низко поклонившись, вышелъ, сопровождаемый камеръ-лакеями, и заперъ за собою дверь.

— Ты обратила вниманіе,—спросила королева у Альмы,—на нищаго, который появился изъ-за кустовъ у самой кареты и просилъ милостыню.

— Да, ваше величество,—замѣтила его.

— Это мой шпіонъ, онъ только что вернулся изъ Калабріи, куда я его посылала.

Лицо Альмы чутьчуть поблѣднѣло. Каролина продолжала.

— Изъ письма, которое онъ мнѣ передалъ, я вижу, что, помнишь, тотъ юноша, который провожалъ насъ изъ маскарада въ Неаполѣ и защитилъ насъ отъ ногодяевъ, что онъ хотя и былъ взятъ въ плѣнъ, хоть и убѣжалъ изъ темницы, но вотъ уже чуть не два года совсѣмъ исчезъ изъ Калабріи. Никто не знаетъ, куда онъ пропалъ.

Альма грустно выслушала эту новость.

— А между тѣмъ онъ мнѣ особенно нуженъ въ эту минуту. Ты знаешь, какъ слѣпо онъ мнѣ преданъ и какъ онъ неустрашимъ. Онъ мнѣ далъ слово еще въ Фаньяно передъ моимъ отъѣздомъ пріѣхать въ Сицилію. Я и въ другихъ мѣстахъ пыталась его искать,—ничего...

— Если онъ далъ слово, то навѣрно пріѣдетъ, — отвѣтила Альма.

— Пріѣдетъ! Но когда? Тогда, когда всѣ мои усилія окажутся бесполезными; когда восторжествуютъ мои враги; когда англичанамъ наконецъ удастся удалить меня, отправить въ изгнаніе. Они давно на это мѣтятъ. Ну, да я во всякомъ случаѣ еще сумѣю бороться,—злобно сверкая глазами, восклицала королева.

Чтобы успокоить ее, Альма напомнила о письмѣ короля, лежавшемъ на столѣ еще не распечатаннымъ.

— Ахъ, да, — вспомнила Каролина и, еще взволнованная и поглощенная иными размышленіями, вскрыла пакетъ. Чтеніе первыхъ строкъ вызвало на ея лицо презрительную улыбку. Въ письмѣ стояло ¹⁾:

«Моя дорогая Каролина.

«Всѣ твои письма я получилъ современно, милый другъ мой, и благодарю тебя за нихъ. Они мнѣ доставляютъ большое развлеченіе. А въ развлеченіи, признаюсь, я изрядно нуждаюсь. Рыбная ловля нынче совсѣмъ не мыслима, по многимъ резонамъ, а главнымъ образомъ потому, что рѣчонка Фикуцца почти совсѣмъ пересохла.

«Помнишь блаженное время, когда мы съ тобою вмѣстѣ ловили рыбу въ озерѣ Фузаро въ Патріа, и сколько я продавалъ ее моимъ обычнымъ покупателямъ ²⁾. Конечно, я могъ бы устроить заводъ въ Солонта для ловли туна ³⁾. Бѣда только, что нынче не время для этой рыбы. Да еще и англичане, узнавъ, что я нахожусь на самомъ морскомъ берегу, чего добраго вообразили бы, что я собираюсь улизнуть изъ Сициліи. Конечно, это было бы съ ихъ стороны недѣлостью. Куда я могу направиться? Въ Неаполь? Да, если бы Господу Богу и патрону моей столицы св. Януарію было угодно меня туда допустить. Ахъ, дорогая моя Каролина, нѣтъ и не будетъ на всемъ земномъ шарѣ города прекраснѣе Неополя,

«А покуда не остается у меня никакой утѣхи, кромѣ охоты. Да и къ ней у меня какъ-то проходитъ влеченіе. Почти даже совсѣмъ

¹⁾ Подлинникъ этого письма авторъ видѣлъ въ государственныхъ архивахъ бурбонскаго двора въ Неаполѣ.

²⁾ Мѣстности около Неаполя. Король Фердинандъ любилъ разыгрывать Гарунъ-Аль-Рашида, Вѣря въ свое инкогнито, онъ торговалъ продуктами своего спорта на рынкахъ, гдѣ наблюдалъ, не обманываютъ ли народъ торгаши и не злоупотребляютъ ли своей властью полицейскіе.

³⁾ Крупная морская рыба.

не охочусь. Однако вчера убилъ кабана въ Чепеларскомъ лѣсу. Только что за дрянъ здѣшніе кабаны. И сравнивать нельзя съ персанскими!

«Мой капелланъ аккуратнo дважды въ день служить для меня обѣдню. Случается даже три раза, это для меня великое утѣшеніе.

«Обнимаю тебя

«Твой Фердинандъ».

«P. S. Вскрываю письмо, чтобы сообщить тебѣ новость. Моя сука, знаешь, съ-длинной рыжей шерстью, оценилась: принесла четырехъ славныхъ щенковъ, и, кажется, всѣ четыре выживутъ.

«Кстати слышала ты, что нашъ сынокъ Францискъ, мой генералъ викарный, нѣсколько дней страдалъ жестокими болями желудка...

«Если хочешь, я тебѣ пришлю одного изъ щенковъ! Очень смышленные и привязчивые».

Прочитавъ это посланіе, Каролина нѣкоторое время не сводила съ него глазъ, покачивая головой. Потомъ какъ бы про себя (съ Альмой она не стѣснялась) презрительно и медленно произнесла:

— Вотъ чѣмъ занимается король, потомокъ Генриха IV и Людовика Великаго, въ то время, когда половина его подданныхъ борется съ чужеземнымъ врагомъ, а другая половина чуть не порабощена жадными, коварными британцами.

Она замолчала, сердито стиснувъ губы и нахмуря брови. Губы у нея дрожали отъ гнѣва. Вошелъ мажордомъ.

— Его величество король ожидаетъ ваше величество въ своемъ покоѣ,—возгласилъ старикъ.

Королева поднялась, вышла и, сопровождаемая рядами камеръ-лакеевъ съ зажженными канделябрами, направилась къ апартаментамъ Фердинанда IV.

Онъ былъ изумленъ позднею прїѣздомъ своей жены, которой вовсе къ себѣ не ожидалъ. Онъ былъ совершенно къ ней равнодушенъ какъ къ женѣ, но побаивался ея; она имѣла большое на него вліяніе, когда ее допускали до короля. Теперь онъ вышелъ къ ней навстрѣчу и старался скрывать свое дурное расположение духа, порожденное ея появленіемъ.

Фердинандъ IV, своякъ уже казненнаго Людовика XVI, зягъ Маріи-Терезіи, былъ, вообще говоря, мужчина красивый, высокій, мускулистый. Но было въ немъ что-то грубоватое, вульгарное. Особенно портилъ его огромный носъ, вслѣдствіе котораго онъ среди своихъ подданныхъ слылъ подъ прозвищемъ короля Носача (Re Nasone). Мускулы его тѣла были слишкомъ развиты гимнастическими упражненіями, къ которымъ онъ былъ весьма пристрастенъ. Однако старость брала свое, и тѣло начинало полегоньку дрябнуть.

Онъ приблизился къ королевѣ съ широко распростертыми объятіями и прижалъ ее къ своей груди. Она весьма равнодушно отдалась его супружеской ласкѣ.

— Какой добрый вѣтеръ занесъ тебя ко мнѣ, моя драгоценная Каролина? — спрашивалъ онъ, ведя ее подъ руку въ свой кабинетъ. — Я какъ разъ сегодня написалъ тебѣ письмецо. Виноватъ я передъ тобой: давно бы слѣдовало отвѣтить на твои посланія. Да что подѣлать? Такая на меня ужасная апатія нападаетъ. Къ тому же и писака я плохой. Ты вѣдь знаешь, что не больно-то я литературенъ... Вотъ ты ковчегъ всяческой мудрости и знанія...

— Не трудитесь, государь, я уже здѣсь получила ваше письмо.

— А, такъ тебѣ извѣстно, что Заира оценилась. Помнишь рыжую суку? Четырехъ молодцовъ мнѣ подарила. Вотъ я ихъ сейчасъ покажу тебѣ. Прелестъ, что такое, прелестъ! Для стойки на охотѣ нѣтъ собаки лучше Заиры. Нюхъ какой! Какая выдержка! Какъ она это уставишь свои ноги, пригнетъ морду къ землѣ, подыметъ хвостъ кверху, окаменѣетъ — ты можешь быть вполне увѣренъ, что либо перепелъ, либо куропатка, либо бекасъ у тебя все равно что въ ягдташѣ. Обидно только, что мои ноги не попрежнему мнѣ служатъ. Помнишь, бывало, я въ одинъ день настрѣливалъ по ста двадцати бекасовъ. А теперь вотъ пробреду шаговъ сотню-другую, и ужъ никуда не годенъ.

Король грустно повздыхалъ.

— Вы, государь, — отозвалась она, — собирались, кажется, лечь въ постель.

— Да, собирался. Но если ты хочешь сказать мнѣ что-нибудь такое, что до завтра даже не терпится, такъ поговоримъ лучше теперь. Ты, кажется, также утомилась съ дороги... А какая еще ты все красавица; и попрежнему пикантная такая. Словно женщина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Года бѣгутъ, а тебя какъ будто касаться не смѣютъ.

— Нѣтъ, я не утомлена, — рѣзко возразила Каролина: — я никогда не устаю, особенно, когда надо бываетъ подумать о серьезныхъ дѣлахъ, о благѣ нашего несчастнаго королевства, о васъ, государь, о будущемъ нашихъ дѣтей...

— О! — воскликнулъ король, почесывая затылокъ всей пятерней, какъ истый неополитанскій простолюдинъ: — у тебя въ головѣ все еще зайчики бѣгаютъ.

— Мнѣ, государь, необходимо переговорить съ вами наединѣ, — настойчиво отвѣтила она, замѣтивъ, что во время ихъ разговора неслышно, но съ низкими поклонами въ комнату вошли патеръ-капелланъ и двое придворныхъ, дѣлившихъ изгнаніе короля.

— Значитъ, что-нибудь очень важное, — замѣтилъ король не то съ насмѣшкой, не то съ досадой и обратился къ своимъ придворнымъ: — Потрудитесь удалиться, господа. Доброй ночи...

Патеръ, придворные, а за ними мажордомъ вышли.

— Ну, пойдёмъ, пойдёмъ, моя прелестная, въ спальную ко мнѣ пойдёмъ,—приглашалъ Фердинандъ жену.

Когда она вошла въ слѣдующую комнату, онъ, лукаво улыбаясь, потирая руки и молодецки потряхивая плечами, сказалъ:

— А что они о насъ съ тобой, Каролиночка, подумаютъ. А?.. Подумаютъ, что намъ съ тобой захотѣлось въ спальнѣ остаться наединѣ. Вѣдь ты у меня еще такая хорошенькая, свѣженькая... Право, знаешь еще... еще такая...

— Ну, чего ты паясничаетъ,—безцеремонно обратилась къ нему Каролина.—Самый послѣдній неаполитанскій лаццарони постыдился бы... Еще потомокъ Генриха IV и Людовика XIV, Карла III.. А въ твоей столицѣ на тронѣ сидитъ безстыдный конюхъ. Подумай, что и здѣсь въ Сициліи на престолѣ не ты самъ, а глупая маріонетка, котораго ты туда посадилъ... Этотъ нашъ сынокъ, твой викарный, какъ лакей, во всемъ подслуживается нашимъ владыкамъ и ненасытнымъ грабителямъ англичанамъ... Между тѣмъ подавленный народъ проклиняетъ за это тебя самого.

Фердинандъ IV, усѣвшійся было на край кровати и собиравшійся сбросить кафтанъ, вдругъ поднялся во весь ростъ, лицо его выражало и скуку, и досаду, и изумленіе.

— Это ты затѣмъ только сюда и пріѣхала,—заговорилъ онъ раздражительно.—Какъ это я раньше не догадался? Ты вѣдь всегда появляешься сюда, чтобы меня мучить. Хотъ бы пожалѣла немножко. Мало, что ли, у меня и безъ того неприяностей. Я потерялъ и сонъ и аппетитъ. Охота и та опостылѣла. Вотъ и бѣднаго Асколи услали отсюда. Я даже одинъ самъ съ собой не имѣю возможности оставаться. Изъ дня въ день съ утра до ночи около меня шляются люди, которыхъ бы я давно послалъ ко всѣмъ чертямъ въ тартарары. Недоставало еще, чтобъ и ты надоѣдала мнѣ своими вздорными, бесполезными причитаньями.

— Бесполезными? Да, бесполезными, потому что ты совсѣмъ распустился; трусишь. Униженій, которымъ тебя подвергаютъ, не вынесъ бы ни одинъ твой подданный. А ты терпѣливо, какъ волъ, шею подъ ярмо подставляешь.

— Волъ! Какія у тебя, право, сравненія, Каролина!—замѣтилъ король, то не лукаво, не то дурачливо.

Королева, не обративъ на его слова вниманія, продолжала:

— Бесполезны мои совѣты будутъ до тѣхъ поръ, покуда ты не страхнешь съ себя апатіи...

— Да, совсѣмъ это не апатія, а философское подчиненіе обстоятельствамъ.

— Подчиненіе обстоятельствамъ!—негодующе воскликнула королева, и въ глазахъ ея засверкали искры.—Да развѣ не ты за-

конный король?.. Развѣ этимъ престоломъ не благословилъ тебя самъ Господь? Наше право твердо. Справедливость на нашей сторонѣ.

— Такъ-то оно такъ, — позѣвывая, отозвался Фердинандъ. — Только у англичанъ есть кой-что посущественнѣе: штыки ихъ солдатъ и пушки ихъ военныхъ кораблей.

— И у насъ будетъ то и другое... Какъ ни какъ, а наши калабрійцы все еще держатся. Подай имъ голосъ; кликни ихъ, одобри по-королевски—и у насъ еще могутъ быть и штыки и кинжалы. Очнись же наконецъ, тогда ты опять взойдешь на отцовскій престолъ.

— Я и не прочь, если бы достаточно было только ногу на ступени трона поднять. Я, однако, полагаю, что мы можемъ довести и этихъ проклятыхъ англичанъ до блага каленія, какъ ты своими безумными предпріятіями довела французовъ.

Король оживился; сонливость его словно пропала.

— Ну, будемъ обсуждать безпристрастно. Признайся, не ты ли сама была причиной нашихъ невзгодъ, убѣдивъ меня открыть доступъ въ наши порты сначала англичанамъ, а потомъ и русскимъ. Къ этому-то и придрался Бонапартъ: не обращая вниманія на наши увѣренія въ нейтралитетъ, онъ не поцеремонился прислать цѣлую армію воевать съ нами. Меня—по пословицѣ моихъ добрыхъ неаполитанскихъ лаццарони—холодной водой опшарили. Ну, посуди сама, могу ли я, какъ ты совѣтуешь, пуститься еще Богъ знаетъ въ какое рискованное предпріятіе? Нѣтъ, душа моя, *après moi le déluge*, какъ сказалъ мой дядюшка, или какъ онъ тамъ мнѣ приходится—Людовикъ XV.

— А о спасеніи своей души ты думать, что ли, пересталъ?

— Къ чему это ты спасеніе души прилетаешь? Развѣ я не исповѣдываюсь аккуратно каждую пятницу? Развѣ не выслушиваю чуть не по три обѣдни въ сутки?

— Да вѣдь англичане еретики, папа очень недоволенъ, что мы имъ такъ поблажаемъ. Они враждебнѣе мусульманъ относятся къ нашей святой католической религіи. А между тѣмъ хозяйничаютъ у насъ; прикрываясь твоимъ именемъ, правятъ столь благочестивымъ народомъ, какъ нашъ. Вѣдь это позоръ, за который намъ придется дать отвѣтъ Господу Богу!

Повидимому, этотъ аргументъ подѣйствовалъ на стараго короля. Онъ задумался. Королева продолжала говорить: подмѣтивъ произведенное на мужа впечатлѣніе, она спѣшила ковать желѣзо, пока горячо.

— Ужъ если ты ничего не хочешь сдѣлать для своего земного царства, позаботься хоть о царствіи небесномъ. Если обязанности короля стали тебѣ не по силамъ, хоть о христіанскихъ-то обязанностяхъ позаботься; вѣдь ты сынъ святой апостольской католической церкви...

— Оно, конечно... я съ тобой согласенъ,—нерѣшительно бормоталъ король.—Но все-таки я какъ-то...

— Кстати,—прервала его Каролина:—знаешь ты что-нибудь о новомъ законѣ для охоты, который англичане на дняхъ провели въ палатѣ и противъ котораго твой сынъ, генераль викарный, не посмѣлъ рта разинуть.

— Новый законъ?!—словно очнувшись, спросилъ король, у котораго еще не совсѣмъ угасла единственная страсть, охота.—Какой такой новый законъ?

— Такой, что впредь никто, а слѣдовательно и ты самъ, не имѣетъ права охотиться въ нѣкоторые мѣсяцы. Кромѣ того, есть мѣстности, въ которыхъ охота на нѣсколько лѣтъ вовсе запрещается.

— Да возможно ли это!—сердито возразилъ Фердинандъ, даже въ лицо ему кровь бросилась.—Мало того, что престола меня лишили, что засадили въ эту поганую трущобу, гдѣ присматриваютъ за мной, какъ за каторжникомъ, ...вздумали еще этого послѣдняго права лишить... Нѣтъ, Богомъ клянусь, не допущу. Это оскорбленіе. Это всякую мѣру превышаетъ... Не допущу, не допущу, хоть бы мнѣ пришлось всю вселенную огнемъ сжечь...

Онъ вскочилъ; быстро заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; кусалъ себѣ руки и грозилъ кому-то невидимому въ воздухѣ кулаками. Королева спокойно предоставляла ему бѣсноваться; когда же онъ достаточно отвелъ душу, обратилась къ нему почти нѣжно:

— Ну, полно, успокойся же, Фердинандъ. Твой гнѣвъ совершенно основателенъ, но онъ все-таки мѣшаетъ намъ спокойно обсудить дѣло. А между тѣмъ намъ съ тобой необходимо быть очень осмотрительными и рассудительными.

— Что же мы должны сдѣлать? Говори скорѣй, что нимъ теперь дѣлать?—нетерпѣливо требовалъ Фердинандъ, остановясь предъ женой.

— Прежде всего надо, чтобъ ты мнѣ довѣрялъ. Потомъ постарайся ничѣмъ, понимаешь ли—ничѣмъ, не выказать твоимъ окружающимъ, что мы съ тобой совѣщались о государственныхъ дѣлахъ. За тобой вѣдь шпионятъ еще усерднѣе, чѣмъ за мной. Конечно, англичане и теперь знаютъ, что я у тебя. Завтра, навѣрно, всѣми силами будутъ у тебя выпытывать, о чемъ мы толковали. И ты, пожалуйста, обо мнѣ отзывайся хуже. Вѣдь тебѣ не привыкать стать на меня жаловаться твоимъ приближеннымъ.

— Ну, что ты это говоришь, Каролина? Клянусь тебѣ,—съ протестующимъ жестомъ перебилъ было король, но жена, пожалвъ плечами, продолжала:

— Такъ вотъ ты скажи имъ, что я прибѣжала опять надоѣдать тебѣ давно надоѣвшимъ тебѣ и, по-твоему, неразрѣшимымъ вопросомъ о моемъ приданомъ... Скажи имъ, что я не даю тебѣ по-

коя, что чуть не оскорбляю тебя, что ты всякое терпѣніе потерялъ... Все въ этомъ родѣ, я же, съ моей стороны, буду готовить средства для исполненія задуманнаго мною плана. Цѣль его— выпутать и тебя и меня изъ невыносимаго положенія... Только безъ твоего согласія я ни къ чему не приступлю, разумѣется. Когда же все будетъ готово, то я напишу тебѣ письмо. Да ты слушай, пожалуйста, внимательно и не забудь, что я тебѣ говорю... Вотъ въ этомъ письмѣ будетъ сказано что-нибудь о приданомъ. Если ты мнѣ отвѣтишь, что согласенъ... понимаешь...

Гнѣвъ короля, возбужденный охотничьимъ закономъ, уже охладѣлъ подъ вліяніемъ болѣе серьезныхъ опасеній, о которыхъ напомнила жена. Онъ прервалъ ее:

— Да что такое я пойму-то? Ахъ, ей-Богу, Каролина, не рискуй ты, пожалуйста; принимай въ соображенія препятствія; не довѣряйся ты слишкомъ тѣмъ, кто близокъ тебѣ...

— Никому я, кромѣ самой себя, не довѣряю. Благодаря нашимъ невзгодамъ и моей опытности, прежняя львица обратилась теперь въ лисицу.

— Въ тигрицу... Тебя наши враги зовутъ тигрицей.

Фердинандъ полагалъ, что сказалъ комплиментъ.

— Ну, пусть... въ тигрицу, которая давно могла бы спасти царство, если бы не была окружена зайцами...

— Ужъ очень ты строга стала, Каролина... Да продолжай, продолжай. Это я такъ...

— Ну, такъ, когда ты получишь отъ меня письмо, ты будешь знать, что все подготовлено. И сейчасъ выдумай какой-нибудь предлогъ... охоту, что ли... уѣзжай изъ Фикуццы и прямо въ Патрику. Тамъ тебя будетъ ждать князь Кассеро.

— Кассеро! Да вѣдь это отъявленный англофилъ!

— Былъ прежде... теперь—нѣтъ. Онъ вѣдь входитъ въ составъ кабинета министровъ, составленнаго этой ехидной, лордомъ Бентинкомъ. Но Бентинкъ поставилъ маркиза Бельмонте выше Кассеро. А ты знаешь, какъ Кассеро ненавидитъ Бельмонте. Зависть и ненависть заставили перваго перейти на нашу сторону... Такъ ты поѣзжай въ Патрику, и Кассеро все тебѣ расскажетъ. Онъ тебѣ поможетъ и въ столицу, въ Палермо, пробраться. Какъ туда приѣдешь, тотчасъ же отправляйся во дворецъ. Тамъ ты прикажешь обнародовать манифестъ. Я его уже изготвила. Вообще объявишь, что вновь самъ будешь править королевствомъ, такъ какъ здоровье твое вполнѣ окрѣпло.

— А англичане-то?

— Около дворца къ тому времени стянута до двадцати тысячъ преданныхъ тебѣ вооруженныхъ людей. Частію сицилійцы, частію калабрійцы. Этого достаточно, чтобы оградить тебя и держать англичанъ въ уздѣ.

— А ты сама?

— Я буду тамъ, гдѣ больше нужно.

Фердинандъ безмолвно глядѣлъ на жену. Любви къ ней онъ давно не испытывалъ; за многое основательно упрекалъ ее. Но въ эту минуту онъ почти любовался ею,—столько въ ней было рѣшимости, стремительности. Невольно онъ—человѣкъ безъ воли—подчинялся, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, энергичной женщинѣ.

— Что же это за манифестъ ты написала?—спросилъ онъ.— Покажи-ка.

Она вынула и развернула листъ бумаги. Едва ли бы самый свободолюбивый членъ сицилійской палаты сумѣлъ написать лучше и болѣе либерально-демократично воззваніе монарха къ народу. Въ этомъ воззваніи между прочимъ говорилось:

«Народъ есть истинный носитель верховной власти; государь считаетъ себя только верховнымъ охранителемъ законности». Король обязывался въ самомъ непродолжительномъ времени даровать широко-либеральную конституцію и утвердить независимость Сициліи на новыхъ, демократическихъ началахъ.

Все это Каролина прочитала государю. Онъ ее слушалъ внимательно. Но лицо его выражало и досаду и крайнее изумленіе.

— И ты, ты сама совѣтуешь мнѣ обратиться къ народу съ такими посулами,—заговорилъ онъ, когда жена кончила чтеніе.— Да развѣ помазанникъ Божій можетъ унизиться до такихъ рѣчей?..

Каролина предвидѣла, что ея проектъ произведетъ непріятное впечатлѣніе на короля, и приготовилась отвѣтить. Она иронически улыбалась.

— Если бы мессеръ Николò Макиавелли написалъ вмѣсто своего политическаго руководства государямъ руководство для охоты, ты бы его давно прочиталъ. А политическаго трактата ты и не раскрывалъ... Ну, полно. Пожалуйста, не приходи въ ужасъ отъ громкихъ словъ и фразъ новаго современнаго стиля. Народъ вездѣ ребенокъ, обѣщаніями и пріятными словами его вездѣ можно подкупить... Вашъ же Макиавелли говоритъ, что всякое средство хорошо, лишь бы вело къ цѣли; что кто хочетъ одержать верхъ—долженъ бороться тѣмъ же оружіемъ, какъ и его противникъ. Развѣ англичане не умасливали насъ точно такими же обѣщаніями? А какая имъ нужда въ независимости сицилійскаго народа? Вовсе не о нашей свободѣ или о представительныхъ правахъ націи они заботятся. Имъ хочется хозяйничать въ нашихъ портахъ, скупать повыгоднѣе сицилійскую сѣру да апельсины. Они только пылъ въ глаза пускаютъ своими рѣчами о независимости. Все это слова, слова и слова, которыя очень нравятся простакамъ... Ну, и мы подобную же пылъ станемъ пускать въ глаза, когда намъ выгодно. Покуда они станутъ себѣ глаза протирать, мы успѣемъ заготовить и пушки и штыки. Задумываться тутъ не

надъ чемъ. Такъ испоконъ вѣка поступали все короли, все завоеватели, все проповѣдники. Все морочили народъ. Такъ всегда было и такъ всегда будетъ.

При этихъ словахъ Каролина встала, подошла къ письменному столу, омакнула перо въ чернила и поднесла королю вмѣстѣ съ заготовленной бумагой.

— Да рѣшайся же, подписывай.

Фердинандъ хмурился и колебался.

— Подписать?—пробормоталъ онъ.—Сейчасъ же подписать? Помилуй! Мнѣ необходимо еще поразмыслить... Мнѣ надо прежде...

— Медлить, другъ мой, невозможно. Послѣзавтра я должна буду заявить о твоей прокламаціи главарямъ братства св. Павла. Ты знаешь, что это великое учрежденіе устроило Сицилійскія вечера; благодаря ему, были перерѣзаны и изгнаны изъ Сициліи все французы... Теперь это братство возникло вновь, чтобы истребить англичанъ, какъ пятьсотъ лѣтъ назадъ истребило анжуйцевъ.

— Какъ это ты все помнишь!—съ непритворнымъ изумленіемъ воскликнулъ король.

Фердинандъ не любилъ занимать государственными дѣлами, потому что онъ всегда сознавалъ чистосердечно свою неспособность, и это его простодушіе не разъ помогало Каролинѣ настаивать на своемъ.

— Да полно же раздумывать, подпиши,—сказала она ему и настойчиво и вмѣстѣ ласково, какъ говорятъ съ дѣтьми.

Еще нѣсколько секундъ онъ колебался, но все-таки подписалъ и, облегченно вздохнувъ, молвилъ:

— Ну, кажется, теперь все... Могу я теперь въ постель лечь? Мнѣ на зарѣ встать надо; я и обѣдню раннюю приказалъ капеллану служить чѣмъ свѣтъ. На охоту... Мнѣ сегодня доложили, что въ той сторонѣ лѣса егеря обложили великолѣпнаго звѣря.

Королева тоже была очень довольна. Положивъ свою бѣлую руку на плечо мужа, она замѣтила:

— Значитъ, мы съ тобой заодно. Все налажено.

— Налажено, налажено. Ради Христа не будемъ больше объ этомъ разговаривать,—нетерпѣливо возразилъ государь, позвонилъ и, когда вошли придворные, даже нѣжно простился съ женой.

Однако, какъ ни осторожно налаживала дѣло Каролина, какъ ни была она увѣрена, что ихъ никто не могъ подслушивать, Бентинкъ (какъ изслѣдовано позднѣйшими историками) зналъ о совершившемся ранѣе, чѣмъ ея величество утромъ рано покинула Фикуццу. Представитель Великобританіи щедро оплачивалъ услуги придворныхъ шпионовъ.

XVI.

Братство св. апостола Павла.

Недалеко отъ порта Трапани ¹⁾, въ открытомъ морѣ высится угрюмый утесистый островокъ Мальконсильо. Онъ необитаемъ. Если вѣрить преданію, тутъ извѣстный патріотъ, ненавистникъ французскаго владычества Прочида, полтысячи лѣтъ назадъ собиралъ заговорщиковъ подготовлявшихъ Сицилійскія вечера.

Ночь была темная, беззвѣздная. Городъ Трапани и его портъ были окутаны безмолвнымъ мракомъ. Свѣтъ немногихъ лампадъ, теплившихся на перекресткахъ предъ иконами, и рѣдкихъ фонариковъ, мерцавшихъ на судахъ, которыя стояли въ гавани, скудно освѣщаль темные, узкіе переулки и робко отражался въ массѣ черной воды.

Изъ гавани по направленію къ Мальконсильо отплыла лодка съ двумя гребцами и рулевымъ. Всѣ они были въ широкихъ плащахъ, а на лицахъ имѣли черныя маски. Рулевой поглядывалъ на берегъ, остававшійся сзади. Не взирая на ночную тьму, онъ замѣтилъ, что какой-то челнъ съ однимъ гребцомъ отчалилъ изъ одной бухточки и словно слѣдилъ издали за ихъ лодкой.

— Это шпионъ, — шепнулъ рулевой товарищамъ-гребцамъ. — Надо его захватить раньше, чѣмъ онъ сообразитъ, куда мы ѣдемъ.

Лодка, описавъ полукругъ, направилась назадъ, нѣсколько длинныхъ загребовъ, и она приблизилась къ челну. Челнъ обратился было въ бѣгство. На немъ дѣйствительно былъ только одинъ человекъ. Лодка нагнала его, оба гребца ловко вскочили въ челнъ. Что-то бухнуло въ воду, гребцы, оставивъ челнъ, опять сѣли въ лодку. Тишина. Они опять повернули къ своей цѣли. Добравшись до утеса, они завели свою лодку въ небольшую, незамѣтную съ моря бухточку, гдѣ уже стояли нѣсколько ранѣе ихъ приплывшихъ лодокъ и челновъ. Затѣмъ всѣ трое, предшествуемые рулевымъ, сошли на берегъ. Въ центрѣ острова ихъ ожидало нѣсколько человекъ. Всѣ послѣдніе, какъ и вновь прибывшіе, были въ плащахъ одинаковаго цвѣта и покроя. Рулевой, еще не доходя до ожидавшей его группы, рѣзко свистнулъ, искусно подражая ночной птицѣ. Ожидавшіе тотчасъ же расположились кругомъ. Безмолвіе было полное.

Повидимому, свистѣвшій былъ старшина. Онъ, ставъ въ центрѣ круга, произнесъ тихо: «пароль?» И потомъ, подходя къ каждому изъ остальныхъ по одиночкѣ, выслушивалъ завѣтное слово, под-

¹⁾ Прибрежный портовый городъ въ Сициліи.

ставляя свое ухо. Окончивъ повѣрку, онъ опять вышелъ въ средину круга, вынулъ изъ-подъ плаща потаенный фонарь, кидавшій небольшой кругъ свѣта на землю, и тихо произнесъ:

— Между нами есть шпіонъ. Онъ выдалъ себя, произнося сію минуту неправильно пароль «Сицилія»¹⁾). Приглашаю всѣхъ открыть ваши лица.

Старшина самъ первый снялъ маску и отбросилъ назадъ капюшонъ-шапочку, покрывавшій дотолѣ его голову: красивую голову, мужественное лицо настоящаго сицилійскаго типа. Это былъ мужчина зрѣлыхъ лѣтъ.

Всѣ послѣдовали его примѣру. Онъ обошелъ весь кругъ, освѣщая каждое лицо особо своимъ фонарикомъ.

— Вотъ предатель!—воскликнулъ онъ, остановясь предъ однимъ изъ собратій.—Схватите его.

Приказаніе было исполнено мгновенно. Старшина продолжалъ:

— Этотъ предатель англичанинъ. Англичанинъ осмѣлился забраться къ намъ, конечно, для того, чтобы выдать нашу тайну палачамъ народа сицилійскаго. Я только что потопилъ шпіона, который вздумалъ было слѣдить за нашей лодкой, а здѣсь я нашелъ другого. Да схоронится тайна св. апостола Павла въ пучинѣ морской вмѣстѣ съ ея похитителемъ.

Виновный даже не пытался ни оправдываться, ни защищаться. Онъ понималъ, что это было бесполезно. Ему заклиповали ротъ, связали по рукамъ и по ногамъ веревками. Четыре человѣка унесли его во мракъ, къ обрыву утеса. Опять что-то грузно бухнуло въ воду. Четыре человѣка, какъ тѣни, изъ мрака вернулись на свои мѣста.

— Жестокая необходимость вынуждаетъ насъ поступать жестоко,—печально, но торжественно произнесъ старшина.—Если бы даже нашъ статутъ насъ къ тому не обязывалъ, то все-таки мы не могли бы поступать иначе ради нашей собственной безопасности, ради будущаго нашей родины. Наглость нашихъ враговъ безгранична; она ужасаетъ меня. Правительство не далѣе, какъ вчера, казнило семерыхъ изъ нашихъ... нѣтъ... я не считаю себя въ правѣ сказать «нашихъ братьевъ», хотя мученическая кончина и отказъ что-либо сообщить врагамъ о нашемъ союзѣ служатъ достаточнымъ оправданіемъ и искупленіемъ для нихъ. Но я не могу назвать этихъ несчастныхъ братьями, потому что они, будучи членами союза, вмѣсто того, чтобы наносить удары во имя

¹⁾ Въ дни Сицилійскихъ вечеренъ обжившихся въ странѣ французъ узнавали по произношенію слова чечи (сухой горохъ), которое заставляли произносить всѣхъ сомнительныхъ. Если подозрительный человѣкъ выговаривалъ хорошо, его оставляли въ покоѣ. Если нѣтъ—убивали. Всѣ французы, какъ XIII в., такъ и XX в., звука че буквально произнести не могутъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Богословіе.

- Аквилоновъ, Е. Мысли о Іоанна Кронштадтскаго овоспитательномъ значеніи слова Воля. Спб. 1909. Ц. 20 к.
Арсеньевъ, І. Отъ Карла Великаго до реформаци. Т. I. М. 1909. Ц. 2 р.
Брикнеръ, М. Страдающій Богъ въ религіяхъ древняго міра. Спб. 1909. Ц. 30 к.
Софійскій, Л. Высокопресвященный Пиконъ, архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій, экзархъ Грузіи. 1861—1908. Биографическія данныя съ портретами и автографомъ іерарха, а также его рѣчи, слова и поученія. Спб. 1909. Ц. 2 р.
Пфлейдереръ, О. О религіи и религіяхъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Философія, психологія, логика.

- Бертрамъ, Э. Личный магнетизмъ и гипнотизмъ. Развитие силы воли и увеличеніе памяти. Рига. 1909. Ц. 1 р.
Введенскій, А. Новое и легкое доказательство философскаго критицизма. Спб. 1909. Ц. 30 к.
Вейнинггеръ, О. Послѣднія слова. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
Вундтъ, В. Основы физиологической психологіи. Естествознаніе и психологія. Вып. I. Спб. 1909. Ц. 90 к.
Зигвартъ, Х. Логика. Т. 2-й, вып. 2-й. Ученіе о методѣ. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. М. 1909. Ц. 1 р.
— Религія. Соціально-психологическій этюдь. М. 1909. Ц. 40 к.
Ильинъ, В. Материализмъ и эмпириокритицизмъ. Критическія замѣтки объ одной реакціонной философій. М. 1909. Ц. 2 р. 60 к.
Каптеревъ, П. Гипнотизмъ. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
Кэди, Г. Истина. М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
Лесевичъ, В. Эмпириокритицизмъ, какъ единственная научная точка зрѣнія. Спб. 1909. Ц. 60 к.
Мейеръ, А. Религія и культура. По поводу современныхъ религиозныхъ исканій. Спб. 1909. Ц. 60 к.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1909 г., т. сxvi.

1/223

- мои, А. Гипнотизмъ, со включеніемъ главныхъ основъ психотерапіи и оккультизма. Спб. 1909. Ц. 4 р.
- Очерки философіи коллективизма. Сборникъ первый. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Рарис, D-г. Человѣкъ и вселенная. Общій обзоръ оккультныхъ знаній. Вып. 1-й. М. 1909. Ц. 1 р.
- Петцольдтъ, Г. Введеніе въ философію чистаго опыта. Т. I. Опреѣленность души. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Рубинштейнъ, М. Идея личности, какъ основа міровоззрѣнія. М. 1909. Ц. 70 к.
- Смайльсъ, С. Характеръ. (Воспитаніе и образованіе). Изд. 9-е. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Чаттерджи, Б. Созрѣвшая религіозная философія Индіи. Калуга. 1909. Ц. 80 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Александровъ, А. Писатель-подвижникъ. (Памяти Гоголя). Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Анненскій, И. Вторая книга отраженій. Изданка поэзіи. Бѣлый экстазъ. Гуда. Гейне прикованный. Проблема Гамлета. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Вольманскій, А. Ф. М. Достоевскій. Бритическія статьи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В. въ разказахъ современниковъ. Воспоминанія и записки о жизни Гоголя С. Т. Аксакова, П. В. Анненкова, А. С. Данилевскаго, А. О. Смирновой, Кулиша, И. С. Тургенева и др. М. 1909. Ц. 40 к.
- Епифановъ, П. Надгробная рѣчь на могилѣ Н. В. Гоголя въ Москвѣ въ день столѣтія со дня рожденія 20 марта. 1909 г. Спб. Ц. 10 к.
- Каллашъ, В. Вып. I. Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Крохинъ, В. Откуда ведетъ начало наша былина о Садко Богатомъ гостѣ. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Кузминская, Т. Воспоминанія о графѣ Л. Н. Толстомъ въ шестидесятыхъ годахъ. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Меренновскій, Д. М. Ю. Лермонтовъ, поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- О критикѣ и критикахъ. Статьи: А. Куприна, Е. Чирикова, А. Каменскаго, О. Дымова, С. Городецкаго и др. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Рейснеръ, М. Л. Андреевъ и его социальная идеологія. Опытъ социологической критики. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Рождественскій, А. Личность и творчество Гоголя. Казань. 1909. Ц. 25 к.
- Словарь литературныхъ типовъ. Вып. 4-й. Гоголь. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Фриче, В. Леонидъ Андреевъ. Опытъ характеристикъ. М. 1909. Ц. 60 к.
- Щеголевъ, П. Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радичева. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Эсвейнъ, Г. Августъ Стриндбергъ. Опытъ психологической характеристики. М. 1909. Ц. 40 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Аксановъ, С. Собраніе сочиненій. 2 тома. М. 1909. Ц. 3 р.
- Амираджини, С. Сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Ан—скій, С. Всяду жизнь. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Кн. 1-я. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Антоновъ, А. Могаска. Философская поэма. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Ашъ, Ш. Разказы и пьесы. Т. 3-й. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Бангъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. I. Его превосходительство. М. 1909. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, Н. Сочиненія. Т. 3-й. Тихое счастье. Повѣсти и разказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Тоже. Т. 4-й. Петербургскій случай. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Вернеръ, А. Разказы. М. 1909. Ц. 1 р.
- Вѣнонь. Альманахъ подъ редакціей Н. Г. Шебуева. М. 1909. Ц. 1 р.
- Гальновскій, Н. Стихотворенія. Лебедия. 1909. Ц. 2 р.
- Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій. Т. XI. Мечтатель. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Гончаровъ, И. Обложовъ. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Грибободовъ, А. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д., въ стихахъ. Полный текстъ съ 7 фототипіями. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Зарницы. Литературно-политическій сборникъ. 1909. № 2. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Земля. Сборникъ третій. В. Башкичъ. Н. Олигеръ. Федоръ Сологубъ. А. Купринъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Копытинъ, С. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Литературно-художественные альманахи изд. Шиповникъ. Книга IX. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Литургія. Религіозно-поэтическія произведенія памятника церковной письменности. Кіевъ. 1909. Ц. 10 к.
- * Маргериттъ, Поль и Викторъ. Суета суеть. Романъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909 г. Ц. 1 р.
- Морозовъ, Н. Подъ сводами. Сборникъ повѣстей, стихотвореній и воспоминаній, написанныхъ заключенными въ старой Шлиссельбургской крѣпости. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Навроцкій, А. (Вроцкій Н.). Одноактная драма. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Некрасовъ, Н. Полное собраніе стихотвореній, въ двухъ томахъ. Изд. 10-е. Спб. 1909. Ц. 5 р.
- Островскій, А. «На бойкомъ мѣстѣ», ком. въ 3 д. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Писаревскій, Б. Робинзонъ Крузо. Драматическая поэма въ 5 д. и 9 карт. Одесса. 1908. Ц. 1 р.
 По, Э. Собрание сочиненій. Т. I. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Пружанскій, М. Бездна жизни. Повѣсти и рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Пустовойтенко, К. Дневникъ эгоистки. Варшава. 1909. Ц. 1 р.
 Пушкинъ, А. «Полтава», поэма. Иллюстрированное изданіе. X. 1909. Ц. 10 к.
 Реми-де-Гурмонъ. Леда и Джюконда. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Саловъ, И. Сочиненія. Т. 4-й. Грызуны. Повѣсти и рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Становъ, И. Легенда Вавилона. Магъ Данвалтари. Драматическій этюдъ въ 2 д. съ прологомъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Сумбатовъ, А. Вожди. Пять эпизодовъ изъ жизни. М. 1909. Ц. 2 р.
 Тавридинъ, Н. Здѣсь. Эскизы. Харьковъ. 1909. Ц. 1 р.
 Тургеневъ, И. Стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 Уральскій сборникъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
 Ушановъ, А. Сонъ Ивана Ивановича или повѣсть о томъ, каковы бываютъ на дѣлѣ мечты социализма. Спб. 1909. Ц. 10 к.
 Франсъ, А. Рассказы Жака Турнеброшъ. Спб. 1909. Ц. 45 к.
 Хомяковъ, А. Стихотворенія. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Цензоръ, Д. Крылья Икара. Стихи. Спб. 1908. Ц. 80 к.
 Шпажинскій, И. Драматическія сочиненія. Томъ 4-й. М. 1909. Ц. 2 р.

Исторія, біографія и археологія.

Бартеневъ, Ю. Большой Кремлевскій дворецъ. Указатель къ его обозрѣнію. М. 1909. Ц. 25 к.
 Бочкаревъ, Б. Письма А. П. Чехова. М. 1909. Ц. 1 р.
 Вешняновъ, В. О причинахъ возвышенія Московскаго княжества. Спб. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
 Вяземскій, Б. Верховный тайный совѣтъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.
 Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. М. 1909. Ц. 85 к.
 Записки Московскаго Археологическаго Института. Т. 5-й. Р. Писаревскій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ 18 вѣкѣ. М. 1909. Ц. 4 р.
 Ивановъ, А. Вань-Ань-Ши и его реформы. XI в. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины. Т. I. Спб. 1909. Ц. 2 р.
 Наръевъ, Н. Исторія западной Европы въ новое время. Томъ 6-й. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
 Мартыновъ. Исторія 12-го Драгунскаго Стародубскаго полка. Спб. 1909. Ц. 5 р.
 Матеріалы для біографіи А. И. Герцена,

Вып. 1-й. Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена М. 1909. Ц. 1 р.
 Мулюкинъ, А. Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изъ исторіи русскаго права XVI и XVII вѣковъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
 Ординъ, К. Собрание сочиненій по Финляндскому вопросу. Томъ 2 и 3. Покореніе Финляндіи. Спб. 1909. Цѣна по 2 р. 50 к.
 Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ 6-й, вып. 1-й. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Павловскій, И. Битва подъ Полтавою и ея памятники. Съ 141 рис. и 4 планами. Полтава. 1909. Ц. 2 р.
 — Полтавская битва 27 іюня 1709 г. Съ 32 портр. и иллюстр. Полтава. 1909. Ц. 25 к.
 Покровскій, Н. Памятники церковной старины въ Костромѣ. Спб. 1909. Ц. 5 р.
 Русскій біографическій словарь. Смѣловскій—Суворина. Спб. 1909. Ц. 8 р.
 Сѣверное преданіе о царѣ Петрѣ и о нравственно-религіозномъ воспитаніи войска славнаго побѣдителя въ Полтавскомъ бою необходимыхъ шведовъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
 Трофимовъ, К. Раскопки кургановъ при дер. Залахтовье-Кувшиново Спб. губ. Гдовскаго уѣзда. М. 1909. Ц. 75 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

Александровскій, Ю. Новая волость. Положеніе о поселковомъ управленіи. Положеніе о волостномъ управленіи. Спб. 1909. Ц. 2 р.
 Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Т. 6-й. Право наследованія. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
 Бобринцевъ-Пушминъ, А. Судебныя рѣчи. Томъ 1-й. Спб. 1909. Ц. 2 р.
 Быковъ, А. Фабричное законодательство и развитіе его въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 80 к.
 Виноградовъ, П. Исторія правовѣднія. Курсъ для историковъ и юристовъ. М. 1908. Ц. 2 р.
 Воблый, Н. Статистика. Пособіе къ лекціямъ. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

Волгинъ, А. Объ арміи. Армія и государство. Армія и социализмъ. Армія и милиція. Армія и политика. Спб. 1909. Ц. 20 к.
 Волковъ, Н. Новый законъ 18 марта 1909 г. объ акцизѣ съ папиросныхъ гильзъ и бумаги и инструкція М-ва Финансовъ о его примѣненіи. М. 1909. Ц. 50 к.
 Вольскій, А. Наслѣдственная пошлина (текстъ закона и практика сената). Саратовъ. 1909. Ц. 75 к.
 Вороновъ, А. Очередные вопросы наследственнаго права. Спб. 1909. Ц. 30 к.
 Вячеславъ (Чехъ), имона. «Слово во время». (По поводу австрійской экспропріаціи—аннекси Востни и Герцеговины). Спб. 1909. Ц. 15 к.

- Добрышинъ, Б. Построеніе общественно-сти. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Дюги, Л. Соціальное право. Индивидуальное право. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Елистратовъ, А. Борьба съ проституціею въ Европѣ. Казань. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Запросъ объ Азефѣ въ Государственной Думѣ. Засѣданія 50 и 51. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Зиновьевъ, Н. На современные темы. IV. Министерскій проектъ реформы мѣстнаго управления. Положеніе о поселковомъ управленіи. Положеніе о волостномъ управленіи. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Neumann, Isay. Юридическая слѣдка и экономическое неравенство. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Исторія социализма въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Куплетскій, М. Современная «переоцѣнка» всѣхъ цѣнностей». Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Мастрюковъ, А. Чтите женщину. М. 1909. Ц. 25 к.
- Мордухай-Болтовской, И. Разъясненія по вопросамъ административнаго права, предложенныя по дѣламъ перваго общаго собранія Правительствующаго Сената, восходившимъ на разсмотрѣніе консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, за время съ іюня 1905 г. по іюнь 1908 г. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Нейвинскій, А. Сельская кооперация. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Пергаментъ, М. Къ вопросу о правоспособности юридическаго лица. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- По «Вѣхамъ». Сборникъ статей объ интеллигенціи и національномъ лицѣ». П. Воборыкина, А. Васильева, М. Винавера, В. Голубева, Владимира Ж., И. Жилкина, А. Масимова и др. М. 1909. Ц. 1 р.
- Покровскій, І. Естественно-правовыя те-ченія въ исторіи гражданскаго права. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Проектъ школьнаго закона. Съ приложеніемъ примѣрнаго исчисленія стоимости введенія всеобщаго образованія въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Руадзе, В. Процесъ д-ра Корабевича. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Самаринъ, Ф. Къ чему приведетъ указъ 9 ноября 1906 г. М. 1909. Ц. 50 к.
- Сваицкій, А. и Шеръ, В. Очеркъ положенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Святловскій, В. Мобилизація земельной собственности въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Сергѣевичъ, В. Древности русскаго права. Т. I. Территорія и населеніе. Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Снегиревъ, И. Земледѣліе въ общинномъ земледѣльствѣ. М. 1909. Ц. 30 к.
- Статистическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Вып. 5. Спб. 1909. Ц. 1 р. и 1 р. 60 к.
- Таубе. Система междугосударственнаго права въ схематическомъ изложеніи. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Туганъ-Барановскій, М. Основы политическаго экономіи. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Турецкій сборникъ. Къ событіямъ на Ближнемъ Востокѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Уманскій, А. Дополненія и измѣненія къ 3 изданію новаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ и новый законъ по торговлѣ на Дальнемъ Востокѣ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Фатѣевъ, А. Къ ученію о существѣ права. Х. 1909. Ц. 15 к.
- Шварцъ, Э. Народная эпидемія, какъ слѣдствіе государственнаго закона и предложенія къ реформѣ нѣмецкаго закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Рига. 1909. Ц. 30 к.
- Юридическія записки, издаваемые Демидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ. Вып. 2-й. Ярославль. 1908. Ц. 1 р. 35 к.

Искусство.

- Верманъ, К. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Томъ 2-й. Искусство христіанскихъ народовъ до конца XV столѣтія. Спб. 1909. Ц. въ перепл. 9 р.
- Гагеманъ, К. Режиссеръ. Этюды по драматическому искусству. М. 1909. Ц. 50 к.
- Гримировна. Практическое руководство театральнаго грима. Съ 187 рисунк. Составлено по статьямъ артиста Имп. Москов. театровъ К. С. Шиловскаго и гримера Ф. Карявѣва. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Иенникъ, Ф. Руководство къ живописи масляными красками. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Кенъ, А. Ветховенъ. Жизнь. Личность. Творчество. Ч. 1-я. Жизнь и среда. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Портреты русскихъ писателей въ гелио-гравюрахъ по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Вып. 24-й. М. 1909. Ц. по подпискѣ за 25 вых. 50 р.
- Погоневъ, В. Столѣтіе организаціи Императорскихъ московскихъ театровъ. Вып. I, кн. 2. Спб. 1908. Ц. за 2 кв. 1 р. 50 к.
- Скородумовъ, М. Сельскій народный театръ. Проектъ организаціи народнаго театра. М. 1909. Ц. 5 к.

Естествознаніе и математика.

- Аленсѣевъ, В. Воздухъ, вода, земля и огонь. Первоначальная бесѣда по химіи. Вышній Водочекъ. 1909. Ц. 25 к.
- Бельше, В. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Религія нашего времени. Въ вѣдрахъ земли Гибель міра. Тайна южнаго полюса. М. 1909. Ц. 1 р.
- Вольфъ, Э. Популярная экскурсионная дендрологія. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Гартманъ, фонъ Э. Истина и заблужденія

въ дарвинизмъ. Критическое изложение органической теории развитія. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Деннертъ, Е. Геккель и его «мировыя загадки» по сужденіямъ специалистовъ. М. 1909. Ц. 1 р.

Снайдеръ, К. Картина міра въ свѣтъ современнаго естествознанія. Одесса. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Талиевъ, В. Основы ботаники въ общео-логическомъ изложеніи. Ч. I. Харьковъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Труды студенческихъ научныхъ кружковъ физико-математическаго факультета Спб. университета. Т. I. Вып. 1-й. Съ предисловіемъ проф. В. Шимкевича. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

Булашевъ, В. Украинскій народъ въ своихъ легендахъ и религиозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ. Вып. 1-й. Космогоническія украинскія народныя воззрѣнія и вѣрованія. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Изъ преданій о жизни якутовъ до встрѣчи ихъ съ русскими. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Что нужно знать о славянахъ. Статистика. Происхождение и разселеніе. Очеркъ вѣ-ророссійскаго славянства. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Языковѣдѣніе.

Богородицкій, В. Очерки по языковѣднью и русскому языку. Пособіе при изученіи

науки о языкѣ. Изд. 2-е. Казань. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

Глуховъ, М. Зеленое удобреніе или сидера-ція. Значеніе и примѣненіе этого способа въ сельскомъ хозяйствѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Еремѣева, Ю. Агрономическая помощь кре-стьянскому населенію. Кіевъ. 1909. Ц. 15 к.

Нулагинъ, Н. Настѣкомыя вредныя для са-да и огорода въ средней и сѣверной Рос-сіи. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Мальта, А. Культура земляники и влѣб-ники. М. 1909. Ц. 10 к.

Мозеръ-Фридрихъ, В. Чѣмъ замѣнить мя-со? 226 испытанныхъ рецептовъ къ изго-товленію питательныхъ и вкусныхъ блюдъ безъ мяса. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Орлова, О. Промысловое птицеводство. Ч. 2-я. Устройство промыслового птицеводства. Изд. 2-е. Воронежъ. 1908. Ц. 1 р.

Ошанинъ, М. Промышленное огородниче-ство для крестьянъ и мелкихъ землевла-дѣльцевъ. Ростовъ-Ярославскій. 1909. Ц. 1 р. 30 к.

— Сушилка для плодовъ, овощей и зер-на. 1909. Ц. 80 к.

Прибыльскъ и Геде. Птицеводство, раці-ональное воспитаніе домашнихъ птицъ. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Робунъ, Е. Какъ получить урожай ози-мага даже при засухѣ. Ростовъ-Д. 1909. Ц. 8 к.

Рудскій, А. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсныхъ, лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромыш-ленниковъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Суначевъ, В. Программа для ботанико-географическихъ изслѣдованій. Лѣса, луга и болото. Псковъ. 1909. Ц. 35 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Вейцманъ, Р. Курсъ счетоводства. Двойная бухгалтерія въ ея примѣненіи къ различ-нымъ видамъ хозяйствъ. Одесса. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Дезорцевъ, С. Мукомольное счетоводство. Оренбургъ. 1909. Ц. 2 р.

Недошивинъ, А. Промысловое обложеніе предпріятій, обязанныхъ публичною отчет-ностью, и лицъ, состоящихъ въ нихъ на службѣ. Положеніе о государственномъ промышленномъ налогѣ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

Аверьяновъ, Ф. Какъ избавиться отъ сы-пучихъ песковъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Балдинъ, С. Лампы накаиванія съ метал-лическими нитями. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Б. Б. Таблицы для вычисленія объемовъ земляныхъ работъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Бикъ, А. Курсъ нижней геодезіи. Ч. 2-я. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Важеевскій, В. Полевыя таблицы. Разбивка кривыхъ и разжѣченіе станцій. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Манохинъ, И. Сырье и первоначальныя операціи кожевеннаго производства. Спб. 1909. Ц. 1 р. 40 к.

Мельниковъ, Н. Новѣйшіе рецепты для кожевенныхъ заводчиковъ, кустарей и по-требителей кожи. Спб. 1909. Ц. 1 р.

- Ричардс, I.** Расчеты по металлургии. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Слаби, А.** Работы по беспроволочной телеграфии. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Соловьев, С.** Сокращенный курсъ низшей геодезии. Ч. 1-я. М. 1909. Ц. 1 р.
- Тэйлор, Ф.** Искусство рѣзать металлы. Спб. 1909. Ц. 4 р.
- Хегстремъ, А.** Графическія таблицы интересующихъ инфлюэнтныхъ кривыхъ для неразрѣзныхъ многопролетныхъ балокъ и фермъ. Киевъ. 1908. Ц. съ пятью таблицами 3 р.
- Циглеръ фонъ-Шафгаузенъ, М.** Упрощеніе расчетовъ отверстій мостовъ для бассейновъ, не превышающихъ 50 квадратныхъ верствъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Шабскій, А.** Управляемые аэростаты. Вып. 2-й. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Шавровъ, Н.** Мугань и оборудованіе ея орошенія и водныхъ путей. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Шиманскіе, С. и Ю.** Принципы числовыхъ расчетовъ. Теорія и практика рациональнаго веденія числовыхъ расчетовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Булатовъ, П. и Степановъ, Н.** Краткій учебникъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Спб. 1909. Ц. 1 р. 60 к.
- Буранъ, С.** Исправленіе западеній носа парафиномъ. Х. 1909. Ц. 10 к.
- Выборъ курорта.** Систематическій справочный указатель важнѣйшихъ міровыхъ лечебныхъ мѣстъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Гундобинъ, Н.** Воспитаніе и леченіе ребенка до семилѣтняго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Детмоог, J.** Ненормальные дѣти и воспитаніе ихъ дома и въ школь. М. 1909. Ц. 1 р.
- Заболотный, Д.** Сифилисъ, его патогенезъ и этиологія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Зерновъ, М.** Современное положеніе Эссен-тукской группы Кавказскихъ минеральныхъ водъ и неотложныя реформы и улучшенія. М. 1909. Ц. 15 к.
- Каупе, В.** Грудной ребенокъ. Вскармливаніе его и уходъ за нимъ. М. 1909. Ц. 75 к.
- Ковалевскій, П. и., проф.** Леченіе и излеченіе сифилиса. Изд. 3-е, дополн. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Нервные болѣзни дѣтскаго возраста. Спб. 1909. Ц. 30 к. (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія, выпускъ 58).
- Лекарственные средства для животныхъ.** Краткій фармако-терапевтический указатель по руководству проф. Е. Френера. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Мебиусъ, П.** Физиологическое слабоуміе женщины. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Полтовичъ, Н.** Очерки физическаго воспитанія взрослыхъ въ качествѣ лечебнаго метода. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Смитъ, А.** Перерожденіе сосудовъ (Артерioskлерозъ). Берлинъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Третьяковъ, Д.** Основныя понятія микроскопической анатоміи. Руководство къ изученію коллекціи препаратовъ по гистологіи и микроскопической анатоміи. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Военное и морское дѣло.

- Верцинскій, Э.** Современная война. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Медвѣдевъ, А.** Персія. Военно-статистическое обозрѣніе. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Мнѣнія, высказанныя генераломъ М. И. Батыновымъ по военнымъ вопросамъ.** Спб. 1909. Ц. 45 к.
- Ухачъ-Огоровичъ, Н.** Вьючныя носилки. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперлингъ.** Военное примѣненіе привязныхъ и свободныхъ шаровъ и управляемыхъ аэростатовъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Александровъ, Н.** Священная исторія Вѣхаго завета въ извлеченіяхъ изъ Библии. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Блуменау, М.** Таблица склоненія нѣмецкихъ именъ существительныхъ и опредѣляющихъ ихъ словъ. Рига 1909. Ц. 20 к.
- Борсунъ, Н.** Конспектъ новой исторіи. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Вахнинъ, А.** Сборникъ правилъ и программъ для поступленія въ юнкерскія училища, а также вольноопредѣляющимися и охотниками въ войска съ приложеніемъ правилъ производства въ первый офицерскій и классный чины, правилъ пріема въ военныя училища и формъ требуемыхъ документовъ. Изд. 8-е, дополн. Одесса. 1909. Ц. 1 р.
- Вахтеровъ, В. и Э.** Миръ въ разсказахъ для дѣтей. Книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. М. 1909. Ц. 40 к.
- Вельскій, А.** Записки педагога. Спб. 1909. Ц. 1 р.

- Вопросы и нужды учительства. Первый сборник статей и справокъ. Москва. 1909. Ц. 10 к.
- Воротинцевъ, Н. Правила приѣма и подробныя программы всѣхъ шести отдѣленій С.-Петербургскаго Политехническаго института. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Дюньинъ, Н. и Новиковъ, А. Н. В. Гоголь. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Ечинацъ, А. Говорящій самоучитель, № 1. Нѣмецкій языкъ. Съ 22 рис. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Зейдель, Р. Ручной трудъ какъ краеугольный камень гармоническаго образования. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Keil. Das Goldhähnchen. Märchen. Bearbeitet von Chr. Osoling. Москва. 1908. Ц. 10 к.
- Крайчикъ, М. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ алгебраическихъ задачъ Н. А. Шапошникова и Н. Вальцова. Ч. 2, вып. 1. Спб. 1909. Ц. 90 к.
- Крамеръ, С. Курсъ стенографіи. М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Красновъ, Ѳ. Новѣйшія подробныя правила и программы для поступленія въ приготовительный, 1-й, 2-й и 3-й классы реальныхъ училищъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Крюковскій, В. и Товстольскій, Н. Учебникъ законовѣдѣнія. Изд. 6-е. Вильна. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Ладьянскій, В. Исторія русской литературы. Для школь и народа. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Лермантовъ, В. О томъ, какъ машины работаютъ и какъ разсчитываютъ ихъ дѣйствіе. М. 1909. Ц. 90 к.
- Маларескій, А. Юсафъ, епископъ Вѣлгородскій. Чтеніе со святыми картинами для школь и народа. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Марголинъ, Д. Студенческій справочникъ. Руководство для поступающихъ во всѣ высшія учебныя заведенія за границей. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Нечаевъ, А. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Т. I. Спб. 1909. Ц. 1 р. 80 к.
- Н. В. Гоголь. Его жизнь, дѣятельность и творчество. Чтеніе въ средней школѣ. Харьковъ. 1909. Ц. 20 к.
- Новиковъ, А. Ю. Цезарь. Записки о Галльской войнѣ 1—7 кн. Спб. 1909. Ц. 3 р. 75 к.
- Петровский, С. О преподаваніи Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одесса. 1908. Ц. 20 к.
- Острогорскій, В. и Семеновъ, Д. Русскіе педагогическіе дѣятели. Пироговъ. Ушинскій и Корфъ. М. 1909. Ц. 30 к.
- Повторительный курсъ по исторіи русской литературы, составленъ по учебнику В. Савадника. Ч. 1-я. Одесса. 1909. Ц. 35 к.
- Повторительный курсъ по новой исторіи (по Иванову, Виноградову, Карѣеву и др.). Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Полное рѣшеніе и объясненіе всѣхъ задачъ смѣшаннаго отдѣла ариметическаго задачника (Часть II-я) Шапошникова и Вальцова. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Половцовъ, В. Учебникъ ботаники. Ч. 1-я. Стросніе и жизнь растений. М. 1909. Ц. 90 к.
- Помощь экстерну (аттестатъ зрѣлости). Обзорніе экзаменовъ на основаніи послѣдней программы м-ва народн. просв. и преимущественно требованіямъ сиб. учебн. округа. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Радвань-Рыпинскій, В. Эсперанто. Полнѣйшій словарь. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Ра—чь, I. Подстрочный переводъ, словарь этимологическій и синтаксическій разборъ избранныхъ одъ Горация. По изданію Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Спб. 1909. Ц. 45 к.
- Рошаль, Е. А. Планы и краткіе обзоры темъ литературнаго характера, задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (по произведеніямъ Н. В. Гоголя). Часть VIII. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Рошаль, Е. Руководство къ чтенію избранныхъ произведеній русской словесности. Подробный разборъ произведеній по литературѣ. Ч. I. Древній періодъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 10 к.
- Сальниковъ, А. Н. В. Гоголь въ характеристикахъ его таповъ. Пособіе для учащихся. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Справочникъ Московскаго Археологическаго Института. М. 1909. Ц. 25 к.
- Стерлиговъ, В. Синтаксисъ русскаго языка въ связи со справочникомъ по постановкѣ знаковъ препинанія. Одесса. 1909. Ц. 75 к.
- Томашевичъ, В. Учебникъ законовѣдѣнія. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Ушинскій, К. Собраніе педагогическихъ сочиненій. Томъ 2-й, дополнительный. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ, А. Руководство для обученія нѣмецкому языку. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Фламмаріонъ, К. Начатки астрономіи. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Цунзеръ, И. Серія учебниковъ для начинающихъ. Вып. 1-й. Первая мысль. Сборникъ упражненій въ изложеніи мыслей. Спб. 1909. Ц. 12 к. Вып. 2-й Ц. 5 к. Вып. 3-й Ц. 7 к.
- Чарнолуцскій, В. О самообразованіи. Спб. 1909. Ц. 65 к.
- Четыркинъ, Ѳ. Опытъ плана и программы по естественной исторіи, въ основу которыхъ положенъ биологическій методъ для 4-кл. город. училищъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Stern, A. Die Flut des Lebens. Bearbeitet von H. Maugach. Москва. 1908. Ц. 20 к.
- Шульцъ, А. Полный ключъ къ началному курсу латинскаго языка. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- «Юный строитель». Новѣйшая образовательная игра и воспитательное пособіе къ руководству. Самостоятельное изготовленіе игрушекъ изъ картона. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Книги для дѣтей и юношества.

Асановъ, С. Избранныя сочиненія въ двухъ томахъ съ портретомъ автора, 80 рис. К. Фридберга и объяснительнымъ словаремъ. Т. I. Семейная хроника. Спб. 1909. Ц. 65 к.

— Аленькой цвѣточекъ. Сказка ключницы Пелагеи. Спб. 1909. Ц. 5 к.

Аниенская, А. Н. В. Гоголь, его жизнь и произведенія. Съ рис. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Басни для дѣтей и взрослыхъ Старого Курца. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Бяръ, А. Царь степей. Отважный предводитель индѣйскихъ дикарей. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Великіе люди Греціи и Рима. Цари, полководцы, адмиралы, ораторы, философы, поэты и др. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Вовчонъ, Марья. Сказки и быль. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Волнова, Е. Первая фабрика на Русѣ. Историческій рассказъ изъ временъ Царя Иоанна Грознаго. М. 1909. Ц. 25 к.

Дефо, Д. Робинзонъ Крузо, его жизнь и удивительныя приключенія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к., въ перел. 2 р.

Майнъ-Рида. Дочери Скваттера. Романъ. М. 1909. Ц. 50 к.

Нечаева, А. и Ельманова, Е. Устроимъ са-

дикъ! Рассказъ о томъ, какъ можно огородить садикъ, засадить его цвѣтами и устроить для него мебель. М. 1909. Ц. 20 к.

Ильина-Помарская, Е. Такъ они жили... Повесть изъ временъ крѣпостного права для дѣтей среднего и старшаго возраста. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Рубанинъ, Н. Рассказы о великихъ событіяхъ разныхъ временъ и народовъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Фурманъ, П. Наталья Борисовна Долгорукова. Историческая повесть. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Харузина, В. Друзья. Картинки изъ жизни словинскихъ дѣтей. М. 1909. Ц. 15 к.

Чериковеръ, С. Петербургъ. Москва. 1909. Ц. 50 к.

Черскій, Л. Приключенія мартышки, воробья, да мышки. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Шервиль-де, М. Записки сляшкомъ доброй собаки. Спб. 1909. Ц. 90 к., въ перел. 1 р. 40 к.

Эберсъ, Георгъ. Императоръ. Историческій романъ времени римскаго императора Адриана. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р.

Юная мысль. Сборникъ юношескаго и дѣтскаго творчества. Книжка II. Серия 1-я. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Спортъ, охота, игры.

Врадій, В. Матеріалы по изученію оружейныхъ и охотничьихъ предметовъ сабирскихъ музеевъ. Ч. 4-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

Гашъ, Ю. Карта окрестностей С.-Петербурга. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Залишъ, М. Важное пособие при таксировкѣ дополнительныхъ сборовъ по перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, а также по выдачѣ судуль подъ грузы. Ч. 1-я. Расчетныя таблицы, примѣняемыя въ моментъ прибытія груза. Варшава. 1909. Ц. 50 к. Ч. 2-я. Расчетныя таблицы, примѣняемыя въ моментъ прибытія груза. Варшава. 1909. Ц. 50 к. Ч. 2-я. Расчетныя таблицы, примѣняемыя при выдачѣ груза. Ц. 1 р.

Назаринъ, Г. Краткій словарь омонимовъ во французскомъ языкѣ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Лощинейтъ, Н. А. Вольноопредѣляющіеся въ сухопутныхъ войскахъ и во флотѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 30 к.

Москвичъ, Г. Путеводитель по Севастополю. Одесса. 1909. Ц. 50 к.

Нилусъ, Б. и Щегловъ, С. Сборникъ проектовъ, договоровъ по подрядамъ на строительныя работы. М. 1909. Ц. 1 р.

Притулинъ, М. Новый путеводитель гор. С.-Петербурга и его окрестностей. Ц. 30 к.

Путеводитель по Туркестану и желѣзнымъ дорогамъ Ташкентской и Средне-Азиатской на 1909 годъ. Подъ редакціей А. И. Дмитриева-Мамонова. Изданіе 4-е, исправл. и дополнен., съ рис. и картой Туркестана. Спб. Ц. въ перел. 3 р.

Путеводитель по Швейцаріи, подробное описаніе страны. «Русскій Бедкеръ». Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

Сборникъ экзаменаціонныхъ программъ юридическаго факультета спб. университета за 1 и 2 семестры 11. 25 к. За 3 и 4 семестры Ц. 35 к. За 5 и 6 семестры 16 к. За 7 и 8 семестры ц. 25 к.

Тиграновъ, Г. Обзоръ дѣятельности вспомогательныхъ кассъ рабочихъ западной горной области за пятилѣтіе 1903—1907 г. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Уральскій торгово-промышленный адресъ-календарь на 1909 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Разныя книги.

Фреймаркъ, Г. Хиромантія. Спб. 1909. Ц. 75 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

